

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

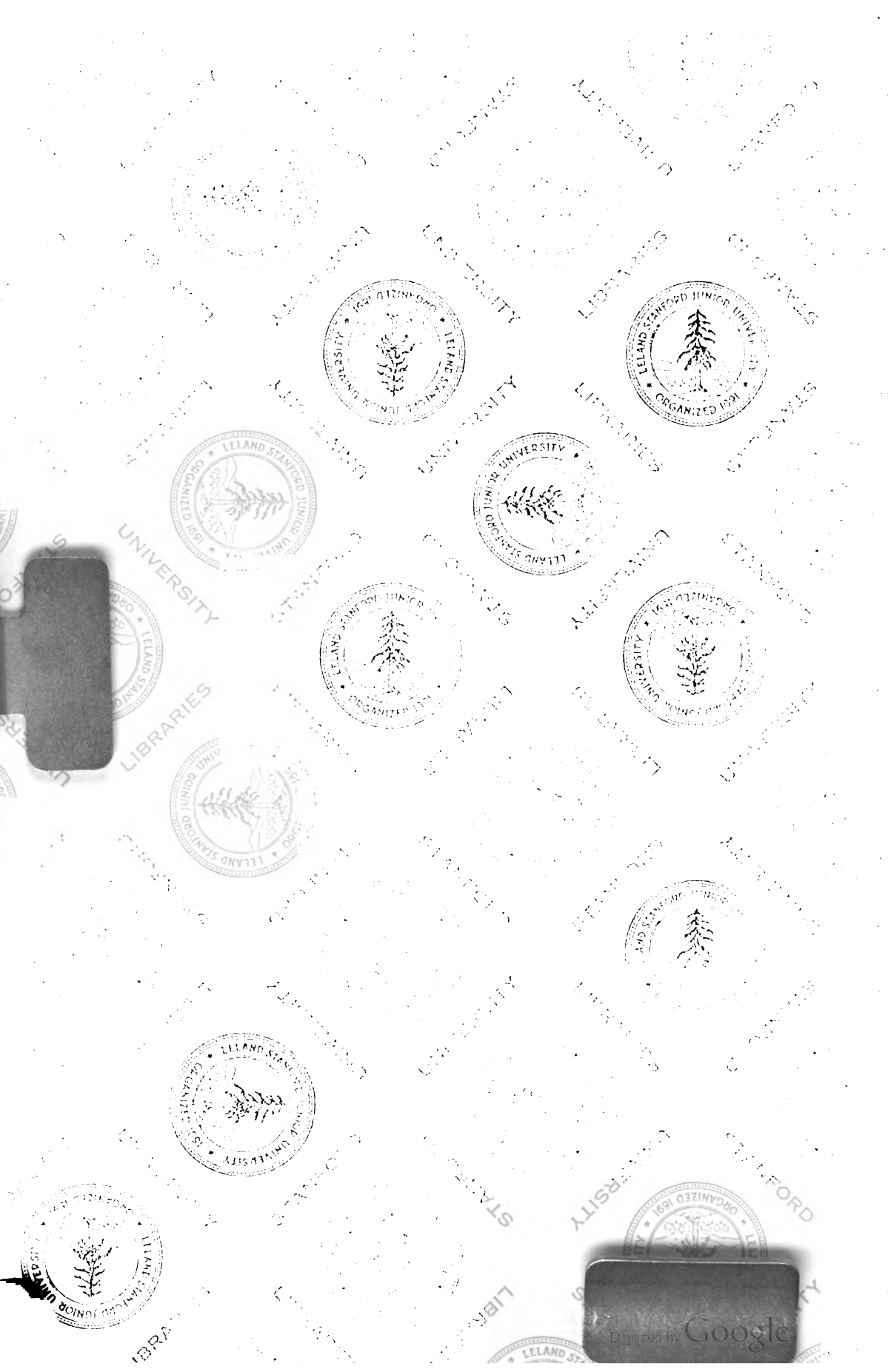
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

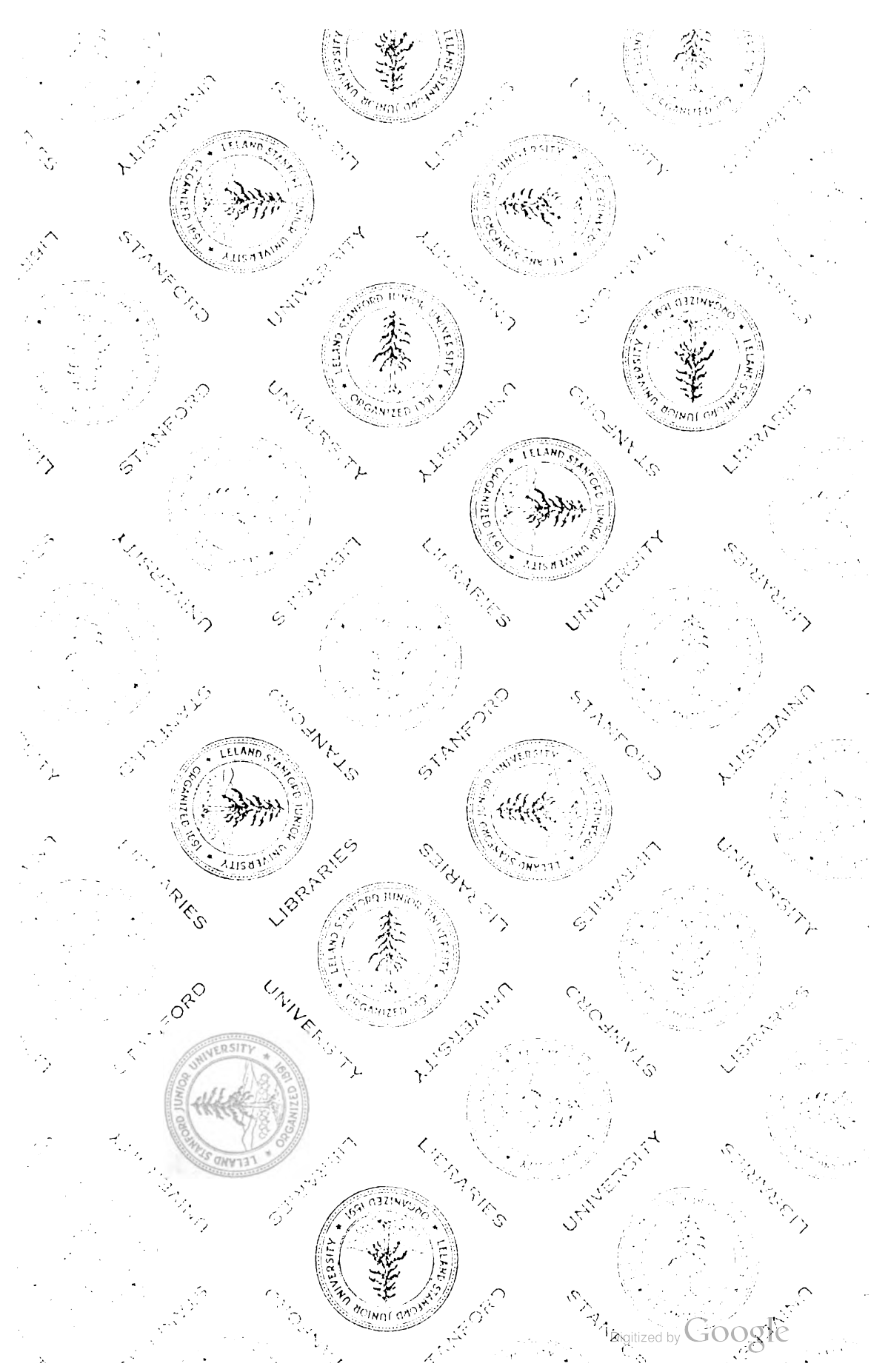

IS

003

MAR 31 1910

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ XX.

№ 5.—М А Й.

1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

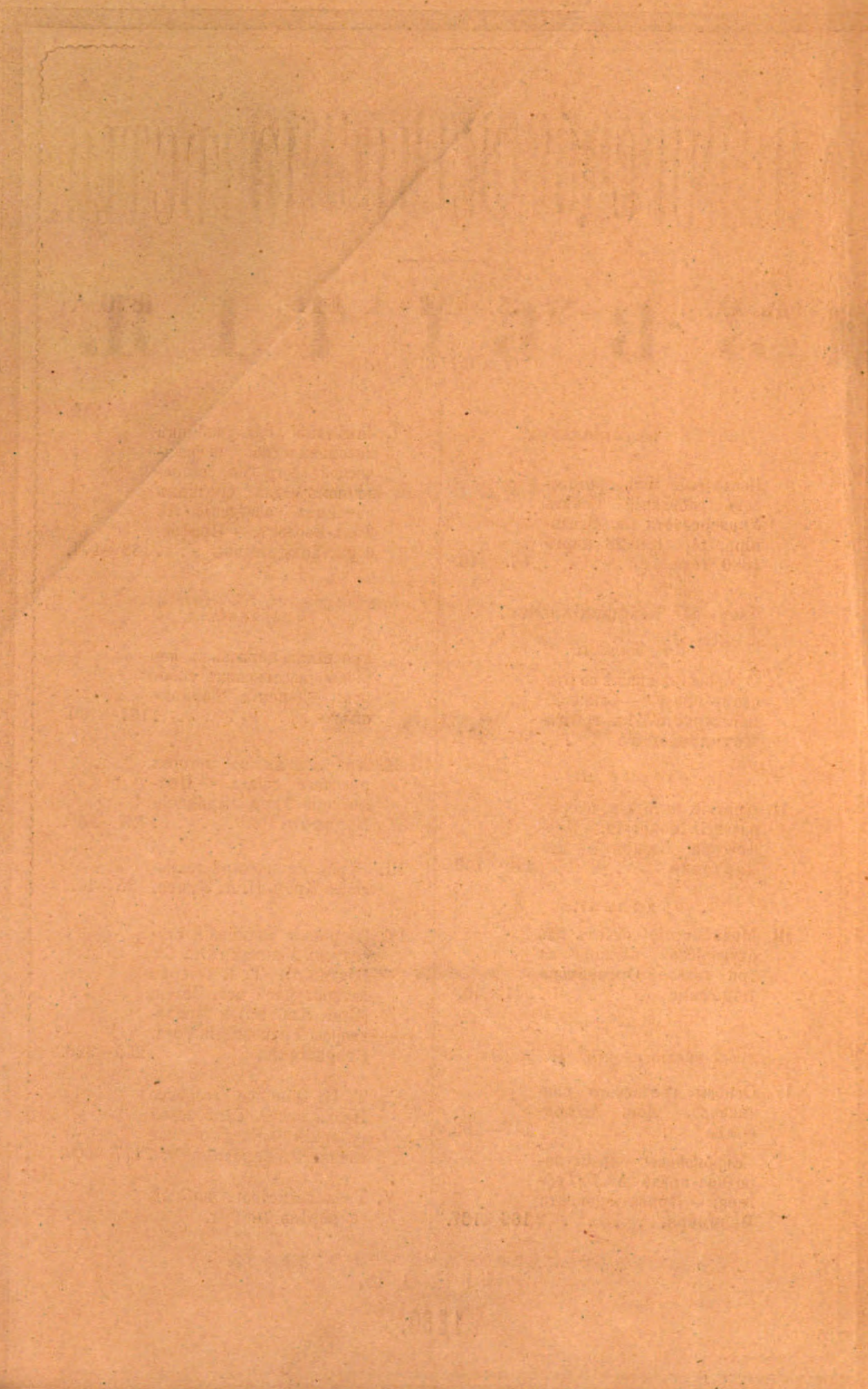
	СТР.		СТР.
Часть I—официальная.		VI. Замѣчанія объ учебникѣ	
Извлечение изъ протоко-		математической и физи-	
ловъ засѣданій Совѣта		ческой географіи, состав-	
Университета Св. Влади-		ленномъ для среднихъ	
мира. 14, 21 и 28 марта		учебныхъ заведеній В.	
1880 года.	87—116.	Фонъ-Боолемъ.— Профес-	
		сора Хандрикова . . .	168—174.
Часть II—неофициальная.		Прибавленія.	
ОТДѢЛЪ II.		I. Греческая церковь въ пе-	
I. О воровствѣ-кражѣ по рус-		риодъ вселенскихъ собо-	
скому праву. — Стипенд.-		ровъ.— Доцента Тернов-	
магистранта Вълогриць-		скаго	137—160.
Котляревскаго	145—184.	II. Христоматія по исторіи	
ОТДѢЛЪ III.		русскаго права. — Про-	
II. Краткій историч. очеркъ		фессора Владимірскаго-	
развитія геометріи.—Про-		Буданова	127—158.
фессора Ващенко - За-		III. Курсъ химической техно-	
харченка	119—150.	логіи. Проф. Н. А. Вунге.	25—40.
ОТДѢЛЪ IV.		IV. Сборникъ сочиненій сту-	
III. Медицинскій отчетъ изъ		дентовъ Университета Св.	
акушерской клиники за		Владиміра. Т. I. Очеркъ	
три года. — Ординатора		литературной ист. Зелен.	
Водягина.	11—46.	(Суда Любуши) и Краде-	
		дворской рукописей. Студ.	
КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.		Стороженка	259—326.
IV. Основы греческаго син-		Т. II. Обычное Уголовное	
таксиса.— Доц. Аланд-		Право крест. Тамбовской	
скаго	147—165.	губерніи — Кандидатское	
V. Европейское междуна-		сочин. П. Верезянскаго	177—200.
родное право А. В. Геф-		V. Таблица метеор. наблю-	
тера. — Приватъ-доцента		за апрѣль 1880 г.	
Вазинера.	166—167.		

К І Е В Ъ.

1880.

MF 78

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ
ИЗВѢСТІЯ.

Годъ двадцатый.

№ 5.—М А Й.

КІЕВЪ.
въ университетской типографіи.
1880.

**Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.
Ректоръ К. Теофилактовъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ I—ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СТР.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта Университета Св. Владиміра. 14, 21 и 28 марта 1880 г. . 87—116

ЧАСТЬ II—НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ОТДѢЛЪ II.

I. О воровствѣ-кражѣ по русскому праву.—Стипендіата-магистранта Бѣлогриць-Нотляревскаго . . . . . 145—184

ОТДѢЛЪ III.

II. Краткій историческій очеркъ развитія геометріи.—Проф. Ващенко-Захарченна . . . . . 119—150

ОТДѢЛЪ IV.

III. Медицинскій отчетъ изъ акушерской клиники за три года.—Ординатора Водягина . . . . . 11—46

КРИТИКО-БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

IV. Основы греческаго синтаксиса.—Доц. Аландскаго . . 147—165

V. „Европейское международное право А. В. Гефтера.“
—Приватъ-доцента Базинера . . . . . 166—167

- VI. Загбчанія обь учебникѣ математической и физической географіи, составленномъ для среднихъ учебныхъ заведеній В. Фонъ-Боолемъ.—Профессора Хандрикова . . 168—174

ПРИБАВЛЕНІЯ.

- I. Греческая церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ.
—Доцента Тѣрновскаго. . . . . 137—160
- II. Христоматія по исторіи русскаго права.—Профессора
Владимірскаго-Буданова . . . . . 127—158
- III. Курсъ химической технологіи.—Проф. Н. А. Бунге . 25—40
- IV. Сборникъ сочиненій студентовъ Унивѣрситета Св. Владиміра. Т. I. Очеркъ литературной исторіи Зелен.
(Суда Любупи) и Краледворской рукописей.—Студ.
Стороженна . . . . . 259—326
- Т. II. Обычное Уголовное Право крестьянъ Тамбовской губерніи.—Кандидатское соч. П. Березанскаго . 177—200
- V. Таблица метеорол. наблюденій за апрѣль 1880 года.

ЧАСТЬ I—ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Извлечение изъ протоколовъ засѣданій Совѣта.

14 Марта 1880 года.

Въ засѣданіи Совѣта Университета Св. Владиміра, 14 марта 1880 года, подъ предсѣдательствомъ г. Ректора Университета Н. Х. Бунге, присутствовали: *деканы*: К. М. Теофилактовъ, В. Г. Демченко, Ф. Ф. Эргардтъ; *ординарные профессеры*: В. А. Караваевъ, А. П. Матвѣевъ, С. С. Гогоцкій, И. И. Рахманиновъ, Ф. Ф. Мерингъ, Н. А. Оаворовъ, К. А. Митюковъ, В. А. Незабитовскій, Г. Д. Сидоренко, П. Э. Ромеръ, А. А. Шефферъ, М. П. Авенариусъ, В. Б. Томса, М. Е. Ващенко-Захарченко, П. П. Алексѣевъ, А. В. Романовичъ-Славатинскій, В. А. Бецъ, А. О. Кистяковский, М. О. Хандриковъ, О. М. Гарничъ-Гарничскій, Н. А. Бунге, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, А. А. Котляревскій, О. В. Баранецкій, О. Я. Фортинскій; *экстраординарные профессеры*: В. А. Субботинъ, Г. Н. Минхъ, Н. Н. Шиллеръ, К. Г. Гейбель, Н. В. Бобрецькій, И. В. Лучицкій, А. Х. Ринекъ, И. О. Шмальгаузенъ, К. Г. Тритшель. Неприсутствовали: В. С. Иконниковъ, Н. К. Реннекампфъ Н. И. Хлѣбниковъ—по болѣзни; А. В. Ивановъ и В. Б. Антоновичъ—по нахожденію въ командировкѣ; А. С. Шкляревскій—по нахожденію въ отпуску; Н. А. Хржонщевскій, П. И. Перемежео, П. В. Павловъ, О. М. Паульсонъ и В. П. Ермаковъ—по неизвѣстнымъ причинамъ.

1. Слушали: чтеніе протокола предшествовавшего засѣданія Совѣта У-та 1 февраля 1880 года. .

Подписавъ этотъ протоколъ,

Опредѣлили: представить таковой г. Попечителю Кіевского Учебнаго Округа, для утвержденія въ напечатанію.

2. Слушали: предложеніе г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, на имя Ректора У-та, отъ 13 марта 1880 года за № 3323, слѣдующаго содержанія: „Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. Министра Народнаго Просвѣщенія, съ выраженіемъ вѣрно-подданническихъ чувствъ отъ имени служащихъ и учащихся въ У-тѣ Св. Владиміра, по поводу событія 5 февраля, въ 25 день истекшаго мѣсяца, собственноручно начертать извоили: „благодарить“.

Имѣю честь увѣдомить объ этомъ Ваше П-ство, вслѣдствіе предложенія Его Сіятельства отъ 1 марта за № 2733.

Опредѣлили: принявъ Высочайшую благодарность съ благоговѣйною признательностію, записать о томъ въ протоколъ настоящаго засѣданія.

3. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та, вслѣдствіе предложенія г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, отъ 25 февраля 1880 года за № 2718, опредѣлилъ ходатайствовать объ употребленіи изъ остатка на содержаніе личнаго состава 3000 руб. для выдачи въ 1880 году вознагражденія приватъ-доцентамъ,—доложивъ при томъ, что для этой же надобности Совѣтомъ У-та предназначено изъ спеціальныхъ средствъ У-та 3000 руб.

4. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та опредѣлили: привести въ исполненіе слѣдующія предложенія К. У. О. 1) отъ 3 февраля за № 1684, объ оставленіи лекаря Николая *Жука* въ званіи стипендіата для приготовленія къ профессорскому званію сверхъ трехъ лѣтъ, еще на полгода безъ содержанія. 2) отъ 18 февраля за № 2523, объ утвержденіи Ивана *Иванченка* въ должности помощника бухгалтера и Константина *Щеброва* въ должности помощника бібліотекаря. 3) отъ 5 марта за № 3003, о продолженіи ординарному профессору Иванову заграничной его командировки еще на два года, считая съ 1 мая настоящаго года.

5. Слушали: докладъ Ректора слѣдующаго содержанія: 9 марта исполнилось 50 лѣтъ отъ полученія почетнымъ членомъ У-та Николаемъ Ивановичемъ *Пироговымъ* степени доктора. Не благоугодно ли будетъ Совѣту У-та, выразить свое сочувствіе къ долголѣтней и плодотворной дѣятельности юбиляра, къ лѣтательности, которая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ посвящена была также и У-ту Св. Владиміра.

Опредѣлили: ходатайствовать установленнымъ порядкомъ о разрѣшеніи учредить въ память 50-лѣтняго докторскаго юбилея по-

четнаго члена У-та Николая Ивановича Пирогова стипендію его имени съ назначеннымъ для сей цѣли 200 руб. изъ суммы, ежегодно собираемой изъ сбора за слушаніе лекцій на пособія и стипендіи студентамъ. Выѣстъ съ упомянутымъ ходатайствомъ представить слѣдующія правила для стипендіатовъ почетнаго члена У-та Николая Ивановича Пирогова.

1) Желающіе получить стипендію почетнаго члена У-та Н. И. Пирогова подаютъ о семъ прошенія инспектору студентовъ, который препровождаетъ ихъ съ своимъ заключеніемъ къ Ректору.

2) Ректоръ докладываетъ представленіе инспектора Правленію, которое, въ случаѣ необходимости, проситъ ф-тетъ сообщить свое заключеніе о представленныхъ кандидатахъ, и затѣмъ испрашиваетъ утвержденія избраннаго въ стипендіаты Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа.

3) Стипендіаты почетнаго члена У-та Н. И. Пирогова никакой обязательной службы не несутъ, но сохраняютъ право на полученіе стипендіи только при одобрительномъ поведеніи и подъ условіемъ успѣшно выдержанныхъ въ установленные сроки курсовыхъ испытаній.

5) При выборѣ стипендіатовъ соблюдается между факультетами очередь.

6. С л у ш а л и: представленіе Кіевскаго Общества естествоиспытателей о томъ, что на 1880 годъ избраны членами Совѣта общества: Предсѣдателемъ—*К. М. Теофилактовъ*, товарищемъ предсѣдателя *Н. А. Бунге*, непремѣннымъ членомъ—*Н. В. Бобрецкій*, казначеемъ *В. К. Совинскій* и секретаремъ *И. Я. Армашевскій*.

О п р е д ѣ л и л и: принять къ свѣдѣнію.

7. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та опредѣлилъ: одобрить состоявшееся 11 марта 1880 года постановленіе Правленія У-та по вопросу объ отнесеніи на суммы Министерства Народнаго Просвѣщенія содержанія ординарнаго профессора В. А. Иванова на время двухлѣтней его заграничной командировки.

8. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та, вслѣдствіе представленія завѣдывающей хирургическою ф-скою клинкою, заслуженнаго профессора В. А. Караваева, опредѣлилъ: предоставить свободную служительскую пенсію по 5 р. въ мѣсяцъ бывшей сидѣлкѣ хирургической ф-ской клиникѣ Марьянѣ Скибинской; о чемъ сообщить Правленію У-та для зависящаго распоряженія.

9. С л у ш а л и: предтѣвленіе медицинскаго ф-та отъ 20 февраля 1880 года за № 64 слѣдующаго содержанія: „медицинскій ф-тетъ въ засѣданіи 11 сего февраля слушали предствленіе профессора *Томса* о томъ что, при ограниченности средствъ фізіологической лабораторіи для успѣшности практическихъ занятій студентовъ фізіологіей, необходимо раздѣлить студентовъ на группы не болѣе 12 человѣкъ и что, при значительномъ увеличеніи въ настоящее время числа слушателей, такіа занятія не возможны при одномъ преподавателѣ фізіологіи, такъ какъ они требуютъ посвященія этому дѣлу всего времени отдѣльнаго преподавателя, а потому профессоръ *Томса* проситъ ф-тетъ ходатайствовать объ учрежденіи еще доцентуры по кафедрѣ фізіологіи и, въ случаѣ согласія на это ф-та, предлагаетъ на мѣсто доцента доктора *Суханова*, который въ теченіи 6 ти лѣтъ въ качествѣ лаборанта завѣдывалъ практическими занятіями студентовъ подъ руководствомъ профессора *Томсы* и приобрѣлъ значительную опытность въ преподаваніи фізіологической методики.

Факультетъ, соглашаясь исполнѣ съ приведенными профессоромъ *Томса* доводами о необходимости доцентуры по кафедрѣ фізіологіи,

О п р е д ѣ л и л ѣ: ходатайствовать объ учрежденіи такой доцентуры, а предложеннаго имъ кандидата баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи ф-та.

При баллотировкѣ въ доценты по кафедрѣ фізіологіи въ засѣданіи ф-та 18 февраля, лаборантъ *Сухановъ* получилъ 8 избирательныхъ шаровъ и одинъ неизбирательный.

Представленіе профессора *Томса* заключается въ слѣдующемъ:

Для изученія фізіологіи студентамъ медицинскаго ф-та открыть двойной путь: во первыхъ, систематическое изложеніе экспериментальнаго курса, во вторыхъ, практическія упражненія по главнѣйшимъ отдѣламъ фізіологіи.

Необходимо помнить, что какъ по причинѣ весьма ограниченныхъ средъ фізіологической лабораторіи, такъ и на основаніи педагогическаго разсчета, при производствѣ практическихъ упражненій неизбежно приходится распредѣлять студентовъ по группамъ, не болѣе десяти двѣнадцати человѣкъ въ каждой.

Съ 1873 года, сверхъ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей этими практическими упражненіями завѣдывалъ подъ моимъ руковод-

ствомъ лаборантъ при фізіологической лабораторіи докторъ медицины П. Ф. Сухановъ.

Если уже и въ прежніе годы, при обыкновенномъ числѣ слушателей, практическія занятія съ ними, требовали значительной затраты времени, то теперь, когда число студентовъ втораго курса, поднявшись до 200, все еще продолжаетъ расти, способъ распредѣленія практическихъ занятій, существовавшій до нынѣ, при данныхъ условіяхъ является физически невозможнымъ, ибо онъ требуетъ уже всего времени и всѣхъ усилій отдѣльнаго преподавателя.

Находя все таки необходимымъ доставить студентамъ возможность изучить производство важнѣйшихъ фізіологическихъ опытовъ, я полагаю, что означенной потребности всего легче удовлетворить открытіе доцентуры практической фізіологій.

Для замѣщенія этой должности имѣю честь предложить медицинскому ф-ту доктора П. Ф. *Суханова*, кандидата, который въ теченіи шестилѣтняго преподаванія фізіологической методики, приобрѣлъ, какъ я лично убѣдился, значительную опытность въ этой отрасли нашей науки.

Опредѣлили: ходатайствовать объ учрежденіи доцентуры по кафедрѣ фізіологій на счетъ сумъ государственнаго казначейства если, по произведенной въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта баллотировкѣ, докторъ Сухановъ будетъ избранъ доцентомъ.

10. Слушали: прошеніе помощника бухгалтера X Округа Путей сообщенія коллежскаго секретаря Николая *Батіевскаго*, о представленіи ему вакантной должности архиваріуса У-та Св. Владиміра.

Опредѣлили: въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта баллотировать г. Батіевскаго въ исправленіи должность архиваріуса У-та.

11. Слушали: представленіе г. Ректора У-та Св. Владиміра Н. Х. Бунге, отъ 14 текущаго марта слѣдующаго содержанія:

„Въ октябрѣ настоящаго года окончится срокъ моей У-ской службы.

Полагая, что Совѣтъ У-та признаетъ полезнымъ, чтобы вновь избранный ректоръ началъ свою службу не съ середины учебнаго года, а съ вакаціоннаго времени, и желая съ своей стороны въ теченіи лѣта воспользоваться отпускомъ, я имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ о назначеніи дня для избранія ректора.

Опредѣлили: произвести выборы Ректора черезъ двѣ недѣли

отъ настоящаго числа при чемъ баллотировать сразу по 7 ординарныхъ профессоровъ.

12. Сл у ш а л и: предложеніе г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа отъ 22 февраля 1880 г. за № 2618, слѣдующаго содержанія: „Дворянинъ коллежскій совѣтникъ Ѳеодоръ Артемьевичъ *Терещенко* въ письмѣ ко мнѣ отъ 20 февраля, увѣдомилъ меня, что пять стипендій учрежденныхъ имъ въ У-тѣ Св. Владиміра раздѣлены У-томъ по ф-тамъ, и что на медицинскій какъ и на другіе опредѣлена одна стипендія. Такъ какъ на медицинскомъ ф-тетѣ большее количество недостаточныхъ студентовъ чѣмъ на другихъ, то онъ, г. Терещенко, въ дополненіе къ 5-ти стипендіямъ прибавляетъ еще одну стипендію съ такимъ же обязательствомъ, какое выражено имъ при учрежденіи сказанныхъ стипендій, и проситъ опредѣлить на медицинскій ф-тетъ двѣ стипендіи. Слѣдующія на добавляемую шестую стипендію съ 1-го января по 1-е августа сего года деньги *сто семдесятъ пять* руб. доставилъ ко мнѣ.

Сообщая о семъ Совѣту У-та Св. Владиміра, въ дополненіе къ предложенію моему отъ 12 января за № 445, имѣю честь присовокупить, что означенные 175 р. переданы мною помощнику инспектора студентовъ Божовскому для передачи въ кассу попечительства о недостаточныхъ студентахъ.

О п р е д ѣ л и л и: выразить коллежскому совѣтнику дворянину Ѳеодору Артемьевичу Терещенкѣ искреннѣйшую признательность Совѣта за пожертвованіе, сдѣланное имъ для выдачи содержанія еще одному изъ наиболѣе недостаточныхъ студентовъ медицинскаго ф-та 1 курса.

13. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та вслѣдствіе представленія инспектора студентовъ У-та Св. Владиміра о п р е д ѣ л и л ѣ: просить ходатайства г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа о зачисленіи студентовъ Завойчинскаго и Ярмуша въ стипендіаты имени Ея Императорскаго Высочества, Великой княжны Маріи Александровны.

14 Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та, согласно опредѣленію своему 1 февраля 1880 года, подвергалъ баллотированію вопросъ о выдачѣ бывшему главному садовнику У-скаго ботаническаго сада Густаву *Шнее* единовременнаго денежнаго пособія въ размѣрѣ 200 руб.;—причемъ оказалось голосовъ: 31 утвердительныхъ и 7 отрицательныхъ.

Опредѣлено: просить распоряженія Правленія У-та о выдачѣ г. Шнее сказаннаго пособія изъ спеціальныхъ средствъ У-та.

15. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та, согласно постановленію своему 1-го февраля подвергалъ баллотированію помощника главнаго садовника У-скаго ботаническаго сада Владиміра Финке и большинствомъ 32 голосовъ противъ 6 избралъ его въ должность главнаго садовника ботаническаго сада.

Опредѣлено: просить г. Попечителя Кіев. У. О. объ опредѣленіи Финке главнымъ садовникомъ ботаническаго сада. съ производствомъ ему положеннаго по штату 1863 г. содержанія по 50 р. въ мѣсяць, въ видѣ платы.

16. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та, по высушаніи представленій физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго ф-товъ, опредѣлили: 1) просить ходатайства г. Попечителя Округа о командированіи за границу съ ученою цѣлью заслуженнаго профессора Ф. Ф. *Эрхардта* срокомъ съ 1 іюня. по 13 сентября 1880 года, объ увольненіи въ отпускъ за границу ординарнаго профессора А. Θ. *Км-тяковскаго* срокомъ съ 1-го іюня по 15 августа 1880 года и экстраординарнаго профессора Н. И. *Хлѣбникова* на срокъ съ 1 іюня по 13 сентября 1880 года; оба для излеченія болѣзни,—и доцента А. И. *Базарова* на срокъ съ 1-го іюня по 13 сентября 1880 года; 2) Что же касается ходатайства юридическаго ф-та о выдачѣ г. профессору Хлѣбникову въ пособіе при поѣздкѣ 500 р., то, имѣя въ виду крайне ограниченный размѣръ свободныхъ спеціальныхъ средствъ У-та въ настоящее время, Совѣтъ призналъ возможнымъ подвергнуть, въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта, разрѣшенію, закрытой подачей голосовъ выдачу г. Хлѣбникову теперь только 200 р., а выдачу остальныхъ 300 р. имѣть въ виду въ концѣ текущаго года, когда съ точностью могутъ быть опредѣлены остатки спеціальныхъ суммъ.

17. Слушали: представленіе декана медицинскаго ф-та У-та Св. Владиміра, отъ 11 марта 1880 года за № 91, слѣдующаго содержанія: „Медицинскій ф-тетъ въ засѣданіи 10 сего марта слушали докладъ о томъ, что профессоръ Минхъ, нуждаясь въ помощникѣ при научныхъ изслѣдованіяхъ разрѣшенной ему командировки, избралъ для этой цѣли, извѣстнаго ему по своимъ занятіямъ, студента 4 курса Сабанѣва и потому просить ф-тетъ допустить студента Сабанѣва Ивана къ годичному испытанію ранѣе назначеннаго въ маѣ, срока. Имѣя въ

виду, что, кромѣ пользы студента, такой выборъ профессора служить также къ поощреніямъ къ занятіямъ и то обстоятельство, что ко времени выѣзда профессора Минха учебныя занятія прекратятся по случаю наступленія пасхальныхъ праздниковъ—ф-тетъ опредѣлилъ ходатайствовать предъ совѣтомъ о разрѣшеніи допустить студента Сабанѣва къ годичному испытанію ранѣе положеннаго для этого, въ маѣ мѣсяцѣ срока.

Опредѣлили: изложенное ходатайство представить на разрѣшеніе г. Попечителю Округа.

18. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та вслѣдствіе представленія медицинскаго ф-та опредѣлилъ: баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта лекаря съ отличіемъ Михаила *Карпенка* въ стипендіаты для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ хирургіи, срокомъ съ 1 февраля по 1 ноября 1880 г.

19. Слушали: представленіе г. Предсѣдателя Кіевскаго юридическаго общества, состоящаго при У-тѣ Св. Владиміра, отъ 16 февраля 1880 года, за № 3, слѣдующаго содержанія:

„Кіевское юридическое общество, состоящее при У-тѣ Св. Владиміра, признавъ необходимымъ и полезнымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія и дополненія въ своемъ уставѣ, постановило: просить Совѣтъ У-та, при которомъ оно состоитъ, войти съ ходатайствомъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія объ утвержденіи сдѣланныхъ имъ измѣненій и дополненій.

Во исполненіе означеннаго постановленія, представляя при семъ: а) два экземпляра проекта измѣненнаго и дополненнаго устава, б) одинъ экземпляръ дѣйствующаго устава, в) два экземпляра протоколовъ, въ которыхъ изложены, какъ мотивы для сихъ измѣненій и дополненій, такъ пренія, происходившія предварительно принатія ихъ обществомъ,—я имѣю честь покорно просить Совѣтъ У-та Св. Владиміра, представить г. Министру Народнаго Просвѣщенія прилагаемые при семъ документы съ ходатайствомъ объ утвержденіи измѣненнаго и дополненнаго устава.

Общество кромѣ того поручило мнѣ просить, что, въ случаѣ замедленія въ утвержденіи другихъ статей измѣненій и дополненій, оно ходатайствуетъ о немедленномъ утвержденіи § 5, которымъ уменьшается членскій взносъ съ десяти на 5 руб. Отдѣльное ходатайство о семъ общество возбуждаетъ въ виду того, что оно, въ надеждѣ на

скорое утверждение сего изменения, въ началѣ нынѣшняго года постановило взывать пока членскій взносъ въ размѣрѣ пяти руб.

Опредѣлили: просить ходатайства г. Попечителя Кіев. Учеб. Округа для удовлетворенія настоящаго представленія Кіев. Юрид. Общества.

20. Слушали: представленіе медицинскаго ф-та отъ 18 февраля 1880 года за № 59 слѣдующаго содержанія: „Въ засѣданіи медицинскаго ф-та 14 января слушали препровожденный г. Ректоромъ рапортъ г. Ринека въ Совѣтъ по поводу отказа ф-та въ ходатайствѣ г. Ринека о назначеніи ординатора Кіевскаго госпиталя Шкляревскаго сверхштатнымъ ординаторомъ хирургической госпитальной клиники. По выслушаніи рапорта г. Ринека, профессоръ Хржонщевскій заявилъ, что, не бывши въ засѣданіи ф-та когда рѣшилось это дѣло, онъ не знаетъ принялъ ли ф-тетъ во вниманіе то обстоятельство, что г. Шкляревскій состоялъ три года ординаторомъ клиники военно-медицинской академіи, а не въ У-тѣ и потому къ нему не можетъ относиться Высочайшее повелѣніе 22 октября 1879 года, не позволяющее назначенія сверхштатными ординаторами клиникъ такихъ лицъ, которыя уже пробывши ординаторами при клиникахъ установленный 3-хъ лѣтній срокъ. На это профессоръ Шефферъ замѣтилъ, что это обстоятельство вполнѣ было извѣстно ф-ту при рѣшеніи вопроса объ опредѣленіи г. Шкляревскаго сверхштатнымъ ординаторомъ хирургической госпитальной клиники и, что толкованіе, предлагаемое профессоромъ Хржонщевскимъ, прямо противорѣчитъ цѣлямъ закона, назначившаго 3-хъ лѣтній срокъ, имѣвшаго въ виду дать, окончившимъ курсъ молодымъ врачамъ, возможность усовершенствоваться и, ограничивъ время ихъ пребыванія, доставить Государству большее число хорошо образованныхъ врачей и, что принять предложеніе профессора Хржонщевскаго значило бы дать воспитанникамъ медико-хирургической академіи преимущества, которыя не имѣютъ воспитанники У-товъ.

По выслушаніи пренія и имѣя въ виду 1) что заявленіе г. Ринека не содержитъ никакихъ новыхъ фактовъ противъ бывшихъ при обсужденіи этого вопроса въ ф-тѣ и 2) Высочайшее повелѣніе отъ 22 октября 1872 года относительно трехлѣтняго срока ординаторовъ, не отмѣненное повелѣніемъ 25 октября 1875 года, касающимся ни ординаторовъ, а ассистентовъ, лаборантовъ и помощниковъ прозекторовъ, строго отличаемыхъ закономъ, какъ пояснено въ представленіи ф-та

отъ 14 декабря 1879 года за № 711, опредѣлили: остаться при прежнемъ рѣшеніи и отказать ходатайству г. Ринека о назначеніи г. Шкляревскаго сверхштатнымъ ординаторомъ хирургической госпитальной клиники.

Репортъ профессора Ринека заключается въ слѣдующемъ:

2-го октября 1879 года, я представилъ ф-ту ординатора Кіевскаго военнаго госпиталя доктора медицины, Сергѣя Сергѣевича Шкляревскаго, для избранія его въ сверхштатные ординаторы, при хирургической госпитальной клиникѣ безъ содержанія.

Докторъ Сергѣй Сергѣевичъ Шкляревскій, окончилъ въ медико-хирургической академіи и оставленъ былъ ординаторомъ при тамошнемъ военномъ госпиталѣ на три года.

При выборѣ ординаторовъ для клиникъ, ф-тетъ руководствуется ст. 361 т. III. изложенной въ протоколѣ Совѣта отъ 1 декабря 1872 года слѣдующимъ образомъ: „Ординаторы У-скихъ клиникъ опредѣляются, какъ изъ своекоштныхъ студентовъ, такъ и изъ стипендіатовъ по окончаніи ими курса ученія съ званіемъ лекаря... Срокъ пребыванія въ должности ординаторовъ полагается трехлѣтній“.

Въ основаніе этого закона легла мысль дать возможность большому числу молодыхъ врачей получить специальное образованіе подъ руководствомъ профессоровъ У-скихъ клиникъ, и всякая конечно мѣра, которая мѣшала бы строгому проведенію этого принципа, будетъ незаконна.

Далѣе въ томъ же постановленіи пун. 3, говорится: „разрѣшается опредѣлять при У-скихъ клиникахъ сверхштатныхъ ординаторовъ какъ изъ своекоштныхъ студентовъ, такъ и изъ стипендіатовъ, по окончаніи ими курса ученія съ званіемъ лекаря также на трехлѣтній срокъ, безъ содержанія.“

При такомъ условіи клиника никогда не будетъ имѣть опытнаго ординатора. Интересы преподаванія будутъ конечно страдать, но что гораздо важнѣе, будутъ страдать больные, отъ недостатка ухода за ними. Въ клиникахъ не будетъ лица, которое въ непредвидѣнныхъ случаяхъ: внезапныхъ кровотеченій, отековъ гортани, ущемленій грыжъ и проч. могло бы немедленно подать раціональное пособіе.

Повидимому неудобство ограниченій относительно сверхштатныхъ должностей было создано и позднѣйшимъ постановленіемъ дана была возможность, оставляя трехлѣтній срокъ для штатныхъ ординаторовъ

имѣть сверхштатныхъ ассистентовъ и помощниковъ профессоровъ безъ тѣхъ ограниченій, о которыхъ изложено въ 3 пунктѣ 361 ст. Вотъ это постановленіе.—Протоколъ засѣданія Совѣта:

„Государственный Совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе Министра Народнаго Просвѣщенія 25 октября 1875 года мнѣніемъ положилъ:

1) Въ видахъ доставленія У-тамъ возможности усиливать личный составъ профессорскихъ помощниковъ, предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія право учреждать во всѣхъ У-скихъ клиникахъ, по мѣрѣ надобности сверхштатныхъ ассистентовъ, сверхштатныхъ лаборантовъ и помощниковъ прозекторовъ съ производствомъ имъ вознагражденій, по мѣрѣ возможности изъ свободныхъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ.

2) Въ случаѣ занятія сими лицами впослѣдствіи штатныхъ должностей въ вышихъ учебныхъ заведеніяхъ, по учебной части, время проведенное ими въ означенныхъ сверхштатныхъ должностяхъ, болѣе однакожъ 6-ти лѣтъ, зачитывать имъ на пенсію.

Основываясь на этомъ позднѣйшемъ узаконеніи, по которому сверхштатные ассистенты и помощники профессоровъ могутъ служить выше 6-ти лѣтъ, ф-тетъ и Совѣтъ (проток. Совѣта) по представленію доцента Яценко, избралъ ординаторомъ хирургической госпитальной клиники лекаря Герасимовича на 4-й годъ. ф-тетъ и Совѣтъ въ этомъ случаѣ приравнивали сверхштатныхъ ординаторовъ къ сверхштатнымъ ассистентамъ и помощникамъ профессоровъ“ и рѣшеніе ихъ утверждено Попечителемъ.

Взглядъ этотъ, по моему мнѣнію, совершенно вѣренъ. Основной принципъ, не допускающій исключеній, тотъ, что штатный ординаторъ служить только три года получаетъ штатное содержаніе и никакая обходная мѣра не можетъ назваться законной, потому что идетъ въ разрѣзъ съ принципомъ изложеннымъ въ первомъ пунктѣ 361 ст. Усиливать же средства каѳедры безъ всякихъ затратъ, оставляя штатную должность и присвоенное ей содержаніе только за лицами, имѣющими на то право, не можетъ быть названа незаконной.

Представленный мною кандидатъ, и съ другой стороны удовлетворяетъ требованіямъ закона. Въ сводѣ Военныхъ постановленій по 16 ст. 7 положеніи о Кіевскомъ военномъ госпиталѣ, сказано:

Въ помощь профессорамъ, завѣдывающимъ клиническими отдѣленіями клиническимъ и хирургическимъ назначается по одному ассистенту, по выбору У-та Св. Владиміра, съ согласія окружнаго военно-

медицинскаго инспектора Кіевскаго Военнаго Округа, изъ числа штатныхъ ординаторовъ Кіевскаго военнаго госпиталя.

Послѣ изложенія мотивовъ, которые руководили мною при представленіи ординатора Шкляревскаго, сверхштатнымъ ассистентомъ при госпитальной хирургической клиникѣ безъ содержанія, я приведу еще одно значеніе, которое, какъ я надѣюсь, взвѣситъ Совѣтъ. Я познакомлю Совѣтъ съ одной обстановкой, при которой мнѣ приходится вести клиническое преподаваніе. Хирургическое отдѣленіе госпиталя состоитъ изъ клиники 80 кроватей и госпитальнаго отдѣленія—60 кроватей. Эти послѣднія хотя и находятся въ вѣдѣніи особаго госпитальнаго ординатора теперь доктора Шкляревскаго, состоятъ также подъ подомъ моимъ наблюденіемъ. Кромѣ собственно леченія больныхъ, на мнѣ, какъ ординаторѣ госпиталя, лежатъ еще обязанности: опредѣленіе физическихъ недостатковъ новобранцевъ и годности ихъ къ строевой службѣ, опредѣленіе притворныхъ болѣзней и проч. По каждому сомнительному случаю, касающемуся моей спеціальности, комитетъ госпиталя требуетъ моего заключенія.

При такой обстановкѣ, у меня, для клиническаго отдѣленія на 80 кроватей, вотъ уже второй годъ, только одинъ ординаторъ, начинающій только теперь пріобрѣтать нѣкоторую опытность и самостоятельность; ординаторъ же госпитальнаго отдѣленія, которое состоитъ также подъ моимъ наблюденіемъ, лицо совершенно отъ меня независимое.

Если хирургическая ф-ская клиника при 25 кроватяхъ, имѣетъ двухъ ординаторовъ, и это немного, то вести клинику въ 80 кроватей съ однимъ ординаторомъ, значить брать на себя добрую половину ординаторскихъ обязанностей. Такимъ образомъ только одинъ недостатокъ персонала дѣлаетъ для меня невозможнымъ введеніе въ клиникѣ антисептическаго метода перевязки ранъ, который становится теперь обязательнымъ для всякаго клинициста хирурга.

Въ виду изложеннаго, я прошу Совѣтъ въ томъ случаѣ, если онъ признаетъ, что надъ сверхштатными ассистентами и помощниками профессоровъ, слѣдуетъ разумѣть и сверхштатныхъ ординаторовъ, поручить ф-ту баллотировать предложеннаго мною кандидата на вакантную сверхштатную должность безъ содержанія.

Для усиленія же средствъ кафедрѣ покорно прошу ходатайствовать объ открытіи при хирургической госпитальной клиникѣ еще од-

ной должности сверхштатнаго ординатора, безъ содержанія. Только при удовлетвореніи обоихъ моихъ ходатайствъ, я на 80 кроватей буду имѣть трехъ ординаторовъ это ровно вдвое менѣе того, что имѣетъ ф-ская хирургическая клиника.

Опредѣлили: въ виду бывшихъ отступленій отъ правила, ограничивающаго службу ординаторовъ 3-хъ лѣтнимъ срокомъ, просить медицинскій ф-тетъ сообщить свое мнѣніе о томъ, есть ли основаніе для ходатайства о допущеніи подобныхъ изъятій.

21. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та опредѣлилъ по случаю увольненія въ продолжительный отпускъ за границу ординарнаго профессора Шкляревскаго, состоящаго членомъ коллегіи Павла Галагана, и вслѣдствіе предложенія г. Попечителя Округа, отъ 11 февраля 1880 года, избрать, въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта, на мѣсто Шкляревскаго одного изъ профессоровъ медицинскаго ф-та, на основаніи § 6 Устава Коллегіи Павла Галагана.

22. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та опредѣлилъ: изготовленный отчетъ о состояніи У-та Св. Владиміра за 1870 годъ, представить г. Попечителю Кіевскаго Учебнаго Округа со всѣми слѣдующими приложеніями, а также съ отчетами состоящихъ при У-тѣ Св. Владиміра Обществъ: Естествоиспытателей и Юридическаго.

23. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та по выслушаніи доклада г. Ректора о томъ что 4-го марта 1880 года окончился трехлѣтній срокъ, на который лекарь Александръ Рава былъ оставленъ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ анатоміи, — опредѣлилъ просить г. Ректора сдѣлать по этому дѣлу надлежащія распоряженія.

24. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та по выслушаніи представленія физико-математическаго ф-та, опредѣлилъ: просить г. Попечителя К. У. О. о разрѣшеніи этому ф-ту начать испытаніе студентовъ съ 28 апрѣля 1880 года.

25. Слушали: докладъ г. Ректора о томъ, что 12 текущаго марта окончился трехлѣтній срокъ, на который лекарь Зенкевичъ былъ опредѣленъ въ должность ординатора терапевтической ф-ской клиники, и что за силою 129 ст. 3. Св. Зак. изд. 1876 г. онъ Зенкевичъ не можетъ быть оставленъ въ этой должности на дальнѣйшее время, съ правами государственной службы.

Опредѣлили: просить г. Попечителя Округа объ увольненіи г. Зенкевича отъ сказанной должности, за выслугою срока.

26. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та избралъ членами въ распорядительный комитетъ по устройству въ Кіевѣ выставки сельскихъ произведеній ординарныхъ профессоровъ; П. П. *Алексѣева*, *Θ. М. Гарничъ-Гарницкаго*, *Н. Х. Бунге* и *Θ. Шмалляузена*.

Опредѣлено: довести объ этомъ г. Попечителю Округа.

27. Слушали: предложеніе г. Попечителя Кіевского Учебнаго Округа отъ 28 февраля 1880 года за № 2805, слѣдующаго содержания: „Кіевская казенная Палата отъ 19 февраля за № 1974, увѣдомила меня, что по собраннымъ его справкамъ удостоенный медицинскимъ ф-томъ степени лекаря Мордко (онъ же Маркъ) Юсєвъ *Майданскій* не состоитъ въ числѣ Златопольскихъ мѣщанъ и что хотя и показанъ причисленнымъ къ семейству дяди своего Каневского мѣщанина Корсунскаго общества Овсѣя Оврумова Мойданскаго, но въ 1853 году по распоряженію Кіевского Губернатора вся семья Мойданскихъ перечислена въ земледѣльцы Херсонской губерніи и въ мѣщане Корсунскаго общества обратно зачисляемы не была, а потому Мойданскій обязанъ взять увольнительное свидѣтельство отъ того общества, въ которомъ онъ записанъ по 10 ревизіи, а не отъ того, въ которое пожелалъ перечислиться.

Опредѣлили: объ изложенномъ объявить г. Майданскому для исполненія.

28. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та Св. Владиміра, по выслушаніи предложенія г. Попечителя Кіевского У. О., отъ 6-го марта 1880 года за № 3119-мъ объ исключеніи изъ подушнаго состоянія г. *Жилинскаго* Николая, послучаю удостоенія его степени лекаря, опредѣлили: выдать г. Жилинскому дипломъ на степень лекаря.

29. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та Св. Владиміра, по выслушаніи представленій г. библіотекаря сего У-та, отъ 22 февраля сего года за № 161 и 179, о выпискѣ для профессорской лекторіи: 1) газеты „Берегъ“, цѣною за годъ 15 рубл. и 2) новаго періодическаго изданія: „Archives de biologie, publ. par. Ed. van Beneden et Charl. van Bambeke“, цѣною въ годъ до 12 руб.; опредѣлили: разрѣшить; о чемъ увѣдомить для надлежащаго исполненія Правленіе и библіотекаря У-та.

30. Въ настоящемъ Засѣданіи, Совѣтъ У-та, по выслушаніи пред-

ставленія физико-математическаго ф-та опредѣлилъ: согласно удостоенію сего ф-та и на основаніи 110 § Общаго Устава У-товъ утвердить Θεодосіа Адамовича въ степени кандидата математическихъ наукъ и выдать ему дипломъ на эту степень.

31. Слушали: представленіе медицинскаго ф-та, отъ 11 сего марта за № 92, слѣдующаго содержанія: „Медицинскій ф-тетъ въ засѣданіи 10 сего марта слушали протоколы испытаній и письменные отвѣты докторантовъ Ивана *Радзимовскаго*, Веніамина *Мандельштама*, Александра *Равы* и Захарія *Зенькевича*—опредѣлили: утвердить вышеозначенныхъ лицъ въ степени лекаря, съ правомъ получить степень доктора медицины по представленіи и защищеніи диссертациі.

Опредѣлили: утвердить вышеозначенныхъ лицъ въ степени лекаря, съ правомъ получить степень доктора медицины по представленіи и защищеніи диссертациі.

32. Въ настоящемъ засѣданіи, Совѣтъ У-та Св. Владиміра, по выслушаніи представленій медицинскаго ф-та сего У-та, отъ 20 и 27-го февраля сего года за № 65, 66, 67 и 78 объ удостоеніи: своекоштныхъ студентовъ: *Крайка* Бронислава-Петра и *Зака* Іосифа степени лекаря; лекарей: *Льневича* Людомира и *Бартошевича* Антона званія уѣзднаго врача; аптекарскаго помощника *Рымкевича* Юліана-Антоня степени провизора и ученицу 2-го курса повивальнаго искусства *Семову* Юлію—званія повивальной бабки; опредѣлилъ: 1) выдать: дипломъ на степень лекаря г. *Крайку*; свидѣтельства на званіе уѣзднаго врача гг. *Льневичу* и *Барташевичу*; дипломъ на степень провизора г. *Рымкевичу* и свидѣтельство на званіе повивальной бабки г. *Семовой* и 2) просить ходатайства г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, объ исключеніи изъ подушнаго оклада г. *Зака*, по случаю удостоенія его степени лекаря, и по полученіи разрѣшенія выдать ему дипломъ на степень лекаря.

33. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та подвергалъ баллотированію магистранта *Бьлоринцъ-Котляревскаго* и большинствомъ 27 голосовъ противъ 11 избралъ его въ стипендіаты для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ уголовного права на третій годъ, именно по 18 февраля 1871 г.

Опредѣлено: о результатѣ баллотировки сообщить, для зависящихъ распоряженій: Правленію, юридическому ф-ту, бібліотекарю и

ординарному профессору по кафедрѣ уголовного права А. Θ. Кистяковскому, а также увѣдомить г. Бѣлогриць-Котляревскаго.

34. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та подвергалъ баллотированію лекаря Ѳедора *Савина* и большинствомъ 35 голосовъ противъ 3 избралъ его исправляющимъ должность ординатора акушерской ф-ской клиники срокомъ на одинъ годъ.

Опредѣлили: просить г. Попечителя Кіев. У. О. объ опредѣленіи г. Савина исправляющимъ должность ординатора клиники, срокомъ на одинъ годъ, съ 21 января 1880 г., какъ со дня допущенія г. Савина къ исполненію обязанностей ординатора клиники.

35. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та, выслушавъ докладъ по вопросу о передачѣ въ военно-медицинскую академію свободныхъ казенныхъ медицинскихъ стипендій военнаго и морскаго вѣдомства, опредѣлилъ: 1) на будущее время отъ студентовъ, зачисляемыхъ на казенныя стипендіи медицинскаго ф-та, которыхъ положено въ У-тѣ Св. Владиміра 25, отбирать подписки въ томъ, что они обязываются отслужить правительству за полученныя стипендіи положенное число лѣтъ, исключительно по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ; о чемъ сообщить для исполненія, медицинскому ф-ту и внести въ книгу общихъ постановленій по У-ту, и 2) представить въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія свѣдѣнія о числѣ свободныхъ съ 1 января 1880 года, казенныхъ медицинскихъ стипендій,—присовокупивъ при томъ, что причитающіеся на содержаніе 17 стипендій 5000 р. теперь же могутъ быть переданы въ военно-медицинскую академію, а остальная сумма на содержаніе 20 стипендій можетъ быть переведена въ академію только лишь по опредѣленіи на службу стипендіатовъ, окончившихъ курсъ и уже представленныхъ къ опредѣлію на таковую.

Копію настоящаго журнала сообщить Правленію У-та, прося оное привести въ исполненіе 2-й пунктъ постановленія Совѣта У-та.

36. Слушали: 1) предложеніе г. Попечителя Кіев. Учеб. Округа отъ 5 марта 1880 г. за № 3002, въ которомъ выражено, что г. Министръ Народн. Просв. не считаетъ себя въ правѣ согласиться на утвержденіе доцента Ф. А. *Терновскаго* въ званіи экстраординарнаго профессора съ отпускомъ на его содержаніе дополнительнаго изъ казны оклада, такъ какъ на содержаніе 18 экстраординарныхъ профес-

соровъ въ У-тѣ Св. Владиміра, по ныхъ по штату 1863 г., отпускается уже полная сумма, но ес. Совѣтъ У-та признаетъ возможнымъ отнести добавочное содержаніе на свои спеціальныя средства, то въ этомъ случаѣ г. Министръ Народ. Прос. не встрѣчаетъ препятствій къ утвержденію г. Терновскаго въ сказанномъ званіи и 2) Представленіе истор. филол. ф-та, объ ходатайствованіи утвержденія г. Терновскаго въ званіи экстраординарнаго профессора съ сохраненіемъ доцентскаго содержанія, и о предоставленіи ф-ту войти съ ходатайствомъ о повышеніи доцентскаго оклада г. Терновскаго до содержанія экстраординарнаго профессора въ ближайшее затѣмъ время, при перечисленіяхъ въ У-ской смѣтѣ.

Опредѣлили: большинствомъ 19 голосовъ противъ 18 просить ходатайства г. Поп. Киев. У. О. объ утвержденіи г. Терновскаго въ званіи экстраординарнаго профессора по кафедрѣ церковной исторіи, съ сохраненіемъ доцентскаго содержанія. Выдачу же жалованья по должности экстраординарнаго профессора разрѣшить тогда, когда окажутся остатки отъ личнаго состава. Профессоръ Шефферъ, не согласившись съ этимъ постановленіемъ, заявилъ, что онъ внесетъ въ Совѣтъ особое мнѣніе.

37. Слушали: 1) представленіе медицинскаго ф-та, о томъ, что коммиссія по вопросу о прекращеніи родильной горячки въ акушерской клиникѣ нашла необходимымъ прекратить пріемъ роженицъ въ клинику, въ текущемъ полугодіи, и дезинфицировать помѣщеніе этой клиники, а затѣмъ произвести побѣлку стѣнъ съ прибавленіемъ карболовой кислоты или карболовой извести, и 2) постановленіе Правленія У-та о порученіи г. смотрителю клиникъ привести въ исполненіе изложенное заключеніе коммиссіи.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

38. Совѣтъ У-та, по выслушаніи, въ настоящае засѣданіи, представленій медицинскаго ф-та отъ 16 января и 18 февраля 1880 года за № 17 и 18, опредѣлили: согласно съ мнѣніемъ медицинскаго ф-та ходатайствовать объ учрежденіи должностей штатныхъ лаборантовъ при кафедрахъ: а) гистологій и эмбриологій, б) общей патологій, в) патологической анатоміи, г) фармакологій, д) физиологической анатоміи, и должностей штатныхъ ординаторовъ: а) при госпитальной хирургической клиникѣ, б) при глазной ф-ской клиникѣ, съ отнесеніемъ

емъ содержанія симъ лицамъ на суммы государственнаго казначейства, такъ какъ спеціальныя средства У-та совершенно истощены новымъ на нихъ расходомъ на содержаніе инспекціи.

Усиліемъ личнаго состава помощниковъ профессоровъ хотя въ нѣкоторой степени будутъ отвращены неудобства отъ переполненія ф-та слушателями, ибо, независимо отъ ежедневныхъ занятій профессоръ въ клиникахъ и лабораторіяхъ, далеко недостаточныхъ для того, чтобы многочисленные студенты каждаго курса могли быть обучены владѣть микроскопомъ, дѣлать анализы и наблюденія, готовить препараты, — представится студентамъ возможность работать подъ надлежащимъ надзоромъ въ остальные часы дня, а кромѣ того и самыя лабораторіи не будутъ находиться въ отсутствіи профессора подъ наблюденіемъ простыхъ служителей.

39. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та, согласно съ заключеніемъ библіотечной комиссіи опредѣлилъ: просить доктора *Гезелмиза* сообщить согласенъ ли онъ продать изъ библіотеки Джюстиніани только нѣкоторыя отдѣльныя сочиненія.

40. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та, вслѣдствіи предложенія г. Попечителя К. У. О. отъ 20 декабря 1879 г. за № 12605, и согласно заключенію библіотечной комиссіи, опредѣлилъ: просить г. библіотекаря У-та распорядиться о передачѣ въ библіотеку Иркутской гимназіи книгъ учебнаго содержанія, какія окажутся при разборѣ библіотеки бывшаго монастыря босыхъ кармелитовъ въ г. Бердичевѣ.

41. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та, вслѣдствіе отношенія Департамента Народнаго Просвѣщенія отъ 23 сентября 1879 года, а также согласно съ заключеніями библіотечной комиссіи и Правленія У-та, опредѣлилъ выписать для библіотеки У-та слѣдующія два періодическія сочиненія, изданіе которыхъ предпринято Зоологическою станціею доктора Дорна въ Неаполѣ:

1) Fauna und Flora des Golfes von Neapel; и 2) Prodromus Faunae Mediterraneae, съ отнесеніемъ требующагося для сего расхода на счетъ суммы, назначенной на приобрѣтеніе капитальныхъ сочиненій.

42. С л у ш а л и: заявленіе приватъ-доцента Мандельштама, поданное деканомъ медицинскаго ф-та о томъ, что онъ будетъ читать студентамъ курсъ глазныхъ болѣзней и офталмоскопіи 3 раза въ недѣлю

только въ настоящемъ семестрѣ, а на будущее время отказывается, какъ отъ завѣдыванія главною клинкою, такъ и отъ чтенія лекцій въ званіи приватъ-доцента.

Опредѣлили: просить медицинскій ф-тетъ озаботиться, чтобы преподаваніе по кафедрѣ офталмологіи съ клинкою не было пріостановлено и въ 18⁸⁰/₈₁ учебномъ году.

---

21 Марта 1880 года.

Въ Засѣданіи Совѣта У-та Св. Владиміра 21 марта 1880 года, подъ предсѣдательствомъ г. Ректора Н. Х. Бунге, присутствовали: *деканы*: В. С. Икопниковъ, К. М. Теофилактовъ, В. Г. Демченко, Ф. Ф. Эргардтъ; *ординарные профессеры*: В. А. Караваевъ, А. П. Матвѣевъ, Н. А. Оаворовъ, В. А. Незабитовскій, Г. Д. Сидоренко, Н. К. Ренненкампфъ, П. Э. Ромеръ, А. А. Шефферъ, М. П. Авенариусъ, В. Б. Томса, М. Е. Ващенко-Захарченко, П. П. Алексѣевъ, В. А. Бецъ, А. О. Кистяковскій, М. О. Хандриковъ, О. М. Гарничъ-Гарницкій, Н. А. Бунге, А. А. Котляревскій, О. В. Баранецкій, О. Я. Фортинскій, О. М. Паульсонъ; *экстраординарные профессеры*: В. А. Субботинъ, Н. Н. Шиллеръ, К. Г. Гейбель, Н. В. Бобрепкій, И. В. Лучицкій, В. П. Ермаковъ, А. Х. Ринекъ, И. О. Шмальгаузенъ; не присутствовали: С. С. Гогоцкій, А. В. Романовичъ-Славатинскій, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Г. Н. Минхъ и К. Г. Тритшель—по болѣзни; А. В. Ивановъ, В. Б. Антоновичъ—по нахожденію въ командировкахъ; А. С. Шкляревскій—по нахожденію въ отпуску; И. И. Рахманиновъ, Ф. Ф. Мерингъ, К. А. Митюковъ, Н. А. Хржонщевскій, П. И. Перемежко, П. В. Павловъ, Н. И. Хлѣбниковъ—по неизвѣстной причинѣ.

Примѣчаніе: не бывшіе въ Совѣтѣ по болѣзни: А. В. Романовичъ-Славатинскій, М. Ф. Владимірскій-Будановъ и Г. Н. Минхъ передали свои шары для баллотировокъ: первый В. Б. Томсѣ, второй О. Я. Фортинскому а третій—А. Х. Ринеку.

1. Слушали: Чтеніе протокола предшествовавшаго засѣданія Совѣта У-та 14 марта 1880 года.

Подписавъ этотъ протоколъ,

Опредѣлили: представить таковой г. Попечителю Кіевского Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію

2. Слушали: телеграмму почетнаго члена У-та Св. Владимира тайнаго совѣтника Н. И. Пирогова слѣдующаго содержанія: „Изъявляю мою глубочайшую благодарность Совѣту У-та за добрую память о моей посильной дѣятельности по Кіевскому Учебному Округу и выраженную столь лестнымъ для меня образомъ.

Опредѣлили: записать въ протоколъ настоящаго засѣданія.

3. Слушали: представленіе редакціоннаго комитета, отъ 18-го марта 1880 г. о томъ, что комитетъ находитъ необходимымъ на будущее время въ нѣкоторыхъ случаяхъ представить комитету препроводить статьи, помѣщаемыя въ У-скихъ извѣстіяхъ, на предварительное заключеніе подлежащихъ ф-товъ,

Опредѣлили: изложенное мнѣніе утвердить; о чемъ для руководства сообщить Правленію У-та и редакціонному комитету, а также записать въ книгу общихъ постановленій по У-ту.

4. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та, по случаю увольненія въ продолжительный отпускъ за границу ординарнаго профессора *Шкляревскаго*, состоящаго членомъ коллегіи Павла Галагана, избралъ на мѣсто г. Шкляревскаго, экстраординарнаго профессора В. А. Субботина.

Опредѣлили: увѣдомить объ этомъ Совѣтъ коллегіи Павла Галагана и г. Субботина.

5. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та подвергалъ баллотированію лаборанта доктора медицины П. Θ. *Суханова* и большинствомъ 27 голосовъ противъ 10-ти избралъ его въ должность доцента при кафедрѣ фیزیологіи.

Опредѣлено: просить ходатайства г. Попечителя Кіевского Учебнаго Округа, объ опредѣленіи г. Суханова въ должность доцента при кафедрѣ фیزیологіи по восполненію разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія на учрежденіе доцентуры при сказанной кафедрѣ и объ ассигнованіи изъ государственнаго казначейства особымъ кредитомъ потребной на эту доцентуру суммы.

6. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та подвергалъ баллотированію лекаря съ отличіемъ Михаила *Карпенка* для избранія его въ стипендіаты для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ

хирургіи, срокомъ съ 1 февраля по 1 ноября 1880 года; причемъ оказалось шаровъ: избирательныхъ 33 и неизбирательныхъ 4.

Опредѣлили: сдѣлать по сему предмету надлежащее распоряженіе.

7. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та подвергалъ баллотированію вопросъ о выдачѣ экстраординарному профессору Н. И. *Хлѣбникову*, въ пособіе при поѣздѣ его за границу, 200 руб. изъ спеціальныхъ средствъ У-та; при чемъ оказалось шаровъ: 29 утвердительныхъ и 6 отрицательныхъ.

Опредѣлено: просить распоряженія Правленія У-та о выдачѣ г. Хлѣбникову 200 р., изъ указаннаго источника, по воспослѣдованіи разрѣшенія на увольненіе его въ отпускъ за границу на срокъ съ 1 іюня по 13 сентября 1880 года.

8. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та, по выслушаніи представленія юридическаго ф-та отъ 20 марта 1880 года, опредѣляетъ: просить г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа объ освобожденіи, удостоеннаго этимъ ф-томъ степени кандидата юридическихъ наукъ, дѣйствительнаго студента Григорія *Червинскаго* отъ коллоквиума, по уваженію къ тѣмъ обстоятельствамъ, что г. Червинскій находится на государственной службѣ внѣ г. Кіева и, что, представленная диссертация на степень кандидата признана ф-томъ написанною самимъ г. Червинскимъ.

9. Слушали: предложеніе г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа отъ 19 марта за № 3485, объ исключеніи изъ общества мѣщанъ—евреевъ м. Бѣлой-Церкви Ицка Хаймова *Шейниса*, удостоеннаго медицинскимъ ф-томъ степени лекаря.

Опредѣлили: по изготовленіи г. Шейнису диплома на степень лекаря, отправить таковой къ г. Попечителю Кіевскаго Учебнаго Округа, въ дополненіе къ представленію Совѣта У-та отъ 23 января 1880 года за № 95, для опредѣленія г. Шейниса на службу за полученно имъ въ У-тѣ казенное содержаніе.

10. Слушали: особое мнѣніе г. профессора А. А. Шеффера слѣдующаго содержанія: „Въ засѣданіи своемъ отъ 14 марта Совѣтъ рѣшилъ ходатайствовать у г. Министра объ утвержденіи доцента *Терновскаго* въ званіи экстраординарнаго профессора съ сохраненіемъ однакожъ ему доцентскаго содержанія до тѣхъ поръ пока Совѣтъ не

найдетъ возможнымъ отнести добавочное содержаніе на спеціальныя средства У-та.

Съ справедливостію этого рѣшенія нельзя согласиться по моему мнѣнію, послѣдующимъ доводамъ;—во первыхъ это рѣшеніе идетъ въ разрѣзъ, съ обычаемъ, котораго держался всегда У-тетъ: онъ всегда отказывалъ въ повышеніи безъ соотвѣтствующаго увеличенія содержанія. До сихъ поръ не сдѣлано было, не смотря на настоятельныя просьбы ф-товъ, исключенія даже для такихъ достойныхъ ученыхъ какъ профессоръ Шимановскій и профессоръ Вальцъ. Мнѣ кажется что Совѣтъ, поступивъ такимъ образомъ, выполнялъ законъ не только по буквѣ, но и по смыслу его: Уставъ дозволяетъ Совѣту учреждать новыя каѳедры и профессуры сверхъ штата, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и обусловливаетъ отнесеніе расхода на спеціальныя средства У-та. Не полнoprавныхъ, такъ сказать, профессоровъ уставъ не знаетъ. Условіе отнести тотчасъ же расходъ на вновь учреждаемую должность на средства У-та можетъ считаться весьма полезнымъ противовѣсомъ противъ увлеченія отдѣльных ф-товъ и чрезмѣрнаго увеличенія каѳедръ. Возведеніе доцента Терновскаго создаетъ весьма опасный прецедентъ. Является возможность создавать каѳедры безъ отягощенія для финансовъ У-та и слѣдовательно безъ ущерба, по крайней мѣрѣ, матеріальнаго для другихъ ф-товъ. Можно предвидѣть, что этимъ способомъ особенно воспользуется медицинскій ф-тетъ, на которомъ для полученія нѣкоторыхъ каѳедръ найдутся, лица, согласныя служить пожалуй и безъ жалованья.—Что это не фикція—это можетъ подтвердить засѣданіе ф-та отъ 17 марта: кандидатъ, предложенный на доцентуру по офтальмологіи, заявилъ требованіе, чтобы его выбрали въ экстраординарные профессора, хотя бы и съ доцентскимъ содержаніемъ.—Ясно, что такимъ образомъ въ концѣ концовъ можетъ быть нарушено совершенно отношеніе, которое законъ установилъ между числомъ профессуръ по отдѣльнымъ ф-тамъ. Это по моему мнѣнію, существенное возраженіе противъ мѣры, предложенной словеснымъ ф-томъ, но нельзя не обратить вниманіе и на тотъ матеріальный ущербъ, который неминуемо повлечетъ за собою рѣшеніе Совѣта. По утвержденіи г. Терновскаго, у членовъ Совѣта весьма естественно явится желаніе оказать справедливость противъ новаго товарища и сравнять его и въ содержаніи съ остальными преподавателями—и такъ какъ новые расходы вносятся въ роспись въ началѣ года, когда далеко не выяснились всѣ по-

требности У-та, то можно опасаться что добавочное содержаніе для г. Терновскаго внесено будетъ очень скоро и гораздо скорѣе, чѣмъ это дозволяютъ дѣйствительныя выгоды У-та и такимъ образомъ окончательно и на долгое время иммобилизируется капиталъ въ 16,000 руб. сер.

Между тѣмъ въ томъ же засѣданіи Совѣта, г. Ректоръ, по поводу другаго дѣла, изложилъ состояніе финансовыхъ средствъ У-та въ такомъ видѣ, что нельзя было не признать ихъ болѣе чѣмъ неудовлетворительными.

Изъ заявленій г. Ректора видно, что, за неимѣніемъ средствъ, годъ отъ году отлагаются самыя необходимыя издержки. Въ настоящемъ году предъявлено ремонтныхъ работъ на 21000 руб., а сумма для удовлетворенія ихъ немногимъ только превышаетъ 4000 руб. Дренажъ, признанный необходимымъ, чтобы освободить подвальный этажъ отъ накопившейся въ немъ воды и такимъ образомъ спасти зданіе У-та отъ разрушенія, ждетъ и по нынѣ своего осуществленія.

Въ секціонной залѣ анатомическаго театра каменный полъ давно существуетъ только по воспоминанію, а между тѣмъ требованія профессора о его возобновленіи и асфальтировкѣ уже нѣсколько лѣтъ повторяется напрасно.

Прибавлю отъ себя, что при возрастаніи числа студентовъ большая часть учреждений сдѣлалась вполнѣ недостаточной, такъ на второмъ курсѣ медицинскаго ф-та въ нынѣшнемъ году 160 слушателей, обязанныхъ заниматься медицинскою химіею, а мѣстъ для занятій въ лабораторіи 20; фармацевты, за неимѣніемъ мѣстъ въ лабораторіи общей химіи, лишены вовсе возможности заниматься аналитическою химіею, существеннѣйшимъ предметомъ для ихъ будущей дѣятельности, особенно судебно-медицинской. Не смотря на явную необходимость, вопросъ о расширеніи вышеозначенныхъ учреждений не могъ даже обсуждаться за неимѣніемъ свободныхъ суммъ. Ясно, что только самая крайняя бережливость въ продолженіи многихъ лѣтъ, можетъ вывести финансы У-та изъ того ненормальнаго положенія, въ которомъ они находятся, и въ которое они поставлены были постепеннымъ вздорожаніемъ всѣхъ наиболѣе для У-та необходимыхъ предметовъ.

Такъ какъ изложеніе г. Ректора о денежныхъ средствахъ У-та послѣдовало уже послѣ рѣшенія вопроса и не могло быть принято въ расчетъ Совѣтомъ при его постановленіи, то я, имѣю честь предложить Совѣту подвергнуть принятое рѣшеніе новому всестороннему об-

сужденію и считаю это тѣмъ болѣе справедливымъ, что означенное рѣшеніе состоялось только перевѣсомъ *одного* голоса, зависѣло слѣдовательно отъ простой случайности.

По выслушаніи особаго мнѣнія профессора Шеффера и доклада Ректора, что свободныхъ остатковъ отъ спеціальныхъ средствъ и отъ личнаго состава ни въ настоящемъ году, ни въ будущемъ не предвидится, опредѣлили: отмѣнить состоявшееся по сему дѣлу постановленіе Совѣта и просить ф-тетъ представить Совѣту новыя соображенія.

11. Слушали: представленія медицин. ф-та отъ 11 и 18 марта 1880 г. за №№ 96, 97, 103, 104, 98 и 105-мъ, объ удостоеніи: степени провизора аптекарскихъ помощниковъ: Льва *Кнофффа*, Юліана *Лучицкаго*, Адима *Фялковскаго* и Михаила *Штейнберга*, и степени аптекарскаго помощника: аптекарскихъ учениковъ: Станислава *Гофмана* и Николая *Подпужникова*.

Опредѣлили: выдать поименованнымъ лицамъ установленные дипломы.

12. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та опредѣлил: просить г. Попечителя Кіев. Учеб. Округа о разрѣшеніи производить г. профессору *Хлыбникову* добавочное содежаніе, по примѣру предшествовавшихъ 3-хъ лѣтъ, съ 5 мая 1880 по 5 мая 1881 года, изъ спеціальныхъ средствъ У-та въ размѣрѣ 562 р. 50 к.

---

28 Марта 1880 года.

Въ засѣданіи Совѣта У-та Св. Владиміра 28 марта 1888 года, подъ предсѣдательствомъ г. Ректора У-та Н. Х. Бунге, присутствовали: *деканы*: В. С. Иконниковъ, К. М. Теофилактовъ, В. Г. Демченко, Ф. Ф. Эргардтъ; *ординарные профессоры*: В. А. Караваевъ, А. П. Матвѣевъ, К. А. Митюковъ, В. А. Незабитовскій, Н. А. Оаворовъ, И. И. Рахманиновъ, Г. Д. Сидоренко, Н. К. Ренненкампфъ, П. Э. Ромеръ, А. А. Шефферъ, М. П. Авенариусъ, В. Б. Томса, М. Е. Ващенко-Захарченко, П. П. Алексѣевъ, А. В. Романовичъ-Славатинскій, В. А. Бецъ, А. О. Кистяковский, М. О. Хандриковъ, О. М. Гарничъ-Гарницкій, Н. А. Хронцевскій, П. И. Перемежко, Н. А. Бунге, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, А. А. Котляревскій, О. В. Баранецкій, О. Я. Фортинскій, О. М. Паульсонъ, *экстраординарные профессоры*: В. А. Субботинъ, Г. Н. Минхъ, Н. Н. Шиллеръ, К. Г. Гейбель, Н. В. Бобрецькій, И. В. Лучицкій, В. П. Ермаковъ, А. Х. Ринекъ, И. О. Шмальгаузенъ, К. Г. Тритчель. Неприсутствовали: С. С. Гогоцкій, Ф. Ф. Мерингъ и Н. И. Хлѣбниковъ—по болѣзни; А. В. Ивановъ и В. Б. Антоновичъ—по нахожденію въ командировкѣ; А. С. Шкляревскій—по нахожденію въ отпуску; П. В. Павловъ—по неизвѣстной причинѣ.

Примѣчаніе: не бывшіе въ засѣданіи Совѣта по болѣзни С. С. Гогоцкій, Ф. Ф. Мерингъ и Н. И. Хлѣбниковъ, передали свои шары для баллотированія *первый*—К. Г. Гейбелю, *второй*—Ф. Ф. Эргардту и *третій*—передалъ свой шаръ А. В. Романовичу-Славатинскому на всѣ баллотировки, кромѣ баллотировокъ самаго А. В. Романовича-Славатинскаго и А. А. Котляревскаго, а на эти послѣднія баллотировки переданъ шаръ В. Г. Демченку.

1) С л у ш а л и: чтеніе протокола предшествовавшаго засѣданія Совѣта У-та 21 марта 1880 года.

Подписавъ этотъ протоколъ,

Опредѣлили: представить таковой г. Попечителю Кіевскаго Учебнаго Округа, для утвержденія въ напечатанію.

2. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та, согласно постановленію своему 14 марта 1880 года, подвергалъ баллотированію всѣхъ ординарныхъ профессоровъ, за исключеніемъ профессора Н. Х. Бунге, на должность Ректора У-та и большинствомъ голосовъ 32 противъ 12 избралъ декана физико-математическаго ф-та, заслуженнаго ординарнаго профессора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, К. М. *Оеофилактова*.

Опредѣлили: просить ходатайства г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа 1) объ увольненіи Н. Х. Бунге отъ должности Ректора У-та, съ оставленіемъ его въ должности ординарнаго профессора по занимаемой кафедрѣ полицейскаго права, и 2) объ утвержденіи заслуженнаго ординарнаго профессора К. М. *Оеофилактова* въ должности Ректора У-та Св. Владимира срокомъ на четыре года, съ увольненіемъ отъ должности декана физико-математическаго ф-та и съ оставленіемъ въ должности ординарнаго профессора.

3. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та опредѣлилъ: просить физико-математическій ф-тетъ произвести въ присутствіи слѣдующаго засѣданія Совѣта выборы на должность декана сего ф-та, и, кромѣ того, произвести въ томъ же засѣданіи, на основаніи § 36 У-скаго устава, выборы изъ среды декановъ одного изъ нихъ въ исправляющіе должность Ректора.

ЧАСТЬ II—НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

иненниками. „Между ними были свои учителя, обучавшіе напр., какъ воровать изъ кармановъ; они показывали ученикамъ своимъ тутъ-же, на площади, съ какою ловкостью надо это сдѣлать; вынимали у проходящихъ изъ кармана табакерку, нюхали табакъ и клали ее назадъ въ карманъ проходящему, а тотъ шелъ ничего не замѣчая.“

§ 82. Таковы были условія общественной безопасности въ Москвѣ въ то время, когда появился въ ней знаменитый доноситель Сыскаго приказа Ванька Каинъ, соединившій въ себѣ два типа того времени—сыщика грабителя и народнаго мошенника, вора. Преступная дѣятельность Ваньки Каина выпадаетъ на время съ 1731 по 1749 годъ; его жизнь чрезвычайно любопытна; на ней подтверждаются указанные нами причины воровства и разбоевъ, господствовавшихъ въ Россіи въ 18 ст. Съ раннихъ лѣтъ въ мальчикѣ обнаружилась склонность къ воровству: все, что плохо лежало у господина его или у сосѣдей, все попадало въ руки расторопнаго и наблюдательнаго Ваньки. Краденое Ванька продавалъ, что доставляло ему деньги и поощряло дальше поступать также. Продавая краденое, Ванька познакомился съ кругомъ лицъ, промышлявшихъ воровствомъ; въ числѣ первыхъ его знакомыхъ и наставниковъ былъ солдатскій сынъ Камчатка. „Познакомились они, какъ водится, въ кабацѣ, выпили по стакану, по два, разговорились о своемъ житьѣ-бытьѣ. Ванька разсказалъ, какъ плохо жить у господина, который хотя и богатъ, но очень строгъ; кормить скверно, одѣваетъ плохо, нерѣдко жалуетъ побоями; воровство же съ рукъ никогда не сходитъ: все побои, да побои. Жаловаться некому: въ судѣ не послушаютъ, да еще выдерутъ плетми или кнутомъ, и опять къ господину. Что дѣлать? Не лучше ли бѣжать на вольный воздухъ? Камчатка одобрилъ намѣреніе Ваньки. Ванька не долго думалъ; въ ту же ночь обокралъ своего господина и съ новымъ другомъ, который ждалъ его у воротъ господскаго дома, отправился еще на промыселъ къ сосѣду попу.“

Такъ началась преступная жизнь Ваньки Каина на вольномъ воздухѣ. Съ тѣхъ поръ Ванька Каинъ погружался въ омутъ преступной жизни все глубже и глубже. Послѣ совершенія кражи у попа, Ванька побывалъ подъ темными сводами Каменнаго моста, гдѣ совершился обрядъ принятія его въ общество воровъ и мошенниковъ чрезъ взнесеніе извѣстной суммы денегъ и произнесеніе спича на воровскомъ языкѣ однимъ изъ мошенниковъ. На первыхъ порахъ преступной жизни Ванькѣ Каину встрѣтилась неудача: онъ попалъ въ руки господина,

гдѣ Ваньку приковали къ медвѣдю и не велѣли кормить въ теченіи 2 дней. Отъ сосѣдства съ медвѣдемъ онъ освободился крикомъ грозныхъ словъ: „слово и дѣло!“, за что его отвели въ тайную канцелярію и послѣ допроса выдали для жительства вольное письмо, съ которымъ онъ отправился въ Нѣмецкую слободу и здѣсь въ кабацѣ снова сошелся съ Камчаткою и съ знакомыми изъ подъ Каменнаго моста.

Съ этого времени начинается цѣлый рядъ походовъ Ваньки въ сообществѣ съ преступной шайкой. Такъ, онъ побывалъ на Макарьевской ярмаркѣ, гдѣ послѣ нѣсколькихъ удачныхъ случаевъ воровства попался и закованъ былъ въ цѣпи, отъ которыхъ избавился содѣйствіемъ своего товарища Камчатки, доставившаго ему въ двухъ калачахъ ключи для отпиранія цѣпи. Затѣмъ Ванька Каинъ появляется въ шайкѣ разбойниковъ подъ начальствомъ Михаила Зари, совершаетъ въ сообществѣ этой шайки нѣсколько грабежей и разбоевъ. Знаменательная черта этихъ походовъ воровской шайки та, что она всюду находитъ пріютъ—на постоянныхъ дворахъ, въ селахъ, городахъ. Мѣстные власти ихъ не преслѣдовали, и они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жили подолгу, пока по обѣимъ сторонамъ Волги не забили тревогу, не ударили въ селахъ въ набатъ, при чемъ для поимки воровской шайки была послана команда.

§ 83. Послѣ длиннаго ряда походовъ по разнымъ провинціямъ Россіи, воръ Ванька Каинъ въ 1741 г. снова появляется въ Москвѣ. Здѣсь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Ваньку озаряетъ чрезвычайная и оригинальная мысль—поступить въ сыщики. Мотивы намѣренія Ваньки неизвѣстны, но фактъ предложенія имъ себя въ сыщики Сыскаго приказа на лицо.

Явившись къ предсѣдателю Сыскаго приказа, Ванька объявилъ, что онъ самъ воръ, что, „будучи на Москвѣ и въ прочихъ городахъ, мошенничалъ денно и ночно; будучи въ церквахъ и въ разныхъ мѣстахъ, у господъ и у приказныхъ людей, у купцовъ и всякаго званія людей изъ кармановъ деньги, платки всякіе, кошельки, часы, ножи и прочее вынималъ.“ Теперь же, впавъ въ раскаяніе, „желаетъ запретить впредь какъ себѣ, такъ и товарищамъ своимъ, которые съ нимъ въ тѣхъ прегрѣшеніяхъ обще были.“ Предложеніе Ваньки Каина было принято подъячими и секретарями Сыскаго приказа очень охотно, такъ какъ они видѣли въ немъ зарю новыхъ, щедрыхъ добычей дней. Снабженный воинской командой, Ванька въ первую же ночь своей

сыщической дѣятельности захватилъ 32 человѣка воровъ. Затѣмъ эта дѣятельность обогащалась обрѣтеніемъ все большаго и большаго контингента воровъ и мошенниковъ. Съ 1741 г. по 1743 г. Ванька поймалъ: мошенниковъ 109 человѣкъ, воровъ 87, становщиковъ 50, покупщиковъ 60, бѣглыхъ солдатъ 42 человѣка.

Такая плодотворная дѣятельность Ваньки Каина естественно внушила ему мысль—требовать себѣ награды. Но не тутъ-то было. Не только въ наградѣ отказали, но не выдали его же собственныхъ денегъ, затраченныхъ на служебные поиски. Такая неблагодарность Сыскаго приказа не могла не отразиться вредно на образѣ мыслей Ваньки; она разсѣяла тѣ проблески раскаянія, которые, быть можетъ, носились въ головѣ его, и прежній преступный образъ мыслей снова воспрянулъ. Ванька, подумавши, увидѣлъ, что среди тѣхъ призраковъ правды, которые ему, быть можетъ, мерещились въ чиновномъ людѣ,—выгоднѣе идти кривыми путями, ибо прямой путь къ благу земному не ведетъ. Ставши на такую точку зрѣнія, Ванька снова окунулся въ безбрежную пропасть всякихъ преступленій. Укрѣпивши знакомство съ своими прежними товарищами по ремеслу, Ванька пустился на старый промыселъ, прикрываясь и устрашая всѣхъ званіемъ доносителя Сыскаго приказа. Скоро онъ убѣдился, что, прятая концы въ воду и ублажая подъячихъ, можно тепло и уютно жить на бѣломъ свѣтѣ. Окруженный шайкой мошенниковъ, знавшихъ воровскіе притоны, Ванька смѣло шелъ на поиски воровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и добычи. „Пойманнаго Ванька прежде всего приводилъ къ себѣ, а не въ приказъ; здѣсь у него была своя расправа и свои палачи. Вору предлагались разныя условія; если онъ не соглашался, его отводили въ приказъ или при-
нуждали къ согласію побоями.“

Разгуливая такимъ образомъ по узкимъ улицамъ Бѣлоаменной, Ванька вдругъ озарился мыслью о необходимости упрочить свое положеніе. Подъ вліяніемъ такой мысли онъ подаетъ прошеніе Сенату, въ которомъ, докладывая, что онъ поймалъ болѣе 500 человѣкъ воровъ и мошенниковъ, и прикидываясь невиннымъ, добродѣтельнымъ агнцемъ, просить дать ему инструкцію и объявить въ Москвѣ по командамъ полицейскаго и другихъ вѣдомствъ, „чтобы въ сыскѣ и поимѣѣ воровъ ему препятствія не чинили.“ Просьба Ваньки Каина была исполнена, инструкція была выдана. Вооружившись ею, волкъ въ овечьей шкурѣ—Ванька Каинъ съ возмутительною дерзостью бросился про-

мышлять преступленіемъ. Теперь уже онъ не считалъ выгоднымъ обогатиться лишь чрезъ посредство воровъ и мошенниковъ; онъ шелъ на проломъ: являлся съ своими агентами—ворами и преданными ему солдатами къ какому нибудь богатому посадскому человѣку или крестьянину и, объявляя, что они сыщики тайной конторы, требовалъ денегъ и, въ случаѣ отказа, страдалъ ночнымъ пріѣздомъ „гостей“ изъ тайной конторы. Тамъ, гдѣ нужно было ему добиться признанія въ какомъ либо несуществующемъ преступленіи, Ванька Каинъ долго не церемонился: онъ прибѣгалъ ко всякимъ насиліямъ и терзаніямъ. Не задумывался также сыщикъ Ванька Каинъ совершать дневные наѣзды и грабежи среди бѣлаго дня чуть ли не въ центрѣ самой Москвы.

§ 84. Само собою разумѣется, что такое поведеніе доносителя Сыскаго приказа не могло не отразиться на числѣ преступленій, совершавшихся въ Москвѣ. Это число возрастало съ каждымъ днемъ и, наконецъ, общественныя бѣдствія разразились страшнымъ пожаромъ, которому предшествовали слухи и подмстныя письма о пожогохъ. Начавшійся пожаръ возобновлялся четыре раза, причемъ сгорѣло 1883 дома и 96 человѣческихъ тѣлъ ¹⁾).

Долго еще Ванька Каинъ, вѣроятно, и послѣ всего сказаннаго подвизался бы на своемъ преступномъ поприщѣ, если бы продолжалъ осторожно ловить рыбу въ мутной водѣ. Но пренебреженіе этой осторожности его погубило; къ тому же онъ слишкомъ вѣроломно измѣнялъ своимъ старымъ товарищамъ—ворамъ и мошенникамъ, выдавая ихъ. Наконецъ, и хищный волкъ попался въ сѣти; его погубила страсть къ одной 15-ти лѣтней дѣвочкѣ, которую онъ для своихъ безнравственныхъ цѣлей похитилъ. Быть можетъ, Ванька и теперь бы вышелъ сухъ изъ воды; вѣдь проходила же для него безнаказанно цѣлая серія преступленій. Но на бѣду его въ Москву пріѣхалъ новый полицмейстеръ Татищевъ, который, не обративъ вниманія на предъидущіе указы сената, которые такъ хорошо ограждали Каина, велѣлъ его арестовать. Съ этихъ поръ наложено было, наконецъ, запрещеніе на преступную дѣятельность послѣдняго. Онъ былъ преданъ въ руки правосудія, предъ которымъ повинился въ цѣлой серіи самыхъ разнообразныхъ пре-

---

¹⁾ Соловьевъ, т. XXII, стр. 236; Осьмнадцатый вѣкъ, *ibid.*, стр. 318—319.

стунелій, въ числѣ коихъ были слѣдующіа: „Увозилъ изъ подъ караула арестованныхъ, сбивалъ съ нихъ желѣзо и отпускалъ на волю. Давалъ средства скрывать убійства, и бѣглыхъ, за деньги не представляя въ приказъ, отпускалъ. Прикрывалъ своихъ товарищей—друзей, которые срывали съ людей шапки и съ пьяныхъ обирали платье. Держалъ у себя въ домѣ бѣглыхъ всякаго рода. На Москвѣ рѣкъ ходилъ по стругамъ для поимки бѣглыхъ и безпаспортныхъ; но хозяева этихъ струговъ платили ему деньги, чтобъ онъ ихъ не осматривалъ. Скрывалъ за деньги держателей воровъ. Пойманныхъ въ воровствѣ и съ поличнымъ большею частью прежде водилъ на домъ, мучилъ и билъ; иныхъ, взявши деньги, отпускалъ, оставляя у себя что либо изъ краденыхъ вещей, другихъ, съ чего нечего было взять, представлялъ въ Сыскной приказъ. Въ случаяхъ покражи вещей, многіе знатные господа присылали прямо къ Канну съ просьбою отыскать; онъ заказывалъ торгующимъ на площади *выжечникамъ* и *выжечницамъ*, если кто что вынесетъ на продажу краденое, то чтобъ ему объявляли и приводили къ нему воровъ. Вещи очень часто находились этимъ путемъ, онъ возвращалъ ихъ хозяевамъ, получалъ отъ нихъ благодарность, а съ воровъ бралъ взятку и отпускалъ ихъ.“

Таково было состояніе общественной безопасности въ одной изъ столицъ Россіи, въ Москвѣ; что же должно было совершаться внѣ столицъ, въ особенности, на окраинахъ Россіи, удаленныхъ отъ центральной власти и менѣе снабженныхъ средствами борьбы съ преступленіемъ, о томъ даютъ намъ понятіе тѣ многочисленныя шайки воровъ и разбойниковъ, разгуливавшихъ тогда по Россіи, которыя въ теченіе почти всего 18 ст. такъ глубоко потрясли спокойствіе и безопасность государства *).

I. Развитіе понятія преступленія воровства-кражи до изданія Свода законовъ.

§ 85. Переходя теперь къ исторіи уголовного законодательства о преступленіи воровства-кражи мы должны, прежде всего, замѣтить, что данный періодъ, т. е. періодъ отъ Воинскихъ артикуловъ до Свода законовъ, богатъ измѣненіями какъ въ диспозитивной, такъ и въ санкціонирую-

*) Очеркъ мѣръ борьбы съ воровствомъ и разбоями въ 18 ст., приготовленный авторомъ, будетъ напечатанъ отдѣльно.

щей части уголовныхъ законовъ. Въ этотъ періодъ появляются нѣкоторые изъ законовъ, имѣющіе первостепенную важность въ исторіи воровства-кражи, какъ напр. законъ 1781 г.¹⁾, дающій теоретическое опредѣленіе тремъ родственнымъ преступленіямъ—кражѣ, мошенничеству и грабежу; въ этотъ періодъ преуспѣваетъ судебная практика въ видѣ рѣшеній сената, проливающихъ свѣтъ на нѣкоторые теоретическіе вопросы нашего преступленія; въ этотъ періодъ, наконецъ, встрѣчается довольно смѣлая попытка кодификаціи уголовного законодательства, представляющая въ видѣ правительственнаго проекта 1813 года весьма цѣнный памятникъ, построенный на извѣстной, можно сказать, научной системѣ, свидѣтельствующей о солидномъ теоретико-юридическомъ образованіи кодификаторовъ. Вообще, сказанный періодъ можетъ быть названъ временемъ, когда русскій юридическій духъ началъ выходить изъ прежняго неопредѣленнаго, неяснаго состоянія, того состоянія, когда онъ шелъ впередъ болѣе ощупью, чѣмъ сознательно, и сталъ на путь осмысленнаго культурно-прогрессивнаго движенія.

Пойдемъ же шагъ-за-шагомъ по пути историческаго движенія уголовного законодательства, регулировавшаго интересующее насъ преступленіе. При чемъ согласно раньше усвоенной нами системѣ сначала будемъ говорить о преступленіи кражи, а затѣмъ о наказаніи послѣдней.

§ 86. Обращаясь къ понятію преступленія кражи, мы должны, прежде всего, сказать, что до указа 1781 г. не встрѣчается общаго опредѣленія даннаго преступленія. Терминологія послѣдняго попрежнему долгое время отличается неясностью, сбивчивостью. Обыкновенно встрѣчаются термины: „воровство,“ „кража,“ „татьба.“ Послѣдній терминъ, нужно замѣтить, попадаетъ все рѣже и рѣже; онъ является какъ-бы архаизмомъ, не нашедшимъ себѣ мѣста въ законѣ 1781 года. Что же касается термина „воровство,“ то этотъ послѣдній долгое время продолжаетъ употребляться въ прежнемъ широкомъ значеніи; это значеніе было, какъ увидимъ ниже, сужено тѣмъ же закономъ 1781 г., который составитъ у насъ предметъ особаго изложенія.

Доказательствъ сказаннаго выше о терминѣ „воровство“ можно привести много; въ однихъ указахъ терминъ „воровство“ употребляется въ смыслѣ названія всякаго вообще преступленія, какъ напр. въ указѣ 1728 г.²⁾,

¹⁾ П. С. З., № 15147. ²⁾ П. С. З., № 5290.

гдѣ говорится о деревняхъ, „вызженныхъ за *воровство*“, или же въ указѣ 1719 г. ¹⁾, гдѣ повелѣвается земскимъ комиссарамъ не допускать, чтобы разбойники, плуты, тати, убійцы, бѣглецы и которые уже гдѣ и въ *воровствѣ* приличились въ ихъ уѣздахъ пристанище имѣли“ или, наконецъ, въ указѣ 1740 г. ²⁾, гдѣ встрѣчается слѣдующее мѣсто: „А кто такимъ злымъ дѣломъ похвалится (рѣчь идетъ объ угрозахъ поджогомъ) и въ томъ изобличенъ будетъ, и хоть-то въ дѣйствіе не произведетъ, однако таковыхъ розыскивать; и ежели кромѣ таковыхъ похвальныхъ словъ *иного никакого воровства* за нимъ не сыщется, таковымъ чинить жестокое наказаніе кнутомъ.“ Въ другихъ же указахъ терминъ „воровство“ фигурируетъ въ смыслѣ названія какого либо отдѣльнаго преступленія, какъ напр. въ указѣ 1726 г. ³⁾ ворами названы сочинители подметныхъ писемъ, говорящихъ о порядкѣ наследованія престола вопреки Правдѣ воли Монаршей, или же въ указѣ 1729 г. ⁴⁾ подлогъ въ составѣ векселей названъ воровствомъ, или, наконецъ, въ указѣ 1752 г. ⁵⁾, гдѣ сочиненіе фальшивыхъ векселей названо воровствомъ. Въ такомъ же широкомъ значеніи употребляются въ данномъ періодѣ и слова производныя отъ термина воровство. Такъ встрѣчаются выраженія—*воровской набѣгъ* ⁶⁾; *воровское* письмо; письмо сочинено *воровски* ⁷⁾ и т. п.

Обращаясь теперь къ третьему термину „кража“, слѣдуетъ замѣтить, что этотъ терминъ вездѣ фигурируетъ, все болѣе и болѣе вытѣсняя устарѣвшій терминъ „татьба“, только какъ названіе тайнаго похищенія чужой собственности. Въ большей части указовъ, имѣющихъ своимъ предметомъ нормированіе взятаго нами преступленія съ его уголовно-правовой стороны, встрѣчается названный терминъ ⁸⁾.

Кромѣ приведенныхъ трехъ терминовъ въ данный періодъ въ смыслѣ названія тайнаго похищенія чужой собственности попадаютъ и другіе термины. Такъ, встрѣчается употребленіе въ указахъ термина „мошенничество“ вмѣсто „кражи“, термина „кражи“ вмѣсто „утайки и растраты.“ Вотъ доказательства: въ указѣ 1755 г. читаемъ: „содержащимся въ полицмейстерской канцеляріи въ *мошенничествѣ* разныхъ чиновъ людямъ, которые въ томъ мошенничествѣ, а прочіе въ *покупкѣ*

¹⁾ *ibid.*, 3295. ²⁾ *ibid.*, 8184, также 8260, 10686 и многіе другіе.

³⁾ *ibid.*, 4870. ⁴⁾ *ibid.*, 5410. ⁵⁾ *ibid.*, 9943. ⁶⁾ *ibid.*, 8720. ⁷⁾ *ibid.*, 10023.

⁸⁾ *ibid.*, см. указы 11,925; 14,140; 13,951; 14,171 и др.

у нихъ *краденая* завѣдомо и сами винились, въ страхъ другимъ и дабы впредь то пресѣчься могло, учинить публичное наказаніе и по учиненіи того наказанія всѣхъ тѣхъ, оказавшихся въ мошенничествѣ и въ покупкѣ краденаго завѣдомо, сослать на поселеніе въ Оренбургъ¹⁾. Здѣсь терминъ „мошенничество“ называется вообще кражу, виновные въ которой были задержаны въ полицмейстерской канцеляріи.

Сейчасъ мы увидимъ, что оправданіемъ подобнаго смѣшенія терминовъ могутъ служить историческія основанія.

Мошенничество въ древнѣйшихъ нашихъ законодательныхъ памятникахъ, въ судебникахъ, въ уложеніи, какъ справедливо думаетъ И. Я. Фойницкій, представляется не болѣе, какъ однимъ изъ видовъ тѣбѣ²⁾. Такой характеръ оно сохраняетъ и въ 18 ст., когда подъ понятіе мошенничества подводится, между прочимъ, какъ увидимъ ниже, кража мелкихъ воришекъ—карманщиковъ и другихъ. Въ такомъ смыслѣ употребляетъ терминъ „мошенничество“ упомянутый указъ 1781 г.

Въ тѣхъ же историческихъ основаніяхъ скрывается объясненіе и употребленія кражи вмѣсто утайки. Въ Воинскихъ артикулахъ утайка и растрата чужаго ввѣреннаго или найденнаго имущества являются видами воровства или кражи³⁾. Въ позднѣйшихъ законодательныхъ актахъ встрѣчаемъ то же самое, при чемъ слова „покрасть“ и „утайтъ или растратить“ употребляются безразлично. Такъ, въ указѣ 1741 г.⁴⁾ читаемъ: „которые люди, будучи въ службѣ, имѣющіяся въ ихъ рукахъ казенныя деньги или какія вещи и матеріалы и припасы покрали или утратили.“ Въ инструкціи воинскимъ оберъ-фискаламъ 1732 г.⁵⁾ повелѣвается доносить, „за кѣмъ какое *похищеніе и кражу* казны узнаютъ;“ здѣсь словами „похищеніе и кража“ называются утайка и растрата казенныхъ денегъ, такъ-какъ имѣются въ виду лица, состоящія на службѣ и обязанныя хранить и оберегать ввѣренное имъ казенное имущество. Наконецъ, въ указѣ 1774 г.⁶⁾ говорится о членѣ ассессорѣ главнаго магистрата Шишковѣ, который „имѣя надъ денежною казною смотрѣніе, *похитилъ* нѣкоторое число денегъ изъ казеннаго сундука, располагаясь *украсть* и всю находившуюся подъ его смотрѣніемъ денежную казну.“

---

¹⁾ *ibid.*, 10,380. ²⁾ Мошенничество, стр. 38. ³⁾ Ср. 193, 194 и 195 арт. и заголовокъ 21 гл. ⁴⁾ *ibid.*, 8481. ⁵⁾ *ibid.*, 6187. ⁶⁾ *ibid.*, 14171.

§ 87. *Понятіе кражи и составъ ея.* Мы уже выше сказали, что термины „кража“ или „татьба“ продолжали и въ данный періодъ обозначать тайное похищеніе чужаго движимаго имущества.

Предметомъ кражи оставалась по прежнему чужая движимая вещь, какъ-то деньги, вещи, матеріалы, припасы ¹⁾, вообще все, что входило въ кругъ имущественнаго оборота; сюда же между прочимъ относились и эквиваленты имущественной цѣнности, служившіе тому же обороту, какъ напр. векселя ²⁾. Такимъ образомъ, кража представляется и въ 18 ст. *имущественнымъ* правонарушеніемъ. Въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ замѣтить, 18 вѣкъ сдѣлалъ шагъ впередъ; онъ, можно сказать, выбросилъ изъ понятія кражи за бортъ все, что не носило на себѣ понятія *имущества*. Судебная практика въ лицѣ высшаго судебного сргана, Сената, категорически, съ устраненіемъ всѣхъ колебаній и неточностей прежней юридической жизни, заявила, что человекъ, какъ субъектъ, посящій въ себѣ черты, существенно отличающія его отъ *имущества* вообще, долженъ быть изъятъ изъ числа предметовъ кражи. Рѣшеніе Сената въ этомъ случаѣ столь важно, что мы позволили себѣ привести его подробно. Суть дѣла въ томъ, что солдатская жена Марѳа Архипова, послѣ трехъ розысковъ и *жженія* огнемъ, показала, что она чужаго ребенка *взяла тайно*, чтобъ удобнѣе по дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ просить милостыню. Сыскной приказъ, въ рукахъ котораго очутилось данное дѣло, подвелъ представившійся ему случай подъ 9 ст. 21 гл. уложенія 1649 г., т. е. подъ коренную статью о татьбѣ. Сенатъ совершенно справедливо нашелъ, что „тотъ уложенный пунктъ на данный случай не слѣдуетъ, ибо кражу младенцевъ за татьбу причестъ не возможно и указовъ на то нѣтъ,“ а потому и опредѣлить произвольное наказаніе—отдачу на фабричныя работы.

На это рѣшеніе Сената мы обращаемъ особенное вниманіе, какъ на такое, которое, съ одной стороны, подтверждаетъ наше, высказанное въ своемъ мѣстѣ мнѣніе, что татьба въ уложеніи ограничивается предѣлами сферы имущественной, а съ другой, проводитъ тотъ взглядъ, что похищеніе человека есть преступленіе *sui generis*, которое должно строго отличать отъ кражи или татьбы.

¹⁾ *ibid.*, 8481. ²⁾ *ibid.*, 5410.

Способъ дѣйствія въ преступленіи кражи, какъ видно изъ приведеннаго выше понятія послѣдней, былъ тайный. Это слѣдуетъ прежде всего изъ того же дѣла Марфы Архиповой, изъ котораго видно, что Сыскной приказъ въ своей квалификаціи представившагося ему случая былъ введенъ въ ошибку *тайнымъ* способомъ похищенія младенца, характеризующимъ понятіе татбы или кражи. Далѣе, основаніемъ нашего мнѣнія можетъ служить то мѣсто изъ дѣла Шишкова, гдѣ говорится, что онъ, похитивъ часть казенныхъ денегъ, „располагалъ *украсть* и всю находившуюся подъ его смотрѣніемъ денежную казну.“ Само собою разумѣется, что здѣсь словомъ *украсть* называется никакой иной, какъ тайный способъ похищенія. Кромѣ того, безразличное нерѣдко употребленіе терминовъ „кража“ и „утайка,“ изъ которыхъ послѣдній, по самому этимологическому своему смыслу, имѣетъ въ виду тайный способъ дѣйствія,—можетъ также служить посильнымъ доказательствомъ нашего мнѣнія.

Что касается *преступнаго намѣренія*, то въ этомъ отношеніи въ изучаемомъ нами періодѣ, т. е. въ періодѣ до указа 1781 года встрѣчается одинъ весьма цѣнный указъ Сената 1750 года ¹⁾, цѣнный въ томъ отношеніи, что въ немъ выясняется цѣль похищенія. Выше мы видѣли, что какъ въ Уложеніи, такъ и въ Воинскихъ артикулахъ по вопросу о цѣляхъ вора царить краснорѣчивое молчаніе. Названный указъ прерываетъ его и говоритъ, что не всякое тайное похищеніе чужой собственности должно называться позорнымъ именемъ кражи, что для этого необходима и предосудительная, преступная цѣль похищенія. Резолюція Сената, изъ которой видѣнъ его взглядъ, слѣдующая: „Хотя изъ доношеній видно, что объявленные крестьяне Дementій Васильевъ и Иванъ Живодеровъ въ кражѣ объявленнаго борошна (дѣло было во время пожара) и приличными показываются, но въ допросахъ своихъ показали, что они при пожарѣ взяли *не кражей*, но для сбереженія и въ томъ ни отъ кого, что взяли кражей, не доказаны“: „того ради на страхъ другимъ, дабы никто при пожарахъ кражи не имѣли, учинить имъ наказаніе публично плетми.“ Изъ приведеннаго текста видно, что по мнѣнію Сената похищеніе чужой собственности съ благой цѣлью, или вообще непроступной, какъ въ данномъ случаѣ—съ цѣлью сбереженія, не можетъ быть заклемено

¹⁾ ibid., 9707.

именемъ кражи; подобное клеймо лежитъ и должно лежать лишь на томъ, кто похищаетъ *кражей*; этимъ послѣднимъ выраженіемъ Сенатъ, вѣроятно, хотѣлъ назвать корыстное похищеніе, соединенное съ намѣреніемъ воспользоваться такъ или иначе чужой собственностью; вообще такое похищеніе, какое *обыкновенно* предполагается въ лицѣ татя. Намъ не должно смущать обложеніе наказаніемъ въ приведенной резолюціи Сената даннаго случая; подобное обстоятельство не свидѣтельствуешь не только о томъ, что Сенатъ въ представившемся ему казусѣ видѣлъ какія либо черты кражи, но и о томъ, чтобы Сенатъ считалъ его достойнымъ наказанія. Онъ предписалъ плети, какъ самъ откровенно сознается, лишь на страхъ другимъ, дабы никто при пожарахъ не кралъ. Указанное здѣсь наказаніе опредѣлено не за данный случай, а *съ виду* могущихъ въ будущемъ послѣдовать преступленій.

§ 88. *Осуществленіе воли съ дѣйстви.* Разные моменты осуществленія умысла на кражу не обозначились въ изслѣдуемомъ нами періодѣ ясными чертами въ своемъ различіи по степенямъ наказуемости. Тщетно было бы искать подобнаго различія въ то время, когда законодательство, покоившеся на духѣ устрашенія, выразившееся въ массѣ указовъ, расточающихъ такъ щедро жесточайшія наказанія, не избавляло отъ послѣднихъ и самый отдаленный видъ прикосновенности къ преступленію—недонесеніе. Естественно, что въ такую эпоху разные моменты осуществленія умысла на кражу не могли претендовать на достаточное разграниченіе наказуемости по степени ихъ отдаленности отъ момента совершенія. Ближайшіе моменты осуществленія умысла—совершеніе и покушеніе, кажется, и теперь, подобно тому, какъ это мы видѣли въ Уложеніи 1649 г. и въ Воинскихъ артикулахъ, сливались. По крайней мѣрѣ нѣтъ основаній думать, что въ этомъ отношеніи произошла какая либо перемѣна; напротивъ, у насъ въ рукахъ аргументъ, какъ бы подтверждающій наше мнѣніе. Это именно указъ 1741 г.¹⁾, повелѣвающій малолѣтнихъ, „кои явятся въ святотатствѣ и коснутся св. олтаря“ наказывать плетью и ссылкой въ монастырь, т. е. полагается наказаніе, назначенное вообще малолѣтнимъ за святотатство. На основаніи приведеннаго текста можно думать, что самое прикосновеніе къ святымъ вещамъ алтаря, даже болѣе, проникно-

¹⁾ *ibid.*, 8996.

веніе въ алтарь съ цѣлью похищенія церковныхъ вещей, должно было по силѣ указа облагаться равнымъ наказаніемъ съ совершеніемъ церковной кражи.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ не только прикосновеніе къ предмету похищенія угрожается равнымъ наказаніемъ съ совершеніемъ; но та же судьба постигаетъ и проникновеніе въ мѣсто совершенія преступленія. Намъ могутъ замѣтить, что въ приведенномъ указѣ рѣчь идетъ о квалифицированномъ видѣ кражи, а потому выведенное заключеніе нельзя обобщать и распространять на кражу вообще. Согласны, но дѣло въ томъ, что при отсутствіи узаконеній, которыя бы вносили перемѣну въ прежнее положеніе вопроса о наказаніи моментовъ осуществленія умысла на кражу,—приведенный указъ можетъ служить подтвержденіемъ мнѣнія о сохраненіи стараго порядка вещей.

Болѣе спорнымъ представляется вопросъ о наказуемости приготовления на кражу. Мы выше видѣли, что въ юридической жизни 17 ст. и начала 18 ст. приготовленіе на кражу вообще было ненаказуемо: въ Уложеніи оно совершенно исключено изъ списка наказуемыхъ дѣяній; въ Военскихъ артикулахъ оно также не предусматрѣно, какъ наказуемое. Въ дальнѣйшихъ законодательныхъ актахъ, вышедшихъ до указа 1781 г., мы равнымъ образомъ не встрѣчаемъ внесенія приготовления на кражу въ число наказуемыхъ дѣяній. Правда, въ вышеприведенномъ указѣ о святотатствѣ проникновеніе въ мѣсто совершенія преступленія и даже прикосновеніе къ нему, какъ говоритъ буквально указъ, включено въ разрядъ дѣяній, равно наказуемыхъ не только съ покушеніемъ, но и съ совершеніемъ кражи. Но приведенный указъ, какъ спеціальны, предусматривающій лишь самый тяжкій видъ кражи, не можетъ быть толкуемъ распространительно, т. е. его силу никакъ нельзя распространять на кражу вообще.

Признавая ненаказуемость *de jure* въ изслѣдуемомъ нами періодѣ приготовленія на кражу, мы думаемъ, что такая наказуемость существовала *de facto*. Мы такъ думаемъ на томъ основаніи, что взятый періодъ представляетъ энергическую борьбу правительства не только съ тѣмъ, что той или другой стороною примыкало къ преступленію, но и съ тѣмъ, что хотя бы въ отдаленномъ будущемъ грозило преступленіемъ. Правительство было слишкомъ озабочено тѣмъ, чтобы вывести, искоренить преступленія, а потому накидывалось на все, что только могло такъ или иначе угрожать чѣмъ либо небезопаснымъ для

общественнаго спокойствія. Въ видѣ примѣра назовемъ указъ 1731 г., который велитъ удерживать крестьянъ отъ бѣговъ и *покушающихся* бѣжать приказываетъ помѣщикамъ наказывать; назначаетъ большіе штрафы за необъявленіе въ полиціи о квартирантахъ, проѣзжающихъ и отъѣзжающихъ и т. д.¹⁾ Вообще, въ 18 ст. полицейское законодательство, преслѣдующее предупрежденіе преступленій, не въ мѣру обильно и плодovitо. Вотъ почему мы полагаемъ, что, при крайней расточительности правительствомъ 18 ст. мѣръ предупрежденія, приготовленіе на кражу въ практикѣ едва ли обходилось безъ преслѣдованія, а слѣдовательно и наказанія. Это предположеніе тѣмъ правдоподобнѣе, что въ инструкціяхъ земскимъ фискаламъ предписывалось доносить о всякихъ бѣглыхъ, гулящихъ и что всего важнѣе—вообще о *подозрительныхъ* людяхъ²⁾. Подъ послѣднюю категорію людей неразборчивая практика 18 ст. могла подводить и тѣхъ, кто запасался орудіями кражи, попадался въ какихъ либо мѣстахъ, гдѣ ему не подобало быть и т. п., словомъ, въ категорію подозрительныхъ людей могли попасть и тѣ, которые лишь *приготовлялись* совершить кражу.

§ 89. Весьма важное движеніе дальнѣйшему ходу исторіи русскаго законодательства о воровствѣ-кражѣ было сообщено знаменитымъ указомъ 1781 г., апрѣля 3³⁾. Этотъ указъ, какъ ясно выражено въ немъ, есть продуктъ сознанія законодательницей неудовлетворительности дѣйствующаго законодательства. Прозорливый умъ Екатерины II-й не могъ не постигнуть, что въ современныхъ ей законахъ царствуетъ хаосъ, страшная запутанность. Въсегъ съ тѣмъ она видѣла, что эта запутанность дѣйствующихъ законовъ была, между прочимъ, слѣдствіемъ отсутствія обобщенія и разграниченія правовыхъ понятій. Превратная юридическая жизнь развивалась казуистически; неразвитая юридическая мысль русскаго челоука 17 и первой половины 18 вѣка не способна была одно юридическое понятіе отдѣлать отъ другаго и дать ему болѣе или менѣе ясное, не расплывающееся опредѣленіе. Законодатель называлъ преступленія, но самъ хорошо не понималъ, что онъ называетъ терминами кражи, грабежа и т. д. Встрѣчаются, правда, попытки законодателя опредѣлить давнее юридическое понятіе; но эти попытки представляютъ намъ лишь казуистическія опредѣленія, объем-

¹⁾ *ibid.*, 5774. ²⁾ *ibid.*, 3479. ³⁾ *ibid.*, 15,147.

люція, такъ сказать, данные конкретные случаи. Въ указѣ 1766 года рѣчь идетъ о борьбѣ съ ворами и разбойниками, при чемъ объявляется, что „воры и разбойники и здѣсь разумѣются тѣ, кои насиліемъ по дорогамъ грабятъ и, прїѣзжая въ деревни, разбой чинятъ“¹⁾. Бессильный опредѣлить содержаніе отдѣльныхъ правовыхъ понятій, законодатель предоставлялъ практикѣ вѣдаться съ ними, чѣмъ ставилъ юридическую жизнь на крайне шаткій, опасный путь. Юристы—практики были слишкомъ далеки отъ того, чтобы затруднять долго свою голову труднымъ вопросомъ, чѣмъ собственно отличается разбой или грабежъ отъ кражи, и, подстрекаемые разными жизненными поползновеніями, на которыя они такъ были падки, ворочали смыслъ закона въ ту сторону, куда было выгоднѣе.

Екатерина II хорошо понимала тѣ вредныя послѣдствія, какихъ слѣдовало ожидать и какія на самомъ дѣлѣ были отъ такого порядка вещей. Но какъ пособить горю? Кодификація законовъ, о которой мечтала императрица, превратилась въ мыльный пузырь, какъ это краснорѣчиво подтвердила своей дѣятельностью „Коммиссія о сочиненіи проекта новаго уложенія.“ Слѣовательно, ожидать улучшенія законодательства отъ общаго пересмотра и передѣлки законовъ было тщетно; оставалось обратиться къ частной ихъ передѣлкѣ, къ частному ихъ улучшенію. Таковой именно путь и былъ избранъ законодательницей, прямо объявившей въ названномъ указѣ 1781 года, что „встрѣчающіеся въ законахъ настоящихъ различные недостатки, неясности и неудобства ежечасно убѣждаютъ насъ до изданія уложенія способствовать по возможности временными установленіями.“ Указъ 1781 г. „О судѣ и наказаніи за воровство разныхъ родовъ и о заведеніи рабочихъ домовъ“ былъ первымъ такимъ установленіемъ.

Нельзя не сказать или не поставить въ заслугу даннаго указа, что онъ не является результатомъ однихъ теоретическихъ умозаключеній, оторванныхъ отъ жизни. Напротивъ онъ есть плоть отъ плоти, кость отъ костей прежней юридической жизни Россіи. Въ немъ собрана чуть ли не вся рельефная казуистика прежней юридической жизни, захватывавшая три преступленія: 1) воровство-грабежъ, 2) воровство-кражу, 3) воровство-мошенничество. Но съ другой стороны, законода-

¹⁾ *ibid.*, 12543.

тель не могъ еще подняться до той силы обобщенія, которая выражается въ сжатыхъ теоретическихъ опредѣленіяхъ, объемлющихъ многообразные конкретные случаи. Въ указѣ еще отражается старое направление русскаго юридическаго ума, проявлявшаго свою дѣятельность главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ въ регулировкѣ частныхъ контрѣктныхъ случаевъ. Въ этомъ отношеніи редакторы указа 1781 г., разумѣется, не могутъ быть подняты на пьедесталъ; но за ними нельзя не признать заслуги въ томъ отношеніи, что они сдѣлали, если не ошибаемся, первую попытку—включить разбросанные частные случаи въ общее понятіе соотвѣтствующаго преступленія и, поставивъ такимъ образомъ нѣкоторый барьеръ между тремя нормируемыми ими преступленіями, устранить въ значительной степени ту беспорядочность, которая должна была царить въ прежней юридической жизни въ дѣлѣ подведенія даннаго случая подъ ту или другую уголовную санкцію.

Но подводя данные конкретные случаи подъ одно изъ трехъ преступленій, составители указа 1781 г., можно сказать, рабски подчинились современнымъ юридическимъ возрѣніямъ, отнесши, какъ мы думаемъ, въ силу внушеній послѣднихъ нѣкоторые случаи туда, гдѣ не ихъ мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, срываніе шапокъ ни по духу Уложенія 1649 г., ни по духу Воинскихъ артикуловъ 1716 г. никоимъ образомъ не можетъ быть подведено подъ понятіе мошенничества. А между тѣмъ въ указѣ 1781 г. оно сюда именно и отнесено. Такимъ образомъ, редакторы послѣдняго указа не позаботились поставить теоретическія границы между тремя нормируемыми ими преступленіями; они не создали себѣ теоретическихъ опредѣленій, а потому и не могли избѣжать нѣкоторой путаницы въ разграниченіи понятія одного преступленія отъ другаго: вотъ почему въ указѣ 1781 г. воровство-кража и воровство-мошенничество переходятъ одно въ другое.

§ 90. Приведемъ текстъ нужныхъ намъ статей указа 1781 года. Три рода воровства существуютъ, говоритъ названный указъ: 1) воровство-грабежъ, 2) воровство кража, 3) воровство-мошенничество.

Воровство-грабежъ есть, буде кто на сухомъ пути или на водѣ на кого нападетъ или остановитъ, страшая дѣйствіемъ, какъ-то: орудіемъ, или рукою, или инымъ чѣмъ, или словомъ, или кого уронитъ и нахально ограбитъ, или что отниметъ, или дать себѣ принудитъ, или воспользуется страхомъ отъ пожара, или отъ потопа, или отъ иного случая, или темнотою кого ограбитъ, или отниметъ у кого деньги, или съметъ съ кого

платье, или съ повозокъ, или съ корабля пожитки, или товары, или иное движимое имѣніе.

Воровство-кража есть, буде кто у кого тайнымъ образомъ возьметъ деньги или иное движимое имѣніе безъ воли или согласія того, чьи тѣ деньги или движимое имѣніе, оное спрячетъ или продастъ или заложитъ, или инако употребитъ въ свою пользу.

Воровство-мошенничество есть, буде кто на торгу или въ иномъ многлюдствѣ у кого изъ кармана что выметъ, или вымысломъ, или незанно у кого что отъиметь, или унесетъ, или отъ платья полу отрѣжетъ, или позументъ споретъ, или шапку сорветъ, или купя что, не платя денегъ, скроется, или обманомъ или вымысломъ продастъ или отдастъ поддѣльное за настоящее, или вѣсомъ обвѣситъ, или мѣрою обмѣритъ, или что подобное обманомъ или вымысломъ себѣ присвоитъ ему непринадлежащее безъ воли и согласія того, чье оно.

Разматривая приведенный текстъ статей указа 1781 г., мы видимъ, что въ основѣ разграниченія трехъ названныхъ въ послѣднемъ преступленій какъ-бы положены слѣдующіе признаки: насиліе, тайный способъ похищенія, и обманъ. Первымъ признакомъ отмѣчается грабежъ, вторымъ—кража, третьимъ—мошенничество. Однако, невыдержка такихъ признаковъ сразу бьетъ въ глаза. Карманная кража, а также срываніе шапокъ, вообще внезапное ловкое похищеніе чужаго имущества, достигаемое не столько обманомъ, сколько ловкостью, отнесены къ воровству-мошенничеству. Мы выше сказали, что такая невыдержанность началъ со стороны составителей указа 1781 г. можетъ быть, между прочимъ, объясняема уступкой, сдѣланной ими современнымъ юридическимъ воззрѣніемъ.

Есть основаніе думать, что ловкая кража, главнымъ образомъ карманная, въ народныхъ юридическихъ воззрѣніяхъ 18 в. отмѣчалась именемъ мошенничества. Такъ, извѣстный нашъ Ванька Каинъ въ челобитной, поданной князю Крапоткину, первоприсутствующему въ Сыскомъ приказѣ, писалъ слѣдующее: „Будучи на Москвѣ и въ прочихъ городахъ *мошенничествовалъ* денпо и ночно: будучи въ церквахъ и въ разныхъ мѣстахъ.... изъ кармановъ деньги, платки всякіе, кошельки, часы, ножи и прочее вынималъ“¹⁾. Далѣе, въ своей автобіо-

¹⁾ Осьмнадцатый вѣкъ Бартенева, т. III, стр. 303.

графин онъ упоминаетъ о пойманныхъ имъ 40 человекъ *мошенникахъ* ¹⁾, подъ которыми разумѣетъ мелкихъ воровъ. Наконецъ, въ наказѣ полицмейстерской канцеляріи 1755 г. читаемъ: „Содержащихся въ оной канцеляріи въ *мошенничество* разныхъ чиновъ людей, которые въ томъ мошенничествѣ, а пречіе *съ поукнѣ у нихъ краденою* завѣдомо и сами виновны — сослать на поселеніе въ Оренбургъ“ ²⁾. Здѣсь терминомъ „мошенничество“ называется мелкая кража ³⁾, осужденные за которую содержались въ С.-Петербургской полицмейстерской канцеляріи.

Указавъ на невыдержку редакторами указа 1781 г. характерныхъ признаковъ, которые, повидимому, должны были отличать одно изъ трехъ данныхъ преступленій отъ другаго, мы должны замѣтить, что такая невыдержка не могла бы случиться по отношенію къ воровству-кражѣ, если бы названные редакторы остались вѣрны данному ими опредѣленію этого преступленія. Въ названномъ указѣ воровство-кража опредѣляется, какъ тайный захватъ, тайное похищеніе чужаго движимаго имущества безъ воли или согласія того, кому оно принадлежить.

§ 91. Прежде чѣмъ расчленивъ составъ даннаго преступленія согласно послѣднему опредѣленію, мы скажемъ нѣсколько словъ о терминологіи указа 1781 года.

Въ немъ внесена, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, весьма важная въ этомъ отношеніи перемѣна; старый архаическій терминъ „татьба“ изгнанъ, а нѣкогда широкій смыслъ термина „воровство“ суженъ до болѣе узкаго значенія похищенія чужой собственности въ трехъ его видахъ: 1) кражи, 2) мошенничества, 3) грабежа, при чемъ послѣднимъ терминамъ сообщенъ характеръ видовыхъ понятій, а термину „воровство“ — значеніе родового понятія, охватывающаго три названные преступленія. Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ трехъ терминовъ — „кража“, „воровство“, „татьба“, употреблявшихся безразлично въ смыслѣ названія тайнаго похищенія чужой собственности, въ указѣ 1781 г. введенъ сложный терминъ „воровство-кража.“ Нельзя сказать, чтобы этотъ послѣдній въ дальнѣйшей юридической жизни Россіи получилъ исключительное господство. Вмѣстѣ съ нимъ продол-

¹⁾ Жизнь Ваньки Каина, изд Григорія Книжника, стр. 33.

²⁾ П. С. З., № 10380. ³⁾ Фойницкій, Мошенничество, стр. 26.

жали фигурировать всѣ три прежнихъ термина, такъ-что употребляли четыре термина для названія одного и того же преступленія — тайнаго хищенія чужой собственности. Правда, архаическій терминъ „татьба“ въ указахъ ¹⁾ послѣ закона 1781 г. попадается довольно рѣдко; за то отдѣльными слова сложнаго термина „воровство-кража“ — встрѣчаются сплошь и рядомъ ²⁾).

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что терминъ „воровство“ употребляется въ данное время безразлично ³⁾ съ терминами „воровство-кража“, просто „кража“, — значить не только въ смыслѣ родоваго понятія, поглощающаго понятіе кражи, но и въ смыслѣ видоваго — равнозначущаго послѣднему. Такимъ употребленіемъ названнаго термина намѣченъ дальнѣйшій путь суженія прежняго его широкаго значенія, путь, который, быть можетъ, приведетъ къ тому въ недалекомъ отъ насъ время, когда въ законодательствѣ терминъ „воровство“ совершенно сольется съ терминомъ „кража.“

Употребляясь безразлично съ терминомъ „кража“, терминъ „воровство“ въ указахъ послѣ 1781 г. сохраняетъ, однако, лишь характеръ родоваго понятія по отношенію къ двумъ другимъ терминамъ: „грабежъ“ и „мошенничество.“ Онъ, правда, иногда ставится въ замѣнъ ихъ, но не въ смыслѣ слова, безразличнаго по своему значенію съ грабежемъ, мошенничествомъ, а лишь въ смыслѣ слова, поглощающаго ихъ своимъ широкимъ значеніемъ ⁴⁾).

Мы выше сказали, что въ указѣ 1781 г. одно преступленіе переходитъ въ другое, воровство-кража переходитъ въ воровство-мошенничество. Подобное же смѣшеніе правовыхъ понятій продолжается и въ позднѣйшей юридической жизни; здѣсь мы встрѣчаемъ наименованіе присвоенія или утайки чужой собственности мошенничествомъ ⁵⁾, названіе имущества, добытаго путемъ грабежа, — *украденнымъ* ⁶⁾, излишнее требованіе военнымъ начальствомъ денегъ или вещей для нуждъ воинскихъ — *кражей* ⁷⁾ и т. п. Растрата вѣреннаго имущества по

¹⁾ *ibid.*, №№ 19,059, 22,314. ²⁾ *ibid.*, №№ 15,379, ст. 105, 16,638, 16,234, 19,187, 20,263 et cetera. ³⁾ *ibid.*, №№ 15,379, ст. 105, 15,483, 19,452, 20,263, 26,681, 28,271 et cetera. ⁴⁾ *ibid.*, №№ 15,176, 16,187, ст. 6, 2 П. С. З., № 1425. ⁵⁾ *ibid.*, 16,188, ст. 99. ⁶⁾ *ibid.*, 27,849. ⁷⁾ *ibid.*, 24,975, Полев. Угол. Улож., гл. VI, § 51.

прежнему рассматривалась, какъ одинъ изъ видовъ воровства-кражи. Въ уставѣ о винѣ и соли 1781 г., по словамъ Государственного Совѣта, растрата казеннаго имущества рѣшительно названа „воровствомъ.“ Такъ-же, большею частью, по словамъ того же Совѣта, рѣшала вопросъ и судебная практика въ лицѣ Сената и самаго Государственного Совѣта. Но въ 1828 г. по этому вопросу возникло разногласіе между судебными установленіями и любопытно въ этомъ разногласіи то, что находились такіа лица, которыя относили растрату казеннаго имущества — одни къ лихоимству, другіе къ грабежу ¹⁾. Такая путаница въ правовыхъ понятіяхъ объясняется сколько невѣжествомъ тогдашнихъ юристовъ, столько же неудовлетворительностью самаго закона въ дѣлѣ теоретическихъ разграниченій и опредѣленій названныхъ понятій, неудовлетворительностью, доходившею до того, что иногда попадаются мѣста въ указахъ, гдѣ встрѣчаемому термину нелегко дать какое нибудь опредѣленное содержаніе. Сопшемся на указъ 1831 г. ²⁾, въ немъ къ такъ названнымъ тамъ тяжкимъ преступленіямъ отнесены: 1) кража, *воровство* (?) и мошенничество, учиненныя въ 3 разъ на сумму отъ 5 руб. до 100. 2) тѣ же преступленія, въ первый разъ учиненныя, но выше 100 руб. сереб. 3) грабежъ, убійство и другія преступленія, подлежащія наказанію, равному съ наказаніемъ убійства и грабежа.

Трудно понять, что составители названнаго указа разумѣли подъ терминомъ воровство, употребленнымъ въ приведенной цитатѣ. Не плеоназмъ ли это?

§ 92. Теперь на очереди у насъ анализъ состава „воровства-кражи“ по закону 1781 г. и по указамъ, вышедшимъ съ этого времени до изданія Свода законовъ. Названный составъ въ данный періодъ не обогатился какими либо существенными приобрѣтеніями въ дѣлѣ своего болѣе глубокаго уясненія.

Предметъ кражи обнималъ чужую движимую вещь, какъ-то деньги, скоть, упряжь и прочее движимое имущество. Трудно сказать, всѣ ли движимые предметы сферы имущественной могли быть объектомъ воровства-кражи; рядъ пересмотрѣнныхъ нами указовъ о лѣсныхъ порубкахъ нигдѣ не называетъ подобное правонарушеніе воровствомъ-кражей ³⁾. Можно думать, что лѣсной матеріалъ, стоявшій на корнѣ,

¹⁾ 2 П. С. З. № 2420. ²⁾ *ibid.*, 4488. ³⁾ *ibid.*, 3483, 3467, 3719, 19,085, 21,947, 22,411 et cetera.

въ 18 вѣкѣ подобно тому, какъ это было въ 17 столѣтіи, исключался изъ числа предметовъ, могущихъ служить объектами воровства-кражи.

Способъ дѣйствія воровства-кражи въ законѣ 1781 г. указанъ точно и опредѣленно. Прежде мы должны были его выводить путемъ анализа законодательныхъ актовъ, говорящихъ о занимающемъ насъ преступленіи, и углубленія въ ихъ духъ; въ данномъ же періодѣ мы избавлены отъ этого труда и не безъ нѣкотораго удовольствія встрѣчаемъ подтвержденіе сказаннаго нами выше. Составители указа 1781 года, согласно съ нами, почерпнули изъ прежней юридической жизни Россіи понятіе о кражѣ, какъ о тайномъ похищеніи чужой собственности. Къ сожалѣнію, какъ уже было нами сказано, они не выдержали строго этого понятія и исключили изъ него дѣянія, прямо сюда, какъ мы думаемъ, подходящія, какъ то внезапныя похищенія въ родѣ срыванія шапокъ и т. п.

Судебная практика съ своей стороны дѣлала болѣе рѣзкія уклоненія отъ опредѣленія кражи, какъ тайнаго похищенія чужой собственности. Такъ Сенатъ въ 1828 г. двухъ казначеевъ, виновныхъ въ растратѣ казенныхъ денегъ, приговорилъ къ наказанію, положенному за грабежъ, забывъ, что растрата, какъ тайное правонарушеніе, можетъ быть приурочена лишь къ видамъ кражи, если слѣдовать историческимъ основаніямъ, но никакъ не къ грабежу ¹⁾.

Въ разъясненіи *свойства намеренія* вора указами изучаемаго періода сдѣланы кой-какія дополненія. Правда, законъ 1781 г. въ этомъ отношеніи скорѣе затемняетъ вопросъ, чѣмъ сообщаетъ ему болѣе яркое освѣщеніе. Онъ какъ-бы требуетъ, чтобы воръ совершалъ похищеніе въ видахъ своихъ *личныхъ* цѣлей, чтобы онъ похищенное имъ „спряталъ или продалъ или заложилъ или инако употребилъ въ свою пользу.“ Буквально толкуя приведенный текстъ, едва ли можно сюда подвести похищеніе ради цѣлей другаго, похищеніе, не соединенное съ употребленіемъ вещи въ свою пользу. Болѣе цѣннымъ представляется намъ указъ 1818 г. ²⁾, обращающій, впрочемъ, вниманіе не столько на цѣль похищенія, сколько на мотивы послѣдняго, на причины, натолкнувшія вора на преступленіе. Содержаніе указа слѣдующее. Войсковая канцелярія Войска Дон-

¹⁾ 2 П. С. З., № 1842. ²⁾ П. С. З., № 27,267.

скаго приговорила казака Нехаева за кражу изъ церкви 14 коп. къ наказанію кнутомъ въ 30 ударовъ съ вырѣзаніемъ поздрей, съ поставленіемъ указныхъ знаковъ и съ ссылкой въ каторжную работу. Прокуроръ Войсковой канцеляріи вошелъ съ представленіемъ о смятеніи наказанія Нехаеву на томъ основаніи, что „онъ имѣетъ отъ роду 47 лѣтъ, ничѣмъ кромѣ пьянства не опороченъ и изъ допроса его видно, что онъ взялъ деньги по крайней бѣдности для уплаты долга кузнецу и что онъ поступка сего не почиталъ кражей, а еще менѣе святотатствомъ, а также не зналъ, сколь тяжелое наказаніе за это положено, ибо ему никогда Воинскихъ артикуловъ читано не было.“ Комитетъ Министровъ съ Высочайшаго разрѣшенія смягчилъ наказаніе до тюремнаго временнаго заключенія.

Этотъ указъ знаменателенъ въ томъ отношеніи, что представляетъ намъ примѣръ надлежащаго вниманія судебной практики къ субъективной сторонѣ преступленія. Комитетъ Министровъ не рѣшился поставить на одну доску вора, крадущаго лишь ради корысти, и вора, побуждаемаго къ совершенію преступленія бѣдностью, преступленія, о грозной сторонѣ котораго онъ и надлежащаго понятія не имѣлъ. Характеръ преступной воли здѣсь и тамъ далеко не безразличенъ; вотъ на это-то обстоятельство и обратилъ вниманіе Комитетъ Министровъ въ названномъ указѣ, представляющемъ шагъ впередъ въ дѣлѣ уясненія внутренней стороны преступленія.

Вообще 18 в. не мало оказалъ услугъ въ этомъ отношеніи; въ уставѣ Благочинія 1782 г., напр., читаемъ, что частный приставъ въ случаѣ уголовного преступленія долженъ былъ изслѣдовать, между прочимъ, „околичности, объясняющія, съ намѣреніемъ или безъ намѣренія оно, т. е. преступленіе, учинено, и обличающія, какъ учинено“¹⁾ Тамъ же велѣно обращать вниманіе и на то, совершено ли преступленіе въ пьянствѣ съ намѣреніемъ или безъ него, и сообразно этому полагаются разныя степени наказанія, низшія для пьяницы, дѣйствовавшаго безъ намѣренія.

§ 93. *Осуществленіе воли въ дѣйствіи.* Тщетно бы мы искали въ указахъ, которые у насъ подъ руками, различія моментовъ осуществленія умысла на кражу по степени ихъ наказуемости. Нѣтъ никакихъ

¹⁾ П. С. З., № 15,379.

намековъ въ этомъ отношеніи не смотря на то, что вопросъ о моментахъ осуществленія воли въ преступленіяхъ вообще былъ поставленъ теоретически въ знаменитомъ Наказѣ Екатерины II-й. Вотъ что мы читаемъ въ ст. 201 этого наказа:

„Хотя законы и не могутъ наказывать намѣренія, однакожъ нельзя сказать, чтобы *дѣйствіе*, которымъ *начинается* преступленіе и которое изъясняетъ волю, стремящуюся произвести *самимъ дѣломъ* то преступленіе, не заслуживало наказанія, хотя *меньшаго*, нежели какое установлено за преступленіе, самую вещь уже исполненное. Наказаніе потребно для того, что весьма нужно предупреждать и самыя первыя покушенія ко преступленію: но какъ между самими покушеніями и исполненіемъ беззаконія можетъ быть промежутка времени, то не худо оставить большее наказаніе для исполненнаго уже преступленія, чтобы тѣмъ начавшему злодѣянію дать нѣкоторое побужденіе, могущее его отвратить отъ исполненія начатаго злодѣянія.“

Не смотря на то, что Наказъ Екатерины не забывался въ судебной практикѣ, иногда ссылавшейся на него, мы не встрѣчаемъ указаній на то, чтобы приведенное разсужденіе мудрой императрицы практически примѣнялось. Поэтому мы полагаемъ, что вопросъ о разграниченіи по наказуемости разныхъ моментовъ осуществленія воли въ дѣйствіи оставался при прежнемъ положеніи, т. е. дѣйствія покушенія и совершенія не различались по степени наказуемости; приготовленіе же, если и облагалось наказаніями, то развѣ полицейскими въ видахъ предупрежденія преступленій.

II. Наказуемость воровства-кражи въ періодъ отъ Воинскихъ артикуловъ до изданія Свода законовъ.

§ 94. Согласно прежде принятой системѣ мы рассмотримъ три множителя, вліяющіе на наказуемость кражи: 1) большую или меньшую мѣру участія въ преступленіи, 2) рецидивъ или повтореніе и 3) дѣяность похищеннаго.

I. *Участіе въ преступленіи кражи.* Юридическая жизнь изслѣдуемаго нами періода не внесла дальнѣйшихъ разграниченій въ степеняхъ вины участниковъ въ преступленіи кражи. Главные виновники и

пособники большею частью сѣйшиваются, облагаясь одинаковымъ наказаніемъ. Нельзя того же сказать относительно однихъ главныхъ виновниковъ; между ними указы выдѣляютъ теперь точно такъ-же, какъ и прежде, пушскихъ заводчиковъ ¹⁾, вѣщихъ воровъ ²⁾. Такимъ образомъ вопросъ о наказаніи участниковъ въ воровствѣ по мѣрѣ ихъ вины остался въ прежнемъ положеніи.

Еще меньше было сдѣлао въ дѣлѣ разграниченія вины привосновенныхъ къ кражѣ. По этому вопросу прежде всего слѣдуетъ сказать, что изучаемый періодъ богатъ узаконеніями, возлагающими подѣ угрозою наказанія на частныхъ лицъ обязанность полицейскихъ органовъ, какъ-то обязанность розыска преступленій, содѣйствіе въ поимкѣ преступниковъ, оказанія помощи страдающимъ отъ преступленія и т. д. ³⁾. Такимъ образомъ разные виды прикосновенности къ общимъ преступленіямъ, т. е. къ разбою, грабежу и кражѣ, получаютъ ясную определенность въ смыслѣ ихъ наказуемости.

Послѣ сихъ краткихъ замѣчаній скажемъ о каждомъ видѣ прикосновенности отдѣльно.

Укрывательство. Въ изслѣдуемомъ нами періодѣ указы различаютъ укрывательство лицъ и укрывательство вещей—пріемъ и покупку украденнаго. Главнѣйшіе удары правительства были направлены противъ укрывательства перваго вида, въ особенности, противъ укрывателей по ремеслу—пристанодержателей и становщиковъ. Самыя жесточайшія угрозы закона расточались противъ нихъ; въ нихъ правительство видѣло чуть ли не источникъ всѣхъ бѣдствій, корень всего зла, пронстекавшаго отъ преступленій; такой взглядъ правительства сказался въ указѣ 1763 г., гдѣ оно велитъ „стараться съ крайней прилежностью сыскивать становщиковъ и пристанодержателей, ибо таковыя злодѣи вреднѣе самыхъ злѣйшихъ разбойниковъ тѣмъ, чтобъ когда всѣхъ становщиковъ и пристанодержателей искоренить, то и разбойники сами по себѣ искоренились бы, не имѣя гдѣ прибѣжища своего“ ⁴⁾.

Вотъ почему указы часто грозятъ укрывателямъ воровъ и разбойниковъ не меньшими наказаніями, какъ и симъ послѣднимъ ⁵⁾. Но

¹⁾ *ibid.*, 6890. ²⁾ *ibid.*, 8477. ³⁾ *ibid.*, № 5744, 9025, 10,033 et cetera.

⁴⁾ *ibid.*, 11,750. ⁵⁾ *ibid.*, 3384, 5744, 9025 et cetera.

угрожая тяжелыми наказаніями—часто смертною казнью безъ всякой пощады¹⁾—указы 18 ст. обыкновенно имѣютъ въ виду „завѣдомую и умышленную тѣмъ ворами понаровку и утайку и держаніе ихъ у себя“²⁾. Нѣкоторые изъ приведенныхъ въ ссылкахъ указы направлены противъ укрывательства воровъ и разбойниковъ такими лицами, какъ помѣщики, прикащики, старосты и т. д., другіе противъ укрывательства, совершаемаго всѣми вообще подданными³⁾. Что же касается укрывательства вещей, приѣма и покупки украденнаго, то и это преступленіе, вопреки уложенію 1649 г., облагается равнымъ наказаніемъ съ самымъ дѣяніемъ, благодаря которому добыты вещи. Такъ Рязанская палата уголовного суда въ 1788 г. находила, что солдатъ Бубновъ, обвиняемый въ кражѣ двухъ лошадей и крестьянина Радіоновъ, обвиняемый въ приѣмѣ ихъ, должны бы по силѣ законовъ подлежать оба вмѣстѣ наказанію кнутомъ, но въ силу недавняго милостиваго манифеста должны быть освобождены⁴⁾. Равнымъ образомъ 270-ст. Устава Благочинія 1782 г. велитъ наказывать за приѣмъ краденыхъ вещей точно такъ-же, какъ и за воровство⁵⁾. Наконецъ указъ 1755 г. велитъ повиновшихся въ мошенничествѣ вмѣстѣ съ тѣми, которые поввнили въ *покупкѣ* у нихъ *завѣдомо* краденаго, по учиненіи надъ ними публичнаго наказанія, сослать на поселеніе въ Оренбургъ⁶⁾. На послѣдній указъ мы обращаемъ вниманіе, какъ на такой, который требуетъ *завѣдомости* о свойствахъ вещи для того, чтобы самое дѣяніе могло быть поставлено на одну доску съ преступленіемъ воровства-кражи.

§ 95. *Попустительство и недонесеніе*. Законодательство 18 в., богатое полицейскими мѣрами предупрежденія преступленій, ставило подъ уголовную угрозу не только отдаленные виды прикосновенности къ преступленію—недонесеніе и попустительство, но и дѣянія, собственно говоря, не имѣющія никакого отношенія къ нему.

При этомъ нужно замѣтить, что нѣкоторые изъ указовъ грозятъ за названные два вида прикосновенности къ преступленію равными наказаніями съ симъ послѣднимъ. Угроза смертною казнью за недонесеніе встрѣчается нерѣдко, при чемъ сначала направляется смертоносная стрѣла противъ общественныхъ должностныхъ и выборныхъ орга-

¹⁾ *ibid.* ²⁾ *ibid.*, 3334, 5774. ³⁾ *ibid.*, 9025. ⁴⁾ *ibid.*, 16,638. ⁵⁾ *ibid.*, 15,379. ⁶⁾ *ibid.*, 10,380.

новъ власи, прикащиковъ, старость и т. д. ¹⁾, а за тѣмъ и противъ всѣхъ вообще вѣрноподданныхъ ²⁾. вмѣстѣ съ такой угрозой закона попадаются за недонесеніе наказанія старья, позанимствованныя изъ уложенія 1649 г.—выти. Ихъ велѣно взыскивать на основаніи послѣдняго памятника ³⁾. Кромѣ донесенія лицъ, постороннихъ преступленію, въ 18 в. практиковался самодонось; послѣдній можетъ служить лучшимъ свидѣтельствомъ слабости государственной власти, обращавшейся къ самому преступнику, какъ орудію, средству открытія и пресѣченія преступленій. Самодонесеніе влекло за собою уменьшеніе, прощеніе вины преступниковъ ⁴⁾, при чемъ милость снисхожденія въ мѣрѣ наказанія иногда распространялась и на смертоубійцъ ⁵⁾.

Преслѣдованіе недонесенія о преступленіи кражи не всегда, слѣдуетъ замѣтить, распространялось и на лицъ, связанныхъ съ воромъ узами родства. Въ этомъ отношеніи мы можемъ указать на знаменательный указъ 1722 г., состоявшійся по дѣлу о дворянкѣ Матушевской, судившейся за знаніе и необъявленіе о воровствѣ, совершенномъ ея мужемъ. Правительствующій сенатъ постановилъ по этому дѣлу слѣдующее опредѣленіе: „Подсудимую Матушевскую за преступленіе ея, на основаніи изъясненія въ толкованіи на 189 артикулъ Воинскаго Устава 1716 г. и 6 ст. Дворянской Грамоты хотя слѣдовало бы, лишивъ дворянства, сослать въ Сибирь на поселеніе, но на основаніи предъидущаго рѣшенія по дѣлу о сдѣланныхъ дворяниномъ Цицкою разныхъ воровствахъ, о конхъ знала и жена его (гдѣ было постановлено: „а жену Цицка простить въ уваженіе, что на мужа извинительно ей было не доносить),“—подсудимую подвергнуть Всемилостивѣйшему соизволенію. Подсудимая была прощена.

Попустительство такъ-же облагалось нелегкими наказаніями; иногда, впрочемъ, законъ грозилъ лишь денежнымъ взысканіемъ, съ замѣною послѣдняго наказаніемъ по закону. Но нерѣдко встрѣчаются указы, ставящіе попустительство подъ болѣе тяжелую уголовную санкцію, выражающуюся подчасъ въ страшномъ призракѣ смертной казни. Такъ, указъ 1719 г. велитъ помѣщиковъ, съ вѣдома которыхъ

¹⁾ *ibid.*, 3334, 5774. ²⁾ *ibid.*, 9025. ³⁾ *ibid.*, 5290, 5335. ⁴⁾ *ibid.*, 11,750. ⁵⁾ *ibid.*, 3755, 3334.

крестьяне ходили на воровство и разбой, а также съ вѣдома которыхъ пристань ворами чинилась—повѣсить, а прикащиковъ, старость и выборныхъ—колесовать ¹⁾).

Преслѣдуя предупрежденіе преступленій съ энергіей, достойной лучшей участи, правительство 18 в. возлагало на гражданъ чуть ли не обязанность нравственнаго воспитанія и надзора за своими сочленами. Въ этомъ отношеніи оно шло своимъ обычнымъ шагомъ. Сначала нравственный надзоръ и отвѣтственность за порочныхъ гражданъ была возложена на прикащиковъ, старость, выборныхъ, а за тѣмъ и на всѣхъ гражданъ. Стоя на точкѣ зрѣнія возможности такого надзора, какъ это ясно видно изъ Наказа губернаторамъ и воеводамъ, гдѣ предписывается бѣглыхъ отдавать старостамъ съ роспискою, чтобы они ихъ отъ такихъ непотребствъ *унимами* ²⁾),—правительство 18 столѣтія не задумывалось долго надъ цѣлесообразностью отвѣтственности однихъ согражданъ за другихъ. Такая отвѣтственность ему казалась на столько естественной, что оно ни мало не затруднилось пригрозить жестокимъ наказаніемъ ввута безъ всякой пощады прикащикамъ, старостамъ и выборнымъ за „ихъ *неосторожность и худое управленіе*, хотя они про то и не вѣдали, что ихъ крестьяне на воровство и разбой ходили и разбойникамъ пристань держали“ ³⁾). Дальнѣйшее развитіе такой отвѣтственности однихъ за грѣшки другихъ представляетъ круговая денежная отвѣтственность всего селенія, деревни, вообще того околodka, изъ среды котораго выдвинулся преступный субъектъ. Последняя, встрѣчается и въ 19 ст. ⁴⁾). Эта мѣра представляется съ перваго взгляда какъ-бы возвращеніемъ къ старому исконному порядку вещей, господствовавшему въ древней Руси, когда община-вервь платила *продажу* за своего порочнаго члена. Но ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что разница между данными штрафами 18 вѣка и штрафами времени Русской Правды довольно существенная. По мнѣнію профессора Владимірскаго-Буданова круговая отвѣтственность въ древнемъ правѣ простиралась только на смертоубійство ⁵⁾); что же касается татбы, то обязанность общины или верви платить *продажу* существовала лишь за неотысканіе вора или же за укрывательство его, когда къ ней, т. е. къ

¹⁾ *ibid.*, 3477. ²⁾ *ibid.*, 5333. ³⁾ *ibid.*, 3477. ⁴⁾ 2 П. С. З., № 4488.
⁵⁾ Христоматія, выпускъ I-й, стр. 43, примѣч. 10.

общинѣ, приводилъ *смѣть* ¹⁾). Въ такомъ случаѣ платилась продажа подобно тому, какъ уплачивалась дикая вира общиной въ случаѣ неотысканія убійцы. Въ 18 вѣкѣ дѣло представляется въ иномъ видѣ. Тамъ уплачивался штрафъ за неотысканіе или же за укрывательство вора; здѣсь же онъ платился за плохой надзоръ надъ нимъ, за неусмотрѣніе. Тамъ продажа уплачивалась, когда воръ не отыскивался; здѣсь штрафъ взыскивался съ селенія и тогда, когда воръ былъ на лицо; селеніе платило не за то, что въ его средѣ не отыскивался воръ при всѣхъ подозрѣніяхъ, падавшихъ на селеніе, а за то, что послѣднее, такъ сказать, воспитало въ своемъ обществѣ преступнаго члена и допустило его до дурныхъ поступковъ.

§ 96. II. *Рецидивъ или повтореніе воровства-кражи.* Понятіе рецидива или повторенія кражи въ изучаемомъ періодѣ не было установлено съ надлежащей точностью: въ однихъ указахъ оно принимается въ смыслѣ стеченія или совокупности преступленій, въ другихъ въ смыслѣ рецидива въ тѣсномъ смыслѣ. Укажемъ сначала примѣры перваго значенія рецидива. Указъ 1721 года повелѣваетъ за первую и вторую татьбу чинить наказаніе и освободить на поруки, какъ указы повелѣваютъ, а за *три*, вырѣзавъ ноздри, ссылатъ на галеры на вѣчную работу ²⁾. Отсюда видно, что достаточно было стеченія трехъ кражъ, чтобы вмѣсто кнута были назначены каторжныя работы съ вырѣзаніемъ ноздрей. Такое смѣшеніе рецидива въ тѣсномъ смыслѣ съ совокупностью или стеченіемъ преступленій не нашло себѣ мѣста въ указѣ 1781 г., который принимаетъ рецидивъ въ первомъ смыслѣ. Рецидивъ въ послѣднемъ указѣ идетъ рука-объ-руку съ цѣнностью похищеннаго, въ которой долгое время 20 руб. бралось за величину, ниже которой полагались меньшія наказанія, выше—большія. Указъ 1781 г., оставляя для третьяго рецидива прежнія наказанія, подобно Военскимъ артикуламъ—допускаетъ градаціи наказаній въ отношеніи перваго и втораго рецидива. „Воровство-кража цѣною въ 20 руб. или въ 4-й разъ, говорятъ названный указъ, подлежитъ старымъ наказаніямъ. Воровство-кража ниже 20 руб. наказывается рабочимъ домомъ, гдѣ ему (т. е. преступнику) работать дондеже заплатитъ то, что укралъ, и 6% выше того тому, у кого укралъ. Буде же кто учинитъ воровство-кражу

¹⁾ *ibid.*, стр. 71—72, прим. 114. ²⁾ П. С. З., № 3847, см. также № 22,314.

вторично цѣною ниже 20 руб. за *однѣ кражи*, наказывается рабочимъ домоу, гдѣ его принимать съ 2-мя ударами плетью и работать ему дондеже заплатитъ то, что укралъ, и 6% выше того тому, у кого укралъ, да столько-же въ рабочій домоу. Буде же учинить воровство-кражу *третье, а естѣ три кражи цѣною ниже 20 руб.*, того имать подѣ стражу и отослать въ рабочій домоу, гдѣ его принимать съ тремя ударами плетью и въ рабочемъ домоу работать, дондеже заплатитъ то, что укралъ, и 6% выше того тому, у кого укралъ, да вдвое противу того въ рабочій домоу.“ Изъ приведеннаго текста видно, что въ немъ, во первыхъ, идетъ рѣчь о рецидивѣ кражи въ тѣсномъ смыслѣ, на что указываетъ выраженіе: „учинить кражу вторично, втретѣе, въ 4-й разъ,“ а во вторыхъ, что цѣнность кражи здѣсь точно такъ-же, какъ и въ Воинскихъ артикулахъ, принимается въ видѣ суммы украденнаго на всѣхъ кражахъ.

До указа 1802 г. о рецидивѣ кражи, какъ обстоятельствѣ, вліяющемъ на ея наказуемость, шла рѣчь лишь въ отношеніи похищеній, совершенныхъ цѣною до 20 руб. Съ этого же указа рецидивъ получилъ названное вліяніе и въ случаѣ похищеній, превышающихъ сумму въ 20 руб., но при этомъ поставленъ барьеръ въ видѣ цифры 100 р., дальше которой уступеніе наказанія по повторенію дѣяній не пошло. Но въ кражѣ отъ 20 до 100 руб. допущенъ лишь одинъ рецидивъ, для наличности котораго по буквѣ указа достаточно совершенія новой кражи послѣ *суда* за прежнюю, что ясно будетъ видно изъ текста указа, который мы считаемъ нужнымъ привести:

„Признали мы нужнымъ постановить, чтобы отнынѣ за воровство-кражу отъ 20 руб. и до 100 въ первый разъ судомъ обличенныхъ наказывать тѣлесно въ самыхъ селеніяхъ, возвращая въ оныя; съ тѣми же, кои во *второй* разъ въ такой кражѣ обличатся, также какъ и въ случаѣ кражи выше 100 руб., поступать по точной силѣ указа 1799 г., а въ наказаніи воровства-кражи ниже 20 руб. на основаніи указа 3 апрѣля 1781 года“¹⁾.

Узаконенія послѣдняго указа вмѣстѣ съ таковыми же закона 1781 г., относящіяся до рецидива кражи, вошли почти безъ измѣненій въ содержаніе 722 ст. 15 т. Свода законовъ.

¹⁾ *ibid.*, 20, 263.

§ 97. III. *Цѣнность похищеннаго*. Долгое время скала масштаба цѣнности украденнаго, принятая въ Военскихъ артикулахъ, оставалась въ русской юридической жизни нерушимой; знаменательный указъ 1773 г. ¹⁾, о которомъ мы будемъ имѣть случай говорить ниже, законъ 1781 г. и Уставъ Благочинія 1782 г. слѣдуютъ этому масштабу. Увлоченіе отъ послѣдняго начинается съ указа 1802 г., о которомъ мы говорили; въ немъ приняты три дѣленія: 1) до 20 р., 2) отъ 20 до 100 р., 3) свыше 100 р. Указы 1812 и 1814 гг. вводятъ еще четвертое—до 5 р.; провинившихся въ кражѢ на сумму похищеннаго до 5 руб. упомянутые указы повелѣваютъ, вмѣсто отсылки въ рабочій домъ, назначенной кореннымъ закономъ 1781 г., какъ наказаніе за кражу,—наказывать домашними или полицейскими взысканіями, „за исключеніемъ дворянъ, чиновниковъ и другихъ, кои по закону освобождены отъ тѣлеснаго наказанія и о коихъ производство дѣла подлежитъ разсмотрѣнію высшаго правительства“ ²⁾. Въ 1816 г. снова дѣленія названнаго масштаба были измѣнены; воровство-кража ниже 20 руб. раздѣлено на пять разрядовъ: 1) до 5 р., 2) отъ 5 до 10 р., 3) выше 10 и на 15 р., 4) выше 15 и ниже 20 р. Кража въ 20 и выше 20 р., а такъ-же кража въ 100 р. остались при прежнемъ положеніи ³⁾, что касается наказуемости. Эти дѣленія перешли въ Сводъ законовъ изд. 1832 года безъ всякаго измѣненія (т. XV, ст. 708, 710).

При оцѣнкѣ украденнаго наблюдались слѣдующія правила. Въ 1810 г. велѣно переводить золотую и серебряную монету на русскіе серебряные рубли, считая рубль въ 100 коп., и наказывать воровъ за кражу по числу украденныхъ рублей, безъ различія курса серебра на ассигнаціи и мѣдную монету. Поводомъ къ такому узаконенію послужило представленіе присутственныхъ мѣстъ Вологодской губерніи, разсуждавшихъ, что если приговоръ соображать съ курсами, бываемыми между серебряными рублями и ассигнаціями, то можетъ случиться, что сегодня за кражу въ 50 руб. сереб. судъ присудитъ къ одному наказанію, а завтра вслѣдствіе колебанія курса къ другому, болѣе снисходительному ⁴⁾. Приведенный законъ, однако, по временамъ нарушался судебной практикой, какъ видно изъ указа 1817 г., воз-

¹⁾ П. С. З., № 13951. ²⁾ *ibid.*, 25,142 и 25,605. ³⁾ *ibid.*, 26,295.

⁴⁾ *ibid.*, 24,397.

нишняго по поводу того, что Кіевское Губернское Правленіе распорядилось, дабы хозяева поворованнаго скота и вещей, для болышей точности въ опредѣленіи имъ за послѣдніе удовлетворенія, показывали впредь цѣну покраденному у нихъ скоту или вещамъ ассигнаціями, а не серебромъ. Сенатъ нашелъ такое распоряженіе противнымъ указу его 1810 г., а потому и отмѣнилъ, повелѣвъ считать сереб. рубли въ 100 коп. Кромѣ того тогда же онъ повелѣлъ показаніе о цѣнахъ покраденнаго скота и вещей принимать отъ истцовъ въ такой же точно монетѣ или суммѣ ассигнацій, какъ-то изъ нихъ объявить¹⁾.

Въ 1827 году пришлось Сенату отказаться отъ приведеннаго выше постановленія. Для точнаго и единообразнаго во всѣхъ случаяхъ исполненія закона о наказаніяхъ за кражу повелѣно въ этомъ году не только покраденныя вещи, скотъ и прочее оцѣнивать на ассигнаціи, но и похищенную серебряную и золотую монету исчислять на ассигнаціи по курсу, существовавшему во время содѣянія преступленія и соразмѣрно этому опредѣлять степень наказанія. Удовлетвореніе обворованнымъ лицамъ должно было по силѣ указа опредѣляться по роду украденнаго у нихъ, т. е. за ассигнаціи, вещи, скотъ и прочее—ассигнаціями, за русскую серебряную, золотую и мѣдную монету—таковой же монетой, а за червонцы, иностранную золотую и серебряную монету—рускими серебряными рублями, сколько ихъ слѣдовало получить по переводу червонцевъ, иностранной золотой и серебряной монеты. Курсъ же серебрянаго рубля долженъ былъ приниматься такой, какой ежегодно объявлялся отъ Министерства Финансовъ для взиманія пошлинъ. Этотъ послѣдній указъ вошелъ и въ Сводъ законовъ 1832 г. безъ всякой перемѣны²⁾.

III. Исторія и характеръ наказанія воровства-кражи въ изучаемый періодъ.

§ 98. Періодъ отъ Воинскихъ артикуловъ 1716 г. до изданія Свода законовъ представляется временемъ, весьма важнымъ въ русской исторіи всей системы наказаній, а въ томъ числѣ и воровства-кражи. Въ отношеніи послѣдней можно различать два періода. Первый періодъ

¹⁾ *ibid.*, 26681. ²⁾ Сводъ законовъ, ст. 700.

запечатлѣнъ глубоко духомъ устрашенія и исполненъ тяжкихъ наказаній; онъ тянетъ къ старому доброму времени, когда въ системѣ устрашенія, исполненной страстности и чуждой снисхожденія, видѣли цѣлительный бальзамъ, залечивающій язву преступленій. Второй періодъ, напротивъ, начинаетъ собою новую эпоху въ исторіи системы русскихъ наказаній, ознаменованную цѣлымъ рядомъ законовъ, вносящихъ въ эту систему начала гуманности, человеколюбиваго отношенія къ падшему ближнему. За начало втораго періода можно принять царствованіе Елисаветы Петровны, не мало внесшей умѣренности и снисхожденія въ названную систему.

Въ первомъ періодѣ страшный бичъ человечества — смертная казнь — расточается весьма щедро. Правительство, подстрекаемое язвою преступленій, гнѣздившихся въ русскомъ государствѣ, не церемонилось съ жизнью преступниковъ, изобрѣтая для нихъ не только простые, но и квалифицированные виды смертной казни. Въ числѣ послѣднихъ встрѣчаются — колесованіе ¹⁾, вѣшаніе за ребра ²⁾, сажаніе на колъ ³⁾ и *прочія жестокія смерти* ⁴⁾. Духъ страстности, устрашенія, диктовавшій такія жестокія наказанія, на этомъ не останавливается; онъ идетъ далѣе, повелѣвая, вѣроятно, для пущей примѣрности и порази-тельности людскихъ умовъ экзекуціи надъ ворами и разбойниками вершить въ *самой скорости* ⁵⁾. Съ тою же цѣлью поражать души зрителей, надо думать, — въ С.-Петербургѣ на площади были сооружены каменные столбы, и „на нихъ такъ-же какъ и на кольяхъ винныхъ людей тѣла и головы были потыканы“ ⁶⁾.

Правительство такъ привыкло видѣть въ устрашеніи спасительную силу отъ общественныхъ недуговъ, что расточало наказанія едва ли не во имя только этой силы, хотя иногда и сознавало, что и наказывать-то даннаго субъекта, собственно говоря, не за что. Личность подсудимаго въ этомъ случаѣ дѣлалась несчастною жертвою того духа наказанія, который сказался въ знаменитомъ изреченіи: „дабы и другимъ не повадно было такъ дѣлать и воровать.“ Примѣръ такого наказанія людей во имя какихъ-то отдаленныхъ цѣлей послѣдняго представляетъ знакомое намъ дѣло крестьянъ Василія Дементьева и Ивана Живоде-

¹⁾ *ibid.*, 3334. ²⁾ *ibid.*, 3477. ³⁾ *ibid.*, 5118. ⁴⁾ *ibid.*, 3334. ⁵⁾ *ibid.*, 5333, 3477. ⁶⁾ *ibid.*, 5118.

рова, обвинявшихся въ кражѣ во время пожара. Читатель помнитъ, что по признанію самого Сената, обсуждавшаго данное дѣло, преступленіе не было доказано, а между тѣмъ плетью отстегали несчастныхъ крестьянъ „на страхъ другимъ, дабы никто при пожарахъ кражи не имѣли,“ какъ глубокомысленно выразился тотъ же Сенатъ.

Нельзя, однако, не замѣтить, что смертная казнь за татьбу въ первой половинѣ изслѣдуемаго періода расточалась главнымъ образомъ тѣми указами, которые были вызваны большими размѣрами свирѣпствовавшихъ преступленій—воровства и разбоевъ. Тѣ же указы, которые издавались въ болѣе спокойное время, поступаютъ гораздо умѣреннѣе. Въ этомъ отношеніи достоинъ упоминанія указъ 1721 г., повелѣвающій татей за 1-ю и 2-ю татьбу по учиненіи наказанія (кнутомъ) освобождать на поруки, а за третью, вырѣзавъ ноздри, сослать на галеры на вѣчную работу; а если въ такихъ воровствахъ (разбояхъ и татьбахъ) будетъ пойманъ преступникъ съ вырѣзанными ноздрями—чинить смертную казнь ¹⁾.

Такимъ образомъ рядомъ съ смертною казнью въ данномъ періодѣ фигурируютъ тѣлесное наказаніе и ссылка. Главнымъ орудіемъ тѣлеснаго наказанія за кражу до временъ царствованія Елисаветы былъ кнутъ. Съ публичнымъ наказаніемъ посредствомъ кнута было соединено лишеніе наказаннаго всякой чести и даже запрещеніе служить въ рядахъ войскъ солдатомъ. Публичное наказаніе кнутомъ было или замѣняющимъ смертную казнь, назначавшуюся старыми законами, или самостоятельнымъ. Въ первомъ случаѣ сначала совершался обрядъ смертной казни, т. е. преступнику объявляли смертную казнь, потомъ клали его на плаху или ввозили на висѣлицу, за чѣмъ слѣдовало объявленіе Всемилостивѣйшаго освобожденія отъ смертной казни, заканчивавшееся наказаніемъ кнутомъ. Во второмъ случаѣ палачъ просто совершалъ экзекуцію на торгу, площади или вода по пожару, когда виновный попадался въ кражѣ во время пожара ¹⁾.

Ссылка въ Сибирь и въ другія мѣста за воровство въ этомъ періодѣ продолжала примѣняться, хотя нельзя не замѣтить, что отиѣна въ 1714 г. всѣхъ прежнихъ указовъ, давшихъ ей такое широкое раз-

¹⁾ *ibid.*, 3847. ²⁾ Максимовичъ, Рѣчь о наказаніяхъ, стр. 109.

витіе, а также рядъ указовъ, вызванныхъ массою преступленій и рассчитанныхъ главнымъ образомъ на истребленіе преступниковъ въ буквальный смыслъ,—значительно должны были ссузить сферу ея примѣненія. Въ приведенномъ выше указѣ 1721 г. назначается за третью кражу вѣчная ссылка на галеры въ работы¹⁾. Въ томъ же году издано было немаловажное повелѣніе—означать сроки, на которые преступниковъ отправляли на каторгу, а не отсылать ихъ до *указу*, какъ это водилось²⁾. Въ числѣ мѣстъ ссылки встрѣчаемъ, между прочимъ, Даурскіе серебряные рудники, Рогервикъ, куда велѣно было въ 1740 г. отсылать Башкирцевъ, пойманныхъ въ воровствѣ³⁾. Преступники по прежнему продолжали служить дешевой силой, которую эксплуатировали, какъ хотѣли. При этомъ женщинъ направляли на работу на фабрикахъ, объ успѣхахъ которыхъ такъ заботился преобразователь Россіи—Петръ I-й.

§ 99. Съ царствованія Елисаветы Петровны повѣяло духомъ умѣренности и снисхожденія къ падшему ближнему. Цѣлый рядъ указовъ остался украшеніемъ памяти объ этой императрицѣ. Смягченіе наказаній замѣчается уже въ указѣ 1742 г., повелѣвшемъ малолѣтнихъ обоюбого пола до 17 лѣтъ освобождать отъ пытки и смертной казни и наказывать вмѣсто того батогами и плетьюми съ опредѣленіемъ въ монастырь для исправленія⁴⁾. Начавшееся съ этого указа сокращеніе случаевъ смертной казни продолжалось съ болѣе значительнымъ успѣхомъ въ послѣдующихъ указахъ. Стремленіе правительства урегулировать примѣненіе смертной казни было намѣчено еще въ царствованіе Екаторины I, когда повелѣно было въ 1726 г. „подавать краткіе экстракты о преступникахъ, приговоренныхъ къ смертной казни или политической смерти, не чиня имъ экзекуціи, для доклада Намъ въ Нашъ Верховный Тайный Совѣтъ“⁵⁾. Такое стремленіе выразилось въ болѣе рѣшительной и опредѣленной формѣ въ царствованіе Елисаветы Петровны. Въ 1744 г. въ Правительствующемъ Сенатѣ было усмотрѣно, что „въ губерніяхъ и провинціяхъ смертную казнь и политическую смерть чинятъ не по надлежащимъ винамъ, а другимъ и безъ вины.“ Вслѣдствіе чего повелѣно было прислать въ Сенатъ списки о колодникахъ, приговоренныхъ къ смертной казни или къ политической смерти, и неис-

¹⁾ П. С. З., № 3847. ²⁾ *ibid.*, 3815. ³⁾ *ibid.*, 8100. ⁴⁾ *ibid.*, 8601.

⁵⁾ *ibid.*, 4964.

полнять надъ ними экзекуціи до указа Сената ¹⁾. То же повелѣніе повторено было и въ инструкціи сыщикамъ, учрежденнымъ въ томъ-же 1744 г. для искорененія воровъ и разбойниковъ. Тамъ приказано было о ворахъ, дошедшихъ смертной казни, присылать выписки въ Правительствующій Сенатъ и ожидать указа. Даже бѣглыхъ солдатъ—хотя бы они довелись смертной казни—запрещено было казнить безъ указа Сената.

Въ силу указовъ 1744 г., какъ извѣстно, приговоры о преступникахъ, подлежащихъ смертной казни, не приводились въ исполненіе до знаменитаго указа 1753 г., повелѣвшаго замѣнять смертную казнь вырѣзываніемъ ноздрей и ссылкой въ каторжные работы; этотъ приснопамятный указъ сохранилъ жизнь 169 человѣкамъ, присужденнымъ вмѣсто смертной казни въ каторжную работу. Онъ также уничтожилъ одно изъ тяжкихъ членовредительныхъ наказаній, еще не оставившихъ пока русской жизни, а именно отсѣченіе правой руки, назначенное за убійство и грабежъ шведскихъ подданныхъ ²⁾. Такимъ образомъ, приведеннымъ указомъ 1753 г. смертной казни въ системѣ русскихъ наказаній былъ нанесенъ рѣзкій ударъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отнятъ былъ у старой системы устрашенія тотъ краеугольный камень, на которомъ она, между прочимъ, зиждилась.

Дальнѣйшая исторія наказаній за татьбу покажетъ намъ, какъ шагъ-за-шагомъ, поглубже въ даль, у этой системы вторая половина 18 вѣка вырывала камешки, изъ которыхъ было построено старое грозное зданіе, это исчадіе человѣка, дышавшаго страстностью и жаждою кроваваго, разящаго однимъ ударомъ, наказанія.

Послѣ указа 1753 г. ссылка становится самымъ тяжкимъ наказаніемъ воровства-кражи. Оно по прежнему преслѣдуетъ не только ближайшую цѣль—обезопасеніе мѣстности, запятнанной преступленіемъ, но и дальнѣйшія цѣли—колонизацію незаселенной территоріи и эксплуатацію дешевой рабочей силы. Въ указахъ изучаемаго теперь періода мы встрѣчаемъ, какъ ссылку на каторгу, такъ и ссылку на поселеніе. Въ числѣ мѣстъ перваго рода ссылки мы встрѣчаемъ знакомый намъ Рогервикъ, куда въ 1751 г. велѣно было ссылатъ преступниковъ, присужденныхъ къ смертной казни изъ всѣхъ мѣстъ, кромѣ губерній Сим-

¹⁾ *ibid.*, 8944. ²⁾ *ibid.*, 10086.

бирской, Оренбургской, Астраханской¹⁾; преступниковъ этихъ губерній предписано употреблять въ казенныя работы на мѣстахъ, при чемъ въ томъ же году запрещено было отправлять въ тотъ же Рогервикъ женщинъ, присужденныхъ къ смертной казни, ибо въ Рогервикѣ, по словамъ указа, „таковыхъ женскаго полу колодницамъ работъ, къ какимъ ихъ употреблять надлежало, нѣтъ;“ ихъ велѣно сослать въ Сибирь. Указъ 1751 г. о ссылке въ Рогервикъ былъ отмѣненъ въ 1760 году, когда было повелѣно колодниковъ, которыхъ слѣдовало сослать въ Рогервикъ, отправлять въ Сибирь „для лучшаго приумноженія въ Сибири при Нерчинскихъ серебряныхъ заводахъ работъ и поселеній“²⁾. Въ числѣ мѣстъ ссылки въ каторгу также упоминаются, между прочимъ, Нерчинскъ, Херсонъ; въ послѣдній въ 1788 г. велѣно сослать тѣхъ колодниковъ, которые до этого указа отправлялись въ Екатеринбургъ³⁾.

Что касается втораго рода ссылки—ссылки на поселеніе, то назначеніе ея за кражу, неподлежащую по старымъ законамъ смертной казни, мы встрѣчаемъ еще въ указѣ 1755 г., повелѣвающимъ содержавшихся въ С.-Петербургской Полицмейстерской Канцеляріи разныхъ чиновъ людей, „которые въ томъ мошенничествѣ, а прочіе въ покупке у нихъ краденаго виновны,“—сослать на поселеніе въ Оренбургъ⁴⁾. Дальнѣйшее развитіе ссылки на поселеніе представляетъ указъ 1773 г., повелѣвающій преступниковъ, крадущихъ свыше 20 руб., по наказаніи кнутомъ сослать въ дальнія мѣста на поселеніе. То же повторяетъ указъ 1799 г.⁵⁾, назначающій ссылку на поселеніе, по наказаніи плетью, вмѣсто кнута, за воровство отъ 20 р. и свыше; также указъ 1800 г.⁶⁾, повелѣвающій евреевъ за воровство-кражу „отсылать безъ изъятія и повсюду на поселеніе;“ наконецъ, указъ 1811 г., назначающій ссылку въ Сибирь на поселеніе за воровство-кражу свыше 100 руб., а также за неоднократное воровство. Первая часть приведеннаго постановленія этого послѣдняго указа вошла въ Сводъ законовъ, въ содержаніе ст. 711.

Вмѣстѣ съ отмѣною краугольного камня системы устрашенія—смертной казни, естественно было ожидать рушенія и другихъ столбовъ

¹⁾ *ibid.*, 9871. ²⁾ *ibid.*, 11,123. ³⁾ *ibid.*, 16,634. ⁴⁾ *ibid.*, 10,380.

⁵⁾ *ibid.*, 13,951. ⁶⁾ *ibid.*, 19,051.

этой системы. Несомнѣнно самое видное мѣсто въ ряду послѣднихъ занималъ кнутъ. Вотъ въ борьбу-то съ симъ жестокимъ орудіемъ тѣлеснаго наказанія и вступилъ гуманизовавшійся духъ человѣка 18 ст. Эта борьба завершилась побѣдой послѣднаго по отношенію къ занимающему насъ преступленію. Къ сожалѣнію—кнутъ не исчезъ безслѣдно; онъ выродился въ плети и въ батоги. Послѣдніе, какъ орудія наказанія за воровство-кражу, въ 18 ст. сначала назначаются, какъ общее правило лишь для несовершеннолѣтнихъ, недостигшихъ 17 лѣтъ ¹⁾, а для взрослыхъ такая милость выпадаетъ только по данному дѣлу и то въ рѣдкихъ случаяхъ ²⁾, при чемъ милость, кажется, не избирала своимъ орудіемъ батоговъ, ограничиваясь только плетями. Батоги, а также розги посылаются, точно манна съ неба, лишь въ дѣлахъ о несовершеннолѣтнихъ ³⁾.

Рѣзче ставитъ и разрѣшаетъ вопросъ объ употребленіи кнута знаменательный указъ 1773 г., много стужившій сферу его примѣненія, что касается кражи; этотъ указъ былъ вызванъ массою маловажныхъ кражъ, какъ-то—случаями похищенія съ поля двухъ копенъ, съ воза мѣшка или двухъ хлѣба,—совершавшихся съ цѣлью избавиться отъ военной службы, такъ-какъ наказанные кнутомъ туда не посылались. Сенатъ, руководимый Наказомъ императрицы, въ которомъ говорится, что „намѣреніе установленныхъ наказаній не то, чтобъ мучить тварь, чувствами одаренную, что они на тотъ конецъ предписаны, чтобъ воспрепятствовать виноватому, дабы онъ впередъ не могъ вредить обществу“ ⁴⁾,—въ составѣ всѣхъ коллегій опредѣливъ: крадущихъ вещи цѣною не свыше 20 руб. наказывать не кнутомъ, а плетями, и годныхъ отдавать въ военную службу, а негодныхъ въ службу; укравшихъ свыше или ниже указанной суммы по учиненіи назначеннаго наказанія приказано оставлять на прежнихъ жилищахъ со взятіемъ по нимъ порукъ ⁵⁾. Кнутъ, предшествующій ссылке, былъ оставленъ лишь для ворующихъ свыше 20 руб. Однако годы жизни кнута, кругъ примѣненія котораго приведеннымъ указомъ былъ такъ суженъ, были немноги; въ 1799 г. для него въ отношеніи кражи было произнесено почти послѣднее слово; въ этомъ указѣ читаемъ слѣдующее:

¹⁾ *ibid.*, 8601, 8996. ²⁾ *ibid.*, 9707. ³⁾ *ibid.*, 8996, 12,873. ⁴⁾ Наказъ, ст. 205. ⁵⁾ *ibid.*, 13,951.

„Вникая въ причины, по коимъ строгая казнь за татьбу въ 20 руб., закономъ положенная, не сокращаетъ числа преступниковъ, открыли мы, между прочимъ, что служа предлогомъ къ отбывательству отъ рекрутства, казнь сія не только не *оселяетъ ужаса* къ преступленію, но и вводитъ слабоумныхъ въ попятное къ нему.“ Въ силу этихъ соображеній законодатель счелъ разумнымъ замѣнить кнутъ плетью, оставивъ его только, какъ наказаніе за смертоубійство и грабежъ, при чемъ годныхъ воровъ велѣно отдавать въ рекруты, а негодныхъ въ Сибирь на поселеніе ¹⁾. Такимъ образомъ съ указа 1799 г. воровство-кража выше 20 р. стала наказываться плетью, сопутствующими или отдачей въ военную службу, или ссылкой на поселеніе. Тѣ же наказанія мы встрѣчаемъ и въ указѣ 1802 г., нѣсколько измѣнившемъ узаконенія указа 1799 г.

Указомъ 1799 г., говорится тамъ, преступниковъ, учинившихъ воровство-кражу отъ 20 руб. и выше, повелѣно по тѣлесномъ наказаніи, не возвращая ихъ въ селенія, годныхъ отдавать въ рекруты съ зачетомъ, а негодныхъ отсылать въ Сибирь на поселеніе, но какъ по опыту открылось, что сія мѣра наказанія не прекращаетъ сихъ преступленій и за вину одного человека приводятся въ разореніе цѣлыя семейства (лишаясь, быть можетъ, самыхъ важныхъ членовъ своихъ), то мы и признали за нужное постановить, чтобы отнынѣ за воровство-кражу отъ 20 и до 100 руб. въ первый разъ судомъ обличенныхъ, наказавъ тѣлесно въ самихъ селеніяхъ, *возвращать въ оныя*, съ тѣми же, кои во 2-й разъ обличатся, такъ-же какъ и въ случаѣ кражи выше 100 руб., поступать по точной силѣ указа 1799 г., т. е. по тѣлесномъ наказаніи или отдавать въ рекруты или ссылать ²⁾.

И этотъ законъ былъ вскорѣ измѣненъ; именно въ 1811 г. всѣ преступленія были раздѣлены по величинѣ наказаній на три степени: 1) подвергающія виновныхъ гражданской смерти, 2) ссылкѣ въ Сибирь, 3) легкому тѣлесному наказанію съ возвращеніемъ на прежнее жительство или содержанію въ смиренныхъ и рабочихъ домахъ. Въ первую категорію преступленій внесены: убійство, возмущеніе и т. п., подвергающія преступниковъ гражданской смерти или каторжной работѣ; во вторую—кража выше 100 руб., неоднократное воровство, пристанодер-

¹⁾ *ibid.*, 19,059. ²⁾ *ibid.*, 20,263.

жательство, вообще преступленія, влекуція за собою ссылку въ Сибирь на поселеніе или отдачу годныхъ въ военную службу; наконецъ, въ третью—маловажная кража, мошенничество и т. п. преступленія¹⁾.

Изъ приведеннаго указа видно, что наказаніе плетями съ отдачей въ солдаты или же съ ссылкой на поселеніе съ 1811 г. оставлено лишь для воровъ, совершившихъ неоднократное воровство, а также кражу выше 100 руб. Но рождался вопросъ, кому наказывать преступниковъ, присуждаемыхъ за воровство-кражу къ тѣлесному наказанію и къ отдачѣ въ военную службу—палачу или полицейскимъ служителямъ, такъ-какъ Положеніемъ о приѣмѣ рекрутъ 20 окт. 1808 г. людей, наказанныхъ палачемъ, принимать въ рекруты не велѣно. Законъ 1827 г. рѣшилъ этотъ вопросъ въ смыслѣ, благопріятномъ для преступниковъ, повелѣвъ наказаніе производить чрезъ полицейскихъ служителей²⁾.

Этотъ послѣдній законъ вмѣстѣ съ закономъ 1811 г. о примѣненіи за воровство-кражу свыше 100 руб. плетей, сопровождаемомъ отдачей годныхъ въ военную службу, а неспособныхъ къ послѣдней—въ ссылку, составили содержаніе 711 ст. Свода законовъ.

Послѣ сказаннаго возникаетъ самъ собою вопросъ, въ какомъ-же положеніи осталась наказуемость кражи отъ 20 руб. и свыше до 100? Въ указѣ 1802 г. „обличенныхъ въ кражѣ въ первый разъ“ отъ 20 руб. до 100 велѣно по тѣлесному наказанію (плетями) въ самыхъ селеніяхъ, возвращать въ послѣднія. Въ 1823 г. поднялся вопросъ, чрезъ кого производить наказаніе плетями такихъ преступниковъ—чрезъ палача или полицейскихъ служителей. Правительствующій Сенатъ и Коммиссія Составленія Законовъ нашли, что согласно существующимъ узаконеніямъ мѣсто производства наказанія не можетъ быть другое, какъ при земскихъ или городскихъ полиціяхъ, а отнюдь не на площади и не чрезъ палача.

Правительствующій Сенатъ разсуждалъ такимъ образомъ: а) публичное наказаніе (т. е. чрезъ палача) по закону считается не исправительнымъ, а сущою казнью; б) что напротивъ совершившіе въ первый разъ кражу въ 20 руб. должны подлежать только наказаніямъ исправительнымъ, ибо постановлено: обличенныхъ въ 1-й разъ въ воровствѣ-кражѣ

---

¹⁾ *ibid.*, 24,707. ²⁾ *ibid.*, 28,798.

отъ 20 р. до 100 по тѣлесномъ наказаніи въ самыхъ селеніяхъ—возвращать въ оныя; с) ежели-бы виновные въ воровствѣ-кражѣ подлежали безъ изъятія публичному наказанію чрезъ палачей, то таковыя по силѣ существующихъ правилъ не могли бы быть терпимы въ воинскомъ званіи, а указъ 12 сентября 1812 г. напротивъ того предписываетъ отдавать ихъ въ случаѣ годности въ фронтową службу, а потому опредѣляемое симъ преступникамъ наказаніе не можетъ быть признано торговою казнью и производимо чрезъ палача.

Два приведенныя узаконенія, назначающія за воровство-кражу въ первый разъ отъ 20 руб. до 100 лицамъ, подлежащимъ тѣлесному наказанію, сѣченіе плетми чрезъ нижнихъ полицейскихъ служителей съ оставленіемъ на мѣстѣ жительства составили буквальное содержаніе 710 ст. Свода законовъ.

§ 100. Мы рассмотрѣли наказуемость воровства-кражи въ изслѣдуемый нами періодъ на сумму отъ 20 руб. и выше и показали, какъ эта наказуемость, послѣдовательно измѣняясь, наконецъ, получила тотъ видъ, въ какомъ она вошла въ содержаніе статей Свода законовъ 1832 г. Теперь на очереди у насъ наказуемость воровства-кражи на сумму нисшую указаннаго предѣла. Выше мы видѣли, что съ 1781 г. въ нашемъ отечествѣ появляется новый родъ наказаній за тѣбу—содержаніе въ рабочемъ домѣ. Послѣднее наказаніе, представляющееся развитіемъ и приложеніемъ идей Наказа, какъ увидимъ ниже, представляетъ собою реализацію идеи исправленія преступника, идеи, начинавшей мало-по-малу пробивать себѣ путь къ жизни. Въ основѣ знаменитаго указа была положена работа, какъ наказаніе вора, который, укравши на сумму ниже 20 руб., долженъ былъ потрудиться столько, чтобы заплатить то, что укралъ, и 6% выше того тому, у кого укралъ. Намъ не зачѣмъ доказывать, что въ этомъ послѣднемъ узаконеніи скрывается глубокая идея законодателя, стремившагося соотвѣтствующимъ наказаніемъ показать преступнику, что человѣкъ въ потѣ лица своего долженъ зарабатывать себѣ насущный кусокъ хлѣба. Если ты укралъ—то собственнымъ трудомъ убѣдись, какъ не легко другому достается то, что ты безъ труда похитилъ—таковъ, между прочимъ, смыслъ назначаемыхъ по закону 1781 г. работъ. Эта идея законодателя ясно сказала въ указѣ 1782 г. вызванномъ, между прочимъ, вопросомъ о томъ, долженъ ли воръ отработывать украденное имъ, хотя бы онъ самъ или кто другой за него возвратилъ похищенное или уплатилъ

стоимость его хозяину? Законодательница, провидя великое значеніе работъ, какъ наказанія и какъ мѣры исправленія преступниковъ, разрѣшила поставленный вопросъ положительно, постановивъ, что воръ долженъ заработать и въ указанномъ случаѣ цѣну украденной вещи съ % съ тѣмъ, чтобы заработанная сумма, съ удовлетвореніемъ хозяина, обращалась въ пользу рабочаго дома¹⁾. Императрица не могла не стать на ту точку зрѣнія, что цѣль введенныхъ ея указомъ работъ заключается не столько въ удовлетвореніи заработаннымъ потерпѣвшаго отъ преступленія кражи, сколько въ томъ, чтобы воръ болѣе или менѣе продолжительнымъ упражненіемъ въ работѣ приобрѣлъ нѣкую привычку къ труду, какъ орудію къ добыванію средствъ къ жизни.

Нельзя сказать, чтобы наказаніе, предписываемое указомъ 1781 г. виновнымъ въ воровствѣ-кражѣ цѣною ниже 20 руб., было вскорѣ повсюду примѣнено. Напротивъ, въ 1783 г. далеко не вездѣ въ Россіи были заведены рабочіе дома; они не были, между прочимъ, заведены въ Кіевскомъ и Костромскомъ намѣстничествахъ по недостатку средствъ и по какимъ то другимъ причинамъ. Указъ этого года повелѣваетъ ихъ завести и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они еще не успѣли возникнуть, и указываетъ источники денежныхъ средствъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ указъ объявляетъ, что рабочіе дома, о которыхъ сказано въ законѣ 1781 г., должны быть особые, спеціально предназначенные для преступниковъ, виновныхъ въ воровствѣ-кражѣ и въ воровствѣ-мошенничествѣ²⁾.

Итакъ, желаніе законодателя сдѣлать заключеніе въ рабочихъ домахъ ordinарнымъ наказаніемъ за воровство-кражу цѣною въ 20 р. и ниже встрѣчало препятствіе въ условіяхъ жизни. Въ 1804 г. эта послѣдняя выкинула новое препятствіе, которымъ нельзя было пренебречь.

Именно сдѣлано было въ высшія правительственныя сферы представленіе о неудобствахъ пересылки обличившихся въ кражѣ ниже 20 р. для зарабатыванія изъ уѣздныхъ городовъ въ губернскіе, мотивированное тѣмъ, что, во первыхъ, отдаленная пересылка иногда изъ-за какихъ нибудь 2 руб. изъ уѣздныхъ городовъ въ губернскіе, будучи тягостна и изнурительна, представляетъ наказаніе, несоразмѣрное преступленію, и, во 2-хъ, такая пересылка составляетъ бремя для обитателей, обязанныхъ

¹⁾ *ibid.*, 15,483. ²⁾ *ibid.*, № 15,657.

во время войны. Филонъ написалъ также сочиненіе по Механикѣ, но оно до насъ не дошло, а о немъ упоминаетъ Паппусъ.

Персей, какъ полагають жилъ за 100 л. до Р. Х. Монтукла говоритъ, что Персей жилъ въ 1 в. по Р. Х., но это не вѣрно, потому что Геминусъ, жившій за 70 л. до Р. Х., приписываетъ Персею нахождение *спирическихъ линій*,—это передаетъ Проклъ. Нѣкоторые геометры полагали, что эти линіи были спирали, но Монтукла, много занимавшійся этимъ вопросомъ въ молодости, положительно утверждаетъ, что это были не спирали, а линіи, полученныя пересѣченіемъ плоскостію тѣлъ, образованныхъ движеніемъ круга около хорды или касательной, или какой нибудь прямой линіи, лежащей внѣ круга. Монтукла прибавляетъ, что подобнымъ образомъ „можно получить тѣло, имѣющее видъ открытаго или замкнутаго кольца или вѣнчика; пересѣкая подобныя тѣла плоскостями, различно наклоненными, получаютъ кривыя странныхъ видовъ, однѣ изъ нихъ продолговаты въ видѣ эллипса, другія суженныя, пересѣкающіяся между собою въ видѣ узловъ, иногда состоящія изъ двухъ сопряженныхъ оваловъ, лежащихъ иногда одинъ внѣ другаго, а иногда одинъ внутри другаго, а иногда даже просто изъ овала съ сопряженной ему точкой внутри; однимъ словомъ это суть кривыя 4-й степени“.

Весьма жаль, что до насъ не дошло сочиненіе Персея, интересно было бы узнать геометрическую теорію спирическихъ линій, и какъ поступали въ данномъ случаѣ древніе геометры? Исслѣдованіе уравненій поверхностей, на которыхъ получаются эти кривыя, требуютъ довольно сложныхъ аналитическихъ вычисленій.

Геминусъ родомъ изъ Родоса, жилъ около 100 л. до Р. Х., онъ написалъ нѣсколько сочиненій, которыя за исключеніемъ одного, всѣ до насъ не дошли. По словамъ Прокла, въ одномъ изъ своихъ сочиненій Геминусъ рассматриваетъ различнаго рода кривыя, въ числѣ которыхъ также *винтовую линію*, начерченную на поверхности круговаго прямого цилиндра, и доказываетъ свойство этой кривой, что всѣ ея части совмѣстимы,—свойство это, какъ извѣстно, принадлежитъ также прямой линіи и кругу. Въ этомъ сочиненіи были разобраны исторически происхожденіе многихъ кривыхъ линій: спирали, конхонды, циссоиды и др. На него часто ссылается Проклъ въ своихъ комментаріяхъ на 1-ю книгу „Началъ“ Евклида, а также Евтокій, въ своихъ комментаріяхъ на „Коническія сѣченія“ Аполлонія.

Другое сочиненіе Геминуса есть его „*Enaptationes geometricae*“ въ шести книгахъ, которое часто цитируетъ Проклъ и содержаніе котораго, вѣроятно составляло, философское развитіе геометрическихъ открытій. Очень жаль, что это сочиненіе утеряно, судя по выпискамъ изъ него, которыя

находятся у Прокла, сочинение это заключало весьма много любопытных данных.

Геминусъ одинъ изъ первыхъ между математиками раздѣлилъ математическія науки на два большихъ класса, на *теоретическія* (*theōrētika*) и *практическія* (*praktika*). Первый классъ составляли—Геометрія и Арифметика, второй—астрономія, механика, оптика, геодезія, правила музыки и счета.

Кромѣ этихъ двухъ сочиненій Геминусъ написалъ еще третье сочиненіе, которое до насъ дошло, сочиненіе это астрономическое, заглавіе его „Введеніе къ Феноменамъ“, это есть введеніе въ Астрономію. Оно содержитъ много интересныхъ фактовъ, относящихся къ исторіи астрономіи, его часто считаютъ комментариемъ къ „Феноменамъ Аратуса“, но такое мнѣніе несправедливо.

Геронъ Старшій принадлежитъ къ ученымъ Александрійской школы; время когда онъ жилъ точно неизвѣстно, болѣе вѣроятія заслуживаетъ мнѣніе Мартена, который полагаетъ, что Геронъ жилъ въ первой половинѣ I в. до Р. Х. Жизнь Герона также неизвѣстна, мы знаемъ только, что первоначально онъ былъ сапожникомъ, а впослѣдствіи сдѣлался ученикомъ Ктезибія *), подъ руководствомъ котораго онъ занимался механикой. Ученыхъ, носившихъ имя Герона было болѣе двадцати, вслѣдствіе чего произошла путаница, такъ что многія изъ сочиненій, написанныхъ Герономъ Старшимъ, приписывали другимъ Геронамъ и въ томъ числѣ Герону Младшему, жившему въ X в. по Р. Х., тоже занимавшемуся математикой.

Геронъ Старшій авторъ многихъ сочиненій, которыя почти всѣ утеряны, отъ нѣкоторыхъ же изъ нихъ дошли только ничтожные отрывки, часто въ самомъ жалкомъ и видоизмѣненномъ видѣ. Сочиненія, написанныя Герономъ, относятся къ Механики и Геометріи. Дошедшія до насъ отрывки изъ сочиненій Герона были предметомъ ученыхъ изслѣдованій многихъ математиковъ, изъ числа которыхъ упомянемъ извѣстныхъ знатоковъ древне-греческой математической литературы Балди **) и Вен-

*) *Ктезибій*, учитель Герона, по словамъ Атенея, жилъ въ Александріи, въ царствованіе Птолемея Еввергета, около 150 г. По своему происхожденію Ктезибій былъ сынъ цирюльника. По словамъ Витрувія Ктезибій устроилъ машину, которая служила вмѣстѣ и органомъ и водяными часами. Приборъ этотъ показывалъ часы дня и ночи. Кромѣ этого Ктезибію приписываютъ первому изобрѣтеніе насосовъ; онъ также одинъ изъ первыхъ воспользовался упругостью воздуха, какъ движущей силой.

Изъ работъ Герона и Ктезибія можно видѣть, что изученіе Механики занимало не послѣднее мѣсто въ Александрійской школѣ.

**) *Балди* (Bernardino Baldi), аббатъ Гуасталла, былъ одинъ изъ самыхъ ученыхъ людей XVI в., онъ родился въ 1553 г.; образованіе получилъ въ Падуанскомъ университетѣ. Балди былъ богословъ, математикъ, философъ, географъ, историкъ, поэтъ, ораторъ и

тури *); но только въ послѣднее время обширныя изслѣдованія Летро-антикваріи. Онъ былъ хорошо знакомъ съ литературой древнихъ Грековъ и Римлянъ. Балди написалъ много сочиненій, изъ которыхъ болѣе извѣстны его комментаріи на сочиненія Витрувія и переводъ въ стихахъ на италіанскій языкъ „Феноменъ“ Аратуса. Изъ другихъ его сочиненій для математиковъ имѣютъ значеніе слѣдующія: „De Herone Alessandrino degli Automati overo Machine se moventi, Lb. II tradotti dal Grece. Venet. 1589“. „Heronis Ctesibii Belopoea hoc est Telifactiva, Venet. 1616“. „Cronica de Matematici, Urbino, 1707“.

Балди былъ ученикъ знаменитаго Коммандина, подъ руководствомъ котораго онъ занимался математикой и главнымъ образомъ изученіемъ сочиненій древнихъ греческихъ геометровъ. Впослѣдствіи Балди написалъ біографію Коммандина. Въ школѣ Коммандина соученикомъ Балди былъ извѣстный Тассо. Балди никакихъ новыхъ открытій въ математикѣ не сдѣлалъ, но изъ числа многочисленныхъ его сочиненій многія заслуживаютъ особеннаго вниманія. Двадцати пяти лѣтъ онъ написалъ „Математическіе парадоксы“ и извѣстное сочиненіе о трудахъ Герона. Чтобы лучше понимать Библию Балди изучилъ языки еврейскій и халдейскій, затѣмъ онъ принялся за изученіе арабскаго и иллирійскаго. Къ концу жизни онъ зналъ основательно шестнадцать языковъ. Одинъ изъ современниковъ Балди рассказываетъ, что Балди шестидесяти пяти лѣтъ читалъ „Начала“ Евклида, послѣ обѣда въ видѣ легкаго чтенія, на арабскомъ языкѣ; тогда только что былъ отпечатанъ извѣстный арабскій переводъ „Началъ“ въ типографіи Медичисовъ въ Римѣ. Балди перевелъ много арабскихъ сочиненій, изъ числа которыхъ наиболѣе извѣстенъ переводъ „Географіи“ Едрисси. Знакомство съ этимъ сочиненіемъ побудило Балди заняться изученіемъ географіи и написать громадный географическій словарь, который онъ впрочемъ довелъ только до буквы С. Кромѣ того Балди составилъ арабскую грамматику и лексиконъ, персидскую грамматику, турецкій и венгерскій словари. Онъ перевелъ также и комментировалъ халдейское сочиненіе „Thargum“; этотъ громадный трудъ, заслужившій похвалы всѣхъ оріенталистовъ, былъ имъ оконченъ въ теченіи года. Но самое замѣчательное изъ сочиненій Балди, это его „Vite dei mathematici“, этотъ обширный трудъ, надъ которымъ Балди трудился четырнадцать лѣтъ, въ сожалѣнію не былъ изданъ. Одновременно съ переводами сочиненій древнихъ греческихъ геометровъ Балди писалъ философскія поэмы, комментаріи на Механику Аристотеля и мн. др. сочиненія. Трудолюбіе и способности Балди были изумительны, для всего онъ находилъ время. Къ сожалѣнію Балди былъ не только глубокий ученый, но также самый грубый фанатикъ, въ вопросахъ религіи онъ отличался перѣдко жестокостью, прибѣгалъ къ средствамъ инквизиціи—къ пыткамъ. Причина этого вѣроятно духъ того времени.

На сколько цѣнились ученые труды въ XVI столѣтіи можно видѣть изъ слѣдующаго случая: будучи аббатомъ въ Гуасталла Балди отправился по дѣламъ въ Римъ, желая основательно изучить арабскій языкъ и сочиненія арабскихъ писателей, онъ сталъ просить папу позволить ему остаться въ Римѣ, но папа отказалъ, тогда Балди просилъ позволить ему остаться въ Римѣ по дѣлу, касающагося платья, которое онъ имѣлъ право носить; просьба его была удовлетворена и кардиналъ Гонзага разрѣшилъ ему оставаться въ Римѣ, находя, что „эта причина болѣе законна, чѣмъ первая“!!

Балди написалъ болѣе 90 сочиненій по различнымъ отраслямъ знанія; изъ числа этихъ сочиненій нѣкоторыя обнимаютъ собою двѣнадцать большихъ томовъ каждое. Мы не могли не безынтереснымъ остановиться на Балди, который, какъ мы видимъ, принадлежалъ къ числу самыхъ даровитыхъ и ученыхъ людей XVI столѣтія. Впослѣдствіи мы увидимъ, что такихъ людей какъ Балди въ XVI столѣтіи, въ Италіи, было не мало.

*) *Вентури* (Giovanni Battista Venturi) италіанскій ученый, родился въ 1746 г.,

на *), Мартена **) и Гультия ***) пролили нѣкоторый свѣтъ на труды Герона.

Рассмотримъ вкратцѣ, какія сочиненія написалъ Геронъ и что онѣ содержали. Начнемъ съ сочиненій чисто математическаго содержанія.

Евтокій въ своихъ комментаріяхъ на сочиненіе Архимеда „Объ измѣреніи круга“, говоря объ извлеченіи квадратныхъ корней по приближенію, ссылается на сочиненіе Герона „Метрика“ (Μετρικά), но сочиненіе это до насъ не дошло. Мартенъ стремился возстановить содержаніе этого сочиненія на основаніи многочисленныхъ рукописныхъ отрывковъ и выписокъ изъ сочи-

умеръ въ 1822 г. Сначала былъ профессоромъ философіи въ Моденѣ, а впослѣдствіи профессоромъ физики въ университетѣ въ Павіи. Вентури авторъ многихъ сочиненій, большая часть которыхъ относится къ физикѣ; кромѣ того онъ писалъ о физико-математическихъ сочиненіяхъ Леонардо-да-Винчи, издалъ переписку Галилея, и мн. др. Вентури былъ основательно знакомъ съ математической литературой древнихъ Грековъ. Онъ первый между математиками указалъ, въ 1812 г., что выраженіе для площади треугольника, въ функциі сторонъ, находится въ сочиненіяхъ Герона. Предложеніе это сначала приписывали ученымъ XV столѣтія, потомъ Арабамъ и наконецъ Индусамъ. Указаніе это помѣщено Вентури въ его сочиненіи: *Commentarij sopra la storia e le teorie dell' ottica*. T. I. Bologna. 1814.

*) *Letronne*. *Recherches critiques, historiques et géographiques sur les fragments d'Héron d'Alexandrie*. Сочиненіе это было написано на тему, заданную историко-филологическимъ отдѣленіемъ Французской Академіи Наукъ въ 1816 г., подъ заглавіемъ: *Expliquer le système métrique d'Héron d'Alexandrie, et en déterminer les rapports avec les autres mesures de longueur des anciens*. Сочиненіе Летронна было напечатано только послѣ его смерти, благодаря Венсену (Vincent), въ 1851 г.

**) *Recherches sur la vie et les ouvrages d'Héron d'Alexandrie, disciple de Ctesibius, et sur tous les ouvrages mathématiques grecs, conservés ou perdus, publiés ou inédits, qui ont été attribués à un auteur nommé Héron; par M. Henri Martin*. *Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des inscriptions et belles-lettres*. Paris. T. IV. 1854.

***) *Heronis Alexandrini geometricorum et stereometricorum reliquae; accedunt Didymi Alexandrini mensurae marmorum et Anonymi varia collectiones ex Herone, Euclide, Gemino, Proclo, Anatolio aliisque. E libris manu scriptis edidit. F. Hultsch*. Berlin. 1864. Въ этомъ сочиненіи помѣщены всѣ извѣстные отрывки изъ геометрическихъ сочиненій Герона. Гультий полагаетъ, что Геронъ жилъ въ концѣ II в. до Р. X.

Фридейнъ полагаетъ, что опредѣленія, помѣщенные въ началѣ этого сочиненія, принадлежатъ не Герону, а написаны еще ранѣе неизвѣстнымъ намъ авторомъ, написавшимъ два элементарныхъ сочиненія, одно по Арифметикѣ, другое по Геометріи. Первое изъ нихъ утеряно, второе возстановилъ Фридейнъ, на основаніи текста, изданнаго Гультиемъ, подъ заглавіемъ „*De Heronis quae feruntur definitionibus*“; оно помѣщено въ *Bulletino di bibliografia e di storia delle scienze matematiche e fisiche* за 1871, мартъ.

Кромѣ того Дасиподиусъ издалъ въ 1571 г. въ Страсбургѣ, при I-й книгѣ „Началъ“ Евклида, сочиненіе Герона, съ латинскимъ и греческимъ текстомъ, подъ заглавіемъ: „Объ опредѣленіяхъ названій въ Геометріи и Стереометріи“ (*Περὶ τῶν τῆς γεωμετρίας καὶ στερεωμετρίας ὀνομάτων*).

невій Герона; отрывки эти принадлежатъ бібліотекамъ: Парижа, Лейдена, Неаполя, Ватикана, Мюнхена и др. городовъ. Исслѣдованія Мартена сводятся къ слѣдующему: оставшіеся отрывки принадлежатъ сочиненію Герона „Метрика“, которое состояло изъ четырехъ частей. Въ первой части было изложено введеніе въ Ариметику, на которое вѣроятно и ссылается Евтокій въ своихъ комментаріяхъ. Но эта часть совершенно утеряна. Вторая часть составляла введеніе къ „Началамъ“ Евклида, отъ которой сохранились только нѣкоторые отрывки и содержаніемъ которой служить опредѣленіе точки, различныхъ прямыхъ, поверхностей, тѣлъ и соотношенія между ними по величинѣ, формѣ и положенію. Въ этой же части были изложены различные теоретическія воззрѣнія на Геометрію двухъ и трехъ измѣреній. Въ третьей части были изложены слѣдствія, вытекающія изъ предложеній „Началъ“ Евклида, относящихся къ Планиметріи. Слѣдствія эти состояли изъ цѣлаго ряда вопросовъ какъ, по извѣстнымъ величинамъ, въ плоской Геометріи: найти неизвѣстныя величины. Въ этой же части заключался цѣлый рядъ предложеній, относящихся къ треугольникамъ и четырехугольникамъ, вписаннымъ въ кругъ, а также выраженіе для площади треугольника въ функціи его сторонъ. Четвертая часть содержала цѣлый рядъ стереометрическихъ вопросовъ. Геометровъ сильно занимало выраженіе для площади треугольника въ функціи его сторонъ; предложеніе это доказано Герономъ на основаніи предложеній „Началъ“ Евклида. Затѣмъ онъ прилагаетъ его къ разностороннему треугольнику, коего стороны 13, 14 и 15; числа эти такъ подобраны вѣроятно потому, что площадь треугольника выражается раціональнымъ числомъ 84, которое есть точный корень полного квадрата 7056. Для прямоугольнаго треугольника взяты числа 5, 12 и 13; площадь равна 30. Говоря объ Индусахъ, мы уже упомянули, что выраженіе для площади треугольника въ функціи его сторонъ находится въ сочиненіяхъ индусскихъ математиковъ. Рейно положительно утверждаетъ, что индусскіе математики заимствовали это предложеніе изъ сочиненій Герона, онъ указываетъ на отрывокъ изъ астрономическаго трактата индусскаго астронома Варага-Мигира (Varaha-Mihira), жившаго въ VI в., изъ котораго видно, что индусскимъ ученымъ были извѣстны труды Грековъ; въ этомъ отрывкѣ сказано: „Хотя Греки нечистые, но они заслуживаютъ нашего уваженія, за услуги, оказанныя ими наукамъ“ *).

На основаніи сказаннаго въ комментаріяхъ Прокла на I-ю книгу „Началъ“ Евклида можно заключить, что Геронъ занимался разборомъ „Началъ“. Укажемъ на мѣста въ комментаріи, которыя подтверждаютъ та-

---

*) *Reinaud*. Sur l'Inde antérieurement au XI siècle de l'ère chrétienne. Mémoires de l'Institut, Académie des inscriptions et belles-lettres. T. XVII.

кое мѣніе: 1) разбирая замѣчаніе Филиппа на 16 предложеніе I-й книги „Началь“ Прокль говоритъ, что это замѣчаніе сохранилъ намъ Геронъ; 2) въ другомъ мѣстѣ, Прокль упрекаетъ Герона за то, что этотъ послѣдній ограничилъ число аксіомъ тремя; 3) далѣе сказано, что Геронъ и Порфирій доказываютъ 20-е предложеніе I-й книги „Началь“, не продолжая одну изъ сторонъ треугольника; 4) указано доказательство, данное Герономъ для доказательства 25-го предложенія той же книги и наконецъ 5) онъ говоритъ, что Геронъ и Паппусъ напрасно и преждевременно занимаются предложеніями VI-й книги, они думали прибавить нѣчто къ сказанному Евклидомъ относительно площадей квадратовъ, построенныхъ на сторонахъ прямоугольнаго треугольника; вѣроятно дѣло идетъ о 31-мъ предложеніи VI-й книги, которое относится къ площадямъ подобныхъ фигуръ, построенныхъ на сторонахъ прямоугольнаго треугольника. Вентури положительно утверждаетъ, что Прокль заимствовалъ эти ссылки изъ сочиненія Герона по элементарной Геометріи. Было-ли это сочиненіе „Метрика“ нельзя сказать утвердительно. Болѣе вѣроятно предположеніе, что вышеприведенныя мѣста Прокла, были имъ заимствованы изъ комментарія Герона на „Начала“ Евклида; такое предположеніе еще тѣмъ вѣроятно, что въ Лейденской библиотекѣ существуетъ арабская рукопись, содержаніе которой первая шесть книгъ „Началь“ Евклида съ комментаріями Саиди-бенъ-Масуда (Saïdi-ben-Masoud), а также *схоліи* Герона на нѣкоторыя предложенія.

На основаніи вышесказаннаго можно почти съ достовѣрностью сказать, что Геронъ написалъ комментаріи на „Начала“ Евклида; приведенныя мѣста изъ комментарія Прокла суть выписки изъ сочиненія Герона.

Разсмотримъ теперь вкратцѣ содержаніе другихъ сочиненій, написанныхъ Герономъ.

„Механика“ (*Μηχανική*). Это элементарное сочиненіе по механикѣ, до насъ не дошедшее, но Паппусъ, въ своихъ „Математическихъ коллекціяхъ“ сохранилъ намъ весьма цѣнныя выдержки изъ него. Свое сочиненіе Геронъ начинаетъ съ того, что устанавливаетъ различіе между механикой теоретической и практической. Въ этомъ сочиненіи Геронъ занимается центромъ тяжести, излагаетъ общую теорію и условія равновѣсія и движенія пяти простыхъ машинъ именно: рычага, клина, винта, ворота и блока, теорію которыхъ онъ сводитъ на теорію одной, вѣроятно на рычагъ или зубчатое колесо. Въ этомъ же сочиненіи онъ разбираетъ системы зубчатыхъ колесъ и вромѣ того касается многихъ практическихъ вопросовъ. Вѣроятно сочиненіе это исключительно занималось твердыми тѣлами.

„Barulous“ (*Βαρύλοχος*). Въ этомъ сочиненіи, Геронъ, по словамъ Паппуса, на основаніи доказательства даннаго имъ въ „Механикѣ“, показываетъ какъ

можетъ быть рѣшена, различными приѣмами, при помощи пяти простыхъ машинъ, именно при помощи системы зубчатыхъ колесъ, задача Архимеда: „двигать данную тяжесть при помощи данной силы“. Сочиненіе это состоитъ изъ трехъ книгъ, и дошло до насъ.

„О катапультахъ“ (Καταπέλται); содержаніе этого сочиненія приготовленіе стрѣлъ. По словамъ Паппуса, въ этомъ сочиненіи было помѣщено доказательство, предложенное Герономъ для нахождения двухъ средне-пропорціональных. Рѣшеніе этой задачи, по словамъ Герона Младшаго, было необходимо Герону Старшему при вычисленіи размѣровъ и скорости полета снарядовъ. Сочиненіе это также до насъ дошло и извѣстно кромѣ того, подъ именемъ „Βελοποιητικά“.

„Χειροβαλίστρα“—это прибавленіе къ „Καταπέλται“. Отъ этого сочиненія сохранились только незначительные отрывки.

„Καμάρια“—предметъ этого сочиненія устройство καμάρια. По словамъ Евтокія, оно было комментировано Исидоромъ Милетскимъ, учителемъ Евтокія. Отъ этого сочиненія дошли только ничтожныя отрывки, притомъ они такъ искажены, что нельзя даже составить себѣ понятія: что такое были καμάρια и какое было ихъ назначеніе.

„Автоматы“ (Αὐτόματα) Сочиненіе это состоитъ изъ двухъ книгъ, предметомъ которыхъ служить устройство автоматовъ. Сочиненіе это дошло до насъ въ цѣлости.

„Ζύγια“—предметъ этого сочиненія, по словамъ Паппуса, устройство забавныхъ машинокъ.

„Περὶ ὕδρων“ въ четырехъ книгахъ, содержаніе которыхъ составляетъ описаніе водныхъ часовъ, ихъ устройство и примѣненіе въ астрономіи для измѣренія времени. Оно утеряно, но о немъ упоминаетъ Паппусъ.

„Пневматика“ (Πνευματικά). Содержаніе этого сочиненія дошедшаго до насъ составляетъ механика газовъ и жидкостей. Въ немъ находится описаніе многихъ интересныхъ приборовъ. „Пневматика“ знакомитъ насъ съ состояніемъ механики въ I в. до Р. Х. Въ этомъ сочиненіи описаны: устройство эолипила, перемежающійся фонтанъ, механическія банки, различнаго рода спринцовки, лампы различнаго устройства, сифоны, пожарные насосы, водяной органъ и мн. др. интересные приборы.

Кромѣ поименованныхъ сочиненій, Геронъ написалъ еще „Κατοπτρίку“, „Διούτριάку“ и нѣсколько другихъ сочиненій, содержаніе которыхъ намъ неизвѣстно.

Теодосій жилъ около 50 г. до Р. Х., онъ родомъ изъ Витиніи (Триполи въ Африкѣ). Теодосій написалъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ болѣе извѣстно сочиненіе по Геометріи: „О сферахъ“, въ трехъ книгахъ. Оно состоитъ изъ цѣлаго ряда предложеній, каковы напр.: всякое сѣченіе

шара плоскостью есть кругъ; плоскость касается шара только въ одной точкѣ; радіусъ, проведенный въ точку касанія перпендикуляренъ плоскости; сѣченіе шара плоскостью, проходящею черезъ центръ, есть большой кругъ; малые круги, параллельные большому кругу и лежащіе отъ него на равномъ разстояніи, равны между собою; разстояніе какой нибудь точки окружности большаго круга отъ его полюса есть сторона вписаннаго квадрата и др.

Большая часть изъ предложеній этого сочиненія находятся въ настоящее время въ сочиненіяхъ по элементарной Геометріи.

Сочиненіе „О сферахъ“ дошло до насъ только въ переводѣ на арабскій языкъ. Въ первый разъ оно было переведено на латинскій языкъ въ 1529 г. въ Парижѣ. Кромѣ этого сочиненія, Теодосій написалъ еще два астрономическихъ сочиненія, именно: „О жилищахъ“ и „О дняхъ и ночахъ“. Содержаніе перваго изъ нихъ небесная перспектива. Второе касается того же предмета—это собраніе предложеній безъ доказательствъ.

Діонисодоръ, современникъ Теодосія, полагаютъ, былъ родомъ изъ Емессы въ Сиріи. Онъ извѣстенъ рѣшеніемъ задачи: „раздѣлить полушаръ плоскостью, параллельною его основанію, въ данномъ отношеніи“, которое сохранилъ намъ Евтокій въ своихъ комментаріяхъ на сочиненіе Архимеда „О шарѣ и цилиндрѣ“. Извѣстно, что эта задача можетъ быть рѣшена только при помощи конического сѣченія.

По словамъ Плинія, Діонисодоръ былъ свѣдущій геометръ. Плиній передаетъ, что въ гробницѣ Діонисодора было найдено письмо Діонисодора къ живымъ, въ которомъ онъ пишетъ, что онъ достигъ центра земли, который находится на разстояніи 42000 стадій отъ его гробницы. Число, приписываемое Діонисодору, есть самое точное изъ чиселъ данныхъ древними для величины радіуса земли.

Вторая Александрійская школа.

Послѣ паденія династіи Птолемеевъ, царствовавшей слишкомъ триста лѣтъ, Египетъ былъ обращенъ въ римскую провинцію; мѣсто отжившаго свой вѣкъ язычества заняло христіанство; эти великія событія, имѣвшія такое большое вліяніе на судьбу народовъ, отразились и на научномъ развитіи Александрійской школы. Старыя ученія Пифагора и Платона были замѣнены новыми, создавшими новое направленіе—вторую Александрійскую школу. Оно было слѣдствіемъ господства Римлянъ и введенія христіанства въ Египтъ. Представителями второй Александрійской школы были: Птоломей, Теопъ Александрійскій, Діофантъ, Паппусъ и др.

Діофантъ былъ послѣдній въ ряду великихъ греческихъ математиковъ;

съ нимъ прекращается творческій духъ, отличавшій его предшественниковъ; онъ жилъ во время комментаторовъ и собирателей, появленіе которыхъ всегда указываетъ на упадокъ научной дѣятельности народовъ. Развитие математики послѣ него прекратилось; Паппусъ и Теонъ были послѣдними изъ замѣчательныхъ греческихъ математиковъ, но они уже не обладали духомъ творчества, а были только собиратели и толкователи. Упадку развитія математическихъ наукъ и наукъ вообще, много способствовало истребленіе знаменитой Александрійской бібліотеки, императоромъ Θεодосіємъ; этимъ отняты были у ученыхъ пособія для ихъ занятій. Императоръ Θεодосій въ 392 году издалъ указъ истребить языческіе храмы во всемъ государствѣ; жертвой этого распоряженія сдѣлался знаменитый храмъ *Сераписа*, въ которомъ помѣщалась громадная бібліотека, основанная Птоломеями и обогащенная пожертвованіями римскихъ императоровъ; она была перенесена въ храмъ Сераписа во время осады Александріи Юліемъ Цезаремъ; знаменитая бібліотека и собранныя въ ней неоцѣнимыя сокровища памятниковъ наукъ, были расхищены и сдѣлались жертвою грубой черни, предводимой фанатическимъ духовенствомъ *). Впослѣдствіи времени христіане истребленіе Александрійской бібліотеки приписали Арабамъ, взявшимъ въ 640 году Александрію; говорятъ, что на вопросъ, что дѣлать съ громадной бібліотекой, Омаръ будто-бы отвѣчалъ извѣстной дилеммой. Но этотъ разсказъ незаслуживаетъ довѣрія, такъ какъ писатель V столѣтія Орозій утверждаетъ, что онъ видѣлъ пустые шкафы нѣкогда знаменитой бібліотеки.

Къ сожалѣнію, это не единственный примѣръ истребленія книгъ и памятниковъ наукъ христіанами, стоитъ припомнить византійскаго императора Льва Исаврянина (717—741), который сожигалъ не только книги, но и читателей ихъ.

Перечислимъ вкратцѣ геометровъ второй Александрійской школы.

Менелай жилъ около 80 г. по Р. Х. въ Александріи, онъ занимался Геометріей и Астрономіей. Свои астрономическія наблюденія Менелай производилъ въ Римѣ въ царствованіе императора Траяна. Менелай написалъ нѣсколько сочиненій, но до насъ дошло только одно, именно: „Сферика“ въ трехъ книгахъ. Сочиненіе это дошло до насъ только въ переводахъ на еврейскій и арабскій языкъ, подлинный же греческій текстъ утерян **).

*) Библіотека Бруціума еще ранѣе сгорѣла. во время осады Александріи флотомъ Юлія Цезаря въ 47 г. до Р. Х.

**) Сочиненіе Менелая „Сферика“ было переведено съ арабскаго Мавроликъ и напечатано вмѣстѣ съ „Сферикой“ Θεодосія въ 1568 г. in-fol. въ Мессинѣ. Сочиненіемъ этимъ также много занимался Галлей, желавшій его издать, но оно было издано только послѣ смерти Галлея Костаромъ (Costard), подъ заглавіемъ: „Menelai Sphaericorum libri tres, quos olim, collatis Mss., hebraeis et arabicis, typis exprimentos curavit E. Hallejus“, въ Оксфордѣ въ 1758 г. in-8.

Самое важное изъ всѣхъ предложеній „Сферики“ Менелая есть первое, въ третьей книгѣ, которое служило основаніемъ всей Сферической Тригонометріи древнихъ Грековъ. Предложеніе это относится къ свойству шести отрѣзковъ, на сторонахъ сферическаго треугольника *), полученныхъ отъ пересѣченія его сторонъ дугою большаго круга. Для доказательства этого предложенія, Менелай пользуется, какъ леммой, подобнымъ же предложеніемъ для плоскаго треугольника. Оно получило громадное значеніе въ позднѣйшей Геометріи, гдѣ легло въ основаніи теоріи сѣкущихъ Карно.

Изъ другихъ предложеній этого сочиненія укажемъ еще на два слѣдующія: 1) дуга большаго круга, дѣлящая пополамъ уголъ сферическаго треугольника, дѣлитъ противолежащую сторону на такія двѣ части, отношеніе хордъ которыхъ равно отношенію хордъ двухъ прилежащихъ сторонъ; и 2) три дуги, дѣляція пополамъ три угла сферическаго треугольника, пересѣкаются въ одной точкѣ.

Кромѣ этого сочиненія Менелай написалъ еще нѣсколько другихъ, но они до насъ не дошли. Теонъ упоминаетъ сочиненіе Менелая „О хордахъ“ въ шести книгѣхъ; а Монтукла полагаетъ, что въ этомъ сочиненіи было показано устройство тригонометрическихъ таблицъ. Другое сочиненіе Менелая упоминаетъ Паппусъ въ 4-й книгѣ своихъ „Математическихъ коллекцій“, содержаніе котораго теорія кривыхъ линій. Паппусъ говоритъ, что „такую линію, полученную отъ пересѣченія двухъ поверхностей, Менелай называлъ *чудною*“. Вѣроятно это была кривая двойной кривизны.

Никомахъ. Для полноты нашего историческаго очерка намъ необходимо сказать нѣсколько словъ о Никомахѣ, написавшемъ Ариметику. Онъ былъ родомъ изъ города Геразы въ Аравіи; время когда онъ жилъ въ точности неизвѣстно, по этому поводу существуетъ полнѣйшее разногласіе; нѣкоторые полагаютъ, что онъ жилъ до Р. Х., Монтукла же говоритъ, что между III в. до Р. Х. и IV по Р. Х.; но болѣе всего заслуживаетъ довѣрія мнѣніе Нессельмана **), который утверждаетъ, что Никомахъ жилъ около 100 г. по Р. Х. Мнѣніе свое Нессельманъ основываетъ на словахъ *Амуса Мадурскаго* (см. Римляне), который перевелъ „Ариметику“ Никомаха на латинскій языкъ во II в. по Р. Х. и на ссылку Никомаха въ своемъ сочиненіи по музыкѣ, въ которомъ онъ упоминаетъ о Трасилосѣ, жившимъ въ царствованіе Тиверія.

Имя Никомаха пользовалось большою извѣстностью въ древности, бла-

*) Предложеніе это пользовалось извѣстностью у Арабовъ, комментировавшихъ его въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ, и называлось у нихъ *правиломъ пересѣченія*.

**) Nesselmann. Die Algebra der Griechen. Berlin. 1842.

годаря его сочиненію „Арифметика“ (*Ἀριθμητικὴ εἰσαγωγή* *)), состоящему изъ двухъ книгъ. Оно прекрасно показываетъ состояніе Арифметики во время процвѣтанія александрійскихъ школъ. Никомахъ принадлежалъ къ числу пифагорейцевъ **). Кромѣ Арифметики Никомахъ написалъ еще другое сочиненіе, въ которомъ онъ разбираетъ мистическія свойства чиселъ; оно носитъ заглавіе „Арифметическія изслѣдованія о богѣ и божественныхъ предметахъ“ (*Θεολογούμενα ἀριθμητικῆς*). Сочиненіе это до насъ не дошло, но по отзыву Фотія, оно не заключало ничего замѣчательнаго ***).

Изложимъ вкратцѣ содержаніе „Арифметики“ Никомаха.

Книга I. Въ началѣ этой книги помѣщено введеніе философскаго содержанія, затѣмъ авторъ переходитъ къ опредѣленію числа. Числа онъ раздѣляетъ на четныя и нечетныя. Затѣмъ Никомахъ говоритъ, что „всякое число равно половинѣ суммы, равноотстоящихъ отъ него съ обѣихъ сторонъ чиселъ; правило это не относится къ единицѣ, которая только по одну сторону имѣетъ близлежащее число, она равна его половинѣ“. Изъ этого видно, что древніе математики не имѣли понятія о рядѣ чиселъ слѣдующихъ за единицей, въ противоположномъ направленіи. Также не существовало и понятіе о нулѣ, такъ какъ если-бы оно было, то для единицы Никомаху не надо было дѣлать исключенія изъ общаго правила. Четныя числа онъ снова дѣлитъ на: *четно-четныя*, *четно-нечетныя* и *нечетно-четныя*. Подобное дѣленіе существовало уже у Евклида. Затѣмъ онъ дѣлитъ

*) Сочиненіе это носило названіе не „Арифметика“, а „Дѣл книги введенія въ Арифметику“.

**) Воззрѣнія Никомаха на числа и на ихъ свойства напоминаютъ понятія Пифагора, который свойства чиселъ доказывалъ геометрически. Кромѣ того числамъ Пифагоръ приписывалъ мистическія свойства. Дѣленіе чиселъ на различные классы также имѣетъ пифагорейскій характеръ, такъ какъ намъ извѣстно изъ „Метафизики“ Аристотеля, что въ пифагорейской школѣ существовало десять основныхъ понятій, именно: конечное и безконечное, прямое и не прямое (или четное и нечетное), единица и множество, правое и лѣвое, мужское и женское, покой и движеніе, прямое и кривое, свѣтлое и темное, доброе и злое, владѣть и гетеромекія. Послѣдніе два понятія не вполне еще объяснены.

Пифагорейцы рассматривали числа съ геометрической точки зрѣнія, такъ напр. *Тимаридъ*, ученикъ Пифагора, утверждалъ, что простые числа всегда суть числа прямолинейныя, такъ какъ имъ нельзя выразить ни площади, ни произведенія. Числа, которыя можно разложить на два множителя они называли площадными числами, если оба множителя числа прямолинейныя, то данное число разлагается на два множителя только однимъ образомъ. Подобнымъ образомъ они рассматривали и тѣлесныя числа. Особенное вниманіе было обращено пифагорейцами на фигурныя числа. Подобныя воззрѣнія на числа раздѣляли также *Тимей*, современникъ Сократа.

***). Монтулла, а также Кюгель приписываютъ Никомаху сочиненіе подъ заглавіемъ „*Praxis Arithmetica*“, но такое мнѣніе несправедливо.

числа на *простыя* и *сложныя*. Четныя числа онъ снова дѣлитъ на *свергъ-полныя*, *полныя* и *несовершенно-полныя*. Затѣмъ слѣдуютъ еще другія дѣленія чиселъ и указаны многія ихъ свойства.

Книга II. Въ этой книгѣ показанъ способъ нахождения кратныхъ чиселъ даннаго числа и какъ изъ даннаго ряда кратныхъ чиселъ находить числа, находящіяся въ одномъ и томъ же отношеніи съ даннымъ числомъ. Изложивъ еще нѣкоторыя свойства чиселъ Никомахъ переходитъ къ *полигональнымъ числамъ*, которыя онъ разбираетъ весьма подробно. Хотя многія свойства полигональных чиселъ были извѣстны еще пифагорейцамъ, которые изученію ихъ придавали важное значеніе, но Никомахъ первый сталъ о нихъ писать; такъ по крайней мѣрѣ утверждаютъ нѣкоторые древніе авторы. Числа онъ раздѣляетъ на *линейныя*, *плоскія*, *треугольныя*, *четыреугольныя*, *пятиугольныя*, *шестиугольныя* и т. д., на *тѣлесныя*, *пирамидальныя*, *кирпичеподобныя*, *клиноподобныя*, *шароподобныя*, *параллелепипеды*, *квадратныя* и *кубическія*. Всѣ эти числа онъ изслѣдуетъ обстоятельно и излагаетъ ихъ свойства. Послѣ этого Никомахъ переходитъ къ пропорціямъ; позднѣйшіе писатели, какъ наприимѣръ Теонъ Смирнокій излагали ихъ въ теоріи музыки. Пропорціи Никомахъ дѣлитъ на три класса, на: *арифметическія*, *геометрическія* и *гармоническія*. Эти три вида пропорцій были уже извѣстны Пифагору, Платону и Аристотелю. Примѣрами этихъ пропорцій могутъ служить пропорціи вида: $a-b=c-d$, $a:b=c:d$ и $a:c=a-b:b-c$. Затѣмъ Никомахъ доказываетъ свойства этихъ пропорцій. Кромѣ этихъ трехъ видовъ пропорцій, у него приведены еще семь другихъ видовъ, такъ что всѣхъ видовъ пропорцій, у Никомаха числомъ десять.

Вотъ краткое содержаніе этого замѣчательнаго сочиненія. Укажемъ на его особенности. Въ сочиненіи Никомаха Арифметика въ первый разъ является наукой о числахъ, безъ геометрическихъ представленій, какъ у Евклида. Въ первый разъ въ этомъ сочиненіи изложена теорія полигональных чиселъ, а также болѣе подробно разобраны пропорціи. Опредѣленія у Никомаха строже чѣмъ у Евклида, за то часто онъ выражается не вполне точно. Мы выше сказали, что отъ Евклида до Никомаха мы не знаемъ ни одного автора, написавшаго сочиненіе по Арифметикѣ, но тѣмъ не менѣе этимъ предметомъ занимались многіе*). Самъ Никомахъ часто ссылается на труды ученыхъ, къ сожалѣнію онъ не упоминаетъ ихъ именъ, а просто говоритъ *другіе*, *иные* и т. д.

Благодаря „Арифметикѣ“, имя Никомаха получило громкую извѣст-

---

*) Мы выше упомянули, что Эратоссену приписываютъ сочиненіе по Арифметикѣ, но оно до насъ не дошло.

ность въ древности, оно вошло даже въ поговорку *). Сочиненіе его было не только самымъ важнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ почти единственнымъ источникомъ для изученія Арифметики въ продолженіи многихъ столѣтій.

„Арифметика“ Никомаха была много разъ комментирована въ древности, а въ школьномъ преподаваніи она занимала одно изъ видныхъ мѣстъ. Самые извѣстные изъ комментаторовъ „Арифметики“ Никомаха были: упомянутый нами, *Апулей* изъ Мадурѣ; *Анатолій* **), написавшій около 280 г. „Арифметику“ въ 10 книгахъ; *Ямвлихъ*, жившій въ IV в. ***); *Бозій* и *Аскленій Трлліанъ*—въ VI в.; *Іоаннъ грамматикъ*, извѣстный подъ именемъ *Филопонуca*, очевидецъ взятія Александріи Арабами въ 640 г., написалъ подробный комментарий на „Арифметику“ Никомаха; *Прокль* также писалъ комментарий, но время когда жилъ этотъ Прокль неизвѣстно, хотя во всякомъ случаѣ это не знаменитый комментаторъ „Началъ“ Евклида Прокль Діадохъ ****). „Арифметика“ Никомаха была также извѣстна Арабамъ, она была переведена ими въ IX в. *Табетъ-бенъ-Корра* *****).

*) Лукіанъ говоритъ „ἀριθμέεις ὡς Νικόμαχος ὁ Γερασηνός“, а Ямвлихъ на двухъ страницахъ распространяется о необыкновенныхъ и замѣчательныхъ особенностяхъ Никомаха.

**) Анатолій прелатъ Александрійскій, епископъ Лаодикійскій (въ Сиріи), кромя упомянутой нами Арифметики, написалъ еще сочиненіе „De cyclo paschale“.

***) Ямвлихъ переработалъ „Арифметику“ Никомаха и включилъ ее въ 4-ю часть своего сочиненія „О философіи Пифагора“. Заглавіе этой части: Ἰαμβλίχου Χαλκιδέως τῆς κοιλῆς Συρίας, περὶ τῆς Νικομάχου Ἀριθμητικῆς εἰσαγωγῆς, λόγος τέταρτος. Комментарій этотъ былъ напечатанъ Сам. Теннуліусомъ, на греческомъ и латинскомъ языкахъ, подъ заглавіемъ: In Nicomachi Geraseni arithmeticae introductio, gr. et latine, Arnheim, 1667—68, 2 vol. in-4. Къ сожалѣнію Теннуліусъ во многихъ мѣстахъ не поваль Ямвлиха, а потому его переводъ заставляетъ желать многого.

****) По словамъ Евтокія, комментарий на „Арифметику“ Никомаха были написаны *Геронасомъ*, учителемъ Прокла, жившимъ въ первой половинѣ V в. Петронъ нечѣрно называетъ Геронаса Герономъ и приписываетъ ему сочиненіе по Арифметикѣ. Маринусъ также упоминаетъ объ учителѣ Прокла Геронѣ, который по его словамъ былъ человѣкъ благочестивый и весьма свѣдущій и опытный преподаватель.

*****) Болѣе извѣстны слѣдующія изданія сочиненія Никомаха:

Νικομάχου Γερασινού ἀριθμητικῆς βιβλία δύο. Nicomachi Gerasini arithmeticae libri duo. Nunc primum typis excusi in lucem eduntur. Parisiis. 1588. in-4.

Theologumena Arithmeticae ect. Accedit Nicomachi Gerasini institutio arithmetica ad fidem codicum Monacensium emendata. Edidit F. Astius. Lipsiae. 1817. in-8.

Specimen Arithmeticae Nicomacheae. При этомъ изданіи приложены схолии, прибавленные издателемъ Нобе (Nobbe). Lipsiae. 1828. in-8.

Въ послѣднее время „Арифметика“ Никомаха была издана Гохомъ подъ заглавіемъ: Ἰωάννου Γραμματικοῦ Ἀλεξανδρέως τοῦ Φιλοπόνου εἰς τὸ δεύτερον τῆς Νικομάχου ἀριθμητικῆς εἰσαγωγῆς. Primum edidit Ricardus Hoche. Berolini. 1867. in-8. Изданіе это есть „Арифметика“ Никомаха съ комментаріями Филопонуca.

Коснувшись „Арифметики“ Никомаха мы считаемъ необходимымъ вернѣтъ разсмотрѣть, что понимали древніе греческіе математики подъ именемъ Арифметики.

Часть математики, извѣстная у насъ подъ именемъ *Арифметики* у Грековъ составляла двѣ совершенно различныя науки. Подъ именемъ *Арифметики* (*Ἀριθμητική*) они понимали науку о числахъ, предметъ которой изслѣдованіе свойствъ чиселъ и раздѣленіе ихъ на классы, какъ то на четныя и нечетныя, простыя и составныя и т. д. Арифметика у Грековъ есть собственно наука теоретическая. Въ такомъ духѣ написаны почти всѣ Арифметики древнихъ Грековъ, и въ томъ числѣ самая извѣстная изъ нихъ— „Арифметика“ Никомаха. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ нѣтъ и помину о какихъ либо практическихъ примѣненіяхъ. Практическая Арифметика составляла совершенно отдѣльную науку и была извѣстна подъ именемъ *Логистики* (*Λογιστική*), а также *Λογισμός*). Подобное раздѣленіе Арифметики было принято Платономъ и вѣроятно было установлено еще до него. Проклъ еще опредѣленнѣе устанавливаетъ различіе между теоретическими науками: Геометріей и Арифметикой съ одной стороны, и практическими: Геодезіей и Логистикой съ другой стороны; Проклъ говоритъ: „первыя (науки) разсматриваютъ фигуры и числа относительно ихъ самихъ; вторыя же разсматриваютъ фигуры и числа только по отношенію ихъ къ виду и численности дѣйствительно существующихъ предметовъ“. Дѣленіе математическихъ наукъ на *теоретическія* (*θεωρητά*) и на *практическія* (*αἰσθητά*), на сколько намъ извѣстно, было предложено въ первый разъ Геминусомъ, жившемъ за 70 л. до Р. Х. Проклъ, въ своихъ комментаріяхъ, говоритъ: „Многіе полагаютъ, въ томъ числѣ и Геминусъ, что математическія науки слѣдуетъ раздѣлить на отдѣлы инымъ образомъ; мнѣніе свое они основываютъ на томъ, что предметъ однихъ изъ наукъ—понятія доступныя нашему уму, а другихъ—изслѣдованіе и изученіе свойствъ дѣйствительно существующихъ предметовъ. Подъ именемъ понятій, доступныхъ нашему уму, они понимаютъ всѣ такія представленія, которыя доступны уму, не принимая въ соображе-

---

Изъ сочиненій написанныхъ по поводу „Арифметики“ Никомаха особеннаго вниманія заслуживаютъ:

Joachim Camerarius. De Graecis latinisque numerorum notis et praeterea Saracenicis seu Indicis. Explicatiunculae Arithmeticae doctrinae Nicomachi. 1556. Lipsiae. Вновь напечатано въ изданіи сочиненій Ямвлиха, данномъ Теннуліусомъ подъ заглавіемъ: *Explicationes J. Camerarii Papeberg. in duos libros Nicomachi Geraseni Pythagorei deductionis ad scientiam numerorum. Daventriae. 1667. in-4.*

Th. Taylor theoric arithmetic in three books, containing the substance of all that has been written on this subject by Theo Smyrna, Nicomachus, Jamblichus and Boetius. London. 1816. in-8. Последнее сочиненіе есть одна изъ рѣдчайшихъ книгъ.

ніе матеріальнихъ формъ. Науки, предметъ которыхъ составляютъ понятія, доступнія нашему уму, раздѣляются на два главныхъ и основныхъ отдѣла: Ариѳметика и Геометрія. Науки-же, содержаніе которыхъ составляютъ дѣйствительно существующіе предмети, дѣлятся на шесть отдѣловъ: Механика, Астрономія, Оптика, Геодезія, Музыка и Логистика*. Затѣмъ Прокль говоритъ, что Геометрія дѣлится на два отдѣла: Планиметрію и Стереометрію. Далѣе Прокль продолжаетъ: „Подобнымъ образомъ Ариѳметика раздѣляется на теорію линейныхъ чиселъ, плоскихъ чиселъ и тѣлесныхъ чиселъ; она разсматриваетъ составъ чиселъ, какъ происшедшихъ отъ единицы, затѣмъ она разсматриваетъ происхожденіе плоскихъ чиселъ, какъ подобныхъ, такъ и неподобныхъ; далѣе она разсматриваетъ происхожденіе чиселъ третьяго измѣренія. Науки, соотвѣтствующія упомянутымъ выше, Геодезія и Логистика, занимаются не фигурами и числами, доступными нашему уму, а дѣйствительно существующими предметами. Въ самомъ дѣлѣ, измѣреніе цилиндра и конуса не есть предметъ Геодезіи, напротивъ, предметъ ея—измѣреніе конусообразныхъ кучъ и цилиндрическихъ колодцевъ..... Съ другой стороны, логистикъ разсматриваетъ свойства чиселъ не по отношенію ихъ къ дѣйствительно-существующимъ предметамъ; а потому онъ даетъ имъ наименованія по отношенію къ измѣренному, называя ихъ $\mu\eta\lambda\acute{\iota}\tau\alpha\varsigma$ и $\varphi\alpha\lambda\acute{\iota}\tau\alpha\varsigma$ “.

Изъ сказаннаго видно, что подъ *Ариѳметикой* понимали въ древности теоретическую науку, а подъ *Логистикой*—практическую. Подобное различіе сохранили и Арабы, а послѣ нихъ Персы. Въ одной изъ парафразъ „Киласать-аль-Гисаба“ (*Khilasat-al-Hisab*—эссенція искусства считать*), сочиненія, написаннаго Магомедомъ-Бегъ-Еддиномъ (*Mohamed-Beha-Eddin*), жившаго въ XVI в., находится слѣдующее раздѣленіе Ариѳметики: „Наука о числахъ бываетъ двухъ родовъ: одна спекулятивная, предметъ которой изслѣдованіе свойствъ присущихъ самимъ числамъ, на греческомъ языкѣ наука эта носитъ названіе Ариѳметики. Другая наука—практическая, это наука, которая учитъ какъ при помощи извѣстныхъ чиселъ отыскиваются неизвѣстныя“.

Теонъ Смирнскій жилъ въ началѣ II в. по Р. Х. **) и много занимался теоріей чиселъ. Теонъ написалъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ

*) The *Khoolasut-ool-Hisab*, a compendium of arithmetic and geometry in the arabic language by Buhae-ood-Deen of Amool in Syria, with a translation into Persian and commentary by the late Muolawee Ruoshun Ulec of Juonpoor; to which is added a treatise on Algebra by Nujm-ood-deen Ulec Khan, head Qazee, to the Sudr Deewance and Nizamut Udalut ect. Calcutta. 1812. in-8.

**) Птоломей упоминаетъ о наблюденіяхъ Теона надъ Меркуріемъ и Венерой, произведенныхъ между 129 и 182 гг. по Р. Х.

дошли до насъ слѣдующія: „О предметахъ въ математикѣ, полезныхъ при чтеніи Платона“ (Τὼν κατὰ μαθηματικὴν χρῆσιν εἰς τὴν τοῦ Πλάτωνος ἀνάγνωσιν); оно состоитъ изъ пяти книгъ, содержаніе которыхъ: арифметика и музыкальное соотношеніе между числами, Геометрія, Стереометрія, астрономія и музыка *). Другое сочиненіе Теона носитъ заглавіе: „Малый астрономъ“ (μικρὸς Ἀστρονόμος)—это сборникъ, которымъ пользовались въ Александрійской школѣ. Сборникъ этотъ состоялъ изъ „Сферики“ Теодосія, въ трехъ книгахъ; „Данныхъ“, „Оптики“ и „Феноменъ“ Евклида; „Книги о жилищахъ“ и „О дняхъ и ночахъ“ Теодосія въ двухъ книгахъ; сочиненій Автолика „О восхожденіи и захожденіи“ и „Движущейся сферы“; сочиненіе Аристарха Самосскаго „О величинахъ и разстояніяхъ“, сочиненіе Гипсикла „О восхожденіяхъ“ и наконецъ трехъ книгъ „Сферики“ Менелая. Всѣ эти сочиненія, исключая послѣдней книги сочиненія Менелая, дошли до насъ. Послѣднее сочиненіе Теона имѣетъ интересъ, какъ указывающее на состояніе Астрономіи въ Александрійской школѣ въ I в. по Р. Х. Сочиненіе это заключаетъ много данныхъ для исторіи Астрономіи, въ немъ заключается много весьма цѣнныхъ отрывковъ изъ сочиненій Пифагора, Эратосфена и др. Въ этомъ же сочиненіи упоминаются имена астрономовъ, труды и дѣятельность которыхъ намъ совершенно неизвѣстна, какъ напр. Адрастъ, Деркидъ, Александръ Этолійскій и мн. др.

Теона Смирнскаго часто смѣшиваютъ съ Теономъ Александрійскимъ, жившимъ въ IV в., объ этомъ послѣднемъ мы скажемъ въ свое время. Теона Смирнскаго также иногда называютъ Теономъ Старшимъ.

Птоломей былъ вмѣстѣ астрономъ и геометръ. Время когда жилъ и мѣсто рожденія Клавдія Птолемея въ точности неизвѣстны, нѣкоторые полагаютъ, что онъ родился въ Птолемаидѣ или же въ Пелузіи, въ Египтѣ. Ученую его дѣятельность относятъ къ промежутку времени между 125 г. и 160 г. по Р. Х. Извѣстно только, что Птоломей производилъ астрономическія наблюденія въ Александріи въ 139 г.

Познанія его были громадны. Большая часть сочиненій, написанныхъ

---

*) До насъ дошли только первая и четвертая книги этого интереснаго сочиненія. Арифметика и ученіе о интервалахъ были изданы Бульо (Boulliau) въ 1644 г. съ латинскимъ переводомъ. Впослѣдствіи, въ 1827 г., сочиненіе это было снова издано голландцемъ Гелдеромъ (De Gelder); изданіе это заключаетъ пропуски и вообще неудовлетворительно. Астрономія впервые была издана въ 1849 г. Мартеномъ (H. Martin) съ весьма хорошими комментаріями. Въ своемъ сочиненіи Мартенъ указываетъ, что Астрономія Теона была извѣстна еще въ древности, такъ какъ философъ Халкидій (Chalcidius), принадлежавшій къ платоновской школѣ и жившій между IV и VI вв., включилъ сочиненіе Теона въ свои комментаріи на „Тимей“ Платона, не упоминая даже имени автора. Подлогъ этотъ былъ открытъ Мартеномъ.

Птоломеевъ относится къ Астрономіи. Онъ собралъ въ одно цѣлое все извѣстное по этому предмету, прибавилъ свои собственные открытія и написалъ сочиненіе, названное имъ: „Математическій синтаксисъ“ (Μαθηματικὴ σύνταξις), впоследствии названіе это замѣнили другимъ, именно „большое сочиненіе“. Но сочиненіе это болѣе извѣстно подъ именемъ „Альмагеста“, названіе это произошло отъ арабскаго члена *аль* и греческаго слова μέγιστος — *очень большой*, отсюда и произошло названіе *Almagisti* *). Сочиненіе это впервые стало извѣстно въ переводѣ на арабскій языкъ, переводъ этотъ относить къ IX в.; затѣмъ въ XIII в. оно было переведено на еврейскій языкъ испанскими евреями. Греческій текстъ Альмагеста вѣроятно былъ-бы потерянъ, если-бы не понадобилось опредѣлить болѣе точно время праздника Пасхи и другихъ подвижныхъ праздниковъ, вопросъ же этотъ издавна былъ предметомъ многихъ споровъ между представителями духовенства. Бозцій первый перевелъ Альмагестъ на латинскій языкъ, а императоръ Фридрихъ II приказалъ, около 1230 г., сдѣлать новый переводъ на латинскій языкъ съ арабскаго текста **).

*) Арабскій писатель X вѣка Масуди (Masoudi) названіе Альмагестъ объясняетъ иначе: онъ полагаетъ, что содержаніе этого сочиненія заимствовано изъ индусскаго сочиненія *Almagist*, нинѣ утеряннаго, но такое объясненіе не заслуживаетъ вниманія.

**) Впервые переводъ „Альмагеста“ съ греческой рукописи на латинскій языкъ былъ сдѣланъ Георгіемъ Трапезунтскимъ, около 1474 г., по приказанію папы Николая V. Греческій текстъ былъ принесенъ въ Италію византійскими учеными, искавшими тамъ убѣжища послѣ взятія Константинополя Турками въ 1453 г. Первое печатное изданіе „Альмагеста“ появилось въ Венеціи, въ 1496 г., на латинскомъ языкѣ; это есть извлеченіе изъ латинскаго перевода Герарда Кремонскаго, сдѣланное Пурбахомъ и Регіомонтанусомъ. Переводъ Герарда есть извлеченіе изъ арабскаго комментарія на Альмагестъ, сдѣланный Геберомъ Севальскимъ въ XII в. Переводъ Регіомонтануса былъ снова напечатанъ въ Нюрнбергѣ въ 1550 г. и затѣмъ еще нѣсколько разъ. Переводъ Георгія Трапезунтскаго былъ напечатанъ только въ 1527 г. въ Венеціи. Первое печатное изданіе „Альмагеста“ въ переводѣ на латинскій языкъ, съ арабскаго текста, было напечатано въ Венеціи въ 1515 г. in-fol. у Петра Лихтенштейна. До сихъ поръ извѣстенъ только одинъ экземпляръ этого изданія, принадлежащій библиотекѣ Парижской Академіи Наукъ. Самая древняя изъ дошедшихъ до насъ греческихъ рукописей Альмагеста относится къ VI в.; въ настоящее время она принадлежитъ Парижской Национальной Библиотекѣ. Рукопись эта написана на 50 1/2 кожахъ, она была привезена изъ Константинополя, послѣ взятія этого города Турками, родственникомъ византійскаго императора Іоанномъ Ласкарисомъ и подарена Лоренцо Медичи. На первомъ листѣ рукописи находится надпись, изъ которой видно, что рукопись эта была подарена Ласкарису Аттаромъ Книпрскимъ. Впоследствии рукопись эту перевезла во Францію Екатерина Медичи.

Въ 1538 г. въ первый разъ появился въ печати, въ Базелѣ, подлинный греческій текстъ „Альмагеста“, съ комментаріями Теона, благодаря заботамъ Гринеуса. Греческая рукопись, которою пользовался Гринеусъ при своемъ изданіи „Альмагеста“, была подарена Нюрнбергской библиотекѣ Регіомонтанусомъ. Регіомонтанусу она была завѣщана кардиналомъ Бес-

Изложимъ вкратцѣ содержаніе этого замѣчательнаго сочиненія. „Альмагестъ“ это трактатъ по Астрономіи. Въ немъ изложено то, что въ настоящее время извѣстно подъ именемъ системы *Птолемея*. Въ основаніи этой системы принято, что въ центрѣ вселенной находится неподвижное тѣло—земля, около которой вращаются, вокругъ одной оси, но въ различныхъ сферахъ, всѣ прочія небесныя тѣла, въ слѣдующемъ порядкѣ: Луна, Меркурій, Венера, Солнце, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ и наконецъ неподвижныя звѣзды. Система эта господствовала въ теченіи многихъ столѣтій, до самаго Коперника. Въ началѣ своего сочиненія Птоломей говоритъ: „мы попытаемся объяснить небесныя явленія, принявъ въ основаніе только то, что очевидно, дѣйствительно и вѣрно“. Птоломей желаетъ придерживаться метода геометрическаго—метода самаго точнаго и слѣдовать путемъ доказательствъ, но къ сожалѣнію онъ весьма часто слѣдуетъ этому методу, выходя изъ совершенно ложныхъ основаній, ни на чемъ не основанныхъ.

„Альмагестъ“ Птолемея состоитъ изъ тринадцати книгъ, мы только укажемъ вкратцѣ, что содержитъ каждая изъ нихъ, такъ какъ болѣе подробное разсмотрѣніе этого сочиненія относится къ Астрономіи.

I-я книга состоитъ изъ двухъ частей, въ первой изложена система Птолемея, предложенная имъ для объясненія явленій небесныхъ; во второй части изложены необходимыя, при изученіи Астрономіи, начала прямолинейной и Сферической Тригонометріи. Въ основаніи своей Тригонометріи Птоломей положилъ предложеніе относительно свойствъ шести отрѣзковъ на сторонахъ сферическаго треугольника; для доказательства этого предложенія, впервые предложеннаго, какъ мы замѣтили уже выше, Менелаемъ, Птоломей пользуется аналогичнымъ предложеніемъ для треугольника на плоскости, именно, что сѣкущая, проведенная въ плоскости треугольника, разсѣкаетъ его стороны такъ, что произведеніе трехъ отрѣзковъ, не имѣющихъ общихъ конечностей, равно произведенію трехъ остальныхъ. Предложеніе это есть обобщеніе основнаго предложенія пропорціональных линій, именно, что прямая, проведенная параллельно основанію треугольника, разсѣкаетъ стороны его на части пропорціональныя. Въ этой же книгѣ находится также предложеніе, впоследствии извѣстное подъ именемъ *теоремы Птолемея*, что произведеніе

саріономъ, умершимъ въ 1472 г. Рассказываютъ, что Бессаріонъ рукописъ эту цѣнилъ болѣе цѣлой провинціи; изъ этого можно заключить какое значеніе придавали сочиненію Птолемея въ эпоху возрожденія наукъ въ Европѣ. Въ настоящее время рукописъ эта утеряна. Полагаютъ, что рукописъ эта заключала не „Альмагестъ“, а только комментарій Теона на это сочиненіе. Вслѣдствіе было много другихъ изданій „Альмагеста“. Однимъ изъ лучшихъ изданій считаютъ переводъ на французскій, съ греческимъ текстомъ, изданный Halma, въ Парижѣ, въ 1813 и 1816 годахъ, въ двухъ томахъ.

діагоналей, вписаннаго въ кругъ, четырехугольника равно суммѣ произведеній его противоположныхъ сторонъ. Въ этой же части показано устройство *таблицы хордъ*, при чемъ Птоломей поступаетъ такимъ образомъ: съ помощію нѣкоторыхъ предложеній относительно четырехугольника, вписаннаго въ кругъ, между которыми находится и теорема Птолемея, и зная стороны, вписанныхъ въ кругъ—треугольника, четырехугольника, пятиугольника, шестиугольника и десятиугольника, онъ вычисляетъ стороны всѣхъ прочихъ многоугольниковъ, въ 120-хъ доляхъ діаметра, при чемъ окружность дѣлитъ на 360 частей. Такимъ путемъ Птоломей строитъ таблицы хордъ для дугъ отъ 0° до 180° , отъ 30 до 30 минутъ.

Это суть *первыя* тригонометрическія таблицы. Устройство такихъ таблицъ было необходимо, такъ какъ безъ нихъ невозможно произвести ни одного астрономическаго вычисленія, которыя необходимы въ практической Астрономіи.

II-я книга почти вся содержитъ опредѣленіе угловъ, составленныхъ пересѣченіями эклиптики съ меридіаномъ, съ горизонтомъ и съ вертикальнымъ кругомъ.

III-я книга трактуетъ о продолжительности года, на основаніи данныхъ, найденныхъ Гиппархомъ; въ этой же книгѣ изложена теорія эксцентрикъ и эпициклъ.

IV-я и V-я книги посвящены движеніямъ луны.

VI-я книга рассматриваетъ параллаксы солнца и луны, а также показанъ способъ вычислять затмѣнія.

VII-я книга посвящена *звѣздамъ*; въ этой книгѣ помѣщенъ каталогъ неподвижныхъ звѣздъ, при чемъ даны ихъ положенія, въ видѣ долготы и широты.

VIII-я книга продолженіе звѣзднаго каталога и описаніе Млечнаго пути. Въ этой книгѣ показано устройство небеснаго глобуса.

IX, X, XI, XII и XIII-я книги трактуютъ о планетахъ, ихъ орбитахъ, величинѣ, періодическомъ ихъ возвращеніи, ихъ эксцентрикахъ и эпициклахъ.

Изъ другихъ сочиненій Птолемея нѣкоторыя пользуются такою же извѣстностью, какъ и его „Альмагестъ“. Въ числѣ такихъ сочиненій упомянемъ его „Трактатъ по Географіи“ (*Γεωγραφικὴ ὑφήγησις*), въ восьми книгахъ; сочиненіе это состоитъ изъ простаго перечета болѣе 2500 мѣстъ на земномъ шарѣ, при чемъ даны широты и долготы этихъ мѣстъ. До XVI вѣка сочиненіе это служило путеводителемъ всѣмъ путешественникамъ *). Кромѣ поименованныхъ двухъ сочиненій Птолемея упомянемъ еще слѣдующія:

*) „Географія“ Птолемея впервые была издана въ Римѣ въ 1462 г. на латинскомъ языкѣ. Самымъ лучшимъ изданіемъ считаютъ изданіе Монтануса, съ картами Меркатора. Оно состоитъ изъ латинскаго и греческаго текстовъ и было напечатано въ 1606 г., въ Амстердамѣ.

„*De Planispherio*“, дошедшее до насъ въ переводѣ на арабскій языкъ; содержаніе этого сочиненія—проложеніе на плоскость всѣхъ сѣченій шара плоскостью.

„*De Analemmate*“ также дошло до насъ только въ переводѣ на арабскій языкъ; содержаніе его составляетъ также проложеніе шара на плоскость. Терминъ *аналемма* почти тоже что *лемма*; *аналемма* относительно графическаго построенія тоже, что *лемма* относительно геометрическаго предложенія. Въ этомъ сочиненіи показанъ способъ *стереографической проекціи* и ея примѣненіе. Изъ этого мы можемъ заключить, что Птоломей одинъ изъ первыхъ положилъ основаніе въ Геометріи *методу проекцій*, который онъ примѣнилъ къ устройству географическихъ картъ. Сочиненіе „*Аналеммы*“ по мнѣнію Делаμβра принадлежитъ не Птоломею, а Гиппарху.

Птоломею приписываютъ также сочиненіе „О трехъ измѣреніяхъ тѣлъ“, въ которомъ онъ первый упоминаетъ о трехъ прямоугольных осяхъ, къ которымъ новѣйшіе геометры относятъ положеніе точки въ пространствѣ—*объ осяхъ координатъ*. Кромѣ упомянутыхъ нами сочиненій Птоломей написалъ еще нѣсколько другихъ, изъ нихъ нѣкоторыя относятся къ „*Альмагесту*“, въ томъ числѣ „О восхожденіи и захожденіи свѣтилъ“ и „Предсказанія“. Другія же относятся скорѣе къ астрологіи, какъ напр. „*Тетрабиблионъ*“ (*Tetrabiblos syntaxis*) или „*Четырехкнижіе*“ *) и маленький сборникъ, состоящій изъ ста афоризмовъ, подъ заглавіемъ „*Centiloquium*“ или „*Κάρπος*“. Птоломей написалъ также „Начала музыки“ и „Оптику“, въ которой рѣшена чисто геометрическая задача, занимавшая многихъ первоклассныхъ геометровъ, именно: найти на сферическомъ зеркалѣ положеніе изображенія, для даннаго положенія глаза наблюдателя и свѣтящейся точки. Кромѣ того Птоломей составилъ хронологическую таблицу подъ заглавіемъ „Канонъ царствованій“ (*Κανὼν βασιλείων*), въ которой перечислены всѣ ассирійскіе, мидійскіе, персидскіе, греческіе и римскіе цари, начиная отъ Набоноссара, жившаго за 746 до Р. Х., до Антонина Пія; сочиненіе это имѣетъ важное значеніе для историковъ. По словамъ Паппуса и Евтокія Птоломей написалъ сочиненія по Механикѣ; а Прокль упоминаетъ сочиненіе Птолемея „*à minoribus quàm duo recti productas coincidere*“; въ этомъ сочиненіи Птоломей стремился доказать основы „Началъ“ Евклида и защитить его отъ упрековъ, дѣлаемыхъ ему за принятіе этихъ основъ. Въ особенности подробно была разобрана одиннадцатая аксіома—извѣстный постулатъ Евклида. Нѣ-

---

*) *Порфирій*, ученикъ Плотина, жившій въ срединѣ III в., написалъ введеніе къ „Четырехкнижію“ Птолемея. Кромѣ того Порфирій написалъ: „Очерки Ариметики“, „О математическихъ свойствахъ чиселъ“; эти сочиненія до насъ не дошли. Кромѣ этихъ сочиненій онъ написалъ много другихъ.

которые отрывки изъ этого сочиненія сохранилъ намъ Проклъ въ своихъ комментаріяхъ на первую книгу „Началь“ Евклида.

„Альмагестъ“ Птолемея комментировали многіе ученые, изъ древнихъ—Теонъ и Паппусъ, а изъ новѣйшихъ ученыхъ Герардъ Кремонскій и Региомонтанусъ.

Гипсиклъ преподавалъ Астрономію въ Александрійской школѣ. Время когда онъ жилъ въ точности неизвѣстно, но болѣе вѣроятія заслуживаетъ мнѣніе, по которому онъ жилъ около 180 г. по Р. Х. Гипсиклъ авторъ астрономическаго сочиненія „О яркихъ восхожденіяхъ звѣздъ въ зодіакѣ“. Нѣкоторые приписываютъ ему также XIV и XV книги „Началь“ Евклида, но такое мнѣніе едва-ли заслуживаетъ довѣрія.

Серенусъ, родомъ съ острова Лесбоса, написалъ двѣ книги „О сѣченіяхъ цилиндра и конуса“*); онъ стремился показать, вопреки распространенному мнѣнію, что эллипсъ, полученный отъ сѣченія конуса, ничѣмъ не отличается отъ эллипса, полученнаго отъ пересѣченія цилиндра. Кромѣ того, онъ произвелъ интересныя изслѣдованія надъ сѣченіями конуса, проходящими чрезъ его вершину. Время въ которое жилъ Серенусъ точно неизвѣстно, полагають во II столѣтіи послѣ Р. Х.

Филонъ изъ Гадары. Время, когда онъ жилъ въ точности неизвѣстно, нѣкоторые полагають, что онъ жилъ около I в. по Р. Х. По словамъ Евтокія, въ его комментаріяхъ на сочиненіе Архимеда „Объ измѣреніи круга“, Филонъ довелъ до десятитысячныхъ приближенное выраженіе отношенія окружности къ діаметру, данное Архимедомъ.

Поръ (Πόρς), или какъ его называетъ Монтукла *Споръ* (Sporus), ученикъ Филона, извѣстенъ рѣшеніемъ задачи „о двухъ средне-пропорціональных“. Рѣшеніе это сохранилъ намъ Евтокій; оно почти не отличается отъ рѣшенія, предложеннаго Паппусомъ. Евтокій въ своихъ комментаріяхъ на сочиненіе Архимеда „Объ измѣреніи круга“ говоритъ, что Поръ написалъ сочиненіе „Κηρία“. Въ другомъ мѣстѣ того же комментарія Евтокій сочиненіе это приписываетъ Аристотелю.

Зенодоръ жилъ, по предположенію Кантора, во II в. по Р. Х. Онъ написалъ сочиненіе о изометрахъ и изопериметрахъ, подъ заглавіемъ „Περὶ ἰσομέτρων συχημάτων“. Теонъ въ своихъ комментаріяхъ на „Альмагестъ“ Птолемея приводитъ отрывки изъ этого сочиненія. Въ своемъ сочиненіи Зенодоръ доказываетъ, что изъ всѣхъ изопериметрическихъ фигуръ, наибольшая та, которая имѣетъ наибольшее число сторонъ и угловъ. Изъ этого слѣдуетъ, что кругъ есть наибольшая изъ всѣхъ такихъ фигуръ. Ту же теорему

*) Сочиненіе Серенуса было издано Галлеемъ при „Коническихъ Сѣченіяхъ“ Аполлонія.

Зенодоръ доказываетъ для шара и соответствующихъ ему тѣлъ. Далѣе онъ доказываетъ, что изъ всѣхъ изопериметрическихъ фигуръ наибольшая та, которой всѣ стороны равны между собою.

Отрывки изъ сочиненія Зенодора изданы Гультшемъ подъ заглавіемъ: „Zenodori commentarius de figuris isometris cum Pappi libro V collatus“ и помѣщены въ III-мъ томѣ его изданія „Математическихъ Коллекцій“ Паппуса.

Въ этомъ же томѣ помѣщено другое сочиненіе о изопериметрахъ, написанное неизвѣстнымъ авторомъ и неизвѣстно когда. Заглавіе этого сочиненія: „Anonymi commentarius de figuris planis isoperimetris. Accedit fragmentum de figuris solidis aequalom superficiem habentibus“.

Діофантъ принадлежитъ къ числу самыхъ видныхъ представителей второй Александрійской школы; хотя по Геометріи онъ ничего не написалъ, но мы считаемъ необходимымъ вкратцѣ познакомиться съ содержаніемъ его сочиненій, указавъ предварительно на состояніе, въ которомъ находилась до Діофанта та часть математики, которая извѣстна нынѣ подъ именемъ *Алгебры* и творцемъ которой многіе считаютъ Діофанта, называя его *отцомъ Алгебры*. Мы сначала рассмотримъ, что было сдѣлано по этому предмету до IV в., т. е. до Діофанта, а потомъ уже коснемся содержанія его сочиненій и укажемъ на ихъ характеристическія особенности.

Такое отступленіе для насъ важно сдѣлать еще въ томъ отношеніи, что когда мы будемъ разбирать развитіе Геометріи въ XVI столѣтіи, то намъ придется коснуться чисто алгебраическихъ вопросовъ, какъ напр. рѣшенія уравненій 3-й и 4-й степеней, вычисленія корней уравненій и т. п. Дальнѣйшее развитіе Геометріи такъ тѣсно связано съ вопросами подобнаго рода, что разсмотрѣніе ихъ для насъ необходимо.

Въ исторіи развитія Алгебры извѣстный знатокъ математической литературы древнихъ Нессельманъ*), различаетъ три существенно-отличные другъ отъ друга періода:

1) *Алгебра риторическая*—это первая и самая низкая ступень, когда всѣ дѣйствія и всѣ величины выражаются словами, въ этотъ періодъ никакихъ символовъ не существуетъ. Между древними математиками слѣдовавшими по этому пути можно указать на *Тимарида*, *Ямвлиха*, а также на арабскихъ и персидскихъ математиковъ. Къ числу послѣдователей этого періода можно отнести первыхъ итальянскихъ математиковъ и ихъ ученика Региомонтануса.

Древніе греческіе математики еще во время Платона прилагали геометрическій анализъ къ вычисленіямъ—это собственно и нужно признать за начало Алгебры. Приложить подобный анализъ къ числамъ для древ-

*) Nesselmann. Die Algebra der Griechen. 1842.

нихъ геометровъ было дѣломъ нелегкимъ, они не могли, для нихъ было слишкомъ труднымъ слѣдовать пути, по которому они шли въ Геометріи, гдѣ они разсматривали извѣстную фигуру, напр. треугольникъ, не обращая вниманія на всѣ тѣ различныя значенія и случаи гдѣ мы можемъ этой фигурѣ приурочивать то тѣ, то другія значенія. Въ Геометріи они сумѣли производить свои разсужденія надъ вполне абстрактными фигурами, лишеными всякихъ постороннихъ свойствъ и не ограниченныхъ различными условіями. Совершенно другое представляли числа: здѣсь они не могли разсматривать совершенно абстрактныя—отвлеченныя численныя представленія, понятіе о числѣ сопровождалось всегда неизбѣжными понятіями о количествахъ и родѣ единицъ. Буквы алфавита не могли также служить имъ для обобщеній, потому что съ представленіемъ буквы соединялось всегда понятіе о числѣ, такъ какъ буквы греческаго алфавита играли роль нашихъ цифръ *). Справедливость подобнаго предположенія можно видѣть еще въ томъ, что единственная буква греческаго алфавита ϵ , которая не служила обозначеніемъ числа, была принята греческими математиками для обозначенія неизвѣстной величины. Кто первый придалъ ей такое значеніе—неизвѣстно, такъ какъ по этому предмету нѣтъ никакихъ положительныхъ указаній. На сколько намъ извѣстно *Тимаридъ*, одинъ изъ учениковъ Пифагора **), первый сталъ отличать неизвѣстныя величины отъ извѣстныхъ. Къ сожалѣнію сочиненія Тимарида до насъ не дошли, все что намъ извѣстно о немъ, мы знаемъ изъ комментарій Ямвлиха на „Арифметику“ Никомаха. Онъ говоритъ, что Тимариду принадлежитъ методъ, названный Ямвлихомъ *эпантима* ($\epsilon\pi\alpha\nu\theta\eta\mu\alpha$) ***), при помощи этого приема можно

*) Цифры греки обозначали рядомъ буквъ греческаго алфавита: $\alpha, \beta, \gamma, \delta, \dots$; которыя соответствовали ряду 1, 2, 3, 4, ...

**) Нессельманъ считаетъ Тимарида современникомъ Ямвлиха, но мнѣніе свое онъ ни на чемъ не основываетъ.

***) Приемъ, предложенный Тимаридомъ и названный Ямвлихомъ *эпантима* ($\epsilon\pi\alpha\nu\theta\eta\mu\alpha$) или *эпантима* (Теннеліусъ перевелъ этотъ терминъ *florida sententia*) состоитъ по его словамъ въ слѣдующемъ: „если извѣстныя и неизвѣстныя величины, взятыя, равны данной, и одна изъ нихъ съ каждой изъ остальныхъ составляетъ суммы, то сумма всѣхъ этихъ паръ по вычитаніи первоначальной суммы, равна неизвѣстному числу, если дано три величины; равна удвоенной неизвѣстной если ихъ четыре; утроенной неизвѣстной если ихъ пять; учетверенной неизвѣстной если ихъ шесть и т. д.“ Въ переводѣ на нынѣшній алгебраическій языкъ эпантима Тимарида заключается въ слѣдующемъ правилѣ: если извѣстна S сумма n величинъ $x + y_1 + y_2 + y_3 + \dots + y_{n-1}$ и также извѣстны $x + y_1 = s_1, x + y_2 = s_2, x + y_3 = s_3, \dots, x + y_{n-1} = s_{n-1}$, то если изъ суммы всѣхъ этихъ суммъ вычтемъ сумму S , то неизвѣстная величина опредѣлится, т. е.

$$s_1 + s_2 + s_3 + \dots + s_{n-1} - S = (n-2)x.$$

было найти при посредствѣ извѣстныхъ величинъ неизвѣстныя. Нѣкоторые видятъ въ этомъ начало алгебраическихъ уравненій. Эпантима Тимарида начинается слѣдующими словами: „если извѣстныя и неизвѣстныя величины равны данному числу“. Тимаридъ единицу называлъ *конечнымъ* числомъ (*περαίνουσα ποσότης*), а простыя числа *линейными* или *прямолинейными*, такъ какъ они не могутъ выражать площадь. Въ комментаріи Ямвлиха мы встрѣчаемъ рѣшеніе двухъ вопросовъ, которые приводятся къ тремъ уравненіямъ первой степени съ четырьмя неизвѣстными. При рѣшеніи этихъ вопросовъ дѣйствія всѣ производятся словами—риторически.

2) *Алгебра синкопическая*—сокращенныхъ словъ—это вторая ступень въ развитіи Алгебры, въ этотъ періодъ начинаютъ сокращать слова и появляются нѣкоторые знаки. Къ послѣдователямъ этого періода принадлежитъ Діофантъ; такому направленію слѣдуютъ до половины XVII столѣтія, хотя уже прежде Віетъ полагаетъ первыя основы третьей ступени въ развитіи Алгебры, именно:

3) *Алгебра символической*, въ которой всѣ дѣйствія и обозначенія производятся при помощи однихъ только символовъ, которые совершенно замѣняютъ словесныя толкованія и риторическія представленія. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что еще задолго до XVII столѣтія символическій приѣмъ достигъ уже довольно высокой степени развитія въ Алгебрѣ индусскихъ математиковъ; этого вопроса мы коснемся послѣ.

Перейдемъ теперь къ *Діофанту*. Время когда жилъ Діофантъ намъ въ точности неизвѣстно, по этому поводу существуетъ между учеными разногласіе, а съ достовѣрностью можно сказать, что Діофантъ жилъ въ концѣ IV в. не задолго до Теона. Ни Проклъ, ни Паппусъ, не упоминаютъ ни его имени, ни его сочиненій. Болѣе вѣроятія заслуживаетъ указаніе Абульфараги *), который говоритъ, что Діофантъ жилъ въ царствованіе Юліана Отступника (361—363 гг.). Кромѣ того есть указанія на Діофанта въ 1-й книгѣ комментарій Теона и въ сочиненіи Іерусалимскаго патріарха Іоанна „Жизнь Іоанна Дамаскина“. Въ своихъ сочиненіяхъ Діофантъ не упоминаетъ именъ математиковъ, кромѣ Гипсикла; къ сожалѣнію когда жилъ Гипсиклъ намъ также неизвѣстно съ достовѣрностью, мы отнесли его ко II в. по Р. Х. Нѣкоторые ученые ссылаются еще на „Лексиконъ“ Свида, въ которомъ сказано, что Гипатія написала комментаріи къ астрономиче-

---

Давая и значенія 3, 4, 5, 6, ... легко повѣрить правило данное Тимаридомъ. Изъ сказаннаго видно, что эпантима есть способъ для рѣшенія уравненій 1-й степени.

*) *Абульфарагъ* (Abulfaraj) крещенный еврей, родомъ изъ Арменіи, жилъ отъ 1226 г. по 1286 г. Онъ авторъ сочиненія „Chronicon Syriacum“, содержаніе котораго всеобщая исторія. Кромѣ этого сочиненія Абульфарагъ оставилъ автобіографію.

скимъ таблицамъ Діофанта; мы ничего не знаемъ о подобныхъ таблицахъ, и весьма вѣроятно, что такихъ таблицъ никогда не было, такъ какъ ни одинъ писатель не упоминаетъ о нихъ. Филологи даже находятъ, что это мѣсто въ „Лексиконѣ“ Свида вѣроятно вставлено послѣ. Изъ всего выше сказаннаго можно отнести Діофанта къ концу IV в. и положить, что онъ жилъ около 365 г. Жизнь его намъ также неизвѣстна, мы знаемъ только, что онъ принадлежалъ къ числу ученыхъ александрійской школы и жилъ въ Александріи. Мы не знаемъ навѣрное даже какъ было имя Діофанта—Діофантосъ (Διοφάντος) или же Діофантесъ (Διοφάντης), болѣе вѣроятія заслуживаетъ первое, такъ какъ намъ извѣстны изъ исторіи нѣкоторыя лица, носившія имя Діофантосъ. Въ „Anthologia Graeca“ находится эпитаграмма, приписываемая Метродору, жившему неизвѣстно когда, въ которой сказано, что „Діофантъ провелъ шестую часть своей жизни въ дѣтствѣ, двѣнадцатую—въ юности; послѣ седмой части своей жизни, проведенной въ бездѣтномъ супружествѣ, и еще пяти лѣтъ у него родился сынъ, который умеръ, достигнувши половины числа лѣтъ отца, отецъ же жилъ послѣ него только четыре года“ *). Рѣшивъ эту задачу находимъ, что Діофантъ умеръ 84 лѣтъ. Вотъ и все извѣстное о жизни Діофанта.

*) Предлагать задачи въ видѣ эпитаграммъ форма часто встрѣчаемая у древнихъ. Въ „Anthologia Graeca“ находится цѣлое собраніе подобныхъ задачъ. Задачи подобнаго рода были собраны въ сборники Константиномъ Кефаласомъ (живш. въ X в.) и Максимомъ Планудомъ (живш. въ XIV в.). Вышеприведенная эпитаграмма, въ которой требуется найти число лѣтъ Діофанта, слѣдующая:

Οὗτός τοι Διοφάντων ἔχει τάρος, ἃ μέγα θαῦμα,
 Καὶ τάρος ἐκ τέχνης μέτρα βίοιο λέγει.
 Ἐκτὴν κορυφαίαν βίβου θεὸς ὥπασε μοίρην,
 Δωδεκάτῃ δ' ἐπιθείς μῆλα πέραν χλοαίων.
 Τῇ δ' ἂρ' ἐφ' ἑβδομήκτῃ τὸ γαμήλιον ἤλκτο φέγγος,
 Ἐκ δὲ γάμων πέμπτῳ κατὰ ἐπέννευσεν ἔτει.
 Αἱ αἶ τηλόχετον δαῖδὸν τέκος, ἥμισυ πατρός,
 Τοῦ δὲ καὶ ἡ νεμερὸς μέτρον ἔλων βίβου.
 Πένθος δ' αὖ πινύρεσσι παρηγορέων ἐνιαυτοῖς
 Τῇδὲ πόσου σοφίῃ τέρμ' ἐπέρησε βίου.

Эпитаграмма эта сводится на рѣшеніе уравненія:

$$\frac{1}{6}x + \frac{1}{12}x + \frac{1}{7}x + 5 + \frac{1}{2}x + 4 = x$$

откуда

$$x = 84.$$

Въ своемъ изданіи сочиненій Діофанта Баше помѣстилъ многія изъ такихъ эпитаграммъ. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы дать понятіе о родѣ задачъ, предлагаемыхъ въ этой формѣ:

Діофантъ авторъ трехъ сочиненій: „Арифметики“, „О полигональныхъ числахъ“ и „Поризмы“. Третье изъ этихъ сочиненій до насъ не дошло. Самое замѣчательное изъ этихъ сочиненій безъ сомнѣнія первое; благодаря „Арифметикамъ“ Діофанта мы можемъ себѣ представить состояніе Алгебры у древнихъ Грековъ. Мы рассмотримъ всѣ эти три сочиненія Діофанта, каждое отдѣльно. Начнемъ съ перваго.

„Арифметики“ (Ἀριθμητικά) *) дошли до насъ въ шести книгахъ. Обыкновенно полагаютъ, что всѣхъ книгъ было тринадцать, но такое мнѣніе едва-ли справедливо, гораздо болѣе вѣроятно предположеніе, что утерянная часть заключалась между первой и второй книгами, гдѣ должно было находиться рѣшеніе неопредѣленныхъ уравненій 1-й степени и опредѣленныхъ уравненій 2-й степени, именно этихъ отдѣловъ недостаетъ въ сочиненіи Діофанта.

Діофантъ одинъ изъ первыхъ между математиками понималъ Алгебру и Арифметику такъ какъ ихъ понимаютъ новѣйшіе математики; онъ одинъ изъ первыхъ сталъ производить вычисленія безъ посредства геометрическихъ представленій, при помощи однихъ только правилъ четырехъ первыхъ дѣйствій, возвышенія въ степень и извлеченія корней. Вычисленія и дѣйствія надъ величинами, равно какъ и самыя величины Діофантъ обозначаетъ словами, но какъ мы выше замѣтили, обозначенія эти являются у него большею частью уже въ сокращенной формѣ.

Въ сочиненіяхъ Діофанта мы встрѣчаемъ, главнымъ образомъ, три рода знаковъ, во первыхъ для обозначенія неизвѣстнаго и его степеней, во вторыхъ для обозначенія абсолютнаго члена уравненія и въ третьихъ для обозначенія дѣйствія вычитанія въ уравненіяхъ. Неизвѣстное Діофантъ обозначаетъ чрезъ букву ς со знакомъ, ς' или ς^2 , въ самомъ текстѣ онъ называетъ ее $\delta \alpha\rho\theta\mu\varsigma$ —число, если коэффициентъ больше единицы, то значокъ удваивается $\varsigma\varsigma$. Квадратъ неизвѣстной величины носитъ названіе $\delta\upsilon\alpha\mu\iota\varsigma$, выраженіе это употреблялъ еще Евклидъ для обозначенія квадрата

Скажи мнѣ знаменитый Пифагоръ, сколько учениковъ посѣщаютъ твою школу и слушаютъ твои бесѣды? Вотъ сколько, отвѣтилъ философъ: половина изучаетъ математику, четверть музыку, седьмая часть пребываетъ въ молчаніи, и кромѣ того есть еще три женщины.

Найти три числа, изъ которыхъ первое прибавленное къ третьей части третьяго, равно второму, а второе, прибавленное къ третьей части перваго равно третьему, третье же больше перваго на десять?

Бассейнъ получаетъ воду изъ четырехъ трубъ, первая труба наполняетъ его въ одинъ день, вторая въ два, третья въ три, а четвертая въ четыре. Требуется найти во сколько времени наполнится бассейнъ если всѣ четыре трубы открыты одновременно?

*) Сочиненіе это Діофантъ посвящаетъ какому-то Діонисію. Въ предисловіи къ своему сочиненію онъ убѣждаетъ Діонисія серьезно заняться изученіемъ этого сочиненія.

числа; при вычисленіи квадратъ неизвѣстнаго сокращенно выражается чрезъ $\delta\bar{\upsilon}$, кубъ неизвѣстнаго носить названіе $\chi\bar{\upsilon}\beta\bar{o}\varsigma$ или сокращенно $\chi\bar{\upsilon}$. Названія высшихъ степеней составляются изъ словъ $\delta\bar{\upsilon}\nu\alpha\mu\iota\varsigma$ и $\chi\bar{\upsilon}\beta\bar{o}\varsigma$, смотря потому, какъ составлена высшая степень изъ произведенія квадратовъ и кубовъ. На основаніи такого обозначенія четвертая степень носить названіе $\delta\bar{\upsilon}\nu\alpha\mu\iota\varsigma\delta\bar{\upsilon}\nu\alpha\mu\iota\varsigma$, пятая— $\delta\bar{\upsilon}\nu\alpha\mu\iota\beta\bar{o}\chi\bar{\upsilon}\beta\bar{o}\varsigma$, шестая— $\chi\bar{\upsilon}\beta\bar{o}\chi\bar{\upsilon}\beta\bar{o}\varsigma$; знаки соотвѣтствующія этимъ степенямъ слѣдующія: $\delta\bar{\upsilon}\bar{\upsilon}$, $\delta\bar{\chi}\bar{\upsilon}$, $\chi\bar{\chi}\bar{\upsilon}$. Далѣе Діофантъ не идетъ. Этими знаками Діофантъ обозначаетъ квадратъ, кубъ, биквадратъ и т. д. величины, коей корень неизвѣстная ς' . Само слово $\delta\bar{\upsilon}\nu\alpha\mu\iota\varsigma$ употребляется только при обозначеніи квадрата неизвѣстной величины, во всѣхъ же другихъ случаяхъ квадратъ носить названіе $\tau\epsilon\tau\rho\acute{\alpha}\gamma\omega\gamma\bar{o}\varsigma$. Но слова $\chi\bar{\upsilon}\beta\bar{o}\varsigma$ и другихъ высшихъ степеней обозначаютъ кубы и т. д. и другихъ величинъ, кромѣ неизвѣстныхъ. Знаки $\delta\bar{\upsilon}$, $\chi\bar{\upsilon}$ вполне соотвѣтствуютъ нашимъ теперешнимъ обозначеніямъ x^2 , x^3 , но они включаютъ въ себѣ не только величину корня, но и саму степень. Подобное обозначеніе представляетъ не мало неудобствъ, такъ какъ видимой связи между степенями и корнями нѣтъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что подобный недостатокъ существовалъ до самаго Виѣта, такъ какъ математики неизвѣстную величину обозначали R (*radix* или *res*), ея квадратъ Z (*census*), ея кубъ C и т. д. Подобное обозначеніе сохранили, послѣ Виѣта, также Ферма и Баше, съ тою только разницею, что вмѣсто R они писали N (*numerus*), а вмѣсто Z букву Q (*quadratum*). Такъ напр. Баше писалъ уравненіе

$$1Q + 5N \text{ sint } aequales \ 24$$

которое въ настоящее время пишутъ

$$x^2 + 5x = 24$$

Виѣтъ первый устранилъ этотъ недостатокъ тѣмъ, что различныя степени A обозначалъ рядомъ $Aq.$, $Ac.$, $Aqq.$ соотвѣтствующимъ значеніямъ $Aquadr.$, $Acub.$ и т. д. Подобное обозначеніе кромѣ своей систематичности, представляло еще ту выгоду, что при его помощи можно было въ уравненія вводить нѣсколько неизвѣстныхъ, чего при обозначеніи Діофанта и другихъ старыхъ методовъ совершенно невозможно.

Коэффициенты Діофантъ ставитъ за неизвѣстнымъ, рядомъ съ нимъ, причемъ пишетъ и коэффициентъ единицу, такъ напр. онъ пишетъ: $\varsigma'\bar{\alpha}$, $\varsigma\varsigma'\bar{\beta}$, $\delta\bar{\alpha}\bar{\alpha}$, $\delta\bar{\upsilon}\bar{\chi}$, $\chi\bar{\beta}\bar{\beta}$. Для дѣйствія умноженія у Діофанта нѣтъ символа, такъ какъ знаки у него существуютъ только для главной величины, а коэффициенты всегда числа. Умноженіе является всегда уже выполненнымъ, а также дѣленіе, если только оно выполнимо, въ противномъ случаѣ оно является въ видѣ дроби. Сложеніе Діофантъ обозначаетъ тѣмъ, что числа

ставить рядомъ, такъ напр. $\delta\bar{\alpha}\zeta\bar{\delta}$ соотвѣтствуетъ выраженію x^2+4x . Вслѣдствіи такого обозначенія, часть формулы, не содержащая неизвѣстной величины, является въ видѣ абсолютнаго числа, такъ какъ въ противномъ случаѣ величины эти сливались бы съ коэффициентами предшествующихъ имъ величинъ. На основаніи этого данное число Діофантъ называетъ $\mu\alpha\upsilon\acute{\alpha}\delta\epsilon\varsigma$ —единицы, въ своихъ формулахъ онъ обозначаетъ его знакомъ μ° , къ этому числу, подобно какъ къ неизвѣстному, приставляются коэффициенты соотвѣтствующіе ему. Для выраженія дѣйствія вычитанія Діофантъ употребляетъ слово $\lambda\epsilon\iota\psi\epsilon\iota\varsigma$ —недостатокъ. Въмѣсто употребляемаго нами символа minus Діофантъ употребляетъ слово $\lambda\epsilon\iota\psi\epsilon\iota$ или же символъ ϕ , соотвѣстующій обороченной буквѣ ψ . Отрицательныя члены онъ ставитъ всегда позади положительныхъ. Однихъ отрицательныхъ членовъ безъ положительныхъ у Діофанта нигдѣ не встрѣчается, такъ какъ понятія объ отрицательныхъ числахъ у него несуществуетъ. Приведемъ для примѣра нѣсколько уравненій въ формѣ какъ ихъ писалъ Діофантъ, а затѣмъ напомнимъ эти уравненія въ той формѣ какъ ихъ пишутъ нынѣ:

$$\delta\bar{\alpha}\mu^{\circ}\bar{\beta}\lambda\epsilon\iota\psi\epsilon\iota\varsigma\bar{\zeta}$$

$$\delta\bar{\delta}\bar{\theta}\bar{\delta}\bar{\sigma}\mu^{\circ}\bar{\alpha}\phi\chi^{\circ}\bar{\delta}\zeta\bar{\beta}$$

$$\chi^{\circ}\bar{\beta}\bar{\delta}\bar{\alpha}\bar{\iota}\sigma\eta\zeta\epsilon\iota\bar{\delta}\phi\mu^{\circ}\bar{\beta}$$

уравненіямъ этимъ соотвѣтствуютъ уравненія:

$$x^2+12-7x=0$$

$$9x^4+6x^2+1-4x^3-12x=0$$

$$2x^3+x^2=4x-12$$

Обѣ части уравненія Діофантъ соединяетъ словами $\acute{\iota}\sigma\omicron\varsigma$ или $\acute{\iota}\sigma\omicron\varsigma\epsilon\sigma\tau\acute{\iota}$; подобное обозначеніе существовало у европейскихъ математиковъ до XVII в. Употребленіе алгебраическихъ символовъ, въ видѣ сокращенныхъ словъ, было вѣроятно введено если не Діофантомъ, то не задолго до него, такъ какъ въ его сочиненіяхъ на ряду съ символами постоянно встрѣчаются и слова, такъ напримѣръ въ одномъ и томъ же предложеніи встрѣчаются знаки ζ , $\zeta\bar{\zeta}$, и сейчасъ же на ряду съ ними слова $\acute{\alpha}\rho\iota\theta\mu\acute{\omicron}\varsigma$, $\acute{\alpha}\rho\iota\theta\mu\acute{\omicron}\iota$ и т. п. Подобная смѣсь словъ со знаками показываетъ, что символы для Діофанта были явленіемъ новымъ, а потому не были имъ вполне усвоены *).

*) Символическое обозначеніе дѣйствій надъ величинами находится также въ одномъ древнемъ греческомъ папирусѣ, о которомъ упоминаетъ Бругшъ (Brugsch); къ сожалѣнію неизвѣстно время и мѣсто гдѣ написанъ этотъ папирусъ. Дѣйствіе сложенія обозначено въ немъ знакомъ /, а дѣйствіе вычитанія—знакомъ 7.

Діофантъ первый сѣумѣвшій привести произведенія вида $(x+1)(x+2)$ къ виду x^2+3x+2 ; для произведеній вида $(x-1)(x-2)$, онъ даетъ слѣдующее правило: „произведеніе двухъ отрицательныхъ чиселъ ($\lambda\epsilon\iota\psi\iota\varsigma$) равно всегда положительному числу ($\vartheta\alpha\rho\acute{\iota}\varsigma\iota\varsigma$)“; но подъ отрицательными числами Діофантъ разумѣетъ всегда разность, а не то, что въ настоящее время понимаютъ подъ этимъ словомъ. Равенства вида $(a+b)^2=a^2+2ab+b^2$ у Діофанта являются просто какъ слѣдствія разъ принятыхъ правилъ; мы знаемъ, что Евклидъ подобнымъ выраженіемъ давалъ геометрическое значеніе.

При производствѣ сложныхъ вычисленій Діофантъ высказываетъ обыкновенное умѣніе, это заслуживаетъ вниманія, такъ какъ мы выше видѣли, что символическія обозначенія у Діофанта являются въ самомъ первобытномъ видѣ.

Сочиненіе свое Діофантъ начинаетъ съ опредѣленія чиселъ, которыя онъ называетъ слагаемыми, состоящими изъ извѣстнаго количества единицъ ($\sigma\upsilon\gamma\kappa\epsilon\iota\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma\ \epsilon\kappa\ \mu\omicron\nu\acute{\alpha}\delta\omega\nu\ \pi\lambda\acute{\eta}\theta\omicron\varsigma\ \tau\iota\tau\acute{\omicron}\varsigma$), рядъ чиселъ можетъ быть продолженъ до бесконечности. Послѣ этого онъ переходитъ къ квадрату числа, кубу, квадрату-квадрата, квадрату-куба, кубу-куба чиселъ, которыя онъ получаетъ умножая число само на себя одинъ разъ (вторая степень), два раза (третья степень), три раза (четвертая степень), четыре раза (пятая степень), пять разъ (шестая степень). Далѣе Діофантъ показываетъ какъ рѣшать уравненія первой и второй степеней, *биквадратныя уравненія*, но какъ онъ рѣшаетъ эти послѣднія неизвѣстно. Рѣшеніе опредѣленныхъ уравненій второй степени также до насъ не дошло. Діофантъ первый между математиками рѣшившій уравненія второй степени, хотя нѣкоторыя предложенія „Началь“ и „Данныхъ“ Евклида сводятся къ геометрическому построенію уравненій второй степени, но о алгебраическомъ рѣшеніи нѣтъ и помину. Это заслуживаетъ еще особеннаго вниманія потому, что способы данные Діофантомъ ничѣмъ не отличаются отъ принятыхъ нынѣ; рѣшенія свои Діофантъ нигдѣ не основываетъ на геометрическихъ построеніяхъ, между тѣмъ извѣстно, что до самаго XVIII столѣтія алгебраическія рѣшенія безъ геометрическихъ построеній считались неполнымъ. Въ одиннадцатомъ столѣтіи одинъ изъ арабскихъ математиковъ приводитъ алгебраическія рѣшенія уравненій, способъ этотъ онъ называетъ „способомъ Діофанта“, но онъ даетъ предпочтеніе геометрическимъ построеніямъ.

Отрицательные, ирраціональные и мнимые корни уравненій Діофантъ отбрасываетъ, а также изъ двухъ положительныхъ корней уравненія второй степени онъ бралъ только одинъ. Это можетъ съ перваго разу показаться страннымъ, но необходимо припомнить, что греческіе математики совер-

пенно не имѣли понятія о многозначности рѣшеній геометрическихъ вопросовъ; понятія этого они были такъ сказать—лишены, даже и въ томъ случаѣ когда двойственность рѣшенія была очевидна. Сказанное можетъ служить подтвержденіемъ того, что мы воспринимаемъ только то, понятіе о чемъ заключается въ насъ самихъ. Это происходило еще и отъ того, что при рѣшеніи извѣстной геометрической задачи греки имѣли дурное обыкновеніе часто чертить только половину окружности.

Еще важнѣе заслуга Діофанта, обезсмертившая его имя, это впервые созданный имъ отдѣлъ математики, извѣстный прежде подъ именемъ „*analysis indeterminata*“, т. е. неопредѣленный анализъ, состоящій въ томъ, чтобы опредѣлить въ *раціональныхъ* числахъ неизвѣстныя изъ системы уравненій, число которыхъ меньше числа неизвѣстныхъ.

Въ сочиненіи „Арифметики“ рѣшено около 130 неопредѣленныхъ уравненій, въ рѣшеніи которыхъ не видно никакого метода, нѣтъ системы, сами задачи подобраны и расположены безъ всякой системы, рѣшеніе ихъ независитъ одно отъ другаго. Задачи эти принадлежатъ болѣе чѣмъ къ 50 различнымъ классамъ. Діофантъ не слѣдуетъ какимъ нибудь заранее установленнымъ приемамъ, въ рѣшеніи каждой задачи онъ слѣдуетъ путемъ самымъ близкимъ, найскорѣ ведущимъ къ цѣли. Иногда мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, что онъ сразу перестаетъ слѣдовать избранному имъ пути въ рѣшеніи задачи, а слѣдуетъ совершенно иному, часто весьма сложному, но за то сразу ведущему къ рѣшенію, задуманнаго вопроса. Можно сказать, что Діофантъ поражаетъ насъ своимъ искусствомъ въ рѣшеніи задачъ на неопредѣленные уравненія, но въ немъ нѣтъ ни глубины изслѣдованія, ни чисто научныхъ методовъ, приемы его остроумны, поразительны по быстротѣ съ которой они ведутъ къ цѣли. Совершенно справедливо выразился Ганкель *), сказавъ: „Діофантъ блестящій виртуозъ въ созданномъ имъ искусствѣ, въ отдѣлѣ неопредѣленныхъ задачъ, но наука ничемъ почти не обязана этому блестящему таланту, она не заимствовала отъ него почти никакихъ методовъ, потому что онъ былъ лишень того спекулятивнаго направленія, которое слѣдуетъ болѣе истинному, чѣмъ вѣрному“.

Мы выше уже сказали, что до насъ дошли только шесть книгъ „Арифметикъ“ Діофанта, изъ нихъ первая содержитъ только опредѣленные уравненія, при чемъ недостаетъ рѣшенія опредѣленныхъ уравненій 2-й степени.

Книги II, III, IV, V и VI почти исключительно содержатъ неопредѣленные уравненія второй степени. Рѣшеніе неопредѣленныхъ уравненій 1-й

---

*) H. Hankel. Zur Geschichte der Mathematik in Alterthum und Mittelalter. Leipz. 1874.

степени до насъ не дошло. Изъ числа задачъ подобнаго рода укажемъ на нѣкоторыя задачи II-й и III-й книгъ, именно:

Найти три числа такихъ свойствъ, что квадратъ каждаго изъ нихъ, сложенный съ суммою этихъ чиселъ, оставался бы также квадратомъ. Рѣшеніе этого вопроса приводится къ рѣшенію уравненій вида:

$$x^2 + (x + y + s) = a^2$$

$$y^2 + (x + y + s) = b^2$$

$$s^2 + (x + y + s) = c^2$$

Подобнымъ же образомъ рѣшается задача:

$$x^2 - (x + y + s) = a^2$$

$$y^2 - (x + y + s) = b^2$$

$$s^2 - (x + y + s) = c^2$$

А также задача:

$$(x + y + s) - x^2 = a^2$$

$$(x + y + s) - y^2 = b^2$$

$$(x + y + s) - s^2 = c^2$$

Изъ числа задачъ IV книги укажемъ на 20, которая состоитъ въ слѣдующемъ: найти три числа, такихъ свойствъ, чтобы произведеніе двухъ изъ нихъ сложенное съ единицей было бы число квадратное. Числа, найденныя Діофантомъ, будучи переведены на нашъ алгебраическій языкъ, слѣдующія x , $x+2$, $4x+4$.

Въ V книгѣ заключается цѣлый рядъ задачъ въ видѣ эпиграммъ, написанныхъ гексаметрами; мы уже выше сказали, что подобная форма вопросовъ была въ ходу у древнихъ грековъ. Изъ такихъ задачъ укажемъ на 33-ю этой книги, она состоитъ въ слѣдующемъ: нѣкто купилъ вина двухъ сортовъ, изъ коихъ мѣра перваго стоитъ пять драхмъ, а втораго—восемь. За все количество вина онъ заплатилъ извѣстное число драхмъ, которое есть число квадратное, число это будучи прибавлено къ извѣстному данному числу (60) само дѣлается снова квадратомъ, корень квадратный изъ этого послѣдняго числа равенъ числу купленныхъ мѣръ вина. Требуется найти сколько было заплачено за одно и за другое вино?

Въ VI книгѣ разсматриваются прямоугольные треугольники съ арифметической точки зрѣнія, при этомъ берутся такія стороны, коихъ линейныя или квадратныя функціи могутъ быть сдѣланы полнымъ квадратомъ или полнымъ кубомъ.

Кромѣ рѣшенія вышеупомянутыхъ вопросовъ у Діофанта находится рѣшеніе одного кубическаго уравненія. Къ рѣшенію такого уравненія онъ

приходитъ при слѣдующей задачѣ: „отыскать число, коего кубъ былъ-бы на 2 болѣе другаго числа, взятаго въ квадратъ“ *). Дѣлая произвольное положеніе, что корень кубическаго числа есть $x-1$, а корень квадратнаго числа $x+1$, Діофантъ приходитъ къ кубическому уравненію, рѣшить которое не представляетъ никакихъ затрудненій. На основаніи принятыхъ положеній:

$$(x-1)^3 = (x+1)^2 + 2$$

или

$$x^3 - 3x^2 + 3x - 1 = x^2 + 2x + 3$$

Приведа уравненіе къ такому виду, Діофантъ непосредственно даетъ корень уравненія $x = 4$, о двухъ другихъ корняхъ, вида $x = \pm\sqrt{-1}$, нѣтъ и помину.

Кромѣ рѣшенія неопредѣленныхъ уравненій 2-й степени Діофантъ рѣшаетъ еще неопредѣленные уравненія высшихъ степеней; это во 1) рѣшеніе уравненій, въ которыхъ неизвѣстное въ степени высшей квадрата, при чемъ требуется выразить данную функцію полнымъ квадратомъ, какъ примѣръ можетъ служить рѣшеніе уравненія вида:

$$Ax^n + Bx^{n-1} + Cx^{n-2} + \dots + Mx^2 + Nx + P = y^2$$

во 2) такіа уравненія, въ которыхъ функцію неизвѣстныхъ необходимо выразить въ степени выше второй, при чемъ Діофантъ рѣшаетъ примѣры не выше кубической степени. Вопросъ сводится къ рѣшенію уравненій вида:

$$Ax^n + Bx^{n-1} + Cx^{n-2} + \dots + Mx^2 + Nx + P = y^3$$

Въ вопросахъ перваго рода n не превышаетъ 6, а въ вопросахъ втораго рода n не превышаетъ 3.

Мы выше сказали, что Діофантъ въ своемъ сичиненіи „Ариметики“ совершенно чуждъ геометрическихъ представленій. Какъ примѣръ этого можно привести то, что когда онъ говоритъ о прямоугольномъ треугольникѣ, то онъ подъ этимъ разумѣетъ 3 числа a, b, c , между которыми существуетъ зависимость $a^2 + b^2 = c^2$; площадь $\frac{ab}{2}$ такого треугольника онъ складываетъ съ однимъ изъ катетовъ, вводитъ условіе, чтобы катетъ былъ кубъ и т. п. Линейный методъ Евклида, заключающійся въ VII книгѣ „Началъ“, онъ ни разу не примѣняетъ, а всѣ дѣйствія производитъ на числахъ, съ помощью основныхъ четырехъ правилъ, которыя подробно изложены въ началѣ его сочиненія.

---

*) Задача эта (кн. VI, зад. 19) дана у Діофанта въ слѣдующей формѣ: „найти прямоугольный треугольникъ, коего бы площадь сложенная съ гипотенузой дали бы число квадратное, а периметръ былъ-бы число кубическое“.

Медицинскій отчетъ изъ акушерской факультетской клиники Университета Св. Владиміра за три года.

Введение.

Желая издать отчетъ акушерской факультетской клиники при университетѣ Св. Владиміра, завѣдываемой заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней А. П. Матвѣевымъ, при которомъ я состою три года помощникомъ, я долженъ предпослать нѣсколько краткихъ замѣчаній, какъ относительно помѣщенія родильнаго отдѣленія клиники, такъ равно и о тѣхъ средствахъ, которыми обладаетъ г. Кіевъ въ дѣлѣ призрѣнія роженицъ.

Акушерская факультетская клиника помѣщается въ зданіи университета въ нижнемъ этажѣ, имѣетъ входъ со двора и окнами,— въ количествѣ восьми,—обращена на улицу къ солнечной сторонѣ. Все помѣщеніе, исключая родильной комнаты, состоитъ изъ 4-хъ палатъ и при нихъ небольшая комната для двухъ дежурныхъ ученицъ повивальнаго искусства. Изъ дежурной комнаты идетъ дверь въ помѣщеніе для прислуги, которая въ свою очередь имѣетъ другую выходную дверь въ корридоръ. Клозетъ помѣщается вдали отъ палатъ и сообщается съ ними теплымъ корридоромъ.

Всѣхъ кроватей въ акушерской клиникѣ полагается 14-ть, хотя въ экстренныхъ случаяхъ очень часто прибавляемъ еще. Кровати эти по палатамъ расположены такъ:

Въ палатѣ № 1-й, имѣющей въ длину 3 сажени и 1 аршинъ, въ ширину—3 сажени и высотой, какъ и всѣ прочія палаты 4 и $3\frac{1}{4}$ аршина,—помѣщается 4 кровати. Въ этой палатѣ имѣется печь съ топкою, 2 окна, обращенные на улицу, изъ которыхъ въ одномъ сдѣланъ вентиляторъ на манеръ Джона Финглей и 2 двери: одна въ аудиторію а другая въ палату № 2-ой.

Въ палатѣ № 2-й помѣщается такъ-же 4 кровати. Она имѣетъ въ длину 3 сажени 2 аршина, въ ширину—3 сажени и 10 вершковъ. Въ ней то-же 2 окна на улицу, съ вентиляторомъ и печь съ топкою.

Наконецъ въ палатѣ № 4-ый помѣщаются остальные 3 кровати. Величина ея совершенно такая-же, какъ и палаты № 3-ей. Она имѣетъ одну дверь, 2 окна на улицу съ вентиляторами, но за то не имѣетъ топки, а обогревается печью, топка которой помѣщается въ палатѣ № 3-ей.

Вычисляя кубическое пространство воздуха вообще въ палатахъ и принимая во вниманіе только 14 кроватей, найдемъ, что на каждую кровать приходится почти $3\frac{1}{2}$ кубическихъ сажени воздуха.

Родильная комната помѣщается вдали отъ палатъ, противъ кабинета, въ которомъ, во время родовъ находится дежурный ординаторъ, и сообщается съ палатами посредствомъ теплаго корридора. По величинѣ своей она нѣсколько больше тѣхъ комнатъ (палатъ), въ которыхъ помѣщаются беременныя и родильницы, а именно: въ длину 4 сажени, въ ширину $3\frac{3}{4}$ сажени, высотой-же одинакова, т. е. 4 и $3\frac{1}{4}$ аршина. Она имѣетъ топку и 2 окна съ вентиляторами, обращенныя во дворъ. Приспособленіе родильной комнаты, необходимое для демонстраціи, заключается въ томъ, что къ срединѣ глухой стѣны придѣлана рѣшетка съ дверцами, которая отдѣляетъ пространство, гдѣ помѣщается родильная кровать отъ остальной части комнаты. Во время родовъ въ этомъ пространствѣ, отдѣленномъ рѣшеткою, присутствуютъ только практикантъ, пріемщица и старшая акушерка, а остальная публика, т. е. группа студентовъ и акушеровъ помѣщаются внѣ рѣшетки. Транспортировка роженицъ изъ палатъ въ родильную комнату, а родильницъ изъ родильной комнаты въ палаты производится на перевозной кровати, устроенной по рисунку д-ра Функе, бывшаго ординатора нашей клиники, которая, съ привезенною роженицею, вкачивается въ прост-

ранство, отдѣленное рѣшеткою и прикрѣпляется посредствомъ крючковъ къ стѣнѣ. Бровать эта приспособлена довольно удобно для родовъ и для операций, для чего она можетъ сдвигаться, а по окончаніи родовъ на ней-же родильница отвозится въ палату.

Акушерская факультетская клиника открывается съ 1-го сентября, а оканчивается пріемъ 1-го мая, такимъ образомъ клиника функционируетъ ровно 8 мѣсяцевъ въ году. За три года моей ординаторской службы въ клиникѣ всѣхъ случаевъ родовъ было 315, слѣдовательно въ годъ по 105 случаевъ, а отсюда, принимая во вниманіе 14 кроватей, выйдетъ по $7\frac{1}{2}$ случаевъ на кровать. Причина такого небольшого числа случаевъ на каждую кровать заключается въ томъ, что, въ интересахъ преподаванія для студентовъ и ученицъ повивальнаго искусства, въ клинику принимаются беременныя въ послѣднихъ мѣсяцахъ, а наплывъ желающихъ такъ великъ, что съ открытіемъ клиники всѣ кровати въ нѣсколько дней бываютъ заняты. Привозимымъ въ родахъ и въ особенности въ трудныхъ случаяхъ клиника не отказываетъ, отчего очень часто, и по преимуществу въ зимнее время, какъ напримѣръ въ ноябрѣ и декабрѣ, клиника бываетъ настолько переполнена, что приходится прибавлять лишнія кровати, а иногда даже за неимѣніемъ таковыхъ класть родильницъ на тюфякахъ на полъ. Принимая во вниманіе неособенно избыточное количество воздуха на каждую кровать (3 съ $\frac{1}{2}$ кубическихъ сажени), такое переполненіе было-бы, конечно, нежелательно, но оно находитъ для себя оправданіе въ томъ, что самые трудные случаи родовъ, требующіе оперативнаго вмѣшательства, обыкновенно бываютъ изъ привозныхъ, которымъ отказать въ помощи и пріемъ невозможно. Изъ всего количества акушерскихъ операций, сдѣланныхъ за 3 года, $\frac{9}{10}$ приходится на роженицъ, привозимыхъ въ родахъ, и только $\frac{1}{10}$ на тѣхъ, которыя приняты въ клинику до родовъ. Причина такого безпомощнаго положенія для роженицъ бѣднаго сословія заключается въ томъ, что въ Кіевѣ за исключеніемъ недавно открытаго маленькаго родильнаго отдѣленія при Александровской больницы и университетской клиники на 120,000 жителей нѣтъ ни родильнаго дома, ни пріютовъ.

Предпославъ эти замѣчанія, считаю нужнымъ изложить планъ моего медицинскаго отчета. Избѣгая таблицъ, я думаю раздѣлить его на 6 главъ, изъ которыхъ въ каждой будутъ приведены какъ общія

цифровыя данныя и выводы, касающіеся главы, такъ и тѣ особенности или патологическія явленія, которыя болѣе или менѣе заслуживаютъ интересъ быть отмѣченными. Главы эти слѣдующія: 1) Беременные, 2) Роженицы, 3) Операции, 4) Новорожденные, 5) Послѣродовыя заболѣванія и 6-я) Уходъ за родильницами.

Глава I. Беременные.

Изъ всѣхъ 315-ти случаевъ родовъ, бывшихъ въ нашей клиникѣ за три года, 224 приходится на тѣхъ, которые были приняты въ клинику въ послѣднихъ мѣсяцахъ беременности и здѣсь-же родили, а 91 случай принятія въ клинику въ начавшихся уже родахъ.

По сословію 224 беременныхъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Мѣщанокъ	-	-	-	-	-	113.
Крестьянокъ	-	-	-	-	-	87
Купеческаго сословія	-	-	-	-	-	3
Иностранокъ	-	-	-	-	-	7
Дворянокъ	-	-	-	-	-	14.
<hr/>						
Итого	-	-	-	-	-	224.

По вѣроисповѣданію:

Православнаго	-	-	-	-	-	158
Еврейскаго	-	-	-	-	-	49
Католическаго	-	-	-	-	-	12
Протестантскаго	-	-	-	-	-	5
<hr/>						
Итого	-	-	-	-	-	224.

Относительно числа беременности распредѣленіе было слѣдующее^e

Беременныхъ въ 1-й разъ	-	-	-	-	-	152
— во 2-й разъ	-	-	-	-	-	38
Многоруженницъ	-	-	-	-	-	34.

Изъ всего числа дѣвицъ было 178, замужнихъ 41, вдовыхъ 5. Слѣдовательно дѣвицъ было болѣе въ четыре раза, чѣмъ замужнихъ и вдовыхъ.

По лѣтамъ крайніе предѣлы беременности были: самая ранняя беременность у дѣвицы 15-ти съ половиною лѣтъ, а самая поздняя у 46-ти лѣтней женщины, беременной въ 9-й разъ.— Не вдаваясь далѣе въ подробности относительно распредѣленія беременности по возрасту, упомяну въ этой главѣ о тѣхъ осложненіяхъ, заслуживающихъ вниманія, которыми сопровождалась беременность и притомъ, перечисливъ вкратцѣ всѣ, скажу вѣсколько о выдающихся. Осложненія эти слѣдующія.

Tuberculosis—было наблюдаемо у трехъ беременныхъ. Теченіе процесса, какъ это по большей части и бываетъ, значительно ухудшалось, сопровождаясь повышеніемъ температуры по вечерамъ, ночными потами, усиливающимся кашлемъ и значительнымъ упадкомъ силъ. Всѣ они доносили до нормальнаго срока, родили и двѣ изъ нихъ умерли вскорѣ послѣ родовъ: одна на 7-ой день, другая на 13-ый день; третья-же выписалась изъ клиники въ безнадежномъ состояніи.

Малокровіе—въ одномъ случаѣ. Женщина эта три раза была беременна, всегда рожала мертвыхъ дѣтей и, наконецъ, въ четвертую беременность, когда она поступила въ клинику на девятомъ мѣсяцѣ беременности,—она была въ высокой степени анемична, сердцебіеніе плода нельзя было слышать, но все-таки роды наступили въ срокъ и родившійся, четвертый ребенокъ, то-же былъ мертвый.

Laringostenosis вслѣдствіе люпознаго процесса въ гортани, наблюдалось въ одномъ случаѣ. Больная испытывала большое затрудненіе при дыханіи, въ особенности въ 8-мъ и 9-мъ мѣсяцѣ беременности, а при наступленіи родовъ она положительно задыхалась, явился ціанизъ, что и заставило окончить роды искусственно.

Varices Venarum сильно развитые на нижнихъ конечностяхъ были въ двухъ случаяхъ у многорозеницъ, у одной-же на *labia majoris* они достигали величины волошскаго орѣха.

Кровотеченіе во время беременности на восьмомъ мѣсяцѣ наблюдалось у одной беременной, которая передала, что оно появлялось и на шестомъ мѣсяцѣ. Родила она въ срокъ. Причиною кровотеченія, какъ и въ послѣдствіи оказались, были *Placenta praevia lateralis*.

Perimetritis. Одна изъ беременныхъ на седьмомъ мѣсяцѣ поступила въ клинику, жалуясь на боли въ животѣ, которыя распространялись снизу до пупка и усиливались при давленіи. Боли эти произошли, по ея словамъ, послѣ ушиба. Кромѣ того у больной была рвота и

лихорадочное состояніе. Послѣ употребленія противувоспалительнаго леченія явленія всѣ стихли и она выписалась изъ клиники. Движенія ребенка не прекратились. Сердцебіеніе плода слышно было явственно.

Сыпь на тѣлѣ (Herpes Gestationis) наблюдалась у двухъ беременных.—Небга первый обратилъ вниманіе на нѣкоторыя болѣзни кожи, появляющіяся у беременныхъ и родильницъ. Liveing, въ своихъ клиническихъ замѣткахъ о Herpes Gestationis, говоритъ, что болѣзнь эта есть нервнаго происхожденія и встрѣчается какъ у беременныхъ, такъ и у родильницъ. Очевидно, слѣдовательно, что Herpes Gestationis тождественна съ Pemphigus Hystericus, о которомъ говоритъ Небга и который встрѣчается у истерическихъ особъ.—Въ одномъ изъ нашихъ случаевъ у беременной, здоровой женщины, первороженицы, беременной на восьмомъ мѣсяцѣ, появилась сыпь въ видѣ маленькихъ пузырьковъ, расположенныхъ болѣе на тыльной поверхности предплечья и ручной кисти, сопровождавшаяся сильнымъ зудомъ. Въ иныхъ мѣстахъ пузырьки эти подсыхали и на мѣсто ихъ являлись корки. Послѣ родовъ сыпь начала постепенно исчезать и зудъ прекратился совершенно. Въ другомъ случаѣ сыпь напоминала болѣе экзему, расположена была не только на верхнихъ, но и на нижнихъ конечностяхъ, зудила и, послѣ родовъ чрезъ 15 дней, исчезла безъ всякаго леченія.

Febris Intermittens. Въ концѣ февраля этого года къ намъ поступила беременная на девятомъ мѣсяцѣ, заболѣвшая три недѣли до поступленія въ клинику перемежающеюся лихорадкою въ формѣ Febris tertianaе. Пароксизмы были очень сильны, температура во время ихъ доходила до 40° съ лихорадочнымъ, селезенка была увеличена. При употребленіи хинина чрезъ полторы недѣли ознобы исчезли. Роды наступили недѣли на двѣ раньше срока и ребенокъ родился мертвый. Въ другомъ случаѣ, который былъ наблюдаемъ, беременная заболѣла перемежающеюся лихорадкою за недѣлю до родовъ, тотчасъ-же поступила въ клинику. Роды наступили въ срокъ. Ребенокъ родился живой, но очень слабый, и умеръ на второй день послѣ родовъ. Причина смерти плода въ первомъ случаѣ и значительное ослабленіе силъ во второмъ объясняется, конечно, процессомъ перемежающейся лихорадки, которымъ страдала мать во время беременности. Большинство акушеровъ признается, что беременныя вообще не представляютъ особеннаго предрасположенія къ заболѣванію острыми лихорадочными болѣзнями и что теченіе этихъ болѣзней у беременныхъ болѣе неблагопріятно, чѣмъ у

другихъ. На плодъ всѣ лихорадочныя процессы оказываютъ большое вліяніе, такъ какъ плодъ, находясь въ глубинѣ мягкихъ частей матери, долженъ, вслѣдствіе этого, имѣть почти одинаковую съ нею температуру, но какъ онъ, кромѣ того, и самъ вырабатываетъ теплоту, (Bärensprung, Schäfer, Androl) то вслѣдствіе этого, при лихорадкѣ матери, температура его должна быть еще выше температуры послѣдней. По изслѣдованіямъ-же Каминскаго (Московскія медицинскія вѣдомости 1867 г. № 13), повышеніе температуры матери до 40° весьма опасно для плода и можетъ быть даже причиною смерти его. Вліяніе перемежающейся лихорадки на теченіе беременности въ одномъ изъ нашихъ случаевъ, въ которомъ процессъ былъ болѣе давній, выразилось тѣмъ, что роды наступили немного раньше срока; въ другомъ-же случаѣ, гдѣ процессъ начался незадолго до наступленія родовъ, эти послѣднія наступили въ срокъ.

Принимая во вниманіе 224 беременныхъ, а заболѣвшихъ перемежающеюся лихорадкою двѣ, получимъ почти около 1% на 100. Обѣ больныя были беременны въ первый разъ и находились въ возрастѣ: одной—18 лѣтъ, а другой 19-ть.

Изъ осложненій у беременныхъ со стороны нервной системы и психической сферы въ нашей клиникѣ наблюдался одинъ случай съ потерю рѣчи, о которомъ сообщу слѣдующее.

Въ началѣ января 1879 года къ намъ привезена была беременная въ 10-мъ мѣсяцѣ съ потерю рѣчи. Изъ распросовъ отъ родственницы, которая ее привезла, можно было узнать, что беременная крестьянка Кіевской губерніи, 25-ти лѣтъ, замужемъ, полтора года тому назадъ имѣла одного ребенка, роды были благополучны, никогда не страдала никакими психическими болѣзнями, говорила всегда хорошо.

О причинѣ заболѣванія было сообщено, что три дня тому назадъ, мужъ больной, будучи всегда человѣкомъ трезвымъ, явился домой ночью пьяный, сильно шумѣлъ, кричалъ, но не дрался; больная—тихая и добрая женщина не говорила ему ни слова; мужъ затѣмъ свалился и уснулъ, больная-же цѣлую ночь не спала, а на другой день замѣтили, что она уже неговорила. При изслѣдованіи найдено, что больная находится въ послѣднемъ мѣсяцѣ беременности, движенія ребенка существуютъ, сердцебіеніе плода слышно хорошо. Росту она низкаго, тѣлосложенія и питанія хорошаго, подкожный жиръ развитъ достаточно. При обращеніи къ больной со словами, она повидимому понимаетъ и

требованіе: встать, лечь, открыть ротъ и т. д. исполняетъ. Заставляя говорить, можно было замѣтить, что она въ состояніи произносить только губныя буквы, какъ *м* и *н*, въ соединеніи съ гласными, но другихъ почти никакихъ. Языкомъ больная двигаетъ во всѣ стороны. Искривленія на лицѣ и вообще паралича мускуловъ не замѣчалось. При изслѣдованіи груди патологическаго ничего не найдено. Въ сердцѣ все нормально,—пульсъ 60 ударовъ въ минуту. Стулъ нормаленъ, аппетитъ хорошъ. Въ первое время, приблизительно съ недѣлю, больная была угрюма, но потомъ любила быть въ обществѣ съ другими беременными и была въ хорошемъ расположеніи духа. Принимала она бромистый калий по 20 гт. въ сутки. По мѣрѣ нахожденія въ клиникѣ больная постепенно усовершенствовалась, такъ сказать, въ произношеніи другихъ буквъ, напр. *ш*, *с*, *ж*, но разговоръ ея все-таки понять было нельзя. Послѣ же родовъ, наступившихъ въ срокъ, рѣчь дѣлалась болѣе и болѣе ясною и на 14-й день она выписалась изъ клиники, владѣя рѣчью почти такъ-же, какъ и прежде.

Имѣя 13-ть случаевъ осложненій различными болѣзнями у беременныхъ на 224, найдемъ что это составляетъ 6% на 100.

Въ заключеніи этой главы скажу еще вообще о беременныхъ, т. е. объ уходѣ за ними, о положеніи ихъ въ клиникѣ, а также и о тѣхъ явленіяхъ, находящихся въ связи съ перемѣною образа жизни, которыя мнѣ приходилось наблюдать.

Обстановка беременныхъ относительно помѣщенія у насъ весьма удовлетворительна. Чистыя и свѣтлыя, обращенныя къ солнечной сторонѣ, палаты, желѣзныя кровати со шкафикомъ въ каждой, подлѣ стоящимъ,—волосяные тюфяки, чистое и хорошее постельное бѣлье. Не далеко отъ каждой кровати помѣщается маленькая дѣтская кровать. Въ средней палатѣ находится умывальникъ. При поступленіи въ клинику каждой беременной, неотличающейся особенною чистотою, дѣлается теплая ванна.

Пищу беременныя получаютъ свѣжую и хорошую три раза въ день: въ 8 часовъ утра на завтракъ дается крупникъ съ булкою, въ часъ или около двухъ дня обѣдъ, состоящій изъ щей съ мясомъ, каши и жаркого, къ обѣду дается черный хлѣбъ, и наконецъ въ семь часовъ вечера на ужинъ дается (такъ какъ и на завтракъ) свѣжій крупникъ съ бѣлымъ хлѣбомъ. При такой относительно питательной діетѣ беременныя, привыкшія по большей части быть въ работѣ, ос-

таются безъ всякаго занятія въ клиникѣ мѣсяцъ, а иногда даже и болѣе. Подобныя условія жизни оказываютъ значительное вліяніе не только на отправленіе желудочно-кишечнаго канала, но и на другія отправленія организма и даже психическую сферу. Какъ фактъ, замѣченный вообще, я приведу то обстоятельство, что у беременныхъ, долго находящихся въ клиникѣ, развивается атоническое состояніе кишечника, выражающееся такими упорными запорами, что приходилось прибѣгать постоянно къ промывательнымъ и очень часто къ слабительнымъ. Причина подобнаго рода явленій, развивающихся при долгомъ нахожденіи въ клиникѣ у беременныхъ, у которыхъ вначалѣ поступленія всѣ отправленія организма были правильны, зависятъ, по всей вѣроятности, съ одной стороны отъ измѣненія жизненныхъ условій, выражающихся абсолютнымъ бездѣйствіемъ, а съ другой стороны отъ перехода къ болѣе жирной и обильной пищѣ. Очень часто онѣ жалуются на головныя боли по вечерамъ, бессонницу, мрачное настроеніе духа и др. недомоганія, относительно родовъ то-же замѣчено, что у тѣхъ беременныхъ, которыя долѣе находились въ клиникѣ, средняя продолжительность родовъ гораздо больше, чѣмъ у тѣхъ, которыя поступили въ концѣ беременности не задолго до родовъ. Какъ курьезъ скажу еще то, что беременныя, долго пролежавшія въ клиникѣ, въ высшей степени нетерпѣливы во время родовъ и кричатъ такъ сильно, что на этотъ счетъ сложилась даже поговорка: „значить своя“. Фактъ этотъ я объясняю развившеюся чувствительностію, подъ вліяніемъ болѣе изнѣженнаго образа жизни, (беременныя болѣею частью изъ люда бѣднаго и рабочаго), а можетъ быть въ этомъ случаѣ важную роль играетъ и то обстоятельство, что такія беременныя чувствуютъ себя какъ дома.

Исслѣдуя бѣлокъ въ мочѣ у 148-ми беременныхъ, (у всѣхъ я не производилъ исслѣдованія, такъ какъ началъ это дѣлать съ прошлаго года), я нашелъ его въ небольшомъ количествѣ въ 12-ти случаяхъ. Всѣ эти беременныя пользовались очень хорошимъ здоровьемъ.

Глава II. Роженицы.

Всѣхъ родившихъ въ клиникѣ за три года какъ принятыхъ до родовъ, такъ и во время родовъ было 315 случаевъ. Изъ нихъ:

Первороженицъ - - - 226

Многороженицъ - - - 89.

Самые ранніе роды были у 16-лѣтней, самые поздніе у 46-лѣтней. Интересный промежутокъ между одною и слѣдующею за нею другою беременностію было 12 лѣтъ. Самая поздняя беременность и роды въ первый разъ наблюдалось у 32-хъ-лѣтней женщины; вышедшей замужъ на 28-мъ году жизни.

Своевременныхъ родовъ было - - 292

Выкидышей - - - - - 8

Преждевременныхъ родовъ - - - 15.

Преждевременные роды произошли въ слѣдующихъ мѣсяцахъ беременности:

Въ началѣ 8-го мѣсяца - - - - 3

— концѣ 8-го мѣсяца - - - - 2

— теченіи 9-го мѣсяца беременности 6

— началѣ 10-го мѣсяца - - - - 4

Причиною преждевременныхъ родовъ въ двухъ случаяхъ было паденіе во время гололедицы, при чемъ въ одномъ случаѣ лопнулъ родовой пузырь. Одни роды наступили въ 8-мъ мѣсяцѣ вслѣдствіе смерти плода (плодъ былъ мацерированъ). Относительно другихъ 12-ти преждевременныхъ родовъ причинъ неизвѣстно.

Средняя продолжительность родовъ для первороженицъ 20 часовъ 30 минутъ, а для многороженицъ—12 часовъ.

Большая часть родовъ приходилась ночью, а именно родившихъ ночью 213, а родившихъ днемъ 102.

Положеніе плода при начавшихся родахъ распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

А) Темянныхъ - - - 298; изъ нихъ:

1-хъ Темянныхъ - - - 187

2-хъ Темянныхъ - - - 89

3-хъ Темянныхъ - - - 14

4-хъ Темянныхъ - - - 8.

В) Тазовыхъ - - - 12; изъ нихъ:

1-хъ Тазовыхъ - - - 10, изъ коихъ 3 ножныхъ

2-хъ Тазовыхъ - - - 2, изъ коихъ 1 ножное.

С) Косыхъ - - - - 4; изъ нихъ:

1-хъ Косыхъ - - - - 1 изъ нихъ 2 съ выпаденіемъ ручки.

2-хъ Косыхъ - - - - 3

Д) Лицевыхъ было - - 1.

Здѣсь встаетъ упомяну о томъ, что темныя положенія въ большей части случаевъ были у первороженицъ, между тѣмъ какъ тазовыя и лицевыя въ большемъ числѣ приходились на долю многороженицъ. На 226 первороженицъ было: головныхъ 219, тазовыхъ 5, лицевое 1 и косое 1; на многороженицъ же въ числѣ 89-ти приходилось головныхъ 79, но тазовыхъ 7, а косыхъ 3, изъ которыхъ два съ выпаденіемъ ручки.

Предпославъ эти цифровыя данныя, скажу о патологическихъ родахъ, обусловливаемыхъ неправильностію какъ со стороны матери, такъ и со стороны плода и частей, составляющихъ вмѣстѣ съ нимъ лицо.

Со стороны матери встрѣчались слѣдующія осложненія, обусловливающія неправильный ходъ родовъ.

Слабость потугъ наблюдалась въ 16-ти случаяхъ и притомъ 9 разъ у первороженицъ, а 7 у многороженицъ. Употребляемая при этомъ рожки иногда не оказывали никакого дѣйствія. Въ четырехъ случаяхъ, гдѣ данныя рожки въ количествѣ до одной драхмы не вызывали болѣе сильныхъ потугъ, я употреблялъ впрыскиваніе въ полость матки теплой воды отъ 6 до 8-ми унцій и обыкновенно вслѣдъ за впрыскиваніемъ всегда получались сильныя и правильныя сокращенія матки. Въ двухъ изъ этихъ 4-хъ случаевъ я дѣлалъ впрыскиваніе при открытой почти шейкѣ, въ 3-мъ случаѣ въ началѣ втораго періода родовъ, а въ 4-мъ случаѣ при совершенно закрытой шейкѣ съ цѣлью вызвать родовую дѣятельность у больной эклампсіей, которая сутки уже находилась въ сопорозномъ состояніи и судороги появлялись такъ часто, что угрожали и жизни матери и жизни плода. Впрыскиваніе употребленное въ этихъ 4-хъ случаяхъ, всегда вызывало правильныя и сильныя сокращенія матки. Профессоръ Лазаревичъ въ своемъ сочиненіи (о Впрыскиваніи въ матку, 1858 г. Кіевъ.) говоритъ: „сокращенія, возбуждаемыя впрыскиваніемъ въ матку, ничѣмъ не отличаются отъ правильныхъ, произвольныхъ сокращеній матки: между тѣмъ какъ рожки производятъ сокращенія очень продолжительныя и сильныя и, дѣйствуя на уменьшеніе поперечника сосудовъ матки, могутъ препят-

ствовать свободному кровообращенію въ сосудахъ младенца, и при продолжительномъ дѣйствіи, могутъ даже причинить смерть его“. Что впрыскиваніями въ матку дѣйствительно вызываются дѣятельныя сокращенія, то въ этомъ я убѣдился и самъ, употребивъ его въ четырехъ случаяхъ въ клиникѣ, по примѣру проф. Лазаревича, а съ другой стороны вѣрно такъ-же и то, что въ послѣднее время въ журнальной литературѣ часто приходится читать случаи смерти плода отъ употребленія рожевъ. Противъ спорыньи многіе авторы высказываются недобѣрчиво и даже несовѣтуютъ употреблять ее при родахъ. Schröder и Spiegelberg считаютъ спорынью за средство, которое при родахъ надо давать съ осторожностью, потому что она вызываетъ не періодическое, а тетаническое сокращеніе матки. Benicke собралъ 27 случаевъ (Медицинскій Обзоръ 1874 г. Августъ, стр. 169), гдѣ спорынья дѣлалась при совершенно открытой маточной шейкѣ и тѣмъ не менѣе только 7 окончились произвольными родами, въ другихъ-же случаяхъ все равно пришлось прибѣгать къ разнымъ искусственнымъ мѣрамъ; изъ 7-ми родившихся—5 родились въ асфитическомъ состояніи, а два мертвыхъ. Вообще многіе акушеры какъ напримѣръ Necker, Тейлеръ-Смитъ, Simpson и др. считаютъ спорынью за послѣродовое, а не родовое средства. Въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ въ нашей клиникѣ при слабыхъ потугахъ рожки почти не были употребляемы, а вмѣсто нихъ примѣнялось обыкновенно механическое раздраженіе матки, посредствомъ тренія, поливаніе эфира на животъ, тампонъ изъ губки во влагалищѣ и, наконецъ, при чрезмѣрно слабыхъ потугахъ (какъ въ четырехъ описанныхъ случаяхъ) впрыскиваніе воды въ полость матки.

Судоржное сокращеніе шейки наблюдалось при родахъ 12 разъ. Причина такого значительнаго числа случаевъ зависить отъ того, что въ клиникѣ, какъ въ учебно-вспомогательномъ заведеніи, роженицы подвергаются слишкомъ частому изслѣдованію учащимися, т. е. студентами въ числѣ двухъ практикантовъ и двумя ученицами повивальнаго искусства въ качествѣ пріемщицъ, каковое изслѣдованіе причиняетъ раздраженіе маточной шейки и отсюда судоржное ея состояніе. Осложненіе это непріятно въ томъ отношеніи, что шейка матки плохо разкрывается и самый ходъ родовъ поэтому замедляется. При начавшейся судорогѣ шейки мы обыкновенно прекращаемъ изслѣдованіе и помазы-

ваемъ ее мазью изъ белядоны, а иногда назначаемъ внутрь хлораль, опій въ клизмахъ и теплыя ванны.

Чрезмѣрно сильныя и болѣзненные потуги были наблюдаемы у 14-ти роженицъ. Здѣсь, кстати, замѣчу, что за исключеніемъ весьма немногихъ случаевъ, почти всѣ онѣ приходились на долю тѣхъ роженицъ, которые находились въ клиникѣ до родовъ болѣе продолжительное время. Во всѣхъ случаяхъ давался хлораль въ небольшихъ дозахъ чрезъ каждые четверть часа и при этомъ замѣчено, что потуги нисколько не ослабѣвали, но дѣлались менѣе болѣзненными и промежутки между потугами были длиннѣе. Извѣстно, что Lambert, настойчиво совѣтующій употребленіе хлорала при болѣзненныхъ потугахъ, говоритъ, что хлораль дѣйствуетъ на потуги скорѣе усиливая ихъ, чѣмъ задерживая. Въ нашихъ случаяхъ мы этого не замѣчали, такъ какъ, при болѣзненности своей, потуги въ то-же время были и очень сильны, но замѣчено, что паузы были болѣе продолжительны, а потуги, сдѣлавшись правильными, оказывали болѣе дѣйствительное вліяніе на ходъ самихъ родовъ.

Узкій тазъ—былъ въ одномъ случаѣ у замужней женщины, купеческаго сословія, 24 лѣтъ, у которой два года тому назадъ на шестомъ мѣсяцѣ беременности въ Харьковѣ были сдѣланы преждевременные роды. Женщина эта, забеременѣвши во второй разъ, пріѣхала въ Кіевъ и обратилась къ проф. Матвѣеву, чтобы онъ посоветовалъ, какъ ей поступать, выражая въ то-же время сильное желаніе имѣть ребенка. Проф. Матвѣевъ предложилъ ей поступить въ клинику, убѣдивъ ее въ томъ, что она можетъ родить благополучно. При измѣреніи таза найдено было, что прямой поперечникъ входа въ малый тазъ уменьшенъ на $\frac{1}{2}$ дюйма, т. е. вмѣсто 4-хъ дюймовъ, въ немъ оказалось приблизительно 3 съ половиною; другіе поперечники малаго таза были уменьшены пропорціонально. Пролежавъ два мѣсяца съ половиною въ клиникѣ, она родила безъ всякаго оперативнаго пособія ребенка мужескаго пола 7 съ половиною фунтовъ вѣсу.

Эклампсія. Кромѣ двухъ случаевъ, описанныхъ мною въ статьѣ „къ ученію объ эклампсіи“ (см. Медицинское Обозр. 1879 г. Августъ.) въ этомъ учебномъ году наблюдалось еще три случая эклампсіи, изъ которыхъ два при начавшихся уже родахъ и одинъ въ концѣ беременности за три недѣли до срока родовъ. Всѣ три случая были привезены въ клинику при начавшихся уже судорогахъ. Въ одномъ слу-

чаѣ было 17 приступовъ, въ другомъ—20, а въ третьемъ, гдѣ припадки эклампсіи начались до родовъ, всѣхъ приступовъ нельзя было сосчитать, потому что больная, до привоза ея въ клинику, уже сутки находилась въ безсознательномъ состояніи и имѣла много приступовъ. Моча чрезъ каждые полчаса была изслѣдываема и при этомъ результаты получались такіе-же какъ и прежде, т. е. съ увеличеніемъ числа приступовъ количество бѣлка въ мочѣ пропорціонально увеличивалось и наоборотъ; по ослабленіи-же или совершенномъ прекращеніи приступовъ бѣлка въ мочѣ становилось все меньше и меньше, а количество мочи, выдѣляемое въ извѣстное время, увеличивалось. Относительно родовой дѣятельности въ двухъ случаяхъ наблюдалась полнѣйшая остановка ея. Потуги, хотя и являлись во время судорогъ, но были неправильны и не оказывали ровно никакого дѣйствія на успѣшный ходъ родовъ. Больныхъ роженицъ нахлороформировали и, расширивъ маточную шейку пальцами настолько, насколько это нужно было для того, чтобы положить щипцы, роды окончены искусственно. Вслѣдъ за извлеченіемъ плода дѣтское мѣсто было удалено по Сгедѣ выжиманіемъ. По окончаніи родовъ у той изъ роженицъ, которая имѣла 20 приступовъ судорогъ, было 3 приступа, а у другой по окончаніи родовъ не было ни одного приступа. Родильница, имѣвшая 3 приступа судорогъ послѣ родовъ на другой день, прійдя въ себя, обнаруживала признаки психическаго расстройства: она пугалась, когда къ ней кто либо подходилъ, пряталась подъ одѣяло, быстро вскакивала съ постели съ желаніемъ убѣжать и жаловалась на головную боль; такое состояніе, при совершенно нормальномъ теченіи послѣродового времени, продолжалось недѣли двѣ съ половиною, но за тѣмъ наступило улучшеніе (больная получала бромистый калий) и чрезъ мѣсяцъ послѣ родовъ она выписалась совершенно здоровою. Другая выписана была изъ клиники на 12-й день. Бѣлка въ мочѣ ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ передъ выходомъ изъ клиники не найдено. По лѣтамъ обѣ больныя находились въ возрастѣ: одной 18, другой 20 лѣтъ и при томъ обѣ первороженницы.

Третій случай эклампсіи былъ у беременной за три или за четыре недѣли до нормальнаго срока родовъ. Женщина эта, первый разъ беременна, 27 лѣтъ, росту выше средняго, съ хорошо развитою мышечною и кистною системою. Судороги у нея появились за сутки до поступленія въ клинику, при чемъ, какъ на причину ихъ появленія,

мать ея указала на то обстоятельство, что она, выходя ночью на дворъ, сильно чего-то испугалась. Послѣ двухъ приступовъ судорогъ больная уже потеряла сознание, судороги появлялись часто и въ такомъ состояніи она находилась цѣлыя сутки. При изслѣдованіи больной найдено, что маточная шейка закрыта, матка напряжена, зрачки расширены, конечности холодны, пульсъ весьма малъ и частъ и чрезъ очень незначительные промежутки времени появлялись судорожно съ характеромъ болѣе тетаническимъ. Бѣлка въ мочѣ найдено много. Больной тотчасъ-же назначенъ былъ хлоралъ по 15 гранъ чрезъ каждыя четверть часа, но такъ какъ и по принятіи двухъ драхмъ приступы судорогъ не уменьшались, то приступлено было къ наркозу хлороформомъ. Выслушивая животъ, можно было убѣдиться, что ребенокъ умеръ, такъ какъ сердцебіенія его небыло слышно. Такъ какъ жизнь больной видимо подвергалась опасности, потому что долгое хлороформированіе не приносило рѣшительно никакой пользы, а младенецъ былъ мертвъ, то рѣшено было вызвать преждевременные роды и окончить ихъ искусственно. Съ этою цѣлью я предварительно сдѣлалъ впрыскиваніе теплой воды въ полость матки и ввелъ во влагалище къ маточной шейкѣ тампонъ, послѣ чего, спустя нѣсколько минутъ, появились сокращенія матки. Когда шейка начала изглаживаться, то сдѣлано было второе впрыскиваніе воды въ матку. Приблизительно чрезъ часъ послѣ второго впрыскиванія шейка уже была открыта настолько, что можно было ввести три пальца и ими производить дальнѣйшее расширеніе; затѣмъ родовой пузырь былъ разорванъ, на передней губѣ маточной шейки сдѣланъ надрѣзъ ножницами и наложены щипцы, при помощи которыхъ извлеченъ мертвый, ціанотическій ребенокъ мужескаго пола, 8-ми съ половиною фунтовъ вѣса. По окончаніи искусственныхъ родовъ приступы судорогъ сдѣлались немного рѣже, но больная не выходила изъ солорознаго состоянія и умерла на четвертый день. При вскрытіи найдено анемическое состояніе мозговыхъ оболочекъ и самаго мозга, матка хорошо сокращенною, а въ почкахъ явленіе незначительной гипереміи. Пслѣдній случай интересенъ въ томъ отношеніи, что эклампсія развивалась у женщины совершенно здоровой, у которой не могло быть и рѣчи о предварительномъ заболѣваніи почекъ, по всей вѣроятности произошла подъ вліяніемъ раздраженія извнѣ, подѣйствовавшего на воспріимчивую нервную систему, каковая бываетъ у беременныхъ подъ вліяніемъ гидрометрическаго состоянія крови. Про-

Фессоръ Лазаревичъ въ своемъ руководствѣ (стр. 695) говоритъ: „я полагаю, что у беременныхъ вся нервная система и ея центры могутъ, подѣ влияніемъ различныхъ условій, приходить въ состояніе необыкновенной раздражительности; и тогда, если на основаніе мозга подѣйствуетъ быстро образовавшееся, раздражающее условіе, то оно можетъ вызвать общія судорги съ потерю сознанія“. Во многихъ случаяхъ для эклампсіи, дѣйствительно, болѣе возможно объясненіе ея происхожденія, какъ во время беременности, такъ еще болѣе и во время родовъ влияніемъ какого-бы то ни было раздраженія на нервную систему и преимущественно на центры, чѣмъ сваливать все, какъ на причину, на паренхиматозное измѣненіе почекъ, которое есть только послѣдствіе нарушеннаго кровообращенія вообще въ организмѣ, подѣ влияніемъ расстройства въ центральной нервной системѣ, а ни чуть не первичное страданіе, влекущее за собою эклампсію. Это подтверждается и тѣмъ, что, при вскрытіи умершихъ отъ эклампсіи, очень часто почки находятъ въ состояніи незначительной гипереміи, какъ и въ нашемъ случаѣ, а иногда даже, какъ въ 63 случаяхъ, собранныхъ и приведенныхъ Шредеромъ (Руководство стр. 588), почки находили совершенно нормальными. Во всѣхъ пяти случаяхъ эклампсіи, которые мнѣ пришлось наблюдать, роды окончены были искусственно и изъ нихъ смертельный исходъ былъ только въ одномъ случаѣ, въ которомъ вслѣдствіе сильнаго потрясенія организма и нельзя было ожидать хорошаго исхода. Въ силу этого я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Гофмейера, высказаннымъ имъ въ Берлинскомъ акушерскомъ обществѣ въ 1874 году, по которому при эклампсіи не только роды надо оканчивать тамъ, гдѣ они уже начались, но даже и въ томъ случаѣ, если-бы приступы эклампсіи появились во время беременности.

Со стороны плода и частей, составляющихъ вмѣстѣ съ нимъ яйцо, встрѣчались слѣдующія осложненія, обусловливавшія патологическіе роды.

Очень плотный родовой пузырь наблюдался 8 разъ при родахъ. Осложненіе это неприяно въ томъ отношеніи, что скопившіяся родовыя воды, при цѣлости пузыря, между нимъ и подлежащею частію, мѣшаютъ этой послѣдней вступать въ полость малаго таза и, не давая возможности маткѣ уменьшиться въ объемѣ и плотно обхватить плодъ, замедляютъ ходъ родовъ. Во всѣхъ случаяхъ приходилось прибѣгать къ искусственному разрыву пузыря.

Кровотечение во время родовъ было въ двухъ случаяхъ: въ одномъ вслѣдствіе Placenta praevia lateralis, а въ другомъ, гдѣ оно было настолько сильно, что потребовало окончить роды искусственно; оно вѣроятно произошло отъ преждевременнаго отдѣленія части послѣда отъ стѣнки матки, при обыкновенномъ мѣстѣ своего прикрѣпленія. Ребенокъ былъ мертвый.

Выпаденіе пуповины наблюдалось два раза: одинъ разъ при темномъ положеніи и при томъ въ третьемъ періодѣ родовъ, гдѣ вправленія сдѣлать было нельзя, почему, въ виду сохраненія жизни ребенка, роды окончены были искусственно щипцами; другой разъ выпаденіе пуповины наблюдалось при тазовомъ положеніи, гдѣ вправление удалось.

Обвитіе пуповины встрѣчалось вокругъ шейки младенца 28 разъ, вокругъ шейки и плеча 2 раза, между обоими бедрами 6 разъ и, наконецъ, одинъ разъ пуповина была настолько длинна, что обвивала шейку плода, пройдя предварительно между ногъ съ передней поверхности тѣла на заднюю.

Короткая пуповина длиною въ 16 сантиметровъ наблюдалась въ одномъ случаѣ, въ которомъ, при прохожденіи головки чрезъ наружныя дѣтородныя части, она такъ была натянута, что надо было до выходженія головки перерѣзать ее и перевязать.

Чрезмѣрная величина ребенка одинъ только разъ служила препятствіемъ къ произвольному окончанію родовъ, не смотря на то, что родовая дѣятельность совершалась правильно и потуги были довольно сильны. Образовавшаяся опухоль на головкѣ заставила прибѣгнуть къ щипцамъ, которыми нельзя было извлечь ребенка, почему сдѣлана была операція прободанія головки съ послѣдовательнымъ наложеніемъ краниокласта. Извлеченъ ребенокъ мужескаго пола 12-ти фунтовъ вѣсу.

Поперечныхъ положеній плода встрѣчалось всего четыре. Всѣ они были при своевременныхъ родахъ и притомъ 1 у первороженицы, а 3 у многороженицъ. Выпаденіе ручки была въ двухъ случаяхъ.

Перечисливъ для ясности всѣ осложненія, встрѣчавшіяся во время родовъ какъ со стороны матери, такъ и со стороны плода (исключая обвитія пуповины) найдемъ что ихъ

Слабость потугъ - - - - - 16 разъ

Судорги шейки - - - - - 12 —

Болѣзненные и сильные потуги - 14 —

Узкій тазъ - - - - -	1 разъ
Эклампсія - - - - -	5 —
Плотный родовой пузырь - -	8 —
Кровотеченіе - - - - -	2 —
Выпаденіе пуповины - - - -	2 —
Короткая пуповина - - - -	1 —
Чрезмѣрная величина ребенка -	1 —
Поперечныя положенія - - -	4 —
Всего -	56.

Слѣдовательно, принимая это число на 315 случаевъ родовъ, получимъ, что на 100 родовъ приходилось почти 18% неправильныхъ родовъ. Такой относительно большой процентъ объясняется тѣмъ, что почти всѣ трудные случаи изъ бѣднаго сословія г. Кіева, привозятся въ клинику, такъ напримѣръ всѣ пять случаевъ эклампсіи приходится на 91 роженицу, т. е. на тѣхъ роженицъ, которыя привозятся изъ города въ клинику въ родахъ.

Глава III. Операцин.

Помощь искусства при 315 родахъ потребовалась 61 разъ, т. е. почти 20% на 100. Изъ этого количества 54 операцин приходится на долю привозныхъ роженицъ и только 7 операцин на роженицъ клиническихъ, т. е. принятыхъ въ клинику до родовъ. Если принимать 61 операцию на 315 родовъ, то это, конечно, выйдетъ громадный процентъ, но зная, что 54 операцин приходится на долю привозныхъ роженицъ, которыхъ было всего 91, на остальныхъ 224 роженицы—7 операцин составятъ весьма небольшой процентъ, а именно: у привозныхъ болѣе 60% оперативныхъ случаевъ, а у клиническихъ только 3% на 100.

Наложеніе щипцовъ и извлеченіе ими было произведено 20 разъ; изъ этого количества при темянныхъ положеніяхъ, т. е. на впередящую головку 17 разъ, а на послѣдующую 3 раза. Изъ 17-ти операцин наложенія щипцовъ при темянныхъ положеніяхъ произведено

при 1-мъ темянномъ положеніи	10
— 2-мъ — — —	6
— 3-мъ — — —	1.

Въ одномъ случаѣ операція не увѣнчалась успѣхомъ, почему сдѣлано было прободаніе головки; во всѣхъ-же другихъ случаяхъ роды окончены наложенными щипцами.

Изъ всѣхъ 20 операцій—16 приходится на долю первороженицъ, а 4 на долю многороженицъ. При преждевременныхъ родахъ наложеніе щипцовъ было произведено 3 раза, а остальные 12 разъ при своевременныхъ.

Показанія, по которымъ были наложены щипцы, были слѣдующія:

Слабость потугъ - - - - -	12 разъ
Кровотеченіе во время родовъ -	2 раза
Задержаніе головки по выходѣ ту-	
ловища при тазовомъ положеніи	
плода - - - - -	3 раза
Судорожныя боли - - - - -	1 разъ
Удушье при Laringostenosis - -	1 —
Выпаденіе пуповины и прижатіе -	1 —

При операціяхъ извлечено 11 мальчиковъ и 9 дѣвочекъ; 12 родилось живыми и 8 мертвыми, изъ которыхъ: 2 мацерированныхъ, 3 умершихъ при эклампсiи, 3 въ асфиксiи съ большими опухолями на головкѣ. Изъ родильницъ остались здоровыми 18, умерло 2: одна отъ эклампсiи, другая отъ септического эндометрита. Какъ вспомогательную операцію при наложеніи щипцовъ, по преимуществу у первороженицъ, мы употребляли 10 разъ надрѣзы на промежности для того, чтобы при скоромъ выведеніи головки, избѣжать разрыва промежности. Ни одного разу не было наблюдаемо послѣ такого надрѣза разрыва промежности и, кромѣ того, искусственное раненіе заживало скоро и хорошо.

Поворотъ на ножки съ извлеченіемъ при косыхъ положеніяхъ производился 3 раза: 2 раза былъ сдѣланъ сложный поворотъ при второмъ косомъ положеніи, а одинъ разъ по Брекстонъ-Гиксу при первомъ косомъ положеніи. Въ двухъ случаяхъ младенцы извлечены живыми, а въ третьемъ—мертвый. Во всѣхъ трехъ случаяхъ при операціи роженицы были захлороформированы. Полезное дѣйствіе хлороформа выразалось не только въ томъ, что роженицы нечувствовали боли, но главное въ томъ, что судорожное состояніе шейки подъ вліяніемъ хлороформа проходило и не настолько мѣшало введенію руки въ полость матки.

Извлеченіе за ножки или за тазобедренное сочлененіе при тазовомъ и ножныхъ положеніяхъ производилось 7 разъ; изъ нихъ 1 разъ при второмъ тазовомъ положеніи съ измѣненіемъ его въ первое и 6 разъ при первомъ тазовомъ положеніи. У первороженницъ сдѣлано 5 операций извлеченія руками, а у многороженницъ 2. Въ одномъ изъ 7 случаевъ, въ которомъ ребенокъ родился мертвый, головку невозможно было извлечь руками, почему и наложены были на послѣдующую головку щипцы. Въ другихъ 6-ти случаяхъ дѣти были живы. Хлороформъ при операции извлеченія руками ни разу не былъ употребляемъ.

Decapitatio и *exarticulatio* ручки сдѣлано было одинъ разъ при второмъ косомъ положеніи съ выпаденіемъ ручки и ущемленіемъ плеча. Роженица эта привезена была въ клинику спустя трое сутокъ послѣ того, какъ начались роды. Ребенокъ былъ уже мертвъ, а выпавшая ручка гангренифицирована—почти чернаго цвѣта. Сначала сдѣлана была *exarticulatio*, а потомъ *decapitatio*. Роженица выздоровѣла.

Разрывъ оболочекъ яйца или родоваго пузыря при чрезмѣрной его плотности, благодаря которой ходъ родовъ замедлялся, сдѣланъ былъ въ 8-ми случаяхъ. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ, при относительно высокомъ стояніи головки, во время потугъ пузырь напрягался и показывался между большими дѣтородными губами. Замѣчено, что, несмотря на слишкомъ долгую продолжительность втораго періода родовъ при плотномъ пузырьѣ, вслѣдъ за искусственнымъ разрывомъ его, роды оканчивались очень скоро. Удобнымъ инструментомъ при операциі разрыва пузыря намъ всегда служитъ очиненное перо, которое, будучи плотно приложено, заостренною частію къ концу указательнаго пальца, вводится вмѣстѣ съ нимъ до родоваго пузыря, затѣмъ палецъ подвигается немного по перу назадъ, вслѣдствіе чего выдается заостренная часть его, которою при небольшомъ движеніи сверху внизъ и разрывается пузырь.

Выжиманіе плода руками по Cristler'у примѣнялось три раза при слабыхъ потугахъ и при темномъ наложеніи въ 3-мъ періодѣ родовъ, т. е. тогда, когда головка стоитъ уже очень низко, а потугъ нѣтъ. Относительно способа выжиманія надо вообще сказать то, что при немъ, какъ мнѣ кажется, играетъ роль не комбинація извѣстныхъ движеній руками, а скорѣе просто сильное механическое раздраженіе, благодаря которому матка сокращается болѣе энергично. Выжиманіе способствуетъ вытеканію излишнихъ родовыхъ водъ, оставшихся въ

матѣ, и сокращенія ея поэтому дѣлаются болѣе сильными и дѣйствительными.

Надрѣзы маточнаго звѣа произведены 3 раза; одинъ разъ какъ, самостоятельная операція; два раза за надрѣзами слѣдовали щипцы.

Отдѣленіе дѣтскаго мѣста произведено было 11 разъ, изъ которыхъ 3 раза дѣтское мѣсто удалено посредствомъ введенія руки въ матку, а 11 разъ посредствомъ выжиманія по способу Crédé. Во всѣхъ случаяхъ показаніемъ къ операціи было кровотеченіе.

Вправление выпавшей пуповины при значительной длинѣ ея произведено было 1 разъ во второмъ періодѣ родовъ посредствомъ инструмента д-ра Форштетера, который прекрасно удовлетворяетъ своему назначенію.

Сшиваніе промежности при большихъ разрывахъ ея тотчасъ послѣ родовъ сдѣлано было 3 раза. Удобство въ производствѣ этой операціи сейчасъ послѣ родовъ заключается въ томъ, что края раны свѣжи и сама операція малоболѣзненна. Слизистая оболочка со стороны влагалища сшивалась кетчутомъ, а со стороны промежности накладываются швы изъ серебряной проволоки. Изъ 3-хъ операцій—2 дали хорошій результатъ, а въ третьемъ случаѣ края раны со стороны влагалища на 2-й день разошлись, почему сняты были и остальные швы.

Въ этой главѣ скажу еще объ искусственномъ возбужденіи преждевременныхъ родовъ и окончаніи ихъ, какъ это было произведено одинъ разъ при эклампсіи. Для искусственнаго возбужденія преждевременныхъ родовъ сдѣлано было впрыскиваніе тепловатой воды въ полость матки шприцемъ чрезъ эластическій катетръ, введенный между оболочками яйца и стѣнкою матки. Вслѣдъ за впрыскиваніемъ появились маточныя сокращенія по своему характеру похожія на родовыя. Чрезъ полчаса сдѣлано было еще одно впрыскиваніе, послѣ котораго сокращенія матки усилились, а во влагалище введенъ былъ тампонъ. Приблизительно спустя полтора часа послѣ перваго впрыскиванія шейка изгладилась и была открыта на столько, что можно было съ нѣкоторымъ усиліемъ ввести два пальца, которыми производилось дальнѣйшее расширеніе шейки чрезъ каждыя 10 минутъ. Когда шейка была значительно расширена то родовой пузырь разорвали и, по выходѣ родовыхъ водъ, на шейкѣ сдѣланы надрѣзы и наложены щипцы, которыми и были

окончены роды. Весь процессъ отъ перваго впрыскиванія до извлеченія ребенка продолжался четыре часа. Дѣтское мѣсто выпило само спустя 20 минутъ послѣ извлеченія ребенка.

Глава IV. Новорожденные.

При 315 родахъ, изъ которыхъ было 4 двойней, 8 выкидышей и 15 преждевременныхъ родовъ, родилось 319 дѣтей. Изъ этого числа родилось живыхъ 298, а мертвыхъ 21. Въ число 21 мертворожденныхъ включаются какъ умершіе во время родовъ, такъ и до родовъ а такъ-же недоношенныя дѣти (рожденныя мертвыми) и выкидыши. Мертворожденныя дѣти распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Выкидышей (т. е. рожденныхъ раньше 7 мѣсяцевъ)	8
Мадерированныхъ - - - - -	5
Отъ операціи умершихъ - - - - -	3
Мертворожденныхъ при эклампсiи у матерей - -	2
Отъ кровотеченія у матери во время родовъ - -	1
Отъ Febris Intermittens у матери - - - - -	1
Отъ малокровія у матери (во время родовъ сердце- біеніе было еще слышно) - - - - -	1.

Изъ 21 мертворожденныхъ 3 приходится на клиническихъ роженицъ, а 18-ть на роженицъ, привезенныхъ въ клинику въ родахъ. Если выключить изъ 18—3 умершихъ отъ операціи, 2 умершихъ отъ эклампсiи у матерей, то все таки 13 мертворожденныхъ на такое небольшое число роженицъ, привезенныхъ въ родахъ, (а именно 91) составляетъ слишкомъ большой процентъ. Причину этого рода надо искать, конечно, въ тѣхъ гигиеническихъ условіяхъ, въ которыя были поставлены матери въ послѣдніе мѣсяцы беременности. Извѣстно, что фабричныя рабочія женщины, жительницы верхнихъ этажей, женщины занимающіеся ношеніемъ тяжестей, какъ на примѣръ ходячія торговки, портнихи, работающія на швейныхъ машинахъ и другія гораздо чаще сбрасываютъ и рожаютъ мертвыхъ дѣтей, чѣмъ женщины, которыя не лишены возможности оберегать себя въ послѣдніе мѣсяцы беременности. Справедливость этого можно видѣть и изъ того, что на 224 роженицы, которыя, находясь въ клиникѣ въ послѣдніе мѣсяцы беременности, пользовались покоемъ, приходится только 3 мертворожденныхъ ребенка, а

на 91, занимавшихся до послѣднихъ дней беременности работою, мертворожденныхъ приходится 13, изъ которыхъ 8 выкидышей и 5 мацерированныхъ.

Изъ всего количества дѣтей, рожденныхъ живыми, т. е. изъ 298 мальчиковъ было 202, а дѣвочекъ 96. Въ двухъ случаяхъ двоенъ родилось 2 дѣвочки и 3 мальчика, въ третьемъ и четвертомъ случаѣ по дѣвочки и по мальчику. Къ числу живорожденныхъ дѣтей причисляются и тѣ, которыя родились мнимоумершими, но были оживлены. При оживленіи мы поддерживали искусственное дыханіе и, положивши ребенка въ теплую ванну, поливали голову и грудь холодною водою; способъ этотъ приносилъ всегда пользу. Средній вѣсъ дѣтей равнялся 7-ми съ половиною фунтамъ. Для мальчиковъ средній вѣсъ нѣсколько больше, чѣмъ для дѣвочекъ, а именно: для мальчиковъ болѣе 8 фунтовъ, а для дѣвочекъ немного менѣе 8-ми фунтовъ. Самый большой вѣсъ, до котораго достигалъ новорожденный ребенокъ, былъ 12 фунтовъ. Вѣсъ двоенъ самый болѣе въ одномъ случаѣ равнялся 9-ти съ половиною фунтамъ, а самый меньшій 7-ми фунтамъ, гдѣ, несмотря на такой незначительный вѣсъ (по 3 съ половиною фунта каждый), дѣти были живы.

Изъ числа 298 дѣтей, родившихся въ клиникѣ умерло 11 отъ слѣдующихъ причинъ:

Отъ конвульсій	- - - - -	3
Отъ Icterus Catharalis	- - - - -	2
Отъ истощенія (у чахоточной матери)	- - -	1
Отъ Febris Intermittens у матери	- - - -	1
Отъ истощенія при Endometritis saeptica у матери	- - - -	1
Недоношенныхъ умерло	- - - - -	1
Отъ Erisipelas	- - - - -	1.

Между дѣтьми рожденными живыми, во время нахождения ихъ въ клиникѣ встрѣчались слѣдующія заболѣванія.

Ophthalmia Neonatorum наблюдалось у трехъ дѣтей, у которыхъ матери страдали бѣлыми. Исходъ въ двухъ случаяхъ былъ хорошій, въ одномъ-же, по окончаніи процесса, осталось помутненіе на роговой оболочкѣ.

Conjunctivitis Catharalis встрѣчалась у дѣтей болѣе часто, чѣмъ какая-либо другая болѣзнь. На 298 дѣтей приходилось около 60-ти случаевъ заболѣванія. Играло-ли тутъ большое вліяніе то обстоятельство,

что клиническія палаты, будучи обращены къ солнечной сторонѣ, очень свѣтлы и сильный свѣтъ, хотя и умѣряемый шторами, раздражалъ глаза новорожденныхъ, или можетъ быть заболѣваніе глазъ зависѣло отъ матерей, изъ которыхъ многія имѣли цервикальные эндометриты и бѣли. Всѣ дѣти, больныя глазами, пользовались, какъ амбулаторные больные въ университетской глазной клиникѣ, помѣщающейся во второмъ этажѣ. Обыкновенно чрезъ 5 или 6 дней при леченіи и опрятномъ содержаніи болѣзнь прекращалась.

Erisipelas (Рожа) была наблюдаема у одного ребенка. Она появилась на 3-й день послѣ родовъ около пупка, по отпаденіи его, и переходила съ одного мѣста на другое. На 4-й день заболѣванія ребенокъ умеръ.

Icterus Catharalis у новорожденныхъ наблюдаема была 10 разъ. Къ числу заболѣвающихъ принадлежали тѣ дѣти, матери которыхъ сильно лихорадили, а также и тѣ (послѣднихъ больше 6), которыя съ перваго дня жизни поступали на искусственное кормленіе. Изъ 10-ти больныхъ желтухою умерло двое.

Молочница Soor—наблюдалась 22 раза. Дѣти, имѣвшія молочницу, заболѣвали катарромъ желудочно-кишечнаго канала съ частыми поносами и вздутиемъ живота. Большинство изъ заболѣвавшихъ были изъ тѣхъ дѣтей, которыя вскармливались искусственно. Прекраснымъ средствомъ при молочницѣ оказывалась бура въ растворѣ, которою при помощи мягкой тряпочки вытирали во рту всѣ мѣста, покрытыя бѣлымъ налетомъ.

Mastitis Neonatorum наблюдалось 2 раза. Въ одномъ случаѣ грудница появилась на 4-й день жизни ребенка, гдѣ она была на правой желѣзѣ, а въ другомъ случаѣ она была замѣчена на 7-й день на обѣихъ желѣзахъ. Въ первомъ случаѣ правая желѣза увеличилась въ объемъ, была тверда и болѣзна. При употребленіи сѣрой мази съ беллидовою твердость исчезла чрезъ 5 дней. Въ другомъ случаѣ на болѣзнь обратила вниманіе сама мать и передала мнѣ объ этомъ. Ребенокъ былъ очень беспокоенъ, кричалъ, желѣзы были припухши и при изслѣдованіи можно было ясно ощупать орлюктуацию въ лѣвой грудной желѣзѣ, по вскрытіи которой вытекло около двухъ столовыхъ ложекъ густаго гноя; другая желѣза вскрыта была чрезъ три дня послѣ первой. По вскрытіи въ отверстіе вставлялась турунда изъ корпіи и накладывалась повязка. Ребенокъ выздоровѣлъ. За маститомъ у дѣтей

я началъ внимательно слѣдить только съ 1878 года и съ этого времени на 186 новорожденныхъ наблюдалъ два случая, слѣдовательно болѣзнь эта у новорожденныхъ дѣтей появляется относительно все таки часто. Совершенно справедливо говорить поэтому д-ръ Филатовъ, что: „грудницу не находятъ только потому, что не ищутъ ее, такъ какъ забываютъ про ея существованіе“. Заболѣвшія грудницею обѣ были дѣвочки.

Конвулсіи наблюдались у трехъ новорожденныхъ и при томъ въ двухъ случаяхъ у тѣхъ новорожденныхъ, матери которыхъ во время родовъ страдали припадками эклампсіи. Всѣ заболѣванія дѣтей были въ высшей степени слабы, анемичны, зрачки сначала были сужены, а потомъ расширялись; верхнія конечности согнуты, нижнія болѣе вытянуты къ животу, а по временамъ являлись судорожныя подергиванія во всемъ тѣлѣ. Легкая рвота послѣ кормленія грудью и частыя водянистыя испражненія не прекращались почти до самой смерти. Всѣ три изъ заболѣвшихъ умерли.

Изъ врожденныхъ заболѣваній встрѣтилось одинъ разъ *Hydrocele* у мальчика довольно здороваго, вѣсившаго 9 фунтовъ. Врожденная *Hydrocele*, какъ извѣстно, очень часто начинаетъ увеличиваться все болѣе и болѣе, пока наконецъ не разовьется настоящая *Hydrocele*. Wagner собралъ 37 случаевъ врожденной *Hydrocele*, въ которыхъ онъ прибѣгалъ къ оперативному леченію, вытягивая содержимое *Hydrocele* посредствомъ прадацевскаго шприца и впрыскивая за тѣмъ 0,5—1,0% растворъ карболовой кислоты. Въ нашемъ случаѣ *Hydrocele* прошла сама собою безъ всякаго леченія.

Относительно ухода за новорожденными скажу, что у насъ онъ возложенъ на ученицъ повивальнаго искусства подъ контролемъ старшей акушерки клиники. Ребенка при родахъ принимаетъ пріемщица изъ ученицъ 2-го курса, которая и перевязываетъ пуповину. За правило принято перевязывать пуповину тогда, когда въ ней прекратится пульсация. Перерѣзавши и перевязавши пуповину, пріемщица беретъ новорожденного, купаетъ въ теплой ваннѣ, имѣющей температуру 37—38° Цельсія и за тѣмъ, вытерши насухо, пеленаетъ его. Пупокъ обертывается въ тряпочку и укрѣпляется бинтикомъ. Во все время пребыванія въ клиникѣ новорожденныхъ купаютъ ежедневно въ теплой ваннѣ, что лежитъ уже на обязанности дежурныхъ ученицъ, а не на обязанности пріемщицъ.

Глава V. Послѣродовыя заболѣванія.

Въ этой главѣ мы рассмотримъ всѣ тѣ заболѣванія, встрѣчавшіяся въ родильномъ періодѣ, которыя находились въ причинной связи съ событіями родового акта или-же съ нормальнымъ теченіемъ родильнаго состоянія.

Громадное большинство заболѣваній у насъ принадлежало къ самымъ легкимъ формамъ и, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, весьма немного родильницъ оставалось долѣе 10 дней въ клиникѣ по случаю болѣзни, но большинство изъ нихъ выписывалось какъ совершенно здоровыя на 8-й или 9-й день. Изъ 315 родильницъ:

Выписано до 10-го дня - - - - - 236

Легко заболѣвшихъ было - - - - - 62

Трудныхъ случаевъ заболѣванія было - - 17.

Изъ всѣхъ заболѣвшихъ родильницъ умерло 6 отъ слѣдующихъ причинъ:

Отъ туберкулёза легенхъ - - - - - 2

Отъ Eclampsia на 3-й день - - - - - 1

Отъ гнойнаго Peritonit'a (вслѣдствіе вскры-
шагося въ брюшную полость параметрита) 1

Отъ гнойнаго перитонита (септицемія) - - - 1

Отъ периглонита (септического происхожденія) 1.

При наблюденіи послѣродоваго періода мы убѣдились, что воспалительные процессы половыхъ органовъ при отстраненіи другихъ, заражающихъ кровь разрушительныхъ агентовъ, имѣли благопріятное теченіе и не такъ губительно дѣйствовали на организмъ, какъ при эндемическомъ появленіи септического зараженія, какъ это мы имѣли возможность наблюдать въ нашей клиникѣ въ концѣ февраля и въ началѣ марта сего 1880 года. За два съ половиною года у насъ умерло всего 2 родильницы, изъ которыхъ одна умерла отъ туберкулёзнаго пораженія легенхъ, а другая отъ гнойнаго перитонита на 31 день послѣ родовъ; за второе же полугодіе этого учебнаго года мы потеряли 4 родильницы, изъ которыхъ одна, какъ показала секція, имѣла туберкулёзное пораженіе легенхъ, другая умерла отъ эклампсін, а двѣ остальные умерли отъ гнойнаго перитонита, по всей вѣроятности септического характера, одна на 7-й, а другая на 12-й день послѣ родовъ. Въ это время замѣчено было, что почти всѣ родильницы долго лихорадили, имѣли зловонныя послѣродовыя очищенія и рѣдка изъ нихъ выписывалась до 10-го дня послѣ родовъ. Заболѣванія эти не

представляли уже мѣстнаго процесса въ половыхъ органахъ, безъ участія или съ слабымъ участіемъ всего организма, а скорѣе ихъ можно было объяснить измѣненіемъ свойства всей массы крови, подъ вліяніемъ развившейся эндеміи. Здѣсь встаетъ замѣтить, что къ веснѣ, въ теченіи каждаго учебнаго года, наблюдалась наибольшая заболѣваемость между родильницами, которыя долѣе оставались въ клиникѣ, болѣе продолжительное время лихорадили, болѣе наблюдалось у нихъ въ это время параметритовъ и эндометритовъ, но все таки заболѣванія эти не имѣли такого буйнаго характера и, исключая одного смертельнаго случая отъ периманита на 31 день послѣ трудныхъ родовъ, оконченныхъ щипцами, всѣ роженицы скоро выздоравливали, между тѣмъ какъ въ этомъ году мы потеряли въ короткое время двухъ родильницъ, пользовавшихся прекраснымъ здоровьемъ и притомъ такихъ, у которыхъ роды прошли совершенно правильно и безъ всякаго вмѣшательства искусства. Причину появленія наибольшей заболѣваемости между родильницами въ февралѣ и въ началѣ марта можно объяснить тѣмъ, что ноябрь мѣсяцъ, декабрь и отчасти январь всегда бывали самими обильными мѣсяцами на роды и клиника въ эти мѣсяцы настолько переполнялась родильницами, что послѣднихъ приходилось класть не только на приставныя кровати, сверхъ положеннаго числа въ палатахъ, но даже прямо на полу. Естественно, что подобное переполненіе значительно вліяло на чистоту воздуха и, не смотря на всякія старанія дезинфицировать палаты, могло служить причиною болѣе-шей заболѣваемости родильницъ въ послѣдующіе мѣсяцы. Отдѣляющіяся послѣродовыя очищенія при большомъ числѣ родильницъ, испареніе новорожденныхъ и самихъ родильницъ, относительно небольшое количество воздуха при такомъ скопленіи, холодное время тогда, при которомъ нельзя было держать форточки въ окнахъ постоянно открытыми, все это, безспорно, благопріятствовало зарожденію заражающихъ веществъ въ самыхъ палатахъ клиники. Источники-же происхожденія этихъ заражающихъ веществъ могутъ образоваться, какъ извѣстно, повсюду, гдѣ разлагаются органическія вещества и въ особенности-же изъ секреторныхъ жидкостей, отдѣляемыхъ больными, а при случаѣ; какъ говоритъ Шредеръ, „даже и здоровыми родильницами“. Такъ какъ заболѣваемость между родильницами въ первые два года была все таки значительно меньше, не давала дурныхъ исходовъ и обыкновенно съ середины апрѣля мѣсяца (когда по случаю теплой погоды не только от-

кrywались постоянно форточки, но даже выставлялись и двойныя окна) прекращалась, то мы, воздерживаясь отъ пріема въ клинику беременныхъ, все таки принимали роженицъ (трудные случаи), но въ этомъ 1880 году съ начала марта мѣсяца прекращенъ былъ пріемъ не только беременныхъ, но даже и роженицъ, а беременныхъ, находившихся уже въ клиникѣ, перевели въ нанятое помѣщеніе въ городѣ. Замѣчательно между прочимъ то, что у переведенныхъ изъ клиники въ нанятое помѣщеніе послѣродовое время прошло хорошо и безъ всякихъ осложненій. Для ухода за ними была назначена одна постоянная акушерка, двѣ прислуги изъ клиники, а наблюденіе директоромъ клиники поручено было мнѣ и, несмотря на то, что весь этотъ персоналъ ухаживалъ и въ клиникѣ за заболѣвавшими и умершими родильницами, между родившими въ наемномъ помѣщеніи небыло ни одного случая заболѣванія. Эпидеміи, появившейся въ этомъ году въ клиникѣ, способствовало то, что въ настоящемъ году у насъ былъ такой большой наплывъ родильницъ, какого небыло въ прежнее время, а именно до начала марта мѣсяца у насъ было 114 случаевъ родовъ, между тѣмъ какъ въ прежніе два года, когда клиника продолжала пріемъ беременныхъ и роженицъ по 1-е мая, не бывало такого значительнаго числа случаевъ родовъ. Изъ 62 случаевъ легкихъ послѣродовыхъ заболѣваній, бывшихъ за три года, около 30 приходилось на этотъ годъ, а изъ 17 случаевъ трудныхъ заболѣваній—на этотъ годъ приходилось (исключая одной умершей отъ туберкулеза и другой отъ эклампсіи) 12, изъ которыхъ 2 были съ летальнымъ исходомъ.

Чтобы имѣть возможность, неограничиваясь цифрами, выяснить вопросъ о тяжелыхъ заболѣваніяхъ, приведемъ вкратцѣ исторіи болѣзни двухъ умершихъ родильницъ и найденное при вскрытіи.

1-й случай. Крестьянка Агафья Гусарова, 23 лѣтъ, первороженница, родила въ клиникѣ 13 февраля, роды были правильны, дѣтское мѣсто отдѣлилось само. Черезъ 3 дня послѣ родовъ родильница начала жаловаться на боли въ животѣ, который и при дотрогиваніи былъ очень болѣзненъ. При изслѣдованіи найдено, что матка плохо сокращена, вяла и отдѣлявшіяся послѣродовыя очищенія имѣли дурной запахъ. Температура 40°, пульсъ 120. Съ каждымъ днемъ состояніе больной ухудшалось, боли въ животѣ усиливались, появилась желчная рвота, значительный упадокъ силъ, бредъ, пульсъ поднялся до 140 ударовъ, лихорадочный—и наконецъ 20 февраля вечеромъ больная умерла.

Вскрытіе произведено 22 февраля утромъ профессоромъ Минхомъ. При наружномъ осмотрѣ трупа найдено, что животъ вздутъ, покровы живота напряжены и на нихъ находятся темно-фіолетовыя гипостатическія пятна. Грудныя желѣзы хорошо развиты и при давленіи изъ нихъ показалась капля молока. Зрачки умѣренно широки. Окочененіе сильно. *Черепная полость.* Стѣнки черепа очень толсты, толщина ихъ мѣстами доходитъ до 9 mm; на внутренней пластинкѣ, преимущественно лобной кости, довольно свѣжія костныя наслоенія съ сильно развитой и налитой кровью сосудистой системой. Кости черепа отдѣляются отъ твердой оболочки съ большимъ усиліемъ. Въ продольной пазухѣ—жидкая, черная кровь. На внутренней поверхности твердой оболочки темнявой и частію лобной области довольно тонкія васкуляризованныя нагноенія, а мѣстами небольшія экстравазаты. Сосуды мягкой мозговой оболочки—вены довольно сильно, капиллярно умѣренно—наполнены кровью; въ пазухахъ красноватая жидкая кровь. Мягкая оболочка тонка, прозрачна. Желудочки пусты. Ткань мозга нѣсколько вяла, влажна, незначительно полнокровна. Въ продолговатомъ мозгу, въ вароліевомъ мосту и въ мозжечкѣ измѣненій нѣтъ. *Брюшная полость.* Въ полости живота найдено нѣсколько фунтовъ жидкаго фибринозно-гнойнаго экссудата. Сальникъ умѣренно богатъ жиромъ, кишки растянуты газами. Матка слабо сокращена, дно ея доходитъ до уровня *crista illei*; край печени на уровнѣ ложныхъ реберъ. Нижній край селезенки на уровнѣ 11 ребра. Высота стоянія діафрагмы на правой сторонѣ 3 m, межреберный промежутокъ, на лѣвой—четвертое ребро. Слизистая оболочка желудка покрыта слизью, ткань ея набухла, сѣровато-розоваго цвѣта; въ сторонѣ *pylori* и по малой кривизнѣ—пятнистая инъсекція сосудовъ. Печень большого объема; капсула въ отдѣльных мѣстахъ сращена съ діафрагмой, мѣстами попадаются тусклыя пятна. Ткань печени рыхла, умѣренно полнокровна, желтовато-бураго цвѣта, мутна, желчный пузырь сильно растянутъ довольно пустою оранжеваго цвѣта желчью. Объемъ селезенки великъ; на поверхности ея гнойныя ложныя оболочки; капсула толста, мутна, сморщена. Перекладки стушеваны; мякоть кирпичнаго цвѣта, рыхла, расплывается. *Venae spermaticae* обѣихъ сторонъ свободны. Наружная капсула лѣвой почки довольно богата жиромъ, отдѣляется легко, поверхность почки гладкая; ткань довольно блѣдная, сѣроватаго цвѣта; карковый слой и пирамиды нерѣзко разграничены. Въ правой почкѣ тѣ-же явленія, что и въ лѣвой.

Кишки пусты, растянуты газомъ; анатомическихъ измѣненій нѣтъ.

Грудная полость. Слизистая оболочка зѣва, также какъ гортани и дыхательнаго горла,—темно-фіолетоваго цвѣта. Легкія неспадаются; между ними и реберной плевой довольно рыхлыя фиброзныя сращенія. Въ бронхіальныхъ вѣтвяхъ лѣваго легкаго—серозно-кровянистая жидкость, ткань же его полпокровна и довольно суха. Въ правомъ легкомъ явленія тѣ же. Объемъ сердца довольно великъ для женщины; Pericardium довольно жирно. Въ полостяхъ праваго сердца—частью фибринозные свертки, частью свертки крови. Объемъ полостей нормаленъ: клапаны и заслонки тоже нормальны. Въ лѣвомъ сердцѣ кровянистые свертки; малый желудочекъ пустъ, сильно сокращенъ. На краяхъ двухстворчатой заслонки попадаются значительныя утолщенія сѣроваго цвѣта, просвѣчиваютъ, не отдаляются отъ заслонки. Клапаны почти неизмѣнены. Толщина стѣнокъ желудочка около 1 сантиметра, цвѣта довольно темнаго, консистенціи плотной.

Тазовая полость. Матка и ея придатки покрыты довольно толстыми гнойвидными оболочками. Правая фаллопиева труба широка, около свободнаго конца своего достигаетъ 15 mm, расширена равномерно: въ бахромкахъ трубъ сильная инъекція сосудовъ; бахромки набухли и покрыты гнойными точками. Лѣвая труба неравномерно расширена, а именпо, въ одномъ мѣстѣ на небольшомъ разстояніи отъ свободнаго конца на верхнемъ краю мѣшокъ величиною въ грецкій орѣхъ. Стѣнки матки въ отдѣльныхъ мѣстахъ просвѣчиваютъ желтоватымъ цвѣтомъ. Набухлость и инъекція бахромки лѣвой трубы рѣзче выражены, чѣмъ на правой. При давленіи изъ отверстій обѣихъ трубъ отдѣляется гнойвидная жидкость. Слизистая оболочка трубъ набухла, бѣлаго цвѣта; складки сглажены. Объемъ яичниковъ умѣренно великъ. Въ правомъ яичникѣ небольшое количество кистъ величиною въ конопляное зерно. Мочевой пузырь содержитъ нѣсколько капель мутной довольно густой мочи. Въ rectum блѣдныя полужидкія фекальныя массы. На задней стѣнкѣ влагалища небольшая язва, а вокругъ язвы подъ слизистой оболочкой—инфилтрація крови. Наружное отверстіе шейки матки открыто въ видѣ широкой щели, пропускающей два пальца. На поверхности слизистой оболочки матки грязнаго цвѣта, мутный, кашпеобразный слой. Сама слизистая оболочка грязна, почти чернаго цвѣта, легко соскабливается. Ткань матки вяла; лимфатическіе сосуды по краямъ матки на той и

другой сторонѣ ея мѣстами закупорены гноевидными пробками, мѣстами содержать жидкій гной.

Изъ протокола вскрытія мы видимъ, что причиною гнойнаго перитонита здѣсь по всей вѣроятности былъ пуэрперальный процессъ, на что указываетъ и закупорка лимфатическихъ сосудовъ матки гнойными пробками и присутствіе гноя въ фаллопиевыхъ трубахъ, изъ которыхъ въ лѣвой, на небольшомъ разстояніи отъ свободного конца ея, гноя скопилось столько, что образовалось расширение трубы, равняющееся по величинѣ грецкому орѣху, по вскрытіи котораго вытекло много густаго гноя.

2-й случай. Крестьянка Акулина Литвиненкова, 21 года, первородница, родила въ клиникѣ благополучно 27 января. Женщина эта на видъ очень здорова. Послѣродовое время до 3-го дня шло хорошо, но на 3-й день появился ознобъ. Температура вечеромъ до 40°. Пульсъ 124. При изслѣдованіи *per vaginam* матка найдена болѣзненною, горячею, плохо сократившеюся и отдѣлявшею зловонныя послѣродовыя очищенія. На 5-й день потрясающій ознобъ повторился снова. Больная въ бреду, животъ при дотрогиваніи очень болѣзненъ. Въ послѣдующіе дни улучшенія незамѣчались и на 12 день послѣ родовъ, при потерѣ сознания, больная умерла. Вскрытіе произведено чрезъ 24 часа послѣ смерти. Черепная полость не была вскрыта. Въ грудной полости не найдено ничего ненормальнаго. Въ брюшной полости серозно-фибринозный экссудатъ; селезенка вялая и рыхлая; печень увеличена; кишки сильно вздуты газами; почки незначительно гиперемированы. Матка найдена дряблою, величиною болѣе кулака; шейка матки открыта и пропускаетъ свободно одинъ палецъ; слизистая оболочка матки покрыта кашицеобразною массою, грязнаго цвѣта, легко соскребивающеюся ножомъ. Въ фаллопиевыхъ трубахъ гноевидная слизь, выступающая при выдавливаніи въ видѣ капель. На разрѣзѣ ткань матки рыхлая, но гноевидныхъ пробокъ въ лимфатическихъ сосудахъ ея не замѣчено.

Въ этомъ второмъ случаѣ, какъ изъ клинической картины болѣзни, такъ и изъ результатовъ вскрытія, видно, что процессъ бесспорно также былъ эстетическаго характера, хотя сопровождался менѣ бурными явленіями при жизни и не далъ такихъ рѣзкихъ измѣненій, какія найдены при вскрытіи въ первомъ случаѣ.

Между другими 11-ю тяжелыми послѣродовыми заболѣваніями

(исключая 6-ти приведенныхъ мною раньше, окончившихся смертію) наблюдалось:

Parametritis gravis	- - - -	8 разъ; изъ нихъ
Parametritis sinistra	- -	5
Parametritis dextra	- -	3
Endometritis gravis	- - - -	2 раза
Endometritis cum colpitude	- -	1 разъ.

Всѣ эти случаи окончились полнымъ выздоровленіемъ. Самое раннее выздоровленіе было на 16-й день послѣ родовъ, а самое позднее (Parametritis) на 28-й день послѣ родовъ. При этомъ всѣ больныя лихорадили, температура почти у всѣхъ доходила до 40°.

Изъ числа 6-ти случаевъ, окончившихся смертію, одинъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ томъ отношеніи, что послѣродовой правосторонній параметритъ далъ абсцессъ, который вскрылся въ брюшную полость (какъ показала и секція) и вызвалъ общій гнойный перитонитъ, отъ котораго и послѣдовала смерть на 31-й день послѣ родовъ.

Изъ числа отмѣченныхъ мною 63 легкихъ заболѣваній наблюдались слѣдующія:

Endometritis въ легкой формѣ	- - -	31 разъ
Parametritis въ легкой формѣ	- - -	6 —
Martitis безъ нагноенія	- - - -	8 —
Гнойный маститъ	- - - - -	1 —
Трещины сосковъ и язвы на соскахъ	- - - -	13 —
Послѣродовое кровотеченіе	- - - -	3 раза.

Эндометриты въ легкой формѣ сопровождались всегда лихорадочнымъ состояніемъ и отдѣленіемъ съ дурнымъ запахомъ послѣродовыхъ очищеній. При употребленіи хинина и дезинфицирующихъ спринцеваній изъ карболовой кислоты всѣ явленія эндометрита обыкновенно въ 3 или 4 дня совершенно исчезали.

Изъ числа 6-ти параметритовъ почти всѣ они наблюдались у тѣхъ родильницъ, у которыхъ были и эндометриты и, съ исчезновеніемъ этихъ послѣднихъ, проходили скоро и параметриты. Въ четырехъ случаяхъ параметриты наблюдались у тѣхъ родильницъ, у которыхъ роды были окончены наложеніемъ щипцовъ.

Маститы болѣе часто наблюдаемы были у первороженицъ, чѣмъ у многороженицъ. Лучшимъ средствомъ всегда оказывалось отвлекаю-

щее на кишечный каналъ (слабительное изъ солей). Въ одномъ случаѣ образовался абсцессъ, вскрытый на 13-й день послѣ родовъ.

Трещины и язвы грудныхъ сосковъ наблюдались 13 разъ, изъ которыхъ 11 разъ у первороженицъ и 2 раза у многороженицъ. Изъ средствъ въ послѣднее время мы употребляли, по примѣру Штейнера и Гаусмана, помазывать 5%-нымъ растворомъ карболовой кислоты и всегда получали хорошіе результаты.

Кровотеченіе послѣ родовъ было наблюдаемо у 3-хъ родильницъ: у одной на 2-й день, у другой на 3-й день, а у 3-ей на 5-й день послѣ родовъ. Въ двухъ случаяхъ мы давали *extr. Secale cornutum* въ Ау. Сіномоті, а въ 3-мъ случаѣ, гдѣ кровотеченіе появилось на 5-й день послѣ родовъ и матка была плохо сокращена, примѣнено было прополаскиваніе матки горячею водою въ 38° R. и кровотеченіе прекратилось. Въ первыхъ двухъ случаяхъ послѣ нѣсколькихъ приѣмовъ *extr. secale cornutum* кровотеченіе такъ-же остановилось.

О другихъ заболѣваніяхъ въ послѣродовомъ состояніи, окончившихся смертію, мы считаемъ лишнимъ говорить, потому что о нихъ, хотя и вкратцѣ, было сказано раньше: о 2-хъ туберкулезныхъ—въ главѣ о беременныхъ, и объ одной родильницѣ, умершей отъ эклампсін, въ главѣ о роженицахъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о разрывахъ промежности, происшедшихъ во время родовъ и о леченіи ихъ въ послѣродовомъ состояніи. Всѣхъ разрывовъ промежности (не считая 4-хъ разрывовъ) было 18, изъ нихъ 3 большихъ, которые были шиты тотчасъ послѣ родовъ и о которыхъ сказано въ главѣ объ операціяхъ и 15 меньшихъ. Въ 12 случаяхъ были употребляемы, по истеченіи не болѣе какъ 6 или 12 часовъ послѣ родовъ, серфины, посредствомъ которыхъ соединялись края раны и со стороны промежности и со стороны влагалища и оставлялись на 24 часа. Въ 8-ми случаяхъ соединеніе произошло; а въ 4-хъ нѣтъ. Тамъ-же, гдѣ наложеніе серфиновъ не привело къ сращенію, или гдѣ уже прошло время для ихъ наложенія, дѣлали прижиганіе ляписомъ и заботились о чистомъ содержаніи.

Глава VI. Уходъ за родильницами.

Въ большинствѣ случаевъ не только сами женщины, но и врачи относятъ начало хроническихъ заболѣваній женскихъ половыхъ органовъ къ родильному времени, почему такъ называемый уходъ за родильницею долженъ составлять предметъ особенной задачи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, а тѣмъ болѣе еще въ родильныхъ домахъ и клиникахъ.

Въ нашей клиникѣ уходъ за родильницами возложенъ на дежурныхъ ученицъ повивальнаго искусства подъ наблюденіемъ старшей акушерки и ординатора. Дежурныя ученицы остаются 24 часа въ клиникѣ, а по истеченіи этого срока ихъ замѣняютъ слѣдующія по очереди, которыя присутствуютъ при утреннемъ осмотрѣ родильницъ ординаторомъ, въ какое-то время имъ передается все то относительно родильницъ, что должно быть исполнено. Онѣ слѣдятъ за чистотою родильницъ, подмываютъ ихъ, дѣлаютъ спринцеваніе, если оно назначено, даютъ сами прописанное врачомъ лекарство, слѣдятъ за состояніемъ родильницъ, наконецъ измѣряютъ каждой родильницѣ температуру утромъ и вечеромъ и записываютъ ее на отдѣльныхъ билетахъ.

Родильница изъ родильной комнаты перевозится въ комнату на родильной кровати, которая, будучи по высотѣ равна кроватямъ, находящимся въ палатахъ, подкачивается къ предназначенной для родильницы кровати; здѣсь уже перемѣняютъ рубашу и перекладываютъ родильницу на чистую кровать. Въ палатахъ, гдѣ помѣщаются родильницы, кровати желѣзныя, одиночныя, съ волосатымъ и соломленнымъ матрасами, теплымъ одѣяломъ и простынею, подъ которою подкладывается всегда клеенка. При уходѣ за родильницами главнымъ образомъ обращается вниманіе на соблюденіе чистоты, какъ относительно бѣлья, такъ равно и относительно половыхъ частей. Рубахи родильницъ и простыни перемѣняются въ первые дни послѣ родовъ ежедневно; кромѣ того два раза въ сутки производится туалетъ родильницы, состоящій въ томъ, что ей подмываютъ половыя органы и дѣлаютъ спринцеваніе просто изъ теплой воды 26—28° R., а если отдѣляющіяся послѣродовыя очищенія имѣютъ запахъ, то для спринцеванія къ водѣ прибавляютъ карболовой кислоты. Для каждой родильницы дается особенный наконечникъ, который хранится въ шкафикѣ, стоящемъ подлѣ каждой кровати, чтобы ихъ не смѣшивать. Съ перваго дня послѣ родовъ ро-

дильница получаетъ легкую питательную пищу, состоящую изъ овсянки или говяжьяго бульона съ булкою, но безъ мяса, но по истеченіи 4 или 5-ти дней послѣ родовъ дается уже и мясо, если только родильница здорова. Относительно девятидневнаго лежанія въ постелѣ мы должны сказать, что у насъ это настойчиво не преслѣдовалось и въ особенности по отношенію къ здоровымъ родильницамъ, да съ другой стороны и трудно въ высшей степени удержать въ постелѣ родильницъ изъ простаго класса, а ихъ то и бываетъ громадное большинство. Съ другой стороны замѣчено, что у тѣхъ изъ родильницъ, на которыхъ приносятся жалобы дежурными ученицами, что они встаютъ и ходятъ,—матка сокращается гораздо лучше и вообще такія родильницы скорѣе поправляются и чувствуютъ себя болѣе крѣпко и нравственно и физически. Не наблюдая никакихъ другихъ послѣдствій у тѣхъ родильницъ, которыя, чувствуя себя относительно здоровыми, вставали и ходили, мы думаемъ, что такихъ родильницъ и не слѣдуетъ насильно удерживать до 10-ти дней въ постелѣ и что мысль, высказанная докторомъ Соловьевымъ въ тезисѣ къ своей диссертации, „десятидневный срокъ лежанія женщины въ постелѣ послѣ родовъ—нераціоналенъ“, вѣрна и относительно того, что наблюдалось нами.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

ОСНОВЫ ГРЕЧЕСКАГО СИНТАКСИСА.

B. Delbrück. Syntaktische Forschungen. IV B. Die Grundlagen der Griechischen Syntax. Halle 1879.

~~~~~

Область дат. пад. въ греческомъ заключаетъ въ себѣ не только дат. собственно, но также и два другіе падежа: мѣстный и орудный (*instrumentalis*). Формы мѣстн. пад. въ греческомъ сохранились въ 3-мъ склон. въ видѣ такъ называемаго дат. пад. и во 2-мъ въ немногихъ остаткахъ въ іон. и атт. діалектахъ, и въ несравненно большемъ количествѣ въ нарѣчіяхъ элидскомъ, аркадскомъ и кипрскомъ;—остатками оруднаго пад. служатъ формы на—φι. Пр. Д. прежде считалъ возможнымъ опредѣлить первоначальное значеніе дат. пад. принявъ, что онъ означаетъ ту точку, къ которой склоняется или направляется дѣйствіе. Теперь послѣ возраженій Гюбшманна онъ готовъ предпочесть опредѣленіе послѣдняго, по которому дат. пад. первоначально означалъ предметъ или лице, принимающее участіе въ дѣйствіи. Разумѣется и это опредѣленіе нельзя признать удовлетворительнымъ. Оно, можетъ быть, вѣрно въ томъ смыслѣ, что указываетъ на то самое сочетаніе внѣшнихъ фактовъ, которое, отразившись въ сознаніи, дало поводъ къ образованію выраженій съ дат. падежемъ. Но цѣль синтаксическихъ опредѣленій не въ томъ, чтобы указать на внѣшніе факты; не эти факты отражаются въ языкѣ и составляютъ подлинное значеніе синтаксическихъ выраженій, а тѣ представленія и идеи, словомъ, то содержаніе, которое является въ умѣ подъ впечатлѣніями, идущими изъ внѣ. Каждое опредѣленіе, обозначающее не то что бываетъ въ созна-

ніи, а то, что лежитъ внѣ его, нельзя признать окончательнымъ; оно не рѣшаетъ вопроса о первоначальномъ значеніи этой или другой грамматической формы, хотя иногда можетъ облегчить рѣшеніе.

Всю область употребленія дат. въ греческомъ проф. Дельбрюкъ, вслѣдъ за Кюнеромъ, раздѣляетъ на три круга: а) собственно дат. падежъ; б) дат. въ смыслѣ мѣстнаго и с) дат. въ смыслѣ оруднаго пад. (*instrumentalis*). Замѣчанія его по поводу перваго круга не представляютъ ничего новаго, а попытка разграничить употребленіе дат. въ смыслѣ мѣстнаго отъ дат. собственно кажется намъ не совсѣмъ удовлетворительной. Есть выраженія, гдѣ дат. пад. безспорно имѣетъ значеніе мѣстнаго; напр. *ἤμενος Οὐλύμπῳ*. Но въ большей части случаевъ дѣло не такъ ясно, напр. въ выраженіи: *Θέμιστι δὲ καλλιπαρῆφι δέκτο δέκα;* (Ил. XV, 87) Дельбрюкъ принимаетъ *Θέμιστι* за дат. въ смыслѣ мѣстнаго; въ такомъ случаѣ *Θέμιστι* обозначаетъ ту точку, къ которой направляется движеніе—*δέκτο*. Но не съ меньшимъ правомъ можно принять, что дат. здѣсь стоитъ въ своемъ собственномъ значеніи, указывая лице, принимающее участіе въ дѣйстви: Гера взяла кубокъ, который *Θемида* подавала ей. Также и при *τέρπεσθαι* дат. пад. по мнѣнію пр. Д. имѣетъ значеніе мѣстнаго, хотя возможно и другое объясненіе. Въ этихъ и подобныхъ случаяхъ авторъ руководится чутьемъ за немѣнимымъ объективныхъ признаковъ, но чутье одного часто не имѣетъ убѣдительной силы для другихъ. Дѣло рѣшится скорѣе и надежнѣе, если при опредѣленіи значенія данной формы въ томъ или другомъ выраженіи будутъ тщательнѣе вникать въ первоначальный смыслъ слова, управляющаго этой формой. При синтактическихъ изслѣдованіяхъ первое условіе успѣха заключается въ томъ, чтобы воспроизвести въ нашемъ собственномъ сознаніи то сочетаніе идей, которое было въ сознаніи чловѣка, создавшаго то или другое выраженіе, и при томъ воспроизвести какъ можно точнѣе и ближе къ подлиннику. Въ этомъ случаѣ на помощь синтаксису должна придти этимологія, устанавливающая первоначальный смыслъ тѣхъ созвучій, которые составляютъ основу словъ какъ управляющихъ, такъ и подчиненныхъ. При изслѣдованіи первоначальнаго смысла грамматическихъ формъ такой опорой и наиболѣе пригоднымъ матеріаломъ могутъ считаться лишь тѣ выраженія, которыя состоятъ изъ словъ этимологически ясныхъ, потому что только при этомъ условіи можно опредѣлить, чтó было въ сознаніи говорящаго, когда онъ произносилъ то или другое выраженіе. Обороты,

состоящіе изъ словъ, этимологія которыхъ неясна, лучше всего оставить въ сторонѣ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ изслѣдованія; пониманіе такихъ оборотовъ, подсказанное предвзятымъ мнѣніемъ или чутьемъ, всегда будетъ казаться произвольнымъ и скорѣе наброситъ тѣнь сомнѣнія на другіе, болѣе основательные выводы, нежели увеличить ихъ силу. Но для того, чтобы отдѣлать пригодное отъ непригоднаго, доступное и ясное отъ того, что остается пока недоступнымъ вслѣдствіе неясности, необходимо напередъ сдѣлать систематическій подборъ и обзоръ матеріала, заключающагося въ памятникахъ языка, составить опись фактамъ, имѣющимся въ нихъ. Къ сожалѣнію ничего подобнаго не сдѣлано въ области греческаго языка и пр. Дельбрюку приходится не разъ указывать на недостатокъ полнаго и систематическаго подбора матеріала хотя бы для отдѣльныхъ вопросовъ. Но при такомъ положеніи дѣла можетъ казаться преждевременной и самая попытка установить основы греческаго синтаксиса.

Значеніе и употребленіе глагольных формъ составляетъ предметъ V—VIII гл. въ книгѣ Дельбрюка. Новаго здѣсь немного и наиболѣе важные вопросы оставляются авторомъ въ сторонѣ. Не касаясь вопроса о собственномъ значеніи аугмента, Д. ограничивается установленіемъ того факта, что опущеніе аугмента, столь обычное языку гомеровскихъ поэмъ, было свойственно арійскому языку. Индогерманцы, по мнѣнію автора, постоянно употребляли аугментъ въ прозѣ, но въ стихахъ очень часто опускали его, подчиняясь требованіямъ размѣра. Сличивъ употребленіе средн. залога въ греческомъ и санскритскомъ, Д. приходитъ къ тому заключенію, что въ этомъ отношеніи греческій языкъ остался вѣренъ обычаямъ языка арійскаго; уклоненіе составляетъ склонность къ употребленію буд. времени въ формѣ средн. залога, замѣчаемая въ греческомъ. Вопросъ о первоначальномъ значеніи сред. залога, о происхожденіи особой формы личныхъ окончаній, свойственной ему, авторъ оставляетъ нерѣшеннымъ, не находя для этого средствъ въ области синтаксиса и не довѣряя объясненіямъ, основаннымъ на этимологическомъ анализѣ. Формы аориста страд. на—τι и—θη по образованію своему принадлежатъ къ дѣйств. залогу. Разсмотрѣвъ ихъ употребленіе въ эпосѣ, пр. Д. приходитъ къ заключенію, что и по значенію своему эти формы въ началѣ были дѣйствительными, а не страдательными. Переходъ отъ дѣйствительнаго значенія къ страдательному онъ объясняетъ такъ образомъ. Глаголь самъ по себѣ озна-

часть движеніе; имя лица или предмета, служащаго носителемъ этого движенія, центромъ его, ставится въ имен. пад. Иногда это лицо бываетъ вмѣстѣ и причиной, производящей движеніе, субъектомъ дѣйствія; въ такомъ случаѣ глаголъ получаетъ дѣйствительное значеніе. Но въ другихъ случаяхъ причиной движенія бываетъ другое лицо, отличное отъ того, которое испытываетъ это движеніе, напр. въ выраженіяхъ домъ горитъ, снѣгъ таетъ. Если въ такихъ выраженіяхъ рядомъ съ лицомъ испытывающимъ движеніе будетъ названо и лицо, производящее его, то глаголъ получаетъ страд. значеніе. Аор. ἐδάμην собственно значить—сдѣлался смиреннымъ, притихъ; въ этомъ значеніи его можно употребить и о павшемъ въ бою; ἐδάμην знач. онъ притихъ т. е. убитъ. Глаголъ самъ по себѣ не имѣетъ страд. значенія, но получаетъ въ томъ случаѣ, когда будетъ названо лицо, бывшее причиной смерти: Πηλεΐωνι δαμείς—убитый Пелидомъ, собств. притихшій по милости Пелида (дат. здѣсь означаетъ орудіе). Изъ этого одного примѣра можно видѣть, въ какой степени категоріи, измышленныя логикой и усвоенныя грамматикой, соотвѣтствуютъ строю и развитію языка. Объясненіе пр. Д. намъ кажется совершенно правильнымъ; съ нимъ можно согласовать всѣ факты, но только подъ однимъ условіемъ—не рассматривая ихъ сквозь очки логическихъ теорій и классификацій. Устранивъ источникъ иллюзіи, мы найдемъ, что языкъ самъ по себѣ не выражаетъ ни дѣйствія, ни страданія, ни чего то средняго между тѣмъ и другимъ. Разница въ значеніи между аор. дѣйств. и аор. страд. безъ сомнѣнія есть; опредѣленіе ея составляетъ задачу, которой не касается пр. Д. Какъ бы ни была рѣшена эта задача впослѣдствіи, во всякомъ случаѣ ея рѣшеніе будетъ дано безъ помощи категорій дѣйствія и страданія, на которыя ссылается теперешняя грамматика.

Въ гл. VI (Die Tempora) пр. Д. съ помощью примѣровъ заимствованныхъ у Гомера, старается объяснить разницу въ значеніи между наст. аор. и прош. сов. Онъ раздѣляетъ мнѣніе Курціуса о томъ, что наст. означаетъ дѣйствіе продолжающееся, прош. сов.—дѣйствіе оконченное, аор.—дѣйствіе начинающееся,—die eintretende Handlung. Установленіе этой истины и проведеніе ея въ общее сознаніе пр. Д. считаетъ величайшей заслугой Курціуса. Не сомнѣваясь въ вѣрности мнѣнія Курціуса, авторъ признаетъ однако, что провѣрка этого мнѣнія въ настоящее время невозможна за недостаткомъ систематическаго и полнаго подбора матеріала. Но и безъ помощи такой провѣрки въ опре-

дѣленіи Курціуса легко замѣтитъ одинъ важный недостатокъ, общій, точемъ огромному большинству грамматическихъ опредѣленій. И Курціусъ и другіе, желая опредѣлить разницу въ значеніи *словъ*, указываютъ на различія въ природѣ *вещей*, обозначаемыхъ этими словами, опуская изъ виду, что значеніе словъ составляютъ *не вещи*, а наши *представленія* о вещахъ.

Для науки о языкѣ вопросъ о значеніи словъ въ сущности есть вопросъ объ условіяхъ, вызвавшихъ появленіе того или другаго слова. Эти условія заключаются не въ вещахъ, существующихъ внѣ насъ, а въ томъ, что происходитъ въ нашемъ сознаніи подъ дѣйствіемъ впечатлѣній, идущихъ отъ вещей. Въ актахъ сознанія заключаются побужденія, приводящія въ дѣйствіе органы рѣчи и вызывающія появленіе различныхъ сочетаній звуковъ. Разница между формами аор. наст. и прош. сов. есть слѣдствіе разницы между представленіями, соотвѣствующими этимъ формамъ. Вопросъ въ томъ, чѣмъ отличается наше представленіе о дѣйствіи продолжающемся отъ представленія о дѣйствіи оконченомъ? Но на этотъ вопросъ опредѣленіе Курціуса не даетъ никакого отвѣта и потому остается признать вопросъ открытымъ, а опредѣленіе неудовлетворительнымъ съ научной точки зрѣнія.

Желая объяснить разницу въ значеніи между ἀγεῖν ἀγχεῖν, пр. Д. приравниваетъ первое нѣм. *leiten, führen* второе—нѣм. *bringen*; также точно βάλειν по его мнѣнію значитъ: *die Beine bewegen, setzen, а βῆναι—sich auf Beine machen, aufbrechen; βάλλειν=die Thätigkeit des Werfens ausüben а βαλέειν=treffen*. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о переводѣ, т. е. о замѣщеніи знаковъ чужаго языка соотвѣствующими имъ знаками родного, такой способъ объясненія исполнѣнъ умѣстенъ и законенъ. Но едва ли можно признать его законнымъ и удовлетворительнымъ тамъ, гдѣ требуется опредѣлить разницу въ томъ, что сознавали или представляли въ умѣ сами греки, произнося формы наст. или аориста. Нельзя же принять безъ дальнѣйшихъ разсужденій, что при словѣ βάλλειν въ ихъ умѣ была одна идея, а при словѣ βαλέειν другая, на столько же различная отъ первой, насколько различны представленія, соотвѣствующія словамъ: *werfen* и *treffen*. Сравнивая формы наст. и аор. мы замѣчаемъ тожество однихъ и различіе другихъ элементовъ. Первое обстоятельство указываетъ на то, что и въ представленіяхъ, соотвѣствующихъ наст. и аор. есть общая доля, присутствующая въ сознаніи говорящаго одинаково, произносить ли онъ формы наст. или формы аориста.

Различіе другихъ фонетическихъ элементовъ точно также надобно признать указаніемъ на то, что кромѣ общей доли въ содержаніи представленій, выражаемыхъ наст. и аор. есть еще другая доля, относительно которой оба представленія отличаются другъ отъ друга. Вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы найти разницу между представленіемъ, соотвѣтствующимъ наст. и представленіемъ соотвѣтствующимъ аористу. Отвѣта на этотъ вопросъ нельзя найти въ книгѣ проф. Дельбрюка. Сравнивъ употребленіе аориста въ греческомъ, санскритскомъ и иранскомъ, авторъ приходитъ въ заключенію, что основа аориста еще въ арійскую пору означала дѣйствіе наступающее (*die eintretende Handlung*). Проф. Д. ссылается на *вещь*, означенную словомъ, тогда какъ для насъ дорого найти разницу въ представленіяхъ, соотвѣствующихъ вещи, ибо въ природѣ представленій, а не вещей заключаются причины и поводы къ появленію разнообразія въ формахъ глагола.

Вопросъ о разницѣ въ значеніи между наст. и аор. вслѣдствіе своей глубины и сложности не можетъ быть рѣшенъ мимоходомъ; поэтому здѣсь мы ограничимся лишь немногими замѣчаніями по поводу его. Прежде всего слѣдуетъ разсматривать порознь различные типы аориста (*ἔβαλον, ἔτοφα, ἐμύτην, ἐλόθην*); разница въ ихъ образованіи свидѣтельствуеетъ о томъ, что первоначально была между ними разница и въ значеніи, хотя впоследствии она и сгладилась въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Пр. Д. полагаетъ, что всѣ типы аориста имѣютъ одно и тоже значеніе, именно выражаютъ наступленіе дѣйствія. Спрашивается, было ли это тожество значенія при различіи въ формахъ явленіемъ изначальнымъ, или оно явилось впоследствии? Въ первомъ случаѣ особенности, свойственныя различнымъ видамъ аориста надобно, признать различными средствами, съ помощью коихъ языкъ выразилъ всюду одну и ту же грамматическую категорію (наступленіе дѣйствія); сознание объ этой категоріи предшествовало появленію формъ, выражающихъ ее. Во второмъ случаѣ такого предварительнаго сознанія категоріи наступленія дѣйствія нѣтъ надобности предполагать; различные типы аориста въ началѣ имѣли каждый свое особое значеніе; возможно, что ни одинъ изъ видовъ аориста первоначально не выражалъ наступленія дѣйствія. Изъ двухъ возможныхъ рѣшеній вопроса, поставленнаго выше, второе намъ представляется несравненно болѣе правдоподобнымъ. Съ нимъ легче примирить разнообразіе въ строеніи формъ аориста и нѣтъ надобности предполагать предварительное существо-

ваніе грамматической категоріи, присутствіе которой въ языкѣ пока еще не доказано, а психологическая природа вовсе неизвѣстна. Принявъ второе рѣшеніе, мы должны будемъ допустить, что при изслѣдованіи значенія формъ аориста каждый изъ видовъ его долженъ быть изучаемъ особо.

Сравнивая строеніе различныхъ типовъ аориста, мы замѣчаемъ, что въ одномъ изъ нихъ (βαλέiv) глагольный корень являеття въ своемъ чистомъ видѣ, тогда какъ въ остальныхъ онъ осложненъ другими этимологическими элементами, происхождение и собственное значеніе которыхъ пока еще неизвѣстно. Въ этомъ различіи можно видѣть указаніе на то, что и значеніе перваго типа первоначально было проще, нежели значеніе остальныхъ типовъ. Если двучленность этимологического состава послѣднихъ намекаетъ на то, что и значеніе ихъ состояло первоначально изъ двухъ элементовъ, то простота состава въ формѣ перваго типа даетъ знать о томъ, что и значеніемъ ихъ была одна простая идея, неразложимая ни на какіе элементы. Сравнивая основу аориста перваго типа съ соотвѣтствующей основой наст. времени, мы видимъ, что послѣдняя отличается большей сложностью своего состава, а въ языкѣ болѣе сложное обыкновенно бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе позднимъ по времени; стало быть глагольн. формы отъ основы аориста явились раньше, чѣмъ формы отъ основы наст. времени. Идея дѣйствія, составляющая значеніе глагольнаго корня, сначала выражалась въ основѣ аориста, потомъ и въ основѣ наст. времени. Необходимость во второмъ способѣ выраженія (основѣ наст.) могла явиться лишь вслѣдствіе осложненія первоначальной идеи дѣйствія какими нибудь новыми признаками; болѣе сложное содержаніе вызвало и осложненіе прежней формы, каковое и замѣчается въ основахъ наст. времени. Отсюда слѣдуетъ, что первоначально аористъ перваго типа отличался по своему значенію отъ наст. также, какъ отличается простая идея отъ сложной.

Представленіе о дѣйствіи, выражаемое глагольной основой, есть ничто иное какъ сочетаніе воспроизведенныхъ ощущеній, которыми сопровождается данное дѣйствіе (ср. наши синтаксическія изслѣдованія гл. III). Это представленіе можетъ быть то болѣе то менѣе сложнымъ, то богаче то бѣднѣе содержаніемъ, смотря потому какъ велико число ощущеній, первоначально замѣченныхъ вниманіемъ и впослѣдствіи воспроизведенныхъ памятью. Представленіе болѣе богатое признаками, заключаетъ въ себѣ большее количество подробностей дѣй-

ствія, изображаетъ послѣднее съ большей обстоятельностью и наглядностью. Какъ актъ сознанія такое представленіе требуетъ больше времени и настойчивѣе занимаетъ собою вниманіе, нежели представленіе бѣдное содержаніемъ, вмѣсто отчетливаго образа заключающее въ себѣ лишь одну подробность дѣйствія. На первомъ вниманіе останавливается; мимо втораго онъ лишь скользитъ, переходя къ слѣдующему звѣну въ цѣпи представленій, возникающихъ въ сознаніи. Такимъ звѣномъ бываетъ обыкновенно представленіе о предметѣ дѣйствія или объ обстоятельствахъ, среди которыхъ онъ происходило. Въ самопроизвольномъ ходѣ мышленія отражается преемственность фактовъ дѣйствительности.

Въ этихъ психологическихъ фактахъ, открываемыхъ и провѣряемыхъ съ помощью самонаблюденія, заключается указаніе на то, гдѣ и въ чемъ лежитъ разница въ значеніи наст. вр. и аориста типа βαλεῖν. Основа аориста выражаетъ собою представленіе о дѣйствіи, бѣдное признаками, быстро мелькающее въ умѣ и лишь на мгновеніе задерживающее на себѣ вниманіе говорящаго. Эта бѣдность содержанія, быстрота и мимолетность появленія бываетъ причиной того, что вниманіе, не останавливаясь на *процессѣ дѣйствія*, спѣшитъ къ продукту его, т. е. къ предмету, къ которому было направлено движеніе, около котораго оно сосредоточивалось или примѣнялось. Вмѣсто образа здѣсь бываетъ лишь намекъ; вмѣсто постепеннаго усмотрѣнія послѣдовательныхъ моментовъ дѣйствія одинъ быстрый взглядъ, отъ котораго ускользаетъ *теченіе* дѣйствія и остается лишь фактическое существованіе дѣйствія, не отмѣченное никакимъ признакомъ. Напротивъ основа наст. вр. представляющая осложненіе аористической, выражаетъ представленіе о дѣйствіи болѣе подробное, болѣе продолжительное, дольше останавливающее на себѣ вниманіе, дающее послѣднему возможность прослѣдить за процессомъ дѣйствія прежде, чѣмъ перейти къ его продукту. Это опредѣленіе разницы въ значеніи между основами аор. и наст. требуетъ повѣрки, сличенія съ фактами не меньше, нежели опредѣленіе, принятое Дельбрюкомъ; но за то оно отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что ссылается единственно на явленія сознанія, оставляя въ сторонѣ свойства вещей, на которыя указываетъ обычное опредѣленіе, хотя эти свойства и не имѣютъ никакого вліянія на дѣятельность языка, создающаго грамматическія формы.

Посмотримъ, на сколько согласно опредѣленіе разницы между наст. и аор. представленное выше, съ синтаксическими данными. По мнѣ-

нію пр. Дельбрюка (84) βάλλειν значитъ: die Thätigkeit des Werfens ausüben; а βαλεῖν—mit dem Wurf erreichen, heran,—hinein werfen, treffen. Авторъ допускаетъ, что тамъ, гдѣ βάλλειν употребляется не о метаніи оружія, различіе, указанное имъ, не такъ очевидно, хотя болѣе внимательный взглядъ обнаруживаетъ присутствіе его и въ этихъ случаяхъ. Въ другомъ мѣстѣ (87) пр. Д. устанавливаетъ такое различіе между наст. и аор.—„Der aor. von ἔμει bezeichnet den Anfangspunct der Bewegung, das praes. ἔμει und βάλλω die Bewegung als solche, der Aorist von βάλλω den Endpunkt der Bewegung (treffen).“ Но во 1-хъ, есть случаи, гдѣ βαλεῖν не значитъ попадать, не обозначаетъ конечнаго пункта движенія; напр. Ил. VII, 190. τὸν (κλήρον) παρ' πόδ' ἐὼν χαμάδις βάλε,... XX, 481. ὁ δὲ φαεινὸν αὐχένα θείας τῆλ' αὐτῇ πῆληχι κέρη βάλε... VIII, 306. μῆλων δ' ὥς ἐτέρωθεν κέρη βάλεν... Во 2-хъ, βάλλειν иногда означаетъ не просто бросать, метать, но достигать, попадать; т. е. встрѣчается въ томъ значеніи, которое пр. Д. усвоиваетъ только аористу; напр. Ил. V, 52. διδάξε γὰρ Ἄρτεμις αὐτὴ βαλλέμεν ἄγρια πάντα... XI, 535. καὶ ἄντυγες αἱ περὶ δίφρον, ἃς ἄρ' ἀρ' ἰππεῖων ὀπλέων ραθάμιγγες ἐβάλλον... XII, 160. κόρυθες δ' ἄμφ' αἶον αὐτεὺν βαλλόμεναι μολάεσσι... Од. XIX, 441. οὔτε μιν ἥελιος φαέθων ἀκτίσιν ἐβάλλεν... и сходное мѣсто: Од. V, 479. Въ приведенныхъ мѣстахъ аор. и наст. употребляются въ значеніи несогласномъ съ тѣмъ, какое они имѣютъ по опредѣленію пр. Д. Всмотриваясь пристальнѣе въ тѣ выраженія, въ которыхъ βάλλειν и βαλεῖν означаетъ, повидимому, то бросать, то попадать, мы замѣтимъ, что причина этого различія въ значеніи лежитъ не въ самомъ глаголѣ, а въ сочетаніи его съ дополненіемъ. Самъ по себѣ глаголъ βάλλειν и въ наст. и въ аор. выражаетъ ту же самую идею (метать, бросать); наст. выражаетъ эту идею въ тѣхъ случаяхъ, когда она сознается умомъ съ большей подробностью, долѣе задерживаетъ на себѣ вниманіе; аор. является тогда, когда та же идея представляется уму только въ абрисѣ, быстро мелькаетъ, не задерживая на себѣ вниманія. Если за глаголомъ βάλλειν слѣдуетъ вин. пад. означающій предметъ, къ которому направляется движеніе, мы связываемъ идею предмета и идею движенія въ одинъ образъ; въ результатѣ этого связыванія двухъ идей является представленіе о движеніи, достигшемъ цѣли, и намъ кажется, что эта новая сложная идея заключается уже въ самомъ глаголѣ, чего однако на дѣлѣ вовсе нѣтъ. Всѣ случаи употребленія βαλεῖν, давшія поводъ пр. Д. приписать этому аористу значеніе, котораго онъ самъ по себѣ не имѣетъ, раздѣляются

на два класса: одинъ, несравненно болѣе многочисленный, обнимаетъ случаи, гдѣ при βαλεῖν есть дополненіе въ вин. пад. съ предлогомъ и безъ него; другой, гораздо менѣе обильный примѣрами, заключаетъ въ себѣ случаи, гдѣ βαλεῖν употребляется безъ дополненія, удерживая тоже самое значеніе; напр. Ил. XV, 866. αὐτίκα δὲ ζὺν δαυρὶ μετ' Αὐτομέδοντα βεβήκει... ἴετο γὰρ βαλέειν... Повидимому случаи послѣдняго рода противорѣчатъ тому, что сказано было нами противъ Дельбрюка; глаголѣ βαλεῖν здѣсь самъ по себѣ, какъ будто, имѣетъ то значеніе, которое, по нашему мнѣнію, онъ получаетъ лишь вслѣдствіе сочетанія съ дополненіемъ въ вин. падежѣ. Случаи такого рода объясняются всего проще предположеніемъ, что здѣсь мы встрѣчаемся съ переходомъ значенія. Вслѣдствіе частаго употребленія съ вин. объекта въ смыслѣ, указанномъ выше, глаг. βαλεῖν получилъ способность выражать ту же самую идею и безъ дополненія въ вин. пад. т. е. получилъ значеніе, котораго самъ по себѣ первоначально не имѣлъ.

Пр. Д. считаетъ возможнымъ всю область употребленія аориста въ греч. вывести изъ одной основной идеи, составляющей, по его мнѣнію, первоначальное значеніе аориста, именно идеи дѣйствія наступающаго (Begriff der eintretenden Handlung). Онъ устанавливаетъ слѣд. пять видовъ употребленія аориста въ греческомъ: а) аористъ констатируетъ совершеніе дѣйствія въ прошедшемъ; б) аористъ употребляется въ разсказѣ; в) аор. употребляется въ смыслѣ нѣмецкаго давнопр. д) аор. употребляется о томъ, что только что наступило; е) аор. употребляется въ сравненіяхъ (102—108). Неудовлетворительность этой классификаціи очевидна съ перваго взгляда. Различая пять видовъ употребленія пр. Д. указываетъ то на разницу въ значеніи аор. (1 и 4-й видъ), то на соотвѣтствіе его формамъ нѣм. глагола (3), то, наконецъ, устанавливаетъ видъ употребленія (2) безъ всякаго характеристическаго признака, ибо въ разсказѣ употребляются всѣ времена глагола. Такая классификація возможна только въ грамматическихъ трактатахъ, въ которыхъ отсутствіе метода и яснаго плана считается дѣломъ не важнымъ. Въ примѣрѣ перваго вида пр. Дельбрюкъ приводитъ употребленіе аор. въ подписяхъ художниковъ подъ своими произведеніями, въ посвященіяхъ, дѣлаемыхъ на приношеніяхъ богамъ. Но художники наряду съ аор. употребляли и прош. несов. и пр. Д. замѣчаетъ по этому поводу: „Der Unterschied ist der, dass mit dem Imperfectum erzählt, mit dem Aorist constatirt wird. Какъ будто способность кон-

стативовать свойственна одному только аористу, а не всѣмъ вообще формамъ изъяс. наклоненія!

Для правильной классификаціи случаевъ, гдѣ употребляется аор. единственнымъ основаніемъ можетъ быть различіе въ значеніи аориста, такъ какъ всѣ случаи, гдѣ эта глагольная форма встрѣчается въ томъ же самомъ значеніи, составляютъ естественную группу, разнящуюся отъ другихъ. Такой разницы значенія не обнаружилъ пр. Д. въ своемъ распредѣленіи, ибо аористъ, говоря словами автора, констатируетъ совершеніе дѣйствія въ прошедшемъ одинаково во всѣхъ пяти видахъ употребленія. Намъ кажется, что разницы въ значеніи нельзя и отыскать, по крайней мѣрѣ въ аористахъ типа ἔβαλον; всѣ они выражаютъ мимолетное и краткое представленіе о дѣйствіи. Всякій разъ какъ представленіе о дѣйствіи возникало въ сознаниі грека въ такой именно формѣ, онъ выражалъ его посредствомъ аориста, а когда тоже представленіе являлось въ болѣе развитомъ видѣ, было долѣе задерживаемо вниманіемъ, онъ употреблялъ для выраженія его прош. несов. Вопросъ о томъ, въ какихъ случаяхъ представленіе о дѣйствіи являлось въ умѣ грека въ первой, и въ какихъ во второй формѣ, если и допускаетъ точное рѣшеніе, то во всякомъ случаѣ не относится къ области грамматики въ тѣсномъ смыслѣ. Намъ кажется, что разница въ способѣ представлять себѣ дѣйствіе, указанная выше, зависитъ отъ условій очень измѣнчивыхъ, такъ что мудрено подвести ихъ подъ какія бы то ни было правила. Пока мѣсть можно лишь установить соотношеніе между употребленіемъ аор. и большей отвлеченностью мышленія съ одной, и между употребленіемъ прош. несов. и большей наглядностью мышленія съ другой стороны.

Основа прош. сов. времени означаетъ, по мнѣнію пр. Д. дѣйствіе, совершенное съ напряженіемъ или оконченное (14). Дѣйствіе напряженное, или повторяющееся, было основнымъ значеніемъ пр. сов. дѣйствіе оконченное—производнымъ, развившимся изъ основнаго. На счетъ того, какимъ образомъ производное значеніе развилось изъ основнаго, пр. Д. не сообщаетъ никакихъ объясненій, ограничиваясь указаніемъ, что этотъ переходъ значеній совершился еще въ арійскую пору. Давнопр. стоитъ въ такомъ же отношеніи къ пр. сов. какъ пр. несов. къ наст. времени. Относительно буд. вр. пр. Д. признаетъ вѣроятнымъ согласно съ Боппомъ, что звукъ *σ*, характеризующій основу этого времени, составляетъ остатокъ существ. глагола. Опираясь на это пред-

положеніе, онъ считаетъ возможнымъ сдѣлать и другое на счетъ того, что сочетаніе глаг. основы съ существ. глаголомъ должно означать осуществленіе, наступленіе дѣйствія. А на основаніи употребленія буд. въ санскритскомъ пр. Д. принимаетъ, что основа буд. времени выражаетъ дѣйствіе, въ намѣреніи—*die beabsichtigte Handlung*. Тоже значеніе имѣетъ буд. и въ греческомъ. Основа наст. времени образуется отъ глаг. корня различными путями и пр. Д. склоняется къ мысли, что разницѣ въ строеніи соотвѣтствовала первоначально разница и въ значеніи, такъ что наст. вр. въ разныхъ типахъ своихъ выражало и различные виды дѣйствія. Въ греч. это различіе видовъ почти сгладилось и наст. вр. означаетъ только дѣйствіе развивающееся. За то въ греч. съ особенной силой развилось употребленіе наст. въ смыслѣ *ргaes. historicum*. Такова сущность замѣчаній пр. Дельбрюка касательно значенія различныхъ временъ греческ. глагола. И здѣсь авторъ, желая опредѣлить значеніе *словъ*, обращаетъ вниманіе на *вещи*, обозначаемыя словами, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на *представленія*, служившія побужденіемъ къ образованію и употребленію словъ. Наст. по мнѣнію пр. Д. обозначаетъ дѣйствіе развивающееся; буд.—дѣйствіе, существующее въ намѣреніи. Оба эти опредѣленія остаются безплодными, пока мы не знаемъ, чѣмъ отличаются другъ отъ друга представленіе о дѣйствіи развивающемся и представленіе о дѣйствіи, существующемъ въ намѣреніи.

Ближайшія условія различныхъ формъ глагола, какъ сочетаній звуковъ, кроются въ устройствѣ аппарата, производящаго членораздѣльные звуки; осмысленность глагольныхъ формъ есть слѣдствіе сочетанія созвучій, образующихъ ихъ, съ актами сознанія. На счетъ происхожденія этой осмысленности возможны два предположенія: она можетъ быть или первоначальнымъ явленіемъ, современнымъ образованію глагольныхъ формъ, или же явленіемъ позднѣйшимъ, возникшимъ послѣ того, какъ сочетанія звуковъ, составляющія эти формы, явились въ силу автоматической дѣятельности голосоваго аппарата. По смыслу перваго предположенія выходитъ, что побужденіе, приведшее въ дѣятельное состояніе аппаратъ рѣчи и заставившее его произвести данное сочетаніе звуковъ, шло изъ сознанія; сначала явилась идея, потомъ звуковая форма ея и при томъ такъ, что образованіе послѣдней совершилось въ зависимости отъ идеи. По смыслу втораго предположенія данное сочетаніе звуковъ образовалось автоматически, потомъ ассо-

ціровалось съ идеей и стало словомъ. Вслѣдствіе содружества съ идеей послѣдующее употребленіе или произнесеніе этого созвучія происходило уже не автоматически, а подъ надзоромъ и побужденіемъ сознанія. То или другое предположеніе окажется вѣрнымъ, во всякомъ случаѣ условія, вызвавшія появленіе глагольных формъ, или, по крайней мѣрѣ, управлявшіе ихъ употребленіемъ, кроются въ сознаніи, и именно въ содержаніи тѣхъ идей, которыя выражаются глагольными формами, въ отношеніи этихъ идей къ вниманію, въ большей или меньшей подробности и живости, съ какою онѣ возникаютъ изъ памяти. Вотъ почему намъ кажется безусловно необходимымъ, чтобы взоръ грамматика при изслѣдованіи синтаксическихъ явленій сосредоточивался на томъ, что происходитъ въ сознаніи, разсматривалъ бы каждый вопросъ не съ логической точки зрѣнія, вникалъ бы въ соотвѣтствіе звуковыхъ формъ не съ вещами, а съ представленіями о вещахъ. И не только въ ученой работѣ намъ представляется безусловно необходимой психологическая точка зрѣнія, но также и педагогическомъ дѣлѣ. Пониманіе логическихъ терминовъ и категорій, которыми такъ преизобилуетъ школьная грамматика, нисколько не легче, а напротивъ гораздо труднѣе для ученика, чѣмъ тѣ опыты самонаблюденія, та привычка слѣдить за тѣмъ, что происходитъ въ умѣ и воображеніи, которыхъ требуетъ психологическая точка зрѣнія. Плодомъ изученія грамматики съ этой точки зрѣнія былъ бы навыкъ къ сосредоточенности, къ самонаблюденію, которое и есть единственный путь къ познанію самого себя;—путь, который въ нынѣшней школѣ остается закрытымъ для учениковъ.

Въ главѣ о наклоненіяхъ пр. Д. остается при своемъ прежнемъ мнѣніи на счетъ первоначальнаго значенія сослагат. и желат. Основнымъ значеніемъ перваго онъ признаетъ хотѣніе; значеніемъ втораго—желаніе. Мнѣніе это было обстоятельно изложено авторомъ въ I томѣ его синтаксическихъ изслѣдованій. Въ свое время нами было указано, что опредѣленіе значеній того и другаго наклоненія, данное проф. Д. остается неяснымъ, пока не мы не знаемъ, чѣмъ отлчаются другъ отъ другъ хотѣніе и желаніе, какъ два акта сознанія (ср. П. И. Аландскій; Синтакт. Изслѣдованія стр. 63—72). Полагая, что задача изслѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы найти тотъ особый придатокъ, которымъ значеніе сослаг. отличается отъ значенія изъявит. накл. мы на основаніи анализа случаевъ употребленія сослагат. въ языкѣ эпоса,

старались опредѣлить этотъ придатокъ. Въ итогѣ наблюденій оказалось, что первоначальнымъ значеніемъ сосл. накл. было сложное состояніе сознанія, или сочетаніе двухъ актовъ его: во 1-хъ, представленія о дѣйствіи, которое въ своей простѣйшей формѣ будетъ воспроизведеніемъ одного или немногихъ ощущеній, сопровождавшихъ дѣйствій; и во 2-хъ стремленія,—акта сознанія, соотвѣтствующаго возбужденію, которое идетъ изъ двигательнаго центра къ мышцамъ, принимающимъ участіе въ дѣйствіи (Синт. Изсл. 153). Стремленіе, какъ особый психическій актъ, признается психологіей; его фізіологическая основа, предположительно указанная нами, еще не установлена съ достаточной твердостью. Для пониманія употребленія сослаг. нашего опредѣленія совершенно достаточно. Формы этого наклоненія являлись въ устахъ говорящаго въ то мгновеніе, когда въ умѣ его было представленіе о дѣйствіи, сопровождаемое стремленіемъ къ совершенію самаго дѣйствія; умственный актъ—смыслъ наклоненія—былъ причиной; фізіологическій актъ, оканчивавшійся произнесеніемъ формы наклоненія, былъ слѣдствіемъ этой причины. Первоначальнымъ кругомъ употребленія сослаг. наклоненія былъ, такъ называемый, *con. adhortativus*; вторымъ кругомъ былъ тотъ, гдѣ сосл. употребляется въ смыслѣ будущаго; третьимъ—тотъ, гдѣ оно является въ вопросѣ. Въ двухъ послѣднихъ кругахъ сослаг. является въ смыслѣ отличномъ отъ первоначальнаго. Въ чемъ состояло это отличіе, какъ и при какихъ условіяхъ совершилось преобразованіе значенія сосл. накл.—всѣ эти вопросы было разобраны нами прежде въ указанномъ сочиненіи.

Что касается желат. наклоненія, то здѣсь труднѣе уловить ту особливую долю, которая отличала значеніе этого наклоненія отъ значенія сослагат. Внимательный разборъ тѣхъ случаевъ, гдѣ желат. употребляется въ эпосѣ въ предложеніяхъ независимыхъ, обнаруживаетъ очевиднымъ образомъ одно обстоятельство, отрицательнымъ путемъ опредѣляющее разницу въ значеніи между сосл. и желат. Формы желат. накл. произносятся говорящимъ въ такія минуты, когда по обстоятельствамъ дѣла въ немъ не можетъ быть *стремленія* къ совершенію дѣйствія. Представленіе о дѣйствіи и въ этихъ случаяхъ, также какъ и при сосл. является въ умѣ по вызову и въ сопровожденіи чувства. Но въ то время какъ при сосл. это чувство тотчасъ возбуждаетъ дѣятельную энергію и влечетъ за собою стремленіе къ дѣйствію; при желат. такого воздѣйствія на энергію не бываетъ; человекъ представляетъ и

волнуется, но не движется въ томъ направленіи, которое указывается чувствомъ. Такое отсутствіе всякаго покушенія къ дѣйствию зависитъ отъ того, что дѣйствіе, представляемое говорящимъ, или безусловно не въ его власти, или, по крайней мѣрѣ невозможно для него въ данную минуту. Такъ въ Ил. XVIII, 464 Гефестъ съ полной охотой соглашается на просьбу Ѳетиды изготовить доспѣхи для Ахилла и прибавляетъ: αἶ γὰρ μιν θανάτοιο δουρὶς ὧδε δυναίμην νόστον ἀποκρύψαι,.... ὥς οἱ τεύχεα χαλὰ παρέσται.... Гефестъ желаетъ того, что совершенно не въ его власти (Ср. XVIII, 98. 121. 124. XX, 321. XXI, 274. XXIV, 213). Сознаніе того, что совершеніе представляемаго дѣйствія не въ нашей власти, предполагаетъ предварительный опытъ, неудачу и выводъ. Можно думать, что умственный актъ, выражаемый сослаг. какъ болѣе простой, относится и къ болѣе ранней ступени въ развитіи сознательности, нежели актъ, выражаемый жел. наклоненіемъ. Но этимъ еще не опредѣляется собственная природа послѣдняго акта. Недостаетъ знанія того, что сопутствовало представленію о дѣйстви въ тѣхъ случаяхъ, когда оно сопровождалось чувствомъ, располагавшимъ къ совершенію дѣйствія, и въ то же время не вызывало пслѣдъ за собою дѣятельнаго стремленія. Что такой сопутствующій актъ сознанія былъ, на это указываетъ присутствіе спеціальнаго элемента въ формахъ желат. наклоненія; ближайшее опредѣленіе его природы возможно лишь послѣ тщательнаго изслѣдованія первоначальной области, гдѣ употреблялось жел. накл. и послѣ кропотливаго анализа умственныхъ состояній, выражаемыхъ предложеніями съ этимъ наклоненіемъ. Нельзя признать, что спеціальной долей въ значеніи жел. было сознаніе того, что совершеніежелаемаго дѣйствія не въ нашей власти, ибо это сознаніе, въ той формѣ, въ какой оно свойственно намъ теперь, есть актъ болѣе поздній, чѣмъ ступень мышленія, современная первому появленію формъ жел. наклоненія. На этой ступени сознаніе невозможности совершитьжелаемое должно было имѣть болѣе простое и непосредственное содержаніе. Оно во всякомъ случаѣ бываетъ плодомъ предшествующихъ опытовъ; въ нашемъ умѣ этотъ плодъ является въ формѣ вывода, сопровождаемаго воспоминаніемъ о случаяхъ, послужившихъ основаніемъ для вывода. Возможно, что на болѣе ранней ступени мышленія тоже самое задерживающее вліяніе предшествующихъ опытовъ сказывалось въ иной, болѣе простой и непосредственной формѣ, положимъ, въ формѣ реакціи, противоѣдствующей побуждающему вліянію чувства. Со-

знаніе этой реакціи и могло быть спеціальнымъ значеніемъ желат. наклоненія. Противодѣйствіе прежнихъ опытовъ препятствовало возникновенію стремленія, переходу отъ мысленія къ дѣятельности, но оно не заглушало того чувства, которое сопровождало представленіе о дѣйствіи. По началу своему умственные акты, выражаемые сосл. и желат. были сходны; и тутъ и тамъ мы наблюдаемъ во первыхъ, присутствіе чувства, во вторыхъ, присутствіе представленія о дѣйствіи, способномъ удовлетворить это чувство; но въ первомъ случаѣ вслѣдъ за этими двумя элементами умственного акта является стремленіе къ совершенію дѣйствія; тогда какъ во второмъ мѣсто стремленія занимаетъ сознаніе противодѣйствующей реакціи со стороны прежнихъ опытовъ. Съ этимъ предположеніемъ въ видѣ вопроса полезно было бы обратиться къ изслѣдованію употребленія желат. наклоненія.

Въ повелит. накл. пр. Д. различаетъ два слоя: собственно повелит. (2 и 3 л. ед. ч. и 3 л. мн.) и сослагат. (*unechte Coniunctivformen*); къ которому относятся 2 и 3 л. дв. ч. и 2 л. мн. ч. Повелит. аориста достигло широкаго примѣненія впервые въ греч. языкѣ. По всей вѣроятности первоначально пов. накл. служило лишь для выраженія положительныхъ приказаній; для выраженія запрещенія употреблялось *τῆ* (греч. *τῆ*) съ такъ называемымъ неособственнымъ сослаг. (2 и 3 л. дв. и 2 л. мн. ч.). Въ греч. языкѣ утратилось сознаніе разницы между обоими слоями пов. наклоненія по ихъ происхожденію и сочетаніе съ *τῆ*, первоначально свойственное лишь второму слою, распространилось и на первый. Такимъ путемъ употребленіе *τῆ* съ пов. наст. времени установилось въ греч. съ самаго начала исторіи языка. Такъ какъ въ древнѣйшій періодъ греч. языка аор. пов. въ немъ почти не существовало, то для выраженія запрещенія съ видовымъ значеніемъ, свойственнымъ аористу, необходимо было прибѣгнуть къ аор. сослаг. наклоненія. Такимъ путемъ установилось употребленіе *τῆ* съ аор. сосл. и при томъ столь прочно, что когда аор. пов. сталъ употребляться все чаще и чаще, онъ уже не могъ вытѣснить сосл. изъ области захваченной послѣднимъ. Такимъ образомъ, если греч. языкъ для выраженія запрещенія предпочитаетъ пов. наст. и сосл. аор. то это объясняется, по мнѣнію пр. Д. не логическими, а историческими основа- ніями.

Греческія формы неопр. накл. на—*μεναί* первоначально суть дат.

а формы на—*μεν* по всей вѣроятности, мѣст. падежъ отъ именной основы, выражавшей представленіе о дѣйствіи безъ добавочнаго сознанія о лицѣ и времени дѣйствія. Обособленію этихъ падежей въ особую грамматическую категорію способствовало во 1-хъ то, что они требовали дополненія въ томъ же падежѣ, въ какомъ оно ставилось и при глаголѣ; и во 2-хъ то, что другіе падежи отъ той же именной основы скоро вышли изъ употребленія. Формы на—*σθα* и—*ειν* представляютъ болѣе древній слой неопр. накл. уже въ арійскомъ языкѣ было утрачено сознаніе о связи этихъ формъ съ какими бы то ни было именными основами. Дальнѣйшимъ шагомъ въ исторіи неопр. накл. было образованіе формъ infinitivi отъ основъ аориста (зачатки чего пр. Д. находятъ и въ санскр.) и будущаго (чего въ санскр. вовсе нѣтъ). Греч. языкъ развилъ вполне употребленіе аор. и буд. неопр. накл. и придалъ формамъ на—*σθα* значеніе средн. залога. Ему же принадлежитъ и употребленіе оборота вин. съ неопр. неизвѣстнаго санскритскому, тогда какъ употребленіе неопр. въ смыслѣ повелит. (т. е. дат. для обозначенія цѣли) свойственно обоимъ языкамъ.

Ученіе о предлогахъ, мѣстоименіяхъ и частицахъ, о порядкѣ словъ въ предложеніи составляетъ предметъ послѣднихъ главъ въ трудѣ пр. Дельбрюка (гл. IX—XII). Здѣсь авторъ по большей части ограничивается простою передачей того, что добыто отдѣльными изслѣдованіями, лишь по мѣстамъ вставляя свои собственные замѣчанія. Вниманіе его по прежнему главнымъ образомъ сосредоточена на томъ, чтобы посредствомъ сличенія отдѣлить въ греческ. языкѣ то, что унаслѣдовано имъ отъ арійскаго языка, отъ того, что явилось впоследствии. Неполнота матеріала и недостатокъ предварительной обработки его во многихъ случаяхъ принуждаетъ довольствоваться предположеніями, требующими повѣрки. Отличивъ собственно греческое отъ общеарійскаго, пр. Д. опредѣляетъ первоначальное значеніе предлоговъ, мѣстоименій и частицъ, довольствуясь при этомъ простымъ переводомъ, а иногда и перифразомъ на нѣмецкомъ языкѣ, совершенно такъ, какъ дѣлается въ любой практической грамматикѣ. Новаго въ этихъ объясненіяхъ почти ничего нѣтъ и потому нѣтъ надобности останавливаться на нихъ. Самый способъ объясненія, необходимый и законный въ практической грамматикѣ, не годится въ ученомъ изслѣдованіи, цѣль котораго всегда состоитъ въ томъ, чтобы, если не рѣшить, то, по крайней мѣрѣ, правильно поставить тотъ или другой вопросъ. Узнавъ отъ

автора, что die älteste Bedeutung von *pāra* (греч. *παρά*) ist „entlang,“ читатель может подумать, что такимъ приравненіемъ греч. или санскр. слова нѣмецкому вопросу о значеніи перваго рѣшается вполне и окончательно; тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ даже и не поставленъ, какъ слѣдуетъ. Здѣсь неизвѣстное опредѣляется посредствомъ сближенія съ знакомымъ, хотя послѣднее при болѣе внимательномъ изслѣдованіи оказывается столь же загадочнымъ какъ и первое. Если подъ первоначальнымъ значеніемъ предлоговъ, мѣстоименій и частицъ разумѣть, какъ и слѣдуетъ, тотъ актъ сознанія, который служилъ побужденіемъ къ произнесенію даннаго созвучія и впоследствии сдружился съ нимъ, то въ этомъ смыслѣ намъ до сихъ поръ остается совершенно неизвѣстнымъ первоначальное значеніе не только греческихъ и санскритскихъ, но равнымъ образомъ нѣмецкихъ, русскихъ и всякихъ другихъ предлоговъ, мѣстоименій и частицъ. Вотъ почему всѣ опредѣленія посредствомъ приравниванія словъ одного языка словамъ другаго въ виду запросовъ научнаго значенія мало чѣмъ отличаются отъ опредѣленій одного неизвѣстнаго посредствомъ другаго.

Болѣе цѣнны замѣтки, касающіяся исторической послѣдовательности синтаксическихъ явленій. Такъ, историческое изученіе предлоговъ доказываетъ, по мнѣнію автора, что предлоги первоначально были частицами, означавшими отношенія въ пространствѣ (*Raumpartikeln*). Они ставились позади падежа съ тѣмъ, чтобы усилить и отгнѣнить мѣстное значеніе послѣдняго. Падежи род. и дат. какъ не имѣвшіе въ началѣ мѣстнаго значенія, не употреблялись въ арійскомъ языкѣ съ предлогами и эта особенность, по видимому, въ точности сохранена лат. языкомъ. Въ началѣ предлоги чаще употреблялись при глаголахъ для болѣе точнаго обозначенія направленія дѣйствія, тогда какъ отношеніе дѣйствія къ предмету выражалось однимъ падежомъ безъ помощи предлога.

Еще въ арійскомъ языкѣ установился опредѣленный порядокъ въ расположеніи словъ, опредѣленный типъ предложенія, перешедшій по наслѣдству къ языкамъ вторичнымъ, образовавшимся изъ арійскаго. Въ этомъ порядкѣ прилагательное предшествовало существительному, также какъ и род. падежъ; предлоги слѣдовали за падежами и глаголы стояли на концѣ предложенія подъ весьма слабымъ удареніемъ. Рядомъ съ порядкомъ, унаслѣдованнымъ по преданію, въ языкахъ вторичныхъ скоро возникъ другой, который у пр. Д. называется случай-

нымъ въ томъ смыслѣ, что онъ засисить отъ содружества идей, отъ степени вниманія, удѣляемаго тому или другому члену предложенія, отъ взаимнаго дѣйствія предложеній другъ на друга; словомъ, отъ обстоятельствъ въ высшей степени измѣнчивыхъ и подъ часъ неуловимыхъ. Въ греч. языкѣ этотъ случайный порядокъ, обеспечившій свободу въ построеніи періода, достигъ широкаго примѣненія и въ иныхъ случаяхъ (напр. въ расположеніи предлоговъ и глаголовъ) почти совершенно заслонилъ собою порядокъ древнеарійскій. Возможно или нѣтъ и въ немъ найти какое нибудь устойчивое однообразіе, выразить его въ достаточно точныхъ и широко примѣнимыхъ правилахъ,—это вопросъ пока еще неразрѣшимый по недостатку точныхъ наблюденій надъ словорасположеніемъ греческой прозы.

Таково въ существенныхъ чертахъ содержаніе книги, которую пр. Дельбрюкъ назвалъ „основами греческаго синтаксиса.“ Мы видѣли, что авторъ держится порядка, усвоеннаго по преданію практической грамматикой, что онъ много разъ жалуется на недостатокъ матеріала, на отсутствіе предварительныхъ изслѣдованій. При такомъ положеніи дѣла, при отсутствіи научнаго плана и матеріала, намъ кажется преждевременной попытка автора положить основы теоріи синтаксическихъ явленій. Подъ основами разумѣются обыкновенно догматическія и, пожалуй, методологическія положенія на столько прочныя и широкія, что, опираясь на нихъ, можно изучить и объяснить значительную долю явленій, подлежащихъ той или другой наукѣ. Такихъ положеній нѣтъ въ книгѣ пр. Дельбрюка, да они и невозможны при настоящемъ положеніи дѣла. Въ мысляхъ автора о томъ или другомъ синтаксическомъ явленіи можно видѣть лишь намеки, подъ часъ вопросные пункты, съ которыми надлежитъ обращаться къ явленіямъ рѣчи при методическомъ и всестороннемъ изученіи ихъ.

П. Аландскій.

ЕВРОПЕЙСКОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. А. В. ГЕФТЕРА.

Съ измѣненіями и дополненіями, сдѣланными для русскаго перевода авторомъ. Переводъ Бар. К. Таубе. С.-Петербургъ 1880 года. Цѣна 3 рубля.

Одно изъ самыхъ капитальныхъ сочиненій въ области международного права, извѣстное руководство проф. Берлинскаго Университета Гефтера, до послѣдняго времени не было доступно русскимъ юристамъ, невладѣющихъ нѣмецкимъ или французскимъ языкомъ. Этотъ весьма ощутительный пробѣлъ въ нашей юридической литературѣ наконецъ пополненъ вышедшимъ недавно въ печати вышеозначеннымъ трудомъ бар. К. Таубе.

Отмѣчаемъ это новое обогащеніе отечественной литературы, съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что авторъ не ограничился ролью переводчика только,—исполнивъ притомъ и эту нелегкую задачу весьма добросовѣстно,—но еще старался сдѣлать произведеніе знаменитаго ученаго по возможности современнымъ, дополнивъ его довольно многочисленными примѣчаніями и приложеніями ¹⁾, а также указаніями на произведенія русской литературы международного права.

---

¹⁾ Въ числѣ приложеній авторъ помѣстилъ и послѣдніе договоры съ Турціею: С. Стефанскій 19 февраля 1878 г.,—Берлинскій трактатъ 1/13-го іюля 1878; Константинопольскій мирный договоръ 27 января 1879 года. Также помѣщены болѣе интересные акты, опредѣляющіе способъ веденія войны, какъ-то: Полевая инструкція для войскъ Сѣв. Америк. Штатовъ 1863 г.; Указъ Правит. Сената отъ 12 мая 1877 г., изданный въ руководство войскамъ въ случаю войны съ Турціею,—и мн. др.

Хотя въ этихъ добавленіяхъ и литературныхъ ссылкахъ и замѣчаются частые пропуски, и отсутствіе полноты, но эти маленькіе недостатки,—почти неизбѣжны въ подобномъ трудѣ,—не лишаютъ автора права на благодарность за оказанную имъ науцѣ услугу,—и остается только пожелать, чтобы этотъ первый опытъ научной дѣятельности молодого ученаго не остался безъ продолженія.

Книга издана довольно тщательно и снабжена весьма удовлетворительнымъ предметнымъ указателемъ; а назначенная цѣна (3 р.), при объемѣ въ 586 стр. † XVI, сравнительно не высока.

3 мая 1880 г.

Р. Базинеръ.

**Замѣчанія объ учебникѣ математической и физической географіи, составленномъ
для среднихъ учебныхъ заведеній В. Фонъ-Боолемъ.**

Въ послѣднее время въ русской учебной литературѣ появилось много руководствъ, назначаемыхъ пособіемъ для преподаванія разныхъ математическихъ предметовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Два заключенія, которыя изъ этого можно вывести, состоятъ въ томъ, что въ учебникахъ нуждаются наши среднія школы и что составленіе этихъ пособій преподаванія у насъ вообще не считается дѣломъ труднымъ. Первый выводъ подтверждается тѣмъ, что авторская дѣятельность, направленная на этотъ предметъ, изрядно поощряется: издаваемые руководства, независимо отъ своихъ качествъ, расходятся бойко и нерѣдко выдерживаютъ болѣе одного изданія. Второе заключеніе имѣетъ свое оправданіе въ томъ, что за составленіе учебниковъ у насъ часто берутся такіе люди, которые о матеріяхъ излагаемыхъ въ своихъ твореніяхъ сами имѣютъ весьма смутное, а иногда и прямо ложное представленіе.

Эти общія соображенія намъ не трудно пояснить на частномъ примѣрѣ. Въ послѣднее время въ Киевѣ появилось второе изданіе учебника математической и физической географіи, назначеннаго, какъ говоритъ авторъ В. Фонъ-Бооль, для среднихъ учебныхъ заведеній. Нѣтъ сомнѣнія что авторъ могъ назначать свое сочиненіе для какой угодно цѣли, но нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что принимать подобную книгу въ какомъ бы то ни было заведеніи за учебникъ есть дѣло совершенно непозволительное. Еслибы мы хотѣли говорить о всѣхъ неточностяхъ и мелкихъ ошибкахъ, встрѣчающихся въ книгѣ, то намъ пришлось бы написать статью, по объему превосходящую книгу Фонъ-

Бооля. Если бы мы стали перечислять грубыя ошибки и нелѣпости, содержащіяся въ книгѣ, то число нашихъ отдѣльныхъ замѣчаній было бы близко къ числу страницъ курьезнаго учебника. Но самая существенная ошибка г. Фонъ-Бооля, которую объясняются всѣ другія, заключается въ томъ, что составляя учебникъ космографіи, онъ взялся не за свое дѣло и имѣлъ смѣлость разсуждать о такихъ предметахъ, о которыхъ самъ не имѣетъ яснаго понятія.

Чтобы не оставлять этого упрека автору разсматриваемой книги голословнымъ, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ тѣхъ невѣроятныхъ промаховъ, которые встрѣчаются на каждой страницѣ космографіи господина Фонъ-Бооля.

На страницѣ 4-й авторъ говоритъ, что „для опредѣленія высоты и азимута звѣзды употребляется приборъ Теодолитъ“ и далѣе на той же страницѣ— „инструментъ (т. е. теодолитъ) устанавливается такъ, чтобы нулевые дѣленія нониусовъ совпадали съ вертикальнымъ діаметромъ круга и чтобы діаметръ нижняго лимба, на которомъ находятся дѣленія 0° и 180° , совпадалъ съ полуденной линіей“. Нѣтъ, господинъ Фонъ-Бооль, никто и никогда о такой установкѣ инструмента не заботится. Неужели этимъ приемомъ Вы хотите замѣнить опредѣленіе положенія постоянныхъ точекъ на кругахъ инструмента? Неужели Вы наивно думаете, что опредѣленіе точки меридіана на горизонтальномъ кругѣ и точки зенита на вертикальномъ есть дѣло столь простое? Если бы авторъ разсматриваемой книги хотя одинъ разъ имѣлъ въ рукахъ универсальный инструментъ для опредѣленія высоты и азимута свѣтила, то онъ навѣрное зналъ бы, что полное опредѣленіе упомянутыхъ двухъ постоянныхъ точекъ составляетъ существенную часть задачи опредѣленія координатъ высоты и азимута, онъ зналъ бы что такихъ поворотовъ нониусовъ и круговъ, которые онъ рекомендуетъ, никто и никогда не дѣлаетъ. Если такими наставленіями авторъ думаетъ исполнять ту программу, которую онъ развиваетъ въ предисловіи къ книгѣ, то онъ сильно заблуждается, ибо учащіеся этимъ путемъ не только „сами“ не „убѣдятся въ истинѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя имъ сообщаются“ но на долго, если не навсегда, будутъ сбиты съ толку. Вообще надо замѣтить что представленія автора объ употребленіи и устройствѣ астрономическихъ инструментовъ крайнѣ наивны. На той же самой 4-ой страницѣ внизу мы читаемъ „въ трубку (уровня) наливаютъ подкрашенный красной или зеленой краской спиртъ, оставивъ

немного воздуха и запаиваютъ ее“. Намъ достовѣрно извѣстно, что такимъ способомъ никто и никогда уровней астрономическихъ инструментовъ не наполнялъ, и потому, если вѣрить автору, то остается сдѣлать одно предположеніе, что такимъ способомъ астрономическіе инструменты приготавливаются спеціально для военныхъ гимназій.

Господинъ Фонъ-Бооль не только незнакомъ съ методами измѣренія координатъ, но онъ имѣетъ смутныя понятія даже и о самыхъ координатахъ и объ ихъ счетѣ. На страницѣ 2-ой мы встрѣчаемъ такое опредѣленіе меридіана мѣста: „большой кругъ (вертикальный), на который солнце вступаетъ въ данномъ мѣстѣ въ полдень, называется *меридіаномъ*“. Извѣстно однако, что въ общежитіи время измѣряется движеніемъ средняго солнца и истинный полдень вообще не совпадаетъ съ среднимъ, а потому въ тотъ моментъ, который въ общежитіи называется полуднемъ, центръ истиннаго солнца можетъ быть далеко отъ меридіана и кромѣ того наибольшей высоты надъ горизонтомъ, по причинѣ непрерывно измѣняющагося склоненія, солнце достигаетъ внѣ меридіана. Такимъ образомъ по опредѣленію господина Фонъ-Бооля плоскость меридіана въ данномъ мѣстѣ постоянно измѣняетъ свое положеніе. Правда, что господинъ Фонъ-Бооль говоритъ въ предисловіи, что тѣ измѣренія (которыя онъ имѣетъ въ виду) не будутъ отличаться точностію, но точность въ основныхъ опредѣленіяхъ въ учебникахъ не должна считаться лишнею. Впрочемъ, какъ видно, господинъ Фонъ-Бооль и самъ не совсѣмъ доволенъ приведеннымъ опредѣленіемъ меридіана, ибо на страницѣ 7-ой вверху онъ даетъ для этой плоскости другое опредѣленіе.

На страницѣ 8-ой опредѣленіе часового угла не соглашается съ его представленіемъ на чертежѣ. Въ этомъ мѣстѣ книги сказано, что часовые углы считаются отъ южной части меридіана къ западу отъ 0° до 360° и въ тоже время на фигурѣ 4-ой показано, что часовой уголъ звѣзды *A* измѣряется дугою *MD*. Это совершенно невѣрно, ибо если *P* есть сѣверный полюсъ, то южная часть меридіана необходимо будетъ представлена дугою *ZMN* и надъ плоскостію чертежа будетъ расположена восточная полусфера, а слѣдовательно дугою *MD* будетъ измѣряться дополнение часового угла до 360° . Можетъ быть и это, по мнѣнію господина Фонъ-Бооля, такая малая неточность, о которой не слѣдуетъ заботиться,—онъ преслѣдуетъ другіе болѣе возвышенныя цѣли; онъ хочетъ ввести реформу въ изложеніе космографіи и въ предисло-

віи по этому поводу говорить „Неправильно было бы ограничиться (въ математической географіи) однимъ описаніемъ небесныхъ тѣлъ, потому что, при такомъ сухомъ изложеніи предмета, утрачивается его воспитательное значеніе“. Но мы думаемъ, что вмѣсто того чтобы разнообразить изложеніе космографіи разными нелѣпостями, полезнѣе было бы позаботиться о правильной постановкѣ основныхъ понятій.

Перечисленіе всѣхъ грубыхъ ошибокъ разсматриваемой книги завело бы насъ слишкомъ далеко, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ не указать еще на одну несообразность, встрѣчающуюся въ главѣ объ измѣреніи разстояній свѣтилъ отъ земли. На страницѣ 84 читаемъ: „Посредствомъ годоваго параллакса опредѣляютъ также разстоянія планетъ отъ земли, но такъ какъ планеты не остаются неподвижными подобно звѣздамъ, то способъ опредѣленія разстоянія планетъ болѣе сложенъ нежели для звѣздъ“. Мы знаемъ что называется годичнымъ параллаксомъ звѣзды, но что разумѣетъ авторъ подъ именемъ годоваго параллакса планеты это составляетъ его секретъ, который онъ, вѣроятно по скромности, не хочетъ повѣрить ученому міру. Мы не сомнѣваемся, однако что самый способъ опредѣленія разстояній планетъ, о которомъ говоритъ авторъ, еще не вышелъ изъ области его фантазій, или, проще сказать, авторъ вѣроятно слышалъ звонъ, да не знаетъ гдѣ онъ. Неизвѣстно даже и то какими соображеніями руководствовался господинъ Фонтъ-Бооль, когда рѣшился сказать, что опредѣленіе разстоянія планетъ отъ земли болѣе сложно, нежели опредѣленіе разстоянія звѣзды. Вѣроятно авторъ опустилъ изъ вниманія то простое обстоятельство, что разстояніе отъ земли или солнца для всякой планеты и для всякаго момента мы можемъ вычислить, что же касается до опредѣленія разстояній неподвижныхъ звѣздъ, то этотъ вопросъ гадательно рѣшенъ въ настоящее время для трехъ или четырехъ неподвижныхъ звѣздъ.

Но что говорить о такихъ деликатныхъ вопросахъ, когда господиномъ Фонтъ-Боолемъ и азбука науки не вполне усвоена. Такъ напр. на стр. 1 внизу читаемъ такое любопытное опредѣленіе: „называютъ это направленіе видимымъ положеніемъ точки“ и такъ направленіе отождествляется съ точкой! Неужели г. Фонтъ-Бооль Вы также сильны и въ начальной геометріи какъ и въ космографіи?!....

На страницѣ 2-ой читаемъ что „видимый горизонтъ совпадаетъ съ истиннымъ вслѣдствіе ничтожныхъ размѣровъ земли, сравнительно

съ размѣрами небесной сферы“. Надо поѣтому думать что сферу небесную г. Фонъ-Бооль представляет себѣ описанною нѣкоторымъ определеннымъ радіусомъ и что онъ никогда не слыхивалъ о вліяніи параллакса на азимуты нѣкоторыхъ свѣтилъ.

На страницѣ 3-й внизу читаемъ что „зенитальное разстояніе звѣзды можетъ служить вмѣсто высоты для опредѣленія положенія звѣзды“.

На стр. 16-ой господинъ Фонъ-Бооль для опредѣленія разности долготъ рекомендуетъ взглянуть на часы одновременно и узнать разность временъ, считаемыхъ въ опредѣляемыхъ двухъ точкахъ. Должно быть господинъ Фонъ-Бооль очень дальнорокъ, но вѣдь по себѣ о другихъ судить не справедливо.....

На той же 16-ой страницѣ далѣе читаемъ „если пункты значительно удалены одинъ отъ другаго (т. е. когда дальнорокость непомогаетъ), то для опредѣленія разности долготъ пользуются закрытіемъ одной и тойже звѣзды луною, подобно тому какъ для той же цѣли пользуются началомъ или концомъ луннаго затмѣнія или затмѣнія юпитеровыхъ спутниковъ“. Очевидно, что здѣсь господинъ Фонъ-Бооль не понимаетъ различія существующаго между двумя категоріями затмѣній и кромѣ того память ему быстро измѣняется. Когда онъ писалъ страницу 72 своего учебника, то очевидно забылъ про то, что сказалъ на страницѣ 16-ой. На страницѣ 72-ой внизу читаемъ „Вслѣдствіе малаго разстоянія луны отъ земли сравнительно съ разстояніемъ до солнца и *малости самой луны* (что сей сонъ значитъ?!) наблюдатели видятъ луну въ одно и тоже время въ различныхъ направленіяхъ и въ различныхъ разстояніяхъ отъ солнца, поѣтому наблюдатели на различныхъ пунктахъ земли видятъ начало и конецъ солнечнаго затмѣнія въ различное время“. Кромѣ разной чепухи, которая заключается въ этой тирадѣ, она вся противорѣчитъ тому что сказано на страницѣ 16-ой. Въ самомъ дѣлѣ покрытіе звѣзды луною есть затмѣніе той же категоріи какъ и покрытіе солнца луною и если затмѣніе солнца будетъ видимо въ разное время въ двухъ точкахъ земли не по одной только причинѣ разности временъ, считаемыхъ въ двухъ мѣстахъ земной поверхности въ одинъ и тотъ же абсолютный моментъ, то и покрытіе звѣзды луною не можетъ быть видимо одновременно въ различныхъ мѣстахъ земли и не можетъ служить какъ простой сигналъ для непосредственнаго опредѣленія долготы, хотя разность долготъ и

можетъ быть вычисляема по наблюденіяхъ покрытій, если при этомъ вычисленіи будетъ принято во вниманіе параллаксъ луны.

На страницѣ 74 всѣ кометы разсматриваются какъ составныя части солнечной системы.

На страницѣ 78-й звѣздныя группы Плеядъ и волоса Вереники названы туманными пятнами и т. д., и т. д.

Для указанія всѣхъ красотъ книги Фонъ-Бооля потребовалось бы много мѣста и времени. Думаемъ однако, что и приведеннаго достаточно для того чтобы подтвердить наше мнѣніе высказанное въ началѣ.

Мы не стали бы совсѣмъ говорить о книгѣ Фонъ-Бооля, если бы она не была обязательнымъ учебникомъ, если бы посредствомъ нея не были сбиты съ толку многіе. Когда въ началѣ даны ложныя понятія о предметѣ, когда учащійся не имѣетъ передъ собою даже вѣрныхъ опредѣленій, то онъ нескоро потомъ освободится отъ навязанныхъ ему нелѣпостей. Если ученое сочиненіе не имѣетъ надлежащихъ достоинствъ, если оно заключаетъ въ себѣ извѣстныя погрѣшности, то вредъ, причиняемый этимъ, касается только самаго автора. Специалисты, для которыхъ предназначается книга, имѣютъ полную возможность судить о ней и скоро оцѣнять ее по достоинствамъ. Не въ такомъ положеніи находятся учебники относительно своихъ читателей, эти послѣдніе, прибѣгая къ нимъ какъ къ пособіямъ, не имѣютъ возможности критиковать ихъ. Если же плохой учебникъ обязательно навязывается учащемуся, то зло еще болѣе, ибо нерѣдко преподаватель, написавшій плохой учебникъ, ревниво охраняетъ его права и устраняетъ изъ рукъ своихъ учениковъ все то, что могло бы навести ихъ на путь истинный. Только этимъ предположеніемъ и можно объяснить то, что для книги г. Фонъ-Бооля понадобилось второе изданіе, безъ такихъ условій и первому изданію не миновать бы печальной участи быть проданному на вѣсъ бумаги или тряпья.

М. Хандриковъ.

Кіевъ,
Апрѣль, 1880.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

ГРЕКОВОСТОЧНАЯ ЦЕРКОВЬ

ВЪ ПЕРІОДЪ

ВСЕЛЕНСКНХЪ СОВОРОВЪ

Ф. А. Терновскаго.

иначе. „Оба сына Θεодосіа,“ говоритъ онъ, „имѣли самыя ограниченныя природныя способности. Ктому же самъ Θεодосій испортилъ ихъ тогдашнею строго-аскетическою системою воспитанія, сдѣлавшею ихъ благочестивыми и набожными, но не давшею имъ ни осмотрительности, ни силы и энергія“. Едвали, впрочемъ, какая бы то ни была система воспитанія могла бы дать Аркадію и Гонорію тѣ качества, въ какихъ отказала имъ природа.

Мы поведемъ рѣчь только объ Аркадіѣ. „Аркадій“, говоритъ Филосторгій, „ростъ имѣлъ малый, тѣло сухощавое, силы слабыя, лице смуглое. Вялость его души обличалась рѣчью и свойствомъ глазъ, которые у него сонливо и болѣзненно закрывались“. Только искусство каллиграфіи было плодомъ полученнаго имъ образованія. Такой человѣкъ естественно могъ быть царемъ только по имени. Первые 10 мѣсяцовъ именемъ императора управлялъ префектъ востока Руфинъ, любимецъ покойнаго императора Θεодосіа, человѣкъ высокій и мужественный, взглядъ котораго и находчивость въ словѣ высказывали умъ. Обманувшись въ надеждѣ сдѣлаться царскимъ тестемъ, Руфинъ возмечталъ сдѣлаться царемъ. Слабодушный Аркадій не могъ конечно оказать Руфину серьезнаго сопротивленія, но за Аркадія дѣйствовалъ духъ завистливаго соперничества, вооружившій противъ Руфина западнаго префекта Стиликона и константинопольскаго придворнаго евнуха Евтропія. 27 ноября 395 г., когда Аркадій вмѣстѣ съ Руфиномъ дѣлалъ смотръ войскамъ, присланнымъ съ запада подъ начальствомъ готѣ Гайны, воины, внезапно окруживъ Руфина, умертвили его въ присутствіи самаго императора. „Огрубивъ Руфину голову,“—повѣствуетъ Филосторгій, „воины вложили ей въ ротъ камень и вездѣ съ ней бѣгали. Подобнымъ образомъ отрубивъ у него руку послали ее по всѣмъ мастерскимъ въ городѣ, говоря: *дайте ненасытному!* 1) И такую просьбою собрали они много денегъ, потому что видѣвшіе охотно платили

дія. Мы знаемъ напротивъ того, что Аркадій, сдѣлавшись царемъ, подарилъ своему бывшему учителю доходы одной египетской области, но что отшельникъ не принялъ царскаго подарка.

1) Руфинъ былъ очень жаденъ и очень богатъ. Громаднѣйшій дворецъ его съ великолѣпною церковію находился по ту сторону Босфора, въ имѣніи, называемомъ *Дубъ* (Δρῦς), гдѣ чрезъ семь лѣтъ (403 г.) соборъ епископовъ заочно осудилъ Іоанна Златоустаго.

деньги, какъ бы за пріятное зрѣлище. Такъ-то кончилась любовь Руфина къ царской власти.“

Послѣ Руфина временщикомъ сдѣлался Евтропій, родомъ армянинъ, евнухъ изъ рабовъ. „Такъ какъ скопечество лишало его багряницы,“ говоритъ Филосторгій, „то онъ убѣдилъ царя наименовать себя патриціемъ и консуломъ. И вотъ наконецъ царскій евнухъ—*отецъ*, между тѣмъ какъ онъ не могъ родить и обыкновеннаго сына.“ Евтропій, еще прежде паденія Руфина, обнаружившій свое вліяніе на Аркадія тѣмъ, что склонилъ его жениться на Евдоксіи, палъ, какъ скоро вмѣсто сторонника императрицы сдѣлался ея врагомъ. Слабодушный императоръ,—когда ему предстояло пожертвовать или евнухомъ или императрицею,—разумѣется не могъ колебаться въ выборѣ, и паденіе Евтропія, увѣковѣченное знаменитою проповѣдію Златоустаго, (399 г.) было также быстро и неожиданно, какъ велика прежде была его власть и дерзость.

Послѣ Евтропія главнымъ рѣшителемъ судебъ восточной имперіи былъ готѣй Гайна (возмущенъ и былъ разбитъ и убитъ въ 400 г.);— послѣ Гайны готѣй Фравита (убитъ въ томъ же году); послѣ Фравиты комитъ Іоаннъ и т. д. Но постоянною силою, сосредоточивавшею въ себѣ власть надъ восточною имперіею почти во все время царствованія Аркадія, была жена его императрица Евдоксія, къ характеристикѣ которой мы теперь и переходимъ.

Евдоксія была не греческаго и не римскаго происхожденія. Она была дочь фравка Бото, извѣстнаго полководца, бывшаго консуломъ въ 385 году, и умершаго до воцаренія Аркадія. Она отличалась красотою и—должно думать—образованіемъ, ибо наставникомъ ея былъ философъ Пансофій. Своимъ царственнымъ женихомъ она была обязана евнуху Евтропію, который въ этомъ случаѣ заботился прежде всего о томъ, чтобы царь не женился на дочери Руфина. Бракъ Аркадія и Евдоксіи совершился въ Константинополѣ 27 апрѣля 395 г., т. е. чрезъ три мѣсяца и 10 дней послѣ смерти Θεодосія. Послѣ брака обнаружались нѣкоторыя непривлекательныя черты въ характерѣ Евдоксіи. Въ ея крови,—по выраженію современника,—жила варварская безпощадность; рядомъ съ пороками самовласти въ ея душѣ господствовало недовольство своимъ супругомъ, а также и ненасытное корыстолюбіе. Но религіозное настроеніе въѣка было такъ велико, что даже эта гордая и страстная императрица не могла не быть набожною, хотя набож-

ность ея и носила нѣсколько суевѣрный и фанатическій характеръ. Чтобы охарактеризовать религіозность имп. Евдоксіи, мы представимъ отношенія ея къ двумъ современнымъ епископамъ,—св. Порфирію газскому и св. Іоанну Златоустому,—точно также какъ мы старались изобразить религіозный характеръ и. Θεодосія по его отношеніямъ къ св. Григорію Богослову и св. Амвросію медиоланскому.

Св. Порфирій былъ съ 395 г. епископомъ въ Газѣ палестинской, городѣ, наполненномъ идолопоклонниками и идольскими капищами, между которыми особенно славилось капище въ честь идола Марнаса. Св. Порфирій былъ ревнителемъ христіанства въ родѣ Маркелла апамейскаго, т. е. поставилъ задачею своей жизни истребленіе языческихъ капищъ. Много онъ дѣйствовалъ для этой цѣли своими чудесами и молитвами,—но наиболѣе надежнымъ средствомъ признавалъ все-таки содѣйствіе гражданской власти. Пославъ одного изъ своихъ клириковъ въ Константинополь, св. Порфирій успѣлъ исходатайствовать указъ императора о заключеніи капищъ въ Газѣ, которыя и были затворены всѣ, кромѣ храма Марнаса. Желая добиться болѣе рѣшительныхъ результатовъ, св. Порфирій разсудилъ лично отправиться въ столицу. Дорогой онъ заѣхалъ на островъ Родосъ къ нѣкому отшельнику Проконію, который, хотя былъ отшельникомъ, но, какъ видно, очень хорошо зналъ придворныя отношенія. Проконій совѣтывалъ св. Порфирію прежде всего исполнить долгъ приличія, обратившись къ столичному архіепископу Іоанну Златоустому, но не слишкомъ полагаться на его содѣйствіе, такъ какъ онъ не ходитъ въ царскія палаты, вбо гнѣвается на него царица;—главнымъ же образомъ отшельникъ совѣтывалъ св. Порфирію заручиться благосклонностію царицы Евдоксіи, испросить чрезъ посредство ея внука Аманція личную у ней аудіенцію, и предсказать ей скорое рожденіе сына, такъ какъ царица въ то время была беременна. Совѣтъ оказался очень мудрымъ и полезнымъ. Св. Порфирій три раза имѣлъ аудіенцію у императрицы, и между прочимъ говорилъ ей слѣдующее: „Потрудись объ нашемъ дѣлѣ, владычица, ради Христа, а Онъ за трудъ твой дастъ тебѣ сына, который и воцарится предъ твоими очами,¹⁾ и проживетъ много лѣтъ во всякомъ благополучіи царскомъ“. Императрица съ своей стороны объясняла св. Порфи-

¹⁾ Эта часть пророчества не исполнилась, такъ какъ Евдоксія не дожидая до воцаренія Θεодосія младшаго.

рію, что она докладывала императору о его просьбѣ, но что императоръ не находить удобнымъ раздражать газскихъ идолопоклонниковъ; „впрочемъ, при помощи Божіей,“ прибавляла императрица, „я не перестану докучать царю, пока онъ не исполнитъ вашей просьбы.“ Зная безхарактерность Аркадія и сильное вліяніе Евдоксіи, можно думать, что императрица нарочно медлила удовлетвореніемъ просьбы св. Порфирія, ожидая исполненія его пророчества. Наконецъ ожидаемое событіе совершилось.—10 апрѣля 401 г. родился у Евдоксіи сынъ и наслѣдникъ византійскаго престола, нареченный въ честь великаго дѣда Θεодосіемъ. На седьмой день послѣ рожденія сына, императрица пригласила къ себѣ св. Порфирія и предложила ему изложить свои желанія въ формѣ прошенія на имя новорожденнаго *августа*, и подать это прошеніе, когда младенца будутъ нести изъ храма во дворецъ послѣ крещенія. Св. Порфирій разумѣется съ радостію воспользовался такимъ удобнымъ случаемъ получить все, что желаетъ, и просилъ въ своей хартіи не только о сокрушеніи идоловъ, но и объ облегченіи городскихъ податей и о царскомъ жалованьѣ въ пользу газской церкви, которая была весьма убога и т. д. Въ назначенный день совершено было крещеніе царственнаго младенца съ такимъ пышнымъ церемоніаломъ, что св. Порфирій не могъ не сказать: „если такова слава царя земнаго, временнаго,—то какова же слава Царя небснаго, вѣчнаго!“ Когда новокрещеннаго Θεодосія несли вопъ изъ храма, то св. Порфирій, стоявшій у церковныхъ дверей, податъ свое прошеніе,—и вельможа, несшій младенца, по предварительному распоряженію императрицы, принялъ прошеніе и сказалъ, что новый государь начинаетъ свою царственную жизнь дѣломъ милости и потому первая просьба, поданная ему, должна быть удовлетворена. Когда младенецъ былъ принесенъ во дворецъ, то императрица, поздравляя Аркадія съ новокрещеннымъ сыномъ, просила императора не оставить безъ исполненія первой просьбы, поданной маленькому августу, и не презрѣть моленія святыхъ мужей, предрекшихъ ей рожденіе сына. Аркадій разумѣется согласился на ходатайство жены, такъ искусно обставленное, и св. Порфирій возвратился во свояси, неся съ собою много золота, даннаго царицею на построеніе храма въ Газѣ и на другія церковныя потребности, и сопровождаемый царедворцемъ Кинегіемъ, которому поручено было разрушить всѣ капища и истребить всѣхъ идоловъ въ Газѣ,—что и было имъ исполнено съ достаточною суровостію. На мѣстѣ Марнасова капища былъ

построенъ храмъ на деньги, данныя царицею Евдоксіею, и по присланному отъ нея плану.

Совсѣмъ иныя были отношенія имп. Евдоксіи ко св. Іоанну Златоустому, моральныя требованія котораго были несравненно выше, а слѣдовательно и труднѣе, чѣмъ простое ходатайство св. Порфирія о деньгахъ и репрессивныхъ мѣрахъ. Въ 397 году, 27 сентября, скончался Нектарій, патріархъ к—польскій, преемникъ св. Григорія Богослова. Мягкость нрава, общительность, уживчивость были отличительными качествами св. Нектарія и дали ему возможность не только благополучно досидѣть до конца жизни на столичной кафедрѣ, но даже сподобиться включенія въ календарь. Но—быть можетъ—въ его правленіе слишкомъ ощутительно было бездѣйствіе власти,—потому что въ преемники ему постарались выбрать человѣка съ болѣе выдающимся умомъ и характеромъ. Всесильный въ то время при царскомъ дворѣ евнухъ Евтропій обратилъ вниманіе императора на антїохійскаго пресвитера Іоанна, славившагося краснорѣчіемъ и прозваннаго *Златоустымъ* (Χρυσόστομος.) Іоанну было тогда около 50 лѣтъ. Въ юныхъ лѣтахъ онъ учился краснорѣчію у извѣстнаго языческаго оратора Ливанія; 22 лѣтъ принялъ крещеніе, затѣмъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ пустынномъ уединеніи, наконецъ вступилъ въ составъ антїохійскаго клира и уже около 10 лѣтъ священствовалъ, проповѣдуя очень часто и очень успѣшно. Таково было *curriculum vitae* св. Іоанна. Можно думать, что Евтропій зналъ только внѣшнюю сторону жизни св. Іоанна, но не былъ знакомъ съ его твердыми и неподкупными убѣжденіями, съ его презрѣніемъ къ мірскимъ благамъ, съ его предубѣжденіемъ противъ сильныхъ міра сего и горячею любовью къ меньшей братіи. Евтропій хотѣлъ только въ лицѣ столичнаго архіепископа,—обязаннаго ему своимъ возвышеніемъ,—найти себѣ благодарнаго и усерднаго сторонника и въ этомъ случаѣ еще разъ доказалъ старую истину о тщетѣ надеждъ и расчетовъ человѣческихъ. Что касается до императрицы Евдоксіи, то она кажется совершенно не причастна была дѣлу о возведеніи Іоанна Златоустаго на к—скую кафедру. Только впослѣдствіи, когда краснорѣчіе и энергія Златоустаго сдѣлали его главною духовною силою столицы,—должны были установиться какія-нибудь опредѣленныя отношенія между нимъ и императрицею, въ рукахъ которой была власть политическая. Кажется бывали обстоятельства, когда Евдоксія сочувствовала дѣятельности Зла-

тоустаго напр. при паденіи евнуха Евтропія, одинаково непріятнаго и святителю и императрицѣ, при печалованіи Златоустаго предъ готомъ Гайною за комита Іоанна, при протестѣ І. Златоустаго противъ требованій Гайны имѣть аріанскій храмъ внутри столицы и т. д. Бывали случаи, когда проповѣди Златоустаго, даже суровыя и обличительныя не раздражали самолюбія императрицы; таковы напр. всѣ обличенія Златоустаго противъ распушенности нравовъ пизаго к—польскаго клира. Бывали случаи, когда самъ І. Златоустый въ своихъ проповѣдяхъ относился къ императрицѣ въ панегирическомъ духѣ. Такъ онъ восхвалялъ благочестіе императрицы, которая пѣшкомъ сопровождала церковную процессію при перенесеніи мощей мучениковъ во храмъ св. Оомы. „Хотя природа“, говорилъ ораторъ, „произвела тебя жепщиною, но ты можешь сравняться съ ангелами“. Но все это было до поры до времени. Двѣ силы, столь противоположныя между собою, не могли не столкнуться непріязненно! Ясно было также, что внѣшняя тогда останется за императрицею, — но что пораженіе Златоустаго предъ судомъ истины и потомства будетъ цѣпнѣе всякой побѣды. Мы знаемъ уже характеръ Евдоксіи; скажемъ нѣсколько словъ для характеристики І. Златоустаго, воспользовавшись для этого сравненіемъ его съ извѣстнымъ уже намъ его предшественникомъ ва к—ской каедрѣ св. Григоріемъ Богословомъ. Между двумя великими святителями было много общаго: тоже краснорѣчіе, тоже правственная высота, тоже презрѣніе къ земнымъ благамъ и тоже готовность всѣмъ жертвовать за истину. Но было и существенное различіе. Св. Григорій Богословъ былъ теоретикъ, созерцатель и человѣкъ, отрѣшенный отъ жизни; онъ имѣлъ множество почитателей своего таланта, но всегда былъ одинокъ среди столичнаго многолюдства и всегда стремился духомъ въ свою любезную пустыню, гдѣ онъ могъ по цѣлымъ недѣлямъ налагать на себя обѣтъ молчанія или писать свои элегическія стихотворенія. Св. Іоаннъ Златоустый не имѣлъ той силы и глубины ума, какими обладалъ св. Григорій Богословъ, — но за то онъ былъ ораторъ въ лучшемъ и истинномъ значеніи этого слова, — человѣкъ, глубоко убѣжденный въ истинѣ того, въ чемъ хотѣлъ убѣдить другихъ, — человѣкъ, рѣчь котораго всегда стояла на порогѣ между размышленіемъ и практическою дѣятельностію, — человѣкъ, для полноты существованія котораго необходимы были и каедра и слушатели. Вотъ почему для св. Іоанна также невозможно было по доброй волѣ оставить каедру, какъ

для св. Григорія легко и естественно было самому отказаться отъ нея! Обладая необыкновенными ораторскими дарованіями, Іоаннъ Златоустый скоро сдѣлался любимцемъ столичнаго населенія, которое толпами стекалось слушать его вдохновенныя поученія. Необыкновенный успѣхъ всегда возбуждаетъ зависть, и св. Іоаннъ не избѣжалъ этой участи. Ему завидовали не только его собратія—епископы, но и сама императрица, стоявшая во главѣ свѣтскаго правительства, считала его вліяніе на народъ чрезмѣрнымъ и опаснымъ. Содержаніе проповѣдей І. Златоустаго также не могло нравиться Евдоксіи. Любимою темою бесѣдъ І. Златоустаго было обличеніе алчныхъ и жестокосердыхъ богачей,—а также женской суетности и страсти къ нарядамъ. Очень вѣроятно, что при своихъ обличеніяхъ св. Іоаннъ не имѣлъ въ виду непосредственно императрицы, но Евдоксія сознавала себя не безгрѣшною въ обличаемыхъ порокахъ, а при дворѣ не было недостатка въ людяхъ, которые готовы были поддерживать раздраженіе императрицы, передавая ей проповѣди архіепископа въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ. Послѣдствіемъ была рѣшимость Евдоксіи удалить св. Іоанна со столичной кафедрѣ. Но побѣда не легко досталась императрицѣ. Два раза она отступала, и только въ третій разъ одержала окончательную побѣду, которая была несчастіемъ всякаго пораженія.

Первое столкновеніе императрицы съ архіепископомъ имѣло мѣсто въ 401 г., въ годъ рожденія Θεодосія младшаго. Желая противопоставить Златоустому епископа, сколько нибудь равнаго ему въ краснорѣчій, императрица вызвала ко двору Северіана, е. габальскаго, считавшагося искуснымъ ораторомъ. Соперникъ для Златоустаго онъ былъ плохой, но за отсутствіемъ лучшаго нельзя было и имъ пренебрегать. Когда родился наслѣдникъ престола, Златоустый по церковнымъ дѣламъ находился въ Малой Азіи. Не смотря на то, что въ тотъ вѣкъ крещеніе часто отлагалось до преклоннаго возраста и даже до смертнаго часа, императрица поспѣшила совершить крещеніе сына до возвращенія Златоустаго въ столицу, и таинство крещенія совершилъ Северіанъ, е. габальскій. При дворѣ уже стали говорить о Северіанѣ, какъ о будущемъ архіепископѣ столицы,—и, вѣроятно, въ этомъ случаѣ угадывали тайную мысль Евдоксіи. Возвратившись въ столицу, Златоустый остался очень недоволенъ тѣмъ, что дѣлалось безъ него. Восхваливъ гражданъ столицы, за то, что они остались вѣрны ему подобно цѣломудренной супругѣ, закрывающей, въ отсутствіе супруга, свой слухъ

отъ любодѣйныхъ внушеній, Златоустый вслѣдъ за тѣмъ строго укорилъ Северіана и прекратилъ общеніе съ нимъ. Северіанъ поспѣшилъ немедленно исчезнуть изъ столицы. Пораженіе Северіана было пораженіемъ не столько для него, сколько для императрицы и она, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, рѣшилась изгладить его съ помощью такого пріема, къ какому способны только женщины. Въ праздничный день до начала литургіи, она явилась въ церковь съ маленькимъ Θεодосіемъ, быстрыми шагами подошла къ архіерейской кафедрѣ, положила царственнаго младенца на колѣна Златоусту и умоляла его ради этого младенца, отрасли великаго Θεодосія, простить Северіана. Изумленный Златоустъ былъ въ нерѣшимости, но по чувству простой вѣжливости рѣшился исполнить волю императрицы. Северіанъ возвратился въ столицу, и оба архіерея скрѣпили и засвидѣтельствовали свое примиреніе всенародными проповѣдями.

Второе столкновеніе императрицы съ Златоустымъ относится къ 403 году. Противъ ненавистнаго архіепископа былъ поднятъ походъ сначала подъ предводительствомъ св. Епифанія кипрскаго, а потомъ, — когда этотъ ветхій старецъ отправился умирать во свояси, — подъ предводительствомъ Теофила, патріарха александрійскаго. Собранный Теофиломъ изъ враговъ Златоуста соборъ — въ виду столицы въ Дрисѣ близъ Халкидона, осудилъ св. Іоанна на низложеніе съ кафедры между прочимъ и за *оскорбленіе величества* въ лицѣ имп. Евдоксіи. Въ то время, когда враги Златоуста творили надъ нимъ заочный судъ, св. Іоаннъ не стѣсняясь высказывалъ свои мысли и чувства среди вѣрнаго и преданнаго ему столичнаго населенія. „Вы знаете, возлюбленные мои“, говорилъ Іоаннъ, „какой истинный предметъ, за который хотятъ погубить меня? Это то, что я не заставлялъ разстилать предъ собою богатые и драгоценные ковры, что я не хотѣлъ одѣваться въ одежды, шитыя золотомъ и шелкомъ, что я не очень любилъ удовлетворять чувственности этихъ людей. Меня преслѣдуютъ не изъ за богатства и не потому, что я совершилъ какое нибудь преступленіе. Если бы было такъ, то я долженъ бы приходилъ отъ этого въ смущеніе. Меня преслѣдуютъ потому, что я люблю васъ. Еще живо потомство Іезавели. Еще Иродіада бѣснуется. Она пляшетъ, она требуетъ головы Іоанна. Все стремится къ *нечестию*“. Πάυτα ἐς ἀδοξίαν ἐκτρέχει. ¹⁾ „Эта плотская

¹⁾ Въ этомъ выраженіи видѣнъ ясный намекъ на имя Евдоксіи.

женщина нападаетъ на духъ. Она предается наслажденіямъ бань и благовоній; она обнимается съ своимъ мужемъ, она ведетъ войну съ церковью чистою и непорочною. Но вскорѣ она останется одинокою, вдовою, безъ мужа ¹⁾: потому что ты, женщина, хочешь церковь сдѣлать вдовою. Вчера ты называла меня тринадцатымъ апостоломъ; нынѣ величаешь Іудю. Вчера не боялась сидѣть со мною; а нынѣ, какъ дикій звѣрь, бросаешься на меня... Но чего хочетъ эта жена несправедливая, ненавистная, эта новая Іезавель? Она отправляетъ за мною консуловъ, трибуновъ; она угрожаетъ: паукъ плететъ паутину.“

Сознавая свою правоту, св. Іоаннъ не думалъ однако противиться силѣ, хотя и могъ бы опереться на народную къ нему привязанность. „Церковь Іисуса Христа,“ говорилъ онъ епископамъ и клирикамъ, которые остались ему вѣрными, „не мною началась, не мною и кончится. Не умеръ ли Моисей и не занялъ ли тотчасъ его мѣста Іисусъ Навинъ? Когда отсѣкли голову св. Павлу, не оставилъ ли онъ по себѣ Тита, Тимофея, Аполлоса и множество другихъ учениковъ“? Повинуясь царскому указу, осуждавшему его на изгнаніе, св. Іоаннъ удалился изъ столицы. Но онъ пробылъ въ изгнаніи всего одни сутки. Сильное землетрясеніе, поколебавшее дворецъ въ ночь послѣ изгнанія св. Іоанна, напугало императрицу, какъ знаменіе гнѣва Божія за изгнаніе праведника. Златоустый немедленно былъ возвращенъ на свою кафедру, и императрица въ почтительномъ письмѣ увѣряла св. Іоанна, что она не принимала никакого участія въ козняхъ противъ него. Златоустый желалъ торжественнаго оправданія на соборѣ епископовъ, который былъ бы многочисленнѣе, чѣмъ соборъ, осуждавшій его,—но нетерпѣніе народа и самой императрицы побудили его не настаивать на этой формальности. Да и могъ ли Златоустый искренно уважать епископскій судъ, когда въ большинствѣ современныхъ епископовъ видѣлъ честолюбивыхъ и коварныхъ интригановъ? *Никого я такъ не боюсь, какъ епископовъ,* писалъ Златоустый въ послѣдствіи. Его возвращала таже императорская власть, которая из-

---

¹⁾ Эти слова имѣли бы характеръ пророчества, если бы были подтверждены событіемъ. Но Евдоксія, какъ извѣстно, умерла прежде своего мужа.

гнала его;—этого казалось довольно. Златоустый снова вступилъ на свою кафедру, благословилъ вѣрный ему народъ и не забылъ похвалить и императрицу, какъ питательницу пустынниковъ, опору нищихъ и т. д. Онъ прочелъ ея пригласительное письмо и передалъ народу слова, которыми императрица привѣтствовала возвратившагося святителя, заявляя, что она, возвративъ пастыря овцамъ, главу тѣлу, кормчаго кораблю, болѣе красуется этимъ дѣломъ, чѣмъ своею діадемою. Такъ кончилось второе покушеніе противъ І. Златоустаго и миръ между святителемъ и императрицею былъ повидиму упроченъ на твердыхъ основаніяхъ.

Но чувства человѣческія измѣнчивы. Подъ вліяніемъ религіознаго ужаса Евдоксія возвратила святителя, но съ теченіемъ времени этотъ страхъ прошелъ. Землетрясенія въ то время часто бывали въ восточной имперіи, и конечно враги Златоустаго постарались увѣрить императрицу, что между изгнаніемъ Златоустаго и землетрясеніемъ не было никакой причинной связи, а было только случайное совпаденіе во времени. Съ своей стороны и св. Іоаннъ Златоустый не сдѣлался сдержаннѣе послѣ своего возвращенія: напротивъ сознаніе торжествующей правоты сдѣлало его еще смѣлѣе и рѣшительнѣе. Черезъ два мѣсяца послѣ своего возвращенія св. Іоаннъ уже выступаетъ съ обличеніями императрицы по поводу шумныхъ праздниковъ при открытіи поставленной въ честь Евдоксія серебрянной статуи. Бесѣда эта не сохранилась до настоящаго времени, но есть извѣстіе, что она начиналась словами: *опять Иродіада бѣснуется, опять пляшетъ, опять проситъ главы Іоанновой*,—и что никогда рѣчь Златоустаго не была такъ горька и наполнена примѣрами изъ исторіи злыхъ женъ ветхаго и новаго завѣта, какъ въ этотъ разъ. Императрица, раздраженная такимъ публичнымъ посрамленіемъ, требовала мщенія; самъ императоръ, вышедши изъ своей обычной апатіи, сказалъ, что пора уже покончить съ этимъ обличителемъ. По закону ¹⁾ епископъ долженъ быть судимъ себѣ равными; съ этой стороны конечно не представлялось затрудненія къ осужденію Златоустаго, такъ какъ между тогдашними епископами было много придворныхъ угодниковъ и личныхъ враговъ Златоустаго. Вопросъ

¹⁾ *Lex Constantii 355* 1. *Mansuetudinis nostrae lege prohibemus, in iudiis episcopos accusari. Si quid est igitur querelarum, quod quispiam defert, apud alios potissimum episcopos convenit explorari.*

былъ только въ томъ, какъ оформить осужденіе. Личное вліяніе Златоустаго и сила его краснорѣчія казались такъ опасны, что и на этотъ разъ враждебные Златоустому епископы, собравшіеся въ императорскомъ дворцѣ, предпочли осудить его заочно. Уклоняясь отъ всякаго разсужденія о виновности Златоустаго, они порѣшили осудить его на основаніи 5 правила антиохійскаго собора 341 г., которое читается такъ: *если епископъ или священникъ, бывъ справедливо или несправедливо низведенъ, самъ возвратится къ церкви прежде возстановленія его соборомъ, то онъ лишается всякаго права быть допущенъ когда-либо къ какому-то-ни было оправданію*. Враждебные Златоустому епископы разсуждали такъ: „Іоаннъ низложенъ на соборѣ, собиравшемся въ Дрисѣ, — справедливо или несправедливо, — это до насъ не касается. Но дѣло въ томъ, что онъ самъ разъ навсегда заградилъ себѣ путь къ оправданію, возвратившись на свою кафедру, прежде чѣмъ былъ оправданъ и возстановленъ новымъ соборомъ епископовъ, который бы отмѣнилъ рѣшеніе собора предшествующаго“. Такимъ образомъ судьи — епископы отказывались разбирать дѣло о св. Іоаннѣ *по существу*, а просто не хотѣли принимать его къ разсмотрѣнію въ силу *чисто-формальныхъ* каноническихъ основаній; — судили не по совѣсти, а по буквѣ закона. Но и самый законъ, предъявляемый противъ Златоустаго, въ свою очередь подлежалъ критикѣ. Друзья Златоустаго основательно утверждали, что антиохійскій соборъ 341 г. былъ составленъ изъ аріанъ, что 5-й канонъ этого собора былъ сочиненъ нарочито противъ защитника православія, св. Аѳанасія alexandрійскаго, что этимъ канономъ освящается насиліе и что онъ вовсе не употреблялся въ послѣдующей церковной практикѣ и былъ преданъ забвенію. Самъ Златоустый отказался повиноваться рѣшенію епископскаго суда, хотя оно и было объявлено ему отъ царскаго имени. Онъ продолжалъ священнодѣйствовать, проповѣдывать и исполнять другія обязанности епископскаго служенія, окруженный вѣрнымъ и преданнымъ ему столичнымъ населеніемъ. Между тѣмъ императоръ и императрица прервали сношенія съ святителемъ и не являлись въ главный храмъ столицы даже въ такіе великіе праздники какъ въ Рождество и Пасху, — но не рѣшались еще дѣйствовать противъ Златоустаго открытою силою, быть можетъ опасаясь народнаго возстанія, или боясь особыхъ проявленій гнѣва небснаго, въ родѣ недавняго землетрясенія. Такое натянутое положеніе продолжалось около полугода (отъ декабря 403 г. до іюня 404 г.),

но оно не могло продолжаться вѣчно. Вооруженныя схваты между царскими войсками и *іоаннитами* (такъ назывались приверженцы св. Іоанна) около Пасхи 404 г. показывали, что вопросъ долженъ быть рѣшенъ такъ или иначе. Въ такихъ обстоятельствахъ четыре епископа, наиболѣе враждебные Іоанну Златоустому (Авакій веррійскій, Антіохъ птолемаидскій, Квиринъ халкидонскій и Северіанъ габальскій), рѣшились успокоить слабую душу Аркадія, принявъ на себя нравственную отвѣтственность за изгнаніе Златоустаго и повторили такимъ образомъ евангельскую исторію объ іудеяхъ, вопіявшихъ Пилату: *кровь Ею на насъ и чадѣхъ нашихъ!* „Государь!“ говорили епископы Аркадію; „ты поставленъ царемъ отъ Бога, чтобы всѣ тебя слушались и ты творилъ то, что тебѣ благоугодно. Не будь милостивѣе пресвитеровъ и святѣе епископовъ! Мы говоримъ тебѣ предъ цѣлымъ свѣтомъ: мы беремъ на свои головы низложеніе Іоанново. Размысли объ этомъ, августѣйшій царь, и не губи всѣхъ, чтобы пощадить одного“. Этого было довольно. Аркадій рѣшился низложить св. Іоанна, и 20 іюня 404 г. Златоустый былъ отправленъ въ ссылку. Тотчасъ же послѣ удаленія св. Іоанна изъ столицы, вспыхнулъ пожаръ, испепелившій главную церковь столицы и громадное зданіе сената. Такъ какъ правительство причину пожара приписывало *іоаннитамъ*, то противъ нихъ было возбуждено жестокое преслѣдованіе, при чемъ санъ пресвитера и даже епископа не спасалъ отъ тѣлесныхъ истязаній. Положеніе самого св. Іоанна было также очень тяжело. Онъ былъ отправленъ на заточеніе въ армянскій городъ Кукузъ, гдѣ много страдалъ отъ суроваго климата и отъ горнаго народа исавровъ, которые своими набѣгами держали жителей Кукуза въ постоянномъ страхѣ. За то іоанниты, съ особеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ, отмѣчали тѣ событія, въ которыхъ видѣли руку Божію, карающую враговъ святаго. Враждебные Златоустому епископы умирали скорою и тяжелою смертію. Сама императрица Евдоксія, цвѣтущая молодостію и здоровьемъ, прожила только 3½ мѣсяца послѣ изгнанія Златоустаго. Она умерла 6 октября 404 г. въ тяжкихъ мученіяхъ, родивъ мертваго ребенка. Позднѣйшая суевѣрная легенда прибавляетъ, что императрица „живая червями ядома была, по смерти же ея 30 лѣтъ гробница ея тряслася“. Но предъ судомъ исторіи ранняя смерть Евдоксіи служить для нея нѣкоторымъ оправданіемъ, потому что положеніе Златоустаго послѣ ея смерти не только не

улучшилось, но даже ухудшилось: слѣдовательно не она была единственною виновницею бѣдствій святителя.

Преемникомъ Златоустаго на столичной кафедрѣ былъ 80-лѣтній Арсакій, братъ прежняго архіепископа Нектарія, человѣкъ *красноречивый какъ рыба*. Правительство очевидно съ намѣреніемъ избрало слабаго духомъ архіепископа, потому что сильный духомъ пришелся уже очень тяжелъ. Крайняя древность и незначительность Арсакія не мѣшала ему сурово преслѣдовать іоаннитовъ. Впрочемъ онъ прожилъ въ санѣ архіепископа только полгода. Преемникомъ Арсакія былъ Атикъ, человѣкъ болѣе способный, но не болѣе расположенный къ Златоустому. Напротивъ при Атикѣ гоненія противъ іоаннитовъ усилились, и самому св. Іоанну присуждено было отправиться въ болѣе дальнюю ссылку, гдѣ бы его авторитетъ не могъ тревожить враждебныхъ ему іерарховъ, сидѣвшихъ на главныхъ кафедрахъ востока. Новымъ мѣстомъ заточенія Златоустаго былъ назначенъ городокъ Питіунтъ (нынѣшній Пипундъ) на сѣверовосточномъ берегу Чернаго моря. Суровые войны повели Златоустаго изъ Кукуза въ Пицундъ пѣшкомъ, подвергая его всѣмъ трудностямъ гористаго пути и переменнѣйшей погоды, обходя по возможности города и многочисленныя селенія. Но Златоустый не дошелъ до мѣста своего новаго заточенія. На пути онъ скончался въ г. Команахъ 14 сентября 407 г. Послѣднія слова Златоустаго были: *слава Богу за все!*

Къ чести христіанскаго міра нужно сказать, что знаменитый изгнанникъ не остался безъ друзей и покровителей. Кромѣ вѣрныхъ ему до конца діакониссъ, — каковы были Олимпиада, Пентадія, Емируктія, Никарета, — кромѣ страдавшихъ за него до крови епископа Серапіона, пресвитера Тигрія и другихъ *іоаннитовъ*, — кромѣ многихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, любезно относившихся къ изгнаннику, за него заступались предъ императоромъ и люди, болѣе независимые и вліятельные. Бывшій при Θεодосіѣ великомъ префектъ Константинополя, а потомъ подвижникъ синайскій Нилъ писалъ къ имп. Аркадію слѣдующее: „несправедливо послалъ ты въ изгнаніе предстоятеля Византіи Іоанна, это великое свѣтило вселенной, по крайнему легкомыслію внявъ убѣжденіямъ не здраво мудрствующихъ епископовъ. Поэтому, лишивъ вселенскую церковь сего неповрежденнаго и чистаго ученія, не проживешь безъ скорбей“. Болѣе горячо заступался за св. Іоанна римскій папа Иннокентій, который вмѣстѣ съ западнымъ им-

ператоромъ Гоноріємъ предлагалъ созвать новый соборъ епископовъ для пересмотра дѣла о Златоустомъ. Аркадій оставилъ это предложеніе безъ отвѣта, а вскорѣ потомъ смерть Златоустаго положила конецъ всякимъ заботамъ о его возстановленіи. Аркадій и самъ не долго пережилъ Златоустаго; онъ умеръ 1 мая 408 года на 32 году отъ роду.

Мы можемъ закончить нашъ разсказъ объ Аркадіѣ двумя, въ сущности сходными, отзывами о немъ—новѣйшаго историка Финлея и современнаго Аркадію оратора Синезія,—впослѣдствіи епископа пентальскаго. „Всѣ римскіе императоры“, говоритъ Финлей,—„до временъ Аркадія были военачальниками. Вождь, командующій арміею, долженъ въ нѣкоторой степени быть товарищемъ своихъ солдатъ, часто раздѣлять ихъ чувства и соображать ихъ взгляды и интересы съ своими собственными... Но со временъ Аркадія личная связь императора съ войскомъ прекратилась, и онъ сталъ одинаково относиться къ своимъ наемнымъ солдатамъ и къ облагаемымъ имъ податями подданнымъ. Глава имперіи утратилъ отнынѣ всякое понятіе объ общественномъ мнѣніи, за исключеніемъ проявленія его въ церкви, въ придворныхъ партіяхъ или въ амфитеатрѣ.“—Туже изолированность императора изображаетъ—хотя конечно по своему—и философъ Синезій въ рѣчи, произнесенной предъ имп. Аркадіемъ въ 399 г.,—вѣроятно съ значительными пропусками. Мы думаемъ даже, что при произношеніи пропущены были наиболѣе характерныя мѣста, которыя мы и приведемъ. „Ваше достоинство“,—говорилъ или по крайней мѣрѣ думалъ сказать Синезій Аркадію, „за которое вы опасаетесь, если бы вы давали возможность чаще себя видѣть, не менѣе бы было дорого для вашихъ подданныхъ. Держа себя въ заперти въ вашемъ дворцѣ, вы дѣлаетесь своими собственными плѣнниками; лишая себя возможности видѣть и слышать, вы теряете мудрые уроки опыта... Ваше существованіе подобно существованію полипа. Вы отвергаете обыкновенное человѣческое состояніе, не достигая однако совершенства, свойственнаго человѣку. Ибо тѣ, съ которыми вы имѣете общеніе въ ежедневной жизни и въ другихъ дѣлахъ ¹⁾ суть люди съ малою головою и малымъ умомъ, настоящіе недоноски, несовершенныя произведенія природы, подобныя

---

¹⁾ Разумѣются конечно придворные евнухи.

фальшивой монетѣ. Не зная радости и печали, они въ одно и тоже время радуются и плачутъ: ихъ жесты, крики, всякаго рода шутки помогаютъ вамъ тратить время... Глупыя рѣчи и смѣшныя слова лучше достигаютъ до вашихъ ушей, чѣмъ мысли мудрыя, исходящія изъ краснорѣчивыхъ устъ философа“. Не менѣе рѣзки заявленія Синезія и противъ царской пышности. „Во имя божества, которое управляетъ царями, выслушай меня терпѣливо, (ибо язвительна рѣчь моя!) Въ какое время, думаешь ты, римскія дѣла находились въ лучшемъ видѣ? Послѣ того ли какъ вы стали носить золотыя и пурпурныя одежды и проч.?... Разнообразіемъ и пестротой цвѣтовъ вы сдѣлались, подобно павлину, предметомъ любопытнымъ для созерцанія.. Вы гордитесь своею ношею: вы походите на плѣнника, который, будучи закованъ въ золотыя цѣпи, не сознаетъ своего несчастія; прельщенный блескомъ своихъ цѣпей, онъ не замѣчаетъ, какъ плачевна его плѣнническая жизнь... Мостовая и голая земля слишкомъ грубы для вашихъ нѣжныхъ ногъ; вы можете ходить только по золотому песку. Караваны и корабли съ большими издержками привозятъ вамъ изъ отдаленныхъ странъ этотъ драгоценный песокъ: многочисленное войско занимается его разбрасываніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно, чтобы императоръ находилъ удовольствіе вездѣ, даже подъ своими ногами“. Приведенныхъ выдержекъ достаточно, чтобы представить себѣ образъ жизни императора, къ которому они прилагались.

Θεодосій младшій (408—450). Его сестра Пулхерія и жена Евдоксія. Ересъ Несторія. III вс. соборъ. Состояніи имперіи при и. Θεодосіѣ. Ересъ Евтихія.

По смерти Аркадія сдѣлался императоромъ семилѣтній сынъ его Θεодосій. Первое время онъ разумѣется могъ царствовать только по имени. Дѣлами государства завѣдывалъ добрый и разумный вельможа Анеимій (408—413), а самъ Θεодосій получалъ весьма тщательное воспитаніе подъ руководствомъ сестры своей Пулхеріи, которая впрочемъ только двумя годами была старше его. Но и пришедши въ возрастъ Θεодосій не много обнаружилъ самостоятельности. Онъ обладалъ многими качествами хорошаго епископа, но былъ лишенъ качествъ великаго государя. Онъ зналъ наизусть многія мѣста св. писанія, прилежно читалъ библейскихъ толкователей и любилъ богослов-

ствовать. Онъ строго соблюдалъ посты, особенно по средамъ и пятницамъ,—рано вставалъ и слушалъ богослуженіе съ своими сестрами,—такъ что дворецъ его походилъ на монастырь. Разъ, когда императоръ присутствовалъ на ипподромѣ,—поднялась сильная буря, одна изъ тѣхъ бурь, какія уже бывали въ этомъ году и угрожали произвести неурожай. Императоръ приказалъ удалить колесницы и пригласилъ подданныхъ къ молитвѣ; онъ первый началъ псалмопѣніе, бывшіе на ипподромѣ послѣдовали его примѣру, и ристалище уподобилось храму. Современники рассказывали, что эта буря была послѣдняя въ то лѣто, что за тѣмъ погода улучшилась и вмѣсто ожидаемаго неурожая было обиліе плодовъ земныхъ. Во время войны Θεодосій горячо молилъ Бога о побѣдѣ подобно Давиду, но не имѣлъ храбрости этого святого царя. Уваженіе императора къ духовному чину было такъ велико, что можетъ быть названо почти слабодушіемъ. Какой-то дерзкій монахъ, получивъ отъ Θεодосія отказъ въ своей просьбѣ, отлучилъ императора отъ церкви. Императоръ былъ такъ огорченъ этимъ, что отказался отъ принятія пищи, доколѣ отлученіе не будетъ снято. Тщетно увѣрялъ епископъ императора, что монахъ не имѣлъ никакого права налагать отлученія; императоръ оставался безъ пищи, до тѣхъ поръ, пока не получилъ прощенія отъ монаха, который самъ заслуживалъ наказанія.¹⁾

Θеодосій имѣлъ довольно свѣдѣній въ литературѣ и наукахъ,—особенно въ астрономіи,—покровительствовалъ ученыхъ, и самъ любилъ заниматься перепискою рукописей и рисованіемъ миниатюръ, такъ что подданные полу-насмѣшливо, полу-снисходительно прозвали его *каллиграфомъ*. Тихій, воздержный, неутомимый Θεодосій былъ образцомъ кротости и терпѣнія, но онъ умѣлъ лучше властвовать надъ своими страстями, чѣмъ надъ своими подданными. Мщеніе было ему незнакомо. „Не трудно,“ говорилъ онъ, „отнять жизнь у человѣка, но какъ скоро она отнята, уже поздно раскаиваться“. Ни одинъ смертный приговоръ не былъ приводимъ въ исполненіе въ резиденціи императора: помилованіе всегда предваряло казнь.—Трудолюбіе императора было такъ велико, что онъ не только работалъ днемъ, но посвящалъ труду и часть ночи! Но при столькихъ добродѣтеляхъ частнаго человѣка Θεодосія

¹⁾ Θεодорита церк. ист. V, 37.

былъ слабый государь. Онъ боялся войны и покупалъ миръ у варваровъ, нападавшихъ на имперію. Онъ не любилъ заниматься государственными дѣлами и часто подписывалъ указы не читая, вѣроятно не по лѣности, а просто по сознанию своей некомпетентности. Онъ не умѣлъ выбирать людей для государственныхъ должностей и придворные евнухи позволяли себѣ всевозможныя злоупотребленія въ его царствованіе. Греческій хроникеръ XVI в. Дорофей монемвасійскій, бывшій въ Москвѣ въ 1591 г., сравниваетъ съ Θεодосіємъ младшимъ тогдашняго московскаго царя Θεодора Ивановича. *Царь Θεодоръ былъ человекомъ смирный, по всему подобный Θεодосію младшему, простой, тихій.* Нѣтъ сомнѣнія, что Θεодосій младшій былъ даровитѣе московскаго царя Θεодора, но онъ не имѣлъ при себѣ такого искуснаго правителя, какимъ былъ Борисъ Годуновъ.

Нѣкоторое время впрочемъ подобное руководящее значеніе имѣла при дворѣ Θεодосія сестра его Пулхерія. Изъ всѣхъ дѣтей и. Аркадія одна Пулхерія наслѣдовала сильныя дарованія своего великаго дѣда. Достигши 15-лѣтняго возраста, Пулхерія не побоялась принять на себя то государственное бремя, котораго не могъ нести ни ея отецъ, ни впоследствии ея братъ. 4 іюля 414 г. она приняла на себя титулъ *Августы*, тогда какъ другія дѣвчата сестры Аркадія и Марипа довольствовались титуломъ *pobilissima*. Пулхерія была тогда молода, красива, и хорошо образована: она свободно говорила и писала по-латыни и по-гречески. Чтобы застраховать себя отъ искушеній молодости, Пулхерія, вмѣстѣ съ обѣими сестрами, торжественно въ столичномъ храмѣ дала обѣтъ дѣвства, и увѣковѣчила его монументальною записью внутри храма. Отказавшись отъ всѣхъ утѣхъ молодости, Пулхерія дѣлила свое время между богомольемъ, благотворительностію и дѣлами государственными. Въ положенные часы она молилась вмѣстѣ съ своими сестрами, обѣдала съ ними и давала аудіенціи въ ихъ присутствіи. Она построила много церквей, монастырей, больницъ и странноприимницъ и была весьма почтительна къ епископамъ. Собственно объ управленіи Пулхерія языческой историкъ Евнапій отзывается довольно худо. Впрочемъ отъ него, какъ отъ язычника, другаго отзыва и ожидать нельзя. „При царицѣ Пулхеріи“, говоритъ Евнапій, „выставлялись на публичную продажу народы, (т. е. отдѣльныя провинціи), для желающихъ купить управленіе ими. Кто хотѣлъ грабить Геллеспонтъ, покупалъ Геллеспонтъ и т. д. Получившій въ управленіе народъ (т. е. ту или другую провин-

цію) чрезъ безгласныхъ глашатаевъ говорилъ каждому (т. е. обывателю провинціи)—на ухо, что онъ купилъ подчиненныхъ за столько-то; что было необходимо заплатить эту сумму или терпѣть непріятности, что имѣніе могло быть описано, жизнь отнята. Люди зажиточные и подлежащіе повинностямъ со вздохомъ вносили деньги; недостаточныхъ публично били бичами... Одержавшій такую кадмійскую побѣду (т. е. самъ правитель области) былъ гораздо несчастнѣе. Онъ купилъ должность всѣмъ своимъ достаткомъ, а для защищенія себя отъ козней и доносовъ приплачивалъ еще доходы, получаемые по должности. Всѣ дома пустѣли отъ такой уловки. Легко можно видѣть, какъ достатокъ начальниковъ описывался въ казну. *Деньги человека, получившаго начальство, принадлежатъ казнѣ.*“ Нужно замѣтить впрочемъ, что такой способъ взиманія доходовъ въ казну довольно обыченъ на востокѣ.

Въ теченіе первыхъ 12 лѣтъ царствованія Θεодосія, вліяніе Пулхеріи на брата было безгранично. Она завѣдывала воспитаніемъ молодого императора. „Люди свѣдущіе“, говоритъ церк. историкъ Созоменъ, „учили его сидѣть на конѣ, владѣть оружіемъ и сообщали ему познанія въ наукахъ. Сама же сестра давала наставленія, какъ держать себя прилично и по—царски на выходахъ, показывала, какое слѣдуетъ надѣвать платье, какъ надобно сидѣть и ходить, воздерживаться отъ смѣха, быть то кроткимъ, то строгимъ, смотря по обстоятельствамъ, и прилично распрашивать просителей. Пулхерія не менѣе руководила его и къ благочестію, приучая постоянно молиться, посѣщать церкви, почитать іереевъ“ и т. д. Пулхерія выбрала брату супругу. Въ числѣ придворныхъ дѣвицъ, состоявшихъ при Пулхеріи въ томъ полуслужебномъ положеніи, какое нынѣ зовутъ должностію фрейлины, была дочь аѣнскаго философа Леонтія, Аѣннаида, отличавшаяся красотою и образованіемъ, и вскорѣ принявшая крещеніе съ именемъ Евдокіи. Она была лѣтъ на 5 старше Пулхеріи и состояла при ней около семи лѣтъ, доколѣ наконецъ Θεодосій достигъ совершеннолѣтія и Пулхерія убѣдила своего послушнаго брата жениться на Евдокіи. Бракъ былъ совершенъ 7 іюня 421 года; Θεодосію было тогда 20 лѣтъ, а Евдокіи около 27. Но и послѣ этого брака Пулхерія не хотѣла выпустить изъ своихъ рукъ власти надъ братомъ и невѣсткою, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій анекдотъ, сообщаемый почти всѣми греческими хронографами.— „Царь Θεодосій имѣлъ обычай не читать подписывать подаваемые ему хартіи. Узнавъ объ этомъ, мудрейшая се-

стра премудро схитрила надъ нимъ, подложивъ ему для подписи дарственную грамоту, по которой закрѣпощалась въ рабство Пулхеріи жена Θεодосіева Евдокія. Царь подписалъ, не читая, и въ послѣдствіи терпѣлъ горькую обиду отъ своей сестры Пулхеріи. Эта исторія приурочивается къ году свадьбы Θεодосія (къ сентябрю 421 г.) и сама въ себѣ служитъ доказательствомъ упадающаго вліянія Пулхеріи и ея несовѣтъ одобрительныхъ успѣхъ удержатъ за собою это вліяніе. Вліяніе Пулхеріи съ теченіемъ времени слабѣло все болѣе и болѣе и въ послѣдніе 10 лѣтъ царствованія Θεодосія дошло до нуля; но она должна была уступить не императрицѣ Евдокіи, которой опасалась, а презрѣнному евнуху Хрисаею, который въ послѣдніе 10 лѣтъ жизни императора пользовался неограниченнымъ его довѣріемъ. Что же касается до Евдокіи, то она, послѣ 17-лѣтняго супружества выдавъ (29 окт. 437 г.) единственную дочь свою за римскаго императора Валентиніана, отправилась по обѣту на богомолье въ Іерусалимъ, и затѣмъ большую часть своей жизни (съ 440 г. до самой кончины въ 460 г.) проводила въ благочестивыхъ подвигахъ на святыхъ мѣстахъ Палестины. Политическое же вліяніе Евдокіи никогда не могло равняться съ вліяніемъ Пулхеріи.¹⁾

Царствованіе Θεодосія младшаго не обошлось безъ новыхъ ересей. И на этотъ разъ предметомъ ересей было не ученіе о божествѣ Сына Божія и о св. Троицѣ, а вопросъ христологическій: относительно соединенія во Христѣ двухъ естествъ, божескаго и человѣческаго. Современный изслѣдователь исторіи вселенскихъ соборовъ—А. П. Лебедевъ говоритъ: „Мы думаемъ, что не будь Несторія на свѣтѣ, споровъ христологическихъ не было бы. Въ самомъ дѣлѣ по этому вопросу много уже было написано прекраснаго отцами церкви IV вѣка, но вопросъ отъ этого не приблизился къ уразумѣнію. Онъ превышалъ мысль человѣческую... Можно было довольствоваться тѣмъ, что уже сдѣлано по вопросу о лицѣ Богочеловѣка“. Вѣрность этого взгляда подтверждается свидѣтельствами современниковъ и участниковъ христологическаго спора.

¹⁾ Позднѣйшая исторія, болѣе похожая на сказку, объясняетъ удаленіе императрицы отъ двора, повѣствуя о переходившемъ изъ рукъ въ руки яблокъ, благодаря которому и. Θεодосій приревновалъ Евдокію къ нѣкому вельможѣ Паудину; но весь этотъ разсказъ, по справедливому замѣчанію Гиббона, годится только для *тысячи одной ночи*, гдѣ дѣйствительно можно найти нѣчто подобное.

Такъ римскій папа Целестинъ писалъ къ Несторію въ такихъ выраженіяхъ: „откуда пришло тебѣ желаніе направить свои рѣчи на такіе предметы, рѣшеніе которыхъ по началамъ разума есть печестіе? зачѣмъ епископу проповѣдывать народу такое, чѣмъ ослабляется въ немъ благоговѣніе къ рожденію Дѣвы? Печестивыми словами о Богѣ не должно возмущать чистоту древней вѣры... Ибо вѣра, полно и ясно преданная намъ апостолами, не допускаетъ ни прибавленія, ни уменьшенія.“ — Точно также и Авакій, епископъ верійскій, въ письмѣ къ Кириллу александрійскому выражается о ереси Несторія такъ: „въ твоёмъ писаніи содержатся сіи слова: *еще въ самомъ началѣ не было надобности предлагать это ученіе.* Въ самомъ дѣлѣ, какую принести пользу Аполлинарій лаодикійскій, который думалъ быть великимъ борцомъ среди другихъ въ защиту правой вѣры?.. Надѣясь на свою мудрость и желая проложить какіе-то пути къ чистой и простой вѣрѣ Христовой по мѣстамъ непроходимымъ, не заставилъ ли онъ католическую церковь поставить его въ числѣ отступниковъ? Не видна ли крѣпкая разсудительность... въ словахъ, которыя сказаны однимъ изъ прежнихъ епископовъ (Василіемъ великимъ), желавшимъ остановить людей умныхъ отъ изслѣдованія того, что выше силъ человѣка? Его слова таковы: *тайну, какъ Отецъ родилъ Единороднаго, надобно чтить благоговѣйнымъ молчаніемъ о ней.* И продолжая свою бесѣду, онъ присоединилъ слова: *изслѣдованіе этого недоступно всѣмъ силамъ небеснымъ, а не только человѣкамъ и уму человеческому.* Не сюда ли прямо относятся предостереженіе св. писанія, которое учитъ: *высшихъ себе не ищи*“ и проч. Бесплодность христологическихъ споровъ съ непре- рѣкаемою очевидностію доказывается еще и тѣмъ, что послѣ 30-лѣтнихъ преній халкидонскій соборъ рѣшилъ споръ формулою, что два естества въ Христѣ соединены *неразлучно, неслиянно, нераздѣльно и неизмѣнно*, — формулою, которая говоритъ только вѣрѣ и памяти, но не разумѣнію человеческому. Судя по этому, всю эпоху христологическихъ споровъ можно бы признать напрасною тратою труда и времени, историческимъ эпизодомъ, не заслуживающимъ исторіи. Но что достойно было существованія, то достойно и изученія, — и вычеркнуть изъ исторіи V вѣка то, что относится къ догматическимъ спорамъ, — значило бы — по выраженію Амедея Тьерри — отнять у нея жизнь и душу.

Виновникъ христологическихъ споровъ Несторій былъ родомъ си- ріянинъ. Вѣтхій ходъ его жизни напоминаетъ жизнь Златоустаго.

Также Несторій учился въ ораторской школѣ, основанной Ливаніємъ, также провелъ нѣсколько лѣтъ въ подвигахъ монашества, также сдѣлался потомъ пресвитеромъ въ Антіохіи и славился, какъ краснорѣчивый проповѣдникъ; и также совершенно нечаянно взятъ былъ съ антіохійскаго пресвитерства на столичную кафедру. Но этимъ и ограничивается сходство Несторія съ Златоустымъ; во всемъ остальномъ они различны до противоположности. Краснорѣчіе Несторія отличалось совершенно влѣпшимъ характеромъ. Несторій обладалъ величавой осанкой, полнымъ и звучнымъ голосомъ; отъ природы блѣдное и сухое лицо его, свѣтлый и глубокій взглядъ придавали всей его фигурѣ нѣчто такое, что во всѣ времена считалось принадлежностію оратора. Но у него не было дара сердечнаго убѣжденія и любви къ слушателямъ, чѣмъ былъ такъ богатъ св. Іоаннъ Златоустый; напротивъ Несторій былъ сухой и холодный фанатикъ, и, чуждаясь моральныхъ предметовъ проповѣди, любилъ останавливаться на вопросахъ догматическихъ, о которыхъ разсуждалъ притомъ безъ достаточной подготовки и осмотрительности, болѣе на основаніи собственнаго соображенія. „При изъясненіи св. писанія,“ говаривалъ Несторій, „я не справляюсь ни съ живыми, ни съ мертвыми.“

Мрачныя свойства Несторія обнаружились въ послѣдствіи. Въ 428 г., когда имп. Θεодосій младшій и сестра его Пулхерія назначали Несторія на столичную кафедру, они думали видѣть въ немъ втораго Златоустаго. Несторій не замедлилъ показать себя. Въ день своего рукоположенія (10 апр. 428 г.) новопоставленный архіепископъ въ рѣчи къ императору съ свойственнымъ ему театральнымъ пафосомъ воскликнулъ: *императоръ! дай мнѣ землю, очищенную отъ еретиковъ, и я дамъ тебѣ за это небо. Помоги мнѣ истребить еретиковъ, и я помогу тебѣ истребить персовъ.* Этотъ тонъ фанатика и самозваннаго распорядителя судьбами Промысла разумѣется не позволялъ ожидать ничего добраго. Первые дѣйствія Несторія были также безразсудны, какъ и его слова. Дней чрезъ пять послѣ своего прибытія Несторій приказалъ раззорить аріанскую молельню. Это насиліе такъ раздражило аріанъ, что они сами подожгли ее и распространившійся пожаръ истребилъ и сосѣднія строенія. Это обстоятельство доставило Несторію въ столичномъ населеніи прозвище *поджигателя* (πυρκαϊκός.) Вліянію Несторія нужно приписать и послѣдовавшій чрезъ полтора мѣсяца (отъ 30 мая) указъ императора противъ еретиковъ. Еретики раздѣлены были въ указѣ на

разныя категоріи:—инымъ не дозволено только строить новыхъ храмовъ, инымъ позволено было имѣть храмы только въ селахъ, но не въ городахъ; наконецъ существованіе нѣкоторыхъ ересей (напр. манихейства) было совершенно воспрещено. Но не было такой безвредной ереси, которая была бы оставлена въ покоѣ; подверглись преслѣдованію даже *четыренадцатники*, вся вина которыхъ состояла въ томъ, что они, подобно іудеямъ, праздновали пасху въ 14 день писана. „Несторій“,—иронически говоритъ одинъ изъ тогдашнихъ писателей,—„заблаговременно принявъ мѣры, чтобы не существовало на свѣтѣ другихъ ересей, кромѣ его собственной“. Скоро этотъ бичъ еретиковъ и самъ сдѣлался еретикомъ, и какъ бы ни сурово казалось намъ преслѣдованіе, какому подвергся Несторій, нельзя не видѣть въ немъ праведнаго возмездія за его прежній фанатизмъ.

Хотя содержаніе христологической ереси Несторія относилось къ вопросу, далекому отъ человѣческаго сознанія, тѣмъ не менѣе есть въ этомъ вопросѣ одна сторона, съ которой ересь Несторія была не только до очевидности понятна каждому простому византійцу, но и возбуждала противъ еретика народныя страсти. Мы разумѣемъ почитаніе Богоматери. Религіозно-эстетическое чувство христіанскаго міра всего болѣе находило себѣ удовлетвореніе въ поклоненіи Пречистой Дѣвы и Матери, и это поклоненіе Богоматери вслѣдствіе какихъ-то психологическихъ законовъ усиливалось все болѣе и болѣе по мѣрѣ развитія иночества. Въ частности Константинополь считалъ себя подъ особымъ покровительствомъ Богоматери. Неудивительно поэтому, что жители столицы вообще, и монахи въ особенности, чутко прислушивались ко всему, что касалось до почитанія Богоматери, и считали за непосредственную обиду себѣ всякое умаленіе чести своей небесной заступницы. Предъ такимъ-то обществомъ Несторій не стѣснялся проповѣдывать, что святую Дѣву не слѣдуетъ называть Богородицею, а только *Христородицею*, что нельзя признавать Богомъ 2-мѣсячнаго младенца, питающагося сосцами и т. под. А одинъ изъ приближенныхъ Несторія е. Дороей дошелъ даже до такой смѣлости, что воскликнулъ въ храмѣ: „кто скажетъ, что Марія мать Бога,—анаема!“ Понятно какое раздраженіе противъ Несторія должно было возникнуть въ столицѣ послѣ такихъ заявленій. Лица духовныя еще сдерживались фанатическою суровостію патріарха, который не стѣснялся подвергать бичеванію или извергать изъ клира людей, подсудныхъ ему, но не со-

гласныхъ съ нимъ. Какъ на безпаказанный, хотя и косвенный протестъ противъ догматствованія Несторіева можно указать на панегирическую проповѣдь епископа Прокла на одинъ изъ Богородичныхъ праздниковъ (вѣроятно на 25 марта 429 г.), наполненную похвалами Богоматери. — Міряне, почитатели св. Приснодѣвы, были смѣлѣе. Особенно отважно выступалъ противъ Несторія одинъ адвокатъ, по имени Евсеій (впослѣдствіи епископъ дорилейскій), который даже опубликовалъ тезисы, въ коихъ сравнивалъ ученіе Несторія съ осужденнымъ церковію ученіемъ еретика III вѣка Павла самосатскаго. Впрочемъ подобныя противники не были страшны Несторію, доколѣ на его сторонѣ стоялъ императоръ, императрица и важнѣйшіе сановники дворца. Противъ Несторія была только сестра императора Пулхерія, впрочемъ почти потерявшая къ тому времени вліяніе и на своего брата и на дѣла имперіи. Позднѣйшее извѣстіе сообщаетъ, что Несторій вооружилъ противъ себя Пулхерію, укоривъ дѣвственную царевну за ея платоническія чувства къ одному вельможѣ.

Не изъ Константинополя, а изъ Александріи поразилъ Несторія первый ударъ. На александрійской патріаршей кафедрѣ сидѣлъ тогда св. Кириллъ, племянникъ предшествоващаго патріарха Теофила, — человекъ, умѣвшій очень мягко говорить и очень круто дѣйствовать. Кириллъ уже заявилъ твердость и рѣзкость своего характера изгнаніемъ іудеевъ изъ Александріи и борьбою съ префектомъ Александріи Орестомъ. Значительное число подчиненныхъ епископовъ, множество послушныхъ Кириллу монаховъ и находившихся въ его распоряженіи *параболанъ* (санитаровъ), а равно и богатства александрійской кафедры, наслѣдовавныя послѣ разрушенныхъ языческихъ капищъ, дѣлали св. Кирилла лицомъ весьма сильнымъ и вліятельнымъ не только въ церковномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Предубѣжденіе противъ столичной кафедры, внушаемое отчасти духомъ соперничества, было наслѣдовано Кирилломъ отъ дяди и предшественника. Если съ трудомъ согласился св. Кириллъ на посмертное оправданіе св. Іоанна Златоустаго, то само собою разумѣется, что александрійскій первосвященникъ не могъ покрывать снисхожденіемъ дѣйствительныя вины патріарха столичнаго. Получивъ извѣстіе о еретическихъ обнаруженіяхъ Несторія, св. Кириллъ не сталъ безмолвствовать. Онъ немедленно отправилъ по этому вопросу письма къ императору Θεодосію съ супругою, къ самому Несторію, къ сестрѣ императора августѣ Пулхеріи, къ рим-

скому папѣ Целестину, къ антiохійскому патріарху Іоанну, и къ старѣйшему изъ тогдашнихъ восточныхъ іерарховъ Акакію берійскому. Самая обширность этой переписки говоритъ о томъ, какъ горячо св. Кирилль отнесся къ еретичеству Несторія. Но не всѣ письма были приняты одинаково. Несторій во внушительныхъ письмахъ св. Кирилла увидѣлъ ничто иное, какъ выраженіе личной вражды къ себѣ и имѣлъ нѣкоторое основаніе думать такъ, потому что спорныя мнѣнія, отъ которыхъ св. Кирилль предлагалъ отречься Несторію, были изложены первымъ въ формѣ 12 анафематизмовъ. Императоръ также отнесся къ перепискѣ св. Кирилла съ предубѣжденіемъ, обративъ особенное вниманіе на то, что Кирилль писалъ особо ему съ императрицею и—особо его сестрѣ, августѣ Пулхеріи. „Ты знай,“ писалъ императоръ, „что ты все смутилъ, какъ не слѣдовало бы. И нисколько не дивно, что преступившій мѣру не остановился въ нападеніи на церкви и священниковъ, но и относительно насъ повѣрилъ кое-чему, недостойному нашего благочестія. Ибо, какая была причина—иное писать къ намъ и къ супругѣ моей благочестивѣйшей августѣ Евдокии, и—иное къ сестрѣ моей, благочестивѣйшей августѣ Пулхеріи, если ты не думалъ, что мы находимся въ разногласіи или надѣялся произвести разномысліе между нами—письмами своими? Если бы такое разномысліе и было на самомъ дѣлѣ, то изъ любопытства узнавать о немъ человѣку, столько отъ насъ отдаленному, совершенно предосудительно. А если не было разногласія, то желать произвести его свойственнѣе всякому другому, чѣмъ лицу священному“.

Напротивъ того, другой соперникъ константинопольской каеэдрѣ, римскій папа Целестинъ сочувственно отнесся къ борьбѣ св. Кирилла противъ Несторія, и уполномочилъ александрійскаго патріарха быть въ этой борьбѣ своимъ представителемъ. Антiохійскій патріархъ Іоаннъ держался направленія примирительнаго и склонялъ Несторія уступить, особенно въ употребленіи слова *Θεοτοκος*. Таково было настроеніе вліятельнѣйшихъ лицъ христіанскаго міра, когда появилась императорская грамота, созывавшая епископовъ на соборъ въ Ефесѣ ко дню пятидесятницы (7 іюня) 431 года. Особенно усердно былъ приглашаемъ на соборъ блаж. Августинъ, е. иппонійскій, но пригласительная царская грамота уже не застала въ живыхъ великаго западнаго учителя (+ 28 августа 430 г.), голосъ котораго на соборѣ—быть можетъ—имѣлъ бы очень важное значеніе.

Два главныхъ противника св. Кирилля и Несторія еще до собора

ХРИСТОМАТІЯ

ПО

ИСТОРИИ РУССКАГО ПРАВА.

СОСТАВИЛЪ

М. Владиміревскій-Будановъ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Изданіе второе дополненное.

дела приставная, ино по той срочной въ ихъ жеребѣхъ давати безсудныя ⁴¹⁾).

21. А на которого изъ нихъ ѣздохъ срочную накинеть на одного ⁴²⁾, и тотъ срочныя своей товарищемъ своимъ, которые съ нимъ въ срочной писаны, не покажетъ, и на которыхъ его товарищевъ выляжетъ въ ихъ жеребѣхъ безсудная грамота, ино тѣмъ людямъ съ тѣмъ дати судъ, кто имъ срочныя не показалъ ⁴³⁾.

22. А которые люди учнутъ искати на намѣстникѣхъ, или на волостелѣхъ, и на ихъ людехъ, по жалобницамъ, и которые намѣстники или волостели за своихъ людей, по жалобницамъ, не за всѣхъ учнутъ отвѣчати, а истцы учнутъ искати на намѣстникѣхъ, или на волостелѣхъ, и на ихъ людехъ всего своего иску, по жалобницѣ, и безъ тѣхъ людей, за которыхъ они не отвѣчаютъ: и по тѣмъ ихъ жалобницамъ судити во всемъ иску, по жалобницѣ, и безъ тѣхъ людей, за которыхъ не отвѣчаютъ ⁴⁴⁾.

23. А которыхъ людей истцы учнутъ примѣшивати къ намѣстни-

⁴¹⁾ Новая. „Безсудные давались истцамъ на обвиняемыхъ соперниковъ кроющихся, который имѣетъ власть вездѣ онаго поймать и предъ судъ представить для правеза или наказанія. Въ иныхъ писали: вольно его бить и грабить, только самого не убить и домъ не раззорить,—и сію здѣсь разумѣть; но сіи отставлены“. Прим. Татищева.

⁴²⁾ При предъявленіи иска на нѣсколькихъ отвѣтчиковъ срочная могла быть накинута одна; въ такомъ случаѣ тотъ, на кого накинута срочная, уже самъ обязанъ былъ предъявить ее другимъ соотвѣтчикамъ; иначе неявившіеся къ сроку и обвиненные по безсудной получали право иска на прежняго своего товарища, не предъявившаго имъ срочной. Но это только могло быть, потому что, по ст. 20-й, могло быть, что приставная ходила ко всѣмъ товарищамъ, т. е. предъявлялась каждому лицу отдѣльно, и тѣ лица, которымъ она не предъявлялась еще, не обвиняются безъ суда. Въ какомъ случаѣ могло быть первое и въ какомъ—второе, рѣшить трудно; можетъ быть, это опредѣляется случайными удобствами мѣста и пр.

⁴³⁾ Новая.

⁴⁴⁾ Новая. Солидарность намѣстниковъ и волостелей съ ихъ людьми (т. е. тиунами, праветчиками и доводчиками), которые были ихъ холопами (см. прим. 51 къ Суд. 1497 г.), требуетъ, чтобы первые во всякомъ случаѣ отвѣчали за дѣйствія вторыхъ (поэтому напрасно О. М. Дмитріевъ гово-

чимъ людямъ, или къ волостелинымъ людямъ, городскихъ людей или волостныхъ, а намѣстники или волостелины люди за тѣхъ городскихъ людей или за волостныхъ отвѣчати не похотятъ: и намѣстничихъ и волостелинныхъ людей судити въ ихъ вытахъ, а на тѣхъ на городскихъ или на волостныхъ людей въ ихъ вытахъ давати пристава; а до намѣстничихъ и до волостелинныхъ людей въ тѣхъ вытахъ дѣла нѣтъ ⁴⁵⁾.

24. А которые люди, иногородцы, учнутъ бити челомъ на намѣстниковъ, или на волостелей, о обидныхъ дѣлѣхъ, какъ тѣ намѣстники или волостели, ѣдучи на жалованье, или на жалованьѣ живучи, или ѣдучи съ жалованья, кого чѣмъ изобидаютъ: и тѣмъ людямъ иногородцемъ, приставовъ по тѣхъ намѣстниковъ, и по волостелей, и по ихъ людей, и до съѣзду съ жалованья давати, а велѣти тѣмъ намѣстникомъ и волостелемъ присылати въ свое мѣсто къ отвѣту людей своихъ. А которые иногородцы не учнутъ о тѣхъ своихъ обидныхъ дѣлѣхъ бити челомъ на намѣстниковъ, или на волостелей, и на ихъ людей до году: и тѣмъ людямъ тогда приставовъ и суда на намѣстниковъ и на волостелей и на ихъ людей не давати ⁴⁶⁾.

25. А которой ищя възыщетъ бою и грабежу ⁴⁷⁾, и отвѣтчиѣ

рять, что „противникъ могъ воспрепятствовать распаденію товарищества“; здѣсь—между холопами и господами—нѣтъ договорныхъ отношеній. См. слѣд. ст.).

⁴⁵⁾ Новая. См. выше прим. 40-е о томъ, что одни процессуальныя отношенія не устанавливають товарищества.

⁴⁶⁾ Новая. Этотъ спеціальнй родъ давности исковъ Татищевъ объясняетъ такъ: „Сей законъ, что на губернаторовъ и воеводъ (такъ онъ называетъ намѣстниковъ и волостелей) бити челомъ прежде года, а по прошествіи года суда не давати, есть государству къ великой пользѣ, что въ печатномъ (т. е. Уложеніи 1649 г.) не довольно ясно, и чрезъ то многія душевредныя тяжбы приключились; ибо невозможно никому, въ какомъ правленіи будучи, всѣмъ угодить; особливо ревнительный о правдѣ плутамъ не угоденъ, которыхъ совокупя множествомъ спустя долгое время клеветуютъ и не токмо судьямъ напрасный трудъ, но посылками и слѣдствіями государству раззореніе наносятъ. Противно тому надолго опредѣленные воеводы, вѣдая, что ихъ скоро не смѣнятъ, а наипаче, когда на отпустившихъ надѣяся, дѣлають и грабятъ какъ хотять, а подвластные бити челомъ не смѣютъ“.

⁴⁷⁾ И памятники законодательства, и акты судовъ до-петровскаго вре-

скажетъ, что билъ, а не грабилъ: и отвѣтчика въ бою обвинити и безчестіе на немъ взяти; а въ пенѣ посмотра по человѣку, что государь укажетъ; а въ грабежѣ судъ и правда, а во всемъ не обвинити. А скажетъ, что грабилъ, а не билъ, и на томъ грабежѣ доправити, кто скажетъ грабилъ; а въ пенѣ посмотра по человѣку ⁴⁸⁾, что государь укажетъ; а въ бою судъ и правда. А въ иныхъ дѣлахъ судити по тому же: кто въ чемъ скажется виноватъ, то на немъ взяти; а въ пенѣ что государь укажетъ, посмотра по человѣку ⁴⁹⁾; а въ достали судъ и правда и крестное цѣлованіе.

26. А безчестіе дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленія, указывать противу доходу, что на томъ кормленѣ доходу по книгамъ; а женамъ ихъ безчестія вдвое противъ того доходу. А которые дѣти боярскіе емлютъ денежное жалованье, а сколько которой жалованья ималъ, то ему и безчестіе; а женѣ его вдвое противъ его жалованья. А діякомъ полатнымъ и дворцовымъ безчестія что царь и великій князь укажетъ; а женамъ ихъ вдвое противъ ихъ безчестія ⁵⁰⁾. А го-

---

мени указываютъ постоянно, что бой и грабежъ всегда, при обвиненіяхъ, шли вмѣстѣ. Это доказываетъ, что обиженные, желая получить большее удовлетвореніе, считали выгоднѣйшимъ къ обвиненію въ побояхъ всегда присоединять грабежъ, такъ какъ понятія о тѣлесной неприкосновенности и о чести были неясны (сл. прим. 50). Судебникъ старается разграничить два преступленія, совершенно разнородныя, и давать судъ отдѣльно по каждому изъ двухъ обвиненій. Грабежъ, какъ явное отнятіе собственности, бывшее результатомъ насилія (боя), а не намѣренно подготовленное имъ (что переходило уже въ понятіе разбоя), не включался въ число уголовныхъ дѣлъ высшаго порядка (стоялъ ниже татьбъ съ поличнымъ) и включался въ разрядъ „пенныхъ дѣлъ“.

⁴⁸⁾ Эта прибавка въ примѣненіи къ грабежу не имѣетъ смысла.

⁴⁹⁾ Неопредѣленность родовъ наказанія (предоставленіе государю выбора одного изъ нихъ: см. прим. 15), въ примѣненіи ко всякому частному случаю, показываетъ переходную эпоху отъ постоянныхъ, твердыхъ цифръ имущественнаго взысканія къ примѣненію наказаній, основанному на началахъ вмѣненія. Законъ еще не выработалъ твердыхъ началъ вмѣненія, и оцѣнку преступности дѣянія каждый разъ предоставляетъ высшей власти. Впрочемъ это не относится къ высшимъ уголовнымъ преступленіямъ.

⁵⁰⁾ Право чести есть право столь личное, что государство, если къ нему обращаются за защитой этого права, не въ состояніи найти нормъ

стѣмъ болшимъ безчестія пятьдесятъ рублевъ, а женамъ ихъ вдвое противъ ихъ безчестія. А торговымъ людямъ, и посадскимъ людямъ, всѣмъ середнимъ безчестія пять рублевъ; а женамъ ихъ безчестія противъ ихъ безчестія вдвое. А боярскому человѣку доброму ⁵¹⁾ безчестія пять рублевъ, опричь тіуновъ и доводчиковъ; а женѣ его вдвое. А тіуну боярскому, или доводчику и праветчику, безчестія противъ его доходу, а женамъ ихъ вдвое. А крестьянину пашенному и непашенному безчестія рубль, а женѣ его безчестія два рубля. А боярскому человѣку молодчому, или черному городскому человѣку молодчому, безчестія рубль же; а женамъ ихъ безчестія вдвое ⁵²⁾. А за увѣ-

для его оцѣнки (отсюда ненскоренимая прочность дуэлей), кромѣ слѣдующихъ чисто внѣшнихъ: а) положеніе лица въ государствѣ (служба) и обществѣ (состояніе); б) трудность или легкость для лица самозащиты въ дѣлахъ чести. По первому масштабу въ Судебникѣ оцѣнена честь всѣхъ мужчинъ, по второму—честь женщинъ. Когда человѣкъ обращается къ государству за защитой чести, то этимъ самымъ предоставляетъ ему (государству) оцѣнить его честь, какъ оно сумѣетъ. Государство иначе и не можетъ оцѣнить ее, какъ справившись, во сколько оно само оцѣниваетъ службу себѣ этого человѣка и какъ высоко положеніе его въ обществѣ. Такимъ образомъ оцѣнка чести по окладамъ жалованья указываетъ не на то, что честь заимствуется отъ государства, а лишь на средства защиты ея государствомъ. О томъ же, каковы были понятія о чести въ обществѣ, нужно справиться не въ памятникахъ законодательства.

⁵¹⁾ Т. е. несвободному. Уравненіе свободныхъ и несвободныхъ (бояръ и дворянъ) въ высшихъ сферахъ (см. выше прим. 2) распространяется и на низшія сферы (торговый средній равняется съ боярскимъ человѣкомъ добрымъ, крестьянинъ и черный младшій—съ боярскимъ человѣкомъ младшимъ). Это возвышаетъ положеніе рабовъ (за ними признается право чести), но понижаетъ значеніе свободныхъ. Въ обществѣ, составленномъ изъ этой амальгамы, свобода высшей пробы исчезаетъ.

⁵²⁾ Въ русской литературѣ высказано весьма странное мнѣніе, что здѣсь количество безчестья распредѣляется не по общественнымъ состояніямъ, а по относительному богатству или бѣдности оскорбленныхъ: что для богатаго гостя 50 р., то для бѣднаго крестьянина—рубль, и такимъ образомъ будто бы честь всѣхъ неслужилыхъ уравнивается. Нельзя забывать, что если тяжесть преступленія измѣряется тяжестью наказанія, то нужно спрашивать не о томъ, какъ цѣнны деньги для получающаго ихъ за безчестье, а о томъ, какъ цѣнны онѣ для платящаго.

чіе ⁵⁵⁾ указывати крестянину, посмотра по увѣчью и по безчестію; и всѣмъ указывати за увѣчіе, посмотра по человѣку и по увѣчью ⁵⁴⁾).

27. А которой чужеземець възыщетъ чего на чужеземцѣ жъ, ино того воля, на комъ възыщетъ: хочеть самъ отцѣлуется, что въ томъ не виновать, или у креста положить чего на немъ възыщутъ, и истецъ, поцѣловавъ крестъ, да возметъ ⁵⁵⁾. А которой человѣкъ здѣшнего государства възыщетъ на чужеземцѣ, или чужеземець на здѣшнемъ человѣкѣ, и въ томъ имъ дати жеребей: чей ся жеребей выиметь, тотъ, поцѣловавъ, свое возметъ, или отцѣлуется ⁵⁶⁾.

28. А которое будетъ дѣло судигъ царь и великій князь, или дѣти царя и великого князя, или бояре, и которой судъ не кончается, а оставятъ его въ обговорѣ: и діяку истцовы и отвѣтчиковы рѣчи велѣти записывати передъ собою, или о чемъ ся пошлютъ на послушество ⁵⁷⁾, и діяку то велѣти записывати передъ собою жъ, да тѣ ему

---

⁵⁴⁾ Въ увѣчьи уже различаются два разнородныхъ преступленія. Точка зрѣнія Русской Правды (Кар. 22) измѣняется: къ преступленію противъ здоровья присоединяется новый элементъ—преступленіе противъ чести.

⁵⁴⁾ Новая.

⁵⁵⁾ Суд. 1-й, 58; остальное—дополненіе.

⁵⁶⁾ Въ искахъ между чужеземцами право принять или предложить присягу принадлежитъ отвѣтчику; въ искѣ же между чужеземцами и гражданами право присяги рѣшается жребіемъ. Англичанинъ Лэнъ описывалъ въ 1560 г. рѣшеніе своего дѣла въ Москвѣ такъ: взяты были два восковыхъ шарика, одинъ съ именемъ истца, другой съ именемъ отвѣтника; подозвали посторонняго человѣка изъ толпы зрителей, положили ему шарики въ шапку и приказали вынуть одинъ изъ нихъ; а о томъ, чтобы послѣ слѣдовала присяга, Лэнъ не упоминаетъ.—Θ. М. Дмитріевъ (стр. 262) спрашиваетъ: какъ согласить это противорѣчіе? Но такъ какъ все дѣло, какъ видно, состояло въ томъ—кому предоставить право присяги, а присягнуть были всегда готовы, то стороны сами могли не идти далѣе жребія и такимъ образомъ сообщать ему мало-по-малу значеніе самостоятельнаго, а не вспомогательнаго доказательства. Предъ привилегіями иноземцамъ исчезала процессуальная привилегія отвѣтника. Такъ какъ поле давно уже не допускалось между Русскими и чужеземцами (см. Договоръ Смоленска съ Нѣмцами 1229 г. ст. 15), то жребій явился замѣною поля, какъ и въ судахъ духовныхъ.

⁵⁷⁾ Когда во время самого судоговоренія пошлются на послушество

дѣла держати у себя, за своею печатью, доколѣ дѣло кончается. А которые дѣла дадутъ діяки подъячимъ счерна начисто переписывать, и діякомъ къ тѣмъ жалобницамъ и къ дѣломъ по составомъ руки свои прикладывать; а какъ подъячей счерна на чисто дѣло перепишетъ, и діяку тѣ дѣла всѣ справити самому, да къ тѣмъ дѣломъ діяку рука своя приложить, и держати тѣ дѣла діяку у себя, за своею печатью. А подъячимъ у себя дѣлъ ни которыхъ не держати. А выймутъ у подъячего списокъ или дѣло не за діячею печатью, и руки діачія у того списка, или у дѣла, или у жалобницы не будетъ: и тотъ искъ, и пошлины, и ѣздъ взяти на діакѣ⁵⁸⁾, а подъячего бити кнутемъ. А выймутъ у подъячего списокъ или дѣло за городомъ, или на подворьѣ⁵⁹⁾, и тотъ искъ взяти на діакѣ же, и подъячего казнити тор-

---

то судъ прерывается; но чтобы послѣ не начинать судовоговоренія съ начала, записанныя рѣчи истца и отвѣтчика сохраняются у дьяка и оберегаются отъ подлога. Это было особенно важно потому, что одно слово той или другой стороны могло вести ее къ обвиненію: напр. если будетъ записано, что обѣ стороны шлутся на одного послуха (общую правду), то показаніе этого послуха получало двустороннее рѣшающее значеніе.

⁵⁸⁾ Разумѣется въ пользу истца. Обыкновенно объясняютъ это тѣмъ, что законодательство стремилось упростить удовлетвореніе по искамъ, взимая требуемое съ того, кто подъ рукою: съ поручителя, съ судьи, обличеннаго въ неправосудіи, и т. д. (сл. выше ст. 3). Но это удовлетвореніе истца на счетъ лицъ, помѣшавшихъ правильному ходу процесса (причемъ судъ не производился вновь, или не продолжался,—и такимъ образомъ можетъ быть виновный отвѣтчикъ оставался правымъ), объясняется слѣдующимъ образомъ: дьякъ, допустившій подлогъ или возможность его, лишаетъ судъ всякой увѣренности въ достиженіи правосудія (при тогдашней безусловной силѣ судебныхъ доказательствъ). Что же остается дѣлать? Прекратить процессъ? Но это значило бы допустить явную несправедливость въ отношеніи къ сторонамъ, и именно въ отношеніи къ истцу равнялось бы для него обвиненію безъ суда. Нужно устроить такъ, чтобы обѣ стороны были удовлетворены: это и достигается, когда истца удовлетворяютъ на счетъ того, кто помѣшалъ правильному ходу процесса (истецъ получаетъ то, чего искалъ), а отвѣтчикъ остается при томъ, чего на немъ искали.

⁵⁹⁾ Доказательство, что были уже опредѣленные постоянныя мѣста для засѣданія Приказовъ, именно въ городѣ—кремлѣ.

говою казню, да выкинути изъ подьячихъ, и ни у кого ему въ подьячихъ ⁶⁰⁾ не быти ⁶¹⁾).

29. А которые дѣла судять бояре, и тотъ судъ велѣти діякомъ записывати передъ собою; а истцомъ у записки не стояти. А будетъ надобѣти на которое дѣло истца или отвѣтчика вспросити, ино его къ себѣ позвати, да вспросивъ его отъ записки отослати; а какъ дѣло ихъ діякъ запишетъ, и того дѣла передъ истцы не чести, а прочести его бояромъ ⁶²⁾).

30. А случится судъ смѣстной ⁶³⁾, ищца или отвѣтчикъ судимы

⁶⁰⁾ Это заставляетъ предполагать, что подьячій служилъ у дьяковъ по вольному найму.

⁶¹⁾ Новая.

⁶²⁾ Новая. Татищевъ слѣдующимъ образомъ негодуетъ на это постановленіе; „кто не подивится сему стропотному закона сочиненію, что судъ записывать безъ судящихся, и еще записавъ имъ не прочесть. А я не хочу о всѣхъ сказать, что хотѣли плутовски записывать, что дьяку надобно; но то вѣрно, что едва кто можетъ ли другаго рѣчи единою сказаннымъ такъ порядочно записать, какъ оной говорилъ; а естли одно слово проронить, или прибавить не токмо слово, но одну букву, то все мнѣніе испортить; а сіе токмо для осторожности другихъ напомнилъ“. Но онъ негодуетъ напрасно: законъ потому запрещаетъ читать протоколъ предъ обѣими сторонами (каждая въ частности можетъ быть призываема для уясненія и повѣрки записанныхъ словъ ея), что боится безконечнаго возобновленія судоворенія, которое все состояло въ словесной борьбѣ сторонъ. Стороны не должны стоять у записи, потому что иначе возможно со стороны каждой изъ нихъ незаконное вліяніе на правильность записи. Всѣ эти предосторожности, по словамъ Татищева, принимались въ виду безграмотности судей.

⁶³⁾ „Кажется, что смѣстный судъ, происходилъ только въ томъ случаѣ, когда тяжущіеся хотя и принадлежали къ различнымъ вѣдомствамъ, но были однако жителями одной и той же области (княжества); когда же они, напротивъ, принадлежали къ разнымъ областямъ, то искъ вчинался уже въ Москвѣ, въ одномъ изъ Приказовъ“. О. М. Дмитріевъ, стр. 162 (сл. ниже ст. 48 и 100 и прим. 107).—Судъ смѣстный по этой 30-й статьѣ вовсе уже не имѣетъ характера суда общаго (см. прим. 10-е къ Губной Записи); сторожъ уже не судья: онъ пассивный оберегатель интересовъ истца и его судьи. Въ чистомъ видѣ общій судъ сохранился только въ су-

будутъ не одному судіѣ, и кто по кого взведетъ пристава, въ каковѣ дѣлѣ ни буди, и тотъ ищя возметъ у своего судіи за собою сторожа, да идетъ къ тому судіѣ просити пристава, у кого въ присудѣ тотъ, на комъ ему искати, да передъ тѣмъ судіею и ищетъ; а будетъ тотъ отвѣтчикъ, не ходя съ суда, противъ на немъ взыщетъ, и ему передъ тѣмъ судіею и отвѣчати. Да и во всякихъ дѣлѣхъ судити смѣстной судъ тому судіѣ, у кого въ присудѣ отвѣтчикъ; а пошлины обоимъ судіямъ имати по указу, а дѣлиться судіямъ пошлинами по половинамъ, а пошлины обоимъ судіямъ имати однѣ ⁶⁴).

31. А кто кого поимаетъ приставомъ въ бою, или въ лаѣ, или въ займѣхъ, а на судъ итти не похотятъ, а они доложатъ судѣ, да помирятся; а судіѣ пошлинъ и продажи на нихъ нѣтъ, опричь ѣзду и хоженного ⁶⁵). А которые жалобницы зададутъ судіямъ ⁶⁶), и оба истца до суда помирятся, и по тѣмъ жалобницамъ судіямъ пошлину не имати.

32. А недѣлщику на судей, на бояръ, и на околничихъ, и на дворецкихъ, и на казначеевъ, и на діяковъ посуловъ не просити, и самому недѣлщику посуловъ не имати ⁶⁷). А которой недѣлщикъ возметъ на судей, на боярина, или на околничего, или на дворецкого, или на казначея, или на діяка посулъ, или собѣ посулъ возметъ, и уличатъ его въ томъ: и того недѣлщика казнити торговою казнію, а посулы на немъ доправить втрое, да изъ недѣль выкинути ⁶⁸).

33. А пошлины имати отъ правые грамоты: боярину отъ печати

дахъ между духовными и свѣтскими людьми (см. ст. 91), и въ судахъ между лицами разныхъ удѣловъ (см. ст. 100). Такъ выясняется *forum rei* и его ограниченіе встрѣчными исками, хотя остатки старины сохраняются долго. Татищевъ замѣчаетъ: „Въ наказѣ губныхъ старостъ написано о смѣстномъ судѣ, что обоимъ судьямъ спешдшисъ, гдѣ отвѣтчикъ вѣдомъ, обще судитъ, что и Петръ В. въ наказѣ магистратскомъ и военномъ положилъ“.

⁶⁴) Новая.

⁶⁵) Суд. 1-й, 53; остальное—добавка.

⁶⁶) Это „выдача“ литовско-русскихъ памятниковъ (см. прим. 10 къ Уст. Витеб. Грам.), т. е. судебное пари, соединенное съ закладомъ.

⁶⁷) Суд. 1-й, 33; остальное добавка.

⁶⁸) Изъ товарищества приставовъ.

съ рубля по девяти денегъ, а діяку имати отъ подписи съ рубля по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту напишетъ, имати съ рубля по три денги ⁶⁹⁾, а болши того имъ не имати. А кто возьметъ болши того, и уличать его въ томъ, ино на томъ взяти втрое; а обыщется то, что тотъ жалобникъ солгалъ, и того жалобника казнити торговою казнію, да вкинути въ тюрьму.

34. А докладной списокъ боярину, или дворецкому, или казначею печатати, а діяку подписывати. А имати отъ печати боярину, или дворецкому, или казначею съ рубля по алтыну, а діяку съ рубля по чотыре денги, а подьячему, которой на списокъ подпишетъ, съ рубля по двѣ денги ⁷⁰⁾; а болши того имъ не имати. А кто возьметъ лишекъ и уличать его въ томъ, ино на томъ взяти втрое; а обыщется то, что жалобникъ солгалъ, и того жалобника казнити торговою казнію да вкинути въ тюрьму.

35. А съ холопа и съ робы отъ правые грамоты и отъ отпускные боярину, или дворецкому, или казначею имати отъ печати съ головы по девяти денегъ, а діяку имати отъ подписи съ головы по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту напишетъ, или отпускную, съ головы по три денги ⁷¹⁾.

36. А кто займетъ денги въ кабалу, въ ростъ, и на тѣ кабалы отписи безъ боярскаго доклада и безъ діячей подписи не быти. А боярину отъ всякія отписи, въ колко отписъ ни будетъ, имати отъ печати по три денги, а діяку отъ подписи имати по двѣ денги, а подьячему, которой отписъ напишетъ, имати по денгѣ ⁷²⁾.

⁶⁹⁾ Суд. 1-й, ст. 15; остальное добавка.

⁷⁰⁾ Суд. 1-й, ст. 16; остальное—добавка.

⁷¹⁾ Суд. 1-й, 17.

⁷²⁾ Новая. Сл. Пск. Суд. Гр. ст. 32, 38, 73. „Отписи, мню, разумѣть въ платежѣ уплаты, или роста, чтобъ впродъ спора не было, а чрезъ то могли многія коварства происходить“. Прим. Татищева. Сл. Судн. Грам. вв. Владиміра Андреевича 1561 г.: „Которые люди... по кабаламъ и безкабально предъ выборными судьи скажутся виноваты..., а которой отвѣтчиковъ... выборнымъ судьямъ въ исцовъ искъ въ уплату что принесетъ хлѣба и денегъ, и выборнымъ судьямъ денги и хлѣбъ тѣхъ людей имать въ истину безъ росту, а хлѣбъ безъ насну; да тотъ хлѣбъ и денги держати имъ у себя, доколѣ которой отвѣтчикъ исцовъ искъ выплатитъ сполна. А уплату

37. А съ царева и великого князя суда, и съ дѣтей царя и великого князя суда ⁷³⁾, имати пошлыны на виноватомъ по тому жъ, какъ и съ боярскаго суда, съ рубля по одиннадцати денегъ, кому государь укажетъ ⁷⁴⁾, а діяку семь денегъ, а подъячему двѣ денги ⁷⁵⁾.

38. А цареву и великого князя печатнику и дѣтей царя и великого князя печатнику ⁷⁶⁾ отъ печати имати отъ правые грамоты съ

выборнымъ судьямъ на кабалахъ и на записяхъ велѣти подписывати, докуды которой отвѣтчикъ отъ исцева иску (искупится); безкабально что долгу принесетъ въ уплату,—и выборнымъ судьямъ тѣхъ людей въ той уплатѣ давать отписи земскихъ дьяковъ руки; а какъ которой отвѣтчикъ вышлатитъ сполна..., правые грамоты тогда у исцевъ имать назадъ, а платежъ на правыхъ грамотахъ велѣти подписывати“. А. А. Э. № 257. Здѣсь рѣчь идетъ объ уплатѣ долга, взыскиваемого по суду (причемъ дается льготный срокъ въ 6 недѣль); Судебникъ же требуетъ совершать всякую уплату въ Приказахъ; но формы однѣ и тѣ же.

⁷³⁾ „Судъ государевъ и дѣтей его разумѣеть быти въ Сенатѣ (т. е. въ Боярской Думѣ), но тамо судовъ имѣть неудобно; ибо довольно съ законами несогласныя дѣла, или неправо рѣшенныя, разсматривая рѣшить и законы сочинять. Но здѣсь видно, что государь нѣкогда, или его сынъ, въ своихъ покаяхъ судилъ, но и то для множества нужнѣйшихъ дѣлъ весьма трудно; однако жъ для показанія своего трудолюбія и правосудія народу небезполезно, какъ царь Алексѣй Михайловичъ и царевна Софія чрезъ то великую любовь въ народѣ приобрѣли“. Прим. Татищева къ 28-й статьѣ.—Татищевъ справедливо не отличаетъ здѣсь личнаго суда царя отъ суда Боярской Думы (которой онъ и приписываетъ кассационную, апелляционную и законодательную власть), потому что это раздѣленіе явилось позже половины XVI вѣка.

⁷⁴⁾ „Син пошлыны, по исторіи, жалованы боярину и конюшему, который чинъ былъ главный въ государствѣ; по немъ бояринъ и оружейничей, или кравчей. Сей обыкновенно былъ чинъ шурина, или ближняго родственника, и ему обыкновенно по чину жалованъ Гороховецъ во владѣніе“. Прим. Татищева.

⁷⁵⁾ Суд. 1-й, 24.

⁷⁶⁾ „Бояре печатали своими печатями и пошлыны брали себѣ, а у государя опредѣленъ былъ печатникъ. Царь Борисъ, усмотря въ томъ коварства, всѣ велѣлъ печатать у печатника, и для того имѣть книги, которыя государеву всякую пользу приносятъ, что по онымъ скорѣе о всякомъ ста-

рубля по девяти денегъ, а діяку съ рубля по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту напишетъ, имати съ рубля по три денги ⁷⁷⁾).

39. А съ докладного списка царя и великого князя докладу, и дѣтей царя и великого князя докладу, имати цареву и великого князя печатнику, и дѣтей царя и великого князя печатнику, отъ печати съ рубля по девяти денегъ, а діяку отъ подписи съ рубля по алтыну, а подьячему, которой на списокъ напишетъ, имати съ рубля по двѣ денги ⁷⁸⁾).

40. А съ холопа и съ робы отъ правые грамоты имати печатнику съ головы по девяти денегъ, а діяку отъ подписи имати съ головы по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту напишетъ, имати съ головы по три денги ⁷⁹⁾).

41. А отъ срочныхъ отъ подписи имати діяку отъ срочные по двѣ денги, а отъ отписныхъ срочныхъ діяку имати отъ подписи съ рубля по три денги, а подьячимъ отъ подписи имати съ рубля по двѣ денги. А похотятъ оба истца, ищца и отвѣтчикъ, срокъ отписать, и они оба платятъ, отъ подписи и отъ письма, и недѣлцику хоженое, по полвинамъ. А которой ищца или отвѣтчикъ къ сроку не поѣдетъ, а пришлетъ срокъ отписывать, и тому все платити одному, отъ обѣихъ срочныхъ и хоженое ⁸⁰⁾), опричь служилыхъ людей. А будетъ оба истца, ищца и отвѣтчикъ, служилые люди, а пошлютъ ихъ на службу, а похотятъ передъ тѣмъ срокомъ, недѣли за двѣ или за три до того срока, на которой день велѣно имъ на службѣ быти, по срочнымъ срокъ отписать: и тѣмъ служилымъ людямъ, недѣли за двѣ или за три, срокъ отписать безпошлинно, для службы. А срочныя діякомъ держати у себя, за своею печатью ⁸¹⁾); а какъ давати безсудныя и діякомъ срочныя снести въ одно мѣсто самимъ, да розобравъ срочныя самимъ діякомъ по срокомъ, да велѣти имъ подьячимъ безсудныя давати и сроки отписывать; а у подьячихъ діякомъ срочныхъ не дер-

---

ромъ отпущѣ, нежели въ Приказахъ, откуда отпущаны, указы сыскать можно". Прим. Татищева.

⁷⁷⁾ Суд. 1-й, 22.

⁷⁸⁾ Суд. 1-й, 24.

⁷⁹⁾ Суд. 1-й, 23.

⁸⁰⁾ Суд. 1-й, 26; остальное—добавка, до словъ: „А какъ давати...“.

⁸¹⁾ Отсюда Суд. 1-й, 27.

жати ⁸²⁾. А которой діякъ учнетъ срочныя держати у подьячихъ, и у чьего подьячего ища или отвѣтчикъ съ приставомъ выйметъ срочную подписану до сроку, а не за діячею печатью: и на томъ діякъ тотъ ищетъ, что въ срочной написано, доправить; а діякъ съ своимъ подьячимъ самъ ся вѣдаетъ ⁸³⁾.

42. А безсудныя и правыя грамоты давати за сто верстъ семымъ днемъ, а далѣ того по тому жъ розчету. А пошлинъ имати, отъ правыя грамоты и отъ безсудныя, царя и великого князя печатнику отъ печати съ рубля по алтыну, а діяку отъ подписи съ рубля по алтыну жъ, а подьячему съ рубля по двѣ денги ⁸⁴⁾; а болши имъ того не имати. А кто возметъ болши того, и уличать его въ томъ, и на томъ взяти втрое; а кто солжетъ, и того казнити торговою казнію, да вкинути въ тюрьму.

43. А велитъ государь кому какову грамоту дати, льготную ⁸⁵⁾, или уставную ⁸⁶⁾, или полѣтную ⁸⁷⁾, съ красною печатью ⁸⁸⁾, и что

⁸²⁾ До сихъ поръ Суд. 1-й, 27; остальное—добавка.

⁸³⁾ Т. е. для дьяка открывается право иска на подьячаго, если этотъ послѣдній взялъ срочную безъ его вѣдома. Доказательство, что подьячіе—лица вольнонаемныя у дьяковъ; см. прим. 60.

⁸⁴⁾ Суд. 1-й, 27 въ концѣ и 25; остальное—дополненіе.

⁸⁵⁾ „Льгота .. значитъ облегченіе въ податяхъ, или воихъ трудахъ. Таковыхъ имѣется у насъ три, или 4 села, которыя отъ царя Михаила Ѳеодоровича получили, и всѣ государи по немъ при вступленіи оныя подписываютъ и содержатъ ненарушимо“. Прим. Татищева, который разумѣетъ здѣсь обѣянные общины.

⁸⁶⁾ „Уставная грамота заключаетъ нѣкоторое учрежденіе съ вольностью...“ Прим. его же.—Уставныя грамоты суть частныя законы—привилегіи (касающіяся учрежденій суда и управленія) для провинцій или корпорацій.

⁸⁷⁾ „Полѣтная“—какое-либо увольненіе на урочные годы заключаетъ, какъ ниже о холопѣхъ и о платежѣ долговъ на нѣсколько лѣтъ“. Прим. его же (см. ст. 90).

⁸⁸⁾ Право красновосковой печати, по средневѣковымъ памятникамъ, есть одно изъ регальныхъ правъ. Въ Западной Европѣ общины и лица, получившія это право, или достигали вполне верховныхъ правъ, или приближались къ нимъ. Краснымъ воскомъ печатались акты законодательнаго характера; въ томъ числѣ частныя законы и привилегіи. Изъ этого видно, что

возметъ печатникъ отъ которыхъ грамоты отъ печати, а діяку отъ подписи взяти тожь. А тарханпныхъ ⁸⁹⁾ впредь не давати никому, а старья тарханпныя грамоты поимати у всѣхъ ⁹⁰⁾.

14. А отъ приставныхъ имати царя и великого князя печатнику и діяку у недѣлщиковъ по ѣзду: съ которые приставные рубль ѣзду, и печатнику у недѣлщика имати отъ печати съ рубля алтынъ, а діяку отъ подписи съ рубля алтынъ же; а будетъ ѣзду до которого города рубля болши, или менши, и печатнику и діяку имати по тому жъ розчету. А будетъ въ приставной искъ менши ѣзду, и діякомъ тѣхъ приставныхъ не подписывати; а того недѣлщика вкинути въ тюрьму да сказати царю государю ⁹¹⁾. А безъ недѣлщиковъ діякомъ приставныхъ не подписывати, а въ приставной болши двадцати вытей не писати; а недѣлщику отъ приставныхъ одинъ ѣздъ, отъ которого города въ которой городъ приставная написана ⁹²⁾. А подпишетъ которой діякъ при-

---

разсрочка въ платежѣ долговъ каждый разъ являлась законодательнымъ актомъ (сл. ст. 90). „Красная печать, обыкновенно на снуркѣ висѣщая и съ обѣ стороны запечатанная“. Прим. Татищева.

⁸⁹⁾ Это тотъ видъ иммунитетовъ, по которому права суда и даніи переходятъ къ землевладѣльцу (въ противоположность Уставнымъ). Татарское названіе не указываетъ на татарское происхожденіе самаго учрежденія. „У Татаръ чинъ тарханъ давался отъ хановъ за великія заслуги. Имъ значить тоже, что баронъ, вольный господинъ“. Прим. Татищева.—Несудимыя грамоты, даваемыя духовенству, уничтожены Стоглавомъ (гл. 67). Но по-становленія Судебника и Стоглава не были выполнены въ точности (см. А. А. Э. I. № 245, 300 и др.), хотя новыя Жалованныя Грамоты давались уже гораздо рѣже.

⁹⁰⁾ Новая.

⁹¹⁾ Т. е. отъ воли царя будетъ зависѣть продолжительность заключенія недѣлщика. Вообще тюремное заключеніе въ Судебникѣ имѣетъ двойное значеніе: а) мѣры карательной въ собственномъ смыслѣ (всегда временное); б) замѣны поручительства: если поруки нѣтъ, но она предполагается возможною,—то наступаетъ тоже временное заключеніе („пока по немъ порука будетъ“); см. ст. 55; если же порука не предполагается возможною (при лихоуанномъ обыскѣ), но нельзя и казнить преступника, то заключеніе превращается въ пожизненное (см. ст. 52).

⁹²⁾ Суд. 1-й, 28; остальное—дополненіе. См. о числѣ вытей въ одной приставной К. Д. Кавелина: „Основн. начала“, стр. 133.

ставную, а въ приставной будетъ искъ менши ѣзду, или подпишетъ приставную безъ недѣлщика, и уличать его въ томъ: и что въ приставной иску, и то взяти на діакѣ, а въ пенѣ что государь укажетъ.

45. А хоженое недѣлщику въ городѣ десять денегъ, а на правду вдвое; а отъ поруки недѣлщикомъ поминковъ не имати. А ѣздъ недѣлщикомъ имати до которого города по указу, а съ правды имѣ имати вдвое ѣзду; а болши имѣ того не имати ⁹³⁾.

46. А ѣзду отъ Москвы: до Коломны полтина, до Коширы полтина, до Хотуни десять алтынъ, до Торусы двадцать алтынъ, до Олексина полтретьдцать алтынъ, до Колуги рубль, до Ярославца полтина, до Боровска полтина, до Вышгорода полтина, до Кременска ⁹⁴⁾ двадцать алтынъ, до Можайска полтина, до Вязмы полтора рубля, до Воротынска сорокъ алтынъ, до Козелска рубль съ четью, до Одоева сорокъ алтынъ, до Бѣлева рубль съ четью, до Мезецка сорокъ алтынъ, до Оболенска полтина, до Звенигорода двѣ гривны, до Дмитрова десять алтынъ, до Радонежа четверть рубля, до Переславля двадцать алтынъ, до Ростова рубль, до Ярославля рубль съ четью, до Вологды полтретья рубля, до Бѣлаозера полтретья рубля, до Устюга пять рублей, до Вятки полосма рубля, до Вычегды семь рублей, до Двины и до Колмогоръ восемь рублей московская, до Юрьева рубль, до Володимеря рубль съ четью, до Суздаля рубль съ четью, до Костромы полтора рубля, до Галича полтретья рубля, до Мурoma полтора рубля, до Стародубскихъ князей отчины ⁹⁵⁾ полтора рубля, до Мещеры ⁹⁶⁾ два рубля, до Новагорода до Нижнего полтретья рубля, до Углича рубль, до Бѣжецкого Верху полтора рубля, до Романова городка рубль съ четью, до Клина полтина, до Кашина рубль, до Твери рубль, до Зубцова рубль, до Опокъ рубль, до Хлепни сорокъ алтынъ, до Торжку рубль съ четью, до Вереи полтина, до Медыни полтретьдцать алтынъ, до Великого Новагорода полтретья рубля, до Пскова полчетверта рубля,

⁹³⁾ Суд. 1-й, 29.

⁹⁴⁾ „Вышгородъ и Кременскъ—оба въ Боровскомъ уѣздѣ, запусѣли“. Татищевъ.

⁹⁵⁾ „Стародубъ сей былъ на Клязмѣ ниже Володимира, нынѣ пустое городище и владѣніе—волость Стародубская доднесь зовется“. Татищевъ.

⁹⁶⁾ „Мещера: Темниковъ, Кадомъ, Елатма, Арзамасъ“. Татищевъ.

до Лукъ и до Торопца по полчетверта рубля, а гдѣ будетъ болши того верстъ, ино имати по тому же розчету ⁹⁷⁾).

47. А ѣздити недѣлщикомъ съ приставными и на поруку давати самимъ, или своихъ ѣздоковъ посылати; а людей имъ своихъ съ приставными не посылати; а отъ поруки имъ самимъ и ихъ ѣздокомъ поклонного, съ приставными ѣздячи, не имати ничего. А въ которомъ городѣ недѣлщикъ живеть, и ему въ тотъ городъ съ приставными не ѣздити, и въ свое мѣсто не посылати ни въ каковѣ дѣлѣ ⁹⁸⁾). А которого недѣлщика пустятъ въ недѣли, и сколько у которого недѣлщика будетъ заговорщиковъ и ѣздоковъ ⁹⁹⁾, кому съ кѣмъ въ заговорѣ дѣлать и кому отъ кого съ приставными ѣздити: и тому недѣлщику тѣхъ своихъ ѣздоковъ приводити въ діякомъ, которые діяки у кормленія будутъ, да тѣхъ своихъ заговорщиковъ и ѣздоковъ недѣлщиковъ у діяковъ записывати въ книги ¹⁰⁰⁾, для того, чтобъ ся недѣлщики своихъ заговорщиковъ и ѣздоковъ не отпирали; а какову обиду или продажу ѣздоку кому учинить, и уличать его въ томъ, и тотъ искъ взяти на недѣлщикѣ, отъ кого тотъ ѣздекъ ѣздилъ, а ѣздока казнити торговою казнію. А держати недѣлщику до семи ѣздоковъ, а болши семи ѣздоковъ, недѣлщику не держати ¹⁰¹⁾. А которого ѣздока изымають, а тотъ ѣздекъ въ книгахъ у кормленыхъ діяковъ ¹⁰²⁾

⁹⁷⁾ Суд. 1-й, 30.

⁹⁸⁾ Суд. 1-й, 31; остальное—добавка.

⁹⁹⁾ Такимъ образомъ заговорщики и ѣздоки различаются. По мнѣнію О. М. Дмитріева, заговорщики—поручники, потому что „при поступленіи на должность пристава надобно было записаться въ книгу у дьяка и принести ему поручную“. Но такъ какъ онъ же самъ называетъ заговоръ товариществомъ приставовъ (что совершенно справедливо), то заговорщики суть не сторонніе поручители, а компанія приставовъ, состоящая въ круговой порукѣ. Ёздоки—это лица, нанятые однимъ изъ приставовъ, а не члены товарищества. См. ниже прим. 103.

¹⁰⁰⁾ См. прим. къ 31-й статьѣ 1-го Судебника.

¹⁰¹⁾ Вѣроятно для того, чтобы предпринять сосредоточеніе въ однихъ или немногихъ рукахъ одной изъ важныхъ служебныхъ функцій судебной власти.

¹⁰²⁾ Т. е. дьяковъ, сидящихъ въ Приказахъ. Если и въ боярскомъ кормленіи государственное начало совершенно преобладало надъ частнымъ (см. прим. 12 къ Духовной Калиты), то кормленіе дьяковъ ничего не за-

ни у котораго недѣльщика будетъ не написанъ, и того ѣздока казнити торговою казнію: а будутъ тому ѣздоку истцы, и тѣхъ истцовъ иски взяти на томъ ѣздокѣ безъ суда. А какъ недѣльщикъ изъ недѣль выйдеть, и тѣмъ ѣздокомъ въ томъ городѣ отъ иныхъ недѣльщиковъ не ѣздити; а котораго ѣздока изымають, а онъ ѣздитъ въ томъ же городѣ отъ иного недѣльщика, и того ѣздока казнити торговою казнію да вкинути въ тюрьму ¹⁰³); а будутъ тому ѣздоку истцы, и тѣ иски всѣ взяти безъ суда на томъ недѣльщикѣ, отъ кого ѣздитъ, и на ѣздока. А ко-
торой ѣздокъ въ которомъ городѣ живетъ, и тому ѣздоку ни отъ какова недѣльщика въ томъ городѣ не ѣздити; а котораго ѣздока изымають, а онъ въ которомъ городѣ живетъ, въ томъ же и съ приставными ѣздитъ, и кто ему будутъ истцы, и тѣ иски всѣ взяти на немъ безъ суда, а его казнити торговою казнію ¹⁰⁴). А что заговорщикъ кому учинитъ какову продажу или обиду, и уличать его въ томъ, и тѣ иски всѣ взяти на всемъ заговорѣ ¹⁰⁵), а его вкинути въ тюрьму; а безъ заговорщиковъ недѣльщикомъ недѣль не дѣлати.

48. А въ которой городъ, или въ которую волость пріѣдетъ недѣльщикъ или ѣздокъ съ приставною, и ему явити приставная намѣ-

---

ключаетъ въ себѣ изъ старинныхъ частновладѣльческихъ началъ, кромѣ имени; дѣлки—люди приказные въ строгомъ смыслѣ; ихъ доходы съ суда взимаются по таксѣ, которая не можетъ быть превышаема подъ угрозою уголовныхъ наказаній. Старые термины долго переживаютъ предметы, ими означаемые; никакихъ признаковъ частнаго взгляда на судъ нельзя уже усмотрѣть въ половинѣ XVI вѣка.

¹⁰³) Ёздокъ, отправляющій должность отъ имени другаго недѣльщика, послѣ выхода изъ товарищества того лица, при которомъ онъ былъ записанъ въ книгахъ, несетъ болѣе тяжкое наказаніе (торговую казнь и тюремное заключеніе), чѣмъ даже такой ѣздокъ, который вовсе ни у какого недѣльщика не записанъ (одну торговую казнь, см. выше).—О. М. Дмитріевъ объясняетъ это строгое запрещеніе ѣздить отъ другаго недѣльщика такъ: „быть членомъ двухъ заговоровъ было запрещено“. Но ѣздоки не были членами товарищества (см. выше прим. 99); при томъ же недѣльщикъ, отъ котораго прежде ѣздитъ ѣздокъ, уже „вышелъ изъ недѣль“ (изъ товарищества).

¹⁰⁴) См. прим. 42 къ 1-му Судебнику.

¹⁰⁵) Здѣсь „заговоръ“—самое товарищество; гражданскую отвѣтственность несетъ товарищество; уголовную—виновный членъ его.

стнику, или волостелю, и ихъ тіуномъ; а будутъ оба истца того города или волости, и намѣстнику или волостелю оба будутъ судимы, и ему обоихъ истцовъ ставити передъ намѣстникомъ или передъ волостелемъ, или передъ ихъ тіуны ¹⁰⁶). А не явитъ недѣлщикъ или ѣздокъ его намѣстнику, или волостелю, или ихъ тіуномъ приставныя, и обоихъ истцовъ передъ намѣстникомъ или передъ волостелемъ и передъ ихъ тіуны не поставитъ; а будутъ оба, истецъ и отвѣтчикъ, одного города или одное волости, а ему будутъ оба судимы, и тотъ недѣлщикъ или ѣздокъ ѣзду лишенъ; а доводчику на томъ недѣлщикѣ или на его ѣздока възати хоженое ¹⁰⁷).

¹⁰⁶) Суд. 1-й ст. 37; остальное—добавка.

¹⁰⁷) Здѣсь запрещается приставамъ московскихъ Приказовъ вызывать къ суду областныхъ жителей помимо вѣдома областныхъ судей и тѣмъ болѣе вызывать ихъ въ центральный судъ помимо областного—компетентнаго.—Выставленное здѣсь условіе компетенціи, т. е. чтобы „оба истца“ (истецъ и отвѣтчикъ) были подсудны одному судѣ, противорѣчить общему опредѣленію подсудности, сдѣланному выше въ статьѣ 30-й. Но это противорѣчіе должно быть изъяснено неловкостью редакціи: если обѣ стороны подсудны одному судѣ, то здѣсь и рѣчи быть не можетъ о столкновеніи подсудности. Но могутъ быть лица одного и того же города, одной и той же волости—подсудныя разнымъ властямъ (напр. дворцовые крестьяне и черные, жители слободы и прочіе); въ такомъ случаѣ судъ принадлежитъ судѣ отвѣтника (по 30 ст.). Если же тяжущіеся принадлежать разнымъ уѣздамъ, то судъ происходитъ въ Москвѣ—въ соответствующемъ Приказѣ. „А случится судъ смѣстной тѣмъ крестьяномъ (дворцовыхъ селя) съ городскими людьми или съ волостными и становыми, и правъ ли будетъ, виновать ли городской человекъ или волостной, и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣстникомъ и третникомъ, и тіуномъ, и волостелемъ; а правъ ли будетъ, виновать ли тѣхъ селя и деревень крестьянинъ, и онъ въ правдѣ и въ винѣ поселскому... А кому будетъ до тѣхъ крестьянъ какое дѣло изъ иныхъ городовъ, и въ томъ по нихъ ѣздить наши недѣлщики дворцовые..., а сужу азъ царь и великій князь, или мой дворецкой Большого Дворца“. (А. А. Э. I, № 240, 1554 года). „А кому будетъ чего искати *опричными* людямъ на волмогорцѣхъ на посадскихъ людехъ и на волостныхъ..., или волмогорцемъ... на опричныхъ людехъ, и тѣмъ обоимъ приходятъ о управѣ на Москву къ дьяку Путилу Нечаеву...“ (ib. № 250). Судебникъ въ этой статьѣ предусматриваетъ: а) вызовъ въ Москву лицъ, подсудныхъ одному судѣ; б) вы-

49. А кого недѣлщикъ дастъ на поруку, въ каковѣ дѣлѣ ни буди, и ему истцовъ и отвѣтчиковъ не волочити, а ставити ихъ передъ судіями. А сроки крестьяномъ отписывати и безсудныя по срочнымъ давати по срокомъ, по указу, безволочитно; а кто станетъ волочити послѣ срока, и на томъ взяти тому, кого волочить, проѣсти по три денги на день. А отъ безсудныхъ недѣлщикомъ, опричь пошлинъ, не имати ни у кого ничего. А коля недѣлщикъ срокъ отпишетъ обомъ истцемъ вмѣстѣ, и ему взяти съ обѣихъ сторонъ одно хоженое, а опричь того не взяти ему ничего. А въ ѣзду въ своемъ дастъ на поруку, доколѣ ся дѣло кончается, и ему ѣздъ взяти на виноватомъ. А которой ищца или отвѣтчикъ самъ къ сроку не пріѣдетъ, а пришлетъ въ свое мѣсто срока отписывати, и недѣлщику взяти хоженое на одномъ на томъ, кто пріѣдетъ въ его мѣсто срока отписывати ¹⁰⁸).

50. А кто по кого пошлетъ пристава, а самъ къ сроку не пріѣдетъ, или отвѣтчикъ на тотъ срокъ не станетъ, и что послѣ срока тому учинится убытка, что дастъ пошлинъ, и что живучи проѣстъ, и правому тѣ всѣ убытки и проѣстъ взяти на виноватомъ ¹⁰⁹); а проѣсти имати на человѣка на голову на день по три денги.

51. А пересудчикомъ пересудъ имати на виноватомъ по двѣ гривны; а менши рубля пересуда нѣтъ; а съ поля со всякого пересудъ. А списокъ кто оболживить, да шлется на правду, и въ томъ пересудъ. А подвойскимъ правого десятка четыре денги, а имати на виноватомъ же ¹¹⁰).

52. А приведуть кого съ поличнымъ впервые, ино его судити, да

зовъ въ Москву лицъ одного уѣзда, хотя бы и разной подсудности. Какимъ образомъ въ этихъ двухъ случаяхъ могъ быть взятъ приставъ изъ Москвы—это объясняется случайными удобствами. Мѣстный доводчикъ (намѣстничій), въ случаѣ неправильныхъ дѣйствій московскаго пристава, лишается своего дохода и потому взыскиваетъ съ него хоженое. Сл. Уст. Двин. Гр. Между различными уѣздами общимъ (третьимъ) судьей становился в. князь и его Приказы; единство судебной власти государства еще грубымъ образомъ выполняется во внѣшнемъ ея олицетвореніи.

¹⁰⁸) Суд. 1-й, 36 (измѣненная).

¹⁰⁹) Суд. 1-й, 32; остальное—добавка.

¹¹⁰) Суд. 1-й, 64.

послати про него обыскати ¹¹¹⁾. И назовуть его во обыску лихимъ челоуѣкомъ, ино его пытати: и скажетъ на себя самъ, ино его казнити смертною казнію; а не скажетъ на себя самъ, ино его винути въ тюрьму до смерти, а истцово заплатити изъ его статка. А скажутъ въ обыску, что онъ доброй челоуѣкъ, ино дѣло вершити по суду ¹¹²⁾.

53. А пошлютъ которого недѣлщика имати татей и розбойниковъ, и ему имати татей и розбойниковъ безхитростно, а не норовити ему никому; а изымавъ ему татя или розбойника не отпустить, ни посуловъ не взяти; а опричныхъ ему людей не имати ¹¹³⁾. А поворовитъ которой недѣлщикъ татю или розбойнику по посуломъ, а его

---

¹¹¹⁾ При поличномъ обыскѣ предваряетъ пытку (см. прим. 125 и 123) и имѣетъ значеніе лишь для опредѣленія формы процесса, которою долженъ быть судимъ обвиняемый („пытати“, или „вершити по суду“). Строгое значеніе поличнаго уже исчезаетъ (сл. Суд. Казим. ст. 1); но татьба съ поличнымъ все еще *можетъ* привести къ смертной казни (хотя и не ведетъ къ ней *непрѣмьно*), но лишь подъ условіемъ собственного признанія и лихующаго обыска. См. прим. 120.

¹¹²⁾ Суд. 1-й, 13; см. прим. 13 къ 1-му Суд. Рѣзкое отличіе слѣдственныхъ началъ отъ обвинительныхъ („суда“) проявляется въ томъ, что если нѣтъ основаній вести процессъ слѣдственнымъ порядкомъ (на обыскѣ одобрили), то процессъ не прекращается, а ведется обвинительнымъ порядкомъ („вершити по суду“). Въ послѣднемъ случаѣ отвѣтчикъ можетъ быть обвиненъ и понести, кромѣ гражданскихъ послѣдствій, уголовное (въ нашемъ смыслѣ) наказаніе (пеню), но никогда такое, какое бы наступило, если бы онъ былъ обвиненъ по слѣдственному процессу. Обратное отношеніе суда и розыска см. въ прим. 139. Вмѣстѣ съ яркимъ проявленіемъ слѣдственныхъ началъ (см. о началѣ розыска Губн. Бѣлос. Гр., о судебныхъ доказательствахъ въ слѣдственномъ процессѣ прим. предыдущее и 123, 124, 125) появляется возможность нерѣшительныхъ приговоровъ: если облихованный на обыскѣ не сознается на пыткѣ, то признаетъ ли его судъ преступникомъ, или нѣтъ? Ни то, ни другое; его нельзя казнить, но нельзя возвращать и въ общество, которое его облиховало,—и вотъ онъ сажается въ вѣчную тюрьму, чѣмъ (думали тогда) удовлетворяется и общество (для котораго онъ болѣе не существуетъ), и правосудіе, которое не примѣнило къ нему тогдашней единственной кары чисто-уголовнаго характера—смертной казни.

¹¹³⁾ Суд. 1-й, 34; остальное—добавка.

отпустить, и уличать его въ томъ; ино на томъ недѣлщикѣ истцовъ искъ доправить, а его казнити торговою казнію да вкинути въ тюрьму, а въ казни ¹¹⁴⁾ что государь укажетъ.

54. А у которого недѣлщика сидятъ тати, и ему татей безъ доклада на поруку не давати и не спродати ему татя ¹¹⁵⁾. А которой недѣлщикъ, безъ доклада безъ боярского и безъ діачьего вѣдома, татей подастъ на поруку, или тати спродаетъ, и уличать его въ томъ, и на томъ недѣлщикѣ истцовъ искъ доправить вдвое ¹¹⁶⁾, да казнити его торговою казнію, да вкинути въ тюрьму, а въ казни что государь укажетъ.

55. А которого татя поймаютъ съ какою татбою ни буди впервые, опричь церковныхъ и головныхъ татбы, а въ иной прежней татбѣ довода на него не будетъ, ино его казнити торговою казнію, бити кнутьемъ, да истцовъ искъ доправить, а его дати на крѣпкую поруку; а не будетъ по немъ крѣпкія поруки, ино его вкинути въ тюрьму, доколѣ порука по немъ будетъ ¹¹⁷⁾. А не будетъ у которого татя столько статковъ, чѣмъ истцово заплатить, ино его бивъ кнутьемъ, да истцу

¹¹⁴⁾ Въ др. спискахъ: въ „пенѣ“, что вѣроятнѣе. Это возложеніе трехъ различныхъ видовъ наказанія за одно преступленіе объясняется тѣмъ, что два первыхъ большею частью употреблялись совмѣстно, а третій присоединенъ потому, что преступленія по службѣ всегда влекли за собою „пеню“ (см. выше ст. 3).

¹¹⁵⁾ Суд. 1-й, ст. 35; остальное—добавка.

¹¹⁶⁾ Почему въ этомъ случаѣ истцовъ искъ взыскивается вдвое, тогда какъ въ случаѣ, обозначенномъ въ статьѣ предыдущей, только просто искъ? Повидимому частный интересъ истца затрогивается и тамъ и здѣсь одинаково; преступленіе же, обозначенное въ ст. 53-й, болѣе важно, чѣмъ обозначенное въ ст. 54-й.

¹¹⁷⁾ О наказаніи за татбу сл. прим. 10 къ Бѣлозерск. Губной Грам. Въ Судебникѣ нѣтъ члено-вредительныхъ наказаній (хотя на практикѣ они были), нѣтъ изгнанія („выбиванья вопъ изъ земли“, т. е. изгнанія изъ той провинціи, гдѣ совершено преступленіе); послѣдняго нѣтъ потому, что Судебники „имѣютъ въ виду, по преимуществу, преступленія, совершаемыя въ Москвѣ; въ Грамотахъ Уставныхъ и Губныхъ.. оно встрѣчается часто. Впрочемъ послѣ 2-го Суд. оно и тамъ не встрѣчается“. Богдановскій: „Развитіе понятій о прест. и нак.“, стр. 67.

въ его гибели выдати головою ¹¹⁸⁾, на правезѣ, до искупа ¹¹⁹⁾, а истца дати на поруку, что ему доправя свое, отдати его бояромъ. А не похочетъ истецъ по себѣ поруки дати въ томъ, то ему, свой искъ доправя, да того татя привести къ судіѣ; и того татя вѣннути въ тюрьму, доколѣ по немъ порука будетъ; а какъ по немъ порука будетъ, и тогда на немъ, за тою порукою, кто его изъ тюрьмы выручитъ, истцовъ искъ доправити. А какъ истецъ, взявъ на немъ свое, отдастъ его бояромъ, и бояромъ велѣти его дати на крѣпкую поруку, кто ему будутъ впередъ иные истцы ¹²⁰⁾; а не будетъ по немъ крѣпкіе поруки, ино его вѣннути въ тюрьму ¹²¹⁾, доколѣ по немъ порука будетъ; а судіѣ съ того не имати ничего.

¹¹⁸⁾ „Отдача головою была разная: 1) знатныхъ людей за безчестія фамильныя посылали къ старшему въ родѣ обезпеченномъ; по сіе было токмо лицемъ. Какъ онаго привезутъ, то пріимающій долженъ его съ честію пріять и государя за оборону благодарить. Хотя бѣ приведенной хозяина какъ ни ругалъ словами, онъ долженъ молчать и, какъ гости, съ честію отпустить, что въ наши времена съ нѣкою знатною фамиліею учинилось. 2) Дѣйствительно за долги отдавали болѣе посадскихъ и крестьянъ дворцовыхъ или государственныхъ въ вѣчное (?) служеніе; но поспеже въ томъ много подлоговъ было, что посадскіе, не хотя податей платить и таможенныхъ служебъ нести, оставались подъ именами знатныхъ господъ и торговали свободно; то Петръ В. оное отставилъ и повелѣлъ немогущихъ платить въ каторжную работу опредѣлять“.—Прим. Татищева.—Само собою разумѣется, что сюда относится второе значеніе выдачи головою (всегда временное).

¹¹⁹⁾ Суд. 1-й, 10 (измѣненная); остальное—добавка.

¹²⁰⁾ Суд. 1-й, не признавая за 1-ю татьбою высшаго уголовного характера, по взысканіи съ татя частнаго иска и судейской продажи, оставлялъ его на свободѣ. Суд. Цар. возвышаетъ уголовное значеніе и отдаетъ татя или на поруку, или въ тюрьму. Здѣсь, какъ и въ слѣд. 56-й ст., разумѣется татьба безъ поличнаго (въ противоположность ст. 52-й). Сл. Суд. Казим. ст. 1 и 17, и прим. къ нему 29 и 30.—Отличіе 1-й татьбы съ поличнымъ отъ 1-й татьбы безъ поличнаго состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ производится пытка и обыскъ, во второмъ—„судъ“.

¹²¹⁾ „Тюрьма—слово не славянское, прежде называно: порубъ, погребъ, темница; а сіе германское турмъ, башня татарски, славянски вежа и стрѣльница значить“. Прим. Татищева.

56. А понимаютъ того жъ татя съ татбою въ другіе, ино его пы-
тати: и скажетъ на себя самъ, ино его казнити смертною казнію, а
истцово заплатити изъ его статка; а не будетъ у которого татя съ
истцову гибель, ино его казнити смертною жъ казнію ¹²²⁾, а истцу въ
его гибели не выдати. А пытанъ татъ на себя не скажетъ, ино про
него послати обыскати, и скажутъ про него, что онъ лихой человекъ,
ино его всадити въ тюрьму до смерти; а назовутъ его добрымъ человекъ-
комъ ¹²³⁾, ино его дати на крѣпкую поруку; а не будетъ по немъ
крѣпкіе поруки, ино его вкинути въ тюрьму, доволѣ по немъ крѣпкая
порука будетъ ¹²⁴⁾.

57. А на кого татъ возмолвить, и про того обыскати; и будетъ, по
обыску, въ каковѣ въ прежнемъ дѣлѣ причной человекъ съ доводомъ,
ино его пытати, и скажетъ на себя самъ, ино его казнити татиною
казнію; а не будетъ на него доводу, и въ обыску про него лиха не
скажутъ, ино татинымъ рѣчемъ не вѣрити ¹²⁵⁾, дати его на поруку ¹²⁶⁾.

¹²²⁾ Суд. 1-й, 11 (измѣненная); остальное—добавка.

¹²³⁾ При обвиненіи во вторичной татѣбѣ обыскъ слѣдуетъ за пыткой
(только при отсутствіи собственнаго признанія). При этомъ ни одобряющій,
ни лихующій обыскъ не имѣетъ рѣшающаго значенія: въ обоихъ случаяхъ
онъ приводитъ не къ обвиненію во вторичной татѣбѣ (за что слѣдовала бы
смертная казнь), а къ *подозрѣнію*, которое и выражается въ заключеніи
обвиняемаго въ тюрьму: сл. прим. 111 и 125.

¹²⁴⁾ Простыя средства, бывшія въ распоряженіи 1-го Судебника для
опредѣленія высшей тяжести уголовнаго дѣянія, теперь усложняются: по-
втореніе преступленія уступаетъ по своей важности мнѣнію обыскныхъ лю-
дей и, главн. обр., *собственному признанію*, при отсутствіи котораго ни по-
втореніе преступленія, ни осуждающее мнѣніе обыскныхъ людей не могутъ
приводить къ смертной казни.—Что касается до „обыска“, то чѣмъ болѣе
регулируется выраженіе общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе значеніе его
ограничивается. Этимъ объясняются противоположныя мнѣнія о ходѣ исторіи
повального обыска, господствующія въ наукѣ. Чебышевъ-Дмитріевъ: „По-
вальный обыскъ (по законодательству Ивана IV) низводитъ былъ на сте-
пень простого судебного доказательства“. Напротивъ г. Сокольскій: „До
начала царствованія Іоанна IV повальный обыскъ въ дѣлахъ розыскныхъ
не существовалъ“.

¹²⁵⁾ При оговорѣ обыскъ предваряетъ собою пытку: лишь одобряющій
обыскъ имѣетъ рѣшительное значеніе.

¹²⁶⁾ Суд. 1-й, 14.

58. А на кого взмолвять дѣти боярскіе человекъ десять или пятнадцать добрыхъ, или черныхъ людей человекъ пятнадцать, или двадцать добрыхъ же крестьянъ и цѣловальниковъ по крестному цѣлованію, что онъ тать, а доводу на него въ прежнихъ дѣлѣхъ не будетъ ¹²⁷⁾, у кого краль или кому татбу плачивалъ, ино на томъ взяти истцову гибель безъ суда ¹²⁸⁾, а его дати на крѣпкую поруку; а не будетъ по немъ крѣпкіе поруки, ино его винути въ тюрьму и безъ крѣпкіе поруки его изъ тюрьмы не выпущати ¹²⁹⁾. А мошеннику таже казнь, что и татю. А кто на оманщикѣ възыщетъ и доведетъ на него, ино у ищей искъ пропалъ; а оманщика, какъ ни приведутъ, ино его бити внутьемъ ¹³⁰⁾.

---

¹²⁷⁾ У Татищева читается эта половина статьи такъ: „А на кого взмолвять дѣти боярскіе человекъ 10 или 15 добрые, или черныхъ людей добрыхъ крестьянъ и цѣловальниковъ человекъ 15 или 20, по крестному цѣлованію, что онъ тать, а довода на него прежнихъ дѣлъ у кого краль, или татбу принималъ (не будетъ?), *ино на того судъ, а по суду чю доведется*. А покажутъ кого прежь краль, или кому татбу плачивалъ, ино на томъ взяти истцову гибель безъ суда, а его дати на крѣпкую поруку“, и т. д. Замѣтное подновленіе языка, конечно, не принадлежитъ самому Татищеву, который всегда передаетъ текстъ довольно-точно и который не могъ имѣть въ виду подновленіемъ текста приноровить смыслъ его къ своимъ понятіямъ; потому-что онъ, по своему обычаю, и здѣсь полемизируетъ съ законодателемъ („безъ суда брать опасно“).

¹²⁸⁾ Суд. 1-й, 12; остальное—добавка.

¹²⁹⁾ Цир. Судебникъ увеличиваетъ, сравнительно съ 1-мъ Суд. число добрыхъ людей (присяжниковъ) съ 5—6 на 10—15, или 15—20. Приэтомъ весьма замѣчательно, что совѣсть дѣтей боярскихъ оцѣнивается выше совѣсти крестьянъ, относясь къ ней какъ 2: 3.—Уже Герберштейнъ писалъ; „Unius nobilis testimonium plus valet, quam multorum vilis conditionis hominmm“; вмѣстѣ съ этимъ Судебникъ Ц. возвышаетъ и значеніе показаній этихъ добрыхъ людей (за неодобрительными показаніями слѣдуетъ уже не одно гражданское взысканіе, но и уголовная кара). Очевидно, что Ц. Суд. придаетъ показаніямъ этихъ свидѣтелей полное значеніе повальнаго обыска; сл. выше ст. 52 и прим. къ ней.

¹³⁰⁾ У Татищева: „А мошеннику тажъ казнь, что и татю, какъ его приведутъ, и его бити внутьемъ. А кто на мошенникѣ възыщетъ и не доведетъ на него, ино у ищей искъ пропалъ“.—Г. Фойницкій читаетъ окон-

59. А доведутъ на кого розбой, или душегубство, или ябедничество, или подписку, или иное какое лихое дѣло, а будетъ вѣдомой лихой человѣкъ: и боярину велѣти того казнити смертною казнію, а истцово велѣти заплатити изъ его статка; а что ся его статка за истцовымъ останеть, и то отдать въ прогоны ¹³¹⁾. А не будетъ у которого лихого столько статковъ, чѣмъ истцово заплатити, и боярину того лихого въ истцовѣ гибели истцу не выдати, а велѣти его царсву и великого князя тіуну московскому да дворскому казнити смертною казнію ¹³²⁾; а боярину и дѣяку и недѣлщику отъ того не имати ничего ¹³³⁾.

60. А на кого доведутъ татбу ¹³⁴⁾, или душегубство, или иное какое лихое дѣло, опричь розбоя, въ которомъ городѣ или въ волости ¹³⁵⁾, а будетъ вѣдомой лихой человѣкъ: и намѣстнику или во-

---

чаніе статьи такъ: „А кто на мошенникѣ взыщеть (и) доведетъ на него, будетъ (ино) у ищен искъ пропалъ, а оманщика какъ (ни) приведутъ, ино его бити кнутомъ“. Это чтеніе, по его мнѣнію, весьма близко къ чтенію Судебника въ Прод. Др. Росс. Вивлюе. I, стр. 113. Так. обр. г. Фойницкій находитъ здѣсь: а) „мошенничество“ въ тогдашнемъ смыслѣ, которое, однако, по нашимъ понятіямъ, есть ничто иное, какъ мелкая кража (отъ слова: „мошна“ кошелекъ); б) „обманъ“ въ спеціальному смыслѣ, стачку повѣреннаго съ противникомъ (смыслъ статьи при чтеніи г. Фойницкаго слѣд.: если у какого-либо истца пропалъ искъ потому, что его повѣренный продалъ его интересы противной сторонѣ, то такой обманутый можетъ искать на своемъ повѣренномъ-обманщикѣ, и если докажетъ, то обманщика бити кнутомъ).—Но любопытно знать, откуда взялось простое чтеніе въ Миллеровскомъ изд. Татищевскаго Судебника.

¹³¹⁾ Т. е. приставамъ. „Прогоны здѣсь разумѣть убытки и расходы приказные“. Прим. Татищева.—Судьи центральныхъ судовъ ничего не получаютъ изъ имущества преступника, тогда какъ провинціальныя судьи получаютъ по прежнему: см. слѣд. ст.—Это новое доказательство того, что центральныя суды гораздо ранѣе потеряли всѣ свойства кормленій.

¹³²⁾ Суд. 1-й, 8 (измѣненная).

¹³³⁾ Эта статья относится къ центральному суду; въ ней опущена рѣчь о татбѣ въ виду предшествующихъ нѣсколькихъ статей объ этомъ преступленіи.

¹³⁴⁾ У Татищева: „татбы многія“.

¹³⁵⁾ Здѣсь рѣчь идетъ о провинціальномъ судѣ. Только въ провин-

лостелю велѣти того казнити смертною казнію, а истцово велѣти до-
правити изъ его статка; а что ся статка истцова останеть, и намѣ-
стнику или волостелю и ихъ тіуномъ то имати собѣ¹³⁶⁾. А не будетъ
у которого лихого статка, чѣмъ истцово заплатити, и ему того лихого
истцу въ его гибели не выдати, а велѣти его казнити смертною каз-
нію; а на истцѣ намѣстнику или волостелю и ихъ тіуномъ не имати
ничего¹³⁷⁾. А привести кого въ разбоѣ, или на кого въ судѣ дове-
дутъ¹³⁸⁾, что онъ вѣдомой разбойникъ: и намѣстникомъ тѣхъ отда-
вати губнымъ старостамъ. А старостамъ губнымъ, опричь вѣдомыхъ
разбойниковъ, у намѣстниковъ не вступатися ни во что; а татей су-
дити имъ¹³⁹⁾, по царевымъ и великого князя по губнымъ грамотамъ,
какъ въ нихъ написано.

61. А государьскому убойцѣ, и градскому сдавцу, и коромол-
нику, и церковному татю, и головному татю, и подметчику¹⁴⁰⁾, и за-
жигалнику, вѣдомому лихому человѣку, живота не дати, казнити его

ціяхъ губное дѣло было отдѣлено отъ обыкновенныхъ судовъ,—а подъ губ-
ными дѣлами именно разумѣлись только дѣла о разбоѣ, тогда какъ душе-
губство, татьба и другія опредѣленно отнесены къ суду намѣстниковъ: см.
прим. 4 къ Бѣлос. Губн. и ниже прим. 3.

¹³⁶⁾ См. выше прим. 131-е.

¹³⁷⁾ Суд. 1-й, 39 (измѣненная); остальное—добавка.

¹³⁸⁾ Если по ходу обвинительнаго процесса окажется, что отвѣтчикъ—
вѣдомой лихой человѣкъ, то намѣстники отсылаютъ къ губнымъ учрежде-
ніямъ; зачѣмъ? для наказанія только? Конечно, нѣтъ,—а для производства
розыска.

¹³⁹⁾ Кому это „имъ?“ Губнымъ старостамъ, или намѣстникамъ? Не
ошибемся, если скажемъ, что и тѣмъ и другимъ. Въ отношеніи къ первымъ
это имѣетъ слѣд. смыслъ: губные старосты судятъ татьбо только тогда,
когда это именно предоставлено губными грамотами; въ отношеніи къ на-
мѣстникамъ слѣд.: намѣстники (которымъ судъ о татьбѣ принадлежитъ по
общему правилу,—см. прим. 135-е) руководствуются при судѣ тѣми нача-
лами слѣдственнаго судопроизводства, которыя узаконены въ Губныхъ Гра-
мотахъ и часть которыхъ изложена въ Суд. въ ст. 52, 55—58. Къ дѣламъ
о душегубствѣ, поджогѣ и пр. они не примѣнялись до тѣхъ поръ, пока
судъ не убѣдился, что предъ нимъ вѣдомой лихой. См. выше ст. 12.

¹⁴⁰⁾ „Подметчикъ двояковъ: 1) которой поличное кому подкинетъ,
хотя онаго невинно ополечить; 2) пасквильянтъ, которой поносительныя или

смертною казнію ¹⁴¹⁾. А будетъ изъ тѣхъ которому лихому истецъ ¹⁴²⁾, ино заплатити истцово изъ его статка; а что ся его статка за истцовымъ останеть, и то отдать въ прогоны. А не будетъ у которого лихого столько статка, чѣмъ истцово заплатити, ино его истцу въ его гибели не выдати, казнити его смертною казнію.

62. А бояромъ и дѣтемъ боярскимъ судити за которыми кормленія съ судомъ съ боярскимъ; а на судѣ у нихъ и у ихъ тиуновъ быти, гдѣ дворской, дворскому да старостѣ и лучшимъ людямъ ¹⁴³⁾, цѣловальникомъ ¹⁴⁴⁾. А судные дѣла у намѣстниковъ и у ихъ тиуновъ писати земскимъ діякомъ ¹⁴⁵⁾; а дворскому да старостѣ и цѣловальникомъ къ тѣмъ суднымъ дѣломъ рука свои прикладывати. А противни съ тѣхъ судныхъ дѣлъ, слово въ слово, писати намѣстничимъ діякомъ; а намѣстникомъ къ тѣмъ противнемъ печати свои прикладывати. Да тѣхъ судныхъ дѣлъ записку, земского діака руку съ дворского и съ старостиною и съ цѣловальниковыми руками, намѣстникомъ имати къ собѣ; а противни тѣхъ дѣлъ намѣстникомъ, діяковъ своихъ руку, съ своими печатми, давати дворскому да старостѣ и цѣловальникомъ. А которые старосты и цѣловальники грамотѣ не умѣютъ, и которые грамотѣ умѣютъ, тѣмъ старостамъ и цѣловальникомъ къ судному списку, зем-

---

возмутительныя нисѣма сочиня подкидываетъ, какъ то въ судѣ Никона явилось". Прим. Татищева.—Сл. прим. къ 9 ст. Суд. 1-го.

¹⁴¹⁾ Суд. 1-й 9 (измѣненная); остальное--добавка.

¹⁴²⁾ Условная форма рѣчи указываетъ, что дѣла этого рода могли (а можетъ быть и должны были) преслѣдоваться безъ частнаго истца.

¹⁴³⁾ Суд. 1-й, 88. Далѣе добавка до словъ: „А безъ старосты...“

¹⁴⁴⁾ Хотя цѣловальники были извѣстны уже во время 1-го Судебника (см. его ст. 12), но общее превращеніе добрыхъ людей, участвующихъ въ судѣ намѣстниковъ (судныхъ мужей), въ цѣловальниковъ совершилось при Грозномъ, когда для этой цѣли повсюду были выбраны спеціальныя лица и приведены къ присягѣ.

¹⁴⁵⁾ Сколько извѣстно, до появленія Судебника 1550 г. земскихъ учреждений нигдѣ еще не было. Какіе же земскіе дѣяки здѣсь разумѣются? Очевидно, что такъ-называемыя земскія учрежденія Ивана IV суть не что иное, какъ освященіе и упорядоченіе народныхъ учреждений, давно жившихъ въ обычаѣ.

ского діека рукѣ, руки свои прикладывати ¹⁴⁶⁾; а противнемъ съ тѣхъ дѣлъ, намѣстнича діека рукѣ, быти у того старосты и у цѣловалниковъ, которые грамотѣ не умѣютъ, и они его держатъ у себя спору для. А безъ дворского и безъ старосты и безъ цѣловалниковъ намѣстникомъ и ихъ тіуномъ суда не судити; а гдѣ дворского нѣтъ, и прежъ сего не бывалъ, ино быти въ судѣ, у намѣстниковъ и у ихъ тіуновъ, старостѣ да цѣловалникомъ ¹⁴⁷⁾. А безъ старосты и безъ цѣловалниковъ суда не судити, и посуловъ намѣстникомъ и ихъ тіуномъ, и ихъ людемъ не имати; а на государя своего тіуну и пошлиннику никому посуловъ отъ суда не просити. А имати намѣстникомъ отъ суда пошлинъ: доищется ищя своего въ заемномъ дѣлѣ, или въ бою, или въ лаѣ, и ему имати на виноватомъ съ рубля по гривнѣ, то ему и съ тіуномъ; а не доищется ищя своего, а будетъ ищя виноватъ, и ему имати на ищѣ съ рубля по тому жъ; а будетъ дѣло выше рубля или ниже, ино имати на ищѣ, или на отвѣтчикѣ, по тому жъ розчету. А доводчику его имати хоженое, и ѣздъ, и правда, по уставной грамотѣ; а гдѣ не будетъ грамоты, и ему имати хоженое въ городѣ по четыре денги, а ѣздъ на версту по денгѣ, а на правду въ городѣ или въ волости вдвое. А досудятся до поля, да ставъ у поля помирятся, и ему имати съ рубля по гривнѣ жъ (то ему и съ тіуномъ) да полевыхъ пошлинъ полтретьяцать ¹⁴⁸⁾ алтынъ; а побіются на полѣ, ино на убитомъ полевыхъ пошлинъ взяти полтора рубля, а доспѣху не имати. А побіются на полѣ въ пожегѣ, или въ душегубствѣ, или разбоѣ, или въ татбѣ, а убіютъ отвѣтника, ино на убитомъ истцово доправити, а самъ убитой къ казни и въ продажѣ намѣстнику и его тіуну ¹⁴⁹⁾; а убіютъ на полѣ ищю, въ пожегѣ, или въ душегубствѣ, или въ разбоѣ, или въ татбѣ, и намѣстнику на немъ имати съ его иску четвертная пошлина, по полуполтинѣ съ рубля (то ему и съ тіуномъ), да полевыхъ пошлинъ полтора рубля, а доспѣху не имати ¹⁵⁰⁾.

¹⁴⁶⁾ Т. е. копія, подписанная грамотными, хранится у безграмотныхъ, въ видахъ предупрежденія подлога.

¹⁴⁷⁾ Отсюда продолжается ст. 38-я 1-го Судебника.

¹⁴⁸⁾ 12¹/₂.

¹⁴⁹⁾ До сихъ поръ ст. 38-я 1-го Суд. Остальное—добавка.

¹⁵⁰⁾ Это различіе послѣдствій побѣды на полѣ для истца и отвѣтника, столь резонное съ нашей точки зрѣнія, было большою непослѣдователь-

63. А судъ боярской то: которому намѣстнику дано съ судомъ съ боярскимъ, и ему давати полныя и докладныя; а правыя и бѣглыя давати съ докладу, а безъ докладу правыя и бѣглыя не давати ¹⁵¹).

64. А дѣтей боярскихъ судити намѣстникомъ, по всѣмъ городомъ, по нынѣшнимъ царевымъ государевымъ жаловальнымъ по ихъ вопчимъ грамотамъ ¹⁵²).

ностью во времена Судебника, когда ябедничество (ложный искъ) было уравнено съ душегубствомъ (см. ст. 59). Такого различія послѣдствій поединка для сторонъ не зналъ 1-й Суд. (см. его ст. 37). Да и самъ Цар. Суд., говоря о поединкахъ при изложеніи функций центрального суда (см. ст. 12), не дѣлаетъ этихъ различій.

¹⁵¹) Новая.—Татищевъ признаетъ власть областныхъ судей незначительною, если имъ не вполнѣ дано „и сіе, яко холопей токмо касающееся, дѣло, весьма не великое“. Но древнее право признавало это дѣло столь великимъ, что право распоряжаться свободою человѣка считало болѣе вѣрнымъ масштабомъ объема власти, чѣмъ право на жизнь другого, право смертной казни (сл. ст. 60). Почему намѣстникъ могъ давать безъ доклада полныя и докладныя, но не правыя и бѣглыя? Полныя и докладныя суть договоры, которыми лицо, по собственной волѣ, отдаетъ себя въ вѣчное рабство; но тамъ, гдѣ оно обращается въ рабство по требованію закона, тамъ требуется крайняя осмотрительность. („Бѣглая грамота“—это актъ, обращающій закладней-закуповъ въ холоповъ въ случаѣ бѣгства ихъ; „правая“—судебное рѣшеніе по иску о свободѣ).

¹⁵²) Новая.—„Прежде, какъ дворецкіе были по княженіямъ, то пляхетство было подъ ихъ вѣдѣніемъ и судомъ...“ Прим. Татищева.—„Такъ какъ судъ составлялъ право намѣстниковъ и волостелей относительно податныхъ сословій, то въ строгомъ смыслѣ слова судаться у него были обязаны по преимуществу тѣ, кто вообще несъ государственныя повинности. Такъ взглядъ на подсудность опредѣленно высказанъ въ нѣкоторыхъ Грамотахъ (А. А. Э. III, 138)..: Но такъ какъ всѣ земли, кромѣ обѣленныхъ Жалованными Грамотами, были податныя, то по этимъ землямъ духовенство и служилые люди были тоже подсудны намѣстнику“. О. М. Дмитріевъ, стр. 160.—Но не вѣрнѣ ли объяснить нѣкоторое исключительное положеніе дѣтей боярскихъ въ отношеніи къ областному суду тѣмъ, что они вообще прежде не были связаны съ областною жизнію, составляя дворъ князя, а въ областяхъ лишь исполняющіе? Судебникъ прочтѣе водворяетъ ихъ въ областяхъ, подчиняя суду намѣстниковъ съ тѣми ограниченіями, какія ц

65. А отъ правыя грамоты имати боярину или сыну боярскому, за которымъ кормленіе съ судомъ съ боярскимъ, отъ печати съ рубля по полутретья алтына, то ему и съ тиуномъ; да діяку его, которой правую грамоту напишетъ, имати отъ писма съ рубля по три денги. А тиунъ его дастъ правую грамоту, и онъ емлетъ на государя своего и на себя отъ печати по тому жъ, съ рубля по полутретья алтына; а діякъ емлетъ отъ писма, которой правую грамоту напишетъ, съ рубля по три денги. А съ холопа и съ робы отъ правыя грамоты и отъ полныя боярину или сыну боярскому, за которымъ кормленіе съ судомъ съ боярскимъ, имати отъ печати съ головы по полутретья алтына, а діяку отъ писма съ головы по три денги ¹⁵³).

66. А намѣстникомъ и волостелемъ, которые держатъ кормленія безъ боярскаго суда, полныхъ и докладныхъ не давати, и холопа и робы безъ доклада не выдати, ни грамоты бѣглые не дати, тако жъ холопу и робѣ на государя грамоты правыя безъ доклада ¹⁵⁴) не дати ¹⁵⁵). А которой намѣстникъ или волостель безъ боярскаго суда и выдастъ холопа или робу безъ доклада и правую грамоту дастъ, и та грамота не въ грамоту; а что государь того холопа или робы убытка своего скажетъ, и то взяти на судѣ вдвое, а истцомъ судъ съ головы ¹⁵⁶).

67. А тиуну намѣстнику на кормленѣ государю на холопа, ни

мѣстамъ представляли Жалованныя Грамоты и Грамоты о судѣ „вопчемъ“. Последнее касается не столько самихъ дѣтей боярскихъ, сколько людей, поселенныхъ въ ихъ имѣніяхъ (впрочемъ въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто „вопчимъ“: „вотчиннымъ“). Такимъ образомъ объясненіе Татищева проще и вѣрнѣе.

¹⁵³) Суд. 1-й, 40.

¹⁵⁴) Впрочемъ этихъ правъ не имѣли намѣстники и съ судомъ боярскимъ.

¹⁵⁵) Суд. 1-й, 20; остальное—дополненіе.

¹⁵⁶) Рѣшеніе, постановленное некомпетентнымъ судьей, ничтожно. Но какія послѣдствія наступали для полной и докладной, если онѣ утверждены намѣстникомъ безъ боярскаго суда, объ этомъ Судебникъ не упоминаетъ. Вѣроятно, онѣ сохраняли силу, а намѣстникъ подвергался взысканію за превышеніе власти.

холопу на государя правыя грамоты безъ доклада не дати ¹⁵⁷). А которой тиунъ государю на холопа, или холопу на государя, дастъ безъ доклада правую грамоту, и тому холопу, которой возметъ правую грамоту на государя, дати судъ съ головы, да то дѣло по суду и кончати; а намѣстника или волостелина тиуна, до царева государева указу, вкинути въ тюрьму, а убытки всѣ правому взяти на тиунѣ. А дастъ тиунъ государю на холопа правую грамоту безъ доклада, и та правая грамота не въ грамоту, а дати судъ съ головы ¹⁵⁸).

68. А которому намѣстнику данъ въ кормленіе городъ съ волостями, или ему даны въ кормленіе волости, а въ которыхъ волостѣхъ напередъ сего старостъ и цѣловальниковъ не было, и нынѣ въ тѣхъ во всѣхъ волостѣхъ быти старостамъ и цѣловальникомъ ¹⁵⁹). А случится кому изъ тѣхъ волостей передъ намѣстникомъ или передъ волостелемъ, или передъ ихъ тиуны, искати или отвѣчати: и въ судѣ быти у намѣстниковъ и у волостелей и у ихъ тиуновъ тѣхъ волостей старостѣ и цѣловальникомъ, изъ которые волости кто ищетъ или отвѣчаетъ ¹⁶⁰); а судные дѣла писати земскому діяку тое жъ волости. А безъ старосты и безъ цѣловальниковъ намѣстникомъ и волостелемъ, за которыми кормленія съ боярскимъ судомъ, и за которыми кормленія безъ боярского суда, и ихъ тиуномъ, тако жъ не судити, и посула въ судѣ намѣстникомъ и волостелемъ и ихъ тиуномъ не имати ¹⁶¹).

69. А пришлетъ намѣстникъ или волостель, или ихъ тиунъ, спи-

¹⁵⁷) Суд. 1-й, 41; остальное—дополненіе.

¹⁵⁸) Это замѣчательная, но безсодержательная привилегія въ пользу рабовладѣльцевъ: тиунъ выдавшій безъ доклада правую грамоту, по которой оправданъ холопъ, подвергается тюремному заключенію и уплачиваетъ убытки; если же онъ выдастъ правую грамоту, по которой оправданъ рабовладѣлецъ, то не несетъ никакой отвѣтственности, только рѣшеніе его (какъ и въ первомъ случаѣ) ничтожно. Впрочемъ, можетъ быть, въ этомъ курьезѣ виновата неискусная редакція закона.

¹⁵⁹) См. выше прим. 144.

¹⁶⁰) Такимъ образомъ, если истецъ и отвѣтникъ принадлежали къ двумъ разнымъ волостямъ, подчиненнымъ одному намѣстнику, на судѣ его было по два старосты и по нѣсколько цѣловальниковъ изъ обѣихъ волостей.

¹⁶¹) Новая.

сокъ судной къ докладу, и будетъ ищца или отвѣтчикъ у докладу списокъ оболживить, ино послати на правду по дворского, и по старосту, и по цѣловальниковъ, которые у того дѣла въ судѣ сидѣли, да велѣти имъ того дѣла и противень списка, намѣстнича или волостелина дѣяка руку съ намѣстничею или съ волостелиною печатью, на исправу, съ собою привезти. Да будетъ тѣ судные мужи скажутъ, что судъ таковъ былъ, и руки у списка ихъ, и противень будетъ намѣстнича или волостелина дѣяка съ тѣмъ суднымъ спискомъ, съ земского дѣяка рукою, сойдется слово въ слово: и тѣмъ тотъ виновать, кто списокъ лживилъ, и списокъ на него подписати. А скажутъ судные мужи, что судъ былъ да не таковъ, и списокъ не земского дѣяка рука, и руки, скажутъ, у списка не ихъ, и противень будетъ намѣстнича или волостелина дѣяка съ суднымъ спискомъ не слово въ слово: и по тому списку истцовъ искъ взяти на судѣ, а пени судѣ сверхъ того, что царь государь укажетъ. А будетъ скажетъ дворской и судные мужи, и староста, и цѣловальники, которые грамотѣ не умѣютъ, что судъ былъ таковъ и руки у списка ихъ; а тѣ судные мужи, которые грамотѣ не умѣютъ, съ ними порознятся, скажутъ, что судъ былъ да не таковъ, и которой противень намѣстнича или волостелина дѣяка руку положить, и тотъ противень съ суднымъ спискомъ не слово въ слово: и тѣмъ виновать судія и судные мужи, которые по списку такали, и взяти истцовъ искъ на судѣ и на тѣхъ судныхъ мужѣхъ, которые по списку такали, а пеню сверхъ того, что царь государь укажетъ. А не станетъ за спискомъ ищца или отвѣтчика на срокъ, а доводчикъ на него запись поручную положить, и того, которой не сталъ по доводчикову слову, обвинити, а подписати на него списокъ за сто верстъ семьюмъ днемъ по сроцѣ; а далѣ ста верстъ или ближе, ино подписывать списки послѣ срока по тому жъ розчету ¹⁶²).

¹⁶²) Новая. „Пріѣхавъ къ докладу, (тяжущіеся) не являлись сами высшему судѣ: ихъ ставилъ предъ нимъ судья первой инстанціи. Цар. Судъ: измѣнилъ этотъ порядокъ: вмѣсто поставленія къ докладу тяжущихся, судья долженъ былъ имъ назначить срокъ для явки, а списокъ посылалъ особо... Уставными Грамотами XVI вѣка, какъ до Судебника, такъ и послѣ него, установленъ былъ другой порядокъ: докладные списки предписывалось княжескимъ чиновникамъ присылать по нѣскольку за-разъ, а земскимъ судьямъ привозить или присылать въ Москеу вмѣстѣ съ царскою казною.

70. А кого намѣстничи или волостелины люди учнутъ давати огъ кого на поруку до суда и послѣ суда, и по комъ поруки не будетъ: и намѣстничимъ и волостелиннымъ людямъ тѣхъ людей являти въ городѣ прикащикомъ городовымъ, да дворскому и старостѣ, и цѣловальникомъ; а въ волости являти старостѣ и цѣловальникомъ, которые у намѣстниковъ и у волостелей и у ихъ тиуновъ въ судѣ сидятъ; а не явя тѣхъ людей, по комъ поруки не будетъ, намѣстничимъ и волостелиннымъ людямъ къ собѣ не сводити и у себя ихъ не ковати. А кого намѣстничи или волостелины люди, не явя приказщикомъ, да дворскому, да старостѣ и цѣловальникомъ, къ собѣ сведутъ да у себя его скуютъ, и кто тѣмъ людямъ родъ и племя ¹⁶³⁾ придутъ на намѣстничихъ или на волостелинныхъ людей къ приказщикомъ ¹⁶⁴⁾, да къ дворскому и къ старостѣ и къ цѣловальникомъ, о томъ бити челомъ и являти; и приказчикомъ, да дворскому и старостѣ, и цѣловальникомъ у намѣстничихъ или волостелинныхъ людей тѣхъ людей вынимати; и кого у намѣстничихъ или у волостелинныхъ людей вымуть скована, а имъ не явлено, ино на намѣстничѣ или на волостелинѣ человекѣ взяти того человека безчестіе, посмотри по человеку; а чего тотъ на намѣ-

---

Иногда при этомъ запрещалось срочить тяжущихся къ докладу... Ясно, что уставныя грамоты имѣли при этомъ въ виду болѣе разрѣшеніе судейскаго сомнѣнія, нежели повѣрку суда...“ О. М. Дмитриевъ, стр. 285.

¹⁶³⁾ Если поручительство для лицъ, связанныхъ между собою естественными и юридическими узами (родства, сосѣдства, товарищества), представлялось иногда обязанностью, то оно же выступаетъ и какъ право ихъ. Человекъ, котораго заковываютъ, теритъ униженіе, которое отражается и на родѣ его, тѣмъ болѣе, что при этомъ возникаетъ предположеніе, что родичи не хотѣли помочь родственнику. Родичи могли не знать, что поручительство требуется. Съ другой стороны они, не выручивши родственника въ свое время, могли заявлять претензію послѣ. Явка арестуемаго земскимъ чиновникамъ предупреждаетъ эти затрудненія.

¹⁶⁴⁾ „Прикащикъ здѣсь упомянутъ былъ у посадскихъ для лучшей расправы, яко президенты изъ дворянства, опредѣлены и переменяли съ выборомъ погодно, и сіе полезно; ибо магистратскіе президенты изъ посадъ къ доброму правленію, для свойства со многими, не способны, а для общаго торгу и промысла немощнымъ тяжки и раззорительны“.—Прим. Татищева.

кающей правильной сунты, дерево часто подвергается глѣнію или гніенію, уменьшающихъ значительно его достоинство. Тѣмъ не менѣе нѣтъ никакого сомнѣнія, что сплавка сама по себѣ влечетъ за собою потерю въ горючемъ матеріалѣ и уменьшаетъ количество этого послѣдняго въ данномъ объемѣ дровъ. Существующія наблюденія и опытъ показываютъ, что при сплавкѣ, вслѣдствіе выщелачиванія, удаляется изъ дерева извѣстное количество органическихъ горючихъ веществъ. Это выщелачиваніе не оказываетъ, однако, замѣтнаго вліянія на элементарный составъ дерева и на тепловой его эффектъ, но оно уменьшаетъ кажущійся удѣльный вѣсъ дерева, а, слѣдовательно, и количество горючаго матеріала, содержащагося въ данномъ объемѣ, уменьшеніе котораго становится ощутительнымъ при опредѣленіи достоинства дровъ *по объему*. Кроме того, при сплавкѣ въ деревѣ иногда увеличивается количество золы, вслѣдствіе отложенія въ его порахъ песку, глины и т. д.

Вліяніе сплавки на достоинство дровъ было изслѣдовано *Nördlinger* омъ (1850) и *Wunder* омъ (1864). По изслѣдованіямъ *Wunder* а, тонкія древесныя стружки сухія, многіе выщелоченныя водою, имѣли тотъ-же элементарный составъ, какъ и нещелоченныя. 100 частей вещества (за вычетомъ золы) содержали:

	нещелоченное:	щелоченное:
Углерода	49,68	49,69
Водорода	6,11	6,05
Кислорода	44,26	44,26

По анализу того же изслѣдователя, элементарный составъ сухихъ передъ и послѣ сплавки не показывалъ рѣзкаго различія. Образчики, высушенные при 110°, имѣли слѣдующій элементарный составъ:

	несплавленное.	сплавленное.
Углеродъ	48,84	50,86
Водородъ	5,72	5,80
Кислородъ	45,68	48,88
Зола	0,81	0,46

Приведенныя числа позволяютъ думать, что при сплавкѣ дерево немного измѣнилось, и что тепловой эффектъ его *увеличился*. Въ то же время заводскіе опыты показали, что для замѣна 100 саженихъ несплавныхъ дровъ требуется 112,8 саженихъ сплавныхъ.

Понятно, что это различное отношеніе сплавныхъ и несплавныхъ дровъ могло зависеть только отъ измѣненія физическихъ свойствъ дерева во время сплавки. И дѣйствительно, опыты *Wunder* а показали, что удѣльный вѣсъ сплавнаго дерева былъ $=0,409$, удѣльный же вѣсъ несплавнаго $=0,446$ ¹⁾, откуда слѣдуетъ, что вѣса равныхъ объемовъ несплавныхъ и сплавныхъ дровъ относятся между собою какъ 100: 91,7 или что равные вѣса займутъ для несплавныхъ 100, а для сплавныхъ 109 объемовъ. Практика, какъ сказано выше, дала отношеніе 100 къ 112. Это разногласіе *Wunder* объясняетъ тѣмъ, что сплавное дерево содержитъ въ своихъ порахъ болѣе воздуха, чѣмъ несплавное, и этотъ избытокъ воздуха препятствуетъ образованію горючихъ газовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаетъ длину пламени. Какъ бы тамъ ни было, опыты

¹⁾ Изслѣдованные образчики дерева содержали почти одно и то же количество воды.

Wunder'a показывают, что при славке удельный вѣсъ дерева уменьшился и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшилось количество горячаго матеріала, заключающагося въ опредѣленномъ объемѣ дровъ, хотя тепловой эффектъ дровъ, выраженный въ вѣсовыхъ единицахъ, не только не уменьшился, но даже увеличился.

Опыты *Nördlinger'a* имѣли цѣлью опредѣлить тепловой эффектъ сплавныхъ и несплавныхъ дровъ. Тепловой эффектъ этотъ былъ опредѣленъ *Nördlinger'омъ* по количеству воды, испаряемой 1 фунтомъ дерева. Полученные результаты помѣщены въ нижеслѣдующей таблицѣ:

П о р о д а д е р е в а .	Вѣсъ 1 куб. фута.	Удѣл. вѣсъ, (кажущійся).	1 фунтъ дерева испарилъ фунтовъ воды.
1) Несплавное буковое дерево	81,8—82,2	0,636—0,644	1,936
2) Тоже	81,4	0,628	1,945
3) Тоже немного залежавшееся (<i>Stockich</i>)	89,1	0,782	1,775
4) Тоже, какъ 8	89,1	0,782	1,889
5) Славное буковое дерево	81,4—85,2	0,628—0,704	1,904
6) Славн. буковое, немного потемнѣвшее.	81,8—82,2	0,636—0,644	1,628
7) Славное буковое дерево	81,4—85,2	0,628—0,704	2,021
8) Тоже	81,8—82,2	0,636—0,644	1,941
9) Славное еловое дерево	19,2	0,384	1,807
Среднее для буковаго дерева	82,98	0,670	1,880
Среднее для несплавн. буков. дерева . . .	—	—	1,886
Среднее для славн. буковаго дерева . . .	—	—	1,873

Числа эти показываютъ, что тепловой эффектъ, выраженный въ вѣсовыхъ единицахъ, сплавныхъ и несплавныхъ дровъ, оказался почти одинъ и тотъ же, такъ какъ разница простиралась всего только на $\frac{1}{10}\%$. Тѣмъ не менѣе кажущійся удельный вѣсъ славнаго дерева оказался и здѣсь меньше несплавнаго; удельный вѣсъ перваго колебался между 0,628—0,704, втораго 0,636—0,782. Разница эта однако не такъ велика, и разница въ удельномъ вѣсѣ дерева, а, слѣдовательно, въ вѣсѣ опредѣленнаго объема его (напр. кубическаго фута), происходящая отъ порчи дерева, достигаетъ гораздо болѣе значительныхъ предѣловъ, какъ показываетъ нижеслѣдующая таблица, заимствованная также у *Nördlinger'a*:

П о р о д а д е р е в а .	Число годичныхъ слоевъ на дюймъ.	Вѣсъ кубическаго фута.	Удельный вѣсъ.
1) Букъ, славный	40	88,50	0,770
2) Тоже	13	88,87	0,670
3) Букъ, неславн. испавш. (<i>Weissfaul</i>)	—	14,90	0,292
4) Ель, славн.	14	22,68	0,458
5) Пихта, славн.	5½	18,40	0,368
6) Тоже	—	18,70	0,374
7) Пихта, неславн.	11	19,70	0,394
8) Тоже	10	20,58	0,412
9) Сосна неславн.	8	21,80	0,436
10) Тоже	7½	22,61	0,52

СОЛОМА

Солома, какъ суррогатъ дерева, употребляется во многихъ безлѣсныхъ мѣстахъ Россіи не только для отопленія жилыхъ помѣщеній, но также какъ топливо въ нѣкоторыхъ производствахъ. Въ послѣднее время на югѣ было сдѣлано нѣсколько опытовъ приспособить локомобили къ отопленію соломой, которые дали удовлетворительные результаты. Чтобы дать понятіе о достоинствѣ соломы, какъ топлива, я замѣчу, что солома различныхъ растений содержитъ отъ 3,10—6,15% золы, а, слѣдовательно, отъ 93,85—96,9% горючихъ веществъ. Элементарный составъ органической части соломы почти не извѣстенъ. Въ технической литературѣ, я встрѣтилъ только въ статьѣ *Флека* (Fleck, 1866) о классификаціи каменныхъ углей, указаніе элементарнаго состава соломы (безъ обозначенія какого происхожденія) и лугового сѣна. По этимъ даннымъ въ 100 частяхъ сухаго вещества (за вычетомъ золы) содержится:

	С.	Н.	О.
Солома	46,8	6,2	47,0
Луговое сѣно	50,3	6,3	48,4

Въ сочиненіи *Лловецкаго* "Вода и Топливо" (Спб., 1879, Ч. II, 18) приводится, что солома содержитъ отъ 45—52% углерода, 6,5—7,5% водорода, отъ 36—40% кислорода и азота и отъ 5,5—7,5 золы, причемъ источникъ, откуда взяты эти числа, не указанъ.

Ближайшій составъ золы соломы различныхъ растений былъ опредѣленъ многими изслѣдователями и результаты, полученные ими, собраны *Wolff* омъ въ его сочиненіи *Aschen-Analysen* (Berlin, 1875) съ присоединеніемъ среднихъ чиселъ. Приведемъ здѣсь для примѣра нѣкоторые изъ этихъ чиселъ.

СОЛОМА.	Число анализовъ.	Всё соло въ 100ч. сух.вещ.	Въ 100 частяхъ солои содержится.								
			K ₂ O	Na ₂ O	CaO	MgO	Fe ₂ O ₃	PO ₅	SO ³	SiO ²	Cl.
Озимая пшеница . . .	18	5,87	18,65	1,38	5,76	2,48	0,61	4,81	2,45	67,50	1,68
Яровая пшеница . . .	7	4,45	28,91	2,69	6,89	2,45	0,72	5,15	8,13	47,60	2,19
Озимая рожь	10	4,79	19,24	2,15	8,58	2,72	1,04	5,14	2,71	56,38	2,51
Яровая рожь	8	5,44	23,15	—	8,90	2,76	—	6,46	2,51	55,89	—
Ячмень	21	4,80	22,88	4,18	7,77	2,60	0,69	4,48	3,71	52,02	2,26
Овёс	9	4,70	22,12	2,89	8,86	4,04	1,45	4,69	3,09	48,57	6,31
Стебли льна	16	8,58	31,06	8,14	22,23	6,58	2,40	13,59	6,54	5,51	4,09

ТОРФЪ.

Литература.

Книжная литература по торфу и торфяному производству очень обширна.

Старая литература собрана тщательно въ сочиненіи *Leo* „Die Compression des Torfes. und der Braunkohle, Prag, 1864“ Къ 180 сочиненіямъ, указаннымъ въ названномъ трудѣ *Leo*, я прибавлю еще слѣдующія, отчасти пропущенныя авторомъ, отчасти вышедшія послѣ 1864 г.

Schimper, Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Torfmoose, Stuttg., 1858 (для ботаниковъ).

Vogel, A. Der Torf, seine Natur und Bedeutung, Braunsch. 1859 (8°, 170).

Türschmiedt, A. Ueber Torf-Fabrikation, Berlin, 1859 (8°, 48).

Seidel. Der Torf und seine rationnelle Verarbeitung, Berlin, 1878.

Vogel. Der Torf, prakt. Anleitung zur Werthbestimmung von Torfgruben und Torfwerksanlagen. München, 1861.

Senft, Die Humus,—Marsch,—Torf,—und Limonit-Bildung. Lpz., 1862.

Schenck. Die rationnelle Torfverwertung. Braunsch., 1862.

Schlickeisen. Ueber die Fabrikation von Presstorf, Berlin, 1864.

Wentz, *Lintner* и *Eihorn*. Der Kugeltorf. Freising, 1867.

Крумъ. Отопленіе торфомъ. Спб. 1859, (8°, 93).

Thenius, Die Torfmoore Oesterreichs und der angrenzenden Länder. Wien, 1874.

Коссовскій, Ф. Торфъ, какъ новый источникъ богатства югозападнаго края. Киевъ, 1875 (15°, III+78).

Näggerath, Der Torf. Berlin, 1875 (8°) Соч. популярнаго характера.

Hausding, A. Industrielle Torfgewinnung und Torfverwerthung, Berlin, 1876 (8°, XVI+318).

Lencauches, A. Traité sommaire concernant la tourbe, son extraction et son emploi comme combustible industriel. Paris, 1876 (8°, IV+85).

Woeniger, J. Ueber Brenmaterialien und die Ausnutzung der Torfmoore durch Torfpresen. Schwerin, 1876.

Bosc, E. Traite complet de la tourbe, Paris 1876 (8°, 242).

Gremlich, J. Beginn der Torfbildung. Hall, 1877 (8°, 21).

Hausding, A. Die Torfwirtschaft Süddeutschlands und Oesterreichs. Berlin, 1878 (8°, 65).

Samnson. Die Torfindustrie (Separat-Abdruck aus der Balt-Monats Schrift). Riga, 1879.

E. Birnbaum und *K. Birnbaum*. Die Torf-Industrie und die Moor-Cultur, Braunsch., 1880 (Входитъ въ составъ „Otto-Birnbaum, Landwirthschaftliche Gewerbe).

Изъ перечисленныхъ сочиненій самаго большаго вниманія заслуживаютъ въ настоящее время слѣдующія сочиненія:

Hausding, Industrielle Torfgewinnung (Berlin, 1876).

Hausding, Die Torfwirtschaft (Berlin, 1878).

Bosc, Traité complet de la tourbe (Paris, 1876).

Lencauchez, Traité sommaire concernat la tourbe. (Paris, 1876).

Birnbaum, Die Torfindustrie (Braunsch., 1880).

На русскомъ языкѣ мнѣ не извѣстно ни одного основательнаго сочиненія по торфяному производству, но извѣстно нѣсколько статей, имѣющихъ цѣлью познакомить технику съ производствомъ торфа, а именно:

Штес. Объ употребленіи торфа, какъ горючаго матеріала и о приготовленіи его посредствомъ машинъ (Переводъ съ нѣмецкаго). Горн. Журн. 1865, IV, 58.

Грюнберъ. Добыча и обработка торфа (переводъ съ нѣмецкаго). Горн. Журн. 1862, IV, 425.

Кошкинъ, П. С. Приготовление и употребленіе торфа. (Русс. Сельск. Хоз., 1875, № 8; 1876, № 7 и 8).

Лактинъ. Торфъ, его добываніе и обработка (Журн. Мин. Путей-Сообщенія 1875, книга 3 и 4).

Мѣстонахожденіе торфа. Торфъ имѣетъ огромное распространеніе въ умѣренной полосѣ земнаго шара. Въ сѣверной Америкѣ, въ сѣверной Европѣ нѣтъ ни одного государства, въ которомъ торфяники не занимали бы цѣлыхъ квадратныхъ миль. Въ Европѣ особенно богаты торфяниками Ирландія, Швеція, Норвегія и побережья нѣмецкаго и балтійскаго морей. Далѣе къ югу количество торфяниковъ уменьшается, хотя въ Баваріи, Вюртембергѣ, Баденѣ, Австро-Венгріи, даже во Франціи, Испаніи и Италіи встрѣчаются богатые залежи торфа. У насъ, въ Россіи, торфъ находится почти повсѣмѣстно въ значительныхъ, хотя еще не точно опредѣленныхъ, количествахъ. Одни казенные болота, изслѣдованные въ шести только губерніяхъ: Петербургской, Московской, Рязанской, Владимірской, Орловской и Тамбовской, а равно вдоль линіи Курско-Кіевской желѣзной дороги, содержатъ 100 милліоновъ куб. сажень отличнаго торфа. Кромѣ того значительныя залежи торфа находятся и въ другихъ губерніяхъ, и между прочимъ въ Остзейскихъ.

Разсмотримъ ближе мѣстонахожденіе торфа въ европейскихъ государствахъ:

Англія обладаетъ значительными залежами торфа, преимущественно въ Ирландіи. Въ этой странѣ торфяники, при мощности отъ 15 до 18 метровъ, занимаютъ пространство въ 2, 428,026 гектаровъ (8 мил. акровъ). Самые значительные торфяники въ Шотландіи находятся на Гебридскихъ островахъ ¹⁾.

Во Франціи торфяники занимаютъ 1,200,000 гектаровъ и встрѣчаются въ 58 департаментахъ; главнымъ же образомъ: на сѣверѣ—въ департаментахъ Соммъ и Сенъ и Оазъ, на востокѣ—вдоль Вогеузъ Юри и Дубса (Doubs); на западѣ—при устьи Луары, на югѣ—въ департаментѣ Рони, Изере (Isère) и возлѣ устья р. Рони ²⁾.

¹⁾ Восс, I. с. р. 62. По *Burton'у* (1863) торфяники В. Британіи занимаютъ всего 6 мил. акровъ съ мощностью въ 12 футовъ.

²⁾ Восс I. с. 94—56.

Важѣйшія торфяныя залежи *Бельгии* лежатъ въ окрестностяхъ *Аттъ* (Ath) и *Андверпена*, по берегамъ *Шельды*, равно какъ и въ такъ называемой *Campine belge* ¹⁾.

Въ *Голландіи* почти вся почва состоитъ изъ торфяниковъ.

Въ *Даніи* до 180,000 гектаровъ земли заняты торфяниками, что составляетъ $\frac{1}{30}$ всей поверхности этого королевства. Острова болѣе богаты торфяниками, чѣмъ полуострова; самые обширныя торфяники находятся въ сѣверной оконечности *Ютландіи*, именно въ округѣ *Njorring*, въ которомъ между прочимъ помѣщается обширный торфяникъ, извѣстный подъ названіемъ „большой Вильдмось“ ²⁾.

Сѣверная часть Германскаго Союза обладаетъ обширными торфяниками, расположенными вдоль *Сѣвернаго* и *Балтійскаго* морей, именно въ *Ганноверѣ*, *Ольденбургѣ*, *Бранденбургѣ*, *Помераніи* и въ восточной и западной *Пруссіи*. Торфяники эти занимаютъ поверхность отъ 675 до 844 тысячъ гектаровъ ³⁾.

Торфяники южной *Германіи* и *Астріи* не занимаютъ, подобно торфяникамъ сѣверной и восточной *Германіи*, въ особенности торфяникамъ *Ганновера* и *Ольденбурга*, большихъ сплошныхъ пространствъ, но наполняютъ небольшія мулды гористыхъ странъ и небольшія низменности раіоновъ разлива большихъ рѣкъ, Дуная, Эльбы, и ихъ притоковъ, равно какъ и заливы баварскихъ и верхнеавстрійскихъ озеръ. Самый значительный изъ этихъ торфяниковъ есть *Эрдингъ-Фрейзінскій*, лежащій недалеко отъ *Мюнхена*, на правомъ берегу *Изаръ* и занимающій пространство въ 28,000 гектаровъ. Къ торфянику этому примыкаетъ *Дахаускій*, къ востоку отъ *Мюнхена*, съ площадью въ 21,000 гектаровъ и *Лайбахскій* въ *Краинѣ* съ площадью въ 17,000 гектаровъ. Всѣ другіе торфяники занимаютъ небольшія пространства, вообще менѣе 5000 гектаровъ, причемъ большая часть изъ нихъ занимаетъ пространство всего въ 50 до 300 гектаровъ. Въ виду этого, не смотря на большое число торфяниковъ въ южной *Германіи* и *Австріи*, общая площадь ихъ значительно меньше площади сѣверо-германскихъ торфяниковъ. Можно принять, что *Вюртембергскіе* и *Баденскіе* торфяники занимаютъ площадь въ 30,000, *Баварскіе* 60—70,000, а *австрійскіе* 40,000 гектаровъ (*Hausding, Torfwirtschaft*, p. 7 ⁴⁾).

Въ *Италіи* торфяники встрѣчаются въ значительномъ числѣ въ *Сардиніи*, *Піемонтѣ* (около *Турина*) и въ *Ломбардіи*.

Россія, какъ уже сказано, очень богата торфяниками, занимающими огромныя сплошныя пространства и имѣющими мощность, доходящую до 10—11 метровъ. Тѣмъ не менѣе нынѣшніе размѣры производства составляютъ очень незначительный процентъ относительно общаго количества торфяной массы, хотя на торфяное производство обращено у насъ вниманіе давно *Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ*, которое въ концѣ прошлаго столѣтія назначило золотую медаль тому, кто займется разработкою торфа и введетъ его въ употребленіе ⁵⁾. Въ настоящее время торфяники разрабатываются въ губерніяхъ: московской, прибалтійскихъ, тамбовской, тверской, ⁶⁾ владимірской, рязанской, кіевской, тульской, полтавской, курской, казанской, воронежской, орловской, и харьковской. Болѣе другихъ губерній

¹⁾ Bosc l. с. 75.

²⁾ Bosc, p. 61.

³⁾ Hausding, *Ind Torfgewinnung*, p. 8.

⁴⁾ По исчисленію *Thenius'a* (1874) торфяники *Австріи* занимаютъ 90,554,000 кв. вѣн. сажень (около 32,600 гектаровъ) и имѣютъ мощность среднимъ числомъ въ 6 футовъ (1,9 метр.).

⁵⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія о развитіи у насъ торфянаго производства можно найти въ „Земледѣльческой Газетѣ“ за 1875 (стр. 65). ⁶⁾ Справ. *Schmidt* (1860), *Jacobi* (1868).

торфанное производство развито въ московской губерніи, гдѣ ежегодно производятъ около 80,000 куб. сажень торфа ¹⁾, во Владимірской, гдѣ дѣйствуютъ превосходные торфяные заводы Морозовыхъ и Харитоновъ ²⁾, въ Харьковской губерніи, преимущественно въ Сумскомъ уѣздѣ ³⁾ и наконецъ въ Кіевской губерніи, гдѣ онъ разрабатывается графомъ Бранинскимъ, около Бѣлой Церкви ⁴⁾ и въ другихъ мѣстахъ. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ торфяники занимаютъ болѣе 8,000 $\square$ верстъ и во многихъ мѣстахъ разрабатываются ⁵⁾.

Торфяники другихъ странъ свѣта мало изслѣдованы, хотя торфяники встрѣчаются часто даже въ жаркихъ странахъ. Такъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, между штатами Вергинія и сѣверная Каролина (36°, 8 с. ш.) находится большое болото, извѣстное подъ названіемъ „great dismal“ и состоящее изъ черной торфяной массы безъ землистыхъ примѣсей мощностью въ 15 футовъ.—Недавно были найдены богатые торфяныя залежи въ Остѣ-Индіи недалеко (500 килом.) отъ Бомбея.

Образованіе торфа и его свойства. Торфъ, какъ уже сказано выше образовался и образуется въ настоящее время разложеніемъ различныхъ водныхъ растений при слабомъ доступѣ воздуха, преграждаемомъ обыкновенно стоячею водою и потому первымъ условіемъ для образованія торфа является мѣстность влажная съ такою почвою или подпочвою, сквозь которую вода не могла бы просачиваться. На поверхности стоячей воды сначала развиваются водоросли и конфервы; умирая, они опускаются на дно образуя первоначальный слой, на которомъ являются мхи (*Sphagnum*, *Nurpium*); плотно переплетаясь между собою, они образуютъ постоянно увеличивающійся слой, въ которомъ укореняются потомъ и другія растенія. По мѣрѣ того какъ сверху образуются новыя растенія, слои старыхъ разлагаются. При недостаткѣ атмосфернаго кислорода, водородъ и углеродъ растеній превращается въ уголекислоту и воду на счетъ кислорода самихъ растеній, который окисляетъ преимущественно водородъ, кромѣ того послѣдній соединяется съ углеродомъ, образуя жидкіе и газообразные продукты (углеродистые водороды), такъ что въ разлагающейся массѣ всего болѣе уменьшается количество кислорода, затѣмъ количество водорода, а всего менѣе углерода. Вслѣдствіе этого въ массѣ увеличивается процентное содержаніе углерода и она превращается въ черное смолистое, довольно плотное вещество—торфъ ⁶⁾. При этомъ разложеніи образуются и другіе газы напр. сѣрнистый водородъ (черезъ разложеніе сѣрнистаго кальція), и кромѣ

¹⁾ Срав. П. Н. Алексеевъ. Минеральное топливо между Петербургомъ и Москвою. Зап. Русск. Техн. Общ. 1878, II, 320—342.

²⁾ Русское сельское хозяйство 1875, XX, № 8, 94 стр. и Лѣсной журналъ, 1878, выш. 8, стр. 89.

³⁾ Земледѣл. газета, 1875, 65, 66.

⁴⁾ Лѣсной журналъ, 1878, вып. 3, стр. 90.

⁵⁾ Rigasche Ind. Zeitung, 1876, 41.

⁶⁾ Это объясненіе образованія торфа было дано въ первый разъ *Wiegmann'* омъ въ 1837 году.

того изъ разлагающихся растений удаляется большая часть щелочей, химически соединенной кремневой кислоты, которая служитъ затѣмъ для питанія послѣдующихъ генерацій болотныхъ растений.

Къ растениямъ, образующимъ торфъ, относятся почти всѣ мхи, большая часть другихъ тайнобрачныхъ растений и многіе виды явнобрачныхъ, въ особенности однако *Sphagnum*, *Hypnum*, конфервы и водоросли, къ которымъ, смотря по мѣсту образованія торфа, присоединяются то болотистыя (*Sparganium*, *Nymphaea alba* *Calla* и т. д.), то луговые (различныя виды *Erica*, *Vaccinium*, *Calluna*), то морскія растения (ситники, травы, въ особенности *Zostera marina* и всѣ морскія водоросли), то, наконецъ, стволы деревьевъ (*Pinus pumilio*), корни, листья и т. д. Такимъ образомъ число растений, служившихъ для образованія торфяниковъ, очень значительно и *Sendtner*, въ своемъ сочиненіи „*Vegetationsverhältnisse Südbaierns*“ (München, 1854) насчитываетъ болѣе 300 видовъ растений въ южнобаварскихъ торфяникахъ. Тѣмъ не менѣе обширныя изслѣдованія Вебскаго (J. Websky, 1864) надъ составомъ и образованіемъ торфа, позволяютъ думать, что торфъ такъ называемыхъ возвышенныхъ и луговыхъ торфяниковъ образовался почти исключительно изъ различныхъ видовъ *Sphagnum* и что всѣ другія растения, встрѣчающіяся въ этихъ видахъ торфяниковъ, имѣютъ подчиненное значеніе, хотя, при значительномъ ихъ накопленіи, они могутъ оказывать явное вліяніе на пирометрическое достоинство торфа и содержаніе въ немъ золы.

Что касается процесса образованія торфа, то онъ еще мало изслѣдованъ. Сопоставляя элементарный составъ мха (*Sphagnum*) и торфа различнаго возраста, Вебскій (1864) полагаетъ, что растения начинаютъ разлагаться тотчасъ послѣ своей смерти, причемъ сначала образуется главнымъ образомъ болотный газъ вмѣстѣ съ незначительнымъ количествомъ воды; затѣмъ образованіе воды усиливается, образованіе же болотнаго газа уменьшается, и, спустя нѣкоторое время, замѣняется образованіемъ углекислоты. Составъ газовъ, выделяющихся при этомъ процессѣ, и могущій подтвердить или опровергнуть вышеизложенное мнѣніе объ образованіи торфа, изслѣдованъ очень недостаточно. По Вебскому, (1864) газъ, выделявшійся изъ неглубокой торфяной ямы, покрытой плотнымъ слоемъ *Sphagnum* и наполненной не торфомъ, а мелкимъ иломъ, состоялъ изъ 2,97% углекислоты, 43,36% болотнаго газа и 53,37% азота, онъ имѣлъ, слѣдовательно, составъ близкій къ составу газа, собранному Бузеномъ изъ одного пруда въ Марбургѣ.—Газъ этотъ, послѣ удаленія небольшихъ количествъ углекислоты, состоялъ изъ 48,5% болотнаго газа и 51,5% азота. Въ растущемъ, еще живомъ торфяникѣ Вебскій не могъ замѣтить выдѣленія газовъ.—Минеральныя вещества, содержащіяся въ торфяныхъ растенияхъ, претерпѣваютъ при разложеніи послѣднихъ, извѣстныя измѣненія. Судя по анализамъ Н. Vohla (1859), Petzoldt'a (1861), Вебскаго (1864) и Birnbaum'a (1870), нужно думать, что при медленномъ окисленіи растительныхъ остатковъ и при превращеніи ихъ въ торфъ, большая часть щелочей и химически соединенной кремневой кислоты удаляются изъ растительныхъ остатковъ и служатъ для образованія и питанія послѣдующихъ генерацій.

Образуясь при очень различныхъ условіяхъ, торфяники не представляютъ однороднаго характера, а, напротивъ того, значительно отличаются другъ отъ друга какъ своими свойствами, такъ и внѣшнимъ видомъ. То они представляютъ почти непреступныя болота, то рыхлыя, губчатая поверхности, покрытыя болѣе твердыми и упругими кочками, поросшими травой; то они тверды и покрыты кустарниками, то, наконецъ, по внѣшнему виду, совершенно не похожи на торфяники и покрыты полями и лугами.

Встрѣчаются также торфяники, покрытые плотными слоями глины и песка, или затопленные морскою или прѣсною водою. Мощность торфяниковъ также очень различна и колеблется обыкновенно между 3—4 метрами. Въ Ирландіи и на берегахъ Балтійскаго моря мощность нѣкоторыхъ торфяниковъ доходитъ до 20 метровъ, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ.

Въ виду столь разнообразнаго характера торфяниковъ, классификація ихъ представляетъ большое затрудненіе. Всего болѣе удовлетворительна классификація торфяниковъ по мѣсту ихъ нахожденія, такъ-какъ съ этимъ связанъ и характеръ растительности. Такъ отличаютъ: 1) *возвышенные или борозовые торфяники* (Hochmoore), особенно распространенные въ сѣверной Россіи, лежащіе въ равнинахъ, близъ холмовъ, даже на возвышеніяхъ и отличающиеся тѣмъ, что середина ихъ возвышена надъ уровнемъ; ихъ называютъ и моховыми болотами; 2) *луговые* (Wiesenmoore),—въ плоскихъ долинахъ, нерѣдко наклонныхъ къ рѣчкамъ, озерамъ и проч., они покрыты кочками и дерномъ; 3) *лѣсные*, образовавшіеся въ лѣсахъ черезъ разложеніе листьевъ, хвороста и т. д. 4) *приморскіе*—встрѣчающіеся по берегамъ морей и образовавшіеся изъ морскихъ растений, съ примѣсмью прѣсноводныхъ, при запруженіи источниковъ, рѣчекъ и т. д.

Столь же разнообразно, какъ внѣшній видъ торфяниковъ, ихъ содержимое—*торфъ*. Не только торфъ изъ различныхъ торфяниковъ, но даже торфъ, взятый изъ различныхъ слоевъ одного и того же торфяника, бываетъ существенно различенъ какъ по своему виду, такъ и по своимъ свойствамъ и составу. Въ виду этого классификація торфовъ представляетъ большія затрудненія, и всѣ предложенныя классификаціи торфа нельзя считать удовлетворительными. Всего болѣе принято группировать торфъ по растеніямъ, послужившимъ главнымъ образомъ для его образованія, тѣмъ не менѣе классификація эта не опредѣляетъ техническихъ свойствъ торфа и крайне затруднительна, такъ-какъ рѣдко встрѣчается торфъ, въ которомъ преобладаетъ одинъ только видъ растенія. Въ техническомъ отношеніи болѣе удобно подраздѣленіе торфа по его внѣшнему виду, такъ-какъ имъ опредѣляется способъ добыванія торфа и, до извѣстной степени, его качества. На основаніи этого признака отличаютъ ¹⁾:

1) *Смолистый торфъ*. Онъ представляетъ черно-бурю, или совершенно черную, однородную и довольно плотную массу, безъ слѣда организованныхъ веществъ. Въ большей части случаевъ онъ покрытъ другими породами и добывается горнозаводскимъ образомъ. Торфъ этотъ встрѣчается довольно рѣдко, даетъ сильный жаръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ много зловоннаго дыма. Его часто разсматриваютъ, какъ переходъ къ бурому углю.

2) *Болотный или землистый торфъ* (Sumpf-oder Baggertorf). Онъ представляетъ собою илъ, образовавшійся изъ торфа; имѣетъ темный, часто вполне черный цвѣтъ и содержитъ остатки растеній, видимые прѣстѣмъ

¹⁾ Классификація эта предложена *Karmarsch*-омъ (1840), въ его обширныхъ изслѣдованіяхъ надъ Ганноверскимъ торфомъ. Срав. Dingler J. 1854, 131, 75.

глазомъ. Его добываютъ черпаками, затѣмъ формуютъ и сушатъ. Въ сухомъ состояннн онъ довольно однороденъ, горитъ хорошо и даетъ много тепла.

3) *Волокнистый или дерновыи торфъ* (Rasen,—Faser-Torf). Онъ состоитъ изъ переплетенныхъ между собою растений, между которыми заключено безформенное торфяное вещество. Его добываютъ вырѣзываніемъ. Между волокнистымъ торфомъ встрѣчаются очень хорошіе сорта торфа, отличающіеся своею плотностью и темнымъ цвѣтомъ (бурый торфъ); съ другой стороны, встрѣчаются также сорта, состоящіе почти исключительно изъ легкой волокнистой ткани желтаго или свѣтло бурога цвѣта, выдѣляющіе мало тепла (волокнистый торфъ въ тѣсномъ смыслѣ слова).

Всѣ эти виды торфа представляютъ безчисленное множество переходовъ одинъ къ другому и въ глубокихъ торфяникахъ можно встрѣтить постепенный переходъ отъ самыхъ легкихъ волокнистыхъ торфовъ къ очень тяжелымъ, въ которыхъ нѣтъ болѣе слѣдовъ растительныхъ остатковъ.

Смолистый и болотный торфъ встрѣчается въ такъ называемыхъ луговыхъ, морскихъ и лѣсныхъ торфяникахъ; волокнистый же торфъ встрѣчается по преимуществу въ возвышенныхъ торфяникахъ.

Ближайшія составныя части торфа мало изслѣдованы. По имѣющимся даннымъ, торфъ состоитъ главнымъ образомъ изъ остатковъ растений, перегнойнаго угля и гуминовыхъ кислотъ съ примѣсю нѣсколькихъ процентовъ смолистыхъ веществъ; кромѣ того онъ содержитъ всегда известное количество минеральныхъ соединений.

Ближайшія составныя части торфа были изслѣдованы *Crome* (1812), *Dau* (1828), *Bergsma* и *Zenneck* (1827), *Wiegmann*'омъ (1837), *Lampadius*'омъ (1839); *Reinsch*'омъ (1841); *Hermann*'омъ (1842) и *Ferstl*'омъ (1853). Вотъ сопоставленіе общихъ результатовъ, полученныхъ нѣкоторыми изъ названныхъ изслѣдователей.

	Zenneck (1827 ¹⁾).	Wiegmann (1837 ²⁾):		Hermann (1842 ³):		Ferstl. (1853 ⁴)
		I.	II.	I.	II.	
Перегнойнаго угля	81,0	45,20	44,60	7,50	80,00	34,70
Растительныхъ волоконъ						16,22
Гуминовыхъ кислотъ	5,5	27,60	10,40	21,00	18,00	24,23
Смолистыхъ веществъ	1,5	20,00	2,93	—	—	5,60
Неорг. соед., раствор. въ водѣ	7,5	1,90	39,07	1,25	2,00	0,16
Неорг. соед., нераств. въ водѣ	4,5					
Амміаку	—	—	—	0,25	—	—
Воды	—	5,30	2,20	—	—	14,50
	100,0	100,00	99,20	100,00	100,00	98,54

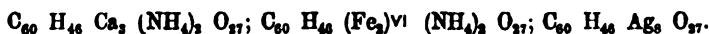
¹⁾ Черный, смолистый торфъ изъ торфяника Зиндельфингеръ въ Вюртембергскомъ королевствѣ. Содержалъ 25% воды; у. в. 0,72.

²⁾ I боровой торфъ; II болотный торфъ.

³⁾ Торфъ изъ окрестностей Москвы I—первый сортъ, II—второй сортъ.

⁴⁾ Торфъ изъ Санъ-Вольфганга (верхн. Австрія).

Смолистые вещества торфа были изслѣдованы ближе *Mulder'* омъ (1839), *Reinsch'* омъ (1841) и *Jacobsen'* омъ (1871). Изъ этихъ изслѣдованій слѣдуетъ заключить, что въ торфѣ содержится нѣсколько (до 4-хъ) различныхъ смолистыхъ веществъ, состоящихъ изъ С, Н и О и неимѣющихъ ничего общаго съ воскомъ и парафиномъ. *Гуминовая кислота*, содержащаяся въ торфѣ, была изслѣдована *Soubeiran'* омъ (1850) и *Detmer'* омъ (1878). По изслѣдованіямъ этого послѣдняго, углекислыя щелочи извлекаютъ изъ торфа гуминовую кислоту состава $C_{60} H_{44} O_{17}$; она аморфна, растворима болѣе въ горячей, чѣмъ въ холодной водѣ, красить лакмусъ и вытѣснять углекислоту изъ углекислыхъ солей. Растворъ кислоты въ амміакѣ даетъ при выпариваніи соединеніе состава: $C_{60} H_{46} (NH_4)_2 O_{17}$. При дѣйствіи на это соединеніе хлористымъ кальціемъ, хлорнымъ желѣзомъ и азотносеребряною солью, получаются соли:

Элементарный составъ торфа опредѣленъ гораздо точнѣе ближайшихъ его составныхъ частей. На основаніи очень большаго числа анализовъ, нужно принять, что, не смотря на различное происхожденіе торфа и очень различныя его физическія свойства, элементарный составъ самаго торфянаго вещества представляетъ только незначительныя колебанія и что различіе, замѣчаемое въ нагрѣвательной способности различныхъ видовъ торфа, обусловливается главнымъ образомъ физическимъ ихъ строеніемъ и количествомъ и качествомъ золы, въ нихъ содержащейся. На основаніи имѣющихся анализовъ принимаютъ, что торфяное вещество, лишенное золы и гигроскопической воды, содержитъ круглымъ числомъ:

Углерода	60,00 %
Водорода	6,00 %
Кислорода и азота	34,00 %

Количество азота, содержащееся въ торфѣ, незначительно и колеблется обыкновенно между 1—3%, чаще между 1—2%. Извѣстны впрочемъ, случаи, въ которыхъ количество азота равно даже 6%.

Количество и качество минеральныхъ веществъ, содержащихся въ торфѣ, представляетъ большія колебанія, а именно, количество золы колеблется между $\frac{1}{2}$ —50%. Торфъ, содержащій менѣе 5% золы, считается бѣднымъ золою; торфъ, содержащій до 10% золы, торфомъ съ среднимъ содержаніемъ золы, а торфъ, содержащій болѣе 10% золы—богатымъ золою. Торфъ, содержащій болѣе 25% золы, обыкновенно не можетъ быть съ пользою употребляемъ какъ топливо.

Торфяная зола имѣетъ порошкообразный видъ и то бѣлый, то сѣрый, то желтый цвѣтъ. Она содержитъ, кромѣ песку, силикаты алюминія, кальція и желѣза, окись кальція, окись магнезіи, сѣрнокальціевую и углекальціевую соли съ примѣсью незначительныхъ количествъ хлора, фосфорной кислоты и щелочей (до 3%).

Нижеслѣдующія данія болѣе обстоятельное понятие объ элементарномъ составѣ торфа.

МѢСТОНАХОЖДЕНІЕ ТОРФА.	Въ 100 частяхъ су- хаго торфа содер- жится (безъ воды).					Удѣльный вѣсъ.	СВОЙСТВА ТОРФА.	Имя исследователя.
	Въ 100 частяхъ су- хаго торфа содер- жится (безъ воды).	С.	Н.	О.	N.			
А в с т р і я.								
Bohemia, Meronitz	66,10	—	—	—	—	—	Торфя. земля бурого цвѣта.	Hoffmann (1863).
" Grätzen	12,31	5,77	—	—	—	—	} Однородный плотный торфъ.	" "
" Grätzen	25,00	16,63	—	—	—	—		Lampadius (1839).
" Eger	18,4	4,1	—	—	—	45,0	—	Ferstl (1853).
Зальцкамергутъ, St. Wolfgang	14,5	3,9	—	—	—	—	—	Thenius (1863).
" Biermoostorf	16,7	1,2	—	—	—	41,2	—	Jakel (1852).
Каринтія, Friesack	21,82	8,9	—	—	—	—	—	Dingl's J. 1875
Штирія, Aussee	11,93	2,0	—	—	—	—	—	218, 374,
" Волокнистый торфъ	12,0	3,7	—	—	—	—	—	} безъ обознач. автора.
" Смолистый, легкій	13,3	4,7	—	—	—	—	—	
А н г л і я.								
Ирландія, Carrage	10	2,5	52,38	7,03	40,59	26,57	—	Kane (1845).
" Kilbeggen	—	1,8	62,18	6,79	31,03	24,50	—	" "
" "	до	2,0	55,62	6,88	37,50	—	—	" "
" Phillipstown	—	7,9	58,70	7,00	32,90	1,40	—	" "
" "	—	3,3	60,50	6,10	32,50	0,90	0,405	Свѣтлобурого цвѣта, легкій.
" Wood of Allen	—	2,7	59,92	6,61	32,21	1,26	0,669	Темнобурого цвѣта, плотный.
" "	25.	7,9	61,02	5,77	32,40	0,81	0,335	Свѣтлобур. п., волокнистый.
Девонширъ	25,6	9,7	59,84	5,77	31,86	2,54	0,639—0,672	Чернобур. безъ орг. остатк.
						29,30	0,850	Свѣтлаго цвѣта, землистый
								съ органич. остатками
В е л ѣ р і я.								
Bruges	10,30	8,69	—	—	—	—	—	Hoffmann (1863).
Г о л л а н д і я.								
Безъ указанія мѣста	9,10	4,0	—	—	—	—	—	Hoffmann (1863).

МѢСТОНАХОЖДЕНІЕ ТОРФА.	Влага въ торфѣ, высушенномъ на воздухѣ.	Содержаніе золы въ сухомъ торфѣ.	Въ 100 частяхъ сухаго торфа содержится (безъ золы).				100 ч. торфа даютъ кокса.	Удельный вѣсъ.	СВОЙСТВА ТОРФА.	Имя производителя.
	%	%	С.	Н.	О.	N.				
Голландія.										
Безъ указанія мѣста	—	14,25	59,27	5,41	—	35,32	—	—	—	Mulder.
Фрисландія	—	3,80	59,42	5,87	—	34,71	—	—	Плотный	"
"	—	0,91	60,41	5,57	—	34,02	—	—	Легкій	"
Германія.										
Пруссія, изъ различныхъ мѣстъ, среднее изъ 13 анализовъ	20,36	6,22	—	—	—	—	—	—	—	Klein ¹⁾ .
Labiau	13,36	1,58	51,13	6,05	40,99	1,83	—	—	Связная, рыхлая масса	Kitthausen (1876).
Brandter-Haide (изъ 8-хъ анализ.)	16,67	3,07	55,27	5,31	37,95	1,47	—	—	Торфъ изъ разн. губ.	"
Waldau	16,42	14,26	57,15	5,94	33,32	3,59	—	—	Обмороженный торфъ	"
Wolla	14,75	6,07	58,48	5,64	33,54	2,84	—	—	Бурый, плотный	Jakel (1852).
Навелская немеп. около Берлина	17,6	9,87	56,43	5,32	—	38,25	—	—	Краснобурый, легкий	"
"	19,3	6,60	53,51	5,90	40,59	—	—	—	Волокнистый, очень легкий	"
Linum	18,9	6,79	53,31	5,31	41,38	—	—	—	Бурый, тяжелый	"
"	31,34	8,36	59,43	5,26	35,31	—	—	—	Второй сортъ	Bär (1847/8).
"	16,4	9,74	57,98	5,23	36,79	—	—	—	Третій сортъ	"
"	18,9	8,92	60,40	5,08	34,52	—	—	—	—	Webster (1864).
"	—	18,58	59,47	6,52	31,50	2,51	—	—	—	"
"	—	12,56	59,71	5,27	32,07	2,59 ²⁾	—	—	—	"
Buchfeld и Neulangen	15,7	9,87	57,18	5,20	37,62	—	—	—	Первый сортъ	Bär (1847/8).
Flotow	21,7	9,37	55,32	5,91	38,77	—	—	—	Второй сортъ	"
Grunewald	18,4	11,17	56,69	4,73	38,58	—	—	—	Третій сортъ	"
"	—	3,72	49,88	6,54	42,42	1,16	—	—	—	Webster (1864).
"	—	2,85	50,33	5,99	42,63	1,05	—	—	—	"
Hundsmühl	—	2,92	59,70	5,0	33,04	1,56	—	—	—	"
Harz	—	0,57	50,86	5,80	42,57	0,77	—	—	—	"
Harz	—	1,09	62,54	6,81	29,24	1,41	—	—	—	"

¹⁾ *Deutsches Torf* . . . . . , 22. ²⁾ Въ числѣ въключены опечатки.

МЕСТОПОАХОЖДЕНИЕ ТОРФА.	Въ 100 ч. сухого торфа, содержится (оестъ воды).			Углеродъ въ 100 ч. торфа.	Углеродъ въ 100 ч. торфа.	Свойства торфа.	Имя исследователя.
	Въ 100 ч. сухого торфа, содержится (оестъ воды).	С.	Н.	О.	Н.		
Германиа.	Markobach	2,70	63,87	6,46	28,07	1,60	Walz (1851).
	Steinwenden	8,3	2,04	58,70	7,04	32,56	" "
	Niedermoor	8,0	3,5	49,64	6,01	44,35	Wasserzieher (1864).
	Stettin	8,4	—	—	—	—	" "
	Бресла	12,3	—	—	—	—	" "
	Брегенц	—	2,60	59,38	6,21	33,43	Breuninger ²⁾ .
	Гамбургъ	—	1,57	57,96	5,65	34,69	" "
	Кассель	18,80	2,32	57,12	5,32	37,56	Jakel (1852).
	Вюртембергъ	26,60	18,27	—	—	—	" "
	Кёнигсбрун	—	5,0	—	—	—	Berthier (1835).
Италиа.	Schopfloch	20,00	8,1	57,51	5,98	33,72	Breuninger ²⁾ .
	Sindelfingen	18,00	21,60	59,78	6,67	31,71	" "
	Баденъ	0,89	11,77	46,75	3,57	26,87	Nessle и Petersen (1860—61).
	Вангрия см. искусств. торфъ.	14,76	18,55	60,79	7,01	49,01	" "
	Авилиана, близъ Турина	41,64 ¹⁾	5,33	—	—	—	Е. Корр и Fino 1870.
	—	38,55	8,05	—	—	—	" "
	—	32,60	15,01	—	—	—	" "
	—	26,99	16,80	—	—	—	" "
	Верхъ-Исчерскій заводъ	1. 24,27	8,67	—	—	—	Горь. Ж. 1876, III, 172.
	—	2. 9,44	28,64	—	—	—	" "

¹⁾ Изъ свѣдѣнъ торфъ. ²⁾ Muspratt's Chemie, 3 Aufl. III, 973.

нашей поэмы. Оба памятника почерпнули его изъ одного общаго источника—изъ запаса выраженій древнѣйшей народной поэзіи Славянъ.

23. „Мечникъ Русской Правды преобразился здѣсь въ дѣву“.

За мечникомъ сочинителю нечего было ходить на Русь, такъ какъ онъ могъ найти его гораздо ближе—въ Польшѣ. Но зачѣмъ ему было превращать мечника, исторически извѣстнаго человѣка, въ неизвѣстную дѣву? ¹⁾

24. Добровскій придирается къ тому, что В. Свобода не понималъ значенія слова *vitiez*. Если не удалось съ перваго раза уяснить себѣ темное, трудное мѣсто въ древней поэмѣ, то развѣ это доказываетъ ея неподлинность? Не потому-ли она подложна, что мы ея не понимаемъ?

25. Добровскій находитъ, что эпитетъ къ „дескамъ“ *pravdodatne* выбранъ неудачно.

По нашему мнѣнію, напротивъ—удачно. Слово *desky* древніе Чехи употребляли наравнѣ съ древними Русскими.

26. „Здѣсь (въ поэмѣ) предположено, что ордаіи, которыя, вѣроятно, только отъ Нѣмцевъ перешли къ Чехамъ, уже были въ употребленіи въ то время. Хорошо извѣстно, когда онѣ были уничтожены; но на то, что онѣ были введены Пржемысловъ, или еще до него (прежде, чѣмъ Любуша выбрала его въ супруги) были въ ходу, или принесены были въ Чехію непосредственно изъ Индіи вмѣстѣ съ кодексомъ писанныхъ законовъ—на все это по справедливости нужно потребовать доказательствъ“.

Нашъ ученый юристъ Мацѣевскій того мнѣнія, что суды Божьи были запесены христіанами ко вновь обращеннымъ Славянамъ (Рат. Słow. I, 308—11); тѣмъ не менѣе ни его доказательства, ни сомнѣніе Добровскаго не поколебали въ насъ убѣжденія, что они существовали у Славянъ въ дохристіанскій періодъ. Уже то обстоятельство, что мы находимъ ихъ какъ у Чеховъ, такъ и у другихъ Славянъ, а также

¹⁾ Значеніе мечника изъ Р. Правды не ясно. Бест.-Рюминъ говоритъ только: „Мечникъ тоже принадлежалъ къ княжеской дружинѣ“. (Р. Ист. стр. 212, прим. 30).

О мечникахъ у Поляковъ говоритъ Мацѣевскій: Hist. Praw. Słow. Т. II, str. 44; Т. III, str. 210 и 264 и Т. IV, str. 129 (по 2-му изд. 1858—62).

то, что мы имѣемъ свѣдѣнія объ ихъ уничтоженіи, а не имѣемъ—объ ихъ зарожденіи, заставляютъ предполагать, что они—древнѣе нашей исторіи. У большей части индо-европейскихъ т. е. близко родственныхъ намъ племенъ—у Германцевъ, Кельтовъ, Грековъ, Индусовъ и т. д. существовали ордаліи до введенія христіанства: отчего не могли онѣ существовать у Славянъ? Развѣ онѣ противорѣчили ихъ образу мыслей, ихъ обычаямъ? Что такое ордалія, какъ не призваніе божества для обнаруженія истины и права въ сомнительномъ дѣлѣ т. е. какъ не родъ жребія? Бросаніе жребія, само въ извѣстномъ смыслѣ ордалія, ни у одного народа не было такъ распространено, какъ именно у Славянъ: ямъ они рѣшали даже вопросъ о войнѣ или мирѣ. Народъ, который свое благополучіе или злополучіе ставилъ въ зависимость отъ выражающейся въ жребіи воли божества, не преминулъ, конечно, поставить въ зависимость отъ той-же силы и судьбу обвиняемаго.

27. „Чехи не знаютъ слова *resiti*, также—Поляки. Эта повелительная форма русская, а не чешская. Самъ поддѣлыватель пишетъ *sudte*, а не *sudite*. *Mendacem oportet esse memorem*“.

Чехи знаютъ слово *řešiti* изъ Александреиды (*Star. Sklad*. II, 253) и полная форма повелительнаго возможна (см. излаг. книгу, стр. 78).

28. „Въ словѣ *clanechu* послѣ *n* должно было-бы стоять *a* (собственно *ja*), если-бы кропанье имѣло высокую древность“.

Это возраженіе лишено всякаго основанія. Переходъ *a* въ *e* послѣ мягкихъ согласныхъ—явленіе, очень древнее въ чешскомъ языкѣ.

29. „У Чеховъ *gouogiti* (шентать) и *mluviti* (говорить) не одно и тоже“.

Мы сожалѣемъ, что ученый мужъ долженъ прибѣгать къ такимъ средствамъ, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ заподозрить поѣму! Все придуманное имъ различіе разрушается подъ давленіемъ свидѣтельствъ нашего языка. *Novořiti* теперь употребляется, какъ и прежде употреблялось, вм. *mluviti* (см. Словарь Юнгмана подъ словомъ *hovořiti*). Предположимъ, что въ настоящее время существовало-бы въ употребленіи какое-нибудь различіе между *hovořiti* и *mluviti*: можно-ли и должно-ли вслѣдствіе этого исправлять словоупотребленіе, существовавшее за тысячу почти лѣтъ?

30. „Онъ (писавшій отрывки) не хотѣлъ ставить въ 83-мъ ст. *wieczje*, *wesze*, такъ какъ ему нужно было трехсложное слово, и вотъ

онъ прибавилъ къ слову окончаніе *i na* и написалъ: *i uesinu prouolati u pagod*. Конечно, нельзя указать, чтобы это слово существовало теперь или употреблялось прежде въ какомъ-нибудь славянскомъ нарѣчьи. Какой вредъ отъ этого, думалъ авторъ: все-таки это слово посчитаютъ за древнее“.

Viečina (большинство) отъ *vieši* или *viešši* не имѣетъ ничего общаго съ русскимъ *вѣче*. Это слово довольно часто встрѣчается въ древнесербскихъ грамотахъ и иллирскихъ книгахъ.

31. Добровскій думаетъ, что поддѣлыватель вложилъ въ уста Ратибора свое искреннее мнѣніе о Нѣмцахъ.

Слова Ратибора не могутъ служить доказательствомъ неподлинности отрывка. Нерасположеніе къ Нѣмцамъ искони существовало у Чеховъ и самое яркое обнаруженіе его представляетъ хроника Далимила.

32. „Авторъ хотѣлъ, какъ кажется, сдѣлать замѣтнымъ различіе между словомъ *prawda*=свѣтское, гражданское право и словомъ *zakon*=священный, духовный сводъ законовъ.... *Zakon*, слѣдовательно, тоже, что языческая Библия. Судя по этимологіи этого слова (отъ *kon*),.... *zakon* значитъ: не писанный законъ“.

Добровскій придумалъ это различіе, чтобы ничего въ поэмѣ не оставилъ не закритикованнымъ. *Pravda po zakonu*=*jus secundum legem*.

33. Добровскій не вѣритъ, чтобы Чехи до Пржемысла имѣли писанные законы.

Съ этимъ мы согласны; но, конечно, Добровскій идетъ слишкомъ далеко, утверждалъ, будто Чехи до Пржемысла вовсе не знали законовъ. Древніе Славяне, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, не были такимъ дикимъ народомъ, какимъ представляетъ ихъ себѣ Добровскій.

Послѣ этого Шафарикъ и Палацкій доказываютъ, что Липда, Ганка и Юнгманъ не могли быть авторами Суда Любуши (стр. 192—93).

Въ заключеніе они сжато излагаютъ основанія, опираясь на которыя они считаютъ Зеленогорскую рукопись и содержащіяся въ ней стихотворные отрывки древними и подлинными.

1. Въ дипломатически-палеографическомъ отношеніи послѣ самаго тщательнаго изслѣдованія пергамента и способа писанія мы не находимъ ничего такого, влѣдствіе чего Зелен. рукопись могла бы быть признана за поддѣлку новѣйшаго времени. И по пергаменту

и по письму она памятникъ древній; особенности ея, напримѣръ, зеленое чернило и т. д., свидѣтельствуютъ скорѣе за ея подлинность, нежели противъ.

2. Языкъ—безукоризненъ, какъ въ грамматическихъ формахъ, такъ и въ выборѣ словъ и выраженій, которыя несутъ отпечатокъ истиннѣ древній. Въ немъ нельзя найти ни одной настоящей и дѣйствительной ошибки. Подобнаго органически-совершеннаго языка нельзя было ни извлечь изъ извѣстныхъ въ 1818 г. древнечешскихъ памятниковъ, ни составить по другимъ славянскимъ нарѣчιάмъ, такъ какъ онъ во всемъ несравненно древнѣе языка этихъ памятниковъ и свободенъ отъ примѣси чуждыхъ чешскому нарѣчію формъ. Кажущіяся несходства и уклоненія говорятъ очень сильно за органически-свободное его происхожденіе и противъ возможности искусственнаго составленія.

3. Въ стихотвореніи попадаетъ столько мѣстныхъ и личныхъ именъ, столько разнообразныхъ указаній на нравы, обычаи, сказанія и другія житейскія отношенія почти совершенно неизвѣстной намъ эпохи, что мы не допускаемъ, чтобы чешскій поэтъ 1818 г. могъ углубиться въ эти подробности, не надѣлавъ промаховъ. Умышленный поддѣльватель или держался-бы въ области чистой лирики, или историческое содержаніе обработалъ-бы согласно съ исторіей, чтобы ни въ комъ не возбудить подозрѣнія. Между тѣмъ, Судъ Любуши находится въ такомъ-же отношеніи къ извѣстіямъ Козьмы, въ какомъ 'Честміръ и Влаславъ' Крал. рукописи: оба стихотворенія совершенно независимы отъ хроники. Мы не станемъ говорить уже о томъ духѣ чистой, древней, ничего новомоднаго не изобличающей народной поэзіи, который вѣетъ въ стихотвореніи: вѣянье его можно скорѣе почувствовать, нежели выразить словами.

Таково содержаніе того отдѣла „Древнѣйшихъ памятниковъ“, который посвященъ Суду Любуши.

Не входя въ разсмотрѣніе того, какіе выводы изслѣдованій Шафарика и Палацкаго относительно Суда Любуши приняты и какіе отвергнуты позднѣйшими учеными, какіе слѣдуетъ признать за истинныя и къ какимъ нужно отнести съ недоувѣріемъ, я замѣчу пока, что трудъ ихъ долгое время считался и до сихъ поръ отчасти считается трудомъ классическимъ, образцомъ истинно-ученаго изданія и изслѣдованія памятниковъ письменности и литературы; большинство ученыхъ было того мнѣнія, что онъ утвердительно рѣшилъ вопросъ о

подлинности Суда Любуши. Только профессор Ламанскій въ недавнее время выразился о немъ такъ: „Не одно изданіе чешскихъ глоссъ *Mater Verborum*, а все это, такъ долго считавшееся въ нашей наукѣ классическимъ, изданіе Палацкаго и Шафарика: *Die ältesten Denkmäler der böhm. Sprache* породило и развело множество самыхъ неправильныхъ соображеній, самыхъ печальныхъ ошибокъ и заблужденій. Пора же сказать правду—трудно найти, да и не найдется въ нашей наукѣ другого изслѣдованія, второй книги, которая имѣла бы такое же вредное и дурное вліяніе“ (см. Ж. М. Н. Пр. 1879, № I, стр. 137—38).

Въ 1840-мъ году былъ въ Прагѣ одинъ изъ первыхъ нашихъ славистовъ П. Прейсъ. Вотъ что пишетъ онъ о трудѣ Шафарика и Палацкаго въ своемъ донесеніи г. Министру Народнаго Просвѣщенія изъ Праги отъ 26 декабря 1840 года (см. Ж. М. Н. Пр. № II, отд. IV, стр. 46—49): „Новый трудъ гг. Шафарика и Палацкаго обратилъ на себя мое особенное вниманіе; это: *Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache*. Prag. 1840. Нельзя не поблагодарить издателей за присоединенный къ тексту комментарий: онъ разсѣиваетъ многія недоумѣнія, рождающіяся при чтеніи этихъ отрывковъ,—недоумѣнія, которыхъ не умѣлъ себѣ разрѣшить и незабвенный Добровскій.

При внимательномъ чтеніи образцоваго комментарія издателей, я осмѣлился въ двухъ только пунктахъ не согласиться съ толкованіями ихъ. Вотъ мои причины:

1) Издатели полагаютъ, что слово: *lěch* (мужъ), встрѣчающееся въ Судѣ Любушиномъ и у Далимила, а) тождественно слову: *Ляхъ* (Полякъ), и б) что оно имѣетъ этимологическую связь съ словомъ: *лѣха* (Еванг. Марк. VI, 40), какъ землянинъ съ словомъ земля.—Это сближеніе остроумно; но необходимо было устранить одно затрудненіе. Въ Пруско-Литовскомъ Полякъ именуется: *Lenkas*, въ Жмудскомъ: *Lynkas*. (Здѣсь и стоитъ вм. *x* по весьма естественной причинѣ: въ Литовскихъ нарѣчіяхъ нѣтъ звука *x*). Такъ и въ Мадыарскомъ: *Lengyel* съ рипезмомъ. Понятно теперь, почему въ Русскомъ я: *Ляхъ*. Иначе понимаютъ это издатели, полагая, что въ Русскомъ гласная *я* есть Польское *ia*, какъ напр. въ словахъ: *miąga* (мѣра), *wiąga* (вѣра).—Для сближенія Чешскаго: *Lěch* съ Русскимъ „Ляхъ“ слѣдовало бы доказать, что въ словахъ: *lěch* и *лѣха* нѣкогда былъ носовой звукъ. Также и сближеніе слова: *лѣха* съ Литовск. *laukas* (поле; см. *Staroż.* с. 754, пр. 44), по моему мнѣнію, неудовлетворительно, какъ въ грам-

матическомъ отношеніи, такъ и со стороны значенія. „Лѣха“ буквально соотвѣтствуетъ Лиговскому: „lise“ (относительно буквы *x* срав. *ausis* — ухо; *sausas* — сухой и т. д.)¹⁾. Далѣе издатели полагаютъ, что отъ слова: *lěch* произошло Польское: *szlachta*, Чешск. *šlechta*. Я еще не могъ въ этомъ вполне убѣдиться²⁾. 2) Слѣдующее мѣсто въ Судѣ Любушиномъ (*Denkmäler*, р. 35—36): „дѣвѣ вѣгласнѣ дѣвѣ вѣученѣ вѣшчѣмъ *uitzouim*“ издатели переводятъ (р. 41): *duae sagaces virgines edoctae scientias judiciales*. — Неясно, почему слову вѣшчѣмъ дано значеніе: „*scientia*“, когда еще въ „*Mater Verborum*“: вѣшчѣмъ истолковано словомъ: *vaticinia*; вѣштецъ—*vates*, *propheta divinus*. Издатели справедливо замѣтили, что слово „вѣшчѣмъ“ ничего не имѣетъ общаго съ словомъ „вѣдѣти“. И, кажется, связь словъ предъидущихъ и послѣдующихъ указываетъ не на „*scientiae judiciales*“. Здѣсь дѣло идетъ о дарѣ вѣщать по внушеніямъ свыше. Это вполне соглашается съ извѣстіями, которыя издатели собрали (с. 95) о роли, какую играли „вѣгласныя дѣвы“ у разныхъ народовъ.

Какъ должно читать *uitzouim*, сказать трудно; легче опредѣлить смыслъ этого слова. Мнѣ кажется, что связь позволяетъ придать ему значеніе: *divinus*. Издатели читаютъ „вѣшчѣмъ витезовымъ“, и относятъ сіе прилагательное къ существительному витязь, которое въ Славянскихъ языкахъ имѣетъ два значенія: 1) побѣдитель, 2) герой. Находя такое значеніе не соотвѣтствующимъ приведенному мѣсту въ Любушиномъ Судѣ, издатели придаютъ сему слову новое знаменованіе: *judeh*, опираясь на нѣкоторыя подобозвучныя слова въ Германскихъ діалектахъ. Съ этимъ объясненіемъ тѣмъ труднѣе согласиться, что связь требуетъ иного понятія. Въ кругъ своихъ соображеній издатели включили и древне-Прусскихъ Витинговъ. По исторіи, Витинги

¹⁾ Нерингъ производитъ имя Лѣхъ отъ сущ. *лѣда* (*лѣдица*, *лѣдина*) = *terra inculta*, причѣмъ лѣхъ, по его мнѣнію, значить: обитатель пустошей, полянъ, а имя Лехъ отъ собств. имени Лестек, Лестко, Леско = лѣстѣкъ; *Lechitae* = подданные Лестка. Наричательнаго имени Лехъ, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, онъ не объясняетъ. См. *Nehring, Ueber die Namen für Polen und Lechen. Archiv für slav. phil. von Jagić. III B. 2 H. 1878. S. 463—479.*

²⁾ Тутъ мы имѣемъ одинъ изъ примѣровъ критическаго направленія ума у даровитаго, но къ сожалѣнію рано погибшаго для науки Прейса: родство п. *szlachta*, ч. *šlechta* съ нѣм. *slachta*, *Geschlecht* — несомнѣнно.

составляли особенное сословіе Прусской Литвы, притомъ сословіе знатныхъ, пользовавшихся большими преимуществами. По моему мнѣнію эти Витинги суть Литовскіе „Wētėninkai“. Орденъ Тевтоническій оставилъ ихъ въ покоѣ; не смѣлъ поступать съ ними такъ, какъ поступалъ съ прочими Пруссамъ. Тоже самое повторилось и въ Курляндіи, гдѣ находимъ извѣстныя фамиліи, нынѣ крестьянскія, которыя носятъ еще названіе: Курляндскихъ королей (Kuhrische Könige). Слово „Вѣтники“ (Wētīninkai) было извѣстно и Мейссенскимъ Славянамъ, какъ свидѣтельствуешь Дитмаръ (I. V, p. 114)“.

Проф. В. А. Мацѣвскій, который уже въ своей „Исторіи славянскихъ законодательствъ“ относитъ происхожденіе „Суда Любуши“ къ христіанскому времени, повторилъ это свое мнѣніе въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ „Przyjacieł Ludu“ (1841. џ. 44). Онъ опирался при этомъ на то, что въ Судѣ Любуши является такое развитіе правовыхъ отношеній, какое можетъ существовать только при высокомъ состояніи просвѣщенія и образованности. Чешское право не могло якобы, по его мнѣнію, такъ развиться за тѣ два столѣтія, которыя прошли отъ прихода Чеховъ въ нынѣшнюю Чехію до временъ Любуши. Небескій находитъ мнѣніе Мацѣвскаго совершенно субъективнымъ: „невозможно доказать“, говоритъ онъ, „чтобы въ Судѣ Любуши являлась намъ такая ступень въ развитіи права, какая не могла существовать въ Чехіи во времена Любуши“¹⁾.

Въ 1842-мъ году появилась въ Варшавскомъ журналѣ Przegląd Naukowy (т. II, str. 577—85) рецензія труда Шафарика и Палацкаго, принадлежащая тому-же Мацѣвскому. Въ началѣ рецензіи авторъ ея сообщаетъ нѣкоторыя необходимыя свѣдѣнія о Судѣ Любуши, его литературной исторіи и разбираемомъ трудѣ. Затѣмъ онъ останавливается на мнѣніи авторовъ относительно вѣка рукописи и времени происхожденія содержащихся въ ней отрывковъ (см. Die ält. Denkm. § 10, стр. 32 и § 15, стр. 85) и говоритъ, что онъ вообще согласенъ съ ихъ мнѣніемъ, но долженъ замѣтить слѣдующее: „пѣснь подобнаго содержанія (какъ Судъ Любуши) пѣвецъ могъ пѣть во времена Любуши, но въ такомъ видѣ, въ какомъ мы теперь ее имѣемъ, онъ не могъ ее пѣть въ княженіе дочери Крока по той причинѣ, что Чехи тогда не имѣли еще такого просвѣщенія, какое описывается въ

¹⁾ См. ст. Небескаго, џ. џ. М. 1853, sv. I, str. 118, poznám 58.

ней, такъ какъ и соплеменники ихъ Поляки и Русскіе, стоявшіе безъ сомнѣнія на одной съ ними ступени цивилизаціи, не имѣли его въ то время“. (Стр. 579—80). Остальная часть статьи посвящена развитію этой мысли.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Малая Полиглотта. Статья Калины. Vjbor z lit. české. Изданіе гр. Туна. Разборъ его Шмеллера. Изданіе Соколова. Разборъ его Срезневскаго. 9-е изданіе. Отзывъ Перца. Статья Томка.

§ 1. Въ 1843 году вышло шестое изданіе нашихъ рукописей, извѣстное подъ именемъ Малой Полиглотты въ отличіе отъ Полиглотты 1852 г., подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Rukopis Kralodvorský a jiné vytečnejšie národnie spěvopravné básně. Slovné a věrně v řovědnom starém jazyku, s připojením polského, jižnoruského, illyrského, kraiinského, hornolužického, německého a anglického přeložení. Vydání čtvrté Váceslava Hanky, rytieře řádu sv. Wladim., bibliotekáře českého narodního museum. V Praze. Nákladem vydavatelovým. 1843. Стр. XII+316. Одинъ оттискъ на пергаментѣ съ иллюстраціями къ Любупиву Суду, рисованными Алекс. Поповымъ и Яномъ Дворжачкою, хранится въ Чешскомъ музеѣ. Въ Малой Полиглоттѣ напечатаны слѣдующіе образцы переводовъ на малорусскій языкъ: Іер. Галки (Китица стр. 186, Ягоды стр. 187 и Роза стр. 191); А. Могила (Олень стр. 189 и Сирота стр. 193); И. Срезневскаго (Кукушка стр. 192 и Жаворонокъ стр. 194)¹⁾.*

§ 2. Въ 1845 году вышли три замѣчательныя изданія нашихъ рукописей и появилась статья Калины о Крал. рукописи. „Калина“, говоритъ Небескій (С. Ё. М. 1853, II, 340, прим. 97), „помѣстилъ обширный разборъ Крал. рукописи въ журналъ *Ost und West* за 1845 г. Поэтическою мыслью онъ вникъ въ наши памятники и особенно хорошо передалъ содержаніе отдѣльныхъ пѣсенъ; реальное содержаніе его статьи не можетъ сравниться съ исполненнымъ нѣжнаго чувства описаніемъ впечатлѣнія, производимаго этими пѣснями на душу; въ

¹⁾ См. изд. Некрасова стр. 15—16.

этомъ описаніи—главная заслуга труда Калины“. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію изданій. Одно изъ нихъ находится въ собраніи памятниковъ чешской литературы, извѣстномъ подъ именемъ: *Výbor z literatury české. Díl první od nejstarších časů až do počátku XV století. Nákladem českého museum číslo XVII. W Praze, w kommissi u Kronbergra i Řiwnáče. 1845.* Здѣсь произведенія какъ Краледворской, такъ и Зеленогорской рукописи смѣшаны съ другими письменными памятниками старины и расположены по своей древности вмѣстѣ съ послѣдними въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) *Libušin saud*; 2) *Zlomek Ewangelium sw. Jana*; 3) *Záboj a Slavoj*; 4) *Čestmír a Wlaslaw*; 5) *Jelen*; 6) *Gospodi pomiluy ny*; 7) *Jaromír a Oldřich*; 8) *Píseň na Wyšegrad*; 9) *Zbyhoň*; 10) *Beneš Hermanów*; 11) *Ludiše a Lubor*; 12) *Jaroslav*; 13) *Pisně Rukopisu Kralodvorského: a) Kytice, b) Jahody, c) Ruže. d) Zezhulice, e) Zarmucená, f) Dívka a Skřiwanek*; 14) *Píseň milostná krále Wáclawa I.* Это изданіе есть лучшее изъ всѣхъ въ отношеніи къ научной обработкѣ текста. Вмѣсто введенія къ памятникамъ древней чешской литературы до XV вѣка предпослана грамматика древнечешскаго языка подъ заглавіемъ: *Počátkové staročeské mluvnice. Uwod k výboru staročeské literatury od Pawla Josefa Šafařika.* Такое введеніе прямо указываетъ на филологическое направленіе изданія. Эта грамматика вторично была издана на нѣмецкомъ языкѣ отдѣльно отъ памятниковъ подъ заглавіемъ: *Elemente der altböhmischen Grammatik von Paul Josef Schafarik. Zweite wohlfeile Ausgabe. Prag. 1867. Verlag von Friedrich Tempsky* ¹⁾.

§ 3. Другое подъ заглавіемъ: *Gedichte aus Böhmens Vorzeit, verdeutsch von Josef Mathias Grafen von Thun.* ²⁾ *Mit einer Einleitung von P. J. Šafařik und Anmerkungen von Fr. Palacky. Prag. 1845. J. G. Calve'sche Buchhandlung. Friedrich Tempsky in 8º. Str. VIII + 184.* Въ этомъ изданіи произведенія Зел. и Крал. рукописей расположены также по ихъ предполагаемой древности. Древній текстъ напечатанъ по-новочешски. Переводъ графа Туна отличается болѣею точностью сравнительно съ прежнимъ нѣмецкимъ переводомъ Свободы. Особенно замѣчательно это изданіе тѣмъ, что въ немъ находится прекрасное

¹⁾ См. изд. Некрасова стр. 16.

²⁾ Оцѣнкѣ заслуги гр. Туна теплую страницу посвящаетъ въ своей статьѣ Небескій. См. *С. С. М.* 1853. II, стр. 345.

введеніе къ переводу, написанное Шафарикомъ. Изложивъ исторію открытія Крал. рукописи и исторію литературы, къ ней относящейся, Шафарикъ обращается къ самой рукописи и разсматриваетъ ее со стороны внѣшней формы и со стороны внутренняго содержанія. Описавъ внѣшнюю форму рукописи по отношенію къ матеріалу, па которомъ она написана, къ формату, величинѣ и почерку (причемъ онъ съ одобреніемъ упоминаетъ и о догадѣ Ганки относительно Завиши изъ Розенберга), приведши мнѣнія Добровскаго и Палацкаго о вѣкѣ рукописи, съ которыми онъ согласенъ, и перечисливъ содержащіеся въ рукописи стихотворенія, авторъ переходитъ къ изложенію своего мнѣнія о происхожденіи и древности этихъ стихотвореній (стр. 19). Онъ передаетъ кратко содержаніе всѣхъ эпическихъ произведеній, указывая на тѣ историческія событія, которыя послужили для нихъ основою; полагаетъ, что произведеніе „Забой“ по своему происхожденію должно относиться къ дохристіанскому періоду чешской исторіи, что „Збигонь“ и „Олень“ принадлежатъ къ разряду лирико-эпическихъ пѣсенъ, такъ какъ въ нихъ извѣстное событіе служитъ только поводомъ для выраженія внутреннихъ настроеній и чувствованій (стр. 24). Далѣе, въ видѣ общихъ замѣчаній, онъ обозначаетъ предѣлы времени происхожденія пѣсенъ Крал. рукописи. Такъ онъ говоритъ, на примѣръ, что „пѣсни не могутъ быть древнѣе тѣхъ событій, которыя онѣ воспѣваютъ и не могутъ быть моложе той рукописи, которая сохранила ихъ для насъ“. Кромѣ того, онъ указываетъ на необходимость имѣть въ виду при рѣшеніи вопроса о древности произведеній различіе между народною или естественною поэзіею и поэзіею искусственною; доказываетъ, что произведенія Крал. рукописи принадлежатъ не искусственной, а народной поэзіи. Наконецъ, уже на основаніи всѣхъ этихъ соображеній, высказываетъ свое мнѣніе о древности ихъ происхожденія; а именно, что происхожденіе пѣсенъ Крал. рукописи тѣсно связано съ самими событіями, послужившими для нихъ основою. Откуда однако вовсе не слѣдуетъ, чтобы ими можно было пользоваться какъ историческими данными для объясненія тѣхъ же самыхъ событій. Что касается древности лирическихъ произведеній, то для опредѣленія ея нѣтъ, конечно, никакихъ, хоть сколько-нибудь прочныхъ основаній. Изліянія чувства, образы фантазіи такого рода могутъ быть столь же древними, какъ порядочная, благонравная жизнь храбраго, прославленнаго подвигами, но въ тоже время добродушнаго, соз-

даннаго для домашней жизни народа; но они могутъ быть также совершенно свѣжими цвѣтами того времени, которое ихъ для насъ сохранило. За этимъ Шафарикъ обращается къ внѣшней формѣ самихъ произведеній. „Относительно размѣра“, говоритъ онъ (стр. 30), „наши стихотворенія распадаются на два отдѣла; въ большей части изъ нихъ господствуетъ, по понятіямъ нашей теоріи, строго правильный размѣръ; въ другихъ же, а именно въ трехъ произведеніяхъ, въ „Честмирѣ и Влаславѣ“, въ „Забоѣ и Славоѣ“ и въ „Оленѣ“, преобладаетъ напротивъ свободный размѣръ, который съ трудомъ можетъ быть подведенъ подъ законы нашего стихотворнаго искусства и нашей метрики. Хотя объ удареніи и тактѣ въ смыслѣ нѣмецкой или греческой метрики не можетъ быть и рѣчи у этихъ дѣтей природы, точно также какъ и о приемахъ, которыхъ вовсе не встрѣчается, если исключить какую-нибудь пару случайныхъ созвучій; однако размѣръ въ нихъ чувствуется: онъ состоитъ частью въ правильномъ возвращеніи одночленныхъ или смѣнѣ многочисленныхъ строкъ рѣчи, причемъ часто бываютъ крѣпко установлены паузы по срединѣ, частью въ намѣренномъ размѣщеніи болѣе длинныхъ и болѣе короткихъ словъ, вслѣдствіе чего рѣчь является для нашего уха то съ трохеическимъ движеніемъ, то съ дактилическимъ, то со смѣшаннымъ изъ этихъ двухъ, то наконецъ въ рѣдкихъ случаяхъ съ ямбическимъ. Простой пятисложный стихъ съ дактилическо-трохеическимъ расчлененіемъ есть стихъ Китицы; шестисложный съ трохеическимъ движеніемъ—стихъ Збигоня; семисложный съ трохеическо-дактилическимъ расчлененіемъ—стихъ Розы; восьмисложный съ трохеическимъ движеніемъ и правильной цезурой послѣ четвертаго слога—стихъ Людиши; наконецъ десятисложный также съ трохеическимъ расчлененіемъ и правильной цезурой послѣ четвертаго слога—стихъ „Ольдриха“ и „Ярослава“. Всѣ эти размѣры встрѣчаются въ народной поэзій другихъ Славянъ, особенно Сербовъ и Малоруссовъ, и притомъ часто въ самыхъ древнихъ и самыхъ прекрасныхъ пѣсняхъ; десятисложный размѣръ такъ преобладаетъ въ героическихъ пѣсняхъ Сербовъ, что его по справедливости можно назвать эпическимъ размѣромъ Славянъ. Строфа въ двѣ строки, изъ которыхъ первая имѣетъ восемь, а вторая—шесть слоговъ, съ трохеическимъ расчлененіемъ, встрѣчается въ „Ягодахъ“ и въ „Сиротѣ“; строфа въ четыре строки, изъ которыхъ первая и третья имѣютъ по семи слоговъ, а вторая и четвертая—по шести, съ трохеическо-дактилическимъ движеніемъ—въ „Жаворонкѣ“; строфа

въ четыре строки, изъ которыхъ первая и третья имѣютъ по восьми слоговъ и по цезурѣ послѣ четвертаго слога, а вторая и четвертая по семи слоговъ, съ трохеическо-ямбическимъ расчлененіемъ—въ „Ку-кушкѣ“; наконецъ строфа въ четыре строки, изъ которыхъ первая имѣетъ восемь слоговъ, двѣ слѣдующія—по семи, а послѣдняя—пять, съ трохеическо-дактилилескимъ движеніемъ,—въ „Бенешъ Германовъ“. Первая изъ этихъ строфъ встрѣчается въ сербскихъ и малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ, хотя и рѣдко, но все-таки встрѣчается; вторая въ малорусскихъ довольно распространена; третья со вторымъ и четвертымъ стихомъ въ семь слоговъ ни въ тѣхъ, ни въ другихъ не употребляется, но въ такомъ видѣ, что эти стихи имѣютъ по шести слоговъ, почти преобладаетъ надъ всѣми другими строфами въ малорусскихъ пѣсняхъ; четвертая въ такомъ видѣ, какъ въ Крал. рукописи, также ни въ тѣхъ, ни въ другихъ не попадаетъ, но соединеніе первой и послѣдней строкъ ея необыкновенно часто встрѣчается въ сербскихъ пѣсняхъ.

Построеніе этихъ стиховъ и строфъ въ пѣсняхъ родственныхъ Чехамъ Сербовъ и Малоруссовъ такъ правильно, что вездѣ, гдѣ въ пѣсняхъ Крал. рукописи не выходитъ извѣстнаго числа слоговъ, необходимо предполагать порчу текста. Эта правильность стихосложенія была обусловлена назначеніемъ всѣхъ этихъ пѣсенъ за исключеніемъ эпическихъ; это тѣ пѣсни, которыя древніе Славяне, какъ мы достоверно знаемъ, пѣли, сопровождая ихъ музыкою и танцами, во время праздниковъ и игръ въ такъ называемыхъ райскихъ городкахъ (rajhrad—позже дурно названный именемъ hradiště—это круглое или овальное пространство, огороженное рвомъ и валомъ) и которыя и теперь поютъ отчасти Сербы и другіе Славяне. Между тѣмъ героическія поэмы, какъ „Честміръ“ и „Забой“, или пѣсни въ родѣ „Оленя“—были просто произносимы пѣвцами предъ собравшимся народомъ подъ аккомпаниментъ самаго простаго одноструннаго элемента, какъ это до сихъ поръ дѣлается у Сербовъ. Этотъ, повидимому свободный и неправильный, хотя древній, смѣлый и въ сущности весьма эффектный размѣръ мы назовемъ за недостаткомъ подходящаго слова въ противоположность индоевропейскому семитическимъ, потому-что онъ преимущественно свойственъ поэзіи нѣкоторыхъ семитическихъ народовъ, напр. Евреевъ, хотя встрѣчается также въ персидской, славянской, скандинавской и т. д.“ Посвятивъ потомъ нѣсколько страницъ другимъ произведеніямъ, вошед-

шимъ въ составъ этого изданія, и переводу графа Туна, Шафарикъ заканчиваетъ свое введеніе общимъ отвѣтомъ на тѣ сомнѣнія, которыя возбудилъ Копитаръ противъ подлинности Крал. рукописи. Приведя въ примѣръ Жана Гардуена, сомнѣвавшагося въ подлинности древнихъ классиковъ, и проф. Каченовскаго, сомнѣвавшагося въ подлинности древней русской литературы, онъ говоритъ, что не намѣренъ опровергать строго научнымъ образомъ возраженій противъ подлинности Крал. рукописи, „потому-что“—приводимъ его слова (стр. 40)—„мы въ теченіе короткой жизни должны исполнить болѣе важныя обязанности, нежели серьезно защищать противъ причудъ пирроновской (Пирронъ—основатель скептической школы) критики памятникъ, который, по нашему искреннему убѣжденію, нося на челѣ печать своего происхожденія, ясную для каждаго мыслящаго и безпристрастнаго человѣка, вовсе не нуждается въ нашей серьезной защитѣ. Поэтому мы смѣло предоставляемъ Крал. рукопись ея собственной судьбѣ: пусть она сама ведетъ свое дѣло передъ безпристрастіемъ современниковъ и потомства и докажетъ, есть-ли она—созданіе правды, чѣмъ мы считаемъ ее, или—порожденіе лжи, за что выдаютъ ее нѣкоторые“.

Въ 1846 году появилась въ Мюнхенскомъ журналѣ „Ученныя Извѣстія Баварской Академіи“ (*Gelehrte Anzeigen der bayerischer Akademie* №№ 161—63) рецензія на только-что разобранную книгу, написанная извѣстнымъ баварскимъ ученымъ Андреемъ Шмеллеромъ, авторомъ знаменитаго „Баварскаго Словаря“ ¹⁾.

Рецензія эта имѣетъ своею цѣлью не научное рѣшеніе какихъ-нибудь вопросовъ, ка ающихся Крал. или Зел. рукописи, а просто—ознакомленіе нѣмецкой публики съ этими памятниками чешской древности. Въ началѣ статьи авторъ проводитъ ту мысль, что какъ письменные, такъ и вещественные памятники отечественной старины внушаютъ гордость, а чужеземной—уваженіе. Затѣмъ онъ указываетъ, что древніе письменные памятники—вообще рѣдки и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Чехи до сихъ поръ не имѣли ихъ. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній Шмеллеръ рассказываетъ, какъ были открыты Крал. и нѣкоторыя другія рукописи и какъ отнеслись къ нимъ чешскіе ученые. Далѣе онъ говоритъ о порядкѣ памятниковъ въ разбираемой книгѣ и о предисловіи Шафарика. По поводу того обстоя-

¹⁾ См. Raumer, *Gesch. der germ. Philol.* München, 1870. S. 555—566.

тельства, что Шафарикъ не придаетъ никакого значенія возникшему въ Чехіи сомнѣнію въ подлинности какъ Крал., такъ и Зел. рукописей, безпристрастный Шмеллеръ замѣчаетъ слѣдующее: „Въ самомъ дѣлѣ подобныя сомнѣнія нужно, кажется, скорѣе приписать извѣстному нерасположенію къ усиленію туземнаго элемента въ Чехіи, чѣмъ существованію дѣйствительно прочныхъ основаній для сомнѣнія. По крайней мѣрѣ вѣрно то, что нечего думать о Макферсонѣ и Оссіанѣ въ славянскомъ образѣ тамъ, гдѣ подъ руками такія доказательства, какъ сами пергаментныя рукописи“. Послѣ этого онъ излагаетъ вкратцѣ содержаніе стихотвореній въ томъ порядкѣ, въ какомъ они помѣщены въ разбираемой книгѣ, сопровождая это изложеніе указаніями на историческія событія, послужившія основой для эпическихъ изъ нихъ, и немногими неважными замѣчаніями эстетическаго характера. Далѣе авторъ дѣлаетъ слѣдующее интересное соображеніе: „то обстоятельство, что тогда, какъ Германцы и Романцы требовали виѣшняго украшенія для своихъ стихотвореній—приемы, мѣры и числа слоговъ, эти чешскія произведенія могли возвышать и улаживать народъ только великолѣпіемъ словъ и своимъ внутреннимъ содержаніемъ, состоящимъ изъ мыслей, картинъ и словооборотовъ, свидѣтельствуешь, кажется, въ пользу ихъ древности и позволяетъ относить ихъ къ тому времени, когда западноевропейскія преданія не сообщились еще славянскому міру или, по крайней мѣрѣ, не сдѣлались для него совершенно ясными. Если теперешніе издатели стараются раздѣлить эти памятники на стихи или строфы и говорятъ объ ямбическомъ, трохеическомъ и дактилическомъ размѣрахъ, объ индоевропейскихъ и семитическихъ расчлененіяхъ, то мы видимъ въ этомъ не столько внутреннее основаніе, сколько заслуживающую благодарности готовность идти на встрѣчу нашимъ привычкамъ“. Конецъ статьи посвященъ разбору перевода графа Туна.

§ 4. Наконецъ третье, помѣщенное въ „Ученыхъ Запискахъ, издаваемыхъ при Имп. Казанскомъ Университетѣ“ за 1845 г. (книжка IV) и за 1846 г. (кн. I) подъ заглавіемъ: „Краледворская рукопись и Судъ Любуши“ А. Соколова. Г. Соколовъ говоритъ о своемъ трудѣ слѣдующее: „Краледворская рукопись, сборникъ старинныхъ пѣснопѣній, и Судъ Любуши принадлежатъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ древней литературы Чеховъ. Представляю здѣсь ихъ переводъ, въ которомъ я старался придерживаться подлинника, сколько позволяло это свойство русскаго языка. Для большей ясности я объяснялъ иногда

переводъ прибавленіями; впрочемъ такія объясненія я помѣщалъ въ скобкахъ, и внѣ этихъ скобокъ мысль подлинника остается въ прежней чистотѣ, со всей своей краткостью. Слова же, отдѣленные скобками въ текстѣ, означаютъ прибавки издателя при второмъ изданіи этихъ рукописей (1829 г.). При изданіи текста преимущественно слѣдовалъ я изданію 1829 г.; только въ порядкѣ поэмъ и въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ держался изданія Шишкова, которое дословно перепечатано съ перваго изданія (1819 г.)⁴. (Стр. 1—2). Но въ этихъ словахъ автора не высказано всего того, что сдѣлано имъ на самомъ дѣлѣ. Онъ говоритъ лишь объ изданіи текста и о своемъ переводѣ. Но его трудъ заключаетъ въ себѣ во 1) введеніе, написанное на основаніи добросовѣстнаго изученія всего того, что было написано о Крал. рукописи наиболѣе замѣчательнаго до 1845 года. Все введеніе помѣщается на 25 страницахъ (3—27) и отличается полнотою и ясностью изложенія всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ относительно Крал. рукописи; во 2) введеніе къ „Суду Любуши“ на 7 страницахъ (1—7 I-ой кн. 1846), отличающееся тѣми же достоинствами; въ 3) переводъ Крал. рукописи (стр. 28—145 IV-й кн. 1845) и Суда Любуши (стр. 8—19 I-й кн. 1846), сдѣланный въ томъ именно направленіи, о которомъ думалъ Шишковъ. Точность въ передачѣ подлинника составляетъ отличительную черту перевода г. Соколова (хотя, какъ увидимъ далѣе, Срезневскій нашелъ нѣсколько ошибокъ въ этомъ переводѣ). Каждой строкѣ подлинника на одной страницѣ соотвѣтствуетъ на другой строка перевода; въ 4) Словарь. „Въ этомъ Словарѣ“, говоритъ авторъ (стр. 21 I-й кн. 46 г.), „представлено истолкованіе словъ, болѣе разнящихся отъ русскаго языка. Сюда же прибавлено ихъ значеніе по-новочешски, если они удержались въ употребленіи донинѣ, хотя и измѣнились. Нѣкоторые слова или совершенно сходны съ нынѣшнимъ языкомъ, или совсѣмъ вышли изъ употребленія: въ такомъ случаѣ, при первыхъ толкованіе новочешское было, разумѣется, не нужно, а вторыя отмѣчались звѣздочкой“. Словарю предшествуетъ таблица, указывающая наглядно различіе между азбукою рукописи и новою, съ указаніемъ для Русскихъ произношенія буквъ. Въ концѣ указаны пособія для узнанія древнечешскаго языка (стр. 21—22 I-й кн. 46 г.). Въ Словарѣ при каждомъ словѣ указано, гдѣ оно употреблено въ Крал. рукописи или въ Судѣ Любуши. Словарь помѣщается на стр. 23—58 I-й кн. 46 г.; въ 5) примѣчанія (стр. 59—78 I-й кн. 46 г.) заклю-

чаютъ въ себѣ или ссылки на тѣ ученые труды, которыми пользовался авторъ при составленіи введенія къ тому и другому памятнику, или свѣдѣнія (литературныя, филологическія, географическія, бытовыя), необходимыя при чтеніи этихъ памятниковъ. Общій характеръ ученаго труда г. Соколова тотъ, что онъ даетъ довольно ясное и основательное понятіе о Крал. рукописи и Судѣ Любуши со стороны литературно-исторической; филологическаго значенія онъ не имѣетъ никакого, такъ какъ текстъ въ немъ переданъ новымъ правописаніемъ.

Въ 1847 году въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ (№ 8, часть LV. Отд. VI, стр. 154—170) появилась рецензія труда А. Соколова, принадлежащая, кажется, И. Срезневскому. Въ началѣ рецензіи авторъ представляетъ краткій очеркъ развитія Чешской литературы въ Средніе Вѣка и сообщаетъ необходимыя свѣдѣнія о Судѣ Любуши и Крал. рукописи. Затѣмъ онъ говоритъ о пѣсняхъ Крал. рукописи: „Нельзя предположить, чтобы всѣ эти пѣсни были произведеніями одного и того же человѣка, одного и того же времени,—времени болѣе или менѣе близкаго къ составленію сборника: онѣ различаются и характеромъ изложенія и чертами быта. То и другое напоминаетъ объ эпохахъ очень различныхъ. Такъ, между прочимъ, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ сохранены еще вполне черты языческаго быта, между тѣмъ какъ въ другихъ видны онѣ слабо, мелькаютъ только кое-гдѣ сквозь Христіанскія чувства и нравы, какъ старая привычка или какъ припоминаніе о быломъ. Пѣсни „о сильномъ пораженіи“ (Забой и Славой) и „о побѣдѣ надъ Влаславомъ“ (Честмиръ и Влаславъ) суть отзвуки глубокой старины, времени преобладанія обычаевъ языческихъ. Онѣ могли быть составлены только въ то время, когда язычество жило въ народѣ жизнію полною. Не такова уже пѣсня „о великихъ битвахъ Христіанъ съ Татарами“ (Ярославъ): слѣды языческой памяти въ ней таковы же, какъ въ сказаніи о побойцѣ Мамаевомъ,—еще не совершенно забыты, но уже богопротивны и перенесены со своего народа на Татаръ. Пѣвецъ XIII вѣка не подумалъ бы и даже не сумѣлъ бы наблюдать различіе нравовъ и понятій въ своихъ пѣсняхъ, смотря по времени, къ которому должны были онѣ относиться по содержанію. Не говорю уже о томъ, что пѣвецъ, жившій спустя сто, двѣсти и триста лѣтъ послѣ событій, имъ воспѣваемыхъ, если и могъ знать ихъ подробно, не могъ имѣть того живаго сочувствія къ нимъ, какое нельзя не видѣть въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ Крал. рукописи. Память преданія и еще

болѣе переписчики, безъ сомнѣнія, допускали въ пѣсняхъ нѣкоторыя измѣненія, но, въ отношеніи къ изложенію, не существенныя: большею частью обновлялся только языкъ и слогъ. По этому, пѣсни Крал. рукописи, оставаясь, по языку и слогу, памятниками конца XIII вѣка, по характеру правовъ и обычаевъ могутъ быть разсматриваемы какъ памятники тѣхъ же эпохъ, въ которымъ относятся событія, въ нихъ поминаемыя: невѣрности историческія въ описаніи событій, кромѣ того, что ихъ и очень мало, не имѣютъ тутъ никакого значенія: онѣ такъ же были возможны и современнику, какъ тому, кто жилъ послѣ. Пѣсни неисторическія распредѣлить по времени ихъ составленія гораздо труднѣе; но это и не важно. Какъ бы ни были древни нѣкоторыя изъ нихъ, въ послѣдней своей обдѣлкѣ онѣ должны принадлежать уже XIII-му вѣку; а что могли быть такія пѣсни у Чеховъ и въ глубокой древности, тому доказательствомъ служатъ женскія пѣсни всѣхъ Славянъ: всѣ онѣ въ одномъ духѣ и въ одномъ родѣ, и составляютъ природную принадлежность славянскаго быта и вкуса. Въ литературно-историческомъ отношеніи едва ли не всего важнѣе то, что эти пѣсни, не смотря на безискусственную простоту своего содержанія и изложенія, могли быть записываемы въ сборники XIII—XIV вѣка, могли слѣдовательно нравиться образованному сословію, въ которомъ требованія народности и требованія просвѣщенія уже довольно сильно противорѣчили однѣ другимъ. Странно видѣть ихъ вмѣстѣ съ такими произведеніями, на которыхъ, какъ, на примѣръ, на пѣснѣ „о битвахъ Христіанъ съ Татарами“ лежитъ сильное вліяніе учености и искусственности, въ которыхъ книга подавила голосъ природнаго чувства Поэзіи. Эта странность осталась, впрочемъ, у Чеховъ надолго, какъ черта двойственнаго направленія ихъ поэтическаго вкуса. Гораздо позже, въ XV и XVI вѣкахъ, народныя женскія пѣсни съ ихъ напѣвами воспоминаемы были даже тамъ, куда, кажется, само духовенство римско-католическое не могло допустить ихъ, какъ неприличіе: въ Канціоналахъ, и письменныхъ, и старопечатныхъ, вмѣсто обозначенія духовныхъ напѣвовъ, освященныхъ церковью, есть довольно частыя ссылки на простонародныя пѣсни, напѣвы которыхъ употреблялись въ пѣсняхъ церковныхъ. Видно, что онѣ были общезвѣстны. И между тѣмъ въ то же время въ поэзии внижней господствовало направленіе, совершенно не народное, совершенно противоположное безискусственности простонародныхъ пѣсенъ, хотя и позволявшее нерѣдко выбирать

для своихъ произведеній тѣ же предметы и образы, которые принадлежали къ кругу поэзіи простаго народа. Есть даже пѣсни народныя, измѣненныя подъ вліяніемъ эстетическихъ понятій того времени, и представляющія эту противоположность чрезвычайно рѣзко“. (Стр. 158—60).

Послѣ этого Срезневскій указываетъ на необходимость сравнительнаго изученія пѣсень разныхъ славянскихъ народовъ, на отсутствіе настоящаго ученаго изданія Крал. рукописи и наконецъ приступаетъ къ разбору книги Соколова. Одно замѣчаніе Срезневскаго заслуживаетъ особеннаго вниманія. На стр. 8 (IV-ой кн. 45 г.) Соколовъ говоритъ: „Всѣ пѣсни Крал. рукописи писаны стихами одинаковаго размѣра (хорейческаго), но не одинаковаго числа слоговъ“. „Едва-ли такъ!“ замѣчаетъ Срезневскій. „Едва-ли есть и были у Славянъ пѣсни размѣровъ тоническихъ, и едва-ли пѣсни Крал. рукописи отличаются отъ пѣсень другихъ славянскихъ народовъ! Напротивъ, во всѣхъ этихъ пѣсняхъ видна одна и та же особенность размѣра, чисто славянская. Каждый большой стихъ дѣлится на двѣ или на три части отморомъ, каждая часть стиха заключаетъ въ себѣ часть смысла и имѣетъ одно логическое удареніе, впрочемъ безъ опредѣленнаго, неизмѣннаго мѣста. Стихи меньшіе не дѣлятся на части и ограничиваются однимъ удареніемъ. Количество слоговъ, принадлежащихъ къ одному ударенію, можетъ быть различно, и даетъ особенный характеръ стиху, такъ что стихъ отъ стиха разнится количествомъ удареній и слоговъ вмѣстѣ. Вотъ примѣры:

а) Стихи въ одно удареніе:

— Poletowa holub

Se dřewa na dřewo

— Wėje wětříček

S kniežeckých lesów

б) Стихи въ два ударенія:

— Znamenajte—staři, mladí

O pótkach—i o sědaní.

— Zwěstuju wam—powěst' weleslawnú

O welikých pótkách—lutých bojech.

в) Стихи въ три ударенія:

— Aj ty slunce—aj slunéčko!—ty li jsi žalostiwo.

— Ide má milá—na jahody—na zelená borka.

- W širém poli—dubec stojí—na dubci zezhulice.
- Ach wy lesi,—tmawí lesi,—lesi Miletínští.
- Pleje děwa—konopě— u panského sada.

Стихъ славянскій согласуется правильно съ мелодіей; часть стиха равняется музыкальной фразѣ: вѣроятно, такъ было и въ древнихъ пѣсняхъ чешскихъ. Есть въ Крал. рукописи нѣсколько пѣсень и такихъ, въ которыхъ стихи не имѣютъ опредѣленнаго, постояннаго размѣра, и впадаютъ то въ одну, то въ другую форму. Изъ этого однакоже еще нельзя заключать, что и напѣвы ихъ были также неправильны. Могло быть, что эти стихи, въ первоначальной своей формѣ были и правильно составлены, но въ послѣдствіи забыты и измѣнены случайно: по содержанію, эти пѣсни суть древнѣйшія. Могло быть и то, что стихъ былъ подлаживаемъ къ музыкальному напѣву такъ же, какъ въ думахъ малорусскихъ, гдѣ стихи, по количеству слоговъ, очень разнообразны, а мелодія для каждаго изъ нихъ остается одна и та же. Въ отношеніи къ размѣру древнихъ чешскихъ пѣсень нельзя упустить изъ виду еще и того, что однѣ изъ нихъ, составомъ стиха, подходятъ къ пѣснямъ великорусскимъ и задунайскимъ, другія къ пѣснямъ малорусскимъ и сѣверо-западнымъ: стихи въ одно удареніе и въ два представляютъ рѣшительно тѣ же формы, что и пѣсни сербскія; стихи въ три ударенія, кромѣ отсутствія рифмъ, одинаковы съ стихами нынѣшнихъ чешскихъ пѣсень. Особенно замѣчателенъ размѣръ пѣсень эпическихъ; въ нихъ, какъ и въ юнацкихъ пѣсняхъ сербскихъ и болгарскихъ, господствуетъ стихъ десятисложный двухъ удареній, въ которомъ, если онъ совершенно правиленъ, къ первой части принадлежитъ четыре слога, а ко второй шесть. Теперь онъ Чехамъ совершенно неизвѣстенъ". (Стр. 162—64).

Остальная часть рецензій занята указаніемъ ошибокъ, которыя сдѣлалъ Соколовъ въ своемъ переводѣ произведеній Крал. и Зелен. рукописей (стр. 166—69).

§ 5. Въ томъ-же 1847 г. вышло въ свѣтъ такъ называемое девятое изданіе нашихъ памятниковъ. Оно носитъ слѣдующее заглавіе: *Rukopis Kralodvorský i jiné výbornějšíe národní spěvopravné básně. Slovně i věrně v původním starém jazyku s připojením německého přeložení. Königinhofer Handschrift. Sammlung lyrisch-epischer Nationalgesänge. Uebersetzt von Wenceslaw Svoboda, dem Nawarower. Vydaní deváté Václava Hanky, rytíře řádu sv. Vladim. a Komand. řádu*

sv. Anny, bibliothekare národního museum. V Praze. Nákladem vydavatelovým. 1847. Въ 18^о, стр. VIII + 190. Древній текстъ напечатанъ на одной сторонѣ по древнему правописанію, на другой—по новому. Это изданіе замѣчательно тѣмъ, что Ганка ввелъ слѣдующія четыре новыя буквы, которыя потомъ употреблялись и въ другихъ изданіяхъ, какъ напр. въ Полиглоттѣ 1852 года, а именно: вм. sh буква h, вм. č буква r, вм. š буква s, вм. ž буква z (въ первый разъ употребилъ Ганка эти вновь изобрѣтенныя имъ буквы въ своей маленькой книжечкѣ: *Pravopis český. Sedmé vydání. V Praze 1847.* См. стр. IV). Три экземпляра этого изданія были напечатаны на пергаментѣ съ нѣскольکو измѣненнымъ заглавіемъ: *Rukopis Kralodvorský i jiné výbornější spěvoprávné básně. Slovně i věrně v původním starém jazyku s připojenou vyslovností. Vydání deváté Václava Hanky. V Praze. Nákladem vydavatelovým. 1847.* (Одинъ экземпляръ хранится въ Чешскомъ музеѣ, другой—у эрцгерцога Стефана, третій—у вел. князя Константина Николаевича)¹⁾.

Въ сентябрѣ 1843 года извѣстный нѣмецкій ученый Перцъ предпринялъ путешествіе для осмотра библіотекъ Чехіи и Моравіи и для изслѣдованія нѣкоторыхъ рукописей, хранящихся въ Зальцбургѣ и Вѣнѣ. Описаніе этого путешествія онъ напечаталъ въ IX-мъ томѣ *Archiv'a der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde* (Hannover 1847). На стр. 465 онъ говоритъ: „Библіотекъ Чешскаго музея принадлежатъ между прочимъ отрывки Крал. рукописи, которые относятся къ началу XIV-го вѣка, между тѣмъ какъ якобы древнѣйшій остатокъ чешскаго языка (т. е. Зеленогорская рукопись), судя по исцарапанному пергаменту, по чернильнымъ линейкамъ и по письму, которое напоминаетъ письмо XIV-го вѣка, есть безъ сомнѣнія новѣйшая поддѣлка“.

Во второй книжкѣ Временника Чешскаго Музея за 1849-й годъ (стр. 21—44) помѣщена была очень интересная и важная статья Томка подъ заглавіемъ: *Příběh o dobytí Prahy od knížete Oldřicha na Boleslawowi Chrabrém r. 1004. Wyložén dle místopisných poměrů staré Prahy. Od Václ. Wladiwoje Tomka.*

„Объ отнятіи Праги въ 1004 г. княземъ Ольдрихомъ, братомъ Яромира, у Болеслава Храбраго, короля польскаго, сохранилось въ

¹⁾ См. изд. Некрасова, стр. 21.

отечественныхъ лѣтописныхъ памятникахъ три разсказа¹, говоритъ Томекъ (стр. 21), „а именно: въ хроникѣ Козьмы, который умеръ въ 1125 году, въ стихотворной хроникѣ Далимила, писанной въ началѣ XIV столѣтія, и въ поэмѣ Крал. рукописи 'Ольдрихъ и Болеславъ'; кромѣ того существуетъ также болѣе короткое извѣстіе объ этомъ событіи чужаго современнаго лѣтописца—Титмара Мерзебургскаго (+1018).—Обстоятельное разсмотрѣніе этихъ извѣстій, частью взаимно другъ друга пополняющихъ, частью однако другъ другу противорѣчащихъ, имѣетъ очень большую важность, такъ какъ это событіе, издавна прославленное въ народныхъ сказаніяхъ и пѣсняхъ, послужило и предметомъ одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ чешской народной письменности—вышеупомянутой поэмы Крал. рукописи“.

Затѣмъ онъ приводитъ въ подлинникахъ извѣстія Козьмы, Далимила и Титмара¹) и подвергаетъ ихъ и поэму Крал. рукописи обстоятельному сравнительному изученію. Важнѣйшимъ результатомъ его является слѣдующій выводъ²):

Поэма Крал. рукописи представляетъ ходъ взятія Праги Ольдрихомъ такъ: подойдя къ Прагѣ, Ольдрихъ и его сторонники расположились сначала на вершинѣ Петржина или Страхова („на вершинѣ на краю лѣса“); затѣмъ они спустились „съ горы внизъ“ и притаились на Малой Странѣ („въ тихой Прагѣ хитро скрылись, все оружіе плащами прикрыли“); когда по утру на зовъ сочувствующаго Чехамъ пастуха польская стража отворила ворота, преграждавшія доступъ къ мосту черезъ Влтаву со стороны Малой Страны, они проникли черезъ мостъ въ Старое Мѣсто и овладѣли имъ; Поляки устремились по рвамъ Старого Мѣста къ противоположнымъ воротамъ и бѣжали. Такимъ образомъ Старое Мѣсто въ этомъ разсказѣ представляется уже въ 1004 г. укрѣпленнымъ. Между тѣмъ изъ исторіи извѣстно, что Старое Мѣсто было ограждено стѣнами и рвами и выстроено было предмостное

¹) Поэмы „Ольдрихъ и Болеславъ“ онъ не приводитъ, такъ какъ считаетъ ее достаточно извѣстною чешскимъ читателямъ. Полный переводъ этой поэмы, дошедшей до насъ безъ начала, помѣщенъ у меня въ § II-мъ Введенія.

²) Чтобы ясно понимать послѣдующее изложеніе, необходимо имѣть передъ глазами планъ Праги, напр., Запа, приложенный къ его книгѣ: Praha. Popsání hlavního města Království Českého. Sepsal K. Vl. Zap. 1868.

укрѣпленіе на Малой Странѣ не ранѣе 1241 года (стр. 40). Отсюда слѣдуетъ, что поэма „Ольдрихъ и Болеславъ“ была написана не въ началѣ XI вѣка, какъ думали многіе чешскіе ученые патріоты, а во второй половинѣ XIII вѣка. Это заключеніе подкрѣпляется еще и тѣмъ, что Чехи выгоняли Поляковъ, по извѣстіямъ Козьмы и Далымилы, не изъ Старого Мѣста, въ XI-мъ вѣкѣ еще не укрѣпленнаго, а изъ Града (нын. Královský hrad а Hradčany)—собственно Пражской крѣпости, существовавшей со временъ Любуши.

Поэтъ, написавшій „Ольдриха и Болеслава“, узналъ, очевидно, изъ древняго источника, что кн. Ольдрихъ отнялъ въ 1004 г. Прагу у Болеслава и возстановилъ на чешскомъ престолѣ Яромира, но понятія о топографіи Праги этого времени не имѣлъ и потому впалъ въ грубую ошибку, которая имѣетъ для науки большое значеніе, такъ какъ позволяетъ опредѣлить время написанія поэмы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

*10-е изданіе памятниковъ. Статья Чупра. Большая Полиглотта.
11-е изданіе. Изслѣдованіе Крал. рукописи Небескаго. Статья
Воцеля: Эстетическое значеніе стихотвореній Забой и Ярославъ.
Трунъ въ Судѣ Любуши.*

§ 1. Въ 1851-мъ г. вышло въ свѣтъ такъ называемое десятое изданіе нашихъ памятниковъ. Заглавіе его слѣдующее: Ruk. Kral. а jiné výb. národní spěvopravné básně. Slovně i věrně v původním starém jazyku. Vydání desáté Vác. Hanky, ryt., bibl. V Praze. Nákl. vyd. 1851. 18°. стр. 68. Въ этомъ изданіи мы находимъ только древній текстъ въ новомъ правописаніи. Оно представляетъ собою собственно отдѣльный оттискъ древнечешскаго текста изъ Большой Полиглотты. Существуетъ это самое изданіе съ приложеніемъ нѣмецкаго перевода В. Свободы ¹⁾.

Въ Программѣ Пражской Академической Гимпазіи за тотъ-же 1851 годъ помѣщена была статья д-ра Франца Чупра, посвящая слѣ-

¹⁾ См. Neb. Ruk. Kral. Č. Č. M. 1853, II, 347, №№ 10 и 11.

дующее заглавіе: „Краткій обзоръ исторіи чешской литературы и отчасти разборъ поэмы: Забой и Славой“ (Krátký přehled historie literatury české a z části rozbor básně: Zábój a Slavoj). Въ началѣ статьи авторъ развиваетъ ту мысль, что народъ чешскій въ самыя первыя времена своей исторической жизни былъ народомъ добродушнымъ, расположеннымъ къ ремесламъ и торговлѣ, народомъ тихимъ, кроткимъ, одареннымъ благороднымъ сердцемъ и умомъ и склоннымъ исполнять законы, а что языкъ чешскій былъ языкомъ стройнымъ и богатымъ. Легко догадаться, что богатство языка и душевное благородство должны были вести и дѣйствительно вели къ созданію художественныхъ поэтическихъ произведеній, продолжаетъ авторъ. Какъ-бы на образецъ до насъ дошло нѣсколько отрывковъ первоначальной чешской поэзи, заключающихся въ пергаментныхъ рукописяхъ—Краледворской и Зеленогорской. Между ними особенно отличается своею древностью „Забой и Славой“—богатырская поэма, находящаяся въ Крал. рукописи. (Стр. 1—6). Она выражаетъ чувства, кипѣвшія въ груди великихъ народныхъ поэтовъ, вдохновленныхъ свыше, и имѣетъ своимъ предметомъ—освобожденіе страны отъ чужеземнаго ига. Въюпая въ поэмѣ сила первоначальнаго творчества, множество поэтическихъ образовъ и оборотовъ, древность грамматическихъ формъ, размѣръ восточнаго характера, наконецъ полная таинственности мгла, которая окружаетъ историческую сторону поэмы, такъ какъ древнѣйшіе историческіе источники, дошедшіе до насъ въ весьма ограниченномъ количествѣ и притомъ черезъ руки усердныхъ христіанскихъ священниковъ, даже не упоминаютъ о событіи,—все это, я думаю, говоритъ авторъ, ясно показываетъ, что „Забой и Славой“—одно изъ древнѣйшихъ стихотвореній чешской литературы. Такъ какъ „Любуппинъ Судъ“ относится ко 2-й половинѣ IX-го вѣка, „Честміръ“ къ IX-му, „Ольдрихъ“ къ началу XI-го, а между тѣмъ нѣкоторыя грамматическія формы и размѣръ въ „Забой и Славой“ древнѣе, чѣмъ въ только-что упомянутыхъ стихотвореніяхъ, и притомъ размѣръ въ нихъ носитъ на себѣ характеръ опредѣленной стихотворной школы (въ пользу существованія школы свидѣлствуетъ система искусственныхъ сокращеній въ Л. Судѣ), то отсюда выясняется, что дѣйствительно „Забой и Славой“ по сочиненію—древнѣйшая поэма чешской литературы, причемъ однако слѣдуетъ принять во вниманіе, что вѣкъ стихотворенія „Олень“ вообще не опредѣленъ. Далѣе авторъ подробно изла-

гаетъ содержаніе „Забоя и Славоя“. На страницѣ 9-й онъ переходитъ къ разбору этой поэмы. Что касается до красоты этого стихотворенія, то слѣдуетъ удивляться, разсуждаетъ онъ, не столько цѣлому произведенію, сколько подробностямъ и отдѣльнымъ образамъ. Описаніе событія въ полномъ смыслѣ слова поэтическое и свидѣтельствуєтъ о высокой степени даровитости и художественной образованности поэта, а такъ какъ настоящій поэтъ является истолкователемъ цѣлаго народа, истолкователемъ, въ которомъ народъ—отражается и въ которомъ изображается его внутренняя жизнь, то слѣдовательно—о даровитости и образованности самого народа. Особенно замѣчательно прекрасное отношеніе народнаго пѣвца къ народнымъ предводителямъ. Платонъ въ своемъ сочиненіи *περί τῆς πολιτείας* хочетъ, чтобы королями и предводителями народа бывали только мудрецы (*φιλόσοφοι*); въ одаренномъ чувствомъ прекраснаго народѣ греческомъ это желаніе и осталось простымъ желаніемъ; въ народѣ славянскомъ оно какъ-бы перешло въ дѣйствительность, такъ какъ первоначально предводители народа были въ то же время народными пѣвцами и притомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова и были въ то же время учителями его и священниками; о послѣднемъ есть упоминаніе въ „Честмирѣ и Влаславѣ“. Впрочемъ, возможность пѣніемъ дѣйствовать на умы согражданъ—ясно доказываетъ, что чешскій народъ имѣлъ тогда нѣжное чувство и прекрасный нравъ, которые могутъ существовать только у народовъ, достаточно благовоспитанныхъ. Повсюду мы находимъ живые образы и эту живость только увеличиваютъ частые переходы къ драматической формѣ изложенія. Эллипсисы и скачки, какъ напр. *Aj Ludieče! ty jsi pačov* (Гей Людекъ, ты рабъ) и т. п., показываютъ бережливость въ расходываніи словъ, умѣнье распоряжаться рѣчью и поспѣшеніе къ концу; этою краткостью и отрывочностью стихотворенія Крал. рукописи сильно отличаются въ свою пользу отъ стихотворныхъ опытовъ 14-го вѣка, заключающихся въ Кралеградецкой рукописи. Замѣчательна также характеристика трехъ главныхъ героевъ. Въ Забоѣ преобладаютъ—отвага, ясный умъ пѣвца, соединенный съ задумчивостью, затѣмъ миролюбіе, сила и храбрость. Характеръ быстрого Славоя заключаетъ въ себѣ огненность и даже почти необдуманную порывистость. Забой—предводитель и герой, Славой—просто герой, однако герой, одаренный чувствомъ челоѣчности, проникнутый идеей, а вовсе не сознаніемъ права сильнаго. Характе-

ристика Людека свидѣтельствуешь о безпристрастїи и художественномъ талантѣ поэта. Людекъ, предводитель враговъ Забоя и Славоя, описывается не въ колкихъ выраженїяхъ, но какъ герой, который сражается съ Забоемъ, какъ дубъ съ дубомъ. Борьба между обоими долго не рѣшается: *Солнце перешло за полдень и отъ полудня уже на половину къ вечеру и бились все еще, ни здѣсь, ни тамъ не уступили.* И даже тогда, когда Забой, въ отчаянїи отъ трудной борьбы, нападаетъ на Людека, онъ не переходитъ границы приличїя и вовсе не обнаруживаетъ жестокости, а между тѣмъ во время битвы на жизнь и смерть сердце человѣческое обыкновенно является такимъ, какое оно есть въ дѣйствительности. Очень тонкимъ патріотическимъ движеніемъ въ умѣ поэта было и въ тоже время очень важнымъ обстоятельствомъ для характеристики Забоя служить то, что во время самого горячаго боя между Забоемъ и Людекомъ онъ влагаетъ въ уста первому просто выраженіе глубокаго сожалѣнїя о родинѣ: *Гей ты врагъ, бѣсъ на тебя! Зачѣмъ ты пьешь нашу кровь?* Между тѣмъ какъ Людекъ у него выражаетъ свою злобу въ слѣдующихъ дѣйствительно грубыхъ словахъ: *Гей ты кровожадный, ты, великое исчадіе ядовъ, сразись со мной мечемъ!* Вообще гиперболическое описаніе поединковъ принадлежитъ къ особенно любимымъ предметамъ поэтовъ Крал. рукописи. Такія-то описанїя, сдѣланные съ большою старательностью и находящіеся въ значительномъ числѣ въ Крал. рукописи, свидѣлствуютъ о вкусѣ тогдашняго вѣка; съ такими богатырскими подвигами согласуется тѣлесная сила тогдашнихъ поколѣній, которая, какъ можно судить по доспѣхамъ, дошедшихъ до насъ отъ старины, была очень велика сравнительно съ силою нынѣшнихъ, какъ-бы ослабѣвшихъ тѣлесно поколѣній.

Живо и дивно звучить описаніе бѣгства преслѣдуемыхъ враговъ. Повтореніе мѣста: *шумитъ свирѣпая рѣка, катится волна за волной* отлично дополняетъ мысль. Въ тоже время такой переходъ отъ событїя къ явленїямъ природы выполняетъ въ этомъ и въ другихъ стихотворенїяхъ Крал. рукописи задачу хора въ древнегреческихъ трагедїяхъ: между тѣмъ рассказываемое событіе принимаетъ новые обороты и какъ-бы поспѣшно убѣгаетъ; это—какъ-бы интермеццо или занавѣсъ въ театрѣ. Другая поэтическая фигура восточнаго характера, часго употребляемая какъ въ этомъ стихотворенїи, такъ и вообще въ Крал. рукописи, это—parallelismus, который встрѣчается также въ псалмахъ. Подобные обороты и подобное распредѣленіе событїй свидѣлствуютъ, я думаю,

о художественномъ воспитаніи, о талантѣ поэта, а также отчасти о существованіи стихотворныхъ школъ въ древней Чехіи.

Все стихотвореніе насквозь проникнуто языческимъ духомъ, но всегда обнаруживаетъ прекрасное гуманное чувство, а также благочестіе и уваженіе къ религіи. Славой напоминаетъ своему брату, чтобы онъ наконецъ пощадилъ непріятеля, послѣ того какъ тотъ сталъ безвреднымъ. Все начинается и оканчивается молитвой къ богамъ; все стихотвореніе имѣетъ въ виду удовольствіе боговъ; благодарности богамъ за побѣду—составляютъ заключительный его актъ. Замѣчательны также обычай поклоненія изображеніямъ боговъ при посѣщеніяхъ, о которомъ упоминается въ слѣд. стихахъ: *скрытно говоритъ вслѣдъ что-то краткими словами, поклонился богамъ, отсюда спѣшилъ къ другому*. Этотъ обычай до сихъ поръ сохранился въ народѣ русскомъ.

Стихотвореніе „Забой и Славой“—богатырскаго характера; мотивовъ нѣтъ въ немъ, но зато патріотическое чувство является мотивомъ для всякаго дѣйствія; изъ этого можно видѣть, что это чувство принадлежитъ чешскому народу съ болѣе давнихъ поръ, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ. Очень интересно было-бы знать, господствовалъ-ли въ утраченныхъ частяхъ Крал. рукописи элементъ чисто эротическій, или нѣтъ. Въ Крал. рукописи только въ двухъ или трехъ мѣстахъ описывается женская красота, да и то повсюду какъ вещь посторонняя (см. выше гл. III, § 2, п. 3). Что касается до нравственной тенденціи, то стихотворенія Кр. рукописи—цѣломудренны и невинны, какъ дѣти природы. Эта природность и непринужденность проявляются и въ слогѣ. Слогъ прозрачный, усѣченный, скупой. Каждый стихъ самъ по себѣ составляетъ нѣчто цѣлое и приноситъ какъ-бы полный образъ: *изъ чернаго лѣса выступаетъ скала—на скалу выступилъ сильный Забой* и т. д., а стихъ со стихомъ соединяется, какъ на ниткѣ перлъ съ перломъ. Эта прекрасная особенность Крал. рукописи особенно ярко выступаетъ въ стихотвореніи „Забой и Славой“.

Кромѣ того важно упоминаніе варита (*взялъ звучное варито*), какъ музыкальнаго инструмента. Это слово, очевидно родственное съ греческимъ βάρβιτονъ, указываетъ на такой-же или на подобный музыкальный инструментъ и въ то же время на бывшую нѣкогда довольно тѣсную не только географическую, но и духовную близость народовъ славянскихъ съ греческимъ. Еще болѣе прежняя образованность и

художественное призваніе нашего народа доказываются упоминаніемъ о Люмірѣ, поэтѣ уже тогда издавна знаменитомъ въ народѣ, словами и пѣніемъ дѣйвавшимъ Вышеградъ и всѣ страны. Хотя извѣстно только имя этого пѣвца, однакожь легко догадаться, что такихъ вдохновенныхъ Богомъ поэтовъ бывало много въ нашемъ народѣ, и мы думаемъ, что нѣкоторые изъ нихъ еще въ доисторическія времена сочиняли богатырскія и другія пѣснопѣнія и пѣли ихъ въ „райскихъ городкахъ“ славянскихъ вельможъ, но что имена ихъ, кромѣ имени Люміра, навсегда унесла волна времени и что ихъ художественныя произведенія также навсегда погибли, кромѣ нѣкоторыхъ стихотвореній Крал. рукописи, къ числу которыхъ принадлежитъ безъ сомнѣнія также „Забой и Славой“.

Въ нашемъ стихотвореніи встрѣчаются нѣкоторыя мифологическія выраженія. Весна и Морана это обозначеніе древнеегипетскихъ Изиды и Озириса, рожденія и смерти въ природѣ. Слово Морана до сихъ поръ сохранилось въ присловьи: „противъ Мораны нѣтъ корня (proti Mořene není kořene)“ и встрѣчается здѣсь и въ другихъ мѣстахъ.

Стихотвореніе рассказываетъ о языческихъ обычаяхъ, существовавшихъ нѣкогда въ нашемъ народѣ (ст. 34—42). Встрѣчаются Бѣсъ и Трясъ—второстепенные мифическіе образы, приношенія богамъ оружія побитыхъ враговъ, совы и коршуны. Есть упоминаніе о щитѣ и молотѣ—старославянскихъ оружіяхъ, которыя и теперь находимъ глубоко въ землѣ въ нашихъ странахъ. Пластичныя представленія о душѣ и будущей жизни вообще (ст. 163—165 и ст. 227—230) свидѣтельствуютъ о первобытномъ образѣ жизни, который существовалъ и у другихъ народовъ, особенно у греческаго и римскаго. Мѣста событія и историческаго основанія стихотворенія съ достовѣрностью опредѣлить нельзя.

Стихотвореніе „Олень“ по объему меньше стихотворенія „Забой и Славой“, но по внутреннему и внѣшнему характеру совершенно подобно ему. И здѣсь отовсюду вѣютъ—языческій духъ и сила первоначальнаго поэтическаго творчества. Происшествіе неизвѣстно изъ исторіи. Размѣръ, какъ и въ „Забой“, восточный, прелесть котораго можно ощущать только слухомъ, но правилъ котораго опредѣлить невозможно. Характеръ стихотворенія—элегическій. Послѣ этого Чупръ передаетъ содержаніе Оленя и затѣмъ сравниваетъ содержаніе „Честміра“ съ разсказами Козьмы и Гайка. Козьма, говоритъ онъ, до-

вольно опредѣленно даетъ понять, что черпалъ изъ поэтического источника и притомъ именно изъ источника противоположной стороны, изъ источника Власлава лагера, между тѣмъ какъ наше стихотвореніе направлено противъ Власлава. Изъ этого выясняется, что тогдашнее время было очень богато поэтическими произведеніями, такъ какъ объ одномъ и томъ-же событіи существовало при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ два историческихъ источника поэтического характера, изъ которыхъ сохранился одинъ. И въ этомъ стихотвореніи упоминаются языческіе обряды. Особенно привлекательна та картина, когда Войміръ покупаетъ за коня и сѣдло—яловку, чтобы принести ее въ жертву богамъ-спасамъ. Военная хитрость Честміра доказываетъ, что военное искусство тогда уже руководствовалось извѣстными правилами, что оно требовало ума, а не одной физической силы; это искусство и въ теоріи и на практикѣ процвѣтало у Чеховъ до XV-го вѣка.

Любушинъ Судъ по составленію лежитъ на границѣ между языческимъ и христіанскимъ вѣкомъ. Относительно этого стихотворенія при самомъ его появленіи поднялись различныя сомнѣнія, главнымъ образомъ благодаря Добровскому; теперь однако важнымъ сочиненіемъ Шафарика и Палацкаго: *Die ält. Denkm. der böhm. Spr.* подлинность его поставлена выше всякаго сомнѣнія. Это самое художественное произведеніе своего вѣка. Оно состоитъ изъ 2-хъ отрывковъ, изъ которыхъ въ 1-мъ 9 стиховъ, а во 2-мъ 121; первый содержитъ конецъ стихотворенія, 2-й—начало слѣдующаго. Первый излагаетъ вкратцѣ старославянскій законъ о наслѣдствѣ, правда безъ всякаго поэтического вдохновенія, но зато отрывисто и полно; такъ напримѣръ, самая первая строка отчетливо опредѣляетъ общественную жизнь: *всякій отецъ управляетъ своимъ домомъ*, а вторая—особенность домашней жизни нашихъ предковъ: *мужья пахутъ, жены шьютъ одежду*. Второй отрывокъ стихотворенія—отрывокъ, дѣйствительно поэтическій. Сильный поэтическій духъ и привлекательный, хотя и простой порядокъ—такъ вѣютъ въ этомъ стихотвореніи, что только народъ свѣжій могъ создать его при посредствѣ своей первоначальной даровитости и художественнаго творчества. Стихотвореніе это есть какъ бы преддверіе чешской исторіи—не только потому, что въ немъ находятъ основаніе наши великолѣпныя народныя сказанія, но и потому, что описаніемъ сейма оно представляетъ намъ прекрасное изображеніе тогдашней общественной очень развитой жизни.

Затѣмъ Чупръ пытается разрѣшить вопросъ, почему извѣстно такъ мало памятниковъ древнечешской поэзіи, и находитъ причину этому въ преобладаніи, которое получилъ въ Чехіи съ начала X-го вѣка нѣмецко-латинскій элементъ, и въ томъ, что памятники эти были проникнуты враждебнымъ введенному христіанству языческимъ духомъ.

Потомъ авторъ обращается къ тѣмъ стихотвореніямъ Крал. рукописи, которые могутъ быть отнесены къ золотому вѣку чешской поэзіи, хотя они и появились въ христіанское время. Сюда прежде всего относится, замѣчаетъ онъ, стихотворный отрывокъ Ольдрихъ и Болеславъ, которымъ начинается Кр. рукопись.

Баллады „Збигонъ“, а также „Людиша и Люборъ“ не относятся безъ сомнѣнія къ опредѣленнымъ событіямъ, однако онѣ, какъ прекрасныя творенія, не лишены поэтической цѣны; послѣдняя изъ нихъ, судя по ея формѣ, относится къ болѣе новому времени.

Самая новая поэма Кр. рукописи—Ярославъ, не только по грамматическимъ формамъ, но и по художественному исполненію. Можно замѣтить, что въ ней примѣнены правила Аристотелевской критики. Поэма—чисто эпическая. Особенно замѣчательна описательная сторона ея: каждая отдѣльная битва иначе разсказана; въ ней попадаетъ много вообще удачныхъ сравненій. Характеры задуманы и выполнены старательно, какъ это выясняется изъ сопоставленія Вестона съ Вратиславомъ, изъ которыхъ одинъ измѣнникъ, а другой—патріотъ; Ярославъ, описанный опредѣленными словами, является на концѣ, какъ *deus ex machina*, и скорѣе разрубаетъ, нежели распутываетъ—завязанный узелъ. Предметъ стихотворенія очень важенъ для славянства; пораженіе Татаръ у Оломуца Чехами и Мораванами подъ предводительствомъ Ярослава Штернберга преградило путь нашествію татарскаго варварства, которое грозило полною гибелью образованности западной Европы.

Наконецъ къ золотому вѣку чешской поэзіи относятся нѣкоторыя чисто народныя пѣсни, встрѣчающіяся въ Крал. рукописи и отличающіяся особенною нѣжностью и свѣжестью. Извѣстно, что у нѣкоторыхъ изъ славянскихъ племенъ издавна сохранились пѣсни такого рода, такъ что думается, что формы этихъ пѣсней относятся къ тѣмъ временамъ, когда разныя славянскія племена составляли еще одно цѣлое. (Стр. 9—20).

Остальную часть статьи Чупръ посвящаетъ изложенію дальнѣйшей исторіи чешской литературы.

Въ 1852 году издана была Polyglotta Kralodvorského Rukopisu. Text v původním i obnoveném pravopisu; překlad: ruský, srbský, illyrský, polský, hornolužický, vlaský, anglický, německý; ukázky: dolnolužického, maloruského, krajnského, francouzského i bolgarského. Vydání Václava Hanky. V Praze. Nákladem vydavatelovým. 1852. 18°. Стр. X + 806. Древний чешский текст напечатанъ на одной сторонѣ по древнему правописанію, на другой—по новому въ слѣдующемъ порядкѣ: прежде рукопись Краледворская, потомъ Зеленогорская, наконецъ 2 любовныя пѣсни. За этимъ слѣдуютъ переводы съ предисловіями переводчиковъ:

- 1) Русский переводъ Н. Берга;
- 2) Сербский—Сл. Златойевича;
- 3) Иллирийский—Игн. Берлича;
- 4) Польский—Луц. Семенскаго;
- 5) Верхнелужицкий—І. Смолера;

Образцы Нижнелужицкаго перевода „Сирота“ и „Жаворонокъ“ (стр. 523—24).

Образцы Малорусскаго (стр. 525—36).

Образцы Краинскаго и Французскаго.

- 6) Итальянский—Фел. Франческони;
- 7) Английский—А. Вратислава;
- 5) Нѣмецкій—В. Свободы.

Образцы переводовъ на Болгарскій языкъ: Кукушка, Сирота, Китица; въ концѣ прибавлены: Любушинъ Судъ, Збигонъ, Сирота, Китица ¹⁾).

Десять оттисковъ этого изданія на веленовой бумагѣ вышли въ трехъ томахъ, изъ которыхъ каждый согласно съ своимъ содержаніемъ имѣлъ особенное заглавіе. (См. Некр. стр. 22).

Въ 1853 году вышло два одинадцатыхъ изданія нашихъ рукописей: одно в рѣводниѣм старѣмъ языку, другое—v obnoveném

---

¹⁾ Небескій цѣлый отдѣлъ своей статьи о Крал. рукописи, помѣщенный въ Ѣ. Ѣ. М. 1853, sv. I, стр. 116—67, посвящаетъ разсмотрѣнію судьбы Крал. рукописи въ иностранныхъ литературахъ, какъ славянскихъ, такъ и западно-европейскихъ. Особенно интересно то мѣсто (140—48), гдѣ онъ разбираетъ переводы на славянскія нарѣчія.

jazyku. Предисловіе Ганки является здѣсь въ томъ же видѣ, въ какомъ оно было напечатано при первомъ изданіи¹⁾.

§ 2. Въ 3 и 4 книгахъ за 1852 годъ и въ 1 и 2 за 1853 годъ Временника Чешскаго Музея (Časopis Českého Museum) помѣщена была статья извѣстнаго чешскаго ученаго Вячеслава Небескаго подъ заглавіемъ: „Краледворская рукопись“. Статья эта—ничто иное, какъ предшествующее разрѣшеніе части той самой задачи, которую я поставилъ себѣ въ своемъ трудѣ: Небескій предпринялъ въ ней обзорѣть литературную исторію Крал. рукописи съ 1817-го по 1853-й годъ точно такъ, какъ я предпринялъ обзорѣть литературную исторію какъ Краледворской, такъ и Зеленогорской рукописи съ 1817-го по 1878-ой годъ; но мы приводимъ въ исполненіе наши намѣренія совершенно различно: пока—я ограничиваюсь объективнымъ изложеніемъ литературной исторіи рукописей и только въ концѣ труда отпесусь критически ко всему вышеизложенному матерьялу и попытаюсь парисовать одну общую картину, представляющую современное положеніе занятій рукописями, тогда какъ Небескій поступаетъ иначе: „*Не будеме моци*“, говоритъ онъ (Č. Č. M. 1852, Sv. 4, str. 129), „*овшем поминутти zde а там розебрати и наледы о Рукописе Краледворскем пронешене, а спойуйице праици историка с уколем критика подаме нѣкды све минѣни о вѣцех наши паматкы се тыкайицих*“. Въ своемъ изложеніи статьи Небескаго я оставляю въ сторонѣ историческую часть ея и останавлиюсь только на критическихъ ея мѣстахъ. Такихъ мѣстъ четыре:

1) Č. Č. M. 1852, sv. 3, str. 155—171, гдѣ разбирается вопросъ о томъ, кто написалъ или скорѣе собралъ стихотворенія Крал. рукописи;

2) Č. Č. M. 1852, sv. 4, str. 133—145, гдѣ разсматривается предисловіе В. Ганки къ 1-му изданію Крал. рукописи;

3) Č. Č. M. 1852, sv. 4, str. 146—168, гдѣ разсматривается ст. Мейнерга;

4) Č. Č. M. 1853, sv. 1, str. 129—134, гдѣ разбирается мнѣніе Мацѣевскаго о лирическихъ пѣсняхъ Крал. рукописи;

этими-то мѣстами я и займусь теперь.

¹⁾ См. Nov. R. Kr. Č. Č. M. 1853. II, str. 348, № 13 и 14.

1) Ганка, какъ извѣстно (см. гл. I, § 2), высказалъ предположеніе, что, быть можетъ, авторомъ или, по крайней мѣрѣ, собирателемъ пѣсенъ Крал. рукописи былъ знаменитый рыцарь Завиша изъ Розенберга.

Палацкій принялъ гипотезу Ганки и подкрѣпилъ ее даже нѣкоторыми доказательствами (см. гл. III, § 2).

Шафарикъ обратилъ вниманіе на поддержанное Палацкимъ предположеніе Ганки, но не отнесся къ нему съ особеннымъ сочувствіемъ (см. гл. V, § 3).

„Дѣйствительно“, говоритъ Небескій, „догадка Палацкаго (т. е. первоначально Ганки)—блистательна и прекрасна; она не только можетъ намъ льстить, но выставляетъ также рыцарскую и романтическую фигуру одареннаго чарующею красотой любовника королевы—вдовы на поэтическій и очень благопріятный ей свѣтъ, который способенъ особеннымъ блескомъ озарить ихъ отношенія.—Кромѣ того каждый долженъ принять эту догадку съ радостью еще и потому, что Палацкій намъ ясно и отчетливо рисуетъ въ той туманной области лица и отношенія. Однако намъ кажется, что доказательства приведены Палацкимъ не для того, чтобы мы, признавши догадку правдоподобною, могли спокойно ею утѣшаться; мы полагаемъ, что намъ слѣдуетъ удовольствоваться превосходными стихотвореніями самими по себѣ, не стремясь знать имя ихъ автора; въ такомъ-же положеніи находятся Нѣмцы относительно своихъ Нибелунговъ и Сербы относительно своихъ несравненныхъ народныхъ пѣсенъ; кажется, намъ не посчастливится добыть ни Пизистрата, ни простаго собирателя.

Попытаемся обстоятельнѣе разобрать доказательства, приводимыя Палацкимъ въ пользу его гипотезы.

Первое доказательство (кромѣ Завиши изъ Розенберга въ XIII стол. не было ни одного Чеха, который-бы считался между своими современниками поэтомъ) справедливо только настолько, что мы не знаемъ имени самаго знаменитаго поэта этого столѣтія, но дѣйствительно знаменитые поэты существовали, и мы даже можемъ утверждать, что въ концѣ XIII-го стол. чешская поэзія (не народная, но искусственная) достигла блестящей ступени развитія и дала нѣкоторые плоды, замѣчательные въ сравненіи съ стихотвореніями подобнаго имъ рода у другихъ народовъ. Мы имѣемъ отъ второй половины того-же вѣка стрывки нѣкоторыхъ стихотвореній, которые доказываютъ все преды-

дущее и—особенной отдѣлкой и обработкой поэтического слога и поэтической рѣчи, богато и строго развитой, всей техникой своей, а также многими между собою соприкосновеніями и сходствами, и одинаковымъ своимъ направлениемъ и духомъ—указываютъ на какое-то одинаковое поэтическое образование ихъ авторовъ, какъ будто-бы эти послѣдніе принадлежали, какъ говорится, къ одной поэтической школѣ. Кто обстоятельно сравнивалъ отрывки легендъ, дошедшіе до насъ отъ той эпохи, между собою и съ Александрендою, тотъ, вѣроятно, замѣтилъ въ нихъ какой-то одинаковый пошибъ въ рѣчи, въ формѣ и духѣ и подтвердить вѣрный взглядъ, высказанный впервые Шафарикомъ“.

„Первое доказательство Палацкаго“, продолжаетъ Небескій нечного далѣе, „можно было-бы видоизмѣнить такъ:

Мы не знаемъ въ XIII стол. чешскаго поэта, о которомъ можно было-бы съ правдоподобностью заключить, что онъ сложилъ нѣкоторыя пѣсни Крал. рукописи; поэтическія произведенія, сохранившіяся отъ того времени не въ Крал. рукописи, ясно показываютъ, что ни одинъ изъ ихъ авторовъ не могъ быть творцомъ Крал. пѣсенъ; могъ быть имъ, пожалуй, Завиша Витковичъ, какъ знаменитый поэтъ, произведенія котораго хотя для насъ не сохранились, но, судя по извѣстіямъ о нихъ, не устраняютъ возможности этой догадки“.

Далѣе Небескій доказываетъ, что „Ярославъ“ не могъ быть произведеніемъ Завиши Витковича, во 1-хъ, потому-что Завиша имѣлъ-бы, но всей вѣроятности, болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ убійствѣ княжны и объ имени хана, чѣмъ тѣ, что обнаруживаются въ поэмѣ; во 2-хъ, потому-что „Ярославъ“—произведеніе народнаго творчества, тогда какъ Завиша писалъ, вѣроятно, въ модномъ тогда рыцарскомъ духѣ.

Онъ доказываетъ, что Завиша не могъ пѣть и объ Олдрихѣ, такъ какъ ему не были извѣстны, должно быть, подробности объ изгнаніи Поляковъ изъ Праги, описываемыя въ поэмѣ.

Палацкій предполагаетъ, что Крал. сборникъ былъ составленъ для Кунгуты. Небескій сомнѣвается въ этомъ: такія чисто-простонародныя пѣсни, какъ Китица, Ягоды и др., наврядъ понравились-бы ей.

Палацкій говоритъ: „Нельзя не придать нѣкотораго значенія и тому обстоятельству, что рукопись найдена была въ томъ городѣ, который, можетъ быть, еще въ то время былъ, какъ и до сихъ поръ состоитъ, вдовымъ удѣломъ чешской королевы“. Небескій находитъ возмож-

нымъ, что Кунгута никогда и не была въ г. Королевиномъ Дворѣ „Если-бы“, говорить онъ, „кто захотѣлъ изъ того обстоятельства, что рукопись найдена въ г. Králové Dvůr, дѣлать какіе-нибудь выводы, то скорѣе всего онъ могъ-бы изъ него заключить, что наша рукопись тамошняго происхожденія и заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ былины и пѣсни, ходившія среди народа въ той мѣстности. Намъ кажется, что эта догадка гораздо правдоподобнѣе, и мы стараемся снабдить ее нѣкоторыми доказательствами.

а) Народная пѣсня, заключающаяся въ рукописи: Ach vy lesi, tmaví lesi, lesi Miletinští! ясно указываетъ на то, что она либо возникла въ Милетинскомъ округѣ, либо была занесена въ тамошнюю мѣстность и попала въ сборникъ въ измѣненномъ тамъ видѣ. Впрочемъ мы знаемъ, что народныя пѣсни часто упоминаютъ о далекихъ краяхъ, причемъ названія далекихъ мѣстностей не замѣняются названіями окружающихъ.

б) Другая пѣснь Крал. рукописи также говоритъ, по нашему мнѣнію, въ пользу этой догадки; это—Бенешъ Германовъ. Происшествіе, которое она воспѣваетъ, не было настолько великимъ и знаменитымъ, чтобы сказаніе о немъ могло распространиться по всему народу и вдохновить кого-нибудь вдалекѣ сложить о немъ пѣсню (особенно въ тѣ времена, когда люди привыкали къ подобнымъ происшествіямъ вълѣдствіе ихъ частаго повторенія). Простое вторженіе въ страну непріятельскаго отряда во время отсутствія князя могло показаться важнымъ и стать предметомъ пѣсни только въ томъ округѣ, который постигло несчастіе, но никакъ не во всей странѣ; а между тѣмъ мѣсто этого происшествія мы находимъ не вдалекѣ отъ Королева Двора.

в) Остальныя пѣсни и поэмы Крал. рукописи хотя носятъ на себѣ универсальный отпечатокъ или касаются происшествій, важныхъ для цѣлаго народа, такъ-что, говоря вообще, мы не можемъ найти въ нихъ особенно убѣдительныхъ доводовъ въ пользу нашей догадки, однако нѣкоторыя подробности ихъ свидѣлствуютъ за нее. Мы знаемъ, что нашествіе Татаръ должно было привести въ движеніе и привело—не только чешскій народъ, но и всю Европу, но то обстоятельство, что только въ „Ярославѣ“ мы встрѣчаемся со сказаніемъ объ убіеніи татарской княжны, указываетъ, по нашему мнѣнію, на край, прилегающій къ Силезіи, гдѣ безъ сомнѣнія возникло это сказаніе.

Возможно также, что стихотвореніе „Ольдрихъ и Болеславъ“ сложено въ той мѣстности, куда, повидимому, бѣжали изъ Чехіи полки Болеслава Храбраго. Едва-ли эта поэма была сложена въ Прагѣ или по близости отъ нея; въ противномъ случаѣ—поэтъ не смѣшалъ-бы моста черезъ Влтаву съ мостомъ, ведущимъ въ Пражскому Городу что онъ, по нашему мнѣнію, сдѣлалъ“.

2) Въ чешскомъ предисловіи къ 1-му изданію Крал. рукописи Ганка, какъ извѣстно (см. гл. I, § 2), сравниваетъ пѣсни Крал. рукописи съ произведеніями Гомера, Эсхила и Орфея.

Хотя сначала Небескій находить, что Ганка весьма удачно (*velmi trefně*) сравнилъ пѣсни Крал. рукописи съ поэмами Гомера, но потомъ онъ отклоняется отъ этого мнѣнія и приходитъ къ тому убѣжденію, что сравненіе это неудачно. Вполнѣ доказано, разсуждаетъ онъ, что Иліада и Одиссея составились изъ отдѣльных народныхъ былинъ. Пѣсни Крал. рукописи возможно противопоставлять этимъ былинамъ, но ихъ никоимъ образомъ нельзя сравнивать съ гомеровскими поэмами въ томъ видѣ, въ какомъ эти послѣднія дошли до насъ. Что такое пѣсни Крал. рукописи? Эпическія пѣсни Крал. рукописи лучше всего можно сравнить съ пѣснями Сербовъ; подобно послѣднимъ онѣ ничто иное, какъ героическія или мужскія народныя пѣсни. Между тѣмъ поэмы Гомера это народный эпосъ (*epu národní*) въ самомъ полномъ и блестящемъ смыслѣ этого слова. Отсюда видно, что сравнивать эпическія пѣсни Крал. рукописи съ поэмами Гомера невозможно. Забон и Люміры, продолжаетъ Небескій, не имѣютъ ничего общаго съ гомеровскими пѣвцами: послѣдніе были пѣвцами по профессіи, тогда какъ первые были въ тоже время и воинами. Еще менѣе похожи они на Орфея, представителя научной и священной поэзіи. Пѣсни Крал. не воспѣваютъ рыцарскихъ приключеній (*dobrodružství*), которыя нашелъ въ нихъ Ганка. Онѣ пѣлись, а не читались, какъ произведенія искусственной эпикѣ—Алексаидеяда, Тристрамъ, Тандріамъ и др.

3) „Статья Мейнерта“, говоритъ Небескій, „до сихъ поръ еще имѣетъ цѣну и можетъ считаться хорошимъ началомъ оцѣнки и объясненія славныхъ остатковъ, хотя нельзя отрицать, что она не проникаетъ глубоко внутрь предмета и что въ ней попадаются иногда ошибки въ историческихъ данныхъ. Что касается эстетической стороны, то до сихъ поръ (т. е. до 1852) мы не имѣемъ лучшаго ея изслѣдованія, чѣмъ мы однако не хотимъ выразить, чтобы эта статья заклю-

чала въ себѣ какой-нибудь глубокой разборъ сущности, характера и значенія пѣсенъ Крал. рукописи. Чѣмъ особенно отличается статья Мейнерта, такъ это—ревностью и какою-то любовью къ предмету, литературнымъ тактомъ и гуманной, бодрой и нѣжной мыслью“. Далѣе Небескій замѣчаетъ, что Мейнертъ въ своей статьѣ коснулся двухъ важныхъ вопросовъ: во 1-хъ) отношенія Козьмы къ народнымъ сказаніямъ и повѣстямъ и, во 2-хъ) международныхъ отношеній Чеховъ и Нѣмцевъ, и затѣмъ самъ подробно разсматриваетъ первый изъ нихъ.

4) „Мацѣевскій вѣрно замѣтилъ (см. гл. III, § 3)“, говоритъ Небескій, „что ни одинъ славянскій народъ кромѣ Чеховъ не можегъ указать на древнюю рукопись, въ которой заключались-бы народныя пѣсни; съ другой стороны нѣтъ сомнѣнія, что какъ у Чеховъ, такъ и у другихъ славянскихъ народовъ сохранились нѣкоторыя народныя пѣсни, по происхожденію своему гораздо болѣе древнія, чѣмъ пѣсни Крал. рукописи. Мы имѣемъ при этомъ въ виду тѣ пѣсни, въ которыхъ мы находимъ слѣды древнеязыческихъ обрядовъ и взглядовъ, хотя не отчетливые, но тѣмъ не менѣе довольно замѣтные. Мы не хотимъ этимъ выразить, чтобы подобныя пѣсни дошли до насъ въ полномъ видѣ и первоначальной формѣ; напротивъ—изъ круга ихъ дошли до насъ только изуродованные остатки, которые наука должна собирать какъ палеонтологическіе остатки погибшихъ животныхъ, чтобы по нимъ возсоздать образъ давно погибшей духовной жизни.

Что касается древности пѣсенъ Крал. рукописи, то на это нельзя сказать ничего съ полной достовѣрностью и совершенной опредѣленностью; однако—природа и характеръ ихъ свидѣлствуютъ, по нашему мнѣнію, о томъ, что онѣ моложе вышеупомянутыхъ остатковъ изъ области языческихъ обрядовъ и взглядовъ. Кромѣ того мы находимъ въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ Крал. рукописи признаки, по которымъ можемъ судить отчасти объ ихъ древности. Въ нихъ упоминаются: отнятый юноша (Сирота), панскій садъ и каменный замокъ (Жаворонокъ). Все это указываетъ, повидимому, на то время, когда въ Чехіи начинали утверждаться феодальныя порядки, занесенныя изъ Германіи. Тогда начали возводить каменные замки, въ гарнизонѣ которыхъ долженъ былъ состоять не одинъ юноша. Это не болѣе, какъ простая догадка; однако кажется правдоподобнымъ, что тотъ огромный переворотъ, который совершился въ Чехіи, когда старыя славянскіе порядки начали рушиться съ одной стороны отъ благотворнаго введенія

нѣмецкаго права и городскихъ учрежденій, съ другой стороны отъ вреднаго стремленія къ германскому феодализму, могъ найти откликъ и въ народныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ народъ выражаетъ свои радости и страданія; переворотъ этотъ, конечно, долженъ былъ отозваться на немъ. Намъ кажется, что въ вышеупомянутыхъ пѣсняхъ (въ Сиротѣ и въ Жаворонкѣ) мы слышимъ слабый отзвукъ тѣхъ временъ, когда народъ началъ чувствовать тяжесть этихъ переворотовъ. Уже поэтому мы не можемъ присоединиться ко взгляду Мацѣевскаго, будто эти пѣсни возникли въ высшихъ слояхъ общества; кромѣ того трудно по нынѣшнимъ междусловнымъ отношеніямъ установить понятіе о высшихъ классахъ въ тѣ времена; во всякомъ случаѣ оно обозначало совсѣмъ не то, что обозначаетъ теперь. Кто-бы ихъ слагалъ? Конечно, не духовное лицо, не рыцарь-пѣвецъ, не искусный пѣвецъ и музыкантъ, какими были у Нѣмцевъ такъ называемые *Fahrende und Begehende*. Подобныхъ людей въ тѣ времена у насъ не было; а если и попадались, то это были иностранцы, пѣли они по-нѣмецки и искали средствъ къ пропитанію при панскихъ дворахъ, гдѣ такіе намеки, какіе встрѣчаются въ нашихъ пѣсняхъ (отнятый юноша, каменный замокъ, панскій садъ), были-бы совершенно не у мѣста. А пѣвецъ народный, приблизительно похожій на сербскихъ слѣпцовъ, обращалъ-бы вниманіе на простой народъ, да кромѣ того онъ едва-ли пѣлъ-бы такіа пѣсни, судя по сербскимъ слѣпцамъ: онъ, безъ сомнѣнія, пѣлъ-бы только мужскія пѣсни; пѣсни-же Краледворскія, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь,—такъ называемыя женскія, которыхъ не поютъ сербскіе народные пѣвцы, а потому, вѣроятно, не пѣли пѣбогда и чешскіе. Впрочемъ въ этомъ отношеніи нельзя сказать ничего опредѣленнаго, такъ какъ до насъ не дошло никакихъ извѣстій объ этомъ отъ тѣхъ временъ; одно только вѣрно—это, что мелкія пѣсни Крал. рукописи—не плодъ школьно-образованныхъ поэтовъ или такъ называемыхъ высшихъ слоевъ общества. Чтѣ сдѣлали въ поэзіи эти послѣдніе, показываютъ намъ сохранившіеся изъ этой области остатки нашей древней литературы. Мелкія пѣсни мы можемъ считать только за простыя и чисто народныя пѣсни, а никакъ не за пѣсни, возникшія въ высшихъ слояхъ общества или въ нихъ украшенныя и облагороженныя. Къ этому взгляду приводятъ весь характеръ и вся сущность разбираемыхъ пѣсенъ; кромѣ того тѣ особенности, изъ которыхъ Мацѣевскій выводитъ нѣчто совершенно противоположное, служатъ его доказательствомъ.

Тонкость, нѣжность, свѣжесть и скромность въ чувствованіи и мысленіи, по нашему и по общепринятому мнѣнію,—радостный и благородный признакъ настоящего и чистаго славянскаго народнаго творчества особенно для тѣхъ временъ, когда возникли пѣсни Крал. рукописи. Тогда нашъ народъ былъ еще цѣльнымъ и его чистой, поѣтической души не коснулась ни одна изъ тѣхъ язвъ, которыя часто приносятъ съ собою такъ называемая цивилизація. Цивилизація, правда, облагораживаетъ, но за то вмѣстѣ съ нею является и простонародье (*luza*); о немъ славянская народная поэзія никогда не упоминаетъ. Въ пѣсняхъ Крал. рукописи нѣтъ ничего простонароднаго. Принимая во вниманіе произведенія поэтовъ, воспитавшихся подъ вліяніемъ общеевропейской образованности (напр. авторовъ Мاستичвара или Тристрама), и взвѣшивая, какая грязь грубости и безнравственности появляется иногда въ нихъ, мы сомнѣваемся, чтобы въ слояхъ, которымъ приходились по вкусу подобныя стихотворенія, могли быть облагорожены и украшены утѣшительныя пѣсни Крал. рукописи. Такая скромность и нравственная чистота, какія являются въ Краледворскихъ стихотвореніяхъ, рѣдко попадаются въ произведеніяхъ искусственной средневѣковой поэзіи.

Кромѣ того намъ кажется неправдоподобнымъ взглядъ Мацѣвскаго, будто нынѣшнія литературныя отношенія могли существовать и въ тѣ времена, когда возникли пѣсни Крал. рукописи. Любовь нынѣшняго вѣка къ народнымъ пѣснямъ и забота о нихъ—особенное явленіе новѣйшей литературной жизни и основаны онѣ на условіяхъ, которыхъ въ Чехіи вовсе не было въ XII и XIII вв.“

§ 3. Во „Временникѣ Музея Королевства Чешскаго“ (*Casopis Musea Království českého*) за 1854 годъ (XXVIII ročník, svazek třetí) появилась статья извѣстнаго чешскаго археолога Я. Э. Воцеля подъ заглавіемъ: „Эстетическое значеніе стихотвореній Крал. рукописи Забой и Ярославъ“ (*Aestetická význam básní Kralodvorského rukopisu Záboj a Jaroslav*)“.

Стихотворенія Крал. рукописи были изслѣдованы съ лингвистической и исторической точки зрѣнія, разсуждаетъ Воцель, но эстетическая цѣна и важность ихъ не были еще опредѣлены. Всякій можетъ чувствовать красоту этихъ произведеній, но законъ и основаніе, на которыхъ она зиждется, могутъ быть поняты только послѣ заботливаго изслѣдованія (стр. 440).

Изслѣдовать, какимъ образомъ идея красоты выражается въ пер-

воначальномъ престолярномъ образѣ этого драгоцѣннаго памятника, очень важно.

Возраженія, будто этихъ стихотвореній нельзя разбирать на основаніи новыхъ эстетическихъ воззрѣній и будто старыя формы языка не красивы, не выдерживаютъ критики. Пѣвецъ не зналъ правилъ и законовъ эстетики, но его произведенія можно разбирать на основаніи этихъ правилъ и законовъ. Языкъ письменныхъ памятниковъ IX—XIV вѣковъ по живости, красотѣ, опредѣленности и богатству формъ далеко выше нынѣшняго чешскаго языка. (Стр. 441—42).

Послѣ этого краткаго введенія Воцель приступаетъ къ разбору „Забоя“. На страницахъ 443—47 онъ довольно подробно излагаетъ содержаніе разбираемаго произведенія.

Пѣснь о Забоѣ, продолжаетъ онъ (стр. 448), выполнѣ и притомъ самымъ блестящимъ образомъ удовлетворяетъ требованіямъ эстетики. Первый законъ эстетики требуетъ, чтобы то, что представляетъ художникъ, было обосновано (мотивировано) и изложено въ стройномъ порядкѣ. Какъ въ природѣ, такъ и въ нравственномъ мірѣ господствуетъ строгій законъ, на выполненіи котораго и на слѣдованіи которому основывается какъ природный, такъ и нравственный порядокъ. Такой же порядокъ долженъ существовать и въ художественномъ произведеніи. Художникъ долженъ мотивировать чувства, страсти и поступки какъ индивида, такъ и цѣлаго народа. Въ Забоѣ повсюду мы находимъ искусное мотивированье. Въ самомъ началѣ, когда Забой рассказываетъ о судьбѣ родины и побуждаетъ согражданъ къ возстанію, положено основаніе стихотворенія, изъ котораго оно развивается, какъ дерево изъ сѣмени. Во всемъ стихотвореніи замѣтно разумное соединеніе частей по закону причинности. Сравненіе съ этой точки зрѣнія съ Тристрамомъ и Нибелунгами еще яснѣе показываетъ высокую цѣну стихотворенія. (Стр. 449).

Въ стихотвореніи ясно выступаютъ контрасты. Благодаря контрасту, въ художественномъ произведеніи яснѣе выдѣляются предметы, характеры и эпохи. Есть два рода контрастовъ: первый—различіе, второй—прямая противоположность. Первый родъ требуетъ, чтобы родственные характеры и родственныя страсти были представляемы различнымъ образомъ; по второму—характеры необходимо представлять прямо противоположными. Примѣръ контраста перваго рода представляютъ характеры Забоя и Славоя. Забой отличается дѣятельностью,

мудростью, силою и героизмомъ; онъ—причина всего воспѣваемого подвига т. е. освобожденія отъ враговъ родной земли. Славой отличается не столько качествами Забоя, сколько пылкостью и благородствомъ. Прямой контрастъ существуетъ между характерами обоихъ чешскихъ героевъ и характеромъ Людека. Онъ—суровъ, свирѣпъ, между тѣмъ какъ Забой и Славой—благородны и милосердны. Законамъ контраста удовлетворяетъ и содержаніе всего произведенія. Такого правильнаго употребленія контрастовъ нѣтъ въ другихъ древнихъ стихотвореніяхъ, какъ напр. въ Тристрамѣ и другихъ. (Стр. 450—51).

Стихотвореніе наше проникнуто ритмомъ. Творецъ „Забоя“ употреблялъ размѣръ неправильно—на основаніи природнаго вкуса и чувства. При описаніи пылости Славоя, злости Людека и битвы между Людекомъ и Забоемъ употребляетъ онъ дактиль. Такъ:

1. Čemu naše braň jmá tepruv
ot vřcha soptati krutost'?
Otsavad buřny protivô králevým vřahóm!
2. Aj ty zhovadilý!
ty veliká potvorô hadóv!
3. Ajta otvrže Záboj ščit,
i v rucě mlatem i v druhéj mečem,
tako i v přieč proráže dráhy u vřazéch.

При описаніи элегическихъ и важныхъ моментовъ употребляетъ онъ трохей, какъ видно изъ начала стихотворенія:

S črna lesa vystupuje skála a t. d.

(Аллитерація, на которую указываетъ Небескій—Otčik zaide k otcem, ostaví v dědině dietky svoje a t. d.—, вѣроятно случайная, а не умышленная). Ритмъ существуетъ и въ построении стихотворенія. Первая часть его описываетъ печальное состояніе родной страны и намѣреніе героевъ освободить ее; вторая—битвы, происходящія вслѣдствіе этого рѣшенія; третья—побѣду и, какъ результатъ, освобожденіе. Стихотвореніе основано на дѣйствительномъ происшествіи (стр. 455). Въ немъ нѣтъ разсужденій, чуждыхъ вставокъ, искусственныхъ оборотовъ и стремленія къ эффекту. Оно выражаетъ дѣйствительныя страданія, надежды и радости народа. Творецъ „Забоя“, глубоко пора-

женный славнымъ событіемъ, передалъ его въ прекрасныхъ словахъ, чтобы укрѣпить его въ памяти народа. Такимъ-же образомъ произошли героическія пѣсни малорусскія, юго-славянскія и другія. Это общее явленіе славянской древности.

Послѣ этого Воцель обращается къ разбору „Ярослава“. „Ярославъ“, говоритъ онъ (стр. 457), отличается отъ Забоя—уже вслѣдствіе того, что относится къ тому времени, когда Чехи столкнулись съ народами Западной Европы и усвоили себѣ христіанство.

Западная образованность начала проникать въ Чехію въ концѣ XIII-го столѣтія. Въ это время развивалась у Нѣмцевъ искусственная поэзія, лучшіе плоды которой—Нибелунги и Гудруна. Она отличается субъективностью и фантастичностью. Подъ ея вліяніемъ развилась у Чеховъ въ концѣ XIII-го вѣка своя поэтическая школа. Произведенія ея не только рѣзюме и формою, но и духомъ отличаются отъ болѣе древнихъ народныхъ пѣснопѣній. Сочинитель „Ярослава“ находился уже подъ этимъ чужимъ вліяніемъ, но, какъ истинный поэтъ, сумѣлъ соединить романтическій элементъ съ древнимъ—народнымъ.

На страницахъ 458—64 Воцель очень подробно передаетъ содержаніе „Ярослава“. Это стихотвореніе, какъ и предыдущее, говоритъ онъ, отличается прекраснымъ мотивированьемъ. Въ немъ встрѣчается множество замѣчательныхъ контрастовъ. Характеры его героевъ очень разнообразны: Внеславъ—геройскій предводитель, Вестонъ—трусливъ, Вратиславъ—мужественъ, краснорѣчивъ и благочестивъ, въ Ярославѣ соединены—геройство, мудрость, сила. Всѣ разнообразные личные образы и контрасты составляютъ одно прекрасное цѣлое.

Во всемъ стихотвореніи чувствуется ритмъ. Размѣръ въ „Ярославѣ“, какъ въ сербскихъ пѣсняхъ,—пятистопный трохей.

„Ярославъ“—настоящій народный эпосъ. Эпосъ, по опредѣленію Воцеля, это поэтическій рассказъ о великомъ, имѣвшемъ вліяніе на судьбу народа событіи, при которомъ воля и сила человѣка боролись противъ опредѣленія высшей міровой силы. „Ярославъ“ воспѣваетъ именно такое событіе—бой съ свирѣпыми Татарами, грозившими погубить всю западную Европу. Высшая сила наслала Татаръ, чтобы наказать христіанъ за ихъ вѣроломство, но они были помилованы за вѣру въ помощь Божью. Наше стихотвореніе проникнуто не вѣрою въ слѣпую судьбу, а вѣрою христіанской.

Эпическое произведеніе должно отличаться общечеловѣческимъ

характеромъ и это качество мы находимъ въ Ярославѣ. Эстетическая критика, сравнивъ „Ярослава“ съ современными ему произведеніями нѣмецкой музы—Вильгельмомъ Оранскимъ и Парсивалемъ Вольфрама Эпенбаха, отчасти навѣрное преимущество „Ярославу“.

§ 4. Въ заключеніе этой главы я ознакомлю читателя со статьею Серба Ваюнова. Предметъ ея—ислѣдованіе, что такое Трутъ, упоминаемый въ „Судѣ Любуши“; помѣщена она была первоначально въ Новосадскомъ журналѣ, „Sedmica“ (1857, № 5), а потомъ появилась въ чешскомъ переводѣ въ „Славянскихъ Новостяхъ“ (Slovenské Noviny, 1857, № 26, отдѣлъ Světozor, стр. 18).

„Чтобы оказать какую-нибудь услугу Чехамъ“ пишетъ Ваюновъ, „я хочу попробовать объяснить то мѣсто Зеленогорской рукописи, въ которомъ говорится объ убіеніи лютаго змѣя Трутомъ. Очевидно, что пѣвецъ, говоря *ot gor Krekonoší, ideže Trut pogubi saň lutu*, имѣлъ въ мысли извѣстный древній рассказъ объ убіеніи дракона Трутомъ, рассказъ, который, какъ говорятъ Шафарикъ и Палацкий (Die ält. Denkm. стр. 93), и доселѣ живеть въ устахъ простаго народа Трутновскаго уѣзда“. Далѣе Ваюновъ доказываетъ, что этотъ Трутъ ни что иное, какъ Трита ¹⁾ ведійской и Тхраетаонъ ²⁾ эранской мифологіи, словомъ—одинъ изъ тѣхъ мифическихъ богатырей змѣеборцевъ, „въ основѣ которыхъ лежало представленіе о солнцѣ въ его дневной и годичной борьбѣ съ мракомъ и холодомъ, а вмѣстѣ и представленіе о громовникѣ, ибо оба представленія неразрывно связаны въ мифологіи“ (Всев. Миллеръ, Асвины-Діоскуры, стр. 315). На сколько основательно это предположеніе, рѣшить я не берусь.

---

¹⁾ Всев. Миллеръ въ своемъ изслѣдованіи объ Асвинахъ-Діоскурахъ на стр. 200 говоритъ: „Трита Апты какая-то личность глубокой древности, уже почти забытая въ ведійскомъ періодѣ, вѣроятно тотъ-же Индра въ болѣе первобытномъ видѣ“.

²⁾ Тхраетаонъ Зендъ-Авесты превратился у персидскаго писателя XII в. Фирдоуси въ героя Феридуна, освобождающаго Персію при помощи кузнеца Кавега изъ-подъ власти завоевателя Зогака, который требовалъ постоянно человѣческихъ жертвъ, чтобы кормить двухъ змѣевъ, поднимавшихся на его плечахъ. См. Леворманъ, Ист. Вост. въ р. пер. т. II, стр. 148. Подробности о Феридунѣ см. у Roth'a—Die Sage von Feridun in Indien u. Iran. въ Zeit. d. D. M. G. II, 216 и слѣд.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Статья: „Рукописныя лжи и палеографическія истины“. Ответъ на нее Палацкаго. Возраженіе на ответъ Палацкаго. Споръ о подлинности Зелен. и Крал. рукописей между Бюдингеромъ съ одной стороны и Гельфертомъ, Палацкимъ, Небескимъ и Канперомъ съ другой. Поправка Эрбени.

§ 1. Статья „Рукописныя лжи и палеографическія истины“ начинаетъ собою новую эпоху въ литературной исторіи нашихъ рукописей. Послѣ основательныхъ изслѣдованій Шафарика, Палацкаго, Небескаго и другихъ вопросъ о подлинности или неподлинности рукописей и содержащихся въ нихъ стихотвореній потерялъ интересъ и всѣ сдѣлались къ нему болѣе или менѣе равнодушными. Но это равнодушіе было только кажущееся. Выше названная статья послужила сигналомъ, по которому разгорѣлся споръ. Едва она появилась, какъ началась борьба между противниками и защитниками подлинности нашихъ рукописей: противъ рукописей выступили на поле брани авторъ статьи, Бюдингеръ, Шваммель, Фейфаликъ; за рукописи—Палацкій, братья Иречки, Гаттала, Гельфертъ, Небескій. Литература рукописей замѣтно оживилась: опроверженія, изслѣдованія и замѣтки посыпались въ такомъ изобиліи, что написанное въ три года, слѣдовавшихъ за статьею, по объему мало чѣмъ меньше того, что было написано о предметѣ до этого. Хотя и послѣ всего, высказаннаго въ этихъ статьяхъ, вопросъ не былъ рѣшенъ окончательно, однако возможность рѣшить его приблизилась и остановка только за новыми матерьялами. Палацкій, какъ видно изъ *Gedenkblätter*, стр. 229, считалъ авторомъ этой статьи редактора „Ежедневнаго Богемскаго Вѣстника“ доктора Куге или, по крайней мѣрѣ, чловѣка, принадлежащаго къ ненавидящей Чеховъ нѣмецкой партіи, но, какъ оказывается, авторомъ ея былъ никто иной, какъ извѣстный секретарь Чешскаго Музея Вацлавъ Небескій. Это удалось узнать проф. Котляревскому во время пребыванія его въ Прагѣ въ 1875 году. „Авторомъ статьи „*Handschriftliche Lügen und paläographische Wahrheiten*“, какъ мнѣ изъ достовѣрнаго источника случайно стало извѣстно“, пишетъ онъ, „—былъ секретарь Музея Вацлавъ Небескій. Статья печаталась въ типографіи Белльмана; наборщикомъ

ея былъ Вильгельмъ Нагель и младшій братъ его. Нагеля старшаго поразили особенности почерка статьи, онъ ясно удержалъ ихъ въ своей памяти тѣмъ болѣе, что издатель, Куге, потребовалъ, чтобы по наборѣ статьи оригиналъ ея былъ запечатанъ и возвращенъ въ Редакцію. Когда потомъ Нагелю случилось увидѣть почеркъ Небесскаго, онъ сейчасъ же призналъ тожество его съ почеркомъ статьи „Handschriftliche Lügen“. Все это рассказывалъ мнѣ самъ Нагель, бывший въ 1874—75 году факторомъ и распорядителемъ типографіи Скрейшовскаго. Замѣтить также должно, что Нагель никогда не былъ знакомъ и даже въ лицо никогда не видѣлъ Небесскаго“. (Прага, 1875, Сент. 6. А. Ктлр.).

Какія побужденія заставили Небесскаго написать эту статью, сказать трудно, да это и не важно; фактъ тотъ, что онъ былъ ея авторомъ.

Въ началѣ статьи авторъ указываетъ на то, что поддѣлка литературныхъ памятниковъ—вещь не новая, и приводитъ примѣры Макферсона и Симонида. Затѣмъ онъ говоритъ, что и въ чешской литературѣ есть двѣ доказанныхъ поддѣлки—пѣснь подъ Вышеградомъ и любовная пѣснь короля Венцеля. Если эти памятники признаны подложными, продолжаетъ онъ, то почему не признать подложною и Зелен. рукописи, мнѣнія о происхожденіи которой сильно расходятся: одни признаютъ ее поддѣльною (Добровскій, Пальковичъ, Копитаръ), другіе—подлинною первоначально, но вновь паведенной въ болѣе позднее время, третьи, наконецъ, считаютъ ее вполне подлинною (Ганка, Юнгманъ, Свобода, Палацкій, Шафарикъ). Пергаментъ, чернило и письмо, несмотря на соображенія Шафарика и Палацкаго, возбуждаютъ подозрѣніе; языкъ, какъ показалъ Добровскій, также; что касается содержанія, то нужно замѣтить, что народы въ молодости производятъ только эпосъ, а между тѣмъ предметъ „Суда Любуши“ вовсе не эпическій, а скорѣе драматическій: эпическія поэмы воспѣваютъ битвы или жизнь, волнуемую бурями судьбы, а наша поэма представляетъ ссору между братьями, которая не могла сопровождаться никакими эпическими событіями. Кромѣ того трудно допустить, чтобы Чехи того времени, къ которому относятся поэму, такъ отчетливо понимали различіе между своимъ и нѣмецкимъ наслѣдственнымъ правомъ. Тайственная присылка конечно не говоритъ въ пользу подлинности. Затѣмъ авторъ требуетъ пересмотра вопроса о „Судѣ Любуши“. Въ пятomъ и послѣднемъ отдѣлѣ своей статьи авторъ признаетъ возможнымъ

существованіе школы поддѣльвателей между 1820—1840 гг. и считаемъ даже Крал. рукопись не защищенною отъ подозрѣній, во-первыхъ, потому, что пѣсни ея не имѣютъ въ чешской литературѣ произведеній, подобныхъ себѣ, во-вторыхъ, потому, что самъ Ганка будто-бы не считалъ ее древнею, такъ какъ рѣшился вновь навести чернилами стерпшія буквы и, третьихъ, потому, что проф. Сивель въ своемъ трудѣ „*Monumenta graphica medii aevi ex archivis et bibliothecis imperii austriaci collecta*“ призналъ за древнѣйшій чешскій письменный памятникъ грамоту 1380 г., а не Крал. рукопись.

§ 2. На эту статью, появившуюся въ октябрьскихъ номерахъ „Ежедневнаго Богемскаго Вѣстника“ (*Tagesbote aus Böhmen*), знаменитый чешскій историкъ Палацкій въ ноябрскихъ номерахъ „Богеміи“ отвѣчалъ статью, также носящую заглавіе: „Рукописныя лжи и палеографическія истины“. (См. *Gedenkblätter*, стр. 215—31).

Познакомивъ читателей съ обстоятельствами дѣла и объявивъ имъ, что съ палеографической стороны онъ убѣжденъ въ подлинности какъ Зеленог., такъ и Крал. рукописи, Палацкій приступаетъ къ опроверженію нѣкоторыхъ замѣчаній предыдущей статьи. Мои противники, говоритъ онъ, конечно не будутъ считать доказательствомъ слѣдующее не логическое заключеніе: „такъ какъ пѣснь Венцеля и пѣснь подъ Вышеградомъ подложны, то и Крал. рукопись также“. Что сказали-бы они, если-бы я началъ разсуждать такъ: „древнія австрійскія хроники Алольда Пехларскаго, Ортилона и Пернольда, какъ то доказано, ложны и поэтому пѣснь о Нибелунгахъ, которая, какъ извѣстно, есть древнеавстрійское произведеніе, также возбуждаетъ подозрѣніе“; или такъ: „извѣстныя австрійскія привилегіи—поддѣльны; слѣдовательно всѣ древнія австрійскія грамоты, которыхъ нельзя отнести къ определенному времени, также поддѣльны“? Различіе въ умозаключеніи было-бы болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ, а между тѣмъ меня объявили-бы ничего не знающимъ, злонамѣреннымъ и глупымъ.

Основанія противъ подлинности Крал. рукописи, приводимыя въ предыдущей статьѣ, безсмысленны и ничего не доказываютъ. На первое изъ нихъ можно отвѣтить, что всѣ наши древнѣйшіе литературные памятники, какъ и девять десятыхъ нѣмецкихъ, единственные въ своемъ родѣ, а между тѣмъ было-бы глупостью считать ихъ ради этого не подлинными.

Обстоятельство, выдаваемое за второе основаніе, показываетъ

только отсутствіе всякаго критико-научнаго смысла и такта у г-на Ганки въ то время, когда онъ вздумалъ наводить стершія буквы.

На третье можно сказать слѣдующее: если проф. Сикель, выбравъ для овоого собранія грамоту 1380 г., хотѣлъ этимъ показать, что въ чешской литературѣ вообще нѣтъ никакого другаго болѣе древняго письменнаго памятника, то онъ перешелъ кругъ своей компетентности и не подавалъ себя авторитетомъ въ своей специальности. Но безъ сомнѣнія онъ хотѣлъ представить древнѣйшій письменный памятникъ съ опредѣленной датой и въ такомъ случаѣ, конечно, не могъ выбрать никакого другаго; затѣмъ его выборъ доказываетъ только, что мы не имѣемъ болѣе древней грамоты на чешскомъ языкѣ, какъ отъ 1380 г., чего никто и не оспариваетъ.

Болѣе всего возраженій приводитъ Палацкій противъ предположенія автора предыдущей статьи, что Крал. рукопись могла быть написана въ нынѣшнемъ вѣкѣ.

„Одна изъ пѣсенъ Крал. рукописи прославляетъ геройскій подвигъ Бенеша Германова, который изгналъ изъ Чехіи Саксовъ, вторгнувшихся въ нее во время отсутствія князя, захватившаго далеко къ Оттону. Наши болѣе старые современники вѣроятно вспомнятъ, что многочисленные комментаторы рукописи, включая сюда Ганку и Свободу (изд. 1829), обыкновенно относили это событіе ко времени Оттона Бранденбургскаго (1280 г.). Тогда не скрывали, что данныя поэмы плохо согласуются съ выбраннымъ временемъ: поэтъ едва-ли могъ-бы призывать на защиту страны десятилѣтняго Венцеля II; въ Чехіи въ то время могли жаловаться не на удаленіе Оттона, а скорѣе на его близость; около 1280 г. патронимическія имена у чешскихъ вельможъ были уже вытѣснены наслѣдственными фамиліями; кромѣ того, современникъ Далимилъ ничего не знаетъ о Бенешѣ Германовѣ, между тѣмъ какъ онъ старался прославить всѣхъ чешскихъ предводителей того времени. Только съ тѣхъ поръ, какъ я началъ собирать чешскій дипломатарій и—посредствомъ разныхъ соображеній, основанныхъ на оставшихся неизвѣстными доселѣ грамотахъ,—открылъ и доказалъ существованіе Бенеша Германова, какъ одного изъ выдающихся чешскихъ вельможъ (1197—1222), стало извѣстнымъ, что этотъ Бенешъ — сынъ основателя Мюнхенгреца Германа изъ Ральско (1173—1197), предокъ знаменитаго впослѣдствіи, но вымершаго въ 1468 году княжескаго рода „изъ Михаловицъ“ (von Michelsberg), и что онъ былъ

въ 1217—1222 гг. кастелланомъ Будишинскимъ. Этихъ датъ до 1829 г. никто въ Чехіи не могъ знать. Какъ-же могъ ихъ правильно привести мнимый поддѣльватель въ 1817 г.?"

Первая неполная поэма собранія прославляетъ послѣдовавшее въ 1004 г. возстановленіе князя Яромира на чешскомъ престолѣ. Палацкій въ 1829 г. не могъ согласить извѣстій пѣвца съ историческими свѣдѣніями. „Только позже“, говоритъ онъ, „болѣе глубокое изученіе источниковъ показало мнѣ, что пѣвецъ правъ и что Яромиръ послѣ продолжавшагося всего нѣсколько недѣль княженія былъ сверженъ въ вѣчашѣ 1003 г., а потомъ въ началѣ сентября 1004 г. былъ возстановленъ на престолѣ. Загадочный поддѣльватель зналъ, значитъ, эти обстоятельства лучше, чѣмъ я въ 1829 г.; онъ является такимъ глубокимъ знаткомъ исторіи, какого не имѣла Чехія въ 1817 г.“

Одна изъ важнѣйшихъ историческихъ поэмъ „о пораженіи Татаръ подъ Ольмюцемъ“ описываетъ все великое нашествіе Татаръ въ 1241 году, но болѣе поэтически, нежели исторически, а именно, какъ походъ Хана, мстившаго за свою милую дочь, прекрасную Кублаевну, которую убили Нѣмцы ради ея драгоценныхъ камней, перловъ и золота во время ея путешествія въ западныя страны.

„Въ 1818 году въ Чехіи было извѣстно, что въ Силезіи существуетъ сказаніе относительно этого событія, но свѣдѣнія о немъ были такъ темны и невѣрны, что Е. Горькій еще въ 1821 г. считалъ мѣстомъ убійенія принцессы моравскій городъ Майденбургъ (недалеко отъ Николсбурга). Только въ 1842 году въ моемъ изслѣдованіи „О вторженіи Монголовъ въ 1241 году“ (не могъ познакомиться съ этимъ изслѣдованіемъ; въ моемъ указателѣ оно упоминается) въ главѣ подъ заглавіемъ: „Объ убійствѣ съ цѣлью грабежа у Неймаркта въ Силезіи“ сообщилъ я относящіяся къ предмету мѣста изъ древней нѣмецкой легенды о св. Гедвигѣ и показали истинное и дѣйствительное историческое основаніе поэмы, а именно, что въ декабрѣ 1240 года послѣдовало близъ Неймаркта убійство одной русской княжны, спасавшейся отъ Татаръ. Такимъ образомъ мы бѣдные смертные только мало-помалу, съ большимъ трудомъ доходимъ до того, что зналъ въ 1817 году поддѣльватель, благодаря наитію свыше.

Кромѣ глубокихъ историческихъ знаній, поддѣльватель долженъ былъ имѣть громадныя свѣдѣнія въ древнечешскомъ языкѣ, большое искусство въ палеографіи и необыкновенное поэтическое дарованіе,

чтобы поддѣлать Крал. рукопись. И неужели этотъ неизвѣстный великій человѣкъ остался-бы незамѣченнымъ современниками и развилъ-бы всѣ свои богатые дарованья въ тиши, про себя, только для того, чтобы однажды пошутить и обмануть своимъ твореніемъ земляковъ?

Ганка, конечно, не могъ быть творцомъ поэмъ Крал. рукописи и Суда Любуши“.

Въ концѣ статьи Палацкій говоритъ слѣдующее: „если-бы было возможно слить въ одинъ духъ всѣ знанія и способности, которыми обладаютъ—Ганка, я, анонимъ и еще двѣсти сообщниковъ его, да еще возвысить и увеличить ихъ, то все-таки мы всѣ не были-бы въ состояніи создать новаго творенія, которое равнялось-бы Крал. и Зелен. рукописямъ вмѣстѣ взятымъ“.

Въ слѣдующей затѣмъ припискѣ (Gedenkblätter 229—31) Палацкій упрекаетъ Куге въ ненависти къ Чехамъ, жалѣетъ, что въ Германіи нѣтъ такого безпристрастнаго ученаго, какимъ былъ Шмеллеръ, и въ заключеніе объявляетъ, что не намѣренъ болѣе принимать участіе въ спорѣ, въ которомъ такую значительную роль играетъ *calumniare audacter*.

Статья Палацкаго была уже написана, но еще не напечатана вполне, когда появилось возраженіе на первыя двѣ части ея въ томъ-же „Ежедневномъ Богемскомъ Вѣстникѣ“ (Tagesbote aus Böhmen) подъ заглавіемъ „Г-нъ Палацкій и рѣшительный, повелительный тонъ его палеографической морали“. Авторъ его упрекаетъ Палацкаго за ту самоувѣренность, съ какою онъ хочетъ навязать другимъ свое убѣжденіе въ палеографической подлинности Зеленогорской рукописи. Статья эта отличается чисто полемическимъ характеромъ и потому я считаю излишнимъ подробно излагать ея содержаніе.

§ 3. Въ 1859 году споръ о подлинности древнечешскихъ рукописей былъ перенесенъ въ Германію Максомъ Бюдингеромъ, который въ первомъ томѣ своей Исторіи Австріи съ намѣреніемъ ни однимъ словомъ не воспользовался изъ оподозрѣнныхъ стихотвореній. По предложенію Зибеля, онъ напечаталъ въ „Историческомъ Временникѣ“ (Hist. Zeitschrift) статью: „Краледворская рукопись и ея сестры“. „Должно замѣтить“, говоритъ Куникъ, „что на Бюдингера, ученика проф. Миелошича, сильно дѣйствовалъ авторитетъ Копитара. А кто изъ славянистовъ въ этомъ дѣлѣ публично признавалъ авторитетъ Копитара, повторявшего одно замѣчаніе, нѣкогда сдѣланное Яв. Гриммомъ? Никто“.

Теперь обратимся къ статьѣ Бюдингера. Прежде всего нужно познакомиться съ основаніями, на которыхъ онъ строитъ свою критику. „По самымъ простымъ и основнымъ правиламъ критики“, говоритъ онъ (I т. стр. 128), „въ сомнительныхъ вопросахъ нужно всегда идти отъ чего-нибудь вполне вѣрнаго и неоспоримаго, чтобы такимъ образомъ приобрести мѣру для опредѣленія невѣрнаго и сомнительнаго“. При опредѣленіи подлинности какой-нибудь рукописи нужно еще всегда имѣть въ виду то лицо, которое открыло ее. Если лицо заслуживаетъ довѣрія, то можно предполагать, что рукопись подлинна; если нѣтъ, то уже есть одно основаніе противъ ея подлинности.

Съ такими возрѣніями приступаетъ Бюдингеръ къ рѣшенію вопроса о подлинности Крал. рукописи.

1) Къ Крал. рукописи нужно относиться съ особенною осторожностью, такъ какъ она найдена человѣкомъ, не заслуживающимъ довѣрія. Почему Ганка не заслуживаетъ довѣрія? Онъ напечаталъ въ С. С. М. 1849. стр. 138—40 поэму „Пророчество Любуши“ (перепечатана въ ст. Небескаго, С. С. М. 1859. II. 213—15), которая, какъ доказано, есть смѣлая поддѣлка.

2) Обстоятельства, сопровождавшія открытіе рукописи, еще увеличиваютъ подозрѣніе.

3) Въ „Забоѣ“, „Честмірѣ“ и „Оленѣ“ говорится о богахъ, жертвахъ и священныхъ птицахъ. Поэмы эти сочинены долго спустя послѣ тѣхъ событій, которыя въ нихъ описываются, можетъ быть, въ XII-мъ или XIII-мъ в. Какъ согласить эти два факта?

Невѣроятно, чтобы христіанскій поэтъ былъ авторомъ этихъ поэмъ со столь сильной языческой окраской. „Въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ“, замѣчаетъ Бюдингеръ, „языческія божества совсѣмъ исчезли и ихъ атрибуты перенесены частью на народныхъ героевъ, частью на св. Іоанна, частью на самого Бога“ (стр. 131).

4) Многочисленныя древнечешскія стихотворенія XIV и отчасти конца XIII вѣка написаны всѣ безъ исключенія по нѣмецкому образцу рифмованными двустипіями, причемъ каждый стихъ состоитъ изъ 8 слоговъ.

Въ героическихъ пѣсняхъ Крал. рукописи встрѣчается десяти-сложный размѣръ безъ рифмы и съ цезурой послѣ четвертаго слога.

Изъ этого видно, что можно согласиться съ Копитаромъ, который считалъ поэмы Крал. рукописи за подражаніе сербскимъ пѣснямъ.

5) Крал. рукопись представляет отрывокъ изъ третьей книги большого сборника стихотвореній. „Что это былъ за собиратель“, замѣчаетъ Бюдингеръ, „что онъ три поэмы до-христіанскаго времени сдѣлалъ 27-ю главою 3-ей книги, а двѣ поэмы „о побѣдѣ надъ Татарами“ и „о побѣдѣ надъ Саксами“, содержаніе которыхъ относится въ XIII-му вѣку, помѣстилъ въ 26-ую главу? Почему 28-ю главой сдѣлалъ онъ лирическія пѣсни? Почему эпическія поэмы касаются именно тѣхъ событій, которыя извѣстны болѣе или менѣе изъ другихъ источниковъ? Почему онѣ наполняютъ именно эти двѣ главы 3-ей книги“? (См. стр. 132).

6) Палацкій утверждаетъ, что никто въ 1817-мъ году не могъ знать трехъ историческихъ фактовъ, упоминаемыхъ въ Крал. рукописи, но сдѣлавшихся извѣстными только позднѣе. Бюдингеръ, не отрицая учености Палацкаго, доказываетъ, что всякій могъ знать эти факты.

7) Разсказъ Козьмы и его послѣдователей (Далимила, Пулкавы и Гайка) объ изгнаніи Поляковъ изъ Праги Бюдингеръ считаетъ передѣлкой древняго мифа, по которому божество грома изгоняетъ врага изъ страны.

Поэма Крал. рукописи „объ изгнаніи Поляковъ изъ Праги“ или „Ольдрихъ“ представляетъ собою подражаніе разсказу Гайка, въ чемъ можно убѣдиться, сопоставивъ отдѣльныя мѣста обоихъ памятниковъ. Она была, быть можетъ, написана первоначально по-нѣмцеи, а потомъ уже переведена была на чешскій языкъ. (См. стр. 139—41).

8) „Ольдрихъ“, стихъ 45: *Udeřichu rány bubní hromné*. Бюдингеръ находитъ, что слово *bubní* заимствовано у Гайка и для XI-го вѣка составляетъ анахронизмъ. У Гайка сказано: „*Czechowe na Most wskočuwse, a magice welike bubny, hřmot včínili*“. „Бубны въ продолженіе первой половины среднихъ вѣковъ были неизвѣстны въ европейскихъ войскахъ“, говоритъ Бюдингеръ; „какъ военные, такъ поэты и историки считали бубны и литавры исключительнымъ признакомъ магометанскаго воинства. Имени для бубна не встрѣчается, насколько я знаю, во всей средне-верхненѣмецкой литературѣ; по крайней мѣрѣ два мѣста изъ памятниковъ (*Parcival*, ed. Lachmann 571, 1—3 pag. 269 и *Житіе св. Елизаветы въ Христоматіи Вакернагеля* стр. 744), въ которыхъ думали найти это имя, съ трудомъ допускаютъ подобное толкованіе. Чешское слово „*buben*“, обозначающее какъ бубенъ, такъ и литавру, попадаетъ въ первый разъ въ переводѣ псалмовъ XIV-го

вѣка. Я не могу съ достаточною точностью опредѣлить времени, въ которое появились въ европейскихъ войскахъ бубны. Они встрѣчаются въ исходѣ среднихъ вѣковъ у Швейцарцевъ и у ландскнехтовъ; но еще въ битвѣ подъ Варной (1444) христіане имѣли только трубы и тромбоны, турки-же—большіе бубны. Даже войско Карла Смѣлаго имѣло только трубы. Въ средніе вѣка употреблялся другой инструментъ, близкій къ бубну,—табуръ (Tabûr). Онъ употреблялся у романскихъ народовъ при играхъ, танцахъ и турнирахъ. Въ видѣ исключенія говорится, что ландграфъ Людвигъ табурами и рогами возвѣщаетъ императорскому войску свое радостное прибытіе“. (Стр. 137—39).

9) Содержаніе поэмы „Ярославъ“ заимствовано у Гайка. Это доказывается слѣдующими обстоятельствами:

а) какъ въ разсказѣ Гайка, такъ и въ разсказѣ пѣвца „Ярослава“ Штернбергъ названъ Ярославомъ;

б) ударъ, нанесенный Штернбергомъ татарскому князю или предводителю, описанъ одними и тѣми же словами у Гайка и въ poemѣ:

Гаекъ (Некр. 405): Jaroslav swym mečem gemaui ruku nad loktem
U s ssawli geho vtial; Крал. рукопись: Jaroslav... mečem Kublajevica
zachváti, ot ramene šurem kyčlu protče, tako ž' spade bezduch mez
mrchu. (Стр. 142).

10) Существуетъ два разсказа „объ убіеніи княжны“: силезскій и моравскій. По силезскому—это событіе произошло близъ Неймаркта въ Силезіи; по моравскому—близъ Майденбурга въ Моравіи. Силезскій разсказъ находится въ „Исторіи Бреславля“ Клозе (1781); моравскій—сообщенъ Горкымъ въ Hoftmaur's Archiv, 1818, № 31, S. 130.

Поддѣлыватель воспользовался моравскимъ разсказомъ, говоритъ Бюдингеръ (стр. 141—42). Какимъ путемъ познакомился онъ съ нимъ? спрощу я.

11) Можетъ быть, прославляя Ярослава Штернберга, поддѣлыватель имѣлъ въ виду угодить графамъ Францу и Каспару Штернбергамъ, которымъ обязанъ своимъ существованіемъ Чешскій Музей.

12) Поддѣлыватель не былъ достаточно свѣдушъ въ древнечешскомъ языкѣ: онъ употребилъ слово *krvi* (Jar. 280: Jaroslav, ves ve *krvi* s ořem zbrosen), какъ односложное, между тѣмъ какъ компетентные люди находятъ, что въ древности оно было двухсложнымъ. Бочекъ предлагаетъ замѣнить трехсложное Jaroslav двухсложнымъ Zdislav. Какъ-же онъ думалъ поступить съ другими мѣстами, въ которыхъ встрѣчается имя Jaroslav? (стр. 146).

13) Событіе, воспѣваемое въ поэмѣ „Бенешъ Германовъ“, не можетъ быть приурочено къ опредѣленному историческому времени. Попытки сдѣлать это—неудачны.

14) Поддѣлыватель Крал. рукописи взялъ имя Бенешъ Германовъ изъ грамотъ XIII вѣка или просто соединилъ два имени, изъ которыхъ первое (Бенешъ) часто встрѣчается въ это время, а второе носить у Гайка комендантъ города Besig, въ которомъ маркграфъ Оттонъ держалъ нѣкоторое время въ заключеніи молодаго короля Венцеля и его мать.

15) То обстоятельство, что во всѣхъ почти европейскихъ литературахъ существуютъ переводы поэмъ Крал. рукописи, не доказываетъ еще ихъ эстетическаго достоинства, такъ какъ и самыя скверныя французскіе романы переводятся иногда на всевозможные иностранныя языки.

„На меня лично“, говоритъ Бюдингеръ (стр. 149), „и на другихъ людей, знакомыхъ съ литературой различныхъ народовъ, поэмы Крал. рукописи производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы онѣ были произведеніемъ души, которая старается грубую ненависть скрыть подъ покровомъ чувствительной мягкости,—а оба эти качества чужды дѣйствительной народной поэзіи“.

16) При палеографическомъ изслѣдованіи Крал. рукописи слѣдуетъ принять во вниманіе письмо листковъ, содержащихъ пѣснь кор. Венцеля и пѣснь подъ Вышеградомъ.

17) Зеленогорская рукопись не подлинна, по мнѣнію Бюдингера; это подтверждается разсмотрѣніемъ ея съ точекъ зрѣнія: поэтической, грамматической, лингвистической и палеографической.

Статья Бюдингера вызвала возраженія со стороны барона Гельферта, Палацкаго, Небескаго и Каппера ¹⁾.

§ 4. Баронъ Гельфертъ напечаталъ свое возраженіе отдѣльной брошюрой безъ обозначенія своего имени подъ заглавіемъ: „Максъ Бюдингеръ и Краледворскія сестры“. Оно состоитъ изъ семи параграфовъ.

Въ первомъ авторъ обрисовываетъ прежде всего то впечатлѣніе, которое произвела статья Бюдингера на вѣнскихъ нѣмецкихъ ученыхъ:

---

¹⁾ Въ Světozor'ѣ (з. 1859 г., стр. 237—239) помѣщена была коротенькая замѣтка о томъ, что изложенной статьѣ Бюдингера подъ заглавіемъ: Büdinger a památky naši starověké poesie. Мнѣ не удалось прочитать ее. Кажется, она не заключаетъ въ себѣ ничего важнаго.

всѣ они, прочитавши статью, рѣшили, что Бюдингеръ нанесъ ею смертельный ударъ долго боровшемуся со смертью мнѣнію о законности происхожденія нѣкоторыхъ дочерей древнечешской музы. Далѣе онъ оцѣниваетъ съ нравственной стороны поступокъ Бюдингера и находитъ его смѣлымъ и оскорбительнымъ для народнаго чувства и ученой чести Чеховъ, такъ какъ Бюдингеръ взялся за рѣшеніе вопроса о подлинности древнечешскихъ памятниковъ, будучи мало знакомъ съ славянскими языками и древностями. Затѣмъ разбираетъ оправданія, приводимыя вѣнскими учеными въ защиту Бюдингера, и признаетъ ихъ несправедливыми. Въ заключеніе онъ находитъ, что Бюдингеръ заслужилъ самой строгой критики.

Во второмъ параграфѣ авторъ разбираетъ первый изъ доводовъ Бюдингера противъ подлинности Крал. рукописи (если появившееся въ 1849 г. Пророчество Любуши—поддѣлка Ганки, то и открытая Ганкою въ 1817-мъ г. Крал. рукопись—также его поддѣлка) и находитъ его нелогичнымъ: изъ того, что Ганка въ 1849 г. поддѣлалъ незначительное стихотвореніе, не обратившее на себя никакого вниманія, не слѣдуетъ еще, что и въ 1817 г. именно онъ поддѣлалъ важный памятникъ, подвергавшійся пристальнымъ изслѣдованіямъ.

Параграфъ третій касается четырехъ слѣдующихъ возраженій Бюдингера противъ подлинности рукописи. Гельфертъ не находитъ ничего страннаго въ томъ, что Ганка нашелъ рукопись въ подвалѣ и не сразу сталъ разбирать ее. Сравненіе между пѣснями Крал. рукописи и сербскими героическими пѣснями также не даетъ ему основанія для подозрѣнія: только нѣкоторыя пѣсни Крал. рукописи сходны съ сербскими въ размѣрѣ; эти сходныя въ размѣрѣ пѣсни не сходны во многомъ другомъ; размѣръ другой части пѣсенъ Крал. рукописи поразительно сходенъ съ размѣромъ малорусскихъ думъ, съ которыми въ Чехіи могли познакомиться только послѣ 1819 г.; размѣръ третьей части не сходенъ ни съ размѣромъ пѣсенъ, ни съ размѣромъ думъ; часто въ обыкновенныхъ народныхъ пѣсняхъ различныхъ славянскихъ племенъ проявляется въ высшей стѣпени замѣчательное сходство въ мелодіи и размѣрѣ—т. е. д. На 4-е возраженіе Гельфертъ отвѣчаетъ: порядокъ, существовавшій въ сборникѣ, отрывокъ котораго дошелъ до насъ подъ названіемъ Крал. рукописи, намъ непонятенъ, потому-что мы не знаемъ содержанія всего сборника и его цѣли.

Въ четвертомъ параграфѣ Гельфертъ сначала снова упрекаетъ

Бюдингера въ излишней самоувѣренности, а затѣмъ разбираетъ его нападеніе на стихотвореніе „Ольдрихъ и Болеславъ“. Первое изъ нихъ (отчего не упоминается имп. Гейнрихъ II?) онъ считаетъ непонятнымъ: „что хочетъ отсюда вывести Г. Бюдингеръ? Неужели основаніе для подозрѣнія подлинности отрывка“? спрашиваетъ онъ. „Отрывокъ заннмается только и единственно изгнаніемъ Поляковъ изъ Праги и обратнымъ взятіемъ этого города Чехами и, что имп. Гейнрихъ II не участвовалъ въ этомъ, ясно даже изъ разсказа Титмара, котораго Бюдингеръ считаетъ единственнымъ достовѣрнымъ свидѣтелемъ о чешскихъ событіяхъ 1004 года. Дѣйствительно, по Титмару, походъ былъ предпринятъ по приказанію Гейнриха II. Но, во-первыхъ, мы не знаемъ, что содержалось въ потерянной части поэмъ; затѣмъ, если даже принять, что имя имп. Гейнриха II и въ ней также не упоминалось, какъ въ дошедшей до насъ, то все-таки объ этомъ обстоятельстве нельзя сказать ничего другаго, какъ только то, что нельзя удивляться, если въ національной поэмѣ выводятся на сцену единственно національные герои, а болѣе удаленные, извнѣ приходящіе мотивы оставляются въ сторонѣ“.

На второе нападеніе (почему взятіе Праги описывается въ поэмѣ иначе, нежели у Титмара?) онъ отвѣчаетъ кратко: „было бы сумасбродствомъ утверждать, что поэтъ, творя свою поэмъ, долженъ былъ-бы имѣть въ виду только Титмара. Впрочемъ, нашъ отрывокъ разсказываетъ о взятіи Праги иначе, нежели Титмаръ, но не противорѣчитъ ему“.

Въ пятомъ параграфѣ Гельфертъ разбираетъ тѣ страницы статьи Бюдингера, на которыхъ этотъ послѣдній сопоставляетъ извѣстія Титмара, Козьмы, Далимила и Гайка съ разсказомъ перваго стихотворенія Крал. рукописи. Сначала онъ доказываетъ, что взглядъ Бюдингера на Козьму и Далимила ложенъ (Бюдингеръ думалъ, что разсказъ поэта Далимила есть слабая передѣлка поэтическаго разсказа прозаика Козьмы); затѣмъ объясняетъ, почему разсказъ о событіи стихотворенія и Далимила не сходенъ съ разсказомъ Козьмы: „о событіи лѣта 1004 г.“, говоритъ онъ, „сохранились въ устахъ народа различныя сходныя въ главныхъ чертахъ, но разныя въ подробностяхъ преданія, изъ которыхъ одно поэтически украшено въ отрывкѣ Крал. рукописи и позже попало въ рѣмованную хронику Далимила, а другое сдѣлано доступнымъ общему пониманію лѣтописцемъ Козьмою“;

въ концѣ онъ указываетъ на ложность мнѣнія Бюдингера объ анахронизмѣ бубновъ у Гайка и въ Крал. рукописи.

Въ шестомъ параграфѣ Гельфертъ опровергаетъ мнѣніе Бюдингера, основанное на сличеніи мѣстъ нѣмецкаго текста Гайка и перевода „Ольдриха“ Свободы, мнѣніе, что поэма „Ольдрихъ“ есть подражаніе разсказу Гайка и что она была первоначально написана по-нѣмецки, а потомъ переведена на чешскій. „Если-бы мы обладали грудной клѣткою Далмиловскаго пастуха, который могъ кричать такъ, какъ ржетъ тысяча жеребцовъ“, говоритъ Гельфертъ, „то и тогда мы должны были-бы остановиться и передохнуть, чтобы выразить только половину тѣхъ мыслей объ этомъ логическомъ *infandum nefas*, которыя толпятся у насъ въ мозгу, и произнести половину тѣхъ словъ, которыя тѣснятся на языкѣ; и если-бы мы владѣли искусной рукой Гиртля, который умѣетъ препарировать самыя тонкія развѣтвленія жилокъ и волоконъ, то и тогда мы отчаявались-бы распутать весь этотъ колтунъ безсмыслицы и противорѣчій“.

Затѣмъ онъ дѣлаетъ слѣдующія возраженія: ни одного экземпляра первоначальнаго нѣмецкаго текста не сохранилось; мѣсто изъ Крал. рукописи, которое приводитъ Бюдингеръ въ параллель мѣсту изъ Гайка, заимствовано не изъ первоначальнаго нѣмецкаго текста, а изъ перевода Свободы 1820 года; переводъ Свободы—не единственный; если-бы онъ былъ единственнымъ и лучшимъ и былъ заимствованъ изъ предполагаемаго первоначальнаго нѣмецкаго текста, то все-таки выраженія перевода и выраженія Гайка не имѣютъ одинаковаго значенія; если бы выраженія эти значили одно и тоже, самыя мѣста—не параллельны; во всякомъ случаѣ изъ одного сходнаго слова нельзя заключать о заимствованіи.

Параграфъ седьмой и послѣдній состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой Гельфертъ нападаетъ на предположеніе Бюдингера, будто поддѣльватель при созданіи „Ольдриха и Болеслава“ пользовался нѣмецкимъ переводомъ Гайка; онъ называетъ это предположеніе—„Давалагири неслыханной галиматии третьей степени“. Во второй онъ снова упрекаетъ Бюдингера въ самоувѣренности и ненависти къ Чехамъ. Въ заключеніе онъ высказываетъ слѣдующее: „Мы Чехи не только желаемъ, но даже требуемъ, чтобы тѣ памятники нашей письменности, въ защиту которыхъ наши корифеи выставили свои копья и достоинство и подлинность которыхъ частью ясно доказаны съ помощью

научныхъ доводовъ, а частью молча признаны, такъ какъ ими пользуются при занятіяхъ исторіей и языкомъ, считались годными и подлинными до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано противное компетентными людьми и также съ помощью научныхъ доводовъ“.

§ 5. Палацкій помѣстилъ свое возраженіе въ „Историческомъ Временникѣ“ (Hist. Zeitschrift. 1859. тетр. 3, стр. 87—111) Зибеля подъ заглавіемъ: „Древнечешскія рукописи и ихъ критика“. Въ началѣ статьи Палацкій объясняетъ, почему антикварно-литературный споръ о подлинности рукописей возбудилъ такое вниманіе во всемъ народѣ и почему всѣ приняли въ немъ столь живое участіе: дѣло со стороны Нѣмцевъ шло не о томъ только, чтобы доказать, что эти рукописи и содержащіяся въ нихъ памятники состоянія первоначальной культуры Чеховъ—поддѣльны, а преимущественно о томъ, чтобы показать, что великія событія чешской исторіи—небылица и основаны частью на непроизвольномъ самообольщеніи, частью на преднамѣренной лжи и искусственной системѣ обмана, что Чехъ тогда только вышелъ изъ варварства, когда онъ походилъ въ школу къ Нѣмцамъ, и что, слѣдовательно, чешская раса ниже нѣмецкой. (Gedenkblätter, S. 231—35).

Затѣмъ онъ подробно рассказываетъ, какимъ образомъ были найдены Зел. и Крал. рукописи. „Защитники подлинности рукописей“, говоритъ онъ послѣ этого, „имѣютъ право утверждать, что эти факты рѣшили въ ихъ пользу долгій споръ и совершенно его покончили: упорнымъ отрицателямъ остается только предполагать, что неизвѣстный другъ Чеховъ до 1817 г. воровскимъ образомъ проникъ въ подвалъ казначея Коваржа и спряталъ тамъ сокровище и что г. Ганка, какъ какой-нибудь Боско или Дѣблеръ (знаменитые фокусники), сначала спряталъ свою рукопись въ Краледворскую церковную башню, а потомъ нашелъ ее тамъ; это предположеніе не научное, а потому не требуетъ и не заслуживаетъ научнаго опроверженія“. (Стр. 237). Но все сказанное не значитъ, будто чешскіе патріоты желаютъ, чтобы научное разсмотрѣніе вопроса о древности рукописей было прекращено; нѣтъ: они желаютъ только, чтобы рѣшали его, стоя на почвѣ науки. Далѣе Палацкій объясняетъ, къ чему будетъ онъ стремиться въ своей статьѣ: „я попытаюсь“, говоритъ онъ, „ближе опредѣлить, насколько въ точной якобы аргументаціи Бюдингера обнаружилась—я не говорю: нѣмецкая наука, но наука вообще съ ея духомъ и методомъ“. (Стр. 240). Затѣмъ Палацкій переходитъ къ возраженіямъ.

1) Бюдингеръ не можетъ считать рукописей поддѣльными, такъ какъ онъ не изслѣдовалъ ихъ съ точки зрѣнія палеографіи и языка. (Стр. 240—41, 243—45, 246—47).

2) Мнѣніе Бюдингера объ анахронизмъ бубновъ—ложно: „*Tympanum, signum bellicum*“ у Викентія Пражскаго значить бубень (*buben*). „Навѣрное“, говоритъ Палацкій, „г. Бюдингеръ не посчиталъ-бы „*tympanum*“ у Викентія Пражскаго за колоколь, если-бы онъ прочиталъ, что пишетъ деканъ Козьма подъ 1092 г. о торжественномъ приѣмѣ князя Брячислава II въ Прагѣ: *quem advenientem in urbem Pragae laetis choreis per diversa compita dispositis tam puellarum quam juvenum modulantium tibiis et tympanis, et per ecclesias pulsantibus campanis, plebs laetabunda suscepit etc.* Онъ не выискивалъ-бы у Пубички и Гайка нелѣпой сказки о барабанѣ изъ кожи Жижки, если-бы онъ вспомнилъ 46 главу изъ *Historia Bohemica* Энея Сильвія (1458). Наконецъ слово „*buben*“ встрѣчается въ древнечешскихъ рукописяхъ гораздо чаще, чѣмъ можно заключать изъ цитатъ въ словарь Юнгмана; между прочимъ въ современной Крал. рукописи чешской Александрейдѣ, которую самъ Бюдингеръ не станетъ, конечно, считать новѣйшею поддѣлкой“. (Стр. 242—243).

На это замѣчаніе Палацкаго Бюдингеръ отвѣчалъ слѣдующее (*Hist. Z. I, S. 575—76*): „Если мой противникъ думаетъ, что онъ нашелъ „бубны“ въ описаніи приѣма Брячислава II въ Прагѣ, то онъ очень ошибается. Уже все мѣсто, въ которомъ разсказывается, что князь былъ встрѣченъ выстроившимися на улицахъ рядами юношей и дѣвушекъ, *modulantium tibiis et tympanis*, должно было показать ему, что здѣсь идетъ рѣчь о флейтахъ и тамбуринахъ, на довольно распространенное употребленіе которыхъ при торжественныхъ случаяхъ я ясно указалъ. Мое предположеніе, что бубны въ европейскихъ арміяхъ появились только во 2-ой половинѣ XV-го вѣка, подтверждается выпиской, которую сообщилъ мнѣ одинъ другъ. Въ хроникѣ Жана Молине (гл. 84) разсказывается подъ 1477 г. по поводу одной битвы въ Верхней Бургундіи слѣдующее: *les Allemands (Швейцарцы) estans en Dôle— firent sonner leurs gros tambourins et sortirent de la ville.* Потомъ нѣсколько позднѣе: *les Allemands persévèrent en leur quête, toujours montans sur la muraille au son de leurs tambourins.* Употребленіе этого инструмента было тогда, какъ видно, еще не очень обыкновенно“.

3) Эстетическая оцѣнка пѣсенъ Крал. рукописи обличаетъ дурной вкусъ Бюдингера. „Пока Бюдингеръ выработаетъ себѣ лучший вкусъ“, замѣчаетъ Палацкій, „мы будемъ утѣшать себя относительно достоинства этихъ поэмъ другимъ нѣмецкимъ авторитетомъ, а именно—Гете, который, будучи воспріимчивъ къ прекрасному во всѣхъ формахъ и во всѣхъ земныхъ поясахъ, восхитился Крал. рукописью, перевелъ даже и включилъ въ число своихъ твореній одну изъ ея пѣсенъ, много разѣ писать о всемъ собраніи (напр. Т. XXXII, 407 и Т. XXXIII, 321) и ясно называлъ его „неоцѣненными остатками древнѣйшаго времени““. (Стр. 245—46).

4) Крал. рукопись не могла быть поддѣлана Свободою и Ганкою и потому, что новое время сдѣлало значительные и важные успѣхи въ правильномъ чтеніи, пониманіи и объясненіи ея. Извѣстно, что въ рукописи нѣтъ различія въ выраженіи звуковъ *s* и *sh* (оба выражаются посредствомъ *s*) и вслѣдствіе этого въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ смыслъ слова и цѣлаго предложенія опредѣляется тѣмъ, читаютъ-ли *s* или *sh*. Такимъ образомъ Ганка во всѣхъ своихъ изданіяхъ, а за нимъ и переводчики (Свобода въ 1819 и 1829 гг., Тунъ въ 1845 г.) читали въ поэмѣ „Забой и Славой“ стихъ 57 такъ: *tamo pokrysta i vřacesta se rozkošem* (въ радости), а въ „Честмірѣ и Влаславѣ“ ст. 193 такъ: *Mořena jej širáše* (убаюкивала) *w pos ěgpi*, между тѣмъ, по позднѣйшимъ соображеніямъ, оказалось, что слѣдуетъ читать: *rozkošem* (окольнымъ путемъ) и *širáše* (ввергала).

Сначала не понимали строенія личныхъ именъ въ Крал. рукописи, какъ *Kruwoj*, *Slawoj*, *Wlaslaw* а т. д. Только въ послѣдствіи „я случайно открылъ“, говоритъ Палацкій, „что въ этомъ случаѣ въ основаніи лежитъ особенное, нигдѣ еще не замѣченное явленіе, а именно законъ элизиі среднихъ слоговъ въ сложныхъ словахъ, и что поэтому вышеприведенныя имена тождественны съ извѣстными *Lutomir*, *Lutobor*, *Střezibor*, *Krutowoj*, *Slawiwoj*, *Wladislaw* или *Wlastislaw* и т. д. Въ Крал. рукописи извѣстно мнѣ только два примѣра, въ которыхъ несомнѣнно обнаруживается такое-же явленіе: имя *Chomut* вм. *Chotomut*, отъ котораго происходитъ названіе города *Chomutow* (Kommutau въ Чехіи) и измѣненіе чешскаго имени *Ladislaw* у Нѣмцевъ въ *Laslaw* и у Венгерцевъ въ *László*“. (Стр. 248—49).

Послѣ этого Палацкій обращается къ той части работы Бюдингера, въ которой этотъ послѣдній старался опровергнуть доводы, при-

веденные первымъ въ защиту подлинности Крал. рукописи въ газетѣ „Bohemia“, и находить возраженія Бюдингера чрезвычайно слабыми. (Стр. 250—54). Затѣмъ онъ разбираетъ главный изъ доводовъ Бюдингера противъ подлинности Крал. рукописи (если появившееся въ въ 1849 г. Пророчество Любуши—поддѣлка Ганки, то и открытая Ганкою въ 1817 г. Крал. рукопись—также его поддѣлка). Разсмотрѣвъ небольшой латинско-чешскій памятникъ, извѣстный подъ именемъ Пророчества Любуши, онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Мыслимо-ли во всякомъ случаѣ, чтобы человекъ, создавшій въ юности такое дѣйствительное палеографико-лингвистико-эстетическое чудо, какъ Крал. рукопись, 32 года спустя выступилъ съ такимъ во всѣхъ отношеніяхъ ничтожнымъ, просто плохимъ произведеніемъ?“ (Стр. 254—57).

Статью свою Палацкій заканчиваетъ слѣдующимъ образомъ: „Итакъ вся статья моего противника есть тканъ ложныхъ логическихъ заключеній и quiproquo и неподражаема только въ поверхностности и смѣлости своихъ утвержденій—печальный примѣръ и доказательство, какъ теперь даже образованные Нѣмцы забываютъ истинный, внушающій уваженіе характеръ нѣмецкой науки, если они видятъ его въ трудѣ подобнаго рода. Я не могу не отнестись съ порицаніемъ къ тому, что Бюдингеръ, говорившій о необходимости трезво разобрать вопросъ въ тѣсномъ кругу специалистовъ, впередъ отказался отъ этого похвальнаго намѣренія, избравъ раздражающее и оскорбляющее заглавіе для своей статьи. Что понималъ онъ подъ выраженіемъ „сестры Крал. рукописи“? Эта рукопись не имѣетъ сестеръ; тщетно ищемъ мы въ чешской литературѣ памятника, который могъ-бы быть поставленъ рядомъ съ нею; отрывокъ о судѣ Любуши—единственный памятникъ, который можетъ быть принятъ во вниманіе въ этомъ отношеніи, но не можетъ быть обозначенъ именемъ „сестры“. Конечно, Бюдингеръ хотѣлъ этимъ показать, что древнечешскія рукописи вообще—поддѣльны подобно Краледворской; это была попытка—втоптать ихъ въ грязь“. (Стр. 257).

§ 6. Въ томъ-же 1859 году тогдашній редакторъ „Временника Чешскаго Музея“ (Časopis Musea Král. Českého) Вячеславъ Небескій напечаталъ въ своемъ журналѣ двѣ статьи, въ которыхъ мнѣнія Бюдингера были подвергнуты не только обстоятельной и основательной, но просто уничтожающей критикѣ, по выраженію Палацкаго (Gedenk-

blätter, 258). Первая статья, появившаяся во II-мъ выпускѣ Временника за 1859 г. носить заглавіе: „Краледворская рукопись и Г. Бюдингеръ“; вторая, появившаяся въ III-мъ выпускѣ: „Новые акты въ спорѣ о Крал. рукописи“. Обратимся сначала къ первой изъ нихъ.

Въ началѣ статьи авторъ указываетъ на то, что нападеніе Бюдингера не отличается ни ученостію, ни объективностію, и затѣмъ прямо приступаетъ къ защитѣ поэмы „объ изгнаніи Поляковъ изъ Праги“ отъ нападеній Бюдингера, на которыя онъ потратилъ свои лучшія критическія силы.

Въ 1858 году Бюдингеръ думалъ, что содержаніе этой поэмы заимствовано изъ Козьмы (Ист. Австріи стр. 336 прим.), а въ началѣ 1859 года онъ считалъ ее слабымъ извлеченіемъ изъ Гайка (Кр. рукопись и ея сестры). Чтобы каждый могъ рѣшить, справедливы или нѣтъ мнѣнія Бюдингера, Небескій выписываетъ изъ сочиненій Козьмы, Далимила и Гайка тѣ мѣста, въ которыхъ рассказывается объ изгнаніи Поляковъ изъ Праги въ 1004 году (стр. 200—202). Изъ сравненія этихъ писателей Бюдингеръ вывелъ слѣдующія заключенія: рассказъ Козьмы есть миѣ, по которому божество грома выгоняетъ непріятеля изъ страны, у Далимила этотъ древній миѣ сдѣланъ доступнымъ общему пониманію, Гаскъ слилъ въ одно цѣлое рассказы Козьмы, Далимила и Пулкавы, а пѣснь Крал. рукописи „Ольдрихъ“—блѣдное извлеченіе изъ Гайка, написанное первоначально по-нѣмецки и потомъ уже переведенное на чешскій. „Мы не знаемъ“, говорятъ Небескій, „почему Бюдингеръ въ трубящемъ воинѣ Козьмы видитъ божество грома, а въ простомъ, натуральномъ, хотя и невѣроятномъ рассказѣ христіанскаго хрониста—великолѣпный древнеславянскій миѣ! Или Бюдингеръ имѣетъ необыкновенный духовный даръ отыскивать миѣы и тамъ, гдѣ ихъ не увидѣла бы ни одна человѣческая душа, или онъ написалъ обыкновенную и простую бессмыслицу, что миѣ кажется болѣе правдоподобнымъ“. (Стр. 203). Послѣ этого онъ доказываетъ, что пѣснь Крал. рукописи „Ольдрихъ“ не только не блѣдна, но напротивъ отличается свѣжестью, живостью, силою и вообще поэтическимъ духомъ, и что слово *krvi* (Яг. 280) часто бываетъ односложнымъ въ древнечешской поэзіи. Чтобы доказать, что пѣснь Крал. рукописи „Ольдрихъ“ не могла произойти при посредствѣ Козьмы, Далимила и Гайка изъ великолѣпнаго древнеславянскаго миѣа, онъ прежде всего показываетъ различіе между рассказомъ Козьмы и рассказомъ Дали-

мила. Сравнивъ оба разсказа, онъ приходитъ къ тому заключенію, что Козьма и Далимилъ передаютъ согласно только одинъ фактъ, а именно, что уstraшенные Поляки безъ боя оставили Пражскую крѣпость. Во всемъ другомъ оба разсказа—различны и, кто безпристрастно сопоставитъ ихъ, тотъ убѣдится, что Далимилъ руководился совершенно самостоятельнымъ преданіемъ (стр. 206). Далѣе Небескій сравниваетъ Гайка съ Козьмой и Далимиломъ. Изъ сравненія оказывается, что разсказъ Гайка сходенъ съ пѣсню „Ольдрихъ“ Крал. рукописи и существенно отличается отъ разсказовъ Козьмы и Далимила (стр. 207, 212—13). Потомъ онъ согласно съ Палацкимъ доказываетъ, что бубны въ чешскомъ войскѣ могли существовать въ XII и XIII вѣкахъ (стр. 208—12 и 234—35). За этимъ указываетъ на то, что письмо и языкъ Крал. рукописи доказываютъ ея подлинность (стр. 213—14, 217—18), что Бюдингеръ не понялъ эстетическаго достоинства пѣсень рукописи (стр. 216—17), что если-бы Гайка поддѣлалъ Крал. рукопись, то онъ не могъ-бы выступить 32 года спустя съ такимъ ничтожнымъ произведеніемъ, какъ Пророчество Любуши (стр. 214—16), и что предположеніе Бюдингера, будто Крал. рукопись была написана первоначально по-шѣмекки, нелѣпо (стр. 218—21). Я не излагаю подробнѣе этихъ отдѣловъ, такъ какъ содержаніе ихъ почти одинаково съ содержаніемъ соответствующихъ отдѣловъ двухъ предыдущихъ статей, особенно статьи Палацкаго.

„Мнимый поддѣлыватель не могъ заимствовать размѣра у сербскихъ пѣсень“, продолжаетъ Небескій, „такъ какъ только двѣ поэмы Крал. рукописи („Ольдрихъ“ и „Ярославъ“) написаны пятистопными стихами“ (объ остальныхъ размѣрахъ см. ст. Шафарика 1845 г.). „Въ способѣ стихосложенія разбираемаго стихотворенія можно найти важное доказательство подлинности Крал. рукописи. Тутъ встрѣчаются такія метрическія особенности, какія едва-ли позволилъ-бы себѣ употребить поддѣлыватель, такъ какъ законы ихъ выяснены только недавно съ помощью внимательнаго изученія древнечешскихъ стихотвореній. Первая особенность заключается въ томъ, что допускается элизія звука *e*, чего никогда не случается въ новочешской поэзіи. Во всѣхъ изданіяхъ Крал. рукописи напечатано „Slyše straž volanie pastušino“, а между тѣмъ въ рукописи стоитъ *stráže* (перегласовка изъ *stráža*). Изъ этого видно, что ни одинъ изъ издателей рукописи не понималъ элизіи *e* и предпочиталъ выпустить букву, чтобы только исправить стихъ.

Другая особенность состоятъ въ томъ, что плавные звуки (г, л, п, м) иногда не образуютъ слоговъ. Напр. *Vzkoči kněz na most, sedm vládyk za piem*. Бюдингеръ въ этомъ случаѣ можетъ самъ видѣть, что метрический законъ о плавныхъ звукахъ былъ мало извѣстенъ въ 1859 г., а въ 1817 г. его никто не зналъ, какъ и элизин *e*“. (Стр. 223).

Послѣ этого Небескій устраиваетъ тѣ сомнѣнія, которыя возбудили въ Бюдингерѣ—порядокъ произведеній Крал. рукописи, исторія ея открытія и присутствіе въ ней языческихъ элементовъ, а затѣмъ приступаетъ къ установленію отношенія между рассказомъ Гайка и пѣснью Крал. рукописи „Ольдрихъ“. (Стр. 223—27). Эта часть статьи Небескаго, по моему мнѣнію, самая интересная и вслѣдствіе этого я приведу ее въ переводѣ.

„Въ Крал. рукописи“, говоритъ Небескій, „геройскій другъ Ольдриха называется *Výhoň Dub*, а у Гайка—*Berkoves*. Не можетъ быть сомнѣнія, что оба имени обозначаютъ одно и то же (*Výhoň Dub* и *Berka z Dubé*). Имя *Výhoň Dub* во всѣхъ отношеніяхъ безошибочно и является въ томъ видѣ, въ какомъ являются у Чеховъ имена въ древнѣйшее время. Они—простыя, личные и бывали или народными славянскими, или иностранными и христіанскими. Имена, кончающіяся на *oň*, встрѣчаются у Чеховъ въ X—XIII-мъ вв. очень часто; позднѣе они все болѣе и болѣе выходили изъ употребленія и въ Архивѣ Палацкаго (конецъ XIV-го и XV-й вѣкъ) мы находимъ только имя *Hrdoň*. Къ этимъ личнымъ именамъ прилагались различныя прозвища, которыя не были однако родовыми; а именно:

1. Прозвища по отцу (*patronymika*), какъ напр. *Jurik Jurikovič*, *Casta filios Vojslai*.

2. Названія по мѣстожительству лица, напр. *Cstibor de Chyšce*.

3. Различныя эпитеты по особеннымъ свойствамъ лица, напр. *Bohuše Bradatý, barbatus*; также прозванія, простыя и насмѣшливыя, которыя давались по разнымъ причинамъ, напр. *Léva Pastucha* (имя дворянина 1210 г.), *Ulricus Lepus* (Заяцъ, также имя дворянина 1240 г.), *Ctibor Hlava*. Въ латинскихъ грамотахъ часто прибавляли *dictus* или *cognomine*, напр. *Chundratus cognomine Joculator*, *Ctibor dictus Hlava*. Прозвища такого рода часто встрѣчаются въ грамотахъ, однако въ общественномъ употребленіи чаще, чѣмъ въ официальномъ. Изъ нихъ произошли многія изъ позднѣйшихъ родовыхъ именъ. Нѣтъ сомнѣнія, что *Dub* при имени *Výhoň* также эпитетъ и притомъ многозначительный

и вполне согласный съ народнымъ употребленіемъ, такъ какъ и до сихъ поръ обозначенія: челоуѣкъ, какъ дубъ, какъ скала или какъ бѣкъ, какъ гора—охотно употребляются народомъ. Уже въ древнѣйшее время имена заимствовались у деревьевъ, напр. Buk (1052 г.), Bog (1071 г.), Dubáč (1205 г.), Trňák (1088 г.). Теперь рассмотримъ встрѣчающееся у Гайка имя Berkoves. Какъ извѣстно, нашъ хроникеръ, по обычаю своего времени, охотно составлялъ генеалогіи—особенно, если онъ могъ отблагодарить своимъ милостивымъ покровителямъ отысканіемъ какого-нибудь древняго прадѣда. Между таковыми находились—Берковы изъ Дуба (Berkové z Dubé); гербы двухъ изъ нихъ (Здслава и Гейнриха) стоятъ въ его хроникѣ тотчасъ послѣ герба Розенбергскаго—тамъ, гдѣ онъ приносить публичную благодарность этимъ своимъ благороднымъ покровителямъ. Тутъ то украшающій эпителий Выгоня особенно пригодился ему для его генеалогическаго ремесла и изъ Выгоня Дуба явился Берковецъ изъ Дуба. Ему не мѣшало, что имя „Берковы (Berkové)“ встрѣчается спустя болѣе чѣмъ триста лѣтъ послѣ событія (1004 г.) и что этотъ родъ имѣлъ свое прозваніе отъ мѣстечка Дуба (теперь нѣмецкаго), какъ показываетъ само имя, которое не можетъ происходить отъ имени личнаго. Слова Дубъ было достаточно ему для смѣлой генеалогической комбинаціи и она въ самомъ дѣлѣ для такого хроникера (какъ Гаекъ) образцовое произведеніе, хотя однако у него—очень обыкновенное. Но изъ Берковца сдѣлать Выгоня Дуба было-бы для такого знаменитаго поддѣлывателя, какого требовала-бы Крал. рукопись, просто невозможно. Такъ какъ поддѣлыватель долженъ былъ подготовляться къ своей поддѣлкѣ по Добнеровымъ Анналамъ Гайка, то онъ долженъ былъ прочесть въ нихъ примѣчаніе къ слову „Берковецъ“, въ которомъ Добнеръ указалъ на то, что тутъ Гаекъ пригаль, чтобы сыскать благорасположеніе со стороны славнаго и могущественнаго рода Берковыхъ (*auspirandae Berkianorum benevolentiae gratia affinxit*). Послѣ открытія Крал. рукописи можно объяснить происхожденіе этого „Берковца“ у Гайка. Добнеръ думалъ правильно и поддѣлыватель долженъ былъ-бы поступить иначе, такъ какъ только челоуѣкъ безмысленный могъ-бы рѣшиться передѣлать ложнаго Берковца въ Выгоня Дуба, чтобы его поддѣлка тотчасъ-же обнаружилась. Отчего-бы ему не позаимствовать скорѣе у Добнера исторически достовѣрнаго Собѣбора Славниковича, который палъ на мосту на великую радость врагамъ, а своимъ на несказанное

горе? Это совсѣмъ не такое лицо, какъ вымышленный Берковецъ: Собѣборъ—братъ отечественнаго святаго (св. Войтѣха) и членъ славнаго, могущественнаго и притомъ интереснаго по своей трагической судьбѣ рода!“ (Стр. 227—29).

Сдѣлавъ нѣсколько полемическихъ замѣчаній, Небескій продолжаетъ: „Въ разсказѣ Гайка при каждомъ его извѣстіи можно опредѣлить, откуда онъ его заимствовалъ, и можно указать, какимъ образомъ онъ по-своему соединилъ источники, изъ каждаго кое-что принимая, а кое-что опускалъ. Въ пѣснѣ Крал. рукописи „Ольдрихъ“ мы находимъ такіе не только подробности, но и фактическія извѣстія, какихъ нѣтъ ни у Гайка, ни у Козьмы съ Далимиломъ. Упомянемъ тутъ прежде всего о тѣхъ прекрасныхъ частностяхъ, разсказанныхъ съ живою наблюдательностью и поэтической окраскою, какихъ много въ стихотвореніи Крал. рукописи и изъ которыхъ Гаекъ очевидно выбралъ только тѣ, которыя шли къ его простой дѣловитости и лѣтوییному разсказу; далѣе—о томъ важномъ извѣстіи, что Поляки схватили оружіе и что дѣйствительно произошла битва, извѣстіи, не передаваемомъ ни Гайкомъ, ни Далимиломъ, ни Козьмою. Въ этомъ можно было-бы увидѣть, я думаю, не только поэтическую правдивость и достоинство стихотворенія Крал. рукописи, но и его самостоятельность и оригинальность, а также простоту и подражательность Гайка сравнительно съ нашею пѣснью. Бюдингеръ можетъ, правда, возразить, что поддѣльватель долженъ былъ прибавить кое-что самостоятельное и оригинальное. Однако совсѣмъ неправдоподобно, чтобы поддѣльватель, который въ иныхъ вещахъ до такой степени придерживался Гайка, что заимствовалъ у него не только Берковца (вымышленнаго, по мнѣнію Добнера), бубны, мглу, но и отдѣльныя слова, чтобы онъ въ важной вещи отступилъ отъ него и говорилъ: *Aj, Polcné oružie chvátaju, Aj vláduky sečné rápu sekú*. Еще объ одномъ важномъ различіи между стихотвореніемъ и разсказомъ Гайка должны мы упомянуть. Стихотвореніе выставляетъ впередъ Ольдриха. Князь беретъ знамя въ мощную руку и становится во главѣ своихъ воиновъ: „*Za mrou chgrabro na Polanu, na vrbu našich zemi!*“ А владыки съ своими дружинами слѣдуютъ за нимъ. Князь вскакиваетъ на мостъ и владыки за нимъ. У Гайка Ольдрихъ тутъ не упоминается. „*Lid ten český, jízdný a řeší, sstupovali s hory až na most a Berkovec s ním*“. Разсказъ рукописи очень хорошо подходитъ не только къ историческому характеру

Ольдриха, но и къ поэтическому характеру героическаго произведенія, которое должно олицетворять событія и, выставяя героев впередъ, обрисовывать ихъ опредѣленными чертами. Гаекъ такъ описываетъ бѣгство Поляковъ, что ему не нужно было для этого ни героя, ни князя, а лучше подходило говорить просто вообще о народѣ такъ, какъ рассказываетъ въ общихъ чертахъ и Далимилъ: *Cechové na Prahu vzbíhú, Polené od všeho zbíhú; Češie střed hrada stojechu*. Укажемъ теперь на нѣкоторыя подробности, въ которыхъ пѣснь Крал. рукописи сходится съ Гайкомъ и изъ которыхъ можно опредѣлить дѣйствительное отношеніе между обоими.

Стихотвореніе повѣствуетъ: *Vltava se kúrie v raniej páre, za Prahú sě promodrují vrši, za vrchy vzhod šedý projasňuje*. Вотъ поэтическій образъ! у Гайка мы находимъ его измѣненнымъ въ простую прозу. Изъ легкаго пара, подымающагося надъ Влтавой, явилась практическая мгла, которая закрыла войска Ольдриха такъ, что Поляки ихъ не видѣли.

Стихотвореніе повѣствуетъ: *Ide pastucha po šerém jutře, Hlásá brápu otvořiti vzhógu*. Въмѣсто этого поэтическаго сѣраго утра явилась у Гайка, по его обыкновенію, прозаическая брань; привратникъ ссорится съ пастухомъ за то, что онъ такъ рано выгоняетъ. Стихотвореніе говоритъ о воротахъ, между тѣмъ какъ Гаекъ ошибочно о подъемномъ мостѣ, такъ какъ такового у мостовыхъ воротъ не было. Ясно, какимъ образомъ Гаекъ могъ допустить подобную ошибку. Онъ прочелъ у Далимила о спусканіи моста и неудачно приплелъ этотъ мостъ къ своему разсказу.

Любопытно также сравненіе тѣхъ мѣстъ Крал. рукописи и Гайка, въ которыхъ идетъ рѣчь о лѣсѣ, куда собрались владыки. Стихотвореніе называетъ этотъ лѣсъ, по поэтическому обыкновенію, чернымъ лѣсомъ. Гаекъ, какъ практическій хроникеръ, говоритъ о густыхъ лѣсахъ, чтобы въ нихъ легче могли укрыться войска Ольдриха. Стихотвореніе помѣщаетъ этотъ лѣсъ на Страховѣ: *Na vrše, kde stachu pokraj lesa, Aj, vsia Praha mlčie jutřniem spaní, Vltava se kúrie v raniej páre*. Гаекъ помѣщаетъ свои густые лѣса не на Страховѣ, а на одну гору противъ Погорѣльца. Почему онъ такъ поступилъ, сказать трудно; можетъ быть, ему показалось, что лѣсъ не могъ тогда расти на Страховѣ, хотя онъ въ дѣйствительности тамъ росъ". (Стр. 230—233).

Послѣ всѣхъ этихъ изслѣдованій Небескій приходитъ къ тому-же

заключенію, къ которому онъ пришелъ въ 1853 г. (С. С. М. III, 357), а именно, что Гаекъ зналъ преданіе объ изгнаніи Поляковъ изъ Праги, сходное съ пѣснью Крал. рукописи „Ольдрихъ“. Этимъ кончается статья.

Во второй изъ статей Небескаго напечатаны письма Свободы къ Ганкѣ 1817, 1818 и 1819 гг., изъ которыхъ видно, что Ганка не могъ въ это время поддѣлать Крал. рукопись.

§ 7. На брошюру Гельферта Бюдингеръ отвѣчалъ отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: „Крал. рукопись и ея самый новый защитникъ. Возраженіе Макса Бюдингера“ ¹⁾. Брошюра эта отличается чисто полемическимъ характеромъ и развиваетъ тѣ-же мысли, которыя были высказаны Бюдингеромъ въ его первой статьѣ. Вслѣдствіе этого я не буду передавать ея содержанія.

Палацкому Бюдингеръ отвѣчалъ статейкою въ „Историческомъ Временникѣ“ (Н. З. 1859, II, 112—17). Въ началѣ ея Бюдингеръ объясняетъ, что отвѣчаетъ Палацкому только изъ уваженія къ его научнымъ заслугамъ, такъ какъ форма его статьи отличается страстностью, а содержаніе лишено идущихъ къ дѣлу доказательствъ. Далѣе онъ настаиваетъ на томъ, что ист. пѣсни Крал. рукописи составлены по Гайку, а что бубны, упоминаемые въ Лѣт. Нест., меньше бубновъ Крал. рукописи. Затѣмъ указываетъ на то, что на авторитетъ Перца ссылаться нельзя, такъ какъ Перць принялъ установившіяся мнѣнія о рукописяхъ и изучалъ только Зеленогорскую. Послѣ этого онъ разъясняетъ, почему Гете обратилъ вниманіе на Крал. рукопись: вслѣдствіе того, говоритъ онъ, что нѣкоторыя произведенія ея родственны съ произведеніями его музы.

Въ самый разгаръ борьбы между Бюдингеромъ и его противниками Капперу пришлось издавать во второй разъ свой переводъ стихотвореній Зеленог. и Краледв. рукописей (*Die Handschriften von Grünberg und Königinhof. Altböhmische Poesien aus dem IX bis XIII Jahrhundert. Von Siegfried Kapper. Zweite Auflage. Prag. Carl Bellmann's Verlag. 1859*); онъ не могъ, конечно, не выступить противъ Бюдингера въ защиту памятниковъ, надъ переводомъ которыхъ на нѣмецкій языкъ онъ потрудился съ особенною любовью: во Введеніи къ переводу (стр.

¹⁾ Фонъ-Гутшмидъ написалъ рецензію на эту брошюру. См. *Literarisches Centralblatt*. 1859. № 45. S. 722.

ХІІ—ХVІ) онъ дѣлаеть Бюдингеру нѣсколько, впрочемъ не важныхъ, возраженій. Особенно онъ обращаетъ вниманіе читателей на два выдающихся, по его мнѣнію, промаха Бюдингера: во 1-хъ, на то, что Бюдингеръ нашелъ цезуру послѣ четвертаго слога въ такихъ стихахъ, гдѣ ея на самомъ дѣлѣ нѣтъ; во 2-хъ, на то, что онъ сравниваетъ нѣмецкій переводъ хроники Гайка съ переводомъ Краледв. рукописи В. Свободы и хочетъ сходствомъ нѣкоторыхъ мѣстъ ихъ доказать, что Краледв. рукопись написана сначала по-нѣмецки и только потомъ уже переведена на чешскій языкъ.

Въ „Люмирѣ“ за 1859 г. (I, стр. 423—24) помѣщена поправка К. Я. Эрбена къ мѣсту: *Mořena jej sýráše v pos črpu* (Чест. и Вл. ст. 193 по 3-му изд. Коржинка). „*Mořena jej šíráše v pos črpu*—такъ, по моему мнѣнію“, говоритъ Эрбенъ, „слѣдуетъ читать это извѣстное мѣсто изъ „Честміра“ вмѣсто того, чтобы читать его: *Mořena jej sýráše v pos črpu*, *M. jej síráše ...* или *M. jej šíráše ...*, какъ читали до сихъ поръ (въ оригиналѣ написано: *sírase*). Отъ чтенія *sýráše* теперь уже отказались, такъ какъ оно противорѣчитъ всѣмъ даннымъ миеологии. Если-бы принять его, то человѣка нужно было-бы представлять себѣ въ видѣ зерна, которое Моржена держала сначала въ какомъ-то сосудѣ, а потомъ высыпала въ темную пропасть. Чтеніе *sípati*=*spáti* (анал. *písati*=*psáti*) также не выдерживаетъ критики: *spáti*, старосл. съпати, откуда русск. усопшій (ср. лат. *sopor*), перешло-бы въ *sýpati*, а не въ *sípati*, но это *sýpati* значило-бы: *sníti* (*sníti sen*=видѣть сонъ). Въ фразѣ: *Mořena jej snila v pos črpu* нѣтъ смысла, а поэтому чтеніе: *Mořena jej síráše*—неправильно. Трудно повѣрить, чтобы *sýpati* (*sípati*) стояло вмѣсто *uspati* или лучше *uspíti někoho* и чтобы смыслъ этого слова заключался въ словѣ оригинала *sírase*. Почему-бы вмѣсто ошибочнаго выраженія *sýráše jej* поэтъ не употребилъ правильнаго *usráše* или *uspíše*?—это выраженіе мы находимъ въ *Star. Sklad. IV*, стр. 298: *Dřieve Tristrama do smrti uspíme* и въ Словѣ о п. Иг.: Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то баше успилъ отецъ ихъ Святославъ грозный. Ни для стиха, ни для благозвучія ему не надобно было избѣгать его. Если мы станемъ читать *šíráše jej v pos črpu*, то всѣ вышеуказанныя затрудненія устраняются и все это важное мѣсто получаетъ опредѣленный и подходящий смыслъ. Древнечеш. *špati*, *špiti* отъ *šinu* (С. Č. М. 1844, стр. 549), рус. шибать—имѣеть смыслъ лат. *jacere*, *projicere*: *Špati koho střelbou* (Let. Troj.); сюда принадлежатъ

чеш. *šupati*, *šibati*, серб. шибати, нѣм. *schwippen* = *virgis caedere*. Отъ слова *šipati* происходятъ *šip*, *šipka*, какъ лат. *jaculum* отъ *jacere*. Такимъ образомъ это мѣсто можно перевести на латинскій языкъ слѣдующимъ образомъ: *Morgana eum projecit in noctem nigram* = новочеш. *Mořena jej uvrhla v noc černou*“.

ОБЫЧНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

КРЕСТЬЯНЪ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНІИ

Кандидата

Павла Березанскаго.

номъ случаѣ будетъ подвергнутъ большей отвѣтственности по закону (9—420).

Боганскій волостной судъ приговорилъ крестьянина Т. за нанесеніе побоевъ крестьянину С. къ 19 ударамъ розогъ и къ платежу 5 рублей въ удовлетвореніе обиженного (1—439).

Вышневскій волостной судъ присудилъ крестьянина Б. за нанесеніе побоевъ безъ всякой причины, наказать 20 ударами розогъ съ запискою въ штрафную книгу и кромѣ того взыскать въ пользу обиженного 3 рубля за безчестіе (4—351).

Пригородный волостной судъ приговорилъ крестьянина Л. къ розгамъ (но по болѣзненному состоянію виновнаго розги замѣнены взысканіемъ въ пользу обиженного 15 рублей) и къ аресту на 3 сутокъ; первое наказаніе за нанесеніе побоевъ, второе—за грубость, оказанную при разбирательствѣ дѣла (19—403).

Подобныя осложненія тѣлеснаго наказанія другими наказаніями можно видѣть еще въ слѣдующихъ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ: 7—583, 7—352, 2—745, 7—437, февр. 4—607, 1—436, 10—437, 14—437 и другія.

Иногда за нѣкоторые проступки, за которые, по установившемуся въ данной волости обычаю, присуждаютъ къ розгамъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ розги замѣняются другими наказаніями, большею частію штрафомъ или арестомъ. Чаще всего, конечно, это бываетъ тогда, когда виновными въ такихъ проступкахъ оказываются лица, изыятые по закону отъ тѣлеснаго наказанія; кромѣ того, розги замѣняются арестомъ или штрафомъ при уменьшающихъ вину и наказуемость обстоятельствахъ, при болѣзненномъ состояніи виновнаго, при физическихъ его недостаткахъ (глухота, слѣпота) и т. п. Такъ:

Пригородный волостной судъ опредѣлилъ: крестьянина Л. за побой, нанесенные имъ крестьянину П., слѣдовало-бы подвергнуть тѣлесному наказанію, но по болѣзненному его состоянію взыскать съ Л. или съ имѣнія, ему принадлежащаго, по требованію обиженного 15 руб. серебромъ и удовлетворить обиженного (16—403).

Больше-Грибановскій волостной судъ, который за постоянное пьянство обыкновенно присуждаетъ къ розгамъ, по дѣлу крестьянина Т., обвиняемаго въ такомъ же проступкѣ, опредѣлилъ: крестьянина Т. арестовать на трое сутокъ на хлѣбѣ и водѣ, такъ какъ онъ слѣпъ и боленъ (31—433).

Бутырскій волостной судъ по дѣлу, по которому пять крестьянъ обвинялись въ нарушеніи условія, засвидѣтельствованнаго волостнымъ правленіемъ, опредѣлили взыскать съ нихъ въ пользу истцовъ убытки и кромѣ того трехъ изъ нихъ подвергнуть тѣлесному наказанію розгами по 10 ударовъ каждому, а остальныхъ двухъ выдержать подъ арестомъ 5 дней, потому что одинъ изъ нихъ имѣетъ болѣе 60 лѣтъ, а другой прежде служилъ волостнымъ старшиною, слѣд. освобожденъ отъ тѣлеснаго наказанія (57—719).

Что касается проступковъ, за которые волостные суды Тамбовской губерніи назначаютъ наказаніе розгами, то проступки эти разнообразны. Всего чаще приговариваютъ къ наказанію розгами за „злобычное“ пьянство, нерадѣніе къ хозяйству, разстройство хозяйства, накопленіе недоимокъ и вообще неисправный платежъ податей и повинностей, за что иногда наказываютъ неплательщиковъ цѣлыми партіями человекъ до 25.¹⁾ Только въ 12 волостяхъ (Усманско-Пригородной, Больше-Хомутецкой, Демшинской, Поддубровской, Добринской, Куликовской, Бреславской, Тележинской, Нижне-Матренской, Трубетчинской, Нестерской и Сырской) за неплатежъ податей и повинностей не наказываютъ розгами, „потому и надобности нѣтъ: если кто податей не платитъ, то часть его земли общество отдаетъ въ аренду и къ другимъ мѣрамъ никогда не прибѣгаетъ“, заявили въ Бреславской волости.

Послѣ неплатежа податей второе мѣсто по частости примѣненія тѣлеснаго наказанія занимаютъ слѣдующіе проступки: неповиновеніе, сопротивленіе, непочтеніе, грубость, дерзость, „гордость“ и оскорбленіе волостныхъ судей и другихъ должностныхъ лицъ сельскаго и волостнаго управленія, а также буйство и шумъ, производимый въ волостномъ судѣ. Затѣмъ довольно часто наказываютъ розгами за кражу, мошенничество, присвоеніе чужой собственности и необъявленіе о находкѣ; за непочтеніе и оскорбленіе родителей и самовольный уходъ отъ нихъ; за нарушеніе разныхъ письменныхъ условій, засвидѣтельствованныхъ въ волостномъ правленіи или въ другихъ какихъ-либо присутственныхъ мѣстахъ: въ частности-довольно часто наказываютъ розгами за нарушеніе условія личнаго найма, особенно за самоволь-

¹⁾ Напр, 14—307. 15—307, 16 307, стр. 440, стр. 106 у др.

ный уходъ рабочаго отъ хозяина съ переборомъ незажитыхъ денегъ, что считается за мошенничество, а также за неповиновеніе и оскорбленіе хозяина, за нарушеніе условія купли—продажи (хозяинъ вещи продаетъ ее кому-либо, а потомъ, взявши деньги, продаетъ другому), за неисполненіе засвидѣтельствованнаго въ волостномъ правленіи договора товарищества; за нарушеніе общественной тишины, порядка и спокойствія, за буйство, производимое въ публичномъ мѣстѣ (напр. на базарѣ, на улицѣ, въ трактирѣ и т. п.); за угрозу; за тяжкія обиды дѣйствіемъ и даже словами, руганіе скверноматерными словами, за клевету; за любовную связь; за неуваженіе религіи и оскорбленіе святыни, за грубость священнику; за неосновательную жалобу, за „озоръ“ (въ Устьинской волости „озорниковъ извѣстныхъ по всей волости“ наказываютъ розгами, „въ какихъ-бы дѣлахъ ни попадались“).

Встрѣчаются еще слѣдующіе проступки, за которые налагалось тѣлесное наказаніе, хотя такіе случаи рѣдко встрѣчаются въ волостяхъ Тамбовской губерніи: зарытіе канавы, служащей межею двухъ земель, принадлежащихъ разнымъ хозяевамъ; непонужденіе десятскими крестьянъ къ уплатѣ податей; оскорбленіе мужемъ своей жены и поступки противъ отца; залогъ вещей подъ взятое въ долгъ вино; названіе „свѣтскимъ колдуномъ“; хожденіе ночью въ пьяномъ видѣ; куреніе табаку на улицѣ или въ какомъ-либо другомъ запрещенномъ мѣстѣ и вообще неоосторожное обращеніе съ огнемъ; игра на деньги въ карты или въ орлянку; нарушеніе строительнаго устава и нѣкоторые другіе проступки.

Я укажу на нѣкоторыя рѣшенія волостныхъ судовъ, помѣщенныя въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“, которыми (рѣшеніями) виновные были приговариваемы къ тѣлесному наказанію розгами за указанные выше проступки: 4—40, 11—43, 12—53, 22—64, 3—81, 16—99, 3—103, 7—127, 11—128, 13—128, 8—136, 1—181, 2—182, 9—186, 3—190, 1—205, 3—285, 7—307, 11—307, 16—307, 4—312, 8—349, 13—396, 1—401, 2—401, 7—402, 9—402, 14—402, 15—403, 16—403, 18—403, 19—403, 20—403, 22—403, 23—404, 26—404, 30—404, 31—405, 33—405, 36—405, 37—405, 15—409, 13—410, 4—415, 6—420, 9—402, 1—429, 3—429, 4—429, 5—429, 6—429, 10—429, 15—430, 16—430, 18—430, 19—430, 22—431, 28—431, 27—433, 31—433, 1—436, 3—436, 4—436, 7—437, 8—438, 10—437, 14—437, 18—438, 3—439, 4—439, 4—440, 14—440,

16—440, 2—444, 2—446, 5—447, 1—469, 2—469, 3—469, 4—470, 1—478, 2—482, 2—388, 7—490, 13—492, 11—495, 3—510, 12—520, 7—583, 29 мая—601, 1—607, 2—607, 3—609, 20—616. 42—655, 2—666, 16—702, 46—712, 47—713, 53—714, 67—719, 80—723, 2—745, 26 апрѣля—819 и многія другія.

Наказаніе розгами женщинъ.

Согласно Высочайшему указу 23 апрѣля 1863 года, освободившему всѣхъ вообще женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія, волостные суды Тамбовской губерніи не присуждаютъ женщинъ къ розгамъ, замѣняя для нихъ это наказаніе другими: арестомъ, штрафомъ или въ рѣдкихъ случаяхъ общественными работами. Во всѣхъ волостяхъ опрашиваемые членами комиссіи заявили, что женщинъ тѣлесному наказанію не подвергаютъ, женщинъ не сѣкутъ, женщинъ розгами не наказываютъ и т. п. На сколько Высочайшій указъ 23 апрѣля 1863 года соответствуетъ воззрѣнію въ этомъ отношеніи крестьянъ Тамбовской губерніи, объ этомъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго, потому что, за исключеніемъ одной Атюревской волости, нигдѣ не высказались ни за наказаніе розгами женщинъ, ни прѣотивъ этого наказанія; только въ Атюревской волости и заявили, „что женщинъ не сѣкутъ, хотя и слѣдовало-бы, потому что бабы отъ рукъ отбились, да законъ запрещаетъ.“

Что касается рѣшеній волостныхъ судовъ, которыми женщины были приговариваемы къ тѣлесному наказанію, то изъ всей массы рѣшеній, помѣщенныхъ въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“ есть только пять случаевъ присужденія женщинъ къ наказанію розгами; изъ нихъ два раза приговоръ состоялся до изданія Высочайшаго указа 23 апрѣля 1863 года и три раза послѣ этого указа. Вотъ эти рѣшенія волостныхъ судовъ:

Нестерскій волостной судъ приговорилъ крестьянку Павлову къ наказанію 10 ударами розогъ за обиду, нанесенную ею дѣйствіемъ и бранью крестьянкѣ Кузьминой, за дурное поведеніе, за грубое обращеніе съ „одножилителями“ ея и за неисполненіе приказаній старосты (11—128).

Тотъ же судъ приговорилъ крестьянку Ларіонову за ложное обвиненіе свекра въ непотребствѣ къ наказанію розгами двадцатью ударами (13—128).

Первое изъ этихъ рѣшеній Нестерскаго волостнаго суда состоялось 28 мая 1862 года, а второе—11 августа того же 1862 года, слѣд. оба до изданія Высочайшаго указа 23 апрѣля 1863 года.

Что же касается до трехъ рѣшеній, которыми женщины были присуждены къ наказанію розгами послѣ изданія указа, освобождающаго ихъ отъ этого наказанія, то рѣшенія эти слѣдующія:

Въ Хилковскомъ волостномъ судѣ въ 1866 году разбиралась жалоба крестьянки С. на крестьянку К. въ томъ, что послѣдняя украла у первой пасконную холстину, которая была найдена у К. при обыскѣ, и сама крестьянка К. созналась въ этой кражѣ. Судъ, принимая во вниманіе, что крестьянка К. была уже замѣчена въ кражахъ прежде, постановилъ: наказать крестьянку К. 20 ударами розогъ въ примѣръ и страхъ прочимъ, а холстину возвратить по принадлежности крестьянкѣ С. (стр. 258 столбц. 2 строки 9 снизу, безъ указанія № дѣла).

Куликовскій волостной судъ 29 марта 1867 года приговорилъ крестьянку Б. по подозрѣнію въ кражѣ разнаго имущества у крестьянки Н. къ наказанію розгами 20 ударами (29 марта—601).

Солнцевскій волостной судъ 26 апрѣля 1871 года, „примѣняясь къ обычному правилу, заведенному въ крестьянствѣ“, приговорилъ крестьянку А. за обиду мужа къ наказанію розгами 15 ударами (1871 г. апр. 26—819).

Кромѣ этихъ трехъ случаевъ наказанія женщинъ розгами послѣ изданія указа 23 апрѣля 1863 года, нѣтъ ни одного больше рѣшенія волостныхъ судовъ, которымъ-бы женщина была приговариваема къ тѣлесному наказанію. Но отсюда еще нельзя заключить, что приведенные случаи единственны: по всей вѣроятности, если не очень часто, то по крайней мѣрѣ въ случаѣ важныхъ проступковъ, женщины приговариваются къ тѣлесному наказанію; къ этому приводятъ слѣдующія соображенія: во первыхъ, приведенная въ рѣшеніи Солнцевскаго волостнаго суда, приговорившаго женщину къ тѣлесному наказанію, фраза: „примѣняясь къ обычному правилу, заведенному въ крестьянствѣ“, (см. выше), показываетъ, что въ случаяхъ, подобныхъ указанному установился даже обычай наказывать женщинъ розгами; во вторыхъ, рѣшенія волостныхъ судовъ не всегда записываются въ книгу, а тѣмъ болѣе такія рѣшенія, которыми женщины приговариваются къ тѣлесному наказанію, какъ рѣшенія противозаконныя; такія рѣшенія тѣмъ болѣе могутъ оставаться незаписанными, такъ какъ это прямой

интересъ для волостныхъ судей, произносящихъ приговоръ, и для волостнаго старшины, приводящаго незаконный приговоръ въ исполненіе, ибо въ противномъ случаѣ они легко могутъ быть привлечены къ отвѣтственности за превышеніе власти; не записывая же противозаконныхъ рѣшеній въ книгу, они меньше могутъ опасаться отвѣтственности, потому что если только не будетъ подана на эти рѣшенія жалоба въ сѣздъ мировыхъ посредниковъ (и такія жалобы весьма рѣдко подаются), то рѣшенія эти останутся неизвѣстными для тѣхъ, кто можетъ привлечь волостныхъ судей къ отвѣтственности за превышеніе власти; въ третьихъ, что женщинъ, по всей вѣроятности, наказываютъ розгами чаще, чѣмъ было заявлено членамъ комиссіи, на это могутъ между прочимъ указывать и заявленія опрашиваемыхъ лицъ въ Больше-Хомутецкой и Добринской волостяхъ: въ первой заявили, что случаи наказанія женщинъ розгами бывали 1867 года, а съ тѣхъ поръ судъ замѣняетъ для женщинъ розги арестомъ и штрафомъ; въ Добринской же волости заявили, что женщинъ наказывали розгами до 1871 года, а съ тѣхъ поръ, согласно распоряженію мирового посредника, такихъ случаевъ больше не было, „значить, какъ справедливо замѣчаетъ г. Чепурный, до тѣхъ поръ, пока мировые посредники не узнали о назначеніи комиссіи для изслѣдованія волостныхъ судовъ.“

Поэтому можно думать, что если не во всѣхъ волостяхъ и если не очень часто, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ волостяхъ въ случаѣ болѣе важныхъ проступковъ, при томъ повторяемыхъ нѣсколько разъ, и вообще при увеличивающихся вину обстоятельствахъ,—женщины приговариваются иногда къ тѣлесному наказанію.

15) *Осрамительныя наказанія.*

Во всѣхъ волостяхъ Тамбовской губерніи опрашиваемые членами комиссіи заявили, что волостные суды не приговариваютъ ни къ какимъ обычнымъ и посрамительнымъ наказаніямъ, не предусмотрѣннымъ въ законѣ, т. е. въ Положеніи 19 февраля и въ Сельск. суд. уставѣ.

Такія заявленія подтверждаются и самими рѣшеніями волостныхъ судовъ: между ними нѣтъ ни одного, которымъ-бы виновный былъ приговариваемъ къ какому-либо осрамительному наказанію. Въ одномъ только рѣшеніи Никольскаго волостнаго суда 3 марта 1865 года крестьянка Ш. за кражу была оштрафована 3 рублями въ пользу волостныхъ

суммъ съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ, если она еще разъ будетъ замѣчена въ кражѣ, то будетъ проведена по селу съ краденными вещами (1—385). Но во первыхъ, это рѣшеніе Никольскаго волостнаго суда было еще въ мартѣ 1865 года, слѣд. больше, чѣмъ за 7 лѣтъ до того времени, когда члены комиссіи собирали свѣдѣнія о состояніи волостныхъ судовъ, и въ этотъ промежутокъ времени не встрѣчается ни одного осрамительнаго наказанія, наложеннаго волостнымъ судомъ, а потому можно думать, что приведенное рѣшеніе Никольскаго волостнаго суда есть явленіе слишкомъ частное, по которому ни въ какомъ случаѣ нельзя дѣлать общаго заключенія о присужденіяхъ къ осрамительнымъ наказаніямъ, хотя-бы только и однимъ Никольскимъ волостнымъ судомъ, не говоря уже объ остальныхъ волостныхъ судахъ Тамбовской губерніи, въ которыхъ даже и одного подобнаго рѣшенія нѣтъ. Во вторыхъ, приведеннымъ рѣшеніемъ Никольскаго волостнаго суда крестьянка Ш. еще не была присуждена къ осрамительному наказанію: въ рѣшеніи выражается только угроза осрамительнымъ наказаніемъ, въ случаѣ вторичнаго уличенія въ кражѣ,—угроза, которую, быть можетъ, и не привели-бы въ исполненіе даже и въ случаѣ вторичнаго уличенія крестьянки Ш. въ кражѣ,—угроза, имѣющая скорѣе цѣлью устрашеніе: напугать, чтобы отклонить на будущее время отъ совершенія подобнаго проступка. ¹⁾

Такимъ образомъ ни рѣшенія волостныхъ судовъ Тамбовской губерніи, ни заявленія опрашиваемыхъ членами комиссіи лицъ не показываютъ, чтобы волостные суды приговаривали виновныхъ въ какихъ либо проступкахъ къ осрамительнымъ наказаніямъ.

---

¹⁾ Угрозы волостныхъ судовъ, имѣющія цѣлью только отклонить на будущее время виновнаго отъ совершенія проступка, но никогда не приводимыя въ исполненіе даже въ случаѣ совершенія вновь проступка,—встрѣчаются не рѣдко: довольно часто волостные суды Тамбовской губерніи приговариваютъ виновнаго къ 20 ударамъ розогъ, осложняя это наказаніе арестомъ или штрафомъ, и при этомъ еще дѣлаютъ внушеніе, чтобы виновный на будущее время не дѣлалъ подобныхъ проступковъ, въ противномъ случаѣ обѣщаютъ приговорить его еще къ большому наказанію, да еще по всей строгости законовъ. Но спрашивается: къ какому еще большому наказанію волостные суды могутъ приговаривать, какъ не къ 20 ударамъ розогъ, осложненнымъ арестомъ, да еще *по закону*—по всей строгости законовъ?

Тѣмъ не менѣе осрамительныя наказанія, хотя и рѣдко, но все таки встрѣчаются въ волостяхъ Тамбовской губерніи, а года за 3—5 до посѣщенія членами комиссіи волостей встрѣчались даже довольно часто, какъ это видно изъ заявленій опрашиваемыхъ лицъ. Присуждаютъ же къ нимъ не волостные суды, а старики и общество. Большею частію осрамительныя наказанія назначались за воровство; можетъ быть они назначались и за другіе какіе-либо проступки, указывающіе на дурную нравственность, но изъ отвѣтовъ опрашиваемыхъ этого не видно, хотя не видно также и того, чтобы осрамительныя наказанія не назначались за другіе проступки.

Осрамительныя наказанія, налагаемыя за воровство, состоятъ въ томъ, что украденныя вещи навѣшиваются на виновнаго, котораго и водятъ по улицамъ селенія, „срамятъ“.

Причина, почему осрамительныя наказанія года за 3—5 до посѣщенія членами комиссіи волостей встрѣчались чаще, а потомъ стали выходить изъ употребленія, заключается въ томъ, что волостные старшины и сельскіе старосты не допускаютъ до этого, какъ и было заявлено въ нѣкоторыхъ волостяхъ: Хилковской, Атюревской и другихъ.

Вотъ примѣры осрамительныхъ наказаній: въ Отыасовской волости заявили, что въ сосѣдней волости прошлой весной водили по селу бабу, обернутую украденнымъ ею холстомъ; въ Алгасовской волости, въ которой какъ и во всѣхъ волостяхъ, заявили, что никакихъ обычныхъ наказаній и взысканій не знаютъ, ¹⁾ „бываетъ, что украденную вещь привязываютъ на шею виновнаго и ведутъ его по селу“; ²⁾ въ Лысогорской волости „года три тому назадъ случилось въ одной деревнѣ, что женщину за кражу водили по улицѣ за узду, но это рѣдкость“; въ Ачадовской волости „прежде бывало, что общество при-суждало водить воровъ съ украденнымъ по деревнѣ; впрочемъ и те-

---

¹⁾ Въ Алгасовской а также въ Рыбинской волостяхъ въ деревняхъ случается, даже въ дѣлахъ по маловажнымъ кражамъ, что виновный по приговору стариковъ ставить имъ вино. Обычай этотъ я привелъ не потому, чтобы это было осрамительное взысканіе, но потому, что это есть взысканіе по обычаю.

²⁾ Выраженія, поставленныя между кавычками, какъ и въ другихъ случаяхъ, означаютъ, что они взяты буквально изъ I тома „Трудовъ комиссіи.“

перь базарныхъ воровъ всякій бьетъ безъ суда“; въ Атюревской волости былъ такой случай за три года до посѣщенія этой волости членомъ комиссіи: поймали на селѣ вора, зарѣзавшаго чужую корову, надѣли ему кожу этой коровы на шею и водили по селу; впрочемъ случилось это въ отсутствіе начальниковъ, и „не судьи присудили, а старики на селѣ придумали“; въ Хмѣлевской волости „прежде водилось, что старики срамили, но теперь этого не бываетъ; „нынѣ все это (осрамительныя наказанія) отжило“ (Градско-Стрѣлецкая); въ Нижне-Матренской волости „въ селеніяхъ есть обычай заставлять вора пронести по всей деревнѣ украденную вещь; года два тому назадъ: нашей волости мужика Купова, изъ деревни Ольховки, поймали съ украденнымъ имъ окорокомъ; общество повѣсило окорокъ ему на шею и заставило пройти черезъ всю деревню.“ Что прежде были осрамительныя наказанія, но вышли изъ употребленія,—объ этомъ было заявлено еще въ Покровской, Спасо-Городской, Дракинской, Жидиловской и Новогалитовской волостяхъ.

Статьею объ осрамительныхъ наказаніяхъ я окончу разсмотрѣніе cadaго изъ отдѣльныхъ наказаній, налагаемыхъ частію волостными судами, частію сельскими обществами и судами стариковъ и вообще употребляемыхъ въ волостяхъ Тамбовской губерніи. Какое изъ разсмотрѣнныхъ наказаній употребляется чаще, какое—рѣже,—объ этомъ было уже сказано при разсмотрѣніи cadaго изъ наказаній отдѣльно. Затѣмъ далѣе я перейду къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся ко всѣмъ наказаніямъ вообще, какъ напр. вопросъ о наказаніи за совокупность проступковъ, объ обстоятельствахъ, увеличивающихъ и уменьшающихъ вину и наказаніе виновнаго въ какомъ-либо проступкѣ и др.

Наказанія за совокупность проступковъ.

Относительно наказанія за совокупность проступковъ, т. е. наказанія лицъ, обвиняемыхъ въ нѣсколькихъ проступкахъ, совершенныхъ или разбираемыхъ одновременно, опрашиваемые членами комиссіи крестьяне Тамбовской губерніи и должностныя лица волостнаго и сельскаго управленія сдѣлали слѣдующія заявленія:

1) Въ 15 волостяхъ было заявлено, что за нѣсколько проступковъ налагается одно наказаніе по совокупности проступковъ: „въ случаѣ совершенія нѣсколькихъ проступковъ въ одно и то же время виновнаго приговариваютъ къ одному наказанію по совокупности проступковъ,“ было заявлено въ Боганской волости, и подобнымъ же образомъ заявили еще въ Ачадовской, Хилковской, Пригородной, Больше-Алабукской, Мало-Алабукской, Павлодаровской и Ржаксинской волостяхъ; въ четырехъ волостяхъ было заявлено, что назначается въ случаѣ совокупности проступковъ одно наказаніе, но за то въ усиленной мѣрѣ: „если судятъ человѣка за нѣсколько беззаконій, то наказываютъ однимъ наказаніемъ, но въ усиленной мѣрѣ“ (Дракинская); „одному человѣку, виновному въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, по которымъ онъ судится заразъ, присуждается одно наказаніе за всѣ, но посильнѣе“ (Стрѣлецкая); точно также за нѣсколько проступковъ, разбираемыхъ одновременно, назначаютъ одно наказаніе въ высшей его мѣрѣ суды Араповской и Бабѣвской волостей. Но рѣшенія этихъ судовъ часто противорѣчатъ тому, что въ этихъ волостяхъ за совокупность проступковъ налагается одно наказаніе; такъ, въ Пригородномъ волостномъ судѣ крестьянинъ Н. за нанесеніе побоевъ подвергнутъ взысканію 15 рублей въ пользу П., а за грубость тотъ же Н. подвергнутъ аресту на 3 дня (16—403). Боганскій волостной судъ приговорилъ виновнаго въ сожженіи угля въ опасномъ мѣстѣ и за грубые поступки къ штрафу 3 руб. въ пользу церкви, и кромѣ того къ 15 ударамъ розогъ за то, что ударилъ брата (18—438). Есть и другія подобныя рѣшенія.

3) Въ 25 волостяхъ за каждый изъ проступковъ, совершенныхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, налагается особое наказаніе, при чемъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ всѣ эти проступки разбираются въ одно засѣданіе (напр. въ Куковской, Больше-Грибановской, Алгасовской, Атиуревской, Изосимовской, Вышневецкой, Солнцевской и др.); въ другихъ же волостяхъ проступки рассматриваются судами въ разные дни, хотя бы жалобы были поданы и одновременно (Кулеватовская, Перкинская, Черкинская, Ишжавинская, Сырская и др.). „За каждое худое дѣло, сдѣланное однимъ человѣкомъ, его наказываютъ отдѣльно, хотя разбираютъ дѣла и заразъ“ (Атиуревская): „при обвиненіи лица въ разныхъ проступкахъ, разбираемыхъ одновременно, налагаютъ за каждую бѣду особое наказаніе“ (Изосимовская); „если одно и то же лицо совершило

одновременно нѣсколько проступковъ, то оно не судится въ одномъ и томъ же засѣданіи за всѣ проступки, а только за одинъ изъ нихъ, разбирательство же остальныхъ проступковъ откладывается до слѣдующаго засѣданія“ (Инжавинская).

Вотъ примѣръ изъ рѣшеній Жуковского волостнаго суда, которыми за разные проступки одно и то же лицо было присуждено къ отдѣльнымъ наказаніямъ: по жалобѣ сельскаго старосты за нетрезвое и развратное поведеніе, за шумъ и крикъ—виновный былъ приговоренъ къ наказанію розгами 10 ударами, при чемъ внушено ему не дѣлать такихъ проступковъ подъ опасеніемъ большей отвѣтственности; по другой жалобѣ тотъ же виновный и въ тоже самое засѣданіе суда за побои, нанесенные крестьянкѣ Н., былъ приговоренъ къ 15 ударамъ розогъ (послѣдній приговоръ былъ исполненъ того же числа, но неизвѣстно, когда—первый). Эти рѣшенія записаны въ книгѣ подъ разными номерами (—№ 14 и 15—стр. 249).

Въ Боголюбскомъ волостномъ судѣ 9 іюня 1869 года обвинялся крестьянинъ Н. въ нанесеніи побоевъ солдаткѣ Ф. и въ оскорбленіи сотскаго; судъ, на основаніи 102 ст. Общаго Положенія и статей 518 и 491 и примѣч. 1 къ статьѣ 501, рѣшилъ: за побои, нанесенные солдаткѣ Ф. наказать Н. розгами дачею 19 ударовъ, а за оскорбленія сотскаго тоже наказать розгами 15 ударами (8—349).

3) Въ 3-хъ волостяхъ (Покровской, Араповской и Спасо-Городской) въ случаѣ обвиненія одного лица въ разныхъ проступкахъ иногда налагается одно наказаніе по совокупности всѣхъ проступковъ, иногда же за каждый проступокъ виновный наказывается отдѣльно; при этомъ въ Покровской волости тогда за каждый изъ проступковъ налагается отдѣльное наказаніе, когда эти проступки разсматриваются въ разныхъ засѣданіяхъ суда, хотя-бы жалобы и были поданы одновременно, если же жалобы за разные проступки разбираются судомъ одновременно, то за всѣ проступки налагается одно наказаніе. Въ казачинской же волости жалобы за разные проступки совершенные однимъ и тѣмъ же лицомъ, всегда разсматриваются въ одно засѣданіе, но наказаніе полагается иногда одно общее, а иногда нѣсколько,—послѣднее тогда, „если подсудимый ужъ очень большой озорникъ.“ Точно также и въ Спасо-Городской волости, гдѣ впрочемъ чаще каждый проступокъ наказывается отдѣльно.

4) Въ 25-ти волостяхъ было заявлено, что случаевъ обвиненія

одного и того-же лица въ нѣсколькихъ проступкахъ не бывало или что такихъ случаевъ не запомнятъ; при чемъ въ 2-хъ изъ этихъ волостей (Лысогорской и Добринской) судьи полагаютъ, что слѣдуетъ назначать одно наказаніе за всѣ проступки, а не за каждый отдѣльно; въ 5-ти волостяхъ (Горѣльской, Демшинской, Куликовской, Нижне-Матренской и Фашевской) полагаютъ, что каждый проступокъ слѣдуетъ отдѣльно наказывать; въ остальныхъ-же 18 волостяхъ опрашиваемые отозвались незнаніемъ, какое слѣдуетъ налагать наказаніе за нѣсколько проступковъ, разбираемыхъ въ одно засѣданіе.

5) Въ одной волости (Кириловской) относительно наказанія за совокупность проступковъ дали разныя показанія: по отзыву старшины, если одинъ человѣкъ виновенъ въ нѣсколькихъ проступкахъ и судить его за всѣ вмѣстѣ, то наказаніе такому виновному назначается за каждую вину отдѣльно; судьи же этого не знаютъ, а волостной писарь отрицаетъ отзывъ старшины, утверждая, что наказаніе назначается одно по совокупности проступковъ.

Наконецъ 6) въ 14 волостяхъ (Тарадѣевская, Барковская, Промская, Градско-Стрѣлецкая, Ново-Никольская, Жидиловская, Хмѣлевская, Подгоринская, Сеславинская, Нижне-Чуевская, Богдановская, Вячкинская и Иноковская) относительно рассматриваемаго вопроса не дали никакого отвѣта; но изъ рѣшеній судовъ этихъ волостей видно, что въ случаѣ совокупности проступковъ чаще виновный подвергается особому наказанію за каждый проступокъ, чѣмъ одному за всѣ проступки по совокупности.

Такимъ образомъ, если отбросить тѣ волости, въ которыхъ не было случаевъ обвиненія одного и того же лица за одинъ разъ въ нѣсколькихъ проступкахъ, и тѣ волости, въ которыхъ не дали никакого отвѣта относительно наказанія за совокупность проступковъ; кромѣ того если принять во вниманіе, что многія изъ рѣшеній противорѣчатъ заявленіямъ опрашиваемыхъ, будто бы въ 15 волостяхъ (указанныхъ въ 1 пунктѣ) полагается одно наказаніе за совокупность всѣхъ проступковъ, и если еще принять то во вниманіе, что въ волостяхъ, гдѣ не было случаевъ обвиненія одного лица въ совокупности проступковъ, больше высказалось въ пользу отдѣльнаго наказанія за каждый проступокъ, чѣмъ одного наказанія за всѣ проступки по совокупности;—то можно придти къ тому заключенію, что волостные суды Тамбовской губерніи въ случаѣ обвиненія одного и того же лица въ

нѣсколькихъ проступкахъ, совершенныхъ или разбираемыхъ на судѣ одновременно, полагають большею частію отдѣльное наказаніе за каждый проступокъ.

Обстоятельства, увеличивающія и уменьшающія вину и наказуемость.

При опредѣленіи наказанія хотя волостные суды и берутъ во вниманіе родъ проступка, но было-бы ошибочно думать, что родъ проступка играетъ большую роль въ опредѣленіи того или другаго наказанія, такъ какъ за одинъ и тотъ же проступокъ, какъ это было видно изъ разсмотрѣнія каждаго изъ наказаній отдѣльно, волостные суды назначаютъ разные наказанія и въ разныхъ степеняхъ. Больше же всего судьи при опредѣленіи наказанія обращаютъ вниманіе на тѣ условія при которыхъ былъ совершенъ проступокъ, и на личныя качества обвиняемаго. Вслѣдствіе этого въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ встрѣчаются такіе случаи, что въ одномъ и томъ же судѣ въ одномъ засѣданіи за два одинаковые проступки, совершенные разными лицами, назначаютъ наказанія разнаго рода, или если и одного рода, то разныхъ степеней. Вообще родъ наказанія и степень его избирается, „глядя по человѣку,“ какъ заявили въ Градско-Стрѣleckой, Ново-Никольской и Жидиловской волостяхъ. Иногда въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ приводятся самые мотивы большаго или меньшаго наказанія, т. е. обстоятельства, увеличивающія или уменьшающія наказаніе. Я укажу на такія обстоятельства, на сколько они видны изъ рѣшеній.

Что касается обстоятельствъ, увеличивающихъ вину и наказаніе виновнаго, то въ рѣшенія волостныхъ судовъ встрѣчаются слѣдующія:

1) Большое наказаніе или же нѣсколько наказаній назначаются за нѣсколько проступковъ, совершенныхъ одновременно или же и въ разное время, но разбираемыхъ въ одно засѣданіе, т. е. совокупность проступковъ есть одно изъ обстоятельствъ, увеличивающихъ наказаніе. Объ этомъ уже было сказано въ предыдущей статьѣ.

2) Рецидивисты, если на ихъ сторонѣ нѣтъ особенныхъ обстоятельствъ, уменьшающихъ ихъ вину, всегда подвергаются большому наказанію, чѣмъ совершившіе проступокъ въ первый разъ, и вообще прежняя судимость и понесенное уже наказаніе имѣетъ большое вліяніе на увеличеніе наказанія за вновь совершенный проступокъ.

Такъ, Бреславскій волостной судъ, разсматривая дѣло о кражѣ восьми сноповъ овса и соображаясь съ тѣмъ, что обвиняемый Х. уже не одинъ разъ былъ судимъ за подобныя кражи, которыя, не смотря на это, повторяются, опредѣлилъ: крестьянина Х. за частыя повторенія кражъ наказать розгами 20 ударами, на основаніи 102 ст. Общ. Пол., а за ущербъ г-ну С. (истцу) подвергнуть взысканію за каждый снопъ по 3 рубля, увеличивъ это взысканіе по неисправленію его Х. послѣ нѣсколькихъ осужденій за разныя кражи. Имя же его записать въ штрафную книгу, предупредивъ его, что если еще будетъ уличенъ въ кражѣ, то будетъ преданъ суду какъ явный воръ (февраля 4—607).

Такимъ образомъ въ этомъ примѣрѣ за повторенный проступокъ виновный подвергнуть нѣсколькимъ наказаніямъ: 1) наказанію розгами въ высшей мѣрѣ, 2) запискѣ проступка въ штрафную книгу, 3) предупрежденію и 4) гражданскому взысканію, превышающему стоимость украденнаго овса (три рубля за одинъ снопъ овса).

Другое подобное дѣло въ томъ же волостномъ судѣ: женщина обвинялась въ кражѣ полштофа водки; судъ, припимая во вниманіе, что отвѣтчица уже не одинъ разъ судится за подобныя кражи, кои за всѣмъ этимъ повторяются, опредѣлилъ: за частыя повторенія кражъ взыскать съ нея штрафа 5 рублей, а за ущербъ, причиненный отвѣтчицею истцу, еще днемъ, подвергнуть ее взысканію 5 рублей серебромъ, увеличивается же это взысканіе по неисправленію ея послѣ нѣсколькихъ осужденій за разныя кражи; взысканный штрафъ записать въ штрафную книгу, предупредивъ ее, если еще будетъ замѣчена въ кражѣ, то предана суду какъ явная воровка (ноября 23—608).

Здѣсь, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, отвѣтчица подвергнута за повтореніе кражи нѣсколькимъ наказаніямъ: 1) штрафу въ тѣсномъ смыслѣ, выходящему изъ предѣловъ, указанныхъ въ 102 ст. Общ. Пол., 2) запискѣ въ штрафную книгу, 3) предупрежденію и 4) Гражданскому взысканію въ пользу истца пени, превышающей стоимость украденнаго полштофа водки.

3) Совершеніе кражи днемъ увеличиваетъ вину, а слѣд. и наказаніе; въ послѣднемъ приведенномъ примѣрѣ судъ, увеличивая наказаніе обвиняемой въ кражѣ, кромѣ рецидива, принялъ еще во вниманіе и то, что кража совершена днемъ („еще днемъ“). Впрочемъ нельзя еще на основаніи этого чуть-ли не единственнаго примѣра безуслов-

по считать совершение кражи днем за обстоятельство, увеличивающее вину и наказание.

4) Дурной вообще характер обвиняемого, дурное его поведение и разные недоброкачественные поступки, хотя-бы и не имѣющие отношенія къ проступку, за который обвиняемый подвергается наказанію, — все это увеличиваетъ наказаніе виновнаго.

Такъ напр. Нижне-Матренскій волостной судъ, изъ четырехъ крестьянъ, обвиняемыхъ въ пьянствѣ, въ обидѣ разными словами ночныхъ караульщиковъ и въ покушеніи ихъ побить, — трехъ, какъ болѣе виновныхъ и „дурнаго поведения“, присудилъ къ наказанію розгами по 20 ударовъ съ лишеніемъ права быть на сельскихъ сходахъ, а четвертаго оштрафовалъ 2 рублями съ исключеніемъ изъ числа выборныхъ на сельскій сходъ (13—616, 13—520, 11—585 и др.).

5) Запирательство на судѣ въ проступкѣ увеличиваетъ наказаніе. Такъ напр. Романовскій волостной судъ по дѣлу о кражѣ, въ которой обвинялось нѣсколько крестьянъ, опредѣлилъ: за кражу денегъ — крестьянина М. при чистосердечномъ показаніи, при безпорочномъ поведеніи, подвергнуть наказанію десятью ударами, а товарища его К., учинившаго запирательство, но уличеннаго, — 15 ударамъ (1—658).

6) Упорство при испрошеніи у обиженнаго прощенія увеличиваетъ наказаніе. Вотъ примѣръ, выписанный дословно изъ I тома „Трудовъ комиссіи“: Перкинскій волостной судъ, „относя проступокъ Темлюхина къ буйству, признаетъ его виновнымъ въ причиненіи Скворцовой побоевъ, почему и предложилъ ему испросить у нея прощенія, на что Темлюхинъ держалъ себя уклончиво, отпираясь, что онъ ничего не помнитъ, бывши пьянымъ, и объяснилъ, что это въ ея волѣ: хочетъ — просить, хочетъ — пѣть, пусть наказываетъ. Отнеся упорство Темлюхина къ степени увеличенія наказанія по той причинѣ, что былъ пьянымъ, опредѣлилъ: Темлюхина оставить безъ наказанія по той причинѣ, что Скварцева его простила“ (27—66). Хотя виновный и освобожденъ отъ наказанія, но въ рѣшеніи ясно выражено, что нежеланіе извиниться передъ обиженнымъ есть обстоятельство, увеличивающее наказаніе.

7) За такіе проступки, какъ обиды, оскорбленіе, непослушаніе, неповиновеніе, дерзость, грубость и т. п. волостные суды увеличиваютъ наказаніе, если эти проступки совершены противъ такихъ лицъ, къ которымъ виновные въ этихъ проступкахъ должны имѣть особен-

ное уваженіе. Такъ, въ случаѣ неповиновенія, грубости, оскорбленія, обиды и т. п., оказанныхъ родителями дѣтьми (взрослыми), судьи назначаютъ наказаніе розгами въ высшей мѣрѣ, при чемъ очень часто, какъ уже было выше сказано, родители могутъ увеличить число ударовъ сверхъ узаконеннаго размѣра—20 ударовъ; также въ случаѣ оскорбленія, непослушанія и т. п., оказанныхъ противъ должностныхъ лицъ волостнаго или сельскаго управленія виновные почти всегда подвергаются наказанію розгами въ высшей мѣрѣ, а иногда это наказаніе осложняется еще и другимъ менѣе тяжкимъ.

Исчисленные въ 7 пунктахъ причины, увеличивающія наказаніе, встрѣчаются въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, приведенныхъ въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“. По всей вѣроятности есть еще и много другихъ обстоятельствъ, увеличивающихъ вину и наказаніе виновнаго, но только въ числѣ помѣщенныхъ въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“ рѣшеній они не встрѣчаются.

Что касается обстоятельствъ, уменьшающихъ вину и наказаніе виновнаго, то въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ Тамбовской губерніи встрѣчаются слѣдующія:

1) Болѣзненное состояніе виновнаго уменьшаетъ наказаніе, замѣняя болѣе тяжкое наказаніе менѣе тяжкимъ.

Такъ, Пригородный волостной судъ, находя крестьянина Л. виновнымъ въ нанесеніи побоевъ унтеръ-офицеру П., опредѣлилъ: „слѣдовало-бы Л. по статьѣ 518 т. XII подвергнуть тѣлесному наказанію, но по болѣзненному его состоянію взыскать съ Л. или съ имѣнія, ему принадлежащаго, по требованію обиженнаго, 15 рублей серебромъ въ пользу унтеръ-офицера П.“ (16—403).

Въ засѣданіи, въ присутствіи члена комиссіи, Пригороднаго волостнаго суда 13 августа 1872 года виновный былъ присужденъ къ наказанію 10 ударами розогъ; волостной старшина отклонилъ тѣлесное наказаніе сказавъ: „виновнаго нельзя сѣчь: онъ боленъ, надо посадить подъ арестъ“ (стр. 393).

Въ приведенныхъ примѣрахъ большее наказаніе замѣнено меньшимъ: розги—арестомъ и штрафомъ.

2) Физическіе недостатки обвиняемаго (слѣпота, глухота и т. п.) уменьшаютъ наказаніе виновнаго; такъ, Больше-Грибановскій волостной судъ, который за постоянное пьянство наказываетъ розгами, по обвиненію крестьянина Т. въ постоянномъ пьянствѣ, опредѣлилъ: „кре-

стьянина Т. арестовать на трое суток на хлѣбѣ и водѣ, такъ какъ онъ слѣпъ и боленъ“ (31—433).

3) Беременность не только уменьшаетъ, но даже совсѣмъ освобождаетъ отъ наказанія; такъ, въ Старо-Юрьевскомъ волостномъ судѣ обвинялись мужъ и жена: первый въ подстрекательствѣ къ дракѣ между его женою и дядей, вторая—въ самой дракѣ; судъ опредѣлилъ: „крестьянина за потворство драки жены его съ дядей подвергнуть наказанію розгами дачею 15 ударовъ, а жену его, какъ беременную, освободить отъ суда (17—343).

4) Арестъ замѣняется штрафомъ для женщины, имѣющей груднаго ребенка; такъ Романовскій волостной судъ опредѣлилъ: крестьянку А. В., какъ виновную въ кражѣ платка у К., слѣдовало-бы подвергнуть аресту, но какъ она имѣетъ груднаго ребенка, то подвергнуть денежному штрафу въ размѣрѣ 1 рубля въ пользу волости (14—661).

5) Если за какой-либо проступокъ волостной судъ опредѣляетъ штрафъ, то размѣръ его уменьшается въ случаѣ бѣднаго состоянія обвиняемаго; такъ, Нестерскій волостной судъ опредѣлилъ: „.... Цыганкова... подвергнуть штрафу въ пользу волостныхъ суммъ слѣдовало-бы 3 руб., но нисходя къ его нищенскому состоянію,—1 рубль...“ (3—127).

6) Совершеніе проступка въ первый разъ уменьшаетъ наказаніе; такъ, Боганскій волостной судъ по обвиненію крестьянина Ф. въ кражѣ лѣса опредѣлилъ: „за самовольную порубку хвороста въ общественномъ лѣсу... хотя и слѣдовало-бы взыскать съ него, согласно мірскому приговору, по 1 рублю за каждый корень, но какъ онъ пойманъ въ первый разъ, поэтому уменьшаемъ мѣру наказанія и при-суждаемъ взыскать съ крестьянина Ф. за самовольную порубку лѣса 10 рублей серебромъ въ пользу мірскихъ суммъ“ (5—437, 9—508, 17—31 и др.).

7) Въ случаѣ собственнаго чистосердечнаго признанія виновнаго на судѣ въ совершеніи проступка, судъ не только значительно уменьшаетъ ему наказаніе, но даже иногда и совсѣмъ освобождаетъ отъ наказанія, особенно если лицо, чистосердечно сознавшееся въ совершеніи проступка, не есть главный виновникъ даннаго проступка.

Такъ, Романовскій волостной судъ, изъ двухъ лицъ, обвиняемыхъ въ кражѣ, одного приговорилъ, по чистосердечному его признанію и

безпорочному поведенію, къ наказанію 10 ударами розогъ, а другаго, учинившаго запирательство,—15 ударами (1—658).

Мало-Алабухскій волостной судъ, по чистосердечному признанію виновнаго въ пособничествѣ при кражѣ, освободилъ его отъ наказанія (2—444, 1—658, 7—447, 11—585, 8—660, 37—27 и др.).

8) Несовершеннолѣтіе виновныхъ служитъ обстоятельствомъ, вслѣдствіе котораго за проступки судъ предоставляетъ наказать ихъ родителямъ или же и совсѣмъ освобождаетъ ихъ отъ наказанія, взыскивая только въ пользу просителя удовлетвореніе за вредъ и убытки, причиненные проступкамъ.

Такъ: Пригородный волостной судъ по дѣлу о кражѣ кепи несовершеннолѣтнимъ у безсрочно-отпускнаго рядоваго солдата постановилъ: отвѣтчика, какъ несовершеннолѣтняго, предоставить взысканію его родителя, при чемъ, согласно добровольному истца и отвѣтчика соглашенію, взыскать съ него за похищенную кепи 3 рубля серебромъ въ пользу просителя (17—412).

Въ Хилковскомъ волостномъ судѣ обвинялись три мальчика 17-ти, 14 и 13-ти лѣтъ въ поджогѣ стога сѣна; судъ опредѣлилъ взыскать только въ пользу истца съ родителей виновныхъ мальчиковъ стоимость сѣна (1—258, 8—497).

9) Къ обстоятельствамъ, совершенно освобождающимъ виновнаго отъ наказанія, относится прощеніе его со стороны лица потерпѣвшаго; только въ дѣлахъ о кражѣ не всегда волостные суды освобождаютъ виновнаго отъ наказанія въ случаѣ прощенія его просителемъ, какъ уже было объ этомъ сказано. Даже въ случаѣ наличности обстоятельствъ, увеличивающихъ вину и наказуемость, прощеніе со стороны просителя освобождаетъ виновнаго отъ наказанія, какъ это видно было изъ примѣра, приведеннаго въ пунктѣ 6 обстоятельствъ, увеличивающихъ наказаніе.

10) Къ обстоятельствамъ, совершенно освобождающимъ виновнаго отъ наказанія, относится также отсутствіе умысла при совершеніи проступка, т. е. когда проступокъ совершенъ неосторожно („по нечаянности“), случайно или по ошибкѣ (2—319, 3—394, 4—394).

11) Особенныя заслуги виновнаго или какія-либо отличія уменьшаютъ наказаніе или же и совсѣмъ освобождаютъ отъ него; такъ Боганскій волостной судъ постановилъ такое рѣшеніе: за обоюдную драку оба (рядовой Н. и крестьянинъ М.) подлежатъ тѣлесному наказанію,

а какъ рядовой Н. имѣеть бронзовую медаль въ память войны 1863—1866 годовъ и двѣ нашивки, по этому онъ Н. освобожденъ отъ тѣлеснато наказанія, а какъ Н. не наказанъ, то и М. отъ наказанія освободить (3—436). Довольно странное опредѣленіе суда по отношенію къ крестьянину М.

12) Совершеніе проступка въ пьяномъ видѣ уменьшаетъ или же и совсѣмъ освобождаетъ виновнаго отъ наказанія. Уваровскій волостной судъ не призналъ унтеръ-офицера Б. виновнымъ въ кражѣ лошади у крестьянина Л., такъ какъ по дознанію оказалось, что Б. былъ сильно пьянъ и зашелъ на дворъ къ Б. вовсе не для кражи. Впрочемъ, совершеніе проступка въ пьяномъ видѣ не всегда освобождаетъ отъ наказанія, даже и не всегда уменьшаетъ наказаніе для виновнаго; напр. обида словомъ, нанесенная въ пьяномъ видѣ не уменьшаетъ наказанія (53—714).

Если на сторонѣ одного и того же лица встрѣчаются обстоятельства, увеличивающія и уменьшающія вину и наказаніе, то или они взаимно другъ друга уничтожаютъ (11—585), или же тѣ изъ нихъ берутъ перевесъ, которыя по мнѣнію судей имѣють бѣльшую силу (27—66), и при наложеніи наказанія одни какъ-бы вычитываются изъ другихъ.

Наказаніе нѣсколькихъ лицъ, участвующихъ въ проступкѣ.

(СТЕЧЕНІЕ ПРЕСТУПНИКОВЪ).

Если въ совершеніи какого-либо проступка участвовало нѣсколько лицъ, то волостные суды Тамбовской губерніи при опредѣленіи виновности и наказуемости каждаго обращаютъ вниманіе на то, одинаково-ли каждый участвовалъ въ совершеніи проступка, или же одинъ больше участвовалъ, а другой меньше, и въ послѣднемъ случаѣ различаютъ главныхъ виновниковъ проступка, зачинщиковъ, пособниковъ, сообщниковъ, укрывателей, подстрекателей, покупателей завѣдомо краденныхъ вещей и проч.

Если въ совершеніи проступка участвуетъ нѣсколько лицъ въ равной мѣрѣ, т. е. если они одинаково виновны, то и наказаніе для каждаго изъ нихъ назначается одинаковое. Такъ: трое лицъ нанесли побои, за что каждый наказанъ 10 ударами (28—431); двое соверши-

ли кражу на 15 рублей, судъ приговорилъ каждаго къ наказанію по 15 ударовъ розогъ и съ каждаго въ пользу просителя взыскать по 7 р. 50 коп. (19—430). Даже если одинъ изъ двухъ одинаково виновныхъ въ совершеніи какаго-либо проступка освобождается почему-либо отъ наказанія, то иногда и другаго освобождаютъ, какъ это было видно изъ приведеннаго уже рѣшенія Боганскаго волостнаго суда въ статьѣ объ увеличивающихъ и уменьшающихъ вину обстоятельствахъ (пунктъ 11; въ книгѣ 8—436).

Если же изъ нѣсколькихъ лицъ, участвующихъ въ совершеніи проступка, одни главные виновники проступка, другіе только пособники, укрыватели и проч., то главные виновники подвергаются большому наказанію, а другіе меньшему. Между главными виновниками зачинщики несутъ большую отвѣтственность, чѣмъ другіе его сообщники. Одни только подстрекатели иногда подвергаются большому наказанію противъ того, какое налагается на физическаго виновника, иногда—меньшему,—все въ этомъ случаѣ зависитъ отъ другихъ обстоятельствъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ вину того или другаго.

Въ Куйманскомъ волостномъ судѣ разбиралось дѣло о кражѣ; между обвиняемыми были главный физическій виновникъ кражи; укрыватель краденнаго и покупщикъ завѣдомо краденныхъ вещей. Судъ приговорилъ перваго къ наказанію розгами 15 ударами, втораго—5 ударами и третьяго—10 ударами; вознагражденія просителю за убытки взыскать съ перваго 5 рублей, а съ двухъ остальныхъ по 2 рубля (6—746).

Романовскій волостной судъ приговорилъ двухъ крестьянъ М. Ч. и В. У. за побои, нанесенные крестьянину В. Ч.: перваго „какъ зачинщика“ наказать 15 ударами розогъ, а втораго „какъ сообщника“—10 ударами (16—662).

Подстрекатель къ совершенію проступка иногда подвергается большому наказанію противъ физическаго виновника, иногда меньшему, какъ уже было сказано; такъ напр. Романовскій волостной судъ приговорилъ двухъ главныхъ виновниковъ въ совершеніи кражи къ наказанію розгами, а подстрекателя оставилъ въ подозрѣніи (1—658); въ Старо-Юрьевскомъ волостномъ судѣ обвинялись мужъ и жена: первый въ подстрекательствѣ своей жены къ дракѣ съ дядей, вторая—въ томъ, что затѣяла драку съ дядей; судъ приговорилъ мужа къ наказанію 20 ударами розогъ, жену по причинѣ беременности освободилъ

отъ суда (17—343). Здѣсь подстрекатель подвергся самому строгому наказанію и въ высшей его мѣрѣ.

Къ сожалѣнію объ этомъ весьма интересномъ вопросѣ (о стеченіи преступниковъ) въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“ весьма мало свѣдѣній; въ заявленіяхъ опрашиваемыхъ членами комиссіи лицъ ничего не говорится объ участіи въ совершеніи проступка нѣсколькихъ лицъ, что же касается рѣшеній волостныхъ судовъ, то изъ нихъ весьма немногія относятся къ разсматриваемому вопросу о стеченіи преступниковъ.

Наказаніе ни въ чемъ невиновныхъ и освобожденіе отъ наказанія безъ причины.

Между рѣшеніями волостныхъ судовъ Тамбовской губерніи встрѣчаются такія, которыя обращаютъ на себя вниманіе своею оригинальностью: судъ или налагаетъ наказаніе повидимому безъ всякой причины, или же освобождаетъ отъ наказанія тоже безъ причины. Такихъ рѣшеній встрѣчается въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“ пять:

Перкинскій волостной судъ разбиралъ жалобу крестьянки Деминой на мужа о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ ей послѣднимъ будто бы за растрату денегъ. Судъ, „не имѣя съ обѣихъ сторонъ доказательствъ, опредѣлилъ; Акулинъ за растрату безъ дозволенія мужа денегъ сдѣлать замѣчаніе, а Прокофію „за довѣріе въ женѣ“, какъ неблагонадежной женщинѣ,—выговоръ.“ (18—72).

Въ каргашинскомъ волостномъ судѣ судился крестьянинъ Тамбовцевъ за то, что сдалъ фальшивый 5—рублевый билетъ старостѣ въ уплату податей. Такъ какъ умысла Тамбовцева, чтобы сбыть этотъ билетъ завѣдомо фальшивый, по слѣдствію не обнаружилось, то судъ опредѣлилъ: „Тамбовцева, хотя по слѣдствію не обвиненнаго, но чтобы онъ былъ впредь осмотрительнѣе, арестовать при волостномъ правленіи на трое сутокъ“ (4—131).

Уваровскій волостной судъ постановилъ: „крестьянъ В. и Л. признать виновными (въ кражѣ), такъ какъ они на судѣ не сознались, и проситель Ш. на судъ для разясненія по требованію не явился“ (7—470).

Усманско-Пригородный волостной судъ, разсматривая дѣло, нашелъ, „что крестьянинъ Е. К. хотя въ кражѣ имущества у роднаго

своего брата Г. К. и заподозрѣвается, но полныхъ уликъ въ виду не имѣется,.... а потому опредѣлилъ: не подвергая крестьянина Е. К. личной отвѣтственности, взыскать съ него 10 рублей, конми удовлетворить крестьянина Г. К., а Е. К. оставить въ подозрѣніи сельскихъ властей и самого общества“ (9—544).

Есть и обратное рѣшеніе: волостной судъ освобождаетъ отъ наказанія безъ причины; (рѣшеніе это уже приведено выше въ пунктѣ 11 статьи „Обстоятельства, увеличивающія и уменьшающія вину и наказуемость“, въ книгѣ № 3 стр. 439).

Этимъ я оканчиваю отдѣлъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ волостными судами, и перейду къ разсмотрѣнію проступковъ, составляющихъ предметъ разбирательства волостныхъ судовъ.

Проступки разбираемые волостными судами.

Относительно проступковъ, составляющихъ предметъ разбирательства волостныхъ судовъ, слѣдуетъ замѣтить: 1) что свѣдѣній въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“ имѣется относительно однихъ больше, относительно другихъ—меньше, вслѣдствіе чего о взглядѣ крестьянъ Тамбовской губерніи на нѣкоторые проступки можно имѣть только приблизительное понятіе; 2) что наказанія, налагаемыя волостными судами за тотъ или другой проступокъ, самыя разнообразныя, начиная съ самаго строгаго—розогъ—въ высшей его мѣрѣ и оканчивая самымъ легкимъ, а иногда даже освобожденіемъ виновнаго отъ наказанія; все въ этомъ отношеніи зависитъ отъ условій, при которыхъ совершенъ проступокъ и отъ личныхъ качествъ виновнаго; но бываетъ иногда и такъ, что одинъ и тотъ же судъ за два совершенно одинаковые проступка, совершенные разными лицами при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, налагаетъ разныя наказанія; 3) о нѣкоторыхъ проступкахъ, по всей вѣроятности встрѣчающихся между крестьянами, совсѣмъ не имѣется свѣдѣній въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“. Причины, почему о нѣкоторыхъ проступкахъ имѣется или весьма мало свѣдѣній, или же и совсѣмъ не имѣется таковыхъ, самыя разнообразныя: многія дѣла, какъ было сказано, не доходятъ до волостнаго суда, а оканчиваются другими крестьянскими судами; изъ тѣхъ, которыя доходятъ до волостныхъ судовъ и разбираются послѣдними, многія не

записываются въ книгу; дѣла, оконченныя примиреніемъ сторонъ, во многихъ волостяхъ тоже не записываются въ книгу.

Я приступлю къ разсмотрѣнію каждаго изъ проступковъ отдѣльно, на сколько можно заключить изъ матеріала, помѣщеннаго въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“ о взглядѣ крестьянъ на тотъ или другой проступокъ.

Кражи и присвоеніе чужой собственности.

Оба вида этихъ проступковъ волостными судами Тамбовской губерніи почти всегда смѣшиваются; поэтому я буду говорить о нихъ вмѣстѣ.

Говоря о склоненіи сторонъ на волостномъ судѣ къ примиренію, я уже сказалъ, что въ бѣльшей части волостей допускается примиреніе сторонъ въ дѣлахъ о кражахъ. Изъ всѣхъ 83-хъ разсматриваемыхъ волостей только въ 22-хъ было заявлено, что не допускается примиренія въ дѣлахъ о кражахъ, а виновные всегда наказываются, и въ 2-хъ волостяхъ сказали, что дѣло о кражахъ не случалось разбирать, поэтому и не знаютъ, можно-ли не наказывать виновнаго въ кражѣ, если лицо потерпѣвшее простить его. Во всѣхъ же остальныхъ волостяхъ не только судьи не назначаютъ никакого наказанія, если лицо потерпѣвшее простить виновнаго въ кражѣ, но даже сами стараются склонить ихъ къ примиренію. Это показываетъ, что въ бѣльшей части волостей смотрятъ на кражу, какъ на дѣло частное, а не какъ на преступленіе, соединенное съ опасностію для цѣлаго общества.

Если между сторонами не послѣдовало примиренія, то виновный въ кражѣ подвергается наказанію. Какое налагается наказаніе за кражу и присвоеніе чужой собственности,—объ этомъ нельзя сказать что-либо опредѣленное, потому что наказываютъ за эти проступки при однихъ и тѣхъ же условіяхъ различно: розгами, арестомъ, штрафомъ, общественными работами, а иногда совсѣмъ освобождаютъ отъ наказанія. Впрочемъ не будетъ ошибочно, если сказать, что за кражу чаще всего наказываютъ розгами отъ 10 до 20 ударовъ.

Самыя же вещи украденныя отбираются и возвращаются хозяину, а если ихъ уже нѣтъ у виновнаго или если онѣ попорчены и повреждены, то вмѣсто нихъ судьи присуждаютъ взыскать съ виновнаго въ пользу хозяина цѣну вещей, а иногда отбираютъ отъ виновнаго какую-

либо вещь, равную по цѣнѣ украденной, и ею удовлетворяють истца.

Такъ, за кражу одной пары головокъ чернаго товару виновный наказанъ розгами 10 ударами, и головки отобраны для выдачи хозяину ихъ (Больше Алабух. 6—420); за кражу саней—наказанъ виновный 10 ударами розогъ и сани отобраны (Больше-Грибановская 1—429); за присвоеніе чужой собственности—3 дня аресту; за кражу руковицъ и трубки—наказанъ 15 ударами и вещи отобраны (Больше-Грибановская. 4—429); за кражу 19 рублей денегъ—наказанъ 19 ударами, и деньги присуждено взыскать (Больше-Грибановская. 5—429); за присвоеніе чужаго стрегуна—3 дня аресту; за кражу 10 пудовъ рыбы—наказанъ 18 ударами, и присуждено взыскать за рыбу стоимость ея (Мало-Алабухская. 2—444); за кражу самовара—19 ударовъ и присуждено взыскать за самоваръ въ пользу хозяина 10 рублей, а самоваръ, какъ поврежденный, оставить у виновнаго (Ржаксинская); за кражу шести деревъ взыскано 12 рублей и виновный наказанъ 19 ударами, деревья же оставлены у виновнаго (Ржаксинская. 10—491); Трубетчинскій волостной судъ опредѣлялъ: взять у крестьянина Д. двѣ овцы въ обмѣнъ украденной имъ овцы, каковыми и удовлетворить просителя Т., а равно у Д. отобрать и овчину съ украденной имъ овцы и передать ее Т., а за проступокъ наказать Д. 20 ударами (19—762).

Если нѣсколько лицъ участвовать въ совершеніи кражи, и всѣ они одинаково виновны, то всѣмъ полагается равное наказаніе, а за украденную въ пользу просителя съ каждаго взыскивается по равной части цѣна вещи. Двое совершили кражу улья меду цѣною въ 15 рублей; судъ приговорилъ: наказать каждаго 17 ударами розогъ и взыскать съ каждаго по 7 рублей 50 коп. въ пользу просителя (Больше-Грибановская. 19—430).

Иногда виновный въ кражѣ подвергается наказанію за проступокъ, платежу просителю стоимости украденной вещи и кромѣ того платежу за вредъ и убытки, причиненные проступкомъ, за проѣздъ просителя въ судъ и другіе расходы просителя, вызванные проступкомъ; такъ, виновный въ кражѣ наказанъ подобнымъ образомъ Больше-Алабухскимъ волостнымъ судомъ по дѣлу № 12 (стр. 421).

Если потерпѣвшее лицо въ жалобѣ, поданной въ волостной судъ, требуетъ только наказанія виновнаго по закону, но не просить о взысканіи съ него вознагражденія за украденную вещь, что случается

ТАБ МЕТЕОРОЛОГИЧЕС

МЕТЕОР БЕОБАСНТУ

Мѣсто: Кіевъ.
Ort: Kief.

Долгота: 30° 30' восточная отъ Гринвича.
Länge: östliche von Greenwich.

Широта: 50° 27' сѣв.
Breite: Nord.

Наблюдатели: *Кудринскій, Пеллх* и *Гутковскі*
Beobachter:

Годъ: 1880.
Jahr:

Мѣсяцъ: Апрѣль.
Monat: April.

Высота барометра надъ уровнемъ моря: 182, "9
Höhe des Barometers über dem Meer:

Высота термометровъ надъ поверхностію земли:
Höhe der Thermometer über dem Boden:

ЛИЦА

СКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.

OLOGISCHE

NGS - TABELLE.

кѣѣ.

ОБЪ ИЗДАНИИ
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1880 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей
4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библиографическіе указатели для учащихся.
6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертации.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распределяются въ слѣдующемъ порядкѣ: Часть I—официальная (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II—неофициальная: отдѣлъ I—*историко-филологическій*; отдѣлъ II—*юридическій*; отдѣлъ III—*физико-математическій*; отдѣлъ IV—*медицинскій*; отдѣлъ V—*критико-библиографическій*—посвящается критическому обзорѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской иностранной); отдѣлъ VI—*научная хроника* заключаетъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы и переводы сочиненій; а также указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1880 году будутъ выходить, въ кониѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ коп., а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣ выхода *приложений* (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ приложений, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Уконниковъ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ XX.

№ 6.—І Ю Н Ь.

1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТР.		СТР.
Часть I—официальная.		Научная хроника.	
Извлечение изъ протоколовъ засѣданій Совѣта Университета Св. Владиміра. 4-го апрѣля 1880 года	117—182.	V. Протоколы кievскаго Юридическаго Общества, состоящаго при У-тетѣ Св. Владиміра, за 1879 г. .	160—216.
Часть II—неофициальная.		Прибавленія.	
ОТДѢЛЪ I.		I. Греческая церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ.—Доцента Терновскаго	161—192.
I. Критическія замѣтки къ Поэтикѣ Аристотеля.—Доц. Мищенко	221—224.	II. Христоматія по исторіи русскаго права.—Профессора Владимірскаго-Вуданова	159—206.
ОТДѢЛЪ II.		III. Сборникъ сочин. студентовъ У-та Св. Владиміра. Т. II. Обычное Уголовное Право крест. Тамбовской губерніи—Кандидатское сочин. П. Верезанскаго 201—244.	I+V.
II. О воровствѣ-кражѣ по русскому праву.—Стипенди-магистранта Вилогрицъ-Ботларевскаго	185—232.	IV. Программа конкурса для замѣщенія въ У-тетѣ Св. Владиміра должности доцента по кафедрѣ офталмологіи.	
ОТДѢЛЪ III.			
III. Краткій историч. очеркъ развитія геометріи.—Профессора Ващенко-Захарченка	151—174.		
КРИТИКО-ВИДОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.			
IV. Арійская семья, ея строй и развитіе.—Доц. Аландскаго	175—204.		

К І Е В Ъ.

1880.

THE 1880

1. The first...	1. The first...
2. The second...	2. The second...
3. The third...	3. The third...
4. The fourth...	4. The fourth...
5. The fifth...	5. The fifth...
6. The sixth...	6. The sixth...
7. The seventh...	7. The seventh...
8. The eighth...	8. The eighth...
9. The ninth...	9. The ninth...
10. The tenth...	10. The tenth...
11. The eleventh...	11. The eleventh...
12. The twelfth...	12. The twelfth...
13. The thirteenth...	13. The thirteenth...
14. The fourteenth...	14. The fourteenth...
15. The fifteenth...	15. The fifteenth...
16. The sixteenth...	16. The sixteenth...
17. The seventeenth...	17. The seventeenth...
18. The eighteenth...	18. The eighteenth...
19. The nineteenth...	19. The nineteenth...
20. The twentieth...	20. The twentieth...

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ двадцатый.

№ 6.—ІЮНЬ.

КІЕВЪ.
въ университетской типографіи.
1880.

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.
Ректоръ К. Теофилактовъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ I—ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СТР.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта Универ-
ситета Св. Владиміра. 4-го апрѣля 1880 г. . . . . 117—132

ЧАСТЬ II—НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

I. Критическія замѣтки въ Поэтикѣ Аристотеля.—Доц.
Мищенко . . . . . 221—224

ОТДѢЛЪ II.

II. О воровствѣ-кражѣ по русскому праву.—Стипендіата-
магистранта Бѣлогриць-Котляревскаго. . . . . 185—232

ОТДѢЛЪ III.

III. Краткій историческій очеркъ развитія геометріи.—
Проф. Ващенко-Захарченка . . . . . 151—174

КРИТИКО-БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

IV. Аріійская семья, ея строй и развитіе.—Доц. Аландскаго. 175—204

V. Протоколы кіевского Юридическаго Общества, состоя-
щаго при У-тетѣ Св. Владиміра, за 1879 г. . . . . 160—216

ПРИБАВЛЕНІЯ.

- I. Греческая церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ.
—Доцента Терновскаго. . . . . 161—192
- II. Христоматія по исторіи русскаго права.—Профессора
Владимірскаго-Буданова . . . . . 159—206
- III. Сборникъ сочиненій студентовъ У-тета Св. Владиміра.
Т. II. Обычное Уголовное Право крестьянъ Тамбов-
ской губерніи.—Кандидатское соч. П. Березанскаго . 201—244
I+V.
- IV. Программа конкурса для замѣщенія въ У-тетѣ Св.
Владиміра должности доцента по кафедрѣ офталмологіи.
-

ЧАСТЬ I—ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Извлечение изъ протоколовъ засѣданій Совѣта.

4 Апрѣля 1880 года.

Въ засѣданіи Совѣта Университета Св.Владимира, 4 апрѣля 1880 года, подъ предсѣдательствомъ г. Ректора Университета Н. Х. Бунге, присутствовали: *деканы*: В. С. Иконниковъ, К. М. Теофилактовъ, В. Г. Демченко, Ф. Ф. Эргардтъ; *ординарные профессоры*: В. А. Караваевъ, А. П. Матвѣевъ, К. А. Митюковъ, В. А. Незабитовскій, Н. А. Оаворовъ, И. И. Рахманиновъ, Г. Д. Сидоренко, Н. К. Ренненкампфъ П. Э. Ромеръ, А. А. Шефферъ, М. П. Авенариусъ, В. Б. Томса, М. Е. Ващенко-Захарченко, П. П. Алексѣевъ, В. А. Бецъ, А. О. Кистяковский, М. О. Хандриковъ, О. М. Гарничъ-Гарницкій, Н. А. Хржонщевскій, Н. А. Бунге, А. А. Котляревскій, О. В. Баранецкій, О. Я. Фортинскій, О. М. Паульсонъ; *экстраординарные профессоры*: В. А. Субботинъ, Н. Н. Шиллеръ, К. Г. Гейбель, Н. В. Бобрецкій, И. В. Лучицкій, В. П. Ермаковъ, И. О. Шмальгаузенъ. Неприсутствовали: С. С. Гогоцкій, П. И. Перемежко и Н. И. Хлѣбниковъ—по болѣзни; А. В. Ивановъ, А. С. Шкляревскій и В. Б. Антоновичъ—по нахожденію въ командировкѣ; Ф. Ф. Мерингъ, А. В. Романовичъ-Славатинскій, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, П. В. Павловъ, Г. Н. Минхъ, А. Х. Ринекъ и К. Г. Тритшель—по неизвѣстнымъ причинамъ.

Примѣчаніе: не бывшіе въ засѣданіи Совѣта по болѣзни С. С. Гогоцкій и П. И. Перемежко, передали свои шары для баллотирования: *первый*—К. Г. Гейбелю и *второй*—Н. А. Хржонщевскому.

1. С л у ш а л и: чтеніе протокола предшествовавшаго засѣданія Совѣта У-та. 2 28 февраля 1880 года.

Подписавъ этотъ протоколъ,

Опредѣлили: представить таковой г. Попечителю Кіевскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію.

2. Слушали: представленія г. Управляющаго Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ: 1) Отъ 21 марта за № 3565 объ увольненіи лекаря Зенкевича отъ должности ординатора терапевтической ф-ской клиники съ 12 марта 1880 г.

2) Отъ 27 марта за № 3,647 объ опредѣленіи Владимира Финка главнымъ садовникомъ У-скаго ботаническаго сада съ 11 марта 1889 г.

Опредѣлили: объ изложенномъ сообщить Правленію У-та.

3. Слушали: предложеніе г. Управляющаго Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ, отъ 27 и 28 марта сего года за № 3649, объ исключеніи Кіевскою и Могилевскою казенными палатами изъ подушнаго оклада гг. *Довгинскаго* Егора и *Борсука* Владимира, по случаю удостоенія ихъ степени лекаря.

Опредѣлили: по изготовленіи дипломовъ гг. Довгинскому и Борсуку на степень лекаря, таковые отправить къ г. Попечителю Округа, въ дополненіе къ представленію Совѣта У-та, отъ 23 января 1880 года за № 95, для опредѣленія гг. Довгинскаго и Борсука на службу, по назначенію отъ правительства, за полученное ими казенное содержаніе.

4. Слушали: предложеніе г. Управляющаго Кіевскимъ У. О., отъ 2 сего апрѣля за № 3842, слѣдующаго содержанія: „На представленіе отъ 27 марта за № 371, имѣю честь увѣдомить, что я разрѣшаю освободить отъ коллоквиума удостоеннаго юридическимъ ф-томъ У-та Св. Владимира степени кандидата правъ дѣйствительнаго студента Григорія *Червинскаго*.“

Опредѣлили: согласно удостоенію юридическаго ф-та и на основаніи 110 § Общаго устава У-товъ, утвердить г. Червинскаго въ степени кандидата юридическихъ наукъ и выдать ему дипломъ на эту степень.

4. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та на основаніи опредѣленія 28 марта и согласно 36 § У-скаго Устава подвергалъ баллотированію гг. декановъ четырехъ ф-товъ для избранія изъ среды ихъ одного въ исправляющіе должность Ректора на случай его болѣзни или отлучки: при упомянутой баллотировкѣ большинствомъ 25 голосовъ, противъ 13 избравъ въ заступающіе должность Ректора заслуженный

ординарный профессоръ по кафедрѣ механики, дѣйствительный статскій совѣтникъ И. И. Рахманиновъ, выбранный (въ присутствіи настоящаго засѣданія Совѣта) физико-математическимъ ф-томъ въ его деканы.

Опредѣлили: просить ходатайства г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа объ утвержденіи избраннаго въ деканы физико-математическимъ ф-томъ профессора И. И. Рахманинова исправляющимъ должность Ректора У-та Св. Владиміра на случай его отсутствія, или болѣзни.

6. Послучаю избранія декана физико-математическаго ф-та К. М. Теофилактова въ Ректора У-та были произведены физико-математическимъ ф-томъ въ присутствіи настоящаго засѣданія Совѣта выборы, по баллотировкѣ, въ должность декана этого ф-та, причемъ оказалось, что большинствомъ голосовъ 11 противъ 3 избранъ въ сказанную должность заслуженный профессоръ И. И. Рахманиновъ.

опредѣлили: просить ходатайства г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, объ утвержденіи профессора Рахманинова въ должности декана физико-математическаго ф-та срокомъ по 18 февраля 1883 г. т. е. по день выслуги 30 лѣтнаго срока по учебному вѣдомству.

7. Слушали: докладъ г. инспектора У-та отъ 26 марта 1880 года въ правленіе У-та, слѣдующаго содержанія: Въ § 6-мъ У-скихъ правилъ—согласно: „за выданный студенту билетъ на жительство (матрикулъ) взимается 2 руб. въ пользу студенческаго отдѣла У-ской библіотеки“. А между тѣмъ въ § 7-мъ Министръ правилъ для студентовъ 26-го октября 1879 года, которымъ въ проектѣ измѣненія правилъ У-та Св. Владиміра, представленномъ г-ну Попечителю, замѣненъ § 6-мъ, о подобной платѣ ничего не сказано. Отсюда возникаетъ вопросъ: взимать ли и на будущее время съ вновь поступающихъ въ студенты въ началѣ 1 семестра означенную плату при выдачѣ имъ полугодовыхъ на жительство и на право слушанія лекцій билетовъ, или это дѣйствовавшее доселѣ правило должно быть отмѣнено.

При рѣшеніи этого вопроса имѣю честь представить на усмотрѣніе Правленія слѣдующія содержанія:

Если отмѣна означенной платы принесетъ нѣкоторый ущербъ студентскому отдѣлу У-ской библіотеки, и вслѣдствіе этого взимавшаяся прежде плата должна быть удержана и на будущее время, то она могла бы быть производима при слѣдующихъ условіяхъ.

а) Хотя для лица состоятельнаго не представить особыхъ затрудненій уплатить при поступленіи въ У-тетъ за билеты на жительство и на право слушанія лекцій два руб. въ пользу студентскаго отдѣла У-ской библіотеки, но для поступающаго въ У-тетъ бѣдняка подобный взносъ не можетъ быть признанъ незатруднительнымъ. А потому, тѣхъ изъ поступающихъ въ студнты, которые имѣютъ свидѣтельство о настоятельности, можно было бы освобождать отъ упомянутаго взноса.

а) Что же касается до замѣны какого-либо изъ утраченнаго билета дубликатомъ, то подобная замѣна не могла бы быть оплачиваема развѣ въ томъ только случаѣ, если бы утрата билета произошла не вслѣдствіе неосторожности самаго студента.

На основаніи этихъ соображеній я имѣю честь представить на усмотрѣніе Правленія слѣдующую редакцію правила объ упомянутой платѣ въ томъ случаѣ, если признано будетъ необходимымъ удержать оную.

„За выданные принятому вновь въ студнты, а равно и перешедшему изъ другаго У-та студенту полугодичный билетъ, на жительство и полугодичный билетъ на право слушанія лекцій взимается по одному рублю за каждый въ пользу студенческаго отдѣла У-ской библіотеки. Имѣющіе свидѣтельство о несостоятельности отъ гимназій или отъ подлежащаго вѣдомства освобождаются отъ этого взноса; при дальнѣйшемъ прохожденіи студентомъ Ускаго курса означенные билеты обмѣниваются въ началѣ каждаго полугодія бесплатно. Въ случаѣ потери того или другаго билета студентъ обязанъ немедленно заявить объ этомъ инспектору съ просьбою о выдачѣ дубликата, за который вносить въ пользу студенческаго отдѣла У-ской библіотеки одинъ рубль. О выдачѣ каждаго дубликата извѣщается полиція.“

Правило это можетъ быть присоединено въ видѣ примѣчанія къ упомянутому выше § 6-му правилъ о приѣмѣвъ студнты. Определено: настоящій докладъ Правленіе У-та сообщило Совѣту У-та на его рѣшеніе.

Опредѣлили: настоящій докладъ Правленія У-та утвердить и просить разрѣшенія г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа на включеніе этого правила, въ видѣ примѣчанія, къ 6 § правилъ о приѣмѣвъ студнты.

8. Слушали: представленіе декана физико-математическаго ф-та, отъ 1 апрѣля 1880 года, слѣдующаго содержанія: „Г. В. Фабриціусъ,

астрономъ наблюдатель, вошелъ въ физико-математическій ф-тетъ съ представленіемъ слѣдующаго содержанія:

„Должность астронома наблюдателя въ русскихъ У-тахъ должна быть занимаема лицами, имѣющими степень магистра. Такое заключеніе можно сдѣлать на томъ основаніи, что астрономамъ—наблюдателямъ Уставомъ Императорскихъ Россійскихъ У-товъ предоставлены права доцентовъ. Избирая меня на должность астронома — наблюдателя, Совѣтъ У-та Св. Владиміра, равно какъ и начальство, отъ котораго зависѣло мое утвержденіе въ упомянутой должности, этимъ подтвердили мои права на занятіе мѣста, для котораго требуется магистерская степень.

На основаніи этого я долженъ заключить, что въ данномъ случаѣ полученная мною степень доктора Гельсингфорскаго У-та признаваема равною степени магистра Русскихъ У-товъ. Имѣя это въ виду я обращаюсь къ ф-ту съ покорнѣйшею просьбою ходатайствовать предъ Совѣтомъ о допущеніи меня къ соисканію установленнымъ порядкомъ степени доктора астрономіи“.

По поводу прошенія г. Фабриціуса деканомъ ф-та должна была справка слѣдующаго содержанія:

„Въ 1875 году, съ разрѣшенія Совѣта У-та, былъ объявленъ конкурсъ на замѣщеніе бывшей вакантной должности астронома наблюдателя. Конкурентами явились: кандидатъ математическихъ наукъ г. Порецкій, выдержавшій въ то время лишь устное испытаніе на степень магистра астрономіи и докторъ астрономіи Александровскаго У-та г. Фабриціусъ. При баллотированіи обоихъ кандидатовъ въ Совѣтъ избранъ былъ г. Порецкій; но г. Попечителемъ не былъ утвержденъ въ должности астронома наблюдателя на основаніи § 68 У-скаго Устава, какъ лицо, не имѣющее степени магистра. Въ декабрѣ мѣсяцѣ того же 1875 года факультетъ вошелъ вновь въ Совѣтъ съ представленіемъ на должность астронома наблюдателя г. Фабриціуса, ходатайствуя въ то же время о разрѣшеніи вопроса: какими правами пользуются лица, получившія ученыя степени въ Александровскомъ У-тѣ при поступленіи ихъ на преподавательскія должности въ прочихъ Русскихъ У-тахъ“.

На запросъ объ этомъ г. Ректора, проректоръ Гельсингфорскаго У-та отвѣтилъ телеграммою: *пользуются тѣми же правами какъ и учащіеся въ русскихъ У-тахъ*. Въ присланномъ же письменномъ отвѣтѣ, проректоръ Гельсингфорскаго У-та говоритъ: „Сколько мнѣ извѣ-

стно въ Финляндіи состоялось только по этому предмету Высочайшее постановленіе, отъ 12 августа 1834, которое могло бы пояснить это дѣло и въ которомъ сказано, что лица, которые были записаны въ студенты Александровскаго У-та въ Финляндіи или выдержавшія надлежащіе испытанія при ономъ, должны при поступленіи на службу въ Имперію и относительно производства ихъ пользоваться одинаковыми правами какъ и тѣ, которые учились въ прочихъ У-тахъ имперіи. Очевидно, что г. Проректоръ Александровскаго У-та ссылается въ своемъ отвѣтѣ на статью 77 т. 3 устава о службѣ гражданской (Сводъ законовъ изд. 1876 г.) Въ статьѣ этой изображено: „Обучавшимся въ Александровскомъ Утѣ (въ Гельсингфорсѣ), или выдержавшимъ въ ономъ предоставляются по опредѣленію въ службу и производству въ чины всѣ права на равнѣ съ прочими російскими У-ми.“

По полученіи отзыва отъ г. проректора Александровскаго У-та, Совѣтъ Кіевскаго У-та подвергъ г. Фабриціуса баллотировкѣ и по избраніи представить на утвержденіе г. Попечителю, который и утвердилъ г. Фабриціуса въ должности астронома наблюдателя, отъ 3 февраля 1876 года.

Обращаясь за тѣмъ къ Уставу Александровскаго У-та мы находимъ: § 3—

§ 3—У-ту предоставляется право возводить въ ученые степени и званія. Въ отдѣлѣ объ испытаніяхъ на ученые степени значится:

§ 146.—Экзамену на ученую степень предшествуетъ частное испытаніе или тентамень.

§ 153.—Физико-математическій фа-тетъ можетъ возводить въ ученые степени *кандидата*, магистра, лиценціата и доктора, для полученія высшихъ степеней требуется степень кандидата (по ф-ту).

§ 155—Испытаніе на степень кандидата производится непременно по математикѣ, физикѣ и химіи, и по двумъ изъ прочихъ преподаваемыхъ на ф-тѣ предметовъ, по выбору экзаменующимся (прочіе предметы ф-та суть: астрономія, ботаника, зоологія, геологія съ минералогією). Кромѣ испытанія устнаго экзаменующійся пишетъ отвѣтъ на заданную ф-томъ тему.

§ 157.—Для полученія степени лиценціата требуются основательныя и превосходныя свѣдѣнія не менѣе, какъ по тремъ во взаимномъ отношеніи наводящимся наукамъ, изъ которыхъ одна характеризуетъ степень: лиценціатъ астрономіи, физики, зоологіи и т. д.; кромѣ

испытанія устнаго экзаменующійся долженъ написать и защитить сочиненіе написанное на заданную ф-томъ тему.

§ 161.—Возведеніе въ степень магистра и доктора совершается *промоціею* или торжественнымъ провозглашеніемъ: кандидата въ степени магистра, лиценціата—въ степени доктора (§ 171).

§ 123.—Физико-математическій ф-тетъ Александровскаго У-та не дѣлится на два отдѣленія, какъ впрочихъ русскихъ У-тахъ; на ф-тѣ числится 7-мъ кафедръ и такое же число штатныхъ профессоровъ: 1) математики чистой и прикладной, 2) астрономіи, 3) физики, 4) химіи, 5) зоологіи, 6) ботаники, 7) геологіи съ минералогіею.

Принимая во вниманіе вышеизложенную справку физико-математическій, ф-тетъ неусматриваетъ въ актѣ утвержденія г. Фабриціуса въ должности астронома наблюдателя доказательства уравниенія, по значенію и правамъ, въ степени доктора Александровскаго У-та со степенью магистра прочихъ русскихъ У-товъ, ибо, придавая 77 ст. Уст. о гражд. службѣ то значеніе, каковое ей придаетъ г. проректоръ Александровскаго У-та, наиболѣе правильнымъ было бы признать всѣ ученыя степени, даруемыя Александровскимъ У-томъ, вполне равными по правамъ съ учеными степенями прочихъ русскихъ У-товъ. Но на таковое уравниеніе ученыхъ степеней, даруемыхъ У-ми, неимѣющими общаго, однороднаго устава, неуказываетъ, по мнѣнію ф-та, и ст. 77, и уставъ Александровскаго У-та. Изъ акта утвержденія г. Фабриціуса въ должности астронома—наблюдателя возможно сдѣлать лишь заключеніе, что степень доктора астрономіи Александровскаго У-та признана была совѣтомъ и г. Попечителемъ *достаточною* для занятій должности—астронома наблюдателя.

По Уставу Александровскаго У-та устнымъ испытаніемъ и защитою диссертациіи получаютъ двѣ ученыя степени: кандидата и лиценціата; степени же магистра и доктора даются *промоціею*, при чемъ принимается во вниманіе лишь степень удовлетворительности въ отвѣтахъ при испытаніи на первыя двѣ степени. Слѣдовательно степени магистра и доктора Александровскаго У-та тождественны лишь по имени, а не по сущности, съ одноименными степенями прочихъ русскихъ У-товъ: вполне удовлетворительное кандидатское испытаніе—даетъ степень магистра вполне удовлетворительное испытаніе на степень лиценціата—даетъ степень доктора.

Не отвергая возможности пріобрѣтенія учащимся въ Александров-

скомъ У-тѣ свѣдѣній, по наукамъ физико-математическаго ф-та, исполнѣ достаточныхъ для полученія высшихъ ученыхъ степеней, физико-математическій ф-тетъ позволяетъ себѣ однакоже допустить нѣкоторую повинную существовать неполноту въ объемѣ преподаваемыхъ на ф-тѣ предметовъ, при столь не большомъ числѣ штатныхъ преподавателей, а слѣдовательно и нѣкоторую ограниченность въ требованіяхъ при испытаніи на ученые степени.

На основаніи вышеизложеннаго физико-математическій ф-тетъ въ засѣданіи 4 февраля сего года опредѣлили: донести Совѣту У-та, во первыхъ, что ф-тетъ не усматриваетъ ни въ уставѣ Александровскаго У-та, ни въ Сводѣ законовъ исполнѣ опредѣленныхъ указаній на уравненіе ученыхъ степеней, даруемыхъ всѣми У-ми Имперіи, а во вторыхъ что пріобрѣтеніе высшихъ ученыхъ степеней въ Александровскомъ У-тѣ достигается путемъ далеко нетождественнымъ, по формѣ и внутреннему содержанію, съ путемъ достиженія тѣхъ же высшихъ степеней, на основаніи устава и прочихъ русскихъ У-товъ, а потому ф-тетъ не считаетъ возможнымъ допустить г. Фабриціуса къ соисканію степени доктора астрономіи по правиламъ, дѣйствующихъ русскихъ У-тахъ, безъ особаго на то разрѣшенія высшаго начальства.

Опредѣлили: увѣдомить физико-математическій ф-тетъ что Совѣтъ У-та въ виду основаній, изложенныхъ въ настоящемъ представленіи ф-тета не находитъ возможнымъ разрѣшить, въ положительномъ смыслѣ, изложенной просьбы Х. Фабриціуса.

9. Слушали докладъ: слѣдующаго содержанія: экстраординарный профессоръ У-та Св. Владиміра по кафедрѣ ботаники и директоръ ботаническаго сада И. О. Шмальгаузенъ вошелъ въ Правленіе У-та съ ходатайствомъ въ которомъ высказалъ, чтобы завѣдывающій ботаническимъ садомъ имѣлъ бы возможность не только лучше слѣдить за работами, но и самъ могъ бы посвятить больше времени на занятіе въ пользу сада У-та ему необходимо имѣть квартиру въ зданіи ботаническаго сада. Вслѣдствіе этого физико-математическій ф-тетъ вошелъ съ ходатайствомъ объ устройствѣ квартиръ для завѣдывающаго садомъ въ находящихя теперь безъ употребленія комнатахъ въ зданіи оранжерей. Но такъ какъ въ настоящемъ году назначенная на ремонтныя работы сумма недостаточна для того, чтобы покрыть расходы даже и на самые необходимые ремонты, то г. Шмальгаузенъ просилъ Правленіе разрѣшить ему сдѣлать необходимыя передѣлки въ

означенныхъ комнатахъ на свой счетъ. Правленіе У-та, по заслушаніи сего опредѣленія, въ засѣданіи 26 марта опредѣлило сообщить Совѣту, что оно съ своей стороны препятствія къ удовлетворенію просьбы г. Шмальгаузена не имѣетъ.

Опредѣлили: на приведеніе изложеннаго ходатайства въ исполненіи испросить разрѣшенія г. Управляющаго Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ.

10. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та по выслушаніи прошенія исправляющаго должность ординатора акушерской ф-ской клиники лекаря *Теодора Савина*, опредѣлили: просить ходатайства г. Попечителя Кіев. Учеб. Округа о зачетѣ г. Савину въ дѣйствительную службу времени съ 24 мая по 1 октября 1878 г., проведеннаго имъ въ Одесскомъ карантинномъ лазаретѣ Общества Краснаго Креста въ званіи ординатора.

11. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та опредѣлилъ просить г. Попечителя Кіевского Учебнаго Округа объ увольненіи, согласно прошенію, лекаря съ отличіемъ титулярнаго Совѣтника Якова *Якимовичи* отъ должности помощника прозектора анатоміи при У-тѣ Св. Владиміра.

12. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та согласно заявленію г. инспектора студентовъ и ходатайству физико-математическаго ф-та, опредѣлилъ: представить свободную профессорскую стипендію студенту физико-математическаго ф-та разряда математическихъ наукъ *Петру Цыганкову-Куриленкову*; о чемъ и сообщить Правленію У-та для зависящаго распоряженія.

13. Слушали: представленіе историко-филологическаго ф-та отъ 31-го марта 1880 года, слѣдующаго содержанія: Въ засѣданіи своемъ 11 марта историко-филологическій ф-тетъ слушалъ предложеніе г. Ректора У-та, о предстоящемъ 2-го мая окончаніи срока 30-ти лѣтней службы ординара. профессора по кафедрѣ теоріи и исторіи искусствъ *Н. В. Павлова*. По выслушаніи означеннаго предложенія, ф-тетъ поручилъ декану спросить пр. Павлова, желаетъ ли онъ продолжать службу при У-тѣ Св. Владиміра, вслѣдствіе чего, въ засѣданіи 26 марта, деканомъ было доложено, что профессоръ Павловъ изъявилъ желаніе подвергнуться баллотированію еще на 5 лѣтъ.

О вышеизложенномъ историко-филологическій ф-тетъ честь имѣетъ

донести Совѣту У-та, для баллотированія профессора Павлова, согласно § 78 общаго Устава У-товъ.

Опредѣлили: подвергнуть въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта ординарнаго профессора по кафедрѣ теоріи и исторіи искусствъ П. В. Павлова баллотированію для оставленія его на службѣ на 2-е пятилѣтіе, сверхъ выслуги 25 лѣтъ по учебному вѣдомству.

14. Слушали: представленіе физико-математическаго ф-та отъ 22 марта 1880 года, слѣдующаго содержанія: „на основаніи степени магистра химіи состоящій въ должности лаборанта при химической лабораторіи У-та Св. Владиміра, согласно § 69 Устава У-та, г. Барзиловскій былъ допущенъ физико-математическимъ ф-томъ къ прочтенію двухъ пробныхъ лекцій, для полученія званія приватъ-доцента по кафедрѣ химіи.

Въ засѣданіи ф-та, отъ 15 марта сего года, Барзиловскій прочелъ первую лекцію „Состояніе химіи въ концѣ прошлаго столѣтія,“ а въ засѣданіи, отъ 17-го марта, вторую на тему, предложенную ф-томъ, „объ атомности элементовъ“.

Обѣ лекціи найдены удовлетворительными, а посему ф-тетъ опредѣлилъ ходатайствовать предъ Совѣтомъ о предоставленіи магистру химіи Я. Н. Барзиловскому званія приватъ-доцента по кафедрѣ химіи.

Опредѣлили: просить г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, объ утвержденіи г. магистра Якова Барзиловскаго, въ званіи приватъ-доцента по кафедрѣ химіи при У-тѣ Св. Владиміра.

15. Слушали: представленіе историко-филологическаго ф-та отъ 1 апрѣля 1880 г., слѣдующаго содержанія: „Въ отвѣтъ на предложеніе Совѣта У-та отъ 14 марта, по вопросу объ утвержденіи доцента *Терновскаго* въ званіи экстраординарнаго профессора безъ дополнительнаго содержанія съ приглашеніемъ представить отъ ф-та новыя соображенія, историко-филологическій ф-тетъ честь имѣетъ донести Совѣту, что онъ вновь входилъ въ обсужденіе этого вопроса и, въ засѣданіи своемъ 1 апрѣля, опредѣлилъ: просить Совѣтъ о внесеніи дополнительнаго содержанія доценту Терновскому по званію экстраординарнаго профессора въ новую смѣту У-та и о ходатайствѣ одновременно съ тѣмъ предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ утвержденіи г. Терновскаго экстраординарнымъ профессоромъ на суммы государственнаго казначейства.

Опредѣлили: въ началѣ 1881 года при составленіи проекта финансовой смѣты по У-ту Св. Владиміра на 1882 годъ внести въ проектъ этой смѣты дополнительное содержаніе на званіе экстраординарному профессору доценту Ф. А. Терновскому и одновременно съ тѣмъ возобновить ходатайство Совѣта предъ г. Попечителемъ объ утвержденіи г. Терновскаго въ званіи экстраординарнаго профессора.

16. Слушали: представленіе медицинскаго ф-та У-та Св. Владиміра отъ 4 апрѣля сего года за № 130, слѣдующаго содержанія: „По выслушаніи въ засѣданіи 31 истекшаго марта рецензій на труды Кавказскаго Окружнаго окулиста Михаила Ивановича *Рейха* представленнаго гг. профессорами Бецомъ и Минхомъ въ доценты по кафедрѣ офтальмологіи, медицинскій ф-тетъ опредѣлил: баллотировать г. Рейха въ слѣдующемъ засѣданіи.

При баллотировкѣ въ засѣданіи 4 сего апрѣля г. Рейхъ избранъ единогласно.

При семъ представляется: представленіе профессора Беца, рецензій гг. Караваева, Томсы, Субботина, Перемежка, Минха и Ринева, на труды г. Рейха, представленіе г. профессора Иванова объ избраніи въ доценты доктора Добровольскаго, копія письма декана медицинскаго ф-та къ г. Добровольскому и отвѣтъ послѣдняго.

Опредѣлили: подвергнуть доктора медицины Рейха въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта баллотированію въ доценты по кафедрѣ офтальмологіи.

17. Слушали: представленіе медицинскаго ф-та отъ 31 марта 1880 года за № 126, слѣдующаго содержанія: „Медицинскій ф-тетъ въ засѣданіи 17 сего года марта по выслушаніи ходатайства г. профессора Беца объ оставленіи лекаря *Рава* въ званіи стипендіата для приготовленія къ профессорскому званію еще на полгода въ виду того, что г. Рава выдержалъ удовлетворительно словесное докторское испытаніе, окончивъ также диссертацию, началъ другую работу, которую надѣется окончить къ сроку защиты диссертации, на разсмотрѣніе которой ф-томъ потребуется извѣстное время, имѣя въ виду, что г. Рава будетъ представленъ профессоромъ Томса для опредѣленія лаборантомъ фیزیологической лабораторіи на мѣсто выбывающаго изъ этой должности г. Суханова, опредѣлил: подвергнуть г. Раву баллотировкѣ и въ случаѣ избранія ходатайствовать предъ Совѣтомъ У-та Св. Владиміра о продленіи производства стипендіатскаго содержанія г. Равѣ еще

на полгода, примѣнивъ къ нему § 6 положенія о стипендіатахъ для приготовленія къ профессорскому званію.

Въ засѣданіи 24 сего марта ф-тетъ подвергалъ баллотированію г. Раву, при чемъ оказалось шаровъ: избирательныхъ 8 и не избирательныхъ 2.

Очемъ ф-тетъ имѣетъ честь представить Совѣту.

Опредѣлили: подвергнуть г. Раву въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта баллотированію, для продленія ему стипендіатскаго содержанія еще на полгода.

18. Слушали: представленіе медицинскаго ф-та отъ 21 апрѣля 1880 года зл № 127, слѣдующаго содержанія: „Медицинскій ф-тетъ въ засѣданіи 17 минувшаго марта по выслушаніи представленія г. профессора *Мерина* о томъ, что не имѣя въ настоящее время никого изъ окончившихъ курсъ для замѣны г. Зенкевича какъ опытнаго въ клипическомъ дѣлѣ врача, а также принимая во вниманіе и то обстоятельство, что г. Зенкевичъ занятъ въ настоящее время докторскою диссертациею, просить ф-тетъ объ оставленіи г. Зенкевича ординаторомъ терапевтической ф-ской клиники, по найму, срокомъ на годъ, къ какому времени послѣдуетъ выпускъ окончившихъ нынѣ курсъ студентовъ, изъ которыхъ профессоръ *Меригъ* намѣренъ избрать ординатора, опредѣлили: баллотировать г. Зенкевича въ слѣдующемъ засѣданіи ф-та, для избранія его ординаторомъ терапевтической ф-ской клиники, по найму, срокомъ до одного года, съ платой ему по 50 руб. въ мѣсяцъ.

Въ засѣданіи 24 сего марта ф-тетъ баллотировалъ г. Зенкевича для сказанной цѣли, причемъ оказалось шаровъ: избирательныхъ 9 и неизбирательный 1.

Очемъ ф-тетъ имѣетъ честь представить Совѣту.

Опредѣлили: объ изложенномъ просить г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа.

19. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та Св. Владиміра согласно удостоенію медицинскаго ф-та сего У-та въ 17 и 24-й день марта сего года: своекоштнаго студента—*Штарка* Эдуарда Адольфа—степени лекаря и аптекарскаго помощника *Букоемскаго* Нарциза-Збигнева степени провизора, опредѣлили: выдать дипломы гг. Штарку на степень лекаря и Букоемскому на степень провизора.

20. Слушали: представленіе медицинскаго ф-та отъ 2 апрѣля 1880 г. за № 129, объ исходатайствованіи вознагражденія доущен-

ному въ исполненію фельдшерской обязанности при терапевтической ф-ской клиникѣ сего У-та фельдшеру Алексѣю *Троценку* за исполненіе имъ сей обязанности съ 15 ноября 1879 года по 1 апрѣля 1880 г.

Опредѣлили: объ изложенномъ просить г. Попечителя Киевскаго Учебнаго Округа.

ЧАСТЬ II—НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ КЪ ПОЭТИКѢ АРИСТОТЕЛЯ.

Въ бытность за границей (1875—1877 гг.) намъ удалось сличить, кромѣ Альдова текста аристотелевой *Поэтики* (Ed. Princ. Venez. 1568), большинство хранящихся въ европейскихъ библіотекахъ рукописныхъ списковъ этого трактата, именно всѣ манускрипты библіотекъ: *національной парижской* (Parisienss. nn°: ¹) 1741=Bekk. A°. ²) 2040. ³) 2117. ⁴) 2038. ⁵) 2938), *флорентійской* (Laurentiani: ⁶) XXXI, 14. ⁷) LX, 14. ⁸) LX, 16. ⁹) LX, 21. ¹⁰ и ¹¹) Riccardiani 15. 16), *венеціанской* (¹² и ¹³ Marciani CCXV 20=Bekk. N°. CC.=Bekk. Q). Несличенными остались три римскихъ списка (Vaticani nn° 1400. 1388. Urbinas 47=Bekk. B°), Leidensis n° 34, Dresdensis граес. D 4 и Guelferbytanus. Послѣдній разъ нѣкоторые списки были сличены Валеномъ для втораго критическаго изданія его 1874 года: *Αριστοτέλους περὶ ποιητικῆς. Aristotelis de Arte Poetica liber. Iterum recensuit et annotatione critica auxit. Berolini.* Слѣдующее заявленіе Валена: „Nos igitur apparatu instructus verba poeticae ad codicis Parisini normam exegi ita ut ubi nihil adnotatum legatur credendum sit ejus scripturam in textu haberi“ (р. XII) нельзя понимать буквально, какъ мы уже имѣли случай показать прежде (Унив. Извѣст. 1878. Ноябрь), и какъ видно изъ нѣкоторыхъ другихъ примѣровъ: 1447 а 25 не обозначено чтеніе Α βιν; 1447 b 25 Α βιν; 1447b 28 αμα; 1448 а 16 διαφρᾶ; и мн. др. Далѣе, такъ какъ издатель не сличалъ вовсе Cod. Paris. 2117, о которомъ онъ даже не упоминаетъ въ перечнѣ извѣстныхъ ему списковъ, то ему осталась неизвѣстною и близость этого парижскаго списка къ Riccard. 16; разночтенія этого послѣдняго издатель тщательно отмѣчаетъ какъ принадлежащія единственно ему, хотя 1447 а 21 не

отмѣчено чтеніе Riccard. ххv. На самомъ дѣлѣ есть основаніе производить Riccard. 16 изъ Paris. 2117. Въ близкомъ родствѣ съ этими двумя состоитъ болѣе другихъ извѣстныхъ намъ Paris. 2038, на что также до сихъ поръ не обращено вниманіе издателями. Два послѣдующія изданія *Поэтики* Шмита и Христа, существенно отличающіяся одно отъ другаго и отъ изданія Валена, сдѣланы на основаніи прежде извѣстнаго рукописнаго матеріала.

Не входя теперь въ разборъ текста послѣднихъ изданій, въ томъ числѣ и валеновскаго, мы намѣрены предложить нѣкоторые поправки рукописныхъ чтеній. Замѣтимъ только, что выраженіе Валена, будто до него критики только *идали* объ общности происхожденія всѣхъ списковъ изъ Cod. Paris. 1741=A^c, также не можетъ быть принято буквально (omnes illos quidem sed diversis rivulis ex fonte Parisini qui unus vetus est codex manasse *hariolari* omnino proclive erat sed cum fide asseverare non potuit, nisi qui laboriosam operam cognoscendi omnes non detrectasset. Praef. X). Еще въ 1866 г. мюнхенскій профессоръ Д. Шценгель, которому принадлежитъ превосходное изданіе *Реторики* того же философа, достаточно обосновалъ эту мысль въ своихъ *Aristotelische Studien*. IV. Poetik. Ss. 7, 12f, такъ что извѣстный издатель *Политики* и *Поэтики* Суземиль еще до появленія въ свѣтъ втораго изданія Валена считалъ происхожденіе списковъ изъ Парижскаго доказаннымъ (Aristoteles' Werke. 4-er B. Ueber die Dichtkunst. 2-te Aufl. Leipz. 1874. Einl. X). Валень *ничего* не прибавляетъ къ доказательствамъ въ этомъ смыслѣ, и какъ намъ кажется на основаніи состава его критическаго аппарата, для самаго Валена не достаточно выяснено взаимное отношеніе между имѣющимися списками.

I. Aristot. Poet. c. 9. 1451b 33—1452a 11. Τῶν δὲ ἀπλῶν μῦθων καὶ πράξεων αἱ ἐπεισοδιώδεις εἰσὶν χεῖριται· λέγω δ' ἐπεισοδιώδη μῦθον ἐν ᾧ τὰ ἐπεισόδια μετ' ἀλλήλα οὐτ' εἰκὸς οὐτ' ἀνάγκη εἶναι· τοιαῦτα δὲ ποιοῦνται ὑπὸ μὲν τῶν φαύλων ποιητῶν δι' αὐτοὺς, ὑπὸ δὲ τῶν ἀγαθῶν διὰ τοὺς ὑποκριτάς· ἀγωνίσματα γὰρ ποιοῦντες καὶ παρὰ τὴν δύναμιν παρατείναντες μῦθον πολλὰκις διαστρέφειν ἀναγκάζονται τὸ ἐφεξῆς.

1452a ἐπεὶ δὲ οὐ μόνον τελείας ἐστὶ πράξεως ἡ μίμησις ἀλλὰ καὶ φοβερῶν καὶ ἐλσεινῶν, ταῦτα δὲ γίνεται καὶ μάλιστα ..... καὶ μᾶλλον ὅταν γένηται παρὰ τὴν δόξαν δι' ἀλλήλα· τὸ γὰρ θαυμαστὸν οὕτως ἔχει μᾶλλον ἢ εἰ ἀπὸ τοῦ αὐτομάτου καὶ τῆς τύχης, ἐπεὶ καὶ τῶν ἀπὸ τύχης ταῦτα θαυμασιώτατα δοκεῖ ὅσα ὥσπερ ἐπίτηδες φαίνεται γεγονέναι, ὅλον ὥς ὁ ἀνδρὶας ὁ τοῦ Μίτυος ἐν Ἀργεὶ ἀπέκτεινεν τὸν αἵτιον τοῦ θανάτου τῷ Μίτῃ, θεωροῦντα ἐμπεσῶν· ἔσκει γὰρ τὰ τοιαῦτα οὐκ εἰκὴ γενέσθαι· ὥστε ἀνάγκη τοὺς τοιοῦτους

ἐλατὸν καλλίους, т. е. „изъ простыхъ басенъ и дѣйствій наизряднѣе эпизодическія. Эпизодической бясней я называю такую, въ которой послѣдовательность эпизодовъ не имѣетъ за себя ни вѣроятности, ни необходимости. Плохіе поэты составляютъ подобныя произведенія по собственной неспособности, а хорошіе изъ вниманія къ актерамъ; ибо, сочиняя пьесы для состязаній и растягивая басню за предѣлы внутреннего содержанія ея, поэты бывають вынуждены нарушать послѣдовательность моментовъ дѣйствія. Однако такъ какъ предметомъ подражанія въ трагедіи служитъ дѣйствіе не только законченное, но также возбуждающее страхъ и состраданіе, а послѣднее наивѣрнѣе достигается .... и вѣрнѣе тогда, когда моменты дѣйствія обуславливають другъ друга неожиданно (при такомъ ходѣ дѣйствія удивленіе наше возбуждается сильнѣе, чѣмъ если моменты дѣйствія слѣдуютъ одинъ за другимъ сами собою или случайно; вѣдь даже изъ случайныхъ событій представляются наиболѣе удивительными тѣ, которыя свершились какъ бы по плану: такъ въ Аргѣ статуя Митія обрушилась на виновника смерти Митія и убила его какъ разъ въ то время, когда убійца смотрѣлъ на статую; подобныя событія кажутся не случайными),—отсюда необходимо слѣдуетъ, что, что такого рода басни лучше другихъ“.

Приведенный нами отрывокъ подобно нѣкоторымъ другимъ того же трактата укрѣпляетъ въ новомъ критикѣ убѣжденіе въ томъ, что *Поэтика* вышла изъ рукъ автора скорѣе въ видѣ эскиза, чѣмъ въполнѣ оконченнаго произведенія, а также и въ томъ, что единственный источникъ нашего текста Cod. Paris. n° 1741 содержитъ въ себѣ ошибки противъ оригинала не только въ словахъ, но и въ порядкѣ частей.

Предыдущая, IX глава трактуетъ о трагедіи, какъ поэтическомъ произведеніи, отличающемся отъ историческаго, причемъ главнымъ предметомъ вниманія поэта называется басня μῦθος, отвѣчающая дѣйствію, πράξις. Дѣйствіе должно быть не только законченнымъ, но совершаться въ силу вѣроятности или необходимости. Прямое продолженіе этой мысли слѣдуетъ съ 1452a ἐπεὶ δὲ κτλ.; слова же: „изъ простыхъ басенъ а пр. до моментовъ дѣйствія“ прерываютъ ходъ мыслей, не находясь въ прямой связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ. Рѣчь о простыхъ и сложныхъ басняхъ и дѣйствіяхъ начинается только съ X главы, въ конецъ которой мы и предлагаемъ перемѣстить замѣчаніе объ эпизодическихъ басняхъ изъ числа простыхъ послѣ словъ: ἀναίρεται γὰρ καὶ τὰ μῦθῳ καὶ τῇ πράξει. Миѣніе Вилена (Beiträge zu

Aristotel. Poetik, II. Wien. 1866. S. 62ff. Срвн. I, 1865. S. 30f.) ¹⁾, перемѣщающаго эти строки въ гл. XVIII, 1456a 25 послѣ словъ πολλὰ καὶ παρὰ τὸ εἶδος, имѣеть противъ себя дальность мѣста, а также отсутствіе въ занимающей насъ части гл. IX какихъ-либо намековъ на сопоставленіе трагедіи съ эпосомъ, чѣмъ занимается философъ въ гл. XVIII. Самое перемѣщеніе двухъ-трехъ строкъ очень легко могло быть сдѣлано писцомъ въ томъ видѣ, въ какомъ произошло оно по нашему мнѣнію. При нашей поправкѣ дѣлаются излишними конъектуры различныхъ издателей *Поэтики* (См. Susemihl, O. с. S. 110, Anm 8), не исключая и Шмита, который исправляетъ ἀπλὸν въ μετὰλιν и переноситъ эту часть гл. IX до конца въ гл. VII.

Что касается пробѣла между καὶ μέλιτος и καὶ μέλλον, воспоминаемаго Валеномъ (Beiträge, IV, 412. Изд. 2-ое etc. p. 127, 3), то по нашему мнѣнію затрудненіе разрѣшается удачнѣе поправкою Веттори, которую защищаютъ Тейхмюллеръ и Ибервегъ: καλλιῶτα, ὅταν γ. π. τ. δ., καὶ μέλλον, ὅταν δι' ἁλλήλα.

Θ. Μιττενκο.

---

¹⁾ Авторъ отказался отъ него во второмъ изданіи *Поэтики*. P. 125 seq.

О

ВОРОВСТВЪ-КРАЖЪ

ПО

РУССКОМУ ПРАВУ.

Историко-догматическое изслѣдованіе

Леонида Фьлогрицъ-Котляревскаго.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

○

411

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION

1891

—

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION

препровождать преступниковъ. Названный указъ, внявъ такимъ мотивамъ, велить, вмѣсто отсылки преступниковъ, обличившихся въ кражѢ ниже 20 руб., изъ уѣздныхъ городовъ въ губернскіе, гдѣ должны были быть заведены рабочіе дома,—отдавать такихъ преступниковъ на мѣстѣ въ своихъ уѣздахъ на общественныя или частныя работы, наблюдая, чтобы отданный въ сін послѣдній зарабатывалъ только количество, имъ покраденное, и 6% въ пользу рабочаго дома. Этотъ указъ цѣликомъ вошелъ въ содержаніе 713 ст. 15 т. Свода законовъ.

Указъ 1804 г., какъ видно изъ послѣдующей юридической жизни нашего отечества, далеко не игралъ роли общаго закона, всюду исполняемаго. Изъ указа 1812 г. мы видимъ, что преступниковъ, виновныхъ въ кражѢ какихъ нибудь 50, 30, 15 коп., продолжали по прежнему отсылать изъ уѣздныхъ городовъ въ губернскіе для отработыванія украденнаго. По крайней мѣрѣ, такъ дѣлалось въ Воронежской губ., въ которой виновныхъ въ маловажной кражѢ отсылали изъ уѣздныхъ городовъ въ губернскіе на работу не въ рабочихъ домахъ, а на фабрику. Воронежскій губернаторъ, указывая въ своемъ представленіи министру юстиціи на это обстоятельство, просилъ отмѣнить такой порядокъ вещей, приводя тѣ же мотивы его нецѣлесообразности, какіе указаны въ законѣ 1804 г. По представленію министра юстиціи императоръ Александръ повелѣлъ: виновныхъ въ кражѢ цѣною ниже 5 р. судить мірскими головами на мірской сходкѣ, гдѣ наказывать домашнимъ образомъ или мѣрами легкаго полицейскаго исправленія; виновныхъ же въ кражѢ выше 5 р. оставлять для отработанія цѣны украденнаго въ уѣздныхъ городахъ¹⁾.

Въ этомъ послѣднемъ указѣ, какъ мы видимъ, сдѣлано еще одно отступленіе отъ указа 1781 г. Это отступленіе, именно отмѣна работъ, какъ ординарнаго наказанія, за воровство-кражу до 5 руб. было подтверждено указомъ 1814 г., когда повелѣно было всѣхъ вообще лицъ, за исключеніемъ дворянъ, чиновниковъ и другихъ, кои по закону освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, за упомянутую кражу наказывать домашними или полицейскими взысканіями. Этотъ указъ былъ мотивированъ желаніемъ, во первыхъ, избавить простыхъ людей отъ долговременнаго сидѣнія въ тюрьмѣ, вызывавшагося сложными условіями

¹⁾ *ibid.*, 25, 142.

судебной процедуры, а во вторых—уменьшить количество малых дѣлъ, останавливавшихъ ходъ дѣлъ болѣе важныхъ ¹⁾. Этотъ указъ вмѣстѣ съ предшествующимъ вошелъ въ содержаніе 707 ст. 15 тома Свода законовъ.

§ 101. Въ указѣ 1781 г. срокъ работъ воровъ въ рабочихъ домахъ опредѣляется сообразно цѣнѣ украденнаго съ %. Этотъ срокъ былъ измѣненъ въ указѣ 1816 г., назначающемъ опредѣленные сроки работъ каждому изъ 5 разрядовъ воровства-кражи цѣною до 20 руб., за исключеніемъ, впрочемъ, перваго разряда кражи—до 5 р., виновные въ которой должны были наказываться согласно приведенному выше указу 1812 г. Преступники остальныхъ 4-хъ разрядовъ должны были пробывать на работѣ за кражу выше 5 и на 10 р. 90 дней съ заработкою не менѣе 13 р. 50 к.; за кражу выше 10 и на 15 р. 120 дней съ заработкою не менѣе 18 р.; за кражу выше 15 и ниже 20 р.—180 однихъ рабочихъ дней, не включая сюда дней, свободныхъ отъ работы, съ заработкою не менѣе 27 р. Указъ предоставляетъ родственникамъ или обществу заплатить присужденную съ виновнаго сумму; въ такомъ случаѣ сроки наказанія уменьшаются, но при всемъ томъ велѣно отдавать и такихъ виновныхъ въ работу съ слѣдующимъ расчетомъ дней: за кражу выше 5 и на 10 р.—15 дней, выше 10 и на 15 р.—20 дней; выше 15 и ниже 20 р.—30 рабочихъ дней.

Всѣ назначенія сроковъ работы приведеннаго указа сообразно разрядамъ кражи вошли безъ всякихъ измѣненій въ содержаніе 708 ст. 15 т. Свода законовъ.

Названный указъ согласно законамъ 1812 и 1814 г. велитъ виновныхъ въ кражѣ четырехъ высшихъ разрядовъ отдавать—совершившихъ кражу въ губернскомъ городѣ и его уѣздѣ—въ рабочіе дома, совершившихъ же ее въ прочихъ уѣздахъ и въ ихъ городахъ—на общественныя или частныя работы въ сихъ уѣздахъ съ такимъ расчетомъ, чтобы за каждый рабочий день зачитывалось виновному 25 коп., изъ коихъ 10 к. обращаются ему на пищу и содержаніе, а 15 к. на пополненіе зарабатываемой суммы. Въ 1829 г. ²⁾ было разъяснено, что въ случаѣ отсутствія рабочихъ домовъ въ губернскихъ городахъ виновныхъ въ кражѣ, совершенной въ этихъ городахъ и ихъ уѣздахъ,

¹⁾ ibid., 25,605. ²⁾ 2 П. С. З., № 2798.

слѣдуетъ также отдавать на общественныя и частныя работы въ сихъ мѣстахъ. Эти постановленія составили содержаніе 711 и 714 статей 15 т. Свода законовъ.

§ 102. Мы изложили систему наказаній воровства-кражи въ изслѣдуемый нами періодъ; но эта система не обнимала всѣхъ русскихъ гражданъ; она распространялась лишь на тѣ категоріи лицъ, которыя были не изъяты отъ тѣлеснаго наказанія. Другая категорія лицъ, изъятыхъ отъ послѣдняго, подлежала другимъ, несравненно болѣе строгимъ наказаніямъ. Такъ-какъ изъятіе нѣкоторыхъ категорій лицъ отъ тѣлеснаго наказанія началось не раньше „Грамоты на права и вольности руссійскаго дворянства,“ то слѣдовательно ко времени изданія этой грамоты надо относить и начало установленія различія въ наказуемости между изъятыми отъ тѣлеснаго наказанія и неизъятими. И дѣйствительно, названная грамота, объявивъ, что тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго ¹⁾, вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляетъ, что „преступленія, основанія дворянскаго достоинства разрушающія, суть: разбой, а также *воровство* всякаго рода,“ при чемъ все равно, самъ ли дворянинъ совершилъ преступленіе, или же „другихъ уговаривалъ, научалъ подобныя преступленія учинить“ ²⁾. Такимъ образомъ, со времени указанной грамоты дворяне за всякое воровство стали подлежать лишенію правъ своего дворянскаго достоинства. Мотивы такого закона заключались въ томъ, что законодатель въ разбой и въ воровствахъ всякаго рода, какъ онъ выражается, видѣлъ преступленія, столь позорныя, что не считалъ возможнымъ оставлять лицо, запятнанное ими, въ рядахъ дворянскаго сословія.

Съ правами дворянскаго достоинства по мысли законодателя неразрывно связана обязанность воздержанія отъ прикосновенія къ тѣмъ преступленіямъ, которыя, какъ воровство всякаго рода, считались тогда особенно пачкающими, марающими честь человека. Тотъ, кто запятналъ себя подобными позорными преступленіями, не можетъ по мысли законодателя пользоваться тѣми особенными правами на честь и уваженіе, которыя связаны съ именемъ дворянина. Поэтому онъ и долженъ быть подвергнутъ лишенію этихъ правъ, съ которымъ неразрывно связаны

¹⁾ П. С. З., № 16,187, ст. 15. ²⁾ *ibid.*, ст. 6—7.

„стыдъ и поношеніе.“ „Стыдъ и поношеніе, сказано въ манифестѣ дворянамъ, благороднымъ и честь любящимъ людямъ представляется نهایتчайшимъ наказаніемъ.“

Дворянская грамота, объявивъ такимъ образомъ, что совершеніе воровства и подстрекательство къ нему разрушаютъ личныя права привилегированнаго дворянскаго званія, оставила открытымъ вопросъ о томъ, какое же наказаніе, кромѣ моральнаго, долженъ претерпѣть дворянинъ за свое преступленіе? Послѣдующіе указы разрѣшили этотъ вопросъ въ слѣдующемъ смыслѣ. Сначала изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія отдавали въ рабочіе дома по силѣ указа 1781 г., за которыми слѣдовала высылка виновнаго, какъ „нетерпимаго въ обществѣ чловѣка“ изъ столицы и изъ всей губерніи, въ которой совершено преступленіе, подъ угрозой ссылки въ Сибирь на поселеніе въ случаѣ самовольнаго возврата въ эти мѣста¹⁾. Затѣмъ это запрещеніе жить въ извѣстныхъ мѣстахъ превратилось въ настоящую ссылку въ Сибирь на поселеніе для лицъ, которые оказывались негодными въ военную службу; годныхъ же въ службу отдавали въ солдаты²⁾. Послѣднее наказаніе перенесено безъ измѣненія и въ Сводъ законовъ (ст. 697).

Подобная же исторія повторилась и съ другими категоріями лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, а именно съ купцами двухъ первыхъ гильдій, а также съ священниками и діаконами. Купцы двухъ первыхъ гильдій, освобожденные „Грамотой на права и выгоды городовъ Россійской имперіи“ отъ тѣлеснаго наказанія³⁾, вмѣстѣ съ тѣмъ по силѣ той же грамоты должны были за разбой и воровство всякаго рода подвергаться *лишенію добраго имени*⁴⁾, что означало лишеніе личныхъ правъ, сопряженныхъ съ купеческимъ достоинствомъ⁵⁾. Затѣмъ дальнѣйшая исторія наказанія этихъ лицъ за воровство, кажется, была одинакова съ той же исторіей наказанія дворянъ. Съ освобожденіемъ въ 1801 г. отъ тѣлеснаго наказанія священнослужителей и діаконовъ, „дабы чрезъ то сохранить въ народѣ должное уваженіе къ священному сану и въ самыхъ духовныхъ укоренить чувство собственнаго къ

¹⁾ *ibid.*, № 16,234. ²⁾ 2 П. С. З., № 2420. ³⁾ П. С. З., № 16,188, ст. 107, 113. ⁴⁾ *ibid.*, ст. 86. ⁵⁾ 2 П. С. З., № 5284, § 16.

себѣ почтенія¹⁾, та же исторія наказаній за воровства съ нѣкоторымъ различіемъ должна была повториться и съ этимъ сословіемъ.

Въ совѣмъ иное положеніе, что касается наказуемости за кражу, исторія поставила мѣщанъ и купцовъ третьей гильдіи. Городовое положеніе 1785 г., освободивъ отъ тѣлеснаго наказанія купцовъ двухъ первыхъ гильдій, не распространило этой привилегіи на купцовъ третьей гильдіи и мѣщанъ, а между тѣмъ объявило, что „мѣщанинъ лишается добраго имени, буде учинить разбой и воровство всякаго рода“²⁾. Такимъ образомъ, по силѣ городского положенія мѣщане и купцы третьей гильдіи поставлены на одну доску съ купцами первыхъ двухъ гильдій, что касается лишенія добраго имени чрезъ наказаніе за воровство, но въ то же самое время не сравнены съ послѣдними, что касается свободы отъ тѣлеснаго наказанія. Это противорѣчіе перешло и въ Сводъ законовъ (ст. 699).

§ 103. Окинувъ общимъ взоромъ систему наказаній воровства-кражи, примѣнявшихся начиная съ царствованія Елисаветы до Свода законовъ, мы не можемъ не замѣтить, что въ этотъ періодъ русское общество сдѣлало гигантскій шагъ впередъ на пути постепеннаго развитія и усвоенія гуманнхъ качествъ человѣка, проявляющихся въ его отношеніяхъ къ падшему ближнему. Въ этотъ періодъ изъ списка наказаній, полагавшихся прежде за воровство-кражу, вычеркнута совершенно смертная казнь, а каторжныя работы и кнутъ оставлены лишь какъ наказаніе святотатства³⁾. Такимъ образомъ, три основныхъ столба, на которыхъ была построена старая система устрашенія, были рушены и человѣкъ второй половины 18 ст. отказался отъ тѣхъ жестокихъ средствъ, которыми онъ старался вдохнуть въ душу вора и постороннихъ лицъ страхъ и ужасъ наказанія. Знаменательныя слова Наказа 1762 года, гласящія, что по мѣрѣ того, какъ умы живущихъ въ обществѣ просвѣщаются, умножается и чувствительность каждаго отдѣльнаго гражданина, а когда въ гражданахъ возрастаетъ чувствительность, то надобно, чтобы строгость наказаній умялялась⁴⁾,—быть можетъ нашли въ данномъ случаѣ свое умѣстное, скромное примѣненіе. Точно также и другое изреченіе того же Наказа, въ которомъ его составительница

¹⁾ П. С. С., № 23,027. ²⁾ П. С. З., № 16,188, ст. 81. ³⁾ *ibid.*, 11,925, 27,261. ⁴⁾ Наказъ, ст. 208.

совѣтуетъ болѣе стараться, чтобы вселять узаконеніями добрыя нравы въ гражданахъ, нежели приводить духъ ихъ въ уныніе казнями¹⁾, — не лишено своей знаменательной силы по отношенію къ его вліянію на русскую жизнь, отказавшуюся отъ упомянутыхъ атрибутовъ системы устрашенія. Вообще, важный актъ пера Екатерины, передающій за-вѣтныя мысли и желанія геніальныхъ западноевропейскихъ умовъ — Монтескье и Беккари, не только не прошелъ безслѣдно въ русской юридической жизни, а напротивъ эта послѣдняя ему обязана многими памятными законодательными мѣрами, въ числѣ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ закону 1781 г. Въ этомъ послѣднемъ, какъ мы видѣли, мѣсто впута, а съ 1773 г. — плетей, полагавшихся за воровство-кражу цѣною ниже 20 р., совершенную въ первый разъ, заняли работы. Послѣднія представляются не болѣе, какъ реализаціей идей, высказанныхъ въ Наказѣ.

Задача наказанія по этому памятнику состоитъ не въ томъ, чтобы мучить тварь, чувствами одаренную, а въ томъ, чтобы воспренятствовать виновному, чтобы онъ впредь не могъ вредить обществу и чтобы отвратить гражданъ отъ содѣянія подобныхъ преступленій. Для этого нужно, говорить Наказъ, избирать такія наказанія, которыя были бы „возможно меньше люты надъ преступниковымъ тѣломъ,“ хотя бы и не были лишены живой впечатлительности, примѣрности, соразмѣренной съ величиной наказанія²⁾. Для впечатлительности, примѣрности послѣдняго вовсе не нужно, по духу Наказа, жестокихъ, однимъ ударомъ разящихъ воображеніе преступника и постороннихъ лицъ наказаній; для этого достаточно и того, когда зло наказанія будетъ превосходить добро, ожидаемое отъ преступленія, зло, вычисленное по такой выкладкѣ, чтобы въ нее была включена и несомнѣнная извѣстность, неизбежность наказанія и потеря выгодъ, приобретаемыхъ преступленіемъ³⁾. Такимъ образомъ „наказаніе должно возможно ближе отстоять отъ преступленія“⁴⁾; должно быть возможно умѣренно⁵⁾, чуждо напрасной мучительной боли тѣла, несоразмѣрной съ данною чувствительностью гражданъ⁶⁾ и при томъ такое, чтобы природа наказанія соотвѣтствовала природѣ преступленія⁷⁾. Разсматривая природу наказанія, Императрица находитъ, что эта послѣдняя есть „ничто

¹⁾ *ibid.*, ст. 83.   ²⁾ *ibid.*, 205.   ³⁾ *ibid.*, 207.   ⁴⁾ *ibid.*, 221.   ⁵⁾ *ibid.*, 88, 83, 66 et cetera.   ⁶⁾ *ibid.*, 208.   ⁷⁾ *ibid.*, 67.

иное, какъ трудъ или болѣзнь“¹⁾. Тѣ преступленія, которыя представляютъ посягательство на жизнь, безопасность тѣла, здоровье гражданина, должны облагаться *казнями*, которыя ничто иное есть, какъ нѣкоторый родъ обратнаго воздаянія, посредствомъ коего общество лишаетъ безопасности того гражданина, который ее отнялъ или хочетъ отнять у другаго²⁾. Преступленія же, посягающія на безопасность имущества, должны бы также наказываться сообразно своей природѣ, т. е. потерей имущества, и такъ было-бы, если-бы имущество было общее или у всѣхъ равное. Но какъ чаще всего бываетъ, что ничего неимущіе посягаютъ на собственность имущихъ, то и необходимо прибѣгать къ замѣнѣ—къ пополненію денежнаго взысканія тѣлесными наказаніями³⁾.

Здѣсь императрица рекомендуетъ тѣлесное наказаніе, какъ суррогъ, какъ-бы наиболѣе подходящій, денежнаго имущественнаго взысканія. Однако дальше въ статьѣ о тайномъ провозѣ товаровъ, именуемомъ авторомъ Наказа „сущимъ воровствомъ у государства,“ высказывается взглядъ совсѣмъ иной, болѣе соотвѣтствующій гуманному духу памятника. Императрица за такое воровство рекомендуетъ назначать „утрату запрещенныхъ товаровъ и тѣхъ, которыхъ съ послѣдними везутъ,“ т. е. имущественное взысканіе, но не одно, а сопровождаемое тюремой, при чемъ высказывается мысль, что „самымъ приличнымъ наказаніемъ была бы *работа* виновнаго, выложенная и поставленная въ ту цѣну, которою онъ таможеню обмануть хотѣлъ“⁴⁾.

Вотъ эта-то послѣдняя мысль и есть тотъ перлъ драгоцѣнный, который блеснулъ въ законѣ 1781 г. въ видѣ жизненнаго, воплотившагося въ дѣйствительность, словомъ, практическаго начала. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ отдача вора въ рабочій домъ съ тѣмъ, чтобы онъ тамъ работалъ до тѣхъ поръ, пока не уплатитъ украденнаго имъ, предписываемая названнымъ закономъ за воровство-кражу, совершенную въ первый разъ,—не есть жизненное выраженіе указанной мысли Наказа? Но эта идея была дитятей гуманныхъ воззрѣній 18 вѣка, дитятей, которое только пачинало расти среди грубой дѣйствительности виѣшняго общественнаго міра. Нужна была продолжительная работа общества пады своимъ нравственнымъ перевоспитаніемъ, чтобы подняться до вы-

1) *ibid.*, 84. 2) *ibid.*, 79. 3) *ibid.*, 79. 4) *ibid.*, 235.

соты этой идеи. Вотъ почему, какъ въ Наказѣ, такъ и въ жизни тѣлесное наказаніе за кражу фигурировало рядомъ съ рабочимъ домомъ. Императрица, не смотря на всю гуманность идей, воспринятыхъ ею у великихъ мыслителей запада—Беккаріи и Монтескье, не въ силахъ была отрѣшиться отъ жизни своего отечества и, подстрекаемая тѣмъ, что представляла ей суровая дѣйствительность русскаго общества 18 ст., она въ томъ же самомъ Наказѣ, гдѣ приняты и высказаны, какъ истины, высоко-гуманныя идеи названныхъ мыслителей,—въ томъ самомъ Наказѣ, говоримъ мы, рекомендуетъ тѣлесное наказаніе, какъ суррогатъ денежныхъ взысканій за преступленія противъ имущества. Отсюда берутъ свое теоретическое оправданіе плети, батоги, розги, расточаемые, какъ ординарныя наказанія за воровство-кражу, во второй половинѣ 18 и въ первой 19 вѣка. Такое оправданіе было на руку русской жизни, воспитанной на практическихъ началахъ системы устрашенія; оно поддерживало и питало тѣ силы, которыя продолжали еще упорно стоять за эту систему, и нуженъ былъ продолжительный ростъ общества, пока эти силы не ослабѣли и не уступили господство другимъ силамъ, имъ противоположнымъ. Но воздадите каждому по заслугамъ его—говоритъ великое изреченіе Христа. Мы бы забыли это изреченіе, если бы не указали на ту новую идею, которая во второй половинѣ 19 в. начала пробиваться въ русской юридической жизни, благодаря тѣмъ важнымъ законамъ, о которыхъ мы говорили выше. Эта новая идея—есть идея исправленія преступника; она сказывается, какъ въ Наказѣ, такъ и въ отдѣльныхъ указахъ; ее не только проводятъ, сами того не замѣчая, подчиняясь гуманнымъ идеямъ, навѣянными изънѣ, съ запада; ее начинаютъ *сознавать*, называютъ ее соотвѣтствующимъ ей именемъ. Идея исправленія была болѣе или менѣе ясно формулирована въ Наказѣ, гдѣ говорится „объ исправленіяхъ и другихъ наказаніяхъ, которыя безпокойныхъ людей возвращаютъ на путь правый и приводятъ паки въ порядокъ установленный“¹⁾. Соотвѣтствующее названіе идеи, о которой ведемъ рѣчь, мы встрѣчаемъ и въ указахъ; но каково было понятіе о формахъ проявленія ея въ жизни, можно судить изъ того, что наказаніе плетью въ селеніяхъ съ возвращеніемъ въ послѣднія, полагавшееся по указу 1802 г. за воровство-кражу цѣ-

¹⁾ *ibid.*, 78, см. также ст. 77.

ною отъ 20 р. до 100, совершенную въ первый разъ, Сенатъ и Комиссія Составленія Законовъ еще въ 1823 г. называли исправительнымъ ¹⁾).

Проблескъ идеи исправленія, пробивавшейся не какъ ясно формулированное начало, а какъ требованіе духа времени, неожиданнаго такой формулировки, а самобытно нарождающаго зародыши идеи въ частныхъ проявленіяхъ жизни,—можно видѣть въ двухъ наказаніяхъ, практиковавшихся раньше либеральныхъ указовъ Екатерины, а именно въ отдачѣ въ военную службу и въ монастырь. Были ли эти наказанія дѣйствительно исправительными или нѣтъ—этого мы не знаемъ; но для насъ важно то, что правительство, по крайней мѣрѣ, такъ смотрѣло на эти наказанія. Этотъ взглядъ сказанъ въ указѣ 1778 г. Дворянинъ Ушаковъ обвинялся въ кражѣ 57 руб. церковныхъ денегъ; на допросѣ онъ не повинился, „тѣмъ не менѣе изобличенъ многими подозрѣніями, а потому, чтобы онъ, живя въ праздности, не могъ *больше обращаться въ преступленія*“ ²⁾, его велѣно отдать въ солдаты. Здѣсь ясно высказывается взглядъ на отдачу въ военную службу, какъ на мѣру, способную парализовать предполагаемую въ обвиняемомъ склонность къ преступленію, или, что то же, высказывается взглядъ на эту мѣру, какъ на мѣру исправительную.

Что же касается отдачи въ монастырь, то она, мы должны оговориться, практиковалась лишь въ отношеніи малолѣтнихъ, а именно, по закону 1741 г. велѣно малолѣтнихъ за сятотатство, когда они явятся въ послѣднемъ, наказывать плетью и ссылкой въ монастырь.

Вопросъ, впрочемъ, не въ томъ, примѣнялась ли ссылка въ монастырь къ однимъ несовершеннолѣтнимъ, а въ томъ, что правительство, точно такъ-же, какъ и общество, смотрѣло на монастырь, какъ на мѣсто покаянія или, что то же, нравственнаго исправленія согрѣшившаго преступленіемъ субъекта.

Этимъ мы закончиваемъ вопросъ о характерѣ наказанія воровства-кражи въ пройденный періодъ.

¹⁾ П. С. З., № 29369. ²⁾ П. С. З., № 14698.

ГЛАВА VII-я.

I. Квалифицированные виды кражи.

§ 104. Къ квалифицированнымъ видамъ кражи въ періодъ отъ Воинскихъ артикуловъ до изданія Свода законовъ причислялись почти всѣ тѣ же, о которыхъ было сказано выше. Иные изъ нихъ получили дальнѣйшее развитіе и разъясненіе своихъ частей. Къ такимъ видамъ кражи принадлежать:

I. *Святотатство*. Предметъ святотатства въ данный періодъ опредѣлился довольно точно и подробно. Поводомъ къ этому послужилъ запросъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ о томъ, какія вещи признавать освященными, за кражи коихъ преступники должны получать наказаніе, для церковныхъ татей установленное. Вслѣдствіе предложенія министра юстиціи Лопухина Синодъ въ 1808 г. положилъ: всѣ вообще вещи, находящіяся въ церкви и ей принадлежащія, на основаніи церковныхъ правилъ, считать освященными, а потому и кражу ихъ признавать святотатствомъ. Но отсюда должны быть исключены тѣ вещи, которыя, хотя и находятся въ церкви, но принадлежать не ей, а частнымъ лицамъ, кои полагаютъ ихъ для сохраненія въ церковь. Кража сихъ послѣднихъ вещей не должна считаться святотатствомъ. Синодъ, отвѣчая такимъ образомъ на поставленный ему вопросъ, привелъ мѣста изъ церковныхъ книгъ, гдѣ указаны нѣкоторыя церковныя вещи, т. е. собственно церкви принадлежащія и долженствующія считаться объектами святотатства. Сенатъ повелѣлъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ руководствоваться приведеннымъ мнѣніемъ Синода ¹⁾. Послѣднее въ 1810

---

¹⁾ *ibid.*, 22802.

году было дополнено повелѣніемъ признавать святотатствомъ похищеніе всякаго рода вещей, церкви принадлежащихъ, хотя бы онѣ и внѣ ея хранились ¹⁾. Этотъ указъ былъ опубликованъ Синодомъ въ 1811 году и какъ относящійся къ духовенству ²⁾.

Такимъ образомъ, указами 1808 и 1810 г. было признано, что святотатство есть похищеніе всякаго рода вещей, церкви принадлежащихъ, слѣдовательно, и денегъ, хотя бы онѣ и *вне церкви находились*. Повидимому, подчеркнутое выраженіе слѣдовало распространять и на кражу церковныхъ вещей изъ частныхъ домовъ, гдѣ онѣ могутъ случайно находиться. Однако, въ 1827 г. Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ—считать святотатствомъ похищеніе церковныхъ вещей изъ самыхъ церквей, изъ часовень, ризницъ, временныхъ или постоянныхъ хранилищъ, хотя бы онѣ и внѣ церкви находились, но не изъ частныхъ домовъ, гдѣ какая либо церковная вещь можетъ случайно находиться. Государственный Совѣтъ мотивировалъ свое мнѣніе тѣмъ соображеніемъ, что въ указѣ 1808 г. свойство преступленія (святотатства) опредѣляется мѣстомъ его совершенія ³⁾. Три названныхъ нами указа составили содержаніе 210 ст. и 2 пунктовъ 211 ст. Свода законовъ.

Мы должны замѣтить, что въ 18 вѣкѣ Воинскими артикулами, а также приведенными указами уничтожено то уступеніе наказуемости церковной кражи по различію объектовъ похищенія, принадлежащихъ церкви, а также по различію мѣста совершенія преступленія, какое было небезызвѣстно 17 столѣтію. Тогда различалось похищеніе вещей освященныхъ и неосвященныхъ, а также кража въ алтарѣ и въ остальномъ помѣщеніи церкви. Законы 18 вѣка изгнали это различіе и это изгнаніе было санкціонировано Сводомъ законовъ 1832 г.; но, какъ увидимъ ниже, оно снова частью проявилось въ уложеніи 1845 года.

За святотатство указы 18 столѣтія, какъ было упомянуто, назначаютъ ссылку въ каторжную работу, при чемъ такая ссылка иногда постигаетъ и лицъ въ возрастѣ 18 и 16 лѣтъ ⁴⁾.

Это наказаніе принято и Сводомъ законовъ ⁵⁾.

¹⁾ *ibid.*, 24466. ²⁾ *ibid.*, 24,576, (см. общее прилож. къ т. XL). ³⁾ 2 П. С. З., № 1160. ⁴⁾ *ibid.*, 11,925, 27,261. ⁵⁾ т. 15, ст. 212.

II. *Кража во время пожара.* По Воинскимъ артикуламъ, какъ было сказано выше, кража во время пожара рассматривается, какъ особенно опасная, а потому и угрожается смертною казнью повѣщеніемъ. Такой же взглядъ на данную кражу замѣчается и въ послѣдующій за Воинскими артикулами періодъ. По указамъ 1737 и 1740 г. повелѣно пойманнымъ во время пожара съ украденными вещами чинить смертную казнь, дабы сказанные воры не дерзали, какъ говорятъ указы, терпящихъ отъ пожара жителей „въ конечное разореніе приводить.“ Такимъ образомъ, названные указы видятъ въ воровствѣ во время пожара преступленіе особенно опасное на томъ основаніи, что оно обнаруживаетъ въ виновномъ особенно злое настроеніе воли, не только не останавливающейся предъ несчастіемъ ближняго, но напротивъ готовой усугубить это несчастіе. Желая предупредить такую „дерзость“ со стороны виновныхъ, законодатель и грозить имъ высшимъ человѣческимъ наказаніемъ—смертною казнью, а чтобы они знали о грозящемъ имъ наказаніи, велитъ публиковать названные указы въ церквахъ, а солдатамъ при командахъ ¹⁾. Судебная практика въ лицѣ Сената, кажется, находила, что смертная казнь за данную кражу—наказаніе все таки непомерно жестокое, а потому обращала строгое вниманіе на цѣль похищенія и, если не замѣчала, чтобы эта цѣль была несомнѣнно такова, какова обыкновенно присуща вору, то замѣняла смертную казнь меньшимъ наказаніемъ ²⁾. Кража во время пожара, какъ болѣе опасный, а потому тяжелѣ наказуемый видъ воровства, не нашла себѣ мѣста въ Сводѣ законовъ; за то ей отведено таковое мѣсто въ уложеніи о наказаніяхъ (1845 г., ст. 2148).

III. *Кража казеннаго имущества.* Кража казеннаго имущества, какъ квалифицированный видъ воровства, выступаетъ, какъ мы выше видѣли, въ первый разъ въ Воинскихъ артикулахъ. Если вѣрить сенатскому указу 1828 г. ³⁾, такое значеніе названный видъ кражи сохранялъ въ теченіи изучаемаго періода до изданія указа 1781 г. По прежнимъ законамъ, говоритъ указъ 1828 года, всѣ почти важныя похищенія, въ томъ числѣ и кража казеннаго имущества, подвергались смертной казни, впослѣдствіи же въ силу замѣны смертной казни каторжными работами сіи послѣднія стали примѣняться и къ кражѣ казеннаго

¹⁾ *ibid.*, № 8184. ²⁾ *ibid.*, № 9707. ³⁾ 2 П. С. З., № 2420.

имущества; но съ 1781 г., когда похищеніе казеннаго имущества въ Уставѣ о соли рѣшительно названо воровствомъ и такимъ образомъ уравнено съ „простымъ воровствомъ,“ оно должно подвергаться и равному наказанію съ нимъ, т. е. должно караться по указу 1781 г. о разныхъ видахъ воровства. Сенатъ видѣлъ полное основаніе не включать кражу казеннаго имущества въ разрядъ тяжкихъ видовъ воровства, обложенныхъ каторжными работами, въ томъ, что по указу 1781 года послѣднія назначаются лишь за грабежъ, а не за кражу въ собственномъ смыслѣ, при чемъ названный указъ не устанавливаетъ различія между болѣе и менѣе тяжкими видами послѣдней. Приведенный указъ Сената вошелъ въ содержаніе 293 ст. 15 т. Свода законовъ.

II. Привилегированные виды кражи.

§ 105. I. *Кража, совершенная по легкомыслію или по причинѣ крайней бѣдности.* Мы выше видѣли, что Воинскіе артикулы относятся снисходительно къ кражѣ, совершенной въ состояніи крайней необходимости, вызванномъ голодомъ. Въ изучаемомъ періодѣ встрѣчаемъ состоявшійся по частному случаю указъ, въ которомъ такое же значеніе дается кражѣ, совершенной *по крайней бѣдности* и легкомыслію. Указъ состоялся по слѣдующему случаю. Служилый казакъ Войска Донскаго Нехаевъ былъ присужденъ Войсковою Канцеляріей за кражу 14 коп. изъ церкви къ наказанію кнутомъ, сопровождающимся вырѣзаніемъ ноздрей и ссылкой въ каторжную работу. Прокуроръ Войсковой Канцеляріи вошелъ съ представленіемъ въ министерство юстиціи о смягченіи наказанія Нехаеву на томъ основаніи, что онъ, во первыхъ, кромѣ пьянства, ничего дурнаго за собою не имѣетъ; во вторыхъ, какъ видно изъ допроса Нехаева, онъ взялъ деньги *по крайней бѣдности* для уплаты долга кузнецу, при чемъ онъ *не считалъ такового поступка кражей*, а еще менѣе святотатствомъ, не зная, сколь тяжелое наказаніе положено за это преступленіе, ибо ему никогда не были читаны Воинскіе артикулы. Комитетъ Министровъ по представленію министра юстиціи опредѣлилъ: замѣнить назначенное наказаніе долговременнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, а потомъ освободить виновнаго. Это мнѣніе было Высочайше утверждено. Изъ приведеннаго указа видно, что основаніемъ къ смягченію наказанія подсудимаго послужили, главнымъ образомъ, соображенія о совершеніи преступленія въ бѣдности,

а также соображенія о совершеніи преступленія по легкомыслію, такъ-какъ виновный не считалъ своего поступка кражей, а еще менѣе святотатствомъ, и не зналъ надлежащимъ образомъ, какимъ послѣдствіямъ онъ могъ подвергнуться за свое дѣяніе.

Приведенныя основанія смягченія наказанія за данную кражу получили въ Сводѣ законовъ значеніе особенныхъ условій къ смягченію наказаній по отношенію ко всѣмъ вообще преступленіямъ. (Изд. 1842 года, т. XV, ст. 141, п. 1 и 2).

II. *Воровство лѣса* въ изучаемый нами періодъ не отождествляется подобно тому, какъ это мы видѣли въ уложеніи 1649 г., съ кражей въ собственномъ смыслѣ; этотъ видъ воровства не именуется терминомъ „кража“; ему усвоивается названіе — „лѣсная порубка.“ Законодатель по прежнему подчиняется юридическимъ воззрѣніямъ народа, отказываясь согласно съ послѣдними клеймить „лѣсныя порубки“ позорнымъ именемъ „воровства или кражи.“ Но замѣчая аналогію въ способѣ дѣяній лѣснаго вора и всякаго другаго, законодатель все болѣе и болѣе склоняется къ мысли о равной наказуемости лѣсныхъ порубокъ съ воровствомъ-кражей въ тѣхъ случаяхъ, когда многократность совершенія лѣсной кражи изобличаетъ въ виновномъ субъекта, упорно готоваго продолжать свой проступокъ, а потому и незаслуживающаго особаго снисхожденія, подсказываемаго народными воззрѣніями. Вотъ почему, вѣроятно, законодатель и велитъ отсылать виновныхъ въ третьей и четвертой порубкѣ къ суду для наказанія по правиламъ, постановленнымъ для воровства кражи ¹⁾, съ нѣкоторыми облегченіями, установленными, что касается третьей порубки. На одну доску съ многократнымъ совершеніемъ лѣсныхъ порубокъ законодатель ставитъ порубки, учиненныя на сумму свыше 20 руб. Совершившій порубку на такую сумму подлежалъ наказаніямъ, опредѣленнымъ за воровство-кражу ²⁾. Въ этомъ случаѣ законодатель, вѣроятно, руководился тѣмъ соображеніемъ, что похищеніе лѣса на сумму свыше 20 руб. заставляеть предполагать, что виновный захватываетъ лѣсной матеріалъ свыше настоятельныхъ его потребностей, чѣмъ, съ одной стороны, обнаруживаетъ особенно преступную волю, а съ другой, наноситъ чувствительный ущербъ народному лѣсному хозяйству.

¹⁾ II. С. З., № 19,085, 26,244 и 2 II. С. З., № 3853. ²⁾ *ibid.*

Уравнивая (почти) наказуемость многократныхъ лѣсныхъ порубокъ, а также порубки, превышающія стоимостью матеріала 20 руб., съ наказуемостью воровства-кражи вообще (въ первый разъ совершенной), законодатель за первую и вторую лѣсную порубку угрожаетъ, подобно уложенію 1649 г., денежными взысканіями. Онъ велитъ за первую порубку взыскивать штрафъ вдвое противъ цѣнности срубленнаго лѣса, а за вторую вчетверо ¹⁾. Такимъ образомъ, вліяніе юридическихъ народныхъ воззрѣній въ данномъ случаѣ сказалось, во первыхъ, въ томъ, что воровство лѣса не заклемено именемъ воровства-кражи, а во вторыхъ, въ томъ, что за него положены болѣе снисходительныя наказанія сравнительно съ кражей вообще. Это вліяніе сохранилось въ Сводѣ законовъ (т. XV, изд. 1832 г., ст. 581, 585), а также въ уставѣ о наказаніяхъ (ст. 155).

---

¹⁾ *ibid.*

ГЛАВА VIII-я.

I. Воровство по „Проекту Уголовнаго Уложенія Россійской Имперіи“ 1813 года.

§ 106. Проектъ 1813 г. представляется весьма важнымъ памятникомъ; на немъ отразилась западно-европейская наука, внесшая начало обобщеній, принципиальное начало въ законодательные кодексы. Въ проектъ 1813 г. мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе цѣльную систему, построенную на опредѣленныхъ теоретическихъ началахъ, встрѣчаемъ часть общую, представляющую нормировку преступленія, какъ родового понятія, и часть особенную излагающую отдѣльные виды преступленій. Первая часть является построеніемъ по преимуществу отвлеченнымъ, продуктомъ западно-европейской науки и западно-европейскаго законодательства ¹⁾, хотя нельзя не замѣтить, что и въ этой части составители проекта не могли оторваться отъ историческаго прошлаго Россіи, главнымъ образомъ, въ главѣ о наказаніяхъ. Въ этой послѣдней не забыта система наказаній, практиковавшаяся въ Россіи въ періодъ составленія проекта. Вторая часть проекта также представляетъ собою смѣсь положеній историческаго прошлаго Россіи съ началами, подсказанными извнѣ—съ запада. Правда, прошлая юридическая жизнь Россіи часто не проанализирована составителями проекта достаточно; почему они и впадаютъ въ грубыя погрѣшности противъ историческаго начала ²⁾. Тѣмъ не менѣе нельзя не отдать дань должному, нельзя не сказать, что проектъ 1813 г. представляетъ изъ себя работу цѣнную, какъ попытка построить кодексъ такъ, чтобы въ немъ результаты, добытые

---

¹⁾ Фойницкій, Мошенничество, стр. 63. ²⁾ См. § 523.

историческою жизнью народа шли рука-объ-руку и освѣщались наукой, стремящейся къ обобщеніямъ и къ принципиальнымъ построеніямъ.

Проектъ Уголовнаго уложенія 1813 г. раздѣляетъ всѣ вообще преступленія на три категоріи: 1) государственныя, 2) общественныя и 3) частныя. Государственными преступленіями проектъ называетъ такія, которыми нарушаются права верховной власти, а также права и сновойствіе государства; общественными—такія, которыми нарушается спокойствіе и безопасность какой либо области, округа, или селенія, или сословія; наконецъ подъ частными преступленіями проектъ разумѣетъ такія, которыя посягаютъ на права или безопасность одного или нѣсколькихъ лицъ. Воровство или кража въ разсматриваемомъ памятникѣ отнесено къ послѣдней категоріи. Что же разумѣетъ названный памятникъ подъ воровствомъ или кражей? Воровствомъ или кражей почитается, говоримъ словами проекта—похищеніе чужой вещи безъ согласія того, кому она принадлежитъ или у кого находится въ сбереженіи. Согласно принятому плану скажемъ, прежде анализа состава преступленія, о терминологіи проекта. Обыкновенные термины, фигурирующие въ проектѣ, какъ названія занимающаго насъ преступленія,—суть: „воровство“ или „кража“¹⁾; но эти термины тамъ имѣютъ весьма широкое значеніе; они захватываютъ разные самостоятельные виды преступленій, какъ-то: утайку, мошенничество²⁾, растрату³⁾ и даже грабежъ⁴⁾. Всѣ эти преступленія въ проектѣ никогда разсматриваются, какъ виды воровства, и составители памятника, говоря о нихъ въ отдѣльных главахъ и §§, или объявляютъ, что они вѣщаются въ кражу⁵⁾, или просто называютъ ихъ „воровствомъ“⁶⁾. Въ этомъ расширеніи понятія воровства или кражи и на другія преступленія противъ имущества сказывается въ проектѣ, сколько невыдержка понятій, столько же и вліяніе историческаго начала, относившаго, какъ выше было сказано, многіе самостоятельные виды преступленій противъ имущества къ воровству или къ кражѣ. Этому историческому вліянію подпало въ проектѣ и понятіе грабежа, который тамъ разсматривается, какъ воровство съ насиліемъ⁷⁾. Ближайшимъ прецедентомъ такихъ вѣсѣрній могъ послужить знакомый намъ указъ 1781 г., гдѣ, какъ мы видѣли,

¹⁾ Проектъ, § 523. ²⁾ § 558. ³⁾ Ibid., §§ 541 и 512. ⁴⁾ § 521.

⁵⁾ §§ 524, 558. ⁶⁾ § 541. ⁷⁾ § 521.

грабежъ является видовымъ понятіемъ воровства. Проектъ 1813 года хотя и не разлагаетъ родового термина воровства на три видовыхъ: воровство-кража, воровство-мошенничество и воровство-грабежъ, тѣмъ не менѣе широкимъ значеніемъ понятія воровства или кражи какъ-бы поддерживаетъ старый порядокъ вещей.

Составъ преступленія воровства или кражи въ проектѣ 1813 г. представляется въ существенно измѣненномъ, сравнительно съ составомъ прежняго времени, видѣ. Признакъ *тайнаго* похищенія въ проектѣ выброшенъ; воровство-кража обнимаетъ похищеніе чужой *демокимою* собственности ¹⁾—вещей или денегъ—безъ согласія того, кому эта собственность принадлежитъ или у кого находится въ сбереженіи, при чемъ безразлично, совершается ли похищеніе тайно или явно, лишь бы въ дѣло не были пущены тѣ способы дѣйствія, которые знаменуютъ понятіе разбоя. Такъ-какъ по проекту воровство можетъ быть насильственнымъ и понятіе грабежа входитъ въ понятіе кражи съ насиліемъ, то рождается вопросъ, какія же черты отличаютъ тамъ воровство съ насиліемъ или, что то же, грабежъ отъ разбоя? Отвѣчая на поставленный вопросъ, мы должны сказать, что имъ затронутъ слабый пунктъ составителей памятника; послѣдніе не проводятъ между понятіями разбоя и воровства съ насиліемъ такихъ линій, которыя бы болѣе или менѣе ясно отдѣляли одно преступленіе отъ другого. Составители проекта усматривали разницу между двумя преступленіями въ способѣ дѣйствія; но когда они подошли къ этому вопросу, то не могли сказать ничего болѣе, кромѣ того, что разбой есть нападеніе для похищенія чужаго имущества, которое должно быть произведено открытою силою и съ явной опасностью для лица ²⁾. Сопоставимъ съ приведеннымъ опредѣленіемъ разбоя понятіе проекта о грабежѣ: „Грабежъ есть, когда кто на улицахъ, въ городахъ и селеніяхъ и при случайныхъ встрѣчахъ на дорогахъ отнимаетъ у другаго находящіяся при немъ вещи, хотя бы съ тѣмъ не сопряжены были вышеупомянутыя (т. е. явная опасность для лица при открытой силѣ—что-ли?) опасныя обстоятельства. Читатель видитъ, что изъ сопоставленія данныхъ опредѣленій раз-

---

¹⁾ Понятіе кражи ограничивается въ проектѣ предѣлами сферы имущественной; похищеніе людей рассматривается, какъ преступленіе противъ свободы (§§ 220—208). ²⁾ § 513.

боя и грабежа трудно вывести болѣе или менѣе ясное представленіе о томъ, что же такое разбой или грабежъ? Эта трудность возрастаетъ еще болѣе, когда читаешь, что „грабежъ судится и наказывается, какъ *воровство съ насиліемъ*“¹⁾, что воровство наказывается „по важности при немъ употребляемаго *насилія* или другихъ оное сопровождающихъ обстоятельствъ“²⁾, что то же злосчастное воровство можетъ быть „учи-нено съ насиліемъ, скопомъ и съ оружіемъ явнымъ или скрытымъ, хотя бы одинъ только изъ воровъ *употребилъ оное или угрожалъ имъ*“³⁾. Наконецъ послѣ всѣхъ этихъ текстовъ, изъ которыхъ можно бы заклю-чить, что редакторы проекта подъ насиліемъ при воровствѣ понимаютъ насиліе противъ лица,—вася окончательно спутываетъ § 528, гласящій, что насиліемъ при воровствѣ почитается, 1) когда кто въ дома или другія строенія, въ дворы, сады или нныя огражденные мѣста входитъ или пробирается чрезъ стѣны, крыши и другіе затворы или чрезъ под-рытіе земли и 2) когда кто входитъ въ оныя, употребляя ключи, крючки и другія для отпиранія замковъ и задвижекъ приготовленныя орудія и тому подобныя средства. Въ этомъ хаосѣ понятій можно, однако, под-мѣтить, что редакторы проекта 1813 г. въ грабежѣ или въ кражѣ съ насиліемъ обращали главное вниманіе на моментъ, если такъ можно выразиться, имущественный, т. е. видѣли въ грабежѣ или, что то же, въ воровствѣ съ насиліемъ преимущественно преступленіе противъ имущества.

Преступная воля вора не подвергнута редакторами проекта бо-лѣе или менѣе точному опредѣленію; для воровства-кражи требуется лишь похищеніе, т. е. изытіе вещи изъ чужаго храненія безъ согла-сія собственника или сберегателя вещи; похищаетъ ли воръ вещь для себя съ корыстною цѣлью или для другаго безъ такой цѣли—это обстоя-тельство не принимается во вниманіе творцами проекта. Но изъ того, что цѣнность вещи въ проектѣ играетъ весьма важную роль въ дѣлѣ наказуемости кражи—можно заключить, что корыстный моментъ похи-щенія игралъ въ глазахъ творцовъ памятника одну изъ самыхъ вид-ныхъ ролей.

§ 107. *Осуществленіе воли въ дѣйстви.* Разные моменты осу-ществленія воли вора въ проектѣ 1813 г. не отличены рѣзко и отчет-

1) § 521. 2) § 525. 3) § 527.

лишь по степени наказуемости. Правда, моментъ совершенія отдѣленъ отъ другихъ дальнѣйшихъ моментовъ — приготовленія и покушенія; онъ облагается полнымъ наказаніемъ, положеннымъ по закону. За то два послѣднихъ момента не отдѣлены рельефными чертами; приготовленіе и покушеніе, прерванное по волѣ преступника, сливаются въ проектъ, облагаясь, однакожъ, наказаніемъ нисшей степени, чѣмъ наказаніе за совершеніе кражи ¹⁾. Нѣсколько иная роль въ проектъ покушенія, прерванного по обстоятельствамъ, чуждымъ волѣ преступника, — оно подлѣжитъ болѣе строгой отвѣтственности сравнительно съ двумя названными выше моментами осуществленія воли ²⁾. Нужно, однако, замѣтить, что въ проектъ равличаются лишь два момента осуществленія воли, преступника — покушеніе и совершеніе; совершеніе обнимаетъ ту дѣятельность субъекта, когда „противозаконное дѣяніе самымъ дѣломъ исполнено и довершено“ ³⁾. Вся предшествующая дѣятельность субъекта входитъ въ понятіе покушенія ⁴⁾. Судя по §§ общей части проекта, въ которой трактуется о покушеніи, какъ понятіи, общемъ для всѣхъ преступленій, — можно бы подумать, что и умыселъ на преступленіе кражи объемлетъ понятіемъ покушенія, по крайней мѣрѣ текстъ § 15 даетъ поводъ такъ думать; тамъ мы читаемъ слѣдующее: „учинившій покушеніе на преступленіе подлѣжитъ меньшей отвѣтственности, ежели будетъ доказано, что преступникъ, *умысливъ* учинить противозаконное дѣяніе и послѣ раскаявшись или убоясь наказанія, или по другимъ какимъ либо причинамъ, самъ собою оставилъ свое злодѣйственное намереніе безъ исполненія.“ Но изъ § 536, помѣщеннаго въ особенной части проекта, въ отдѣлѣ о воровствѣ, видно, что въ отношеніи къ преступленію кражи покушеніе объемлетъ лишь моменты осуществленія воли, начиная съ приготовленія; въ названномъ § говорится: „на томъ же основаніи наказывается покушеніе къ воровству, обнаруженное *явными и доказанными къ тому приготовленіями.*“

Наказаніе за покушеніе и приготовленіе на кражу можетъ быть уменьшено сравнительно съ наказаніемъ за совершеніе лишь въ степени, но не въ родѣ, который именно положенъ въ проектѣ за судимое преступленіе, „развѣ въ законахъ о томъ было сказано иначе“ ⁵⁾.

¹⁾ § 15. ²⁾ § 16. ³⁾ § 12. ⁴⁾ §§ 13, 14, 15 и 16. ⁵⁾ § 92.

II. Наказуемость воровства или кражи по проекту 1813 г.

Скажемъ о каждомъ множителѣ, вліяющемъ на наказуемость кражи отдѣльно.

§ 108. I. *Участіе въ преступленіи кражи* въ проектѣ 1813 г. не нормируется въ особой части въ отдѣленіи о воровствѣ, а дѣлается ссылка на общую часть. Въ послѣдней различается участіе трехъ родовъ; къ участникамъ перваго рода отнесены: зачинщики преступленія, производители и укрыватели, также тѣ, кои другихъ къ тому принуждали или уговаривали или подкупали; къ участникамъ 2-го рода—вспомогатели, которые совѣтомъ или подущеніемъ или другимъ какимъ образомъ завѣдомо способствовали къ совершенію преступленія, также и тѣ, которые, хотя и не имѣли предварительнаго свѣдѣнія о преступленіи, но когда уже оно учинено, укрыли его для пользы, которую или получили или ожидали. Наконецъ, въ разрядъ участниковъ 3-го рода включены: свѣдущіе о преступленіи, которые, имѣвъ „способъ донести объ ономъ, не сдѣлали сего“¹⁾. §, въ которомъ содержатся приведенныя положенія, не прибавляетъ, какое значеніе въ вопросѣ наказуемости имѣетъ раздѣленіе участниковъ на три категоріи; но судя по нѣкоторымъ §§²⁾ особенной части и по §§ 89 и 90 общей части, можно думать, что наказаніе участникамъ въ преступленіи должно по духу проекта уменьшаться по мѣрѣ нисхожденія отъ 1-го ихъ рода къ 3-му. Въ особенной части попадаютъ статьи, гдѣ наказаніе за преступленіе прямо понижается сообразно тремъ родамъ участія³⁾. Къ тому же, въ общей части проекта повелѣвается увеличивать мѣру вины, а слѣдовательно, и наказанія, смотря по тому, былъ ли виновный производителемъ или зачинщикомъ, подговаривалъ ли онъ или принуждалъ другихъ къ совершенію преступленія, или же уменьшать мѣру наказанія, смотря по тому, чѣмъ болѣе преступникъ былъ обольщенъ или обманутъ хитрыми подущеніями другаго или угрозами и приказаніемъ вынужденъ⁴⁾.

Здѣсь ясно указывается на необходимость различать въ вопросѣ наказуемости главныхъ виновниковъ и второстепенныхъ, а слѣдовательно, предположеніе о томъ, что въ § 17 всѣ три категоріи участниковъ въ преступленіи поставлены въ дѣлѣ наказанія на одну доску, не можетъ имѣть мѣста. Отсюда мы заключаемъ, что перечисленіе

1) § 17. 2) §§ 314, 346, 561. 3) § 346 и 561. 4) § 90 и 91.

въ § 17 трехъ категорій участниковъ въ преступленіи должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что судьи по мысли составителей проекта обязаны были умалять наказаніе въ предоставленныхъ имъ предѣлахъ сообразно степенямъ названныхъ категорій участниковъ. Это заключеніе, само собою разумѣется, объемлетъ и занимающее насъ преступленіе. Объяснивъ намъ взглядъ на § 17, подступимъ къ нему поближе. Въ немъ мы замѣчаемъ довольно ясное отличіе главныхъ виновниковъ отъ пособниковъ. Въ разрядъ главныхъ виновниковъ отнесены, какъ физическіе, такъ и интеллектуальные главные виновники, называемые подстрекателями; въ частности здѣсь упоминаются зачинщики преступленія, производители, а также тѣ, кои другихъ къ тому принуждали или уговаривали, или подкупали. Всѣ такіе участники должны по проекту облагаться наказаніемъ въ высшей мѣрѣ¹⁾).

Въ разрядъ пособниковъ составители проекта также внесли, какъ физическихъ, такъ и интеллектуальныхъ; о послѣднихъ говорятъ слѣдующія слова: „вспомогатели, которые содѣйствовали совершенію преступленія или *советомъ* или *подущеніемъ*.“

§ 109. *Прикосновенность къ преступленію.* Если о различіи главныхъ виновниковъ и пособниковъ въ проектѣ 1813 г. можно сказать, что оно стоитъ чуть ли не на научной высотѣ, то этого уже никакъ нельзя сказать, что касается разграниченія участниковъ отъ прикосновенныхъ къ преступленію. Тѣ и другіе въ проектѣ смѣшиваются; они всѣ огуломъ называются прикосновенными виновниками или участниками преступленія. Но этимъ смѣшеніемъ дѣло не ограничивается. Вглядываясь ближе въ § 17, мы видимъ, что составители проекта не даютъ намъ яснаго понятія о томъ, какихъ укрывателей слѣдуетъ относить въ разрядъ главныхъ виновниковъ и какихъ въ разрядъ пособниковъ. Во второй разрядъ включены тѣ укрыватели, которые, „хотя не имѣли предварительнаго свѣдѣнія о преступленіи, но когда уже оно учинено, укрыли его для пользы, которую или получили или ожидали.“ Тутъ дѣло еще довольно ясно; въ разрядѣ пособниковъ, такимъ образомъ, должны фигурировать лишь тѣ укрыватели, которые, во первыхъ, совершаютъ свое дѣяніе по расчетамъ корысти, а во вторыхъ, не находятся ни въ какой связи съ самымъ фактомъ преступленія. Но разрѣшеніе вопроса

---

¹⁾ § 90.

будетъ затруднительнѣе, когда мы обратимъ вниманіе на укрывателей, отнесенныхъ § 17 къ разряду главныхъ виновниковъ. О сихъ послѣднихъ укрывателяхъ говорится лишь только то, что они укрыватели, а какіе неизвѣстно. Сопоставляя укрывателей 1 и 2 пунктовъ § 17, можно думать, что въ разрядъ главныхъ виновниковъ должны быть отнесены укрыватели, противоположные тѣмъ, о которыхъ мы сказали, т. е. укрыватели, прежде совершенія преступленія обѣщавшіе виновникамъ его свое содѣйствіе, или, что то же, пособники съ нынѣшней точки зрѣнія уголовного права.

Квалифицированнымъ видомъ укрывательства въ проектѣ является укрывательство *преступника отъ поимки*, какъ выражается § 189. Такое укрывательство карается безотносительно къ наказанію, положенному закономъ за данный видъ преступленія, чѣмъ этотъ видъ укрывательства рѣзко отличается отъ укрывательства, предусматриваемаго § 17, гдѣ наказуемость всѣхъ вообще участниковъ, какъ тамъ сказано, въ томъ числѣ и укрывателей ставится въ зависимость отъ размѣра наказанія, положеннаго за данное преступленіе. Здѣсь, т. е. въ § 17, наказуемость укрывателей, положимъ, воровства, опредѣляется родомъ наказанія, назначаемаго закономъ за данное воровство, которое ими укрыто, при чемъ судья, смотря по виду укрывательства, можетъ поднять или понизить степень наказанія. Тамъ же, т. е. при укрывательствѣ преступниковъ отъ поимки, назначается ординарное наказаніе—лишеніе свободы съ правомъ судьи двигаться въ предѣлахъ степени.

Весьма важнымъ положеніемъ проекта 1813 г. является освобожденіе супруговъ и дѣтей отъ отвѣтственности за укрывательство ¹⁾.

Обращаясь къ другимъ двумъ видамъ прикосновенности—къ попустительству и недонесенію, мы должны сказать, что о нихъ проектъ говорить еще менѣе ясно, чѣмъ объ укрывательствѣ. Въ общей части говорится о „свѣдущихъ о преступленіи, которые, имѣвъ обязанность и способъ донести объ ономъ, не сдѣлали сего“ ²⁾. Редакторы проекта не говорятъ, кого они разумѣютъ подъ лицами, имѣвшими обязанность и способъ донести о преступленіи, оставляя такимъ образомъ чи-

¹⁾ § 189. ²⁾ § 17.

тателя въ недоумѣніи. Кромѣ того неясно, слѣдуетъ ли въ приведенный текстъ включать недонесшихъ о преступленіи, имѣющемъ совершиться. Мы думаемъ, что слѣдуетъ, такъ-какъ составители проекта старались, насколько знали историческое прошлое и современную имъ юридическую жизнь Россіи, остаться вѣрными результатамъ этой жизни, а прошлое и современная составителямъ проекта жизнь говорили, что человѣкъ долженъ отвѣчать и за недонесеніе о злоумышленномъ преступленіи, что и принялъ Сводъ законовъ ¹⁾, а съ нимъ и дѣйствующее уложеніе ²⁾. Къ тому же слѣдуетъ добавить, что недонесеніе о будущемъ преступленіи есть поущеніе или попустительство, а въ проектѣ встрѣчается § 522, въ которомъ полагается взысканіе даже, такъ сказать, за отдаленное поущеніе, за „упущеніе надзора при грабежахъ со стороны старостъ, сотскихъ и десятскихъ тѣхъ селеній, въ концы принадлежать люди, чинившіе разбой или нападеніе на проезжающихъ для грабежа.“ Если составители проекта грозятъ наказаніемъ лицамъ, имѣющимъ отношеніе къ преступленію только со стороны надзора, то вѣроятно, въ ихъ мысляхъ тѣмъ болѣе не было желаній—избавить отъ кары закона лицъ, знающихъ о будущемъ преступленіи и отнесшихся къ возможности его осуществленія совершенно индифферентно, т. е. не заботившихъ о немъ кому слѣдуетъ. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, мы, разумѣется, и вопросъ о наказуемости попустительства по проекту рѣшаемъ въ смыслѣ положительномъ.

§ 110. II. *Рецидивъ или повтореніе воровства или кражи.* Подъ повтореніемъ преступленій, а въ томъ числѣ и воровства, проектъ уложенія 1813 г. разумѣетъ „совершеніе вторично, третично или болѣе разъ *того же самаго преступленія*“ ³⁾. Приведенное опредѣленіе повторенія показываетъ, что проектъ для понятія послѣдняго ставитъ необходимымъ условіемъ тождественность повтореннаго преступленія съ предъидущимъ, но не включаетъ въ составъ условій понятія повторенія отбытіе всего или части наказанія за предъидущее преступленіе. Такимъ образомъ, понятіе повторенія въ проектѣ обнимаетъ, какъ повтореніе въ широкомъ смыслѣ—стеченіе преступленій, такъ и рецидивъ въ тѣсномъ смыслѣ—въ смыслѣ совершенія того же преступленія послѣ наказанія за предъидущее.

¹⁾ ст. 13. ²⁾ ст. 125. ³⁾ § 90.

Что касается наказаній за повтореніе кражи, то проектъ 1813 г. усвоилъ систему, хотя и почерпнутую изъ историческаго прошлаго русской юридической жизни, но значительно видоизмѣненную, а можетъ быть, вслѣдствіе неточнаго знакомства съ этой жизнью, и искаженную. Принимая уступеніе наказуемости кражи по цѣнности украденнаго съ сохраненіемъ стараго масштаба цѣнности, редакторы проекта назначаютъ за повтореніе кражи отъ 5 до 20 р. такое же наказаніе, какъ за кражу отъ 20 до 100 р., а за повтореніе кражи отъ 20 до 100 р., какъ за кражу выше 100 р.; за кражу отъ 5 до 20 р., совершенную въ третій разъ, какъ за превышающую 100 р.; за кражу ниже 5 р. въ третій разъ—какъ за кражу отъ 5 до 20 р.; за кражу ниже 5 р., учиненную въ четвертый разъ, какъ за кражу отъ 20 до 100 р.¹⁾ Вглядываясь въ приведенную систему наказаній повторенія кражи, мы видимъ, что въ ней нѣкоторые положенія заимствованы изъ прежней юридической жизни Россіи, какъ напримѣръ, наказаніе повторенія кражи отъ 20 до 100 р., но за то рядомъ съ этой вѣрностью историческимъ основаніямъ мы встрѣчаемъ такія положенія, которыя совершенно чужды имъ, а также едва ли могутъ быть удовлетворительно объяснены съ точки зрѣнія отвлеченно-теоретическихъ соображеній, какъ напримѣръ наказаніе за кражу отъ 5 до 20 руб., совершенную въ третій разъ. По проекту за такую кражу угрожается наказаніемъ, положеннымъ за воровство высшаго порядка, т. е. за воровство свыше 100 р., влекущее за собою ссылку на поселеніе съ наказаніемъ плетью для лицъ, неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, и ссылку съ ограниченіемъ правъ безъ наказанія плетью для лицъ, освобожденныхъ отъ тѣлеснаго наказанія²⁾. Между тѣмъ по законодательнымъ актамъ прошедшаго времени, принятымъ и Сводомъ законовъ 1832 г., за кражу цѣною ниже 20 р., совершенную въ третій разъ, назначается рабочій домъ, предшествуемый тремя ударами плетью, какъ уже было сказано выше. Разница чувствительная, да и при томъ такая, которая набрасываетъ тѣнь на осторожно-разумное отношеніе редакторовъ проекта къ вопросу о наказаніи.

§ 111. III. *Цѣнность похищеннаго*. Вліяніе цѣнности похищеннаго на наказуемость кражи перенесено изъ исторіи русскаго законо-

¹⁾ § 549. ²⁾ §§ 547, 39 и 40.

дательства въ проектъ 1813 г. съ сохраненіемъ масштаба прежнихъ временъ, опредѣлявшаго степень наказуемости по цифровой величинѣ своихъ дѣлений. Въ проектѣ насчитывается четыре дѣленія масштаба цѣнности похищеннаго: 1) до 5 р., 2) отъ 5 до 20 р., 3) отъ 20 до 100 р. и 4) свыше 100 р. Обращаясь къ старинѣ съ приведеннымъ масштабомъ въ рукахъ, мы замѣчаемъ, что составители проекта 1813 года остановились на томъ дѣленіи кражи по цѣнности похищеннаго, которое господствовало въ русскомъ законодательствѣ до изданія проекта, чѣмъ доказали вѣрность исторіи.

III. Система и характеръ наказанія воровства или кражи по проекту 1813 года.

§ 112. Прежде чѣмъ говорить о системѣ наказаній воровства-кражи по проекту, необходимо хотя вкратцѣ дать понятіе о системѣ наказаній вообще по названному памятнику, такъ-какъ наказанія за кражу суть только обломокъ всего зданія—всей системы наказаній, а уразумѣніе перваго безъ втораго не было-бы цѣльнымъ и отчетливымъ по отрывочности представленій, не освѣщаемыхъ общимъ взглядомъ на всю систему наказаній. Въ проектѣ система наказаній разлагается на семь родовъ послѣднихъ, изъ коихъ каждый раздѣляется на степени по мѣрѣ важности преступленія и по обстоятельствамъ болѣе или менѣе увеличивающимъ вину преступника ¹⁾. Первый родъ наказанія составляетъ лишеніе жизни или смертная казнь. Это наказаніе всегда должно быть соединено по проекту съ разрушеніемъ всѣхъ правъ гражданина, какъ политическихъ, такъ и гражданскихъ, подъ коими разумѣются, какъ можно думать, права имущественныя и семейственныя ²⁾. Второй родъ наказаній составляетъ лишеніе всѣхъ правъ гражданина или политическая смерть, которая влечетъ за собою лишеніе всѣхъ правъ политическихъ и гражданскихъ, какъ и въ первомъ родѣ, съ вѣчной ссылкой въ каторжную работу ³⁾. Третій родъ наказаній—лишеніе свободы и чести; этотъ родъ наказаній состоитъ въ томъ, что преступникъ лишается не всѣхъ совершенно, но только части политическихъ правъ, т. е. знаковъ отличій безъ лишенія дворянства, участія въ дворянскихъ и купеческихъ обществахъ, права быть опекуномъ,

¹⁾ § 22. ²⁾ § 27 и 41. ³⁾ § 32.

свидѣтелемъ, носить мундиръ и шпагу; права имущественныя и права семейственныя наказаніями третьяго рода не разрушаются¹⁾; этотъ родъ наказаній соединяется съ вѣчной или временной ссылкой на поселеніе, предшествуемой для лицъ, неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, сѣченіемъ кнутомъ или плетью. Четвертый родъ наказанія—такъ называемыя позорныя наказанія, состоящія въ ограниченіи политическихъ правъ или лишь въ дисциплинарныхъ взысканіяхъ для лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, съ освобожденіемъ ихъ отъ наказанія лишеніемъ свободы; для лицъ же противоположной категоріи позорныя наказанія суть плети и заключеніе въ рабочемъ домѣ на время²⁾. Пятый родъ наказанія: а) безпозорное лишеніе свободы и б) тѣлесныя наказанія. Этотъ родъ наказанія, говоритъ 57 §, состоитъ въ томъ, что преступникъ лишается свободы заключеніемъ на определенное время безъ отобранія чиновъ и знаковъ отличій съ отставленіемъ, впрочемъ, отъ мѣста, если при немъ находится, безъ позорныхъ послѣдствій. Дворяне, чиновники, духовные, купцы 1-й и 2-й гильдій и другіе свободные отъ тѣлеснаго наказанія заключаются въ крѣпость, монастыри или въ иныя, назначаемыя на то, подобныя мѣста³⁾. Простолюдины наказываются тѣлесно плетью и заключаются въ рабочіе и смиренныя дома⁴⁾. Шестой родъ наказаній—денежныя пени⁵⁾. Седьмой родъ наказаній—церковныя взысканія, въ числѣ которыхъ въ проектѣ упоминается заключеніе въ монастырь и публичное покаяніе въ церкви⁶⁾.

Такова въ общихъ чертахъ система наказаній въ проектѣ уложенія 1813 года. Обращаясь къ занимающему насъ преступленію, мы должны сказать, что наказанія, полагаемыя по проекту за кражу, указаны въ среднихъ пяти родахъ, т. е. въ тѣхъ, которые получатся по исключеніи двухъ крайнихъ, т. е. 1-го и 7-го. Такимъ образомъ, въ системѣ наказаній за воровство или кражу фигурируютъ слѣдующія наказанія: 1) политическая смерть, сопровождаемая вѣчной ссылкой въ каторжную работу⁷⁾; 2) ограниченіе политическихъ правъ, сопровождающее вѣчную или временную ссылку на поселеніе для изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, и вѣчная ссылка на поселеніе съ предварительнымъ наказаніемъ кнутомъ или плетью для лицъ противоположной категоріи⁸⁾; 3) одно лишь временное ограниченіе политическихъ правъ⁹⁾;

¹⁾ § 23, 37, 41. ²⁾ § 45—56. ³⁾ § 58. ⁴⁾ § 65. ⁵⁾ § 23 и 66.

⁶⁾ § 83. ⁷⁾ §§ 537, 538, 540. ⁸⁾ § 542, 543, 547 *et cetera*. ⁹⁾ § 547.

4) заключеніе безъ ограниченія правъ для извѣстныхъ отъ тѣлесныхъ наказаній въ крѣпость, монастыри и другія назначаемыя на то мѣста, а для неизвѣстныхъ заключеніе въ рабочіе и смиренныя дома, сопровождаемое тѣлеснымъ наказаніемъ ¹⁾); 5) денежные взысканія, сопровождающія другія наказанія ²⁾). Наконецъ во всей этой серіи наказаній слѣдуетъ прибавить полицейскія взысканія, назначаемыя за кражу ниже 5 руб. ³⁾), а также за такъ называемое привилегированное воровство ⁴⁾), да кромѣ того отдачу въ военную службу, назначаемую для простолудниковъ, какъ добавочное наказаніе въ извѣстныхъ случаяхъ ⁵⁾).

§ 113. Достаточно бѣлаго взгляда на приведенную систему наказаній, полагаемыхъ по проекту 1813 г. за воровство или кражу, чтобы замѣтить близкое сходство названной системы съ той, которая была изложена нами выше при изслѣдованіи исторіи наказанія конца 18 и начала 19 вѣка. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, т. е. въ проектѣ, на верху лѣстницы наказаній за кражу стоятъ каторжныя работы и внуть, а у подножья полицейскія взысканія. Среднія ступени лѣстницы заняты ссылкой на поселеніе, отдачей въ рабочіе дома, тѣлеснымъ наказаніемъ плетью, отдачей въ военную службу. Такимъ образомъ, старая система наказаній, выработанная историческою жизнью Россіи, сохранена въ существенныхъ чертахъ въ проектѣ, а потому понятенъ долженъ былъ сохраниться и прежній характеръ наказанія. Мы выше видѣли, что въ пройденный нами періодъ рядомъ съ началомъ утраченія, много смягченнымъ гуманнымъ законодательствомъ второй половины 18 и первой 19 вѣка, стало пробивать себѣ дорогу въ это послѣднее время другое начало—начало или идея исправленія, формулированная съ нѣкоторой ясностью въ Наказѣ 1762 г. и реализованная въ законѣ 1781 г. Эти же два начала рядомъ фигурируютъ и въ проектѣ 1813 г., при чемъ начало исправленія находитъ себѣ примѣненіе, какъ въ идеѣ рабочихъ и смиренныхъ домовъ, монастырей, такъ еще болѣе въ реабилитаціи, т. е. въ возможности осужденному по отбытіи наказанія возвратиться въ прежнее состояніе. По проекту субъектъ, вытерпѣвшій наказаніе и ведающій себя честно, имѣетъ право на то, чтобы его прошедшее было забыто и чтобы никто подъ угрозой наказанія не дѣлалъ ему за темное прошлое упрековъ ⁶⁾). Но этого мало, въ проектѣ мы встрѣчаемъ временное лишеніе политическихъ

¹⁾ § 547 и другіе. ²⁾ § 540. ³⁾ § 547. ⁴⁾ § 551. ⁵⁾ 547. ⁶⁾ § 100.

правъ, и хотя возвращеніе отличій и чиновъ вообще предоставляется Высочайшей волѣ, но тѣмъ не преграждается возможность возвратить себѣ такія исключительныя права, какъ чины, отличія,—другимъ путемъ—службою ¹⁾. Такимъ образомъ, проектъ не стоитъ необходимо на точкѣ зрѣнія необходимости вѣчнаго лишенія правъ, разъ они отняты; напротивъ, онъ въ извѣстныхъ случаяхъ допускаетъ и какъ-бы покровительствуетъ возможности восстановленія потерянныхъ правъ даже въ ихъ полномъ видѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ревниво охраняетъ нравственную личность человѣка, отбывшаго наказаніе и доказавшаго своей жизнью способность быть честнымъ, добрымъ гражданиномъ. А эта охрана вмѣстѣ съ реабилитацией, хотя бы и заключенной въ тѣсныя предѣлы, говорить намъ о томъ взглядѣ на преступника, который не видитъ въ немъ изверга общества, долженствующаго быть исключительно жертвою оскорбленнаго преступленіемъ правосудія, а напротивъ, помнить чело-вѣческую личность преступника и протягиваетъ ему руку примиренія, кою скоро замѣчаетъ въ немъ, т. е. преступникѣ, стремленіе къ доброй, честной жизни. Въ такомъ воззрѣніи нельзя не видѣть лучей идеи исправленія.

Намъ могутъ возразить, что наше разсужденіе о реабилитациі не примѣнимо къ преступленію кражи, такъ-какъ по §§ 532 и 533 дворяне и другія лица, изъятые отъ тѣлеснаго наказанія, будучи обличены въ воровствѣ, хотя бы самомъ мелкомъ, теряютъ всегда дворянство, чины, вообще преимущества, предоставленныя имъ прежнимъ состояніемъ. На это возраженіе мы отвѣчаемъ, что §§ 532 и 533 не лишаютъ силы §§ 38, 39, 40, по силѣ которыхъ назначаются наказанія въ спеціальныхъ §§ о кражѣ ²⁾, и примиреніе между ними мы понимаемъ въ такомъ смыслѣ, что преступникъ, совершившій тѣ виды кражи, наказанія за которые назначаются по §§ 38, 39, 40, лишается прежде всего согласно §§ 532 и 533 дворянства, а затѣмъ подвергается тѣмъ уголовнымъ угрозамъ, которыми проникнуты первые §§. Поэтому, если преступникъ въ лицѣ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, совершаетъ кражу, угрожаемую наказаніями § 40, то онъ лишается дворянства, чиновъ, знаковъ отличій и подвергается ссылке въ отдаленныя губерніи на время отъ 5 до 10 лѣтъ, по истеченіи которыхъ возвращаетъ свободу и всѣ отобранныя права, за исключеніемъ дворянства, а также чиновъ и знаковъ отличій, которыя можетъ достигать службою. Слѣдо-

¹⁾ § 40—43. ²⁾ § 542, 543 et cetera.

вательно, для названнаго преступника уже по отбытіи наказанія, полагаемаго по § 40, возвращаются нѣкоторыя политическія права, какъ напримѣръ, право быть опекуномъ, свидѣтелемъ, а затѣмъ онъ можетъ возстановить и свои высшія политическія права службой, если не получить ихъ при самомъ освобожденіи отъ наказанія по Высочайшей волѣ согласно § 42.

ГЛАВА IX-я.

I. Квалифицированные виды кражи.

§ 114. Число квалифицированныхъ видовъ кражи въ проектѣ уложенія 1813 г. значительно увеличено сравнительно съ предшествующими законодательными актами; въ этомъ увеличеніи нельзя не видѣть вліяній, привнесенныхъ извнѣ—изъ запада, которому было не безъизвѣстно напримѣръ воровство со взломомъ, съ поддѣльными ключами, какъ болѣе опасные виды кражи ¹⁾. Къ квалифицированнымъ видамъ кражи по проекту 1813 г. принадлежатъ:

I. *Святотатство*, подъ которымъ проектъ разумѣетъ похищеніе изъ церкви или иныхъ священныхъ мѣстъ вещей или денегъ, этимъ мѣстамъ принадлежащихъ. Къ видамъ святотатства въ проектѣ причислены: 1) кража внѣ церкви вещей, ей принадлежащихъ и богослуженію посвященныхъ; непосвященные богослуженію вещи, хотя бы и принадлежали церкви, по буквѣ § 538 исключаются изъ числа объектовъ святотатства. 2) Разрываніе гробовъ на кладбищахъ для обдиранія погребенныхъ тѣлъ ²⁾. Для бытія этого послѣдняго преступленія, какъ можно думать, необходимо, во первыхъ, отрываніе гробовъ, а во вторыхъ, обдираніе погребенныхъ тѣлъ. Центромъ тяжести въ этомъ преступленіи мы принимаемъ послѣднее условіе, т. е. ограбленіе погребенныхъ тѣлъ, такъ-какъ названное преступленіе стоитъ въ отдѣлѣ о воровствѣ и называется родомъ воровства ³⁾, а подъ послѣднимъ въ проектѣ разумѣется ничто иное, какъ „похищеніе чужой вещи.“ Причисляя къ святотатству и воровство вещей, внѣ церкви находящи

¹⁾ Бернеръ, перев. Неклюдова, часть особ., стр. 65, 68, 73. ²⁾ § 538.

³⁾ См. заголовекъ II-й главы о воровствѣ.

когда скоро они ей принадлежать и богослуженію посвящены, проектъ 1813 г. исключаетъ отсюда кражу изъ церкви вещей или денегъ *частныхъ*, т. е. отданныхъ въ нее для сбереженія или находящихся въ моментъ кражи въ сохраненіи у самаго ихъ владѣльца, присутствующаго въ церкви. Такое воровство разсматривается въ проектѣ, какъ простое воровство частной собственности ¹⁾.

Всматриваясь въ основаніе квалификаціи кражи, о которой ведемъ рѣчь, мы замѣчаемъ, что такимъ основаніемъ служить не столько мѣсто кражи, сколько свойство вещи, объектъ кражи; поэтому-то кража вещей, принадлежащихъ церкви и богослуженію посвященныхъ, и относится къ святотатству, т. е. къ квалифицированному воровству, хотя бы это воровство и было совершено внѣ церкви, а кража частныхъ вещей, хотя бы онѣ и были отданы въ церковь на сбереженіе, остается лишь простой кражей.

§ 115. II. *Воровство казенныхъ вещей.* Подъ воровствомъ казенныхъ вещей проектъ разумѣетъ, во первыхъ, кражу вещей и денегъ, казенныхъ принадлежащихъ, завѣдомо о такой принадлежности объектовъ кражи, а во вторыхъ, растрату, утайку или ложный счетъ казенныхъ денегъ или вещей со стороны лицъ, коимъ эти вещи поручены по должности ²⁾.

Воровствѣ казенныхъ вещей этого послѣдняго вида, хотя и упомянуто въ отдѣлѣ „о воровствѣ“, но точная нормировка даннаго преступленія изложена въ главѣ о преступленіяхъ по должностямъ, гдѣ оно названо болѣе соотвѣтствующимъ именемъ утайки, утраты или ложнаго счета казенныхъ денегъ, имѣнія или вещей ³⁾. Здѣсь рѣзко выступаетъ наружу невыдержка терминологіи составителей проекта: одно и то же преступленіе разъ они называютъ воровствомъ ⁴⁾, другой—иными только-что приведенными терминами.

Воровство указаннаго послѣдняго вида считается болѣе опаснымъ сравнительно съ воровствомъ казенныхъ вещей перваго вида, которое редакторы проекта облагаютъ наказаніемъ, положеннымъ за воровство частной собственности, „равняя кражу казенную ниже 5 р. съ частною до 20 р. и восходя постепенно такъ, чтобы за воровство казенное отъ 20 р. до 100 приходилось наказывать, какъ за частное выше 100 р., а за высшее 100 р. по § 38.“ Воровство казенныхъ вещей послѣдняго вида угрожается въ проектѣ наказаніями третьяго рода, о которыхъ мы дали понятіе выше.

¹⁾ § 539. ²⁾ § 541, 542, 312. ³⁾ § 312. ⁴⁾ § 541.

Самымъ опаснымъ видомъ воровства казенныхъ вещей проектъ считаетъ кражу вещей или денегъ изъ государева дворца, арсеналовъ, магазиновъ или изъ другихъ казенныхъ хранилищъ; за такую кражу проектъ грозитъ наказаніями, уменьшающимися по мѣрѣ цѣнности украденныхъ вещей, начиная отъ наказаній втораго рода и оканчивая наказаніями пятаго рода ¹⁾). Возводя только-что названный видъ кражи казеннаго имущества на степень самаго опаснаго ея вида, редакторы проекта стояли на исторической почвѣ; прецедентомъ кражи, о которой ведемъ рѣчь, могли послужить Военскіе артикулы, рассматривающіе кражу изъ артилеріи, магазина, аммуниціи или цейгауза Его Величества, какъ одно изъ самыхъ опасныхъ видовъ воровства, облагаемыхъ тамъ смертною казнью ²⁾).

§ 116. III. *Воровство съ насиліемъ*. Подъ насиліемъ при воровствѣ проектъ разумѣетъ, какъ сказано было выше, не употребленіе силы противъ лица, а входъ въ мѣсто совершенія кражи „черезъ стѣны, крышки и другіе затворы или черезъ подрывъ земли,“ а также входъ при помощи „ключей, крючьевъ и другихъ для отпиранія замковъ и задвижекъ приготовленныхъ орудій или тому подобныхъ средствъ.“ Такимъ образомъ, подъ насиліемъ при воровствѣ проектъ разумѣетъ входъ въ мѣсто совершенія кражи необычнымъ, вообще назначеннымъ для того (т. е. для входа) путемъ, или хотя и обычнымъ, напр. черезъ двери, но съ употребленіемъ какихъ нибудь орудій ³⁾), при чемъ мѣстомъ совершенія кражи въ данномъ случаѣ называется всякое огражденное помѣщеніе, какъ-то: дома, дворы, сады и т. п. ⁴⁾). Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что воровство съ насиліемъ по проекту обнимаетъ, во первыхъ, кражу посредствомъ влѣзанія и, во вторыхъ, кражу посредствомъ ключей и другихъ орудій. Наше мнѣніе, что кража посредствомъ влѣзанія обнимается понятіемъ воровства съ насиліемъ, мы основываемъ на томъ, что послѣднее понятіе не требуетъ проникновенія въ мѣсто кражи посредствомъ разрушенія встрѣчаемыхъ на пути преградъ, какъ-то: стѣнъ, крышъ и т. п., за исключеніемъ „подрыва земли.“ Проникновеніе съ разрушеніемъ преградъ входитъ, какъ необходимое условіе, въ понятіе „взлома,“ различаемаго редакторами проекта отъ „насилія“ при воровствѣ. Если, такимъ образомъ, для понятія насилія при воровствѣ не требуется разрушенія преградъ, то понятно, что проникновеніе „черезъ стѣны, крышки и другіе затворы“ будетъ ничѣмъ инымъ,

¹⁾ § 543. ²⁾ § 544. ³⁾ § 528. ⁴⁾ *ibid.*

какъ влѣзаніемъ или перелѣзаніемъ. Въ понятіе воровства съ насиліемъ входитъ, какъ мы сказали, и кража посредствомъ ключей или другихъ орудій, употребляемыхъ какъ средство *отпиранія* приспособленій, назначенныхъ для запиранія хранилищъ. Слѣдуетъ замѣтить, что по смыслу проекта кража посредствомъ ключей и другихъ орудій должна быть совершена безъ поврежденія замковъ и другихъ подобныхъ приспособленій, такъ-какъ поврежденіе послѣднихъ входитъ уже въ понятіе взлома (§ 530). Обстоятельствомъ, усиливающимъ наказаніе при воровствѣ съ насиліемъ, признается званіе слесаря или иное званіе чело-вѣка, подобнымъ искусствомъ занимающагося, если кража ими совершена съ поддѣльными ключами или другими орудіями (§ 529).

IV. *Воровство съ оружіемъ.* Понятіе воровства съ оружіемъ по проекту обнимаетъ кражу, совершенную при наличности оружія явнаго или скрытнаго, при чемъ достаточно, если хотя одинъ изъ воровъ употребитъ его или станетъ угрожать имъ (§ 527, п. 2). Мы уже выше сказали, что при неясности понятій разбоя и грабежа или, что то же, воровства съ насиліемъ, кража съ оружіемъ, допускающая не только угрозу оружіемъ, но и употребленіе его, производитъ безъисходную путаницу названныхъ понятій. Если понятіе кражи съ оружіемъ обнимаетъ и похищеніе имущества съ наличностью явнаго оружія, хотя бы одинъ только изъ воровъ употребилъ его или угрожалъ имъ, говоря словами проекта, то спрашивается, куда же годится опредѣленіе разбоя, для понятія котораго требуется нападеніе для похищенія имущества другого, совершаемое открытою силою и съ явною опасностью для лица? Очевидно, что нелегко распутать тотъ гордіевъ узелъ, въ который редакторы проекта спутали нѣкоторые виды преступленій противъ имущества. Понятіе оружія въ проектѣ захватываетъ не только огнестрѣльное оружіе, но и холодное, такъ-какъ редакторы проекта то и другое окрещиваютъ названіемъ опасныхъ орудій, не различая однихъ отъ другихъ по способу дѣйствія (§ 355).

V. *Воровство со взломомъ.* Понятіе взлома въ проектѣ опредѣляется такъ: „взломомъ почитается всякое поврежденіе или разбитіе стѣнъ, кровель, дверей, оконъ, замковъ и другихъ затворовъ, служащихъ для охраненія вещей и воспрепятствованія входа“ (§ 530). Изъ приведеннаго опредѣленія взлома видно, что оно обнимаетъ какъ внѣшній, такъ и внутренній, такъ называемые, взломы, т. е. какъ насильственное открытіе внѣшнихъ частей зданія, такъ и такое же откры-

тіе во внутренности зданія находящихся дверей, стѣнъ, затворовъ ¹⁾. Для понятія взлома требуется поврежденіе встрѣчающихся на пути препятствій входа, доступа къ мѣсту совершенія кражи; поэтому входъ безъ такого поврежденія долженъ быть исключенъ изъ понятія взлома по проекту и внесенъ при условіяхъ своей необычности въ понятіе насилія при воровствѣ, о чемъ было сказано выше. Нужно, однако, замѣтить, что редакторы проекта подъ препятствіями, поврежденіе которыхъ даетъ понятіе взлома, разумѣли, судя по смыслу относящихся сюда §§, исключительно препятствія, созданныя рукою человѣка; поврежденіе же препятствій, въ созданіи которыхъ руки человѣка неповинны, они, кажется, исключали изъ понятія взлома; такъ, входъ въ дома, огражденные мѣста чрезъ подрывъ земли рассматривается въ проектѣ не какъ входъ со взломомъ, а какъ вообще необычный входъ, дающій понятіе насилія при воровствѣ ²⁾.

Кража со взломомъ—какъ квалифицированное воровство—чужда исторіи русскаго законодательства 17 и 18-го столѣтій; начиная съ уложенія 1649 г. и до проекта 1813 года мы не встрѣчаемъ въ законодательствѣ воззрѣній на кражу со взломомъ, какъ на особенно опасное воровство; во весь этотъ періодъ исторіи русскаго законодательства и даже позже кража со взломомъ считалась обыкновеннымъ простымъ воровствомъ, не влекущимъ усиленныхъ наказаній. Внесеніе воззрѣнія на кражу со взломомъ въ послѣднемъ видѣ въ проектъ 1813 г., вѣроятно, сдѣлано подъ могущественнымъ вліяніемъ запада, гдѣ еще въ средневѣковыхъ источникахъ права встрѣчаются уголовные обычаи, относящіе кражу со взломомъ къ болѣе опаснымъ видамъ воровства ³⁾.

VI. *Воровство скопомъ*. Подъ скопомъ проектъ разумѣетъ собраніе злоумышленниковъ, простирающееся свыше 5-ти человѣкъ (§§ 527 и 154). Здѣсь основаніемъ qualificации, вѣроятно, служитъ то сообщеніе, что сообщество людей въ числѣ болѣе 5-ти человѣкъ представляется силой, соединяющей въ себѣ много опасныхъ элементовъ, грозныхъ и для личной безопасности.

VII. *Воровство съ лѣстницами*. Этотъ видъ воровства редакторы проекта благоразумно могли бы включить въ понятіе воровства съ насиліемъ, такъ какъ кража съ лѣстницей есть также кража, совершаемая необычнымъ путемъ, и такъ-какъ проектъ объ этой кражѣ ничего больше не говоритъ, кромѣ того, что она кража съ лѣстницей.

¹⁾ Бернеръ, *ibid.*, особ. часть, стр. 68. ²⁾ § 528. ³⁾ Бернеръ, *ibid.*, стр. 55.

VIII. *Воровство подложно въ видѣ чиновника.* Редакторы проекта скромно умалчиваютъ о томъ, что они понимаютъ подъ воровствомъ подложнымъ въ видѣ чиновника. Можно думать, что они здѣсь имѣли въ виду случаи похищенія имущества частныхъ лицъ во имя закона, во имя службы или званія, но безъ всякаго уполномочія на то закона или властей, словомъ, преступленіе, которое окрещивается въ наше время приличнымъ ему именемъ мошенничества и которое предусмотрено въ дѣйствующемъ уложеніи о наказаніяхъ (ст. 1668).

IX. *Воровство во время общей опасности.* Въ видѣ примѣровъ общей опасности указаны въ проектѣ пожаръ, моровая язва, наводненіе, а затѣмъ прибавлено: „или другая общая опасность“ (§ 527; п. 3). По историческимъ основаніямъ сюда слѣдуетъ причислить водяную нужду, о которой говорятъ Воинскіе артикулы (арт. 191); которые, между прочимъ, могли послужить отдаленнымъ историческимъ прецедентомъ взгляда на воровство во время общей опасности, какъ на воровство особенно опасное.

X. *Воровство, совершенное домашними людьми или тѣми, кому поручено (что?) на сбереженіе.* Въ этомъ видѣ воровства можно различать такъ называемое домашнее воровство и утайку. Первое обвиняетъ кражу, въ которой основаніемъ квалификаціи является то обстоятельство, что она совершается людьми, на которыхъ обыкновенно возлагается особое довѣріе хозяина въ силу ихъ извѣстнаго положенія въ домѣ, какъ напримѣръ—домашней прислугой, а также и то, что отъ домашнихъ вещи не могутъ постоянно запираются подъ замокъ. Въ понятіе утайки войдетъ въ данномъ случаѣ похищеніе, совершаемое тѣми лицами, на которыхъ возлагается охраненіе, сбереженіе похищаемого имущества, и отъ которыхъ, конечно, больше, чѣмъ отъ кого либо, можно требовать уваженія неприкосновенности охраняемой ими чужой собственности. Не трудно припомнить, что возвращеніе на домашнее воровство и на похищеніе имущества, порученнаго сбереженію, какъ на квалифицированное воровство—не безъ прецедентовъ въ исторіи русскаго законодательства. Въ Воинскихъ артикулахъ, какъ мы видѣли, кража отъ своего собственнаго господина, кража, совершенная караульными, рассматривается, какъ весьма опасное воровство, угрожаемое смертною казнью.

XI. *Воровство, совершенное трактирщикомъ, караульщикомъ, сторожателемъ постоялыхъ дворовъ у тѣхъ, кому даны пристрастия, и*

другими, въ подобныхъ отношеніяхъ находящимися. Этотъ видъ воровства, получающій свое основаніе квалификаціи также въ нарушеніи особаго довѣрія, которое, обыкновенно, возлагается на поименованныхъ лицъ,—является, какъ квалифицированная кража, въ разбираемомъ памятникѣ безъ непосредственныхъ историческихъ основаній; онъ есть родное дѣтище западно-европейской юридической жизни, откуда, надо думать, привнесенъ и въ русскій проектъ уложенія 1813 года.

Всѣ перечисленные виды квалифицированной кражи, начиная отъ III до XI включительно, облагаются въ проектѣ 1813 г. равнымъ наказаніемъ, уступаемымъ по величинѣ цѣнности похищеннаго; за воровство цѣною до 20 руб. угрожается наказаніями третьяго рода, а именно для изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія рекомендуется временное ограниченіе правъ безъ лишенія дворянства и временная ссылка на жительство въ отдаленныя губерніи; срокъ ссылки отъ 5 до 10 лѣтъ; для неизъятыхъ же отъ тѣлеснаго наказанія предписываются плети съ отсылкою на вѣчное поселеніе. За воровство же цѣною выше 20 р. проектъ рекомендуетъ наказанія втораго или третьяго рода (§ 550).

XII. Кража, совершенная дворянами, и другими лицами, свободными отъ тѣлеснаго наказанія. Основаніе болѣе тяжелой квалификаціи кражи, совершенной высшими сословіями или классами людей, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія—чисто историческое, ведущее свое начало отъ временъ Екатерины II-й. Мы уже выше имѣли случай указать это основаніе, которое и въ проектѣ, разумѣется, перешло съ своимъ прежнимъ характеромъ, а потому повторять его намъ нѣтъ надобности. Скажемъ только о тѣхъ уголовныхъ послѣдствіяхъ, которыя влечетъ кража, совершенная названными классами, по проекту. Дворяне по проекту должны подвергаться, кромѣ другихъ наказаній, лишенію чиповъ и дворянства, а имѣніе, принадлежащее осужденному по праву дворянства, должно переходить къ его наслѣдникамъ, однако дворяне не устраняются отъ владѣнія такимъ имѣніемъ или доходомъ, коимъ по общимъ законамъ могутъ владѣть и не дворяне. Осужденный долженъ избрать родъ жизни въ классѣ людей, несвободныхъ отъ тѣлеснаго наказанія, или вступить въ военную службу, развѣ родственники пожелаютъ взять его на свою отвѣтственность и онъ на то согласится (§ 532). Подобнаго рода свобода выбора для дворянина—между военной службой и жизнью въ классѣ людей несвободныхъ—можетъ имѣть мѣсто по проекту только

тогда, когда онъ, отбывъ наказаніе въ видѣ лишенія свободы, возвращается ея, (если это наказаніе временное) или же, если кража такого рода, что не влечетъ для виновнаго наказанія лишеніемъ свободы. Что же касается другихъ лицъ, кромѣ дворянъ, — изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, то имъ проектъ 1813 г. угрожаетъ лишеніемъ преимуществъ, предоставленныхъ по прежнему состоянію, въ числѣ которыхъ — и лишеніемъ права владѣть фабриками и заводами, къ коимъ приписаны крестьяне съ землею; все это отдается наслѣдникамъ (§ 533). Важнымъ ограниченіемъ такого широкаго лишенія имущественныхъ правъ лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія и виновныхъ въ кражѣ, является то положеніе, что, хотя къ наказанному отобранное имѣніе по § 534 никогда уже не возвращается, но наслѣдники обязаны давать ему содержаніе въ теченіе всей его жизни, на каждый годъ не менѣе пятой части доходовъ съ доставшагося имѣнія или процентовъ съ капитала. Проектъ не прибавляетъ, но по духу его можно заключить, что право осужденнаго за кражу требовать себѣ часть доходовъ съ отобраннаго у него имущества можетъ имѣть мѣсто только въ случаяхъ наказаній, не влекущихъ за собою лишенія всѣхъ правъ политическихъ и гражданскихъ, т. е. въ случаяхъ кражи, не угрожаемой наказаніями втораго рода, влекущими разрушеніе всѣхъ правъ гражданина — политическихъ, семейственныхъ и имущественныхъ. Допустить противное нельзя, такъ-какъ въ подобномъ случаѣ лишеніе всѣхъ правъ не было бы таковымъ.

II. Привилегированные виды кражи.

§ 117. *Кража съѣстныхъ припасовъ въ состояніи крайней нужды.*
Для наличности сего вида кражи требуется, во первыхъ, совершеніе ея въ случаѣ *доказанной* крайней нужды, а во вторыхъ, похищеніе лишь того количества съѣстныхъ припасовъ, „сколько для насыщенія или удовлетворенія надобно было,“ т. е. что количество украденнаго должно опредѣляться по соображеніямъ даннаго состоянія голода и все излишнее должно быть почтено за украденное въ состояніи крайней нужды. Редакторы проекта 1813 г. указываютъ въ таблицахъ, приложенныхъ къ проекту, на 195 арт. Военскаго устава, какъ на прецедентъ приведеннаго законопроекта. Но нужно сказать, что они слишкомъ сѣзили смыслъ 195 арт.; въ послѣднемъ, какъ мы видѣли,

объективнымъ признакомъ кражи въ состояніи крайней голодной нужды, какъ тамъ говорится, является невеликая цѣна украденнаго; въ проектѣ же замѣчается чуть ли не стремленіе познать размѣры даннаго субъективнаго состоянія голода и по этимъ размѣрамъ судить, кража ли воръ лишь для насыщенія или же и сверхъ того, — для рѣшенія вопроса, была ли кража совершена по побужденіямъ крайней нужды или же тутъ приводили и другія побужденія, не достойныя снисхожденія. Не трудно представить себѣ, въ какое случайное положеніе былъ бы поставленъ подсудимый и каково бы было затрудненіе суда, если бы такая норма, какъ § 551 проекта, толкующій о кражѣ изъ-за нужды, попалъ въ число положительныхъ узаконеній.

Кража въ состояніи крайней нужды не оставляется редакторами проекта безъ наказанія; они велятъ судить ее по полицейскимъ законамъ.

Нельзя пройти молчаніемъ то обстоятельство, что о состояніи крайней нужды въ общей части проекта вовсе не упоминается, не смотря на то, что тамъ идетъ рѣчь о нѣкоторыхъ состояніяхъ, исключяющихъ вѣняемость всѣхъ вообще преступленій, какъ-то о состояніи безумія, сумашествія, незрѣлаго возраста (до 7 лѣтъ), законной обороны (§ 18). Намъ неизвѣстны мотивы, въ силу которыхъ редакторы проекта отказались внести состояніе крайней необходимости въ общую часть, какъ состояніе, исключяющее вообще вѣняемость, а не только вѣняемость кражи, но изъ указанія на Военскіе артикулы, какъ на историческій прецедентъ, можно заключать, что въ этомъ случаѣ редакторы проекта оставались вѣрны историческимъ основаніямъ, допуская понятіе крайней необходимости или нужды лишь въ отношеніи преступленія кражи.

ГЛАВА X-я.

I. Воровство-кража по Своду законовъ до Уложенія о наказаніяхъ.

§ 118. Положенія Свода законовъ о кражѣ, какъ мы могли видѣть выше, представляются не болѣе, какъ извлеченіемъ изъ исторіи предшествовавшаго законодательства. По этому въ Сводѣ законовъ мы мало находимъ какихъ либо существенныхъ измѣненій историческаго прошлаго. Тѣмъ не менѣе, по нашему крайнему разумѣнію, будетъ не лишне изложить хотя бы бѣгло узаконенія Свода законовъ о кражѣ для того, чтобы видѣть, какъ редакторы Свода совладѣли съ громаднымъ историческимъ матеріаломъ и какою объемъ они дали понятію кражи. Приступая къ этой задачѣ, прежде всего считаемъ не лишнимъ замѣтить, что въ основу теоретическихъ опредѣленій преступленій противъ имущества, а въ томъ числѣ и кражи, редакторы Свода положили знакомый намъ указъ 1781 года. Согласно послѣднему, кража разсматривается, какъ одинъ изъ видовъ похищенія чужой собственности называемаго „воровствомъ.“ Терминъ „воровство“ въ Сводѣ законовъ фигурируетъ, какъ родовое понятіе, объемлющее три вида похищенія чужой собственности: 1) воровство мошенничество, 2) воровство-кража и 2) воровство-грабежъ. Разбой въ Сводѣ законовъ, хотя и отнесенъ къ преступленіямъ противъ правъ на имущество, но не называется терминомъ „воровство.“

Терминологія свода законовъ, что касается кражи, не отличается должной выдержкой. По прежнему понятіе кражи расширяется непомѣрно, захватывая чуждыя этому понятію преступленія. Слѣдуя Военскимъ артикуламъ, редакторы Свода относятъ къ понятію воровства-

кражи утайку вѣреннаго и утайку найденнаго ¹⁾, почти буквально выписывая текстъ сюда относящихся Военскихъ артикуловъ. Далѣе, на основаніи указа 1839 г. ²⁾ присвоеніе или утайка имущества, спасеннаго отъ крушенія или гибели и найденнаго на берегу, продажа и покупка завѣдомо утаеннаго, а также участіе во всѣхъ сихъ преступленіяхъ, признаются въ Сводѣ воровствомъ и подлежатъ наказанію, слѣдующему за воровство ³⁾. Мало того—продажа или покупка имущества, завѣдомо краденаго, разсматривается въ Сводѣ законовъ, какъ участіе въ похищеніи, т. е. въ воровствѣ-кражѣ ⁴⁾.

Къ видамъ воровства-кражи въ Сводѣ отнесены еще „растрата“ или „утрата“ казеннаго имущества, а также занесеніе въ расходъ казенныхъ припасовъ или матеріаловъ болѣе, нежели сколько показать слѣдовало ⁵⁾. Далѣе, воровствомъ-кражей признается въ Сводѣ законовъ покупка и взятіе подрядчиками и поставщиками казны отъ пріемщиковъ въ ссуду такихъ вещей, кои по договору къ поставкѣ назначены, хотя-бы онѣ были ихъ собственныя ⁶⁾, а также показаніе въ пріемныхъ квитанціяхъ и рапортахъ, по коимъ платежъ денегъ частному лицу производится, большаго количества противъ дѣйствительно принятаго ⁷⁾.

Приведеннаго перечня, думаемъ, достаточно, чтобы видѣть, какъ еще слаба была способность юридическаго анализа у редакторовъ Свода законовъ; разъ давъ извѣстное опредѣленіе данному преступленію, положимъ кражѣ, редакторы Свода скоро забываютъ его и вносятъ въ свое же понятіе о данномъ преступленіи чуждые ему элементы. Такъ, опредѣливъ кражу, какъ *тайное взятіе* чужаго движимаго имущества безъ воли или согласія того, кому это имущество принадлежитъ, редакторы Свода, рабски слѣдуя историческимъ основаніямъ, не приминили отнести къ кражѣ „продажу и покупку завѣдомо утаеннаго“, т. е. преступленіе, которое никакъ нельзя тиснуть въ приведенное опредѣленіе кражи. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что редакторы Свода законовъ не умѣли осторожно обращаться съ терминами; понавѣ терминъ воровство, они имъ вертятъ на право и на лѣво, примѣняя и къ утайкѣ вѣреннаго или найденнаго, и къ продажѣ и къ покупкѣ завѣдомо утаеннаго. Но распространяя терминъ воровства-кражи, а слѣдо-

¹⁾ Сводъ законовъ 1842 г., ст. 819. ²⁾ 2 П. С. З., № 9200, п. 58.

³⁾ *ibid.*, ст. 843. ⁴⁾ *ibid.*, ст. 849. ⁵⁾ *ibid.*, ст. 321, 322. ⁶⁾ *ibid.*, ст. 333.

⁷⁾ *ibid.*, ст. 332.

вательно и понятіе кражи за предѣлы даннаго въ Сводѣ законовъ опредѣленія послѣдней, редакторы Свода не отказывались и съуживать тѣ же предѣлы; такъ похищеніе судебныхъ актовъ, необходимыхъ для разрѣшенія дѣла, въ Сводѣ законовъ отнесено къ видамъ подлога ¹⁾.

Изъ всего этого видно, что терминологія Свода законовъ ничуть ни точнѣе, ни правильнѣе безпорядочной терминологіи сепаратныхъ указовъ, предшествовавшихъ Своду законовъ.

§ 119. Отъ терминологіи, согласно принятой нами системѣ, прямой переходъ къ анализу состава кражи. Опредѣленіе послѣдней передается въ Сводѣ законовъ буквально словами указа 1781 г. Расчлѣняя это опредѣленіе, мы находимъ, что *предметомъ кражи* остается по прежнему чужое движимое имущество, частное, или казенное ²⁾, при чемъ безразлично, приобрѣтено ли оно законнымъ способомъ или же путемъ преступленія ³⁾. Понятіе „чужаго“ имущества обнимаетъ въ Сводѣ не только имущество, совершенно постороннее похитителю, но и такое, на которое похититель имѣетъ или, вѣрнѣе, имѣлъ непосредственное право въ видѣ собственности. Такъ, покупка и взятіе подрядчиками и поставщиками отъ пріемщиковъ въ ссуду такихъ вещей, кои по договору къ поставкѣ назначены, хотя бы *онѣ были ихъ собственныя*, разсматривается въ Сводѣ, какъ похищеніе или какъ кража, которая въ этомъ случаѣ представляется обоюднымъ преступленіемъ со стороны подрядчиковъ или поставщиковъ и пріемщиковъ, какъ совершающихъ совмѣстно преступленіе противъ казенной собственности ⁴⁾. Точно также подъ понятіе „чужаго“ имущества въ Сводѣ подходит и такое, обладаніе которымъ похитителю предоставляетъ извѣстное право, а въ будущемъ, можетъ быть, и полное право собственности. Такъ, нашедшій чужую вещь, если сдѣлаетъ объявленіе о томъ надлежащимъ порядкомъ, получаетъ по Своду право на извѣстный гонораръ, а если хозяинъ вещи, послѣ троекратной публикаціи, не сыщется, то и полное право собственности; а между тѣмъ утайка найденнаго, т. е. необъявленіе о фактѣ находки надлежащимъ порядкомъ, признается въ Сводѣ законовъ воровствомъ-кражей ⁵⁾.

¹⁾ *ibid.*, ст. 310. ²⁾ ст. 320. ³⁾ *ibid.*, ст. 843, 850. ⁴⁾ *ibid.*, ст. 333.

⁵⁾ *ibid.*, ст. 819.

Предметомъ кражи по Своду можетъ быть только *имущество*, т. е. тѣ вещи, которыя, какъ экономическая цѣнность, входятъ въ кругъ имущественнаго оборота, подлежа экономическимъ отношеніямъ спроса и предложенія. Это слѣдуетъ, во первыхъ, изъ того, что Сводъ кражей буквально называетъ похищеніе „движимаго имѣнія“, т. е. имущества, и во вторыхъ, изъ того, что въ немъ похищеніе людей рассматривается, какъ преступленіе *suī generis*, именно, какъ нарушеніе правъ свободнаго состоянія ¹⁾).

Мы сказали, что предметомъ кражи по Своду является чужое движимое имущество; замѣтимъ, что не всѣ движимые предметы сферы имущественной могутъ быть объектами кражи по Своду; читатель помнить, что отсюда изъяты судебные акты, требуемые къ разрѣшенію дѣла, похищеніе которыхъ входитъ въ понятіе подлога. Къ этому прибавимъ лѣсные матеріалы, похищеніе которыхъ рассматривается, главнымъ образомъ, какъ спеціальныи проступокъ, именно, какъ нарушеніе Уставовъ лѣсныхъ, и именуется лѣсной порубкой ²⁾. Мы говоримъ, — главнымъ образомъ потому, что въ Сводѣ законовъ замѣчается въ этомъ отношеніи невыдержка принятыхъ понятій; признавая похищеніе лѣсныхъ матеріаловъ самовольной порубкой, редакторы Свода законовъ измѣняютъ такую квалификацію проступка, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, если этотъ проступокъ учиненъ въ четвертый разъ; порубка, совершенная въ четвертый разъ, признается правонарушеніемъ, равносильнымъ воровству-кражѣ, и угрожается равнымъ съ послѣдней наказаніемъ ³⁾. Невыдержка понятій въ главѣ о „нарушеніяхъ Уставовъ лѣсныхъ“ представится намъ еще въ болѣе рѣзкихъ чертахъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что по ст. 684 самовольный порубщикъ изъ званія государственныхъ или помѣщичьихъ крестьянъ наказывается лично за свой проступокъ какъ за воровство-кражу, если онъ будетъ не въ состояніи заплатить денежнаго взысканія за самовольную порубку казеннаго лѣса, которое въ такомъ случаѣ обращается на то селеніе, къ которому виновникъ проступка принадлежитъ. Изъ сказаннаго видно, что въ Сводѣ законовъ лѣсные матеріалы начинаютъ уже входить въ число объектовъ кражи, но законодатель борется между взглядами ста-

¹⁾ *ibid.*, ст. 429—430. ²⁾ *ibid.*, ст. 666—723. ³⁾ *ibid.*, ст. 680, п. 2.

раго прошлаго времени, когда, какъ мы видѣли, похищеніе лѣсныхъ матеріаловъ разсматривалось, какъ преступленіе *sui generis*, и стремленіемъ къ обобщенію однородныхъ понятій, къ обобщенію, подсказывавшему редакторамъ Свода, что похищеніе лѣсныхъ матеріаловъ есть также воровство, хотя, быть можетъ, воровство менѣе опасныхъ видовъ.

Способъ дѣйствія въ преступленіи воровства-кражи по Своду точно опредѣленъ, какъ тайный, т. е. воровство-кража есть тайное похищеніе чужаго движимаго имущества. Въ силу того, что въ Сводѣ законовъ опредѣленіе родственныхъ кражѣ преступленій перешло изъ закона 1781 г. почти безъ всякихъ перемѣнъ, должны были вкрасться въ него тѣ же отступленія отъ теоретическаго опредѣленія кражи, какія были указаны нами при разборѣ названнаго закона. Другими словами—карманная кража и внезапное порывистое похищеніе по прежнему входятъ въ понятіе мошенничества, вмѣсто кражи, какъ слѣдовало бы съ нашей точки зрѣнія на понятіе *тайнаго* похищенія. Точно также грабежъ опредѣленъ столь сбивчиво, неточно, что трудно провести болѣе или менѣе ясную границу между понятіемъ грабежа съ одной стороны, и понятіями воровства-кражи и воровства-мошенничества съ другой. Эта неясность опредѣленія грабежа была нѣсколько разъяснена Сельскимъ Судебнымъ Уставомъ 1839 г., разъяснившимъ его въ томъ смыслѣ, что здѣсь требуется такое насиліе, которое представляетъ опасность для жизни ¹⁾. Болѣе посчастливилось въ Сводѣ—въ смыслѣ ясности—опредѣленію разбоя, которое представляется, какъ „нападеніе на какое либо мѣсто, жительство, деревню, дворъ или какое либо зданіе для похищенія имущества, произведенное открытою силою и съ явною опасностью для самаго лица, насиліемъ угрожаемаго“ ²⁾. Сравнивая опредѣленіе Свода законовъ „грабежа“ и „разбоя“, мы находимъ, что различіе между этими преступленіями здѣсь легче уловить, чѣмъ въ проектѣ 1813 г.; здѣсь грабежъ представляется, какъ нападеніе для похищенія чужаго имущества, совершаемое „на сухомъ пути или на водѣ“, между тѣмъ какъ разбой понимается въ видѣ явнаго открытаго нападенія на зданіе или же рядъ зданій для того-же похищенія чужаго имущества.

---

¹⁾ Сельск. суд. Уст. 1839, прим. къ 220, п. 11. ²⁾ Сводъ законовъ 1842, ст. 792.

Въ разъясненіи *свойства намѣренія вора* Сводъ законовъ не ушелъ далеко отъ закона 1781 года. Однако слѣдуетъ замѣтить, что изъ нѣкоторыхъ статей можно довольно рѣшительно заключить, что для понятія кражи не требуется, чтобы воръ похищаль исключительно во имя личныхъ цѣлей: понятіе кражи будетъ на лицо, хотя бы воръ имѣлъ въ виду и удовлетвореніе цѣлей другаго ¹⁾. Въ опредѣленіе мотивовъ похищенія редакторы Свода не вдаются, заставляя тѣмъ предполагать, что цѣль похищенія для нихъ безразлична.

§ 120. *Осуществленіе воли въ дѣйствіи*. Вопросъ объ осуществленіи воли въ дѣйствіа въ Сводѣ законовъ разработанъ въ общей части, гдѣ говорится „о преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще.“ Такимъ образомъ этотъ вопросъ излагается въ Сводѣ въ приличномъ ему мѣстѣ, гдѣ идетъ рѣчь о преступленіи, какъ родовомъ понятіи. Въ развитіи умысла на преступленіе Сводъ различаетъ три стадіи: 1) умыселъ, 2) покушеніе и 3) совершеніе. Умысломъ на преступленіе почитается обнаруженное какимъ либо дѣйствіемъ намѣреніе учинить оное, хотя бы при томъ не было произведено ни самаго преступнаго дѣйствія, ни покушенія къ оному (ст. 8). Покушеніемъ къ преступленію почитается намѣреніе учинить оное, когда намѣреніе сіе обнаружено такимъ дѣйствіемъ, коего необходимымъ слѣдствіемъ было-бы совершеніе преступленія, если бы сіе совершеніе не было остановлено собственною волею умышлявшаго, или не было отвращено какимъ либо внѣшнимъ препятствіемъ (ст. 9). Преступленіе почитается совершившимся, когда оно по предположенному замыслу съ предположеннымъ вредомъ исполнено (ст. 10). Вникая въ смыслъ выписанныхъ опредѣленій трехъ моментовъ осуществленія умысла на преступленіе, мы находимъ, что понятіе умысла по Своду захватываетъ и современное понятіе приготовленія, такъ-какъ слѣдующая по Своду стадія осуществленія умысла—покушеніе—опредѣлена въ такихъ выраженіяхъ, которыя исключаютъ понятіе приготовленія. Сказанному не противорѣчитъ ст. 128, называющая проникновеніе въ домъ въ намѣреніи украсть покушеніемъ, на томъ основаніи, что такое дѣяніе принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя непосредственно предшествуютъ дѣйствіямъ, воспроизводящимъ составъ преступленія, и непосредственно ведутъ къ ихъ исполненію; а сіи послѣд-

---

¹⁾ *ibid.*, ст. 332, 333, 843, 849, 850.

нія мы относимъ по основапіямъ, которыя будутъ указаны ниже, къ дѣйствіямъ покушенія.

Для понятія совершенія Сводъ законовъ требуетъ, чтобы осуществился предположенный преступникомъ вредъ. Само собою разумѣется, что приложеніе этого требованія къ преступленію, о которомъ мы говоримъ, немыслимо, такъ-какъ въ такомъ случаѣ моментъ совершенія былъ бы слишкомъ отодвинутъ далеко за подобающіе ему предѣлы. Но изъ опредѣленія кражи, мошенничества и грабежа въ Сводѣ можно заключить, что для понятія „совершенія“ кражи достаточно одного противозаконнаго завладѣнія вещью. Въ пользу такого толкованія говоритъ, во первыхъ, самое опредѣленіе кражи, гдѣ для понятія послѣдней достаточно, если кто у кого тайнымъ образомъ *возьметъ* деньги или иное движимое имѣніе, при чемъ безразлично, *спрячетъ* ли онъ послѣднее, продастъ или иначе употребитъ въ свою пользу (ст. 818). Отсюда слѣдуетъ, что понятіе совершенія кражи характеризуется моментомъ тайнаго захвата вещи, на что указываетъ, во первыхъ, выраженіе „возьметъ“, а во вторыхъ, выраженіе „спрячетъ.“ Это послѣднее выраженіе показываетъ, что для совершенія кражи вовсе не нужно *уносить* вещь, а достаточно одного завладѣнія, ибо многія вещи легко могутъ быть спрятаны воровъ при самомъ похищеніи. Кромѣ того, въ понятіе мошенничества по Своду входитъ карманная кража и внезапное похищеніе съ кого либо его имущества; для того и другого вида кражи—на нашемъ языкѣ—достаточно по Своду для перваго одного факта изъятія изъ кармана (когда кто у кого изъ кармана *вынетъ*—въ текстѣ), а для втораго—одного факта сорванія чужой вещи, при чемъ ясно говорится, что уносъ вовсе не необходимъ для совершенія преступленія мошенничества (когда кто у кого внезапно что отниметъ или *унесетъ*—въ текстѣ). Думаемъ, что сказаннаго достаточно для подкрѣпленія нашего мнѣнія о томъ, что понятіе совершенія кражи по Своду начинается съ момента завладѣнія вещью.

Въ заключеніе рѣчи о моментахъ осуществленія умысла на кражу прибавимъ, что умыселъ въ Сводѣ законовъ точно такъ-же, какъ и приготовленіе, вообще не облагаются наказаніемъ, кромѣ специально указанныхъ случаевъ, а наказаніе покушенія предоставляется усмотрѣнію судей съ тѣмъ, чтобы они его карали легче совершенія, именно, съ уменьшеніемъ наказанія „въ видѣ его и степени“ ¹⁾.

¹⁾ *ibid.*, ст. 126—128.

II. Наказуемость воровства-кражи по Своду законовъ.

Скажемъ о каждомъ изъ трехъ множителей, вліяющихъ на наказуемость кражи, отдѣльно.

§ 121. I. *Участіе въ преступленіи кражи.* Вопросъ объ участіи въ преступленіи разработанъ въ Сводѣ законовъ, какъ и слѣдовало, въ общей части, при чемъ различія между виновниками и прикосновенными не проведено. Тѣ и другіе смѣшиваются подъ именемъ помощниковъ и участниковъ. Всѣ участвующие въ преступленіи, какъ виновники, пособники, такъ и прикосновенные именуется въ Сводѣ общимъ названіемъ—сообщниковъ¹⁾. Въ разрядѣ сихъ послѣднихъ различаются, во первыхъ, главные виновники или зачинщики, называемые въ Сводѣ также пущими и первыми заводчиками или подговорщиками. Подъ именемъ зачинщиковъ разумѣются тѣ, которые дѣйствовали вмѣстѣ съ другими, но прежде ихъ первые положили умыселъ и согласили къ тому другихъ, или первые подали примѣръ къ совершенію преступленія²⁾. Далѣе, слѣдуетъ категорія помощниковъ и участниковъ, подъ которыми разумѣются вообще всѣ тѣ, кои дѣломъ, словомъ или писемомъ содѣйствовали или благопріятствовали совершенію преступленія, какъ-то: 1) тѣ, кои непосредственно участвовали въ преступленіи; 2) тѣ, кои попустили преступленіе, имѣя власть или возможность остановить оное; 3) тѣ, кои нанимали или нанимались, подкупали или были подкупаемы, препоручали другимъ или принимали препорученія споспѣшествовать преступленію; 4) тѣ, кои вѣдали о преступленіи, оказывали поманку или понаровку; 5) тѣ, кои вѣдая о злонамѣреніи, не донесли начальству объ умыслѣ или же не донесли о содѣянномъ уже преступленіи; 6) тѣ, кои изобличены въ раздѣленіи выгодъ отъ преступленія (ст. 13). Углубляясь въ смыслъ приведеннаго текста, мы находимъ, что Сводъ отличаетъ зачинщиковъ или главныхъ виновниковъ, какъ онъ ихъ называетъ въ другомъ мѣстѣ³⁾, отъ другихъ участниковъ въ преступленіи, разумѣя подъ первыми, какъ физическихъ главныхъ, *пущихъ* виновниковъ, такъ и интеллектуальныхъ—*подговорщиковъ*. Слѣдуетъ замѣтить, что Сводъ не выдерживаетъ своего понятія о зачинщикахъ или главныхъ виновникахъ, такъ-какъ относитъ тѣхъ, кои нанимали, подкупали или препоручали другимъ споспѣшествовать преступленію, къ помощникамъ и участникамъ. Эта невыдержка понятія о главныхъ ви-

¹⁾ *ibid.*, ст. 11. ²⁾ *ibid.*, ст. 12. ³⁾ *ibid.*, ст. 129.

новникахъ исправлена въ Уложеніи о наказаніяхъ, гдѣ такіе участники отнесены къ разряду подговорщиковъ или подстрекателей, наказываемыхъ наравнѣ съ главными виновниками ¹⁾). Обращаясь затѣмъ ко второй категоріи сообщниковъ преступленія, мы должны прежде всего сказать, что Сводъ, употребляя два термина для наименованія такихъ сообщниковъ, а именно: „помощники и участники“, не даетъ этимъ терминамъ опредѣленнаго содержанія, т. е. не указываетъ ихъ различія, а потому мы вправѣ считать ихъ равнозначущими. Въ разрядъ помощниковъ или участниковъ Сводъ включаетъ, кромѣ прикосновенныхъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, во первыхъ, *непосредственныхъ* участниковъ въ преступленіи ²⁾, во вторыхъ, пособниковъ—физическихъ и интеллектуальныхъ. Отнесеніе интеллектуальныхъ пособниковъ къ разряду участниковъ вытекаетъ изъ того, что Сводъ помощниками или участниками называетъ и тѣхъ, кои *словомъ* или *письмомъ* содѣйствовали или благопріятствовали совершенію преступленія.

Обинувъ теперь общимъ взоромъ кругъ участниковъ или помощниковъ, мы видимъ, что этотъ кругъ не въ мѣру широкъ: сюда входятъ: 1) нѣкоторые виды главныхъ виновниковъ; 2) второстепенные виновники или участники; 3) пособники обоихъ видовъ; 4) прикосновенные всѣхъ трехъ родовъ, т. е. укрыватели, попустители и недонесшіе, за исключеніемъ укрывателей нѣкоторыхъ видовъ.

§ 122. *Прикосновенные.* 1) *Укрыватели.* Нѣкоторые виды укрывательства въ Сводѣ, въ общей части, предусматриваются въ разрядѣ помощниковъ или участниковъ, другіе-же въ особыхъ статьяхъ. Въ разрядѣ участниковъ предусматривается укрывательство преступленія; въ спеціальныхъ статьяхъ—укрывательство преступника. Именно, въ названномъ разрядѣ говорится о тѣхъ, кои изболочены въ раздѣленіи выгодъ отъ преступленія. Въ спеціальныхъ же статьяхъ различается, во первыхъ, укрывательство преступника, такъ сказать случайное, а во вторыхъ, укрывательство въ видѣ ремесла. Перваго рода укрывателями называются тѣ, кои укрываютъ преступника или виновны въ отпускѣ его или послабленіи при его поимкѣ ³⁾. Подъ втораго рода укрывателями, называемыми въ Сводѣ становщиками или пристанодержателями, разумѣются тѣ, у которыхъ бываетъ притонъ или пріѣздъ воровъ или разбойниковъ. Кромѣ того, въ особенной части Свода предусматривается покупка и продажа имущества завѣдомо краденнаго,

¹⁾ Улож. 1866 г., ст. 13, 117, 120. ²⁾ ст. 13, п. 1. ³⁾ *ibid.*, ст. 14.

которая разсматривается, какъ *участіе* въ похищеніи или, что то же, въ воровствѣ-кражѣ ¹⁾. Затѣмъ въ отдѣленіи о воровствѣ-грабежѣ продажа и покупка завѣдомо утаеннаго имущества признается воровствомъ, а слѣдовательно, подлежитъ наказанію по мѣрѣ участія ²⁾.

2) *Попустительство* и 3) *недонесеніе*. Объ этихъ видахъ прикосновенности Сводъ законовъ говоритъ яснѣе проекта уложенія 1813 г. О попустителяхъ говорится, какъ о такихъ лицахъ, кои попустили преступленіе, имѣя власть или *возможность* остановить послѣднее; подчеркнутос слово даетъ поводъ думать, что Сводъ возлагаетъ обязанность не допускать преступленіе не только на лицъ, облеченныхъ властью и обязанныхъ ех *оффіціо* предупреждать преступленія, но и на частныхъ лицъ. Это предположеніе получить ббльшее вѣроятіе, если мы приѣмемъ во вниманіе, что редакторы Свода обыкновенно вносили положенія прошлой юридической жизни, въ дебряхъ которой не мало можно найти законовъ, наказывающихъ попустительство со стороны частныхъ лицъ. Цитаты, помѣщенные подъ 13 ст., подкрѣпляютъ наше мнѣніе ³⁾. Что-же касается недонесенія, то въ Сводѣ предусматривается ясно недонесеніе обонхъ видовъ, т. е. недонесеніе о злоумышляемомъ преступленіи, и недонесеніе о содѣянномъ преступленіи; оба вида разсматриваются, какъ наказуемые.

Мы изложили кратко положенія Свода объ участіи въ преступленіи, но ни слова не сказали о практическомъ значеніи указанныхъ тамъ родовъ участія, т. е. о значеніи ихъ въ вопросѣ наказанія. Касаясь этого вопроса, мы должны сказать, что постановленія Свода въ этомъ отношеніи крайне неудовлетворительны, такъ-что теоретическое раздѣленіе сообщниковъ на категоріи остается въ Сводѣ почти однимъ интеллектуальнымъ упражненіемъ. Практическое значеніе имѣетъ лишь выдѣленіе первой категоріи сообщниковъ, т. е. зачинщиковъ или главныхъ виновниковъ или такъ называемыхъ пущихъ, такъ-какъ они угрожаются тягчайшимъ наказаніемъ, нежели всѣ остальные соучастники, но и это послѣднее имѣетъ мѣсто только въ случаяхъ, если въ законѣ специально не поставлено, что всѣ участники въ данномъ преступленіи подлежатъ равному наказанію ⁴⁾. Такого спеціальнаго узаконенія въ отношеніи „воровства-кражи“ нѣтъ, а потому первая по Своду категорія сообщниковъ въ кражѣ должна облагаться высшими наказаніями сравнительно съ остальными. Что же касается остальныхъ категорій сообщ-

¹⁾ *ibid.*, ст. 849, 850. ²⁾ *ibid.*, ст. 843. ³⁾ См. указъ 3477 *et cetera*.
⁴⁾ *ibid.*, ст. 129.

Мы выше сказали, что обыкновенно предполагаютъ, что „Арифметики“ состояли изъ тринадцати книгъ, и что въ недостающихъ книгахъ заключались дальнѣйшія алгебраическія изслѣдованія Діофанта. Но такое предположеніе едва-ли заслуживаетъ довѣрія, такъ какъ сочиненіе Діофанта представляетъ довольно опредѣленный и законченный трудъ. Если чего не достаётъ, то недостающее слѣдуетъ предполагать между первой и второй книгами, гдѣ какъ мы сказали, замѣтенъ пробѣлъ. Во всякомъ случаѣ большая часть „Арифметикъ“ дошла до насъ, и предположеніе, что изъ тринадцати книгъ до насъ дошли только шесть, невѣрно. Что „Арифметики“ Діофанта дошли до насъ въ довольно полномъ видѣ можно заключить изъ того, что всѣ извѣстныя рукописи этого сочиненія мало отличаются другъ отъ друга, но противъ этого Баше *) возражаетъ, что съ такою же вѣроятностью можно предположить, что всѣ извѣстныя намъ рукописи этого сочиненія суть переписки съ одного и того же древнѣйшаго списка, нинѣ утеряннаго.

Къ числу математиковъ, которые полагали, что Діофантъ въ недошедшихъ книгахъ „Арифметикъ“ трактуетъ о совершенно новыхъ вопросахъ, принадлежалъ италіанскій математикъ XVI столѣтія Рафаель Бомбелли (Bombelli). Онъ предполагалъ, что въ утерянныхъ книгахъ заключались новые методы для рѣшенія неопредѣленныхъ уравненій, а также рѣшеніе уравненій 3-й и 4-й степеней. Бомбелли, занимавшійся въ теченіи всей своей жизни рѣшеніемъ уравненій 3-й и 4-й степеней, видѣлъ гдѣ только возможно осуществленіе своихъ завѣтныхъ идей.

Гораздо болѣе близко къ истинѣ предположеніе Кольбрука и Нессельмана, которые полагаютъ, что другія два сочиненія Діофанта, именно его „Поризмы“ и „О полигональныхъ числахъ“ составляли часть „Арифметикъ“, въ подтвержденіи чего между прочими доводами Нессельманъ указываетъ на само заглавіе сочиненія „Арифметики“, которое во множественномъ числѣ.

---

*) Баше (Bachet de Meziriac) жилъ отъ 1581 по 1638 гг. Кромѣ перевода сочиненій Діофанта написалъ „Problèmes plaisants et délectables qui se font par les nombres. Lyon 1613“.

Изданіе сочиненій Діофанта представляло много затрудненій, какъ по новизнѣ содержанія, такъ и по испорченности и неточностямъ, вкрапившимся въ рукописи. Всѣ эти затрудненія Баше удалось преодолѣть, не смотря на мучительную лихорадку, благодаря своей усидчивости и всестороннему ознакомленію съ изслѣдуемымъ имъ вопросомъ. Монтюлла въ своей „Histoire des mathématiques“ (T. I. pag. 323), говоритъ: „L'historien de l'Académie. François nous apprend que M. Bachet y travailla durant le cours d'une fièvre quarte, et qu'il disoit lui-même que, rebuté de la difficulté de ce travail, il ne l'auroit jamais achevé sans l'opiniâtreté mélancolique que sa maladie lui inspiroit“.

„Арифметики“ изложены аналитически. Мы выше указали на недостатки этого сочинения, но не смотря на это оно принадлежит къ числу замѣчательнѣйшихъ сочинений, написанныхъ древними математиками. Приемы, предложенные Діофантомъ вполне оригинальны и самостоятельны.

Разсмотримъ теперь другія два сочинения, написанныя Діофантомъ.

„О полигональных числахъ“, предметъ этого сочинения сходенъ съ содержаніемъ главнаго сочинения Діофанта, но форма изложенія совершенно отлична, оно изложено синтетически. Предложенія даны и послѣ каждаго изъ нихъ слѣдуетъ доказательство. Доказательства предложеній этого сочинения совершенно такія же какъ доказательства въ VII, VIII и IX книгахъ „Началъ“ Евклида, которыя Кассали *) (Cassali) называетъ *линейной арифметикой*, потому что въ нихъ пропорціи и свойства чиселъ доказываются наглядно на линияхъ. Подобный приемъ Діофантъ примѣняетъ только однажды въ своихъ „Арифметикахъ“, для того, чтобы сдѣлать очевиднымъ, что когда требуется, чтобы $x+y=1$, $x+2$ и $y+6$ были полными квадратами, то вопросъ сводится на разложене числа 9 на два квадратныя числа, изъ коихъ одно больше 2 и меньше 3. Изъ этого единственнаго примѣненія и изъ предложеній о фигурныхъ числахъ, мы видимъ, что линейныя представленія въ Геометріи еще во время Діофанта имѣли у Грековъ преимущество, какъ приемы наглядные.

„Поризмы“ до насъ не дошли, все извѣстное объ этомъ сочиненіи мы знаемъ изъ предложеній 3, 5 и 19 V-й книги „Арифметикъ“. Изъ указаний въ этихъ предложеніяхъ можно заключить, что „Поризмы“ имѣли предметомъ разсмотрѣніе свойствъ чиселъ и ихъ образованіе изъ квадратовъ и т. п. Изложеніе этого сочинения нужно полагать было синтетическое. Въ указанныхъ предложеніяхъ Діофантъ ясно указываетъ на нѣкоторыя предложенія изъ теоріи чиселъ, онъ говоритъ „ἐχόμεν ἐν τοῖς πορίσματι“. Діофанту были извѣстны многія весьма интересныя свойства чиселъ, такъ напр. въ 22 предложеніи III книги „Арифметикъ“ доказано, что произведеніе двухъ чиселъ, состоящихъ каждое изъ двухъ квадратовъ, можетъ быть разбито двояко снова на сумму двухъ квадратовъ, т. е. иначе, Діофанту извѣстно алгебраическое тождество:

$$(a^2+b^2)(c^2+d^2)=(ac-bd)^2+(ad+bc)^2=(ac+bd)^2+(ad-bc)^2$$

На основаніи того, что Діофанту были извѣстны многія предложенія теоріи чиселъ, въ родѣ приведеннаго нами выше, многіе думали, что Діофанту

*) P. Cassali. Origine, trasporto in Italia, primi progressi in essa, dell' Algebra, Storia critica di nuove disquisizioni analitiche e metafisiche arricchita. 2 vol. Parma. 1797—99 in-4.

были извѣстны многія замѣчательныя свойства чиселъ, которыя и были изложены въ его „Поризмахъ“, они полагали, что сочиненіе это содержало весьма тонкія и глубокія изслѣдованія Діофанта въ теоріи чиселъ. Но такое мнѣніе не заслуживаетъ вниманія, такъ какъ хотя Діофанту были извѣстны, многія теоремы изъ теоріи чиселъ, но многія изъ нихъ не доказаны. Предполагать, что въ „Поризмахъ“ заключались изслѣдованія, которыя впослѣдствіи были предметомъ ученыхъ работъ: Эйлера, Лагранжа, Гаусса, Якоби и другихъ математиковъ, занимавшихся теоріей чиселъ, слишкомъ смѣло и ни на чемъ положительномъ не основано.

Мы выше сказали, что первыя извѣстія о Діофантѣ находятся въ комментаріяхъ Теона *), затѣмъ въ теченіи тысячи лѣтъ имя Діофанта не встрѣчается ни въ одномъ сочиненіи, причину этого надо искать въ томъ, что сочиненія Діофанта появились въ то время, когда развитіе математики у Грековъ почти прекратилось, Діофантъ принадлежалъ къ числу послѣднихъ ученыхъ Александрійской школы. Только въ половинѣ XIV в. сочиненія Діофанта снова дѣлаются извѣстными, благодаря комментаріямъ греческаго монаха Максима Плануда, написаннымъ на первыя двѣ книги „Арифметикъ“. Послѣ того какъ началось возрожденіе наукъ въ Европѣ на сочиненія Діофанта начинаютъ обращать вниманіе, около 1462 года Региомонтанусъ упоминаетъ о сочиненіяхъ Діофанта, въ своей вступительной лекціи въ Падуанскомъ университетѣ, но содержанія ихъ онъ не касается. Черезъ сто лѣтъ Іоакимъ Камераріусъ упоминаетъ **), что сочиненія Діофанта находятся въ Ватиканской бібліотекѣ, но онъ совершенно невѣрно говорить, что содержаніе ихъ Логистика. Также имя Діофанта упоминаетъ Яковъ Пелетаріусъ въ своей Арифметикѣ ***), написанной въ 1571. Знаменитые

*) Въ недавнее время Таннери высказалъ мнѣніе, что Діофантъ жилъ во второй половинѣ III в. Еще Бомбелли полагалъ, что Діофантъ современникъ Антонина Піа (138 г. по Р. X.), но мнѣніе свое онъ ни на чемъ не основываетъ. Въ статьѣ Tannery „A quelle époque vivait Diophante?“, помѣщенной въ „Bulletin des sciences mathématiques et astronomiques. T. III, Juin 1879“, разобранъ, довольно обстоятельно вопросъ, когда жилъ Діофантъ и различныя мнѣнія, существующія по этому поводу. Таннери полагаетъ, что „Арифметика“ написана не Діофантомъ, а что Діофантъ только собралъ въ одно цѣлое, написанное до него.

Гипсикла, о которомъ упоминаетъ Діофантъ въ своихъ сочиненіяхъ, Таннери относитъ ко II в. до Р. X., мы же помѣстили его во II в. по Р. X. Бретшнейдеръ также полагаетъ, что Гипсикла жилъ во II в. до Р. X. Къ тому же времени онъ относитъ и Серенуса, котораго мы отнесли ко II в. по Р. X. Въ заключеніи, замѣтимъ, что относительно времени когда жили Гипсикла и Серенусъ положительныхъ указаній нѣтъ.

**) De Graecis Latinisque numerorum notis et praeterea Saracenica seu Indicis ect. Studio Joachimi Camerarii Papeberg. 1556.

***) Arithmeticae practicae methodus facilis, per Gemmam Frisium ect. Huc acc. Jacobi Peletarii annotationes. Coloniae. 1571.

италианскіе математики, какъ напр. Лука Пачіоли, Тарталія, Карданъ нигдѣ не упоминають въ своихъ сочиненіяхъ имени Діофанта, изъ чего можно заключить, что они не были съ нимъ знакомы. Первый изъ италианскихъ математиковъ, который познакомился съ сочиненіями Діофанта, былъ Рафаель Бомбелли; совмѣстно съ учителемъ математики въ Римѣ, Пацци (Pazzi), онъ задумалъ перевести сочиненія Діофанта на италианскій языкъ. Изъ семи книгъ, которыя они отыскиали въ Ватиканской бібліотекѣ они перевели первыя пять, но переводъ ихъ не былъ напечатанъ вслѣдствіи различныхъ обстоятельствъ, впрочемъ Бомбелли всѣ задачи первыхъ четырехъ книгъ, и нѣкоторыя изъ пятой книги, „Арифметикъ“ помѣстилъ въ своей Алгебрѣ, изданной въ 1572 г. Къ этому же времени относится первый печатный переводъ, сдѣланный Ксиландеромъ *).

Арабы познакомились съ сочиненіями Діофанта гораздо раньше Европейцевъ, именно въ X в.; намъ извѣстенъ переводъ, сдѣланный и коммен-

---

*) Въ первый разъ сочиненія Діофанта были изданы на латинскомъ языкѣ Ксиландеромъ (Holzmann) подъ заглавіемъ: *Diophanti Alexandrini Rerum Arithmeticarum libri sex, quorum primi duo adjecta habent scolia Maximi (ut conjectura est) Planudis. Item liber de numerus polygonis seu multangulis. Opus incomparabile, verae arithmeticae Logisticae perfectionem continens, paucis adhuc visum. A Guil. Xylandro ect. Basileae. 1571 in-fol.* Въ концѣ же XVI столѣтія сочиненія Діофанта были переведены на латинскій неаполитанскимъ математикомъ Ауріа (Josepho Auria), но переводъ этотъ не былъ напечатанъ; рукопись хранится въ бібліотекѣ св. Амвросія въ Миланѣ. Затѣмъ сочиненія Діофанта были изданы на греческомъ и латинскомъ языкахъ Баше подъ заглавіемъ: *Diophanti Alexandrini Arithmeticonum libri sex, et de numerus multangulis liber unus. Nunc primum Graece et Latine editi, atque absolutissimis Commentariis illustrati. Auctore Claudio Gaspare Bacheto Mesiriacio Sebusiono. Lutetiae Parisiorum. 1621 in-fol.* Это изданіе есть первое и единственное съ греческимъ текстомъ. Изданіе Баше было вновь напечатано въ 1670 г. съ примѣчаніями знаменитаго математика Ферма, примѣчанія котораго заключаютъ много весьма интереснахъ вещей. Къ сожалѣнію изданіе это, напечатанное подъ редакціей сына Ферма, исполнено весьма небрежно. Изданіе съ греческимъ текстомъ сочиненій Діофанта было еще прежде задумано Ксиландеромъ, но онъ умеръ прежде чѣмъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе. Первые четыре книги „Арифметики“ были переведены Стевиномъ, а другія двѣ Жираромъ и напечатаны въ Парижѣ въ 1625 г. Первые три книги „Арифметикъ“ Діофанта помѣщены также въ сочиненіи: *Oughtred's, Opusculis mathematicis. Oxoniae. 1677 г.* Послѣ этого сочиненія Діофанта не издавались и только въ настоящемъ столѣтіи было вновь обращено на нихъ вниманіе; вотъ эти изданія: *Diophantus von Alexandrien über die Polygon-Zahlen. Übersetzt von Poselger Berlin. 1810*, при этомъ сочиненіи приложены весьма цѣнные примѣчанія. Наконецъ послѣднее изданіе, на нѣмецкомъ языкѣ, принадлежитъ Шульцу: *Diophantus von Alexandria arithmetische Aufgaben nebst dessen Schrift über die Polygon-Zahlen. Aus dem Griechischen übersetzt und mit Anmerkungen begleitet von Otto Schultz. Berlin. 1822.* Изданіе это исполнено весьма удачно, свой переводъ Шульцъ сопровождаетъ весьма обстоятельными комментаріями. Другихъ изданій сочиненій Діофанта мы не встрѣчали.

тированный Могамедомъ-Абуль-Вефа, около 970 г.; этотъ переводъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и единственный извѣстный до сихъ поръ переводъ сочиненій Діофанта на арабскій языкъ.

Въ заключеніе сказаннаго о Діофантѣ прибавимъ еще слѣдующее: предметъ сочиненій Діофанта и методъ его изслѣдованій напоминаютъ направленіе математическихъ наукъ у Грековъ во время Пифагора и первыхъ греческихъ философовъ; направленіе и методы которыхъ напоминаютъ направленіе и методы математиковъ Востока—Индусовъ. Направленіе, которому слѣдовалъ Діофантъ вполне самостоятельно и оригинально, его изслѣдованія, часто весьма глубокія, были результатомъ иныхъ воззрѣній на величины и соотношенія между ними. Но новое направленіе и новыя воззрѣнія были лишены того эстетическаго взгляда на пространственныя формы и того строго-систематическаго метода изслѣдованій, который, какъ мы видѣли, принадлежалъ ученымъ первой Александрійской школы—Евклиду, Архимеду и Аполлонію, сочиненія которыхъ до сихъ поръ считаются образцами—классическими, какъ по формѣ изложенія, такъ и по содержанію.

Мы выше сказали, что съ Діофантомъ математическія науки у грековъ начинаютъ слѣдовать новому направленію, математики начинаютъ придавать менѣ значенія изученію Геометріи и всѣ ихъ усилія направлены къ другой отрасли—къ Алгебрѣ. Подобное измѣненіе направленія повторялось нѣсколько разъ въ исторіи развитія математическихъ наукъ. Первоначально Пифагоръ одинъ изъ первыхъ изслѣдуетъ свойства чиселъ. Геометрическую теорему, которая носитъ его имя онъ прилагаетъ къ числамъ, т. е. онъ находитъ выраженіе для прямоугольнаго треугольника въ раціональныхъ числахъ, или что то же, ищетъ два числа коихъ сумма квадратовъ была-бы равна также числу квадратному. Формула эта получила, какъ мы видѣли, громадное значеніе. Пифагорейцы не много способствовали дальнѣйшему развитію науки о числахъ, они были слишкомъ углублены въ розысканія мистическихъ свойствъ чиселъ; такому же направленію слѣдовалъ отчасти и Платонъ. Начиная съ Евклида Арифметика принимаетъ уже характеръ науки, но чисто геометрической, всѣ свойства чиселъ Евклидъ старается объяснить геометрически, на линіяхъ, площадяхъ и т. п.; даже сами числа носятъ названія: *линейныхъ*, *плоскихъ*, *тѣлесныхъ* и т. п. Такое направленіе и такой характеръ Арифметики сохраняетъ въ теченіи четырехъ сотъ лѣтъ, т. е. отъ Евклида до Никомаха. Никомахъ первый, по крайней мѣрѣ мы не знаемъ ни одного сочиненія по Арифметикѣ до него кромѣ „Началъ“ Евклида, сталъ излагать Арифметику безъ посредства геометрическихъ представлений, она является у него вполне наукой о числахъ, предложенія онъ доказываетъ на числахъ, а не на линіяхъ, подобно Евклиду. Появленіе сочиненія Никомаха оказываетъ громадное вліяніе на развитіе математическихъ

наукъ вообще, чему служатъ доказательствомъ многочисленныя изданія и комментаріи „Арифметики“. Вся математическая литература принимаетъ арифметическое направленіе, если можно такъ выразитися, этому направленію она слѣдуетъ до начала XIII столѣтія, когда Фибоначи, впервые знакомитъ Европейцевъ съ Алгеброй, заимствованной имъ у Арабовъ; всѣ усилія математиковъ начинаютъ обращаться въ этомъ направленіи,—математическая литература принимаетъ алгебраическое направленіе. Такому направленію она слѣдуетъ до XVI столѣтія, въ это время математики впервые знакомятся съ трудами Діофанта, изученіе этихъ сочиненій дѣлаетъ переворотъ въ Алгебрѣ, до этого математики занимались рѣшеніемъ опредѣленныхъ вопросовъ, а теперь на первомъ планѣ стоитъ неопредѣленный анализъ; самые замѣчательные математики, каковы: Ферма, Баше, Пель *), Френикль **) и мн. др. рѣшаютъ задачи Діофанта и продолжаютъ, начатыя имъ изслѣдованія. Но вскорѣ появляется новый методъ—дифференціальное исчисленіе, умы всѣхъ математиковъ слишекомъ заняты имъ и неопредѣленный анализъ забыть. Этимъ вопросомъ снова начинаетъ заниматься Эйлеръ. Начиная съ Эйлера неопредѣленный анализъ и изслѣдованія по теоріи чиселъ дѣлаются любимымъ занятіемъ первоклассныхъ математиковъ первой половины XIX столѣтія: Лагранжа, Лежандра, Гаусса, Якоби и мн. др.

Подобное измѣненіе направленій можно прослѣдить въ развитіи всѣхъ наукъ.

Панпуть ***) жилъ, обыкновенно полагаютъ, въ Александріи, въ концѣ IV в. по Р. Х., но Гульшгъ ****) полагаетъ, что Панпуть современникъ Діоклетіана (284—305 гг.). Мнѣніе свое онъ основываетъ на довольно вѣс-

---

*) Пель (Pell) англійскій математикъ XVII в. Изучалъ науки въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, а впоследствии былъ профессоромъ математики въ Амстердамѣ, умеръ въ 1685 г. Онъ написалъ много сочиненій, изъ числа которыхъ наиболѣе извѣстны: „An idea of mathematics. Lond. 1650“, „Rhonius' Algebra, translated by Th. Branker, much altered and augmented, Lond. 1668“, „A table of 10000 square numbers. Lond. 1672“, „Controversy with Longomontanus concerning the quadrature of the circle, Amst. 1646“. Въ 1658 Пель принялъ духовный санъ и получилъ мѣсто ректора въ Фоббингѣ (Fobbing).

**) Френикль (Frenicle de Bessy) извѣстный французскій математикъ, родился въ 1675 г. въ Парижѣ. Онъ извѣстенъ былъ своимъ умѣніемъ рѣшать различныя задачи на числа, чему очень удивлялся Ферма, занимавшійся теоріей чиселъ. Послѣ смерти Френикла найдены были въ его бумагахъ приемы при помощи которыхъ онъ рѣшалъ задачи. Онъ авторъ сочиненій: „Traité des triangles rectangles en nombres. 1676. Paris“; „Traité des carrés magiques“ и др.

***) Панпуть по гречески Πάππος. На русскомъ языкѣ болѣе употребительно названіе Пантъ, мы же вездѣ употребляемъ болѣе извѣстное, латинизированное Парпуз.

****) Подобное мнѣніе было высказано уже Усенеромъ (Usener) на основаніи словъ одного схоластика. Статья Усенера помѣщена въ Musei Rhénani Vol. XXVIII.

кихъ соображеніяхъ, кромѣ того онъ обѣщалъ сообщить по этому поводу положительныя данныя *). Паппусъ авторъ драгоцѣннаго памятника для исторіи математическихъ наукъ—это его сочиненіе „Математическія Коллекціи“ (Εὐαγώγαι μαθηματικαί). Сочиненіе это состоитъ изъ восьми книгъ, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, дошли до насъ только послѣднія шесть и маленький отрывокъ изъ второй, вѣроятно конецъ этой книги, найденный Валлисомъ въ XVII ст. **).

Въ „Математическихъ Коллекціяхъ“ изложены всѣ замѣчательныя открытія, сдѣланныя въ области Геометріи и Ариметики, а потому сочиненіе это показываетъ намъ состояніе математическихъ наукъ у древнихъ Грековъ до Паппуса. Паппусъ собралъ въ немъ въ одно цѣлое разбросанныя открытія замѣчательнѣйшихъ математиковъ, и множество любопытныхъ предложеній и леммъ, служащихъ къ облегченію чтенія математическихъ сочиненій различныхъ авторовъ. Паппусъ не довольствуется простымъ и сухимъ перечнемъ именъ авторовъ и заглавій ихъ сочиненій, онъ вникаетъ въ сущность каждаго сочиненія, приводитъ болѣе замѣчательныя изъ предложеній, указываетъ на ихъ значеніе и приводитъ содержаніе многихъ сочиненій, изъ которыхъ большая часть въ настоящее время утеряны. При этомъ содержаніе самыхъ сочиненій Паппусъ передаетъ съ такою ясностью и съ такимъ знаніемъ дѣла, что, на основаніи его указаній, многія изъ этихъ сочиненій были возстановлены новѣйшими математиками. Въ этомъ отношеніи сочиненіе Паппуса незамѣнимо, и если бы оно не дошло до насъ, то многое, извѣстное намъ теперь о трудахъ древнихъ греческихъ геометровъ пропало бы безслѣдно. Весьма жаль, что первыя двѣ книги „*Collectiones Mathematicae*“ до насъ не дошли, и потеря ихъ для насъ еще тѣмъ чувствительнѣе, что въ нихъ вѣроятно заключался обзоръ греческой аритметики, подобный обзору Геометріи—закрывающемуся въ послѣднихъ шести книгахъ.

*) Въ предисловіи къ своему прекрасному изданію сочиненій Паппуса.

**) Въ первый разъ „Математическія Коллекціи“ были изданы Коммандиномъ подъ заглавіемъ: *Pappi Alexandrini mathematicae collectiones*, a *Federico Commandino in lat. convergae et commentariis illustratae*. Venet. 1589. in-fol. Переводъ этотъ былъ снова напечатанъ въ Болонѣ въ 1600 г. Отрывокъ, найденный Валлисомъ былъ имъ напечатанъ въ греческомъ текстѣ въ 1688 г. въ Оксфордѣ. Греческій текстъ начала VII-й книги былъ изданъ Галлеемъ при сочиненіи Аполлонія „*De sectionis ratione*“. Начало V-й книги было издано въ греческомъ текстѣ въ 1824 г. въ Парижѣ Эйсенманомъ. Только въ послѣднее время сочиненіе Паппуса было издано съ греческимъ текстомъ Гульштемъ подъ заглавіемъ: *Pappi Alexandrini Collectionis quae supersunt e libris manu scriptis edidit latina interpretatione et commentariis instruxit Fridericus Hultsch*. Vol. I—III. 1875—78. Berolini. Весьма жаль, что „Математическія Коллекціи“ Паппуса не были оцѣнены должнымъ образомъ математиками, только этимъ можно объяснить малое число изданій этого сочиненія.

Такое мнѣніе подтверждается еще тѣмъ, что содержаніе отрывка, изданнаго Валлисомъ, имѣетъ отношеніе къ ариметикѣ.

Въ „Математическихъ Коллекціяхъ“ мы находимъ также много чрезвычайно важныхъ свѣдѣній о различныхъ методахъ, употребляемыхъ древними математиками; интересныя указанія на свойства коническихъ сѣченій, конхонды, квадратриксъ и другихъ кривыхъ. Въ этомъ сочиненіи помѣщена также исторія развитія задачъ: удвоеніе куба и трисекція угла; при этомъ Паппусъ предлагаетъ рѣшеніе первой задачи, которое онъ сводитъ на рѣшеніе задачи „о двухъ средне-пропорціональных“. Рѣшеніе, предложенное Паппусомъ, почти ничѣмъ не отличается отъ рѣшенія, предложеннаго Діоклесомъ.

Мы уже выше сказали, что Паппусъ былъ не только комментаторъ и простой собиратель фактовъ, но онъ почти всегда сопровождаетъ свои указанія различными замѣчаніями, часто весьма цѣнными, такъ напр. замѣчанія Паппуса и леммы, приведенныя въ его сочиненіи для облегченія чтенія сочиненій: „Поризмы“ Евклида, „De locis planis“ и „De sectione determinata“ Аполлонія, почти единственныя указанія, на основаніи которыхъ эти сочиненія были возстановлены новѣйшими математиками. Читая внимательно „Математическія Коллекціи“ Паппуса и вникая въ ихъ содержаніе, вполне дѣлается понятнымъ, почему Декартъ ставитъ Паппуса на ряду съ величайшими математиками древности—Евклидомъ, Архимедомъ и Аполлоніемъ.

Мы вкратцѣ укажемъ, что содержали дошедшія до насъ книги „Математическихъ Коллекцій“.

Книга II. Содержаніе дошедшаго до насъ отрывка этой книги относится къ свойствамъ чиселъ 10, 100, 1000, и т. д. Особеннаго отрывокъ этотъ ничего не заключаетъ, а важенъ онъ только въ томъ отношеніи, что въ немъ Паппусъ ссылается на предложенія изъ утеряннаго арифметическаго сочиненія Аполлонія, о которомъ мы уже выше упоминали.

Книга III. Въ этой книгѣ изложены рѣшенія задачъ „о двухъ средне-пропорціональных“, предложенныя Эратосѣеномъ и Никомедомъ, а также описанъ инструментъ, придуманный Герономъ для рѣшенія этой задачи. Далѣе, Паппусъ показываетъ, какъ построить между двумя данными прямыми третьею средне-пропорціональную и по даннымъ двумъ прямымъ, какъ построить третьею пропорціональную.

Въ концѣ книги онъ излагаетъ построеніе пяти правильныхъ тѣлъ, вписанныхъ въ шаръ.

Книга IV. Въ этой книгѣ доказано на основаніи предложеній, найденныхъ Архимедомъ, слѣдующее замѣчательное предложеніе: если точка начинаетъ свое движеніе отъ вершины полушара и пройдетъ четверть окруж-

ности, и если одновременно съ движеніемъ точки эта четверть окружности сдѣлаетъ полный оборотъ около своей оси, то площадь, заключенная между окружностью основанія и спиралью двойной кривизны, описанной точкой на сферической поверхности, будетъ равна площади квадрата, построеннаго на диаметрѣ. Рѣшеніе этого вопроса есть первый примѣръ *квадратуры поверхностей*.

Далѣе, послѣ этого предложенія, мы узнаемъ изъ введенія къ задачѣ о трисекціи угла, что ученіе о кривыхъ поверхностяхъ и кривыхъ двойной кривизны, на нихъ начерченныхъ, было предметомъ изслѣдованій древнихъ геометровъ. Паппусъ указываетъ на два сочиненія, написанныя по этому предмету: первое изъ нихъ принадлежитъ Димитрію Александрійскому *), это его „Линейныя разысканія“; второе—Филону Тіанскому **), предметъ его—кривыя, происшедшія отъ поверхностей, извѣстныхъ подъ именемъ *плектоидальныхъ*.

Что нужно понимать подъ именемъ плектоидальныхъ поверхностей намъ точно неизвѣстно. Монтукла полагаетъ невозможнымъ рѣшить этотъ вопросъ за недостаткомъ указаній, но Шаль обращаетъ вниманіе геометровъ на 29-е предложеніе IV книги сочиненія Паппуса, въ которомъ сказано, что поверхность четырехграннаго винта есть поверхность плектоидальная; на основаніи этого Шаль полагаетъ, что подъ именемъ плектоидальныхъ поверхностей надо понимать *развертывающіяся поверхности* вообще; или же это были поверхности, извѣстныя въ настоящее время подъ именемъ *коноидальныхъ*, образованныхъ движеніемъ прямой по кривой и неподвижной прямой, остающейся постоянно параллельною одной и той же плоскости; или же наконецъ Паппусъ подъ именемъ плектоидальныхъ поверхностей подразумѣвалъ вообще гелисоидальныя поверхности или же только скользящую гелисоидальную поверхность, т. е. поверхность четырехграннаго винта.

Неаполитанскій геометръ *Флоти* (Flauti) названіе плектоидальныхъ поверхностей относитъ ко всѣмъ поверхностямъ образованнымъ движеніемъ

*) Время когда жилъ Димитрій Александрійскій неизвѣстно, сочиненіе, написанное имъ названо также подъ заглавіемъ: „Lineares aggregatōnes“.

**) *Филонъ Тіанскій* полагаетъ современникомъ Менелая. По словамъ Паппуса поверхности, извѣстныя подъ именемъ плектоидальныхъ (complicatae) и кривыя, полученныя отъ ихъ пересѣченія, сильно занимали древнихъ геометровъ. Одну изъ такихъ кривыхъ Менелай называлъ *чудной*. Изъ этого и заключаютъ, что Филонъ или современникъ Менелая, или же жилъ до него.

Кромѣ того Паппусъ упоминаетъ еще о геометрѣ *Эричаннѣ* (Erisane), написавшемъ сочиненіе „*Pyrodoxa Mathematica*“. Онъ приводитъ нѣсколько предложеній изъ этого сочиненія, но они не заключаютъ ничего интереснаго.

прямой линіи. Коммандинъ въ своихъ комментаріяхъ на сочиненіе Паппуса полагаетъ, что плектоидальныя поверхности суть поверхности цилиндрическія, но такое предположеніе невѣрно.

По поводу квадратриксъ Дейнострата Паппусъ указываетъ на два свойства гелисоидальной скользящей поверхности, которыя заключаютъ въ себѣ средство строить квадратриксу и могутъ служить прекраснымъ примѣромъ геометрическихъ изслѣдованій древнихъ геометровъ, относительно кривыхъ поверхностей и кривыхъ двойной кривизны.

Указавъ на образованіе квадратриксъ, называемое Паппусомъ механическимъ, отъ пересѣченія радіуса круга, вращающагося около своего центра и діаметра, перемѣщающагося параллельно самому себѣ (кн. 4, пред. 25), Паппусъ говоритъ, что кривая эта можетъ быть образована при помощи *мѣсть на поверхности* или при помощи спирали Архимеда.

Взглядъ Паппуса на кривыя поверхности и на кривыя двойной кривизны, которыми онъ воспользовался для построенія плоскихъ кривыхъ, заслуживаетъ вниманія, такъ какъ подобные вопросы въ настоящее время принадлежать къ области Начертательной Геометріи.

Книга V раздѣлена на двѣ части. Въ первой части Паппусъ излагаетъ объ изопериметрахъ плоскихъ фигуръ и поверхностей. Таковы на примѣръ теоремы:

Теорема 1. Изъ двухъ правильныхъ многоугольниковъ, имѣющихъ равные периметры, площадь многоугольника съ большимъ числомъ сторонъ больше площади многоугольника съ меньшимъ числомъ сторонъ.

Теорема 2. Площадь правильного многоугольника, имѣющаго периметръ равный окружности круга, меньше площади круга.

Теорема 3. Площадь прямоугольника, имѣющаго сторонами окружность круга и радіусъ того же круга, вдвое больше площади круга. Эта теорема принадлежитъ Архимеду.

Далѣе, въ 5-й теоремѣ Паппусъ показываетъ, что изъ всѣхъ изопериметрическихъ треугольниковъ, построенныхъ на одномъ основаніи, наибольшую площадь имѣетъ равнобедренный треугольникъ.

Въ 13-й теоремѣ онъ показываетъ, что въ кругахъ площади подобныхъ сегментовъ относятся между собою, какъ квадраты ихъ оснований, т. е. хорды. Далѣе слѣдуютъ подобныя же теоремы.

Во второй части V-й книги Паппусъ говоритъ объ Архимедовыхъ правильныхъ тѣлахъ (полуправильныхъ), о которыхъ мы уже упоминали, говоря объ Архимедѣ.

Книга VI содержитъ комментаріи на сочиненія: „Сферика“ и „О дняхъ и ночахъ“ Теодосія; теоремы, относящіяся къ сочиненіямъ „Движущаяся сфера“ Автолика и „О величинахъ и разстояніяхъ“ Аристарха Самосскаго;

и наконецъ комментаріи на сочиненія Евклида: „Оптика“ и „Феномены“. Содержаніе VI-й книги относится вообще къ астрономіи.

Книга VII—самая обширная. Введеніе къ VII книгѣ „*Collectiones Mathematicae*“ Паппуса содержитъ подробное опредѣленіе *синтеза* и *анализа* и указываетъ на отличительныя особенности каждаго изъ этихъ методовъ; въ самомъ текстѣ этой книги Паппусъ даетъ примѣры обоихъ этихъ методовъ и прилагаетъ ихъ къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ. За этимъ опредѣленіемъ Паппусъ перечисляетъ заглавія сочиненій, написанныхъ древними геометрами о такъ называемыхъ „*рѣшительныхъ мѣстахъ*“; подъ этимъ именемъ они подразумѣвали нѣкоторые геометрическія данныя, познаніе которыхъ необходимо для рѣшающихъ задачи. Большая часть изъ этихъ сочиненій суть примѣры изъ *геометрическаго анализа* древнихъ математиковъ. Мы приведемъ заглавія этихъ сочиненій, какъ они указаны въ сочиненіи Паппуса, а именно: „Данныя“ Евклида; „Дѣленіе въ отношеніи“, въ двухъ книгахъ, Аполлонія; „Дѣленіе пространства“—Аполлонія, въ двухъ книгахъ; „О сопряженіяхъ“—его же, также въ двухъ книгахъ; „Поризмы“ Евклида въ трехъ книгахъ; „О наклоненіяхъ“ Аполлонія—въ двухъ книгахъ; „Плоскія мѣста“ въ двухъ книгахъ и „Коническія сѣченія“ въ восьми книгахъ, также Аполлонія; „Тѣлесныя мѣста“ стараго Аристая, въ пяти книгахъ; „Мѣста на поверхности“ Евклида въ двухъ книгахъ; „О среднихъ отношеніяхъ“—Эратосфена въ двухъ книгахъ; и наконецъ „Объ опредѣленномъ сѣченіи“ Аполлонія въ двухъ книгахъ. Изъ всѣхъ этихъ сочиненій до насъ дошли только „Данныя“ Евклида, первая семь книгъ „Коническихъ сѣченій“ Аполлонія, а также его сочиненіе „Дѣленіе въ отношеніи“. На основаніи замѣчаній Паппуса къ этимъ сочиненіямъ всѣ они были восстановлены, геометрами XVI и XVII столѣтій, въ духѣ древнихъ математиковъ.

Во введеніи къ VII книгѣ „*Collectiones Mathematicae*“ помѣщена также знаменитая задача древнихъ: „*ad tres aut plures lineas*“, которая, по словамъ Паппуса, была камнемъ преткновенія древнихъ геометровъ. Задачей этой занимались также Евклидъ и Аполлоній. Но только въ новѣйшее время она снова приобрѣла извѣстность, послѣ того какъ Декартъ помѣстилъ ее въ началѣ своей „Геометріи“. Задача эта можетъ быть отнесена къ теоріи сѣкущихъ. По словамъ Монтукли ее пытались рѣшить древніе геометры, но они ее рѣшили только до извѣстной степени, общаго же рѣшенія они не сумѣли найти, такъ какъ оно зависело отъ новаго метода, именно алгебраическаго анализа и умѣнія выразить алгебраически основное и отличительное свойство кривой. Задача эта состояла въ слѣдующемъ: „дано нѣсколько прямыхъ, найти геометрическое мѣсто такой точки, чтобы перпендикуляръ, или еще общѣе, наклонная, проведенная изъ этой точки къ даннымъ прямымъ подъ данными углами, удовлетворяли бы условію, что

произведение однихъ изъ нихъ было бы въ постоянномъ отношеніи съ произведеніемъ остальныхъ изъ нихъ". Задачу эту Декартъ называлъ „*проблемой Паппуса*". Древніе геометры прекрасно знали, что если дано только три или четыре линіи, то геометрическое мѣсто или кривая, на которой находятся всѣ эти точки есть одно изъ коническихъ сѣченій, хотя не умѣли опредѣлить его для всякаго случая. По поводу этого Паппусъ упрекаетъ Аполлонія въ хвастливости, за то, что послѣдній утверждалъ, что онъ многое прибавилъ къ рѣшенію, данному Евклидомъ; Паппусъ это опровергаетъ. Если же задача была предложена для большаго числа прямыхъ, чѣмъ четыре, то древніе ограничивались тѣмъ, что говорили, что требуемое мѣсто есть кривая, не указывая ея вида, за исключеніемъ одного случая, для котораго они могли найти кривую; но какой это былъ случай, къ сожалѣнію, Паппусъ не упоминаетъ.

Въ этомъ же введеніи Паппусъ говоритъ о затрудненіи, которое останавливало многихъ геометровъ, именно, что выражаетъ произведение нѣсколькихъ прямыхъ, напр. четырехъ или большаго числа, въ виду несуществованія протяженія болѣе трехъ измѣреній? Паппусъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ тѣмъ, что эти произведенія можно разсматривать какъ простые сочетанія отношеній; выраженіе это часто встрѣчается въ сочиненіяхъ по Геометріи древнихъ авторовъ.

Въ VII-й книгѣ нѣсколько предложеній относятся къ вопросу о *maximum*'ѣ и *minimum*'ѣ. Вопросъ этотъ является у Паппуса при изслѣдованіи свойствъ системы двухъ сопряженныхъ точекъ и двойной точки, свойство это заключается въ слѣдующемъ: отношеніе произведеній разстояній двойной точки отъ сопряженныхъ точекъ есть *maximum* или *minimum*. Паппусъ, при помощи геометрическаго построенія, даетъ выраженіе для этого отношенія, но онъ только указываетъ на свойства *maximum*'а и *minimum*'а, которыя были доказаны въ сочиненіи Аполлонія, но къ сожалѣнію это геометрическое доказательство до насъ не дошло; было-бы весьма интересно знать, какъ поступали древніе геометры при изслѣдованіи этого случая *maximum*'а и *minimum*'а. Въ новѣйшее время подобные вопросы рѣшаются весьма просто и не представляютъ затрудненій. Изъ новѣйшихъ математиковъ Ферма одинъ изъ первыхъ рѣшалъ подобные вопросы.

Въ концѣ введенія къ VII-й книгѣ находится первая идея, вполнѣ стѣни столь извѣстной, теоремы Гюльдена. Паппусъ говоритъ, что „отношенія между собою фигуръ, происшедшихъ отъ вращенія линіи или поверхности, находятся между собою какъ произведенія образующихъ фигуръ и окружностей, описанныхъ ихъ центрами тяжести" *).

*) Теорема Гюльдена состоитъ въ слѣдующемъ: „величина объема или поверхности

Около сорока леммъ VII-й книги относятся къ сочиненію Аполлонія: „*De sectione determinata*“, въ настоящее время предложенія эти вошли въ область новѣйшихъ ученій Геометріи; теоремы эти относятся къ соотношенію между отрезками, дѣлаемыми нѣсколькими точками на прямой. Съ перваго раза не видно связи между этими предложеніями и чтеніе ихъ довольно затруднительно. Но при болѣе внимательномъ ознакомленіи съ ними, Шаль находитъ, что всѣ они относятся къ теоріи *инволюціи* шести точекъ, основанной *Десарью* (*Desargues*), и которая нашла такое громадное приложеніе въ новѣйшей Геометріи.

Большая часть леммъ Паппуса относится, по предположенію Шала, къ первой книгѣ „Поризмъ“ Евклида; леммъ, относящихся къ этому вопросу, 88.

Синсонъ, возстановлявая „Поризмы“ Евклида, „Опредѣленные сѣченія“ и „Плоскія мѣста“ Аполлонія, доказавъ одну за другою всѣ многочисленные леммы сочиненія Паппуса, которыя относятся къ вышеупомянутымъ частямъ сочиненій.

Остальные леммы VII-й книги не представляютъ особеннаго интереса; это отдѣльные предложенія относительно круга, треугольника и коническихъ сѣченій, не представляющія особеннаго интереса. Большая часть изъ этихъ леммъ относится къ сочиненіямъ Аполлонія: „*De inclinationibus*“, „*De tactionibus*“ и къ „Мѣстамъ на поверхности“ Евклида. Изъ нихъ мы укажемъ на одну, относящуюся къ сочиненію „*De tactionibus*“; задача эта вѣшена Паппусомъ весьма просто; она состоитъ въ слѣдующемъ: чрезъ три точки, лежащія на одной прямой, провести стороны треугольника, вписаннаго въ кругъ. Паппусъ также рѣшаетъ эту задачу для нѣсколькихъ частныхъ случаевъ, именно, когда одна изъ точекъ лежитъ въ бесконечности. Задача эта впоследствии была обобщена, точкамъ было

совершенно произвольное положеніе; въ такомъ видѣ она представляла затрудненія и надъ ея рѣшеніемъ трудились многіе изъ геометровъ; но самое простое и самое общее рѣшеніе было дано шестнадцатилѣтнимъ геометромъ неаполитанцемъ Оттавио (*Ottaviano* *).

Книга VIII „*Collectiones Mathematicae*“ Паппуса посвящена главнымъ образомъ описанію машинъ, употребляемыхъ въ практической механикѣ, а также говорится о примѣненіи машинъ къ органическому черченію кри-

---

ращенія, равна производимой площади или линіи, умноженной на путь, пройденный ея центромъ тяжести“. Гюльденъ жилъ въ XVII ст., о немъ мы скажемъ ниже.

*) Рѣшеніе этой задачи также было дано итальянскимъ математикомъ Малфатти (*Malfatti*). Рѣшенія, предложенныя Оттавио и Малфатти, помѣщены въ IV томѣ „*Memorie della Societa italiana*“.

выхъ. Въ той же книгѣ находится много предложеній, относящихся къ Геометріи, изъ коихъ одно заслуживаетъ особеннаго вниманія, а именно: если три матеріальныя точки, помѣщенныя въ вершинахъ треугольника, начинаютъ двигаться одновременно и проходятъ соответственно каждая три стороны, двигаясь въ одномъ и томъ же направленіи, со скоростями пропорціональными длинѣ сторонъ, то ихъ центръ тяжести останется неизмѣннымъ. Доказательство этого предложенія, данное Паппусомъ, основано на извѣстной теоремѣ Птолемея, относительно отрѣзковъ, дѣлаемыхъ съвущей на сторонахъ треугольника. Паппусъ вначалѣ предполагаетъ это предложеніе извѣстнымъ, но впоследствии, въ концѣ книги, доказываетъ его.

Въ заключеніи, сдѣлаемъ еще слѣдующее замѣчаніе: сочиненія, помѣнованныя во введеніи къ VII книгѣ „*Collectiones Mathematicae*“ Паппуса составляютъ цѣлую систему *допомогій* къ Геометріи; безъ сомнѣнія, если бы всѣ эти сочиненія дошли бы до насъ въ настоящемъ своемъ видѣ, то они много способствовали бы развитію Геометріи въ эпоху до возрожденія наукъ. Новая Геометрія такихъ дополненій не имѣетъ; подобныя дополненія должны-бы были быть основаны на иныхъ началахъ, нежели дополненія древнихъ греческихъ геометровъ, а именно должны были проникнуты духомъ простоты и общности, присущимъ новымъ ученіямъ Геометріи.

Паппусъ также написалъ комментаріи на первыя четыре книги „Альмагеста“ Птолемея, но эти комментаріи до насъ не дошли, за исключеніемъ незначительнаго отрывка.

Теонъ, полагають современникъ Паппуса, жилъ въ Александріи между 365 и 390 гг. по Р. Х. Онъ написалъ весьма цѣнные комментаріи на „Начала“ Евклида и издалъ ихъ вновь съ нѣкоторыми добавленіями и измѣненіями. Кромѣ того Теонъ написалъ еще комментаріи къ „Альмагесту“ Птолемея. Теонъ принадлежалъ къ ученымъ Александрійской школы.

Изданіе „Началъ“, данное Теономъ, многіе ученые приписывали ему самому. Такъ напримѣръ Боэцій утверждалъ, что Евклидъ только привелъ въ порядокъ и собралъ предложенія, доказанныя другими, и что главный авторъ „Началъ“ есть Теонъ. До насъ дошли даже рукописи „Началъ“, которыя озаглавлены „Извлеченія изъ бесѣдъ Теона“ (Ἐκ τῶν θέωνος συνοιστῶν). Комментаріи Теона были напечатаны Коммандиномъ при его изданіи „Началъ“ Евклида.

Гипатія. Сочиненія Діофанта, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, были комментированы Гипатіей, дочерью Теона, но такое мнѣніе ничѣмъ не подтверждается. Кромѣ того ей приписываютъ еще нѣкоторыя другія сочиненія. Гипатія болѣе извѣстна своей красотой и трагической кончиной: двадцать три года спустя послѣ истребленія александрійской бібліотеки, въ 415 г. она была растерзана на куски, среди Александріи, разсвирѣпѣв-

шею чернью, возбужденной епископомъ Кирилломъ, видѣвшимъ въ ней только язычницу.

Аѳинская и Византійская школы.

Распаденіе Западной Римской имперіи нанесло окончательный ударъ второй Аѳинской школѣ—она перестала существовать. Центръ научной дѣятельности перемѣстился въ Аѳины—этотъ первоначальный центръ эллинской культуры, тамъ образовалась *Аѳинская школа*, существовавшая не болѣе столѣтія, т. е. до конца VI в.

Послѣ паденія Аѳинской школы, въ VIII в., въ Византіи образовалась новая школа—*Византійская*, существовавшая до XV столѣтія, когда Византія взята была Турками.

Ни одна изъ этихъ школъ не произвела ни одного сколько нибудь замѣчательнаго математика. Изъ числа ученыхъ Аѳинской школы болѣе извѣстны Проклъ и Евтокій, а изъ числа ученыхъ Византійской школы—Геронъ Младшій. Ученые Аѳинской школы занимались изученіемъ и толкованіемъ сочиненій древнихъ греческихъ писателей; ученые же Византійской школы были погружены въ богословскіе и грамматическіе споры; изученію точныхъ наукъ они почти не придавали никакого значенія.

Перечислимъ вкратцѣ ученыхъ, принадлежавшихъ къ этимъ школамъ, которые писали сочиненія по Геометріи.

Проклъ Діадохъ (наслѣдникъ), родомъ изъ Константинополя, жилъ отъ 412 по 485 гг. нашей эры; онъ получилъ образованіе во второй Аѳинской школѣ и послѣ паденія послѣдней отправился въ Аѳины, гдѣ искали убѣжища послѣдніе представители языческихъ ученій. Проклъ стоялъ во главѣ Аѳинской школы, гдѣ преподавалъ неоплатоновскую философію. Своими работами онъ поддерживалъ еще нѣкоторое время угасающее развитіе наукъ. Проклъ комментировалъ сочиненія Платона. Онъ имѣлъ обширныя познанія по математикѣ и астрономіи. Изъ сочиненій, написанныхъ Прокломъ, самое замѣчательное—„Комментаріи на первую книгу „Началъ“ Евклида“, содержащее весьма много любопытныхъ замѣчаній, относящихся къ исторіи и метафизикѣ Геометріи *). Комментаріи эти отличаются своею полнотою. Кромѣ этого сочиненія Проклъ написалъ еще сочиненіе „О шарѣ“.

Прокла преслѣдовали христіане какъ одного изъ главныхъ послѣдо-

---

*) Сочиненіе это было издано въ греческомъ текстѣ Фридлейномъ въ 1878 г., въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: Procli Diadochi in primum Euclidis Elementorum librum commentarii.

вателей платоновских воззрѣній и ученій язычниковъ. Онъ часто говорилъ: „о тѣлѣ я не забочусь! ибо только душу я унесу съ собою, когда умру“.

По словамъ Зонора Проклѣ, подобно Архимеду, съ помощью зажигательныхъ стеколъ сжегъ флотъ Виталія, осаждавшаго Константинополь.

Маринусъ одинъ изъ философовъ, продолжавшихъ послѣ Прокла преподаваніе въ Аѳинской школѣ. Онъ написалъ введеніе къ „Даннымъ“ Евклида, въ которомъ онъ указываетъ на характеръ и пользу этого сочиненія.

Исидоръ Милетскій, ученикъ Маринуса, извѣстенъ какъ свѣдушій механикъ и геометръ. Сочиненія его до насъ не дошли.

Евтокій Аскалонскій, ученикъ Исидора, самый извѣстный изъ послѣдователей Прокла, жилъ около 550 г., въ царствованіе Юстиніана. Онъ написалъ: „Комментаріи на первыя четыре книги „Коническихъ Свѣченій“ Аполлонія“, а также комментаріи на сочиненія Архимеда: „О шарѣ и цилиндрѣ“, „Квадратура параболы“, „Объ измѣреніи круга“ и „О равновѣсіи плавающихъ тѣлъ“. Сочиненія Евтокія важны въ томъ отношеніи, что они содержатъ много драгоценныхъ матеріаловъ для исторіи математическихъ наукъ, въ нихъ заключаются также отрывки по Геометріи, изъ недавнихъ сочиненій самыхъ древнихъ изъ извѣстныхъ намъ писателей. Большая часть этихъ отрывковъ относится къ рѣшенію задачъ: „удвоеніе куба“ и „нахожденіе двухъ средне-пропорціональныхъ“. Такими отрывками въ особенности изобилуетъ комментарій ко второй книги сочиненія „О шарѣ и цилиндрѣ“.

Въ комментаріяхъ ко второй книгѣ сочиненія Архимеда „О шарѣ и цилиндрѣ“ Евтокій излагаетъ всѣ одинадцать рѣшеній извѣстной задачи „удвоеніе куба“, которыя даны были древними геометрами. Рѣшенія эти принадлежатъ: Платону, Герону, Филону Византійскому, Аполлонію, Диоклесу, Паппусу, Спору, Менайхму, Архиту (на основаніи указаній Евдема), Эратоссену и Никомеду *).

Симпликій одинъ изъ послѣднихъ представителей неоплатоновской философіи жилъ въ Аѳинахъ, въ началѣ VI столѣтія. Изъ числа его сочиненій болѣе извѣстны его комментаріи на сочиненіе Аристотеля „О не

Геронъ Младшій принадлежалъ къ числу ученыхъ Византійской школы и жилъ въ X в. Мы уже выше замѣтили, говоря о Геронѣ Старшемъ, что

*) Комментаріи Евтокія на сочиненія Архимеда были изданы на греческомъ языкѣ въ Базелѣ, въ 1544 г., подъ заглавіемъ: „Eutocii Ascalonitae in Archimedis libros de sphaera et cylindro, atque alios quosdam, Commentaria, nunc primum et Graece et Latine in lucem edita“. Комментаріи эти помѣщены въ видѣ приложений къ сочиненіямъ Архимеда: „Archimedis Syracusani philosophi ac geometrae excellentissimi opera ect. Basileae. 1544“. in-4.

ученныхъ, носившихъ имя Герона, было нѣсколько, вслѣдствіе чего долгое время существовало недоразумѣніе какія именно сочиненія написаны тѣмъ или другимъ изъ Героновъ. Въ настоящее время вопросъ этотъ окончательно разъясненъ Мартеномъ, который доказалъ, что Геронтъ Младшій, или какъ его иначе называютъ Геронтъ III, жилъ въ X в., въ Константинополѣ. Прежніе писатели по исторіи математическихъ наукъ полагали, что Геронтъ Младшій жилъ гораздо раньше, такъ напр. Монтукла относитъ его къ VIII в., а Гейлброннеръ и Летроннъ полагали, что онъ жилъ въ Александріи въ царствованіе Гераклія (610—641 гг.). Первый, высказавшій предположеніе, что Геронтъ Младшій жилъ не ранѣе X в., былъ Иделеръ *).

Геронтъ Младшій, авторъ нѣсколькихъ сочиненій, изъ которыхъ болѣе извѣстны: „Объ осадныхъ машинахъ“ (Πολιορκητικά—De machinis bellicis), „Геодезія“ и „Объ устройствѣ солнечныхъ часовъ“. Изъ этихъ сочиненій до насъ дошли только первыя два. Укажемъ вкратцѣ на ихъ содержаніе.

„Геодезія“ состоитъ изъ введенія и десяти задачъ; начало первой задачи утеряно. Въ этомъ сочиненіи Геронтъ упоминаетъ имена Евклида, Архимеда и Герона (Старшаго). Во введеніи къ „Геодезіи“ авторъ говоритъ о примѣненіи діоптръ въ военномъ искусствѣ и о другихъ приложеніяхъ этого инструмента. Затѣмъ онъ переходитъ къ рѣшенію задачъ. Предметъ первыхъ четырехъ задачъ составляетъ опредѣленіе разстоянія между двумя точками, при различныхъ условіяхъ, не подходя ни къ одной, ни къ другой. Задачи эти Геронтъ рѣшаетъ на поле, при чемъ строитъ треугольникъ, въ которомъ одна изъ сторонъ была бы искомое разстояніе, затѣмъ онъ строитъ другой треугольникъ—меньшій, подобный первому. Изъ соотношеній между этими двумя треугольниками онъ опредѣляетъ искомое разстояніе. Задачи эти рѣшены геометрически, о тригонометрическомъ рѣшеніи нѣтъ и помину. Изъ численныхъ данныхъ этихъ задачъ Мартенъ заключаетъ, что измѣренія свои Геронтъ производилъ въ Константинопольскомъ ипподромѣ.

Предметъ пятой задачи измѣреніе площадей многоугольниковъ. Въ этой же задачѣ Геронтъ предлагаетъ, весьма простой способъ доказательства предложенія, что сумма внутреннихъ угловъ треугольника равна $2d$. Доказательство этого предложенія слѣдуетъ изъ слѣдующихъ пяти предложеній: 1) прямоугольникъ есть четырехугольникъ, въ которомъ всѣ углы прямые, 2) всякій параллелограмъ образованъ изъ прямоугольника безъ измѣненія величины сторонъ и суммы угловъ, 3) во всякомъ параллелограммѣ сумма четырехъ угловъ равна $4d$, 4) всякій треугольникъ равенъ половинѣ па-

*) Ideler. Ueber die Laengen-und Flaechenmasse der Alten. Abhandlungen der Berlinischen Academie der Wissenschaften. 1812—1813.

параллелограмма и 5) сумма угловъ всякаго треугольника равна половинѣ суммы угловъ параллелограмма, состоящаго изъ двухъ такихъ треугольниковъ. Къ сожалѣнію второе изъ этихъ предложеній доказать трудно.

Въ шестой задачѣ Геронъ занимается измѣреніемъ круга, при чемъ слѣдуетъ Архимеду, но онъ довольствуется приближеніемъ, которое Архимедъ считаетъ недостаточнымъ. Изъ численныхъ примѣровъ этой задачи можно видѣть какъ Геронъ производилъ умноженіе.

Въ седьмой задачѣ авторъ занимается измѣреніемъ куба, шара, цилиндра, конуса, призмы и пирамиды, при чемъ слѣдуетъ „Началамъ“ Евклида. Кромѣ того указаны вѣрно положенія центровъ тяжести послѣднихъ четырехъ тѣлъ.

Въ восьмой задачѣ Геронъ измѣряетъ емкость колодца. На основаніи нѣкоторыхъ указаній и числовыхъ данныхъ, Мартенъ заключаетъ, что колодезь этотъ есть *цистерна Аспара*, находящаяся около Константинополя.

Въ девятой задачѣ Геронъ вычисляетъ количество воды, получаемое источникомъ. По его словамъ, задачу эту онъ заимствовалъ у Герона, ученика Ктезибія. Къ задачѣ этой приложено нѣсколько численныхъ примѣровъ.

Въ десятой, послѣдней, задачѣ Геронъ опредѣляетъ угловое разстояніе между двумя звѣздами.

Познакомившись съ содержаніемъ этого сочиненія видно, что Геронъ былъ знакомъ весьма поверхностно съ практической Геометріею; астрономическія познанія его были также ничтожны и кромѣ того часто совершенно превратны. Самъ авторъ, въ предисловіи къ своему сочиненію говоритъ, что онъ стремился представить въ болѣе сокращенной и менѣе научной формѣ открытія древнихъ ученыхъ и сдѣлать ихъ болѣе доступными въ эпоху невѣжества.

Второе, изъ дошедшихъ до насъ сочиненій Герона Младшаго, это „Объ осадныхъ машинахъ“, въ которомъ описаны различныя машины, употребляемыя во время войны, такъ напр. описаны: тараны, башни на колесахъ, осадныя лѣстницы и мн. др. Въ этомъ сочиненіи авторъ упоминаетъ о сочиненіяхъ, написанныхъ по тому же предмету, Аполлодоромъ, Битономъ и Атенеємъ, которые представили свои сочиненія, первый императору Адриану, второй—Атталу и третій—Марцеллу. Самъ авторъ говоритъ, что многое онъ заимствовалъ изъ сочиненія Аполлодора; кромѣ того онъ упоминаетъ объ Антеміѣ, строителѣ церкви Св. Софіи, въ Константинополѣ. Сочиненіе Герона, было написано имъ въ эпоху, когда Саррацины предпринимали походы на Византійскую имперію, написать сочиненіе объ осадныхъ машинахъ и средствахъ обороны явилось настоятельной необходимостью. Вѣроятно сочиненіе Герона было написано въ царствованіе Константина

Порфиророднаго, который самъ написалъ „Тактику“. Изъ сочиненія Герона можно заключить, что онъ былъ христіанинъ.

Въ предисловіи къ своему сочиненію Геронъ весьма интересно характеризуетъ современныхъ ему ученыхъ, онъ говоритъ, что они болѣе обращаютъ вниманія на красоту слога, чѣмъ на содержаніе и мысль сочиненій; онъ указываетъ, по примѣру мудраго Порфирія, на *великаго* Плотина, который не обращалъ вниманія даже на правописаніе. Далѣе онъ говоритъ, что нужно снисходительно относиться къ неточностямъ въ словахъ, но строго относиться къ неточностямъ мысли, а еще болѣе дѣяній. Онъ нападаетъ на риторовъ, которые напрасно теряютъ труды и время на составленіе пустѣйшихъ сочиненій, предметомъ которыхъ служатъ перефразировка опредѣленій различныхъ неодушевленныхъ предметовъ, восхваленіе или порицаніе животныхъ. Къ этимъ риторамъ, по мнѣнію Герона, слѣдуетъ отнести упреки, которые дѣлалъ индусъ Каланусъ греческимъ философамъ за ихъ болгливость, приводя въ противоположность индусскихъ мудрецовъ, отличающихся краткостью и простотою своихъ изрѣченій *).

Свою „Геодезію“ Геронъ, какъ полагаютъ, написалъ около 938 г., а „Объ осажденныхъ машинахъ“—немного ранѣе. „Геодезія“ составляла какъ-бы продолженіе послѣдняго сочиненія Герона. Оба поименованныя сочиненія были переведены на латинскій языкъ Бароціемъ (Barozzi) и напечатаны въ Венеціи, въ 1572 г.

Въ „Геодезіи“ Герона находится нѣсколько интересныхъ указаній, изъ которыхъ видно, какія мѣры и монеты были въ ходу въ Византійской имперіи въ X в., а также данныя для топографіи Константинополя и его окрестностей въ то время.

Кромѣ поименованныхъ нами сочиненій, до насъ дошли отрывки еще нѣкоторыхъ другихъ, которыя приписываютъ Герону, это: „Объ оборонѣ крѣпостей“, „Физика“, „Агрономія“ и „О леченіи животныхъ“. На сколько вѣроятно такое предположеніе нельзя сказать утвердительно.

Долгое время сочиненія Герона Младшаго и Герона Старшаго смѣшивали однѣ съ другими. Въ многочисленныхъ, дошедшихъ до насъ рукописяхъ сочиненій этихъ ученыхъ существуетъ путаница. Такъ напримѣръ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ сочиненіе „О діоптрѣ“, написанное Герономъ Старшимъ, приписывали Герону Младшему. Дошедшія до насъ отрывки „Метрики“ также часто приписываютъ Герону Младшему. Мартенъ, не безъ основанія, вполне справедливо замѣчаетъ, что можетъ быть сочиненіе „О діоптрѣ“ (*Περὶ διόπτρας*) составляло *пятую* часть „Метрики“ Герона,

*) Такое же замѣчаніе находится въ сочиненіи Атеней, но о немъ Геронъ не упоминаетъ.

въ этой послѣдней части были изложены практическія примѣненія Геометріи, на основаніи теоретическихъ данныхъ, заключающихся въ первыхъ четырехъ. Было-бы весьма интересно, чтобы были собраны и изданы, по возможности всѣ, оставшіеся отрывки изъ „Метрики“ Герона Старшаго. Почти во всѣхъ большихъ библіотекахъ Западной Европы существуютъ рукописи, въ которыхъ находятся отрывки или же компіляціи этого сочиненія. Сбравъ, уцѣлѣвшія отрывки можетъ можно-бы было возстановить замѣчательное сочиненіе Герона.

При различныхъ геометрическихъ компіляціяхъ, приписываемыхъ Геронамъ, находятся сочиненія и отрывки изъ сочиненій древнихъ геометровъ, неизвѣстно когда жившихъ. Въ числѣ такихъ сочиненій упомянемъ „О мѣрахъ мраморовъ и дерева“ *) *Дидима*, александрійскаго ученаго, неизвѣстно когда жившаго. Въ этомъ сочиненіи рѣшено нѣсколько интересныхъ геометрическихъ задачъ. Изъ другихъ отрывковъ сочиненій, приписываемыхъ Геронамъ, укажемъ еще на отрывки изъ сочиненія, предметомъ котораго служить обзоръ различныхъ мѣръ и монетъ. На основаніи различныхъ соображеній полагаютъ, что авторъ этого сочиненія александрійскій еврей, но время когда онъ жилъ неизвѣстно. Въ нѣкоторыхъ геометрическихъ компіляціяхъ сочиненій Герона, находятся примѣчанія, сдѣланныя *Патриціемъ*, который, какъ полагаютъ, жилъ въ концѣ IV в. и былъ родомъ изъ Лидіи.

Мы остановились болѣе подробно на сочиненіяхъ, написанныхъ Геронами потому, что о нихъ, на сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ во всѣхъ „Исторіяхъ математическихъ наукъ“ говорится только мимоходомъ. Не только содержанія, но даже самаго заглавія, такого замѣчательнаго сочиненія какъ „Метрика“, ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ авторовъ не упоминаютъ.

Все изложенное нами о Геронѣ Старшемъ и Геронѣ Младшемъ мы заимствовали изъ замѣчательныхъ изслѣдованій Летрона, Мартена и Гульшца, о которыхъ мы говорили выше.

---

*) Сочиненіе это было издано подъ заглавіемъ: *Iliadis fragmenta antiquissima cum picturis, item scholiasta vetus ad Odysseam, et Didimi Alexandrini marmorum et lignorum mensurae*, ed. A. Maio. Mediolani. 1819. in-fol.

Сочиненіе Дидима въ послѣднее время было напечатано при сочиненіи Герона: *Heronis Alexandrini geometricorum et stereometricorum reliquae accendunt Didimi Alexandrini mensurae marmorum ect.* Edidit F. Hultsch. Berlin. 1864.

Нѣкоторые ученые полагаютъ, что упомянутый нами Дидимъ и Дидимъ александрійскій грамматикъ, современникъ Августа, одно лицо. На сколько это вѣрно нельзя сказать. По словамъ Сенеки грамматикъ-Дидимъ написалъ болѣе 4000 сочиненій.

Изъ другихъ математиковъ Византійской школы упомянемъ еще слѣдующихъ:

Іоаннъ Педисіамусъ, жившій въ началѣ XIV в., написалъ сокращенную Геометрію.

Георгій Пашимеръ написалъ сочиненіе „О недѣлимыхъ линіяхъ“ (*Περὶ ἀτόμων γραμμῶν* *).

Пселмусъ, жившій между X и XII вв., авторъ ничтожнаго сочиненія „О четырехъ частяхъ математики“ **).

Варлаамъ, греческій монахъ, написалъ около 1330 г. комментарий на первыя книги „Началъ“ Евклида. Кромѣ того онъ авторъ сочиненія: „Λογιστικῆς“ ***), въ которомъ показаны способы дѣйствій надъ дробями и шестидесятичное дѣленіе, бывшіе въ употребленіи между Греками. Варлаамъ считался свѣдущимъ математикомъ. Онъ былъ посланъ императоромъ Андроникомъ къ папѣ въ Авиньонъ для переговоровъ относительно соединенія церквей. Варлаамъ давалъ уроки греческаго языка Петrarкѣ.

Максимъ Планудъ, греческій монахъ, написалъ комментарий на первыя двѣ книги „Арифметикъ“ Діофанта. Комментаріи эти были впервые напечатаны Ксиландеромъ при его изданіи сочиненій Діофанта. Кромѣ того Планудъ написалъ сочиненіе „Объ арифметикѣ Индусовъ“ (*Ψευδογῶγία κατὰ Ἰνδοῦς* ****) и другое сочиненіе „О пропорціяхъ“.

Максимъ Планудъ былъ посланникомъ Андроника II въ 1327 г. при Венеціанской республикѣ.

Исаакъ Ариурусъ, греческій монахъ, авторъ многихъ сочиненій, изъ которыхъ болѣе извѣстны слѣдующія: „Геодезія“—это сочиненіе по практической Геометріи; „Обращеніе непрямоугольныхъ треугольниковъ въ прямоугольные“; „Схолія“ на первыя шесть книгъ „Началъ“ Евклида; „Пасхальный канонъ“ (*Πασχάλιος Κανὼν*), написанное около 1373 г. *****).

*) Сочиненіе это было издано въ 1629 г. въ Парижѣ Шекомъ (Schegk).

**) Сочиненіе это было напечатано въ 1556 г. подъ заглавіемъ: „De quatuor disciplinis mathematicis“.

***) Сочиненіе это было издано съ греческимъ и латинскимъ текстомъ, подъ заглавіемъ: „Logisticae libri VI“ въ Страсбургѣ въ 1572 г., а затѣмъ въ Парижѣ въ 1606 г. со школами Шамбера (Chambers).

****) Сочиненіе это впервые было издано въ Галле въ 1865 г. Гергардомъ.

*****) Сочиненіе это было издано въ 1611 г. съ латинскимъ переводомъ Іакова Кристрана. Во многихъ бібліотекахъ Европы находятся рукописныя сочиненія Ариуруса. Большая часть изъ нихъ астрономическаго содержанія.

Изъ рукописныхъ сочиненій Ариуруса, математическаго содержанія, извѣстны слѣдующія: „De extractione radicis quadratice quadratorum irrationalium“. „Compendium geodeticæ seu de dimensione locorum methodus brevis ac tuta“. „Theorematum de triangulis“.

Римляне.

Мы видѣли, до какой высокой степени развитія достигла Геометрія у Грековъ; также прослѣдили состояніе этой науки у Индусовъ, тѣмъ болѣе намъ покажется теперь страннымъ, тотъ низкій уровень познаній по Геометріи и математическимъ наукамъ вообще, которымъ обладали Римляне; еще Цицеронъ говорилъ, что его соотечественники мало занимаются Геометріей *).

Математическими науками Римляне занимались только для практическихъ цѣлей; Геометріей они занимались только въ примѣненіи ея къ разграниченію и измѣренію полей. Отдѣльныхъ сочиненій по Геометріи, за исключеніемъ „Геометріи“ Бозція, до насъ не дошло. Геометрія входила, какъ составная часть въ Энциклопедіи, предметомъ которыхъ были „*artes liberales*“ **). Самые древнія сочиненія, дошедшія до насъ, въ которыхъ мы находимъ геометрическія свѣдѣнія, это сочиненія римскихъ землеѣровъ ***),

dimensione triangulorum aliarumque figurarum“. „*De inventione quadrangulorum laterum*“. „*De figuris non rectangulis ad rectangulas reducendis*“.

*) Цицеронъ говоритъ: „*In summo honore apud Graecos geometria fuit; itaque nihil mathematicis illustrius: at nos ratiocinandi metiendique utilitate hujus artis terminavimus modum*“. Cicero, *tuscul. disput. lib. I*. Какой взглядъ, на математическія науки вообще, существовалъ у Римлянъ, можно видѣть изъ заглавія одной изъ главъ (С. IX, 18) Кодекса Юстиніана, именно: „*De maleficis et mathematicis et ceteris similibus*“, въ этой главѣ между прочимъ, говорится: „*Ars autem mathematica damnabilis interdicta est omnino*“. Впрочемъ, немного далѣе, въ той же главѣ, говорится: „*Artem Geometriae discere atque exercere publice interest*“.

Лапласъ прекрасно охарактеризовалъ состояніе точныхъ наукъ у Римлянъ, слѣдующими словами: „*Rome, pendant longtemps le séjour des vertus, de la gloire et des lettres, ne fit rien d'utile aux sciences. La considération attachée, dans cette république, à l'éloquence et aux talents militaires, entraîna tous les esprits. Les sciences, n'y présentant aucun avantage, durent être négligées au milieu des conquêtes que son ambition lui fit entreprendre, et de ses querelles intestines qui produisirent enfin les guerres civiles dans lesquelles son inquiète liberté expira, et fut remplacée par le despotisme souvent orageux de ses empereurs. Le déchirement de l'empire, suite inévitable de sa trop vaste étendue, amena sa décadence; et le flambeau des sciences, éteint par les irruptions des barbares, ne se ralluma que chez les Arabes*“. *Oeuvres de Laplace. T. VI. Exposition du système du monde pag. 392*.

**) Семь свободныхъ искусствъ составляли: грамматика, діалектика, риторика, геометрія, арифметика, астрономія и музыка.

***) Весьма интересныя свѣдѣнія о римскихъ землеѣрахъ находятся въ *Арцеріанской рукописи*, принадлежащей Вольфенбюттельской бібліотекѣ. Рукопись эта написана полагаютъ въ VI или VII вѣкѣ. Первые извѣстія о этомъ замѣчательномъ памятникѣ относятся къ 1000 г., когда рукопись эта принадлежала знаменитому монастырю Боббіо (Bobbio), находя-

носившихъ названіе—*gromatici*. Въ сочиненіяхъ этихъ изложены правила и приемы при помощи которыхъ землемеры измѣряли и разграничивали поля *). Обь опредѣленіяхъ и первоначальныхъ геометрическихъ понятіяхъ, въ этихъ сочиненіяхъ нѣтъ и помину. Правила формулированы безъ всякихъ доказательствъ, а читатель долженъ довольствоваться численнымъ примѣромъ, рѣшеннымъ безъ всякой точности и большею частью неясно. По своему содержанію, почти всѣ эти сочиненія могутъ быть раздѣлены каждое на двѣ части, въ одной изложены правила и приемы для вычисленій, а въ другой изложено само измѣреніе полей. Правила и приемы для измѣреній, даны для самыхъ простыхъ фигуръ; пифагорова теорема примѣняется весьма рѣдко. Сравнительно чаще, встрѣчаются формулы, данныя Герономъ, именно: выраженіе для площади треугольника въ функціи его сторонъ; приближенное выраженіе для площади равносторонняго треугольника; а также выраженіе для площади сегмента. Площадь равносторонняго треугольника римскіе геометры полагали равной половинѣ площади квадрата, построеннаго на одной изъ его сторонъ, т. е. если a сторона такого треугольника, то его площадь равна $\frac{a^2}{2}$. Выраженіе данное Герономъ для площади равносторонняго треугольника въ сочиненіяхъ римскихъ землемеровъ полагають равнымъ $\frac{a^2}{4} \cdot \frac{26}{15} = \frac{13a^2}{30}$ **), вмѣсто точнаго выраженія $\frac{a^2}{4}\sqrt{3}$; принимая выраженіе римлянъ, находимъ $\sqrt{3} = \frac{26}{15}$, а слѣдовательно $\sqrt{675} = 26$ ***). Кромѣ этихъ выраженій для площади равносторонняго треугольника, мы находимъ еще одну формулу вполне принадлежащую однимъ только римлянамъ, это выраженіе для этой площади въ видѣ $\frac{1}{2}(a^2 + a)$; происхожденіе этого выраженія

щелся въ Ломбардіи, недалеко отъ Піаченцы. Въ 1494 г. рукопись эта была перевезена въ Римъ; послѣ этого она переходила изъ рукъ въ руки; побывала въ Польшѣ, Гренингенѣ, Утрехтѣ и наконецъ была куплена Вольфенбюттельской библіотекой въ 1663 г. Наполеонъ въ 1807 г. перенесъ ее въ Парижъ; но въ 1814 г. она была возвращена Вольфенбюттельской библіотекѣ, гдѣ она находится и въ настоящее время и составляетъ одну изъ самыхъ драгоцѣнныхъ рукописей, тамошней коллекціи манускриптовъ. Рукопись эту подробно изслѣдовали Блуме и Лангъ; она состоитъ изъ 157 листовъ пергамента in-4.

Мы привели исторію этой рукописи для того, чтобы показать судьбу многихъ подобныхъ памятниковъ наукъ, которые во время подобныхъ странствованій пропади безслѣдно.

*) Интересныя свѣдѣнія о римскихъ землемерахъ находятся въ сочиненіи: *Gromatici veteres. Die Schriften der römischen Feldmesser herausgegeben und erl. von F. Blume, K. Lachmann und A. Rudorff. Bd. I—II. Berlin, 1848—52.*

**) Выраженіе это встрѣчается въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ по практической Геометріи, написанныхъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

***) Неточное выраженіе для площади треугольника встрѣчается также въ сочиненіи Колумеллы (*Columella*) „*De re rustica Libri XII*“, жившаго въ I в. во Р. X.

становится понятнымъ, когда мы находимъ подобное же выраженіе для площади правильного семиугольника, всего сторона равна a , именно $\frac{1}{4}(5a^2 - 3a)$. Выраженіе $\frac{a^2}{4}$ вѣроятно было заимствовано у египетскихъ землеѣровъ, которые пользовались формулой $\frac{a+b}{2} \cdot \frac{c+d}{2}$, для вычисленія площади всякаго четырехугольника. Эти немногія геометрическія познанія были все извѣстное по Геометріи римскимъ землеѣрамъ. Заглавія сочиненій, написанныхъ римскими землеѣрами, равно какъ ихъ имена мы не станемъ приводить; сочиненія эти не заключаютъ ничего особеннаго и по своему содержанію крайне ничтожны.

Мы вкратцѣ перечислимъ имена нѣсколькихъ знаменитыхъ римлянъ, занимавшихся науками, написавшихъ сочиненія по Геометріи или въ сочиненіяхъ которыхъ видно ихъ знакомство съ этой наукой.

Варронъ (Marcus Terentius Varro) другъ Помпея, Цицерона и Цезаря жилъ между 116 и 27 гг. до Р. Х., по справедливости считался однимъ изъ самыхъ ученыхъ людей своего времени; современники называли его *вторымъ* Платономъ. Варронъ обладалъ одною изъ самыхъ большихъ библіотекъ и по своимъ собственнымъ словамъ написалъ болѣе 490 сочиненій. Большая часть этихъ сочиненій относится къ грамматикѣ и къ сельскому хозяйству. Онъ написалъ также сочиненія по Геометріи, астрономіи и ариметикѣ; къ сожалѣнію сочиненія эти до насъ не дошли *). По словамъ Кассіодора, въ

---

*) Въ дошедшемъ до насъ сочиненіи „Аттическія ночи“ (Noctes atticae), написанномъ въ началѣ II в. Авлу-Гелліемъ (Aulus-Gellius), находятся выписки изъ математическихъ сочиненій Варрона; такъ напр. въ Гл. XIV, Т. III упомянутого сочиненія, приведено опредѣленіе прямой линіи, данное Варрономъ; опредѣленіе это слѣдующее: „прямая линія есть извѣстная длина, не имѣющая ни ширины, ни глубины“. Въ этомъ сочиненіи приведены выписки изъ другихъ сочиненій Варрона, изъ которыхъ можно видѣть, что Варронъ приписывалъ числамъ мистическія свойства, подобно пифагорейцамъ. Говоря о числѣ семь (Гл. XVI, Т. III) Авлу-Геллій указываетъ на замѣчательныя свойства этого числа, при чемъ приводитъ слѣдующую выписку изъ сочиненія Варрона: „Недѣли или Картины“ (Hebdomades vel de Imaginibus), въ которой сказано: „у дѣтей зубы вырастаютъ въ теченіи первыхъ семи мѣсяцевъ, недѣля имѣетъ семь дней, существуетъ семь чудесъ свѣта, семь мудрецовъ, семь общественныхъ игръ въ циркахъ, семь полководцевъ осаждали Тивы, на небѣ число это образовало Большую и Малую Медвѣдицы, а также Плеяды; наибольшій ростъ, до котораго достигаетъ человѣкъ, семь футовъ; отъ недостатка пищи умираютъ на седьмой день; число семь имѣетъ важное значеніе при кровообращеніи; во время болѣзней, самые опасные дни седьмой, четырнадцатый и двадцать первый; и т. п.“. Въ заключеніи главы „О числѣ семь“, въ сочиненіи Авлу-Геллія, приведены слова самаго Варрона: „я прожилъ семь разъ двѣнадцать лѣтъ, написалъ семь разъ семьдесятъ двѣ книги, изъ которыхъ большая часть погибла, съ тѣхъ поръ какъ назначено вознагражденіе за мою голову, я покинулъ свою библіотеку и всѣ книги мои разсѣяны“.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ,

АРІЙСКАЯ СЕМЬЯ, ЕЯ СТРОЙ И РАЗВИТІЕ.

The Aryan Household, its structure and its development. An Introduction to Comparative Jurisprudence by W. E. Hearn. Melbourne 1879.

Трудъ Вильяма Эдварда Гёрна, декана юридическаго факультета въ Мельбёрнѣ, относится къ области Сравнительной Политики, научающей политическія учрежденія арійскихъ народовъ съ тѣмъ, чтобы путемъ сравненія ихъ возстановить исконный бытъ арійцевъ и прослѣдить за измѣненіями его подъ вліяніемъ различныхъ условій.

Когда идетъ рѣчь объ учрежденіяхъ и формахъ общежитія, то подъ этими и подобными имъ выраженіями въ сущности разумѣются двѣ вещи: во 1-хъ, та доля въ поведеніи и дѣятельности людей, которая направлена къ содѣйствию (или противодѣйствию) ихъ другъ другу; и во 2-хъ, мнѣнія и чувства, сообщающія побужденія и цѣли этому поведенію. Каковъ бы не былъ строй и порядокъ общества, онъ всегда сводится къ тому, что въ сознаніи людей есть общія, болѣе или менѣе опредѣленныя и устойчивыя, мнѣнія на счетъ ихъ отношеній другъ къ другу, на счетъ цѣлей и средствъ ихъ общежитія, на счетъ распределенія правъ и обязанностей, трудовъ и выгодъ, вытекающихъ изъ него.

Возникновеніе политическихъ учрежденій въ сущности есть образованіе опредѣленныхъ мотивовъ поведенія; дальнѣйшая судьба учрежденій есть не болѣе какъ судьба мнѣній и чувствъ, составляющихъ эти мотивы. Распространеніе политическихъ мотивовъ, возрастаніе или уменьшеніе ихъ ясности и силы, осложненіе ихъ первоначальнаго со-

держанія путемъ ассоціаціи съ новыми мнѣніями и чувствами, замѣщеніе въ нихъ однихъ элементовъ другими, ослабленіе ихъ власти надъ волей вслѣдствіе упадка ихъ собственной страстности или противодѣйствія другихъ мотивовъ,—вотъ главнѣйшія явленія того психологическаго процесса, который составляетъ самое зерно политической исторіи. Процессъ этотъ, если вникнуть въ него пристальнѣе, вовсе не такъ сложенъ, какъ можно думать по необозримой сложности и разнообразію его проявленій и результатовъ. Главное препятствіе къ его изученію и объясненію заключается въ томъ, что условія, опредѣляющія его теченіе, въ высшей степени многочисленны и разнообразны.

Хотя политическіе мотивы, составляющіе настоящую природу учреждений, бываютъ обыкновенно очень сложны и разнообразны, тѣмъ не менѣе ихъ можно распредѣлить на двѣ категоріи. Къ первой относятся мнѣнія и чувства, сближающія людей, располагающія ихъ къ сочувствію и содѣйствію. Они бываютъ очень разнообразны и происходятъ изъ различныхъ источниковъ, какъ напр. изъ привязанностей къ лицамъ и идеямъ, изъ сходства въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, въ повседневномъ опытѣ и интересахъ, связанныхъ съ нимъ, въ господствующихъ занятіяхъ, изъ одинаковости теоретическихъ убѣжденій, наконецъ изъ сотрудничества и соучастія въ дѣлахъ и положеніяхъ. Къ другой категоріи относятся мнѣнія и чувства, служащія основой власти и господства для однихъ, покорности и подчиненія для другихъ. Мотивы перваго рода сближаютъ людей въ общество; мотивы втораго рода назначаютъ каждому его мѣсто въ обществѣ. Двойственность политическихъ мотивовъ обнаруживается уже въ первичной формѣ общезжитія, будетъ ли то патріархальная семья, основанная на почитаніи предковъ (какъ думаютъ Ф. Куланжъ, Менъ и Гёрнъ), или стадо-орда (какъ полагаютъ Жиро-Телонъ, М. Леннанъ и др.). И тутъ и тамъ можно разглядѣть слѣды мнѣній и чувствъ, сближающихъ людей и располагающихъ однихъ къ господству, другихъ къ подчиненію. Чѣмъ далѣе отходимъ мы отъ первичныхъ формъ общезжитія, тѣмъ болѣе увеличивается разнообразность какъ общественныхъ связей, такъ и основъ авторитета. Но подъ видимымъ разнообразіемъ тѣхъ и другихъ тщательный анализъ открываетъ всюду присутствіе однихъ и тѣхъ же, относительно немногихъ, психологическихъ элементовъ.

Если согласиться, что подъ политическими учрежденіями слѣдуетъ разумѣть нормы и мотивы поведенія людей, дѣйствующихъ другъ подлѣ

друга или другъ противъ друга, то не трудно будетъ намѣтить рядъ задачъ, послѣдовательное разрѣшеніе которыхъ составляетъ дѣло историка учреждений. Прежде всего ему предстоитъ опредѣлить на основаніи историческаго преданія правило поведенія, законъ или обычай, выражавшійся въ дѣйствіяхъ людей, обозначить границы его примѣненія въ пространствѣ и времени. Исполнивъ это, историкъ переходитъ къ изслѣдованію политическаго мотива, т. е. мнѣній и чувствъ, внушившихъ и поддерживавшихъ данное правило поведенія. Когда мотивъ обнаруженъ, остается объяснить его происхожденіе, принимая при этомъ въ соображеніе, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія условія. Первые кроются чаще въ фактахъ общественной жизни, рѣже въ явленіяхъ природы; вторыя—въ содержаніи и привычкахъ ума, воспринимающаго то, что происходитъ въ природѣ или въ обществѣ. Изъ этихъ послѣдовательныхъ операцій изслѣдованія первая представляетъ менѣе трудностей, нежели вторая и особенно третья, а трудность и удача адѣсь, какъ и вездѣ, находятся въ обратномъ отношеніи другъ въ другу. Легче обнаружить правило поведенія, составляющее, такъ сказать, тѣло учреждений, ибо память о законахъ и обычаяхъ, сохраняется историческимъ преданіемъ чаще и устойчивѣе. Но на запросъ о мнѣніяхъ и чувствахъ, внушившихъ и поддерживавшихъ данное правило поведенія, преданіе отвѣчаетъ тѣмъ рѣже и неопредѣленнѣе, чѣмъ почтеннѣе возрастъ учреждений. Историкъ приходится самому проникать сквозь внѣшнюю оболочку фактовъ до внутренняго мотива ихъ, свои заключенія объ этомъ, мотивы основывать на аналогіяхъ и подвергаться всѣмъ опасностямъ, неразлучнымъ съ заключеніями по аналогіи. Одинаковые обычаи и законы, сходный образъ дѣйствій въ разныхъ случаяхъ можетъ имѣть своимъ источникомъ различные мотивы; трудно бываетъ угадать настоящій смыслъ фактовъ изъ многихъ возможныхъ; еще труднѣе подтвердить и оправдать вѣрную догадку. Чѣмъ обширнѣе предѣлы, охваченные историкомъ въ его изученіи, тѣмъ съ меньшею требовательностью приходится встрѣчать его выводы.

Задача Герна состоитъ въ томъ, чтобы описать возникновеніе и послѣдующее развитіе главнѣйшихъ учреждений, общихъ народамъ арійскаго племени, объяснить общественную организацію нашихъ отдаленныхъ предковъ и прослѣдить образъ мыслей и чувствъ, управляющій ихъ поведеніемъ. Авторъ воздерживается отъ всякихъ теорій на счетъ происхожденія человека; за исходную точку своего изслѣдованія

принимаетъ патриархальную семью, какъ древнѣйшую форму общежитія, до которой, по его мнѣнію, можно дойти, слѣдуя указаніямъ сохранившимся въ исторической памяти различныхъ арійскихъ народовъ, и отголоскамъ старины, уцѣлѣвшимъ въ нравахъ и обычаяхъ современнаго ихъ быта. Его не занимаетъ вопросъ, была ли семья исконнымъ учрежденіемъ, первой формой общежитія, или ей предшествовали другія формы болѣе простыя и первоначальныя. Гёрнъ думаетъ, что какъ бы не былъ рѣшенъ этотъ вопросъ, истина положеній, высказанныхъ въ его сочиненіи, отъ этого не поколеблется. Но это не всѣмъ такъ. Принявъ, что верномъ общежитія и исходной точкой политическаго развитія была семья, основанная на единобрачїи и семейной религіи, скрѣпленная отеческой властью и обособленная отъ другихъ подобныхъ семей, мы должны будемъ вмѣстѣ съ авторомъ въ порядкахъ и мотивахъ патриархальной семьи видѣть зародышъ политическихъ учреждений, свойственныхъ болѣе сложнымъ формамъ общежитія. Но если предположить, что не семейная религія была первымъ источникомъ общественныхъ связей, и что не *patria potestas* была первой властью, предъ которой склонились люди, то для многихъ явленій послѣдующей исторїи политическаго быта должно будетъ искать объясненія не въ семьѣ, а въ тѣхъ формахъ общежитія, которыя предшествовали ей или существовали рядомъ съ нею. Несправедливо также и то, будто по воспоминаніямъ арійскихъ народовъ нельзя добраться до общественныхъ порядковъ болѣе древнихъ, чѣмъ порядки патриархальной семьи. Пѣвцу Иліады при видѣ Троянѣ, идущихъ въ битву за своими вождями, припоминается стадо овецъ, слѣдующее на водопой за вожакомъ бараномъ (XIII, 492). Въ данномъ случаѣ это не болѣе какъ сравненіе, но если вникнуть въ строй и порядки военного быта, то не трудно придти къ убѣжденію, что въ основѣ ихъ лежатъ операціи ума и чувства болѣе первоначальныя, чѣмъ тѣ, которыя служатъ источникомъ порядковъ семьи. Склонность толпы увлекаться примѣромъ выдающихся лицъ и подражать имъ, есть весьма значительный факторъ общежитія, дѣйствующій и понынѣ. Между тѣмъ источникъ этой склонности кроется въ свойствахъ организаціи общихъ человѣку съ животными, обнаруживающихся несравненно раньше способности преклоняться предъ религіознымъ авторитетомъ отеческой власти.

Семья древнихъ аріевъ непосредственно намъ неизвѣстна; объ основахъ и порядкахъ ея мы можемъ судить лишь по тѣмъ отголос-

какъ, которые сохранились въ семейномъ быту индусовъ, грековъ, римлянъ и т. подобно тому, какъ филологъ о чтеніяхъ утраченнаго оригинала заключаетъ по вариантамъ сохранившихся копій съ него. Историкъ приходится сравнивать производныя учрежденія, и посредствомъ сравненія отдѣлять черты позднѣйшія отъ первоначальныхъ, свойственныхъ общей основѣ этихъ учреждений. Грубымъ средствомъ для этого служить сходство. Сходное въ учрежденіяхъ различныхъ народовъ признается первоначальнымъ и приписывается той формѣ, которая признается первообразомъ и источникомъ формъ, взятыхъ для сравненія. Но сходство часто оказывается недостаточнымъ и ненадежнымъ средствомъ. Иногда черты, сходныя въ позднѣйшихъ учрежденіяхъ различныхъ народовъ, являются слѣдствіемъ одинаковыхъ причинъ и въ такомъ случаѣ ничего не говорятъ въ пользу родства этихъ учреждений. Съ другой стороны между чертами не встрѣчающимися аналогій себѣ у другихъ народовъ, могутъ быть и такія, которыя были свойственны первичной основѣ учреждений. Имѣя дѣло съ вопросами несравненно болѣе сложными, чѣмъ тѣ, которыми занимаются филогія и мнѳологія, сравнительная политика нуждается и въ болѣе тщательномъ установленіи метода изслѣдованія, въ оцѣнкѣ научной силы приѣмовъ и средствъ его.

Порядокъ изложенія въ книгѣ Гёрна довольно однообразенъ. Сначала авторъ предлагаетъ описаніе или характеристику какого нибудь учрежденія, обыкновенно весьма ясными и меткими чертами, а потомъ старается подтвердить ее ссылкой на свидѣтельства и авторитеты, удостоверяющіе, что та или другая черта встрѣчается если не у всѣхъ, то у многихъ арійскихъ народовъ. При этомъ приводятся рядомъ слова древнихъ законовъ, лѣтописцевъ, поетовъ, новыхъ ученыхъ и путешественниковъ. Смылокъ не такъ много и литература отдѣльныхъ вопросовъ у автора не очень обширна. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о грекахъ, римлянахъ и древнихъ германцахъ, авторъ всего охотнѣе обращается къ Гроту, Нибуру, Момисену и Гриму. О славянахъ онъ знаетъ изъ Лавелъ и Рольстона; изъ своихъ предшественниковъ онъ называетъ чаще всего Ф. Куланжа и Г. Мэна, перваго въ вопросахъ, относящихся къ религіи, втораго въ области права. Свидѣтельства древнихъ Гёрнъ приводитъ прямо безъ дальнѣйшихъ разсужденій о смыслѣ и цѣнности ихъ, вслѣдствіе чего не всегда легко признать за ними ту силу, которую приписываетъ имъ авторъ. Вообще его трудъ нельзя

признать ученымъ изслѣдованіемъ въ строгомъ смыслѣ; это общая картина древнѣйшаго періода политической исторіи арійцевъ, написанная яркими и точными чертами, въ цѣломъ богатая хорошо поставленными вопросами и остроумными отвѣтами на нихъ, но въ подробностяхъ нуждающаяся въ повѣркѣ и въ подтвержденіи. Здѣсь мы представимъ въ сжатомъ очеркѣ мысли автора по поводу главнѣйшихъ вопросовъ, затронутыхъ въ его сочиненіи.

Въ началѣ политической исторіи единственной силой, способной стянуть людей въ общество, бываетъ религія. Не родственныя узы и не житейскіе расчеты дѣлаютъ одного человѣка ближнимъ другому, а общія вѣрованія и предметы поклоненія. Въ религиозныхъ вѣрованіяхъ арійскихъ народовъ и ихъ общихъ предковъ, древнихъ аріевъ, можно различить два слоя. Одинъ, позднѣйшій и оставившій болѣе ясный слѣдъ въ умственной жизни послѣдующихъ поколѣній, заключается въ себѣ миеологию природы, первоначальную физику, объясняющую явленія внѣшняго міра изъ дѣятельности невидимыхъ существъ, то грозныхъ и враждебныхъ человѣку, то благосклонныхъ и благотѣльныхъ для него. Греческіе Олимпійцы представляютъ наиболѣе знакомый и роскошный цвѣтъ, выросшій изъ этого слоя. Подъ нимъ на всемъ протяженіи арійскаго міра таится другой слой, болѣе древній, не столь богатый и роскошный, за то болѣе живучій, по мѣстамъ сквозящій и теперь изъ подъ наноса позднѣйшей образованности. Онъ заключается въ себѣ миеологию человѣческой природы, первоначальную біологию, объясняющую событія личной и общественной жизни вмѣшательствомъ жителей загробнаго міра, предковъ живущаго поколѣнія, сохраняющихъ и въ могилѣ свои прежнія потребности и расположенія. Убѣжденіе въ загробной жизни умершихъ предковъ, сильныхъ на гнѣвъ и на милость, было основнымъ вѣрованіемъ этой миеологии. Оно заставляло человѣка сосредоточивать все вниманіе на поддержаніи добрыхъ отношеній между живыми и умершими, возносить къ нимъ молитвы и приношенія, располагать свою жизнь сообразно съ ихъ желаніями. Домашняя религія, по мнѣнію Гёрна, была первымъ и въ началѣ единственнымъ источникомъ общественныхъ связей. Таже мысль была выражена и проведена до крайнихъ слѣдствій Ф. Куланжемъ въ его талантливомъ, хотя и одностороннемъ, сочиненіи Гражданская Община античнаго міра (перев. Θ. Корша).

Вѣрованіямъ и обрядамъ семейной религіи въ сочиненіи Гёрна

посвящены двѣ первыя главы (I, Древнее Богопочтеніе. II, Домашній Духъ). Знакомые съ внигой Куланжа не много новаго встрѣтятъ у Гёрна. Исповѣдники одного и того же культа были и считали себя родственниками другъ друга, хотя бы въ жилахъ ихъ не было ни одной капли общей крови. Напротивъ, отецъ и сынъ, братъ и братъ не были вовсе въ родствѣ другъ съ другомъ, какъ скоро они молились разнымъ богамъ. Индусъ ближайшимъ своимъ предкамъ приносилъ въ жертву хлѣбъ (вещь болѣе цѣнную), предкамъ отдаленнымъ—воду (вещь менѣе цѣнную); родственниками считались только люди, приносившіе одному и тому же предку хлѣбъ (ближайшее родство) или воду (родство отдаленное). По опредѣленію Платона родство подразумѣваетъ общее почитаніе однихъ и тѣхъ же домашнихъ боговъ. Существенною долей обрядовъ семейной религіи были общія трапезы, гдѣ участвовали только лица, чтившія однихъ и тѣхъ же боговъ-предковъ. Эти трапезы считались единственнымъ средствомъ къ поддержанію общенія между жителями земли и обитателями загробнаго міра. По мнѣнію тогдашнихъ людей пища и питье, подобно всѣмъ прочимъ предметамъ, состоитъ изъ тѣла и души, изъ вещественнаго и невещественнаго элемента. Первымъ питаются люди, послѣдній поддерживаетъ жизнь духовъ, участвующихъ рядомъ съ людьми въ семейной трапезѣ. Боги и люди, умершіе и живые составляли одну общину, имѣли общее потомство, общую собственность, общіе интересы, симпатіи и антипатіи. Такова была въ главныхъ чертахъ эта семейная религія, не проникавшая за предѣлы семьи и въ тоже время принимавшая въ свои нѣдра всякаго чужестранца, раба или свободнаго; рѣзко обособлявшая семью отъ семьи и крѣпко связывавшая всѣхъ членовъ семьи. Она упорно держалась на своемъ мѣстѣ и тогда, когда религіозныя чувства и думы людей стали все болѣе и болѣе сосредоточиваться вокругъ явленій природы, и тогда, когда религія олимпійцевъ была вытѣснена христіанствомъ. Греки перенесли имена Зевса и Аполлона на своихъ домашнихъ духовъ и *Ζεὺς ἐρκεῖος*, *Ἀπόλλων πατρός* стали средоточіемъ родовой религіи, первоначально не знавшей имени своихъ боговъ. Поклоненіе ларамъ процвѣтало въ Римѣ и въ ту пору, когда титулъ великаго жреца уже сдѣлался отличіемъ папы.

Что семейная религія существовала у арійскихъ народовъ съ тѣми чертами, какими описовалъ ее Гёрнъ,—сомнѣваться едва ли можно; что она, какъ и всякая другая религія, была источникомъ обществен-

ныхъ связей, можно также, признать не задумываясь. Сомнѣніе начинается пробиваться тогда, когда мы встрѣчаемся съ утвержденіемъ, что семейная религія была первой и въ началѣ единственной силой, связывавшей людей въ общество, что она была единственнымъ источникомъ мѣтній, чувствъ и стремленій, сплотившихъ людей въ семью, предиктовавшихъ порядки и обычаи этой семьи. Утвержденіе это составляетъ краеугольный камень теоріи Ф. Куланжа и занимаетъ важное мѣсто въ книгѣ Гёрна, но ни тотъ, ни другой не приводятъ въ пользу его вѣскихъ доводовъ, не устраняють тѣхъ возраженій, которыя подсказываются несомнѣнными фактами и очень вѣроятными теоріями. Боготвореніе умершихъ предковъ предполагаетъ существованіе родственныхъ привязанностей и отношеній между ними и потомками; стало бы само предполагать существованіе семьи, вмѣсто того, чтобы служить единственной основой для нея. При отсутствіи родственныхъ привязанностей между членами старшаго и младшаго поколѣнія анимизмъ можетъ быть источникомъ суевѣрнаго страха, но не тѣхъ любовныхъ и благоговѣйныхъ чувствъ, которыя составляютъ существенное содержаніе семейной религіи, по крайней мѣрѣ по изображенію Ф. Куланжа и Гёрна. Изъ семейныхъ привязанностей легко объяснить культъ предковъ, но изъ послѣдняго объяснить первыя—дѣло мудрое. Далѣе, по словамъ обоихъ ученыхъ, гробница предковъ и семейный очагъ были средоточіемъ семейнаго культа, но какъ гробница, такъ и очагъ, неподвижный центръ дома, составляютъ принадлежность осѣдлаго быта. Представимъ себѣ арійскую семью кочующей, и тогда не такъ легко будетъ объяснить себѣ существованіе въ ней семейнаго культа, предполагающаго постоянное сосѣдство живыхъ и умершихъ, жилища первыхъ и жилища вторыхъ. Наконецъ, въ самой организаціи людей, въ первыхъ опытахъ ихъ жизни есть поводы къ возникновенію общественныхъ связей, къ навыку сочувствовать и содѣйствовать другъ другу. Общественность существуетъ и у животныхъ; чувствовать и дѣйствовать за одно умѣють и тѣ люди, въ быту которыхъ не замѣчается моногамической семьи. Если же есть поводы къ образованію общественныхъ связей, способные дѣйствовать раньше семейной религіи и независимо отъ нея, тогда исходной точкой политической исторіи надобно признать не патриархальную семью, а формы общезжитія, предшествовавшія ей. Тогда становится вполне законнымъ вопросъ, нельзя ли и происхожденіе этой семьи объяснить изъ обще-

ственныхъ привычекъ и потребностей, усвоенныхъ людьми подъ вліаніемъ болѣе древнихъ формъ общежитія? Семейная религія, возникнувъ въ нѣдрахъ семьи, могла сообщить большую стойкость порядкамъ, большую силу чувствамъ, которыя уже существовали при ея появленіи. Авторитетъ отца, основанный на превосходствѣ и привычкѣ, получилъ новую опору, когда этотъ отецъ сталъ въ глазахъ семьи представителемъ и посредникомъ между нею и ея богами-покровителями. Съ принятіемъ этого мнѣнія устраняется необходимость вначалѣ все объяснять изъ религіи, а потомъ круто поворачивать къ другимъ, такъ сказать, свѣтскимъ основамъ общежитія, напр. сосѣдству, совмѣстному владѣнію, труду и пользованію. Всѣ эти начала дѣйствовали одновременно съ религіей и даже раньше ея. Религія есть только одно изъ условій политическаго развитія, въ началѣ болѣе замѣтное, чѣмъ остальные, быть можетъ, потому, что религіозный колоритъ учрежденій ярче отпечатлѣвается и долѣе сохраняется въ преданіи, чѣмъ всякій другой.

Установивъ первоначальныя основы общежитія, Гѣрнъ переходитъ къ описанію древнѣйшей формы его, патріархальной семьи и обрисовываетъ (гл. III и IV) ясными и меткими чертами ея отличіе отъ современной. Общеніе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ было основой этой семьи; общеніе въ культѣ видимымъ выраженіемъ ея единства; вѣчное продолженіе религіи и обрядовъ—ея главной цѣлью. Любовь и родство въ ней не значили почти ничего; вѣрованія и священнодѣйствія—все. Вѣчное продолженіе семьи было предметомъ горячихъ желаній; ея прекращеніе казалось тяжелой бѣдой, для предупрежденія которой прибѣгали къ усыновленію, къ передачѣ семейной собственности вмѣстѣ съ перенесеніемъ правъ и обязанностей, принадлежащихъ семьѣ. Власть отца надъ женой, чадами, домочадцами и имуществомъ ограничивалась отвѣтственностью его предъ божественными предками, съ желаніями и потребностями которыхъ онъ долженъ былъ сообразовать свое поведеніе. Никакой внѣшній авторитетъ не дерзалъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла и порядки семьи; она была также самостоятельна и независима, какъ въ наши дни государство.

Господствующее положеніе отца выражается въ самомъ наименованіи его *pater*, такъ какъ это общеарійское слово означаетъ не кровную связь, а достоинство и есть титулъ, который, по римскому праву, можетъ быть присвоенъ не только бездѣтному, но даже и несовершенно-

нолѣтнему. Авторитетъ отца былъ основанъ на семейной религіи, былъ неограниченъ въ предѣлахъ ея, но не простирался далѣе, такъ что и любимая жена не была подъ властью мужа, коль скоро не принадлежала къ религіи его семьи. Слово мать первоначально также означало достоинство; грекъ прилагалъ его къ Аѳинѣ и Артемидѣ, богинямъ—дѣвственницамъ; римлянинъ признавалъ, что матерью семейства можетъ быть незамужняя женщина. Быть родоначальницей будущаго поколѣнія, даровать сына семьѣ,—вотъ въ чемъ состояло назначеніе матери и что обезпечивало за ней уважаемое положеніе въ семьѣ. Брачные обряды разнятся въ подробностяхъ, но въ сущности сходны у всѣхъ арійскихъ народовъ. Три послѣдовательные момента въ судьбѣ невѣсты выражаются въ нихъ подъ болѣе или менѣе явственными символами: освобожденіе невѣсты изъ подъ власти ея отца, передача ея жениху и посвященіе повобрачной въ культъ семьи ея мужа. Вступивъ въ бракъ, женщина переставала быть членомъ одной корпораціи, чтобы сдѣлаться членомъ другой; освобождалась изъ подъ власти отца, чтобы поступить подъ власть мужа, не какъ своего супруга, а какъ отца семьи, принимавшей ее въ свои пѣдра. За свои проступки жена отвѣчала только мужу предъ лицомъ домашняго трибунала. Супружество, освященное религіей, было нерасторжимо; только безплодіе или невѣрность жены могли дать поводъ къ разводу, ибо какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ она не исполняла своего назначенія. По законамъ Ману бездѣтную жену можно замѣнить въ восьмой годъ; мать ребенка умершаго—въ десятый; мать, родившую только дочерей—въ одиннадцатый.

Пока былъ живъ отецъ семьи, положеніе чадъ и домочадцевъ, бывшихъ подъ рукой его, въ сущности было одинаково; всѣ они были подданными, а подданство не знаетъ степеней; надъ всѣми ими одинаково распростерта была власть, облеченная правомъ жизни и смерти. Неравенство между членами семьи обнаруживалось лишь тогда, когда умиралъ отецъ и возникалъ вопросъ о преемствѣ правъ и обязанностей, лежавшихъ на немъ. Тутъ сразу объявлялась разница въ положеніи сыновей и дочерей. Сынъ наслѣдовалъ достоинство и власть отца, а дочь лишь перемѣняла господина. Женщина да не ищетъ независимости, говорится въ законахъ Ману. По римскому праву женщина никогда не могла быть самостоятельной; отъ рожденія до смерти надъ ней тяготѣла или *potestas*, или *manus*, или *tutela*. Но какъ ни

суровы были начала, опредѣлявшія положеніе женщины въ древнемъ обществѣ, доля ея не была тяжелой и печальной. Также семейная религія, которая облекала неограниченной властью отца и мужа, сдерживала своевольные порывы этой власти. „Если женщины почитаются, боги испытываютъ удовольствіе; въ противномъ случаѣ всѣ религіозныя дѣйствія бывають бесполезны:“ такъ говорится въ тѣхъ самыхъ законахъ, которые такъ рѣшительно прогиватся эмансипаціи женщинъ. Смягчающее и охраняющее дѣйствіе религіи простиралось не только на дѣтей, но и на рабовъ, на свободныхъ чужестранцевъ, искавшихъ покровительства и защиты и добровольно поступавшихъ подъ власть отца семьи. При тогдашнемъ строѣ общества, человѣкъ, волей или неволей покидавшій свою семью, былъ внѣ покровительства власти и закона до тѣхъ поръ, пока не прилѣплялся къ другой семьѣ, принимавшей его на правахъ гостя, кліента или бѣглеца, умоляющаго о защитѣ. Таковъ былъ составъ арійской семьи и взаимныя отношенія ея членовъ по изображенію Гёрна. Отдѣльныя черты его частью сняты съ семейнаго быта того или другаго изъ арійскихъ народовъ въ отдѣльности, частью внушены разсудкомъ какъ необходимое слѣдствіе изъ тѣхъ началъ, на которыхъ, по мнѣнію автора, была основана семья у древнихъ аріевъ. При видѣ первыхъ у читателя является вопросъ, были ли данныя черты семейнаго быта, замѣченныя у одного изъ арійскихъ народовъ, въ такой же степени свойственны и остальнымъ? Только съ утвердительнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ является возможность признать эти черты принадлежностью общеарійской семьи. Отцовская и супружеская власть, подчиненность жены и дѣтей со особенной яркостью и послѣдовательностью обнаруживаются въ семейныхъ порядкахъ древняго Рима. Замѣтивъ ихъ здѣсь, Гёрнъ, не обинуясь, признаетъ ихъ принадлежностью не только римской, но вообще арійской семьи. Ошибочность такого приѣма не нуждается въ разъясненіи. Римская мифологія отличается бѣдностью и туманностью образовъ; римская религія видитъ суть дѣла въ буквально точномъ исполненіи обряда, не слишкомъ заботясь о силѣ и чистотѣ чувства. Слѣдуетъ ли отсюда, что тѣми же признаками обладала религія и мифологія древнихъ аріевъ? Далѣе, образъ арійской семьи, начертанный Гёрномъ, представляетъ въ значительной степени идеальное построеніе. Авторъ призналъ религію единственнымъ основаніемъ семейныхъ порядковъ, опредѣлилъ содержаніе этой религіи и вывелъ отсюда, въ

видѣ логическихъ слѣдствій права и обязанности, опредѣлявшія взаимныя отношенія членовъ семьи. Вопросъ о томъ, насколько этотъ идеальный образъ соотвѣтствовалъ дѣйствительности, остается не затронутымъ. Въ исторію учреждений здѣсь вводится тотъ же приѣмъ, какой былъ употребленъ въ дѣло основателемъ науки о богатствѣ народовъ. Онъ безупреченъ и необходимъ, когда надобно составить программу изслѣдованія, намѣтить то, что должно быть предметомъ поисковъ, но дальше идеальныхъ построеній его сила не простирается. Съ его помощью можно представить себѣ, что должно случиться при томъ или другомъ предположеніи, но не то, что дѣйствительно случилось, ибо дѣйствительность является совокупнымъ результатомъ не одного, а многихъ условій. Насколько въ созданіи и поддержаніи порядковъ арійской семьи участвовали другія условія, кромѣ религіи, настолько образъ этой семьи, начертанный Гёрномъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Логика подсказываетъ это, а изслѣдованію остается опредѣлить размѣры и пункты, гдѣ обнаруживается несоотвѣстіе.

Путемъ естественнаго размноженія семья должна была раньше или позже дойти до такого объема, при которомъ первоначальныя связи были не въ состояніи болѣе стягивать ея членовъ въ одно цѣлое. Съ наступленіемъ этого момента семья распадалась или развѣтлялась на вторичныя группы, во всемъ подобныя цѣлому, изъ котораго онѣ образовались. Обособившись въ однихъ отношеніяхъ, эти вторичныя семьи продолжали быть связанными въ другихъ. Ихъ соединяла религіозная память объ общемъ предѣѣ и цѣлмъ рядъ вытекавшихъ отсюда взаимныхъ правъ и обязанностей. Благодаря этимъ связямъ, вторичныя семьи продолжаютъ въ иныхъ случаяхъ чувствовать и дѣйствовать заодно, образуютъ вмѣстѣ одну группу, болѣе обширную и сложную чѣмъ та, изъ которой онѣ произошли. Въ отличіе отъ семьи она называется родомъ или кланомъ. Таково, по мнѣнію Гёрна, происхожденіе рода. Узы, соединявшіе семьянъ, продолжаютъ соединять и родичей съ той разницей, что по мѣрѣ растяженія сила ихъ естественно слабѣетъ и солидарность рода обнаруживается лишь по временамъ, въ выдающихся случаяхъ, тогда какъ солидарность семьи даетъ себя знать въ мелочахъ повседневной жизни. Семьяне ежедневно молятся своимъ ларамъ, родичи лишь въ опредѣленные дни сходятся вмѣстѣ, чтобы воздать почести предку, имя котораго они носятъ. Семьяне наследуютъ другъ другу обыкновенно, родичи лишь тогда, когда прерывается рядъ пря-

мыхъ наследниковъ. Дѣла семьи вѣдаются ея отцомъ не безъ участія взрослыхъ членовъ ея; дѣла, касающіеся цѣлаго рода вѣдаются его старѣйшиной по совѣту отцовъ семей. Въ семьѣ власть переходитъ отъ отца къ старшему сыну, а въ родѣ удѣлъ старѣйшины принадлежитъ представителю старшей линіи, по крови стоящей ближе къ родоначальнику. Источникомъ отцовской власти служатъ семейная религія, ея предѣлы и направленіе указаны обычаемъ семьи; точно также религія и обычай рода, т. е. болѣе древній слой тѣхъ же преданій, поддерживаютъ и направляютъ власть родового старѣйшины. Слава и безчестіе, прибыли и убытки семьянина падаютъ на всю семью; она пользуется плодами его удачъ, она же отвѣчаетъ и за его провинности; также круговая порука въ добрѣ и злѣ связываетъ вмѣстѣ и родичей; разница лишь въ томъ, кто первый и кто второй въ отвѣтѣ; родичи являются тамъ, гдѣ недостаетъ семьянъ. Вѣрованія и чувства, связывающія людей въ семьи и роды, разнятся между собой не по содержанию, но по возрасту; одни древнѣе, другіе моложе и соотвѣтственно возрасту одни туманнѣе, другіе ярче; одни слабѣе, другіе сильнѣе дѣйствуютъ на волю и поведеніе. Этой разницей отчасти объясняется и большая живучесть семьи сравнительно съ родомъ.

Изъ двухъ теорій на счетъ происхожденія рода авторъ справедливо отдастъ предпочтеніе той, которая принимаетъ, что родъ былъ продуктомъ естественнаго развитія семьи. Извѣстія и факты, говорящія, повидимому, въ пользу искусственности рода, объясняются тѣмъ, что рядомъ съ генеалогическими родами, члены коихъ были связаны дѣйствительнымъ родствомъ и общимъ происхожденіемъ отъ одного предка, существовали роды искусственные, образовавшіеся по примѣру первыхъ. Добровольныя братства, составлявшіяся съ цѣлью взаимной помощи, признавали своимъ покровителемъ бога или героя и свои отношенія къ нему и между собою располагали по образцу тѣхъ, что связывали родичей другъ съ другомъ и родоначальникомъ. Впрочемъ, если судить по нынѣшнимъ понятіямъ о родствѣ, то и естественные родовые союзы могутъ казаться въ значительной мѣрѣ искусственными, ибо въ составъ ихъ входили путемъ усыновленія чужіе и исключались тѣ, кто на нашъ взглядъ принадлежатъ къ числу самыхъ близкихъ родственниковъ, напр. замужнія дочери, сестры и братья по матери только и такъ далѣе.

Скудныя извѣстія о родовомъ бытѣ у древнихъ аріевъ авторъ

дополняетъ и объясняетъ данными изъ наблюденій падъ остатками этого быта, сохранившимися и до сегодня въ Индіи, Шотландіи и земляхъ славянскихъ. Сходство между древнимъ, извѣстнымъ по преданію, и современнымъ, доступнымъ наблюденію, до того очевидно, что мысль о генеалогической связи между тѣмъ и другимъ является въ видѣ неизбѣжнаго вывода. И чѣмъ бѣднѣ историческія воспоминанія о старинѣ, тѣмъ больше любопытства возбуждаетъ современность, сохранившая слѣды этой забытой старины; чувствуется, что основательное изученіе этихъ слѣдовъ проложитъ путь и къ уразумѣнію того, что на первый взглядъ кажется темнымъ въ преданіи. Книга Гёрна возбуждаетъ любопытство, но не доставляетъ ему полного удовлетворенія, можетъ быть не столько по недостатку наличнаго матеріала, сколько по невозможности представить разомъ тщательное рѣшеніе столь широкой задачи во всѣхъ ея доляхъ.

По своему происхожденію родъ есть первичная семья, вслѣдствіе размноженія распавшаяся на нѣсколько вторичныхъ семей. Въ этомъ процессѣ образованія рода есть двѣ стороны одинаково любопытныя для историка, одинаково важныя для пониманія дальнѣйшаго развитія общественности. Размножившаяся семья продолжаетъ сохранять прежнее единство и связность въ однихъ случаяхъ и положеніяхъ жизни, тогда какъ въ другихъ она является распавшеюся на вторичныя группы, которыя живутъ и дѣйствуютъ разнo и независимо другъ отъ друга. Сохраненіе прежняго единства указываетъ на то, что мѣншія и чувства, связывавшія семьянъ, продолжаютъ жить и въ сознаніи родичей, служатъ источникомъ сочувствій и содѣйствій, господства и подчиненія для вторыхъ такъ точно, какъ служили и для первыхъ. Организациія рода, какъ единого тѣла, есть въ крупныхъ чертахъ повтореніе организациіи семьи; объясненіе первой не представляетъ затрудненій послѣ объясненія второй. Говоря о культѣ, правленіи и правѣ родичей, Гёрнъ повторяетъ то, что уже было сказано другими. Отмѣтимъ здѣсь только то, что не мѣшаетъ повторять для болѣе прочнаго водворенія въ общемъ сознаніи. Вѣра и почитаніе родоначальниковъ (эпонимовъ) есть фактъ, хорошо извѣстный изъ преданія, изучаемаго историками. Но въ преданіи этотъ фактъ является при такомъ освѣщеніи, что историкъ обыкновенно отыскиваетъ корни его въ фантазіи и логикѣ первобытныхъ народовъ, но не въ дѣйствительности. Эпонимы считаются совершенно вымышленными лицами и соотвѣтственно этому ищется объяс-

неніе для нихъ имѣть, подвиговъ и атрибутовъ. Безъ сомнѣнія большинство почтеннаго класса эпонимовъ обязано своимъ происхожденіемъ единственно привычкамъ первобытнаго ума и воображенія, но едва ли менѣе справедливо и то, что эти самыя привычки коренятся въ обыходѣ дѣйствительности. Эпони́мы вымысленныя суть безсознательное подраженіе дѣйствительнымъ родоначальникамъ, которыхъ потомство возвело постепенно въ санъ боговъ. Это подтверждается наблюденіями надъ современными остатками родового быта и станетъ понятнымъ для насъ, если богопочитаніе древнихъ мы сблизимъ съ почитаніемъ святыхъ въ наше время. Этимъ путемъ можно будетъ избѣжать многихъ натяжекъ, свойственныхъ историкамъ и мифологамъ, желающимъ одинаковымъ путемъ объяснить всѣ вѣрованія, сходныя по виду.

Старѣйшинство въ родѣ принадлежало старшему члену семьи, ближайшей по крови къ родоначальнику. Такъ какъ первоначально почести и права считались удѣломъ не столько личности, сколько корпорацин, къ которой она принадлежала, то на первыхъ порахъ споръ изъ за наслѣдованія умершему главѣ рода былъ событіемъ неестественнымъ. Если почетъ и власть удерживались фамиліей, то не важно было перейдутъ ли они къ старшему или младшему члену ея, къ брату умершаго или младшему сыну его въ случаѣ преждевременной смерти старшаго. Власть главы рода ограничивалась обычаями и преданіями, опредѣлявшими порядокъ управленія и суда; около него стоялъ совѣтъ старѣйшинъ, состоявшій, по наблюденіямъ Гёрна, въ арійскихъ общинахъ обыкновенно изъ пяти членовъ. Слѣды этой пятёричности авторъ указываетъ въ родовомъ бытѣ индусовъ, кельтовъ, римлянъ и грековъ; у послѣднихъ однако они очень не ясны.

Правительство, законы и права родовыхъ союзовъ, коренящіеся въ тѣхъ же мнѣніяхъ и чувствахъ, которыя обуславливали и устройство семьи, сообщаютъ этимъ союзамъ единство и связность, необходимыя для того, чтобы сумма недѣлимыхъ стала обществомъ. Рядомъ съ этимъ единствомъ и связностью въ родовыхъ союзахъ существуетъ и разнородность, разъединеніе, выражающееся въ жизни отдѣльныхъ семей. Продолженіе мнѣній и чувствъ, опредѣляющихъ бытъ семейный, объясняетъ единство и связность рода; остается отыскать причины, вызвавшія распадѣніе первоначальной семьи и разнородность въ составѣ рода. Этихъ причинъ Гёрнъ не указываетъ, довольствуясь сравненіемъ образованія родовъ съ размноженіемъ клѣточекъ въ органическомъ мірѣ, и указа-

ніемъ на увеличеніе объема первичной семьи, затруднявшее ея домо-строительство. Ни сравненіе, ни указаніе не разъясняютъ дѣла надлежащимъ образомъ и настоящія причины остаются неизвѣстными. По всей вѣроятности они таятся отчасти въ усиленіи личныхъ привязанностей, обособляющихъ ближайшихъ родственниковъ отъ болѣе далекихъ; отчасти въ ростѣ понятій и чувствъ, относящихся къ собственности и правамъ труда.

Вслѣдъ за происхожденіемъ и устройствомъ родовыхъ союзовъ, Гёрнъ разсматриваетъ систему древняго родства. У всѣхъ народовъ арійской расы въ первоначальную пору ихъ исторіи преобладало родство исключительно по мужской линіи; родословная шла чрезъ отцовъ безъ матерей; права наслѣдства переходили къ сыновьямъ, но не дочерямъ. Признаніе этой системы родства общею всѣмъ аріямъ въ началѣ ихъ исторіи вполне согласуется, съ признаніемъ патріархальной семьи за первичную форму и—семейной религіи за первичную основу общежитія. Поэтому вполне понятно желаніе Гёрна ослабить силу доводовъ, приводимыхъ въ пользу того, что моногамической семьѣ у аріевъ, какъ и у другихъ народовъ, предшествовала семья полигамическая; системъ родства по мужской линіи—система родства исключительно по женской. Въ числѣ этихъ доводовъ на первомъ мѣстѣ, если не по силѣ доказательности, то по обилію данныхъ, стоитъ аналогія изъ быта дикихъ и полудикихъ, въ которомъ полигамія, полиандрія, общность женъ, краткосрочность брачныхъ связей встрѣчаются тѣмъ чаще, чѣмъ глубже спускаемся мы отъ уровня цивилизаціи. На этотъ доводъ Гёрнъ не обращаетъ вниманія по той причинѣ, что самыя древнія историческія свидѣтельства и воспоминанія застаютъ аріевъ, по его мнѣнію, уже внѣ состоянія дикости, такъ что къ нимъ неприменимо заключеніе по аналогіи отъ быта дикарей. Авторъ допускаетъ, что и аріицы, прежде чѣмъ очутиться на томъ уровнѣ образованности, на которомъ застаютъ ихъ исторія, могли стоять ниже, но за недостаткомъ данныхъ считаетъ себя не вправе разсуждать объ этомъ доисторическомъ періодѣ арійской дикости. Недостатокъ данныхъ неизбеженъ, когда дѣло идетъ о первобытной исторіи, и, если онъ не позволяетъ заключать о присутствіи, то также точно не можетъ оправдать заключеній и объ отсутствіи тѣхъ или другихъ мнѣній, обычаевъ и учреждений. Обращеніе съ фактами первобытной исторіи народовъ подразумеваетъ логическіе приемы и критеріи нѣсколько

отличные отъ тѣхъ, которыми пользуется историкъ при изученіи событій позднѣйшей исторіи; мотивы, оправдывающіе сомнѣніе въ послѣднемъ случаѣ, иногда не могутъ оправдать его въ первомъ.

Въ доказательство того, что аріицамъ была извѣстна полиандрія и родство по женской линіи, приводятъ историческія свидѣтельства, говоряшія, что то и другое нѣкогда существовало у индусовъ, грековъ и кельтовъ. Одни изъ этихъ свидѣтельствъ ясны и очевидны по смыслу; другія напротивъ, допускаютъ различное толкованіе. Но факты, приводимые какъ тѣми, такъ и другими, допускаютъ двоякое объясненіе. Въ нихъ можно видѣть историческую окаменѣлость, остатокъ отдаленной старины, и въ такомъ случаѣ они являются готовымъ основаніемъ для заключенія о томъ, что окаменѣвшее и рѣдкое впослѣдствіи было нѣкогда живымъ и всеобщимъ. Такъ и поступаютъ защитники мнѣнія, указаннаго выше. Но возможно и другое объясненіе и при томъ съ перваго взгляда не менѣе, если не болѣе, естественное. Признаки дивости и полудивости, мелькающіе изрѣдка въ преданіяхъ аріицевъ, могли быть слѣдствіемъ мѣстныхъ и случайныхъ причинъ, понизившихъ уровень или всей образованности, или нѣкоторыхъ сторонъ ея. Къ этому способу объясненія прибѣгаетъ и Гёрнъ, рассуждая о полиандріи у индусовъ, кельтовъ и спартанцевъ. Въ пользу перваго объясненія можно привести то, что оно рассматриваетъ отрывочныя и неясныя свидѣтельства преданія при свѣтѣ аналогіи, почерпнутой изъ массы фактовъ и находящей для себя оправданіе въ томъ убѣжденіи, что политическая исторія человѣчества всегда и всюду проходитъ чрезъ одинаковые фазисы развитія, подчиняется однимъ и тѣмъ же законамъ его. Второе объясненіе подкупаетъ въ свою пользу тѣмъ предпочтеніемъ, которое оно отдаетъ, такъ сказавъ большинству голосовъ историческаго преданія предъ незначительнымъ меньшинствомъ. Но это меньшинство, по всей вѣроятности, значительно возрастетъ, когда тщательнѣе будутъ пересмотрѣны свидѣтельства преданія, заключающіяся въ языкѣ, мифахъ, повѣрьяхъ, нравахъ, обрядахъ и обычаяхъ различныхъ арійскихъ народовъ.

При заключеніи брачныхъ союзовъ аріицы, по мнѣнію Гёрна, соблюдали первоначально два условія: единство племени и различіе рода. По смыслу перваго мужъ могъ взять себѣ жену только изъ своего племени; по смыслу втораго онъ могъ взять ее только изъ чужаго рода. Относительно племени соблюдалась эндогамія, относительно рода

—экзогамія. Впрочемъ, для подтвержденія того, что у арійцевъ существовало правило брать жену изъ чужаго рода авторъ могъ сослаться только на обычай экзогаміи, существующій и по нынѣ у индусовъ; у другихъ народовъ это правило очень рано исчезло подъ вліаніемъ государства и церкви, враждебнымъ первоначальному обособленію родовъ.

Система родства исключительно по мужской линіи объясняется, по мнѣнію Гёрна, представленіями первобытнаго человѣка объ участіи каждаго изъ родителей въ произведеніи потомства. Отецъ даетъ жизнь плоду; мать только питаетъ его и вмѣщаетъ въ себя до появленія его на свѣтъ. И сынъ, и дочь одинаково получаютъ искру жизни отца; но только сынъ можетъ передать ее потомству; можетъ поддержать единство рода и обезпечить продолженіе семейнаго культа, предполагающаго кровную связь между обожаемымъ родоначальникомъ и его потомками. Эти соображенія, безъ сомнѣнія, могли придти на умъ впоследствии, когда люди стали размышлять о порядкахъ и обычаяхъ своего быта, стали придумывать объясненіе для нихъ. Но едва ли имъ можно приписать происхожденіе того обычая, о которомъ идетъ рѣчь. Неудобно объяснять происхожденіе агнаціи (системы родства по мужской линіи) изъ вѣрованій и чувствъ семейной религіи, ибо эта религія сама въ свою очередь предполагаетъ предпочтеніе отца матери, мужчины—женщинѣ. Вѣроятноже, что какъ религія, такъ и система родства и порядковъ наслѣдства, устранившій дочь, были слѣдствіемъ господства мужчины, установившагося прочно вслѣдъ за образованіемъ прочныхъ брачныхъ союзовъ, а само это господство объясняется не столько первобытной философіей, сколько другими болѣе простыми и суровыми причинами. Не слѣдуетъ забывать, что въ историческомъ преданіи причины, дѣйствительно произведшія обычай, обрядъ или учрежденіе, весьма часто заслоняются причинами, придуманными впоследствии для объясненія всего этого. Въ существованіи обычаевъ, упоминаемыхъ въ древнѣйшихъ памятникахъ исторіи, въ религіозныхъ книгахъ или въ сборникахъ законовъ, сомнѣваться нѣтъ поводовъ, но въ объясненіямъ этихъ обычаевъ, встрѣчающимся въ тѣхъ же памятникахъ, можно и должно относиться съ недовѣріемъ, ибо въ такихъ объясненіяхъ обыкновенно приводятся причины, придуманныя впоследствии, когда являлась потребность дать себѣ отчетъ въ томъ, что существуетъ.

По мѣрѣ того, какъ семья размножается, нарастаетъ число поколѣній, отдѣляющихъ живущее потомство отъ его предка, слабѣетъ и первоначальная связь между членами семьи. Родственники выдѣляются изъ родичей; внутри обширнаго круга, обнимающаго все потомство одного родоначальника, образуются меньшіе круги, замыкающіе лишь тѣхъ, кто считаютъ себя родственниками, составляютъ семью и живутъ вмѣстѣ подъ властью главы ея. Изъ преданія различныя арійскія народы Гёрнъ приводитъ достаточно свидѣтельствъ въ пользу того, что у всѣхъ арійцевъ черта, отдѣлявшая родственниковъ отъ родичей, семью отъ родства, проводилась на одномъ и томъ же разстояніи. Въ составъ семьи (*familia*, *шаег*) входили отецъ и мать, ихъ дѣти, внуки и правнуки, такъ что младшіе члены семьи были троюродными братьями и приходились между собой въ шестой степени родства. До этого предѣла люди считались родственниками; за нимъ они становились уже родичами. Есть намеки на то, что граница между тѣми и другими была отмѣчена разницей въ обрядахъ семейной религіи. Въ Индіи правнуки въ честь своему прадѣду приносятъ хлѣбъ, тогда какъ праправнуки и всѣ слѣдующія поколѣнія, хранящія о немъ память, приносятъ ему воду, воздавая каждое въ свою очередь честь хлѣбомъ своему собственному прадѣду. Въ Греціи родичи назывались сомолочниками (*δμογάλακτες*) и авторъ очень остроумно и правдоподобно объясняетъ это названіе въ томъ смыслѣ, что родичи приносили въ честь своего предка молоко, тогда какъ ходячее объясненіе (*δμογάλακτες* = питавшіеся однимъ и тѣмъ же молокомъ) доступно вѣскимъ возраженіямъ. До нѣкоторой степени можно объяснить себѣ, почему черта, раздѣляющая родственниковъ отъ родичей, прошла именно между четвертымъ и пятымъ поколѣніемъ. Авторъ указываетъ на то, что обыкновенно лишь до четвертаго поколѣнія простирается возможность видѣть своего предка въ живыхъ, знать и любить его по личному опыту. Подъ рукой дѣда—главы семейства живутъ вмѣстѣ его взрослые дѣти и внуки, а также и малолѣтніе правнуки, еще незрѣлые для того чтобы оторваться отъ родной семьи и стать основателями новыхъ. Разница въ обозначеніи предѣла между родственниками и родичами, существующая между законами различныхъ германскихъ племенъ, легко объясняется тѣмъ, что счетъ поколѣній и степеней родства начинали съ различныхъ пунктовъ. Младшіе члены семьи будутъ между собой двоюродными или троюродными братьями (6-я или 4-я степень) смотря потому, включимъ мы въ счетъ поколѣній ихъ прадѣда—предка, или не включимъ.

Есть указанія на то, что родичами считались только члены пятого и шестого поколѣнія, четверородные и пятиродные братья, имѣвшіе въ своей родословной три поколѣнія дѣдовъ, но въ этомъ отношеніи обычаи не были одинаково устойчивы и однообразны у различныхъ арійскихъ народовъ. Связь между родичами коренилась въ памяти объ ихъ предѣхъ, какъ о лицѣ съ опредѣленными чертами и предѣлы, до которыхъ простиралась такая память у того или другого народа, обозначаются въ его языкѣ специальными названіями для отдѣльных ступеней вверхъ и внизъ по родословной лѣствицѣ. Римское право, напр. знаетъ особое названіе для дѣда прапрадѣда—*tritavus*; выше этой ступени идутъ уже вообще предки—*majores*.

Въ условіяхъ родового быта свобода, безопасность, права и вліяніе личности находятся въ прямомъ соотвѣтствіи съ могуществомъ той корпораціи, въ составъ которой входитъ эта личность. Одинокій тутъ беспомощенъ; семьянинъ держится силами и средствами семьи; членъ рода можетъ рассчитывать на охрану и поддержку всѣхъ родичей. Насколько молодая семья слабѣе древняго рода, настолько же общественное положеніе и значеніе каждаго изъ членовъ первой ниже, чѣмъ положеніе каждаго изъ родичей. Отсюда различіе между свободными и благородными, между простыми и знатными, замѣчаемое въ родовомъ быту всѣхъ арійскихъ народовъ. Изъ всѣхъ источниковъ неравенства между людьми Гёрнъ останавливается только на томъ, который выходитъ изъ самой организаціи родового общества. Сравнивая обычаи разныхъ народовъ, онъ старается доказать, что всѣмъ арійцамъ было свойственно не только различеніе между знатными и простыми, но также и общая мѣрка для опредѣленія знатности и благородства человека. Такою мѣркой было число предковъ, входившихъ въ родословную даннаго лица. Общее правило было таково: каждый человекъ пользуется всѣми правами того положенія, которое занимаетъ въ обществѣ, лишь въ томъ случаѣ, когда его отецъ и дѣдъ занимали тоже положеніе, хотя бы и не пользовались всѣми правами его. Отпущенный на волю рабъ становился свободнымъ, но еще не получалъ всѣхъ правъ, всего значенія, какимъ могъ пользоваться въ обществѣ человекъ свободнорожденный. Отпущенникъ примыкалъ къ семьѣ бывшего господина, пользовался ея покровительствомъ, ибо у него не было родной семьи, которая могла бы служить ему убѣжищемъ и опорой. Въ такомъ же положеніи находился и сынъ отпущенника, и только

внукъ его становился не просто свободнымъ, но полноправно-свободнымъ. Этотъ внукъ уже могъ быть членомъ родной семьи; вокругъ него были дяди, родные и двоюродные братья, связанные круговой порукой помощи и воздаянія. Въ этомъ отношеніи его положеніе уже ничѣмъ не отличалось отъ положенія другихъ свободнорожденныхъ членовъ молодыхъ семей, хотя бы предки послѣднихъ никогда не были рабами. Но молодая семья слабѣе старинныхъ, которыя успѣли уже разростись въ ряды, стали могущественными союзами родичей. Каждая молодая семья при благопріятныхъ условіяхъ путемъ естественнаго роста будетъ размножаться, приобрѣтаетъ больше силъ и больше значенія въ обществѣ. Внукъ отпущенника даетъ начало новому поколѣнію, полноправно-свободному съ самаго рожденія. Первый, родившійся въ такомъ положеніи, будетъ правнукъ предка семьи; съ этого правнука въ исторіи семьи начинается новая эпоха. Его потомки будутъ полноправно-свободными по праву рожденія; пройдетъ два поколѣнія и составится новая семья, по своему значенію и положенію въ обществѣ, стоящая выше, чѣмъ семья, основанная первоначальнымъ предкомъ. Младшіе члены этой новой семьи будутъ принадлежать къ корпорации полноправно-свободныхъ отъ рожденія, тогда какъ младшее поколѣніе предшествовавшей семьи принадлежало къ корпорации лишь свободнорожденныхъ, но не полноправныхъ. Но все же новая семья полноправныхъ отъ рожденія не можетъ сразу достичь такого положенія и вліянія въ обществѣ, каковымъ пользуются семьи, уже давно обладающія этимъ преимуществомъ полноправія. Эти старинныя семьи уже успѣли разростись въ обширныя и могущественныя корпорации, доставляющія своимъ членамъ почетъ и силу въ такой степени, въ какой не можетъ доставить ихъ фамилія новая, только что подымающаяся изъ низменнаго уровня общества. Но пройдетъ еще два поколѣнія и эта новая фамилія въ свою очередь дастъ начало новому роду или клану, члены котораго станутъ наравнѣ съ знатными и благородными. Такимъ образомъ, по расчету Гёрна, потомство раба, отпущеннаго на волю, не раньше, какъ въ десятомъ поколѣніи достигаетъ знатности; потомство свободного достигаетъ ее уже въ шестомъ поколѣніи. Евпатридомъ или патриціемъ въ родовомъ обществѣ могъ быть лишь тотъ, у кого не только прапрадѣдъ, но и дѣдъ этого прапрадѣда (tīta-vna) былъ полноправно-свободнымъ человекомъ отъ рожденія.

Таковы были, по мнѣнію автора, понятія арийцевъ на счетъ знат-

ности человека и благородства его происхождения. Въ теоріи, только что изложенной нами, есть двѣ доли неодинаковой вѣроятности. Несомнѣнно, что въ родовомъ обществѣ сила и значеніе человека зависятъ, хотя и не исключительно, отъ могущества корпораціи, къ которой онъ принадлежитъ, и что въ этомъ смыслѣ генеалогическій возрастъ фамилій и родовъ имѣетъ первостепенное значеніе, обеспечивая многочисленность корпораціи и ея богатство. Справедливо и то, что новый человекъ, занявъ извѣстное положеніе въ такомъ обществѣ не съ разу получалъ и всѣ права, связанныя съ этимъ положеніемъ; этого достигали обыкновенно лишь его внуки. Свидѣтельства, приводимыя авторомъ, убѣждаютъ хотя и не съ одинаковой силой, что у римлянъ, грековъ, германцевъ и кельтовъ полноправіе обеспечивалось только за третьимъ поколѣніемъ, т. е. внуками того лица, которое впервые заняло данное положеніе въ обществѣ. Остается недоказаннымъ, что этимъ обычаемъ опредѣлялось не только повышеніе отпущенника въ свободнорожденіе, свободнорожденного въ полноправно-свободные, но также и повышеніе изъ послѣдняго разряда въ сословіе знатныхъ. За генеалогическими расчетами автора теряется въ тѣни самое главное, именно, фактъ, что значеніе личности зависѣло отъ силы корпораціи. Многочисленность и богатство корпораціи могли и чаще всего дѣйствительно зависѣли не отъ возраста ея и не отъ длины родословной, а отъ удачъ или неудачъ ея въ общей борьбѣ съ соперниками за имущество, свободу и жизнь. Любопытно было бы прослѣдить за тѣмъ, какія обстоятельства содѣйствовали процвѣтанію и упадку отдѣльныхъ родовъ, возвышенію и паденію ихъ въ общественномъ мнѣніи, но Гёрнъ не касается этихъ вопросовъ. Онъ заключаетъ изложеніе своей теоріи указаніемъ на то, какъ легко объясняется ею важность твердаго знанія каждымъ своей родословной, что замѣчается въ родовомъ обществѣ, и несоразмѣрная разница въ строгости, съ какою здѣсь относятся къ нарушенію супружеской вѣрности женой или мужемъ. За тоже самое преступленіе общественное мнѣніе и судъ жестоко караетъ жену и вовсе не осуждаетъ мужа, ибо проступокъ первой безчеститъ фамилію, вливая въ жилы ея кровь чуждую и, можетъ быть, менѣе благородную.

Когда родъ или кланъ усядется на одномъ мѣстѣ и начнетъ жить осѣдлою жизнью, въ религіозной связи, соединявшей его членовъ прежде, присоединяются новыя связи, происходящія изъ отношеній родичей къ

землѣ, ими занятой, и претворяющія родъ въ общину. Роичи живутъ по сосѣдству, съобща владѣютъ землею, съобща пользуются ея угодьями; съобща завѣдываютъ своимъ земельнымъ имуществомъ. Сосѣдство, совладѣніе и сотрудничество постепенно порождаютъ общіе интересы и влеченія, которыя сначала подкрѣпляютъ связующее дѣйствіе родовой религіи, а потомъ и совсѣмъ замѣщаютъ его, послѣ того, какъ вѣрованія этой религіи начинаютъ утрачивать свою власть надъ умами. Описаніе общиннаго устройства, данное Гёрномъ, представляетъ обычай и порядки, очень хорошо знакомые для русскаго читателя, который и по сей день можетъ видѣть ихъ кругомъ себя, не имѣя нужды обращаться въ Индію, откуда заимствуетъ свои примѣры авторъ. Раздѣленіе общинной земли на усадебную, пахатную и пастбищную или пустопорожную, раздача участковъ по жребію, передѣлъ полей, порядокъ пользованія выгономъ и лѣсомъ существовали въ общинномъ быту древнихъ арійцевъ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ все это существуетъ на Руси. Даже положеніе метиковъ въ древней общинѣ въ главномъ походитъ на положеніе обывателей въ нашей. Разница между общиннымъ устройствомъ арійцевъ и современнымъ русскимъ касается, главнымъ образомъ отношеній общины къ государству и центральному правительству; само собою разумѣется, что арійская община не знала этихъ отношеній, какъ не знала надъ собою и государства. Изъ самодержавности древней общины вытекала неограниченность правъ ея по отношенію къ землѣ; отдача въ пользованіе и пожалованіе земли въ вѣчную собственность зависѣли въ ней единственно отъ воли самихъ общественниковъ. За особые услуги, особенно во время войны, община награждала своихъ членовъ, отводя имъ участки земли въ полную собственность, и обладаніе такими участками, или надѣлами, вмѣстѣ съ патронатомъ, было главнѣйшимъ источникомъ могущества знатныхъ фамилій.

Хотя сельская община по своему началу была осѣдлымъ поселеніемъ рода, сохранявшимъ на первыхъ порахъ и родовую организацію, однако впослѣдствіи мы находимъ въ ней правленіе и порядки демократическіе. Патріархальная власть старѣйшины рода уступаетъ свое мѣсто выборнымъ старшинамъ и мірскому сходу, или вѣчу; начало наслѣдственности власти замѣняется избраніемъ; привилегіи фамиліи, ближайшей къ родоначальнику по кровнымъ связямъ, теряютъ свою силу. Словомъ, въ сельской общинѣ происходитъ рядъ преобразованій

однородныхъ съ тѣми, путемъ которыхъ монархія измѣнялась въ аристократію въ позднѣйшихъ, городскихъ, общинахъ Греціи и Италіи. На этомъ превращеніи патриархальнаго клана въ демократическую общину Герцъ не останавливается; онъ даже и не упоминаетъ о немъ. По его изображенію выходитъ, что патриархальный кланъ и община несли существовали другъ подлѣ друга, какъ двѣ различныя формы общезжитія; близъ союза семей всегда были отдѣльныя семьи, не входившія въ этотъ союзъ и продолжавшіе жить при родовыхъ порядкахъ. Въ такихъ семьяхъ власть и собственность находились въ рукахъ главы; онъ считался хозяиномъ земли; остальные члены семьи получали содержаніе отъ него. Размножась, семья развѣтвлялась; младшія вѣтви ея обособлялись въ отдѣльныя семьи. Вмѣсто содержанія натурой эти новыя семьи получали отъ главы рода участіи земли въ полную собственность, и живя особо продолжали признавать надъ собой авторитетъ старѣйшины рода. Такъ было нѣкогда въ Германіи, гдѣ, по словамъ Тацита, *gentes quae regnantur*, жили рядомъ съ *civitates*.

Въ дальнѣйшемъ политическомъ развитіи клана наиболѣе видными явленіями надобно признать образованіе дружины и подневольнаго слоя населенія. Первое изъ нихъ содѣйствовало измѣненію отношеній между родичами и ихъ главой, усиливъ подчиненность однихъ и господство другаго; второе ускорило разложеніе аристократически замкнутой организаціи рода и замѣну родовой религіи, какъ основы общественныхъ чувствъ и обязанностей, новыми связями, менѣе исключительными и болѣе гибкими. Щедрость была очень легкой и прибыльной добродѣтелью для богатыхъ вождей въ то время, когда богатство состояло главнымъ образомъ въ сырыхъ произведеніяхъ, не имѣвшихъ сбыта на рынкѣ, а обиліе людей, свободныхъ отъ занятій, благодаря отсутствію промышленности, искусства и науки и труду подневольнаго класса, снабжало охотниками служить за хлѣбъ и приволье. Богатые вожди и свободная, удалая молодежь были двумя элементами тогдашняго общества, неудержимо стремившимися къ сближенію, которое на первыхъ порахъ было чуждо сознательныхъ корыстныхъ расчетовъ и порождало горячія привязанности и прочныя обязательства. Слѣды дружины видны въ исторіи всѣхъ арійскихъ народовъ; всего яснѣе и прочнѣе были они тамъ, гдѣ, какъ у кельтовъ и германцевъ, кланный бытъ существовалъ долѣе и развивался безъ помѣхи.

Точно также всюду, гдѣ живутъ арійцы, мы замѣчаемъ и при-

существо подневольнаго населенія, то родственнаго имъ, то чуждаго по крови, состоящаго частью изъ покоренныхъ туземцевъ, частью изъ людей, искавшихъ убѣжища, покровительства или выхода изъ экономическихъ затрудненій. Каково бы ни было происхожденіе подневольнаго класса, его политическія стремленія и расположенія всюду были враждебны родовой организаціи, господству аристократіи, ея политическимъ и экономическимъ привилегіямъ. Эта враждебность представляла готовую точку опоры для преобразованія патріархально-родоваго старшинства въ неограниченную монархію.

Размноженіе рода ведетъ неминуемо къ его развѣтвленію и распаденію на многіе меньшія группы, которыя, размножаясь, въ свою очередь становятся родами, достигаютъ самостоятельности и независимости, и такимъ путемъ претворяютъ первоначально единую общественную группу въ цѣлое скопленіе вторичныхъ группъ, ей во всемъ подобныхъ. Живя и управляясь особо, эти вторичныя группы при всей разобщенности въ политическомъ отношеніи, продолжаютъ сохранять нѣкоторую связность и единство вслѣдствіе сходства въ основныхъ чертахъ тѣлесной и духовной природы, въ языкѣ и обычаяхъ, въ вѣрованіяхъ и обрядахъ,—во всемъ, что составляло основное содержаніе въ жизни группы первоначальной, и что было унаслѣдовано ея потомками. Утративъ политическое единство и сохранивъ единство въ основномъ содержаніи жизни, родъ переходитъ въ общественную группу болѣе сложную и становится народомъ.

Двумя свойствами этой группы опредѣляется дальнѣйшее теченіе ея политической исторіи: однородностью коренныхъ основъ пониманія и дѣятельности свойственной цѣлому съ одной стороны, и разобщенностью его частей вслѣдствіе разницы въ интересахъ повседневной жизни съ другой. Первое свойство обуславливаетъ способность къ національному сочувствію и содѣйствію; второе препятствуетъ непрерывному и свободному проявленію этой способности. Въ борьбѣ противодействующихъ общественныхъ силъ перевѣсъ остается обыкновенно на сторонѣ той, которая чаще и сильнѣе дѣйствуетъ на чувство народа и такимъ путемъ сообщаетъ болѣе частые и энергическіе мотивы для его дѣятельности. Въ началѣ политической исторіи народа перевѣсъ бываетъ на сторонѣ вліяній, содѣйствующихъ разединенію и обособленію его частей. Эти вліянія идутъ прямо изъ насущныхъ потребностей жизни, ясныхъ уму и весьма острыхъ для чувствъ; тогда какъ об-

общенародное живетъ въ началѣ въ видѣ смутныхъ влеченій и предрасположеній, способныхъ дѣйствовать на волю лишь тогда, когда нѣтъ на лицѣ болѣе острыхъ и ясныхъ побужденій. Впослѣдствіи, когда общенародное станетъ содержаніемъ яснымъ для ума и дорогимъ для сердца, приметъ видъ національной идеи, первоначальное отношеніе двухъ противодѣйствующихъ свойствъ организаціи народа измѣняется и перевѣсъ склоняется на сторону того, которое влечетъ къ объединенію.

Въ главѣ XI своего труда Гёрнъ разсматриваетъ мотивы и средства, ведущія народъ къ политическому объединенію въ началѣ его исторіи. Такими мотивами бываютъ: общность религіозныхъ вѣрованій и нарочито чтимыхъ предметовъ поклоненія; сознаніе общихъ опасностей и выгодъ и превосходство силы, обуславливающее господство однихъ и подчиненіе другихъ группъ, принадлежащихъ къ одной и той же національности. Изъ этихъ мотивовъ только послѣдній способенъ создать изъ разъединенныхъ частей націи единое политическое тѣло, обладающее прочностью и единствомъ. Сила двухъ первыхъ мотивовъ бываетъ обыкновенно недостаточна для прочнаго объединенія народа. Самыя дорогія и горячія религіозныя вѣрованія, самое ясное и живое представленіе объ общихъ опасностяхъ и выгодахъ способно расположить людей къ сочувствію и содѣйствію, сблизить ихъ, но ни то, ни другое не можетъ доставить надежной опоры для авторитета однихъ и достаточно сильнаго побужденія къ подчиненію для другихъ. Амфиктіоніи и федераціи питали народныя симпатіи, возбуждали сознаніе о правахъ и обязанностяхъ, вытекающихъ изъ единства національности, но не могли обезпечить господства властей и повиновенія подчиненныхъ. Послѣднее достигалось лишь тамъ, гдѣ починъ къ политическому объединенію народа опирался на превосходство силы.

Дойдя до той эпохи въ политической исторіи арійскихъ народовъ, когда родовой бытъ постепенно уступаетъ мѣсто государственному, Гёрнъ прерываетъ свое изложеніе съ тѣмъ, чтобы представить доказательства въ пользу того, что обычаи и учрежденія, найденныя имъ у различныхъ арійскихъ народовъ, были дѣйствительно свойственны первобытнымъ аріямъ. Историческое преданіе обнаруживаетъ существованіе аналогій въ политической исторіи грековъ, римлянъ, кельтовъ, индусовъ и т. д. Но оно не въ силахъ убѣдить насъ въ томъ, что эти аналогіи суть остатки древнѣйшихъ учреждений, что они составляютъ

наслѣдство, полученное арійскими народами отъ ихъ предковъ; ибо такія же аналогіи можно отыскать и въ исторіи народовъ, не принадлежащихъ къ арійской семьѣ. Доказательство исконности учрежденій можно найти лишь въ языкѣ, именно въ томъ обстоятельствѣ, что аналогичныя учрежденія носятъ имена, несомнѣнно употреблявшіяся въ праарійскомъ языкѣ и при томъ именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ эти имена встрѣчаются впослѣдствіи. Здѣсь сравнительная политика обращается за помощью къ сравнительному языковѣдѣ, пользуется выводами послѣдняго и возлагаетъ на историка обязанность быть знакомымъ не только съ данными, но и съ методами науки о языкѣ. Гёрнъ разбираетъ нѣсколько названій, относящихся къ семьѣ, роду и родовой религіи, чтобы на основаніи ихъ первоначальнаго смысла доказать существованіе отческой власти, агнаціи, кланнаго устройства въ арійскую пору.

Въ данныхъ языка заключаются лишь слабыя и, по большей части, неясныя намеки на основы и учрежденія политическаго быта у древнихъ арійцевъ; по нимъ можно воспроизвести лишь остоу, но не живой образъ этого быта. Между тѣмъ какъ въ историческомъ преданіи различныхъ арійскихъ народовъ существуютъ указанія, по которымъ можно не только убѣдиться въ существованіи у всѣхъ ихъ патриархальной власти отца надъ семьей, но можно также составить довольно ясное понятіе о размѣрахъ и основахъ этой власти,—въ языкѣ древнихъ аріевъ сохранились лишь темныя указанія только на существованіе отческой власти въ ихъ быту. Такое указаніе Гёрнъ находитъ въ словѣ *pater*, которое въ разныхъ видахъ употребляется для обозначенія отца у всѣхъ арійскихъ народовъ. По общепринятой этимологіи это слово происходитъ отъ корня *pa* означавшаго—питать, поддерживать, защищать; отецъ назывался питателемъ, защитникомъ; и это названіе указываетъ на такое отношеніе отца къ семьѣ, естественнымъ послѣдствіемъ котораго было господство его надъ остальными ея членами. Въ ряду общеарійскихъ словъ нѣтъ особаго названія для дѣда, хотя есть для внуковъ. Гёрнъ остроумно объясняетъ это отсутствіе тѣмъ, что въ ту пору, когда дѣти и внуки составляли одну семью и жили подъ рукою дѣда, не было нужды въ названіи, указывающемъ на степень родства, ибо дѣдъ обозначался, какъ глава семьи, а для этого достаточно было слова *pater* или другаго подобнаго по смыслу. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какого рода данныя за-

включаются въ языкѣ и какъ велики свѣдѣнія, доставляемыя ими. О древнѣйшемъ періодѣ въ исторіи общественности, также точно какъ и въ исторіи органическаго міра, можно составить хотя приблизительно вѣрное понятіе лишь связывая и восполняя скудные остатки этого періода данными изъ наблюденій надъ аналогичными явленіями въ нашей современности или въ болѣе близкомъ прошедшемъ.

Прослѣдимъ развитіе патріархальной семьи до образованія племени, Гёрнъ переходитъ къ общественнымъ группамъ иного рода, которыя въ отличіе отъ первыхъ онъ называетъ искусственными или негенеалогическими родами. Въ то время, когда патріархальная семья была единственной формой общежитія, естественно было, по мнѣнію автора, подражать ея порядкамъ и обычаямъ всякій разъ, какъ являлась необходимость въ сближеніи людей, прежде чуждыхъ другъ другу, въ образованіи новой общественной группы ради какой нибудь частной цѣли. Каждая такая группа, подобно семьѣ или роду, приобрѣтала себѣ эпонима, смыкала своихъ членовъ посредствомъ агнаціи и входила въ связи съ другими группами, слѣдуя обычаю экзогаміи. Образованію искусственныхъ ассоціацій въ первобытномъ обществѣ содѣйствовало то, что въ немъ всегда было много людей, по разнымъ причинамъ отпавшихъ отъ своей семьи и рода,—людей, которые, оставаясь одиночными и живя врознь, были безсильны и беззащитны въ томъ обществѣ, гдѣ всегда принималась въ расчетъ корпорація и гдѣ отдѣльная личность имѣла весьма мало значенія. Первымъ шагомъ къ образованію искусственной ассоціаціи бывало, по мнѣнію Гёрна, избраніе эпонима. Найти его было не трудно. Человѣкъ, отличавшійся способностями, подвигами или знатностью, становился, естественнымъ средоточіемъ кружка лицъ, стоявшихъ въ обществѣ особнякомъ и стремившихся къ сближенію. Онъ былъ вождемъ, главою перваго поколѣнія новой группы и героемъ—эпонимомъ для слѣдующихъ поколѣній ея. Новое общество по смерти вождя признавало его своимъ геніемъ покровителемъ, а себя его усыновленнымъ потомствомъ. Члены общества принимали имя своего вождя, поклонялись ему, гордились своимъ происхожденіемъ отъ него. Каждый изъ нихъ, войдя въ составъ новой ассоціаціи, становился родоначальникомъ семьи, которая при благопріятныхъ условіяхъ могла разростись въ родъ, такъ что дальнѣйшее развитіе искусственной ассоціаціи шло тѣмъ же путемъ, какъ и развитіе естественной семьи.

Побужденія къ образованію подобныхъ ассоціацій бывали раз-

личны; иногда людей сближали новыя религіозныя вѣрованія, иногда сходство занятій и интересовъ, связанныхъ съ ними, или участіе въ общемъ предпріятіи. Но, каковы бы ни были побужденія, ассоціаціи, образовавшіяся подъ гнетомъ ихъ, всегда обладали слѣдующими признаками: онѣ признавали какого нибудь героя или бога своимъ эпонимомъ, совершали въ честь его общественное богослуженіе, признавали этого героя своимъ родоначальникомъ, а членовъ общества не только братьями по духу, но и родственниками по крови. Поступая такъ онѣ, по мнѣнію Гёрна, подражали порядкамъ и обычаямъ семьи и рода и въ этомъ смыслѣ могутъ считаться копіей или повтореніемъ группъ естественныхъ. Въ видѣ примѣровъ Гёрнъ указываетъ на образованіе религіозныхъ и префессіональных ассоціацій у различныхъ народовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Протоколы засѣданій Кіевскаго Юридическаго Общества, состоящаго при
у-тѣ Св. Владиміра.

2-е приложение

(къ протоколу засѣданія 13 октября 1879 года).

Въ этомъ засѣданіи членъ общества *И. П. Новицкій* читалъ свой докладъ „*О чиншевомъ правѣ въ юго-западномъ краѣ до XIX столѣтія*“.

Короткое содержаніе сего доклада слѣдующее:

Упомянувъ о различныхъ мнѣніяхъ относительно происхожденія и сущности чиншеваго владенія, высказанныхъ по преимуществу нѣкоторыми членами общества въ его засѣданіяхъ, докладчикъ перешелъ къ изложенію собственныхъ воззрѣній на этотъ предметъ. Особенность общественнаго устройства Литовско-Русскаго великаго княжества, до времени окончательнаго соединенія его съ Польшею, состояла въ феодальной организаціи землевладѣнія, при отсутствіи рѣзкихъ сословныхъ различій, въ смыслѣ правъ личныхъ, между различными разрядами землевладѣльцевъ, причемъ даже и низшій ихъ разрядъ, земледѣльцы-крестьяне, пользовались личною свободою и гражданскою правоспособностью. Право полной собственности на землю принадлежало единственно великому князю, для всего же остальнаго населенія было условно, сущность этихъ условій была исполнѣ аналогична для всѣхъ разрядовъ населенія, безъ различія, чье-бы высшее право ни лежало на состоявшей въ ихъ владѣніи землѣ. Каждый владѣлецъ земли обязанъ былъ нести извѣстныя повинности въ пользу непосредственно выше его стоявшаго, въ феодальной организаціи, владѣльца, а съ другой стороны, исправное выполненіе повинностей обеспечивало законную прочность

владѣнія; право владѣнія могло быть отчуждаемо, съ вѣдома, согласія и утвержденія владѣльца сюзереннаго, а пріобрѣтатель онаго принималъ на себя и всѣ лежавшія на землѣ обязанности въ пользу послѣдняго. Земледѣльческій классъ населенія распадался въ то время на два главныя подраздѣленія въ смыслѣ экономическомъ, по преобладающему роду выполняемыхъ ими повинностей: крестьянъ *тяглыхъ* или *пригонныхъ*, отбывавшихъ повинности по преимуществу личнымъ трудомъ, крестьянъ *осадныхъ* или *данниковъ*, уплачивавшихъ за пользованіе землею натуральныя *дани*. Послѣднія, съ развитіемъ хозяйства, стали замѣняться платежами денежными, которые въ послѣдствіи получили заимствованное отъ нѣмецкихъ колонистовъ, которые селились именно только на условіи денежныхъ платежей, имя *чинша* (Ziense, Census). Положеніе земледѣльцевъ, уплачивавшихъ за землю чиншъ, было лучше, чѣмъ тѣхъ, которые отбывали повинности работами. Подтверженіемъ этого служатъ акты даннаго, изъ коихъ обнаруживается: во-первыхъ, стремленіе крестьянъ пригонныхъ къ переходу на чиншъ; во-вторыхъ, противоположное стремленіе землевладѣльцевъ къ замѣнѣ чиншей повинностями издѣльными; и въ третьихъ, признаніе известной экономической цѣпности за самымъ *право* владѣнія землею на условіи платежа чинша, каковое право подвергалось отчужденію не только путемъ частныхъ сдѣлокъ, но и по суду, въ погашеніе невыполненныхъ чиншевымъ владѣльцемъ земельного участка обязательствъ въ отношеніи лица посторонняго.

Съ постепеннымъ развитіемъ крѣпостнаго права, въ XVI вѣкѣ, категорія лицъ, владѣвшихъ землею за платежъ чинша, естественно подверглась весьма значительному сокращенію. Чиншевое владѣніе, съ прежнимъ его феодальнымъ характеромъ, могло сохраниться только за тѣми разрядами населенія, которые удержали личную свободу. Таковы были: 1) жители тѣхъ коронныхъ городовъ, устройство которыхъ не было опредѣлено особыми привилегіями и уставными грамотами; 2) иностранные колонисты; 3) евреи; 4) крестьяне, избѣгшіе закрѣпощенія и известные подъ именемъ *людей похожихъ*; 5) на такихъ же основаніяхъ стали владѣть землею и безземельные шляхтичи, селившіеся на чужихъ земляхъ. Но въ то же время, происхожденіе чиншеваго владѣнія, какъ способа владѣнія первоначально обще-крестьянскаго, выразилось въ сохраненіи названія чиншей и за тѣми денежными платежами, какіе взымались съ крестьянъ, обращенныхъ уже въ состоя-

ніе крѣпостныхъ. Отсюда возникла двойственность значенія этого термина, подавая поводъ къ отождествленію чинша, платимаго людьми свободными, съ обыкновенною арендною платою. Между тѣмъ, чиншевое владѣніе землею существенно различается отъ владѣнія аренднаго, а именно: 1) въ аренду поступали земли обработанныя, могущія немедленно приносить доходъ, сообразно чему во всѣхъ арендныхъ контрактахъ платежи за пользованіе землею исчислялись съ момента передачи ея владѣльцемъ арендатору; во владѣніе же чиншевое весьма часто отводимы были земли вовсе нерасчищенные, требующія предварительной затраты труда и капитала для приведенія ихъ въ годное къ обработкѣ состояніе, а потому первые годы чиншеваго владѣнія бывали въ такихъ случаяхъ льготными отъ платежа. 2) Во всѣхъ арендныхъ контрактахъ опредѣлительно выраженъ срокъ ихъ дѣйствія, въ документахъ же на владѣніе чиншевое элементъ времени или вовсе прохордится молчаніемъ, или столь-же опредѣлительно выражена безсрочность, *вѣчность* владѣнія. 3) Взаимныя отношенія собственника и арендатора соотвѣствуютъ ихъ полной юридической равноправности, тогда какъ владѣніе чиншевое предполагаетъ нѣкоторую долю зависимости чиншеваго владѣльца отъ собственника, выражавшуюся, между прочимъ, въ подчиненіи чиншевикомъ юрисдикціи вотчинника по нѣкоторымъ менѣе важнымъ дѣламъ, хотя это, какъ видно изъ актовъ, не лишило чиншевикомъ права жалобы на собственника въ общія судебныя мѣста. 4) Земля, состоящая уже въ чиншевомъ владѣніи, нерѣдко, какъ составная часть имѣнія, поступала во владѣніе арендное, и такимъ образомъ, въ одно и то же время, на одной и той же землѣ лежали два права, чиншевое и арендное, а слѣдовательно, по характеру своему и объему они признавались существенно различными. Сообразно сему между всѣми извѣстными чиншевыми документами нѣтъ ни одного, который былъ бы хотя только подтвержденъ аренднымъ владѣльцемъ, ибо объемъ правъ послѣдняго, установленныхъ на срокъ, естественно представляется болѣе ограниченнымъ, чѣмъ право владѣльца чиншеваго.

Въ заключеніе докладчикъ высказалъ мнѣніе, что такъ какъ чиншевое владѣніе представляетъ собою остатокъ формъ крестьянскаго землевладѣнія феодальной эпохи, что доказывается также существованіемъ совершенно аналогическихъ формъ владѣнія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ (*Schauffelrecht*), а въ Англіи

даже и до настоящаго времени (Feefarmhold Longleaschold), то было бы весьма желательно и полезно изслѣдованіе этого предмета сравнительное, которое могло бы восполнить пробѣлы мѣстныхъ памятниковъ и разъяснить тѣ вопросы, которые, по скудости отечественныхъ источниковъ, представляются пока сомнительными и спорными.

Пренія, за позднимъ временемъ, были отложены до представленія докладчикомъ своего изслѣдованія въ полномъ и окончательно обработанномъ видѣ.

№ 12. Протоколъ засѣданія 27 октября 1879 года.

Засѣданіе было открыто въ 7¹¹/₂ часовъ предсѣдателемъ общества А. Ѳ. Кистяковскимъ, при секретарѣ П. К. Скордели и членахъ общества: Л. С. Бѣлогрицѣ-Котляревскомъ, Р. И. Базинерѣ, В. Ф. Гельбке, И. Я. Давиденкѣ, В. С. Мамышевѣ, Н. С. Моркотунѣ, Н. П. Орловѣ, Д. И. Пихно, Г. И. Пахаловичѣ, М. А. Розовѣ, С. А. Сребдольскомъ, В. С. Стрѣльниковѣ и Д. Г. Тальбергѣ и при 15 постороннихъ лицахъ, и въ немъ были доложены:

1) Протоколъ предъидущаго засѣданія общества отъ 13 октября 1879 года, который и былъ утвержденъ.

2) Предложеніе предсѣдателя А. Ѳ. Кистяковскаго объ отсылкѣ копій той части протокола общества отъ 15 сентября 1879 г., которая заключаетъ въ себѣ обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ желѣзнодорожнаго дѣла. Определено: выслать въ Высочайше учрежденную комиссію желѣзно-дорожнаго дѣла упомянутую часть протокола общества отъ 15 сентября 1879 года.

3) Предложеніе А. Ѳ. Кистяковскаго, о числѣ экземпляровъ протоколовъ общества, необходимыхъ для отпечатанія, а также о порядкѣ и времени отсылки членамъ общества, протоколовъ и приложений къ нимъ. Определено: протоколы общества печатать въ 200 экземплярахъ, которые высылать членамъ общества по мѣрѣ выхода протоколовъ въ свѣтъ.

4) Предложеніе М. А. Розова о необходимости избрать комиссію или совѣтъ изъ членовъ общества для предварительнаго обсужденія возникающихъ административныхъ вопросовъ по дѣламъ общества для сокращенія времени, употребляемаго для сего въ засѣданіяхъ общества, чему соотвѣтствуетъ и § 10 устава общества. Предложеніе сіе было

поддержано Г. Д. Тальбергомъ, составшимся на подобные комитеты, существующіе въ С. Петербургскомъ юридическомъ обществѣ. Определено: избрать въ будущемъ засѣданіи общества членовъ комитета и самый вопросъ о семъ помѣстить въ повѣстку будущаго засѣданія общества.

5) Подвергнуть баллотированію въ члены общества предложенный въ предыдущемъ засѣданіи *Иванъ Яковлевичъ Рудченко*, который оказался избраннымъ.

6) Предложены въ члены общества: *В. И. Баршевскій*, членъ Харьковской судебной палаты (А. О. Кистяковскимъ, В. Г. Демченко и А. А. Тимченко). 2) *Ив. Петр. Новицкій*, авторъ изслѣдованія о состояніи крестьянскаго сословія въ XVIII стол. въ юго-западномъ краѣ, приложеннаго при 2-хъ томахъ актовъ о крестьянахъ, изданныхъ Новицкимъ (А. О. Кистяковскимъ, А. А. Квачевскимъ и И. Я. Давиденко). 3) Кандидатъ юридическаго факультета Новороссійскаго университета *Абрамъ Моисеевичъ Гольденбергъ* (Е. И. Левинскимъ и П. К. Скордели) и 4) *В. Г. Тальбергъ* кандидатъ правъ Кіевскаго юридическаго факультета (Д. И. Пихно и П. К. Скордели). Определено: баллотировать означенныхъ лицъ въ слѣдующемъ засѣденіи общества.

7) Въ бібліотеку общества пожертвованы слѣдующія книги авторами: 1) Договоръ найма пастуховъ 1878 г. П. Ефименка, и 2) Крестьянскіе суды Московской и Владимірской губерніи, 1877 года П. Шрага. Определено: благодарить гг. жертвователей отъ имени общества, а книги приобщить къ числу книгъ бібліотеки общества.

8) Докладъ члена общества *Д. . Бьлоричъ-Котляревскаго*: „О воровствѣ кражъ шайкою“, при чемъ докладчикъ развилъ въ своемъ докладѣ слѣдующія положенія:

а) Кража шайкой, какъ квалифицированный видъ кражи не имѣетъ историческихъ прецедентовъ въ нашемъ правѣ; появленіемъ своимъ въ уложеніи 1845 г. этотъ видъ кражи обязанъ вліянію иностранныхъ законодательствъ.

б) Точнаго опредѣленія шайки мы не встрѣчаемъ въ уложеніи. Такъ какъ постановленія о семъ видѣ кражи заимствованы въ уложеніе изъ иностранныхъ законодательствъ, то слѣдуетъ къ симъ послѣднимъ обратиться за разъясненіями. Ближе всего къ постановленіямъ нашего уложенія подходятъ таковыя Виртембергскаго кодекса 1839 г.

в) Какъ по иностраннымъ кодексамъ, такъ и по нашему уложенію, шайка понимается какъ общество, составленное для продолжительнаго занятія многими, въ отдѣльности неопрѣдѣленными. преступленіями. Толкованіе Сената, различающаго два вида шайки: 1) шайка съ цѣлью совершенія одной кражи, и 2) шайка съ цѣлью совершенія многихъ кражъ, поэтому не можетъ названо правильнымъ.

г) Различіе между кражей шайкою (1645 ст.) и кражей по уговору нѣсколькихъ лицъ (1659, п. 5) заключается не въ характерѣ организаціи преступнаго сообщества, отличающемъ шайку отъ простаго сообщества преступниковъ,—какъ думаетъ Сенатъ, а въ томъ, что во второмъ случаѣ идетъ рѣчь о сообществѣ, составившемся *ad hoc*, для совершенія данной одной кражи, между тѣмъ какъ въ первомъ—для занятія преступленіями, т. е. для совершенія многихъ кражъ.

д) Для наличности преступнаго сообщества, именуемаго шайкой, —достаточно двухъ человѣкъ.

е) Преступленіе должно считаться совершеннымъ шайкою, хотя бы оно было совершено однимъ изъ ея членовъ, если только послѣдній сдѣлалъ одно изъ преступленій для коихъ шайка составила.

Членъ общества *Д. Г. Тальбергъ* замѣтилъ: что первый тезисъ въ докладѣ: „кража-шайкою, какъ квалифицированный видъ кражи, не имѣетъ историческихъ прецедентовъ въ нашемъ правѣ“ не можетъ быть рѣшенъ такъ категорически и увѣренно, какъ это дѣлаетъ докладчикъ. Извѣстно, что губныя учрежденія въ 16 в. возникли для борьбы съ разбоемъ, какъ чѣмъ-то организованнымъ, въ видѣ шайки, что во всѣхъ губныхъ грамотахъ и наказахъ какъ до соборнаго уложенія, такъ и послѣ него идетъ рѣчь о татѣхъ и разбойникахъ, нѣкоторые выраженія грамотъ прямо указываютъ, что тати и разбойники совершали преступленіе въ шайкѣ. Затѣмъ, если сравнить ту наказуемость, которая установлена въ судебникахъ и уложеніи за татьбу, съ тою, которая опредѣлена въ губныхъ грамотахъ, то оказывается нерѣдко, что въ первомъ случаѣ виновный подвергся наказанію кнутомъ, а во второмъ—смертной казни. Во всякомъ случаѣ вопросъ затронутый авторомъ весьма спорный и сложный и никакъ не можетъ быть рѣшенъ въ категорической формѣ утвержденія или отрицанія.

А. Ѳ. Кистяковскій поддержалъ отчасти замѣчаніе *Д. Г. Тальберга*, присовокупивъ, что въ уложеніи 1649 г. упоминается также о воровствѣ шайкой, но что въ сводѣ уголовныхъ законовъ о шайкѣ

дѣйствительно не говорится, поэтому докладчикъ не правъ игнорируя исторію русскаго права объ этомъ предметѣ, но правъ въ томъ отношеніи, что съ другой стороны въ нашихъ законахъ до уложенія 1845 г. не было принципиальнаго опредѣленія воровства шайкою съ точно и опредѣленно увеличенною наказуемостію.

Д. С. Блוגрицъ-Котляревскій возразилъ, что онъ не отрицаетъ существованія факта составленія шайекъ и преступленія воровства шайкою въ старой русской жизни, но сколько онъ ни старался найти въ законодательныхъ памятникахъ Россіи усиленія наказанія за преступленія воровства—шайкою, онъ не могъ этого отыскать,—поэтому его тезисъ вѣренъ, ибо опредѣленіе воровства шайкою какъ квалифицированный видъ кражи съ болѣе строгимъ наказаніемъ уложеніемъ взято изъ запада, а не изъ права русскаго.

Д. Г. Тальбергъ послѣ сего продолжалъ: что касается втораго тезиса докладчика, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ уложеніи 184 г. постановленіе о кражѣ-шайки заимствовано изъ иностранныхъ законодательствъ, такъ какъ ни въ указѣ 1781 г., ни въ сводѣ законовъ подобнаго постановленія нѣтъ, а редакторы уложенія едва-ли дальше этихъ памятниковъ заглядывали въ исторію нашего законодательства. Остальные тезисы въ докладѣ *Д. С. Блугрицъ-Котляревскаго* догматическаго содержанія: здѣсь г. Тальбергъ не нашелъ почти ничего новаго, такъ какъ три тезиса изъ четырехъ довольно обстоятельно и подробно развиты *Неклюдовымъ* въ его „Руководствѣ къ особенной части уголовного права“. *Г. Неклюдовъ* и авторъ доклада совершенно основательно признаютъ неправильнымъ толкованіе Сената, различающаго два вида кражи-шайки: 1) шайка съ цѣлью совершенія одной кражи и 2) шайка съ цѣлью совершенія многихъ кражъ. Нельзя согласиться съ *Неклюдовымъ* и авторомъ доклада, что для наличности преступнаго сообщества именуемаго шайкой—достаточно двухъ членовъ, для сообщества требуется участія многихъ лицъ, а два человѣка не составятъ—“много“. Сенатъ правильно требуетъ участія въ шайкѣ не менѣе 3--4 человѣкъ. По мнѣнію докладчика организація не составляетъ существеннаго признака кражи шайки, при этомъ онъ указываетъ на отсутствіе въ законѣ основанія для подобнаго понятія шайки-кражи. Дѣйствительно въ текстѣ закона нѣтъ никакихъ указаній на то, что организація составляетъ необходимый признакъ кражи-шайки; по юриспруденціи въ нѣкоторыхъ случаяхъ—при толкованіи

закона долженъ брать тѣ готовые понятія, которыя существуютъ вообще въ обществѣ, внѣ кодекса. Съ понятіемъ шайки обыкновенно соединяется извѣстная организація дѣла; составить шайку—значить организовать дѣло для болѣе или менѣе постояннаго занятія преступленіемъ. Съ этой точки зрѣнія Сенатъ правильно требуетъ для состава преступленія кражи-шайки извѣстную организацію, какъ-то назначенія начальника, распредѣленіе дѣятельности, раздѣлъ добычи и т. д.

Д. С. Голосицъ-Котляревскій на это возраженіе замѣтилъ: обвиненіе реферата въ томъ, что онъ по нѣкоторымъ вопросамъ ничего новаго не представляетъ, и что нѣкоторые тезисы реферата подробно развиты въ сочиненіи Неклюдова, едва-ли заслуживаетъ вниманія. Оппоненту, вѣроятно, не безызвѣстно, что въ вопросахъ догматическихъ, болѣе или менѣе изслѣдованныхъ, новому изслѣдователю мало приходится говорить совершенно новаго. Что же касается возраженія оппонента, что, по его мнѣнію, организація составляетъ характеристическій признакъ шайки, то онъ полагаетъ, что едва ли можно серьезно говорить объ организаціи, какъ существенномъ признакѣ шайки. Для того, чтобы придавать организаціи такое значеніе, необходимо опредѣлить ея характеръ; но откуда же взять это опредѣленіе, если въ законѣ его нѣтъ; ссылаться же на общепринятые понятія нельзя, такъ-какъ эти понятія болѣе чѣмъ неясны и самъ оппонентъ едва ли въ состояніи ихъ восполнить. Точка же зрѣнія въ отношеніи понятія шайки, которой онъ держится, наиболѣе раціональна, такъ какъ даетъ болѣе опредѣленный признакъ, для опредѣленія названнаго понятія. Этотъ признакъ—соглашеніе сообщества лицъ заниматься преступленіемъ, какъ ремесломъ; другими словами—соглашеніе постоянно заниматься преступленіями. Этотъ признакъ можетъ быть названъ существеннымъ для понятія шайки потому, что зло шайекъ заключается не въ организаціи ихъ, а въ рѣшимости коллективно заниматься преступленіями, въ этой рѣшимости скрывается какъ бы открытый разрывъ съ обществомъ. При такомъ взглядѣ на понятіе шайки совершенно раціонально не считать большее или меньшее число членовъ шайки существеннымъ для ея наличности; можно въ согласіи съ западно-европейскими законодательствами и теоретиками опредѣлить минимумъ этого числа въ два человѣка, такъ-какъ и въ сообществѣ двухъ лицъ можетъ совмѣщаться существенный признакъ шайки—рѣшимость съ обща постоянно заниматься преступленіями.

А. Θ. Кистяковский полагаетъ, что для существованія шайки достаточно и фактической организаціи въ смыслѣ распредѣленія ролей сложившейся путемъ преступной дѣятельности, а не посредствомъ напередъ обдуманной, и что съ понятіемъ шайки, болѣе совмѣстно представленіе о многихъ, или о нѣсколькихъ по крайней мѣрѣ, члѣнѣхъ двухъ лицахъ.

В. С. Стрѣльниковъ заявилъ, что русскій законъ видитъ особенную важность для понятія шайки въ организаціи и только этимъ признакомъ можно установить грань между шайкою, которая возможна и для совершенія одного преступления, и простымъ преступленіемъ по уговору. Это подтверждается словами „для того“ ст. 1645 улож. а организаціей можно объяснить различіе между ст. 1659 п. 5 и ст. 1645 улож. Кроме того для шайки необходимо болѣе 2-хъ членовъ, *tres faciunt collegium*. Это подтверждается и ст. 1654 улож. говорящей о совершеніи нѣсколькими лицами.

А. Θ. Кистяковский заявилъ, что хотя въ наукѣ и господствуетъ понятіе о шайкѣ, какъ о совокупности лицъ согласившихся совершить рядъ преступленій, и хотя въ дѣйствительности въ большинствѣ случаевъ это такъ и бываетъ, но извѣстно, что *omnis definitio in jure periculosa est*, поэтому онъ полагалъ, что Херсонское воровство изъ казначейства 1,500,000 руб. задуманное цѣлою компаніею, выполненное по извѣстному обдуманному плану, потребовавшее для своего осуществленія довольно продолжительнаго времени, вполне можетъ быть подведено подъ понятіе воровства шайкою, а не подъ понятіе уговора ст. 1659 п. 5 улож., хотя преступники не имѣли въ виду совершить другихъ преступленій и не совершили. Изъ сказаннаго по мнѣнію А. Θ., явствуетъ, что организованное сообщество даже на одно преступленіе—воровство можетъ быть отнесено къ воровству шайкою. Такимъ образомъ для понятія шайки необходимо: 1) уговоръ, 2) фактически, или задуманно сложившаяся организація, 3) болѣе 2-хъ членовъ и 4) уговоръ совершить рядъ или даже одно воровство, если последнее столь сложно, что стоитъ многихъ мелкихъ воровствъ. Затѣмъ между воровствомъ по уговору, о которомъ говорится въ 5 п. ст. 1659 ул. и воровствомъ шайкою, о чемъ говорится въ ст. 1645 ул., много одновидности. Воровство шайкою есть также воровство по уговору, и воровство по уговору можетъ быть совершено шайкою, т. е. множествомъ лицъ, распредѣлившихъ свои роли. Такимъ образомъ воровство шайкою есть

высшая степень воровства по уговору, квалифицированное воровство по уговору.

А. С. Блюмриц-Котляревскій оспаривалъ мнѣніе, что для шайки достаточно уговора о совершеніи одного сложнаго воровства, ибо въ вопросахъ о наказуемости нельзя вводить въ законъ неучащенный элементъ, какъ понятіе „сложное преступленіе“, само по себѣ не всегда ясное и не понятное. Кромѣ того буквальное толкованіе слова „того“ въ ст. 1645 не можетъ служить доказательствомъ допустимости по русскому закону составленія шайки для совершенія лишь одного преступления, такъ какъ въ улож. 1845 г. слово „воровство“ выражало не кражу, а лишь понятіе имущественнаго преступленія кражи или мошенничества. Поэтому ст. 1645 изд. 1866 г. слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что кто составитъ шайку для совершенія не даннаго, опредѣленнаго воровства или кражи, а вообще для совершенія воровства кражи или воровства мошенничества.

М. А. Розовъ доказывалъ, что уложеніе для понятія шайки требуетъ организацію, ссылаясь на ст. 922 улож. и слѣд., которыя прямо говорятъ о вступленіи и составленіи, т. е. объ организаціи, по уложенію возможно совершеніе шайкою одного преступленія—дѣланіе фальшиваго документа (ст. 925).

Л. С. Блюмриц-Котляревскій на сдѣланныя г. Розовымъ возраженія замѣтилъ, что онъ не можетъ согласиться, чтобы въ выраженіи уложенія, о составленіи злонамѣренныхъ шайекъ, eo ipso подразумевалась ихъ организація, какъ существенная, необходимая принадлежность. Составить шайку не значить ее организовать. Организація предполагаетъ назначеніе начальника, распредѣленіе ролей между сообщниками, а развѣ невозможно представить себѣ шайку, составившуюся безъ этихъ условій; возьмемъ хоть примѣръ, приводимый Неклюдовымъ. Во время войны нѣсколько солдатъ ушли отъ своихъ частей и встрѣтившись гдѣ нибудь случайно, сговорились заниматься мародерствомъ. Развѣ эта шайка не можетъ, долго не медля, отправиться на преступное занятіе, не назначивъ начальника, не распредѣливъ ролей,—а предоставивъ веденіе дѣла фактическому стеченію обстоятельствъ.

И. Я. Давиденко раздѣляя мнѣніе о возможности составленія шайки и для совершенія одного только воровства, находитъ что для рѣшенія этого вопроса очень важна исторія права о шайкахъ.

П. К. Скордеи замѣтилъ, что въ докладѣ слова тезиса „е“:

„Преступленіе должно считаться совершеннымъ шайкою хотя бы оно было совершено однимъ изъ ея членовъ, если только послѣдній сдѣлалъ одно изъ преступленій для коихъ шайка составила“, могутъ вызвать сомнѣніе, ибо преступленіе считается совершеннымъ шайкою, если одинъ изъ ея членовъ для шайки, за ея счетъ, совершилъ одно изъ преступленій, для коихъ шайка составила, между тѣмъ изъ тезиса можно вывести, что если членъ шайки совершитъ вообще (даже и не для шайки) одно изъ условленныхъ шайкою преступленій, то и это преступленіе считается совершеннымъ шайкою, какой выводъ будетъ ошибоченъ и противорѣчить ст. 927 улож.

Д. С. Блюрицъ-Котляревскій возразилъ, что его тезисъ ясно выражаетъ мысль высказанную въ первой половинѣ замѣчанія Скордели, и о чемъ упоминаетъ ст. 928 улож.

По окончаніи сихъ преній въ 10½ часовъ вечера засѣданіе общества закрыто и предположенныя бесѣды: „О примѣнимости института присяжныхъ засѣдателей къ югозападному краю“, и „О правѣ обвиняемаго, признаваемаго сумасшедшимъ, выдать довѣренность на подачу апелляціонной или кассационной жалобы“, отложены на слѣдующее засѣданіе общества, назначенное на 10 ноября 1879 года.

№ 13. Протоколъ засѣданія 10 ноября 1879 года.

Засѣданіе было открыто въ 7¹/₂ часовъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя общества А. Θ. Кистяковскаго, при секретарѣ П. К. Скордели и 14 членахъ общества (Р. И. Базинеръ, Г. М. Барацъ, Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскомъ, И. Я. Давиденко, В. Г. Демченко, С. Ф. Делюсто, А. А. Квачевскомъ, Н. С. Моркунъ, Г. А. Пахаловичъ, Д. И. Пихно, А. Ф. Соколовъ, В. С. Стрѣльниковъ, В. Г. Тальбергъ Г. Н. Цельтнеръ) и при 12 постороннихъ посѣтителяхъ.

Въ этомъ засѣданіи были доложены:

1) Протоколъ предъидущаго засѣданія общества отъ 27 октября, который былъ утвержденъ.

2) Произведенъ былъ выборъ посредствомъ баллотировки, 5 членовъ совѣта, согласно § 10 устава, и большинство голосовъ получили: В. Г. Демченко, В. С. Стрѣльниковъ, Р. И. Базинеръ, А. А. Квачевскій и И. Я. Давиденко.

3) Подвергнуты баллотированію предложенные въ члены общества въ предъидущемъ засѣданіи: В. И. Баршевскій, И. П. Новицкій, В. Г. Тальбергъ и А. М. Гольденбергъ, которые и были избраны.

4) Обсуждался предложенный А. Θ. Кистяковскимъ для бесѣды въ обществѣ вопросъ: *О примѣнимости института присяжныхъ заседателей къ судоустройству и уголовному судопроизводству въ юго-западномъ краѣ*, по поводу высказаннаго мнѣнія въ печати о непримѣнимости сего института къ югозападному краю.

Бесѣду эту началъ предсѣдатель общества А. Θ. Кистяковскій слѣдующими словами: Намъ предстоитъ бесѣда о возможности примѣненія у насъ суда присяжныхъ. Поводомъ къ этой бесѣдѣ послужила передовая статья газеты „Кіевскій Листокъ“, авторъ которой доказы-

ваетъ, что институтъ присяжныхъ у насъ въ юго-западномъ краѣ не примѣнимъ въ видахъ того, что здѣсь живутъ 4 народности: русскіе, малороссы, поляки и евреи. Я точно не могу указать количества народонаселенія по народностямъ, но если не ошибаюсь, русскихъ малороссійской вѣтви въ трехъ губерніяхъ около 5 милліоновъ, поляковъ 400,000 и евреевъ 700,000. Въ самой статьѣ не было ясно высказано, какое значеніе для дѣятельности суда присяжныхъ имѣетъ разница этихъ народностей, но извѣстно, что въ этой разницѣ нѣкоторые предвидятъ возможность неправоудныхъ приговоровъ, при произнесеніи которыхъ присяжные будутъ руководствоваться національной враждой или дружбой.

Даведено. Я былъ свидѣтелемъ введенія новыхъ судовъ какъ въ Великороссіи, такъ и въ Новороссіи. Въ Новороссійскомъ краѣ жители разныхъ національностей, поэтому полезно будетъ сравненіе. Успѣхъ суда присяжныхъ зависитъ отъ личнаго состава, оттого главное вниманіе нужно обратить на составленіе очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей. Къ сожалѣнію, на практикѣ замѣчено было неоднократно, какъ въ Великороссіи, такъ и въ Новороссіи, что списки присяжныхъ засѣдателей составлялись неудовлетворительно; напр., въ первый годъ введенія суда присяжныхъ въ Тихвинскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, не смотря на большое сочувствіе общества къ этому суду, очередные списки составлены были въ алфавитномъ порядкѣ; очевидно, при такомъ порядкѣ не можетъ быть принято во вниманіе соотношеніе между лицами различныхъ сословій и разнообразнаго развитія. И дѣйствительно, однажды въ Тихвинскомъ уѣздѣ въ числѣ присяжныхъ засѣдателей не оказалось грамотныхъ; тогда какъ въ этомъ уѣздѣ грамотность достаточно распространена. Впослѣдствіи этотъ недостатокъ былъ устраненъ. Въ другихъ уѣздахъ случалось, что списки составлялъ письмоводитель предводителя дворянства безъ особаго контроля комиссіи, оттого желающіе могли легко отклониться отъ исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя. Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ случалось также, что въ числѣ присяжныхъ не было грамотныхъ и присяжными засѣдателями исключительно являлись крестьяне; не рѣдко замѣчалось уклоненіе зажиточныхъ лицъ отъ исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей; изъ нихъ на сессію являлось два-три человека, а нѣкоторые присылали свидѣтельство о болѣзни. Вслѣдствіе этого приходилось иногда откладывать рѣшеніе дѣлъ по недостаточному числу присяжныхъ засѣдателей, то по неграмотству ихъ. Но

когда была возможность составить законный комплект присяжных заседателей, тогда дѣла разрѣшались удовлетворительно. Рѣшенія присяжныхъ почти всегда согласовались съ справедливостью и антагонизма замѣчено не было между людьми самыхъ различныхъ націй. Въ моей двѣнадцатилѣтней практикѣ не было случая подкупа присяжныхъ заседателей. Присяга, объясненія предсѣдателя, вообще обстановка суда, вліяютъ на присяжныхъ заседателей и они вполне предаются исполненію своей обязанности. Въ здѣшнемъ краѣ, если очередные списки присяжныхъ будутъ составлятьсѣ хорошо и если образованные люди не будутъ уклоняться отъ исполненія этой обязанности, то дѣло пойдетъ успѣшно. Антагонизма не предвижу. Если совершена кража, вѣнчаніе, поджогъ, то присяжные не потерпятъ преступника къ какой національности онъ не принадлежалъ, понимая, что прежде всего необходимо избавиться отъ вреднаго члена общества. Большинство дѣло принадлежитъ къ означеннымъ разрадамъ. О дѣлахъ исключительныхъ мы здѣсь не говоримъ, такъ какъ для такихъ дѣлъ нельзя жертвовать цѣлымъ учрежденіемъ. Однимъ словомъ, долготѣнная практика приводитъ меня къ заключенію, что судъ присяжныхъ достигаетъ своей цѣли. его приговоры по большей части бывають справедливы. Принимая во вниманіе невысокую степень развитія большинства присяжныхъ, неудовлетворительное составленіе списковъ, нужно удивляться, какіе хорошіе выходятъ результаты. Однажды въ городѣ Николаевѣ предсѣдатель объяснилъ присяжнымъ, что голоса ихъ должны быть сохранены въ тайнѣ, и это было понято старшиною присяжныхъ заседателей, что голоса должны быть подаваемы въ тайнѣ другъ отъ друга, поэтому старшина собиралъ голоса отъ присяжныхъ, спрашивая ихъ на ухо. Тотъ же старшина хотѣлъ это сдѣлать въ другой разъ, но, благодаря одному изъ присяжныхъ, который зналъ, что голоса должны быть тайною для публики, а не для присяжныхъ, старшина согласился отбирать голоса вслухъ подъ угрозою, что иначе обратится къ предсѣдателю за разъясненіемъ. Вотъ примѣръ, до какой степени бывають неразвиты присяжные. Дѣйствительно, ввести судъ присяжныхъ въ жизнь очень трудно, но результатъ этого суда отличный. Я долженъ прибавить, что судъ присяжныхъ—это лучшая школа для саморазвитія; присяжные крестьяне всегда гордятся этимъ званіемъ и, возвращаясь въ деревню, разносятъ по деревнямъ здравыя сужденія о дѣлахъ.

Демосто. Въ юго-западномъ краѣ составленіе списковъ присяжныхъ засѣдателей будетъ зависѣть отъ начальства, при чемъ евреи будутъ включаться въ ограниченномъ числѣ сообразно проценту населенія. Не было-ли замѣчено въ Новороссійскомъ краѣ стремленія ограничить число евреевъ при составленіи списковъ присяжныхъ засѣдателей?

Давиденко. Въ Ананьевскомъ уѣздѣ, какъ доходили до меня слухи, установлено было домашнимъ образомъ членами комиссіи, чтобы включать въ списки поменьше евреевъ, но въ Херсонскомъ уѣздѣ этого не было. Нахожденіе евреевъ между присяжными не вліяло вредно на ихъ приговоры. Былъ случай, что судили богатаго еврея Соболева по обвиненію въ поджогѣ магазина, съ цѣлью воспользоваться страховой преміей. Евреи всего города осаждали двери суда. Присяжные оправдали старика Соболева, а обвинили его сына и прикащика. Нѣкоторые думали, что старикъ Соболевъ оправданъ по вліянію евреевъ на присяжныхъ; но если принять во вниманіе, что Соболевъ во время поджога находился совершенно въ другомъ городѣ, то можно съ увѣренностью сказать, что этотъ мотивъ могъ послужить присяжнымъ для оправданія подсудимаго независимо отъ посторонняго вліянія.

Кистяковский. Итакъ въ Новороссійскомъ краѣ, не смотря на разнообразіе національностей, приговоры присяжныхъ засѣдателей были все таки удовлетворительны.

Стрѣльниковъ. Если вопросъ поставить такъ, что у насъ не примѣнимъ судъ присяжныхъ, вслѣдствіе разнообразія національностей, то мнѣніе газеты безусловно невѣрно. Но мнѣ казалось бы, что въ видахъ различія національностей слѣдовало бы измѣнить общія правила. Я не вижу опасности, что въ нашемъ краѣ есть поляки и малороссы, особенно послѣдніе, но вотъ еврейское населеніе должно заставить ввести нѣкоторыя измѣненія въ общія правила. Есть мѣста сплошь населенныя евреями, напр., Бердичевъ; тамъ выборъ съ города будетъ великъ, а съ уѣзда незначителенъ. Что касается евреевъ, то есть нѣкоторыя преступленія, въ которыхъ я имъ не слишкомъ довѣряю, такъ напр., приговоры ихъ по дѣламъ о воинской повинности врядъ-ли будутъ безпристрастны, хотя можетъ быть я и ошибаюсь. Нужно по моему мнѣнію, опредѣлить нѣкоторый процентъ ихъ, или даже нѣкоторыя дѣла изъять отъ евреевъ.

Баранцъ. Упущено изъ виду, что законодатель это уже предусмо-

трѣхъ, и евреевъ допускается въ присяжные засѣдатели только одна треть.

Кистяковский. Я думаю, что различіе національностей, изъ которыхъ составляется судъ присяжныхъ засѣдателей, могло бы вредно вліять на дѣятельность присяжныхъ и на справедливость ихъ приговора только при томъ единственномъ условіи, если бы каждая національность, по своимъ этическимъ и правовымъ понятіямъ, стояла на различныхъ ступеняхъ развитія, до такой степени рѣзкихъ и непримиримыхъ, что единство справедливаго приговора было бы не возможно. Но если разныя національности держатся однихъ и тѣхъ же взглядовъ на преступленіе и наказаніе, а таковое единство въ взглядахъ мы замѣчаемъ у различныхъ національностей, обитающихъ въ южно-русскомъ краѣ; если малороссъ, полякъ, еврей, считаютъ воровство, убійство, поджогъ, изнасилованіе и т. д., преступленіями; то спрашивается, что можетъ препятствовать суду присяжныхъ, состоящему изъ лицъ разныхъ національностей, произнести справедливый приговоръ по дѣламъ о сихъ преступленіяхъ. Правда, при существованіи національной политической борьбы, можетъ быть не безопасно было бы вручать такому суду присяжныхъ приговоры по дѣламъ печати, по преступленіямъ политическимъ, но извѣстно, что политическія преступленія не подсудны у насъ сему суду. Хотя и то должно сказать, что при болѣе широкомъ развитіи политическихъ учрежденій разность національнаго состава присяжныхъ не опасна и въ этихъ дѣлахъ.

Давиденко. Я присовокуплю, что присяжнымъ подлежатъ лишь дѣла, влекуція за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія. Дѣла о нарушеніяхъ устава питейнаго и другихъ, въ каковыхъ проступкахъ часто попадаются ервеи, разрѣшаются большею частію безъ присяжныхъ.

Кистяковский. Нельзя лишать цѣлый край суда присяжныхъ. Законодатель принялъ извѣстныя мѣры для предотвращенія преобладанія инородческаго элемента, а судебная администрація должна заботиться о правильномъ и разумномъ составленіи очередныхъ списковъ; тѣ лица, на которыхъ законъ возложилъ составленіемъ списковъ, такъ ихъ должны организовать, чтобы, согласно закону, преобладало господствующее населеніе. Что же касается малороссійской національности, то это есть только разновидность общерусской. Нельзя считать малороссовъ народомъ не русскимъ. У малоросса свой особый бытъ, своя

одежда, фізіогномія, свой характеръ, своя особенная складка ума, отличная отъ складки великороссійскаго, но духъ одинъ и тотъ-же.

Давиденко. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ разнообразіе національностей, можетъ приносить даже пользу. Такъ я припомню дѣло о сожженіи колдуньи въ Новгородской губерніи. Въ этомъ дѣлѣ еврей, вѣроятно, подали бы голосъ противъ сожигателя.

Кистяковский. Отказывать южнорусскому краю въ судѣ присяжныхъ вслѣдствіе разницы національностей, это значитъ лишать цѣлый край какъ-бы правъ состоянія навсегда или, по крайней мѣрѣ, на неопредѣленное время; ибо разница національностей не есть нѣчто случайное и скоропереходящее. Спрашивается, гдѣ же предѣлъ отнятія у края благотѣльнаго института? Во Франціи есть мѣстности, напр., Бретань, Припиринейскія части территоріи, населенныя племенами, которыя говорятъ своимъ языкомъ. И однако-жъ это не мѣшаетъ правильно дѣйствовать суду присяжныхъ въ этихъ мѣстностяхъ. Намъ говорятъ о различіи національностей, какъ о препятствіи къ введенію суда присяжныхъ. Мы скажемъ: хлопчите не о различіи, а объ объединеніи, а таковымъ объединяющимъ учрежденіемъ будетъ служить судъ присяжныхъ.

Давиденко. Дѣло заключается въ томъ, что какъ обыкновенно вызывается въ судъ на сессію 30 человѣкъ присяжныхъ, то едва ли въ числѣ ихъ будетъ 6 человѣкъ евреевъ, поэтому прокуроръ всегда можетъ ихъ отвести по тѣмъ дѣламъ, по которымъ признаетъ нужнымъ.

Стрѣльниковъ. Мнѣ кажется, что произвольное составленіе списковъ подало бы поводъ къ жалобамъ, и такого выбора, чтобы для одного дѣла исключительно выбирались евреи, а для другаго исключались, быть, не можетъ.

Давиденко. Судъ выбираетъ присяжныхъ по жребію, а раньше списки присяжныхъ составляются по нравственнымъ качествамъ.

Кистяковский. Сперва составляются общіе списки, на неправильности составленія которыхъ можетъ быть жалоба, такъ имѣющій право быть внесеннымъ можетъ жаловаться на невнесеніе; но на списки очередные, при составленіи, которыхъ по закону обращается вниманіе на нравственныя качества и способность избираемыхъ отправлять возлагаемую обязанность, жалобы не допускаются. Эти очередные списки дѣлятся на 3 чисти и изъ каждой трети присяжные выбираются по жребію. Составители очередныхъ списковъ должны обращать особенное

вниманіе, чтобы не уклонялись отъ службы присяжныхъ люди интеллигентные.

Стрѣльниковъ. Но въ такомъ случаѣ опять возникаетъ національный вопросъ, т. е., хочу сказать, что лица немогутъ идти дальше закона: составители очередныхъ списковъ не должны обращать вниманія на національность.

Кистяковскій. Никто не говоритъ, чтобы при составленіи очередныхъ списковъ обращалось вниманіе на національность—сверхъ того, что въ этомъ отношеніи опредѣлено самымъ закономъ.

Давиденко. Я говорилъ, что законъ опредѣляетъ извѣстную часть относительно евреевъ, поэтому при выборѣ присяжныхъ по жребію ихъ тоже попадетъ незначительная часть, такъ что по нѣкоторымъ дѣламъ прокуроръ можетъ ихъ совершенно отвести.

Стрѣльниковъ. Я могу указать на примѣръ изъ нѣкоторыхъ окружныхъ судовъ. Судятся крестьяне за святотатство; присяжные засѣдатели преимущественно крестьяне и мѣщане и между ними одинъ уѣздный врачъ; вся забота защитника была, чтобы уѣздный врачъ остался старшиной, надѣясь, что онъ гораздо снисходительнѣе отнесется, но врачъ вынесъ самый строгій приговоръ, такъ какъ самъ, будучи очень суевѣренъ, лѣчился масломъ отъ лампадки.

Кистяковскій. Я хотѣлъ сказать, что при внесеніи лицъ въ очередные списки должно быть обращено особое вниманіе насколько извѣстное лицо способно къ отправленію службы присяжнаго засѣдателя.

Давиденко. Вообще люди развитые могутъ имѣть вліяніе на присяжныхъ засѣдателей, если находятся въ ихъ составѣ. Одинъ молодой человѣкъ, выдавая себя за адъютанта одного сановника, явился въ нѣсколько монастырей Новгородской губер. и подъ видомъ займа успѣлъ выманить у настоятелей монастырей порядочный кушъ денегъ; впоследствии оказалось, что это былъ самозванецъ, за что его и предали суду; присяжные старшиной избрали уважаемаго въ губерніи землевладѣльца. Защитникъ доказывалъ, что кліентъ ничего худого не сдѣлалъ, такъ какъ онъ бралъ деньги у монаховъ, которымъ деньги не нужны; кліентъ же его нуждался; какое же здѣсь преступленіе? Мужички стали разсуждать, на что въ самомъ дѣлѣ монахамъ деньги, и стали высказываться въ пользу подсудимаго. Старшина сказалъ, что въ этомъ есть доля правды, ну, мы и дадимъ подсудимому снисхожденіе. Съ этимъ согласились присяжные.

5) *А. Θ. Кистяковскій* сдѣлалъ сообщеніе о выпедшихъ книгахъ:

1) *Слонимскаго*—*Умственное разстройство, его значеніе въ право гражданскомъ и уголовномъ 1879 г.* При этомъ докладчикъ указалъ: что въ своемъ сочиненіи Слонимскій налагаетъ сущность двухъ системъ по сему вопросу—1) Римско-англійской, по которой дѣеспособность душевно-больныхъ, освидѣтельствованныхъ и состоящихъ подъ опекою, не отрицается, если только заинтересованная сторона докажетъ, что больной во время совершенія того или другого дѣйствія не былъ больнымъ, и 2) Французско-континентальной, по которой признаніе кого нибудь сумасшедшимъ и учрежденіе надъ нимъ опеки влекутъ за собою наложеніе интердикціи на дѣеспособность подопечнаго, съ юридическимъ предположеніемъ, что всякій юридическій актъ, всякое юридическое дѣйствіе такого субъекта лишены всякой силы и значенія; 3) что г. Слонимскій въ своей оцѣнѣ становится рѣшительно на сторону англійской системы, порицая крайности французской интердикціи, которая превращаетъ объявленнаго сумасшедшимъ въ лишеннаго правъ; 4) что по мнѣнію Слонимскаго русскіе законы не устанавливаютъ интердикціи для подопечныхъ душевно-больныхъ, но юриспруденція наша, преимущественно практическая, разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ смыслѣ строгой интердикціи французскаго Code civil; 5) что г. Слонимскій такое толкованіе закона считаетъ и невѣрнымъ съ точки зрѣнія нашего закона и несправедливымъ теоретически.

А. Θ. Кистяковскій считаетъ мнѣніе г. Слонимскаго о русскомъ правѣ и вѣрнымъ и невѣрнымъ. Дѣйствительно, въ русскомъ законѣ нѣтъ общей интердикціи для дѣеспособности признанныхъ умалишенными, какъ во французскомъ, но акты, совершаемые при участіи правительственныхъ органовъ — маклеровъ и нотаріусовъ, по буквѣ закона не могутъ быть совершены отъ имени лицъ, состоящихъ подъ опекою вслѣдствіе сумасшествія; относительно же совершенія актовъ домашнихъ при отсутствіи общей интердикціи, можно согласиться съ мнѣніемъ г. Слонимскаго. Отдѣлъ уголовного права въ книгѣ Слонимскаго (гл. XV—XX) затрогиваетъ болѣе вопросы психіатрическіе, чѣмъ юридическіе. (См. обстоятельная оцѣнка въ Журн. Угол. и Гражд. Правъ 1880 г. кн. 1).

2) *Розентейма*: *Очеркъ военно-судныхъ учреждений въ Россіи до кончины Петра*. Одна изъ главныхъ заслугъ Розентейма—это открытіе имъ документовъ, указывающихъ на то, что рецессія изъ иностраннаго

военнаго права началась гораздо раньше Петра Великаго, и что компиляціи, переводы и извлеченія изъ иностранныхъ законовъ идутъ съ 1606 г. Важно сочиненіе Розенгейма въ томъ отношеніи, что онъ обнаруживалъ нѣсколько бывшихъ до сихъ поръ неизвѣстными законодательныхъ памятниковъ военнаго права. Что касается самой оцѣнки происхожденія какъ ихъ, такъ воинскаго и морскаго уставовъ Петра Великаго,—то сочиненіе Розенгейма не прибавило ничего новаго (подробная рецензія напечатана въ Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго права).

3) *Соболевъ: Цезарь-Бекарія—о преступленіяхъ и наказаніяхъ.* Недостатокъ этого перевода состоитъ въ томъ, что онъ сдѣланъ не съ первостепеннаго изданія. Переводъ можно однакожъ рекомендовать. Предисловіе, въ которомъ рассказана жизнь Бекарія, оцѣнка его труда, и его отношеніе къ отечественному праву, требуютъ многихъ поправокъ. Болѣе подробный отчетъ о сей книгѣ написанъ А. О. Князевскимъ въ Критическомъ Обзорѣніи 1879 г. № 10.

4) *Заруднаго: Бекарія—О преступленіяхъ и наказаніяхъ въ сравненіи съ X главою Наказа Екатерины II и съ современными русскими законами.* Книга состоитъ изъ: 1) введенія, 2) перевода съ перепечаткою цѣликомъ соответственныхъ статей наказа и XV т. св. зак., преимущественно 2 части XV т., и 3) приложений, замѣчаній и дополненій.

Переводъ сдѣланъ по лучшему изданію извѣстнаго италіанскаго историка Цезаря Канту. Переводъ очень хорошъ. Предварительныя свѣдѣнія, добавленія и комментаріи автора очень цѣнны. Въ работѣ автора соединенъ значительный матеріалъ, касающійся отношенія Наказа Екатерины II къ сочиненію Бекарія: это буквальная перепечатка параллельно съ текстомъ перевода италіанскаго писателя текста соответствующихъ статей Наказа. Рецензентъ разъяснилъ сомнѣнія ученаго сенатора относительно дѣйствительнаго существованія указовъ 1767 г. и 1774 г. 8 ноября, коими велѣно, при оцѣнѣ доказательствъ, руководствоваться X главою Наказа, а также сомнѣнія относительно дѣйствительности даннаго имперетарицею Елисаветою религіознаго обѣта никого не казнить смертію во все свое царствованіе. (Болѣе обстоятельная оцѣнка см. Журн. Гражд. и Угол. Права 1880 г. кн. 1).

Сергія Муромцева. Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. Москва, 1879 г. стр. 1—240.

Въ указанномъ сочиненіи извѣстнаго московскаго профессора из-

ложены и рассмотрѣны слѣдующіе предметы и вопросы: 1) Задача изученія римскаго гражданскаго права: а) интересъ, связанный съ изученіемъ римскаго права; б) задача науки о гражданскомъ правѣ, в) развитіе нѣмецкой юриспруденціи въ настоящемъ столѣтіи; 2) Характеръ предстоящаго изслѣдованія. 3) Определеніе права,—въ частности: а) предварительныя замѣчанія, б) отношенія, в) защита отношеній вообще и юридическая защита въ особенности; г) свойства правоваго (защищеннаго) отношенія и особенности юридическаго возрѣнія на правовыя отношенія. 4) Повѣрка предложеннаго определенія права, въ частности: а) разборъ перваго возможнаго возраженія, б) разборъ другихъ возраженій. 5) Правовой порядокъ,—въ частности: а) правовой институтъ и правовой порядокъ, б) право какъ дѣйствующій порядокъ, в) право какъ защищенный порядокъ. 6) Неорганизованная защита. 7) Раздѣленіе права на публичное и гражданское—въ частности: а) изложеніе и объясненіе основной классификаціи права, б) дальнѣйшія поясненія и подробности, в) сравненіе съ классификаціей случаевъ неорганизованнаго контроля. 8) Цѣна гражданскихъ правъ.

Почтенный московскій профессоръ говоритъ, что эта книга выросла изъ лекцій, которыми онъ начинаетъ обыкновенно свой курсъ римскаго права, и сохранила на себѣ стѣды такого происхожденія.

Цѣль сочиненія: авторъ хотѣлъ систематически изложить мысли по общимъ вопросамъ правовѣдѣнія, въ виду возрастающаго къ нимъ интереса, который въ свою очередь обусловленъ сознаніемъ необходимости радикальнаго преобразованія науки.

Московскій ученый, даровитый ученикъ столь извѣстнаго Геринга, ставя высоко римское право, относится къ нему однакожъ не рабски, а критически. „На вопросъ о полезности изученія римскаго права, говоритъ онъ, обыкновенно отвѣчаютъ указаніемъ на непосредственное практическое значеніе римскихъ правовыхъ определеній и на воплощенную въ нихъ образцовую *юридическую логику*—два пункта, которые извѣстны подъ именемъ матеріальнаго и формальнаго достоинства римскаго права“.... „Но такъ какъ въ настоящее время требованія гражданской жизни во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ далеко опередили потребности, объ удовлетвореніи которыхъ заботились юристы древняго міра; то матеріальное достоинство римскаго права недостаточно для оправданія ореола, окружающаго этотъ предметъ въ системѣ универ-

ситетскаго преподаванія. О матеріальномъ достоинствѣ юридическихъ воззрѣній римлянъ должно говорить теперь не иначе, какъ съ значительными оговорками, которые отодвигаютъ его въ область прошедшаго. Болѣе правды заключается въ ссылкѣ на формальное достоинство римскаго права; но и она не выдерживаетъ вполне строгой критики. Искусство юридическаго мышленія присущее въ особой степени римскимъ юристамъ и отразившееся въ оставленныхъ имъ опредѣленіяхъ и рѣшеніяхъ, представляется такимъ качествомъ, присутствіе котораго желательно въ юриспруденціи каждаго народа, и которое, по мѣрѣ его распространенія, перестаетъ бытъ исключительно принадлежностію римлянъ. Многимъ важнымъ сторонамъ мы можемъ научиться не у однихъ римскихъ юристовъ. Напримѣръ, дѣятельность гражданскихъ судовъ Франціи и Англіи назидательна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не менѣе, чѣмъ дѣятельность древнихъ юрисконсультовъ“.

Авторъ въ вопросѣ о раздѣленіи и классификаціи правъ держится стараго римскаго дѣленія на право публичное и на право частное. „Дошедшее къ намъ отъ римлянъ, въ качествѣ основнаго раздѣленія, раздѣленіе на гражданское и публичное обладаетъ, говоритъ онъ, достоинствомъ естественной классификаціи“. По этому вопросу онъ не согласенъ съ мнѣніемъ профессора К. Д. Кавелина.

Чрезвычайно здравымъ смысломъ отличается взглядъ московскаго профессора на отношеніе права къ нравственности.

Изложивъ рядъ доводовъ въ пользу своего мнѣнія, онъ заключаетъ такъ: „Этимъ опровергается то мнѣніе, по которому существуетъ коренное различіе права и нравственности. Оно опровергается также а priori, такъ какъ противорѣчитъ закону солидарности общественныхъ явленій (стр. 179).

Въ другомъ мѣстѣ онъ очень мѣтко характеризуетъ отношенія права и нравственности между собою. „Наблюденіе удостовѣряетъ, что въ средѣ одного и того же круга людей въ одно и тоже время существуетъ гармонія дѣйствующаго права и нравственности во всѣхъ ихъ существенныхъ частяхъ. Далеко не всѣ нравственные отношенія и нормы служатъ въ тоже время предметомъ юридической защиты; но всѣ сколько-нибудь важные юридическіе институты и нормы согласуются съ нравственностію“. „Но если не на всѣ отношенія, которыя защищаются нравственностію, распространяется юридическая защита, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что право поощряетъ нарушеніе неза-

ищаемыхъ имъ отношеній. Правило: что не запрещено, то дозволено, надо принимать лишь въ томъ смыслѣ, что совершеніе незапрещеннаго не вызываетъ юридическаго противодѣйствія. Въ такомъ случаѣ общественное сознаніе удовлетворяется однимъ нравственнымъ противодѣйствіемъ“ (стр. 172, 173).

Не вдаваясь въ изложеніе, оцѣнку и критику подробностей, въ заключеніе скажемъ, что новое сочиненіе московскаго профессора доставить юристу, ищущему усовершенствованія, много наставительнаго. Московскій цивилистъ—представитель новаго направленія въ наукѣ гражданскаго права: онъ не довольствуется правдою формальною, а ищетъ въ гражданскомъ правѣ правды матеріальной. Кто слѣдитъ за нашею юридическою литературою, тотъ, вѣроятно, оцѣнилъ рядъ высокой степени полѣзныхъ, юридически строгихъ, мыслей высказанныхъ и предложенныхъ въ руководству нашей практикѣ почтеннымъ ученымъ въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ, коего онъ состоитъ нынѣ самымъ дѣятельнымъ редакторомъ.

Еще одно замѣчаніе: Новая книга С. А. Муромцова читается не легко, она требуетъ большаго усилія мысли, такъ какъ языкъ, а иногда и терминологія автора своеобразны и несовсѣмъ ясны и точны, они требуютъ нѣкотораго съ собою освоенія. О нѣкоторыхъ положеніяхъ автора, о нѣкоторыхъ сопоставленіяхъ его, различіяхъ и раздѣленіяхъ можно бы спорить; но это не входитъ въ нашу задачу.

Ковалевскаго. Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и приемы изученія исторіи права. Москва, 1880 г. стр. 1—73.

Въ монографіи этой почтенный московскій профессоръ разсматриваетъ слѣдующіе вопросы: 1) историко-сравнительное изученіе права (стр. 5—22); 2) приемы изученія исторіи права (стр. 22—42); 3) археологическій приемъ въ частности (с. 42—51) 4) приемы изученія прямыхъ источниковъ исторіи права—памятниковъ законодательства и юридической практики (стр. 59—69). Авторъ оканчиваетъ свою монографію общимъ заключеніемъ.

Говоря объ историко-сравнительномъ методѣ, почтенный профессоръ касается того, какимъ пособіемъ можетъ служить для изученія юридическаго быта сравнительная грамматика и мнѳологія.

По поводу сравнительнаго метода авторъ касается мнѣній по этому вопросу Сергіевича и Фримана.

По вопросу объ изученіи быта, какъ матеріала для разработки науки права, М. М. Ковалевскій останавливается на значеніи законодательныхъ памятниковъ и быта народовъ Индіи.

Нельзя не согласиться съ авторомъ, когда онъ говоритъ: „Послѣ Индіи, Россія представляетъ по всей вѣроятности ту страну, которая заключаетъ въ себѣ наибольшее число обычаевъ, обрядовъ и юридическихъ поговорокъ, пословицъ и т. п. въ которыхъ какъ въ зеркалѣ отражаются по крайней мѣрѣ нѣкоторыя черты раннихъ формъ обществѣ, древнихъ, если не древнѣйшихъ, нормъ частнаго и публичнаго права“.

Нашъ авторъ довольно долго останавливается на археологическомъ приѣмѣ изученія права, причемъ онъ исключительнымъ образомъ занимается разсмотрѣніемъ и опроверженіемъ гипотезъ проф. Самохвалова, который по раскопкамъ думаетъ опредѣлить и то, какое племя славянское населяло Черниговскую губернію, и то какое устройство имѣли древніе города русскіе, подъ которыми онъ разумѣетъ также и *городища*.

Дѣлая общее заключеніе, московскій профессоръ говоритъ: „Въ результатѣ изслѣдованія оказалось, что сравнительный методъ можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, какъ средство къ построенію совершенно новой еще вѣтви описательной социалогіи—я разумѣю естественную исторію человѣческихъ обществъ;—во-вторыхъ, какъ одинъ изъ приѣмовъ изученія исторіи того, или другаго права въ частности“.

Дѣлая нашъ выводъ о разсматриваемомъ сочиненіи, скажемъ: сочиненіе это содержитъ очень интересныя замѣтки и соображенія о разсматриваемыхъ имъ предметахъ и вопросахъ, но въ задачу его не входило, однакожъ, всестороннее и принципиальное рѣшеніе всѣхъ затронутыхъ имъ вопросовъ.

Засѣданіе закрыто въ 10¹/₂ час. вечера.

№ 14. Протоколъ засѣданія 26 ноября 1879 года.

Засѣданіе было открыто въ 7½ часовъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя общества А. Ѳ. Кистяковскаго, при секретарѣ П. К. Скордели и при 18 членахъ общества (Р. И. Базинеръ, Г. М. Барацъ, М. М. Варшавскомъ, В. В. Виндингъ, И. Я. Давиденко, А. А. Квачевскомъ, Е. И. Левинскомъ, Х. Д. Мельгафъ, С. Н. Мѣснаевъ, Ц. Г. Нейманъ, Н. П. Орловъ, Я. Ф. Соколовъ, Д. Г. Тальбергъ, В. Ѳ. Гельбке, С. Ф. Делюсто, И. И. Гороновичъ Н. С. Моркотунъ и А. А. Тимченко) и при 15 постороннихъ лицахъ.

Въ этомъ засѣданіи были доложены:

I. Протоколъ общества отъ 10 ноября 1879 г., который и утвержденъ.

II. Предсѣдатель общества доложилъ, что совѣтъ общества, рассмотрѣвъ нѣкоторые вопросы, касающіеся общества, нашелъ полезнымъ для общества: 1) чтобы протоколы общества были печатаемы по прежнему порядку т. е. что въ протоколъ вносятся не только вопросы административнаго, но и ученаго содержанія; 2) чтобы предлагаемыя членами общества бесѣды по отдѣльнымъ вопросамъ права были принимаемы лишь въ томъ случаѣ, когда референтъ укажетъ положенія, заключающія отвѣтъ на предложенный вопросъ; 3) чтобы, для приведенія въ извѣстность числа членовъ общества, желающихъ оставаться дѣйствительными членами, разосланы были въ послѣдній разъ приглашенія общества неуплатившимъ членскихъ взносовъ обь уплатѣ ими денегъ за 1879 годъ съ тѣмъ, чтобы считать выбывшими изъ числа членовъ общества тѣхъ лицъ, которые къ началу будущаго года не уплатятъ за 1879 годъ членскаго взноса, согласно § 5 устава; и 4) чтобы выписаны были для общества русскія и иностран-

ныя періодическія изданія, которыя выписывались въ 1879 г. а также *Annuaire de legislation étrangère, publiée par la Société de législation comparée contenant la traduction des principales lois votées dans les pays étrangers en 1877. Septième année 1 vol. 1873 prix 12 fr.* Опредѣлили: всѣ вышеозначенныя предположенія совѣта утвердить, а для расходовъ по выпискѣ журналовъ и другія издержки отпустить бюро общества сто рублей съ тѣмъ, чтобы въ расходованіи ихъ представлены были оправдательные документы.

III Доложено, что въ бібліотеку общества поступили въ даръ: 1) отъ члена общества, профессора Ярославскаго Лицея И. Т. Тарасова сочиненія его: *Ученіе объ акціонерныхъ компаніяхъ.* Ярославль. 1879 г. вып. I и брошюра: *Два года на западѣ съ ученою цѣлью;* и 2) отъ І. А. Шендзиковскаго: *Полный сборникъ узаконеній и распоряженій правительства, касающихся фабричной и заводской промышленности.* С.-Пб. 1875 г. Опредѣлено: благодарить гг. жертвователей, а книги передать въ бібліотеку общества.

IV. Предложены въ члены общества: 1) Н. К. Свѣчинскій (оберъ-прокуроръ 3 Департамента Правительствующаго Сената, предлож. А. Θ. Кистяковскій, А. А. Квачевскій и А. А. Тимченко; А. Г. Жуковъ (кандидатъ Кіевскаго юридическаго факультета, нынѣ предсѣдатель Бердичевскаго сѣзда мировыхъ судей предложили А. Θ. Кистяковскій и М. Е. Краинскій); Л. И. Шрагъ (кандидатъ Кіевскаго юридическаго факультета пред. А. Θ. Кистяковскій и А. А. Квачевскій); І. А. Шендзиковскій (кандидатъ на судебной должности при Харьковскомъ военно-окружномъ судѣ и авторъ сборника законовъ о фабричной и заводской промышленности предложень тѣми же). Опредѣлено: баллотировать сихъ лицъ въ слѣдующее засѣданіе общества.

V. Доложенъ рефератъ члена общества А. А. Квачевского о сочиненіи профессора К. Д. Кавелина: *Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ* Причемъ А. А. Квачевскій высказалъ:

Едва ли кто либо болѣе меня обязанъ дать отчетъ о почтенномъ трудѣ К. Д. Кавелина: я былъ въ числѣ слушателей почтеннаго профессора, слушателей добровольцевъ, платившихъ дань удивленія высокою даровитости профессорской, увлекательнаго изложенія имъ науки гражданского права; я былъ при починѣ того труда, о которомъ идетъ рѣчь. Личность автора несомнѣнно отражается на немъ. Это было въ концѣ 59 г., въ счастливую эпоху зарожденія великихъ реформъ

нынѣшняго царствованія, крестьянской и судебной эпохи, упований, надеждъ, вѣрованій. Увлечшись общимъ потокомъ, я бросилъ столицу и уѣхалъ на службу въ Орелъ для занятій, по крестьянскому дѣлу. Вернувшись оттуда въ концѣ 1859 г. я познакомился съ К. Д. Кавелинымъ, котораго крайне интересовали ходъ крестьянскаго дѣла и мѣстные свѣдѣнія о немъ. Бесѣда по этому предмету сблизила насъ. Съ своей стороны, я крайне интересовался лекціями профессора по гражданскому праву и по его предложенію вступилъ въ число приватныхъ слушателей этихъ лекцій, на что было предоставлено мнѣ полное право, какъ бывшему студенту Петербурскаго университета. Какъ самая личность профессора, такъ и его лекціи произвели на меня сильное впечатлѣніе: онъ представлялъ для меня великій, своеобразный талантъ профессуры: прекрасная дикція, умѣнье заинтересовать своихъ слушателей излагаемымъ предметомъ, особая способность придать свѣжесть и жизненность самымъ сухимъ положеніямъ гражданскаго права, рѣдкій даръ охватить предметъ со всѣхъ сторонъ и опредѣлить его въ живой общедоступной формѣ, прекрасные приемы изложенія; вотъ тѣ качества, которыя притягивали на лекцію К. Д. Кавелина массы слушателей; съ нимъ въ то время могъ соперничать только профессоръ Костомаровъ, лекціи котораго посѣщала такая масса слушателей, что для нихъ нужно было отвести большую университетскую залу. Съ громаднымъ талантомъ К. Д. Кавелинъ соединялъ большое трудолюбіе: каждая лекція была тщательно обработана, старательно подготовлена. Отношенія его къ слушателямъ были чрезвычайно деликатны, внимательны. Всякій изъ нихъ имѣлъ полное право сдѣлать замѣчаніе о предметѣ лекціи, высказать свое мнѣніе, просить объясненія, и профессоръ весьма охотно давалъ такіа объясненія, заявляя, что онъ небылъ вполне понятъ, что его изложеніе требуетъ разъясненій. Его отношенія къ слушателямъ отличались замѣчательною доступностью и вниманіемъ. Я не разъ былъ свидѣтелемъ, съ какою заботливостью профессоръ относился къ нуждамъ другихъ и никогда не отказывалъ помочь имъ, насколько это было возможно для него, давать юридическія совѣты нуждающимся въ нихъ студентамъ онъ считалъ своею обязанностію. Я помню съ какою любовью относился профессоръ къ занятіямъ студентовъ, готовящихся къ экзаменамъ, я помню какъ онъ поощрялъ и помогалъ нынѣ даровитому профессору Дерптскаго университета Энгельману къ полученію магистерской степени по гражданскому праву,

съ какимъ вниманіемъ относился онъ къ его диссертациі. Переноса на свои отношенія принципы общаго блага, добра и самой строгой нравственности, такой профессоръ не могъ не имѣть большаго нравственнаго вліянія на студентовъ.

По такимъ высокимъ достоинствамъ К. Д. Кавелина, какъ профессора, немогу не привѣтствовать занятіе имъ вновь профессорской кафедры послѣ долгаго оставленія ея. Трудолюбіе и таланты г. Кавелина, какъ историка и юриста замѣчательны. Замѣчательны его изслѣдованія: Историческій очеркъ о наслѣдованіи, О казенныхъ подрядахъ и поставкахъ. Капитальная цѣнность и талантливость литературныхъ трудовъ Кавелина, вошедшихъ въ полное собраніе его сочиненій, слишкомъ извѣстны, чтобы говорить о нихъ.

Такою же талантливостью и своеобразностью отличается и новое сочиненіе г. Кавелина: какъ въ самомъ планѣ сочиненія, такъ и въ изложеніи деталей его виденъ самостоятельный взглядъ, новые приемы, самая внимательная разработка сложнаго матеріала по той канвѣ, которая обдумана и приложена почтеннымъ авторомъ къ его основной мысли. Г. Кавелинъ сдѣлалъ попытку вывести гражданское право изъ узкихъ рамокъ римскаго права, и выполнилъ эту задачу весьма удачно во многихъ отношеніяхъ. Профессоръ отказался отъ всякихъ увлеченій теоріей, не гнулъ подъ нее законовъ, онъ взялъ себѣ трудъ, чрезвычайно важный и новый—свести постановленія свода въ полномъ его объемѣ, относящемся къ правамъ по имуществамъ и обязательствамъ, въ научную систему и изъ нихъ вывести общія положенія. Планъ этой капитальной работы былъ уже давно задуманъ. Еще при чтеніи курса гражданского права въ 1856 г. почтенный профессоръ не разъ указывалъ студентамъ на необходимость собрать въ одну хранину всѣ постановленія 15 томовъ св. зак. относящіеся къ гражданскому праву, указывалъ, что X. т. I. ч. св. зак. далеко неисчерпываются наши гражд. законы, и что въ каждомъ другомъ томѣ найдется довольно постановленій, относящихся къ тому или другому отдѣлу гражданского права. Около двухъ лѣтъ Константинъ Дмитріевичъ собиралъ матеріалы, сводилъ ихъ по извѣстнымъ научнымъ рубрикамъ. Но затѣмъ вслѣдствіе оставленія имъ профессорской кафедры собранный матеріалъ оставался однимъ матеріаломъ безъ дальнѣйшей разработки. Но авторъ не упускалъ изъ виду задуманнаго имъ плана. Это доказывается его статьей: Что желательнѣе для русскихъ гражданскихъ законовъ: новый сводъ

или уложеніе? Кавелинъ стоялъ за сводъ. Онъ указывалъ, что еще преждевременно возводить такое совершенное зданіе, какъ уложеніе, когда мы не имѣемъ подготовительной работы хорошаго свода всѣхъ постановленій, составляющихъ гражданское право и разбѣянныхъ по разнымъ частямъ нынѣшняго свода. Относясь къ официальному своду критически, онъ находилъ полную его неудовлетворительность, даже какъ матеріала для уложенія; онъ доказывалъ, что X т. св. зак. хотя и называется гражданскими законами, но съ одной стороны въ нихъ много постановленій, относящихся къ праву не гражданскому, напримѣръ финансовому, и съ другой въ нихъ нѣтъ многихъ русскихъ законовъ гражданскихъ: они разбиты въ разныхъ другихъ томахъ свода, но не ограничиваясь однимъ сведеніемъ статей изъ разныхъ томовъ, авторъ находилъ нужнымъ, свести ихъ къ извѣстнымъ положеніямъ, обобщить содержащійся въ нихъ матеріалъ. По основной мысли автора безъ такой предварительной работы, еще не начатой нашимъ сводомъ, хотя собственно въ этой работѣ онъ и долженъ былъ заключаться, никакъ нельзя приступить къ составленію уложенія. Далекій отъ всякихъ кабинетныхъ затѣй, авторъ находилъ невозможнымъ сочинять уложенія, относился весьма внимательно къ тому накопленному русскою народною жизнью матеріалу, который содержится въ сводѣ законовъ и еще болѣе въ полномъ собраніи законовъ, находилъ, что въ основѣ всѣхъ работъ по уложенію долженъ лежать этотъ матеріалъ, что изъ него не долженъ быть выброшенъ и тотъ живой матеріалъ гражданского права, который содержится въ народныхъ обычаяхъ, что весь этотъ матеріалъ можно кроить по европейскому образцу, но нельзя пересаживать въ уложеніе иноземные законы. Очевидно подъ вліяніемъ такой вполне практической мысли, авторъ, вновь занявъ кафедру гражданского права въ Военно-юридической Академіи, далъ намъ капитальный трудъ подъ названіемъ: Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ. При первомъ обзорѣ этой работы нельзя незамѣтить, что она явилась плодомъ собранія и обработки того матеріала, о которомъ авторъ говорилъ своимъ слушателямъ и трактовалъ въ печати: весь трудъ исключительно направленъ на систематическое изложеніе постановленій свода и онъ справедливо названъ систематическимъ обзорѣмъ: нѣтъ и намекъ на обыкновенное подчиненіе этихъ постановленій какимъ нибудь теоретическимъ воззрѣніямъ, заранее взятымъ изъ иноземныхъ учебниковъ или римскаго права. Въ этомъ по моему мнѣнію, заклю-

чается высокое достоинство сочиненія Кавелина, этимъ оно отличается отъ другихъ нашихъ руководствъ по гражданскому праву. Оставаясь на почвѣ одной систематизировки всѣхъ томовъ свода, авторъ не вдаётся въ критику постановленій, не входитъ въ ихъ толкованіе и примѣненіе къ даннымъ случаямъ, не нарушаетъ научнаго матеріала разъясненіями его судебною практикою, часто весьма сомнительнаго достоинства. Авторъ постоянно остается вѣренъ своей программѣ. Но его систематическое обзорѣніе не составляетъ только простое подведение законныхъ положеній подъ научныя рубрики, не есть механическая работа кабинетнаго сведенія законовъ къ научному порядку; напротивъ, чрезъ каждое положеніе, поставленное авторомъ, сквозитъ живая идея. Просмотрѣвъ цѣлый рядъ положеній, читатель получаетъ весьма опредѣленное и ясное представленіе о томъ гражданскомъ правоотношеніи, о которомъ идетъ рѣчь, и притомъ не въ смыслѣ теоретическихъ воззрѣній, а по понятіямъ и опредѣленіямъ свод. зак. Въ этомъ отношеніи учебникъ Кавелина обладаетъ несомнѣннымъ практическимъ достоинствомъ.

Самъ авторъ, всегда скромный, даетъ своему труду скромное названіе конспекта гражданского права. Но уже самые приемы автора не ограничиваются однимъ перечисленіемъ голыхъ юридическихъ положеній въ научномъ порядкѣ и самый объемъ книги, заключающій въ себѣ болѣе 27 печатныхъ листовъ ясно указываютъ, что почтенный трудъ автора выходитъ далеко за объемъ конспекта. Нѣкоторые отдѣлы гражданского права развиты весьма подробно: такъ напримѣръ личный паемъ; авторъ входитъ въ такія подробности, что опредѣляетъ значеніе напримѣръ дозволенной игры (ст. 333). Словомъ это не конспектъ, а систематическое обзорѣніе русскихъ гражданскихъ законовъ. Подчиняясь понятію конспекта, авторъ подводитъ каждое свое положеніе подъ цифру, и такъ какъ самихъ положеній очень много по многочисленности родовъ, видовъ и всякихъ научныхъ подраздѣленій, то самыя цифры, разнообразятся и расходятся. Таковъ учебникъ съ внѣшней стороны.

Содержаніе книгъ, не смотря на скромное оглавленіе—стремленіе поставить главною своею задачею сведеніе въ научныя рамки и требованія статей свода законовъ, представляетъ самостоятельный трудъ, чуждый подражанія, проникнутый творческою силою: имѣя дѣло съ буквою, догмою закона, авторъ подмѣчаетъ живую, органическую связь

между постановленіями закона, разбросанными въ разныхъ томахъ свода. Прежде всего авторъ задается мыслію подвести основныя элементы науки гражданского права подъ современныя требованія науки и жизни, не хочетъ довольствоваться тѣмъ матеріаломъ, который исторически уложился подъ готовыя рамки гражданского права, провѣряетъ этотъ матеріалъ со всею строгостью научной критики. Такая задача сама по себѣ выказываетъ большую силу творчества. Мы не можемъ относиться къ этой задачѣ иначе, какъ съ великимъ уваженіемъ, высокая идея науки не можетъ мириться съ тѣмъ, что дано и выработано ея прошлымъ достояніемъ; разрывая и перерабатывая этотъ матеріалъ, можно дать новыя лучи свѣта, этою работою пробиваются новыя, неизвѣстные пути. Признавая опредѣленіе и самое названіе гражданского права не пригоднымъ для того содержанія, какое дается наукѣ, критически относясь къ самому объему и содержанію науки, авторъ занимается этими капитальными вопросами при самомъ приступѣ къ своему труду.

Не стану входить въ подробности новаго взгляда автора на науку; чтобы познаться съ нимъ подробнѣе, для этого считаю недостаточнымъ самое введеніе въ настоящее время, а нужно прочесть особую брошюру автора: „*Что есть гражданское право*“. Положенія автора сводятся къ тому: 1) что названіе гражданское право несоотвѣтствуетъ ни объему, ни содержанію науки, что это названіе есть достояніе исторіи не болѣе; 2) что подъ гражданскимъ правомъ разумѣютъ юридическія отношенія, возникающія и прекращаемыя по волѣ частныхъ лицъ, но между тѣмъ въ числѣ ихъ есть такія отношенія, которыя устанавливаются не частными лицами, а закономъ; 3) что мѣсто гражданского права должно занять характерическій (а не сборный) отдѣлъ связанный единствомъ общаго начала, а именно: юридическія отношенія между лицами объ имуществѣхъ и вообще цѣнностяхъ, стоимость которыхъ можетъ быть опредѣлена на деньги; 4) что изъ теперешняго гражданского права должны быть исключены всѣ юридическія личныя отношенія, не переводимыя на деньги; 5) что названіе гражданское право должно быть замѣнено другимъ, а именно: юридическія отношенія или права и обязанности лицъ по имуществу и цѣнностямъ или обязательствамъ. Не входя въ подробности останавлиюсь на нѣкоторыхъ положеніяхъ. Нельзя не признать особой важности за тѣмъ положеніемъ, по которому область гражданского права не огра-

ничивается юридическими отношеніямъ, возникающими и прекращающимися по волѣ частнаго лица. Наука гражданскаго права въ позднѣйшее время стала отвергать римскую теорію, которая занималась въ гражданскомъ правѣ исключительно волею частнаго лица; стала видѣть въ гражданскомъ правѣ значительное участіе общественнаго элемента, подчинять частную волю общему благу, государственному устройству, потребностямъ общимъ. Прекрасныя работы по этому предмету въ нѣсколькихъ статьяхъ талантливаго цивилиста Гамбарова помѣщены въ Юрид. Вѣст. Думаю, что этому принципу суждено имѣть въ будущемъ громадную роль въ развитіи гражданскихъ отношеній, гражданскаго права. Профессоръ Кавелинъ въ своемъ сочиненіи проводитъ это начало и указываетъ вліяніе его на русскіе законы. Но едва-ли можно согласиться съ другимъ положеніемъ почтеннаго автора, что въ предметѣ гражданскаго права могутъ быть только цѣнные права и имущества. Напротивъ, изъ круга этого права нельзя исключить права, непереводаимаго на деньги, такъ напримѣръ право на трупъ дочери, бывшее предметомъ иска въ Италіи, право быть членомъ клуба, тоже бывшее предметомъ иска, право повѣрки книгъ въ акціонерномъ обществѣ. Нельзя исключить изъ этой области семейное право, такъ какъ некуда его приурочить.

Свое сочиненіе авторъ раздѣлилъ на двѣ части: общую и особенную. Въ 1 части помѣщены общія положенія о лицѣ, вещи и юридическихъ отношеніяхъ; 2 часть состоитъ изъ 2-хъ книгъ, въ 1-й излагается права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ, во 2-й права и обязанности по наслѣдью. Обѣ части имѣютъ въ виду исключительно русскіе законы; выводы, сдѣланные авторомъ, указываютъ на капитальность труда, которому предстоитъ еще окончательная отдѣлка, такъ какъ самъ авторъ называетъ его только конспектомъ. При такомъ назначеніи работы нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые институты гражданскаго права подвергнуты подробному изслѣдованію, какъ напримѣръ: давность, подрядъ, поручительство, личный наемъ; другіе схвачены только въ общихъ чертахъ, такъ напримѣръ: общая собственность, товарищества; видно, что это еще программа будущаго обширнаго труда, но и въ ней видна рука мастера науки, а не цеховаго рабочаго. Авторъ идетъ своею дорогою, пробиваетъ новые пути, ставитъ новыя вѣхи. Такъ какъ въ человѣческомъ трудѣ нѣтъ совершенства, нѣтъ однихъ достоинствъ, то и въ сочиненіи Кавелина есть свои

недостатки. Такъ какъ авторъ, избѣгая слабыхъ сторонъ гражданскаго права, внесъ ученіе о юридическихъ лицахъ, подвергшееся въ современномъ положеніи науки большой критикѣ, это ученіе подлежитъ тщательной провѣркѣ, авторъ относитъ къ нимъ не только общества, товарищества, но и имущества нераздѣльныя, наслѣдство. Трудно признать, чтобы по смыслу нашего закона были относимы къ обязанностямъ, охраняемымъ гражданскимъ взысканіемъ: государственная служба, государственные доходы, пенсіи, налоги. Указаны нѣкоторые законы, уже отмѣненные, такъ напримѣръ старый законъ о задаточныхъ роспискахъ. Но эти недостатки въ деталяхъ нисколько не умаляютъ высокихъ достоинствъ цѣлаго, которые, конечно, получаютъ еще большую цѣнность, когда указанная программа будетъ имѣть законченное исполненіе, когда конспектъ обратится въ полное сочиненіе.

И. И. Горюновичъ замѣтилъ: 1) что г. Квачевскій не указалъ еще на сочиненіе Кавелина: Юридическій бытъ древней Руси 1847 года, напечатанное въ Современникѣ, которое служило базисомъ для всякаго изслѣдованія по отечественному праву, 2) что при оцѣнѣ заслугъ Кавелина слѣдуетъ имѣть въ виду и то обстоятельство, что Кавелинъ принадлежалъ къ блестящей плеядѣ Грановскаго, Станкевича, Кудрявцева и другихъ ученыхъ, имѣвшихъ большое нравственное вліяніе на движеніе русской науки и ея усвоеніе позднѣйшими поколѣніями, 3) что понятіе и названіе, даваемое Кавелинымъ, неудобно даже практически и 4) что замѣчаніе А. А. Квачевскаго, что къ недостаткамъ сочиненія Кавелина слѣдуетъ отнести оставленіе Кавелинымъ безъ разсмотрѣнія спорныхъ вопросовъ науки едва ли вѣрно, ибо неотнесеніе въ учебникъ спорныхъ вопросовъ науки скорѣе составляетъ достоинство послѣдняго.

П. К. Скордели замѣтилъ, что въ русской литературѣ ограниченіе сферы гражд. права одними имущественными отношеніями, кромѣ Мейера, въ особенности послѣ статьи Кавелина въ 1864 г. принято профессорами—Умовымъ въ его вступительной лекціи къ курсу гражданскаго права, читанному въ Москвѣ въ 1872 году, и Муромцевымъ, въ статьѣ послѣдняго по поводу сочиненія Кавелина.

VI. Бесѣда, по вопросу предложенному предсѣдателемъ общества *А. Ѳ. Кистяковскимъ*: можетъ-ли обвиняемый, признанный сумасшедшимъ, выдать довѣренность на подачу апелляціонной, или кассационной жалобы?

Возможны два случая:

Или: судъ можетъ признать обвиняемаго несумасшедшимъ и приговорить его къ наказанію за преступленіе, имъ совершенное. А между тѣмъ обвиняемый можетъ не только признавать себя сумасшедшимъ и дѣйствовавшимъ въ такомъ состояніи въ моментъ совершенія преступления, но и быть таковымъ.

Или-же: Судъ можетъ признать обвиняемаго какъ въ моментъ совершенія извѣстнаго дѣянія, такъ въ моментъ суда сумасшедшимъ и по сей причинѣ освободить его отъ наказанія. А между тѣмъ, самъ обвиненный можетъ считать себя не сумасшедшимъ; но также не подлежащимъ наказанію, но только по другой причинѣ, по причинѣ своей невинности.

Случаи обоихъ родовъ въ практикѣ и возможны, и встрѣчаются. Въ особенности частые случаи перваго рода.

Ко мнѣ недавно обратились съ вопросомъ перваго рода. Причемъ мнѣ показана была кассационная жалоба, въ которой повѣренный осужденнаго доказывалъ сумасшествіе своего кліента, объ изслѣдованіи каковаго онъ просилъ судъ, но судъ не обратилъ вниманія на это обстоятельство. На этомъ прошеніи подписался самъ осужденный, находившійся въ больницѣ, въ отдѣленіи душевно-больныхъ.

Отсюда рождается вопросъ: Можетъ-ли обвиненный, дѣйствительно сумасшедшій или юридически признанный таковымъ, дать довѣренность на подачу апелляціонной, или кассационной жалобы?

На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ: не только можетъ, но и имѣетъ на то неоспоримое право.

Такое право ему принадлежитъ по естественному праву. Оно же не отнято у него и нашимъ положительнымъ закономъ. Право судебной защиты есть право глубоко личное, никогда не отъемлемое.

Оно есть частица права необходимой обороны.

Если сумасшедшій не можетъ быть лишенъ права необходимой обороны, въ случаѣ фактическаго нападенія на его право; то по тѣмъ же самымъ причинамъ у него не должно быть отнято и право защиты въ случаѣ юридическаго нападенія. Не должно никогда забывать, что сумасшествіе есть явленіе въ высшей степени сложное.

Вопросы, изъ него вытекающіе, нельзя разсѣвать топоромъ метафизическихъ абсолютовъ.

Сумасшедшій вообще можетъ весьма здраво и весьма основательно судить и понимать многіе вопросы, до его личности касающіеся.

Въ уставѣ уголовного судопроизводства защита обвиняемаго признана за неотъемлемое право подсудимаго. Но законъ нашъ не превратилъ осуществленіе этого права въ каждомъ данномъ случаѣ въ обязанность государственныхъ органовъ назначить защитника. Онъ также оставилъ безъ вниманія, какъ поступать въ случаяхъ, когда обвиняемымъ является субъектъ недѣеспособный въ гражданскомъ отношеніи, или по крайней мѣрѣ признаваемый таковымъ.

Слѣдовательно: всякій изъ обвиняемыхъ, хотя бы въ гражданскомъ отношеніи онъ признавъ или признаваемъ былъ недѣеспособнымъ, имѣетъ, по нашимъ законамъ, право довѣрить свою защиту на всемъ протяженіи уголовного процесса, всякому лицу, не лишенному права выступать защитникомъ.

Отсюда выводъ слѣдующій:

Первое: Дѣйствительно сумасшедшій, или считающій себя сумасшедшимъ, но не признаваемый таковымъ, можетъ просить самъ или другому лицу довѣрить, чтобы апелляціонная, или кассационная инстанція обратила вниманіе на его сумасшествіе на тотъ конецъ, чтобы ему быть избавленнымъ отъ наказанія, по причинѣ сумасшествія.

Второе: Признанный уголовнымъ судомъ сумасшедшимъ, но не признающій себя таковымъ и ищущій своего оправданія въ существѣ, можетъ какъ лично, такъ и чрезъ повѣреннаго, подать апелляціонную или кассационную жалобу, для достиженія противоположнаго рѣшенія.

Въ дебатахъ по сему вопросу приняли участіе:

Х. Д. Мельгафъ, замѣтившій, что рѣшеніе суда 1-й степени еще неокончательно, поэтому и признанный также судомъ сумасшедшимъ можетъ жаловаться.

А. Ѳ. Соколовъ замѣтилъ, что по уст. уголовн. судопр. дѣло при возбужденіи вопроса о сумасшествіи обвиняемаго пріостанавливается, поэтому до рѣшенія о семъ не можетъ быть и рѣшенія, которое могло бы быть обжаловано.

И. И. Горюновичъ полагалъ, что сумасшедшіе не могутъ выдавать довѣренности, ибо они не могутъ защищать своихъ интересовъ и своей невинности. Признанные же юридически сумасшедшими должны, по закону, имѣть оффціальныхъ защитниковъ-опекуновъ или прокуроровъ, какъ имѣютъ малолѣтніе.

Гельбке сказалъ, что такъ какъ выдача довѣренности есть актъ гражданскій, то не можетъ быть выдана довѣренность и по уголовнымъ дѣламъ со стороны признаннаго сумасшедшимъ.

А. Θ. Кистяковскій возразилъ, что довѣренность на защиту уголовныхъ дѣлъ не есть актъ гражданскій, а есть только осуществленіе права защиты личности.

А. А. Квачевскій: начала, высказанныя А. Θ. Кистяковскимъ, выполнѣ соответствують духу новыхъ судебныхъ уставовъ. По уставу предполагается обвиняемый лучше другихъ знающимъ кого избрать себѣ защитникомъ и только въ случаѣ не избранія имъ себѣ такового, по просьбѣ его защитника назначаетъ ему предсѣдатель.

VII Сообщение члена общества князя Н. А. Кострова: „О нѣкоторыхъ остаткахъ въ Сибири испытаній или судовъ Божіихъ. Испытанія трупомъ или кровью“.

Общество, мало развитое въ умственномъ отношеніи, вмѣстѣ того, чтобы самому изслѣдовать невинность одного изъ своихъ членовъ, обвиняемаго въ уголовномъ преступленіи, какъ, напримѣръ, въ убійствѣ, чаще всего предоставляетъ это дѣло божеству, какъ непогрѣшному судѣ. Этимъ объясняется происхожденіе употреблявшихся въ разное время и у различныхъ народовъ, такъ называемыхъ судебныхъ испытаній посредствомъ огня, воды, поединковъ и т. п.; этимъ-же объясняется отчасти происхожденіе испытанія посредствомъ трупа или крови, испытанія, еще не такъ давно практиковавшагося въ обычномъ правѣ русскаго населенія Сибири. Объ этомъ-то испытаніи, имѣющемъ основаніе въ глубокой—древности, я и хочу сказать нѣсколько словъ.

Нѣкоторые народы древности, какъ напримѣръ, евреи, приписывали крови человѣка и животныхъ особенное значеніе и особенныя качества: они полагали: что кровь составляетъ душу всякаго живущаго существа. „Душа всякія плоти кровь его есть“, говоритъ книга Левитъ. (XVII, II). Поэтому-то у евреевъ строго было запрещено употреблять въ пищу кровь животныхъ. Это запрещеніе, въ послѣдствіи времени, перешло и въ постановленія христіанской церкви, такъ какъ 63 правиломъ Апостольскимъ было недозволено ѣсть мясо животнаго, когда не выпущена изъ него кровь. Кровь человѣка, невинно пролитая, по мнѣнію евреевъ, жила и послѣ его смерти. „Голосъ крови твоего брата вызываетъ ко мнѣ изъ земли“, говорится въ писаніи по поводу убійства Авеля Каиномъ. Слѣды невинно пролитой крови можно было

уничтожить только отмищеніемъ за нее, а жизнь свою она проявляла кипѣніемъ. Въ талмудѣ передается поразительная легенда о крови Захаріи первосвященника, убитого, между храмомъ и жертвенникомъ (Матѣ. XXIII, 29—35). „Небузараданъ, пришедши въ Іерусалимъ, увидѣлъ тамъ кровь, которая кипѣла и не переставала кипѣть. Что это значить?—спросилъ онъ жителей Іерусалима. Тѣ, стыдясь своего преступленія, отвѣчали полководцу, что это кипитъ кровь жертвъ, закалаемыхъ во храмѣ. Небузараданъ приказалъ сдѣлать при себѣ опытъ, но кровь заколотыхъ при немъ животныхъ остается совершенно спокойною. Когда, послѣ этого Небузараданъ съ угрозами сталъ спрашивать о причинѣ кипѣнія крови, ему сказали, что это кровь одного священника и пророка, убитого за то, что онъ предсказывалъ разрушеніе Іерусалима. Тогда князь сказалъ: „я умиротворю эту кровь“; и приказалъ привести въ себѣ Іерусалимскихъ раввиновъ и избилъ ихъ въ кедрской долині, но кровь Захаріи продолжала кипѣть и волноваться. Небузараданъ приказалъ привести изъ школъ всѣхъ учениковъ раввиновъ, назначавшихся быть учителями народа, и ихъ избилъ на томъ же мѣстѣ, такъ что число всѣхъ убитыхъ было девяносто четыре раза десять тысячъ, и кровь, пролитая въ долині, дошла до крови Захаріи (т. е. до памятника Захаріи, стоявшаго въ кедрской долині) во исполненіе словъ Осіи IV, 2: „и кровь до крови достигнетъ“; но кровь Захаріи продолжала кипѣть и волноваться. Тогда Небузараданъ подошелъ и сказалъ: „о Захарій, Захарій! я убилъ ради тебя лучшихъ между ними; хочешь ли, чтобы я убилъ всѣхъ?“

„Въ отвѣтъ на это, кровь Захаріи успокоилась, а удивленный Небузараданъ принялъ іудейство“. (Олесницкій: Святая земля, Кіевъ, 1875 г. 357). По словамъ путешественниковъ, на востокѣ, и до сихъ поръ вѣрятъ, что невинно пролитая кровь выжигаетъ мѣсто, гдѣ она проливается, и дымится до тѣхъ поръ пока не будетъ совершено отмищеніе. (Тамъ-же, 358).

Нѣчто подобное этому вѣрованію мы находимъ въ быту древнихъ Германцевъ. Они также приписывали особенныя качества невинно пролитой крови человѣка и полагали, что если убійца подойдетъ къ трупъ умерщвленнаго имъ человѣка и прикоснется къ его ранамъ, то изъ нихъ хлынетъ кровь. „Какъ только убійца подходитъ къ убитому; такъ у него опять кровь идетъ изъ ранъ“,—говорится въ XVII приключеніи „Пѣсни о Нибелунгахъ“, и вся сцена описана тамъ потрясающимъ

образомъ. На основаніи этого весьма древняго вѣрованія, теряющагося въ вѣкахъ язычества, у Германцевъ образовался судебный обычай—испытанія посредствомъ трупъ или крови, существовавшій до XII вѣка, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, можетъ быть и долѣе. Это испытаніе производилось слѣдующимъ образомъ: трупъ убитаго приносили въ судъ на носилкахъ, предполагаемый убійца долженъ былъ протянуть руку къ этому холодному трупу и тронуть его раны, покрытыя запекшеюся кровью; въ тоже время онъ долженъ былъ произвести извѣстные клятвенныя слова, свидѣтельствовавшія объ его невинности. Если, при прикосновеніи руки бездушное тѣло содрагалось и изъ ранъ шла кровь, то въ этихъ чувственныхъ явленіяхъ видѣли виновность обвиняемаго и въ глазахъ судей преступленіе его считалось доказаннымъ точно также, какъ если бы онъ совершилъ его въ самомъ судѣ. (Du Bois: Histoire du droit criminel, Paris 1858 II 589). „Я нашелъ, говорить Шерръ, въ Швейцарской хроникѣ люцернца Диебольда Шиллинга чрезвычайно замѣчательный примѣръ испытанія на трупѣ, относящійся къ позднѣйшему времени. Крестьянинъ Гансъ Шписъ изъ Эттисвиля задушил свою жену. Возникло подозрѣніе. Мертвую вырыли, а ея подозрѣваемаго мужа подвергли испытанію трупа; совершенно голый и весь выстриженный, онъ долженъ былъ положить на правую грудь убитой два пальца своей правой руки, и поклясться въ такомъ положеніи въ своей невинности; но изъ мертваго тѣла сильно хлынула кровь, и убійца признался въ своемъ преступленіи“. (Истор. Цивилиз. Германіи, С.-Петербургъ, 1868 г., 206—207).

Въ русскомъ народѣ по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири, также существуютъ вѣрованія о томъ: 1) что кровь человѣка имѣетъ особенныя, ей только принадлежащія, свойства; 2) что эта кровь пролитая напрасно, безъ всякаго повода, не пропадаетъ даромъ (даже слѣды ея весьма трудно уничтожить),—а преслѣдуетъ или самаго виновнаго, не давая ему покоя, пока онъ не понесетъ заслуженной кары, или ближайшихъ членовъ его семейства и даже потомковъ; и 3) что когда съ убитымъ начнетъ прощаться убійца, то изъ трупа покойника пойдетъ кровь. Въ первомъ отношеніи извѣстно, что знахари считаютъ человѣческую кровь полезною для составленія присушекъ, для возбужденія любви, и нѣкоторыхъ лекарствъ. Въ 1812 г. крестьянка Каинскаго округа Дарья Каргаполова была поймана за приготовленіемъ какого-то снадобія въ скорлупѣ куриного яйца и созналась, что это

составъ изъ мѣсячныхъ ея кровоочищеній, который она приготовляла для своихъ домашнихъ съ цѣлью возбудить въ нихъ къ себѣ любовь. (Моя статья „Колдовство и порча у крестьянъ Томской губерніи“; въ 1 № записокъ западн. сибир. отдѣла И. Г. О.). На кладбищѣ села Бабинскаго Вятскаго уѣзда былъ вырытъ и разрѣзанъ трупъ младенца, для того, чтобы достать запекшейся крови, употребляемой какъ лекарство. (Якушкинъ: Обычное право, Ярославль, 1875 г., XXXV). Въ разныхъ захолустяхъ Сибири мнѣ приходилось слышать, что запекшаяся кровь человѣка, вмѣстѣ съ другими составами, излѣчиваетъ такія язвы, которыя не поддаются никакимъ другимъ лекарствамъ.

Какъ доказательство существованія вѣрованія, что невинно пролитая кровь человѣка не пропадаетъ даромъ, а преслѣдуетъ или самаго виновника или ближайшихъ членовъ его семейства, привожу слѣдующіе факты:

Мнѣ не разъ доводилось слышать въ разныхъ мѣстехъ Сибири рассказъ о томъ, что у одного богатаго купца было два сына, изъ которыхъ одинъ, въ запальчивости или съ пьяну, только безъ всякаго уважительнаго повода, ударилъ какъ-то своего прикащика и убилъ его, совершенно печально; однакожъ, истина была скрыта и фактъ смерти прикащика былъ приписанъ тому случаю, что онъ самъ, пьяный, упалъ, ударился вискомъ объ уголь печи и ушибся до смерти. Тѣмъ дѣло и кончилось. Однакожъ, съ того времени несчастья стали преслѣдовать купца и его неотдѣленныхъ сыновей: то случится у нихъ пожаръ, то потонетъ судно,—словомъ, каждый годъ непременно является какой нибудь имущественный убытокъ. Всѣ эти несчастья рассказчики единодушно объяснили тѣмъ, что „кровь дѣлаетъ свое дѣло“.

Лѣтъ 20 тому назадъ, въ деревни Хабыкъ, Минусинскаго округа, жена отставнаго солдата, крещеная татарка, убила мужа, изрубила его на нѣсколько частей и побросала ихъ въ находившійся недалеко прудъ. Это случилось лѣтомъ, въ вечеру, съ субботы на воскресенье, только что стемнѣло. По утру она пошла къ сельскому старшинѣ и объявила, что на капуни мужъ ея уѣхалъ за дровами, но утромъ лошадь съ телегой пришла одна; опасаясь какого нибудь несчастья съ мужемъ, она просила старшину сдѣлать распоряженіе къ розысканію его. Старшина сей часъ-же собралъ общество и отправился къ дому солдата. Осмотрѣли лошадь и телѣгу. Лошадь оказалась нисколько не потною, такъ что нельзя было предположить, чтобы на ней кто нибудь

ѣздить во время ночи. Во дворѣ нашлось около полусаженн только что нарубленныхъ дровъ; опять доказательство, что солдатъ возвратился домой, должно быть, еще съ вечера и привезъ дрова, за которыми ѣхалъ. Вопли въ избу. Хотя полъ въ ней былъ выскобленъ и вымытъ, какъ это почти вездѣ дѣлается въ Сибири на канунъ праздниковъ, однакожъ на немъ видны были во многихъ мѣстахъ кровавыя пятна. „А это что такое?“ спросилъ старшина; „отчего тутъ кровь?“ При видѣ кровавыхъ пятенъ, женщина поблѣднѣла какъ полотно, и сейчасъ-же созналась, что это „ея грѣхъ“, что убила мужа она. При дальнѣйшихъ распросахъ, она показала, что убійство ею совершено еще съ вечера, какъ только мужъ возвратился съ дровами, поужиналъ и легъ спать; что за тѣмъ она цѣлую ночь скоблила и мыла полъ, на которомъ была лужа крови, и, кажется, мыла его хорошо; но какинъ обрзомъ, послѣ того на немъ снова появилась кровь, она не можетъ дать себѣ отчета. Случайно мнѣ довелось быть въ это время въ д. Хабнѣ и я находился при этомъ распросѣ преступницы. „Вотъ тебѣ и кровь человѣческая“,—слышалось въ толпѣ общественниковъ; „никогда, братецъ ты мой, не пропадетъ она даромъ“.

Лѣтомъ 1860 года козакъ Олимпіевъ, изъ станицы Восточной, Минусинскаго округа, приди въ совершенное бѣшенство, вслѣдствіе сдѣланнаго ему станичнымъ начальникомъ какого-то пустаго замѣчанія, хватилъ его ножомъ такъ, что тотъ даже не охнулъ, а потомъ, отбиваясь отъ хотѣвшихъ схватить его казаковъ, убилъ еще трехъ человѣкъ и скрылся въ лѣсу, прилегающемъ къ г. Минусинску. Здѣсь Олимпіевъ пробылъ около двухъ сутокъ и направился къ городу, чтобы отдать себя въ руки властей. Находясь въ острогѣ, онъ говорилъ мнѣ, что не сдался бы ни за что, а пошолъ бы бродяжить, но убитые имъ люди ночью педавали ему ни минуты покоя, выгоняя его изъ лѣсу по направленію къ городу. „Стало быть это кровь ихъ выживала меня“, прибавилъ онъ.

Въ 1847 г. одинъ бродяга, содержавшійся въ Канскомъ острогѣ за убійство, рассказывалъ окружному стряпчему слѣдующее: былъ онъ въ какомъ-то кабацѣ, напился пьянъ и набуянилъ; его взяли и какъ не особенно важнаго арестанта, отправили въ волость, но безъ кандаловъ, съ однимъ парнишкой-ямщикомъ. Дѣло было зимою. Ночью начался бурянъ. Ямщикъ запутался въ лѣсу и сталъ отыскивать дорогу, а между тѣмъ арестантъ, притворившійся предъ этимъ крѣпко

спящими, всталъ изъ саней, выломилъ порядочную дручину и сталъ поджидать его возвращенія. Съ пьяну, ему вздумалось убить ямщика, тогда какъ онъ могъ и безъ того уйти отъ него и скрыться въ лѣсу. „Видно, нечистый попуталъ“, объяснялъ рассказчикъ. Когда ямщикъ вернулся, арестантъ нанесъ ему такой ударъ, что тотъ упалъ безъ чувствъ; потомъ онъ снялъ съ него опояску и удавилъ его, а самъ отошелъ съ версту, разгребъ снѣгъ и рѣшился немного отдохнуть. Но только что онъ закрылъ глаза, какъ видитъ, ямщикъ стоитъ живой передъ нимъ и зоветъ его ѣхать въ волость. Такъ онъ не давалъ ему покоя цѣлую ночь. По утру бродяга рѣшился провѣдать удушеннаго и добить его, если онъ живъ. Но только что онъ подошелъ къ тѣлу, какъ появилось нѣсколько человѣкъ крестьянъ, ѣхавшихъ за сѣномъ или задровами, и схватили убійцу. Рассказчикъ былъ убѣжденъ, что его преслѣдовала кровь убитаго.

Обращаясь нановецъ, къ тому обстоятельству, что, по народному вѣрованію, когда съ убитымъ начнетъ прощаться убійца, то изъ трупа покойника пойдетъ кровь.

Извѣстный нашъ этнографъ С. В. Максимовъ рассказываетъ слѣдующій случай:

Однажды какая-то дама спросила содержавшагося въ Тобольскомъ острогѣ извѣстнаго убійцу Коренева:

Не случалось-ли тебѣ видѣть: правда-ли это, что изъ раны убитаго начнетъ сочиться кровь, когда къ трупу подходитъ самъ убійца?

— „Нѣтъ, отвѣчалъ Кореневъ, и отрубилъ: однажды я нарочно для этого убилъ жида въ Кавискѣ и чрезъ полчаса былъ тутъ подлѣ. Жида собрались всѣ. Гвалтъ жида одѣлали на цѣлый городъ. Я съ ними по бедрамъ хлопалъ и головой качалъ, — совѣты давалъ какъ ловить убійцу; на убитаго смотрѣлъ, какъ на свою ладонь. Кровь не показалась. Можетъ быть отъ того, заключилъ Кореневъ, что убить былъ не крещенный“ (Отеч. Записки, т. CLXXXII, отъ 1, 14.).

Тѣмъ неменѣе, въ народѣ существуетъ убѣжденіе, совершенно противоположное результату того опыта, который Кореневъ сдѣлалъ надъ жидомъ, и нѣкоторые случаи поддерживаютъ въ немъ это убѣжденіе.

Въ 1847 г. въ одномъ изъ сибирскихъ губернскихъ городовъ приходятъ въ полицію двѣ женщины и объявляютъ, что въ домѣ мѣщанина Русакова должно быть неблагополучно. Самаго Русакова не было въ это время въ городѣ, а оставались только его жена,

своиченица и трое дѣтей: двѣ дѣвочки 8 и 10 лѣтъ и грудной ребенокъ. Полиція пришла, выломала двери и нашла, что дѣвочки лежатъ на кровати зарѣзаны, а ребенокъ въ люлькѣ задушенъ. Женщинъ нѣтъ. Идутъ въ огородъ и тамъ въ одной бороздѣ, между грядами, находятъ жену Русакова съ пробитой головой; въ другой бороздѣ тѣло его своиченицы. Начались распросы, изслѣдованіе, но слѣдовъ преступленія не найдено ни какихъ. Когда убитыхъ отвезли въ больницу для судебного изслѣдованія, явилась тудаже знакомая Русаковыхъ, поселянка. Должно быть она сильно любила покойницъ, потому что страшно убивалась, плакала, ревѣла, рвала на себѣ волосы. Эта женщина взяла на себя обмѣть трупы. Наконецъ свидѣтельство кончилось и убитыхъ похоронили. Поселянка провожала тѣло до самой могилы. Полиція, вѣровавшая въ непогрѣшимость приведеннаго выше народнаго убѣжденія, наблюдала за всѣми, кто прощался съ покойницами. Когда подошла прощаться поселянка, то частному пристапу показалось, что у убитыхъ потекла кровь и что поселянка вышла изъ церкви сильно смущенная. У пристава была прачка, знакомая съ этой поселянкой. На вопросъ его, не замѣчаетъ-ли она переѣзны съ поселянкой, прачка отвѣчала, что она начала сильно пить. Это еще болѣе утвердило пристава въ его предположеніи, — и онъ поручилъ прачкѣ пригласить къ себѣ поселянку, подпортить ее и завести разговоръ объ убійствѣ. Все такъ и сдѣлалось, и поселянка, въ пьяномъ видѣ, призналась пріятельницѣ, что это ся дѣло. Только что она сказала это, изъ-за ширмъ выскочили скрытые полицейскіе, и квартальный со всего маху-бацъ ее въ лицо. „Ты убила Русаковыхъ? Говори“. — Виновата, я, — отвѣчала она. (Шелгуновъ: сочиненія, 1, 333).

Въ сороковыхъ годахъ въ Канскомъ округѣ, Евисейской губерніи, былъ засѣдатель Гарязинъ, который составилъ себѣ извѣстность тѣмъ, что рѣдкое уголовное преступленіе, случившееся въ его участкѣ, не было имъ раскрыто. Въ случаѣ убійства, когда оподозрѣваемый въ этомъ преступленіи не сознавался, онъ, обыкновенно, угрожалъ ему тѣмъ, что при дальнѣйшемъ заpiresательствѣ, подвергнетъ его испытанію трупомъ или кровью, т. е. заставить его прощаться съ убитымъ, и тогда Богъ покажетъ знаменіе, невиненъ-ли обвиняемый или нѣтъ. Бывало очень нерѣдко, что обвиняемый, не желая подвергнуться этому испытанію, прямо сознавался въ своей виновности.

Въ 1846 г. мнѣ довелось быть въ с. Рыбномъ Канскаго округа

и я былъ тамъ свидѣтелемъ слѣдующаго происшествія. Въ лѣсу нашли убитымъ одного крестьянина. Подозрѣніе пало на его жену и работника, который находился съ нею въ любовной связи. Но оподозрѣнные, при первомъ полицейскомъ розыскѣ волостнаго головы, вмѣстѣ съ обществомъ, во вводимомъ на нихъ преступленіи не сознавались. Тогда голова вздумалъ прибѣгнуть къ испытанію трупомъ или кровью и объявилъ объ этомъ женѣ и работнику убитаго. Тѣ до того перепугались этого испытанія, что сей часъ-же сознались въ преступленіи.

Интересно бы знать, песовершается-ли такое испытаніе еще и теперь въ какихъ нибудь отдаленныхъ захолустьяхъ Сибири?

VIII. *Выслушана была бесѣда по вопросу, предложенному членомъ общества П. К. Скордеи: О приращеніи по русскому закону наследственныхъ долей, завѣщанныхъ нѣсколькимъ лицамъ вмѣстѣ, совокупно, за устраненіемъ почему либо нѣкоторыхъ изъ завѣщательныхъ наследниковъ ¹⁾.*

Когда законъ призываетъ нѣсколько лицъ одного и того же класса къ наслѣдству, то въ случаѣ выбитія одного изъ сонаслѣдниковъ, наслѣдство остается въ томъ же классѣ, или линіи наслѣдниковъ. Но если къ наслѣдству призываются нѣсколько наслѣдниковъ на основаніи завѣщанія наслѣдодателя, то возникаетъ вопросъ: кто получаетъ часть выбывшаго сонаслѣдника? На этотъ вопросъ можно отвѣчать различно. Такъ римское право, въ коемъ дѣйствовало правило „*nemo pro parte*“ не могло предоставить вакантную часть кому-либо внѣ завѣщательнаго призванія, ибо простой фактъ, что завѣщатель вообще сдѣлалъ распоряженіе на случай смерти, т. е. назначилъ въ завѣщаніи наслѣдника, исключалъ всякаго возможность, чтобы лицо, не указанное въ завѣщаніи, могло бы наслѣдовать умершимъ. Даже если бы завѣщатель распорядился только нѣкоторыми частями своего имущества или если бы нѣкоторыя части, чрезъ выбитіе наслѣдниковъ, сдѣлались вакантными: ни въ какомъ случаѣ законные наслѣдники не могутъ вступить въ наслѣдство, пока существуетъ хотя одинъ изъ наслѣдниковъ наз-

---

¹⁾ Пособіями служили: 1) Forster: *Theorie und Praxis des preussischen Privatrechts* т. 4 § 272. 2) Unger: *Erbrecht* § 38: 3) Laurent: *Principis de droit civil* т. 14, § 299—321. 4) Побѣдоносцевъ: *Курсъ* т. 2-й 1875 стр. 585—592. 5) Никольскій: *Объ основныхъ моментахъ наслѣдованія 1571 г.* стр. 322—325; и 6) Демченко: *Существо наслѣдства 1877 г.* стр. 11—25.

назначенных завѣщаніемъ, въ кругѣ которыхъ должно оставаться все наслѣдство. Другими словами: назначеніе въ завѣщаніи наслѣдника имѣло тотъ смыслъ, что даже въ случаѣ призванія его лишь въ части наслѣдства, то онъ призывался ко всему имуществу, такъ что если онъ не имѣлъ сонаслѣдниковъ, то къ нему переходило все наслѣдство, хотя бы завѣщатель назначилъ ему только часть наслѣдства; если же у него были сонаслѣдники, то онъ ограничивался своею частью, но лишь только сонаслѣдникъ выбываетъ, то право другихъ сонаслѣдниковъ чрезъ это само собою расширяется. Этотъ результатъ наступаетъ въ силу закона и учинить противное не можетъ ни воля завѣщателя, ни воля наслѣдника. Расширеніе наслѣдственной доли не можетъ имѣть мѣста, когда выбывшій наслѣдникъ уже получилъ, принявъ, свою наслѣственную долю, ибо эта доля въ такомъ случаѣ должна быть передана наслѣдникамъ этого выбывшаго завѣщательнаго наслѣдника. Расширеніе указанной въ завѣщаніи наслѣдственной доли, въ случаѣ отпаденія одного изъ сонаслѣдниковъ до или послѣ открытія наслѣдства, но во всякомъ случаѣ до принятія наслѣдства тѣмъ наслѣдникомъ, называется правомъ приращенія (*jus accrescendi*, *accroissement*, *Anwachsungsrecht*); это названіе, по замѣчанію Фёрстера, справедливо на столько, на сколько каждое расширеніе можно назвать ростомъ, но слово приращеніе не вполне точно и правильно, ибо это приращеніе имѣетъ не внѣшнюю причину, а происходитъ потому, что каждое завѣщательное призваніе по своему понятію заключаетъ въ себѣ призваніе ко всему цѣлому. Право приращенія есть особенность правоотношенія сонаслѣдства и солегатства, оно не имѣетъ мѣста при общей собственности.

Поэтому Фитингъ (*Zur lehre vom Anwachsungsrecht*) выставилъ такое правило приращенія, что всякій разъ, когда лицо, призываемое къ наслѣдству, не оказывается въ дѣйствительности наслѣдникомъ, то право наслѣдства разумѣется въ такомъ видѣ, какъ бы этого лица вовсе никогда не было. Такимъ образомъ можно согласиться съ Кохомъ, что право приращенія, такъ понимаемое, собственно составляетъ не особое право, а только свойственную наслѣдственному призванію юридическую особенность, которая тотчасъ получаетъ мѣсто, какъ только фактическое препятствіе отпадаетъ. Поэтому справедливѣе называть такое расширеніе правъ сонаслѣдниковъ не правомъ приращенія (*jus accrescendi*) а правомъ неуменьшенія (*jus non descrescendi*) по от-

существом конкурентов или сонаследниковъ, призванныхъ ко всему наслѣдству или ко всей вещи. (См. Потье у Laurent т. 14, стр. 325 Демченко, Существо наслѣдства стр. 11). Римское право, рассматривая право приращенія какъ свойственную завѣщанію необходимость понимало сіе приращеніе такъ абсолютно, что оно не позволяло, чтобы часть наслѣдства досталась лицамъ не принадлежащимъ къ числу наслѣдниковъ по завѣщанію. Вопросъ же: къ кому изъ сонаслѣдниковъ освободившаяся часть наслѣдства должна поступить, рѣшался на основаніи чисто внѣшнихъ признаковъ, которые имѣли въ виду волю завѣщателя. Эти внѣшнія признаки и составляли столь извѣстныя соединенія, *conjunctioes*, т. е. способъ и форма, коими наслѣдники связаны или раздѣлены въ завѣщаніи. На основаніи этихъ *conjunctioes* различались *heredes verbis conjuncti, re et verbis, re tantum*. Ученіе объ этихъ *conjunctioes*, было слишкомъ разработано и доведено до большихъ тонкостей.

Само собою разумѣется, что система наслѣдства новыхъ народовъ, которая отбросила принципъ *peto pro parte*, должна была дать другое основаніе и объясненіе праву приращенія, если только она хотѣла сохранить это право. Приращеніе у новыхъ народовъ не могло уже болѣе опираться на юридическую необходимость, оно должно было имѣть своимъ основаніемъ только предполагаемую волю завѣщателя, который, дѣлая завѣщаніе, тѣмъ самымъ какъ бы заявляетъ, что онъ хочетъ устроить своихъ законныхъ наслѣдниковъ отъ завѣщаннаго имущества. Насколько завѣщатель дѣйствительно имѣлъ такое желаніе—это вопросъ факта и потому должно-ли имѣть мѣсто приращеніе долей или нѣтъ, зависитъ отъ толкованія воли завѣщателя, выразившейся въ его завѣщаніи.

При этомъ истолкованіи истинной воли завѣщателя, европейскіе законодательства слѣдуютъ двумъ системамъ: или самъ законъ толкуетъ волю завѣщателя и суды связаны съ этимъ толкованіемъ закона; или же законъ предоставляетъ судѣ полную свободу рѣшить въ каждомъ конкретномъ случаѣ вопросъ, желалъ ли завѣщатель, чтобы было приращеніе долей, или не желалъ, въ случаѣ выбытія какаго либо изъ сонаслѣдниковъ?

Общее германское право, равно какъ австрійское (§ 560—562) саксонское (§ 2269, 2271, 2272) французское (§ 1044 и 1045) ита-

ліанское (§§ 879—887) и остзейское (ст. 2878—2906) усвоили первую систему, прусское и русское предпочло вторую систему.

Редакторы общегерманскаго права (Al. L. R.), какъ представители 1-й системы, слѣдующимъ образомъ мотивируютъ *jus accrescendі*: *jus accrescendі* имѣть своимъ основаніемъ „намѣреніе завѣщателя, чтобы часть выбывшаго завѣщательнаго сонаслѣдника не могла достаться наслѣдникамъ *ab intestato*. Но кромѣ того *jus accrescendі* имѣетъ другое разумное основаніе, заключающееся въ презумпціи, что завѣщатель болѣе любилъ тѣхъ, кого онъ назначилъ въ завѣщаніи своими наслѣдниками, чѣмъ своихъ законныхъ наслѣдниковъ“. Такимъ образомъ редакторы общегерманскаго права исходятъ изъ того положенія, что всякій, составляющій завѣщаніе, тѣмъ самымъ уже показываетъ, что онъ не желалъ, чтобы ему наслѣдовали его законные наслѣдники.

Это предложеніе можетъ быть устранено только тогда, когда завѣщатель самъ ясно въ завѣщаніи запрещаетъ приращеніе долей сонаслѣдниковъ. Если же въ завѣщаніи нѣтъ такого запрещенія, то судья обязанъ исключить отъ наслѣдства законныхъ наслѣдниковъ, хотя-бы при болѣе свободномъ толкованіи завѣщанія содержаніе по слѣднѣго и приводило къ противоположному заключенію. Однако-же приращеніе у новыхъ народовъ не имѣетъ того характера, какое оно имѣло у римлянъ: предоставленіе опредѣленной части наслѣднику по завѣщанію не означаетъ распоряженіе и предоставленіе всего имущества умершаго по завѣщанію, поэтому если завѣщатель распорядился только отдѣльными частями, или вещами, то въ силу закона остальное, не завѣщанное имущество, должно перейти къ наслѣдникамъ по закону. При чемъ если завѣщатель призываетъ многихъ сонаслѣдниковъ къ цѣлому наслѣдству, то въ случаѣ выбытія одного изъ нихъ происходитъ для остальныхъ приращеніе въ силу закона, если это приращеніе ясно не запрещено въ самомъ завѣщаніи.

Такимъ образомъ различіе отъ римскаго права бѣгетъ, какъ говорить Форстеръ, въ глаза: по римскому праву завѣщатель не можетъ запретить приращеніе, но съ другой стороны видна и связь общегерманскаго права съ его источникомъ (римскимъ правомъ): приращеніе наступаетъ само собою, если нѣтъ запрещенія, и, слѣдовательно, само собою, въ силу закона, предполагается намѣреніе завѣщателя призвать сонаслѣдниковъ ко всему наслѣдству въ силу самаго завѣщанія.

Русское законодательство не даетъ рѣшенія вопроса о приращеніи наслѣдственныхъ долей, завѣщанныхъ нѣсколькимъ лицамъ вмѣстѣ, за устраненіемъ кого либо изъ сонаслѣдниковъ ¹⁾. Однако нельзя сказать, что русское право отрицаетъ это право. Напротивъ, оно, отвергнувъ римское ученіе *peto pro parte* (ст. 1027, 1104 и 1110 т. X. ч. I) примѣнуло въ ученіи о приращеніи завѣщательныхъ долей къ системѣ европейскихъ законодательствъ, рѣшающихъ сей вопросъ, не презумпціей закона, а на основаніи толкованія самимъ судомъ каждаго конкретнаго случая, то есть также какъ и законодательство прусское.

Русское законодательство въ этомъ вопросѣ не развито: ему извѣстенъ лишь случай, когда все завѣщаніе будетъ недействительно, и тогда по ст. 1110 т. X ч. I, наслѣдство переходитъ къ наслѣднику по закону. Однако можно думать, что по духу русскаго законодательства и самаго характера завѣщательныхъ распоряженій, и по русскому закону слѣдуетъ признавать возможность приращенія освободившихся долей, когда имущество завѣщано совокупно нѣсколькимъ лицамъ безъ опредѣленія количественно части каждаго. Впрочемъ русское право, подобно прусскому, въ вопросѣ о приращеніи не рѣшается само заранѣе толковать волю завѣщателя, а предоставляетъ рѣшеніе сего вопроса суду, который каждый разъ толкуетъ истинную волю завѣщателя, т. е. желалъ-ли завѣщатель, чтобы доли сонаслѣдниковъ приросли или нѣтъ.

Къ этому выводу приводитъ слѣдующее сравненіе постановленій русскаго права. По ст. 1027 т. X ч. I, дозволяется завѣщателю извѣщать свою волю объ имуществѣ общими выраженіями, какъ то „завѣщаю все движимое имѣніе, или такую то часть онаго или за исключеніемъ такихъ то частей“, а по ст. 1110 п. 2, наслѣдство по закону имѣетъ мѣсто въ благопріобрѣтенномъ имѣніи, когда умершій не учинилъ на случай своей смерти о семъ имуществѣ распоряженій. Такимъ образомъ если завѣщано все благопріобрѣтенное имущество нѣсколькимъ лицамъ совмѣстно, безъ опредѣленія долей каждаго, то это означаетъ, что умершій оставилъ распоряженіе обо всемъ имуществѣ,

---

¹⁾ Ученіе о приращеніи наслѣдства подробнѣе и яснѣе, чѣмъ въ европейскихъ законодательствахъ развито, въ остзейскихъ законахъ (Сводъ зак. гражд. Остзейской губерніи ст. 2878—2906 изд. 1864 г.).

почему къ этому имуществу не можетъ быть призванъ наслѣдникъ или наслѣдники по закону.

Мысль законодателя о томъ, что законный порядокъ наслѣдованія имѣетъ мѣсто лишь въ имуществѣ умершаго, о которомъ не оставлено завѣщанія, прямо выражена и въ ст. 1104 т. X ч. I.

Изъ соображенія сихъ статей очевидно, что если поставленный мною вопросъ о приращеніи наслѣдства завѣщательнаго не получилъ прямого отвѣта въ нашихъ законахъ сводной стороны, то съ другой въ нашихъ законахъ есть достаточно данныхъ къ разрѣшенію его въ благопріятномъ смыслѣ, для неустраиваемыхъ и совмѣстно призванныхъ завѣщательныхъ наслѣдниковъ. Такой выводъ можетъ быть подтвержденъ еще и общимъ смысломъ ст. 1241, 1254, 1255 т. X ч. I и 1408 ст. уст. гражд. судопр., опредѣляющихъ нераздѣлимость правъ на личныя наслѣдники или одного наслѣдника на все имѣніе, достоящееся имъ по закону. Этотъ самый выводъ подтверждается и характеромъ наслѣдства вообще, какъ универсальности, почему, какъ было выше замѣчено, въ самомъ понятіи наслѣдства заключается особенность приращенія, чѣмъ сонаслѣдство и отличается отъ общей собственности: въ послѣдней нѣтъ мѣста приращенію, въ случаѣ бытія одного изъ собственниковъ.

Наконецъ, обращаясь къ толкованію воли завѣщателя, назначившаго наслѣдство совмѣстно нѣсколькимъ лицамъ безъ опредѣленія частей каждаго, нельзя не видѣть, что желаніе завѣщателя, можно вообще сказать, состояло въ томъ, чтобы вещь перешла всецѣло къ извѣстнымъ лицамъ и ни къ кому другому, слѣдовательно сколько бы изъ назначенныхъ лицъ неявилось получать наслѣдство, они должны получить все наслѣдство, ибо оно всецѣло назначено имъ.

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на различіе въ назначеніи наслѣдства: наприм. завѣщаю все имущество А. и В. по равной части, или завѣщаю $\frac{1}{2}$ имущества А. а другую половину В. Въ первомъ случаѣ нѣтъ обозначенія части каждаго изъ наслѣдниковъ; завѣщатель хотѣлъ завѣщать совокупность наслѣдства каждому изъ наслѣдниковъ; во второмъ лишь половину; если же завѣщатель въ первомъ случаѣ призываетъ ихъ по ровну для раздѣла, то этимъ онъ не желалъ учредить столько отдѣльныхъ наслѣдствъ, сколько наслѣдниковъ, скорѣе это бесполезная фраза, которая не должна измѣнять воли завѣщателя: онъ принималъ всѣхъ наслѣдниковъ за одно лицо; онъ не желалъ оп-

редѣлить часть каждаго, онъ желать только въ случаѣ если наслѣдники переживутъ его, то чтобы его имущество было раздѣлено между ними по ровну.

Такимъ образомъ, какъ справедливо замѣчаетъ Лоранъ, слѣдуетъ различать опредѣленіе долей наслѣдниковъ и распредѣленіе имущества завѣщателемъ *при составленіи* завѣщанія и назначеніе наслѣдниковъ или же распредѣленіе этого имущества должно имѣть мѣсто только *при исполненіи* самаго завѣщанія.

Новѣйшіе писатели отвергаютъ приращеніе, когда означеніе частей относится къ самому установленію наслѣдниковъ, ибо въ этомъ случаѣ наслѣдники призываются лишь къ опредѣленной долѣ завѣщаннаго имущества (къ $\frac{1}{2}$); въ дѣйствительности же столько наслѣдствъ, сколько и наслѣдниковъ, по этому одинъ изъ послѣднихъ не получаетъ доли другаго, ибо размѣръ его полученія заранѣе опредѣленъ. Но когда опредѣленіе долей относится лишь къ исполненію завѣщанія, то есть къ раздѣлу, который должны наслѣдники сдѣлать съ вещью, если всѣ явятся за полученіемъ ея, то раздѣлъ не имѣетъ никакого вліянія на измѣненіе самой воли наслѣдодателя, завѣщавшаго каждому всю вещь. Исполненіе не можетъ ограничить наслѣдства, когда оно не ограничено самимъ установленіемъ (*par l'institution*). Всѣ наслѣдники признаются за одно лицо. Наслѣдство остается тѣмъ же, оно имѣетъ своимъ предметомъ всю завещательную вещь, слѣдовательно, есть связь, сочетаніе, поэтому есть и приращеніе. Эта мысль прямо выражена въ Италіанскомъ уложеніи (ст. 881) и въ Остзейскомъ правѣ (ст. 2898)¹⁾. Впрочемъ нужно сознаться, что такъ какъ русское законодательство, подобно прусскому, не даетъ законной презумціи приращенія, то необходимо предоставить суду рѣшить каждый конкретный случай, насколько воля завѣщателя желала приращенія или нѣтъ.

Такое рѣшеніе вопроса согласно каждому случаю представляется болѣе правильнымъ, чѣмъ заранѣе существующая презумція о семъ

---

¹⁾ Ст. 881 Улож. Италіи: „Выраженіе по равнымъ частямъ, по равнымъ долямъ не исключаютъ права прибавки.“

Ст. 2898 Остзейскихъ законовъ: правомъ приращенія пользуются наслѣдники, которые всѣ призваны къ цѣлому наслѣдству съ предписаніемъ въ общихъ выраженіяхъ, раздѣлиться поровну.

самаго закона, допускаемая большею частію законодательствъ. Такъ практика французскаго и бельгійскаго кассационнаго суда свидѣтельствуетъ, что въ послѣднее время и въ этихъ государствахъ разрѣшаются вопросы о приращеніи болѣе по толкованію истинной воли завѣщателя въ отдѣльныхъ случаяхъ, чѣмъ по допускаемой закономъ тамъ презумпціи о приращеніи (Laurent т. 14 стр. 328—331) т. е. желаніе завѣщателя играетъ болѣе важную роль, чѣмъ законъ въ вопросѣ о приращеніи.

Приращеніе же, какъ было замѣчено, имѣетъ мѣсто когда одна и таже вещь или количество завѣщаны многими лицамъ совместно, въ этомъ случаѣ наслѣдники, какъ гогорить Потье, призываются ко всей совокупности той вещи или количества (*legataires du total de la chose*). Когда всѣ наслѣдники являются получить завѣщанное имъ наслѣдство, тогда по необходимости образуются части, потому что вещь или количество не можетъ каждому изъ нихъ принадлежать во всей своей совокупности (*pour le total*). Но если одинъ изъ наслѣдниковъ выбылъ, то его часть достается другимъ. По какому праву? По праву приращенія (*jure accrescendi*) или лучше по праву не уменьшенія (*jure non descrescendi*), ибо каждый изъ наслѣдниковъ, будучи призванъ ко всей вещи, получаетъ всю вещь: если нѣтъ конкурентовъ, то нѣтъ и частей завѣщанной вещи. По этому справедливо замѣчаетъ Потье, что неврѣно называется приращеніемъ право, въ силу котораго наслѣдникъ, оставшись единственнымъ, получаетъ всю вещь. Ему ничего не прирастаетъ, ибо онъ призванъ былъ ко всей вещи, его право не уменьшается, потому что его сонаслѣдники съ нимъ не конкурируютъ.

Существованіе права приращенія долей въ наслѣдствѣ по завѣщанію по русскому праву признается и русскою судебною практикою и русскою юридическою литературою.

Такъ гражд. касс. Департ. Правит. Сената, (по дѣлу Сергѣева 1870 г. № 917), разъяснилъ, что, при существованіи завѣщанія, можетъ имѣть мѣсто законный порядокъ наслѣдства только тогда, когда въ завѣщаніи не сдѣлано распоряженія обо всемъ благопріобрѣтенномъ имуществѣ. Отсюда на оборотъ: если сдѣлано распоряженіе обо всемъ имуществѣ, то наслѣдство, по закону, не можетъ имѣть мѣста, и слѣдовательно если завѣщатель все свое имущество завѣщаетъ совместно А и В и за тѣмъ В не хочетъ принять наслѣдства, то въ виду распоряженія всѣмъ имуществомъ, послѣднее не можетъ частью идти къ завѣщательному, а частью къ законному наслѣднику, а напротивъ все

имущество должно перейти къ одному лишь А. Принципъ приращенія яснѣ выраженъ Сенатомъ по дѣлу Толстыхъ (кассац. рѣш. 1873 г. № 21). Изъ этого дѣла видно, что Колычевъ завѣщаль все свое имущество своей племянницѣ, графинѣ Толстой, за исключеніемъ одного дома, который завѣщаль сестрѣ своей Варварѣ Колычевой. Но какъ Варвара Колычева умерла ранѣе завѣщанія, то 4 Департ., а за тѣмъ и кассац. Деп. Сената разъяснили, что завѣщанный Варварѣ Колычевой въ собственность домъ долженъ поступить (прирости) въ пользу другой наслѣдницы по завѣщанію, графинѣ Толстой, а не поступить къ законнымъ наслѣдникамъ завѣщателя, какъ того домогались послѣдніе. Еще обстоятельнѣе и рѣшительнѣе выраженъ принципъ приращенія въ рѣшеніи С.-Петербургской судебной палаты по дѣлу Скуридина (Судебн. Вѣстн. 1874 г. № 69).

Въ этомъ рѣшеніи прямо палата выразила, что при отказѣ завѣщателемъ имѣнія нѣсколькимъ лицамъ вмѣстѣ, совокупно, за устраненіемъ почему либо нѣкоторыхъ изъ нихъ, прочіе наслѣдники могутъ удержать за собою всецѣло право на это имѣніе. Такое толкованіе, говоритъ палата, имѣетъ весьма близкое отношеніе и къ дѣлу Скуридина, возникшему изъ завѣщанія, которымъ отказывается доли отцу съ его дѣтьми въ вѣчное и потомственное владѣніе, послѣ чего эти дѣти отъ правъ наслѣдованія въ завѣщанномъ имѣніи были устранены по судебному постановленію. Это толкованіе, продолжаетъ палата, совершенно совпадаетъ съ теоріей о приращеніи, выработанной римскимъ правомъ и прямо относящеюся къ разрѣшенію поставленнаго выше вопроса, поэтому палата и предписала окружному суду сдѣлать надлежащее постановленіе и распоряженіе, по вводу просителя во владѣніе всѣмъ упоминаемымъ домомъ.

Что касается русской юридической Литературы, то право приращенія по русскому праву въ указанномъ мною выше случаѣ признается и нашими цивилистами—К. Побѣдоносцевымъ (Права семейственныя и наслѣдственныя во 2 т. его курса изд. 1875 г. стр. 586 и 590), В. Никольскимъ въ его докторской диссертациі: „Объ основныхъ моментахъ наслѣдованія“. Москва 1871 г. стр. 324 и В. Демченкомъ въ его также докторской диссертациі: „Существо наслѣдства и призваніе къ наслѣдованію“. В. 1. Кіевъ, 1875 г. стр. 11 и др.

Такимъ образомъ настоящую бесѣду можно резюмировать слѣдующими тезисами; 1) Право приращенія (*jus accrescendi*, *accrescentia*,

accroissement, Anwachsungsrecht) основывается на толкованіи истинной воли завѣщателя и на принципѣ универсальности перехода наслѣдства, какъ по закону, такъ и по завѣщанію, если въ послѣднемъ не означено индивидуально или въ цифрахъ завѣщанное имущество.

2) Европейскія законодательства, согласно римскому, упоминаютъ о приращеніи въ обоихъ порядкахъ наслѣдованія, хотя они отбросили принципъ римскаго права о несомѣстимости одновременнаго существованія завѣщательнаго и законнаго порядка наслѣдованія въ имуществѣ умершаго.

3) Русское законодательство, выражая право приращенія наслѣдственныхъ долей или нераздѣлимость правъ наличныхъ наслѣдниковъ или одного наслѣдника на все нѣніе, достоящееся имъ по закону (ст. 1241, 1254 1255 т. X, ч. I), не отвергаетъ приращенія долей и между наслѣдниками по завѣщанію (ст. 1027, 1104 и 1110 т. X, ч. I).

и 4) Существующіе въ русскомъ законѣ права приращенія долей въ наслѣдствѣ по завѣщанію признаются и русскою судебною практикою и русскими цивилистами, въ спеціальныхъ монографіяхъ по наслѣдственному праву.

Членъ общества А. Ф. Соколовъ высказалъ:

Нельзя согласиться съ выводомъ г. Скордели, будто изъ нашего закона можно выводить право приращенія, ибо въ законѣ нѣтъ о немъ нигдѣ опредѣленія, а между тѣмъ если-бы допускать это право, то прежде всего слѣдовало бы искать его въ положительномъ законѣ, примѣромъ чѣму служатъ европейскія законодательства. Нашъ сводъ законовъ отличается особенной подробностью и если бы законодатель желалъ допустить у насъ право приращенія, то конечно не преминулъ бы внести таковое въ сводъ. Ссылка по этому случаю на 1241, 1254 и 1255 ст. X. т. ч. I не убѣждаютъ въ существованіи у насъ права приращенія, ибо ни однимъ словомъ его не напоминаютъ. Ссылка-же на статьи 1027, 1104 и 1110 того-же тома ничего не доказываетъ, ибо сдѣлана только для того, что статьи, говоря вообще о наслѣдствѣ, не отвергаютъ приращенія долей; я же съ своей стороны готовъ прибавить, что весь X томъ этого не отвергаетъ, ибо ничего объ этомъ не говоритъ, но едва ли такимъ аргументомъ возможно доказать, что въ русскомъ законодательствѣ допускается *jus accrescendi*. По моему мнѣнію послѣдняя изъ указанныхъ статей т. е. 1110 даже скорѣе указываетъ на то, что приращеніе долей у насъ недопустимо, ибо 2

и 3 ея пункты говорятъ о правѣ законныхъ наслѣдниковъ воспользоваться тѣми долями, которыя могли бы прирости къ долямъ наслѣдниковъ по завѣщанію.

Мнѣніе, что русская юридическая литература будто признаетъ существованіе *jus accrescendi* въ русскимъ законѣ нѣсколько преувеличено, ибо и самъ г. Скордели указываетъ только на 3-хъ русскихъ ученыхъ, которые не могутъ своими сочиненіями исчерпать русскую литературу. Къ тому же профессоръ Побѣдоносцевъ въ своемъ трактатѣ о преращеніи скорѣе убѣждаетъ въ необходимости такового, чѣмъ въ существованіи его у насъ въ законѣ; все онъ основываетъ исключительно на умозаключеніяхъ, ссылокъ же опредѣленныхъ не дѣлаетъ. Для установленія у насъ права приращенія онъ вводитъ раздѣленіе завѣщаній на такія, гдѣ доли опредѣлены, и на такія гдѣ они не опредѣлены и въ послѣднихъ допускаетъ приращеніе. Мнѣ кажется, что это раздѣленіе не разрѣшаетъ вопроса собственно о *jus accrescendi* и сводится только къ толкованію завѣщанія какъ договора, ибо доли можно опредѣлять различно, напримѣръ: на четырехъ по $\frac{1}{4}$, поровну на четырехъ 40000 р., просто на четырехъ 40000 р.) или просто же на четырехъ имѣніе стоющее 40000 р. Въ этихъ опредѣленіяхъ непременно будетъ спорнымъ вопросомъ опредѣлены-ли точно доли или нѣтъ. Къ этому я съ воей стороны прибавлю, что такъ какъ завѣщаемыя имущества должны быть всегда оценены, то можно утверждать, что доли всегда будутъ извѣстны.

Что касается довода референта, будто право приращанія признается русскою судебною практикою и ссылки его по этому случаю на судебныя рѣшенія, то я долженъ сказать, что ни въ рѣшеніи К. Д. С. 1870 г. № 917 по дѣлу Сергѣева, ни въ рѣшеніи 4-го департ. пр. с. по дѣлу Толстыхъ 1863 г. о правѣ приращенія ни слова не упомянуто, да и не могло быть упомянуто, потому что сего въ обоихъ дѣлахъ не проявилось, и въ первомъ изъ нихъ я не вижу даже такого обстоятельства, которое по ошибкѣ возможно признать за *jus accrescendi*. Во второмъ тоже нѣтъ права приращенія, ибо если судъ и присудилъ графинѣ Толстой ту часть, которая была завѣщана Варварѣ Колычевой, умершей ранѣе завѣщателя, то вовсе не на основаніи права приращенія, а на основаніи буквального смысла завѣщанія, гдѣ случай смерти Колычевой былъ предусмотрѣнъ и сдѣлано на этотъ случай особое распоряженіе. Надѣюсь, что при такомъ положеніи дѣла нѣльзя

отыскивать права приращенія, которое не можетъ быть предписываемо въ завѣщаніи, ибо оно не можетъ быть завѣщателемъ ранѣе предполагаемо, а потому не можетъ и заключаться въ волѣ завѣщателя, какъ было въ данномъ случаѣ. Третье изъ указанныхъ референтомъ судебныхъ рѣшеній дѣйствительно упоминаетъ о правѣ приращенія и даже сравниваетъ избранное имъ толкованіе для рѣшенія дѣла съ „выработаннымъ римскимъ правомъ: *jus accrescendi, accrescentia accroissement*“. Однако я позволяю себѣ заключить, что хотя рѣшающему дѣло Скуридина составу судебной палаты извѣстно было римское ученіе о *jus accrescendi*, но онъ его примѣнилъ не кстаті въ данномъ случаѣ. Въ завѣщаніи Скуридина было сказано, что домъ свой онъ завѣщаетъ сыну своему Николаю Скуридину и его дѣтямъ, безъ обозначенія таковыхъ опредѣленно; окружный судъ сперва призналъ наслѣдниками по этому завѣщанію Николая Скуридина и шестирыхъ его дѣтей, неопредѣляя таковыхъ, каковое опредѣленіе суда было отмѣнено палатою на томъ основаніи, что дѣти Николая Скуридина или внуки завѣщателя не опредѣлены или по выраженію палаты“ съ точностію не означены, въ завѣщаніи. Такимъ образомъ по мнѣнію палаты въ завѣщаніи кромѣ Николая Скуридина вовсе небыло опредѣлено наслѣдниковъ. Какимъ же образомъ послѣ этого палата находитъ въ этомъ дѣлѣ приростія доли, когда не отъ кого имъ было приростать, ибо былъ всего одинъ наслѣдникъ съ момента возникновенія завѣщанія. Мнѣ кажется, что изъ того рѣшенія палаты можно пожалуй заключить о желаніи нашей судебной практики ввести право приращенія, но отнюдь нельзя заключать, что право это выведено судомъ изъ положительнаго закона.

Въ заключеніе моего возраженія я долженъ указать на то что если бы законъ нашъ допускалъ право приращенія, то для этого недостаточно было бы подразумѣваніе этого права а необходимо было бы опредѣленно его высказать и даже распространиться о подробностяхъ, вытекающихъ изъ принципіальнаго понятія этого права, какъ это сдѣлано напримѣръ въ италіанскомъ уложеніи, гдѣ этому праву посвящено 9 статей отъ 879 по 887 включительно, или хотя бы такъ какъ въ *Code Napoleon* (ст. 1044 и 1045).—Независимо того, если бы законъ нашъ допускалъ прово приращенія, то такіа дѣятели по гражданскому праву какъ Цеволінъ, Мейеръ и другіе не упустили бы тоже что-либо высказать въ своихъ сочиненіяхъ, а между тѣмъ они молчатъ. Мало

того, одинъ изъ нашихъ дѣятелей, переводчикъ италіанскаго уложенія, г. Зарудный, въ трудѣ своемъ, въ коемъ сравниваетъ италіанское уложеніе съ русскимъ X томомъ (на страницѣ 52) прямо говоритъ, что наше законодательство не признаетъ права приращенія наслѣдственныхъ долей, отчего по его мнѣнію возникаетъ не мало запутанныхъ тяжбъ о наслѣдствахъ, при чемъ причину не допущенія у насъ этого права онъ предполагаетъ кажется въ родовомъ началѣ наслѣдованія. Я полагаю, что мнѣніе Заруднаго, спеціально занимавшагося сравненіемъ русскаго закона съ наиболѣе развитымъ изъ европейскихъ, заслуживаетъ довѣрія. Итакъ въ виду вышеизложеннаго я заключаю, что наше законодательство не допускаетъ право приращенія наслѣдственныхъ долей.

Въ дальнѣйшихъ дебатахъ по сему вопросу приняли участіе гг. Квачевскій и Орловъ.

Засѣданіе закрыто въ 11^{1/2} ч. вечера.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

ГРЕКОВОСТОЧНАЯ ЦЕРКОВЬ

ВЪ ПЕРІОДЪ

ВСЕЛЕНСКИХЪ СОВОРОВЪ

Ф. А. Терновскаго.

1870

1871

1872

1873

размѣнялись анаематизмами и анти-анаематизмами, въ которыхъ высказали открыто и рѣшительно свое разногласіе. Оба они надѣялись одержать побѣду и потому явились на соборъ заблаговременно. Несторій надѣялся на поддержку императора и придворныхъ вельможъ, Кириллъ — на общее сочувствіе христіанскаго народа и большинства іерархій. Несторія сопровождало 16 епископовъ и другъ его вельможа Иринеѣ; Кириллъ прибылъ въ сопровожденіи 50 епископовъ и множества египетскихъ монаховъ, параболанъ и александрійцевъ. Такъ какъ Ефесъ считался мѣстопробываніемъ Богоматери въ послѣдніе годы ея жизни и городомъ, состоящимъ подъ ея особеннымъ покровительствомъ, то мѣстный епископъ Мемнонъ рѣшительно сталъ на сторону св. Кирилла, какъ защитника Пресвятой Дѣвы. Антиохійскій патріархъ Іоаннъ не спѣшилъ на соборъ. Прибылъ уже императорскій комиссаръ конитъ Кандидіанъ, который, не вмѣшиваясь въ споры, долженъ былъ представлять собою на соборѣ особу императора; прошелъ назначенный для открытія собора день пятидесятницы (7 іюня), прошло еще около двухъ недѣль, а Іоаннъ съ своими епископами, хотя и приближался къ Ефесу малыми переходами, хотя и прислалъ на соборъ нѣсколькихъ передовыхъ епископовъ, (въ томъ числѣ Θεодорита кирскаго), но самъ еще не являлся. Вмѣстѣ съ Гефеле можемъ думать, что замедленіе Іоанна было намѣреннос. „Вѣроятно“, разсуждаетъ Гефеле, „патріарху Іоанну не хотѣлось лично присутствовать при осужденіи своего прежняго клирика и друга Несторія“. Но послѣдующая исторія показала, что Іоаннъ вовсе не былъ такъ безучастенъ къ Несторію и не считалъ его дѣла въ такой степени безнадежнымъ; поэтому мы считаемъ нужнымъ предположить другую причину замедленія патріарха антиохійскаго. Іоаннъ вѣроятно разсчитывалъ, что на первыхъ соборныхъ засѣданіяхъ Кириллъ и Несторій вступятъ между собою въ борьбу съ равными силами и убѣдятся только въ невозможности одолѣть другъ друга; и желалъ явиться на соборѣ съ своими епископами въ то время, когда противныя стороны, утомленныя бесполезными преніями, охотиѣ поддадутся его примирительнымъ усиліямъ, согласнымъ конечно и съ волею императора, созвавшаго соборъ. Но если Іоаннъ разсчитывалъ такимъ образомъ, то онъ вдвойнѣ ошибался. Во 1-хъ разногласіе между Кирилломъ и Несторіемъ было не таково, чтобы подлежало примиренію. Споръ шелъ не о словахъ только. Дѣло шло о цѣлой системѣ христіанскаго вѣроученія, которая не мирилась съ

словомъ *Θεῶτος*. Это слово,—по выраженію одного западнаго ученаго, —было какъ бы *шибболетъ* (Суд. 12, 6), отличительная примѣта праваго вѣроученія,—и имѣло въ догматическихъ спорахъ V вѣка ту же силу, какую въ аріанскихъ спорахъ имѣло слово *ὁμοούσιος*. Какъ св. Аѳанасій твердою защитою слова *ὁμοούσιος* отстаивалъ христіанское ученіе о божествѣ Слова, такъ св. Кириллъ твердою защитою слова *Θεῶτος* отстаивалъ православное ученіе о вочеловѣченіи Слова. Современники понимали это, когда называли св. Кирилла *вторымъ Аѳанасіемъ*. Если бы даже Несторій согласился на уступки, то Кириллъ также заподозрилъ бы его искренность, какъ въ свое время св. Аѳанасій не вѣрилъ искренности аріанъ, формальнымъ образомъ принимавшихъ никейскій символъ съ своими подразумѣваніями. Во 2-хъ Іоаннъ не принялъ во вниманіе рѣшительнаго характера св. Кирилла, и никакъ не ожидалъ, что св. Кириллъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, сразу кончитъ борьбу съ Несторіемъ однимъ сильнымъ ударомъ. Но случилось именно то, чего не ожидалъ патріархъ антиохійскій, если дѣйствительно предлагалъ Кириллу начать соборныя засѣданія до его прибытія.

Въ понедѣльникъ 22 іюня 431 г. утромъ св. Кириллъ, Мемнонь епископъ ефесскій и другіе православные епископы, числомъ не менѣе 160, собрались въ ефесскомъ соборномъ храмѣ Богоматери съ цѣлію открыть соборныя засѣданія. Тщетно 68 епископовъ иного образа мыслей протестовали противъ открытія собора до прибытія Іоанна антиохійскаго съ восточными епископами. Тщетно императорскій комитъ Кандидіанъ являлся въ храмъ Богоматери, именемъ императора убѣждая собравшихся епископовъ разойтись. Появленіе Кандидіана послужило только къ тому, что епископы просили его прочесть *священную грамоту*, т. е. царскій указъ, излагавшій права и обязанности комиссара на соборѣ, и за тѣмъ предложили свѣтлѣйшему комиту удалиться, заявивъ, что будутъ имѣть разсужденіе о вѣрѣ. Прочтеніе царской грамоты было признано какъ достаточная формальность, обозначившая собою легальное начало собора. Такъ какъ соборъ состоялъ изъ лицъ, совершенно единомышленныхъ, то на немъ не могло быть ни борьбы, ни недоумѣній, ни задержекъ. Когда Несторій послѣ троекратнаго приглашенія отказался придти на соборъ, гдѣ онъ съ своими сторонниками составлялъ бы только ничтожное меньшинство, то рѣшено было судить еретика заочно. Прочтенъ былъ никейскій сим-

вомъ, переписка св. Кирилла съ Несторіемъ и по дѣлу Несторія, выслушаны словесныя заявленія нѣкоторыхъ епископовъ относительно еретичества Несторія, и въ концѣ концовъ епископы произнесли противъ Несторія „хотя не безъ горькихъ слезъ слѣдующее горестное опредѣленіе“: *Господь нашъ Іисусъ Христосъ, на котораго онъ изрыгалъ хулы, устами сего святѣйшаго собора опредѣляетъ лишить его епископскаго сана и отлучить отъ общенія церковнаго.*

Все это было дѣломъ одного соборнаго засѣданія, продолжавшаго цѣлый день до глубокой ночи. Толпы народа восторженно привѣтствовали расхажившихъ съ собора защитниковъ пресвятой Дѣвы и озаряли путь ихъ свѣтильниками. На другой день (23 іюня) опубликованъ былъ соборный приговоръ *Несторію новому Іудѣ*, низлагавшій его и лишавшій всякой церковной степени.

Вышеизложенное первое засѣданіе и представляетъ собою то, что извѣстно въ исторіи подъ именемъ *третьяго вселенскаго собора*. Подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла было еще шесть засѣданій въ присутствіи прибывшихъ вскорѣ легатовъ римскихъ, но эти засѣданія не имѣютъ такого значенія, какъ первое, и главнымъ образомъ посвящены оправданію и защитѣ того, что сдѣлано на первомъ засѣданіи. Скоро оказалось, что отстоять *отъясненіе* соборнаго засѣданія 22 іюня—было гораздо труднѣе, чѣмъ составить оное. Несторій тотчасъ же послалъ императору жалобу на Кирилла и Мемнона, какъ отерывшихъ соборъ самовольно, вопреки настояніямъ императорскаго комиссара Кандидіана. Іоаннъ антиохійскій, прибывъ въ Ефесъ уже послѣ приговора надъ Несторіемъ и обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ выступить въ качествѣ посредника и примирителя, естественно былъ крайне огорченъ. Ему оставалось или присоединиться къ рѣшенію собора, состоявшемуся безъ его участія,—или попытаться передѣлать все съзнавая совместно съ своими восточными епископами. Сомнѣнія въ выборѣ быть не могло. Чувства старой пріязни къ Несторію и досады на Кирилла, совѣты раздраженныхъ противниковъ Кирилла, надежда на поддержку со стороны свѣтской власти побудили Іоанна рѣшиться составить отдѣльный соборъ, который естественно долженъ былъ стать въ оппозицію къ собору, состоявшему подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла. Такимъ образомъ одновременно въ одномъ городѣ образовалось два собора епископовъ, враждебные другъ къ другу,—изъ которыхъ каждый считалъ себя святымъ, православнымъ, вселенскимъ и собравшимся

на основаніи одной и той-же пригласительной царской грамоты. Численность обоихъ соборовъ была не одинакова. Подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла было болѣе 200 епископовъ; соборъ подъ предсѣдательствомъ Іоанна едва насчитывалъ 43 членовъ. Желая ослабить это неблагопріятное для себя обстоятельство, Іоаннъ и его сторонники въ посланіи къ императору такъ отзываются о членахъ собора Кириллова: „Пришло 50 изъ Египта, 40 подъ предводительствомъ Мемнона-тирана (т. е. епископа ефесскаго) изъ Азіи, 12 еретиковъ изъ Памфилиіи, называемыхъ мессалианами, и т. д.; всѣ они составляютъ толпу, не знающую божественныхъ догматовъ и способную только производить шумъ и возмущеніе“. И еще: „вышеупомянутые (т. е. Кириллъ и Мемнонъ) пришли со множествомъ, уповаю на него только, а не на истину и правоту догматовъ, и множествомъ хотятъ достигнуть исполненія своихъ намѣреній, выиграть дѣло множествомъ подписей. Но мы, повинувшись вашему велѣнію и убѣжденные, что и немногихъ людей достаточно для изслѣдованія догматовъ, пришли сюда только трое отъ каждой провинціи“.—Мѣсто для засѣданій того и другого собора тоже было не одинаково. Соборъ подъ предсѣдательствомъ Кирилла засѣдалъ въ великолѣпномъ храмѣ Богоматери: для Іоанна же и восточныхъ епископовъ негостепріимнымъ хозяиномъ Мемнономъ епископомъ ефесскимъ были закрыты всѣ храмы и священныя зданія. Наконецъ и содержаніе опредѣленій того и другого собора служить прежде всего выраженіемъ личной неприязни членовъ. Іоаннъ съ восточными епископами низложилъ Кирилла и Мемнона, съ лишеніемъ епископства и отлученіемъ отъ всякаго церковнаго священнаго дѣйствія, *какъ зачинщиковъ и вождей всякаго безпорядка и беззаконія*, и отлучалъ прочихъ участниковъ собора, пока не раскаются. Соборъ Кирилла съ своей стороны отлучилъ Іоанна и восточныхъ епископовъ.

Императоръ Θεодосій, получивъ вмѣсто одного собора два, и притомъ взаимно противоположные, естественно оказался въ крайнемъ затрудненіи. Борьба, которую вели Кириллъ и Іоаннъ и ихъ сторонники въ Ефесѣ, была перенесена ко двору и депутаты отъ обоихъ соборовъ были вызваны въ Халкидонъ для личныхъ объясненій предъ императоромъ. На сторонѣ Кирилла стояли сестра императора Пулхерія и множество столичныхъ иноковъ и клириковъ; на сторонѣ Іоанна—многіе знатнѣйшіе сановники двора. Слабодушный императоръ склонялся то на ту, то на другую сторону. Сначала онъ былъ предубѣжденъ противъ Кирилла

и, предполагая возможнымъ изъ двухъ соборовъ составить одинъ, приказалъ взять подъ стражу вождей противоположныхъ сторонъ, съ одной стороны Кирилла и Мемнона, а съ другой—Несторія. Но потомъ мало по малу мысли императора склонились въ пользу опредѣленія, состоявшагося на первомъ засѣданіи ефесскаго собора. Подъ какими вліаніями совершилась эта перемѣна,—опредѣлить трудно. Несомнѣнно, что много помогли въ этомъ случаѣ константинопольскіе иноки, которые, имѣя во главѣ престарѣлаго архимандрита Далмата, до этого случая 48 лѣтъ не выходившаго изъ монастыря, отправлялись при пѣніи аптифоновъ и въ сопровожденіи толпы народа къ царскому дворцу, чтобы склонить самодержца на защиту Приснодѣвы. Но употреблялись и инныя средства. „Приверженцы Кирилла,“ писали восточные епископы, отправившіеся депутатами къ императору отъ собора Іоаннова, „всѣхъ увлекли насиліемъ, обманомъ, ласкательствомъ, *дарами*.“ Остатываясь на послѣднемъ пунктѣ обвиненія, который подтверждается достовѣрными свидѣтельствами, мы можемъ повторить слѣдующее замѣчаніе Гефеле: „о дарахъ Кирилла нужно судить не по нашимъ, а по восточнымъ нравамъ и понятіямъ. Тамъ никто безъ подарка не смѣетъ обратиться къ высокопоставленному лицу, какъ бы ни была справедлива просьба. Подарки на востокѣ неизбежны, но не всѣ подарки суть подкупы: нужно дарить и для того, чтобы провести правое дѣло.“ Какъ бы то ни было, но въ концѣ концовъ императоръ выпустилъ ефесскій соборъ. То, что было сдѣлано подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла, осталось ненарушимымъ. Освобожденный изъ-подъ стражи, св. Кириллъ прибылъ въ Александрію 30 октября 431 г. и городъ принялъ его съ величайшимъ восторгомъ и честію.

Не такова была судьба Несторія. Императоръ, который такъ горячо защищалъ его прежде, совершенно охладѣлъ къ нему, когда увидалъ, что эта защита бесполезна и возбуждаетъ противодѣйствіе въ народѣ и большинствѣ іерархій. Участь Несторія становилась все хуже и хуже. Сначала онъ былъ отправленъ на жительство въ монастырь св. Евпрепія близъ Антиохіи, откуда вышелъ на патріаршество,—потомъ по указу императора присужденъ ко всегдашнему изгнанію въ Пѣтру (въ Аравіи); сочиненія его обречены на сожженіе, а послѣдователи наименованы *симоніанами* въ память Симона волхва, съ которымъ впрочемъ Несторій не имѣлъ ничего общаго. Злоключенія Несторія этимъ не кончились. Скоро онъ былъ переведенъ въ такъ на-

называемый *большой оазис*, находившійся на краю пустыни, въ патриархатѣ его недруга св. Кирилла, былъ захваченъ въ плѣнъ пустынными кочевниками *влемміями*, отпущенъ ими на произволъ судьбы, какъ человѣкъ старый и ни къ чему негодный, самъ прибравъ на границы имперіи и сдался пограничному чиновнику, который, не имѣя никакихъ инструкцій о Несторіѣ, переводилъ его съ мѣста на мѣсто, доколѣ наконецъ Несторіи не умеръ отъ старости и изнуренія, испытавъ на себѣ всю тягость религіозныхъ преслѣдованій, въ которыхъ онъ во время своего благополучія такъ настойчиво приглашалъ свѣтское правительство.

Распуская ефесскій соборъ, и. Θεодосій не могъ не сознать, что успокоеніе церкви рѣшительно не достигнуто. Сторонники и противники св. Кирилла оставили Ефесъ во взаимномъ другъ противъ друга раздраженіи. Восточные епископы на возвратномъ пути составили между собою въ Тарсѣ одинъ, а достигши Антиохіи—другой соборъ, гдѣ постановили снова низложить Кирилла и протестовали противъ низложенія Несторія. Въ такомъ положеніи дѣло оставаться не могло и императоръ долженъ былъ употребить всѣ мѣры для того, чтобы воспрепятствовать образованію великаго раскола. Разъ ставши на сторону Кирилла, императоръ естественно долженъ былъ оказать давленіе на восточныхъ епископовъ, чтобы побудить ихъ къ миру и единенію съ Кирилломъ. Посланный отъ императора трибунъ Аристолай объявилъ и Кирилу, и Іоанну непремѣнную волю самодержца, *чтобы всякая распря была прекращена и вездѣ водворился миръ церквей Гожіихъ*. Такъ какъ обѣ стороны основнымъ базисомъ для своего догматствованія полагали никейскій символъ, то соглашеніе между ними на почвѣ догматической было возможно и дѣйствительно состоялось,—при чемъ восточные епископы пожертвовали своимъ сочувствіемъ къ Несторію и—скрѣпя сердце—вступили въ общеніе съ св. Кирилломъ. Соединеніе въ догматствованіи было засвидѣтельствовано перепискою между Іоанномъ и св. Кирилломъ,—но чувство личнаго раздраженія осталось и впоследствии чрезъ 12 лѣтъ, когда скончался св. Кириллъ (+ 444 г.), одинъ изъ знаменитѣйшихъ восточныхъ епископовъ блаженный Θεодоритъ кирскій напутствовалъ александрійскаго святителя слѣдующимъ некрологомъ. „Наконецъ поздно и насилу умеръ злой человѣкъ. Ибо добрые и благодѣтельные переселяются туда прежде времени, а злые живутъ долго. А его несчастнаго Правитель душъ нашихъ не оставилъ

подобно другимъ долѣе наслаждаться тѣмъ, что нравится,—но, зная злобу сего мужа, ежедневно возраставшую и вредившую тѣлу церкви, отрѣзалъ какъ бы какую-нибудь язву и отъялъ поношеніе отъ сыновъ Израиля. Отпествіе его обрадовало живыхъ, но опечалило—быть можетъ—умершихъ, и можно опасаться, какъ бы они, слишкомъ отягченные его сообществомъ, опять не отослали его къ намъ, или какъ бы онъ не убѣждалъ отъ провожатыхъ, подобно тирану циника Лукиана. Итакъ нужно позаботиться и какъ можно поскорѣе приказать общинѣ могильщиковъ—положить какой-нибудь величайшій и тяжелѣйшій камень на могилу Кирилла, чтобы онъ опять сюда не пришелъ и снова не сталъ доказывать нетвердыя мнѣнія. Пусть возвѣщаетъ новые догматы находящимся въ аду и пусть тамъ разглагольствуетъ днемъ и ночью, какъ хочетъ. Я радуюсь и улаждаюсь, видя общество церковное освобожденнымъ отъ такой заразы; но печалюсь и рыдаю, помышляя, что онъ, жалкій, не успокоился отъ золъ, но умеръ, покушаясь на большія и худшія. Но Богъ видитъ и не презрѣлъ: Онъ положилъ узду на его уста и удила на его губы, и возвратилъ въ землю, изъ которой онъ взятъ“. Спустя слишкомъ сто лѣтъ, когда канонизація св. Кирилла и значеніе ефесскаго собора, какъ III-го вселенскаго, достаточно утвердились въ церковномъ сознаніи, императоръ Юстиніанъ подвергъ церковному суду Θεодорита и другихъ давно умершихъ уже противниковъ св. Кирилла, позволявшихъ себѣ противъ него рѣзкія литературныя выходки,—которые и осуждены были на V вселенскомъ соборѣ.

Гражданскія дѣла восточной имперіи и благосостояніе ея жителей въ 42-лѣтнее царствованіе Θεодосіа были довольно удовлетворительны. Правда бывалъ и голодъ, (422, 423, 431 г.) и моръ, (446 г.) и землетрясенія, (422, 423, 437, 447, и 450 г.) и пожары (433, 446 г.); была и война съ персами, начатая въ защиту персидскихъ христіанъ и окончившаяся довольно удачно (422 г.). Появился на сѣверныхъ предѣлахъ имперіи *бичъ божій*, предводитель гунновъ Атила.—Гунны находились тогда въ такомъ же отношеніи къ восточной римской имперіи, въ какомъ нынѣ русскіе—къ Турціи; то есть могли вторгнуться въ имперію и съ европейской и съ азіатской стороны. При отцѣ Θεодосіа Аркадіи гунны дѣйствительно произвели опустошительный набѣгъ на азіатскія области восточной имперіи, а при Θεодосіѣ напали

на нее съ европейской стороны (443 и слѣд. г.) и нанесли войскамъ Θεодосія сильное пораженіе при Херсонесѣ еракійскомъ (447 г.) Отбиваться отъ гунновъ можно было только при помощи своихъ домашнихъ варваровъ готевъ,—что представляло также своего рода неудобства. Θεодосій предпочиталъ откупаться отъ Атиллы золотомъ, и однажды пытался даже избавиться отъ гуннского вожда съ помощію наемнаго убійцы,—(448 г.) но неудачно. Но всѣ бѣдствія и опасности восточной имперіи были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ отчаяннымъ положеніемъ, въ какомъ находилась тогда западная римская имперія.

Неспособный дядя Θεодосія младшаго, западный императоръ Гонорій, умертвивъ (408) своего опекуна Стилихона, единственнаго человека, могшаго спасти имперію, принужденъ былъ изъ укрѣпленной Равенны сложить руки и смотрѣть, какъ готы подъ начальствомъ Алариха въ 410 г. взяли и разграбили Римъ. Преемникъ Алариха Атаульфъ заставилъ Гонорія выдать за него сестру свою Плацидію. По смерти Атаульфа (410) Плацидія вышла замужъ за военачальника Констанція, который принялъ титулъ *августа* (421 г.) Овдовѣвъ во второй разъ, Плацидія разсорилась съ своимъ братомъ Гоноріемъ и принуждена была удалиться съ своими дѣтьми въ Константинополь. Θεодосій младшій принялъ тетку любезно, помогъ ей послѣ скорой смерти Гонорія (423 г.) возвратиться въ Италію и воспариться въ западной римской имперіи вмѣстѣ съ 6-тилѣтнимъ сыномъ Валентиніаномъ III-мъ, который былъ обрученъ съ единственною дочерью Θεодосія. Царствованіе Плацидіи наполнено кровавою исторіей борьбы двухъ полководцевъ Аэція и Бонифація. Оба они были люди съ достоинствами, но взаимная вражда заставляла ихъ совершенно забывать объ интересахъ государства, которому оба они должны были служить. Бонифацій, приводимый Аэціемъ въ немилость у императрицы, пригласилъ вандаловъ въ Африку, и они опустошили Карфагенъ и другіе африканскіе города съ такою звѣрскою жестокостію, что совсѣмъ почти исключили изъ предѣловъ христіанства и цивилизаціи эти нѣкогда цвѣтушія мѣста, гдѣ жили и учили Тертуліанъ, Кипріанъ и Августинъ. Примирившись за тѣмъ съ императрицею, Бонифацій не могъ уже изгнать вандаловъ изъ Африки, но вмѣсто того имѣлъ битву съ Аэціемъ, въ которой былъ смертельно раненъ (432). Потерявъ Бонифація, Плацидія должна была снова довѣриться Аэцію, помощь котораго была существенно необходима, потому что имперіи грозилъ страшный Атила. Здѣсь исторія усложняется

однимъ обстоятельствомъ романическаго свойства. Дочь Платидіи Гонорія отличалась страшною натурою, и потому мать поступала съ нею необыкновенно строго. Наконецъ Гонорія получила титулъ *августы*, но подъ условіемъ оставаться безбрачною всю жизнь. Чтобы избавиться отъ тяжкаго надзора, Гонорія предложила царю гунновъ свою руку, пославъ ему кольцо. Атила потребовалъ отъ западнаго императора Валентиніана не только согласія на бракъ, но и часть имперіи въ приданное за Гонорією и, получивъ отказъ, двинулся на западъ. Въ Галліи на поляхъ Каталаунскихъ въ 451 г. произошла кровопролитная битва, кончившаяся тѣмъ, что гунны и ихъ союзники были отбиты. Въ слѣдующемъ 452 году Атила двинулся въ Италію, но недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и болѣзни, постигшія гунновъ въ нездоровыхъ мѣстностяхъ на берегахъ рѣки По, были причиною того, что Атила послушался увѣщаній посланнаго къ нему для переговоровъ римскаго папы Льва и рѣшился возвратиться въ Паннонію. Преданіе объясняетъ это чудомъ и говоритъ, что, по молитвамъ папы Льва, Атилѣ явились апостолы Петръ и Павелъ, и угрожали ему судьбою Алариха, умершаго вскорѣ послѣ разграбленія Рима, если онъ пойдѣтъ къ Риму. Къ счастью для имперіи Атила умеръ на слѣдующій (453) годъ.

Въ 454 г. имп. Валентиніанъ собственноручно убилъ знаменитаго полководца Аэція, а въ слѣдующемъ году и самъ погибъ отъ руки одного изъ придворныхъ Максима, который провозгласилъ себя императоромъ и насильно взялъ за себя Евдоксію, вдову Валентиніана и дочь Θεодосія. Евдоксія обратилась съ просьбою о помощи къ королю вандаловъ Гейзериху, который не замедлил явиться въ устьяхъ Тибра, рассчитывая на богатую добычу. Посольство папы Льва, нѣкогда убѣдившаго Атилу возвратиться во-свояси, не могло остановить царя вандаловъ. 14 дней вандалы грабили Римъ, захватили съ собою множество сокровищъ и произведеній искусства, (большая часть которыхъ погибла во время морскаго пути въ Африку) и множество плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ была и императрица Евдоксія съ своими дочерьми. Имп. Θεодосій II не дожидъ до несчастія видѣть свою единственную дочь плѣнницею вандаловъ, но дожидла до этого ея мать Аэинаида—Евдокія.

Изъ внутреннихъ дѣлъ правленія Θεодосія наиболѣе замѣчательны: устройство высшаго училища въ Константинополѣ и изданіе кодекса законовъ. Намъ нужно бы рассказать здѣсь еще о ереси Евти-

хія, обнаружившейся въ концѣ царствованія Θεодосіа, но, чтобы не нарушать дѣльности разсказа, мы относимъ повѣствованіе о монофизитскихъ спорахъ къ слѣдующему царствованію, когда они получили завереніе на соборѣ халкидонскомъ.

ИМПЕРАТОРЪ МАРКІАНЪ—СУПРУГЪ ПУЛХЕРІИ (450—457). IV
ВСЕЛЕНСКИЙ СОВОРЪ ВЪ ХАЛКИДОНѢ.

Въ 450 г. Θεодосію младшему минулъ 51 годъ. Благодаря умѣренной жизни Θεодосій былъ бодръ и крѣпокъ и могъ надѣяться на долголѣтіе: но нечаянное приключеніе было причиною его смерти. Возвращаясь 20 іюня съ богомолья, императоръ упалъ съ лошади, переломилъ себѣ спинной хребетъ и умеръ на слѣдующую же ночь. Не смотря на кротость императора, нельзя думать, чтобы подданные много жалѣли о его смерти. Люди, слабые умомъ и характеромъ, никогда не бываютъ такъ жалки и вмѣстѣ вредны, какъ въ то время, когда мечтаютъ дѣйствовать самостоятельно. Это случилось и съ Θεодосіемъ въ послѣдніе годы его жизни. Онъ удалилъ отъ себя двухъ талантливыхъ женщинъ, составлявшихъ силу и украшеніе его царственного дома, жену Евдокію и сестру Пулхерію, и довѣрился евнухамъ, изъ коихъ особенно извѣстны Антіохъ и Хрисаѳій, отличавшіеся духомъ грабительства. Во внѣшней политикѣ Θεодосія обнаружилась робость и низость (къ этому времени относится попытка убить Аттилу чрезъ подкупнаго убійцу); въ церковныхъ дѣлахъ—склоненіе къ ереси. Даже въ сферѣ столичныхъ развлеченій, доставляемыхъ ипподромомъ, Θεодосій обнаружилъ одностороннее пристрастіе къ *зеленымъ* и несправедливое притѣсненіе *юлубыхъ*.

Θеодосій не оставилъ послѣ себя наслѣдника. Изъ двухъ царственныхъ женщинъ, имѣвшихъ права на престолъ, Евдокія давно уже жила въ почетной ссылке, предаваясь подвигамъ благочестія на святыхъ мѣстахъ Палестины; Пулхерія также находилась въ сторонѣ отъ дѣлъ, будучи заключена Хрисафіемъ въ монастырь, но она по крайней мѣрѣ жила въ столицѣ и имѣла въ свою пользу народную память о ея прежнемъ благополучномъ управленіи. Какъ бы то ни было, но Пулхерія воцарилась и однимъ изъ первыхъ дѣлъ ея была казнь евнуха Хрисафія. Другимъ дѣломъ немедленно по воцареніи было избраніе народу царя и себѣ супруга. Обѣтъ дѣвства и преклонныя

лѣта Пулхеріи (52 года) не позволяли ей избрать супруга дѣйствительнаго. Нуженъ былъ супругъ номинальный. Удобнымъ для этой цѣли оказался вдовый, благочестивый и очень не молодой военачальникъ Маркіанъ, которому Пулхерія отдала корону и свою руку съ условіемъ быть ея мужемъ только по имени. Необыкновенное и неожиданное возвышеніе Маркіана дало поводъ къ составленію разныхъ, наполняющихъ греческіе хронографы, легендъ о чудесныхъ приключеніяхъ, якобы предзнаменовавшихъ его будущее величіе. Но послѣдующая исторія показала, что тайна возвышенія Маркіанова заключалась не въ чудесныхъ предзнаменованіяхъ, а въ его благородномъ и мужественномъ характерѣ, который былъ вѣрно оцѣненъ Пулхеріею.

Для характеристики Маркіана достаточно привести два его изреченія, опредѣлявшія его внѣшнюю политику. *Государь*, говорилъ Маркіанъ, *долженъ воевать только тогда, когда нѣтъ возможности сохранить миръ*. Но тотъ же Маркіанъ на высокомѣрное требованіе Атилы относительно уплаты дани отвѣчалъ, что у него *есть золото для друзей, и мечъ для враговъ*, и гордый варваръ не рѣшился напасть на византійскую имперію.

Въ церковной исторіи Маркіанъ съ Пулхеріею особенно знамениты созваніемъ IV вселенскаго собора, для осужденія ереси монофизитской. Чтобы выяснить исторію этой ереси, нужно начать разсказъ съ послѣднихъ годовъ царствованія Θεодосія II. Основатель монофизитской ереси Евтихій представляетъ собою любопытный образецъ еретика по неволѣ. Евтихій былъ старый монахъ, носившій званіе архимандрита, заключившійся въ стѣнахъ одного столичнаго монастыря, оказавшій ревность по православію во время ереси Несторіевой и вѣроятно и во снѣ не мечтавшій самъ сдѣлаться когда-либо ересеначальникомъ. Но обстоятельства, которыя бывають сильнѣе челоука, выдвинули Евтихія противъ его воли на историческую сцену и доставили ему громкую и печальную извѣстность. Въ исторіи Несторія намъ памятенъ адвокатъ Евсевій, бывшій по своей охотѣ горячимъ оппонентомъ Несторія. Впослѣдствіи этотъ Евсевій сдѣлался епископомъ дорилейскимъ, но не утратилъ своихъ адвокатскихъ наклонностей, т. е. охоты къ возбужденію судебныхъ преслѣдованій. Этотъ-то Евсевій и поднялъ дѣло о ереси Евтихія. Въ 448 г. въ Константинополѣ подъ предсѣдательствомъ столичнаго патріарха Флавіана имѣлъ свои засѣданія небольшой соборъ, состоявшій изъ 32 епископовъ и изъ нѣсколькихъ

архимандритовъ. Соборъ этотъ принадлежалъ въ числу обычныхъ епископскихъ собраній для совѣщанія о текущихъ церковныхъ дѣлахъ. На этомъ соборѣ Евсевій епископъ дорилейскій выступилъ съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія: „прикажете Евтихію архимандриту явиться на соборъ и защищаться въ томъ, въ чемъ я его обвиняю. Я готовъ обличить его, что онъ притворно носитъ имя православнаго.“ Евсевій объяснялъ при этомъ, что онъ былъ другомъ Евтихіа и какъ другъ хорошо знаетъ образъ его мыслей, что по дружбѣ увѣщевалъ его не разъ и не два отстать отъ заблужденій, но безъ успѣха. На предложеніе членовъ собора еще разъ попытаться вразумить Евтихіа частнымъ образомъ, Евсевій отвѣчалъ, что еще разъ отправиться къ Евтихію это значитъ еще разъ заставить себя услышать хульные рѣчи этого еретика (какъ будто, вызывая Евтихіа на соборный судъ, Евсевій не долженъ былъ ожидать того же самаго).

Въ наше время не обратили бы вниманія на доносъ Евсевія, какъ на голословный и бездоказательный: много-много, если опредѣлили бы принять его на всякій случай къ свѣденію. Но въ тотъ вѣкъ обвиненіе въ ереси было слишкомъ важно, — да и самъ Евсевій, какъ старый адвокатъ, былъ не такой человѣкъ, чтобы позволить не дать хода своему заявленію. „Мнѣ извѣстна ревность обличителя“, говорилъ предсѣдатель собора патріархъ Флавіанъ; „самый огонь кажется ему холоднымъ по причинѣ ревности о благочестіи“. Какъ бы то ни было, но Евтихій былъ вызванъ на судъ собора. Сначала онъ отрекался идти, отзываясь, что онъ и старъ, и хилъ, и далъ обѣтъ жить въ монастырѣ, какъ въ гробѣ, и уполномочивая дружественнаго себѣ архимандрита Авраамія согласиться съ опредѣленіями никейскаго и ефесскаго соборовъ и съ изложеніемъ вѣры св. Кирилла; — наконецъ и самъ явился на соборъ. Во все время судопроизводства надъ Евтихіемъ, Евсевій находился въ крайнемъ волненіи, опасаясь, какъ бы не оказаться ложнымъ доносчикомъ. „Я обвинялъ его не за будущее, а за прошедшее“, говорилъ Евсевій. „Теперь, еслибы кто-нибудь поднесъ ему правильное изложеніе вѣры и сказалъ бы: *подпишись и согласишься по необходимости*, то неужели поэтому долженъ я считаться побѣжденнымъ? Скажи заключеннымъ въ темницѣ — *отнынѣ не разбойничайте*, — и всѣ они общаются.“ „Если я окажусь клеветникомъ, то потерю санъ,“ говорилъ Евсевій въ другой разъ. „Я боюсь гоненія отъ Евтихіа: я бѣденъ, ничего не имѣю, а онъ богатъ, онъ гро-

зять мнѣ ссылкой; онъ уже назначилъ мнѣ и мѣсто ссылки (оазисъ въ Египтѣ)*. Къ счастью для Евсевія и къ несчастью для церкви, Евтихій не выразилъ на соборѣ ни полного отрицанія приписываемой ему ереси, ни полного раскаянія въ ней; правда онъ соглашался съ догматствованіемъ отцовъ собора, но соглашался какъ то вяло и принужденно, выражаясь напримѣръ такъ: „до сего дня я не признавалъ этого; въ началѣ я не училъ такъ; а теперь говорю это; потому что ваша святость такъ говорить.“ Но соборъ не удовлетворился такимъ вынужденнымъ признаніемъ православія, и разсудивъ, что *по принужденію нѣтъ стѣны*, отлучилъ Евтихія отъ церкви, лишивъ его архимандритства и пресвитерства.

На доносы по дѣламъ церковнымъ, точно также какъ на доносы политическіе, можно смотрѣть съ разныхъ точекъ зрѣнія. Неудивительно, что нашлись люди, сожалѣвшіе о Евтихіѣ и считавшіе его жертвою неумѣстной ревности Евтихія. Да и самъ Евтихій, послѣ своего осужденія, быть можетъ разсудивъ, что ему уже терять болѣе нечего, рѣшился протестовать и искалъ себѣ опоры, гдѣ только могъ, у папы, у александрійскаго патріарха, у имп. Θεодосія. Надежда не обманула Евтихія. Императоръ Θεодосій созвалъ въ 449 г. для пересмотра дѣла Евтихіева большой соборъ въ Ефесѣ подъ предсѣдательствомъ Діоскора, патріарха александрійскаго ¹⁾. Судьи Евтихія, Флавіанъ и Евсевій, явились на этомъ соборѣ какъ подсудимые и были лишены епископства и священства, а Евтихію возвращено пресвитерство и архимандритство. Соборъ по причинѣ господствовавшего на немъ пристрастія и насилія, носить въ церковной исторіи прозваніе *разбойничьяго*. Патріархъ константинопольскій Флавіанъ умеръ чрезъ нѣсколько дней послѣ своего осужденія,—какъ гласитъ преданіе, вслѣдствіе побоевъ, нанесенныхъ ему буйными монахами, бывшими на соборѣ. Если такъ, то удивительно, почему уцѣлѣлъ главный обвинитель Евтихія, Евсевій дорилейскій, противъ котораго на ефесскомъ соборѣ было сильное раздраженіе, выражавшееся въ возгласахъ: *возми,*

---

¹⁾ Во избѣжаніе жалобъ на неправильное и случайное составленіе большинства епископовъ, императоръ вызывалъ по 10 митрополитовъ и по 10 епископовъ изъ 6 провинцій имперіи: такимъ образомъ всѣхъ отцовъ собора имѣло быть 120. На дѣлѣ ихъ было 135.

*сожги Евсея! живой да сожжется, да распьенъ будетъ по по-
ламъ и т. д.*

Разбойничій соборъ не былъ признанъ римскою каведрою. Легаты римскіе не подписались подъ соборными опредѣленіями и скрылись съ собора бѣгствомъ. Римскій папа Левъ протестовалъ противъ собора разбойничьяго и требовалъ пересмотра его опредѣленій. Онъ самъ писалъ объ этомъ имп. Θεодосію младшему и убѣдилъ ходатайствовать о томъ же западнаго императора Валентиніана III, его мать Плацидію и жену его Евдоксію. Всѣ ходатайства были тщетны. Императоръ Θεодосій отвѣчалъ, что рѣшеніе собора Діоскорава правильно и неизмѣнно. Скорая и неожиданная смерть Θεодосія дала церковнымъ дѣламъ новый оборотъ.

Здѣсь мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на догматическую сторону церковныхъ споровъ, изложить которую съ надлежащею опредѣленностію довольно трудно, потому что догматическіе борцы, избѣгая обвиненія въ ереси, не имѣли мужества прямо высказывать всѣ логически вытекающіе изъ ихъ положеній выводы, и старались скрыть свои мысли въ туманѣ недомолвокъ и подразумѣваній. Основное положеніе, служившее исходнымъ пунктомъ для христологическихъ споровъ, должно быть обозначено такъ: „Христосъ Спаситель міра, Посредникъ между Богомъ и человѣками, есть вмѣстѣ и Богъ и человѣкъ; ибо, только будучи Богомъ, онъ могъ понести на себѣ всю тяжесть грѣховъ человечества и, только будучи человѣкомъ, могъ усвоить людямъ искупительные плоды своихъ страданій.“ Таково было общее вѣрованіе и убѣжденіе всего христіанскаго міра. Но разногласіе возникало при обсужденіи болѣе частныхъ вопросовъ объ отношеніи во Христѣ двухъ естествъ—божескаго и человѣческаго. Образъ соединенія ихъ во Христѣ всѣ признавали непостижимымъ. Но относительно мѣры и времени этого соединенія возможны были и давались въ дѣйствительности три отвѣта,—два крайнихъ и одинъ средній. Одни утверждали, что Христосъ былъ болѣе человѣкъ, чѣмъ Богъ и прежде сталъ человѣкомъ, чѣмъ сдѣлался Богомъ. Таковъ былъ Несторій, утверждавшій, что онъ не можетъ признать Богомъ 2-хъ мѣсячнаго младенца, питающагося сосцами. О времени, когда божество присоединилось въ Христѣ къ человѣчеству, Несторій умалчиваетъ, хотя съ своей точки зрѣнія онъ совершенно логически могъ утверждать вмѣстѣ съ древними ноостиками, что божество соединилось во Христѣ съ человѣчествомъ, напр.

въ моментъ крещенія. Другіе—такъ называемые *монофизиты*, исходя изъ идеи о несоизмѣримости человѣчества съ божествомъ, утверждали, что человѣчество по необходимости должно исчезнуть въ божествѣ, какъ исчезаетъ капля въ безмѣрномъ океанѣ, такъ что послѣ соединенія двухъ естествъ во Христѣ осталось только одно естество божеское. Когда совершилось это,—монофизиты умалчиваютъ, но противники ихъ во имя идеи о вѣчности и творческой силѣ божества, не безъ основанія навязываютъ имъ мысль, якобы *Богъ Слово принесъ съ собою плоть съ неба*. — Между этими двумя крайностями средину занимало православное большинство, которое крѣпко держалось термина *Θεῶσκος*, какъ своего знамени, и благоговѣйнымъ почитаніемъ Богоматери опредѣляло свое положеніе и свое догматизированіе во все время христологическихъ споровъ. Съ почитаніемъ Богоматери одинаково не мирилось какъ несторіанство, такъ и монофизитство. Достоинство пресвятой Дѣвы одинаково умалялось, а) если признавалось, что отъ нея родился Христосъ-человѣкъ, и б)—если признавалось, что Богъ-Слово, принеши плоть съ неба, имѣлъ ее—такъ сказать—физивною матерію. Благоговѣйное почитаніе Богоматери требовало признавать, что Христосъ былъ вмѣстѣ и Богъ и человѣкъ, и что оба естества совмѣщались въ немъ съ самаго момента непорочнаго зачатія. Если будемъ опредѣлять мѣстности, гдѣ господствовала несторіанская, монофизитская и православная догматика, то должны будемъ сказать, что въ антїохійскомъ патріархатѣ была склонность къ несторіанству, въ александрійскомъ—къ монофизитству, а Римъ и Константинополь твердо держались православія и почитанія Богоматери. Если взглянемъ на отношеніе лицъ царствующаго дома къ христологическимъ спорамъ, то найдемъ, что Θεодосій младшій и его жена Евдоксія разновременно ударялись изъ одной крайности въ другую, изъ несторіанства—въ монофизитство, Пулхерія же постоянно, твердо и стойко держалась православія и почитанія Богоматери. Понятно, какой оборотъ должно было принять дѣло монофизитовъ послѣ воцаренія Пулхеріи.

Римскій папа Левъ всегда былъ проповѣдникомъ средняго царскаго пути между несторіанствомъ и монофизитствомъ. Еще до собора Діоскорова въ іюнѣ 449 года папа Левъ такъ писалъ къ августѣ Пулхеріи: „сколько Несторій отпалъ отъ истины, когда утверждалъ, что Христосъ родился отъ Дѣвы Маріи только человѣкомъ, столько же и

Евтихій удалился отъ каеолическаго пути, когда не вѣрить, чтобы отъ той же Дѣвы Маріи произошло наше существо, желая такимъ образомъ понимать, что оно было существо одного божескаго естества, такъ что... имѣло лишь нѣкоторое подобіе съ нашею природою, а самой дѣйствительности ея вовсе не содержало". Пулхерія и сама была совершенно однихъ мыслей съ папою Львомъ, но во время написанія вышеприведеннаго письма не имѣла никакой силы. Иное дѣло, когда она воцарилась вмѣстѣ съ Маркіаномъ. Образъ мыслей новыхъ властителей выразился прежде всего въ канонизаціи бывшаго патріарха е-скаго Флавіона, пострадавшаго на соборѣ Діоскоровомъ. Тѣло Флавіана было перенесено въ столицу и положено во храмъ св. апостоловъ. Вслѣдъ за тѣмъ императоръ въ маѣ 451 г. назначилъ собраніе епископовъ—къ 1 сентября того же года, но не въ Италіи, какъ желалъ этого папа Левъ, а въ Никее. Изъ Никейи впрочемъ собраніе епископовъ было скоро переведено въ Халкидонъ поближе къ столицѣ, такъ какъ императоръ желалъ имѣть постоянныя и точныя свѣдѣнія о ходѣ соборныхъ засѣданій. Неурядицы, бывшія на предшествующихъ соборахъ, особенно на Діоскоровомъ, оправдывали правительство въ его желаніи имѣть ближайшій надзоръ за ходомъ дѣлъ на соборѣ, и этотъ правительственный контроль сталъ обычнымъ на всѣхъ послѣдующихъ соборахъ. Засѣданія собора начались 8 окт. 453 г. и продолжались по 1 ноября. Число епископовъ на халкидонскомъ соборѣ было весьма велико; и достигало вмѣстѣ съ епископскими уполномоченными до 630.—Но какъ замѣчательное нововведеніе можетъ быть отмѣчено то, что наряду съ епископами засѣдали съ правомъ голоса 17 императорскихъ вельможъ, имѣвшихъ весьма существенное вліяніе на ходъ соборныхъ засѣданій. Задача собора была тройная: судебная, догматическая и каноническая,—и во всѣхъ трехъ отношеніяхъ соборъ халкидонскій сдѣлалъ много важнаго.

а) Къ величайшему удивленію мы не видимъ на соборѣ Евтихія; онъ не вызванъ въ числѣ подсудимыхъ и даже имя его почти не

---

¹⁾ По другимъ извѣстіямъ отцевъ халкидонскаго собора было 520; но соборнымъ дѣяніямъ можно насчитать только 360. Всѣ отцы собора были изъ восточной имперіи, кромѣ 4 папскихъ легатовъ и 2 случайныхъ пришельцевъ изъ Африки.

упоминается,—новое доказательство того, что Евтихій не былъ горячимъ ересіархомъ и пропагандистомъ ереси, а только еретикомъ по неволѣ, лицомъ второстепеннымъ, случайно попавшимъ въ исторію. Но неугомонный Евсевій, епископъ дорилейскій, первый поднявшій дѣло о Евтихіѣ, и теперь выступаетъ какъ обличитель противъ Діоскора, заявляя, что Діоскоръ оскорбилъ и *убилъ* его, равно какъ убилъ Флавіана, патр. в—скаго. Императорскіе сановники, наблюдавшіе за правильнымъ ходомъ дѣлопроизводства на соборѣ, предложили прочесть *дѣянія* собора константинопольскаго (448 г.), бывшаго подъ предсѣдательствомъ Флавіана, и собора ефесскаго (449 г.), бывшаго подъ предсѣдательствомъ Діоскора. При чтеніи этихъ *дѣяній* многіе епископы, бывшіе сами участниками ефесскаго собора, выяснили неправильный и насильственный образъ дѣйствій Діоскора, какъ предсѣдателя. „Сдѣлано было насиліе“,—свидѣтельствовали епископы—„насиліе съ побоями и мы подписали пустую бумагу, на которой послѣ и написано осужденіе Флавіана и Евсевія. Намъ угрожало осужденіе, намъ угрожала ссылка; воины стояли съ палками и мечами, и мы были приведены въ страхъ ими. Гдѣ палки и мечи, каковой тутъ соборъ!“ „Всѣ мы согрѣшили, всѣ мы просимъ прощенія!“ восклицали отцы бывшаго ефесскаго собора. Конечно, выясняя такимъ образомъ исторію ефесскаго собора, вышеупомянутые отцы и сами не обнаруживали въ себѣ присутствія высокихъ доблестей, и Діоскоръ съ приверженцами имѣлъ основаніе возразить имъ: „христіанинъ никого не боится!“ и еще: „такъ какъ они говорятъ, что, не слышавъ никакихъ разсужденій и постановленій, просто подписались на предложенной имъ пустой бумагѣ, то имъ не слѣдовало и подписываться“. Но для Діоскора отпаденіе его прежнихъ сообщниковъ имѣло роковое значеніе. Цѣлыми толпами оставляли его единомысленные прежде съ нимъ епископы и переходили съ правой стороны собора на лѣвую: съ Діоскоромъ осталось только нѣсколько египетскихъ епископовъ. Тщетно Діоскоръ сталъ бы искать для себя гдѣ-либо защиту и поддержку. Правительство было противъ него, такъ какъ имѣло свѣдѣнія, что Діоскоръ въ своемъ патріархатѣ старался противодѣйствовать воцаренію Маркіана; римская каеэдра, дотолѣ всегда поддерживавшая александрійскую, была также противъ Діоскора, ибо онъ на ефесскомъ соборѣ пренебрежительно отвесся къ папскимъ легатамъ, не допустилъ чтенія догматическаго посланія папы Льва и даже предалъ папу отлученію. Этого грѣха не могъ простить

и забыть папа Левъ. Къ довершенію несчастія Діоскорова, люди недовольные имъ въ его патріархатѣ нашли совершенно благовременнымъ и удобнымъ подать собору свои обвиненія и жалобы на Діоскора. Его обвиняли въ корыстолюбіи, жестокости и въ несообразной съ саномъ епископскимъ жизни.¹⁾ И Діоскоръ палъ подъ бременемъ общаго нерасположенія, конечно заслуженнаго. Онъ былъ осужденъ на лишеніе сана и сосланъ въ пафлагонскій городъ Гангры.

б) Установленіе правильнаго догматическаго опредѣленія по христологическому вопросу было второю задачею халкидонскаго собора. Догматическое посланіе папы Льва, которое было вовсе не читано на соборѣ Діоскоровомъ, теперь не только было прочитано, но легло въ основу соборнаго опредѣленія. Когда между членами собора возникли догматическія недоразумѣнія, въ настоящее время неизвѣстныя, а можетъ быть и въ свое время не выясненныя,—то императорскіе сановники предложили отцамъ собора категорическій вопросъ: „кому слѣдуетъ святѣйшему Льву или Діоскору?“ Отвѣтъ на этотъ вопросъ объединилъ членовъ собора. *Какъ Левъ, такъ и мы спруемъ*, воскликнули отцы собора; *противорѣчащіе еutihіанисты, Левъ изложилъ православно*. Согласно съ догматическимъ посланіемъ папы Льва было составлено соборное вѣроопредѣленіе, существенную часть котораго приводимъ въ подлинникѣ. Ἐπομένοι τοίνυν τοῖς ἀγίοις πατράσιν ἕνα καὶ τὸν αὐτὸν ὁμολογεῖν υἱὸν τὸν κυρίον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν συμφώνως ἅπαντες ἐκδιδάσκομεν, τέλειον τὸν αὐτὸν ἐν θεότητι καὶ τελειὸν τὸν αὐτὸν ἐν ἀνθρωπότητι, θεὸν ἀληθῶς καὶ ἀνθρώπον ἀληθῶς, τὸν αὐτὸν ἐκ ψυχῆς λογικῆς καὶ σώματος, ὁμοούσιον τῷ πατρὶ κατὰ τὴν θεότητα καὶ ὁμοούσιον τὸν αὐτὸν ἡμῖν κατὰ τὴν ἀνθρωπότητα, κατὰ πάντα ὁμοίον ἡμῖν, χωρὶς ἁμαρτίας, πρὸ αἰώνων μὲν ἐκ τοῦ πατρὸς γεννηθέντα κατὰ τὴν θεότητα, ἐπ' ἐσχάτων δὲ τῶν ἡμερῶν τὸν αὐτὸν δι' ἡμᾶς καὶ διὰ τὴν ἡμετέραν σωτηρίαν ἐκ Μαρίας τῆς παρθενοῦ τῆς θεοτόκου κατὰ τὴν ἀνθρωπότητα, ἕνα καὶ τὸν αὐτὸν Χριστὸν, υἱὸν, μονογενῆ, ἐκ δύο φύσεων ἀσυγχύτως, ἀτρέπτως, ἀδιαίρετως, ἀχωρίστως γνωριζόμενον.

¹⁾ Въ доносѣ діакона Исхаріона упоминается, будто бы образъ жизни епископа въ Александріи вошелъ въ притчу. Μαλιστα ἡ περιβόητος Πανσόφια ἡ καλουμένη Ὁρεῖνη (быть можетъ Εἰρήνη), περὶ ἧς καὶ πολυάνθρωπος τῆς Αλεξάνδρεων δημοῦ ἀφῆκε φωνήν, αὐτῆς τε καὶ τοῦ ἐραστοῦ μεμνημένος. Что же это за притча (φωνὴ δῆμου)? Гиббонъ догадывается, не къ Діоскору ли относится слѣдующій каламбуръ:

Εἰρήνη πάντεσσιν ἐπίσκοπος εἶπεν ἐπελθὼν,
Πῶς δύναται πᾶσιν, ἦν μόνος ἐνδον ἔχει;

Въ засѣданіи 25 октября послѣдовало торжественное утвержденіе вѣроопредѣленія. Явился императоръ Маркіанъ съ императрицею Пулхеріею и съ многочисленною свитою, произнесъ собору рѣчь на официальномъ латинскомъ языкѣ, тотчасъ же пересказанную по-гречески, и по прочтеніи вѣроопредѣленія спросилъ: „пустъ скажетъ св. соборъ, по согласію ли всѣхъ епископовъ провозглашено прочитанное теперь опредѣленіе? „Отцы собора единогласно воскликнули: *всѣ такъ вѣруемъ, всѣ такъ мудствуемъ. Маркіану новому Константину, новому Павлу, новому Давиду многая лѣта; вы—миръ вселенной; вы—свѣтила православія. Господи, сохрани свѣтими вселенной! Пулхерія—новая Елена, ты явила ревность Елены! Несторію, Евтихію и Діоскору—анагемѣ! Троица извергла троихъ!*

в) Но составленіемъ догматическаго вѣроопредѣленія дѣятельность собора еще не кончилась. Въ заключеніе составлено нѣсколько каноническихъ правилъ, между которыми наиболѣе знаменито послѣднее 28-е, ковеннымъ образомъ направленное противъ римскаго папы. Постараемся объяснить, почему такъ вышло. Положеніе римскаго папы Льва на IV вселенскомъ соборѣ было руководящее и господствующее. По его настояніямъ былъ созванъ соборъ. Его догматическое посланіе служило какъ бы краеугольнымъ камнемъ для соборныхъ обсужденій и рѣшеній. Самъ папа не былъ на соборѣ, но его легаты занимали первое мѣсто. Для многочисленныхъ отцевъ восточной церкви, составлявшихъ IV всел. соборъ, а всего болѣе для столичнаго патріарха константинопольскаго, такой подавляющій авторитетъ папы не могъ казаться пріятнымъ, удобнымъ и желательнымъ. Послѣ того какъ на догматическомъ полѣ пришлось безусловно согласиться съ папою,—естественно у восточныхъ іерарховъ явилось желаніе ограничить папу по крайней мѣрѣ *канонически*, чтобы предупредить дальнѣйшее расширеніе его власти на будущее время. Этимъ и объясняется составленіе на халкидонскомъ соборѣ знаменитаго 28 правила, по которому кathedра Константинополя, новаго Рима, уравнивалась съ катедрою стараго Рима, такъ что во вселенской іерархіи константинопольскій патріархъ слѣдовалъ непосредственно за папою римскимъ. Правда константинопольскому патріарху усвоилось второе мѣсто, но только потому что не могло быть—два первыхъ.¹⁾

¹⁾ Это же 28 правило халкидонскаго собора имѣетъ нѣкоторое отношеніе и къ русской исторіи. Юрисдикціи к-скаго патріарха подчинялись по-

Римские легаты протестовали против этого правила. Папа выражал сильное неудовольствие на это правило и объявилъ, что уничтожаетъ его властью св. Петра; громко жаловался на патріарха Анатолія, котораго обвинялъ въ неблагодарности и гордости, и грозилъ ему отлученіемъ. Твердость имп. Маркіана, не обращавшаго вниманія на неудовольствіе и угрозы папы, заставила наконецъ папу Льва понизить тонъ и успокоиться.

Халкидонскимъ соборомъ не былъ положенъ конецъ христологическимъ спорамъ. Разложеніе византійской имперіи уже начиналось, и сепаративныя стремленія, наиболѣе сильныя на окраинахъ имперіи и имѣвшія себѣ основу въ національностяхъ, тѣмъ не менѣе сообразно духу времени силились найти себѣ выраженіе и оправданіе въ догматическомъ разногласіи.

Въ Палестинѣ явился бывшій на халкидонскомъ соборѣ alexandрійскій монахъ Θεодосій и сталъ утверждать, что соборъ исказилъ вѣру и впалъ въ несторіанство. Θεодосій нашелъ себѣ поддержку у проживавшей на святыхъ мѣстахъ вдовствующей императрицы Евдокіи, на догматическія убѣжденія которой—быть можетъ—вліяло скрытое нерасположеніе къ царствующей императрицѣ Пулхеріи. Привлекши на свою сторону до 10000 палестинскихъ монаховъ, Θεодосій при помощи ихъ овладѣлъ Іерусалимомъ, возсѣлъ на іерусалимскую кафедру, и властвовалъ

---

28 правилу діоцезы понтійскій, асійскій и еракійскій, гдѣ патріарху предоставлялось поставлять митрополитовъ, а равно и епископовъ варварскихъ областей въ указанныхъ выше діоцезахъ (разумѣются епископы автокефальныя, т. е. независимыя отъ ближайшаго митрополита.) Позднѣйшіе греческіе канонисты такъ толкуютъ это правило, будто бы соборъ халкидонскій предопредѣлилъ во власть патріарха к-скаго всѣ настоящія и будущія пріобрѣтенія христіанства въ странахъ варварскихъ (слѣд. и насъ русскихъ). Но, по справедливому замѣчанію Е. Е. Голубинскаго, это толкованіе произвольно. Соборъ, опредѣленія котораго были утверждаемы и приводимы въ исполненіе восточнымъ императоромъ, разумѣется могъ законополагать только въ тѣхъ предѣлахъ, до коихъ простиралась власть императора, т. е. относительно христіанъ — инородцевъ, жившихъ въ предѣлахъ имперіи,—и не далѣе.

около 2 лѣтъ бурно и насильственно, пока имп. Маркіанъ не успѣлъ изгнать его вооруженною рукою. Императрица Евдокія, пораженная печальною судьбою своей дочери, плѣненной вандалами, не стала болѣе поддерживать Θεодосія и обратилась къ православію, благодаря увѣщаніямъ Симеона столпника и св. Евфимія.

Еще большее противодѣйствіе рѣшеніямъ халкидонскаго собора послѣдовало въ Александріи. Преемникъ Діоскора, Протерій встрѣтилъ противъ себя открытое возмущеніе, которое на первый разъ было подавлено оружіемъ, но ждало удобнаго времени, чтобы вспыхнуть съ новою силою. Дальнѣйшее развитіе монофизитскихъ волненій выходитъ изъ предѣловъ царствованія Маркіана, который умеръ 6 февр. 457 г., переживъ четырьмя годами свою царственную подругу Пулхерію (+453 г.), послѣднюю отрасль династіи великаго Θεодосія.

Считаемъ не излишнимъ для справокъ представить генеалогію династій Валентиніана и Θεодосія великаго.

Династія Валентиніана и его брата Валента.

Валентиніанъ императоръ запада
+ 17 ноября 375 г.

Сынъ Валентиніана *Граціанъ*, женатый на аріанкѣ Юстинѣ. + 383.

Д ѣ т и Г р а ц і а н а:

Валентиніанъ II Галла, 2-я жена имп. + 393.   *Θеодосія великаго.*

Валентъ имп. востока, женатый на Альбѣ Доминикѣ—убитъ готами подъ Адрианополемъ + 9 августа 378 г.

Сынъ Валента *Валентиніанъ Галатъ* : въ Кесаріи калп. 371 г., въ малолѣтствѣ.

Династія Θεοδосία великаго.

Θεοδосій великій + 17 генв. 395 г.

Первая жена его *Флацилла* + 385.

Дѣти Θεοδосія отъ Флациллы:

Аркадій имп. востока, женатъ на *Евдокіи* (умершей 6 окт. 404.) + 1 мая 408 г.

Гонорій имп. запада + 423 авг. 15.

Дѣти *Аркадія*:

Пулхерія, род. 19 генв. 399 г. въ флгитивномъ бракѣ съ имп. *Марціаномъ* (ум. 6 февр. 457 г.) + 453

Аркадія, + 444.

Марина, + 449.

Θεοδосій младшій имп. востока род. 10 апр. 401 г. женатъ на *Аѳинаидѣ-Евдокіи* (ум. 455 г.) + 20 іюн. 450.

Дочь Θεοδосія

Евдокія въ первомъ бракѣ за имп. *Валентиніаномъ*

III (уб. 455 г.) во второмъ бракѣ за узурпаторомъ *Максимомъ* (уб. 455 г.), отведена въ плѣнъ вандалами.

Вторая жена его *Галла*.

Дочь Θεοδосія отъ Галлы:

Плацидія въ первомъ бракѣ за готомъ *Атаульфомъ* (уб. 415 г.); во второмъ бракѣ за полководцемъ *Констанціемъ* (ум. 421).

+ 450 въ ноябрѣ.

Дѣти *Плацидіи* отъ *Констанція*:

Гонорія невѣста *Аттилы* +

Валентиніанъ III императоръ запада, женатъ на дочери Θεοδосія младшаго *Евдокіи*. + 16 марта 455.

Дочери его: *Евдокія* и *Плацидія*, были въ плѣну у вандаловъ, въ 457 г. привезены въ Константинополь.

ЧТЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Внутреннее состояніе церкви въ царствованіе Валента и династіи Феодосія великаго (368 — 457).

Золотой вѣкъ церковной литературы.

Намъ слѣдуетъ изобразить внутреннее состояніе церкви въ періодъ почти столѣтній отъ смерти и. Юліана отступника до смерти благочестиваго и канонизованнаго имп. Маркіана. Этотъ періодъ обыкновенно считается *золотымъ вѣкомъ церковной литературы*,—и совершенно справедливо. Никогда, ни прежде, ни послѣ не являлось на полѣ церковной литературы такъ много трудолюбивыхъ, талантливыхъ и вліятельныхъ дѣятелей. Ефремъ Сиринъ (+ 372 г.), Василій великій (+ 379 г.), Григорій Богословъ (+ 389 г.), Григорій Нисскій (+ послѣ 394 г.), Епифаній Кипрскій, (+ 402 г.), Іоаннъ Златоустый (+ 407 г.), Исидоръ Пелусіотъ (+ ок. 436 г.), Кириллъ alexандрійскій (+ 447 г.), Нилъ Синайскій (+ ок. 450 г.), Ѳеодоритъ Кирскій (+ 457); изъ западныхъ Амвросій медіоланскій (+ 397 г.) бл. Іеронимъ (+ 419) и бл. Августинъ (+ 430 г.),—это писатели, изъ которыхъ каждый въ послѣдующее время славою своего имени могъ бы наполнить цѣлое столѣтіе. Не говоримъ уже о писателяхъ, большая часть дѣятельности которыхъ принадлежитъ предъидущему періоду, каковы Аѳанасій alexандрійскій (+ 373 г.), Кириллъ іерусалимскій (+ 386) и Макарій египетскій (+ 390 г.), ни о писателяхъ еретикахъ, каковы Евномій и Несторій,—ни о писателяхъ, сравнительно менѣе замѣчательныхъ, которые впрочемъ въ другое время были бы знаменитостями первой величины, каковъ напр. Астерій амасійскій (+ ок. 404 г.)

Чѣмъ объяснить такое обиліе великихъ церковныхъ учителей въ разсматриваемый нами періодъ? Конечно причины этого нельзя видѣть ни въ случайности, ни даже въ дарованіяхъ отдѣльныхъ лицъ: причины должны быть болѣе глубокія и общія. Разсматриваемый нами періодъ стоитъ на рубежѣ двухъ міровъ и двухъ міросозерцаній—языческаго и христіанскаго. Всѣ почти исчисленные выше церковные учителя прошли хорошую классическую школу и были обладателями богатаго умственного наслѣдія, завѣщаннаго классическою древностію; всѣ почти они приняли крещеніе уже въ совершенномъ возрастѣ, пользуясь до того времени тою широкою умственною и нравственною свободою, которая, хотя и приводила иногда къ заблужденіямъ, но за то обогащала сердца вѣдѣніемъ и мудрымъ познаніемъ жизни; наконецъ всѣ они проповѣдывали христіанство съ горячимъ энтузіазмомъ прозелитовъ и вмѣстѣ съ тою относительною свободою, которая еще возможна была при неустановившемся вполнѣ кодексѣ христіанскаго вѣроученія и правоученія. Задача, предлежавшая церковнымъ писателямъ разсматриваемаго періода, была двойная: они должны были а) пересмотрѣть и оцѣнить съ христіанской точки зрѣнія все, оставшееся отъ древняго міра, наслѣдіе античной образованности, б) истолковать источники христіанскаго ученія (т. е. библейскія книги) при помощи научныхъ приемовъ и средствъ, даваемыхъ тою образованностію, на уровнѣ которой они стояли. Отцы и учителя церкви нашего періода приняли на себя и выполнили по возможности эти задачи, не смотря на ихъ громадность и трудность, и тѣмъ приобрѣли себѣ право на удивленіе современниковъ и потомства, но вмѣстѣ съ тѣмъ—они, подавляя въ себѣ духъ свободнаго изслѣдованія и отрицательно относясь къ до-христіанской жизни человѣчества, были—быть можетъ произвольными—виновниками послѣдующаго безплодія христіанской литературы.

Философія, исторія и естествознаніе—вотъ три отрасли античной науки, еще не раздробившейся, какъ въ настоящее время, на множество отдѣльныхъ спеціальностей. Отцы церкви завладѣли этими отраслями древняго знанія и оцѣнили и переработали ихъ сообразно началамъ христіанской вѣры.

Отцы церкви знали древнюю философію, но высокой цѣны ей не придавали. Взятая въ общемъ, она, по ихъ мнѣнію, могла служить только предметомъ опроверженія и матеріаломъ для исторіи человѣческихъ заблужденій. Убѣждая своихъ константинопольскихъ слу-

шателей отстать отъ страсти къ богословскимъ спорамъ, св. Григорій Богословъ говоритъ: „ты не можешь остановить болѣзней рожденія и не разродиться словомъ? Но много есть у тебя другихъ обильныхъ предметовъ. На нихъ обрати съ пользою недугъ сей. Рази Пивагорово молчаніе, Орфеевы бобы и эту надутую поговорку: *самъ сказалъ!* Рази Платоновы идеи, преселенія и круговращенія нашихъ душъ, припамятованіе и вовсе не прекрасную любовь къ душѣ ради прекраснаго тѣла; рази Эпикурово безбожіе, его атомы и чуждое любомудрія удовольствіе; рази Аристотелевъ немногочисленный промыслъ, въ одной искусственности состоящую самостоятельность вещей, смертныя сужденія о душѣ, человѣческій взглядъ на высшія ученія; рази надменность стоиковъ, прожорство и шутовство циниковъ“. Нельзя сказать, чтобы отцы церкви сами лишены были философскихъ стремленій; напротивъ нѣкоторые изъ нихъ, напр. св. Григорій Богословъ и бл. Августинъ, были по природѣ философы и голова ихъ была постоянно занята міровыми вопросами. Возьмемъ на примѣръ стихотвореніе св. Григорія Богослова къ *душѣ своей*. „Есть тебѣ дѣло, душа моя, и, если угодно, дѣло немаловажное. Изслѣдуй сама себя, что ты такое, куда тебѣ стремиться, откуда ты произошла и гдѣ должна остановиться; дѣйствительно ли то жизнь, какою теперь живешь, или есть и другая кромѣ ея? Есть тебѣ дѣло, душа моя! очищай жизнь слѣдующимъ способомъ: размышляй о Богѣ и о Божіихъ тайнахъ; размышляй, что было прежде вселенной, и что для тебя значитъ эта вселенная; откуда она произошла и до чего дойдетъ?... Есть тебѣ дѣло, душа моя! обращай взоръ къ единому Богу. Какую славу имѣлъ я прежде и въ какомъ поруганіи теперь? Что это за сопряженіе во мнѣ и какой конецъ моей жизни?“ Никто не будетъ отрицать, что это вопросы міровые, искони составлявшіе достояніе философіи. Но при разработкѣ этихъ вопросовъ отцы церкви стояли на другомъ штатд-пунктѣ, чѣмъ настоящіе философы. Убѣжденіе въ слабости и поврежденности ума человѣческаго и подчиненіе авторитету богооткровенной религіи, — такова была предзавитая идея, не допускаемая философами и твердо принимаемая отцами церкви. Чтобы выяснитъ это различіе, послушаемъ, что св. Василій великій говоритъ о непостижимости существа Божія. „Не ищи того, кто не можетъ быть найденъ; ибо ты не найдешь его. И откуда бы ты могъ почерпнуть познаніе о немъ? Отъ земли? но она не существовала. Отъ моря? но и воды не было. Отъ

солнца и луны? но и они не были созданы. Отъ вѣковъ? но прежде вѣковъ существовалъ Единородный. Вмѣсто вѣчнаго не думай о томъ, что не вѣчно. Если же ты не слушаешься меня, но хочешь спорить, то я смѣюсь надъ твоимъ невѣжествомъ или, лучше, такъ иваю твою дерзость. Вѣрь написанному и не изыскивай ненаписаннаго. Мы должны знать, о чемъ нужно говорить и о чемъ нужно молчать. Что Богъ самъ въ себѣ, какова Его сущность? и т. д. вопрошать о семъ опасно, а вопрошающему отвѣчать трудно. Молчаніе въ семъ дѣлѣ есть самое лучшее средство. Легче малымъ сосудомъ исчерпать все море, нежели человѣческимъ умомъ постигнуть неизреченное величіе Божіе". — Этою точкою зрѣнія опредѣлялся и взглядъ отцевъ церкви на древнихъ философовъ, и понятно, что съ этой точки зрѣнія они только и могли дѣлать, что *разить идеи Платона* и т. д.

Въ воззрѣніяхъ языческихъ философовъ отцы церкви различали двѣ стороны: теоретическую и практическую. Первой—не придавали рѣшительно никакого достоинства и смотрѣли на нее съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ зрячій человѣкъ смотритъ на безпорядочное блужданіе слѣпыхъ. „И у еллиновъ есть мудрецы"—говоритъ св. Григорій Богословъ,¹⁾—„впрочемъ не мудрые. Ибо можно ли назвать мудрыми тѣхъ, которые не познали высочайшаго естества—Бога, первой причины всѣхъ благъ?...—которые или вовсе изгнали изъ мысли божество, или отрунули промыслъ, или положили ему мѣру, чтобы Богъ не утрудился, творя благодѣянія"?.. Но относясь отрицательно къ умозрѣніямъ философовъ, отцы церкви относятся благосклоннѣе къ ихъ морали, насколько она совпадала съ христіанскимъ нравоученіемъ. „Впрочемъ", продолжаетъ св. Григорій о философахъ, „если угодно, они были и мудры. Найдешь, что они были несогласны и далеки одинъ отъ другаго въ иныхъ ученіяхъ, а именно: въ понятіяхъ объ умозерцаемомъ и видимомъ, о Божіемъ промыслѣ, объ идеяхъ, о судьбѣ, о безконечномъ веществѣ, объ устройствѣ тѣлъ, о душѣ, объ умѣ, объ обманчивости чувствъ. Отъ сего-то произошли стойки, эти надутыя лица,—академіи, хитросплетенія пирронистовъ, недоумѣнія и остановки надъ словами пустыми и произвольно составленными. Но несогласные въ этомъ, всѣ они равно и единодушно хвалятъ доброе и ничего не ста-

¹⁾ Стихотвореніе къ нѣкому юношѣ о смиренномудріи, цѣломудріи и воздержаніи. (Твор. Гр. Богослова въ русск. пер. V 121—154).

вѣтъ выше добродѣтели, хотя пріобрѣтается она множествомъ усилій, безчисленными трудами и продолжительнымъ временемъ... Кто не слышалъ о синопскомъ псѣ (т. е. Діогенѣ)! Онъ велъ такую дешевую и умѣренную жизнь, (и въ этомъ самъ себѣ былъ законодателемъ, а не Божій храниль законъ, и не какими-нибудь водился надеждами), что имѣлъ у себя одну собственность—палку, и домомъ служила ему подъ открытымъ небомъ катающаяся бочка, укрывавшая его отъ нападенія вѣтровъ; и ее предпочиталъ онъ златоверхимъ чертогамъ. Пищу же составляло для него то, что безъ труда можно было взять и не готовя... Это почти сходно и съ моими законами, которые окрыляютъ меня подражать жизни и природѣ птицъ“ и пр. „Каковъ и этотъ обычай почтенныхъ стоиковъ, какъ бы къ кому-то постороннему обращаться къ своему тѣлу съ такими рѣчами: *чего требуешь отъ меня ты, жалкій мѣшокъ? Дать ли тебѣ псть? много съ тебя, если дамъ и хлѣба въ скудость. Дать ли пить? дадимъ тебѣ воды и уксусу. Но ты не этого у меня просишь, а сладкихъ и сытныхъ снѣдѣй, дорогихъ напитковъ изъ кристалльных сосудовъ. А не хочетъ ли веревки и петли?* Есть, дѣйствительно есть и у еллиновъ любители цѣломудрія; они бывали въ древности, а найдутся и нынѣ; не отказываюсь вѣрить тому, что разглашаютъ о нихъ: у меня нѣтъ зависти, что и чуждые намъ цѣломудренны. Епикуръ, хотя усиливался доказать, что удовольствіе есть награда за подвиги добродѣтели и что наслажденіе есть конецъ всѣхъ благъ для человѣка,—однакоже, чтобы не подать мысли, будто для какого-то удовольствія хвалить удовольствіе, велъ себя благопрістойно и цѣломудренно, чтобы подкрѣпить ученіе свое добрыми нравами... Хотя это не близко еще къ моимъ образцамъ; однакоже хвалю. А почему? потому что весьма пріятно видѣть бѣлое лицо между эѳіопами, или сладкую струю среди моря а равно весьма удивительно при худыхъ и вредныхъ правилахъ найти нѣчто цѣломудренное.“ Ту же самую мысль о достоинствѣ нѣкоторыхъ проявленій философской морали и о близости ея къ евангельской раскрываетъ и св. Василій въ своей извѣстной *бесѣдѣ къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями*. Тамъ между прочимъ читаемъ: „нѣкто, нещадно нападая на Софронискова сына Сократа, билъ его въ самое лицо, а онъ не противился, но дозволилъ этому пьяному человѣку насытить свой гнѣвъ, такъ что лицо у Сократа отъ ударовъ уже опухло и покрылось ранами. Когда же тотъ пересталъ бить, Сократъ,

сказываютъ, ничего другаго не сдѣлалъ, а только, какъ на статуѣ пишутъ имя художника, написалъ на своемъ лбу: *работа такого-то*,— и тѣмъ отмстилъ. Поелику это почти совпадаетъ съ нашими правилами, то утверждаю, что хорошо подражать такимъ мужамъ. Ибо поступокъ Сократа сходенъ съ тою заповѣдью, по которой ударающему по ланитѣ долженъ ты подставить другую; въ такой мѣрѣ надобно мстить за себя!... О поступкѣ же Клинія, одного изъ близкихъ Пифагору, трудно повѣрить, чтобы сходство его съ нашими правилами было дѣломъ случая... Что же сдѣлалъ Клиній? Давъ клятву, могъ онъ избѣжать потери трехъ талантовъ; но лучше заплатилъ ихъ, чѣмъ сталъ влястися, хотя клятва его была бы въ дѣлѣ справедливымъ. Онъ какъ будто, представляю я, слышалъ ту заповѣдь, которая запрещаетъ намъ влястися“. Такимъ образомъ, по суду отцевъ церкви, отрицалось въ философіи самое важное и существенное,—именно свобода и самостоятельность теоретическаго міросозерцанія: а одобрялись только отдѣльные нравственные выводы, взятые внѣ связи съ цѣлою системою и представлявшіе въ себѣ сходство, часто случайное, съ евангельскимъ правоученіемъ. Этого было достаточно не только для того, чтобы пресѣчь свободное развитіе философскаго мышленія въ христіанскомъ мірѣ, но и для того, чтобы чрезъ малое время утратилась охота и способность къ пониманію древнихъ философовъ. Осталось только во всеобщемъ употребленіи, составлявшее гордость еллинской націи, имя *философъ*, которымъ обозначались люди, изъ ряду вонъ выходящіе. и которымъ любили украшать себя иноки.—Но творенія отцевъ церкви нашего періода, которые—по прекрасному выраженію греческаго историка—*переплыли все море эллинской мудрости прежде, чѣмъ вступили въ спасительную пристань Христову*,—творенія эти древняя философія озарила послѣднимъ прощальнымъ блескомъ. Блескъ этотъ отразился въ тѣхъ довольно тѣсныхъ границахъ, гдѣ философская мысль отцевъ не была стѣсняема опредѣленіями христіанской догматики. Таковы напр. размышленія св. Григорія Богослова о *природѣ челоуеческой* и о *суетѣ жизни*, напоминающія собою философовъ пессимистовъ, Гераклита, Руссо и Шопенгауера. „Кто я былъ? кто я теперь? и чѣмъ буду по прошествіи недолгаго времени? Куда приведешь и гдѣ поставишь, Безсмертный, великую тварь, ежели есть великое между тварями? А по моему мнѣнію мы ничего незначащія однодневныя твари и напрасно поднимаемъ высоко брови, ежели въ насъ то одно и

есть, что видятъ люди и ничего не имѣемъ мы, кромѣ гибнущей жизни. Телець, едва оставилъ нѣдра раждающей, уже и скачетъ и крѣпко сжимаетъ сладкіе сосцы... Пестровидный олень, едва изъ матерней утробы, и тотчасъ твердо становится на ноги подлѣ своей матери, бѣжать отъ кровожадныхъ псовъ и скрывается въ чащахъ густаго лѣса. Птенець едва оперился и высоко надъ гнѣздомъ кружится по просторному воздуху... У всѣхъ у нихъ готовая пища, всѣмъ пиръ даетъ земля. Жизнь ихъ не обременена трудами. Подъ камнемъ или вѣтвями всегда готовый у нихъ домъ. Они здоровы, сильны, красивы. Когда же смирить болѣзнь, безпечально испускаютъ послѣднее дыханіе, не провождаютъ другъ друга плачевными пѣснями, и друзья не рвутъ на себѣ волосъ. Скажу еще болѣе: они безтрепетно теряютъ жизнь; и звѣрь, умирая, не боится никакого зла.—Посмотри же на жалкій человѣческій родъ; тогда и самъ скажешь съ поэтомъ: *нѣтъ ничего нѣмощнѣе человека* (Одиссея XVIII, 130)... Если вѣрно уставишь вѣсы и взвѣсишь, что въ жизни есть пріятнаго и что прискорбнаго; то одна чаша, до верха нагруженная зломъ, пойдетъ къ землѣ, а другая напротивъ, съ благами жизни, побѣжитъ вверхъ... Не плачешь ли, слыша, сколько было скорбей у жившихъ до насъ? Впрочемъ не знаю, будешь ли ты при этомъ плакать или смѣяться. Мудрецы древности находили для себя приличнымъ и то и другое; и у одного изъ нихъ извлекало слезы, а въ другомъ возбуждало смѣхъ, то что трое и ахен, другъ на друга бросались, бились и взаимно себя истребляли за прелюбодѣйную жену: что брань была у куретовъ и браннолюбивыхъ этолянъ за свиную голову и за щетину молодого кабана и т. д. Не избѣжали злой участи и Киры и Крезы, а равно и наши, какъ будто вчерашніе только, цари... Какое преимущество между сожвившими? Тотъ же прахъ, тѣже кости,—и герой Атридъ, и нищій Иръ, царь Константинъ, и мой служитель: и кто страдалъ, и кто благоденствовалъ, у всѣхъ нѣтъ ничего, кромѣ гроба.—Такова здѣшняя участь; по что же въ другой жизни? Кто скажетъ, что приносить неправеднымъ послѣдній день?..“

„Кто я былъ? кто я теперь? и чѣмъ буду? Ни я не знаю сего, ни тотъ, кто обильнѣе меня мудростію... *Я существую*. Скажи: что это значить? Иная часть меня самого уже пропла, иное я теперь, а инымъ буду, если только буду. Я не что-либо непремѣнное, но токъ мутной рѣки, который непрестанно протекаетъ и на минуту не стоитъ на мѣстѣ? Что наиболѣе, по твоему, составляетъ мое я? Объ-

ясни мнѣ это; и смотри, чтобы теперь тотъ самый я, который стою предъ тобою, не ушелъ отъ тебя. Никогда не перейдешь въ другой разъ по тому же току рѣки, по которому переходилъ ты прежде. Никогда не увидишь человѣка такимъ же, какимъ видѣлъ ты его прежде. —Сперва заключался я въ тѣлѣ отца, потомъ приняла меня мать, но какъ вѣчто общее обоемъ; а потомъ сталъ я какая-то сомнительная плоть, что-то не похожее, на человѣка, срамное, не имѣющее вида не обладающее ни словомъ, ни разумомъ; и матерняя утроба служила мнѣ гробомъ. И вотъ мы отъ гроба до гроба живемъ для тлѣнія... Душа моя! кто ты, откуда и что такое? Кто сдѣлалъ тебя трупоносцею, кто твердыми узами привязалъ къ жизни, кто заставилъ непрестанно тяготѣть къ землѣ? Какъ ты—духъ смѣсилась съ дебелостію, ты—умъ сопряглась съ плотію, ты—легкая сложилась съ тяготою? Ибо все это противоположно и противоборствуетъ одно другому. Если ты вступила въ жизнь, будучи посѣяна вмѣстѣ съ плотію, то сколь пагубно для меня такое сопряженіе! Я образъ Божій и родился сыномъ срама, со стыдомъ долженъ матерью моего достоинства наименовать похотѣніе; потому что началомъ моего прозябанія было истекшее сѣмя, и оно сотлѣло, потомъ стало человѣкомъ, и вскорѣ не будетъ человѣкомъ, но прахомъ,—таковы мои послѣднія надежды! А если ты, душа моя, что-нибудь небесное; то желательно знать, откуда ведешь начало? И если ты божіе дыханіе, божій жребій,—какъ сама думаешь,—то отложи неправду, и тогда повѣрю тебѣ... Какъ же ты возмущаешься отъ прираженій губительнаго велиара, хотя и сопряжена съ небеснымъ духомъ?... А если ты во мнѣ не отъ Бога, то какова твоя природа?*

Но св. Григорій не доводитъ до конца своихъ философскихъ размышленій, и спѣшитъ обратиться къ чаяніямъ религіи... „Къ чему приведешь меня, зломудренный языкъ!... Остановись. Все ниже Бога. Покорствуй Слову. Не напрасно сотворилъ меня Богъ... Теперь мракъ, а потомъ дастся разумъ и все уразумѣешь, когда будешь или созерцать Бога или горѣть въ огнѣ.“ Таково послѣднее слово отеческой философіи.

Исторія древняго міра въ христіанской литературѣ подверглась такой же переработкѣ, какъ и философія; большая часть историческаго матеріала была выброшена за бортъ: уцѣлѣвшее представлено совер-

шенно въ иной системѣ и съ иныхъ точекъ зрѣнія. Древняя классическая исторіографія, имѣвшая своими представителями Геродота, Фукидида, Тита Ливія, Тацита и другихъ великихъ историковъ, имѣла свои достоинства и свои недостатки. Достоинства—это изящество изложенія и сознаніе историкомъ нравственнаго долга писать честно и добросовѣстно, *sine ira et studio*; недостатки—это отсутствіе философіи исторіи, отрывочность и эпизодичность повѣствованій. „Лучшія произведенія древнихъ историковъ“, говоритъ Грановскій, „суть монографіи, объемлющія одно какое-нибудь великое событіе или рядъ связанныхъ между собою внутреннимъ единствомъ явленій. Понятіе о всеобщей исторіи, соединяющей въ одно цѣлое разрозненныя семьи человѣческаго рода, было чуждо языческому міру и могло возникнуть не иначе, какъ подъ вліяніемъ христіанства... За то простота и опредѣленность содержанія ставила древняго писателя въ весьма свободное отношеніе къ предмету.. Рѣзко обозначенную цѣль труда не заслоняли сложныя, не прямо относящіяся къ ней, явленія... Не возвышаясь до созерцанія общихъ судебъ человѣчества, древніе свели исторію на степень эпизодическаго изложенія и оставили въ этой сферѣ великолѣпные памятники.“ Въ томъ же духѣ высказывается и Лоранъ. „Древніе“, — говоритъ онъ, — „не знали философіи исторіи. Философское пониманіе судебъ человѣчества основывается на предположеніи, что различныя народы образуютъ цѣльный организмъ, развивающійся по извѣстнымъ законамъ. Но древность не имѣла идеи о единствѣ человѣчества: народы жили совмѣстно, не зная другъ друга. Даже въ эпоху всемірнаго владычества римской имперіи, міръ греко-римскій, востокъ и варвары оставались глубоко чужды другъ другу, и люди мысли не видѣли ничего общаго въ судьбахъ племенъ варварскихъ и враждебныхъ. Было еще препятствіе къ философскому пониманію исторіи. Въ мірѣ дѣйствительномъ царила сила,.. но одна сила не даетъ объясненія возвышенія и упадка царствъ; она ведетъ къ фатализму, а фатализмъ отрицаетъ законосообразное развитіе человѣчества.—Только христіанство открыло возможность для философіи исторіи. Идея о единствѣ человѣчества выдвинута впередъ догматомъ о твореніи человѣка. Если родъ человѣческій происходитъ отъ одного человѣка, то различныя народы —не чужіе другъ другу; они составляютъ какъ-бы одно семейство. Съ другой стороны, если Богъ христіанскій, создавъ человѣка, не покинулъ его на произволъ случая, но постоянно промышляетъ о каждомъ

отдѣльномъ лицѣ,—то могъ ли Онъ оставить безъ своего промысленія цѣлые народы! Такимъ образомъ въ пониманіи исторіи человѣчества явилась руководящая идея о путяхъ промысла Божія, ведущаго родъ человѣческій“.

Послѣ этого понятно, что въ христіанской литературѣ не только могло, но по необходимости должно было образоваться цѣльное представленіе о всеобщей исторіи человѣчества. Мысль о *домостроительствѣ нашего спасенія*, насколько она *раскрывается въ св. писаніи*, была руководящею идеею этой исторіи; священныя книги ветхаго завета опредѣляли собою и начало, и хронологическую послѣдовательность, и почти все содержаніе этой исторіи; извѣстія изъ языческихъ историковъ допускались въ незначительной степени, на сколько они комментировали или дополняли рассказъ Библии,—при чемъ рассказъ книги Бытія о *разсыпаніи языковъ* и Даніилово толкованіе *видѣнія о четырехъ монархіяхъ* служили главными пунктами, связующими исторію библейскую съ исторіею языческою. Съ теченіемъ времени выработалась излюбленная византійцами стереотипная форма писанія исторіи, заключающаяся въ хронографахъ. Всякій почти византійскій историкъ VI—XII вѣковъ считалъ долгомъ начинать отъ Адама, и путемъ бѣлаго пересказа библейской исторіи и исторіи четырехъ монархій добираться до ближайшаго времени. Но это было уже впоследствии. Въ разсматриваемый нами періодъ мы находимъ у восточныхъ отцевъ церкви отдѣльные элементы указаннаго нами историческаго міросозерцанія; болѣе же обстоятельное раскрытіе его въ приложеніи къ фактамъ находимъ у западнаго учителя блаж. Августина въ его сочиненіи о *градѣ Божіемъ*.

Августинъ сравниваетъ жизнь человѣчества отъ Адама до кончины міра съ жизнію отдѣльнаго человѣка и различаетъ въ исторіи человѣчества три возраста: молодость, совершеннолѣтіе и старость,—подраздѣляя пополамъ первыя два возраста. Молодость человѣчества характеризуется тѣмъ, что оно еще свободно отъ закона и погружено въ область матеріи. Первая младенческая половина этого возраста объемлетъ время отъ Адама до Ноя; люди были подавлены заботою о своей физической жизни и существованіе ихъ прошло почти безслѣдно. Въ теченіе второй половины этого возраста отъ Ноя до Авраама, вырабатывается языкъ, возникаетъ память о прошломъ, но человѣчество все еще погружено въ міръ матеріи. Возрастъ мужества объемлетъ собою время

ХРИСТОМАТІЯ

ПО

ИСТОРИИ РУССКАГО ПРАВА.

СОСТАВИЛЪ

М. Владиміровичъ-Будановъ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Изданіе второе дополненное.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Духовная Грамота Великаго Князя Ивана Даниловича Калиты (вторая), 1328 года	1
Договорная Грамота Великаго Князя Дмитрія Іоанновича съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Михаиломъ Александровичемъ, 1368 года.	9
Запись о Смоленской посолщинѣ 1453 (или позже), марта 21 .	20
Жалованная Грамота Короля Казимира литовскому, русскому и жмудскому духовенству, дворянству, рыцарямъ, шляхтѣ, боярамъ и мѣстичамъ, 1457 г. мая 2	23
Судебникъ Короля Казимира Ягелловича, данный Литвѣ 1468 г. февр. 29	35
Уставная Королевская Грамота жителямъ Витебской области, 1503 г. іюля 16	46
Указатель Уставныхъ Земскихъ Грамотъ Литовско-Русскаго государства.	52
Уставная подтвердительная Грамота жителямъ Кіевской области, 1507 г. декабря 8	54
Уставная королевская Грамота жителямъ Волынской области, 1509 г. въ августѣ	62
Губная (уставная) Московская запись (прежде 1486 года) . .	68
Уставная Вѣлозерская Грамота, 1488 г. мартъ	73
Указатель Уставныхъ Грамотъ Московскаго государства . .	80
Судебникъ Великаго Князя Іоанна Васильевича 1497 года . .	82
Губная Вѣлозерская Грамота, 1539 г. октября 23	109
Указатель Губныхъ Грамотъ	116
Судебникъ Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, 1550 года	117
Литература Судебниковъ	131
Уставная Важская Грамота, 1552 года, марта 21	133

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
21	2 сверху	ведякии	великии
21	14 —	временамъ	временамъ
25	17 снизу	1869.	1869).
28	14 —	поставленій	постановленій,
—	2 —	русскихъ	русскихъ
29	19 —	шляхетсва	шляхетства
35	2 сверху	февр.	февр.
36	14 —	одн.	одн.
45	1 —	неволную—	неволную.
52	1 снизу	подтвердильная	подтвердительная
57	7 сверху	непріятельскую—	непріятельскую
60	10 снизу	не	не
61	6 сверху	Стиниславъ	Станиславъ
66	10 —	земляниѣ	землянинѣ
68	8 снизу	Илана	Ивана
69	10 сверху	Колеменьского	Колеменьского
71	1 снизу	книзей	князей
72	2 сверху	книзь	князь
77	9 снизу	непреложнымъ	непреложнымъ
78	13 —	волость	волость
81	4 сверху	Андреевскато	Андреевскаго
83	13 —	полевывъ	полевыхъ
84	5 —	взятн	взяти
160	14 снизу	на крѣпко	накрѣпо
161	17 сверху	волостейхъ. и	волостейхъ и
166	17 —	опъ	онъ

стничѣ или на волостелинѣ человекѣ взыщеть, и тотъ искъ взяти на немъ вдвое ¹⁶⁵).

71. А намѣстникомъ и волостелемъ, которые держатъ кормленія ¹⁶⁶), и тиуномъ царя и великого князя, и боярскимъ тиуномъ и дѣтей боярскихъ тиуномъ татя и душегубца и всякого лихого человека безъ доклада не спродати, ни казнити, ни отпустить. А кто татя или душегубца и всякого лихого человека отпустить, или кого безъ доклада продастъ или казнитъ, и на томъ судѣ истцовы искъ доправити вдвое, а въ государевъ пенѣ виннути его въ тюрьму до царева государева указу ¹⁶⁷).

72. А по городомъ намѣстникомъ городскихъ посадскихъ всѣхъ людей промежъ ихъ судити, обыскивая по ихъ животомъ и по промысловъ и по розмету: сколько рублей кто царевы и великого князя подати дасть, по тому ихъ обыскивая, судити и управа чинити ¹⁶⁸). А розметныя книги старостамъ и сотскимъ, и десятскимъ, и всѣмъ людямъ тѣхъ городовъ своихъ розметовъ земского діяка руку за своими руками ежегодно присылати на Москву ¹⁶⁹) къ тѣмъ бояромъ и къ двоуречкимъ, и къ казначеямъ, и къ діякомъ, у кого будутъ которые го-

¹⁶⁵) Новая.

¹⁶⁶) Здѣсь, согласно съ 1-мъ Судебникомъ, слѣдовало бы разумѣть намѣстниковъ безъ боярскаго суда. Если дѣйствительно, всѣ намѣстники одинаково лишены были Судебникомъ права уголовного суда безъ доклада, то какъ понять статью 60-ю?

¹⁶⁷) Суд. 1-й, ст. 43.

¹⁶⁸) Это—въ предупрежденіе ябедничества и, преимущественно, несправедливыхъ жалобъ на намѣстниковъ (см. ниже). Для посадскихъ людей показателями цѣнности ихъ имущества, до которой могли простирались ихъ искъ, служатъ окладныя книги (розметныя); но волостные крестьяне такихъ книгъ не имѣли. Въ случаѣ иска со стороны крестьянина, не приступая къ суду, наряжаютъ особую слѣдственную комиссію (изъ лучшихъ людей и цѣловальниковъ) для опредѣленія права истца на искъ въ извѣстной его величинѣ. Такимъ образомъ слѣдственное начало проникаетъ и въ гражданскій процессъ весьма оригинально: судебная власть отчасти входитъ въ роль отвѣтчика.

¹⁶⁹) Очевидно, финансовое управленіе находилось все въ рукахъ выборныхъ властей и при намѣстничьемъ управленіи.

роды въ приказѣ; а другія книги своихъ розметовъ старостамъ, и сотскимъ, и десятскимъ тѣхъ городовъ, гдѣ кто живетъ, отдавати тѣхъ городовъ старостамъ и цѣловалникомъ, которые у намѣтниковъ въ судѣ сидятъ ¹⁷⁰⁾. И кто тѣхъ городовъ городскіе посадскіе люди учнутъ промежъ себя искати много, не по своимъ животомъ, и про тѣхъ истцовъ сыскивати розметными книгами, сколько онъ рублевъ съ своего живота подати даетъ: и будетъ живота его столько есть, на колько ищетъ ино ему дати судъ; а будетъ живота его столько нѣтъ, и тѣхъ истцовъ въ ихъ искѣхъ тѣмъ и винити, и пошлины имати по Судебнику, а въ царевѣ и сударевѣ пенѣ велѣти дати на поруку да прислати къ Москвѣ, къ государю ¹⁷¹⁾. А городскимъ посадскимъ людямъ искати на намѣстникѣхъ и на ихъ людехъ по своимъ же животомъ и по промысловъ, и по розмету; а которого году староста и цѣловалники розметныхъ книгъ къ Москвѣ не пришлютъ, и въ томъ году имъ на намѣстника суда не дати ¹⁷²⁾. А по волостемъ волостелемъ судити черныхъ людей, по ихъ жалобникамъ, и управа имъ чинити безволежитно; а кто взыщетъ много, не по животомъ, а отвѣтчикъ учнетъ бити челомъ, а скажетъ, что тотъ истецъ ищетъ много, а живота его столько нѣтъ, на колько ищетъ: и тѣмъ волостелемъ посылати о томъ, выбираючи тѣхъ же волостей лутчихъ людей, да цѣловалника одного или дву, посмотри по дѣлу, и велѣти про то обыскати на крѣпко, было ли живота его столько, на колько ищетъ. И скажутъ въ обыску, что живота его столько было, и въ томъ ему дати судъ; а скажутъ въ обыску, что живота его столько не было, ино его обвинити и пошлины на немъ взяти, а въ госуда-

---

¹⁷⁰⁾ Изъ этого можно заключить, что старосты для судебныхъ отправленій выбирались особые отъ тѣхъ старостъ, которые вѣдали администрацію полицейскую и финансовую.

¹⁷¹⁾ Почему для уголовного взысканія предполагаемые ябедники отсылаются непременно въ Москву къ государю—рѣшить трудно, если не принять здѣсь во вниманіе, что главнымъ мотивомъ закона было предотвращеніе несправедливыхъ жалобъ на намѣстниковъ, которыя, конечно, представлялись въ Москвѣ. Сл. прим. 168-е.

¹⁷²⁾ Эта странная угроза всего лучше оправдывается сдѣланное только что (въ прим. 171) предположеніе.

ревѣ пенѣ и въ ябедничествѣ ¹⁷³⁾ дати его на поруку да прислати съ обыскнымъ спискомъ къ Москвѣ ¹⁷⁴⁾.

73. А которой человекъ скажетъ, что у него былъ животъ чужей, и того обыскати: былъ ли у него чужей животъ и было ли столько того живота? И чей, скажетъ, тотъ у него животъ былъ, ино и про того обыскати: было ли у него столько живота, и которымъ обычаемъ тотъ у него животъ взятъ? Да потому то дѣло и вершити ¹⁷⁵⁾.

74. А на которомъ городѣ будутъ два намѣстника, или на волости два волостеля, а судъ у нихъ не въ роздѣлѣ: и имъ имати пошлыны по списку обѣма за одного намѣстника, а тиуномъ ихъ за одного тиуна, и они собѣ дѣлятъ по половинамъ ¹⁷⁶⁾; а которые города или волости подѣлены, а случится у нихъ судъ вопчей ¹⁷⁷⁾, и имъ обѣма пошлыны имати однѣ, да тѣ имъ пошлыны межъ себя дѣлити по половинамъ же. А возмутъ тѣ два намѣстника, или два волостеля, или два тиуна, съ одного дѣла пошлыны двои, и уличатъ ихъ въ томъ: и тому, на комъ пошлыны взяли, на тѣхъ намѣстникѣхъ, или на волостелѣхъ. и на ихъ тиунѣхъ тѣ пошлыны велѣти взяти втрое.

75. А кто пошлетъ пристава по намѣстника по боярина, или по сына боярского, или по волостеля, и по ихъ тиуновъ, и по царева и великого князя тиуна, и по доводчиковъ: и намѣстникомъ, или волостелемъ и ихъ тиуномъ, и царя и великого князя тиуномъ, и доводчикомъ отвѣчати къ сроку ѣхати; а не поѣдутъ къ сроку сами, и имъ къ сроку, въ свое мѣсто, посылати къ отвѣту ¹⁷⁸⁾. А не приѣдутъ сами

---

¹⁷³⁾ Это позволяетъ предположить, что въ Москвѣ не просто взыскивали пеню, но еще и судили въ ябедничествѣ; но въ чемъ могъ состоять подобный судъ, когда единственное средство улики уже въ рукахъ?—Не навидящій дьяковъ Татищевъ, по обвиненію, восклицаетъ: „Явное сочинителя обличеніе лакомства къ грабленію посадскихъ, чтобы, обвиня тамо, еще къ дьяку для прокормки прислать...“

¹⁷⁴⁾ Новая.

¹⁷⁵⁾ Новая.

¹⁷⁶⁾ Суд. 1-й, 65; остальное—дополненіе.

¹⁷⁷⁾ Уже неправильное названіе суда смѣстнаго. См. выше прим. къ ст. 30 и 48.

¹⁷⁸⁾ Суд. 1-й 45; остальное—дополненіе. О. М. Дмитріевъ видитъ въ этой статьѣ установленіе законнаго срока для вызова въ судъ намѣстни-

къ отвѣту, или въ свое мѣсто отвѣчати не пришлютъ, послѣ срока, за сто верстъ въ семой день, ино тѣмъ обвинити и истцовы искы, по жалобникамъ, и недѣльщиковъ ѣздъ на тѣхъ доправити, да отдать искъ ищещамъ. А срочныхъ по приставнымъ на намѣстниковъ, и на волостелей, и на ихъ тиуновъ не наметывати; а изъ далнихъ городовъ розчитати по верстамъ, по тому жъ розчету. А съ записми не посылати, никуда, опричь вѣдомыхъ розбойныхъ дѣлъ, по намѣстниковъ и волостелей, и ихъ тиуновъ, и ихъ людей, и опричь приказныхъ дѣлъ, въ которыхъ дѣлѣхъ велитъ государь дати записъ. А приставовъ съ записми по намѣстниковъ и по волостелей, и по ихъ тиуновъ давати; а велѣти имъ чинити срокъ, какъ съѣдетъ съ жалованія, опричь тѣхъ записей, которую записъ велятъ дати бояре, приговоря вмѣстѣ; а одному боярину и діяку пристава съ записью не давати.

ковъ и волостелей, именно: какъ съ кормленія съѣдутъ. „Исключеніе сдѣлано только для иногородцевъ, которымъ, по закону, дается судъ на намѣстниковъ до съѣзда ихъ съ жалованья, и именно въ это время“ (стр. 198). Причемъ онъ и ссылается на ст. 24 и эту 75-ю Цар. Суд. Но иногородцы—это лица, подчиненныя намѣстнику: по 24-й ст. для нихъ, а по 75-й для всѣхъ позволяется искать на намѣстникахъ во всякое время и до съѣзда ихъ съ кормленія. Наравнѣ съ прочими лицами, они подлежатъ безсудной, если не явились къ сроку. Какъ же помирить это съ окончаніемъ статьи, гдѣ срокъ намѣстникамъ назначается именно по съѣздѣ ихъ съ жалованья? Нужно различать; а) вызовъ къ суду обыкновенный, когда вызываетъ пристава съ приставною; б) посылку „записи“—приказа о приводѣ къ суду, дѣлаемаго начальствомъ не по частному иску; такія записи отличаютъ начало чисто-слѣдственнаго порядка процесса и потому выдаются отъ имени царя только въ „вѣдомыхъ розбойныхъ дѣлахъ“ и въ дѣлахъ по службѣ—*приказныхъ*; в) „посылку пристава съ записью“, которая бываетъ въ дѣлахъ тоже уголовныхъ, но вчиняемыхъ по частному иску. Такую записъ для привода намѣстника, по жалобѣ частнаго истца, можетъ выдать только Боярская Дума („всѣ бояре, поговоря вмѣстѣ“), а не одинъ какой-либо Приказъ. По причинамъ, не совсѣмъ яснымъ, намѣстникъ вызывается къ суду по съѣздѣ съ жалованья только въ одномъ послѣднемъ изъ трехъ представленныхъ случаевъ вызова.

Вообще о вызовѣ въ судъ см. ст. И. Д. Бѣляева: „О вызовѣ въ судъ по древнимъ русскимъ законамъ“; Журн. Мин. Юстиціи 1860 г., февраль. (Здѣсь авторъ вовсе не упоминаетъ о специальной формѣ вызова намѣстниковъ).

76. А о холопствѣ судъ. По полной грамотѣ холопъ, по ключу по селскому съ докладною холопъ съ женою и съ дѣтми, которые у одного государя съ нимъ въ одной крѣпости и которые родились въ холопствѣ; а которые его дѣти родились до холопства, а учнутъ жити у иного государя, или собѣ учнутъ жити то не холопи. А по городскому ключу не холопъ; по робѣ холопъ, по холопѣ роба, по духовной холопъ, по приданой робѣ холопъ, а по холопѣ роба ¹⁷⁹⁾. А по тиунству, безъ полныя и безъ докладныя, не холопъ; а по селскому ключу безъ докладныя не холопъ. А полному и докладному холопу сына своего свободного, которой ся у него родилъ до холопства, не продати; а продасть ся онъ самъ кому хочеть, тому жъ ли государю, у кого отецъ его служить, или иному кому хочеть. А отцу его и матери у полныя не стояти и изъ холопства не взяти, потому что отецъ его и мати сами въ холопѣхъ; да и въ полныхъ и въ докладныхъ то

---

¹⁷⁹⁾ Суд. 1-й, 66 (измѣненная); остальное—дополненіе. Обыкновенно духовная (завѣщаніе) разсматривается въ числѣ источниковъ рабства (см. Рейца: „Опытъ исторіи руссійскихъ государствъ и гражданскихъ законовъ“ стр. 291) согласно съ буквальнымъ смысломъ статей о холопствѣ въ Судебникахъ; но при этомъ не объясняютъ: нужно ли разумѣть здѣсь то, что по духовной возникаетъ для наслѣдника право собственности на раба (который уже былъ рабомъ въ моментъ передачи его по духовной), или по духовной возникаетъ рабское состояніе для лица свободнаго? Въ первомъ случаѣ духовная не будетъ источникомъ рабства, а однимъ изъ способовъ пріобрѣтенія права собственности на раба (наравнѣ съ прочими вещами),—во второмъ случаѣ она будетъ настоящимъ источникомъ рабства. Въ настоящей (76-й) статьѣ Цар. Суд. и 66-й ст. Суд. 1-го, *повидимому*, дается послѣдній смыслъ, а въ ст. 78-й Цар. Суд. (см. ниже)—первый. Если принять духовную за одинъ изъ источниковъ рабства, то открывается интересный, но мало разъясненный вопросъ: какимъ образомъ такой актъ субъективной воли, какъ завѣщаніе, можетъ отнять свободу у сторонняго лица? Кажется, что духовная для слугъ кабалныхъ (см. ниже ст. 78) могла замѣнить полную грамоту, если они, не протестуя при укрѣпленіи ея, допустили передачу себя по наслѣдству. Это дѣлало ихъ „старинными“ холопами. Выраженіе: „по приданой рабѣ—холопъ“ Рейцъ объясняетъ такъ: „рабъ мужа, женившись на рабѣ, данной въ приданое женѣ, дѣлался холопомъ жены. Это, кажется, было преимуществомъ приданнаго; ибо естественнѣе рабѣ слѣдовать за своимъ мужемъ, а не напротивъ“ (ibid).

писати, что у него отецъ и мати есть, а у полныя не стояли, потому что сами въ холопѣхъ. А у кого отецъ въ черныцѣхъ, или мати въ черницахъ, и тому отцу и матери у своего сына и у дочери у полныя и у докладныя не стояти жъ и изъ хо опства не взяти; а въ полныя и въ докладныя писати, что у него отецъ и мати есть, а у полныя и у докладныя не стояли потому, что пострижены; да и не продавати имъ своихъ дѣтей, продасться онъ самъ кому хочеть ¹⁸⁰).

77. А отпускныя давати съ боярскаго доклада, а бояромъ къ тѣмъ отпускнымъ печати свои прикладывати, а діякомъ подписывати; а отпускныя давати на Москвѣ бояромъ да діякомъ, да давати отпускныя въ Великомъ Новѣгородѣ да во Псковѣ намѣстникомъ да діякомъ. А пошлины имати отъ отпускныхъ: боярину или намѣстнику отъ печати съ головы по девяти денегъ, а діяку отъ подписи съ головы по алтыну. а подьячему, которой отпускную напишетъ, съ головы по три денги. А опричь Москвы да Великого Новагорода и Пскова, индѣ нигдѣ, ни въ которыхъ городѣхъ, отпускныхъ не давати ¹⁸¹). А кто положитъ отпускную безъ боярскаго доклада, и безъ новгородскихъ и псковскихъ намѣстниковъ ¹⁸²) доклада, и безъ діячесъ подписи, хотя и государя своего руку, и та отпускная не въ отпускную ¹⁸³).

78. А которые люди волные учнутъ бити челомъ княземъ и бояромъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всякимъ людемъ, а стануть на себя давати кабалы за ростъ служить ¹⁸⁴): и болѣ пятнадцати рублевъ на се-

---

¹⁸⁰) Постановленіе 1-го Суд. здѣсь дополняется слѣд.: а) требуется непременно докладная грамота для обращенія сельскаго ключника въ холопа; б) требуются полная и докладная грамоты для обращенія тиуна въ холопа; в) разясняется, что рожденіе отъ холопа есть непрѣмливый источникъ рабства; что г) жена слѣдуетъ въ рабство за мужемъ, когда этотъ послѣдній поступаетъ въ холопы, и что д) отецъ и мать могутъ продавать своихъ дѣтей въ полное холопство; при продажѣ взрослыхъ дѣтей они лишь участвуютъ въ сдѣлкѣ („стоятъ у полной“). Такого права не имѣютъ (равно какъ и прочихъ правъ гражданскихъ) отцы, состоящіе въ холопствѣ и монашествѣ.

¹⁸¹) До сихъ поръ новая; остальное - Суд. 1-й, 18 (измѣненная).

¹⁸²) Сл. прим. 70 къ 1-му Суд.

¹⁸³) Новая. См. выше ст. 63, 66 и 71.

¹⁸⁴) Здѣсь рѣчь идетъ о договорахъ личнаго найма, а не о займѣ,

ребрянника кабалы не чіати. А старше кабалы, которые иманы на волныхъ людей, и болши пятнадцати рублевъ, до сего Уложенія, а за ростъ имъ въ тѣхъ денгахъ у нихъ служити ¹⁸⁵): и тѣмъ людямъ тѣ кабалы приносяти къ бояромъ, и бояромъ къ тѣмъ кабаламъ печати свои прикладывати, а діякомъ подписывати; а впередъ кто ту кабалу оболживить, и та кабала вершити по суду ¹⁸⁶). А имати имъ кабалы на волныхъ людей, а на полныхъ людей, и на докладныхъ, и на ста-

обезпеченномъ свободою должника. По виѣшнимъ послѣдствіямъ оба договора имѣли весьма близкое сходство: и поступавшій въ личное услуженіе, обыкновенно, бралъ деньги впередъ, и занимавшій деньги, обыкновенно, отдавалъ себя въ кабалу. Основанія, по которымъ мы относимъ эту статью къ договору личного найма (кромѣ указанныхъ въ прим. къ ст. 82), слѣдующія: кабала дается здѣсь прямо на лицо („на чужого холопа кабалу возьметъ“), хотя и говорится: „за ростъ“, но этимъ смѣшеніемъ понятій законодательство одолжено смѣшенію послѣдствій двухъ договоровъ въ практикѣ. Только при личномъ закабаленіи въ службу возможно законное опредѣленіе суммы, за которую позволялось закабалиться (15 р.). Неволинъ, относя также эту статью къ узаконеніямъ о личномъ наймѣ (П. С. С. V, 194), смѣшиваетъ ея значеніе съ значеніемъ 82-й статьи (см. прим. къ ней). Только преобладаніемъ элементовъ договора личного найма въ служилой кабалѣ можетъ быть изъяснена та особенность служилой кабалы, по которой обязательство прекращается или смертію господина, или смертію кабальнаго холопа, между тѣмъ какъ обязательства по договору займа переходятъ на наслѣдниковъ. Обязанность *личной* службы должна прекратиться вмѣстѣ съ физическою жизнію одного изъ контрагентовъ (иное, но совершенно-случайное объясненіе см. у Неволіна: *ib.*, стр. 196). Судебникъ, предотвращая развитіе рабства (изъ цѣлей государственной пользы), ограничиваетъ закуничество назначеніемъ *maximum'a* суммы, на которую человекъ отдаетъ себя въ кабалу. Впослѣдствіи, какъ сказано, утверждается пожизненная кабала всегда.

¹⁸⁵) Законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ; см. ст. 97.

¹⁸⁶) Это первое узаконеніе о непремѣнномъ совершеніи договора личного найма формальнымъ порядкомъ (здѣсь не ясно: въ одной ли Москвѣ—въ Приказѣ Холопьяго Суда, или и въ городахъ; впослѣдствіи совершеніе его дозволялось и въ городахъ). При этомъ приказано, чтобы и прежде заключенныя кабалы были явлены у крѣпостныхъ дѣлъ, чѣмъ однако не воспрепятствуется заявлять послѣ о подложности кабалы.

ринныхъ холопей кабалъ не имати. А кто возметъ на полного, или на докладного, или на старинного холопа кабалу, не опытавъ, или кто на него бѣглую грамоту возметъ, а кто на того холопа положить полную или докладную, или доведетъ на него которое старинное холопство, по духовной грамотѣ и по инымъ крѣпостемъ, и у того денги пропали. А чей тотъ холопъ былъ, а скажетъ тотъ, что отъ него тотъ холопъ сбѣжалъ, покрадчи: и та гибель взяти на томъ, кто не обискавъ ¹⁸⁷⁾ на чужего холопа кабалу или бѣглую возметъ; а тотъ холопъ, по старому холопству, или по полной, или по докладной, или по духовной, тому государю ¹⁸⁸⁾.

79. А положить на одного холопа двѣ полныя, или двѣ докладныя: и которая будетъ старѣе, и тому тотъ холопъ; а денги по новой полной или по докладной у того пропали. А сносъ старого государя взяти на томъ, кто положить новую полную или докладную, а тотъ ся вѣдаетъ съ своимъ знахоремъ ¹⁸⁹⁾ самъ, а станетъ тотъ на того знахоря бити челомъ о судѣ, ино на него судъ дати ¹⁹⁰⁾.

80. А холопа рать полонить, а выбѣжить изъ полону, и онъ свободенъ, а старому государю не холопъ; а похочетъ тотъ холопъ къ своему къ старому государю, и того холопа явити бояромъ, а діяку подписати на старой крѣпости, а пошлины имати съ головы по алтыну ¹⁹¹⁾. А которой холопъ побѣжитъ съ государемъ своимъ, или одинъ побѣжитъ безъ государя своего, а не рать полонить, и выйдетъ тотъ холопъ изъ которыхъ земли опять къ Москвѣ: и онъ старому го-

---

¹⁸⁷⁾ Какъ производилось это удостовѣреніе—см. прим. 189-е.

¹⁸⁸⁾ Новая.

¹⁸⁹⁾ При заключеніи полной грамоты на холопство или служилой кабалы лицо, принимающее другого въ холопы, должно было удостовѣриться чрезъ стороннихъ людей въ томъ, что продающій себя еще не состоитъ въ холопствѣ у кого-либо. Эти третьи, удостовѣряющія, лица—знахари становились поручителями, къ которымъ могъ обманутый предъявить искъ о вознагражденіи.

¹⁹⁰⁾ Новая.

¹⁹¹⁾ Суд. 1-й, ст. 56. Сфера привилегированной постлиминіи распространяется уже на всякій плѣнъ, а не на одинъ татарскій: см. прим. 89-е къ Суд. 1-му.

сударю холопъ по старому холопству ¹⁹²⁾, опричь того, нѣчто кому государь пожалуетъ дастъ волную грамоту ¹⁹³⁾.

81. А дѣтей боярскихъ служивыхъ и ихъ дѣтей, которые не служивали, въ холопи не пріймати никому, опричь тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ ¹⁹⁴⁾.

82. А кто займетъ сколько денегъ въ ростъ, и тѣмъ людямъ у нихъ не служить ни у кого, жити имъ о себѣ; а на денги имъ ростъ давати ¹⁹⁵⁾. А кто дастъ денегъ въ заемъ въ ростъ, да того человѣка станеть держати у себя, и сбѣжитъ отъ него тотъ человѣкъ покрадчи, и что снесетъ, то у него пропало, а по кабалѣ денегъ лишенъ ¹⁹⁶⁾.

---

¹⁹²⁾ Это, конечно, въ томъ случаѣ, если холопъ эмигрируетъ безъ своего господина. Холопы государственныхъ преступниковъ обыкновенно освобождались.

¹⁹³⁾ Новая. Способъ освобожденія холоповъ чрезъ „вольную грамоту“ государя не уясняется послѣдующимъ законодательствомъ. Рейцъ объясняетъ послѣднюю фразу статьи такъ: свободный долженъ имѣть право располагать своею свободою; поэтому отказаться отъ свободы не могъ „человѣкъ, отпущенный на волю по особенному приказанію царя“ (Опытъ ист. рос. госуд. и гражд. законовъ, стр. 291). Но она едва ли имѣетъ этотъ смыслъ: она относится только къ рабамъ, убѣжавшимъ за границу, которые, по возвращеніи, обращаются опять въ рабство прежнему господину, если только государь за какія-либо особыя услуги эмигранта, оказанныя государству, не освободитъ его.

¹⁹⁴⁾ Новая. Это узаконеніе не вытекаетъ изъ стремленія оградить права на свободу лицъ высшихъ классовъ; здѣсь государь не хочетъ поступиться слугами въ пользу частныхъ лицъ: государственная служба сохраняла еще характеръ частной. Татищевъ и для своего времени считаетъ полезнымъ дозволить отставнымъ дворянамъ обращаться въ холопство.

¹⁹⁵⁾ „Обыкновенный ростъ во время Іоанна IV былъ 20 на сто“. Неволинъ.

¹⁹⁶⁾ Новая. Эта статья повидимому находится въ полномъ противорѣчій со ст. 78-ю. Татищевъ изъясняетъ эту статью въ связи съ предыд. 81-ю такъ: „Сіе не иначе какъ о дворянствѣ узаконено, ибо о прочихъ въ § 78-мъ точно положено за ростъ служить“. Съ этимъ молча соглашается Неволинъ (П. С. С., V, стр. 195, прим. 826). Но: а) едва ли бы тогдашній законъ допустилъ такую несвойственную ему неопредѣленность выраженій „человѣкъ“, вмѣсто „сынъ боярскій“; б) права государства на служивыхъ

83. А наймитъ у государя не дослужить уроку своего, да поидеть прочь, и онъ найму лишенъ ¹⁹⁷⁾. А которой государь наймиту не захочетъ дати найму, и уличить его въ томъ наймитъ, и на томъ доправити наемъ вдвое.

84. А о земляхъ судъ. Взыщеть бояринъ на бояринъ, или монастырь на монастырь, или бояринъ на монастырь, ино судити за три годы; а взыщеть монастырь на бояринъ, ино судити за три жъ годы, а далѣ трехъ годовъ не судити ¹⁹⁸⁾. А взыщеть черной на черномъ, или помѣщикъ на помѣщикъ, за которыми земля царя и великого князя, или черной селской на помѣщикъ, или помѣщикъ на чер-

---

людей всегда могли быть осуществлены въ ущербъ правамъ на нихъ частныхъ лицъ, и не было надобности прибавлять угрозу отказа въ удовлетвореніи по суду въ случаѣ бѣгства и покражи, произведенной служащихъ за ростъ; е) то же самое узаконеніе повторено буквально въ Судн. Грам. кн. Владиміра Андреевича 1561 г. *крестьянамъ* Замосковской Вохонской волости, бобровничей полусохи,—причемъ земскіе суды, выборыные отъ крестьянъ, должны примѣнять эту статью къ своимъ подвѣдомственнымъ, которые были исключительно крестьяне. См. Ак. Арх. Эк. I, № 257.—Не лучше ли статью 82-ю отнести къ договору займа (а ст. 78-ю къ договору личного найма)?—См. выше, примѣч. 184.

¹⁹⁷⁾ Суд. 1-й, 54; остальное—дополненіе.

¹⁹⁸⁾ Татищевъ изъясняетъ необходимость узаконеній о давности между прочимъ слѣд. обр.: „Многіе, имѣя дачи, сами добровольно оставя, не владѣютъ, и какъ другой оное туне-лежащее въ пользу употребить, тогда прежній отъ зависти хочетъ оное возвратить и владѣніе взять; а по закону естества, кто свое добровольно оставить и другой кто оное возчетъ, тотъ и господинъ“. (Этотъ „законъ естества“ совершенно противорѣчитъ русскимъ національнымъ воззрѣніямъ на *res derelictae*: см. прим. къ Суд. Казим.; только къ землѣ, которая вообще считается въ народѣ божьею да государевою, примѣняется національное воззрѣніе, выраженное Татищевымъ). „Не довольно къ сему (продолжаетъ Татищевъ) явочное челобитье. о которомъ завладѣвшій вѣдать не можетъ, но должно въ городѣ просить и, завладѣвшаго призвавъ, спросить, а затѣмъ судъ хотя бы на нѣсколько времени отложенъ за которою неудобностью былъ, уже завладѣвшій долженъ отъ того времени владѣніе латить“ (т. е. теченіе давности прерывается тогда, когда приставъ предъявилъ приставную отвѣтку, а не тѣмъ моментомъ, когда подана въ судъ первая челобитная).

номъ на селскомъ, ино судити по тому жъ за три годы, а далѣ трехъ годовъ не судити. А възшутъ на бояринѣ, или на монастырѣ царя и меликого князя земли, ино судити за шесть лѣтъ, а далѣ не судити ¹⁹⁹⁾. А которые земли за приставомъ въ судѣ, и тѣ земли досуживати ²⁰⁰⁾. А государю, и бояромъ, и всѣмъ привазнымъ людемъ, по ищениу челобитью, судій на землю не посылати, а послати судію на землю, выбравъ одного, не по ихъ челобитью; а дву судей на землю не посылати ²⁰¹⁾.

85. А о вотчинахъ ²⁰²⁾ судъ. Кто вотчину продасть, и дѣтемъ

¹⁹⁹⁾ „Въ государственныхъ земляхъ владѣніе за 6 лѣтъ положено, мню, для того, что волостные управители иногда завладѣвшему спорить не смѣютъ, или не хотятъ, а крестьяне нѣсколько согласятся“. Прим. Та-тищевъ. См. прим. 99-е къ 1-му Суд.

²⁰⁰⁾ Суд. 1-й, 63; остальное—дополненіе.

²⁰¹⁾ Это указаніе на ту специальную форму судоустройства (и вмѣстѣ судопроизводства), которая въ литовско-русскомъ правѣ носитъ названіе „суды подкоморскіе“ (въ ихъ древнѣйшемъ составѣ), и которая открывается въ Московскомъ государствѣ только изъ юрид. актовъ. Суды эти составлялись изъ довѣренныхъ отъ каждой стороны (назначенныхъ самими сторонами); ихъ компетенція простиралась на рѣшеніе вопроса не о правѣ собственности, а лишь о границахъ владѣній. При этомъ, случаѣ являлся особый видъ свидѣтелей („старожильцы“) и особая форма, присяги (хожденіе съ образомъ или съ землею на головѣ). Судебникъ уничтожаетъ эту форму суда.—См. Суд. Казим. ст. 20 и 22.

²⁰²⁾ О родовыхъ имуществахъ.—Неволинъ не соглашается объяснить происхожденіе права родового выкупа изъ прежняго родового владѣнія имуществами и строить слѣд. силлогизмъ: при родовомъ владѣніи имуществомъ участникъ въ немъ не можетъ отчуждать своей доли безъ согласія прочихъ соучастниковъ; если же согласіе соучастниками дано, то послѣ для нихъ не можетъ существовать право выкупа.—Но не нужно забывать, что къ явленіямъ древняго права нельзя приступать съ нашими понятіями о собственности, что хотя въ XVI в. родъ на. былъ уже непосредственнымъ собственникомъ имущества (собственниками каждаго участка считались члены рода), однако всѣ могущіе наследовать по родовому порядку называются „вотчичами“ (см. ниже) всѣхъ участковъ родового имущества.—О родовомъ выкупѣ въ прежнихъ памятникахъ см. Пск. Суд. Грам. 104.

его и внучятомъ до тоѣ вотчины дѣла нѣтъ ²⁰³), и не выкупити ее имъ; а братья будутъ, или племянники, въ тѣхъ купчихъ въ послу-сѣхъ, и имъ, и ихъ дѣтемъ, и внучятомъ до тоѣ отчины по тому жъ дѣла нѣтъ ²⁰⁴). А не будетъ братья въ послу-сѣхъ, или племянниковъ: и братья, или сестры, или племянники ту вотчину выкупятъ. А ста-нетъ тотъ купецъ ту отчину продавати, и тѣмъ продавцомъ ^{2 5}) ту вотчину у нихъ купити полюбовно, какъ ему тотъ продавецъ ту вот-чину продасть; а не полюбовно ему вотчины не выкупити. А судити о вотчинѣ за сорокъ лѣтъ ²⁰⁶); а далѣе сорока лѣтъ вотчичемъ до вот-чины дѣла нѣтъ, и до купель ²⁰⁷) дѣла нѣтъ; а кто куплю продасть, и дѣтемъ, и братьѣ, и племянникомъ тоѣ купли не выкупити. А кто напишетъ свою куплю дѣтемъ своимъ послѣ своего живота, ино имъ та вотчина: то имъ держати въ вотчину, и впередъ имъ та вотчина выкупити, по тому жъ указу, за вотчину. А кто вотчину свою выку-пить въ тѣ урочные сорокъ лѣтъ, и та ему вотчина держати за со-бою, а иному ему тоѣ вотчины не продати, ни заложити въ чужой родъ; а отдать ему та вотчина въ свой родъ, по тому жъ, кого въ прежнихъ купчихъ въ послу-сѣхъ нѣтъ ²⁰⁸). А кто выкупитъ вотчину

---

²⁰³) „Безъ сомнѣнія потому, что они должны питать полное уваженіе къ волѣ ихъ родителя и предка“. Неволинъ.—Не на этомъ шаткомъ нрав-ственномъ основаніи, а на томъ, что субъектомъ права собственности счи-талась тогда семья: отецъ и прямые нисходящіе.

²⁰⁴) Потому что подписавшійся въ послухахъ тѣмъ самымъ косвенно заявилъ о своемъ согласіи на отчужденіе.

²⁰⁵) Т. е. дѣтямъ продавца и послухамъ—родичамъ.

²⁰⁶) Срокъ этотъ установленъ Судебникомъ искусственно. „вѣроятно, по соображенію съ законами, дѣйствовавшими по дѣламъ церковнымъ (Кормч. гл. 24)“. Неволинъ.—Но вѣроятно принята была въ соображеніе и обык-новенная продолжительность одного человѣческаго поколѣнія. Срокъ этотъ на практикѣ послѣ не соблюдался: практика поняла это какъ обозначеніе *maximum* времени; по соображенію обстоятельствъ, судьи отказывали въ правѣ выкупа и за меньшій срокъ (см. Морошкина: „О владѣніи“, стр. 106).

²⁰⁷) Т.-е. купленные вотчины и потомъ проданныя приобрѣтателемъ (до перехода ихъ по родовому наслѣдованію) не подлежатъ праву родового выкупа.

²⁰⁸) Это не оставляетъ сомнѣнія, что выкупающій представляетъ въ этомъ случаѣ лишь правъ рода.

чужими деньгами, или заложить, или продасть, а доведеть на него продавецъ, что онъ выкупилъ чужими деньгами и держитъ ее не за собою ²⁰⁹): и та вотчина прежнему продавцу безденежно ²¹⁰). А кто похочеть впередъ свою вотчину, мимо вотчичевъ, заложити у стороннею человѣка: и тѣмъ стороннимъ людямъ, не вотчичемъ, тѣ вотчины въ закладъ имати въ толкѣ, чего та вотчина стоитъ. А возметъ кто сторонней человѣкъ, а не вотчичъ, вотчину въ закладъ болши тоѣ цѣны, чего та вотчина стоитъ, и кто вотчичъ учнетъ бити челомъ, что закладывается, или уже заложилъ, въ чужой родъ: и тому вотчичу та вотчина въ закладъ взяти, въ мѣру, чего та вотчина стоитъ; а что тотъ денегъ въ займы далъ лишекъ, болши тоѣ цѣны, чего та вотчина стоитъ, и у того тѣ денги пропали ²¹¹). А кто свою вотчину промѣнить ²¹²) не вотчичю, а приметъ денегъ, и кто вотчичъ учнетъ ту вот-

---

²⁰⁹ Т.-е., занявши деньги у чужеродца, передаетъ выкупленную вотчину во владѣніе кредитора.

²¹⁰ Здѣсь устанавливается (повидимому странная) привилегія въ пользу бывшаго владѣльца вотчины на счетъ второго покупателя. Привилегія можетъ быть объяснена тѣмъ, что выкупомъ уничтожается дѣйствіе лица отчуждающаго вотчину чужеродцу; но если такое нарушеніе воли лица не оправдывается лучшею цѣлю, то опороченный долженъ быть вознагражденъ (неизвѣстно—получаетъ ли въ такомъ случаѣ владѣлецъ право вторичной продажи). Почему же всѣ невыгодныя послѣдствія такой противозаконной сдѣлки падали не на родича, выкупившаго вотчину за чужія деньги, а на чужеродца, даващаго эти деньги? Думать надобно, что для послѣдняго открывалось право иска на перваго.

²¹¹ По мнѣнію Неволіна, это условіе выкупа примѣняется не къ одному залогу, но и къ куплѣ—продажѣ.

²¹² Думаютъ, что только отчужденіе по возмезднымъ сдѣлкамъ вело къ праву родового выкупа, но не дареніе и не заѣщаніе; это потому, что только въ 1676—1679 г. въ первый разъ возникъ вопросъ о правѣ дарить родовыя вотчины. Неволінь объясняетъ это тѣмъ, что „при дареніи дѣйствуютъ побужденія, подлежащія вышней оцѣнкѣ: одинъ человѣкъ дѣлаетъ даръ другому или для выраженія своей къ нему признательности за полученную отъ него, неоцѣнимую на деньги, услугу, или по чувству любви“... Но это искусственное предположеніе дѣлается излишнимъ, если признать, что о выкупѣ подаренныхъ родовыхъ вотчинъ законодательство

чину выкупати: и тому та вотчина выкупити, а земли ему оставити въ мѣру столко, сколько онъ своей земли промѣнилъ ²¹³).

86. А промежъ селъ и деревень городити огорода по половинамъ; а чьею огородою учинится протрава, ино платити тому, чья огорода. А гдѣ отхожія пожни отъ селъ и отъ деревень, ино пожевному государю не городитися: городитъ тотъ всю огороду, чья къ пожнѣ земля ораная пришла ²¹⁴). А кто вытравитъ какой хлѣбъ или пожню, а тотъ хлѣбъ и пожня платити тому, чья огорода.

87. А кто соретъ межу, или грань ссѣчетъ, изъ царевы и великого князя земли, или у боярина ²¹⁵), или у монастыря, или боярской у монастырського, или монастырской у боярского: и кто въ тѣхъ межу соретъ, или грань ссѣчетъ, ино того бити кнутьемъ, да истцу на немъ взяти рубль. А крестьяне межъ собя, въ одной волости или въ сѣлѣхъ, кто у кого межу переоретъ или перекоситъ, ино волостелю или поселскому имати на немъ за боранъ два алтына ²¹⁶).

88. А крестьяномъ отказыватися изъ волости въ волость и изъ села въ село одинъ срокъ въ году: за недѣлю до Юрьева дни осеннего и недѣля по Юрьевъ дни осеннемъ. А дворы пожилые платять: въ полѣхъ за дворъ рубль да два алтына, а въ лѣсѣхъ, гдѣ десять верстъ до хоромного лѣсу, за дворъ полтина да два алтына. А который крестьянинъ живетъ за кѣмъ годъ, да пойдетъ прочь, и онъ платитъ четверть двора; а два годы поживетъ, и онъ платитъ полдвора; а три годы поживетъ, и онъ платитъ три четверти двора; а четыре годы поживетъ, и онъ платитъ весь дворъ, рубль и два алтына ²¹⁷). А пожилое имати съ воротъ; а за повозъ ²¹⁸) имати съ двора по два

молчало потому, что дарить ихъ чужеродцамъ не позволялось вовсе (сначала обычаемъ, а потомъ и законамъ: ук. 1679, іюня 19. П. С. З. № 765).

²¹³) Новая.

²¹⁴) Суд. 1-й, 61; остальное дополнение.

²¹⁵) Татищевъ укоряетъ законодателя, почему онъ упомянулъ здѣсь объ однихъ боярахъ-землевладѣльцахъ, а не о всѣхъ владѣющихъ вотчинами; но см. прим. къ 63-й ст. Суд. 1497 г.

²¹⁶) Суд. 1-й, 62.

²¹⁷) Суд. 1-й, 57; остальное—дополнение.

²¹⁸) „Можетъ быть, за вызовъ“. Б. Н. Чичеринъ.—Но это совершенно произвольное объясненіе легко можетъ быть устранено, если принять мысль, вложенную въ прим. 125 къ Псков. Судн. Грам.

алтына; а опричь того на немъ поплинѣ нѣтъ. А останется у того крестьянина хлѣбъ въ земли, и какъ тотъ хлѣбъ пожнетъ, и онъ съ того хлѣба, или съ стоячего, дастъ боранѣ два алтына ²¹⁹). А по кои мѣста была рожь его въ земли, и онъ податъ цареву и великого князя платитъ со ржи ²²⁰); а боярского ему дѣла, за кѣмъ жилъ, не дѣлати ²⁰¹). А попу пожилого нѣтъ, и ходити ему вонъ безсрочно воля ²²²). А которой крестьянинъ съ пашни продается кому въ полную въ холопи, и онъ выйдетъ безсрочно жъ, и пожилого съ него нѣтъ ²²³); а которой хлѣбъ его останется въ земли, и онъ съ того

²¹⁹) Это — арендная плата за землю, занятую озимимъ посѣвомъ вышедшаго крестьянина (потому что до Юрьева дня, озимие посѣвы уже кончаются; какимъ образомъ могъ остаться стоячій хлѣбъ?). Изъ этого слѣдуетъ, что крестьяне давали землевладѣльцу не половину урожая, а обрабатывали ему известную часть земли, тогда какъ другую засѣвали для себя своими сѣменами.

²²⁰) Разумѣется, если имѣніе не обѣлено. Так. обр. если податная обязанность съ арендуемой земли ложилась на арендующихъ, а не на землевладѣльцевъ, то очевидно, что крестьянскіе переходы не были столь часты и составъ населенія не былъ такъ неопредѣленъ, какъ кажется это Б. Н. Чичерину.

²²¹) Ясно, что крестьяне и зимою обязаны были издѣльными повинностями землевладѣльцамъ.

²²²) Приходское сельское духовенство находилось въ одинаковыхъ условіяхъ съ крестьянами относительно пользованія дворомъ и аренды земли. Отсюда позднѣе, во времена прикрѣпленія крестьянъ, землевладѣльцы расположены были смотрѣть и на приходскихъ священниковъ какъ на крѣпостныхъ; иногда даже они ставили въ попы своихъ рабовъ, не освобождая ихъ.

²²³) Если льготу въ пользу поповъ можно объяснить сознаниемъ со стороны правительства важности религіознаго образованія для народа, то чѣмъ объяснить эту видимую привилегію въ пользу рабовладѣнія (вопреки смыслу ст. 78-й)? „Пожилое вездѣ приводится въ соотношеніе съ срокомъ отказа...; слѣдственно эта подать взималась хозяиномъ именно при отходѣ, за переходъ, почему въ одной грамотѣ она названа выходомъ (Доп. къ А. И. I. № 56)“. Б. Н. Чичеринъ. — Но это только усиливаетъ предположеніе о покровительствѣ рабству со стороны закона, т.-е. дѣлаетъ вопросъ еще неразрѣшимѣе.

хлѣба подать цареву и великого князя платитѣ; а не похочетъ подати платити, и онъ своего хлѣба земляного лишень.

89. А убіють которого крестьянина на полѣ, въ розбоѣ или въ иномъ въ которомъ въ лихомъ дѣлѣ, и дадутъ того крестьянина за государя его, за кѣмъ живетъ, или выручить его государь тотъ, за кѣмъ живетъ, и пойдеть тотъ крестьянинъ изъ за него вонъ, ино его выпустити ²²⁴). А на отказщика въ томъ дѣлѣ, взяти порука съ записью: попытають того крестьянина на томъ его государѣ, за кѣмъ жилъ, въ иномъ въ каковѣ дѣлѣ, и онъ бы былъ въ лицѣхъ.

90. А которой купецъ, идучи на торговлю, возьметъ у кого денги или товаръ, да на пути у него товаръ утерается безхитростно, истонетъ или сгоритъ, или рать или розбой возьметъ: и бояромъ обыскавъ, велѣти тому дати цареву и великого князя діяку полѣтную грамоту, съ царя и великого князя печатью, посмотри по животомъ, платитися истцомъ въ истину безъ росту. А кто у кого взявъ, идучи въ торговлю да пропіетъ, или инымъ какимъ безуміемъ тотъ товаръ погубить безъ напрасньства, ино того выдати истцу головою до искупа ²²⁵). А въ розбойномъ дѣлѣ дадутъ кому полѣтную грамоту и какъ своего розбою доищется, или въ его иску розбойниковъ поймають, и у того та грамота его полѣтняя не въ грамоту ²²⁶)

91. А попа и діякона, и чернца, и черницу, и старую вдовицу,

---

²²⁴) „По Рус. Правдѣ, закупъ обращался въ обѣльнаго раба, ежели господинъ выручить его, т. е. заплатить за него всѣ судебные иски по татѣбѣ или другому преступленію. По Цар. Суд., напротивъ, вырученный господиномъ въ судебномъ искѣ крестьянинъ оставался свободнымъ и не лишался права переходить къ другому господину“. И. Д. Бѣляевъ.—Но здѣсь разумѣется вовсе не поручительство въ уплатѣ частнаго иска (способы частнаго взысканія—это правешъ и выдача головою кредитору), а уголовное поручительство въ томъ, что уличенный разъ въ преступленіи не повторитъ его вновь, а если повторитъ, то будетъ представленъ въ судъ („въ иномъ въ какомъ дѣлѣ и онъ бы былъ въ лицѣхъ“). Смыслъ узаконенія тотъ, что уголовное поручительство за крестьянина переходитъ къ землевладѣльцамъ вмѣстѣ съ переходомъ крестьянина.

²²⁵) Суд. 1-й, 55; остальное—дополненіе.

²²⁶) Потому что въ такомъ случаѣ утраченное имъ имущество возвращается изъ имущества разбойниковъ.

которые питаются отъ церкви божіи, ино ихъ судити святителю или его судіямъ; а будетъ простой человѣкъ съ церковнымъ, ино судъ вобчей. А которая вдовица питается не отъ церкви божіи, а живетъ своимъ домомъ, ино тотъ судъ не святительской ²²⁷). А торговымъ людямъ городскимъ ²²⁸) въ монастырѣхъ не жити, а жити имъ въ городскихъ дворѣхъ; а которые торговые люди ²²⁹) учнутъ жити на монастырѣхъ, и тѣхъ съ монастырей сводити, да и намѣстникомъ ихъ судити. А на монастырѣхъ жити нищимъ, которые питаются милостынею отъ церкви божіи ²³⁰).

92. А которой человѣкъ умретъ безъ духовныя грамоты, а не будетъ у него сына, ино статокъ весь и землю взяти дочери; а не будетъ у него дочери, ино взяти ближнему отъ его роду ²³¹).

93. А кто купитъ на торгу что поношено у носящего или съ лавки, и тому кушити съ порукою съ рядовою; а кто купитъ безъ поруки, и тому тѣмъ быти и виновату ²³²).

94. А кто купитъ лошадь на Москвѣ, или въ Московскомъ уѣздѣ, и тѣмъ тѣ лошади пятнати у пятенщиковъ на Москвѣ, да и въ книги написати по старинѣ; а поплина пятенщикомъ имати по старинѣ жъ ²³³).

²²⁷) Суд. 1-й, 59; остальное—дополненіе.

²²⁸) Въ Татищевскомъ изданіи Судебника прибавлено: „и черноволостнымъ“.

²²⁹) У Татищева: „которые городскіе или волостные люди“...

²³⁰) Это первое извѣстіе о прикрѣпленіи посадскихъ людей къ посадѣ (къ тяглу). Воспрещается задаваться за частныхъ лицъ во избѣжаніе тягла (причемъ и право суда въ извѣстныхъ границахъ переходило къ частному владѣльцу, здѣсь къ церкви). Вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда же вытекаетъ и слѣдующее постановленіе: люди монастырскіе не имѣютъ права заниматься торговлею не неся тягла.

²³¹) Суд. 1-й, 60.

²³²) Суд. 1-й, 46 (сокращенная).

²³³) Новая.—Пятно, какъ видно изъ соотношенія этой статьи съ предыдущей, возникло не изъ фискальныхъ интересовъ: переходъ права собственности интересовалъ власть потому, что желали имѣть легкія средства для обнаруженія незаконнаго приобрѣтенія. Поэтому пятно не имѣетъ ничего общаго съ татарскою тамгою.

95. А по городомъ и по волостемъ, гдѣ кто лошадь купитъ или мѣнитъ; тутъ у намѣстниковъ и у волостелей, и у ихъ пошлинниковъ ²³⁴⁾ и пятнаетъ. А записывать тѣ лошади въ книги у цѣловальниковъ дѣлу земскому, а пятенщикомъ имати съ купца денга, а съ продавца денга же ²³⁵⁾; а цѣловальникомъ и дѣлу земскому у тѣхъ намѣстниковъ и у волостелей пятна ихъ образецъ писати въ книги, спору для ²³⁶⁾. А кто купитъ лошадь въ своей волости или вымѣнитъ, да до такого жъ дни ²³⁷⁾ не запятнать и въ книги не запишетъ, и уличать его въ томъ, ино на томъ, кто купитъ или вымѣнитъ, взяти намѣстнику, или волостелю, или пятенщику, пропятенъ два рубля; а кто поймается за ту лошадь и чего съ тою лошадью взыщетъ, доколѣ ее не запятнать, и на томъ тотъ искъ взяти безъ суда ²³⁸⁾, кто ее не запятнать. А дѣтемъ боярскимъ купленнымъ и мѣновнымъ лошади пятнати по тому же. А въ служебномъ походѣ ²³⁹⁾ кто у кого купитъ лошадь, и кто у него за ту лошадь поймается, и тотъ, кто купилъ, поставитъ свидѣтелей челоуѣкъ пять или шесть на того, у кого онъ купилъ, а запретъ тотъ, у кого купилъ, ино имъ судъ. А кто гдѣ купитъ лошадь или вымѣнитъ не въ своемъ присудѣ, тотъ тутъ и пятнать; а приве-

---

²³⁴⁾ Существованіе особыхъ лицъ у намѣстниковъ для сбора пошлинъ въ другихъ источникахъ мало уясняется. „Эти пошлинники посылались намѣстниками и волостелями въ деревни и села, лежавшія на нѣскольکو верстъ вокругъ города (А. А. Э. I. 332)“. Гр. Д. А. Толстой. „Ист. фин. учр.“, стр. 86.

²³⁵⁾ „Въ Грамотахъ, данныхъ послѣ Цар. Судебника..., замѣчаютъ, что пятенная пошлина бралась только съ купца, а не съ продавца“. Ibid.

²³⁶⁾ Отсюда новая пошлина—„писчее“, или „записное“.

²³⁷⁾ Можетъ быть до такого жъ дня недѣли, т. е. въ семидневный срокъ.

²³⁸⁾ „Сіе неправо: естли продавецъ въ лицахъ, то оной долженъ отвѣтствовать, а за непятнаніе на купившемъ довольно штрафъ положенный взять, развѣ продавца не поставитъ“. Татищевъ.—Но въ древнемъ правѣ нарушеніе полицейскихъ постановленій всегда влекло взысканіе за тотъ вредъ или убытокъ, для предупрежденія котораго созданы эти постановленія.

²³⁹⁾ Когда не у кого пятнать.

детъ ту лошадъ къ собѣ непятнену, и уличать его въ томъ, ино на томъ пропаченіе взяти, у кого онъ въ присудѣ ²⁴⁰⁾.

96. А намѣстникомъ и волостелемъ, и ихъ тіуномъ, и пятенщикомъ, въ городѣхъ и въ волостѣхъ непродажныхъ и доморощенныхъ лошадей не пятнати ²⁴¹⁾. А кто учнетъ въ городѣхъ и въ волостѣхъ непродажные и доморощенные лошади пятнати, и доведутъ на него то: и кто на немъ чего взыщеть въ тѣхъ лошадѣхъ, и тѣ ему убытки платити безъ суда втрое ²⁴²⁾, а въ пенѣ что государь укажетъ ²⁴³⁾.

97. А которые дѣла прежь сего Судебника вершены, или которые не вершены ²⁴⁴⁾ въ прежнихъ во всякихъ дѣлѣхъ, суженыхъ и несуженыхъ ²⁴⁵⁾, и тѣхъ дѣлъ всѣхъ не посуживати: быти тѣмъ дѣломъ всѣмъ въ земляхъ, и въ холопствѣ, и въ кабалахъ, и во всякихъ дѣлѣхъ, и въ тіунствѣхъ по тому, какъ тѣ дѣла преже сего вершены, а впередъ всякіе дѣла судити по сему Судебнику ²⁴⁶⁾ и управа чинити

---

²⁴⁰⁾ Новая. „Конская записка хотя до-днесь не перемѣнена, но пятнаніе отставлено, потому, чаю, что иногда лошадъ три или четыре разы продается, и оное пятно другое испортить, оныя же заростають. Нынѣ вмѣсто того дають сколки, или копіи съ записки, а пятнали токмо прогоняемыхъ табунами татарскихъ продажныхъ коней“. Татищевъ.

²⁴¹⁾ См. выше прим. 233.

²⁴²⁾ Т.-е. самую взятую пошлину.

²⁴³⁾ Новая.

²⁴⁴⁾ Т.-е. о которыхъ процессъ уже начатъ.

²⁴⁵⁾ Права, утвержденныя по судебнымъ рѣшеніямъ, или, и не подвергаясь процессуальному пересмотру, пріобрѣтенныя на основаніи прежнихъ законовъ или обычнаго права, не подлежатъ отмѣнѣ на основаніи этого Судебника (напр. если сынъ боярскій поступилъ въ холопы; если тіунъ обращенъ въ холопа безъ полной и докладной, — вообще здѣсь намекъ на тѣ новыя постановленія Ц. Судебника, которыя въ своихъ мѣстахъ были нами отмѣчены выше). Понятіе, что законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ (см. выше прим. 185), простирается на пріобрѣтенныя уже права, а не на возможность ихъ пріобрѣтенія, какъ показываетъ ст. 78-я.

²⁴⁶⁾ Сфера дѣйствія закона этимъ и слѣдующею статьею исключаетъ, повидимому, всякое примѣненіе обычнаго права. Въ дѣйствительности, конечно, было не такъ.

по тому, какъ царь и великій князь въ семъ своемъ Судебникѣ съ котораго дни уложилъ ²⁴⁷).

98. А которые будутъ дѣла новые а въ семъ Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ государева доклада и со всѣхъ бояръ приговору ²⁴⁸) вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывать ²⁴⁹).

99. Да велѣти прокливати по торгомъ на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ Московскія Земли и Ноугородскія Земли, и Тверскія Земли, и по волостемъ ²⁵⁰): чтобы ищя или отвѣтчикъ судіямъ и приставамъ посуловъ въ судѣ не давали и не сулили; а послуху не видѣвъ не послушествовати, а видѣвъ сказати правду. А послухъ опослушествуетъ, не видѣвъ, лживо, а обыщется то опослѣ, ино на виноватомъ послухѣ гибель истцова и убытки всѣ взяти ²⁵¹), а въ винѣ казнити его торговою казнію.

²⁴⁷) Новая. „Съ котораго дня уложилъ—сіе видится не право, ибо законъ не можетъ быть дѣйствителенъ, доколѣ онъ не объявленъ и подзаконные его слышать: но разсуди то, что оной чрезъ долгое время въ собраніи многихъ людей сочинялся, то и прежде объявленія знать могли. Сему примѣръ Петръ В., сочиняя законъ о наслѣдѣи и много съ разными искусными людьми разсуждая и дополняя, продолжилъ, о чемъ увѣдавъ многіе противно оному раздѣлы дѣтямъ учинили; что онъ увѣдавъ, прошедшіе до объявленія два мѣсяца включилъ и учиненные въ оныхъ раздѣлы велѣлъ по тому закону рѣшить“. Татищевъ.—При составленіи законовъ на вѣчѣ о публикаціи закона не было и не могло быть рѣчи.

²⁴⁸) Этотъ составъ законодательной власти такъ ясенъ, и факты участія Боярской Думы въ законодательствѣ такъ многочисленны, что лишь по крайнему упорству можно повторять безъ повѣрки мало-значущія и неправильно понятія фразы Котошихина. См. прим. 2-е къ Суд. 1497 г.

²⁴⁹) Новая. Отсюда возникаютъ Указныя книги Приказовъ (допол. статьи), въ которыхъ наиболѣе уясняется законодательное значеніе Боярской Думы.

²⁵⁰) Одинъ изъ чрезвычайныхъ способовъ публикаціи законовъ, которая обыкновенно совершалась чрезъ рассылку списковъ ихъ по Приказамъ и областнымъ начальникамъ.

²⁵¹) Суд. 1-й, 67; остальное—дополненіе.

100. ²⁵²⁾ О судѣ съ удѣльными князи ²⁵³⁾. Взыщеть москвитинъ какова дѣла на селецкихъ волостелѣхъ, которые селца московскіе за удѣльными князми, ино судити царю и великому князю; а не отвѣчаетъ волостель селецкой, и царю и великому князю его обвинити ²⁵⁴⁾. А взыщеть селецкой на селецкомъ, а судитъ ихъ ихъ же волостель; а не будетъ ихъ князя на Москвѣ, и волостелю къ докладу съ Москвы не вести, а ждати князя на Москвѣ; а поведеть ихъ волостель съ Москвы къ докладу къ своему князю, а утечетъ тѣхъ истцовъ одинъ къ царю и великому князю и бьетъ челомъ царю и великому князю на того волостеля, и царю и великому князю на того волостеля дати пристава; а поведеть его черезъ то въ удѣлъ, и тѣмъ его царь и великій князь обвинитъ ²⁵⁵⁾. А бьетъ челомъ царю и великому князю ца-

²⁵²⁾ „Сія статья, кромѣ одного манускрипта Бартеневскаго (впослѣдствіи найдены и другіе списки съ этою статей), въ другихъ не находится, знатно, за противность удѣльнымъ княземъ послѣ списывателями выкинута, и осталось 99 статей гораздо вѣрнѣе предположить, что прибавлена). Но Макарій митрополитъ, самъ сему присутствующій (т.-е. при составленіи Судебника?), именовалъ *Стоглавъ Судебный*, слѣдственно безъ сомнѣнія сему (ст. 100-я) принадлежитъ“. Татищевъ.

²⁵³⁾ „Удѣльные князи тогда еще многія собственныя свои владѣнія имѣли, хотя всѣ съ нѣкоторыми договоры, яко: 1) Ржевское, братъ двоюродный сего государя князь Владиміръ Андреевичъ; 2) Старицкое, братъ родной кн. Юрій Васильевичъ; 3) Звенигородское...“ Татищевъ.—Далѣе онъ перечисляетъ такихъ князей, которые вовсе удѣльныхъ княженій не имѣли (Вѣльскій, Глинскій и проч.).

²⁵⁴⁾ Подсудность жителей разныхъ удѣловъ опредѣляется началами, которыя близки къ устройству старыхъ общихъ судовъ съ третейскимъ характеромъ (см. прим. 18-е къ Догов. Грам. 1368 г., Губн. Моск. Запись, 59 ст. 1-го Суд. и 91 ст. Цар. Суд.), но уже измѣненными на столько, на сколько измѣнилось отношеніе удѣльныхъ князей къ царю. Начала эти слѣдующія: 1) если отвѣтчикъ есть волостель удѣльнаго князя въ селѣ его, лежащемъ въ Московскомъ княжествѣ, то судитъ не удѣльный князь, а царь.

²⁵⁵⁾ 2) Судъ между двумя жителями такихъ селъ, подчиненными волостелю удѣльнаго князя, принадлежитъ волостелю, а докладъ съ такого суда—удѣльному князю, но докладъ совершается непременно въ Москвѣ; въ противномъ случаѣ, по жалобѣ одной изъ сторонъ, судъ переходитъ къ царю.

реку и великого князя сынъ боярской на удѣльного человека, и царь и великій князь, возмещавать своего судью, да возмещать къ своему брату, къ удѣльному князю, коли будетъ князь на Москвѣ, и удѣльный князь дастъ своего судью; а суду быти на Москвѣ, хотя бы тотъ человекъ былъ и въ его дѣлѣ на Москвѣ. А удѣльного князя сынъ боярской быеть челомъ на царя и великого князя человека, ино суду быти тако жъ на Москвѣ. А быеть челомъ жалобникъ царю и великому князю, удѣльного князя человекъ, изъ его вотчины, на царя и великого князя человека, и царь и великій князь дастъ пристава, да судить царь и великій князь самъ ²⁵⁶); а на москвитинѣ възыщеть котораго удѣльного князя городской человекъ, ино судити ихъ намѣстникомъ московскимъ ²⁵⁷). А искати москвитину удѣльного князя на городскомъ человекѣ, ино ѣхати ему съ судьей; а судѣ быти московскихъ намѣстниковъ ²⁵⁸). А дѣловые люди въ монастырскихъ станѣхъ котораго князя, и писцы царя и великого князя лишуть ихъ подъ сотника въ дань и во всѣ проторы, а князю надъ ними судъ одинъ ²⁵⁹); а случится судъ смѣстной въ селцѣхъ въ монастырскихъ удѣльному съ удѣльнымъ, или дѣловымъ становымъ съ городскимъ, или селскимъ съ монастырскимъ, и судьямъ доложити царя и великого князя, а третьему имъ въ томъ нѣтъ ничего.

²⁵⁶) 3) При искахъ *служилыхъ* людей царскихъ на людяхъ удѣльнаго князя и наоборотъ устанавливается настоящій „общій“ судъ (а не смѣстный) изъ двухъ судей; но мѣсто суда всегда въ Москвѣ, хотя бы отвѣтчикъ жилъ въ удѣлѣ („въ его дѣлѣ“).

²⁵⁷) 4) При искахъ *городскою* человекъ удѣльнаго на московскомъ городскомъ судать московскіе намѣстники (см. прим. 6 къ Губной Записи: вѣроятно, до сихъ поръ удѣльные князья продолжали еще имѣть своихъ намѣстниковъ на Москвѣ; при этомъ изъ намѣстниковъ различныхъ князей составлялся судъ общій).

²⁵⁸) 5) Наоборотъ, при искѣ московскаго городского человека на городскомъ удѣльномъ судъ составляется общій и происходитъ въ удѣлѣ.

²⁵⁹) 6) Ремесленники удѣльнаго князя, хотя и записанные царскими писцами въ податной классъ („подъ сотника“) той мѣстности, гдѣ они живутъ, подлежатъ безраздѣльному суду своего князя; но при тяжбахъ ихъ съ людьми другой подсудности устанавливается судъ смѣстный съ докладомъ царю. Этотъ судъ смѣстный не есть общій судъ, не имѣетъ характера третейскаго суда („третьего имъ нѣтъ“).

Изданія Царскаго Судебника.—В. Н. Татищевъ, нашедши экземпляръ Судебника у какого-то частнаго лица, принялъ его, по крайнему изыществу внѣшней формы, за экземпляръ Дома Романовыхъ и поднесъ его, „яко вещь дивную“, Аннѣ Іоанновнѣ. Затѣмъ, добывъ еще нѣсколько экземпляровъ (отъ кн. Дм. Мих. Голицына, А. П. Волинскаго), онъ занялся ученою обработкой этого памятника, собралъ дополнительные статьи (всего вмѣстѣ со статьями Судебника составилось у него ихъ 173) и снабдилъ многочисленными примѣчаніями. Рукопись въ такомъ видѣ онъ представилъ въ Академію, гдѣ она, неизвѣстно почему, пролежала неизданною до 1768 г. Въ этомъ году переводчикъ академіи Семенъ Башиловъ издалъ въ С.-Петербургѣ:

1. „Судебникъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича, Законы иже Юстиніановыхъ книгъ, Указы дополнительные къ Судебнику и таможенный Уставъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича. Спб. 1768, при Имп. Академіи Наукъ“. (Это изданіе, по отзыву Строева и Калайдовича, сдѣлано осмотрительно; причемъ издатель руководствовался правилами Шлецера). Съ этимъ сходенъ списокъ, напечатанный въ Прод. Древ. Рос. Вивліое., т. 1-й (списокъ Попова).

Въ томъ же году появилось, наконецъ, въ Москвѣ изданіе Судебника въ Татищевской обработкѣ:

2. „Судебникъ Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича и нѣкоторые сего государя и ближнихъ его преемниковъ указы, собранные и примѣчаніями изъясненны... В. Н. Татищевымъ“, издан. Г. Ф. Миллеромъ. Москва. 1768 г.; въ типографіи Имп. Моск. Университета.

Второе изданіе той же книги—Москва, 1786, въ ун. типографіи у Н. Новикова. Этимъ изданіемъ мы пользовались, приводя Татищевскія примѣчанія (впрочемъ Миллеръ напечаталъ не всѣ примѣчанія Татищева, какъ показано въ книгѣ Н. А. Попова: „В. Н. Татищевъ и его время“, М. 1861, гдѣ и напечатаны (Прилож. XVIII) пропущенныя примѣчанія).

3. Съ этого же изданія, но безъ примѣчаній, перепечатанъ Судебникъ Максимовичемъ въ „Указателѣ Россійскихъ Законовъ“, ч. I, Москва. 1801.

4. „Сводный Судебникъ, учиненный по указу его величества государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, всея Россіи Самодержца, въ лѣто отъ сотворенія міра...“ (не допечатано) 1-мъ тисненіемъ. Москва, 1774 (при Сенатѣ).—Въ этомъ изданіи „никто не поручился за древность списка и вѣрность изданія“, по словамъ Строева и Калайдовича.

5. „Законы Великаго Князя Іоанна Васильевича съ дополнительными указами, изданные Константиномъ Калайдовичемъ и Павломъ Строевымъ“.

Москва, 1819 г., въ типографіи Селивановскаго. — Судебникъ велико-княжескій напечатанъ здѣсь въ первый разъ со списка, относящагося, по мнѣнію издателей, къ началу XVI-го вѣка.

6. „Судебникъ Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича“—въ Актахъ Историческихъ, собранныхъ и изданныхъ Археографическою Комиссіею, Спб. 1841. Самое исправное изданіе, сдѣланное по 19-ти спискамъ; съ него перепечатывается Судебникъ здѣсь.

7. Synopsis: I) des Ssudetnik des Grossfürsten Ioann III Wassiljewitsch v. J. 1497; II) des Ssudebnik des Zaaren und Grossfürsten Ioann IV Wassiljewitsch, v. J. 1550 въ Sammlung kritisch—bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes, herausgeg. durch E. S. Tobien. Band. II. Dorp. 1816.

8. „Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права“, изданное Утинымъ и Лазаревскимъ. Спб. 1859.

9. „Svod Zákonů Slovanských (Сводъ Законовъ Славянскихъ). Zpracoval D-r Hermengild Jireček. v Praze. 1880. Въ этомъ изданіи заключены и прочіе важнѣйшіе памятники исторіи русскаго законодательства).

Уставная важская грамота, 1552 г., марта 21 ¹⁾).

Се язъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ есми важанъ, шенкурцовъ и Вельского стану посадскихъ людей и всего Важскаго уѣзда становыхъ и волостныхъ хрестьянъ, шенкурцовъ посадскихъ людей и Шенкурского стану ²⁾ Ивашка Юрѣва

---

¹⁾ Важская Земская Грамота — древнѣйшая изъ извѣстныхъ намъ того-же рода. До изданія Судебника 1550 г. едвали были попытки земскихъ учрежденій гдѣ-либо (см. прим. 145 къ Ц. С.); въ Судебникѣ власть намѣстниковъ нигдѣ не подвергается еще сомнѣніямъ.

²⁾ Поименованныя ниже лица суть уполномоченные отъ Важскаго уѣзда, очевидно, прибывшіе въ Москву ходатайствовать объ отмѣнѣ намѣстничьяго управленія; они избраны и отправлены, вѣроятно, въ то время, когда намѣстникъ и его тіуны были еще налицо. Такимъ образомъ инициатива земскихъ учрежденій несомнѣнно принадлежитъ населенію, а не правительству; правительство же, судя по переславской рыболовѣй Грамотѣ, пришло къ мысли о всеобщей замѣнѣ намѣстничьяго управленія земскимъ въ 1555 г.: „И мы, жалуючи крестьянство, для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ намѣстниковъ и волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и отъ волостей отставили... Велѣли есми во всѣхъ городѣхъ и волостѣхъ учинити старость излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити“. Здѣсь повсемѣстное введеніе земскихъ учрежденій указывается какъ фактъ уже совершившійся. Но у Татищева напечатанъ актъ, по которому эта реформа рѣшена какъ общая мѣра царемъ и Боярскою Думою въ сентябрѣ 1556 г. Такъ какъ этотъ актъ, по своему оригинальному складу, не можетъ быть отнесенъ къ Указнымъ Книгамъ Приказовъ и такъ какъ, съ другой стороны, въ его подлинности и важности нельзя сомнѣваться, то приводимъ его здѣсь: „Лѣта 7064 (1556) года, сентября 20 дня, царь и великій князь

сына, да Васюка Максимова сына, да....ка Дементьева.....ку; да становыхъ хрестьянъ и волостныхъ.....приписаны къ Шенкурѣ.....Подвинского стану Ивашка Григорьева сына Нараболду, да Туфанка Иванова сына, да Олексѣйка Иванова сына, да Ледцкого стану хрестьянъ Оедка Тимофѣева сына, да Кирилка Гаврилова сына Пѣтухова, да Левку Есипова сына, да Ровдинского стану Степанка Степанова сына, да Ивашка Онцыфорова сына Недьяка, да Илейку Ме-

Іоаннъ Васильевичъ всея Руси со своею братією и съ бояры приговорилъ о кормленіяхъ и о службѣ всѣмъ людямъ, какъ имъ впредь служити; а по сіе время князи, бояре и дѣти боярскіе сидѣли по кормленіямъ, по городомъ и по волостямъ, для расправы людямъ и всякаго землямъ устроения, и себѣ отъ служебъ для покоя и прокормленія. На которыхъ городехъ и волостехъ были въ кои лѣта намѣстники и волостели, тѣмъ градомъ и волостемъ росправу и устрои дѣлати, а отъ всякаго ихъ (*подсудныхъ*—объясненіе Татищева) лиха сбращати на благое, а сами были довольны оброкомъ своимъ и пошлинами указными, что имъ государь уложилъ. И вниде въ слухъ благочестивому царю, что многіе грады и волости пусты учинились, намѣстники и волостели изъ многихъ лѣтъ, презрѣвъ страхъ божій и государскіе уставы, много злоковенныхъ на нихъ дѣлъ учиниша, и не быша имъ пастыри и учителя на благое, но сотворились яко волцы гонители и раззорители; тако жъ тѣхъ градовъ горожане и волостей мужики многія коварства и убивства людямъ содѣяша, и какъ сойдутъ намѣстники и волостели съ кормленія, и мужики многими иски отыскивають, и много въ томъ кровопролитія и оскверненія душамъ содѣяша, ихъ же не подобаетъ въ христіанскомъ законѣ ни слышати; многіе намѣстники и волостели и старого своего стяжанія лишися, живота и отчизны избыша. Царю же благочестивому обычай есть да начало его премудрости страхъ Господень будетъ и да во всемъ предъ Богомъ чиста себя соблюдаетъ, оставя своя царскія вся потѣхи тѣится по Христу волю Его сотворити во всемъ и порученныя ему царства соблюсти и устроить подобающую правду и оборонити отъ всѣхъ иновѣрныхъ басурманъ и латинъ“... (Далѣе слѣдуетъ велерѣчивое изображеніе заботъ правительства о благосостояніи церкви и государства). „Повелѣ царь и государь въ городахъ и волостяхъ разчинити старосты, и сотскіе, и пятидесятскіе, и десятскіе, со страшнымъ и грознымъ прещеніемъ заповѣдь положить, чтобъ разсуждати въ разбояхъ и татьбахъ всякія дѣла и отнюдь бы некоторая вражда не именовалася, также ни мзда неправедная, ни живое послушество. А на кого промежъ

лентьева сына, да Вельского стану посадскихъ людей Ромашка Ананьина сына, да Ивашка Семенова, да Ивашка Иванова сына, да Слободцеого стану Васюка Павлова сына, да Потанку Григорьева сына, да Оомку Тимофеева сына, да Кокшенского стану Олферка Степанова сына, да Олешку Матеева сына, да Филку Григорьева сына, и во всѣхъ людей мѣсто шенкурцовъ и Вельского стану посадскихъ людей и всего Важского уѣзда станowychъ и волостныхъ крестьянъ, которые станы приписаны судомъ въ Шенкуръѣ въ посаду и въ Вельскому стану. Что намъ били челомъ, а сказывали, что-де у нихъ въ Шенкуръѣ и въ Вельску на посадѣхъ многіе дворы, а въ станѣхъ и въ волостѣхъ многіе деревни запусѣли отъ прежнихъ нашихъ важескихъ намѣстниковъ, и отъ ихъ тѣуновъ, и отъ доводчиковъ, и отъ обыскныхъ грамотъ, и отъ лихихъ людей, отъ татей и отъ розбойниковъ, и отъ востарей; а важского-де имъ намѣстника и пошлинныхъ людей впредь прокормити не мочно, и отъ того-де у нихъ въ станѣхъ и въ волостяхъ многіе деревни запусѣли и крестьяне-де у нихъ отъ того насилства и продажъ и татебъ съ посадовъ разошлись по инымъ городамъ, а изъ становъ и изъ волостей крестьяне разошлись въ монастыри безсрочно и безъ отъказу ³⁾, а иные-де посадскіе люди и становые и волостные кой-куда безвѣстно разбрелись порознь, и на тѣхъ-де

себя такого лиха найдутъ, таковыхъ велѣлъ казнемъ предавати, а на грады и волости положить оброки по ихъ промысламъ и по землямъ, и тѣ оброки собирать въ царскую казну свою дьякомъ; а бояръ, дѣтей боярскихъ и всѣхъ воиновъ устроилъ кормленіями (*помѣстьями*—объясненіе Татищева) праведными уроки, ему же достойтъ по отечеству и по дородству, а городовыхъ въ четвертый годъ, а иныхъ въ третій годъ денежнымъ жалованьемъ". Затѣмъ слѣдуетъ распоряженіе о разверстаніи помѣстій и военной повинности, слѣдующей съ нихъ.—Татищевъ, по церковному слогу этого акта, считаетъ его произведеніемъ какого-либо неученаго церковника, можетъ быть монаха—духовника Грознаго; но извѣстно, что слогъ литературныхъ произведеній самого Грознаго отличается библейско-проповѣдническимъ характеромъ.—Но и послѣ 1556 г. земскія учрежденія не были введены повсемѣстно: намѣстники остались въ нѣкоторыхъ, преимущественно пограничныхъ, уѣздахъ.

³⁾ Т.-е. ушли не въ срокъ и не рассчитавшись съ владѣльцами или общинами.

на досталиныхъ на посадскихъ людѣхъ и на становыхъ и на волостныхъ хрестьянѣхъ наши важескіе намѣстники и ихъ тіуны кормъ свой, а праветчики и доводчики поборъ свой емлютъ на нихъ сполна, а тѣмъ-де посадскимъ людемъ и становымъ и волостнымъ досталинымъ хрестьяномъ впередъ отъ нашихъ намѣстниковъ и отъ ихъ пошлинныхъ людей, отъ продажъ, всякихъ податей тннуть сполна немочно; и намъ бы важанъ, шенкурцовъ и Вельского стану посадцнхъ людей и становыхъ и волостныхъ крестьянъ, которые станы и волости тннуть въ Шенкурѣ и къ Вельскому стану къ посаду, шенкурцовъ посадскихъ людей и становыхъ и волостныхъ Ивашка Юрьева съ товарищи, да Подвинского стану Ивашка Нараболду съ товарищи, да Ледцкого стану Ѳедка Тимофеева съ товарищи, да Ровдинского стану Степанка Степанова съ товарищи, всѣхъ двѣнадцать человекъ, да Вельского стану посадскихъ людей и становыхъ Ромашка Онаньина съ товарищи, да Слободского стану Васюка Павлова съ товарищи, да Кокшенского стану Олферка Степанова съ товарищи, девяти человекъ, и во всѣхъ посадскихъ людей шенкурцовъ и Вельского стану и становыхъ и волостныхъ хрестьянъ, которые станы и волости судомъ приписаны къ Шенкурѣ и къ Вельскому стану, пожаловати, намѣстника у нихъ, на Вагѣ, въ Шенкурскомъ стану на посадѣ и въ Вельскомъ стану на посадѣ тіуна отставити; а велѣти бы намъ, на Вагѣ⁴⁾, въ

---

⁴⁾ Важскій уѣздъ (или Важская Земля) раздѣляется на двѣ половины (не названныя никакимъ терминоиъ провинціальныхъ дѣленій)—шенкурскую и вельскую. Центромъ первой былъ Шенкурскъ (нынѣ уѣздный городъ Архангельской губерніи), центромъ второй—Вельскъ (нынѣ уѣздный городъ Вологодской губерніи). Въ первой жилъ самъ намѣстникъ, во второй—его тіунъ. Каждая часть раздѣляется на станы; въ первой, кромѣ посада, три стана: Подвинскій, Ледскій, Ровдинскій; во второй, кромѣ центрального стана, гдѣ былъ посадъ Вельскъ, два стана: Слободскій и Кокшенгскій; итого съ посадами 7 становъ. Въ этомъ составѣ вся Важская Земля дѣлается округомъ земскаго самоуправленія, точно такъ же Двинская Земля и нѣк. другія. Въ другихъ случаяхъ отдѣльныя волости и слободы сдѣлались независимыми единицами управленія. Самоуправленіе слободъ, получавшихъ Жалованныя Несудимыя Грамоты съ давнихъ временъ, сдѣлалось прообразомъ земскихъ учрежденій: сл. Жалов. Грам. переславскимъ сокольникамъ 1507 г., янв. 25 (А. А. Э. I, 147). Впослѣдствіи, при воеводскомъ управленіи, земскія учрежденія опять разложились на муниципальныя. Въ

Шенкурѣ на посадѣ и въ Вельскомъ стану на посадѣ учинити, по ихъ челобитью, изъ ихъ посадскихъ людей выборныхъ дутчихъ людей, кого они излюбили всѣ важане, шенкурпы посадскіе люди и становые и волостные хрестьяне, которые станы и волости приписаны судомъ къ Шенкурѣ къ посаду, десяти челоѣкъ: Илью Фенютина, да Григорья Кузмина сына Бубна, да Григорья Иванова сына Пестова, да Ондreja Арефина сына Нетребуя, да Ѳедора Констаннтинова сына Спицу, да Григорья Дементьева сына, да Савлука Аксентьева сына Тупикова, да Тимофея Иванова сына Паденгу, да Михайла Остафьева сына Шилова, да Ивана Олександрова сына Олешугина; а въ Вельску на посадѣ посадскихъ людей и становыхъ и волостныхъ, которые станы и волости приписаны къ Вельскому посаду, десяти жъ челоѣкъ: Павла Семенова сына Муравьева, да Григорья Ѳедульева сына Попцова, да Василя Олферьева сына съ Попова Наволока, да Ивана Михайлова сына, да Максима Прокофьева сына, да Михайла Ѳедорова сына, да Олешу Степанова сына, да Григорья Ильина сына, да Ѳедора Васильева сына Чешиху, да Павла Ѳедорова сына, кому у нихъ межъ посадскими людьми и становыми и волостными⁵⁾ въ душегубствѣ, и въ татбѣ, и въ розбоѣ съ поличнымъ, и въ востарѣхъ, и о всякихъ дѣлѣхъ земскихъ управа чинить по нашему Судебнику; а розбойные бы имъ дѣла дѣлать и судить, обыскивая, и виноватыхъ по обыску казнити, и истцомъ съ розбойники и въ татиныхъ дѣлѣхъ и съ

Устьянской Грамотѣ: „А избирати имъ межъ себя Устьянскихъ волостей крестьяномъ, дутчимъ и середнимъ и молодчимъ людямъ... изъ волостныхъ крестьянъ дутчихъ людей (т. е. въ судьи): изъ Усецкія волости дву челоѣкъ, а изъ Чедермскія волости дву жъ челоѣкъ, изъ Чусеницкія волости дву жъ челоѣкъ, а изъ Пежемскія волости дву жъ челоѣкъ, изъ Ростовскія волости дву жъ челоѣкъ“.

⁵⁾ Лица, подчиненныя земскимъ властямъ, суть посадскіе люди и волостные крестьяне; въ число посадскихъ и волостныхъ включалось и духовенство, не только приходское, но и монастыри (А. А. Э. I. 364), но не служилые люди (сл. прим. 152 къ Ц. С.), которые и теперь не считаются земскимъ сословіемъ. Это обстоятельство было роковымъ для судьбы земскихъ учреждений XVI в.: онѣ не годились для новаго соціального строя, когда служилые люди все болѣе и болѣе дѣлались высшимъ земскимъ сословіемъ.

костари и во всякихъ земскихъ дѣлѣхъ управа чинити безволокидно по нашему жъ Судебнику; а пошлинѣ излюбленнымъ головамъ съ управныхъ дѣлъ со всякихъ и съ розбойныхъ дѣлъ не имати, а за намѣстничъ бы и за тиуновъ кормъ, и за присудъ, и за корчму, и за праветчиковъ, и за доводчиковъ поборъ, и за пятно, и за всѣ намѣстничьи и за тиуновы пошрины, и за праветчиковы и за доводчиковы за всѣ поборы, и за всякіе доходы, опричь нашихъ оброковъ, за бѣлку за горностаи, и ямскихъ и пищальныхъ денегъ, и пососные службы, и городского дѣла, и полоняничныхъ денегъ и иныхъ пошлинъ, велѣти бы на нихъ положить оброкомъ ⁶⁾ денгами, а давати бы имъ намъ оброкъ одинава въ годъ, въ нашу казну, денгами, полторы тысячи рублей, на одинъ срокъ въ году, за недѣлю до масленого заговѣйна; а на пустые бѣ мѣста на Вагѣ въ Шенкурѣ и въ Вельскомъ стану на посадѣ, и въ станѣхъ, и въ волостяхъ на пустоши и на пустые деревни хрестьянъ называти. И язъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи важанъ, шенкурцовъ и Вельского стану посадскихъ людей и становыхъ шенкурцовъ Ивашка Юрева сына съ товарищи, да Подвинского стану Ивашка Григорьева сына Нараболду, съ товарищи, да Ледцкого стану хрестьянъ Оедка Тимофѣева сына съ товарищи, да Ровдинского стану хрестьянъ Степанка Степанова съ товарищи, и всѣхъ хрестьянъ тѣхъ становъ, да Вельского стану посадскихъ людей Ромашка Онаньина съ товарищи, да Слободцкого стану Васюка Павлова сына съ товарищи, да Кокшенского стану Олферка Степанова съ товарищи, и во всѣхъ посадскихъ людей и становыхъ и волостныхъ хрестьянъ мѣсто, пожаловаль: на Вагѣ, въ Шенкурѣ на посадѣ и въ Вельску на посадѣ важскому намѣстнику въ Шенкурѣ и въ Вельскомъ стану важского намѣстника тиуну и его пошлиннымъ людямъ и въ станѣхъ и въ волостяхъ впередъ быти не велѣлъ; а велѣлъ есми у нихъ быти, по ихъ челобитью, на Вагѣ, въ Шенкурѣ на посадѣ и въ Вельскомъ стану на посадѣ излюбленнымъ головамъ, которыхъ людей шенкурцы посадскіе люди и становые и волостные собѣ излюбили ⁷⁾, которые станы и волости приписаны къ

⁶⁾ Населеніе само предлагаетъ оброкъ. См. мысль, изложенную въ прим. 2-мъ.

⁷⁾ Составъ земскаго управленія разнообразенъ: иногда избирается одинъ излюбленный голова, иначе называемый старостою или судьей, иногда

Шенкурѣ судомъ, шенкурцовъ посадскихъ людей и становыхъ десяти человекъ: Илью Фенютина, да Григорья Кузмина сына Бубна, да Григорья Иванова сына Пестова, да Ондreja Орефина сына Нетребуя, да Федора Костентинова сына Спицу, да Григорья Дементьева сына, да Савлука Оксентьева сына Тупикова, да Тимофея Иванова сына Паденгу, да Михайла Остафьева сына Шилова, да Ивана Олександрова сына Олешугина, да въ Вельску на посадѣ, которыхъ головъ излю-

нѣсколько. Въ послѣднемъ случаѣ, по справедливой догадкѣ О. М. Дмитріева, каждая волость (или община), входившая въ составъ уѣзда (или волости), давала своего представителя (см. выше прим. 4). При такомъ характерѣ выборовъ изъ многихъ судей могло не образоваться коллегіальнаго управленія, хотя законъ желалъ того и требовалъ (см. ниже). Здѣсь, повидимому, законъ устраиваетъ двѣ коллегіи: одну для Шенкурской области, другую—для Вельской, ибо въ той и другой избираются свои земскіе дьяки. Въ важныхъ случаяхъ обѣ коллегіи рѣшаютъ дѣла вмѣстѣ. Такимъ образомъ вмѣсто намѣстничьяго личнаго управленія явилось учрежденіе—„Земская Изба“. Головы и дьяки избирались на неопредѣленный срокъ (въ старину всякое избраніе предполагалось пожизненнымъ). Въ Уст. Двинской Грамотѣ сказано: „И будетъ колмогорцы посадскіе люди и волостные крестьяне похотятъ выборныхъ своихъ судей перемѣнити, и колмогорцамъ посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ всѣмъ выбирать лутчихъ людей, кому ихъ судити и управа межъ ихъ чинити, да тѣхъ своихъ излюбленныхъ судей присылаютъ къ Москвѣ, къ діяку нашему къ Путилу Нечаеву, и излюбленный списокъ по именомъ, съ поповскими руками и съ дьяконскими и съ своими приписми, діяку нашему отдають; и діякъ нашъ тѣхъ ихъ излюбленныхъ судей приводитъ ко крестному цѣлованію на томъ, что имъ судити и во всякихъ дѣлѣхъ межъ крестьянъ управа чинити вправду“. Для полицейскаго управленія головы пользуются старинными властями десятичной системы; иногда при введеніи земскихъ учрежденій назначеніе сотскихъ и пр. совершается вновь и зависитъ отъ усмотрѣнія головъ. Въ Двинской Грамотѣ сказано: „Да выборнымъ же судьямъ, на Колмогорахъ на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ на нижней половинѣ выбрать соцкихъ и пятидесяцкихъ и десяцкихъ, которые бѣ были добры и прямы и всѣмъ крестьяномъ любы: и учинити имъ... сотниковъ, да во всякой сотни дву человекъ пятидесятниковъ, десять человекъ десятниковъ, и велѣти тѣмъ сотникомъ и пятидесятникомъ и десятникомъ, всякому въ своей сотни и въ пятидесятни и десяти, беречи того накрѣпко, чтобъ у

били посадскіе люди и становые и волостные, которые станы и волости приписаны къ Вельскому стану къ посаду, десяти жъ человѣкъ: Павла Семенова сына Муравьева, да Григорья Ѳедорова сына Попцова, да Василья Олферьева сына съ Попова наволока, да Ивана Михайлова сына, да Максима Прокопьева сына, да Михайла Ѳедорова сына, да Олешу Степанова сына, да Григорья Ильина сына, да Ѳедора Васильева сына Чешиху, да Павла Ѳедорова сына, кому у нихъ въ Шенкурѣ на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ, которые станы и волости приписаны къ Шенкурѣ къ посаду, да въ Вельску на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ, которые станы и волости приписаны къ Вельскому посаду, межъ себя управа чинити во всякихъ дѣлѣхъ земскихъ; и оброкъ есми на нихъ, по ихъ челобитью, въ Шенкурѣ на посадѣ и на станы и на волости, которые приписаны судомъ къ Шенкурѣ къ посаду, да въ Вельску на посадѣ и на станы и на волости, которые приписаны судомъ къ Вельскому посаду, положили денгами. А давати тѣмъ шенкурцомъ посадскимъ людямъ да Вельского стану посадскимъ людямъ и становымъ и волостнымъ хрестьяномъ, которые приписаны судомъ къ Шенкурю и къ Вельскому посаду, за намѣстничъ и за тиуновъ кормъ, и за присудъ, и за корчмы⁸⁾, и за пятно, и за праветчиковъ, и за доводчиковъ поборъ, и за всѣ намѣстничьи пошлинны, и за всѣхъ пошлинныхъ людей поборы, и за всякіе доходы полторы тысячи рублей на годъ, опричь нашего царя и великого князя оброку и иныхъ нашихъ пошлинъ, съ Шенкурью и Вель-

---

нихъ... всякихъ лихихъ людей не было..." Въ Важской Землѣ (см. ниже) полицейскія обязанности возложены на все населеніе, хотя были и здѣсь соцкіе и пятидесяцкіе.—Для финансоваго управленія избирались „лучшіе люди“, которые вмѣстѣ съ головами привозили оброкъ въ Москву, „счета для“, какъ прибавлено въ Двинской Грамотѣ.—Для суда при головахъ были лучшіе люди—цѣловальники, какъ и при намѣстникахъ (сл. Суд. Ц. ст. 62), въ каждой волости особые: „А случится у нихъ каково вобщее дѣло промежъ посадскихъ людей и волостныхъ съ иными волостными людьми, и тѣ ихъ выборные судьи, а съ ними тѣхъ же посадскихъ и волостныхъ людей съѣзжаются лутчіе люди всѣ вмѣстѣ.." (Двинская Грамота).

⁸⁾ Изъ этого слѣдуетъ заключить, что пошлинны съ корчемъ шли въ пользу намѣстника. Здѣсь разумѣется не регалія, а штрафы за корчемство. См. ниже прим. 24-е.

ского стану съ посадскихъ дворовъ съ двора по осьминадцати алтынъ, а со хрестьянъ, которые живутъ въ станъхъ и въ волостъхъ съ обжа по осинадцати алтынъ⁹⁾; да сверхъ того съ посадскихъ дворовъ и съ становъ и съ волостей со всѣхъ обжа двадцать алтынъ и три алтыны, а дворъ посадской противу обжа, а обжа противу посадцова двора, розметомъ въ намѣстничъ оброкъ ровна, опричь нашего оброку, за бѣлку и за горностали, и ямскихъ и пищальныхъ и полонянничныхъ денегъ, и пососные службы, и городского дѣла, и иныхъ нашихъ пошлинъ; а розводити пенкурцомъ и Вельского стану посадскимъ людемъ въ Шенкурѣ на посадѣ и въ Вельску на посадѣ посадскимъ людемъ лутчимъ и середнимъ и молодымъ, межъ собою самимъ, по животомъ и по промысламъ, а крестьяномъ, которые живутъ въ станъхъ и въ волостъхъ, лутчимъ людемъ и середнимъ и молодымъ розводить по тому жъ, по папнямъ, и по животомъ, и по сохамъ¹⁰⁾; а давати

⁹⁾ Такъ какъ въ рублѣ считалось 33 алтына, то, при общемъ количествѣ оброка въ 1,500 рублей, всѣхъ окладныхъ единицъ въ Важской Землѣ было 2,750. Этими окладными единицами для намѣстничьяго оброка были дворы въ городахъ и обжа въ селахъ. „Обжа удерживалась въ новгородскихъ волостяхъ тѣмъ какъ мѣра самостоятельная, тѣмъ какъ часть сохи. Она содержала въ себѣ 10 четвертей или 5 десятинъ. Обжи и выти раздѣлялись на большія и малыя, или обжаки“ (Кури, въ Юридич. Сборн. стр. 115). Это исчисленіе оброка по числу дворовъ и обжа не означаетъ, что всякій дворъ и обжа платили его въ одинаковомъ количествѣ: число дворовъ и обжа взято здѣсь для опредѣленія суммы оброка, слѣдующей съ цѣлой Важской Земли. А какимъ образомъ внутри ея совершалась раскладка—см. слѣдующ. прим. и прим. 12-е.

¹⁰⁾ Для раскладки податей все населеніе раздѣлялось на три класса по имущественному цензу: „лучшихъ“, „среднихъ“, и „молодыхъ“. Каждый классъ, по всей вѣроятности, избиралъ представителей отдѣльно въ каждомъ посадѣ и въ каждой волости. Раскладка произвожилась здѣсь не по количеству земли и не по числу дворовъ, а по доходности: въ городахъ—по промысламъ, въ селахъ—по доходности земли. Въ обоихъ случаяхъ принималось во вниманіе движимое имущество, „животы“. Такимъ образомъ подать, исчисленная центральнымъ правительствомъ по количеству земли и числу дворовъ, для плательщиковъ принимаетъ характеръ *подходящаго* налога, опредѣляемаго для каждого лица добросовѣстною оцѣнкою выборныхъ. Но если такая раскладка совершалась въ каждой волости отдѣльно, то какъ

тотъ оброкъ въ мою цареву и великого князя казну казначеемъ Ивану Петровичу Головину, да Ѳедору Ивановичу Сузину, да діяку нашему Истомѣ Ноугородову одинава въ годъ; а дати имъ тотъ оброкъ впервые за недѣлю до масленого заговѣйна лѣта 7061; а собираютъ тотъ оброкъ полторы тысячи рублей съ Шенкуръи съ посаду и съ становъ и съ волостей, которые приписаны къ Шенкуръѣ къ посаду, а съ Вельского стану съ становъ и съ волостей, которые приписаны къ Вельскому посаду, всѣ за одинъ, и къ Москвѣ имъ привозити и платити имъ въ нашу казну на тотъ ихъ срокъ, за недѣлю до масленого заговѣйна, ихъ же излюбленнымъ головамъ въ Шенкуръѣ на посадѣ и въ ставѣхъ и въ волостѣхъ, которые приписаны судомъ къ Шенкуръѣ, Ильѣ Фенютину съ товарищи десяти человекомъ, а въ Вельску на посадѣ Павлу Семенову сыну Муравьева съ товарищи десяти жъ человекомъ, перемѣняясь по половинамъ, а съ ними лутчимъ людемъ, шенкурцомъ и Вельского посаду посадскимъ людемъ, и становымъ, и волостнымъ, которые станы и волости приписаны къ Шенкуръѣ къ посаду и къ Вельскому посаду, не дожидаясь по себя пристава; а пріѣхавъ имъ къ Москвѣ съ тѣмъ оброкомъ, посуловъ и поминковъ не давать никому ничего; а на которой срокъ шенкурскіе и вельскіе и становые и волостные излюбленные головы и лутчіе люди, соцкіе и пятидесяцкіе, оброковъ сполна къ Москвѣ въ нашу казну не привезутъ и не запла-

---

раскладывался налогъ между волостями, если центральное правительство опредѣляетъ лишь общую сумму его для цѣлаго уѣзда? Надобно думать, что между волостями распредѣлялся налогъ *по сохамъ*. Сохою называлась условная окладная единица, состоявшая изъ извѣстнаго объема экономическихъ силъ, въ чемъ бы онѣ ни заключались—въ землѣ, капиталѣ, промыслахъ. Объемъ этотъ въ цифрахъ выразить трудно, потому что онъ измѣнялся по временамъ и мѣстностямъ. Соха была новгородская (см. опредѣленіе ея въ 23-мъ прим. къ Догов. Новгор. съ Казиміромъ; въ ней было 3 обжа: см. А. А. Э. т. III № 181) и московская, въ которой для селъ полагалось 800 четвертей лучшей земли, или 1,000 четв. средней, или 1,200 четв. худшей (для монастырскихъ имуществъ эта пропорція измѣнялась), а для городовъ полагалось извѣстное количество дворовъ, которое чрезвычайно измѣнялось по мѣстностямъ, т. е. по степени экономического богатства мѣстностей (сл. А. А. Э. т. III, 343 и т. IV, № 6).—См. гр. Д. А. Толстаго, стр. 10, и Кури въ Юридич. Сборн., стр. 117.—Количество сохъ для каждой волости опредѣлялось писцовыми книгами. См. ниже прим. 12-е.

тять, и мнѣ царю и великому князю въ томъ посылати по нихъ приставовъ, да велѣти на нихъ тѣ оброки доправлявати вдвое съ ѣздомъ; а сверхъ намѣстнича оброка платити имъ нашъ оброкъ ¹¹⁾, за бѣлку и за горностаи и ямскіе и пищальные и полонянничные денги, и иные наши оброки, по писцовымъ книгамъ ¹²⁾ и по сохамъ давати, и городовое дѣло дѣлати, и всякіе тягла тннути, и подати давати по старинѣ, по тому жъ, какъ давали прежде сего. А вѣдають и судятъ ваянъ, шенкурцовъ посадскихъ людей и становыхъ и волостныхъ, которые приписаны къ Шенкурѣ къ посаду, ихъ излюбленные головы Илья Фенютинъ съ товарищи десять человекъ, которыхъ излюбили шенкурцы посадскіе люди и становые и волостные, а вельскихъ посадскихъ людей и становыхъ и волостныхъ, которые приписаны судомъ къ Вельскому посаду, судятъ ихъ излюбленные головы Павелъ

---

¹¹⁾ Земскимъ властямъ поручается все финансовое управленіе. Здѣсь перечисляются лишь прямые налоги и повинности: а) оброкъ—подать, замѣнившая собою взиманіе сырыхъ продуктовъ—бѣлокъ и горностаевъ: только такую форму могла имѣть дань въ этой лѣсной сѣверной сторонѣ; но не составлялъ ли этотъ „оброкъ“ ренты съ государственныхъ имуществъ, или можетъ быть подать и рента сливались въ этомъ случаѣ въ одно понятіе—эти вопросы остаются неразрѣшенными; б) налоги, возникшіе вслѣдствіе появленія новыхъ государственныхъ потребностей: приготовленія огнестрѣльнаго оружія, содержанія почтъ, выкупа плѣнныхъ и проч.; в) изъ повинностей самыя важныя: постройка и исправленіе укрѣпленій и военная повинность (посошная служба). Косвенные налоги не упоминаются: было ли поручено управленіе ими земскимъ властямъ, неизвѣстно; вѣроятно, что ихъ продолжали отдавать на откупъ (см. Таможенную Весегонскую Грамоту 1563 г., авг. 4-го, въ Ак. Ар. Эк. т. I, № 263).

¹²⁾ Податныя силы государства опредѣлялись періодическимъ кадастромъ, при которомъ, на основаніи всѣхъ экономическихъ данныхъ (числа населенныхъ мѣстъ, числа дворовъ, количества земли и ея доходности, величины промысловъ), составлялись писцовыя книги, т. е. собственно опредѣлялось—сколько сохъ въ извѣстной волости. Древнѣйшіе памятники кадастра уцѣлѣли до насъ съ конца XV в.—„Списки съ писцовыхъ книгъ, данные волостямъ и посадамъ для соображенія при раскладѣ податей, назывались *сошными*“ (Кури).—См. Иванова: „Описаніе писцовыхъ книгъ“, а также выдержки изъ различныхъ писцовыхъ книгъ въ „Описи Архива министерства юстиціи“ и въ Актахъ Юрид. № 228—231.

Семеновъ сынъ Муравьева съ товарищи десять же человекъ, которыхъ шенкурцы и вельскіе посадскіе люди и становые и волостные хрестыяне излюбили, тѣ межъ ихъ во всякихъ дѣлѣхъ и по кабаламъ управу чинятъ по нашему Судебнику ¹³⁾, на чемъ они къ крестному цѣлованью приведены, безо всякіе хитрости; да прибрати имъ въ Шенкурѣ на посадѣ всѣми посадскими людьми и становыми и волостными, которые приписаны къ Шенкурѣ, діака земского, да въ Вельску на посадѣ по тому жъ прибрати всѣми посадскими людьми и становыми и волостными, которые приписаны къ Вельскому посаду, діака жъ земского, кому излюбленныхъ головъ всякіе дѣла писати, кто бъ имъ въ земскіе дѣла любъ былъ, да и къ цѣлованью имъ тѣхъ дѣловъ привести по той же записи, по которой записи они сами къ цѣлованью приведены, да и записъ къ тѣмъ излюбленнымъ головамъ послана. А кто у нихъ въ Шенкурѣ на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ, которые приписаны судомъ къ Шенкурѣ или въ Вельску на посадѣ, и въ станѣхъ и въ волостѣхъ, которые приписаны судомъ къ Вельскому посаду, купить лошадей, или продать, или мѣнить, и шенкурцы и посадскіе люди и становые и волостные лошади являютъ тѣмъ своимъ выборнымъ головамъ Ильѣ Фенютину съ товарищи десяти человекомъ; а вельскіе посадскіе люди и становые и волостные, которые судомъ приписаны къ Вельскому посаду, являютъ лошади тѣмъ своимъ излюбленнымъ головамъ Павлу Муравьеву съ товарищи десяти человекомъ; и тѣ ихъ выборные головы лошади ихъ въ шерсть и имена людскіе

---

¹³⁾ Объемъ судебной власти земскихъ властей равняется объему прежней власти намістниковъ съ боярскимъ судомъ и даже превосходить ее (сл. С. Ц. ст. 63), ибо здѣсь не поставляется никакихъ ограниченій относительно дѣлъ о холопствѣ. Ниже запрещено земскимъ властямъ выдавать истцамъ отвѣтчиковъ головою безъ доклада царю.—О. М. Дмитріевъ полагаетъ, что это нужно разумѣть о дѣлахъ уголовныхъ, а не гражданскихъ. Однако сами земскія власти поняли это не такъ; наприм. важскіе головы въ 1556 г. сочли нужнымъ обратиться къ правительству съ вопросомъ: какъ взыскивать долги съ несостоятельныхъ должниковъ? Выдавать головою до искупа они не смѣютъ, и въ Грамотѣ у нихъ того не написано (см. ниже приписку къ этой Грамотѣ). Царь разрѣшилъ. Въ Двинской Грамотѣ сказано голословно: „А истцомъ людей головою, безъ нашего доклада, не выдаютъ“.

пишутъ въ книги памяти для, и тѣ лошади пятнають, а отъ пятна не емяють ничего ¹⁴⁾. А кто у нихъ въ Шенкурѣ на посадѣ или въ Вельску на посадѣ, или въ станѣхъ, или въ волостѣхъ женится, или дочеръ замужъ дастъ за рубежь, и они новоженного убруса и выводные куницы не даютъ никому ничего. А учинится у нихъ въ Шенкурѣ на посадѣ или въ станѣхъ и въ волостѣхъ, которые приписаны судомъ къ Шенкурѣ къ посаду, или къ Вельску, на посадѣ или въ станѣхъ и въ волостѣхъ, которые приписаны судомъ къ Вельскому посаду, душегубство, и они вѣдомаго душегубца поймають, шенкурцы посадскіе люди всѣмъ посадомъ ¹⁵⁾, а въ станѣхъ и въ волостѣхъ поймають становые хрестыяне или волостные хрестыяне, а животы его и статки переписутъ да запечатають, а душегубца и живота его переписавъ списокъ отдадутъ шенкурцы посадскіе люди или становые и волостные хрестыяне тѣмъ же своимъ излюбленнымъ головамъ Ильѣ Фенютину съ товарищи десяти челоувѣкомъ, а вельскіе посадскіе люди и становые и волостные хрестыяне, которые приписаны къ Вельску къ посаду, душегубца и живота его переписавъ, списокъ отдадутъ тѣмъ же своимъ излюбленнымъ головамъ Павлу Муравьеву съ товарищи десяти жъ челоувѣкомъ: и тѣ ихъ излюбленные головы того душегубца судягъ и обыскивають, да истцомъ изъ душегубцова живота искъ платятъ; а судити имъ хрестыянъ по ихъ животомъ, по нашей грамотѣ, а кто на кого взыщеть не по животомъ и не по промысломъ ¹⁶⁾, и тѣ ихъ излюбленные головы, шенкурцы Ильѣ Фенютинъ съ товарищи десять челоувѣкъ, а Вельского посаду излюбленные головы Павелъ Муравьевъ съ товарищи десять же челоувѣкъ, про то обыскавъ, искъ

¹⁴⁾ Земскія Грамоты поглощаютъ въ себѣ содержаніе Уставныхъ Намѣстничьихъ и Губныхъ Грамотъ. См. Бѣлос. Уст. Грам. ст. 17 и прим. 23, а равно Суд. Ц. ст. 94—95. По Уставн. Вохонской Грам.: „А будетъ пятно къ тамгѣ и инымъ нашимъ пошлинамъ не придано, а даю будетъ волостелемъ или ловчему: и кто у нихъ въ той полусохѣ купить лошадь, или продасть или мѣнить..., и тѣ ихъ лошади судьи пятнають волостнымъ пятномъ, а отъ пятна емяють по старинѣ какъ ималъ волостель ихъ и пошлинники“. Равнымъ образомъ по той же Грамотѣ сохраняются за земскими властями и „новоженой убрусъ“ и „выводная куница“.

¹⁵⁾ См. выше прим. 7-е.

¹⁶⁾ См. Суд. Цар. ст. 72.

отставляиваютъ; а которой душегубецъ дойдетъ до казни, по нашему по новому Судебнику, и они того душегубца казнятъ, а исцомъ изъ душегубцева живота искъ заплачятъ; а не доищутся въ которомъ убивствѣ душегубца, а будетъ не хитростнымъ дѣломъ сталося которое душегубство, кто утерается отъ своихъ рукъ, или озябеть, или утонетъ, или сгоритъ, или кого водой принесетъ, или кто съ древа убьется, или кого возомъ сотретъ, или кого громъ убьетъ, или кого звѣрь съѣстъ, или кто подкинетъ мертвымъ незнаемымъ человѣкомъ, а обыщутъ того безхитростно, и они того являютъ излюбленнымъ головамъ своимъ, да того мертвѣго хоронятъ, а имъ въ томъ продажи нѣтъ ни отъ кого ¹⁷⁾. А того шенкурцомъ посадскимъ людямъ и Вельского стану посадскимъ людямъ, и становымъ и волостнымъ хрестьяномъ, которые станы и волости приписаны къ Шенкурѣ къ посаду и къ Вельскому посаду, старостамъ и соценмъ, и пятидесяцкимъ, и десятицкимъ, и цѣловалничомъ, и всѣмъ людямъ беречи на крѣпко, чтобъ у нихъ въ Шенкурѣ на посадѣ и въ Вельску на посадѣ, и въ станѣхъ, и въ волостѣхъ татей и разбойниковъ, и ябедниковъ, и подписчиковъ, и костарей, и всякихъ лихихъ людей не было, и приѣзду бъ ни къ кому лихимъ людямъ не было ни которыми дѣлы; а кто у нихъ въ Шенкурѣ и въ Вельску на посадѣхъ, или въ станѣхъ, или въ волостѣхъ взворуется, учнетъ красти, или розбивати, или кто учнетъ ябедничати, или кто учнетъ руки подписывати, или костари учнутъ воровати, зернью играти, или иное которое лихое дѣло учнетъ чинити, или къ кому лихимъ людямъ приѣздъ будетъ, и они того лихаго, поймавъ, да отдадутъ своимъ излюбленнымъ головамъ ¹⁸⁾ шенкурцы посадскіе люди и становые и

¹⁷⁾ См. Уставн. Бѣлос. Грам. ст. 14.

¹⁸⁾ Право уголовного суда принадлежитъ земскимъ властямъ въ томъ объемѣ, въ какомъ оно дано было губнымъ властямъ. Здѣсь не постановляется для нихъ никакихъ ограниченій, т. е. не требуется доклада въ Москву для приведенія въ исполненіе даже смертной казни (о выдачѣ головою см. прим. 13). Въ Земской Грамотѣ крестьянамъ подклѣтныхъ сель Переславскаго уѣзда прямо сказано: „Будетъ вѣдомой лихой человѣкъ, и выборнымъ судьямъ съ губными старостами тѣхъ людей судити и управу имъ чинити по Губнымъ Грамотамъ“. (Между тѣмъ Ѳ. М. Дмитріевъ утверждаетъ, что „по суду въ дѣлахъ разбойныхъ они никого не могли обвинить безъ доклада“, и ссылается именно на Важскую и Переславскую Подклѣт-

волостные, которые приписаны судомъ къ Шенкуръѣ къ посаду, отдадутъ Ильѣ Фенютину съ товарищи десяти человѣкомъ, а Вельского стану посадскіе люди и становые и волостные, которые приписаны судомъ къ Вельскому посаду, отдадутъ излюбленнымъ головамъ Павлу Муравьеву съ товарищи десяти жъ человѣкомъ, и излюбленные ихъ головы, Ильѣ Фенютинъ съ товарищи десяти человѣкъ, да Павелъ Муравьевъ съ товарищи десяти же человѣкъ, про то обыскавъ, управу имъ и казнь чинять по нашему Судебнику. А кто излюбленныхъ головъ у Ильи Фенютина съ товарищи у десяти человѣкъ, да у Павла у Муравьева съ товарищи у десяти жъ человѣкъ, учнутъ въ разбоѣхъ и въ татбахъ просити пристава на поличное или на костарей: и излюбленные головы Ильѣ Фенютинъ съ товарищи десяти человѣкъ, да Павелъ Муравьевъ съ товарищи десяти же человѣкъ ѣздить на поличное съ истцы сами ¹⁹⁾, и тѣ истцы своихъ поличныхъ передъ ними

ную Грамоты). Въ Грамотѣ Устюжны Желѣзопольской докладъ по уголовнымъ дѣламъ требуется только тогда, когда „*прѣзжаю*“ человѣка торговаго, или иного какого человѣка прѣзжаго изымають на Устюжнѣ на посадѣ съ поличнымъ въ татбѣ, или въ разбоѣ, или въ грабежѣ“. Отношеніе земскихъ властей къ губнымъ, тамъ, гдѣ эти послѣднія учреждены были прежде земскихъ, опредѣляется величиною округа земскаго управленія; такъ переславскіе рыболовы составляющіе лишь одну общину, вовсе не судятъ *разбойныхъ* дѣлъ: „А въ разбойныхъ дѣлѣхъ Рыболовы Слободы крестьянъ судити и управливати губнымъ старостамъ, по ихъ Губнымъ Уставнымъ Грамотамъ и по наказнымъ спискамъ“. Земскія власти переславскихъ подклѣтныхъ селъ, равно Вобровничей полусохи Вохонской волости, судятъ вмѣстѣ съ губными властями, но уже не одни разбойныя дѣла, а и „душегубство, и пожегу, и ябедничество, и подписку, или иное какое лихое дѣло“, такъ что въ этомъ случаѣ кругъ дѣйствія губныхъ властей расширяется въ силу появленія земскихъ учрежденій.

¹⁹⁾ Выимка поличнаго съ участіемъ пристава указываетъ лишь на пособіе, оказываемое властію частному истцу въ уголовныхъ преслѣдованіяхъ: здѣсь сама власть непосредственно преслѣдуетъ обвиняемаго, хотя бы уголовный искъ начатъ былъ и частнымъ истцомъ. Вообще въ судопроизводствѣ Земскія Грамоты произвели громадный переворотъ: а) кромя окончательнаго торжества слѣдственныхъ началъ (за нерозыскъ преступниковъ сами выборные подвергаются казни) и въ связи съ этимъ стоитъ уничтоженіе судебныхъ поединковъ, которые, надобно думать, уже не допускались

ищутъ, и у кого поличное выймутъ, и они съ поличнымъ судятъ и обыскиваютъ накрѣпко, всѣ излюбленные головы шенкурскіе и вельскіе и вѣстовѣ, а сыскавъ ихъ, излюбленные головы шенкурскіе и становые и волостные Илья Фенютинъ съ товарищи десять человѣкъ, да Вельскаго псаду и становые и волостные излюбленные головы Павелъ Муравьевъ съ товарищи десять же человѣкъ, управу имъ чинятъ по нашему по новому Судебнику во всякихъ дѣлѣхъ, а исцомъ людей головой, безъ царя и великого князя доклада, не выдаютъ; а которые люди доведутся до казни, и тѣ ихъ излюбленные головы Илья Фенютинъ съ товарищи десять человѣкъ, да Павелъ Муравьевъ съ товарищи десять же человѣкъ, обыскавъ вправду, безо всякіе хитрости, по нашему крестному цѣлованью, тѣхъ людей казнять ²⁰⁾ по нашему Судебнику; а которого лихого человѣка излюбленные головы въ подворьяхъ не извѣдуть, а учнутъ которые лихіе люди отъ котораго дѣла бѣгати или хоронитися, и излюбленнымъ головамъ тѣхъ людей наметывать на тѣхъ людей въ посадѣхъ, кто съ кѣмъ въ одной улицѣ, а въ станѣхъ и въ волостѣхъ кто съ кѣмъ въ одной деревни живетъ ²¹⁾, а велѣти имъ добывая передъ собою ставить, и тѣ излюбленные головы, Илья Фенютинъ съ товарищи десять человѣкъ, да Павелъ Муравьевъ съ товарищи десять же человѣкъ, тѣхъ лихихъ людей, по обыскомъ и по Судебнику которые дойдутъ до казни, казнять, а изъ животовъ ихъ исцовы иски платятъ, а что розбойничьихъ и татиныхъ животовъ за исцовыми иски останется, и тѣ розбойничьи и татины животы тѣ излюбленные ихъ головы, шенкурскіе и вельскіе и становые и волостные, емлютъ во всѣ посадскіе люди и въ становые и въ волостные,

---

съ того времени никогда и нигдѣ: „А судити имъ и сысквати во всякихъ дѣлѣхъ безъ поль“ (Земск. Двин. Грам.), б) уничтоженіе судебныхъ пошлинъ, которыя, однако, были восстановлены послѣ, но взимались на государя. Поэтому хотя земскія учрежденія потеряли послѣ свое первоначальное значеніе, но переворотъ, произведенный ими, продолжалъ жить въ ихъ послѣдствіяхъ.

²⁰⁾ См. выше прим. 18-е.

²¹⁾ Въ Земской Двинской Грам.: „А кого лихого человѣка... выборные судьи въ подворьяхъ не извѣдуть, а учнутъ бѣгати, и выборнымъ судьямъ тѣхъ лихихъ людей взметывать на тѣхъ соцехъ и на пятидесяцехъ и на десятицехъ, въ которой сотной тотъ человѣкъ живетъ...“.

въ тотъ намѣстничъ оброкъ²²⁾; а которыхъ дѣлъ излюбленными головами безъ нашего вѣдома кончать не мочно, и излюбленные головы Илья Фенютинъ, съ товарищи десять человекъ, да Павелъ Муравьевъ съ товарищи десять же человекъ въ тѣхъ дѣлахъ суда своего списки и обыски во всякихъ дѣлахъ присылають на Москву, къ казначею нашимъ Ивану Петровичу Головину, да Осодору Ивановичу Сузину, да во діяку нашему Истомѣ Ноугородову, или иному діяку, кому изъ царь и великій князь Вагу прикажу, и казначеи наши да діякъ нашъ о тѣхъ дѣлахъ докладываютъ меня царя и великого князя, и изъ вельскому указъ учинити; а на судѣ, и въ обыску, и во всякихъ дѣлахъ у излюбленныхъ головъ у шенкурцовъ у десяти человекъ быти шенкурцомъ посадскимъ людямъ и становымъ и волостнымъ, которые приписаны судомъ въ Шенкурѣ, а у вельскихъ излюбленныхъ головъ у Павла у Муравьева съ товарищи у десяти жъ человекъ быти вельскимъ посадскимъ людямъ и становымъ и волостнымъ лутчимъ людямъ, кокимъ будетъ пригоже, чтобы отъ нихъ никому ни въ чемъ силы и обиды и продажи безлѣпичны не было. А которые люди въ Шенкурѣ или въ Вельску на посадѣхъ, или въ станѣхъ, или въ волостѣхъ, учнутъ корчмы держати, и излюбленные головы въ Шенкурѣ Илья Фенютинъ съ товарищи десять человекъ, а въ Вельску излюбленные головы Павелъ Муравьевъ съ товарищи десять же человекъ берегутъ корчемъ накрѣпко, чтобы въ Шенкурѣ и въ Вельску на посадѣхъ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ посадскіе люди и становые и волостные хрестыяне, которые живутъ близко посадовъ, верстъ за пять и за десять, питья на продажу не держали; а которые люди шенкурцы или вельскіе посадскіе люди, или становые, или волостные хрестыяне, которые живутъ близко посадовъ, учнутъ питья держать на продажу, и излюбленные ихъ головы въ Шенкурѣ на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ, которые приписаны судомъ къ Шенкурѣ, Илья Фенютинъ съ товарищи десять человекъ, а въ Вельску на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ, которые приписаны судомъ къ Вельску къ посаду, Павелъ Муравьевъ съ товарищи десять же человекъ, у тѣхъ людей

---

²²⁾ Т. е. конфискованное имущество преступниковъ идетъ на уплату того оброка, который установленъ за уничтоженіе намѣстничьяго управленія.

питья выймають и заповѣди ²³⁾ на нихъ емлють на меня царя и великого князя два рубля, а посадскимъ людямъ ²⁴⁾ два жъ рубля, а съ питуховъ емлють по полуполтинѣ съ человѣка; а впередъ излюбленнымъ головамъ говорить тѣмъ людямъ, у которыхъ питье выймутъ, чтобы они впередъ питье на продажу однолично не держали, а которые люди учнутъ впередъ корчмы держать, и тѣмъ людямъ быть отъ меня царя и великого князя казеннымъ; да и самимъ излюбленнымъ головамъ питье на продажу не держати; а которымъ людямъ лучится къ празднику канунъ сварить, или родители помянути, или на крестины, или на родины, и тѣ люди докладываютъ о томъ излюбленнымъ головамъ, въ Шенкурѣ Илью Фенютина съ товарищи десяти человѣкъ, а въ Вельску на посадѣ Павла Муравьева съ товарищи десяти жъ человѣкъ, и тѣ излюбленные головы тѣмъ людямъ ослобужаютъ питье варить и пить дни на три, или на четыре, или на пять, а какъ тѣ урочные дни минуть, и излюбленные головы у тѣхъ людей питье выймають и заповѣди на нихъ емлють по нашему указу. Да и того излюбленнымъ головамъ шенкурскимъ и вельскимъ посадскимъ и волостнымъ и становымъ межъ себя беречи накрѣпо, чтобы отъ нихъ отъ самихъ и отъ стороннихъ людей, отъ кого ни буди, шенкурцомъ и Вельского стану посадскимъ людямъ и становымъ и волостнымъ силъ и обидъ и продажъ безлѣпныхъ не было, и посуловъ бы и по-

---

²³⁾ Заповѣдью называется штрафъ за такіа дѣянія, которыя запрещены закономъ, между тѣмъ какъ общество не находитъ въ существѣ ихъ ничего преступнаго (дѣянія невинныя могутъ быть обращены закономъ въ преступленія, по требованію полицейскихъ, фискальных или другихъ интересовъ государства). Въ случаѣ повторенія тѣхъ же дѣяній тѣми же самими лицами, заповѣдь переходитъ уже въ казнь (вѣроятно—смертную). Вслѣдствіи заповѣдью называется денежный штрафъ и за другія преступленія (какъ добавленіе къ нормальнымъ наказаніямъ), если только къ лицу преступника, прежде совершенія преступленія, было обращено специальное воспрещеніе дѣянія отъ лица судебной власти (когда кто-либо угрожалъ другому, то угроза противопоставлялась угроза—заповѣдь, которая и взыскивалась въ случаѣ дѣйствительнаго совершенія преступленія). См. Уложен. гл. X, ст. 133 и 135.

²⁴⁾ Отсюда слѣдуетъ, что питейная продажа составляла право городскихъ общинъ, которыя, конечно, платили за то въ казну определенную сумму.

минковъ ни въ какихъ дѣлѣхъ на посадскихъ людѣхъ и на станovýchъ хрестіанѣхъ никто не ималъ ни которыми дѣлы; а учнутъ шенкурцы и Вельскаго стану посадскіе люди на посадѣ, а становые или волостные хрестіане учнутъ держать у себя въ деревняхъ шенкурцовъ же или Вельскаго стану посадскихъ людей, или костарей, или станovýchъ или волостныхъ хрестіанъ лихихъ людей, или за лихихъ людей учнутъ стояти, а излюбленнымъ головамъ, поймавъ ихъ, не учнутъ ихъ отдавати, и общется то про лихихъ людей мимо шенкурцовъ и Вельскаго стану посадскихъ людей и станovýchъ и волостныхъ хрестіанъ, и тѣмъ излюбленнымъ головамъ, и шенкурцомъ лутчимъ людемъ, и Вельскаго стану посадскимъ людемъ, и становымъ и волостнымъ хрестіаномъ лутчимъ отъ меня отъ царя и великаго князя быти казненнымъ смертною казнью ²⁵⁾, а животы ихъ и статки велѣти имѣти емючи отдавати истцомъ; а учнутъ излюбленные ихъ головы сами посадскимъ людемъ или становымъ или волостнымъ хрестіаномъ, кому ни буди, силы и обиды и продажи безлѣпичные чинити и посулы и поминки имати, и тѣмъ отъ меня царя и великаго князя быти казненнымъ смертною казнью, а животы ихъ и статки велѣти имати да отдавати тѣмъ людемъ, кому отъ нимъ продажи и убытки чинятся. А судные и обыскные и всякіе дѣла у излюбленныхъ головъ записывати земскому діяку, котораго излюбля выберутъ себѣ всѣ шенкурцы посадскіе люди и становые и волостные, которые приписаны судомъ къ Шенкурѣ; а другаго діака выберутъ Вельскаго стану посадскіе люди и становые и волостные, которые приписаны къ Вельскому посаду; а у записки и у всякихъ дѣлъ сидѣти излюбленнымъ ихъ головамъ въ Шенкурѣ на посадѣ Ильѣ Фенютину съ товарищи десяти человекомъ, а въ Вельску на посадѣ Павлу Муравьеву съ товарищи десяти жъ человекомъ, а съ ними лутчимъ людемъ посадскимъ и становымъ и волостнымъ хрестіаномъ, и велѣти имъ всякіе дѣла записывати передъ собою, да тѣ записки всякихъ дѣлъ держати за своими печатми, а земскому діяку безъ нихъ судныхъ дѣлъ и обыскныхъ и всякихъ дѣлъ не записывати и у себя не держати некоторыми дѣлы; а учнегъ земской діакъ судные и обыскные и всякіе дѣла записывати одинъ, не при излюбленныхъ головахъ, или которые дѣла учнегъ зем-

²⁵⁾ См. выше прим. 19-е.

ской діакъ держати у себя, а кто ихъ въ томъ уличить, и излюблен-
нымъ главамъ, въ Шенкурѣ Ильѣ Фенютину съ товарищи, а въ
Вельску на посадѣ Павлу Муравьеву съ товарищи, и діаку земскому
отъ меня царя и великого князя въ томъ быти каженнымъ смертною
казнью, а животы ихъ и статки велѣти мнѣ имати у нихъ да отда-
вати тому, кто на нихъ въ томъ доведетъ. А кому будетъ чего искати
опричнымъ людямъ на шенкурцѣхъ и на вельскихъ на посадскихъ
людѣхъ и на становыхъ хрестьянѣхъ, и тѣ опричные люди на шен-
курцовъ и на вельскихъ на посадскихъ людей, и на становыхъ, и на
волостныхъ хрестьянъ приходятъ о управѣхъ на Москву къ казна-
чеемъ нашимъ ²⁶⁾ Ивану Петровичу Головину, да къ Ѳеодору Ивано-
вичу Сукину, да къ діаку нашему Истомѣ Ноугородову, и казначен
наши да діакъ Истома Ноугородовъ, докладывая меня царя и великого
князя, на шенкурцовъ и на вельскихъ на посадскихъ людей и на ста-
новыхъ и на волостныхъ хрестьянъ приставовъ нашихъ дають и управу
имъ на Москвѣ чинятъ по нашему указу. А на пустые имъ мѣста
дворовые, въ Шенкурѣ и въ Вельску на посадѣ, и въ станѣхъ, и въ
волостѣхъ, въ пустые деревни и на пустоши и на старые селища
хрестьянъ называть и старыхъ имъ своихъ тягловыхъ хрестьянъ изъ
за монастырей выводить ²⁷⁾ назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажати
ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ прежде
того. А которые посадскіе люди, или становые, или волостные хрестьяне,
передъ излюбленными головами учнутъ искати заемныхъ денегъ съ
росты, или заемного хлѣба съ насны, по кабаламъ, а отвѣтчики по
тѣмъ кабаламъ скажутся виноваты, а будетъ въ тѣхъ кабалахъ денги
обрубные, или хлѣбъ обрубной ²⁸⁾ писанъ, или на денги ростъ, или на
хлѣбъ насопъ поведѣлно ²⁹⁾ написанъ, и излюбленные головы по тѣмъ

²⁶⁾ См. прим. 2-е къ Ц. С.

²⁷⁾ Здѣсь не разумѣются только тѣ крестьяне, которые разошлись изъ
волостей безъ срока и безъ отказа (см. выше прим. 3-е), но, надобно ду-
мать, всѣ *старые* тяглецы (сл. прим. 91-е къ Суд. 1497); всѣ люди засѣ-
дѣлые, особенно на государственныхъ земляхъ, уже давно потеряли право
перехода. Сл. прим. 16-е къ Жалов. Грам. Казимира 1457.

²⁸⁾ Т.-е. безъ росту.

²⁹⁾ Это первое указаніе въ памятникахъ московскаго законодательства
на ростъ не годичный и на запрещеніе его: слич. Рус. Пр. Кар. 48.

кабаламъ у истцовъ обрубные денги, или хлѣбъ, и поведѣльной ростъ на денги и на хлѣбъ насосъ отставлявають, а велятъ имъ имати по кабалямъ истину, денги или хлѣбъ, а на денги ростъ или на хлѣбъ насосъ на пять шестой ³⁰⁾ по росчету. А какъ тѣ излюбленные головы, а съ ними посадскіе люди или становые, или волостные хрестьяне поѣдутъ къ намъ, къ Москвѣ, съ нашею казною, за намѣстничъ откупъ, или поѣдутъ отъ насъ съ Москвы назадъ на Вагу, и по городомъ наши намѣстники и по волостемъ волостели и наши приказчики, и ихъ тиуны, и мытчен, и перевозчики, и мостовщакъ на излюбленныхъ головахъ и на посадскихъ людѣхъ и на становыхъ и на волостныхъ крестьянѣхъ мыта, и явки, и мостовщины, и перевозу, и иныхъ пошлинъ не емлютъ, а пропущаютъ ихъ вездѣ доброволно по сей нашей грамотѣ. Писана грамота на Москвѣ, лѣта 7060, марта въ 21 день.—Списокъ списанъ. У грамоты печать на шелку, на красномъ воску; а назадъ грамоты писано: „Царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи“. Припись по ставомъ дѣака Истомы Ноугородова ³¹⁾.

Назадъ жъ грамоты писано: „Лѣта 7064, марта въ 8 день, били челомъ царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи вѣжене, Шенкурского и Вельского посаду крестьяне Гараско Павловъ, да Илейва Фенютинъ, да Ивашка Іевлевъ и во всѣхъ Шенкурского и

³⁰⁾ Т.-е. дозволяется только 20% въ годъ; сл. Суд. Ц. прим. 195-е.

³¹⁾ Добавленія изъ другихъ Земскихъ Грамотъ: а) О вознагражденіи земскимъ судьямъ: „Учнутъ тѣ выборные судьи судити и управу межъ крестьянства чинити прямо по нашему Уложенію, по Судебнику и по Уставной Грамотѣ безволонитно и беспосуно, и оброкъ за волостелины доходы собирать, и къ намъ на срокъ привозити сполна, и впредъ толко намъ и Землѣ управа ихъ будетъ любя, и мы съ ихъ вытей, что за ними пашни, пошлинъ и податей всякихъ имати не велимъ, да и сверхъ того пожелаемъ“. Уст. переславск. рыболовамъ.

б) Судъ о ябедничествахъ: „А которые люди учнутъ искати на своихъ же посадчанѣхъ боевъ и грабежовъ и ябедничествомъ двожды или трожды, и доведутъ на нихъ въ томъ всѣмъ посадомъ, и руки посадскіе люди къ своимъ рѣчамъ приложатъ, что тѣ люди ябедничаютъ: и тѣхъ ябедниковъ по тому обыску бити кнутемъ да выслати изъ посадовъ, а животовъ ихъ не грабити“. Земск. Гр. Устюжны Желѣзопольской.

Вельского посаду и волостныхъ и становыхъ людей мѣсто, что по ихъ жаловальной откупной грамотѣ, передъ выборными судьями ищутъ по кабаламъ и по записямъ и безкабално заемнаго хлѣба и денегъ, и по тѣмъ кабаламъ и по записемъ отвѣтчики винятся, а исцова иску доправити на нихъ не мочно, и въ тѣхъ дѣлѣхъ они управы чинити безъ государева вѣдома и тѣхъ людей въ исцовыхъ искѣхъ исцомъ ихъ выдавати головою до искупа не смѣютъ, а у нихъ въ ихъ грамотѣ того не написано ³²⁾: къ Москвѣ тѣ списки къ докладу послати ли, или по тѣмъ спискомъ управа имъ чинити, къ докладу къ Москвѣ не посылаючи? И царь и великій князь Важского уѣзда становымъ и волостнымъ судьямъ по сей грамотѣ указалъ чинити: которые люди по кабаламъ и по записемъ и безкабално, въ хлѣбъ и въ денгахъ, исцомъ своимъ передъ выборными судьями скажутся виноваты, а исцова иску скажутъ заплатить имъ не мочно, и выборнымъ судьямъ на тѣхъ людѣхъ исцовы иски велѣти правити послѣ суда шесть недѣль ³³⁾, да будетъ въ ту шесть недѣль исцовыхъ исцовъ доправити на нихъ не мочно, и выборнымъ судьямъ отвѣтчиковъ въ исцовыхъ искѣхъ выдавати ищещимъ ихъ головой до искупа и правые имъ грамоты на нихъ давати, за своими печатями и земскихъ дѣяковъ руки: а тѣ ихъ кабалы и записи выборнымъ судьямъ держати у себя въ земскомъ ларцѣ, за своими печатями, докуда которой отвѣтчикъ, по кабаламъ и по записемъ и безкабално, исцомъ своимъ искупится; а которой отвѣтчикъ, по кабаламъ и по записемъ и безкабално, выборнымъ судьямъ въ исцовы иски въ уплату, что привезетъ, хлѣба или денегъ, и выборнымъ судьямъ денги и хлѣбъ у тѣхъ людей имать безъ росту, да хлѣбъ и денги выборнымъ судьямъ держати у себя, докуды которой отвѣтчикъ исцовъ искъ выплатитъ сполна; а уплата выборнымъ судьямъ на кабалахъ и на записехъ подписывати, докуды которой отвѣтчикъ отъ исцова иску искупится сполна; а которой отвѣтчикъ исцова иску, безкабалнаго долгу, что принесетъ въ уплату: и выборнымъ судьямъ тѣмъ людямъ въ той ихъ въ уплатѣ давати

³²⁾ См. выше прим. 13-е.

³³⁾ Здѣсь назначается только срокъ для употребленія судебною властью мѣръ взысканія до выдачи головою. Какія это мѣры—еще не указывается. Едва ли извѣстный способъ правева, практикованный послѣ (тѣлесное наказаніе), былъ единственнымъ.

отписи, земскихъ діяковъ руки; а какъ которой отвѣтчикъ, по кабаламъ и по записемъ и безкабално, исцевъ искъ выплатитъ сполна: и выборнымъ судьямъ хлѣбъ и деньги отдавати исцомъ безъ росту, а кабалы и записи выдавати отвѣтчикомъ, а правые грамоты у исцовъ имати назадъ да тѣхъ людей платежъ на правыхъ грамотахъ подписывати велѣти тѣмъ земскимъ діякомъ". Списокъ списанъ. По концѣ той подписки написано: „Діакъ Иванъ Михайловъ“.

Уставная Важская Грамота напечатана въ Акт. Арх. Эксп. т. I, № 234.

Другія Уставныя Земскія Грамоты:

1) Уставная Грамота переславскимъ рыболовамъ 1555 г., авг. 15 (А. А. Э. т. I, № 242).

2) Переславскаго уѣзда царскихъ подклѣтныхъ сель крестьянамъ 1556 г., апрѣля 29 (А. Ист. т. I, № 165).

3) Уставная Двинская Грамота, 1556 г. сентября (А. А. Э. т. I, № 250).

4) Судная (земская) Грамота князя Владиміра Андреевича крестьянамъ Замосковной Вохонской волости, бобровничей полусохи, 1561 г., марта 20 (*ibid.*, № 257).

5) Судная (земская) Грамота Устюжны Желѣзопольской (подтвердительная) 1614, іюня 5 (*ib.*, т. III, № 36; сл. № 37).

6) Земская Грамота Устьянскимъ волостямъ 1622 г., сентября 8 (*ibid.*, № 126).

ОБЫЧНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

КРЕСТЬЯНЪ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Кандидата

Павла Березанскаго.

Оглавленіе.

Введеніе.

	Стр.
Дѣятельность комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ .	1
Важность и необходимость изученія устройства и состоянія крестьянскихъ судовъ	4
Волости Тамбовской губерніи. о судахъ которыхъ собраны свѣдѣнія членами комиссіи	6
Матеріалъ для сочиненія	7
Какъ нужно относиться къ заявленіямъ крестьянъ о состояніи волостныхъ судовъ?	8
Порядокъ изложенія.	11

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Судоустройство.

Виды крестьянскихъ судовъ	13
I. Судъ сельскаго старосты	14
II. Судъ стариковъ	15
III. Судъ волостнаго старшины	19
IV. Судъ сельскаго схода	20
V. Третейскій судъ	21
Значеніе указанныхъ видовъ сельскихъ судовъ	22
VI. Волостной судъ	24
Число волостныхъ судовъ въ каждой волости	—
Срокъ службы судей	28
Порядокъ выборовъ волостныхъ судей	31

	Стр.
Жалованье волостныхъ судей	35
Число судей, участвующихъ въ засѣданіяхъ суда	40
Очередь участія судей въ засѣданіяхъ суда	41
Предсѣдательство въ судѣ	43
Мѣсто засѣданій волостныхъ судовъ	45
Выѣзды судовъ	46
Время засѣданій волостныхъ судовъ	48
Публичность засѣданій волостныхъ судовъ	51
Грамотность волостныхъ судей	52
Взглядъ крестьянъ на должность волостнаго судьи	55

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Судопроизводство.

О подсудности волостнымъ судамъ	59
Поводы къ началу дѣлъ въ волостныхъ судахъ	66
1. Сообщенія должностныхъ лицъ	67
2. Непосредственное усмотрѣніе проступка волостнымъ судомъ.	68
3. Жалобы частныхъ лицъ	69
Кто подаетъ жалобу	71
Вызовъ на судъ сторонъ и свидѣтелей	73
Неявка сторонъ въ судъ и послѣдствія этой неявки	74
Заочныя рѣшенія.	76
Отводъ судей	78
Порядокъ разбирательства дѣлъ въ волостныхъ судахъ	80
Тяжущіеся и ихъ повѣренныя на ходатайство въ волостныхъ судахъ	82
Доказательства на судѣ	84
1. Показаніе свидѣтелей	86
Лица, являющіяся въ качествѣ свидѣтелей на волостномъ судѣ	87
Отводъ свидѣтелей	88
Допросъ свидѣтелей	90
Неявка свидѣтелей въ судъ и послѣдствія этой неявки	94
Вознагражденіе свидѣтелей	—
2. Письменные документы	96
3. Признаніе отвѣчника какъ доказательство	98

	Стр.
4. Обыскъ, дознание, осмотръ и освидѣтельствоваіе	98
5. Показанія сосѣдей и оковыхъ людей	100
6. Показанія свѣдущихъ людей—экспертовъ	101
7. Божба	102
8. Поведеніе сторонъ на судѣ и до суда, какъ доказательство	104
9. Вещественныя доказательства	106
Жребій	107
Грѣхъ пополамъ	108
Склоненіе сторонъ къ примиренію	111
Обсужденіе дѣла и постановленіе рѣшенія	117
Участіе волостнаго старшины въ обсужденіи дѣла и постановленіи рѣшенія	118
Участіе волостнаго писаря при разборѣ и обсужденіи дѣла и постановленіи рѣшеній	120
Чѣмъ руководствуются судьи при постановленіи рѣшеній	125
Записка рѣшеній въ книгу	128
Форма книгъ для записки рѣшеній волостныхъ судовъ	131
Объявленіе рѣшеній сторонамъ	132
Обжалованіе рѣшеній волостныхъ судовъ	133
Отмѣна приговора самимъ судомъ, постановившимъ его	139
Приведеніе рѣшеній въ исполненіе	140

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Уголовное право.

Наказанія, налагаемыя волостными судьями	149
1. Оставленіе на замѣчаніи волостнаго суда и общества	151
2. Оставленіе въ подозрѣніи	153
3. Выговоръ, замѣчаніе и внушеніе	154
4. Присужденіе къ угощенію водкою	157
5. Присужденіе къ испрошенію прощенія	158
6. Исключеніе изъ числа выборныхъ на сельскій сходъ	—
7. Записка въ штрафную книгу	159
8. Удаленіе изъ селенія	160
9. Водвореніе на мѣсто жительства	161
10. Отдача на заработки къ частнымъ лицамъ	—

	Стр.
11. Назначеніе на общественныя работы. - - - - -	163
12. Штрафъ - - - - -	165
13. Арестъ - - - - -	168
14. Розги - - - - -	172
Наказаніе розгами женщинъ - - - - -	180
15. Осрамительныя наказанія - - - - -	182
Наказаніе за совокупность проступковъ - - - - -	185
Обстоятельства увеличивающія и уменьшающія вину и наказуе- мость - - - - -	189
Наказаніе нѣсколькихъ лицъ, участвующихъ въ проступкѣ (сте- ченіе преступниковъ) - - - - -	195
Наказаніе ни въ чемъ невиновныхъ и освобожденіе отъ наказа- нія безъ причины - - - - -	197
Проступки, разбираемые волостными судами - - - - -	198
Кража и присвоеніе чужой собственности - - - - -	199
Кража лѣса - - - - -	202
Необъявленіе о находкѣ - - - - -	204
Порча и утрата чужой собственности - - - - -	—
Оскорбленіе чести - - - - -	206
1. Обида словами и дѣйствіемъ - - - - -	—
2. Клевета - - - - -	209
Обоюдныя обиды - - - - -	211
Осморбленіе, неуваженіе, непослушаніе и грубость противъ роди- телей и другихъ старшихъ членовъ семейства - - - - -	—
Оскорбленія между супругами - - - - -	216
Оскорбленіе, неповиновеніе, непослушаніе и грубость противъ во- лостныхъ судей и другихъ должностныхъ лицъ - - - - -	218
Неисполненіе требованій начальства явиться въ судъ - - - - -	220
Угроза - - - - -	—
Нарушеніе общественной тишины, порядка и спокойствія - - - - -	221
Нанесеніе побоевъ - - - - -	223
Нанесеніе побоевъ при обоюдной дракѣ - - - - -	226
Неплатежъ податей - - - - -	227
Пьянство и нерадѣніе въ хозяйству - - - - -	231
Вольная жизнь жены и укрывательство отъ мужа - - - - -	232
Распутное поведеніе и любовная связь - - - - -	234

	Стр.
Нищенство - - - - -	234
Преступленія по должности - - - - -	235
Дѣла по жалобамъ на должностныхъ лицъ - - - - -	236
Обязательныя занятія частныхъ лицъ и неисполненіе ихъ - - -	—
Должныя показанія свидѣтелей на судѣ - - - - -	237
Неуваженіе святыни и религіи и неисполненіе нѣкоторыхъ рели- гіозныхъ обрядовъ - - - - -	—
Нарушеніе уставовъ пожарнаго и строительнаго - - - - -	238
Нарушеніе договоровъ - - - - -	239
Напрасная жалоба - - - - -	241

тогда, когда виновный бѣднаго состоянія, то волостной судъ опредѣляетъ только наказаніе, не присуждая виновнаго къ денежному вознагражденію просителя; такъ напр. дѣло на стр. 575 іюля ' вѣ Поддубраскомъ волостномъ судѣ, или же дѣло о кражѣ со взломомъ въ Мокринскомъ волостномъ судѣ (8—136).

Иногда за кражу волостные суды наказываютъ не розгами, но арестомъ или штрафомъ въ пользу волостныхъ суммъ или же пеней въ пользу потерпѣвшаго, сверхъ вознагражденія за украденную вещь, иногда же и совсѣмъ оставляютъ безъ наказанія, взыскивая только вознагражденіе за вещь; такъ Отысовскій волостной судъ приговорилъ виновнаго въ кражѣ къ уплатѣ 5 рублей въ пользу просителя и 3 рублей въ пользу мірскаго капитала (4—81); Бутырскій волостной судъ за кражу 34 досокъ присудилъ возвратить доски и взыскать съ виновнаго 12 рублей въ пользу просителя; Нижне-Матренскій волостной судъ приговорилъ виновнаго въ кражѣ только къ уплатѣ 3 рублей въ пользу просителя (33—618); Кушкинскій волостной судъ, признавъ трехъ крестьянъ Я., Г. и М. виновными въ кражѣ у помѣщика Н. трехъ подводъ лыкъ, приговорилъ ихъ къ уплатѣ помѣщику Н. стоимости сихъ лыкъ или къ возврату ихъ натурою (1—383); Павлодаровскій волостной судъ за кражу крестьянкою 25 рублей постановилъ взять у нея въ пользу просителя корову (2—453). Въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ взыскивается только съ виновныхъ вознагражденіе въ пользу просителя за украденную у него вещь, наказанію же виновный не подвергается.

Если виновною въ кражѣ оказывается женщина, то, согласно Высочайшему указу 23 апрѣля 1863 года, она не подвергается тѣлесному наказанію, которое въ дѣлахъ о кражѣ замѣняется чаще всего арестомъ, штрафомъ и общественными работами. Такъ Романовскій волостной судъ приговорилъ женщину за кражу къ 2-дневному аресту, но такъ какъ она имѣетъ груднаго ребенка, то вмѣсто ареста — 1 рубль штрафа въ пользу волостныхъ суммъ (14—661); Горѣльскій волостной судъ приговорилъ женщину къ 4-дневному аресту за то, что вынула изъ кармана у другаго лица деньги съ цѣлью присвоить (3—22); Инжавинскій волостной судъ за кражу 7 рублей женщиною приговорилъ ее къ общественнымъ работамъ на 6 дней (31-573); Мало-Алабухскій волостной судъ приговорилъ женщину за кражу къ

общественнымъ работамъ на 5 дней: подавать каменщикамъ кирпичъ при кладкѣ церкви (1—449).

Строже всего, кажется, наказываютъ за кражу въ Спасо-Городской волости, это видно изъ того, что во первыхъ, кражи случались въ этой волости весьма рѣдко; во вторыхъ, въ дѣлѣ № 19 (стр. 232) судомъ признано, что кража совершена въ пьяномъ видѣ, что совершилъ ее виновный въ первый разъ, что отвѣтчикъ хорошаго поведения, — и, не смотря на такія смягчающія вину обстоятельства, виновный приговоренъ къ 5-дневному аресту — наказанію сравнительно строгому (при этомъ нужно принять во вниманіе, что въ этой волости розги почти что не употребляются).

Такимъ образомъ изъ всего предыдущаго видно, что за кражу и присвоеніе чужой собственности присуждаютъ къ разнымъ наказаніямъ, начиная отъ самаго строгаго — розогъ, и оканчивая освобожденіемъ отъ наказанія; при всемъ томъ можно сказать, что розги въ этомъ случаѣ самое употребительное наказаніе.

Кража лѣса.

Общераспространенное мнѣніе, что крестьяне смотрятъ на лѣсъ, какъ на даръ природы, и что они относятся къ кражѣ лѣса весьма снисходительно, — не подтверждается рѣшеніями волостныхъ судовъ. По крайней мѣрѣ это можно сказать относительно волостей Тамбовской губерніи, въ которыхъ за кражу лѣса наказываются нисколько не легче, чѣмъ за кражу другихъ предметовъ. За кражу лѣса наказываютъ также розгами, арестомъ и штрафомъ, и кромѣ того всегда взыскиваютъ съ виновнаго за убытки хозяину лѣса. Правда иногда за кражу лѣса подвергаютъ сравнительно легкому наказанію и даже совсемъ освобождаютъ отъ наказанія; но во первыхъ, и при кражѣ другихъ предметовъ, какъ уже сказано выше, иногда виновный освобождается отъ наказанія; во вторыхъ, присуждая къ большому или меньшему наказанію и даже освобождая виновнаго отъ наказанія, судьи обращаютъ вниманіе на личныя качества обвиняемаго и на ихъ условія, при которыхъ проступокъ совершенъ, слѣд. и здѣсь, какъ и при другихъ проступкахъ, судьи назначаютъ наказаніе, „взвѣсивъ по чело-вѣку“. Такимъ образомъ кража лѣса по взгляду крестьянъ Тамбовской губерніи не отличается отъ другихъ видовъ кражи и подвергается

виновныхъ тѣмъ же наказаніямъ, какими они подвергаются за кражу другихъ предметовъ. Лучше всего это можно видѣть изъ рѣшеній волостныхъ судовъ. Такъ: за кражу лѣса изъ общественныхъ дачъ виновный наказанъ 19 ударами, а украденныя дрова взяты для отопленія церкви (Пригородная. 33—405); за самовольную порубку хвороста каждый изъ трехъ отвѣтчиковъ оштрафованъ по 2 р. 33 $\frac{1}{2}$ коп., да кромѣ того за каждый возъ хвороста взыскано по 60 копѣекъ вознагражденія хозяину лѣса (Богонская, 1—435); за самовольную порубку хвороста въ общественномъ лѣсу взыскано 10 рублей, при чемъ судъ прибавилъ, что слѣдовало-бы взыскать по 1 рублю сер. за каждый корень, но дѣлается снисхожденіе только потому, что проступокъ совершенъ въ первый разъ (Богонская 5—437); за самовольную порубку двухъ пучковъ жердей въ общественномъ лѣсу взыскано штрафу 1 р. 50 к., въ пользу церкви (6—437); за самовольную порубку 1 пучка дровъ взыскано 50 коп. въ пользу церкви (Богонская. 9—437); въ другой разъ взыскано по опредѣленію того же суда за такую же кражу лѣса 10 рублей (16—438); за кражу лѣса 19 ударовъ и взыскана цѣна украденнаго (Ржаксинская. 4—489); за кражу трехъ деревь изъ частной дачи Вячинскій волостной судъ присудилъ взыскать въ пользу истца 3 рубля (6—519); тотъ же судъ приговорилъ за кражу хвороста наказать 15 ударами розогъ и взыскать 50 копѣекъ въ пользу истца (7—519); тотъ же судъ приговорилъ двухъ крестьянъ за кражу 12 осиновыхъ деревь изъ лѣсной дачи къ наказанію розгами по 15 ударовъ и кромѣ того присудилъ взыскать съ каждаго изъ нихъ по 5 рублей въ пользу истца (10—520). Подобныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ въ I томѣ „Трудовъ комисіи“ довольно много: 14—54, 16—238, 12—437, 13—437, 8—519, 6—520, 13—520, и др.

Приведенныя рѣшенія волостныхъ судовъ по дѣламъ о кражѣ лѣса и многія другія по тѣмъ же дѣламъ, помѣщенныя въ I томѣ „Трудовъ комисіи“ показываютъ, что въ волостяхъ Тамбовской губерніи смотрятъ на кражу лѣса точно такъ же, какъ и на кражу другихъ предметовъ, и виновные въ кражѣ лѣса подвергаются тѣмъ же наказаніямъ, которымъ подвергаются за кражу вообще.

Говоря о кражѣ, я скажу еще о необъявленіи о находкѣ и о поврежденіи и уtratѣ чужаго имущества, какъ имѣющихъ съ кражею то общее, что это суть проступки противъ чужой собственности.

Необъявленіе о находѣхъ.

Этотъ проступокъ не считается меньшимъ противъ кражи и по-
этому наказанія за него налагаются тѣ же и въ тѣхъ приблизительно
размѣрахъ, что и за кражу. Такъ, въ Пригородномъ волостномъ
судѣ разбиралась жалоба солдата М. на солдатку Н. въ томъ, что
послѣдняя украла у солдата М. портмоне съ деньгами и двумя сере-
бряными кольцами. Обвиненіе въ кражѣ на судѣ не было доказано,
но солдатка сказала, что она нашла портмоне. За неимѣніемъ доста-
точныхъ доказательствъ судъ опредѣлилъ: оставить ее на замѣчаніи
волостнаго суда и общества; а за то, что она не объявила о находѣхъ
выдержать ее подъ арестомъ одни сутки (19—404). Малло-Алабухскій
волостной судъ за присвоеніе чужой собственности, удержаніе ея въ
теченіе 4-хъ недѣль безъ объявленія о находѣхъ приговорилъ винов-
наго къ наказанію 18 ударами розогъ (5—447). Иноковскій волост-
ной судъ приговорилъ виновнаго въ необъявленіи о находѣхъ къ нака-
занію 19 ударами розогъ (107—591); Алгасовскій волостной судъ
приговорилъ за необъявленіе о находѣхъ къ аресту на 5 дней (7—103).
Устьинскій волостной судъ приговорилъ виновнаго въ необъявленіи о
находѣхъ узды, неизвѣстно кому принадлещей, и въ утайкѣ ея—къ
штрафу въ 3 рубля серебромъ въ пользу мірскаго капитала (6—237).
Демшинскій волостной судъ за необъявленіе о находѣхъ мотка пряжи
и потерю его приговорилъ взыскать съ виновнаго только стоимость
мотка пряжи (6—569).

Приговаривая виновнаго къ наказанію за необъявленіе о находѣхъ,
волостные суды присуждаютъ къ возвращенію самой найденной вещи
ея хозяину или, если вещь повреждена нашедшимъ ее или утеряна, то
къ уплатѣ стоимости ея.

Такимъ образомъ наказаніе, налагаемое волостными судами за
не объявленіе о находѣхъ, такія же, какъ и за кражу, начиная отъ
розогъ и оканчивая штрафомъ, или же иногда и совсѣмъ освобождается
виновный отъ наказанія; вещь же, найденная виновнымъ, возвращается
хозяину, или, въ случаѣ ея порчи или утраты, взыскивается цѣна ея
въ пользу хозяина.

Порча и утрата чужой собственности.

Говоря о порчѣ и утратѣ чужой собственности, нужно различать
умышленную порчу и утрату чужой собственности отъ неумышленной.

такъ какъ первая есть проступокъ и влечетъ за собою, кромѣ вознагражденія лица потерпѣвшаго за убытки, еще наказаніе для виновнаго въ умышленной порчѣ или утратѣ чужой собственности; вторая же не влечетъ за собою никакого наказанія, ограничиваясь только вознагражденіемъ хозяина испорченнаго или утраченнаго имущества за ущербъ. Въ настоящемъ случаѣ имѣетъ значеніе только первая, ибо не умышленная порча или утрата чужаго имущества относятся къ области гражданского права. Но къ сожаленію, объ этомъ предметѣ свѣдѣній въ I томѣ „Трудовъ комиссін, весьма мало, такъ что на основаніи ихъ нельзя еще сдѣлать вѣрное заключеніе о наказаніяхъ, налагаемыхъ волостными судами за умышленную порчу или утрату чужой собственности.

Вотъ два примѣра умышленной порчи и утраты чужаго имущества: дѣвицы Е. и А. умышленно, заранѣе обдуманно облили крѣпкой водой (кислотой) суконный сарафанъ третьей дѣвицѣ; Жидоловскій волостной судъ приговорилъ виновныхъ къ аресту на 2 сутокъ и къ уплатѣ трехъ рублей въ пользу потерпѣвшей (71—323). Инжавинскій волостной судъ приговорилъ работника къ наказанію розгами 12 ударами за растрату хозяйскихъ денегъ (16—510).

Если же поврежденіе или утрата чужой собственности произведена неумышленно, то отвѣтчикъ, если онъ особенно обязанъ былъ беречь имущество, которое повредилъ или утратилъ, только вознаграждаетъ потерпѣвшее лицо за убытки, не подвергаясь наказанію; если же онъ не имѣлъ особенной обязанности охранять это имущество, то даже иногда освобождается отъ вознагражденія лица потерпѣвшаго; такъ, крестьянинъ С. утерялъ боченокъ мѣщанина К. съ цымлянскимъ виномъ; Пригородный вол. судъ опредѣлилъ: взыскать съ крестьянина въ пользу мѣщанина К. 20 рублей сереб., т. е. стоимость вина (1—393). По дѣлу № 3 (стр. 394) отвѣтчикъ совершенно освобожденъ отъ вознагражденія истца, такъ какъ совершенно случайно былъ причиною смерти лошади истца и не обязанъ былъ беречь ее.

Наконецъ, за порчу и утрату чужаго имущества, когда невозможно съ точностію опредѣлить, произведена ли порча умышленно или нѣтъ, дѣло рѣшается обыкновенно такъ, что обвиняемый присуждается къ уплатѣ истцу половины цѣнности утраченнаго или испорченнаго имущества, что у крестьянъ называется „грѣхъ пополамъ“.

Оскорбленіе чести.

Въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ Тамбовской губерніи различается оскорбленіе чести черезъ обиду словомъ или дѣйствіемъ и черезъ клевету. Обида словомъ или дѣйствіемъ есть такое оскорбленіе чести, которое не приписываетъ обиженному противозаконныхъ или противныхъ чести поступковъ; клевета же несправедливо приписываетъ лицу обиженному какое-либо дѣяніе противное правиламъ чести. Въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ трудно различается клевета отъ обиды; больше, кажется, руководствуются тѣмъ, что бранныя слова относятся къ обидамъ, хотя-бы и заключали клевету въ себѣ. Я рассмотрю взглядъ крестьянъ и волостныхъ судей Тамбовской губерніи на оскорбленіе чести чрезъ обиду на словахъ и дѣйствіемъ и чрезъ клевету.

1) *Обида словами и дѣйствіемъ.*

Въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ Тамбовской губерніи встрѣчаются не рѣдко дѣла объ оскорбленіи чести чрезъ обиду словами или дѣйствіемъ. Эти рѣшенія показываютъ, что часто самыя незначительныя обиды на словахъ считаются оскорбленіемъ чести и влекутъ за собою наказаніе для виновнаго. Самое употребительное наказаніе за обиду словами—это штрафъ или, правильнѣе сказать, вознагражденіе обиженнаго со стороны виновнаго за безчестіе; размѣръ вознагражденія за оскорбленіе чести словами различный: отъ 1 рубля до 35 рублей 76 копѣекъ. Кромѣ штрафа виновныхъ подвергаютъ иногда аресту или же наказываютъ розгами разнымъ числомъ ударовъ. Такимъ образомъ наказанія за обиды словами и дѣйствіемъ различны; родъ и степень ихъ зависятъ какъ отъ обстоятельствъ, увеличивающихъ и уменьшающихъ вину и наказаніе виновнаго, такъ и отъ степени обиды: за болѣе сильное оскорбленіе виновный подвергается болѣе строгому наказанію и наоборотъ. Такъ, изъ рѣшеній вол. судовъ видно, что виновные въ оскорбленіи чести черезъ обиду дѣйствіемъ подвергаются большому наказанію, чѣмъ черезъ обиду словами при одинаковыхъ другихъ условіяхъ; большому наказанію подлежитъ нанесеніе оскорбленія женской чести непристойными словами, а также если обида сдѣлана съ обдуманномъ заранее намѣреніемъ, если она нанесена въ публичномъ мѣстѣ (въ питейномъ домѣ, на улицѣ, на пло-

щади и т. п. при многолюдномъ собраніи народа; если она нанесена восходящимъ родственникамъ или же лицамъ, къ которымъ виновный долженъ имѣть особенное уваженіе (священнику, старшинѣ, старостѣ, судьямъ и др.); также подвергаются сравнительно большому наказанію виновные тогда, если оскорбленіе нанесено безъ всякаго повода со стороны обиженного, или же если слова, которыми нанесена обида, сильно оскорбляютъ честь, каковы: воръ, мошенникъ, б...ъ и другія. Едва-ли не сильнѣе другихъ наказываютъ оскорбителей женской чести непристойными словами, а также оскорбителей должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія и родителей.

Я приведу нѣсколько рѣшеній волостныхъ судовъ, изъ которыхъ, судя по роду и степени наказанія, можно вывести заключеніе о взглядѣ крестьянъ Тамбовской губерніи на большее или меньшее оскорбленіе чести чрезъ обиду словами или дѣйствіемъ. Вотъ эти рѣшенія:

Больше-Алабухскій вол. судъ приговорилъ виновнаго къ уплатѣ 3 рублей въ пользу обиженного за оскорбленіе словами и дѣйствіемъ: ругалъ и бралъ за грудь (2—419); тотъ же судъ за обиду словомъ (назвалъ воромъ) приговорилъ виновнаго къ вознагражденію обиженного тремя рублями серебромъ и сдѣлалъ внушеніе, чтобы на будущее время удерживался отъ подобныхъ проступковъ подѣ опасеніемъ болѣе строгой отвѣтственности (7—420); за оскорбленіе дѣйствіемъ женщины тотъ же судъ приговорилъ крестьянина Г. къ наказанію 10 ударами розогъ (3—447); Инжавинскій волостной судъ приговорилъ крестьянку за оскорбленіе непристойными словами дѣвицы къ уплатѣ обиженной 10 рублей за безчестіе и къ 2-дневному аресту (17—510), Вячкинскій волостной судъ за оскорбленіе на словахъ (за названіе „свѣтскимъ колдуномъ“) приговорилъ виновнаго къ 20 ударамъ розогъ (3—519); тотъ же судъ виновнаго въ обидѣ дѣйствіемъ и словомъ приговорилъ къ наказанію розгами 15 ударами и къ уплатѣ обиженному 5 рублей (9—519); Демшинскій вол. судъ за обиду дѣвицы Абиной словами и дѣйствіемъ въ публичномъ мѣстѣ (виновный крестьянинъ Миловъ сбросилъ съ Абиной платокъ и ругалъ ее на улицѣ при большомъ стеченіи народа) приговорилъ виновнаго къ наказанію 19 ударами розогъ и къ уплатѣ Абиной 1 р. 50 коп. (3—569); Вячкинскій волостной судъ приговорилъ крестьянку къ 6-дневному аресту за названіе другой крестьянки б...ю (4—519); Нижне-Матренскій волостной судъ приговорилъ крестьянку Г. за то, что она ругала и пово-

рила крестьянку Л., къ уплатѣ послѣдней 3 рублей (21—616); Бутырскій волостной судъ приговорилъ крестьянина П. къ наказанію 20 ударами розогъ за то, что онъ обругалъ гатерными словами солдатуку Б. (51—713); Горѣльскій волостной судъ за обиду словами и дѣйстви-емъ крестьянки Макаровой приговорилъ виновнаго къ 3-дневному аресту и къ уплатѣ обиженной 10 рублей (6—23); Алгасовскій волостной судъ за нанесеніе обиды на словахъ матери приговорилъ виновнаго къ наказанію 20 ударами розогъ (11—104); Мокринскій волостной судъ приговорилъ крестьянина Матѣева за оскорбленіе крестьянина Григорьева на сельскомъ сходѣ скверноматерными словами безъ всякой причины—къ уплатѣ за безчестіе 3 рублей 50 коп. серебр. и къ штрафу 1 р. 50 коп. въ пользу мірскихъ суммъ (15—137); крестьянкѣ Г. за оскорбленіе словами чести солдатки М. наказанъ по приговору Боголюбскаго волостнаго суда розгами 15 ударами и уплатилъ за безчестіе въ пользу М. 5 руб. (2—348); Вячинскій вол. судъ приговорилъ крестьянку И. за то, что она назвала б...ю крестьянку Ж. къ 6-дневному аресту (4—519); Бутырскій волостной судъ приговорилъ крестьянина П. за названіе въ пьяномъ видѣ подлецомъ и мошенникомъ крестьянина К. къ наказанію 20 ударами розогъ (53—714); Барковский волостной судъ приговорилъ крестьянина Головина за грубость и оскорбленіе священника къ наказанію 20 ударами розогъ (2—181); Бреславскій волостной судъ приговорилъ виновнаго въ обидѣ словами безъ всякаго повода другаго крестьянина къ 20 ударамъ розогъ (2—607); Бутырскій волостной судъ за оскорбленіе названіемъ б...ю 14-лѣтней дѣвочки и за клевету приговорилъ виновнаго къ тѣлесному наказанію 30 ударами розогъ (47—712); Боганскій волостной судъ за обиду словомъ и дѣйстви-емъ женщины въ питейномъ домѣ, слѣд. въ публичномъ мѣстѣ приговорилъ виновнаго къ наказанію 19 ударами розогъ (12—440); за оскорбленіе женской чести посредствомъ обмазыванія дегтемъ воротъ волостные суды наказываютъ довольно строго: Жидиловскій волостной судъ приговорилъ одного за подобный проступокъ къ наказанію 10 ударами розогъ и къ уплатѣ обиженной за безчестіе 35 рублей 76 коп. сереб. (85—322, 80—406, 8—328 и др.).

Кромѣ указанныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ по дѣламъ объ обидѣ словами и дѣйстви-емъ въ I томѣ „Трудовой комиссіи“ есть много другихъ подобныхъ рѣшеній. Изъ нихъ видно, что волостные суды,

налагая большею частию денежное взысканіе за обиду на словахъ и дѣйствиємъ въ пользу лица обиженнаго, присуждаютъ также и къ другимъ наказаніямъ; изъ рѣшеній также видно, что, при выборѣ того или другаго наказанія и степени его, волостные суды принимаютъ во вниманіе разныя увеличивающія и уменьшающія вину обстоятельства, обращаютъ вниманіе на степень самого оскорбленія, на положеніе лица, которому нанесена обида и пр.

Что касается обидъ, нанесенныхъ дѣтьми родителямъ, и оскорбленій, нанесенныхъ должностнымъ лицамъ волостнаго и сельскаго управленія, то о нихъ будетъ сказано ниже въ связи съ другими проступками противъ родителей и начальства. Теперь же перейду къ разсмотрѣнію другаго вида оскорбленія чести—клеветы.

2. Клевета.

За оскорбленіе чести посредствомъ клеветы, т. е. посредствомъ распусканія ложныхъ слуховъ или же несправедливаго уличенія кого-либо въ такихъ дѣяніяхъ, которыя противны правиламъ чести и закону, волостные суды Тамбовской губерніи подвергаютъ виновныхъ такимъ же наказаніямъ, какимъ и за оскорбленіе чести обидою на словахъ и дѣйствиємъ. Виновный въ оклеветаніи кого-либо подвергается или штрафу, или уплатѣ вознагражденія въ пользу оскорбленнаго клеветою, или аресту, или розгамъ; или же соединяется вознагражденіе оскорбленнаго съ какимъ-либо другимъ наказаніемъ.

Характеристическая черта этого проступка состоитъ въ томъ, что весьма часто судья требуетъ отъ обвиняемаго въ клеветѣ доказательствъ справедливости взведеннаго на просителя обвиненія (клеветы), т. е. доказательствъ того, что онъ не клевету распускалъ, не ложно изобличалъ другаго въ дѣйствіяхъ, противныхъ закону и чести, но справедливо говорилъ; что слова за которыя онъ обвиняется—не клевета, но правда. Изъ рѣшеній видно, что если онъ докажетъ справедливость взведеннаго имъ на просителя изобличенія, то не только не подвергается наказанію, но напротивъ: судьи приговариваютъ къ наказанію самаго просителя, если то, что онъ считалъ клеветою и что оказалось правдою, есть такое дѣяніе, за которое судьи подвергаютъ наказанію. Это видно изъ слѣдующихъ рѣшеній волостныхъ судовъ:

Въ Алгасовскомъ волостномъ судѣ 30 сентября 1871 года обви-

нялись три крестьянина Шубинъ, Асосковъ и Ксынькинъ за клевету, т. е. за обличеніе воровъ Неуструева, недоказанное по суду. Рѣшеніе суда такое: „если-бы обличеніе было доказано, то крестьянинъ Неуструевъ подлежалъ-бы наказанію розгами по 535 ст. сельск. суд. устава, а какъ Неуструевъ не изобличенъ въ воровствѣ, и означенные крестьяне Шубинъ, Асосковъ и Ксынькинъ оказались виновными въ злоумышленномъ обвиненіи Неуструева, то должны-бы (въ подлинникѣ „подлежали-бы“) подлежать тѣлесному наказанію по 519 статьѣ сельск. суд. уст., но Неуструевъ въ присутствіи суда изъявилъ согласіе получить за свою обиду деньгами. Поэтому судъ рѣшилъ: взыскать по 1 рублю серебромъ съ cadaго.... и удовлетворить Неуструева“ (5—106).

Сырскій волостной судъ 2 декабря 1871 года слушалъ словесную жалобу крестьянки Н. П. на односельчанина своего крестьянина Т. П. въ томъ, что послѣдній безъ причины оклеветалъ ее въ кражѣ одного конца сукна и за это отобралъ у нея вещей на 6 р. 50 коп., почему крестьянка Н. П. проситъ объ отобраніи ея вещей отъ крестьянина Т. П., о за напрасное оклеветаніе поступить съ нимъ по законамъ. Судъ, соображая обстоятельства дѣла, нашелъ, что жалоба Н. П. справедлива, потому что въ кражѣ крестьянкою Н. П. одного конца сукна крестьянинъ Т. П. свидѣтелей не представилъ, а потому опредѣлить: взятое имущество у Н. П. возвратить по принадлежности, и за самовольное оклеветаніе крестьянки Н. П., на основаніи 102 ст. общ. пол.; подвергнуть Т. П. аресту на 3 сутокъ (37—638).

Эти два примѣра подтверждаютъ справедливость вышесказаннаго. Кромѣ этихъ примѣровъ въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“ есть еще нѣсколько рѣшеній по дѣламъ объ оскорбленіи чести клеветою, за которую судьи налагаютъ разные наказанія: за оклеветаніе крестьяниномъ 11-лѣтней дѣвочки въ томъ, что будто-бы онъ имѣлъ съ нею любовную связь, Бутырскій волостной судъ приговорилъ виновнаго къ 20 ударамъ розогъ (14—440); за оклеветаніе помощника писаря во взяточничествѣ виновный подвергнуть Подгорнскимъ волостнымъ судомъ къ 2-дневному аресту; за такую же клевету Перкинскій волостной судъ приговорилъ виновнаго къ 10 ударамъ розогъ (22—64); Жидиловскій волостной судъ приговорилъ взыскать съ крестьянина К. 3 рубля серебр. въ пользу крестьянки Ивановой за оклеветаніе ея названіемъ воровца и курятника (76—324); за ложное обличеніе свекра въ непотребствѣ Нестерскій волостной судъ приговорилъ крестьянку

Миронову къ наказанію 20 ударами розогъ (13—128); крестьянку Ш. за то, что сказала на судѣ, будто-бы свекоръ ея приставалъ къ ней съ предложеніемъ любовной связи, Усманско-Пригородный волост-судъ приговорилъ къ аресту на 7 дней (15—547): Больше-Алабухскій волостной судъ приговорилъ крестьянина Б. за то, что оклеветалъ другаго въ воровствѣ, къ уплатѣ послѣднему трехъ рублей серебр. (17—420).

Обоюдныя обиды.

Изъ заявленій опрашиваемыхъ членами комиссіи лицъ видно, что въ большей части волостей Тамбовской губерніи въ случаѣ обоюдныхъ обидъ никакого наказанія не налагается. Только въ нѣкоторыхъ волостяхъ (напр. въ Богдановской, Боганской и др.) волостные суды подвергаютъ наказанію обоихъ, при чемъ зачинщикъ подвергается болѣе строгому наказанію. Если при обоюдной обидѣ одинъ нанесетъ обиду на словахъ, а другой—дѣйствіемъ, то чаще всего наказывается только тотъ, кто нанесъ обиду дѣйствіемъ, другими словами: волостные суды какъ бы взвѣшиваютъ обиду одного и другаго, и если одна изъ нихъ болѣе тяжкая, то нанесеній эту обиду и подвергается наказанію. Въ Пригородномъ волостномъ судѣ обвинялся по жалобѣ крестьянина Б. государственный крестьянинъ К. въ обидѣ, нанесенной первому словами и дѣйствіемъ; судъ опредѣлилъ: такъ какъ обида между К. и Б. была обоюдная, то настоящую жалобу оставить безъ послѣдствій, а за разбитія крестьяниномъ Б. въ домѣ К. стекла взыскать съ него 1 р. 50 коп., а въ случаѣ несостоятельности его къ платежу присужденныхъ денегъ—выдержать его подъ арестомъ при волостномъ правленіи трое сутокъ (28—404).

Такъ какъ за обоюдныя обиды волостные суды не налагаютъ большею частію никакого наказанія, и крестьяне это знаютъ, то и жалобы, въ виду ихъ безрезультатности, подаются весьма рѣдко, а потому и дѣлъ изъ-за обоюдныхъ обидъ возникаетъ мало.

Оскорбленіе, неуваженіе, непослушаніе и грубость противъ родителей и другихъ старшихъ членовъ семейства.

Говоря объ оскорбленіи чести обидою и клеветою вообще, я не сказалъ объ оскорбленіи родителей дѣтьми. Выдѣляю это въ особую

рубрику потому, что въ дѣлахъ объ оскорбленіи дѣтьми родителей и вообще старшихъ членовъ семейства (свекра, тестя, старшаго брата и др.) судьи строго относятся къ виновнымъ, подвергая ихъ болѣе тяжкимъ наказаніямъ, чѣмъ виновныхъ въ оскорбленіи чести постороннихъ лицъ. При этомъ за-одно я рассмотрю не только *объ оскорбленіи* дѣтьми родителей и старшихъ членовъ семьи, но также и о непослушаніи, грубостяхъ и неуваженіи родителей, такъ какъ всѣ эти проступки, считая и оскорбленіе родителей, по взгляду крестьянъ Тамбовской губерніи равносильны и подлежатъ одинаковымъ наказаніямъ—довольно строгимъ.

Большую частію за оскорбленіе, непослушаніе и неуваженіе къ родителямъ виновные подвергаются наказанію розгами, а иногда аресту; при чемъ эти наказанія налагаются чаще всего въ высшей ихъ мѣрѣ; такъ Уваровскій волостной судъ приговорилъ виновнаго въ непочтеніи матери къ наказанію 19 ударами розогъ и внушилъ ему, чтобы на будущее время избѣгалъ подобныхъ проступковъ подъ опасеніемъ болѣе строгой отвѣтственности (17—471); Нестерскій волостной судъ приговорилъ крестьянина Никитина за обиду, нанесенную отцу, къ 20 ударамъ розогъ (13—128); Горѣльскій волостной судъ приговорилъ виновнаго за грубость и непочтеніе къ отцу къ 20 ударамъ розогъ (8—25); Старо-Юрьевскій волостной судъ приговорилъ сына за непочтеніе къ отцу къ 3-дневному аресту (10—230); Алгасовскій волостной судъ за обиду матери наказалъ 20 ударами розогъ и т. п.

Во многихъ волостяхъ судьи, приговаривая виновныхъ въ оскорбленіи родителей къ наказанію розгами, предоставляютъ самимъ родителямъ опредѣлять число ударовъ, или же судьи назначаютъ 20 ударовъ, согласно 102 ст. Общ. Положенія, но родителямъ предоставляютъ право прибавить сверхъ двадцати: „случается, что отецъ приводитъ въ волость 25-лѣтняго сына, его приговариваютъ къ 20 ударамъ розогъ, а самъ отецъ можетъ потомъ и подбавить“, заявили въ Лысогорской волости; подобнымъ же образомъ заявили въ Сеславинской, Покровской, Ароновской, Горѣльской, Двойновской и нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ. „Мы такъ полагаемъ, сказалъ одинъ изъ судей Сеславинской волости, что на то отцовская воля есть, и что ей никто не долженъ перечить.“ Такъ напр. Козловскій вол. судъ приговорилъ Егора Жукова за оскорбленіе и ругательство матери къ наказанію розгами по ея усмотрѣнію (41—342), и много и другихъ подобныхъ примѣровъ. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы волостные суды, представляя родителямъ право опредѣлять

число ударовъ за оскорбленіе ихъ дѣтьми, исполнѣ полагались на ихъ произволъ; напротивъ: весьма часто судьи полагають предѣль, больше котораго родители не могутъ назначить числа ударовъ, этотъ предѣль есть 20 ударовъ; такъ въ пригородный волостной судъ жаловался отецъ на трехъ взрослыхъ сыновей 28-ми, 26-ти и 20-ти лѣтъ за непослушаніе и оскорбленіе его дѣйствіемъ и словами; судъ приговорилъ ихъ къ наказанію розгами по волѣ отца, не выходя однако изъ предѣловъ, дозволенныхъ закономъ (15—403); Сокольскій волостной судъ предоставилъ отцу наказать сына за неуваженіе, не выходя изъ законныхъ предѣловъ (51—688).

Довольно часто разбираются въ волостныхъ судахъ жалобы родителей на взрослыхъ, женатыхъ сыновей за самовольный отдѣлъ ихъ отъ отца, что объясняется часто случающимися семейными непріятностями между членами семейства, особенно между неvěсткою и свекровью, и желаніемъ вслѣдствіе этого неvěстки (снохи выдѣлиться съ своимъ мужемъ отъ его отца и обзавестись своимъ собственнымъ хозяйствомъ. Дѣла по такимъ жалобамъ рѣшаются также въ пользу родителей: доказательствъ съ ихъ стороны почти не требуется, достаточно одной жалобы: сына накажутъ розгами и прикажутъ жить вмѣстѣ съ отцемъ; такъ, въ Отысовскомъ вол. судѣ 5 февраля 1870 года разбиралась жалоба крестьянина Горева на сына Елисея въ томъ, что послѣдній былъ отпущенъ въ 1869 году имъ, просителемъ на работу по каменной части; по прошествіи срока сынъ возвратился, но къ нему родителю въ домъ не пришелъ, а купилъ себѣ избу, гдѣ и помѣстился съ своимъ семействомъ—женою и дочерью; отецъ проситъ наказать сына розгами и присоединить семейство Елисея къ своему семейству. Хотя сынъ и объяснилъ, что ушелъ самовольно отъ отца потому, что послѣдній его обижалъ, но судъ опредѣлилъ: наказать Елисея 15 ударами розогъ и соединить его семейство съ семействомъ отца (3—81); Фацевскій волостной судъ приговорилъ крестьянина Е. за непочтеніе къ родителямъ и самовольный уходъ отъ нихъ къ тестю—къ наказанію розгами 18 ударами (2—666).

Будучи относительно строги за оскорбленіе, неповиновеніе, грубость и неуваженіе дѣтей къ родителямъ, наказывая ихъ даже и тогда, когда проступки вызваны были дурнымъ обращеніемъ съ ними родителей, волостные суды тѣмъ не менѣе, если не всегда, то довольно часто, не подвергаютъ дѣтей наказанію, если они, вообще говоря, хо-

рошаго поведенія, и родители неосновательно жалуются на нихъ въ судъ. Такъ, въ пригородномъ волостномъ судѣ 4 ноября 1868 года разбиралась жалоба государственной крестьянки на сына И. за непочтеніе и оскорбленіе словами и дѣйствіемъ. Судъ такъ опредѣлилъ: крестьянина И. отъ отвѣтственности освободить, потому что онъ домохазяинъ хорошаго поведенія, а мать его, какъ извѣстно, довольно строптивого и неосновательнаго характера; отъ домогательства ея, чтобы выгнать сына изъ дома безъ всякаго вознагражденія частію изъ имѣнія; отказать ей, потому что имѣніе приобрѣтено не ею, а мужемъ и принадлежитъ сыну—отвѣтчику; если же ей не угодно жить вмѣстѣ съ сыномъ, то пусть она изъ общаго имѣнія возьметъ принадлежащую ей по закону часть и живетъ отъ него особо". (21—410).

Кромѣ дѣлъ объ оскорбленіи дѣтьми родителей волостные суды довольно часто разбираютъ дѣла объ оскорбленіи свекра, свекрови, тестя, старшаго брата и другихъ старшихъ членовъ семейства. И въ этомъ случаѣ, говоря вообще, судьи болѣе склоняются на сторону старшихъ, являющихся въ данномъ случаѣ обиженными, и наказываютъ виновныхъ розгами или арестомъ, штрафомъ же весьма рѣдко. Такъ, Нестерскій вол. судъ приговорилъ крестьянку Ларіонову за оклеветаніе на судѣ свекра въ непотребствѣ къ наказанію розгами 20 ударами (13—128); Пригородный волостной судъ постановилъ такое рѣшеніе: „такъ какъ крестьянинъ Х. (26 лѣтъ) не имѣетъ никакого права на раздѣлъ семейства съ братомъ, то таковой ему запретить и велѣть жить вмѣстѣ, а за непочтеніе, грубость и дерзость его противъ старшаго брата и за неплатежъ податей наказать его розгами дачею 14 ударовъ" (4—415); въ Усманско-Пригородномъ волостномъ судѣ 22 мая 1871 года разбиралась жалоба крестьянина Н. Ш. на сына по одному дѣлу и на сноху Т. Ш. за побой; на судѣ Т. Ш. объяснила, что она свекора своего не была, но что онъ нѣсколько разъ приставалъ къ ней съ предложеніемъ любовной связи, на что она не была согласна и оттолкнула его отъ себя рукой. Судьи по отношенію къ снохѣ—крестьянкѣ Т. Ш. рѣшили такъ: „за нанесеніе побоевъ свекору своему Н. Ш. и за названіе его въ присутствіи суда снохачемъ, подвергнуть аресту при волостномъ правленіи на 7 дней (25—547).

Подобныхъ послѣднему дѣлу встрѣчается въ I томѣ „Трудовъ коммисіи" нѣсколько примѣровъ. Въ нихъ отчасти проглядываетъ мысль о томъ, что женатые сыновья, не желая жить въ домѣ отца

вслѣдствіе частыхъ споровъ семейства отца съ его семействомъ, стараются выдѣлиться, стараются имѣть свое отдѣльное хозяйство и быть независимыми; но такъ какъ самовольно выдѣлиться нельзя: судъ накажетъ розгами и прикажетъ возвратиться жить въ семейство отца, а отецъ добровольно не выдѣляетъ; то чтобы оправдать себя передъ судомъ въ самовольномъ уходѣ изъ дома родителей, вымышляютъ для этого какую-нибудь клевету на отца, въ родѣ того, какъ предложеніе имъ снохѣ любовной связи. Конечно, это только предположеніе, но оно вытекаетъ само собою изъ частыхъ рѣшеній волостныхъ судовъ по подобнаго рода дѣламъ: отецъ жалуется за самовольный уходъ сына, сынъ на судѣ оправдывается тѣмъ, что причина ухода есть предложеніе отцомъ любовной связи его (сына) женѣ, которая на судѣ подтверждаетъ сказанное мужемъ; между тѣмъ въ доказательство справедливости сказаннаго сыномъ съ женою ничего не представляется (хотя въ такихъ случаяхъ и трудно доказать); и вотъ судъ обвиняетъ ихъ въ клеветѣ на отца. А такъ какъ нѣтъ ни одного подобнаго дѣла, оконченнаго обвиненіемъ отца, то невольно приходишь на мысль: не клеветуютъ-ли въ подобныхъ случаяхъ сыновья съ своими женами на отцовъ съ цѣлью оправдать свой самовольный уходъ отъ нихъ, не столько желая избѣжать наказанія за самовольный уходъ, сколько желая жить отдѣльно? Какъ-бы въ низкомъ нравственномъ отношеніи ни стоялъ отецъ, на сколько-бы онъ не былъ развращенъ, но тѣмъ не менѣе трудно допустить, чтобы онъ предлагалъ любовную связь женѣ своего сына. Скорѣе можно допустить разныя съ его стороны притѣсненія, обиды и даже побои сыну, снохѣ и ихъ дѣтямъ, но не предложеніе любовной связи снохѣ. При этомъ нужно еще принять во вниманіе то обстоятельство, что подобныя дѣла возникаютъ не вскорѣ послѣ женитьбы сына, а тогда, когда у послѣдняго есть уже двое — трое дѣтей, когда уже и второй сынъ женится, и такимъ образомъ семья представляетъ самую благопріятную почву для раздоровъ, неудовольствій, ссоръ, оскорбленій и проч. Кому неизвѣстно, что у крестьянъ между свекровью и невесткою (снохою) происходятъ частыя ссоры? что въ такомъ случаѣ другой сынъ (неженатый) дѣлается любимцемъ матери, а старшій мало по малу дѣлается ненавистенъ для нея? Подобныя ссоры и семейныя дразги, принимающія еще большій размѣръ, если въ домѣ двѣ снохи, а съ другой стороны желаніе сына пріобрѣтать все зарабатываемое имъ для себя и своего семейства, а

не для семейства отца—служать причиною того, что между родителями и дѣтьми происходят частыя оскорбленія и обиды, которыя оканчиваются вымысломъ на отца какой-либо клеветы. Кажется, что сами волостные судьи сознають это, потому что въ дѣлахъ объ оскорбленіи родителей дѣтьми они мало довѣряють послѣднимъ, почти не требуя въ тоже время отъ родителей доказательствъ въ основательности ихъ жалобъ, въ дѣлахъ же, подобныхъ разбиравшемуся 22 мая 1871 года въ Усманско-Пригородномъ волостномъ судѣ, никогда не обвиняли отца въ предложеніи любовной связи своей снохѣ, но всегда считали это за клевету, за которую и подвергаютъ виновныхъ сравнительно строгому наказанію.

Оскорбленія между супругами.

Въ практикѣ волостныхъ судовъ Тамбовской губерніи довольно часто встрѣчаются дѣла по жалобамъ жены на мужей за оскорбленіе, притѣсненіе и грубые поступки. Изъ этихъ дѣлъ видно, что мужья жестоко обращаются съ своими женами, что бить жену мужъ считаетъ своимъ правомъ. До суда доходятъ эти дѣла только тогда, когда уже слишкомъ жестоко мужъ обращается съ своею женою. На сколько иногда жестоко мужья обращаются съ своими женами,—видно изъ приведеннаго ниже рѣшенія Горѣльскаго волостнаго суда. Замѣчательно, что дѣлъ по жалобамъ мужей на своихъ женъ за оскорбленія и обиды встрѣчается весьма мало въ практикѣ волостныхъ судовъ, тогда какъ дѣлъ по жалобамъ женъ на мужей за притѣсненія и обиды весьма много. Мнѣ кажется, это можно объяснить тѣмъ, что мужья, не доводя подобнаго рода дѣлъ до суда, сами наказываютъ въ такихъ случаяхъ женъ за оскорбленія и разныя обиды съ ихъ стороны; тогда какъ жены, безсильныя для того, чтобы воспрепятствовать мужьямъ дурно съ ними обращаться, по необходимости прибѣгаютъ къ защитѣ суда. Замѣчателенъ еще и тотъ фактъ, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ по жалобамъ женъ на мужей судьи обвиняють послѣднихъ и подвергаютъ ихъ наказанію. Причина понятна: если уже жена, сознающая полную свою подчиненность мужу, подаетъ жалобу на него въ судъ, рискуя за это вызвать со стороны мужа месть, то значить, что она рѣшилась на такую крайность, бу-

лучи вынуждена слишкомъ уже жестокимъ обращеніемъ мужа, которое судъ не можетъ оставить безъ наказанія.

Наказаніе налагаемое въ этихъ случаяхъ волостными судами на мужей за разные обиды и притѣсненія женъ, въ большинствѣ случаевъ есть розги и рѣже—арестъ; кромѣ того дѣлается еще внутренне не дѣлать на будущее время подобныхъ проступковъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ разбора волостными судами дѣлъ объ оскорбленіяхъ и притѣсненіяхъ между супругами:

Боганскій волостной судъ 5 марта 1872 года разбиралъ дѣло по обвиненію женою своего мужа—крестьянина М. въ оскорбленіи и грубыхъ поступкахъ противъ нея. Волостной судъ опредѣлилъ за таковыя поступки крестьянина М., 30 лѣтъ, наказать розгами 15 ударами и предупредить, чтобы онъ впослѣдствіи не дѣлалъ подобныхъ оскорбленій женѣ. (4—440).

Въ Горькій вол. судъ 6 іюня 1872 года крестьянка Д. Бѣтина принесла жалобу въ томъ, что мужъ ея Сергѣй Антоновъ. Бѣтинъ 1 іюня ни за что сильно избилъ ее, изорвалъ на ней рубаху и юбку и много вырвалъ изъ головы волосъ, а 4 іюня свекоръ, деверъ и мужъ ея насильно связали ей въ руки овчину и вотоу и водили по селу. Судьи послѣ допроса свидѣтелей опредѣлили: мужа просительницы Сергѣя Бѣтина за нанесеніе побоевъ женѣ и за дурное обращеніе, доказанное на судѣ, подвергнуть аресту при волостномъ правленіи на семь дней, а брата его Никиту—на три дня, при этомъ объявить отвѣтчикамъ, чтобы они никогда не обижали просительницу (1—32).

Въ Пригородномъ волостномъ судѣ разбиралось дѣло по жалобѣ жены на мужа—крестьянина Р. въ томъ, что онъ часто бываетъ пьянъ и въ этомъ видѣ буйствуетъ съ семействомъ, и что 30 сего іюня разбилъ сундукъ ея, вынулъ изъ него бѣлье и хотѣлъ оное сжечь. Буйный поступокъ былъ подтвержденъ тремя свидѣтелями. Судъ опредѣлилъ: крестьянина Р. наказать 15 ударами розогъ (26—404).

На сколько жестоко обращаются иногда мужья съ своими женами,—видно еще изъ того, что иногда заявляютъ въ судъ жалобу о побояхъ женъ мужьями не сами потерпѣвшія лица, а сельскіе старосты, не смотря на то, что драки и ссоры между мужемъ и женою есть дѣло частное, семейное, слѣд. вмѣшиваться въ это дѣло постороннимъ лицамъ, хотя бы и должностнымъ, а тѣмъ болѣе подавать

жалобы о подобнаго рода дѣлахъ въ волостной судъ—не слѣдовало бы. Слѣд. если безъ всякой просьбы лица потерпѣвшаго староста заявляетъ суду о побояхъ, нанесенныхъ мужемъ своей женѣ, то значить, что эти побои были слишкомъ жестоки,—на столько жестоки, что староста, какъ должное лицо, считаетъ своею обязанностію заявить объ этомъ суду. Вотъ примѣръ подобнаго рода дѣлъ.

Въ Стрѣльниковскомъ волостномъ судѣ 30 мая 1870 года судьи слушали жалобу сельскаго старосты въ томъ, что крестьянинъ Ф. живетъ не въ согласіи съ своею женою М. и часто бьетъ ее до полусмерти, почему опредѣлилъ: наказать крестьянина Ф. 20 ударами розогъ и объявить ему, чтобы онъ оставилъ всѣ свои дурные поступки и жилъ-бы въ своемъ семействѣ смирно (3—295).

Говоря объ оскорбленіяхъ между супругами, нужно замѣтить, что до волостныхъ судовъ почти не доходятъ дѣла объ обидахъ на словахъ мужьями женъ, а доходятъ только объ обидахъ дѣйствіемъ.

Оскорбленіе, неповиновеніе, непослушаніе и грубость противъ волостныхъ судей и другихъ должностныхъ лицъ.

Хотя такіе проступки, какъ оскорбленіе судей и другихъ должностныхъ лицъ, а также и неповиновеніе общественнымъ властямъ значительно различаются между собою, но такъ какъ волостные суды ихъ часто смѣшиваютъ, то я скажу о нихъ вмѣстѣ.

Дѣла объ оскорбленіи волостныхъ судей и другихъ должностныхъ лицъ, а также о неповиновеніи общественнымъ властямъ встрѣчаются въ практикѣ волостныхъ судовъ Тамбовской губерніи довольно часто. Последняго рода дѣла, т. е. о неповиновеніи властямъ, возникаютъ большею частію при взысканіи податей; къ нимъ же судьи относятъ и неявку сторонъ по вызову въ судъ.

Виновныхъ въ этихъ проступкахъ волостные суды наказываютъ строже, чѣмъ за оскорбленіе другихъ лицъ. Особенно строго наказываютъ за грубые поступки на судѣ во время разбора дѣлъ, за неисполненіе требованій волостныхъ старшинъ, за сопротивленіе властямъ при исполненіи послѣдними своихъ обязанностей и проч. Чаще всего

виновныхъ въ этихъ проступкахъ наказываютъ розгами и арестомъ, штрафуютъ же весьма рѣдко. Такъ:

Горѣльскій волостной судъ за ослушаніе распоряженіямъ старосты и за неявку въ судъ по вызову приговорилъ виновнаго къ аресту на 4 дня (4—22); Спасо-Городскій волостной судъ приговорилъ къ 3-дневному аресту виновнаго въ нанесеніи грубостей и оскорбленій волостнымъ судьямъ (14—231); Устьинскій волостной судъ приговорилъ къ наказанію 8 ударами розогъ виновнаго въ беспорядкахъ, произведенныхъ во время разбирательства дѣлъ въ волостномъ судѣ (2—236); Барашевскій волостной судъ за обиду на словахъ сельскаго старосты при исполненіи имъ своихъ обязанностей приговорилъ виновнаго къ аресту на 5 дней (2—288); тотъ же судъ приговорилъ виновнаго въ нанесеніи грубостей и дерзостей становому приставу къ 4-дневному аресту (24—289); Атюревскій волостной судъ приговорилъ крестьянина Ф. къ аресту; при приведеніи этого приговора въ исполненіе Ф. оказалъ сопротивленіе десятскимъ и произносилъ ругательныя слова въ присутствіи членовъ волостнаго правленія, за что наказанъ 10 ударами розогъ (11—307); крестьянинъ М. за ослушаніе противъ сельскаго и волостнаго начальства (состоявшее въ томъ, что начальство указало межники между землями крестьянъ М. и В. и разбило кольями, а крестьянинъ М. все таки при постройкѣ избы и плетня захватилъ 1½ сажени земли крестьянина В.) былъ наказанъ по приговору Пригороднаго волостнаго суда арестомъ на 5 дней (33—400); тотъ же судъ приговорилъ къ наказанію 15 ударами розогъ крестьянина П. за грубость, нанесенную начальству, при исполненіи послѣднимъ своихъ обязанностей, т. е. при требованіи съ П. платежа податей (7—402); по дѣламъ за № 3 (стр. 429) и за №№ 15 и 18 (стр. 430) виновные въ пьянствѣ, неплатежѣ податей и въ оскорбленіи начальства были приговорены къ розгамъ (15, 19, и 19 ударовъ); за личное оскорбленіе становаго пристава виновный наказанъ 15 ударами розогъ (Боганская. 3—439); за ослушаніе начальству, т. е. за неявку по вызову на судъ виновный оштрафованъ 3-мя рублями (1—495); за дерзость и грубость мировому посреднику виновный наказанъ 20 ударами (Сокольская. 32—684). Подобныхъ дѣлъ много въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“: 42—655, 16—403, 22—592, 33—618, 5—23, 7—60, 4—307, 38—599, 18—747, 2—429, 16—440, 2—446, 4—457, 2—482, 4—485, 2—488, 2—495, 16—554, 33—618, 14—631, 57—689 и многія другія.

Неисполнение требований начальства явиться въ судъ.

Неявившихся безъ уважительныхъ причинъ по вызову въ судъ сторонъ и свидѣтелей волостные судьи приговариваютъ большею частію къ штрафу, рѣже—къ аресту и еще рѣже наказываютъ розгами. (Объ этомъ было уже сказано выше: см. статьи „Неявка сторонъ въ судъ и послѣдствія этой неявки“ и „Неявка свидѣтелей въ судъ и послѣдствія этой неявки“.)

Угроза.

Угроза разсматривается волостными судами какъ проступокъ, подлежащій наказанію, хотя за этотъ проступокъ судьи назначаютъ наказаніе значительно меньшее, чѣмъ за оскорбленіе чести на словахъ. Это видно изъ того, что за самыя сильныя угрозы, напр. за угрозу лишить кого-либо жизни, а также за угрозу волостнымъ судьямъ, произнесенную на судѣ во время разбора дѣлъ, виновные, не имѣвшіе при этомъ корыстной или другой преступной цѣли, подвергаются только всего аресту не свыше 3 дней. Въ подтвержденіе этого я приведу два примѣра изъ практики волостныхъ судовъ Тамбовской губерніи:

Ново-Никольскій волостной судъ 16 мая 1871 года слушалъ жалобу крестьянина П. III. на своего односельца крестьянина Н. Б. слѣдующаго содержанія: „22 минувшаго февраля мѣсяца стоялъ я около своего дома на улицѣ и разговаривалъ съ своими односельцами; въ это время крестьянинъ Н. Б., проходя мимо, сталъ приглашать меня идти въ кабакъ, чтобы угостить его виномъ, и когда я отказалъ ему въ этомъ, Б., придя въ гнѣвъ, сказалъ: если я не пойду въ кабакъ, то когда пойду въ свою ригу, находящуюся въ довольно далекомъ разстояніи отъ жилья, онъ убьетъ меня: и на вопросъ мой: „за что?“ опять повторилъ: „убью-же! это тебѣ не прошлый разъ, когда взялъ съ меня рубль“; послѣднія слова его относятся къ тому, что онъ уже прежде сего угрожалъ меня убить, но я, принявъ во вниманіе его просьбы, извинилъ ему означенный проступокъ“. Эту угрозу подтвердили свидѣтели. Волостные судьи примѣняясь къ 140 статьѣ Устава о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями и на основаніи 101 и 102 ст. Общ. Пол., опредѣлили: крестьянина Н. Б. выдержать подъ арестомъ трое сутокъ при волостномъ правленіи (6—318).

Вотъ другой примѣръ, гдѣ угроза произнесена противъ судей и при томъ во время разбирательства дѣлъ, т. е. при обстоятельствахъ увеличивающихъ вину, и не смотря на это, судьи не придаютъ большаго значенія такой угрозы, подвергая за нее виновнаго сравнительно легкому наказанію: Поддубравскій волостной судъ 18 іюня 1872 года приговорилъ крестьянина И. В. за угрозу волостнымъ судьямъ, во время разбора дѣла, въ которомъ обвинялся его сынъ, выраженную словами: „вы у меня не вывернитесь!“—подвергнуть аресту при волостномъ правленіи на трое сутокъ 2—576).

Въ приведенныхъ примѣрахъ проступокъ соединенъ съ обстоятельствами, увеличивающими вину: въ первомъ примѣрѣ угроза произнесена публично—на улицѣ и при томъ угроза *мишитъ жизни*, во второмъ—угроза противъ судей во время разбора дѣлъ. Если за такую угрозу виновный наказанъ 3-дневнымъ арестомъ, то слѣд. за угрозу безъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ виновные подвергаются волостными судами меньшему наказанію.

Нарушеніе общественной тишины, порядка и спокойствія.

Дѣла по этимъ проступкамъ возникаютъ по заявленіямъ сельскихъ старостъ, волостныхъ старшинъ или пособственному усмотрѣнію суда. Изъ проступковъ, нарушающихъ общественную тишину, порядокъ и спокойствіе, чаще встрѣчаются драки, ссоры, кулачный бой и другаго рода буйства, производимыя на улицахъ, площадяхъ, ярмаркахъ, въ трактирахъ и вообще въ публичныхъ мѣстахъ, а также шумъ, крикъ и произнесеніе ругательныхъ словъ въ волостномъ судѣ, въ волостномъ правленіи, на сельскомъ или волостномъ сходѣ.

За указанные проступки по нарушенію общественной тишины, порядка и спокойствія виновные приговариваются главнымъ образомъ къ аресту большею частію на 1 день, а часто и на полдня, при чемъ имѣется въ виду не столько наказать виновнаго, сколько протрезвить его (большею частію эти проступки совершаются въ пьяномъ видѣ), т. е. пресѣчь возможность совершенія вновь такихъ же проступковъ въ пьяномъ видѣ; иногда вмѣсто ареста виновныхъ штрафуютъ нѣсколькими копѣйками и рѣдко—рублями. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ (Пригородной, Павлодаровской, Запалатовской и другихъ) виновныхъ

въ нарушеніи общественной тишины, порядка и спокойствія подвергаются тѣлесному наказанію.

Такъ: Пригородный волостной судъ, признавая крестьянина Б. виновнымъ въ нарушеніи общественной тишины, порядка и спокойствія, приговорилъ его къ аресту на 1 день при волостномъ правленіи, а за то, что выбилъ во время буйства стекло изъ окна у крестьянина С., судъ приговорилъ взыскать съ Б. въ пользу С. одинъ рубль (32—405); тотъ же судъ приговорилъ виновнаго въ дракахъ и нарушеніи тишины, порядка и спокойствія къ 15 ударамъ розогъ (19—403), а виновныхъ въ буйствѣ, произведенномъ въ трактирномъ заведеніи, и въ выбитіи окна въ арестантской комнатѣ при домѣ волостнаго правленія—приговорилъ къ 17 ударамъ розогъ и къ уплатѣ за выбитое стекло 3 рублей серебромъ (23—404); Уваровскій волостной судъ приговорилъ въ нарушеніи тишины кулачнымъ боемъ на ярмаркѣ къ аресту на одни сутки вмѣсто штрафа по бѣдности виновныхъ (9—471); Инжавинскій волостной судъ приговорилъ виновнаго въ нарушеніи общественной тишины и спокойствія (виновный произвелъ драку въ своемъ домѣ, на которую сбѣжалось полъ-села) къ штрафу въ 10 коп. и внушилъ не дѣлать на будущее время такихъ проступковъ подъ опасеніемъ большей отвѣтственности (9—508); Павлодаровскій волостной судъ взыскалъ по 1 р. штрафу съ каждаго изъ виновныхъ въ буйствѣ и дракѣ въ питейномъ домѣ (1—452); Барапьевскій волостной судъ за нарушеніе тишины и спокойствія приговорилъ къ аресту на 2 сутокъ (34—290); Атюревскій волостной судъ приговорилъ виновнаго къ аресту на 12 часовъ за шумъ, крикъ и нарушеніе тишины въ волостномъ судѣ азартными криками (4—307).

Виновные въ нарушеніи общественной тишины, порядка и спокойствія въ волостныхъ судахъ, на волостныхъ или сельскихъ сходахъ и въ волостныхъ правленіяхъ приговариваются нѣсколько къ большому наказанію: большею частію къ 2-хъ и 3-хъ дневному аресту, иногда къ розгамъ; къ одновневному же аресту рѣдко въ такихъ случаяхъ присуждаютъ. Такъ: Барапьевскій волостной судъ приговорилъ явившагося въ пьяномъ видѣ къ судьямъ и нарушившаго общественный порядокъ, тишину и спокойствіе, 3-дневному аресту (45—291); Атюревскій волостной судъ виновнаго въ буйствѣ, произведенномъ въ арестантской комнатѣ, куда былъ посаженъ по приговору суда, и за разныя скверноругательныя слова—приговорилъ къ наказанію 5 уда-

рами розогъ (7—307); тотъ же судъ приговорилъ виновнаго за шумъ и крикъ въ волостномъ судѣ—къ 2-дневному аресту (19—38).

Нанесеніе побоевъ.

Едва-ли не самое большее число дѣлъ, разбираемыхъ волостными судами Тамбовской губерніи и относящихся къ проступкамъ, возникаетъ изъ нанесенія побоевъ (развѣ только уступаетъ дѣламъ по неисправному платежу податей), не смотря на то, что волостные суды наказываютъ за нанесеніе побоевъ довольно строго. Подобно тому, какъ за кражу налагаются разные наказанія, изъ которыхъ самое употребительное—розги, также точно и за нанесеніе побоевъ: виновные приговариваются къ розгамъ, аресту, штрафу, уплатѣ за безчестіе сторонѣ потерпѣвшей, къ платѣ за излеченіе, общественнымъ работамъ, высылкѣ изъ селенія, внушенію и проч.; но самое употребительное наказаніе за нанесеніе побоевъ—это розги, которые весьма часто соединяются съ платою за безчестіе. Разнообразіе наказаній за нанесеніе побоевъ зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ вину и наказаніе виновнаго: если виновная сторона нанесла побои вслѣдствіе того, что была вызвана къ этому чѣмъ либо со стороны потерпѣвшей, то она подвергается меньшему наказанію (7—127, 2—276); если виновный въ нанесеніи побоевъ, вообще говоря, хорошаго поведенія, если онъ совершилъ проступокъ въ первый разъ, то для него часто розги замѣняются арестомъ или штрафомъ; вслѣдствіе болѣзни также часто виновнаго вмѣсто розогъ подвергаютъ аресту, вслѣдствіе бѣдности—штрафъ и уплата за безчестіе замѣняются арестомъ и т. п. Вотъ нѣсколько рѣшеній волостныхъ судовъ:

Пригородный волостной судъ за побои, нанесенные крестьяниномъ Л. приговорилъ послѣдняго къ наказанію 19 ударами розогъ и къ уплатѣ 3 рублей потерпѣвшему на излеченіе опухоли и знаковъ, произшедшихъ отъ побоевъ (14—402); тотъ же судъ за побои приговорилъ виновнаго къ наказанію розгами, но такъ какъ виновный болѣзненнаго состоянія, то розги замѣнены уплатою 15 рублей въ удовлетвореніе потерпѣвшаго (16—403); солдатка С. за нанесеніе побоевъ съ прошибомъ кожи на головѣ безъ причиненія увѣчья приговорена къ уплатѣ потерпѣвшей сторонѣ 5 рублей, а въ случаѣ неуплаты денегъ—къ аресту на 5 дней на хлѣбъ и водѣ (17—403); за такой же

проступокъ крестьянка С. приговорена тѣмъ же судомъ къ уплатѣ потерпѣвшей М. 2 рублей, а въ случаѣ несостоятельности къ 2-дневному аресту (25—404); Больше-Алабукскій волостной судъ за побой, нанесенные въ нетрезвомъ видѣ жещинѣ, приговорилъ виновнаго къ штрафу въ 3 рубля (3—419); тотъ же судъ приговорилъ къ аресту на 3 дня крестьянку за нанесеніе побоевъ другой крестьянкѣ (7—429); тотъ же судъ за побой, нанесенные отцомъ (60 лѣтъ) и двумя сыновьями, приговорилъ—перваго къ аресту на 5 сутокъ; а сыновей къ уплатѣ каждымъ по 10 рублей въ удовлетвореніе потерпѣвшаго (8—429); въ другой же разъ тотъ же судъ приговорилъ виновнаго въ нанесеніи побоевъ къ 10 ударамъ розогъ (28—431); Боганскій волостной судъ приговорилъ виновнаго въ нанесеніи побоевъ къ 19 ударамъ розогъ и къ уплатѣ въ пользу потерпѣвшаго 5 рублей (1—436); Мало-Алабукскій волостной судъ за побой, нанесенные безъ всякой причины, приговорилъ виновнаго къ уплатѣ за безчестіе въ удовлетвореніе потерпѣвшаго 7 р. 5 к. с. и кромѣ того къ уплатѣ ему же на взлеченіе 7 р. 50 к. с. (1—449); Подгоринскій волостной судъ за драку, пронаведенную въ публичномъ мѣстѣ—въ питейномъ домѣ, и за нанесеніе побоевъ приговорилъ виновнаго къ наказанію 19 ударами розогъ и къ уплатѣ обиженному 5 р. сер. за безчестіе, при чемъ предупредилъ, чтобы виновный воздерживался на будущее время отъ подобныхъ проступковъ, подѣ опасеніемъ болѣе строгаго наказанія (1—478); тотъ же судъ приговорилъ въ другой разъ виновнаго въ такомъ же проступкѣ къ 10 ударамъ розогъ и къ уплатѣ потерпѣвшему 3 рублей (4—478); за нанесеніе удара въ отместку оскорбительныхъ словъ виновный приговоренъ тѣмъ же судомъ къ аресту на 7 дней (4—482); Инжавинскій волостной судъ приговорилъ солдату за побой, нанесенные вдовѣ, къ уплатѣ послѣдней 1 р. 50 к. и къ общественнымъ работамъ (23—512); Нижне-Матренскій волостной судъ приговорилъ виновнаго въ разсматриваемомъ проступкѣ къ наказанію 20 ударами розогъ и къ уплатѣ 3 рублей въ удовлетвореніе потерпѣвшему (1—614); тотъ же судъ приговорилъ виновнаго въ нанесеніи побоевъ къ наказанію 20 ударами розогъ и къ немедленному удаленію изъ села Нижней Матренки, гдѣ отвѣтчикъ проживалъ только временно (18—716); Куйминскій вол. судъ приговорилъ виновнаго за побой къ 3-дневному аресту и къ уплатѣ 5 рублей въ пользу потерпѣвшаго (13—746); Горѣльскимъ волостнымъ судомъ мужъ пригово-

ренъ за побои, нанесенные женѣ, къ аресту на 7 дней (1—32); Алгасовскій волостной судъ приговорилъ дядю за побои, нанесенные племяннику, къ уплатѣ послѣдному 10 рублей (1—103); Нестерскій волостной судъ приговорилъ одного за побои къ наказанію 21 ударамъ розогъ, а другаго—15 ударами, такъ какъ этотъ послѣдній былъ вызванъ къ проступку оскорбленіемъ со стороны лица потерпѣвшаго (жены); за что и съ потерпѣвшей стороны присуждено възыскать 1 рубль штрафа (7—127); въ Бабѣевскомъ волостномъ судѣ разбиралась жалоба крестьянки Ш. о нанесеніи ей побоевъ крестьяниномъ К. и дѣтьми его М. и Т. Судъ, имѣя въ виду, что Ш. сама дала поводъ къ этой ссорѣ и что она должна была отъ этого отстраняться, но не входить въ ссору между мужчинами, а потому опредѣлилъ: какъ просительницу, такъ и отвѣтчиковъ подвергнуть штрафу по 1 р. 90 к., т. е. по 1 р. бѣ пользу вол. правленія и по 90 к. въ пользу общества (2—276); Атиуревскій вол. судъ за побои, причиненные крестьяниномъ Т. мальчику 10 лѣтъ (своему племяннику) на основаніи 667 ст. 1 ч. X т. приговорилъ къ уплатѣ мальчику 5 рублей, и сверхъ того, на основаніи 314 ст. Сельск. суд. уст., къ наказанію розгами 20 ударами (44—309). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что виновные въ нанесеніи кому-либо побоевъ, подвергаются чаще всего тѣлесному наказанію розгами, которое большею частію соединяется съ уплатою лицу потерпѣвшему за безчестіе, а иногда и на излеченіе, если оно окажется необходимымъ; изъ тѣхъ же примѣровъ видно, что кромѣ розогъ за нанесеніе побоевъ волостные суды налагаютъ и другія наказанія: арестъ, штрафъ, а иногда и общественныя работы.

Говоря о подсудности, я сказалъ, что волостные суды принимаютъ иногда къ своему разбирательству дѣла имъ не подсудныя. Къ числу такихъ дѣлъ относятся дѣла о нанесеніи побоевъ, соединенныхъ съ увѣщьемъ; въ случаѣ возникновенія такихъ дѣлъ судъ или самъ убѣждается, произведены-ли побои съ увѣщьемъ или безъ увѣчья (29—216); или приглашаетъ уѣзднаго врача (11—471). Наказанія, налагаемыя за нанесеніе побоевъ съ увѣщьемъ, тѣ же, что и за побои увѣчья. Уваровскій волостной судъ приговорилъ къ 19 ударамъ розогъ крестьянина за то, что послѣдній нанесъ своей снохѣ побои и разбилъ ей глазъ (1—469); Никольскій волостной судъ приговорилъ каждаго изъ трехъ виновныхъ въ нанесеніи побоевъ съ прошибомъ головы до крови къ уплатѣ потерпѣвшему по 2 р. 66¹/₂ к. с. (2—385). Такъ какъ

дѣла о нанесеніи побоевъ съ увѣчемъ неподсудны волостнымъ судамъ, то такихъ дѣлъ въ практикѣ волостныхъ судовъ встрѣчается весьма мало.

Кромѣ приведенныхъ выше примѣровъ разбора волостными судами дѣлъ о нанесеніи побоевъ, можно указать еще на слѣдующія: 3—401, 11—429, 6—508, 1—518, 6—615, 35—618, 18—631, 12—661, 22—704, 26—705, 2—103, 17—137, 1—276, 30—308 и многія другія.

Говоря о нанесеніи побоевъ, я ничего не сказалъ о нанесеніи побоевъ, при обоюдной дракѣ; такъ какъ волостные суды иначе относятся къ дѣламъ объ обоюдныхъ дракахъ, то я и разсмотрю этотъ вопросъ отдѣльно.

Нанесеніе побоевъ при обоюдной дракѣ.

Въ случаѣ обоюдной драки, послѣдствіемъ которой было нанесеніе побоевъ, волостные суды тамбовской губерніи, вообще говоря, не подвергаютъ виновныхъ наказанію. Это видно изъ слѣдующихъ рѣшеній волостныхъ судовъ:

Пригородный волостной судъ рассматривалъ 12 февраля 1871 года жалобу крестьянина И. на крестьянъ Г. и А. за нанесеніе побоевъ и напелъ, что ссора и драка между ними была обоюдная, а потому опредѣлилъ: отвѣтчиковъ не подвергать отвѣтственности (4—401); тотъ же судъ 14 іюня 1871 года по той же причинѣ оставилъ безъ послѣдствій жалобу крестьянина М. (21—403); подобная же жалоба оставлена безъ послѣдствій Атюревскимъ волостнымъ судомъ вслѣдствіе того, что драка была обоюдная (44—310).

При двухъ только условіяхъ виновные въ нанесеніи побоевъ при обоюдной дракѣ подвергаются наказанію, во первыхъ, если обоюдная драка произведена въ публичномъ мѣстѣ, т. е. съ нарушеніемъ общественной тишины, порядка и спокойствія, о чемъ уже было сказано выше; и во вторыхъ, если въ обоюдной жалобѣ стороны не одинаково пострадали, а одна потерпѣла больше, другая меньше: сторона болѣе потерпѣвшая освобождается отъ наказанія, а болѣе дравшаяся—наказывается.

Такъ: Сокольскій вол. судъ 23 сентября 1871 года слушалъ жалобу отставнаго рядоваго И. П. о побояхъ коломъ съ проломомъ го-

ловы, нанесенныхъ ему роднымъ братомъ Л. Свидѣтелями были три крестьянина И. З., Ф. З., и Д. Б. Отвѣтчикъ Л. объяснилъ, что была драка между тремя братьями: просителемъ И. П., и — отвѣтчикомъ Л.; то же показалъ и Ѳ... Свидѣтель И. З. показалъ, что онъ видѣлъ, какъ Л. нанесъ коломъ ударъ въ голову брату И., отчего послѣдній упалъ на землю. Другіе два свидѣтеля Ф. З. и Д. Б. показали то же, что и И. З. Волостной судъ, имѣя въ виду свидѣтельство Липецкаго земскаго врача о знакахъ отъ ушиба на головѣ просителя И., нашелъ: хотя драка между тяжущимися была обоюдная, но такъ какъ просителю нанесены въ голову раны, то опредѣлилъ: Ѳ. П. Подвергнуть аресту при волостномъ правленіи до семи дней, Л. П. наказать 20 ударами розогъ; что же касается просителя и участника въ дракѣ И. П., то вслѣдствіе нанесенія ему ранъ освободить его отъ наказанія (50—688).

Если сторона, болѣе буйствовавшая въ обоюдной дракѣ, была вмѣстѣ съ тѣмъ и зачинщикомъ драки, то она подвергается большому наказанію, чѣмъ если-бы она не была зачинщикомъ драки.

Неплатежъ податей.

Одна изъ темныхъ сторонъ волостной юстиціи—это есть наказаніе неисправныхъ плательщиковъ податей. Изъ рѣшеній, приведенныхъ въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“, видно, что большая часть дѣлъ, разбираемыхъ волостными судами Тамбовской губерніи, приходится на долю неисправныхъ платежей податей. Характеристическая черта разбора этихъ дѣлъ есть та, что судьи приговариваютъ неисправныхъ плательщиковъ къ наказанію, не входя въ разсмотрѣніе дѣла: достаточно одного заявленія сельскаго старосты или волостнаго старшины, чтобы подвергнуть неплательщика наказанію, причемъ не разсматриваются никакія ни доказательства со стороны старшинъ и старостъ, ни причины неисправнаго платежа, ни оправданія отвѣтчиковъ. Волостные суды въ дѣлахъ о неисправномъ платежѣ податей являются простыми орудіями старшинъ и старостъ, являются только исполнителями ихъ требованій о наказаніи неплательщиковъ. Присуждаютъ волостные суды къ наказанію неплательщиковъ податей иногда цѣлыми группами, чело-
вѣкъ отъ 10 до 30, не входя въ обсужденіе дѣла, напр. въ дѣлахъ за №№ 14, 15 и 16 на стр. 397 и др. Однимъ словомъ, по дѣламъ неисправ-

наго платежа податей волостные судьи отступаютъ отъ принятаго ими правила назначать наказанія „глядя по человѣку“: волостной старшина заявляетъ суду, что такіе-то 20 или 30 человѣкъ еще не уплатили податей и повинностей, и судъ постановляетъ рѣшеніе о наказаніи ихъ, не допрашивая ни обвиняемыхъ, ни обвинителей и не взирая ни на какія обстоятельства, могущія уменьшить для нихъ наказаніе, но подвергая всѣхъ ихъ одному наказанію.

При заявленіи волостному суду о неисправномъ платежѣ извѣстными крестьянами податей, волостные старшины или сельскіе старосты почти всегда заявляютъ объ этихъ лицахъ, что они „злообычно“ пьянствуютъ и разстраиваютъ свое хозяйство, чрезъ что и не могутъ исправно платить податей. Прибавка этого еще новаго обвиненія имѣетъ ту цѣль, чтобы обойти законъ, который не даетъ права волостнымъ судьямъ подвергать тѣлесному наказанію неплательщиковъ податей, если причины неплатежа не есть постоянное пьянство. Положеніе 19 февраля 1861 года, указывая на мѣры ко взысканію съ крестьянъ недоимокъ, не говоритъ о наказаніи недоимщиковъ розгами. Единственнымъ оправданіемъ для волостныхъ судовъ, подвергающихъ неплательщиковъ наказанію розгами, можетъ, по словамъ г. Заруднаго, служить сельскій судебный уставъ; волостные суды, подвергая неплательщиковъ наказанію розгами, опираются на 498 статью сего устава; но и эта статья не даетъ еще права волостнымъ судамъ подвергать неисправныхъ плательщиковъ податей наказанію розгами по одному только заявленію волостныхъ старшинъ или сельскихъ старостъ о неплатежѣ; въ ней сказано: „если кто изъ крестьянъ въ теченіи года бываетъ болѣе пьянъ, чѣмъ трезвъ, и если онъ притомъ своею расточительностію по хозяйству и безпутству придетъ въ окончательное разореніе и окажется несостоятельнымъ къ платежу податей, того наказывать розгами“. Такимъ образомъ волостные старшины и сельскіе старосты, чтобы неплательщики податей были подвергнуты тѣлесному наказанію, прибавляютъ къ одному обвиненію—неплатежу податей новое обвиненіе въ „злообычномъ“ пьянствѣ, нерадѣніи къ хозяйству и растратѣ его, съ цѣлью подвести проступокъ подъ 498 статью сельскаго судебного устава. Но, указывая такое оправданіе для наказанія неплательщиковъ розгами, нельзя найти оправданія для того, что волостные суды не провѣряютъ вводимыхъ старшинами и старо-

стами на неплательщиковъ податей обвиненій въ пьянствѣ и разстройствѣ хозяйства.

Кромѣ указаннаго недостатка волостной юстиціи по отношенію къ дѣламъ о неисправномъ платежѣ податей, кромѣ налагаемою волостными судами тѣлеснаго наказанія за неплатежъ податей, происходящій не отъ „злообычнаго“ пьянства, нерадѣнія къ хозяйству и разстройства онаго, а часто отъ бѣдности крестьянскаго населенія и невозможности по неимѣнію средствъ уплатить довольно значительныя подати, кромѣ исключенія судебного разбирательства по этимъ дѣламъ и не принятія во вниманіе разныхъ обстоятельствъ, которыя могли-бы оправдать неплательщиковъ, кромѣ всего этого, — нельзя не указать на то, что весьма часто дѣла о неисправномъ платежѣ податей совсѣмъ даже не доходятъ до волостнаго суда: часто волостныя старшины своею властію наказываютъ неплательщиковъ, подвергая ихъ или аресту, или розгамъ. Такіе случаи довольно часто встрѣчаются въ волостяхъ Тамбовской губерніи.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ было заявлено, что волостные суды не вмѣшиваются въ дѣла по неплатежу податей, что если эти дѣла и разбираются иногда на судѣ, то все таки судьи не наказываютъ неплательщиковъ податей, „а только постращаютъ, чтобы недоимщикъ заплатилъ“ (Устьинская), но тѣмъ не менѣе рѣшенія волостныхъ судовъ, приведенныя въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“, далеко не говорятъ за вѣрность этихъ заявленій. Въ подтвержденіе только-что связаннаго я приведу одинъ примѣръ изъ весьма многихъ подобныхъ. Въ Хмѣлевской волости по разсматриваемому вопросу заявили такъ: „въ дѣла о неплатежѣ податей, по пьянству и нерадѣнію къ хозяйству волостные судьи не вступаются, да и дѣлъ такихъ на волости не бывало“. Между тѣмъ на стр. 258 за № 18 приведено такое рѣшеніе суда этой волости: „Волостной судъ въ числѣ трехъ судей, по выслушаніи предложенія старосты Т. о томъ, что крестьяне В. и И. по нерадѣнію, лѣности и пьянству не платятъ податей и оброка за вторую половину сего (1871) года, чрезъ что осталось въ недоимкѣ за первымъ 10 рублей 70 копѣекъ и за послѣднимъ 2 р. 68 коп., и на требованіе его, старосты, не обращаетъ вниманія, постановилъ: крестьянъ В. и И. допустившихъ до сего времени недоимку, по проступкамъ выраженнымъ старостою, на основаніи 498 ст. Сельск. суд. устава Свода зак. т. XII, ч. 2. и Общ. Пол. 10 февраля 1861 года ст. 102 и 109, наказать розгами, дачею В.—18 и И.—12 ударовъ, внушивъ имъ, чтобы

они деньги немедленно уплатили". Подобныхъ противорѣчій между заявленіями опрашиваемыхъ членами комиссіи по вопросу о неплатежѣ податей и рѣшеніями судовъ есть довольно много. Изъ нихъ видно, что не смотря на заявленія опрашиваемыхъ о томъ, что волостные судьи не вмѣшиваются въ дѣла по неплатежу податей, а если и принимаютъ къ своему разсмотрѣнію подобныя дѣла, то не наказываютъ неплательщиковъ, а только „стращаютъ“,—не смотря на такія заявленія, и въ этихъ волостяхъ неисправные плательщики податей весьма часто подвергаются наказанію розгами по приговорамъ судовъ, а иногда по усмотрѣнію волостныхъ старшинъ.

Только въ 12 волостяхъ (Усманско-Пригородный, Больше-Хомутецкой, Демшинской, Поддубравской, Добринской, Куликовской, Бреславской, Тележинской, Нижне-Матренской, Трубетчинской, Нестерской и Сырской) волостные суды и старшины за неплатежъ податей или совѣмъ не наказываютъ, отбирая по приговору общества землю отъ неплательщика и отдавая ее въ аренду другимъ лицамъ, или наказываютъ арестомъ („надобѣсть сидѣть, такъ заплатить“) и весьма рѣдко розгами. Въ Тележинской волости дѣла о неплатежѣ податей до суда никогда не доходятъ, а неплательщика подвергаетъ аресту волостной старшина или сельскій староста, а въ крайнихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ продажѣ скота, что впрочемъ бываетъ очень рѣдко; имущество описывается, чтобы „постращать“, и неплательщикъ до продажи вноситъ деньги.

Еще одна характеристическая черта въ рѣшеніяхъ дѣлъ по неисправному платежу податей та, что эти рѣшенія приводятся въ исполненіе немедленно, не выжидая 30-дневнаго срока, установленнаго закономъ для обжалованія рѣшеній волостныхъ судовъ въ кассационномъ порядкѣ; другими словами: если гдѣ чаще всего и нарушаются законы судопроизводства, могущіе повлечь за собою кассацію рѣшенія суда, то это именно по дѣламъ о неисправномъ платежѣ податей и повинностей, потому что при разборѣ этихъ дѣлъ не спрашиваютъ никакихъ объясненій неплательщиковъ, что не можетъ быть согласно съ законами судопроизводства.

Самое употребительное наказаніе, налагаемое волостными судами Тамбовской губерніи за неплатежъ податей, какъ уже сказано, есть розги, сопровождаемыя внушеніемъ быть на будущее время исправнѣе въ платежѣ податей подъ опасеніемъ, въ случаѣ неисправности, боль-

шей отвѣтственности. Иногда вмѣсто розогъ сажаютъ неисправныхъ плательщиковъ податей подъ арестъ, по это рѣдко бываетъ; случается иногда, что за неплатежъ податей присуждаютъ въ одно время неплательщика къ розгамъ и къ аресту, напр. въ дѣлѣ за № 16 (стр. 430).

Вотъ нѣкоторые изъ дѣлъ по неплатежу податей: 2—401, 9—402, 10—402, 18—403, 20—403, 36—405, 37—405, 10—429, 15—430, 7—437, 11—437, 7—106, 8—106, 9—106, 11—107, 12—238, 14—307, 15—307, 16—307 и многія другія.

Пьянство и нерадѣніе къ хозяйству.

Волостные суды Тамбовской губерніи весьма часто наказываютъ пьянство, нерадѣніе къ хозяйству и разстройство его, хотя-бы обвиняемый въ пьянствѣ платилъ подати и повинности весьма исправно. Самое употребительное наказаніе за пьянство и нерадѣніе къ хозяйству—это розги. Иногда, если вслѣдствіе пьянства хозяинъ дурно управляетъ имуществомъ, то, для предупрежденія накопленія недоимокъ, судъ, по просьбѣ дѣтей, устраняетъ его отъ управления хозяйствомъ, предоставляя это управленіе старшему сыну. Пьянство, не составляя само по себѣ проступка, наказывается собственно потому, что оно можетъ повлечь за собою неисправность въ платежѣ податей, въ предупрежденіе чего волостные суды и наказываютъ за пьянство.

Вотъ нѣкоторые рѣшенія волостныхъ судовъ, которыми обвиняемые въ пьянствѣ были наказаны розгами: Больше-Грибановскій волостной судъ приговорилъ крестьянина С., за постоянное пьянство и нерадѣніе къ хозяйству, къ наказанію 15 ударами розогъ (6—429); тотъ же судъ приговорилъ крестьянина Т. за пьянство, вмѣсто розогъ, къ аресту на 3 сутокъ на хлѣбѣ и водѣ, такъ какъ Т. слѣпъ и болѣнъ (31—433). Старшина Шубинъ заявилъ Алгасовскому волостному суду, что крестьянинъ Ломакинъ много разъ былъ имъ замѣченъ въ „злообычномъ“ пьянствѣ, поэтому предложилъ суду назначить Ломакину законное наказаніе, какъ заслуживающему оное. Судъ, убѣдившись въ „злообычномъ“ пьянствѣ крестьянина Ломакина, приговорилъ его въ примѣръ прочимъ къ наказанію 15 ударами розогъ (3—103); тотъ же судъ приговорилъ крестьянина Суковицына за злообычное пьянство и разстройство хозяйства къ наказанію 20 ударами розогъ; за такое же пьянство были пригорены тѣмъ же судомъ крестьяне Тимаковъ

(4—103) и Крючковъ (9—104); Старо-Юрьевскій волостной судъ 30 сентября 1868 года, на основаніи отзыва сосѣдей и односельцевъ, рѣшилъ: „распоряженіе по домашнему быту представить просителю А., какъ состоящему при хорошемъ поведеніи, а отъ распоряженія по домашнимъ обстоятельствамъ мать его устранить, по случаю пьянства ея и расточительности (30—342).

Волостные суды наказываютъ не только за пьянство, но вообще за все, что указываетъ на расточительность или имѣть какую-либо связь съ пьянствомъ, и что можетъ повлечь за собою разстройство хозяйства и невозможность уплатить подати; такъ наказываютъ за игру на деньги въ карты, въ орлянку, за закладъ подъ вино вещей и проч. Пригородный волостной судъ разбиралъ 12 сентября 1867 года дѣло объ игрѣ въ карты на деньги и пьянствѣ крестьянина Г. и опредѣлялъ: крестьянина Г. на первый разъ посадить подъ стражу на двое сутокъ, а изъ отобранныхъ у него при игрѣ денегъ 15р. 50 к. заплатить въ подати съ повинностями 4 р. 8³/₄ коп., а остальные 11 р. 41¹/₄ к. выдать ему обратно (75—406).

Тотъ же судъ 18 іюня 1870 года постановилъ рѣшеніе: „сознавшихся и уличенныхъ въ игрѣ въ орлянку крестьянъ Е. и Б. заключить подъ стражу при волостномъ правленіи на 5 сутокъ каждого, при этомъ велѣтъ имъ снятыми однимъ съ другого шапками обмѣняться по принадлежности“ (17—415).

Больше-Грибановскій волостной судъ приговорилъ: „государственныхъ крестьянъ В. и Ч. и рядоваго Е. за закладъ подъ вино вещи, постоянное пьянство и растрату казенныхъ податей—первыхъ двухъ къ наказанію розгами по 15 ударовъ, а рядоваго Е. къ аресту на 3 сутокъ (22—431).

Вольная жизнь жены и укрывательство отъ мужа.

Вслѣдствіе грубаго и часто жестокаго обращенія мужей съ женами вслѣдствіе притѣсненій и непріятностей, испытываемыхъ женами отъ мужей и ихъ родителей случается ипогда, что жена оставляетъ домъ мужа и уходитъ или къ своимъ родителямъ, или нанимается къ кому-нибудь въ прислуги. Такой уходъ жесъ отъ мужей не остается безнаказаннымъ: по заявленіямъ ихъ мужьями или свекорами жалобъ въ волостной судъ, послѣдній подвергаетъ ихъ наказанію, чаще всего

аресту довольно продолжительному, — дней до семи, сопровождая иногда арестъ внушеніемъ не укрываться отъ мужа и быть почтительною къ мужу, свекору и свекрови; кромѣ того судъ всегда приказываетъ женамъ возвратиться жить въ семейство мужа и его родителей. Вотъ нѣкоторыя рѣшенія волостныхъ судовъ по этого рода дѣламъ:

Въ Пригородномъ волостномъ судѣ 24 февраля 1871 года разбиралось дѣло о вольной жизни и укрывательствѣ отъ мужа государственной крестьянки И. Волостной судъ, примѣняясь къ 501 статьѣ Сельскаго суд. устава Свода законовъ т. XII ч. 2, опредѣлилъ: крестьянку И., 23 лѣтъ, выдержать подъ арестомъ при волостномъ правленіи шесть дней, по истеченіи коихъ водворить въ семейство мужа (6—402).

Въ Горѣльскій волостной судъ 29 ноября 1871 года принесъ жалобу госуд. крестьянинъ Жариковъ въ томъ, что сноха его, жена сына, не живетъ дома вовсе и не почитаетъ его, просителя, почему и просить сноху жить постоянно въ его домѣ и почитать его. Сноха просителя объяснила, что за побои свекора и мужа въ домѣ ихъ жить не будетъ никогда, и что не имѣетъ въ виду никакого закона, который бы принудилъ ее жить въ домѣ мужа и свекора. Волостные судьи по справкѣ нашли, что сноха просителя не приносила жалобы на побои мужа и свекора, а потому опредѣлили: на первый разъ за непочтеніе старшихъ въ семьѣ подвергнуть аресту на 7 дней съ водвореніемъ послѣ въ домѣ просителя; пригоръ привести въ исполненіе теперь же, но не послѣ 30 дней, на томъ основаніи, что сноха просителя, если дать ей свободу на обжалованіе рѣшенія, опять скроется на долгое время; рѣшеніе объявить просителю и его снохѣ (17—31).

Старо-Юрьевскій волостной судъ 26 мая 1871 года разбиралъ жалобу крестьянина Н. о самовольномъ уходѣ изъ дома снохи его А. Волостные судьи, „замѣтивъ, что мать снохи—М., явившаяся неизвѣстно для чего на судъ и вмѣшавшаяся въ семейное дѣло, своими разговорами увлекаетъ дочь свою къ разврату (?) съ мужемъ, опредѣлили: крестьянку А., водворить къ мѣсту жительства къ мужу со внушеніемъ, чтобы она жила съ нимъ спокойно, подобросовѣстно, почитала свекора и свекровь и самовольно не отлучалась, иначе поступлено будетъ съ нею строго; бывшую дворовую М. за вмѣшательство въ семейное дѣло, на которой лежитъ прямая обязанность склонять дочь свою къ спокойному житію съ мужемъ, а не развращать,—аре-

ствовать при волостномъ правленіи на 6 сутокъ и послѣ дать знать объ этомъ волостному правленію (43—342).

Распутное поведеніе и любовная связь.

Говоря объ общественныхъ работахъ, какъ о наказаніи за проступки крестьянъ, я сказалъ, что въ нѣкоторыхъ волостяхъ (Больше-Алабукской, Павлодаровской, Запалатовской, Нижне-Чуевской, Инжавинской и др.) женщины за распутное поведеніе назначаются волостными судами на общественныя работы, состоящія изъ мытья половъ въ помѣщеніи волостнаго правленія, чистки улицъ и проч. Впрочемъ назначеніе на общественныя работы встрѣчается только въ немногихъ волостяхъ, большею же частію женщины, замѣченныя въ распутномъ поведеніи, подвергаются аресту или штрафу, а мужчины—тѣлесному наказанію розгами или аресту.

Что же касается любовной связи, проявляющейся въ единичномъ видѣ и вообще не имѣющей характера постояннаго распутнаго поведенія, то такихъ дѣлъ не встрѣчается. Въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ есть только одинъ нѣсколько подходящий къ этому случай: Нижне-Матренскій волостной судъ приговорилъ крестьянина Л. за связь съ крестьянкою Ф., за пьянство и руганье скверными словами къ наказанію 20 ударами розогъ, а крестьянку Ф. къ аресту на три дня (20—616).

Нищенство.

Нищенство преслѣдуется волостными судами не какъ самостоятельный проступокъ, но въ связи съ пьянствомъ и бродяжничествомъ, и замѣченныя въ этихъ пруступкахъ подвергаются аресту дней до трехъ, четырехъ, а потомъ отдаются или подъ надзоръ сельскаго начальства, или водворяются на жительство къ близкимъ родственникамъ. Такъ, въ Хоботецко-Богоявленскомъ волостномъ судѣ судился крестьянинъ Плотниковъ, 26 лѣтъ, за пьянство и нищенство. Вол. судъ, на основаніи 292 ст. Сельск. суд. устава, опредѣлилъ: крестьянина Плотникова, слѣпаго, выдержать подъ арестомъ трое сутокъ и потомъ отдать его родному брату (75—388). За подобный же проступокъ Пригородный волостной судъ приговорилъ крестьянина С. къ наказанію на 3 дня и къ водворенію на жительство въ Солдатскую слободу (откуда С.) подъ надзоръ сельскаго начальства (5—402).

Преступления по должности.

Если и разбирают волостные суды дѣла о преступленіяхъ по должности, то только въ тѣхъ случаяхъ, когда виновными являются десятскіе и сборщики податей, проступки которыхъ по должности состоятъ большею частію въ непонужденіи крестьянъ къ платежу податей, и только въ двухъ случаяхъ виновными въ проступкахъ по должности, разбираемыхъ волостными судами, были: одинъ разъ сельскій староста (18—549, см. ниже) и одинъ разъ—волостной судья (впрочемъ еще до суда уволенный отъ должности мировымъ посредникомъ. 8—437, см. ниже). Такъ, Боганскій волостной судъ приговорилъ десятскаго за непонужденіе крестьянъ къ уплатѣ податей къ наказанію 20 ударами розогъ (8—437); тотъ же судъ приговорилъ десятскихъ П., О., Г. и Д. „за нерадѣніе о своей обязанности къ понужденію крестьянъ къ уплатѣ податей и за неплатежъ самими податей—къ наказанію каждаго 20 ударами розогъ и внушилъ имъ, чтобы на будущее время были исправнѣе (14—437); Усманско-Пригородный волостной судъ оштрафовалъ 1 рублемъ сельскаго старосту за то, что послѣдній, помимо другихъ (общихъ) проступковъ, не донесъ о погравѣ волостному правленію и не объявилъ о самовольномъ отобраніи двумя крестьянами у третьяго телѣги, т. е. за проступокъ по должности (18—549); Пригородный волостной судъ приговорилъ сборщика податей къ аресту на 1 день и (бывшаго) командированнаго для сбора податей волостнаго судью къ аресту на 3 дня за то, что при взысканіи податей они пили вино, купленное для нихъ неплательщикомъ податей П. (3—401).

Большею же частію сельскіе старосты за проступки по должности штрафуются или сажаются подъ арестъ не приговорами волостныхъ судовъ, а властію волостныхъ старшинъ. Такъ: староста Ж., за неоднократное ослушаніе волостнаго старшины, по поводу высылки на судъ крестьянина К. для разбора дѣла, оштрафованъ волостнымъ старшиною въ пользу мірскихъ суммъ тремя рублями (18—747); волостной старшина Барашевской волости посадилъ на 1 сутки подъ арестъ сборщика податей за нерадѣніе его къ своей обязанности (8—289); тотъ же старшина за то же самое посадилъ старосту на двое сутокъ подъ арестъ (19—289); онъ же оштрафовалъ 50 копѣйками другаго сельскаго старосту за неисполненіе послѣднимъ своей обязан-

ностей по службѣ (12—289); подобныя же распоряженія волостнаго старшины можно видѣть въ дѣлахъ подъ № 14 (стр. 289), подъ № 31 (стр. 309) и др.

Дѣла по жалобамъ на должностныхъ лицъ.

Здѣсь я подразумѣваю проступки, хотя и учиненные должностными лицами, но не имѣющіе отношенія къ ихъ должности, т. е. проступки общаго характера. Такіе проступки, учиненные должностными лицами волостнаго или сельскаго управленія противъ частныхъ лицъ, не принадлежащихъ къ крестьянскому обществу, по 128 ст. Общ. Положенія, разбираются или волостными судами, или мировыми посредниками, или же общими судебными мѣстами. Если же эти проступки учинены противъ крестьянъ, то по 127 ст. того же Положенія жалобы на нихъ приносятся мировому посреднику. (3—401). Такимъ образомъ въ практикѣ волостныхъ судовъ рѣдко можетъ встрѣтиться разборъ дѣла по проступкамъ, совершеннымъ должностнымъ лицомъ. И дѣйствительно: въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“ есть только одинъ случай, гдѣ волостной судъ разбиралъ дѣло сельскаго старосты по проступку общаго характера, осложненному впрочемъ проступкомъ по должности; это именно: Усманско-Пригородный волостной судъ 6 іюня 1871 года оштрафовалъ 1 рублемъ сельскаго старосту села Сторожевыхъ Хуторовъ за нарушеніе тишины и спокойствія, за недонесеніе волостному правленію о потравѣ, за необъявленіе объ отобраніи двумя крестьянами у третьяго телѣги и за участіе вмѣстѣ съ крестьянами въ пьянствѣ, т. е. за проступокъ общаго характера и за проступокъ по должности (18—549). Кромѣ этого одного примѣра разбора волостнымъ судамъ проступка общаго характера, совершеннаго должностнымъ лицомъ, другихъ въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“ нѣтъ.

Обязательныя занятія частныхъ лицъ и неисполненіе ихъ.

Практикѣ волостныхъ судовъ извѣстны и такіе проступки, которые состоятъ въ томъ, что частныя лица, занимающіяся извѣстнаго рода работою, которую, если нѣтъ какихъ-либо препятствій, они всегда должны исполнить по требованію другихъ частныхъ лицъ, не исполняятъ ее, однакожъ. Одинъ изъ такихъ проступковъ, разбираемыхъ волостными

судами; приведенъ въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“. Въ Большие-Алабукскій вол. судъ 20 апрѣля 1871 года исправляющій должность вол. старшины заявилъ, что 17 апрѣля землевладѣлецъ К. привелъ въ село Большіе Алабухи 38 телятъ и просилъ паромщиковъ переправить ихъ на порожъ черезъ рѣку Варону, но паромщики дѣлали землевладѣльцу К. притѣсненія и телятъ переправили на другой день, а такъ какъ они не имѣли права дѣлать притѣсненія, а обязаны были въ то же время переправить телятъ, то и предлагается подвергнуть паромщиковъ денежному штрафу. Волостные судьи положили: за притѣсненіе землевладѣльца К. въ переправѣ его телятъ—означенннхъ проступкѣ—паромщиковъ—подвергнуть денежному штрафу, каждому тремъ рублямъ серебромъ, о чемъ имъ объявить и при объявленіи строжайше внушить, чтобы они на будущее время никому никакого притѣсненія не дѣлали, въ противномъ случаѣ подвергнуты строжайшей ответственности по закону (8—420).

Должна показанія свидетелей на судѣ.

Объ этомъ проступкѣ свидѣній въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“ почти не имѣется: въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ не упомянуто ни одного дѣла по этимъ проступкамъ; что же касается заявленій опрашиваемыхъ членами комиссіи лицъ, то только въ двухъ волостяхъ и заявили объ этомъ проступкѣ, именно: въ волостяхъ Большие-Алабукской и Мало-Алабукской сказали, что если свидѣтель уличается въ несправедливомъ показаніи на судѣ, то онъ устраняется отъ свидѣтельства и кромѣ того сажается подъ арестъ.

Неуваженіе святыни и религіи и неисполненіе некоторыхъ религиозныхъ обрядовъ.

Въ практикѣ волостныхъ судовъ встрѣчается разбирательство дѣлъ о проступкахъ, состоящихъ въ неуваженіи святыни и религіи и въ неисполненіи некоторыхъ обрядовъ, имѣющихъ связь съ религиозными понятіями. Впрочемъ рѣшеній по этого рода дѣламъ записано въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“ только три, изъ которыхъ видно, что чѣмъ въ болѣе рѣзкой формѣ проявляются эти проступки, тѣмъ большому наказанію подвергаются за нихъ виновные: иногда волостные суды огра-

наказываются только однимъ внушеніемъ, а иногда подвергаютъ виновныхъ тѣлесному наказанію до 20 ударовъ. Рѣшенія волостныхъ судовъ Тамбовской губерніи по этого рода проступкамъ слѣдующія:

Барловскій волостной судъ слушалъ 2 мая 1871 года жалобу священника Ахонтова о томъ, что крестьянинъ Головинъ причинилъ ему грубость и оказалъ неуваженіе къ религіи, когда онъ, священникъ, пришелъ къ Головину въ домъ съ молитвой во время праздника пасхи; судъ приговорилъ Головина къ наказанію 20 ударами розогъ (2—181).

Атиоровскій волостнымъ судомъ 20 іюня 1871 года опредѣлено: крестьянина А., за несплате шапки передъ образомъ, посадить подъ арестъ на одинъ сутки (39—309).

Въ подгоринскій волостной судъ 25 марта 1871 года жаловалась крестьянка Журавлева на своего свекла Н. Г. въ томъ, что ея (просительницы) сестра А. Г. разрѣшилась 17 марта отъ бремени, мужъ же ея Н. Г. отказался отъ расходовъ по приведенію въ христіанскую вѣру новорожденнаго младенца, вслѣдствіе чего она, просительница, израсходовала своихъ собственныхъ денегъ два рубля. Судъ, удостовѣрившись въ справедливости жалобы Журавлевой, постановилъ: взыскать съ мужа родительницы 2 рубля и удовлетворить просительницу, а ему внушить, чтобы онъ на будущее время не уклонялся отъ обряда христіанскаго и отъ расходовъ, имѣющихся въ обычаѣ при крещеніи новорожденныхъ (1—345).

Нарушеніе уставаго пожарнаго и строительнаго.

Довольно часто волостные суды Тамбовской губерніи разбираютъ заявленія волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ о проступкахъ, состоящихъ въ нарушеніи устава пожарнаго, и рѣже—о нарушеніи устава строительнаго. За первый проступокъ, состоящій большею частію въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ: въ сожженіи угля въ запрещенномъ мѣстѣ, въ куреніи табаку на улицѣ и проч., волостные суды наказываютъ чаще всего розгами отъ 15 до 20 ударовъ, а иногда, при уменьшающихъ вину обстоятельствахъ,—штрафомъ и даже ограничиваются однимъ замѣчаніемъ или внушеніемъ. Что же касается до нарушенія устава строительнаго, то о наказаніи за этотъ проступокъ трудно сказать что-либо, потому что въ I томѣ „Трудовъ ком-

мисси^а приведенъ только одинъ случай этого проступка, за который виновный подвергнуть тѣлесному наказанію.

Дѣла о проступкахъ по нарушенію уставовъ пожарнаго и строительнаго возбуждаются волостными старшинами или сельскими старостами.

Вотъ нѣсколько рѣшеній волостныхъ судовъ по проступкамъ этого рода:

Боганскій волостной судъ 28 декабря 1871 года приговорилъ крестьянина Ф. за сожженіе угля не въ показанномъ для того мѣстѣ къ штрафу въ 3 рубля въ пользу церкви (18—438).

Вячкннскій волостной судъ за куреніе табаку въ запрещенномъ мѣстѣ приговорилъ крестьянина Д. къ наказанію 15 ударами розогъ (12—520),

Нижне-Матренскій волостной судъ приговорилъ крестьянина, курившаго трубку на улицѣ, къ 20 ударамъ розогъ.

Перкинскій волостной судъ за подобный же проступокъ сдѣлать виновному строгое замѣчаніе со внушеніемъ, чтобы на будущее время имѣлъ строжайшее обращеніе съ огнемъ подъ опасеніемъ навлечь на себя подозрѣніе въ случаѣ пожара, и это замѣчаніе записано въ штрафную книгу (16—72).

Барковский волостной судъ оштрафовалъ 50 копѣйками крестьянина Савостыяна въ пользу сельскихъ школъ (1—181).

Бутырскій волостной судъ за нарушеніе строительнаго устава (виновный въ этомъ проступкѣ при постройкѣ избы безъ вѣдома старосты и безъ согласія общества выступилъ изъ плана къ дорогѣ на 4 сажени) приговорилъ виновнаго къ 20 ударамъ розогъ и къ сломкѣ избы.

Нарушеніе договоровъ.

Одна изъ характеристическихъ чертъ волостной юстиціи Тамбовской губерніи состоитъ въ томъ, что иногда не различаются уголовныя проступки и гражданскія правонарушенія. Чаще всего случается, что нарушеніе работникомъ договора личнаго найма считается уголовнымъ проступкомъ, и виновный въ неисполненіи этого договора наказывается чаще всего розгами и рѣже штрафомъ, арестомъ или отдачею на заработки къ частнымъ лицамъ. Если работникъ отказывается раньше условленнаго срока отъ личнаго найма, то онъ расчитывается за

прожитое время по той цѣнѣ, какая существовала въ то время, когда онъ нанимался. Если же между нимъ и хозяиномъ было заключенное письменное условіе, или если хозяинъ заплатилъ за него подати, или же намеренъ если работникъ перебралъ денегъ больше, чѣмъ слѣдуетъ за то время, какъ онъ прожилъ и ушелъ отъ хозяина, то волостные суды ~~подвергаютъ~~ работника тѣлесному наказанію и заставляютъ его дожить у хозяина до условленного срока, если хозяинъ согласенъ держать его у себя, но если не согласенъ, то сверхъ наказанія взыскиваются перебранныя деньги или, въ случаѣ несостоятельности работника, описывается и продается что-либо изъ его имущества, а если такового нѣтъ, то работника отдають на заработки къ частнымъ лицамъ. Такъ:

Въ Пригородномъ волостномъ судѣ разбиралась жалоба Борисоглѣбскаго купца Г. въ томъ, что крестьянинъ Н. нанялся къ нему въ работники по условію, заключенному 30 октября 1870 года срокомъ съ 15 января по 22 октября 1871 года, цѣною за сорокъ рублей серебромъ, взымалъ въ передъ денегъ 30 рублей и два раза бѣжалъ отъ своего занятія въ степи, почему просить поступить съ нимъ по законамъ. Судъ, находя работника Н. виновнымъ, опредѣлилъ: за неисполненіе условія и самовольные побѣги отъ хозяина наказывать розгами 13 ударами и обязать его отжить условленный срокъ (30—404).

Тотъ же судъ разбиралъ 23 сентября 1868 года дѣло о крестьянинѣ К. за мошенничество, которое состояло въ томъ, что К. нанимался у трехъ хозяевъ, бралъ у каждого впередъ деньги и отъ каждого уходилъ. Судъ приговорилъ К. къ 19 ударамъ розогъ и кромѣ того присудилъ, чтобы онъ отжилъ у перваго хозяина полный (годовой) срокъ, потомъ у втораго, а третій хозяинъ можетъ нанять вмѣсто К. другаго работника, и хотя-бы послѣднему заплатилъ больше, чѣмъ за сколько условился съ К., все таки плату ему взыскать съ К. (12—410).

Вольше-Грибановскій волостной судъ приговорилъ работника за неисполненіе условія по работѣ, прогулъ 25 дней и постоянное распутство—къ аресту на 3 дня и кромѣ того обязалъ отжить у хозяина сверхъ условленного срока еще 30 дней или же заплатить хозяину 15 рублей (9—432).

Боганскій волостной судъ приговорилъ виновнаго въ самовольномъ побѣгѣ отъ хозяина къ наказанію 15 ударами розогъ (4—438).

Уваровскій волостной судъ за то, что работникъ взялъ у хозяина деньги и до тѣхъ поръ оставался, пока цѣны на рабочія руки стояли нѣзависимо, и ушелъ отъ него, когда эти цѣны возвысились, опредѣлили: слѣдовало-бы наказать розгами и заставить опять жить у того же хозяина, но какъ хозяинъ, не надѣясь, чтобы работникъ исполнялъ честно свои обязанности, не желаетъ держать больше его у себя, то взыскать съ него въ пользу хозяина 25 рублей (3—469).

Кромѣ приведенныхъ примѣровъ въ I томѣ „Трудовъ комиссiи“ есть много другихъ подобныхъ рѣшеній.

Если въ жалобѣ, поданной въ волостной судъ, хозяинъ проситъ только о взысканіи съ работника, ушедшаго раньше условленнаго срока, перебранныхъ денегъ, но не проситъ о томъ, чтобы судъ „за самовольный уходъ работника отъ хозяина поступилъ съ нимъ по закону“, то судъ, если не всегда, то большею частію, не подвергаетъ работника наказанію, ограничиваясь только приговоромъ о взысканіи требуемыхъ денегъ. Такъ:

Нижемаатренскій волостной судъ за то, что работникъ взялъ у хозяина деньги и не сталъ жить, опредѣлили: взыскать съ него взятыя впередъ деньги, а если добровольно не отдастъ, то взыскать еще 1 рубль штрафа (12—615).

Подобныя рѣшенія встрѣчаются не рѣдко: 48—713, 14—732 и другія; но иногда и безъ просьбы хозяина о наказаніи виновнаго судъ приговариваетъ послѣдняго къ наказанію; такъ Куйманскій волостной судъ приговорилъ: взыскать съ работника перебранныя деньги и наказать 15 ударами розогъ, хотя хозяинъ и не просилъ о послѣднемъ (43—738).

Кромѣ нарушенія договора личнаго найма, иногда случается, что и за нарушение и неисполненіе другихъ договоровъ, сторона, нарушившая или неисполнившая договора, подвергается наказанію; такъ напр. Горьбальскій вол. судъ приговорилъ крестьянина Ильина къ штрафу въ 3 рубля въ пользу общественнаго капитала, за неисполненіе договора купли—продажи, заключенный Ильинымъ съ титулярнымъ совѣтникомъ Тацетовымъ (1—22).

Напрасная жалоба.

Въ случаѣ подачи напрасной жалобы послѣдняя оставляется безъ послѣдствій. Подавшій несправедливую жалобу иногда подвергается

волостнымъ судомъ наказанію, какъ за напрасное утружденіе начальства, хотя-бы тотъ, на кого она подана напрасная жалоба и не просилъ о наказаніи виновнаго; но въ большей части волостей за подачу несправедливой жалобы волостные суды не наказываютъ, а если и наказываютъ, то только тогда, когда обиженный оговоромъ просить судъ взыскать съ обидчика за напрасную жалобу (Дракинская, Стрѣлецкая, Бабѣвская и др.). Въ вѣкоторыхъ изъ волостей, въ которыхъ подающіе несправедливую жалобу не подвергаются наказанію, опрашиваемые заявили, что слѣдовало-бы за напрасную жалобу наказывать подающихъ ее, „потому что часто (судьи) напрасно тратятъ на разборъ и народъ беспокоятъ иные жалобщики“ (Кирилловская), „потому что часто изъ-за пьянства и изъ-за бабьихъ дѣловъ дряхли разводятся“ (Спасо-Городская).

Въ другихъ же волостяхъ заявили совершенно обратно: за напрасную жалобу не слѣдуетъ наказывать, „потому иногда человекъ обиженъ, да доказать только не можетъ, за что же его наказывать?“ (Стрѣлецкая), „потому, можетъ быть человекъ и правильно жалуется“ (Бабѣвская).

Самое употребительное наказаніе, налагаемое волостными судами Тамбовской губерніи за подачу напрасной жалобы,—это штрафъ въ пользу мірскихъ суммъ, если судъ наказываетъ подавшаго несправедливую жалобу безъ просьбы о томъ со стороны оговореннаго этой жалобой, или денежное вознагражденіе оговореннаго, если судъ наказываетъ по его просьбѣ. Рѣже за подачу несправедливой жалобы сажаютъ подъ арестъ и еще рѣже наказываютъ розгами ¹⁾ и присуждаютъ къ испрошенію прощенія у обиженнаго. Случается иногда, что подавшій напрасную жалобу уплачиваетъ только судебныя издержки, вызванныя такою жалобой. Очень часто штрафъ, арестъ или розги сопровождаются внушеніемъ или предупрежденіемъ, чтобы въ другой разъ напрасныхъ жалобъ не подавать подъ опасеніемъ болѣе строгаго наказанія. Вотъ нѣкоторые приговоры волостныхъ судовъ, подвергающіе наказанію подающихъ напрасную жалобу:

Уваровскій волостной судъ 12 іюня 1871 года постановилъ: жалобу просителя безсрочно-отпускнаго унтеръ-офицера Л. о нанесеніи

¹⁾ Фащевская, Стрѣльниковская.

ему побоевъ крестьяниномъ К. оставить безъ послѣдствій; что же касается до уплаты прогонѣвъ на проѣздъ уѣздному врачу для освидѣтельствующаго его Л. побоевъ, то таковыя долженъ уплатить самъ прогонщикъ, такъ какъ не доказанъ виновности крестьянина К. въ нанесеніи побоевъ (11—471).

Ржаксинскій волостной судъ приговорилъ крестьянку Д. къ штрафу въ 3 рубля въ пользу мірскихъ суммъ за ложное обвиненіе крестьянина Ф. въ кражѣ у нея упряжи и крестьянъ Я. и Е. въ нанесеніи ей побоевъ (8—495).

Демшинскій волостной судъ оставилъ жалобу унтеръ-офицера А. З. о кражѣ у него ржи и пшена крестьяниномъ И. В. безъ послѣдствій, наказанію же за напрасную жалобу не подвергнулъ (9—570).

Романовскій волостной судъ за подачу несправедливой жалобы и утружденіе начальства приговорилъ крестьянина И. З. къ аресту на 3 дня (11—660). Подобный же приговоръ суда послѣдовалъ по дѣлу № 7 (стр. 155).

Щацевскій волостной судъ несправедливую жалобу Р. П. оставилъ безъ послѣдствій, предупредивъ Р. П., чтобы онъ съ подобными просьбами на будущее время не обращался въ судъ подъ опасеніемъ отвѣтственности (3—667).

Усманско-Пригородный волостной судъ приговорилъ мѣщанку П. С. къ испрошенію прощенія у крестьянина П. Ф. за то, что напрасно подала жалобу (12—546).

Дракинскій волостной судъ опредѣлилъ: „мы, рассматривая обстоятельства этого дѣла, находимъ жалобу С. незаслуживающе уваженія, а заведенною только изъ одного недобросовѣстнаго характера, и потому постановили: за напрасное утружденіе начальства, на основаніи 102 ст. Общаго Положенія 19 февраля 1861 года, въ примѣръ другимъ, оштрафовать его въ пользу мірскаго капитала 3 рублями и внушить ему, чтобы на будущее время онъ не утруждалъ напрасными жалобами начальство и чтобы не дѣлалъ такіа притворства, и тѣмъ дѣло считать оконченнымъ“ (1—242).

Этимъ я оканчиваю разсмотрѣніе юридическихъ возрѣній крестьянъ Тамбовской губерніи по уголовному праву, взглядъ ихъ на проступки и слѣдующія за нихъ наказанія. Недостатокъ матеріала по мно-

гимъ вопросамъ изъ этой области не далъ мнѣ возможности привести въ систему разсматриваемые мною вопросы, которые по этой причинѣ являются безъ всякой связи одинъ съ другимъ. Множество пробѣловъ, неупоминаніе о цѣлыхъ родахъ преступовъ и краткое упоминаніе о нѣкоторыхъ—все это слѣдствія недостатка матеріала. О многихъ проступкахъ, по всей вѣроятности разбираемыхъ волостными судами Тамбовской губерніи, напр. о проступкахъ противъ народнаго здравія, о самоуправствѣ и о многихъ другихъ, я совсѣмъ не говорю ничего, и это потому, что въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ Тамбовской губерніи, записанныхъ членами комиссіи и помѣщенныхъ въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“, не встрѣчается и упоминанія о нихъ. Нельзя думать, чтобы въ практикѣ волостныхъ судовъ встрѣчались только тѣ преступления, о которыхъ я говорю: по всей вѣроятности есть можетъ быть и другія, но они не упоминаются въ I томѣ „Трудовъ комиссіи“.

Программа конкурса для замѣщенія въ Университетѣ Св. Владиміра должности доцента по кафедрѣ офталмологіи.

На основаніи 42 § (А. п. 8) общаго устава Россійскихъ университетовъ, Высочайше утвержденнаго въ 18 день іюня 1863 г., Совѣтъ Университета Св. Владиміра объявляетъ конкурсъ для замѣщенія должности доцента по кафедрѣ офталмологіи.

Желающій занять означенную должность обязанъ представить въ Совѣтъ Университета Св. Владиміра къ 15 августа сего 1880 г:

- 1) Дипломъ на степень доктора медицины.
- 2) Разсужденіе, по которому приобретена ученая степень, и другіе ученые труды по медицинскимъ наукамъ.
- 3) Краткое описаніе главныхъ обстоятельствъ жизни (*curriculum vitae*).

Сверхъ того по уставу Россійскихъ университетовъ (§ 69) соискатель долженъ прочесть публично въ присутствіи медицинскаго факультета Университета Св. Владиміра двѣ пробныя лекціи: одну—на тему по собственному избранію, а другую—по назначенію медицинскаго факультета.

Соискатель, имѣющій по своей ученой степени право на занятіе должности доцента, по утвержденіи въ таковой, пользуется всѣми правами, предоставленными службѣ по учебному вѣдомству.

Доцентъ получаетъ: жалованья 900 р., столовыхъ 150 р. и квартирныхъ 150 р. Должность доцента полагается въ VII классѣ.

ОБЪ ИЗДАНИИ
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1880 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей
4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библиографическіе указатели для учащихся.
6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертации.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ: Часть I—официальная (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II—неофициальная: отдѣлъ I—*историко-филологическій*; отдѣлъ II—*юридическій*; отдѣлъ III—*физико-математическій*; отдѣлъ IV—*медицинскій*; отдѣлъ V—*критико-библиографическій*—посвящается критическому обзорѣ выдающихся явленій ученой литературы (русской иностранной); отдѣлъ VI—*научная хроника* заключаетъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы и переводы сочиненій; а также указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1880 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ коп., а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣ выхода *приложеній* (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ *приложеній*, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльных книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Успенниковъ.

AS262
H5A36

LIBRARY
STACKS
MAR 31 1910

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ XX.

№ 7.—І Ю Л Ъ.

1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТР.	СТР.
Часть I—официальная.	фессора Ващенко - Захарченка . . . . . 175—214.
I. Извлечение изъ протоколовъ засѣданій Совѣта Университета Св. Владимира. 8-го мая 1880 г.	ОТДѢЛЪ IV.
II. Обзорніе преподаванія въ У-тѣ Св. Владимира въ первомъ полугодіи 1880—81 учебнаго года	IV. Объ антисептическ. способѣ леченія ранъ.—Доктора Мифле . . . . .
III. Личный составъ У-та Св. Владимира въ концѣ 2-го пол. 1880 гражд. года	БРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.
IV. Прибавленіе къ протоколамъ Совѣта У-та Св. Владимира: о перемѣнахъ въ составѣ студентовъ въ теченіи мая 1880 г.	V. Арійская семья, ея строй и развитіе.—Док. Аландскаго . . . . .
Часть II—неофициальная.	VI. Литература Слова о полку Игоревѣ. — Приватъ-доцента Жданова . . . . .
ОТДѢЛЪ I.	Научная хроника.
I. Рационализмъ Евклида въ исторіи Полопоннеской войны.—Док. Мищенко	VII. Протоколы кievскаго Юридическаго Общества, состоящаго при У-тѣ Св. Владимира, за 1879 г. . . . .
ОТДѢЛЪ II.	Прибавленія.
II. О воровствѣ-кражѣ по русскому праву. — Стипендианта Вьлогрица-Котляревскаго	I. Греческая церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ.—Доцента Терновскаго . . . . .
ОТДѢЛЪ III.	II. Курсъ химической технологии (съ таблицами). —Проф. Н. А. Вунге. . . . .
III. Краткій историч. очеркъ развитія геометріи.—Про-	III. Исторія медицины. Гиппократь. — Доктора Ковнера . . . . .
	IV. Росписаніе лекцій.
	V. Таблица метеор. наблю. за май и іюнь 1880 г.

К І Е В Ъ.

1880.

ОБЪ ИЗДАНИИ
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1880 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей
4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библиографическіе указатели для учащихся.
6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертации.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распределяются въ слѣдующемъ порядкѣ: Часть I—оффиціальная (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II—неоффиціальная: отдѣлъ I—*историко-филологическій*; отдѣлъ II—*юридическій*; отдѣлъ III—*физико-математическій*; отдѣлъ IV—*медицинскій*; отдѣлъ V—*критико-библиографическій*—посвящается критическому обзорѣ выдающихся явленій ученой литературы (русской иностранной); отдѣлъ VI—*научная хроника* заключаетъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы и переводы сочиненій; а также указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ
ИЗВѢСТІЯ.

Годъ двадцатый.

№ 7.—І Ю Л Ъ.

КІЕВЪ.
въ университетской типографіи.
1880.

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владимира.
Ректоръ К. *Θеофилактовъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ I—ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СТР.

- I. Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта Университета Св. Владиміра. 8-го мая 1880 г. . . . . 133—145
- II. Обзорѣніе преподаванія въ У-тѣ Св. Владиміра въ первомъ полугодіи 1880—81 учебнаго года. . . . . 146—153
- III. Личный составъ У-та Св. Владиміра въ концѣ 2-го пол. 1880 гражданскаго года . . . . . 154—168
- IV. Прибавленіе къ протоколамъ Совѣта У-та Св. Владиміра: о перемѣнахъ въ составѣ студентовъ въ теченіи мая 1880 года . . . . . 169—172

ЧАСТЬ II—НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

- I. Раціонализмъ Фукидада въ исторіи Пелопоннесской войны.—Доцента Мищенко . . . . . 221—252

ОТДѢЛЪ II.

- II. О воровствѣ-кражѣ по русскому праву.—Стипендіата-магистранта Бѣлогриць-Котляревскаго. . . . . 233—264

ОТДѢЛЪ III.

- III. Краткій историческій очеркъ развитія геометріи.—Проф. Ващенко-Захарченка . . . . . 175—214

ОТДѢЛЪ IV.

- IV. Объ антисептическомъ способѣ леченія ранъ.—Доктора Мифле . . . . . 47—64

КРИТИКО-БИБЛОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДѢЛЪ.

- V. Арійская семья, ея строй и развитіе. — Доц. Аландскаго. 205—220
- VI. Литература Слова о полку Игоревѣ. — Приватъ-доцента Иданова. . . . . 221—248

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

- VII. Протоколы засѣданій Кіевского Юридическаго Общества, состоящаго при У-тѣ Св. Владиміра, за 1879 г. . 217—256

ПРИБАВЛЕНІЯ.

- I. Греческая церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ.
— Доцента Терновскаго. . . . . 193—232
- II. Курсъ химической технологіи (съ таблицами). — Профессора Н. А. Бунге. . . . . 41—56
- III. Исторія медицины. Гиппократъ. — Доктора Ковнера. . 185—200
- IV. Росписаніе лекцій.
- V. Таблица метеорол. наблюденій за май и іюнь 1880 г.

ЧАСТЬ I—ОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта.

8 Мая 1880 года.

Въ засѣданіи Совѣта Университета Св. Владиміра, 8 мая 1880 года, подъ предсѣдательствомъ г. Ректора Университета К. М. Теофилактова, присутствовали: *деканы*: В. С. Иконниковъ, И. И. Рахманиновъ, В. Г. Демченко, Ф. Ф. Эргардтъ; *ординарные профессоры*: А. П. Матѣевъ, К. А. Митюковъ, В. А. Незабитовскій, Г. Д. Сидоренко, Н. К. Реннсенкамппъ, П. Э. Ромеръ, А. А. Шефферъ, М. П. Авенариусъ, В. Б. Томса, М. Е. Ващенко-Захарченко, П. П. Алексѣевъ, А. В. Романовичъ-Славатинскій, В. А. Бецъ, А. О. Кистяковский, М. О. Хандриковъ, О. М. Гарничъ-Гарницкій, Н. А. Хржонцевскій, П. И. Перемежко, Н. А. Бунге, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, А. А. Котляревскій, О. В. Баранецкій, О. Я. Фортинскій, О. М. Паульсонъ; *экстра-ординарные профессоры*: В. А. Субботинъ, Н. Н. Шиллеръ, К. Г. Гейбель, Н. В. Бобрецькій, И. В. Лучицкій, А. Х. Ринекъ, И. О. Шмальгаузенъ. Неприсутствовали: В. А. Караваевъ, Н. Х. Бунге, С. С. Гогоцкій, Ф. Ф. Мерингъ, Н. А. Оаворовъ, Н. И. Хлѣбниковъ и В. П. Ермаковъ—по болѣзни; А. В. Ивановъ, В. Б. Антоновичъ—по нахожденію въ отпуску; П. В. Павловъ и К. Г. Тритпель—по неизвѣстнымъ причинамъ.

Примѣчаніе: не бывшіе въ засѣданіи Совѣта по болѣзни: В. А. Караваевъ, С. С. Гогоцкій, Ф. Ф. Мерингъ, Н. А. Оаворовъ, Н. И. Хлѣбниковъ и В. П. Ермаковъ передали свои шары для баллотированія: *первый*—Ф. Ф. Эргардту, *второй*—В. С. Иконникову, *третій*—Н. К. Реннсенкамппу, *четвертый*—П. В. Павлову, *пятый*—А. В. Романовичу-Славатинскому и *шестой*—Н. А. Хржонцевскому.

1. Слушали: чтеніе протокола предшествовавшего засѣданія Совѣта У-та 4 апрѣля 1880 года.

Подписавъ этотъ протоколъ,

Опредѣлили: представить таковой г. Попечителю Кіевскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію.

2. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та опредѣлилъ: принять къ исполненію и руководству слѣдующія предложенія г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа.

1) Отъ 7 апрѣля за № 4042, съ увѣдомленіемъ, что Его Превосходительство генераль-лейтенантъ П. А. Антоновичъ согласно прошенію уволенъ отъ должности Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа и что онъ сдалъ должность помощнику дѣйствительному статскому совѣтнику Ивану Яковлевичу Ростовцеву.

2) Отъ 11 апрѣля за № 4196, о назначеніи Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа, тайнаго совѣтника С. П. *Голубцова*.

3) Отъ апрѣля за № 4276, объ увольненіи согласно прошенію заслуженнаго профессора Н. Х. Бунге отъ должности Ректора У-та Св. Владиміра и объ утвержденіи въ сей должности на 4 года заслуженнаго профессора К. М. Теофилактова.

4) Отъ 16 апрѣля за № 4299, объ утвержденіи лаборанта химической лабораторіи магистра химіи Я. *Барзиловскаго* въ званіи приватъ-доцента при У-тѣ Св. Владиміра по предмету химіи.

5) Отъ 25 апрѣля за № 4579, объ оставленіи по найму при терапевтической клиникѣ лекаря З. *Зенкевича*, для исполненія обязанностей ординатора срокомъ на одинъ годъ, съ платою по 50 р. въ мѣсяцъ.

6) Отъ 29 апрѣля за № 4751, объ утвержденіи А. *Троценка* въ должности фельдшера при терапевтической клиникѣ со дня допущенія его къ исправленію сей должности, т. е. съ 15 ноября 1879 года.

7) Отъ 28 апрѣля за № 4687, о томъ что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ уменьшить членскій взносъ въ состоящемъ при У-тѣ Св. Владиміра юридическомъ обществѣ съ 10 на 5 р. и согласно сему разрѣшаетъ измѣнить § 5 дѣйствующаго устава общества.

8) Отъ 5 апрѣля за № 4005, о разрѣшеніи производить экстраординарному профессору *Хлѣбникову* съ 5 мая сего года добавочное

содержаніе изъ оклада 562 руб. 50 к. въ годъ изъ спеціальныхъ средствъ У-та.

9) Отъ 12 апрѣля за № 4215, о разрѣшеніи отвести для квартиры завѣдывающаго ботаническимъ садомъ комнаты, находящіяся въ зданіи оранжереи ботаническаго сада У-та.

10) Отъ 7 мая за № 5100, о томъ, что нынѣ свободное помѣщеніе въ зданіи оранжереи ботаническаго сада можетъ быть занимаемо по разрѣшенію г. Попечителя г. директоромъ этого сада впредь до особой нужды У-та въ немъ для научныхъ или другихъ болѣе существенныхъ потребностей заведенія.

11) Отъ 5 апрѣля за № 3991, о Высочайшемъ разрѣшеніи на открытіе подписки для составленія капитала на учрежденіе при У-тѣ Св. Владиміра стипендіи имени покойнаго историка Россіи Тайнаго Совѣтника С. М. *Соловьева*.

3. Слушали: предложеніе г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, отъ 8 апрѣля сего года за № 60, слѣдующаго содержанія: „Въ дополненіе къ извѣщенію отъ 12 января и 22 февраля сего года за №№ 445 и 2618, имѣю честь сообщить Совѣту У-та Св. Владиміра, что Совѣтъ Попечительства о недостаточныхъ студентахъ, въ засѣданіи 13 марта избралъ изъ числа наибѣднѣйшей учащейся молодежи слѣдующихъ студентовъ перваго курса, которымъ, согласно письму *Ө. А. Терещенка* отъ 12 января, назначилъ на счетъ пожертвованной имъ суммы постоянныя пособія, въ видѣ стипендіи имени *Өедора Артемовича* по 300 руб. въ годъ, именно: по историко-филологическому ф-ту *Николаю Лопатинову*, по физико-математическому разряду математическихъ наукъ *Владиміру Иванову*, разряда естественныхъ наукъ *Михаилу Кудрицкому*, по юридическому ф-ту *Ростиславу Безпалову* и медицинскому *Николаю Дашкевичу* и *Ивану Задорожному*.

Опредѣлили: копію изложеннаго предложенія сообщить въ Правленіе У-та и г. инспектору студентовъ.

4. Слушали: предложеніе г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа отъ 3 мая сего года за 4876, слѣдующаго содержанія: „Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, вслѣдствіе ходатайства моего объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства 6076 руб. на содержаніе семи помощниковъ инспектора и одного помощника бібліотекаря при У-тѣ Св. Владиміра, предложеніемъ отъ 19 истекшаго апрѣля за № 4033 увѣдомилъ меня, что за внесеніемъ въ Государ-

ственный Совѣтъ проектовъ новыхъ штатовъ для У-товъ онъ не считаетъ въ настоящее время возможнымъ ходатайствовать объ ассигнованіи вышеозначенной суммы.

О такомъ предложеніи г. Министра Народнаго Просвѣщенія я имѣю честь увѣдомить Правленіе У-та Св. Владимира для надлежащаго свѣдѣнія, въ отвѣтъ на представленіе отъ 27 марта сего года за № 857.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

5. Слушали: представленіе юридическаго ф-та, отъ 5 мая сего года, слѣдующаго содержанія: „Въ виду усилившейся болѣзни профессора Н. И. *Хлѣбникова*, требующей продолжительнаго леченія и постояннаго ухода за больнымъ, юридическій ф-тетъ считаетъ своимъ долгомъ ходатайствовать предъ Совѣтомъ У-та о назначеніи г. *Хлѣбникову* денежнаго пособія въ *тысячу* руб., сверхъ назначенныхъ уже 200 руб.“

Опредѣлили: 1) въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта баллотировать вопросъ о выдачѣ г. *Хлѣбникову* 1000 руб. на леченіе болѣзни, и 2) въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія сказаннаго вопроса и повослѣдованіи разрѣшенія г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа произвести этотъ расходъ въ три срока, именно: 300 руб. въ маѣ, 300 руб. въ концѣ 1880 года и остальные 400 въ началѣ 1881 года; отнеся эти выдачи на спеціальныя средства именно 100 р. на сумму, опредѣленную на путешествія и командировки, 500 р. на изданіе сочиненій, а 400 руб. на сумму, предназначенную на путешествія и командировки въ 1881 году.

6. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та, по случаю окончанія срока, на который лекаръ *Антонъ Берестовскій* оставленъ былъ въ должности ординатора терапевтической ф-ской клиники опредѣлилъ: просить г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа объ увольненіи г. *Берестовскаго* отъ службы при У-тѣ.

7. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та по выслушаніи предложенія г. Управляющаго Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 30 апрѣля за № 4785 и согласно съ представленіями историко-филологическаго и физико-математическаго ф-товъ, опредѣлилъ донести г. Попечителю Кіев. Учеб. Округа, что депутатами для присутствованія при экзаменахъ учениковъ гимназій и реальныхъ училищъ избраны: историко-филологическимъ ф-томъ: ординарные профессора: А. А. *Котля-*

ревскій въ Полтавскую гимназію, *Θ. Я. Фортинскій*—въ Кіевскія гимназіи 1 и 3-ю—по исторіи и географіи и по латинскому языку въ 1-ю гимназію; доцентъ *Θ. Г. Мищенко* —въ Кіевскую 2-ю гимназію по греческому и латинскому языкамъ; физико-математическимъ ф-томъ ординарные профессеры: *П. П. Алексѣевъ* въ Новозыбковское и *Н. А. Бунге* въ Бѣлоцерковское реальное училище.

8. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та по выслушаніи представленія физико-математическаго ф-та и заключенія Правленія У-та, опредѣлили: отчислить изъ суммъ агрономическаго кабинета 250 р. на расходы по ботаническому кабинету; о чемъ сообщить Правленію для исполненія.

9. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та принялъ къ свѣдѣнію сообщеніе ректора Буда-Пестскаго У-та о предстоящемъ 1 мая 100-лѣтнемъ юбилеѣ этого У-та.

10. Слушали: рапортъ профессора У-та *Св. Владиміра П. Алексѣева* отъ 29 апрѣля 1880 года слѣдующаго содержанія: „Въ текущемъ полугодіи мною были читаны публичныя лекціи химіи, по этому я честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ У-та о выдачѣ мнѣ установленнаго вознагражденія. Предметы лекцій были: различныя роды освѣщеній: газомъ, керосиномъ, свѣчами; происхожденіе, добываніе и составъ различныхъ матеріаловъ для освѣщенія.—Пламя, устройство различнаго рода лампъ. Всего было прочитано шесть лекцій (16 и 23 февраля 15, 22 и 29 марта и 5 апрѣля) 7-я предположенная на 12 апрѣля лекція, къ которой все было приготовлено, не могла быть прочитана за прекращеніемъ газоснабженія. Число посѣтителей на первыхъ лекціяхъ было таково сколько можетъ помѣститься въ аудиторіи; на послѣднихъ же лекціяхъ оно было менѣе“.

Опредѣлили: просить г. Попечителя К. У. О. о выдачѣ г. ординарному профессору Алексѣеву 142 руб. 58 коп. за чтеніе имъ публичныхъ лекцій химіи въ текущемъ полугодіи.

11. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та по докладу г. Ректора опредѣлили: просить Правленіе У-та обсудить совмѣстно съ г. редакторомъ У-скихъ Извѣстій вопросъ о сокращеніи чрезмѣрно увеличившихся расходовъ на изданіе извѣстій.

Копію настоящаго журнала передать въ Правленіе У-та для исполненія.

12. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та по случаю предсто-

ящаго 26 мая открытія памятника въ честь поэта А. С. *Пушкина* о п р е д ѣ л и л ѣ: просить профессора А. А. *Котляревскаго* составить по этому случаю проектъ привѣтственнаго адреса отъ имени У-та Св. *Владимира* и передать этотъ проектъ на окончательное утверждение Правленія У-та.

13. С л у ш а л и: 1) Представленіе профессора У-та Св. *Владимира Котляревскаго* слѣдующаго содержанія: „Въ 1878 году Совѣтъ У-та разрѣшилъ мнѣ выдачу 700 руб. на напечатаніе III тома ученыхъ трудовъ своего перваго Ректора покойнаго М. А. *Максимовича*.

Окончивъ нынѣ напечатаніе сего тома и сведя счеты, (которые имѣю честь здѣсь представить), я увидѣлъ что изданіе обошлось въ 1137 рубл. Двѣсти руб. на покрытіе передержки были выручены мною отъ продажи экземпляровъ; относительно же остальныхъ 337 руб. позволяю себѣ просить Совѣтъ не признаеть-ли онъ возможнымъ удовлетворить ихъ изъ суммы, назначаемой на печатаніе ученыхъ трудовъ“; и 2) Заключение Правленія У-та о томъ, что признается возможнымъ выдать А. А. *Котляревскому* 337 р. изъ суммы, назначенной по смѣтѣ специальныхъ средствъ 1880 г. на изданіе сочиненій.

О п р е д ѣ л и л и: разрѣшить выдачу г. профессору А. А. *Котляревскому* упомянутыхъ 337 руб., изъ указаннаго источника. О чемъ сообщить Правленію У-та, для исполненія.

14. С л у ш а л и: представленіе медицинскаго ф-та, отъ 7 мая 1880 г. за № 181, о выдачѣ приватъ-доцентамъ *Липскому*, *Успенскому*, и *Шварцу* за чтеніе ими въ настоящемъ полугодіи студентамъ лекцій первымъ дѣтскихъ болѣзней, вторымъ—ушныхъ болѣзней, а третьимъ—послѣродовыхъ болѣзней, первымъ двумъ по 200 р., а послѣднему 100 руб.

О п р е д ѣ л и л и: въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта баллотировать вопросъ о выдачѣ поименованнымъ лицамъ денежныхъ вознагражденій.

15. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та, по выслушаніи представленія медицинскаго ф-та о п р е д ѣ л и л ѣ: просить распоряженія Правленія У-та о выдачѣ изъ специальныхъ средствъ У-та гг. К. М. *Феофилактову* 100 руб., *Ө. М. Гарничъ-Гарничкоу* 400 руб., *О. М. Паульсону* 200 руб., *И. Ө. Шмальгаузену* 200 руб., *К. Г. Гейбелю* 200 руб. и *Н. Н. Шиллеру* 500 руб. за преподаваніе ими въ настоящемъ полугодіи студентамъ обязательныхъ лекцій, а именно: первымъ

минералогіи, вторымъ химіи, третьимъ зоологіи, четвертымъ ботаники, пятымъ исторіи медицины и шестымъ—физики студентамъ медицинскаго ф-та.

16. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та по выслушаніи представленія физико-математическаго и юридическаго ф-товъ, опредѣлилъ: просить распоряженія Правленія У-та о выдачѣ изъ специальныхъ средствъ У-та гг. профессорамъ Ф. Ф. *Эрхардту* 100 руб., В. А. *Бену* 200 руб., В. Б. *Томсю* 200 руб. и Н. А. *Баворову* 200 руб.—за преподаваніе ими въ настоящемъ полугодіи студентамъ особыхъ курсовъ сверхъ предметовъ своихъ кафедръ, а именно: первымъ судебной медицины студентамъ юридическаго ф-та, вторымъ—анатоміи, третьимъ—физиологіи живаго человѣка студентамъ физико-математическаго ф-та и четвертымъ—церковнаго законовѣденія студентамъ юридическаго ф-та.

17. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та по выслушаніи представленія медицинскаго ф-та, 7 мая, сего года за № 181, опредѣлилъ: просить распоряженія Правленія У-та о выдачѣ изъ специальныхъ средствъ У-та, приватъ-доценту Э. Х. *Мандельштаму* 300 руб., за чтеніе имъ въ настоящемъ полугодіи офталмологіи по 3 часа въ недѣлю, для студентовъ медицинскаго ф-та.

18. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та по выслушаніи доклада г. Ректора о предѣлилъ: просить всѣхъ гг. профессоровъ и преподавателей У-та завѣдывающихъ учебно-вспомогательными учрежденіями У-та Св. Владиміра и въ особенности гг. директоровъ клиникъ не выходить въ расходахъ по ввѣреннымъ имъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ изъ штатныхъ назначеній, такъ какъ въ концѣ года не предвидится остатковъ, которыми могли бы быть покрыты расходы, превысившіе штатныя назначенія. Копію настоящаго журнала передать въ Правленіе У-та для точнаго исполненія.

19. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та по выслушаніи циркулярнаго предложенія г. управляющаго Кіев. Учеб. Округомъ, отъ 8 апрѣля 1880 г. за № 4074, и согласно съ мнѣніемъ библіотечной комиссіи, опредѣлилъ: выписать въ двухъ экземплярахъ книгу, изданную комиссіею печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ при Московскомъ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, заключающую греческіе грамоты и документы, относящіеся къ иконѣ Иверской Божіей Матери.

20. С л у ш а л и: представленіе историко-филологическаго ф-та,

У-та Св. Владиміра, отъ 6 мая сего года, слѣдующаго содержания: На основаніи отзыва ординарнаго профессора *Гогоцкаго* и приватъ-доцента *Козлова*, кандидатъ С.-Петербургскаго У-та Николай *Гротъ*, былъ допущенъ къ защитѣ сочиненія: „Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ“, представленнаго имъ на степень магистра филолософіи. Признавъ защиту г. Грота вполне удовлетворительною, ф-тетъ ходатайствуетъ предъ Совѣтомъ объ утвержденіи г. Грота въ степени магистра филолософіи.

О п р е д ѣ л и л и: согласно удостоенію историко-филологическаго ф-та и на основаніи 110 § Общаго устава У-товъ, утвердить г. Грота въ степени магистра филолософіи и выдать ему дипломъ на эту степень.

21. С л у ш а л и: представленіе историко-филологическаго ф-та, отъ 26 го апрѣля сего года, слѣдующаго содержания: „Въ засѣданіи своемъ 26 марта, историко-филологическій ф-тетъ слушалъ мнѣніе ординарнаго профессора *Гогоцкаго* о сочиненіи приватъ-доцента *Козлова*, представленномъ на степень магистра филолософіи, „методъ и направленіе филолософіи Платона“. На основаніи одобрительнаго отзыва объ означенномъ трудѣ ф-тетъ допустилъ г. *Козлова* къ защитѣ диссертациі, которая происходила 7-го апрѣля и была признана ф-томъ вполне удовлетворительною, а потому историко-филологическій ф-тетъ ходатайствуетъ объ утвержденіи г. *Козлова* въ степени магистра филолософіи“.

О п р е д ѣ л и л и: согласно удостоенію историко-филологическаго ф-та и на основаніи 110 § Общаго устава У-товъ утвердить г. приватъ-доцента *Козлова* въ степени магистра филолософіи и выдать ему дипломъ на эту степень.

22. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та Св. Владиміра, по выслушаніи представленія историко-филологическаго ф-та, объ удостоеніи дѣйствительнаго студента, по историческому отдѣлу, съ правомъ получить степень кандидата, по представленіи въ срокъ удовлетворительной диссертациі г. *Сандера* Павла степени кандидата, о п р е д ѣ л и л и: согласно удостоенію сказаннаго ф-та и на основаніи 110 § Общаго устава У-товъ утвердить г. *Сандера* въ степени кандидата по историческому отдѣлу и выдать ему дипломъ на эту степень.

23. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та по выслушаніи предложенія г. управляющаго Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ, отъ 16-го апрѣля сего года за № 4305, объ исключеніи Новгородскою Казенною Палатою изъ подушнаго оклада, удостоеннаго медицинскимъ ф-томъ

сего У-та, степени лекаря, *Левицкаго* Северина, о п р е д ѣ л и л ѣ: по изготовленіи г. Ливицкому диплома на степень лекаря, таковой представить г. Попечителю Кіевскаго Учебнаго Округа, въ дополненіе къ донесенію Совѣта, отъ 23-го января 1880 года за № 95, для опредѣленія г. *Левицкаго* на службу, за полученное имъ казенное содержаніе.

24 Въ настоящемъ засѣданіи, Совѣтъ У-та Св. Владиміра по разсмотрѣніи представленія медицинскаго ф-та отъ 10 апрѣля сего года за № 142, объ удостоеніи лекаря съ отличіемъ *Якимовича* Якова степени доктора медицины, о п р е д ѣ л и л ѣ: выдать г. *Якимовичу* дипломъ на степень доктора медицины.

25. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та Св. Владиміра, по разсмотрѣніи представленій медицинскаго ф-та, отъ 5 и 11 апрѣля сего года за №№ 144, 145, 138, 137 и 136 объ удостоеніи: аптекарскихъ помощниковъ: *Якутовича* Владислава-Людвика-Гоноріуша и *Соколовскаго* Аполлона — степени провизора; аптекарскихъ учениковъ: *Безвенглинскаго* Андрея, *Фигурскаго* Александра и *Базилевскаго* Іосифа — степени аптекарскаго помощника и фельдшера *Логина* Осипа званія дентиста, о п р е д ѣ л и л ѣ: 1) выдать дипломы: *Якутовичу* и *Соколовскому* на степень провизора; *Безвенглинскому* и *Фигурскому* на степень аптекарскаго помощника; *Логину* свидѣтельство на званіе дентиста и 2) просить ходатайства г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа объ исключеніи изъ подушнаго оклада г. *Базилевскаго* Іосифа, по случаю удостоенія его степени аптекарскаго помощника и по полученіи разрѣшенія выдать ему дипломъ на эту степень.

26. С л у ш а л и: представленіе юридическаго ф-та У-та Св. Владиміра отъ 25 апрѣля 1880 года, слѣдующаго содержанія: „Вслѣдствіе переданнаго въ юридическій ф-тетъ прошенія магистра государственнаго и международнаго права, доцента по кафедрѣ государственнаго права въ Демидовскомъ юридическомъ лицей, *Оттона Эйхельмана*, о разсмотрѣніи ф-томъ сочиненія его подъ заглавіемъ „Военное занятіе непріятельской страны“ 1880 г. представленнаго имъ для полученія степени доктора международнаго права, юридическій факультетъ, въ засѣданіи 2 сего апрѣля, по выслушаніи письменнаго разбора означеннаго сочиненія со стороны заслуженнаго ординарнаго профессора по кафедрѣ международнаго права В. А. *Незабитовскаго*, и согласно съ заключеніемъ послѣдняго, допустилъ г. *Эйхельмана* къ публичной

защитѣ этого сочиненія въ качествѣ докторской диссертациі. Таковая защита происходила въ публичномъ засѣданіи юридическаго ф-та 13 сего апрѣля и признана удовлетворительною, а потому Отонъ Эйхельманъ удостоенъ юридическимъ ф-томъ степени доктора международнаго права.

О п е д ѣ л и л и: согласно удостоенію юридическаго ф-та и на основаніи 110 § Общаго устава У-товъ утвердить г. Эйхельмана Отона въ степени доктора международного права и выдать ему дипломъ на эту степень.

27. С л у ш а л и: представленіе историко-филологическаго ф-та У-та Св. Владимира отъ 30 апрѣля сего года 1880 года слѣдующаго содержанія. „Согласно представленію ординарныхъ профессоровъ *Гоюцкаго* и *Иконникова*, историко-филологическій ф-тетъ, 29 апрѣля подвергалъ баллотированію приватъ-доцента *Козлова* въ штатные доценты по кафедрѣ философіи на одну изъ вакантныхъ доцентуръ въ историко-филологическомъ ф-тѣ, при чемъ оказалось избирательныхъ шаровъ 7 и не избирательныхъ ни одного. Ф-тетъ покорнѣйше проситъ Совѣтъ подвергнуть г. Козлова установленной баллотировкѣ въ ближайшемъ засѣданіи.

Представленіе о г. Козловѣ при семъ прилагается.

„При представленіи А. А. Козлова къ чтенію лекцій по предмету философіи, въ качествѣ приватъ-доцента, было уже обращено вниманіе ф-та и Совѣта У-та на его ученые труды, написанные до того времени, и педагогическіе приемы, на основаніи которыхъ ф-тетъ ходатайствовалъ предъ Совѣтомъ о назначеніи г. Козлову обязательныхъ лекцій съ содержаніемъ штатнаго доцента Съ ноября 1876 года г. Козловъ читалъ въ нашемъ У-тѣ курсъ исторіи философіи и логики по 4 и 5 часовъ въ недѣлю, и въ отношеніи преподаванія этихъ отдѣловъ философіи вполнѣ оправданъ выборъ ф-та. Въ теченіе этого же времени онъ напечаталъ рядъ статей, подъ заглавіемъ: „Философія какъ наука“ и нѣсколько критическихъ статей по философскимъ сочиненіямъ вышедшимъ въ Россіи и за границею, въ У-скихъ извѣстіяхъ. Въ 1877 и 1878 годахъ, въ томъ же изданіи, онъ помѣстилъ сочиненіе о философской системѣ Дюринга „философія дѣйствительности“ и въ Педагогической Библіотекѣ—критическую статью объ учебникахъ логики Струве и Румпеля. Съ 1878 по 1880 г. Козловъ печаталъ въ У-скомъ изданіи сочиненіе „направленіе философіи Платона“ которое,

по одобреніи его ф-томъ было допущено къ запитѣ на степень магистра философіи. Представляя вмѣстѣ съ симъ объ утвержденіи г. Козлова въ степени магистра, съ приложеніемъ мнѣнія объ означенномъ сочиненіи, мы считаемъ излишнимъ входить здѣсь въ оцѣнку послѣдняго, но позволяемъ себѣ только присовокупить, что какъ педагогическая, такъ и научная дѣятельность А. А. Козлова на столько говорятъ въ его пользу, что возведеніе его въ званіе штатнаго доцента было бы со стороны ф-та вполне заслуженнымъ признаніемъ его полезной дѣятельности въ У-тѣ Св. Владиміра*.

О п р е д ѣ л и л и: баллотировать г. Козлова, въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта, для избранія въ штатные доценты по кафедрѣ философіи.

28. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та подвергалъ баллотированію лекаря *Раву* для оставленія его стипендіатомъ еще въ теченіи полгода, т. е. по 4 сентября 1880, по окончаніи баллотировки оказалось шаровъ 28 избирательныхъ и 5 неизбирательныхъ.

О п р е д ѣ л и л и: производить г. Равѣ стипендіатское содержаніе еще въ теченіи полугода, т. е. по 4 сентября 1880 г., о чемъ для надлежащаго распоряженія увѣдомить Правленіе У-та, медицинскій ф-тетъ; профессора Беца для продолженія наблюденія за научными занятіями г. Равы; бібліотекаря У-та для сдѣланія распоряженія о продолженіи выдачи книгъ г. Равѣ, и наконецъ самаго Раву.

29. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та подвергалъ баллотированію доктора медицины, М. И. *Рейха* и большинствомъ голосовъ 35 противъ 7 избралъ его въ штатные доценты по кафедрѣ офтальмологіи.

О п р е д ѣ л е н о: по полученіи отъ Кавказскаго Окружнаго Военно-медицинскаго Управленія отзыва о неимѣніи препятствій къ перемѣщенію г. Рейха на службу въ У-тетъ Св. Владиміра, просить г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа объ опредѣленіи г. Рейха въ должность доцента при сказанной кафедрѣ и объ исходатайствованіи ассигнованія изъ государственнаго казначейства особымъ кредитомъ суммы, потребной на содержаніе сказанной должности.

30. С л у ж а л и: представленіе юридическаго ф-та У-та Св. Владиміра отъ 7 мая за № 1880 г. слѣдующаго содержанія: „Въ уваженіе многолѣтней плодотворной ученой дѣятельности заслуженнаго ординарнаго профессора полицейскаго права, Н. Х. *Буме*, въ У-тѣ Св.

Владимира и важныхъ заслугъ его въ области экономическихъ наукъ юридическій ф-тетъ въ засѣданіи 7 сего мая, опредѣлялъ единогласно: ходатайствовать о возведеніи профессора Н. Х. Бунге въ званіе почетнаго члена У-та Св. Владимира.

О чемъ имѣю честь представить Совѣту У-та Св. Владимира“.

По выслушаніи сего представленія Совѣтъ У-та въ настоящемъ засѣданіи избралъ Н. Х. Бунге въ почетные члены У-та Св. Владимира.

О п р е д ѣ л я л и: просить г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа объ утвержденіи Н. Х. Бунге въ званіи почетнаго члена У-та Св. Владимира на основаніи § 42 Лит. Б. п. 4. Устава У-товъ.

31. С л у ш а л и: представленіе историко-филологическаго ф-та, отъ 7 мая 1880 г. слѣдующаго содержанія: историко-филологическій ф-тетъ ходатайствуетъ предъ Совѣтомъ о выдачѣ установленнаго вознагражденія, за чтеніе лекцій по латинскому языку, доцентамъ *Аландскому* за *три часа* и *Мищенко* за *два часа* въ недѣлю.

О п р е д ѣ л я л и: просить г. Попечителя Округа о разрѣшеніи выдать гг. Аландскому и Мищенко упомянутое вознагражденіе изъ суммы, положенной по штату на кафедре римской словесности.

32. С л у ш а л и: докладъ по поводу поступившихъ прошеній студентовъ о допущеніи послѣднихъ на основаніи примѣчанія къ § 2 правилъ (1879 г.) къ испытанію послѣ вакацій. Ректоромъ У-та доложено было, что въ числѣ поданныхъ прошеній находятся такіа, въ удовлетворенію по которымъ не можетъ быть приложено упомянутое примѣчаніе къ § 2 правилъ, то есть, что подавшіе прошенія студенты и представившіе свидѣтельства о своей болѣзни числятся на курсѣ лишь одинъ годъ, но въ то же время зачисленіе такихъ студентовъ на томъ же курсѣ на второй годъ преграждаетъ имъ возможность окончить курсъ въ теченіе положенныхъ 6—7 лѣтъ пребыванія въ У-тѣ.

По разсмотрѣніи послѣдняго рода прошеній Правленіе опредѣлило: ходатайствовать предъ Совѣтомъ о внесеніи въ правила для руководства слѣдующаго постановленія.

„Студентъ, числящійся первый годъ на курсѣ и представившій не позже 30-го апрѣля свидѣтельство о болѣзни, препятствовавшей ему подвергнуться испытанію въ маѣ мѣсяцѣ, можетъ быть допущенъ къ испытанію послѣ вакацій лишь въ томъ случаѣ, если пребываніе его второй годъ на томъ же курсѣ превыситъ число лѣтъ, допускаемыхъ правилами пребыванія въ У-тѣ 7 лѣтъ на медицинскомъ и 6 лѣтъ

на прочихъ ф-тахъ, каковою льготою студентъ можетъ воспользоваться лишь разъ за все время пребыванія его въ У-тѣ.

О п р е д ѣ л и л и: просить ходатайства г. Попечителя Округа о дополненіи изложеннымъ постановленіемъ правилъ У-та Св. Владиміра.

33. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та подвергалъ баллотированію ординарнаго профессора по кафедрѣ изящныхъ искусствъ и древностей, статскаго совѣтника П. В. *Павлова* и большинствомъ 22 голосовъ противъ 20 избралъ его для оставленія на службѣ въ занимаемой должности еще на 5 лѣтъ, съ 2 мая 1880 года, сверхъ выслуги 30 лѣтъ по учебному вѣдомству.

О п р е д ѣ л и л и: просить ходатайства г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа объ оставленіи г. Павлова на службѣ въ занимаемой должности по 2-е мая 1885 года и о назначеніи ему добавочной пенсіи за выслугу пятилѣтія.

34. С л у ш а л и: представленіе историко-филологическаго ф-та отъ 20 мая 1880 года слѣдующаго содержанія.

„Въ дополненіе къ представленію о выдачѣ вознагражденія за чтеніе латинскаго языка, ф-тетъ ходатайствуетъ о выдачѣ г. Беху 200 р., такъ какъ внесено уже вознагражденіе и другимъ приватъ-доцентамъ въ текущемъ маѣ, о чемъ было сдѣлано заявленіе декана въ предшествовавшемъ засѣданіи Совѣта У-та“.

О п р е д ѣ л и л и: подвергнуть въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта баллотированію вопросъ о выдачѣ г. Беху означенныхъ 200 руб. сер.

Обозрѣніе преподаванія въ Университетѣ Св. Владиміра въ первомъ полугодіи 1880—81 учебнаго года.

I. Лекціи Богословія.

Профессоръ богословія православнаго исповѣданія, протоіерей Назарій Антоновичъ *Таворовъ*, читаетъ по 3 часа въ недѣлю: догматическое богословіе для студентовъ всѣхъ факультетовъ.

II. Лекціи историко филологическаго факультета.

1) Деканъ факультета, В. С. *Иконниковъ* читаетъ: 1) общій курсъ древней русской исторіи, для студентовъ 1 и 2 в. и историческаго и славяно-рус. отд. 3 в., 2 часа въ недѣлю; 2) общій курсъ новой рус. исторіи, для студентовъ тѣхъ же курсовъ, по 1 часу въ недѣлю; 3) исторію Москов. государства въ XVII стол. для студентовъ историч. и славянорус. отд. 3 и 4 курсовъ, по 1 ч. въ недѣлю; 4) исторію царств. Екатерины II для студ. историч. и славянорус. отд. 4 в., по 1 часу въ недѣлю, и 5) ведетъ практическія упражненія со студентами 3 и 4 курсовъ, по 1 часу въ недѣлю.

2) Орд. проф. С. С. *Голицкій* читаетъ психологію, студентамъ 1 курса по 2 часа въ недѣлю, и студ. 2 курса, по 2 часа въ недѣлю.

3) Орд. проф. А. А. *Котляревскій* читаетъ: 1) исторію и энциклопедію славяновѣдѣнія (отдѣлъ II) для студ. 1 и 2 курсовъ, по 2 часа въ недѣлю; 2) исторію славянскихъ литературъ для студ. славяно-рус. отд. 3 и 4 в., по 2 часа въ недѣлю, 3) славянскія нарѣчія, для студентовъ 3 и 4 курсовъ, по 1 часу въ недѣлю.

4) Орд. проф. П. В. *Павловъ* читаетъ теорію и исторію искусства. для студентовъ 3 и 4 к. всѣхъ отдѣловъ.

5) Орд. проф. Θ. Я. *Фортинскій* читаетъ: 1) исторію среднихъ вѣковъ (съ Карла В.) студ. 1 и 2 к. и 3 и 4 курс. историч. и славянорус. огд. по 2 часа въ недѣлю 2) исторію городовъ въ средніе вѣка для студентовъ 4 к. историческаго отдѣла, по 1 часу въ недѣлю; 3) исторію Рима, для студентовъ 1 и 2 к., по 1 часу въ недѣлю.

6) Экстра-орд. проф. И. В. *Лучинскій* читаетъ: 1) общій курсъ новой исторіи, для студентовъ 1 и 2 курсовъ, по 2 часа въ недѣлю; 2) специальный курсъ исторіи Франціи въ XVI стол. для студентовъ историч. отдѣла 3 и 4 к., по 1 часу въ недѣлю, и 3) ведетъ практическія занятія по новой исторіи, по 1 ч. въ недѣлю, со студентами 3 и 4 к.

7) Доцентъ Ф. А. *Терновскій* читаетъ исторію византійской церкви съ половины IX до половины XV в., по 3 часа въ недѣлю, для студентовъ 3 и 4 к. историческаго отдѣла.

8) Доцентъ П. И. *Аландскій* читаетъ: 1) Аристофана, для студ. 1, 2 и 4 курсовъ всѣхъ отдѣловъ, по 1 ч.; 2) греческую грамматику, для студ. 3 и 4 к. классическаго отдѣла по 1 часу; 3) греческія древности, для студ. 3 и 4 к. классическаго отдѣла и 3 к. историческаго отдѣла, по 1 ч.

9) Доцентъ Θ. Г. *Мищенко* читаетъ: 1) Демосоена, для студентовъ 1 и 2 к., по 2 ч., 2) исторію греческой литературы, для студ., 3 и 4 к. классическаго отдѣла, по 1 часу; 3) *Виргилія*, для студ. 1 и 2 к., по 2 часа.

10) Доцентъ Н. П. *Дашкевичъ* читаетъ 1) исторію умственнаго развитія въ средніе вѣка и подготовки возрожденія, для студентовъ 3 и 4 к. по 2 часа; 2) исторію французской литературы въ XVIII стол. и вліянія ея на русскую, студентамъ 3 и 4 к., по 1 ч.

11) Приватъ-доцентъ *Козловъ* читаетъ: 1) логику студентамъ 1 и 2 к., по 2 ч.; 2) исторію древней философіи, студентамъ 3 к., по 2 часа; 3) исторію новой философіи (съ Канта) для студентовъ 4 к., по 1 часу.

12) Приватъ-доцентъ И. Н. *Ждановъ* читаетъ: 1) исторію русской словесности XVI и XVII для студ. 1 и 2 курсовъ, и славянорус. от. 3 и 4 к., по 1 часу; 2) исторію новой рус. словесности студ.

1 и 2 к. и славянорус. отд. 3 к., по 2 часа; и 3) исторію новой рус. словесности студ. 4 к. славянорус. отд. по 1 ч.

13) Приватъ-доцентъ С. И. *Безъ* читаетъ: латинскую грамматику и ведетъ практическія упражненія со студентами по латинскому языку, по 3 часа въ недѣлю.

14) Лекторъ франц. яз. Л. Э. *Пекюсъ* читаетъ французскую грамматику по 2 ч. въ недѣлю и объясняетъ Мольера, студ. 1 и 2 к. по 2 часа.

14) Лекторъ нѣмецкаго языка П. В. *Лукашевичъ* читаетъ: нѣмецкую грамматику, по 2 ч., и объясняетъ Шиллера, по 2 ч., для студентовъ 1 и 2 к.

16) Лекторъ англійскаго языка Я. Я. *Госкинсъ* читаетъ англійскій языкъ по 4 часа въ недѣлю.

Кромѣ того студенты 3 курса историческаго отдѣла слушаютъ статистику и политическую экономію совмѣстно со студентами юридическаго ф-та.

III. Лекціи физико-математическаго факультета.

1) Ректоръ Университета, заслуженный ординарный профессоръ К. М. *Феофилактовъ* читаетъ минералогію, студентамъ 1—2 курсовъ, по 4 часа въ недѣлю.

2) Деванъ факультета, заслуженный ординарный профессоръ И. И. *Рахманиновъ* читаетъ теоретическую механику студентамъ 3—4 курсовъ, по 6 часовъ въ недѣлю.

3) Ординарный профессоръ М. П. *Авсариусъ* читаетъ: 1) общую физику студ. 1—2 курсовъ, по 3 часа; 2) введеніе въ практическія занятія по физикѣ, студентамъ 3—4 курсовъ, по 1 часу въ недѣлю.

4) Ординарный профессоръ П. П. *Алексѣевъ* читаетъ органическую химию, студентамъ 2 курса, по 4 часа въ недѣлю.

5) Ординарный профессоръ П. Э. *Ромеръ* читаетъ: 1) теорію определенныхъ интеграловъ студентамъ 2—3 курсовъ, по 2 часа; 2) приложение ученія безконечныхъ малыхъ въ геометріи студентамъ 2—3 курсовъ по 3 часа въ недѣлю.

6) Ординарный профессоръ М. Ю. *Ващенко-Захарченко* читаетъ: 1) анализъ, студентамъ 1—2 курсовъ, по 2 часа; 2) аналитическую геометрію, студентамъ 1—2 курсовъ, по 2 часа; и 3) теорію чиселъ, студентамъ 1—2 курсовъ, по 1 часу въ недѣлю.

7) Ординарный профессор М. О. *Хандриковъ* читаетъ: 1) сферическую астрономію, студентамъ 2 курса, по 2 часа; 2) теоретическую астрономію, студентамъ 3 курса, по 1 часу; 3) геодезію, студентамъ 4 курса, по 1 часу, 4) практическую астрономію, студентамъ 3 курса, по 1 часу и 5) небесную механику, студентамъ 4 курса, по 1 часу въ недѣлю.

8) Ординарный профессор О. М. *Гарничъ-Гарницкій* читаетъ неорганическую химію, студентамъ 1 курса, по 5 часовъ въ недѣлю.

9) Ординарный профессор Н. А. *Бунге* читаетъ техническую химію, студентамъ 4 курса, по 3 часа въ недѣлю.

10) Ординарный профессор О. В. *Баранецкій* читаетъ: 1) анатомію растений, студентамъ 1 курса, по 2 часа; 2) фвізіологію растений, студентамъ 4 курса, по 2 часа въ недѣлю.

11) Ординарный профессор О. М. *Паульсонъ* читаетъ: 1) зоологію, студентамъ 3 и 4 курсовъ, по 2 часа; и 2) эмбриологію, студентамъ 3 и 4 курсовъ, по 1 часу, и студентамъ 4 курса, по 1 часу въ недѣлю.

13) Экстра-ординарный профессор Н. Н. *Шиллеръ* читаетъ: 1) теорію упругости студентамъ 4 курса по 3 часа и 2) теорію потенціала студентамъ 3—4 курсовъ по 1 часу въ недѣлю.

12) Экстра-ординарный профессор Н. В. *Бобрецькій* читаетъ зоологію, студентамъ 1—2 курсовъ, по 3 часа въ недѣлю каждому.

14) Экстра-ординарный профессор В. П. *Ермаковъ* читаетъ: 1) тригонометрію, студентамъ 1 курса, по 1 часу; 2) равноостное исчисленіе, студентамъ 3 курса, по 1 часу 3) интегрированіе дифференціальныхъ уравненій, студентамъ 3 курса, по 2 часа, а студентамъ 4 курса по 1 часу и 4) варіаціонное исчисленіе, студентамъ 4 курса, по 1 часу въ недѣлю.

15) Экстра-ординарный профессор И. О. *Шмальгаузенъ* читаетъ: 1) морфологію и систематику явнотвратныхъ растений, студентамъ 2 курса, по 2 часа и 2) морфологію споровыхъ растений, студентамъ 3 курса, по 2 часа въ недѣлю.

16) Доцентъ А. И. *Газаровъ* читаетъ: 1) теоретическую химію, студентамъ 4 курса, по 1 часу и 2) аналитическую химію, студентамъ 2 курса, по 2 часа въ недѣлю.

17) Ординарный профессоръ В. А. *Бенз* читаетъ анатомію чело-
вѣка, студентамъ 1 курса, по 2 часа въ недѣлю.

18) Ординарный профессоръ В. Б. *Томса* читаетъ физиологію
человѣка, студентамъ 3 курса, по 2 часа въ недѣлю.

IV. Лекціи юридическаго факультета.

1) Деканъ факультета, ординарный профессоръ В. Г. *Демченко*
читаетъ: гражданское право (общую часть и вещное право), по
4 часа въ недѣлю, для студентовъ 3 и 4 курсовъ, и руководить прак-
тическими занятіями студентовъ тѣхъ-же курсовъ по гражданскому праву
и судопроизводству, по 2 часа въ недѣлю.

2) Заслуженный ординарный профессоръ К. А. *Муромовъ* чи-
таетъ римское право (общую часть и вещное право) по 4 ч. въ не-
дѣлю, для студентовъ 1 и 2 курсовъ.

3) Заслуженный ординарный профессоръ В. А. *Незабѣтовскій*
читаетъ международное право, по 4 ч. въ недѣлю, для студентовъ
3 курса,

4) Ординарный профессоръ Г. Д. *Сидоренко* читаетъ теорію
финансовъ по 4 часа въ недѣлю, для студентовъ 3 курса.

5) Ординарный профессоръ Н. К. *Ренненкамтфъ* читаетъ исто-
рію важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ, для студентовъ 1
курса, по 3 часа въ недѣлю, и для студентовъ 2 курса, по 1 ч. въ
недѣлю.

6) Ординарный профессоръ государственнаго права А. В. *Ро-
мановичъ-Славатинскій* читаетъ русское государственное право, для
студентовъ 1 и 2 курсовъ, по 4 ч. въ недѣлю.

7) Ординарный профессоръ А. Θ. *Кистяковский* читаетъ уго-
ловное право, для студентовъ 3 и 4 курсовъ, по 4 ч. въ недѣлю и
руководить практическими занятіями студентовъ тѣхъ же курсовъ по
уголовному праву и судопроизводству, по 2 ч. въ недѣлю.

8) Доцентъ по кафедрѣ политической экономіи и статистики Д.
И. *Пизно* читаетъ политическую экономію для студентовъ 1 курса,
по 2 ч. въ недѣлю, и статистику для студентовъ 2 курса, по 1

ч. въ недѣлю, а также руководить практическими занятіями для студентовъ 1 и 2 курсовъ по политической экономіи по 2 часа въ недѣлю.

О лекціяхъ энциклопедіи права и исторіи философіи права будетъ представлено особо.

Кромѣ того, студенты 3 и 4 курсовъ слушаютъ судебную медицину по 2 ч. въ недѣлю.

V. Лекціи медицинскаго факультета.

1) Деканъ факультета, заслуженный орд. проф. Федоръ Федоровичъ *Эрардтъ* читаетъ: а) судебную медицину, студентамъ 4-го курса по 3 часа въ недѣлю; б) судебно-медицинскую казуистику живаго человека, студентамъ 5 курса, по 3 часа въ недѣлю и в) судебно-медицинскую казуистику мертваго человека, по мѣрѣ доставленія труповъ, подлежащихъ судебно-медицинскому изслѣдованію, студентамъ 4-го курса.

2) Заслуженный орд. проф. Александръ Павловичъ *Мамонтовъ* читаетъ: а) ученіе о дѣтскихъ и женскихъ болѣзняхъ, студентамъ 3-го курса по 4 часа въ недѣлю; б) повивальное искусство для женщинъ, по 3 часа въ недѣлю и в) держитъ акушерскую клинику, для студентовъ 4-го курса, по 2 часа въ недѣлю.

3) Заслуженный орд. проф. Владиміръ Аванасьевичъ *Караванскій*: а) держитъ хирургическую факультетскую клинику, для студентовъ 4 курса, по 6 часовъ въ недѣлю; б) читаетъ оперативную хирургию, студентамъ 3-го и 4-го курсовъ, по 3 часа въ недѣлю.

4) Ординарный проф. Фридрихъ Фридриховичъ *Меринъ*: а) держитъ терапевтическую факультетскую клинику, студентамъ 4-го курса по 9 часовъ въ недѣлю и б) читаетъ частную патологию и терапію, студентамъ 3-го и 4-го курсовъ по 2 часа въ недѣлю.

5) Ординарный проф. Александръ Александровичъ *Шефферъ* читаетъ медицинскую химию, студентамъ 2-го курса по 6 час. въ недѣлю.

6) Ординарный проф. Владиміръ Богумиловичъ *Томсъ* читаетъ физиологию здороваго человека, студентамъ 2-го курса по 5 ч. въ недѣлю.

7) Ординарный проф. Петръ Ивановичъ *Переможко* читаетъ студентамъ 1-го курса гистологию, по 4 часа въ недѣлю, а студентамъ 2 курса эмбриологию (необязательно), по 2 ч. въ недѣлю.

8) Ординарный проф. Владиміръ Алексѣевичъ *Безъ* читаетъ: а) анатомію человека студентамъ 1-го курса по 5 ч. въ недѣлю и б) описательную анатомію нервной системы, для всѣхъ курсовъ (необязательно), по 1 ч. въ недѣлю.

9) Ординарный проф. Никаноръ Адамовичъ *Хржанцевскій* читаетъ общую патологію, студентамъ 2 и 3 курсовъ по 5 ч. въ недѣлю.

10) Ординарный профессоръ Алексѣй Сергѣевичъ *Шкляревскій* читаетъ физику студентамъ 1-го курса по 5 час. въ недѣлю.

11) Экстра-орд. проф. Викторъ Андреевичъ *Субботинъ* читаетъ общую гигиену, студентамъ 4-го курса, по 2 ч. въ недѣлю.

12) Экстра-ординарный проф. Григорій Николаевичъ *Минъ* читаетъ патологическую анатомію, студентамъ 3-го курса, по 4 часа въ недѣлю, и студентамъ 9—10 сем., по 6 ч. въ недѣлю.

13) Экстра-орд. проф. Эмилій Георгіевичъ *Гейбелъ* читаетъ: а) фармакологию съ рецептурой, студентамъ 3-го курса, и фармацевтамъ, по 5 ч. въ недѣлю и б) исторію медицины, студентамъ 4-го курса, 2 ч. въ недѣлю.

14) Экстра-орд. проф. Александръ Христіановичъ *Ринекъ* читаетъ: а) общую хирургическую патологію, студентамъ 4-го курса, по 2 ч. въ недѣлю и б) держитъ хирургическую госпитальную клинику, для студентовъ 5-го курса, по 6 ч. въ недѣлю.

15) Экстра-орд. проф. *Тритшемъ* держитъ терапевтическую госпитальную клинику, для студентовъ 5-го курса, по 8 ч. въ недѣлю, и читаетъ частную патологію и терапію, студентамъ 3-го и 4-го курсовъ, по 2 ч. въ недѣлю.

16) Доцентъ Людвигъ Казимировичъ *Горецкій* читаетъ: назонофарингеальныя болѣзни съ клинкою, студентамъ 5-го курса, по 2 ч. въ недѣлю, сифилит. болѣзни съ клинкою тому-же курсу, по 1½ ч. въ недѣлю.

17) Доцентъ Эдуардъ Григорьевичъ *Неметти* читаетъ студентамъ 2-го курса, фармацію и фармакогнозію, по 1 ч., въ недѣлю.

18) Доцентъ Евгеній Ивановичъ *Афанасьевъ* читаетъ діагностику внутреннихъ болѣзней, студентамъ 3-го курса, по 4 ч. въ недѣлю.

19) Доцентъ Николай Филипповичъ *Толочинъ* читаетъ гинекологию, студентамъ 3-го курса по 2 ч. въ недѣлю.

20) Доцентъ Александръ Степановичъ *Яценко* читаетъ малую хирургию съ десмургіей, для студентовъ 3-го курса по 2 часа въ недѣлю.

21) Доцентъ Осипъ Александровичъ *Рустичскій* упражняетъ въ хирургическихъ операціяхъ на трупахъ студентовъ 4-го курса, по 5 ч. въ недѣлю, и читаетъ болѣзни мочеполовыхъ органовъ студентамъ 3 и 4 курса, по 1 ч. въ недѣлю.

22) Прозекторъ Василій Ѳеодоровичъ *Кистяковскій* читаетъ анализъ мочи по 2 часа въ недѣлю, студентамъ 3-го курса, (необязательно).

23) Приватъ-доц. Эмануилъ Хаскелевичъ *Мандельштамъ* читаетъ офтальмоскопію съ практическими упражненіями и болѣзни мышцъ глаза, студентамъ 3, 4 и 5 курсовъ по 3 часа въ недѣлю, (необязательно).

24) Приватъ-доц. Александръ Адамовичъ *Шварцъ* читаетъ послѣ-родовыя болѣзни, по 2 часа въ недѣлю, студ. 4-го курса (необязат.).

25) Приватъ-доц. Михаилъ Васильевичъ *Успенскій* читаетъ уп-ня болѣзни студ. 4-го курса, по 2 ч. въ недѣлю (необязательно).

Сверхъ того, студенты медицинскаго факультета, подъ руководствомъ преподавателей, занимаются въ анатомическомъ театрѣ и лабораторіяхъ: химической, нормальной медицинской гистологіи, физики, фізіологической медицинской химіи, фармацевтической, фармакологической, общей патологіи и патологической анатоміи, и лабораторіи гігіены а также въ факультетскихъ и госпитальныхъ клиникахъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ Университета, и, кромѣ того, студенты первыхъ двухъ семестровъ слушаютъ: химію, ботанику, зоологию и минералогию у профессоровъ физико-математическаго факультета, и православное богословіе у проф. *Озорова*.

**Личный составъ Университета Св. Владиміра въ концѣ 2-го полугодія
1880 гражданскаго года.**

Ректоръ Университета Св. Владиміра, заслуженный ординарный проф. по кафедрѣ минералогіи и геологіи, докторъ естественныхъ наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Константинъ Матвѣевичъ *Теофилактовъ*.

Профессоръ богословія православнаго исповѣданія, настоятель православной университетской церкви, докторъ богословскихъ наукъ, протоіерей, Назарій Антоновичъ *Таворовъ*.

Историко-филологическій факультетъ.

Деканъ факультета, ордин. проф. по кафедрѣ русской исторіи, главный редакторъ Университетскихъ Извѣстій, д-ръ русской исторіи, статскій совѣтникъ, Владиміръ Степановичъ *Иконниковъ*.

Заслуженный сверхштатный орд. проф. по кафедрѣ философіи, д-ръ философіи и древней филологіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Сильвестръ Сильвестровичъ *Голоцкий*.

Ординарный проф. по кафедрѣ славянской филологіи, д-ръ славянской филологіи, статскій совѣтникъ, Александръ Александровичъ *Котляревскій*.

Ординарный проф. по кафедрѣ теоріи и исторіи искусствъ, д-ръ историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики, статскій совѣтникъ, Платонъ Васильевичъ *Павловъ*.

Одинарный проф. по кафедрѣ всеобщей исторіи, д-ръ всеобщей исторіи, секретарь факультета, коллежскій совѣтникъ, Ѳеодоръ Яковлевичъ *Фортинскій*.

Одинарный проф. по кафедрѣ русской исторіи, д-ръ русской исторіи, коллежскій совѣтникъ, Владиміръ Бонифатіевичъ *Антоновичъ*.

Экстра-ординарный проф. по кафедрѣ всеобщей исторіи, д-ръ всеобщей исторіи, коллежскій совѣтникъ, Иванъ Васильевичъ *Лучинскій*.

Доцентъ по кафедрѣ церковной исторіи, д-ръ русской исторіи, Филиппъ Алексѣевичъ *Терновскій*.

Доцентъ по кафедрѣ греческой словесности, магистръ греческой словесности, коллежскій совѣтникъ, Павелъ Ивановичъ *Аландскій*.

Доцентъ по кафедрѣ греческой словесности, магистръ греческой словесности, надворный совѣтникъ, Ѳеодоръ Герасимовичъ *Мищенко*.

Доцентъ по кафедрѣ исторіи всеобщей литературы, магистръ всеобщей литературы, надворный совѣтникъ, Николай Павловичъ *Дашкевичъ*.

Доцентъ по кафедрѣ философіи, магистръ философіи, Алексѣй Александровичъ *Козловъ*.

Приватъ-доцентъ по исторіи русской словесности, кандидатъ С.-Петербургскаго Университета, Иванъ Николаевичъ *Ждановъ*.

Приватъ-доцентъ по предмету римской словесности, кандидатъ Университета Св. Владиміра, Степанъ Ивановичъ *Бехъ*.

Лекторъ французскаго языка при Университетѣ С. Владиміра и учитель французскаго языка кievской 2-й гимназіи, статскій совѣтникъ, Луи Эміовичъ *Пекюсъ*.

Лекторъ нѣмецкаго языка, надворный совѣтникъ Петръ Васильевичъ *Лукашевичъ*.

Лекторъ англійскаго языка, титул. совѣт., Яковъ Яковлевичъ *Госкинсъ*.

Физико-математическій факультетъ.

Деканъ, заслуженный ордин. проф. по кафедрѣ механики д-ръ математическихъ наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Иванъ Ивановичъ *Рахманиновъ*

Одинарный проф. по кафедрѣ физики, д-ръ физики, статскій совѣтникъ, Михайлъ Петровичъ *Авенариусъ*.

Ординарный проф. по кафедрѣ химіи, д-ръ химіи, статскій совѣтникъ, Петръ Петровичъ *Алексеевъ*.

Ординарный проф. по кафедрѣ чистой математики, д-ръ математическихъ наукъ, статскій совѣтникъ, Павелъ Эмиліевичъ *Ромеръ*.

Ординарный проф. по кафедрѣ чистой математики, д-ръ математическихъ наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Михаилъ Егоровичъ *Ващенко-Захарченко*.

Ординарный проф. по кафедрѣ астрономіи, д-ръ астрономіи, статскій совѣтникъ, Митрофанъ Ѳеодоровичъ *Хандриковъ*.

Ординарный проф. по кафедрѣ химіи, д-ръ химіи, статскій совѣтникъ, Ѳеодоръ Миничъ *Гарничъ-Гарницкій*.

Ординарный проф. по кафедрѣ технической химіи, д-ръ химіи, статскій совѣтникъ, Николай Андреевичъ *Бунге*.

Ординарный проф. по кафедрѣ ботаники, д-ръ ботаники, статскій совѣтникъ, Осипъ Васильевичъ *Баранецкій*.

Ординарный проф. по кафедрѣ зоологіи, д-ръ зоологіи, секретарь факультета, статскій совѣтникъ, Отто Михайловичъ *Паумсонъ*.

Экстра-ординарный проф. по кафедрѣ теоретической физики, д-ръ физики, коллежскій совѣтникъ, Николай Николаевичъ *Шиллеръ*.

Экстра-ординарный проф. по кафедрѣ зоологіи, д-ръ зоологіи, коллежскій совѣтникъ, Николай Васильевичъ *Бобрецкій*.

Экстра-ординарный профес. по кафедрѣ ботаники, д-ръ ботаники, коллежскій ассесоръ, Иванъ Ѳеодоровичъ *Шмалгаузенъ*.

Экстра-ординарный проф. по кафедрѣ чистой математики, д-ръ математики, надворный совѣтникъ, Василій Петровичъ *Ермаковъ*.

Доцентъ по кафедрѣ химіи, д-ръ химіи, коллежскій совѣтникъ, Александръ Ивановичъ *Базаровъ*.

Приватъ-доцентъ по предмету метеорологіи, кандидатъ математическихъ наукъ, Александръ Вивентіевичъ *Клюсовскій*.

Астрономъ-наблюдатель, д-ръ философіи, надворный совѣтникъ, Василій Ивановичъ *Фабриціусъ*.

Юридическій факультетъ.

Деканъ, ордин. проф. по кафедрѣ гражданскаго права, д-ръ гражданскаго права, надворный совѣтникъ, Василій Григорьевичъ *Демченко*.

Заслуженный ординарный проф. по кафедрѣ римскаго права, д-ръ юридическихъ наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Калининъ Андреевичъ *Митюковъ*.

Заслуженный ордин. проф. по кафедрѣ международнаго права, д-ръ политическихъ наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Василій Андреевичъ *Незабитовскій*.

Ординарный проф. по кафедрѣ законовъ о финансахъ, д-ръ политической экономіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Георгій Дмитриевичъ *Сидоренко*.

Ординарный проф. по кафедрѣ исторіи иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ, д-ръ государственнаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Николай Карловичъ *Ренненкампфъ*.

Ординарный проф. по кафедрѣ уголовного права, д-ръ уголовного права, статскій совѣтникъ, Александръ Ѳедоровичъ *Кистяковский*.

Ординарный проф. по кафедрѣ государственныхъ законовъ, д-ръ государственнаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Александръ Васильевичъ *Романовичъ-Славатинскій*.

Ординарный проф. по кафедрѣ исторіи русскаго права, д-ръ русской исторіи, статскій совѣтникъ, Михаилъ Флегонтовичъ *Владимирскій-Будановъ*.

Доцентъ по кафедрѣ политической экономіи и статистики, магистръ полицейскаго права, надворный совѣтникъ, Дмитрій Ивановичъ *Пижно*.

Приватъ-доцентъ по предмету международнаго права, коллежскій секретарь, Романъ Ивановичъ *Базинеръ*.

Медицинскій факультетъ.

Деканъ, орд. проф. по кафедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія, д-ръ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ *Эриардтъ*.

Заслуженный орд. проф. оперативной хирургіи, д-ръ медицины, тайный совѣтникъ, Владиміръ Аѳанасьевичъ *Караваевъ*.

Заслуженный орд. проф. по кафедрѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, тайный совѣтникъ, Александръ Павловичъ *Матвѣевъ*.

Заслуженный орд. проф. по каедрѣ частной терапіи, д-ръ мед., дѣйствительный статскій совѣтникъ, Фридрихъ Фридриховичъ *Меринъ*.

Ординарный проф. по каедрѣ медицинской химіи и физики, д-ръ медицины, статскій совѣтникъ, Александръ Александровичъ *Шефферъ*.

Ординарный проф. по каедрѣ физиологій, д-ръ медицины, статскій совѣтникъ, Владиміръ Богумиловичъ *Томса*.

Ординарный проф. по каедрѣ физиологической анатоміи, д-ръ медицины, статскій совѣтникъ, Владиміръ Алексѣевичъ *Бецъ*.

Ординарный проф. по каедрѣ гистологій и эмбриологій, д-ръ медицины, статскій совѣтникъ, Петръ Ивановичъ *Перемежко*.

Ординарный проф. по каедрѣ общей патологій, д-ръ медицины, статскій совѣтникъ, Никаноръ Адамовичъ *Хржонцевскій*.

Ординарный проф. по каедрѣ офтальмологій, д-ръ медицины, статскій совѣтникъ, Александръ Владиміровичъ *Ивановъ*.

Ординарный проф. по каедрѣ медицинской физики, д-ръ медицины, статскій совѣтникъ, Алексѣй Сергѣевичъ *Шкляревскій*.

Экстра-орд. проф. по каедрѣ гигиены, медицинской полиціи, медицинской географіи и статистики, д-ръ медицины, статскій совѣтникъ, Викторъ Андреевичъ *Субботинъ*.

Экстра-орд. проф. по каедрѣ патологической анатоміи, д-ръ медицины, коллежскій совѣтникъ, Григорій Николаевичъ *Минъ*.

Экстра-орд. проф. по каедрѣ фармакологій, секретарь факультета, д-ръ медицины, статскій совѣтникъ, Карлъ Георгіевичъ *Гейбель*.

Экстра-орд. проф. по каедрѣ теоретической хирургіи, съ госпитальною клинкою, коллежскій совѣтникъ, Александръ Христіановичъ *Ринекъ*.

Экстра-орд. проф. по каедрѣ частной патологій и терапіи, д-ръ медицины, титулярный совѣтникъ, Карлъ Генриховичъ *Тритшель*.

Доцентъ по каедрѣ частной терапіи, д-ръ медицины, статскій совѣтникъ, Людвигъ Казиміровичъ *Горецкій*.

Доцентъ по каедрѣ фармаціи и фармакологій, магистръ фармаціи, статскій совѣтникъ, Эдуардъ Григорьевичъ *Неметти*.

Доцентъ при каедрахъ клинической и теоретической патологій и терапіи, д-ръ медицины, статскій совѣтникъ, Евгенийъ Ивиповичъ *Афанасьевъ*.

Доцентъ при каедрахъ клинической и теоретической патологій

и терапіи, для преподаванія женскихъ болѣзней, д-ръ медицины, статскій совѣтникъ, Николай Филлиповичъ *Толочиновъ*.

Доцентъ по кафедрѣ хирургіи, д-ръ медицины, надворный совѣтникъ, Александръ Степановичъ *Яценко*.

Доцентъ по кафедрѣ хирургіи, д-ръ медицины, надворный совѣтникъ, Осипъ Александровичъ *Рустикій*.

Доцентъ по кафедрѣ физиологіи, надворный совѣтникъ, Петръ Ѳеодоровичъ *Сухановъ*.

Прозекторъ при кафедрѣ медицинской химіи, д-ръ медицины, статскій совѣтникъ, Василій Ѳеодоровичъ *Кистяковский*.

Прозекторъ анатоміи, статскій совѣтникъ, Евграфъ Ѳеодоровичъ *Чернышъ*.

Исправляющій должность помощника прозектора по кафедрѣ судебной медицины, лекарь, надворный совѣтникъ, Николай Николаевичъ *Щербина*.

И. д. ординатора хирургической факультетской клиники, лекарь съ отличіемъ, Яковъ Ивановичъ *Петровский*.

Ординаторъ хирургической госпитальной клиники, лекарь, Иванъ Васильевичъ *Радзимовскій*.

Ординаторъ терапевтической госпитальной клиники, лекарь, Николай Никифоровичъ *Подръзанъ*.

Помощникъ прозектора, лекарь, Николай Степановичъ *Смичанскій*.

И. д. ординатора акушерской факультетской клиники, лекарь Ѳеодоръ Александровичъ *Савинъ*.

Приватъ-доцентъ по предмету офталмологіи, д-ръ медицины, Емануилъ Хаскелевичъ *Мандельштамъ*.

Приватъ-доцентъ по предмету акушерства, д-ръ медицины, Александръ Адамовичъ *Шварцъ*.

Приватъ-доцентъ по предмету дѣтскихъ болѣзней, д-ръ медицины, Александръ Лукичъ *Липскій*.

Приватъ-доцентъ по предмету ушныхъ болѣзней, д-ръ медицины, Михаилъ Васильевичъ *Успенскій*.

Повивальная бабка при акушерской клиникѣ, Агриппина Филипповна *Гусева*.

Совѣтъ Университета.

Предсѣдатель—Ректоръ (см. выше).

Члены: всѣ деканы, ординарные и экстра-ординарные профессора (см. выше).

Секретарь Совѣта, кандидатъ законовѣдѣнія, статскій совѣтникъ, Валеріанъ Викторовичъ *Виндинъ*.

Правленіе Университета.

Предсѣдатель—Ректоръ (см. выше).

Члены: всѣ деканы и инспекторъ.

Секретарь Правленія, коллежскій ассесоръ, Иванъ Федоровичъ *Тупица*.

Редакціонный комитетъ.

Члены: { В. С. *Иконниковъ*, главный редакторъ.
М. Е. *Ващенко-Захарченко*.
Н. К. *Ренненкампфъ*.
В. А. *Субботинъ*.

Заступающіе
мѣста членовъ: { С. С. *Голоцкий*.
П. П. *Алехтеевъ*.
Г. Д. *Сидоренко*.
А. С. *Шкляревскій*.

Библиотечная коммиссія.

Предсѣдатель А. А. *Котляревскій*.

Члены: { И. И. *Рахманиновъ*.
М. Е. *Ващенко-Захарченко*.
Н. А. *Бунге*.
А. В. *Романовичъ-Славатинскій*.
В. Г. *Демченко*.
В. А. *Субботинъ*.
А. С. *Шкляревскій*.

При разныхъ должностяхъ.

Инспекторъ студентовъ, статскій совѣтникъ, Константинъ Николаевичъ *Воскресенскій*.

Помощникъ инспектора, надворный совѣтникъ, Иванъ Григорьевичъ *Грудзинскій*.

Помощникъ инспектора, надворный совѣтникъ, Александръ Ивановичъ *Саско*.

Помощникъ инспектора, надворный совѣтникъ, Константинъ Капитоновичъ *Божовскій*.

Помощникъ инспектора, надворный совѣтникъ Василій Пантелеймоновичъ *Левинскій*.

Помощникъ инспектора, отставной поручикъ Николай Васильевичъ *Романовичъ-Славатинскій*.

Помощникъ инспектора, коллежскій регистраторъ Филипъ Даниловичъ *Збожмякевичъ*.

Секретарь по студентскимъ дѣламъ, коллежскій секретарь Матвѣй Дмитриевичъ *Бубликъ*.

Діаконъ православной университетской церкви, Елисей Корнилевичъ *Шумановскій*.

Врачъ при студенческой больницѣ, штабъ-лекаръ 1-го отдѣленія, коллежскій совѣтникъ, Иванъ Трофимовичъ *Щербина*,

Казначей Университета, коллежскій ассесоръ, Иванъ Гавриловичъ *Пасхаловъ*.

Бухгалтеръ, коллежскій ассесоръ, Николай Григорьевичъ *Стрижевскій*.

Помощникъ бухгалтера, титулярный совѣтникъ, Иванъ Андреевичъ *Иванченко*.

Экзекуторъ, коллежскій секретарь, Василій Николаевичъ *Ракитинъ*.

Библіотекаръ и архивариусъ центральнаго архива для древнихъ актовъ книгъ губерній: Кіевской, Волынской и Подольской, статскій совѣтникъ, Кириллъ Алексѣевичъ *Царевскій*.

Помощникъ бібліотекаря, коллежскій совѣтникъ, Адольфъ Онуфріевичъ *Вольскій*.

Помощникъ бібліотекаря, надворный совѣтникъ, Иванъ Гавриловичъ *Савенко*.

Исправляющій должность помощника бібліотекаря, надворный совѣтникъ, Иванъ Ивановичъ *Абелъ*.

Помощникъ бібліотекаря, коллежскій ассесоръ, Іосифъ Сидоровичъ *Гавриленко*.

Помощникъ бібліотекаря, губернский секретарь Константинъ Никифоровичъ *Щебровъ*.

Исправляющій должность секретаря бібліотеки, титулярный совѣтникъ, Владиміръ Романовичъ *Станиславскій*.

Хранитель зоологическаго кабинета, титулярный совѣтникъ, Василій Карловичъ *Совинскій*.

Хранитель физическаго кабинета, коллежскій совѣтникъ, Кассіанъ Николаевичъ *Жукъ*.

Лаборантъ при технологической лабораторіи, магистръ фармаціи, коллежскій совѣтникъ, Тимоѳей Ивановичъ *Лоначевскій-Петруняк*.

Лаборантъ химической лабораторіи, приватъ-доцентъ, магистръ химіи, коллежскій ассесоръ, Яковъ Николаевичъ *Барзиловскій*.

Лаборантъ химической лабораторіи, титулярный совѣтникъ, Николай Николаевичъ *Каяндеръ*.

Лаборантъ при фармацевтической лабораторіи, провизоръ, коллежскій ассесоръ Павелъ Кирилловичъ *Стцаревскій*.

Сверхштатный ассистентъ при кафедрѣ нормальной анатоміи, лекаръ Александръ Θεодосіевичъ *Поддасицкій*.

Хранитель минералогическаго кабинета, коллежскій ассесоръ, Петръ Яковлевичъ *Армашевскій*.

Смотритель клиникъ, коллежскій секретарь, Эразмъ Роховичъ *Сотцинскій*.

И. д. письмоводителя медицинскаго факультета, Павелъ Ивановичъ *Матковский*.

Состоящій при Университетѣ центральнѣй архивъ для древнихъ актовыхъ книгъ, губерній: Киевской, Волынской и Подольской.

Завѣдующій центральнымъ архивомъ—библіотекаръ Университета (см. выше).

Постоянный помощникъ завѣдывающаго центральнымъ архивомъ, титулярный совѣтникъ, Лука Васильевичъ *Ильницькій*.

СПИСОКЪ

почетныхъ членовъ (и членовъ корреспондентовъ) Университета Св. Владимира.

---

1) Членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ совѣта управленія намѣстника Царства польскаго и почетный попечитель фундуклеевской женской гимназіи, Иванъ Ивановичъ *Фундуклей*.

Избранъ Совѣтомъ въ члены 4-го ноября 1849 г.

2) Генераль-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, членъ Государственнаго Совѣта, председатель Императорской археологической коммисіи, почетный членъ Московской духовной академіи, дѣйствительный членъ Московскаго благотворительнаго общества, президентъ Императорскаго общества исторіи и древностей Россіи, сенаторъ, графъ Сергій Григорьевичъ *Строгановъ*.

Избранъ 15 октября 1854 г.

3) Совѣщательный членъ медицинскаго совѣта и членъ корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ, состоящій при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, тайный совѣтникъ, Николай Ивановичъ *Щирковъ*.

Избранъ 22-го апрѣля 1855 г.

4) Товарищъ Его Императорскаго Высочества генераль-инспектора по инженерной части, непремѣнный членъ главнаго военно-учебнаго комитета, почетный членъ Николаевской инженерной академіи, почетный членъ Императорской Академіи Наукъ, генераль-адъютантъ, военный инженеръ-генералъ, Эдуардъ Ивановичъ *Тотлебенъ*.

Избранъ 23-го марта 1856 г.

5) Членъ корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ, директоръ Императорскаго ботаническаго сада, тайный совѣтникъ, Рудольфъ Эрнестовичъ *Траутфеттеръ*.

Избранъ 19-го декабря 1859 г.

6) Извѣстный сѣверо-американскій ученый, начальникъ береговой съемки Соединенныхъ Штатовъ *Vaché*.

Избранъ 24-го февраля 1861 г.

7) Извѣстный сѣверо-американскій ученый, профессоръ Кембриджскаго Университета *Pirce*.

Избранъ 24-го февраля 1861 г.

8) Извѣстный сѣверо-американскій ученый, вице-адмиралъ флота Соединенныхъ штатовъ, директоръ Вашингтонской національной обсерваторіи *Maury*.

Избранъ 24-го февраля 1861 г.

9) Тайный медицинскій совѣтникъ и лейбъ-медикъ Его Величества короля Саксонскаго, Карлъ Густавовичъ *Карусъ*.

Избранъ 3-го ноября 1861 г.

10) Бывшій ректоръ и заслуженный ординарный профессоръ С.-Петербургскаго Университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Карлъ Ѳеодоровичъ *Кесслеръ*.

Избранъ 10-го августа 1862 г.

11) Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, почетный членъ Императорской Академіи Наукъ, Государственный канцлеръ, членъ Государственного Совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ, свѣтлѣйшій князь, Александръ Михайловичъ *Горчаковъ*.

Избранъ 30-го іюля 1863 г.

12) Редакторъ газеты „Московскія Вѣдомости“, Михаилъ Никифоровичъ *Катковъ*.

Избранъ 2-го ноября 1864 г.

13) Бывшій ректоръ Вѣнскаго Университета, д-ръ медіц. *Гиртъль*.

Избранъ 12-го марта 1865 г.

14) Президентъ Императорскаго минералогическаго общества, Его Императорское Высочество великій князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ *Лейхтенбергскій*.

Избранъ 2-го декабря 1866 г.

15) Ординарный профессор С.-Петербургскаго Университета, тайный совѣтникъ, Петръ Григорьевичъ *Рюкинъ*.

Избранъ 10-го января 1869 г.

16) Ординарный профессор С.-Петербургскаго Университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Пафнутій Львовичъ *Чебышевъ*.

Избранъ 10-го января 1869 г.

17) Ординарный профессор С.-Петербургскаго Университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Александръ Михайловичъ *Бутлеровъ*.

Избранъ 10-го января 1869 г.

18) Членъ Академіи Наукъ, заслуженный ординарный профессоръ С.-Петербургской медико-хирургической академіи и президентъ русскаго химическаго общества; дѣйствительный статскій совѣтникъ, Николай Николаевичъ *Зининъ*.

Избранъ 24 октября 1869 г.

19) Военный инженеръ-полковникъ, Адамъ Егоровичъ *де-Струве*.

Избранъ 6-го марта 1870 г.

20) Академикъ, ген.-лейтен., Григорій Петровичъ *Гельмерсенъ*.

21) Директоръ Горнаго института, академикъ, д-ръ минералогіи и геологіи, Николай Ивановичъ *Кокшаровъ*.

Оба избраны 28-го сентября 1873 г.

22) Почетный членъ Императорской Академіи Наукъ и музея Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Дмитрій Андреевичъ *Толстой*.

Избранъ 12-го октября 1873 г.

23) Его Императорское Высочество Государь Великій князь Константинъ Николаевичъ.

Избранъ 17-го мая 1874 г.

24) Дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Алексѣй Сергѣевичъ *Уваровъ*.

Избранъ 20-го сентября 1874 г.

25) Его Императорское Величество Бразильскій Императоръ *Донъ-Педро II*.

Избранъ 7-го сентября 1876 г.

26) Ординарный академикъ Академіи Наукъ, тайный совѣтникъ, Аванасій Ѳеодоровичъ *Бычковъ*.

Избранъ 16-го декабря 1876 г.

27) и 28) Обыкновенные академики Академіи наукъ, тайные совѣтники: Викторъ Яковлевичъ *Буяковский* и Константинъ Степановичъ *Веселовскій*.

Избраны 20-го декабря 1878 г.

29) Президентъ Императорскаго Общества любителей Естествознанія и товарищъ почетнаго Предсѣдателя комитета политехническаго музея, заслуженный профессоръ Московскаго Университета, Григорій Ефимовичъ *Щуровскій*.

Избраны 31-го мая 1878 г.

30) Иванъ Сергѣевичъ *Турневъ*.

Избранъ 23-го марта 1879 г.

31) Заслуженный обыкновенный профессоръ Университета св. Владиміра, тайный совѣтникъ Николай Христіановичъ *Бунге*.

Избранъ 8 мая 1880 г.

СПИСОКЪ

*Лицъ, возведенныхъ Совѣтомъ Университета Св. Владиміра въ
ученую степень д-ра, безъ представленія и защищенія диссертации,
на основаніи примѣчанія къ 113 § университетскаго устава.*

---

1) Бывшій ординарный профессоръ С.-Петербургскаго Университета, Николай Ивановичъ *Костомаровъ*.

Въ засѣданіи Совѣта 10-го апрѣля 1864 г.

2) Директоръ Императорскаго минералогическаго общества, ординарный академикъ, Николай Ивановичъ *Кокшаровъ*.

Въ засѣданіи Совѣта 5-го декабря 1866 г.

3) Извѣстный русскій археологъ, Иванъ Егоровичъ *Забѣлинъ*.

Въ засѣданіи Совѣта 19-го ноября 1871 г.

4) Членъ Академіи Наукъ, Аристъ Аристовичъ *Кунинъ*.

Въ засѣданіи Совѣта 10-го декабря 1876 г.

---

*Прибавленіє къ протоколамъ Совѣта Университета Св. Влади-
міра: о перемѣнахъ въ составъ студентовъ въ теченіи мая
1880 года.*

Исключены изъ студенческаго списка выбывшіе изъ Универси-
тета по разнымъ случаямъ слѣдующіе студенты, именно:

1) Выслушавшіе къ 31 мая полный курсъ у-скихъ наукъ по
историко-филологическому ф-ту: Андріевскій Иванъ, Едлинскій Нико-
лая, Егоровъ Ѳеодоръ, Заваліевскій Петръ, Струковскій Антонъ, Андер-
сонъ Ѳеодоръ-Вильгельмъ, Багалъи Дмитрій, Бергманъ Мееръ, Бродо-
вичъ Николай, Войцеховскій Евстафій, Гомелло Ѳеодоръ, Гуковскій
Константинъ, Громыка Константинъ, Залѣскій Людвигъ, Истомина
Алексій, Конончукъ Петръ, Котляръ Ѳеодоръ, Ковловскій Михаилъ, Кли-
менко Андрей, Лычакъ Порфирій, Максимовъ Иванъ, Орищенко Иванъ,
Поплавскій Константинъ, Присовскій Петръ, Папинскій Тимофей, Ро-
качевскій Іосифъ, Серговскій Андрей, Солуха Василій, Фаренеругъ
Павелъ, Шнекъ Иванъ; по естественному отдѣлу физико-математиче-
скаго ф-та: Исковъ Александръ, Кармазинъ Михаилъ, Оглоблинъ Вла-
диміръ, Петрушевскій Трофимъ, Сендаровскій Иванъ, Кисель Иванъ,
Кулеша-Юманъ Георгій, Колесниковъ Владиміръ, Марциновскій Ми-
хаилъ, Торскій Самуилъ, по математическому отдѣлу того же ф-та: Ли-
совскій Генрихъ, Паршинъ Андрей, Целеховичъ Корнилій, Россоптов-
скій Иванъ, Спира Антонъ, Фирминъ-Снигиревъ Евгенийъ, Стожковъ
Александръ, Стефановичъ Ефимъ, Сагатовскій-Бенингъ Феликсъ, Фе-
сенковъ Николай, Шипинскій Діонисій-Францъ; по юридическому ф-ту:
Вержбицкій Станиславъ, Короткевичъ Антонъ, Моисеевъ Леонидъ, Но-
вицкій Иванъ, Фельдзеръ Левъ, Братковъ Петръ, Гельманъ Янкель-
Ешая, Губскій Николай, Дараганъ Александръ, Джалаловъ Эрвандъ,

Жуковский Станиславъ, Зѣлинскій Іосифъ-Григорій, Кириловъ Василій, Крупенскій Георгій, Моргулецъ Марьянъ, Нѣжинскій Владиміръ, Протопоповъ Михаилъ, Піонтковский Іосифъ-Юстинъ, Романовичъ Ѳеодоръ, Раецкій Карлъ, Собичевскій Владиміръ, Ценкальскій Ѳеликсъ-Владиславъ, Шмаковъ Владиміръ, по медицинскому ф-ту: Аргутинскій-Долгоруковъ Константинъ, Билинскій Павелъ, Бернадскій Михаилъ, Бирнбаумъ Иванъ, Бужанскій Лейба, Булашевичъ Василій, Болтенко Григорій, Балебаненко Василій, Булле Яковъ, Бардовскій Николай, Виноградовъ Леонидъ, Вуколовъ Дмитрій, Вережкинъ Сергій, Войтковскій Николай, Гарлинскій Іосифъ-Богданъ, Гулейко Александръ, Горбъ Ромашкевичъ Семенъ, Глубоковскій Василій, Гладышевскій Францъ, Гофманъ Яковъ, Гренбергъ Мордко-Беръ, Георгіевскій Иванъ, Городецкій Станиславъ-Владиміръ, Гречка Василій, Гавриловъ Петръ, Гутовскій Иннокентій, Герасинковъ Семенъ, Грабовскій Станиславъ-Викентій, Голынецъ Нивандръ, Дацковъ Василій, Дорожинскій Константинъ-Иванъ, Зоринъ Николай, Ивановъ Александръ, Кеслеръ Дмитрій, Кравевскій Александръ, Коломійцевъ Николай, Константиновъ Александръ, Котляровъ Александръ, Козловскій Брониславъ-Юліанъ, Клименко Владиміръ, Крикливый Алексѣй, Лаговскій Михаилъ, Ландесбергъ Арій, Левитскій Леонидъ, Левинъ Самуиль, Лозинскій Евменій, Лысогоровъ Илья, Мионовичъ Константинъ, Мускатблитъ Генрихъ, Мирошниченко Артемонъ, Михайловъ Владиміръ, Митюковъ Алексѣй, Моргуновскій Рувимъ, Неровецкій Иннокентій, Невельштейнъ Янкель-Израиль, Павловскій Каллистъ, Порываевъ Евгенийъ, Педьковъ Иванъ, Ранцъ Хаимъ, Рошквичъ Готлибъ-Григорій, Ровенбергъ Хаимъ, Семеновскій Николай, Сагайдачный Ѳеодоръ, Трипольскій Андрей, Тархановъ Карапетъ, Цѣпляевъ Михаилъ, Чернецкій Фроимъ, Шперлингъ Азіасъ-Исаакъ, Шульга Андрей, Шеръ Зельманъ (Симеонъ), Щавинскій Ержій-Готфридъ, Юрецкій Конрадъ, Неркевичъ Іосифъ, Яцута Константинъ и Яворскій Доминикъ.

2) Не уплатившіє денегъ за слушаніє лекцій за второе полугодіє 1879—80 учебнаго года, по историко-филологическому ф-ту: Емельяновъ Александръ, Марковскій Александръ, Жукъ Лука, Вышковскій Алексѣй, Гржибовскій Александръ, Хвостиковъ Степанъ; по естественному отдѣлу физико-математическаго ф-та: Ворченко Николай, по математическому отдѣлу того же ф-та: Врублевскій Яковъ, Зозулинъ Василій, по юридическому ф-ту Кладкевичъ Павелъ, Малаховъ Прокофій,

Потемковскій Іеронимъ, Гогоцкій Сергій, по медицинскому ф-ту: Янишевскій Петръ, Мещкевичъ Николай, Ноздровскій Андрей, Дверницкій Григорій, Золотницкій Николай, Полтовичъ Александръ, и Соколовъ Иванъ,

3) Уволенные по прошеніямъ студенты историко-филологическаго ф-та: Дашкевичъ Василій, Крупенинъ Степанъ, естественнаго отдѣла физико-математическаго ф-та: Краснопольскій Николай, Бельке Францъ, Зацѣпинъ Сергій, Леонтовичъ Иванъ, и математическаго отдѣла того же ф-та: Бискупскій Макарій, медицинскаго ф-та: Жребинскій Николай, Гуржеевъ Евгений и Звягинъ Николай.

4) Неявившійся изъ отпуска студентъ математическаго отдѣла физико-математическаго ф-та Надеждинъ Александръ.

5) За безвѣстное и самовольное отсутствіе студента естественнаго отдѣла физико-математическаго ф-та Мавченко Николай и медицинскаго ф-та Церозде Исидоръ.

6) За смертію студента медицинскаго ф-та Поволанскій Карлъ-Брониславъ.

ЧАСТЬ II—НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Рационализм Фукидида въ Исторіи Пелопоннесской войны.

II.

Успѣхи рационализма въ Атикѣ во времени Фукидида.

(Продолженіе). *)

Возникши изъ діонисова культа въ предѣлахъ Атики, аѳинская драма въ періодѣ высшаго своего развитія примкнула тѣсно къ эпической поэзіи и въ особенности къ гомеровскимъ пѣснямъ, — явленіе, близко напоминающее аналогичное сближеніе формъ развитой аѳинской демократіи съ условіями общежитія въ гомеровской общинѣ. Знаменитѣйшихъ аѳинскихъ трагиковъ V вѣка древность разсматривала въ преемственной связи съ Гомеромъ и его пѣснями, какъ поэтовъ, которые высокими достоинствами своихъ произведеній обязаны были прежде всего и болѣе всего творцу національнаго эпоса ¹⁾). Промежуточные

---

*) См. „Унив. Извѣст.“ 1879. іюль, августъ, сентябрь, ноябрь. 1880. январь, февраль, мартъ, апрѣль.

¹⁾ ἔοικε μὲν γὰρ τῶν καλῶν ἀπάντων τούτων τῶν τραγικῶν (Гомеръ) πρῶτος διδάσκαλος τε καὶ ἡγεμὼν γενέσθαι. Plat. Respubl. X, 1. p. 595b. μετὰ τοῦτο ἐπισκεπτέον τὴν τε τραγῳδίαν καὶ τὸν ἡγεμόνα αὐτῆς Ὅμηρον. Ibid. p. 598e. Срвн.

звенья между Гомеромъ и Эсхиломъ, а также дѣйствовавшія за это время разнообразныя вліянія и связи выпускались древними изслѣдователями изъ виду ¹⁾, въ совершенную противоположность новымъ историкамъ греческой литературы: у этихъ послѣднихъ аттическая драма, обозрѣваемая обыкновенно вслѣдъ за эолийской и дорійской поэзіей, является вѣнцомъ общаго поэтическаго творчества Еллиновъ, будто бы развивавшагося послѣдовательно, органически отъ эпоса черезъ лирику до драмы.

На самомъ дѣлѣ возникновеніе и совершенствованіе трагедіи въ Атикѣ было связано съ судьбою лирической поэзіи въ остальной Елладѣ гораздо слабѣе, чѣмъ можетъ это казаться предубѣжденному изслѣдователю. Аттическая драма исходила изъ другихъ началъ, нежели лирика Доранъ или Эолянъ, развивалась подъ вліяніемъ всей совокупности соціальныхъ и педагогическихъ условій аттической общины и, усвоивая извнѣ нѣкоторыя готовыя формы и возрѣнія, не переставала быть оригинальнымъ продуктомъ аѣинской культуры. Правда, быстрое послѣдовательное развитіе аттической драмы было облегчено въ значительной мѣрѣ существованіемъ рядомъ съ нею и раньше ея большаго количества художественныхъ произведеній въ колоніяхъ, которыя уско-

---

Ibid. pp. 605d. 606e. 407a. ἐκ μὲν Ἰλιάδος καὶ Ὀδυσσεύας μίᾳ τραγῳδίᾳ ποιεῖται ἐκπότερας ἢ δύο μόναι. Aristot. Poet. c. 23. p. 1459b. ὁ γὰρ Μαρσίτης ἀνάλογον ἔχει, ὥσπερ Ἰλιάς καὶ ἡ Ὀδύσσεια πρὸς τὰς τραγῳδίας, οὕτω καὶ οὗτος πρὸς τὰς κωμῳδίας. Ibid. c. 4. 1448b. Срвн. Ibid. c. 3. p. 1448a. [Ed. J. Vahlen. Berol. 1874]. Αισχύλου, ὃς τὰς αὐτοῦ τραγῳδίας τέμνχῃ εἶναι ἔλεγε τῶν Ὀμήρου μεγάλων δειπνων. Athen. VIII, p. 347e. Хійскій поэтъ Ионъ называетъ Софокла „ученикомъ Гомера“. Vita Soph. 7, 5. Diog. L. IV, 20. Срвн. M. Lechner, De Aeschyli studio homerico. Erlang.-Progr. 1862. Его-же: De Sophocle poeta ὁμηρικῶτατος. 1859. Le sentiment religieux en Grèce d'Homère à Eschyle, J. Girard. Paris, 1879. Pp. 135—152. 186—187. Отрицаѣ всякій прогрессъ драматической комбинаціи элементовъ въ промежуткѣ между Гомеромъ и первыми трагиками, нѣкоторые дѣлаютъ исключеніе только въ пользу *Стезисора*, поэта, котораго древность называла „Гомеромъ“, „наиболѣе гомерическимъ“ и т. п. Long. De Sublim. XIII, 3. Anthol. Palat. VII, 75. Quint. Inst. Or. X, 1, 62. Girard, O. c. p. 141. Bernhardt, Grundr. II, 1, S. 661.

¹⁾ Лазъ Герміонскій и Агаѣоклъ или Аполлодоръ были учителями Пиндара въ Аѣинахъ. Eustat. Opusc. § 20. p. 59. Bresl. Biogr. p. 9. Срвн. Philolog. IX. Bode, Geschichte d. hellenisch. Dichtk. II, 2, S. 204—205.

ряли поступательное движеніе метрополіи и въ этой области ¹⁾; но всѣ заимствованія укладывались въ готовые рамки собственно аѳинскаго вида поэзіи, не нарушая органическаго роста драмы на ея родинѣ. Дѣло въ томъ, что еще задолго до Эсхила іоническіе и другіе поэты воспитали въ греческой публикѣ интересъ къ разнообразнымъ формамъ поэтическаго выраженія мыслей и душевныхъ волненій; создали или разработали и примѣнили къ житейскимъ отношеніямъ всевозможные стихотворные размѣры и музыкальныя мелодіи, которыми впослѣдствіи воспользовалась драма для діалога, хора и мопадій; въ поэзіи, первоначально религіозной или легендарной, отведено было значительное мѣсто свѣтскимъ мотивамъ, общественнымъ и глубоко личнымъ событіямъ и положеніямъ. Элементъ, прѣжде преобладавшій въ поэзіи, или исключительно господствовавшій, каковы мнѳическія сказанія, въ лирикѣ становился второстепеннымъ, служебнымъ, вводился въ произведеніе и измѣнялся сообразно предположенной цѣли поэта или волнующему его чувству. Наибольшую свободу въ обращеніи съ мнѳическими преданіями допускали въ своихъ произведеніяхъ Стезихоръ ²⁾ и Пиндаръ ³⁾; но она замѣчается также въ стихотвореніяхъ Алкея ⁴⁾, Бакхилида и др. ⁵⁾.

¹⁾ Даже весьма употребительный въ Аѳинахъ цѣлнй видъ пѣсни, *сколій*, считался изобрѣтеніемъ Эолянъ. *Plut. de Mus.* 28. *Pind. fr.* 91. *W. Christ.* 1869. Отсюда однако далеко еще до мнѣнія, будто Аѳины не имѣли ни одного своего лирическаго поэта. *Plut. Moral.* p. 426. Вообще заимствованія совершались въ широкихъ размѣрахъ. Хоровой танецъ съ пѣніемъ и музыкою усвоенъ Пелопонесцами отъ Критянъ. *Bernhardy, Grundriss*, II, 1, 595f. Оживленныя сношенія между Лесбомъ и Спартою облегчали литературныя заимствованія. *Bode, O. c.* Ss. 36—38.

²⁾ *Welcker, Jahns Jahrbüch.* IX, S. 148 объ измѣненіяхъ Стезихора въ геракловыхъ и ахейскихъ сказаніяхъ. Срвн. *Bode, O. c.* 52—54. 57—58. 61—62. 71.

³⁾ Пиндаръ вовсе отвергаетъ нѣкоторые мнѳы, измѣняетъ другіе. *Pind. Olym.* I, 28: 30—55. VII, 55. IX, 32—45. *Pyth.* I, 93. III, *passim.* *Nem.* VI, 43. VII, 20—30. VIII, 23—31. *Isthm.* III, 50—60. *Alfr. Croiset, la poésie de Pind. et les lois du lyrisme.* Paris, 1880. 1-ère P.

⁴⁾ *Himer. Or.* XIV, 10. *Poet. lyr. gr.* p. 569 (*Bergk*). *Plut. Amat.* c. 20. fr. 9. Срвн. *M. Villemain, Essais sur le génie de Pindare et sur la poésie lyrique.* Paris. 1859. Pp. 116—118.

⁵⁾ *Bode, O. c.* S. 189f. Ибикъ повѣствуетъ о Ганимедѣ для изображенія силы любви. *Schol. Apoll. Rhod.* III, 158. Срвн. *Schol. Aristoph. Vesp.* 714. У

Такимъ путемъ миѳическіе боги сближались съ людьми, теряя въ величіи и превосходствѣ надъ смертными.

Пеаны, гимны, гипорхемы, парѳеніи, диѳирамбы, эпиграммы, гимены, эпипникіи, энкоміи и т. п. обнимали собою далеко не одно религіозное почтеніе къ божеству или подобное же отношеніе къ героической личности; напротивъ, становясь болѣе и болѣе свѣтскими, поименованные виды пѣсни и музыки отвѣчали разнообразнымъ настроеніямъ и симпатіямъ дѣйствительной, исторической личности ¹⁾. Пламенные, страстные пѣсни Сапфо или Ибика ²⁾, гражданскія и созерцательныя стихотворенія Алкея, Симонида и Бакхилида Кейскихъ ³⁾, яркіе картины природы и живые образы героевъ у Алкмана и Стесихора, согрѣтые чувствомъ личнаго участія и близости ⁴⁾, наконецъ торжественныя побѣдныя пѣсни Пиндара, тѣсно соединяющія въ себѣ эпическій и лирический элементы ⁵⁾ приковывали вниманіе человѣка къ повседневной дѣйствительности, изощряли способность его къ анализу собственныхъ психическихъ состояній и окружающихъ явленій, увеличивали наличныя средства поэтовъ къ точному выраженію или изображенію аналогичныхъ настроеній и положеній, болѣе и болѣе сложныхъ и длинныхъ рядовъ душевныхъ движеній.

Алкмана судьба—дочь *Промедея*, сестра *Евноміи* и *Пейво*. Fr. 46 (Bergk). У Пиндара *Θеμιδα*—супруга Зевса (*ἔλκος Δίος*). Fr. 7.

¹⁾ Procl. Chrestom. с. 8. ap. Phot. Bibl. p. 319. Pollux, IV, 53. Въ періодъ Пелопоннесской войны пеаны, гипорхемы, диѳирамбы и др. получили свѣтскій характеръ. Bernhardt, O. с. Ss. 615. 625. 630. 632. 640f.

²⁾ Рѣчи Сапфо смѣшаны съ огнемъ, по выраженію Плутарха. Plut. Erot. 18. p. 762f. Срвн. К. О. Mueller, Gesch. d. griech. Literat. 3. Ausg. 1875. S. 298ff. Bernhardt, O. с. II, 2, S. 679. Mueller, O. с. S. 347f.

³⁾ Симонидъ σοφὸς καὶ θεῖος ὁ ἀνὴρ. Plat. Rep. I, 331e. Protag. p. 316d. 340e. 343e. Simon. fr. 1—6. 8. 26. 44. Bernh. ibid. 695—670. Громкою славою пользовались эпиграммы Симонида. Стихотворенія Бакхилида изобиловали сентенціями. Mueller O. с. S. 359f. Алкей—страстный военный пѣвецъ. Fr. 15. 17. Bergk.

⁴⁾ Εὐδοκίῃ δ' ὀρνέων χοροφαί κτλ. Alcman. fr. 44. Bergk. Alc. fr. 2. Аристофанъ ставитъ рядомъ Ибика, Алкея и Анакреонта. Thesmoph. v. 160. Симонидъ самъ называлъ свою поэзію „говорящею живописью“. Plut. De glor. Athen. III, p. 346F.

⁵⁾ Образцовая ода въ этомъ отношеніи Pyth. IV, въ которой излагается судьба Аргонавтовъ съ Язономъ во главѣ.

Если мы сравнимъ образцы аттической трагедіи съ *Илиадою* или *Одиссеей*, то на сторонѣ первыхъ окажутся приблизительно слѣдующія важныя преимущества относительно содержанія: бѣльшая глубина и разнообразіе психологическихъ данныхъ, болѣе постоянный интересъ къ чисто человѣческимъ сторонамъ героевъ и ихъ положеніямъ, болѣе тщательная мотивировка ихъ рѣшеній и столкновеній, болѣе естественная комбинація внѣшнихъ обстоятельствъ и внутреннихъ состояній. Достиженіе этихъ успѣховъ становилось возможнымъ путемъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ мифическихъ сказаніяхъ, усложненіемъ и приспособленіемъ ихъ къ опредѣленнымъ цѣлямъ, имѣвшимъ очень мало общаго съ мифическою стариною, каковы эстетическое наслажденіе или оправданіе извѣстныхъ правилъ общественной и личной морали, что въ свою очередь опредѣлялось всею совокупностью аѣинской образованности, а въ составѣ послѣдней видное мѣсто принадлежало и вліяніямъ иногородныхъ поэтовъ. Вліянія эти на Аттику были тѣмъ неизбѣжнѣе, что съ VI в. до Р. X. произведенія многихъ поэтовъ еще при жизни ихъ распространялись далеко за предѣлами ихъ родины, что въ аѣинскихъ школахъ предметомъ изученія для юношества служили рядомъ съ гомеровскими пѣснями образцы эолической и дорической лирики ¹⁾, что наконецъ нѣкоторые изъ поэтовъ подолгу жили и работали въ самихъ Аѣинахъ. Такъ, при дворѣ аѣинскихъ тирановъ одновременно жили Лазъ Герміонскій, Анакреонтъ и Симонидъ Кейскій ²⁾; первый и послѣдній состязались между собою въ дионрамбахъ, а по изгнаніи тирана Симонидъ прославилъ убійцу Гиппарха въ особомъ стихотвореніи; онъ же воспѣлъ мараѣонское, саламинское и др. сраженія и многихъ, павшихъ въ нихъ аѣинскихъ и спартанскихъ героевъ. Нѣкоторое время въ дружбѣ съ Ѳемистокломъ находился, кромѣ Симонида, Тимокреонтъ изъ Рода, о чемъ свидѣлствуетъ самъ поэтъ ³⁾, а нѣсколько позже въ Аѣинахъ жили Меланиппидъ ⁴⁾, Диагора изъ Мела ⁵⁾ и наконецъ самъ Пиндаръ. Не будучи другомъ аѣинскаго дема, евскій поэтъ тѣмъ не менѣе признавалъ заслуги Атики и поль-

¹⁾ Plat. Protag. p. 325. Bernh. O. c. S. 579.

²⁾ Herod. III, 121. VII, 6. Aristoph. Vesp. 1402. Plat. Hipparch. p. 228. Побѣда Симонида надъ Эсхиломъ отмѣчена въ паросской хроникѣ. Ep. 50.

³⁾ Timocreon. fr. I. p. 807—8. Bergk.

⁴⁾ Xenoph. Memorab. I, 4, 3. Suidas, Μελανιππίδης

⁵⁾ Schol. Aristoph. Av. 1073. Ran. 323. Suidas.

зовался въ ней чрезвычайнымъ почтеніемъ¹⁾; иноземцы Стезихоръ, Ибикъ, Сапфо имѣли многочисленныхъ горячихъ почитателей въ тѣхъ же Аѣинахъ²⁾. Однако и этими именами не вполне исчерпывается взаимодѣйствіе въ сферѣ поэзіи между аѣинскою общиною съ одной и прочими съ другой стороны. Вмѣстѣ съ формами и запасомъ новыхъ наблюденій проникали въ Аѣины путемъ вліянія иноземной поэзіи болѣе точныя понятія объ отдѣльныхъ явленіяхъ, болѣе свѣтское общее міросозерцаніе и болѣе свободное отношеніе къ старинѣ³⁾. Общему и постоянному усвоенію Аѣинянами добытыхъ въ другихъ мѣстахъ

¹⁾ О политическихъ возрѣніяхъ Пиндара см. Tycho Mommsen, *zur Geschichte d. Dichters u. Parteikämpfe seiner Zeit*. Kiel. 1845. Ss. 18ff. 33ff. Croiset, O. c. *ibid.* Polib. IV, 31. Pindari Carmina, edid. Dissen. 1830. B. I, S. 254. B. II, S. 669. Онъ же называлъ Аѣины „опорою Еллады“, „знаменитыми“ (ἑλλὰδος ἑρείσμα), fr. 47., а сыновъ аѣинскихъ „виновниками свободы“. Fr. 196. Срвн. Nem. IV, 19. X, 49. XI, 8. Jsthm. II, 20. Plut. de glor. Athen. VII. p. 350a. Schol. Aristoph. Nub. 102.

²⁾ О Стезихорѣ см. Bernhardy, O. c. II, 2, Ss. 658. 661. Платонъ называлъ Сапфо десятой музой, поэтомъ и мудрецомъ. Epigr. Anth. Palat. IX, 506. Plut. Erol. 18. p. 762. Одинъ изъ платониковъ уподобляетъ ее Сократу. Maxim. Tyr. diss. 24. p. 297. Срвн. Rode, *ibid.* Ss. 419ff. Платонъ цитуетъ стихотворенія Ибика. Parmen. p. 136e. Phaedr. 242c.

³⁾ Симонидъ замѣчаетъ, что добродѣтельнымъ можетъ быть только божество. Fr. 8. Алкманъ, также какъ и Архилохъ, подобно Пифагорѣ называетъ боговъ правителями міра и судьями людей. Frr. Archil. 65. 69. Lieb. O. c. Ss. 73. 130. 189. Алкманъ, p. 559. fr. 99. Bergk. Алкей называетъ тирана злѣйшимъ изъ дикихъ животныхъ. Plut. Sept. Sap. conviv. 2. p. 1476. Срвн. Eurip. fr. 277. У Пиндара какъ и у трагиковъ добродѣтели и кара за преступленія наследуются потомствомъ. Olymp. II. III. Пиндаръ совѣтуетъ Эгинетамъ блюсти равенство. Pyth. VIII, 150. Онъ же опредѣляетъ законъ какъ верховную справедливость, какъ владыку смертныхъ и безсмертныхъ. Fr. 134. p. 263. Могущество божества противопоставляется слабости и ничтожеству смертнаго. Pyth. II, 48. X, 49. VIII, 95. frr. 33. 75. 105. 106. Срвн. Bernhardy, O. c. Ss. 722. 643. 713. Villemain, O. c. pp. 25—26. 9—10. Онъ сомнѣвается въ существованіи Гипербореевъ. Pyth. X, 29. О скептицизмѣ его см. Grote, O. c. II, 103. Zeyss, *Quid Homerus et Pindarus de virtute, civitate, diis statuerint*. Iena, 1832. Seebeck, *Ueber d. religiös. Standpunkt Pindars*. Rh. Mus. III (1845), 504ff. Dronke, *Religiös. u. sittlich. Vorstell. d. Aesch. u. Sophokl.* 1861. S. 103—115.

результатовъ благоприятствовало болѣе всего выдающееся положеніе города ихъ въ Елладѣ въ промышленномъ, торговомъ и политическомъ отношеніяхъ.

Однако при всей своей значительности вліяніе иноземной поэзіи составляло только второстепенный факторъ въ исторіи аѳинскаго рационализма и въ развитіи аттическихъ формъ поэзіи, факторъ, гораздо менѣе опредѣлявшій умственное движеніе въ Аѳинахъ и въ частности преусиженіе аѳинской поэзіи, нежели, напримѣръ, солоновы заимствованія изъ колоній опредѣляли аѳинское общественное устройство. Первостепенная роль въ просвѣщеніи Аѳинъ принадлежала напротивъ родной драмѣ, преимущественно трагедіи, заключавшей въ себѣ всѣ необходимыя условія для самобытнаго правильнаго развитія.

Даже тотъ единственный видъ лирической поэзіи, въ которомъ можно усматривать отношеніе преемственности между аттической драмой и предшествовавшей ей лирикой, диѳирамбъ ¹⁾, — составлялъ почти исключительное достояніе аѳинской демократіи. Присущій искони нѣкоторымъ общинамъ, преимущественно іонійскимъ ²⁾, диѳирамбъ долгое время оставался на степени восторженной импровизаціи ³⁾, пока въ Аѳи.

¹⁾ По убѣжденію древности трагедія вышла изъ диѳирамба, какъ комедія изъ фаллическихъ пѣсень. γενομένης οὖν ἀπ' ἀρχῆς αὐτοσχέδιαστικῆς, καὶ αὐτῇ καὶ ἡ μὲν ἀπὸ τῶν ἐξαρχόντων τὸν διθύραμβον, ἡ δὲ ἀπὸ τῶν τὰ φαλλικά. Aristot. Poet. 4, 1449a. Срвн. Athen. p. 622. Schol. Aristoph. Acharn. 243. Eudoc. p. 412. Bernh., O. c. II, 2, 618.

²⁾ Уже Архилохъ (около 16 ол.) говорилъ: ὡς Διονύσου ἀνακτος καλὸν ἐξάρξαι μέλος Οἶδα διθύραμβον, οἷω συγχεραυνῶνεις φρένας. Fr. 72 (Bergk). Въ дорическихъ и эолическихъ преданіяхъ самое имя диѳирамба до времени Аріона не встрѣчается; діонисовы миѳы не извѣстны еще ни Алкману, ни Стезихору, ни Ибику.

³⁾ Къ древнему состоянію диѳирамба относится замѣчаніе Епихарма: οὐκ ἔστι διθύραμβος, ἐκχ' ὕμνος πῆγς. Athen. p. 628 b. О связи диѳирамба съ весеннею порою года см. Simonid. fr. 72. Pind. fr. 46: „Войдите, олимпійскіе боги, въ нашъ хоръ, пошлите намъ славное веселье; вѣдь вы посѣщаете въ священныхъ Аѳинахъ күрящій оиміаомъ многолюдный акрополь и блестящую площадь. Пріймите отъ насъ вѣнки изъ фіалокъ и жертвы изъ весеннихъ цвѣтовъ; внемлите поэту, покинувшему праздникъ Зевса и обратившемуся съ прекрасной пѣсней къ увѣчанному плющемъ божеству. Мы, смертные, зовемъ его Броміемъ и Ерибоемъ. Я пришелъ сюда прославить въ пѣснѣ сына верховнаго родителя и кадмейской женщины (т. е. Діониса).

нахъ не были привлечены въ нему лучшія художественныя силы племени, пока благопріятныя общественныя учрежденія не обезпечили за нимъ первенства и правильнаго развитія въ художественныя формы и перехода въ трагедію ¹⁾.

Тѣсно примыкая къ культу Діониса, судьба диеирамба подтверждаетъ сдѣланное нами выше наблюденіе о совпаденіи успѣховъ раціонализма съ прогрессивнымъ движеніемъ народнаго самоуправленія. По самому происхожденію отъ смертной женщины, по своимъ отличительнымъ свойствамъ и положеніямъ, но своимъ симпатіямъ и отношеніямъ, Діонисъ болѣе всѣхъ прочихъ еллинскихъ божествъ сближался съ *человѣкомъ* со всѣми его превратностями, съ его горемъ и радостями, съ самою жизнью и смертью его. Божество и человѣкъ вмѣстѣ, Діонисъ носилъ въ своей природѣ залогъ уваженія къ человѣческой личности, признанія ея правъ, свободнаго развитія и удовлетворенія разнообразныхъ человѣческихъ потребностей, начиная отъ низшихъ, элементарныхъ и кончая самыми сложными и возвышенными; понятно, что культъ подобнаго божества былъ способенъ менѣе всякаго другаго заглушать въ вѣрующемъ свѣтскіе интересы мысли и практической жизни. Поощреніе мирнаго труда и культуры вообще, ослабленіе всякаго рода стѣсненій и привилегій, распространеніе въ массѣ матеріальнаго достатка и нравственнаго совершенствованія являлись неперемѣнными спутниками почитанія Діониса.

Первоначально фетишъ-вино или виноградная лоза ²⁾, Діонисъ становится съ теченіемъ времени божествомъ всякой растительной и

Въ аргивской Немей прорицатель не пропускаетъ момента, когда пальма даетъ ростокъ, когда раскрываются покои Горъ, и душистые цвѣты пахнутъ благовоніемъ весны; на безсмертной землѣ разстилаются листья прелестныхъ фіалокъ; розы вплетаются въ волосы; голоса пѣсни раздаются съ звуками флейты, а хоры прославляютъ Семелу въ діадемѣ.

¹⁾ Аріонъ, Лазъ, Филоксенъ, Симонидъ, Пиндаръ, Меланиппидъ представляютъ послѣдовательные ступени диеирамба.

²⁾ Къ числу первоначальныхъ названій Діониса принадлежатъ: „богъ-вино“, *θεῖος*. Aesch. fr. 397; „неразбавленное вино“, *ἀκρατος*. Paus. I, 2, 4. Сынъ его называется „виноградною кистью“, *στάφυλος*. Argon. Apollod. I, 9, 16. Древнѣйшій идолъ божества—дерево, откуда названіе Діониса въ Беотіи *ἑιδενδρος*. Hesych.. Священная виноградная лоза въ Икаріи была должно быть Діонисомъ-фетишомъ. Paus. II, 2, 7. VII, 4, 6. Срвн. Apollod. I, 4, 3. Nymph. fab. 175. Въ совершенно обратномъ порядкѣ представляется дѣло у

животной жизни на землѣ¹⁾; затѣмъ значеніе его расширяется еще болѣе, и Діонисъ является видоизмѣненіемъ, правильнаго челоуѣческаго общества и образованности вообще, покровителемъ земледѣлія, скотоводства, всякаго рода труда, мирныхъ сношеній и т. п.²⁾ Онъ охраняетъ законы и общественныя учрежденія, преимущественно демократическія³⁾; онъ облегчаетъ участь рабовъ, защищаетъ малыхъ и слабыхъ противъ гордыхъ и сильныхъ⁴⁾. Народная масса, особенно женщины, всадъ принимаетъ Діониса съ восторгомъ; враги его оказываются обыкновенно среди царей⁵⁾. Въ силу первоначальнаго своего значенія, вино, Діо-

Преллера: *Vielmehr bedeutet er d. Saft u. die Kraft d. Erdelebens überhaupt, wie es sich in Busch u. Wald, in quellenden Bergen, fruchttragenden Bäumen, feuchten Gründen offenbart, und d. Weinstock ist wohl nur deshalb d. Gewächs d. Dionysos schlechthin, weil sich die eigenthümliche Verschmelzung von Flüssigkeit u. Feuer.... in diesem Gewächs am sichtbarsten darstellte.* Gr. Mythol. I, 519. Срвн. Gerhard, Gr. Mythol. § 447. Для характеристики первоначальнаго значенія божества интересенъ рассказъ о чудесахъ Діониса на суднѣ пиратовъ. Нумп. Ном. Διόνυσος ἡ Ἀγρία.

¹⁾ Божество носило эпитеты: Ζευδότης (Athen. III, p. 78), φεγγεύς (Ibid. I, p. 13), φασγών и др. Preller. O. c. I, S. 554f. Его же: *Dionysia* въ Real. Encyclop. v. Pauly, II. Welcker, Gr. Götterl. B. II, Ss. 557—608.

²⁾ Діонисъ называется θεσμοφόρος. Orph. hymn. 42, 1. Древнѣйшее гражданство въ честь Діониса въ Атикѣ т. н. сельскія *Διαμυσία*; отсюда же именуется его съ Деметромъ. A. Mammesen, Neortologie, p. 231. Егип. Magn. сл. *Μελόκη*. Онъ же покровительствуетъ стадамъ. Plin. Hist. Nat. VIII, 56—57. Welcker, Aeschyl. Trilog. S. 222.

³⁾ Въ Египтѣ въ день установленія демократіи граждане украшали себя вѣнками въ честь Діониса. Welcker, O. c. II, 557—8. Срвн. *Opifid* 579, 575, 577. Онъ же называется *τοῦτος*, *δυνατός*. Paus. VIII, 26, 2.

⁴⁾ Демосѣнъ замѣчаетъ, что во время діонисовыхъ празднествъ одинъ день отдыха дѣлается для свободнаго челоуѣка и для раба. Pl. Min. p. 582. Въ первый день (*πρῶτη*) *анестерій* (у Оуеидида *τὰ ἀρχαῖα*) рабы подобно свободнымъ вкушали новаго вина. Schol. Hesiod. Opp. 370. Wallon, O. c. p. 297. Ed. 2. Въ сельскихъ діонисіахъ принимали участіе и рабы (Plut. т. Египт. 16), равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ народныхъ празднествахъ. Demosth. in Neaer. p. 1874. Существовало много храмовъ Діониса съ правомъ убѣжища даже для рабовъ. Tac. Annal. 3, 61. Срвн. Welcker, O. c. 572. Его же Nachtrag. S. 196.

⁵⁾ Welcker, Nachtrag. S. 199. Brauns, Gr. Götterlehre, § 513.

нисть вносить за собою радость и веселье, забвение житейских невзгодъ, а также поэтическое и пророческое вдохновение ¹⁾).

Другимъ свидѣтельствомъ того, въ какой значительной мѣрѣ культъ Діониса и родственныхъ съ нимъ божествъ, получившихъ съ конца VI в. до Р. Х. преобладающее значеніе въ афинской общинѣ, содѣйствовали возвышенію человѣческой личности, сближенію ея съ божествомъ, а также уравниенію людей между собою, служатъ между прочимъ слѣды орфическаго ученія и елевзинскихъ таинствъ въ поэтическихъ произведеніяхъ, особенно въ поэзіи Пиндара ²⁾), именно: большее противъ прежняго вниманіе вѣрующихъ къ психической сторонѣ чловѣка, къ состоянію его за гробомъ и къ условіямъ достиженія блаженства ³⁾. Любимецъ боговъ, искренно вѣрующій въ нихъ ⁴⁾, аристократически настроенный Пиндаръ рѣшительно настаиваетъ на глубокомъ различіи между богами и людьми, на превосходствѣ людей знатныхъ богатыхъ и сильныхъ надъ прочими; повидимому только этихъ смертныхъ оивскій поэтъ считаетъ способными къ участію въ блаженствѣ, доступномъ у Гомера единственно для боговъ и друзей ихъ ⁵⁾. Но у того же Пиндара мы находимъ такую мысль: „Одно племя людей и

¹⁾ Euripid. Bacch. vv. 124—150. „Слышишь-ли ты“, спрашиваетъ въ другомъ мѣстѣ хоръ, „державія рѣчи Пенеея противъ Бромія, сына Семелы, перваго изъ блаженныхъ боговъ на веселыхъ празднествахъ, украшенныхъ вѣнками? Онъ вѣдаетъ устройство коровъ, веселье подъ звуки флейты, прекращеніе заботъ, война и пр. Ibid. v. 373 (Ed. Matthiae). Aristoph. Ranae, 324—352. 394 seqq. 440 seqq.

²⁾ Объ участвовавшихъ къ этому времени нисхожденіяхъ въ адъ см. Girard. pp. 259—262.

³⁾ Литература вопроса: кромѣ классическаго труда Лобека Aglaophamus, см. Girard, Le sentiment religieux, pp. 171—297. Nägelsbach, Nachhom. Theol. Ss. 382ff. Villemain, O. c. p. 18 suiv. Bernhardy, O. c. II, 1, Ss. 408—441.

⁴⁾ Pausan. X, 9, 6. „Что я долженъ дѣлать, чтобы угодить тебѣ, чтобы быть любиму музами и пребывать постоянно въ душевномъ спокойствіи?“ спрашиваетъ Пиндаръ у Зевса. Fragm. Fr. 120. „Человѣку подобаетъ говорить о богахъ только доброе; въ этомъ случаѣ вина его меньше“. Ol. I, 34. „Ничего нѣтъ удивительнаго, ничего невѣроятнаго для боговъ“. Puth. X, 49.

⁵⁾ ὁ μὲν πλοῦτος ἀρεταῖς δεδαίδαλμένος φέρει τῶν τε καὶ τῶν Καίρων, βαθεῖαν ὁκέων κτλ.. Ol. II, 96—140. Διὸς καὶ δὲ χρυσός. Pind. fr. 202.

боговъ; оба они происходятъ отъ одной и той же матери, но сильно разнятся между собою по степени могущества. Одно ничтожно, а для другаго мѣдное небо служить несокрушимымъ и вѣчнымъ сѣдлицемъ. Впрочемъ величіе духа и достоинства тѣла немного приближаютъ насъ къ безсмертнымъ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же поэтъ говоритъ объ обращеніи душъ къ горнему свѣту путемъ очищенія²⁾. Помимо этого люди равнялись между собою, безъ различія званія и состоянія, въ общей слабости передъ богами³⁾, равно какъ различались умершіе въ преисподней по степени добродѣтели⁴⁾. Наконецъ мы не говоримъ о силѣ мистерій надѣлать посвященныхъ въ нихъ возможными благами въ загробномъ существованіи и этимъ путемъ равнять вѣрующихъ между собою⁵⁾.

Изъ такого значенія божества естественно вытекала близкая связь діонисова культа съ демократическимъ движеніемъ въ античныхъ общинахъ вообще и въ частности чрезвычайный успѣхъ Діониса въ Аѳинахъ въ періодъ народнаго самоуправленія. Имена Θεσειа⁶⁾, Πισιστρατα,

¹⁾ Nem. VI, 1.

²⁾ Οἷσι δὲ Φερσεφόνα ποινὰν παλαιοῦ πένηςος Δέξεται, ἐς τὸν ὑπερθεὺν ἄλιον κείνων ἐνάτω ἔται Ἀνδιδοὶ ψυχὰς πάλιν, Ἐκ τῶν βασιλῆες ἀγαυοὶ καὶ σθένει κραίπνοι σοφία τε μέγιστοι Ἀνδρες αὖξοντ' ἐς δὲ τὸν λοιπὸν χρόνον ἥρωες ἀγνοὶ πρὸς ἀνθρώπων καλεῦνται. Fr. 98.

³⁾ О всевѣдѣніи и всемогуществѣ божества см. Ol. I, 64. Puth. IX, 80. II, 49. X, 28. 49. Fr. 105. 106. 107. О человѣкѣ: ἐπάμεροι τί δέ τις; τί δ' οὐ τις; σκιάς ὄναρ Ἀνθρωπος. Puth. VIII, 95. εἰ δέ τις ὄλβον ἔχων μορφὰν παραμύσεται ἄλλων, Ἐν τ' ἄέθλοισιν ἀριστεύων ἐπέδειξεν βίαν Ὀνατὰ μεμνάσθω περιστέλλων μέλη, Καὶ τελευτὰν ἀπάντων γὰρ ἐπιεσόμενος. Nem. XI, 13. Срвн. Ol. II, 30. Fr. 114. Впрочемъ людямъ всегда присуща надежда. Nem. XI, 45.

⁴⁾ Ἴσον δὲ νύκτεσσιν αἰεὶ, Ἴσα δ' ἐν ἀμέραις ἄλιον ἔχοντες ἀπονέστερον Ἑσλοὶ δεδῶρκαντι βίον, οὐ χ' ὄνα ταράσσοντες ἐν χερὸς ἀκμῇ Οὐδὲ πόντιον ὕδωρ Κεῖνὰν παρὰ δίαιταν ἄλλὰ παρὰ μὲν τιμίοις Θεῶν κτλ. Ol. II, 61. Срвн. Empedocl. Agrig. Ed. Sturz. p. 529.—κείνοι γάρ τ' ἄνθρωποι καὶ ἀγῆρα οἱ Πόνων τ' ἀπείροι, βαρυβόαν Πόρθμον πεφευγότες Ἀχέροντος. Pind. fr. 108. Ψυχαὶ δ' ἀσεβέων ὑπουράνιοι Γαίᾳ πωτῶνται ἐν ἄλγεσι φονίοις Ὑπὸ ζεύγλαις ἀφύκτοις κακῶν Εὐσεβέων δ' ἐπουράνιοι νόοισαι Μολπαῖς μάκαρα μέγαν αἶροντ' ἐν ὕμνοις. Fr. 97.

⁵⁾ Καὶ Π. περὶ τῶν ἐν Ἑλευσίνι μυστηρίων λέγων ἐπιφέρει: Ὀλβιος κτλ. fr. 102. Срвн. Numa. in Cicer. 477. Isocrat. Paneg. p. 46.

⁶⁾ Θεсей имѣлъ двухъ сыновей отъ Ариадны: Ойнопіона и Стафила. (Plut. Thes. c. 20). Въ отношеніи Θεσειа къ Ариаднѣ вѣшшивается Діонисъ.

символю його, "Шерика" і других лиць¹⁾, стоявших на стороні народного більшинства против привилегованнаго меньшинства, означають собою послѣдовательніе моменти въ упроченіи, організації і разширенніи празднествъ въ честь Діониса въ Аѳинской республїкѣ. Долгое время любимецъ простаго народа Пизистратъ происходилъ изъ демократической Діакріи, въ составъ которой входила Икарія, древнѣйшее мѣсто почитанія этого божества въ Аттікѣ²⁾; Клизменъ въ Сикіонѣ, привившій на свою сторону народъ противъ мѣстной олигархіи, ревностно заботился объ утвержденіи культа Діониса; подобнымъ же образомъ дѣйствовалъ Періандръ въ Коринѣ³⁾. Основателю новой аѳинской династіи, нелѣду Меланѣу, помогаетъ Діонисъ въ борьбѣ его съ ненавистными народу Ѳезеидами и т. д. и т. д.

Діоніамбъ, одна изъ принадлежностей діонисова культа, получаетъ мѣсто и развивается въ тѣхъ изъ дорическихъ общинъ, гдѣ было сломлено господство старинныхъ родовъ, гдѣ промышленность и торговля давали народу богатство и независимое положеніе, каковы: Коринѣ, Сикіонѣ и нѣкотор. др.⁴⁾. Но только въ Аѳинахъ онъ былъ разработанъ окончательно,

Roese, Kreta, S. 141ff. Въ воспоминаніе пребыванія на Наксѣ Ѳезей устанавливаетъ празденство въ честь Діониса, *Осхофории*. O. Ribbeck, Anfänge u. Entwickel. d. Dionysoscult. in Attika. 1869. S. 8f.

¹⁾ Подъ влияніемъ Пизистрата ленеіскія празденства становятся ежегодными; игра сатировъ переносится изъ деревни въ городъ, а изъ Икаріи около 61 ол. приглашается Ѳеспидъ. Suidas, Ὀῆσις. Margm. Pag. 58. При Пизистратидахъ театральныя подмостки перенесены съ площади въ ленеіское святилище. Ribbeck, O. c. Ss. 22—23. Трагическія состязанія упоминаются впервые около 64 ол. Suid. Χοίροι. Прочная организація ленеіскаго праздника совпадаетъ съ демократической конституціей Клизмена; въ числѣ эпонимовъ десяти филъ упоминается *Ойней*. Ономакрить, другъ Пизистрата, ставилъ во главѣ всей религіозной системы Діониса. Dunccker, Griech. Alterth. IV, 327ff. Установленіе празденства великихъ діонисій Рибекъ помѣщаетъ въ началѣ аѳинско-делійскаго союза. Ibid. S. 28. Срвн. S. 26.

²⁾ Herod. V, 65. Пизистратъ, потомокъ Нелея и того самого Меланѣа, воцаренію котораго на аѳинскомъ престолѣ помогалъ тотъ же Діонисъ. Schol. Aristoph. Acharn. 146. Strabon, IX, 393. VIII, 359.

³⁾ Dunccker, O. c. IV, Ss. 46. 266.

⁴⁾ Дѣятельность Аріона сосредоточивалась въ Коринѣ. Herod. I, 23. Schol. Pind. Ol. XIII, 25. Schol. Aristoph. Av. 918. 1403. Aristot. fr. 28a. Bodé, 109—110. До Аріона или до Періандра въ Коринѣ не знали даже

только здѣсь въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній онъ одредоточивалъ на себѣ способности талантливейшихъ греческихъ поэтовъ и переживалъ всѣ прочія формы лирики ¹⁾. Издавна почитаемый въ Атикѣ, Діонисъ получилъ мѣсто въ общественномъ культѣ въ Аѣинахъ только по введеніи солоновской конституціи, не раньше Пизистрата и его сыновей, блага подаря которымъ впервые приведено было въ систему ученіе о Діонисѣ, дионрамбическія состязанія вошли въ составъ общественнаго праздника, сдѣлались предметомъ дѣятельной заботливости всей общины. Съ этого времени судьба діонисова праздника опредѣлялась успѣхами Аѣинъ политическими, торговыми и всякими другими; вмѣстѣ съ этимъ дионрамбъ усложнялся въ содержаніи и распространялся въ объемѣ, принимая въ себя много свѣтскихъ элементовъ и захватывая мотивы изъ разныхъ цикловъ сказаній и даже изъ современной дѣйствительности. Переходъ дионрамба въ трагедію совершился въ Атикѣ легко, и мы замѣчаемъ, что уже первые трагики не ограничивались въ выборѣ сюжетовъ кругомъ сказаній о Діонисѣ ²⁾.

Въ Атикѣ, гдѣ культъ Діониса былъ особенно развитъ, дионрамбъ представлялъ собою не только музыкальное, но и танцевальное зрѣлище. О притязаніяхъ Сикіона и Флуппа на образованіе трагедіи см. Themist. 27. p. 337 B. Bode, O. c. III, 1, S. 33 ff. Ribbeck, Anf. u. Entwickl., S. 16.

¹⁾ Другъ Пизистратидовъ Лазъ былъ творцомъ аттическаго дионрамба. Примѣняя дионрамбич. стиль къ другимъ видамъ лирики, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вводилъ въ дионрамбы новыя лица, кромѣ Діониса. Plat. de mus. 10. Bode, O. c. 112. 136—138. 141. 233. 235. Bernhardt, O. c. 648. Особенно знамениты были въ Аѣинахъ дионрамбы Симонида и Пиндара. И тотъ, и другой выходили за предѣлы діонисова цикла сказаній. Симонидовъ дионрамбъ *Мемнонъ*. Hartung, Ueber d. Dithyrambus, Philolog. I, H. 3, 1846. S. 405 ff. Preller, Mythol. I, 536—537. 546. Bode, O. c. 205. 210. У насъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, чтобы какой-либо изъ дионрамбовъ Пиндара, а ихъ было двѣ книги, назначался для Накса или Коринфа. Вакхилидъ, имя котораго имѣетъ отношеніе къ Діонису, также составлялъ дионрамбы для Аѣинянъ. Bode, O. c. 193—4. Въ Атикѣ дионрамбъ существовалъ и развивался рядомъ съ трагедіей и комедіей, припосабливаясь болѣе и болѣе къ измѣнявшемуся общественному настроенію. Особенною плодотворностью въ этомъ отношеніи извѣстенъ періодъ Мелопоннесской войны. Bode, O. c. 311. 290—291. Bernhardt, O. c. II, 1, 648.

²⁾ По словамъ Эвмистія (Or. XIX, p. 337 B.) изобрѣли трагедію Сикіоняне, а поэты аттическіе только усовершенствовали ее. Геродотъ сообщаетъ

Какова бы ни была степень основательности въ притязаніяхъ разныхъ другихъ общинъ на созданіе трагедіи, честь развитія ея до классическихъ образцовъ Эсхила или Еврипида безраздѣльно принадлежитъ Аѳинамъ. Для объясненія этого явленія необходимо имѣть въ виду прежде всего органическую связь діонисова культа съ свободнымъ народнымъ самоуправленіемъ¹⁾; во-вторыхъ, постоянство и относительную долговременность демократическаго строя въ Аѳинахъ сравнительно съ другими общинами, наконецъ болѣе свѣтскій или, такъ сказать, болѣе человѣческій характеръ Діониса, нежели другихъ антропоморфическихъ божествъ, и какъ слѣдствіе этого большая способность культа возбудить

(V, 67), что Сикіоняне прославляли несчастнаго Адраста *трагическими* хорами, въ которыхъ они воспѣвали не Вакха, но Адраста. Шестнадцатымъ предшественникомъ Ѳеспида Свида называетъ Епигена Сикіонскаго, который сочинилъ будто бы трагедію, не имѣвшую никакого отношенія къ Діонису (Suidas, Ἑσπικός и Οὐδὲν πρός Διόνυσον). Срвн. Phot. p. 260. Apostol. 15. p. 181. Очевидно, рѣчь здѣсь идетъ о той самой *трагедіи* въ честь Адраста, которая снова возвращена была Клизееномъ (около ол. 45) къ Діонису, т. е. о днеирамбѣ. Zenob. v. 40. p. 356. Chaignet, la Tragédie grecque, Paris, 1877. p. 42—43. Уже объ Аріонѣ рассказывается, что онъ давалъ наименованія днеирамбамъ (Herod. I, 23—24), слѣдов. они различались между собою по героямъ; извѣстенъ днеирамбъ его Кентавры. Съ другой стороны названіе *трагедіи*, какъ пѣсни *сатировъ*, или *козловъ*, легко могло быть примѣнено къ днеирамбу, исполняемому съ участіемъ сатировъ, а потомъ благодаря обилію произведеній этого рода и къ другимъ лирическимъ пѣснямъ. Таковы *трагедіи* Пиндара, Симонида, даже Ксенофана. Chaignet, Ibid. Между Аріономъ и Лазомъ нѣтъ ни одного значительнаго имени днеирамбика. Аттическая трагедія возникла не изъ сикіонской пѣсни, но изъ мѣстнаго днеирамба путемъ обособленія эпической части отъ лирической. Названія пьесъ Ѳеспида: *Пеней*, *Жрецы*, *Состязанія Пеліи* и др. (Suidas, Θ. Eudoc. p. 332). Отъ Хойрила осталось только названіе одной пьесы, *Аиона* (Paus. I, 14, 2). О трагедіяхъ Фриниха см. Suidas, Φρυγίχ., Πολυφράδμων. Eudoc. p. 428.

¹⁾ Символическій брачный союзъ жены архонта базилея (Διονύσου γαμός) во время анеестерій свидѣтельствуетъ о таковой связи культа съ общиною. Hesych. Δ. γαμός. Preller, Mythol. I. Demet. u. Perseph. 390f. Welcker, Gr. Götterl. II, 648. Въ рѣчи Демосеена *Противъ Мейдіи* (§ 51 seqq.) хорегы изображаются представителями всей совокупности гражданъ, такъ что оскорбленіе хорема было преступленіемъ противъ народа.

интересъ къ человѣческой личности и примириться съ чисто свѣтскими требованіями мысли и чувства. Въ сказаніяхъ о Діонисѣ легче, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ, получали мѣсто свѣтскіе мотивы; въ пѣсняхъ, соединенныхъ съ праздниками этого божества легче и скорѣе, чѣмъ въ другихъ, личность божества замѣнялась другими, еще ближе стоявшими къ подлинной живой дѣйствительности; черезъ то первоначально простые сюжеты и короткія басни обогащались новыми подробностями и сочетаніями.

Однако образовательная сила діонисовой религіи, по самому существу благопріятной дѣлу политической свободы, гражданского равенства просвѣщенія вообще, обнаружилась главнымъ образомъ въ примѣненіи къ Діонису сценическихъ представленій. Путемъ постепеннаго совершенствованія формы и разширенія области сюжетовъ аэинская трагедія, первоначально восторженное прославленіе пайболѣе человѣчнаго божества и служебная часть религіознаго празднества, возвысилась въ короткій сравнительно промежутокъ времени на степень самостоятельныхъ актовъ художественнаго творчества, только внѣшнимъ образомъ, въ силу традиціи соединенныхъ съ почитаніемъ Діониса. вмѣстѣ съ этимъ трагедія обняла собою подобно эпосу весь кругъ народныхъ сказаній о богахъ и герояхъ съ давно знакомыми зрителямъ дѣйствующими лицами и положеніями.

Со стороны содержанія своихъ произведеній аэинскіе трагики представляли повидимому только прямое продолженіе или въ нѣсколько измѣненномъ видѣ повтореніе Гомера и кикликовъ: тѣже священные имена и взаимныя отношенія, тоже почтительное обращеніе съ мнѣмъ, таже—по крайней мѣрѣ до Еврипада—искренность вѣры, не тронутой скептицизмомъ, наконецъ участіе въ человѣческой судьбѣ тѣхъ же божествъ,—все это существенные признаки общенія между двумя періодами образованности и въ частности поэтического творчества ¹⁾. Тѣмъ знаменательнѣе должны представляться особенности трагедій въ сравненіи съ эпосомъ въ способѣ обработки издавна извѣстныхъ народу сказаній, тѣ особенности, благодаря которымъ трагедія гармонировала съ болѣе свѣтскимъ умонастроеніемъ общества, отвѣчала успѣхамъ наблюденія и обобщенія въ сферѣ мысли и чувства ²⁾.

¹⁾ Аристотель сравниваетъ трагедію съ гомеровскимъ эпосомъ, а не съ какимъ-либо видомъ лирики. *Рос. ос.* 23 и особенно 24. Срвн. выше. Стр. 222.

²⁾ Оближая драму съ эпосомъ, Боде пытается открыть причину позд-

Поэтому пытались възвѣрженіи не божествъ, снабженныхъ слабо опредѣленными полномочіями, имѣющие призываніе на связь съ божествами и на непосредственныя влеченія отъ нихъ; — слушателями его были равноправные члены самоуправляющейся общины съ яснымъ во всѣхъ частяхъ свѣтлою политическими отношеніями. Единоновременно съ ослабленіемъ божескаго вѣршенія усиливалось чувство законосообразности, которое сокращало дѣятельность политическими божествами, отодвигало сверхъестественнаго агента въ неизслѣдованную область отдаленныхъ причинъ. Истинно, что сложившіяся въ много вѣковъ до того сказанія о божествахъ, изъ тогда сформировавшихся членовъ во всѣхъ житейскихъ желаніяхъ, противорѣчили пробуждавшемуся въ вѣрующемъ сознаніи собственной силѣ. Съ другой стороны рядомъ съ умственнымъ, теоретическимъ прогрессомъ совершались измѣненія въ практическихъ общественныхъ и частныхъ отношеніяхъ: смягчались нравы, разширялись предѣлы симпатій, совершенствовались понятія справедливости и т. п.; въ этомъ отношеніи религіозное чувство еще болѣе смущалось заведенными въ связи предѣлами представленій о божествахъ, какъ о существахъ ограниченныхъ, другъ другу противоположныхъ, слѣдующихъ группѣ ограниченій эгоизма, способныхъ въ ничѣмъ неоправдываемой жестокости, вѣроломству, обману и т. п. дѣйствіями. Самое религіозное ученіе о божествахъ должно рассматривать, какъ попытку близкого стоявшихъ къ народу лицъ предложить систему вѣрованій, болѣе спиритуалистическую, нежели божественныя и божественныя понятія Гезіода или Гомера¹⁾. Съ упроченіемъ и распространеніемъ орфическихъ представлений изъ тогда овященные мифы должны были незамѣтно, но неизбежно спускаться до уровня баснословнаго вымысла; нерѣдко оскорбительнаго для божества, и терять авторитетъ святости.

Въ томъ же смыслѣ и въ той же цѣли, хотя разными путями, мифическое сознание, въ органической необходимости предварительнаго развитія лирики, какъ низшаго вида поэзіи. По его мнѣнію всѣ элементы аттической драмы содержались въ готовомъ видѣ уже въ гомеровскомъ эпосѣ, и для созданія трагедіи слѣдовало только распределить роли Агамемнона, Ахилла и пр. между рапсодами и помѣстить ихъ на сценѣ. Водв.

О. р. III, 1, S. 4ff. (подробно см. въ примечаніяхъ).

¹⁾ Кромѣ Лобезова, Aglaophamus (1829 г.) см. особенно Бергарди, Grundriss d. gr. Litteratur, II, 1. 346ff. 362ff. I, 406. 411f. Naegelsbach, O. G. Ss. 382ff. Girard, O. G. 27. seqq. (подробно см. въ примечаніяхъ).

шли поэты, художники, историки и разнаго рода изслѣдователи V в. до Р. Х. ¹⁾). Прежде всего трагики отбросили многія черты грубости и значительную часть сюжетовъ, рѣзко противорѣчившихъ нравственнымъ понятіямъ и религіознымъ представленіямъ современнаго образованнаго большинства; таковы были: осклопеніе Урана Крономъ, низверженіе Крона Зевсомъ, каннибальскія пиршества боговъ, акты произвольнаго насилія ихъ и мн. другіе. За немногими исключеніями искусство трагиковъ состояло въ драматической обработкѣ положеній героевъ троянскихъ, аргивскихъ, онвскихъ и аттическихъ.

Отмѣчая успѣхи рационализма въ Аѳинахъ по трагедіямъ Эсхила, Софокла и др., прежде всего необходимо ясно различать двѣ стороны въ ихъ произведеніяхъ: *объективную* и *субъективную*. Подъ первою мы разумѣемъ манеру или приемы обработки мифическихъ и историческихъ сюжетовъ и личностей, тѣ измѣненія, сокращенія и распространенія мифической басни, которыя опредѣлялись требованіями сцены, а также усилившимся интересомъ къ психическимъ состояніямъ чловека и большимъ умѣніемъ воспроизводить ихъ съ помощью поэтическаго слова. Подъ субъективной стороной слѣдуетъ понимать тѣ морально-теологическія воззрѣнія хора или героевъ, которыя съ значительною вѣроятностію могутъ считаться выраженіемъ собственнаго міросозерцанія автора. Если въ субъективной сторонѣ произведенія обнаруживаются усилія и способность поэта и его единомышленниковъ оправдать или объяснить извѣстное сплѣтеніе событій, то способъ изображенія этихъ событій и связи ихъ съ индивидуальными особенностями героевъ обличаетъ помимо воли и сознанія автора успѣхи наблюдательности и обобщенія въ средѣ современниковъ поэта.

---

¹⁾ Культъ народныхъ боговъ и героевъ подрывался съ другой стороны религіозными обществами, число которыхъ быстро возрастало въ періодѣ Пелопоннесской войны, и которыя группировались около вторгавшихся въ Атику иноземныхъ божествъ. Если вѣрно заключеніе Фукара, что символика новыхъ культовъ, всѣ церемоніи и обряды ихъ были грубѣе и примитивнѣе туземныхъ аттическихъ, то въ самомъ устройствѣ религіозныхъ ассоціацій, допускавшихъ въ себя всѣхъ безразлично—женщинъ, иностранцевъ и рабовъ—заключались элементы соціальнаго возрожденія. Foucart. Associations religieuses chez les Grecs. Thiasos, Eranes, Orgéons. Avec le texte des inscriptions relatives à ces associations. Paris, 1873.

Останавливаясь сперва на этой послѣдней сторонѣ эсхилovýchъ трагедій, мы даже въ простѣйшихъ изъ нихъ по композиціи, каковы *Персы* или *Моляція*, наблюдаемъ небывалую до того времени старательность поэта изобразить послѣдовательность моментовъ даннаго событія, обуславливающихъ постепенное обнаруженіе соответствующихъ душевныхъ состояній. Такъ въ *Персахъ* Эсхила вниманіе автора и зрителей сосредоточивается не на совокупности громкихъ подвиговъ съ разнообразными послѣдствіями ихъ, какъ напр. въ гомеровской *Илиадѣ*, но на цѣломъ рядѣ душевныхъ движеній, вызванныхъ совершившейся уже катастрофой—саламинскимъ пораженіемъ,—послѣдовательно усиливающихся и осложняющихся къ концу трагедіи.

Въ виду скорби и слезъ женъ и матерей давно ушедшихъ въ Элладу воиновъ, въ виду неизвѣстности судьбы ихъ ¹⁾ все населеніе обширной деспотіи, представляемое въ трагедіи знатнѣйшими вельможами, испытываетъ смутное чувство тревоги и тоски. Отправившаяся въ походъ армія многочисленна, но „какой смертный можетъ избѣжать юварнаго обмана божества“ ²⁾? Гнетущее всѣхъ чувство усиливается рассказомъ Ксерксовой матери, преслѣдуемой страшными сновидѣніями и ищущей совѣта и опоры у смущенныхъ старцевъ. Появленіе и ровное сообщеніе вѣстника, отдаляя обращеніе Атоссы къ тѣни Дарія, болѣе нежели оправдываетъ всеобщія тревожныя ожиданія: постигшія страну бѣдствія далеко превосходятъ самыя мрачныя предчувствія. Самая тѣнь Дарія, появляющаяся на вызовъ безпомощной царицы, только усиливаетъ скорбь: Персамъ грозятъ еще большія испытанія; вровью воиновъ ихъ упитается земля подлѣ Платей; „груды труповъ молча возвѣстятъ людямъ, что смертному не слѣдуетъ заноситься черезъ мѣру“ ³⁾. Жалкій видъ нѣкогда всемогущаго, теперь одинокаго, безсильнаго Ксеркса доводитъ горе и отчаяніе „вѣрныхъ“ до крайняго предѣла.

Правда, господствующій интересъ эсхиловой трагедіи заключается въ послѣдовательныхъ моментахъ душевнаго состоянія „Вѣрныхъ“;

¹⁾ καὶτε τις ἄγγελος οὔτε τις ἱππεὺς; Ἄστυ τὸ Περσῶν ἀφικνεῖται. V. 14. Трагедіи Эсхила мы цитруемъ по изданію Г. Вейля: Aeschyli quae supers. tragoediae. Gissae. 1858—1862.

²⁾ δολομένην δ' ἀπάτην θεοῦ τίς ἀνὴρ ἄνατὸς ἀλῶζει; v. 104.

³⁾ V. 803—805.

но они только намѣчены въ ней, только какъ бы поставлены въ видѣ задачи для позднѣйшаго трагика; и все-таки сравнительно съ эпосомъ и пиндаровой лирикой поле дѣйствія въ *Персахъ* значительно сокращено; предметъ поэтической обработки ограниченъ предѣлами душевныхъ волненій по поводу роковой катастрофы; для изображенія этихъ волненій въ поэтическихъ символахъ поэту недостаетъ не столько средствъ, сколько преобладанія свѣтскаго интереса: надъ всѣмъ ходомъ пьесы почти безраздѣльно господствуетъ религіозное представленіе о непремѣнной наказуемости высокоумія и оскорбленія божества.

Въ другой названной выше трагедіи того же поэта собственно дѣйствующимъ лицомъ является, также какъ и въ *Персахъ*, хоръ; но въ изображеніи *Молящихъ* больше движенія, больше разнообразія въ наблюдаемыхъ психическихъ состояніяхъ. Вѣдшими предѣлами дѣйствія служатъ и въ *Молящихъ* нѣсколько моментовъ тягостнаго положенія героя, но въ нихъ мы наблюдаемъ уже всѣ признаки т. н. перипетіи ¹⁾, или перелома, безсиліе справиться съ которымъ приведетъ въ послѣдствіи къ частому *deus ex machina*. Кромѣ главнаго перелома въ душевномъ настроеніи, нагнетающаго съ возвращеніемъ на сцену Пеласга ²⁾, трагикъ заинтересованъ колебаніями Данаидъ между страхомъ и надеждою, между увѣренностью въ безопасности и отчаяніемъ, тою смѣною душевныхъ волненій, которая составитъ главную задачу послѣдующихъ трагиковъ.

Бѣжавши въ аргивскую землю отъ преслѣдованія наглыхъ Эгиптіадовъ ³⁾, Данаиды питаютъ только слабую надежду, что найдутъ пріютъ и защиту здѣсь, въ родной для нихъ аргивской землѣ; всю надежду полагаютъ дѣвушки на Зевса; но „пути его неисповѣдимы“ ⁴⁾.

¹⁾ ἔστι δὲ περὶπέτεια μὲν ἡ εἰς τὸ ἐναντίον τῶν κραττομένων μεταβολή. Aristot. Poet. c. 11. Срвн. со. 10. 6. Въ трактатѣ Аристотеля рѣшительно нѣтъ данныхъ для оправданія мнѣнія Патена, будто философъ считалъ трагедію Эсхила простою въ противоположность сложной трагедіи Софокла и Еврипида. Etudes sur les tragiques grecs, 4 ed. 1871. I, p. 248. Въ виду перипетіи въ *Молящихъ* и большей сложности ея композиціи, сравнительно съ *Персами* нельзя считать этой трагедіи наиболѣе вѣрнымъ образчикомъ первоначальной драмы. Patin, ibid. p. 165 seqq.

²⁾ Supplic. V. 866 (Ed. Weil).

³⁾ Термина αἰγυπτιάδης нѣтъ у Эсхила. Zenob. 4, 86: αἰγυπτιαῖα.

⁴⁾ Διὸς ἱμερὸς οὐκ εὐθ' ἡρατὸς ἐτύχθη. V. 81. δαυλοὶ γὰρ κρατῖων δάσκιαι τε

Сообщеніе Данандъ явившемуся къ нимъ Пеласгу о происхожденіи ихъ отъ аргивской жрицы и самого Зевса, ихъ напоминаніе о справедливости¹⁾ и о правѣ молящихъ на защиту, всѣ мольбы ихъ и угрозы оказываются недостаточными; они только смущаютъ аргивскаго базилея, безсильнаго рѣшить дѣло по собственному усмотрѣнію: ему необходимо сообразоваться съ волей народа²⁾. Народъ единогласно рѣшаетъ оказать покровительство бѣглецамъ; дѣвушки и отецъ ихъ благодарятъ уже боговъ за спасеніе; но внезапное приближеніе сыновей Египта къ аргивскому берегу и появленіе отъ нихъ герольда съ угрозами и насиліемъ повергаетъ Данандъ въ отчаяніе. На насиліе посланца дѣвушки отвѣчаютъ жалобами, воззваніями къ богамъ и проклятіями, пока возвратившійся базилей не освобождаетъ ихъ изъ рукъ Египтянина и этой сцены, единственно драматической во всей трагедіи³⁾,—рѣшительно не принимаетъ Данандъ подъ свое покровительство⁴⁾.

ταῖνουςιν πρότερον κατεῖναι ἄφραστοι. V. 89. Διὸς οὐ καρβᾶτός ἐστιν μέγαλα φῆν ἀπέραντος. V. 1005.

1) ἀλλ' ἡ δίκη γε ξυμμάχων ὑπεροτατεῖ. V. 329. πᾶτερ, βλαία μὴ φαῖδροῖς δρῶν δμῶσιν ἐνδίκῃς. V. 773. [Вм. φαῖδροῖς предпочтительнѣе чтеніе Лахмана φῖλος]. Срвн. v. 383. 391.

2) Хотя вообще нельзя отрицать существованія многихъ анахронизмовъ въ изображеніи трагиками миѣической старины, однако едва-ли можно объяснять какъ анахронизмъ то ограниченіе власти базилеевъ или т. н. тирановъ, которое мы обыкновенно наблюдаемъ въ аѳинскихъ трагедіяхъ. Агамемнонь, Креонтъ, Эдипъ, Етеокль, Пеласгъ и др. вовсе не восточные деспоты съ неограниченными полномочіями, безотвѣтственные и т. п., какими изображаются до сихъ поръ гомеровскіе базилеи. У трагиковъ они обыкновенно стоятъ очень близко къ народу, стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ чувствомъ отвѣтственности передъ нимъ, его волей и интересами. Supplic. vv. 356—863. 669. 731. 897—108. 211. Такія черты мы считаемъ наслѣдіемъ эпоса, и онѣ служатъ для насъ новымъ подтвержденіемъ существованія въ гомеровскомъ обществѣ болѣе свободныхъ отношеній управляемыхъ къ правителямъ, нежели то принимается обыкновенно. „Если мы одолѣемъ“, говоритъ къ народу Етеокль въ *Семи*, „то виновникомъ удачи сочтутъ божество; а если—что да не случится—мы потерпимъ пораженіе, то граждане будутъ сильно роптать на одного Етеокла, будутъ выражать недовольство противъ него громкими жалобами и криками“. Aesch. Sept. v. 3 seqq.

3) Vv. 704—865.

4) По теоріи Аристотеля, трагедія *Молящія* не принадлежитъ къ той

Третья трагедія Эсхила *Семь противъ Оивъ* представляетъ меньшую сжатость дѣйствія, части ея слабѣе связаны между собою единствомъ господствующаго чувства; интересъ раздѣляется почти равномѣрно между нѣсколькими лицами и нѣсколькими положеніями: хоръ, Этеоклъ, аргивское войско, Антигона, Исмена съ одной стороны, борьба Оивъ съ Аргосою, единоборство двухъ братьевъ, разногласіе изъ за погребенія павшихъ въ поединкѣ Этеокла и Полиника съ другой; наконецъ, описательный и лирическій элементы стоятъ скорѣе рядомъ, одинъ подлѣ другаго, нежели органически проникаются другъ другомъ, сливаясь въ одно драматическое цѣлое. При всемъ этомъ въ *Семи противъ Оивъ* мы не можемъ не отмѣтить шага впередъ въ дѣлѣ созданія драмы сравнительно съ *Персами* или *Молящими*; только авторъ пока не въ силахъ совладать съ новыми моментами драматическаго творчества. Преобладающая мысль въ трагедіи есть; это—всеобщее убѣжденіе въ сокрушительной силѣ проклятій, въ неизбежности роковыхъ послѣдствій его для цѣлыхъ поколѣній проклятаго. „Зевсъ, земля, покровительствующіе городу боги, и ты мощная Еринія, отцовское проклятіе“, восклицаетъ Этеоклъ почти въ началѣ трагедіи, „не разрушайте до основанія злосчастнаго города“¹⁾! Только господство этого основнаго чувства ослабляется требованіемъ индивидуализаціи дѣйствующихъ лицъ и характеристики ихъ взаимныхъ отношеній, подробнымъ изображеніемъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ совершается центральное событіе, наконецъ интересомъ поэта и зрителей къ судьбѣ павшихъ уже

вышей по достоинству категоріи трагедій, которыя оканчиваются несчастьемъ. Хотя неудача Эгиптіадовъ не можетъ по своимъ размѣрамъ приравняться къ пораженію жениховъ въ *Одиссею*, но и *Молящія* скорѣе всего могли быть отнесены Аристотелемъ къ тѣмъ трагедіямъ, исходъ которыхъ двоякій: счастливый для добродѣтельныхъ и несчастный для порочныхъ. Aristot. Poet. c. 13. 1453a. Противъ мнѣнія Бека и др. о намекахъ въ трагедіи на союзъ Аонія съ Аргивянами см. H. Weil, *de tragœdiarum graecar. cum rebus public. conjunctione*. Paris, 1844. P. 125 seqq. Hermann, Opp. II, S. 311f. Трагедія составляла часть трилогіи и занимала въ ней первое мѣсто, какъ то принимается теперь всѣми послѣ опроверженія Велькера Германомъ. Ibidem. Срвн. Ahrens, *Aeschyli fragmenta*. Ed. Didot. p. 202.

1) Vv. 70—73.

героевъ¹⁾. Отсюда живописующія препирательства между Етеокломъ и хоромъ эивскихъ женщинъ съ соблюденіемъ мимическихъ особенностей пламеннаго, но всегда владѣющаго собою вождя съ одной стороны и робкихъ, нѣжныхъ, подавляемыхъ ощущеніями женщинъ съ другой²⁾; отсюда мѣтвая характеристика семи непріятельскихъ вождей съ наиболѣе выдающимися чертами каждаго изъ нихъ; отсюда же впервые, сколько намъ извѣстно, на аттической сценѣ обликъ героической Антигопы. Но эти составные, впредь непремѣнные элементы драмы недостаточно согласованы между собою поэтомъ и слабо объединены, что выразилось въ произведеніи непропорціональною длиннотою второстепенныхъ частей³⁾, такъ сказать параллельностью въ изображеніи

¹⁾ Если бы *Семь* не были опытомъ начинающаго искусства, если бы при слабости композиціи этой трагедіи не обнаруживалось усиліе поэта создать драматическія формы для избраннаго поэта, то *Семь* слѣдовало бы отнести въ числу *эпизодическихъ* трагедій по опредѣленію Аристотеля. λέγω δ' ἐπεισοδιῶδη μῦθον ἐν ᾧ τὰ ἐπεισόδια μετ' ἄλληλα οὐτ' εἰκὸς οὐτ' ἀνάγκη εἶναι... ἀγωνίσματα γὰρ ποιοῦντες καὶ παρὰ τὴν δύναμιν παραινάντες μῦθον πολλὰκις διαστρέφειν ἀντρχίζονται τὸ ἐφεξῆς. Aristot. *ibid.* c. 9. 1451 b. Въ аристотелевомъ объясненіи источника подобныхъ произведеній мы не находимъ слабости начинающаго искусства совладать съ матеріаломъ при всемъ дарованіи автора. τοιαῦτα δὲ ποιοῦνται ὑπὸ μὲν τῶν φαύλων ποιητῶν δι' αὐτοῦ, ὑπὸ δὲ τῶν ἀγαθῶν διὰ τοῦς ὑποκρίτας. *Ibidem* [Шмидтъ исправляетъ ἀπλῶν въ μεγάλων и переноситъ эту часть 9 гл. до конца въ гл. 7, гдѣ идетъ рѣчь о размѣрахъ басни, μῦθος. Aristot. *ueber die Dichtkunst. Griech. u. deutsch.* M. Schmidt. Jena. 1875. Ss. 24. 20. Наиболѣе умѣстными мы считали бы эти выраженія въ концѣ гл. 10 по списку А и др. См. Университетск. Извѣст. Іюнь. 1880].

²⁾ Vv. 79—351: „Сердце мое“, говоритъ между прочимъ хоръ, „не успокоивается въ страхѣ. Удручающія его тревоги усиливаютъ смущеніе, вызываемое присутствіемъ врага у городскихъ стѣнъ; я трепещу какъ трепещетъ нѣжная голубка за слабыхъ птенцовъ, когда змѣя нападаетъ на гнѣзда ихъ. Вѣдь одни изъ враговъ наступаютъ всѣми силами на городскія башни.... Что станетъ со мною?... Другіе мечутъ тяжелые камни въ гражданъ, со всѣхъ сторонъ осажденныхъ... Рожденные Зевсомъ боги! Спасите городъ и народъ кадмейскій“. Vv. 270—283.

³⁾ Уже Еврипидъ находилъ черезчуръ длиннымъ отступленіемъ перечисленіе именъ непріятельскихъ вождей. ὄνομα δ' ἐκάστου διατριβὴ πολλὴ λέγειν, ἐχθρῶν, ὑπ' αὐτοῖς τελεῖσθαι καὶ ἡμένον. Eurip. *Phoeniss.* v. 754 (Ed. Klotz). Срвн.

различныхъ моментовъ дѣйствія, и черезъ то ослабленіемъ интереса, затемненіемъ руководящей мысли.

Обращеніе Етеокла къ Кадмейцамъ о необходимости и средствахъ скорѣйшаго отраженія врага, со всѣхъ сторонъ обложившаго городъ, прерывается сообщеніемъ вѣстника о рѣшительныхъ приготовленіяхъ непріятельской арміи къ приступу. Громкія жалобы и молитвы оивскихъ женщинъ, исполненные слезъ и отчаянія, раздражаютъ правителя общины и вызываютъ съ его стороны грозное напоминаніе о приличномъ поведеніи въ виду общей опасности. До сихъ поръ и Этеоклъ, и женщины страшатся только за судьбу города; при воспоминаніи объ отцовскомъ проклятіи базилей вовсе не называютъ брата; имя его не встрѣчается и въ первомъ сообщеніи вѣстника; оивянки ни однимъ словомъ не упоминаютъ о враждѣ между братьями; ими всецѣло владеетъ одна мысль—о грозящихъ гражданамъ бѣдствіяхъ. Полинникъ впервые названъ въ концѣ втораго длиннаго сообщенія вѣстника о непріятельскихъ вождяхъ рядомъ съ Амфіараемъ ¹⁾; но и этотъ послѣдній укоряетъ Полинника только за желаніе разрушить родной городъ ²⁾. Возбужденіе слушателей достигаетъ крайняго предѣла при извѣстіи о томъ, что Полинникъ замышляетъ братоубійство или—что было почти равносильно—изгнаніе брата ³⁾. „Горе мнѣ“, восклицаетъ Етеоклъ: „свершаются уже проклятія отца“ ⁴⁾! Съ этого момента интересъ сосредоточивается на печальной участи братьевъ, на неизбѣжности послѣдствій родительскаго проклятія, на наслѣдственности вины и наказанія ⁵⁾. Вопреки увѣщаніямъ хора Етеоклъ, оставаясь вѣрнымъ своему

Ratin, O. c. livr. II, ch. 6. *Каталогу* непріятельскихъ вождей соотвѣтствуетъ молитва хора, именующая рядъ божествъ. Vv. 80—162.

¹⁾ Vv. 630—639.

²⁾ Vv. 563—575.

³⁾ V. 623 *seqq.*

⁴⁾ V. 643.

⁵⁾ Vv. 640—779. Успѣхъ драматическаго искусства въ трагедіяхъ Софокла сравнительно съ Эсхиломъ обнаруживается ясно изъ сопоставленія аналогичныхъ моментовъ у двухъ трагиковъ. Эдипъ боится, какъ бы самому не быть убійцею своего предшественника, царя Лаія, вовсе не подозревая за собою отцеубійства. Прибавленіе этого обстоятельства Софокломъ еще больше сосредоточиваетъ все вниманіе зрителей на героѣ трагедіи, а не раздвояваетъ его, какъ въ эсхиловой трагедіи извѣстіе о предстоящемъ поединкѣ братьевъ переноситъ интересъ съ города на этихъ послѣднихъ.

мужеству, уходит на роковой поединок, и смущенный, беспомощный хоръ узнаетъ отъ вѣстника, что „божество погубило несчастный родъ Эдипа“, но что городъ спасенъ ¹⁾. Печальныя размысленія хора оставливаетъ объявленіе глашатаемъ воли народныхъ совѣтниковъ: похоронить со всѣми подобающими почестями Етеокла и оставить трущъ Полиника въ добычу собакамъ и птицамъ. Отказъ Антигоны подчиниться постановленію правителей грозитъ новыми бѣдами для эдипова потомства; но судьба Антигоны составитъ предметъ трагедіи позднѣйшаго поэта ²⁾.

Насколько извѣстно намъ, оивская басня о Лаи и потомствѣ его появилась впервые на сценѣ въ трилогической композиціи Эсхила; трагикомъ допущены были нѣкоторые уклоненія въ изложеніи мѣта сравнительно съ предшествовавшими поэтами, эпическими и лирическими. Уклоненія опредѣлялись частью условіями сцены, частью измѣнившимися понятіями и сводились въ сущности къ сосредоточенію интереса на выдающихся моментахъ мифической исторіи и къ объединенію событій одной господствующей идеей и преобладающимъ чувствомъ ³⁾.

По глубинѣ психологическаго анализа, по яркости красокъ, по степени индивидуализаціи характеровъ, по мастерству сочетанія элементовъ драмы, по силѣ и единству впечатлѣнія *Орестея* оставляетъ далеко за собою выше очерченныя трагедіи ⁴⁾. Каждая изъ составля-

¹⁾ V. 801 seqq.

²⁾ Въ заключеніи трагедіи, ослабляющемъ общее впечатлѣніе, поэтъ подобно Гомеру въ *Иліадѣ* или Софоклу въ *Аянтѣ* приносить дань представленію современниковъ о первостепенной важности погребальныхъ обрядовъ для загробнаго, въ значительной мѣрѣ матеріальнаго, существованія покойника.—Какъ извѣстно, до публикаціи Франкомъ относящейся къ этой трагедіи дидаскаліи *Семь* считались средней въ трилогіи, а не заключительной. ἐν τῇ Λαίῳ, Οἰδῖποδι, Ἑκτῇ ἐπὶ Θῆβας, Σφίγγι σαρπηρὶ. Die Didascalie z. Aesch. Sieb. gog. Theb. Berl. 1848. м.

³⁾ Срвн. Отношеніе трагедій Софокла къ современ. поэту дѣйствительности. Киевъ. 1874. Ч. I. Стр. 88—94. Fr. W. Schneidewin, Die Sage v. Oedipus. 1853. Götting. Ss. 159—206 (Abhandlung.). Welcker, die Aesch. Trilogie, Ss. 354—359. H. Weil, Aeschyli Sept. c. Theb. Praef.

⁴⁾ H. Weil, Aperçu sur Eschyle et les origines de la tragédie grecque. Besançon. 1849.

ющихъ трилогію драмъ представляетъ драгоцѣннѣйшій памятникъ античной сцены, заключающій въ себѣ всѣ условія дальнѣйшаго развитія драматической поэзіи до нашихъ дней. Въ *Агамемнонѣ*, въ *Хоэфорахъ* и *Евменидахъ*, религіозныя представленія господствуютъ повидимому безраздѣльно надъ длинною цѣлю событій, прошлыхъ, будущихъ и настоящихъ, какъ бы устраняя самую мысль о самопроизвольности человѣческаго поведенія, о естественной связи причинъ и послѣдствій. Однако и въ эсхилovýchъ трагедіяхъ, какъ въ гомеровскихъ пѣсняхъ, теологическое міросозерцаніе не подавляетъ мощнаго дарованія поэта; глубоко вѣрующій трагикъ создалъ рядъ произведеній съ обильными задатками чисто свѣтской драмы человѣческихъ страстей, научая зрителя постигать реальные мотивы житейскихъ катастрофъ, поступковъ и положеній. Дальнѣйшій успѣхъ трагедіи долженъ былъ состоять въ ограниченіи религіозной стороны и усиленіи свѣтской, исключительно художественной.

Страопъ, Глашатай, хоръ двѣнадцати старцевъ, Клитемнестра, Кассандра, Эгистъ, связанные между собою разнообразными отношеніями въ Агамемнону, представляютъ болѣе жизненные, индивидуальныя личности, нежели все, что до того времени создавала греческая поэзія. Образецъ главнаго героя трагедіи, какъ наиболѣе общій и типичный, есть на нашъ, новый взглядъ, наименѣе удачный въ цѣлой пьесѣ. Трагическая катастрофа, постигающая аргив каго базилея, понимается авторомъ какъ неизбѣжное послѣдствіе давней вины его предковъ и его самого, какъ непреложный актъ божескаго возмездія. Поэтому Агамемнонъ изображается пассивнымъ объектомъ зависти и мстительности, жертвою скорѣе невольныхъ, нежели вольныхъ прегрѣшеній своихъ и чужихъ. При этомъ условіи индивидуальныя черты, которыя мотивировали бы поражающія героя удары судьбы, казались ненужною помѣхою къ проведенію основной религіозно-моральной тенденціи. Напротивъ Клитемнестра, называя себя со словъ покорнымъ орудіемъ карающаго божества ¹⁾, надѣлена однако такими личными качествами, поставлена поэтомъ въ такое положеніе, что мужеубійство и убійство Кассандры являются въ изображеніи поэта дѣломъ злой воли базилея гораздо болѣе, нежели пассивнымъ выполненіемъ велѣній божества. Упорная ненависть Клитемнестры къ мужу за дѣтоубійство поддержи-

¹⁾ Vv. 1415—1522 (H. Weil.).

вается и усиливается въ ней незаконной любовной связью ея съ Эгисеомъ, страхомъ за свое будущее въ случаѣ неудачи и наконецъ измѣной мужа ради молодой плѣнницы. Обычная эгоистическая жестокость базилея въ связи съ критическимъ положеніемъ дѣлаетъ ее неразборчивою въ средствахъ къ достиженію цѣли, приводитъ ее къ двойному злодѣянію, строго разсчитанному и выполняемому съ холодною жестокостью. Осуществивши давно лелѣнный планъ, Клитемнестра открыто передъ народомъ хвалится своимъ злодѣяніемъ, и потомъ не безъ ироніи оправдывается тѣмъ, что сваливаетъ вину на божество, какъ на подлиннаго виновника всего случившагося. При всей своей ловкости и усиліяхъ притворяться эсхилова Клитемнестра въ бесѣдѣ съ хоромъ, Агамемнономъ и съ Кассандрой не въ силахъ затантъ неотступно преслѣдующую ее страшную мысль объ убійствѣ близкихъ: напыщенные длинныя рѣчи ея о вѣрности и любви къ супругу, объ отчаяніи и тоскѣ по немъ пересыпаны зловѣщими двусмысленностями, но онѣ только питаютъ подозрѣніе народныхъ представителей, возбуждаемое смутными толками въ странѣ, пока подозрѣніе не переходитъ въ увѣренность послѣ ясныхъ указаній пророчествующей Кассандры.

Образъ Кассандры, царской дочери, молодой прелестной невольницы и восторженной пророчицы почти вполне оригинальное созданіе эсхилова генія. Съ изумительнымъ искусствомъ соединены въ Кассандрѣ совершенная безпорочность юнаго женскаго существа, отвращающагося отъ страстныхъ взоровъ самого Аполлона цѣломудріе, гордость невинности, божественная сила предвидѣнія, а также безпомощное положеніе юной дѣвушки, тяжело оскорбляемой окружающими, поработчаемой и насильственно низводимой въ наложницы, наконецъ безпощадно и съ злорадствомъ умерщвляемой изъ за чужихъ грѣховъ ради личныхъ низменныхъ цѣлей. Непонятая безвинная страдалица, вдохновленная далеко провидящая пророчица, привязанная къ жизни молодая женщина, Эсхилова Кассандра, совершеннѣйшій поэтический образъ всѣхъ временъ и народовъ, падаетъ жертвою чужой вражды, чужой ненависти. Разумѣется въ *Агамемнонѣ* нѣтъ еще тѣхъ длинныхъ страстныхъ монологовъ, которые у Шекспира или у Еврипида наиболѣе живописуютъ характеръ героевъ, значительная доля активнаго участія принадлежитъ еще хору, но судьба Кассандры и поведеніе Клитемнестры не могла не возбуждать сомнѣній относительно завистливаго мститель-

наго божества, не могла не наводить зрителя на мысль о необходимости болѣе рациональныхъ началъ возмездія и справедливости.

Характеристичны также рѣчь стража, человѣка изъ народа, цѣлый годъ ждущаго сигнальнаго огня, и сообщеніе Талейбіа, воина и плохаго рассказчика, нерѣдко повторяющагося и теряющаго нить рассказа ¹⁾).

Не меньшее искусство обнаружено поэтомъ въ драматической композиціи, въ сочетаніи и разрѣшеніи противоположностей, въ постепенномъ усиленіи трагическаго интереса въ зрителяхъ.

Съ первыхъ же словъ свѣдущаго, хотя наивнаго и робкаго стража зритель ощущаетъ тревогу за судьбу ожидаемаго изъ подъ Трои базилея, члена злосчастнаго дома Танталиховъ ²⁾). Опасенія подкрѣпляются предчувствіями и догадками, построенными на ненависти Артемиды къ Агамемнону на предсказаніяхъ Калханта еще передъ выступленіемъ Ахейцевъ въ походъ ³⁾). Гибель Трои и бѣды Атридовъ связаны между собою неразрывно, такъ что самое появленіе Талейбіа съ вѣстью о паденіи Трои только на мгновеніе прогоняетъ гнетущую народъ тоску; тотчасъ она овладѣваетъ имъ сильнѣе прежняго ⁴⁾). Принадлежность Агамемнона къ дому Танталя, принесеніе имъ въ жертву Ифигеніи ⁵⁾, гибель множества Ахейцевъ изъ за Атридовъ ⁶⁾, оскорбленіе боговъ при разрушеніи Трои ⁷⁾, наконецъ блестящій успѣхъ Агамемнона ⁸⁾, — всего этого болѣе, нежели достаточно для того, чтобы смутить разсудительныхъ, опытныхъ старцевъ, чтобы омрачить самыя радостныя мгновенія передъ появленіемъ Агамемнона ⁹⁾. Троя разрушена, жители ея истреблены, побѣдоносные Ахейцы подверглись тяжелымъ испытані-

¹⁾ Lessing, Samm. Work. IX, 691f. Bernhardt, Syntax. Anom. p. 20. Schneidewin, Aeschylus Agamemn., Amn. V. 481ff.

²⁾ Vv. 36—39.

³⁾ Vv. 125—146.

⁴⁾ Vv. 514—521.

⁵⁾ βροτῶν θρασύνει γὰρ αἰσχρόμητις Τάλαινα παρακοπὴ πρωτοπήμων. V. 205—206. Срвн. V. 930. 149.

⁶⁾ Vv. 421—426. 754—759. 1276—1279.

⁷⁾ Vv. 317—326. 496—499.

⁸⁾ Vv. 501. 883—884. 901. 950—953. 1272—1281.

⁹⁾ χαίρω γὰρ τε θῆναι γ'οὐκ ἐτ'ἀντερῶ θεοῖς. V. 510. Срвн. V. 521. 555—557. 760—764. 940—947.

ямъ, очевидно не избѣжать печальной судьбы и Агамемнону. Длинная рѣчь Клитемнестры объ ожидаемомъ супругѣ не способна успокоить никого: она полна злобѣщихъ двусмысленностей. Спокойствіе появляющагося наконецъ владыки, увѣренность его въ своемъ знаніи человѣческаго сердца, полное довѣріе къ супругѣ, дурная молва о поведеніи которой не дошла еще только до слуха Агамемнона способны только усилить безпокойство присутствующихъ. Роковая развязка приближается быстро съ удаленіемъ базилея во дворецъ. Слезы готовы брызнуть изъ глазъ аргивскихъ старцевъ, умъ ихъ смущенъ ожиданіемъ великихъ бѣдъ¹⁾. Прорицанія Кассандры, болѣе и болѣе ясныя, все ближе подводящія слушателей къ катастрофѣ, плачь ея и жалобы на свою тяжелую долю, наконецъ раздающіяся въ дворцѣ предсмертные крики базилея не позволяютъ болѣе сомнѣваться, народные представители спѣшатъ на помощь, но цѣпенѣютъ отъ ужаса при видѣ мужеубійцы съ окровавленнымъ мечемъ надъ двумя трупами. Дальнѣйшее поведеніе Клитемнестры и Эгисея, исполненное безстыдства и похвальбы злодѣяніемъ, болѣе всего предыдущаго подготавливаетъ зрителя къ новымъ ужасамъ.

Въ трагедіи *Несущія возмѣнія*, или, какъ мы бы назвали ее, *Орестъ*²⁾, полнѣе, нежели въ какой-либо иной античной піесѣ, господствуетъ суровое нравственно-религіозное положеніе о правѣ и обязанности кровавой мести за убійство³⁾. Освященное давностью правило морали: „вражда за вражду“, „зло за зло“, „кровь за кровь“ упоминается въ трагедіи неоднократно и служитъ сильнымъ двигателемъ главнаго дѣйствія⁴⁾. Обязательность возмездія тѣмъ священнѣе и непреложнѣе въ настоящемъ случаѣ, что въ немъ взаимно заинтересованы и боги и люди, ближайшіе другъ къ другу по крови лица, отецъ и сынъ. Насильственная смерть главы дома потушила огонь на домашнемъ очагѣ, пріостановила жертвоприношенія Зевсу и другимъ божествамъ⁵⁾.

¹⁾ Vv. 940—947.

²⁾ А не *Електра*, какъ называетъ эту трагедію А. В. Шлегель въ чтеніяхъ о драматич. искусствѣ и литературѣ“. Heidelberg. 1809. I Th. S. 139.

³⁾ О законѣ возмездія, *lex talis*, въ античной трагедіи. См. P. Stapfer, *Shakespeare et l'antiquité*. Paris, 1880. 2-ème p. Pp. 137—153.

⁴⁾ Choeph. vv. 1860. 115. 308—313. 396—400. 809.

⁵⁾ Vv. 622. 628. 937. 954. 251. 260. Срвн. Fustel-de-Coulange, O. c. oh. II—IV. VIII—IX. Спенсеръ въ „Основаніяхъ Саціологіи“ (Ta. I) почти

Единственно законный преемникъ Агамемнона и продолжатель рода обязанъ устранить отъ очага противозаконныхъ его обладателей и осквернителей, возстановить прежній порядокъ домашнего священнослуженія, возвратить дому его „око“¹⁾). Неисполненіе долга грозитъ Оресту цѣлымъ рядомъ тяжкихъ наказаній отъ божества²⁾). Сверхъ этого покойный родитель помнить и живо чувствуетъ обиду и за гробомъ; тѣнь его не успокоится прежде, чѣмъ не будутъ достойно отмщены его убійцы; сыновній долгъ требуетъ отъ Ореста матереубійства, а небреженіе къ нему повлечетъ за собою для сына неумоляющія угрызения совѣсти и возбудятъ противъ него ярость Ериній³⁾). Видъ могильнаго холма вблизи мѣста преступленія, царскаго жилища,

вовсе не воспользовался данными античной литературы касательно поклоненія предкамъ и домашней религіи вообще; самъ авторъ „Античной Общины“ извлекъ далеко не весь сюда относящійся матеріалъ изъ „*Несущихъ возмѣнія*“.—Попытка Спенсера установить генетическую связь между двумя областями вѣрованій—въ загробное существованіе покойниковъ-предковъ и въ обоготворенныя явленія внѣшней природы, а равно низвести всю міеологию къ разсказамъ объ умершихъ предкахъ,—попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ. Оба источника вѣрованій и міеовъ существовали одновременно рядомъ, нерѣдко встрѣчаясь и сливаясь другъ съ другомъ благодаря главнымъ образомъ недостаткамъ первобытной рѣчи. Не трудно замѣтить, что Спенсеръ въ своей аргументаціи впадаетъ приблизительно въ тѣже ошибки, что и М. Мюллеръ, съ которымъ онъ полемизируетъ: поверхностная аналогія и метафоризмъ древней рѣчи оказываются и по его мнѣнію достаточно сильными факторами для превращенія неодушевленныхъ предметовъ въ одушевленные. Мы не можемъ не видѣть скачка въ томъ положеніи С—а, будто одухотвореніе внѣшней природы есть явленіе производное по отношенію къ поклоненію предкамъ, будто одухотвореніе есть только результатъ ошибочнаго заключенія первобытнаго человѣка, почитающаго покойниковъ, и будто фетишизмъ принадлежитъ высшей ступени умственнаго развитія. Оказывается, что человѣку необходимо было пройти извѣстную стадію для того, чтобы впасть въ ошибку, недопускаемую авторомъ и для низшей ступени пониманія.

¹⁾ Vv. 238. 251—260. 500. 930. 937.

²⁾ Vv. 265—285. 637. 895. 920.

³⁾ Vv. 36—39. 79. 97. 102—115. 236—239. 330. 338. 400—405. 476. 537. 709. 710. Тѣнь покойнаго не разъ называется божествомъ; къ ней или къ холму обращаются, какъ къ живому существу, или къ алтарю.

непрестанно поддерживает въ окружающихъ память о покойномъ и о подробностяхъ ужасной катастрофы ¹⁾; посылаемы покойникомъ сновидѣнія, смущая совѣсть виновныхъ, достаточно свидѣлствуютъ, что сознание несчастнаго не упразднено погребальнымъ племенемъ ²⁾.

Такимъ образомъ ясныя, рѣшительныя повелѣнія божества, внушенія сыновняго долга и страхъ собственной совѣсти представляли для вѣрующаго Грека вполнѣ достаточныя побужденія къ умерщвленію Клитемнестры и Эгисѳа, а также не только къ совершенному оправданію, но и къ прославленію кроваваго его подвига. Есть всѣ основанія предполагать, что въ такомъ именно смыслѣ изображался идеальный мститель Агамемнона въ древнѣйшей редакціи легенды, въ періодъ безраздѣльнаго господства домашней религіи надъ умами рассказчиковъ и слушателей; въ гомеровскихъ пѣсняхъ, предполагающихъ широкую извѣстность кроваваго событія, упоминается только о громкой славѣ, какую стяжалъ себѣ Орестъ среди людей безпощаднымъ мщеніемъ за родителя, да о неизгладимомъ позорѣ Клитемнестры на вѣчныя времена, какъ о единственно справедливомъ отношеніи къ ней современниковъ и потомства ³⁾. Доблесть, одобреніе боговъ, почтеніе отъ людей воспѣло на одной сторонѣ, пятно гнуснаго преступленія, проклятіе и презрѣніе на другой. Послѣдовательный драматическій поэтъ подобнымъ, исключительно религіозно-моральнымъ отношеніемъ къ событію вынужденъ былъ бы изобразить дѣйствующихъ лицъ драмы какъ неизбѣжныя жертвы, или какъ слѣпыя орудія божеской казни надъ преступниками, или наконецъ какъ безсильныхъ ея свидѣтелей. Благочестіе поэта проявилось бы тѣмъ цѣльнѣе и ярче, чѣмъ присутствіе божества было бы очевидно, вмѣшательство его полнѣе и активнѣе, а человѣческіе образы блѣднѣе и общѣе.

Но аѳинскій поэтъ V в. значительно усложнилъ древнюю басню, ввелъ въ нее въ интересѣ реальной правды одни, новые мотивы, развилъ другіе, намѣтилъ третьи. Злобу Ореста противъ матери-мужеубійцы непрерывно питаетъ и усиливаетъ жестокое обращеніе Кли-

¹⁾ Vv. 428 сл.

²⁾ *φρόνημα τοῦ θανόντος οὐ θαμάζει πρὸς θαλαρὰ γνάθος*. 322. Тѣнь Агамемнона посылаетъ вѣщія сновидѣнія. 36. 520. 531.

³⁾ *Odyss.* I, 35—41. III, 192—198. 234. 248. IV, 91. 524—537. XI, 387—466. XXIV, 20—97.

темнестры съ нимъ и съ Електрою; требованіе боговъ и сыновняго почтенія становится поѣтому дѣломъ личной безопасности и личнаго благополучія, самаго мстителя и его сестры, а также долгомъ чести передъ согражданами ¹⁾. Поѣтому создана, хотя въ самыхъ еще общихъ чертахъ, трогательная сцена свиданія и взаимнаго узнавія Ореста и Електры послѣ нѣсколькихъ лѣтъ насильственной разлуки ²⁾; имъ выведенъ на сцену образъ любящей, преданной герою кормилицы и няни, наиболѣе индивидуальный въ цѣлой трагедіи; тѣмъ усиливается въ зрителяхъ чувство симпатіи къ Оресту и антипатіи къ Эгисѣу и Клитемнестрѣ, радость которыхъ при вѣсти о смерти Ореста не укрывалась отъ старой рабыни ³⁾. Оскорбленіе нѣжно любимаго, родственнаго существа, собственное положеніе изгнанника, многократныя напоминанія обидъ ⁴⁾, безвинно нанесенныхъ дорогому праху великаго родителя, наглость и нравственное ничтожество преступниковъ-прелюбодѣвъ, все это въ совокупности съ прежде указанными мотивами очевидно казалось драматургу рационалистическаго вѣка необходимыми звеньями кровавой катастрофы, чтобы представить всю ее неизбежность и справедливость. Но поѣтъ не довольствовался и этимъ. Ни религіозныя побужденія, ни сыновнія чувства не въ силахъ подавить въ участникахъ драмы еще глубже лежащихъ требованій человѣческой природы; равнымъ образомъ страшно погрѣшившіе передъ богами и людьми Эгисѣй и Клитемнестра далеко не простыя отвлеченности порока и злодѣянія. На совѣтъ подругъ молить тѣнь отца о помощи въ убійствѣ матери Електра колеблется и спрашиваетъ: „позволительно-ли молить объ этомъ боговъ“ ⁵⁾? Въ противорѣчій съ обыкновеннымъ тономъ своихъ рѣчей—мрачно религіознымъ и мстительнымъ—хоръ, передъ исполненіемъ казни надъ виновными говорить о всеокушительной

¹⁾ Vv. 125—130. 183. 245—250. 335. 404. 415. 297—304. 429. 908. 935. 990.

²⁾ Сцена узнаванія подверглась рѣзкой критикѣ со стороны Еврипида въ трагедіи его *Електра*, ст. 512—540. Аристотель въ *Поѣтикѣ* упоминаетъ объ этой сценѣ, какъ о примѣрѣ узнаванія (*ἀναγνώρισις*) по заключенію. Сс. XI, 3. XVI, 2.

³⁾ Vv. 726—732. 165—167.

⁴⁾ Vv. 428. 616. 820.

⁵⁾ Vv. 114, καὶ τίτῃ μοδοκίῃ εὐσεβῆ ὁμῶν πάρα;

силѣ *человѣческой* страсти любви, ужаснѣйшаго изъ всѣхъ чудовищъ, которыхъ въ большомъ числѣ питаетъ земля¹⁾; этимъ самымъ вина Клитемнестры какъ бы низводится на степень роковой слабости несчастной женщины, безсилія ея устоять въ борьбѣ съ чудовищною страстью,—подробность, развитіе которой должно было привести къ типу короля Макбета. Эсхилъ пошелъ еще дальше: нѣсколькими яркими чертами онъ раскрылъ передъ зрителями весь ужасъ посягательства на жизнь матери, хотя бы и виновной: напоминаніе Клитемнестры о материнской груди, вскормившей убійцу, останавливаетъ Ореста въ моментъ занесенія смертельнаго удара. „Что дѣлать мнѣ, Пиладъ?“ восклицаетъ Орестъ въ виду матери, умоляющей о пощадѣ во имя материнства. „Я страшусь убить мать“²⁾! Всѣ настоятельныя требованія божества, всѣ личныя обиды, продолжительныя соображенія и рѣшенія, кажется, забыты въ наиболѣе рѣшительную минуту. Но высшей степени трагическаго искусства достигаетъ поэтъ въ заключительной сценѣ, когда и одобреніе гражданъ, и всѣ усилія античнаго Гамлета оправдать себя въ собственныхъ глазахъ оказываются тщетными; власть божества надъ героемъ весьма ограничена, оно безсильно успокоить совѣсть Ореста, возмущенную преступленіемъ, которое совершенно имъ по настоянію и при содѣйствіи божества; требованія нравственнаго чувства могущественнѣе заповѣди религіи; одно повинованіе божеству болѣе не обезпечиваетъ даже личнаго благополучія повинующемуся; мораль освобождается отъ религіи³⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Vv. 582—595. Не смотря на усердныя мольбы и къ Зевсу, и къ Агамемн., хоръ не увѣренъ въ побѣдѣ. Vv. 852—862.

²⁾ V. 894.

³⁾ Интересно, что въ убійствѣ Эгисѳа Орестъ не считаетъ нужнымъ оправдываться, потому что свѣтскій *положительный законъ* осуждаетъ прелюбодѣя на смерть. V. 984.—Недостатокъ такого закона въ примѣненіи къ матереубійству не восполняется непосредственнымъ внимательствомъ самого божества.—Отъ дальнѣйшаго разбора трагедіи мы воздерживаемся, такъ какъ съ другихъ сторонъ она достаточно разъяснена въ существующей литературѣ, преимущественно: G. Hermann, *De re scenica in Aesodyl: Orestea*. L. 1846. Sommerbrodt, *De Aeschyl: re scenica*. Liegn. u. Ancl. 1848—1858. M. Patin, *O. c. P.* 1. pp. 333—373. P. Stapfer, *O. c. P.* 2, pp. 307—316 et passim.

О

ВОРОВСТВЪ-КРАЖЪ

ПО

РУССКОМУ ПРАВУ.

Историко-догматическое изслѣдованіе

Леонида Евлогичъ-Котляревскаго.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

никовъ, то они всѣ смѣшаны, и разницы въ степени наказанія по мѣрѣ участія не указано, такъ что непосредственные участники въ преступленіи, пособники, укрыватели, какъ случайные, такъ и по ремеслу, т. е. пристанодержатели или становщики, попустители и недонесшіе— всѣ уравниваются въ наказуемости вопреки даже исторіи права, постоянно, какъ мы видѣли, отличавшей пристанодержателей или становщиковъ, какъ самыхъ опасныхъ укрывателей. Само собою разумѣется, что судьи могли нарушать это безразличіе наказуемости, но если дѣлали это, то дѣлали по предоставленному имъ праву двигаться въ извѣстныхъ границахъ при опредѣленіи наказанія, а не по спеціальному, на сей случай данному, уполномочію закона. Этотъ недостатокъ Свода законовъ былъ исправленъ Уложеніемъ 1845 года.

§ 123. II. *Рецидивъ или повтореніе воровства-кражи.* Опредѣленіе понятія повторенія кражи мы находимъ въ общей части; здѣсь понятію повторенія приданъ тѣсный, ему свойственный смыслъ, отличающій его отъ повторенія въ широкомъ смыслѣ, точнѣе называемаго стеченіемъ преступленій. Повтореніемъ въ Сводѣ называется совершеніе *того-же* преступленія во второй, третій и т. д. разъ, послѣ наказанія за предыдущее ¹⁾. Стеченіе же преступленій по Своду бываетъ тогда, когда 1) преступникъ совершилъ нѣсколько разъ одно и то же преступленіе, не бывъ за него прежде наказанъ; когда 2) онъ въ разные времена совершилъ разные преступленія, не бывъ прежде за нихъ наказанъ, и когда 3) въ одномъ дѣяніи соединяются разные преступленія ²⁾. Сравнивая приведенныя опредѣленія повторенія и стеченія, находимъ, что первое отъ втораго отличается слѣдующими двумя существенными для него условіями: требуется 1) тождественность повтореннаго преступленія съ предыдущимъ и 2) претерпѣніе наказанія; эти условія не входятъ, какъ *conditio sine qua non*— въ понятіе стеченія, хотя каждое изъ нихъ въ отдѣльности и можетъ быть на лицо. Названное понятіе допускаетъ по Своду не только такъ называемую реальную совокупность преступленій, но и идеальную, т. е. совершеніе однимъ дѣйствіемъ двухъ или многихъ однородныхъ или разнородныхъ преступленій; послѣднее заключеніе вытекаетъ изъ слѣдующаго выраженія: „стеченіе бываетъ, когда въ одномъ дѣяніи соединяются разные преступленія.“

¹⁾ *ibid.*, ст. 135. ²⁾ *ibid.*, ст. 134.

Объ формы сложной преступности, т. е. повтореніе и стеченіе въ общей части Свода рассматриваются, какъ обстоятельства, увеличивающія вину. Но въ особенной части говорится о повтореніи кражи, какъ обстоятельствѣ, устанавливающемъ особенныя степени возвышенія наказанія. О стеченіи же преступленій кражи въ той же части не упоминается ни слова, что заставляетъ предполагать, что оно сохраняетъ лишь то значеніе, какое ему сообщено въ общей части. Специальныхъ узаконеній о рецидивѣ воровства-кражи, изложенныхъ въ особенной части Свода, намъ не зачѣмъ повторять, такъ-какъ мы выше указали, что въ этомъ отношеніи было изъ прежнихъ законодательныхъ актовъ внесено въ Сводъ законовъ. Замѣтимъ, однако, что такъ-какъ въ 1840 году¹⁾ масштабъ цѣнности, по которому уступенялась наказуемость кражи въ Сводѣ законовъ 1832 г., былъ измѣненъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ должна была послѣдовать и перемѣна въ узаконеніяхъ о рецидивѣ²⁾. Эта перемѣна, происшедшая лишь на столько, на сколько измѣнились дѣленія масштаба цѣнности, цѣликомъ была внесена въ Сводъ законовъ изд. 1842 г., гдѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. За кражу ниже 6 рублей, совершенную во второй разъ, угрожается рабочимъ домомъ, гдѣ виновнаго велѣно принимать съ 2-мя ударами прутомъ по одеждѣ, и гдѣ онъ долженъ заработать цѣну украденнаго съ 6% въ пользу истца да 6% въ пользу рабочего дома³⁾. За ту же кражу въ третій разъ совершенную назначается рабочій домъ съ тремя ударами плетью по одеждѣ, гдѣ преступникъ долженъ заработать цѣну украденнаго съ 6% въ пользу истца, да кромѣ того 12% въ пользу рабочего дома⁴⁾. Кража ниже 6 руб. въ четвертый разъ влечетъ то же наказаніе, какое положено за кражу выше 6 руб.⁵⁾. Кража отъ 6 до 30 руб. во второй разъ угрожается тѣмъ же наказаніемъ, какое положено за кражу выше 30 рублей⁶⁾.

Сравнивая приведенныя узаконенія о рецидивѣ съ узаконеніями, внесенными въ Сводъ законовъ 1832 г., видимъ, что первыя отъ вторыхъ отличаются тѣмъ, что въ нихъ измѣнены лишь цифры цѣнности: вмѣсто 20 руб. стоитъ 6, а вмѣсто 100 р.—30 р., все же остальное представляетъ букввальное тожество.

¹⁾ Допол. къ П. С. З., № 13750. ²⁾ Измѣненія, внесенныя въ масштабъ цѣнности, будутъ указаны особо. ³⁾ *ibid.*, ст. 837. ⁴⁾ *ibid.*, ст. 838. ⁵⁾ *ibid.*, ст. 839. ⁶⁾ *ibid.*, ст. 840.

§ 124. III. *Цѣнность похищеннаго.* Мы выше сказали, что масштабъ цѣнности, вошедшій въ Сводъ законовъ 1832 г. былъ измѣненъ въ 1840 г. Въ этомъ году былъ принятъ масштабъ, скала котораго получила слѣдующія дѣленія: 1) ниже $1\frac{1}{2}$ руб. 2) выше $1\frac{1}{2}$ и на 3 р. 3) выше 3-хъ и на $4\frac{1}{2}$ руб. 4) выше $4\frac{1}{2}$ и ниже 6 руб. 5) выше 6 и до 30 руб. 6) выше 30 руб. Сообразно названнымъ дѣленіямъ масштаба цѣнности опредѣлена и наказуемость воровства-кражи въ Сводѣ законовъ 1842 г. 1) За воровство-кражу перваго дѣленія, т. е. ниже $1\frac{1}{2}$ руб. угрожается домашними или полицейскими взысканіями ¹⁾. 2) За кражу втораго дѣленія назначается для лицъ, неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, отдача въ работу на 90 дней съ заработкою не менѣе четырехъ руб. пяти коп. 3) За кражу третьяго дѣленія—отдача въ работу на 120 дней съ заработкою не менѣе 5 р. 40 к. 4) За кражу четвертаго дѣленія—также отдача въ работу на 180 дней съ заработкою не менѣе 8 р. 10 к. Если же преступники или кто другой присужденную къ заработанію сумму заплатить или украденное будетъ отыскано и возвращено хозяину, то они отдаются на работу вмѣсто 90 на 15 дней, вмѣсто 120 на 20, вмѣсто 180 на 30 дней ²⁾. Какъ видимъ, здѣсь не принято раціональное правило временъ Екатерины II, обязывавшее преступника работать во весь положенный по закону срокъ, хотя бы украденное было возвращено хозяину или онъ былъ вознагражденъ за потерю. Сокращеніе сроковъ, столь значительное какъ приведено, должно было отнять у работъ ихъ исправительный характеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и силу наказанія, которую преступникъ долженъ почувствовать на себѣ. 5) За кражу пятаго дѣленія велѣно лицъ, подлежащихъ тѣлесному наказанію, наказывать плетью чрезъ нижнихъ полицейскихъ служителей съ оставленіемъ на мѣстѣ жительства ³⁾. 6) За кражу послѣдняго дѣленія лицамъ, подлежащимъ тѣлесному наказанію, угрожается плетью, налагаемыми полиціей, и отдачей въ солдаты, а въ случаѣ неспособности, ссылкой на поселеніе ⁴⁾.

Къ числу правилъ оцѣнки вещи, указанныхъ выше, въ Сводѣ законовъ 1842 г. прибавлено: 1) Оцѣнка вещей должна производиться на серебро ⁵⁾. 2) Воровство-кражу цѣною въ 6 руб. велѣно принимать въ смыслѣ кражи ниже 6 рублей ⁶⁾.

¹⁾ ст. 822. ²⁾ *ibid.*, ст. 823. ³⁾ *ibid.*, ст. 825. ⁴⁾ *ibid.*, ст. 826, ⁵⁾ *ibid.*, ст. 815. ⁶⁾ *ibid.*, ст. 825, примѣч.

§ 125. Система наказаній воровства-кражи по Своду и характеръ ихъ. Система наказаній воровства-кражи въ Сводѣ представляется почти въ томъ же видѣ, какой былъ указанъ нами при изученіи исторіи воровства-кражи послѣднихъ временъ, предшествовавшихъ году изданія Свода законовъ. 1) Во главѣ лѣстницы наказаній какъ здѣсь, такъ и тамъ стоятъ каторжныя работы и кнутъ, назначаемые лишь за святотатство ¹⁾; далѣе слѣдуютъ 2) ссылка на поселеніе, предшествовавшая для лицъ, неизятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія,—ударами плетей ²⁾, а для изятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія,—лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія ³⁾ или же лишеніемъ добраго имени ⁴⁾; 3) плети, какъ самостоятельное наказаніе, производимое чрезъ нижнихъ полицейскихъ служителей ⁵⁾, для лицъ, неизятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній; 4) отдача въ солдаты для всѣхъ классовъ въ извѣстныхъ случаяхъ ⁶⁾; 5) отдача въ рабочіе дома, сопровождаемая для рецидивистовъ тѣлеснымъ наказаніемъ прутомъ по одеждѣ или плетью ⁷⁾; 6) денежные взысканія ⁸⁾ и наконецъ 7) домашнія или полицейскія взысканія ⁹⁾.

Окинувъ общимъ взоромъ изложенную систему наказаній воровства-кражи, мы видимъ, что она въ существенныхъ чертахъ осталась такая же, какою была въ первой четверти 19 столѣтія, а потому наши соображенія о характерѣ наказанія въ послѣднее время въ большей или меньшей мѣрѣ примѣнимы и въ данномъ случаѣ.

ГЛАВА XI-я.

I. Квалифицированные виды кражи.

§ 126. I. Святотатствомъ въ Сводѣ законовъ считается 1) похищеніе церковныхъ вещей, какъ изъ самыхъ церквей, такъ и изъ часовень, ризницъ, временныхъ и постоянныхъ церковныхъ хранилищъ, хотя бы онѣ и внѣ церкви состояли, въ томъ числѣ и изъ столбовъ,

¹⁾ *ibid.*, ст. 228—230. ²⁾ *ibid.*, 826. ³⁾ *ibid.*, 811. ⁴⁾ *ibid.*, 813.
⁵⁾ *ibid.*, 825. ⁶⁾ *ibid.*, 811, 826. ⁷⁾ ст. 823, 837—840. ⁸⁾ *ibid.*, 671, 684.
⁹⁾ *ibid.*, 822.

поставленныхъ съ образамъ для сбора на церковь денегъ; 2) утайка подаваемыхъ въ церкви на свѣчи денегъ (ст. 228). Изъ приведеннаго опредѣленія святотатства видно, что оно обнимаетъ, какъ воровство въ собственномъ смыслѣ, такъ и утайку. Основаніемъ квалификаціи церковной кражи служить, во первыхъ, особенная важность мѣста совершенія кражи, а во вторыхъ, самое свойство, т. е. важность объектовъ похищенія, какъ церковнаго имущества. Нужно, однако, замѣтить, что, какъ одно, такъ и другое основаніе квалификаціи терпятъ въ Сводѣ ограниченія; такъ, 1) кража вещей, хотя и въ церкви находящихся, но принадлежащихъ частнымъ лицамъ, не считается святотатствомъ, а лишь простой кражей и 2) не считается также святотатствомъ а) кража церковныхъ вещей изъ частныхъ домовъ, гдѣ онѣ случайно могутъ находиться и б) растрата и похищеніе суммъ, собранныхъ на содержаніе монастырей¹⁾. Остановливаясь на указанныхъ основаніяхъ квалификаціи церковной кражи, мы находимъ, что, строго говоря, святотатство мыслимо при совмѣстной наличности двухъ этихъ основаній, а потому, если хотя одного изъ нихъ нѣтъ, то нѣтъ и святотатства, а будетъ лишь простая кража. Правда, эта основная мысль, въ силу которой кража по духу нормъ Свода законовъ должна признаваться святотатствомъ, не выдержана тамъ, но ея нельзя не подмѣтить. Временныя церковныя хранилища, кража церковныхъ вещей изъ которыхъ признается святотатствомъ, хотя и не запечатлѣны такимъ характеромъ уваженія со стороны народа, какъ церковь и ея части, однако все же окружены извѣстнымъ ореоломъ почитанія въ глазахъ народа.

Въ заключеніе сказаннаго о святотатствѣ позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующія три замѣчанія: 1) растрата и похищеніе суммъ, собранныхъ на содержаніе монастырей и монашествующихъ, по силѣ указа 1811 г.²⁾, послужившаго содержаніемъ 229 ст. п. 3, — только въ такомъ случаѣ должны исключаться изъ понятія святотатства, если суммы собраны на поддержаніе не монастырской церкви, а прочихъ монастырскихъ строеній, а также на продовольствіе монаховъ трапезой и одѣяніемъ; въ противномъ же случаѣ по смыслу приведеннаго указа будетъ на лицо святотатство, а не простая кража. 2) Сводъ законовъ ограждаетъ святотатство болѣе тяжкими наказаніями сравни-

¹⁾ *ibid.*, ст. 229. ²⁾ П. С. З., № 24,739.

тельно съ кражей вообще только въ интересахъ христіанской религіи, какъ православной, такъ и другихъ иновѣрческихъ церквей; что же касается религій нехристіанскихъ, какъ языческихъ, такъ и неязыческихъ,—то о нихъ Сводъ совершенно умалчиваетъ. Это невниманіе закона къ нехристіанскимъ религіямъ перешло и въ Уложеніе о наказаніяхъ. 3) Изложеніе святотатства въ Сводѣ помѣщено въ раздѣлѣ преступленій противъ религіи, а не въ главѣ о воровствѣ, гдѣ бы ему приличіе было находиться; та же система осталась и въ Уложеніи о наказаніяхъ.

II. *Кража во время чумы* предусматривается въ Сводѣ законовъ въ главѣ о нарушеніи постановленій противъ моровой язвы. Названная кража получаетъ значеніе квалифицированной только съ учрежденіемъ карантинныхъ, и Сводъ говоритъ „о кражѣ во время чумы изъ домовъ, находящихся въ оцѣпленіи и вымершихъ“¹⁾, т. е. имѣетъ въ виду кражу изъ домовъ, какъ жилыхъ, такъ и нежилыхъ, т. е. такихъ, обитатели коихъ умерли отъ чумы. Такая кража причисляется къ разряду карантинныхъ преступленій перваго разряда, обложенныхъ смертною казнью.

III. *Кража казеннаго имущества* обнимаетъ въ Сводѣ собственно кражу, а также „растрату“ или „утрату“ казеннаго имущества²⁾, записаніе въ расходъ казенныхъ припасовъ или матеріаловъ болѣе, нежели сколько показало слѣдовало³⁾, показаніе въ приемныхъ квитанціяхъ и рапортахъ, по коимъ платежъ денегъ частному лицу производится, большаго количества противъ дѣйствительно принятаго⁴⁾, покупка и взятіе подрядчиками и поставщиками отъ приемщиковъ казны въ ссуду такихъ вещей, кои по договору къ поставкѣ назначены, хотя бы онѣ были ихъ собственныя⁵⁾. Такимъ образомъ, подъ понятіе кражи казеннаго имущества подходятъ многоразличныя преступленія противъ сего имущества, какъ то: кража въ собственномъ смыслѣ, растрата, а также и утайка, которая рассматривается въ Сводѣ, какъ видъ кражи. Кража казеннаго имущества подлежитъ большому наказанію, чѣмъ простая кража, хотя 493 ст. и объявляетъ, что похищеніе казенной собственности подвергаетъ виновнаго тѣмъ же наказаніямъ, какія положены за воровство частнаго имущества. Названная статья, говоря о равенствѣ наказаній, имѣетъ въ виду тѣ изъ нихъ, которыя налагаются на личность преступника, забывая, что денежные штрафы есть также наказанія, ко-

¹⁾ *ibid.*, ст. 350, п. 8. ²⁾ *ibid.*, 322. ³⁾ *ibid.*, 321. ⁴⁾ *ibid.*, 332. ⁵⁾ *ibid.*, 333.

торыя въ случаѣ несостоятельности обращались на лицо преступника. За кражу казеннаго имущества Сводъ законовъ грозитъ, сверхъ наказаній, положенныхъ за простую кражу, двойнымъ взысканіемъ похищеннаго ¹⁾

IV. Кража, совершенная лицами извѣстныхъ состояній, какъ привилегированныхъ, такъ и непривилегированныхъ. Къ этого рода кражѣ принадлежатъ: 1) кража, совершенная лицами дворянскаго и духовнаго состоянія, почетными гражданами, а также купцами первыхъ двухъ гильдій; 2) кража, совершенная мѣщанами и купцами третьей гильдіи. Особенность кражи, о которой идетъ рѣчь, состоитъ въ томъ, что совершеніе ея лицами состояній, указанныхъ въ 1-мъ пунктѣ, по Своду наказывалось безотносительно къ цѣнности похищеннаго и къ рецидиву однимъ и тѣмъ же наказаніемъ, ведущимъ свое начало отъ временъ Екатерины, а именно, лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и отдачи годныхъ въ военную службу, а негодныхъ въ ссылку на поселеніе ²⁾. Изъ этого разряда лицъ выдѣлены жены и вдовы священниковъ и діаконѣвъ, которыя пользуются въ Сводѣ той привилегіей, что за первую кражу цѣною ниже 30 рублей онѣ не подвергаются ссылкѣ, а лишь денежному взысканію вдвое противъ цѣны украденнаго безъ отдачи въ рабочій домъ. Ссылка въ Сибирь на поселеніе назначается лишь за кражу цѣною выше 30 рублей, а также за рецидивъ кражи, хотя бы цѣнность похищеннаго была ниже 30 рублей ³⁾. Само собою разумѣется, что ссылка въ послѣднемъ случаѣ влечетъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, хотя законъ этого прямо и не говоритъ. Относительно дѣтей лицъ привилегированныхъ состояній въ Сводѣ говорится, что болѣе тяжелая наказуемость распространяется лишь на тѣхъ, кои по праву рожденія принадлежатъ къ привилегированному состоянію, т. е. родились въ то время, когда родители ихъ пользовались правами такого состоянія; это говорится о дѣтяхъ почетныхъ гражданъ ⁴⁾. Что же касается лицъ состояній 2-го пункта, то они подлежатъ тому же наказанію, какъ и сельскіе обыватели, съ той разницей, что они во всѣхъ случаяхъ кражи безотносительно къ ея цѣнности и рецидиву подвергаются, сверхъ тѣлеснаго наказанія или содержанія въ рабочемъ домѣ, лишенію добраго имени ⁵⁾. Вмѣстѣ съ болѣе тяжелой отвѣтственностью за кражу для лицъ поименованныхъ состояній по Своду соединена привилегія высшей подсудности; они подлежатъ

¹⁾ *ibid.*, ст. 320. ²⁾ *ibid.*, ст. 811. ³⁾ *ibid.*, 812. ⁴⁾ *ibid.*, ст. 811. ⁵⁾ *ibid.*, 813.

вѣдѣнію судовъ, а не полиціи, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ, какъ мѣщане и купцы третьей гильдіи, и подлежали тому же наказанію, какое для сельскихъ обывателей опредѣляется вѣдомствомъ полиціи¹⁾).

Въ заключеніе рѣчи о квалифицированныхъ видахъ кражи слѣдуетъ замѣтить, что Сводъ законовъ не послѣдовалъ за редакторами проекта Уложенія 1813 г., создавшими цѣлый рядъ отдѣльныхъ видовъ квалифицированной кражи. Онъ даже не отличилъ по наказуемости такихъ видовъ кражи, которые считались опаснымъ воровствомъ въ историческомъ прошломъ, какъ, на примѣръ, кража во время пожара. Поэтому нельзя не сказать, что неразличеніе по наказуемости видовъ кражи, представляющихъ всѣ основанія для квалификаціи, какъ, на примѣръ, кража во время общественныхъ бѣдствій, представляется недостаткомъ въ Сводѣ, который бы не вкрался, если бы редакторы его тщательно прослѣдили исторію.

II. Привилегированные виды кражи.

§ 127. *Воровство лѣса*. Воровство лѣса въ Сводѣ законовъ разсматривается, какъ специальное правонарушеніе, а именно, какъ нарушеніе лѣснаго устава, именуется лѣсной порубкой и облагается большею частью денежными взысканіями²⁾. Но Сводъ, какъ уже было сказано, не выдерживаетъ своей терминологіи, не выдерживаетъ своего взгляда на лѣсныя правонарушенія, какъ такія, которыя не должны клеймиться позорнымъ именемъ „воровства-кражи.“ Эта невыдержка проявляется въ двухъ случаяхъ: 1) лѣсная порубка, совершенная въ четвертый разъ и 2) лѣсная порубка въ томъ случаѣ, когда самовольный порубщикъ изъ званія государственныхъ или помѣщичьихъ крестьянъ будетъ не въ состояніи заплатить денежнаго взысканія за порубку; въ этихъ случаяхъ правонарушитель наказывается, какъ за воровство-кражу³⁾. Невыдержку понятій Свода въ указанныхъ случаяхъ можно объяснять, какъ было сказано выше, тѣмъ, что редакторы Свода боролись между юридическими взглядами народа, снисходительными къ лѣсному воровству, и между желаніемъ отмѣтить проступокъ свойственнымъ ему именемъ въ томъ случаѣ, когда снисхожденіе къ нему было бы напрасно. Уступая названнымъ воззрѣніямъ, редакторы Свода объявляютъ воровство лѣса маловажнымъ проступкомъ, не влекущимъ за

¹⁾ *ibid.*, ст. 810 и 813. ²⁾ *ibid.*, 671 и слѣд. ³⁾ *ibid.*, ст. 684.

собою въ большинствѣ случаевъ позорныхъ наказаній; желая съ другой стороны достоительно покарать проступокъ въ томъ случаѣ, когда правонарушитель не достоинъ снисхожденія, а именно, когда онъ совершаетъ въ 3^й или четвертый разъ тотъ-же проступокъ,—они угрожаютъ ему или почти тѣми же наказаніями, или такими именно, какія положены за кражу ¹⁾).

Примѣчаніе. О другихъ обстоятельствахъ, которыя въ исторіи воровства-кражи до Свода законовъ имѣли вліяніе на снисходительное къ ней отношеніе, мы здѣсь не говоримъ потому, что они въ Сводѣ получили значеніе общихъ условій ²⁾), смягчающихъ вину при всѣхъ вообще преступленіяхъ, въ которыхъ они мыслимы. Такимъ образомъ, исторія этихъ обстоятельствъ (крайняя нужда, напр.) такова, что нѣкоторыя изъ нихъ, которыя играли роль смягчающихъ обстоятельствъ лишь при кражѣ или и при другихъ преступленіяхъ, превратились въ общія условія, вліяющія на наказуемость преступленія, какъ рода.

¹⁾ ibid., ст. 680. ²⁾ ibid., ст. 141.

ЧАСТЬ II-я.

О воровствѣ-кражѣ по дѣйствующему русскому праву.

§ 128. Наше уложеніе о наказаніяхъ даетъ слѣдующее опредѣленіе кражи. Кражею (ст. 1644) признается всякое, какимъ бы то ни было образомъ, но въ тайнѣ, безъ насилія, угрозъ и вообще безъ принадлежащихъ къ свойству разбоя или грабежа обстоятельствъ, похищеніе чужихъ вещей, денегъ, или иного движимаго имущества. Это опредѣленіе—новое, отличное отъ того, которое было въ Сводѣ законовъ, и нельзя сказать, чтобы оно было удачнѣе послѣдняго, такъ-какъ замѣна отрицательныхъ чертъ опредѣленія Свода—„похищеніе безъ воли и согласія того, чьи деньги или иное движимое имѣніе“ отрицательными же—„похищеніе безъ насилія, угрозъ и вообще безъ принадлежащихъ къ свойству разбоя или грабежа обстоятельствъ“ едва ли сколько нибудь помогла точности понятія даннаго преступленія. Не смотря на различіе опредѣленій кражи въ Сводѣ законовъ и въ Уложеніи, оба эти законодательные акты сходятся на понятіи кражи, какъ тайномъ похищеніи чужаго движимаго имущества.

Разложимъ это опредѣленіе на составныя части.

ГЛАВА I-я.

Предметъ кражи.

Предметомъ кражи должна быть I) чужая II) находящаяся въ чужомъ владѣніи III) движимая IV) вещь.

§ 129. I. *Предметомъ кражи должна быть чужая вещь.* Воровство возможно только относительно вещей, которыя намъ не принадлежать или же не принадлежать никому ¹⁾—*res nullius*. Поэтому невозможна кража своей собственной вещи: *rei nostrae furtum facere* по *possumus*—говорить римскій юристъ Павелъ ²⁾. *Своя* вещь можетъ быть объектомъ другихъ преступлений, но не кражи. Съ тѣхъ поръ, какъ европейскіе кодексы, за немногими исключеніями, отбросили институтъ римскаго права, извѣстный подъ именемъ *furtum usus et furtum possessionis*, своя собственная вещь вышла изъ круга объектовъ кражи. Почти всѣ криминалисты ³⁾ и законодательства отказываются признавать похищеніе своей собственной вещи кражей. Голосъ противорѣчія сказанному иногда раздается изъ устъ нашихъ отечественныхъ криминалистовъ; такъ Лохвицкій ⁴⁾, а за нимъ Васильевъ ⁵⁾ утверждаютъ, что тайное похищеніе должникомъ своей заложенной вещи отъ залогодателя должно признаваться кражей. Разсмотримъ ихъ аргументы. „Нѣкоторые криминалисты, говоритъ Лохвицкій, утверждаютъ, что отдавшій вещь въ закладъ все таки остается ея собственникомъ. Но право его собственности существуетъ, какъ возможность,—онъ предоставилъ другому владѣніе вещью и, кромѣ того, право обратить ее въ свою собственность, если не уплатить въ срокъ взятыхъ денегъ, или право продать и вычесть изъ проданной суммы долгъ. Слѣдовательно, вещь заложенная принадлежитъ обоимъ—и залогодателю и залогопріемнику. Далѣе, дѣло здѣсь не въ тонкостяхъ гражданскаго права, а въ безнравственности, составляющей основу преступления. Тотъ, кто похищаетъ свою вещь у закладчика, дѣлаетъ это съ тою цѣлью, чтобы не выкупать ее, слѣдовательно, чтобы оставить въ своемъ карманѣ его

¹⁾ Неклюдовъ, *Руков. къ особ. части угол. права*, т. II, стр. 102.

²⁾ *Théorie du code pénal par Chauveau Adolphe et Faustin Hélie*, т. 6-й, стр. 574.

³⁾ Köstlin, *Abhandlungen aus dem Strafrechte*, стр. 239; Hälschner, *System des Preussischen Strafrechtes*, ч. 2-я, стр. 423; Бернеръ, *перев. Неклюдова, особая часть*, стр. 57; Chauveau et Hélie, *ibid.*, 574; Спасовичъ, *О воровствѣ-кражѣ*, Ж. М. Ю., 1859 г., августъ, стр. 4. Фойницкій, *ibid.*, часть II-я, стр. 20. Неклюдовъ, *ibid.*, стр. 102.

⁴⁾ Курсъ русск. угол. права, стр. 651.

⁵⁾ Ж. Уг. и Гр. пр. 1874 г., кн. 3-я, стр. 219. См. также Тальбергъ, *Насильственное похищеніе имущества*, стр. 132, 135. Это сочиненіе вышло въ свѣтъ тогда, когда наша работа была написана.

деньги и требовать у него, если вещь превышает, еще и разницу между этими цифрами. Наконецъ, если и могутъ быть какія либо сомнѣнія о подтвержденіи этого факта подъ кражу, то его можно причислить къ мошенничеству (*sic!*). Точно также тотъ, кто похититъ вещь, данную другому на сохраненіе, напримѣръ, свою шубу, отданную мѣховщику для сбереженія на лѣтнее время, совершаетъ кражу." Ко всѣмъ этимъ доводамъ Васильевъ прибавляетъ слѣдующее: 1) „такъ-какъ въ данныхъ случаяхъ на лицо похищеніе вещи изъ обладанія другаго,— то правильнѣе считать совершенное дѣяніе кражей. 2) Похититель получаетъ незаконно выгоду, равную той, которую онъ бы получилъ, если бы похищенная вещь была чужая, или еще болѣе, такъ-какъ обыкновенно воры сбываютъ похищенное за безцѣнокъ, въ данномъ же случаѣ виновный могъ воспользоваться полной стоимостью вещи по оцѣнкѣ. Тотъ-же, у кого совершенно похищеніе, терпитъ матеріальный вредъ такой же, какъ если бы похищенная вещь была его собственною. 3) То обстоятельство, что похититель еще не пересталъ по закону считаться собственникомъ заложеной вещи,— не имѣетъ значенія, такъ-какъ виновный не можетъ уже считать заложенную вещь до выкупа, по крайней мѣрѣ во всей ея цѣлости, своею, и, похищая ее, тѣмъ самымъ свидѣлствуетъ, что и самъ онъ считаетъ ее какъ бы чужою и себя не имѣющимъ на нее права. 4) Если взятіе произведено безъ воли залогохранителя и если потомъ похититель не только не объявилъ объ этомъ, но отрицается или требуетъ отъ заладчика доплатить ему за его вещь, то очевидно, послѣдній можетъ возстановить свое нарушенное право не иначе, какъ доказать, что вещь у него похищена залогодателемъ, т. е. что послѣдній совершилъ у него кражу. Точно также, если собственникъ только-что украденной вещи похититъ ее самъ у вора и, скрывая, что вещь находится у него, станетъ требовать за нее съ похитителя плату, онъ самъ съ полнымъ правомъ долженъ считаться воромъ.“

Вникая въ изложенные аргументы противоположнаго нашему мнѣнія, мы замѣчаемъ, что при своей видимой основательности они не лишены и отрицательныхъ чертъ—шаткости. Въ самомъ дѣлѣ, почему, спрашивается, слѣдуетъ признавать самоуправство, какъ думаетъ Лохвицкій (*ibid.*), въ томъ случаѣ, когда залогодатель беретъ явно свою вещь у залогопринимателя, и почему слѣдуетъ признавать кражу въ противоположномъ случаѣ, т. е. когда у залогопринимателя тайно похищается залогодателемъ

своя собственная вещь? Почему, прибавимъ, въ первомъ случаѣ дѣянію должно усвоить болѣе снисходительную квалификацію, чѣмъ во второмъ? Намъ говорятъ, что тамъ въ пользу взявшаго существуетъ презумпція, что онъ считаетъ себя вправе это сдѣлать. Но развѣ эта презумпція невозможна или неумѣстна и здѣсь, т. е. во второмъ случаѣ? Развѣ право собственности на вещь не можетъ служить основаніемъ или поводомъ къ презумпціи, что похищающій, хотя бы тайно, свою вещь вправе это сдѣлать? Различіе въ способахъ дѣйствія въ двухъ данныхъ случаяхъ вовсе не можетъ имѣть такого рѣшительнаго значенія, чтобы только въ первомъ случаѣ указанная презумпція была бы мыслима и умѣстна, между тѣмъ какъ во второмъ совершенно исключалась. Нельзя не видѣть, что презумпція, о которой идетъ рѣчь, слишкомъ шаткое основаніе для того, чтобы устанавливать двѣ различныя квалификаціи двухъ данныхъ случаевъ. Но если это основаніе шатко, то еще слабѣе другія. „Если взятіе, говоритъ Лохвицкій, совершено тайно, если взявшій скрывалъ и впослѣдствіи свое дѣйствіе, то здѣсь всѣ элементы кражи.“ Здѣсь, очевидно, Лохвицкаго ввелъ въ заблужденіе тайный способъ дѣйствія, ибо заперательство во взятіи вещи возможно и въ первомъ случаѣ, т. е. когда залогодатель явно беретъ свою вещь у залогопринимателя. Смѣемъ думать, что дѣло вовсе не въ тайномъ способѣ дѣйствія, какъ такомъ, который можетъ быть принятъ основаніемъ къ установленію различной квалификаціи разбираемыхъ правоотношеній. Известно, что западно-европейскія законодательства, опираясь на теорію уголовного права, совсѣмъ исключили тайный способъ дѣйствія изъ числа существенныхъ признаковъ кражи; послѣднее значеніе названнаго способа дѣянія осталось; правда, въ нѣкоторыхъ уложеніяхъ, но это послѣднее ясно и буквально высказываетъ требованіе, чтобы похищаемая вещь была чужая для похитителя; слѣдовательно, отнесеніе похищенія своей собственной вещи къ видамъ кражи исключается буквальный текстъ уложенія. Слѣдующіе затѣмъ аргументы Лохвицкаго, утверждающаго, что при отдачѣ вещи въ закладъ право собственности залогодателя на нее существуетъ, какъ возможность, что вещь заложенная принадлежитъ обоимъ—и залогодателю и пріемщику, еще менѣе убѣдительны; такъ, что касается принадлежности вещи и залогодателю и залогопринимателю, то эта принадлежность въ данномъ случаѣ существенно различна. Залогодателю принадлежитъ право собственности на вещь, залогопринимателю—право владѣнія вещью. Всякое постороннее лицо, по-

хищая заложенную вещь, беретъ вещь, для него совершенно чужую; онъ нарушаетъ право собственника на нее и право владѣльца; залогодатель же, похищающій свою вещь, не нарушаетъ права собственника на вещь, а лишь право владѣльца—залогопринимателя. Следовательно, въ этомъ случаѣ можетъ идти рѣчь не о похищеніи вещи, какъ предмета собственности, а о похищеніи ея, какъ предмета владѣнія, или, говоря иначе, о похищеніи владѣнія вещью—*furtum possessionis*, какъ говорили римляне. А такъ-какъ современная теорія уголовного права и законодательства не приняли римскихъ понятій о *furtum usus* и *furtum possessionis*, какъ несоотвѣствующихъ современному юридическому міросозерцанію ¹⁾, то, само собою разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о подведеніи даннаго факта подъ понятіе кражи.

Этого взгляда сначала, кажется, держался и Сенатъ, высказавшій, что взятіе кѣмъ либо имущества, на которое онъ считалъ себя имѣющимъ право, не можетъ составлять кражи, однимъ изъ существенныхъ признаковъ которой есть то, что похититель беретъ вещь *завдомо чужую*. (1870, № 1648). Но затѣмъ принялъ совершенно противоположный взглядъ, высказанный имъ по дѣлу мѣщанки Коренблатъ. Последняя обвинялась въ тайномъ уносѣ обрѣзка шелковой матеріи, находившагося въ таможенѣ, до уплаты пошлиною. Сенатъ напелъ, что опредѣленіе юридическаго характера этого дѣянія въ данномъ случаѣ вполне зависѣло отъ той цѣли, достиженіе которой преслѣдовала подсудимая и достиженіе которой представлялось возможнымъ по обстоятельствамъ дѣла. Если подсудимая имѣла въ виду чрезъ уносъ куска матеріи избѣжать единственно уплаты пошлины, то дѣяніе подсудимой представляется нарушеніемъ таможенныхъ правилъ, а если это сдѣлано съ умысломъ обратить впослѣдствіи къ таможенѣ требованіе о вознагражденіи за потерянную вещь, находившуюся подъ надзоромъ и отвѣтственностью таможи, то это будетъ кража (1874, № 88).

§ 130. Но если похищеніе своей собственной вещи не можетъ быть подведено подъ понятіе кражи, то спрашивается, куда же его слѣдуетъ отнести? Нужно замѣтить, что, какъ теорія, такъ и законо-

¹⁾ На сколько понятія римскаго права о *furtum usus* не отвѣчали юридическимъ воззрѣніямъ новыхъ народовъ, видно изъ того, что германская судебная практика постоянно отказывалась принять эти понятія, когда ей ихъ навязывали (Köstlin, *ibid.*, стр. 359). Она даже не считала себя связанной въ этомъ отношеніи Каролиной, въ которой случай „норовства пользованія“ угрожался наказаніемъ, положеннымъ за кражу. То же, кажется, повторилось и во Франціи, Chauveau et Hélie, *ibid.*, т. 6, стр. 575.

дательства далеко не согласны въ квалификаціи даннаго дѣянія. Одни законодательства, какъ Баварскій кодексъ 1813 года (арт. 211) и Ольденбургскій (арт. 216) велятъ похищеніе своей собственной вещи изъ владѣнія залогопринимателя разсматривать не какъ воровство, а по различію случаевъ: какъ самоуправство, обманъ или какъ другое подобное преступленіе. Другіе же кодексы, какъ, напримѣръ, Брауншвейгскій (§ 238), относятъ данный случай къ обману. Тюрингенскій видитъ здѣсь самоуправство (арт. 196), Пруссскій (§ 271) и Общегерманскій (§ 289) кодексы разсматриваютъ похищеніе, съ противозаконнымъ намѣреніемъ, своей собственной вещи у залогопринимателя или того лица, которому принадлежитъ право пользованія или *держанія* вещи, какъ особенное преступленіе, наказываемое тюремой до трехъ лѣтъ или же денежнымъ штрафомъ до трехъ сотъ талеровъ. *Code pénal* относитъ похищеніе собственныхъ заложенныхъ вещей къ кражѣ (арт. 400). Но по словамъ Chauveau et Hélie практика Французскаго Кассационнаго суда даетъ толкованіе, исключющее въ данномъ случаѣ понятіе кражи. Наше уложеніе о наказаніяхъ не нормируетъ даннаго случая.

Указанныя положенія европейскихъ кодексовъ служатъ отраженіемъ различныхъ взглядовъ теоріи; иные изъ криминалистовъ совершенно исключаютъ похищеніе своей собственной вещи изъ сферы уголовного права; другіе полагаютъ, что оно только тогда должно входить въ эту сферу, если подходитъ подъ понятіе другаго какого нибудь преступленія, какъ то—обмана, самоуправства, или какого либо подобнаго послѣднимъ; третьи—относятъ его къ кражѣ, четвертые считаютъ болѣе цѣлесообразнымъ разсматривать похищеніе своей собственной вещи, если это похищеніе сдѣлано съ противозаконнымъ намѣреніемъ, напримѣръ, съ цѣлью причинить ущербъ лицу, имѣющему иныя права на вещь, кромѣ собственности,—какъ преступленіе *suï generis*¹⁾. Мы присоединяемся къ этому послѣднему мнѣнію, какъ такому, которое, какъ намъ кажется, ближе другихъ отвѣчаетъ природѣ дѣянія. И въ самомъ дѣлѣ—похищеніе своей собственной вещи, находящейся во владѣніи или пользованіи другаго, представляется правонарушеніемъ столь особеннымъ, что римскіе юристы должны были для него изобрѣсть спеціальную терминологію; эта терминологія не шла въ разрѣзъ съ ихъ юридическими понятіями о кражѣ, а потому они и могли относить къ послѣдней названное правонарушеніе. Разъ эта

¹⁾ См. указаніе криминалистовъ у Köstlin'a, *ibid.*, стр. 359—360.

терминологія не отвѣчаетъ современнымъ юридическимъ воззрѣніямъ, развѣ она отвергнута новѣйшими законодательствами,—рождается вопросъ, чѣмъ ее замѣнить? Какъ окрестить злонамѣренное похищеніе своей собственной вещи, находящейся въ пользованіи или владѣніи другого? Разрѣшеніе этого вопроса возможно двумя путями—или путемъ подведенія даннаго правонарушенія подъ существующій цѣль преступленій, или же путемъ созданія изъ него преступленія *sui generis*. Но первый путь не можетъ быть названъ удачнымъ въ этомъ случаѣ, такъ-какъ ни однимъ изъ существующихъ уголовныхъ терминовъ понятіе похищенія своей собственной вещи, по справедливому замѣчанію Гельшнера ¹⁾, не исчерпывается, не обнимается. Ни понятіе самоуправства, ни понятіе мошенничества, ни понятіе кражи—преступленія, подъ которыя чаще всего подводятъ *furtum suae rei*, не обнимаютъ, не исчерпываютъ названнаго правонарушения. Понятіемъ самоуправства не объемлется *furtum suae rei* потому, что, если разсматривать первое, какъ самостоятельное преступленіе, не исчезающее въ понятіи другихъ, то оно предполагаетъ, во первыхъ, наличность силы въ большинствѣ случаевъ, направленной на осуществленіе права, а во вторыхъ—наличность дѣйствительнаго права, на осуществленіе котораго направлена сила ²⁾. Между тѣмъ *furtum suae rei* мыслимо и безъ насилія, даже болѣе—похищеніе тайное или явное, не сопровождающееся насиліемъ, но совершаемое съ злонамѣренной цѣлью причинить ущербъ собственнику,—такое похищеніе, говоримъ мы, и составляетъ главный предметъ спора, юридическаго анализа. Къ тому же, при самоуправствѣ предполагается непремѣнно наличность сознанія, что силой осуществляется *реальное право*, между тѣмъ какъ при *furtum rei suae* такого сознанія часто не только не бываетъ, но напротивъ—лицо не рѣдко дѣйствуетъ съ противоположнымъ сознаніемъ, а именно, съ сознаніемъ того, что оно своимъ дѣяніемъ нарушаетъ чужое право. Само собою разумѣется, что если похищеніе своей вещи совершается при наличности тѣхъ условій, которыя требуются для самоуправства, то послѣднее и будетъ на лицо, но вопросъ тутъ, повторяемъ, ставится не въ такомъ видѣ, а въ иномъ, а именно—какъ слѣдуетъ разсматривать ненасильственное похищеніе собственной вещи, находящейся во владѣніи или пользованіи другого, похищеніе, совершаемое, съ проти-

¹⁾ *ibid.*, стр. 360. ²⁾ Вернеръ, *ibid.*, стр. 245—246; Неклюдовъ, т. I, стр. 129.

незаконнымъ намѣреніемъ, напримѣръ, съ намѣреніемъ не возвращать долга, обезпеченіемъ котораго служила вещь? Не трудно видѣть, что понятіе самоуправства въ этомъ случаѣ непримѣнимо. Точно также и понятіе мошенничества не объемлетъ *furtum rei suae*; въ мошенничествѣ средствомъ похищенія чужаго имущества является обманъ, и этотъ обманъ долженъ предшествовать похищенію¹⁾. Если эти условія при *furtum rei suae* на лицо, то будетъ на лицо и мошенничество, если признавать, что предметомъ мошенничества могутъ быть и отдѣльные моменты права собственности²⁾. Но похищеніе своей собственной вещи мыслимо и безъ обмана; спрашивается, можно ли его и тогда подводить подъ понятіе мошенничества? Очевидно нельзя, если мы не захотимъ нарушить существенныя условія этого понятія. Нельзя, какъ мы уже сказали выше, похищеніе своей собственной вещи включать и въ понятіе кражи. Остается, такимъ образомъ, избрать второй изъ вышеуказанныхъ путей, а именно признать похищеніе своей собственной вещи, совершаемое съ противозаконнымъ намѣреніемъ и не подходящее ни подъ одно изъ существующихъ преступленій,—правонарушеніемъ *sui generis*, что и сдѣлало Прусское, а за нимъ Общегерманское уложеніе.

Изъ того, что своя вещь не можетъ быть объектомъ кражи—не слѣдуетъ, однако, что то же примѣнимо и къ предметамъ общей собственности. Цѣлый рядъ криминалистовъ признаетъ, что воровство возможно и при совмѣстномъ правѣ собственности, но лишь на столько, насколько находящаяся въ совмѣстной собственности вещь не принадлежитъ виновному, и при томъ тогда, когда вещь не находится во владѣніи виновнаго³⁾, такъ-какъ въ противномъ случаѣ будетъ не кража, а утайка. Неклюдовъ отвергаетъ этотъ взглядъ на томъ основаніи, что каждый изъ участниковъ въ общей собственности распоряжается на правахъ собственника (т. X, ч. I, ст. 543) и что растрата собственности общей есть очевидно растрата, а не кража, ибо собственность общая состоитъ въ общемъ владѣніи, а украсть что либо изъ собственнаго владѣнія, ко-

¹⁾ Неклюдовъ, *ibid.*, т. II, стр. 253. ²⁾ *ibid.*, 248; Фойницкій, Мошенничество, ч. II, стр. 44, 47; см. также Рѣш. Угол. Кассаци. Депар. Сената 1869 г., № 321. ³⁾ Бернеръ, перев. Неклюдова, особ. часть, стр. 57. Гуго-Мейеръ, *ibid.*, 441. Костинъ, *ibid.*, стр. 239. Нальсхофъ, *ibid.*, стр. 424. Шантесъ и Нёйе, *ibid.*, стр. 588. Васильевъ, *ibid.*, стр. 228. Галикинъ-Врасскій, Юрид. Вѣстн., 1879 г., июнь, 897.

нечно, невозможно. (Руков. къ особ. части, т. II, стр. 103). Приведенные доводы Неклюдова, какъ мы думаемъ, не колеблютъ общепринятаго взгляда, нами указанного; по слѣдующимъ основаніямъ: 1) вещь можетъ составлять предметъ общей собственности, но находится въ обладаніи, владѣніи одного; участникъ въ общей собственности, похищая такую вещь, посягаетъ не только на часть ему принадлежащую, но и на часть другого, часть для него чужую. 2) Похищеніе этой части будетъ не растрата, какъ думаетъ Неклюдовъ, а кража, такъ-какъ странно было бы, въ самомъ дѣлѣ, признавая кражу въ томъ случаѣ, когда Андрей похищаетъ желѣзный брусъ, купленный имъ вмѣстѣ съ Петромъ, послѣ того какъ этотъ брусъ раздѣленъ на части между покупателями по взаимному согласію, но Андрей оставилъ свою часть у Петра для временнаго храненія, (похищая обѣ части бруса — и свою и Петра, Андрей, очевидно, совершаетъ кражу относительно части бруса, ему не принадлежащей), — такъ странно было бы, говоримъ мы, признавая кражу въ этомъ случаѣ, отрицать ее тогда, когда Андрей похищаетъ брусъ до раздѣла его на соотвѣтственные части. Такое случайное обстоятельство, какъ нераздѣлъ предмета общей собственности, едва ли можетъ измѣнять квалификацію дѣянія, въ которомъ на лицо всѣ элементы кражи. 3) По словамъ самого Неклюдова предметомъ растраты должно быть непременно имущество вѣренное, и этимъ характеромъ объекта растрата отличается отъ кражи. (Руков. *ibid*, стр. 365). Какимъ же образомъ, спросимъ мы, признавать растрату тамъ, гдѣ имущество находится въ обладаніи другого лица, а не похитителя? Такимъ образомъ нельзя не признать совершенно цѣлесообразнымъ рѣшеніе французскаго кассационнаго суда, признавашаго, что членъ ассоціаціи, который съ помощью фальшиваго ключа похитилъ воровски вина, принадлежащаго ассоціаціи, тѣмъ самымъ совершилъ кражу (Hélie, *ibid*, стр. 588). Того же взгляда держались и римскіе юристы; такъ Ульпіанъ говоритъ: *Si socius communis rei furtum fecerit (potest enim communis rei furtum facere), indubitate dicendum est furti actionem competere.* (Chauveau et Hélie, *ibid*, стр. 587).

Къ сказанному о кражѣ общей собственности слѣдуетъ прибавить, что при опредѣленіи мѣры наказанія за похищеніе предмета общей собственности, часть этого предмета, принадлежащая похитителю, должна быть исключена. Это въ особенности должно имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, когда наказаніе за кражу соразмѣряется съ цѣною украденнаго.

Согласно сказанному, изъ числа объектов кражи нельзя исклю-
чать и наслѣдство, и это—не только тогда, когда наслѣдство еще не
открылось, но и въ противоположномъ случаѣ. Римское право въ пер-
вомъ случаѣ установило особенное преступленіе, известное подъ име-
немъ *expilatio hereditatis*, такъ-какъ оно не видѣло здѣсь кражи: *rei
hereditariae furtum non fit*—говорятъ Дигесты (Chauveau et Hélie, *ibid.*,
стр. 582). Новѣйшему праву нѣтъ нужды создавать особенное пре-
ступленіе тамъ, гдѣ на лицо всѣ элементы кражи. Когда похищается
наслѣдство, еще не открывшееся, понятіе кражи не можетъ исчезнуть,
такъ-какъ похититель посягаетъ на имущество, для него пока чужое;
право его на это послѣднее представляется лишь, какъ возможность;
слѣдовательно, это право не—реальное, дѣйствительно существующее,
а лишь предполагаемое, болѣе или менѣе гадательное; а понятіе кражи
исчезаетъ лишь тогда, когда лицо похищаетъ свою вещь, слѣдовательно
ту, которая имъ усвоена, которая подлежить его юридическому гос-
подству. Точно также нельзя отрицать наличности кражи и въ томъ
случаѣ, когда лицо похищаетъ непринадлежащую ему часть открывша-
гося наслѣдства; похищая эту часть, оно похищаетъ имущество, для
него чужое, а слѣдовательно, совершаетъ кражу ¹⁾.

Изъ положенія, что похищаемая вещь должна быть чужая для
вора, а не своя—вытекаетъ, что не можетъ быть совершена должни-
комъ кража въ отношеніи предметовъ, подвергнутыхъ описи и аресту.
для обезпеченія предъявленнаго къ собственнику иска кредиторовъ и
оставленныхъ на храненіе у должника или третьяго лица. Въ самомъ
дѣлѣ, наложеніе ареста на движимое имущество должника не исторгаетъ
у него право собственности на послѣднее; этотъ актъ лишь служитъ
судебнымъ обезпеченіемъ кредитора, могущаго рассчитывать на возвра-
щеніе своего долга, если хватить на то имущества должника, но онъ
не является также актомъ, разрушающимъ право собственности должника
въ отношеніи подвергнутыхъ аресту предметовъ. Такимъ актомъ является
лишь продажа арестованнаго движимаго имущества съ публичнаго торга,
съ совершеніемъ которой должникъ теряетъ право собственности. Поэтому,
должникъ, похищая до момента продажи вещи, подвергнутыя аресту, похи-
щаетъ вещи свои, которыя ему принадлежать, а слѣдовательно, не можетъ

¹⁾ Гуго-Мейеръ, *ibid.*, стр. 440, прим. 8. Köstlin, *ibid.*, стр. 241. Chau-
veau et Hélie, *ibid.*, стр. 584.

быть и рѣши о кражѣ¹⁾. Такого взгляда держится и code Napoléon, (арт. 400), исключаяцій данное правонарушеніе изъ понятія кражи²⁾. Нантъ Кассационный Сенатъ относитъ названное правонарушеніе или къ мошенничеству, или къ утайкѣ (1872 г. № 298, Куликова) или даже къ кражѣ (1875 г. № 354, Фонъ-Керпена).

„Уменьшеніе цѣнности имущества, подвергнутого уже по опредѣленію суда описи и аресту, для обезпеченія предъявленнаго къ собственнику иска, или совершенное изъятіе описаннаго и присужденнаго къ продажѣ имущества, заключая въ себѣ обманъ и похищеніе имущества, на которое кредитору принадлежитъ уже извѣстное право, могутъ почитаться мошенничествомъ (въ смыслѣ уголовного закона), для признанія котораго необходимо, чтобы похищенное имущество было чужое, или по крайней мѣрѣ, чтобы на него простиралось имущественное право другого лица“ (1869 г. № 321, Волейко и Кондратова).

§ 131. Вещь должна быть не только чужая, но *завѣдомо* чужая, т. е. такая, на которую похищающій не можетъ считать себя имѣющимъ право. Такой взглядъ высказалъ Сенатъ по дѣлу крестьянина Ларіонова, обвинявшагося въ томъ, что вмѣстѣ съ сыномъ Афанасіемъ самовольно увезъ ночью сѣно, не смотря на то, что деньги за потопленный сѣнокося были имъ уже возвращены.

Сенатъ нашелъ, что обсужденіе судомъ вопроса: имѣлъ ли Ларіоновъ право на сѣно—доказываетъ, что онъ не признавалъ несомнѣннымъ, чтобы Ларіоновъ увозилъ сѣно завѣдомо чужое съ цѣлью присвоенія его въ свою собственность; взятіе же кѣмъ либо такого имущества, на которое онъ считалъ себя имѣющимъ право, не можетъ составлять кражи, однимъ изъ существенныхъ признаковъ которой есть то, что похититель беретъ вещь завѣдомо чужую (1870, № 1648).

Изъ требованія, что предметомъ кражи должна быть вещь, завѣдомо чужая, вытекаютъ слѣдующія послѣдствія: а) нѣтъ кражи, когда лицо похищаетъ вещь, которая ему принадлежитъ, не зная этого послѣдняго обстоятельства, т. е. думая, что похищаемая вещь принадлежитъ лицу постороннему³⁾. Сенатъ въ только что приведенномъ рѣшеніи принялъ въ основаніе субъективный моментъ: „взятіе кѣмъ либо имущества, на которое онъ считалъ себя имѣющимъ право, не можетъ составлять кражи.“ Думаемъ, что и объективный моментъ, т. е. дѣйствительная принадлежность вещи другому, не долженъ быть игнорированъ, такъ-какъ въ противномъ случаѣ недоставало бы сущест-

¹⁾ Chauveau et Hélie, т. VI, стр. 571. ²⁾ ibid. ³⁾ Chauveau et Hélie, ibid., стр. 574.

веннаго условія состава преступленія кражи—чужой вещи. А составъ преступленія, какъ извѣстно, слагается изъ субъективныхъ и объективныхъ элементовъ, и отсутствіе тѣхъ или другихъ безразлично разрушаетъ понятіе даннаго преступленія; в) нѣтъ кражи, когда похищающій по ошибкѣ считаетъ себя собственникомъ похищаемой вещи, а также, когда онъ совершаетъ похищеніе съ согласія собственника или владѣльца вещи ¹⁾. Достаточно согласія одного изъ нихъ. (Рѣш. угол. кассацион. департа. Сен. 1871 г. № 1417, Матухина). Похищая вещь съ согласія собственника, виновный не нарушаетъ права собственности, а можетъ нарушить лишь право владѣнія, если вещь находится во владѣніи не собственника, а третьяго лица,—въ какомъ случаѣ можетъ идти рѣчь лишь о *furtum possessionis*, которое, какъ мы выше сказали, рациональнѣе всего разсматривать, какъ преступленіе *vis generalis*. Общегерманское уложеніе, предусматривая похищеніе вещи, находящейся въ чужомъ владѣніи или пользованіи, въ пользу собственника, а слѣдовательно, и съ согласія послѣдняго, относитъ его къ роду специальныхъ правонарушеній (арт. 289), окрещенныхъ терминомъ—*strafbarer Eigennutz*. При похищеніи же вещи съ согласія владѣльца не можетъ быть рѣчи о кражѣ потому, что похищающій часто не знаетъ, кому, какъ собственнику, принадлежитъ вещь, а если бы и зналъ, то это знаніе не можетъ превратить совершеннаго дѣянія въ кражу, для наличности которой необходимо, чтобы похититель не могъ считать себя имѣющимъ право на вещь; при похищеніи же послѣдней съ согласія ея владѣльца, передающаго ео *ipso* свое право похитителю, нельзя сказать, чтобы не было субъективныхъ, а можетъ быть и объективныхъ основаній похитителю считать за собою право на вещь. По нашему законодательству представляется еще и специальное основаніе отвергать въ данномъ случаѣ кражу; по уложенію о наказаніяхъ кража есть *тайное* похищеніе чужой движимой вещи; здѣсь же похищеніе совершается явно и при томъ съ дозволенія лица, имѣющаго извѣстное право на вещь. Кромѣ того, *тайное* похищеніе означаетъ не только похищеніе сокровенное отъ чужихъ глазъ, но и такое, которое совершается „безъ вѣдома и согласія“ хозяина вещи или владѣльца (Рѣш. угол. кассацион. департа. Сената 1869 г. № 649, Яковлева; 1871 г. № 1417, Матухина). Слѣдовательно, похищеніе, совершаемое съ согла-

¹⁾ Неклюдовъ, Рубовъ къ особ. части угол. права, т. II, стр. 109. Спосынъ, „О воровствѣ-кражѣ“, Ж. М. Ю., 1859, августа, стр. 5.

сія Хозяина вещи или ея владѣльца, не будетъ тайное, а потому и негодится для понятія кражи. Но согласіе собственника можетъ быть не выражено формально; похититель можетъ bona fide думать, хотя бы и ошибочно, что собственникъ даетъ согласіе на похищеніе. Какъ разсматривать такой случай, а также и другой, когда собственникъ даетъ согласіе на похищеніе безъ вѣдома похитителя? Мы думаемъ, что оба случая должны быть разрѣшены не въ смыслѣ кражи¹⁾. Въ первомъ случаѣ нѣтъ кражи, потому что похититель, предполагающій согласіе собственника, имѣетъ то субъективное право, которое выражено въ приведенной цитатѣ Сената, а именно, онъ можетъ считать себя имѣющимъ право на вещь. Выраженіе Дигестовъ: „Is solus fur est, qui attrectavit, quod invito domino se facere scivit“²⁾ находятъ въ данномъ случаѣ свое умѣстное примѣненіе. Этотъ взглядъ раздѣляется и Правительствующимъ Сенатомъ, признавшимъ, что къ преступленію кражи не можетъ быть приравнено открытое обращеніе обвиняемыми въ свою пользу смѣтеной съ мельничныхъ снастей муки, которую они полагали предоставленною въ ихъ распоряженіе (1874 № 62, Петрова). Точно также нельзя видѣть кражу и во второмъ случаѣ, по тому коренному принципу уголовного права, который выражается изреченіемъ: *volenti non fit injuria*. Теорія почти безспорно примѣняетъ этотъ принципъ по отношенію къ преступленіямъ противъ имущества. То же обстоятельство, что соизволеніе собственника вещи не извѣстно похитителю, очевидно, не можетъ нарушить силу названнаго принципа. Но соизволеніе слѣдуетъ отличать отъ поущенія съ цѣлью послѣдующаго затѣмъ захвата и изобличенія вора; такое поущеніе не отнимаетъ у дѣянія характера кражи³⁾. с) Нѣтъ кражи, когда похищающій считаетъ себя имѣющимъ право на вещь, хотя бы то не было право собственности; въ этомъ случаѣ слѣдуетъ избѣгать смѣшенія самоуправства съ воровствомъ. Поэтому, не будетъ кражей похищеніе кредиторомъ имущества должника въ уплату по обязательству послѣдняго, если, конечно, судомъ будетъ констатировано намѣреніе кредитора—удовлетворить себя по обязательству⁴⁾. Римское право, по словамъ Шово и Эли (*ibid.*, т. VI, 566) также не видѣло въ этомъ случаѣ кражи.

¹⁾ Гуго-Мейеръ, *ibid.*, 451; Гельшнеръ, *ibid.*, 427. Oppenheim, *das Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich*, Note 40 zu § 242. ²⁾ Chauveau et Hélie, *ibid.*, 592. ³⁾ Гуго-Мейеръ, *ibid.*, 452; сравн. Chauveau et Hélie, *ibid.*, стр. 593. ⁴⁾ Меркель, *ibid.*, 267. Hélie, *ibid.*, 566—568.

Не будетъ также кражей похищеніе имущества спорнаго до разрѣшенія предмета спора судомъ; но понятіе кражи въ этомъ случаѣ не примѣнимо лишь до тѣхъ поръ, пока есть основаніе признавать за похитителемъ bona fides, т. е. что онъ могъ считать за собою дѣйствительное право на вещь; въ противномъ случаѣ, т. е. когда изъ обстоятельствъ дѣла видно, что похититель не могъ имѣть никакихъ основаній считать себя имѣющимъ право на вещь, — что, напротивъ, онъ скорѣе сознавалъ всю неосновательность своей претензіи и въ то же время рѣшился завладѣть спорнымъ предметъ до разрѣшенія таковы судомъ — нѣтъ основанія исключать понятіе кражи; по справедливому замѣчанію Chauveau et Hélie спорный характеръ предмета составляетъ презумцію, благопріятную для похитителя, но эта презумція можетъ быть разрушена фактически¹⁾; d) нѣтъ кражи, когда похищается вещь, неимѣющая собственника, юридическаго или фактическаго владѣльца. Въ этомъ отношеніи можно различать: 1) вещи безхозяйныя — res nullius. Такія вещи, какъ не имѣющія хозяина, т. е. лица, проявляющаго или могущаго проявлять надъ ними свое господство, не могутъ быть названы чужими по отношенію къ похитителю, а потому не могутъ быть и объектомъ кражи, объектомъ преступнаго посягательства, предполагающаго нарушеніе чьей либо права. Поэтому, изъ числа объектовъ кражи исключаются: непойманная дичь, рыба, водящаяся въ открытыхъ водахъ, какъ предметы, не освоенныя человекомъ, не подчиненныя его господству. На этомъ основаніи наше законодательство (Уст. о нак., ст. 146) разсматриваетъ самовольную охоту, рыбную или иную ловлю на чужихъ земляхъ или въ чужихъ лѣсахъ и водахъ, не какъ кражу, а какъ особенный проступокъ противъ чужой собственности, причислявшійся въ Улож. 1857 г. (разд. XII, ст. 2180) къ видамъ неправильнаго пользованія выгодами чужаго имѣнія. Но названные выше предметы становятся объектомъ кражи всякій разъ, какъ только человеку удалось усвоить ихъ, положить на нихъ или вокругъ ихъ печать своего господства, или другими словами — завладѣть ими. Слѣдовательно, дичь убитая, прирученная, спрятанная въ огороженномъ звѣринцѣ, рыба и нырки въ садкахъ и друдахъ, могутъ быть объектомъ кражи, такъ-какъ въ такомъ видѣ они представляются имѣющими владѣльца, а слѣдовательно, не могутъ быть названы res nullius. Согласно съ этимъ, Уложеніе 1866 г. снятіе рыбы съ чужихъ снастей

¹⁾ ibid.; ср. Рѣш. угод. департ. Сената 1870 г., № 1648.

относить къ кражѣ (ст. 921), а Уложение 1857 г. туда же причисляло похищеніе звѣрей изъ звѣринцевъ, ульевъ съ пчелами, рыбы изъ прудовъ и т. п. (ст. 2239). Но воровство названныхъ предметовъ является лишь тогда, когда похититель ими *завладѣетъ*; поэтому, убійство чужихъ прирученныхъ голубей въ интересѣ сохраненія своихъ полей не будетъ кражей до тѣхъ поръ, пока за этимъ фактомъ не послѣдуетъ похищеніе, т. е. завладѣніе съ намѣреніемъ присвоенія ¹⁾. Такого же взгляда, кажется, держится и Сенатъ, признающій въ убоѣ животныхъ съ цѣлью воспользоваться ими, не самостоятельное правонарушеніе, предусматриваемое 153 ст. Устава о наказаніяхъ, а кражу. (1874 г. № 638).

Въ безхозяйственнымъ вещамъ можно причислить и человѣческіе труды, а также ихъ одѣянія ²⁾; похищеніе этихъ предметовъ наказуемо не потому, чтобы они составляли часть той имущественной сферы человѣка, которую онъ оберегаетъ и неприкосновенность которой онъ защищаетъ по соображеніямъ ея матеріальной пользы, какъ это имѣетъ мѣсто въ воровствѣ-кражѣ, а потому, что соображенія религіознаго и моральнаго культа заставляютъ человѣка охранять неприкосновенность названныхъ предметовъ. Вслѣдствіе этого похищеніе послѣднихъ должно составлять особое преступленіе, отличное отъ состава кражи ³⁾. Такой взглядъ раздѣляется нѣкоторыми изъ иностранныхъ законодательствъ ⁴⁾; другіе же кодексы, въ томъ числѣ и наше Уложение (ст. 1659 и 1 п. 170 ст. Уст. о нак.), видятъ въ данномъ случаѣ кражу. Впрочемъ, по нашему Уложенію, кражей признается лишь похищеніе съ мертваго, безъ разрытія могилъ; похищеніе же, сопровождающееся разрытіемъ могилъ, разсматривается какъ особенное преступленіе (234 ст.).

2) Вещи общія для всѣхъ—*res communis omnium*—не могутъ быть объектомъ кражи, какъ такіа, которыя служатъ для *общаго* пользованія, какъ напримѣръ вода, воздухъ. Съ понятіемъ о такихъ вещахъ мы не соединяемъ представленія о чужой вещи, чужомъ имуществѣ, и посягая на нихъ, не думаемъ, что нарушаемъ тѣмъ чье либо право. Но *res communis omnium* могутъ быть исключаемы изъ числа объектовъ кражи только до тѣхъ поръ, пока они путемъ выдѣленія не перешли въ составъ предметовъ частной собственности. Поэтому, вода и воздухъ, выдѣленные человѣкомъ изъ общаго ихъ, такъ сказать, резервуара въ особое, специально для того назначенное, хра-

¹⁾ Chauveau et Hélie, *ibid.*, стр. 581. ²⁾ Меркель, *ibid.*, 267; Кестлинъ, *ibid.*, 240. ³⁾ Chauveau et Hélie, *ibid.*, стр. 405. ⁴⁾ Code Napoléon, ст. 360.

нилище, какъ напримѣръ, въ водопроводѣ, становятся объектами кражи. Исключать ихъ въ этомъ случаѣ изъ числа предметовъ кражи едва ли основательно потому, что, выдѣленные въ особыя хранилища, они входятъ въ составъ имущественной сферы человѣка, дорожащаго ими также, какъ и другими частями своего имущества. Вода и воздухъ, находящіеся въ ихъ естественномъ резервуарѣ,—въ рѣкѣ, озерѣ, въ открытомъ мѣстѣ, потому не представляются возможными предметами преступнаго посягательства въ видѣ кражи, что они въ такомъ своемъ видѣ не усвоены человѣкомъ, не изъяты въ частное владѣніе, сохраненіе. Но лишь только человѣкъ, употребивъ трудъ, изъялъ ихъ изъ *общаго*, такъ сказать, пользованія, усвоилъ ихъ,—онъ тѣмъ самымъ положилъ на нихъ печать своего личнаго господства и включилъ ихъ въ сферу *своихъ* вещей, а слѣдовательно, чужихъ относительно всѣхъ другихъ лицъ. Трудъ—эта великая социальная и экономическая сила—является тѣмъ элементомъ, который придастъ вещи, продукту даровыхъ силъ природы, значеніе предмета имущественной сферы. Неключдовъ, праз-
навая газъ возможнымъ объектомъ кражи, отвергаетъ указанный взглядъ относительно похищенія воды, взглядъ, проникшій въ западно-европейскую науку¹⁾,—на томъ основаніи, что „при кражѣ воды нѣтъ и рѣчи о кра-
жѣ *чужаго* имущества, ибо вода проводится изъ общественнаго резер-
вуара: рѣки, канала и т. п., т. е. изъ такого мѣста, откуда каждый можетъ брать ее бесплатно; кража ея точно также невозможна, какъ и кража вольной птицы; то обстоятельство, что вода крадется изъ во-
допровода, т. е. особо устроеннаго приспособленія, нисколько не измѣ-
няетъ значенія воды, ибо водопроводчики не создаютъ сами искусст-
венно воду, а только даютъ ей пригодный для нихъ истокъ изъ общаго
резервуара“²⁾. Мы не можемъ согласиться съ приведенными доводами
названнаго криминалиста, такъ-какъ они основаны лишь на томъ, что
водопроводчики сами не создаютъ искусственно воду, а только даютъ
ей пригодный для нихъ истокъ изъ общаго резервуара. Но вѣдь и
грибы, растущіе въ лѣсахъ, не создаются искусственно людьми, а
между тѣмъ похищеніе ихъ, послѣ того какъ они отдѣлены отъ почвы

¹⁾ Гуго-Мейеръ, *ibid.*, стр. 440, примѣч. 7. Бернеръ, *Lehrbuch, achte Auflage*, стр. 528. Въ 1849 г. въ Амстердамѣ окружной судъ разбиралъ дѣло о похищеніи газа и призналъ его возможнымъ объектомъ кражи (Ю. В., 1867—1868 г., № 11, стр. 63—67).

²⁾ Рук. къ особ. части, т. II, стр. 106.

и перешли въ частное хранилище, будетъ ничѣмъ инымъ, какъ кражей. Аналогія между этими двумя предметами возможна потому, что народный взглядъ, на который ссылается Неклюдовъ, не признаетъ вопреки нашему законодательству (Уст. о наказ., ст. 145) срываніе грибовъ въ чужомъ лѣсу какимъ либо правонарушеніемъ; напротивъ, по народному взгляду похищеніе грибовъ—дѣяніе совершенно безъличное въ правовомъ отношеніи¹⁾, такъ-что, согласно народному взгляду, грибы, связанныя съ лѣсной почвой, могутъ быть названы также какъ и вода, *res communis omnium*. Отчего же, послѣ этого, похищеніе воды изъ водопровода не будетъ кражей, въ то время, какъ похищеніе грибовъ, собранныхъ въ корзину, представить таковую? И тамъ и здѣсь предметъ пользованія не созданъ искусственно человѣкомъ, который лишь воспользовался даровымъ даяніемъ природы, приспособивъ послѣднее такъ, какъ имъ удобнѣе располагать для своихъ потребностей. Разница въ способѣ *приспособленія*, здѣсь существующая, вытекаетъ изъ свойства самихъ предметовъ пользованія, но она не можетъ измѣнять однохарактерности дѣяній и усваивать имъ различную квалификацію²⁾.

Расходясь съ почтеннымъ криминалистомъ во взглядѣ на поставленный вопросъ, мы, однако, считаемъ нужнымъ оговориться, что законодатель долженъ согласоваться съ народными юридическими воззрѣніями на данное дѣяніе, и если послѣднія относятся къ нему снисходительно, отличаютъ его по важности отъ другихъ однородныхъ дѣяній, то и законодатель обязанъ не пренебрегать этимъ различіемъ въ юридическихъ воззрѣніяхъ народа и установить для менѣ преступнаго, съ точки зрѣнія народа, дѣянія меньшую наказуемость, включивъ его, такимъ образомъ, въ разрядъ привилегированныхъ дѣяній даннаго рода.

§ 132. II. *Предметомъ кражи должна быть вещь, находящаяся въ чужомъ владѣніи*. Изъ того, что не можетъ быть объектомъ кражи вещь, не имѣющая собственника, юридическаго или фактическаго владѣльца, слѣдуетъ, что предметомъ кражи можетъ быть только та вещь, которая находится въ чужомъ владѣніи или сохраненіи. Подъ владѣніемъ здѣсь слѣдуетъ разумѣть главнымъ образомъ распорядительную власть надъ вещью³⁾; поэтому безразлично, находится ли вещь въ обладаніи или владѣніи собственника, юридическаго или фактическаго

¹⁾ Юридическія воззрѣнія, записанныя нами въ Полтавской губерніи.

²⁾ Того же мнѣнія Фойницкій, Мошенничество, часть 2-я, стр. 28.

³⁾ Бернеръ, перев., особ. часть, стр. 58.

владѣльца, т. е. просто держателя ея. Но владѣніе не слѣдуетъ понимать лишь въ смыслѣ физической связи лица съ вещью; оно будетъ и тогда, когда изъ положенія вещи можно заключить, что она имѣетъ владѣльца. Похититель можетъ ближе находиться физически къ вещи, чѣмъ ея собственникъ или владѣлецъ, но это не исключаетъ понятія кражи. Кто стоитъ возлѣ срубленнаго дерева въ лѣсу имѣетъ ближайшую возможность распоряжаться деревомъ, чѣмъ отдаленно живущій собственникъ, и однако дерево, какъ справедливо замѣчаетъ Гельшеръ ¹⁾, находится во владѣніи послѣдняго, а не перваго. Такимъ образомъ, для понятія владѣнія безразлично, близко или далеко отстоятъ собственникъ отъ вещи; требуется только, чтобы изъ внѣшняго положенія вещи было очевидно, что она имѣетъ владѣльца. Поэтому объектами кражи могутъ быть не только тѣ предметы, которые по своей природѣ не могутъ быть защищены, какъ напр. деревья, сложенные въ разныхъ мѣстахъ лѣса, но и такіе, которые обыкновенно кладутся человекомъ подъ заперъ, какъ-то плугъ, оставленный въ полѣ, инструменты, не взятые съ мѣста постройки, и т. п. ²⁾. Всѣ такіе предметы большею частью самымъ своимъ положеніемъ свидѣлствуютъ, что они имѣютъ собственника или владѣльца.

Изъ того, что владѣніе не слѣдуетъ понимать лишь въ смыслѣ физической связи лица съ вещью, вытекаетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда эта связь отсутствуетъ, долженъ быть на лицо другой элементъ, утверждающій владѣніе. Такимъ элементомъ является воля лица. Такимъ образомъ, владѣніе есть, прежде всего, извѣстное отношеніе воли лица къ вещи, и если это отношеніе существуетъ и тогда, когда вещь находится далеко отъ лица, не состоя съ нимъ въ отношеніи физической близости и возможности скорого и непосредственнаго воздѣйствія, господства,—то существуетъ и самое владѣніе. Такъ, даже собаки, свободно бѣгающіе вокругъ, отроившіяся пчелы находятся въ чужомъ владѣніи, пока первыя не сбѣжали, вторыя не улетѣли, и, слѣдовательно похищеніемъ ихъ съ цѣлью присвоенія совершается кража ³⁾.

Отъ этого взгляда, кажется, недалеко и Сенатъ, признавшій по дѣлу объ отставномъ рядовомъ Ивановѣ, обвинявшемся въ держаніи у себя чужаго поросенка, при отсутствіи доказательствъ кражи или покупки завѣдомо краденаго, что Ивановъ можетъ обвиняться или въ простой кражѣ поросенка или въ покушѣ его завѣдомо краденымъ или въ задержаніи забѣ-

¹⁾ *ibid.*, стр. 430. ²⁾ *ibid.*, стр. 431. ³⁾ Гуго-Мейеръ, *ibid.*, стр. 442.

жавшаго поросенка безъ увѣдомленія о томъ полиціи, т. е. въ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ въ 169, 172 и 180 ст. уст. о наказ., но никакъ не въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 1604 ст. улож. о нак., ибо подводить подъ дѣйствіе этой статьи тотъ случай, когда чужое животное кто либо беретъ съ чужаго двора или изъ хлѣва съ цѣлью имъ воспользоваться и тайно отъ хозяина—значило бы допустить невозможность преслѣдованія въ кражѣ всякаго домашняго животнаго изъ незапертыхъ помѣщеній. (Общ. Собр. Сенат. 1874—75 г., № 17, Иванова).

При наличности воли, желающей господства, все равно—владѣть ли лицо вещью юридически, т. е. съ намѣреніемъ имѣть вещь исключительно для себя—*cum animo rem sibi habendi*—съ исключеніемъ господства другихъ, будь это въ силу права или вопреки ему,—или же оно удерживаетъ вещь для другаго; необходимо только обнаруженіе воли лица господствовать надъ вещью и дѣйствительное поставленіе себя въ связь съ вещью съ явно обнаруженнымъ желаніемъ господства¹⁾. Но это господство распространяется на всѣ вещи, которыя находятся въ томъ кругу, въ томъ пространствѣ, въ которомъ обнаруживается воля лица, запечатлѣнная характеромъ такого господства; слѣдовательно лицо можетъ владѣть вещами, не зная специально каждой вещи въ отдѣльности; такъ, лицо, владѣющее домомъ, владѣетъ всѣми его частями, владѣющее кучею фруктовъ, владѣетъ всѣми отдѣльными плодами, хотя и не знаетъ всѣхъ этихъ частей или штукъ. Точно также господство воли лица надъ вещью, годное для владѣнія, какъ распорядительной власти надъ послѣднею, продолжается и тогда, если вещь, находящаяся въ кругѣ моего господства, перенесена, представлена въ предѣлахъ этого круга такъ, что я не могу въ данный моментъ располагать вещью. Идя далѣе, мы должны сказать, что названное господство воли владѣльца покрываетъ и тѣ вещи, которыя случайно попадаютъ въ кругъ этого господства, при чемъ не требуется, чтобы хозяинъ этого круга выразилъ волю господствовать и надъ этими вещами. Поэтому пальто, забытое посѣтителемъ въ гостинницѣ или въ частномъ домѣ, поступаетъ во владѣніе хозяина этихъ мѣстъ, хотя бы послѣдній и не зналъ, что у него забыты чужія вещи. Это соображеніе имѣетъ то практическое значеніе, что названный хозяинъ не можетъ совершить кражи забытыхъ въ его домѣ или гостинницѣ вещей; онъ совершаетъ присвоеніемъ этихъ вещей не кражу, такъ-

¹⁾ Гуго-Мейеръ, *ibid*, 441. Гельшнеръ, *ibid.*, 430.

какъ кража есть похищеніе вещи изъ *чужаго владѣнія*, а утайку. Но господство воли хозяина извѣстнаго круга перестаетъ покрывать чужія вещи, туда попавшія, всякій разъ, какъ только владѣлецъ этихъ вещей находится также въ данномъ кругѣ постоянно или временно. Такое мѣстонахожденіе хозяина вещей, о которыхъ идетъ рѣчь, связываетъ его волю съ вещью, и владѣніе считается за нимъ, если только онъ не передастъ его кому либо другому. Поэтому тотъ же посѣтителъ частнаго дома или гостинницы, оставившій пальто на вѣшалкѣ и не передавшій сохраненіе его хозяину этихъ мѣстъ или его слугамъ, сохраняетъ за собою владѣніе своею вещью. Его воля господствовать надъ вещью не передана, не уступлена другому, слѣдовательно, и владѣніе остается за нимъ. Что же касается воли хозяина, господствующей въ данномъ кругѣ, то она не покрываетъ названной чужой вещи на томъ простомъ основаніи, что при одновременной коллизіи частной непосредственной воли владѣльца вещи и общей воли хозяина того помѣщенія, куда попала вещь, послѣдняя воля должна уступать первой. Такимъ образомъ, воля, господствующая въ извѣстномъ кругѣ, простирается и на чужія вещи, случайно туда попавшія, лишь до тѣхъ поръ, пока не сталкивается съ частной и непосредственной волей владѣльца вещи, оставляющаго за собою господство надъ послѣднею. Отсюда слѣдуетъ, что, такъ какъ хозяинъ гостинницы или частнаго дома не приобретаетъ владѣнія надъ вещами посѣтителей его помѣщенія, когда послѣдніе не передали ему сохраненія своихъ вещей и сами остаются въ названномъ помѣщеніи,—то похищеніемъ этихъ вещей онъ совершаетъ кражу, а не утайку¹⁾. Изъ сказаннаго выше также слѣдуетъ, что достаточно одного только владѣнія вещью въ смыслѣ сохраненія, чтобы исчезло понятіе кражи по отношенію къ ея временному держателю или хранителю. Но понятіе кражи, исчезающее по отношенію къ временному держателю, является на лицо по отношенію къ всякому третьему лицу, кромѣ собственника, похищающему вещь, находящуюся въ такомъ временномъ сохраненіи. Поэтому, если временный держатель вещи совершаетъ похищеніемъ ея утайку, то всякій другой, кромѣ собственника—кражу. Такимъ образомъ для понятія кражи достаточно иногда похищенія вещи изъ *чужаго владѣнія*, въ смыслѣ сохраненія.

§ 133. Сохраненіе приобретается не только однимъ обнаруженіемъ воли господствовать надъ вещью, но и дѣйствительнымъ поставленіемъ себя

¹⁾ Гельшнеръ, *ibid.*, 433.

въ связь съ вещью съ наличностью такой воли; прекращается съ прекращеніемъ воли господствовать надъ вещью, что выражается отказомъ, оставленіемъ вещи, перенесеніемъ сохраненія на другое лицо. При перенесеніи сохраненія на другое лицо, это послѣднее присвоеніемъ вещи совершаетъ лишь утайку, а не кражу, хотя бы юридическій владѣлецъ вещи, перенесшій ея сохраненіе на другое лицо, остался бы почти при прежнихъ условіяхъ фактическаго господства надъ вещью. Въ самомъ дѣлѣ, хозяинъ меблированныхъ комнатъ, отдающій ихъ въ наемъ и оставляющій у себя одинъ изъ ключей къ нимъ, сохраняетъ почти прежнюю возможность господства надъ своею мебелью, а между тѣмъ сохраненіе передано наемщику и тотъ присвоеніемъ мебели совершаетъ утайку, а не кражу ¹⁾. Но если сохраненіе можетъ быть передано не смотря на то, что юридическій владѣлецъ вещи остается почти при прежнихъ условіяхъ фактическаго господства надъ послѣдней, — то понятно, что эта передача должна быть принимаема тѣмъ болѣе въ томъ случаѣ, когда, отдавая запертый сундукъ на сохраненіе, удерживаютъ у себя ключи къ нему ²⁾. Но здѣсь, говорятъ, слѣдуетъ отличать отдачу вещи на сохраненіе по праву поклажи и простое оставленіе ея въ чужомъ жилищѣ запертой въ какомъ нибудь хранилищѣ, отъ котораго ключъ не переданъ владѣльцу помѣщенія. Въ первомъ случаѣ, говорятъ, будетъ нарушеніе договора поклажи, во второмъ — кража, такъ-какъ вещи не были ввѣрены домохозяину; запертыя въ хранилищѣ, онѣ продолжали оставаться *во владѣніи* собственника ихъ; слѣдовательно, похищеніемъ ихъ хозяинъ помѣщенія совершаетъ кражу ³⁾. Всѣ эти соображенія сводятся къ тому, что въ передачѣ сохраненія сундука, хранилища, не хотятъ видѣть вмѣстѣ съ тѣмъ и передачи сохраненія тамъ положенныхъ предметовъ, — если только ключъ остался у собственника сундука. Мы не можемъ принять такого взгляда, такъ-какъ не допускаемъ отдѣленія сохраненія вмѣщаемаго отъ сохраненія вмѣстителя. Собственникъ вещи, полагая ее подъ запоръ въ сундукъ, тѣмъ самымъ сохраненіе ея *подчиняетъ* послѣднему; онъ это сохраненіе *переноситъ* на запертое хранилище, будучи увѣренъ, что въ этомъ хранилищѣ вещь безопаснѣе можетъ сохраняться; за собою же онъ оставляетъ заботу лишь о сохраненіи сундука. Сохраняя сундукъ, онъ

¹⁾ Гельшнеръ, *ibid.*, 430. ²⁾ Гуго-Мейеръ, *ibid.*, 442, примѣч. 15.

³⁾ Chauveau et Hélie, *ibid.*, стр. 552, таковъ же взглядъ и франц. кассационнаго суда, *ibid.*

ео ipso сохраняетъ и запертую въ немъ вещь, но не наоборотъ. Слѣдовательно, сохраненіе запертой вещи поглощается, такъ сказать, сохраненіемъ хранилища. А отсюда прямой выводъ тотъ, что съ приобрѣтеніемъ сохраненія хранилища, ео ipso приобрѣтается и сохраненіе вещей, туда положенныхъ, и что не можетъ быть передано первое безъ того, чтобы не было передано и второе. Другими словами, собственникъ запертаго сундука, передавая третьему лицу сохраненіе послѣдняго, ео ipso передаетъ и сохраненіе тамъ лежащихъ вещей, а потому третье лицо присвоеніемъ послѣднихъ, хотя бы то было и со взломомъ сундука, совершаетъ утайку, а не кражу ¹⁾. Такъ смотритъ и наше законодательство; ст. 2107 перв. части X т. постановляетъ: „Отвѣтчикъ, который отперъ или распечаталъ ввѣренныя ему вещи или деньги и будетъ по суду изобличенъ въ присвоеніи себѣ сихъ вещей или денегъ или части ихъ, подвергается наказанію, опредѣленному въ Уложеніи о наказаніяхъ изд. 1866 г., въ статьяхъ 1681 и 1682 и ст. 177 устав. о наказан., налагаемыхъ мировыми судьями“; а въ названныхъ статьяхъ рѣчь идетъ о присвоеніи или растратѣ. Согласно съ симъ рѣшаетъ данный вопросъ и Сенатъ, который говоритъ, что въ приведенныхъ статьяхъ растрата ввѣреннаго на сохраненіе имущества не приравнивается къ воровству и не дѣлается различія растраты запечатанныхъ или запертыхъ и незапечатанныхъ предметовъ, ввѣренныхъ и принятыхъ на сохраненіе (1869 г. № 961, Корнилова). Впрочемъ, взгляды нашего законодательства на похищеніе изъ запертаго хранилища вещей, туда положенныхъ, лицомъ, которому само хранилище передано на сохраненіе, какъ на присвоеніе или растрату, окончательно установился лишь съ изданіемъ уложенія о наказаніяхъ 1866 года. До него же въ законодательствѣ въ этомъ отношеніи замѣтно было колебаніе; такъ, Уложеніе 1857 года (ст. 2272) помѣщаетъ аналогичный съ даннымъ случай, а именно похищеніе виновнымъ ввѣреннымъ ему запечатанными вещами, въ отдѣлѣ о присвоеніи и утайкѣ чужой собственности, но назначаетъ наказаніе, опредѣленное за кражу со взломомъ.

Возможно, что на одну и ту же вещь сохраненіе принадлежитъ многимъ лицамъ. Спрашивается, какъ разсматривать похищеніе вещи, совершенное однимъ изъ такихъ лицъ? Возьмемъ примѣръ. Касса, принадлежащая банку, заперта тремя различными замками, отъ которыхъ ключи ввѣрены тремъ членамъ правленія. Одинъ изъ членовъ

¹⁾ Ср. Баршевъ, Юрид. замѣтки, Ю. В., 1867—1868 г., стр. 59—63.

похищаетъ остальные два ключа и присвоиваетъ себѣ содержаніе кассы. Въ данномъ примѣрѣ мы видимъ утайку или присвоеніе ввѣреннаго, но не кражу, по слѣдующимъ основаніямъ. Прежде всего нельзя не замѣтить, что понятіе сохраненія логически не дѣлимо; разъ вещь ввѣрена, она находится въ неразрывномъ сохраненіи даннаго лица. Участіе другихъ лицъ въ этомъ отношеніи можетъ имѣть значеніе лишь какъ обезпеченіе сохраненія вещи, подобно тому, какъ поручитель при займѣ является, какъ гарантія исправной уплаты долга. То же обстоятельство, что посягающій на кассу предварительно похищаетъ ключи другихъ членовъ правленія, составляетъ особое правонарушеніе, отличное отъ похищенія кассы, при чемъ не слѣдуетъ забывать, что виновный, вмѣсто похищенія ключей, могъ взломать замки и захватить кассу. Съ точки же зрѣнія присвоенія безразлично, какимъ способомъ лицо открываетъ ввѣренное хранилище, гдѣ находится похищаемая вещь; существенно лишь требованіе, чтобы чужое имущество было отдано для сохраненія или ввѣрено для опредѣленнаго употребленія (1870 г. № 509, Новиковой)¹⁾.

§ 134. Изъ требованія, что объектомъ кражи должна быть вещь, находящаяся въ чужомъ владѣніи или сохраненіи, слѣдуетъ, что понятіе кражи не распространяется а) на вещи безхозяйныя — *res nullius*; б) на вещи брошенныя — *pro derelictis habitae* и с) на вещи потеряныя. Потеряныя вещи въ рукахъ случайнаго владѣльца, ихъ обрѣтшаго, получаютъ названіе найденныхъ вещей. Наше законодательство присвоеніе найденныхъ вещей рассматриваетъ какъ утайку. Что же спрашивается, наше законодательство разумѣетъ подъ найденными вещами или же подъ находкой? До изданія устава о наказаніяхъ находкою называлось обрѣтеніе вещей и другихъ движимыхъ имуществъ, которыхъ владѣлецъ неизвѣстенъ (I ч. X т., ст. 538). Въ уставѣ же о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, понятіе находки расплывчато на два подвѣда: 1) обрѣтеніе вещей, коихъ хозяинъ извѣстенъ нашедшему (ст. 178) и 2) обрѣтеніе вещей, коихъ хозяинъ не извѣстенъ (ст. 179). Такимъ образомъ найденными вещами по нашему праву считаются не только тѣ, хозяина которыхъ я не знаю, но и тѣ, хозяинъ которыхъ мнѣ извѣстенъ. Понятно, что это послѣднее выраженіе требуетъ разъясненія, иначе можно ему придать слишкомъ широкій смыслъ.

¹⁾ Ср. Меркель, *Handbuch des deutschen Strafrechts*, von Holtzendorff, т. III, стр. 639, note 3. Гуго-Мейеръ, *ibid.*, стр. 442.

своемъ сочиненіи по астрономіи, Варронъ представлялъ себѣ землю, какъ имѣющую форму яйца.

Витрувій (Marcus Vitruvius Pollio), жившій во время Августа, обнаружилъ свои математическія познанія въ своемъ сочиненіи „Архитектура“ въ 10 книгахъ*). Сочиненіе это написано между 15 и 12 годами до Р. Х. Кроме этого Витрувій, по порученію Августа, устраивалъ машины для военныхъ цѣлей.

Фронтинъ (Sextus Julius Frontinus), жившій въ концѣ I в. по Р. Х., современникъ Веспасіана и Траяна. Фронтинъ написалъ сочиненіе „О водоснабженіи“**), а также другое „О военномъ искусствѣ“***); императоръ Нерва сдѣлалъ Фронтину завѣдывающимъ всѣми водопроводами города Рима.

Шаль приписываетъ Фронтину сочиненіе по Геометріи, содержаніе котораго измѣреніе поверхностей. Предположеніе свое Шаль основываетъ на отрывкѣ изъ второй книги „Геометріи“ Боэція, содержащей измѣреніе площадей, въ которомъ говорится, что Фронтинъ былъ искусный землеѣръ и что имъ заимствовано изъ его сочиненія многое, заключающееся во второй части „Геометріи“. Подтвержденіе своихъ соображеній Шаль находитъ въ рукописи XI в., хранящейся въ Шартрской бібліотекѣ; содержаніе этой рукописи близко подходитъ ко второй книгѣ „Геометріи“ Боэція. Рукопись эта есть самый лучшій памятникъ по Геометріи, а содержаніе ея показываетъ всѣ геометрическія познанія римлянъ. Вотъ вкратцѣ содержаніе этой рукописи:

*) Первые семь книгъ этого сочиненія содержатъ архитектуру, VIII-я гидравлику, IX-я геометрию и X-я механику. „Архитектура“ Витрувія пользовалась большою извѣстностью въ концѣ Среднихъ Вѣковъ и въ началѣ эпохи возрожденія наукъ на Западѣ; она была переведена почти на всѣ европейскіе языки. Намъ извѣстно до 50 изданій этого сочиненія. Въ первый разъ сочиненіе это появилось въ Римѣ, около 1486 г., подъ заглавіемъ: Vitruvii Pollionis ad Caesarem Augustum de Architectura libri decem. in-fol. Издано оно Joa. Sulpricius'омъ. Изъ новѣйшихъ изданій самое лучшее слѣдующее: Les dix livres d'architecture de Vitruve; par Tardieu et Cousin. Paris. T. I—III. 1859. in-4. Также заслуживаетъ вниманія изданіе: Vitruvii de architectura libri decem. Ad antiquissimos codices nunc primum ediderunt Valen. Rose et Her. Müller-Strübing. Leipz. 1867. in-8.

Сочиненіе Витрувія было также издано на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Архитектура, Марка Витрувія Поліона, въ 10 книгахъ“; перевели съ французскаго Вас. Баженовъ и Фед. Каржавинъ. Спб. 1790—1797. in-4.

**) Сочиненіе это въ первый разъ было напечатано при „Архитектурѣ“ Витрувія, изданной въ Римѣ около 1486 г., подъ заглавіемъ: Sex. Julii Frontini de Aquis quae in urbem influunt libellus mirabilis. Изъ другихъ изданій этого сочиненія укажемъ еще на напечатанное въ 1496 г., во Флоренціи in-fol.

***). Въ первый разъ сочиненіе это появилось въ печати въ 1487 г. in-fol., въ Римѣ, подъ заглавіемъ: Strategematicon libri IV.

1) Вычисленіе высоты треугольника, коего стороны даны; при чемъ для сторонъ даны числа 3, 4, 5.

2) Выраженіе площади треугольника въ функціи его высоты и выраженіе площади треугольника въ функціи его сторонъ.

3) Двѣ формулы, служащія къ построенію прямоугольнаго треугольника въ цѣлыхъ числахъ, при чемъ одна изъ сторонъ дана въ четныхъ или нечетныхъ числахъ, именно:

для нечетнаго числа, $\left(\frac{a^2+1}{2}\right)^2 = \left(\frac{a^2-1}{2}\right)^2 + a^2$

для четнаго числа, $\left[\left(\frac{a}{2}\right)^2 + 1\right]^2 = \left[\left(\frac{a}{2}\right)^2 - 1\right]^2 + a^2$

4) Выраженіе діаметра круга, вписаннаго въ прямоугольный треугольникъ; выраженіе это равно суммѣ двухъ катетовъ безъ гипотенузы.

5) Вычисленіе площадей: квадрата, параллелограмма, ромба и трапеціи.

6) Вычисленіе площадей правильныхъ многоугольниковъ; вычисленіе это основано на ложномъ правилѣ.

7) Отношеніе окружности къ діаметру въ видѣ выраженія $\frac{44}{14}$ или $\frac{22}{7}$.

8) Выраженіе для поверхности шара, равное четыремъ площадямъ большаго круга.

Апулей (Appuleius) изъ Мадурѣ жилъ 50 лѣтъ спустя Фронтину; онъ воспитывался въ Аѳинахъ и перевелъ на латинскій языкъ сочиненіе по арифметикѣ, своего современника Никомаха; къ сожалѣнію сочиненіе это до насъ не дошло, а о немъ упоминаетъ Кассіодоръ. Апулей извѣстенъ какъ романистъ. Онъ авторъ повѣсти „О золотомъ ослѣ“.

Андронъ, современникъ Апулея, считался однимъ изъ самыхъ ученыхъ людей своего времени, онъ былъ воспитателемъ императора Марка Аврелія. Нѣкоторые полагаютъ, что Андронъ былъ учителемъ *Зенодора*, который первый писалъ о изопериметрическихъ фигурахъ.

Римляне такъ мало писали сочиненій не только по Геометріи, но вообще по математическимъ наукамъ, что приходится упоминать имена авторовъ, имѣвшихъ самыя поверхностныя познанія по Геометріи; вотъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ: *Св. Августинъ*, *Капелла*, *Кассіодоръ*, *Бозцій*, *Исидоръ Севильскій* и др. Разсмотримъ, что они написали:

Блаженный Августинъ, епископъ Гиппонійскій, жившій въ концѣ IV в., считается нѣкоторыми авторомъ сочиненія по Геометріи, но относительно этого сочиненія не существуетъ никакихъ указаній.

Капелла (Martianus Mineus Felix Capella), жившій въ половинѣ V вѣка, родился въ Карфагенѣ и былъ римскимъ проконсуломъ. Онъ авторъ большаго энциклопедическаго сочиненія „Satira“ въ 9 книгахъ; первыя двѣ части этого сочиненія озаглавлены: „Бракосочетаніе Филологіи съ Меркуріемъ“, содержаніе ихъ философскій и аллегорическій романъ—введеніе къ остальнымъ семи книгамъ, предметъ которыхъ „septem artes liberales“, именно: грамматика, діалектика и риторика съ одной стороны, и Геометрія, арифметика, астрономія и музыка—съ другой стороны*). Науки эти во все продолженіе Среднихъ вѣковъ, были основаніемъ схоластическаго ученія; первыя три составляли такъ называемый trivium, а остальные четыре—quadrivium. Въ этомъ сочиненіи Геометрія состоитъ изъ простаго описанія и опредѣленій линій, фигуръ и тѣлъ. Опредѣленія сдѣланы по Евклиду. Шаль обратилъ вниманіе на то, что въ этомъ сочиненіи еще сохранены греческія названія и термины, тогда какъ въ позднѣйшихъ они замѣнены уже латинскими терминами. Сочиненіе Капеллы написано въ 470 г.

Кассіодоръ (Magnus Aurelius Cassiodorus) былъ министръ остготскаго короля Теодориха, онъ умеръ въ 566 г. Кассіодоръ написалъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ болѣе извѣстна его энциклопедія: „De institutione divinarum litterarum**)“; содержаніе этого сочиненія trivium и quadrivium и представленія къ ихъ преподаванію. Геометрія состоитъ изъ перечета терминовъ и ихъ объясненій.

Бозцій (Anicius Manlius Torquatus Severinus Boetius), современникъ Кассіодора, былъ совѣтникомъ Теодориха; онъ родился около 475 г. Обвиненный въ измѣнѣ и въ сношеніяхъ съ греческимъ императоромъ Юстиніаномъ, Бозцій по приказанію Теодориха былъ посаженъ въ темницу въ Павіи (Ticinum), гдѣ въ 525 году былъ удушенъ. Впослѣдствіи христіане придали казни Бозція религіозный характеръ и причислили его къ числу святыхъ, между тѣмъ теперь достовѣрно извѣстно, что Бозцій былъ язычникомъ въ продолженіи всей своей жизни. Бозцій былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени; первоначальное образованіе онъ получилъ въ Аѣинахъ, гдѣ учителемъ его былъ Фотій. Онъ первый познакомилъ своихъ соотечественниковъ съ сочиненіями Аристотеля; комментаріи сдѣланные имъ, служили въ теченіи многихъ столѣтій къ преподаванію пе-

*) Martiani Minei felicia Capellae, Carthaginensis, viri proconsularis, Satyricon, in quo de Nuptiis Philologiae et Mercurii libri duo et de septem artibus liberalibus libri singulares, est. Въ первый разъ сочиненіе это было напечатано въ Vicentiae въ 1499 г. in-fol. Самое лучшее изданіе этого сочиненія появилось во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ 1836 г. in-4.

**) Сочиненіе это помѣщено въ изданіи: M. Aur. Cassiodorus, Opera omnia est. 1622 in-8. Allobr.

рипатетической философии. Боэций первый познакомил невѣжественныхъ христіанъ того времени съ сочиненіями по математикѣ и астрономіи ученыхъ, древняго языческаго міра. Изъ сочиненій Боэція для математиковъ заслуживаетъ наибольшаго вниманія его „Геометрія“, состоящая изъ двухъ книгъ *): Первая часть этого сочиненія это вольный переводъ первыхъ четырехъ книгъ „Началъ“ Евклида; въ этой части помѣщено также рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ не представляющихъ ничего замѣчательнаго. Содержаніе второй части—практическая Геометрія, въ ней заключается все то, что и въ рукописи Фронтинна. Въ „Геометріи“ Боэція впервые встрѣчается *правильный звѣздный пятиугольникъ*, а въ нѣкоторыхъ спискахъ также и *правильный, вписанный въ кругъ, звѣздный восьмиугольникъ* **).

„Геометрія“ Боэція еще тѣмъ важна, что она впервые знакомитъ западныхъ ученыхъ съ „Началами“ Евклида и въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, до самаго XI в., была единственнымъ сочиненіемъ по Геометріи; всѣ познанія свои по Геометріи ученые заимствовали изъ „Геометріи“ Боэція, имя же Евклида и его „Началъ“ было имъ неизвѣстно. Кромѣ этого въ „Геометріи“ Боэція находится нѣсколько данныхъ для исторіи Геометріи.

Изъ другихъ математическихъ сочиненій Боэція заслуживаетъ вниманія его „Ариѳметика“, въ двухъ книгахъ, которая почти вся заимствована изъ сочиненія Никомаха. Въ этомъ сочиненіи впервые употреблено слово *quadrivium*. Въ началѣ своего сочиненія Боэцій говоритъ: „еще древними пифагорейцами было установлено, что только изученіе *quadrivium*'а ведетъ къ основательному знакомству съ философіей“. Въ письмахъ своихъ къ Теодориху Боэцій называетъ: ариѳметику, Геометрію, астрономію и музыку четырьмя входами въ науку.

О геометрическихъ трудахъ *Исидора Севильскаго* мы скажемъ при обзорѣ развитія Геометріи въ Средніе Вѣка.

---

*) „Геометрія“ въ первый разъ была напечатана при изданіи: Boethius Opera. 1492. in-fol. Въ послѣднее время „Геометрія“ Боэція была издана Фридлейномъ при сочиненіи: Boethii de instit. arithm., de instit. musica, geometria e mss. ed Friedlein. Lips. 1867. in-12. Математическія сочиненія Боэція были предметомъ изслѣдованій многихъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ назовемъ Кантора и Мартена.

**) Правильный звѣздный восьмиугольникъ былъ найденъ Канторомъ въ рукописи „Геометріи“ Боэція, написанной въ 1004 г. и хранящейся нынѣ въ Бернской бібліотекѣ.

Средніе Вѣка.

Мы старались на сколько позволяетъ намъ объемъ предпринятаго нами краткаго историческаго очерка, показать, какъ постепенно Геометрія слагалась въ науку, прослѣдили ея развитіе, шагъ за шагомъ, съ самаго ея зародыша. Мы видѣли какого высокаго развитія достигла Геометрія во время процвѣтанія Александрійской школы, достигшей своего апогея въ эпоху Евклида, Архимеда, Аполлонія, Эратосеена и др.

Завоеванія Римлянъ, и господство ихъ надъ большею частью государствъ древняго міра, принесли мало пользы для послѣдующаго развитія наукъ. Римляне, какъ мы видѣли, не отличались любовью къ наукамъ, военные подвиги, великолѣпныя постройки и стремленіе къ всемірному господству суть ихъ отличительныя черты.

Послѣ паденія Александріи, взятой въ 47 г. до Р. Х. Юліемъ Цезаремъ, творческій духъ Грековъ начинаетъ все болѣе и болѣе терять въ своей глубинѣ и силѣ; самостоятельныхъ писателей почти нѣтъ, начинаютъ появляться комментаторы, которые всегда указываютъ на упадокъ въ развитіи наукъ. Распаденіе Западной Римской имперіи, нашествіе варваровъ, хаотическое броженіе, въ которомъ находилась почти вся Европа, непрерывныя войны, религіозный фанатизмъ первыхъ христіанъ, вотъ главныя причины постепеннаго упадка не только математическихъ наукъ, но и всѣхъ наукъ вообще. Ненависть христіанъ къ язычникамъ, выразилась въ ихъ презрѣніи къ наукамъ древнихъ Грековъ; религіозный фанатизмъ и грубое невѣжество не позволяли имъ заимствовать что-либо изъ сочиненій язычниковъ—Евклида, Архимеда, Аристотеля и др. Желая утвердить господство новой религіи, христіане истребляли всѣ сочиненія язычниковъ, они предавали пламени сочиненія Аристотеля и другихъ великихъ мыслителей древняго міра; истребляя всѣ сочиненія они стремились къ одной цѣли—распространенію одной книги—Евангелія. Преслѣдованія противъ язычниковъ, начатыя въ IV в. при Феодосіѣ Великомъ, сожженіе бібліотекъ, и въ томъ

числѣ знаменитой александрійской бібліотеки, нанесли окончательный ударъ александрійской школѣ и окончательно довершили безъ того уже потрясенное развитіе наукъ.

Напрасно язычники искали убѣжища въ Аѳинахъ, этому древнему центрѣ эллинской культуры, гдѣ они основали Аѳинскую школу, они не могли уже оправиться отъ нанесенныхъ имъ ударовъ и въ VI в. школа эта прекратила свое существованіе. На мѣсто ея возникла новая школа въ Византіи, но школа эта не произвела ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго геометра или математика. Византія была погружена во внутренніе раздоры, иконоборство, борьба партій, все это не могло имѣть благотворнаго вліянія на развитіе наукъ. Ученые византійской школы были погружены въ догматическіе споры, грамматики поднимали прѣвнія относительно значенія какихъ нибудь словъ, въ то время когда Турки стояли уже у воротъ Константинополя. Наконецъ съ паденіемъ Византіи, взятой Турками въ 1453 г., угасла политическая жизнь Грековъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратила свое ничтожное существованіе и Византійская школа.

Во время этихъ религіозныхъ смутъ и раздоровъ погибли безвозвратно многіе замѣчательные памятники наукъ и искусствъ *). Множество замѣчательныхъ рукописей были обращены въ списки молитвъ и легендъ; написанное на древнихъ пергаментѣхъ вытравляли и на нихъ писали житія святыхъ. Духовные гимны, баснословныя легенды, комментаріи на Библію и нѣсколько сочиненій о времени празднованія Пасхи,—вотъ единственные памятники науки первыхъ временъ христіанства.

Въ теченіи многихъ столѣтій невѣжество христіанъ было таково, что они не были въ состояніи понимать прекрасныхъ поэтическихъ произведеній Виргилія и Горация, они довольствовались аскетическими стихами, написанными на плохой латыни. Наступаетъ время самаго грубаго невѣжества. Всѣ усилія тогдашнихъ ученыхъ, если только ихъ можно такъ назвать, обращены къ писанію сочиненій религіозно-схоластическаго характера; ре-

---

*) Къ сожалѣнію и въ новѣйшее время пропало не мало драгоценнѣйшихъ сочиненій совершенно безслѣдно; такъ напримѣръ, до насъ не дошли сочиненія Леонардо да-Винчи; сочиненіе Тарталія, въ которомъ онъ излагаетъ рѣшеніе уравненій 3-й степени, въ настоящее время совершенно неизвѣстно, хотя оно было напечатано, не существуетъ ни одного экземпляра. Сочиненіе Фибоначчи „О квадратныхъ числахъ“, извѣстное еще въ концѣ прошлаго столѣтія, было затеряно и снова отыскано только въ концѣ 1850-хъ годовъ, благодаря стараніямъ Бонкомпани. Нѣкоторые изъ сочиненій Ферма также пропали. Часть сочиненій Паскаля, которыми пользовался Лейбницъ, затеряны. Только благодаря случайности найдены нѣкоторые изъ драгоценнѣйшихъ сочиненій Галилея, докторъ Лами (Lami) въ 1739 г. находилъ ихъ въ замкѣ колбасника, которому они служили кѣлимъ обертотъ.

лигіозные споры и раздоры между церквями, вотъ отличительныя черты направленія того времени.

Неизвѣстно до чего достигло бы такое невѣжество, если-бы не появились въ VIII в. Арабы; покоривъ многія изъ государствъ того времени они обращаютъ главное вниманіе и усилія на развитіе наукъ и искусствъ; во всемъ этомъ они достигаютъ высокой степени развитія. Въ скоромъ времени Багдадъ на Востокѣ, а Севилья на Западѣ, дѣлаются центрами учености того времени; туда стекаются ученые изъ самыхъ отдаленныхъ странъ.

Въ X и XI вв. начинается, мало по малу, знакомство народовъ Европы съ сочиненіями Аристотеля, Евклида, Архимеда и другихъ великихъ философовъ древняго міра. Большая часть этихъ сочиненій дѣлается извѣстна Европейцамъ благодаря Арабамъ; при посредствѣ испанскихъ мавровъ и сицилійскихъ сарациновъ сокровища науки древнихъ Грековъ не пропадаютъ безслѣдно. Многіе утверждаютъ, что сочиненія древнихъ Грековъ впервые стали извѣстны Италіанцамъ, благодаря византійскимъ Грекамъ, это несправедливо, ненависть между Римомъ и Византіей, послѣ раздѣленія церквей, была слишкомъ сильна, Греки постоянно смотрѣли на Италіанцевъ какъ на своихъ притѣснителей, а потому трудно допустить, чтобы въ то время Италіанцы заимствовали свои познанія въ наукахъ отъ Грековъ.

Такое плодотворное вліяніе арабской науки продолжается не долго; наступаютъ Крестовые походы и въ теченіи почти двухъ столѣтій народы Европы отвлечены отъ умственнаго развитія. Напрасно искать какихъ-либо математическихъ сочиненій въ это время; наступаетъ эпоха процвѣтанія рыцарскихъ романовъ и сказокъ, и только въ пѣсняхъ трубадуровъ Прованса можно найти слѣды математическихъ познаній того времени *). Почти

---

*) Въ XI и XII столѣтіяхъ трубадуры южной Франціи переложили на стихи, подобно древнимъ Индусамъ, нѣкоторыя сочиненія по Геометріи и Космографіи. Либри упоминаетъ о сочиненіи по практической Геометріи, написанному въ стихахъ Арно-де-Вилленевъ (Arnaud-de-Villeneuve). Рукопись эта хранится въ Карпентраской бібліотекѣ. Въ сочиненіи „Nostradamus vite dei poeti Provenzali, tradotte dal Crescimbeni. Roma. 1722. in 4“ находятся указанія, какіе именно изъ поэтовъ Прованса занимались математическими науками.

Изъ числа математическихъ сочиненій, написанныхъ въ Средніе Вѣка, въ стихотворной формѣ, укажемъ еще на поэму *de Vetula*, содержаніе которой относится къ Алгебрѣ. Сочиненіе это почему-то долгое время приписывали Овидію, но Леклеркъ (Leclerc) и Лейзеръ (Leuser) полагаютъ, что оно написано византійскимъ протонотаріусомъ Леономъ, жившимъ въ началѣ XIII вѣка. Авторъ поэмы полагаетъ, что Алгебру заимствовали европейскіе математики отъ индусовъ. Въ этомъ сочиненіи, въ первый разъ, изложена теорія соединеній при рѣшеніи нѣкоторыхъ задачъ на игру въ кости. Шалъ въ этомъ видятъ первыя вѣчатки теоріи вѣроятностей. Въ сочиненіи этомъ также изложены различныя астрономическія и астрологическія воззрѣнія, заимствованныя у Арабовъ, смѣшанныя съ догматами христіанской рели-

всѣ ученые того времени занимаются астрологіей и магіей, изученіе алхиміи занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ и всѣ усилія тогдашнихъ ученыхъ направлены къ отысканію философскаго камня и жизненнаго элексира.

До XIII в. опредѣленнаго направленія въ наукахъ не существуетъ, они не имѣютъ еще прочныхъ основаній, умъ человѣка блуждаетъ въ потьмахъ, подчиняясь произволу и случайности, схоластическія воззрѣнія стоятъ на первомъ планѣ, въ изученіи философіи господствуетъ политѣйшая анархія. Въ это время становятся извѣстны сочиненія Аристотеля, ихъ изучаютъ въ школахъ, философія получаетъ болѣе опредѣленное направленіе, затронуто много новыхъ вопросовъ, кругъ познаній человѣка расширяется и умъ его стремится къ болѣе широкому взгляду на природу; изученіе тривiума и квадριвiума выводится изъ школьнаго преподаванія. Является стремленіе къ составленію энциклопедій. Начиная съ конца XII в. готовится эпоха возрожденія наукъ и искусствъ. Византія быстро подвигается къ паденію; ученые Греки начинаютъ появляться въ Италіи и приносятъ съ собою уцѣлѣвшія рукописи древнихъ философовъ. Западъ начинаетъ, мало по малу, знакомиться съ драгоценными остатками греческой математики, сочиненія Аристотеля, Евклида, Архимеда, Птолемея и другихъ мыслителей древняго міра, комментируются и дѣлаются предметомъ изученія въ школахъ и университетахъ. Приобрѣтенныя познанія находятъ тотчасъ же практическое примѣненіе, такъ въ XIII в. венеціанцы впервые прилагаютъ тригонометрію и десятичную систему къ мореплаванію. Въ Италіи начинается процвѣтаніе университетовъ, между которыми самое видное мѣсто занимаетъ университетъ Болонскій, слава его дѣлается всемірною, туда стекаются ученики со всѣхъ концовъ Европы: французы, нѣмцы, испанцы, англичане и др. *). Въ 1202 г. Фибоначчи знакомитъ впервые италіянцевъ съ

ггн. Какъ образецъ сочиненій подобнаго рода, приведемъ отрывокъ изъ упомянутой нами поэмы:

Sed quia de Ludis fiebat sermo, quid illo
Pulchrius esse potest exercitio numerorum?
Quo divinantur numeri plerique per unum
Ignoti notum, sicut ludunt apud Indos,
Ludum dicentes Algebrae, Almucgrabalaeque?
Inter arithmeticos ludos pulcherrimus hic est
Ludus, arithmeticae praxis; descriptio cujus
Plus caperet, quam sufficiat totus liber iste.

Сочиненіе это было напечатано въ 1672 и 1702 гг. Но Либри указываетъ еще на одно изданіе, напечатанное вѣроятно въ Италіи, вскорѣ по изобрѣтеніи книгопечатанія. Заглавіе его: Publii Ouidii Nasionis liber de uetula. Поэма эта была переведена также на французскій языкъ Лефевромъ (Lefebvre) въ началѣ XIV в.

*) Италіянскіе университеты представляли много весьма интересныхъ особенностей.

Алгеброй Арабовъ. Изученіе сочиненій древнихъ греческихъ философовъ и геометровъ считается краеугольнымъ камнемъ всякаго образованія; Данте,

Самый древній изъ италіанскихъ университетовъ—Болонскій, онъ существовалъ уже въ 1137 г. Первоначально въ университетахъ было всего только три касседры, именно: каноническаго права, юриспруденціи и медицины; позднѣе были учреждены еще двѣ касседры: философіи и риторики, а еще позднѣе—астрологіи. Сознавая всю важность университетовъ правительства даровали имъ различныя права и привилегіи; университеты имѣютъ право выдавать степени, имѣютъ собственную цензуру и т. п. Были составлены особенные статуты для университетовъ, по которымъ студенты подчинялись только университетскому начальству; существовалъ свой университетскій судъ, проступки и преступленія студентовъ разбирались ректоромъ, профессорами и канцлеромъ. Правительства, понимая хорошо вредъ происходящій отъ постоянныхъ перемѣнъ въ университетахъ, вслѣдствіе тогдашнихъ постоянныхъ политическихъ неурядицъ, признаютъ права и привилегіи университетовъ неприкосновенными,—университеты находятся подъ покровительствомъ церкви. Въ распоряженіи ректора находится стража, приводящая въ исполненіе постановленія совѣта университета. Студенты составляютъ корпораціи, по національностямъ, во главѣ каждой изъ корпорацій находится ректоръ, выбранный ими изъ своей среды. Корпорація студентовъ вооружена, вслѣдствіе этого нерѣдко они внушаютъ серьезныя опасенія правительствамъ, которыя, часто, самымъ унижительною образомъ заискиваютъ популярности молодежи. Многие университеты имѣютъ громадное число слушателей, напримѣръ, въ Болонскомъ университетѣ было до 10000 студентовъ. Такое громадное стеченіе молодежи способствовало, не мало, процвѣтанію городовъ. Сначала профессора получали жалованье отъ студентовъ, но впоследствии расходъ по содержанію профессоровъ приняли на себя города, которые кромѣ того выдавали пособія и содержали бѣдныхъ студентовъ. Профессорамъ, под страхомъ наказанія, было запрещено принимать отъ студентовъ плату за лекціи, равно запрещалось принимать подарки. Въ нѣкоторыхъ университетахъ, напримѣръ въ Болонскомъ, нѣкоторое время профессорамъ было дозволено читать студентамъ особые курсы за плату, но студенты хотя охотно посѣщали эти курсы, но отъ платы отказывались. Но уже въ XIV в. всѣ расходы по содержанію университетовъ приняли на себя города. Содержаніе университетовъ, въ нѣкоторыхъ городахъ, достигало довольно большой суммы, такъ напримѣръ, Болонія израсходовала ежегодно на университетъ 20000 дукатовъ, половину всѣхъ городскихъ доходовъ. Постоянныхъ профессоровъ не было, ихъ нанимали обыкновенно на 6 мѣсяцевъ, иногда на годъ и болѣе; по истеченіи срока снова заключали условіе. Съ профессоровъ нерѣдко брали клятвы не служить потомъ въ другомъ университетѣ, не уходить до срока; но клятвы эти рѣдко сдерживались. Большая часть профессоровъ уходила въ другіе университеты, какъ только представлялись болѣе выгодныя условія. Въ Виченцѣ въ 1261 г. профессоръ каноническаго права получалъ 500 ливровъ, а медицины 200 ливровъ. Въ Болоніи въ 1325 г. ординарные профессора получали 200 ливровъ, и экстраординарные только 100 л. Нерѣдко знаменитымъ профессорамъ вмѣсто годичнаго жалованья выдавали въ полное распоряженіе довольно крупную сумму денегъ. За всякое новое открытіе или трудъ профессорамъ назначалась прибавка, но часто важнымъ трудомъ считали комментаріи на книгу Іова и т. п. Нѣкоторые профессора такъ привыкли къ своимъ университетамъ, что не смотря на самыя выгодныя предложенія со стороны другихъ университетовъ, они оставались до самой смерти въ одномъ и томъ же городѣ. Выдавать степень доктора впервые началъ университетъ Флорентійскій въ 1303 г. Большой славой пользовался университетъ Неаполитанскій, которому Фридрихъ II даровалъ много льготъ, въ-томъ числѣ имъ основана касседа анатоміи, первая

Петрарка, Бокаччио, Тассо *) основательно изучили „Начала“ Евклида. Къ сожалѣнію въ университетахъ, на ряду съ изученіемъ Геометріи, видное мѣсто занимаетъ астрологія. Каѳедра астрологіи считается необходимою принадлежностью каждаго университета **). Причину этого надо вѣроятно

по этой наукѣ. Сынъ Фридриха II Конрадъ основалъ Салернскій университетъ, пользовавшійся большою извѣстностью; окончить этотъ университетъ считалось великою честью. Иногда университетамъ были дарованы самыя странныя, по видимому, права, напримѣръ Феррарскому университету въ XV в. было разрѣшено производить ежегодно по одному анатомическому вскрытію; на обязанности градоначальника лежало доставить трупъ. Не надо забывать, что въ то время занятіе анатоміей и вскрытіе труповъ запрещалось уставами церкви. Весьма интересны также отношенія между профессорами и студентами. Въ Падуанскомъ университетѣ профессоры выбирала коммисія, состоящая изъ членовъ, выбранныхъ между студентами. Въ Версейскомъ университетѣ жалованье профессорамъ опредѣлялось коммисіей, состоящей изъ двухъ гражданъ города, и изъ двухъ студентовъ. Иногда студенты отказывались признавать профессоровъ, назначенныхъ самимъ университетомъ, такъ было въ Римѣ въ 1319 г., студенты не признали назначеннаго профессора, а пригласили своего кандидата. Каѳедра астрологіи считалась одною изъ самыхъ важныхъ, профессора астрологіи называли *pessavissimum*, они пользовались большимъ почетомъ, но иногда кончали жизнь свою весьма трагически, такъ напримѣръ, профессоръ астрологіи Сессо Авколи, въ Болонскомъ университетѣ, былъ приговоренъ въ 1327 г. къ сожженію на кострѣ. Студенты подвергались экзаменамъ, но въ чемъ они состояли, въ точности неизвѣстно; есть документы, по которымъ видно, что въ 1335 г. испытанія производились въ Римскомъ университетѣ. Съ теченіемъ времени привилегіи и права университетовъ стѣсняются и многіе университеты въ XV столѣтіи доходятъ до такого состоянія, что студенты принуждены слушать лекціи, сидя на соломѣ.

Ни у одного народа нѣтъ столько сочиненій, относящихся къ исторіи университетовъ, какъ у Италіанцевъ. Изъ числа такихъ сочиненій мы укажемъ на слѣдующія, изъ которыхъ извлечены приведенные выше факты: *Origlia*, Storia dello studio di Napoli. Napoli, 1753, 2 vol. in-4. *Fabroni*, Historia academiae Pisanae. Pisis, 1791, 3 vol. in-4. *Muratori*, Antiquit. italic. Mediolani, 1740, 6 vol. in-fol. *Baldi*, Cronica de Matematici, overo epitome dell' istoria delle vite loro. Urbino, 1707. in-4. *Tiraboschi*, Storia della letteratura Italiana. Venezia, 1795, 16 vol. in-8. *Ghirardacci*, Storia di Bologna. Bologna, 1596—1669, 2 vol. in-fol. *Papadapoli*, Historia gymnasii Patavini. Veneti. 1726, 2 vol. in-fol. *Facciolati*, De gymnasio patavino syntagmata XII, ex ejusdem gymnasii fastis excerpta. Patavii, 1752 in-8. *Facciolati*, Fasti gymnasii patavini. T. I—II. Patavii, 1757 in-4. *Renazzi*, Storia dell' università di Romà; Roma 1804, 4 vol. in-4.

*) Тассо ученикъ Коммандина.

**) Многіе изъ профессоровъ астрономіи занимались также астрологіей. Изъ числа такихъ профессоровъ болѣе извѣстны: *Манфреди* (Manfredi), написавшій въ 1474 г. сочиненіе „De homine“; *Біанчини* (Bianchini), написавшій десять сочиненій по ариметикѣ, по алгебрѣ, по Геометріи, онъ находился въ перепискѣ съ Региомонтанусомъ; *Понтанусъ* (Pontanus) извѣстный знатокъ астрономіи древнихъ; *Тосканелла* (Toscanella), составившій астрономическія таблицы и устроившій въ соборѣ, во Флоренціи, самую большую изъ существующихъ меридіанныхъ линій; *Доминикъ Новага* (Novaga), профессоръ въ Болоньѣ, spreadившій снова положеніе звѣздъ, находящихся въ „Альмагестѣ“ и первый возмѣтившій мысль о колебаніи земной оси. Новара былъ учителемъ Коперника. Извѣстный *Фрикасторо* (Frigastoro)

искать въ страшномъ суевѣріи того времени, многіе изъ самыхъ образованныхъ людей вѣрили въ нечистую силу, предсказаніе будущаго, магію и т. п. *).

Состояніе, въ которомъ находились математическія науки въ Средніе Вѣка прекрасно видно изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о преподаваніи этихъ наукъ въ университетахъ. Укажемъ только на нѣкоторые университеты. Въ Болонскомъ университетѣ профессоръ астрологіи, излагалъ не только астрономію, но также ариѣметику и Геометрію; всѣ эти науки составляли одну кафедру. Извѣстно, что еще въ 1466 г. Фонди (Fondi), занимавшій въ Болонскомъ университетѣ **) кафедру астрологіи и астрономіи читалъ и объяснял „Liber Algorisimi de minutis et integris“. Впрочемъ, нужно замѣтить, что съ 1383 г. извѣстны въ Болонскомъ университетѣ доценты, которые читали ариѣметику, Геометрію и объ абакусѣ; въ чемъ состояли эти чтенія неизвѣстно навѣрное. При изложеніи астрономіи главнымъ и основнымъ источникомъ служило сочиненіе Сакробоско „Tractatus de sphaera materiali“, написанное въ XIII в. Точно въ такомъ же видѣ находилось преподаваніе въ университетахъ Пизанскомъ и Падуанскомъ. При чтеніяхъ Астрономіи пособіемъ служилъ не „Альмагестъ“ Птолемея, а его „Quadripartitum“, сочиненіе астрологическаго содержанія.

Въ Парижскомъ университетѣ ***) преподаваніе математическихъ наукъ

(юго), умершій въ 1553 г., былъ не только знаменитый астрономъ, но занимался также астрологіей. Фракасторо былъ человекъ обширныхъ свѣдѣній, онъ писалъ прекрасные латинскіе стихи, былъ ботаникъ, философъ, математикъ. Многія явленія онъ объяснялъ взаимодействіемъ атомовъ; онъ полагалъ, что всѣ тѣла взаимно притягиваются; причиною магнитныхъ, электрическихъ и физиологическихъ явленій онъ считалъ начало невѣсомости. Нѣкоторые приписываютъ ему первую мысль устройства астрономическихъ трубъ. Онъ много написалъ сочиненій, изъ нихъ болѣе извѣстны „De Sympathia et Antipathia“, „Homocentres“ и „De anima“. Фракасторо умеръ въ Веронѣ въ 1553 г.

Кафедра астрологіи существовала въ Болонскомъ университетѣ съ 1125 г., кафедры же астрономіи впервые основаны въ итальянскихъ университетахъ въ началѣ XV в. Часто профессора астрологіи переходили на кафедру медицины, такъ какъ отъ медиковъ требовалось знаніе астрологіи. Также нерѣдко случалось, что профессора астрологіи читали логику и метафизику.

*) Великій Кеплеръ занималъ должность придворнаго астролога. Кольберъ пишетъ въ письмѣ Гевелію, что Людовикъ XIV назначаетъ ему пенсію, за его обширныя и ученныя познанія въ астрологіи.

**) Состояніе математическихъ наукъ въ Болонскомъ университетѣ прекрасно изложено въ сочиненіи Gherardi „Di alcuni materiali per la Storia della Facoltà Matematica nell' antica Università di Bologna“. Помѣщено въ „Annali delle Scienze Naturali di Bologna“. T. V. 1846. Bologna. Сочиненіе это также переведено на нѣмецкій языкъ Curtze и помѣщено въ „Archiv der Mathematik und Physik“ за 1871 г. T. 52. Greifswald.

***) Изъ другихъ европейскихъ университетовъ наибольшую извѣстностью пользовался въ Средніе Вѣка университетъ Парижскій; онъ пользовался обширными привилегіями, въ

находилось на весьма низкой степени, что видно из программы 1336 г., когда университет был преобразован. В этой программѣ сказано, что „никто не получить ученой степени, не прослушавши *aliquos libros mathematicos*“, тоже самое требованіе снова повторено въ программахъ 1452 и 1600 гг. Въ предисловіи къ одному изъ комментариевъ къ первымъ шести книгамъ „Началь“ Евклида, изданныхъ въ 1536 г., сказано, что „никто не получить степени магистра прежде, чѣмъ докажетъ, что онъ знакомъ съ „Начала“ Евклида“. Пониманіе этого сочиненія не требовалось, такъ какъ экзаменовъ не существовало. Профессора при чтеніи лекцій ограничивались лишь первой книгой „Началь“; само названіе *magister matheseos* указываетъ, что теорема Пифагора, т. е. 47-е предложеніе I-й книги, считалось предѣломъ познаній въ Геометріи. Какъ мало было обращено вниманія на изученіе Геометріи въ Парижскомъ университетѣ видно уже изъ того, что еще въ 1534 г. студенты изучали Геометрію по сочиненію Боэція, которое приписывали Евклиду Мегарскому. Первый обратившій вниманіе на преподаваніе Геометріи въ Парижскомъ университетѣ былъ Рамусъ, основавшій первую кафедру математики въ *College de France*, но не смотря на всѣ его старанія кафедра математики долгое еще время находилась въ весьма плачевномъ состояніи. Рамусъ желалъ ввести „Начала“ Евклида въ университетское преподаваніе, но этому рѣшительно воспротивились профессора, находя, что „это сочиненіе пустое и не заключаетъ ничего порядочнаго“ *).

Въ какомъ состояніи находилось преподаваніе Геометріи въ Вѣнскомъ университетѣ можно видѣть изъ того, что въ 1460 г. Регіомонтанусъ, будучи доцентомъ при кафедрѣ математики, излагалъ студентамъ I-ю книгу „Началь“ Евклида.

Въ сравнительно лучшемъ состояніи было преподаваніе математическихъ наукъ въ Пражскомъ университетѣ. Въ 1384 г. для полученія степени бакалавра отъ студентовъ требовалось прослушать сочиненіе Сакробоско „О шарѣ“. Для полученія степени магистра, кромѣ знанія первыхъ шести книгъ „Началь“ Евклида, требовалось знаніе квадривіума, теоріи музыки и нѣкоторыхъ отдѣловъ прикладной математики. Студенты были обязаны прослушать курсъ „*Theorica planetarum*“, который читался по весьма распро-

---

рѣшеніи государственныхъ вопросовъ короли часто прибѣгали къ его совѣтамъ, такъ напримѣръ, извѣстно, что король Филиппъ Красивый, задумавъ истребленіе тамплиеровъ, предварительно посовѣтывался относительно этого съ университетомъ, а между тѣмъ извѣстно, что этотъ король не признавалъ власти папы.

*) Много интересныхъ данныхъ о преподаваніи математическихъ наукъ, и наукъ вообще, въ Парижскомъ университетѣ, находится въ сочиненіи *Crevier „Histoire de l'université de Paris“*. 1761. Paris. T. I—VII. in-8, а также въ сочиненіи *Bulacius „Historia universitatis parisiensis ect. T. I—VII. Paris. 1665—73. in-fol.*

страненному тогда сочиненію, написанному Герардомъ Кремонскимъ, на которое сильно нападалъ Региомонтанусъ. Крімъ того студенты слушали курсъ „*Perspectiva communis*“, т. е. Оптики. Въ XIV столѣтіи въ Пражскомъ университетѣ читали курсы „О альманахѣ“, „*Computus syngometricalis*“, въ которомъ всѣ вычисленія производились еще по пальцамъ; курсъ „*Algorismus de integris*“ и курсъ Ариметики. Но болѣе всего славился Пражскій университетъ тѣмъ, что тамъ читался и объяснялся „Альмагестъ“ Птолемея.

Въ подобномъ же состояніи находилось преподаваніе въ Лейпцигскомъ и Кельнскомъ университетахъ, съ тою только разницею, что напр. въ XVI ст. въ Лейпцигскомъ университетѣ при чтеніи лекцій служили руководства, которыми пользовались въ Пражскомъ университетѣ еще въ концѣ XIV столѣтія.

Такому быстрому развитію наукъ въ XIV и XV вв. не мало способствовали рядъ блистательнѣйшихъ открытій, которыя совершенно пересоздаютъ строй общества и измѣняютъ нравы; одно открытіе быстро слѣдуетъ за другимъ: изобрѣтеніе пороха и огнестрѣльныхъ оружій наноситъ послѣдній ударъ рыцарству и своеволю феодаловъ; Гутенбергъ изобрѣтаетъ книгопечатаніе,—этотъ могущественный рычагъ для умственнаго развитія народовъ *); Колумбъ открываетъ Америку, а Васко-де-Гама торговый путь въ Индію,—и тѣмъ полагаютъ новый экономическій порядокъ во всей Европѣ. Все это оказываетъ громадное вліяніе на развитіе и успѣхи точныхъ наукъ. Наконецъ, появляется реформація, стремящаяся вывести науки изъ подъ опеки Церкви.

---

*) Въ первое время открытія книгопечатанія наиболѣе славились своими типографіями слѣдующіе города: Венеція, Базель, Женева, Майнцъ, Лейденъ, Страсбургъ и Парижъ. Наибольшей извѣстностью пользовалась типографія Венаторіуса (*Venatorius*) въ Базелѣ. Первая книга, напечатанная при помощи подвижныхъ буквъ, на которой выставленъ годъ, Календарь, изданный въ 1457 г. въ Майнцѣ; въ томъ же году тамъ издана Псалтырь. Извѣстны книги, напечатанныя раньше, но на нихъ не выставленъ годъ. Къ числу ихъ принадлежитъ Библія, напечатанная въ Майнцѣ между 1452 и 1455 гг. Гутенбергомъ, а также различнаго рода контракты, напечатанные около 1441 г., какъ полагаютъ въ Голландіи. Книги эти напечатаны подвижными буквами, неподвижными же буквами печатали уже въ 1420-хъ годахъ. Первая печатная математическая книга, въ которой въ первый разъ мы находимъ чертежи въ текстѣ, это „Начала“ Евклида, напечатанныя въ Венеціи, въ 1482, Едгардомъ Ратольдомъ. Сочиненіе это озаглавлено: *Preclarissimus Liber Elementorum Euclidis, perspicacissimi in artem geometrie incipit quam felicissime*. Чертежи въ этомъ сочиненіи вырѣзаны на металлѣ.

Много интересныхъ свѣдѣній о началахъ книгопечатанія можно найти въ сочиненіяхъ: *Lambinet, Origine de l'imprimerie d'après les titres authentiques*. T. I—II. Paris. 1810. in-8; *Jansen, Essai sur l'origine de la gravure en bois et en taille douce, ect.* T. I—II. Paris. 1808. in-8.

Въ Италіи, гдѣ впервые началась эпоха возрожденія наукъ и искусствъ, появляются Леонардо-да-Винчи, Микель-Анджело, Рафаель, Аріостъ, Данте, Тассо и другіе замѣчательные ученые и художники. Рядомъ съ ними создается школа первоклассныхъ математиковъ, представители которой Ферро, Тарталія, Кардано, Феррари, Галилей и многіе другіе. Изъ Италіи возрожденіе наукъ распространяется и въ другія государства Европы; этому главнымъ образомъ способствуютъ иностранцы—ученики многочисленныхъ италіанскихъ университетовъ. Большая часть ученыхъ того времени были воспитанники италіанскихъ университетовъ, напримѣръ Коперникъ ученикъ Белонскаго университета.

Но въ XV в. мы не можемъ указать ни на одно сколько нибудь замѣчательное сочиненіе по Геометріи и вообще по математикѣ, написанное въ Италіи.

Знакомство съ сочиненіями Аристотеля и Арабовъ оказываетъ также во Франціи большое вліяніе на развитіе точныхъ наукъ; здѣсь является стремленіе къ составленію обширныхъ энциклопедій, въ которыхъ были-бы собраны всѣ познанія человѣчества, примѣръ такого сочиненія „*Speculum majus*“ Винцента Бовэ *).

---

*) *Винцентъ-де-Бовэ* (Vincent-de-Beauvais) жилъ въ XIII в. (1200—1264 г.); по просьбѣ Людовика IX онъ написалъ сочиненіе „*Speculum majus*“, содержащее почти всѣ науки того времени. Сочиненіе это обширная энциклопедія; оно состоитъ изъ 4 главныхъ частей: 1) „Зеркало природы“, содержаніе его описаніе природы; 2) „Зеркало морали“— нравственность; 3) „Зеркало наукъ“ содержитъ: физику, философію, теологію, риторику, политику, законовѣденіе и т. п. и 4) „Зеркало исторіи“. Французы называютъ это сочиненіе „*Quadruple miroir*“.

На энциклопедіи подобнаго рода можно указать и у Италіанцевъ. Почти одновременно съ энциклопедіей Винцента Бовэ было написано подобное же сочиненіе, учителемъ Данте, *Брунетто Латини* (Brunetto Latini), умершаго въ 1294 г., во Флоренціи. Онъ написалъ сочиненіе „*Tesoretto*“ въ бытность свою во Франціи; сочиненіе первоначально написано на французскомъ языкѣ; сочиненіе это есть извлеченіе изъ Библіи, сочиненій Плінія Младшаго и др., въ немъ мы находимъ много весьма интересныхъ данныхъ, относящихся къ естественнымъ наукамъ и физикѣ; автору извѣстны: шаровидность земли, приливы и отливы, увеличеніе тяжести по мѣрѣ углубленія въ землю и многое другое. Сочиненіе это напечатано въ 1478 г., въ 10 томахъ in-fol.

Современникъ Брунетто, *Стабили* (Stabili), болѣе извѣстный подъ именемъ *Сессо д'Ассолі* также написалъ энциклопедическое сочиненіе—поэму Асегба. Сочиненіе это принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ ученыхъ сочиненій XIII в., оно содержитъ множество любопытныхъ наблюденій различныхъ физическихъ явленій, въ немъ объяснены затмѣнія, много метеорологическихъ наблюденій, говорится объ аэролитахъ, происхожденіи росы, періодическихъ вѣтрахъ, молвіѣ, громѣ, автору извѣстно, что звукъ происходитъ отъ сотрясеній воздуха, что скорость свѣта болѣе скорости звука, описана радуга, говорится объ отраженіи тепловыхъ лучей, мерцаніи звѣздъ, объ окаменѣлыхъ растеніяхъ, объ переворотахъ,

Въ Германіи преобладаетъ такое же направленіе, что видно изъ со-

шедшихъ на земномъ шарѣ и т. п. Изъ всего этого видно, что Асcoli былъ хорошій судата и одинъ изъ самыхъ сѣдущихъ итальянцевъ XIII в. Кромѣ этого сочиненія онъ написалъ нѣсколько другихъ. „Ascerba“ впервые была напечатана въ Венеціи въ 1510 г.

Въ число итальянскихъ энциклопедій необходимо включить и „Божественную комедію“ Данте, родившагося въ 1265 г. во Флоренціи. Безсмертное произведеніе Данте заключаетъ въ себѣ всѣ познанія итальянцевъ въ XIV в. Сочиненіе это важно для всѣхъ: богословы найдутъ много данныхъ для исторіи церкви; филологи—для исторіи итальянскаго языка; философы—знакомятся съ состояніемъ философіи Аристотеля въ XIV в. Данте въ своемъ сочиненіи является самымъ опытнымъ и добросовѣстнымъ наблюдателемъ, ничего не ускользаетъ отъ его вниманія: дѣйствіе солнечныхъ лучей на созрѣваніе плодовъ, движеніе соковъ въ разстеніяхъ, въ самыхъ поэтическихъ стихахъ онъ описываетъ сонъ растений, ему извѣстны тайнобрачныя растенія, онъ знаетъ что ихъ сѣютъ безъ семянъ. Данте изслѣдуетъ полетъ птицъ, наблюдаетъ мерцаніе звѣздъ, раду, образованіе паровъ, дѣйствіе магнита. Данте обыкновенно причисляютъ къ философамъ и поетамъ, но онъ съ одинаковымъ успѣхомъ занимался астрономіей, арифметикой и Геометріей. Онъ имѣетъ степенъ врача и аптекаря. Художники и живописцы дорожатъ его мнѣніемъ и часто прибѣгаютъ къ его совѣтамъ. Познанія Данте по истинѣ громадны, въ сожалѣнію обращено мало вниманія на научные факты, разсѣянные въ его величественномъ сочиненіи. Кромѣ „Божественной комедіи“ Данте написалъ много другихъ сочиненій.

Коснувшись энциклопедическихъ сочиненій, написанныхъ Итальянцами, нельзя не сказать нѣсколько словъ о весьма извѣстномъ сочиненіи „*Magia naturalis*“, написанномъ неаполитанцемъ *Порта* (Porta), въ 1584 г., въ четырехъ книгахъ. Потомъ Порта его постоянно дополнялъ и довелъ до 20 книгъ въ 1589 г. Порта родился въ 1538 г. въ Неаполѣ; знакомство съ сочиненіями древнихъ натуралистовъ возбуждало въ немъ любознательность и онъ отправился путешествовать; во время своихъ путешествій онъ познакомился съ большою частью ученыхъ того времени. Возвратившись на родину, въ Неаполь, онъ основалъ „Академію секретовъ“, куда принимались только лица, сдѣлавшія какое нибудь открытіе; Академія эта есть одно изъ первыхъ ученыхъ обществъ въ Италіи. Впослѣдствіи Порта былъ также членомъ знаменитой Академіи „*Lincae*“. Въ „Натуральной магіи“ собрано нѣсколько тысячъ самыхъ разнообразныхъ фактовъ, въ сочиненіи этомъ говорится: о магнетизмѣ, о магнитномъ склоненіи, камерѣ обскурѣ, катоптрикѣ, свойствахъ чиселъ, увеличительныхъ стеклахъ, поваренномъ искусствѣ, химіи, приготвленіи духовъ, приготвленіи ядовъ и ихъ дѣйствіи на организмъ челоѣка и мн. др. На ряду съ научными фактами помѣщено множество самыхъ негѣпныхъ совѣтовъ, какъ напримѣръ: объясненіе, почему происходятъ уроды; кожѣ гіени онъ приписываетъ способность предохранять отъ молніи; кожѣ медвѣды онъ приписываетъ чудесныя свойства; указанъ способъ производить лѣтучихъ съ четырьмя ногами и четырьмя крильями; показано устройство лампы, при освѣщеніи которой головы людей могли бы видѣ лошадиныхъ головы; и множество глупостей подобнаго рода. Алхимія, магія, астрологія, вотъ науки въ которыя гвердо вѣрится Порта. Сочиненіе Порти пользовалось громадною извѣстностью, оно выдержало много изданій, было переведено на всѣ европейскіе языки и даже на арабскій; оно зачитывалось въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Читатели интересовались не физическими явленіями, описанными въ „Натуральной магіи“, они болѣе обращали вниманіе на астрологическія предсказанія, на чудеса,—они вездѣ искали сверхестественнаго. Кромѣ этого сочиненія Порта написалъ много другихъ, въ томъ числѣ „О кривыхъ“, наме-

чинений Альберта Великого, известного своими обширными и многосторонними познаниями *).

Въ Испаніи эпоха возрожденія способствуетъ появленію цѣлаго ряда замѣчательныхъ писателей и художниковъ, изъ которыхъ мы упомянемъ имена: Мурилю, Кальдерона, Лопе-де-Вега, Камоэнса, Сервантеса. Но въ числѣ такихъ писателей нѣтъ ни одного геометра, нѣтъ ни одного сколько-нибудь известнаго математика. Причины почему Испанія не произвела ни одного сколько-нибудь известнаго математика или представителя точныхъ наукъ, безъ сомнѣнія заключаются въ ея внутреннемъ государственномъ строѣ; инквизиція—результатъ страшнаго и слѣпаго фанатизма, убивала въ самомъ зародышѣ проявленіе всякой свободной мысли, она не могла терпѣть, а потому не допускала, развитія точныхъ наукъ. Всякое сколько-нибудь скептическое отношеніе къ различнымъ вопросамъ влекло за собою пытки и сожженіе на кострѣ. Въ такой странѣ могъ господствовать только самый крайній и грубый мистицизмъ. Такое пренебреженіе къ точнымъ наукамъ оказало не мало вліянія на всю судьбу Испаніи, ни богатства Перу и Мексики **), ни господство надъ многими частями Старого и всѣмъ

чтанное въ 1601 г.; въ этомъ сочиненіи Порты стремится рѣшить задачу квадратуры круга. Изъ этого сочиненія можно заключить, что Порты былъ плохой математикъ. Порты писалъ также комедіи.

*) *Альбертъ Великій* преподавалъ философію во многихъ городахъ и на послѣдокъ въ Парижѣ. Онъ былъ доминиканецъ, умеръ въ 1280 г. Онъ авторъ многихъ сочиненій важныхъ для исторіи Химіи. Больше интересна его „*Alchimia*“, показывающая на состояніе этой науки въ XIII в.

**) Мексика и Перу были государства достигшія высокой степени цивилизаціи; покореніе этихъ государствъ Испанцами стерло ихъ съ лица земли. Кортесъ говорилъ о Мексикѣ слѣдующее: „страна эта управляется лучше Испаніи; городъ Мексико больше каждаго изъ нашихъ городовъ; памятники превосходятъ наши“. Нѣкоторые города имѣли 30000 домовъ, громадныя дворцы, водопроводы, прекрасныя шоссе. Въ городѣ Мексико Испанцы нашли: обширныя бавары, вмѣщающіе до 60000 посѣтителей, укрѣпленный храмъ громадныхъ размѣровъ, въ которомъ легко могъ-бы помѣститься цѣлый городъ, окруженный 40 башнями, изъ которыхъ самая меньшая была выше колокольни Севильскаго собора, громадныя звѣринцы. Существовали суды, комиссія провѣряющая мѣры и вѣсы, землемѣры; работы художниковъ достигали высокой степени совершенства, хорошія гостиницы, величественныя мосты. Читая описаніе государствъ древнихъ Инковъ и Ацтековъ невольно переносишься въ область фантастическихъ разсказовъ Тысячи-и-одной Ночи. Господство Испанцевъ, ихъ грубый произволъ и фанатизмъ быстро довершили распаденіе покоренныхъ ими странъ. Испанцы гордились тѣмъ, что у нихъ были собаки, которыя съѣли болѣе 200 туземцевъ, каждая! Громадныя и великолѣпныя постройки заставляютъ предполагать, что туземцы Америки были основательно знакомы съ архитектурой, а потому они необходимо имѣли геометрическія свѣдѣнія. Постройка громаднато водостока въ Мексико, большаго римской Сіонаса тахіпа, безъ сомнѣнія требовала геометрическихъ познаній. Къ сожалѣнію о литературѣ древнихъ Мексиканцевъ

Новымъ Свѣтомъ, не могли спасти Испанію отъ того постепеннаго упадка, до котораго она дошла въ настоящее время.

Въ Англіи впервые было обращено вниманіе на изученіе точныхъ наукъ въ XIII в. благодаря извѣстному Рожеру Бекону *), который утверждалъ, что изученіе математическихъ наукъ и опытъ суть единственные пути къ познанію законовъ природы и основательному знакомству съ философійю. Къ сожалѣнію Беконъ не былъ понятъ должнымъ образомъ современниками; еще долго послѣ него продолжала господствовать въ англійскихъ университетахъ аристотелевская философія. Въ изученіи философій Аристотеля видное мѣсто было отведено схоластическимъ толкованіямъ различныхъ плохихъ комментаріевъ на его сочиненія. Изъ числа англійскихъ университетовъ, наиболѣе славился, въ Средніе Вѣка преподаваніемъ аристотелевской философій, университетъ Оксфордскій, въ которомъ образованіе получилъ и Беконъ.

Громадные успѣхи, сдѣланные италіанскими математиками въ XIV и XV столѣтіяхъ много способствовали всему послѣдующему развитію Геометріи и математическихъ наукъ вообще. Одни открытія быстро слѣдуютъ за другими. Въ XVI в.: Віетъ первый вводитъ буквы вмѣсто чиселъ и рѣшаетъ буквенныя уравненія; Коперникъ предлагаетъ систему міра, извѣстную подъ его именемъ; Гарріотъ изслѣдуетъ свойства уравненій; Кеплеръ изслѣдуетъ движеніе свѣтилъ; Неперъ находитъ логарифмы; Галлилей окончательно признаетъ систему Коперника и совмѣстно съ ученикомъ своимъ Торичелли дѣлаетъ множество открытій въ Механикѣ и Физикѣ; Кавалери полагаетъ первыя основы интегральному исчисленію въ своемъ методѣ недѣлимыхъ. Въ XVII столѣтіи: Декартъ создаетъ Аналитическую Геометрію; Паскаль усовершенствуетъ Геометрію; Ферма изслѣдуетъ максимумъ и ми-

---

и Перуанцевъ почти ничего неизвѣстно. Въ недавнее время только начали переводить нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ сочиненій, именно драмы. Изъ перуанскихъ сочиненій до насъ дошло только одно, именно драма „Оланта“, написанная въ концѣ XV столѣтія. Драма эта переведена на русскій языкъ, съ нѣмецкаго перевода Чуди, и напечатана въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1877 г., Май.

*) *Рожеръ Беконъ* родился въ 1214 г. въ Ильчестерѣ (Ilchester), первоначальное образованіе онъ получилъ въ Оксфордскомъ, а потомъ Парижскомъ университетахъ. Въ 1240 г. онъ поступилъ въ орденъ францисканскихъ монаховъ. Беконъ принадлежалъ къ числу самыхъ ученыхъ людей XIII в., онъ зналъ основательно греческій и арабскій языки. Въ особенности много онъ занимался оптикой и химіей. Обвиненный въ магіи и колдовствѣ онъ написалъ сочиненіе „De nullitate magiaе“, но тѣмъ не менѣе его посадили въ тюрьму, гдѣ онъ пробылъ цѣлыхъ десять лѣтъ. Изъ числа сочиненій Бекона наиболѣе извѣстны: „Perspectiva“, „Opus Majus“ и еще нѣсколько другихъ, находящихся въ настоящее время въ библиотекѣ Оксфордскаго университета. Бекону приписываютъ нѣкоторое изобрѣтеніе пороха и телескопа, но это несправедливо. Беконъ умеръ въ 1292 г.

нимумъ и занимается теоріей чиселъ; Роберваль излагаетъ теорію касательныхъ; Лейбницъ и Ньютонъ находятъ дифференціальное исчисленіе, первый при помощи безконечно малыхъ, второй при помощи метода флюкцій.

Указавъ на общій характеръ состоянія математическихъ наукъ вообще въ Средніе Вѣка, мы рассмотримъ успѣхи по Геометріи, сдѣланные отъ VI в. нашей эры до эпохи возрожденія наукъ на Западѣ, т. е. до конца XV в. Отдѣлъ этотъ будетъ состоять изъ двухъ частей: во первыхъ, обзоръ трудовъ, математиковъ, писавшихъ по Геометріи, собственно европейскіихъ, и во вторыхъ, состояніе Геометріи у Арабовъ.

Развитіе Геометріи въ Западной Европѣ до возрожденія наукъ.

Мы уже выше указали на состояніе математическихъ наукъ вообще въ Средніе Вѣка на Западѣ, въ настоящее время мы познакоимся съ сочиненіями, написанными въ этотъ періодъ времени. Первый изъ математиковъ, о которомъ мы будемъ говорить, это Исидоръ Севильскій, жившій почти сто лѣтъ послѣ Боэціи. Но, какъ мы увидимъ ниже, въ этотъ длинный промежутокъ времени, до самаго XII в., не было написано ни одного сколько нибудь замѣчательнаго сочиненія математическаго содержанія. Только благодаря знакомству европейскихъ ученыхъ съ математической литературой арабовъ въ концѣ XII в. и началѣ XIII в. появляются сочиненія Немораріуса и Фибоначчи, но содержаніе ихъ болѣе относится къ Алгебрѣ, чѣмъ къ Геометріи; причина этому, безъ сомнѣнія, то направленіе, которое получило развитіе математическихъ наукъ у арабовъ. Послѣ сочиненій Фибоначчи, который, какъ мы увидимъ ниже, оказалъ громадное вліяніе на все послѣдующее развитіе математическихъ наукъ на Западѣ, особеннаго вниманія заслуживаютъ труды Брадвардина, а потомъ извѣстнаго Региомонтануса, на сочиненіяхъ котораго мы остановимся болѣе подробно. Познакомившись съ сочиненіями Региомонтануса, мы рассмотримъ еще труды Вернера и Дюрера, жившихъ въ концѣ XV-го и началѣ XVI-го столѣтій. Обзоръ сочиненій послѣднихъ двухъ ученыхъ мы закончимъ главу о развитіи математическихъ наукъ на Западѣ до эпохи возрожденія наукъ.

Исидоръ Севильскій, извѣстный подъ именемъ *Isidorus Hispalensis'a*, родился въ Каррагенѣ въ 570 г.; въ 601 г. онъ былъ возведенъ въ санъ епископа Севильскаго. Исидоръ авторъ обширнаго сочиненія, въ 20 книгахъ, подъ заглавіемъ „*Origenes*“ *). Въ самомъ началѣ своего сочиненія Исидоръ всѣ науки дѣлитъ на 7 отдѣловъ, подобно Кассіодору и Боэцію,

*) Сочиненія Исидора издали подъ заглавіемъ: *Opera Isidori Hispalensis edidit F. Arevoli. Roma. 1797—1803. T. I—VII. in-4.*

даже порядокъ тотъ же: грамматика, риторика, діалектика, ариометика, музыка, Геометрія и астрономія. Почти все сочиненіе состоитъ изъ однихъ только опредѣленій и объясненій различныхъ названій и терминовъ, при чемъ толкованія свои Исидоръ часто ни чѣмъ не подтверждаетъ. Такъ на-примѣръ слово *centum* онъ производитъ отъ греческаго слова *kanthos*—ко-лесо; *descent* отъ *desceuscin*—связывать и т. п. Ариометика вся состоитъ изъ опредѣленій чиселъ различныхъ родовъ и дѣленіе ихъ на четныя, нечетныя, линейныя, плоскія и т. п., о вычисленіяхъ нѣтъ и помину. Геометрія и астрономія еще ничтожнѣе, они состоятъ изъ однихъ только опредѣленій.

Исидоръ написалъ кромѣ того много сочиненій по богословію и грамматикѣ. Около себя онъ основалъ цѣлую школу изъ своихъ учениковъ. Нѣкоторое время онъ жилъ въ Римѣ, гдѣ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ папой Григоріемъ Великимъ. Исидоръ былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ аріанства, онъ умеръ въ 636 г. и спустя недолгое время былъ причисленъ къ святымъ.

Беда (Beda), прозванный *универсальнѣйшій*, родился въ 675 г. на границѣ Шотландіи; онъ былъ одинъ изъ самыхъ ученыхъ и образованныхъ людей своего времени. Около 680 г. въ мѣстечкѣ, откуда былъ родомъ Беда, однимъ изъ тановъ основаны были два монастыря, во имя св. Павла и св. Петра; настоятелемъ этихъ монастырей былъ ихъ основатель, который принялъ имя Бенедикта. Въ одномъ изъ этихъ монастырей къ числу монаховъ принадлежалъ и Беда. При монастыряхъ этихъ находилась большая бібліотека, составленная изъ книгъ, привезенныхъ Бенедиктомъ изъ различныхъ мѣстъ, во время своихъ многократныхъ путешествій въ Римъ; чтеніе этихъ книгъ, безъ сомнѣнія, оказало большое вліяніе на умственное развитіе Беды и пробудило въ немъ желаніе заниматься науками.

Беда авторъ многихъ сочиненій, въ числѣ которыхъ нѣкоторыя относятся къ математикѣ и астрономіи, но изъ этихъ сочиненій видно, что во время Беды науки эти находились въ самомъ жалкомъ состояніи, такъ на-примѣръ при вычисленіи площади треугольника приведена неточная формула, которою пользовались еще римскіе землемеры. Въ сочиненіяхъ Беды въ первый разъ встрѣчаются ариометическія задачи „*ad ascendos juvenes*“, которыя впоследствии стали входить въ задачки, названныя французами „*Récréations mathématiques*“. Беда одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на несогласіе въ празднованіи Пасхи, съ постановленіемъ Никейскаго собора 325 г. Онъ также первый ввелъ въ Англіи счетъ лѣтоисчисленія отъ Рождества Христова. Сочиненія Беды были изданы нѣсколько разъ*). До

*) Самое лучшее изданіе носитъ заглавіе: *Venerabilis Bedae opera quae supersunt omnia edidit Giles. London. 1843. Vol. I—XII. in-8.*

насть дошли имена еще нѣсколькихъ другихъ монаховъ, современниковъ Беды, занимавшихся математическими науками.

Алкуинъ (Alcuin), извѣстный на латинскомъ языкѣ подъ именемъ Albinus'a родился въ 735 г. въ Йоркѣ, въ Англіи. Учителемъ Алкуина сначала былъ Егбертъ, а потомъ Аалбертъ, съ которымъ онъ путешествовалъ въ Римъ для приобрѣтенія рукописей. Въ 766 г. Алкуинъ сталъ во главѣ школы въ Йоркѣ, мѣсто это онъ занималъ до 781 г., когда послѣ смерти Егберта онъ отправился въ Римъ, получить отъ папы согласіе на утвержденіе пріемника Егберта. Во время этого путешествія, въ городѣ Пармѣ, Алкуина увидѣлъ Карлъ Великій и пригласилъ его занять мѣсто при дворѣ, на это предложеніе Алкуинъ согласился въ 782 г. и провель при дворѣ дѣлныхъ 14 лѣтъ. Въ 796 г. Алкуинъ оставилъ дворъ Карла Великаго и поселился въ аббатствѣ св. Мартина въ Турѣ, гдѣ онъ основалъ ту знаменитую школу, и громадную библіотеку, изъ которой вышли наиболѣе знаменитые и ученые люди слѣдующаго столѣтія. Въ этомъ монастырѣ Алкуинъ умеръ въ 804 г.

Благодаря любознательности къ наукамъ Карла Великаго, многіе изъ его приближенныхъ слѣдовали его примѣру; изученіе различныхъ отраслей знанія вошло при дворѣ въ моду. Такимъ образомъ образовалось дѣлае общество любителей заниматься науками,—нѣчто въ родѣ Академіи. Члены этого общества занимались, главнымъ образомъ, изученіемъ грамматики и возстановленіемъ правильной географіи; также изучали риторику, поэзію, ариметику и астрономію. Самымъ дѣятельнымъ членомъ этого общества былъ Алкуинъ. Члены этого общества называли себя различными исседонимами, такъ напримѣръ Карлъ Великій былъ извѣстенъ подъ именемъ Давида, его совѣтники Ангильбертъ и Амальрикъ подъ именами Гомера и Симпорія; лѣтописецъ императора и вмѣстѣ съ тѣмъ строитель Ахенскаго собора Эйнгардъ—подъ именемъ Беселея, построившаго скниію завѣта; Теодульфъ носилъ имя Пиндара. Самъ Алкуинъ носилъ имя *Flaccus'a*, подъ которымъ онъ былъ извѣстенъ и внѣ общества. При Академіи возникла школа, нѣчто въ родѣ университета. Главнымъ основателемъ школы былъ Алкуинъ. Лекціи его посѣщали не только самыя высокія лица двора, но и самъ Карлъ Великій. Школа эта получила названіе *палатинской* и послужила образцомъ для всѣхъ учрежденій подобнаго рода.

Знакомство съ многочисленными памятниками классической древности, во время пребыванія Карла Великаго въ Италіи, пробудило въ немъ желаніе поднять уровень образованія въ народѣ и стремленіе снова воскресить науки. Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его помощниковъ, въ этомъ дѣлѣ, былъ Алкуинъ. По приказанію Карла Великаго во всѣхъ школахъ

было приказано учить мальчиковъ: пѣнію псалмовъ, нотамъ, грамматикѣ и церковнымъ уставамъ. Особенное вниманіе было обращено на изученіе софистикѣ, т. е. церковнаго лѣтоисчисленія. Въ большихъ монастыряхъ, въ школахъ преподавали также *artes liberales* и богословіе.

Изученіе ариметики было необходимо для церковнаго лѣтоисчисленія, а потому ею занимались, кромѣ того она была нужна въ практической жизни. За то Геометрія, не имѣвшая отношенія къ религіи, въ эпоху когда не существовало ни правильнаго размежеванія земель и поземельныхъ налоговъ, находилась на самой низкой ступени своего развитія. Геометрія состояла изъ однихъ опредѣленій треугольниковъ, четырехугольниковъ и т. п. Вычисленіе площадей находилось въ такомъ же состояніи какъ при римскихъ землемѣрахъ.

Въ такомъ видѣ представляется математика и въ сочиненіяхъ Алкуина *). Въ немного болѣе удовлетворительной формѣ находится у него Ариметика; такъ мы встрѣчаемъ у него цѣлый рядъ ариметическихъ задачъ, напоминающій задачи Діофанта. На нѣкоторыя изъ этихъ задачъ мы укажемъ:

1) Три наслѣдника получили 21 бочку, 7 полныхъ вина, 7 полуполныхъ и 7 пустыхъ. Раздѣлить наслѣдство такъ, чтобы каждый изъ наслѣдниковъ получилъ столько же вина, сколько и бочекъ.

2) Раздѣлить 100 мѣръ пшеницы между 100 особами такъ, чтобы каждый мужчина получилъ по 3, каждая женщина по 2, а каждое дитя по $\frac{1}{2}$ мѣры. Сколько было мужчинъ, сколько женщинъ и сколько дѣтей?

Подобныя задачи относятся къ числу неопредѣленныхъ. Зналъ-ли Алкуинъ, что задачи эти допускаютъ нѣсколько рѣшеній—сомнительно, такъ какъ изъ семи рѣшеній второй задачи, онъ даетъ только одно, именно: 11 мужчинъ, 15 женщинъ и 74 дѣтей.

Въ другой задачѣ Алкуинъ показываетъ суммованіе ариметическаго ряда, при чемъ указываетъ, что сумма двухъ равноотстоящихъ отъ концовъ членовъ, всегда одинакова.

Нѣкоторые ученые, и въ томъ числѣ Шаль, называютъ Алкуина ученикомъ Беда, но это анахронизмъ, такъ какъ Алкуинъ родился въ годъ смерти Беда. Алкуинъ еще замѣчательнъ тѣмъ, что принималъ участіе въ основаніи Парижскаго и Павійскаго университетовъ.

Одонъ (*Odon de Cluny*), аббатъ монастыря Клуни, принадлежалъ къ числу ученѣйшихъ людей X в. Онъ умеръ въ 943 г. въ Турѣ. Одонъ на-

*) Сочиненія Алкуина были изданы нѣсколько разъ. Последнее изданіе носитъ заглавіе: *Beati Flacci Aluini s. Alcuini Opera, post primam editionem, a viro clarissimo D. And. Quercetano curatam, ect., cura ac studio Frobenii*. T. I.—II. Ratisb. 1777. in-fol.

писалъ нѣсколько сочиненій по музыки и ариметикѣ, а также сочиненіе объ абакусѣ. Изъ содержанія этихъ сочиненій можно заключить, что ему была извѣстна „Геометрія“ Бозція.

Гербертъ (Gerbert) родился въ первой половинѣ X в. въ Овернѣ, въблизи монастыря Авриллага, въ которомъ онъ получилъ первоначальное образованіе, а потомъ былъ монахомъ. Съ ранней молодости Гербертъ покинулъ родину и отправился въ Испанію изучать науки арабовъ. По возвращеніи изъ Испаніи Гербертъ сдѣлался учителемъ въ монастырѣ, въ Реймсѣ, гдѣ сталъ схоластикомъ. О результатахъ своего путешествія по Испаніи Гербертъ выражается слѣдующими словами, что: „въ математикѣ онъ зналъ достаточно много, но свои познанія по латинскому языку ему слѣдуетъ дополнить“. Гербертъ принадлежалъ къ числу самыхъ умныхъ и замѣчательныхъ людей своего времени; съ именемъ ученаго онъ соединялъ извѣстность знаменитаго діалектика, а также дипломата. Онъ былъ воспитателемъ императора Оттона III. Въ 980 г. Гербертъ сдѣланъ былъ аббатомъ знаменитаго монастыря Боббіо (Bobbio), въ Ломбардіи, извѣстнаго своею богатой библіотекой. Въ монастырѣ этомъ Гербертъ основалъ школу куда стекались ученики со всѣхъ концовъ Европы. Но школа эта скоро прекратила свое существованіе, вслѣдствіе зависти монаховъ и недоброжелательства сосѣднихъ феодаловъ. Впослѣдствіи Гербертъ былъ сдѣланъ епископомъ Реймскимъ, а потомъ Равенскимъ и наконецъ въ 999 г. избранъ папой подъ именемъ Сильвестра II и умеръ въ 1003 г. Благодаря стараніямъ Герберта, въ бытность его епископомъ въ Реймсѣ, основанная имъ тамъ школа сдѣлалась одной изъ самыхъ знаменитыхъ. Онъ ее обогатилъ множествомъ книгъ и астрономическихъ инструментовъ, которые онъ выписывалъ откуда только было возможно. Современники Герберта удивлялись его необыкновеннымъ способностямъ и обширнымъ познаніямъ и сложили о немъ нѣсколько легендъ. Философію и математику Гербертъ подвинулъ впередъ на столько, на сколько это было возможно сдѣлать въ то время. Современники прозвали его „geragator studiorum“. Гербертъ написалъ много сочиненій, въ числѣ которыхъ одно по Геометріи *), но оно указываетъ на упадокъ этой науки, потому что заключаетъ много ложныхъ приемовъ и невѣрныхъ предложеній, таковы напримѣръ: мѣра площадей треугольниковъ и четырехугольниковъ, правильныхъ многоугольниковъ; также неправильно Гербертъ рѣшаетъ задачу по данной площади правильнаго многоугольника опредѣлить его сторону? Но на ряду съ этими неточными предложеніями Гербертъ рѣшаетъ нѣсколько весьма трудныхъ, для того времени, вопро-

*) Геометрія Герберта была издана Рейсомъ въ III томѣ Thesaurus anecdotorum novissimus est.

совъ, такъ наприѣръ: по даннымъ сторонамъ 13, 14 и 15 треугольника, найти его высоту? Но, по тѣмъ же сторонамъ, найти площадь? этотъ вопросъ не умѣетъ рѣшить Гербертъ. Укажемъ еще на одну трудную для того времени задачу, именно: по данной площади прямоугольнаго треугольника и его гипотенузѣ, найти катетъ? задача эта ведетъ къ рѣшенію уравненія 2-й степени. Гербертъ далъ рѣшеніе этой задачѣ, которое будучи переведено на нашъ алгебраическій языкъ имѣетъ форму:

$$x = \frac{\sqrt{b^2 + 4a} + \sqrt{b^2 - 4a}}{2}$$

$$y = \frac{\sqrt{b^2 + 4a} - \sqrt{b^2 - 4a}}{2}$$

если x и y суть катеты, a данная площадь, а гипотенуза b .

Для площади круга Герберту извѣстно отношеніе $\frac{22}{7}$.

Термины, употребляемые Гербертомъ въ своей „Геометріи“, заимствованы имъ изъ „Геометріи“ Боэція, съ которой онъ впервые познакомился въ бытность свою въ Мантуѣ. Знакомству съ этимъ сочиненіемъ Гербертъ очень обрадовался.

Изъ числа многочисленныхъ сочиненій Герберта*) многія относятся къ Арифметикѣ; особенное вниманіе было обращено имъ на особую систему счисленія, извѣстную подъ именемъ *абакуса* **). Объ этой системѣ было напи-

*) Сочиненія Герберта были изданы нѣсколько разъ, послѣднее изданіе: *S. Opera. Opera de Gerbert. Paris. 1867. in-4.* Въ послѣдніе время труды Герберта были предметомъ изслѣдованій многихъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ назовемъ: Носк'а, Мартіа'а, Вадінгер'а, Савіот'а и ин. др.

**) Въ древности, на Востокѣ, существовалъ обычай производить счетъ на доскахъ, на которыхъ былъ насыпанъ песокъ. Употребленіе подобныхъ досокъ было вѣроятно введено въ древней Греціи Пифагоромъ. По гречески доски эти носили названіе *abax* (ἄβαξ), слово это на семитическомъ нарѣчій имѣетъ себѣ весьма сходное, именно *abak*, что значитъ песокъ, пыль, а потому можно допустить что *abax*—это доска посыпанная пескомъ. Съ теченіемъ времени стали замѣнять песокъ марками, которыя смотря по своему положенію на доскѣ, означали различныя числа. Когда Греки первоначально стали употреблять слово *abax* съ достовѣрностью нельзя сказать, но во всякомъ случаѣ раньше III в. до Р. X. Это основываютъ на слѣдующемъ мѣстѣ сочиненія Полибія, жившаго, во II в. до Р. X., который говоритъ „придворные, имѣютъ большое сходство съ марками *абакса*, какъ эти послѣднія по желанію считающаго могутъ обозначать то таланъ, то халкусъ, такъ и они по одному знаку царя, то очень счастливы, то необыкновенно печальны“. Также Ямвлихъ говоритъ, что „Пифагоръ училъ своихъ учениковъ Геометріи и Арифметикѣ на *абаксѣ*“. Намъ извѣстно, что древніе Греки чертили геометрическія фигуры на пескѣ, а потому на основаніи всего сказаннаго можно почти съ достовѣрностью утверждать, что *abax*—это счетная доска, посыпанная пескомъ. Относительно того какъ производился счетъ на этихъ доскахъ вполнѣ еще не выяснено. Римляне также считали на подобныхъ доскахъ, но они были иначе устроены, именно: на

сано нѣсколько сочиненій Гербертомъ, а также его учениками. Въ сочиненіяхъ Герберта находится также выраженіе, для суммы членовъ арифметическихъ прогрессій. Неправильныя выраженія для площадей треугольника и четырехугольника были заимствованы Гербертомъ изъ сочиненій Беды.

Адельболдъ, епископъ Утрехтскій, жившій около 1010 г. принадлежалъ къ числу самыхъ ученыхъ людей своего времени. Онъ былъ ученикомъ Герберта, когда этотъ послѣдній находился въ Реймсѣ. Адельболдъ написалъ нѣсколько сочиненій, изъ числа ихъ одно по Геометріи, подъ заглавіемъ: *De ratione inveniendi crassitudinem sphaerae* *). Зная отношеніе окружности къ діаметру, данное Архимедомъ, и полагая отношеніе шара къ кубу діаметра равнымъ $\frac{11}{21}$, Адельболдъ находитъ для объема шара выраженіе $D^3 \frac{11}{21}$.

Бернелинусъ, одинъ изъ учениковъ Герберта, написалъ нѣсколько сочиненій, въ числѣ которыхъ одно по Геометріи, подъ заглавіемъ „*Bernolini Abaci, Musica, Arithmetica et Geometria*“. Сочиненіе это вѣроятно есть сокращенные уроки Герберта. Сочиненіе это нынѣ хранится въ Ватиканской бібліотекѣ. Другое сочиненіе „*Liber Abaci*“, въ которомъ Бернелинусъ излагаетъ десятичную систему счисленія.

Аделардъ Батскій (*Athelardus Bathensis*), извѣстный также подъ названіемъ *Гота*, жилъ около 1130 г. Онъ былъ бенедиктинскій монахъ, родомъ изъ Англіи, но большую часть жизни провелъ во Франціи и Германіи, гдѣ изучалъ науки въ монастырскихъ школахъ Лаона и Тура. Желая болѣе основательно познакомиться съ сочиненіями древнихъ греческихъ философовъ Аделардъ отправился сначала въ Салерно, а потомъ въ Азію, Египетъ и Испанію. Изучивъ основательно арабскій языкъ онъ по истеченіи семи лѣтъ возвратился на родину. Читая сочиненія арабскихъ писателей Аде-

---

металлической доскѣ были вырѣзаны выемки, а въ этихъ выемкахъ двигались штифтики, смотря по положенію штифтиковъ въ выемкахъ обозначали то или другое число. Свой приборъ Римляне называли *абакисъ*, что прямо указываетъ на его греческое происхожденіе.

Почти у всѣхъ народовъ существовалъ подобный счетъ, Китайцы считали на приборѣ называемомъ *суанпанъ* (*suanpan*), который весьма мало разнится отъ нашихъ *счетовъ*, употребляемыхъ купцами. Кромѣ подобнаго способа счета еще существовало обыкновеніе счета на *малочкахъ*, обычай этотъ сохранился въ Германіи до XVII столѣтія. Въ Россіи онъ былъ также въ большомъ ходу; еще недавно наши крестьяне считали на *биркахъ*. Въ заключеніе замѣтимъ, что хотя вопросъ объ *абакусѣ* былъ предметомъ изслѣдованія многихъ ученыхъ, но до сихъ поръ еще многое необъяснено. Вопросъ объ *абакусѣ* находится въ связи съ вопросомъ о различныхъ способахъ считать и различныхъ системахъ счисленія. Со временемъ мы предполагаемъ изслѣдовать эти вопросы болѣе подробно, такъ какъ граница нашего очерка не позволяетъ намъ это сдѣлать въ настоящемъ нашемъ сочиненіи.

*) Сочиненіе это было напечатано, вмѣстѣ съ „Геометріей“ Герберта, въ III-мъ томѣ „*Thesaurus scandotorum novissimus*“, издавнаго В. Реломъ, въ Аугсбургѣ, въ 1721 г. in-fol.

лардъ познакомился съ „Началами“ Евклида, въ переводѣ на арабскій языкъ; тогда еще небыло извѣстно это сочиненіе въ подлинникѣ. Вѣроятно это былъ переводъ Исаакъ-бенъ-Гонейна съ комментаріями Табитъ-бенъ-Корра, такъ какъ другой извѣстный намъ переводъ „Началъ“ на арабскій языкъ, сдѣланный Нассиръ-Еддинъ-ат-Туси, появился почти сто лѣтъ послѣ Аделарда. Познакомившись съ „Началами“ Евклида Аделардъ перевелъ ихъ на латинскій языкъ. До насъ дошло нѣсколько рукописей этого перевода.

Кромѣ „Началъ“, Аделардъ перевелъ на латинскій языкъ съ арабскаго еще нѣсколько астрономическихъ сочиненій.

Savosarda (*Savosarda*), извѣстный также подъ именемъ *Abraham Judaeus*'а, жилъ, какъ полагають, въ началѣ XII в. Онъ былъ еврей, вѣроятно родомъ изъ Испаніи. Савосарда авторъ сочиненія по практической Геометріи, въ которомъ впервые встрѣчается выраженіе для площади треугольника въ функции его сторонъ; доказательства авторъ не приводитъ, хотя говорить, что оно ему извѣстно, но весьма запутанное. „Геометрія“ Савосарда содержитъ нѣсколько вопросовъ, которые въ настоящее время выражаются алгебраически, формулами: $x^2 + 4x = 77$; $x + y = 14$ и $xy = 48$; $xy = 60$ и $x^2 + y^2 = 13$, но вопросы эти рѣшены у него чисто геометрически; извѣстно, что подобные вопросы находятся въ „Началахъ“ и „Данныхъ“ Евклида.

Въ этомъ сочиненіи помѣщена также таблица хордъ и нѣсколько задачъ, въ которыхъ числа написаны по индусской системѣ. Также заслуживаетъ вниманія способъ измѣренія высотъ при помощи отраженія отъ зеркалъ, измѣреніе глубины колодца при помощи паденія тѣлъ, и измѣреніе времени при помощи наблюденія свѣтилъ. Изъ сочиненія Савосарда видно, что ему были извѣстны сочиненіе Макробія и приѣмъ Эратосеена для измѣренія земнаго шара, а это указываетъ на то, что онъ не ограничился изученіемъ арабскихъ писателей.

Герардъ Кремонскій жилъ отъ 1114 по 1187 гг. Желая познакомиться съ „Альмагестомъ“ Птолемея онъ отправился въ Испанію, гдѣ изучалъ арабскій языкъ въ Толедо. Пораженный богатствомъ математической литературы арабовъ, онъ началъ переводить ихъ сочиненія на латинскій языкъ и перевелъ болѣе 70. Герардъ переводилъ сочиненія по самымъ разнообразнымъ наукамъ. Изъ его переводовъ наиболѣе извѣстны переводы: „Началъ“ Евклида, которыя какъ мы видѣли были уже переведены Аделардомъ и „Альмагестъ“ Птолемея, который онъ первый перевелъ на латинскій языкъ. Герардъ первый познакомилъ европейцевъ съ цѣлымъ рядомъ греческихъ сочиненій, извѣстныхъ у Арабовъ подъ именемъ „среднихъ книгъ“. Онъ перевелъ также съ арабскаго языка сочиненіе, предметъ котораго измѣреніе поверхностей и объемовъ тѣлъ; заглавіе его: *Liber in quo*

terrarum corporumque continentur mensurationes Ababuchri qui dicebatur Neus, translatus a magistro Girardo Cremonensi de arabico in latinum in Toletu, abbreviatus. Многие вопросы въ этомъ сочиненіи рѣшены алгебраически, что авторъ выражаетъ словами: *secundum Aliabram et Almucabalam*. Кромѣ того Герардъ перевелъ еще „Алгебру“ Магомеда-бенъ-Муза*), сочиненіе Абу-Бекра „О измѣреніи площадей и объемовъ тѣлъ“ и „Толедскія таблицы“ Аль-Зеркали и множество другихъ сочиненій.

Платонъ Тивольскій (Plato Tiburtinus), современникъ Герарда, перевелъ около 1120 г. сочиненіе Теодосія „Сферики“, съ арабскаго языка на латинскій. Кромѣ этого сочиненія Платонъ перевелъ еще много другихъ также съ арабскаго на латинскій, въ томъ числѣ „Астрономію“ Аль-Батани. Въ 1116 г. Платонъ перевелъ съ еврейскаго языка на латинскій „Геометрію“ Савосарда **).

Изъ сочиненій Платона видно, что онъ былъ знакомъ съ Алгеброй. Въ его сочиненіяхъ находится таблица хордъ съ арабскими цифрами.

Сочиненія Аделарда, Герарда Кремонскаго, Савосарда и Платона Тивольскаго достойны полнаго вниманія и уваженія съ нашей стороны, они прямо указываютъ на то, что въ началѣ XII-го вѣка на Западѣ многіе лица интересовались математическими науками и что существовало въ то время не мало людей, которые не смотря на трудности и многочисленныя опасности сопровождающія путешествія въ тѣ времена, отправлялись въ отдаленныя страны за приобрѣтеніемъ познаній и, пренебрегая матеріальными выгодами, занятія науками ставили выше всего.

Также весьма интересно прослѣдить въ этихъ сочиненіяхъ первые шаги математиковъ Запада въ ознакомленіи съ Алгеброй. Это суть первыя попытки европейскихъ математиковъ къ ознакомленію съ той наукой, которой первый значительный толчекъ впередъ далъ Фибоначчи и которая достигла уже такого широкаго развитія во время Кардана подъ именемъ *ars magna*.

Іоаннъ Севильскій или *de Luna*, болѣе извѣстный подъ именемъ *Joannes Hispalensis*, испанскій раввинъ, жившій въ XII в. Онъ извѣстенъ переводами различныхъ арабскихъ сочиненій, сначала на кастильскій языкъ, а потомъ на латинскій. Такъ какъ многія изъ этихъ сочиненій были переводы греческихъ сочиненій на арабскій языкъ, то переводы Іоанна Севильскаго

*) Сочиненіе это было издано Бонкомпани по рукописи, принадлежащей Ватиканской бібліотекѣ, и напечатано въ его изданіи: *Della vita et delle opere de Gherardo Cremonese*. Roma, 1851, in-4.

**) Одна изъ рукописей этого перевода носитъ слѣдующее заглавіе: *Incipit liber embadorum*, а Savasorda in ebraico compositus, et a Platone Tiburtino in latinum sermonem translatus, anno arabum DX (1116 г.) mense Saphar. Слово *embada* указываетъ на восточное происхожденіе этого сочиненія.

довольно неточны. Въ числѣ переведенныхъ имъ сочиненій было нѣсколько сочиненій Аристотеля. Іоаннъ Севильскій авторъ сочиненія „*Liber algorismi*“ *). Сочиненіе это есть извлеченіе изъ сочиненія Магомеда-бенъ-Муза „Алькарисмъ“. Въ одной изъ главъ этого сочиненія подъ заглавіемъ: *Excerptiones de libro qui dicitur Gebra et Muchabala*, приведены три вида уравненій второй степени, которыя рѣшали въ то время. Общая форма этихъ уравненій:

$$x^2 + ax = b$$

$$x^2 + b = ax$$

$$ax + b = x^2$$

Они рѣшены для частнаго случая:

$$x^2 + 10x = 39$$

$$x^2 + 9 = 6x$$

$$3x + 4 = x^2$$

Въ этомъ сочиненіи говорится о какомъ то трактатѣ по Алгебрѣ, но къ сожалѣнію мы ничего больше о немъ не знаемъ. Шаль полагаетъ, что это была Алгебра Магомеда-бенъ-Музы. Въ этомъ сочиненіи Іоанна показанъ приѣмъ извлеченія квадратныхъ корней при помощи десятичныхъ дробей; впоследствии приѣмъ этотъ былъ снова предложенъ Карданомъ, какъ совершенно новый **).

Іоаннъ Севильскій до принятія христіанства носилъ имя Абенъ-Дреатъ (*Aben-Dreath*).

Родольфъ Бругскій (*Braghensis*), современникъ Герарда Кремонскаго, первый перевелъ, съ арабскаго языка на латинскій, сочиненіе Птолемея „*De Planisphaerio*“ съ комментаріями арабскаго ученаго Маслема ***).

Іоаннъ Гоммудскій (*Jean de Holywood*), болѣе извѣстный подъ именемъ *Сакро-Боско* (*Johannes Sacro-Bosco*), былъ родомъ англичанинъ, онъ преподавалъ математику въ Парижѣ, гдѣ умеръ въ 1256 г. Сакро-Боско написалъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ одно пользовалось громадною извѣстностью, это—„*De sphaera mundi*“. Сочиненіе это въ теченіи цѣлыхъ четырехсотъ лѣтъ служило руководствомъ по астрономіи въ школахъ. Оно выдержало болѣе шестидесяти-пяти изданій и столько же комментаріевъ.

*) Сочиненіе это было издано Бонкомпани во II томѣ своего сочиненія „*Trattati d'aritmetica*“. Roma. 1857.

**) Приѣмъ этотъ былъ уже извѣстенъ Теону Младшему, который свои вычисленія производилъ при помощи шестидесятичныхъ дробей.

***) Сочиненіе это впервые было напечатано при „Географіи“ Птолемея, изданной въ 1507 г., въ Римѣ. Затѣмъ снова въ 1536 г. Впоследствии сочиненіе это было снова переведено Коммандиномъ, съ подробными комментаріями, въ 1568 г.

Въ первый разъ оно было напечатано въ Феррарѣ въ 1472 г. Самые знаменитые изъ математиковъ XV и XVI столѣтій писали комментаріи на это сочиненіе; изъ числа ихъ упомянемъ Пурбаха, Региомонтануса, Клавіуса и др.

Сочиненіе это есть извлечение изъ „Альмагеста“ Птолемея, но оно содержитъ только самыя поверхностныя свѣдѣнія, какъ напр. описаніе различныхъ круговъ на сферѣ небесной, явленія суточного движенія свода небеснаго и нѣчто о затмѣніяхъ. Теорія планетъ совершенно не изложена, а этотъ вопросъ какъ извѣстно разсмотрѣнъ очень обстоятельно въ „Альмагестѣ“. На этотъ вопросъ первый обратилъ вниманіе снова Пурбахъ. Кромѣ сочиненія „О шарѣ“ Сакро-Боско написалъ еще сочиненіе по ариметикѣ, подъ заглавіемъ „De Algorismo“ *). Сочиненіе это состоитъ изъ девяти частей, именно: нумерація, сложеніе, вычитаніе, дѣленіе на 2, умноженіе на 2, умноженіе, дѣленіе, прогрессіи и извлечение квадратныхъ и кубическихъ корней. Подобное раздѣленіе ариметики существовало весьма долго, и сохранилось еще въ сочиненіяхъ, написанныхъ въ XVI в. Въ этомъ сочиненіи введены уже наши теперешнія цифры. Ариметику Сакро-Боско приписываетъ Индусамъ. Кромѣ этихъ сочиненій онъ написалъ еще нѣсколько другихъ по астрономіи.

Іоаннъ Немораріусъ (*Nemorarius* латинизированная фамилія *Forestier*) жилъ около конца XII в. **). Онъ написалъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ извѣстны слѣдующія: „Ариметика“ въ десяти книгахъ. Сочиненіе это составлено на подобіе сочиненій Никомаха и Боэція по тому же предмету, въ немъ разобраны многія свойства чиселъ ***).

„Algorismus“—это сочиненіе по практической ариметикѣ.

*) Сочиненіе это было въ большомъ употребленіи въ университетахъ. Оно было напечатано много разъ въ XVI и XVII вѣкахъ. Изъ изданій болѣе извѣстны напечатанныя: въ Вѣнѣ въ 1517 г.; въ Краковѣ въ 1521 г. и 1522 г.; въ Венеціи въ 1523 г.; и въ Парижѣ въ 1510 г. и 1522 г., Фабромъ Детапль (*Fabre d'Étaples*), безъ имени автора. Последнее изданіе напечатано Галливелемъ (*Halliwell*) подъ заглавіемъ: *Johannis de Sacro-Bosco Anglici de arte numerandi tractatus*. Cantabrig. 1838.

Валлисъ и Монтумъ ошибочно приписываютъ Сакро-Боско сочиненіе по ариметикѣ, написанное въ стихахъ. Авторъ послѣдняго сочиненія Вилледіе (*Alexandre de Villedieu*). Сочиненіе это было издано въ первый разъ Галливелемъ въ сборникѣ, подъ заглавіемъ: *Rara Mathematica*. London. 1839.

**) Свѣдѣній о жизни Немораріуса не существуетъ, неизвѣстно даже съ достовѣрностью время когда онъ жилъ. На основаніи нѣкоторыхъ указаній полагаютъ, что онъ былъ генераломъ одного изъ монашескихъ орденовъ въ Парижѣ и что онъ умеръ въ 1236 г. По своему происхожденію Немораріусъ вѣроятно былъ саксонецъ, такъ какъ одна изъ рукописей его сочиненій озаглавлена: *Jordani de Nemore de Alamania Arithmetica*.

***). Сочиненіе это впервые было напечатано, съ комментаріями Фабра Детапль (*Faber Stapulensis*) въ 1496 г., въ Парижѣ. Есть еще нѣсколько другихъ изданій.

„De planisphaerio“. Въ этомъ сочиненіи въ первый разъ доказано во всей общности основное свойство стереографической проекціи *), что всѣ круги пролагаются въ видѣ круга. Птоломей доказалъ это предложеніе для отдѣльныхъ случаевъ. Птоломей дѣлалъ проложеніе на плоскость экватора, для глаза находящагося въ полюсѣ. Немораріусъ же пролагаетъ на касательную плоскость, проведенную чрезъ другой полюсъ. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ свойствъ стереографической проекціи, что „уголъ между двумя кругами, проведенными на шарѣ, равенъ углу заключенному между двумя проекціями“, не было извѣстно Немораріусу; свойство это первый замѣтилъ Робертсонъ **).

Немораріусъ написалъ также трактатъ по Алгебрѣ, подъ заглавіемъ „De numeris datis“, въ которомъ рѣшено много уравненій первой и второй степеней. Сочиненіе это важно въ исторіи развитія Алгебры, въ сожалѣнію оно мало извѣстно въ настоящее время. Оно пользовалось въ прежнее время большою извѣстностью. Региомонтанусъ, а потомъ Мавролико хотѣли его издать ***). Методъ, употребленный авторомъ заслуживаетъ вниманія; всѣ разсужденія онъ производитъ на буквахъ. Сочиненіе состоитъ изъ 4 книгъ и заключаетъ 113 предложеній.

Извѣстно еще сочиненіе Немораріуса „De triangulis“, но оно не было издано. По предположенію Воссіуса (Vossius) въ Ватиканской библіотекѣ есть сочиненіе Немораріуса „De Geometriâ“ въ трехъ книгахъ. Содержаніе этого сочиненія неизвѣстно. По словамъ Рамуса, Немораріусъ нашелъ выраженіе для площади треугольника въ функціи его сторонъ; но въ какомъ изъ сочиненій было доказано это предложеніе неизвѣстно, вѣроятно оно находилось въ сочиненіи „De Geometriâ“, такъ какъ въ другомъ геометрическомъ сочиненіи „De triangulis“ Вентури его не нашелъ. Доказательство предложенное Немораріусомъ то же, что и доказательство данное Фибоначчи, въ своей „Практической Геометріи“.

Кромѣ этихъ сочиненій Немораріусъ написалъ еще сочиненія по Оптикѣ и по Механикѣ. Въ особенности заслуживаетъ вниманія его сочине-

*) Название *стереографическая* проекція было введено впервые въ XVII ст. Агильономъ въ сочиненіи: Aguilonii Opticorum libri sex. Paris. 1613. in-fol.

**) Robertson написалъ сочиненіе по Навигациі въ 1754 г.

***) Сочиненіе Немораріуса „De numeris datis“ было издано только въ послѣднее время Treutlein'омъ и напечатано въ сборникѣ подъ заглавіемъ: Abhandlungen zur Geschichte der Mathematik. Zweites Heft. 1879. Leipzig. in-8. Переводъ свой Треутлейнъ сдѣлалъ съ рукописи, написанной между 1850 и 1880 гг., хранящейся нынѣ въ Базельской библіотекѣ.

Въ предисловіи къ своему переводу Треутлейнъ высказываетъ предположеніе, что сочиненіе „Algorithmus demonstratus“, которое долгое время приписывали Региомонтанусу, написано Немораріусомъ.

ніе по статикѣ, подъ заглавіемъ „*De ponderibus*“. Это первое сочиненіе по статикѣ, написанное послѣ Архимеда, оно было издано Тарталіей съ комментаріями *).

Леонардъ Пизанскій, болѣе извѣстный подъ именемъ Фибоначчи (*Fibonacci—filius Bonacci*), родился около 1180 г. въ Пизѣ. Жизнь его мало извѣстна, мы не знаемъ даже съ достовѣрностью время когда онъ жилъ. Соотечественники прозвали Фибоначчи *Bigellone*, т. е. глупцомъ, за то что онъ предпочиталъ занятіе науками торговлѣ, которою занимались его сограждане. Фибоначчи первый познакомилъ европейскихъ ученыхъ съ Алгеброй и съ арабской десятичной системой счисления. Онъ написалъ нѣсколько сочиненій на латинскомъ языкѣ, изъ числа которыхъ самое замѣчательное „*Libro Abacus*“, написанное въ 1202 г. Разсмотримъ содержаніе этого сочиненія, а также другихъ сочиненій, написанныхъ Фибоначчи.

Въ предисловіи къ сочиненію „*Libro Abacus*“ Фибоначчи указываетъ на причины, побудившія его предпринять свой трудъ; онъ говоритъ: „отецъ мой, родомъ изъ Пизы, служилъ синдикомъ на таможахъ въ Бужи, въ Африкѣ, куда онъ меня взялъ съ собою для изученія искусства считать. Удивительное искусство считать при помощи только девяти индусскихъ знаковъ мнѣ такъ понравилось, что я непремѣнно захотѣлъ познакомиться съ тѣмъ, что извѣстно объ этомъ искусствѣ въ Египтѣ, Греціи, Сиріи, Сициліи и Провансѣ; объѣхавъ всѣ эти страны я убѣдился, что индусская система счисления есть самая совершенная и превосходить алгоритмъ и методъ Пифагора. Изучивъ основательно эту систему и все къ ней относящееся, прибавивъ свои собственныя изслѣдованія и почерпнутое изъ „Началъ“ Евклида, я рѣшился написать это сочиненіе“ **).

Сочиненіе это, состоящее изъ 15 главъ, есть трактатъ по Алгебрѣ,

---

*) Сочиненіе это въ первый разъ было издано *Apian*’омъ, въ 1533 г. въ Нюрнбергѣ подъ заглавіемъ „*De Ponderibus*“.

**) Подъ именемъ *алгоритма* (*algorithmus*) въ Средніе Вѣка понимали *аритметику положенія*. Въ первый разъ, на сколько извѣстно, система эта была примѣнена въ сочиненіи Магомеда-бенъ-Муза, въ которомъ впервые употреблена десятичная система счисления съ нулемъ. Послѣдователей этой системы называли *алгоритмистами*. Послѣдователей же древней системы счисления, которые не употребляли нуля, называли *абаксистами*, потому что они при своихъ вычисленіяхъ пользовались *абакусомъ*.

Относительно происхожденія названія *алгоритмъ* сдѣлано было множество предположеній, но болѣе вѣроятно мнѣніе Рено (*Reynaud*), который полагаетъ, что названіе это происходитъ отъ имени *Alkharismi* подъ которымъ былъ извѣстенъ Магомедъ-бенъ-Муза, прозванный такъ по имени провинціи *Каризмъ*, изъ которой онъ былъ родомъ. Другіе ученые противнаго мнѣнія, такъ напримѣръ *Quatremère* и *Adelung* слово *алгоритмъ* производятъ отъ греческаго *ἀριθμός*, которому предшествуетъ арабскій членъ *al*.

первое сочиненіе по этому предмету, написанное христіаниномъ. Въ этомъ сочиненіи также впервые изложена арабская система счисленія, подъ именемъ индусской, и ариѳметическія дѣйствія, произведенныя при посредствѣ цифръ *). Въ настоящее время извѣстно нѣсколько сочиненій, написанныхъ до 1202 г., гдѣ примѣняются эти знаки, но сочиненія эти написаны или маврами или же испанскими евреями.

Въ своемъ сочиненіи Фибоначчи упоминаетъ о различныхъ системахъ счисленія, употребляемыхъ въ странахъ, которыя онъ посѣтилъ; онъ останавливается на свойствахъ нуля, при помощи котораго и девяти индусскихъ знаковъ можно выражать всѣ числа. При этомъ Фибоначчи указываетъ на то, что само слово *нуль* арабскаго происхожденія **).

*) Безъ сомнѣнія цифри были извѣстны европейцамъ еще задолго до Фибоначчи. Въ рукописи XI в., принадлежащей Шартрской библіотекѣ, находится девять цифръ, которыя написаны отъ правой руки къ лѣвой, въ возрастающемъ порядкѣ, что прямо указываетъ на то, что они заимствованы отъ народа, который писалъ отъ правой руки къ лѣвой. Знаки, изображающіе цифры въ этой рукописи, мало напоминаютъ наши нынѣшнія цифры. Знаки эти, начиная отъ единицы, носятъ названія: Igin, Andras, Ormis, Arbas, Quimaz, Caltis, Zenia, Temenias, Sipos celentis. Происхожденіе этихъ названій до сихъ поръ не объяснено удовлетворительно, такъ какъ достоверно неизвѣстно откуда они заимствованы.

Цифры и всю десятичную систему счисленія называютъ часто *индусскими*, но послѣдніе изслѣдованія показали, что система эта скорѣе принадлежитъ арабамъ, хотя сами они называли ее индусскою. Впрочемъ необходимо замѣтить, что арабы все заимствованное ими у другихъ народовъ называли индусскимъ, такъ напр. Геометрія считалась у нихъ индусскою наукою; Альмагестъ Птолемея—индусская книга; инструментъ описанный Прокломъ—индусскимъ кругомъ и т. п. Вопросъ откуда заимствована нынѣшняя система счисленія былъ предметомъ многихъ споровъ между математиками и до сихъ поръ остается невыясненнымъ.

**) Фибоначчи говоритъ: „Cum his itaque nove Figuris, et cum hoc signo $\bigcirc$ quod Arabice Zephirum appellatur, scribitur quilibet numerus“. Съ теченіемъ времени слово *zephro* перешло въ *zéro*, что на французскомъ языкѣ значитъ нуль.

Нуль былъ извѣстенъ уже арабскому математику IX в. Магомеду-бенъ-Муза, который въ своей Алгебрѣ говоритъ: „девять знаковъ могутъ находиться на различныхъ мѣстахъ, но если одного мѣста недостаетъ, то ставятъ маленькій кружокъ, показывающій, что на этомъ мѣстѣ никакого числа не находится“.

Шалъ въ своемъ сочиненіи „*Aperçu historique*“ указываетъ на рукопись „Геометріи“ Бозція, написанной въ XI в., въ которой послѣ девяти цифръ поставленъ маленькій кружокъ, среди котораго находится буква *a*. Знакъ этотъ по всей вѣроятности представлялъ нуль. Буква *a*, по мнѣнію Шала, есть послѣдняя буква слова *supra*, или же первая буква слова *arsis*, которое употребляется въ этой же рукописи и имѣетъ извѣстное значеніе въ системѣ нумераціи. Съ мнѣніемъ Шала несогласенъ Либри, который указываетъ на то, что слово *saḡra* по арабски значитъ *пустота*. Слову этому соответствуетъ индусское—*śūnya*, имѣющее тоже значеніе. Съ теченіемъ времени слово *saḡra* перешло въ *zephritum*, *tsiphra*, *cifra*, *chiffre*; въ послѣдствіи его стали употреблять въ смыслѣ *цифры*, но и въ настоящее время первоначальное значеніе сохранилось въ англійскомъ языкѣ, гдѣ *cipher* значитъ нуль, а также въ португальскомъ, гдѣ слово *cifra* имѣетъ то же значеніе.

Сочиненіе свое Фибоначчи начинаетъ съ изложеніи правилъ первыхъ четырехъ дѣйствій надъ цѣлыми и дробными числами. Затѣмъ слѣдуетъ тройное правило, правило смѣшенія и рѣшеніе различныхъ практическихъ вопросовъ. Большая часть изъ этихъ вопросовъ въ настоящее время сводятся на рѣшеніе линейныхъ уравненій. Изъ числа подобныхъ вопросовъ укажемъ на слѣдующій: „четвертая и третья части дерева находятся подъ землей, они составляютъ 21 футъ, найти длину всего дерева“? Задачу эту можно выразить иными словами такъ: найти величину, которой p -я и q -я части даны. Задача эта носитъ названіе *regula arborum*. Приведемъ еще одну задачу, извѣстную подъ именемъ задачи *de duobus hominibus*, которая состоитъ въ слѣдующемъ: „одинъ человѣкъ требуетъ отъ другаго 7 динаріевъ, тогда онъ будетъ имѣть въ 5 разъ больше его. Второй требуетъ отъ перваго 5 динаріевъ и тогда онъ будетъ имѣть въ 7 разъ больше“. Изъ рѣшенія подобныхъ вопросовъ состоитъ все сочиненіе Фибоначчи. Потомъ авторъ переходитъ къ извлеченію квадратныхъ корней и ученію о ирраціональныхъ величинахъ, при чемъ Фибоначчи ограничивается тѣми предложеніями, которыя находятся въ X-й книгѣ „Началь“ Евклида, но въ большей части случаевъ онъ совершенно чуждъ геометрическихъ построеній, какъ это дѣлали уже арабы, такъ напримѣръ умноженіе и извлеченіе корней изъ двучленовъ и вычетовъ являются у него какъ дѣйствія чисто алгебраическія. Въ концѣ сочиненія изложено рѣшеніе уравненій второй степени, при чемъ авторъ рѣшаетъ шесть вопросовъ, которые онъ сводитъ на рѣшеніе такихъ уравненій. Во всѣхъ вопросахъ онъ прежде всего начинаетъ съ разсматриванія численныхъ примѣровъ и потомъ даетъ общее правило безъ доказательства. Въ разсматриваемыхъ примѣрахъ онъ полагаетъ члены обѣихъ частей уравненія положительными, подобно арабамъ; въ то время еще не приравнивали уравненій нулю. Въ концѣ вопроса дано доказательство, которое есть геометрическое построеніе, гдѣ мы прибавляемъ къ обѣимъ частямъ уравненія квадратъ половины коэффиціента у неизвѣстнаго въ первой степени. Для обозначенія величинъ, не имѣющихъ численныхъ значеній, Фибоначчи выражаетъ ихъ линіями, обозначая эти линіи одною или двумя буквами; надъ этими буквами онъ производитъ алгебраическія дѣйствія, совершенно такъ какъ они производятся въ настоящее время. Иногда Фибоначчи употребляетъ буквы для обозначенія неопредѣленныхъ величинъ, не выражая ихъ линіями.

Извѣстно, что большая часть арабскихъ математиковъ разсматривали только одинъ корень уравненія второй степени, но еще Магомедъ-бенъ-Муза, жившій въ IX в., указалъ на существованіе двухъ положительныхъ корней въ уравненіяхъ вида $ax^2 + b = cx$. Магомедъ-бенъ-Муза вѣроятно разсматривалъ только два корня положительныхъ, желая избѣгнуть отрица-

тельныхъ и мнимыхъ корней. Относительно этого случая Магомедъ-бенъ-Муза говорить слѣдующее: „испробуемъ рѣшеніе чрезъ сложеніе (т. е. давая радикалу знакъ $+$) и если оно не удовлетворяетъ, то вычитая мы всегда рѣшимъ вопросъ“. Фибоначчи, безъ сомнѣнія знакомый съ сочиненіемъ Магомеда-бенъ-Музы, не пошелъ далѣе его *). Онъ также говоритъ, что если извѣстное уравненіе второй степени не рѣшается прибавляя радикалъ къ рациональному количеству, то оно разрѣшится отнимая отъ него тотъ же радикалъ; но Фибоначчи не говоритъ, что уравненія второй степени всегда имѣютъ два рѣшенія. Кромѣ уравненій квадратныхъ, Фибоначчи разсматриваетъ еще уравненія высшихъ степеней, сводимыя на квадратныя, чего нѣтъ въ сочиненіи Магомеда-бенъ-Музы.

Въ своемъ сочиненіи Фибоначчи сохранилъ арабскія названія и опредѣленія, какъ напримѣръ: *Elcataym*, *Almacabala*, *Algebra* и др., что прямо указываетъ на то, что содержаніе сочиненія заимствовано изъ арабскихъ источниковъ.

Сочиненіе свое Фибоначчи, въ 1228 г., исправилъ и дополнилъ **). Извѣстные списки этого сочиненія сильно разнятся другъ отъ друга, такъ какъ они списаны съ различныхъ изданій.

Другое сочиненіе Фибоначчи „*Practica geometriae*“, написанное въ 1220 г., состоитъ изъ 8 главъ. Въ этомъ сочиненіи Фибоначчи изложилъ все, что ему извѣстно о измѣреніи площадей ограниченныхъ прямыми и кривыми линіями, а также о кругѣ и шарѣ, при чемъ онъ слѣдуетъ „Началамъ“ Евклида и сочиненіямъ Архимеда „Объ измѣреніи круга“ и „О шарѣ и цилиндрѣ“. Также видно знакомство автора съ основами Тригонометріи, которую онъ заимствовалъ изъ сочиненія Птолемея и арабскихъ источниковъ, ему извѣстны *sinus* и *sinus versus*. Вопросъ о дѣленіи фигуръ въ опредѣленномъ отношеніи, разобранъ весьма обстоятельно при чемъ источникомъ, безъ сомнѣнія, служило сочиненіе Евклида „*De divisionibus*“, которое, какъ извѣстно, было весьма распространено между арабскими математиками. Изъ геометрическихъ предложеній особеннаго вниманія заслуживаетъ выраженіе для площади треугольника въ функціи его сторонъ. Выраженіе это, какъ извѣстно, находится въ индусскихъ и арабскихъ сочиненіяхъ по Геометріи, а также было извѣстно Герону Старшему. Полагаютъ, что Фибоначчи выраженіе это заимствовалъ изъ „Геометріи“ Савосарда. Въ „Геометріи“ Фибоначчи показаны также способы измѣренія объемовъ и емкостей

*) Алгебра Магомеда-бенъ-Музы была издана подъ заглавіемъ: *Mohammed-ben-Musa, Algebra*, translated by F. Rosen. London. 1831. in-8.

**) Второе изданіе сочиненія „*Liber Abacus*“ Фибоначчи посвящаетъ извѣстному астрологу *Михаилу Скотту* (Scottus), жившему при дворѣ Фридриха II.

тѣхъ, а также указаны способы измѣренія площадей, употребляемые земле-мѣрами.

При изслѣдованіи геометрическихъ вопросовъ Фибоначчи не уступаетъ въ строгости доказательствъ и послѣдовательности автору „Началъ“. Въ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ онъ предлагаетъ вполне самостоятельные приемы, такъ напримѣръ, при вычисленіи длины окружности круга, онъ вычисляетъ периметры правильныхъ вписанныхъ и описанныхъ около круга 96-ти-угольниковъ; онъ даетъ доказательство, имѣющее преимущество передъ приемомъ, предложеннымъ Архимедомъ. Приемъ Фибоначчи скорѣе ведетъ къ цѣли. Оба предѣла данные имъ, слѣдующіе:

$$\frac{1440}{458\frac{1}{2}} = 3,143 \quad \text{и} \quad \frac{1440}{458\frac{1}{2}} = 3,141$$

среднее значеніе:

$$\frac{1440}{458\frac{1}{2}} = 3,1418$$

Изъ другихъ сочиненій, написанныхъ Фибоначчи, особеннаго вниманія заслуживаетъ „*Liber Quadratorum*“, написанное около 1225 г. Сочиненіе это было затеряно, но въ послѣднее время отыскано Бонкомпани и издано въ полномъ собраніи сочиненій Фибоначчи. Въ сочиненіи этомъ находится много интересныхъ вопросовъ. По мнѣнію Терквема (*Tetquem*) оно принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ сочиненій арифметическаго содержанія, написанныхъ въ Средніе Вѣка. Въ немъ изслѣдованы многія интересныя свойства чиселъ, дано выраженіе для суммы ряда натуральныхъ чиселъ, а также ихъ квадратовъ, суммы ряда нечетныхъ чиселъ; дана общая формула для составленія арифметическихъ треугольниковъ изъ чиселъ, а также частное рѣшеніе трудной задачи: найти квадратъ, къ которому если мы прибавимъ данное число, то получимъ всегда также число квадратное.

Сочиненіе это было представлено Фибоначчи императору Фридриху II, въ бытность послѣдняго въ Пизѣ въ 1225 г. Извѣстно, что этотъ Гогенштауфенъ сильно покровительствовалъ ученымъ и часто устраивалъ въ своемъ присутствіи ученые турниры. На одномъ изъ подобныхъ состязаній были предложены Фибоначчи нѣсколько вопросовъ для рѣшенія, придворными математиками *Иоанномъ Палермскимъ* и *Теодоромъ*. Отвѣты свои Фибоначчи адресовалъ императору, озаглавивъ ихъ: „*Flos super solutionibus quarundam quaestionum ad numerum et ad geometriam pertinentium*“. Въ предисловіи къ своему сочиненію онъ говоритъ, что „имъ оно озаглавлено *Flos* потому, что нѣкоторые отвѣты, хотя и довольно трудные, изложены въ цвѣтистой формѣ, но что они подобны цвѣтамъ, которые цвѣтутъ не

смотри на то, что корни ихъ лежатъ подъ землею; точно также и эти от-
вѣты порождаютъ множество новыхъ вопросовъ“.

Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ Іоанномъ Палермскимъ, первый
заключался въ слѣдующемъ: „найти число квадратное, которое будучи уве-
личено или уменьшено на 5, оставалось бы снова числомъ квадратнымъ“.
Фибоначчи далъ рѣшеніе $41/12$, которое удовлетворяетъ вопросу, такъ какъ

$$\left(\frac{41}{12}\right)^2 + 5 = \left(\frac{49}{12}\right)^2 \quad \text{и} \quad \left(\frac{41}{12}\right)^2 - 5 = \left(\frac{31}{12}\right)^2$$

Вторая задача заключалась въ слѣдующемъ: „найти при помощи одной изъ
пятнадцати линейныхъ величинъ, упоминаемыхъ въ десятой книгѣ „Началъ“
Евклида, длину x , удовлетворяющую условію:

$$x^3 + 2x^2 + 10x = 20.$$

При помощи весьма строгихъ геометрическихъ разсужденій Фибоначчи до-
казалъ, что ни одна изъ пятнадцати величинъ, упоминаемыхъ въ X-й книгѣ
„Началъ“ не удовлетворяетъ предложенному вопросу *). Но онъ даетъ
весьма приближенное выраженіе для положительнаго корня уравненія; къ
сожалѣнію неизвѣстно при помощи какого приѣма имъ было найдено это
значеніе.

Третій изъ предложенныхъ Фибоначчи для рѣшенія вопросовъ, будучи
переведенъ на нашъ нынѣшній алгебраическій языкъ, заключался въ слѣ-
дующемъ: „три человѣка имѣютъ неизвѣстную сумму денегъ t ; часть пер-
ваго равна $\frac{1}{2}t$, втораго — $\frac{1}{3}t$, а третьяго $\frac{1}{6}t$. Желая помѣстить свои деньги
въ вѣрныя руки, первый беретъ произвольную сумму x и кладетъ $\frac{x}{2}$; вто-
рой беретъ y и кладетъ $\frac{y}{3}$; третій беретъ z и кладетъ $\frac{z}{6}$. Вся положенная
сумма будетъ равна $\frac{x}{2} + \frac{y}{3} + \frac{z}{6}$; чрезъ нѣсколько времени они берутъ на-
задъ положенную сумму денегъ и каждый изъ нихъ получаетъ одну третъ.
Требуется найти x, y, z .“ Принимая равною 7-ми часть полученную каждымъ
по возвращеніи денегъ обратно, Фибоначчи находитъ $t=47$, $x=33$, $y=13$
и $z=1$. Фибоначчи указываетъ, что задача эта принадлежитъ къ числу
неопредѣленныхъ и имѣетъ три рѣшенія, которые приведены въ его сочи-
неніи „Liber Abacus“.

Кромѣ указанныхъ нами сочиненій Фибоначчи написалъ еще „De Modo
solvendi quaestiones arithmetice et similium“, которое онъ посвящаетъ „императору-

*) Исслѣдованія Фибоначчи Вепке перевелъ на аналитическій языкъ въ „Journal de
mathématiques“ Liouville'a. Т. XXIX за 1855 г.

скому философу“ Теодору. Въ этомъ сочиненіи рѣшена извѣстная задача „о птицахъ“, состоящая въ слѣдующемъ: „нѣкто купилъ 30 птицъ за 30 монетъ, изъ числа этихъ птицъ за каждые три воробья заплачена 1 монета, за каждыя двѣ горлицы также 1 монета и наконецъ за каждый голубь по 2 монеты. Требуется опредѣлить число птицъ каждаго рода?“ Задача эта принадлежитъ къ числу неопредѣленныхъ, хотя допускаетъ одно рѣшеніе, именно 9 воробьевъ, 10 горлицъ и 11 голубей. Другія задачи этого сочиненія подобнаго же рода; всѣ онѣ рѣшены при помощи приѣма, извѣстнаго подъ именемъ *правила ложнаго положенія* или *regula falsi*.

Познакомившись въ общихъ чертахъ съ содержаніемъ сочиненій Фибоначчи, необходимо замѣтить слѣдующее: сочиненія, написанныя имъ, замѣчательны еще въ томъ отношеніи, что въ нихъ нѣтъ и слѣда суевѣрія и предрасудковъ присущихъ тому времени, когда математическія науки находили такое примѣненіе къ магіи и астрологіи. Не только въ научныхъ открытіяхъ, но и въ философскихъ разсужденіяхъ Фибоначчи стоялъ выше своего времени, онъ съумѣлъ сдѣлаться чуждымъ той суевѣрности во взглядахъ, вѣры въ таинственное, которое отличало не только его современниковъ, но было свойственно многимъ ученымъ жившимъ долго послѣ него, какъ напр. Кардану. Сочиненія, написанныя Фибоначчи, носятъ чисто ученый характеръ, между тѣмъ какъ сочиненія его современниковъ, какъ напр. Бекона и другихъ, заключаютъ наравнѣ съ истинами, почти всегда ошибки и самые грубые предрасудки. Ему первому обязаны христіанскіе ученые знакомствомъ съ Алгеброй; замѣчательныя его изслѣдованія по этой наукѣ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій были изучаемы въ школахъ, не прибавляя къ нимъ ничего новаго; онъ одинъ, благодаря своимъ трудамъ, поддерживалъ чистую математику въ теченіи трехъ столѣтій и не мало этимъ способствовалъ подготовленію тѣхъ блестящихъ открытій въ Алгебрѣ, которыя были сдѣланы италіанскими математиками въ эпоху возрожденія наукъ на Западѣ. Вліяніе Фибоначчи на развитіе математическихъ наукъ въ Европѣ было, можно съ увѣренностью сказать, громадно, онъ создалъ въ Италіи ту знаменитую школу первокласныхъ геометровъ, изъ которой впоследствии вышли: Леонардо-да-Винчи, Ферро, Тарталія, Карданъ, Кавалери и многіе другіе. На основаніи этого можно сказать, что Фибоначчи былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ геометровъ, жившихъ въ Средніе Вѣка въ Западной Европѣ.

Въ повѣйшее время труды Леонарда Пизанскаго были почти совершенно забыты; причина этому вѣроятно существованіе его сочиненій только въ рукописныхъ спискахъ *). Монтукла въ своей „Исторіи математическихъ

*) Сочиненія Фибоначчи были напечатаны только въ настоящемъ столѣтіи. Сперва

наукъ" говорить о Фибоначчи только мимоходомъ. Первый обратившій снова вниманіе на сочиненія Фибоначчи и оцѣнившій должнымъ образомъ ихъ значеніе въ развитіи математическихъ наукъ, былъ Либри, который въ своей знаменитой „Исторіи математическихъ наукъ въ Италіи“ подробно разбираетъ сочиненія Фибоначчи и ихъ значеніе. Мнѣніе Либри о громадномъ значеніи сочиненій Фибоначчи въ развитіи математическихъ наукъ на Западѣ, встрѣтило сильнаго противника въ лицѣ извѣстнаго Шаля, который старается умалить ихъ значеніе *), приписывая все Віету. Самъ Шаль говоритъ, что вопросъ о значеніи трудовъ Фибоначчи является для него вопросомъ національнымъ. Но намъ кажется, что едва-ли Шаль правъ, отрицая громадное значеніе Фибоначчи и приписывая все Віету. Едва-ли возможно въ научныхъ вопросахъ руководиться національными взглядами, такъ какъ исходя изъ подобныхъ основаній трудно оставаться безпристрастнымъ.

Вителій, родомъ полякъ изъ окрестностей Бреславля, написалъ около 1280 г. сочиненіе по оптикѣ, въ 3 книгахъ, подъ заглавіемъ: „*Perspectiva*“. Содержаніе этого сочиненія поч. и исключительно заимствовано изъ „Оптики“ Альгазена. Первая книга сочиненія Вителія вся посвящена Геометріи, въ ней изложены предложенія, необходимыя при дальнѣйшемъ изложеніи оптики. Многія изъ этихъ предложеній заимствованы изъ „Началъ“ Евклида и „Коническихъ сѣченій“ Аполлонія, на которыя авторъ ссылается. Другія предложенія, по всему вѣроятію, были заимствованы изъ VII-й книги

Либри, въ примѣчаніяхъ ко II-му тому своей „Исторіи математическихъ наукъ въ Италіи“ напечаталъ XV-ю главу „*Libro Abaci*“, содержаніе которой относится къ Алгебрѣ. Полное собраніе сочиненій Фибоначчи было напечатано благодаря заботамъ, извѣстнаго знатока по исторіи математическихъ наукъ, князя Бонкомпани. Сначала онъ издалъ въ 1854 и 1856 гг. нѣкоторые мелкія сочиненія Фибоначчи и наконецъ „*Scritti di Leonardo Pisano pubblicati da B. Boncompagni. T. I—II. Roma. 1857—62. in-4*“.

Въ послѣднее время сочиненія Фибоначчи были предметомъ изслѣдованій профессора Лука. Статьи его помѣщены въ „*Bullettino di Bibliografia e di Storia delle scienze matematiche e fisiche pubblicato da B. Boncompagni*“ за 1877 г. Marzo, Aprile, Maggio T. X. и озаглавлены: *Recherches sur plusieurs ouvrages de Léonard de Pise, et sur diverses questions d'arithmétique supérieure; par Ed. Lucas*.

*) Мнѣніе Шаля по этому вопросу изложены имъ въ нѣсколькихъ мемуарахъ, помѣщенныхъ въ ТТ. XII и XIII „*Comptes Rendus*“ Парижской Академіи наукъ за 1841 и 1842 гг. Статьи эти озаглавлены: „*Note sur la nature des opérations algébriques dont la connaissance a été attribuée, à tort, à Fibonacci.—Des droits de Viète méconnus*“; „*Sur l'époque où l'Algèbre a été introduite en Europe*“ и „*Sur les expressions de res et de census. Et sur le nom de la science, Algebra et Almuchabala*“. Статьи эти составляютъ часть изслѣдованій Шаля, озаглавленныхъ „*Histoire de l'Algèbre*“. Въ этихъ же томахъ помѣщены возраженія Либри.

„Математических коллекцій“ Паппуса и сочиненія Аполлонія „О наклоненіяхъ“. Къ числу такихъ предложеній относятся предложенія, относящіяся къ гармоническому дѣленію прямой; вопросомъ этимъ какъ извѣстно занимался Паппусъ. Впрочемъ, о послѣднихъ двухъ сочиненіяхъ Вителіи не упоминаетъ въ своей „Перспективѣ“. Изъ содержанія этого сочиненія видно, что авторъ его былъ основательно знакомъ съ „Началами“ Евклида и съ „Коническими сѣченіями“ Аполлонія, а это безъ сомнѣнія указываетъ на то, что сочиненія эти были уже въ то время хорошо извѣстны и распространены на Западѣ. „Перспектива“ Вителіи была первымъ сочиненіемъ по оптикѣ, написанное европейскимъ математикомъ. Авторъ его хорошо знакомый съ основами греческой Геометріи съ умѣніемъ приложилъ ихъ въ своемъ сочиненіи, такъ что оно по справедливости можетъ быть отнесено къ числу замѣчательныхъ сочиненій, по математикѣ, написанныхъ въ XIII в.

Долгое время оставался неразрѣшеннымъ вопросъ, къ какой національности принадлежалъ Вителіи, хотя еще Балди въ своемъ сочиненіи „Vite de' Matematici“ и Монтукла въ своей „Исторіи математики“ говорятъ, что Вителіи былъ полякъ. Даже въ послѣднее время Курце *) утверждаетъ, что Вителіи нѣмецъ, родомъ изъ Тюрингена, и что настоящее имя его *Witelo*. Съ послѣднимъ мнѣніемъ несогласенъ Зебравскій **), который доказываетъ, что настоящее имя автора „Перспективы“ не Вителіи, а *Витекъ*. Мнѣніе свое онъ основываетъ на томъ, что слово *Witek*, написанное готическими буквами XIII в., представляется въ видѣ слова *Witelo*. Съ теченіемъ времени, благодаря переписчикамъ, имя Витека получило всѣ тѣ различныя видоизмѣненія, каковы: *Vitello*, *Vitellio*, *Vitulanus*, *Veitelo*, *Witelo*, *Vitellion*, *Guttulo* и многія другія, которыя встрѣчаются въ различныхъ рукописныхъ спискахъ этого сочиненія ***). Нѣкоторые ученые полагали, что

*) *Maximilien Curtze*. Sur l'orthographe du nom et sur la patrie de Witelo (Vitellion). *Bullettino di Bibliografia e di Storia delle scienze Matematiche e fisiche pubblicato da B. Boncompagni*. T. IV. Febr. 1871. Roma.

**) *T. Zebravski*. Quelques mots au sujet de la note de M. Max. Curtze sur l'orthographe du nom et la patrie de Witelo.

Bullettino di Bibliografia ect. T. XII. Maggio. 1879. Roma.

***). Въ первый разъ „Перспектива“ Вителіи была издана подъ заглавіемъ: *Vitellionis Mathematici doctissimi PERI "ΟΠΤΙΚΗΣ"*, id est de natura, ratione, et projectione radiorum visus, luminum, colorum atque formarum, quam vulgo Perspectivam vocant, Libri X. Norimbergae. 1585. in-fol. Другое изданіе было также напечатано въ Нюрнбергѣ, въ 1551 г. Третье изданіе вошло въ сборникъ подъ заглавіемъ: *Opticae Thesaurus*. Сборникъ этотъ включаетъ: *Alhazeni Arabis libri septem, nunc primum editi. Eiusdem Liber De Crepusculis et Nubium ascensionibus. Item Vitellionis Thuringopoloni libri X. Omnes instaurati, figuris*

Вителій принадлежалъ къ польской фамиліи *Ciolek* и что онъ принялъ со-
отвѣтствующее этому названію латинское—*Vitellio*, т. е. *теленокъ*. Въ под-
твержденіи своего мнѣнія Розе указываетъ на польскаго епископа XVII сто-
лѣтія *Ciolek'a*, который принялъ фамилію *Vitellio*. Мы полагаемъ, что мнѣ-
ніе Зебравскаго заслуживаетъ полнаго вниманія.

Какова бы нибыла фамилія автора „Перспективы“, но во всякомъ
случаѣ онъ былъ полякъ, а слѣдовательно принадлежалъ къ славянскому
племени. Противъ этого едвали можно возражать, такъ какъ самъ авторъ,
въ своемъ сочиненіи, говоритъ „in nostra terra, scilicet Poloniae“, что прямо
указываетъ на то, что Польша была его родиной.

Мы считали не безъинтереснымъ остановиться на вопросѣ о національ-
ности Вителія, такъ какъ онъ есть первый извѣстный намъ писатель между
славянами, написавшій сочиненіе математическаго содержанія.

Вителія французы называютъ *Vitellion*.

Пеккамъ (Рессамъ) епископъ Канторберійскій, современникъ Вителія,
также написалъ сочиненіе по оптикѣ, изъ котораго видно, что авторъ изу-
чалъ Геометрію. Но сочиненіе Пеккама во многомъ уступаетъ сочиненію
Вителія.

Кампанусъ Новарскій (Campanus), каноникъ при одной изъ парижскихъ
церквей, жилъ около 1300 г. Онъ перевелъ съ арабскаго языка всѣ пятнадцать
книгъ „Началъ“ Евклида и написалъ къ нимъ комментаріи. Переводъ Кам-
пануса много способствовалъ развитію Геометріи въ Европѣ. Въ первый
разъ переводъ этотъ былъ напечатанъ въ 1482 г., въ Венеціи *). Коммен-
таріи Кампануса заключаютъ много интересныхъ данныхъ, ими пользовались
наиболѣе извѣстные изъ комментаторовъ „Началъ“, какъ напр. Замберти,
Лука-де-Борго, Клавіусъ и др., а также математики, писавшіе о несоизмѣ-
римыхъ величинахъ, какъ напр. Стифель въ своемъ сочиненіи „*Arithmetica
integra*“.

Въ комментаріи къ 32-му предложенію I-й книги „Началъ“ Кампанусъ
говоритъ о правильномъ звѣздномъ пятиугольникѣ. Въ концѣ IV-й книги
находится два предложенія, данныя Кампанусомъ, первое изъ нихъ отно-

---

*illustrati et aucti, adiectis etiam in Alhazauum commentarijs, à Federico Rianero. Basileae.
1572. in-fol.*

*) Сочиненіе это не имѣетъ заглавія оно начинается слѣдующими словами: *Precela-
rissimus Liber Elementorum Euclidis, perspicacissimi in artem geometrie incipit quam feli-
cissime*. Изданіе это есть собственно латинскій переводъ Аделарда съ комментаріями Кам-
пануса. Нѣкоторые термны въ этомъ переводѣ заимствованы съ арабскаго языка, изъ чего
можно заключить, что переводъ сдѣланъ съ арабскаго. Такъ напримѣръ вмѣсто латинскихъ
названій ромба и трапеціи приведены соотвѣтствующіе имъ арабскіе термны *helmaum* и
helmauriphe.

сится къ трисекціи угла, а второе къ вписыванію въ кругъ правильнаго девятиугольника. Вторая изъ этихъ задачъ зависитъ отъ трисекціи угла. Рѣшеніе, предложенное Кампанусомъ для первой задачи замѣчательно по своей простотѣ, на практикѣ оно сводится на построение конхонды Никомеда. Свойство прямой, раздѣленной въ крайнемъ и среднемъ отношеніи, играющее такое важное значеніе въ теоріи несоизмѣримыхъ линій, въ X книгѣ „Началъ“, въ XIII книгѣ и въ теоріи правильныхъ тѣлъ, было оцѣнено Кампанусомъ должнымъ образомъ. Онъ указываетъ на многія свойства такого дѣленія при чемъ называетъ ихъ достойными удивленія и вниманія философовъ, какъ вытекающія изъ начала на которое слѣдовало-бы обратить вниманіе.

Кромѣ того Кампанусу приписываютъ сочиненіе „О квадратурѣ круга“, но такое мнѣніе несправедливо, такъ какъ сочиненіе написанное подъ именемъ Кампануса принадлежитъ неаполитанскому астроному и астрологу Лукѣ Гаурикусу (Lucas Gaugicus *), жившему въ началѣ XVI в.

Леонардъ Пистойскій, доминиканскій монахъ, написалъ около 1280 г. сочиненіе по Геометріи и ариметикѣ. Леонарда Пистойскаго часто смѣшивали съ Фибоначчи **).

Люнисъ (Guglielmo di Lunis), жившій вѣроятно въ концѣ XIII в., написалъ сочиненіе по Алгебрѣ на италіанскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *La regola dell' argibra*. Нѣкоторые математики, въ томъ числѣ и Шаль, полагали, что сочиненіе это заключало переводъ „Алгебры“ Магомед-бенъ-Музы, но такое мнѣніе несправедливо, такъ какъ въ настоящее время сочиненіе араб-

*) Заглавіе этого сочиненія: *Tetragonismus, id est circuli quadratura per Campanum, Archimedem Syracusanum atque Boetium mathematicae perspicacissimos adinventum. Venetiis. 1503. in-4.* Авторъ въ основаніи своей квадратуры принимаетъ выраженіе для отношенія окружности къ діаметру равнымъ $\frac{22}{7}$. Доказавъ нѣсколько предложеній онъ находитъ, что сторона квадрата, коего площадь равна площади круга, равна пять разъ съ половиною взятой седьмой части діаметра этого круга. Полагая діаметръ равнымъ D , находимъ для площади круга выраженіе $\frac{D^2 \left(\frac{11}{7}\right)^2}{4}$, вмѣсто точнаго $\frac{D^2}{4} \cdot \frac{22}{7}$.

**) До насъ дошли имена еще нѣсколькихъ математиковъ современниковъ Леонарда Пистойскаго, написавшихъ сочиненія. Изъ числа ихъ упомянемъ неизвѣстнаго намъ по имени автора, написавшаго, какъ полагаютъ, около 1250 г. сочиненіе объ абакусѣ. Объ этомъ писателѣ упоминаетъ Ксименесъ (Ximenes). Затѣмъ слѣдуютъ *Мичелоцци* (Michelozzi), *Герарди* (Gherardi), *Строцци* (Strozzi) и *Биліоти* (Biliotti) также писавшіе сочиненія по ариметикѣ и алгебрѣ. Къ сожалѣнію подробныхъ свѣдѣній объ упомянутыхъ нами писателяхъ не существуетъ. Приведенные нами математики жили въ XIII и XIV вв. Нѣкоторые изъ нихъ преподавали математическія науки въ университетахъ, такъ напримѣръ Биліоти излагалъ, въ Болоньѣ, ариметику, алгебру и абакусъ въ 1383 г. Его также называли dall' Abbaco.

ОБЪ АНТИСЕПТИЧЕСКОМЪ СПОСОБѢ ЛЕЧЕНІЯ РАНЪ.

Лекція, читанная 15-го Мая 1880 года Д-ромъ Мед. Юсифомъ Мифле, для получения званія Приватъ-Доцента при Кіевскомъ Университетѣ Св. Владиміра.

Милостивые Государы!

Предметомъ моей лекціи я избралъ т. наз. антисептическій способъ леченія ранъ.

Введеніемъ этого способа въ практику мы обязаны одному изъ геніальнѣйшихъ хирурговъ нашего времени—профессору Lister'у. Настоящая оцѣнка и правильное примѣненіе антисептическаго способа леченія ранъ возможны только тогда, когда идея, вошедшая въ его основу, будетъ надлежаще усвоена.

Изъ Общей Патологіи мы знаемъ, что всякая травма, всякое химическое или же термическое раздраженіе живой ткани, если только перейдутъ за извѣстные предѣлы, производятъ молекулярное измѣненіе стѣнокъ кровеносныхъ сосудовъ, заставляющее эти послѣдніе не только пропускать болѣе обильный и съ болѣе высокимъ содержаніемъ бѣлка серозный трапссудатъ, но и кровяныя тѣльца. Это молекулярное измѣненіе стѣнокъ кровеносныхъ сосудовъ, вслѣдствіе котораго онѣ становятся особенно проницаемыми, какъ для жидкихъ составныхъ частей крови такъ и для ея форменныхъ элементовъ, и обусловливаетъ весь тотъ рядъ патологическихъ явленій, совокупность которыхъ составляетъ воспаление. Но если разъ подѣйствовавшая травма, равно какъ и химическое или же термическое вліяніе и въ состояніи произвести эмиграцію кровяныхъ шариковъ, констатированную микроскопомъ, то еще вопросъ,

что именно этой эмиграціи, и притомъ главнымъ образомъ лимфодныхъ элементовъ, можетъ придать прогрессивный характеръ, усиливая ее до степени нагноенія въ клиническомъ смыслѣ? Возьмемъ напр. изъ хирургической практики т. наз. простой и осложненный переломы костей! Въ первомъ случаѣ нарушается цѣлость кости, сосѣднія мягкія части повреждаются, изъ разорванныхъ кровеносныхъ сосудовъ происходитъ экставазація, но разъ наружные покровы остались цѣлы, воспалительная реакція никогда почти не доходитъ до образованія гноя. Стоитъ теперь, чтобы къ только что представленной картинѣ повреждения присоединилась еще, хотя бы даже и ничтожная трещина кожи, простой переломъ кости превращается въ осложненный, т. е. такой, заживленіе котораго рѣдко обходится безъ нагноенія. Наврядъ ли кто нибудь въ настоящее время станетъ, усиливающее воспалительную реакцію, вліяніе приписывать атмосферному воздуху. Вѣроятно же всего, главной причиной нагноенія при поврежденіяхъ съ нарушеніемъ цѣлости наружныхъ покрововъ, служитъ прониканіе въ рану изъ внѣ разнаго рода нечистотъ, а главнымъ образомъ продуктовъ разложенія органическихъ веществъ, или же сопровождающаго ихъ фермента. Кому изъ насъ не извѣстна опасность самопораненій при занятіяхъ на трупѣ! Или вспомнимъ, какъ часто нарывы на пальцахъ, называемые ногтедой, встрѣчаются у поваровъ, прачекъ и вообще у людей, которымъ приходится брать въ руки всякую грязь. Основаніемъ Lister'оваго метода и послужила именно идея, устранить изъ процесса заживленія раны вліяніе тѣхъ вреднодѣйствующихъ началъ, которыя въ рану попадаютъ изъ внѣ. Достигнуть этого такимъ путемъ, чтобы совсѣмъ не допустить поступленія въ рану вреднодѣйствующихъ началъ изъ внѣ, мы не въ состояніи даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда раненіе наносится самымъ хирургомъ. И дѣйствительно, какъ бы мы тщательно не вымывали наши руки, губки, инструменты, на нихъ всегда останутся частички нечистотъ, хотя бы доступныя только одному вооруженному глазу. Если поэтому мы не въ состояніи достигнуть абсолютной чистоты, т. е. удалить всю грязь безъ исключенія изъ всего того, что можетъ приходить въ прикосновеніе съ раной, то по крайней мѣрѣ мы должны эту грязь сдѣлать безвредной. Для этого служить, во главѣ съ карболовой кислотой цѣлый рядъ дезинфицирующихъ, или лучше сказать антисептическихъ средствъ, надлежащее примѣненіе которыхъ къ леченію ранъ, принадлежитъ Lister'у. Конечно, принатіе антисептическихъ мѣръ

по способу Lister'a, или другими словами: нейтрализованіе при помощи дезинфецирующихъ средствъ вреднаго вліянія всѣхъ тѣхъ началъ, которыя въ рану поступаютъ изъ внѣ, возможно всего вѣрнѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда раненіе наносится самимъ хирургомъ, да и то не вездѣ и не всегда. Не вездѣ, такъ какъ въ нашемъ организмѣ существуютъ мѣста, какъ напр. полость рта, носа, *orificium ani*, гдѣ соблюденіе антисептическихъ предосторожностей, какъ во время операціи такъ и при послѣдующемъ леченіи, становится весьма труднымъ, или даже совершенно невозможнымъ. Не всегда, такъ какъ хирургу часто приходится оперировать въ частяхъ, куда уже раньше успѣли проникнуть вреднодѣйствующія начала изъ внѣ. Идеальные для примѣненія Lister'овскаго метода суть тѣ случаи, гдѣ хирургу представляется возможность оперировать въ частяхъ абсолютно здоровыхъ и притомъ исполнѣ доступныхъ для антисептики. Въ этихъ случаяхъ результаты антисептическаго способа леченія ранъ могутъ быть наблюдаемы во всемъ блескѣ! Но для этого необходимо строго соблюдать всѣ тѣ мельчайшія детали, нераздѣльная совокупность которыхъ только и составляетъ настоящій Lister'овскій методъ. Детали эти состоятъ въ слѣдующемъ:

Приступая къ операціи, необходимо сперва у больного вымыть мыломъ и щеткой наружную поверхность кожи на всемъ томъ протяженіи, которое входитъ въ районъ предполагаемой операціи. Волосы слѣдуетъ сбривать не только на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они особенно большіе, какъ напр. на головѣ, подъ мышкой, надъ лобковымъ сращеніемъ, но и вездѣ. Сбривать волосы лучше не бритвой, а скальпелемъ, чтобы соскабливать при этомъ и поверхностный слой эпидермиса, содержащій въ себѣ всегда нѣкоторое количество грязи. Вымытую и выбритую такимъ образомъ часть кожи, вытираютъ до суха и тогда смачиваютъ ее нѣсколько разъ, при помощи губки, воднымъ, 5%-нымъ растворомъ карболовой кислоты, что приблизительно составляетъ 2½ драхмы кристаллической карболовой кислоты, растворенной въ 6 унцахъ воды, лучше всего посредствомъ глицерина. Операціонный столъ долженъ быть покрытъ чистой клеенкой, независимо отчего, подъ и вокруг оперируемой части больного, кладутся еще полотенца, смоченныя въ 5%-номъ растворѣ карболовой кислоты. Хирургъ и его ассистенты должны надѣть чистые халаты и, тщательно вымывши руки, погрузить ихъ затѣмъ въ 5%-ный растворъ карболовой кислоты. Если хирургу

или его ассистенту понадобится во время операции еще помыть руки, то послѣ этого ихъ необходимо опять погрузить въ 5%-ный растворъ карболовой кислоты. Операция отъ начала до конца должна производиться подъ spray, т. е. подъ мелкой пылью 3%-наго раствора карболовой кислоты, для чего употребляется Lister'овскій паровой пульверизаторъ, а въ крайности и обыкновенный ручной. Эту пульверизацію во время операции необходимо поддерживать безостановочно и притомъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ наложена окончательно повязка. Всѣ безъ исключенія инструменты, которые будутъ нужны для операции, должны быть заблаговременно положены въ 5%-ный растворъ карболовой кислоты и только оттуда по мѣрѣ надобности выниматься. Губки во время операции могутъ быть употреблены только такія, которыя предварительно были хорошо выварены и положены затѣмъ въ банку, наполненную 5%-нымъ растворомъ карболовой кислоты. Такимъ только образомъ губки и должны быть постоянно сохраняемы! Предъ самой операціей ихъ хорошо выжимаютъ и складываютъ въ лоханку вымытую 5%-нымъ растворомъ карболовой кислоты, причемъ ихъ прикрываютъ еще сверху полотенцемъ, смоченнымъ въ томъ же растворѣ карболовой кислоты. Остановка кровотеченія изъ разрыванныхъ сосудовъ, которая при антисептическомъ способѣ леченія ранъ должна быть особенно тщательная, производится закручиваніемъ болѣе мелкихъ сосудовъ, а болѣе крупные перевязываются карболизированнымъ cat-gut'омъ. Cat-gut представляетъ нитки различной толщины, приготовляемыя изъ бараньихъ тонкихъ кишокъ. Нитки эти, чтобы сдѣлать асептическими, необходимо около двухъ мѣсяцевъ обрабатывать эмульсіей, состоящей изъ одной части карболовой кислоты, растворенной въ пяти частяхъ воды + пять частей прованскаго масла. Карболизированный cat-gut въ настоящее время готовится на фабрикахъ, а поэтому имѣется въ продажѣ уже готовымъ. Онъ долженъ быть постоянно сохраняемъ не иначе, какъ въ растворѣ одной части карболовой кислоты на десять частей прованскаго масла. Преимущество cat-gut'овой лигатуры предъ обыкновенной шелковой состоитъ въ томъ, что она, не отдѣляясь язвеннымъ процессомъ, не даетъ такимъ образомъ повода ко вторичнымъ кровоточеніямъ. Такъ какъ карболизированный cat-gut зарастаетъ въ ранѣ, гдѣ онъ современемъ резорбируется, то поэтому оба конца cat-gut'овой лигатуры должны быть коротко обрѣзываемы. Итакъ, когда кончена операция и остановлено

кровотеченіе, тогда приступаютъ къ закрытію раны. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть возможность сблизить края раны, накладываются швы. Никогда при антисептическомъ способѣ леченія ранъ, для удержанія во взаимномъ соприкосновеніи краевъ раны, не должны быть употребляемы полоски липкаго пластыря. Для швовъ въ большинствѣ случаевъ слѣдуетъ предпочитать шелкъ, но сперва вываренный и затѣмъ уже мокнуцій постоянно въ 5%-номъ растворѣ карболовой кислоты. Для костнаго шва лучше употреблять серебрянныя проволоки, а при тѣхъ швахъ, нитки которыхъ должны заростать въ глубинѣ раны, основательнѣе всего примѣнять карболизироваанный cat-gut. Зашивая рану, слѣдуетъ всегда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лучше всего можетъ быть обезпеченъ свободный стокъ для отдѣленій изъ раны, оставлять промежутки для дренажныхъ трубокъ. Хорошее обезпеченіе стока для отдѣленій изъ раны составляетъ при антисептическомъ способѣ леченія ранъ одно изъ важнѣйшихъ условій. Поэтому, гутаперчевые дренажи не должны быть слишкомъ малаго калибра, т. е. не менѣе $\frac{1}{8}$ вершка во внѣшнемъ поперечникѣ, и притомъ со стѣнками по возможности меньше податливыми. Длина, вставляемаго въ рану дренажа, должна быть такова, чтобы онъ, вполнѣ обезпечивая свободный стокъ для отдѣленій изъ раны, нисколько не препятствовалъ въ глубинѣ ея организаціи пластическаго эксудата; наружный конецъ дренажа никогда не долженъ возвышаться надъ поверхностью кожи. Чтобы, подобнымъ образомъ вставленный, дренажъ можно было легче вынимать изъ раны, къ его наружному концу привязывается короткая шелковая нитка. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дренажъ, вводится въ очень глубокую рану или же полость, его наружный конецъ лучше всего укрѣплять посредствомъ металлическаго шва, захватывая иглой край раны дренажа. Дренажи различнаго калибра и различной длины, съ привязанной къ одному концу короткой ниткой, должны быть всегда готовыми, т. е. постоянно мочить въ 5%-номъ растворѣ карболовой кислоты. Когда въ рану введены уже дренажи, то въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ихъ понадобилось два или больше, въ наружное отверстіе одного изъ нихъ вставляется наконечникъ ирригатора и пропускается затѣмъ 3%-ный растворъ карболовой кислоты до тѣхъ поръ, пока изъ отверстій остальныхъ дренажей, вливаемая жидкость не начнетъ вытекать безъ всякой примѣси кровавыхъ сгустковъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ рану введенъ только одинъ дренажъ, наконечникъ ирригатора вставляется въ про-

межутокъ между двумя швами и такимъ образомъ, пропускаемая струя 3%-наго раствора карболовой кислоты, вытекая черезъ дренажъ оставленный свободнымъ, унесетъ сгустки крови, образовавшіеся въ полости раны. Подобнаго выполаскиванія растворомъ карболовой кислоты полости свѣже сдѣланной въ здоровыхъ частяхъ раны самъ Lister никогда не дѣлаетъ. Модификація эта введена въ технику антисептического способа леченія ранъ профессоромъ Volkmann'омъ. Главное назначеніе этого выполаскиванія полости свѣжей раны состоитъ въ томъ, чтобы изъ нея удалить сгустки крови, чѣмъ процессъ заживленія значительно ускоряется. Послѣ того какъ рана зашита, дренажи вставлены и сгустки крови удалены, придавливаніями помощью губки тщательно выжимается изъ полости раны оставшійся въ ней еще растворъ карболовой кислоты, и тогда на края самой раны накладывается узкая полоска protective silk'a, но такъ чтобы отверстія дренажей оставались совершенно свободными. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ швы не накладываются, поверхность всей раны должна быть покрыта protective silk'омъ. Protective silk представляетъ нѣжную, шелковую тафту зеленоватаго цвѣта, покрытую съ обѣихъ сторонъ тонкимъ, прозрачнымъ слоемъ кополаваго лака, который когда высохнетъ, то поверхъ смазывается еще смѣсью, состоящей изъ одной части декстрина, двухъ частей крахмала и шестнадцати частей воднаго, 5%-наго раствора карболовой кислоты. Protective silk готовится въ настоящее время на фабрикахъ, а поэтому имѣется готовымъ въ продажѣ. Protective silk, прежде чѣмъ быть положеннымъ на рану, долженъ быть сперва промытъ 5%-нымъ растворомъ карболовой кислоты. Главное назначеніе protective silk'a состоитъ въ томъ, чтобы защищать рану, или же ея края, отъ постоянного раздраженія карболовой кислотой, содержащейся въ Lister'овской марли, которая въ видѣ восьми слойныхъ компрессовъ должна слѣдовать сейчасъ за protective silk'омъ. Эта Lister'овская, или лучше сказать карболизированная марля готовится такимъ образомъ, что обыкновенную, некрахмаленную марлю пропитываютъ, приведенной натрѣваніемъ въ жидкое состояніе, смѣсью, состоящей изъ одной части карболовой кислоты, 5-ти частей бургунской смолы и 7-ми—парафина. Бургунская смола служитъ здѣсь для того, чтобы удерживать карболовую кислоту отъ слишкомъ быстрого улетучиванія, тогда какъ парафинъ прибавленъ съ цѣлью уничтожить ту жесткость марли, которую она бы получила, будучи пропитана одной только смѣсью карболовой

кислоты съ бургунской смолой: По мѣрѣ распространенія, въ особенности въ Германіи Lister'овскаго метода леченія ранъ, карболизированную марлю стали готовить фабричнымъ путемъ. При употребленіи этой фабричной марли многіе германскіе хирурги начали замѣчать ея вредное дѣйствіе на кожу, выражающееся чаще всего появленіемъ экзем'ы. Между тѣмъ всякій, кто имѣлъ возможность посѣтить клинику Lister'a, могъ вполне убѣдиться, что карболизированная марля не должна производить особеннаго раздражающаго дѣйствія на кожу. Это вредное дѣйствіе фабричной марли на кожу можетъ обуславливаться дурнымъ качествомъ парафина, или ненормально большимъ процентнымъ содержаніемъ въ ней карболовой кислоты. Вотъ почему желательно, чтобы хирургъ могъ самъ себѣ готовить карболизированную марлю. Способъ Bruns'a позволяетъ это исполнѣть, и даже съ большою выгодною въ экономическомъ отношеніи. Для приготовленія карболизированной марли по способу Bruns'a¹⁾, 400 граммовъ канифоли растворяютъ въ 2-хъ литрахъ безводнаго алкоголя, куда затѣмъ прибавляютъ 100 граммовъ кристаллической карболовой кислоты и 200 граммовъ глицерина, или же вмѣсто глицерина—80 граммовъ кастороваго масла. Смоченная въ этой смѣси некрахмаленная марля высыхаетъ очень быстро: лѣтомъ уже въ пять минутъ, зимою въ $\frac{1}{4}$ часа не болѣе, причемъ она получаетъ всѣ качества Lister'овской марли. Какъ бы ни была приготовлена карболизированная марля, по способу Lister'a или же Bruns'a, ее, сложенную въ восьмислойные компрессы, должно сохранять въ герметически закрытыхъ ящикахъ. Безъ этой предосторожности необходимо будетъ, при накладываніи повязки, тотъ компрессъ, который долженъ слѣдовать сейчасъ за protective silk'омъ, предварительно смочить въ 5%-номъ растворѣ карболовой кислоты. Самый верхній въ повязкѣ компрессъ карболизированной марли, которымъ прикрываются всѣ подлежащіе слои, долженъ имѣть, подъ собою соответствующій величинѣ компресса, кусокъ непромокаемой матеріи, называемой mackintosh. Mackintosh, вкладываемый въ компрессъ карболизированной марли, необходимо сперва смочить 5%-нымъ растворомъ карболовой кислоты. Непромоваемость mackintosh'a заставляетъ

---

¹⁾ P. Bruns, Einige Vorschläge zum antiseptischen Verbande. Beil. klin. Wochenschrift, 1878, n° 29.

отдѣленіе изъ раны, прежде чѣмъ пробиться на наружную поверхность повязки, пропитать сперва всѣ подлежащіе слои карболизированной марли. Такимъ образомъ maskintosh даётъ возможность оставлять повязку безъ перемѣны на болѣе продолжительное время. Итакъ, когда на рану положены: protective silk, компрессы карболизированной марли и поверхъ компрессъ той же марли, содержащей подъ собою maskintosh, тогда приступаютъ къ укрѣпленію повязки. Для этого Lister въ послѣднее время сталъ преимущественно употреблять эластическіе бинты, которые онъ накладываетъ совершенно свободно. Volkmann эластическіе бинты употребляетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда антисептическую повязку накладываетъ на груди или же шеѣ; на всѣхъ остальныхъ мѣстахъ онъ укрѣпляетъ повязку такимъ образомъ, что поверхъ послѣдняго компресса карболизированной марли, содержащаго въ себѣ maskintosh, кладетъ довольно толстый слой салициловой или же бензойной ваты и тогда бинтуетъ по возможности ту же бинтами крохмальной марли, свѣже-смачиваемыми въ 5%-номъ растворѣ карболовой кислоты. Volkmann такимъ образомъ превращаетъ Lister'овскую повязку въ давящую и при этомъ окклюзивную, т. е. болѣе герметически закрытую. Толстый слой ваты въ Volkmann'овской повязкѣ позволяетъ произвести бинтами крохмальной марли довольно сильное и равномерное давленіе, что значительно вліяетъ на уменьшеніе количества отдѣленія изъ раны и приводитъ стѣнки этой послѣдней въ болѣе плотное между собою соприкасаніе, чѣмъ процессъ заживленія значительно ускоряется. Если при перевязкѣ на конечностяхъ приходится укрѣплять членъ неподвижно, то для этого при антисептическомъ способѣ леченія ранъ кромѣ шинъ ничего другаго употреблять не слѣдуетъ. Lister для приготовленія шинъ очень часто употребляетъ особенную, т. наз. поропластическую ткань, представляющую родъ войлока, пропитаннаго такимъ составомъ, который легко мягнетъ въ горячей водѣ и быстро отвердѣваетъ на воздухѣ.

Первую, наложенную сейчасъ послѣ операціи, антисептическую повязку никогда не слѣдуетъ оставлять безъ перемѣны больше 24 часовъ. Общее правило при Lister'овскомъ способѣ леченія ранъ то, что повязку должно мѣнять немедленно, коль скоро отдѣленіе изъ раны станетъ пропитывать наружный слой бинтовъ, укрѣпляющихъ повязку. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отдѣленіе изъ раны вслѣдъ за операціей бываетъ особенно обильное, первую повязку приходится мѣнять уже

черезъ 12 часовъ, а иногда и того скорѣе. При перемѣнѣ повязки необходимо строго соблюдать всѣ тѣ антисептическія предосторожности, что и при производствѣ самой операціи, а именно: надѣть чистый халатъ, дезинфекцировать руки какъ слѣдуетъ, всѣ нужные инструменты положить въ 5%-ный растворъ карболовой кислоты и т. д. Повязку никогда не слѣдуетъ мѣнять иначе, какъ только подъ сргу, т. е. подъ мелкой пылью 3%-наго раствора карболовой кислоты. По снятіи повязки необходимо обратить вниманіе, какъ на качество и количество отдѣленія изъ раны, такъ и на состояніе этой послѣдней. Вообще, при антисептическомъ способѣ леченія ранъ, отдѣленіе изъ раны въ первые часы послѣ операціи бываетъ довольно обильное и имѣетъ кровянисто-серозный характеръ. Что касается самой раны, то при совершенно асептическомъ состояніи, оно не должно обнаруживать никакой воспалительной реакціи, т. е. края ея не должны представлять ни припухлости, ни красноты, ни особенной чувствительности, ни возвышенной температуры. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ края раны спиты, асептическое состояніе раны подаетъ полную надежду на заживленіе первымъ натяженіемъ. Поэтому подобную рану никогда не слѣдуетъ при перемѣнѣ повязки промывать какимъ бы то не было дезинфицирующимъ растворомъ. Всякая струя жидкости, пропускаемая въ этомъ случаѣ помощью шприца или же ирригатора черезъ полость раны, разрушитъ начавшійся въ ней организоваться пластическій экссудатъ и замедлитъ такимъ образомъ процессъ заживленія. Такъ какъ по снятіи первой послѣ операціи антисептической повязки въ большинствѣ случаевъ нельзя еще удалять дренажи окончательно, то чтобы промыть дренажи, ихъ вынимаютъ сперва изъ раны и тогда выполаскиваютъ въ 5%-номъ растворѣ карболовой кислоты. Промытые этимъ путемъ дренажи, вводятся обратно въ рану, причемъ иногда представляется необходимость ихъ укорачивать, а иногда и замѣнять новыми дренажами меньшаго калибра. Вставивши въ рану промытые дренажи, приступаютъ къ наложенію второй по счету антисептической повязки. Эта повязка можетъ быть оставляема безъ перемѣны максимумъ на три дня, такъ какъ по истеченіи этого срока, т. е. на пятый день послѣ операціи, въ большинствѣ случаевъ представляется необходимость, какъ удалить дренажи совершенно, такъ и снять швы съ краевъ раны ¹⁾.

¹⁾ Примѣненіемъ дренажей изъ декальцинированныхъ костей заши-

Конечно, швы могут быть сняты только въ томъ случаѣ, если взаимное соединеніе краевъ раны окажется уже достаточно плотнымъ. Что касается окончательнаго удаленія дренажей, то на это возможно рѣшиться только тогда, когда снятая повязка будетъ найдена довольно сухой, не смотря на то, что свободному стоку для отдѣленій изъ раны не было никакихъ препятствій. Въ томъ, что дѣйствительно въ полости раны не задержалось отдѣленіе, убѣждаются тѣмъ, что вынувши дренажи изъ раны, вокругъ краевъ этой послѣдней, производятъ по очереди осторожное надавливаніе хорошо выжатой губкой, послѣ ея дезинфекціи въ 5%-номъ растворѣ карболовой кислоты. Когда такимъ образомъ окажется, что обратное введеніе дренажей въ рану совершенно лишне, и швы сняты, то наложенная при этихъ условіяхъ антисептическая повязка можетъ быть уже оставляема безъ перемѣны на цѣлую недѣлю. Самъ Lister никогда свою повязку не оставляетъ безъ перемѣны дальше недѣли, такъ какъ по его мнѣнію въ этотъ срокъ времени карболовая кислота изъ марли вывѣтривается на столько, что повязка теряетъ совершенно свои антисептическія свойства.

Представивши такимъ образомъ въ общихъ чертахъ техническую сторону антисептическаго способа леченія ранъ, намъ вслѣдъ за этимъ необходимо остановиться на слѣдующихъ двухъ вопросахъ: во первыхъ дѣйствительно-ли строгое соблюденіе антисептическихъ предосторожностей во время операціи и при послѣдующемъ леченіи въ состояніи предохранить рану отъ тѣхъ вреднодѣйствующихъ началъ, которыя ей угро-

---

ваніемъ раны карболизированнымъ cat-gut'омъ совершенно устраняется необходимость сниманія антисептической повязки на пятый день послѣ операціи и дается такимъ образомъ возможность не мѣнять ее уже до окончательнаго заживленія раны, хотя бы на это потребовалось даже отъ 20 до 30 дней. Это столь продолжительное оставленіе безъ перемѣны антисептической повязки, какъ оказывается, нисколько не нарушаетъ асептического теченія раны, такъ что EsMarch изъ числа 131 операцій, сдѣланныхъ имъ въ лѣтнемъ семестрѣ 1879 года, получилъ въ 101 случаяхъ заживленіе раны безъ всякаго нагноенія, не смотря на то, что во всѣхъ этихъ случаяхъ, наложенная сейчасъ послѣ операціи антисептическая повязка, не мѣнялась уже до окончательнаго заживленія раны (Dr. G. Neuber, Ueber die Veränderungen decalcinirter Knochenröhren in Weichtheilswunden und fernere Mittheilungen über den antiseptischen Dauerverband, v. Laugenbeek's Archiv, Band. XXV, Heft. I, S. 116).

жають извѣй? а во вторыхъ, можетъ ли этому вполнѣ удовлетворить методъ, выработанный Lister'омъ?

Лучшимъ отвѣтомъ на оба эти вопроса намъ можетъ служить примѣръ, представляемый хирургической клинкой профессора Nussbaum'a. Въ клиникѣ этой, начиная съ 1872 по 1875 годъ, стали страшно свирѣпствовать: піемія, рожа и госпитальная гангрена, жертвою которыхъ дѣлалось не менѣе 80 больныхъ на 100. Строгое примѣненіе Lister'овскаго метода леченія ранъ сразу положило конецъ этому бѣдствію, которое съ тѣхъ поръ и не возобновляется (*Le pansement antiseptique exposé spécialement d'après la méthode de Lister par M. J. N. Nussbaum, traduit par le docteur E. de la Harpe. Paris, 1880*). Volkmanн тоже уже седьмой годъ, т. е. со времени введенія у себя въ клиникѣ антисептическаго способа леченія ранъ, не знаетъ ни піеміи, ни рожи, ни госпитальной гангрены. Соблюденіе однако-жъ антисептическихъ предосторожностей не только предохраняетъ рану отъ такъ называемыхъ случайныхъ заболѣваній, но кромѣ того значительно вліяетъ еще и на пониженіе воспалительной реакціи вообще. И дѣйствительно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ хирургу представляется возможность оперировать въ частяхъ, куда еще не проникли заражающія начала извнѣ, какъ бы ни было велико пораненіе, заживленіе всегда послѣдуетъ безъ нагноенія, если только въ принятіи антисептическихъ мѣръ не будетъ сдѣлано никакихъ упущеній. Противники Lister'овскаго метода леченія ранъ часто ссылаются на то, что въ литературѣ встрѣчаются случаи, когда, даже при такихъ пораненіяхъ, какъ напр. ампутаціи на конечностяхъ, заживленіе раны наступало безъ нагноенія, не смотря на то, что о принятіи какихъ либо антисептическихъ предосторожностей не было и помину. На это можно возразить, что подобные результаты, получаемые безъ антисептическаго способа леченія ранъ, представляютъ большую рѣдкость, тогда какъ, при антисептическомъ способѣ леченія ранъ, они составляютъ правило. Всякая ампутація на конечностяхъ, сдѣланная при соблюденіи антисептическихъ предосторожностей въ частяхъ, куда еще не проникли заражающія начала извнѣ, дастъ рану, заживленіе которой должно безусловно послѣдовать безъ нагноенія. И въ самомъ дѣлѣ, въ отчетѣ напр. Д-ра Neuber'a ¹⁾, приложенномъ къ его статьѣ о дренажахъ изъ декаль-

¹⁾ Dr. G. Neuber, Ueber die Veränderungen decalcinierter Knochenröhren

ципированных костей а включающемъ въ себя все количество операций сдѣланныхъ профессоромъ Eschsch'омъ въ лѣтнемъ семестрѣ 1879 года, мы въ числѣ случаевъ, гдѣ послѣ операціи заживленіе раны при антисептическомъ леченіи послѣдовало безъ всякаго нагноенія, встрѣчаемъ: четыре ампутаціи бедра, одно вылущеніе въ колѣнномъ суставѣ, семь ампутацій голени, одну ампутацію плеча, одну ампутацію предплечія и 11 ампутацій и вылущеній пальцевъ ноги и ручной кисти. Культа, получаемая при асептическомъ заживленіи раны послѣ ампутаціи, отличается тѣмъ, что въ ней наружные покровы остаются совершенно подвижными. Тутъ вовсе не происходитъ того рубцового притягиванія мягкихъ частей къ поверхности распила кости, которое такъ часто служитъ поводомъ упорныхъ изъязвленій въ культахъ, получаемыхъ послѣ заживленія, сопровождавшагося нагноеніемъ. Подобно ампутаціямъ, точно также и резекціи суставовъ на конечностяхъ, даже такого какъ тазо-бедренный, сдѣланныя при условіяхъ, благопріятныхъ для антисептическаго способа леченія ранъ, даютъ заживленіе *per primam intentionem*. Этимъ только и возможно объяснить тотъ поразительный результатъ, который полученъ профессоромъ Volkmann'омъ за послѣднія 6 лѣтъ. А именно, на 180 резекцій тазо-бедреннаго сустава, дѣлаемыхъ большею частью при туберкулезномъ артроменингитѣ болѣе ранняго періода, т. е. пока еще не послѣдовало изъязвленіе наружныхъ покрововъ, Volkmann при антисептическомъ леченіи получилъ въ общей сложности 50% заживленія раны первымъ натяженіемъ. Цифра эта тѣмъ болѣе поразительна, что резекціи тазо-бедреннаго сустава, дѣлаемыя безъ антисептическихъ предосторожностей, не давали до сихъ поръ даже подобнаго процента выздоровленій вообще. На сколько резекціи суставовъ при антисептическомъ леченіи становятся операціями мало угрожающими жизни больнаго, это видно изъ случая Д-ра Schede ¹⁾, который дѣвушкѣ 19 лѣтъ, съ слабымъ питаніемъ, резецировалъ съ благопріятнымъ исходомъ 6, анкилозированныхъ вслѣдствіе ревматизма, суставовъ, а именно: два локтевыхъ, два луче-запястныхъ и два голенно-стойныхъ. Резецируя по два сустава заразъ,

---

in Weichtheilswunden fernere Mittheilungen über den antiseptischen Dauerverband, v. Langenbeck's Archiv, Band. XXV, Heft. I, S. 123.

¹⁾ Dr. Schede, Siebenten Congress, 1878. I. Protokoll, Disens., kl. Mittheil., S. 78.

Д-ръ Schede успѣлъ эти шесть резекцій сдѣлать въ четырехмѣсячный промежутокъ времени. Раны послѣ каждой операціи заживали при антисептическомъ леченіи въ двѣ недѣли безъ всякаго нагноенія, при чемъ получались совершенно подвижные суставы. Но не только однѣ операціи на конечностяхъ могутъ представлять столь благопріятный контингентъ для Lister'овскаго метода леченія ранъ! Принятіемъ антисептическихъ предосторожностей значительно понижается опасность оперативнаго пораненія даже такихъ чувствительныхъ къ воспалительной реакціи полостей, какъ черепная, брюшная и грудная.

Примѣромъ относительно черепной полости намъ могутъ служить двѣнадцать случаевъ ея оперативнаго вскрытія, сдѣланныхъ при соблюденіи антисептическихъ мѣръ профессоромъ Volkmann'омъ (Dr. Kraske, Achtes Congress. I. Protok., Discus. kl. Mittheil., S. 91). Во всѣхъ этихъ двѣнадцати случаяхъ цѣлость наружныхъ покрововъ головы, до операціи, не была нарушена. Въ одномъ случаѣ операція была сдѣлана съ цѣлью освободить мозгъ отъ давленія, вызываемаго давно зажившимъ переломомъ черепныхъ костей, съ вдавленіемъ; дважды твердая мозговая оболочка была обнажена при удаленіи изъ костей черепа, частей пораженныхъ сифилисомъ, а дважды—частей пораженныхъ туберкулезомъ; наконецъ въ семи остальныхъ случаяхъ поводомъ къ оперативному вскрытію черепной полости служили новообразования, частью исходяція изъ костей черепа, частью же изъ *dura mater*. Изъ числа этихъ двѣнадцати операцій, въ девяти случаяхъ заживленіе раны, при антисептическомъ леченіи, послѣдовало безъ нагноенія и безъ положительно мозговыхъ явленій воспалительнаго характера; одинъ больной погибъ во время самой операціи вслѣдствіе вхожденія воздуха въ раненный *sinus longitudinalis*, а въ двухъ остальныхъ случаяхъ смерть послѣдовала отъ рецидива того злокачественнаго новообразования, которое служило поводомъ къ самой операціи.

Что касается результатовъ примѣненія Lister'овскаго метода леченія ранъ къ оперативнымъ пораненіямъ брюшной полости, то объ нихъ мы можемъ уже отчасти судить по тѣмъ статистическимъ даннымъ, которыя собраны профессоромъ Oeshausen'омъ относительно овариотомій, сдѣланныхъ въ Германіи одними и тѣми-же хирургами, безъ и при соблюденіи антисептическихъ мѣръ (Speneer Wells, Die Diagnose und chirurgische Behandlung der Unterleibsgeschwülste, Volkmann's Samml. Klinis. Vorträge, S. 93). Эти статистическія данныя намъ показываютъ,

что напр. на 65 оваріотомій, сдѣланныхъ Esmarch'омъ Hegor'омъ и Schröder'омъ безъ антисептическихъ предосторожностей, смерть послѣдовала въ 33-хъ случаяхъ, т. е. смертность превышала 50%, тогда какъ тѣже самые хирурги, при примѣненіи Lister'овскаго метода, получили 33 смертныхъ случая на 155 оваріотомій, что составляетъ 20 съ немногимъ процентовъ смертности. Правда и этотъ процентъ еще довольно великъ, но тутъ необходимо принять во вниманіе то, что онъ относится къ тому времени, когда Esmarch, Hegor и Schröder только что стали примѣнять антисептическій способъ леченія ранъ, а слѣдовательно въ технику этого послѣдняго не имѣли пока достаточной опытности. Въ послѣднее время Keith¹⁾ въ Эдинбургѣ на 114 оваріотомій, сдѣланныхъ при надлежащемъ соблюденіи антисептическихъ мѣръ, имѣлъ всего три смертныхъ случая, которые находятся въ числѣ первыхъ 26 оваріотомій, а въ слѣдующихъ затѣмъ подрядъ 88 оваріотоміяхъ не было уже ни одного смертнаго случая.

Наконецъ, на сколько Lister'овскій методъ можетъ уменьшать опасность оперативнаго вскрытія грудной полости — это видно изъ слѣдующихъ трехъ случаевъ, которые были демонстрированы въ 1879 году на 8-мъ берлинскомъ съѣздѣ германскихъ хирурговъ.

Первый случай, Д-ра Jsrael'a²⁾, представлялъ больную, у которой Echinococcus въ печени образовалъ на задней и верхней сторонѣ этого органа огромную кисту, сильно вдающуюся въ грудную полость. Положеніе кисты было такого рода, что доступъ къ ней со стороны брюшной полости былъ совершенно невозможный, а между тѣмъ общее состояніе больной требовало неотлагательной операціи. Поэтому Д-ръ Jsrael рѣшился проложить въ данномъ случаѣ путь къ кистѣ: черезъ грудную клѣтку, полость плевры и діафрагму. Съ этою цѣлью онъ, при соблюденіи антисептическихъ предосторожностей, резецировалъ, по лѣвой axillor'ной линіи, величиной въ вершокъ кусокъ 6-аго ребра и въ сдѣланную такимъ образомъ рану ввелъ тампонъ изъ Lister'овской марли, чтобы образовать предварительное сращеніе между обоими листками плевры, т. е. выстилающимъ внутреннюю поверхность грудной клѣтки и покрывающимъ верхнюю поверхность діафрагмы. Черезъ

¹⁾ Keith, Avestomomy before and after Antiseptics.

²⁾ Dr. Jsrael, Vorstellung eines Falles v. Operation eines Leberechinococcus, Achter Congress, I. S. 17.

семь дней, когда между обоими, только что помянутыми листками плевры, послѣдовало полное сращеніе безъ всякой воспалительной реакціи, Д-ръ Jsgael послоннымъ разрѣзомъ діафрагмы, дошелъ до кисты и въ сдѣланную рану ввелъ опять тампонъ изъ карболизированной марли, чтобы въ этотъ разъ вызвать уже сращеніе между мѣшкомъ кисты и діафрагмой. Цѣль эта въ 7 дней была достигнута совершенно, такъ что уже для вскрытія и опорожненія самой кисты не оставалось больше никакихъ препятствій. Мѣшокъ, оставшійся послѣ опорожненія кисты, мало-по-малу, при дренажированіи и антисептической перевязкѣ, выполнился грануляціями и больная черезъ 9½ недѣль послѣ первой операціи вышла изъ больницы совершенно здоровой.

Второй случай изъ клиники профессора Volkmann'a, демонстрированный Д-ромъ Genzmer'омъ ¹⁾, представлялъ необыкновенное сходство съ случаемъ Д-ра Jsgael'a. Сходство это обуславливалось не только тѣмъ, что въ данномъ случаѣ Echinococcus также образовалъ огромную кисту въ печени, но что и киста эта, помѣщаясь на задней и верхней сторонѣ помянутаго органа, сильно вдавалась въ грудную полость. Больной поступилъ въ клинику съ явленіями септической лихорадки, которая указывала на начавшееся разложеніе содержимаго кисты. Поводъ къ этому разложенію подала, вѣроятно же всего, повторная пункція кисты, дѣлаемая врачомъ, пользовавшимся больнаго до принятія его въ клинику. Общія септическія явленія у больнаго служили показаніемъ къ немедленному оперативному пособию, а между тѣмъ положеніе кисты дѣлало всякій доступъ къ ней со стороны брюшной полости совершенно невозможнымъ. Поэтому, профессору Volkmann'у пришла мысль, подобно какъ и Д-ру Jsgael'у, проложить себѣ путь къ кистѣ черезъ грудную клѣтку, полость плевры и діафрагму. Съ этою цѣлью, профессоръ Volkmann при антисептическихъ предосторожностяхъ—резецировалъ по лѣвой axillar'ной линіи кусокъ седьмаго ребра и такъ какъ, вслѣдствіе разложенія содержимаго кисты, необходимо было спѣшить съ операціей, то онъ, не принимая никакихъ мѣръ къ образованію предварительнаго сращенія между листками плевры, прямо приступилъ къ послонному разрѣзыванію діафрагмы. При этомъ оказалось, что

¹⁾ Dr. Genzmer, Vorstellung eines mit Rippenresection und Eröffnung der gesunder Pleura durch Jrcirn der Jcorchfells geheilten Leberechinococcus. Achter Congress, I, S. 19.

между діафрагмой и мѣшкомъ кисты существовало уже раньше образовавшееся сращеніе, благодаря которому можно было немедленно приступить къ вскрытію и опорожненію кисты. Начавшееся разложеніе содержимаго кисты значительно облегчило выполнение этой послѣдней задачи, причемъ удалось вытащить не только всѣ вторичные пузыри глисты, но и первичный. Единственнымъ неблагопріятнымъ осложненіемъ при опоражниваніи кисты было поступленіе въ полость плевры содержимаго кисты, находящегося въ септическомъ разложеніи. Поэтому, по окончаніи операціи было обращено особенное вниманіе на тщательную дезинфекцію какъ полости плевры, такъ и полости образовавшейся послѣ удаленія кисты, для чего въ каждую изъ нихъ отдѣльно было вставлено по одному дренажу. Дезинфекція была произведена постоянной ирригаціей, нагрѣтой до температуры тѣла салициловой водой, такъ какъ введеніе въ большомъ количествѣ раствора карболовой кислоты въ полость плевры могло бы легко вызвать отравленіе карболовой кислотой. Постоянная ирригація поддерживалась въ данномъ случаѣ только въ теченіи первыхъ 12 часовъ послѣ операціи, а затѣмъ была оставлена и на рану наложена антисептическая, окклюзивная повязка. Отдѣленіе изъ раны въ первое время послѣ операціи было серозно-слизистое и притомъ очень обильное, такъ что повязку приходилось мѣнять по два раза въ сутки. Ни разу не было наблюдаемо появленіе гноя. Окончательное закрытіе раны послѣдовало черезъ 18 недѣль послѣ сдѣланной операціи.

Наконецъ третій случай, профессора Fischer'a изъ Бреслава, демонстрированный Д-ромъ Kolaczek'омъ¹⁾, представлялъ женщину 48-ми лѣтъ, съ довольно плохимъ питаніемъ, у которой энхондрома образовала громадный наростъ, занимающій своимъ основаніемъ почти всю лѣвую половину передней стѣнки грудной клѣтки. Наростъ этотъ имѣлъ въ длину 52 ст., а въ ширину простирался отъ лѣваго края грудны до передняго края лѣвой лопатки; надъ поверхностью грудной клѣтки онъ возвышался на 12 ст. Кожа, покрывающая наростъ, оставалась совершенно подвижной и не представляла никакихъ измѣненій. Проф. Fischer рѣшился удалить при антисептическихъ предосторожностяхъ этотъ наростъ, думая что ему удастся резецировать ребро, не

¹⁾ *Dr. Kolaczek, Vorstellung eines Falles v. Resection mehrerer Rippen wegen Enchondromen. Achter Congress, I, S. 45.*

вскрѣвая полости плевры. Между тѣмъ при операціи оказалось, что наростъ этотъ на два вершка вдаѣлся въ полость плевры, такъ что эту последнюю пришлось вскрыть на значительномъ протяженіи, причемъ окологрудный мѣшокъ былъ обнаженъ и лѣвое легкое спало совершенно. 4-ое и 5-ое лѣвое ребро было резецировано на протяженіи 11 ст., а 3-ее и 6-ое—на протяженіи 7 ст. Резецированная часть грудной кѣтки представляла поверхность въ 1200 кв. ст. Не смотря однакожъ на столь громадное пораненіе, выздоровленіе послѣдовало полное черезъ 40 дней послѣ сдѣланной операціи. Отдѣленіе изъ раны въ первыя двѣ недѣли послѣ операціи имѣло чисто серозный характеръ, а потомъ, вслѣдствіе несвоевременнаго прекращенія антисептическихъ предосторожностей, присоединилось незначительное нагноеніе. Послѣ окончательнаго закрытія раны, передняя стѣнка грудной кѣтки представляла на мѣстѣ бывшаго нароста очень глубокий дефектъ, въ который можно бы легко помѣстить дѣтскую головку.

Кожа, выстилающая этотъ дефектъ, образовала сращеніе съ *pericordium*, вслѣдствіе чего на ней отдѣльно отражалось каждое сокращеніе лѣваго предсердія и лѣваго желудочка. Больная, ровно черезъ годъ послѣ операціи была демонстрирована на хирургическомъ конгрессѣ, при чемъ состояніе ея здоровія оказалось весьма удовлетворительнымъ.

Все сказанное нами до сихъ поръ, какъ на счетъ техники, такъ и на счетъ результатовъ примѣненія антисептическаго способа леченія ранъ, относилось пока только къ пораненіямъ, наносимымъ самымъ хирургомъ и то въ частяхъ, куда еще не проникли вреднодѣйствующія начала извнѣ. Теперь намъ остается разсмотрѣть примѣненія Листероваго метода къ случайнымъ пораненіямъ, т. е. происходящимъ безъ всякихъ антисептическихъ предосторожностей, гдѣ слѣдовательно вреднодѣйствующія начала успѣли проникнуть въ рану извнѣ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ именно только и обуславливаются всѣ тѣ видоизмѣненія, которыя должны быть сдѣланы въ технику антисептическаго способа леченія ранъ, при его примѣненіи къ случайнымъ пораненіямъ. Видоизмѣненія эти главнымъ образомъ опредѣляются тѣмъ, черезъ сколько времени больной, спустя послѣ случайнаго пораненія, поступаетъ въ руки хирурга. Вообще, при примѣненіи антисептическаго способа леченія ранъ къ случайнымъ пораненіямъ, необходимо строго различать свѣжіе случаи, т. е. гдѣ послѣ пораненія не прошло и 48 часовъ, отъ случаевъ болѣе давнихъ, въ которыхъ

уже успѣла появиться воспалительная реакція. Какъ примѣнять анти-септическій способъ леченія ранъ въ тѣхъ и другихъ случаяхъ—это опросъ, разсмотрѣніемъ котораго заняться сейчасъ намъ не позволяетъ предѣлъ времени, положенный для этой лекціи.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТАБЛЪ

АРІЙСКАЯ СЕМЬЯ, ЕЯ СТРОЙ И РАЗВИТІЕ.

The Aryan Household, its structure and its development. An Introduction to Comparative Jurisprudence by W. E. Hearn. Melbourne 1879.

Процессъ образованія, такъ называемыхъ, искусственныхъ ассоціацій вообще вѣрно изображенъ въ книгѣ Гёрна, но, всматриваясь въ него пристальнѣе, мы примѣтимъ такія обстоятельства, которыя не согласуются съ мнѣніемъ автора, будто семья, основанная на обожаніи предковъ, была первичной формой общежитія, верномъ или прообразомъ для всѣхъ послѣдующихъ формъ. Напротивъ, при образованіи искусственныхъ ассоціацій замѣчаются такія явленія, которыя слѣдуетъ признать болѣе простыми и болѣе древними, чѣмъ основы и порядки семейнаго быта. Каждый разъ, какъ среди общества образуется новая общественная группа, вновь проявляются то болѣе, то менѣе ясно тѣ свойства человѣческой природы, по милости которыхъ люди стремятся къ общежитію. Здѣсь иногда представляется исторіи возможность наблюдать политическія явленія, подобныя тѣмъ, изъ каковыхъ, по всей вѣроятности, состояло начало и первый періодъ исторіи общественности у людей.

По изображенію Гёрна искусственная ассоціація сначала образуется изъ лицъ, стоящихъ разнo и особнякомъ среди окружающаго ихъ общества, и затѣмъ, сомкнувшись, она разростается, дробится на семьи, которыя въ свою очередь, размножаясь, становятся родами. Семейно-родовой бытъ, принимаемый вполнѣдствіи искусственной ассоціаціей, авторъ считаетъ дальнѣйшимъ развитіемъ ея первоначальной формы. Тутъ есть смѣшеніе понятій, которыя полезно разграничить и опредѣлить точнѣе. Надобно придать одинъ, опредѣленный, смыслъ выраженіямъ: развитіе общественныхъ группъ и исторія этого развитія.

Возьмемъ любую общественную группу, начиная отъ семьи и кончая государствомъ. Въ каждой изъ нихъ мы замѣтимъ два явленія, составляющія въ совокупности всю суть общественности: во 1-хъ, сближеніе людей, способность ихъ въ сочувствію и содѣйствію въ силу мотивовъ, различныхъ въ каждой группѣ; во 2-хъ, господство однихъ и подчиненіе другихъ въ силу мотивовъ, также не одинаковыхъ въ разныхъ группахъ. Общественная группа остается тоюже, покамѣстъ не подверглась измѣненію мотивы, обуславливающіе связь ея членовъ и распредѣленіе власти между ними. Эта группа измѣняется, развивается по мѣрѣ того, какъ измѣняются политическіе мотивы, лежащіе въ основаніи ея. Изученіе политическихъ мотивовъ, ихъ образованія и послѣдующихъ преобразованій составляетъ собственную и конечную задачу политической исторіи.

Въ жизни каждой общественной группы бываютъ два разряда явленій, которыя слѣдуетъ различать и изучать порознь въ наукѣ, хотя въ дѣйствительности они всегда бываютъ смѣшаны и переплетены другъ съ другомъ. Одну долю въ жизни группы составляютъ явленія, вытекающія изъ мотивовъ, приведшихъ въ первоначальному образованію этой группы, и изъ тѣхъ преобразованій, которымъ эти самые мотивы подверглись въ послѣдствіи. Другую долю составляютъ явленія, происшедшія изъ другихъ, стороннихъ, мотивовъ, свойственныхъ человѣческой природѣ вообще, но чуждыхъ первоначальнымъ дѣламъ данной ассоціаціи. Въ жизни и ростѣ послѣдней участвуютъ обѣ доли, но подѣ развитіемъ ея правильнѣе разумѣть только явленія первой доли, какъ вытекающія непосредственно изъ мотивовъ, давшихъ начало ассоціаціи. Съ этой точки зрѣнія образованіе семей и родовъ въ предѣлахъ тѣхъ искусственныхъ ассоціацій, о которыхъ говоритъ Гёрнъ, нельзя считать ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ, ибо семья и родъ выходятъ совсѣмъ изъ другихъ мотивовъ и удовлетворяютъ совсѣмъ другимъ потребностямъ человѣка. Если же такъ, то при видѣ семейныхъ или родовыхъ порядковъ въ нѣдрахъ религіозной секты, или ремесленной корпораціи нельзя говорить объ усвоеніи ими этихъ порядковъ изъ подражанія семьѣ, какъ первичной и въ началѣ единственной формѣ общежитія. Въмѣсто подражанія тутъ было простое продолженіе того порядка, начало котораго было въ ассоціаціи и предшествовало ей. Члены ассоціаціи сами вышли изъ нѣдръ семей и родовъ и, составивъ новое общество, продолжали сохранять всѣ тѣ потребности и мотивы, которымъ удовлетворялъ семейный и родовой бытъ.

Образованіе, такъ называемыхъ, искусственныхъ ассоціацій представляетъ два факта: сближеніе людей и подчиненіе ихъ одному авторитету. Сближеніе бываетъ слѣдствіемъ того, что въ сознаніи нѣкоторыхъ лицъ присутствуютъ мотивы, располагающіе ихъ съ одной стороны къ отторженію отъ общественныхъ группъ, къ которымъ эти лица принадлежали прежде, а съ другой—къ сочувствію и содѣйствію другъ другу вообще или только въ извѣстномъ направленіи. Подчиненіе предполагаетъ въ лицѣ, приобретающемъ авторитетъ, такія качества, которыя при данныхъ обстоятельствахъ дѣйствуютъ обаятельно на другихъ людей и располагаютъ ихъ къ подражанію и повиновенію. Основы сближенія и авторитета, вызывающія появленіе искусственныхъ ассоціацій, нельзя связывать съ чувствами и мѣтніями, опредѣляющими бытъ семьи или рода: первыя нельзя признавать подражаніемъ или искусственнымъ воспроизведеніемъ вторыхъ. Сближеніе вслѣдствіе способности понимать и сочувствовать другъ другу, подчиненіе авторитету вождя при жизни и поклоненіе этому вождю послѣ его смерти, братство между членами данной ассоціаціи и отчужденіе ихъ отъ другихъ подобныхъ ассоціацій,—всѣ эти явленія, если разсмотримъ ихъ поближе, оказываются продуктомъ такихъ свойствъ человѣка, которыя принадлежали ему раньше появленія семьи и семейной религіи. Сходство въ организаціи ассоціацій естественныхъ и искусственныхъ безъ сомнѣнія есть, но нѣтъ основаній объяснять его непременно заимствованіемъ или подражаніемъ. Возможно и болѣе вѣроятно другое объясненіе: сходство въ организаціи общественныхъ группъ, возникшихъ изъ различныхъ мотивовъ, есть слѣдствіе того, что различные мотивы осуществляются, превращаются въ дѣло при помощи одинаковаго механизма, заключающагося въ общихъ приемахъ ума, чувства и воли. Мотивы, понуждающіе людей къ сближенію и подчиненію, бываютъ различны, ибо зависятъ отъ внѣшнихъ условій, отъ дѣйствія природы и общества; но самое сближеніе и подчиненіе выражается всюду въ формахъ разнообразныхъ только съ виду и сходныхъ въ сущности, ибо эти формы зависятъ отъ коренныхъ свойствъ человѣческой природы, одинаковыхъ всюду, куда досягаетъ взоръ историка. Если въ первобытномъ обществѣ родичи поклонялись своему предку, а члены религіозной или какой нибудь другой ассоціаціи обоготворяли вождя или основателя ея, то оба эти явленія справедливѣе объяснять изъ свойствъ человѣческой природы, обуславливающихъ религіозность вообще, а не выводить ихъ другъ изъ

друга. Источникиъ обоихъ явленій одинъ и тотъ же, но ихъ возрастъ различенъ; въ исторіи общественности одно изъ нихъ соотвѣтствуетъ болѣе ранней, другое—болѣе поздней эпохѣ. Согласно съ своимъ основнымъ положеніемъ Гёрнъ считаетъ болѣе раннимъ поклоненіе предметамъ; но есть основаніе думать, что поклоненію предметъ и семейной религіи, какъ основѣ сближенія и авторитета, предшествовало обоготвореніе вождей.

У всѣхъ арійскихъ народовъ, хотя и въ разное время, родовой бытъ смѣнился государственнымъ. У однихъ, болѣе образованныхъ, эта замѣна произошла вполне и государство мало по малу совершенно растворило родовую организацію; у другихъ, напр. у индусовъ и славянъ, значительные остатки этой организаціи существуютъ и нынѣ. Изобразивъ развитіе родового строя, Гёрнъ въ остальной части своего труда (глава XIV—XX) дѣлаетъ общую характеристику государства въ томъ видѣ, въ какомъ оно явилось на смѣну родового строя.

Авторъ затрудняется дать полное опредѣленіе государства; затрудненіе зависитъ не только отъ сложности предмета, но главнымъ образомъ отъ того, что подъ государствомъ разумѣются въ повседневной рѣчи весьма различныя формы общественности. Конечно, можно найти общія черты и въ столь различныхъ государствахъ, какъ деспотическая монархія и свободная городская община въ родѣ афинской, но эти общія черты окажутся свойственными всѣмъ вообще формамъ общественности и не могутъ послужить отличіемъ для государства.

Когда идетъ дѣло о разграниченіи различныхъ видовъ политическаго быта, то единственнымъ надежнымъ признакомъ можно считать различіе въ политическихъ мотивахъ, вызвавшихъ сближеніе людей и подчиненіе ихъ общему авторитету. Руководясь этимъ признакомъ, можно различить нѣсколько формъ политическаго быта и дать точное опредѣленіе для каждой изъ нихъ. Польза подобныхъ различеній и опредѣленій заключается въ томъ, что они могутъ служить вѣхами и межами при изученіи предмета, но въ дѣйствительности они неприменимы. Въ дѣйствительности или вовсе нѣтъ чистыхъ формъ общественности, т. е. такихъ, политическая организація которыхъ вытекала бы вся безъ остатка изъ одного политическаго мотива, или, если такіе формы и бывають, то существованіе ихъ въ чистомъ видѣ по своей кратковременности ускользаетъ отъ взоровъ историка. Въ дѣйствительности различныя политическіе мотивы, возникая въ разное время, су-

ществуютъ потому другъ подѣ другя и обнаруживаютъ каждый свою долю вліянія на порядки и обычаи обществѣ, свойственныя данной группѣ. Но между многими одинъ имѣетъ преобладающее значеніе, служа основною наиболѣе прочныхъ и широкихъ порядковъ и установленій, тогда какъ другіе только начинаютъ входить въ силу или уже утрачиваютъ свое вліяніе, производя новыя или поддерживая отживающіе обычаи. Въ этомъ сочетаніи однихъ мотивовъ съ другими, въ этомъ переходѣ господства и преобладанія отъ одного изъ нихъ къ другому состоитъ въ сущности вся политическая исторія. Дѣло историка при изученіи каждой общественной группы слѣдить затѣмъ, какъ однѣ основы быта смѣняются другими, какъ въ нѣдрахъ окончательно сложившейся и, по видимому, прочной организаціи общества начинаютъ пробиваться новыя политическія мотивы, производящія сначала рѣдкія уклоненія, потомъ обычаи, непрізнанные законамъ, и наконецъ, совершенно разлагающіе прежній строй общества. Въ виду этого въ исторіи, какъ и въ другихъ наукахъ, исключенія, уклоненія отъ нормы, господствующей въ данное время, интересны не менѣе, чѣмъ общія и нормальныя явленія, потому что въ первыхъ исторіяхъ можно наблюдать или остатки прошлаго или зародки будущаго, тогда какъ вторыя обнаруживаютъ предъ нимъ мотивы, господствующіе надъ жизнью общества въ данный моментъ.

Родовой бытъ въ его первоначальномъ чистомъ видѣ зиждется на религіозныхъ основахъ; ими обуславливается здѣсь какъ сближеніе людей, такъ и господство однихъ надъ другими. Преобразование родового быта начинается съ той поры, какъ на ряду съ религіозными мотивами входятъ въ силу другіе, побуждающіе людей къ сближенію и подчиненію авторитету независимо отъ вѣрованій и чувствъ, связанныхъ съ почитаніемъ предковъ. Между этими позднѣйшими политическими мотивами раньше другихъ является, по всей вѣроятности, территоріальный, источникомъ котораго бываетъ соучастіе во владѣніи земель, въ обработкѣ ея и въ пользованіи ея произведеніями. Совладѣніе и сотрудничество ведетъ къ сближенію, а по мѣрѣ того, какъ увеличивается неравенство земельной собственности, обладаніе ею въ болѣешихъ размѣрахъ становится основною господства однихъ надъ другими. Пока религіозный и территоріальный мотивы дѣйствуютъ рядомъ, организація общества является смѣшанною; въ ней есть учрежденія и правила, вытекающія изъ того и изъ другаго мотива. Такое общество не будетъ

ни родомъ, ни общиной въ строгомъ смыслѣ; оно будетъ съ одной стороны отживающимъ родомъ, съ другой возникающей деревенской общиной. Лишь послѣ того, какъ религіозный мотивъ постепенно будетъ совсѣмъ устраненъ изъ организаціи общества, послѣднее перестанетъ быть родомъ и превратится въ общину и, если эта община до того времени сохранитъ свою самостоятельность, ей нельзя будетъ указать въ названіи государства.

Въ исторіи естественный ходъ преобразованія родового быта въ государственный обыкновенно прерывался завоеваніемъ и насильственнымъ господствомъ одной общественной группы надъ другими. Слѣдствіемъ завоеванія бывало соединеніе нѣсколькихъ группъ въ одно политическое тѣло, которое также принято называть государствомъ, потому что въ организаціи этого тѣла принимаютъ участіе политическіе мотивы, чуждые чисто родовому быту, и между ними территориальный занимаетъ первое мѣсто по значенію. Такимъ образомъ, понятіе, соединяемое со словомъ государство, обнимаетъ различныя формы политическаго быта за исключеніемъ тѣхъ, которыя въ своемъ чистомъ видѣ основываются на семейной религіи и родствѣ вследствие происхожденія отъ общаго предка. Было бы логичнѣе всегда придавать названіе государства каждой общественной группѣ, политически независимой и самостоятельной, на какихъ бы началахъ она ни была основана, и затѣмъ различать столько видовъ государства, сколько есть политическихъ мотивовъ, способныхъ быть исключительной или преобладающей основой для организаціи общества.

Въ числѣ этихъ формъ государства найдемъ свое мѣсто и та, которая смѣнила собою у различныхъ аріійскихъ народовъ родовой или колѣнный бытъ. Общая характеристика ея представлена Гёрномъ въ послѣднихъ главахъ его труда. Древнія государства, по мнѣнію автора, образовались двумя путями. Одни изъ нихъ произошли путемъ соединенія нѣсколькихъ родовыхъ обществъ въ силу общности культа, имѣвшаго господствующее значеніе: въ примѣръ авторъ приводитъ Аѳины. Безъ связывающаго культа, думаетъ Гёрнъ, государство въ древности было невозможно. По нашему мнѣнію общій культъ былъ символомъ политическаго объединенія, но не источникомъ его. Самъ же авторъ раньше призналъ, что союзы родовыхъ обществъ, основанные на общности культа, были преходящими и не въ состояніи были слиться въ государство. Въ историческомъ преданіи общность культа

часто заслоняетъ собою настоящіе мотивы политическаго объединенія, которое достигало прочности и устойчивости государства лишь тамъ, гдѣ мотивомъ къ объединенію было преобладаніе одной общественной группы надъ другими. Въ другихъ случаяхъ государство происходило изъ добровольной ассоціаціи, изъ такъ называемаго у автора негенеалогическаго клана, или трибы, подобно тому, какъ образовалось римское государство по преданіямъ самихъ римлянъ, которыя, по мнѣнію Гёрна, заслуживаютъ большаго довѣрія, чѣмъ то, какое обыкновенно удѣляютъ имъ историки. Въ подтвержденіе этого мнѣнія Гёрнъ указываетъ на то, что въ самомъ началѣ римской исторіи встрѣчаются лишь очень незначительные остатки родоваго быта; царскаго рода все нѣтъ; родовыя имена у римлянъ сходны съ личными именами у осковъ,—фактъ, указанный Нибуромъ и легко объяснимый изъ предположенія, что зерномъ римской общины былъ негенеалогическій кланъ, члены котораго, сдѣлавшись основателями родовъ, передали свои личные имена въ качествѣ родовыхъ своимъ потомкамъ.

Тѣмъ или другимъ путемъ образовалось государство, во всякомъ случаѣ организація его на первыхъ порахъ обуславливалась тѣми началами, которыя лежали въ основѣ родоваго быта. Полноправными гражданами признавались только члены родовъ и главной основой авторитета въ обществѣ была знатность происхожденія,—слѣдствіе древности рода и близости его къ родоначальнику. Какъ господство родоваго начала, такъ и послѣдующее замѣщеніе его другими политическими мотивами, отражается въ преобразованіяхъ, которымъ подвергались различныя учрежденія древнихъ государствъ. Раньше всего измѣняется устройство войска. Въ началѣ войско представляетъ собою вооруженный народъ, сплоченный въ роды и кланы на полѣ битвы также точно, какъ и въ повседневной жизни. При этомъ устройствѣ каждый отрядъ порознь обладаетъ большою плотностью и связностью, но въ цѣломъ войскѣ недостаетъ единства и соподчиненія частей. Вслѣдствіи, когда въ жизни общества получаютъ значеніе другіе мотивы, родовой строй войска распадается и вооруженный народъ перестроивается въ новыя группы уже на основаніи финансовыхъ и военныхъ соображеній. И въ мирномъ быту новаго государства въ первое время почти все поведеніе гражданъ опредѣляется обычаями родовъ, составляющими *jus privatum* въ первоначальномъ смыслѣ этого термина. Надзоръ государственной власти въ началѣ бываетъ очень

слабъ и не простирается дальше весьма тѣсныхъ предѣловъ, обозначенныхъ отбываніемъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей. Этими же предѣлами ограничивается и дѣйствіе законовъ, или повелѣній государственной власти, составляющихъ *jus publicum* также въ первоначальномъ смыслѣ слова. Но мало по малу надворъ государственной власти все глубже и глубже проникаетъ сначала въ нѣдра родовъ, потомъ въ нѣдра семей; законы все болѣе и болѣе служиваютъ область авторитета обычаевъ; строй и порядокъ частной жизни болѣе и болѣе подчиняется потребностямъ общественной—по мѣрѣ того, какъ эти потребности становятся разнообразнѣе и общество нуждается въ болѣе сложныхъ приспособленіяхъ для ихъ удовлетворенія. Подобнымъ же образомъ и въ составѣ гражданства замѣчается перемена, стоящая въ связи съ ослабленіемъ родового начала. Въ первое время гражданами государства признаются лишь тѣ, кто имѣютъ самостоятельное значеніе и положеніе внутри семей и родовъ. Сыновья, находящіеся подъ властью отца, женщины, кліенты и рабы не считаются гражданами; государство ихъ не знаетъ и о нихъ не заботится; они состоятъ вполнѣ въ вѣдѣніи и подъ властью главъ семей и старѣйшинъ родовъ. Мало по малу предѣлы первоначальнаго гражданства расширяются, въ него входятъ сначала кліенты и потомки отпущенниковъ, потомъ взрослые сыновья, находящіеся подъ властью отца въ семьѣ и въ тоже время отбывающіе различныя службы государству внѣ семьи. На женщинъ и несовершеннолѣтнихъ гражданскія права въ древнихъ государствахъ не распространяются; оба эти класса лицъ лишены возможности служить государству дѣломъ, а потому не имѣютъ и точки опоры для борьбы за право гражданства. Организациа родовъ, основанная исключительно на вѣрованіяхъ и обычаяхъ родовой религіи, поддалась разлагающему вліянію государства несравненно скорѣе, нежели строй семьи, находящій опору для себя не только въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, но и въ естественныхъ привязанностяхъ, которыя не старѣютъ и не ветшаютъ подобно семейной религіи. Стойкость семейнаго права въ борьбѣ съ государственнымъ обнаруживается ярче всего въ тѣхъ противорѣчіяхъ и несообразностяхъ, которыя были возможны въ римскомъ бытѣ въ теоріи, если не въ практикѣ. Въ Римѣ диктаторъ во время войны имѣлъ право жизни и смерти надъ своимъ отцемъ, тогда какъ въ предѣлахъ семейной жизни тоже право надъ нимъ принадлежало его отцу.

Всѣ эти перемѣны въ составѣ и строѣ государства были слѣдствіемъ того, что въ жизни общества начали входить въ силу новыя политическіе мотивы, послужившіе источникомъ для новыхъ общественныхъ связей и новаго распредѣленія господства и подчиненія. Прослѣдить зарожденіе и постепенный ростъ этихъ мотивовъ, изобразить ихъ вліяніе на организацію общества, на установленіе новыхъ связей между его членами и новыхъ основъ для авторитета,—все это, какъ уже замѣчено было выше, составляетъ задачу политической исторіи. Въ частностяхъ задача эта измѣняется, смотря потому, какое направленіе приняло дальнѣйшее развитіе государства въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Государство, сложившееся изъ матеріаловъ, свойственныхъ родовому быту, можетъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи принять видъ или городской общины, скромной по размѣрамъ и богатой энергіей, или обширной монархіи, могущественной болѣе числомъ подданныхъ, нежели прочностью связей между ними. Государство можетъ развиваться свободно и непрерывно, не подвергаясь подавляющему насилію извнѣ, или же его исторія можетъ быть прервана и обращена въ другое русло вслѣдствіе завоеванія. Въ исторіи арійскихъ народовъ встрѣчаются всѣ эти случаи и потому нѣтъ возможности начертать для нея такую схему, которая одинаково соотвѣтствовала бы государственной жизни индусовъ, кельтовъ, грековъ и т. д. Но возможно все разнообразіе формъ государственной жизни, встрѣчающееся въ исторіи арійскихъ народовъ, привести къ нѣсколькимъ типамъ и уловить общія черты въ развитіи каждаго типа. Такимъ путемъ можно будетъ подъ пестрымъ разнообразіемъ историческихъ событій открыть сходство въ политическихъ мотивахъ, обуславливающихъ развитіе общественности, а также сходство и въ тѣхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ эти мотивы образуются, приобрѣтаютъ господствующее значеніе въ организаціи общества и затѣмъ раньше или позже уступаютъ свое мѣсто другимъ.

Въ книгѣ Гёрна нѣтъ сравнительной характеристики различныхъ формъ государственнаго быта, встрѣчающихся въ исторіи арійцевъ. Доведа исторію арійской семьи до того момента, когда являются первые зачатки государственнаго быта, авторъ въ остальной части своего труда разсуждаетъ о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросахъ, относящихся къ исторіи права, о законѣ и обычаяхъ, ихъ различіи и взаимномъ отношеніи, о законахъ и обычаяхъ, касающихся собственности, о постепенномъ расширеніи юрисдикціи государства и о распаденіи родового

строю подѣ влияніемъ государства и отчасти церкви. Всѣ эти вопросы авторомъ затронуты и разрѣшены лишь въ общихъ чертахъ; разсужденія Гёрна отличаются ясностью и трезвостью пониманія, но послѣ того, что сказано было Г. Меномъ, не представляютъ много новаго. Сообщимъ вкратцѣ ихъ главные пункты, чтобы пополнить нашъ отчетъ о трудѣ Гёрна.

Ослабленію тѣхъ политическихъ мотивовъ, изъ которыхъ происходили связи и учрежденія родового быта, содѣйствовали двѣ причины: упадокъ религіозныхъ вѣрованій, служившихъ источникомъ для этихъ мотивовъ, и противодѣйствующее влияніе интересовъ, связанныхъ съ мѣстомъ жительства, съ занятіемъ и пользованіемъ землей. При родовомъ бытѣ общественныя группы не всегда занимаютъ сплошное пространство; родичи могутъ жить въ разныхъ мѣстахъ не переставая чувствовать себя членами одного тѣла. Пока семейная и родовая религія остается въ силѣ, она, вселяя отчужденіе между членами разныхъ группъ, тѣмъ самымъ препятствуетъ образованію тѣхъ связей, источникомъ которыхъ бываетъ сосѣдство, сходство въ потребностяхъ и средствахъ къ ихъ удовлетворенію. Если въ данной области живутъ только члены одного рода, или одной трибы, то общинное владѣніе землей и пользованіе ея плодами до извѣстной поры устраняетъ разногласіе между началами родового быта и территоріальными интересами. При такомъ порядкѣ вещей всѣ потребности и выгоды, происходящія отъ совладѣнія и сотрудничества, могутъ быть примирены съ преданіями и обычаями, основанными на родовой религіи и дѣйствіе послѣдней, какъ политическаго мотива, не встрѣчаетъ сильныхъ препятствій.

Эти препятствія являются лишь по мѣрѣ того, какъ наряду съ общиннымъ владѣніемъ развивается частная собственность, и въ предѣлахъ области, занятой родомъ, умножается населеніе чуждое этому роду. Между обоими явленіями существуетъ связь и образованіе большихъ поземельныхъ владѣній содѣйствуетъ приливу чуждаго населенія тамъ, гдѣ оно не создается разомъ вслѣдствіе завоеванія. Населеніе, чуждое господствующимъ родамъ, въ началѣ остается внѣ теченія государственной жизни, но потомъ привлекается къ участию въ повинностяхъ, связанныхъ съ нею, не получая однако гражданскихъ правъ. Но мысль, что участіе въ тягостяхъ даетъ право и на участіе въ выгодахъ, очень скоро проникаетъ въ сознаніе подданныхъ и привлеченіе

къ повинностямъ служить для подвластнаго населенія точкою опоры въ борьбѣ за полученіе гражданскихъ правъ. Эта борьба составляетъ наиболѣе яркую и интересную страницу въ исторіи государствъ, принявшихъ форму городской общины; тогда какъ въ исторіи государствъ, принявшихъ форму племенныхъ монархій, она заслоняется явленіями, составляющими сущность феодализма. При водвореніи феодальнаго строя неравенство между разными слоями общества, происходящее отъ разности въ ихъ происхожденіи и племени, замѣщается новыми отношеніями, состоящими въ господствѣ и подчиненіи въ силу владѣнія землей въ качествѣ феодала и пользованія ею въ качествѣ вассала. Обладаніе землей становится основой власти; пользованіе ею—источникомъ зависимости; строй общества, основанный на родовыхъ началахъ замѣняется новой организаціей, принимающей въ расчетъ интересы, связанныя съ землею; неравенство происхожденія теряетъ значеніе предъ неравенствомъ въ территоріальномъ могуществѣ; обычаи родовъ утрачиваютъ свою власть надъ поведеніемъ людей и замѣщаются законами, исходящими отъ центральной власти.

Привыкнувъ жить подъ закономъ, высказывающимъ отъ имени государственной власти опредѣленные требованія на счетъ того, что должно и чего не должно дѣлать, и сопровождающимъ эти требованія не менѣе опредѣленными угрозами, мы съ трудомъ можемъ представить себѣ существованіе общества безъ законовъ. Съ отсутствіемъ законовъ въ умѣ нашемъ неразрывно связана мысль объ анархіи. Но эта привычка ума зависеть отъ воспитанія его при такомъ строѣ общества, гдѣ большая доля поведенія гражданъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ опредѣляется законами. Въ первобытномъ обществѣ поведеніе людей опредѣляется не съ меньшей, если не съ большей правильностью, силою обычаевъ, въ совершенствѣ исполняющихъ здѣсь то самое дѣло, для котораго въ развитомъ обществѣ существуютъ законы. Въ Индіи и теперь еще есть общественныя группы, не знающія ни произвольной власти, ни писанныхъ законовъ, что не мѣшаетъ ихъ жизни имѣть правильное и спокойное теченіе. Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ исторіи каждаго общества въ ту пору, когда государственная власть еще не окрѣпла на столько, чтобы узаконить одни и отвергнуть другіе обычаи. На первыхъ порахъ эта власть почти вовсе чуждается законодательной дѣятельности, довольствуясь принужденіемъ поданныхъ къ отбыванію повинностей и соблюденіемъ земскаго мира. Но

вмѣстѣ съ силой растутъ и ея притязанія, вынужденныя необходимостью все болѣе и болѣе вмѣшиваться въ жизнь подданныхъ по мѣрѣ того, какъ поддержаніе порядка, мира и цѣлости государства требуетъ все болѣе и болѣе сложныхъ и дорогихъ приспособленій. Сначала государственная власть выступаетъ въ скромной роли посредника; своимъ авторитетомъ она поддерживаетъ силу однихъ обычаевъ вопреки другимъ, сообразуясь при этомъ съ своими выгодами; и только въ послѣдствіи принимаетъ тонъ повелителя, ставящаго свои предписанія и угрозы выше самыхъ исконныхъ обычаевъ и самой закоренѣлой рутинны.

Въ числѣ обычаевъ, управляющихъ поведеніемъ обществъ и въ послѣдствіи переходящихъ въ законы, первое мѣсто по важности принадлежитъ тѣмъ, которые касаются собственности. Вопросъ о происхожденіи собственности затрогивается и Гёрномъ въ его книгѣ. По мнѣнію автора, собственность, и притомъ поземельная, существуетъ всюду, гдѣ есть общество. Уваженіе къ собственности возникло и окрѣпло въ сердцахъ людей подъ вліяніемъ семейной религіи, которая ставитъ подъ защиту боготворимыхъ предковъ не только людей, ихъ жилища, но и самую землю на которой стоитъ это жилище. Въ подтвержденіе своей мысли авторъ указываетъ во 1-хъ на факты свидѣтельствующіе, что религія и понынѣ служитъ у разныхъ народовъ охраной для собственности; во 2-хъ на то, что между обществами, чуждыми другъ другу по религіи нѣтъ и взаимнаго уваженія къ чужой собственности, такъ что у многихъ народовъ считалось и считается позволительнымъ ограбить чужого. Но эти факты доказываютъ лишь одно, именно, что религія принимаетъ подъ свою защиту наравнѣ съ другими учрежденіями и собственность; отсюда не слѣдуетъ, что религія впервые поселила въ человѣкѣ уваженіе къ тому, что принадлежитъ другому. Религія покровительствуетъ брачному союзу и семьѣ, но это еще не доказываетъ, что то и другое получили отъ нея свое начало. Въ религіи иногда заключаются вторичные мотивы для явленій общественной, которыхъ первичные мотивы лежатъ внѣ религіи. Часто мотивъ, первоначально вызвавшій данное явленіе, въ послѣдствіи ~~своей~~ заслоняется религіознымъ, явившимся рядомъ съ нимъ въ послѣдствіи. И такъ какъ религіозные мотивы очень живучи и, что еще важнѣе, оставляютъ глубокіе слѣды въ преданіи, то не удивительно, ~~что~~ ~~многие~~ ~~авторы~~ ~~этого~~ ~~поддаются~~ ~~соблазну~~ ~~ссылаться~~ ~~на~~ ~~нихъ~~ ~~въ~~ ~~видѣ~~ ~~окончательнаго~~ ~~объясненія~~ ~~различныхъ~~ ~~учрежденій~~. Семейная религія

можетъ дать благовидное объясненіе для уваженія къ собственности лишь въ томъ случаѣ, если мы примемъ, что земля была первымъ предметомъ, по отношенію къ которому явилось это чувство, но вѣроятно же, что земля была далеко не первымъ предметомъ, обращеннымъ человекомъ въ собственность.

Древнѣйшіе обычаи семьи и рода были обязательны лишь для той собственности, которая принадлежала не лицу, а корпораціи, состояла въ наслѣдственномъ, а не благопріобрѣтенномъ имуществѣ. Далѣе, они были обязательны только для лицъ, принадлежащихъ къ роду. По мѣрѣ того, какъ съ одной стороны возрастало населеніе, живущее въ области государства, но не принадлежавшее къ числу его гражданъ, а съ другой—развивалась собственность личная и благопріобрѣтенная, стала чувствоваться потребность въ законахъ, которые могли обезпечить собственность негражданъ, оформить и закрѣпить всѣ акты, относящіеся къ личной и благопріобрѣтенной собственности гражданъ. Эту потребность могло удовлетворить только государство и подъ его вліяніемъ въ Римѣ рядомъ съ древнѣйшими родовыми обычаями, обязательными для собственности корпоративной (*jus civile*) образовалось при посредствѣ юрисдикціи преторовъ новое право (*jus honorarium*), обязательное для позднѣйшихъ видовъ собственности. Исторія римскаго права въ данномъ случаѣ весьма наглядно показываетъ тотъ путь, какимъ государство мало по малу разлагало порядки и обычаи, связанные съ родовой организаціей первобытнаго общества.

Въ началѣ оно не вмѣшивалось въ частную жизнь гражданъ, предоставляя имъ собственными силами по стародавнимъ обычаямъ защищать свои интересы и улаживать свои распри. Оно, въ лицѣ своихъ властей, являлось лишь тогда, когда сами враждующія стороны обращались къ его посредничеству. Но будучи разъ призвано, оно скоро приняло мѣры, чтобы посредничество и рѣшеніе его было уважаемо. Прежде чѣмъ произнести свой судъ оно брало съ тяжущихся залогъ, служившій обезпеченіемъ ихъ готовности выслушать этотъ судъ и принять его къ свѣдѣнію. Въ своихъ приговорахъ, въ опредѣленіи мѣры взысканія оно старалось смягчить участь виновнаго, не нарушая интересовъ обиженной стороны, произнести такой приговоръ, подчиниться которому для тяжущихся было бы выгодно, чѣмъ прибѣгать къ расправѣ по закону возмездія. Древнее государство по отношенію къ своимъ подданнымъ занимало въ данномъ случаѣ такое же положеніе,

въ какомъ находится въ наши дни дружественная нація, предлагающая свое посредничество воюющимъ сторонамъ. И тутъ, и тамъ посредникъ для успѣха своего дѣла долженъ предложить такую мѣру, которая совмѣщаетъ въ себѣ мѣнѣе всего того, что согласенъ получить обиженный, и наибѣе всего того, что готовъ уступить обидчикъ. Древнее государство достигало этого посредствомъ точнаго опредѣленія цѣны каждаго убытка и увѣчья, при чемъ принимались въ расчетъ какъ количество вреда, такъ и достоинство лица, потерпѣвшаго вредъ. Такія опредѣленія составляютъ главное содержаніе первоначальныхъ кодексовъ. Въ формахъ и порядкахъ суда у римлянъ всего лучше отразилось происхожденіе гражданской юрисдикціи государства изъ посредничества послѣдняго между враждующими сторонами.

Государственная власть по мѣрѣ своего усиленія все съ большей и большей энергіей присвоивала себѣ обязанность охранять общій миръ и преслѣдовать его нарушителей. Ручательство за миръ и безопасность, принятое на себя властью, давало ей поводъ вмѣшиваться въ пререканія и распри гражданъ, расширяло ея юрисдикцію и сообщало новый характеръ нарушеніямъ права. Въ началѣ эти нарушенія въ глазахъ государственной власти имѣли значеніе обиды, нанесенной однимъ лицомъ другому, быть можетъ тяжелой для послѣдняго, но ни для кого другаго; теперь государственная власть признаетъ нарушеніе права одного лица другимъ преступленіемъ противъ своихъ законовъ и оскорбленіемъ своего авторитета. Изъ посредника государственная власть становится воздаятелемъ и тѣмъ самымъ полагаетъ конецъ первоначальному праву каждаго человѣка собственными силами отражать нападеніе и мстить за обиду.

Такимъ путемъ первоначальная родовая организація общества окончательно была разрушена постепенно усиливающимся вліяніемъ государства. Мѣсто замѣнутыхъ корпорацій, бывшихъ элементами древняго общества, въ государствѣ заняла личность; вмѣсто корпоративной отвѣтственности и круговой поруки явилась отвѣтственность личная; плотная связность корпорацій, стѣснявшая свободу личности, исчезла, уступивъ свое мѣсто самоопредѣленію личности въ предѣлахъ закона; господство корпоративной собственности смѣнилось господствомъ личной; право самосуда и возмездія, утраченное личностью, приобрѣтено обществомъ. Прослѣдить шагъ за шагомъ весь путь, которымъ совершались эти перемѣны, нѣтъ возможности по недостатку свидѣтельствъ

въ историческомъ преданіи Можно лишь слегка намѣтить въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣ приемы, къ которымъ прибѣгала государственная власть при разрушеніи родового порядка Въ иныхъ случаяхъ государство само заступало мѣсто рода, принимая на себя права и обязанности послѣдняго; такъ было напр. по отношенію къ кровной мести. Въ другихъ оно поддерживало притязанія лицъ, права которыхъ нарушались родовыми обычаями; такъ, въ вопросѣ о наслѣдованіи государство приняло подъ свою защиту требованія тѣхъ родственниковъ, которыхъ не принимало въ счетъ родовое право. Иногда государство съ помощью юридическихъ фикцій распространяло родовые порядки дальше предѣловъ, соответствующихъ ихъ первоначальному смыслу, и тѣмъ самымъ нечувствительно и незамѣтно затемняло этотъ смыслъ и ослабляло ихъ авторитетъ. Обзорѣнію тѣхъ способовъ, которыми государство разрушило родовую организацію древняго общества, посвящена послѣдняя (XX) глава въ занимательномъ сочиненіи Гёрна.

Это сочиненіе представляетъ не первую и, конечно, не послѣднюю попытку сопоставить главные выводы отдѣльныхъ историческихъ трудовъ и на основаніи ихъ начертать общую картину развитія политическаго быта. Въ настоящее время политическая исторія постепенно преобразуется изъ лѣтописи, художественнаго изображенія или философскаго синтеза событій въ описаніе и объясненіе того, какимъ образомъ происходятъ и развиваются учрежденія, сдерживающія и направляющія теченіе общественной жизни. При этомъ не только привлекаются къ дѣлу новые источники, примѣняются новые приемы какъ для добыванія, такъ и для повѣрки свѣдѣній, въ нихъ заключающихся, но мало по малу разъясняется и общій планъ будущей исторіи политическаго быта, опредѣляются вопросы, которыми она должна заниматься, какъ особая наука среди другихъ историческихъ наукъ. По самой трудности ученой обработки историческаго матеріала вниманіе изслѣдователей на первыхъ порахъ сосредоточивается по преимуществу на рѣшеніи частныхъ и подъ часъ весьма узкихъ вопросовъ, на собираніи и очисткѣ матеріала, на извлеченіи изъ него ближайшихъ и частныхъ выводовъ. И чѣмъ болѣе раздробляется ученая работа, тѣмъ труднѣе становится усвоить широту взгляда и пониманія, ясно представлять связь отдѣльныхъ изслѣдованій съ общимъ ходомъ ученой дѣятельности. Между тѣмъ только при этихъ условіяхъ возможно быстрое движеніе науки, для котораго необходимо единство въ направленіи и согласіе въ методахъ ученой работы.

При такомъ состояніи науки бываетъ полезно, когда время отъ времени появляются сочиненія, въ которыхъ подводятся итогъ догматическимъ и методическимъ результатамъ, накопившимся въ исторической литературѣ. Соединяя результаты отдѣльныхъ изслѣдованій въ разныхъ областяхъ исторіи, осмысливая и освѣщая ихъ посредствомъ взаимнаго сближенія и сведенія къ болѣе общимъ началамъ, такія сочиненія освѣжаютъ въ общемъ сознаніи мысль объ общемъ планѣ науки и ея конечныхъ задачахъ. Своей цѣли они могутъ достигъ двумя путями: или простымъ изложеніемъ въ видѣ готовой теоріи того, что принимается авторомъ за достовѣрный итогъ современнаго движенія науки, или въ видѣ описанія и критики не столько результатовъ, сколько приѣмовъ ученой работы, примѣняемыхъ въ постановкѣ вопросовъ, въ добываніи свѣдѣній, въ приложеніи къ историческимъ событіямъ понятій, заимствованныхъ изъ другихъ наукъ, или изъ философскихъ построеній.

Сочиненіе Гёрна принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые излагаютъ результаты современнаго движенія науки въ видѣ готовой теоріи, объясняющей съ точки зрѣнія автора обширный отдѣлъ историческихъ явленій. Теоріи стройныя въ подробностяхъ и ясныя по изложенію бываютъ всегда занимательнѣе сочиненій критическаго направленія. Первые легче и быстрѣ проникаютъ въ общее сознаніе; вторыя требуютъ отъ своихъ читателей болѣе спеціальной подготовки. Стройность въ расположеніи подробностей, послѣдовательность въ объясненіи отдѣльныхъ явленій изъ общихъ положеній, принятыхъ однажды, искусный подборъ примѣровъ и ясное изложеніе составляютъ достоинства книги Гёрна, дѣлающія ее очень привлекательной и легкой для чтенія. Односторонность въ объясненіи явленій политическаго быта изъ одного положенія, недостатокъ критики въ оцѣнѣ историческихъ свѣдѣтельствъ,—разборчивости въ отысканіи доказательствъ, невнимательность къ противорѣчащимъ фактамъ—эти и другіе недостатки книги Гёрна составляютъ почти неизбежное послѣдствіе всякой попытки представить теорію обширнаго отдѣла политическихъ явленій при настоящемъ состояніи науки, которое не доставляетъ достаточно прочныхъ и широкихъ основъ для теоріи и очень нуждается въ критикѣ.

П. Аландскій.

Литература Слова о полку Игоревѣ.

Е. Барсовъ. Критическій очеркъ литературы „Слова о полку Игоревѣ.“
Журналъ Мин. Нар. Просв. 1876 г. Сентябрь и Октябрь.

А. Смирновъ. О Словѣ о полку Игоревѣ. I. Литература Слова со времени открытія его до 1876 года. Отдѣльный оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ.“ Воронежъ 1877.

I.

Въ 1797 году въ Гамбургскомъ журналѣ „Spectateur du Nord“ появилось извѣстіе объ удивительной находкѣ въ области старинной русской письменности: „два года тому назадъ открыли въ нашихъ архивахъ отрывокъ поэмы подъ названіемъ: Пѣснь Игоревыхъ воиновъ, которую можно сравнить съ лучшими Оссіановыми поэмами, и которая написана въ XII столѣтіи неизвѣстнымъ сочинителемъ.“ Въ 1800 году эта „поэма“ была издана подъ заглавіемъ: „Ироническая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича.“ Надъ этимъ первымъ изданіемъ Слова о полку Игоревѣ трудились Мусинъ-Пушкинъ, Малиновскій и Бантышъ-Каменскій.

Интересъ, возбужденный Словомъ въ кругу ученыхъ и любителей литературы при первомъ же ознакомленіи съ памятникомъ, не ослабѣвалъ за тѣмъ во все послѣдующее время, вплоть до нашихъ дней. Слово о полку имѣетъ такую значительную литературу, какой не имѣетъ конечно никакой другой памятникъ нашей словесности. Отъ 1800 года до нашего времени идетъ рядъ изданій, переводовъ, изслѣдованій и объясненій Слова. Обширная литература этого памятника — одно изъ самыхъ важныхъ и замѣчательныхъ явленій въ исторіи русской филологической науки. Всѣ измѣненія въ направленіи историко-

литературныхъ работъ, всѣ успѣхи историческихъ и филологическихъ знаній быстро и ясно отражались на изученіи Слова. Нельзя поэтому не признавать, что изслѣдованіе литературы Слова представляетъ важную и привлекательную задачу. Занимающіеся изученіемъ Слова должны конечно придавать этой задачѣ еще особую, специальную важность. Въ числѣ трудовъ, посвященныхъ Слову о полку Игоревѣ, есть книги рѣдкія, есть много статей и замѣтокъ, разбросанныхъ по періодическимъ изданіямъ. Обширная литература Слова имѣетъ такимъ образомъ свои неудобства, съ которыми приходится считаться при всякой новой попыткѣ разбора и объясненія памятника. Одинъ изъ древѣйшихъ изслѣдователей Слова, г. Вс. Миллеръ, долженъ былъ помѣстить въ предисловіи къ своему труду такую оговорку: „Не имѣя возможности удѣлить много времени вопросу, выходящему собственно за пределы его специальности, авторъ долженъ заранѣе просить извиненія, если гдѣ нибудь приводить, дать новое толкованіе, уже предложенное дѣмъ нибудь раньше его. Изучить все, что когда либо было писано о „Словѣ“, уже само по себѣ представляетъ работу, для которой у автора нѣтъ ни времени, ни, признаться, желанія.“ (Взглядъ на Сл. о полку Иг. II). Подобную же оговорку дѣлаетъ другой изслѣдователь пр. Потебня: „На рѣдкія ссылаюсь на свои предшественники, частью потому, что многое стало уже общимъ достояніемъ, частью же потому, что у меня не было возможности ознакомиться съ обширною литературой „Слова“ на столько, чтобы строго отделить свое отъ чужого.“ (Сл. о д. Иг. I). Ясно поэтому, какъ полезно былъ бы такой трудъ, въ которомъ былъ бы рассмотрѣнъ весь послѣдовательный ходъ изученія Слова, въ которомъ мы могли бы найти обстоятельный инвентаръ всего, что сдѣлано для объясненія памятника въ филологическомъ, литературномъ и историческомъ отношеніяхъ.

Работы гг. Барсова и Смирнова имѣютъ задачей удовлетворить этой именно потребности осмотрѣться и разобраться въ обширной литературѣ Слова.

Замѣчаніе о трудности изученія литературы Слова повторяетъ и г. Смирновъ. По причинѣ трудности, а иногда и невозможности достать все, что писалось о Словѣ, у занимающихся имъ въ настоящее время часто повторяется тоже самое, что и у предшественниковъ“ (стр. 2). Но что же нужно сдѣлать, чтобы прекратить это повтореніе старыхъ погудокъ на новый ладъ? Какъ предохранить новыхъ исслѣ-

деятелей Слова отъ каждагося илліата? Библиографическаго жебен
ре, въ которыхъ коротко, въ общихъ чертахъ (перечислѣ) содержаніе
работъ, посвященныхъ изученію памятника, для этого конечно недо
статочно. Для этого нужны соотъ всего, что сдѣлано для объясненія
Слова въ цѣломъ и въ частяхъ. Во второй части своего труда (о ко
торой будетъ рѣчь ниже) г. Смирновъ представлять оцѣнку такого имен
но соотъ по одному изъ вопросовъ, возбужденныхъ изученіемъ Слова,
именно по вопросу о критикѣ текста этого памятника. Въ первой
же части сочиненія (заглавіе которой помѣщено въ началѣ нашей
статьи) г. Смирновъ имѣлъ въ виду другую цѣль, болѣе обширную.
Онъ составлялъ и выдалъ лѣтопись всего, что было писано о Словѣ въ
хронистическомъ порядкѣ, годъ за годомъ, перечисляются книги и
статьи, посвященные разбору Слова (задания, переводы и объясненія
памятника), или по крайней мѣрѣ заключающія о себѣ замѣтку о
Словѣ; передается коротко содержаніе этихъ книгъ, статей и замѣ
токъ. Такая Повѣсть временныхъ лѣтъ могла бы быть бесспорно важ
на и полезна, если бы въ ней не только соблюденъ былъ хронисти
ческій порядокъ, а и выставлена была бы на видъ послѣдовательная
сѣна направленій и прѣмовъ въ изученіи памятника, — сѣна, сто
ящая въ связи съ общимъ движеніемъ науки, если бы разграничены
были періоды изученія Слова, — періоды, отвѣчающіе общимъ успѣхамъ
пониманія старинной литературы. Къ сожалѣнію, въ трудъ г. Смир
нова мы не находимъ такого порядка въ распредѣленіи историко
научнаго матеріала. Важное и неважное, серьезная ученая работа и
неудачная компиляція, новое наблюденіе и вздорная догадка идутъ
вереницей, ничѣмъ не выказывая своего существеннаго различія. Не
удивительно, если при этомъ мы встречаемся съ нѣкоторыми стран
ностями. Замѣчаніе объ изданіи и переводѣ Слова Максимовичемъ въ
1859 году заняло меньше страницы (стр. 120); меньше страницы по
священо изданію Слова Буслаевымъ въ „Историч. Христ.“ 1861 г. (стр.
127—128); курьезной же книжкѣ какого-то В. М., который выказываетъ
(по замѣчанію же г. Смирнова), незнаніе самыхъ элементарныхъ правилъ
грамматики, который „мысленно древо“ объясняетъ разрывомъ голо
внаго мозга, представляющаго развитленія, который могутъ быть упо
доблены вѣтвямъ дерева, удѣлено больше мѣста (стр. 166—167). На
стр. 148—149 съ одинаковымъ вниманіемъ говорится о двухъ сочи

новіяхъ, касающихся м. проч. Слова о п. Игор., — о сочиненіи г. Лукановича („Объясненіе ассирійскихъ именъ“), въ которомъ утверждается, что „упоминаемый въ Словѣ вѣкъ Трояна собственно десятый, а не седьмой,“ что „лѣтосчисленіе наши предки вели отъ Трояна“ и т. п., и о трудѣ пр. Бестужева-Рюмина („О составѣ русскихъ лѣтописей“), въ которомъ данъ новый анализъ лѣтописнаго разсказа объ Игоревомъ походѣ. Г. Смирновъ объясняетъ, впрочемъ, такую неравномѣрность въ распредѣленіи рассматриваемаго имъ научнаго матеріала такъ: „Мнѣніямъ и замѣткамъ второстепенныхъ представителей литературы Слова иногда здѣсь дано больше мѣста, чѣмъ мнѣніямъ первостепенныхъ. Это зависѣло оттого, что съ послѣдними придется опять вступити въ продолженіи этого труда: мнѣнія ихъ требуютъ разбора, а не одного изложенія и замѣчаній, что только и составляетъ задачу предлагаемаго обзора.“ (стр. 2).

Статья г. Барсова раздѣляется на четыре главы: I. Библіографія предмета—указатель а) изданій, переводовъ и изслѣдованій Слова на русскомъ языкѣ и б) переводовъ и замѣчаній на иностр. яз. II. Общій обзоръ трудовъ, относящихся къ Слову о п. Игоревѣ. Особенное вниманіе обращено на труды первыхъ изслѣдователей Слова—Мусина-Пушкина, Бантыша-Каменскаго, Малиновскаго, Калайдовича, Тимковскаго и др. Г. Барсовъ имѣлъ подъ руками бумаги Малиновскаго, изъ которыхъ и приводитъ кое-какіе отрывки, касающіеся изученія Слова о п. Иг. III. Замѣчанія о „внутреннихъ особенностяхъ языка и склада“ Слова. Г. Барсовъ признаетъ, что въ Словѣ замѣтно вліяніе троякаго рода образцовъ: „воинскихъ повѣстей,“ пѣсенъ Бояна, народнаго пѣснотворчества. „Прежде всего при чтеніи этого литературнаго памятника (т. е. Слова о полку) сказывается воздѣйствіе на него древнихъ византійскихъ и славянскихъ воинскихъ повѣстей, съ рѣчами ихъ героев и описаніемъ кровавыхъ сраженій. Какія это были повѣсти—опредѣлить трудно какъ потому, что ихъ вообще мало сохранилось, такъ и потому, что онѣ еще меньше извѣстны и разработаны; во всякомъ случаѣ для разрѣшенія нашего вопроса о поэтическомъ языкѣ Слова позволяемъ себѣ обратить вниманіе на извѣстную повѣсть Іосифа Флавія „о полоненіи Іерусалима“ въ древнемъ ея славянскомъ переводѣ. Приводится нѣсколько выраженій переводной по-

вѣсти, напоминающихъ нѣкоторыя мѣста Слова ¹⁾. Что касается склада Слова о п. Иг., то нашъ авторъ держится того мнѣнія, что оно „никогда не бывало произведеніемъ чисто-стихотворнымъ.“ „Въ немъ идетъ поэтическая рѣчь безъ мѣры, и только по мѣстамъ слѣдуютъ правильные, мѣрные стихи.“ Въ концѣ главы помѣщено обзорѣніе стихотворныхъ переложений Слова. IV. Обзорѣніе иностранныхъ изданій и переводовъ Слова.

Для того, чтобы библиографическій трудъ могъ служить надежнымъ и полезнымъ пособіемъ при ознакомленіи съ литературой какого-нибудь предмета, онъ долженъ удовлетворять требованіямъ точности, полноты и удобства для справокъ.—Эти требованія мы должны предъявить и гг. Барсову и Смирнову.

Начнемъ съ удобства. Г. Барсовъ въ 1-й главѣ своего труда хотѣлъ соединить справочный указатель съ хронологическимъ обзоромъ всей литературы Слова. Имена изслѣдователей, переводчиковъ и издателей размѣщены въ порядкѣ появленія ихъ первыхъ трудовъ, посвященныхъ Слову; но вмѣстѣ съ этимъ первымъ трудомъ перечисляются и всѣ послѣдующіе, касающіеся того же памятника. Хронологія осталась так. обр. не выдержанной; достоинство же указателя, какъ справочнаго пособія, мало, конечно, выиграло отъ такого смѣшаннаго размѣщенія библиографическаго матеріала. Нужно притомъ замѣтить, что указатели г. Барсова редактированы очень небрежно. Невздѣ выдержанъ и указанный выше порядокъ. Погодинъ (1845 г.) названъ послѣ Соловьева (1853) и Мея (1850); Буслаевъ (1842) послѣ Кораблева (1856) и Пыпина (1858). Передъ каждымъ именемъ г. Барсовъ ставитъ №, но иногда подъ однимъ № упомянуты два имени. Такъ подъ № 81 появляется самъ г. Барсовъ, но тутъ же пріютился и г. Алябьевъ съ своимъ стихотворнымъ переводомъ Слова. Что касается книги г. Смирнова, то въ ней не сдѣлано ничего для облегченія тѣхъ, кому понадобилось бы отыскать какую-нибудь библиографическую справку относительно Слова о полку. Года, по которымъ размѣщенъ весь собранный г. Смирновымъ матеріалъ, имена авторовъ и названія ихъ сочиненій напечатаны

¹⁾ Кромѣ „Повѣсти о полоненіи Іерусалима,“ сходныя съ Словомъ выраженія г. Барсовъ отыскиваетъ еще въ сочин. Ефрема Сирина.

тъмъ же шрифтомъ, какъ и весь текстъ книги; при книгѣ нѣтъ ни оглавленія, ни указателя.

Труды гг. Барсова и Омирова нуждаются въ общемъ алфавитномъ указателѣ именъ издателей, переводчиковъ и исследователей Слова о п. Иг. Такой именно указатель я и помещаю здѣсь. Первая цифра, помѣщенная послѣ имени и напечатанная толстымъ шрифтомъ, соответствуетъ № указателя г. Барсова (№ № указателя русскихъ сочиненій напечатаны арабск. цифр.; № № указателя иностранныхъ переводовъ и статей—цифр. римск.); цифры, напечатанныя болѣе тонкимъ шрифтомъ, указываютъ на страницы сочиненія г. Омирова.

1. Аксаковъ 40.	25. Вельтманъ 18. 42, 69.
2. Алябьевъ 81 ² . 170.	26. Венелинъ 46. 93.
3. Антоновичъ 177.	27. Веселовскій 85.
4. Арибышевъ 40.	28. Вишневскій XIV. 60, 63.
5. Афанасьевъ-Чудбинскій 109.	29. Водовозовъ 69. 167.
6. Бантышъ-Каменскій 5.	30. Востоковъ 8. 24.
7. Барсовъ Е. 81, 177, 181.	31. Войцицкій 33.
8. Безсоновъ 58.	32. Вяземскій 87. 96, 179.
9. Белюстинъ 11.	33. Г. Г. 62.
10. Бергъ 44.	34. Гай XXV.
11. Бередниковъ 38.	35. Галаховъ 73.
12. Березинъ 54. 109.	36. Ганка VI ² . XXI. 8, 32.
13. Бесгушевъ-Рюминъ 86. 148.	37. Ганушъ VIII.
Бицынъ см. Павловъ.	38. Гаттала XXIII. 32, 117.
14. Бланшардъ XI. 8.	39. Гербель 52. 104, 110, 167.
15. Бодянский 45. 87.	40. Глаголевъ 21. 46.
16. Болтинъ 6.	41. Годобскій XII. 33.
17. Болховитиновъ Евг. 19, 32, 69.	42. Головацкий 109.
18. Больцъ IX. 8.	43. Гомовинъ 42. 88.
19. Буслаевъ 57. 70, 77, 79, 93, 94, 120, 124, 127, 142, 162.	44. Граматинъ 13. 11, 36.
20. Бутковъ 14. 31, 55.	45. Гушалевицъ XXVII ² . 33.
21. Бѣлевскій XIII. 30, 33.	46. Давыдовъ 20. 51.
22. Бѣликовъ 22. 48.	47. Данилевскій 117.
23. Бѣлинскій 68.	48. Деларю 33. 61.
24. Бѣляевъ 95, 101.	49. Драгомановъ см. Антоновичъ.
	50. Дриновъ 167.
	51. Дубенскій 37. 71, 81, 112.

- Евгеній М.-см. Болховитиновъ.
52. Екатерина II. 3.
53. Жинзифовъ 33.
54. Загорскій 15.
55. Зедергольмъ VII. 8.
56. Иванчинъ-Писаревъ 61.
57. Иловайскій 84. 126, 169.
58. Калайдовичъ 9. 12, 13, 25, 40.
59. Карамзинъ 7. 4, 24, 40, 111.
60. Карауловъ 72.
61. Карелкинъ 53.
62. Каченовскій 19. 48.
63. Кендзерскій 105.
64. Кешенъ 29.
65. Козловъ 28.
66. Колосовъ 80. 169.
67. Кондратовичъ 33.
68. Кораблевъ 55. 114.
69. Коршъ О. 64. 146, 183.
70. Костомаровъ 151, 177.
71. Котляревскій 79. 131.
72. Коцебу III.
73. Красинскій XV. 33, 115.
74. Лавровскій Н. 75. 153.
75. Лавровскій П. 59.
76. Левцкий 6. 13.
77. Линде XVII.
78. Лукашевичъ (Łukaszewicz) 30, 33.
79. Лукашевичъ П. 148.
80. М. В. 76. 166.
81. Майковъ А. 71. 156.
82. Майковъ Л. 131.
83. Максимовичъ 27. 43, 57, 60, 84, 110, 111, 115, 120, 149.
84. Макушевъ 65. 143.
85. Малашевъ 77. 164.
86. Малиновскій 5. 7, 181.
87. Мацѣевскій 30, 33, 89.
88. Медичъ XXVII. 33.
89. Мей 48. 95, 113.
90. Миллеръ О. 61. 128.
91. Миллеръ О. 82.
92. Минаевъ 41. 92.
93. Мицкевичъ XVIII. 66.
94. Мусинъ-Пушкинъ 105, 40.
95. Мюллеръ У. 8.
96. Назаровъ 117.
97. Некрасовъ И. 150.
98. Некрасовъ Н. 66. 145.
99. Огнесловъ-Утѣшиновичъ 105.
100. Павловъ 83. 171.
101. Палицынъ 4. 11.
102. Пассекъ 30.
103. Пекарскій 60. 137.
104. Погодинъ 49. 83, 85.
105. Погодскій 67. 167.
106. Пекарскій 10. 29.
107. Полевая Н. 16. 42, 44, 65.
108. Полевой П. 185.
109. Порфирьевъ 74.
110. Прейссъ 94. 67.
111. Прижовъ 151.
112. Пушкинъ 26. 53.
113. Пыпинъ 56. 118, 138.
114. Разнай (Рожнай) XX. 32.
115. Раковецкій XVI. 31.
116. Ридль-Сенде (Riedl-Szende) 8, 117.
117. Рихтеръ IV. 8.
118. Румянцевъ С. 16.
119. Руссовъ 23. 55.
120. Сабина XXIV.
121. Сахаровъ 32. 62.
122. Сибличъ XIV. 33.

123. Селивановскій 40.	134. Туловъ 51. 102.
124. Сенковскій 24. 52, 60, 89, 92, 107.	135. Филоновъ . Хаджитъ см. Свѣтитъ.
Скромненко см. Строевъ С.	136. Шафарикъ 36.
125. Снегиревъ 31. 61, 65.	137. Шевыревъ . 70, 85.
126. Соловьевъ 47. 96.	138. Шишковъ 3. 8, 30.
127. Срезневскій 50. 115.	139. Шкляревскій 17.
128. Стоюнинъ 70. 133.	140. Шлёцеръ II. 4, 7, 40.
129. Строевъ П. 23, 47.	141. Экштейнъ X. 8.
130. Строевъ С. 25. 41, 56.	142. Эрбенъ XXI. 32, 151.
131. Сѣряковъ 2. 8.	143. Эрдманъ 35. 70.
132. Тимковскій 13, 65.	144. Юнгманъ 19. 8, 32.
133. Тихонравовъ 63. 138, 146.	145. Ягичъ 163.
	146. Язвицкій 5. 12.

Гг. Барсовъ и Смирновъ упоминаютъ еще нѣсколько статей и замѣтокъ неизвѣстныхъ авторовъ. См. въ указателѣ г. Барсова № № 12, 39, 68, VI; въ сочиненіи г. Смирнова стран. 40, 41, 66, 92, 95, 101, 103, 104, 105, 109, 110, 111, 114, 115, 116, 117, 142, 146, 167 ¹⁾.

Что касается полноты разсматриваемыхъ нами библиографическихъ трудовъ, то помѣщенный выше перечень уже указываетъ отчасти на нѣкоторые ихъ недостатки въ этомъ отношеніи. Въ перечнѣ мы находимъ нѣсколько именъ, указанныхъ г. Барсовымъ, но пропущенныхъ г. Смирновымъ, и наоборотъ. Г. Барсовъ пропускаетъ имена Арцыбашева, М. Евгенія Болховитинова, Бѣлинскаго, Войцיצкаго, Головацкаго, Данилевскаго и др. Г. Смирновъ не упоминаетъ Алексѣева, Бередникова, Коцебу, Линде, Шафарика и пр. Есть, наконецъ, труды, которые могли бы найти себѣ мѣсто въ библиографическомъ обзорѣ литературы Слова о п. Иг., но которые не названы ни г. Барсовымъ, ни г. Смирновымъ. Я отмѣтилъ нѣсколько такихъ пропусковъ.

---

¹⁾ Нѣкоторыя изъ анонимныхъ рецензій въ „Извѣстіяхъ 2 отд. акад. наукъ“ принадлежатъ покойному академику И. И. Срезневскому. (См. Библиогр. перечень сочиненій Срезневскаго, составл. акад. Быховскимъ, № № 136, 177).

Аванасьевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, 3 тома (1865—1869). Въ этомъ обширномъ трудѣ есть много замѣчаній по поводу разныхъ мѣстъ Слова о п. Иг. См. указатель подъ слов. Боянъ, Волосъ, Дажь-Богъ, Стрибогъ, Хорсъ, Обида и пр.

Галаховъ. Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и русскаго языковъ, т. 1-й (М. 1848), стр. 53, № 14: „Слово о полку Игоревѣ,“ (отрывки, по изд. Дубенскаго).

Георгіевскій. Руководство къ изученію русской словесности, ч. 4-я. Исторія литературы (Пб. 1836). Гл. V, стр. 150—156: „о пѣсни Игоревой и старинныхъ повѣстяхъ.“

Гречъ. Учебная книга російской словесности, 4 части, Пб. 1819—1822. Въ 1-й ч. (стр. 342—346) „изложеніе содержанія и слога“ Слова о п. Иг. (изъ Карамзина); въ 4-й ч.—„Опытъ краткой исторіи русской литературы“ („по желанію нѣкоторыхъ почтенныхъ особъ“ Опытъ былъ изданъ и отдѣльно, Пб. 1822): гл. 1, отд. 2, § 22, А 8: замѣчанія о Словѣ. Исторія литературы Греча переведена была на польскій яз. и издана съ примѣчаніями Линде („*Rys historyczny literatury Rossyyskiéu*“ 1823); къ переводу присоединены „*Dodatki*“ (переводы статей Карамзина, Кеппена и др., также съ примѣчаніями Линде). Изъ примѣчаній, относящихся къ Слову о п. Иг., любопытно одно: по поводу словъ: „конецъ копія въскрѣмлени“ Линде говоритъ: „это напоминаетъ нашихъ Курпиковъ (*Kurpikow*, названіе стрѣлковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Польши), которые привѣшиваютъ для дѣтей хлѣбъ на высокой вѣтвѣ, откуда тѣ могутъ достать его себѣ только выстрѣломъ изъ лука“ (*Dodatki*, стр. 382). Гречу принадлежатъ еще „Чтенія о русскомъ языкѣ“ (2 ч. Пб. 1840): на стр. 166—171 второй части—замѣчанія (незначительныя) о Сл. о полку.

Delaveau. Статья о Словѣ въ *Revue des Deux Mondes* (15 déc. 1854), по поводу нѣм. перевода Больца (указ. *Rambaud*, *La Russie épique*, p. 196).

Дидицкій. Русскій стихотв. переводъ, помѣщенный въ львовскомъ журналѣ „Пчола“ 1849 г. (указ. *Оооновскимъ* въ его изд. Слова о п. Иг., стр. XL).

Дубенскій. „Г. Дубенскій (въ своемъ „Опытѣ о народномъ русскомъ стихосложеніи,“ 1828) полагаетъ, что Ц. И. сложена изъ правильныхъ стиховъ-гекзаметровъ“ (*Максимовичъ*, сочин. III, 561).

Jiresek Jos. und Herm. Die Echtheit der Königinhofer Handschrift (1862). На стр. 135 г. Смирновъ приводитъ замѣчанія г. Полеваго, сдѣланныя на основаніи книги Иречковъ. Книга эта, имѣющая значеніе при изслѣдованіяхъ Слова о п. Иг. (ср. *Миллеръ*, Опытъ ист. обзор. р. словесности стр. 357, 361, примѣч.), заслуживала бы особаго упоминанія.

Карамзинъ. Въ 1801 г. онъ составилъ нѣсколько статей для „Пантеона російскихъ авторовъ.“ Изъ числа этихъ статей одна посвящена Бояну (Сочин. т. 1, стр. 563—564).

Касторскій. Изданіе Слова („Краледворская рукопись и Слово о плѣку Игоревѣ,“ Прага, 1838). Указаніе на эту книгу я встрѣтилъ въ сочиненіи г. Стороженка: „Очеркъ литературной исторіи Зеленогорской и Краледворской рукописей,“ гл. III, § 3-й.

Кухарскій. Причудливыя соображенія его относит. Трояна указаны въ книгѣ Огоновскаго. „Онъ хотѣлъ доказать, что Троянъ, котораго имя упоминается въ Словѣ,—это Траянъ, римскій военачальникъ временъ импер. Валента, побѣжденный Готами въ 367 г. Кухарскій предполагаетъ, что тогда не одни Готы, а и славяне въ союзѣ съ ними, можетъ быть даже одни славяне побороли Римлянъ, а потому съ этого года стали считать новую эру“ (*Огоновскій*, стр. 106).

Пенинскій. Славянская христоматія или избранныя мѣста изъ произведеній древняго отечественнаго нарѣчія. (Пб. 1828), стр. 510—516 „Изъ Слова о полку Игоря“ (отрывки текста съ примѣчаніями по изд. *Шишкова*).

Плaksinъ. Руководство къ познанію исторіи литературы (Пб. 1833), стр. 129—132, § 18: Слово о полку Игоря.

Плетершникъ. Переводъ Слова на словинское нарѣчіе, помѣщ. въ Programm des Gymnasiums zu Cilli am Schlusse des Schuljahres 1865 (Указ. *Огоновскимъ*, стр. XLI).

Филаретъ. Обзоръ § 37.

Шафарикъ. Въ указателѣ г. Барсова упомянуто „Славянское народописаніе“ въ переводѣ *Бодянскаго* (М. 1843). Въ этой книгѣ (стр. 16) дѣйствительно есть упоминаніе о Словѣ, но нужно отмѣтить то измѣненіе, которое сдѣлано здѣсь переводчикомъ. Максимовичъ писалъ Погодину: „Меня одно удивило, отъ чего въ Шафариковомъ народописаніи, переведенномъ Бодянскимъ, пѣснь Игорю отнесена къ

концу XIV вѣка? Не опечатка ли это, которую повторяетъ и Дубенскій? По крайней мѣрѣ въ Чешскомъ подлинникѣ (2-го изданія на стр. 18) написано: въ концѣ XII столѣтія.“ — „Ты спрашиваешь меня, отвѣчалъ Погодинъ, почему въ переводѣ Шафарикова народописанія Слово о полку Игоревѣ отнесено къ 14 вѣку. Это загадка, о коей долженъ отвѣчать тебѣ переводчикъ.“ (Москвитянинъ, 1845 г., ч. II, „науки“, стр. 5, 10. Ср. Максимовичъ, соч. III, стр. 484). Есть еще упоминаніе о Словѣ у Шафарика же въ *Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten* (Ofen, 1826), стр. 150.

Шевченко. Переложеніе въ стихахъ Плача Ярославны (двѣ ред.) и описанія битвы („съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленныя“...). См. „Кобзарь“ (Прага, 1876), стр. 358, 361, 362.

Точность библиографическихъ показаній можетъ быть вполне оцѣнена только послѣ многихъ справокъ и долгой провѣрки. Я не брался, конечно, за такой трудъ относит. сочиненій гг. Барсова¹⁾ и Смирнова. Поэтому ограничусь только двумя общими замѣчаніями. А) Въ библиографическихъ сочиненіяхъ, мнѣ кажется, совершенно неумѣстна русская транскрипція именъ иностранныхъ писателей. Имена эти должны выписываться вполне точно,—такъ, какъ они изображены на страницахъ тѣхъ трудовъ, которые упоминаются въ библиогр. обзорѣ. Гг. Смирновъ и Барсовъ не всегда придерживаются этого правила. Б) Печатаніе библиографическихъ трудовъ требуетъ особеннаго вниманія. Опечатки, досадныя во всякаго рода изданіяхъ, въ библиографическихъ сочиненіяхъ представляются важнымъ, существеннымъ недостаткомъ. Къ сожалѣнію, статья г. Барсова и книга г. Смирнова не могутъ похвалиться корректурной исправностью. Вотъ примѣры: „Мей: Слово о полку Игоревѣ, сына Святъславля, внука Ольгова, въ стихотворномъ переводѣ, въ *Москвитянинѣ* 1860, № 22; отдѣльно издано въ С.-Петербургѣ, 1856.“ (Барсовъ № 48). Въмѣсто 1860 чит. 1850 (Смирновъ стр. 95, 113).—„Шлѣцеръ: *Göttingische gelehrte Anzeigen* (!) 1810, St. 203.“ (Барсовъ № II). Въмѣсто 1810 чит. 1801. Второе изданіе „Опыта историч. обзорѣнія русской словесности“ Ор. Оед. Миллера отнесено въ книгѣ г. Смирнова (стр. 128) къ 1765 году.

---

¹⁾ Пр. Колосовъ указалъ, что его мнѣніе о языкѣ Слова передано г. Барсовымъ неточно. (Ж. М. Н. Пр. 1876 г. № 12, стр. 315—316).

II.

Обозрѣніе литературы Слова о полку Игоревѣ, сдѣланное гг. Барсовымъ и Смирновымъ, доведено до 1876 г. Изданія и изслѣдованія Слова продолжали, конечно, появляться и въ слѣдующіе за тѣмъ года: въ 1876—1880 гг. литература Слова обогатилась нѣсколькими немало-важными трудами. Поэтому мнѣ показалось дѣломъ не бесполезнымъ составить библіографическій обзоръ литературы Слова за указанное время. Продолжаю лѣтопись, начатую г. Смирновымъ.

1876.

Ом. Огоновскій. Слово о пълку Игоревѣ. Поетичний памятник руської письменності XII віку. Текст с перекладом и с поясненьями. Львовъ. 1876. Совершенно вѣрную характеристику этого труда представилъ самъ г. Огоновскій въ концѣ своихъ „предварительныхъ замѣтокъ.“ — „Въ своемъ изданіи, говоритъ онъ, я пользовался всѣми комментаріями этой пѣсни, какіе явились отъ 1800 г. Трудъ мой былъ конечно не малый, такъ какъ я старался извлечь изъ нагроможденнаго матеріала всѣ цѣнныя замѣтки и дополнить ихъ своими поясненіями. Этимъ я вовсе не думаю утверждать, будто бы я установилъ нѣкоторыя новыя воззрѣнія въ оцѣнѣ этого памятника; моимъ намѣреніемъ было только то, чтобы приложить къ изученію Слова новѣйшую филологическую науку, при чемъ я старался также—самостоятельно объяснить нѣкоторыя непонятныя выраженія и темныя мѣста. Въ установленіи текста я старался быть консервативнымъ: поправку я допускалъ только тамъ, гдѣ дошедшій до насъ текстъ не давалъ надлежащаго смысла.... Больше, можетъ быть, смѣлости въ томъ моемъ заявленіи, что я нѣкоторыя мѣста Слова считаю глоссами позднѣйшихъ грамотѣевъ.“ (стр. XLIII). Въмѣсто „летая умомъ подѣ облакъ“ г. Огоновскій читаетъ: „лѣтая орломъ подѣ облакъ;“ въмѣсто „свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ“ — „свистъ звѣринъ всталъ и Дивъ кличетъ;“ вм. „подобію“ — „по лозію“ и т. под. Всѣ такого рода поправки текста означены въ изданіи особымъ шрифтомъ, при чемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ приводятся чтенія перваго изданія и списка Екатерининскаго. Глоссами г. Огоновскій считаетъ слѣдующія мѣста: „сѣ тояже Каялы Святоплѣкъ *повелъ яти* отца своего между оугорскими иноходьцы ко святѣй Софии въ Къеву;“ „давеча“ („что ми звенить давеча“....); „и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени

Ярославля, Ольгова, когана хоти;“—,побарая за христьяны на поганыя плѣкы. Княземъ слава а дружинѣ! Аминѣ.“—Рядомъ съ текстомъ помѣщенъ переводъ. Что касается объясненій г. Огоновскаго (слѣдующихъ за текстомъ), то самая цѣнная ихъ часть—замѣчанія о синтаксическомъ строѣ Слова о полку Иг. Изданію предпослано обширное введеніе: I. Нѣсколько словъ о русскомъ просвѣщеніи въ XII вѣкѣ; II. Разсказъ лѣтописцевъ о походѣ Игоря; III. Содержаніе Слова; IV. Важность Слова со стороны исторической; V. Поэтическая сторона Слова; VI. Нѣсколько замѣтокъ объ авторѣ слова; VII. Характеристика Игоря; VIII. Слово есть произведеніе совершенно оригинальное; IX. Языкъ Слова; X. Украшенія Слова („Порівнанье твердаче, порівнанье заперечаюче, порівнанье твердачо—заперечаюче,“ т. е. сравненіе положительное, отрицательное и пр., метафоры, гиперболы); XI. Форма Слова; XII. Исторія открытія Слова; XIII. Изданія и переводы Слова. Для ознакомленія со взглядами г. Огоновскаго на литературное значеніе Слова особенно важны главы V, VI, VIII и XI. Въ Словѣ о полку Игоревѣ нужно различать поэтическіе элементы взятые изъ народной поэзіи, заимствованныя отъ древнѣйшихъ пѣвцовъ, преимущественно отъ Бояна, и наконецъ—явившіеся какъ плодъ творческой силы самаго автора Слова (стр. XII). Авторъ Слова—современникъ похода, человѣкъ свѣтскій (стр. XIII—XIV). Г. Огоновскій не соглашается съ мнѣніемъ кн. Вяземскаго, который находитъ въ Словѣ слѣды вліянія классическихъ преданій. По мнѣнію Львовскаго ученаго, Слово—,памятникъ совершенно оригинальный; оно не выказываетъ слѣдовъ вліянія византійской свѣтской литературы на русскую словесность XI—XII вв. Въ эти вѣка византійство представляло собою принципъ теологическій, а потому свѣтская словесность могла тогда у насъ развиваться самостоятельно.“ Не соглашается г. Огоновскій и съ Буслевымъ, который видитъ въ Словѣ нѣкоторые признаки поэзіи скандинавской (стр. XVII—XVIII). Авторъ Слова не стѣснялъ себя правилами метрики. Нѣкоторый ладъ замѣчается почти вездѣ, но правильный рѣзмъ можно находить только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Можно допустить, что Слово пѣлось (стр. XIX—XX). Въ концѣ книги—указатель объясненныхъ словъ.—Стоитъ пожалѣть, что г. Огоновскій написалъ свою книгу не на общерусскомъ литературномъ языкѣ, а на мѣстномъ галицкомъ нарѣчій: полезный трудъ сдѣлался такимъ образомъ не легко доступнымъ для массы русскихъ читателей.

А. Скульскій. Слово о полку Игоревѣ. Переложеніе въ стихахъ съ историч. примѣчаніями. Ярославль. 1876.

A. Rambaud. La Russie épique, étude sur les chansons héroïques de la Russie. Paris. 1876. 2-ème partie, ch. 1-er: La chanson d'Igor (стр. 195—223). Сначала даны предварительныя свѣдѣнія—объ открытіи Слова, объ изданіяхъ и объясненіяхъ памятника, о событіи, которое разсказывается въ Словѣ, о формѣ Слова. Затѣмъ слѣдуетъ подробный анализъ памятника: многія мѣста переданы въ близкомъ переводѣ. Далѣе—разсужденіе о замыслѣ Бояни и о былинахъ сего времени: сравненіе Слова съ лѣтописными разсказами о походѣ Игоря; мифологія Слова. „То, что отличаетъ Слово о п. Иг., замѣчаетъ въ заключеніе г. Рамбо, отъ всѣхъ почти произведеній того же рода, это—личный характеръ, который отпечатлѣлся въ своемъ произведеніи неизвѣстный поэтъ. Онъ безпрестанно прерываетъ свой разсказъ то для того, чтобы ввести воспоминаніе о Боянѣ, то для того, чтобы заявить о своемъ удивленіи или о своей скорби.... Имѣя въ виду массу національных преданій, которыя сосредоточены въ этой повѣсти, можно сказать, вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ, что авторъ Слова хотѣлъ дать произведеніе, представляющее интересъ для всей Руси, произведеніе, имѣющее въ нѣкоторомъ родѣ пан-русскій характеръ, какъ Иліада имѣетъ характеръ пан-эллинскій.“ (стр. 220—221). То, что говоритъ французскій ученый о Словѣ, имѣетъ значеніе реферата, составленнаго на основаніи сочиненій, явившихся до 1876 года. Г. Рамбо и не имѣлъ въ виду представить въ своей книгѣ опытъ новаго, самостоятельнаго изслѣдованія памятниковъ русской былевой поэзіи; онъ хотѣлъ только дать своимъ читателямъ общій очеркъ одной изъ „восточныхъ литературъ“ (книга г. Рамбо представляетъ 1-й томъ изданія, имѣющаго общее заглавіе: „Les littératures de l'Orient“).

Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Часть первая. Кіевскій періодъ. (Москва 1876). О Словѣ о п. Иг. стр. 263—269 и 327, примѣч. 72. „Относительно рѣки Каялы (замѣчаетъ г. Иловайскій), на берегахъ которой происходила главная битва по Слову о п. Иг. и по Екатер. списку, въ настоящее время трудно опредѣлить, какая это именно рѣка. Карамзинъ считалъ ее Кагальникомъ, который впадаетъ въ Донъ съ правой стороны, повыше Донца. Но это пока гадательное предположеніе. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ можно думать, что главная

битва происходила гдѣ-то ближе къ Азовскому морю или къ Лукоморью, какъ его въ лѣтописи называютъ Сѣверскіе князья.

Jagic. Gradja za historiju slovenske narodne poezije. (Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Кн. XXXVII. Загребъ. 1876). Русский переводъ въ „Славянскомъ Ежегодникѣ“ г. Задерацкаго, годъ 3-й (Кіевъ, 1878). Краткое, не имѣющее значенія извлеченіе въ „Памятникахъ древней письменности“ 1878—1879, стр. 32—45.—Слово о п. Иг. можно назвать и старинной юр. думой, и юр. былинной. „Если скажемъ, что „Слово“—дума, то этимъ признаемъ его ближайшую связь въ манерѣ поэтическаго творчества съ позднѣйшими думами.... Если скажемъ, что „Слово“—былина, то этимъ обозначимъ его значеніе и положеніе въ юр. литературѣ и вмѣстѣ выразимъ, что Слово.... еще очень родственно съ сѣверовосточными былинами, во всякомъ случаѣ родственнѣе позднѣйшихъ думъ.“ Въ „Словѣ“ важны намеки, хотя и нѣсколько темные, на поэтическія сказанія Владимірова цикла („Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Взадиміра....). Въ древней рус. литературѣ „Слово“ не стояло одиноко: было не мало памятниковъ такого же характера.

1877.

Вс. Миллеръ. Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ. (М. 1877). Первые изслѣдователи Слова, какъ памятника литературнаго, прилагали къ изученію этого старорусскаго произведенія опредѣленія господствовавшей тогда литературной теоріи. Хлопотали о томъ, къ какому роду эпическихъ произведеній слѣдуетъ отнести Слово; опредѣляли свойства слога—простоту, возвышенность, краткость, живость и т. п. До общахъ историческихъ основъ эпоса, до условій развитія поэтическихъ явленій не добивались. Роды и виды поэтическихъ памятниковъ, особенности поэтическаго слога понимались какъ что-то готовое, какъ правила почему-то обязательныя для поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ. При такомъ способѣ изученія въ Словѣ о п. Иг. не многое, конечно, объяснялось. Неудачны были и общія филологическія соображенія о языкѣ Слова. Больше успѣха имѣли только тѣ, которые ограничивались или объясненіемъ отдѣльныхъ словъ и выраженій памятника, или изученіемъ исторической стороны Слова. Въ 30-хъ го-

дахъ выступаютъ писатели, принадлежащіе къ такъ назыв. скептической школѣ. Ихъ критика коснулась и Слова о п. Иг. Неудачныя попытки литературнаго и филологическаго изученія давали достаточно матеріала для такой критики. Скептикамъ не удалось, конечно, подорвать подлинность разбиравшихся ими памятниковъ; но они успѣли обнаружить недостаточность господствовавшего до тѣхъ поръ изученія старой литературы. Обозначилась потребность новаго изученія. Первымъ вѣстникомъ такого изученія относит. Слова о п. Иг. явились работы Максимовича. Но въ этихъ работахъ новое направленіе не назвало еще ясно своего имени, не опредѣлило своихъ особенностей. Точная постановка новаго способа изученія Слова о п. Иг. принадлежитъ Буслаеву. Въ 1845 г. Буслаевъ, тогда еще молодой ученый, выступилъ съ рецензіей на изданіе Дубенскаго. „Издатели Слова о п. Иг., писалъ онъ, до сихъ поръ обращали вниманіе только на объясненіе отдѣльныхъ выраженій и на доказательство подлинности памятника, не касаясь внутренняго его содержанія.... Отношеніе Слова къ народной поэзіи и повѣрьямъ взялъ въ достаточное соображеніе только Максимовичъ. О томъ же, какъ понимали это произведеніе наши предки, никто изъ комментаторовъ и не подумалъ.... Существенный недостатокъ изданія г. Дубенскаго, а вмѣстѣ и всѣхъ предшествовавшихъ—тогъ, что мало было обращено вниманія на отношеніе Слова къ нашей древней мѣологіи и народнымъ повѣрьямъ.... Слово о п. Иг. хотя и принадлежитъ къ такому уже времени, когда христіанство не только распространилось, но и утвердилось въ народѣ; однако это произведеніе носитъ на себѣ всѣ признаки язычества. Народная мѣологія является въ немъ не такъ, какъ греческая и римская въ одѣ Ломоносова или въ поэмѣ Хераскова, т. е. не реторическимъ украшеніемъ, а дѣйствительнымъ вѣрованіемъ; язычество долго оставалось въ народѣ, долго христіане были двувѣрными; стихія языческая удержалась въ жизни народной даже доселѣ.... Кромѣ мѣологіи въ поэзію этого памятника вошли еще два элемента—преданіе и исторія. Историческая часть Слова достаточно объяснена комментаторами, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ ущербъ поэтической или баснословной.... Если историческій фактъ далъ содержаніе Слову о п. Иг., то поэтическія преданія были сочинителю вдохновеніемъ, ибо Боянъ замѣняетъ ему Гомерову музу; мѣологическія же повѣрья составляютъ душу этого произведенія, потому что вѣщее предназначеніе, оправданное гибелью

дружины Игоревой, есть идея всего Слова, такъ что всѣ части онаго истекаютъ изъ этой идеи, и сонъ Святослава, и обращеніе къ князьямъ, и плачъ Ярославны.“ (Москвит. 1845 г., ч. 1, крит. стр. 29—35). Новое направленіе, выступившее такъ бодро, скоро принялось, росло и дало плоды. Плоды эти, безспорно, чрезвычайно важны. Поэтическое значеніе Слова, связь этого памятника съ произведеніями народной словесности только теперь были внимательно разсмотрѣны и достаточно оцѣнены. Но и въ этомъ способѣ изученія памятниковъ словесности оказалась слабая сторона. Собирая вездѣ остатки народно-поэтической старины, отыскивая обломки мифологическаго и героическаго эпоса, изслѣдователи разсматриваемаго направленія какъ-то мало обращали вниманія на смѣшанный характеръ тѣхъ памятниковъ, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло, слишкомъ мало давали цѣны тѣмъ постепеннымъ перемѣнамъ, которымъ долженъ былъ подвергаться народный эпосъ, тѣмъ разнообразнымъ вліяніямъ и наносамъ, которые должны были имѣть мѣсто въ исторіи народной поэзіи. То, что было только передачей изчужа занесеннаго поэтич. матеріала, считалось часто своимъ историческимъ добромъ, благопріобрѣтенное выдавалось за родовое.—Опять почувствовалась потребность установить иные, болѣе точныя приемы изученія старинной словесности. Стали появляться труды, въ которыхъ критически разсматривается составъ народно-эпическаго матеріала, опредѣляется литературная исторія памятниковъ старинной поэзіи. (Указанная смѣна направленій въ изученіи р. литературы стояла, конечно, въ связи съ движеніемъ европейской науки: изслѣдованія мифологическаго направленія опирались преимущественно на труды бр. Гриммъ; рѣшительный толчокъ къ изслѣдованіямъ литературно-историческимъ данъ былъ трудами Бенфея).—Должна была дойти очередь и до Слова о полку Иг. Слѣды литературныхъ, книжныхъ вліяній въ Словѣ о полку замѣчены были давно, но въ пору мифологическихъ увлеченій на это наблюденіе какъ-то мало обращалось вниманія. Въ книгѣ кн. Вяземскаго и въ указанной выше статьѣ г. Барсова признаки новаго изученія выказались уже довольно рѣшительно. Кн. Вяземскій отыскивалъ въ Словѣ слѣды вліянія троянскихъ сказаній; г. Барсовъ указывалъ на вліяніе „воинскихъ повѣстей“, въ родѣ переводной повѣсти „о положеніи Іерусалима.“ Но разсужденія кн. Вяземскаго облечены нѣкоторымъ туманомъ, а г. Барсовъ довольно неловко поставилъ свое мнѣніе о воинскихъ повѣстяхъ. („Прежде всего

при чтеніи этого литературнаго памятника сказывается воздѣйствіе на него древнихъ византійскихъ и славянскихъ воинскихъ повѣстей.“ Воздѣйствіе, сказывающееся при чтеніи прежде всего, бросающееся въ глаза.... Такъ можно говорить только о литературныхъ явленіяхъ хорошо извѣстныхъ, особенности которыхъ достаточно опредѣлены. Оказывается между тѣмъ слѣдующее: „какія это были повѣсти; опредѣлить трудно какъ потому, что ихъ вообще мало сохранилось, такъ и потому, что онѣ еще меньше извѣстны и разработаны.“ Съ полной ясностью потребность новаго пересмотра Слова о п. Игоревѣ выразилась въ вопросахъ, помѣщенныхъ въ программѣ 4 го археол. съѣзда:

„Было ли Слово о полку Игоревѣ произведеніемъ неграмотнаго пароднаго пѣвца, въ послѣдствіи записаннымъ прозою книжникомъ, или же оно съ самаго начала принадлежало перу книжнаго человѣка, воспитавшагося подъ вліяніемъ литературы своего времени?“

„Есть ли основаніе считать Бояна, упоминаемаго въ Словѣ о п. Иг., русскимъ древнимъ пѣвцомъ, современникомъ Всеслава Полоцкаго, или появленіе Бояна можетъ быть объяснено инымъ образомъ?“

„Можно ли изъ упоминанія языческихъ божествъ въ Словѣ о п. Иг. вывести, что авторъ былъ проникнутъ языческимъ міровоззрѣніемъ, или же присутствіе этихъ именъ можетъ найти иное объясненіе?“

Книга г. Всеволода Миллера представляетъ отвѣтъ на эти вопросы.

То мнѣніе, что Слово было прежде пѣснью, что оно только позже записано было какимъ то книжникомъ представляется г. Миллеру „не выдерживающимъ ни малѣйшей критики.“ „оно опирается на названіе *пѣснь*, которымъ обозначаетъ авторъ свое произведеніе и на нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ подозрѣваютъ стихи. Но если авторъ и называетъ свое произведеніе пѣснью, то тутъ же называетъ его *поэмою*, и во всякомъ случаѣ нѣтъ доказательствъ, чтобы эта *пѣснь* или повѣсть когда нибудь пѣлась“ (стр. 4). Въ Словѣ о полку Игоревѣ приводится больше 30 княжескихъ именъ, упоминается мимоходомъ много историческихъ событій. Возможно ли предположить, что эти упоминанія могли остаться не искаженными при устной передачѣ? „Неужели въ продолженіе одного поколѣнія не перепутались, не исказились имена болѣе тридцати князей, упоминавшихся въ пѣсни, неужели всякій изъ пѣвцовъ такъ же твердо помнилъ всякое имя, всякое отчество, всякое обстоятельство изъ жизни князей, какъ

самъ авторъ?“ (стр. 5). Въ Словѣ слѣды метра замѣтны только кое-гдѣ. Предполагаютъ, что стихъ разложился при позднѣйшей передачѣ. Для сравненія указываютъ при этомъ на прозаическіе пересказы былинъ. „Но можно ли здѣсь видѣть какуюнибудь аналогію? Если былина разсказывается прозой, это значитъ, что разсказчикъ позабылъ стихъ и передалъ только его содержаніе, какъ умѣлъ. Но можно ли предположить тоже самое о книжникѣ, якобы записавшемъ прозою пѣснь Игореву? Конечно нѣтъ. Еслибъ онъ позабылъ складъ пѣсни, не помнилъ стиховъ, а только передавалъ содержаніе, то долженъ былъ бы позабыть и массу подробностей, забываемыхъ гораздо легче, долженъ бы былъ перепутать имена, отчества и т. д. Если же напротивъ онъ хорошо помнилъ пѣснь—а въ этомъ трудно сомнѣваться—то пѣсенный складъ сохранился бы гораздо ярче, нежели въ текстѣ, который мы имѣемъ передъ глазами, и стихъ пробивался бы не въ двухъ-трехъ мѣстахъ, а гораздо чаще. Так. обр. разбираемая гипотеза вводить насъ въ дилемму, изъ которой мы не видимъ исхода“ (стр. 7).

Авторъ Слова совсѣмъ не похожъ на народнаго пѣвца. „Вмѣсто дѣтской наивности, навязываемой ему нѣкоторыми учеными, находимъ всюду мысль человѣка вполне развитаго для своего времени, представителя и поборника политической идеи, сознававшей далеко не всѣми князьями этого періода, идеи о необходимости забыть вѣчныя распри и дружно сплотиться для отпора поганыхъ.“ „Языческое міровоззрѣніе видятъ въ именахъ языческихъ божествъ.... Эти имена встрѣчаются у него въ нѣкоторыхъ украшающихъ эпитетахъ, какъ достояніе поэтического языка, и заключать отсюда о язычествѣ автора было бы такъ же произвольно, какъ еслибъ кто нибудь утверждалъ, что Державинъ вѣрилъ въ бога Леля, котораго упоминаетъ въ пѣсняхъ. Можно ли думать, чтобы авторъ, приписывающій спасеніе Игоря изъ плѣна помощи Бога и упоминающій о Богородицѣ Пирогощей, вѣрилъ въ тоже время въ происхожденіе князя отъ Дажь-бога или Бояна отъ Велеса?“ (стр. 9—10). Общее заключеніе получается такое: „Слово—произведеніе книжное,... авторъ его былъ человѣкъ грамотный и просвѣщенный.... Онъ написалъ его, но не пѣлъ... Какъ произведеніе книжное, оно (Слово) должно носить признаки литературы ему современной, обнаруживать въ авторѣ знакомство съ книжной словесностью.... Прежде чѣмъ указывать аналогіи для поэтическихъ оборотовъ Слова въ народныхъ былинахъ и малорусскихъ думахъ слѣдуетъ поэтому искать ихъ въ

книжной словесности." (стр. 11). Но какія же это книги, вліяніе которых могло сказаться на Словѣ о полку Иг.? „Отыскивая произведенія, аналогичныя Слову, естественно остановиться на отдѣлѣ старинныхъ „повѣстей," „исторій" и „сказаній," въ родѣ исторіи Александра Македонскаго, о Троянской войнѣ, о Дѣянїи Девгеніевѣ, повѣсти о Соломонѣ и т. п." (стр. 12). Авторъ „Взгляда" посвящаетъ цѣлую главу (2-ю) разбору одной изъ такихъ повѣстей, им. повѣсти о Дигенисѣ. Г. Миллеръ вовсе недумаетъ, что эта именно поэма о Дигенисѣ имѣла вліяніе на Слово о полку Иг.; вліяніе имѣлъ вообще тотъ родъ произведеній, къ которому принадлежитъ и Дигенисѣ. „Понятно, что дѣло идетъ не о содержаніи Слова, а о формѣ, о поэтическомъ языкѣ, т. е. о томъ, въ чемъ авторъ могъ подражать другимъ" (стр. 51). Указываются черты сходства Слова и поэмы о Дигенисѣ, отмѣчаются вообще признаки книжности въ литературной манерѣ Слова.

Но литература византійская вліяла на русскую не прямо: вліяніе это „шло чрезъ юго-славянскую среду, которая должна была оставить свою окраску, пересылая византійскія произведенія на русскую почву" (стр. 69). Есть ли въ Словѣ о полку слѣды этого литературнаго посредничества юго-славянства? Есть ли доказательства, что „образцами ему служили византійскія произведенія, воспринявшія болгарскую окраску?" (стр. 70). „Нечего и говорить, оговаривается опять авторъ „Взгляда," что подобные слѣды можно искать не въ исторической части Слова, а только въ томъ, что можетъ быть вообще названо замышленіемъ Бояна.... Къ этимъ замышленіямъ относится вся мнѳологія Слова и нѣкоторые темные намеки на какого-то Трояна, на дѣву Обиду, на дива и нѣк. друг." (стр. 71). Слѣдуетъ разборъ мнѳологіи Слова. Сопоставивъ мѣста Слова, въ которыхъ упоминается Дажь-богъ, г. Миллеръ приходитъ къ заключенію, что „внукомъ Дажь-бога называется князь." „Неужели, спрашиваетъ онъ, могъ авторъ, человѣкъ начитанный и близкій ко двору, знавшій столько князей и конечно ихъ генеалогію, серьезно думать, что предкомъ нашихъ князей былъ не Рюрикъ, Олегъ, Святославъ и Владиміръ святой, а солнечный богъ Дажь-богъ? Для насъ по крайней мѣрѣ это совершенно невѣроятно и въ такомъ эпитетѣ князя мы не видимъ мнѳологіи, какъ не находимъ ея въ.... княжескихъ титулахъ *сѣтъ сѣтмый* и *солнце*. Никто не отрицаетъ того, что Дажь-богъ было именемъ солнечнаго бога; слѣдовательно внукъ Дажь-бога значить потомокъ солнца, *солнце-родный*." Этотъ эпитетъ со-

отвѣтствуетъ византійскому ἡλιγεννητος—*рожденный солнцемъ* и заключаетъ не больше миеологии, нежели послѣднй въ византійскомъ романѣ о Дигенисѣ“.... (стр. 75). О Дажь-богѣ, какъ божествѣ русскихъ славянъ, извѣстно очень мало. „Это имя, помимо „Слова“ и Несторовой лѣтописи, упоминается въ одномъ мѣстѣ лѣтописи Ипатской, во вставкѣ изъ греческой хроники Малалы. Дажь-богъ переводъ греч. ἡλιος. Составитель русской лѣтописи пользовался не греческимъ текстомъ византійскаго хронографа, а его славянскимъ, болгарскимъ переводомъ, и Дажь-богъ по всей вѣроятности долженъ быть отчисленъ на счетъ этого древняго перевода, относимаго къ X вѣку, когда языческія вѣрованія были еще свѣжи у Славянъ. Нельзя ли объяснить подобнымъ же образомъ и появленіе Дажь-бога въ Словѣ? *Внуки Дажь-божь* могло быть болгарской передачей византійскаго эпитета, приданнаго въ какомъ-нибудь византійскомъ произведеніи какому-нибудь миеческому или историческому лицу. Дажь-богъ былъ подставленъ на мѣсто Геліоса или Феба. Въ свою очередь авторъ Слова, найдя этотъ эпитетъ въ болгарскомъ произведеніи воспользовался имъ, не отдавая себѣ въ немъ отчета, и украсилъ имъ своимъ князей.“ (стр. 76—77). Подобнымъ же обр. разсматриваются Велесъ, Хорсъ, Дивъ, Троянъ.

Замѣчанія о Троянѣ особенно любопытны. Г. Миллеръ напоминаетъ юго-славянскія преданія о Троянѣ (на эти преданія указывалъ еще Буслаевъ), которыя кажутся ему важными не только для пониманія эпитета „Троянъ,“ (тропа Трояня, вѣчи Трояни, земля Трояня), но и для объясненія нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ Слова. „Намъ кажется, что личность юго-славянскаго Трояна послужила автору Слова прототипомъ для тѣхъ миеческихъ деталей, которыми онъ облачаетъ Всеслава, или иначе что на мѣсто Трояна былъ поставленъ полоцкій князь.“ Указываются черты сходства Всеслава и Трояна. „Авторъ воспользовался нѣкоторыми чертами Трояна для своего вѣщаго Всеслава и слѣды подобной *спайки*, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть въ самомъ загадочномъ мѣстѣ Слова, гдѣ говорится о седьмомъ вѣкѣ Трояна въ связи съ Всеславомъ: „на седьмомъ вѣкѣ Трояни врьже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу.“ Какое отношеніе можетъ имѣть Троянъ, если это историческое лицо, къ русскому Всеславу? Что представлялъ себѣ авторъ подъ седьмымъ вѣкомъ Трояна? Сколько бы мы ни гадали, намъ не разгадать этой загадки и можно положительно сказать, что авторъ Слова зналъ объ этомъ не больше нашего.

Онъ просто перенесъ въ свое произведеніе это выраженіе своего источника, не понявъ его и, быть можетъ, даже исказивъ" (стр. 104—105). Спайка предполагается и въ томъ мѣстѣ Слова, гдѣ говорится о тропѣ Трояни. „Рица въ тропу Трояню чресъ поля на горы, пѣти было пѣснь Игореву *того* внуку.“ Первые издатели, замѣчаетъ г. Миллеръ, „для большей ясности рѣчи“ поставили послѣ *того* въ скобкахъ Олега. На ошибочность этой вставки уже было указываемо многими издателями, и на этомъ вопросѣ останавливаться не станемъ. Герой поэмы Игорь называется внукомъ Трояна. Какъ это ни странно, но грамматически другого смысла не можетъ быть.... Преданія о какомъ-то царѣ Троянѣ, жившемъ въ глубокой древности,... приурочиваются къ южнымъ славянамъ. Потомкомъ этого прародителя царя могъ быть названъ скорѣе какой нибудь болгарскій князь, чѣмъ русскій Игорь, внукъ Олега. Но, заимствуя „старыя словеса“ изъ болгарскаго источника, почерпнувъ изъ нихъ всю тираду отъ словъ: о Бояне, соловію стараго времени—до словъ: не буря соколы занесе и т. д., словомъ, выписавъ изъ болгарскаго памятника все это лирическое отступленіе, авторъ Слова поставилъ Игоря на мѣсто какого-то другаго лица и так. обр. русскій князь оказался внукомъ болгарскаго мифическаго царя Трояна“ (стр. 108—109). Вліяніе литературныхъ образцовъ отыскивается так. обр. не только въ „формѣ“, въ „поэтическомъ языкѣ“ (ср. стр. 51), а отчасти въ самомъ содержаніи Слова: о Всеславѣ, объ Игорѣ говорится то, что первоначально говорилось о нѣкоторыхъ другихъ лицахъ. Упомянутія Дуная въ Словѣ о п. Иг. (Копія поютъ на Дунаи.... Дѣвици поютъ на Дунаи....) объясняются такимъ же „безотчетнымъ перенесеніемъ чужаго въ свое.“ „Рѣка Дунай, какъ извѣстно, постоянно упоминается въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ: если гдѣ либо дѣло происходитъ на рѣкѣ, можно сказать навѣрно, что эта рѣка Дунай.“ (стр. 111).—Съ Дуная зашолъ къ намъ и Боянъ: онъ землякъ мѣич. Трояна. „Имя Боянъ народное болгарское.“ При этомъ авторъ „Взгляда“ указываетъ преимущественно (вслѣдъ за Венелинымъ) на изв. царевича Бояна, который, по словамъ Ліутиранда, „могъ внезапно изъ человѣка обращаться въ волка и въ любого другаго звѣря.“ „Мы не увѣрены, что Боянъ Слова именно сынъ царя Симеона, но убѣждены, что Боянъ лицо болгарское и попалъ въ Слово изъ болгарскаго источника“ (стр. 130). Признать въ упоминаніи Бояна воспоминаніе о древнемъ русскомъ пѣвцѣ г. Миллеръ не находитъ возможнымъ. Боянъ

называется „вѣщимъ“, „внукомъ Велеса.“ „Если Боянъ былъ современникомъ Всеслава, придворнымъ или дружиннымъ пѣвцомъ, неужели люди книжные, современники автора Слова могли сомнѣваться въ его человѣческомъ происхожденіи?“ (стр. 120). Подобный же вопросъ, какъ мы видѣли, авторъ „Взгляда“ задавалъ и по поводу эпитета „Дажь-божь внукъ.“ (стр. 74). Мы знаемъ уже, что этотъ послѣдній эпитетъ служить только показателемъ нѣкоторыхъ литературныхъ вліяній; эпитетъ же „Велесовъ внукъ“, какъ оказывается, долженъ служить основаніемъ для сомнѣній въ туземномъ происхожденіи самого преданія о Боянѣ. Эпитетъ „вѣщій“ оказывается тоже неумѣстнымъ, если признать что Боянъ—русскій пѣвецъ, современникъ кн. Всеслава. „Авторъ даетъ пѣвцу Бояну эпитетъ *вѣщій*, о значеніи котораго можно судить по другимъ мѣстамъ. Всеславъ Полоцкій, этотъ князь, рыскавшій съ быстротою волка, перегонявшій Хорса, имѣлъ *вѣщую* душу; персты, которые возлагалъ Боянъ на живыя струны, были *вѣщіе*, т. е. *чародѣйныя*, ибо оживить струны, какъ дѣлалъ Боянъ, было дѣломъ выше человѣческой мудрости; точно также надо быть чародѣемъ, надо имѣть чародѣйную душу, чтобъ рыскать, какъ Всеславъ.“ (стр. 119). Но изъ замѣчанія на стр. 103 мы уже знаемъ, „что въ выраженіи „вѣскомъ рыскаше“ мы не можемъ видѣть намека на волкодлачью натуру Всеслава. *Волкъ* употребляется въ Словѣ просто, какъ метафора для выраженія быстроты бѣга.“ Г. Миллеръ признаетъ, что въ Словѣ о полку есть слѣды и народно-поэтическихъ вліяній (стр. 127, 138, 236). Онъ не могъ не замѣтить также, что воспоминанія о Боянѣ стоятъ въ какой-то связи съ этими именно народно-поэтическими вліяніями („Ему, т. е. Бояну, приписывается *пословица*, одно изъ тѣхъ безчисленныхъ изреченій житейской мудрости, которыхъ авторы никому неизвѣстны“ стр. 127. „Авторъ въ теченіи поэтическаго разсказа кое-гдѣ невольно впадалъ въ лиризмъ и облекалъ поэтическіе эпизоды въ складъ *quasi* стиха, увлекаясь по временамъ замышленіемъ *Бояновымъ*“ стр. 7. Попытки придать рѣчи нѣкоторый видъ стиха указываютъ, конечно, на знакомство съ пѣснью, съ пѣсепной формой; „увлеченіе замышленіемъ *Бояновымъ*“ совпадаетъ стало быть въ этихъ случаяхъ съ народно-поэтическимъ вліяніемъ. Припомнимъ зачины во вкусѣ Бояна: не буря соколы занесе и т. д.). Но г. Миллеру не хотѣлось остановиться на этой связи Бояна съ народными пѣснями.

Общее заключеніе Вс. Миллера объ авторѣ Слова такое: „обладая

несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ и высокимъ патріотическимъ чувствомъ, онъ ведетъ разсказъ о историческихъ событіяхъ по былинамъ своего времени, мастерски группируя эти событія для гражданской цѣли и облакая поэтическимъ колоритомъ дѣйствующія лица. Если, при несомнѣнныхъ достоинствахъ разсказа, кое-гдѣ замѣтно подражаніе, оно только свидѣтельствуетъ о художественномъ вкусѣ автора, объ умѣнѣ пользоваться старыми словесами для украшенія своего произведенія.“ Подобная же манера изложенія замѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галицко-Волинской лѣтописи. Так. обр. „авторъ Слова не представляется уже необычайнымъ, исключительнымъ явленіемъ: онъ является скорѣе представителемъ литературнаго направленія, быть можетъ, основателемъ школы писателей, воспитавшихся на книжныхъ свѣтскихъ произведеніяхъ, но не чуждавшихся при этомъ родныхъ образовъ южно-русской поэтической рѣчи.“ (стр. 136—138). Въ концѣ книги г. Вс. Миллера помѣщенъ текстъ Слова съ объясненіями.

Трудъ г. Миллера вызвалъ, какъ и слѣдовало ожидать, много толковъ. Появилось нѣсколько рецензій и замѣтокъ, въ которыхъ значеніе новаго „взгляда“ достаточно оцѣнено. Отмѣчу рецензіи, важныя для литературы Слова.

А. Веселовскій. Новый взглядъ на Слово о полку Игоревѣ. (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1877 г. августъ, стр. 267—306). „Авторъ впервые высказываетъ откровенно то, что лежало на сердцѣ у многихъ, старавшихся отнестись къ развитію древней русской литературы трезво и безъ предвзятыхъ убѣжденій.“ Такими словами начинается пр. Веселовскій свои замѣчанія на книгу г. Миллера. Что авторъ Слова былъ человѣкъ грамотный, воспитавшійся на книжныхъ произведеніяхъ своего времени, это неоспоримо. „Выборъ Дигениса типомъ тѣхъ литературныхъ произведеній, подъ вліяніемъ которыхъ писалъ авторъ Слова, едвали удаченъ“ (стр. 271), но общее положеніе не теряетъ отъ этого своей силы. Въ чемъ же обнаруживается начитанность автора Слова? Въ чемъ сказывается вліяніе на него книжныхъ произведеній? „Если изъ суммы вліяній византійскихъ подлинниковъ, типически представленныхъ поэмой о Дигенисѣ, на Слово о п. Иг. выдѣлить одно существенное, то оно ограничится безсознательнымъ воспроизведеніемъ стиля и общихъ риторическихъ пріемовъ?“ (стр. 270—271). Византійская литература знакома была автору Слова не прямо, а черезъ посредство болгарскихъ переводовъ. Вліяніе

болгарскаго посредства усматривается въ такъ назыв. миеологiи Слова. Толкованiе, которое даетъ этой миеологiи г. Миллеръ, возбуждаетъ у рецензента нѣкоторыя недоразумѣнiя: „какъ бы ни поступалъ онъ (авторъ Слова) безотчетно, какъ бы ни велико было его незнакомство съ значенiемъ терминовъ болгарскаго язычества, все же эти внуки и эти „боги“ являлись передъ нимъ въ контекстѣ, и онъ не могъ не давать себѣ отчета, въ какомъ смыслѣ являлось передъ нимъ характерное слово „богъ,“ внуками которому приходились и князь, и пѣвецъ. Я не могу выйти изъ этого *contradictio in adjecto*: авторъ Слова орудуетъ поэтическими формулами, въ которыхъ не видить ничего зазорно языческаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, эти формулы такъ прозрачны, ихъ употребленiе такъ характерно, что становится непонятнымъ, какъ онъ могъ не разглядѣть ихъ кореннаго смысла.“ (стр. 274).

Что касается Бояна, то пр. Веселовскiй не прочь согласиться, что этотъ „соловей стараго времени“ попалъ въ наше Слово изъ византийска-болгарскихъ книгъ; не зачѣмъ только сопоставлять Бояна Слова съ царевичемъ Бояномъ: образцомъ для нашего Бояна долженъ былъ послужить не какой-то кудесникъ, а поэтъ, пѣснотворецъ (стр. 281—282). Самую важную часть статьи пр. Веселовскаго представляютъ его замѣчанiя по поводу эпитета Троянъ. Вс. Миллеръ (вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изслѣдователями) предполагаетъ, что въ тѣхъ мѣстахъ Слова, гдѣ приводится этотъ эпитетъ, скрывается намекъ на ц. Трояна, о которомъ сохранилось нѣсколько преданiй въ юго-славянскихъ земляхъ. Авторъ „Взгляда“ замѣчаетъ еще, что и изображенiе Всеслава Полоцкаго въ Словѣ сложилось подъ влиянiемъ этихъ же преданiй о Троянѣ. По мнѣнiю пр. Веселовскаго, сопоставленiе Всеслава съ Трояномъ имѣетъ мало основанiй: „сходство между разсказами о Всеславѣ и Троянѣ.... не исчерпываетъ существенныхъ сторонъ послѣдняго: нѣтъ страха передъ солнцемъ, окаменѣнiя подъ влиянiемъ его лучей; нѣтъ ничего миеическаго.... остается сходнымъ одно: что Всеславъ и Троянъ ѣздить ночью. Что касается любви того и другаго, то представляется страннымъ, что метанiе жребiя о милой дѣвицѣ могло быть приравнено къ посвщенiю любовницы, какъ ни многое отнесемъ мы на счетъ фигурнаго языка автора Слова“ (стр. 290). Сомнительно вообще самое предположенiе о связи нашего „Троля“ съ юго-слав. Трояномъ. Этой Трояновой гипотезѣ пр. Веселовскiй противопоставляетъ другую: въ Словѣ о полеу Иг. выказывается влиянiе ска-

заній о Трої. У стариннихъ западныхъ лѣтописцевъ встрѣчается такое преданіе о жителяхъ Трои: часть Троянъ перешла въ Европу и поселилась на берегахъ Дуная; впоследствии эти Дунайскіе Трояне раздѣлились: „одна часть пошла.... въ страну между Рейномъ и Океаномъ и назвалась Франками; другая осталась на берегахъ Дуная между Фракіей и Океаномъ и получила, отъ имени короля Turgot или Togquot, названіе Turgci или Togqui.“ По другому пересказу этого преданія, переселявшіеся въ Европу Трояне отправились къ берегамъ Дона, плыли по Азовскому морю (стр. 298). „Авторъ Слова, знавшій объ Азовскихъ готахъ („готскія красныя дѣвы“), зналъ и объ Азовскихъ Тюркахъ; надо предположить, что ему извѣстна была какая-нибудь историческая сказка въ родѣ той, которую приурочили къ своимъ Франкамъ Фредегаръ и *Gesta Francorum*; тогда понятно будетъ, почему земля Тюрковъ Торхота на Дону явилась у него землей Троянской. Память о Троянской землѣ на Дону—если понимать ее въ моемъ смыслѣ—трудно представить себѣ у болгарскаго книжника. Если такъ, то ѣ за упоминаніемъ вѣковъ и неопредѣленнаго эпическаго седьмаго вѣка Трояня не зачѣмъ было автору Слова обращаться къ тому же источнику. Если Троянова земля могла у него явиться вслѣдствіе самостоятельнаго знакомства съ какимъ нибудь средне-вѣковымъ троянскимъ сказаніемъ, то отсюда же вытекло общее мѣсто о трояновыхъ вѣкахъ, понимать ли его въ болѣе широкомъ смыслѣ троянскихъ событий, или въ болѣе специальномъ и мѣстномъ, приурочившемъ Троянъ-Торковъ на Дону.“ (стр. 302). Общее заключеніе пр. Веселовскаго таково: авторъ Слова не находился подъ вліяніемъ „одного какого-нибудь болгарскаго источника;“ „спайки,“ указываемыя г. Миллеромъ, устраняются вмѣстѣ съ ихъ виновникомъ—царемъ Трояномъ. „Вообще допущеніе такого рода литературнаго приѣма не укладывается въ пониманіе автора Слова, человѣка высоко-талантливаго, по признанію г. В. Миллера. Надо выбрать одно изъ двухъ: или авторъ Слова спайкалъ отрывки болгарской книги съ своимъ собственнымъ замышленіемъ, или же, работая надъ нимъ, онъ „невольнo черпалъ мысли, образы, выраженія, сохранившіеся въ запасѣ его памяти,“ и ставшіе для него своими и родными. Изъ двухъ положеній я выбираю послѣднее, но оно ведетъ не къ одному болгарскому оригиналу, а къ памяти о многомъ прочитанномъ и усвоенномъ“ (304) ¹⁾.

---

1) Изъ частныхъ замѣчаній пр. Веселовскаго слѣдуетъ обратить вниманіе на его объясненіе слова „дивъ.“ (стр. 277).

Ор. Миллеръ. Еще о взглядѣ В. Ө. Миллера на Слово о полку Игоревѣ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1877 г. сентябрь, стр. 37—61). Рецензентъ не отрицаетъ „книжной болгарско-византийской струи въ нашемъ поэтическомъ Словѣ;“ но выборъ для сравненія съ Словомъ Дигениса кажется ему, какъ и А. Н. Веселовскому, не удачнымъ (стр. 43). 4-ю главу труда г. Вс. Миллера, въ которой разбирается мнѳология Слова, Ор. Ө. Миллеръ называетъ „многозначительной, положительно поколебавшей значеніе Слова о п. Иг. какъ источника изученія русской мнѳологіи“ (стр. 47). Гораздо менѣе доказательными представляются разсужденія о Троянѣ и Дунаѣ. „На седьмомъ вѣцѣ Трояни....“ Въ Словѣ о п. Иг. это—слова безъ смысла, выраженіе, выхваченное изъ болгарскаго оригинала и вставленное не у мѣста. „Мнѣ кажется, замѣчаетъ рецензентъ, онъ (авторъ Слова) проявляетъ въ своемъ взглядѣ на событія столько глубины мысли, что трудно считать его способнымъ доходить въ слѣпномъ подражаніи какому-нибудь болгарскому образцу до положительной бессмыслицы“ (стр. 48). Что касается Дуная, то онъ также часто встрѣчается въ нашихъ пѣсняхъ, какъ и въ болгарскихъ и сербскихъ. Авторъ „Взгляда“ старается показать, что Боянъ характеризуется въ Словѣ въ чертахъ мнѳическаго пѣвца. Рецензентъ замѣчаетъ: „но вѣдь и прежде существовало мнѣніе, что Боянъ, можетъ быть, не опредѣленное историческое лицо, не дѣйствительно жившій тогда-то пѣвецъ, а своего рода апоѳеоза пѣвца вообще, пѣвца особаго, прежняго направленія, т. е. что Боянъ, какъ и Дунай, имя не собственное, а нарицательное. Мнѣ кажется, что доводы г. Всев. Миллера говорятъ въ пользу этого прежняго мнѣнія, заставляютъ предпочесть это мнѣніе тому, по которому Боянъ является пѣвцомъ XI вѣка, оставившимъ свой непосредственный слѣдъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Слова“ (стр. 50—51). Сопоставленіе Бояна—пѣвца съ Божномъ—худесникомъ, волкудлакомъ не имѣетъ твердыхъ основаній. Въ заключеніе своей статьи Ор. Ө. Миллеръ останавливается на нѣкоторыхъ изъ тѣхъ объяснительныхъ примѣчаній, которыя присоединяетъ г. Вс. Миллеръ къ изданному имъ тексту Слова.

Вс. Миллеръ. Запѣтки по поводу сборника Верковича. I. Къ вопросу о національности Бояна въ „Словѣ о полку Игоревѣ.“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1877 г., октябрь, стр. 110—115). Сопоставленіе пѣвца Бояна, упоминаемаго въ Словѣ о п. Иг., съ царевичемъ

Бояпомъ вызвало, какъ мы видѣли, справедливыя замѣчанія критики. Г. Вс. Миллеръ постарался отыскать болгарскую пѣсню, въ которой упоминается и царь Траянъ, и воевода Боянъ, слагающій пѣсню о Траянѣ. Пѣсня рассказываетъ, какъ „краль Ката пригласилъ къ себѣ Траяна, короля Янской земли, и оба ходятъ по землѣ, чтобы найти Траяну невѣсту.“ (стр. 111). Траяну приглянулась дочь Бизы—кряя, но тотъ не соглашается отдать ее за Траяна. Ката и Траянъ объявляютъ войну отцу красавицы, „На седьмомъ году оба короля побѣдили Бизу и взяли его въ плѣнъ, тяжело раненаго стрѣлою“ (стр. 112). Биза умираетъ. „По смерти Бизы, короли овладѣли его городомъ, но не могли отворить темницы, запертой 70-ю ключами“ (112). Только при помощи юды-самовилы удастся достать красавицу. Траянъ женится

И Боянъ-воевода пѣсню ему пропѣлъ,
 Что завоевалъ онъ Биза—градъ,
 И эта пѣсня осталася (113).

Въ этой пѣснѣ г. Вс. Миллеръ видитъ новое подтвержденіе своей гипотезы о вліяніи преданій о Троянѣ на рассказъ „Слова“ о Все-славѣ Полоцкомъ.

Кн. П. Вяземскій. Слово о плъку Игоревѣ. Изслѣдованіе о вариантахъ. Пб. 1877. Авторъ сличилъ списоки Екатерининскій съ первымъ изданіемъ. Разночтенія этихъ воспроизведеній одной и той же рукописи привели кн. Вяземскаго къ убѣжденію, что рукопись писана была съ употребленіемъ значительнаго числа надстрочныхъ знаковъ, значеніе которыхъ было не совсѣмъ ясно для первыхъ издателей, а потому вызывало колебанія при чтеніи нѣкоторыхъ мѣстъ. Замѣчаются также колебанія въ чтеніи такихъ словъ, въ которыхъ, какъ можно предполагать, въ рукописи изображены были йотованное е, юсы, вѣло.

Ө. Буславъ. Русская хрестоматія. Изд. 2, испр. М. 1877. (Первое изданіе 1870. *Смирновъ*, стр. 162—163).

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Протоколы засѣданій Кіевскаго Юридическаго Общества, состоящаго при у-тѣ Св. Владиміра.

№ 15. Протоколъ засѣданія 8 декабря 1879 года.

Засѣданіе было открыто въ 7¹/₂ часовъ подѣ председательствомъ председателя общества А. О. Кистяковскаго, при секретарѣ П. К. Скордели и 21 членѣ общества: (Р. И. Базинерѣ, М. М. Варшавскомѣ, В. В. Виндингѣ, А. М. Гольденбергѣ, И. Я. Давиденко, Ф. И. Дѣденеоловѣ, С. Ф. Делюсто, Т. И. Дыновскомѣ, А. Г. Должанскомѣ, В. В. Лукомскомѣ, Л. И. Марковскомѣ, Н. С. Моркотунѣ, Ц. Г. Нейманѣ, И. Б. Новицкомѣ, Д. И. Пихно, Н. П. Орловѣ, А. О. Соколовѣ, Ф. Е. Стрѣльниковѣ, С. А. Сребдольскомѣ, Д. Г. Тальбергѣ, и В. Г. Тальбергѣ) и при 25 постороннихъ лицахъ.

Въ этомъ засѣданіи были доложены:

I. протоколъ общества отъ 16 ноября 1879 года, который и утвержденъ.

II. Подвергнуты были баллотированію предложенные въ прошломъ засѣданіи общества въ члены общества: 1) Н. К. Свѣчинскій, оберъ прокуроръ 3-го Департамента Правительствующаго Сената, 2) А. Г. Жуковъ (предсѣдатель Бердичесскаго съѣзда мировыхъ судей) 3) И. Шрагъ, кандидатъ кіевскаго юридическаго факультета, 4) І. А. Шендзиговскій, кандидатъ на судебныя должности при харьковскомъ военно - окружномъ судѣ, и всѣ означенныя лица избраны въ члены общества съ 1880 года.

III. Выслушана была бесѣда по вопросу, предложенному С. И. Базинеромъ: *О правѣ евреевъ приобрѣтать въ западномъ краѣ населенныя недвижимыя имуществва.*

Причемъ г. Базинеръ высказалъ слѣдующее:

Предлагая на обсужденіе общества вопросъ о правѣ евреевъ приобрѣтать въ западномъ краѣ ненаселенныя недвижимыя имѣнія, я прежде всего долженъ замѣтить, что недостатокъ времени не позволилъ мнѣ приготовить къ докладу обстоятельный рефератъ, почему я и вынужденъ лишь въ сжатой формѣ бесѣды изложить свой взглядъ на интересующій насъ вопросъ.

При этомъ я не буду касаться ни исторической, ни другой какой либо стороны нашего предмета,—хотя безъ сомнѣнія крайне интересно было-бы прослѣдить историческія судьбы еврейства, испоконъ вѣка подвергавшагося и еще подвергающагося различнымъ ограниченіямъ,—не говоря уже о политической,—но гражданской правоспособности.—Замѣчу только, что эти ограниченія повсемѣстныя и весьма значительныя вначалѣ, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, все болѣе и болѣе исчезаютъ, и нынѣ въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы, почти совершенно отмѣнены и перешли уже въ область исторіи. Но въ нашей бесѣдѣ мы не будемъ вдаваться въ область исторіи и законодательной политики, а рассмотримъ вопросъ о правѣ евреевъ на приобрѣтеніе недвижимой собственности въ западномъ краѣ, исключительно только съ точки зрѣнія дѣйствующаго законодательства, и ограничимся толкованіемъ относящихся сюда законоположеній.

Обращаясь къ разсмотрѣнію дѣйствующихъ законовъ опредѣляющихъ права евреевъ относительно приобрѣтенія недвижимой собственности, мы находимъ прежде всего тотъ общій основной принципъ законодательства; что: „евреямъ, въ чертѣ общей ихъ осѣдлости, дозволено приобрѣтать недвижимую собственность всякаго рода, кромѣ имѣній населенныхъ“.

Это основное правило, выраженное въ ст. 959 т. IX, повторяется затѣмъ въ цѣломъ рядѣ законоположеній, разбросанныхъ въ различныхъ томахъ нашего свода законовъ (въ X, XI, XIV, V, въ полож. крест. въ уставахъ питейномъ, свеклосах. и др.).

Такъ—ограничиваясь приведеніемъ болѣе общественныхъ законоположеній X-го тома, мы находимъ въ прим. 4-мъ къ ст. 1402 ссылку на томъ IX изд. 1857 г. ст. 1368 прим. 4—6;—на 128 ст. т. XI, и полож. и крест. въ которыхъ подтверждается вышеприведенное общее правило, а относительно евреевъ купцовъ 1-й гильдіи постановлено, что они могутъ приписаться въ купечество и внѣ черты

постоянной осядлости евреевъ и пользуются, по пріобрѣтенію недвижимой собственности всѣми правами коренному русскому купечеству присвоенными. (Тоже въ прим 3 къ ст. 1500 т. X ч. I).

Въ примѣч. къ ст. 1304 X т. установлено, что „евреямъ воспрещено пріобрѣтать помѣщичьи имѣнія, въ коихъ обязательныя отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ не прекращены“.

Въ примѣч. 1 къ ст. 773 говорится: „помѣщичьи населенныя имѣнія могутъ быть пріобрѣтаемы лицами всѣхъ состояній, кромѣ евреевъ“.

Такимъ образомъ, по общему основному принципу нашего законодательства, пріобрѣтеніе евреями недвижимой собственности въ чертѣ ихъ осядлости, предѣлы которой опредѣлены въ ст. 16 т. XVV вообще дозволено, за исключеніемъ только „населенныхъ имѣній“.

Чтоже касается выраженія: „населенное имѣніе“, то за отрицною крѣпостнаго права, нынѣ подъ послѣднимъ законъ разумѣть имѣнія населенныя крестьянами, обязательныя отношенія которыхъ къ владѣльцамъ окончательно еще не прекращены.—Такія имѣнія законодатель характеризуетъ также названіемъ „помѣщичьи“ или „дворянскія имѣнія“. (См. напрм. ст. 27;—1333 т. X. 7 2; ст. 328, 333 и др. т. IX).

Обращаясь за симъ къ спеціальнымъ ограниченіямъ, относящимся къ пріобрѣтенію евреями недвижимой собственности въ западномъ краѣ, въ сводѣ законовъ мы находимъ таковыя только въ примѣч. 2, къ ст. 961 т. IX, и примѣч. 2 къ ст. 1699 т. X. ч. I (по продол. 1876 г.). Въ примѣчаніяхъ этихъ постановлено слѣдующее: „Въ частныхъ имѣніяхъ, пріобрѣтенныхъ въ западныхъ губерніяхъ на основаніи положенія о льготахъ, преимуществахъ и денежныхъ ссудахъ, предоставляемыхъ при покупкѣ казенныхъ и частныхъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ 5-го марта 1864 г., и инструкціи о порядкѣ продажи казенныхъ имѣній 23 іюля 1865 г., евреи могутъ быть винокурами и арендаторами корчемъ, а также арендными содержателями или управителями состоящихъ при имѣніи мельницъ, свеклосахарныхъ, стеклянныхъ, винокуренныхъ и другихъ заводовъ, завѣдываніе коими требуетъ техническихъ знаній и нѣкотораго оборотнаго капитала. Но они не могутъ брать въ аренду или управленіе не только цѣлыхъ имѣній, но и входящихъ въ составъ оныхъ отдѣльныхъ земельныхъ угодій“.

Изъ приведенныхъ законоположеній вытекають такимъ образомъ лишь слѣдующія ограниченія евреевъ относительно права приобрѣтенія недвижимой собственности: 1) по мѣсту нахождения имущества,—права евреевъ ограничены предѣлами ихъ постоянной осѣлости, которыя опредѣлены ст. 16 т. XIV уст. о паспортахъ, и расширены въ видѣ исключенія для нѣкоторыхъ категорій лицъ (см. примѣчъ къ ст. 16, 17—23 т. XIV), 2) по свойству недвижимой собственности права евреевъ ограничены вообще воспрещеніемъ приобрѣтать населенныя дворянскія имѣнія;—3) наконецъ, специально въ западномъ краѣ, евреямъ еще воспрещена покупка какихъ бы то нибыло имѣній, населенныхъ или не населенныхъ,—приобрѣтенныхъ на основаніи указовъ 5 марта 1864 г. (§ 25—27) и инструкціи о продажѣ казенныхъ земель 23 іюля 1865 года (§ 26).

Таковъ буквальный смыслъ нынѣ дѣйствующихъ законоположеній, изложенныхъ въ послѣднемъ изданіи св. зак. 1876 года.

Между тѣмъ практика наша разрѣшаетъ вопросъ о правѣ евреевъ на приобрѣтеніе недвижимой собственности въ западномъ краѣ иначе, и руководствуясь Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ западнаго комитета 10 іюля 1864 г. отказываетъ евреямъ въ правѣ покупки вообще поземельной собственности въ западныхъ губерніяхъ, хотя бы въ размѣрѣ какихъ нибудь десяти—двадцати десятинъ земли и не подходящей подъ условія указовъ 5 марта 1864 г. и 23 іюля 1865 г.

Такое направленіе практики мнѣ кажется едва ли правильнымъ и согласнымъ съ точнымъ смысломъ дѣйствующаго законодательства, по слѣдующимъ соображеніямъ; а) всякій законъ, ограничивающій общее правило долженъ быть толкуемъ въ самомъ тѣсномъ ограничительномъ смыслѣ. Между тѣмъ обращаясь къ указу 10 го іюля 1864 г. мы видимъ прежде всего, что появленіе его вызвано ходатайствомъ г. кievскаго генералъ-губернатора „о прегражденіи евреямъ возможности приобрѣтать въ юго-западномъ краѣ недвижимыя населенныя имѣнія“. Въ разрѣшеніе этого ходатайства послѣдовало опредѣленіе комитета: „дарованное евреямъ право приобрѣтать земли и угодья принадлежащія къ помѣщичьимъ имѣніямъ не распространять на губерніи, въ которыхъ производится обязательный выкупъ, и согласно сему, воспретить всѣмъ безъ исключенія евреямъ приобрѣтать отъ помѣщиковъ и крестьянъ земли въ губерніяхъ подвѣдомыхъ обоимъ западнымъ генералъ-губернаторамъ“.

Мнѣ кажется, что въ виду вышеуказанныхъ предѣловъ ходатайства, и выраженіе, употребленное комитетомъ: „не распространять на губерніи, въ которыхъ производится обязательный выкупъ“,—также имѣетъ существенное значеніе, придающее всему указу характеръ лишь временной мѣры, связанной съ операціею совершеннаго освобожденія крестьянъ отъ вліянія на нихъ землевладѣльцевъ. Абсолютнаго-же воспрещенія евреямъ приобрѣтать вообще поземельную собственность,—даже въ видѣ пустопорожней земли въ качествѣ какихъ нибудь одной или двухъ десятинъ для возведенія напр. дома или промышленнаго заведенія,—такого безусловнаго воспрещенія въ этомъ указѣ едва-ли можно видѣть.

б) Притомъ, такое слишкомъ широкое толкованіе несогласно съ толкованіемъ легальнымъ, сдѣланнымъ самымъ законодателемъ, который при составленіи новаго свода законовъ изданія 1876 года, формулируя въ ст. 959 т. IX-го права евреевъ относительно приобрѣтенія недвижимой собственности, хотя и имѣлъ въ виду указ. 10 іюля 1864 г. какъ видно изъ приведенныхъ подъ этой статьею источниковъ—тѣмъ не менѣе ни въ самой статьѣ, ни въ примѣчаніяхъ къ ней не выразилъ иного ограниченія правъ евреевъ, кромѣ приведенныхъ уже выше: относительно мѣста—предѣлами осѣдлости, а относительно свойства имущества—изъятіемъ населенныхъ имѣній“.

Въ виду такого буквального смысла дѣйствующаго нынѣ закона можно прийти къ слѣдующему общему выводу: 1) евреи въ правѣ приобрѣтать недвижимыя имущества въ районѣ ихъ постоянной осѣдлости, опредѣленной закономъ, за исключеніемъ имѣній „населенныхъ“,—въ коихъ обязательныя отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ окончательно еще не прекращены, и кромѣ того за исключеніемъ вообще имѣній, приобрѣтенныхъ въ западномъ краѣ на льготныхъ условіяхъ,—на основаніи указовъ 5 марта 1864 г., и 23 іюля 1865 года.

По окончаніи доклада были сдѣланы заявленія со стороны гг. Дыновскаго, Пихно, Новицкаго, Давиденка и Скордели.

Членъ общества *Дыновскій* выразилъ мнѣніе, что такъ какъ въ западномъ краѣ всѣ имѣнія приобрѣтаются со льготами, то разрѣшеніе вопроса, предложенное докладчикомъ, не можетъ получить примѣненія. На это г. Базинеръ возразилъ, что мнѣніе г. оппонента ошибочно, ибо хотя большинство имѣній въ западныхъ губерніяхъ дѣйствительно приобрѣтены со льготами, но это не значитъ, чтобы всѣ имѣнія под-

лежали приобрѣтенію со льготами. Имѣнія русскихъ владѣльцевъ, частныхъ лицъ, корпорацій и проч.—могутъ приобретаться и безъ льготъ.

Г. Пизно, заявилъ, что г. докладчикъ смѣшиваетъ постановленія до указа 10-го іюля 1864 года и послѣ него. Дѣйствительно, по представленію генераль-губернатора князя Васильчикова Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 26 апрѣля 1862 года евреямъ было разрѣшено приобретеніе въ западномъ краѣ ненаселенныхъ имѣній, причемъ подъ населенными имѣніями понимались тѣ, „въ коихъ обязательныя отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ окончательно прекращены“. Но вслѣдъ за изданіемъ закона 1863 года объ обязательномъ выкупѣ, это право евреевъ было отмѣнено категорически и безусловно именнымъ указомъ 10-го іюля 1864 года. Этотъ указъ гласитъ: „дарованное евреямъ (по закону 26 апрѣля 1862 г.) право приобретать земли и угодья, принадлежащія къ помѣщичьимъ имѣніямъ, не распространять на губерніи, въ которыхъ производится обязательный выкупъ, и согласно сему воспретить всѣмъ безъ исключенія евреямъ приобретать отъ помѣщиковъ и крестьянъ земли въ губерніяхъ, подвѣдомыхъ Виленскому и Кіевскому генераль-губернаторамъ“. Смыслъ этого закона не возбуждаетъ ни малѣйшихъ сомнѣній. Онъ запрещаетъ приобретеніе какъ крестьянскихъ, такъ и помѣщичьихъ т. е. всякихъ земель въ западномъ краѣ всѣмъ безъ исключенія евреямъ. Что законъ имѣлъ въ виду не только населенныя, но и не населенныя имѣнія, видно изъ того, что онъ изданъ въ отмѣну полож. ком. мин. 26 апрѣля 1862 г., въ которомъ рѣчь идетъ именно о населенныхъ имѣніяхъ, и только о нихъ однихъ. Позднѣйшія узаконенія не только не отмѣнили указа 10-го іюля 1864 г., но напротивъ многократно подтверждали выраженное въ немъ правило.

Членъ общества *Новицкій* замѣтилъ, что при разсмотрѣніи вопроса, поднятаго г. Базинеромъ, необходимо имѣть въ виду, что ограниченіе правъ евреевъ по приобретенію недвижимыхъ имѣній имѣютъ характеръ политическій: главнѣйшія ограниченія появились послѣ 1863 года, когда возникла необходимость въ усиленіи русскаго элемента въ краѣ. До 1863 г. благоприятный для евреевъ законъ 1862 года могъ касаться лишь незначительнаго числа лицъ, покупающихъ недвижимыя имѣнія съ вольныхъ рукъ; послѣ же 1863 года подлежало продажѣ большое

количество имѣній, укрѣпленіе которыхъ за евреями было менѣе всего желательно.

Г. Базилеръ на сдѣланныя замѣчанія возразилъ гг. Пихно и Новицкому, что кромѣ указаннаго уже имъ основанія къ ограничительному толкованію указа 10 іюля 1864 г. въ пользу его мнѣнія говорить легальное толкованіе самаго законодателя, въ ст. 959 т. IX (новой редакціи 1876 года), а юристъ долженъ руководствоваться не отдѣльными временными указами, въ различные эпохи издававшимися, но закономъ, изложеннымъ въ послѣднемъ, по времени, законодательномъ сборникѣ. Полнымъ же и единственнымъ обязательнымъ источникомъ для познанія и примѣненія нынѣ дѣйствующихъ законовъ, является сводъ законовъ изданія 1876 года. Между тѣмъ именно въ послѣднемъ въ т. IX указъ 10-го іюля 1864 года, въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ его гг. оппоненты, не встрѣчается, а изложенъ законодателемъ въ приведенной уже редакціи совершенно иного содержанія. Кромѣ того и ст. 963 того же IX т. положительно подтверждаетъ мнѣніе референта, постановляя, что „въ губерніяхъ Витебской и Могилевской дозволяется евреямъ приобрѣтать землю въ собственность и аренду для поселенія и хлѣбопашества не иначе, какъ въ 3-хъ верстахъ разстоянія отъ селеній помѣщичьихъ и казенныхъ“. Противъ такого яснаго опредѣленія закона едва-ли можно возражать.

Г. Пихно отвѣчалъ, что выраженіе „населенныя имѣнія“, очевидно, имѣло въ представленіи генераль-адъютанта Анненкова совершенно иной смыслъ, нежели тотъ, какой придаетъ ему докладчикъ. Генераль-губернаторъ понималъ подъ населенными имѣніями всѣ тѣ имѣнія, въ которыхъ были крестьяне, въ противоположность ненаселеннымъ пустошамъ. Упомянутое о губерніяхъ „въ коихъ производится обязательный выкупъ“ сдѣлано потому, что въ это время выкупъ производился, но дальше въ законѣ опредѣляется весьма точно географическій районъ, на который онъ распространяется, (а именно—два западныхъ генераль-губернаторства) и никакихъ ограниченій относительно времени дѣйствія этого закона не сдѣлано.

Членъ г. Давиденко сдѣлалъ замѣчаніе относительно неправильнаго толкованія докладчикомъ положенія комитета министровъ 1868 года. Эта неправильность видна изъ того, что если воспрещено сдавать евреямъ въ аренду заводы и мельницы въ имѣніяхъ, то тѣмъ болѣе не можетъ быть разрѣшено евреямъ покупать эти имѣнія.

И. К. Скордели указалъ, что *Х. т. ч. I ст. (385 и 386 ст.)* хотя не даютъ опредѣленія, что такое населенныя земли, но въ *ст. 386* указаны принадлежности земель населенныхъ, а именно: церковныя и другія строенія, дворы, мельницы, мосты, перевозки, плотины и гати: однимъ словомъ все, что свидѣтельствуесть, что земля обитаема людьми осѣдлыми, безразлично, временно-обязанными крестьянами или нѣтъ; поэтому населенныя земли могутъ быть населены и не временно-обязанными крестьянами. Слѣдовательно населенныя земли не суть земли, тождественныя съ землями помѣщичьими и дворянскими. По этому еврей, по *ст. т. IX изд. 1876 г.*, не могутъ приобрѣтать вообще земель населенныхъ, и это запрещеніе находится въ согласіи съ указомъ 1867; по которому евреямъ воспрещено въ западномъ краѣ приобрѣтать земли не только отъ помѣщиковъ, но и отъ крестьянъ и слѣдовательно законодатель подъ „населенныя имѣнія“ не могъ понимать только имѣнія, въ которыхъ не произведенъ выкупъ, ибо онъ запрещаетъ приобрѣтать и крестьянскія земли, въ которыхъ никогда не было временно-обязанныхъ крестьянъ, и даже болѣе, такъ какъ до выкупа и крестьянскихъ земель не существовало, которыя могли бы подлежать продажѣ. Относительно-же запрещенія евреямъ повсемѣстно въ Россіи приобрѣтать земли существуетъ ясное опредѣленіе въ приложеніи къ *ст. 773 т. X. ч. I* а по изд. 1876 г. въ 4 пунктѣ которой „объ отчужденіи помѣщичьихъ имѣній“ говорится: „принадлежащія къ помѣщичьему имѣнію земли и другія угодья, не входящія въ составъ крестьянскаго надѣла, по уставной грамотѣ, могутъ быть отчуждаемы лицами всѣхъ состояній вообще, кромѣ евреевъ“. Едва-ли эта статья можетъ возбуждать какое-либо сомнѣніе по предложенному вопросу.

Оппоненту Давиденко и Базинеръ замѣтилъ, что онъ неправильно толкуесть указъ 1868 г. Въ послѣднемъ говорится о воспрещеніи евреямъ арендовать имѣнія приобрѣтенныя на основаніи льготъ, согласно указамъ 5-го марта 1864 года и 23 іюля 1865 года. Само собою разумѣется, что такія имѣнія не могутъ быть покупаемы евреями, это вытекаетъ не только изъ воспрещенія аренды, а гораздо яснѣе выражено въ самыхъ предписаніяхъ 1864 г. и 1865 года, какъ уже указано было референтомъ. Но это относится къ спеціально обозначеннымъ имѣніямъ, приобрѣтеннымъ на основаніи льготъ, о которыхъ референтъ и не думалъ выражать какого-либо сомнѣнія.

Оппоненту Свордели, референтъ замѣтилъ, что ст. 365 т. X, ч. I-ой, остатокъ давно прошедшихъ временъ, говорить только о различіи земель населенныхъ (въ смыслѣ вообще обитаемости) отъ необитаемыхъ—пустошей. Въ тѣсномъ же юридическомъ смыслѣ, выраженіе: „населенное имѣніе“, употребляемое современнымъ законодательствомъ, означаетъ имѣніе „дворянское“ „помѣщичье“, владѣніе конимъ разрѣшено только потомственнымъ дворянамъ, а лицамъ другихъ сословій съ извѣстными ограниченіями. По уничтоженіи крѣпостнаго права, въ такимъ имѣніямъ относятся тѣ, „въ которыхъ обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ еще окончательно не прекращены“, какъ это прямо разъяснено въ указѣ 26-го апрѣля 1862 года, и вытекаетъ изъ Высочайше же утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 1861 года „объ отчужденіи помѣщичьихъ имѣній“, а также изъ ст. 328,—333 т. IX-го ст. 27,—1333 и др. т. X. ч. 2.—Въ такомъ-же наконецъ смыслѣ разъяснено выраженіе „населенное имѣніе“ въ отличіе отъ ненаселеннаго и въ рѣшеніяхъ кассац. Депар. Сената 1869 года № 138,—1870 г. № 772;—1875 г. № 747.

Г. Должанскій по поводу доклада г. Базинера замѣтилъ, что крайне печальное положеніе юго-западнаго края, зависящее отъ еврейской эксплуатаціи, стало предметомъ заботъ и администраціи и законодательной власти. Киевскому юридическому обществу и всякому русскому юристу при разсмотрѣніи и толкованіи законовъ, касающихся правъ евреевъ, слѣдуетъ держаться толкованія, говорящаго въ пользу лицъ дѣйствительно угнетаемыхъ, т. е. въ пользу возможно полного огражденія крестьянъ отъ эксплуатированія евреевъ, въ пользу правъ населенія русскаго, а не еврейскаго. Смотра съ послѣдней точки зрѣнія на вопросъ о правахъ евреевъ, слѣдуетъ признать, что этотъ вопросъ не только правовой, но и политико-экономическій; разрѣшеніе вопроса въ пользу полного уравниванія правъ евреевъ съ русскимъ населеніемъ было-бы отступничествомъ отъ идеи національности, господствующей во всѣхъ государствахъ Западной Европы.

Г. Базинеръ на это замѣтилъ, что юридическое общество не политическое и не законодательное собраніе, и предметомъ бесѣды служилъ вовсе не вопросъ о томъ, какъ слѣдовало бы нормировать права евреевъ, а просто толкованіе дѣйствующаго закона, причемъ юристъ долженъ руководствоваться не политическими соображеніями, а смысломъ закона. Если же вообще касаться вопроса о практическихъ

результатах опрацювань, то не слідують рахувати, що не смотря на відсутність національної ідеї во всіх державах Західної Європи, так званий „г. оппонент“ у нас в Західному Краї більшість ім'яній, із такою ж легкою придбанням на чужих основанях, — знаходяться, конче *de facto*, — в руках євреїв.

4. *Г. Кистяковський* замітив, 1) що при нинішньому положенні нашого общества вообще и самохітності крест'янского населення в частности, опека правительства надъ интересами сего послѣдняго совершенно необходима; 2) що дати свободу євреямъ на придбання в юго-западному Краї земель безъ коренной реформи русскаго общества невозможно; 3) що стѣсненія євреїв и опека надъ крест'янствомъ суть не отрывныя явленія, а принадлежность одной системи; 4) що странно было бы претендовать на отміну стѣсненій для инородцевъ, когда коренное населеніе острѣется при той же системѣ; 5) що по его мнѣнію, выраженіе: *мѣщанска населення*, содержитъ нинѣ двоякій смыслъ — прежній, обозначающій мѣщанъ дворянска, и новѣйшій, болѣе общій, означающій всеяе населенное мѣщанство. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и запрещено євреямъ придбати населенна мѣщанства, тогда какъ купецъ, мѣщанинъ, крест'янинъ не могутъ придбати населенна мѣщанства, въ смыслѣ первомъ, когда въ населенныхъ дворянскихъ мѣщанствахъ не прекратились вотчинныя отношенія.

Пренія были закончені заявленіємъ *Г. Пирого*, который сказалъ, что вопросъ о правѣ придбання євреями мѣщанства въ Западному Краї имѣетъ огромное значеніе. По его мнѣнію, слѣдуетъ благодарить докладчика за поднятіе этого вопроса, такъ какъ его рефератъ далъ случай юридическому обществу выяснить вопросъ, хотя въ совершенно противоположномъ смыслѣ, нежели предлагалъ референтъ. Послѣ настоящихъ преній всѣ сомнѣнія относительно дѣйствительнаго смысла дѣйствующихъ въ Западному Краї узаконеній по вопросу о правѣ євреїв придбати мѣщанства должны исчезнуть.

IV. Прочитанъ *А. Г. Кистяковскимъ* докладъ, сообщенный членомъ Общества *Михаиломъ Яковлевичемъ Мошлянскимъ* по вопросу: о наказаніи дѣтей за обиды дѣйствіємъ и за раны, причиненныя ими родителямъ. Толкованіе статьи Уложенія 1534, 1591, 1483 и 1492 слѣдующаго содержания:

Въ системѣ нашего дѣйствующаго улож. о наказ. Угол. и испр. обращаютъ на себя вниманіе встрѣчающіеся иногда несоотвѣтствія

между относительною важностію извѣстнаго рода преступленій и положенныхъ за оныя наказаній. Такое несоотвѣстствіе мы замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ дѣтей противъ родителей. Такъ въ раздѣлѣ X гл. XI от. 2 ст. 1534 опредѣляется: „за нанесеніе личной ка-кимъ либо оскорбительнымъ дѣйствіемъ, обиды отцу или матери, виновный приговаривается: или къ ссылке на житье въ Сибирь, или къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія отъ 1 до 1½ года,“ съ лишеніемъ въ обоихъ случаяхъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ.

Затѣмъ въ раздѣлѣ XI гл. 2 отд. 2 статья 1591 ч. I трактуетъ о причиненіи родителями дѣтямъ ранъ, увѣчій, или иныхъ тѣлесныхъ поврежденій. Наказаніе за это преступленіе по ст. 1492, на которую сдѣлана ссылка въ предыдущей 1 ч. 1591 ст.—опредѣляется тремя степенями выше во всѣхъ случаяхъ нанесенія тѣлесныхъ поврежденій, о коихъ постановленія содержатся въ 1477—1491 ст. улож., когда эти поврежденія причинены виновнымъ отцу или матери.

Въ числѣ законоположеній, трактующихъ объ отдѣльныхъ видахъ нанесенія тѣлесныхъ поврежденій, во 2 ч. 1483 ст. улож. говорится о причиненіи легкихъ ранъ, или иныхъ поврежденій безъ обдуманнаго званія намеренія, а въ запальчивости и раздраженіи. Наказаніе за это преступленіе, когда въ ономъ оказываются виновными дѣти противъ родителей, опредѣляется согласно приведенной 2 части 1483, 3-я степ. 38, 1492, 150 и 4-я степ. 35 ст. улож. то есть ссылка въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, или заключеніе въ работѣ домъ отъ 2 до 4 мѣсяцевъ съ лишеніемъ въ обоихъ случаяхъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Такимъ образомъ несообразность очевидна! Если съ одной стороны подъ обидою дѣйствіемъ въ теоріи уголовного права понимается униженіе для достоинства и чести лица обиженнаго обхожденіе, выражающееся въ посягательствахъ на тѣлесную его неприкосновенность, не сопровождающемся однакожъ поврежденіемъ его тѣла, и если съ другой стороны, причиненіе ранъ состоитъ въ такомъ посягательствѣ на тѣлесную неприкосновенность человѣка, которое выражается въ поврежденіи цѣлости покрововъ человеческого тѣла, болѣе или менѣе важныхъ, и нарушеніи непрерывности его тканей, проникающемъ болѣе или менѣе глубоко (Шлаунштейнъ); то раз-ица между тѣмъ и другимъ преступленіемъ понятна. Да и по нѣ-инымъ законамъ обида дѣйствіемъ вообще считается менѣе важнымъ

преступленіемъ, чѣмъ нанесеніе самыхъ легкихъ ранъ, или иныхъ тѣлесныхъ поврежденій. Первое преступленіе карается арестомъ не выше трехъ мѣсяцевъ (ст. 133—135 уст. о наказ. налаг. мир. суд.) нанесеніе же самыхъ легкихъ ранъ и при самыхъ смягчающихъ обстоятельствахъ (2 ч. 1483 ст. Улож.) влечетъ за собою заключеніе въ тюрьму до 4 мѣсяцевъ. Между тѣмъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, обиды дѣйствіемъ родителей дѣтьми по нашимъ законамъ наказываются строже, чѣмъ причиненіе легкихъ ранъ въ запальчивости и раздраженіи; ибо первое изъ этихъ преступленій влечетъ самое высшее исправительное наказаніе, а второе—менѣе тяжкое изъ тѣхъ же наказаній. Даже мало того: причиненіе раны, или нѣсколькихъ ранъ, но легкихъ и съ обдуманномъ заранее намѣреніемъ, то есть съ болѣе преступнымъ характеромъ, можетъ по обстоятельствамъ дѣла влечь для виновныхъ въ томъ дѣтей противъ родителей, какъ нормальное наказаніе—только ссылку на житье въ отдаленныя губерніи, или рабочій домъ отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ (сравни 2 отд. 1482, 1 степ. 38, 1492, 150 и 2 степ. 33 ст. улож.); между тѣмъ какъ за обиду дѣйствіемъ родителей дѣтьми нормальный минимумъ наказанія—5 степ. 31 ст. улож.; опять разница значительная!

Разсматривая далѣе содержаніе разбираемой нами 1591 ст. улож. о наказ. мы находимъ, что во 2-й ея части изложены постановленія о причиненіи дѣтьми родителямъ какого либо насильственного дѣйствія, при чемъ изъ дальнѣйшаго смысла видно, что такіа дѣйствія могутъ сопровождаться или не сопровождаться нанесеніемъ побоевъ.

Наказаніе во всѣхъ такихъ видахъ насильственныхъ дѣйствій дѣтей противъ родителей, (то есть сопровождающихся побоями, или не сопровождающихся),—полагается одно, а именно: по 1534 и 5 ст. 31 ст. улож. какъ за обиду дѣйствіемъ, то есть, какъ мы видѣли выше, ссылка на житье въ Сибирь, или заключеніе отъ 1 до 1½ года въ арестантскія отдѣленія.

Анализируя свойство преступленія, заключающагося во 2 ч. 1591 ст. улож. оказывается, что оно совмѣщаетъ въ себѣ: 1) насиліе въ собственномъ смыслѣ, 2) причиненіе побоевъ. Насильственное дѣйствіе или просто насиліе въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ извѣстно или въ смыслѣ признака другихъ преступныхъ дѣяній—напримѣръ обиды дѣйствіемъ, побоевъ, разныхъ тѣлесныхъ поврежденій и т. п. или же какъ самостоятельное преступленіе. Въ послѣднемъ значеніи

оно изложено въ 142 ст. уст. о наказ. налог. мир. суд. по наказуемости какъ простое насиліе, такъ и оскорбленіе дѣйствіемъ по нашимъ законамъ сравнены (смотри ст. 133—135 и 142 уст. о наказ. налог. мир. суд.) и то и другое карается арестомъ до 3 мѣсяцевъ.

Также точно сравнены по наказуемости эти преступленія и дѣтей противъ родителей, какъ видно изъ содержанія 2 ч. 1591 и 1534 ст. улож. Но причиненіе побоевъ вообще въ сравненіи какъ съ простымъ насиліемъ въ смыслѣ самостоятельнаго преступленія, такъ и съ очевидно важнымъ и наказуемымъ обидою дѣйствіемъ и по нашимъ законамъ и въ теоріи права считается преступленіемъ болѣе важнымъ.

Если простое насиліе выражается напримѣръ въ такихъ дѣйствіяхъ, какъ бросить человека на землю, вытолкать изъ комнаты, трасти за грудь и за воротъ, подобно обидамъ дѣйствіемъ, заключающимся въ толчкахъ, плеваніи въ лицо и т. п. то побой состоитъ въ причиненіи болѣе или менѣе продолжительныхъ ударовъ, влекущихъ за собою болѣе или менѣе сильныя страданія и болѣзненные ощущенія. Если при простомъ насиліи происходитъ одно моментальное нападеніе на личность, не оставляющее послѣдствій на тѣлѣ, или если при обидахъ дѣйствіемъ страдаетъ только достоинство лица потерпѣвшаго, то при побояхъ, кромѣ достоинства человека, страдаетъ болѣе или менѣе продолжительно его тѣло и даже здоровье.

Такое смѣшеніе простаго насилія съ причиненіемъ побоевъ окажется еще болѣе рѣзкимъ, если мы возьмемъ во вниманіе, что по нашимъ законамъ побой раздѣляется: а) на тяжкіе, подвергающіе жизнь опасности (1489 ст. улож.) б) на побой тяжкіе, но не подвергающіе жизнь опасности (1533 ст. улож.) и с) побой легкіе, подходящіе или подъ одинъ изъ видовъ обиды дѣйствіемъ вообще (133—135 ст. уст. о нак.) и какъ въ преступленіяхъ этого рода дѣтей противъ родителей, законъ нашъ не слѣдуетъ въ точности этимъ подраздѣленіямъ, то и слѣдуетъ заключить, что изъ 2 ч. 1591 ст. улож. выделяется только какъ особый видъ причиненія побоевъ тяжкихъ подвергающихъ жизнь опасности (сравни 1492 и 1489 ст. улож.) а побой не только легкіе, но и тяжкіе, но не подвергающіе жизнь опасности входятъ въ составъ преступленія, содержащагося въ означенной 2 ч. 1591 ст., а слѣдовательно въ ней сравнены по наказуемости, такіа преступныя дѣйствія дѣтей противъ родителей, какъ толчки и причиненіе съ умысломъ довольно, важныхъ и продолжительныхъ ударовъ, причиняющихъ

серьезныя телесныя страданія и оставляющихъ неблагопріятныя послѣдствія для здоровья.

Между тѣмъ несомнѣнно, что относительная важность того и другого преступнаго дѣйствія весьма различна.

Да и по нашимъ законамъ оба эти преступления, взятые вообще, и не по отношенію дѣтей къ родителямъ, значительно различены по тяжести наказанія, а именно простое насиліе, какъ и обиды дѣйствіемъ карается арестомъ до 3 мѣсяцевъ, а нанесеніе тяжкихъ, но не подвергающихъ жизни опасности побоевъ (1585 ст. улож.) преслѣдуется заключеніемъ въ смирительный домъ отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ съ потерей нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Очевидно, что уравниванія по наказуемости тѣхъ же самыхъ преступленій, когда они совершены дѣтьми противъ родителей, — представляется не логичнымъ и не отвѣчающимъ требованіямъ внутренней справедливости.

Причина такого явленія въ системѣ нашего уложенія объясняется очень просто тѣмъ обстоятельствомъ, что въ немъ статьи сгруппированы не по роду преступленій, а отчасти сообразно системѣ нашего свода законовъ, такъ что раздѣлы уложенія отвѣчаютъ извѣстнымъ тонамъ свода законовъ, вслѣдствіе чего однородныя преступленія оказываются разрозненными въ разные раздѣлы, какъ мы видѣли въ разсматриваемыхъ преступленіяхъ дѣтей противъ родителей, а при такомъ методическомъ способѣ легко можно провозвѣсти внутреннее противорѣчіе его постановленій.

Почему представляется необходимымъ: 1) чтобы въ системѣ нашего уложенія о наказ. всѣ преступленія дѣтей противъ родителей расположены были по роду преступленій вообще, а не по отношеніямъ дѣтей къ родителямъ, 2) чтобы въ преступныхъ посягательствахъ дѣтей на личность родителей, были различены по тяжести наказаній: нанесеніе ранъ и другихъ телесныхъ поврежденій болѣе или менѣе тяжкихъ и причиненіе обидъ дѣйствіемъ, при чемъ первыя, какъ болѣе преступныя дѣянія, карались бы болѣе тяжкимъ наказаніемъ, а вторыя — менѣе тяжкимъ 3) чтобы въ тѣхъ же преступныхъ посягательствахъ дѣтей на родителей были различаемы по тяжести наказаній простыя насильственные дѣянія, соответствующія обидамъ дѣйствіемъ, отъ такихъ насилій, которыя выражаются побоями, болѣе или менѣе тяжкими, подобно тому какъ эти преступленія отличены по нашимъ законамъ вообще, безъ отношенія дѣтей къ родителямъ и 4) не пред-

№ 16. Протоколъ засѣданія 22 декабря 1879 года.

Засѣданіе было открыто въ 7¼ часовъ предсѣдателемъ общества А. Θ. Кистяковскимъ, при секретарѣ П. К. Скородели и 20 членахъ общества: Г. М. Барацѣ, Л. С. Бѣлогрицѣ-Котляревскомъ, М. М. Варшавскомъ, Н. Н. Гороновичѣ, А. М. Голденбергѣ, И. Я. Давиденко, В. Г. Демченко, Ф. А. Дѣденколовѣ, Т. И. Дыновскомъ, А. А. Квачевскомъ, Е. Н. Левинскомъ, В. В. Лукомскомъ, Н. С. Моревотунѣ, Ц. Г. Нейманѣ, А. Θ. Соколовѣ, М. А. Севетѣ, В. С. Стрѣльниковѣ, Д. Г. Тальбергѣ, В. Г. Тальбергѣ и Г. Н. Целтнерѣ, и постороннихъ лицахъ.

Въ этомъ засѣданіи были доложены:

1) Протоколъ засѣданія общества отъ 8 декабря 1876 года, который и былъ утвержденъ.

2) Предложеніе предсѣдателя общества о необходимости въ виду окончанія года избрать ревизіонную комиссію для обревизованія денежныхъ суммъ общества, прихода и расхода въ теченіи 1879 года. Опредѣлили: избрать ревизіонную комиссію для указанной цѣли изъ членовъ общества: Д. К. Корволяскаго-Гриневскаго, М. Л. Севета и Д. И. Пихно, которыхъ просить представить докладъ о семъ общему собранію членовъ общества.

3) Отношеніе предсѣдателя Высочайше учрежденной комиссіи для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи, при каковомъ отношеніи прислано 3 полныхъ экземпляра трудовъ комиссіи съ цѣлью вызвать разработку со стороны общества вопросовъ гражданскаго и уголовнаго права, до сего дѣла относящихся. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію, а экземпляры трудовъ комиссіи передать въ бібліотеку общества.

4) Подвергнуты баллотировкѣ и избраны съ 1880 года предложенные въ члены общества въ прошломъ засѣданіи А. И. Хайнацкій, М. С. Еремьевъ и М. Н. Ступинъ.

5) Предложены въ члены общества 1) Н. А. Виноградовъ, 2) Л. А. Астафьевъ, 3) В. Н. Симоновскій.

6) Отзывъ библіотекаря общества о необходимости приобрести для библіотеки общества шкафъ для книгъ. Опредѣлили: приобрести шкафъ для библіотеки общества, для чего отпустить 40 руб. изъ суммъ общества.

7) Докладъ члена общества Д. Г. Тамберга: историческое происхождение существующаго въ уложеніи о наказаніяхъ отъленія насильственнаго похищенія чужой собственности на два вида: разбой и грабежъ—слѣдующаго содержанія:

Постановленія дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ относительно насильственнаго похищенія чужой собственности представляютъ такія особенности, которыя не встрѣчаются ни въ одномъ изъ иностранныхъ уголовныхъ кодексовъ. Разбой и грабежъ составляютъ въ общей системѣ уложенія два совершенно самостоятельныя преступленія, подобно воровству, мошенничеству и т. д.; „похищеніе чужаго имущества, говоритъ 1626 ст. уложенія, смотря по видамъ сего преступленія, признается разбоемъ, грабежемъ, кражею и мошенничествомъ“.

Составляя такимъ образомъ предметъ двухъ разныхъ отдѣленій уложенія, разбой и грабежъ имѣютъ полную самостоятельность относительно опредѣленія преступленія, обстоятельствъ, квалифицирующихъ его, относительно наказуемости и всѣхъ другихъ вопросовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе важное значеніе въ составѣ всякаго преступленія. Въ этомъ, какъ я сказалъ, особенность нашего уложенія о наказаніяхъ. Въ теоріи уголовного права, а также въ иностранномъ законодательствѣ, повсюду то, что у насъ называется грабежемъ, составляетъ не больше, ни меньше, какъ одно изъ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, составляетъ простѣйшій и наиболѣе легкій случай одного и того же преступленія, насильственнаго похищенія чужаго имущества.

Образованіе указанной особенности въ нашемъ правѣ не можетъ не интересовать криминалиста и вполне естественно является вопросъ—каковъ тотъ историческій путь, по которому сложились дѣйствующія нынѣ постановленія о разбоѣ и грабежѣ, и каковъ, вообще, процессъ формированія понятія насильственнаго похищенія чужой собственности въ общемъ ходѣ историческаго развитія правовыхъ идей въ обществѣ?

Тезисъ I. Изучая явленія преступленія и наказанія въ исторіи, мы видимъ, что понятіе нѣкоторыхъ преступленій опредѣляется въ древнѣйшую, первичную эпоху жизни общества, при самомъ зарожденіи закона и суда, другія же болѣе сложныя по составу преступленія выясняются значительно позднѣе. Такъ напр. древнѣйшіе уголовные законы Индіи, Египта, Евреевъ, Рима и другихъ народовъ—говорятъ объ убійствѣ, нанесеніи ранъ, кражѣ и т. д., но въ нихъ не найдемъ мы понятія насильственного похищенія чужаго имущества и мошенничества. Это—преступленія, такъ сказать, сложной конструкціи, и выдѣленіе ихъ въ системѣ преступленій, какъ самостоятельныхъ юридическихъ понятій, составляетъ несомнѣнно продуктъ болѣе развитой юридической жизни и гражданственности.

Подтвержденіе этого общаго историческаго явленія находимъ мы въ нашемъ правѣ; до XIV в. неизвѣстно было понятіе насильственного похищенія чужаго имущества, *разбой*—означаетъ убійство, а грабежъ—всякое насильственное дѣйствіе относительно имущества безъ признаковъ злоумышленнаго присвоенія, но съ корыстною цѣлью. Чѣмъ объяснить себѣ отсутствіе въ законодательныхъ памятникахъ того времени понятія насильно похищеннаго чужаго имущества, какъ не тѣмъ, что въ жизни русскаго общества того времени существовали такіа условія, при которыхъ не могло образоваться рассматриваемое юридическое понятіе. Въ самомъ дѣлѣ грабежъ, соединяя въ себѣ нападеніе на личность и имущество, представляетъ по современнымъ понятіямъ чрезвычайно опасное для общественной безопасности преступленіе; совершаемый открыто, вооруженно и рукой, грабежъ обнаруживаетъ въ преступникѣ закоренѣлость злой воли, большую смѣлость, рѣшимость и открытый протестъ противъ законовъ, гарантирующихъ неприкосновенность частной собственности и личность. Таковы наши понятія; но иначе думалъ человѣкъ первобытной культуры, періода организаціи общества, когда еще живы были традиціи временъ кровавой мести и кулачной расправы; въ представленіи этого человѣка употребленіе открытой силы нисколько не квалифицируетъ похищеніе чужой собственности, вовсе не составляетъ исключительнаго явленія, особенно опаснаго для общества. При этихъ условіяхъ не могло образоваться насильственное похищеніе чужой собственности, какъ *delicta sui generis*. Грабежъ, такъ сказать, терялся въ понятіи убійства, воровства и необходимой обороны, смотря по послѣдствіямъ нападенія.

II. Еще въ XIV—XV вв. разбой, какъ особое преступленіе, называется денежнымъ взысканіемъ въ то время, какъ за другія преступленія за татьбу въ 3-й разъ, государственную измѣну, церковную кражу, поджогъ, и „коневую татьбу“ виновный подвергается смертной казни (Псковская судная грамота, ст. 1 7 и 8); такимъ образомъ — первоначально разбой не считается наиболѣе тяжкимъ преступленіемъ. Но въ эпоху собранія земли Русской, съ централизаціей царской власти въ Московскомъ государствѣ *разбой и татьба* занимають выдающееся и главное мѣсто въ области преступленій и наказаній того времени и Московское правительство очутилось лицомъ къ лицу съ такимъ грознымъ социальнымъ явленіемъ какъ повсемѣстные и постоянные разбои. Съ половины XVI вѣка до конца прошлаго столѣтія идетъ эта борьба, представляя много поучительнаго для историка; къ сомагнію — культурная, такъ сказать, сторона вопроса не входитъ въ предѣлы настоящаго сообщенія, имѣющаго задачу выяснить историческое развитіе насильственнаго похищенія чужой собственности, какъ понятія юридическаго.

Въ нашей историко-юридической литературѣ существуетъ мнѣніе, что разбой Московскаго законодательства означалъ *преимущественно* открытое нападеніе, производившееся шайкой злодѣевъ. Въ пользу этого мнѣнія высказаннаго гг. Калачевымъ, Шалфѣевымъ и Сокольскимъ говорить то обстоятельство, что губныя учрежденія возникали главнымъ образомъ для борьбы съ разбоями, какъ съ тѣмъ-то организованнымъ, именно въ видѣ шакъ, противъ которыхъ оказалось бевсильною приказная администрація; что во многихъ историческихъ памятникахъ позднѣйшаго времени мы постоянно встрѣчаемъ — признаки разбоя, какъ преступнаго дѣйствія, совершаемаго шайкою; наконецъ, что соединеніе въ разбойничьи шайки были преобладающею формою разбоя. Почти всѣ губныя грамоты говорятъ о разбоѣ въ шайкѣ, затѣмъ цѣлый рядъ указовъ 18 в. относится спеціально „къ воровскимъ партіямъ“ „къ разбойничьимъ ватагамъ“ и всѣ мѣры имѣють цѣлю „искоренить разбойниковъ“, соединенныхъ въ шайки; отсюда — посылка военныхъ командъ, врученіе дѣла искорененія разбоевъ военнымъ и тому подобныя мѣры. Если мы къ изложенному прибавимъ то обстоятельство, что законодательство наше до уложенія о наказаніяхъ 1845 года вовсе не знало соединенія въ шайки, какъ обстоятельства, квалифицирующаго преступленія разбоя, то едва-ли можно сомнѣваться въ

томъ, что разбой въ эпоху уложенія и въ законодательствѣ 18 в. означалъ *преимущественно* преступленіе, совершаемое шайкой.

Но этотъ выводъ, разумѣется, не исключаетъ существованія такихъ случаевъ, гдѣ понятіе разбоя сохраняется и при отсутствіи признаковъ шайки, такъ какъ юридическая жизнь того времени не отличалась достаточною опредѣленностью и выдержанностью извѣстныхъ правовыхъ понятій.

III. Грабежъ, какъ преступное дѣйствіе съ злоумышленною корыстною цѣлью присвоенія чужаго имущества—выдѣляется въ законодательствѣ нашемъ только со 2-ой половины прошлаго столѣтія; до этого времени грабежъ означалъ вообще всякое насиліе въ имущественныхъ отношеніяхъ. Въ памятникахъ XIV—XV вв. грабежъ употребляется въ смыслѣ народнаго волненія; въ значеніи самоуправства и, наконецъ, какъ послѣдствіе боя, побоевъ; чаще всего встрѣчается выраженіе „боя и грабежъ“. Обыкновенно обвиненіе въ послѣднемъ присоединялось къ иску о поземельной собственности, въ актахъ постоянно встрѣчаются дѣла о бояхъ и грабежѣ изъ за покосеннаго хлѣба, луговъ, наконецъ, изъ за какихъ либо личныхъ счетовъ, вообще можно указать десятки актовъ, какъ судебныхъ такъ и законодательныхъ, гдѣ „земное дѣло“ тѣсно связано съ боемъ и грабежемъ; напротивъ, нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что въ древній періодъ русскаго права извѣстно было понятіе грабежа, какъ преступленія *сui generis* съ тою же цѣлью, какъ въ кражѣ, т. е. *lucri faciendi causa*. Соборное уложеніе царя Алексѣя Михайловича, новопечатанная статья и другіе памятники Московскаго періода еще съ большею наглядностью убѣждаютъ въ отсутствіи указаннаго понятія; въ концѣ 17 в., напримѣръ, въ одномъ указѣ читаемъ: „а нынѣ вѣдомо.... Великому Государю.... одѣлалось, что въ помѣстіяхъ и вотчинахъ и во всякихъ угодіяхъ межъ ними (т. е. помѣщиками) попрежнему чинятся бои и грабежи“ (п. с. з., 1681 г., № 866), въ другомъ указѣ „предписывается тѣ спорныя земли и всякія угодія размежевать и про насильство и про боя и про грабежъ“ розыскивать и давать очныя ставки истцамъ, (п. с. з., 1681, № 888; 1684 г., № 1073). Одно мѣсто въ соборномъ уложеніи 1649 года даетъ основаніе однимъ видѣть въ немъ постановленіе о мошеничествѣ (Фойницкій), а въ другомъ грабежѣ (Сокольскій); „а которые воры на Москвѣ и въ окрестностяхъ воруютъ, говорятъ ст. 15 гл. XXI уложенія... ходя по улицамъ

людей рѣжутъ, и грабятъ, и шатки срывають... тѣмъ образомъ можно указать тотъ же, какъ писано выше сего о татяхъ“.

Статья эта—для меня служить лишь указаніемъ, что въ юридическомъ сознаніи того времени открытое похищеніе чужаго имущества, начинаеть выдѣляться изъ состава татѣи, но законодательство московское не видѣло еще здѣсь понятія грабежа, какъ преступленія *in genere*. Подтвержденіе этого вывода можно найти въ цѣломъ рядѣ указовъ, какъ предшествующихъ соборному, уложенію такъ и послѣдующихъ. Литовско-русское законодательство съ наибольшою очевидностью указываетъ, что грабежъ не имѣлъ значенія уголовнаго преступленія, подобно разбою и воровству; подобное значеніе грабежа удерживаетъ очень долго въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ оставался въ силѣ Литовскій Статутъ. Въ сводѣ правъ, по которымъ судился Малороссійскій народъ, грабежъ означалъ вообще самоуправный имущественный захватъ.

Воинскіе Артикулы внесли въ наше законодательство начала иноземнаго права; насильственное похищеніе чужой собственности раздѣляется на болѣе и менѣе тяжкіе виды (ст. 185).

Затѣмъ извѣстный указъ 7 апрѣля 1781 года, составлющій эпоху въ исторіи корыстныхъ имущественныхъ преступленій у насъ, раздѣляетъ „воровство“ на три вида: воровство-грабежъ, воровство-кражу, воровство-мошенничество; въ этомъ указѣ грабежъ впервые названъ „воровствомъ“, общимъ терминомъ для болѣе тяжелыхъ уголовныхъ преступленій, и впервые устанавливается въ русскомъ законодательствѣ понятіе грабежа, какъ преступнаго дѣйствія съ цѣлью *animi lucri faciendi*. „Воровство-грабежъ есть когда кто... на кого либо нападетъ, или остановитъ, страдая дѣйствіемъ ...или кого низвернетъ, ограбитъ или что отниметъ“ и т. д.; очевидно—здѣсь имѣется въ виду легкіе, безъ побоевъ, ранъ и увѣчій, случаи насильственного похищенія чужаго имущества. Въ этомъ видѣ, безъ измѣненія текста, понятіе воровства-грабежа принято Сводомъ Законовъ (ст. 726, 727).

Хотя въ нашей литературѣ и существуетъ мнѣніе, что указъ 7 апрѣля 1781 года національнаго, русскаго происхожденія, но болѣе есть основанія думать, что онъ имѣетъ мало общаго съ предшествующимъ русскимъ законодательствомъ. Въ основу его несомнѣнно легло чисто теоретическое положеніе Наказа Екаторины комиссіи уложенія, по которому „воровство бываетъ съ насиліемъ и безъ насилія“. (Наказъ 30 іюля 1767 года, П. С. З., № 12949, гл. X, § 257). Такимъ

образомъ—понятіе воровства-грабежа, какъ особаго вида противо-имущественнаго преступленія, установлено впервые указомъ 7 апрѣля 1781 года въ нашемъ законодательствѣ.

IV. Въ эпоху предшествующую Своду законовъ *разбой и грабежъ* очевидно выражаютъ различныя понятія; такъ въ уставѣ купеческаго водоходства 25 іюня 1781 г. „насилъство-разбой“ различается отъ „воровства-грабежъ“ (П. С. З., № 15176, ст. 43), въ уставѣ благочинія 1782 г. разбой наравнѣ съ убійствомъ, ранами, увѣчиемъ и т. д. отнесень къ числу *личныхъ преступленій*, а воровство всѣхъ трехъ родовъ къ числу „уголовныхъ преступленій противъ имѣнія“. (П. С. З. № 15379, ст. 225, 267, п. 3; 227, 269), въ жалованныхъ грамотахъ 1785 года разбой различается отъ „воровства всякаго рода“, наконецъ, по указу 1811 года „о раздѣленіи всѣхъ преступленій на три степени“ разбой считается преступленіемъ первой степени, а кража свыше ста рублей и неоднократное воровство, слѣдовательно и грабежъ—отнесены къ преступленіямъ второй степени. (П. С. З., 1811, № 24707).

Такимъ образомъ—существованіе раздѣленія разбоя и грабежа въ памятникахъ конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія представляется несомнѣннымъ, но нельзя сказать, чтобы юридическое различіе между этими преступленіями достаточно ясно сознавалось въ законодательствѣ, литературѣ и судебной практикѣ того времени; такъ въ томъ мѣстѣ проекта уголовного уложенія 1813 года, гдѣ редакторы его желали указать на дѣйствующіе уголовные законы параллельно статьямъ проекта, наказуемость грабежа совершенно уравнивается съ наказуемостью разбоя и татбы и говоря о грабежѣ—редакторы упустили вовсе изъ виду указъ 7 апрѣля 1781 года и сослались на указанную выше статью соборнаго уложенія. Далѣе, Гуляевъ, авторъ практическаго изслѣдованія уголовного права, вышедшаго въ 1826 году, вовсе не различаетъ разбоя отъ грабежа; (§ 225, стр. 125 и слѣд.); въ Сводѣ Законовъ наказуемость разбоя и грабежа основывается на одномъ и томъ же указѣ 31 мая 1799 года, по содержанію своему специально относящемуся къ грабежу; наконецъ сельскій судебный уставъ 23 марта 1839 года вопреки буквальному и совершенно ясному опредѣленію воровства-грабежа Свода Законовъ, опредѣляетъ грабежъ, какъ насильственное похищеніе имущества у кого либо съ опасностью для его жизни. (П. С. З., № 12166, прим. къ ст. 220).

Все это показывает на сколько не ясно сознавалось различіе между разбоемъ и грабежемъ не только до изданія Свода Законовъ, но и послѣ него. Последнее обстоятельство представляется особенно страннымъ въ виду того, что постановленія Свода относительно грабежа и разбоя отличается весьма опредѣленною и ясною постановкою вопроса. *„Разбой есть нападеніе на какое либо мѣсто.... для похищенія имущества, производимое открытою силою и съ явною опасностью для самаго лица, насиліемъ угрожаемаго“*; (ст. 679 Свода Зак., изд. 1832); опредѣленіе это почти цѣликомъ взято изъ извѣстнаго проекта уголовного уложенія 1813 года, который не получилъ силы закона и, имѣя авторомъ своимъ германскаго ученаго, едва знавшаго русскій языкъ, составленъ подъ исключительнымъ вліяніемъ нѣмецкой доктрины. Воровство-грабежъ въ Сводѣ опредѣляется подлинными словами, указа 7 апрѣля 1781 г., безъ всякаго измѣненія; относительно грабежа въ Сводѣ есть только двѣ статьи: одна даетъ опредѣленіе преступнаго дѣйствія (ст. 726), другая устанавливаетъ наказуемость грабежа (ст. 727). Грабежъ—согласно опредѣленію Свода—есть простѣйшій видъ насильственнаго похищенія чужаго имущества, безъ нанесенія побоевъ, безъ другихъ насильственныхъ дѣйствій; всѣ болѣе важные случаи отнесены къ разбою.

VI. Задача редакторовъ уложенія 1845 г. была соединить разбросанныя постановленія Свода о разбоѣ и грабежѣ подъ общою рубрикою насильственнаго похищенія чужаго имущества, установить съ большею опредѣленностью относительную наказуемость этихъ различныхъ видовъ одного и того же по природѣ преступленія, восполнить нѣкоторые пробѣлы въ перечисленіи обстоятельствъ, классифицирующихъ преступное дѣяніе въ настоящемъ случаѣ. Такъ слѣдуетъ понимать задачу редакторовъ уложенія 1845 г., но иначе понята она на самомъ дѣлѣ. Редакторы уложенія отнеслись чрезвычайно критически и, по моему мнѣнію, совершенно несправедливо къ постановленіямъ Свода Законовъ. Принятое Сводомъ опредѣленіе признано „несогласнымъ съ общимъ о семъ преступленіи мнѣніемъ“, согласно которымъ, по словамъ редакторовъ уложенія *„разбой должно почитать нападеніе на кого либо открытою силою, для похищенія принадлежащаго или находящагося у него имущества“*. Здѣсь очевидное противорѣчіе, такъ какъ предложенное опредѣленіе представляетъ почти буквальное повтореніе опредѣленія Свода. Ошибочный и неосновательный взглядъ редакторовъ

на постановленіе свода и увѣренность въ томъ, что разбой и грабежъ недостаточно различается—заставили редакторовъ провести это различіе до мелочей.

Постановленія о разбоѣ и грабежѣ не только не сведены въ одну рубрику, а напротивъ того каждою строкой редакторы уложенія желали показать различіе между *разбоемъ* и *грабежомъ*; понятно, что цѣль „предупредить всякое на сей счетъ сомнѣніе“, т. е. относительно различія между этими видами одного и того же преступленія—не могла быть достигнута: во всякой области знанія разграниченіе понятій тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе внутренняго, органическаго сродства между этими понятіями, а между разбоемъ и грабежомъ слишкомъ много сходнаго для того, чтобы представлялась возможность обособить и совершенно разграничить эти виды насильственнаго похищенія чужаго имущества.

Сравнивая въ общихъ чертахъ постановленія о разбоѣ и грабежѣ Сводъ и уложенія 1845 г., нельзя не замѣтить слѣдующую особенность: общія и краткія опредѣленія Свода замѣнены частными и весьма подробными опредѣленіями уложенія, а число относящихся къ разбою и грабежу статей увеличилось больше чѣмъ вдвое, съ 8 до 17. Нѣкоторыя изъ нихъ основаны на постановленіяхъ Свода, но не мало есть статей совершенно новыхъ и заимствованныхъ изъ иностраннаго законодательства (см. прим. къ ст. 2078 проекта). Оцѣнка съ догматичной стороны постановленія уложенія не входитъ въ предѣлы настоящаго сообщенія, а потому въ заключеніе его ограничусь общимъ замѣчаніемъ, что редакторы уложенія, желая объять въ своихъ опредѣленіяхъ все разнообразіе случаевъ дѣйствительной жизни по разсматриваемому вопросу, стремились къ достиженію невозможнаго, такъ какъ никакая самая подробная регламентація не можетъ замѣнить обще выраженное опредѣленіе, которое всегда можетъ удовлетворить требованіямъ судебной практики, поддержать силу и авторитетъ закона, устраняя изъ области примѣненія его всякую казуистику и натяжки, часто неизбѣжныя тамъ, гдѣ много сказано.

Такимъ образомъ—раздѣленіе насильственнаго похищенія чужой собственности на разбой и грабежъ въ нашемъ правѣ явилось подъ вліяніемъ теоретическихъ и чужеземныхъ началъ, а та обрисовка этого раздѣленія—которая существуетъ въ дѣйствующемъ уложеніи—ведетъ свое начало лишь съ 40-хъ г.

Членъ общества *М. С. Блгородъ-Котляревскій* сдѣлалъ слѣдующія возраженія на этотъ докладъ: похищеніе чужой собственности въ его историческомъ развитіи.

Въ настоящемъ своемъ рефератѣ вы только вскользь привели мотивы выставленныхъ вами тезисовъ. Эти мотивы подробно развиты въ вашей работѣ, печатающейся въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Желая ближе познакомиться съ послѣдними, т. е. мотивами, я долженъ былъ прочесть вашу работу и теперь позволю себѣ разсмотрѣть нѣкоторые изъ вашихъ тезисовъ съ точки зрѣнія тѣхъ мотивовъ, которые приведены въ указанномъ журналѣ.

Въ числѣ тезисовъ вашихъ прежде всего обращаетъ вниманіе по смѣлости и новизнѣ постановки—первый, гдѣ вы отрицаете наличность въ древнѣйшій періодъ исторіи нашего права понятія насильственнаго похищенія чужой собственности. Исходной точкой такого вашего взгляда послужила Русская Правда, не упоминающая совершенно ни о разбоѣ, ни о грабежѣ, какъ дуалистическихъ преступленійхъ, направленныхъ въ одно и тоже время на лицо и на имущество. Не находя тамъ названныхъ преступленій, вы стали думать, что, вѣроятно, понятія этихъ преступленій были совершенно чужды прежнему русскому праву; но такъ какъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ вы натолкнулись на опредѣленія, не чужды названныхъ понятій, то, что-бы остаться вѣрнымъ своему основному положенію, вы постарались эти опредѣленія истолковать въ требуемомъ для васъ смыслѣ. Прежде всего вы должны были опрокинуть 7-ю статью договора Олега съ Греками, а затѣмъ 5 ст. договора Игоря съ Греками, статьи, хотя и не употребляющія термина „грабежъ“, но несомнѣнно говоряція о насильственномъ похищеніи чужой собственности, равнозначащемъ понятію нашего времени о грабежѣ. Вы нашли, что эти статьи вѣрлись въ договоры подъ вліяніемъ Грековъ, и ихъ наличность нисколько не нарушаетъ вашего положенія, что понятіе грабежа, какъ насильственнаго похищенія чужой собственности, было чуждо русскому праву. Для меня это послѣднее заключеніе не представляется вполне убѣдительнымъ, такъ какъ еще вопросъ, могли бы ли Греки навазать Руссамъ понятіе о тѣхъ преступленіяхъ, которыя ихъ праву были совершенно чужды; но не останавливаясь долго на договорахъ Олега и Игоря, я спѣшу перейти къ другимъ памятникамъ, болѣе позднимъ, въ которыхъ встрѣчается самый терминъ „грабежъ“. Я говорю о договорѣ Мстислава

Давидовича съ Готландомъ, Ригой и др. городами 1229 года. Такъ какъ вы, что касается этого договора, не повторяете вашей мысли о заимствованіи понятія грабежа отъ иностранцевъ, то я могу прямо ударить на то значеніе, какое вы приписываете понятію грабежа въ этихъ договорахъ и другихъ того же времени актовъ, гдѣ попадаетъ этотъ терминъ. Анализируя значеніе послѣдняго въ нихъ, вы находите, что она выражаетъ вообще насильственный захватъ чужой собственности—въ однихъ актахъ въ смыслъ захвата имущества установленною властью, въ другихъ—въ значеніи самоуправства, въ третьихъ—но о значеніи третьихъ вы одно можете сказать, что въ нихъ нельзя видѣть грабежа въ современномъ значеніи этого слова. Въ заключеніе анализа термина „грабежъ“ вы находите, что онъ скорѣе всего выражалъ самоуправный захватъ чужой собственности и что самый терминъ въ современномъ значеніи его неизвѣстенъ. Съ этимъ послѣднимъ заключеніемъ можно было бы согласиться, если бы вы не утверждали, что понятіе насильственнаго похищенія чужой собственности было неизвѣстно въ древній періодъ исторіи и что признаки выдѣленія этого понятія успѣли обнаружиться лишь только въ XIV и XV вѣкахъ. Я рѣшаюсь стать на противоположную точку зрѣнія; я думаю, что эти послѣдніе признаки скрываются въ тѣхъ самыхъ памятникахъ и выраженіяхъ древнѣйшаго періода, какія вы привели. Вы утверждаете, что понятіе насильственнаго похищенія чужой собственности было неизвѣстно въ древній періодъ и въ то же время говорите, что грабежъ въ этотъ періодъ выражаетъ вообще насильственный захватъ чужой собственности или—что тоже—одинъ изъ видовъ похищенія. Вы не хотите видѣть противорѣчія въ этихъ двухъ положеніяхъ на томъ основаніи, что понятіе грабежа въ приводимыхъ вами выраженіяхъ расплывается; она обнимаетъ разные виды насильственнаго захвата чужаго имущества: и захватъ, совершенный именемъ власти, и захватъ, какъ дѣйствіе народнаго произвола, и захватъ, какъ дѣйствіе личнаго произвола, большею частью выходящаго изъ соображеній осуществленнаго права. Мнѣ кажется, что это послѣднее обстоятельство нисколько не устраняетъ указаннаго противорѣчія потому, что дѣло не въ объемѣ понятія грабежа, а въ томъ, былъ ли грабежъ насильственнымъ захватомъ чужой собственности, такимъ захватомъ, который исчезалъ бы въ другихъ правонарушеніяхъ, какъ напр. разбой въ русской правдѣ исчезаетъ, по вашему мнѣнію, въ преступленіи убійства. Вотъ

этого то послѣдняго обстоятельства мы и не находимъ; понятіе грабежа не только не исчезаетъ въ другихъ преступленіяхъ, а напротивъ это понятіе само поглощаетъ разные виды насильственного захвата чужой собственности. Оно является, значить, ненодчиненнымъ, а господствующимъ, суммою, имѣющею слагаемыхъ. И это вполне естественно. Неразвитая юридическая мысль слишкомъ много придаетъ значенія способу дѣянія и, разъ замѣтивъ сходство въ этомъ способѣ, окрещиваетъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ въ наше время правонарушеній однимъ и тѣмъ же терминомъ. Не мудрено, что право XII и XIII вѣковъ часто именовало дѣянія самоуправства терминомъ грабежа, если и въ наше время попадаются случаи, гдѣ юристъ затрудняется отвѣтить на вопросъ: грабежъ или самоуправство? такъ близки, родственны эти преступленія. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о другихъ дѣяніяхъ, окрещиваемыхъ памятниками XII—XIII вѣковъ терминомъ „грабежа“. Сходство въ способѣ совершенія преступления было той главной причиной, въ силу которой человѣкъ этихъ вѣковъ совершенно различныя въ наше время дѣянія именовалъ однимъ и тѣмъ же терминомъ. На основаніи всего сказаннаго я прихожу къ тому заключенію, что вы были бы совершенно правы, если бы сказали, что въ русской правдѣ мы не встрѣчаемъ понятій насильственного похищенія чужой собственности, но признаки этого понятія, проявившись въ первый разъ въ договорахъ Олега и Игоря, повторяются въ договорахъ 1229 года съ нѣмцами, при чемъ понятіе грабежа получаетъ несоотвѣтственно широкій объемъ, обнимая и самоуправство, и насильственный захватъ чужаго имущества именемъ власти и насильственный захватъ чужаго имущества, какъ актъ личнаго произвола.

Второе мое возраженіе направляется противъ того значенія, какое вы придаете грабежу въ періодъ мѣстныхъ законовъ. Вы не могли отвергнуть, что разбой въ памятникахъ этого времени получилъ значеніе насильственного захвата чужаго имущества съ злоумышленной корыстной цѣлью, но рѣшительно не хотите допустить, чтобы понятіе грабежа, обнимая разные виды противозаконнаго захвата чужой вещи, распространялось бы и на захватъ послѣдней съ корыстнымъ намѣреніемъ присвоенія *lucri faciendi causa*. Вотъ этотъ то послѣдній вашъ взглядъ и паводить меня на сомнѣнія. Анализируя цитаты, вамъ появившіяся и говорящія о грабежѣ, вы не хотите ни въ одной изъ нихъ видѣть корыстной цѣли, какъ стимула преступления. О гра-

бежахъ часто говорится тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о поземельныхъ спорахъ; вы утверждаете, что грабежъ въ этомъ случаѣ большею частью начинался вслѣдствіе этихъ споровъ, а если ихъ не было, то изъ за личныхъ счетовъ между сосѣдами, при чемъ ограбленіе являлось однимъ изъ признаковъ, но никакъ не цѣлью преступнаго дѣйствія. Я не могу представить вамъ акта, гдѣ бы грабежъ начинался по побужденіямъ корысти, ибо не имѣю подѣ руюю соотвѣтствующихъ источниковъ, но думаю, что не будетъ ошибкой предположить, что такіе случаи грабежа не только были, но и должны были быть въ силу примитивныхъ свойствъ человѣческой природы, склонной къ захватамъ чужаго по интересамъ корысти. Тоже обстоятельство, что вы не встрѣтили актовъ, гдѣ бы прямо говорилось о корыстныхъ цѣляхъ, какъ стимулъ грабежа, еще не значить, чтобы грабежа такого рода тогда не встрѣчалось: акты могли не дойти до насъ, такіе, въ которыхъ шла бы рѣчь о грабежѣ названнаго рода; вы могли не встрѣтиться съ ними. Съ другой стороны, вы сами говорите, что иногда наѣзды на чужія имѣнія совершались въ силу личныхъ счетовъ между сосѣдами; въ чемъ заключались эти личные счета, я не нашелъ отвѣта въ вашей работѣ, но не могу не обратить вниманія на то, не могло ли къ этимъ личнымъ счетамъ примѣшаться и корыстное намѣреніе, существенное для понятія грабежа. Разъ оно примѣшивалось, то хотя бы грабежъ былъ вызванъ личными оскорбленіями, возникшими между сосѣдами,—на лицо тотъ грабежъ, понятіе котораго занесено въ современныя законодательства и науку. Не нужно забывать, что для понятія грабежа не требуется, чтобы преступникъ получилъ стимулъ къ своимъ дѣйствіямъ въ расчетахъ корысти; онъ можетъ выходить изъ другихъ мотивовъ; требуется только корыстное намѣреніе, направленное на присвоеніе чужой вещи, но не мотивъ корысти, какъ главный, исходной двигательный нервъ. Кромѣ того не нужно забывать, что поземельныя споры могли возникать по основаніямъ мнимымъ; одинъ сосѣдъ могъ предъявлять права на землю другаго сосѣда безъ всякихъ основаній и затѣмъ силою вторгнуться въ чужое владѣніе, совершить „бой и грабежъ“ и затѣмъ уѣхать. Въ этомъ случаѣ грабежъ остается ничѣмъ инымъ какъ настоящимъ грабежемъ, а не самоуправствомъ.

На основаніи всего сказаннаго я прихожу къ тому заключенію, что едва ли вы правы, отрицая наличность въ мѣстныхъ законахъ

ХІІІ и ХІV столѣтій понятія грабежа, какъ насильственнаго похищенія чужой собственности съ корыстнымъ намѣреніемъ присвоить чужое. Къ сожалѣнію у меня подъ руками не было актовъ историческихъ и актовъ археографической экспедиціи; порывшись въ нихъ я можетъ быть принесть бы вамъ и положительныя основанія противоположнаго вашему взгляда.

Наконецъ, третье мое возраженіе относится къ третьему вашему тезису. Въ послѣднемъ вы говорите, что грабежъ, какъ преступное дѣйствіе съ злоумышленною преступною цѣлью присвоенія чужой собственности, опредѣляется въ законодательствѣ только со второй половины прошлаго столѣтія. Этотъ тезисъ былъ бы вѣренъ, если бы до названнаго вами времени въ законодательныхъ памятникахъ встрѣчалось вообще опредѣленіе какихъ либо преступленій. Разбой также нигдѣ не опредѣляется въ памятникахъ даже 18 столѣтія, а между тѣмъ это нисколько не даетъ изслѣдователю права отказаться уловить понятіе разбоя на основаніи духа, общаго смысла историческихъ памятниковъ. Задача изслѣдователя собственно и заключается въ проникновеніи въ этотъ духъ памятниковъ.

Нельзя, конечно, отрицать трудность въ проведеніи границъ между разбоемъ и грабежемъ въ древнихъ памятникахъ, но едва ли можно сказать, что нѣтъ возможности указать, въ чемъ, главнымъ образомъ, слѣдуетъ искать различіе между разбоемъ и грабежемъ.

Я не занимался спеціально этимъ вопросомъ; тѣмъ не менѣе позволю себѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе по данному вопросу: какъ въ памятникахъ предшествующихъ уложенію 1649 г., такъ и въ семъ послѣднемъ преступленіи „грабежъ“ идетъ рядомъ съ преступленіемъ „боя“; оба эти преступленія нормируются обыкновенно вмѣстѣ. Такое сопоставленіе этихъ двухъ преступленій даетъ основаніе думать, что одно изъ нихъ являлось преступленіемъ противъ лица, другое преступленіемъ противъ имущества. Это послѣднее значеніе принадлежало грабежу, который, надо думать, представлялся ничѣмъ инымъ, какъ явнымъ ненасильственнымъ захватомъ чужаго имущества. Если при этомъ причинялось насиліе лицу, то являлись два преступленія, ясно различаемыя въ уложеніи 1649 г.,—бой и грабежъ. Что грабежъ въ древнихъ актахъ обрисовывается, главнымъ образомъ, какъ преступленіе противъ имущества, это слѣдуетъ не только изъ того, что дѣйствія насилія окрещиваются терминомъ „боя“, но также и изъ того,

что въ древнихъ актахъ терминъ „грабежъ“ часто употребляется, какъ названіе захваченнаго имущества. Такъ, въ одномъ актѣ говорится: „а *грабежи* бы есте всѣ христіанскіе и церковныя поотдавали“. Изъ подобнаго употребленія термина грабежа видно, что въ древности это понятіе такъ тѣсно было связано съ представленіемъ о дѣйствіяхъ человѣка противъ имущества, что самое названіе этихъ дѣйствій не считали неудобнымъ переносить на имущество. На основаніи этого сличенія названія преступной дѣятельности человѣка съ названіемъ предмета послѣдней можно предположить, что въ самыхъ юридическихъ воззрѣніяхъ того времени первое названіе ограничивалось въ своемъ содержаніи вторымъ, т. е. обнимало только сферу имущественную.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ исправить неточность референта; послѣдній говоритъ, что въ уложеніи 1649 г. даже не встрѣчается термина „грабежъ“. Напротивъ, этотъ терминъ нерѣдко употребляется въ уложеніи (см. гл. X, ст. 136, гл. VII, ст. 32, гл. XXI, ст. 15); даже спорная 15 ст. гл. 21 должна разсматриваться, какъ предусматривающая грабежъ. Это заключеніе подтверждается новоуказными статьями 1669 г., (П. С. З., № 441, ст. 14), гдѣ срываніе шапокъ буквально названо грабежемъ.

Д. Г. Тамбергъ отвѣтилъ, что было бы непоследовательно допускать существованіе грабежа въ договорахъ Русскихъ съ Греками и отвергать его по отношенію къ позднѣйшему памятнику—Русской Правды.

В. С. Стрѣльниковъ съ своей стороны указалъ, что въ воинскомъ уставѣ 1716 г.; въ 21 главѣ говорится о грабежѣ; поэтому, въ противность 3 тезису доклада, можно утверждать, что грабежъ извѣстенъ законодательству въ первой половинѣ 18 вѣка (ст. 182, 183, и 185).

Д. Г. Тамбергъ возразилъ, что едва ли выраженіемъ воинскаго устава можно придавать тотъ смыслъ, который извѣстенъ современному намъ русскому уголовному праву, а потому онъ полагаетъ вѣрнѣе относить это понятіе впервые къ закону 1781 года, который и установилъ понятіе грабежа, встрѣчаемое въ современныхъ русскихъ законахъ.

А. Ѳ. Кистяковский замѣтилъ, что если въ исторіи русскаго уголовного права не встрѣчается точнаго опредѣленія грабежа, то существованіе его нельзя отвергать ни въ судебныхъ актахъ, ни въ книгѣ разбойнаго приказа, ни въ уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, ни въ

новоуказанныхъ статьяхъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что по указамъ 1781 и 1799 г. и разбой и грабежъ наказывались одинаково. Въ заключеніе оппонентъ выразилъ надежду, что онъ возвратится еще къ разсмотрѣнію поднятыхъ докладчикомъ вопросовъ въ другое время.

II. К. Скордели въ дополненіе и въ объясненіе 5-го тезиса референта замѣтилъ, что до современной теоріи уголовного права дѣйствительно разбой и грабежъ, какъ заключающіе въ себѣ два элемента — нападеніе на собственность и нападеніе на личность, могутъ разсматриваться какъ преступленія тождественныя, ибо въ обоихъ преступленіяхъ первенствующее значеніе имѣетъ нападеніе на собственность: такъ при разбоѣ, какъ и при грабежѣ, имѣется въ виду главнымъ образомъ открытое отнятіе чужой собственности, а насиліе при семъ совершаемое есть обстоятельство второстепенное, слѣдовательно по своему составу (субъекту, преступному умыслу и моменту совершенія, за исключеніемъ преступнаго дѣйствія) разбой вполне сходенъ съ грабежемъ и съ кражей.

Но не такъ понимали въ 16, 17 и 18 вѣкахъ и даже нынѣ понимаютъ разбой положительныя законодательства: разбой разсматривался какъ нападеніе на личность, а не на имущество, и потому ученіе о разбоѣ помѣщалось въ раздѣлѣ преступленій противъ личности — вслѣдъ за смертоубійствомъ.

Редакторы проекта уложенія 1845 г. въ объясненіи къ ст. 2066 прямо говорятъ, что похищеніе движимаго имущества раздѣляется на два разряда — насильственное (разбой и грабежъ) и похищеніе безъ насилія (кража и мошенничество). Но эту новую теорію о разбоѣ, какъ о похищеніи, при отсутствіи у редакторовъ уложенія твердаго сознанія историческаго различія понятій разбоя, имѣло послѣдствіемъ соединеніе возрѣній свод. закон. уголовн. (ст. 792) съ новою теоріей, чрезъ что произошло смѣшеніе обоихъ возрѣній, (свода и новой теоріи). Поэтому и взглядъ уложенія о наказаніи на разбой находится на рубежѣ между старою и новою доктриною: помѣщая ученіе о разбоѣ въ раздѣлѣ преступленій противъ собственности, тѣмъ не менѣе русскій законъ и прежде (сводъ) и нынѣ (уложеніе) отличаетъ разбой отъ другихъ преступленій противъ имущества. Такъ сводъ (т. XV) называя всякое похищеніе имущества общимъ именемъ похищенія „воровствомъ“ т. е. кражу, мошенничество и грабежъ, не распространилъ этого названія на разбой и тѣмъ указывалъ на другой

составъ этого преступленія—нападеніе на личность (ст. 679 и 792). Тоже дѣлаетъ и уложеніе въ ст. 1627, опредѣляющей разбой какъ нападеніе на кого либо для похищенія, а статья 1637 опредѣляетъ грабежъ какъ открытое „похищеніе“ съ насиліемъ, почему по буквѣ ст. 1627 для совершенія преступленія разбоя не требуется завладѣніе вещью, а лишь одно нападеніе на лицо. Но уложеніе, какъ сказано, не отождествивъ разбой съ грабежемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отнесло разбой къ преступленіямъ противъ собственности, при чемъ отличіе разбоя и грабежа желаетъ видѣть въ различіи размѣра насилія, употребленнаго при похищеніи, т. е. въ элементъ чисто фактическомъ; поэтому и трудно различить по уложенію, гдѣ оканчивается разбой и начинается грабежъ. Объединить оба преступленія—разбой и грабежъ,—какъ преступленія противъ собственности, началъ напѣ кассац. Сенатъ съ рѣш. 1869 г. № 569, когда разбой былъ опредѣленъ только какъ похищеніе чужаго имущества, отличаясь отъ грабежа большею опасностью насилія, причиняемаго при разбоѣ жертвѣ, и тѣмъ избѣгается тотъ дуализмъ, который встрѣчается въ редакціи уложенія, происшедшей, какъ сказано мною, отъ того, что редакторы уложенія 1845 г. не переработали новые русскіе законы подъ вліяніемъ новой теоріи о разбоѣ, какъ о похищеніи, а только дополнили положенія свода законовъ уголовныхъ, т. е. дополнили новою теоріею старую, но не устранили оную и т. о. соединили два несомвѣстимыхъ понятія о разбоѣ—какъ о похищеніи и какъ о нападеніи на личность.

8) Выслушана бесѣда, по предложенному членомъ общества М. М. *Варшавскимъ* вопросу: къ кому по срочному поручительству надлежитъ обращаться сперва со взысканіемъ по ст. 1560 т. X ч. I.

Къ кому по срочному поручительству надлежитъ обращаться сперва со взысканіемъ? (Ст. 1560 X т. I ч.)

Поручительство есть дѣйствительное обезпеченіе обязательства въ томъ смыслѣ, что даетъ возможность, при неисполненіи обязательства однимъ лицомъ, обратиться взысканіе на другое. Это уменьшаетъ вѣроятность не исполненія, тѣмъ болѣе, что признаніе кого либо благонадежнымъ поручителемъ и допущеніе поруки всегда зависятъ отъ усмотрѣнія того, кто имѣетъ права требовать исполненія обязательства.

Поручительство вводитъ въ обязательство постороннее лицо, которое само по себѣ не обязано исполнить обязательство: поручитель только принимаетъ чужой долгъ добровольно, посредствомъ соглашенія съ кредиторомъ. Поэтому поручительство есть *intercessio*.

Поручитель принимает на себя исполненіе обязательства, которое лежит на другомъ лицѣ. Оно, слѣдовательно, предполагаетъ другое, главное обязательство, и только примыкаетъ къ послѣднему, образуя особое обязательство: въ немъ, слѣдовательно, другой элементъ—*accessio*.

Но поручитель берется исполнить обязательство лишь на случай, если бы должникъ его не исполнилъ, слѣдовательно условно: первымъ обязаннымъ лицомъ остается должникъ, поручитель же выступаетъ вспомогательно, субсидіарно.

Изъ этихъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ поручительство, слѣдуетъ, что поручитель не отвѣчаетъ съ главнымъ должникомъ ни корреально, ни солидарно. По свойству корреальныхъ обязательствъ, корсусъ, уплативши кредитору, теряетъ юридическую связь съ другими должниками, такъ что онъ не имѣетъ права требовать отъ другаго должника уплаченной имъ части. Если, слѣдовательно, смотрѣть на поручителя, какъ на корсуса, то этимъ мы отнимаемъ у него право регресса, право, которое поручитель имѣетъ во всѣхъ законодательствахъ. Поручитель не отвѣчаетъ съ должникомъ солидарно: солидарности чуждо понятіе объ *intercessio*, *accessio* и субсидіарности. Солидарность требуетъ одновременности; между тѣмъ, какъ поручитель и должникъ не обязываются одновременно на цѣлое: обязательство поручителя не есть обязательство должника, основаніе долга для того и другаго совершенно различное, поручитель отвѣтствуетъ послѣ должника.

Эти три элемента, составляющіе свойства поручительства, выразились въ римскомъ правѣ въ особомъ средствѣ защиты поручителя: *beneficium excussionis sive ordinis*. Оно состояло въ томъ, что поручитель могъ посредствомъ возраженія остановить противъ себя искъ вѣрителя, требуя, чтобы тотъ обратился прежде къ должнику главному и затѣмъ уже искалъ на немъ. Это возраженіе не имѣло мѣста въ случаѣ отсутствія должника (*absentia debitoris*), въ случаѣ несостоятельности должника, въ случаѣ отказа поручителя отъ этого возраженія и если поручитель злоумышленно отрицалъ поручительство.

Нѣмецкое законодательство различаетъ три рода поручительства: поручительство простое, срочное и поручительство, въ которомъ поручитель ручается какъ плательщикъ. (*Selbstschuldner, Selbstzahler*).

Вотъ постановленія объ этомъ прусскаго уложенія¹⁾:

§ 318: „если кто поручился безъ обозначенія срока, то онъ остается обязаннымъ до тѣхъ поръ, пока существуетъ право кредитора противъ главнаго должника“.

§ 322 „если кто либо поручился на извѣстный и опредѣленный срокъ,... то его обязательство кончается вмѣстѣ съ истеченіемъ опредѣленнаго времени; послѣ истеченія этого времени поручитель вправе требовать отъ кредитора, чтобы онъ освободилъ его отъ поручительства, или же предъявилъ искъ къ обязавшемуся“.

§ 296: „кредиторъ можетъ, минуя главнаго должника, обратиться къ поручителю, если этотъ послѣдній положительно и ясно обязался, какъ плательщикъ (Selbstschuldner, Selbstzahler), или если онъ отказался отъ возраженія, что прежде слѣдуетъ искать на должника“.

Мы видимъ, что при поручительствѣ срочномъ законъ даетъ поручителю право требовать отъ кредитора, чтобы онъ, при неисполненіи обязательства должникомъ, обратился съ искомъ къ главному должнику. Если, въ силу § 297, кредиторъ можетъ, минуя главнаго должника, прямо обратиться къ поручителю, который обязался не какъ простой поручитель и не какъ срочный, а какъ „Selbstschuldner“, плательщикъ, то это объясняется тѣмъ, что обязавшійся, какъ должникъ перестаетъ быть поручителемъ и отвѣчаетъ за одно съ главнымъ должникомъ. Поручитель же простой и срочный всегда имѣютъ *beneficium excussionis sive ordinis*. („Die Rechtswohlthat der Vorausschlage“). Надобно замѣтить, что, по мнѣнію нѣмецкаго юриста Коха, вопросъ: не имѣетъ ли поручитель, поручавшійся, какъ плательщикъ, права отвода, еще спорный²⁾.

Такое право возраженія не допускается, если главный должникъ не находится въ Пруссіи, во-вторыхъ если онъ формально объявленъ несостоятельнымъ и если самъ поручитель отказывается отъ этого возраженія.

По французскому законодательству „поручитель обязанъ произвести платежъ кредитору только тогда, когда не уплатитъ самъ дол-

¹⁾ Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten. § 318, 322, 323, 297, 4 Theil, 14 ff.

²⁾ См. Koch. Allgemeines Landrecht. für die Preussischen Staaten. стр. 247.

жників, на имущество котораго первоначально должно быть обращено взысканіе, развѣ бы поручитель отказался отъ этого права или принялъ на себя обязательство вмѣстѣ съ должникомъ солидарно“.

Изъ всего сказаннаго видно, что общій порядокъ взысканія въ поручительствѣ тотъ, что кредиторъ первоначально долженъ обратиться съ искомъ къ главному должнику, а затѣмъ уже къ поручителю.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія, которыя рисуютъ типъ поручительства, мы перейдемъ къ толкованію 1560 ст. I ч. X т.

Всеобщее и обыкновенное толкованіе 1560 ст. X т. I ч. таково: что если кредиторъ, не получивъ въ срокъ удовлетворенія, обращается въ теченіи мѣсячнаго срока, поставленнаго въ 1560 ст., за удовлетвореніемъ не къ самому должнику, а прямо къ поручителю, то поручитель долженъ быть признанъ отвѣтственнымъ лицомъ предъ кредиторомъ и не можетъ уклоняться отъ платежа подъ тѣмъ предлогомъ, что кредиторъ не обращался первоначально къ должнику. Иначе, говоря, нарушалось бы значеніе срочнаго поручительства, ибо законъ требуетъ, что коль скоро должникъ не заплатилъ въ срокъ, то срочный поручитель отвѣчаетъ, какъ самый должникъ; требовать отъ кредитора предварительнаго обращенія къ самому должнику было бы несправедливо и нерѣдко поставляло бы его въ положеніе невыгодное, (напр. въ случаѣ неизвѣстности мѣстожителства должника).

Въ практикѣ оно такъ и бываетъ: при поручительствѣ срочномъ кредиторъ, пропуская должника, прямо приступаетъ къ поручителю, чтобы, какъ выражаются, не потерять мѣсячнаго срока, который обыкновенно относятъ къ поручителю.

Чтобы имѣть возможность съ точностію опредѣлить степень вѣрности такого толкованія, необходимо обратиться во 1-хъ, къ буквальному толкованію настоящаго закона и во 2-хъ, къ тому источнику, изъ котораго онъ почерпнутъ.

1) Ст. 1560: „если поручительство дано на срокъ, то поручитель отвѣтствуетъ во всемъ капиталѣ и слѣдующихъ на оный процентахъ точно также, какъ и самый должникъ, коль скоро сей послѣдній въ срокъ не заплатилъ; но отвѣтствуетъ токмо тогда, когда обязательство не далѣе, какъ въ мѣсяцъ, представлено будетъ ко взысканію; въ противномъ случаѣ, поручитель освобождается отъ платежа, какъ процентовъ, такъ и капитала“. Буквальный смыслъ этой статьи заключается въ слѣдующемъ: а) что срочный поручитель отвѣтствуетъ на

равнѣ съ должникомъ, т. е. относительно количества долга, а не порядка взысканія; б) должникъ все таки не освобожденъ отъ тѣхъ личныхъ и имущественныхъ преслѣдованій, которыя установлены для всѣхъ вообще должниковъ; с) выраженія: „отвѣтствуетъ только тогда, когда обязательство не далѣе, какъ въ мѣсяцъ представлено будетъ, куда слѣдуетъ, во взысканію“ и т. д., вовсе не доказываютъ, что этотъ мѣсячный срокъ относится къ поручителю: онъ относится къ должнику, и на заимодавца лежитъ обязанность указать фактъ невыполненія со стороны должника обязательства; такъ что поручитель долженъ быть убѣжденъ какъ въ несуществованіи со стороны должника какого нибудь основательнаго спора, такъ и въ томъ, что кредиторъ приобрѣлъ законное право на самое удовлетвореніе должникомъ, но что послѣдній его дѣйствительно не удовлетворилъ. Мѣсячный срокъ, относящійся, какъ мы говоримъ, къ должнику, установленъ въ пользу поручителя, обязывая кредитора не удерживать въ молчаніи требованіе свое съ должника болѣе мѣсяца за срокомъ, чтобы должникъ не имѣлъ возможности къ переводу, отчужденію или скрытію своего имѣнія. Въ практикѣ могутъ представляться слѣдующіе случаи: А заключилъ обязательство съ Б, за котораго В поручился, Б, удовлетворивъ А, взялъ съ него законную платежную росписку, но оставилъ въ его рукахъ обязательство, которое А передалъ Г. Послѣдній обращается съ требованіемъ, помимо Б, къ поручителю В, которому ничего неизвѣстно о разсчетѣ, происходившемъ между А и Б, изъ коихъ у послѣдняго находится, выданная А, квитанція. Второй случай: по началамъ права поручительство бываетъ договоромъ не самостоятельнымъ относящимся къ другому главному договору, обеспеченному поручительствомъ; слѣдовательно поручительство сохраняетъ свою силу только при существованіи главнаго договора. Но если этотъ главный договоръ почему либо признается недѣйствительнымъ, тогда и поручительство падаетъ. На какомъ же основаніи поручитель удовлетворяетъ кредитора по не дѣйствительному обязательству, по которому должникъ навѣрно ему не заплатилъ? Слѣдовательно буквальное толкованіе закона не даетъ намъ права относить мѣсячный срокъ къ поручителю. Напротивъ того, кредиторъ долженъ убѣдить поручителя, что онъ требовалъ, но не получилъ удовлетворенія отъ самаго должника. Что же касается невыгоднаго, будто-бы, положенія, въ которое кредиторъ былъ-бы поставленъ, въ случаѣ неизвѣстности мѣстожителѣства должника, то подобнаго по-

моженія существовать не можетъ, вслѣдствіе установленнаго закономъ порядка вызова должника повѣстками и публикаціями: такъ что кредиторъ, предъявляя искъ къ отсутствующему должнику, не теряетъ своего права на поручителя, который въ свою очередь обезпеченъ. Слѣдовательно право кредитора искать съ поручителя дается ему не прежде, какъ по исполненіи законной обязанности, съ которою тѣсно связано и обезпеченіе интересовъ поручителя.

2) Переходя къ источнику, откуда статья 1560 почерпнута, мы видимъ, что источникъ 1560 ст. обязываетъ кредитора обратиться прежде всего со взысканіемъ къ должнику. Хронологическій указатель свидѣтельствуетъ, что ст. 1560 беретъ свое начало изъ устава о банкротствѣ Высочайше утвержденнаго 1800 года (или полн. соб. закон. Россійск. Имперіи т. XXVI № 19692). По 56 пункту сего устава, „кто изъ поручителей подпишется на срокъ, тотъ отвѣтствуетъ во всемъ капиталѣ съ рекамбію и процентами въ такомъ только случаѣ, когда вексель послѣ протеста, не далѣе, какъ въ мѣсяцъ, представленъ будетъ въ присутственное мѣсто ко взысканію съ должника, въ противномъ случаѣ поручитель освобождается отъ платежа, какъ процентовъ и рекамбію, такъ и самаго капитала“. Мы видимъ, что источникъ закона 1560 ст. не даетъ никакихъ исключеній въ пользу кредитора, долгъ котораго обозначенъ поручительствомъ. И это очень справедливо въ виду той неоспоримой истины, что поручительство можетъ имѣть послѣдствіемъ невыгоду поручителя и составляетъ для него дѣло риска. Рѣшаясь на такой рискъ, поручитель соображается не только съ одною благонадежностью и добросовѣстностью лица, за которое ручается, но съ правилами закона объ отношеніяхъ лицъ, вступающихъ въ договоръ, съ правилами, гарантирующими поручителю, что въ крайнемъ случаѣ отвѣтственность будетъ на него обращена не иначе, какъ въ предѣлахъ закона.

Казна пользовалась постоянно, и теперь еще пользуется, нѣкоторыми привилегіями, когда интересы ея сталкиваются съ интересами частныхъ лицъ. Однако же законы о поручительствѣ и въ дѣлахъ казенныхъ сохранили тотъ общій характеръ, какой они имѣютъ по отношенію частныхъ лицъ между собою: ст. 1992 X т. ч. I обязываетъ казну обращаться сперва къ должнику. И такъ если мы убѣждены, что законы вообще основаны на началахъ справедливости, и если они, какъ мы доказали, даютъ кредитору право взысканія сперва

съ должника, то кредиторъ, на основаніи 1547 ст. X т. ч. 1, не можетъ отступить отъ своего права во вреду третьяго лица, поручителя.

Истецъ, предъявляя искъ къ поручителю и относя къ нему иѣсличный срокъ, встрѣчаетъ часто со стороны поручителя объясненія, что по данному обязательству прежде всего отвѣчаетъ должникъ. Съ другой стороны, если истецъ прежде всего обращается съ требованіями къ должнику, то говорятъ, что кредиторъ потерялъ срокъ искать съ поручителя.

Слѣдствіемъ этого бываетъ то обстоятельство, что кредиторъ, сомнѣваясь, къ кому слѣдуетъ предъявить искъ: къ срочному ли поручителю, или къ должнику, обращается съ искомъ одновременно къ обоимъ и этимъ нарушаетъ прямой смыслъ закона.

Такое одновременное предъявленіе иска къ обоимъ дѣлаетъ срочнаго поручителя солидарнымъ съ должникомъ, тогда какъ понятіе о поручительствѣ, какъ мы видѣли, исключаетъ понятіе о солидарности, которое, на основаніи 1548 ст. 1 ч. X т. не предполагается, а ясно должно быть постановлено въ томъ случаѣ, если нѣсколько лицъ участвуютъ въ обязательствѣ, какъ должники.

Въ заключеніе мы замѣтимъ, что обычное гражданское право, по отзыву Пахмана ¹⁾, не различаетъ, подобно закону, между поручительствомъ „въ платежъ суммы“ и „платежъ на срокъ“: въ томъ и другомъ случаѣ, независимо отъ времени предъявленія иска, взысканіе обращается на поручителя въ томъ случаѣ, когда имущества не имѣется у должника.

Въ дебатахъ по сему вопросу принимали участіе: В. Г. Демченко, А. О. Соколовъ, Е. Н. Левинскій и Н. Я. Давиденко.

В. Г. Демченко по поводу поднятаго г. Варшавскимъ вопроса и отставимаго имъ разрѣшенія этого вопроса, замѣтилъ, что съ точки зрѣнія субсидіарнаго характера поручительства вообще, какой оно получило въ Римскомъ правѣ (въ концѣ его развитія), а затѣмъ и въ новоевропейскихъ законодательствахъ, взглядъ г. Варшавскаго на отвѣтственность поручителей совершенно вѣренъ и послѣдователенъ. Но указанныя законодательства допускаютъ и отступленіе отъ этого общаго

¹⁾ Смолри соч. Пахмана: обычное гражданское право, т. I, стр. 84.

характера поручительства—какъ по волѣ сторонъ, такъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, и по закону, на что указалъ и г. Варшавскій. Къ такимъ отступленіямъ, правда, не принадлежатъ, извѣстныя этимъ законодательствамъ, поручительства срочныя, т. е. ограниченныя извѣстнымъ срокомъ. Эти срочныя поручительства не имѣютъ, впрочемъ, ничего общаго съ нашимъ поручительствомъ въ платежѣ на срокъ. Однакожъ въ числѣ отступленій отъ субсидіарной отвѣтственности поручителей нѣкоторыя западно-европейскія законодательства указываютъ между прочимъ на поручительство объ исполненіи обязательства именно въ установленный срокъ, предполагая въ этомъ случаѣ отказъ поручителей отъ права ссылаться на субсидіарность своей отвѣтственности (саксон. гражд. улож. ст. 1462).—Обращаясь въ нашему законодательству, нужно сказать, что и оно устанавливаетъ субсидіарный характеръ поручительства въ видѣ общаго правила (ст. 1557 и 1558), но, въ сожалѣнію, при этомъ оно—во 1-хъ, такъ далеко отодвигаетъ на второй планъ отвѣтственность поручителей, что дѣлаетъ поручительство обезпеченіемъ весьма неудобнымъ (до закона 1858 г. оно было даже совершенно призрачнымъ), а во 2-хъ, въ числѣ отступленій отъ субсидіарнаго характера поручительства, указываетъ только на одно поручительство въ платежѣ на срокъ, хотя устраненіе субсидіарности возможно, конечно, и у насъ по волѣ сторонъ, и было бы весьма умѣстно въ извѣстныхъ случаяхъ по самому закону, независимо отъ воли сторонъ. Что наше поручительство въ платежѣ на срокъ представляетъ собою противоположность простому поручительству именно въ смыслѣ устраненія при немъ субсидіарности, это, по моему мнѣнію, ясно выражается въ словахъ ст. 1557: „поручительство можетъ быть сдѣлано или токмо въ платежѣ суммы, или вмѣстѣ съ тѣмъ и въ платежѣ ея на срокъ“, и въ словахъ ст. 1560: „.....поручитель отвѣтствуетъ во всемъ капиталѣ и слѣдующихъ на оный процентахъ точно такъ же, какъ и самый должникъ, коль скоро сей послѣдній въ срокъ не заплатилъ“.... историческая ссыла на г. Варшавскаго на банкротскій уставъ принадлежитъ исторіи и не можетъ измѣнить того, что полными словами стоитъ въ дѣйствующемъ сводѣ законовъ. Что касается другихъ доказательствъ г. Варшавскаго, то примѣръ отвѣтственности поручителя по недѣйствительному обязательству противорѣчитъ коренному правилу, что недѣйствительное обязательство не обязываетъ ни главнаго должника, ни тѣмъ болѣе поручителя, указаніе же на невозможность

регресса между коррсальными должниками и на необходимость одновременнаго вступленія въ солидарное обязательство—не согласно съ началами права относительно отношенія между коррсальными должниками и вступленія въ обязательства солидарныя. Въ заключеніе прибавлю, что взглядъ г. Варшавскаго по поднятому имъ вопросу вполне совпадаетъ со взглядомъ г. Самоварскаго, высказаннымъ въ опроверженіе взгляда Муллова по тому же вопросу (см. журн. Мин. Юст. 1866 г. № 7 и 11).

А. О. Соколовъ возражилъ, 1) что мнѣнію русскихъ юристовъ и судебной практикѣ прямо противорѣчитъ положеніе референта, 2) что буквальный смыслъ ст. 1560 показываетъ, что срочный поручитель отвѣтствуетъ какъ самый должникъ и въ этомъ смыслѣ поручитель не пользуется никакими возраженіями относительно порядка отвѣтственности предъ кредиторомъ и 3) иностранные кодексы допускаютъ солидарность отвѣтственности должника и поручителей, а у насъ нѣтъ; кромѣ того гарантія кредитору дается въ постановленіяхъ подобно италіанскому уложенію, которое въ ст. 1931 говоритъ: поручитель, ограничившій свое поручительство тѣмъ же срокомъ, который данъ и главному должнику, отвѣтствуетъ и по истеченіи этого срока, лишь бы кредиторъ въ теченіи двухъ лѣтъ со дня истеченія срока, началъ искъ и продолжалъ его безостановочно.

Е. И. Левинскій замѣтилъ, что ссылка референта на банкротскій уставъ нисколько не подтверждаетъ мысли М. М. Варшавскаго, ибо въ банкротскомъ уставѣ именуется „должникомъ“ всякое лицо, участвующее въ векселѣ, а слѣдовательно и поручитель. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что поручительства на срокъ банкротскій уставъ не знаетъ.

И. Я. Давиденко возражилъ, что толкованіе практики безспорно идетъ противъ положенія референта, и что столь прочно установившееся общепринятое толкованіе ст. 1560 прямо указываетъ на практическую необходимость этого толкованія, основаннаго на *ratio legis*, на желаніе законодателя дать кредитору большую гарантію въ исполненіи его требованій и притомъ на извѣстный срокъ,—безъ всякой постепенности взысканій сперва съ главнаго должника, а потомъ съ поручителя. Последняя форма поручительства имѣется при поручительствѣ простымъ не на срокъ.

Засѣданіе было закрыто въ 11 часовъ вечера.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

ГРЕКОВОСТОЧНАЯ ЦЕРКОВЬ

ВЪ ПЕРІОДЪ

ВСЕЛЕНСКИХЪ СОВОРОВЪ

Ф. А. Терновскаго.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

подзаконное отъ Авраама до Христа. Разумъ развивается, получаетъ понятіе о грѣхѣ; человекъ борется съ матеріею, но падаетъ, потому что благодать еще не избавила его отъ рабства похоти. Во второй половинѣ этого возраста пророки предвозвѣщаютъ царство Божіе, пришествіе Мессіи; современно этимъ пророчествамъ возникаетъ римская монархія, пролагавшая путь христіанству. Третій возрастъ открывается съ пришествіемъ Христовымъ; это возрастъ благодати; при помощи Божіей люди могутъ бороться съ похотію и наследовать жизнь вѣчную. Нельзя опредѣлить продолжительности этого возраста; онъ закончится днемъ послѣдняго суда.

Если благодаря идеѣ о *домостроительствѣ* нашего спасенія исторія человѣчества приобрѣла въ христіанской литературѣ цѣльный видъ и систематическое построеніе,—за то христіанская историографія утратила много прекрасныхъ качествъ, какими обладала исторіографія языческая. Утраченъ былъ здравый прагматизмъ древнихъ историковъ; вмѣсто изслѣдованія о причинахъ событій христіанскіе историки довольствовались указаніемъ на волю Божію или на коварство діавола. ¹⁾ Утрачено было благородное стремленіе изслѣдовать историческую истину безпристрастно, *sine ira et studio*: подъ вліяніемъ предвзятыхъ взглядовъ и нравоучительныхъ соображеній исторія превращалась или въ панегирикъ или въ памфлетъ: язычники, еретики и вообще люди другихъ убѣжденій, чѣмъ историкъ, являлись орудіями и слугами демона: христіане православные и единомышленники съ историкомъ представлялись образцами благочестія и добродѣтели. И не удивительно. Убѣжденіе въ исключительномъ обладаніи истиною и антипатія христіанскихъ писателей къ еретикамъ и язычникамъ были такъ велики, что не допускали историческаго безпристрастія. За исключеніемъ панегирика и памфлета оставалось только молчаніе, болѣе честное, но для исторіи совсѣмъ уже бесполезное. Такъ

¹⁾ Но въ заслугу христіанской литературѣ нужно поставить то, что въ ней отвергнуты—по крайней мѣрѣ въ теоріи—древнія анти-историческія представленія о вліяніи планетъ на жизнь человѣка и о неотразимой силѣ рока. Противъ убѣжденія о *вліяніи планетъ* удачно полемизируетъ св. Василій въ 6-й бесѣдѣ *Шестоднея*; а противъ неотразимой силы рока кратко, но сильно говоритъ Исидоръ Пилусіотъ: „если есть судьба, то нѣтъ закона; а ежели есть законъ, то нѣтъ судьбы. Если есть судьба, то нѣтъ мѣста увѣщанію; а если есть мѣсто увѣщанію, то нѣтъ судьбы“ и т. д.

бы. Осодорить кирскій (V, 37), приветная къ исторіи изгнания св. Іоанна Златоустаго, выражается такъ: „Дошедши до этой части повѣствованія, я и самъ не знаю, что чувствую; ибо, нахвренаясь рассказывать о причиненной Іоанну обидѣ, слышусь съ другой стороны доблести обидчиковъ, и потому попыткаюсь скрыть нѣсколько ихъ... Притомъ событія печальныя, по моему мнѣнію, надобно описывать коротче, и приписывать погрѣшности единичнымъ дѣятелямъ“. Въ этомъ степи мажкомъ и гуманномъ правилѣ заключался тѣмъ не менѣе смертный приговоръ беспристрастной исторіи.

Если исторія челоуѣчества въ христіанской литературѣ была приурочена къ библейскому повѣствованію и освѣщена съ точки зрѣнія библейской идеи о *домостроительствѣ нашего спасенія*,—то свѣденія древняго міра по части естествознанія были приурочены къ библейскимъ днямъ міроздавія и нашли систематизацію въ формѣ *шестодневья*. Многіе св. отцы пробовали свои силы надъ составленіемъ *шестодневья*; (св. Василій великій, св. Григорій нисскій, св. Амвросій медіоланскій) но наиболѣе удачный и богатый свѣденіями опытъ принадлежитъ безспорно св. Василю великому. Для IV вѣка *шестодневье* св. Василия было такимъ же свѣдѣніемъ по естествознанію, какъ для нашего времени *Космосъ* Гумбольдта. Нѣкоторые космологическія объясненія, встрѣчающіяся въ *шестодневьи*, если не основательны, то по крайней мѣрѣ остроумны. Таково напр. размышленіе о томъ, почему земля не падаетъ. „Нѣкоторые естествоиспытатели остроумно доказываютъ, что земля пребываетъ неподвижною вотъ почему: поелику она занимаетъ среднее мѣсто въ мірѣ и во всѣ стороны одинаково отстоитъ отъ прасвъ; то, при недостаткѣ причины увлечься куда-нибудь преимущественно, необходимо остается въ своемъ положеніи... Среднее же мѣсто досталось землѣ не по жребію и не по случаю, но естественно и необходимо. Ибо, если всѣ легкіе небесные элементы помѣщаются въ верхнихъ окраинахъ, то всѣ тяжести должны отсюду устремиться къ срединѣ. А куда стремятся части, туда очевидно соберется и цѣлое... Итакъ не дивись, что земля ни куда ни падаетъ, занимая естественное для нея мѣсто—середину“. Нѣкоторые космологическія разсужденія св. отца и въ научномъ отношеніи совершенно вѣрны, хотя и не имѣютъ научной точности и основываются только на указаніяхъ здраваго

смысла. Таково напр. размышленіе о громадности солнца: „Ты не обманывайся видимостію, и изъ того, что солнце для смотрящихъ представляется величиною въ локоть, не заключаи, что такова дѣйствительная его величина. Ибо на большихъ разстояніяхъ величина видимыхъ предметовъ обыкновенно сокращается... Если ты смотришь когда-ни будь съ вершины высокой горы на обширную и низкую равнину; какими представлялись тебѣ пары запряженныхъ воловъ? каковы были сами земледѣльцы? не казались ли они тебѣ въ видѣ муравьевъ? И если съ башни, обращенной къ великому морю, простираешь ты взоръ вдоль морской поверхности, велики ли казались тебѣ самые большіе острова? и грузный корабль, на бѣлыхъ парусахъ плывущій по лазоревому морю, не казался ли тебѣ меньше всякаго голубя?.. Слѣдовательно небесное свѣтло *сильно* и до безконечности большее, нежели казійтъ представляется. Но яснымъ признакомъ величины солнца можетъ служить слѣдующее. Хотя звѣздъ на небѣ безчисленное множество, однако совокупнаго ихъ свѣта недостаточно, чтобы разсвѣтъ мракъ ночи. Но одно солнце, явившееся на горизонтѣ или даже только еще ожидаемое, не успѣетъ стать совершенно надъ землею, какъ уже и тьма исчезла, и вѣтви имъ помрачены и вѣздухъ, до того сгущенный около земли, разжижается и дѣлается текучимъ... Но, при такой величинѣ земли, какъ можно бы солнцу, въ одно мгновеніе освѣтить ее всю, если бы не изъ великаго круга посыладо лучи свои?... Въ разсужденіи солнца нѣтъ ни ближе, ни дальше... и инды, и британцы видятъ его равными;—ясное доказательство чрезвычайной величины; предъ которою широта земли ничего не значить.“

Идея о цѣлесообразности природы и о премудрости Творца проникаетъ въ размышленія *истоднеса*. Такую цѣлесообразность и разумность усматриваетъ св. Василій и въ мірѣ неодушевленномъ. „Море прекрасно предъ Богомъ, (говоритъ св. отецъ, толкуя слова писанія: *и видѣ Богъ яко добръ*), потому что морская вода служитъ источникомъ всякой земной влаги, расходясь по подземнымъ глубинамъ; прекрасно и потому, что принимаетъ въ себя отвсюду рѣки и потоки;—прекрасно и потому, что служитъ началомъ и хранилищемъ воздушныхъ водъ, ибо, нагрѣваясь лучами солнечными, отлагаетъ отъ себя посредствомъ испаренія тонкія частицы воды, которыя, поднявшись вверхъ и потомъ охлаждаясь, дѣлаются дождемъ и орошаютъ землю.“ Но море прекрасно предъ Богомъ и въ другомъ отношеніи,—потому;

что ограничиваетъ собою острова, и служить для нихъ и краскою, и оплотомъ; еще и потому, что облегчаетъ сношенія между отдаленнѣйшими странами материка, открываетъ путь для мореплавателей, удовлетворяетъ нашей любознательности, обогащаетъ купцовъ, даетъ возможность сбывать излишнее и приобретать необходимое“. Встрѣчая возраженія противъ цѣлесообразности природы, св. Василій принимаетъ тонъ апологета. „Вмѣстѣ съ питательнымъ произошло и вредное; вмѣстѣ съ пшеницею и болиголовъ, и вмѣстѣ съ другими питательными растеніями—чемерица, борецъ, мандрагора и маковый сонъ. Итакъ чтоже? Ужели откажемся благодарить за полезное, и станемъ обвинять Творца за разрушительное для нашей жизни? А не разсудимъ того, что не все создано для нашего чрева?.. Но и изъ ядовитыхъ растеній ничто не сотворено напрасно и безъ пользы. Ибо иное служить на пищу какому-нибудь животному, а иное съ помощію врачебной науки оказывается годнымъ и для насъ, служа къ облегченію какихъ-либо недуговъ. Скворцы питаются болиголовомъ и по устройству своего тѣла не терпятъ вреда отъ яда... Чемерица служить пищею перенеламъ, и они остаются невредимыми. Но этиже растенія и намъ иногда бываютъ полезны. Мандрагорою врачи наводятъ сонъ и онѣумомъ усновываютъ жестокія боли въ тѣлѣ“.

Но еще болѣе не только цѣлесообразности, но даже нѣкоторой индивидуальной разумности находить св. отецъ въ природѣ одушевленной. Правда онъ никакъ не согласенъ признать однородность животныхъ съ человѣкомъ и смѣется надъ философами, учившими о переселеніи душъ. „Убѣгай бредней угрюмыхъ философовъ (читаемъ въ 8-й бесѣдѣ), которые не стыдятся свою душу и душу пса почитать однородными между собою и говорятъ о себѣ, что были нѣкогда и жеманами, и деревьями, и морскими рыбами. А я хотя не скажу, бывали ли они когда рыбами, но всячески готовъ утверждать, что, разсуждая такъ, они были бессмысленнѣе рыбъ“. Но за проявленіями инстинкта въ животныхъ св. отецъ слѣдитъ съ особеннымъ удовольствіемъ, видя въ этомъ доказательство творческой премудрости. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ зоологіи св. Василія. „Есть переходяія рыбы, (читаемъ въ 7-й бесѣдѣ). Онѣ, какъ бы по общему совѣщанію собравшись на переселеніе, всѣ отправляются подъ однимъ знаменемъ. Ибо какъ скоро наступитъ опредѣленное для нихъ время чадородія, поднявшись изъ разныхъ заливовъ, поспѣшаютъ въ сѣверное

море. Въ это время ты увидишь рыбъ, текущихъ какъ бы однимъ потокомъ изъ Пропонтиды въ Евксинскій Понть. Кто же ихъ движетъ? Какое царское повелѣніе? какіе указы, прибитые на площади, возвѣщаютъ о наступившемъ срокѣ? Кто у нихъ проводники? Видимо, какъ Божіе распоряженіе все замѣняетъ собою и доходитъ до самыхъ малыхъ тварей... Выслушай, что едва не говорятъ тебѣ рыбы своими дѣйствіями: *мы для продолженія рода собираемся въ это дальнее странствованіе. У нихъ нѣтъ своего разума, но есть естественный законъ, крѣпко въ нихъ основанный и показывающій, что имъ дѣлать. Поидемъ,—говорятъ онѣ,—въ стѣрное море. Въ немъ вода слаще, нежели въ прочихъ моряхъ, потому что солнце стоитъ надъ нимъ не доло и не излещаетъ изъ него лучами всею годнаго къ питію. А вкусную воду любятъ и обитатели морей, почему часто уплываютъ въ рѣки и стремятся вдаль отъ моря. Поэтому Понть предпочитается ими прочимъ заливамъ, какъ благопріятный къ рожденію и воспитанію дѣтей. Но какъ скоро выполнено желаніе, опять всю толпою возвращаются въ сѣмси. И какая тому причина? выслушаемъ у безмолвныхъ. Стѣрное море,—говорятъ они,—будучи открыто для сильныхъ вѣтровъ, мало мѣшаетъ береговыхъ убѣжищъ: вѣтры легко взволновываютъ его до самаго дна и песокъ мѣшантъ съ волнами. Ктому же оно зимою холодно. Посему рыбы, насладившись имъ во время лѣта, къ зимѣ опять посѣщаютъ въ моря южныя и тихія. Видѣлъ я это и дивился во всемъ Божіей премудрости.—Слышалъ я отъ одного приморскаго жителя, что морской ежъ, животное, конечно, малое и презрѣнное, часто даетъ знать пловцамъ о тишинѣ и бурѣ. Когда предчувствуетъ онъ волненіе отъ вѣтровъ, то взобравшись на какую-нибудь большую скалу, на ней, какъ на якорѣ, съ твердостію выноситъ бурю, потому что тяжесть скалы препятствуетъ волнамъ увлечь его. И какъ скоро мореходцы видятъ ежа на скалѣ, знаютъ, что нужно ожидать сильныхъ вѣтровъ. Никакой звѣздочетъ, никакой халдей, предсказывающій по звѣздамъ воздушныя перемѣны, не училъ ежа, но Господь моря и вѣтровъ и въ маломъ животномъ положилъ ясныя слѣды великой своей премудрости.“*

Переходимъ къ птицамъ и здѣсь изъ многихъ разсказовъ св. Василія отмѣтимъ разсказъ о галціонѣ или зимородкѣ. „Есть морская птица зимородокъ. Она имѣетъ обычай вить гнѣздо у самыхъ береговъ, кладетъ яйца на песокъ и сидитъ въ гнѣздѣ среди зимы, когда отъ

частыхъ и сильныхъ вѣтровъ море выплескивается на сушу. Но вдругъ умолкають вѣтры и морская волна не движется, пока въ теченіе семи дней зимородокъ сидитъ на яйцахъ и выводитъ своихъ птенцовъ. Целому же имъ нужно и кормленіе, то великодаровитый Богъ далъ сему малѣйшему животному и другіе семь дней на возвращеніе птенцовъ. Это знаютъ всѣ мореплаватели, почему и называютъ дни сіи *зимородковыми*... Какія чудеса не совершаются для тебя, созданнаго по образу Божию; когда Богъ для такой, малой, птицы удерживаетъ великое и страшное море, повелѣвая ему быть тихимъ среди самой зимы? Цѣлесообразность въ организмѣ птицъ св. отецъ находитъ, сравнивая птицъ плавающихъ съ хищными. „Разсматривая птицъ, любящихъ воду, найдешь у нихъ ступни не раздѣленные, какъ у воронъ, и не искривленные, какъ у плотоядныхъ птицъ, но широкія и перепончатыя, чтобы удобно было плавать по водѣ и перепонками на ступняхъ, какъ веслами раздвигать воду. Когда замѣтишь, какъ лебедь, опуская шею въ глубину, достаетъ себѣ со дна пищу: и здѣсь откроешь премудрость Создателя, который лебедю далъ шею длиннѣе ногъ, чтобы онъ, запуская ее, какъ уду, добывалъ себѣ пищу, сокрытую въ глубинѣ.“

Инстинктивную разумность птицъ св. Василий видитъ особенно въ коршунахъ. „Кто предвѣщаетъ коршунамъ смерть людей, ополчающихся другъ противъ друга? Ибо увидишь, что безчисленные стаи коршуновъ слѣдуютъ за войсками и по приготовленію оружія закладываютъ о слѣдствіяхъ. А сіе не далеко уже отъ человѣческихъ умозаключеній“.

Въ мірѣ животныхъ четвероногихъ св. отецъ находитъ также цѣлесообразность и разумность. „Къ чему хоботъ у слона? Великому, этому животному и даже величайшему изъ всѣхъ живущихъ на сушѣ, надлежало имѣть громадное тѣло. Если бы дана ему была большая и соразмѣрная съ ногами шея, трудно было бы носить ее, потому что она отъ чрезмѣрной тяжести клонилась бы всегда къ землѣ. А теперь голова соединена у слона съ хребтомъ немногими шейными позвонками, но есть у него хоботъ, вознаграждающій недостатокъ шеи; имъ слонъ достаетъ пищу и черпаетъ питье. Да и ноги у слона безъ составовъ и какъ цѣльные столбы подпираютъ тяжесть тѣла. А если бы замѣнить ихъ нѣжными и слабыми, то не долго бы держалось это животное. Теперь же, какъ нѣкоторые повѣствуютъ, слонъ живетъ 300 и болѣе лѣтъ... Однако и сіе столь огромное по величинѣ животное Богъ со-

творить покорнымъ челоуѣку; когда учишь его, оно понимаетъ и когда бьетъ, терпитъ. А самъ Богъ ясно научаетъ насъ, что онъ все сотворилъ намъ, ибо мы сотворены по образу Создателя*.

Инстинктивную разумность животныхъ св. Василій видитъ преимущественно въ собакѣ. „Песъ не одаренъ разумомъ, но имѣетъ чувство, почти равносильное разуму. Что едва изобрѣли мірскіе мудрецы, просидѣвъ надъ сѣмъ большую часть жизни—разумѣю хитросплетеніе syllogismovъ, —тому песъ оказывается наученнымъ отъ природы. Ибо, отыскивая звѣриный слѣдъ, когда найдетъ, что онъ раздѣлился на многія вѣтви, оббѣгаетъ увлеченія, ведущія туда и сюда, и тѣмъ, что дѣлаетъ, почти выговариваетъ слѣдующее умозаключеніе: *или сюда поворачивай зорь, или сюда, или въ эту сторону. Но какъ ни помыслишь онъ ни туда, ни сюда, то остается ему бѣжать въ эту сторону.* И такимъ образомъ чрезъ отрицаніе ложнаго находитъ истинное. Волѣ ли сего дѣлають тѣ, которые чинно сидя надъ дѣкою и пиша на пыли, изъ трекъ предложеній отрицають два и въ остальномъ находятъ истину?“

Приведенныхъ выдержекъ слишкомъ достаточно, чтобы показать, что св. Василій хорошо зналъ древнихъ натуралистовъ и пересмотрѣлъ сообщаемыя у нихъ свѣденія съ христіанской точки зрѣнія, ища во всей природѣ назиданія. Но справедливость требуетъ прибавить, что наряду съ вѣрными свѣденіями о природѣ св. отецъ приводитъ и невѣрныя, — и что нравственныя и догматическія примѣненія его иногда натянуты. Мы видѣли примѣры удачныхъ примѣненій; посмотримъ и на менѣе удачныя. Вотъ примѣръ нравственнаго приложенія, которое основано на вымышленномъ примѣрѣ изъ естественной исторіи и само въ себѣ шатко и двоице. „Ехидна, самая лютая изъ пресмыкающихся, для брака сходится съ морскою муреною и, свистомъ извѣщая о своемъ приближеніи, вызываетъ ее изъ глубины для супружескаго объятія. И мурена слушается и вступаетъ въ союзъ съ ядовитою ехидною. Къ чему клонится эта рѣчь? Къ тому, что если и суровъ, если и дикъ нравомъ сожитель, супруга должна переносить это и ни подъ какимъ предлогомъ не соглашать и на расторженіе союза. Онъ буенъ? Но мужъ. Онъ панида? Но соединенъ по естеству. Онъ грубъ и своенравенъ? Но твой уже членъ и даже драгоцѣннѣйшій изъ членовъ.—Да выслушаетъ и мужъ приличное ему наставленіе! Ехидна, уважая бракъ, предмѣрительно извергаетъ свой адъ: ужели ты изъ уваженія къ со-

язы не отложишь жестокосердія и безчеловѣчія. Но примѣръ ехидны, можетъ быть, и иначе послужитъ намъ въ пользу; потому что соединеніе ехидны съ муреною есть нѣкоторое ирелюбодѣніе въ природѣ. Да вразумятся же тѣ, которые посягаютъ на чужое брачное ложе; какому премыкающемуся уподобляются они? У меня одна цѣль—се обращать въ назиданіе церквамъ. При такомъ исключительномъ стремленіи все обращать въ назиданіе, научныя требованія отодвигались на самый задній планъ и давалась вѣра самымъ невѣроятнымъ извѣстіямъ, если онѣ казались подтверждающими христіанскую истину. Конечно отъ этого страдала наука и ничего не приобрѣтала религія. Приведемъ въ подтвержденіе этого еще одну и послѣднюю выдержку. „О коршунахъ (египетскихъ) сказываютъ, что они болѣею частію рождаютъ дѣтей безъ взаимнаго сообщенія, и при всемъ томъ бываютъ весьма долговѣчны; ибо жизнь ихъ часто продолжается даже до ста лѣтъ. И сей случай изъ исторіи птицъ возьми себѣ на замѣчаніе вопреки посмѣвающимся нашему таинству, будто бы невозможно родить дѣвъ, сохранивъ свое дѣвство.“

Мы видѣли, въ какой степени успѣшно совершенъ былъ св. отцами и учителями нашего періода пересмотръ интеллектуальнаго наслѣдія древняго міра съ христіанской точки зрѣнія. Посмотримъ что сдѣлали они для выполненія второй и болѣе существенной задачи—истолкованія и примѣненія къ жизни источниковъ христіанскаго вѣроученія и правоученія.

Всѣ святые отцы нашего періода занимались истолкованіемъ библіи, такъ что библія была истолкована нѣсколько разъ. Иные оставили изъясненіе всей или почти всей библіи (Ефремъ Сиринъ, бл. Іеронимъ); другіе истолковали отдѣльныя книги (Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустый), третьи ограничились истолкованіемъ отдѣльныхъ мѣстъ библіи (Исидоръ Пилусіотъ) или частныхъ библиологическихъ вопросовъ (Епифаній Кипрскій). Сама въ себѣ библія по болѣею части проста и ясна и не нуждается въ истолкованіи. „Благодать Духа святаго“, говоритъ Іоаннъ Златоустый, „потому устроила такъ, чтобы свящ. книги были написаны мытарями, рыбаками, скотоводцами, пастухами, людьми простыми и неучеными,—дабы для всѣхъ понятно было читаемое, дабы и ремесленникъ, и слуга, и вдова, и самый малосильный

ныи чловѣкъ пріобрѣтали какую-нибудь пользу отъ слушанія. Ибо не для суетной славы, но для спасенія слушающихъ писали тѣ, которыхъ Богъ удостоилъ благодати св. Духа... Въ самомъ дѣлѣ, кому не понятно все, что написано въ евангеліи? Кто, слыша: *блаженны кроткіе, милостивые, чистые сердцемъ* и другое сему подобное, будетъ имѣть нужду въ учителѣ, дабы уразумѣть это? А знаменія, чудеса, повѣствованія не каждому ли ясны и понятны?" И однако, не смотря на такую простоту и ясность, св. писаніе было разъясняемо, толкуемо и раскрываемо и при Златоустѣ, и до Златоуста, и вѣроятно будетъ разъясняемо до скончанія вѣка. Проблема всегда состояла въ томъ, чтобы установить отношеніе между библіею, какъ основнымъ и вѣчнымъ источникомъ христіанскаго вѣроученія и правоученія,—и духомъ извѣстнаго времени съ его міросозерцаніемъ, нравами и обычаями. Такимъ образомъ исторія толкованія св. писанія въ сущности есть ничто иное, какъ исторія постоянныхъ компромиссовъ между простымъ и буквальнымъ смысломъ библіи и тѣмъ, что хотѣли найти въ ней люди извѣстной эпохи ¹⁾. Въ сущности это—таже Сизифова работа, которая имѣетъ мѣсто при постоянной ломкѣ философскихъ системъ, но работа, которая совершается въ другихъ, болѣе ограничительныхъ для дѣятельности, условіяхъ. Разсматриваемое нами время не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Разница только въ томъ, что св. отцы нашей эпохи имѣли болѣе талантовъ, болѣе работы и болѣе свободы въ истолкованіи источниковъ христіанскаго вѣроученія и правоученія, чѣмъ всѣ послѣдующіе церковные писатели.

Собственно герменевтическое значеніе имѣетъ едва ли десятая доля всѣхъ толкованій библіи, написанныхъ отцами нашего періода. Таковы нѣкоторыя объясненія Ефрема Сиріина, заимствованныя изъ восточныхъ обычаевъ. Такъ,—объясняя то обстоятельство изъ исторіи завѣта Авраама съ Іеговою, что Авраамъ, по повелѣнію Божію, взялъ трехлѣтнихъ телицу, козу и овна, разсѣкъ ихъ по поламъ и положилъ одну часть противъ другой,—(Бытія XV, 9—10) св. отецъ говоритъ: „изъясненія на сіе мѣсто надобно искать въ обычаяхъ халдеевъ. У нихъ былъ обычай, чтобы клянущіеся проходили среди разсѣченныхъ тру-

---

¹⁾ Мы не имѣемъ въ виду въ этомъ случаѣ комментаріевъ археологическаго свойства, имѣющихъ чисто-научный характеръ.

цовъ животныхъ и каждый притомъ произносилъ установленныя слова: *не даѣ Богъ, чтобы со мною тоже случилось!* Поелику же Авраамъ по происхожденію былъ халдей, то Богъ и благоволилъ заключить съ нимъ заветъ, сообразно съ его отечественнымъ обычаемъ". Таковы нѣкоторые филологическіе и топографическіе комментаріи въ толкованіяхъ блж. Іеронима. Таковы объясненія трудныхъ мѣстъ писанія въ письмахъ Исидора Пилусіота, поражающія своею прямою и здравомысліемъ. Вотъ напримѣръ отвѣтъ на вопросъ: какъ должно разумѣть слова: *еще око твое и рука твоя соблазняетъ тя, отступы ю* (Мѣ. 6, 29—30)? „Окомъ и рукою десною Христосъ называлъ близкихъ намъ друзей, готовыхъ помогать намъ, какъ глазъ и рука. Если кто-либо изъ такихъ друзей дѣлается виновникомъ соблазна и погрязаетъ во грѣхѣ, который и насъ тревожитъ и его безчеститъ, то нужно отсѣчь такого друга". (Письм. 83). Или вотъ еще напр. объясненіе весьма труднаго мѣста въ посланіи Павла (1 Кор. 15, 29): *еще отнюдь мертвіи не возстаютъ, что и крещаются мертвыхъ ради?* „Мертвыми апостолъ называлъ тѣла, сравнивая ихъ природу съ природою души; ибо душа нескончаема и бессмертна, а тѣла тлѣнны и подвержены измѣненію. Когда мы крещаемся ради мертвыхъ по своей природѣ тѣлъ, то вѣруемъ, что приведемъ ихъ въ нетлѣніе. Таково объясненіе словъ апостола. — *Аще же,*—говоритъ онъ,—*отнюдь тѣла наши не воскреснутъ,* то для чего и вѣруемъ, что крещеніе бываетъ для нихъ залогомъ нетлѣнія?" (Пис. 221.) За исключеніемъ подобнаго рода толкованій, которыя по своей основательности или по крайней мѣрѣ по остроумію остаются вѣчнымъ приобрѣтеніемъ библейской экзегетики,—остальныя толкованія отцевъ нашего періода заключаютъ въ себѣ болѣею частію амплификацію библейскаго текста и примѣненіе его въ моральнымъ потребностямъ времени. По простотѣ, ясности, непринужденности и изяществу изложенія предпочтительнѣе другихъ толкованія и примѣненія св. Іоанна Златоустаго. Этотъ св. отецъ обладалъ поистинѣ евангельскимъ духомъ,—и въ его примѣненіяхъ также рисуется быть обитателей византійской имперіи IV—V вв., какъ въ притчахъ Христа Спасителя—быть обитателей Галилеи,—съ тѣмъ существеннымъ сходствомъ, что и тамъ, и тутъ мысль слушателя отъ обыденныхъ житейскихъ образовъ переносится въ міръ духовныхъ и вѣчныхъ отношеній. Вотъ напр. толкованіе псаломскаго изреченія: *обаце есугъ мятется всякъ челоустъ асимый?* (Пс. 38. 67). „Посмотри, возлюбленный, не морю ли подобны

дѣла человѣческія? Не такъ ли, какъ во время бури морской, носимся мы во всѣ стороны?... Этотъ у того отнять помѣстье; такой-то у такого-то сманилъ слугу; одинъ судится съ сосѣдомъ за воду; другой тягается за воздухъ. Одни ссорятся за межи; другіе жалуются другъ на друга изъ-за постройки домовъ. Одинъ старается получить то, чего не далъ; другой оправдывается въ неотдачѣ того, что получилъ. Одинъ сокрушается отъ бѣдности, другой тревожится отъ богатства. Бѣдняка презираютъ, богачу завидуютъ. Начальника подозрѣваютъ, властелина ненавидятъ; лихоимство царствуетъ, ложь въ почетѣ, взаимная любовь другъ ко другу исчезла, правда оставила землю, дружба простирается не дальше трапезы. Изъ-за денегъ жизнь стала безжизненна; за деньги мы продали стихіи; мосты по дорогамъ содержатъ мытари; земля раздѣлена на участки; вода также нашла себѣ владѣльцевъ. Богачи таютъ отъ заботъ; ростовщики сохнутъ отъ многой думы; сребролюбцы ниспровергаютъ законы въ судилищахъ; купцы борются съ затрудненіями; клеветники торгуютъ обманомъ. *Обаче оуе маетеся есакъ челоуѣкъ живый.*“ Приведемъ еще толкованіе одного псаломскаго стиха (Пс. 4. 5), замѣчательное и потому, что здѣсь между прочимъ высказывается любимая мысль Златоустаго, что челоуѣку стоять только—такъ сказать—протянуть руку, чтобы взять даруемое ему Богомъ спасеніе... „Есть у тебя свитокъ, въ которомъ ежедневно вносишь расходы своя; равнымъ образомъ, пусть совѣсть будетъ у тебя свиткомъ, въ которомъ записывай ежедневно грѣхи свои. Когда ты ляжешь на постель свою и никто уже не мѣшаетъ тебѣ, то, прежде нежели придетъ къ тебѣ сонъ, положи предъ собою свитокъ—совѣсть свою, и вспомни грѣхи свои, совершенные словомъ или дѣломъ или помышленіемъ, ибо это внушаетъ намъ пророкъ, говоря: *изтѣвайтесь и не согрѣшайте, яже млаголете въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ умилитеся* (Пс. 4. 5). Днемъ ты не имѣлъ времени, ты занятъ былъ или тяжбою или исполненіемъ порученнаго тебѣ дѣла; тебя развлекали бесѣда съ друзьями, домашнія нужды, попеченіе о дѣтяхъ, забота о женѣ и множество другихъ дѣлъ. Но когда придешь къ ложу твоему, чтобы дать покой членамъ твоимъ, и никто уже тебя не беспокоитъ, никто не докучаетъ тебѣ, тогда скажи душѣ своей: *разсмотримъ, душа моя, что мы сдѣлали добраго или худаго въ этотъ день!* И если что-нибудь доброе ты сдѣлалъ, то возблагодари Бога; если же—худое, то удержишься отъ сего

впередъ, и, вспоминая грѣхи свои, прошеи слезы; ты можешь, не поднимаясь съ ложа, отирать ихъ.“

Но наряду съ толкованіями трогательными и назидательными, встрѣчаются въ церковной литературѣ нашего періода толкованія натянутыя и произвольныя, болѣе затемнявшія, нежели разъяснявшія св. писаніе. Эта натянутость толкованій зависѣла прежде всего отъ стремленія искать назиданія вездѣ,—даже тамъ, гдѣ прямой смыслъ писанія не давалъ для этого никакого права. Какое—по видимому—назиданіе можно сдѣлать изъ надписавія псалма: *ο τοσίτης?* (По переводу LXX *ὁ τὸν ληψών*, точнѣе съ еврейскаго: *на искомомъ орудіи*. Пс. 80). Но св. Григорій нисскій находитъ возможнымъ сдѣлать слѣдующее назидательное толкованіе. „Точило есть орудіе винодѣлія; изъ выжимаемыхъ въ немъ гроздовъ выходитъ вино. Но если вино вытекаетъ изъ гроздовъ гнилыхъ или незрѣлыхъ, то оно скоро портится и дѣлается негоднымъ къ питью, прелгаясь въ нѣчто, подобное уксусу... Если же въ точило вложенъ гроздь добраго качества и зрѣлый; то изъ грозда потечетъ вино сладкое и благовонное... Посему, о чемъ же внушаетъ намъ наипаче заботиться эта загадка о гроздѣ? О томъ, чтобы обогащалась наша сокровищница человѣческаго ума, а эта сокровищница есть надежда; въ ней хранится разный запасъ для нашей жизни... Въ точилѣ каждой души, (а точиломъ служить совѣсть), гроздь дѣлаетъ намъ вино на послѣдующую жизнь, и каждому по необходимости придется вкушать отъ собственныхъ трудовъ, какіе бы они ни были“ и т. д. Стремленіе въ нравственному назиданію побуждало даже толкователей св. писанія отстранять дѣйствительные библейскіе факты, не мирившіеся съ аскетическими идеалами вѣка, и превращать ихъ въ символы. Такъ какъ простое житіе ветхо-завѣтныхъ патріарховъ, въ особенности же ихъ многоженство, казалось съ точки зрѣнія IV вѣка страннымъ и непоучительнымъ, то св. Амвросій медіоланскій въ своемъ толкованіи придаетъ патріархальнымъ временамъ символическое значеніе. Авраамъ представляется, какъ олицетвореніе вѣры; Исаакъ—какъ образъ чистой души, соединившейся съ Богомъ; Іаковъ какъ идеаль терпѣнія и постоянства въ трудѣ. Изъ женъ Іакова Рахиль служитъ символомъ созерцательной, а Лія—дѣятельной вѣры. Впрочемъ въ аллегорическомъ толкованіи Библии писатели нашего періода шли по слѣдамъ древнихъ александрійцевъ (Ср. 1 вып. стр. 25, 189—190).

Еще болѣе неблагопріятна была для правильнаго пониманія библіи привычка брать довольно неразборчиво пояснительные примѣры и подобія изъ современнаго византійскаго быта, часто ненормальнаго, во всякомъ случаѣ имѣвшаго только условную значимость. Для людей, пережившихъ и осудившихъ эпоху иытовъ, нѣсколько странно звучитъ приглашеніе Іоанна Златоустаго къ самоиспытанію, сдѣланное въ терминахъ, напоминающихъ иыточный процессъ. „Когда начнешь разсуждать самъ съ собою, то всѣ свои помыслы растяни какъ бы посредствомъ мучительнаго орудія и когтями страха Божія оскребай ихъ“. Отношенія подданныхъ къ царю, рабовъ къ господину, и возникающія при этомъ чувства страха и подобострастія постоянно представляются церковными писателями, какъ образецъ для объясненія духовныхъ и вѣчныхъ отношеній. Отъ этого съ одной стороны затемнялось правильное пониманіе нравственныхъ обязанностей, съ другой стороны придавалась религиозная санкція общественнымъ учрежденіямъ, временнымъ и несовершеннымъ.

Не ограничиваясь истолкованіемъ отдѣльныхъ мѣстъ св. писанія въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ они стоятъ въ библіи, церковные писатели нашего періода дѣлали опытъ группированія и систематизированія текстовъ св. Писанія для оправданія извѣстныхъ догматовъ, представлявшихъ собою отвѣтъ на вопросы современной религиозной мысли. Вопросы религиозной мысли были совершенно различны на востокѣ и на западѣ. Западъ разсуждалъ о человѣкѣ въ его отношеніяхъ къ Божеству, — о свободѣ, о благодати, о предопредѣленіи, о первородномъ грѣхѣ, о степени немощи и испорченности человѣческой природы; единственная крупная ересь, возникшая на западѣ и волновавшая западъ, было пелагианство. Востокъ напротивъ того былъ занятъ размышленіями о Божествѣ самомъ въ себѣ, о взаимномъ отношеніи лицъ св. Троицы, объ отношеніи во Христѣ двухъ природъ божеской и человѣческой. Движеніе религиозной мысли на востокѣ было многозначительнѣе, чѣмъ на западѣ, какъ по содержанію догматовъ, такъ и по силѣ умственнаго напряженія, и потому наконецъ, что окончательное опредѣленіе догмата совершалось на *вселенскихъ соборахъ*, которые имѣли мѣсто только на востокѣ. Догматическому опредѣленію предшествовала долгая литературная борьба, которая большею частію не заканчивалась и послѣ соборнаго рѣшенія. Въ эпоху борьбы борящіяся стороны не могли, подобно древнимъ философамъ, утверждать свое мнѣніе только

субъективными соображениями, но должны были основываться на авторитетѣ св. Писанія и древнихъ его истолкователей. Интересъ борьбы побуждалъ къ внимательному изученію св. Писанія, сосредоточивавшемуся особенно около тѣхъ текстовъ, которые давали собою ключъ къ извѣстному рѣшенію догматическаго вопроса. (Таковы напр. тексты: *Господь созда мя начало путей своихъ въ дѣла своя*. Притч. 8, 22. Или: *о дни же томъ и часть никтоже вѣсть, ни ангелъ божій, ни Сынъ, только Отецъ* Мр. 13, 32.) Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе умножались церковные авторитеты, тѣмъ болѣе сужался кругъ свободнаго размысленія даже подъ руководствомъ библии, и церковная литература обречалась на молчаніе и безплодіе. Но въ эту эпоху, о которой у насъ идетъ рѣчь, возможно было еще разнообразіе догматическихъ мнѣній у писателей, одинаково православныхъ и одинаково калонизованныхъ. Существовали даже современно два богословскихъ направленія, изъ которыхъ каждое имѣло на своей сторонѣ православныхъ и уважаемыхъ писателей. Эти направленія не совсѣмъ точно называются *антїохійскимъ* и *александрійскимъ* и съ болѣею точностію могутъ быть названы *умпренно-раціоналистическимъ* и *супра-натуралистическимъ*. Въ второму направленію принадлежать изъ отцевъ церкви разсматриваемаго періода св. Афанасій великій, св. Василій великій, св. Григорій Богословъ, св. Кириллъ александрійскій; къ первому—св. Іоаннъ Златоустъ, бл. Теодоритъ кирскій, Іоаннъ антїохійскій, св. Флавіанъ константинопольскій. Изъ вселенскихъ соборовъ на I и III преобладало направленіе супра-натуралистическое, на II и IV—умпренно-раціоналистическое. Говоря это, мы сообщаемъ только результаты докторской диссертациі А. П. Лебедева, *вселенскіе соборы IV и V вѣка*, (М. 1879) къ которой и отсылаемъ нашихъ читателей.

Въ заключеніе изложенія литературныхъ трудовъ по изученію библии нельзя не упомянуть о попыткѣ дать содержанію библии одеждѣ изысканныхъ образцовъ древней эллинской поэзіи. Такъ св. Григорій Богословъ въ звучныхъ ямбахъ исчислялъ каноническія св. книги, евангельскія чудеса и притчи; Аполлинарій е. лаодикійскій, изъясняя евангелія и дѣянія апостольскія, излагалъ содержаніе ихъ въ формѣ разговоровъ, подражая Платоновымъ діалогамъ; императрица Аеннанда-Евдокія изображала содержаніе библейской исторіи въ стихотворной формѣ героической поэмы,

Монашество. Иноческая литература. Распространеніе
иночества. Новые виды иноческихъ подвиговъ.

Монашество въ настоящемъ періодѣ усилилось болѣе прежняго и стало считаться желанною пристанью послѣ житейскихъ бурь и прямымъ путемъ къ царству небесному. Въ золотой вѣкъ христіанской литературы, когда большинство церковныхъ писателей было проникнуто иноческимъ міросозерцаніемъ, естественно должна была возникнуть специально-иноческая литература, въ которой иночество находило бы для себя и оправданіе, и возбужденіе къ подвигамъ, и руководство. Такимъ образомъ специально-иноческая литература можетъ быть рассматриваема какъ *α.*, *апологетическая β.*, *умилительная γ.*, *руководственная* (старческая).

Иночество, не смотря на свою распространенность и сообразность съ духомъ времени, все-таки нуждалось въ апологіи. Упорные язычники относились къ инокамъ съ ненавистію и презрѣніемъ. Такъ языческій историкъ Зосима называетъ иноковъ — людьми негодными ни къ войнѣ, ни къ чему либо иному въ гражданской жизни. Христіане, воспитанные на классической литературѣ, также находили въ иночествѣ много страннаго и особенно порицали иноковъ за пренебреженіе къ наукѣ и стремленіе достигнуть совершенства однимъ усиленіемъ воли, такъ сказать, однимъ скачкомъ. Такъ Синезій, въ послѣдствіи епископъ пентапольскій, называя монаховъ *варварами* въ противоположность образованнымъ еллинамъ, говоритъ слѣдующее: „я тщательно наблюдалъ варваровъ, которые, рѣшившись вести жизнь созерцательную, удаляются отъ гражданской службы и людскаго сообщества, какъ бы желая всѣми мѣрами отрѣшиться отъ узъ природы. У нихъ есть благочестивые гимны, священные символы и другія моленія и доступъ къ божественному: все это подлинно отдѣляетъ ихъ отъ обращенія съ матеріею: они проводятъ жизнь въ уединеніи и не позволяютъ себѣ ничего пріятнаго для зрѣнія и слуха. *Ибо они не пьютъ хлѣба и не пьютъ искристата вина;* кто скажетъ это объ нихъ, не погрѣшитъ противъ истины. Но и они, такъ блистательно возставая противъ природы и, можно сказать, будучи весьма достойны блаженной жизни, не могутъ не утомляться, не могутъ имѣть свой умъ постоянно горѣ.“ Синезій порицаетъ иноковъ за то, что они наполняютъ свои досуги руководльемъ, а не наукою. „Я знаю“, говоритъ Синезій, „что я человѣкъ, а не богъ, чтобы быть равно-

душишимъ во всякому удовольствіи; также и не животное, чтобы предаваться удовольствіямъ тѣлеснымъ. Остается, чтобы мы поискали чего-нибудь среднего. Но что же это среднее, какъ не тотъ досугъ, который употребляется на науки? Какое удовольствіе чище? Или какая страсть безстрастнѣе? Въ этомъ я предпочитаю елима варвару (т. е. человѣка классически образованнаго—безграмотному пустынножителю). Если же кто идетъ инымъ путемъ, то мнѣ кажется вовсе не идти. Ибо что это за путь, на которомъ не видно никакой постепенности, нѣтъ ничего ни прежде, ни послѣ,—однимъ словомъ нѣтъ опредѣленнаго порядка?" Наконецъ много было порицателей монашества, которыми казались невыносимы для природы человѣческой его строгіе обѣты. Таковы были на западѣ пресвитеръ Вигиланцій и два монаха Сармаціонъ и Барбаціонъ, о которыхъ св. Амвросій медіоланскій говоритъ слѣдующее: *vaniloqui homines, qui dicunt nullum esse abstinentiae meritum, nullam frugalitatis, nullam virginitatis gratiam, pari omnes aestimari pretio, delirare eos, qui jejuniis castigant carnem suam et menti subditam faciant etc.* Такъ какъ подобныя восклицанія о невыносимости и бесполезности монашества основывались на инстинктахъ, общихъ всему человѣчеству, то не удивительно, что они слышались какъ на западѣ, такъ и на востокѣ.

Но монашество имѣло на своей сторонѣ сильныхъ апологетовъ. Таковъ былъ прежде всего св. Григорій Богословъ. Свою апологию монашества св. Григорій изложилъ въ стихотвореніи: *похвала дѣвству*. Здѣсь, олицетворяя *дѣвство* и *супружество*, св. Григорій заставляетъ ихъ диспутировать между собою о преимуществахъ. *Супружество* указываетъ на тягость *дѣвства*; дѣвство—на скорби *супружества*. *Супружество* говоритъ: „жизнь безъ любви не полна, сурова, мрачна, бездомовна и любить скитаться по горахъ: она не спасаетъ отъ страданій, не врачуетъ дряхлой старости, не даетъ родителямъ оживать въ своихъ дѣтяхъ, не скрѣпляетъ жизни пріятными связями. Не обязавшіеся супружествомъ не находятъ себѣ удовольствій ни въ народныхъ собраніяхъ, ни на пиршествахъ; но угрюмы и чужды для міра... и въ сердцѣ ихъ нѣтъ единодушія съ людьми.“ *Дѣвство* съ своей стороны заявляетъ, что и супружество представляетъ собой далеко не непрерывную цѣнь радостей. „Жена похищаетъ себѣ мужа, а что всего хуже, часто и не добраго. И у мужа жена купленная, и не рѣдко ненавистная; это такое зло,—второе самъ онъ на себя на-

дожилъ и котораго сложить не можетъ... Положимъ, что супруги не худы и единодушны, но тяжкая доля постигала не рѣдко и новобрачныхъ. Нынѣ женихъ; а завтра мертвецъ... Сперва дѣва, потомъ супруга, потомъ вдова; и все это иногда въ одну ночь и въ одинъ день... Умолчу о болѣзняхъ дѣторожденія, о ношеніи въ чревѣ мертваго бремени, о жалкомъ и немѣющемъ матери илодѣ, когда рождающая дѣлается для него сперва гробомъ, а потомъ рождаетъ; о смерти младенцевъ до ихъ рожденія, о чревоношеніи бесплоднымъ; умолчу о произведеніи на свѣтъ недоношенныхъ, скудоумныхъ и уродовъ,—объ этомъ искаженіи человѣческаго рода, объ игрѣ плоти. Если кто взвѣситъ это и посмотритъ, куда потянуть вѣсы; то всякому благоразумному откроется, что дѣвственная жизнь сильно тянетъ вверхъ, къ царствующему въ вышнихъ Богу“.

Разсматривая вопросъ со стороны пользы для человѣчества, *супружество* указываетъ на рядъ превосходныхъ людей, которые—разумѣется—обязаны ему своимъ существованіемъ. „Добрыхъ не земля изъ себя породила, какъ это говорятъ о чудовищномъ племени исполиновъ; но всѣ они—и порожденіе, и слава супружества... Представлю сильнѣйшее доказательство, въ пользу супружеской любви,“ говоритъ *супружество*. „И Христосъ воплотился, хотя въ чистой, однако въ человѣческой утробѣ, и родился отъ жены обрученной, половину человѣческаго супружества принявъ въ соединеніе съ божествомъ... Да и дѣвственники, какъ и всѣ, мой родъ.“ Возраженія *отца* таковы: „если восхищаешься мудрыми, потому что они отъ тебя родились, то представь и порока негодныхъ, для которыхъ ты составляешь корень... Всякому извѣстно, что въ какой мѣрѣ праха болѣе нежели золота, въ такой же—и порочные многочисленнѣе добродѣтельныхъ... Притомъ смертный, ни худой, ни добрый, не знаетъ свойствъ своего порожденія, что изъ него выйдетъ. И добрый не поручится въ томъ, что произведетъ лучшаго. Иной, будучи Павломъ, произведетъ на свѣтъ сына христоубійцу—беззаконнаго Анну или Каіафу, или даже какого-нибудь Іуду. А иной, самъ весь во грѣхѣ, какъ Іуда, но наименуется родителемъ божественнаго Павла или Петра, несокрушимаго камня, которому повѣряются ключи. И того не знаетъ отецъ, родить ли онъ любезнаго сына или дочь; но только возстаніе плоти угадываетъ на супружескомъ ложѣ. Отъ одного первороднаго произошли и завистливый Каинъ и добродѣтельный Авель, приносящій богоугодную жертву.

И злоправный Исаѣ, и благоправный Іаковъ—Исааковы дѣти; и, —что всего замѣчательнѣе,—близнецы и дѣти одного отца ни въ чемъ не походятъ одинъ на другаго... Что же изъ всего этого припишемъ супружеству? По крайней мѣрѣ я не припишу ничего: потому что у сопрягающихся не тотъ удастся образъ, который былъ имъ пріятенъ. Кто забавляется игрою въ зернь, отъ того зависить только бросить кости, а чтобы вышелъ четъ или не четъ,—это дѣлають не руки играющаго, а случайныя превращенія костей; такъ и супружество, посѣвая чадъ, не дѣлаеть ихъ благоразумными или худыми⁴. Впрочемъ, уступая *супружеству* всѣхъ земнородныхъ, какъ добрыхъ, такъ и худыхъ, *дѣство* имѣло на своей сторонѣ Бога и ангеловъ. „Первая дѣва есть чистая Троица... Послѣ же Троицы—свѣтозарные, невидимые ангелы... Одинокую жизнь приводятъ сѣн чистые служители чистаго Бога. Они просты, духовны, проникнуты свѣтомъ, не отъ плоти ведутъ начало, и не входятъ въ плоти, но пребываютъ, каковыми созданы“.

Но самая существенная для христіанина сторона вопроса—разумѣется въ томъ, что благопріятнѣе для душевнаго спасенія: дѣство или супружество? *Супружество* пыталось доказать свое превосходство и на этомъ поприщѣ, но—разумѣется неудачно. „Правда“, говоритъ *супружество*—„не знаютъ брака, выше страстей и тяжкихъ заботъ тѣ природы, въ удѣлъ которымъ дано широкое небо; но намъ, одновѣчнымъ тварямъ, полезно супружество и узы;—это корень милыхъ вѣтвей и любезныхъ плодовъ, это добрая опора сладостной жизни... Супружество не удаляетъ отъ Бога, напротивъ болѣе привязываетъ, потому что больше имѣетъ побужденій... Безбрачные, не обремененные заботами, менѣе имѣютъ нужду въ помощи великаго Бога; но кто обязанъ быть попечителемъ милой супруги, имѣнія и дѣтей,—кто разсѣкаетъ обширнѣйшее море жизни, тому нужна большая помощь Божія, тотъ взаимно и самъ болѣе любитъ Бога.“ Но *дѣство*, опираясь на слова писанія, не трудно было доказать свое превосходство. „Слаба любовь“, говоритъ *дѣство*, „если раздѣлена между міромъ и Христомъ; а напротивъ того тверда, если устремлена къ Единому... Долго ли вамъ, уподобляясь презрѣнной черепахѣ, или осьминогу раку, который ходитъ не прямо, или длинной змѣѣ, которая пресмыкается на чревѣ,—долго ли вамъ влечить жизнь, обремененную ужасною тяготою плоти? Послушаемъ наконецъ Христовыхъ совѣтовъ, отринемъ красоту, богатство, славу, родъ, счастье,.. взойдемъ въ легкую

жизнь, очистимся, будемъ единоклубны съ небесными чистыми силами, дабы съ веселіемъ воспѣть торжественную пѣснь Царю! Какъ изринутое изъ свѣтлаго рая, получили мы въ удѣлъ супружество и многотрудную землю,—такъ чрезъ жизнь, незнающую житейскихъ узъ, взойдемъ опять въ славу, къ тому доброму райскому древу, котораго лишились за безразсудство.“—Еще болѣе жаркимъ апологетомъ дѣвства и монашества былъ блаж. Іеронимъ,—особенно въ письмѣ къ Евстохію о *храненіи дѣвства*. Тамъ между прочимъ читаемъ слѣдующее: „Евва въ раю была дѣвою: послѣ кожаныхъ ризъ началось ея брачное состояніе. Твоя страна—рай. Сохрани то, съ чѣмъ ты родилась и скажи: *возвратися, душе моя, въ покой твой*. Вотъ тебѣ доказательство, что дѣвство свойственно природѣ, а бракъ имѣетъ мѣсто послѣ грѣхопаденія: вслѣдствіе брака рождается дѣвственное тѣло, въ плодѣ вновь пріобрѣтается то, что потеряно въ корнѣ. *Изыдетъ отрасль изъ корене Іесева и цвѣтъ отъ корене ея взыдетъ* (Пс. П, 1). Отрасль есть Матерь Господня простая, чистая, непорочная, чуждая всякаго сѣмени отвиѣ и, подобно Богу, плодоносная въ уединеніи. Цвѣтъ этой отрасли—Христосъ, говорящій: *азъ цвѣтъ полевой и кринъ удомяный* (пѣсн. п. 2 1). Онъ же въ другомъ мѣстѣ называется камнемъ, отторгшимся отъ горы безъ содѣйствія рукъ (Дан. 2, 45), чѣмъ обозначаетъ пророкъ дѣвственное рожденіе Его отъ дѣвы... Дерзновенно говорю: Богъ все можетъ, но не можетъ воздвигнуть дѣвицу послѣ ея паденія... Вся сила діавола противъ мужчинъ заключается въ чреслахъ; вся крѣпость его противъ женщинъ—въ пупѣ... Я хвалю бракъ, хвалю супружество, но потому что отъ брака рождаются дѣвственные люди; я отдѣляю розу отъ шиповъ, золото отъ земли, жемчужину отъ раковины... За чѣмъ ты, мать, завидуешь дочери? Она воспитана твоимъ молокомъ, она рождена твоимъ чревомъ, она выросла у твоего лона. Ты сохранила ее въ дѣвствѣ своимъ благочестивымъ тщаніемъ. Неужели ты негодуешь, что она захотѣла быть супругою не воина, а царя? Она сдѣлала тебѣ великое благодѣяніе. Ты стала тещею Божіею.“ Письмо заканчивается изображеніемъ того триумфа, который ожидаетъ на томъ свѣтѣ дѣвственницъ и дѣвственниковъ.

Печальныя обстоятельства времени—войны, землетрясенія, нашествія варваровъ, тяжелая и раззорительная администрація имперіи—придавали много силы и убѣдительности аргументамъ въ пользу дѣв-

ства и отреченія отъ земныхъ суетъ. Міръ въ глазахъ христіанина того времени не имѣлъ уже права на дальнѣйшее существованіе и никакой предъ собой цѣли. Все ожидаемое исполнилось. Христіанская вѣра побѣдила язычество: евангеліе проповѣдывалось всѣмъ извѣстнымъ тогда народамъ. Государственный бытъ римской имперіи разрушился. Всѣ знаменія, какими обозначалось въ евангеліи приближеніе кончины міра, были на виду. Чего оставалось ожидать иного, кромѣ послѣдняго суда? Легко было удалиться отъ человѣческаго общества, когда въ средѣ его жило такъ тяжело и дурно, и впереди не ожидалось ничего лучшаго. Но и удалившись въ пустыню, нельзя было уйти отъ себя самого; человѣкъ всюду несъ съ собою свои помыслы и страсти. Языческая литература для монаха—по выраженію Исихаста Пилусіота—(п. 63) „страшно раздражала раны, начинавшія поджигать:“ тоже самое дѣйствіе производили воспоминанія и представленія о лицахъ и предметахъ, покинутыхъ въ мірѣ. Чтобы дать духовной жизни отшельника новое идеальное настроеніе, должна была послужить и дѣйствительно послужила свято-отеческая литература, особенно та часть ея, которая вращалась около представленій о смерти и послѣднемъ судѣ и которую мы обозначаемъ эпитетомъ: *умилительная*. Главнымъ представителемъ умиленной литературы, возбуждавшей человѣка отъ сна грѣховнаго, былъ св. Ефремъ Сиринъ. Горячее чувство, проникающее эсхатологическія размышленія св. отца, дѣйствуетъ на читателя неотразимымъ образомъ; это—страницы изъ душевной исторіи, писанныя не чернилами, а жгучими слезами. „Я грѣшныи Ефремъ“, пишетъ св. отецъ, „слабъ и лѣнивъ къ духовной борьбѣ; по крайней мѣрѣ расскажу вамъ, возлюбленные, о великомъ страхѣ и трепетѣ души моей, въ какомъ я, бѣдный и разсѣянный, находился въ одинъ день. Сидѣлъ я наединѣ въ одномъ нешумномъ, безмолвномъ и возвышенномъ мѣстѣ, размышлялъ самъ съ собою, и перебиралъ жизнь сію, ея заботы, смятенія, молву и, заплакавъ, сталъ говорить самъ себѣ: „почему эта жизнь проходитъ, какъ тѣнь, пробѣгаетъ, какъ самый быстрый скороходъ, и увядаетъ, какъ утренній цвѣтокъ?“ И опечаленный вздыхая сказалъ я: „какъ проходитъ сей вѣкъ, мы не знаемъ. Для чего же по слабости своей связаны дѣлами и помыслами непростойными?“ Размышляя объ этомъ самъ съ собою, вдругъ возвелъ я очи къ небу и пришелъ какъ бы въ изступленіе. Напалъ на меня великій страхъ и очами сердца своего урѣзъ я Господа, сѣдя-

пцаго на престолѣ въ великой славѣ; и Онъ сказалъ душѣмоей такъ: „для чего ты, душа, невѣста моя, ненавидишь пречистаго и безсмертнаго жениха? Для чего не заботишься предстать мнѣ въ пришествіе мое?... для тебя душа я потерпѣлъ смерть... Въ наслѣдіе тебѣ, беззавистно отдалъ я царство. Для тебя, душа, и человѣкомъ сталъ, желая искупить жизнь твою отъ тлѣнія. „Великимъ страхомъ, братіе, убоялся я въ часъ тотъ, очами ума своего вникая въ страшныя слова Господни и видя великій стыдъ души своей. Въ ужасъ и трепетъ пришелъ я, лишился силъ отъ страха и великаго смятенія; подумалъ: „гдѣ мнѣ укрыться, не терпя позора этого стыда?“ и сказалъ: „вы, горы, покройте грѣшнаго и нечестивца!“ И возвысивъ голосъ, заплакалъ, со стыдомъ приклонивъ внизъ голову свою, и проливая о себѣ слезы, говорилъ: „за чѣмъ вышелъ я изъ матерней утробы раздражать святаго, благаго и милосердаго Господа? Не воспользовался я зачатіемъ моимъ во чревѣ и возрастаніемъ тѣлеснымъ, не воспользовался небесными дарованіями и святыми врачевствами Твоей благодати!“ Какъ скоро вспоминаю я о томъ днѣ и часѣ, когда постигъ меня сей внезапный страхъ, прихожу въ боязнь и съ воздыханіями проливаю слезы. И вскорѣ опять забываю обо всемъ, и о молитвѣ, и о слезахъ, и о страхѣ, и о времени покаянія, данномъ мнѣ по благодати Божіей. Отчего же бываетъ это со мною? отчего эта сухость сердца, это нерадѣніе, эта забывчивость? Отчего вдругъ дѣлаюсь безстыднымъ и безстрашнымъ, разсѣяннымъ и гнѣвливымъ, человѣкомъ, у котораго во все нѣтъ предъ глазами ни грѣха, ни будущаго суда?... Умоляю всѣхъ васъ, боголюбивые друзья мои, помолитесь о мнѣ грѣшномъ и ничтожному щедрому и человѣколюбивому Богу... Вотъ опять припадаю при дверяхъ Владыки моего, прося, умолая, покланаясь и непрестанно говоря: „прости мнѣ прегрѣшенія мои, Долготерпѣливый!“

Приведемъ еще сокрушенное размышленіе св. Ефрема о страшномъ судѣ. „Въ одинъ день, вставъ весьма рано, ходилъ я съ двумя братіями внѣ благословеннаго города Едессы, возвелъ очи свои на небо, которое, подобно чистому зеркалу, со славою осіявало звѣздами землю, и въ удивленіи сказалъ: „если звѣзды сіяютъ съ такою славою, то кольми паче праведные и святые, сотворившіе волю святаго Бога въ тотъ часъ, когда придетъ Господь, возсіяютъ неизглаголанымъ свѣтомъ Спасителевой славы.“ Но вдругъ при воспоминаніи о страшномъ ономъ Христовомъ пришествіи, содрогнулись кости мои и, ощутивъ

смущеніе въ тѣлѣ и душѣ, заплакалъ я съ сердечною болію и сказалъ вѣдывая: „какимъ я—грѣшныи окажусь въ этотъ страшный часъ? Какъ предстану престолу страшнаго Судіи?—Какъ мнѣ, возлищу, стать съ овцами одесную Христа?“ Оба брата со слезами говорили: „для чего такъ жалобно плачешь, отецъ?“ И я сказалъ имъ: „Чада мои возлюбленные! за нерадѣніе свое плачу я о себѣ. Благій Богъ даровалъ намъ просвѣщеніе и вѣденіе; а я день за днемъ отвергаю оно. Если бы я исполнялъ волю Господню, то блаженъ былъ бы въ часъ тотъ, и не я одинъ, но блаженны были бы всѣ творившіе волю Господню. Посему-то, братія, вовсе не будетъ тамъ у насъ оправданія, потому что всѣ мы грѣшныи сознательно... Что воздадимъ милосердому Богу за всѣ блага и дары, за то, что снишелъ Онъ съ небесъ отъ Отца, или что ради насъ воплотился во чревѣ, или что за насъ былъ заушенъ? Чтобы воздать за одно заушеніе, то если бы мы тысячи лѣтъ жили на землѣ, ничѣмъ не могли бы вознаградить за сію Божию милость. Того боюсь я, чада мои возлюбленные, (ибо въ точности знаю нерадѣніе свое), чтобы всѣ видящіе меня и ублажающіе живое мое благоговѣніе, не оплевали меня тамъ, когда увидятъ меня горящимъ въ огнѣ...“ Пощади милосердый Господи! Здѣсь, Спаситель мой, накажи меня, какъ чадолюбивый сердобольный Отецъ, а тамъ прости, какъ единый безгрѣшныи небесныи Богъ!“

Представленія о смерти и судѣ были любимыми мотивами умиленной лиры сирскаго поэта—инока. Есть у него и слово объ *антихристѣ*, гдѣ антихристъ рисуется чертами, взятыми съ образа Юліана отступника. Есть и ужасающее изображеніе разлученія души съ тѣломъ и вѣчности адскихъ мученій, нашедшее себѣ отголосокъ въ русскихъ духовныхъ стихахъ. Сквозь рядъ вѣковъ *сирскій пророкъ* умиляетъ и трогаетъ насъ искренностію своего сердечнаго сокрушенія. ¹⁾ Можно представить себѣ, какъ велико было вліяніе его твореній въ вѣкъ набожности, когда люди цѣлыми тысячами уходили въ монастыри съ единственною заботою остальное время жизни въ мирѣ и покаяніи скончать.

---

¹⁾ Вліяніе Ефрема Сирина отразилось и на отзывчивой натурѣ русскаго поэта Пушкина, какъ это видно изъ одного очень извѣстнаго стихотворенія, заключающаго въ себѣ переложеніе великопостной молитвы св. Ефрема: *Господи и Владыко живота моего....*

Совершенно особый видъ иноческой литературы составляет литература руководительная, *старческая*, епистолярная, главными представителями которой въ нашемъ періодѣ были Исидоръ Пилусіотъ и Нилъ Синайскій. Аввы руководители, старцы, опытные въ духовной жизни, имѣли большое значеніе и для монаховъ и для мірянъ. Переплывъ въ свое время море искушеній и достигши блаженнаго безстрастія, аввы могли подавать руку помощи и искушаемымъ. Монахамъ естественно было просить совѣта у опытныхъ старцевъ, которые находились при концѣ того пути, на который только что вступали новоначальные. Но и для мірянъ въ трудныхъ душевныхъ обстоятельствахъ, важно было услышать какъ бы *съ той берега* голосъ людей, для которыхъ уже миновали земныя волненія и которые могли судить прямо и безпристрастно, единственно съ точки зрѣнія душевнаго спасенія. Личная бесѣда со старцами не всегда была удобна по отдаленности разстоянія и по любви старцевъ къ уединенію: оставалась бесѣда письменная, въ которую нѣкоторые изъ старцевъ вступали очень охотно. Такъ св. Исидоръ Пилусіотъ оставилъ до 10000 писемъ, изъ которыхъ пятая доля уцѣлѣла до настоящаго времени. Св. Нилъ Синайскій оставилъ до 1000 писемъ. Не мало писемъ осталось также послѣ св. Григорія Богослова, Василия великаго, блж. Иеронима и др. Бывали часто случаи, что св. старцы по своей охотѣ безъ чьего-либо вызова подавали свой обличительный голосъ съ смѣлостію и откровенностію людей *не отъ міра сего*. Въ какой мѣрѣ старческая переписка была естественнымъ плодомъ прочно сложившихся историческихъ условій и отношеній, видно изъ того, что, начавшись въ IV вѣка, она не прекращалась и до настоящаго времени, и недавно изданныя во многихъ томахъ письма Макарія старца оптинскаго принадлежатъ къ той же епистолярной духовнической литературѣ, начало которой видимъ въ письмахъ Исидора Пилусіота и Нила Синайскаго.

Если апологетическо-иноческая литература рисуетъ намъ идеальную сторону монашества, то литература старческая знакомитъ насъ съ далекою отъ идеала дѣйствительностію. Иноческая праздность, бродячая жизнь, скупость рисуются въ этихъ письмахъ съ безпощадною откровенностію „Для чего“, пишетъ Исидоръ Пилусіотъ одному архимандриту (П. 298) „уготовляешь поля и дружины, не монаховъ, а вѣрнѣе сказать бойцовъ? Слѣдовало бы знать тебѣ, что утомительная праздность вна-

даетъ въ безчиніе помысловъ. Посему или учи заниматься какимъ-нибудь дѣломъ, или уменьши многолюдство, чтобы не потребовалось труда упрашивать и даже прибѣгнуть къ помощи оружія, когда невоздержность вмѣстѣ съ праздностію возбуждать ихъ къ нововведеніямъ". —Бродячую жизнь иноковъ обличаетъ Исидоръ въ письмѣ (314) къ престарѣлому монаху Пелагію. „Тебѣ уже много лѣтъ, однако все еще неугомонную имѣешь мысль, изъ одной обители переходя въ другую и во всякой пробуя, какова трапеза. Поэтому, если занимаютъ тебя запахъ жирныхъ яствъ и вкусное приготовленіе лакомыхъ снѣдѣй; то лучше уже ласкайся къ людямъ чиновнымъ и обнюхивай въ городахъ кухонные очаги, потому что пустынники не въ состояніи угощать тебя такъ роскошно". Монашескую скупость и грубость обличаетъ св. Исидоръ въ слѣдующемъ письмѣ (150) къ пилусіотскимъ монахамъ. „Случилось мнѣ встрѣтить сказывавшихъ о себѣ, будто бы въ полдень подъ открытымъ небомъ одолѣваемые зноемъ и жаждою прибѣгли они у васъ подъ тѣнь преддверія и нашли тутъ, если говорить правду, пса или человѣконенавистника волка; тотъ самый, кому ввѣрено у васъ страннопріимство, прогналъ ихъ, избивъ немилосердо. Но если *не отъяще нѣкими страннопріимна анемъ*;—то вы не по невѣденію, а вполне сознательно гоните отъ себя ангеловъ."

Въ церковно-историческомъ отношеніи особенно важны письма Исидора Пилусіота къ Кириллу александрійскому, изъ которыхъ видно, что св. отшельникъ не особенно одобрялъ крутой образъ дѣйствій александрійскаго святителя въ борьбѣ съ Несторіемъ. „Пристрастіе недальновидно", писалъ Исидоръ къ Кириллу во время ефесскаго собора, (П. 310), „а ненависть вовсе ничего не видитъ. Посему, если желательно тебѣ быть чистымъ отъ того и другаго недостатка, не произноси необдуманныхъ приговоровъ, но подвергай преступленіе справедливому суду; потому что и Богъ, который знаетъ все прежде событія, человѣколюбиво благоволилъ снзойти и видѣть *воплъ содомскій* (Быт. 18, 20), научая насъ дѣлать все по точномъ изслѣдованіи. Ибо многіе изъ собравшихся въ Ефесѣ въ укоризну тебѣ говорятъ, будто бы удовлетворяешь собственной своей враждѣ, а не того православно ищешь, что нужно для Іисуса Христа. *Феофилъ оны племянникъ*,—говорятъ о тебѣ,—и *его держится духа*. Какъ Феофилъ ясно излилъ неистовство свое на богоноснаго и боголюбиваго Іоанна, такъ и Кириллу желательно показать себя, хотя и есть большая разность между подсу-

дымими.“ Слѣдующее письмо къ Кириллу (370) написано спокойнѣе, но также въ поучительномъ тонѣ и съ приглашеніемъ исправиться. „Устрашаютъ меня примѣры изъ божественнаго писанія и вынуждаюсь написать, о чемъ должно. Ибо если я отецъ, какъ говоришь самъ ты,—то боюсь осужденія, какому подпалъ Илій за то, что не уцѣломудрилъ согрѣшавшихъ сыновей; а если, какъ вѣрнѣе знаю, я сынъ предъ тобою, носящимъ на себѣ образъ великаго Марка,—то страшить меня наказаніе, какому подвергся Іонаанъ, за то, что не оставилъ отца, искавшаго волшебницы. Посему, чтобы и мнѣ не быть осужденнымъ и тебя не осудилъ Богъ,—прекрати распри, и мщеніе за свою обиду не переноси въ живую церковь, не возбуждай въ ней подъ предлогомъ благочестія вѣчнаго раздора.“

Если такъ смѣло писалъ Исидоръ Пилусіотъ къ сильному своимъ положеніемъ и характеромъ патріарху александрійскому, то понятно, что св. авва еще менѣе стѣснялся со всѣми другими корреспондентами. Вотъ напр. письмо (119) св. Исидора къ мѣстному (пилусіотскому) епископу Евсеію съ обличеніемъ за хиротонію двухъ недостойныхъ людей—Зосимы и Марона. „Прекрасно изучилъ ты псаломское слово и собралъ *единомысленные въ домъ* Господень (Пс. 67, 7), къ Зосимѣ присовокупивъ и Марона, приложивъ, какъ думаю, все стараніе, чтобы виѣ алтаря не оставалось ничего негоднаго. Посему знай, что, умножая число Симоновъ, думающихъ за деньги пріобрѣсти Божія Духа, пріобрѣлъ ты общій съ предателемъ кошелекъ, погряжая *въ желчи юрести и союзу неправды*, дерзко предавая на поруганіе то, къ чему желаютъ имѣть доступъ сами ангелы.“ Еще менѣе щадилъ въ своихъ письмахъ св. Исидоръ самихъ недостойныхъ пресвитеровъ. „Если и восхитилъ ты себѣ“, писалъ св. Исидоръ Марону (пис. 145) „священство проискаши и кучею денегъ, укрывшись отъ людей неспособныхъ видѣть истину; то не думай, что укроешься также и отъ будущаго воздаянія.“ — „Велики какъ говорятъ, грѣхи юности твоей“, писалъ св. авва Зосимѣ. „Грѣховъ же старости твоей не возможно и превзойти. Ибо въ старости затмить собою юношей, сдѣлавшихся извѣстными по распутству,—превышаетъ всякую мѣру непристойности. И явно, что болѣешь ты Епикуровою болѣзнію, и не можешь владѣть собою; но Епикурово ученіе подтверждаешь своими дѣлами. Посему отлучи, отлучи себя отъ божественнаго жертвенника, чтобы на главу твою не пала молнія“. Но—къ удивленію—пишемъ св. Исидора къ Зо-

симъ было весьма много. Должно думать, что Зосима, если и не исправился, то по крайней мѣрѣ не сердился на суровыя обличенія Исихора, и св. отецъ все-таки питалъ слабую надежду, что Зосима можетъ быть когда-нибудь исправится. Такое отношеніе къ Зосимѣ видно изъ слѣдующаго (П, 157) письма. „Извѣстившись, что ты предаешься тѣмъ же сквернамъ, непрестанно усиливаясь прежнее помрачать новымъ, я заплакалъ, потомъ сказалъ самъ себѣ: *для чего ты, Исидоръ, трудимъ себя напрасно, спя на камняхъ? Для чего стараешься оказывать пользу тому, кто не хочетъ этой пользы?... Перестань трудиться попусту, жить Есіона, бороздить огонь, варить камни!* Но какъ скоро насытился я этими упреками себѣ самому, снова возникла добрая надежда, которая побудила, даже невольно, начертать опять и сіи письма. Посему разсмотрѣвъ самъ, какъ далеко простерся ты во злѣ, постарайся прибѣгнуть къ покаянію“.

Много писалъ св. Исидоръ писемъ и къ свѣтскимъ лицамъ,—даже высокопоставленнымъ, начиная съ имп. Θεодосія младшаго,—и эти письма также проникнуты духомъ безтрепетнаго обличенія. Вотъ напр. (27) письмо къ придворному евнуху Фарисманію: „Слышу, что занимаешься ты божественными книгами, и всякому приводишь изъ нихъ приличныя свидѣтельства, а между тѣмъ ты любостяжателенъ, съ неистовствомъ кидаясь на чужое добро. И весьма для меня удивительно, что при непрестанномъ чтеніи не уязвила тебя божественная любовь, которая не только возбраняетъ любить чужое, но научаетъ расточать даже и собственное.“ Для написанія иныхъ писемъ потребна была не малая доля гражданскаго мужества. Таково напр. (174) письмо военачальнику Киринію, прибывшему управлять Пилусією. „Граждане прислали намъ листъ,—прибитый, какъ говорятъ, у церкви прежде, нежели вошелъ ты въ городъ,—листъ, лишающій всѣхъ права оправдываться и искать убѣжища въ церкви. Это не только признакъ жестокости, но даже заставляетъ подозрѣвать въ нечестіи. Ибо если не дозволяешь оправдываться, не даешь возможности находить прибѣжище у Бога, то ты отверзъ уста клеветникамъ и умножилъ обиды. Посему какъ доискаться правды? какъ спасешь обиженнаго, который чтобы не сдѣлаться игрушкою сильнаго, по немѣннѣю защищающаго судіи, прибѣгалъ въ неприкосновенный храмъ? Всѣ говорятъ о продажности суда. Присоедини теперь жестокость, и лихоимству откроется полный просторъ.“ Военачальникъ вѣроятно отвѣчалъ св. Исидору, что онъ мѣ-

шается не въ свое дѣло, какъ, можемъ заключать изъ отвѣтнаго письма (175) Исидора, которое начинается словами: „И мѣру мы себѣ знаемъ, и на то поставлены, чтобы обличать порочныхъ.“ Но св. Исидоръ не ограничился перепискою съ Кириніемъ, отъ которой, какъ видно, не ожидалъ добраго плода, но обратился съ жалобою на Киринія ко всемогущему тогда префекту востока Руфину (+ 395 г.) „Грѣхи ли пилусіотовъ,“ — писалъ св. Исидоръ, — „или важныя дѣла римскія, которыми ты снисходительно правишь, стали причиною того, что укрылось отъ тебя, великаго нашего благодѣтеля, какимъ образомъ захватилъ у насъ здѣсь власть Кириній, и дѣла здѣшнія опять стали худы? Лихоимство у насъ сильное, нищета великая, обиды частыя, церковь доведена до невозможности помочь; справедливость бѣжала, законъ неизвѣстенъ; страхъ неплательщиковъ и отдаленность служить Киринію защитою во всемъ, что онъ ни дѣлаетъ. Или отними у него власть, или знай, что и ты вмѣстѣ съ нимъ получишь одну награду у Бога на судѣ.“ Письмо это имѣло полный успѣхъ. Кириній былъ немедленно смѣненъ и на его мѣсто назначенъ былъ Симпликій. И св. Исидоръ съ радостію сообщалъ объ этомъ городскому совѣту пилусіотскому, въ такихъ выраженіяхъ. „Печется еще Богъ о Пилусѣ; есть еще въ немъ сѣмя благочестія: промышляютъ еще о немъ поначители злосчастнаго города—мученики. Приходитъ дивный Симпликій и беретъ въ свои руки бразды правленія. Благовѣствую вамъ иную жизнь; съ пріязнію примите сего мужа“ и пр. (П. 226).

Письма пр. Нила Синайскаго—совершенно въ томъ же родѣ, какъ и письма св. Исидора Пилусіота,—также свидѣтельствуютъ о духовной разсудительности автора, также наполнены обличеніями монаховъ и мірянъ, тѣмъ болѣе авторитетными, что св. Нилъ во время мірской своей жизни занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ имперіи (онъ былъ префектомъ Константинополя). Приведемъ болѣе характерныя выдержки изъ писемъ св. Нила. Монашеское праздноштаніе св. Нилъ обличаетъ въ слѣдующемъ письмѣ (Ш, 106) къ архим. Никону: „жизнь монашествующихъ, прежде возделѣнная и весьма знаменитая, нынѣ, какъ видишь, возбуждаетъ отвращеніе. Всѣ города и селенія наполнены лжемонахами, которые по напрасну и безъ цѣли бродятъ, встрѣчая вездѣ неуваженіе и холодность. Всѣ домовладѣльцы смущаются и досаждаютъ, видя, что монахи безстыднѣе нищихъ толкуются у нихъ при дверяхъ. Изъ-за этихъ попрошайекъ образъ мыслей и жизни монаховъ

праведныхъ и добродѣтельныхъ почитается нынѣ обманомъ и подвергается посмѣянію. И найдется ли теперь какой новый Іеремія, который могъ бы исполнѣ и какъ должно оплакать наше положеніе?"

Въ обличеніяхъ св. Нила выступаютъ передъ нами между прочимъ типическіе образы *а.*, гнѣвливаго затворника, *б.*, монаха, углубленнаго въ книги и *γ.*, монаха чревоугодливаго.

а., Гнѣшливый затворникъ. (II, 94). „Хвала вашимъ доблестямъ въ затворничествѣ! хвала вашимъ триумфамъ на поприщѣ добродѣтели! Но паче хвала вашей суетной, лицедѣйной и притворной жизни въ затворѣ! Ибо отъ рыночныхъ торгашей и судебныхъ адвокатовъ ничѣмъ, кажется, не отличаешься ты, выдумываешь разные хлопоты, кричишь гнѣвно, скрежещишь зубами, изъ своей западни ругаешь всякаго встрѣчнаго, протягиваешь руки и бьешь братію, и шумомъ и смятеніемъ, беспорядкомъ и разстройствомъ наполняешь бѣдную келію, которая, хотя и безчувственна, и неодушевлена, но воздыхаетъ, можетъ быть, о жестокости и лютой, какъ въ клѣткѣ какой, заключеннаго въ ней звѣря или, лучше сказать, и звѣрей превозшедшаго свирѣпостію монаха. Скажи мнѣ, прошу тебя, ... какую пользу снискалъ ты душѣ своей, укрывъ тѣло за этими стѣнами? ... откуда ты заимствовалъ этотъ простонародный, подлый нравъ? ... куда изгналъ ты псалмы и пѣснопѣнія? ... гдѣ оставилъ священныя наставленія отцевъ? .. какое дерзновение будешь имѣть въ день воздаянія?“ *б., монахъ погруженный въ книги.* (IV, 57). „Какимъ-то неповоротнемъ и связнемъ лѣни ухватившись только за книгу, какъ слышу, съ ранняго утра до захожденія солнца сидишь ты неподвижно, какъ будто свинцомъ приваренный къ скамьѣ и какъ будто тѣло твое совсѣмъ одеревянѣло. Но не такъ поступалъ первоначальникъ нашъ Антоній; напротивъ того, по указанію ангела, то садился за руководѣлье, то опять вставалъ на молитву.. Посему если знаешь, что изъ одного камня никакъ не выстроится домъ, то не думай, что надлежитъ владѣть только одной добродѣтелью, т. е. чтеніемъ, но должно заняться наконецъ и молитвою и псалмопѣніемъ и т. под.“ *γ., монахъ чревоугодливый* (II, 100) „Тщательно стараешься угождать грузный мѣшокъ и усердно заботиться объ утучненіи плоти, откармливая себя, какъ птицу, въ потьмахъ невѣденія. Какое же оправданіе найдешь себѣ, когда придетъ Судящій все?“

Изъ писемъ св. Нила къ мірянамъ приведемъ только одно (I, 195), съ наставленіемъ какъ защищаться отъ язычниковъ. „Слышалъ

ты, какъ сказываешь, что грѣшникъ язычникъ сказалъ тебѣ: *ничѣмъ отъ меня не отличаешься, хотя ты и христіанинъ, потому что и ты иррешникъ*. Скажи же ему слѣдующую притчу: у одного хозяина было два пса. Одного изъ нихъ, бѣшеннаго, который осмѣлился рвать платье у самаго хозяина, велѣлъ онъ гнать палками; а другаго, который съ ласкою всегда лижетъ ноги у хозяина, держитъ онъ у себя, кормитъ и бережетъ.“

Къ старческой литературѣ могутъ быть причислены также подвижническія *правила* св. Василия великаго, которыя отвѣчали на созрѣвшую потребность дать опредѣленную организацію умножившемуся словію иноковъ, и потому скоро вошли въ составъ церковныхъ законоположеній.

Отъ иноческой литературы обратимся къ жизни иноковъ. Изъ своей родины Египта монашество въ рассматриваемый нами періодъ широко распространилось по всему христіанскому міру. Въ Египтѣ иноки по прежнему считались десятками тысячъ, имѣя въ рядахъ своихъ двухъ Маваріевъ, Арсенія великаго, Исидора Пилусіота и т. д. Но десятками же тысячъ считались они и въ Палестинѣ, гдѣ естественно было собираться благочестивымъ людямъ на мѣстахъ священныхъ библейскихъ воспоминаній и гдѣ начальниками иноческаго житія были св. Иларіонъ, бл. Иеронимъ, Евфимій великій + 473, Герасимъ, иже на Иорданѣ, + 474 и т. д. Поселились иноки и на божественной горѣ Синайской и въ ея окрестностяхъ, не смотря на опасность отъ нападенія варварскихъ кочевниковъ. Поселились иноки и въ окрестностяхъ Константинополя и въ самой столицѣ, живя и въ отдѣльныхъ вельяхъ и въ большихъ монастыряхъ. Имп. Валентъ встрѣтилъ обличителя инока (Исаакія Далматскаго) при самомъ выѣздѣ изъ столицы. Имп. Θεодосію младшему стоило только отъѣхать на охоту за нѣскольکو верстъ отъ столицы, чтобы набрести на келію пустыннаго старца и принять отъ него скромное иноческое угощеніе. Толпы столичныхъ иноковъ подъ предводительствомъ Далмата представили собою предъ лицомъ императора въ 431 г. очень внушительную демонстрацію противъ Несторія. Множество иноковъ было въ Сиріи и въ малоазіатскихъ областяхъ имперіи. Монашество проникло и на западъ, гдѣ большое вліяніе на развитіе его оказалъ Іоаннъ Кассіанъ. Вообще

не было такого отдаленнаго уголка ни въ восточной ни въ западной имперіи, гдѣ вмѣстѣ съ христіанствомъ не было бы и монашества. Поэтъ—язычникъ Клавдій Рутилій Нуманціанскій, будучи занесенъ бурей на островъ Капрарію, нашелъ и тамъ много монаховъ. „Весь этотъ островъ“, говоритъ онъ, „заселенъ странными людьми, скрывающимися отъ свѣта. Они были грязны, неопрятны, называли себя монахами или пустынниками, скрывшимися для того, чтобы избѣжать людскихъ глазъ. Эти люди боятся житейскаго счастья и удачи, и боятся потому, что счастье всегда можно потерять; такъ лучше, чтобы не быть насильно бѣдными, они избираютъ добровольную бѣдность. Странный выборъ!“ Монашество распространилось даже между варварами, подвластными римской имперіи. Такъ языческій историкъ Евнапій свидѣтельствуетъ, что и у готѣвъ были монахи, впрочемъ, по его мнѣнію, притворные. „Былъ у готѣвъ и родъ такъ называемыхъ монаховъ, установленныхъ на подобіе тѣхъ, которые учреждены и у римлянъ. Въ этомъ подражаніи нѣтъ ничего труднаго; стоило имъ только надѣть черныя верхнія и нижнія одежды, влачащіяся по землѣ, и лукавствомъ пріобрѣсти римскую довѣренность. Варвары скоро узнали, до какой степени чинъ монаховъ уважається римлянами, и воспользовались этимъ къ ихъ оболъщенію. Между тѣмъ варвары хранили твердо и неизмѣнно тайны отечественной вѣры въ ихъ неприкосновенности.“ Конечно Евнапій ошибается, приписывая готѣамъ небывалое лукавство, но важно для насъ его извѣстіе, что монахи были и между варварами.—Распространенію монашества быть можетъ содѣйствовали также иноки странствующие, появившіеся въ этотъ періодъ. Иные бѣжали земной славы. Такъ св. Иларіонъ, (память 22 окт.) отецъ палестинскаго монашества, избѣгая людской молвы и почитанія человѣческаго, удалился изъ Палестины и жилъ сначала въ разныхъ мѣстахъ Египта, потомъ въ Сициліи, потомъ въ Епидаврѣ Далматскомъ, и наконецъ на островѣ Кипрѣ, гдѣ и скончался 373 г. Другіе представляли странничество подвигомъ душевнаго спасенія. Такъ преп. Мартиніанъ (память февр. 13) сначала, избѣгая женщинъ, удалился на необитаемый островокъ, а потомъ, когда и туда послѣ кораблекрушенія была выброшена женщина, рѣшился искать спасенія въ постоянномъ бѣгствѣ. *Бѣгай, Мартиніанъ, да не постигнетъ тебя напасть*, говорилъ себѣ святой и, переходя изъ мѣста въ мѣсто, въ два года пробѣжалъ 164 города и скончалъ свое земное теченіе въ Аѳинахъ.

Параллельно съ широкимъ распространеніемъ иночества измѣнился и его характеръ. вмѣсто добровольцевъ христіански-совершеннаго житія, подобно птицѣ небесной не знавшихъ ни собственности и никакой надъ собою земной власти,—иноки вошли въ составъ клира, вмѣстѣ съ своими монастырями стали пользоваться—большею частію очень достаточнымъ—обеспеченіемъ отъ щедротъ христолюбцевъ, подчинились мѣстному епископу и сами получили доступъ къ высшимъ іерархическимъ должностямъ.

Каноническое положеніе иноковъ на соборѣ халкидонскомъ обозначено слѣдующимъ (4-мъ) правиломъ: „Истинно и искренно проходящіе монашескую жизнь да удостоиваются приличной чести. Но велику нѣкоторые, пользуясь монашескою одеждою, разстриваютъ церкви и гражданскія дѣла, безразсудно ходя по городамъ, и даже стараются составлять сами для себя монастыри; то разсуждено, чтобы никто нигдѣ не составлялъ и не созидалъ монастыря или молитвеннаго дома безъ позволенія епископа города; а монашествующіе въ каждомъ городѣ и странѣ да подчиняются епископу“ и пр. Въ этомъ правилѣ законоположено то, что давно уже осуществилось на практикѣ, и притомъ осуществилось не безъ борьбы. Экзальтированные иноки, извѣстные подъ именемъ *евхитовъ* или *мессалианъ* или *энтузіастовъ*, считая себя внѣ всякаго земнаго закона, разумѣется не думали подчиняться и епископамъ. Египетскіе отшельники любили выражаться такъ: „монахъ долженъ пзбѣгать епископовъ и женщинъ; потому что ни ты, ни другія не дадутъ ему ни спокойно оставаться въ кельѣ, ни посвятить себя созерцательной жизни.“ Епископы оскорблялись непослушаніемъ этихъ заблуждшихъ овецъ и старались волею-неволею привлечь ихъ на свою пажить. Эта глухая борьба, о которой исторія сохранила только случайныя и анекдотическія свѣдѣнія (таково напр. извѣстіе объ изобличеніи главы мессалианъ Аделфія Флавіаномъ е. антиохійскимъ 381—404 г. пли о борбѣ Теофила алекс. съ долгими братьями), кончилась полною побѣдою епископовъ. Иначе впрочемъ и быть не могло. Монашество нуждалось въ дисциплинѣ и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе умножалось число иноковъ и улетаъ животворный духъ древняго подвижничества. Но утративъ часть своей свободы, иноки получили за то опредѣленное и довольно привилегированное положеніе въ государствѣ, могшее помимо всего прочаго привлекать къ себѣ уже одною свободою отъ податей и новинностей, столь тяжелыхъ въ вѣ-

зантіійской имперіи. Подчинившись епископамъ и составивъ ихъ—такъ сказать—черную гвардію, иноки не остались безучастными въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ нужна сила и многолюдство. Разрушеніе синагогъ и языческихъ капищъ, преслѣдованіе иномыслящихъ—безъ иноковъ не обходилось. Въ борьбѣ александрійскаго патріарха съ іудеями и префектомъ Орестомъ (413—415) иноки принимали очень бурное участіе, при чемъ одинъ изъ нихъ поплатился жизнью. Во время разбойничьяго собора 449 г. сирскіе иноки съ архимандритомъ Варсумою, поддерживая Діоскора, наносили угрозы и побои его противникамъ. Іерусалимскій самозванный епископъ Θεодосій, отвергая халкидонскій соборъ, при помощи палестинскихъ монаховъ, около двухъ лѣтъ (452—3) могъ противиться высшему духовному и свѣтскому правительству имперіи.

Обращаясь къ канонизованнымъ инокамъ нашего періода, — къ тѣмъ героямъ аскетической добродѣтели, въ которыхъ вѣкъ видѣлъ осуществленіе своихъ лучшихъ идеаловъ,—мы должны сказать, что и въ нихъ отразилась общая перемѣна въ положеніи монашества. Аскетическіе подвиги—тѣже; но къ нимъ примѣшалась извѣстная доля эксцентричности. Появились св. подвижники *странствующие*, изъ коихъ канонизованы св. Иларіонъ и св. Мартиніанъ, о которыхъ мы говорили выше. Какъ особый видъ странствующихъ подвижниковъ являются такъ называемые *пасущіеся* (βοσκoi), скитавшіеся въ горахъ и пустыняхъ Месопотаміи и Палестины безъ покрова и безъ вареной пицци. Появились такъ называемые *столпники* (στυλῖται). Основатель этого рода подвижничества св. Симеонъ + 431 г. (память 1 сент.) подвизался въ 60 верстахъ отъ Антіохіи на столпѣ или на малой башнѣ, верхняя площадка которой была въ два локтя (т. е. немного болѣе квадратнаго аршина). Тамъ пребывалъ святой почти безъисходно 27 лѣтъ, стоя на молитвѣ съ желѣзными веригами на шеѣ. Сходить со столпа святому приходилось только раза три, когда столпъ ветшалъ и нужно было замѣнить его новымъ. Каждый разъ благочестивые почитатели Симеона устраивали ему все болѣе и болѣе высокій столпъ. Первый столпъ, устроенный самимъ Симеономъ, былъ въ 6 локтей; второй уже въ 12, третій въ 22, и четвертый въ 36. Жизнь на столпѣ была почти невозможна для человѣка, такъ что одинъ священникъ, пришедшій изъ Аравіи посмотреть на подвиги Симеона, не безъ основанія заклиналъ его сказать по правдѣ, человѣкъ ли онъ или существо безтѣлесное. Въ отвѣтъ на это Симеонъ пригласилъ посѣтителя взойти на верхъ столпа и показавъ свои

ноги, гнившія и точимыя червями вслѣдствіе всегдашняго стоянія. Необычные подвиги привлекали ко столпу св. Симеона множество любопытныхъ и пажоныхъ поклонниковъ. Быть можетъ это обстоятельство не понравилось другимъ инокамъ и сирскіе пустынники послали сказать св. столпнику слѣдующее: *отчего не идешь отеческимъ путемъ, а изобрѣтъ какой-то новый? Сойди со столпа и живи, какъ древніе отцы пустынные.* Но когда св. Симеонъ хотѣлъ оказать послушаніе, то старцы, довольные этимъ, оставили его жить по прежнему. Примѣръ св. Симеона нашелъ себѣ подражателей, изъ которыхъ особенно извѣстенъ Даниилъ столпникъ (+ 490), подвизавшійся близъ Константинополя.

Эксцентричность и своеобразность подвижничества, поражающая насъ въ разсматриваемый нами періодъ, имѣетъ мѣсто особенно по отношенію къ женскому подвижничеству. Многія преподобныя жены этого времени надѣвали на себя одежду монаховъ и подвизались въ мужскихъ монастыряхъ, прикрывая себя именемъ столь многочисленныхъ тогда въ византійской имперіи евнуховъ. Желаніе укрыться отъ родныхъ и близкихъ, иногда даже отъ мужьевъ, не допускавшихъ до иночества,—а также, быть можетъ, желаніе смѣло идти въ самый разгаръ искушеній—были побужденіями къ принятію на себя такого страннаго подвига... Обратимъ прежде всего вниманіе на житіе преп. Матроны (память ея 9 ноября), которое представляетъ въ себѣ еще простой и недоконченный типъ указаннаго выше подвига. Скрываясь отъ ревниваго и строптиваго мужа, 25-тилѣтняя Матрона, остригши волосы, въ евнушеской одеждѣ и подъ именемъ евнуха Вавилы, пришла (ок. 415 г.) въ одинъ цареградскій монастырь и была включена въ составъ братства. Спустя немало времени одинъ изъ братій обратилъ вниманіе на повернутыя для серегъ уши мнимаго евнуха, а игумену (преп. Вассіану) было открыто въ сонномъ видѣніи, что евнухъ Вавила есть женщина. Смущенный сновидѣніемъ, игуменъ раскрылъ евангеліе и прочелъ мѣсто (Лук. 13, 20—21), гдѣ говорится о *женѣ*, заквасившей тѣсто. Недоумѣніе игумена было рѣшено. Призвавъ Матрону, игуменъ грозно спросилъ ее, какъ она, будучи женщиною, осмѣлилась поступить въ мужской монастырь, пріобщаться св. таинъ съ непокровенною главою и давать лобзаніе братіи. Слезы Матроны, откровенно рассказавшей игумену исторію своей жизни, тронули старца. Онъ съ миромъ отпустилъ ее въ женскій монастырь и впослѣдствіи заботился о томъ, чтобы укрыть ее отъ поисковъ раздраженнаго мужа.

—Болѣе выдержанный до конца типъ тогоже подвига представляетъ житіе пр. Пелагіи (память ея 8 окт.) Пелагія была язычница и блудница, которую антиохійскіе граждане за изыщество ея наружности прозвали *маргаритою* т. е. жемчужиною. Почувствовавъ раскаяніе въ своей безобразной жизни, Пелагія приняла крещеніе, раздала свое имущество на благотворенія и скрылась изъ Антиохіи. Спустя нѣсколько лѣтъ въ Іерусалимѣ оказался жившій въ затворѣ на Елеонской горѣ евнухъ Пелагій. Онъ проводилъ время въ постѣ, молитвѣ и трудахъ, и многимъ житіе его было на пользу. Наконецъ ок. 457 г. авва Пелагій умеръ. Разнеслась объ этомъ вѣсть въ Іерусалимѣ; стеклось къ келліи Пелагіи много духовныхъ и мірянъ, и когда раззорили затворъ и, вынеся тѣло, стали готовить его къ погребенію, то оказалось, что авва Пелагій былъ жепщина. Тотъ же діаконъ Іаковъ, который присутствовалъ при крещеніи Пелагіи, случайно былъ и при ея погребеніи и оставилъ намъ ея житіе.—Въ томъже родѣ житіе пр. Евфросиніи, (память ея сент. 25). Она была дочь богатаго александрійца Пафнута и отецъ сговорилъ уже выдать ее замужъ. Но бесѣды съ иноками дали ея мыслямъ другое направленіе. Надѣвъ мужскую одежду и взявъ 50 златницъ, 18-лѣтняя Евфросинія скрылась изъ дому и, пришедши въ одинъ изъ монастырей, назвала себя царскимъ евнухомъ, дала 50 златницъ вкладу и приняла иночество съ именемъ Измарагда. Но красота Евфросиніи, даже подъ одеждою инокъ, была такъ велика, что возбуждала въ братіи помыслы неполезные; поэтому игумень присудилъ ей жить въ уединеніи. 38 лѣтъ Евфросинія прожила въ монастырѣ, много разъ видѣла и утѣшала своего отца, посѣщавшаго монастырь, и только предъ самою смертію (ок. половины V в.) открыла ему свою тайну.

Таже исторія получаетъ еще новое усложненіе въ житіи Маріи, проименованной Мариномъ (память февр. 12). Одинъ обитатель Виноиніи, по имени Евгений, овдовѣвъ, разсудилъ идти въ монастырь и взявъ съ собою малолѣтнюю дочь Марію, одѣвъ ее въ мужское платье и переименовавъ Мариномъ. Отецъ скоро умеръ, а дочь продолжала жить въ монастырѣ въ образѣ молодаго инокъ. Черезъ нѣсколько времени мнимый Маринъ подвергся тяжелой и совершенно незаслуженной клеветѣ. Дочь гостинника,—у котораго иногда останавливался Маринъ, исполняя монастырскія порученія,—забеременѣла и выпу своего паденія сложила на инокъ Марина. Гостинникъ пожаловался игумену и мни-

мый Маринъ съ безчестіемъ былъ изгнанъ за монастырскую ограду. Этого мало. Гостипникъ принесъ новорожденнаго младенца на воспитаніе мнимому отцу, и три года Маринъ, будучи въ самомъ бѣдственномъ положеніи, воспитываетъ младенца, быть можетъ удовлетворяя врожденному женскому стремленію къ материнской заботливости. Спустя три года, иноки сжалились надъ Мариномъ и опять приняли его въ монастырь вмѣстѣ съ ребенкомъ, который впрочемъ скоро умеръ. Недолго послѣ того прожилъ и Маринъ. Когда стали готовить умершее тѣло къ погребенію, то открылось, что мнимый Маринъ былъ женщина, открылось—къ общему удивленію братіи и ужасу гостипника и его дочери.¹⁾ Еще новое недоумѣніе тойже исторіи о женскомъ иночествѣ въ мужскомъ образѣ находимъ въ житіи Андроника и жены его Аѳанасіи (память ихъ окт. 9.) Потерявъ дѣтей, супруги разошлись по разнымъ монастырямъ; но спустя 12 лѣтъ Аѳанасія, падѣвъ одежду монаха и переименовавшись Аѳанасіемъ, нашла своего мужа и паломничала съ нимъ по святымъ мѣстамъ Палестины, потомъ 12 лѣтъ жила съ нимъ въ одной кельѣ. Андроникъ не узналъ своей жены, частію по причинѣ ея евнушескаго образа, частію потому, что лице ея увяло отъ воздержанія, частію наконецъ потому что она наложила на себя обѣтъ молчанія. Тайна открылась уже послѣ смерти Аѳанасіи изъ оставленнаго ею письма—Иноческое incognito до самой смерти среди близкихъ родныхъ составляетъ также характерный подвигъ V вѣка. Такимъ подвигомъ подвизались Алексій челоуѣкъ Божій въ Рымѣ (+411) и Іоаннъ Кущникъ въ Цареградѣ (во 2-й половинѣ V в.) Оба житія довольно сходны. И въ томъ и въ другомъ—любимый сынъ богатыхъ родителей, возгорѣвшись стремленіемъ къ аскетизму, убѣгаетъ изъ родительскаго дома и потомъ спустя много лѣтъ возвращается, живетъ при родительскомъ домѣ никѣмъ неузнанный въ видѣ страпника и нищаго, и узнается уже при смерти.—Мы старались охарактеризовать канонизованныхъ подвижниковъ и подвижницъ иночества, но должны сказать, что общій уровень иноческой добродѣтели

---

¹⁾ Подобная же исторія о неправоудномъ оклеветаніи разсказывается и въ житіи Теодоры александрійской, (пам. сент. 11), которая также жила въ мужскомъ монастырѣ подъ видомъ инока, но немного позже нашего періода, именно къ концу V вѣка.

въ разсматриваемомъ періодѣ понижался противъ прежняго. Для этого намъ достаточно сослаться на предсѣдшія выше выдержки изъ писемъ Исидора Пилусіота и Нила Синайскаго.

ЕПИСКОПЫ И МІРЯНЕ РАЗСМАТРИВАЕМАГО ПЕРІОДА. ПОДАВЛЕНІЕ ЯЗЫЧЕСТВА НА ВОСТОКѢ.

Если вѣрить Папарригопуло (II, 542.), первоначальная организація восточной церкви представляла собою точное подобіе республиканскаго устройства древней Греціи. „Церковь христіанская была ничто иное, какъ собраніе древнихъ эллинскихъ вѣчъ (ἐκκλησία τῶν ἀρχαίων ἑλλήνων); собраніе пресвитеровъ — это совѣтъ или дума (βούλη); епископы — это архонты; а епархіальные синоды — это древніе международные конгрессы (τὰ παλαιά ποτε κατὰ ἑξῆς συνέδρια). Всѣ эти старыя типы общественнаго устройства еще сохранялись въ эллинскомъ мірѣ во время появленія христіанства... И мы — такъ сказать — во очію видимъ, какъ древній эллинизмъ пресуществляется въ новый. Съ теченіемъ времени древній демократическій христіанскій эллинизмъ все болѣе и болѣе принималъ аристократическій характеръ, особенно послѣ утвержденія въ Константинополѣ христіанской монархіи.“ Конечно, время шло и приносило свои перемѣны. И продолжая мысль Папарригопуло, можемъ сказать, что какъ измѣнялся древній эллинизмъ, вырождаясь въ византинизмъ, въ такой же мѣрѣ параллельно съ этимъ измѣнялся и типъ церковнаго устройства. Самая капитальная изъ этихъ перемѣнъ состояла въ томъ, что центръ тяжести въ церковно-общественныхъ дѣлахъ былъ перенесенъ изъ области полномочія отдѣльных общинъ въ сферу власти абсолютнаго монарха и окружавшихъ его придворныхъ. Это отразилось: 1, на избраніи епископовъ. Прежде избраніе епископа зависѣло главнымъ образомъ отъ его будущей паствы; теперь оно рѣшалось волею императора въ тѣхъ случаяхъ, когда императоръ хотѣлъ проявлять свою волю. Такъ Нектарій, св. Іоаннъ Златоустъ, Несторій и другіе столичные патріархи были назначены государемъ; такъ имп. Валентъ во многіе города назначалъ аріанскихъ епископовъ въ замѣнъ изгнанныхъ православныхъ, — совершенно противъ желанія паствы. Правда въ большинствѣ случаевъ гос-

подставлялъ еще смѣшанный способъ избранія епископовъ, въ которомъ принимали участіе и будущіе пасомые, и сосѣдніе іерархи, и правительственные агенты; при избраніи бывало много безпорядковъ; но общій ходъ исторіи очевидно направлялся къ тому, чтобы послѣднее слово осталось за самодержцемъ. 2) *во взаимномъ отношеніи іерарховъ*. Прежде всѣ епископы христіанскаго міра считались равны между собою. Теперь административное дѣленіе имперіи и субординація городовъ малыхъ большимъ были перенесены и въ церковную область. Мы имѣли случай видѣть, что, какъ скоро имп. Валентъ раздѣлилъ Каппадокію на 1-ю и 2-ю,—тотчасъ Анѳимъ, митрополитъ Тіаны, главнаго города 2-й Каппадокіи, вступилъ въ борьбу изъ-за подчиненныхъ епархій со св. Василиемъ, архіепископомъ Кесаріи, главнаго города 1-й Каппадокіи; мы знаемъ, что св. Іоаннъ Златоустый объѣзжалъ Асію и Понтъ, судя и низлагая епископовъ, какъ ихъ начальникъ; что на III вс. соборѣ египетскіе епископы составляли послушную свиту патріарха александрійскаго, а такъ называемые *восточные* епископы—группировались около патріарха антиохійскаго. Всѣ эти явленія находятъ себѣ объясненіе въ аналогіи церковнаго дѣленія имперіи съ политическимъ. Политическое дѣленіе византійской имперіи было слѣдующее: 1) *Префектура востока*, подраздѣлявшаяся на 5 діоцезовъ: α) собственно восточный (столица Антиохія) β) Египетъ (ст. Александрія) γ) Асія (ст. Ефесъ) δ) Понтъ (ст. Кесарія кап.) ε) Фракія (ст. Ираклія, вскорѣ потомъ Константинополь) II) *Префектура восточно-илирійская*, состоявшая изъ Македоніи и Дакіи со столицею Солуномъ. Примѣнительно къ этому административному дѣленію приурочены были и центры церковной власти,—съ тѣмъ однако важнымъ различіемъ, что патріархъ Константинополя, новаго Рима и резиденціи государя,—завѣдывалъ не только всею европейскою частію византійской имперіи, но и діоцезами асійскимъ и понтскимъ, имѣя при себѣ постоянный соборъ (*συνόδος ἐνδημοῦσα*) изъ пріѣзжавшихъ въ столицу архіереевъ: а антиохійскій патріархъ долженъ былъ уступить значительную часть своего округа патріарху священнаго града Іерусалима. Так. обр. къ концу нашего періода въ восточной имперіи образовалось четыре неравныхъ по своему пространству патріархата, изъ коихъ два (антиохійскій и іерусалимскій) вмѣщались въ предѣлахъ одного діоцеза *восточнаго*; александрійскій—завѣдывалъ цѣлымъ діоцезомъ египетскимъ; а константинопольскій—всеми остальными 5-ю діоцезами восточной импе-

рин. На долю же папы римскаго досталась вся западная римская имперія, подраздѣлявшаяся на двѣ префектуры и семь діоцезовъ. Патріархи и архіереи другихъ центральныхъ городовъ (митрополиты) въ силу политическаго значенія своихъ каедръ выдѣлились изъ ряда своихъ собратій епископовъ, и считались настолько важнѣе ихъ, насколько напр. генераль-губернаторъ выше городничаго. 3) Наконецъ вліяніе императоровъ отразилось на *соборахъ епископскихъ*. Съ древнихъ временъ епископы, по примѣру апостольскому, имѣли обычай съѣзжаться на соборы, на которыхъ безъ всякаго сторонняго вмѣшательства занимались рѣшеніемъ вопросовъ относительно текущей церковной жизни: теперь императоры усвоили себѣ право созывать соборы, предсѣдательствовать на нихъ лично или чрезъ своихъ уполномоченныхъ, руководить соборными засѣданіями и утверждать соборныя рѣшенія своею властію. Нѣтъ сомнѣнія, что въ теоріи императоры преклонялись предъ рѣшеніями соборовъ, считая ихъ органомъ Св. Духа;—но не могли не сознавать, что на практикѣ отъ императорской власти зависѣло дать соборнымъ постановленіямъ силу обязательнаго закона. Да и кромѣ того—сами члены соборовъ своими пререканіями очень часто настойчиво вызвали вмѣшательство императорской власти.

Какъ судить объ этой перемѣнѣ въ положеніи епископовъ нашего періода? Если оспориться на мнѣніи св. Григорія Богослова и другихъ современныхъ писателей, то перемѣна была къ худшему. Вотъ мысли св. Григорія относительно *избранія* епископовъ. „Теперь есть опасность, чтобы священный чинъ не сдѣлался у насъ наиболѣе подлежащимъ осмѣянію, потому что предсѣдательство пріобрѣтается не добродѣтелью, но происками, и каедръ занимаются не достойнѣйшими, но сильнѣйшими.... Не бываетъ ни врача, ни живописца безъ предварительной подготовки. А предсѣдатель въ церкви удобно выскисывается; не трудившись, не готовившись къ сану, едва посѣявъ, уже и выросъ, какъ исполины въ баснѣ. Достойный высокой степени стоитъ смиренно; а надмѣнный предсѣдательствуетъ, поднимаетъ бровь противъ лучшихъ себя, безъ трепета входитъ на каедру...“ Палладій въ *жизни Златоустаго* такъ описываетъ избирательную борьбу, когда, по смерти Несторія, сдѣлалась праздною столичная каедра. „Можно было видѣть въ то время цѣлую толпу претендентовъ на это достоинство, которыхъ даже никто и не предполагалъ,—людей, недостойныхъ названія людей, священниковъ, недостойныхъ священства;

одни осаждали переднія двора, другіе сорили золотомъ, третьи готовы были просить на колѣнахъ благосклонности народа.“—Въ одномъ письмѣ Григорія Богослова къ Василию къ великому, можемъ видѣть, какъ неблагопріятно смотрѣлъ св. отецъ на разницу которая установилась между *архіереями большихъ и малыхъ городовъ*. „Если въ тебѣ есть большое желаніе показать себя и честолюбіе,—пишетъ св. Григорій св. Василию—„и простираешь къ намъ рѣчь съ высоты, какъ гражданинъ митрополи къ гражданамъ малаго города или даже не имѣющимъ у себя города; то и у насъ есть гордость, которую можемъ противопоставить твоей. Это всякому не трудно, а можетъ быть и болѣе прилично.“ Наконецъ о *епископскихъ соборахъ* того времени отзывается св. отца также далеко не лестный. „Не видалъ я“, пишетъ св. Григорій, „ни одного собранія епископовъ, которое имѣло бы во всѣхъ отношеніяхъ полезный конецъ, и не увеличивало бы бѣдствій вмѣсто того, чтобы избавлять отъ нихъ. Любовь къ спорамъ и любоначалие выше всякаго описанія.“—

Но мы не должны забывать, что св. Григорій Богословъ и другіе отцы церкви (напр. Василій великій, Іоаннъ Златоустъ) также худо отзывавшіеся о современномъ епископствѣ и клирѣ, относились къ жизни слишкомъ съ идеальными требованіями, которымъ никакъ не могла удовлетворить дѣйствительность. Рѣшающее вліяніе византійскаго императора въ дѣлахъ церковно-общественныхъ, вызывало въ всѣмъ ходомъ исторіи и требованіями самаго духовенства,—а вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно должны были послѣдовать и тѣ перемѣны въ положеніи и нравственномъ характерѣ епископовъ и клира, которыя такъ не нравились христіанскимъ идеалистамъ. Правда были въ тотъ періодъ еще очень многіе святители, какъ напр. Василій великій, Григорій Богословъ, Амвросій медіоланскій, Синезій пентапольскій, которые обнаруживали мужественную независимость по отношенію къ гражданской власти, но всѣ эти люди очевидно плыли противъ теченія и нельзя было ожидать, что большинство за ними послѣдуетъ. Св. Амвросій медіоланскій могъ выражаться такъ: „величіе и достоинство епископскаго званія ни съ чѣмъ на землѣ несравнимо. Если мы будемъ сравнивать сго съ царскою діадимой, то это все равно, что сравнивать золото съ оловомъ.“ Но такъ какъ полновластный императоръ былъ одинъ, а епископовъ,—и притомъ соперничающихъ,—много; то

естественно, что большинство епископовъ были льстецами и угодниками царской власти. И за всѣмъ тѣмъ епископство въ разсматриваемомъ періодѣ все-таки стояло очень высоко,—и какъ учрежденіе, и по личному составу. *Какъ учрежденіе*, епископство открывало для предстоятеля церкви всѣ возможные способы дѣлать всякое добро для своей паствы. Обязанности епископа были многочисленны и разнообразны: проповѣдывать слово Божіе, бороться съ ересями, покровительствовать слабымъ, обуздывать сильныхъ, вникать во всѣ дѣла гражданской и политической жизни, чтобы повсюду водворять духъ справедливости, милосердія и благочестія—вотъ какой дѣятельности ждалъ отъ епископа народъ. Для выполненія этихъ задачъ епископу нужны были большія и легальныя и матеріальныя средства. Чтобы располагать достаточными легальными средствами для своей общественной дѣятельности, епископы крѣпко держались за предоставленное церкви право *убѣжища* (борьба Златоустаго съ Евтропіемъ) ¹⁾ и пользовались иногда правомъ *отлученія* (отлученіе Синезіемъ правителя пентапольской области Андроника). Чтобы располагать достаточными матеріальными средствами, епископы часто тратили свое личное достояніе. Такъ Теодоритъ Кирскій издержалъ свое богатое наслѣдіе на общественныя нужды своего города. Даже такой нестяжатель, какъ св. Григорій Богословъ отказался принять сасимскую кафедру, главнымъ образомъ потому, что не хотѣлъ *идти ницѣй къ нищему народу*. Церковные доходы и имущества, находившіяся въ распоряженіи епископа, были во многихъ каедрѣхъ весьма значительны, но и нужды, удовлетворять которымъ считалъ себя обязаннымъ тогдашній епископъ, были также весьма велики и разнообразны. Такъ исторія съ уваженіемъ упоминаетъ объ Акакій, епископѣ амидскомъ, который въ 421 г., во время войны римлянъ съ персами, съ согласія клира продалъ золотыя и серебряныя сосуды церковныя, чтобы выкупить и прокормить плѣнныхъ персовъ, которые розданы были солдатамъ по праву войны и въ надеждѣ выкупа. Царь персидскій Варанъ, тронутый великодушіемъ христ. епископа, прекратилъ гоненіе на христіанъ въ Персіи.—Для удовлетво-

---

¹⁾ Право *убѣжища* въ церкви было ограничено для рабовъ указомъ Оеодосія II отъ 432 г.; да и вообще свѣтская власть столько же старалась отнять право *убѣжища*, сколько духовная—сохранить его.

КУРСЪ
ХИМИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГІИ.

ПРОФ. Н. А. Бунге.

МѢСТОНАХОЖДЕНІЕ ТОРФА.		Въ 100 ч. сухаго торфа содержится (безъ золы).			100 ч. торфа дають коьса.	Удѣльный вѣсь.	СВОЙСТВА ТОРФА.	Имя изслѣдователя.
Вѣмъ въ торфѣ, посядуть	Содержаніе коьса въ сухомъ торфѣ.	С.	Н.	О.	N.			
Р о с с і я.								
Эстляндія.								
Алакulla (около Гансаала).	16,00	10,00	59,66	5,90	34,44	—	—	Schmidt (1876).
Агандусъ.	13,20	1,80	56,63	—	—	—	Свѣтлобурый, легкій	Petzholdt.
Верхній слой	16,07	8,62	57,21	—	—	—	Болѣ темнаго цвѣта	(1861—62.)
Средній слой	16,56	11,28	57,95	—	—	—	Чернобурый, тяжелый	" "
Нижній слой	—	13,14	50,32	5,13	41,20	2,85 ¹⁾	—	" "
Rathshof въ сѣв. отъ Дерпта.	—	—	—	—	—	—	—	" "
Ф р а н ц і я.								
Ichoux (d. Landes)	—	4,9	—	—	—	27,5	—	Berthier (1835).
Crouy (d. Seine-Morne)	—	18,8	—	—	—	21,5	—	" "
Vulcaire	—	5,58	60,40	5,96	31,43	2,21	—	Regnault (1837).
Long	—	4,61	60,89	6,21	32,90	—	Темнобурый, много растительныхъ остатковъ	" "
Champ de feu	—	—	61,05	6,45	32,50	—	Старѣе предш. торфа	" "
Bresles (Oise)	12,90	10,08	59,53	7,44	33,03	38,6	Черный, первый сортъ	Marsilly (1857).
" "	15,30	7,27	57,47	5,28	37,25	39,4	Волокнистый 1-й сортъ	" "
Tesny (Somme)	16,70	15,48	57,01	6,18	36,81	40,0	Волокнистый 2-й сортъ	" "
Bourdon	17,30	7,98	58,71	5,79	35,50	37,8	Черный торфъ, 1-й сортъ	" "
Canon	19,50	10,92	60,14	5,79	34,07	38,1	Черный торфъ, 1-й сортъ	" "
Mennecey	—	—	54,6	5,4	40,00	—	—	Soubeyran (1856).
Швейцарія см. машин. торфъ.								
Ш в е ц і я.								
Абро № 1.	14,14	4,20	—	—	—	—	Легкая, желтоватая, губчатая масса.	Müller (1860).
№ 2.	15,20	5,10	—	—	—	—	Торфъ волокнистый	" "
Нор.	11,50	5,02	54,00	6,82	37,41	1,77	Очень плотный, черный	Jacobsen (1871).

*) Сумма 99,4. Въ оригиналѣ стоитъ 100; очевидно въ слатеннхъ выразахъ ошибка.

МѢСТОПОАХОЖДЕНІЕ ТОРФА.		Въ 100 частяхъ су- хато торфа содер- жится (безъ золы).	Удельный вѣсъ.	СВОЙСТВА ТОРФА.	Имя исследователя.
		Въ 100 частяхъ су- хато торфа содер- жится (безъ золы).	Удельный вѣсъ.	СВОЙСТВА ТОРФА.	Имя исследователя.
Американскій торфъ.					
1.	2,72	57,75	0,80	Бурый съ поверхности . . .	Detmer (1878).
2.	7,42	62,02	0,87	Полта чернѣй, на глуб. 7 ф. .	" "
3.	9,16	64,07	0,87	Черный на глуб. 14 ф. . .	" "
Oswego N. J.	10,30	66,50	0,93	— — — — —	Gowenlock (1875).
		%		Отношеніе. $\frac{O+N}{H} = 6,06.$	
Среднее ¹⁾	18,60	8,68	57,70	0,77	
Minimum	0,89	0,57	46,75	0,11	
Maximum	58,86	66,10	64,07	1,45	
Машинный торфъ.					
Théau	16,0	7,41	60,97	38,83	Магилли (1857).
Montaiger	18,00	18,28	61,79	52,67	Kraut (1858).
Нимпель	16,90	19,49	68,68	51,90	" "
Haspelmoor	16,1	18,68	68,98	50,9	" "
Neustädter-Hütte	10,7	8,01	61,66	52,72	" "
Kolbermoor	15,50	5,2	58,51	6,17	В. Вагнер. (1860).
Швабшарп	28,7	10,71	60,68	6,83	Goppelgöbder (1868).
		%		Отношеніе $\frac{N+O}{H} = 6,24.$	
Среднее	16,70	9,75	68,78	5,70	
Minimum	0,89	0,57	46,75	0,11	
Maximum	58,86	66,10	64,07	1,45	

¹⁾ При вылохъ среднего для углерода, водорода и кислорода, взяты только полные анализы, причемъ исключены всѣ тѣ, въ которыхъ вкрались ошибки въ оргиналь.

Элементарный составъ золь торфа представленъ въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Въ 100 частяхъ золь содержитя:										Имя изслѣдователя.		
K ₂ O.	Na ₂ O.	CaO.	MgO.	Al ₂ O ₃ .	Fe ₂ O ₃ .	Ph ₂ O ₅ .	SO ₃ .	Cl.	SiO ₂ раство- р. и песокъ.	CO ₂ .	Угль.	Сумма.
А в с т р і я ¹⁾ .												
0,53	0,31	1,16	1,90	54,89	—	0,70	0,91	0,09	0,01	39,50	—	100,00
3,15	—	—	6,00	16,33	—	1,99	2,79	0,10	0,21	64,48	—	100,00
0,60	2,44	—	0,50	2,00	—	0,40	сѣд.	0,12	—	98,94	—	100,00
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	28,52	1,54	5,46	13,98	0,12	1,58	—	36,92	11,25	—	99,27
—	—	29,12	1,63	4,95	14,15	0,13	1,60	—	37,50	10,12	—	99,20
—	—	30,05	1,55	5,20	14,23	0,14	1,59	—	36,29	10,10	—	99,15
—	—	29,52	1,45	5,15	14,59	0,13	1,45	—	36,52	10,50	—	99,31
А н г л і я.												
0,03	0,50	8,50	1,20	0,20	6,00	0,20	10,70	0,10	0,60	3,00	0,00	—
1,70	2,80	45,60	17,0	10,7	30,70	2,60	44,40	2,90	12,5	31,20	19,70	—
0,37	0,04	0,51	0,07	—	28,16	0,12	0,23	0,03	0,01	75,33	0,13	100,00
0,52	0,03	26,40	0,05	—	33,62	0,03	0,05	0,02	0,03	38,00	1,25	100,00
Г е р м а н і я ⁵⁾ .												
0,85	сѣд.	45,78	сѣд.	0,90	6,88	3,58	8,68	0,64	2,26	14,42	17,12	101,06 ⁴⁾
0,20	0,84	33,29	3,03	1,38	28,28	1,13	5,69	0,29	1,03	6,79	18,79	97,74 ⁵⁾
0,25	0,26	37,00	3,04	2,35	8,65	1,07	4,49	0,31	0,62	9,00	30,59	98,21
0,28	0,27	39,34	2,43	1,46	13,23	5,47	5,79	0,39	1,61	4,08	24,47	98,32
0,51	0,58	38,32	1,65	1,14	22,28	1,43	5,23	0,21	2,70	11,94	18,27	99,84
0,15	0,50	5,81	0,69	1,73	71,29	6,29	10,98	0,06	0,74	1,78	—	100,02
3,64	5,73	14,72	24,39	2,14	4,88	3,88	17,94	2,07	—	16,11	—	95,99 ⁶⁾
0,44	0,23	4,72	1,51	8,96	3,51	1,77	1,12	0,18	4,9	76,56	—	—
1,08	1,17	5,96	1,65	6,98	4,19	2,05	2,88	0,66	неопр.	7,04	—	—
1,33	1,45	23,78	15,69	—	10,69	6,76	5,50	11,06	1,82	4,40	17,32	100,00
0,66	0,44	16,06	2,09	—	16,61	19,60	5,81	10,12	сѣд.	неопр.	28,27	100,00
Въ 100 частяхъ золь содержитя:												
А в с т р і я ¹⁾ .												
Боремиа, Meronitz												
Grazten												
"												
Вьермоос												
Верхній слой												
Средній слой												
Нижній слой												
Кондес. т.												
А н г л і я.												
изъ 27 {												
оуль												
до												
Велзья Bruges												
Голландія												
Г е р м а н і я ⁵⁾ .												
Havel 1.												
" 2.												
" 3.												
Linnus												
Friesack.												
Cassel												
Hamburg												
Grunewald												
{ 1-й слой												
{ 2-й слой												
Harz { 1.												
2.												

¹⁾ С р а с . Ferstl (1853). ³⁾ Въ сочинении Muspratt's (Theoret., практ. и analyt. Chemie, Band. III) приведенъ всѣ 27 анализа.

⁴⁾ С р а с . Wasserzieher (1864). ⁴⁾ Въ томъ числѣ 1,11 сѣры ⁵⁾ Въ томъ числѣ 1,21 гипросол. водн. ⁶⁾ Въ томъ числѣ 4,12% гипросол. водн.

Въ 100 частяхъ золи содержится:		K ₂ O.	Na ₂ O.	CaO.	MgO.	Al ₂ O ₃ .	Fe ₂ O ₃ .	Ph ₂ O ₅ .	SO ₂ .	Cl.	SiO ₂ раство- рим.	SiO ₂ нераст- н в кислот.	CO ₂ .	Угль.	Сумма.	Имя исследователя.
Германия.																
Stendorf (сѣв. горфъ) . .	0,18	0,22	44,84	2,43	2,48	—	—	0,94	97,40	—	неопр.	2,49	8,02	—	—	Webery (1864).
Krempen (бур. горфъ) . .	0,05	—	58,98	1,23	3,12	5,95	—	1,85	5,78	—	4,02	2,01	46,99	—	—	"
Linum (газ. горфъ) . . .	0,15	0,16	48,16	0,44	5,27	19,01	—	0,59	11,08	—	2,22	2,72	11,82	—	—	"
Linum (сѣв. горфъ) . . .	0,20	0,22	17,29	0,75	9,70	11,40	—	0,25	5,57	—	0,14	98,83	2,51	—	—	"
Nimkau (газ. горфъ) . . .	0,12	0,35	9,36	0,04	3,31	73,33	—	—	15,0	—	—	0,99	—	—	—	"
Nimkau (сѣв. горфъ) . . .	0,21	0,17	6,27	0,59	10,42	8,13	—	0,67	—	—	—	56,97	10,02	—	—	"
Вавария.																
Kolbertmoor	1,14	0,52	18,37	1,53	45,48	7,46	—	1,60	4,32	—	20,17	—	—	—	100,00	Weber (1860).
Россия.																
Асандуз нижній слой . .	0,35	0,05	18,44	0,40	4,18	12,35	—	0,55	16,87	0,14	2,24	42,34	2,09	—	100,00	Pe tsholdt. (1861/2).
" средний слой . . .	1,10	0,09	40,23	0,65	0,12	17,29	—	2,79	18,90	0,26	0,87	4,55	18,15	—	100,00	"
" верхній слой . . .	1,76	0,05	6,56	1,32	5,57	5,91	—	5,57	4,28	0,27	6,46	58,80	0,60	—	100,00	"
Radshof нижній слой . .	0,51	0,05	6,77	1,63	5,42	6,23	—	0,33	5,98	0,01	8,47	69,32	0,28	—	100,00	"
" средний слой . . .	0,50	0,00	48,89	5,01	0,26	4,17	—	1,80	8,60	0,24	1,01	3,19	26,53	—	100,00	"
" верхній слой . . .	0,57	0,01	30,12	2,91	4,15	8,96	—	2,26	4,76	0,20	4,32	27,68	14,07	—	100,00	"
Швеция.																
Abro 1.	3,13	1)	20,98	2,46	28,48	12,64	—	6,56	8,60	—	0,24	21,96	—	—	100,00	Malter (1860).
" 2.	2,33	1)	24,94	1,47	26,35	18,18	—	7,49	8,11	—	0,62	11,01	—	—	100,00	"
Hgr	1,50	0,58	20,75	1,42	6,60	17,34	—	0,42	1,55	—	0,67	6,50	8,43	—	100,00	Jacobson (1871).

1) Въ видѣ хлористыхъ соединений.

Выше приведенныя числа подтверждаютъ въ общихъ чертахъ то, что было сказано выше о среднемъ составѣ торфа и кромѣ того показываютъ, что въ старомъ торфѣ количество углерода и зола больше, чѣмъ въ молодомъ, вслѣдствіе большаго измѣненія органическаго вещества и вслѣдствіе примѣси къ торфу песку и т. д.

Торфъ представляетъ болѣе или менѣе рыхлое вещество и обладаетъ значительною гигроскопичностью. Высушенный на воздухѣ, онъ содержитъ обыкновенно около 20% воды, которую теряетъ только отчасти (отъ 2—7%) подъ колоколомъ воздушнаго насоса, а вполне при 100—110°. Вполнѣ высушенный торфъ вновь притягиваетъ довольно быстро воду (отъ 11,5—11,9%) при лежаніи на воздухѣ. При температурѣ 200°, торфъ претерпѣваетъ уже ясное разложеніе. При прокаливаніи въ закрытомъ тиглѣ, даетъ торфяной уголь (коксъ), въ количествѣ отъ 19—52% (сред. 35%).

Количество *микроскопической воды* въ торфѣ было опредѣляемо непосредственнымъ высушиваніемъ при 100—110°. По мнѣнію *Marsilly* (1857), при этой температурѣ улетучивается изъ торфа уже не одна вода, но и нѣкоторое количество горючихъ веществъ. Въ виду этого *Marsilly* совѣтуетъ сушить торфъ для анализа подъ колоколомъ воздушнаго насоса, хотя и не приводитъ чиселъ, показывающихъ какъ велика неточность, обуславливаемая сущію торфа при 100°. Изъ приведенныя числа свидѣтельствуютъ только, что при высушиваніи торфовъ при 100°, они теряютъ отъ 12—20% воды, при высушиваніи же подъ колоколомъ воздушнаго насоса, при обыкновенной температурѣ, потеря равнялась отъ 2,17—7,20%. Тѣмъ не менѣе опыты *Marsilly* неоспоримо показываютъ, что, при сушкѣ выше 100°, торфъ претерпѣваетъ извѣстныя химическія измѣненія. Торфъ изъ *Théau* перваго сорта потерялъ подъ колоколомъ воздушнаго насоса 5,21%, при высушиваніи при 120°, онъ потерялъ 11,89%, слѣдовательно всего 17,10%. Торфъ, высушенный подъ колоколомъ воздушнаго насоса и при 120°, имѣлъ слѣд. составъ:

	Высушен. подъ колоколомъ воздушн. насоса.	Высушен. при 120°.
С.	50,67	54,56
Н.	5,76	4,87
О и Н.	36,87	33,27
Зола.	6,70	7,30
	100,00	100,00.

Если-бы торфъ, высушенный подъ колоколомъ воздушнаго насоса, при сушкѣ при 120°, терялъ только одну воду, то въ такомъ случаѣ составъ его долженъ бы быть:

С.	57,50
Н.	5,05
О и Н.	29,85
Зола.	7,60
	100,00

Слѣдовательно, торфъ при сушкѣ при 120°, потерялъ не только воду, но и извѣстное количество углерода и водорода. Подобный же результатъ былъ полученъ *Marsilly* и при сушкѣ бурдонскаго торфа. Этотъ торфъ, при сушкѣ подъ колоколомъ воздушнаго насоса, потерялъ 5,55%, при 100°—17,32% при 200°—24, 57%, и имѣлъ слѣд. составъ:

	Торфъ высуш. водъ, доведен. возд. насоса.	Торфъ высуш. при 200°.
С.	47,69	56,32
Н.	6,01	4,59
О и N	39,30	30,17
Зола	7,00	8,92
	<u>100,00</u>	<u>100,00</u>

Если бы торфъ, высушенный водъ коловомъ воздушнаго насоса, при дальнѣйшей сушкѣ при 100 и 200°, терять только одну воду, то составъ его долженъ бы быть:

С.	59,72
Н.	4,72
О.	26,79
Зола	8,77
	<u>100,00</u>

Способность высушеннаго торфа поглощать воду изъ атмосферы была изслѣдована *Ноппманн*'омъ (1863), который, какъ и *Зениск* (1827), показалъ, что торфъ, при соприкосновеніи съ водою, въ состояніи впитывать въ себя огромное количество воды, доходящее до 200 даже 300%. Кроме того, по *Ноппманн*'у (1863), торфъ обладаетъ значительною поглощательною способностью для амміака. По его изслѣдованіямъ, 100 грам. сухаго торфа поглощаютъ среднимъ числомъ 9,503 грам. газообразнаго амміака; 100 грам. же торфа, содержащаго 20,3% воды, поглощаютъ 16,623 грам. этого газа. Этими свойствами торфа объясняется его примѣненіе какъ удобрительнаго и дезинфицирующаго вещества.

Кажущійся удѣльный вѣсъ торфа очень различенъ и находится въ извѣстной зависимости отъ возраста торфа и количества въ немъ содержащейся золы. По *Кармаришу* (1835—53), удѣльный вѣсъ различныхъ видовъ торфа колеблется между слѣдующими предѣлами:

	удѣльный вѣсъ,
Волокнистый торфъ	0,113—0,676
Болотный и землястый торфъ	0,410—0,900
Смолистый торфъ	0,620—1,030

Удѣльный вѣсъ 27 видовъ торфа, изслѣдованныхъ *Кане* и *Sullivan*'омъ, колебался между 0,274—1,06. Въ некоторыхъ случаяхъ удѣльный вѣсъ торфа доходитъ до 1,45. Средній у. в. торфа 0,77. Вѣсъ одной кубич. сажени торфа, высушеннаго на воздухъ, колеблется обыкновенно отъ 200—450 пуд.

Добываніе торфа. Пригодность торфа служить топливомъ была познана давно; уже у *Плинія* мы находимъ указаніе, что жители сѣверной Германіи и Бельгіи употребляли какъ топливо *мъз*, который они вынимали изъ болотъ, формовали руками и сушили на открытомъ воздухѣ. Во Францію употребленіе торфа перешло изъ Голландіи въ 1621 г., а *Бехеръ* уже въ 1683 г. говорить о торфиномъ углѣ. Не смотря на такое раннее познаніе свойствъ торфа, онъ имѣлъ до послѣдняго времени очень ограниченное и мѣстное примѣненіе, и только истощеніе лѣсовъ и вздорожаніе камен-

наго угля заставили техникувъ обратить серьезное вниманіе на торфъ, не только какъ на выгодное топливо, но и какъ на сырой матеріалъ, пригодный для полученія свѣтильнаго газа и другихъ продуктовъ сухой перегонки—фотогена, парафина, угля и т. д. Благодаря усиліямъ современной техники разработка торфяниковъ увеличилась и приняла заводской характеръ.

Способы разработки торфяниковъ очень различны, смотря по мѣстнымъ условіямъ и свойствамъ торфа. Волокнистый торфъ, представляющій болѣе или менѣе связанную массу, добывается *вырѣзываніемъ*, помощью желѣзныхъ лопатъ, въ видѣ кусковъ правильной формы, (плитокъ или кирпичей); землистый и смолистый торфъ *вырѣзываютъ* въ видѣ неправильныхъ кусковъ, а болотистый *вычерпываютъ* кешеромъ (сѣтчатымъ мѣшкомъ) въ видѣ безформенной массы и затѣмъ формуютъ.

Если торфяники представляютъ болота трудно доступныя для людей и животныхъ, то ихъ передъ разработкой осушаютъ до извѣстной степени. Эту осушку производятъ обыкновенно рытьемъ канавъ, пользуясь для стока воды естественнымъ наклономъ мѣстности. При отсутствіи подобнаго наклона, воду приходится выкачивать при помощи машинъ, а именно центробѣжныхъ насосовъ или водяныхъ улитокъ. Улитки, какъ по полезному дѣйствію, такъ и по прочности и простотѣ устройства, заслуживаютъ предпочтенія передъ насосами. Осушка торфяниковъ не только облегчаетъ работу, но доставляетъ еще ту выгоду, что торфъ осадаетъ (отъ $\frac{1}{6}$ — $\frac{2}{3}$ всей толщины слоя) и дѣлается плотнѣе. Тѣмъ не менѣе осушка торфяника не должна превышать извѣстнаго предѣла, такъ-какъ слишкомъ сухой торфъ трудно рѣжется, становится рассыпчатымъ и качества его ухудшаются, вслѣдствіе слишкомъ сильнаго дѣйствія воздуха, окисляющаго, какъ кажется, углеродъ торфа.—До какой степени выгодно осушать торфяникъ зависитъ отъ качества торфа и отъ способа его добыванія. Для полученія такъ называемаго машиннаго торфа, о которомъ будетъ сказано ниже, осушку производятъ такъ, чтобы торфъ содержалъ еще 60—80% воды, причемъ содержаніе воды можетъ быть тѣмъ меньше, чѣмъ совершеннѣе раздробляется и перемѣшивается торфяная масса.—При осушкѣ торфяниковъ, нужно заботиться еще о томъ, чтобы полусухой торфъ не подвергся дѣйствію мороза, который дѣлаетъ его рассыпчатымъ. Для избѣжанія этого, осенью передъ окончаніемъ кампаніи, запружаютъ сточныя канавы, вслѣдствіе чего торфяникъ вновь затопляется водою къ зимѣ.

Если торфяникъ достаточно осушенъ и содержитъ волокнистый торфъ, то съ болота снимаютъ верхній слой (12—18 дюймовъ), состоящій изъ дерна и плохого торфа, а затѣмъ дѣлаютъ его канавами на правильныя площадки (карьеры) и приступаютъ къ вырѣзкѣ. Для работы нужны два работника:

одинъ становится на доскѣ, положенной на край вырѣзываемой площадки и дѣлаетъ вертикальный надрѣзъ вдоль доски, которая слѣдовательно опредѣляетъ длину кусковъ, потомъ переноситъ доску далѣе, а на отдѣленной полосѣ дѣлаетъ поперечные вертикальные же надрѣзы въ ширину кусковъ. Въ тоже время другой работникъ, стоя въ канавѣ, подрѣзываетъ куски снизу и тотчасъ же вынимаетъ ихъ на лопатѣ, складывая на край канавы. Вырѣзавъ одинъ слой, приступаютъ къ другому, лежащему подъ нимъ, пока снять всю стѣнку до дна. Иногда, если слой торфа глубокъ, нужно производить работу въ два уступа. Вырѣзанные куски складываютъ на тачки и отвозятъ къ мѣсту сушки. По этому способу два работника надрѣзываютъ отъ 3—4000 плитокъ торфа въ день.

Приемы, употребляемые при вырѣзываніи торфа въ различныхъ мѣстахъ, очень различны въ частностяхъ. Богѣе подробное описаніе ихъ можно найти въ специальныхъ сочиненіяхъ по торфу, а въ особенности въ сочиненіи, изданномъ Баварскимъ Политехническимъ Обществомъ „Ueber Gewinnung und Benutzung des Torfes in Bayern. München, 1839“, а также въ сочиненіи *Hausding's* „Die Torfwirtschaft“. Размѣръ торфяныхъ кирпичей также очень различенъ и зависитъ отчасти отъ мѣстныхъ условий, отчасти отъ качества самаго торфа. Въ окрестностяхъ Мюнхена изготовляютъ обыкновенно кирпичи длиною отъ 46,8—54,6 шириною отъ 11,7—13,0 и толщиною въ 7,8 сантиметровъ. При высыханіи объемъ кирпичей уменьшается и они приобретаютъ длину равную 31,0 сантиметру, ширину—6,5 с. м., а толщину 3,9 с. м.

Торфъ смолистый и землистый, содержащій мало неразложившихся остатковъ растений, добываютъ неправильными кусками и помѣщаютъ въ ямы, выложенныя досками или кирпичами. Въ этихъ ямахъ добытый торфъ пережѣмливаютъ или ногами работниковъ, или лопатами, или деревянными ботугами ¹⁾ до полученія однородной массы, которую затѣмъ формуютъ или на столѣ въ деревянныхъ формахъ (столовый торфъ Modeltorf), или распредѣляютъ ее въ деревянные ящики, раздѣленные перегородками на известное число отдѣленій (наливной торфъ, Streichtorf), или, наконецъ, укладывая ее въ горизонтальный слой и затѣмъ разрывая ножомъ на отдѣльные куски (Trettorf, Back-oder Breitorf).

Болотный торфъ вычерпываютъ кешеромъ, причемъ значительная часть воды стекаетъ черезъ сѣтъ, а торфъ помѣщаютъ или на землю, или въ лодку (если приходится работать на водѣ), а затѣмъ формуютъ однимъ изъ выше указанныхъ способовъ.

Формованный торфъ лучше рѣзаннаго, такъ какъ онъ однороднѣе и плотнѣе этого послѣдняго; но сушка формованнаго торфа требуетъ большаго времени и полученіе его обходится на 15—20% дороже рѣзаннаго. Тѣмъ не менѣе большая плотность и однородность продукта, заставляють часто

¹⁾ Моро (1877) взялъ привилегію на снарядъ, сущность котораго состоитъ въ очередномъ жѣбаніи торфяной массы, которымъ замѣняется жѣбаніе сырой торфяной массы ногами работника.

волокнистый торфъ измѣлчать въ однородную массу и затѣмъ формовать, и это тѣмъ болѣе, что различныя свойства торфа даже одного и того же торфяника часто затрудняютъ добываніе торфа вырѣзываніемъ на всей глубинѣ торфяника.

Начиная съ 1785 г., было сдѣлано нѣсколько предложеній замѣнить, при вырѣзываніи торфа, лопату болѣе совершенными механическими приборами. Эти машины оказались въ особенности пригодными для добыванія тяжелаго, однороднаго торфа въ тѣхъ случаяхъ, когда торфяникъ не можетъ быть надлежащимъ образомъ осушенъ и рѣзку торфа приходится производить подъ водой.

Подобныя торфорѣзки были предложены *Brosowsky*'мъ (1842), *Leprieux* (1857), *Bocquet et Bénard* и *Diesbach*'омъ (1871). Подробное описаніе этихъ аппаратовъ можно найти въ указанныхъ выше сочиненіяхъ *Hausding'a* и *Lencauchez*.

Какъ рѣзанный, такъ и формованный торфъ, подвергають *сушкѣ*. Для этого торфяные кирпичи складываютъ сначала одинъ не плотно подлѣ другого пока обсохнутъ, потомъ укладываютъ ихъ въ кѣтки, затѣмъ въ стѣны и, наконецъ, въ кучи (штабели) и притомъ всегда такъ, чтобъ воздухъ имѣлъ возможно свободный доступъ. При недостаткѣ мѣста и для ускоренія сушки, торфъ располагають на жердяхъ горизонтальными рядами. Этотъ способъ сушки употребляется почти исключительно для формованнаго торфа, который сравнительно съ рѣзаннымъ гораздо легче размывается дождями и также легче трескается при быстромъ высыханіи на воздухѣ. Вообще можно принять, что потеря въ торфѣ, обусловливаемая различными атмосферными вліяніями (разтрескиваніе и размываніе кирпичей), доходитъ до 25%, а въ неблагоприятныя годы даже до 50% (*Vogel*). Продолжительность сушки зависитъ отъ погоды и отъ свойствъ самаго торфа; обыкновенно сушка продолжается не менѣе двухъ мѣсяцевъ. Послѣ окончательнаго высушиванія на воздухѣ, торфъ переносятъ въ склады и въ этомъ видѣ торфъ содержитъ обыкновенно отъ 20—30% воды.

При сушкѣ торфъ не только теритъ воду, но уменьшается въ объемѣ и становится тверже и плотнѣе. Величина этой усушки очень различна и зависитъ отъ содержанія воды въ сыромъ торфѣ, отъ способа добыванія и отъ возраста и строенія сыраго матеріала. Чѣмъ полнѣе и тщательнѣе была разработана и смѣшена торфяная масса, послужившая для полученія плитокъ, тѣмъ значительнѣе будетъ сокращеніе ихъ объема при высушиваніи. Поэтому объемъ наливнаго торфа уменьшится при высушиваніи болѣе, чѣмъ объемъ формованнаго, а объемъ этого послѣдняго болѣе, чѣмъ объемъ рѣзаннаго. На основаніи многочисленныхъ опытовъ *Wassericiher'a*, (1864), можно принять что объемъ рѣзаннаго торфа при высушиваніи

уменьшается на 60—80%, среднимъ числомъ на 72%; объемъ наливнаго торфа на 76—84%, сред. числомъ на 80%.

Только-что описанный способъ получения торфа, а въ особенности получение торфа вырѣзываніемъ, представляетъ много недостатковъ. Не говоря уже о томъ, что все производство поставлено въ зависимость отъ погоды и требуетъ много времени, мѣста и рабочихъ рукъ, самый продуктъ, получаемый этими способами, неоднородныхъ качествъ и вообще очень рыхлъ и ломокъ.

Въ виду этого было сдѣлано не мало попытокъ, замѣнить дорого стоящую ручную работу механическою и вмѣстѣ съ тѣмъ получать вмѣсто легкаго, ломкаго и неоднороднаго торфа, продуктъ болѣе плотный, крѣпкій и однородный съ возможно меньшимъ содержаніемъ воды и золы.

Первоначально думали достигнуть этой цѣли подвергая сильному механическому давленію болѣе или менѣе измельченную торфяную массу въ влажномъ и холодномъ, или высушенномъ и нагрѣтомъ состояніи (прессованный торфъ).

Способъ этотъ былъ предложенъ уже *Pernitzsch* омъ въ 1821 г.—*Williams* (1839) и, въ новѣйшее время, *Kalbfell* ¹⁾ и *Crane* (1858), совѣтуютъ прессовать болѣе или менѣе измельченный торфъ въ гидравлическомъ прессѣ. Лордъ *d'Eresby* (1838), механикъ *Taubert* (1838) и *Haidinger* (1862), предлагаютъ для той же цѣли рычажные прессы; *Leo* (1859) описываетъ способъ, употребляемый въ Литвѣ и состоящій въ томъ, что торфъ, послѣ обсыханія, прессуютъ въ чугунныхъ формахъ чугуннымъ же штемпелемъ; *Schafhäutl* (1843) и *Stone* ²⁾ предложили производить формовку и прессованіе торфа, помѣщая его въ продырявленные формы, движущіяся подъ тяжелыми цилиндрами, уплотняющими массу; *Rogers* (1848) помѣщаетъ торфъ въ формы, укрепленныя на ободрѣ вертикально стоящаго колеса, которое при своемъ движеніи подводитъ формы подъ поршень; *Koch* и *Manhardt* (1859) предложили прессовать сырой торфъ между двумя желѣзными продырявленными цилиндрами, поверхность которыхъ покрыта плотною волосною тканью; *Exter* ³⁾ предложилъ прожимать торфъ черезъ трубы изъ металлической или пеньковой ткани подъ извѣстнымъ давленіемъ; *Gwynne*, *Vignoles*, *Hebert* и *Cobbold* (1856), предложили обезвоживать и прессовать торфъ въ центробѣжныхъ машинахъ; *Gwynne* (1853), *Exter* (1856 ⁴⁾ *Derrylea* (1866), *Харитоновъ* (1871) предлагаютъ прессовать измельченную, высушенную, нагрѣтую торфяную массу, причемъ получается блестящій, очень плотный торфъ.

Всѣ сюда относящіяся, способы не дали однако удовлетворительныхъ результатовъ и получили только мѣстное и кратковременное примѣненіе. *Холодное прессованіе сухаго торфа* не окупаетъ расходовъ на механическую силу, такъ-какъ торфъ очень трудно отдаетъ воду и представляетъ большое

¹⁾ Vogel, der Torf p. 77.

²⁾ Vogel, der Torf p. 80.

³⁾ Muspratt's Chemie, 3 Aufl, III p. 971.

⁴⁾ Справ. *Bauschinger* (1857),— краткое описаніе способа *Exter*'а и его значенія; *Tunner* (1858)—тоже; *Rühmann* (1858),—тоже болѣе подробно.

сопротивленіе давленію. Кромѣ того, способъ этотъ оказался только примѣнимъ для волокнистаго торфа, такъ-какъ при прессованіи другихъ видовъ торфа выѣстъ съ водою уносится много мелкихъ частицъ торфа, что влечетъ за собою большую потерю въ перерабатываемомъ матеріалѣ. Употребленіе-же салфетокъ, увеличивая издержки, не вполне устраняетъ эту потерю и влечетъ за собою частую остановку работы, вслѣдствіе быстраго засариванія салфетокъ. *Сухое прессованіе измельченной нагрѣтой торфяной массы*, хотя и доставляетъ очень плотный (у. в. 1, 5) и однородный продуктъ, тѣмъ не менѣе оно обходится дорого и получаемый торфъ, не смотря на свою плотность, растрескивается въ огнѣ, превращаясь при этомъ въ порошокъ.

Еще менѣе удачными оказались послѣдовавшіе затѣмъ предложенія уплотнять торфяную массу различными химическими средствами, обрабатывая торфъ щелочами или кислотами, или прибавляя къ нему различные клейкія вещества (варенную картофель, патоку и т. д.).

Способы эти почти что не перешли въ техническую литературу.—Въ новѣйшее время *Mathey* (1877) предложилъ прибавлять, при полученіи формованнаго торфа, $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ % кремнекислаго натра и такое же количество гидрата окиси кальція.

Въ виду этого всѣ вышеуказанные способы оставлены, и въ настоящее время для полученія однороднаго и плотнаго торфа превращаютъ сырой торфъ въ однородное тѣсто, формуя его затѣмъ или ручнымъ способомъ или при помощи машинъ, не употребляя при этомъ сильнаго давленія (машинный торфъ). При помощи этой предварительной подготовки торфяной массы, удается получить очень однородныя плитки, плотность которыхъ, послѣ высушиванія на воздухѣ, мало чѣмъ уступаетъ плотности прессованнаго торфа. Изъ сказаннаго ясно, что принципъ, на которомъ основаны новѣйшіе способы полученія такъ называемаго *машиннаго торфа* не новъ, такъ какъ попытки улучшать качество сыраго торфа мятъемъ вѣроятно столь же стары, какъ и познаніе самаго торфа. Уже въ выше указанномъ свѣдѣтельствѣ Плинія ясно сказано, что жители сѣверной Германіи формовали илистый торфъ руками. Далѣе, тотъ же принципъ примѣненъ уже давно при приготовленіи такъ называемаго столоваго и наливнаго торфа. Вся заслуга современной техники состоитъ въ томъ, что она сознательно воспользовалась этимъ принципомъ и придумала механическія приспособленія для замѣны дорогостоящей ручной работы и тѣмъ поставила добываніе торфа на фабричную ногу.

Для превращенія торфа въ однородную массу было предложено очень много различныхъ способовъ:

1) Измельченіе торфа съ прибавленіемъ къ нему большаго количества воды и очищеніе полученной смѣси отмучиваніемъ и пропусканіемъ сквозь сита. При этомъ имѣли въ виду

не только полное измельчение торфа, но и удаление из него всех растительных волоконъ и крупныхъ минеральныхъ примѣсей (*Challeton*, 1824 ¹⁾; *Hebert* 1855, *Schmitts* 1860). При помощи этихъ способовъ получается очень однородный торфъ, но производство его обходится дорого, требуетъ много времени и мѣста.

2) Измельчение торфа (съ напускомъ или безъ напуска воды) между двумя горизонтальными цилиндрами, поверхность которыхъ усажена кулаками и бороздками (*Exter*, *Besquet* и *Bénard* ²⁾, *Kessler* 1876).

3) Измельчение торфа въ цилиндрахъ, въ которыхъ вращается валъ, снабженный ножами, безъ прибавленія или съ прибавленіемъ воды къ измельчаемому торфу. (*Linnig*, 1837. *Weber* 185⁹/₁₀, *Ruschmann* 1858).

4) Измельчение торфа продавливаніемъ его черезъ металлическое сито конической формы (*Buckland* 1860, *Versmann* 1861 ³⁾).

Кромѣ того, было также предложено производить измельчение и перемѣшиваніе торфа, употребляя одновременно второй и третій способы. Такъ *Кремеръ* (1873) предложилъ измельчать и перемѣшивать торфъ сначала въ вертикальностоящемъ цилиндрѣ съ вращающимся ножевымъ валомъ, затѣмъ выдавливаемую изъ цилиндра массу разрѣзывать на тонкіе куски и вновь измельчать и перемѣшать между бороздчатыми цилиндрами.

Формованіе измельченной торфяной массы производить различно, смотря потому, происходитъ ли измельчение торфа съ прибавленіемъ, или безъ прибавленія воды. Въ послѣднемъ случаѣ, кромѣ ручныхъ деревянныхъ и чугуныхъ формъ, было предложено:

1) Формовальные цилиндры (*Веберъ* 185⁹/₁₀). Аппаратъ этотъ (Таб. II, фиг. 8) состоитъ изъ двухъ цилиндровъ; на поверхности одного изъ нихъ, А, устроены углубленія *m*, *m* съ подвижными днами (формы); на поверхности же другаго, В, желѣзные выступы *n*, *n*, которые прижимаютъ торфъ, помѣщаемый въ формы при помощи питающихъ валиковъ *c*, *c*. Эксцентрикъ *p*, выталкиваетъ подвижныя днища формъ, при чемъ кирпичи торфа выбрасываются на безконечное полотно.

2) Прожиманіе измельченного торфа черезъ коническія трубки, нитѣи различнаго сѣченія, причемъ получается торфъ въ видѣ правильнаго четырехугольнаго или круглаго стержня, который рѣжутъ на куски соответственной длины ручнымъ или механическимъ способомъ (*Hebert*, 1855). Для облегченія сушки *Ross* (1874) предложилъ этимъ способомъ превращать торфъ въ короткіе полные цилиндры, а для облегченія сторанія *Eichhorn* (1860) и *Lachmeier* (1868), предложили тѣмъ же способомъ получать торфъ въ видѣ кубическихъ кусковъ и сообщать имъ затѣмъ шарообразную форму катаніемъ въ барабанъ особеннаго устройства.

Торфъ, неосушенный передъ выемкой изъ торфяниковъ или измельченный съ прибавленіемъ большого количества воды формируютъ обыкновенно ручнымъ способомъ, или при помощи особенныхъ аппаратовъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

¹⁾ Способъ *Шалетона* обратилъ на себя, въ свое время, большое вниманіе и былъ описанъ и изслѣдованъ *Rühlmann'омъ* (1856 и 1858) и *Bargum'омъ* (1856), *Bromcis'омъ* (1858), *Нант'омъ* (1857) и *Meier'омъ* (1858).

²⁾ *Leucauchez*, p. 49.

³⁾ Способъ этотъ былъ описанъ изобрѣтателемъ въ брошюрѣ: „Ueber Herstellung von condensirten Torf“, извлеченіе изъ которой помѣщено въ *Polytech. Centralblatt* 1863, стр. 974 и *Горн. Журналъ* (1863, IV, II, 602). *Jacobi* (1863), *Thenius* (1863), *Dullo* (1864) дали намъ нѣкоторые данныя объ этомъ способѣ. Способъ, аналогичный способу *Versmann'a*, употребленъ также въ Ирландіи (*Ding. J.* 1863, 167, 468).

Изъ всѣхъ способовъ, предложенныхъ для полученія машиннаго торфа, самое большое значеніе приобрѣли въ настоящее время тѣ способы, въ которыхъ торфяная масса измельчается безъ напуска воды въ цилиндрахъ съ вращающимися ножами и затѣмъ формируется продавливаніемъ черезъ коническія трубки.

Представителемъ этихъ способовъ можетъ служить способъ *Вебера* (1857/8), усовершенствованный *Гиссеромъ* (Gysser, 1860) и примѣненный первоначально въ Баваріи.

По способу *Вебера-Гиссера*, торфъ выкапываютъ неправильными кусками и доставляютъ въ заводъ, гдѣ торфъ измельчаютъ въ желѣзномъ цилиндрѣ, представленномъ на фиг. 4 (Табл. II). Въ серединѣ этого цилиндра помѣщена вращающаяся ось съ ножами *m*, *m*, расположенными по спирали. Внутренняя поверхность цилиндра усажена также ножами *n*, *n* и притомъ такъ, что каждый ножъ входитъ въ промежутки между двумя ножами, укрѣпленными на оси. Къ нижней части оси прикрѣплена улитка *s*, *s*, а въ нижней части цилиндра сдѣлано отверстіе (мундштукъ), въ которому прикрѣплена коническая трубка (форма) *h*, имѣющую въ діаметрѣ 80 м. м. Дѣйствіе аппарата само собою понятно. Торфъ, бросаемый въ верхнюю часть цилиндра, измельчается между ножами *m* и *n* и получающаяся при этомъ однородная масса выдавливается улиткою *s* *s* черезъ форму *h* въ видѣ круглаго стержня, который рѣжутъ на куски соответственной длины. Подъ торфяной стержень, выдвигающійся изъ формы, работникъ подставляетъ полуцилиндрическую лопату и когда стержень выпянулся на достаточную длину (310 м. м.), тогда работникъ быстро поднимаетъ лопату вверхъ по краю формы, чѣмъ отдѣляетъ торфяной кирпичъ; въ тоже время другой работникъ подставляетъ подъ выдвигающійся стержень новую лопату, чтобъ начать вновь ту же манипуляцію. Подобный аппаратъ, приводимый въ движеніе паровою машиною въ шесть лошадиныхъ силъ, въ состояніи приготовить въ 12 часовъ 14 тысячъ торфяныхъ кирпичей или, вѣрнѣе, цилиндровъ указанныхъ размѣровъ (діаметръ 80 м. м., длина, 310 м. м.).

Большая часть новѣйшихъ аппаратовъ, предложенныхъ для приготовления машиннаго торфа, сходна въ принципѣ съ аппаратомъ *Вебера-Гиссера* и отличаются другъ отъ друга устройствомъ приспособленій, служащихъ для измельченія, размѣшиванія и формованія торфа. Такъ-какъ достоинство фабрикаата главнымъ образомъ зависитъ отъ полноты перемѣшиванія и измельченія матеріала, а это послѣднее отъ быстроты вращенія вала, на которомъ укрѣплены ножи, то, по этому главному фактору, машины могутъ быть раздѣлены на машины съ медленно вращающимся ножевымъ валомъ и на машины съ быстровращающимся ножевымъ валомъ. Къ маши-

намъ перваго рода причисляютъ тѣ, въ которыхъ ножевой валъ производитъ отъ 1—30 оборотовъ въ минуту; къ машинамъ втораго рода тѣ, ножевой валъ которыхъ производитъ не менѣе 60 оборотовъ (обыкновенно отъ 75—250) въ минуту. Первый родъ машинъ пригоденъ для переработки стараго и однороднаго торфа, второй для переработки волокнистаго и неоднороднаго торфа. Такъ-какъ въ большей части случаевъ приходится имѣть дѣло съ не вполне однороднымъ торфомъ, то на практикѣ предпочитаютъ машины съ быстровращающимся ножевымъ валомъ. Что касается до расположенія цилиндра и вращающагося въ немъ ножеваго вала, то оно бываетъ или вертикальное, какъ въ машинѣ *Веберъ-Гиссера*, или же горизонтальное. Это послѣднее расположеніе въ настоящее время почти исключительно принято, такъ-какъ оно облегчаетъ подаваніе сыраго матеріала въ машину, сообщаетъ ей большую устойчивость и облегчаетъ расположеніе приводовъ. Подобная машина съ лежащимъ, горизонтальнымъ цилиндромъ представлена на фиг. 5, табл. II., (машина Клейтона). Торфъ вбрасывается въ воронку В, измельчается въ цилиндрѣ А и выдавливается улиткой въ форму f; форма раздѣлена поперечными перегородками на 4 отдѣленія, такъ что аппаратъ приготовляетъ одновременно 4 торфяные стержня.

Если торфяники не осушены передъ выемкой торфа и торфъ представляетъ полужидкое тѣсто, содержащее 90—95% воды, тогда онъ, конечно, не можетъ быть формованъ вышеуказаннымъ образомъ. Такой торфъ обыкновенно измельчаютъ въ горизонтальныхъ машинахъ съ быстровращающимся ножевымъ валомъ и затѣмъ распределяютъ равномернымъ слоемъ (толщиною въ 15—20 с. м.) на горизонтальной поверхности. Когда, спустя нѣсколько дней, масса потеряла значительную часть своей воды (до 40%), тогда ее утаптываютъ досточками, надѣтыми на ноги работниковъ, и затѣмъ рѣжутъ на соответственные куски или лопатами или ножами. Кроме того, для формованія жидкой торфяной массы были предуманы и спеціальныя аппараты [*Ingermann* ¹⁾, *Vosquet* и *Bénard* ²⁾]. Аппараты эти представляютъ телѣжки, снабженныя формами и такъ устроены, что при движеніи телѣжки, торфъ, въ нихъ помѣщенный, попадаетъ сначала въ формы, а затѣмъ выбрасывается правильными рядами въ видѣ кирпичиковъ на поверхность, по которой движется телѣжка (фиг. 6 табл. III.).

Число машинъ, предложенныхъ для измельченія и формованія торфа и устроенныхъ на томъ же принципѣ, на которомъ устроена машина *Вебера-Гиссера*, очень значительно.

Къ машинамъ съ медленно-вращающимся ножевымъ валомъ относятся: вертикальныя машины *Schlickeysen*'а (1861) *Gewert*'а, *Busch*'а, *Stützke*, *Schlüter*'а, *Dollberg*'а, горизонтальныя машины *Paucksch*'а (1868), *Schlüter*'а, *Schlickeysen*'а съ питающимъ цилиндромъ, труб

¹⁾ Hausding, Ind. Torfgewinnung, p. 95.

²⁾ Lencauchez, p. 51.

чатая машина *Ros'a* (1874) и горизонтальная машина *Clayton'a* ¹⁾, представляющая переходъ къ машинамъ съ быстровращающейся ножевой осью.

Къ машинамъ съ быстровращающимся ножевымъ валомъ въ первый разъ предложеннымъ *Steenke* и *Besser'омъ* (1864^{1/2}), относятся машины *Seydel'a* (1867^{1/8}), *Grotjahn* и *Pieau, Page* и *С*, *Dietrich'a*, *Dolberg'a*, *Neufeldt'a* и *Lucht'a* ²⁾. Къ той же категоріи машинъ слѣдуетъ отнести машины, предуманные специально для перемѣшиванія и измельченія торфа съ большимъ содержаніемъ воды (90—95%). Подобныя машины были предложены *Ruschmann'омъ*, (1858), *Cohen* и *Moritz'омъ*, *Müller'омъ*, *Mahlstedt'омъ* и *Jngermann'омъ*. Большая часть этихъ машинъ помѣщена на колесахъ и могутъ быть съ удобствомъ передвигаемы какъ къ торфянику, такъ и площади, на которой происходитъ распределеніе полужидкой торфяной массы, съ цѣлью ея формовки.

Всѣ эти машины очень схожи между собою въ принципѣ, и дѣйствіе ихъ зависитъ главнымъ образомъ отъ расположенія и устройства ножей и отъ приспособленій, служащихъ для формованія торфа. Такъ-какъ до настоящаго времени практика не рѣшила еще, какія изъ выше перечисленныхъ машинъ всего болѣе удовлетворяютъ своему назначенію, то я считаю излишнимъ входить въ подробное описаніе каждой изъ нихъ, а ограничусь нѣкоторыми общими замѣчаніями относительно устройства и дѣйствія отдѣльныхъ ихъ частей—ножей, формъ и т. д. ³⁾.

Дѣйствіе ножей или улитокъ торфяной машины должно удовлетворять слѣдующимъ условіямъ, чтобы машина могла служить для переработки торфа *всякаго рода*. Они должны:

- 1) Растирать и перемѣшивать неоднородные куски торфа, превращая ихъ въ однородную массу.
- 2) Разрѣзывать (въ буквальномъ значеніи слова) стебли мха, комыша и т. д., встречающіеся въ мохоломъ, волокнистомъ или даже земляномъ торфѣ въ видѣ механической примѣси.
- 3) Должны передвигать растираемую торфяную массу къ формѣ и выдавливать ее изъ этой послѣдней.

Всѣ, до настоящаго времени придуманныя машины, не вполне удовлетворяютъ всѣмъ вышеуказаннымъ требованіямъ. Большая часть ихъ удовлетворяютъ только 1 и 3 изъ указанныхъ выше условій, не удовлетворяя второму. Въ виду этого почти всѣ торфяныя машины оказались болѣе или менѣе пригодными для переработки стараго, однороднаго торфа, и мало пригодными для переработки молодого, волокнистаго торфа. Только въ машинѣ *Lucht'a* ножи на оси и на внутреннихъ стѣнкахъ цилиндра расположены такъ, что они не только мѣсятъ и растираютъ, но въ буквальномъ смыслѣ слова рѣжутъ торфъ. Отсутствие рѣжущихъ аппаратовъ въ большей части торфяныхъ машинъ обуславливаетъ приставаніе волоконъ къ улиткамъ, и вслѣдствіе этого засариваніе машины. Для избѣжанія этого, улиткамъ и ножамъ даютъ опредѣленную кривизну и въ новѣйшихъ машинахъ съ быстровращающимся ножевымъ валомъ въ цилиндрѣ, вмѣсто одного вала, помѣщаютъ два снабженные улитками, и при томъ такъ, что плоскости улитки, укрѣпленной на одномъ валѣ, входятъ въ промежутки между плоскостями другой (фиг. 7, табл. III.). При такомъ расположеніи сбрасываются и разрываются волокна, пристающія къ поверхности улитокъ

¹⁾ Срав. Сельское хозяйство и Лѣсоводство, 1876, 123, от. I, стр. 23 и Техн. Сб. 1876, 23, 358.

²⁾ *Pignol* (1876), сообщаетъ результаты, полученные при помощи этой машины въ окрестностяхъ Риги. При употребленіи паровой силы результаты удовлетворительны.

³⁾ Болѣе подробное описаніе почти всѣхъ выше перечисленныхъ машинъ для получения однороднаго торфа можно найти въ сочиненіи *Hausding'a* „*Industrielle Torfgewinnung*“.

Мягче и растирание торфяной массы зависит от числа оборотов ножевого вала, приходящегося на определенный объем перерабатываемой торфяной массы. Въ предложенных въ настоящее время машинахъ, число оборотовъ, приходящееся на 100 лн тровъ торфяной массы, колеблется между 18 и 140, причемъ можно приять, что машина работаетъ тѣмъ совершеннѣе, тѣмъ больше это число. Тѣмъ не менѣе, есть предѣлъ, за которымъ польза происходящая отъ увеличенія быстроты вращенія ножевого вала, не окунаетъ расходовъ на потребную для этого механическую силу. Предѣлъ этотъ, по *Hamsding'u*, не опредѣляетъ съ точностью, но онъ лежитъ, по всей вѣроятности, между 80-120 оборотами на каждые 100 литровъ перерабатываемого торфа.

Передвиженіе торфяной массы въ цилиндръ къ формѣ и выдавливаніе ее изъ формы производится во всѣхъ предложенныхъ машинахъ улиткообразнымъ расположеніемъ ножей.

Устройство *формъ*, прикрѣпленныхъ къ мушкету цилиндровъ, образующаго съ стѣнками послѣдними одно сплошное цѣлое, имѣетъ большое значеніе для достоинства и внѣшняго вида фабриката. Въ вертикальныхъ торфяныхъ машинахъ формы помѣщаются, смотря по величинѣ машины, или только съ одной или съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Онѣ дѣлаются обыкновенно изъ дерева, имѣютъ въ длину отъ 150—200 м. м. Формы эти раздѣлены продольными перегородками на нѣсколько отдѣленій (3—5 смотря по величинѣ машины) такъ-что при продавливаніи торфяной массы черезъ форму, получается одновременно нѣсколько торфяныхъ стержней (фиг. 8 таб. III), поперечный разрѣзъ которыхъ соответствуетъ, поперечному разрѣзу торфяныхъ кирпичей. Чтобы придать торфянымъ стержнямъ, выходящимъ изъ формы, по возможности гладкую поверхность, формы должны служить къ отверстию, имѣть коническую форму. Эта коничность формъ, равно какъ и длина ихъ, должны быть различны, смотря по природѣ перерабатываемого торфа, причемъ первая колеблется обыкновенно отъ $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{12}$, а вторая между 80—300 м. м. Тощій землистый, равно какъ и сильно волокнистый торфъ требуетъ болѣе длинныхъ и менѣе коническихъ формъ, тѣмъ болотный или смоляной торфъ. Въ настоящее время, во многихъ машинахъ деревянные формы замѣнены чугунными съ гладкими внутренними поверхностями, тѣмъ облегчается полученіе гладкихъ торфяныхъ стержней. Эту послѣднюю цѣль достигаютъ еще совершеннѣе, уменьшая треніе въ формахъ при помощи воды, выпуская ее по канальямъ между стѣнками формъ и поверхностью выдавливаемыхъ торфяныхъ стержней. Кроме того, для той же цѣли *Schlickseusen* (1874) предложилъ употреблять деревянные формы, выложенныя чешуеобразными жестяными пластинками. Подобныя же формы предложилъ *Dreyer* въ Брауншвейгѣ, дѣлая ихъ изъ жала и покрывая внутреннюю ихъ поверхность мѣдною чешуею. Формы, просвѣтъ которыхъ раздѣленъ продольными перегородками на нѣсколько отдѣленій представляютъ то неудобство, что при переработкѣ волокнистаго торфа, волокна этого послѣдняго скопляются на вертикальныхъ краяхъ перегородокъ, обращенныхъ къ цилиндру, что не только затрудняетъ работу, но и влечетъ за собою засариваніе машины и остановку работы. Для устранения этого неудобства *Kobyliniski-Wörterkeim* предложилъ придавать перегородкамъ не форму прямоугольныхъ четырехугольниковъ, а форму прямоугольныхъ 3-хъ угольниковъ, помѣщая ихъ такъ, чтобы къ отверстию формы былъ-бы обращенъ короткій катетъ, къ верхней поверхности формы второй, болѣе длинный, катетъ, а гипотенуза треугольника образовала бы извѣстный уголъ съ нижней поверхностью формы. Кроме того короткій катетъ трехугольной перегородки немного короче (на 6—12 м. м.) высоты формы, и не доходитъ до нижней ея поверхности. Въ виду такого расположенія и формы перегородокъ, волокна торфа будутъ скопляться въ промежуткахъ между нижней поверхностью формы и гипотенузой трехугольной перегородки и могутъ быть удалены изъ формы черезъ отверстіе а. Для избѣжанія засариванія формъ и быстрой ихъ чистки, въ случаѣ засариванія, край

ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ.

ГИППОКРАТЪ.

Доктора С. Ковнера.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

1911

1911

1911

ГИППОКРАТЪ.

Библиографическія замѣтки ¹⁾. Гиппократъ занимаетъ одно изъ перво-классныхъ мѣстъ между древнегреческими писателями. Какъ великій практикъ и философъ, онъ болѣе чѣмъ кто либо изъ послѣднихъ сумѣлъ достигнуть гармоническаго сліянія теоріи и практики. Въ его твореніяхъ не знаешь чему больше изумляться, глубинѣ ли мыслей или точности наблюденій. Подобно всѣмъ великимъ умамъ своего времени, но въ гораздо большей степени, чѣмъ они, Гиппократъ съ необычайно вѣрнымъ чутьемъ угадывалъ существующія между различными отраслями знанія соотношенія: во всѣхъ его сочиненіяхъ вездѣ просвѣчиваетъ понятіе общаго, настоящее энциклопедическое понятіе о совокупности вещей. Изученіе человѣка у него на каждомъ шагу связано съ изученіемъ вселенной, а біологія разсматривается имъ со всѣхъ доступныхъ для того времени точекъ зрѣнія. Неудивительно послѣ этого, что его творенія приковывали къ себѣ вниманіе всѣхъ вѣковъ и всѣхъ лучшихъ умовъ, что они были предметомъ самаго восторженнаго поклоненія и самыхъ ожесточенныхъ нападокъ, наконецъ, что они вызвали къ жизни такую массу изданій и комментариевъ, продолжающихъ появляться и до сихъ поръ.

Сборникъ книгъ, извѣстныхъ подъ именемъ Гиппократовскихъ, дошелъ до насъ въ огромномъ числѣ рукописей въ разныхъ вариантахъ, хранящихся и понынѣ во многихъ европейскихъ бібліотекахъ, какъ въ Парижѣ, Венеціи, Ватиканѣ и проч. Въ 1525 году появилось въ Римѣ первое печатное изданіе въ плохомъ латинскомъ переводѣ *Calvus'a*, за коимъ послѣдовало множество изданій какъ греческаго оригинала, такъ и переводовъ на латинскій и другіе языки. Мы приведемъ здѣсь сначала перечень сочиненій, входящихъ въ составъ Сборника, затѣмъ главнѣйшія изъ вышедшихъ по настоящее время изданій Сборника.

---

¹⁾ При составленіи слѣдующихъ замѣтокъ мы пользовались соответственными отдѣлами въ сочиненіяхъ Морвица (*Gesch. d. Medicin*, Leipz. 1848), Даремберга (*Oeuvres choisies d'Hippocrate*, Notice bibliographique), Шюлант (*Bücherkunde*, Leipzig, 1841), а также данными, собранными нами въ лейпцигской университетской бібліотекѣ.

Списокъ сочиненій Сборника Гиппократъ, согласно классификаціи Foësius'a.

- I. Jusjurandum, Lex, De arte, De prisca medicina, De medico, De habitu decenti, Praecepta.
- II. Prognosticon, De humoribus, De crisis, De diebus criticis, Prorrhetica I, II, Praenotiones Coacae.
- III. De natura hominis, De genitura, De natura pueri, De musculis, De septimestri partu, De octimestri partu, De superfoetatione, De dentitione, De corde, De glandulis, De natura ossium, De aëre, aquis et locis, De ventis, De morbo sacro.
- IV. De victu salubri, De victu (3 книги), De somniis, De alimento, De victu in acutis, De locis in homine, De liquidorum usu.
- V. De morbis I, II, III, IV, De affectionibus, De affectionibus internis, De his, quae ad virginem spectant, De natura muliebri, De morbis mulierum, De sterilibus, De visu.
- VI. De officina, De fracturis, De luxationibus, Vectiarius, De ulceribus, De fistulis, De haemorrhoidibus, De capitis vulneribus, De excoisitione foetus, De anatomia.
- VII. Epidemia I—VII. Aphorismi.
- VIII. Epistolae, Atheniensium Senatus consultum, Oratio ad aram, Thessalis legati oratio, De remediis purgantibus, De structura hominis.

Изданія полного собранія сочиненій Гиппократъ.

1) Греческія:

Ἑκκιντὰ τὰ τοῦ Ἱπποκράτους. Omnia opera Hippocratis. Venet. 1526, in aedibus Aldi et Andreae Asulani soceri, mense Maji.

Ἱπποκράτους Κόου ἱατροῦ παλαιोटάτου, πάντων ἄλλων κορυφαίου βιβλία ἅπαντα. Hippocratis Coi medici vetustissimi et omnium aliorum principis libri omnes, ad vetustos codices summo studio collati et restaurati, edid. Jan. Cornarius (Hagenbut). Basil. 1536. Apud Hieron. Frobenium et Nicolaum Episcopium. Изданіе Корнаріуса единственное критическое до изданія Литтре и сдѣлалось настоящей уulgатою, долго служившей пособіемъ для послѣдующихъ издателей.

2) Греческо-латинскія:

Mercurialis, Hippocratis Coi opera, quae extant, graece et latine, veterum co-

dicum collatione restituta, novo ordine in quatuor classes digesta, interpretationis latinae emendatione et scholiis illustrata. Venet. 1588. Industria ac sumptibus Juntarum.

Anutius Foesius, Τοῦ μεγάλου Ἱπποκράτους πάντων τῶν ἱατρῶν κορυφαίου τὰ εὐρισκόμενα. Magni Hippocratis, medicorum omnium facile principis opera omnia, quae extant, in VIII sectiones et Erotiani mente distributa, nunc recens lat. interpretatione et annotationibus illustrata. Francof. 1595. Издание Фёзия изъ всѣхъ старинныхъ изданій самое знаменитое. Издание его повторялось еще нѣсколько разъ во Франкфуртѣ въ 1621, 1624, 1645 гг. Но лучшее изъ этихъ позднѣйшихъ изданій Choquet. Genev. 1662. Трудъ Фёзия есть собственно буквальное воспроизведение изданія Корнарія - Фробена, но съ множествомъ примѣчаній, обличающихъ замѣчательную проникаемость и эрудицію, при чемъ онъ пользовался многими рукописями библиотеки въ Фонтенебло и библиотеки Екатерины Медичи и Ватикана, занимаясь въ тоже время обширной практикой.

Antonides van der Linden, Magni Hippocratis Coi opera omnia gr. et lat. edita et ad omnes alias editiones accommodata, ap. Dn. Abr. et Adr. a Gaasbeeck. Batav. 1665.

Rn. Charterius (Renat. Chartier), Paris 1679 Ap. Pralard. На это изданіе въ 18 огромныхъ фолиантахъ имъ потрачено 40 лѣтъ жизни и все его состояніе въ 50000 марокъ!

St. Mackius. Viennae Austriae 1748, 1749, ex typographia Kalliwodiana.

De Mercy. Paris. 1813. Chez J. M. Eberhart.

C. G. Kuhn. Lipsiae 1825—1827. In officina libraria C. Knoblochii.

A. M. Dornier. Paris. 1826. Constant. Chantpie.

Переводы. 1) Латинскіе:

Fabius Calvus Ravennas, ex aedibus Fr. Minitii Calvi Novocomensis. Romae 1525. (Первое печатное изданіе Гиппократъ).

Jan. Cornarius, Venet 1545 ap. I. Gryphium. Paris ap. C. Guillard 1546. Basil. ap. Froben. 1546. Basil. 1558. Lugd. 1567. ap. hered. Jac. Iuntae; Venet. 1575. ap. I. Valgrisi; Vincentiae 1610. ap. Fr. Lenium et Orlandi adram; Venet. 1619 ap. Hi. et Alex. Polum; Venet. 1737. 1739. Cur. I. Bapt. Paitonus.

Anutius Foesius ap. hered. Andr. Wecheli Francof. 1596.

Jos. Raymundus, sumpt. Ant. Cervone. Neapoli 1757.

Alb. Haller, sumpt. Fr. Grasset. Lausannae 1769—1771.

I. F. Pierer, Altenburgi 1806.

C. G. Fickel (отрывокъ). Zwicaviae 1833.

2) Французскіе:

Les anciens auteurs de la médecine et chirurgie, Hippocrate, Galien, Oribase, le tout traduit du grec. Lyon. 1555.

Cl. Tardy, Les oeuvres d'Hippocrate. Paris 1667.

André Dacier, Les oeuvres d'Hippocrate, traduites en François, avec des remarques et confrées sur les manuscrits de la bibliothèque du Roi etc., Paris, 1697. 2 voll.

Gardell, Traduction des oeuvres médicales d'Hippocrate, sur le texte grec d'après l'édition de Foes etc. Ed. par Tournon. Toulouse 1801.

De Mercy, Paris 1881. (не полный).

8) *Испанскій:*

En la imprenta de Ibarra. Madrid 1757—1770.

4) *Нѣмецкіе:*

Gruener, Leipzig, 1780.

Grimm, Hippokrates Werke aus dem griechischen übersetzt und mit Erläuterungen. Altenburg 1771—1792. Не полный (Bd. I—IV). Новое издание сдѣлано Lilienhain'омъ, Glogau 1837—1839. 2 Bde.

Gruithuisen, Hipp. des zweiten echten medicinischen Werke, München, 1811.

Brandels, Die echten Hippocratischen Schriften, verdeutscht u. erklärt, Wien, 1822.

Urman, Hippocrates sämtliche Werke, Berlin 1847. 3 Bde.

Daremborg, Oeuvres choisies d'Hippocrate, Paris, 1855.

6) *Англійскій:*

Adams (Francis), The genuine Works of Hippocrates translated from the Greek, London, 1819, 2 voll.

Новѣйшія изданія:

Littre, Oeuvres complètes d'Hippocrate. Paris 1839—1861 10 voll. Съ греческимъ текстомъ и французскимъ переводомъ. Изданіе Литтре составляетъ новый періодъ въ исторіи Гиппократовскаго Сборника, именно въ отношеніи улучшенія текста на основаніи множества парижскихъ рукописей и полныхъ изданій Гиппократъ. Немаловажное достоинство этой книги заключается въ введеніяхъ, предпосланныхъ каждому отдѣльному сочиненію и излагающихъ содержаніе послѣднихъ. Менѣе всего, по замѣчанію Гезера, Литтре удался переводъ, часто слишкомъ уже произвольный, а иногда даже небрежный.

Franc. Zachar. Ermerins, 'Ιπποκράτους καὶ ἄλλων ἱατρῶν παλαιῶν τὰ λείψανα. Hippocratis et aliorum medicorum veterum reliquiae. Traj. citi ad Rh. 1859—1865 voll. III, 4. (при немъ еще Epimetron и Continuatio Epimetri). Подробное введеніе, греческій текстъ и оттискъ латинскаго перевода Фоззіа. Эрмеринсъ пользовался только немногими рукописями. Его главное усиліе было направлено на то, чтобы на основаніи содержанія отдѣльныхъ рукописей опредѣлить ихъ происхожденіе. Но вслѣдствіе нерѣдко насильственнаго обращенія съ ними мнѣнія его противорѣчатъ несмысла часто даже самымъ общепринятымъ.

Самое послѣднее изданіе:

'Ιπποκράτης. Κομίδη Caroli H. Th. Reinhold. 'Αθήναι, τέλει τε καὶ τύποις Κ. 'Αντωνιάδου. 1861—67. S. Содержитъ только важнѣйшія рукописи на греческомъ языкѣ съ краткими, болѣею частію критическими примѣчаніями. Внѣшній видъ изданія непрезентабеленъ. Vol. I: Jusjurandum. Lex. De arte. De vetero medicina. De capitis vulneribus. De aëre, aquis et locis. De morbo sacro. Prognosticum. De victu acutorum. Vol. II: Aphorismi (только избраніе). De officina medici. Epidemicor. I. II. Vol. III: Ψευδωνύμος 'Ιπποκράτης. Προφητικὸν ἄ. Περί φούων и критическія замѣтки.

Кромѣ изчисленныхъ здѣсь изданій существуетъ еще огромное множество изданій либо отдѣльныхъ трактатовъ, либо нѣсколькихъ вытѣкъ, о коихъ см. Choulant, Bücherkunde, Leipzig, 1841 и Morwitz l. c.

Пояснительныя сочиненія къ Гиппократу:¹⁾

Ackermann, *Historia litteraria Hippocratis ex Fabricii Biblioth. graeca*, cur. G. Chr. Harless. Vol. II. Hamb. 1791.

Berends, *Lectiones in Aphorismos*. Berlin, 1880.

Pruys Van der Hoeven, *Chrestomathia Hippocratica*. Hagae Comit. 1824.

Kühn, *Specimen Commentarii Galeni in Hippocratis librum de humoribus*. Lipsiae 1819.

Jos. Pinellay Vizcaino, *Tentamen tentaminis, seu specimen Complutensis medici certaminis—in quo vera Hippocratica medicina explicatur*. Complut. 1791.

Laennec, *Propositions sur la doctrine d'Hippocrate, relativement à la médecine pratique*. Paris 1801.

Caillou, *Tableau de la médecine Hippocratique*. Paris 1805.

Leveillé, *Hippocrate interprété par lui-même, ou commentaires sur les Aphorismes*. Paris 1818.

De Mercy, *Mémoire pour le rétablissement d'une chaise d'Hippocrate*. Paris 1822.

Herm. Boerhaave, *De commendando studio Hippocratico*. Lugd. Bat. 1701. 4 ib. 1721. 4.

Baldinger, *De lectione Hippocratis medicis valde necessaria*. Iena 1768. 8.

Ejusdem, *Selecta doctorum virorum opuscula, in quibus Hippocrates explicatur, denuo edita*, Götting. 1782.

Curt. Sprengel, *Apologie des Hippocrates und seiner Grundsätze*. Leipzig, 1789. 1792. 8.

Ian. Commandeur (praes. Casp. Geo. Chr. Reinwardt), *Specim. inaugurale de Hippocrati, verae medicinae instauratore, optimo naturae observatore, rite colendo*. Lugd. Bat. 1832. 8.

Goldner, *De medicinae origine et medicorum principis Hippocrati*. Gerae 1721.

Wedel, *De demonstratione Hippocratica*. Ien. 1689. 4.

Fried. Hoffmann (resp. S. Enyedi), *De medicina Hippocratis mechanica*, Hal. 1719. 4.

Santacruz, *De Hippocratica Philosophia* (ex Ejusd. Opp.)

Stahl, *De philosophia Hippocratis*, Halae Magd., 1701.

Langguth, *Progr. de Hippocrate medicinam a sapientiae studio non omnino separante*. Viteb. 1714. 4.

Jacobi (resp. Böhmer), *Philosophiae Hippocraticae Specimen*. Lips. (1747) 1749. 4. Recus. in Baldinger *Selecta opusc.* Götting. 1782 pag. 277—312.

I. Stephanus, *Hippocratis theologia* Venet. 1638. 4. Recus. in Fabricii *biblioth. gr. ed. vet.* Vol. XIII pag. 192.

I. H. Fischer, *De Hippocrate, ejus scriptis eorumque editionibus*. Coburg 1777. 4.

Hieron. Mercurialis, *Censura et dispositio operum Hippocratis*. Venet. 1583. 4. Basil. 1584. 8. Francof. 1585. 8. Recus. c. Hippocr. opp. Venet. 1588.

Lud. Lemos, *De optima praedicendi ratione lib. sex. Iudicii operum magni Hippocratis lib. unus*. Salmantica. 1588. Venet. 1592. 8.

Chr. God. Gruner, *Censura librorum Hippocraticorum, qua veri a falsis, integri a suppositis segregantur*. Vratislav. 1772. 8.

¹⁾ О болѣ древнихъ комментаріяхъ рѣчь будетъ ниже при изложеніи исторіи Гиппократоваго Сборника.

Franc. Clifton, Hippocratis operum secundum leges artis medicae dispositorum specim. Lond. 1727.

Link, Über die Theorien in den Hippocratischen Schriften, nebst Bemerkungen über die Aechtheit dieser Schriften (in Abhandlungen der Berlinischen Akademie 1814—15).

Fr. S. Meixner, Neue Prüfung der Echtheit und Reihenfolge sämtlicher Schriften Hippocrates des Grossen. (II). München 1836. 1837. 8.

Chr. Petersen, Hippocratis nomine quae circumferuntur scripta ad temporis rationes disposuit, Pars prior. Hamb. 1839. 4.

Pinus, Compendium instar indicis in Hippocratis opp. omnia. Venet. 1587. Recus. Venet. 1789.

Th. Burnet, Hippocrates contractus etc. Edinburgi, 1685, на русском языкъ перепечатанъ А. Еcker, Wien, 1791.

Anstius Fœsius, Oeconomia Hippocratis alphabeti serie distincta, in qua dictionum apud Hippocratem omnium praesertim obscurum usus explicatur, ita ut lexicon Hippocraticum merito dici possit. Francof. 1588 aucta Genev. 1662.

Andr. Caesalpini Κάτοπτρον, sive speculum artis medicae Hippocraticum. Rom. 1601. 12. Francof. 1605, 8.

L. Helwig, ἀλφαβητικὸν ἱατρικόν, h. e. brevis totius medicinae Hippocraticae in paucas tabellas reductae delineatio. Norimb. 1631.

Casp. Welfh, Catalogus veterum et recentium scriptorum in Hippocratis opera. Sangalli 1584. 8.

Pren, Diss. inaug. de interpretibus Hippocratis graecis. Altorf. 1795. 8.

Dan. Wilh. Triller, De nova Hippocratis editione adornanda commentatio, speciminis loco adjectus est, libellus (Hippocratis) de anatome, commentario medico-critico perpetuo illustratus. Lugd. Bat. 1728. 4.

Ejusdem, Epistola ad I. Freind super I et III Hippocratis epidem. nuper ab ipso editis. In qua simul agitur de variis Hippocratis editionibus Manuscriptis, de ejus stilo et dialecto et caet. Lips. 1718. 8. Rudolstadt 1720. 8.

Ejusdem, Exercitatio de nova veraque explicatione loci cujusdam Hippocrati hactenus obscurissimi l. VII. Epidem. de mensibus per nares Leonidae filiae erumpentibus etc. Viteb. 1759.

L. R. Duval, Serment d'Hippocrate, précédé d'une notice sur les serments en médecine. Paris 1818. 8.

G. F. Laurentius, De notis Hippocratis in historis epidem. repositis. Lubec. 1666. 4.

Tardy, Hippocratica medendi methodus. Paris 1676. 8.

I. C. A. Müller, Rudimenta doctrinae Hippocraticae verae. Hal. 1815. 8.

Fr. Z. Ermerins, Specim. hist. med. inaug. de Hippocratis doctrina a prognostice oriunda. Lugd. Bat. 1832. 4.

Ejusdem, Emmendationen zum Galenischen Text des Hippocratis u. Galen's Commentar zum Prognosticon, в „Janus“ Henschel's, B. II, H. 1, Breslau 1847.

Stentzel (praes. Dan. Guil. Triller), De Hippocratis studio anatomico singulari. Viteb. 1754. 4.

A. Haller, Quod Hippocrates corpora humana scrutetur. Gottingae, 1737.

A. Hirsch, Commentatio historico-medica de Collectionis Hippocraticae auctorum anatomia etc. Berolini, 1864, in—4.

De Lavaud, Physiologie d'Hippocrate, extraite de ses oeuvres. Paris au X (1792) 8. (Cum versione gallica libri de aëre, aqu. loc., secundum Foesii versionem latinam).

Samuel Hirsch, Diss. inaug. nonnulla de Hippocratis Cui cognitione anthropologica. Berol. 1884. 8.

Friedleben, Hippocratis Cui biologiae explicatio nova, Wirceb. 1842.

I. M. Gesscher, Ψυχῆς Ἱπποκράτους ex libro de diæta disput. Götting. 1787. 4.

Nasse, De insania commentatio secundum libros Hippocraticos, Bonnae, 1829.

Linden, Hipp. de circuitu sanguinis exercitatio. L. B. 1662.

Nebel, Hippocratis doctrina semeiotica de spasms et convulsionibus, diss. inaug. Marburgi 1790. 4.

Chr. Lange, De facie Hippocratica. Lips. 1651. 4. Denuo edid. Chr. Godofr. Gruner. Ien. 1781. 8.

Ettmüller, Medic. Hipp. chymica, Lips. 1670.

Tachenius, Hippocrates chymicus etc. L. P. 1671.

Ejusdem, Antiquissimae Hippocratis medicinae clavis, L. B. 1671.

Wedel, De Hippocrate chymico et igne philosophorum. Jen. 1699.

Norst, Physica Hippocratis etc. Fref. 1682.

I. H. Dierbach, Die Arzneimittel des Hippocrates, oder Versuch einer systematischen Aufzählung der in allen Hippocratischen Schriften vorkommenden Medicamente: Heidelb. rg. 1824. 8.

I. M. Raudnitz, Materia medica Hippocratis, Dresdae, 1848.

St. Manialdus (et Maniaud), Hippocratis chirurgia, nunc primum graece restituta et comment. illustrata. Paris 1619. 8. (Libros Hippocratis Chirurgicos continet).

Slevogt, Progr. de instrumentis Hippocratis chirurgicis hodie ignoratis—Ien. 1709 4.

Van Gesscher, Heilkunde van Hippocrates. Amst. 1790. 8. Germanice: Die Wundarzneikunde des Hippocratis. Hildburghausen 1795. 8.

Genga, Erläuterungen der chirurgischen Lehrsätze des Hippocrates, aus dem Italienischen von Johann Hunczowsky, Wien, 1777.

C. M. Leillet, Doctrine des anciens sur les plaies de tête, extraite des livres d'Hippocrate. Paris 1811. 4.

Bauer, De arte obstetricia Hippocratica, Tubing, 1823.

Desalleurs, Du génie d'Hippocrate et de son influence sur l'art de guérir, Paris, 1824.

Henschel, Vorlesung über Hippocrates, в Haeser's Archiv B. I, Heft. 1.

Jahn, System d. Physiatrik oder der hippokratischen Medicin, I Bd. Eisen. 1885.

Kolb, De medicina Hippocrat. Monach., 1833.

Вольскіи, Объ Иппократѣ и его ученіи. СПб. 1840.

Біографіи

Ἱπποκράτους γένος καὶ βίος κατὰ Σωρανὸν, Hippocratis genus et vita ex Sorano. Помѣщена она в Fabricius „Bibliotheca graeca, etc. t. XII p. 681; Jdeler, Medici et physici graeci minores, t. I. p. 252; Westermann, Vita Hippocratis, quae Sorani esset fertur, в его Vitae scriptorum graecorum minores, Bonn 1815, p. 449; в изданіи Гиппократа Van-der-Linden (II, 957) и во всѣхъ другіихъ изданіяхъ Гиппократа, за исключеніемъ Mack'a.

Suldae Lexicon, ed. Küster, fol. Cantabr, 1705. vol. III.

- I. Tzetzes (Новогреч. историкъ) *Historiae variae, Chiliad. VII, hist. 155.*
- Henr. Meibomii Com. in iusjurandum Hippocratis.—De medicorum historia scribenda. De incubatione in fanis. 4. Helmst. 1669.
- Dacler См. французскія изданія.
- Andr. Ottom. Goellicke (*Historia medicinae universalis Frankof. 1721*) Hippocrates ab atheismi crimine nuper ipsi imputato absolvitur. Hal. 1713. 4. Contra Gundlingium.
- Dernier. См. Греч.-латинскія изданія.
- Grimm, Bruchstücke von dem Leben des Hippocrates zunächst его немецкаго перевода, Altenburg, 1781.
- C. Legalleis, *Recherches chronologiques sur Hippocrate. Paris. 1804. 8.*
- L. B. Boulet (Praes. P. Sue), *Dubitaciones de Hippocratis vita, patria, genealogia forsitan mythologicis et de quibusdam ejus libris multo antiquioribus, quam vulgo creditur. Paris, au XII (1804) 4.*
- Leop. Woerl, *Magni Hippocratis vita et scripta. Adjecta sunt H. iusjurandum et Asclepiadarum praecepta de sanitate conservanda. Diss. inaug. Freiburg. 1835. 8.*
- S. Houdart, *Etudes historiques et critiques sur la vie et la doctrine d'Hippocrate, et sur l'état de la médecine avant lui. Paris 1836. 8.*
- Paullos. Barthez, *Discours sur la génie d'Hippocrate. Montpellier 1801. 8.*
- Geo. Matthiae, *Progr. de laude dei ex Hippocrate. Gotting. 1755. 4.*
- C. G. Stentzel, *Hippocratem fuci non mali accusatum defendit. Viteb. 1745. 4.*
- Oettinger, *Hippocratis vita, philosophia et ars medica, Berol. 1835*
- Littre, *Vi. D'Hippocrate въ его изданія Oeuvres complètes d'Hippocrate, Paris, 1839 I, 27—43.*
- Daremberg, въ Введеніи къ его изданію *Oeuvres choisies d'Hippocrate, Paris. 1855.*
- Разныя руководства къ исторіи медицины (см. Литературу).

Легенда о Гиппократѣ. Для того чтобы вѣрнѣе и правильнѣе оцѣнить величіе и значеніе Гиппократа въ исторіи медицины и культуры, чтобы понять, какимъ образомъ онъ могъ, такъ сказать, безсознательно сдѣлаться органомъ своего времени и своего народа, необходимо припомнить, хотя въ общихъ чертахъ, каковъ былъ духъ того вѣка, въ которомъ жилъ и дѣйствовалъ Гиппократъ. Для этого достаточно сказать, что то былъ вѣкъ Перикла, т. е. вѣкъ наивысшаго политическаго и умственнаго расцвѣта древней Греціи, когда государственные люди, мыслители, художники и поэты другъ у друга оспаривали лавры побѣды, когда каждая отрасль науки и искусства имѣла своихъ представителей и корифеевъ. То былъ въ области исторіи—вѣкъ Геродота и Фукидида, въ области мысли—вѣкъ Эмпедокла, Анаксагора, Левкиппа, Демокрита, Горгія, Сократа и Платона, въ области поэтическаго творчества—вѣкъ Пиндара, Эсхила, Софокла, Эврипида и Аристофана. Очевидно, нѣтъ

ни одного великаго имени, которое болѣе или менѣе не было бы современно и такъ или иначе не соприкасалось бы съ жизнью Гиппократъ. Къ этому же времени относится сооруженіе величественныхъ произведеній въ области архитектуры и пластики во всѣхъ городахъ Греціи, преимущественно же въ Аѣнахъ, гдѣ встрѣчаемъ имена величайшихъ художниковъ древняго міра, каковы безсмертные ваятели Поликлитъ, Пракситель и въ особенности Фидій—творецъ идеальныхъ образовъ Паллады и Зевеса, а также Zeuxis въ области живописи. Наконецъ Периклъ и Аспазія являли собою блистательнѣйшіе образцы прелести, изящества и утонченности какъ въ области ума и чувства, такъ и во взаимныхъ отношеніяхъ между полами. Вотъ въ какой средѣ приходилось жить и дѣйствовать Гиппократу, котораго необходимо разсматривать не иначе какъ сквозь призму этой обстановки, окруженнаго и согрѣтаго лучами этихъ великихъ умовъ, если только желаемъ судить объ немъ и его твореніи не односторонне, а обнять ихъ во всей сущности и полнотѣ. Но каждый изъ этихъ умовъ представлялъ собою только истеченіе или лучъ эллинскаго духа вообще, который можно назвать чувственно-созерцательнымъ духомъ природы, проникшимъ собою, въ связи съ чувствомъ прекраснаго, всю жизнь эллиновъ. Представляя себѣ природу какъ одно одушевленное, органическое цѣлое, греческій духъ могъ понимать ее только во всей ея нераздѣльности и цѣлостности,—и такъ и отразилъ ее какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ и искусствѣ. Вотъ почему всѣ произведенія греческаго ума представляются, подобно природѣ, органическимъ сліяніемъ идеальнаго и реальнаго, духа и матеріи, всякое раздѣленіе коихъ путемъ отвлеченія было чуждо греческому чувству. Даже школы философовъ не производили въ этомъ отношеніи особенно измѣняющаго вліянія на жизнь, народное самосознаніе и міросозерцаніе грековъ. Этотъ-то своеобразный греческій духъ отразился и на Гиппократѣ и его произведеніяхъ. Одушевленный этимъ духомъ, онъ наивно-художнически разсматриваетъ природу какъ одно нераздѣльное цѣлое, а человѣка какъ нераздѣльное единство тѣлесной и душевной жизни. Этотъ-то духъ природы сказывается во всѣхъ его наблюденіяхъ надъ явленіями здоровой и больной жизни и владетъ на всѣ его творенія такую неподдѣльную печать прелести и оригинальности. Они дышутъ такой простотой, дѣтской искренностью и строгой правдой, что остаются вѣчно классическими для всѣхъ временъ и народовъ.

вѣрно поэтому Гиппократъ сравнивали съ Гомеромъ и Геродотомъ: эпическое спокойствіе поэта и правдивость великаго историка были свойственны и Косскому врачу ¹⁾.

Подобно тому какъ вообще въ древней Греціи великіе люди и благодѣтели человѣчества, своими заслугами стяжавшіе необыкновенныя почести, мало по малу становились предметомъ религіознаго поклоненія въ народной памяти, точно также и величайшій изъ древнихъ врачей, по мѣрѣ отдаленія отъ эпохи, въ которую онъ жилъ, возводился потомками въ герои, полубоги и чуть не въ медицинское божество. Нравясь съ другими гениями древней Греціи и ему приписывается совершеніе чудесъ, самое имя его становится талисманомъ и синонимомъ медицинскаго искусства въ самомъ совершенномъ значеніи этого слова и обожаніе его продолжается изъ вѣка въ вѣкъ. Неудивительно поэтому, что всѣ жизнеописанія Гиппократъ носятъ легендарный характеръ и потому въ нихъ, какъ во всякой легендѣ, необходимо отдѣлять существенное и правдоподобное отъ несущественнаго и ложнаго.

Имя Гиппократъ встрѣчалось довольно часто въ Греціи. Съ великимъ Гиппократомъ не слѣдуетъ смѣшивать ни того Гиппократъ, коего дѣти служили мишенью для насмѣшекъ Аристофана въ „Облакахъ“, ни знаменитаго математика изъ Хиоса, который первый описалъ менискъ (часть круга). Однихъ врачей, носившихъ въ древности имя Гиппократъ, было семь. Здѣсь безспорно рѣчь можетъ быть только о знаменитомъ врачѣ изъ о. Кос, о которомъ свидѣлствуютъ современники Платонъ въ діалогѣ „*Protagoras*“ ²⁾ и въ „*Федръ*“ ³⁾, а также Аристофанъ въ комедіи „*Торжественный праздникъ Цереры*“ ⁴⁾. Настоящихъ біографій Гиппократъ до насъ дошло три, авторами коихъ были Soranus, Suidas и Tzetzes. Эти авторы почерпали свои рассказы у предшествовавшихъ имъ пи-

¹⁾ Cp. Friedländer, *Vorlesungen über die Geschichte d. Heilkunde*, Leipzig, 1839, 99—101.

²⁾ Plato, *Protagoras* p. 311. ed. Tauchnitz.

³⁾ Plato, *Phaedrus*, 270.

⁴⁾ Aristophanes, *Θεσμοφορίζουσαι*, v. 270.

сателей, а именно: у Эратосеена, (260 л. до Р. Х.). Фереида, Аполлодора (150 л. до Р. Х.), Арія изъ Тирса, Soranus'а изъ Коса, Histomachus'а и Andreas'а изъ Каристы. Изъ нихъ первые четыре писали о генеалогіи асклепидовъ, болѣе же всѣхъ заслуживаетъ довѣрія Эратосеенъ, ученый астрономъ, жившій въ Александріи около 200 лѣтъ послѣ смерти Гиппократъ, въ которомъ его интересовало собственно его генеалогія. Histomachus (по Эроціану—Ischomachus) извѣстенъ только тѣмъ, что оставилъ трактатъ въ нѣсколькихъ книгахъ о сектѣ Гиппократъ (Περὶ τῆς Ἱπποκράτους αἰρέσεως). Андрей изъ Каристы былъ болѣе извѣстный врачъ, принадлежавшій къ сектѣ Герофила, авторъ многихъ сочиненій, въ томъ числѣ трактата о медицинскомъ преданіи (Περὶ τῆς ἱατρικῆς γένεσεως), гдѣ сообщаетъ нѣсколько подробностей о Гиппократѣ, память котораго онъ старался унизить ¹⁾.

По этимъ-то болѣе древнимъ авторамъ и составлены упомянутыя выше три жизнеописанія. Біографія, носящая имя Soranus'а, составлена неизвѣстнымъ авторомъ собственно по Soranus'у (κατὰ Σωρανόν) ²⁾. Врачей съ этимъ именемъ было нѣсколько: Soranus изъ Ефеса, жившій при Траянѣ, другой, также изъ Ефеса, оставившій жизнеописанія врачей (βίαι ἱατρῶν), и наконецъ Soranus изъ Коса. Вообще трудно отличать ихъ одного отъ другаго. Полагаютъ, что біографія, о которой идетъ рѣчь, заимствована у Soranus'а Ефесскаго (въ 1 вѣкѣ послѣ Р. Х.), оставившаго сочиненіе „О жизни, сектахъ и сочиненіяхъ врачей“. Основывается же она на данныхъ Гистомача и Soranus'а изъ о. Коса, изъ коихъ послѣдній рылся въ бібліотекахъ этого острова для собиранія извѣстій о жизни Гиппократъ. По этой біографіи составили свои жизнеописанія Гиппократъ лексикографъ Suidas ³⁾ и грамматикъ и историкъ Tzetzes (въ XII вѣкѣ по Р. Х.), послѣдній въ стихахъ ⁴⁾.

Къ этимъ различнымъ источникамъ слѣдуетъ прибавить

¹⁾ См. Littré, *Oeuvres complètes d'Hippocrate*, I, 82, 83, и Choulant, *Handbuch der Bücherkunde*, Leipzig, 1841, p. 21.

²⁾ См. *Biographie* въ Библиографическихъ замѣткахъ.

³⁾ Suidae Lexicon, ed. Küster, fol. Cantabr., 1705, vol. III.

⁴⁾ J. Tzetzes, (новогреч. историкъ), *Historie Variae*, Chiljad., VII, hist.

еще „Письма“ Гиппократа и другія статьи, присочиненныя и присоединенныя къ *Сборнику* Гиппократа, вѣроятно же всего поддѣльныя. Изъ позднѣйшихъ авторовъ о жизни Гиппократа писали Gabricius, Meiboom, Dacier, Goeliske, Dornier. Изъ новѣйшихъ писателей въ особенности заслуживаютъ вниманія Daniel Leclerc, Schulze, Sprengel, Grimm, Houdart, Литтре, Петерсенъ, Dargenberg ¹⁾.

Такимъ образомъ древнѣйшимъ авторомъ должно признать Эратоссеена, который вмѣстѣ съ другими вѣроятно почерпалъ приводимыя имъ данныя изъ уцѣлѣвшихъ и погибшихъ произведеній Платона, а также изъ памятниковъ, сохранившихся на о. Кос, и изъ достовѣрныхъ генеалогій. Изъ новѣйшихъ біографій самыя основательныя принадлежатъ Литтре и Dargenberg'у, которыхъ отчасти и будемъ придерживаться при дальнѣйшемъ изложеніи. Здѣсь мы прежде всего представимъ о жизни Гиппократа данныя, основанныя на болѣе или менѣе достовѣрныхъ показаніяхъ, затѣмъ изложимъ извѣстія болѣе легендарнаго свойства.

Родиной Гиппократа считается Кос, городокъ на островѣ того же имени (нынѣ Sancho), по Suidas'у носившій также названіе Megeris. Городокъ этотъ самъ по себѣ ничтожный, но островъ пользовался необыкновенной славой, вслѣдствіе его посвященія богу медицины и сестрѣ его, богинѣ здоровья. Счастливое, уединенное мѣстоположеніе, вѣчно ясное небо и плодородная почва весьма рано привлекли поколѣнія асклепиадовъ на этотъ островъ, который ктому же славился въ древности своими шерстяными мануфактурными произведениями и обширной торговлей на средиземномъ морѣ, гдѣ онъ имѣлъ множество колоній ²⁾. На этомъ-то островѣ родился Гиппократъ II, сынъ Гераклида и акушерки Phaenarete (по Sprengel'ю Пракситея) ³⁾, въ 460 г. до Р. Х. или на первомъ году 80-й олімпіады (Histomachus), „въ правленіе Abriades'a, на 26 день мѣсяца Agrianus, праздновавшійся обитателями острова жертвоприношеніями Гиппократу“ (Soranus Косскій) ⁴⁾. Очевидно Гиппократъ былъ со-

¹⁾ См. Библиографическія замѣтки.

²⁾ Sprengel, Apologie des Hippocrates, 1789, I, 30.

³⁾ Sprengel, l. c. 26.

⁴⁾ Тамъ же, 34. Petersen (Zeit-u. Lebensverhältnisse des Hippocrates,

временникомъ пелопонезской войны. По отцу онъ происходилъ отъ Эскулапа, а по матери отъ Геркулеса. *Tzetzes* прибавляетъ, что онъ былъ семнадцатымъ (по *Soranus* же девятнадцатымъ) потомкомъ Эскулапа. Первые наставленія въ медицинскомъ искусствѣ по единогласному отзыву биографовъ, онъ получилъ отъ своего отца Гераклида ¹⁾. Обученіе это состояло въ наблюденіи болѣзней, собираніи лекарственныхъ растений и приготовленіи лекарствъ. Послѣ смерти родителей онъ отправился въ Аѣины, гдѣ его наставниками были *Herodikus* изъ Селимбрин и братъ его софистъ *Gorgias* изъ *Leontium*'а ²⁾, а по нѣкоторымъ также Гераклитъ ³⁾ и Демокритъ ⁴⁾. Изъ нихъ самую существенную пользу ему оказалъ *Herodikus*, вліяніе коего немалой долей отразилось безспорно на правилахъ относительно гигиеническаго и діететическаго содержанія въ болѣзняхъ, которыми впослѣдствіи столь справедливо прославился Гиппократъ. Для усовершенствованія своихъ познаній и расширенія круга своихъ наблюденій, Гиппократъ странствовалъ по всей Греціи и жилъ попеременно въ различныхъ городахъ Эссалии, особенно на о. *Thasus*'ѣ, отсюда же переходилъ въ сосѣдніе города, а именно въ Лариссу, Трикву,

---

въ *Philologus*, t. IV, 1849, 3 Heft, p. 209—265) сіялся доказывать, что Гиппократъ родился раньше 470 г. до Р. X. и умеръ между 390 и 380. Такое отступленіе отъ общепринятой хронологіи онъ мотивируетъ фактами, изложенными въ Рѣчи Эссала, Декретѣ аѣинянъ и Рѣчи у алтаря (см. изд. *Littre*, t. IX, pp. 404, 400 и 402),—каковыя факты и документы онъ признаетъ за вполне достовѣрные и не подлежащіе ни малѣйшему сомнѣнію. Но вся его остроумная и ученая аргументація блистательно опровергнута, на основаніи несомнѣнныхъ фактическихъ данныхъ, сначала *Литтре* (l. c. t. I, pp. XXVI—XXVII—XLI), а впослѣдствіи и *Darembert*'омъ (*Oeuvres choisies d'Hippocrate*, Introduction, XXXI—XLI), куда и отсылаемъ интересующихся этимъ вопросомъ. Здѣсь прибавимъ только, что французы немало гордятся этой побѣдой ихъ историко-медицинской критики.

¹⁾ *Soranus*, *Suidas* (l. c.) и *Tzetzes* (Hist. VII, Chil. 155). *E. Sprengel*. *Apologie d. H.* I, 38.

²⁾ *Plutarch*. Ser. num. vindict. Hipp. Epidem., V, *Sprengel*, *Apologie d. Hip.* I, 40.

³⁾ Трактатъ *De diaeta* (de Victu) написанъ въ духѣ Гераклита.

⁴⁾ *Epistola* 20.

Кранонъ, Элиду, Абдери и другіе, а также предпринималъ путешествія въ Малую Азію, особенно въ Смирну (Галенъ)¹⁾, въ разныя государства, расположенныя на сѣверномъ берегу Чернаго моря, особенно въ страну скивовъ, и наконецъ быть можетъ и въ Египетъ²⁾. Гиппократъ, слѣдовательно, былъ періодевтомъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Послѣдніе годы своей жизни онъ повидимому провелъ въ Лариссѣ, гдѣ и умеръ въ 377 г. до Р. Х., на 83 году своей жизни, одновременно съ Демокритомъ (Soranus), и похороненъ между городами Гиртомъ и Лариссой, на мѣстѣ, на которомъ, по сказанію писателей, еще во II вѣкѣ послѣ Р. Х. показывали его могилу. Благодарное потомство окружило послѣднюю ореоломъ чудеснаго, выразившагося въ преданіи, будто на этой могилѣ надолго поселился рой пчелъ, медъ которыхъ обладалъ свойствомъ излечивать афтозные пораженія во рту у дѣтей³⁾. О женѣ Гиппократа намъ ничего неизвѣстно. За то мы знаемъ, что онъ оставилъ двухъ сыновей Θεσσαλα и Δρακωνα I, а также зятя Πολιβία. Всѣ они были знаменитые врачи, особенно Θεσσαλъ, жившій въ качествѣ лейбъ-медика при дворѣ македонскаго царя Архелая. Сыновья его Γοργιάς, Δρακωνъ и Γιπποκράτης III также были врачами. Θεσσαлу и въ особенности Πολιβίу⁴⁾ приписываютъ дѣятельное участіе въ составленіи Гиппократоваго *Сборника*, о чемъ подробнѣе рѣчь будетъ ниже.—О второмъ сынѣ Гиппократа, Δρακωνѣ, нѣтъ опредѣленныхъ извѣстій. Сынъ его Γιπποκράτης IV былъ врачомъ при супругѣ Александра Ροκσανѣ (Suidas).

Подобно тому какъ народное преданіе старалось украсить гробъ Гиппократа какимъ-то священнымъ ореоломъ, точно также и историографы стремились окружить его жизнь не менѣе блестящимъ ореоломъ славы. Благодаря этому-то стремленію, во всѣхъ разсказахъ о его жизни истина переплетена съ вымысломъ и легендой: чудесное какъ мы видѣли, начинается съ его рожденія и окружаетъ его гробъ. Онъ

¹⁾ Galen, Comment. in libr. I De Articul., 23.

²⁾ Haeser, I, 110.

³⁾ Ср. Sprengel, Apologie d. Hippocrates, I, 59.

⁴⁾ Галенъ (Commentar. in De natura hum. I, 1 и Epidem. III, 2) приписываетъ Θεσσαлу сочиненіе 6 книгъ о медицинѣ въ духѣ Гиппократа, а Πολιβία считаетъ авторомъ „De natura hominis“ и „De victu salubri“.

соединяетъ въ себѣ всѣ добродѣтели и всѣ качества геніальнаго ума, умираетъ въ глубокой старости, покрытый славой, и его обаяніе продолжается даже на его могилѣ. Производятъ его отъ боговъ, генеалогія его восходитъ къ Геркулесу и Эскулапу, между его предками называютъ царей, между наставниками—философовъ и гимнастовъ. Онъ совершаетъ чудесныя излеченія, переписывается съ царями и философами и вотъ тутъ-то начинается рядъ разсказовъ, имѣющихъ несомнѣнно легендарный характеръ ¹⁾.

Начать съ того, что мотивомъ къ оставленію имъ родины послужило, по однимъ, сновидѣніе, повелѣвавшее Гиппократу отправиться въ Тессалію (Soganius Косскій). По другимъ онъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ вслѣдствіе сожженія имъ Косскаго или Книдскаго храма Эскулапа вмѣстѣ съ архивомъ древнихъ медицинскихъ книгъ, что сдѣлано имъ будто съ цѣлью присвоить себѣ плоды опытности, накопленные трудами жрецовъ Эскулапа на *tabulae votivae* ²⁾. Эту недостойную клевету, въ которую вѣрилъ и Плиній, измыслили Андрей изъ Каристы и Tzetzes. Нѣтъ даже особенной надобности опровергать эту клевету, такъ какъ всѣ надписи на *tabulae votivae* и на стѣнахъ храмовъ не могли послужить образцомъ для такого проныцательнаго и геніальнаго наблюдателя, не говоря уже о томъ, что греки, при своемъ глубокомъ отвращеніи къ Геростратамъ, не дозволили бы поджигателю храма безпрепятственно заниматься преподавательскою и практической медицинской дѣятельностью:

Другіе разсказы клонятся болѣе къ апофеозу Гиппократа. Сюда относится разсказъ о путешествіи Гиппократа, въ сопровожденіи Еврифона, въ Македонію, куда онъ былъ вызванъ для пользованія брата Александра I, царя Пердикки II, одержимаго изнурительною болѣзнію, произшедшею, какъ убѣдился Гиппократъ, отъ нравственной причины. Оказалось, что царь изнемогалъ отъ безнадежной любви къ

¹⁾ Здѣсь для курьеза кстати отмѣтимъ фактъ, что нашелся одинъ парадоксальный писатель, подвергнувшій сомнѣнію даже самое существованіе Гиппократа, именно Boulet въ своей статьѣ „*Dubitationes de Hippocratis vita*“ etc., Paris, 1804,—статьѣ, безъ сомнѣнія не заслужившей серьезнаго опроверженія, котораго ее удостоилъ Legallois въ своихъ „*Recherches chronologiques sur Hippocrate*“, Paris 1804. (См. Біографію).

²⁾ Plinius, *Histor. Natur.* XXIX, 1.

конкубинѣ своего отца Филѣ. Гиппократъ сумѣлъ расположить ее въ пользу больного, который при ея помощи скоро оправился ¹⁾).

Изъ Македоніи, согласно преданію, Гиппократъ отправился въ Абдеры будто для излеченія Демокрита отъ сумасшествія ²⁾).

Къ этому времени внезапно вспыхнула эпидемія чумы, опустошившей Иллирію, Неонію и другія варварскія страны, цари коихъ на перерывъ другъ передъ другомъ старались привлечь Гиппократа для оказанія помощи гибнущему населенію. Узнавъ отъ пословъ направленіе господствовавшихъ въ ихъ странахъ вѣтровъ, онъ предсказывалъ вторженіе чумы въ Аттику и, отказавшись послѣдовать этимъ приглашеніямъ, рѣшился приберечь свои услуги для своего отечества, возвѣстивъ объ угрожающей опасности всѣмъ городамъ Греціи для своевременнаго принятія необходимыхъ мѣръ. Самъ же Гиппократъ, пославъ впереди себя сыновей и зятя, отправился путешествовать по Фессаліи. Фокидѣ, Беотіи и наконецъ прибылъ въ Аѣины, гдѣ прекратилъ чуму зажиганіемъ большихъ костровъ и вывѣшиваніемъ душистыхъ цвѣтовъ (Аѣцій) ³⁾. Актуарій ⁴⁾ даже зналъ противуядіе Гиппократа противъ чумы и сообщаетъ его формулу. Благодарные аѣиняне за эти заслуги воздвигнули ему желѣзную статую съ надписью: „Гиппократу, нашему спасителю и благодѣтелю“ ⁵⁾.

Между тѣмъ молва объ немъ достигла и до персидскаго царя Артаксеркса, который отправилъ къ нему пословъ съ богатыми подарками въ надеждѣ привлечь его къ своему двору. Но и тутъ Гиппократъ выказалъ свое безкорыстіе, отвѣтивъ на всѣ лестныя предложенія рѣшительнымъ отказомъ ⁶⁾.

Не меньшей восторженностью проникнуть и рассказъ о гражданскихъ подвигахъ Гиппократа. Когда аѣиняне угрожали нападеніемъ на о. Косъ, онъ призвалъ на помощь сосѣднихъ фессалійцевъ, а сына своего Фессала отправилъ съ просьбою о пощадѣ къ аѣинянамъ,

¹⁾ Sprengel, Apologie; I, 58.

²⁾ Tzetzes, Hist. I, Chil., 61, Sprengel, l. c. 55.

³⁾ Aëtius, Tetrab. 2, Serm. I, cap. 94.

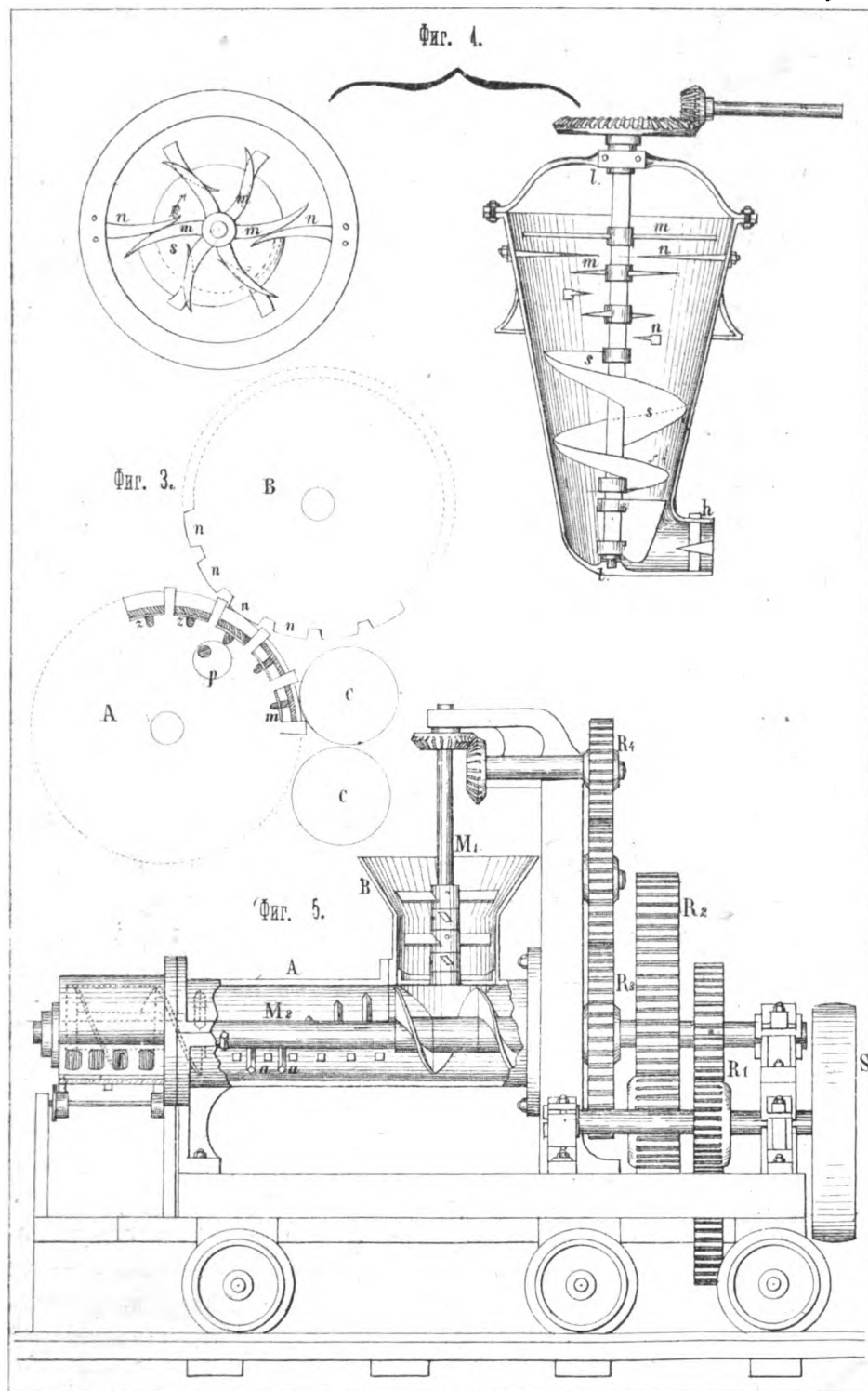
⁴⁾ Actuarius, Method. medendi 5, 6.

⁵⁾ Cp. Littré l. c. Vie d'Hippocrate, 40—41 и Oeuvres Choiesies d'Hippocrate, trad. par Daremberg, Introduction, XXVI.

⁶⁾ Epistola XI (письмо Гиппократа къ Абдеритамъ).

ОТОПЛЕНИЕ.

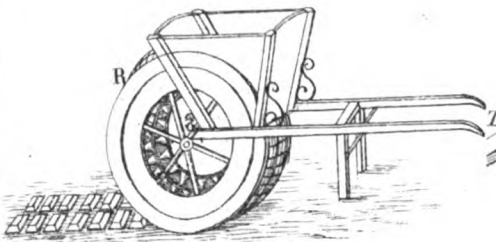
Таблица II
(Фиг. 3—5).

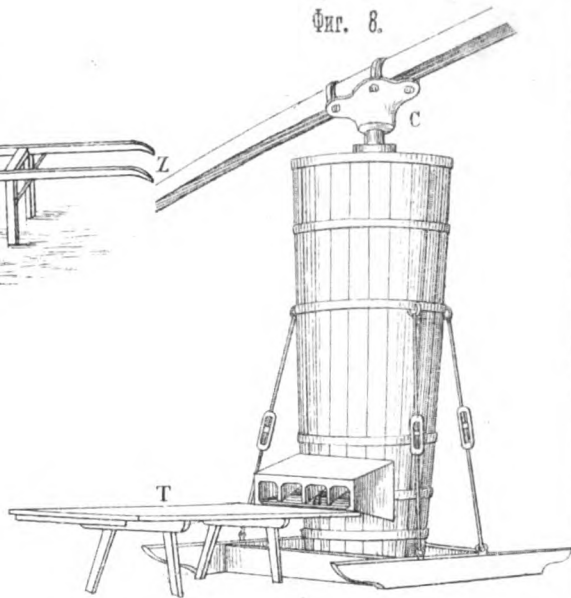

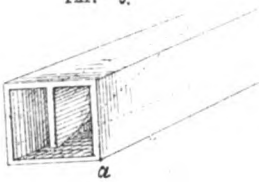
Фиг. 6.

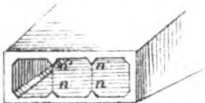
Фиг. 8.

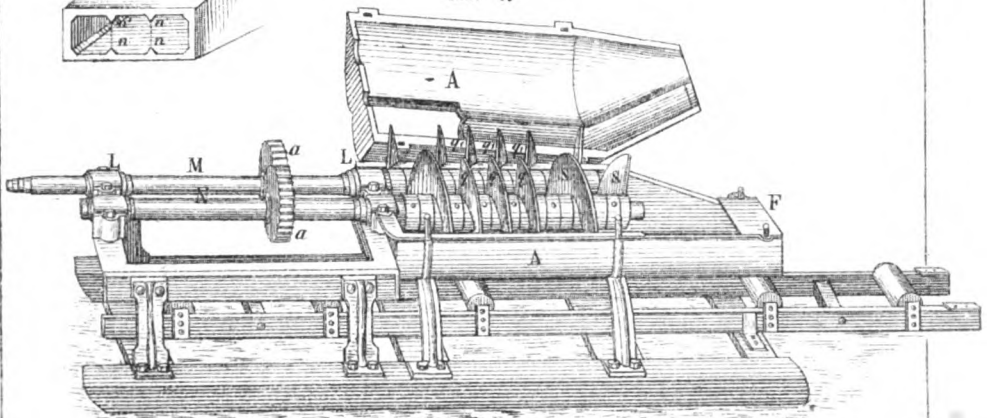
Фиг. 9.

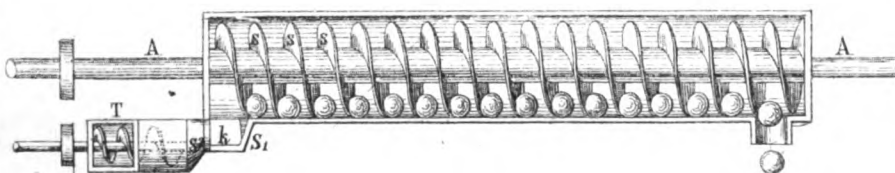
Фиг. 10.

Фиг. 7.

Фиг. 11.

Handwritten signature: R. Brown

Университетскія Извѣстія въ 1880 году будутъ выходить, въ концѣ каждого мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ коп., а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣ выхода *приложеній* (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ *приложеній*, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльных книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Уконниковъ.

STACKS
MAR 31 1880

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ XX. № 8.—АВГУСТЪ. 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТР.	СТР.
Часть I—официальная.	КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.
Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта Университета Св. Владимира. 23-го мая 1880 г. . . 171—178.	IV. Обзоръ русской химической литературы за 1879 и первую пол. 1880 г.— Проф. Алексѣева . . . 249—281.
Часть II—неофициальная.	V. Психологія чувствованій. —Доц. Бозлова . . . 282—301.
ОТДѢЛЪ II.	VI. Общество во время Гомера.—Доц. Мищенко . 302—310.
I. О воровствѣ-кражѣ по русскому праву. — Стипендианта Вълогрицъ-Ботляревскаго . . . 265—352.	VII. Литература Слова о полку Игоревѣ. — Приватъ-доцента Жданова . . . 311—340.
ОТДѢЛЪ III.	Прибавленія.
II. Краткій историч. очеркъ развитія геометріи.—Профессора Ващенко-Захарченка . . . . 215—230.	I. Греческая церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ.—Доцента Терновскаго . . . . . 233—256.
ОТДѢЛЪ IV.	II. Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Кіевского центрального архива.—Сообщено кандид. Кама-нинимъ . . . . . 1—32.
III. Дѣйствіе алколонда дубоизина на сердце лягушки, (изъ физиологической лабораторіи проф. Томсы). —Доктора Форштетера . 65—100.	III. Исторія медицины. Гиппократь. — Доктора Ковнера . . . . . 201—224.
	IV. Объявленіе.

КІЕВЪ.

1880.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ двадцатый.

№ 8.—АВГУСТЪ.

КІЕВЪ.
въ университетской типографіи.
1880.

**Печатано по опредѣленію Совѣта Унивѣрситета Св. Владимира.
Ректоръ К. Теофилактовъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ I—ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СТР.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта Университета Св. Владиміра. 23-го мая 1880 г.	171—178

ЧАСТЬ II—НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ОТДѢЛЪ II.

I. О воровствѣ-кражѣ по русскому праву.—Стипендіата-магистранта Бѣлогрицъ-Котляревскаго	265—352

ОТДѢЛЪ III.

II. Краткій историческій очеркъ развитія геометріи.—Проф. Ващенко-Захарченна	215—230

ОТДѢЛЪ IV.

III. Дѣйствіе алколонда дубонизина на сердце лягушки, (изъ фیزیологической лабораторіи проф. Томсы).—Доктора Ферштетера	65—100

КРИТИКО-БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

IV. Обзоръ русской химической литературы за 1879 и первую пол. 1880 г.—Проф. Алексѣева	249—281
V. Психологія чувствованій.—Доц. Незлоба	282—301

VI. Общество во время Гомера.—Доц. Мищенко	302—310
VII. Литература Слова о полку Игоревѣ.—Приватъ-доцентъ Идзюва	311—340

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I. Греческая церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ. —Доцента Торновскаго.	233—256
II. Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Кіевскаго центрального архива.—Собоицено канд. Наумовичъ	1—32
III. Исторія медицины. Гиппократъ.—Доктора Ковнера	201—224
IV. Объявленіе.	

ЧАСТЬ I—ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта.

---

23 Мая 1880 года.

Въ засѣданіи Совѣта Университета Св. Владиміра, 23 мая 1880 года, подѣ предсѣдательствомъ г. Ректора Университета К. М. Теофилактова, присутствовали: *деканы*: В. С. Иконниковъ, И. И. Рахманиновъ, В. Г. Демченко, Ф. Ф. Эргардтъ; *ординарные профессоры*: А. П. Матвѣевъ, Н. Х. Бунге, С. С. Гогоцкій, Ф. Ф. Мерингъ, Н. А. Оаворовъ, К. А. Митюковъ, В. А. Незабитовскій, Г. Д. Сидоренко, Н. К. Ренненкампфъ, П. Э. Ромеръ, А. А. Шефферъ, М. П. Авенариусъ, В. Б. Томса, М. Е. Ващенко-Захарченко, П. П. Алексѣевъ, А. В. Романовичъ-Славатинскій, В. А. Бецъ, А. О. Кистяковскій, М. О. Хандриковъ, О. М. Гарничъ-Гарницкій, Н. А. Бунге, А. А. Котляревскій, П. В. Павловъ, О. В. Баранецкій, О. Я. Фортинскій, О. М. Паульсонъ; *экстра-ординарные профессоры*: В. А. Субботинъ, К. Г. Гейбель, Н. В. Бобрецовъ, В. П. Ермаковъ, И. О. Шмальгаузенъ, К. Г. Тритшель. Неприсутствовали: В. А. Караваевъ и Н. И. Хлѣбниковъ—по болѣзни; А. В. Ивановъ, В. Б. Антоновичъ и Г. Н. Минхъ—по нахожденію въ командировкѣ; М. Ф. Владимірскій-Будановъ и И. В. Лучицкій—по нахожденію въ отпуску; Н. А. Хржонщескій, П. И. Перемежко, А. С. Шкляревскій, Н. Н. Шиллеръ и А. Х. Ринекъ—по неизвѣстнымъ причинамъ.

1. С л у ш а л и: чтеніе протокола предшествовавшаго засѣданія Совѣта У-та 8 мая 1880 года.

О п р е д ѣ л я л и : представить таковой г. Попечителю Кіевскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію въ извлеченіи.

2. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣта У-та Св. Владиміра опредѣлялъ принять къ исполненію слѣдующія предложенія г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа.

1) Отъ 17 мая за № 5459, объ утвержденіи заслуженнаго ординарнаго профессора У-та Св. Владиміра тайнаго совѣтника Н. Х. *Бунге*, въ званіи почетнаго члена сего У-та.

2) Отъ 7 мая за № 5096, о зачисленіи заслуженному ординарному профессору У-та Св. Владиміра дѣйствительному статскому совѣтнику Ф. Ф. *Эрхардту* въ дѣйствительную учебную службу всего времени съ 30 октября 1854 по 18 января 1855 года, въ теченіи котораго онъ числился ординаторомъ Одесской городской больницы.

3) Отъ 14 мая за № 5254, съ разрѣшеніемъ зачисленія студентовъ IV курса медицинскаго ф-та Евтихія *Завойчинскаго* и Мануила *Ярмуша* на свободныя стипендіи имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Александровны.

4) Отъ 19 мая за № 5496, о выдачѣ вознагражденія г. профессору *Алексѣеву* 142 р. 58 к. за чтеніе имъ въ текущемъ полугодіи публичныхъ лекцій химіи.

5) Отъ 19 мая за № 5497, о выдачѣ вознагражденія доцентамъ: *Аландскому* и *Мищенку* за чтанія ими въ текущемъ полугодіи студентамъ историко-филологическаго ф-та обязательныхъ лекцій по вакантной кафедрѣ римской словесности, первому за три часа 300 р. и послѣднему за два часа 200 р.

3. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та Св. Владиміра о п р е д ѣ л я л ѣ баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи кандидата по кафедрѣ всеобщей исторіи Николая *Любовича* для оставленія его стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по той же кафедрѣ еще на одинъ годъ т. е. по 29 мая 1881 г.

4. С л у ш а л и представленіе медицинскаго ф-та отъ 16 мая 1880 года за № 192, слѣдующаго содержанія: „Медицинскій ф-тъ въ засѣданіи 15 сего мая, постановилъ, ходатайствовать о выдачѣ вознагражденія студентамъ 5 курса: Константину *Дорожинскому* и Николаю *Коломійцеву* за исполненіе ими обязанностей ассистентовъ въ клиникѣ кожныхъ болѣзней, первому — Дорожинскому въ количествѣ од-

ной трети, а второму—Коломійцеву двѣ трети суммы, какая будетъ назначена на это вознагражденіе.“

О п р е д ѣ л и л и: выдать студентамъ Константину Дорожинскому и Николаю Коломійцеву за исполненіе ими обязанностей ассистентовъ въ клиникѣ наложныхъ болѣзней первому 40, а второму 80 руб. изъ суммы назначенной на содержаніе профессорскихъ стипендіатовъ. Конію настоящаго журнала передать на зависящее распоряженіе въ Правленіе У-та.

5. Въ этомъ засѣданіи Совѣтъ У-та подвергалъ баллотированію приватъ-доцента А. А. *Козлова* и большинствомъ голосовъ 29 противъ 7 избралъ его въ штатные доценты по вакантной кафедрѣ философіи.

О п р е д ѣ л е н о: просить г. Попечителя Кіев. Учеб. Округа объ утвержденіи г. *Козлова* въ должности штатнаго доцента по вакантной кафедрѣ философіи.

6. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та подвергалъ баллотированію вопросъ о выдачѣ экстра-ординарному профессору Н. И. *Хлѣбникову* на лѣченіе болѣзни 1000 р. Причемъ оказалось голосовъ: утвердительныхъ 30 и отрицательныхъ 6.

О п р е д ѣ л е н о: просить г. Попечителя Округа о разрѣшеніи выдать г. *Хлѣбникову* сказанное пособіе изъ специальныхъ средствъ У-та.

7. Въ этомъ засѣданіи Совѣтъ У-та подвергалъ баллотированію вопросъ о выдачѣ приватъ доцентамъ *Беху* 200 р. *Липскому* 200 р. *Успенскому* 200 р. и *Шварцу* 100 руб., въ вознагражденіе за чтеніе ими студентамъ лекцій: первымъ латинскаго языка, вторымъ дѣтскихъ болѣзней, третьимъ ушныхъ болѣзней, а четвертымъ послѣ родовыхъ болѣзней.

По окончаніи баллотировокъ оказалось что получили:

	Шары избирательные	Шары неизбирательные
Бехъ	29	7
Липскій	26	10
Успенскій	30	6
Шварцъ	24	12

О п р е д ѣ л и л и: просить распоряженія Правленія У-та о выдачѣ поименованными лицамъ денежныхъ вознагражденій въ указанномъ размѣрѣ, изъ подлежащихъ суммъ.

8. С л у ш а л и: представленіе Правленія слѣдующаго содержанія: „Принимая во вниманіе, что въ правилахъ для студентовъ ничего не сказано о томъ подлежатъ ли студенты просрочившіе шестинедѣльный отпускъ увольненію изъ У-та, и находя что было бы справедливо, на основаніи заключенія ф-та и инспектора, не давать студентамъ, которые въ теченіи года пробывши въ отпускахъ болѣе 6-ти недѣль сразу права на переходъ въ слѣдующій курсъ. О п р е д ѣ л и л и: дополнить У-скія правила нижеслѣдующимъ § „студентъ пробывшій въ отпуску болѣе 6-ти недѣль въ теченіи положеннаго для чтенія лекцій учебнаго годичнаго времени не подлежатъ увольненію изъ У-та, если просрочка отпуска признана будетъ Правленіемъ У-та законною, но такой студентъ допускается къ испытанію лишь въ такомъ случаѣ, если ф-тетъ къ которому принадлежитъ студентъ не найдетъ къ этому препятствій.

9. С л у ш а л и: прошеніе экстра-ординарнаго профессора Н. И. Хлѣбникова, отъ 20 мая 1880 года, слѣдующаго содержанія: „Послушаю тяжелой и неизлечимой болѣзни требующей постояннаго посторонняго ухода, я имѣю честь покорнѣйше просить исходатайствовать мнѣ увольненіе отъ службы съ назначеніемъ полнаго пенсіона за выслугу болѣе 15 лѣтъ по учебному вѣдомству, и о выдачѣ моему семейству единовременнаго пособія въ размѣрѣ годичнаго моего содержанія.

О п р е д ѣ л и л и: просить ходатайства г. Попечителя Кіев Учеб. Округа объ увольненіи г. Хлѣбникова отъ службы по болѣзни и о назначеніи ему въ пенсію по 860 руб. въ годъ, и не зависимо отъ этого единовременнаго пособія семейству его въ размѣрѣ 860 руб., на основаніи 377 ст. Св. Зак. Т. 3. уст. о пенсіяхъ и пособіяхъ и 13 и 14 §§ Высочайше утвержденныхъ въ 30 день іюля 1867 г. правилъ о преимуществахъ чиновниковъ русскаго происхожденія въ царствѣ польскомъ.

10. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та согласно съ представленіемъ историко-филологическаго ф-та, опредѣлилъ: разрѣшить доценту *Мищенку* чтеніе лекцій по латинскому языку въ будущемъ 1880—81 учебномъ году, по два часа въ недѣлю, для студентовъ 1 и 2 курсовъ.

11. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣтъ У-та, по выслушаніи доклада о раздѣлѣ между преподавателями суммы собранной за слушаніе лекцій—о п р е д ѣ л и л ѣ: утвердить настоящій докладъ, и передать таковой въ Правленіе для исполненія.

12. С л у ш а л и: представленіе ф-товъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго съ представле-ніемъ обзорѣнія преподаванія наукъ и росписанія лекцій на первое полугодіе 1880—81 учебнаго года.

О п р е д ѣ л и л и: на основаніи § 83 общаго устава У-товъ одоб-рить обзорѣнія преподаванія наукъ и росписаніе лекцій по ф-тамъ: историко-филологическому, физико-математическому, юридическому и медицинскому и сдѣлать по сему предмету зависящее распоряженіе.

13. Въ настоящемъ засѣданіи Сосвѣтъ У-та выслушалъ представ-леніе г. инспектора студентовъ о безызвѣстномъ отсутствіи студента 1-го курса физико-математическаго по отдѣлу естественныхъ наукъ *Мазченка* Николая, а также о томъ, что, по розыску Кіевской поли-ціи, Николай Мазченка въ г. Кіевѣ на жительствѣ не оказалось, Со-свѣтъ У-та опредѣлилъ: просить г. инспектора студентовъ объ исклю-ченіи Николая Мазченка изъ числа студентовъ, по безызвѣстному от-сутствію.

14. С л у ш а л и: представленіе юридическаго ф-та отъ 23 мая 1880 года объ удостоеніи степени кандидата законовѣденія дѣйстви-тельныхъ студентовъ: Константина *Полозова* и Николая *Жеребцова*; при чемъ ф-тетъ присовокупилъ, что онъ нашелъ возможнымъ освободить г. Жеребцова отъ явки для коллоквиума по нахожденію его на службѣ въ Пятигорскѣ.

О п р е д ѣ л и л и: 1) Утвердить въ степени кандидата законовѣ-денія Полозова Константина, и 2) просить г. Попечителя Кіев. Учеб. Округа о разрѣшеніи освободить г. Жеребцова отъ явки для коллоквиума.

15. Въ этомъ засѣданіи г. Ректоръ У-та заявилъ, что по случаю пред-полагавшагося 26 мая 1880 года открытія въ Москвѣ памятника въ честь поэта А. С. Пушкина, посланъ былъ въ Московское общество любителей Россійской словесности отъ имени У-та Св. Владиміра привѣтственный адресъ слѣдующаго содержанія: „Русское общество празднуетъ откры-тіе памятника своему великому поэту.

Кромѣ почтительной мысли предъ геніемъ—художникомъ, кромѣ національной гордости имѣ, какъ мощнымъ выразителемъ силъ и при-роды русскаго духа,—съ именемъ Пушкина для У-товъ соединяется еще одна высокая идея: это идея *человѣчественнаго образованія*, кото-рая одинаково горитъ путеводной звѣздой какъ для поэта, такъ и для скромнаго работника науки.

Поэзія стремится и служить той же верховной образовательной цѣли человѣчества, какъ и наука; различны только пути и средства ихъ, но задача одна, и подвигъ одинъ, однѣ и тѣже радости успѣха и печали обманутыхъ надеждъ и „чистыхъ помысловъ“.

Понимая такимъ образомъ свое отношеніе къ настоящему торжеству родной поэзіи, видя въ немъ событіе знаменательное, близкое и родственное своему сердцу У-тетъ Св. Владимира вмѣняетъ себѣ въ нравственный и пріятный долгъ сердечно привѣтствовать празднество, посвященное памяти и признанію заслугъ нашего великаго поэта и выразить пониманіе возрожденія той поэзіи, которой онъ былъ такимъ гениальнымъ и вѣрнымъ служителемъ.

О п р е д ѣ л и л и: объ изложенномъ записать въ протоколъ настоящаго засѣданія.

16. Совѣтъ У-та по выслушаніи доклада г. Ректора У-та по поводу избраннаго Совѣтомъ У-та комитета относительно празднованія предстоящаго пятидесятилѣтія со времени учрежденія У-та Св. Владимира опредѣлилъ: 1) назначенный Совѣтомъ комитетъ удержать въ прежнемъ составѣ, возложить председательство въ семъ комитетѣ на ректора У-та К. М. Теофилактова.

2) Просить бывшаго ректора У-та заслуженнаго профессора Н. Х. Бунге не отказать въ своемъ содѣйствіи комитету.

3) Просить комитетъ въ дѣятельности своей по осуществленію, одобренныхъ Совѣтомъ У-та, предположеній въ отношеніи празднованія пятидесятилѣтія У-та руководствоваться, утвержденною Совѣтомъ У-та для сей цѣли, программю, не дѣлая ее однакожъ окончательно обязательною во всѣхъ ея частяхъ, и

4) Просить Правленіе У-та изыскать денежныя средства на расходы по найму писцовъ для занятій въ архивѣ,

17. С л у ш а л и: представленіе декана медицинскаго ф-та отъ 20 мая сего года за № 197-мъ, слѣдующаго содержанія: „Вслѣдствіе предложенія г. Ректора отъ 11-го апрѣля за № 461-мъ, имѣю честь донести, что докторъ медицины Іосифъ Эдуардовичъ *Миѳле* прочелъ публично въ присутствіи ф-та, положенныя уставомъ двѣ пробныя лекціи одну теоретическую на тему по собственному избранію: объ антисептическомъ способѣ леченія ранъ и другую, практическую по назначенію ф-та, у постели больного и, что ф-тетъ нашелъ эти лек-

ціи удовлетворительными для полученія званія приватъ-доцента, по хирургіи.

Опредѣлили: просить г. Попечителя Кіевского Учебнаго Округа объ утвержденіи доктора медицины } Миѣле въ званіи приватъ-доцента, по предмету хирургіи при Университетѣ Св. Владимира.

ЧАСТЬ II—НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

О
ВОРОВСТВѢ-КРАЖѢ

ПО
РУССКОМУ ПРАВУ.

Историко-догматическое изслѣдованіе

Леонида Фвлогрицъ-Котляревскаго.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Понятіе найденныхъ вещей въ нашемъ законодательствѣ шире понятія потерянныхъ вещей, подъ которыми мы разумѣемъ не только тѣ вещи, о которыхъ прежній владѣлецъ не знаетъ, гдѣ онѣ находятся, но и тѣ, которыя попали въ мѣсто, для него недоступное почему либо, какъ напримѣръ кольцо, упавшее въ пропасть, портмоне, свалившееся въ рѣку и т. п.¹⁾ Найденными вещами могутъ быть не только тѣ вещи, хозяинъ которыхъ не знаетъ, гдѣ онѣ находятся, или хотя и знаетъ, но не можетъ ихъ достать по недоступности мѣста ихъ нахожденія, но и вещи безхозяйныя—*res nullius*, вещи, брошенныя хозяиномъ на произволъ судьбы (*pro derelictis habitae*), вещи, умышленно сокрытыя въ землѣ, въ строеніяхъ, въ принадлежностяхъ послѣднихъ и случайно туда попавшія (въ силу ли землетресенія, наводненія и т. п.), а также драгоцѣнные металлы—золото, серебро, платина, драгоцѣнные камни, случайно отыскиваемые въ видѣ самородковъ²⁾ (Улож. ст. 607). Слѣдуетъ, понятіе найденныхъ вещей по нашему законодательству не имѣть точно опредѣленнаго содержанія; расплываясь въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ, оно теоретически неуловимо, а потому ученый, задавшійся подобной цѣлью, можетъ прийти въ концѣ концовъ къ тому, къ чему пришелъ Неклюдовъ, называющій находкой то, что не украдено, не выманено обманомъ и не передано обвиняемому ни для сохраненія, ни для извѣстнаго употребленія³⁾. Но если опредѣленное понятіе найденныхъ вещей теоретически неуловимо въ нашемъ законодательствѣ, то настоятъ неотложная необходимость установить границу, въ предѣлахъ которой найденныя вещи, хозяинъ которыхъ извѣстенъ, могутъ быть объектомъ присвоенія найденнаго, съ одной стороны, и не могутъ быть объектомъ кражи—съ другой. По справедливому мнѣнію Сената, хотя законъ признаетъ находкою обрѣтеніе, между прочимъ, вещей, которыхъ хозяинъ лицу, ихъ нашедшему, извѣстенъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ случаѣ находка можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда она сдѣлана при такихъ условіяхъ, при которыхъ найденная вещь должна считаться потерянною (1867 г. № 167). Хотя это мнѣніе не можетъ быть принято безусловно, такъ-какъ въ нашемъ законѣ понятіе найденныхъ вещей шире понятія потерянныхъ, но оно справедливо въ томъ отношеніи, что даетъ нѣкоторыя важныя указанія къ установленію границы въ данномъ случаѣ между кражей и присвое-

¹⁾ Гуго-Мейеръ, *ibid.*, 442; Гельшнеръ, *ibid.*, 432. ²⁾ Неклюдовъ, *ibid.*, т. II, стр. 448—454. ³⁾ *ibid.*, 449.

ніемъ найденнаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что законодатель, вводи особое преступленіе—присвоеніе найденнаго—не хотѣлъ тѣмъ самымъ поколебать общее понятіе кражи. Последнее, конечно, было-бы поколеблено, если бы выраженію—„присвоеніе найденныхъ вещей, коихъ хозяинъ извѣстенъ“—дано было широкое толкованіе.

Итакъ, чтобы уяснить себѣ различіе между присвоеніемъ найденнаго и кражей, обратимся къ понятію потерянныхъ вещей, отъ которыхъ затѣмъ отличимъ оставленные и забытыя вещи. Потеряныя вещи—въ смыслѣ нашего опредѣленія,—попавъ случайно въ руки третьяго лица, несомнѣнно представляются найденными, а слѣдовательно, являются объектомъ утайки, а не кражи. Онѣ не могутъ быть объектомъ кражи, какъ вышедшія изъ владѣнія ихъ хозяина. Вышедшими изъ владѣнія послѣдняго онѣ должны считаться потому, что хозяинъ не можетъ надъ ними проявлять господства своей воли, такъ-какъ не знаетъ, гдѣ онѣ, или же не можетъ ихъ достать; само собою разумѣется, нельзя серьезно говорить о владѣніи, когда лицо потеряло всякую физическую возможность господствовать надъ вещью. Идя послѣдовательно, нужно признать, что не будетъ кражи и въ томъ случаѣ, когда постороннее лицо въ присутствіи хозяина вытащить упавшее въ пропасть кольцо, или упавшій на дно рѣки портмоне. По нашему законодательству разрѣшеніе этого вопроса не въ смыслѣ кражи не подлежитъ сомнѣнію, такъ-какъ для понятія этого преступленія требуется *тайное похищеніе* чужой собственности. Думаемъ, что таковъ же взглядъ долженъ быть и съ точки зрѣнія теоріи, такъ-какъ въ данномъ случаѣ похищается вещь, не находящаяся въ чужомъ владѣніи. Владѣніе не есть только голая связь воли лица съ вещью, но и такая, которая допускаетъ возможность фактическаго господства. Достаточно одной этой возможности, но реальной, т. е. такой, которая способна перейти въ осуществленіе. А такъ-какъ въ приведенномъ случаѣ эта возможность предполагается отсутствующей, что касается хозяина вещи, то слѣдовательно не можетъ быть и владѣнія.

На основаніи сказаннаго выше, вещь не можетъ считаться вышедшею изъ владѣнія, если въ данномъ кругѣ господствуетъ воля лица, могущаго поставить себя въ фактическую связь съ вещью въ данный моментъ или въ какой либо другой. Этимъ мы хотимъ сказать, что вещи находящіяся въ кругѣ даннаго господства лица, не могутъ считаться потерянными, хотя бы онѣ были уронены хозяиномъ или переставлены

къмъ либо такъ, что хозяинъ не знаетъ, гдѣ онѣ, и не можетъ въ данную минуту ихъ найти. Но кругъ господства лица нельзя понимать слишкомъ широко; нельзя распространять его безъ ограниченій на поля, лѣса, вообще—земли. Этотъ кругъ ограничивается главнымъ образомъ жилищемъ съ его хозяйственными принадлежностями¹⁾; только въ предѣлахъ этого круга воля лица желающаго господствовать надъ вещами допускаетъ возможность скорого непосредственного фактическаго къ нимъ отношенія. Здѣсь моментъ воли, желающей господства, и моментъ фактическаго отношенія къ вещи близки, непосредственны. А это далеко безразлично для понятія владѣнія, какъ фактическаго отношенія лица къ вещи, подтвержденнаго волей, желающей господства. Но никакъ нельзя сказать, чтобы то же фактическое отношеніе лица къ вещи распространялось и на предметы, потерянные на поляхъ, въ лѣсахъ. Здѣсь моментъ фактическаго отношенія лица къ вещи крайне слабъ, призраченъ, а потому и само господство воли не столь осязательно, не достаточно очевидно. Вотъ почему воля хозяина поля не можетъ покрывать всѣ тѣ предметы, которые тамъ находятся, подобно тому, какъ она покрываетъ вещи, находящіяся въ домѣ. Вотъ почему, прибавимъ, данное нами опредѣленіе потерянныхъ вещей вполне распространяется на предметы въ полѣ, лѣсу, вообще—въ угодьяхъ. Если я не знаю, гдѣ я дѣлѣ свою вещь, а эта вещь находится на моемъ полѣ, въ моемъ лѣсу,—нельзя говорить о сохраненіи моего владѣнія, такъ-какъ господство моей воли на поляхъ, въ лѣсахъ не можетъ покрывать всѣ предметы, тамъ находящіеся. Слѣдовательно, постороннее лицо, посягая на мой потерянный въ полѣ предметъ, совершаетъ утайку находки, а не кражу, такъ-какъ не покидаетъ вещи, находящейся въ чужомъ владѣніи.

Съ нѣкоторыми изъ высказанныхъ взглядовъ сходится и наша судебная практика. Такъ, она не примѣняетъ понятіе потерянныхъ вещей въ тѣмъ, которыя обрѣтаются въ жилищахъ. Сенатъ призналъ виновною въ кражѣ Михайлову, которая подняла съ полу выпавшіе изъ кошелька ея хозяйки 10 р. и, утаивъ ихъ, употребила въ свою пользу (1870 г. № 71); тотъ же Сенатъ призналъ кражу въ тайномъ взятіи ключа, спрятаннаго на косякѣ двери, съ цѣлю проникнуть въ запертое помѣщеніе (1869 г. № 649, Яковлева), а также въ присвоеніи вещей, найденныхъ на полу въ квартирѣ ихъ собственника (1867 г. № 167, Михайлова). Руководящимъ началомъ для Сената въ этихъ рѣшеніяхъ послужило то соображеніе, что

¹⁾ Неклюдовъ., *ibid.*, 452.

находка можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда она сдѣлана при такихъ условіяхъ, при которыхъ найденная вещь должна была считаться потерянною, что конечно не можетъ быть допущено, когда эта вещь найдена въ жилищѣ ея хозяина, а слѣдовательно, присвоеніе ея имѣетъ всѣ признаки кражи (1867 г., № 167).

Но Сенатъ слишкомъ суживаетъ понятіе потерянныхъ вещей, исключая отсюда, между прочимъ, тѣ вещи, которыя обронены хозяиномъ внѣ своего жилища, если похититель видѣлъ, кѣмъ онѣ обронены. Разсмотримъ доводы Сената.

Подсудимый Филипповскій былъ признанъ судомъ присяжныхъ виновнымъ въ томъ, что видя, какъ книжка съ деньгами выпала изъ кармана священника Успенскаго на землю въ то время, когда послѣдній слѣзалъ съ дрожжекъ,—схватилъ книжку съ деньгами и скрылся съ цѣлю присвоить ихъ. Разсмотрѣвъ это дѣло, Сенатъ нашелъ: для того, чтобы вещь считалась найденною, необходимо, чтобы между потерей ея и находкой прошло извѣстное, болѣе или менѣе продолжительное время, въ теченіи котораго законный владѣлецъ почиталъ бы ее потерянною, и сверхъ того, чтобы нашедшій не былъ очевидцемъ потери, т. е. чтобы обрѣтеніе имѣло мѣсто тогда, когда законный владѣлецъ почитаетъ вещь окончательно потерянною и не имѣетъ возможности немедленно возстановить право на нее. Между тѣмъ изъ рѣшенія присяжныхъ видно, что Филипповскій поднялъ выроненныя Успенскимъ деньги въ то время, когда послѣдній могъ замѣтить эту потерю и, слѣдовательно, онѣ не вышли изъ его обладанія. На этомъ основаніи Сенатъ призналъ въ данномъ случаѣ кражу.

Трудно согласиться съ доводами Сената, хотя нельзя сказать, чтобы они не имѣли нѣкоторой опоры въ теоріи. По мнѣнію Бернера, если кто нибудь роняетъ вещь и другой тотчасъ беретъ ее себѣ, это безъ сомнѣнія воровство, ибо вещь еще не вышла изъ распорядительной власти хозяина, но эта распорядительная власть уже уничтожается захватомъ со стороны виновнаго ¹⁾. Мысль Бернера вѣрна, если владѣлецъ вещи замѣчаетъ уроненіе послѣдней, такъ-какъ въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, вещь не можетъ считаться вышедшей изъ владѣнія; но иначе представляется вопросъ въ томъ случаѣ, когда собственникъ вещи не замѣчаетъ потери; въ этомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о владѣніи, ибо лицо владѣетъ лишь тѣми вещами, съ которыми находится въ извѣстномъ фактическомъ отношеніи, подтвержденномъ

¹⁾ Учебникъ, перев. Неклюдова, особ. часть, стр. 58.

волей, желающей господства, волей, направленной на предметъ, находящійся въ *извѣстномъ* пространствѣ. Коль скоро вещь попадаетъ въ такое пространство, о которомъ лицо не знаетъ, какъ о мѣстонахожденіи своей вещи, послѣдняя считается потерянной; при этомъ, безъ сомнѣнія, безразлично, находится ли лицо отъ вещи на разстояніи шага или версты, а также безразлично и то, не замѣчаетъ ли лицо свою потерю минуту или сутки. Количества пространства и времени не могутъ, очевидно, измѣнять существо дѣла; характеръ и сущность привоотношенія не могутъ зависѣть отъ такихъ случайныхъ обстоятельствъ, какъ большее или меньшее количество пространства или времени. Если даже принять моменты времени и пространства, какъ обусловливающіе характеръ, а слѣдовательно, и родъ правонарушенія, то спрашивается, гдѣ же критерій, способный удовлетворительно опредѣлить величину этихъ моментовъ? Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ критерій можетъ быть лишь произвольно взятый. То же обстоятельство, что лицо, поднимающее вещь, дѣлается свидѣтелемъ потери, очевидно, не можетъ имѣть вліянія на рѣшеніе вопроса, вышла ли вещь изъ чужаго владѣнія или нѣтъ. Оно можетъ имѣть вліяніе на наказуемость проступка, но не на характеръ правонарушения; лицо, поднимающее вещь, будучи свидѣтелемъ ея потери, и присвоивающее ее, совершаетъ болѣе тяжкій проступокъ, чѣмъ тотъ, который находитъ вещь, не зная ея хозяина, и утаиваетъ ее, не смотря на то, что потомъ узнаетъ послѣдняго. Но нельзя сказать, чтобы названное лицо совершало правонарушеніе, равносильное кражѣ; въ послѣдней преступенъ самый моментъ захвата вещи, похищеніе ее; въ случаѣ же, о которомъ идетъ рѣчь, моментъ захвата вещи совершенно безразличенъ и даже похваленъ, если лицо, поднявшее вещь, возвращаетъ ее хозяину; здѣсь преступенъ послѣдующій моментъ—присвоеніе поднятой вещи. А если такъ, то безъ сомнѣнія нечего и толковать о томъ, подняло ли лицо вещь, будучи свидѣтелемъ потери или же безъ этого условія. Кажется, таковъ взглядъ и нашего законодательства, предусматривающаго присвоеніе найденныхъ денегъ или вещей, когда виновному *извѣстенъ* хозяинъ найденнаго (уст. о нак., ст. 178); здѣсь законъ прямо говоритъ, что знаніе хозяина не имѣетъ вліянія на понятіе найденныхъ вещей; стало быть, коли обрѣтеніе вещи имѣетъ характеръ находки, безразлично, знаетъ ли обрѣтатель хозяина вещи въ моментъ потери ея или же позже.

§ 135. Переходимъ къ вещамъ оставленнымъ, какъ объекту кражи. Подъ оставленными вещами мы разумѣемъ, въ отличіе отъ забытыхъ, тѣ, которыя нарочно не взяты лицомъ изъ даннаго мѣста. Такія вещи могутъ быть объектомъ кражи не только тогда, когда онѣ находятся въ жилищѣ помѣщеніи ихъ хозяина съ хозяйственными принадлежностями, но и тогда, когда они оставлены на полѣ, въ лѣсу и въ другихъ угодьяхъ, если только положеніе ихъ таково, что оно или вообще, по общепринятому взгляду, свидѣлствуетъ о томъ, что вещь имѣетъ хозяина, находится въ его владѣніи, какъ напримѣръ снопы на полѣ (1869 г. № 176, Попильскаго), копы сѣна тамъ же (1869 г. № 196, Сергіевскаго), или же въ данномъ случаѣ заставляютъ думать, что вещь не забыта хозяиномъ, но нарочно тамъ помѣщена или нарочно оставлена. Въ этомъ случаѣ существенное значеніе имѣетъ вопросъ, какъ должна была представляться вещь съ точки зрѣнія похитителя. Если изъ положенія вещи послѣдній могъ добросовѣстно заключить, что она потеряна, лишилась своего хозяина,—нѣтъ причинъ видѣть въ его дѣяніи кражу. Напротивъ, если вся обстановка мѣстонахожденія вещи должна была бы говорить похитителю, что вещь не потеряна, что она имѣетъ хозяина, и нѣтъ положительныхъ основаній признавать, что дѣло виновному представлялось въ противоположномъ видѣ, нельзя не видѣть кражи, такъ-какъ въ такомъ случаѣ похищается вещь, завѣдомо чужая, другими словами, имѣющая владѣльца. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно забытыхъ вещей, подъ которыми мы разумѣемъ вещи, оставленные лицомъ по забывчивости, разсѣянности, ошибокъ, (но ошибокъ въ томъ случаѣ, если лицо принимало въ данномъ мѣстѣ свою вещь за чужую, а потомъ вспомнило, что это вещь не чужая, а своя), если хозяинъ помнитъ ихъ мѣстонахожденіе ¹⁾.

¹⁾ Само собою разумѣется, что въ отношеніи забытыхъ вещей постороннее лицо чаще, чѣмъ въ отношеніи нарочно оставленныхъ, можетъ находиться въ состояніи добросовѣстнаго заблужденія, т. е. принимать забытыя вещи, какъ потеряныя. Въ такомъ случаѣ, конечно, понятіе кражи исключается, такъ-какъ здѣсь похищается вещь, о которой похититель добросовѣстно думаетъ, что она вышла изъ чужаго владѣнія. Но нѣтъ разумнаго основанія, какъ мы полагаемъ, исключать названное понятіе въ томъ случаѣ, если похититель, поднимая вещь, создавалъ, что она имѣетъ владѣльца, что она не изъята изъ господствующей воли послѣдняго, хотя бы тотъ и забылъ свою вещь. Не трудно видѣть, что здѣсь различіе между нарочно

По отношенію къ забытымъ, точно также какъ и оставленнымъ вещамъ слѣдуетъ различать два случая: 1) похищеніе сихъ вещей въ мѣстахъ господства воли хозяина ихъ, т. е. въ угодьяхъ, находящихся во владѣніи послѣдняго и 2) похищеніе оставленныхъ или забытыхъ вещей изъ другихъ мѣстъ, не находящихся во владѣніи хозяина сихъ вещей. Въ первомъ случаѣ субъектомъ кражи можетъ быть всякое постороннее лицо. Что же касается втораго случая, то здѣсь возможны два положенія: а) вещь можетъ быть оставлена или забыта въ предѣлахъ жилища съ его хозяйственными принадлежностями и б) вещь можетъ быть оставлена или забыта въ другихъ угодьяхъ, какъ-то: въ лѣсу, въ полѣ и т. д. Въ случаѣ похищенія вещи, находящейся въ первомъ положеніи, субъектомъ кражи не можетъ быть, какъ уже было сказано выше, хозяинъ того помѣщенія или мѣста, гдѣ оставлена или забыта вещь. Послѣдній присвоеніемъ вещи, находящейся въ такомъ положеніи, совершаетъ утайку, а не кражу. Во взглядахъ Сената на этотъ послѣдній случай замѣчается большая путаница; разъ опъ видитъ здѣсь кражу, другой—мошенничество, третій—утайку. Такое противорѣчіе въ рѣшеніяхъ очевидно указываетъ на отсутствіе во взглядахъ Сената общей руководительной нити.

оставленными и забытыми вещами не на столько рѣзко, чтобы не было аналогичныхъ совпадающихъ случаевъ, которые должны обниматься понятіемъ одного и того-же преступленія—кражи. Возьмемъ, напримѣръ, хоть слѣдующій случай. Пріѣзжаетъ хозяинъ лѣса косить послѣдній; наступаетъ гроза; хозяинъ торопится уѣхать домой и забываетъ въ лѣсу котелъ съ пищей, мѣшки съ овощами и хлѣбомъ. Постороннее лицо, замѣтивъ эти предметы, похищаетъ ихъ, сознавая, что оно беретъ предметы, не потерянные владѣльцемъ и не брошенные на произволъ судьбы. Похищеніемъ своимъ—что оно совершаетъ: кражу или утайку находки? Думаемъ—кражу, такъ какъ вещь не вышла изъ владѣнія хозяина и лицо, подымая ее, сознаетъ это. Вещь же не вышла изъ владѣнія своего хозяина потому, что воля, желающая господства, не измѣнилась; фактическое же отношеніе лица къ вещи лишь отдалено, но не прекращено. Большая же или меньшая отдаленность вещи отъ ея владѣльца не погашаетъ распорядительной власти хозяина вещи, а слѣдовательно; и владѣнія, если только послѣдній находится въ состояніи располагать вещью по возвращеніи на мѣсто ея нахождения или же хотя бы изъ далека. (Oppenhoff, das Strafgesetzbuch für das deutsche Reich, стр. 409, прим. 18).

Въ рѣшеніи по дѣлу мѣщанинѣ Гуровичевой (1870 г. № 1075) Сенатъ высказалъ слѣдующія соображенія: „Изъ приговора сѣзда видно, что онъ призналъ доказаннымъ, что Маловецкій (обвинитель), покупая въ лавкѣ Гуровичевой сапоги, забылъ въ ней кошелекъ съ деньгами, что онъ неоднократно требовалъ отъ Гуровичевой возвращенія ему кошелька, но Гуровичева отказывалась, говоря, что не видала никакого кошелька съ деньгами, между тѣмъ свидѣтели удостовѣряютъ, что она взяла этотъ кошелекъ и скрыла его въ мѣшкѣ съ мукою, откуда онъ и былъ вынутъ посторонними людьми. Такія обстоятельства событія указываютъ, что мировой сѣздъ правильно призналъ поступокъ Гуровичевой кражею, а не присвоеніемъ находки, потому что владѣлецъ кошелька самъ не считалъ его потеряннымъ, но обращался тотчасъ же къ Гуровичевой съ требованіемъ о возвратѣ, равно и обвиняемая была очевидцемъ утраты и не могла считать кошелька находкою, получивъ его не случайно.“ Точно также въ другомъ рѣшеніи (1875 г. № 480, Яненко) Сенатъ высказалъ категорически, что утайка имущества, оставленнаго хозяиномъ въ присутствіи утаившаго, не можетъ быть приравниваема ни къ присвоенію, предусматриваемому 177 ст. уст. о наказ., ни къ присвоенію находки, предусматриваемому 178 ст. того же устава, а вполне соответствуетъ понятію кражи (см. также рѣш. 1874 г. № 691, Фроловой). Въ другихъ же своихъ рѣшеніяхъ Сенатъ, напротивъ, разрѣшаетъ аналогическіе случаи въ смыслѣ мошенничества. Такъ, въ дѣлѣ крестьянина Минудаева, обвинявшагося въ томъ, что онъ присвоилъ вощину, оставленную въ его амбарѣ по забывчивости, Сенатъ нашелъ, что мировой сѣздъ имѣлъ законный поводъ примѣнить къ поступку 174 ст. уст. о нак. (1871 г. № 783). Наконецъ, въ третьихъ рѣшеніяхъ Сенатъ усматриваетъ въ данномъ случаѣ утайку. Такъ, въ рѣшеніи по дѣлу Рокитянского (1869 г. № 678), обвинявшагося въ томъ, что не возвратилъ пальто, положенное въ его телѣгу пассажиромъ, который это пальто тамъ забылъ, Сенатъ не усмотрѣлъ кражи, а нашелъ правильнымъ примѣненіе 177 статьи устава о наказаніяхъ.

Обращаясь затѣмъ къ случаямъ захвата вещи, находящейся во второмъ положеніи, мы должны различать захватъ вещи въ мѣстахъ публичнаго пользованія—*res publicae*, какъ напримѣръ на улицахъ, дорогахъ и т. д., и захватъ вещи въ мѣстахъ частнаго владѣнія—*res privatae*, какъ напримѣръ въ лѣсахъ, на поляхъ и т. д. Вещи, оставленныя или забытыя въ первыхъ мѣстахъ, должны считаться вышедшими изъ чужаго владѣнія, такъ-какъ такое ихъ положеніе по общепринятому взгляду принимается въ смыслѣ потери вещи. Всякій, встрѣчающій вещь, лежащую на дорогѣ, смотритъ на сію вещь, какъ на такую,

которая лишилась владѣльца, потеряна имъ. Въ этомъ случаѣ презумція оставленія, забывчивости вещи со стороны хозяина почти не имѣетъ мѣста, а слѣдовательно, большею частью не можетъ быть и рѣчи о возможности названныхъ вещей служить объектомъ кражи. Господствующее юридическое воззрѣніе въ данномъ случаѣ, по справедливости, должно имѣть рѣшающее значеніе, такъ-какъ и самъ законъ часто есть не болѣе, какъ закрѣпленіе тѣхъ же воззрѣній. Гораздо труднѣе рѣшеніе вопроса относительно вещей, оставленныхъ или забытыхъ въ мѣстахъ частнаго владѣнія, такихъ, какъ лѣса, поля и т. п. угодья. Эти вещи не могутъ считаться потерянными, если хозяинъ помнитъ мѣсто оставленія послѣднихъ. Правда, въ данномъ случаѣ фактическое отношеніе лица къ вещи отдалено, но такъ-какъ большая или меньшая отдаленность положенія вещи въ отношеніи ея хозяина не существенна для понятія владѣнія, коль скоро вещь находится въ мѣстѣ, доступномъ для ея хозяина, то владѣніе продолжается, не смотря на отдаленность мѣстонахожденія вещи отъ мѣстопребыванія ея хозяина, до тѣхъ поръ, пока она *ipso facto* не переходитъ во владѣніе другого лица. Вещь, оставленная въ помѣщеніи чужаго лица, *eo ipso* переходитъ во владѣніе послѣдняго; но нельзя сказать этого относительно вещи, нарочно оставленной мною въ чужомъ угодьѣ. Она, правда, переходитъ во владѣніе хозяина послѣдняго, но не въ силу самаго своего положенія, а лишь тогда, когда владѣлецъ угодья, поставивъ себя въ фактическое отношеніе къ вещи, тѣмъ самымъ обнаруживаетъ волю, желающую господства. Этимъ онъ какъ бы уравниваетъ моментъ воли, господствующей надъ даннымъ пространствомъ, съ моментомъ фактическаго отношенія къ данной вещи, или говоря иначе—даетъ волю, безразлично желающей господства, конкретное, очевидное, устремленное на данный предметъ примѣненіе. Вещь, оставленная мною въ чужомъ угодьѣ, *eo ipso* не переходитъ во владѣніе хозяина послѣдняго въ силу того, что, какъ было уже сказано, общая воля владѣльца поля не можетъ считаться покрывающей всѣ предметы, тамъ находящіеся. Хозяинъ угодья, наложивъ руку на чужую вещь, оставленную въ послѣднемъ, не совершаетъ тѣмъ кражи, такъ-какъ можетъ считать себя имѣющимъ право на вещь, попавшую въ пространство его владѣній. Постороннее лицо, оставляя или забывая вещь въ пространствѣ чужаго владѣнія, этимъ какъ бы нарушаетъ право послѣдняго, вторгается въ пространственную сферу господства другого лица, а потому сіе

послѣднее, подымая предметъ, лежащій въ его угодѣ, и возстановляя тѣмъ ненарушимость этой сферы, не совершаетъ преступнаго захвата; преступенъ будетъ лишь дальнѣйшій моментъ присвоенія, если оно случится, но такое обстоятельство знаменуетъ утайку, а не кражу. Въ иномъ положеніи находится постороннее лицо, подымающее оставленную или забытую чужую вещь съ непринадлежащихъ ему угодій. Такое лицо не можетъ считать себя имѣющимъ право на такую вещь, если внѣшнія условія, обстановка положенія вещи ему говорятъ, что она не потеряна ея хозяиномъ, а варочно оставлена или забыта. Подымая вещь съ намѣреніемъ присвоенія, оно совершаетъ преступный захватъ, такъ-какъ, во первыхъ, посягаетъ на вещь, для него совершенно чужую, а во вторыхъ, сознаетъ, что подымаемая вещь не вышла изъ владѣнія хозяина; то же обстоятельство, находится ли вещь въ угодѣ ли ея хозяина или другого лица, не существенно, ибо названія условія могутъ совмѣщаться и въ послѣднемъ случаѣ, да притомъ похититель часто самъ не знаетъ, кому принадлежитъ угодье, гдѣ находится вещь. На этомъ основаніи похищеніе swojennago сѣна, сжатого хлѣба, хотя бы сложенного хозяиномъ ихъ на чужой землѣ, должно привнаваться кражей, а не присвоеніемъ найденнаго.

§ 136. Владѣніе можетъ осуществляться или непосредственно самимъ хозяиномъ вещи или чрезъ представителя. Такъ-какъ для владѣнія въ смыслѣ кражи достаточно фактическаго держанія вещи или, что то же, сохраненія ея—*sine animo rem sibi habendi*—то, конечно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о представительствѣ юридическаго владѣльца, сопровождающемся волей—владѣть вещью для другого на основаніи особаго *ad hoc* соглашенія. По отношенію къ фактическому держанію вещи представительство возможно лишь въ смыслѣ также фактическаго отношенія къ вещи, но такого, которое не разрушаетъ владѣнія въ томъ значеніи, о которомъ мы говоримъ. Но въ какомъ видѣ можетъ явиться такое представительство? Оно можетъ явиться въ смыслѣ фактическаго отношенія къ вещи, вызваннаго особенными специальными отношеніями представителя къ представляемому, въ силу которыхъ представитель получаетъ право, а иногда и обязанность вступать въ фактическую связь съ вещами отъ имени препоручителя, не приобрѣтая, однако, тѣмъ владѣнія надъ вещью. Такое представительство чаще всего встрѣчается въ лицѣ прислуги, вступающей въ фактическія отношенія къ вещамъ въ домахъ ея служенія, а также въ лицѣ чле-

новъ семьи, вступающихъ въ тѣ же фактическія отношенія къ вещамъ, принадлежащимъ другимъ членамъ послѣдней. Такія лица, вступая въ фактическія отношенія къ вещамъ, находящимся въ мѣстахъ ихъ служенія, жительства, но имъ не принадлежащимъ, не считаются владѣльцами этихъ вещей; владѣніе или сохраненіе остается за хозяиномъ послѣднихъ, если онъ, разумѣется, не отрекся отъ него въ пользу слугъ или домочадцевъ. Послѣдніе, если пользуются вещами, если берутъ ихъ въ свое обладаніе, то дѣлаютъ это отъ имени ихъ хозяина, предполагая его согласіе или считая себя въ правѣ такъ поступать. По мнѣнію Мейера ¹⁾ владѣніе—право чрезъ представителя не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія, а есть какъ-бы владѣніе самаго собственника. Тѣмъ болѣе, прибавимъ мы, владѣніе—фактъ чрезъ представителя не можетъ быть признано самостоятельнымъ, а должно быть разсматриваемо, какъ владѣніе самаго хозяина. Такимъ образомъ, тѣ фактическія отношенія къ вещамъ, въ которыя вступаютъ слуги, члены семейства, въ силу ихъ особеннаго положенія въ мѣстахъ нахожденія вещи—не могутъ быть принимаемы, какъ владѣніе. Послѣднее остается за хозяиномъ вещи и прекращается или прерывается не иначе, какъ въ силу особыхъ соглашеній хозяина съ слугами, членами семейства, благодаря которымъ вещь перешла бы въ ихъ исключительное владѣніе или сохраненіе. Пока такое соглашеніе не воспослѣдовало, воля хозяина помѣщенія, покрывающая всѣ предметы, тамъ находящіеся, за исключеніемъ тѣхъ, которые несомнѣнно принадлежатъ другимъ жильцамъ, сохраняетъ за нимъ и владѣніе названными предметами вслѣдствіе возможности во всякое время возстановить матеріальную связь съ вещью ²⁾. Такимъ образомъ, не отсутствіе очевиднаго фактическаго отношенія хозяина помѣщенія къ вещи, находящейся въ его помѣщеніи и ему принадлежащей, прекращаетъ владѣніе, а присутствіе противоположнаго, т. е. несомнѣннаго новаго владѣнія или сохраненія, исключаящаго прежнее ³⁾. А это возможно въ предѣлахъ названнаго помѣщенія, между прочимъ, тогда, когда хозяинъ вещи путемъ спеціальнаго, явственно-выраженнаго соглашенія передаетъ владѣніе или сохраненіе вещи другому лицу. Такимъ образомъ, только владѣніе юридическое, т. е. приобрѣтенное путемъ договорнаго соглашенія, относящагося къ данной вещи, прекращаетъ владѣніе хозяина вещи въ предѣлахъ его помѣщенія ⁴⁾.

¹⁾ „Гражданское право,“ стр. 260. ²⁾ *ibid.*, 257. ³⁾ *ibid.*, стр. 257.

⁴⁾ Неклюдовъ, *ibid.*, т. II, 379.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что общій надзоръ, который поручается прислугѣ надъ вещами, находящимися въ домѣ, не способенъ установить новое владѣніе или сохраненіе въ лицѣ прислуги; послѣдняя не получаетъ возможности въ этомъ случаѣ вступать въ матеріальную связь съ вещами въ силу своихъ служебныхъ обязанностей, а не вслѣдствіе спеціальнаго препорученія или соглашенія *ad hoc* т. е. относящагося къ даннымъ вещамъ. При общемъ надзорѣ прислуга пользуется представительно отъ лица хозяина помѣщенія сохраненіемъ вещей, а не юридическимъ владѣніемъ, а такое представительство, очевидно, не способно по своей полной несамостоятельности, зависимости, разрушить владѣніе представляемаго. А если такъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что прислуга, похищая при общемъ надзорѣ надъ вещами, не переданными въ ея исключительное сохраненіе, эти послѣднія, совершаетъ кражу, а не утайку, такъ-какъ посягаетъ на вещь, находящуюся въ чужомъ владѣніи. Такимъ образомъ, то обстоятельство, пользуется ли данное лицо представительно юридическимъ владѣніемъ или сохраненіемъ, имѣетъ рѣшительное вліяніе на наличность въ данномъ случаѣ кражи или утайки: въ первомъ случаѣ будетъ утайка, во второмъ кража ¹⁾. Но едва ли справедливо мнѣніе, что владѣніе или сохраненіе хозяина вещи не исчезаетъ и тогда, когда онъ ставитъ ее подъ спеціальный надзоръ даннаго лица или предоставляет ее въ личное пользованіе послѣдняго. ²⁾ Спеціальный надзоръ надъ вещами устанавливается не иначе, какъ вслѣдствіе спеціальнаго соглашенія *ad hoc*, т. е. относящагося къ даннымъ вещамъ, а такое соглашеніе рождаетъ представительство юридического владѣнія, т. е. является какъ бы передачей послѣдняго. Противъ этого могутъ, правда, возразить, что хозяинъ вещи, поручая спеціальный надзоръ надъ нею другому лицу, не отказывается тѣмъ самымъ совершенно отъ заботъ сохраненія вещи, оныя раздѣляетъ эти заботы съ этимъ другимъ лицомъ. Но на это можно отвѣтить, что надзоръ, сохраненіе хозяина въ этомъ случаѣ играетъ побочную, второстепенную роль, главная же забота о сохраненіи вещи перешла вслѣдствіе препорученія къ другому лицу, а потому сохраненіе вещи въ лицѣ послѣдняго какъ-бы поглощаетъ сохраненіе въ лицѣ хозяина. На этомъ основаніи дворникъ, которому поручено было бы надзирать за цѣлостію повѣшеннаго въ саду бѣлья, присвоеніемъ послѣдняго совершилъ бы утайку, а не кражу. То же самое почти слѣ-

¹⁾ Hälschner, *ibid.*, стр. 435. ²⁾ Гуго Мейеръ, *ibid.*, стр. 443, прим. 17.

дуетъ сказать и о присвоеніи вещей, предоставленныхъ въ личное пользованіе. Предоставленіе вещей въ личное пользованіе иногда не возможно безъ передачи владѣнія или, говоря иначе, оно часто *ipso facto* сопровождается передачей владѣнія ¹⁾, какъ напр. пользованіе ливреей, часами. Едва ли можно серьезно говорить о сохраненіи владѣнія за хозяиномъ часовъ въ томъ случаѣ, когда онъ передаетъ ихъ для пользованія извозчику; послѣдній пользуется представительно не сохраненіемъ, а юридическимъ владѣніемъ, установленнымъ въ силу спеціальнаго препорученія хозяина *ad hoc*. Слѣдовательно, владѣніе должно считаться перешедшимъ къ извозчику, и тотъ присвоеніемъ часовъ совершаетъ утайку, а не кражу. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что нѣмецкіе криминалисты слишкомъ расширяютъ владѣніе въ лицѣ хозяина, собственника вещи; они признаютъ его и въ отношеніи вещей, предоставленныхъ для извѣстнаго употребленія, пользованія, какъ напримѣръ въ отношеніи вещей, которыми пользуется гость въ гостинницѣ, въ отношеніи инструментовъ, переданныхъ рабочимъ для какой либо постройки, матеріаловъ или инструментовъ, предоставленныхъ тюремнымъ сидѣльцамъ начальствомъ заведенія и т. д.²⁾ Гуго-Мейеръ заходитъ такъ далеко, что признаетъ владѣніе за хозяиномъ жилища и тогда, когда послѣдній, уѣзжая, оставляетъ слугѣ ключи отъ жилища. По мнѣнію названнаго ученаго совершенно невѣрно, что слуга, похищая вещи, лежащія въ такомъ жилищѣ, совершаетъ только утайку, такъ какъ еще *quaestio facti*, не удерживается ли въ лицѣ уѣзжающихъ хозяевъ сохраненіе вещами, оставленными въ жилищѣ, такъ какъ несомнѣнно, что третье лицо, посягая на такіа вещи, совершаетъ кражу ³⁾. Мы не можемъ стать на точку зрѣнія нѣмецкихъ ученыхъ, такъ какъ она расширяетъ понятіе кражи въ ущербъ понятію утайки и вноситъ большія затрудненія въ дѣло разграниченія этихъ двухъ преступленій. Если принять, что вещь, переданная въ пользованіе другому лицу или отданная подъ спеціальный надзоръ, не выходитъ изъ владѣнія ея хозяина, то въ такомъ случаѣ гдѣ же граница, отдѣляющая понятіе исключительнаго сохраненія, при наличности котораго въ лицѣ прислуги исчезаетъ понятіе кражи, по мнѣнію тѣхъ же нѣмецкихъ криминалистовъ ⁴⁾, отъ сохраненія вещей прислугой или членомъ семьи въ видѣ спеціальнаго надзора, пользованія ими? Не трудно

¹⁾ Мейеръ, *ibid.*, стр. 262. ²⁾ Гуго-Мейеръ, *ibid.*, 443; Hälschner, *ibid.*, 436. Merkel, *Rechtslexicon von Holtzendorff*, т. I, стр. 267. ³⁾ *ibid.* ⁴⁾ *ibid.*

видѣть, что такая граница болѣе призрачна, чѣмъ реально-возможна, приведенныя понятія такъ близки другъ къ другу, что нельзя сказать, гдѣ начинается одно и кончается другое. На сколько неудачны могутъ быть попытки подобнаго разграниченія, лучшимъ доказательствомъ служатъ Гуго-Мейеръ, признающій сохраненіе, какъ мы видѣли, и въ лицѣ уѣхавшихъ хозяевъ, передавшихъ ключи отъ оставленнаго ими жилища слугѣ, а также Орпенhoff, принимающій сохраненіе въ лицѣ хозяина вещи и въ томъ случаѣ, когда послѣдній, оставаясь на мѣстѣ, довѣряетъ слугѣ ключи къ хранилищу, содержащему вещи¹⁾. Еще лучшимъ доказательствомъ шаткой постановки даннаго вопроса нѣмецкими криминалистами служитъ ихъ разногласіе; такъ, Меркель, стоящій на той же точкѣ зрѣнія, какъ и Гуго-Мейеръ, исключаетъ сохраненіе въ лицѣ хозяина вещи, если послѣдняя поставлена подъ особенный надзоръ (*unter besondere Obhut*) другаго лица²⁾.

§ 137. Несравненно раціональнѣе, какъ намъ кажется, точка зрѣнія, принятая нашимъ законодательствомъ, которое называетъ утайкой присвоеніе или растрату чужаго движимаго имущества, ввѣреннаго для сохраненія, переноски или перевозки или же опредѣленнаго употребленія (Уст. о нак., ст. 177). Правительствующій Сенатъ, разрѣшая вопросъ объ условіяхъ примѣненія понятія кражи или утайки въ томъ случаѣ, когда похищеніе совершается слугами въ жилищѣ ихъ господъ, высказалъ слѣдующія руководящія соображенія.

„Если отъ домашней прислуги, по тѣмъ особымъ отношеніямъ, въ которыхъ она состоитъ къ нанимателю, и тому положенію, которое она занимаетъ въ домѣ, и требуется особенное попеченіе о сохраненіи имущества хозяина, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы эту обязанность прислуги можно было приравнивать къ той, которая истекаетъ изъ принятія на сохраненіе или для извѣстнаго употребленія чужаго движимаго имущества. Въ послѣднемъ случаѣ обязанность принявшаго чужое движимое имущество опредѣляется условіемъ или соглашеніемъ, состоявшимся между нимъ и лицомъ, ввѣрившимъ ему извѣстное имущество для опредѣленной цѣли, тогда какъ обязанность прислуги къ хозяйскому имуществу есть обязанность общая, распространяющаяся на все это имущество и истекающая изъ свойства существующихъ вездѣ и всегда отношеній прислуги къ нанимателю, немыслимыхъ безъ довѣрія въ честность лицъ, прислугу составляющихъ. Такъ понимаетъ эту обязанность и наше законодательство, возлагая на прислугу попеченіе о хозяйскомъ имуществѣ и признавая воровствомъ

¹⁾ *Strafgesetzbuch*, note 21 zu § 242. ²⁾ *ibid*.

всякое нарушеніе довѣрія, выразившееся въ умышленной растратѣ хозяйскаго имущества (т. X, ч. I, св. зак. гр. ст. 2233 и 2234). Въ виду сего не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что ст. 177 Уст. о нак. не можетъ имѣть примѣненія къ слугѣ, нарушившему довѣріе хозяина присвоеніемъ, растратою или утайкою хозяйскаго имущества, и что въ силу приведенной 2234 ст. Св. зак. гр. подобное противозаконное дѣяніе признается похищеніемъ чужаго движимаго имущества, влекущимъ за собою наказаніе, какъ за кражу (1870 г. № 509, Новиковой).

Изъ приведеннаго рѣшенія видно, что утайка по мнѣнію Сената можетъ быть совершена прислугой въ домѣ служенія лишь тогда, когда между хозяиномъ и прислугой послѣдовало особое соглашеніе, относящееся къ сохраненію *данныхъ* вещей; кража же — во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обязанность сохраненія имущества прислугою вытекаетъ изъ ся служебнаго положенія и когда эта обязанность общая, распространяющаяся на все имущество. Проводя послѣдовательно эти положенія, нельзя не прійти къ заключенію, что понятіе кражи должно исчезнуть съ точки зрѣнія Сената и тогда, когда лицо, которому имущество ввѣрено подъ спеціальный надзоръ или для пользованія, присваиваетъ таковое, т. е. имущество. Что имущество, ввѣренное для пользованія, по нашему законодательству является объектомъ утайки, а не кражи, это ясно слѣдуетъ изъ текста 177 ст., называющей утайкою и присвоеніе имущества, ввѣреннаго для опредѣленнаго употребленія; употребленіе же нѣкоторыхъ видовъ имущества есть ничто иное, какъ пользованіе имъ. Такимъ образомъ, присвоеніе рабочими инструментовъ, ввѣренныхъ имъ для употребленія при постройкѣ по нашему законодательству является утайкой, а не кражей; то же самое слѣдуетъ сказать и о вещахъ, предоставленныхъ въ пользованіе гостямъ въ номерахъ гостинницы, объ инструментахъ и матеріалахъ, переданныхъ тюремнымъ начальствомъ для употребленія или обработки.

Согласно съ сказаннымъ Сенатъ призналъ присвоеніе или утайку въ проступкѣ мѣщанина Фитонова, признаннаго мировымъ съѣздомъ виновнымъ въ томъ, что, состоя переплетчикомъ при литографіи купца Старкова, при расчетѣ съ послѣднимъ, не сдалъ данныхъ ему для употребленія мѣдныхъ буквъ (1871 г. № 1653). Точно также Сенатъ призналъ утайку въ присвоеніи вещей, врученныхъ для передачи (1870 г. № 270), продажи (1871 г. № 1821), для показа покупателю (1869 г., № 794), для обозрѣнія или осмотра вещи (1869 г. № 388; 1871 г. № 1417 ¹⁾).

¹⁾ См. Гасманъ, Присвоеніе и растрата чужаго имущества, Ж. Угол. и Гражд. права, 1877, кн. I, стр. 41.

Нѣмецкіе криминалисты держатся противоположной точки зрѣнія; такъ, Гуго-Мейеръ говоритъ, что тотъ, которому вещь передава съ какою либо временною цѣлью, совершаетъ кражу, если хозяинъ вещи находится вблизи и можетъ во всякое время воздѣйствовать на вещь; будетъ воровство, продолжаетъ онъ, а не утайка, если я прошу кого либо поддержать мою ношу и тотъ съ ней скрывается, то же самое, если купецъ передаетъ мнимому покупателю товаръ и тотъ съ нимъ исчезаетъ¹⁾. Къ этому Бернеръ добавляетъ, что собственникъ, который позволяетъ другому нести свою вещь и самъ идетъ возлѣ, не отказывается отъ обладанія²⁾. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ названныхъ ученыхъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Хозяинъ вещи, поручающій постороннему лицу поддержать вещь, или передающій ее для осмотра, передаетъ этому лицу и временное, хотя бы моментальное владѣніе. Эта передача происходитъ въ силу особаго соглашенія, относящагося къ данной вещи, а такого соглашенія достаточно, чтобы можно было фактическаго держателя вещи считать ея владѣльцемъ. То же обстоятельство, владѣть ли лицо вещью нѣсколько минутъ или продолжительное время, полагаемъ, безразлично для понятія владѣнія или сохраненія. Точно также безразлично, находится ли вещь, перешедшая въ фактическое обладаніе другаго, въ виду ея хозяина, вблизи его или внѣ его мѣстонахожденія. Если я, войдя въ театръ, передаю свое пальто швейцару для сохраненія, послѣднее переходитъ къ швейцару, хотя бы я оставался въ той комнатѣ, гдѣ вручилъ вещь и самъ слѣдилъ за сохраненіемъ. Швейцаръ, присваивая мою вещь, совершаетъ утайку, а не кражу. Въ такомъ же положеніи находится моя вещь и въ случаѣ, приводимомъ Бернеромъ; коль скоро А довѣрилъ Б нести свою вещь, онъ ему тѣмъ самымъ передалъ и владѣніе вещью; если же А идетъ вслѣдъ за Б и слѣдитъ за вещью, то этимъ онъ выражаетъ лишь свое недовѣріе къ лицу, принявшему вещь, и хочетъ личнымъ присутствіемъ обезпечить сохраненіе. Но обезпеченіе сохраненія вещи, какъ видно изъ представленнаго выше примѣра, не исключаетъ владѣнія на сторонѣ другаго лица. Кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что существенный признакъ, отличающій кражу отъ утайки заключается въ томъ, что въ первой моментъ взятія, завладѣнія вещью непроступенъ, во второй наоборотъ; съ этой точки зрѣнія кража представляется болѣе тяжкимъ правонарушеніемъ, но съ

¹⁾ *Lehrbuch*, 443. ²⁾ Учебникъ, перев. Неклюдова, особ. ч., стр. 59.

другой стороны, въ утайкѣ присваиватель вещи нарушаетъ довѣріе ея хозяина, слѣдовательно, обнаруживаетъ субъективно болѣе преступную волю, игнорирующую оказываемое ему довѣріе. Съ точки же зрѣнія довѣрія, вѣры вообще—полагаемъ, не имѣетъ существеннаго значенія положеніе довѣренной вещи, т. е. находится ли послѣдняя въ виду хозяина ея, вблизи его, или же внѣ его мѣстонахожденія. Это обстоятельство можетъ имѣть вліяніе лишь на степень наказанія, но не на природу дѣянія. На этомъ основаніи примѣры, приводимые Гуго-Мейеромъ, а именно—полученіе ноши для поддержанія, полученіе товара для осмотра—должны быть разрѣшены въ смыслѣ утайки, а не кражи. Тутъ слѣдуетъ видѣть утайку, а не кражу и вслѣдствіе особеннаго, спеціальнаго основанія. Мнѣніе, теперь господствующее въ наукѣ, считаетъ кражу совершившеюся съ момента завладѣнія, а не уноса вещи; въ данныхъ примѣрахъ, если принимать кражу, совершеніе ея, какъ это очевидно, возможно лишь по уносѣ вещи. Но въ этомъ фактѣ будетъ совпадать и другой моментъ—покушеніе, такъ-какъ всѣ дѣйствія до уноса вещи въ данныхъ случаяхъ безразличны съ правовой точки зрѣнія. Совпаденіе же начала исполненія съ самымъ исполненіемъ есть характеристическая черта присвоенія или утайки, въ которой покушеніе не мыслимо, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія нашего законодательства ¹⁾).

§ 139. III. *Предметомъ кражи должна быть вещь движимая.* Движимой вещью въ правѣ уголовномъ называется вещь, или движимая по самой своей природѣ, или сдѣлавшаяся таковою ради цѣлей похищенія. Отсюда слѣдуетъ, что понятіе гражданскаго права о движимомъ имуществѣ не совпадетъ съ тѣмъ же понятіемъ права уголовного ²⁾). Въ правѣ гражданскомъ нѣтъ необходимости, чтобы юридическое дѣленіе имущества на недвижимыя и движимыя совпадало съ физическою неподвижностью или подвижностью вещей. И вещи, движимыя по своей природѣ, могутъ здѣсь быть отнесены къ недвижимымъ,

¹⁾ Неклюдовъ, *ibid.*, стр. 381; Фойницкій, Мошенничество, т. II, стр. 264; Гасманъ, *ibid.*, кн. II, стр. 38; *Contra*: Общегерманское уложеніе, § 246; Гуго-Мейеръ, *ibid.*, стр. 482. ²⁾ Бернеръ, *ibid.*, особ. часть, стр. 57; Меркель, *Rechtslexicon*, стр. 266; Гельшнеръ, *ibid.*, § 70, стр. 424; Неклюдовъ, *ibid.*, т. II, стр. 105; Таганцевъ, курсъ угол. права, вып. 1-й, 182; Тальбергъ, „Разбой и грабежъ“, 128--130; *Contra*, Фойницкій, *ibid.*, ч. II, стр. 25, 26, 28.

если законодатель какое либо опредѣленіе, касающееся недвижимаго имущества, распространить и на имущество движимое¹⁾. Такъ, между прочимъ, поступаетъ нашъ законодатель, относя нѣкоторыя движимыя вещи въ видѣ принадлежностей недвижимаго имущества къ сему послѣднему (т. X, ч. I, ст. 390). Но нельзя сказать, чтобы указанная судьба имущества, движимаго по своей природѣ, имѣла мѣсто и въ правѣ уголовномъ; въ правѣ гражданскомъ судьба принадлежности опредѣляется судьбою главнаго имущества²⁾. Въ правѣ уголовномъ принадлежность совершенно независима отъ главной вещи; имущество, движимое по своей природѣ или могущее сдѣлаться таковымъ, обсуживается, какъ движимое, безъ отношенія къ главному недвижимому имуществу. Въ правѣ гражданскомъ вопросъ о томъ, движима ли вещь, обсуждается, какъ съ точки зрѣнія ея природныхъ свойствъ, такъ и съ точки зрѣнія ея зависимаго положенія, какъ принадлежности; въ правѣ же уголовномъ этотъ вопросъ разрѣшается исключительно по соображеніямъ природныхъ свойствъ вещи и возможности ея передвиженія. Въ правѣ гражданскомъ дома, лавки, всякія строенія, слѣдовательно, и мельницы считаются недвижимыми имуществами по самому своему существу (т. X, ч. I, ст. 384). По смыслу приведенной статьи названныя строенія считаются недвижимыми имуществами сами по себѣ безъ отношенія къ такому фундаменту недвижимости, какъ земля. Другое дѣло въ правѣ уголовномъ. Въ послѣднемъ дома, мельницы, монументы и другія строенія должны считаться движимыми всякій разъ, какъ только человѣкъ ухитрится ихъ снести и присвоить³⁾.

§ 140. IV. *Предметъ кражи есть вещь*—предметъ матеріальный; воровство мыслей и правъ юридически не мыслимо. Воровство есть изытіе вещи изъ чужаго обладанія, слѣдовательно,—актъ физическій, предполагающій матеріальное воздѣйствіе на вещь; матеріальное же воздѣйствіе, отношеніе къ предмету отвлеченному, такому, какъ мысль, право, очевидно, невозможно, а потому невозможно и воровство мыслей или правъ. Отсюда слѣдуетъ, что выраженіе—литературная кража—не юридическое; слово „кража“ въ приведенномъ выраженіи есть не болѣе, какъ метафора, фигура,—результатъ стремленія человѣческаго ума обобщать наблюдаемыя явленія, вводитъ ихъ въ кругъ существующихъ понятій и окрещивать ихъ наличными терминами. Но эта метафора,

¹⁾ Мейеръ, Гражд. право, стр. 107. ²⁾ *ibid.*, 110. ³⁾ Бернеръ, *ibid.* Спасовичъ, О воровствѣ-кражѣ, Ж. М. Ю. 1859 г., августъ, стр. 4.

умѣстная въ разговорномъ, пожалуй, литературномъ языкѣ, не должна занимать мѣста въ языкѣ юридическомъ, гдѣ каждый терминъ долженъ соответствовать своему содержанію. Наше законодательство, по крайней мѣрѣ, Уложеніе не употребляетъ названнаго выраженія, относя посягательство на чужую мысль къ присвоенію ученой или художественной собственности (ст. 1683—1685). Но мысль можетъ быть запечатлѣна на матеріальномъ предметѣ, бумагѣ, доскѣ; въ этомъ случаѣ можно говорить о кражѣ, но о кражѣ того предмета, на которомъ запечатлѣна мысль и который чрезъ это получаетъ извѣстную имущественную цѣнность, а не о кражѣ самой мысли. Такимъ образомъ книга, рукопись, являются объектомъ кражи, какъ матеріальные имущественные предметы. Если же похититель затѣмъ отпечатаетъ украденную рукопись и будетъ ее распространять, то представится наличность двухъ преступленій—кражи и присвоенія чужой литературной собственности. Право, какъ отвлеченный предметъ, не можетъ быть объектомъ кражи, какъ сказано выше, но это право можетъ быть выражено на бумагѣ, доскѣ—въ видѣ векселя, росписки, вообще документовъ, такъ что въ случаѣ похищенія послѣднихъ похищается не право, а его матеріальный выразитель, если можно такъ выразиться; совершенное похищеніе будетъ кража документа. (Улож. ст. 1657).

Предметомъ кражи должна быть вещь не только, какъ таковая, но и какъ имущество. Уложеніе о наказаніяхъ (ст. 1644) называетъ кражею похищеніе чужихъ вещей или иного движимаго имущества. Имуществомъ въ смыслѣ юридическомъ называются внѣшнія блага, составляющія по отношенію къ личности человѣческой внѣшнюю ея принадлежность, внѣшнее ея дополненіе¹⁾. Но о внѣшнемъ благѣ можно говорить съ двухъ точекъ зрѣнія—субъективной и объективной. Съ субъективной точки зрѣнія благомъ можетъ быть названъ всякій предметъ обладанія, который въ силу какихъ бы то ни было причинъ правится или дорогъ извѣстному лицу. Значеніе объективнаго же блага въ такомъ случаѣ получаютъ только тѣ предметы, которые дороги, цѣнны для всѣхъ вообще. Съ какимъ же родомъ благъ имѣетъ дѣло право? Понятно, что право, охраняющее формы внѣшнихъ отношеній, беретъ подъ свою охрану лишь объективныя блага,—только блага, имѣющія объективную цѣнность, которыя представляются удобными для распознаванія, для признанія ихъ наличности; право не можетъ захва-

¹⁾ Побѣдоносцевъ, Курсъ Гражд. права, т. I, ч. I, стр. 1.

тывать въ свою область тѣ блага, вопросъ о наличности которыхъ разрѣшается на основаніи капризныхъ вкусовъ отдѣльныхъ лицъ, такъ-какъ въ противномъ случаѣ самое право стало бы зависимымъ отъ произвола, личнаго вкуса послѣднихъ. Право должно стоять выше личнаго вкуса отдѣльныхъ лицъ, оно можетъ охранять лишь тѣ блага, которыя имѣютъ объективную мѣру, поддаются объективному масштабу. Все, зависящее отъ личнаго произвола, личнаго вкуса, должно быть выброшено за бортъ въ силу того, что право есть институтъ общественный, который призванъ охранять лишь тѣ отношенія, которыя имѣютъ значеніе для общества, т. е. имѣютъ значеніе съ коллективной точки зрѣнія, а не съ точки зрѣнія однихъ личныхъ вкусовъ отдѣльныхъ лицъ. Въ обществѣ же объективнымъ средствомъ распознаванія наличности блага является экономическая цѣнность предмета обладанія, та цѣнность, которую онъ получаетъ въ экономическомъ оборотѣ вещей; отсюда самое юридическое понятіе блага имущества совпадаетъ съ понятіемъ экономической цѣнности предмета обладанія. Слѣдовательно, только тѣ предметы обладанія составляютъ имущество въ юридическомъ смыслѣ, которые имѣютъ экономическую цѣнность. А такъ-какъ экономическая цѣнность имѣетъ свое мѣрило въ деньгахъ, а деньги служатъ выраженіемъ цѣны вещей, то можно сказать, что только тѣ предметы обладанія составляютъ имущество лица въ юридическомъ смыслѣ, которые поддаются измѣренію на деньги ¹⁾. Такимъ образомъ цѣна наименьшаго денежнаго знака есть та минимальная объективная цѣнность, которая опредѣляетъ значеніе предмета обладанія, какъ имущества. А такъ-какъ предметомъ кражи является вещь, какъ имущество, то, значитъ, только тѣ вещи могутъ быть объектомъ кражи, которыя поддаются измѣренію на деньги ²⁾. Поэтому нельзя

¹⁾ Въ судебной практикѣ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствъ образовался обычай—не наказывать уголовно воровство, если цѣнность похищеннаго не представляетъ минимальнаго денежнаго знака, ходящаго въ странѣ; такъ практика Вюртембергскаго Обертрибунала требуетъ для состава воровства цѣнность не ниже крейцера (Эгиди, *das Verbrechen des Diebstahls*, стр. 45). По Саксонскому кодексу похищеніе вещей, неимѣющихъ мѣновой цѣнности, хотя и наказывается, но не какъ кража, а какъ преступленіе *sui generis* (арт. 330).

²⁾ Фойницкій, Мошенничество, ч. II, стр. 76; Неклюдовъ, Руководство, т. II, стр. 114; Меркель, *Rechtslexicon*, стр. 266; Contra, Гуго-Мейеръ, *ibid.*,

назвать кражей похищеніе спички, засохшаго листка дерева, горсти пепла и т. д., такъ-какъ эти предметы не поддаются измѣренію на деньги и не служатъ поэтому предметомъ имущественнаго оборота. Эти предметы и другіе, подобные имъ, съ нашей точки зрѣнія выходятъ изъ разряда объектовъ кражи, какъ бы они не были дороги для ихъ владѣльца; незначительный пучекъ волосъ изъ косы любимой женщины можетъ быть очень дорогъ для его владѣльца, но похищеніе его не составитъ кражи, такъ-какъ здѣсь нѣтъ имущества. Тѣмъ болѣе не можетъ быть кражи, когда „берется спичка, вдобавокъ обгорѣлая, но тщательно спрятанная,“ хотя г. Васильевъ и силится доказать противное.

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что мы рассматриваемъ кражу, какъ имущественное правонарушеніе, и понятіе „имущества“ отождествляемъ съ понятіемъ экономической цѣнности. На этомъ основаніи мы исключаемъ изъ числа объектовъ кражи всѣ такія вещи, которыхъ значеніе въ экономическомъ оборотѣ вещей равно нулю. Иначе поступаетъ наше законодательство. Уложеніе 1857 г. (ст. 2243) относило къ кражѣ, между прочимъ, похищеніе чужихъ бумагъ съ намѣреніемъ открыть какія либо семейственныя тайны и чрезъ то повредить чести и доброй славы какого либо лица, а Уложеніе 1866 г. вслѣдъ за Уложеніями прежнихъ редакцій относитъ къ кражѣ „похищеніе принадлежащихъ другому крѣпостей, межевыхъ плановъ, книгъ или другихъ какого либо рода актовъ, документовъ или бумагъ въ намѣреніи доставить себѣ или кому либо другому противозаконную выгоду.“ Очевидно, что законодатель не имѣлъ въ виду нормами о кражѣ охранить только отношенія имущественныя; клочки бумаги, на которыхъ запечатлѣна семейственная тайна, могутъ не имѣть никакой имущественной цѣнности; точно также и акты или бумаги, о которыхъ говоритъ 1657 ст. улож. о нак., могутъ быть лишены всякаго имущественнаго значенія, могутъ не играть никакой роли въ экономическомъ оборотѣ вещей, какъ напр. паспорта, дипломы, грамоты и другіе акты, удостоверяющіе права состоянія. А между тѣмъ похищеніе сихъ актовъ, если оно совершено съ намѣреніемъ доставить себѣ противозаконную выгоду, должно быть по силѣ 1657 и 1405 ст. улож. отнесено къ кражѣ, не смотря на то, что они не принадлежатъ къ числу предметовъ имущественнаго оборота. (Неклюдовъ, *ibid.*, т. II, стр. 214; 1870 г. № 290, 439; Васильевъ, Ученіе о кражѣ, Ж. Уг. и Гр. пр., 1874 г., кн. III, стр. 213, 215; Гельшперъ, *ibid.*, § 70.

Тимофеевой). Названные объекты преступнаго посягательства, а именно бумаги, на которыхъ запечатлѣны семейственныя тайны, а также акты, удостоверяющіе права состоянія, не должны имѣть мѣста въ отдѣлѣ о кражѣ не только потому, что онѣ часто не имѣютъ ровно никакой имущественной цѣнности, но также и потому, что въ фактѣ похищенія ихъ не достаетъ существеннаго условія понятія кражи, а именно, корыстнаго намѣренія присвоить чужое. Похищеніе сихъ предметовъ съ большимъ удобствомъ могло бы быть отнесено къ другимъ родамъ преступленій, а именно, похищеніе бумагъ съ намѣреніемъ путемъ разглашенія семейственныхъ тайнъ повредить чести и доброй славы даннаго лица къ преступленіямъ противъ чести, а похищеніе актовъ состоянія ¹⁾ къ преступленіямъ противъ правъ состоянія.

§ 141. Только что сказанное даетъ намъ понятіе о томъ, какія преступныя послѣдствія должны быть на сторонѣ потерпѣвшаго въ кражѣ. Преступныя послѣдствія на сторонѣ потерпѣвшаго могутъ представляться или въ видѣ *damnum emergens* или въ видѣ *lucrum cessans*. Перваго рода послѣдствія наступаютъ тогда, когда субъектъ нарушеннаго права претерпѣваетъ *вещественный ущербъ*, становится бѣднѣе вслѣдствіе изыятія одного или многихъ предметовъ изъ сферы его обладанія; втораго рода послѣдствія суть тѣ, которыя состоятъ лишь въ потерѣ извѣстной *выгоды*, не сопровождаемой вещественнымъ ущербомъ въ имуществѣ, напр. въ лишеніи возможности получать проценты, доходы съ похищеннаго имущества ²⁾. Какой изъ этихъ двухъ родовъ послѣдствій долженъ быть на сторонѣ потерпѣвшаго въ кражѣ? Характеръ объекта въ кражѣ требуетъ вещественнаго ущерба или убытка въ силу того, что такимъ объектомъ могутъ быть лишь тѣ вещи, которыя входятъ въ кругъ имущественнаго оборота, а слѣдовательно, составляютъ часть цѣнной сферы ихъ владѣльца, отчего потеря ихъ должна влечь для послѣдняго вещественный, матеріальный ущербъ. Конечно, съ вещественнымъ ущербомъ можетъ быть связана и потеря извѣстной выгоды, интереса, словомъ, того, что называется *lucrum cessans*, но эта потеря составляетъ дальнѣйшее послѣдствіе дѣянія, существенное значеніе для котораго имѣетъ лишь наличность *damnum emergens*.

¹⁾ Спасовичъ, *ibid.*, 37; Гасманъ, „По вопросу о кражѣ документовъ“, Суд. Журн. 1874 г., №№ 11—12, стр. 17. ²⁾ Мейеръ, Русское гражданск. право, стр. 176; Фойницкій, *ibid.*, стр. 68.

Но матеріальная потеря на одной сторонѣ для наличности понятія кражи должна сопровождаться прибылью на другой, т. е. на сторонѣ похитителя. Подъ прибылью на сторонѣ похитителя слѣдуетъ разумѣть пріобрѣтеніе въ захваченномъ предметѣ вещественной экономической цѣнности. Но вещественную, имущественную прибыль не слѣдуетъ смѣшивать съ выгодой, хотя бы то и имущественной. Подъ вещественной или имущественной прибылью мы разумѣемъ ту, которая на сторонѣ похитителя соотвѣтствуетъ *damnum emergens* въ лицѣ потерпѣвшаго; въ такомъ случаѣ выгода на сторонѣ похитителя вещи будетъ соотвѣтствовать *lucrum cessans* въ лицѣ потерпѣвшаго. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Петръ во время праздниковъ, въ самый разгаръ катанья, похищаетъ у Ивана санки; теряя санки, Иванъ несетъ *damnum emergens*—вещественный ущербъ, который на сторонѣ Петра является, какъ вещественная прибыль; но теряя тѣ же санки, Иванъ лишается того дохода, который онъ получилъ бы въ качествѣ извозчика на праздникахъ, или, что то же, несетъ *lucrum cessans*; эта *lucrum cessans* на сторонѣ Петра является, какъ имущественная выгода. Вотъ этой-то имущественной выгоды и слѣдуетъ избѣгать, говоря о прибыли на сторонѣ похитителя вещи, такъ-какъ объектъ кражи долженъ представлять имущественную цѣнность независимо отъ тѣхъ отдаленныхъ выгодъ, которыя изъ него можно извлечь примѣненіемъ личныхъ силъ, способностей, или случайными обстоятельствами. Вотъ почему нельзя не признать несостоятельной 1657 ст., относящую къ кражѣ, между прочимъ, похищеніе такого рода актовъ или бумагъ, которые сами по себѣ не представляютъ имущественной цѣнности, а потому способны доставить виновному не прибыль, а лишь „противозаконную выгоду,“ какъ выражается названная статья.

§ 142. Различаются различные роды имущества. Наше законодательство различаетъ имущества *наличныя* и *долговыя*. Наличнымъ имуществомъ законъ называетъ вещи и все то, что владѣльцу укрѣплено, передано или имъ самимъ произведено и за нимъ состоитъ, хотя бы состояло притомъ и въ спорѣ, доколѣ споръ окончательно не разрѣшенъ (т. X, ч. I, ст. 416). Къ составу наличныхъ имуществъ причисляются и тяжбы по онымъ, въ судебныхъ мѣстахъ производимыя (*ibid.*, ст. 417). Имуществомъ *долговымъ* называется такое, которое намъ принадлежитъ по договорамъ, заемнымъ письмамъ, векселямъ и всякаго рода обязательствамъ (*ibid.*, ст. 418). Къ составу долговыхъ имуществъ

принадлежать и иски наши на другихъ по имуществу (ст. 419). Какъ имущество наличное, такъ и долговое можетъ быть по нашему законодательству объектомъ кражи, не исключая тяжбъ и исковъ, какъ это слѣдуетъ изъ 1657 ст. улож. о нак., предусматривающей кражу документовъ или *бумагъ*, въ намѣреніи доставить себѣ противозаконную выгоду (см. также 1658 и 303 ст. улож.). Еще менѣе могутъ быть исключены изъ числа объектовъ кражи векселя, заемныя письма, вообще документы; ст. 402, Св. зак. гр. 1 ч. X т. относитъ векселя, закладныя и обязательства всякаго рода къ имуществамъ движимымъ, а кража по словамъ нашего закона есть ничто иное, какъ похищеніе того же движимаго имущества. Нѣтъ основанія исключать документы изъ числа объектовъ кражи на томъ основаніи, что эти документы могутъ служить выраженіемъ имущественныхъ правъ лица. Правда, право, какъ отвлеченный предметъ, не можетъ быть украдено; но здѣсь похищается не право, а матеріальный выразитель послѣдняго. Право, выражаемое въ матеріальномъ предметѣ, получаетъ конкретное, вещественное обозначеніе; посягая на послѣднее, лицо ставитъ себя въ матеріальную связь съ предметомъ посягательства, что и рождаетъ понятіе кражи. Матеріальный предметъ посягательства самъ по себѣ можетъ и не входить въ кругъ имущества въ юридическомъ или экономическомъ смыслѣ; клочекъ бумаги, на которомъ могла быть написана росписка, не составляетъ имущества, если не поддается денежной оцѣнкѣ; слѣдовательно, самъ по себѣ исключается изъ числа объектовъ кражи. Но тотъ же клочекъ бумаги, получивъ значеніе росписки, приобретаетъ экономическую цѣнность, становится имуществомъ, а слѣдовательно, является возможнымъ предметомъ посягательства вора; такимъ образомъ право, обозначаемое на клочкѣ бумаги, и послѣдній, какъ матеріальный предметъ, дополняютъ взаимно другъ друга въ дѣлѣ созданія понятія имущества; клочекъ бумаги представляетъ собою матеріальный предметъ, допускающій и матеріальное воздѣйствіе, необходимое для понятія кражи; право, выраженное на немъ, придаетъ ему значеніе имущества, мѣновой цѣнности, составляющей съ нашей точки зрѣнія также одно изъ условій кражи.

§ 143. Законодательство далѣе различаетъ имущество *мѣтливое* и *немѣтливое*. Къ первымъ законъ относитъ вещи, подлежащія скорой и легкой порчѣ, какъ напр. мѣховыя и другія платья, съѣстные припасы; ко вторымъ—вещи, не подлежащія скорому поврежденію, по

удобно и долго сохраняющіяся, какъ, на примѣръ, металлы, минералы ¹⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что оба названные вида имущества входятъ въ число объектовъ кражи; но нѣкоторые изъ нихъ допускаютъ въ этомъ случаѣ ограниченія, о коихъ нельзя умолчать. Между родами имущества, о которыхъ идетъ рѣчь, можно различать непотребляемыя вещи, употребленіе которыхъ независимо отъ потребленія и не состоитъ въ ихъ уничтоженіи, каковы мѣха, платья, драгоценныя камни. Посягательство на эти послѣднія имущества въ видѣ похищенія безъ воли хозяина не всегда рождаетъ понятіе кражи. Лицо можетъ похитить предметъ не съ цѣлью присвоенія, существенною для кражи, а съ цѣлью самовольнаго пользованія вещью; оно присваиваетъ себѣ не послѣднюю, а лишь пользованіе ею. Если же лицо посягаетъ на самую вещь, похищая ее, то это только потому, что безъ этого посягательства невозможно самое пользованіе вещью. Слѣдовательно, здѣсь похищается какъ-бы не самая вещь, а пользованіе ею; это будетъ ничто иное, какъ римское *furtum usus*. *Furtum usus*, какъ было сказано выше, исключается изъ понятія кражи, для наличности которой необходимо намѣреніе разрушить въ лицѣ хозяина вещи господство надъ послѣдней, исключить ее совершенно изъ этого господства. При отсутствіи такого намѣренія исчезаетъ понятіе кражи и можетъ идти рѣчь о самостоятельномъ проступкѣ, который Неклюдовъ предлагаетъ окрестить терминомъ самовольнаго пользованія ²⁾. Такой взглядъ не можетъ быть названъ чуждымъ современнымъ юридическимъ воззрѣніемъ народа, которыхъ нельзя игнорировать въ томъ случаѣ, если идетъ рѣчь о дѣяніи, существенно отличномъ по народнымъ юридическимъ воззрѣніямъ отъ кражи. Самовольное ношеніе прислугою платья своихъ хозяевъ, ѣзда на чужой лодкѣ безъ спроса, охота съ чужимъ ружьемъ, взятіе чужаго топора для рубки дровъ—дѣянія, которыя нигдѣ не клеймятся именемъ кражи. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно имущества потребляемыхъ, т. е. такихъ, употребленіе которыхъ состоитъ въ ихъ потребленіи, уничтоженіи, каковы съѣстные припасы, а также напитки, не принадлежащіе ни къ разряду тѣльныхъ, ни къ разряду нетѣльныхъ имущества. Посягательство на эти имущества, хотя и аналогичное по внѣшнему виду съ кражей, не всегда является именно таковой. Во первыхъ, понятіе кражи исчезаетъ при похищеніи назван-

¹⁾ Св. зак. гражд., т. X, ч. I, ст. 405. Мейеръ, *ibid.*, стр. 114.

²⁾ Руков., т. II, стр. 16 и 166.

наго имущества тогда, когда послѣднее теряетъ по незначительности количества или по другимъ причинамъ значеніе мѣрновой цѣнности, имущества. Такъ не будетъ кражей похищеніе пяти сѣмянъ подсолнечника или такого же числа штукъ простыхъ орѣховъ, такъ-какъ такое количество этихъ предметовъ не входитъ въ кругъ имущественнаго оборота, не является предметомъ купли, продажи и другихъ юридическихъ дѣлъ по имуществу. Во вторыхъ, не будетъ кражей похищеніе потребляемаго имущества и въ количествѣ, входящемъ въ кругъ имущественнаго оборота, если похититель имѣлъ основаніе думать, что хозяинъ вещи соглашается на похищеніе. Случаи похищенія по этимъ основаніямъ, остающіеся не только безъ всякихъ преслѣдованій, но и безъ выраженія претензіи хозяина къ правонарушителю, повседневны; сплошь и рядомъ бываетъ, что прислуга угощается долями кушаній господъ безъ явнаго разрѣшенія послѣднихъ. Не менѣе часто бываетъ похищеніе рабочими незначительныхъ частей матеріала хозяевъ, угощеніе сожителемъ даннаго лица своего знакомаго съѣстными припасами, папиросами, безъ воли собственника послѣднихъ, своего сожителя. Всѣ такіе и подобные случаи, въ которыхъ предполагается согласіе хозяина похищаемой вещи, не окрещиваются въ общежитіи позорнымъ именемъ кражи. Понятно, что и право обязано уважать обычныя правила общежитія, если оно не хочетъ стать силой, нарушающей строй общежитія. Что нельзя признавать кражи въ томъ случаѣ, когда похищающій потребляемыя вещи имѣетъ основаніе предполагать согласіе хозяина послѣднихъ,—это послѣдовательно вытекаетъ изъ высказаннаго выше положенія, что нѣтъ кражи, когда похититель bona fide думаетъ, хотя бы и ошибочно, что собственникъ соглашается или дастъ согласіе на похищеніе.

ГЛАВА II-я.

Преступная воля.

§ 144. Преступная дѣятельность лица, обвиняемаго въ кражѣ, уголовно-наказуема лишь тогда, когда подсудимый желалъ сознательно нарушить чужое имущественное право; послѣднее можетъ быть нарушено и помимо прямого, непосредственно на то направленнаго участія воли: чужая вещь можетъ быть захвачена по ошибкѣ вмѣсто своей,

чужой портабакъ по разсѣянности гостя можетъ попасть въ его карманъ и быть унесенъ,—всѣ такія и подобныя дѣянія, представляя формально-аналогичными кражѢ, совершенно чужды ей по существу. Въ этихъ дѣяніяхъ не достаетъ не только прямого умысла—совершить данное дѣяніе, но и той сѣра, той виновной неосмотрительности, того недостатка предвидѣнія, за которые лицо не можетъ не отвѣчать въ другихъ отношеніяхъ, кромѣ имущественныхъ, отношеніяхъ, признаваемыхъ для государства наиболѣе важными ¹⁾).

Такимъ образомъ кража есть и можетъ быть преступленіемъ только умышленнымъ; неосторожная кража, какъ уголовно-наказуемое дѣяніе, не мыслима. Этотъ взглядъ—общепризнанный въ теоріи и законодательствахъ.

Въ нѣкоторомъ противорѣчій съ только что сказаннымъ стоятъ рѣшеніе Сената по дѣлу Андреянова (1872 г. № 1196), гдѣ высказано, что тайное взятіе чужой вещи въ шутку безъ корыстной цѣли и удержаніе ея до возбужденія судебного преслѣдованія по способу совершенія своего характеризуется, какъ кража, но за отсутствіемъ умысла можетъ быть наказуемо только по 1 ч. 9 ст. устава о нак. Но это рѣшеніе несостоятельно уже въ силу путаницы его мотивовъ, ибо Сенатъ самъ замѣчаетъ, что въ существѣ тутъ представляется только самовольное владѣніе чужимъ движимымъ имуществомъ, т. е. дѣяніе, неимѣющее ничего общаго съ неосторожной кражей ²⁾).

§ 145. Но если въ теоріи и въ законодательствахъ существуетъ согласіе по данному вопросу, то никакъ нельзя этого же сказать относительно опредѣленій умышленной воли вора. Въ нашемъ законодательствѣ свойство намѣренія вора остается почти безъ всякаго опредѣленія; Неклюдовъ, не раздѣляя только-что высказаннаго взгляда, усматриваетъ опредѣленіе намѣренія вора въ словѣ „похищеніе;“ преступная воля, говоритъ онъ, въ кражѢ должна заключаться въ намѣреніи похитить чужую вещь, а похитить чужое значитъ присвоить его себѣ, поставить себя хозяиномъ на мѣсто прежняго владѣльца ³⁾. Не знаемъ, почему почтенный криминалистъ считаетъ слова „похитить“ и „присвоить“ синонимами; по словамъ самаго Неклюдова, похищеніе есть изыятіе вещи изъ владѣнія или обладанія ⁴⁾, а изыять предметъ изъ чужаго обладанія еще не значитъ его присвоить. Въ академиче-

¹⁾ Фойницкій, Мошенничество, часть II, стр. 192. ²⁾ Ср. Таганцевъ, *ibid.*, вып. 2-й, стр. 76 и 91. ³⁾ Руководство въ особ. части, т. II, стр. 110. ⁴⁾ *ibid.*

скомъ словарѣ слово „похищеніе“ передается выраженіями, означающими изъятіе, захватъ, но не замѣняется словомъ „присвоеніе.“ Опредѣляя „похищеніе,“ какъ изъятіе вещи безъ воли и согласія собственника ея или владѣльца, мы, конечно, не можемъ принять взгляда Неклюдова. Обращаясь затѣмъ въ теоріи за указаніями опредѣленій свойства намѣренія вора, находимъ, что и здѣсь въ этомъ отношеніи многое далеко неясно и несогласно. Долгое время давали намѣренію вора опредѣленіе, заимствованное у римскаго юриста Павла и выраженное въ словахъ: „*animus lucri faciendi*.“ Требованіе корыстнаго намѣренія, какъ существеннаго условія понятія кражи, до сихъ поръ остается во многихъ иностранныхъ законодательствахъ, какъ то: въ Брауншвейгскомъ 1840 г. § 213, Саксонскомъ 1855 и 1868 г. арт. 272, Тюрингенскомъ 1850 г. арт. 213, Баденскомъ 1845 г. § 376, Гамбургскомъ 1869 г. арт. 183. Въ другихъ же нѣмецкихъ кодексахъ умыселъ вора характеризуется намѣреніемъ противозаконнаго присвоенія; къ этой серіи кодексовъ принадлежатъ Ольденбургскій 1858 года § 198, Вюртембергскій 1839 г. арт. 316, Прусскій 1851 г. § 215 и Общегерманскій § 242. Разсмотримъ каждое изъ приведенныхъ опредѣленій свойства намѣренія вора. Опредѣленіе преступной воли послѣдняго, какъ намѣренія противозаконнаго присвоенія, хотя и признано въ нѣмецкихъ кодексахъ новѣйшей редакціи точнѣе исчерпывающимъ умыселъ вора, все же не можетъ удовлетворительно отвѣчать на вопросъ, почему одни случаи относятся къ кражѣ, другіе же должны быть оттуда исключены. Захватъ чужой вещи съ цѣлью самовольно удовлетворить себя по долговому обязательству, выданному хозяиномъ послѣдней, а также похищеніе чужой вещи съ оставленіемъ равноцѣнности обнимаются понятіемъ противозаконнаго присвоенія и, слѣдовательно, должны быть отнесены къ кражѣ. Изъ криминалистовъ, стоящихъ за опредѣленіе умысла вора, какъ намѣренія противозаконнаго присвоенія, совершенно послѣдовательно поступаютъ тѣ, которые приведенныхъ случаевъ не исключаютъ изъ понятія кражи ¹⁾. Но включая захватъ чужой вещи съ цѣлью самовольно удовлетворить себя по долговому обязательству, выданному хозяиномъ послѣдней, въ понятіе кражи, названные криминалисты вторгаются въ сферу самоуправства и безъ нужды суживаютъ область послѣдняго въ пользу кражи. Пришлось бы слишкомъ рѣзко игнорировать современныя юридическія воззрѣнія народа,

¹⁾ Гуго-Мейеръ, *ibid.*, стр. 446. Köstlin, *Abhandlungen*, стр. 244.

если бы, увлекшись послѣдовательнымъ проведеніемъ понятія противозаконнаго присвоенія, рѣшиться въ примѣрѣ, о которомъ только-что сказано, видѣть кражу. Кажется, это сознаетъ и Кестлингъ, который, относя самовольный захватъ чужой вещи съ цѣлью удовлетворенія по долговому обязательству къ кражѣ, считаетъ необходимымъ оговориться, что къ этой кражѣ почему то слѣдуетъ относиться снисходительно (ibid.). При редакціи Прусскаго Уложенія 1851 г. подымались совершенно основательныя возраженія, что при опредѣленіи умысла вора, какъ намѣренія противозаконнаго присвоенія, различіе воровства и самоуправства сглаживается. Но названное опредѣленіе удержалось потому, что хотѣли предотвратить возможныя недоразумѣнія и заблужденія, которыя могли повлечь за собою выраженіе „корыстное намѣреніе,“ а также потому, что думали предполагаемыя возраженія устранить тѣмъ, что ударили на противозаконность ¹⁾. Но „противозаконность“ присвоенія обща, какъ кражѣ, такъ и самоуправству; какъ тамъ, такъ и здѣсь лицо присваиваетъ себѣ вещь способомъ, запрещеннымъ закономъ, слѣдовательно, противозаконнымъ. Отсюда слѣдуетъ, что противозаконность присвоенія не можетъ быть названа характеристическимъ, отличительнымъ моментомъ намѣренія вора.

§ 146. Обратимся теперь къ опредѣленію умысла вора, какъ корыстнаго намѣренія. Въ умыслѣ вора можно различать два момента: 1) *намѣреніе* произвестъ преступную перемѣну въ мірѣ внѣшнемъ и 2) *мотивъ, цѣль*, для которой послѣдняя совершается. Въ уголовно-правовомъ отношеніи собственно только первый моментъ имѣетъ существенное значеніе, только онъ служитъ основаніемъ установленія виновности ²⁾. Что же касается втораго момента, мотива, цѣли, то онъ или совершенно безразличенъ въ уголовномъ отношеніи, или же имѣетъ вліяніе на увеличеніе или уменьшеніе степени виновности и наказуемости умысленныхъ преступленій. Имѣя такое относительное значеніе, цѣль, очевидно, не можетъ измѣнять сущности умысленныхъ правонарушеній; она не можетъ дѣяніе, имѣющее всѣ признаки кражи, лишить характера послѣдней. Отсюда слѣдуетъ, что при опредѣленіи свойства умысла вора не зачѣмъ обращаться къ побудительнымъ мотивамъ, цѣли преступника; необходимо только уловить характеръ умысла произвестъ извѣстную преступную перемѣну въ мірѣ внѣш-

¹⁾ Hälschner, ibid., стр. 442. ²⁾ Кистяковскій, Учебникъ уголовного права, § 192.

немъ. Но въ чемъ же заключается этотъ характеръ? Онъ состоитъ въ корыстномъ намѣреніи похищеніемъ движимой вещи присвоить себѣ чужое имущество безмездно. Пояснимъ наше опредѣленіе. Лицо, посягающее въ видѣ кражи на чужое имущество, всегда дѣйствуетъ въ корыстномъ намѣреніи, направленномъ на присвоеніе себѣ чужаго имущества; подъ присвоеніемъ въ кражѣ слѣдуетъ разумѣть *завладѣніе* чужимъ имуществомъ, *включеніе* чужой вещи въ составъ своего имущества или, что то же, имущественное обогащеніе въ лицѣ виновнаго. Присвоеніе слѣдуетъ отличать отъ простаго захвата вещи, дѣлаемаго съ намѣреніемъ повредить послѣднюю, такъ-какъ моментальный захватъ вещи, совершаемый съ послѣднимъ намѣреніемъ, не есть присвоеніе въ смыслѣ включенія чужой вещи въ составъ своего имущества, а потому и долженъ быть исключенъ изъ понятія кражи. Итакъ, намѣреніе вора должно быть направлено на присвоеніе чужаго имущества въ указанномъ смыслѣ; въ этомъ направленіи намѣренія вора на присвоеніе и заключается корыстный моментъ умысла въ кражѣ, отличающій ее отъ поврежденія чужой собственности. Что же касается отдаленныхъ побужденій вора, какъ то: желанія обогатиться, алчности, желанія оказать кому либо, находящемуся въ состояніи нужды, помощь,— всѣ эти побужденія, какъ сказано выше, безразличны для существа понятія кражи; поэтому воровство не исчезаетъ и въ примѣрѣ, часто приводимомъ криминалистами, а именно, если благочестивый Криспинъ украдетъ кожу у богатаго, чтобы подарить ее бѣдняку. Слѣдовательно, какъ-бы ни высокъ былъ мотивъ похитителя, сущность преступленія остается безъ измѣненія, хотя, разумѣется, чистыя высшія побужденія всегда должны видоизмѣнять наказуемость, понижая ее иногда до минимума. Для понятія кражи также безразлично, какъ долго лицо владѣло чужимъ имуществомъ; владѣніе можетъ продолжаться лишь нѣсколько моментовъ; лицо можетъ похитить чужую вещь и тотчасъ ее подарить другому, не измѣняя тѣмъ qualificacіи своего правонарушенія. Прежде чѣмъ подарить чужую вещь другому, похититель долженъ овладѣть вещью, поставить себя хозяиномъ на мѣсто прежняго владѣльца, другими словами присвоить себѣ вещь. Съ точки же зрѣнія присвоенія продолжительность владѣнія вещью не существенна. Но воръ долженъ имѣть корыстное намѣреніе присвоить себѣ чужое имущество; поэтому тамъ, гдѣ намѣреніе правонарушителя направлено не на присвоеніе, а на поврежденіе, понятіе кражи исчезаетъ, замѣняясь

понятіемъ поврежденія чужаго имущества. Для понятія же поврежденія чужаго имущества необходимо, чтобы умыселъ повредить относился къ самому моменту захвата чужаго имущества; поэтому, если этотъ умыселъ явился послѣ захвата чужаго имущества, если ему предшествовало корыстное намѣреніе присвоить вещь, исключавшее въ моментъ похищенія намѣреніе повредить, — нѣтъ основаній не видѣть въ такомъ случаѣ кражи ¹⁾. Но если намѣреніе присвоить вещь предшествовало намѣренію ее повредить, на лицо будетъ только одно преступленіе — кража, исключаящая поврежденіе чужаго имущества въ силу того, что дальнѣйшее отношеніе вора къ вещи относится уже къ послѣдствіямъ кражи.

Требованіе корыстнаго намѣренія присвоить себѣ чужое имущество, какъ необходимаго момента понятія кражи, высказывается и Правительствующимъ Сенатомъ, который, впрочемъ, корыстное намѣреніе часто смѣшиваетъ съ корыстною цѣлью (1872 г. № 1196 — Андреянова). Подобное же смѣшеніе корыстнаго намѣренія съ корыстной цѣлью находимъ и во взглядахъ редакторовъ устава о наказаніяхъ; послѣдніе, указывая на неточность опредѣленія кражи, содержащагося въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ, замѣчаютъ, что въ немъ, т. е. опредѣленіи кражи, упущено, между прочимъ, одно изъ самыхъ важныхъ условій, именно, совершеніе похищенія съ корыстною цѣлью, безъ чего оно и кражей считается не можетъ ²⁾.

Опредѣляя ближе свойство намѣренія вора, Сенатъ говоритъ, что оно заключается *въ желаніи присвоить себѣ похищенное* или распорядиться имъ, какъ своею собственностью, по своему усмотрѣнію (1871 г. № 43, Мессаромъ). Присоединяя сюда требованіе корыстнаго намѣренія, признаваемого Сенатомъ также необходимымъ для понятія кражи, получимъ, что и съ точки зрѣнія Сената умыселъ вора заключается въ корыстномъ намѣреніи присвоить себѣ чужое имущество. Но если корыстное намѣреніе присвоить чужое составляетъ отличительную черту кражи, то этого никакъ нельзя сказать о намѣреніи распорядиться чужою вещью, какъ своею собственностью. Намѣреніе распорядиться чужимъ имуществомъ свойственно не только вору, но и тому, кто повреждаетъ чужую вещь; справедливо поэтому замѣчаетъ Кѣстлинъ, что для умысла вора недостаточно одного намѣренія распоряжаться

¹⁾ Гуго-Мейеръ, *ibid.*, стр. 445. Гасманъ, Суд. Журн., кн. 11—12, стр. 21—22. ²⁾ Уставъ о наказ., изд. госуд. канцеляріи, прим. къ 169 ст.

вещью подобно собственнику, потому что въ такомъ случаѣ сюда слѣдовало бы относить и намѣреніе разрушить вещь ¹⁾). Сенатъ поступилъ бы, слѣдовательно, гораздо раціональнѣе, если бы отказался желаніе присвоить себѣ похищенное смѣшивать съ желаніемъ распоряжаться имъ, какъ своею собственностью.

§ 147. Изъ требованія для наличности кражи корыстнаго намѣренія присвоить себѣ чужое слѣдуетъ, что изъ понятія кражи должны быть исключены слѣдующіе случаи: 1) похищеніе чужой вещи въ шутку; кто беретъ чужую вещь съ цѣлью пошутить, очевидно, не имѣетъ корыстнаго намѣренія ее присвоить (Contra Сенатъ 1872 г. № 1196, — Андреенова); 2) похищеніе чужой вещи не съ намѣреніемъ присвоенія, а съ намѣреніемъ побудить собственника ея угостить водкой (дать могоарычъ) за указаніе мѣста, гдѣ она находится (1870 г. № 1546, Аггѣева); 3) похищеніе чужой вещи съ намѣреніемъ употребить ее въ пользу самаго же собственника. Случаи похищенія съ такою цѣлью чаще всего замѣчаются въ видѣ такъ называемой нѣмецкими криминалистами — Futter Diebstahl — т. е. въ видѣ кражи корма, когда, напримѣръ, кучеръ или кто либо другой изъ прислуги похищаетъ у хозяина сѣно или солому съ тѣмъ, чтобы накормить его скотъ. Несомнѣнно, что и въ этихъ случаяхъ абстрактное право чужой собственности нарушается, но для наличности кражи недостаетъ корыстнаго намѣренія присвоить себѣ чужое имущество, а для этого необходимо, чтобы потеря на одной сторонѣ представлялась прибылью въ видѣ полученія господства надъ чужимъ имуществомъ, включенія его въ составъ своего, на другой сторонѣ ²⁾). Въ случаяхъ же похищенія чужаго имущества съ намѣреніемъ употребить его въ пользу его хозяина, если и можно говорить о потерѣ на одной сторонѣ, то никакъ уже нельзя говорить о прибыли на другой. Редакторы устава о наказаніяхъ совершенно справедливо не видятъ въ названныхъ случаяхъ кражи; они говорятъ, что, если кто нибудь тайнымъ образомъ взялъ у расточителя деньги и помѣстилъ ихъ въ банкъ на его же имя, для избавленія его современемъ отъ нищеты, то такое дѣяніе не можетъ считаться кражею ³⁾). Прусское Уложеніе 1851 г. ⁴⁾ и Общегерманскій кодексъ 1871 г. ⁵⁾ относятъ случаи Futter Diebstahl къ полицейскимъ

¹⁾ Abhandlungen, стр. 243. ²⁾ Фойницкій, Мошенничество, ч. II, стр. 198. ³⁾ Изданіе госуд. канцеляріи, примѣч. къ ст. 169. ⁴⁾ § 349, п. 7. ⁵⁾ § 370, п. 6.

правонарушеніямъ—*Uebertretungen*—караемымъ или денежнымъ штрафомъ, или кратковременнымъ арестомъ.

Исключая похищеніе чужаго имущества съ намѣреніемъ обратить послѣднее въ пользу его хозяина изъ понятія кражи, нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Гельшперъ, въ согласіи съ мнѣніемъ Прусскаго Оберъ-трибунала, считаютъ нужнымъ оговориться, что случаи такого похищенія только тогда не объемлются понятіемъ кражи, когда дѣяніе совершенно безъ корыстнаго намѣренія. Они допускаютъ, что употребленіе корма, взятаго для скота собственника, можетъ быть сдѣлано съ корыстнымъ намѣреніемъ—обогатиться въ ущербъ обокраденнаго¹⁾. Не говоря уже о трудности представить себѣ возможность случаевъ похищенія чужаго имущества съ намѣреніемъ употребить послѣднее въ пользу его хозяина и вмѣстѣ съ корыстнымъ намѣреніемъ въ лицѣ похитителя,—отнесеніе подобныхъ случаевъ къ кражѣ, при требованіи отъ умысла вора—корыстнаго намѣренія присвоить себѣ чужое имущество—было бы логическимъ противорѣчіемъ. Намѣреніе употребить чужое имущество въ пользу его хозяина и корыстное намѣреніе присвоить себѣ то же чужое имущество—понятія, другъ друга взаимно исключаютъ. Поэтому мы никакъ не можемъ видѣть кражи въ случаяхъ *Futter-Diebstahl* и аналогичныхъ съ ними дѣяній²⁾; 4) похищеніе чужой вещи съ оставленіемъ ея равноцѣнности. При такомъ похищеніи также не достаетъ корыстнаго намѣренія присвоить себѣ чужое; понятіе корыстнаго намѣренія предполагаетъ безмездное похищеніе чужаго имущества; оно требуетъ матеріальной потери въ лицѣ хозяина вещи, представляемой прибылью на сторонѣ похитителя; при похищеніи же вещи съ оставленіемъ равноцѣнности хозяинъ получаетъ эквивалентъ за свое имущество, слѣдовательно, ничего не теряетъ. Въ этомъ случаѣ совершается не кража, а самовольная мѣна, психологическая сторона которой не совмѣщается, подобно самоуправству, всѣхъ условій, требуемыхъ воровствомъ. Но самовольная мѣна только тогда исключаетъ корыстное намѣреніе присвоить себѣ чужое, когда дѣйствительно въ замѣнъ похищаемой вещи оставляется равноцѣнность. Поэтому, если, похищая чужую вещь, лицо замѣняетъ ее своею, но худшаго качества, или вообще оставляетъ не равноцѣнность, а вещь нисшей цѣнности,—то нѣтъ основаній исключать понятіе кражи. Въ этомъ случаѣ на сто-

¹⁾ *System*, т. II, стр. 445. ²⁾ Гуго-Мейеръ, *ibid.*, стр. 448, прим. 15.

ронѣ хозяйна вещи происходитъ матеріальная потеря, представляемая прибылью на сторонѣ похитителя, что и требуется для наличности корыстнаго намѣренія присвоить себѣ чужое. Правительствующій Сенатъ также признаетъ въ тайномъ похищеніи чужой вещи съ замѣной ея своею, но худшаго качества, — кражу (1873 г. № 1004, Кордонскаго); б) похищеніе вещи съ намѣреніемъ временно попользоваться ею, при доказанности намѣренія возвратить ее обратно хозяину. Въ такомъ похищеніи нѣтъ намѣренія присвоить себѣ чужое, предполагающаго желаніе упразднить власть собственника надъ вещью, исключить послѣднюю изъ состава его имущества. Присвоить — значитъ сдѣлать вещь своею, наложить на ней печать своей личности, исключить всякое другое господство надъ вещью, равное господству лица, желающаго ее присвоить; другими словами, присвоить — значитъ чужое сдѣлать своею собственностью, хотя бы то на нѣсколько моментовъ¹⁾. Отсюда слѣдуетъ, что намѣреніе попользоваться временно вещью не равносильно намѣренію ее присвоить; намѣреніе попользоваться вещью вовсе не заключаетъ желанія упразднить всякую власть собственника надъ вещью; оно имѣетъ въ виду лишь временное ограниченіе этой власти, но не полную замѣну ея своею. На этомъ основаніи не будетъ кражей похищеніе чужой вещи съ намѣреніемъ отдать ее въ закладъ, на прокатъ и т. п.; такое похищеніе представляетъ собою не похищеніе вещи, а *furtum usus*, которое, какъ было уже сказано, исключается современными законодательствами и теоріей изъ понятія кражи. По своей природѣ оно подходитъ къ германскому преступному своеобытію — *Strafbarer Eigennutz* или къ нашему самовольному пользованію чужимъ имуществомъ²⁾. Наше уложеніе о наказаніяхъ относитъ закладъ *похищеннаго* имущества къ разряду преступленій и проступковъ по договорамъ и другимъ обязательствамъ (ст. 1705), угрожая лицу, похитившему чужое имущество и затѣмъ заложившему его, наказаніемъ, опредѣленнымъ въ ст. 1699—1701. Смыслъ 1701 ст. весьма теменъ и сбивчивъ, но, кажется, ближе къ истинѣ то толкованіе, которое говоритъ, что похитившій чужое имущество и затѣмъ заложившій его долженъ отвѣчать, во первыхъ, за то преступленіе, посредствомъ котораго виновный пріобрѣлъ чужое имущество, т. е. за кражу, а во вторыхъ, по 2 ч. 1699 ст., карающей продажу или залогъ принадлежащаго

¹⁾ См. Академическій словарь. ²⁾ Неклюдовъ, *ibid.*, т. II, стр. 19.

другому имуществу безъ особеннаго на то уполномочія или права¹⁾. Нисключовъ толкуеть 1705 и 1701 ст. Уложенія въ томъ смыслѣ, что по нимъ закладъ похищеннаго имущества наказывается, какъ пособничество въ томъ преступленіи, чрезъ которое имущество получено, безразлично, учиненъ ли закладъ самимъ похитителемъ или лицомъ постороннимъ (Руков., *ibid.*, стр. 20). Но редакторы проекта Уложенія прямо говорятъ, что они предполагали *не сравнивать* совершенно того, кто продасть (или заложить) вещь, украденную кѣмъ либо другимъ, отъ (?) того, кто продасть (или заложить) вещь, имъ самимъ похищенную (примѣч. къ ст. 2144).

ГЛАВА III-я.

Преступное дѣйствіе.

§ 148. Преступная дѣятельность вора по нашему уложенію о наказаніяхъ должна заключаться въ I) тайномъ II) похищеніи чужаго движимаго имущества (ст. 1644). Тайный способъ дѣйствія, какъ существенный признакъ кражи, есть продуктъ исторіи нашего права о воровствѣ; этотъ продуктъ исторіи принять безъ измѣненія и редакторами проекта Уложенія, не послѣдовавшими примѣру иностранныхъ законодательствъ, отказавшихся признавать тайный способъ дѣйствія существеннымъ элементомъ кражи. Мы видѣли въ исторической части своего изслѣдованія, что до изданія еще Свода законовъ была сдѣлана попытка ограничить понятіе кражи „похищеніемъ чужой вещи безъ согласія того, кому она принадлежитъ“ (Проектъ Уложенія 1813 г. § 523), но эта попытка осталась безъ послѣдствій. А между тѣмъ названная попытка могла бы быть на руку составителямъ проекта Уложенія 1845 г.; она бы избавила ихъ отъ необходимости выдѣлять, какъ они выражаются, „переходную ступень между дерзостнымъ съ насиліемъ или, по крайней мѣрѣ, явно совершаемымъ похищеніемъ и тѣмъ, которое совершается сокровенно, т. е. воровствомъ-кражей“ или, что то же, „открытое похищеніе какого либо имущества въ присутствіи самаго хозяина или другихъ лицъ“ изъ понятія кражи и создавать

¹⁾ Фойницкій, *ibid.*, 2 ч. стр. 113.

особый видъ грабежа. Созданіе втораго, ненасильственного вида грабежа повлекло за собою значителныя затрудненія въ дѣлѣ разграниченія понятій кражи и грабежа. Эти затрудненія легко избѣгаются въ системѣ иностранныхъ законодательствъ, противопоставляющихъ ненасильственное похищеніе, или кражу, насильственному, или грабежу. Желательно, чтобы дальнѣйшее направленіе нашего законодательства пошло по стези иностранныхъ.

§ 149. Разсмотримъ ближе составные элементы способа совершенія кражи по Уложенію.

1. *Тайное* похищеніе въ послѣднемъ, характеризующее кражу, противопоставляется *открытому*, требуемому понятіемъ грабежа. Понятно, что уясненіе понятія открытаго похищенія уважить тѣ черты, за предѣлами которыхъ останется похищеніе тайное. Такимъ образомъ мы должны прежде всего заняться уясненіемъ понятія грабежа втораго рода. Грабежемъ втораго рода Уложеніе называетъ открытое похищеніе какого либо имущества въ присутствіи самаго хозяина или другихъ людей. Изъ приведеннаго опредѣленія грабежа видно, что для наличности его нужны, между прочимъ, слѣдующія два условія: 1) открытое похищеніе и 2) въ присутствіи хозяина или другихъ людей. Такимъ образомъ одного похищенія въ присутствіи хозяина или другихъ людей недостаточно для понятія грабежа втораго рода; необходимо, чтобы самое похищеніе было открытое. Но что же слѣдуетъ понимать подъ выраженіемъ—открытое похищеніе? Открытое или явное похищеніе требуетъ для наличности своей слѣдующія два условія: 1) сознаніе хозяина вещи или постороннихъ лицъ, что вещь похищается, т. е. берется съ противозаконнымъ намѣреніемъ (1871 г. № 1417, Матузина; 1869 г. № 313, Земцова; 1873 г. № 980, Верчика) и 2) сознаніе виновнаго, что онъ совершаетъ видимое, явное для глазъ похищеніе ¹⁾ (Рѣш. Общ. Собр. 1874 г. № 19, Зыкова). Только при наличности этихъ двухъ условій можно сказать, что похищеніе совершено открыто, явно. Такимъ образомъ, различіе грабежа 2-го рода отъ кражи лежитъ не столько въ объективномъ, сколько въ субъективномъ составѣ упомянутыхъ преступленій. Последнее заключеніе основывается на томъ соображеніи, что законодателью незначѣмъ было бы прибавлять выраженіе „открытое“ похищеніе въ томъ случаѣ, когда бы онъ видѣлъ су-

¹⁾ Неклюдовъ, *ibid.*, т. II, стр. 617, Тальбергъ, *ibid.*, 166. Юрид. за-мѣтки, Ю. В. 1867—1868 г., кн. 3, стр. 75—80.

пественное условіе различія между грабежемъ 2-го рода и кражей въ одномъ только фактѣ присутствія при похищеніи хозяина или другихъ людей. Ему достаточно было бы въ этомъ послѣднемъ случаѣ назвать грабежемъ „похищеніе какаго либо имущества въ присутствіи самаго хозяина или другихъ людей.“ Отсюда слѣдуетъ, что выраженіе „открытое похищеніе“ употреблено не случайно, а потому оно и должно быть уяснено въ его истинномъ смыслѣ, который можетъ характеризоваться, согласно опредѣленію 1637 ст. улож. о нак., очевидно, не объективными моментами, а субъективными.

Суммируя названные элементы грабежа втораго рода, его можно опредѣлить, какъ самовольный захватъ чужаго движимаго имущества завѣдомо на глазахъ хозяина или постороннихъ лицъ, сознающихъ противозаконность захвата.

Послѣ сказаннаго не трудно опредѣлить черты, характеризующія понятіе тайнаго похищенія. Тайное похищеніе прежде всего требуетъ сознанія въ лицѣ похитителя, что имъ извлекается вещь изъ чужаго сохраненія невидимо для другихъ или, говоря иначе, тайное похищеніе требуетъ отсутствія сознанія въ похитителѣ, что вещь берется на глазахъ другихъ. Открытое похищеніе въ присутствіи хозяина или постороннихъ лицъ потому и возводится на степень болѣе тяжкаго преступленія, называемаго грабежемъ, что предполагаетъ *особенную дерзость* въ преступникѣ, рѣшающемся похитить вещь „явно въ глазахъ хозяина или свидѣтелей“ (1871 г. № 1159, Сухоручкина). Правительствующій Сенатъ совершенно вѣрно указываетъ на наличность сознанія въ похитителѣ, что онъ похищаетъ вещь завѣдомо на глазахъ хозяина или постороннихъ свидѣтелей, какъ на *conditio sine qua non* понятія грабежа; похищеніе денегъ, говоритъ Сенатъ, въ глазахъ ихъ хозяина и въ присутствіи постороннихъ свидѣтелей можетъ быть признаваемо грабежемъ лишь въ томъ случаѣ, когда виновный сознавалъ, что хозяинъ имущества и постороннія лица могли видѣть его дѣяніе (Рѣш. Общ. Соб. 1874 г. № 19, Зыкова). При отсутствіи названнаго сознанія необходимо рождается понятіе кражи, хотя бы преступникъ сознавалъ, что онъ *легко можетъ быть замѣченъ*. Это послѣднее обстоятельство можетъ усиливать вину вора, но не превращать дѣяніе въ понятіе грабежа. Согласно съ этимъ нашъ законъ признаетъ похищеніе въ многочисленныхъ собраніяхъ кражей, а не грабежемъ, но кражей, влекущей болѣе тяжкое наказаніе (Улож. ст. 1659, п. 6; Уст. о наказ., ст. 170, п. 6).

Такимъ образомъ одно только сознаніе хозяина вещи или другихъ лицъ, что совершается актъ противозаконнаго похищенія послѣдней, не обращаетъ дѣянія въ грабежъ при отсутствіи указаннаго выше сознанія въ лицѣ похитителя. На этомъ основаніи не будетъ кражей похищеніе, совершаемое ночью, когда хозяинъ не спитъ, но изъ боязни или по другимъ причинамъ сохраняетъ молчаніе; если бы потомъ хозяинъ схватился съ постели и словилъ вора, то характеръ дѣянія, какъ кража, очевидно отъ этого не измѣнится. Точно также будетъ кража, а не грабежъ, если воръ въ церкви или другомъ многолюдномъ собраніи запускаетъ въ карманъ какой либо дамы руку съ цѣлью захвата портмоне или какой либо другой вещи, и дама изъ опасенія шума, скандала или по другимъ соображеніямъ ничѣмъ не обнаруживаетъ сознанія происходящаго, такъ-что воръ bona fide думаетъ, что жертва преступленія не сознаетъ послѣдняго; будетъ кража, а не грабежъ, въ снятіи часовъ съ охмѣлѣвшаго лица, когда притомъ признано, что виновный не предполагалъ, что жертва преступленія сознаетъ совершаемое похищеніе (1868 г. № 186—Пановой); будетъ кража, а не грабежъ, во взятіи вещи, хотя въ присутствіи свидѣтеля, но такого, который случайно для виновнаго находился на мѣстѣ преступленія и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ послѣдняго, такъ-что обвиняемый могъ и не знать, что онъ совершаетъ преступленіе въ присутствіи свидѣтеля (1871 г. № 1159, Сухоручкина). Понятіе кражи не исчезнетъ и тогда, если потерпѣвшіе въ приведенныхъ примѣрахъ подымутъ крикъ, а виновникъ преступленія прекратитъ свое дѣяніе. Оно исчезнетъ лишь тогда, когда названный виновникъ, не смотря на крикъ потерпѣвшаго, на требованіе прекратить похищеніе, или не смотря на иной какой либо способъ явнаго для преступника обнаруженія сознанія происходящаго потерпѣвшими, будетъ продолжать свое преступное дѣло. Въ этомъ случаѣ похищеніе начинается кражей, а оканчивается грабежемъ; послѣдній же, какъ болѣе тяжкій видъ похищенія чужаго имущества, поглощаетъ кражу, менѣе тяжкій видъ того же похищенія. Послѣдняя исчезаетъ въ первомъ подобно тому, какъ менѣе тяжкое убійство (Улож. ст. 1478) должно исчезнуть въ болѣе тяжкомъ (ст. 1477), если они нанесены въ одно время или въ продолженіе одного и того же дѣйствія.

§ 150. Открытый захватъ чужаго имущества, предполагающій особенную дерзость въ виновникѣ, очевидно, не можетъ быть принимаемъ въ томъ случаѣ, когда похищеніе совершается въ присутствіи

лицъ, лишенныхъ сознанія происходящаго. Очевидцы похищенія должны не только сознавать актъ похищенія, но и то, что вещь берется противозаконно, безъ воли и согласія хозяина послѣдней. Такого сознанія недостаетъ въ лицѣ, находящемся въ безчувственно пьяномъ состояніи, въ ребенкѣ первыхъ годовъ, въ сумасшедшемъ, идиотѣ, не доразвившемся до понятія о моемъ и твоёмъ, въ больномъ, находящемся въ точно доказанномъ припадкѣ умонзступленія или совершеннаго безпамятства, въ лунатикахъ, дѣйствующихъ въ припадкахъ своего нервнаго расстройства безъ надлежащаго разумѣнія, словомъ, во всѣхъ тѣхъ лицахъ, которыя въ моментъ похищенія лишены яснаго сознанія происходящаго. Совершая похищеніе въ виду такихъ лицъ, виновный вовсе не обнаруживаетъ особенной дерзости, предполагаемой открытымъ похищеніемъ, а потому не можетъ быть и признанъ виновнымъ въ грабежѣ. При этомъ безразлично, знаетъ ли похититель, что лицо находится въ состояніи безсознательномъ, или не знаетъ; коль скоро для понятія грабежа, какъ открытаго похищенія, необходимо сознаніе хозяина вещи или другихъ лицъ, что вещь похищается противозаконно, то понятно, что при отсутствіи этого сознанія понятіе грабежа исчезаетъ. Нельзя серьезно говорить о наличности особенной дерзости въ ворѣ, похищающемъ чужія вещи на глазахъ идиота, бессмысленно и тупо смотрящаго на происходящее и необнаруживающаго ни однимъ движеніемъ желанія остановить преступленіе, хотя бы воръ и не зналъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, лишеннымъ разсудка. Правительствующій Сенатъ также не находитъ возможнымъ признавать грабежъ въ похищеніи, совершаемомъ въ присутствіи лица, потерявшаго сознаніе. Такой взглядъ Сенатъ успѣлъ высказать въ отношеніи кражи, совершаемой въ присутствіи лицъ, находящихся въ безчувственно-пьяномъ состояніи, а также въ состояніи сна, распространивъ его вообще на лицъ, находящихся въ безсознательномъ состояніи (Рѣш. Общ. Собр. 1874 г., № 19, Зыкова; *ibid.*, 1870 г., № 114, Котлова).

Понятіе кражи, какъ сказано, исчезаетъ, если хозяинъ вещи или постороннія лица сознаютъ актъ похищенія, а также и то, что вещь берется противозаконно. Сознаніе хозяина вещи и постороннихъ лицъ должно относиться къ самому моменту совершенія похищенія, а не къ послѣдующему времени, такъ-какъ въ послѣднемъ случаѣ сознаніе касается послѣдствій дѣянія, а не самаго дѣянія. Этотъ взглядъ раздѣляется и Сенатомъ, высказавшимъ, что названное сознаніе должно

существовать въ самый моментъ похищенія; если же владѣлецъ вещи узнать о похищеніи только тогда, когда вещь перешла во владѣніе похитителя, то, хотя бы это было и немедленно послѣ совершенія похищенія, дѣяніе должно быть почитаемо кражею, а не грабежомъ (1869 г. № 313, Земцова). На этомъ основаніи Сенатъ призналъ кражу въ похищеніи часовъ изъ кармана въ церкви въ то время, какъ владѣлецъ ихъ прикладывался къ образу, но замѣтилъ или узналъ о похищеніи часовъ только тогда, когда они перешли во владѣніе похитителя (*ibid.*). На томъ же основаніи должны быть разрѣшаемы въ смыслѣ кражи и случаи внезапныхъ похищеній, когда хозяинъ вещи замѣчаетъ преступленіе уже послѣ его совершенія. Такимъ образомъ срываніе съ головы шапокъ, о которомъ упоминается, какъ мы выше видѣли, въ Уложеніи 1649 г., срываніе платковъ, внезапное похищеніе съ вожовъ, выставокъ, прилавокъ находящихся тамъ вещей, сопровождающееся послѣдующимъ бѣгствомъ, немедленнымъ удаленіемъ, должны рассматриваться, какъ кража, а не какъ грабежъ ¹⁾.

§ 151. Для наличности грабежа требуется, чтобы хозяинъ вещи или постороннія лица, присутствующія при похищеніи, сознавали, что вещь берется не въ силу какого либо права, а вопреки послѣднему, противозаконно. При отсутствіи этого условія является понятіе кражи. Въ такомъ же смыслѣ высказался Сенатъ, нашедшій, что для наличности открытаго похищенія чужаго имущества необходимо, чтобы лицо, потерпѣвшее отъ похищенія, сознавало, что похититель не имѣетъ никакого права на похищаемую вещь, и допускало это похищеніе невольно, или же не имѣя возможности препятствовать похищенію (1869 г. № 313, Земцова). Въ другомъ своемъ рѣшеніи Сенатъ высказалъ, что для понятія грабежа требуется, чтобы собственникъ, владѣлецъ имущества, или находящіеся при томъ свидѣтели въ моментъ перехода имущества въ руки похитителя сознавали, что это имущество незаконно переходитъ въ обладаніе другаго, противъ воли собственника или владѣльца (1871 г. № 1417, Матузина). Поэтому тамъ, гдѣ это сознаніе отсутствуетъ, гдѣ присутствующія постороннія лица не знаютъ, принадлежитъ ли похищаемое имущество виновному или другому лицу, — можетъ быть рѣчь лишь о кражѣ, а не о грабежѣ. Согласно съ симъ

¹⁾ Неклюдовъ, *ibid.*, стр. 620—621; contra Тальбергъ, *ibid.*, 163—165, а также Сенатъ (1870 г. № 46, Епифановъ; 1872 г. № 792, Деялешева).

Сенатъ призналъ, что одно присутствіе или содѣйствіе рабочихъ при взятіи чужаго имущества не уничтожаетъ понятія тайнаго похищенія, такъ-какъ имъ могло быть неизвѣстно, что взятая вещь имѣютъ совершенно не того хозяина, который распоряжался ихъ дѣйствіями (1870 г. № 1053, Савельева). Равнымъ образомъ нельзя видѣть грабежа и въ томъ случаѣ, если похититель, захватывая вещь въ присутствіи другихъ, объявляетъ, что онъ беретъ вещь чужую, но беретъ ее только по необходимости, напр. по невозможности отдѣлить ее отъ другой вещи; допущеніе постороннихъ лицъ увести вещь, разумѣется, не вынужденное насиліемъ, угрозами, можетъ быть въ этомъ случаѣ принимаемо, какъ выраженіе согласія на похищеніе, а согласіе на похищеніе уничтожаетъ понятіе грабежа, точно такъ же, какъ и понятіе кражи. Если лицо захватываетъ вещь безъ намѣренія противозаконно присвоить вещь, то для наличности названныхъ преступленій недостаетъ еще свойства намѣренія, требуемаго послѣдними (1871 г. № 43, Мессарошъ). Если же лицо, захватывая вещь, объявляетъ присутствующимъ постороннимъ лицамъ, что оно беретъ ее въ интересахъ хозяина вещи, напр. съ цѣлью сохраненія ея отъ порчи, а между тѣмъ похищеніе дѣлается съ цѣлью присвоенія, то рождается понятіе мошенничества, такъ какъ лицо достигаетъ похищенія чужаго имущества при посредствѣ обмана (1871 г. № 1406, Грузнева). Неклюдовъ не соглашается видѣть въ послѣднемъ случаѣ мошенничество, и, не представляя доказательствъ, относитъ данное дѣяніе то къ кражѣ, то къ присвоенію ввѣреннаго (?) свидѣтелями¹⁾.

§ 152. II. *Похищеніе*. Похищать значитъ брать тайно, хищнически, захватывать²⁾; отсюда похищеніе есть изъятіе вещи изъ чужаго обладанія, безъ воли или согласія собственника вещи или ея владѣльца, сопровождающееся фактическимъ упраздненіемъ чужаго сохраненія. Похищеніе есть то дѣяніе, вслѣдствіе котораго на сторонѣ прежняго хозяина или владѣльца вещи теряется фактическое держаніе послѣдней и замѣняется обладаніемъ, хотя бы очень кратковременнымъ, въ лицѣ виновнаго. Кѣмъ производится процессъ изъятія вещи изъ чужаго обладанія, самимъ ли виновнымъ, или же другимъ лицомъ, играющимъ роль лишь орудія, — безразлично для понятія похищенія; поэтому если А удастся изъять вещь изъ обладанія Б чрезъ посредство ребенка,

¹⁾ Руководство, т. II, стр. 620. ²⁾ См. Академическій словарь.

исполнившаго тайкомъ свою роль, похищеніе будетъ на лицо, а вмѣстѣ съ нимъ и кража. Роль безотвѣтственнаго орудія могутъ играть не только невмѣняемые субъекты, какъ дѣти, сумасшедшіе и т. п., но и взрослые, правоспособныя лица. Послѣднія могутъ быть орудіемъ похищенія, не отрицающимъ предъ закономъ, въ томъ случаѣ, если они, похищая вещь, добросовѣстно думаютъ, что она принадлежитъ тому, отъ кого исходитъ порученіе взять вещь; такъ въ дѣлѣ Савельева Псковскій Мировой сѣздъ, а за нимъ Сенатъ признали виновнымъ въ кражѣ лишь названнаго Савельева, по порученію котораго рабочіе перетаскивали съ берега чужія бревна, но не самихъ рабочихъ, которымъ могло быть и неизвѣстно, какъ выражается Сенатъ, что означенныя бревна не принадлежали Савельеву (1870 г. № 1053). Не нужно, чтобы лица, играющія роль орудія похищенія, перенесли вещь въ сохраненіе виновнаго; похищеніе будетъ и въ томъ случаѣ, если виновный обманомъ третьяго лица достигъ того, что этотъ послѣдній унесъ чужую вещь къ себѣ¹⁾; напр. А, заявляя, что данная вещь, принадлежащая С, его собственная, предлагаетъ В взять ее въ уплату своего долга; послѣдній беретъ вещь безъ вѣдома и согласія хозяина ея, добросовѣстно вѣря, что хозяинъ вещи А. Здѣсь В является орудіемъ похищенія вещи изъ обладанія С и, такъ какъ это похищеніе совершено тайно, т. е. безъ вѣдома и согласія хозяина вещи, а не съ помощью обмана послѣдняго, то и слѣдуетъ актъ похищенія разсматривать, какъ кражу. Орудіемъ похищенія могутъ быть не только люди, но и животныя; такъ лошадь, пасущаяся въ лѣсу, можетъ сыграть эту роль такимъ образомъ: хозяинъ ея запрягаетъ ее въ чужой возъ, наполненный дровами, и, ударивъ батономъ, оставляетъ ее на произволъ судьбы: лошадь привозитъ дрова въ дворъ своего хозяина. Такъ, обученная носить разныя вещи собака можетъ, по приказанію хозяина, схватить чужую вещь и принести въ жилище послѣдняго или доставить въ его руки.

Похищеніе означаетъ, какъ было сказано, изытіе вещи изъ чужаго обладанія безъ воли собственника ея или владѣльца; похищеніе, такимъ образомъ, предполагаетъ прежде всего нахожденіе вещи въ обладаніи другаго. Отсюда слѣдуетъ, что понятіе похищенія не обнимаетъ всѣхъ способовъ противозаконнаго пріобрѣтенія чужаго движимаго имущества, какъ то думаетъ Сенатъ (1871 г. № 638, Апчабадзе).

¹⁾ Гуго-Мейеръ, *ibid.*, стр. 449. Неклюдовъ, *ibid.*, т. II, стр. 110.

Сюда не подойдутъ, въ первыхъ, тѣ способы противозаконнаго приобрѣтенія чужаго имущества, которые имѣютъ дѣло съ вещами, уже находящимися въ рукахъ приобрѣтателя, таковы — присвоеніе или растрата, а во вторыхъ, тѣ, посредствомъ которыхъ приобрѣтается имущество, не находящееся въ чужомъ чѣмъ либо обладаніи, какъ напр. самовольная охота, рыбная или иная ловля на чужихъ земляхъ или въ чужихъ лѣсахъ, водахъ (Уст. о нак. 146 ст.), находка и т. п. Кромѣ того подѣ понятіе похищенія въ строгомъ смыслѣ этого слова не подойдетъ и мошенничество, при которомъ приобрѣтается вещь съ воли и согласія собственника ея или владѣльца, воли или согласія, существующихъ въ моментъ перехода имущества изъ рукъ въ руки. Правда, законъ нашъ опредѣляетъ мошенничество, какъ похищеніе чужаго движимаго имущества посредствомъ обмана, но употребленіе слова „похищеніе“ въ приведенномъ опредѣленіи представляется не болѣе, какъ неточностью выраженія, такъ какъ въ слѣдующихъ статьяхъ о мошенничествѣ названное слово замѣнено другими ¹⁾. „Похищеніе“ въ техническомъ смыслѣ въ мошенничествѣ тѣмъ болѣе неумѣсто, что для понятія названнаго преступленія не требуется, чтобы похищаемое имущество не находилось въ рукахъ виновнаго; мошенничество возможно и относительно имущества, находящагося въ обладаніи послѣдняго.

Способы похищенія въ кражѣ могутъ быть самые разнообразныя, такъ что перечислить ихъ всѣ нѣтъ возможности. Самые типическіе способы похищенія, чаще всего попадающіеся въ судебныхъ процессахъ, слѣдующіе: захватъ вещи и приведеніе ея въ тѣлесную связь съ личностью (1868 г. № 274, Чернытина; 1870 г. № 134, Арсеньева), уносъ и увозъ вещи, угонъ чужаго скота (1870 г. № 336, Дмитріева). Возможно также совершеніе похищенія посредствомъ переливанія жидкости изъ чужаго сосуда въ свой (1869 г. № 251, Бурмистрова), при чемъ похищеніе не исчезаетъ если это переливаніе сдѣлано искусственно, чрезъ проведеніе трубы къ чужому водопроводу. Похищеніе можно представить себѣ и въ видѣ проведенія свѣтильнаго газа или какого либо другаго, эксплуатируемаго съ помощью труда человѣка, изъ чужаго хранилища въ свое. Похищеніе также можетъ быть совершено посредствомъ переложенія вещи изъ чужаго хранилища или сохраненія въ свое какъ напр. переложеніе прислугой денегъ изъ шкатулки

¹⁾ Фойницкій, Мошенничество, т. II, стр. 183—184.

хозяина въ свою съ цѣлью присвоенія, переложеніе сѣна или хлѣба изъ чужаго воза въ свой, или же прямо съ поля (1871 г. № 853, Большакова) и т. д.

ГЛАВА IV.

Осуществленіе воли въ дѣйствіи.

§ 153. Преступная воля субъекта прежде своего осуществленія проходитъ обыкновенно рядъ предшествующихъ стадій своей реализаціи, между которыми различаются умыселъ, приготовленіе и покушеніе. Изъ этихъ трехъ стадій реализаціи воли во внѣшнемъ мірѣ ближе всѣхъ другихъ къ моменту осуществленія воли, или совершенія преступленія, подходитъ покушеніе. Въ преступленіи кражи оба названные момента осуществленія воли во внѣшнемъ мірѣ—покушеніе и совершеніе—представляются часто столь тѣсно связанными, что, кажется, нигдѣ не встрѣчается такихъ затрудненій въ дѣлѣ разграниченія ихъ другъ отъ друга. Наука, пытавшаяся разрѣшить эти затрудненія, создала три различныя теоріи: теорію прикосновенія, теорію завладѣнія и теорію уноса. Въ основаніе каждой изъ этихъ трехъ теорій положена ближайшая или дальнѣйшая стадія осуществленія одной и той же преступной воли во внѣшнемъ мірѣ. Ближайшую стадію осуществленія воли владетъ въ свое основаніе теорія прикосновенія (*Contrectations-theorie*); эта теорія, получивъ свое начало въ опредѣленіи воровства римскимъ юристомъ Павломъ—*furtum est contrectatio rei fraudulosa*, относитъ моментъ совершенія кражи къ моменту прикосновенія преступника къ вещи, которую онъ намѣренъ былъ украсть. Эта теорія въ настоящее время оставлена, какъ криминалистами, такъ и законодательствами, какъ такая, которая моментъ совершенія кражи сливаетъ съ областью покушенія. Въ самомъ дѣлѣ, одно прикосновеніе лица къ вещи есть лишь часть тѣхъ дѣйствій, которыя входятъ въ составъ кражи, часть тѣхъ дѣйствій, посредствомъ которыхъ послѣдняя совершается; это есть не болѣе, какъ *начало* исполненія, характеризующее моментъ покушенія. Если мы къ этому прибавимъ, что при одномъ прикосновеніи лица къ вещи представляется полное отсутствіе того результата, къ которому стремится воръ, то получимъ наличность признаковъ, присущихъ покушенію, а не совершенію¹⁾. Кромѣ того, нельзя не замѣ-

¹⁾ Бистяковскій, Учебникъ угол. права, стр. 174.

тить, что, принявъ теорію прикосновенія, пришлось бы нерѣдко видѣть совершенную кражу тамъ, гдѣ лицо даже не имѣетъ возможности похитить вещь; напр. воръ пытается стащить наковальню, прикрѣпленную къ полу; по теоріи прикосновенія злоумышленникъ долженъ быть наказанъ за совершеніе кражи (!) наковальни потому только, что онъ къ ней прикоснулся. Несостоятельна также теорія уноса (*Amotions oder Ablations—theorie*), отодвигающая моментъ совершенія въ область преступныхъ послѣдствій дѣянія. Эта теорія, опирающаяся на этимологическое происхожденіе слова *furtum*—*Furtum ab auferendo*—говорятъ Институты (*Chauveau et Hélie, ibid., т. VI, стр. 547*), относитъ моментъ совершенія кражи къ моменту уноса преступникомъ вещи. Родившись, подобно теоріи прикосновенія, не изъ духа, не изъ общаго смысла понятій римскаго права о кражѣ, а изъ буквы (*ibid.*), теорія уноса отличается такой же шаткостью, какъ и предшествующая теорія. Уносъ вещи есть дѣятельность, относящаяся не къ совершенію кражи, а, какъ было сказано, къ области преступныхъ послѣдствій дѣянія; уносъ вещи, по справедливому замѣчанію Сената, служитъ только для избѣжанія опасности быть пойманнымъ и для извлеченія пользы изъ украденнаго (1868 г. № 274, Черныгина). Слѣдуя этой теоріи, пришлось бы, вопреки здравому смыслу, не видѣть совершившейся кражи въ похищеніи денегъ изъ чужаго кармана въ толпѣ, когда эти деньги положены воровъ въ свой карманъ, но не унесены, а также въ похищеніи чужой вещи, когда вору почему либо не удалось унести вещь за порогъ дома. Кромѣ того, принятіе теоріи уноса грозило бы большими затрудненіями по пространственному, если можно такъ выразиться, вопросу объ уносѣ. Въ самомъ дѣлѣ, съ какого пространства, пройденнаго воровъ, слѣдовало бы считать наличность уноса: тогда ли, когда воръ сдѣлалъ шагъ или сажень или версту, тогда ли, когда воръ переступилъ черезъ порогъ комнаты, дома или черезъ предѣлъ воротъ двора? Ближе къ истинѣ третья теорія—теорія завладѣнія, которой держатся почти всѣ криминалисты, а также и законодательства, высказывающіяся по вопросу о совершеніи кражи (Баварское Уложеніе 1813 г. арт. 210, Вюртембергское—1839 г. арт. 317, Саксонское—1868 г. арт. 273). (*Apprehensions—theorie*). Эта теорія беретъ въ основаніе среднюю между прикосновеніемъ и уносомъ стадію осуществленія воли во вѣншемъ мірѣ, именно, моментъ завладѣнія, фактическаго захвата вещи. По этой теоріи воровство должно считаться совершив-

нимся, какъ только воръ поставилъ себя въ тѣлесную связь съ вещью на мѣсто прежняго ея хозяина или владѣльца, пзъявъ такимъ образомъ вещь изъ владѣнія послѣдняго, лишивъ его такового ¹⁾. Одного прикосновенія къ вещи, вложенія руки на нее недостаточно для бытія кражи; необходимо взятіе вещи съ мѣста, сопровождающееся разрушеніемъ чужаго владѣнія, сохраненія, хотя бы воръ и не успѣлъ унести вещь. Поэтому не только тѣ дѣйствія должны разсматриваться, какъ входящія въ составъ совершенной кражи, посредствомъ которыхъ лицо прикрываетъ вещь, скрываетъ ее отъ посторонняго взгляда, какъ напр. вложеніе похищенной вещи въ карманъ но и тѣ, которыя, не будучи таковыми, однако представляются приготовительными для уноса, если только они уже окончены, т. е. если напр. похищаемая вещь положена въ корзину, связана въ узелъ и т. п. ²⁾. Но если дѣйствія приготовительныя для уноса, еще совершаются, а не совершились, то нѣтъ и оконченой кражи, такъ какъ ими лишь продолжается приведеніе злаго намѣренія въ исполненіе (Уложеніе, ст. 9). Поэтому пока вещь кладется въ корзину, на возъ, вбрасывается въ узелъ—на лицо лишь ближайшій моментъ осуществленія умысла вора—покушеніе, а не дальнѣйшій—совершеніе. Совершеніе начинается съ того момента, когда сдѣлано все для уноса или увоза вещи, или, говоря словами Сепата, когда похищенные вещи изъ владѣнія хозяина ихъ перешли на самомъ дѣлѣ во владѣніе похитителя или, по крайней мѣрѣ, были поставлены въ такое положеніе, что по понятію о правѣ собственности на движимыя имущества (т. X, ч. I, стр. 534) могли быть почитаемы находящимися во владѣніи вора, который можетъ назвать ихъ своими (1867 г. № 191, Тюркова; 1868 г. № 74, Черяпина). Нельзя, однако, не замѣтить, что разрѣшеніе вопроса о томъ, перешла ли вещь во владѣніе обвиняемаго, представляеть не мало затрудненій, находясь въ тѣсной зависимости отъ фактическихъ обстоятельствъ, отъ свойства и объема вещи. Для завладѣнія монетою иногда достаточно одного *взятія* ея съ мѣста съ наличностью ясно объективированнаго намѣренія присвоить чужое, для завладѣнія же лошадыо требуется нѣчто большее, чѣмъ *взятіе* ея за поводъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что для поня-

¹⁾ Egidy, das Verbrechen des Diebstahls, стр. 29. Спасовичъ, *ibid.*, стр. 6.

²⁾ Бернеръ, перев., особ. часть, стр. 61. Klien, Revision der Grundsätze über das Verbrechen des Diebstahls, 1806 г., стр. 254.

тія совершившейся кражи всегда достаточно одного передвиженія вещи съ мѣста— „*locus moveat*“; слуга который во время работы въ квартирѣ господина беретъ въ руки вещь съ корыстнымъ намѣреніемъ присвоить ее, этимъ, очевидно, еще не уничтожаетъ распорядительной надѣ вещью власти собственника, а потому кража не можетъ считаться совершившейся, не смотря на передвиженіе вещи. Для понятія совершившейся кражи въ этомъ случаѣ необходимо скрытіе вещи или такой актъ, которымъ была бы разрушена связь собственника съ вещью. Но неосновательно также требовать и того, чтобы фактическое господство надъ вещью, приобрѣтенное актомъ захвата, представлялось уже обеспеченнымъ, безопаснымъ. Такимъ образомъ для понятія совершившейся кражи вовсе не нужно, чтобы вещь была вынесена изъ помѣщенія ея собственника ¹⁾. Совершившаяся кража будетъ даже тогда, когда воръ прячетъ чужую вещь въ предѣлахъ помѣщенія ея хозяина съ цѣлью позднѣйшаго уноса ²⁾. Подобнаго рода дѣяніе есть уже изытіе вещи изъ чужаго обладанія, хотя вещь и не вышла изъ сферы господства воли ея хозяина; обладаніе или владѣніе предполагаетъ возможность факческаго отношенія къ вещи, а эта возможность припрятываніемъ вещи или совершенно парализируется, болѣе или менѣе затрудняется, или же представляетъ болѣе шансовъ на сторонѣ правонарушителя, чѣмъ на сторонѣ хозяина вещи. Правительствующій Сенатъ держится противоположнаго нашему взгляда, не мотивируя впрочемъ его.

Московский Уѣздный Мировой Сѣздъ, рассмотрѣвъ дѣло по обвиненію отставнаго унтеръ-офицера Александра въ покушеніи на кражу, согласно приговору Мироваго судьи, призналъ, что Александровъ, похитивъ у крестьянина Иплина самоваръ, спряталъ его въ сараѣ, принадлежащемъ сему послѣднему, и затѣмъ въ тотъ же день, въ 9 часовъ вечера, пришелъ въ тотъ сарай, чтобы унести самоваръ, но въ это время былъ пойманъ Иплинымъ. Мировой сѣздъ усмотрѣлъ здѣсь покушеніе на кражу: Сенатъ призналъ такой взглядъ правильнымъ (1868 г. № 310, Александрова).

§ 154. Въ числѣ дѣяній кражи часто попадаютъ случаи такъ называемаго продолжаемаго или длѣяющагося преступленія, когда намѣреніе виновнаго направлено на похищеніе нѣсколькихъ предметовъ

¹⁾ Меркель, *Handbuch von Holtzendorff*, т. III, стр. 664—666.

²⁾ Гуго-Мейеръ, *ibid.*, стр. 450, Меркель, *Rechtslexicon*, т. I, стр. 268. Неклюдовъ, *ibid.*, т. II, стр. 235, *Contra Hälschner*, стр. 433.

вмѣстѣ. Спрашивается, слѣдуетъ ли видѣть совершеніе или покушеніе на кражу, когда виновный будетъ остановленъ, успѣвъ похитить лишь часть предположенныхъ предметовъ. Правительствующій Сенатъ совершенно справедливо разсуждаетъ, что важнѣйшее дѣйствіе должно поглощать собою другія, менѣе важныя, и что, поэтому, виновный долженъ быть признанъ совершившимъ кражу (1870 г. № 215, Строева ¹⁾).

Но противъ этого могутъ возразить, что, такъ какъ виновный не успѣлъ привести свое намѣреніе, направленное на похищеніе многихъ вещей, въ осуществленіе, то онъ и не можетъ быть признанъ виновнымъ въ совершеніи кражи. Этотъ взглядъ имѣлъ бы свое полное значеніе и силу, если бы каждое изъ дѣяній дѣлающаго преступленія, отдѣльно взятое, не представляло самостоятельнаго такового же, подчиняющагося общимъ условіямъ совершенія. Общее намѣреніе, направленное на похищеніе многихъ предметовъ, служитъ лишь той силой, которая связываетъ отдѣльныя дѣянія въ одно цѣлое, но оно не можетъ лишить каждого изъ такихъ дѣяній ему присущихъ признаковъ совершенія и покушенія. Отсюда слѣдуетъ, что, хотя отдѣльныя дѣянія въ продолжаемомъ преступленіи, вмѣстѣ взятая, составляютъ одно цѣлое, но одно изъ нихъ можетъ представлять совершеніе кражи даннаго предмета, другое лишь покушеніе на кражу иного—однороднаго или разнороднаго предмета. Мы говоримъ—иного однороднаго или разнороднаго предмета—потому, что похищеніе можетъ иногда даже ограничиваться такими предметами, какъ сѣно, мука, соль. Если подсудимый часть такихъ предметовъ уже успѣлъ сложить въ какое нибудь хранилище, положимъ, въ возъ или въ мѣшокъ, и будетъ захваченъ при забираиіи остальной ихъ части, то онъ виновенъ въ совершеніи кражи сложенныхъ въ возъ или мѣшокъ сѣна, соли, муки, и въ покушеніи на кражу несложенной ихъ части. Но такъ какъ характеръ всего преступленія опредѣляется важнѣйшимъ правонарушеніемъ, то виновный въ данномъ случаѣ подлежитъ наказанію лишь за совершенную кражу. Въ такомъ смыслѣ состоялось рѣшеніе Сената, признавашаго, что обвиняемый въ похищеніи лѣса, застигнутый въ то время, когда онъ *забиралъ* лѣсъ на свою подводу, долженъ разсматриваться, какъ уже изъяснившій похищенное изъ владѣнія собственника, т. е. совершившимъ кражу (1876 г. № 382, Кисовца). Этотъ случай Сенатъ призналъ однороднымъ съ другимъ, гдѣ обвиняемый былъ задержанъ въ то время, когда *успѣлъ уже наложить* похищаемые имъ снопы на свою телегу (Р. 1871 г. № 853, Большакова). Мы съ своей стороны ничего не имѣемъ противъ однородности въ уголовно-правовомъ отношеніи случаевъ, представившихся Се-

¹⁾ Тотъ же взглядъ, кажется, проведенъ и въ Саксонскомъ Уложеніи 1868 г., арт. 273.

нату; считаемъ нужнымъ, однако, прибавить, что первый случай однороденъ еще съ тѣмъ, который разсматривался Сенатомъ по дѣлу Строева, гдѣ послѣдній обвинялся во взятіи, съ корыстнымъ намѣреніемъ присвоить чужое, со стола подставника, который онъ положилъ себѣ въ сумку, но не успѣлъ унести, потому что былъ остановленъ хозяйкой дома въ то время, когда схватился за палыто, также съ цѣлю похищенія (1870 г. № 215). Въ обоихъ указываемыхъ случаяхъ намѣреніе виновнаго направлено на похищеніе многихъ предметовъ, съ тою разницею, что въ первомъ случаѣ эти предметы однородные, во второмъ разнородные. Но эта разница, понятно, не существенна для оцѣнки данныхъ случаевъ съ точки зрѣнія совершенія и покушенія. Въ противорѣчій съ приведенными взглядами Сената, какъ намъ кажется, стоитъ его рѣшеніе по дѣлу Богданова, гдѣ онъ нашелъ, что подсудимый Богдановъ, вынудивъ сапоги чрезъ окно, съ намѣреніемъ ихъ похитить, и оставившій ихъ на дворѣ у того же окна съ тѣмъ, чтобы отправиться на чердакъ дома съ цѣлю похищенія другихъ вещей, гдѣ и былъ задержанъ прежде, чѣмъ успѣлъ овладѣть означенными сапогами,—правильно признанъ судомъ виновнымъ въ покушеніи на кражу (1874 г. № 139). По мнѣнію Сената, подсудимый былъ задержанъ прежде, чѣмъ успѣлъ овладѣть сапогами; мы же думаемъ, что онъ былъ задержанъ прежде, чѣмъ успѣлъ унести сапоги. Разъ подсудимый захватилъ чужую вещь съ окна и положилъ ее на дворѣ возлѣ того же окна съ цѣлю послѣдующаго уноса, онъ не только изъялъ ее изъ владѣнія прежняго хозяина, но и замѣнилъ это владѣніе своимъ; чѣмъ, спрашивается, дѣяніе того, который накладываетъ чужое сѣно на возъ, преступилъ захвата чужой вещи съ окна, хотя бы воръ и не успѣлъ утащить этой вещи? Если бы виновный вынесъ вещь изъ дома и положилъ ее возлѣ стѣны послѣдняго, съ тѣмъ, чтобы взять забытую у порога шапку, но на этомъ послѣднемъ былъ бы схваченъ, то, вѣроятно, Сенатъ усмотрѣлъ бы совершеніе кражи, а не только покушеніе на нее. А между тѣмъ едва ли можно сомнѣваться въ аналогіи этого случая съ захватомъ вещи съ окна и помѣщеніемъ возлѣ него послѣдней. Толкованіе Сената тѣмъ болѣе неправильно, что съ точки зрѣнія теоріи завладѣнія, которую провозглашаетъ самъ Сенатъ, совершеніе кражи должно видѣть уже тогда, когда воръ, стащивъ вещь съ окна, обнаружилъ бы попытку къ уносу послѣдней, но на этомъ былъ бы остановленъ. Въ данномъ случаѣ въ распоряженіи вора былъ не только моментъ обнаруженія такой попытки, но еще и время для продолженія преступныхъ посягательствъ на другія вещи.

§ 155. Въ смыслѣ совершившейся кражи должны быть разрѣшены и слѣдующіе случаи, въ которыхъ, однако, Сенатъ усмотрѣлъ лишь покушеніе на кражу.

Присяжные засѣдатели признали подсудимаго Тюркова виновнымъ въ томъ, что, имѣя намѣреніе совершить изъ лавки купца Королева похищеніе, выдернулъ пробой болта, коимъ запиралось окно лавки, разбилъ стекло окна и выбросилъ уже нѣкоторыя вещи изъ лавки на улицу, но былъ при этомъ остановленъ Королевымъ. Правительствующій Сенатъ нашелъ, что преступныя дѣйствія Тюркова, на точномъ основаніи 10 ст. Улож. о наказ., не могутъ быть признаны совершившимся преступленіемъ кражи, потому что преднамѣренное виновнымъ зло на самомъ дѣлѣ не послѣдовало, ибо, хотя Тюрковъ похищаемыя вещи выбросилъ за окно и тѣмъ взялъ ихъ изъ владѣнія хозяина, но задержанъ былъ прежде, нежели успѣлъ овладѣть выброшенными вещами и тѣмъ преднамѣренное имъ зло привести въ окончательное исполненіе, что по ст. 9 почитается только покушеніемъ на преступленіе (1867 г. № 191, Тюркова).

Мы не можемъ согласиться съ приведеннымъ рѣшеніемъ Сената, какъ такимъ, которое несогласно съ его же собственными взглядами на понятіе совершенія кражи. По мнѣнію Сената, для признанія преступленія кражи совершившимся нужно, чтобы похищенные вещи изъ владѣнія хозяина ихъ перешли на самомъ дѣлѣ во владѣніе похитителя или, по крайней мѣрѣ, были поставлены въ такое положеніе, что по понятію о правѣ собственности на движимыя имущества (ст. 534, т. X, ч. I) могли быть почитаемы находящимися во владѣніи вора (*ibid.*). Если бы Сенатъ примѣнялъ эти соображенія къ дѣяніямъ Тюркова, не обращаясь къ сбивчивымъ опредѣленіямъ 8 и 9 ст. Уложенія, то, вѣроятно, онъ усмотрѣлъ бы въ нѣкоторыхъ изъ дѣяній Тюркова наличность элементовъ совершенія. Въ самомъ дѣлѣ, въ фактѣ выброски вещей изъ чужой лавки нельзя не замѣтить двухъ условій, требуемыхъ понятіемъ совершенія кражи: 1) потери владѣнія на одной сторонѣ и 2) поставленія вещи въ такое положеніе, въ которомъ она должна считаться находящеюся во владѣніи вора. Это послѣднее условіе ввело Сенатъ въ сомнѣніе. Тюрковъ, говоритъ Сенатъ, хотя и изъясилъ вещи изъ владѣнія хозяина, но задержанъ былъ прежде, чѣмъ успѣлъ овладѣть выброшенными вещами. Но спрашивается, чѣмъ же захватъ вещи, выброшенной на улицу съ тѣмъ, чтобы ее оттуда унести, отличается отъ захвата вещи, спрятанной подъ полу? И тамъ, и здѣсь виновный привелъ вещь въ фактическую отъ себя зависимость съ корыстнымъ намѣреніемъ присвоенія; разница лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ эта зависимость моментальная, между тѣмъ какъ во второмъ болѣе продолжительна. Но это обстоятельство не существенно

для понятія кражи, такъ какъ для наличности послѣдней, съ условіемъ корыстнаго намѣренія присвоить чужое, достаточно нѣсколькихъ моментовъ фактическаго держанія вещи, напримѣръ: А схватываетъ чужую вещь и, заранѣе увѣривъ Б въ томъ, что она ему—А—принадлежитъ, продаетъ Б; или же А, увѣривъ Б, что онъ живетъ въ данной комнатѣ, заранѣе продаетъ ему данную вещь, затѣмъ входитъ въ эту комнату и бросаетъ Б проданную вещь. Въ приведенныхъ примѣрахъ нельзя не видѣть совершившейся кражи, а между тѣмъ владѣніе вещью на сторонѣ А аналогично съ владѣніемъ Тюрковымъ выброшенными на улицу вещами. Послѣдній сдѣлалъ все для уноса выброшенныхъ вещей, оставалось только ихъ унести, но уносить, какъ было неоднократно сказано, относится къ послѣдствіямъ совершенной кражи. Намъ могутъ возразить, что виновный прежде, чѣмъ унести выброшенные вещи, долженъ былъ ихъ взять, привести въ тѣлесную зависимость отъ себя; на это мы отвѣтимъ, что владѣніе не требуетъ двухъ физическихъ актовъ захвата одной и той же вещи. Разъ виновный захватилъ вещь съ корыстнымъ намѣреніемъ присвоенія, онъ совершилъ кражу, если только преступное намѣреніе несомнѣнно объективируется въ дѣяніи захвата, наличности чего нельзя отрицать въ поступкѣ Тюркова. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній мы признаемъ въ фактѣ выброса Тюрковымъ чужихъ вещей изъ лавки, съ корыстнымъ намѣреніемъ присвоенія послѣднихъ, наличность момента совершенія кражи. Остальные же дѣянія подсудимаго, заключавшіяся въ покушеніи взять другія вещи въ той же лавкѣ, согласно сказанному выше, оцѣниваются по характеру главнѣйшаго дѣянія.

Точно также мы не можемъ согласиться съ рѣшеніемъ Сената, признавшимъ въ дѣяніи Митрофанова, который проникъ на чужой чердакъ, съ цѣлью похищенія находившагося тамъ бѣлья, но былъ запертъ тамъ прежде, чѣмъ успѣлъ вынести покраденное,—покушеніе на кражу, а не совершеніе послѣдней.

Доколѣ Митрофановъ находился въ запертомъ чердакѣ, говоритъ Сенатъ, со взятимъ имъ бѣльемъ, которое не могло еще почитаться находящимся въ его обладаніи, кража не могла считаться совершившеюся, она не была еще окончена, какъ это подробно объяснено было Правительствующимъ Сенатомъ по дѣлу Тюркова; затѣмъ только съ того момента, когда бѣлье было вынесено (?) съ чердака, изъято изъ владѣнія собственника его, можно признавать, что кража совершилась (1867 г. № 472, Митрофанова).

Разбирая приведенныя соображенія Сената, нельзя, прежде всего, не обратить вниманія на то, что въ нихъ Сенатъ становится на точку зрѣнія теории уноса, отъ которой, впрочемъ, въ слѣдующемъ году самъ отрешивается, прямо объявляя, что „при разрѣшеніи на основаніи нашихъ законовъ вопроса, о различіи между кражей и покушеніемъ на оную слѣдуетъ руководствоваться не теоріей уноса, а теоріей завладѣнія“ (1868 г. № 274, Чернытина). Далѣе, по мнѣнію Сената, бѣлье можетъ быть рассматриваемо, какъ вышедшее изъ владѣнія его хозяина, только тогда, когда оно было вынесено; до тѣхъ же поръ владѣніе не можетъ считаться перешедшимъ на сторону подсудимаго. Но противъ такого взгляда говорятъ соображенія самого Сената, высказанныя по дѣлу Чернытина, гдѣ допускается возможность совершенія кражи и въ предѣлахъ помѣщенія, въ которомъ вещь находится, причемъ понятіе совершенной кражи примѣняется не только къ вещамъ мелкимъ, которыя можно положить въ карманъ, вообще спрятать, но и къ вещамъ громоздкимъ, какъ выразился Сенатъ. „Во всякомъ случаѣ, прибавляетъ Сенатъ, для признанія кражи совершившемуся имѣть надобности, чтобы похититель унесъ украденную вещь изъ квартиры ея владѣльца.“ Проводя послѣдовательно послѣднюю точку зрѣнія, нельзя не прийти къ заключенію, что Тимофеевъ могъ совершить кражу прежде, чѣмъ успѣлъ вынести бѣлье изъ чердака; а такъ какъ изъ рѣшенія Сената видно, что подсудимый былъ захваченъ со взятымъ имъ бѣльемъ, слѣдовательно, уже тогда, когда привелъ послѣднее въ тѣсную отъ себя зависимость, другими словами—овладѣлъ имъ, то и долженъ быть признанъ виновнымъ въ совершеніи кражи. Сенатъ, очевидно, усмотрѣлъ бы то же самое, если бы ближе уяснилъ себѣ условія приобрѣтенія владѣнія чужими вещами въ предѣлахъ помѣщенія, гдѣ онѣ находятся. Владѣніе приобрѣтается на сторонѣ похищающаго чужое не только тогда, когда послѣдній прячетъ вещь въ карманъ, но, вообще, тогда, когда онъ совершаетъ фактический захватъ вещи съ несомнѣнно объективированнымъ корыстнымъ намѣреніемъ присвоенія чужаго. Пока этотъ захватъ не совершенъ, но обнаружена попытка къ послѣднему съ такимъ же намѣреніемъ,—на лицо будетъ болѣе отдаленная стадія осуществленія воли во внѣшнемъ мірѣ—покушеніе. Безъ сомнѣнія, то обстоятельство, прячетъ ли воръ похищаемую вещь, не выходя изъ помѣщенія, гдѣ дѣяніе совершается, въ своей одеждѣ или въ другихъ собственныхъ хранилищахъ, или же оставляетъ вещь

въ положеніи, открытомъ постороннему взору, — не можетъ существенно обуславливать возможности совершенія кражи въ предѣлахъ чужаго помѣщенія по той простой причинѣ, что не всѣ вещи по своему объему, по своимъ свойствамъ могутъ быть спрятаны въ томъ пространствѣ, которое мы имѣемъ въ виду. Да при томъ, это обстоятельство случайное, отъ наличности котораго понятіе совершенія кражи, разумѣется, не можетъ безусловно зависѣть.

Съ точки зрѣнія теоріи завладѣнія воровство должно быть признано совершившимся всякій разъ, какъ только лицо завладѣло вещью; всѣ дѣйствія, послѣдующія за этимъ актомъ, безразличны для понятія совершенія. Поэтому отобраніе похищенной вещи у виновнаго, при его задержаніи на мѣстѣ преступленія, или возвращеніе ея хозяину, немедленно послѣ совершенія преступленія или позже, путемъ подбрасыванія вещи, хотя бы то сдѣлано по инициативѣ самаго виновнаго, — всѣ эти дѣйствія относятся уже къ послѣдствіямъ дѣянія, ни мало не влияя на его характеръ (1868 г. № 274, Чернатина; 1867 г. № 578, Воронова; 1868 г. № 310, Александрова).

§ 156. Для понятія совершившейся кражи требуется, чтобы лицо завладѣло чужою вещью; тожество захваченной вещи съ той, которую хотѣли захватить, безразлично для понятія совершенія. Поэтому случаи такъ называемой ошибки въ объектѣ — *error in objecto* — не колеблутъ понятія совершенія, точно такъ же, какъ не колеблутъ и понятія покушенія на кражу. Пояснимъ свою мысль на примѣрахъ.

А желаетъ похитить червонецъ, а вмѣсто его по ошибкѣ, по разсѣянности беретъ серебряный рубль. В намѣревается захватить портмоне съ деньгами, но, по ошибкѣ принявъ за него лежащій на столѣ портсигаръ, приближается къ послѣднему, чтобы его утащить.

Въ первомъ случаѣ будетъ совершенная кража, во второмъ покушение на послѣднюю. Встрѣтившаяся въ данныхъ случаяхъ ошибка въ объектѣ не измѣняетъ характера дѣянія, ибо подсудимый имѣлъ намѣреніе похитить чужую вещь, что и осуществилъ или покушался осуществить. Мы имѣемъ на лицо всѣ условія кражи: 1) корыстное намѣреніе похитить чужое и 2) захватъ послѣдняго или покушеніе къ захвату. Случайность или ошибка измѣняютъ здѣсь только объектъ преступленія, но измѣненіе объекта нисколько не снимаетъ съ дѣянія его преступнаго характера, если только виновный дѣйствовалъ съ преступнымъ намѣреніемъ. Виновный прямо желалъ увратить лежащій

предъ нимъ предметъ и достигъ желаннаго, слѣдовательно, совершилъ преступное дѣяніе. Если противъ этого скажутъ, что кражи данной вещи онъ не желалъ, что, хотя онъ и дѣйствовалъ сознательно, но въ сознаніи его была ошибка, то на возраженіе можно отвѣтить, что по отношенію къ намѣренію украсть лежавшій предъ нимъ предметъ никакой ошибки въ сознаніи не существовало. Правда, виновный, можетъ быть, и не укралъ бы данной вещи, если бы зналъ, что она не та, которую онъ желалъ взять; но если бы даже такое обстоятельство и было точно констатировано на судѣ, оно не можетъ отнять у дѣянія его преступнаго характера по той простой причинѣ, что въ данномъ случаѣ объектъ преступленія—чужая вещь—несомнѣнно на лицо; что же касается преступной воли виновнаго, то и въ наличности требуемыхъ для нея при воровствѣ условій также едва ли можно сомнѣваться. И въ самомъ дѣлѣ, для воровства безразлично, изъ какихъ побужденій, мотивовъ выходитъ виновный: требуется лишь корыстное намѣреніе, направленное на присвоеніе чужой вещи. Поэтому тѣ мотивы, въ силу которыхъ виновный хотѣлъ взять такую, а не иную вещь, безразличны съ точки зрѣнія намѣренія вора, а слѣдовательно, не могутъ и измѣнять природы дѣянія.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что при воровствѣ необходимо обращать главное вниманіе на предметъ, подверженный дѣйствию. Поэтому, если А хотѣлъ украсть золотую булаву, а вмѣсто послѣдней беретъ завернутую въ бумажкѣ спичку, то онъ не совершаетъ ровно никакого преступленія, такъ какъ спичка, согласно сказанному нами выше, абсолютно-негодный для кражи объектъ. На этомъ же основаніи должны быть разрѣшаемы всѣ тѣ случаи, въ которыхъ виновный крадетъ вещь, болѣе цѣнную, сравнительно съ той, какую хотѣлъ украсть; его отвѣтственность опредѣляется украденной вещью, какой бы цѣны она ни была. Равнымъ образомъ, виновный, желающій украсть болѣе цѣнную вещь, но крадущій менѣе цѣнную, отвѣчаетъ по цѣнѣ сей послѣдней, а не первой. Такимъ образомъ, квалифікація дѣянія, зависящая непосредственно отъ рода самой вещи (ея цѣнности), устанавливаетъ отвѣтственность виновнаго независимо отъ того, на что хотѣлъ направить свое намѣреніе виновный. Причина сего послѣдняго весьма понятна. Если бы стать на противоположную точку зрѣнія, т. е. полагать, что виновный, хотѣвшій украсть вещь болѣе высокой стоимости, но вмѣсто того укравшій вещь меньшей цѣны, долженъ быть наказанъ по цѣнѣ той

вещи, украсть которую онъ задумалъ, то въ такомъ случаѣ при историчной кражѣ виновнымъ этой послѣдней вещи,—его бы пришлось карать за кражу двухъ вещей болѣе высокой стоимости, чѣмъ та, какую онѣ представляютъ. Да кромѣ того, задумывая украсть вещь болѣе высокой стоимости и похищая на самомъ дѣлѣ—меньшей, виновный въ отношеніи къ первой вещи обнаруживаетъ лишь преступный умыселъ, который самъ по себѣ, какъ извѣстно, не подлежитъ наказанію. Слѣдовательно, возвышая наказаніе за совершенное дѣяніе, мы должны были бы ввести въ сферу наказуемости и преступный умыселъ.

Этотъ взглядъ, кажется, раздѣляется и Сенатомъ, который въ дѣлѣ Пономарева (1874 г. № 99) высказалъ слѣдующія общія соображенія. Вникая въ смыслъ статей 10 и 109 общей части Уложенія, Сенатъ находитъ, что, если объектъ, на который по фактической ошибкѣ обвиняемаго направлено было преступленіе, оказался предметомъ, который по свойству своему не могъ быть вовсе объектомъ преступленія и отъ дѣянія обвиняемаго никакого правонарушенія не послѣдовало, то онъ не подлежитъ вовсе уголовной отвѣтственности; если же, напротивъ, объектъ этотъ могъ быть предметомъ преступленія и зло послѣдовало хотя и не вполне тождественное съ тѣмъ, которое подсудимый имѣлъ въ виду совершить, то обвиняемый подлежитъ наказанію за совершаемое зло, какъ за самостоятельное преступленіе.

Точно также долженъ быть разрѣшенъ вопросъ и въ тѣхъ случаяхъ, если квалифікація дѣянія зависитъ отъ способа совершенія послѣдняго. И здѣсь отвѣтственность виновнаго опредѣляется дѣяніемъ, дѣйствительно подлежащимъ, а не тѣмъ, какое имѣлось въ виду. Такимъ образомъ А, намѣревавшійся совершить воровство со взломомъ, но исполнившій его безъ валома, отвѣчаетъ лишь за простую, а не за квалифіцированную кражу. И наоборотъ, желавшій совершить кражу безъ валома, но на самомъ дѣлѣ осуществившій ее съ послѣднимъ, отвѣчаетъ не за простую, а за квалифіцированную кражу. Изъ этихъ общихъ правилъ отвѣтственности виновнаго, совершающаго не то, что онъ предварительно задумалъ, правилъ, которымъ слѣдуетъ и судебная практика, нельзя не указать на слѣдующія исключенія.

Во первыхъ, что касается объекта правонарушенія, то тутъ можетъ встрѣтиться такой случай. Представимъ себѣ что виновный, похищая данную вещь, захватываетъ вмѣстѣ съ ней какую либо другую, о существованіи которой онъ не могъ даже и предвидѣть. Напримѣръ, А захватываетъ чужую шапку, не зная, что въ ней собственникъ

скрытъ свои сокровища; схваченный въ моментъ уноса похищеннаго, виновный не долженъ, какъ намъ кажется, отвѣчать за похищеніе по цѣнности тѣхъ вещей, о существованіи которыхъ онъ не могъ даже и предвидѣть. Но если послѣ похищенія виновный воспользуется найденными въ шапкѣ сокровищами, онъ отвѣчаетъ, что касается послѣднихъ, за утайку найденнаго. Во вторыхъ, что касается способа совершенія дѣянія, то тутъ можетъ встрѣтиться такой случай: А и В вмѣстѣ рѣшаются на кражу; В не знаетъ, что А вооруженъ; тогда В не можетъ подлежать наказанію, какъ участникъ въ вооруженной кражѣ, онъ отвѣчаетъ лишь какъ участникъ въ простой кражѣ. Это на томъ основаніи, что В оставался въ невѣдѣніи относительно обстоятельствъ, квалифицирующихъ дѣяніе; его воля на нихъ не была направлена, а потому они и не могутъ быть вѣнчаны виновному, какъ необъятныя этой волей. Наконецъ, важное исключеніе представляютъ случаи, гдѣ квалифікація преступнаго дѣянія зависитъ не отъ рода объекта и не отъ способа совершенія дѣянія, а отъ особенныхъ отношеній виновнаго къ потерпѣвшему. Такъ, если слуга крадетъ вещь, считая ее принадлежащею господину, а между тѣмъ она оказывается собственностью посторонняго лица,—виновный отвѣчаетъ не за квалифицированную кражу, а за простую на томъ основаніи, что со стороны виновнаго не нарушены тѣ особенныя отношенія, которыя усиливаютъ отвѣтственность въ подобныхъ случаяхъ, а задуманное, какъ выразившееся въ простомъ умыслѣ, должно оставаться безъ всякаго вліянія на степень вины, такъ какъ простой умыселъ уголовно не наказуемъ. Данный случай, какъ видимъ, разрѣшается по общимъ правиламъ. Не то—въ противоположномъ примѣрѣ, т. е. если слуга крадетъ вещь, которую не считаетъ собственностью господина, но которая на самомъ дѣлѣ оказывается таковою. Въ этомъ случаѣ виновный долженъ отвѣчать по свойству задуманнаго преступленія, а не совершеннаго, на томъ основаніи, что происшедшее сверхъ задуманнаго произошло случайно, вопреки желанію субъекта, и, какъ случайное, не можетъ быть вѣнчано дѣятелю въ вину. Законъ, строже карая кражу, совершенную домашними, требуетъ для этого безъ сомнѣнія наличность не одного только факта домашнихъ отношеній между виновнымъ и потерпѣвшимъ, но и сознанія этихъ отношеній виновнымъ при совершеніи имъ преступленія. Это послѣднее заключеніе вытекаетъ изъ того соображенія, что основаніе квалифікаціи лежитъ въ предположеніи, что виновный,

посагая на вещь при отношеніяхъ, заслуживающихъ особеннаго уваженія къ ея неприкосновенности, выказываетъ ео ipso особенно преступную волю, не останавливающуюся въ виду такихъ отношеній. Очевидно, что такое предположеніе немыслимо при незнаніи виновнымъ принадлежности вещи господину, или, что то же, при незнаніи виновнымъ наличности въ данномъ случаѣ своихъ специальныхъ отношеній къ потерпѣвшему. Значеніе знанія этихъ послѣднихъ отношеній, какъ существеннаго условія для бытія квалифицированной кражи, кажется, признается и Сенатомъ, высказавшимъ, что увеличивающимъ вину обстоятельствомъ должно быть почитаемо нарушеніе того *особаго довѣрія*, которое хозяинъ имѣетъ къ своимъ слугамъ и рабочимъ, и тѣхъ *личныхъ обязанностей*, которыя лежатъ на нихъ въ отношеніи къ мѣсту, въ которомъ учинено преступленіе (1867 г. № 317, Полосина, 1868 г. № 625, Черемисинова). Понятно, что нарушеніе особаго довѣрія или личныхъ обязанностей невозможно безъ знанія въ каждомъ данномъ случаѣ тѣхъ отношеній къ потерпѣвшему, которыя, съ одной стороны, порождаютъ такое довѣріе, а съ другой—устанавливаютъ личныя обязанности.

Разрѣшеніе вопроса, очевидно, должно оставаться безразличнымъ, будетъ ли потерпѣвшимъ физическое или юридическое лицо. Такимъ образомъ, если А похищаетъ внѣ церковныхъ хранилищъ вещь, вошедшую въ составъ церковнаго имущества (хотя бы она принадлежала къ разряду священныхъ или употребленіемъ при богослуженіи освященныхъ предметовъ), не зная этого послѣдняго обстоятельства, онъ виновенъ въ простой кражѣ, а не квалифицированной. Это начало признаетъ, какъ увидимъ ниже, и наше Уложеніе о наказаніяхъ (см. ст. 231 и 232).

§ 157. *Покушеніе на кражу.* Покушеніемъ большею частью называется „начало исполненія,“ подъ которымъ прежде всего разумѣется совершеніе части тѣхъ дѣйствій, которыя входятъ въ составъ самаго преступленія. Но понятіе начала исполненія нѣкоторыми теоретиками, по справедливости, отодвигается за предѣлы тѣхъ дѣйствій, которыя сами собою начинаютъ воспроизведеніе состава преступленія. Дѣлая основательную уступку представителямъ субъективныхъ теорій, полагающихъ въ основаніе понятія покушенія извѣстную степень преступной энергіи, эти теоретики, съ легкой руки Миттермайера, въ понятіе покушенія вводятъ и такіа дѣянія, которыя *непосредственно* предше-

ствуютъ дѣйствіямъ, воспроизводящимъ составъ преступленія, и *непосредственно* ведутъ къ ихъ исполненію ¹⁾. Эти дѣйствія лежатъ въ срединѣ, съ одной стороны, между тѣми, которыя обосновываютъ самый составъ преступленія, съ другой, между тѣми, посредствомъ которыхъ лишь приобретаются или приготавлиются средства для совершенія преступленія. Послѣдняго рода дѣйствія почти не вызываютъ споровъ; какъ теоретики, такъ и законодательства согласны въ томъ, что таковыя должны быть исключены изъ области покушенія. Наше Уложеніе о наказаніяхъ пріискиваніе или приобретеніе средствъ для совершенія преступленія признаетъ лишь приговореніемъ къ оному (ст. 8). Точно также довольно ясно, что слѣдуетъ разумѣть подъ дѣйствіями, посредствомъ которыхъ лишь приобретаются или приготавливаются средства для совершенія преступленія. Такимъ образомъ съ этой стороны граница той стадіи осуществленія умысла во внѣшнемъ мірѣ, которая облагается наказаніемъ и называется покушеніемъ, довольно рѣзко отдѣляется; но если мы перешагнемъ за эту границу и вступимъ въ область дѣйствій, занимающихъ указанное срединное положеніе, то встрѣтимся съ значительными затрудненіями при проведеніи теоретической границы между дѣйствіями приготовленія и покушенія. Нельзя безусловно признать всѣ дѣйствія этой области входящими въ понятіе покушенія точно такъ же, какъ нельзя признать ихъ и входящими въ понятіе приготовленія. Совершенно справедливо замѣчаютъ, что законодатель, объявляя дѣянія приготовленія ненаказуемыми, вовсе не желалъ безнаказанности такихъ моментовъ осуществленія воли во внѣшнемъ мірѣ, какъ отправленіе на мѣсто совершенія преступленія и приближеніе къ тому сундуку, надъ которымъ онъ думаетъ произвести взломъ ²⁾. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ отодвигать моментъ покушенія на кражу до того времени, когда воръ наложитъ руку на вещь, прикоснется къ послѣдней. Стать на такую точку зрѣнія—это значитъ до крайности сужить область покушенія при кражѣ, забывая, что и въ нѣкоторыхъ изъ дѣяній, предшествующихъ названному моменту, скрываются всѣ условія наказуемаго осуществленія воли во внѣшнемъ мірѣ. Поэтому

¹⁾ Ж. М. Ю., 1861 г., кн. 2-я, О началѣ совершенія преступленія по Миттермайеру, стр. 283. Бернеръ въ перев. Неклюдова, общ. часть, стр. 487. Чебышевъ-Дмитріевъ, О покушеніи, стр. 88.

²⁾ Чебышевъ-Дмитріевъ, *ibid.*, стр. 84.

нельзя не признать, что извѣстная часть дѣйствій указанной срединной области должна быть отнесена къ дѣяніямъ покушенія; она должна быть сюда отнесена не только вслѣдствіе наличности полноты, твердости преступнаго намѣренія, но и по существу самыхъ дѣйствій, находящихся въ непосредственной связи съ самымъ составомъ преступления и заключающихъ въ себѣ несомнѣнно объективированную преступную волю. Но какъ же, спрашивается, теоретически опредѣлить указанную часть дѣйствій? Мы не находимъ опредѣленія, которое было бы удачнѣе приведеннаго выше; именно, названную часть слѣдуетъ видѣть въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя свидѣтельствуютъ, что лицо приступало къ непосредственному совершенію преступления ¹⁾, или которыя непосредственно ведутъ къ исполненію послѣдняго ²⁾. Такимъ образомъ къ покушенію въ области, о которой идетъ рѣчь, должны быть отнесены только дѣянія, которыя непосредственно предшествуютъ таковымъ же, обосновывающимъ самый составъ преступления, служа выраженіемъ преступной воли, несомнѣнно объективирующей въ данныхъ дѣйствіяхъ воли, вступившей на путь правонарушенія.

§ 158. Обращаясь къ Уложенію и судебной практикѣ, мы не встрѣчаемъ указаній на то, чтобы всѣ дѣйствія, которыми не обосновывается составъ преступления, исключались изъ области покушенія. Уложеніе опредѣляетъ покушеніе, какъ такое дѣйствіе, коимъ *начинается* или *продолжается приведеніе* злаго намѣренія въ исполненіе (ст. 9). Изъ этого опредѣленія никакъ не слѣдуетъ, чтобы въ понятіе покушенія входили тѣ только дѣянія, посредствомъ которыхъ создается самый составъ преступления. Напротивъ, туда должны быть отнесены и тѣ дѣянія, которыя непосредственно предшествуютъ послѣднимъ, такъ какъ въ нихъ нельзя не видѣть тѣхъ дѣйствій, коими начинается приведеніе злаго намѣренія въ исполненіе. Съ этимъ согласна и практика кассационнаго Сената.

„Хотя въ ст. 9 Уложенія о наказаніяхъ опредѣляется понятіе о „покушеніи“ лишь въ общихъ выраженіяхъ, а потому редакция этой статьи не разрѣшаетъ всѣхъ спорныхъ вопросовъ, относящихся до разграниченія приготовленія отъ покушенія, но какъ бы далеко ни расширять предѣлы приготовленія, нельзя все таки не признать, что, когда обвиняемый дастъ ужс

¹⁾ Чебышевъ-Дмитріевъ, *ibid.*, стр. 85. ²⁾ Полетаевъ, граница наказуемости покушенія, Юрид. Вѣстн. 1863 г., № 7, стр. 40.

приобрѣтеннымъ имъ средствамъ направленіе по пути исполненія задуманнаго имъ зла, когда, притомъ, дѣяніе это, находясь въ непосредственной связи съ самымъ совершеніемъ преступленія, выразило твердое намѣреніе привести задуманное въ исполненіе и даже представляло извѣстную долю опасности для лица или общества, противъ коихъ преступленіе направлено, то такое дѣяніе подсудимаго должно быть признаваемо за покушеніе на преступленіе" (1871 г. № 1438, Адександровской).

Эти общія соображенія Сенатъ примѣнилъ и въ дѣлахъ о кражѣ, гдѣ онъ отнесъ къ области покушенія такія дѣйствія, которыми не обосновывается составъ преступленія.

Пасишниковъ съ другими лицами ночью подѣхалъ на коняхъ къ базѣ, въ коемъ находились лошади эсаула Козлова, давши предварительно знать сигналами караульщику Ильютину о своемъ пріѣздѣ, и затѣмъ потребовали отъ него передачи имъ лошадей, но онъ не выдалъ ихъ потому, что въ это время уже слѣдили за нимъ рабочіе Козлова, замѣтившіе съ усадьбы ихъ сигналы, при чемъ одинъ изъ пріѣхавшихъ былъ схваченъ, а два другіе успѣли уѣхать. Правительствующій Сенатъ нашелъ, что дѣяніе подсудимыхъ нельзя признать только умысломъ или приготовленіемъ, а слѣдуетъ признать покушеніемъ на кражу, ибо въ дѣйствіяхъ подсудимыхъ заключается уже начало приведенія ихъ злаго умысла въ исполненіе. Въ преступленіи кражи нельзя считать началомъ приведенія злаго умысла въ исполненіе, т. е. покушеніемъ, только тотъ моментъ, когда обвиняемый наложить уже руку на предметъ, который онъ имѣлъ въ виду похитить. Началомъ покушенія Правительствующій Сенатъ въ неоднократныхъ рѣшеніяхъ своихъ признавалъ и дѣйствія подсудимаго, кои направлены были на то, чтобы проникнуть въ мѣсто храненія предмета кражи (Рѣш. 1871 г., № 889). Такимъ образомъ воръ, перелѣзшій черезъ заборъ, съ цѣлью похищенія находившихся тамъ предметовъ, или пойманный въ чужой квартирѣ съ цѣлью похищенія, признается виновнымъ не только въ умыслѣ или приготовленіи къ кражѣ, а въ покушеніи на оную, хотя бы онъ и не успѣлъ еще наложить руку на предметъ, который имѣлъ въ виду похитить. Точно также относительно предметовъ, находящихся внѣ жилищъ, въ особенности же относительно кражи скота нельзя не признать, что обвиняемый, который, съ цѣлью похитить животное, подкрадывается къ табуну, совершаетъ не приготовленіе, а покушеніе на кражу (1876 г. № 152 Ильютинова и Пасишникова).

Согласно приведеннымъ соображеніямъ, Сенатъ усмотрѣлъ также покушеніе на кражу въ дѣяніи подсудимыхъ, изъ коихъ одинъ привезъ другого въ сундукъ на вокзалъ желѣзной дороги съ тою цѣлью, чтобы

скрытое въ сундукѣ лицо, снабженное отмычками, ключами и другими инструментами, будучи перенесено въ багажный вагонъ, могло во время хода поѣзда выйти изъ своего сундука и изъ пассажирскаго багажа похищать цѣнные вещи. Последнее, однако, не удалось спрятавшемуся вору потому, что онъ былъ замѣченъ въ сундукѣ служащими при желѣзной дорогѣ еще ранѣе, чѣмъ успѣлъ съ сундукомъ попасть въ багажный вагонъ (1877 г. № 90, Ефимова и Кожина). Точно также Сенатъ усмотрѣлъ покушеніе на кражу, а не приготовленіе къ этому преступленію въ проныкновеніи въ чужое строеніе ночью и притомъ не обыкновеннымъ ходомъ, а черезъ наполненную водой канаву, съ цѣлью похищенія заранѣе приготовленныхъ обвиняемымъ для похищенія предметовъ (1875 г. № 568, Гусева).

Само собою разумѣется, нужно быть очень сстороженнымъ въ подведеніи подобныхъ дѣяній подъ тѣ, которыя непосредственно ведутъ къ воспроизведенію состава кражи, ибо можно впасть въ другую крайность, относя къ похищенію и облагая наказаніемъ дѣянія, несомнѣнно приготовительныя. Въ такую крайность, между прочимъ, впалъ одинъ изъ иностранныхъ высшихъ судовъ, усмотрѣвшій въ дѣйствіи лица, схваченнаго въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ снялъ на воскъ отпечатокъ съ отверстія замка, запиравшаго одно изъ мѣстъ продажи (*Verkaufslocal*), покушеніе на кражу (*Egidy, ibid.*, стр. 34). Здѣсь несомнѣнно предлежало приготовленіе на кражу, такъ какъ виновный успѣлъ лишь создать изображеніе для приготовленія поддѣльнаго ключа, съ помощью котораго онъ хотѣлъ совершить кражу. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ не было даже приготовленія средства для совершенія кражи, а только приобрѣтеніе его изображенія.

§ 159. Таковы общія черты, отдѣляющія моменты приготовленія и покушенія на кражу; мы должны были указать эти черты не только по соображеніямъ теоретическаго интереса, но главнымъ образомъ потому, что наше Уложеніе о наказаніяхъ, въ согласіи съ иностранными уголовными кодексами, двѣ отдаленныя стадіи осуществленія воли во внѣшнемъ мірѣ—обнаруженіе умысла и приготовленіе—почти совершенно исключаетъ изъ сферы наказуемыхъ дѣяній. Они могутъ входить въ эту сферу почти исключительно въ случаяхъ, точно обозначенныхъ въ законѣ (ст. 111 и 112). А такъ какъ такого обозначенія въ отношеніи преступленія кражи мы не встрѣчаемъ, то и можемъ сказать, что обнаруженіе умысла и приготовленія къ кражѣ по нашему законодательству вообще не наказуемы; мы говоримъ—вообще, потому что въ Уложеніи мы встрѣчаемъ слѣдующій несовсѣмъ опредѣленный текстъ:

„За приготовленіе къ совершенію преступленія виновный подвергается наказанію, смотря по тому, во первыхъ, употребленныя имъ для сего средства были ли противозаконныя, во вторыхъ, самое приобрѣтеніе ихъ не было ли соединено съ опасностью для какого либо частнаго лица, или многихъ, или всего общества“ (ст. 112). Толкуя приведенный текстъ, нельзя не согласиться съ Неклюдовымъ, что въ немъ законъ наказываетъ дѣйствія приготовленія только тогда, когда они являются, какъ *delictum sui generis*, какъ самостоятельный полицейскій проступокъ¹⁾. Дѣйствія же приготовленія сами по себѣ должны безусловно исключаться изъ сферы уголовныхъ наказаній. Этого однако иногда не хотятъ знать или не знаютъ наши нисшія судебныя инстанціи. Такъ въ практикѣ кассационнаго Сената встрѣтился случай—гдѣ одинъ Мировой съѣздъ вздумалъ обложить наказаніемъ даже умыселъ украсть. Онъ утвердилъ приговоръ Мiroваго судьи, коимъ крестьянинъ Басалаевъ признанъ виновнымъ въ намѣреніи учинить кражу чьей либо лошади и передать таковую для сбыта крестьянину Малышеву. Сенатъ, разумѣется, кассировалъ рѣшеніе, указавъ, что намѣреніе или умыселъ совершить преступленіе должно наказываться не вообще, а лишь въ случаяхъ, точно опредѣленныхъ въ законѣ (1871 г. № 835, Басалаева).

§ 160. Покончивъ съ областью дѣйствій, занимающихъ срединное положеніе между приобрѣтеніемъ и приготовленіемъ средствъ для совершенія преступленія и дѣйствіями, обосновывающими самый составъ преступленія, перейдемъ въ сямъ послѣднимъ. Намъ необходимо опредѣлить, съ какихъ собственно дѣйствій начинается воспроизведеніе состава кражи. Мы уже знаемъ, что для совершенія кражи требуется завладѣніе похищаемою вещью; слѣдовательно, воспроизведеніе состава кражи должно начинаться съ такихъ дѣйствій, которыя заключаютъ въ себѣ начало завладѣнія вещью. А такъ какъ это послѣднее чаще всего совершается однимъ физическимъ актомъ захвата, то начало и конецъ исполненія въ большинствѣ случаевъ совпадаютъ. Тѣмъ не менѣе, жизнь представляетъ не мало случаевъ, когда дѣяніе, не достигнувъ конца, прерывается и такимъ образомъ стадія покушенія представляется неперешагнутой. Самый простой случай такого перерыва представляется въ слѣдующемъ примѣрѣ: виновный налагаетъ руку на вещь

¹⁾ Учеб. угол. права, стр. 504.

съ цѣлью утащить послѣднюю, но его на этомъ схватываютъ. Здѣсь виновный уже совершилъ такое дѣйствіе, которымъ начинается завладѣніе вещью, а потому его дѣяніе и должно разсматриваться, какъ покушеніе на кражу. Признаніе физическаго прикосновенія виновнаго къ предмету похищенія дѣяніемъ покушенія, кажется, не вызываетъ спора среди современныхъ криминалистовъ.

Съ этимъ согласна и практика Кассационнаго Сената, который сюда же, т. е. къ покушенію, относитъ и попытку отдѣленія предмета отъ неподвижной опоры. Мѣщанинъ Княжищо былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что выбивалъ косяки въ дверяхъ и окнахъ нежилой корчмы, съ цѣлью затѣмъ присвоить ихъ себѣ, но совершить кражу не успѣлъ по независящимъ отъ него обстоятельствамъ. Сенатъ нашелъ, что дѣяніе подсудимаго составляетъ не приготовленіе, а покушеніе на кражу, такъ какъ отдѣленіе предмета, тайное похищеніе котораго умышлено преступникомъ, отъ неподвижной опоры, препятствующей присвоенію похищеннаго, составляетъ безъ сомнѣнія начало отчужденія имущества изъ владѣнія собственника преступнымъ способомъ, и, слѣдовательно, начало приведенія преступникомъ въ исполненіе злаго умысла его на совершеніе кражи (1876 г. № 60, Княжищо).

Криминалисты не всегда согласны относительно тѣхъ случаевъ кражи, когда законъ подвергаетъ послѣднюю болѣе строгому наказанію за самый способъ ея совершенія; напримѣръ, когда кража совершается посредствомъ взлома, влѣзанія, употребленія поддѣльных ключей. Криминалисты, не признающіе въ дѣйствіяхъ взлома, влѣзанія, употребленія поддѣльных ключей, покушенія на кражу, приводятъ слѣдующія основанія: а) законъ, говорятъ они, принимаетъ взломъ и влѣзаніе только, какъ обстоятельства, увеличивающія вину при наказаніи за воровство, считая главнымъ, существеннымъ дѣйствіемъ при кражѣ похищеніе, завладѣніе чужой собственностью. Коль скоро виновный не началъ воспроизведенія этихъ послѣднихъ дѣйствій, нельзя говорить о покушеніи на кражу, такъ какъ нѣтъ существенныхъ элементовъ состава кражи вообще. б) Дѣйствія взлома, влѣзанія не представляются такими признаками, которые бы прямо указывали на наличность намѣренія похитить чужое; напротивъ, эти дѣйствія двусмысленны и могутъ служить указаніемъ не только на намѣреніе украсть, но и на умыселъ убить, изнасиловать и т. д. Мы не можемъ согласиться съ приведенными основаніями по слѣдующимъ соображеніямъ. Понятіе взлома вмѣстѣ съ похищеніемъ чужаго имущества, ради котораго онъ совершается; законъ сливается въ одно цѣлое, образующее

видовую кражу, кражу со взломомъ. Въ понятіе этой послѣдней кражи взломъ входитъ, какъ существенно необходимый признакъ, безъ котораго кража даннаго вида не мыслима; взломъ въ этомъ случаѣ необходимо обусловливаетъ объективный составъ послѣдней. Являясь же частью состава даннаго вида кражи, взломъ, очевидно, долженъ разсматриваться не иначе, какъ дѣйствіе, посредствомъ котораго начинается воспроизведеніе этого состава, т. е. другими словами, въ немъ необходимо видѣть покушеніе на кражу со взломомъ. Ошибка криминалистовъ, не желающихъ видѣть во взломѣ, влѣзаніи покушенія на кражу, какъ намъ кажется, заключается въ неправильной постановкѣ вопроса; послѣдній обыкновенно ставили такимъ образомъ: слѣдуетъ ли взломъ, влѣзаніе разсматривать, какъ покушеніе на кражу? Между тѣмъ какъ онъ долженъ быть поставленъ такъ: слѣдуетъ ли во взломѣ, влѣзаніи, съ корыстнымъ намѣреніемъ присвоить чужое, видѣть покушеніе на кражу со взломомъ, со влѣзаніемъ? Такая постановка вопроса представляется намъ болѣе правильной потому, что рѣчь идетъ не о томъ, составляетъ ли вообще взломъ, влѣзаніе покушеніе на кражу, а о томъ, составляютъ ли эти дѣйствія при наличности въ виновномъ *dolus lucri faciendi* покушеніе на видовую кражу, на кражу со взломомъ, со влѣзаніемъ. Но если даже признать возраженіе криминалистовъ, помѣщенное подъ литерою а основательнымъ, то и тогда на взломъ, влѣзаніе съ доказаннымъ умысломъ похитить чужое иначе нельзя смотрѣть, какъ на покушеніе на кражу. И въ самомъ дѣлѣ, въ понятіе покушенія, какъ было выше сказано, входятъ не только тѣ дѣйствія, посредствомъ которыхъ обосновывается составъ преступленія, но и тѣ, которыя непосредственно предшествуютъ этому составу и непосредственно ведутъ въ его осуществленію. Взломъ и влѣзаніе, совершенные съ наличностью корыстнаго намѣренія присвоить чужое, несомнѣнно представляютъ тѣ дѣйствія, которыя непосредственно ведутъ къ воспроизведенію состава кражи и служатъ выраженіемъ преступной рѣшимости, ясно объективированной во внѣшнемъ мірѣ.

Что касается до возраженія, помѣщеннаго подъ литерою б, то его еще менѣе можно признать основательнымъ. Не въ каждомъ дѣяніи, несомнѣнно носящемъ внѣшніе признаки преступленія, умыселъ объективируется съ такою ясностью, что можно сразу опредѣлить, на что собственно было направлено преступное намѣреніе; а между тѣмъ судъ не можетъ быть избавленъ отъ обязанности на основаніи внѣш-

нихъ обстоятельствъ, присоединяющихся къ главному факту, опредѣлять специальное свойство преступнаго намѣренія ¹⁾. Правда, подобнаго рода отысканіе спеціальнаго свойства намѣренія виновнаго сопряжено съ значительными затрудненіями; но трудность отысканія не можетъ сама по себѣ измѣнять природу, характеръ дѣянія. Признавая взломъ, влѣзаніе—если только *dolus lucri faciendi* несомнѣнно вытекаетъ изъ обстоятельствъ—покушеніемъ на кражу, мы должны, однако, замѣтить, что эти дѣйствія, коль скоро они совершаются съ цѣлью убійства, изнасилованія, вообще съ намѣреніями, свойственными другимъ преступленіямъ, а также, когда нѣтъ возможности уловить спеціальное свойство умысла, лучше всего разсматривать, какъ преступленіе *sui generis*, такъ какъ всѣ таковыя дѣйствія нарушаютъ домашнее спокойствіе и безопасность гражданъ и не должны оставаться безъ репрессіи. Кажется, подобнымъ образомъ разрѣшается вопросъ въ Тюрингенскомъ Уложеніи 1852 г., гдѣ проникновеніе противозаконнымъ образомъ въ чужое жилище или же въ огражденное, сюда прилегающее пространство, а также пребываніе тамъ вопреки ясно выраженному запрещенію, разсматривается, какъ самостоятельное преступленіе, угрожаемое тюрьмой до 6 недѣль или соразмѣрнымъ денежнымъ штрафомъ (арт. 117). Съ нашимъ взглядомъ на взломъ, влѣзаніе, при наличности *dolus lucri faciendi*, какъ покушеніе на кражу, согласна и практика кассационнаго Сената.

По смыслу 1644 ст. Уложенія, предметомъ преступленія кражи слѣдуетъ считать такія виѣшнія дѣйствія, которыми явно выразилось намѣреніе похитить вещь, законно принадлежащую другому, и тѣмъ нарушить право собственности на оную законнаго владѣльца. Посему въ преступленіи кражи со взломомъ сломаніе замка или уничтоженіе иной преграды, охраняющей движимую вещь, если оно совершено для похищенія этой вещи, составляетъ покушеніе на кражу; это вытекаетъ, какъ изъ законнаго понятія о покушеніи, такъ и изъ рѣшенія Правительствующаго Сената по дѣлу Жучкова и Костерина (1867 г. № 447), которымъ признано, что взломъ входитъ въ составъ законнаго понятія преступленія кражи со взломомъ, какъ одинъ изъ существенныхъ его признаковъ, и что въ дѣйствіи этомъ, если оно учинено было для кражи, заключается уже покушеніе на кражу, хотя бы какія либо случайныя обстоятельства воспрепятствовали похитителю завладѣть вещью и хотя бы намѣреніе это выразилось однимъ только оконченнымъ взломомъ или даже приступомъ ко взлому. Основаніемъ къ

¹⁾ Гаусъ, *Principes généraux du droit pénal Belge* §§ 415 и 304.

этому выводу служить то, что во взломѣ, какъ - существенномъ признакѣ кражи со взломомъ, заключается уже начало нарушенія права собственности владѣльца на принадлежащую ему вещь (1868 г. № 568, Юхонова).

Точно также Сенатъ призналъ влѣзаніе или перелѣзаніе, съ намѣреніемъ похитить чужое, покушеніемъ на кражу.

Бобровскій Мировой съѣздъ утвердилъ приговоръ Мироваго судьи, коимъ три подсудимые признаны виновными въ покушеніи на кражу кожъ, состоявшемъ въ томъ, что Коноваловъ, подѣхавъ къ избѣ Фатѣева и Чадарина, началъ лѣзть черезъ заборъ, сквозь который видны были кожи, съ цѣлю похищенія ихъ, а Цуцковы въ это время ожидали возлѣ забора и при поимкѣ Коновалова уѣхали. Правительствующій Сенатъ нашелъ, что, такъ какъ переходъ чужаго имущества въ фактическое обладаніе похитителя дѣлаетъ преступленіе кражи оконченнымъ, а подсудимые признаны виновными лишь въ совершеніи такихъ дѣйствій, которыми началось приведеніе въ исполненіе намѣренія совершить кражу, то поэтому дѣйствія эти правильно опредѣлены, какъ покушеніе на кражу (1871 г. № 889, Коновалова и другихъ).

Изъ приведенныхъ рѣшеній Сената видно, что послѣдній относитъ къ покушенію на кражу не только совершеніе взлома, но и приступъ къ нему. Въ конкретномъ случаѣ, представившемся Сенату, приступъ ко взлому заключался въ томъ, что виновный началъ повреждать бывшимъ при немъ ломомъ запоры сторожки, изъ которой предполагалъ произвести похищеніе. Сенатъ справедливо нашелъ, что размѣры поврежденія хранилища указываютъ только на большую или меньшую близость покушенія на кражу со взломомъ къ самому совершенію сего преступленія (1867 г. № 447, Жучкова).

§ 161. Какъ теорія, такъ и законодательства различаютъ разные виды покушенія. Наше Уложеніе о наказаніяхъ различаетъ три вида покушенія: а) покушеніе, прерванное по собственной волѣ виновнаго, б) покушеніе, прерванное обстоятельствами, не зависящими отъ подсудимаго и с) покушеніе оконченное или преступленіе неудавшееся — *délit manqué*. Первое совершенно освобождается отъ наказанія ¹⁾, второе и третье наказуемы, хотя, разумѣется, не въ равной мѣрѣ. Особенность постановленій нашего законодательства о кражѣ, что касается

---

¹⁾ Мы не считаемъ нужнымъ входить въ обсужденіе основаній безнаказанности этого вида покушенія, такъ какъ ихъ можно пайти въ любомъ курсѣ уголовного права; см. также разборъ этихъ основаній у Чебышева-Дмитріева, *ibid.*, стр. 138 и слѣд.

второго вида покушенія на послѣднюю, состоитъ въ томъ, что онъ въ Уложеніи о наказаніяхъ облагается не тою мѣрою наказанія, какъ въ Мировомъ Уставѣ. По Уложенію о наказаніяхъ названный видъ покушенія, смотря по большей или меньшей близости такого покушенія къ совершенію преступленія, облагается двумя, тремя или четырьмя степенями ниже противъ наказанія, постановленнаго за самое совершеніе преступленія (ст. 114). По Мировому же Уставу, за покушеніе на кражу, остановленную по независящимъ отъ подсудимаго обстоятельствамъ, виновные подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за кражу; но Мировому судѣ предоставляется уменьшить это наказаніе до половины, соображаясь съ важностью покушенія (ст. 172). Ниже мы рассмотримъ мотивы, которыми руководились редакторы устава, внося переимѣну въ наказуемость покушенія на кражу, существовавшую по Уложенію о наказаніяхъ. Такъ какъ эти мотивы равнымъ образомъ относятся и къ наказуемости участія въ кражѣ, то мы и находимъ болѣе удобнымъ ихъ рассмотреть тамъ, гдѣ будетъ идти рѣчь о наказаніи по мѣрѣ участія въ кражѣ.

Теперь же спросимъ себя, возможно ли оконченное покушеніе на кражу? Уложеніе о наказаніяхъ (ст. 115) опредѣляетъ оконченное покушеніе такимъ образомъ: „когда, при покушеніи на преступленіе, подсудимымъ сдѣлано все, что онъ считалъ нужнымъ для приведенія своего намѣренія въ исполненіе, и преднамѣренное имъ зло не совершилось только по особеннымъ непредвидѣннымъ имъ обстоятельствамъ.“ Примѣняя это опредѣленіе къ кражѣ, нельзя не видѣть, что оконченное покушеніе на послѣднюю немислимо вслѣдствіе того, что, если виновный сдѣлалъ все, необходимое для совершенія преступленія, то неминуемо является совершившееся преступленіе. Понятіе оконченнаго покушенія предполагаетъ наличность исполнительнаго акта; оно будетъ тогда, когда таковой актъ оконченъ, а преступленія не произошло; въ кражѣ исполнительный актъ выражается въ захватѣ вещи, а захватъ вещи есть уже самая совершившаяся кража. Оконченное покушеніе собственно мыслимо только въ такъ называемыхъ матеріальныхъ преступленіяхъ, т. е. въ такихъ, въ которыхъ на дѣятельность преступника оказываютъ вліяніе естественныя силы природы, приведенныя въ движеніе,—силы, отъ которыхъ зависитъ преступный результатъ. Въ кражѣ эти силы не принимаютъ никакого участія въ смыслѣ воспріизведенія извѣстнаго преступнаго послѣдствія, а потому объ окончен-

номъ покушеніи на кражу не можетъ быть и рѣчи тѣмъ болѣе, что для понятія этого преступленія не требуется условіе безвозвратнаго послѣдствія, существенное для оконченнаго покушенія.

§ 162. Но признавая невозможность оконченнаго покушенія на кражу, мы должны опредѣлить характеръ дѣяній, представляющихся съ перваго взгляда какъ бы аналогичными такому покушенію. Мы говоримъ о случаяхъ, когда кража не можетъ быть совершена по негодности, недостатку объекта, а также вслѣдствіе абсолютной негодности средствъ. Представимъ себѣ, что А похищаетъ данную вещь, считая ее чужою, но которая оказывается его собственной, или же А похищаетъ безхозяйную вещь, считая ее чужою. Въ обоихъ данныхъ случаяхъ нѣтъ кражи, а слѣдовательно, не можетъ быть и покушенія на нее вслѣдствіе того, что, какъ было сказано выше, недостаетъ одного изъ существенныхъ условій кражи—чужой вещи. Мы говоримъ, что не можетъ быть покушенія потому, что нельзя *начать исполненіе* того преступленія, котораго *нельзя исполнить*; нельзя совершить части того, что не допускаетъ исполненія въ цѣломъ, во всѣхъ пунктахъ. Безъ сомнѣнія въ актахъ, совершенныхъ съ цѣлью исполненія невозможнаго преступленія, обнаруживается умыселъ сдѣлать наказуемое дѣяніе, но умыселъ самъ по себѣ, какъ бы онъ рѣзко ни отмѣчался, не можетъ сообщить фактамъ, въ которыхъ онъ сказывается, характера преступности, котораго они сами по себѣ не имѣютъ. Видѣть въ такихъ актахъ начало исполненія—значило бы стать на исключительно субъективную точку зрѣнія, забывъ, что преступная рѣшимость наказуема лишь тогда, когда она объективируется въ дѣяніи, которое само по себѣ не безразлично въ уголовно правовомъ отношеніи. Субъективисты противъ приведенныхъ довольно ясныхъ соображеній возражаютъ, что составъ совершенія и покушенія не безразличенъ, и что, если совершеніе невозможно, то это еще не значитъ, чтобы было невозможно и покушеніе. „Выставлять годность объекта и средствъ для того, чтобы признать бытіе покушенія,—это значитъ совершенно произвольно оторвать изъ общей массы условій совершенія одно условіе: для совершенія одинаково нужны, какъ годность средствъ и объекта, такъ и отсутствіе всѣхъ препятствій, мѣшающихъ исполненію задуманнаго преступленія. Но очевидно, что при наличности этихъ условій мы получимъ уже не покушеніе, а совершеніе. Если бы въ покушеніи на преступленіе наказывалась объективная возможность совершенія, въ такомъ

случаѣ намъ не слѣдовало бы видѣть покушеніе въ попыткѣ безсильнаго мужчины изнасиловать женщину, которую онъ не можетъ одолѣть“¹⁾. Не трудно видѣть несостоятельность приведенныхъ доводовъ субъективистовъ. Несомнѣнно, что для бытія совершенія необходимы не только годность средствъ и объекта, но и отсутствіе всѣхъ препятствій, мѣшающихъ исполненію задуманнаго преступленія; но изъ того, что для бытія совершенія необходимо и отсутствіе препятствій, вовсе не слѣдуетъ, чтобы для наличности покушенія не слѣдовало бы требовать годности объекта и средствъ. Покушеніе, прерванное не по собственной волѣ дѣятеля, тѣмъ и отличается отъ совершенія, что послѣднее не встрѣчаетъ препятствій, мѣшающихъ исполненію задуманнаго преступленія. Далѣе, въ примѣрѣ, выше приведенномъ, мы видимъ скорѣе доводъ въ нашу пользу. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли серьезно говорить о дѣяніи безсильнаго старца, пытающагося изнасиловать женщину, которую онъ не можетъ одолѣть, какъ о покушеніи на изнасилованіе? Не будетъ ли ближе къ истинѣ, спросимъ мы, относить его дѣяніе къ видамъ оскорбленія женской чести дѣйствіемъ, къ тому, что французы называютъ *attentat aux mœurs*. Несостоятельность приведенныхъ возраженій субъективистовъ вытекаетъ сама собою изъ тѣхъ уступокъ своимъ противникамъ, которыя они принуждены были сдѣлать. Разъ признавъ, что покушеніе возможно и въ случаѣ негодности объекта и средствъ, субъективисты не прочь видѣть достаточное основаніе для противоположнаго рѣшенія вопроса, если законъ для понятія покушенія требуетъ прямо годности объекта или средствъ²⁾, какъ будто постановленіе закона само по себѣ можетъ ниспровергать всю силу основаній, если только они вѣски и прочны³⁾.

Говоря о невозможности покушенія надъ негоднымъ объектомъ, мы имѣемъ въ виду абсолютно негодный объектъ, какъ, напримѣръ, собственная, безхозайная вещь, а не относительно негодный объектъ, т. е. такой, который, будучи годенъ самъ по себѣ, оказывается негоднымъ по какимъ нибудь особымъ обстоятельствамъ, напримѣръ, вслѣдствіе своей громоздкости, недоступной силамъ вора, сопротивленія, ко-

¹⁾ Чебышевъ-Дмитріевъ, *ibid.*, стр. 100. ²⁾ *ibid.*

³⁾ За ненаказуемость покушенія надъ негоднымъ объектомъ, изъ нашихъ криминалистовъ: Таганцевъ, Преступленія противъ жизни, т. I, § 117; Кистяковский, Учебникъ, § 297. Неклюдовъ, Учебникъ, стр. 509.

тораго воръ не можетъ преодолѣть (въ случаѣ, когда, напримѣръ, покушаются украсть хищное животное), и т. п.

§ 163. Признавая невозможность покушенія надъ негоднымъ объектомъ, мы таковую же усматриваемъ и въ случаѣ недостатка, отсутствія вообще или въ данномъ мѣстѣ объекта преступленія. Возьмемъ примѣры изъ иностранной судебной практики. Подсудимый вкрался въ комнату, надѣясь найти деньги въ извѣстномъ ему бюро, которое прежде тамъ стояло, но было вынесено въ другую комнату раньше, чѣмъ воръ проникъ въ мѣсто кражи. Подсудимый былъ спуганъ въ то время, когда открылъ комнату, гдѣ стояло бюро. Въ другомъ случаѣ виновные вломились въ амбаръ, чтобы украсть икру, но тамъ послѣдней не нашли, въ третьемъ—виновный открылъ съ помощью поддѣльныхъ ключей запертый чуланъ, чтобы украсть хлѣбъ, но послѣдняго тамъ не оказалось. Оберъ-трибуналъ въ Берлинѣ совершенно справедливо не нашелъ покушенія въ данныхъ (собственно въ послѣднихъ двухъ) случаяхъ на томъ основаніи, что невозможно начало совершенія кражи, предполагающей опредѣленный предметъ, при отсутствіи послѣдняго ¹⁾. Въ такомъ же смыслѣ, кажется, рѣшался вопросъ и въ римскомъ правѣ, гдѣ, по словамъ Темпе, существовало положеніе, что при невозможности исполненія преступленія нѣтъ и покушенія ²⁾. Этотъ взглядъ не имѣетъ недостатка въ противникахъ. Возраженія послѣднихъ сводятся къ слѣдующему.

„Виновный не имѣетъ въ виду совершить кражу въ пустой кладовой, но проникаетъ въ нее, какъ и опускаетъ руку въ чужой карманъ, предполагая, что тамъ находятся вещи, которыя онъ можетъ похитить. Но кромѣ того, воръ обыкновенно и не имѣетъ опредѣленнаго намѣренія украсть лишь какую либо извѣстную вещь, но, чѣмъ болѣе удастся ему похитить, тѣмъ для него лучше. Если для понятія воровства необходимо требуется чужая вещь, то это вполне справедливо лишь по отношенію къ понятію оконченнаго воровства, и если бы такая вещь существовала и въ данномъ случаѣ, то тогда воровство было бы уже окончено, а слѣдовательно, и мы бы имѣли дѣло съ преступленіемъ оконченнаго, совершеннаго воровства, но какъ такой вещи *in concreto* нѣтъ, то и дѣяніе остановилось на покушеніи. И въ самомъ дѣлѣ, какъ бы отнеслись наши противники къ покушенію на вѣдомъ денежнаго сундука, недоступнаго для огня и воровъ? Рѣ-

¹⁾ Egidy, *ibid*, стр. 37—38. ²⁾ Die Lehre vom Diebstahl nach Preussischem Rechte, стр. 121.

инились ли бы они того, который уже нѣсколько времени тщетно усиливался валомать его, «оставить безъ всякаго наказанія? А между тѣмъ недоступный для воровъ денежный сундукъ равно является негоднымъ предметомъ для совершенія воровства, какъ и пустая кладовая, если только виновный не имѣлъ намѣренія похитить весь сундукъ“¹⁾).

Мы не можемъ признать основательными и эти возраженія. Наши противники ударяютъ на то, что виновный, проникая въ пустую кладовую, предполагаетъ тамъ не отсутствіе, а наличность вещей, которыя онъ можетъ похитить. Согласны. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Только то, что виновный имѣлъ умыселъ украсть нѣчто, а не ничто; но умыселъ, какъ извѣстно, не наказуемъ, пока не осуществится въ извѣстномъ внѣшнемъ актѣ, который можно назвать началомъ исполненія. Далѣе, намъ говорятъ, что движимая вещь требуется лишь для совершенія воровства, а не для покушенія на послѣднее. Но это не вѣрно—и вотъ почему. Покушеніе есть начало исполненія; примѣнительно къ кражѢ покушеніе есть начало завладѣнія вещью, а также совершеніе тѣхъ дѣйствій, которыя непосредственно ведутъ къ исполненію. Спрашивается теперь, какъ можно начать захватъ той вещи, которой въ наличности нѣтъ, или какъ можно совершить тѣ дѣйствія, которыя непосредственно ведутъ къ этому захвату. Не ясно ли, что допущеніе такой возможности поведетъ къ безвыходному логическому противорѣчію.

Не убѣдителенъ для насъ выше приведенный примѣръ защитниковъ противоположнаго нашему взгляда. Онъ представляется намъ крайне неудачнымъ вслѣдствіе того, что между покушеніемъ похитить чужую вещь въ пустой кладовой и между покушеніемъ взломать денежный сундукъ, недоступный для огня и воровъ—существенная разница. Въ первомъ случаѣ нѣтъ объекта похищенія, во второмъ есть. Да притомъ мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ это образомъ „недоступный для воровъ денежный сундукъ равно является абсолютно негоднымъ предметомъ для совершенія воровства, какъ и пустая кладовая (точно кладовую можно украсть!), если только виновникъ не имѣлъ намѣренія похитить весь сундукъ (sic!).“ Такимъ образомъ, доводы субъективистовъ не могутъ быть признаны достаточно убѣдитель-

¹⁾ Орловъ, О покушеніи, стр. 142—143. См. также Гаусъ, *ibid.*, § 423—424, Oppenhoff, *ibid.*, прим. 48 къ § 242, Egidy, *ibid.*, § 7—8. См. также протоколъ засѣданія Московскаго юридическаго общества въ 1872 году, Ю. В., 1873 г., Сентябрь, 1—30.

ными для того, чтобы въ дѣяніи лица, пытающагося похитить чужую вещь тамъ, гдѣ ее нѣтъ, можно бы было признавать покушеніе въ юридическомъ смыслѣ. Отсюда слѣдуетъ, что въ случаяхъ когда виновный отправляется съ намѣреніемъ похитить извѣстную сумму вещей, напр. 100 р., но, вслѣдствіе недостатка части этой суммы, напр. 40 руб., беретъ лишь 60, нельзя видѣть стеченія совершенія съ покушеніемъ, какъ это думаетъ Эгиди (*ibid.*, стр. 40), а лишь совершеніе кражи 60 рублей.

Въ заключеніе сказаннаго о невозможности покушенія въ юридическомъ смыслѣ надъ негоднымъ объектомъ, а также о невозможности покушенія похитить предметъ, котораго нѣтъ въ мѣстѣ кражи, считаемъ нужнымъ замѣтить, что, если виновный, совершая такое покушеніе, сопровождаетъ его взломомъ, влѣзаніемъ, то онъ долженъ быть наказанъ за эти послѣднія дѣйствія, лишь какъ за дѣянія *suī generis*.

Обращаясь къ нашему законодательству, мы не встрѣчаемъ положительно выраженнаго разрѣшенія вопроса о покушеніи надъ негоднымъ объектомъ вообще и о покушеніи похитить чужую вещь, которой не оказывается въ мѣстѣ кражи, въ частности. По мнѣнію Нелюдова, названный вопросъ можетъ быть рѣшенъ на основаніи строгаго смысла закона въ пользу ненаказуемости такихъ покушеній ¹⁾. Что касается практики Кассационнаго Сената, то здѣсь мы встрѣчаемъ слѣдующее рѣшеніе.

Крестьянинъ Юхоновъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что, въ намѣреніи совершить кражу изъ риги, сломалъ замки у воротъ риги, при чемъ обѣ риги оказались пустыми. Сенатъ нашелъ, что взломъ или поврежденіе хранилища должны разсматриваться, какъ повинушеніе на кражу со взломомъ, и въ томъ случаѣ, когда самая вещь, которую предполагалъ похитить виновный, случайно не находилась во взломанномъ хранилищѣ. Основаніемъ къ этому выводу, говоритъ Сенатъ, служитъ то, что во взломѣ, какъ въ существенномъ признакѣ кражи со взломомъ, заключается уже начало нарушенія права собственности владѣльца на принадлежащую ему вещь; случайное же отсутствіе той именно вещи, на которую было направлено преступленіе, не лишаетъ этого дѣйствія его преступнаго характера и не низводитъ на степень такихъ дѣяній, которыя не заключаютъ ничего противозаконнаго и не подлежатъ наказанію (1868 г. № 568, Юхонova).

¹⁾ Учебникъ, стр. 508—509.

Не трудно видѣть неосновательность доводовъ Сената. Несомнѣнно, взломъ замка есть такое дѣяніе, которое не должно оставаться безнаказаннымъ; но изъ того, что такое дѣяніе подлежитъ наказанію, не слѣдуетъ, что его природа одинакова съ природой покушенія; во взломѣ дѣйствительно заключается нарушеніе права собственности владѣльца на принадлежащую ему вещь, но чтобы это нарушеніе было покушеніемъ на кражу, необходимы существенныя условія послѣдняго; разъ ихъ нѣтъ, можетъ идти рѣчь лишь о наказуемости взлома, какъ преступленія *sui generis*. Правда, нашъ законъ не нормируетъ взлома, какъ таковое, но ничто не мѣшало Сенату подвести его подъ статьи, трактующія о поврежденіи чужой собственности, хоть бы подъ ст. 152 Уст. о наказ., предусматривающую вообще поврежденіе чужаго движимаго имущества. Конечно, наказаніе, положенное въ названной статьѣ, слишкомъ слабо, что касается случая, представившагося Сенату, но не нужно же забывать извѣстнаго руководящаго правила—*in dubio mitius*.

§ 164. Наказуемаго покушенія на кражу нельзя видѣть и въ случаяхъ попытокъ похитить чужое при помощи абсолютно негодныхъ средствъ. Вопросъ о покушеніи съ негодными средствами одинъ изъ самыхъ спорныхъ въ теоріи и причисляется къ разряду вѣчныхъ контроверзъ. обстоятельное его разсмотрѣніе возможно лишь въ самостоятельномъ изслѣдованіи, а потому мы вправѣ ограничиться указаніемъ способа его разрѣшенія въ нашемъ законодательствѣ. Въ Уложеніи о наказаніяхъ читаемъ слѣдующее:

„Если при покушеніи на преступленіе подсудимымъ по крайнему невѣжеству или суевѣрію употреблены были только средства, вполнѣ и очевидно недействительныя для совершенія преступленія, какъ-то: напентиванія, наговоры, заклинанія и т. п., то онъ подвергается наказанію, какъ за преступный умыселъ по ст. 111 сего Уложенія“ (примѣч. къ 115 ст.).

Вникая въ приведенный текстъ, мы находимъ, что для ненаказуемости покушенія съ негодными средствами необходимы два условія: первое, чтобы эти средства были вполнѣ и очевидно недействительны для совершенія преступленія, и второе, чтобы самое употребленіе сихъ средствъ было результатомъ невѣжества или суевѣрія. Отсюда слѣдуетъ, что для ненаказуемости покушенія требуется не только объективное условіе, заключающееся въ очевидной недействительности средствъ, но и субъективное,—предполагающее возможность употребленія такого

средства лишь по крайнему невѣжеству или суевѣрію. Слѣдовательно, при отсутствіи одного изъ этихъ условій нельзя уже говорить о ненаказуемомъ покушеніи. Поэтому, если выбрано средство, годное для совершенія преступленія, но субъектъ, при исполненіи плана, по ошибкѣ беретъ очевидно негодное, то дѣяніе его не можетъ оставаться безнаказаннымъ въ силу того, что употребленіе имъ негоднаго средства есть слѣдствіе ошибки, а не плодъ крайняго невѣжества или суевѣрія.

Пояснимъ свою мысль на примѣрѣ.

А предполагаетъ похитить чужое молоко при помощи цѣлаго кувшина, но по ошибкѣ беретъ кувшинъ съ выбитымъ дномъ. Прийдя на мѣсто преступленія, онъ хочетъ зачерпнуть молока, но замѣчаетъ, что взять то его нечѣмъ. Его въ этотъ моментъ схватываютъ.

Въ этомъ случаѣ негодность средства была результатомъ ошибки въ исполненіи, но выборъ такого средства никакимъ образомъ не былъ плодомъ невѣжества или суевѣрія виновнаго, а потому приведенный текстъ къ дѣянію А не примѣнимъ. *Такимъ образомъ ошибка въ исполненіи не исключаетъ наказуемости покушенія.* Точно также и ошибка, что касается выбора средствъ при самомъ составленіи плана, не всегда исключаетъ наказуемость. О послѣдней только тогда можетъ идти рѣчь, когда самый выборъ средствъ дѣлается такими субъектами, о которыхъ можно сказать, что „для нихъ почти не существуетъ вмѣняемости и что они скорѣе должны быть сравниваемы съ малолѣтними или безумными, которыхъ нашъ уголовный законъ вовсе освобождаетъ отъ наказанія“ ¹⁾. Поэтому, если употребляется такое средство, которое можетъ иногда быть годнымъ для совершенія кражи, но которое въ данномъ случаѣ лишено такой годности, то безнаказанность покушенія не исключается. Возьмемъ примѣръ. А хочетъ открыть замокъ съ помощью металлическаго ключа, но, не сообразивъ величины замка, съ которымъ долженъ имѣть дѣло, беретъ относительно мелкій ключъ и хочетъ открыть большой замокъ; или же А хочетъ украсть чужую злую собаку при помощи мѣшка, въ который послѣдняя не влезитъ; наконецъ, А при помощи ножницъ усиливается открыть чужую квартиру, запертую извнутри на крючекъ такъ, что дверь не плотно прилегаетъ ²⁾.

¹⁾ Калмыковъ, Учебникъ уголовного права, стр. 126, прим. 1.

²⁾ Въ родѣ послѣдняго примѣра встрѣтился случай въ французской судебной практикѣ, Юридич. Вѣсти., 1863 г., № 7, Граница наказуемости покушенія, стр. 54.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ употреблены средства, очевидно недѣйствительныя для совершенія преступленія въ данномъ случаѣ, но такія, выборъ которыхъ былъ результатомъ незнанія обстоятельствъ совершенія, а не плодомъ крайняго невѣжества или суевѣрія.

Само собою разумѣется, что о безнаказанности покушенія не можетъ быть и рѣчи въ тѣхъ случаяхъ, когда употребляется въ дѣло средство, оказывающееся въ данномъ случаѣ годнымъ для совершенія преступленія. Въ практикѣ Сената встрѣтился слѣдующій случай: Крестьянинъ Игнатій Степановъ преданъ былъ суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію въ томъ, что, желая произвести похищеніе изъ лавки, вложилъ въ окно, задѣланное желѣзною рѣшеткою, конецъ доски и только успѣлъ погнуть одинъ изъ прутьевъ рѣшетки, при чемъ отъ дальнѣйшаго взлома и самой кражи былъ остановленъ. Сенатъ совершенно справедливо нашелъ, что освобожденіе покушившагося вовсе отъ взысканія на основаніи примѣч. къ 115 ст. можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда употреблены были средства, вполне и очевидно недѣйствительныя, какъ то: нашептыванія, наговоры, заклинанія и т. п., но таковыми средствами не можетъ быть подоблена доска, употребленная для взлома желѣзной рѣшетки у окна и оказавшаяся орудіемъ вполне для того пригоднымъ, ибо начало взлома было уже совершено виновнымъ (1871 г. № 1588, Степанова).

Наличность средствъ, о которыхъ говорится въ примѣч. къ 115 статьѣ, можно видѣть несомнѣнно въ слѣдующихъ примѣрахъ.

А при помощи нашептываній надѣется открыть замокъ, чтобы проникнуть въ мѣсто кражи. Въ хочетъ взлѣзть по лѣстницѣ въ 2 аршина на 10 саженную высоту. Съ пытается на дѣтской повозкѣ перевезти стопудовую тяжесть и т. п.

Въ приведенныхъ примѣрахъ попытка осуществить намѣреніе украсть чужое можетъ вытекать лишь изъ суевѣрія или невѣжества, такъ какъ мало мальски здравомыслящій человѣкъ не станетъ же представлять лѣстницу въ 2 аршина, чтобы взлѣзть на 10-ти саженную высоту. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что для ненаказуемости покушенія съ негодными средствами, по нашему Уложенію, необходимо, чтобы эти послѣднія ни при какихъ условіяхъ не могли привести къ осуществленію преступнаго намѣренія, такъ что самое употребленіе ихъ можетъ быть объяснено лишь крайнимъ невѣжествомъ или суевѣріемъ виновнаго. Перечислить такія средства, конечно, невозможно и само Уложеніе лишь въ видѣ примѣра указываетъ на заклинанія, нашептыванія, наговоры, предоставляя судейскому усмотрѣнію отысканіе ихъ въ каж-

домъ данномъ случаѣ. Внякая въ смыслъ постановленій нашего законодательства о наказуемости покушенія съ негодными средствами, нельзя не замѣтить, что наше Уложеніе примыкаетъ къ теоріямъ тѣхъ криминалистовъ, которые видятъ основаніе къ разрѣшенію вопроса не столько въ характерѣ средствъ, сколько въ причинахъ употребленія ихъ ¹⁾. Слѣдовательно, наше законодательство не держится наиболѣе распространенной между криминалистами теоріи объ относительно и абсолютно негодныхъ средствахъ. Употребляя выраженіе „вполнѣ и очевидно нецѣлесообразныя средства“, законодатель считалъ цѣлесообразнымъ, для предупрежденія безконечныхъ недоразумѣній въ практикѣ, указать на самый характеръ заблужденія, какъ на руководящую нить при разрѣшеніи отдѣльныхъ случаевъ. Этими онъ ясно разрѣшилъ спорный вопросъ о наказуемости покушенія съ негодными средствами, если самое употребленіе послѣднихъ было лишь результатомъ ошибки, и затѣмъ предупредилъ безконечный схоластическій споръ о томъ, какія средства должны считаться абсолютно и относительно негодными.

ГЛАВА V.

Наказуемость воровства-кражи.

Выше мы указали три множителя, вліяющихъ на наказуемость кражи, какъ рода: I) участіе въ преступленіи, II) цѣнность похищеннаго, III) рецидивъ или повтореніе. Скажемъ о каждомъ изъ этихъ трехъ множителей отдѣльно.

§ 165. I. *Участіе въ преступленіи.* Участіе въ кражѣ нормируется въ нашемъ Уложеніи о наказаніяхъ по общимъ правиламъ объ участіи въ преступленіяхъ вообще (ст. 1661). Обстоятельное изученіе этихъ правилъ завело бы насъ слишкомъ далеко, а потому мы считаемъ себя вправѣ ограничиться лишь немногими замѣчаніями и при томъ относительно лишь участія въ собственномъ смыслѣ, а не прикосновенности или благопріятствованія. Теорія различаетъ два вида участія: 1) видъ участія, который можно назвать главнымъ и который въ теоріи и законодательствахъ именуется виновничествомъ, и 2) видъ

¹⁾ Таганцевъ, Курсъ русскаго уголовного права, вып. II, § 342—351.

участія второстепенный, называемый пособничествомъ. Главными виновниками ¹⁾ называются такія лица, которыя непосредственно собственными или посредственно чужими силами умышленно воспроизводятъ тѣ дѣйствія, которыя образуютъ составъ преступленія. Пособниками же называются такія лица, которыя не принимаютъ участія въ воспроизведеніи состава преступленія, а только облегчаютъ это воспроизведеніе главному виновнику. Изъ этихъ опредѣленій двухъ видовъ участія видно, что главное между ними различіе лежитъ въ характерѣ преступныхъ дѣланій; тотъ родъ преступныхъ дѣйствій, который входитъ въ составъ преступленія, составляетъ содержаніе понятія виновничества; тотъ же родъ преступныхъ дѣйствій, который, не входя въ составъ преступленія, только готовится, облегчаетъ, содѣйствуетъ воспроизведенію этого состава, долженъ быть причисленъ къ пособничеству. Примѣняя эти соображенія къ кражѢ, мы должны сказать, что главными виновниками должны быть названы всѣ тѣ, которые совершаютъ дѣйствія, или воспроизводящія самый составъ кражи, или такія, которыя непосредственно предшествуютъ послѣднему. На этомъ основаніи главными виновными будутъ не только тѣ, которые посягаютъ непосредственно на неприкосновенность чужой вещи, но и тѣ, которые проникаютъ въ мѣсто совершенія кражи вмѣстѣ съ своими товарищами и тамъ остаются, ожидая окончанія предпріятія. Этотъ взглядъ раздѣляется и Правительствующимъ Сенатомъ.

По производившемуся въ Московскомъ Окружномъ Судѣ дѣлу о цеховомъ Дмитріѣ Жучковѣ и солдатскомъ сынѣ Васи́лѣ Костеринѣ рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей на предложенные имъ судомъ вопросы признаны виновными: 1) Костеринъ въ томъ, что намѣреніе свое произвести тайное похищеніе изъ сторожки при домѣ Шиловой началъ и приводилъ въ исполненіе тѣмъ, что бывшимъ при немъ, Костеринѣ, ломомъ ломалъ запоръ сторожки и 2) Жучковъ въ томъ, что означенное намѣреніе приводилъ въ исполненіе тѣмъ, что вошелъ во дворъ дома Шиловой съ цѣлью обозрѣть мѣстность, въ которой Костеринъ долженъ былъ произвести тайное похищеніе посредствомъ поврежденія запоровъ сторожки. При чемъ присяжными найдено, что оба подсудимые были остановлены въ ихъ намѣреніи обстоятельствами, отъ нихъ независѣвшими. Окружной судъ призналъ подсуди-

¹⁾ Кистяковский, Учебникъ уголовн. права; Бернеръ, учебникъ, перев. Неклюдова, стр. 515; Жириевъ, О стеченіи нѣсколькихъ преступниковъ, стр. 44.

мыхъ равно виновными участниками въ покушеніи на кражу. Сенатъ рѣшеніе суда въ этомъ пунктѣ утвердилъ (1867 г. № 447, Жучкова). Далѣе, въ другомъ своемъ рѣшеніи Сенатъ высказалъ, что въ преступленіи, учиненномъ нѣсколькими лицами по предварительному ихъ на то согласію, всѣ сообщники, находившіеся на мѣстѣ преступленія, подлежатъ наказанію, за это преступленіе закономъ положенному, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ и не во всѣхъ дѣйствіяхъ, входящихъ въ составъ преступленія, прилагали непосредственно свою руку. Такимъ образомъ, совершеніе взлома рукою одного изъ подсудимыхъ, въ присутствіи другого и по соглашенію съ нимъ, распространяетъ и на послѣдняго отвѣтственность во взломѣ (1868 г. № 424, Кирилова).

Болѣе спорнымъ представляется тотъ случай участія въ кражѣ, когда одинъ изъ соучастниковъ проникаетъ въ мѣсто совершенія послѣдней въ то время, какъ другой остается на стражѣ гдѣ либо на дворѣ или за воротами. Нѣкоторые изъ криминалистовъ усматриваютъ въ дѣяніи послѣдняго главное виновничество ¹⁾, другіе же пособничество ²⁾. Первые болѣе обращаютъ вниманіе на субъективную сторону дѣянія, именно, на наличность общаго корыстнаго намѣренія присвоить себѣ чужое, связывающаго участниковъ ³⁾. Вторые же отдають предпочтеніе объективному моменту, т. е. характеру дѣяній соучастниковъ, не забывая, впрочемъ, и отношенія къ этимъ дѣяніямъ воли; другими словами, держатся взгляда, посредствующаго между субъективнымъ и объективнымъ, взгляда, говорящаго, что слѣдуетъ обращать вниманіе не на вѣншую дѣятельность и не намѣреніе исключительно, но на дѣятельность, проникнутую намѣреніемъ. Мы раздѣляемъ это послѣднее мнѣніе, какъ такое, которое, справедливо обращая должное вниманіе на внутреннюю и вѣншую сторону дѣянія, тѣмъ самымъ предупреждаетъ крайности въ заключеніяхъ, неизбежныя при полномъ проведеніи исключительно субъективнаго или объективнаго взглядовъ. Только путемъ соединенія этихъ изгладовъ можно достигнуть удовлетворительнаго рѣшенія вопроса, ибо, если отдѣльные роды преступленій различаются между собою не только по характеру вѣншаго дѣянія, но и по характеру преступной воли, то и при опредѣленіи родовъ и

¹⁾ Temme, die Lehre vom Diebstahl, стр. 389. Chauveau et Helie, *ibid.*, т. VII, стр. 148. Oppenhoff, Strafgesetzbuch, прим. 46 къ § 242. Гаусъ, *ibid.*, §§ 354 и 391. ²⁾ Жиряевъ, *ibid.*, стр. 48. Кистяковский, учебникъ, § 322. ³⁾ Oppenhoff, *ibid.*

степеней участія слѣдуетъ обращать вниманіе не только на то, что дѣлается со стороны преступника, но и на то, съ какимъ намѣреніемъ это дѣлается ¹⁾).

Согласно сказанному, мы не можемъ видѣть главнаго виновничества въ дѣйствіяхъ лица, стоящаго на стражѣ въ то время, какъ другой непосредственно нарушаетъ неприкосновенность чужаго имущества. Такое лицо не только не воспроизводитъ дѣйствій состава кражи, но и не находится въ условіяхъ дѣятельности, непосредственно ведущей къ такому воспроизведенію; его дѣятельность второстепенная, состоящая не въ физическомъ содѣйствіи содѣянію преступленія, а въ нравственномъ, и при томъ не въ смыслѣ подстрекательства, а въ смыслѣ подкрѣпленія преступной энергіи главнаго виновника, въ силу этого менѣе беспокоящагося о своей безопасности ²⁾. Если бы потомъ, по изыятіи вещи изъ чужаго владѣнія, стоящій на стражѣ и принявъ участіе въ уносѣ вещи въ безопасное мѣсто, то этимъ характеръ его дѣянія, какъ пособника, не измѣняется ³⁾. Лишь только вещь изыята изъ чужаго владѣнія съ несомнѣнно объективировавшимся корыстнымъ намѣреніемъ присвоить себѣ чужое, кража совершена и роль лица, стоящаго на стражѣ и затѣмъ уносящаго похищенную вещь, представляетъ собою дѣятельность, послѣдующую за кражей. А такая дѣятельность, если только обѣщаніе содѣйствія предшествовало самому преступленію, обыкновенно разсматривается не какъ главное виновничество, а какъ пособничество. При томъ же не слѣдуетъ забывать, что и преступная энергія того, который стоитъ на стражѣ, и того, который проникъ въ мѣсто совершенія преступленія и его содѣлываетъ, вообще не равносильны. О немъ можно сказать, что „онъ хочетъ не самаго преступленія, а только содѣйствія ему, что для него все равно, удастся ли преступленіе или нѣтъ; не рѣдко въ душѣ своей онъ желаетъ даже неудачи главному виновнику въ его предпріятіи и, не смотря на то, по особеннымъ собственнымъ своимъ побужденіямъ, соглашается ему содѣйствовать“ ⁴⁾. Нашъ взглядъ раздѣляется и Уложеніемъ о наказаніяхъ, которое пособниками называетъ тѣхъ, которые, хотя и не принимали прямого участія въ самомъ совершеніи преступленія, но изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ выгодъ помогали или обязались помо-

¹⁾ Жиряевъ, *ibid.*, стр. 34. ²⁾ Temme, *ibid.*, стр. 389.

³⁾ Contra, Oppenhoff, *ibid.* ⁴⁾ Жиряевъ, *ibid.*, стр. 48.

гать умыслившимъ оное совѣтами или указаніями и сообщеніемъ свѣдѣній, или же доставленіемъ другихъ такыхъ либо средствъ для совершенія преступленія, или *устраненіемъ представлявшихся къ содѣянію оной препятствій* (ст. 13, п. 5). Стояніе на стражѣ есть именно та дѣятельность, которая ближе всего можетъ быть названа устраненіемъ представляющихся къ содѣянію преступленія препятствій.

§ 166. Ответственность пособника слѣдуетъ за ответственностью главнаго виновнаго, но не зависитъ отъ ней безусловно. Справедливо, что пособничество получаетъ свой уголовный характеръ отъ преступленія главнаго виновнаго, и наказуемо лишь тогда, когда дѣйствіе этого послѣдняго есть преступленіе, на основаніи того общаго правила, что тамъ, гдѣ нѣтъ главнаго преступленія, тамъ нѣтъ и соучастія. Если же мы и встрѣдаемъ иногда въ законодательствахъ случаи наказуемаго соучастія тамъ, гдѣ главное дѣяніе не разсматривается, какъ преступленіе, какъ напр. въ французскомъ законодательствѣ воровство между супругами не считается преступленіемъ, между тѣмъ какъ признаются виновными въ воровствѣ всѣ другія лица, которые скрываютъ или обращаютъ въ свою пользу украденное (§ 380), — то эти случаи наказываются не какъ соучастіе, а какъ *delictum sui generis*¹⁾. Но зависимость ответственности пособника отъ ответственности главнаго виновнаго не можетъ быть, какъ мы выше сказали, безусловной; она должна имѣть свои границы. Такъ, что касается личныхъ отношеній главнаго виновнаго къ потерпѣвшему отъ преступленія, отношеній, обусловливающихъ болѣе тяжкую квалификацію содѣяннаго, то здѣсь слѣдуетъ признать общимъ правиломъ, что эти отношенія не переходятъ ни съ главнаго виновнаго на пособника, ни съ пособника на главнаго виновнаго²⁾. Такимъ образомъ, если слуга наведетъ въ мѣсто своего служенія постороннихъ лицъ съ цѣлью кражи, то онъ подлежитъ болѣе тяжелой ответственности, чѣмъ его соучастники, такъ какъ его спеціальныя отношенія къ потерпѣвшему, какъ слуги, чужды его сообщникамъ, а слѣдовательно, и не могутъ влечь для нихъ болѣе строгой ответственности (Улож., ст. 1649). Далѣе, съ главныхъ виновниковъ на пособниковъ и обратно не могутъ переходить особенныя основанія увеличе-

¹⁾ Chauveau et Hélie, т. VI, стр. 607. ²⁾ Temme, *ibid.*, стр. 393. Кн-стиковскій, § 324. Бернеръ, переводъ, стр. 516.

нія или уменьшенія наказанія, тѣсно связанныя съ личностью, какъ, напримѣръ, совокупность преступленій, повтореніе, несовершеннолѣтіе и т. п. Наконецъ, отвѣтственность пособника должна ограничиваться тяжестью того именно преступленія, которому онъ обѣщаль содѣйствовать или дѣйствительно содѣйствовалъ. Поэтому все то, что вліяетъ на увеличеніе наказанія дѣянія *in concreto*, но что не входило въ волю пособника, не можетъ быть ему вмѣнено; напротивъ, обстоятельства, способствующія меньшей наказуемости даннаго конкретнаго дѣянія и заключающіяся въ обстоятельствахъ его совершенія, должны быть благопріятны и для пособника. Такимъ образомъ, пособникъ, согласившійся содѣйствовать простой кражѣ, если эта послѣдняя безъ его вѣдома или согласія совершена съ наличностью квалифицирующихъ обстоятельствъ, напримѣръ, со взломомъ,—отвѣчаетъ не за квалифицированную, а за простую кражу, и наоборотъ, пособникъ, согласившійся содѣйствовать квалифицированной кражѣ, напр. кражѣ со взломомъ, отвѣчаетъ лишь за простую въ случаѣ, когда похищеніе совершено безъ взлома. Этотъ взглядъ вполне раздѣляется и Правительствующимъ Сенатомъ.

Лицу, признанному пособникомъ кражи, не должно быть увеличено наказаніе за особо увеличивающія вину обстоятельства, сопровождающія эту кражу, если не будетъ признано, что, способствуя совершенію кражи, пособникъ зналъ, что она должна быть совершена при особо увеличивающихъ вину обстоятельствахъ (1874 г. № 218, Муленковой). На основаніи 13 и 121 ст. Уложенія пособникъ, коего содѣйствіе для совершенія преступленія было необходимо, подвергается отвѣтственности за то именно преступленіе, коему онъ содѣйствовалъ и притомъ тѣмъ именно способомъ, который былъ въ виду при предварительномъ соглашеніи. Такъ, помогавшій совѣтами или указаніями совершенію кражи, если судомъ или присяжными не признано, что онъ имѣлъ въ виду совершеніе кражи со взломомъ, подвергается отвѣтственности, какъ пособникъ въ простой кражѣ, хотя бы она и была совершена со взломомъ (1872 г. № 357, Сарманова).

§ 167. II. *Цѣнность похищеннаго*. Въ исторической части нашего труда мы видѣли, что легальное вліяніе цѣнности на наказуемость кражи не есть продуктъ національнаго, самобытно развившагося русскаго права. Національный русскій памятникъ—Уложеніе царя Алексѣя Михайловича—не уступаетъ наказуемости кражи по цѣнности похищеннаго; легальное вліяніе цѣнности на наказуемость кражи въ первый разъ выступаетъ въ Воинскихъ артикулахъ подъ

несомнѣннымъ вліяніемъ нѣмецкаго права, еще и до сихъ поръ не отказавшагося отъ своихъ старыхъ воззрѣній. Эти воззрѣнія далеко не общи всѣмъ европейскимъ законодательствамъ; они чужды французскому, а также англійскому праву¹⁾. Само нѣмецкое право, державшееся въ средніе вѣка объективнаго взгляда на преступленіе, т. е. опредѣлявшее его важность съ точки зрѣнія причиненнаго потерпѣвшему вреда, въ настоящее время обнаруживаетъ попытки отказаться отъ легальнаго вліянія цѣнности похищеннаго на наказуемость кражи. Такъ, Прусское Уложеніе 1851 г. (§ 216), а за нимъ Общегерманское 1871 г. (§ 242) совершенно не упоминаютъ о цѣнности, какъ обстоятельствѣ, которое *ipso jure* должно вліять на увеличеніе наказанія за кражу. Этотъ важный шагъ Прусскаго Уложенія²⁾, надо думать, получить общее примѣненіе въ нѣмецкихъ законодательствахъ, такъ какъ цѣнность, какъ масштабъ для мѣры наказанія, находитъ все большее и большее число противниковъ среди германскихъ криминалистовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, ближе всматриваясь въ существо вопроса, нельзя не признать, что цѣна предмета не представляетъ собою рациональнаго мѣрила наказанія. Прежде всего нужно замѣтить, что цѣнность вещи—понятіе совершенно условное. Какую цѣнность, спрашивается, слѣдуетъ принять масштабомъ для мѣры наказанія: ту ли, которая опредѣляется значеніемъ предмета для потерпѣвшаго, какъ это принимается въ Австрійскомъ Уложеніи 1852 г. (§ 173), ту ли, которую предметъ представляетъ для вора, или ту, которая опредѣляется отношеніемъ спроса и предложенія, другими словами—общую рыночную или мѣновую цѣнность, принимаемую большинствомъ нѣмецкихъ уголовныхъ кодексовъ?³⁾ Какую бы изъ этихъ трехъ видовъ цѣнности мы ни взяли, ни одна, какъ рациональный масштабъ мѣры наказанія, не выдерживаетъ критики. Первая—потому, что одна и та же вещь имѣетъ

¹⁾ Стифенъ, Уголовное право Англіи, перев. Спасовича, стр. 177.

²⁾ Остальные нѣмецкіе уголовные кодексы стоятъ еще на точкѣ старыхъ воззрѣній. Ср. Саксонское Уложеніе § 276, Вюртембергское, § 318, Ганноверское, § 283, Гессенское, § 360, Ольденбургское 1814 г., § 220, Баденское, § 378 *et cetera*.

³⁾ Ганноверскій, 283. Гессенскій, 360. Баденскій, 378, Вюртембергскій, 318.

различное значеніе для потерпѣвшаго, смотря по его состоянію. Богачу кража 300 руб. можетъ причинить лишь небольшой ущербъ, между тѣмъ какъ бѣдняка она можетъ повергнуть въ нищету. Если, для избѣжанія такого неравнаго значенія предмета для разныхъ потерпѣвшихъ лицъ, соображаться съ отношеніемъ похищеннаго предмета ко всему имуществу послѣднихъ, то въ такомъ случаѣ возникнуть крайнія, часто непреодолимая затрудненія при опредѣленіи такого отношенія. То же самое слѣдуетъ сказать и о второй цѣнности, т. е. той, которую похищенная вещь имѣетъ для вора. Для одного изъ нихъ 300 руб. могутъ составить богатство, между тѣмъ какъ для другаго они—ничтожная крупица. Болѣе серьезное значеніе имѣетъ цѣнность рыночная, мѣновая, но и она, какъ мѣрило наказанія, неудовлетворительна. Рыночная цѣнность, завися отъ отношенія спроса и предложенія, такъ же непостоянна, какъ и это отношеніе. Будучи же переменчивой, рыночная цѣнность представляется крайне негоднымъ масштабомъ мѣры наказанія, такъ какъ при такомъ масштабѣ равныя вины должны облагаться иногда очевидно неравными наказаніями. А этого нельзя допустить безъ явнаго нарушенія справедливости. И въ самомъ дѣлѣ, справедливо ли наказывать А, укравшаго вещь, стоящую въ 1880 году 350 руб., ссылкой на житіе въ Сибирь съ ограниченіемъ правъ или заключеніемъ въ арестантскихъ ротахъ на время отъ 1½ до 2 лѣтъ (Уложеніе ст. 1655),—въ то время, какъ Б. укравшій въ 1879 году ту же вещь *ceteris paribus*, но стоявшую тогда всего 250 руб., былъ подвергнутъ только заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ (Уставъ о нак., ст. 169)? Не ясно ли, что принципъ равенства наказаній для всѣхъ въ этомъ случаѣ попирается самымъ рѣзкимъ образомъ. Но этимъ не ограничиваются недостатки цѣнности, какъ легальнаго масштаба наказанія. При цѣновомъ масштабѣ основаніе къ соразмѣренію наказанія—не столько качественное, сколько количественное. Если А укралъ вещь цѣною въ 300 руб. въ то время, какъ Б цѣною въ 200 руб., то это еще не значитъ, чтобы внутренній агентъ перваго, преступная воля, былъ необходимо энергичнѣе, порочнѣе, чѣмъ внутренняя воля втораго. Потребности А могутъ быть болѣе широки, нужда болѣе настоятельна, а слѣдовательно, и воля его, какъ опредѣляемая неравными съ В условіями, можетъ ничѣмъ не отличаться отъ воли В, хотя бы онъ посягалъ и на предметъ большей цѣнности. Такимъ образомъ внутренняя преступность виновнаго никакъ

не можетъ точно опредѣляться цѣнность похищеннаго. А между тѣмъ это количественное различіе дѣлаютъ основаніемъ для качественного различія—родовъ наказанія, что крайне нецѣлесообразно. Эта нецѣлесообразность выступитъ еще рѣзче, если мы обратимъ вниманіе на то, что при цѣновомъ масштабѣ часто судья долженъ переходить къ высшему роду наказанія только потому, что цѣнность похищеннаго въ данномъ случаѣ на какой нибудь рубль или даже на нѣсколько копѣекъ выше цѣнности другихъ случаевъ; не странно ли и не жестоко ли подвергать заключенію въ арестантскія роты на 1½ года А, который крадетъ 301 р., въ то время, какъ Б, укравшій ровно 300 р., можетъ отдѣлаться только трехмѣсячнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ? Эту крайнюю несправедливость нѣкоторые кодексы хотятъ устранить тѣмъ, что представляютъ судѣе не стѣсняться мелкою разницею въ цифрахъ цѣнности похищеннаго (Дарыштадскій, ст. 365). Но эта мѣра есть полу-признаніе несостоятельности цѣноваго масштаба, такъ какъ, съ устраненіемъ точныхъ перегородокъ въ скалѣ масштаба цѣнности, отдается предпочтеніе судейскому усмотрѣнію, хотя бы то въ извѣстныхъ границахъ. Въ заключеніе доводовъ въ пользу несостоятельности цѣноваго масштаба уважемъ еще два. Если принимать цѣнность, какъ мѣрило наказанія за кражу, то, само собою разумѣется, необходимо точное опредѣленіе цѣны похищеннаго въ каждомъ данномъ случаѣ, но такое опредѣленіе нерѣдко бываетъ затруднительно, а иногда и совсѣмъ невозможно, какъ, наприм., въ томъ случаѣ, когда самой вещи совсѣмъ нѣтъ на лицо. Свѣдущіе люди—оцѣнщики должны въ этомъ случаѣ опредѣлять цѣлу на основаніи описанія свидѣтелей, видѣвшихъ похищенную вещь, но не трудно видѣть, что такой способъ опредѣленія цѣны крайне неточный въ большинствѣ случаевъ. Наконецъ, если цѣнность должна служить легальнымъ основаніемъ къ соразмѣренію наказанія за кражу, то возвышеніе послѣдняго по мѣрѣ цѣнности только тогда будетъ справедливо, если вору извѣстна цѣнность похищаемой вещи, такъ какъ въ противномъ случаѣ основаніемъ къ увеличенію наказанія служило бы то обстоятельство, на которое знаніе виновнаго не распространяется. Но, во первыхъ, часто воръ вовсе не знаетъ цѣнности похищаемой вещи даже приблизительно, какъ, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда несвѣдущій человѣкъ крадетъ какую либо антикварную рѣдкость, а во вторыхъ, констатировка такого знанія со сто-

роны суда часто затруднительна, а иногда и невозможна ¹⁾.

Итакъ цѣнность, какъ легальный масштабъ мѣры наказанія за кражу, не выдерживаетъ критики. Къ сожалѣнію наше Уложеніе о наказаніяхъ, а также и Уставъ Мировой еще придерживаются этого масштаба, хотя нельзя не замѣтить, что онъ сохраняется скорѣе, какъ наслѣдіе старинны, чѣмъ какъ начало, имѣющее свое *raison d'être*. Шагъ къ упраздненію вліянія этого начала сдѣланъ былъ еще въ Положеніи о ссыльныхъ 12 іюля 1840 года, гдѣ принято было при назначеніи степени наказанія не дѣлать различія по цѣнѣ покраденнаго, а обращать исключительное вниманіе на то, въ первый ли разъ учинено преступленіе или повторительно, равно на нравственныя къ тому побужденія и на обстоятельства, преступленіе сіе сопровождающія ²⁾. Но правило это, примѣнявшееся, что касается ссыльныхъ, по замѣчанію редакторовъ Устава о наказаніяхъ, безъ всякихъ практическихъ неудобствъ въ теченіи 15 лѣтъ, т. е. до 1855 г., не получило распространительнаго значенія, благодаря опасеніямъ редакторовъ Уложенія 1845 г., которые, хотя и полагали, что, согласно изъясненной Государственнымъ Совѣтомъ въ 1840 году мысли (въ Положеніи о ссыльныхъ), слѣдовало бы вовсе не принимать въ соображеніе цѣны украденнаго, „ибо сіе весьма часто и едва ли не всегда зависитъ отъ того, сколько виновному время, удобность и вообще обстоятельства дозволяли похитить,“ однако признали, что было бы „неудобно, даже опасно, особливо въ настоящее время, совершенно отмѣнить возвышеніе строгости наказанія по мѣрѣ цѣны украденнаго: ибо извѣстно по практикѣ дѣлъ о преступленіяхъ, что воры, иногда имѣя возможность украсть больше, ограничиваются похищеніемъ суммы или предметовъ меньшей цѣны единственно для того, чтобы не подпасть уголовной казни“ ³⁾. Такимъ образомъ, только мотивъ устрашенія, подсказываемый существовавшей тогда уголовной казнью, подѣ который разумѣлось наказаніе плетью, производившееся публично чрезъ палача, заставилъ редакторовъ Уложенія сбиться съ того справедливаго пути, на которомъ они стояли. Тѣмъ не менѣе и редакторы Уложенія принесли нѣкоторую лепту къ дѣлу уничтоженія цѣнности, какъ мѣры наказанія, не только своими соображеніями о несостоятельности этого мѣрила, но и чисто практически путемъ сокращенія тогодробнаго дѣленія цѣнности, которое существовало въ Сводѣ

¹⁾ Эгиди, *ibid.*, стр. 46 и слѣд. Гельшнеръ, *ibid.*, стр. 448—450. Берперъ, учебникъ, переводъ, стр. 73. Спасовичъ, *ibid.*, стр. 12. Фойницкій, *ibid.*, стр. 76—78.

²⁾ Проектъ Уложенія, прим. къ ст. 2084.

³⁾ Проектъ, *ibid.*

законовъ 1832 и 1842 годовъ. Въ Сводѣ законовъ существовало 6 дѣленій въ Уложеніи 1845 г. ихъ оставлено только три: 1) до 30, 2) до 300 и 3) свыше трехсотъ рублей (ст. 2159). Еще дальше пошли въ этомъ отношеніи редакторы Устава о наказаніяхъ. Подвергнувъ подробной критикѣ цѣнность, какъ мѣрила наказанія, они пришли къ тому заключенію, что это мѣрило слѣдовало бы совсѣмъ выбросить изъ нашего законодательства. Этого послѣдняго, впрочемъ, не исполнили потому, что „при начертаніи специальныхъ лишь правилъ о видахъ воровства, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ, примѣнить это начало во всей чистотѣ, безъ общей передѣлки всѣхъ прочихъ нашихъ узаконеній о кражѣ, еще невозможно.“ Тѣмъ не менѣе они слѣдали въ этомъ направленіи, какъ и сами говорятъ, рѣшительный шагъ тѣмъ, что сократили еще одно дѣленіе въ скалѣ цѣноваго масштаба, а именно, выбросили цифру 30 руб., оставивъ два главныхъ дѣленія—до 300 руб. и свыше этой суммы. За этимъ шагомъ редакторовъ Устава о наказаніяхъ нельзя не признать важности въ томъ отношеніи, что, благодаря ему, можно ожидать прямого перехода къ полной отміні цѣнности, какъ легальнаго мѣрила наказанія. Но нельзя не упрекнуть тѣхъ же редакторовъ за то, что они, сознавъ нераціональность этого мѣрила, сами же въ свое дѣтище, т. е. въ Уставъ о наказаніяхъ, вводятъ опредѣленную величину цѣнности похищеннаго, именно не свыше 50 коп., какъ обстоятельство, при наличности котораго судья можетъ понизить назначенное въ законѣ наказаніе на половину (ст. 171), т. е. вмѣсто трехъ мѣсяцевъ тюрьмы можетъ назначить 1½ мѣсяца. Противъ приведеннаго узаконенія сохраняютъ полную силу всѣ приведенныя выше соображенія. Почему, спрашивается, А, укравшій вещь цѣнностью въ 50 коп., можетъ отдѣлаться лишь полуторамѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, а Б, похитившій вещь *ceteris paribus*, стоящую 55 коп., долженъ нести трехмѣсячное тюремное заключеніе? Редакторы устава сами сознавали, что ихъ новое узаконеніе находится въ противорѣчій съ ихъ же разсужденіями и взглядами о несправедливости соразмѣрять наказаніе съ цѣнностью похищеннаго (*ibid.*, прим. подъ 172 ст.), но думали оправдать его тѣмъ, что „бываетъ иногда, и практика указываетъ многіе въ томъ примѣры, когда люди необразованные присваиваютъ себѣ незначительную чужую собственность, не считая того даже противозаконнымъ.“ Это обстоятельство несомнѣнно заслуживаетъ вниманія, но ошибка редакторовъ Уложенія состоитъ въ томъ, что они для признанія его значенія избрали тотъ самый путь, который сами же осудили.

§ 168. Признавая несостоятельность цѣнности похищеннаго, какъ легальнаго мѣрила наказанія, мы, однако, далеки отъ того, чтобы отрицать всякое значеніе цѣнности въ смыслѣ обстоятельства, способнаго

вліять на мѣру наказанія. Мы, напротивъ, готовы признать извѣстное значеніе цѣнности въ этомъ смыслѣ, такъ какъ было бы крайне несправедливо вора, укравшаго рубль, навазывать во всѣхъ случаяхъ совершенно такъ же, какъ и укравшаго тысячу рублей. Несомнѣнно, что разница въ количествѣ умышенно причиненнаго виновнымъ вреда потерпѣвшему должна въ извѣстныхъ случаяхъ вліять на разницу наказанія. Но дѣло въ томъ, что это вліяніе, во первыхъ, не всегда должно имѣть значеніе на вѣсахъ правосудія, а лишь иногда, сообразно особенностямъ даннаго конкретнаго случая, ибо, какъ мы выше сказали, разницу въ цѣнности похищеннаго, взятую абсолютно, никоимъ образомъ нельзя признавать обстоятельствомъ, долженствующимъ непременно вліять на мѣру наказанія. А между тѣмъ многія законодательства, въ томъ числѣ и наше, *ipso jure* обязываютъ судью возвышать наказаніе, если цѣнность превышаетъ извѣстную предѣльную цифру. Такимъ образомъ вся бѣда въ томъ, что законодатель вмѣсто того, чтобы предоставить судейскому усмотрѣнію возвышеніе наказанія по мѣрѣ цѣнности похищеннаго, самъ на себя беретъ эту роль и устанавливаетъ масштабъ, связывающій руки судьямъ. Само собою разумѣется, что судейскому усмотрѣнію должны быть положены извѣстныя, болѣе или менѣе широкія границы, въ предѣлахъ которыхъ судья могъ бы двигаться постепенно вверхъ по пути увеличенія наказанія, когда находилъ бы, что разница цѣнности должна въ данномъ случаѣ вліять на мѣру наказанія. Для того же, чтобы судьи не думали, что законъ отрицаетъ всякое вліяніе цѣнности на мѣру наказанія, достаточно въ общей части кодекса упомянуть о цѣнности, какъ обстоятельствѣ, которое *можетъ* вліять на мѣру наказанія.

Редакторы Устава о наказаніяхъ стояли на совершенно справедливой точкѣ зрѣнія, признавая, что попытки съ точностью опредѣлить заранѣе и разъ на всегда, въ какихъ именно случаяхъ преступность дѣянія на столько то увеличивается или ослабляется, никогда не удавались; обязательныя, неподвижныя, мертвыя формулы закона, говорятъ они, оказываются часто въ разладѣ съ условіями и требованіями дѣйствительности. На этомъ основаніи они признали невозможнымъ стѣснять судью, обязывая его непременно возвышать наказаніе при наличности увеличивающихъ вину обстоятельствъ, или уменьшать его же при наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ ¹⁾. Всѣ эти соображенія редакторовъ Устава о наказаніяхъ

¹⁾ Судебные уставы, изд. Государственной канцеляріей, ч. 4-я, прим. подъ 172 ст.

и основанныя на нихъ законоположенія совершенно раціональны; но ошибка ихъ въ томъ, что они, признавая малозначительную цѣнность обстоятельствомъ, заслуживающимъ пониженія положеннаго въ законѣ наказанія до половины, нашли, что такое пониженіе можетъ распространяться лишь на кражи цѣною не свыше 50 коп. Почему той же привилегіей меньшей наказуемости не должны пользоваться кражи цѣною въ 60, 70, 80 и т. д. копѣекъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что взятая редакторами Устава о наказаніяхъ цифра произвольна и, какъ таковая, должна быть вовсе выброшена изъ кодекса. Достаточно сказать, что при малозначительности покраденнаго положенное по закону наказаніе можетъ быть уменьшено до половины, если признавать, что мелкая кража заслуживаетъ иногда такого смягченія.

§ 169. Всѣ вышеизложенныя соображенія о цѣнности похищеннаго имѣли своею задачею—доказать несостоятельность цѣнности, какъ легальнаго мѣрила наказанія, и необходимость его исключенія изъ уголовного кодекса. Но такъ какъ цѣнность представляется пока обстоятельствомъ, вовсе не безразличнымъ въ вопросѣ наказанія, то необходимо указать основанія къ ея опредѣленію. Мы выше видѣли, что можно различать три главныхъ вида цѣнности; изъ нихъ наиболѣе цѣлесообразнымъ въ дѣлѣ наказанія должно признать *рыночную* цѣну украденнаго, какую имѣетъ предметъ во время похищенія. Рыночная цѣна наиболѣе цѣлесообразна потому, что она, какъ опредѣляемая отношеніями спроса и предложенія, представляется цѣнностью объективной, легко поддающейся опредѣленію; между тѣмъ какъ два другіе вида цѣнности представляютъ неисчислимыя затрудненія при точномъ ихъ опредѣленіи, что, конечно, крайне неудобно въ дѣлѣ уголовного правосудія. Рыночная цѣнность есть та цѣнность, какую имѣетъ вещь въ продажѣ, или другими словами—торговая цѣнность. Правительствующій Сенатъ также рекомендуетъ рыночную цѣнность.

По смыслу закона, говоритъ онъ, цѣнность добытаго преступленіемъ имущества опредѣляется оцѣнкою (Уст. Угол. Судопроизвод., ст. 335), а по общему характеру кражи, какъ преступленія противъ имущественныхъ правъ, оцѣнка украденныхъ вещей, съ цѣлью опредѣленія мѣры наказанія, должна быть производима по рыночной цѣнѣ" (1868 г. № 34, Лаламд.).

Можно указать на слѣдующія общія правила къ опредѣленію рыночной цѣны ¹⁾.

¹⁾ Эгиди, *ibid.*, §§ 9, 10 и другіе.

скаго математика извѣстно въ подлинникѣ. Кромѣ того отыскано нѣсколько старинныхъ переводовъ этого сочиненія на латинскій языкъ *).

Дагомари (*Dagomari*), болѣе извѣстный подъ именемъ *Паска даи' Аббасо*, жилъ въ началѣ XIV в. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ ученыхъ людей своего времени и считался однимъ изъ самыхъ свѣдущихъ геометровъ. До насъ дошло написанное имъ сочиненіе объ абакусѣ, въ которомъ онъ первый дѣлитъ числа, при помощи запятыхъ, на группы изъ трехъ цифръ, чтобы удобнѣе было ихъ читать. Дагомари принадлежитъ первому чести составленія альманаха, извѣстнаго подъ названіемъ *Taccino*; это первый альманахъ составленный въ Италіи **).

*) „Алгебра“ Магомеда-бенъ-Музмъ была извѣстна на Западѣ въ XIII и XIV вв.; до насъ дошло нѣсколько рукописей этого сочиненія въ переводѣ на латинскій языкъ. Одинъ изъ такихъ переводовъ былъ изданъ Либри и напечатанъ въ прибавленіяхъ къ первому тому его „Исторіи математическихъ наукъ въ Италіи“. Переводъ этотъ озаглавленъ: *Liber Mathematici filii Moysi alchoarismi de algebra et almuchabala inscript*. Рукопись этого перевода относится вѣроятно къ XII вѣку. Въ 1831 г. Розенъ издалъ „Алгебру“ Магомеда-бенъ-Музмъ въ подлинникѣ съ англійскимъ переводомъ.

Кромѣ „Алгебры“ Магомеда-бенъ-Музмъ въ XII вѣкѣ было извѣстно еще другое сочиненіе по Алгебрѣ, вѣроятно нимъ утерянное, написанное неизвѣстнымъ намъ арабскимъ писателемъ *Саидомъ*. Сочиненіе это было, по предположеніямъ Шаль, переведено на латинскій языкъ Герардомъ Кремонскимъ, который упоминаетъ о немъ часто въ своемъ переводѣ арабскаго сочиненія геометрическаго содержанія, о которомъ мы говорили на страницахъ 193—194. Герардъ ссылаясь на это сочиненіе говоритъ: *Librum praecedit illum et dicitur Saydi Aliabra de quo frequenter hic facit mentionem*. Шаль указываетъ на одну рукопись XII в. въ которой кромѣ геометрическаго сочиненія, переведеннаго Герардомъ Кремонскимъ, находится также сочиненіе по Алгебрѣ, начинающееся слѣдующими словами: *Primum quod necessarium est aspicienti in hoc libro...* Въ этомъ сочиненіи, авторъ часто ссылается на „Алгебру“ Магомеда-бенъ-Музмъ. Шаль высказываетъ предположеніе, что можетъ быть это сочиненіе и есть „Алгебра“ Саида? Существуетъ также сочиненіе алгебранческаго содержанія, озаглавленное: *Liber augmenti et diminutionis vocatus numeratio divinationis, ex eo quod sapientes Indi posuerunt, quem Abraham compilavit, et secundum librum qui Indorum dictus et composuit*. Предметъ этого сочиненія, главнымъ образомъ, разборъ вопросовъ, относящихся къ правилу ложнаго положенія. Большая часть этихъ вопросовъ рѣшены также алгебранчески; всѣ они сводятся къ уравненіямъ первой степени съ однимъ или двумя неизвѣстными. Весьма вѣроятно предположеніе, что содержаніе этого сочиненія было заимствовано изъ индусскихъ сочиненій, такъ какъ извѣстно, что правило ложнаго положенія было ими часто примѣняемо. Полагаютъ, что авторъ упомянутого выше сочиненія Савосарда, или же Авраамъ-Абенъ-Езра (*Abraham-Aben-Ezra*), жившіе оба въ XII в.

Мы обратили особенное вниманіе на упомянутыя сочиненія для того чтобы показать, что въ XII вѣкѣ математики Запада занимались Алгеброй.

**) Составленіе календарей на Западѣ вѣроятно заимствовали у арабовъ. Многое въ своихъ календаряхъ арабы заимствовали у христіанъ, такъ напримѣръ, сначала они свое лѣтоисчисленіе производили при посредствѣ лунныхъ годовъ, но такой счетъ представлялъ

Біаджіо-ди-Парма (*Biagio di Parma*) живъ въ началѣ XIV в. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ ученыхъ людей своего времени и написалъ сочиненія по Геометріи, арифметикѣ, астрономіи и оптикѣ. На сочиненія Біаджіо часто ссылаются Пачіоли. Монтукла полагаетъ, что Біаджіо живъ въ XIII в., вскорѣ послѣ Фибоначчи.

Іоаннъ Линерисъ (*Jean de Ligneris*) полагаютъ живъ въ первой половинѣ XIV в. Национальность его неизвѣстна; Либри полагаетъ, что онъ былъ родомъ изъ Сициліи. Балди же называетъ его нѣмцемъ, наконецъ нѣкоторые считаютъ его французомъ и предполагаютъ, что *Ligneris*, прешо-дававшій математическія науки въ XIII в. въ Парижѣ, и *Ligneris* о которомъ мы говоримъ, одно и то же лицо. Линерисъ написалъ нѣсколько сочиненій астрономическаго содержанія, изъ числа которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ таблицы синусовъ, названнаго „*Canones sinuum cum tabulis*“.

Дантти (*Danti d'Arezzo*), жившій въ XIV в., написалъ сочиненіе по Геометріи, а также другое объ алгоритмѣ, составленное по „Арифметикѣ“ Боэція. Содержаніе своего сочиненія по Геометріи Дантти заимствовалъ изъ арабскихъ источниковъ.

много неудобствъ, такъ какъ въ теченіи каждаго 33-хъ лѣтъ начало года приходилось на всѣ мѣсяцы года. Для устраненія этого неудобства многіе арабскіе писатели пользовались солнечнымъ годомъ и сирийскими и коптскими мѣсяцами. Во время послѣднихъ калифовъ стали вводить въ календари латинскіе мѣсяцы съ указаніемъ праздниковъ христіанскихъ святыхъ. Либри, въ прибавленіяхъ къ I-му тому своей „Исторіи математическихъ наукъ въ Италіи“, помѣстилъ одинъ изъ дошедшихъ до насъ латинскихъ переводовъ такого календаря. Календарь этотъ составленъ въ началѣ XIII в., вѣроятно въ Кордовѣ или Гранадѣ, Гарибомъ, смномъ Зенда, и посвященъ калифу Мостансиру II, умершему въ 1243 г. Заглавіе дошедшаго до насъ перевода: *Liber anoe hic incipit. In hoc libro est rememoratio anni, et horarum ejus, et reditionum anoe in horis suis, et temporis plantationum, et modorum agriculturarum, et rectificationum corporum, et repositionum fructuum*. Въ календарѣ этомъ помѣщено множество любопытныхъ свѣдѣній по астрономіи, исторіи, географіи и т. п. Въ особенности много интересныхъ данныхъ помѣщено, относящихся къ вопросамъ о температурѣ земной поверхности, вопросамъ, касающихся земледѣлія и т. п. Въ приведенномъ Либри латинскомъ переводѣ находится много неточностей, онъ полагаетъ, что это происходитъ отъ того, что большая часть лицъ отправлявшихся въ Испанію изучать арабскую науку были мало знакомы съ арабскимъ языкомъ. Для переводовъ различныхъ арабскихъ сочиненій они прибѣгали къ помощи мавровъ и евреевъ, которые переводили имъ арабскія сочиненія на испанскій языкъ, впоследствии переводчики сами уже переводили ихъ на латинскій языкъ. Конечно, что при такомъ способѣ переводить, нерѣдко вкрадывались ошибки и неточности. Въ приведенномъ Либри переводѣ календаря арабскія названія звѣздъ переводчикъ сохранилъ. Также впоследствии нерѣдко въ календаряхъ и сочиненіяхъ астрономическаго содержанія сохранились эти арабскія названія. Объ этомъ помѣщено много интересныхъ указаній въ сочиненіи: *Ideler, Untersuchungen über den ursprung und die bedeutung der sternnamen*, Berlin, 1809, in-8.

Каначчи (*Raphaël Canacci*) жилъ во Флоренціи въ XIV в. Онъ написалъ на италіанскомъ языкѣ сочиненіе по Алгебрѣ, въ которомъ рѣшено много весьма трудныхъ вопросовъ, а также находится много интересныхъ данныхъ для исторіи математическихъ наукъ. Содержаніе своего сочиненія Каначчи заимствовалъ изъ „Алгебры“ Люнуса. Къ сожалѣнію сочиненіе это до настоящаго времени не издано.

Просдоцимо (*Prosdocimo Beldomando*), жившій въ концѣ XIV в., написалъ сочиненія: объ абакусѣ, о музыкѣ, о пропорціяхъ, объ алгоритмѣ *) и по астрономіи.

По словамъ Просдоцимо, содержаніе одного изъ своихъ сочиненій онъ заимствовалъ изъ индусскихъ сочиненій. На сколько это справедливо неизвѣстно, такъ какъ сочиненіе это до насъ не дошло.

Мюрисъ (*Jean de Muris*), настоятель одной изъ парижскихъ церквей, жилъ въ первой половинѣ XIV в. Онъ авторъ нѣсколькихъ сочиненій, изъ которыхъ наиболѣе заслуживаютъ вниманія руководство по Геометріи и сочиненіе по Алгебрѣ и Ариметикѣ, подъ заглавіемъ, „*Quadripartitum numerorum*“. Последнее изъ этихъ сочиненій, по мнѣнію извѣстнаго Региомонтануса, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ сочиненій, написанныхъ въ древности и Средніе Вѣка **). Изъ Алгебры Мюриса заимствовали германскіе математики почти всѣ свои познанія по Алгебрѣ, такъ какъ сочиненія италіанскихъ математиковъ были имъ мало извѣстны.

Николай Оресмъ (*Nicolas Oresme*) епископъ Лисье (*Lisieux*), въ Нормандіи ***), умершій въ 1382 г., написалъ сочиненіе „*Algorismus proportionum*“, въ которомъ онъ стремится многими выраженіями „Началь“ Евклида дать алгебраическое толкованіе не прибѣгая къ геометрическимъ представленіямъ.

Уже до него было извѣстно, что выраженія $\left(\frac{a}{b}\right)^2$, $\left(\frac{a}{b}\right)^3$ ... суть двойныя, тройныя—выраженія отношенія $\frac{a}{b}$, что отношеніе $\frac{a}{c}$ составлено изъ отношеній $\frac{a}{b}$ и $\frac{b}{c}$, но Оресмъ первый подъ это правило включилъ также ирраціональныя величины. Оресму первому мы обязаны понятіемъ о дробной

*) Сочиненіе это было напечатано въ 1483 г., въ Падуѣ, подъ заглавіемъ „*Algorismus*“.

***) Региомонтанусъ выражается въ слѣдующихъ словахъ объ Алгебрѣ Мюриса: *Habetur apud nostros Quadripartitum numerorum, opus insigne admodum.*

***) Оресмъ былъ воспитателемъ французскаго короля Карла V, по приказанію котораго онъ перевелъ нѣкоторыя изъ сочиненій Аристотеля на французскій языкъ. Въ награду за сдѣланный переводъ Оресмъ получилъ, въ 1371 году, отъ короля сто франковъ. (*Crevier, Histoire de l'université de Paris, 1761, in-16. Т. II, pag. 427.*)

стемени и ея выраженіе формулой. Обозначеніе, употребленное нѣсколько разнится отъ настоящаго, такъ напр. выраженіе $\left(1\frac{2}{3}\right)^{\frac{1}{2}}$ онъ пишетъ въ видѣ $\frac{1}{2} \cdot 1^{\frac{2}{3}}$; или вмѣсто выраженія $\left(2\frac{1}{2}\right)^{\frac{1}{2}}$ онъ пишетъ $\frac{1}{4} \cdot 2^{\frac{1}{2}}$ и т. п. Оресмъ первый далъ правила для дѣйствій и преобразованій надъ такими выраженіями. Выраженія, которыя онъ разсматриваетъ въ настоящее время пишутся въ слѣдующей формѣ:

$$a^{\frac{p}{m}} = \left(a^m\right)^{\frac{1}{n}}, \left(a^{\frac{1}{p}}\right)^{\frac{p}{m}} = a^{\frac{1}{m}}, a \cdot b^{\frac{1}{n}} = \left(a^n b\right)^{\frac{1}{n}},$$

$$a^{\frac{1}{m}} \cdot b^{\frac{1}{n}} = \left(a^n b^m\right)^{\frac{1}{m \cdot n}}, a^{\frac{1}{m}} : b^{\frac{1}{n}} = \left(\frac{a^n}{b^m}\right)^{\frac{1}{m \cdot n}}, \text{ и т. п.}$$

Ганкель въ сочиненіи Оресма видитъ первыя примѣненія методологическаго принципа, названнаго имъ *закономъ постоянства* (Permanenz formaler Gesetze)*), по которому обобщенія понятій дѣлаются не на основаніи ихъ дѣйствительнаго содержанія, а на основаніи извѣстныхъ внѣшнихъ свойствъ, и который состоитъ въ подведеніи подъ одно начало этихъ свойствъ не обращая вниманія на ихъ происхожденіе и первоначальное значеніе. Подобное воззрѣніе вполнѣ въ духѣ новѣйшей математики, но было совершенно противно и несогласно съ понятіями древнихъ геометровъ.

Томас Брадвардинъ (Thomas Bradwardine) епископъ Канторберійскій, прозванный *doctor profundus*, принадлежалъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ ученыхъ XIV столѣтія. Онъ основательно былъ знакомъ съ математическими науками, философіей, богословіемъ и арабской литературой. Брадвардинъ принадлежалъ къ числу послѣдователей платоновскихъ воззрѣній, которыя тогда только что начинали проникать въ Европу. Онъ одинъ изъ первыхъ стремился приложить геометрическій методъ изслѣдованій въ изученіи богословскихъ наукъ и этимъ много способствовалъ развитію новаго направленія, проникшему въ монастыри,—центрамъ ученой дѣятельности того времени, именно: свободѣ мысли и сужденій.

Брадвардинъ первый, между геометрами, положившій основаніе теоріи правильныхъ звѣдчатыхъ многоугольниковъ**) въ своемъ сочиненіи подъ за-

*) *H. Hankel. Theorie der complexen Zahlensysteme. Leipzig. 1867. in-8. p. 10.*

**) Исторія развитія вопроса о правильныхъ звѣдчатыхъ многоугольникахъ изложена довольно подробно въ статьѣ Гюнтера: *Die geschichtliche Entwicklung der Lehre von den Sternpolygomen und Sternpolyedern in der Neuzeit*; статья эта помѣщена въ сочиненіи: *Dr. Sieg. Günther, Vermischte Untersuchungen zur Geschichte der Mathematischen Wissenschaften. Leipzig. 1876. in-8.* Другая статья по тому же предмету, написана тѣмъ же

главіемъ „*Geometria speculativa*“, написанномъ въ 1344 г. и напечатанномъ въ первый разъ въ 1496 г. *). Звѣздные многоугольники онъ называетъ *выступающими фигурами* (*figuris egredientium*).

Звѣздные многоугольники были извѣстны еще въ древности; намъ извѣстно, что правильный звѣздный пятиугольникъ у пифагорейцевъ служилъ знакомъ, по которому они узнавали другъ друга. Многоугольнику этому они приписывали различныя мистическія свойства. Правильный звѣздный пятиугольникъ находится также въ „Геометріи“ Боэція и въ комментаріяхъ Кампануса на „Начала“ Евклида. Мы уже выше сказали, что Бравардинъ былъ первый, между геометрами, изложившій теорію правильныхъ звѣздныхъ многоугольниковъ съ математической точки зрѣнія, это заслуживаетъ вниманія еще въ томъ отношеніи, что въ послѣдствіи, уже долго послѣ Бравардина, многіе ученые продолжали многоугольникамъ этимъ приписывать различныя мистическія свойства и сверхъестественное значеніе. Такъ напримѣръ, извѣстный Парацельсъ, жившій въ XVI столѣтіи **), счи-

---

авторомъ и напечатана въ *Bulletino di Bibliografia e di Storia delle Scienze matematiche e fisiche* за 1873 г. T. VI. Agosto, подъ заглавіемъ: *Lo sviluppo storico della teoria dei poligoni stellati nell' antichità e nel medio evo del Sig. Günther*.

Теорія правильныхъ звѣздныхъ многоугольниковъ была разработана Пуансо въ статьѣ: *Poinso, Mémoire sur les polygones et les polyedres. Journal de l'École Polytechn., 10 Cahier*.

*) Полное заглавіе сочиненія Бравардина слѣдующее: *Geometria speculativa. Breve compendium artis Geometriae à Thoma Bravardini ex libris Euclidis, Boetii, et Campani peroptimè compilatam et diuiditur in quattuor tractatus. Lutetia. 1496. in-4*. Сочиненіе это было въ послѣдствіи издано еще нѣсколько разъ. Заглавіе маленькаго сочиненія, приложеннаго въ концѣ „Геометріи“: *Tractatus de quadratura circuli editus à quodam archiepiscopo ordinis fratrum minorum Probemium*.

**) Парацельсъ принадлежалъ къ числу самыхъ удивительныхъ людей. Настоящее его имя было *Филиппъ Вомбастъ*, самъ же себя онъ называлъ *Philippus Aureolus Theophrastus Paracelsus Bombastus von Hohenheim*. Онъ родился въ 1493 г. въ Швейцаріи. По его собственнымъ словамъ, двадцати лѣтъ отъ роду, онъ началъ путешествовать и посѣтилъ: Испанію, Португалію, Францію, Венгрію, Польшу, Швецію, Египетъ и Туркестанъ. Во время своихъ десятилѣтнихъ странствованій онъ познакомился съ большею частью ученыхъ того времени и приобрѣлъ самыя многостороннія познанія. Нуждаясь въ деньгахъ Парацельсъ нерѣдко принужденъ былъ предсказывать будущее, гадать, заклинать мертвыхъ и т. п. Въ 1526 г. онъ занялъ катедру хирургіи и физики въ Базельскомъ университетѣ, гдѣ впрочемъ оставался всего годъ и снова началъ свои скитанія по различнымъ странамъ. Въ 1541 г. Парацельсъ умеръ въ Зальцбургѣ въ городской больницѣ.

Парацельсъ болѣе всего извѣстенъ какъ химикъ. Онъ одинъ изъ первыхъ высказалъ правильное мнѣніе о значеніи воздуха. По его понятіямъ если-бы воздуха небыло, то жизнь существъ была-бы немислима. Причина горѣнія дерева, по его мнѣнію, воздухъ. Парацельсъ также одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на выдѣленіе водорода при обливаніи желѣза, погруженнаго въ воду, сѣрной кислотой. По примѣру алхимиковъ онъ полагалъ, что всѣ ме-

такъ правильный звѣздный пятиугольникъ какъ символъ здоровья. Другой ученый Кирхеръ *) въ своей „Arithmologia“ рассказываетъ о правильныхъ звѣздныхъ пятиугольникахъ и семиугольникахъ (онъ называетъ ихъ *pentalfa* и *hexalfa*), при чемъ упоминаетъ при какихъ таинственныхъ обстоятельствахъ пользуются первымъ изъ нихъ. Подобныя суевѣрные воззрѣнія на звѣздный пятиугольникъ сохранились до конца прошедшаго столѣтія. Кестнеръ (Kästner) упоминаетъ въ своемъ сочиненіи „Geometrische Abhandlungen. Göttingen. 1790“, что въ 1780-хъ годахъ въ день рожденія русской императрицы Екатерины II, врачи обѣдали за столомъ, имѣющимъ форму правильного звѣзднаго пятиугольника, какъ служащаго символомъ здоровья. Звѣздный пятиугольникъ у грековъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *пентаграмма*, потому что онъ можетъ быть начерченъ въ одинъ приемъ непрерывно (гречески значить *черта* или *линія*).

„Геометрія“ Браввардина состоитъ изъ четырехъ частей; мы вкратцѣ укажемъ на содержаніе каждой изъ нихъ.

Въ первой части изложены опредѣленія, аксіомы и постулаты, которые находятся въ „Началахъ“ Евклида, а также помѣщена теорія звѣздныхъ многоугольниковъ.

Во второй части говорится о треугольникахъ, четырехугольникахъ, кругѣ и изопериметрическихъ фигурахъ. Мы уже выше упоминали, что первый писавшій, между математиками, о изопериметрическихъ фигурахъ былъ Зенодоръ, но о немъ Браввардинъ ничего не упоминаетъ.

Въ третьей части изложены пропорціи и измѣреніе площадей треугольника, четырехугольника, многоугольниковъ и круга. Площадь круга Браввардинъ полагаетъ равной площади прямоугольника, построеннаго на половинѣ длины окружности и половинѣ радіуса одного и того же круга. Предложеніе это Браввардинъ заимствовалъ изъ сочиненія Архимеда „Объ

тѣломъ состоятъ изъ трехъ началъ: духа, души и тѣла, или иными словами: ртути, сѣры и соли. Окисъ металловъ Парацельсъ называлъ *мертвымъ металломъ*, такъ напр. ржавчину онъ называлъ мертвымъ желѣзомъ. Весьма интересны также воззрѣнія Парацельса на жизнь и составъ тѣла человека.

Парацельсъ написалъ много сочиненій. Самое полное изданіе напечатано въ Базелѣ, въ 1589 г., въ 10 томахъ, in-4.

*) Кирхеръ (1602—1680) извѣстенъ своими обширными и многосторонними познаніями. Онъ былъ іезуитъ и преподавалъ въ теченіи многихъ лѣтъ математическія науки въ Римѣ, въ коллегіи іезуитовъ. Изъ числа его сочиненій наиболѣе извѣстны: „Arithmologia, sive de abditis numerorum exponitur, mysteriis ect. Romae. 1665. in-4“. „Ars magna lucis et umbrae in decem libros digesta. Romae, 1646, in-fol“. и мн. др. Сочиненія Кирхера заключаютъ не столько замѣчательнаго, сколько любопытнаго. Ему приписываютъ много интересныхъ изобрѣтеній, въ томъ числѣ и волшебный фонарь.

измѣренія круга“, но онъ не приводитъ доказательства. Для отношенія окружности къ діаметру Браввардинъ даетъ число $\frac{22}{7}$.

Въ четвертой части говорится о тѣлахъ, плоскостяхъ, тѣлесныхъ углахъ, пяти правильныхъ тѣлахъ и о шарѣ.

Въ концѣ „Геометріи“ Браввардина помѣщено маленькое сочиненіе о квадратурѣ круга, но съ достовѣрностью нельзя сказать кто авторъ этого послѣдняго сочиненія. По мнѣнію Гаурикуса сочиненіе это написано Кампанусомъ.

Николій Куза родился въ 1401 г., а умеръ въ 1464 г. Онъ былъ кардиналъ и занималъ мѣсто епископа въ Брисакѣ. Куза принадлежалъ къ числу самыхъ ученыхъ людей своего времени, онъ одинъ изъ первыхъ созналъ всю важность изученія математическихъ наукъ и явился противникомъ схоластической философіи, принявъ въ основаніи этой науки начала, положенныя Платономъ. Онъ авторъ нѣсколькихъ сочиненій по математикѣ, изъ содержанія которыхъ видно, что Куза былъ основательно знакомъ съ сочиненіями Евклида, Архимеда и другихъ математиковъ древности, къ сожалѣнію часто вмѣсто строго математическаго метода въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ прибѣгаетъ къ философскимъ разсужденіямъ, а потому нерѣдко приходитъ къ ложнымъ заключеніямъ. Математическія науки Куза стремился прилагать ко всѣмъ наукамъ, даже къ богословію. Исходя изъ подобныхъ ложныхъ разсужденій Куза думалъ, что нашелъ рѣшеніе извѣстной задачи квадратуры круга, которою онъ однимъ изъ первыхъ снова сталъ заниматься. Для радіуса онъ далъ слѣдующее выраженіе:

$$a = \frac{p}{2n \sin \frac{180^\circ}{n}}$$

въ которомъ n число сторонъ правильнаго, вписаннаго въ кругъ, многоугольника, а p его периметръ. Несмотря на точность этого выраженія, при его помощи нельзя доказать несоизмѣримости отношенія окружности къ діаметру. Рѣшеніе, предложенное Кузой, нашло сильнаго критика въ лицѣ Региомонтануса. Кузѣ также принадлежитъ честь одному изъ первыхъ, между новѣйшими математиками, быть послѣдователемъ системы Пифагора о движеніи земли около солнца. Нѣкоторые математики, въ числѣ ихъ также Валлисъ, въ сочиненіяхъ Кузы думали найти первую мысль о циклоидѣ, но такое мнѣніе едва-ли справедливо. Самъ Валлисъ упрекаетъ Кузу, что онъ принималъ циклоиду за дугу круга. Шаль полагаетъ, что Кузѣ было только извѣстно построеніе циклоиды, найденное механическимъ путемъ.

Большая часть сочинений Кузы относится къ вопросу о квадратурѣ круга. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ говоритъ о коническихъ сѣченіяхъ и способахъ ихъ построенія въ плоскости.

Большая часть сочиненій, написанныхъ кардиналомъ Кузой, относится къ богословію *).

Пурбахъ (Georg von Pöthenbach) родился въ 1423 г. недалеко отъ Линца. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Вѣнскомъ университетѣ, а затѣмъ отправился слушать лекціи въ различные университеты Франціи и Италіи. Около 1453 г. онъ читалъ лекціи по астрономіи въ Феррарскомъ университетѣ. Занимаясь астрономіей и изучая „Альмагестъ“ Птолемея, который въ то время, былъ основаніемъ этой науки, Пурбахъ видѣлъ всю несостоятельность существующихъ изданій этого сочиненія, а потому онъ задумалъ издать греческій текстъ „Альмагеста“. Всѣ свои познанія и труды Пурбахъ приложилъ къ этой цѣли, но преждевременная смерть не позволила окончить ему задуманнаго изданія, онъ успѣлъ обработать только первыя шесть книгъ **).

Сознавая важность хорошаго руководства по Ариметикѣ и необходимость основательнаго знанія производить вычисленія Пурбахъ написалъ сочиненіе „*Introductio in Arithmetica, Algorithmus de integris*“, которое было включено въ число основныхъ руководствъ, по которымъ читали свои лекціи профессора въ Вѣнскомъ университетѣ ***). Сочиненіе это также служило

*) Сочиненія Кузы въ первый разъ были напечатаны въ Парижѣ въ 1514 г., а потомъ въ Базелѣ въ 1565 г. подъ заглавіемъ: D. Nicolai de Cusa cardinalis, utriusque juris doctoris, in omnique Philosophia incomparabilis viri Opera. in-fol. Первые два тома этого собранія заключаютъ богословскія и философскія сочиненія Кузы, а третій—математическія. Вотъ заглавія математическихъ сочиненій, написанныхъ Кузой: 1) De Geometricis transmutationibus; 2) De Arithmetis complementis; 3) De Mathematicis complementis; 4) De Quadratura circuli; 5) De sinibus et chordis; 6) De unâ recti curvique mensurâ; 7) Complementum Theologicum figuratum in complementis mathematicis; 8) De Mathematicâ perfectione; 9) Reparatio Calendarii; 10) Correctio Tabularum Alfonsi; 11) Alia quaedam ex Gaucico in Cusam adjecta.

**) Въ 1460 г. въ Вѣну прибылъ кардиналъ Бессаріонъ, одинъ изъ самыхъ ученыхъ людей того времени, который принималъ живое участіе въ изданіи греческаго текста „Альмагеста“. Онъ пригласилъ Пурбаха, совмѣстно съ его ученикомъ Регіомонтанусомъ, ѣхать съ нимъ въ Италію изучать, находившіяся тамъ рукописи „Альмагеста“. Пурбахъ не зналъ греческаго языка, а потому помощь кардинала Бессаріона, хорошо знакомаго съ математической литературой древнихъ Грековъ, была ему необходима. Среди приготовленій къ отъѣзду въ Италію Пурбахъ умеръ въ 1461 г. 38 лѣтъ отъ роду.

***) До этого времени при чтеніи лекцій пособіемъ служило сочиненіе Сакро-Боско „*Algorithmus*“. Кромѣ сочиненія Пурбаха, въ число каноническихъ книгъ, по которымъ читали профессора, входили слѣдующія сочиненія: „*Arithmetica communis ex divi Severini Boëtii Arithmetica per M. Joannem de Muris compendiose excerpta*“; „*Tractatus brevis proportio-*

пособіємъ и въ другихъ университетахъ, какъ напр. въ Лейпцигскомъ и Виттенбергскомъ. Въ сочиненіи Пурбаха изложены слѣдующія дѣйствія: Numeratio, Additio, Subtractio, Mediatio, Duplatio, Multiplicatio, Divisio, Progressio и извлеченіе квадратныхъ корней. Указано суммирование членовъ геометрическихъ прогрессій. Всѣ дѣйствія производятся тѣми же способами, какъ и въ настоящее время, кромѣ дѣленія и извлеченія квадратныхъ корней. Все сочиненіе состоитъ изъ правилъ безъ доказательствъ и безъ примѣровъ.

Находя таблицы хордъ Птолемея неудовлетворяющими современному ему состоянію Астрономіи, Пурбахъ составилъ болѣе точныя таблицы синусовъ*). Радиусъ круга Пурбахъ положилъ равнымъ 600000, а градусы возрастали у него отъ 10' до 10'. Въ предисловіи къ своимъ таблицамъ Пурбахъ показываетъ способъ вычисленія синусовъ по методу Арзакеля**), а также приводитъ предложенія первой книги „Альмагеста“, относящіяся къ вычисленію хордъ***).

Регіомонтанусъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ученыхъ Германіи, родился въ 1436 г. въ Кенигсбергѣ, во Франконіи. Настоящее имя его *Іоаннъ Мюллеръ* (*Johannes Müller*), но по обычаю того времени онъ называлъ себя по мѣсту своего рожденія *Johannes de Monte Regio* или же просто *Regiomontanus*****). Двѣнадцати лѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ Лейпцигскій университетъ, въ которомъ оставался до 1450 г. Желаніе основательно изучить математику, и въ особенности астрономію, заставило *Regio-*

---

num abbreviatus ex libro de proportionibus D. Thomae Braguardini Anglici“. „Tractatus de Latitudinibus formarum secundum doctrinam magistri Nicolai Horem (Oresmii)“; „Tractatus de Minutis phisicis compositus Viennae Austriae per M. Joannem de Gmunden“. Сочиненія эти были напечатаны въ 1515 г. въ Вѣнѣ, въ видѣ одного Сборника.

*) Таблицы синусовъ были извѣстны арабамъ, которые заимствовали ихъ отъ Индусовъ. Таблицы эти были отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{4}$ градуса. Птоломей полагалъ радиусъ круга равнымъ 60, а *Арзакель* полагалъ его равнымъ 150.

**) *Асраель Арзакель* арабскій астрономъ, жившій около 1080 г. въ Толедо. Онъ былъ еврей. По словамъ Ретикуса онъ составилъ *Толедскія таблицы*, названныя такъ потому что онѣ вычислены для меридіана Толедо. Таблицы эти послужили къ составленію *Альфонсовыхъ таблицъ*.

***). Заглавіе этихъ таблицъ: Nova tabula sinus de decem minutis in decem, per multas millenarias partes cum usu: quae plurimarum rerum in astronomia occasio fuit. Таблицы эти не напечатаны. Предисловіе къ этимъ таблицамъ напечатано при сочиненіи: Tractatus Georgii Peurbachii super propositiones Ptolemaei de Sinibus et Chordis. Item Compositio Tabularum Sinuum per Joannem de Regiomonte. Adjectae sunt et Tabulae Sinuum duplices per eundem Regiomontanum. Omnia nunc primum in utilitatem Astronomiae studiosis impressa. Norimbergae apud Joh. Petreium anno Christi M. D. XLI.

****) *Регіомонтануса* иногда называли *Montroyal*.

монтануса отправится въ Вѣну, университетъ которой приобрѣлъ извѣстность, какъ главный центръ развитія математическихъ наукъ, благодаря Пурбаху, который въ то время преподавалъ тамъ математическія науки. Вскорѣ между учителемъ и ученикомъ завязалась самая тѣсная дружба, — они работали совмѣстно. Какъ только Региомонтанусъ достигъ числа лѣтъ, необходимыхъ, по правиламъ университета, для полученія права занять мѣсто преподавателя, онъ получилъ мѣсто доцента при своемъ учителѣ. Сначала, въ 1458 г., онъ читалъ *Perspectiva communis*, подъ этимъ именемъ была извѣстна Оптика; а въ 1460 г. онъ объяснялъ студентамъ I-ю книгу „Началь“ Евклида.

Региомонтанусъ принималъ дѣятельное участіе при изданіи „Альмагеста“, предпринятаго Пурбахомъ. Онъ собирався отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ Италію изучать греческій языкъ и познакомиться съ древними греческими рукописями, находящимися въ этой странѣ, но Пурбахъ умеръ и Региомонтанусъ одинъ сопровождалъ кардинала Бессаріона. Въ 1461 г. они прибыли въ Римъ, гдѣ Региомонтанусъ обработалъ остальные семь книгъ „Альмагеста“ и привелъ къ концу „*Epitome in Ptolemaie Almagestum*“ начатое Пурбахомъ. Въ это же время Региомонтанусъ писалъ свою Тригонометрію. Въ 1463 г. Бессаріонъ былъ назначенъ посломъ въ Венецію, куда его сопровождалъ Региомонтанусъ. Затѣмъ онъ слушалъ лекціи въ Феррарскомъ университетѣ, а потомъ читалъ лекціи по астрономіи въ Падуанскомъ университетѣ въ 1464 г. Въ этомъ же университетѣ нѣкоторое время читалъ лекціи и Пурбахъ. До 1468 г. Региомонтанусъ оставался въ Италіи, гдѣ онъ собиралъ всевозможныя математическія рукописи, многія изъ которыхъ онъ переписывалъ собственноручно. Возвратившись въ Вѣну Региомонтанусъ не рѣшился занять снова мѣсто преподавателя въ университетѣ, онъ считалъ для себя невозможнымъ читать лекціи по устарѣвшимъ руководствамъ. Побывъ нѣкоторое время въ Вѣнѣ Региомонтанусъ поступилъ на службу къ венгерскому королю Матвею Корвину, большому почитателю астрономіи, который основалъ въ Офенѣ громадную бібліотеку, въ которой было много древне-греческихъ рукописей. Въ Венгріи Региомонтанусъ оставался недолго, вслѣдствіи постоянныхъ войнъ, онъ принужденъ былъ въ 1471 г. переселиться въ Нюрнбергъ, гдѣ онъ построилъ обсерваторію, снабженную самыми лучшими приборами, сдѣланными подъ его руководствомъ. Кромѣ того онъ завелъ собственную типографію для печатанія математическихъ сочиненій. Средства для всего этого были ему доставлены другомъ — нюрнбергскимъ богачемъ Вальтеромъ. Къ сожалѣнію Региомонтанусъ не долго пользовался такимъ счастливымъ положеніемъ, въ 1475 г. онъ долженъ былъ отправиться въ Римъ, по приглашенію папы Сикста IV, чтобы принять участіе въ исправленіи календаря. Въ 1476 г. Региомонтанусъ

умеръ въ Римѣ. Нѣкоторые говорятъ, что сыновья Георгіа Трапезунтскаго отравили его, желая отомстить ему за неблагопріятные отзывы о переводѣ „Альмагеста“, сдѣланнымъ ихъ отцемъ, но болѣе вѣроятно, что Регіомонтанусъ сдѣлался жертвой злокачественной лихорадки.

Разсмотримъ вкратцѣ содержаніе сочиненій, написанныхъ Регіомонтанусомъ и укажемъ на его труды по Тригонометріи. Во время бытности своей въ Нюренбергѣ Регіомонтанусъ задумалъ громадное предпріятіе: издать всѣ сочиненія древнихъ математиковъ, а также новѣйшихъ и свои собственныя. Списокъ сочиненій, которыя должны были быть отпечатаны въ его типографіи былъ имъ опубликованъ. Подобное предпріятіе указываетъ на энергію Регіомонтануса и его обширныя свѣдѣнія, но едва-ли одинъ человѣкъ могъ бы довести это дѣло до конца.

Находя таблицы синусовъ, вычисленныя Пурбахомъ, недостаточно точными Регіомонтанусъ вычислилъ двѣ новыя таблицы синусовъ для угловъ отъ $1'$ до $1'$, при чемъ одна для радіуса $= 6000000$, другая для радіуса равнаго 10000000 *). При первой таблицѣ приложено объяснительное введеніе, въ которомъ показано устройство таблицъ и ихъ употребленіе. Въ этомъ введеніи Регіомонтанусъ доказываетъ, что если извѣстенъ синусъ дуги меньшей 90° , то извѣстенъ и синусъ дуги дополнительной. Регіомонтанусомъ была вычислена еще третья таблица, это—таблица тангенсовъ, извѣстная подъ именемъ „*Tabula foecunda*“, въ ней даны тангенсы всѣхъ дугъ при радіусѣ равномъ 100000 **). Регіомонтанусъ былъ первый между математиками Запада, который ввелъ тангенсы въ Тригонометрію. Извѣстно, что еще въ X в. арабскій астрономъ Абуль-Вефа ввелъ ихъ въ Тригонометрію, но неизвѣстно знали-ли объ этомъ Регіомонтанусъ.

Самое замѣчательное изъ сочиненій Регіомонтануса это безъ сомнѣнія его трактатъ по Тригонометріи, подъ заглавіемъ: „*De triangulis omnimodis libri quinque*“ ***). Еще Пурбахъ сознавалъ необходимость хорошаго сочиненія по Тригонометріи, но ранняя смерть помѣшала ему выполнить свое желаніе. Окончивъ изданіе „Альмагеста“ Регіомонтанусъ принялся за осуществ-

*) Обѣ таблицы изданы въ 1541 г.

**) Таблицы эти помѣщены въ *Johannis de Monte Regio, mathematici clarissimi, tabulae directionum profectionumque totam rationem primi motus continentes ect. Viteberg. 1606.*

***) Сочиненіе это было напечатано только долгое время послѣ смерти автора, подъ заглавіемъ: *Doctissimi viri et mathematicarum discipl. eximii Professoris, Joannis de Regio-monte, de triangulis omnimodis libri quinque.... Accesserunt huc in calce pleraque D. Nicolai Cusani de quadratura circuli, deque recti ac curvi commensuratione, itemque Jo. de monte regio eadem de re ἐλεγχτικᾶ, hactenus a nemine publicata. Norimberg. 1598.*

вленіе мысли Пурбаха. Къ сожалѣнію только первая часть этого сочиненія вполнѣ окончена и приготовлена къ печати самимъ Регіомонтанусомъ, остальные части остались не вполнѣ отдѣланными. Разсмотримъ содержаніе этого сочиненія.

Книга I начинается опредѣленіями и основными предложеніями; указаны условія при которыхъ даны величины, напр. если дана линія, то данъ и ея квадратъ, и обратно; если дано отношеніе двухъ величинъ и одна изъ нихъ, то дана и другая; если изъ четырехъ пропорціональныхъ величинъ даны три, то дана и четвертая и т. п. Съ 20-го предложенія начинается Тригонометрія, при чемъ прежде всего рассматриваются прямоугольные треугольники. Части треугольника опредѣляются только чрезъ синусъ, о другихъ тригонометрическихъ функціяхъ не говорится. Всѣ предложенія предварительно доказаны геометрически, при чемъ приложенъ численный примѣръ. Послѣ этого авторъ переходитъ къ равносророннему, равноугорьному и разностороннему треугольникамъ. Затѣмъ весьма обстоятельно рѣшена задача: по тремъ даннымъ сторонамъ найти углы треугольника. Сначала Регіомонтанусъ опредѣляетъ каковы углы въ треугольникѣ: прямые, острые или тупые, а затѣмъ опредѣляетъ части, на которыя дѣлится основаніе треугольника перпендикуларомъ, опущеннымъ изъ противоположащей ему вершины; опредѣливъ эти части, онъ находитъ высоту, а потомъ уже и самыя углы. Послѣ этого авторъ рѣшаетъ слѣдующія задачи: по двумъ даннымъ сторонамъ и углу, между ними заключенному, найти остальные части треугольника; по даннымъ двумъ сторонамъ и тупому углу, противоположащему одной изъ нихъ (если одной изъ сторонъ противоположитъ острый уголъ, то нѣтъ достаточно условій для опредѣленія остальныхъ частей треугольника; если же при этомъ дано положеніе перпендикуляра, опущеннаго на эту сторону, то части треугольника вполнѣ опредѣлены); по данной сторонѣ и двумъ ей прилежащимъ угламъ; по данной сторонѣ, одному прилежащему ей, а другому противоположащему углу, опредѣлить остальные части треугольника.

Книга II начинается предложеніемъ, что отношеніе сторонъ прямолинейнаго треугольника равно отношенію синусовъ угловъ, лежащихъ противъ этихъ сторонъ. За этимъ слѣдуетъ цѣлый рядъ предложеній, относящихся къ плоскому треугольнику. Всѣ эти предложенія онъ изслѣдуетъ геометрически, только для двухъ изъ нихъ *), которыя онъ не можетъ рѣшить геометри-

---

*) Предложенія эти слѣдующія: 1) Данъ перпендикуляръ, основаніе и отношеніе сторонъ, найти каждую изъ сторонъ? 2) Дана разность двухъ сторонъ, разность отрезковъ, на которые раздѣлено основаніе высотой, и высота; найти каждую изъ сторонъ?

чески, онъ прибѣгаетъ къ Алгебрѣ или какъ Региомонтанусъ выражается: „*per artem rei et census*“.

Книга III заключаетъ Сферическую Тригонометрію, въ основаніи которой принята „Сферика“ Менелая. Въ началѣ изложены предложенія, относящіяся къ шару и къ различнымъ кругамъ на шарѣ, а затѣмъ авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію сферическихъ треугольниковъ вообще.

Книга IV разсматриваетъ прямоугольные и вообще всякіе сферические треугольники. Въ этой книгѣ изложены основныя предложенія Сферической Тригонометріи.

Книга V содержитъ задачи и предложенія, относящіяся къ сферическимъ треугольникамъ.

Изъ числа предложеній этой книги заслуживаетъ особеннаго вниманія слѣдующее: Дуга большаго круга, дѣлящая пополамъ уголъ при вершинѣ сферическаго треугольника, разсѣкаетъ основаніе на такія двѣ части, которыхъ синусы относятся между собою, какъ синусы сторонъ, заключающихъ данный уголъ. Этому предложенію соответствуетъ аналогичное имѣющее мѣсто для плоскихъ треугольниковъ, которое было извѣстно уже грецкимъ геометрамъ.

Въ послѣднихъ двухъ книгахъ Региомонтанусъ вводитъ свои обозначенія для градусовъ и минутъ. Обозначенія эти состоятъ въ слѣдующемъ:
 $31.20 = 31^{\circ}20'$.

Въ этомъ сочиненіи Тригонометрія изложена Региомонтанусомъ такъ, какъ она излагается и въ настоящее время; основной характеръ остается тотъ-же. Изъ другихъ сочиненій Региомонтануса укажемъ еще на слѣдующія:

„*Oratio introductoria in omnes scientias Mathematicas, Patavii habita, cum Alfraganum publice praelegeret*“ *). Въ этомъ сочиненіи Региомонтанусъ дѣлаетъ обзоръ всѣхъ математическихъ наукъ, указываетъ на ихъ содержаніе, происхожденіе и взаимную связь. Начало наукъ онъ полагаетъ въ Египтѣ. Затѣмъ онъ разбираетъ сочиненія главнѣйшихъ писателей древности и новѣйшаго времени, и указываетъ на значеніе и направленіе ихъ трудовъ.

---

*) *Альфергани* (Alferganus или Alfraganus) арабскій астрономъ, умершій въ 820 г., былъ родомъ изъ Фергана. Альфергани принималъ участіе, по приказанію Альмамуна, въ исправленіи таблицъ Птолемея. Онъ написалъ „Начала Астрономіи“ или „Книга о движеніяхъ свѣтилъ“. Сочиненіе это было сначала переведено на еврейскій языкъ. Впослѣдствіи оно было переведено на латинскій языкъ Іоанномъ Севильскимъ въ XII в., а затѣмъ напечатано въ Феррарѣ въ 1493 г. Кромѣ того извѣстны также и другіе переводы этого сочиненія. Арабскій текстъ этого сочиненія былъ изданъ Голіусомъ (Golius) въ 1669 г. in-4. Альфергани называли современники *вычислителемъ* (el-Hasib).

Читая это сочинение удивляешься необыкновеннымъ познаніямъ Региомонтануса и его всеобъемлемому взгляду на состояніе всѣхъ наукъ.

Другое сочинение: „*In Elementa Euclidis Praefatio*“, состоитъ всего изъ трехъ страницъ. Вѣроятно оно должно было служить введеніемъ къ новому, исправленному изданію латинскаго перевода „Началъ“ Евклида, сдѣланнымъ Аделардомъ Батскимъ и Кампанусомъ. Первый изъ этихъ переводовъ Региомонтанусъ въ своей рѣчи, произнесенной въ Падуанскомъ университетѣ, называетъ „*elegantior et brevissime tacta*“. До сихъ поръ еще сохранилась въ Нюрнбергской библиотекѣ рукопись этого перевода, переписанная самимъ Региомонтанусомъ *). Евклида онъ не считаетъ авторомъ „Началъ“, а полагаетъ, что онъ только собранъ Евклидомъ.

Региомонтанусу приписываютъ еще сочиненіе „*Algorithmus demonstratus*“ **), содержаніе котораго Ариметика и Алгебра. Сочиненіе это интересно еще въ томъ отношеніи, что онъ излагаетъ ариметику теоретически, не основывая свои разсужденія на практическихъ примѣненіяхъ. Что это сочиненіе дѣйствительно принадлежитъ Региомонтанусу, можно заключить еще потому, что онъ въ рѣчи, произнесенной въ Падуѣ, упоминаетъ о своихъ сочиненіяхъ по Ариметикѣ и Алгебрѣ ***). Региомонтанусу принадлежитъ первому честь составленія альманаха „*Calendarium*“, — это первый альманахъ составленный и изданный въ Европѣ. Онъ былъ напечатанъ въ 1476 г. въ Аугсбургѣ. Сочиненіе это посвящено императору Рудольфу, отъ котораго Региомонтанусъ за свой трудъ удостоился получить 1200 золотыхъ талеровъ.

Региомонтанусъ далъ тригонометрическое рѣшеніе извѣстной задачи, находящейся въ сочиненіяхъ Брамагупты, и которой занимались многіе математики XV и XVI столѣтій. Задача эта состоитъ въ слѣдующемъ: по даннымъ четыремъ сторонамъ построить четырехугольникъ, вписанный въ кругъ ****).

*) Оба послѣднія сочиненія помѣщены въ изданіи: *Continentur in hoc libro Rudimenta astronomica Alfragani. Item Albategnius astronomus peritissimus de motu stellarum, ex observationibus tum propriis, tum Ptolemaei, omnia cum demonstrationibus Geometricis et Additionibus Joannis de Regiomonte. Item Oratio introductoria in omnes scientias Mathematicas Joannis de Regiomonte, Patavii habita, cum Alfragani publice praelegeret. Ejusdem utilissima introductio in elementa Euclidis. Item Epistola Philippi Melanthonis nuncupatoria, ad Senatum Norimbergensem. Omnia jam recens prelis publicata. Norimbergae anno MDXXXVII. in-4.*

**) Сочиненіе это издано Шенеромъ (Schöner) въ 1534 г.

***) Мы уже выше замѣтили, что нѣкоторые приписываютъ это сочиненіе Неперариусу.

****) Рѣшеніе, предложенное Региомонтанусомъ, помѣщено въ интересномъ сборникѣ, изданнымъ Муромъ (Murr) подъ заглавіемъ: *Memorabilia Bibliothecarum publicarum Norimbergensium et Universitatis Altorfinae. Norimberg. 1786. 3 vol. in-8.*

Регіомонтанусъ былъ также искусный механикъ; по словамъ Рамуса онъ устроилъ искусственную муху, которая могла летать, а также имъ былъ устроенъ орелъ, сопровождавшій императора, при въѣздѣ въ городъ, до самаго дворца. На сколько справедливы эти рассказы нельзя сказать, но вѣроятно они преувеличены современниками. Извѣстно только, что Регіомонтанусъ принималъ участіе, совмѣстно съ Вальтеромъ, въ усовершенствованіи знаменитыхъ Нюрнбергскихъ часовъ.

Изъ этого краткаго очерка сочиненій Регіомонтануса видно какими обширными и многосторонними математическими познаніями онъ обладалъ. По справедливости его причисляютъ къ числу замѣчательнѣйшихъ людей Германіи. Почти со всѣми учеными того времени онъ находился въ перепискѣ, предлагалъ постоянно задачи для рѣшенія; чтобы возбудить интересъ къ рѣшенію задачъ онъ нерѣдко предлагалъ призы *). Ученая дѣятельность Регіомонтануса имѣла большое вліяніе на послѣдующее развитіе математическихъ наукъ, въ особенности въ Германіи. Благодаря Регіомонтанусу Нюрнбергъ приобрѣлъ извѣстность, какъ центръ, гдѣ процвѣтали науки и искусства, такъ какъ интересъ, возбужденный имъ, къ изученію математическихъ наукъ и астрономіи нашелъ не мало послѣдователей.

Видманъ Эгеръ (Johannes Widman von Eger) написалъ въ 1489 г. сочиненіе по Ариѳметикѣ, состоящее изъ трехъ частей, въ послѣдней изъ нихъ изложена Геометрія, а потому мы познакоимся съ содержаніемъ этого сочиненія.

Со времени Регіомонтануса математическія науки въ Германіи начинаютъ находить практическое примѣненіе. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ городу Нюрнбергу, счетоводныя школы котораго приобретаютъ всеобщую извѣстность не только въ предѣлахъ Германіи, но и во всей Европѣ. Методы счета употребляемые нюрнбергскими купцами всюду извѣстны и весьма распространены на всемъ Западѣ. Вслѣдствіи такого направленія математическихъ наукъ въ концѣ XV-го вѣка начинаютъ появляться въ Германіи сочиненія по практической ариѳметикѣ, въ которыхъ нерѣдко кромѣ чисто ариѳметическихъ вопросовъ рѣшаются геометрическія задачи. Сочиненія эти названы были нѣмцами *rechenbücher*. Особенно много ихъ было написано въ теченіи XVI-го столѣтія **). Къ числу такихъ сочиненій принадлежитъ и ариѳметика Видмана.

*) Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Родеру (Röder) Регіомонтанусъ обѣщаетъ по дѣлѣ венгерскія золотыя монеты за рѣшеніе всякой, изъ предложенныхъ имъ нести задачу.

**) Первое извѣстное до настоящаго времени сочиненіе такого содержанія появилось, въ Бамбергѣ, въ 1478 г. Сочиненіе это нынѣ утеряно. Указанія на это сочиненіе находятся въ „Brem und Verdisch. Bibliothek, 2 Bd., Hamburg, 1756“ въ статьѣ: „Weller, s. Nachricht

Мы уже выше упомянули, что это сочинение *) состоитъ изъ трехъ частей: въ первой изложены дѣйствія надъ отвлеченными числами, во второй — отношенія и пропорціи, и въ третьей Геометрія. Укажемъ вкратцѣ, что содержитъ каждая изъ этихъ частей.

Первая часть начинается съ основныхъ дѣйствій надъ числами, которыя изложены въ слѣдующемъ порядкѣ: сложение, вычитаніе, умноженіе на два, дѣленіе на два, умноженіе, дѣленіе, возвышеніе въ степени и извлеченіе корней. Приемы, употребленные авторомъ носятъ характеръ приемовъ извѣстныхъ еще индусамъ. Правила даны безъ всякихъ доказательствъ, но указаны приемы при помощи которыхъ можно узнать правильно-ли рѣшена данная задача, или нѣтъ. Далѣе слѣдуютъ дѣйствія надъ дробными числами, при чемъ рѣшено много задачъ.

Вторая часть, содержащая отношенія и пропорціи, заимствована изъ „Началъ“ Евклида, сочиненій Боэція, Фронтини и „Ариметики“ Неморариуса. Большая часть изъ вопросовъ этой части рѣшаются при помощи тройнаго правила, которое авторъ называетъ „золотое правило“. Также приведено множество другихъ различныхъ правилъ, выведенныхъ изъ рѣшеній задачъ, какъ напримѣръ: правило товарищества, правило смѣси, цѣнное правило, *reg. quadrata*, *reg. cubica* (вычисленія объемовъ), *reg. sententiarum* (неопредѣленные вопросы, допускающіе нѣсколько рѣшеній) и т. п. Большая часть изъ этихъ правилъ относятся только къ частнымъ случаямъ, другіе болѣе

von alten mathematischen, besonders zur Messkunst gehörigen Büchern, die in deutscher Sprache geschrieben sind“. Указаніе это слѣдующее: Das Register. Hiernach folget das Register dieses Rechenruffelns nach seinen Capiteln und was in einem jeztlichen begriffen. Hiernumb den fl.iffig mercken das mit hantzen Ziffer ersucht mit seinen Canonen (збротно должно бить Canonen) und Exempeln nachfolgende und ob rudert ein ciffel ader mer verfert were wil ich entschuldigt sein ader zu vil ader ze wenig wer ect. Im Jare Christi 1473 kl. 17 des Xxvten. Rechnung in mancherley Wijs in Rabenberg durch Heinrich Petzensteiner begriffen ect.

Самая древняя, изъ извѣстныхъ до сихъ поръ печатныхъ „Ариметикъ“, написана на италянскомъ языкѣ и носить заглавіе: *Incommincia una practica molta bona et utile a chiascheduno che vuole uxare larte della mercadantia, chiamata vulgarmente larte de lab-bacho*. A. Trevisio, 10 decem. 1478. Вся книга состоитъ изъ 62 листочковъ. Числа написаны арабскими цифрами. До настоящаго времени извѣстенъ только одинъ экземпляръ этого сочиненія, который принадлежалъ извѣстному Либри.

*) Заглавіе этого сочиненія слѣдующее: *Behêde und hübsche Rechnung auff allen hanffmanfchaft ect. Gedruckt in der Fürstlichen Statt Leipgitz durch Conradt Koberlossen Im Jare 1489*. Сочиненіе Видмана было снова издано въ 1500 г., въ Пфортенѣ (Pfortenheim), Ангельмъ (Thomas Angßelm) и въ 1526 г., въ Аугсбургѣ, Генрихомъ Штейнеромъ (Hannrich Stamer). Извѣстны также изданія 1508 г. и 1519 г.

ДѢЙСТВІЕ АЛКОЛОИДА ДУВОИЗИНА НА СЕРДЦЕ ЛЯГУШКИ.

(Изъ физиологической лабораторіи университета Св. Владимира).

I.

Три года тому назадъ то есть въ 1877 г. D-г Bancroft, въ Брисбенѣ ¹⁾, первый занялся, по инициативѣ v. Müller'a опредѣленіемъ дѣйствія экстракта *Duboisiae myoporoides*; это изслѣдованіе предпринято было съ цѣлью нѣкоторыхъ уясненій относительно изысканій надъ „pituri“ — возбуждающимъ наркотикомъ, употребляемымъ въ жвачку туземцами центральной Австраліи. Происхожденіе, „pituri“, надо замѣтить, относить теперь къ растенію *Duboisia Hopwoodii*, которое есть видъ *Duboisiae myoporoides*. Что касается растенія *Duboisiae myoporoides*, то его теперь окончательно относить къ семейству *Solanaceae*.

Растеніе *Duboisia myoporoides* найдено первоначально въ Австраліи; оно растетъ кустарникомъ вышиною въ 4—5 метровъ, очень обильно въ лѣсахъ западной Австраліи, а именно въ новомъ южномъ Валлисѣ, въ окрестностяхъ около Sydney, на мысѣ York и въ колоніи Queensland. Его потомъ нашли въ новой Каледоніи, а недавно v. Müller его нашелъ въ новой Гвинее. Panché (Herbier du Museum et Herbier de l'Exposition permanente des Colonies) говоритъ что *Duboisia myoporoides* встрѣчается въ изобиліи по берегамъ острова Pins и Grande-Pe.

---

¹⁾ Brisbane, главный городъ англійской колоніи Queensland въ Австраліи.

Подробное описаніе самаго растенія и рисункъ его даны намъ профессоромъ de Lanessan въ Bull. de therap. 30 Avril 1878.

D-г Bancroft, чтобы узнать дѣйствіе экстракта *Duboisiae* сдѣлалъ нѣсколько пробныхъ опытовъ надъ собаками и кошками, впрыснувъ имъ подъ кожу растворъ этого экстракта, при чемъ замѣтилъ, что у нихъ является какая-то неуверенность въ походкѣ, какъ-бы у слѣпыхъ, падаютъ при самой малѣйшей неровности пути, а если къ тому же имъ на пути попадаетъ какое нибудь препятствіе, то прямо натапливаются на него. Оставленные одни—засыпаютъ. Зрачки чрезвычайно расширяются и животныя дѣлаютъ впечатлѣніе ничего не видящихъ. Очень сильное разширеніе зрачка Bancroft замѣтилъ и послѣ мѣстнаго примѣненія къ глазу раствора экстракта *Duboisiae*. Кромѣ того, онъ давалъ этотъ экстрактъ внутрь при *asthma* и *photophobia*, при чемъ тоже замѣтилъ сильное разширеніе зрачка, ослабленіе зрѣнія, притупленіе понятія, сухость въ глоткѣ, жажду и потерю вкуса. Эти результаты D-г Bancroft въ октябрѣ мѣсяцѣ сообщилъ Квинслендскому философскому обществу (*Queensland's Philosophical Society*).

Въ послѣдствіи объ мидріатическихъ свойствахъ экстракта *Duboisiae* убѣдились тоже D-г Tomson ординаторъ больницы въ Брисбенѣ, д-ръ Мачинтошъ (*Mc. Intosh*) въ больницѣ въ Ипсвитшѣ и D-г Fortescue въ Sydney. Этотъ послѣдній замѣтилъ сильное разширеніе зрачка отъ впущенныхъ въ здоровый глазъ 2 капель воднаго раствора экстракта *Duboisiae*, а чрезъ 30 минутъ и полный параличъ аккомодациі. На четвертый день, послѣ впусканія капель, явленія паралича аккомодациі почти исчезли, хотя зрачекъ еще былъ разширенъ, при неясности зрѣнія.

D-г Fortescue первый переслалъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1877 г. известное количество экстракта *Duboisiae* въ Европу, а именно въ Лондонъ своему другу доктору Туиди (*Tweedy*), ассистенту при глазной клиникѣ. Этотъ послѣдній произвелъ рядъ клиническихъ наблюденій надъ дѣйствіемъ этого средства специально на глазъ, а часть экстракта передалъ профессору Рингеру тоже въ Лондонѣ, для изслѣдованія общаго его дѣйствія на животный организмъ. Полученные результаты и выводы свои и Рингера, Туиди описалъ въ медицинскомъ журналѣ „*The Lancet*“, March 2, 1878 стр. 304 подъ заглавіемъ „*On the mydriatic properties of Duboisia myoporoides*“. Что касается наблюденій Туиди, то я приведу вкратцѣ заключенія, къ которымъ онъ пришелъ,

а именно, что растворъ экстракта *Duboisiae* примѣненный мѣстно на глазъ у людей очень скоро (въ 10 м.) и сильно, расширяетъ зрачекъ и производитъ полный параличъ аккомодациі. Разширеніе зрачка длилось 6—10 дней, а аккомодациа послѣ 5—7 уже пришла въ нормальное состояніе. Раздраженія экстрактомъ соединительной оболочки глаза Туиди не замѣтилъ, напротивъ экстрактъ оказалъ большія услуги въ большемъ числѣ случаевъ болѣзней роговицы, при Iritis, спазмѣ аккомодациі и т. п. лучше атропина.

Выводы Рингера и его опыты я приведу болѣе подробно, такъ какъ они прямо относятся къ моей работѣ, стараясь придерживаться его словъ.—Профессоръ Рингеръ, чтобы наблюдать общее дѣйствіе экстракта *Duboisiae*, произвелъ съ нимъ нѣсколько опытовъ (скорѣе пробъ) надъ животными и людьми. Итакъ: А) большой Кипрской кошкой онъ впрыснулъ подъ кожу спины небольшое количество (6 minims) воднаго раствора (1—5) экстракта *Duboisiae*. Черезъ 15 минутъ зрачки начали разширяться, а спустя еще 5 минутъ они уже были вполне разширены и не реагировали на свѣтъ. Въ это время ротъ кошки былъ до того сухъ, что едва слышенъ былъ ея голосъ. Черезъ 41 часъ послѣ впрыскиванія, ротъ сдѣлался влажнѣе и зрачки уже начали суживаться. В) Подкожное впрыскиваніе онъ сдѣлалъ также и людямъ; одному впрыснулъ $\frac{1}{2}$ gr. экстракта, а другому цѣлый гранъ и получилъ такія же рѣзкія явленія, причемъ сила ихъ соотвѣтствовала дозѣ. У обоихъ зрачки разширились и вызвалась сухость рта. У того, которому онъ впрыснулъ цѣлый гранъ, ротъ такъ высохъ, что онъ едва былъ въ состояніи говорить; сухость продолжалась 5 часовъ. Черезъ 15 минутъ послѣ впрыскиванія у обоихъ появилась сонливость, головная боль, которая продолжалась больше 2-хъ часовъ. Человѣкъ, которому впрыснуть былъ цѣлый гранъ, жаловался на общую усталость и *пульсъ у него поднялся отъ 66 до 120 въ минуту*. Оба страдали головою болью, продолжавшеюся 3 часа. Изъ этого Ringer заключаетъ, что *Duboisia*, употребленная мѣстно или внутрь, все-равно расширяетъ зрачекъ. При внутреннемъ употребленіи, кромѣ разширенія зрачка *Duboisia* вызываетъ сухость во рту, ускореніе пульса, причиняетъ общую мышечную усталость, головную боль, и сонливость—всѣ тѣ симптомы, которые получаютъ и отъ атропина. Чтобы рѣшить, дѣйствуетъ ли *Duboisia* подобно атропину на транспирацію кожи, Рингеръ впрыснулъ подъ кожу больному, страдавшему чахоткой безъ лихорадки, $\frac{1}{2}$ грана

pilosa *grini nitrici* и чрезъ 3 минуты начался сильный потъ и слюно-
теченіе; транспирація была такъ обильна, что послѣ 4 минутъ все
лицо покрылось потомъ. 9 минутъ послѣ впрыскиванія пилокарпина,
онъ впрыснулъ $\frac{3}{4}$ грана экстракта *Duboisiae* въ растворѣ 1—4. Спусти
7 минутъ, кожа и ротъ начали высыхать, а послѣ 10 минутъ они
были совсѣмъ сухи, и зрачки начали расширяться. Чрезъ 25 минутъ
явыкъ былъ совсѣмъ сухъ и началась сонливость. На второй день (спустя
19 часовъ) ротъ еще былъ немного сухъ, а зрачки еще расширены. Этотъ
опытъ (такъ выражается Рингеръ) доказываетъ, что *Duboisia* задер-
живаетъ транспирацію, сушитъ ротъ и расширяетъ зрачекъ. Для рѣшенія
вопроса, противодѣйствуетъ ли дубовизинъ подобно атропину вліянію
мускарина на сердце лягушки, Рингеръ сдѣлалъ три опыта надъ лягуш-
ками слѣдующимъ образомъ: послѣ разрушенія спинного мозга на вы-
сотѣ *membranae occipito atlanticae*, онъ вскрылъ грудную вѣтву и
дѣйствовалъ на *auricula (sic)?* и *sinus venosus* небольшимъ количест-
вомъ мускарина. Въ первомъ опытѣ, чрезъ 4 минуты послѣ приложе-
нія мускарина, число сокращеній сердца уменьшилось отъ 31 до 6
ударовъ въ минуту. Затѣмъ подѣйствовалъ небольшимъ количествомъ
раствора (1—2) экстракта *Duboisiae*. Чрезъ 3 секунды число ударовъ
увеличилось до 23 въ минуту, а также увеличилась и сила каждого
сокращенія. Чрезъ 10 часовъ, число сокращеній дошло до 40 въ ми-
нуту.

Во второмъ опытѣ, *muscarin* иначе дѣйствовалъ, именно эффектъ
выразился болѣе значительнымъ уменьшеніемъ силы сокращенія и ме-
нѣе значительнымъ уменьшеніемъ числа (34—26); сокращенія сдѣла-
лись едва замѣтными. За тѣмъ онъ подѣйствовалъ на *auricula (sic)* и
на *sinus venosus* небольшимъ количествомъ экстракта *duboisiae*, черезъ
минуту, сокращенія сдѣлались сильнѣе, а черезъ 4 минуты число уда-
ровъ дошло до 30 въ минуту.

Въ третьемъ опытѣ *muscarin* уменьшилъ число ударовъ сердца
съ 32 на 14 въ минуту и кромѣ того сокращенія такъ ослабли, что
были едва замѣтными. Тогда онъ положилъ на сердце небольшое ко-
личество экстракта *duboisiae* и чрезъ 2 минуты сердце уже замѣтно
било, а чрезъ три, сокращенія сдѣлались нормальными и дошли до
30 въ минуту.

Изъ этихъ опытовъ Рингеръ заключаетъ, что экстрактъ duboisiae,

подобно атропину, представляется антагонистомъ мускарина по отношенію къ дѣйствію на сердце лягушки.

Еще въ одномъ отношеніи дѣйствіе *duboisiae* похоже на *atropin*: 15 января Рингеръ впрыснулъ подъ кожу лягушки вѣсомъ въ 30 граммовъ, 4 минимъ (minims) раствора (1—2) экстракта *duboisiae*. Это произвело общую слабость, отъ которой животное вскорѣ же оправилось, а чрезъ 48 часовъ животное находилось какъ бы въ тетаническомъ состояніи, то есть замѣчалась тугость въ его движеніяхъ и когда онъ ударилъ по спинѣ ея, то появились судороги во всѣхъ членахъ, которые не задолго какъ бы окоченѣли, при чемъ пальцы конечностей широко раздвинулись. Двумъ другимъ лягушкамъ онъ впрыснулъ такую же дозу, но не замѣтилъ *tetanus*. Вотъ способъ какимъ профессоръ Рингеръ описываетъ въ „*The Lancet*“ свои опыты, на основаніи которыхъ онъ пришелъ къ своимъ заключеніямъ о физиологическомъ дѣйствіи экстракта *duboisiae myoporoides*. Еще упоминаетъ Blake, что растворъ одного миллиграмма, будучи впрыснутъ подъ кожу, задержалъ ночные поты у одного больного.

Всѣ вышеозначенные опыты (или пробы) были произведены въ теченіе 1877 г. и началъ 1878 г. до марта мѣсяца. Тогда знали только одинъ экстрактъ листьевъ *duboisiae*; алкалоидъ или соли его еще не былъ извѣстенъ и только 3 апрѣля 1878 г. въ Парижѣ м. Petit первый представилъ фармацевтическому обществу добытый имъ въ теченіи марта мѣсяца алкалоидъ изъ экстракта *duboisiae*, въ видѣ сѣрнокислой соли—*duboisinum sulphuricum*.

Petit добылъ алкалоидъ дубоизинъ слѣдующимъ образомъ: экстрактъ (не говорится, какой части растенія) растворилъ въ возможно маломъ количествѣ воды и къ раствору прибавилъ двууглекислаго кали до ясной щелочной реакціи. Этотъ растворъ обрабатывалъ эфиромъ, послѣ перегонки котораго остался алкалоидъ въ видѣ легко окрашеннаго верникаса. Это вещество растворилъ въ сѣрной кислотѣ и вторично обрабатывалъ двууглекислымъ калиемъ и эфиромъ и такимъ образомъ получилъ очищенный аморфный сѣрнокислый дубоизинъ. Для полученія кристалловъ этой соли Petit ее растворилъ въ абсолютномъ алкоголѣ и растворъ оставилъ для самостоятельнаго испаренія. (Под-

робности смотри статью D-г Weeker'a въ Bull. de therap. 30 Avril 1878, стр. 349).

Одновременно съ Petit'омъ въ Парижѣ, Holmes и Gerrard въ Лондонѣ на засѣданіи фармацевтическаго общества 3 апрѣля представили добытый ими изъ экстракта *duboisiae* алкалоидъ *дубоизинъ*, тоже въ видѣ сѣрнокислой соли. Способъ, которымъ они его добыли, нѣсколько разнится отъ способа Petit'a и подробно описанъ въ *Pharmaceutical Journal* (6 апрѣля 1828). „The alcaloid and active principle of *duboisia myoporoides*“, и въ рефератѣ D-г Mehu въ Bull. de therap. 30 Avril 1878, стр. 360.

Относительно химическихъ и физическихъ свойствъ дубоизина должно замѣтить, что онъ представляетъ большую аналогію съ атропиномъ и, если бы не нѣкоторыя отличительныя черты его, то онъ легко могъ бы быть принятъ за атропинъ.

Реакція атропина и алкалоида дубоизина.

Atropin.

Duboisin.

1) Съ tannin'омъ даетъ бѣлый осадокъ, растворимый въ соляной кислотѣ.	Тоже.
2) Съ іодисто-ртутнымъ калиемъ даетъ бѣлый осадокъ.	Тоже.
3) Съ натріемъ, калиемъ и амміакомъ даетъ осадокъ, растворимый въ избыткѣ щелочи.	Тоже.
4) Съ хлористымъ золотомъ и двухлористою платиною даетъ темно-лимонный осадокъ.	Тоже.
5) Съ сѣрноціанистымъ кали и двухлористой ртутью не даетъ осадка (по крайней мѣрѣ если эта послѣдняя соль не есть въ видѣ насыщеннаго раствора).	Тоже.
6) Нагрѣтый между двумя часовыми стеклами улетучивается	Тоже.

отчасти; и пары осаждаются въ видѣ прозрачнаго верника.

7) Хорошо растворимъ въ эфирѣ.

Тоже.

Отличается duboisin отъ atropin'a слѣдующими:

Atropin.

1) Не отклоняетъ плоскости поляризаціи.

2) Отъ азотной кислоты не окрашивается.

3) Отъ неразведенной сѣрной кислоты не измѣняетъ цвѣта; при подогрѣваніи отдѣляется пріятный запахъ и жидкость мутнѣетъ, при прибавленіи дву-хромокислаго кали осаждается зеленая окись хрома.

4) При кипяченіи съ баритомъ даетъ запахъ эссенціи *Gaultheria*.

5) Для полученія алколоида, сѣрно-кислой соли,—для насыщѣнія требуется меньше кислоты (на 2 грана 3 капли).

6) Труднѣе растворяется въ водѣ.

7) Самъ алколоидъ можно получить въ кристаллической формѣ.

Duboisin.

Плоскость поляризаціи отклоняетъ влево. (Petit).

Окрашивается въ темный цвѣтъ.

Окрашивается въ красновато-темный цвѣтъ, при подогрѣваніи получаетъ запахъ бутировой кислоты; при прибавленіи дву-хромокислаго кали не осаждается зеленою окисью хрома, а отдѣляетъ кислыя пары.

Отдѣляетъ непріятный запахъ.

Требуется больше кислоты (на 2 грана 4 капли).

Въ 2 раза легче.

Еще не полученъ.

Gergard получилъ соединенія duboisin'a съ сѣрной, соляной, азотной, фосфорной, виннокислотой и съ бромъ-гидратомъ. Изъ нихъ только соединенія съ сѣрной кислотой и съ бромъ-гидратомъ дали кристаллы.

Указанія относительно дѣйствія не экстракта, а уже алколоида

въ видѣ сѣрнокислой соли (*duboisinum sulfuricum*) находимъ въ Bulletin de therapeutique (30 апрѣля 1878) въ статьѣ D-r de Wecker'a „De l'emploi comparé de l'eserine, de l'atropine et de la duboisine dans la therapeutique oculaire (стр. 347)“. Его выводы относятся главнымъ образомъ къ дѣйствию дубоизина на глазъ человѣка, взяты изъ клиническихъ наблюденій, а именно: что *duboisin* есть очень сильное *mydriaticum* и одновременно вполне парализируетъ аккомодацию, не раздражая при томъ *conjunctiv'u*, что именно часто случается при употребленіи *atropin'a*. Проф. Gabler (*Zeitschrift d. allg. österr. Apoth. Vereins, Apoth. Ztg.* № 32, 1878) сообщаетъ, что послѣ впрыскиванія подъ кожу $\frac{1}{2}$ mgr. дубоизина у больныхъ является сухость горла и ослабленіе зрѣнія; послѣ 1 mgr. является жажда, ускореніе пульса кожа принимаетъ пурпурово-красный цвѣтъ и является общее ослабленіе мышцъ и полная неподвижность нижнихъ конечностей. Изъ этого видно, что дубоизинъ дѣйствуетъ гораздо сильнѣе атропина.

W. W. Seely въ Цинцитати началъ употреблять *duboisinum sulfuricum* въ глазной практикѣ съ декабря 1878 г. Свои наблюденія надъ его дѣйствіемъ на глазъ онъ описалъ въ журналѣ „Lancet and Clinic“ а нѣмецкій переводъ его статьи Н. Кнапп помѣстилъ въ „Archiv für Augenheilkunde 15 Juli 1879, стр. 246.

Результаты имъ добытые:

Duboisin, какъ *mydriaticum* дѣйствуетъ гораздо скорѣе и энергичнѣе чѣмъ *atropin*, не раздражая при томъ *conjunctiv'u*, но онъ часто замѣчалъ общія явленія, въ видѣ сильнаго головокруженія и сонливости, скоро однако прекращавшіеся, которыя происходили отъ впусканія въ глазъ нѣсколькихъ капель $\frac{4}{5}\%$ раствора *Duboisini sulfurici*.

Fauqué въ *Recueil d'ophthalmologie* Avril—Mai 1879. „De la duboisine, des ses applications dans la thérapeutique oculaire“ тоже говоритъ о сходствѣ дубоизина съ атропиномъ именно: что онъ энергично расширяетъ зрачекъ, парализируетъ аккомодацию и при большихъ дозахъ вызываетъ подробно атропину сухость глотки, рта и кожи, головокруженіе, сонливость, *ускоряетъ пульсъ (въ одномъ случаѣ, напримѣръ, съ 66 поднялся до 180)*, и часто дѣлается общая слабость и трудность движенія, (смотри тоже рефератъ въ журналѣ „Медицинское Обозрѣніе“ іюнь 1879 г. стр. 747).

Въ *Centralbl. für die Med. Wiss.* 1879 № 47 находится рефератъ

изъ *Klinisches Monatsbl. für Augenheilk.* August. гдѣ Carl сообщаетъ, что девятилѣтней дѣвушкѣ введено было въ глазъ съ цѣлью опредѣленія степени *Hypermetropiae* въ теченіи $\frac{3}{4}$ часа, 3—4 капель 1% раствора *duboisini sulphurici*. Спустя $\frac{1}{2}$ часа появилась сухость горла, сонливость и *delirium*, что продолжалось нѣсколько часовъ.

Въ глазной практикѣ дубоизинъ прописывается такъ, какъ атропинъ или въ видѣ капель:

Rp. *Duboisini sulf.* 0,025—0,1; *Aq. destill.* 10,0.

или въ видѣ мази:

Rp. *Duboisini sulf.* 0,02 *Vaselini* 10,0.—М. Въ медицинскомъ Алманахѣ Закса за 1880 г. упоминается, что И. Скопчинскій приписываетъ дубоизину свойства *sedativi*.

II.

Изъ указанной мною литературы алкалоида дубоизина, видно, что онъ, какъ новое средство, вообще еще мало изслѣдованъ въ отношеніи его дѣйствія на животный организмъ. Главныя данныя въ этомъ отношеніи взяты лишь изъ клиническихъ наблюденій и сводятся главнымъ образомъ на дѣйствіе его на глазъ. Произведенные же до сихъ поръ немногочисленные опыты съ дубоизиномъ надъ его физиологическимъ дѣйствіемъ не могутъ имѣть никакого научнаго значенія, такъ какъ они были произведены крайне поверхностно и безъ всякаго метода.— Это то обстоятельство и побудило меня познакомиться ближе съ физиологическимъ дѣйствіемъ алкалоида дубоизина экспериментальнымъ путемъ, придерживаясь притомъ извѣстнаго научнаго метода.

Изъ органовъ, я для своихъ изслѣдованій выбралъ сердце, потому что большое сходство дубоизина съ атропиномъ, само по себѣ уже даетъ право впередъ предполагать, что и дубоизинъ долженъ значительно повліять на функцію сердца и кромѣ того Рингеръ на основаніи своихъ опытовъ надъ лягушками прямо намекаетъ на сильное вліяніе дубоизина на сердце и говоритъ, что онъ значительно увеличиваетъ дѣятельность сердца, даже въ состояніи уничтожать замедляющее дѣйствіе на сердце мускарина. Клинически было тоже нѣкоторыми замѣчено измѣненіе сердцебіенія отъ дубоизина, а именно значительное ускореніе пульса.

Для точныхъ изслѣдованій надъ сердцемъ вообще, какъ извѣстно болѣе всѣхъ другихъ подходитъ сердце лягушки (и другихъ холодно-кровныхъ животныхъ), потому что оно, вырѣзанное изъ тѣла, можетъ еще продолжать свою работу цѣлые часы, даже сутки и такимъ образомъ даетъ возможность во-первыхъ, при наблюденіи дѣйствія на него любого физическаго агента или средства, исключить всѣ побочные физиологическіе агенты и отнести полученный эффектъ къ возможно меньшему числу неизвѣстныхъ величинъ, то есть исключительно къ одному сердцу, а во-вторыхъ, это свойство позволяетъ примѣнить методъ, дающій возможность удобнымъ образомъ получить результатъ чисто объективнымъ путемъ. По этой то причинѣ я по примѣру физиологовъ и выбралъ сердце лягушки для своихъ изслѣдованій.

Для того, чтобы сердце лягушки болѣе продолжительное время и внѣ организма продолжало сокращаться нормальнымъ образомъ, необходимо, отъ времени до времени снабдить его жидкостью (кровью или сывороткой), обладающею свойствомъ питать его. Для этой цѣли при опытахъ надъ вырѣзаннымъ сердцемъ употребляютъ различные приборы, дающіе возможность поддерживать искусственную такъ сказать циркуляцію питательной жидкости. Такимъ приборомъ пользовался Суюнъ въ первый разъ, въ лабораторіи Людвига по его совѣту, при своей работѣ надъ дѣйствіемъ различной температуры на сердце лягушки (смотри *Arbeiten aus d. phys. Anst. zu Leipzig*. 1867). Въ послѣдствіи появилось много работъ (напр. Luciani, Coatz, Kronesker и др.) надъ сердцемъ лягушки, при которыхъ были употребляемы такіе же приборы, но съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. Всѣ они имѣютъ въ основаніи одинъ и тотъ же принципъ—дать возможность пропускать черезъ сердце питательную жидкость и получить графически посредствомъ манометра изображеніе его работы. Нѣкоторые изъ этихъ приборовъ еще специально устроены для изслѣдованія дѣйствія извѣстныхъ веществъ на сердце,—съ этой цѣлью они устроены такъ, что кромѣ питательной жидкости, можно еще весьма удобно пропускать черезъ сердце поочередно одну или двѣ другія жидкости, заключающія въ себѣ испытуемыя средства и, не дотрогиваясь при этомъ къ сердцу, получить эффектъ графически, для сравненія съ нормальною его работою.

Приборъ, которымъ я пользовался при своихъ опытахъ есть видоизмѣненіе прибора Kronesker'a (смотри Суюнъ *Méthodik*) и состоитъ изъ двухъ цилиндровъ *a*. (трубка Мариота). (Табл. I, фиг. 1), которые

соединяются съ краномъ *с.* посредствомъ каучуковыхъ трубокъ *б.* Кранъ *с.* (кранъ Бабинъ) имѣетъ Т образное отверстие и это даетъ возможность пропускать чрезъ выводную трубку *д.* жидкость то изъ одного цилиндра, то изъ другого, или оба закрывать, смотря потому какъ поставить кранъ.

Если ручку крана поставить параллельно съ правой каучуковой трубкой *б.*, то жидкость будетъ вытекать изъ праваго цилиндра чрезъ трубку *д.*, если же ручку поставить параллельно лѣвой трубкѣ *б.*, то жидкость будетъ вытекать изъ лѣваго цилиндра, а если ручку поставить горизонтально, то оба цилиндры закрыты.

Приборъ имѣетъ съ боку ртутный манометръ *е*; изъ одного (лѣваго) колѣно его выходитъ трубка *ф.* а въ другомъ (правомъ) находится поплавокъ съ писалкой *г.* Лѣвое колѣно манометра соединено посредствомъ короткой каучуковой трубки съ сифономъ *и*, при началѣ котораго находится обыкновенный кранъ *н.* На длинное колѣно сифона надѣта каучуковая трубка *и'*. чрезъ которую ненужная жидкость выводится вонъ. Если наполнить цилиндры *а.* жидкостью и соединить сердце лягушки съ приборомъ такъ, чтобы предсердія были соединены съ трубкой *д.*, а желудочекъ съ трубкой *ф.* манометра (перевязавши предварительно оставшіеся сосуды), то жидкости изъ цилиндровъ могутъ быть пропускаемы чрезъ сердце поочередно, то изъ одного цилиндра, то изъ другого смотря потому какъ поставить кранъ *с.* Каждая изъ пропускаемыхъ жидкостей можетъ въ свою очередь или просто пройти только чрезъ сердце и выливаться наружу чрезъ трубку *и.* и *и'*; это тогда, когда кранъ *н.* манометра открытъ. Если же закрыть кранъ *н.* при томъ то же и кранъ *с.* цилиндровъ, то заключенная въ сердцѣ жидкость, будучи замкнутой съ обѣихъ сторонъ и имѣющая свободное сообщеніе только съ ртутью манометра, должна, понятно при сокращеніи сердца, своимъ давленіемъ поднять ртутный столбъ манометра, при чемъ поплавокъ съ писалкою тоже поднимаются вверхъ ¹⁾. Употребляются трубки Мариота, а не простые цилиндры съ цѣлью, всегда имѣть одно и то же постоянное давленіе на стѣнки сердца во время пропусканія чрезъ него жидкости.

Съ боку, отъ пластинки *к.* отходитъ внизъ палочка *л.* на которой сидитъ подвижно держатель *м.* и нажимъ *п.* Весь приборъ удержи-

¹⁾ Употребленное мною количество ртути въсомъ 8 грм. а поплавокъ съ писалкой 9 мгрм.

вается винтомъ *o*. на столбикѣ *p*, который прикрѣпленъ къ кимографу и можетъ по мѣрѣ надобности быть поднятъ вверхъ, или опускаемъ внизъ.

Кимографъ, которымъ я пользовался при своихъ опытахъ, устроенъ нѣкимъ Rothe'омъ, механикомъ физиологической лабораторіи въ Прагѣ, крайне удобенъ и разнится нѣсколько отъ употребляемыхъ вообще кимографовъ; онъ имѣетъ два параллельныхъ цилиндра, отстоящихъ другъ отъ друга болѣе чѣмъ на метръ, на которые наклеивается бумага, назначенная для полученія кривыхъ. Эти цилиндры приводятся въ движеніе не часовымъ механизмомъ; а колесомъ, двигаемымъ силою человека. Для измѣренія времени устроены при самомъ приборѣ часы, которыя на вращающейся накопченной безконечной бумагѣ, назначенной для полученія кривыхъ, указываютъ секунды, посредствомъ вертикальной палочки съ писалкой и такимъ образомъ устраняется вліяніе неизбежной неравномѣрности движенія бумажнаго полотна и дается возможность точнаго измѣренія времени. Объясню это примѣромъ: если сердце дѣлало, положимъ, въ двѣ секунды одно сокращеніе, то все равно я получу въ теченіе этихъ двухъ секундъ изображеніе не больше и не меньше одного только сокращенія, передвигалась-ли бумага скорѣе или медленнѣе; будетъ только та разница, что въ первомъ случаѣ одно сокращеніе изобразится на болѣе широкомъ кускѣ, а во второмъ тоже сокращеніе получится на кускѣ болѣе узкомъ,—и лишь исключительно при сравнительномъ вычисленіи площадей кривыхъ надо обратить вниманіе на это обстоятельство. Параллельно къ вертикальной палочкѣ, маркирующей время, находится другая, которая посредствомъ электро-магнита поднимается вверхъ въ то время, когда чрезъ него проходитъ электрическій токъ; она служитъ для отмѣтки времени раздраженія сердца электричествомъ (подробности на своемъ мѣстѣ). Часы вмѣстѣ съ электро-магнитомъ могутъ быть подняты вверхъ и опускаемы внизъ посредствомъ зубчатого винта, такъ что, если безконечная бумага сдѣлала одинъ полный оборотъ и концы кривой встрѣчаются, то стоитъ только поднять выше часы и приборъ съ сердцемъ, чтобы получить другой оборотъ и такъ дальше. Вращающіеся цилиндры укрѣплены на отдѣльной рамкѣ, которая вмѣстѣ съ ними легко снимается съ штатива и можетъ быть замѣнена другою. На каждой безконечной бумагѣ, которую я употреблялъ, можно было написать 6 оборотовъ кривыхъ одинъ надъ другимъ, каждый оборотъ длиною въ $2\frac{1}{2}$ метра; значить, что кривая одного наконченного без-

конечнаго полотна бумаги могла быть длиною въ 15 метровъ, а если до опыта наклеить бумагу на всѣ три рамки, которыя находились въ лабораторіи и накоптить ее, то можно было получить при одномъ опытѣ безъ перерыва и новыхъ приготовленій кривую длиною въ 45 метровъ. Для раздраженія сердца (p. vagi), я употребилъ индукціонный приборъ (саночки) du Bois Reymond'a и два элемента Grove, а для экстро-магнита писалки, маркирующей время раздраженія, я употребилъ элементъ Леклянше. Эти два отдѣльные электрическіе тока замыкались и размыкались посредствомъ общаго двойнаго ключа Негинга такимъ образомъ, что въ тотъ самый моментъ, когда ключъ замыкалъ цѣпь индукціоннаго тока, идущаго къ сердцу, то одновременно замыкался (этимъ же ключемъ) и токъ электро-магнита; магнитъ поднималъ вверхъ писалку и она оставалась въ этомъ положеніи все время, пока сердце раздражалось, а въ моментъ раздѣленія индукціоннаго тока размыкался тоже и токъ электро-магнита, писалка опускалась внизъ и продолжала писать свою нормальную линію. (Схему этого устройства смотри таблицу II фиг. 1).

Раньше чѣмъ приступить къ описанію производства опытовъ вообще, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ анатоміи сердца лягушки, прекрасное и обстоятельное изложеніе которой помѣстилъ F. Bidder въ Мюллеровскомъ архивѣ за 1866 г. стр. 1. Это важно для пониманія способа приготовленія препарата для опыта, а еще важнѣе для объясненія цѣли нѣкоторыхъ опытовъ.

Сердце лягушки состоитъ изъ одного желудочка и двухъ (лѣваго и праваго) предсердій. Снаружи желудочекъ рѣзко ограниченъ отъ предсердій поперечнымъ жолобкомъ (sulcus atrio ventricularis). Съ правой стороны основанія желудочка выступаетъ bulbus aortae, который, направляясь восо на лѣво и вверхъ, скоро раздѣляется на два ствола — лѣвую болѣе толстую и правую менѣе толстую аорту. Каждая изъ этихъ аортъ въ свою очередь раздѣляется на три ствола, изъ которыхъ нижній отдаетъ вѣтвь (art pulmonalis), отходящую внизъ къ легкимъ приблизительно подъ прямымъ угломъ. (Эта вѣтвь перекрещивается съ ramus cardiacus p. vagi). На задней поверхности предсердій замѣчается возвышеніе sinus venosus, открывающееся въ правое предсердіе; въ него вливаются двѣ venae cavae superiores и одна vena cava inferior. Venae cavae superiores, прежде чѣмъ влиться въ sinus,

идутъ спереди назадъ и снаружи внутрь, обнимая образуемымъ собою угломъ или выемкой небольшую часть стѣнки предсердій.—Легочныя вены сходятся въ углѣ, образуемомъ обѣими *v. cav. sup.*, тамъ же сливаются въ одинъ стволъ, который, направляясь внизъ, идетъ между стѣною предсердія и *sinus'a* достигаетъ перегородки предсердій и, пробивая ее у задняго края, отщипывается въ лѣвое предсердіе.

Перегородка предсердій представляетъ собою тонкую, прозрачную перепонку, раздѣляющую сердце на двѣ неравныя полости—предсердія; (правое вдвое больше лѣваго) и приросшая къ стѣнкамъ предсердій спереди, сверху и сзади, нижній же край ея свободно переходитъ надъ полостью желудочка, раздѣлая атриовентрикулярное отверстіе на 2 тоже неравныя части. Этотъ свободный край не соответствуетъ наружной границѣ желудочка и предсердій, а идетъ немного ниже, т. е. въ полость самаго желудочка такъ что, если наложить лигатуру какъ разъ на *sulcus atrioventricularis*, то ниже лигатуры выѣстъ съ желудочкомъ останется нижній край перегородки.

Относительно нервовъ сердца лягушки нужно замѣтить, что оно кромѣ нервныхъ элементовъ, заключенныхъ въ идущемъ къ нему стволѣ *rami cardiaci n. vagi*, изъ него больше никакихъ не получаетъ. *Ramus cardiacus* есть вѣтвь задняго ствола *rami splanchnici nervi vagi*. Этотъ *r. cardiacus*, (я его буду называть просто *n. vagus*) въ концѣ своего пути идетъ по верхней части передней поверхности легкихъ, откуда переходитъ на заднюю поверхность *venae cavae sup.*, своей стороны (довольно близко отъ мѣста вливанія этихъ послѣднихъ въ *sinus*. Обѣ вѣтви сходятся въ томъ мѣстѣ, гдѣ *v. pulmonales* образуютъ одинъ стволъ. *Vagus* на всемъ своемъ пути до входа въ сердце не отдаетъ никуда нервныхъ волоконъ, но есть вѣроятіе предполагать, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ *vagus*, сходя съ легкихъ, прилегаетъ къ *v. c. sup.*, онъ и посылаетъ нервное волокно къ стѣнкамъ венъ, именно: изъ находящихся на этомъ мѣстѣ группъ нервныхъ вѣтвей (*ganglii*); на мѣстѣ же, гдѣ *venae cavae superiores* вливаются въ *sinus*, тамъ *vagi* обѣихъ сторонъ анастомозируютъ между собой и отдаютъ нервныя вѣтви, которыя образуютъ сплетеніе на стѣнкѣ *sinus'a*, заключающее въ себѣ множество ганглій (ган. Ремака) и отдающее въ свою очередь нервныя волокна къ *v. cav. inferiores*. Самъ *vagus*, т. е. его конечныя вѣтви, проникаютъ въ сердце, сопровождая стволъ *v. pulmonalis* до перегородки; за тѣмъ на перегородкѣ обѣ вѣтви идутъ внизъ

до свободного края, гдѣ и оканчиваются утолщеніемъ, содержащимъ множество гангліозныхъ клѣтокъ—атріовентрикулярныя ганглія Bidder'a. Конечныя вѣтви п. vagi на своемъ пути по перегородкѣ тоже содержатъ много клѣточныхъ элементовъ и, отдавая вѣтви, распространяющіяся по самой стѣнкѣ, доходятъ до краевъ ея, а можетъ быть даже и переходятъ на самую стѣнку предсердій. Изъ ганглій, находящихся у нижняго края перегородки, тоже выходятъ нервные волокна, которыя идутъ къ мускулатурѣ желудка, но не достигаютъ дальше одной верхней трети желудка, такъ что основаніе его имѣетъ еще нервы, а въ нижнихъ $\frac{2}{3}$ нервовъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ ихъ тамъ нигде не нашелъ. Стѣнки предсердій получаютъ главнымъ образомъ нервные волокна изъ гангліознаго сплетенія sinus'a, а можетъ быть и отъ нервовъ перегородки.

Познакомившись вкратцѣ съ анатоміей сердца лягушки, я приступаю къ описанію производства самыхъ опытовъ.

Послѣ декапитации лягушки ¹⁾ и разрушенія спиннаго мозга, я вскрываю грудную клѣтку такимъ образомъ, что, сдѣлавши ножницами два боковыхъ разрѣза живота, я поднимаю образовавшійся такимъ образомъ треугольный лоскутъ, осторожно подвожу ножницы съ боковъ sterni, по возможности подальше отъ срединной линіи, и отрѣзываю его вмѣстѣ съ ключицами. Вскрывши такимъ образомъ грудную клѣтку, я вскрываю pericardium, перерѣзываю всѣ его связки, а главнымъ образомъ связки, идущія отъ него къ печени по обѣимъ сторонамъ v. sag. inf. и за тѣмъ уже приступаю къ перевязкѣ сосудовъ и вставленію канюль. Перевязку начинаю съ верхнихъ полыхъ венъ, которыя видны тотчасъ по вскрытіи грудной клѣтки по обѣимъ сторонамъ сердца. Лигатуру налагаю посредствомъ Дешамповской иглы и какъ можно подальше отъ сердца (если слишкомъ близко отъ сердца, то можно захватить лигатурой и п. vagus). Потомъ перевязываю правую аорту и подвожу лигатуру подъ лѣвую, но не перевязываю, а дѣлаю пока только разрѣзъ въ стѣнкѣ сосуда, чтобы дать сердцу возможность скорѣе опорожниться отъ крови во избѣжаніе стужи.

¹⁾ Лягушки, взятые мною къ опытамъ—Rana esculenta—были очень большаго калибра (вѣсу около 170—180 граммовъ, больше $\frac{1}{2}$ фунта) и до опыта сохранялись въ комнатѣ 2—3 дня.

Сдѣлавши это, я перевязываю легочныя артеріи и вены у самой верхушки легкихъ вмѣстѣ съ ихъ тканью (*en masse*) и приступаю къ вставленію канюль. Подведши посредствомъ Денхамповской иглы лигатуру подъ *v. c. inf.* у самого мѣста выхода ея изъ печени, я дѣлаю разрѣзъ въ ея передней стѣнкѣ, ввожу канюлю до самаго праваго предсердія и завязываю лигатуру. Послѣ этого посредствомъ спринцовки, вставленной въ канюлю, медленно пропускаю небольшое количество сергі съ цѣлью промыть остатки крови въ сердцѣ для предупрежденія образованія свертковъ. Наконецъ вставляю канюлю въ самый желудочекъ чрезъ аорту и *bulbus*.—Канюля, которую я вставляю въ желудочекъ изогнута почти подъ прямымъ угломъ; часть, входящая въ сердце изогнута немного влѣво, конецъ же ея, отшлифованный косо, изогнутъ къзади; словомъ канюля изогнута такимъ образомъ, что ея изгибы соотвѣтствуютъ ходу канала *bulbus'a* и части лѣвой аорты. Канюля должна войти въ желудочекъ довольно глубоко, иначе при наполненіи сердца конецъ ея легко можетъ выскользнуть изъ полости желудочка въ *Bulbus*. Канюля для предсердія можетъ быть почти вдвое толще желудочной канюли и должна быть изогнута у самаго конца подъ тупымъ угломъ. Этотъ-то конецъ входитъ въ полость предсердія. На наружныхъ концахъ канюль укрѣпляются небольшія кусочки каучуковой трубки для соединенія съ трубками аппарата. Послѣ завязыванія канюль необходимо концы лигатуръ прикрѣпить къ самой канюлѣ, чтобы препятствовать ея выскальзыванію изъ сердца. Когда все это готово, я вырѣзываю сердце изъ организма такимъ образомъ, что въ связи съ нимъ остаются пищепроводъ, часть желудка и соотвѣтственная часть позвоночника. Теперь я провожу чрезъ пищепроводъ и желудокъ стеклянную трубку, (Таб. II, фиг. 2 а) толщиною въ палецъ, запаянную съ одного конца и къ ней прикрѣпляю препаратъ толстой ниткой. Черезъ пробку, закрывающую открытый конецъ трубки а, я ввожу въ нее другую в, изогнутую подъ прямымъ угломъ, такъ чтобы ее можно было легко вдвигать и выдвигать. Посредствомъ этой вставленной трубки в, я прикрѣпляю впоследствии цѣлый препаратъ къ прибору, вставляя ее въ нажимъ п, а запаянный конецъ трубки а. опираю объ держатель m. (Таб. I, фиг. 1). Имѣя такъ приготовленный препаратъ, я временно прикрѣпляю трубки къ штативу и начинаю отпрепаровывать *vagi*. Вставленіе трубки въ *oesophagus* значительно облегчаетъ препаровку *vagi*, въ послѣднемъ слу-

чаѣ сердце, а также и мѣсто, гдѣ лежатъ *vagi*, выпячивается и дѣлается доступнѣе для глаза и тотчасъ легко замѣтить 2 нерва, идущіе параллельно; изъ нихъ верхній *hypoglossus*, а нижній *glossopharyngeus*. Когда эти нервы перерѣзаны и отброшены, то глубже виденъ нервъ, идущій параллельно къ третьей нижней вѣтви аорт'ы (легочный стволъ) и направляющійся вверхъ къ гортани—это п. *laryngeus*. Самъ *vagus* лежитъ еще глубже и ниже и сначала идетъ параллельно *laryngeo*, но вскорѣ направляется къ верхушкѣ легкихъ, перекрещивается съ *arteria pulmonalis*, находясь подъ ними, (что значительно облегчаетъ его нахожденіе) и направляется къ сердцу. Подведши подъ *vagus* тонкую лигатуру, какъ можно дальше отъ сердца и перевязавши его, я отрѣзываю периферическій конецъ его и отпрепаровываю конецъ, идущій къ сердцу вмѣстѣ съ лигатурою. Послѣ этого я привязываю по обѣимъ сторонамъ препарата приготовленные мною электроды, концы которыхъ я стараюсь поставить по возможности дальше отъ препарата во избѣжаніе захожденія побочныхъ петель тока, и на эти концы кладу. *vagus* Электроды я приготовилъ заранѣе изъ тонкой, обвитой шелкомъ, мѣдной проволоки такимъ образомъ, что взявши 2 куска проволоки, я, часть ихъ, приблизительно длиною въ 5 см., заклѣбилъ въ кусочкѣ липкаго пластыря, оставляя у одного конца малую (въ $\frac{1}{2}$ см.) вырѣзку (окошко), въ которой лежали параллельно (на разстояніи 3—4 мм.) концы проволоки освобожденные отъ шелку. На этомъ то мѣстѣ я клалъ *vagi*; другіе концы проволоки отставали отъ пластыря и служили для соединенія съ проводниками электричества (см. Таб. II фиг. 3).

Производство опыта.

Прикрѣпивши окончательно приготовленный препаратъ къ прибору по выше сказанному способу, я соединилъ канюлю предсердія посредствомъ каучуковой трубки *d.* прибора, канюлю желудочка съ трубкой *f.* манометра, а концы электродовъ препарата съ соответственными электродами электрическаго прибора. Открывши кранъ *h.* манометра, я пропустилъ чрезъ сердце извѣстное количество *seri* (для освѣженія и питанія его) поставивши кранъ *c.* прибора такъ, что цилиндръ, содержащій *serum* открылся. Послѣ пропусканія достаточнаго количества *seri*, я сначала закрывалъ кранъ *h.* манометра и въ моментъ

сердечной паузы прекратилъ притокъ *seri*, закрывая кранъ с. прибора, такъ что сердце оставалось наполненнымъ сывороткой и тотчасъ же сокращенія его отражались на манометрѣ и писалкѣ, которая чертила кривую на накопченной бумагѣ. Тоже самое я дѣлалъ, когда мнѣ нужно было пропускать *serum*, содержащее извѣстной концентраціи *duboisin'a*.

Здѣсь считаю уместнымъ сказать нѣсколько словъ о приготовленіи *seri* и раствора *duboisin'a*, а потомъ еще возвратимся къ нѣкоторымъ подробностямъ опыта.

Serum для промыванія и питанія сердца лягушки и какъ *vehiculum* для *duboisin'a*, я приготовлялъ изъ крови кролика такимъ образомъ, что выпущенную кровь кролика я оставлялъ въ длинномъ и узкомъ цилиндрѣ на 48 час. (иногда и больше) въ холодномъ мѣстѣ, въ ледяной водѣ. Отлитую осторожно отъ сгустка крови сыворотку, я разбавлялъ 0,6% растворомъ поваренной соли, такимъ образомъ что бралъ на одну часть сыворотки, двѣ части этого раствора. Эта пропорція, испытанная при всѣхъ опытахъ надъ сердцемъ лягушки, оказалась очень удачною и при моихъ настоящихъ изслѣдованіяхъ.

Serum такъ приготовленное и сохраненное въ холодномъ мѣстѣ могло стоять не портясь 2—3 сутокъ. При сливаніи *seri* отъ кроваваго сгустка надо стараться, чтобы, какъ можно меньше, захватить оставшіеся свободными—внѣ *plasm'm*—кровяные шарики, потому что слишкомъ большое содержаніе кровяныхъ шариковъ въ *serum* чрезвычайно сильно раздражаетъ сердце и оно уже съ самаго начала подъ вліяніемъ этого *seri* слишкомъ энергично сокращается (иногда сокращенія доходятъ до *tetanus'a*) а впослѣдствіи оно скоро устаетъ. Хорошее *serum*, послѣ разжиженія его растворомъ соли должно имѣть легкое розовое окрашиваніе и быть довольно прозрачнымъ. Крови одного большаго кролика достаточно для одного опыта; получается приблизительно 75 куб. см. разбавленнаго *seri*. При прикрѣпленіи кролика въ то время когда отъ него берется кровь очень важно обратить вниманіе на то, чтобы кроликъ со всѣмъ свободно дышалъ, въ противномъ случаѣ получается кровь темно-краснаго цвѣта, насыщенная угольною кислотою, и *serum* ея мгновенно уничтожаетъ нормальную дѣятельность сердца. Разбавленное *serum*, которое я употреблялъ для питанія сердца буду для сокращенія просто называть *serum*,

—a serum, содержащее въ растворѣ duboisin—просто duboisin; съ прибавленіемъ цифры концентраціи.

Растворъ duboisin'a (*Duboisinum sulfuricum*) въ serum я приготовлялъ такимъ образомъ, что, взвѣсивъ извѣстное количество его на химическихъ вѣсахъ, растворялъ въ 0,6% растворѣ поваренной соли; отъ этого нормальнаго раствора я бралъ столько, сколько нужно было для полученія желаемой концентраціи, если напримѣръ взятое количество duboisin'a вѣсило, положимъ, 65 mlgr. то я его растворялъ въ въ $6\frac{1}{2}$ куб. см. раствора поваренной соли, значить, каждый куб. см. этого раствора содержитъ 10 mlgr. duboisin'a. Взявши этого раствора $1\frac{1}{2}$ куб. см., прибавляя къ нему $8\frac{1}{2}$ ctm. чистаго раствора поваренной соли, я получилъ 10 ctm. раствора поваренной соли, которая содержитъ 15 mlgr. duboisin'a; къ нему стоило только прибавить 5 ctm. чистаго serum, чтобы получить 15 ctm. разбавленнаго (1—2) Seri, изъ которыхъ каждый кубическій сантиметръ содержитъ одинъ миллиграммъ duboisin'a. Такую концентрацію я обозначаю при опытахъ —Dub.=0,001.—Растворъ duboisin'a долженъ быть, приготовляемъ если не для каждаго опыта свѣжій то по крайней мѣрѣ не долженъ стоять больше 1—2 сутокъ, потому что послѣ этого времени уже замѣчается легкое помутнѣніе съ сѣроватымъ осадкомъ (по крайней мѣрѣ такъ случилось съ duboisin'омъ, который я употреблялъ изъ фабрики Gehe et Comp. Dresden) и тогда его дѣйствіе гораздо слабѣе дѣйствія свѣжаго.

Какъ я уже упомянулъ выше, послѣ соединенія сердца съ аппаратомъ я пропускалъ черезъ него извѣстное количество seri для освѣженія и питанія, а закрывъ краны, пустилъ въ ходъ кимографъ и сейчасъ получилъ кривую.—Если предоставить сердцу дѣйствовать извѣстное время и присматриваться къ полученной кривой, то можно было замѣтить одно важное обстоятельство именно, что характеръ кривой не на всемъ ея протяженіи былъ одинаковъ; и такъ сейчасъ послѣ пропусканія seri сокращенія обыкновенно были очень энергичны, ускоренныя съ неправильнымъ ритмомъ. Этотъ періодъ длился извѣстное время, послѣ котораго наступалъ другой, въ которомъ сокращенія уже сдѣлались правильными и число ихъ нормальнымъ, но спустя извѣстное время эти сокращенія начали опять уменьшаться, какъ въ

отношеніи силы, такъ и въ отношеніи числа ихъ. Это явленіе объясняется просто тѣмъ, что сердце подъ вліяніемъ только что пропущенной свѣжей сыворотки съ самаго начала черезъ чуръ раздражается вслѣдствіе чего оно дѣйствуетъ слишкомъ энергично и неправильно. Спустя же извѣстное время раздраженіе уменьшается и сердце приходитъ въ нормальное состояніе, но такъ какъ оно работаетъ, на счетъ питательныхъ свойствъ, заключеннаго въ немъ опредѣленнаго количества сыворотки, то понятно, что питательность ея должна постепенно уменьшаться и наконецъ совсѣмъ исчезнуть, вотъ почему дѣйствительно и замѣчаемъ, что послѣ періода нормальной дѣятельности сердца наступаетъ періодъ гдѣ работа сердца начинаетъ уменьшаться и мало по малу совсѣмъ исчезаетъ ¹⁾. Опредѣлить время, какъ долго вообще эти періоды длятся не возможно, потому что сердца различныхъ субъектовъ въ этомъ отношеніи по своимъ индивидуальнымъ свойствамъ черезчуръ разнятся между собою. Могу только сказать то, что одна порція сері, которую сердце лягушки въ состояніи вмѣстить въ себѣ, больше 1—2 минутъ его питать нормальнымъ образомъ не въ состояніи.

Имѣя въ виду только что сказанное, возникаетъ вопросъ, которыя части кривыхъ, полученныхъ отъ пропусканія черезъ сердце сыворотки или дубоизина, слѣдуетъ брать для сравненія произведенныхъ ими эффектовъ. Ясно, что если нормальная сыворотка съ самаго начала не даетъ еще нормальной работы сердца, то понятно, что и дубоизинъ въ этомъ періодѣ не дастъ еще (вѣрной) нормальной картины его дѣйствія; значитъ изъ перваго періода нечего еще судить объ эффектѣ. Въ послѣднемъ же періодѣ нормальная сыворотка тоже не даетъ нормальной работы сердца (она тогда уже слабѣетъ) значитъ и дѣйствіе дубоизина тогда не нормально, остается только средній періодъ, то есть когда сердце при нормальной сывороткѣ работаетъ вполне правильно и нормально. Этотъ только періодъ и долженъ быть взятъ для сравнительныхъ выводовъ дѣйствія дубоизина и всѣ цифровыя данныя, которыя привожу въ таблицахъ взяты изъ нормальнаго періода. Факты, взятые изъ опытовъ, вполне подтверждаютъ это разсужденіе; на нихъ

---

¹⁾ Доказано опытомъ что въ остановкѣ сердца большую роль играетъ накопленіе угольной кислоты въ заключенной въ немъ сывороткѣ.

я укажу въ своемъ мѣстѣ когда уже будемъ ближе знакомы съ дѣйствіемъ дубоизина.

Соотвѣтственно всему вышесказанному я при каждомъ опытѣ ждалъ пока кривая не пришла въ нормальный періодъ, то есть когда сердце начало работать вполне равномерно въ продолженіи известнаго времени и тогда только приступалъ, или прямо къ пропусканію дубоизина или же къ раздраженію *vagi*, а потомъ къ пропусканію дубоизина и т. д. *Vagus* я раздражалъ электричествомъ обыкновенно обѣихъ сторонъ. Смотря по индивидуальной чувствительности, *vagi* различныхъ лягушекъ, приходилось для полученія эффекта употреблять различную силу индукціоннаго тока; и такъ у однихъ лягушекъ раздраженіе при разстояніи вторичной спирали на 15 *cm.* уже дало эффектъ, у другихъ же эффектъ оказался только при 10, а у другихъ при 5 или 0. Первое раздраженіе я начиналъ обыкновенно отъ 15 *cm.*; и если это разстояніе оказалось слишкомъ большое (то есть токъ слишкомъ слабый) я переходилъ къ меньшимъ и очень часто доходилъ до 0. Отъ 15 *cm.* я начиналъ раздражать, потому что нѣсколько разъ пробовалъ раздражать *n. ischiadicus* у лягушки и только тогда получалъ сокращенія когда вторичная спираль находилась отъ первичной на разстояніи 15 *cm.* Раздражалъ я смотря по индивидуальной раздражительности нерва различное время: отъ 5—15 секундъ. Время раздраженія маркировала отдѣльная писалка отъ момента начала до момента прекращенія самымъ точнымъ образомъ. Получивъ или не получивъ эффекта отъ раздраженія я послѣ прекращенія онаго далъ сердцу поработать еще известное время, чтобы совсемъ уничтожить эффектъ отъ раздраженія и тогда пропускалъ чрезъ него изъ другаго цилиндра *seguin*, содержащее изслѣдуемое вещество *duboisin* известной желаемой концентраціи.

Получивши рядъ сокращеній сердца нормальнаго періода, на которое дѣйствовалъ растворъ дубоизина, я опять раздражалъ *vagi* и наконецъ промывалъ сердце чистымъ *seguin*, чтобы убѣдиться исчезаетъ ли эффектъ дѣйствія средства, тоже ждалъ нормальнаго періода промывки и, въ третій разъ раздражалъ *vagi*.—Такимъ образомъ я имѣлъ три кривыхъ отъ каждого опыта; первая показала нормальную работу сердца и измѣненія ея подъ вліяніемъ раздраженія *vagi*, другая—работу сердца подъ вліяніемъ дубоизина и какъ вліяетъ раздраженія *vagi*, а третья—какъ дѣйствуетъ промывка.

Какъ можно было *a priori* предполагать, и какъ оказалось во время работы, то само количество пропущеннаго чрезъ сердце дубонзина не вліяетъ на характеръ эффекта, а только степень концентраціи въ какой это количество было пропущено и время, въ теченіи котораго дубонзинъ былъ въ соприкосновеніи съ сердцемъ; такъ напри- мѣръ: если въ одномъ случаѣ я пропустилъ черезъ сердце 10 куб. сент. *seri*, котораго каждый куб. сент. содержитъ, положимъ, 1 *mlgr. duboisin'a*, а въ другомъ пропустилъ черезъ сердце только 2 кубич. сент *seri*, но каждый содержитъ 5 *mlgr duboisin'a*, то, собственно говоря чрезъ сердце въ одномъ и другомъ случаѣ прошло 10 *mlgr. duboisin'a* все таки эффектъ полученный отъ концентраціи 0,005 былъ гораздо сильнѣе, нежели отъ концентраціи 0,001, хотя черезъ сердце прошло одинаковое количество средства въ одномъ и другомъ случаѣ. Это явленіе очень естественно, потому что послѣ замыканія крановъ въ первомъ случаѣ въ сердцѣ остается и на него дѣйствуетъ извѣстное количество, содержащее средство въ 5 разъ меньше, чѣмъ въ другомъ и если положимъ вмѣстимость сердца равняется 1 куб. сент., то въ одномъ случаѣ сразу на сердце дѣйствуетъ 1 *mlgr.*, а въ другомъ 5 *mlgr.* и—понятно,—что должна быть большая разница. Не смотря на то, что количество пропускаемой жидкости, содержащей дубонзинъ не имѣетъ вліянія, но въ виду того, что большее количество раствора требуетъ для прохожденія чрезъ сердце большаго времени, а время, какъ я уже выше упомянулъ, безусловно играетъ важную роль для эффекта, то чтобы для сравнительныхъ наблюденій получать всегда по возможности одну и ту же величину, я только по этой причинѣ пропускалъ чрезъ сердце всегда одно опредѣленное количество—5 куб. сент.—какъ нормальной сыворотки, такъ и сыворотки содержащей дубонзинъ, и если скажу пропускалъ *serum* или дубонзинъ, значить, я пропускалъ 5 кубич. сентим.

Планъ моей работы т. е. самыхъ опытовъ былъ слѣдующій: изслѣ- довать дѣйствіе дубонзина.

A. На цѣльное сердце лягушки:

I. Безъ раздраженія *vagi*.

II. Съ раздраженіемъ *vagi*.

B. На различныя области сердца въ отдѣльности.

I. На предсердія соединенныя съ *sinus*омъ.

II. На одни предсердія.

III. На одинъ желудочекъ вмѣстѣ съ атриовентрикулярными гангліями.

IV. На одну мускулатуру желудочка.

А.

I. Для рѣшенія вопроса, какъ дѣйствуетъ дубоизинъ на цѣльное сердце *вообще* я произвелъ рядъ опытовъ такимъ образомъ, что испыталь дѣйствіе дубоизина начиная съ очень слабыхъ концентрацій то есть 0,0001 грамма на кажд. куб. сент. сыворотки и переходилъ къ болѣе сильной концентраціи—0,005 грамма, при чемъ оказалось вообще, что дубоизинъ дѣйствуетъ сильно угнетающимъ образомъ на дѣятельность сердца, которая подъ вліяніемъ большихъ дозъ и совсѣмъ приостанавливается. Итакъ: дубоизинъ обнаруживаетъ свое дѣйствіе на сердце лягушки уже при концентраціи 0,0001, тогда уже замѣчается, что энергія сердечной дѣятельности уменьшается какъ въ отношеніи числа ударовъ, такъ и въ отношеніи силы каждаго сокращенія въ отдѣльности.

При сравненіи нормальныхъ кривыхъ съ кривыми, полученными отъ слабыхъ концентрацій дубоизина (0,0001—0,0005), уже легко замѣтить, что отъ дѣйствія его: а) сердечныя паузы увеличились (значитъ число сокращеній уменьшилось; б) продолжительность самаго сокращенія т. е. время отъ начала *systole* до конца *diastole* тоже увеличилось, и в) подъемъ (сила сокращенія) уменьшился, такъ что кривая очень слабыхъ концентрацій дубоизина въ сравненіи съ нормальной, представляется какъ бы растянутой, сохраняя однако при томъ до извѣстной степени еще главныя характерныя черты нормальной кривой. Затѣмъ при болѣе сильныхъ, то есть среднихъ концентраціяхъ (0,0001—0,002), уже замѣчается значительнымъ образомъ упадокъ сердечныхъ сокращеній, выражающійся въ значительномъ уменьшеніи какъ частоты, такъ и силы ихъ. Причемъ, разъ замѣчается преобладаніе одного, а другой разъ другаго эффекта, а иногда и уменьшеніе силы и уменьшеніе частоты представляется въ одинаково значительной степени.

При болѣе сильной концентраціи, то есть 0,005, дѣятельность сердца до того подавляется, что число ударовъ едва достигаетъ одной

трети нормального, а каждое сокращеніе такъ слабо, что едва замѣтно, такъ что кривая принимаетъ форму почти прямой линіи, съ едва замѣтными волнообразными подъемами а иногда и этихъ возвышеній нѣтъ, то есть сердце остается въ діастолическомъ покоѣ.

Если послѣ полученія эффекта отъ извѣстной концентраціи duboisin'a я пропускалъ черезъ сердце еще одну порцію duboisin'a такой же концентраціи, то сразу получалось ускореніе, но спустя короткое время это ускореніе переходило постепенно въ замедленіе превышающее замедленіе, произшедшее отъ 1-ой порціи. Полученное сначала ускореніе, становится легко понятнымъ если себѣ припомнить то обстоятельство, на которое я уже обратилъ вниманіе, что всегда свѣжее *serum* сначала раздражаетъ сердце.

Сердце, дѣятельность котораго подъ вліяніемъ duboisin'a замедлилась или совсѣмъ прекратилась, опять начнетъ работать, если мы изъ него удалимъ ядъ и его замѣнимъ чистымъ *serum*; тогда эффектъ duboisin'a исчезнетъ и сердце начнетъ работать съ новой энергіей. При этомъ какъ постоянное явленіе замѣчается слѣдующее, а именно: что хотя эффектъ дѣйствія дубоизина вполне исчезаетъ, но сердце не возвращается уже къ нормѣ, въ томъ смыслѣ что число ея сокращеній значительно увеличивается, далеко превышая нормальное число, при чемъ сила ихъ (т. е. подъемъ) остается значительно *ниже* нормы. Это явленіе прямо пропорціонально силѣ концентраціи дубоизина и силѣ произведеннаго имъ эффекта; при 0,005 число ударовъ послѣ промывки часто превышаетъ вдвое число нормальныхъ сокращеній. Промывка производитъ свой эффектъ или сразу, т. е. когда концентрація дубоизина слаба или приходится нѣсколько разъ промыть,—если концентрація дубоизина сильнѣе и долго дѣйствовала. Тогда послѣ первой промывки разница еще не значительна и только усиливается послѣ слѣдующихъ промывокъ. Это явленіе очень естественно и объясняется тѣмъ, что въ то время когда растворъ дубоизина находится въ сердцѣ, онъ впитывается въ его стѣнки и понятно, что чѣмъ концентрація сильнѣе, тѣмъ труднѣе его слѣды выводятся. (Смотри цифровую таблицу А и кривыя опытовъ 2 и 5 въ рисункахъ таб. III).

А. II. относительно дѣйствія дубоизина на *vagus* изъ ряда опытовъ сдѣланныхъ мною для рѣшенія этого вопроса я пришелъ къ слѣдующему заключенію, а именно: дубоизинъ въ концентраціяхъ отъ 0,0001 до 0,002 еще не уничтожаетъ вліянія *vagi* на сердце (смотри

цифровую таблицу *B* и кривыя опытовъ 1 и 6 въ рисункахъ таб. IV) а въ концентраціи отъ 0,002 включительно и выше уже вліяніе *vagi* уничтожается до того, что даже послѣ промывки, *vagus* уже не дѣйствуетъ (смотри цифровую таблицу *C* и кривыя опытовъ 1 и 5 въ рисункахъ таб. V). Какъ я эти опыты производилъ я уже выше сказалъ, здѣсь я только упомяну о томъ, что эффекты, полученные мною отъ раздраженія *vagi* при нормальной сывороткѣ, у различныхъ лягушекъ были различны. И такъ у нѣкоторыхъ лягушекъ раздраженіе дало моментальную остановку сердца, которая длилась нѣкоторое время и послѣ прекращенія раздраженія, у иныхъ раздраженіе дало только замедленіе сердцебіенія, длившееся извѣстное время и послѣ раздраженія, опять были такіе индивидуумы, гдѣ раздраженіе *vagi* никакого эффекта не вызвало и наконецъ довольно часто я получалъ отъ раздраженія *vagi* значительное ускореніе, (правда, съ уменьшеніемъ силы сокращенія), которое имѣло мѣсто во время самаго раздраженія, а послѣ раздраженія сердце остановилось на извѣстное время. Исчезаніе эффекта раздраженія совершалось различнымъ образомъ и такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сердце сейчасъ пришло къ нормѣ и сразу, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ раздраженіе оставило свои слѣды на довольно долгое время, и сердце приходило къ нормѣ только постепенно.—Собственно говоря, въ большинствѣ случаевъ сердечная дѣятельность послѣ исчезанія эффекта раздраженія оставалась уже навсегда измѣненной, въ томъ смыслѣ, что число сокращеній и энергія ихъ увеличилась немного и только рѣдко мнѣ приходилось видѣть, что сердце и послѣ исчезанія эффекта раздраженія, точно также дѣйствуетъ какъ и до раздраженія. Поэтому то, я въ таблицахъ *нормою* называю именно періодъ послѣ исчезанія эффекта раздраженія, ибо съ этой то частью кривой приходится сравнивать эффектъ дѣйствія дубоизина, а не съ кривой, полученной до раздраженія, потому что она въ то время, когда началъ дѣйствовать дубоизинъ, уже была измѣнена.

В. Резюмируя все вышесказанное, видимъ, что дубоизинъ въ слабыхъ и среднихъ концентраціяхъ понижаетъ дѣятельность сердца, какъ въ отношеніи числа сокращеній, такъ и въ отношеніи силы, при чемъ *vagus* еще отвѣчаетъ на раздраженіе, а въ сильныхъ концентраціяхъ дубоизинъ вполне пріостанавливаетъ работу сердца (въ *diastole*), при чемъ вліяніе *vagi* уже уничтожено навсегда. Кромѣ того мы видѣли, что послѣ промывки всегда, эффектъ дубоизина исчезаетъ,

а на мѣсто его получается ускореніе сердцебіенія, постоянно превышающее нормальное число, при чемъ сила сокращенія уже не достигаетъ нормы.

Изъ этихъ явленій мы пока можемъ заключить одно, что дубоизинъ несомнѣнно дѣйствуетъ на *нервные элементы сердца*, на что именно ясно указываетъ измѣненіе ритма его;—дѣйствіе на одну мышцу можетъ измѣнить силу сокращенія, но никогда не въ состояніи измѣнить сердечнаго ритма ¹⁾).

Осталось рѣшить дѣйствуетъ ли дубоизинъ тоже и на самую мышцу и подвергаются ли одинаково его дѣйствію нервные элементы всѣхъ областей сердца или только исключительно одной какою то области его.

Съ этой цѣлью я произвелъ рядъ спеціальныхъ опытовъ примѣняя по совѣту профессора Владиміра Богумиловича Томсы методъ, которымъ пользовался въ первый разъ Stannius съ цѣлью изслѣдованія функціи сердечныхъ ганглій вообще. Этотъ методъ извѣстенъ въ физиологій подѣ названіемъ лигатуры Станніуса и состоитъ въ томъ, что на границѣ различныхъ областей вырѣзаннаго изъ тѣла сердца лягушки, накладываются лигатуры и наблюдаются отдѣльныя изолированныя области его. Соотвѣтственно тому я накладывалъ лигатуру.

I. На границѣ желудочка и предсердій для изслѣдованія дѣйствія дубоизина на предсердія, соединенныя съ *sinus'*омъ, т. е. на гангліи тамъ находящіяся, исключая желудочекъ.

II. На границѣ *sinus'*а и предсердій и на границѣ этихъ послѣднихъ и желудочка, для изслѣдованія только однихъ ганглій предсердій, исключая при этомъ ганглія *sinus'*а и желудочекъ.

III. На самой границѣ желудочка и предсердій, изслѣдуя одинъ цѣльный желудочекъ, исключая предсердія съ *sinus'*омъ.

IV. Ниже границы желудочка и предсердій, накладывая лигатуру на самый желудочекъ въ верхней трети его и изслѣдуя нижнюю часть его, т. е. самую верхушку (мышцу, лишенную нервовъ).

Опыты эти производились вообще слѣдующимъ образомъ: вырѣзавъ сердце изъ организма, я вставлялъ канюлю во взятую для изслѣ-

---

¹⁾ Смотри приложенія къ токсикологій Рабюто 1879 „методъ токсикологическаго изслѣдованія Л. Германа“ стр. 39.

дованія полости, за тѣмъ, наложивши желаемую лигатуру, я соединялъ канюлю съ аппаратомъ, такъ что сердце висѣло свободно, будучи погружено въ чашечкѣ съ сывороткою, во избѣжанія высыханія. Канюлю я употреблялъ Кронекера. Это есть металлическая двойная канюля (таб. II фиг. 4), которая дѣлится на 2 трубки а и b, въ срединѣ главной трубки находится перегородка, которая идетъ отъ мѣста раздѣленія ея до отверстія, раздѣляя главную трубку на 2 неравные канальца, изъ которыхъ болѣе обширный соединяется съ трубкою а, а другой съ трубкою b; нижній концы трубки окаймлены двумя кольцами d, для укрѣпленія лигатуры. Соединить канюлю съ аппаратомъ надо такъ, чтобы трубка а, которая больше, пришлась къ трубкѣ f, манометра, а трубку b, надо соединить съ трубкой d, прибора. Выдающийся штифтикъ с, служить для укрѣпленія одного полюса электрической цѣпи (подробнѣе на своемъ мѣстѣ) въ случаѣ надобности пропускать черезъ сердце электрическій токъ.

В 1.

Для изслѣдованія дѣйствія дубоизина на предсердія вмѣстѣ съ sinus'омъ, я вырѣзалъ сердце изъ тѣла, перевязавши предварительно обѣ v. cav. sup. и легочныя сосуды и далъ ему опорожниться отъ крови, чтобы предупредить образованіе сгустковъ. Продавъ извѣстное время, пока кровь совершенно не вылилась изъ сердца, я промылъ его сейчасъ при помощи спринцовки, сывороткой. За тѣмъ ввелъ канюлю чрезъ v. cav. inferior и sinus въ предсердія и укрѣпилъ вену лигатурой къ канюлѣ, кромѣ того, чтобы конецъ канюли не могъ выскользнуть изъ полости предсердій даже когда они наполнены изслѣдуемой жидкостью, я привязалъ вторично конецъ лигатуры къ самой канюлѣ. Послѣ этого я изолировалъ предсердія отъ желудочка, накладывая лигатуру какъ разъ in sulco atrio-ventriculari. Окончивши это, я соединилъ канюлю съ аппаратомъ такъ, что болѣе широкую трубку а соединилъ съ трубкою f, манометра, а трубку b, съ трубкою d, аппарата и началъ производить опыты по извѣстному уже намъ порядку.—Результатъ былъ слѣдующій: послѣ пропусканія seri, сердце (sinus и предсердія) (я для краткости въ этомъ и въ слѣдующихъ опытахъ буду отдѣльныя части сердца называть словомъ „сердце“) сокращалось очень правильно, съ частотою цѣльнаго сердца, но слабо. Послѣ пропусканія duboisin'a 0,0006 число ударовъ уменьшилось, а главнымъ

образомъ уменьшалась сила сокращенія, такъ что кривая приняла видъ почти волнообразной линіи. Послѣ промывки зего, дѣятельность сердца опять увеличилась, то есть сила пришла въ нормѣ, а число сокращеній превышало норму. Послѣ дѣйствія же дубоизина 0,001 эффектъ былъ еще яснѣе а промывка дала ускореніе почти вдвое больше противъ нормы. Смотри цифровую таблицу *D* и кривыя опыта 2 въ рисункахъ таб. VI.

В II.

Для изслѣдованія дѣйствія дубоизина на одни предсердія (безъ *sinus'a*) я уже не перевязывалъ никакихъ сосудовъ, а прямо послѣ вскрытія грудной кѣтки и перикардіума, когда сердце еще было наполнено кровью, я обвелъ лигатуру вокругъ границы *sinus'a* и предсердій и сдѣлалъ петлю плотно обнимающую самъ желобокъ, составляющій эту границу, но пока не завязалъ ее окончательно. Послѣ этого я вырѣзалъ сердце, ждалъ пока оно не опорожнится отъ крови, за тѣмъ, промывши зего, ввелъ канюлю Кронекера до самаго предсердія и тогда только завязалъ петлю наложенной лигатуры (она приходилась за первымъ кольцомъ канюли). Потомъ я наложилъ другую лигатуру на границѣ предсердій и желудочка и такимъ образомъ я исключилъ 1-ой лигатурой *sinus*, а 2-ой желудочекъ и изслѣдовалъ одни предсердія. Дальнѣйшій ходъ опытовъ ничѣмъ не отличается отъ опытовъ В I. Они показали, что характеръ сокращеній однихъ предсердій такой же, какъ и предсердій, соединенныхъ съ *sinus'омъ* и что дубоизинъ дѣйствуетъ также энергично на одни предсердія и что промывка уничтожаетъ его эффектъ, производя тоже ускорѣніе сердцебіенія, далеко превышающее норму. Смотри цифровую таблицу *E* и кривыя *E* опыта 2 въ рисункахъ таб. VI.

В III.

Для наблюденія дѣйствія дубоизина на одинъ желудочекъ я приготовилъ сердце такимъ образомъ, что вырѣзавъ его изъ организма, промылъ зего (для предупрежденія спазмовъ) за тѣмъ вставилъ канюлю Кронекера чрезъ правое предсердіе въ желудочекъ. Чтобы сердце не могло соскользнуть во время наложенія главной лигатуры, я наложилъ временную на предсердія такъ, чтобы она пришлась выше втораго кольца канюли, а потомъ, уже положилъ вторую, какъ разъ

на границѣ желудочка и предсердій въ самомъ атриовентрикулярномъ жолобкѣ (на канюлѣ она пришлась повыше перваго кольца). И такъ пониже лигатуры находился самъ желудочекъ вмѣстѣ съ атриовентрикулярными гангліями; эти ганглии, какъ изъ анатоміи извѣстно, находятся на перегородкѣ предсердій ниже наружной границы желудочка и предсердій. Продолжая опыты, какъ при I и II я получилъ отъ нормальной сыворотки кривыя, показывающія что работа одного желудочка отличается отъ работы цѣльнаго сердца лишь только замедленіемъ ритма.

Пропустивши duboisin 0,001 дѣятельность желудочка значительно пала, какъ въ отношеніи частоты ударовъ, такъ и силы каждаго сокращенія. Промывка сего и здѣсь тоже уничтожала эффектъ дубоизина, но надо замѣтить, что *увеличеніе числа сокращеній не только не превышало, но даже не доходило до нормы.*

В IV.

Для изслѣдованія дѣйствія дубоизина на одну мышцу сердца я препаратъ приготовлялъ точно какъ при В. III, съ тою лишь разницею, что главная (постоянная) лигатура налагалась не на границѣ желудочка, а ниже, то есть приблизительно на границѣ верхней и средней трети. Такимъ образомъ атриовентрикулярныя ганглии остались выше лигатуры вмѣстѣ съ нервными волокнами, отходящими отъ нихъ къ мускулатурѣ желудочка (извѣстно, что ниже верхней трети эти волокна уже исчезаютъ, — по крайней мѣрѣ нѣкто ихъ тамъ не находилъ. Такъ какъ лигатурой и самое сообщеніе съ выше лежащими нервами прервано, то весьма естественно, что эта ниже лигатуры лежащая часть желудочка (послѣ наполненія сывороткой) вовсе не сокращалась; для этого, чтобы получить сокращенія, надо было прибѣгнуть къ раздраженію электричествомъ. Итакъ я раздражалъ сердце поочередно, то при нормальной сывороткѣ, то подъ вліяніемъ дубоизина и, наконецъ послѣ промывки, вслѣдствіе чего я получалъ три ряда сокращеній сердца для сравненія.

Техника опыта вообще такова же, какъ и при предыдущихъ опытахъ, только съ тою разницею, что здѣсь прибавилось устройство для раздраженія электричествомъ въ равныхъ промежуткахъ времени размыкательными ударами индуктивнаго тока. — Съ этой цѣлью въ цѣпь первичной спирали саноу du Bois Reymond'a (таб. II фиг. 5)

кромѣ элементовъ (3 Grove) ввелись Людвиговскіе часы d, которые въ состояніи размыкать токъ въ желаемые промежутки времени; кромѣ того въ эту же цѣпь ввелась электро-магнитная писалка e, служащая для отмѣтки на накопченной бумагѣ моментовъ размыканія тока.

Электроды вторичной спирали, b, назначенные для раздраженія самаго сердца, были приспособлены къ препарату такимъ образомъ, что одинъ изъ нихъ соединялся съ выдающимся штифтомъ c, канюли Кронекера, а второй находился въ чашечкѣ g, съ *seguin*, въ которой былъ погруженъ препаратъ; такимъ образомъ оба электрода вторичной спирали сообщались постоянно посредствомъ препарата и *seguin*, и цѣпь вторичной спирали всегда была замкнута. Въ цѣпи первичной спирали находился ключъ h, служившій для перерыванія тока.

Людвиговскіе часы я поставилъ на 30, то есть что 30 разъ въ минуту (черезъ 2 секунды) токъ мгновенно размыкался и такимъ образомъ каждые 2 секунды происходилъ одинъ размыкательный электрическій ударъ, который при нормальной сывороткѣ вызывалъ каждый разъ одно сокращеніе сердца, длившееся извѣстное время. Послѣ же пропуска дубоизина, желудочекъ очень слабо сталъ реагировать на раздраженіе и соответственно силѣ концентраціи эффектъ былъ различенъ, такъ что послѣ дубоизина 0,005 сердце вовсе не отвѣчало на раздраженіе. Смотри цифровую таблицу G. и кривыя G. опытъ 1 въ рисункахъ таб. VI.

Послѣ промывки всего, желудочекъ опять началъ сокращаться подъ вліяніемъ раздраженія, но съ меньшей энергіей. *Изъ этого всею видно, что дубоизинъ дѣйствуетъ на одну мускулатуру, такимъ же образомъ, какъ и на цѣльное сердце.*

IV.

Изъ ряда опытовъ В. можно сдѣлать выводы, что дубоизинъ дѣйствуетъ одинаково подавляющимъ образомъ на функцію ганглій сердца лягушки всѣхъ его областей, а именно: на ганглии *sinus'a* и предсердій, на функцію атриовентрикулярныхъ ганглій и точно такимъ же образомъ дѣйствуетъ на самую мышцу желудочка, такъ что мы изъ этого можемъ заключить, что при дѣйствіи дубоизина на цѣльное сердце эффектъ, зависитъ отъ сочетанія его одинаковаго дѣйствія на

нервные элементы каждой области въ отдѣльности, къ чему присоединяется тоже его дѣйствіе на самую мышцу, а вліянія суммируются и обнаруживаются въ одномъ гармоническомъ эффектѣ. Всѣ до сихъ поръ приведенные факты показываютъ только *эффектъ* дѣйствія дубовзина на сердце, (то есть на нервы и мышцы его), но не объясняютъ *способа* происхожденія этихъ явленій. Поэтому я произвелъ нѣсколько опытовъ, служащихъ специально для уясненія этого вопроса и съ этой цѣлью я дѣйствовалъ дубовзиномъ на сердце, отравленное предварительно атропиномъ. Чтобы указать какимъ образомъ я этими опытами хотѣлъ уяснить способъ дѣйствія дубовзина на нервные элементы сердца и, сдѣлать выводы, я долженъ предварительно указать на ту теорію происхожденія автоматической работы сердца, на которой въ настоящее время фізіологія пока остановилась и къ которой именно я свои выводы примѣняю. Итакъ извѣстно, что вырѣзанное сердце изъ тѣла еще въ состояніи продолжать свою работу; у холоднокровныхъ цѣлыя сутки, а у теплокровныхъ такъ долго пока на него дѣйствуетъ кровь содержащая кислородъ. Этотъ фактъ ясно указываетъ на то, что самое сердце должно заключать въ себѣ центры, вызывающіе его самостоятельное движеніе, и по всему вѣроятію, ганглія сердца играютъ роль этихъ центровъ. Дальше принимаютъ, что въ сердцѣ находится не одинъ такой центръ, а ихъ есть нѣсколько и что они находятся въ анатомической связи между собою. Въ цѣльномъ сердцѣ всѣ центры возбуждаются однимъ главнымъ центромъ въ опредѣленномъ порядкѣ, получая импульсъ отъ него посредствомъ проводныхъ путей т. е. нервныхъ волоконъ. Главный т. е. управляющій центръ находится въ предсердіяхъ и обыкновенно отъ него расходится возбужденіе къ движенію, которое правильнымъ образомъ поочередно передается остальнымъ центрамъ. Если возбудимость этого центра уничтожить (напр. смазываніемъ персгородки сердца опиумомъ (Ludwig, Hoffa), то исходной точкой импульсовъ служить центръ другой области. Центръ предсердій раздражительноѣ центра желудочка ¹⁾.

¹⁾ Въ пользу этого положенія говорятъ слѣдующія данныя, что если сердце оставить дѣйствовать до истощенія то увидимъ, что желудочки раньше прекращаютъ сокращаться чѣмъ предсердія. Кроме того если наложить лигатуру на границѣ желудочка и предсердій то можно замѣтить, что число сокращеній однихъ предсердій гораздо больше числа сокращеній одного желудочка.

Причина самостоятельнаго ритмическаго возбужденія сердечныхъ центровъ неизвѣстна. Необходимымъ условіемъ есть притокъ кислорода, (Ludwig, Volkmann, Goltz) тоже соотвѣтственная температура.

Главные выводы опытовъ, на которыхъ эта теорія основана, описаны въ физиологіи Ландоа ¹⁾. Кромѣ этихъ нервныхъ элементовъ, находящихся въ самомъ сердцѣ, къ нему входитъ снаружи *nervus vagus*, стволъ котораго заключаетъ въ себѣ (у лягушки) тоже волокно симпатическаго нерва. *Vagus* какъ извѣстно имѣетъ большое вліяніе на ритмъ сердца; его раздраженіе замедляетъ сердцебіеніе (Ludwig Coats), а при сильномъ раздраженіи сердце совсѣмъ останавливается (въ *diastole*) ²⁾. Имѣя въ виду только что сказанное, я задался вопросомъ при дѣйствіи дубоизина на сердце, зависитъ ли эффектъ замедленія отъ уменьшенія возбудимости сердечныхъ ганглій, или отъ раздраженія внутре-сердечныхъ окончаній *n. vagi*? Хотя опыты съ раздраженіемъ *vagi* сами по себѣ уже показываютъ что дубоизинъ вполне уничтожаетъ вліяніе *vagi* на сердце, значитъ объ замедленіи вслѣдствіе раздраженія внутре-сердечныхъ окончаній его и рѣчи быть не можетъ, но чтобы еще другимъ путемъ такъ сказать проверить этотъ фактъ я дѣйствовалъ дубоизиномъ на такое сердце, въ которомъ предварительно функція *vagi* была уничтожена другимъ средствомъ именно, атропиномъ. Какъ извѣстно, если на сердце подѣйствовать атропиномъ то уже при очень малыхъ количествахъ раздраженіемъ *vagi* мы больше не въ состояніи вызвать ни остановки, ни замедленія сердца. Это доказали Bezold на млекопитающихъ, а Schmiedeberg и Böhm на лягушкахъ. Теперь понятно, что если у отравленнаго сердца атропиномъ получится отъ дубоизина замедленіе, то оно не можетъ зависѣть отъ раздраженія *vagi* (потому что вліяніе *vagi* было уничтожено), а должно зависѣть отъ пониженія возбудимости производящихъ движеніе центровъ.

¹⁾ Lehrbuch der Physiologie des Menschen. L. Landois 1878, стр. 108.

²⁾ Иногда раздраженіе *vagi* даетъ ускореніе; это тогда (предполагаютъ), когда въ его стволѣ преобладаютъ симпатическія волокна. При дѣйствіи на сердце ядомъ, уничтожающимъ проводимость волоконъ *vagi*, тоже иногда отъ раздраженія его ствола, получается ускорѣніе, которое объясняютъ раздраженіемъ заключенныхъ въ немъ симпатическихъ волоконъ (Schmiedeberg).

Опыты, о которыхъ идетъ рѣчь, я производилъ на цѣльномъ сердцѣ, которое я укрѣплялъ къ аппарату какъ при опытахъ А, и получивши кривую отъ нормальной сыворотки, пропускалъ черезъ сердце сыворотку, заключающую въ себѣ Atropin. За тѣмъ, получивши кривую атропина, я пропускалъ черезъ сердце сыворотку, въ которой находилась смѣсь Duboisin'a и Atropin'a. Послѣ полученія кривой этой смѣси, я промывалъ сердце какъ обыкновенно. Атропинъ я бралъ въ концентраціи, которая производитъ уже полный эффектъ его дѣйствія т. е. на каждый куб. сантим. сыворотки 0,0006 грам., а дубоизина я тоже бралъ такую концентрацію, которая даетъ уже рѣзкія явленія, т. е. 0,003 грм. Послѣ дѣйствія атропина я не пропускалъ черезъ сердце одинъ дубоизинъ, а только въ смѣси съ Atropin'омъ потому, чтобы не ввестись въ сомнѣніе, что можетъ быть растворъ дубоизина просто вымылъ если можно такъ сказать дѣйствіе Atropin'a, что, какъ извѣсно дѣлаетъ чистая сыворотка съ дубоизиномъ, и какъ я убѣдился, тоже съ atropin'омъ. Результаты этихъ опытовъ были слѣдующіе: послѣ пропускания atropin'a 0,0006 дѣятельность сердца поднялось какъ въ отношеніи числа ударовъ, такъ и въ отношеніи силы каждаго сокращенія. Пропустивши затѣмъ смѣсь атропина съ дубоизиномъ (А.—0,0006 + D.—0,003) я замѣтилъ, что дѣятельность сердца значительно уменьшилась, а при болѣе сильныхъ концентраціяхъ даже совсѣмъ прекратилась. Уменьшеніе сердечной дѣятельности имѣло мѣсто тоже въ томъ случаѣ, когда я дубоизину бралъ только 0,001.

Промывка дѣйствовала какъ обыкновенно, т. е. число сокращеній увеличилось противъ нормы, а сила ихъ была меньше. Смотри цифровую таблицу Н. и кривыя Н. опытъ 1, въ рисункахъ табл. VI. Изъ этого видно, что дубоизинъ понижаетъ дѣятельность сердца даже когда вліяніе vagi уничтожено. Значитъ эффектъ дѣйствія дубоизина можетъ зависѣть *только отъ уменьшенія возбудимости ганглий* или увеличенія въ нихъ препятствія.

Результаты, полученные отъ этихъ опытовъ, могутъ объяснить способъ дѣйствія дубоизина даже если придерживаться другой существующей теоріи автоматической работы сердца, по которой предполагается въ сердцѣ, кромѣ производящаго движенія центра (excitomotorisches Centrum) еще отдѣльный задерживающій центръ (Hemmungscentrum) ¹⁾.

¹⁾ Краткій обзоръ фактовъ, на которыхъ эта теорія основана находится въ физиологій Л. Германа 1877 г. стр. 77.

Этотъ задерживающій аппаратъ, точно такъ какъ и *vagus* парализуется атропиномъ, значитъ если дубоизинъ послѣ атропина произвелъ замедленіе или остановку работы сердца, то это не могло произойти ни отъ *раздраженія* внутри сердечныхъ окончаній *vagi*, ни отъ *раздраженія* задерживающаго центра, такъ какъ и одни и другіе были парализованы атропиномъ слѣдовательно, только отъ пораженія производящихъ движеніе центровъ. По этой теоріи возникаетъ опять новый вопросъ, а именно: зависитъ ли уничтоженіе дубоизиномъ вліянія *vagi* на сердце, отъ пораженія однихъ только внутри-сердечныхъ окончаній его, или дубоизинъ поражаетъ тоже и самъ задерживающій центръ, а быть можетъ и только этотъ послѣдній.—Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ посредствомъ опытовъ, какъ вліяетъ на сердце *Muscagin* послѣ промывки отъ сильныхъ концентрацій дубоизина. Если *Muscagin* даетъ остановку сердцебиенія, это докажетъ, что задерживающій аппаратъ (центръ) не пораженъ, а только одни внутри-сердечныя окончанія *vagi*. Если уже *Muscagin* никакого эффекта не произведетъ, то можно съ положительностію сказать, что центръ задерживающій окончательно парализованъ и въ томъ исключительномъ случаѣ останется еще рѣшить, поражены ли тоже самые концы *vagi* или нѣтъ.

V.

З а к л ю ч е н і е.

Резюмируя сказанное о дубоизинѣ видимъ, что:

- 1) Алкалоидъ Дубоизинъ (*Duboisinum sulfuricum*) дѣйствуетъ вообще подавляющимъ образомъ на функціи всѣхъ элементовъ сердца лягушки, то есть на нервы и мышцы его.
- 2) Дубоизинъ дѣйствуетъ на нервы *всѣхъ* областей сердца.
- 3) Одинаково дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на концы внутри-сердечныхъ окончаній п. *vagi*, какъ и на центры производящихъ ритмъ.
- 4) Функція *vagi*, начиная отъ концентраціи 0,002, совсѣмъ уничтожается и даже послѣ промывки не восстанавливается, а функція центровъ даже послѣ самыхъ сильныхъ концентрацій еще восстанавливается.

5) Явленіе, что послѣ промывки, эффектъ дѣйствія дубоизина исчезаетъ, но число сокращеній превышаетъ число бывшее до дѣйствія дубоизина, указываетъ на то, что вліяніе дубоизина на центры по всему вѣроятію заключается въ томъ, что онъ не поражаетъ самой функціи центровъ, а только увеличиваетъ препятствіе передачи вырабатывающихся въ нихъ импульсовъ, вслѣдствіе чего накопленная сила сразу освобождаясь послѣ удаленія дубоизина переходитъ въ работу съ большею энергіею. Понятно что явленіе это тѣмъ рѣзче выступаетъ, чѣмъ сильнѣе былъ эффектъ дѣйствія дубоизина ¹⁾.

6) *Duboisinum sulphuricum* по эффекту дѣйствія своего на сердце лягушки похожъ на *Muscarin*, *Physostigmin*, *Pilocarpin*, *Nicotin* (въ 1-мъ стадіумѣ) *Aconitin* (въ 3-мъ стадіумѣ) *Veratrin*, и *Coniin*.

Самое большое сходство дубоизинъ имѣетъ съ *Delphinin*’омъ и *Sosain*’омъ; до того что по всему вѣроятію и способъ ихъ дѣйствія одинаковъ

Если сравнить *Duboisin* съ *Muscarin*’омъ, то хотя по эффекту они сходны между собою, но способъ ихъ дѣйствія на сердце совсемъ противоположенъ. Относительно же *Atropin*’а надо замѣтить что хотя эффектъ ихъ дѣйствія на работу сердца такъ различенъ, но способъ дѣйствія ихъ очень похожъ. Разница только та что *Duboisin*, дѣйствуя вообще сильнѣе *Atropin*’а кромѣ уничтоженія вліяніе *vagi* на сердце, еще сверхъ того увеличиваетъ препятствіе въ центрахъ сердца, отъ чего только именно и зависитъ разница эффектовъ *Duboisin*’а и *Atropin*’а.

Опыты свои я производилъ въ фізіологической лабораторіи университета Св. Владиміра, въ теченіи января и февраля мѣсяцевъ 1880 года.

---

¹⁾ Что при опытахъ съ однимъ желудочкомъ послѣ промывки число сокращеній не только не превышаетъ его нормы, но никогда къ ней уже не доходило, можно, мнѣ кажется, объяснить просто тѣмъ, что центры желудочка (гангліи атріовентрикулярныя) вообще гораздо менѣе раздражительны, чѣмъ центры предсердія.

Считаю пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь мою искреннюю благодарность профессору Владиміру Богумиловичу *Томсъ*, за позволеніе пользоваться матеріаломъ здѣшней лабораторіи и за любезность, съ которою онъ мнѣ оказывалъ помощь въ моихъ изслѣдованіяхъ.

Кіевъ. 1 мая
1880 года.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

ОБЗОРЪ РУССКОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЗА 1879 И ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1880 ГОДА ¹⁾.

А. Учебники, руководства и пособія.

1. *Учебникъ неорганической химіи* по новѣйшимъ воззрѣніямъ В. Рихтера 4-ое измѣненное и дополненное изданіе. СПБ. 8^о XI + 464 стр. (5000 экз.) Ц. 2 р. 25 к.

Кромѣ статьи о періодической системѣ элементовъ это изданіе почти ничѣмъ не отличается отъ третьяго изданія и поэтому къ нему примѣнимо все то, что сказано мною въ предъидущемъ обзорѣ. Цѣна четвертаго изданія нѣсколько уменьшена.

2. *Неорганическая химія*. А. Шуляченко, 1-й вып. Литографія. СПБ. 1879 г. 4^о 308 + 6 нен. стр.

Выпускъ этотъ содержитъ: Введеніе. Понятіе объ эквивалентахъ и атомахъ. Молекула. Понятіе объ энергіи. Химическая энергія. Химическія формулы. Кислородъ. Водородъ. Азотъ. Углеродъ. Понятіе объ атомности элементовъ. Періодическая система элементовъ по Менделѣеву.

3. Роско. *Химія* съ 36 рис. въ текстѣ, переводъ съ англійскаго М. А. Антоновича. Изд. 2-ое СПБ. 3 нен. + IV + 100 стр. Ц. 40 коп. (6000 экз.).

4. *Краткій повторительный курсъ неорганической химіи*. Изданіе А. Ильина. СПБ. 1879. 16^о VIII + 116 стр. и 1 л. чертежей. (5000 экз.) Ц. 35 к.

¹⁾ См. Унив. Изв. за 1875, 1876, 1877, 1878 и 1879 года.

Если только это не перемѣна обертки, то буквальная перепечатка съ перваго изданія; въ немъ по этому остаются неизмѣненными всѣ тѣ же ошибки и невѣрности, (см. мой обзоръ за 1875 г.) т. напр.: *элементы, водородистыя соединенія которыхъ представляютъ свойства оснований* (стр. 61) и т. д.

5. Л—ъ (Н). *Краткій повторительный курсъ неорганической химіи*. 1-ая ч. составлена по Менделѣеву. СПБ. Литографія Пазовскаго. 1879. 6. 8° 32 стр. Ц. 20 к.

Этого повторительнаго курса, равно какъ и слѣдующаго „конспекта“ мнѣ не удалось имѣть въ рукахъ.

6. *Конспектъ лекцій химіи*, читанныхъ на высшихъ женскихъ курсахъ въ 1879—1880. Литографія. 8° 37 стр. (100 экз.)

7. Пастернакъ (Х.) *Стехиометрія*. 150 задачъ съ рѣшеніями для студентовъ, фармацевтовъ и воспитанниковъ реальныхъ училищъ. Сост. по книгѣ Ф. Фишера подъ ред. Вл. Завилейскаго. Кіевъ, 1880. 8° IV + 76 стр. (3000 экз.) 40 к.

Появленіе этого сборника до нѣкоторой степени вызвано моею замѣткой въ обзорѣ 1875 года, по поводу одного подобнаго задачника. Я думаю, что „*Стехиометрія*“ можетъ быть весьма полезна занимающимся химіей. Желательно поэтому чтобы лица, замѣтившія опечатки или неточности указали бы на нихъ и тѣмъ дали бы возможность редактору избѣжать ихъ при слѣдующемъ изданіи.

8. *Краткій учебникъ минеральной и органической химіи*. Роско. Изданіе 4-е исправленное и дополненное Г. Густавсономъ. СПБ. 1880. 8° VII + 412 стр. (3000 экз.) Ц. 2 р. 25 к.

Весьма хорошій учебникъ, совершенно справедливо одобренный ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Какъ замѣчено въ предисловіи, „четвертое изданіе вновь пересмотрѣно и снабжено тѣми дополненіями, которыя по своему характеру и объему не выходятъ изъ границъ первоначальнаго плана сочиненія.

9. *Органическая химія*. П. Алексѣева, 2-ое дополненное и измѣненное изданіе. Кіевъ, 1880. 8° VI + 491 стр. (1500 экз.) Ц. 1 р. 75 к.

Въ этомъ изданіи органическія соединенія, содержація сѣру, азотъ

и т. д. изложены отдѣльно и нѣсколько болѣе подробно, нежели въ первомъ изданіи, чрезъ что объемъ „*органической химіи*“ во второмъ изданіи нѣсколько увеличился.

10. В л а х о п у л о в ъ Д. Преподаватель естественныхъ наукъ въ Тамбовской женской гимназіи и Александровскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. *Органическая химія* въ объемѣ курса реальныхъ и коммерческихъ училищъ, составлена по Менделѣву, Рихтеру и Шедлеру. Москва, 8^о VІІІ : 75 стр. (1500 экз.) Ц. 60 к.

„Въ виду ощутительнаго недостатка учебниковъ химіи, принаровненныхъ къ курсу реальныхъ и вообще (1) коммерческихъ училищъ“ говоритъ г. Влахопуловъ въ предисловіи „я рѣшился по мѣрѣ силъ приняться за составленіе учебниковъ химіи и первымъ шагомъ къ выполненію задуманной цѣли я предпослалъ *органическую* химію другимъ отдѣламъ этой науки“. Вслѣдъ за этимъ авторъ обѣщалъ издать *аналитическую* и наконецъ *неорганическую* химію. Къ счастью для покупателей г. Влахопуловъ остановился на аналитической химіи, которой упоминается нѣсколько ниже.

Рецептъ составленія учебниковъ, подобныхъ органической химіи Влахопулова очень простъ. Взята органическая химія Менделѣва, буквально выписано изъ нее о тѣхъ соединеніяхъ, о которыхъ упоминается въ учебныхъ планахъ реальныхъ училищъ, утвержденныхъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія и вотъ эта то безсвязная выборка съ массой опечатокъ и ошибокъ (приводить которыя считаю совершенно излишнимъ) и представляетъ учебникъ, на которомъ для болѣе важности написано: составленъ молъ по Менделѣву, Рихтеру и Шедлеру (?).

11. *Краткій повторительный курсъ органической химіи*. Изданіе А. Ильина. СПБ. 16^о 201+V стр. 2 стр. таблицъ. Ц. 50 к.

Въ моемъ обзорѣ за 1875 годъ по поводу выхода такого повторительнаго курса неорганической химіи я замѣтилъ, что въ рукахъ опытнаго преподавателя по своей доступности онъ можетъ быть весьма полезенъ для учащихся если только хорошенько просмотрѣть его и сдѣлать надлежащіе исправленія. Къ сожалѣнію дѣло изданія повторительныхъ курсовъ представляетъ недобросовѣстную спекуляцію. Выше упомянуто, что повторительный курсъ неорганической химіи и во вто-

ромъ изданіи остался буквально тѣмъ же, чѣмъ былъ въ первомъ изданіи; повторительный же курсъ органической химіи представляетъ нѣчто невообразимое. Хотя въ концѣ его и указываются какъ руководства и пособія, кромѣ лекцій *Бейльштейна* и учебники *Рихтера* и *Шорлеммера*, но повидимому происхожденіе этого повторительнаго курса таково, что издатель воспользовался *старыми* записками *Θ. Θ. Бейльштейна* и при корректурѣ и редакціи заботился единственно лишь о дешевизнѣ и поручилъ это какому либо начинающему. Этимъ лишь и можно объяснить страшную небрежность изданія, отсутствіе однообразія въ сокращеніяхъ, массу опечатокъ (даже въ указываемыхъ опечаткахъ), пропуски, путаницу, излишнія повторенія, мѣстами полнѣйшую чепуху и вдобавокъ ужасный языкъ. По этому самый лучший советъ какой можно было бы дать издателю, если бы онъ дорожилъ своимъ предпріятіемъ, это—совершенно изъять изъ обращенія *повторительный курсъ органической химіи* и при новомъ изданіи поручить редакцію какому либо химику, самое лучшее такому, который не считалъ бы нужнымъ скрывать своего имени, какъ это вообще имѣютъ обычай дѣлать авторы повторительныхъ курсовъ.

Чтобы не быть однако голословнымъ, укажу на нѣсколько наивныхъ мѣстъ и курьезовъ:

„*Нормальная валерьяновая кислота*. Ничѣмъ не замѣчательна (! (стр. 51).

„Получаются двѣ жидкости: одна плавится при....; другая плавится при.... (стр. 76)“.

Слизевая кислота во всемъ тождественна съ сахарной кислотой. Менѣе растворима въ H_2O , чѣмъ сахарная кислота (стр. 136).

Пляковая (читай гваяковая) смола. Реактивъ на N. Азотъ ¹⁾ окрашивается въ синій цвѣтъ (стр. 145).

---

¹⁾ Ясно, что здѣсь азотъ значитъ озонъ. Вообще, послѣднее слово, какъ видно, наборщики у насъ не долюбляютъ. Тутъ озонъ превратился въ азотъ, а въ статьѣ г. Ясинскаго въ огонь. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ г. Ясинскій (Слово, Декабрь 1879 г.) въ своей замѣткѣ по поводу моего прошлогодняго обзора. Кстати, возможность появленія подобной замѣтки въ журналѣ, отъ котораго слѣдовало бы ожидать серьезнаго отношенія къ дѣлу наводитъ на довольно грустные размышленія и можетъ служить примѣромъ „какъ велика у насъ нетерпимость къ выраженію свободнаго, хотя бы при-

Альдеидъ бензойный. Когда чистъ—даетъ всѣ реакціи альдегида (стр. 173).

Нафталинъ. Кристалъ. Въ чистомъ видѣ жидокъ. Плавится при... (стр. 187).

А вотъ нѣсколько примѣровъ искаженія и сочиненія фактовъ:

Пропиленъ... газъ постоянный (стр. 14).

Иодистый углеродъ CJ : получается при разложеніи іодистаго Al—HCl -омъ (стр. 25).

Целароновая кислота получается при окисленіи HNO_3 -ой, масляной кислоты (стр. 52).

Нитропроизводныя кислотъ. Можно разсматривать, какъ производныя отъ нитриловъ (стр. 67).

Касторовое масло—смѣсь глицерина и рициновой кислоты (стр. 119).

Хлористый бензолъ, $\text{C}_6\text{H}_5.\text{HCl}^2$. При дѣйствіи 2 паевъ Cl -ра. Это хлор-ангидридъ бензойный (стр. 152).

Этилъ бензолъ при окисленіи даетъ карбоксипловую кислоту (стр. 154).

Фенолъ съ бѣлильною известью даетъ фіолетовое окрашиваніе (стр. 166).

Альдеидъ коричной кислоты. Получается при смѣшеніи бензойнаго и уксуснаго альдегида (стр. 176).

лично и осторожно высказаннаго мнѣнія" (см. статью Модестова объ ученой критикѣ, *Голосъ* 1880 № 138). Не особенно отрадно и то, что выходка „Слова“ нашла себѣ надлежащую оцѣнку лишь въ одной небольшой газетѣ (Петербургск. Листокъ № 243, 1879 г.).

Два слова г. Ясинскому. Вы утверждаете, что въ указанномъ мною мѣстѣ *огонь* опечатка и что должно читать *эзонъ*, но вѣдь въ вашей статьѣ говорится и объ *огнѣ* какъ элементѣ, а при массѣ невѣрностей и ошибокъ, которыя въ ней находятся, право трудно отличить ошибку отъ опечатки. Но положимъ вы правы; скажите же на милость какою опечаткою вы объясните ту пенемъющую смысла тираду, приведенную мною въ томъ же обзорѣ изъ вашей статьи, посвященной послѣднимъ работамъ надъ сжиженіемъ газозъ. Если вы действительно дорожите правдой, то надѣюсь не рѣшитесь утверждать, что я не былъ правъ, скажавъ, что у насъ составленіе научнаго обзора нерѣдко поручается лицамъ, не имѣющимъ ни малѣйшаго понятія о томъ, о чемъ берутся разсуждать.

Салициловая кислота получается при перегонкѣ гаультеріеваго масла (стр. 181).

Нафталиновая кислота $C^{10}H^7.COHO$. Получается при кипяченіи динитронафтаола съ KNO (стр. 188).

Я думаю достаточно. А такъ какъ приведенное мною не составляетъ и сотой части всѣхъ ошибокъ и невѣрныхъ фактовъ, то по истинѣ приходится пожалѣть ту молодежь, которая соблазнилась дешевой и удобнымъ форматомъ книжки. А издатель для вѣщаго соблазна всѣ свои три повторительные курса: химіи неорганической, органической и аналитической сбросжировалъ вмѣстѣ и выпустилъ подъ заглавіемъ:

12. *Краткая справочная учебная энциклопедія: химія неорганическая, органическая и аналитическая* (2000 экз.) Ц. 1 р.

Ну какъ не соблазниться всю химію приобрести за одинъ рубль? Разумѣется на удочку попадаетъ только неопытный начинающій.

13. *Руководство къ качественному химическому анализу Ф. Бейльштейна*. 4-е исправленное изданіе. СПб. 1879. 8° 53 стр. (1200 экз.) Ц. 40 к.

Объ этомъ сочиненіи въ моихъ обзорахъ приходилось уже неоднократно упоминать. Первое изданіе вышло въ 1867 году.

При существованіи этого краткаго руководства къ качественному анализу я думаю совершенно излишни таблицы Вилля, а тѣмъ болѣе курьозный кругъ Жуковскаго, о которомъ говорится ниже.

14. Вилль (Т.) *Таблицы качественного химическаго анализа*. Переводъ съ 11 нѣмецкаго изданія. Москва, 8° 4 стр. и 13 схемъ. Ц. 40 к.

15. Жуковскій Д-ръ. *Аналитическая таблица*. Реакціи основаній. Ц. 1 р. 50 к. (!!).

Не знаю, не есть-ли это прямо переводъ одной изъ таблиц М о n n i e r (D. Monnier. Deux tableaux circulaires pour l'analyse chimique. Genève. Sur carton, montés. Fs. 6). Это картонный кружокъ, на которомъ нанесены основанія и поверхъ вращается четверть круга съ пробомъ. Игрушка, едва-ли къ чему пригодная.

16. *Количественный анализ (вѣсовой)*. Литографированныя лекціи (чьи?) СІІБ. 1879. Лит. Иконникова. 8° 50 стр. (58 экз.).

17. В л а х о п у л о в ъ Д. Преподаватель естественныхъ наукъ въ Тамбовской гимназій и Александровскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. *Аналитическая химія* для практическихъ занятій въ химической лабораторіи учениковъ реальныхъ и коммерческихъ училищъ. Качественный анализъ. Москва. 8° IV : 60 стр. (1500 экз.) Ц. 60 к.

Выше говоря объ органической химіи Влахопулова, я замѣтилъ, что къ счастію онъ остановился на аналитической химіи, такъ какъ въ составленіи послѣдней онъ выказалъ уже столь большіе успѣхи, что нельзя даже и вообразить, что представляла бы его неорганическая химія, если бы таковая вышла. Трудно разгадать процессъ составленія такой чепухи, какъ *аналитическая химія Влахопулова*. Нѣкоторые обороты и нѣкоторыя слова пожалуй указываютъ на то, что авторъ пользовался какой то плохой нѣмецкой книжонкой; но во всякомъ случаѣ видно, что авторъ пожелалъ выказать и самостоятельность и что многое принадлежитъ лично ему. Ни изъ одной книжки не могъ онъ извлечь такихъ несообразностей, какія встрѣчаются у него на каждомъ шагу ¹⁾. Особенно хороши формулы. Спиртъ напр. $C^6H^{10}O^{12}$, уксусная кислота— $C^6O^2H^4$, эфиръ обыкновенный— $S^2O^2H^{15}$, хлористый барій $BaHCl$ и т. д.

Я считаю совершенно излишнимъ, останавливаются долѣе на этой неприличной спекуляціи, тѣмъ болѣе, что при самомъ бѣгломъ просмотрѣ всякій сейчасъ же оцѣнитъ ее по достоинству и наконецъ въ русской педагогической литературѣ есть уже библиографическая объ ней замѣтка К. И. Лисенко ²⁾.

18. Т р а п п ъ Ю. *Фармацевтическая химія*. СІІБ. 1880, 8° 1—64 (110 экз.).

¹⁾ Напр. „Маршъ для открытія мышьяка употреблялъ мышьяковистый водородъ, такъ какъ въ его аппаратѣ мышьякъ въ видѣ палета осѣдаетъ на особо устроенное зеркало (стр. 41).

²⁾ Педагогическая хроника 1879, № 31 (тутъ же замѣтка и объ органической химіи Влахопулова).

19. *Записки по фармаціи*. I Фармакогнозія. II Фармацевтическая химія. СПБ. Русская скоропечатня. 8° 1+92+88 стр.

В. Диссертациі, монографіи, брошюры.

1. Сорокинъ В. *Къ вопросу о строеніи нѣкоторыхъ непредѣльныхъ соединенийъ съ повторяющеюся двойною связью. — Окисленіе діаллила и діаллилметилкарбинола*. Казань. 1879 8° 68 стр. (300 экз.)

2 Рудневъ В. *Объ амидныхъ соединеніяхъ третичныхъ углеводородныхъ радикаловъ*. Казань 1879 8° 50 стр.

Интересныя опытыя изслѣдованія гг. Сорокина и Руднева, служащія основою ихъ вышеприведенныхъ магистерскихъ диссертаций были напечатаны въ журналѣ Русскаго Физико-Химическаго Общества 1878 и 1879 годовъ.

3. Алексѣевъ В. *О взаимной растворимости жидкостей*. Диссертация, представленная въ Совѣтъ Горнаго Института для полученія званія адъюнкта химіи. СПБ. 8° 3+32 стр. 1 л. рис. (200 экз.).

Къ сожалѣнію мнѣ не удалось видѣть этой диссертациі и о выходѣ ее я знаю лишь изъ „Правительственнаго Вѣстника“.

4. Потылицынъ А. *О способахъ измѣренія химическаго сродства*. Диссертация на степень магистра химіи. СПБ. 1880 г. 8° 1 неп. + III + 1 нев. и 1 таблица (600 экз.).

Это разсужденіе представляетъ интересное изложеніе ученія Бергманна, Бертолле, Томсена и наконецъ Бертло. Четвертая глава, посвященная изложенію ученія Бертло, читается съ особымъ интересомъ еще потому, что только что вышло капитальное сочиненіе Бертло: *Essai de Mécanique chimique, fondée sur la Thermochimie*.

Собственныя изслѣдованія автора, которыя только частію были опубликованы ранѣе, изложены на послѣднихъ тридцати страницахъ (120—154 стр.) Г. Потылицынъ приводитъ многіе факты, противурѣчащіе правилу наибольшей работы, и ему противопоставляетъ свое болѣе общее правило.

Въ разсужденіи г. Потылицына ясно бросается въ глаза солидность изслѣдованія и при огромномъ интересѣ сообщаемыхъ фактовъ и дѣлаемыхъ обобщеній ясное сознаніе недостатковъ и скромность, ко-

торой не мѣшало бы поучиться нѣкоторымъ начинающимъ, съ первыхъ шаговъ уже прокладывающихъ новые пути.

За послѣднее время между медицинскими диссертациями особенно часто приходится встрѣчаться съ трактующими о вопросахъ химическаго анализа въ примѣненіи къ судебномедицинскимъ или гигиеническимъ цѣлямъ. Если въ отдѣльности нѣкоторыя изъ нихъ и отличаются мало-содержательностію, и чересчуръ большой компилятивностію, то всѣ они въ совокупности свидѣтельствуютъ, какъ мнѣ кажется, о стремленіи медиковъ къ болѣе близкому ознакомленію съ методами химическаго анализа.

5. Орловъ П. Е. *Къ вопросу о количественномъ опредѣленіи ртути въ трупахъ животныхъ, отравленныхъ сулемою.* Диссертация на степень доктора медицины. СПб. 1880 8° 33 стр.

6. Варфоломеевъ И. *О количественномъ опредѣленіи сурьмянистой кислоты въ трупахъ животныхъ послѣ подкожнаго введенія рвотнаго камня.* Диссертация на степень доктора медицины. Новгородъ. 1879 8° 61 стр.

7. Мокроусовъ И. *Матерьялы къ вопросу о количественномъ опредѣленіи мышьяка въ трупахъ животныхъ, имъ отравленныхъ.* Диссертация на степень доктора медицины ¹⁾. СПб. 1880 8° 2+46+1 (500 экз.)

8. Несслеръ А. *Матерьялы для оцѣнки способовъ опредѣленія амміака и органическихъ азотистыхъ соединений загрязненнаго воздуха.* Диссертация на степень доктора медицины. СПб. 1880, 8° 2 нен.+53 +1 стр. (500 экз.)

9. Бронниковъ Н. *О способахъ количественнаго опредѣленія амміака, основанныхъ на дѣйствіи реактива Несслера на амміачныя соли.* Диссертация на степень доктора ветеринаріи. СПб. 1879, 8° 82 стр. (500 экз.)

10. Супруненко. *Опытъ изслѣдованія надъ озономъ въ примѣненіи его для санитарныхъ цѣлей, съ приложеніемъ рисунка аппа-*

---

¹⁾ Курьезны положенія. Всѣ они почти въ родѣ перваго:

„Изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ должно быть обязательнымъ при медицинскомъ образованіи“.

рата для количественнаго опредѣленія озона и озоноскопической шкалы Шёнбейна. Диссертация на степень доктора медицины. СПб. 1880, 8° 67 + 1 (475 экз.).

11. Нагорскій В. *Способъ Петтенкофера для количественнаго опредѣленія въ воздухѣ углекислоты въ примѣненіи къ нуждамъ общественной гигиенической практики*. Диссертация на степень доктора медицины. СПб. 1880, 8° 43 + 4 пен. стр. съ таблицею рисунковъ и диаграммами (500 экз.)

12. Капустинъ. *Опредѣленіе углекислоты въ воздухѣ посредствомъ спиртнаго раствора подкаго натра и титрованія водой* ¹⁾. Диссертация на степень доктора медицины. СПб. 1879.

Объ этой диссертации я знаю лишь по цитатѣ Нагорскаго.

13. Никитинъ В. *О физиологическомъ и терапевтическомъ дѣйствіи склеротиновой кислоты (изъ спорыньи) и склеротиновокислаго натра*. Диссертация на степень доктора медицины. СПб. 1879, 8° 62 стр. и 1 табл.

14. Пель А. *Фармакогностическое и химическое изслѣдованіе листьевъ *Pilocarpus officinalis**. СПб. 1879, 8° 55 стр.

Фактическія данныя о пилокарпинѣ, находящіяся въ этой брошюрѣ, сообщены въ журналѣ Физико-Химическаго общества (XII (2) стр. 18) и потому я только замѣчу, что написана эта брошюра довольно плохимъ русскимъ языкомъ и что авторъ подтвержденіе формулы пилокарпина видитъ въ такихъ результатахъ анализа какіе принято считать неудовлетворительными.

15. *Recherches sur l'influence exercée par l'isomerie des alcools et des acides sur la formation des éthers composés* par N. Menschutkin. 2-me mémoire (изъ Mémoires de l'Académie des Sciences de St. Petersburg T. XXVI № 9). St. Petersburg. 1879, in 4°, 31 p.

Этотъ мемуаръ главнымъ образомъ содержитъ изложеніе результатовъ, полученныхъ авторомъ относительно образованія искусныхъ эфировъ третичныхъ спиртовъ и феноловъ, (см. обзоръ за 1877 г.)

¹⁾ Вопросы опредѣленія углекислоты воздуха касается такъ же:

Шидловскій. Объемный способъ опредѣленія углекислоты въ воздухѣ (изъ Врачебныхъ Вѣдомостей). СПб. 8° 11 стр. (50 экз.).

16. *La loi periodique des éléments chimiques* par Mendeleeff. (Extrait du Moniteur Scientifique-Quesneville). Paris, 1879, 8° 47 p.

Это переводъ мемуара Д. И. Менделѣева изъ *Annalen der Chemie* 1872, съ краткимъ предисловіемъ автора, въ которомъ онъ между прочимъ обращаетъ вниманіе на удобство такого расположенія таблицы элементовъ какое имъ принято въ послѣднемъ изданіи „Основъ“ на стр. 1432.

17. Свѣчновъ И. *О поглощеніи угольной кислоты соляными растворами и кровью*. СПб. 1879, 8° 4 неп. 162 стр. (700 экз.) Ц 3 р.

Капитальный трудъ; въ первой части его изложены методы изслѣдованія и полученные результаты относительно поглощенія углекислоты соляными растворами, а во второй—изслѣдованія отношенія угольной кислоты къ крови и ея составнымъ частямъ. Результаты этихъ изслѣдованій сообщались авторомъ между прочимъ въ журналъ Физико-Химическаго общества, начиная съ 1875 года ¹⁾.

18. Лоначевскій-Петрунякъ Т. *Изслѣдованіе днѣпровской воды 1878 г.* (изъ Записокъ Общества Естествоиспытателей). Кіевъ, 8° 24 стр. (100 экз.)

Тщательное изслѣдованіе г. Лоначевскаго вполне подтверждаетъ установившееся въ Кіевѣ мнѣніе, что вода, которою снабжается городъ по содержанію органическихъ веществъ, амміака и т. д. является вполне недоброкачественной. Не безынтересно также и то, что вода, проходя черезъ фильтръ не претерпѣваетъ никакихъ измѣненій.

19. Тапатаръ С. *О строеніи фумаровой и малеиновой кислотъ*. Одесса, 1880 г. 41 стр. (50 экз.?)

Не оттискъ ли это изъ записокъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей и не диссертація ли это?

Въ „*Правительственномъ Вѣстникѣ*“ въ числѣ вновь вышедшихъ сочиненій упомянуты также отдѣльные оттиски изъ *Журнала Физико-Химическаго общества* статей: Шишкова, Соколова,

¹⁾ См. такъ же Х. Ж. VI (2) 12.

Меншуткина, Бутлерова, Шёне, Данилевскаго и Каяндера; изъ *Записокъ Технологическаго института* статей: Бейльштейна и Курбатова и Вроблевскаго и изъ *Бюллетеней СПБ. Академіи Наукъ* статей: Зинина, Барзиловскаго и Флавицкаго.

---

20. Яценко. *Веселящій газъ—закись азота*. Кіевъ, 4^о 2 стр. (700 экз.)??

---

21. Колли Р. *О законъ сохраненія энергіи*. Вып. 1-й. Казань. 1879, 8^о III+54 стр. (1150 экз.) Ц. 50 к.

Въ этомъ интересномъ очеркѣ глава I посвящена: теоремѣ о работѣ и живой силѣ; глава II—механической работѣ и теплотѣ и наконецъ глава III—явленіямъ химическимъ и теплотѣ. Нельзя не пожелать, чтобы авторъ не остановился на первомъ выпускѣ.

---

22. Тепловъ М. И. *Мысли о строеніи молекулъ*. Литограф. 8^о. Вып. 2-ой СПБ. 1879. 22 стр. (800 экз.) Ц 15 к. Вып. 3-ій. СПБ. 24 стр. Ц. 15 к.

Въ настоящій обзоръ мнѣ приходится занести нѣсколько весьма интересныхъ актовыхъ рѣчей.

23. А. Столѣтовъ. *Очеркъ развитія нашихъ свѣдѣній о газахъ*. Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи Московскаго университета 12 января 1879 года. Москва 1879, 8^о 169 стр. (300 экз.)

Эта удобопонятно и увлекательно изложенная брошюра (изъ которой на актѣ понятно могло быть сдѣлано только извлеченіе) содержитъ въ 1-й главѣ: представленія древнихъ о воздухѣ и газахъ; во 2-й главѣ—различеніе различнаго рода газовъ: исторію открытія кислорода, водорода, азота и углекислоты: въ 3-й главѣ—физическія свойства воздуха и другихъ газовъ: законы Бойля и Шарля, характеристическія особенности газовъ и между прочимъ нѣсколько біографическихъ замѣтокъ напр. о Реньо; въ 4-й главѣ—о парахъ и о сжиженіи, излагаются и опыты Пикте и Кальете. Наконецъ въ 5-й главѣ изложена кинетическая теорія газовъ, эта блестящая гипотеза, объясняющая не только всѣ отношенія газовъ, но и отступленія отъ извѣстныхъ законовъ.

---

24. Ильянъ Н. П. *Обзоръ развитія красильнаго искусства и промышленное значеніе искусственныхъ пигментовъ*. Рѣчь, читанная на актѣ 50-лѣтняго юбилея СПб. Практическаго Технологическаго Института 29 ноября 1879 года. СПб. 1879. 8° 56 стр. (200 экз.)

Содержаніе этой прекрасной рѣчи видно изъ слѣдующихъ заключительныхъ словъ автора:

„Прослѣдивъ такой длинный путь развитія красильнаго искусства я старался на немъ отмѣтить все то, что имѣло существенное значеніе въ совершенствованіи этой отрасли промышленной дѣятельности человѣка; надѣюсь, что изъ всего мною сказаннаго представляется съ надлежащей ясностью,—на сколько плодотворно по послѣдствіямъ, когда какая либо отрасль промышленности черпаетъ свои силы изъ такого драгоцѣннаго источника какъ наука. Въ сознаніи этой истины, С.-Петербургскій Практическій Технологическій Институтъ, пятидесятилѣтіе существованія котораго сегодня празднуется съ такимъ торжествомъ и съ заявленіемъ такого всеобщаго сочувствія, полагалъ и полагаетъ залогъ своего существованія какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ“.

25. В. л. Марковниковъ. *Современная химія и русская химическая промышленность*. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12 января 1880. Москва, 1879, 8°. 49 стр. (200 экз.)

Рѣчь эта справедливо обратила на себя вниманіе въ нашей литературѣ. Я также считаю нужнымъ нѣсколько подробнѣе остановиться на ней.

Сдѣлавъ обзоръ современнаго положенія химіи и говоря, что эпохой начала развитія естествознанія у насъ надо считать начало шестидесятыхъ годовъ, при чемъ особенно посчастливилось химіи, онъ продолжаетъ (стр. 15):

„Во всѣхъ выдающихся лабораторіяхъ Европы, можно было встрѣтить русскихъ, изъ которыхъ многіе, вернувшись потомъ домой, уже не бросали своихъ занятій, какъ это было прежде. Кружокъ русскихъ химиковъ на столько разросся, что уже въ 1867 году рѣшено было образовать химическое общество и издавать свой журналъ. И то и другое существуетъ уже болѣе десяти лѣтъ и хотя медленно, но постоянно разширяются. Это едва ли не единственное въ Россіи общество, существующее безъ правительственной субсидіи. Работы русскихъ уче-

пыхъ стоятъ всегда на высотѣ современной науки, затрогиваютъ самыя животрепещущіе ея интересы и постоянно на столько поддерживаютъ въ себѣ вниманіе иностранныхъ ученыхъ, что парижское и германское химическія общества имѣютъ въ Петербургѣ своихъ специальныхъ корреспондентовъ. По общему признанію нашихъ учителей-иностранцевъ, русской химіи принадлежитъ одно изъ почетныхъ мѣстъ и имена Зинина, Бутлерова и Менделѣева пользуются европейскою извѣстностью. *Главный характеръ работъ русскихъ химиковъ есть исключительно теоретическій*: въ этомъ отношеніи они не рѣдко стоятъ впереди другихъ. Намъ изъ личнаго наблюденія очень хорошо извѣстно, что въ 60-хъ годахъ когда современная химическая теорія только начинала еще завоевывать себѣ должное мѣсто въ средѣ нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ, въ Россіи она уже была нѣсколько лѣтъ вполне формулирована и развита Бутлеровымъ и положена въ основу его преподаванія. Его статьи и въ особенности переводъ его сочиненія на нѣмецкій языкъ не мало способствовали ея усвоенію и распространенію между западными учеными. Другимъ блестящимъ примѣромъ служить система элементовъ Менделѣева, впервые изложенная имъ десять лѣтъ тому назадъ на московскомъ сѣздѣ натуралистовъ и только теперь принятая и усвоенная западными химиками“.

Тутъ онъ приводитъ изъ книги Вюрца *Theorie atomique* (см. обзоръ прошлаго года) то мѣсто гдѣ тотъ говоритъ по поводу того, что галлій Лекокъ де Буабодрана оказался имѣющимъ всѣ свойства экаалюминія, существованіе котораго было предсказано Менделѣевымъ.

„Когда Вюрцъ писалъ эти строки“ говоритъ Марковниковъ (стр. 16) „нашему химику готовилось новое торжество. Клевъ изслѣдуя составныя части минераловъ гадолинита и итритита, нашелъ въ нихъ новый элементъ, второй изъ описанныхъ а priori Менделѣевымъ въ его системѣ“ (экаборъ)¹⁾.....

„Нужно замѣтить“, продолжаетъ онъ (стр. 17) „что то твердое положеніе, которое заняла химія въ Россіи, уваженіе завоеванное ею у иностранныхъ ученыхъ, создались далеко не при тѣхъ благоприятныхъ усло-

---

¹⁾ Подробное изученіе соединений этого элемента—свѣдія—служить все большимъ и большимъ подтвержденіемъ тождественности его съ экаборомъ (см. *Berichte d. Deutsch. Chem. Ges.* 1880, стр. 1439).

віяхъ, которыми пользуется эта наука на западѣ. Для химика недостаточно бібліотеки и спокойнаго кабинета, чтобы работать производительно, ему нужны лабораторія, матерьялы, денежные средства. Западному химику нѣтъ надобности тратить время на приготовленіе необходимаго для изслѣдованія матерьяла: онъ легко получаетъ его чрезъ нѣсколько дней со спеціально для того существующихъ заводовъ; русскій же ученый долженъ, напротивъ, часто самъ заниматься этимъ непродуктивнымъ трудомъ или же ожидать, когда придетъ заказъ, сдѣланный за границей. Такое же затрудненіе испытывается и относительно лабораторныхъ аппаратовъ и инструментовъ. Сознавая громадную пользу, приносимую химіей промышленности, прусское правительство первое въ Европѣ начало устраивать обширныя лабораторіи. Двѣ изъ нихъ въ Берлинѣ и Боннѣ стоили около 700,000 талеровъ, затѣмъ явилась прекрасная лабораторія въ Саксоніи и Венгріи; лабораторія Вѣны, одно изъ прекрасныхъ зданій этого города, построена знаменитымъ архитекторомъ Ферстеромъ и стоила 720,000 гульденовъ¹⁾. Теперь въ одной Германіи можно насчитать болѣе десяти новыхъ лабораторій, снабженныхъ всѣми усовершенствованіями и средствами, необходимыми для поддержанія ихъ на высотѣ современнаго требованія науки. Даже маленькая, бѣдная Финляндія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, построила при Гельсингфорскомъ университетѣ лабораторію стоившую 80,000 рублей. При такихъ условіяхъ естественно, что не только научныя, но и ученыя занятія идутъ несравненно удобнѣе и быстрѣе. У насъ только одинъ кіевскій университетъ²⁾, благодаря тому, что имѣетъ собственные средства, построилъ новую лабораторію, однако меньше финской, а старѣйшій русскій университетъ, стоящій въ центрѣ русской про-

---

¹⁾ Ниже будетъ упомянуто мною объ двухъ новыхъ большихъ лабораторіяхъ: въ Граці и Аленѣ. Теперь же я замѣчу еще, что Італія имѣетъ превосходнѣйшую лабораторію въ Римѣ и даже Швейцарія не жалѣетъ милліона франковъ на постройку лабораторіи въ Женевѣ, торжественная закладка которой происходила 30 марта 1878 г.

²⁾ Но и тутъ судьба не особенно благопріятствуетъ. Правда *только одинъ Кіевскій университетъ имѣетъ новую химическую лабораторію, но вмѣстѣ съ этимъ, какъ кажется, только онъ одинъ и не имѣетъ квартиры для профессора при лабораторіи*. А это такое громадное неудобство, которое не можетъ оставаться безслѣднымъ.

мышленности, имѣеть такую лабораторію, что ея не рѣшились показать, когда императоръ Бразиліи, обозрѣвая наши университетскія учрежденія, выразилъ особенное желаніе видѣть ее. Большинство же нашихъ университетскихъ лабораторій, по своимъ удобствамъ, могутъ быть приравнены ко второстепеннымъ германскимъ“.

Разсматривая обстоятельства, затрудняющія развитіе химическихъ знаній въ Россіи, Марковниковъ высказываетъ опасеніе (стр. 18), что дальнѣйшіе успѣхи химіи *„не будутъ идти въ той же прогрессіи, какъ это замѣчалось до сихъ поръ, если не измѣнятся противодѣйствующія условія“*.

Для того, чтобы извѣстная отрасль знанія могла бы надлежащимъ образомъ прогрессировать, надо, чтобы она находила примѣненіе въ жизни народа, а у насъ къ сожалѣнію, химическая промышленность находится на очень низкой степени развитія. Марковниковъ, разбирая причины, противодѣйствующія ея развитію, совершенно справедливо одною изъ весьма важныхъ считаетъ нераціональность таможенныхъ и акцизныхъ постановленій

„И такъ, „говорить онъ (стр. 37)“ со стороны химической промышленности, развитіе химіи въ Россіи не можетъ ожидать въ настоящее время какой либо поддержки. Русскій фабрикантъ и химикъ идутъ совершенно различными дорогами и потому первый рѣдко видѣть пользу отъ втораго. Вотъ гдѣ отвѣтъ на обращаемый нами упрекъ въ томъ, что мы витаемъ въ отвлеченныхъ сферахъ теоріи. Заинтересуйте химика въ вашемъ дѣлѣ не только матерьяльно, но и нравственно и онъ охотно, неизмѣняя наукѣ, измѣнитъ планъ своихъ изслѣдованій, такъ чтобы въ результатѣ могла оказаться польза для отечественной промышленности. Какой интеллектуальный стимулъ заставитъ русскаго ученаго бросить интересующіе его вопросы и обратиться къ другимъ, если изъ удачнаго разрѣшенія ихъ извлечетъ пользу нѣмецкій или французскій химикъ и заводчикъ?“

Тутъ я не вполне согласенъ съ почтеннымъ авторомъ и думаю, что во всякомъ случаѣ это было бы не въ интересѣ науки, если бы русскій ученый сталъ измѣнять планы своихъ изслѣдованій. Онъ, я надѣюсь, все таки пойдетъ своимъ путемъ, а промышленность сама извлечетъ изъ этого пользу. Надо лишь, чтобы дѣло не стояло такъ ненормально, какъ оно стоитъ теперь.

„За исключеніемъ Петербургскаго университета „говорить Марковниковъ (стр. 39)“ естественные факультеты всѣхъ другихъ университетовъ вотъ уже болѣе десяти лѣтъ имѣютъ сравнительно ничтожное число учащихся. До нѣкоторой степени можно себѣ объяснить, что молодые люди, посвятившіе себя по преимуществу біологическимъ наукамъ, за исключеніемъ учительства, не находятъ практическаго примѣненія своихъ знаній; но чтобы человѣкъ, хорошо знакомый съ химіей не напелъ себѣ занятій въ странѣ, гдѣ постоянно слышатся жалобы на недостатокъ образованныхъ техниковъ, это уже явленіе странное. Иностранцы, управляющіе нашими химическими заводами и химики-белористы въ большинствѣ случаевъ владѣютъ весьма поверхностными научными познаніями, а наши студенты - химики остаются безъ работы. Такое положеніе дѣла совершенно ненормально ¹⁾ и заслуживаетъ серьезнаго размышленія“.

Въ концѣ своей рѣчи Марковниковъ обращаетъ вниманіе на то, что въ Германіи не такъ какъ у насъ—тамъ немислимо, чтобы преподаватель въ высшемъ учебномъ заведеніи не имѣлъ бы степени доктора, которая дается исключительно одними университетами; но хотя у насъ и есть профессиональныя школы, къ сожалѣнію стремящіяся создавать собственный контингентъ преподавателей, но такъ какъ съ другой стороны есть и такія, которыя высоко держатъ знамя науки, какъ это видно изъ предъидущей рѣчи, то пока масса талантливыхъ и способныхъ людей у насъ будетъ устраняться требованіемъ университетской степени, едва ли полезно ратовать за это условіе.

У нашей читающей публики есть очевидное стремленіе приобрѣсть нѣкоторыя необходимыя для каждаго свѣдѣнія изъ химіи, которыхъ къ сожалѣнію не даетъ школа ²⁾. При полномъ отсутствіи у насъ надлежащей критики на счетъ этого стремленія и спекулируютъ различнаго

---

¹⁾ Да, ненормально. Вотъ и сахарные заводы даже и тѣ не нуждаются въ химикахъ. По крайней мѣрѣ химикъ кievскаго отдѣленія технического общества получаетъ вовсе мало анализовъ, а заводы, имѣющіе специальныхъ химиковъ принадлежатъ къ исключеніямъ.

²⁾ А школа у насъ выпускаетъ людей, не имѣющихъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній. Неудивительно послѣ этого встрѣчать предложенія по-

рода личности, преподносящія читающей публикѣ такія произведенія, которыя вмѣсто пользы могутъ принести положительный вредъ. Къ числу таковыхъ относятся.

26. *Первое и необходимое для каждого знакомство съ химіей* А. Бернштейна, переводъ съ нѣмецкаго. Перевела и издала А. Н. П—ова. СПб. 12° 1 нен. + 105 стр. (2450!! экз.) Ц. 50 к.

Нѣкоторыя газеты даже рекомендовали эту книжку, говоря, что авторъ обладаетъ талантомъ излагать научные предметы языкомъ общепонятнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ интересной для читателя формѣ. Но неужели общепонятность и интересъ заключаются въ выраженіяхъ, подобныхъ слѣдующимъ:

„Второй опытъ, который мы сейчасъ покажемъ, быть можетъ приводилось многимъ самимъ дѣлать; но тысячи людей дѣлали его не подозревая, что тутъ кроется химія“ (стр. 36).

„Теперь и сѣра начинаетъ свой химическій фокусъ“ (стр. 42).

„Зажженный, онъ такъ страшно горячо горитъ“ (стр. 61).

„Казалось бы, что у водорода, послѣ такого несчастнаго соединенія, должна была бы надолго пропасть охота вступить снова въ соединеніе, но выходитъ не такъ“ и т. д. (стр. 77).

„Этимъ то химическимъ свойствомъ и пользуются, чтобы соединить азотъ съ разными другими веществами. Его подстерегаютъ и предлагаютъ ему вступить въ новое соединеніе и.... азотъ попадаетъ въ разставленную ловушку“.... (стр. 78).

Указывалось также и то, что приводимые авторомъ опыты весьма просты и могутъ быть передѣланы каждымъ безъ помощи дорого стоящихъ приборовъ и приспособленій. Дѣйствительно, просверливать пробки онъ совѣтуетъ штопоромъ и т. п. А вотъ простой способъ приготовленія азотной кислоты:

„Возьмемъ искривленную стеклянную трубку, которая по формѣ похожа на перевернутую латинскую букву u, чтобы она имѣла такой видъ (п) и наполнимъ оба прямые конца ея ртутью, но такъ, чтобы

добныя напр. приготовленію сахара изъ меда съ слѣдующими разсужденіями: „я совсѣмъ не химикъ, но языкъ докладываетъ каждому, что изъ пуда меду должно выйти значительное количество самаго лучшаго рафинаду (см. Вѣстникъ Европы № 6 стр. 766).

на верху въ дугѣ ртуть эта раздѣлялась воздухомъ; за тѣмъ пропустивъ электрическую искру чрезъ оба столбика ртути—и тогда часть заключающагося между ними воздуха превратится въ азотную кислоту“ (стр. 79).

На сколько ясно читатель составитъ себѣ понятіе о химическомъ соединеніи можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста:

„Кислородъ находится вездѣ: но нигдѣ въ природѣ нельзя его найти чистымъ т. е. *не смѣшаннымъ, не соединеннымъ*.... Воздухъ.... всегда содержитъ кислородъ. Но этотъ кислородъ *соединенъ* еще съ другимъ воздухомъ.... Этотъ то кислородъ, *смѣшанный съ азотомъ*“ (стр. 11).

„Бумажка, намазанная *смѣсью* іода съ калиемъ“ (стр. 31).

Книга Бернштейна, какъ было замѣчено въ газетахъ, является уже во второмъ изданіи. Въ первый разъ переводъ ея подъ заглавіемъ: *Что каждому нужно знать изъ химіи* печатался въ журналѣ „Учитель“ и былъ также выпущенъ отдѣльной брошюрой ¹⁾.

Право недоумѣваешь, какъ это находятся издатели для подобныхъ книжонокъ. Но даже и ее превосходить.

27. *Химическія соедѣнія*. А. Неорганическія соединенія Б. Органическія соединенія. В. Почва. Составилъ И. П а н т ю х о в ъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1879. 8°, 4 нен. + 88 стр. (? экз.) Ц. 40 к.

Лѣтъ 7 тому назадъ появленіе этой книги, заглавіе, которой мною выписано, а также книги г. В о д о в о з о в а: *Элементарные разсказы изъ физики и химіи*, главнымъ образомъ и побудило меня приняться за составленіе обзоровъ; думалось, что они принесутъ какую либо пользу. Но увы, приходится разочароваться. Съ одной стороны видишь, что они проходятъ безслѣдно, такъ какъ книжонки эти не только расходятся, но и появляются во второмъ изданіи, съ другой стороны видишь въ авторахъ ихъ людей такого высокаго мнѣнія о своихъ позна-

¹⁾ Быть можетъ, тогда можно было еще сказать: „Сейчасъ мы сообщимъ читателямъ объ одномъ открытіи (объ озонѣ) относительно кислорода, *которое пока еще не очень многимъ извѣстно*“ (стр. 47) или „только нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашли, что эта безцвѣтная маслянистая жидкость (анилинъ)..... превращается въ превосходныя краски“ (стр. 103)—говорить же такъ въ 1880 немного странно.

ніяхъ, что они вовсе и не считаютъ нужнымъ обращать вниманія на сдѣланныя имъ замѣчанія. Г. Пантюховъ, не могъ не знать чѣмъ грѣшитъ его книжонка и тѣмъ не менѣе онъ не устыдился во второмъ изданіи ее буквально перепечатать, не пересмотрѣвъ и не исправивъ даже опечатокъ, которыя были имъ самимъ указаны въ первомъ изданіи. А тутъ вѣдь нельзя даже и того оправданія сдѣлать, какое можно сдѣлать повторительному курсу неорганической химіи, тамъ быть можетъ перемѣнена только обертка. Тутъ другое дѣло, во второмъ изданіи брошюрка Пантюхова является въ нѣсколько иномъ форматѣ и вообще выглядитъ иначе. Ясно, что въ ней могли быть сдѣланы какія угодно измѣненія и исправленія.

С. Прибавленіе. Обзоръ нѣкоторыхъ явленій иностранной химической литературы.

Dictionnaire de chimie pure et appliquée par A. Wurtz. Вышелъ первый выпускъ дополненія. Судя по тому, что въ немъ еще не окончена буква А (доведена до „aniline“) сомнительно, чтобы дополненіе могло бы ограничиться однимъ томомъ, какъ это было предположено.

Enciclopedia di chimica scientifica e industriale diretta da Francesco Selmi окончена и уже вышло нѣсколько дополнительныхъ выпусковъ: *Supplemento e Complemento*, остающихся еще на букву А (Авр.) Въ концѣ 11 тома помѣщенъ очеркъ исторіи химіи, въ немъ особая глава посвящена итальянскимъ химикамъ; объ ней я скажу въ концѣ этого обзора.

Neues Handwörterbuch der Chemie redigirt von V. Fehling, продолжаетъ выходить третій томъ. Доведенъ до I (Imp.)

По неорганической химіи вышли ¹⁾:

Graham-Otto's *ausführliches Lehrbuch der anorganischen Chemie* neu bearbeitet von Dr. A. Michaelis. 5 umgearbeitete Auflage in vier Abtheilungen. 1 Abtheilung. 2 Hälfte. Braunschweig. 1879. 8°, 856 + XVII + 289 S. съ спектральными таблицами.

¹⁾ Въ настоящемъ обзорѣ я упоминаю лишь о важнѣйшихъ иностранныхъ сочиненіяхъ.

О первомъ выпускѣ этого сочиненія упомянуто было мною въ прошлогоднемъ обзорѣ. Настоящій выпускъ, кромѣ окончанія сѣры, содержитъ, теллуръ и добавленія, въ томъ числѣ описаніе опытовъ Кальете и Пиеге. Въ концѣ этого выпуска, какъ и было обѣщано, находится введеніе (289 стр.), которое въ видѣ отдѣльнаго оттиска выпущено подъ заглавіемъ: *Einführung in die allgemeine Chemie und die physikalisch-chemisch. Operationen* (Preis 6 M.).

Ausführliches Lehrbuch der Chemie von H. E. Roscoe und C. Schorlemmer 2-ter Band. Die Metalle und Spectralanalyse. Braunschweig, 1879. 8°, XIII+866.

Вторымъ томомъ заканчивается этотъ прекрасный учебникъ, снабженный большою частію новыми, оригинальными полиטיפажамъ. О первомъ томѣ его упомянуто въ обзорѣ за 1877 годъ. Въ прибавленіи помѣщена статья о сгущеніи т. н. постоянныхъ газовъ. Замѣчанія относительно формулировки полисоединеній см. статью А. М. Бутлерова (Журналъ Физ.-Хим. Общества XII, 37).

H. Schwanert. *Lehrbuch der Pharmaceutischen Chemie*. 1 Bd. Braunschweig. 8°, XI+756 S.

Очень не дурная книга, имѣющая специальное назначеніе; она приспособлена между прочимъ для лицъ, плохо подготовленныхъ по физикѣ. Хорошо изложены въ ней статьи объ атомѣ и частицѣ. Въ первомъ томѣ, кромѣ введенія, находятся металлоиды.

Anleitung zum Experimentiren bei Vorlesungen über anorganische Chemie. Zum Gebrauch an Universitäten und technischen Hochschulen, sowie beim Unterricht an höheren Lehranstalten von K. Humann. 4-e Lieferung in 8° 481—688 + XXXIV. Въ этомъ последнемъ выпускѣ помѣщены щелочноземельные и тяжелые металлы.

Wurtz A. *Leçons elementaires de chimie moderne*. 4-e ed. Paris, 1879. 12° VII+754 p. avec 132 fig.

Traité de Chimie generale, comprenant les principales applications de la Chimie aux sciences biologiques et aux arts industriels par P. Schützenberger. Paris. 8°, 1880. Tome I-er XII + 735 p. Tome II—626 p.

Эта прекрасная книга дѣйствительно представляетъ, какъ это и

желалъ авторъ, нѣчто среднее между учебникомъ и трактатомъ и даетъ читателю полное понятіе о химіи, не затемняя его чрезчуръ большими подробностями“.

Въ общей вступительной части въ описаніи опредѣленія различныхъ физическихъ данныхъ есть многое, чего нѣтъ въ другихъ подобныхъ сочиненіяхъ, такъ, описаніе калориметровъ, приборовъ для произведенія тихаго электрическаго разряда и т. п.

Въ первомъ томѣ, кромѣ вступительной части, изложены химическія свойства элементовъ. Второй томъ посвященъ соединеніямъ металлоидовъ между собою. Я не могу особенно не рекомендовать это сочиненіе.

Изъ сочиненій по органической химіи упомяну:

Kolbe Dr H. *Ausführliches Lehr- und Handbuch der organischen Chemie*. In drei Bänden. Zugleich als dritter bis fünfter Band zu *Graham-Otto's ausführliches Lehrbuch der Chemie*. Zweite, umgearbeitete Auflage von E. Meyer. 1 Bd. Braunschweig. 1880. 8°. 912 S.

Только что въ прошломъ году вышло окончаніе 1-го изданія подробной химіи Кольбе (начавшей выходить въ началѣ 50-хъ годовъ) какъ появляется уже второе изданіе ея. Первый томъ заключаетъ въ себѣ спирты, соотвѣтствующіе жирнымъ кислотамъ. Жирныя кислоты и ихъ производныя съ соотвѣтствующими альдегидами и кетонами. Второе изданіе отъ перваго отличается тѣмъ, что въ немъ нѣтъ рисунковъ, выпущены подробности объ органическомъ анализѣ и есть литературныя указанія, хотя далеко не полныя; въ первомъ изданіи ихъ вовсе не было. Издатель обѣщаетъ, что и слѣдующіе два тома выйдутъ въ непродолжительномъ времени.

Kolbe H. *Kurzes Lehrbuch der organischen Chemie*. 1879. Braunschweig. 1-es Heft. 8°. 272 S.

Первый выпускъ этого краткаго руководства, продолженіе котораго, не смотря на обѣщаніе, до сихъ поръ еще не появлялось, заключаетъ въ себѣ этиловыя, этиленовыя, метиловыя соединенія и кислоты жирнаго ряда.

Chemie der Kohlenstoffverbindungen oder Organische Chemie von V.

Richter. Zweite umgearbeitete Auflage. Bonn. 1880 in 12° XII + 834 S. Preis 11 M.

Въ отличіе отъ перваго изданія (см. обзоръ за 1876), тутъ помѣщены ссылки на нѣкоторыя послѣднія работы.

Repetitorium der organischen Chemie. Mit besonderer Rücksicht auf die Studirenden der Medicin und Pharmacie bearbeitet von A. Pinner. 4-te vermehrte Auflage. Berlin. 1879 in 12° XVIII + 354 S. Preis 7 M.

Ueber die Constitution des Naphtalins und seiner Abkömmlinge von Reverdin und Nölting. Genf. 1880, in 4° 43 S.

Страницъ десять текста крупнаго шрифта, о строеніи нафталиновыхъ производныхъ и 8 таблицъ. Мнѣ бы казалось, что въ подобной монографіи не лишне было бы привести и всѣ свойства различныхъ изомеровъ. Въ настоящемъ же видѣ она на столько безсодержательна, что я не понимаю, за что ее хвалить Грæбе (*Archive des Sciences phys. et natur.* 1880 стр. 136).

По аналитической химіи вышли:

Fresenius R. *Anleitung zur quantitativen chemischen Analyse.* 6 Aufl. 2 Bd. 3. Lief. Braunschweig. 241—362 S.

Выпускъ этотъ содержитъ анализъ техническихъ продуктовъ и минераловъ, нанчаще служащихъ предметомъ химическаго испытанія.

Ditte A. *Traité élémentaire d'analyse qualitative des matières minérales.* Paris. 1879 in 8° XXIII + 364 p. Prix 17 f. 50 c.

Этотъ не дурной краткій учебникъ аналитической химіи для начинающихъ заключаетъ въ себѣ кромѣ введенія три части. Первая—посвящена анализу мокрымъ путемъ: сначала говорится объ реактивахъ, о предварительныхъ испытаніяхъ и объ общихъ способахъ качественного анализа; за тѣмъ излагаются частные случаи анализа: сплавовъ, известняковъ, глинъ, минеральныхъ ядовъ, газовъ. Во второй части, излагается анализъ сухимъ путемъ, а въ третьей спектральный анализъ. Къ книгѣ, въ отдѣльной папѣ прилагаются спектры почти всѣхъ элементовъ.

Winkler Clemenz. *Anleitung zu chemischen Untersuchungen der Industriegase* II Abt. Quantitative Analyse 2 (Schluss) Lieferung Freiberg. 1879. 8° XVI + 211—476.

Въ этомъ выпускѣ прежде всего помѣщено добавленіе къ 1-му выпуску этой части, въ которомъ подробно изложены способы отбирания пробъ, различные приборы для измѣренія и поглощенія и приборы для взрыва. За тѣмъ говорится о реактивахъ и о способахъ опредѣленія различныхъ газовъ, которые раздѣлены на 6 группъ

- I— NH^3 , N^2O^3 , NO^2 , NO
- II— Cl , ClH , CNH , H^2S , SiF^4 , SO^2 , CO^2
- III— PH^3 , AsH^3 , SbH^3
- IV— O
- V— CO
- VI— N^2O , H , CH^4 , C^2H^4 , CSO , N .

Такимъ образомъ книга Winckler'a представляетъ обстоятельный сводъ различныхъ техническихъ методовъ анализа газовъ и между прочимъ многихъ, принадлежащихъ самому автору. Она должна быть настольной книгой въ каждой химической лабораторіи.

Neue Methoden zur Analyse des Gase von Dr. W. Hempel. Braunschweig. 1880. 8° X + 129 S.

Способы технического анализа Гемпеля основываются главнымъ образомъ на одновременномъ употребленіи удачно видоизмѣненной Винклеровской газовой бюретки и пипетки Ледойера, а равно на примѣненіи палладія для поглощенія водорода. При этомъ анализъ значительно упрощается.

Studien zur Spectralanalyse von N. Lockyer. Leipzig. 1879. in 16° X + 230 S.

Эта общепонятно изложенная книжка Локьера составляетъ 35 томъ международной научной библіотеки. Тутъ говорится также о примѣненіяхъ спектральнаго анализа, о послѣднихъ работахъ автора и о попыткахъ количественнаго спектральнаго анализа. Къ книгѣ приложено нѣсколько фотографій спектровъ.

Изъ сочиненій по другимъ отдѣламъ химіи упомянемъ:

Das optische Drehungsvermögen organischer Substanzen und die praktische Anwendung desselben von H. Landolt. Für Chemiker, Physiker und Zuckertechniker. Braunschweig. 1879. in 8° XII+237 S.

Свогъ всего, что только извѣстно относительно вращательной способности органическихъ соединеній, съ краткимъ теоретическимъ введеніемъ и съ подробнымъ описаніемъ различныхъ приборовъ и практическихъ приѣмовъ для опредѣленія содержанія различныхъ веществъ. Въ концѣ книги приведены данныя относительно вращающей способности (Rotationsconstanten) различныхъ тѣлъ.

Die Grundlehren der Chemie. Für die Studirenden kurz dargelegt von A. Naumann. Heidelberg. 8° VIII+226 S.

Книга эта составляетъ какъ бы извлеченіе изъ его же Allgemeine und physicalische Chemie (см. обзоръ 1877 г.) Въ ней много, собственно говоря, балласту—таковымъ надо считать перечисленіе органическихъ соединеній—а нѣтъ существеннаго, такъ напр. системы элементовъ.

Die atomistische Theorie von A. Wurtz. Leipzig. 1879.

О французскомъ изданіи этого тома международной научной бібліотеки упомянуто въ прошлогоднемъ обзорѣ. Предисловіемъ къ нѣмецкому изданію Лотаръ Мейеръ, въ послѣднее время необычайно полюбившій споры за приоритетъ, не совсѣмъ деликатно воспользовался, чтобы рекламировать свою книгу: Die Modernen Theorien der Chemie (см. Berichte Deut. Chem. Ges. 1880 стр. 7, 221 и 454).

Essai de Mecanique chimique, fondée sur la Thermochemie par M. Berthelot. Paris. 1879 grand 8° T. I. Calorimetrie XXXI+566 p. T. II. Mecanique XI+774 p.

Въ первомъ томѣ (съ портретомъ автора) излагаются методы термохимическихъ изслѣдованій и приводятся численныя данныя, а во второмъ томѣ дѣлаются обобщенія; въ первой части его говорится о химическихъ соединеніяхъ и разложеніяхъ, а во второй—о химической статикѣ; тутъ подробно развивается принципъ maximum'a работы (см. выше).

L. Meyer. *Die Modernen Theorien der Chemie.* 4 Aufl. 1880. 8° I-er Theil. Die Atome. 187 S.

Первый выпускъ этого содержитъ весьма мало измененийъ I—IV и IX главы предыдущаго изданія (см. обзоръ 1876 г.) Во второй выпускъ, „химическую статистику“, войдутъ V—VIII главы предыдущаго изданія. Третій же выпускъ явится совершенно новымъ и будетъ трактовать о химической динамикѣ.

Theorie generale de l'action chimique par Maumené. Paris. 1880 in 8° V+536 p.

Я долженъ сознаться, что теорія Мауменэ (профессора химіи въ католическомъ университетѣ въ Лионѣ) для меня и теперь, послѣ просмотра его сочиненія, остается все также неясной, какъ и тогда, когда онъ въ былое время дѣлалъ свои сообщенія въ парижскомъ химическомъ обществѣ, или поясненія въ лабораторіи Вюрца. Число частицъ, вступающихъ въ реакцію, онъ вычисляетъ, когда на основаніи удѣльныхъ объемовъ, а когда на основаніи отношенія между эквивалентами. Чѣмъ руководится онъ при составленіи второй части уравненія непонятно? Ясно только, что онъ стѣсняется, если факты не соотвѣтствуютъ. Такъ, по его теоріи (стр. 158) при дѣйствіи спиртоваго раствора йодаго кали на нитробензолъ первоначально получается азобензолъ вмѣстѣ съ солями $C^4H^5KO^4$, $C^4H^5KO^4$ и $C^4H^7KO^4$ (при $C=6$) и за тѣмъ при реакціи нитробензола съ азобензоломъ получается азоксibenзолъ. При этомъ, говоритъ онъ, получается еще тѣло $C^{36}H^{15}N^{30}O^8$, относительно котораго Зининъ будто-бы заблуждался, придавая ему формулу $C^{24}HNO$ (?) „par des considérations très fausses, dont le défaut d'espace (!) m'oblige à ne rien dire, après les avoir signalés toutefois“ (стр. 159). Откуда взялъ это Момене я не знаю. Далѣе, по его теоріи весь нитробензолъ при реакціи долженъ превращаться въ азосоединеніе, чего на самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, нѣтъ.

Такова и во многихъ другихъ случаяхъ у Момене критика работъ. Но особенно часто рѣзко и даже озлобленно онъ обращается къ Вюрцу; достается и Лорану, Жерару и Дюма и, какъ выражается авторъ, „ихъ наивнымъ послѣдователямъ“ Вильямсону и Гофману, а также Канницаро (по поводу его рѣчи см. обзоръ 1875 года) и сколько я замѣтилъ, то онъ снисходительно только предостерегаетъ нашу соотечественницу Волкову отъ дурнаго общества, въ которомъ она находится:

„M-lle Anna Wolkow en est à ses débuts, et j'avoue mon vif desir d'arracher une victime aussi intéressante aux sphynx des substitutions et de l'atomicité, dont les griffes menacent déjà sa raison. M-lle

Anna Wolkow verra, je l'espère plus promptement, que ses confrères du sexe fort, combien les hypothèses, dont elles acceptent la définition, sont vaines et trompeuses".

Въ книгѣ Моменъ весьма не рѣдки различнаго рода личныя объясненія, которыя своимъ характеромъ весьма напоминаютъ мнѣ имѣющуюся у меня рукопись, интересную для исторіи кіевскаго университета ¹⁾.

Если, какъ мнѣ кажется, гдѣ правъ Моменъ, то это замѣчая, что не рѣдко обращаютъ вниманіе только на одинъ продуктъ, оставляя другіе безъ вниманія ²⁾. Но и это все-таки непримѣнимо въ Бюрцу, прямо къ которому онъ и обращается съ этими словами.

Vau A. *Die Entwicklung der modernen Chemie*. Braunschweig. 1879 in 8° IX+170 S.

Подобно тому, какъ въ первой своей брошюрѣ „*Die Grundlagen der modernen Chemie*“ авторъ задался цѣлю умалить значеніе Дюма, такъ въ этой онъ думаетъ доказать, что Жераръ и Лоранъ имѣли разрушительное вліяніе на химію.

Etudes sur l'Exposition Universelle de 1878 publiées par L a s - r o i x.

Это описаніе парижской всемірной выставки далеко не заключаетъ въ себѣ того, что обѣщалось при подпискѣ. Такъ VI томъ долженъ былъ содержать въ себѣ статьи о физическихъ и другихъ точныхъ инструментахъ, о химическихъ продуктахъ, о паровыхъ машинахъ, о фабрикаціи льда и т. п. и ничего этого въ немъ нѣтъ.

Description of the Chemical Laboratories at the Owens College. by H. R o s c o e. Manchester. 1878 in 4°.

¹⁾ З ѣ н о в и ч а: *Разсужденіе о необходимости измѣненія общихъ основаній всѣхъ наукъ, всѣхъ теорій и системъ съ показаніемъ на ихъ мѣсто новыхъ, предложенное Императорской Академіи наукъ на разсмотрѣніе. 1837 года.*

²⁾ „Pourquoi ces vaines idées, ces hypothèses fantastiques vous obligent à ne voir dans une action chimique, qu'un seul produit celui de vos rêves et à laisser tous les autres comme des accessoires inutiles“.

Краткое описание лабораторіи на двухъ страницахъ, служащее поясненіемъ 6 фотолитографическихъ таблицъ.

Die Vorbereitung für den Eintritt in die chemische Technik. Ein Schrift zur Orientierung für künftiger Techniker nebst Beschreibung des neuen Laboratoriums der technischen Staatslehranstalten in Chemnitz von Wunder. Mit 2 Situationsplänen. Chemnitz 1879 in 8° 56 S.

Актовая рѣчь директора хемницкой школы съ прибавленіемъ описанія лабораторіи, плана и программъ преподаванія въ химическомъ отдѣлѣ.

Das chemische Institut der K. K. Universität Graz von L. Rebal. Mit 8 Tafeln. Wien 1880 in 4° 30 S.

Подробное описание этой одной изъ новѣйшихъ и лучшихъ лабораторій въ Европѣ, нельзя не рекомендовать тѣмъ, кому придется устроять лабораторію. Но и старые лабораторіи найдутъ тутъ для себя также нѣкоторые полезныя указанія и приспособленія.

Лабораторія въ Грацѣ нѣсколько напоминаетъ лабораторію въ Пештѣ¹⁾. Она распадается на три части: собственно лабораторія составляетъ одинъ корпусъ, другой средній занимаетъ аудиторія и помѣщенія, къ ней относящіяся, а въ третьемъ корпусѣ находится квартира профессора.

Расположеніе лабораторіи строго обдуманно; устроены чрезвычайно удобныя сообщенія между различными частями; одни занимающіеся не мѣшаютъ другимъ; слушатели курсовъ имѣютъ отдѣльный входъ и т. д. Большая аудиторія (160 мѣстъ) съ особеннымъ освѣщеніемъ и приспособленіемъ для отбрасыванія на экранъ. Отопленіе зданія воздушно-паровое, оказавшееся на практикѣ не только удобнымъ, но и весьма экономическимъ; хороша оказалась такъ же и вентиляция. Лабораторія обошлась около 350,000 гульденовъ²⁾.

¹⁾ *Das chemische Laboratorium d. K. Ungar. Universität in Pest* von C. der Th a n. Wien 1872.

²⁾ И тѣмъ не менѣе по недостатку средствъ нѣкоторые предположенія остались неосуществленными. Такъ, устройство особаго помѣщенія для операцій съ легко воспламеняющимися веществами. Лабораторія въ Грацѣ

Изъ спеціальныхъ приспособленій, описываемыхъ Пибалемъ особенно удобны видоизмѣненный Брунъятелліевскій аппаратъ для сѣрнистаго водорода, замѣняющій собой устраиваемый въ нѣкоторыхъ лабораторіяхъ газометръ (въ Лейпцигѣ, Цюрихѣ, Римѣ и т. д.), глиняныя подставки, замѣняющія песчаныя бани, глиняные сосуды для паровыхъ бань, тяги, гидравлическое дутье, служащее вмѣстѣ съ тѣмъ и для разрѣженія воздуха и т. д.

Die Chemischen Laboratorien der königlichen reinischwestfälischen technischen Hochschule zu Aachen. 1879.

Объ этомъ описаніи я знаю только изъ одной библиографической замѣтки. Лабораторія обшлась до 1,000,000 марокъ; устроена съ необыкновенными удобствами для занимающихся, съ особенной системой вентиляціи и съ электрическимъ освѣщеніемъ аудиторіи (по системѣ Сименса).

Изъ диссертаций, сколько мнѣ извѣстно, вышли слѣдующія ¹⁾:

Bunge B. Ueber die Wirkungen des Cyans auf den thierischen Organismus. Дерптъ. 60 стр.

Ciszkievicz (T.) Ueber die Gährung des Schleimsäuren Ammoniaks. Дерптъ. 3 нен. 118 + 2 стр. и 1 стр. чертежей.

Dennstedt (M.) Derivate des Parabromanilins. Darstellung, Krystallform und Eigenschaften des Orthothioameisensäure benzyläthers. Berlin 1879.

Graef (F.) Beiträge zur Kenntniss der Naphtalinreihe. Freiberg in B. 1879.

Güssefeld (O.) I. Ueber Monobenzoylparaamidophenol und

представляетъ интересный примѣръ неудобства, происходящаго изъ того, что министерство (по существующимъ въ Австріи постановленіямъ) можетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла университетскихъ учреждений. Когда лабораторія была уже выстроена, когда каждое помѣщеніе имѣло свое спеціальное назначеніе, оно отняло лучшія помѣщенія, предназначавшіяся для спеціально занимающихся студентовъ для другаго института (гистологии и эмбриологии) и такимъ образомъ испортило весь планъ и нарушило всѣ удобства.

¹⁾ Тутъ я помѣщаю и дерптскія диссертации.

über ein Paraamidonitrophenol. II. Ueber Bromphenylbenzoesäure. Göttingen. 1880.

Hielbig (C.) Kritische Beurtheilung der Methoden, welche zur Trennung und quantitativen Bestimmung der verschiedenen Chinaalkaloide benutzt werden. Дерптъ. 1880. 86 + 1 стр.

Juvalta (N.) Ueber Oxydationsproducte der Caprylsäure. Chem. 1879.

Kiliani (H.) Ueber Inulin. München 1880.

Kleinschmidt (F.) Ueber Isoindol. Tübingen. 1879.

Koch (B.) Ueber die Wirkung der Oxalate auf den thierischen Organismus. Дерптъ. 84 стр.

Könyöki (A. G.) Untersuchung des Methylengensel. Pressburg. 1879.

Neumann (J.) Experimentale Untersuchungen über die Wirkung der Borsäure. Дерптъ. 42 стр.

Pretorius-Seidler (G.) Zur Kenntniss des Cyanamids. Leipzig. 1879.

Sauer F. Ueber das α und β Dioxybenzophenon. Tübingen. 1879.

Scheibe E. Darstellung und Beschreibung der Borcitronensäure. Дерптъ. 1880. 50 + 1 стр.

Staats (G.) Beitrag zur Kenntniss des Paratolylsenfoles, sowie des Ortho- und Paratolylsulfoharnstoffe und einiger Orthotoluidinderivate Berlin 1880.

Treumann (C.) Beitrag zur Kenntniss der Aloë. Дерптъ. 1880. 4 + 78 + 1 стр.

Valentiner (F.) Ueber Nitro- und Amidoverbindungen des Haloidderivate des α Cymols nebst einem Anhang über Chacha-Cuma. Erlangen. 1879.

I chimici italiani dal periodo di Stahl fino a tutto quello di Lavoisier. Отдѣльная глава *Compendio Storico della chimica* въ *Enciclopedia di Chimica* (см. выше) p. 672—721.

Авторъ, (по всей вѣроятности редакторъ *Enciclopedia*—Сельми), упомянувъ еще въ общемъ историческомъ обзорѣ объ Леонардо да Винчи (1452—1519)—объявившемъ, что опытъ есть единственный вѣрный руководитель—и объ Барбіери—обратившемъ вниманіе (1680 г.) на химическія явленія, происходящія въ организмѣ живот-

ныхъ,—спеціальный очеркъ исторіи химіи въ Италіи начинается съ Беккари (1682—1776). Онъ занималъ первую кафедру химіи въ Болонскомъ университетѣ и считается родоначальникомъ химиковъ въ Италіи. Наибольшей славой пользуются его изслѣдованія надъ фосфорами, т. е. тѣлами, способными свѣтиться въ темнотѣ безъ замѣтнаго окисленія ¹⁾.

За тѣмъ упоминается объ Карбурн (род. 1731) и Скополи, устроившихъ лабораторіи, первый въ Падуѣ, а второй—въ Павіи ²⁾. Скополи между прочимъ издалъ *Elementi di Chimica* и перевелъ химическій словарь Маккёра. Далѣе объ Беккариа (род. въ Мантуѣ 1716 г.) сказано не болѣе того, что есть у Конпа въ его исторіи химіи.

Въ Піемонтѣ правительство не очень благоволило химіи, но не смотря на это, она тамъ процвѣтала болѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ Италіи. Король Викторъ Амедей III, хотѣлъ было основать кафедру химіи въ туринскомъ университетѣ и поручить ее одному изъ извѣстныхъ тамошнихъ химиковъ Жіоанетти (1729—1815) но его убѣдили, что преподаваніе химіи вредно, какъ по причинѣ ея суетности, такъ и по причинѣ опасностей, сопряженныхъ съ производствомъ опытовъ.

Первымъ профессоромъ химіи въ Туринскомъ университетѣ суждено было быть лишь ученику Жіоанетти—Бонвичино (1739—1812), котораго хвалятъ какъ автора книги *Lezioni di Chimica* и какъ хорошаго и точнаго экспериментатора.

Ученикомъ же Жіоанетти былъ также Мороццо, между прочимъ объяснившій взрывомъ мучной пыли большой пожаръ, происшедшій въ туринскомъ мучномъ магазинѣ. Мороццо, Цинья, (1734—1790) и Салуццо были основателями Туринской Академіи наукъ.

¹⁾ Что въ Болоньи во время Беккари была большая химическая лабораторія, я случайно знаю такъ же изъ рукописи „*Journal de voyage de Nikla Admireo. Demidoff en stranger en 1771—1773*“.

²⁾ Карбурн былъ такимъ упрямымъ послѣдователемъ теоріи Оттали и противникомъ Лавуазье, что согласился выдать дочь свою за Меландри, заявившаго послѣ него кафедру, лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ никогда не признавалъ ученія Лавуазье. Кстати при этомъ замѣчу, что распространителемъ ученія Лавуазье въ Италіи считается Жіобертъ (1761—1834).

Послѣднему приписываютъ изобрѣтеніе т. н. вульфовыхъ склянокъ.

Въ „Compendio“ упоминается и о нѣкоторыхъ другихъ туринскихъ химикахъ. Не въ числу ихъ ли принадлежитъ и Феличе-Сан-Мартин-но-де-ла-Мотта, придумавшій весьма простой приборъ для собиранія газовъ? Но, относительно его не сообщается ни времени, ни мѣста его рожденія, ни мѣста пребыванія его. Въ этомъ проявляется небрежность въ составленіи историческаго очерка. Но она еще болѣе видна изъ слѣдующихъ примѣровъ. Относительно Лорнъи, основателя *Società dei Quaranti* (умерш. въ Веронѣ въ 1726), вовсе не упоминается о томъ, что онъ утверждалъ о возможности превращенія натра въ магnezію (Kopp. *Geschichte der Chemie* IV, 34). Объ Гёферѣ, придворномъ аптекарѣ, открывшемъ борную кислоту, почти ничего больше не говорится какъ то, что онъ, хотя и нѣмецъ по рожденію, можетъ считаться настоящимъ итальянцемъ. Говоря о Фонтана Феличе (1739—1805), основателѣ *Museo di Fisica e Storico Naturale* во Флоренціи, авторъ почему то счелъ нужнымъ особенно подчеркнуть его опыты надъ превращеніемъ воды въ землю, сдѣланными имъ въ 1782 г., когда подобные опыты были сдѣланы Лавуазье уже 12 лѣтъ ранѣе.

Даже объ А. Вольта у Коппа болѣе біографическихъ свѣдѣній, нежели въ „Compendio“, гдѣ не приведено даже названія статей Вольта. Тутъ только изложено содержаніе его мемуара 1728 о горючихъ газахъ, выходящихъ изъ земли, которые онъ считалъ тождественными съ болотнымъ газомъ ¹⁾ и происхожденіе которыхъ онъ объяснялъ разложеніемъ органическихъ остатковъ. Ему приписывается также попытка примѣненія газа для освѣщенія.

Въ „Compendio“ не упоминается также о пребываніи Бергмана во Флоренціи, когда осязательные слѣды его пребыванія показываются

---

¹⁾ Чтобы убѣдиться въ этомъ, онъ отправился въ *Pietramala* (около Флоренціи), собралъ газъ, и съ нимъ продолжалъ тѣ опыты, какіе и по сіе время тамъ показываются гидами путешественникамъ. Изученіемъ состава горючихъ газовъ, выделяющихся изъ земли (*terreni ardenti*) занимался также Л. Спалланцани, и показалъ, что угольная кислота является тамъ уже какъ продуктъ горѣнія. Римскій химикъ Морикини (1773—1834) изслѣдовалъ также горючій газъ, выделяющійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на берегу Тибра. Морикини—авторъ курса химіи, написаннаго на латинскомъ языкѣ.

во флорентинскомъ Museo di Fisica e Storie Naturale (см. мои замѣтки изъ заграничнаго путешествія. Унив. Изв. 1872).

Изъ другихъ итальянскихъ химиковъ, о которыхъ говорится въ „Compendio“ упомянемъ еще объ:

Жанъ-Батиста ди Сан-Мартино (1739—1800). Капуцинъ, пріобрѣвшій такую извѣстность, что ему была предложена кафедра физики въ университетѣ въ Катаніи, но онъ отказался. Изъ мемуаровъ его особенное значеніе имѣетъ представленный имъ во флорентинскую академию dei Georgofili: о *винномъ броженіи*, мемуаръ, которому однако былъ предпочтенъ, значительно уступающій, мемуаръ А. Фаброни. Послѣдній между прочимъ снова открылъ извѣстное древнимъ искусство готовить плавающіе на водѣ кирпичи¹⁾ изъ т. н. *ископаемой муки* (состоящей изъ кремнекислыхъ соединений магнезіи и алюминія).

Джузеппе Маріа Савани. Моденскій профессоръ (въ послѣдніе 20 лѣтъ прошлаго столѣтія) между прочимъ опровергалъ теорію Гранца, будто медь есть продуктъ пчелъ и утверждалъ, что медь растительнаго происхожденія и что пчелы единственно лишь собираютъ его.

Дандоло (1758—1819). Венеціанскій уроженецъ, составившій себѣ имя переводомъ на итальянскій языкъ сочиненій Лавуазье, Гитона де Морво, Фуркьеу, Бертолетта и своимъ собственнымъ сочиненіемъ *Fondamenti della fisica-chimica applicati alla formazione dei corpi e ai fenomeni della natura*.

Кіевъ.

5 августа 1890 г.

---

¹⁾ Эти кирпичи замѣчательны также своей плохой теплопроводностью.

ПСИХОЛОГІЯ ЧУВСТВОВАНІЙ

въ ея исторіи и главныхъ основахъ. Николая Грота. Санктпетербургъ. 1880.

Сочиненіе это доставлено было авторомъ въ качествѣ диссертациі на ученую степень магистра философскихъ наукъ въ Университетъ Св. Владиміра и представляетъ собою вещь, вполне соотвѣтствующую своему назначенію. Не только у насъ, но и въ европейской литературѣ сравнительно рѣдко ученые начинаютъ свое поприще такими почтенными трудами, какъ „Психологія чувствованій“.

Отдѣлъ чувствованій обработанъ въ психологіи гораздо менѣе, чѣмъ другіе ея отдѣлы. Причина тому заключается какъ въ трудности, которую представляютъ для изслѣдователя явленія чувствованія сравнительно съ другими психическими явленіями, такъ и въ томъ обстоятельстве, что явленія познанія и воли, рѣзче и яснѣе заявляющія свое значеніе въ практической жизни, какъ бы завоевывали *преимущественное вниманіе* философовъ и психологовъ и отодвигали не совсѣмъ справедливо, скажемъ мы, отъ него чувствованія на задній планъ. Не въ силу какихъ либо соображеній о важномъ значеніи чувствованій или о неразработанности этого отдѣла рѣшился г. Гротъ посвятить ему свои силы, а подъ вліяніемъ случайнаго возбужденія. „Первымъ толчкомъ для разработки избранной авторомъ темы послужило случайное знакомство съ талантливой и интересной книгой покойнаго французскаго психолога Дюмона ¹⁾“ (Пс. ч. IX). Подъ этимъ возбужденіемъ онъ сперва занялся теоретическою стороною вопроса о чувствованіяхъ. Эта работа сама собою повела къ изученію исторіи

---

¹⁾ Dumont. *Théorie scientifique de la sensibilité*. Paris, 1875.

вопроса. Наконецъ въ результатѣ этого труда оказалось вышеозначенное сочиненіе, съ содержаніемъ и характеристикой котораго мы и намѣреваемся познакомить читателя.

Все сочиненіе распадается на двѣ значительно *неравныя* части: историческую и теоретическую. Первая занимаетъ большую часть сочиненія (около $\frac{3}{4}$) и въ свою очередь подраздѣляется на *два* отдѣла. Въ первомъ, болѣе краткомъ, авторъ излагаетъ воззрѣнія философовъ и психологовъ съ древнѣйшихъ временъ на природу психической дѣятельности вообще, на количество отдѣльныхъ ея функцій и наконецъ на мѣсто и значеніе чувствованій среди другихъ психическихъ явленій.

Оставляя въ сторонѣ подробности этого обзора мы обозначимъ *общіе выводы*, къ которымъ авторъ приходитъ въ заключеніи перваго отдѣла. Относительно природы психическихъ явленій, по мнѣнію автора, философы и психологи начали съ признанія „особыхъ духовныхъ началъ“, потомъ послѣдовательно переходили къ понятію о „частяхъ души“, которое смѣнилось понятіемъ отдѣльныхъ „способностей души“, далѣе „способностей души, какъ простыхъ названій для различныхъ направленій психической дѣятельности“. Наконецъ въ послѣднее время въ основу строго научной классификаціи положено начало *разнородности* явленій сознанія. Относительно *числа* элементовъ психической дѣятельности господствовала то *трихотомія*, т. е., дѣленіе ихъ на три класса ¹⁾ (древній) періодъ), то *дихотомія* или дѣленіе на два класса ²⁾ (въ средніе вѣка и отчасти въ новое время до 18 в.), то *опять* (съ 18 в.) *на три* класса, но уже „на новыхъ началахъ ³⁾“. Наконецъ въ самое послѣднее время являются „попытки найти новыя основы для классификаціи психическихъ явленій и по преимуществу основы фізіологическія“. *Отношенія* чувствованій къ другимъ психическимъ явленіямъ понимались различно и при томъ такъ неопредѣленно (особенно въ древній и средневѣковой періодъ), что одинъ и тотъ же авторъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій вы-

¹⁾ Напр., дѣленіе на растительныя, животныя или чувственныя, умственныя *части* или *способности* души.

²⁾ Напр., дѣленіе душевныхъ *силъ* на пассивную и активную, разумъ-ніе и волю.

³⁾ Дѣленіе на умъ, чувство и волю.

ражалъ относительно этого предмета не только *различные*, но даже *противорѣчивые* взгляды. Чувствованія разсматривались то какъ *моменты умственной дѣятельности*, то какъ *проявленія или степени воли*, то какъ *особый классъ ощущений*, то наконецъ какъ *самостоятельная группа* психическихъ явленій. (Стр. 137—138).

Но не смотря на разнорѣчивыя воззрѣнія философовъ и психологовъ на природу чувствованій и ихъ отношеніе къ другимъ психическимъ явленіямъ, г. Гротъ находитъ у всѣхъ нѣчто общее и неизмѣнное. Всѣ признавали чувствованія за „явленія сознанія“; далѣе всѣ видѣли, что чувствами удовольствія и страданія опредѣляются „какія то отношенія, имѣющія мѣсто“ въ чувствующемъ индивидуумѣ, „а не внѣ его“; наконецъ всѣ признавали, что отношенія, оцѣниваемые чувствами, представляютъ какую либо *гармонію* или *дисгармонію* (контрастъ удовольствія и страданія). И такъ, вообще чувства для всѣхъ психологовъ представляютъ „явленія сознанія, вытекающія изъ *ощущенія гармоніи или дисгармоніи какихъ-то отношеній*“ (стр. 140).

Въ развитіи и дальнѣйшемъ опредѣленіи этого общаго пункта уже начинается, по мнѣнію автора, *разногласіе* между психологами. Такъ *ощущеніе* можетъ считаться *сознательною* и *безсознательною*. Далѣе оцѣниваемые отношенія могутъ быть *субъективныя* (отношенія процессовъ въ организмѣ), или *объективныя* (вещей другъ къ другу), или же *смѣшанныя* (насъ къ объектамъ и обратно). Наконецъ *критерій* оцѣнки можетъ быть *абсолютный* и *относительный* (т. е. разница въ томъ, имѣется ли въ виду абсолютный типъ оцѣниваемой гармоніи, или же относительный, измѣчивый). Комбинируя различнымъ образомъ сочетанія этихъ возможностей, авторъ находитъ, что всѣ разногласія психологовъ сводятся къ *16 возможнымъ теоріямъ*, которыя и были выражены въ воззрѣніяхъ различныхъ философовъ и психологовъ. Само собою разумѣется, замѣчаетъ авторъ, что изъ этихъ 16 теорій нѣкоторыя наиболѣе „одностороннія или искусственныя“ или совсѣмъ не имѣютъ представителей или очень немногихъ, а также, что одинъ и тотъ же писатель въ разныхъ сочиненіяхъ высказываетъ не одну и ту же теорію. Дальнѣйшія модификаціи этихъ теорій у разныхъ психологовъ уже состоятъ въ различіяхъ *проведенія, выраженія* теорій и т. под. второстепенныхъ индивидуальных особенностяхъ (140—143).

Въ второмъ значительно обширнѣйшемъ историческомъ отдѣлѣ ю-

раздо подробище и притомъ уже съ выставленною имъ точки зрѣнія 16-ти возможныхъ теорій, авторъ слѣдитъ за ученіемъ философовъ и психологовъ о сущности чувствованій, а также и за классификаціей чувствованій на роды и виды.

Не вдаваясь въ изложеніе этого историческаго изслѣдованія, мы опять укажемъ только на его результаты. Прежде всего дѣйствительно оказалось, что изъ 16 возможныхъ теорій только 8 имѣли значительное *преобладаніе* въ исторіи психологій надъ остальными какъ *по числу* представителей, такъ и *по устойчивости*, съ которою за нихъ держались ученые. Далѣе оказалось, что ученые *примыкали* къ той или другой теоріи въ большинствѣ случаевъ *безсознательно*. Наконецъ борьба этихъ теорій, по мнѣнію автора, въ наше время закончилась побѣдою *одной* изъ нихъ. Во первыхъ господствующимъ стало признаніе, что чувствованія суть „самостоятельныя психическія явленія“ и что подъ ними „должно разумѣть всю совокупность простыхъ и сложныхъ явленій удовольствія и страданія“. Во вторыхъ „въ наше время стала господствующею“ та точка зрѣнія, что „чувствованіями имѣющими примитивный характеръ“ оцѣниваются „внутреннія отношенія организма (физиологическіе процессы, совершающіеся въ немъ)“. Въ третьихъ „въ XIX вѣкѣ всецѣло господствуетъ ученіе о безсознательной, интуитивной или инстинктивной оцѣнкѣ.“ Въ четвертыхъ всегда преобладало и теперь рѣшительно преобладаетъ признаніе, что „оцѣнка эта относительна“. (стр. 404—410).

По вопросу о *классификаціи* чувствованій авторъ приходитъ къ заключенію, что въ послѣднее время возобладалъ *истинный*, по его мнѣнію, *принципъ* различенія „простыхъ и сложныхъ чувствованій“ и что прежняя группировка ихъ по „нравственной высотѣ чувствъ, по способностямъ души“ и т. под. основаніямъ должна *уступить мѣсто* „во первыхъ группировкѣ по различію тѣхъ примитивныхъ внутреннихъ отношеній“, которыя оцѣниваются примитивными чувствованіями и „во вторыхъ по различію спеціальныхъ отправленій организма, съ которыми связано удовольствіе и страданіе“. Что касается до „*сложныхъ чувствъ*“, то „сперва должны быть выяснены законы осложненія чувствованій“, и потомъ „классификація сложныхъ чувствъ должна находиться въ ближайшей связи съ классификаціей простыхъ“ (ibid).

Теперь я изложу сравнительно подробище теоретическую часть сочи-

ненія г. Грота и потомъ обращусь къ характеристикѣ обѣихъ частей порознь.

Въ теоретической части своего труда авторъ прежде всего приступаетъ къ объясненію термина чувствованій и значенія ихъ среди другихъ психическихъ явленій. Присоединяясь къ теоріи, одержавшей, по его мнѣнію, въ наше время верхъ надъ другими (XVI-я по табличкѣ на стр. 142) онъ подъ чувствованіями разумѣетъ „всѣ явленія удовольствія и страданія“. Чтобы опредѣлить мѣсто, которое даетъ авторъ этимъ явленіямъ среди другихъ психическихъ явленій, намъ нужно познакомиться съ его *теоріею психического оборота*. Въ этой теоріи онъ изъясняетъ притязаніе на нѣкоторую оригинальность: въ отдѣльных своихъ элементахъ она, какъ указываетъ г. Гротъ (стр. 433—438), примыкаетъ къ воззрѣніямъ различныхъ его предшественниковъ, но въ цѣломъ представляетъ его самостоятельную комбинацію. Фундаментомъ этой теоріи служитъ у автора *понятіе жизни*, взятое изъ біологіи. Жизнь есть „взаимодѣйствіе организма съ окружающею средою, имѣющее результатомъ приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ“, а психическая жизнь, въ частности, есть только одинъ изъ видовъ этого взаимодѣйствія. (428). Такъ какъ во всякомъ взаимодѣйствіи есть дѣйствіе и противодѣйствіе и далѣе такъ какъ нужно различать два момента взаимодѣйствія—внутренній и внѣшній, то и психическая жизнь, какъ взаимодѣйствіе, состоитъ изъ 4 фазисовъ:

- 1) „Внѣшнее впечатлѣніе на психическій организмъ.
- 2) Переработка этого внѣшняго впечатлѣнія во внутреннее.
- 3) Вызванное этимъ внутреннимъ впечатлѣніемъ такое же внутреннее движеніе.
- 4) Внѣшнее движеніе организма на встрѣчу предмета“.

Или характеризуя эти фазисы преимущественно со стороны контраста внѣшняго и внутреннего моментовъ взаимодѣйствія и выражая его въ терминахъ: „объективный и субъективный, получаемъ: 1) моментъ объективной воспримчивости, 2) мом. субъективной воспримчивости, 3) мом. субъективной дѣятельности и 4) мом. объективной дѣятельности“. Психическія явленія, соотвѣтствующія этимъ моментамъ, располагаются такимъ образомъ. Первому моменту соотвѣтствуютъ первоначальныя ощущенія и всѣ ихъ осложненія, т. е., представленія и повятія (словомъ *сфера ума*, познанія); второму—примитивныя чувствованія удовольствія или страданія и сложныя чувства и волненія

(*область чувствительности*); третьему—стремленія и осложненныя желанія и хотѣнія (*область воли*); четвертому—движенія и ихъ осложненія, дѣйствія и поступки (*область дѣятельности*). Что касается до оказывающихся на практикѣ, особенно въ сложныхъ психическихъ явленіяхъ, уклоненій отъ поставленной авторомъ теоріи психическаго оборота, напр., *разрывъ* преемства моментовъ оборота или *выпаденіи* ихъ изъ правильнаго процесса, то авторъ старается доказать, что эти уклоненія нисколько не подрываютъ его теоріи. И, конечно, не могу вдаваться въ подробное изложеніе этого доказательства: но сущность его состоитъ въ томъ, что, при внимательномъ анализѣ этихъ уклоненій, разрывъ преемствъ и выпаденія окажутся только кажущимися, а не дѣйствительными. Поэтому авторъ считаетъ себя въ правѣ слѣдующимъ образомъ формулировать законъ психическаго оборота: „*ни одно психическое явленіе, простое или сложное, не можетъ возникнуть безъ настоящаго или хоть прошедшаго участія явленія, соответствующаго предыдущему моменту въ правильномъ типѣ психическаго оборота*“ (стр. 427—443).

Если чувствованія, какъ второй моментъ психическаго оборота, имѣютъ своимъ основаніемъ ощущеніе, то спрашивается, какъ они возникаютъ изъ этихъ послѣднихъ и что собственно ими выражается? Отвѣчая на этотъ вопросъ, авторъ утверждаетъ, что ощущенія вообще суть „показатели взаимодействія съ внѣшнею средою“, которое состоитъ „или въ обмѣнѣ веществъ, или въ обмѣнѣ силъ или впечатлѣній“, и предлагаетъ слѣдующую классификацію ощущеній. „Ощущенія дѣлятся на два отдѣла: *внѣшнія и внутреннія*. Первыхъ 8 классовъ: 1) тепловые, 2) обонятельныя, 3) вкусовыя, 4) половыя, 5) мускульныя, 6) осязательныя, 7) слуховыя, 8) зрительныя. Внутреннихъ также 8 классовъ: 1)—связанныя съ кровообращеніемъ, 2)—дыханіемъ, 3)—пищевареніемъ, 4)—воспроизведеніемъ и вообще выдѣленіемъ, 5)—воспріятіемъ, 6)—движеніемъ, 7)—субъективными процессами сознанія, 8)—объективными процессами сознанія, т. е. съ познаніемъ или мышленіемъ. При этомъ 4 первыхъ класса (1—4) обоихъ отдѣловъ ощущеній, по теоріи автора, служатъ „показателями процессовъ обмѣна веществъ“, а 4 послѣднихъ „показателями процессовъ обмѣна впечатлѣній“ (449—50). Эту также притязавшую на оригинальность и дѣйствительно нѣсколько необычную классификацію ощущеній авторъ защищаетъ, критически

сопоставляя ее съ классификаціями современныхъ авторитетовъ психологіи (451—454).

Во взаимодействіи организма съ внѣшнюю средою ощущенія показываютъ только, что происходитъ въ организмѣ подѣ влияніемъ дѣйствій среды; но отъ этого момента до реакціи организма на среду еще далеко. Слѣдуетъ вопросъ: *каково* для организма происходящее въ немъ отъ влиянія среды и показываемое ощущеніями? На этотъ-то вопросъ и отвѣчаютъ чувствованія и отвѣчаютъ своимъ особымъ языкомъ: *удовольствіемъ и страданіемъ*. Но при этомъ авторъ особенно настаиваетъ на томъ, что не прямо внѣшнія отношенія вещей къ намъ оцѣниваются чувствованіями, а отношенія уже ставшія *внутренними состояніями* тканей нашего организма. Чувствованіями, именно, опредѣляется гармонія или дисгармонія дѣйствій внѣшней среды съ состояніемъ нашихъ тканей; но такъ какъ перемена въ тканяхъ можетъ быть и не отъ непосредственнаго дѣйствія среды, то авторъ обобщаетъ свое положеніе такъ, что чувствованія выражаютъ „всякое отношеніе между возбужденіемъ нашихъ органовъ и даннымъ ихъ состояніемъ“. Всякое возбужденіе сводится къ *работѣ тканей*, а состояніе тканей есть ихъ *энергія*; и далѣе такъ какъ работа бываетъ *положительная*, когда тратится вещество тканей, когда оно переходитъ изъ сложныхъ химическихъ соединений въ простые, и *отрицательная*, когда вещество накапливается и служитъ новымъ запасомъ силы въ тканяхъ, то *гармонія и дисгармонія*, оцѣниваемая чувствованіями, сводятся къ слѣдующимъ четыремъ случаямъ. 1) Возбужденіе и выражающаяся имъ положительная молекулярная работа или, что все равно, трата вещества, *соотвѣтствуетъ* предшествовавшей отрицательной молекулярной работѣ или накопленію энергіи (вещества), 2) *несоотвѣтствуетъ*, но больше 3) отрицательная работа, накапливающая вещество, *соотвѣтствуетъ* предшествовавшей тратѣ и 4) *несоотвѣтствуетъ*, но больше. Отсюда:

1) „*Положительное удовольствіе* сопровождаетъ всякое соотвѣтствіе траты вещества предшествующему его накопленію.

2) „*Отрицательное удовольствіе* сопровождаетъ всякое соотвѣтствіе накопленія вещества предшествующей его тратѣ.

3) „*Положительное страданіе* сопровождаетъ всякій избытокъ траты вещества сравнительно съ его накопленіемъ.

4) *Отрицательное страданіе* сопровождается всякій, избытокъ накопленія вещества сравнительно съ его тратою¹⁾.

Что касается до двухъ, повидимому, пропущенныхъ здѣсь случаевъ: „недостатка траты вещества сравнительно съ его накопленіемъ и недостатка накопленія—сравнительно съ тратою“, то авторъ замѣчаетъ, что „недостатокъ траты = избытку накопленія, а недостатокъ накопленія = избытку траты“. Такъ какъ авторъ (стр. 456—457) утверждаетъ, что критерій оцѣнки чувствами отношеній возбужденія органовъ въ ихъ состоянію *относительный* (т. е. что каждый организмъ и при разныхъ условіяхъ жизни дѣлаетъ это на особый ладъ) и что оцѣнка *бессознательна* (т. е., что въ сознаніе не попадаетъ процессъ самого сравненія и оцѣнки, а только одинъ результатъ его: удовольствіе или страданіе), то вопросъ о возникновеніи чувствованій рѣшается такъ: „чувствованія удовольствія и страданія вытекаютъ изъ бессознательной и относительной оцѣнки двоякой гармоніи и двоякой дисгармоніи между тратою нѣкихъ веществъ и ихъ накопленіемъ“.

Развивая далѣе теорію двоякихъ отношеній, авторъ доказываетъ, что 4 момента чувствованій составляютъ одинъ непрерывный процессъ, въ которомъ совершается слѣдующій правильный круговоротъ: 1) отрицательное страданіе (потребность, лишеніе), 2) положительное удовольствіе (наслажденіе, работа), 3) положительное страданіе (усталость, истощеніе), 4) отрицательное удовольствіе (отдыхъ, возстановленіе)¹⁾. Нѣкоторые уклоненія отъ этого кругооборота нисколько не нарушаютъ его правильности (стр. 461), такъ что „не подлежитъ сомнѣнію, что оба типа удовольствія и оба типа страданія относятся къ одному и тому же обороту чувствительности и что моменты послѣдняго неразрывно связаны другъ съ другомъ и служатъ взаимнымъ дополненіемъ другъ друга.“ (стр. 444—462).

Оставляя въ сторонѣ сравненіе, которое дѣлаетъ авторъ между своею теоріею образованія первоначальныхъ чувствованій и теоріями его предшественниковъ (стр. 464—67), мы перейдемъ къ классификаціи этихъ чувствованій.

Такъ какъ источниками чувствованій служатъ ощущенія, а эти

¹⁾ Это можно выразить еще такъ: вещество накоплено въ избыткѣ (отриц. страд.), вещество тратится (полож. наслажд.), вещество потрачено въ избыткѣ (полож. страд.), вещество накапливается (отрицат. наслажд.).

послѣднія показываютъ результаты взаимодействія организма съ средою, то и классификація чувствованій, и классификація ощущеній должна быть, по автору, „въ зависимости отъ классификаціи всѣхъ отправленій организма“. Но такъ какъ современная физиологія „естественной системы отправленій организма еще не выработала“, то психологъ пока „долженъ наоборотъ отправленія классифицировать по ощущеніямъ“; конечно, въ этомъ случаѣ и чувствованія приходится распределять также по ощущеніямъ. Но мы уже видѣли, что первоначальныхъ ощущеній два отдѣла по 8 классовъ; значитъ, каждому классу *соответствуетъ* особый классъ чувствованій; отсюда всѣхъ группъ чувствованій 16. Но такъ какъ „въ каждой группѣ чувствованій должны быть четыре момента—положительныхъ и отрицательныхъ удовольствія и страданія“, то всѣхъ первоначальныхъ и особыхъ чувствованій, могущихъ возникнуть по поводу ощущеній, можетъ быть 64, изъ коихъ 32 будутъ соединяться съ внутренними, а 32 съ внѣшними ощущеніями. При этомъ г. Гротъ прилагаетъ примѣрную таблицу первоначальныхъ 64-хъ чувствованій, обозначая ихъ въ большинствѣ случаевъ *описательно*, такъ какъ языкъ очень рѣдко имѣетъ для нихъ особые названія (стр. 470—480).

Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу объ осложненіи этихъ первоначальныхъ чувствованій и устанавливаетъ его законы. Законы эти тѣ же самые, что и законы развитія психическихъ явленій вообще; всѣхъ ихъ шесть: *памятованія, ассоціаціи и интеграціи; забвенія, диссоціаціи и дифференціаціи*. Мы не станемъ слѣдить за тѣмъ, какъ авторъ, примыкающій здѣсь главнымъ образомъ къ Спенсеру, опредѣляетъ и обосновываетъ эти законы въ ихъ общемъ значеніи для всѣхъ психическихъ явленій, и приведемъ только формулы, въ которыхъ выражается ихъ специальное приложеніе къ чувствованіямъ.

- 1) „Чувствованія удерживаются въ памяти“, если возбуждены сравнительно *сильными* внѣшними или внутренними раздраженіями.
- 2) „Чувствованія входятъ въ ассоціацію между собою и съ другими психическими явленіями“, при *смежности* въ сознаніи внутреннихъ или внѣшнихъ возбужденій.
- 3) „Чувствованія *интегрируются* другъ съ другомъ и съ другими явленіями въ сложныя группы“ при возбужденіяхъ, представляющихъ нѣкоторое *органическое единство*.
- 4) „Чувствованія подвергаются *забвенію*“ при ослабѣвающихъ возбужденіяхъ.
- 5) „Чувствованія *диссоциируются* другъ отъ друга и отъ другихъ

явленій“, когда возбужденія, ослабѣвая, кромѣ того *разобіцаются*.

6) „сложные агрегаты какъ однихъ только чувствованій, такъ и въ связи съ другими явленіями *дифференцируются*, когда возбужденія, вмѣстѣ съ ослабленіемъ взаимной связи, *распадаются* на меньшія группы“.

Подъ вліяніемъ этихъ законовъ первоначальныя чувствованія, ассоціируясь съ ощущеніями и, уже въ этомъ видѣ, соединяясь другъ съ другомъ, представляютъ первую степень сложности, называемую авторомъ *первичными* чувствами и волненіями¹⁾. Эти въ свою очередь снова соединяются съ идеями и чувствами и образуютъ группы *вторичныхъ* чувствъ и волненій и еще высшей сложности²⁾. При этомъ нужно замѣтить, что авторъ считаетъ чувствами только тѣ сложные образованія, которыя состоятъ изъ сочетанія чувствованій другъ съ другомъ или съ ощущеніями и идеями; ибо только въ этихъ сочетаніяхъ *преобладающую роль* могутъ имѣть чувствованія. Въ сочетаніяхъ же чувствъ съ желаніями или дѣйствіями преобладающая роль будетъ у этихъ послѣднихъ, потому что всякое послѣдующее явленіе психическаго оборота въ сочетаніяхъ *всегда склонно помогать* предъидущее и, въ ущербъ ему, сосредоточивать на себѣ вниманіе. Этотъ законъ служитъ критеріемъ и для *называнія* психическихъ агрегатовъ“ (стр. 481—498).

Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу о *развитіи* первичныхъ чувствъ и ихъ *классификаціи*. Здѣсь онъ настаиваетъ на положеніи, что всякія сложные чувства и волненія произошли не иначе, какъ

¹⁾ Терминъ „чувствъ и волненій“ въ отличіе отъ термина „чувствованій“ авторъ употребляетъ спеціально для сложныхъ психическихъ состояній, въ которыхъ чувствительность играетъ преобладающую роль. Разница между терминами: „чувство и волненіе“ будетъ отмѣчена ниже.

²⁾ Авторъ думаетъ, что осложненіе въ области чувствительности параллельно съ осложненіями въ области познавательной. Ощущеніямъ соотвѣтствуютъ примитивныя чувствованія; конкретнымъ представленіямъ (объ отдѣльныхъ предметахъ)—первичныя чувства и волненія; отвлеченнымъ представленіямъ или конкретнымъ понятіямъ (ихъ видамъ или родамъ)—вторичныя чувства и волненія; отвлеченнымъ понятіямъ (не соотвѣтствующимъ никакимъ опредѣленнымъ предметамъ или группамъ)—еще болѣе сложные и составныя чувства и волненія.

изъ сочетанія примитивныхъ чувствованій, возникающихъ непосредственно изъ ощущеній и связанныхъ съ физиологическими отправлениями организма (см. выше). Въ какомъ бы раннемъ возрастѣ не появлялось сложное чувство или волненіе у человѣческаго дитяти (напр. чувства радости, любви, страха, гнѣва и пр. проявляются у дѣтей уже въ первые мѣсяцы отъ рожденія), и даже у животныхъ, оно никогда не могло возникнуть самостоятельно, а „произошло *постепенно* изъ первоначальныхъ чувствованій“, а потому, подобно этимъ послѣднимъ, должно быть связано съ какими либо органами и изъ физиологическими отправлениями. Наконецъ видимая самостоятельность сложныхъ чувствъ и волненій можетъ объясняться, по автору, *наслѣдственной передачею*, атавизмомъ. Сложное чувство или волненіе у какаго либо существа можетъ не представлять никакихъ слѣдовъ связи съ первоначальными чувствованіями, потому что оно унаслѣдовано отъ предковъ, у которыхъ эта связь была и у которыхъ это сложное чувство постепенно возникло изъ первоначальныхъ чувствованій.

Конечно, авторъ отказывается отъ невозможной для него *теперь* задачи „прослѣдить развитіе каждаго изъ первичныхъ и болѣе сложныхъ чувствъ и волненій въ челоѣчествѣ и мірѣ животномъ изъ первоначальныхъ чувствованій“ и предлагаетъ свое воззрѣніе, какъ *гипотезу*, подтверждаемую общеою теоріею чувствованій автора съ одной стороны, а съ другой какъ гипотезу, помогающую оріентироваться въ трудномъ вопросѣ о классификаціи сложныхъ чувствъ. Предоставляя будущему опровергнуть или подтвердить эту гипотезу *a posteriori* и думая, что онъ самъ со временемъ возвратится къ этому подтвержденію въ другомъ трудѣ, Г. Гротъ примѣняетъ её сначала къ синтезу первичныхъ, а потомъ вторичныхъ и еще болѣе сложныхъ чувствъ.

Итакъ, „принципами синтеза первичныхъ чувствъ и волненій“¹⁾ служатъ слѣдующія положенія: 1) *каждая группа* первоначальныхъ удовольствій и страданій должна вести къ образованію специфической группы волненій и чувствъ; 2) *число и распределение* главныхъ группъ

¹⁾ Между терминами: чувства и волненія, авторъ полагаетъ такое различіе, что волненія суть чувства, ставшія изъ *тихихъ порывистыми*. Чувство есть родовое понятіе, волненіе видовое; *все* волненія, происходящія изъ чувствъ, могутъ перейти въ чувства, чувства же не *все* могутъ потать волненіями.

первичныхъ чувствъ и волненій должно равняться числу и распредѣленію, рассмотренныхъ группъ первоначальныхъ чувствованій". Затѣмъ авторъ представляетъ примѣрную таблицу 32 первичныхъ чувствъ, составляющихъ осложненія изъ первоначальныхъ чувствованій, связанныхъ съ различными органическими процессами (питаніемъ, кровообращеніемъ, движеніемъ и пр.). При этомъ авторъ обозначаетъ ихъ названіями болѣе сложныхъ чувствъ и волненій, такъ какъ въ языкѣ нѣтъ именъ и для первичныхъ чувствъ и волненій также, какъ нѣтъ и для первоначальныхъ чувствованій. Опасаясь запутать и усложнить дѣло, онъ не могъ прибѣгнуть въ этомъ случаѣ къ приему описаній, употребленному имъ для обозначенія первоначальныхъ чувствованій. Конечно, при этихъ названіяхъ „нужно отвлекаться отъ круга ассоціацій“, связанныхъ съ ними на высшей ступени развитія чувствъ.

Затѣмъ авторъ старается *пояснить на примѣрахъ процессы возникновения* указанныхъ имъ въ таблицѣ сложныхъ первичныхъ чувствъ и волненій изъ первоначальныхъ чувствованій удовольствія и страданія, сопровождающихъ ощущенія и связанныхъ съ фізіологическими отправлениями. Такъ, напр., онъ объясняетъ, какъ волненія злобы или гнѣва, торжества или мести, отвращенія или антипатіи и чувство снисходительности или благорасположенія развиваются путемъ осложненія первоначальныхъ чувствованій, связанныхъ съ процессомъ питанія. Чувство злобы есть отрицательное страданіе, осложнившееся изъ первоначальнаго, отрицательнаго же страданія, чувствуемаго при недостаткѣ питанія, или при голодѣ. Чувство торжества или мести есть положительное удовольствіе, развившееся изъ первоначальнаго положительнаго же удовольствія, чувствуемаго при удовлетворенномъ голодѣ или насыщеніи; чувство отвращенія есть положительное страданіе, развившееся изъ положительнаго же страданія, чувствуемаго при пересыщеніи; чувство снисходительности, или благорасположенія есть отрицательное удовольствіе, развившееся изъ первоначальнаго отрицательнаго же удовольствія, чувствуемаго при восстановленномъ пищевареніи. При развитіи *волненія злобы* изъ чувствованія голода, по объясненію Г. Грота, важную роль играетъ моментъ *борьбы* съ добычею, которая служитъ животному ¹⁾ пищею. Элементы, осложняющіе простое чувство-

¹⁾ Авторъ пользуется фактами изъ жизни животныхъ при своихъ примѣрныхъ объясненіяхъ происхожденія сложныхъ чувствъ изъ первоначальныхъ.

ваніе голода, состоятъ изъ обстоятельствъ сопротивленія добычи и сопутствующаго ему повышенія интенсивности голода и изъ постоянного или частаго повторенія этихъ обстоятельствъ. Ассоціируясь по закону смежности, эти элементы постепенно интегрируются въ сложное волненіе злости. Тотъ же моментъ борьбы съ добычею служитъ къ развитію и возникновенію *чувства торжества или мести* изъ чувствованія насыщенія. Это чувство есть продуктъ интеграціи тѣхъ пріятныхъ чувствованій и элементовъ волненія, которыя сопровождаютъ удачную борьбу съ добычею, удовлетвореніе голода и совершающееся за тѣмъ пищевареніе. *Чувство отораченія* постепенно развивается въ томъ случаѣ „если много разъ повторялись физическія страданія, вызываемыя чрезмѣрнымъ переполненіемъ органовъ пищеваренія или пріемомъ пищи, имѣющей дурной вкусъ и вызывающей тошноту, вообще недоброкачественной. Наконецъ когда много разъ подъ рядъ наступало правильное удовлетвореніе голода и правильно совершался или окончивался (неправильно начатой) процессъ пищеваренія, то отдѣльныя удовольствія покоя, успокоенія въ пищеварительныхъ органахъ должны постепенно сокопиться въ одно цѣльное, постоянно сопровождающее окончаніе упомянутыхъ процессовъ, чувство облегченія въ данной системѣ органовъ, переходящее вмѣстѣ съ тѣмъ въ *чувство снисходительности* къ невольнымъ или даже произвольнымъ виновникамъ предшествовавшихъ нарушеній процесса“.

Подобнымъ же образомъ Г. Гротъ объясняетъ примѣрно развитіе и другихъ группъ и волненій, связанныхъ съ другими органическими процессами (дыханія, движенія и пр.): но мы должны ограничиться вышеприведеннымъ для уясненія читателю пути, которымъ шелъ авторъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Впрочемъ, при этомъ нужно отмѣтить, что онъ своихъ примѣрныхъ объясненій не выдаетъ за нѣчто достовѣрное и окончательное. „Мы стремились, говоритъ Г. Гротъ, только доказать рядомъ примѣровъ *общую мысль*, что всѣ сложныя чувства и волненія *можно* объяснять *периферическимъ происхожденіемъ* и что первичныя осложненія чувствованій устанавливають тѣсную связь между всѣми первоначальными и чисто мѣстными явленіями удовольствія и страданія съ одной стороны и еще болѣе сложными и совершенно утратившими мѣстный характеръ чувствами съ другой“. Для доказательства „правильности каждой отдѣльной локализациі чувствъ недостаточно при-

веденных" авторомъ „отрывочныхъ фактовъ": для этого нужны многообразныя „точные и продолжительныя наблюденія". (стр. 499—522).

Теперь мы вслѣдъ за авторомъ перейдемъ къ „очерку дальнѣйшаго развитія чувствъ и волненій изъ первичныхъ во вторичныя и болѣе сложныя".

Первичныя чувства развиваются, по Г. Гроту, изъ первоначальныхъ чувствованій при условіи *непосредственной* борьбы за существованіе, вторичныя же и болѣе сложныя возникаютъ изъ приспособленія къ болѣе сложнымъ отношеніямъ *посредственной* и *косвенной* борьбы за существованіе. Поэтому образованіе ихъ обусловливается главнымъ образомъ „спеціальными условіями организмовъ въ борьбѣ за жизнь", что и отражается въ многихъ „индивидуальныхъ колебаніяхъ въ предметѣ образованія сложныхъ чувствъ. Наконецъ общихъ правилъ послѣдовательности на этихъ ступеняхъ развитія чувствительности пока нельзя установить. Для каждаго вида организмовъ наука (біологія) должна *эмпирическимъ методомъ* опредѣлить свойственную ему схему развитія; многіе спеціалисты должны раздѣлять между собою эту работу, успѣшность окончанія которой зависитъ „отъ успѣховъ всѣхъ біологическихъ наукъ въ совокупности, а потому въ настоящее время эта задача можетъ оказаться еще несвоевременною". Поэтому авторъ на *отрывочныхъ примѣрахъ* пытается приблизительно указать природу процесса превращенія первичныхъ чувствъ во вторичныя и болѣе сложныя. Мы ограничимся указаніемъ на одинъ изъ такихъ примѣровъ, именно, на дальнѣйшее *преобразование* чувства злобы.

Чувства осложняются въ двухъ направленіяхъ; путемъ ассоціаціи съ ощущеніями и идеями и путемъ ассоціаціи съ чувствами же. Въ первомъ направленіи „развивается отчетливость и сознательность чувствованій, какъ внутреннихъ состояній; во второмъ увеличивается ихъ сознательность, какъ продуктовъ извѣстныхъ внѣшнихъ условій и отношеній". Развитіе вторичныхъ чувствъ изъ первичныхъ идетъ во второмъ направленіи, т. е., ассоціируясь съ представленіями, вторичныя чувства сопровождаются *яснѣйшимъ сознаніемъ* тѣхъ условій (окружающей организмъ обстановки), изъ которыхъ они возникли. „Первичное чувство

1) Авторъ употребляетъ для обозначенія этого процесса термины „объективной сознательности и субъективной сознательности".

злости сначала безпредметно". Происходя изъ условія борьбы за существованіе, первичное чувство злости еще не соединяется съ яснымъ представленіемъ перипетій и приемовъ борьбы съ добычею, а также и съ представленіемъ животныхъ видовъ этой добычи. Отсюда первичное чувство злости *дифференцируется* въ разныхъ особахъ въ спеціальныя чувства особаго характера, смотря по ассоціаціи съ особенностями приемовъ борьбы и объектовъ добычи. Далѣе эти спеціальныя чувства постепенно все болѣе и болѣе отвлекаются отъ особахъ условій, среди которыхъ предметы злости первоначально дѣйствовали на сознаніе. Такъ напр., эта злоба можетъ возникать, при представленіи предмета добычи, и при отсутствіи голода, и безъ надобности въ борьбѣ съ нею, въ дальнѣйшемъ развитіи даже въ отсутствіи самаго предмета злости, а только при его воспоминаніи. Такимъ образомъ можетъ быть объясняемо (по автору) фактъ наследственной ненависти между нѣкоторыми животными, напр., между собакой и кошкой. Точно также и далѣе болѣе сложныя чувства развиваются изъ вторичныхъ въ направленіи усиленія „объективной сознательности“ и подъ вліяніемъ еще большаго отвлеченія отъ первоначальныхъ и конкретныхъ условій первоначальнаго возникновенія чувствъ, ибо въ ассоціацію болѣе сложныхъ чувствъ входятъ со стороны ума понятія, придающія чувствамъ *болѣе идеальное* направленіе. Такъ чувство злости отвлечается не только отъ конкретныхъ условій этой борьбы съ добычею, но и вообще отъ представленія борьбы и сочетается съ общою идеею вреда, наносимаго организму внѣшними условіями, и преобразуется въ сложное чувство самолюбія и т. п.

Общее различіе болѣе сложныхъ чувствъ сравнительно съ менѣе сложными и первоначальными чувствованіями состоитъ въ томъ, что сложнѣйшія все болѣе и болѣе *утрачиваютъ связь* съ вѣстными периферическими возбужденіями. По этому авторъ считаетъ возможнымъ провести ту полную параллель между чувствованіями и явленіями познанія, о которой мы уже упоминали. (См. выше въ прилѣжаніи). (стр. 529—549).

Затѣмъ на *будущую психологію* авторъ выдвигаетъ задачу „преслѣдить въ подробностяхъ условія и особенности развитія *каждаго* уже образовавшагося, общаго или спеціальнаго, чувства въ индивидуумахъ различныхъ видовъ организмовъ, начиная отъ низшихъ животныхъ и кончая человекомъ; при этомъ въ анализѣ первоначальныхъ

чувствованій психологія должна постоянно сообразоваться съ выводами *физиологій*; въ анализѣ же чувствъ высшей сложности должна идти рука объ руку съ *соціологіей*, которой принадлежитъ задача выяснить сложныя искусственныя условія, среди которыхъ неизбѣжно возникаютъ тѣ или другіе высшіе агрегаты чувствъ“¹⁾).

Теперь я приступаю къ *характеристикѣ* труда Г. Грота, при чемъ остановлюсь преимущественно на теоретической его сторонѣ, какъ наиболѣе интересной.

Въ характеристикѣ историческаго отдѣла я коснусь *полноты и точности* историческихъ данныхъ, приводимыхъ авторомъ, а также сдѣлаю замѣчаніе и о *критическомъ отношеніи* его къ психологическимъ ученіямъ, изложеннымъ въ обзорѣ.

Полнота историческаго отдѣла составляетъ одно изъ *лучшихъ качествъ* сочиненія Г. Грота въ его цѣломъ: въ этомъ отношеніи оно есть результатъ упорнаго и терпѣливаго труда. До 19 вѣка весьма трудно подыскать какого либо незначительнаго писателя по философіи и психологіи²⁾ который былъ бы не упомянутъ авторомъ. Въ этомъ случаѣ онъ даже, по моему, впадаетъ въ *крайность* и останавливается на такихъ писателяхъ, которыхъ безъ всякаго ущерба для дѣла могъ бы пропустить. Такъ напр., изложивши психологическое ученіе Плотина, дѣйствительно оригинальнаго представителя неоплатонизма, совсѣмъ бы можно было *пропустить* другихъ неоплатониковъ: Порфирія, Ямвлиха, Прокла, которые не прибавили къ психологіи Плотина ничего новаго и достойнаго замѣчанія, а если и видоизмѣнили въ чемъ либо ученія основателя школы, то эти видоизмѣненія были только искаженіями и вообще никакого вліянія въ дальнѣйшемъ развитіи психологіи не имѣли. Далѣе можно было совсѣмъ не упоминать многихъ отцевъ церкви и охарактеризовать ихъ психологическія воззрѣнія вообще. Наконецъ, къ чему приведены всѣ эти Дравесы, Зейлеры, Кирваны, Липсія, Мартиніусы и имъ подобныя писатели? Мѣсто имъ въ историческомъ лексиконѣ по психологіи или даже вообще по философ-

¹⁾ Цитата эта взята изъ тезисовъ, выставленныхъ Г. Гротомъ для защиты на публичномъ диспутѣ.

²⁾ Почти до послѣдняго времени всякій психологъ былъ *eo ipso* и философъ.

скимъ наукамъ, а не въ систематической исторіи психологіи, для прогресса которой они ровно ничего не сдѣлали и безъ существованія которыхъ она прошла бы *тѣ же самыя ступени и фазы развитія*, черезъ которые прошла и при немъ.

Но не смотря на полноту историческаго обзора, все таки почтенный авторъ сдѣлалъ нѣкоторые пропуски, которыхъ, по нашему, лучше было бы избѣжать. Пропуски именно относятся къ нашему столѣтію и сравнительно къ новѣйшему времени. Такъ, ни однимъ словомъ не упомянуты такіе писатели, какъ, напр., Фихте младшій, Ульрици, Фортлаге, Brentano, Карлъ Герингъ и другіе. При этомъ я позволю себѣ подозрѣніе, что *первые трое* изъ названныхъ писателей не упомянуты, не потому что случайно остались неизвѣстны почтенному автору (всего знать человѣку нельзя), а *по высокомерию*, съ которымъ онъ относится къ психологамъ, позволяющимъ себѣ метафизическія спекуляціи о природѣ души и особенно къ нѣмецкимъ психологамъ. Конечно, авторъ можетъ не раздѣлять точекъ зрѣнія на психологію и мнѣній Ульрици, Фихте младшаго и Фортлаге и даже считать ихъ отсталыми, но все таки не должно забывать, что все трое пользуются извѣстностью и вліяніемъ въ Германіи и притомъ первые два суть главные представители особаго направленія въ современной философіи и психологіи ¹⁾, а послѣдній представляетъ особую разновидность въ томъ направленіи, которое влеченія считаетъ основными психическими явленіями ²⁾. Brentano, авторъ обширнаго сочиненія *Psychologie von empirischen Standtpuncte* (1874), есть извѣстный профессоръ Вѣнскаго Университета. Карлъ Герингъ, недавно преждевременно умершій, въ

¹⁾ Въ психологіи оба защищаютъ не только особность и самостоятельность души отъ тѣла, но и ея господство надъ нимъ.

²⁾ Специальное сочиненіе Ульрици по психологіи: *Leib und Seele* имѣетъ нѣсколько изданій и, помнится, переведено по русски. Сочиненія по психологіи Фихте младшаго суть: *Die Anthropologie* (3 изданія), *die Psychologie*, *Zur Seelenfrage*, *die Seelenfortdauer*. Кромѣ того у обоихъ многія статьи въ давно издаваемомъ ими журналѣ: *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. Сочиненія Фортлаге по психологіи суть: *System der Psychologie als empirischer Wissenschaft* (2 т. 1855), *Acht psychologische Vorträge* (1869), *Sechs psychologische Vorträge* (1869) *Vier psychologische Vorträge* (1874), *Beiträge zur Psychologie* (1875).

своемъ сочиненіи: *System der Kritischen Philosophie* (1876), остроумно защищаетъ воззрѣніе, по которому воля есть основная психологическая дѣятельность, и защищаетъ не съ точки зрѣнія метафизической, подобно шкѣлѣ Шопенгауера, а съ точки зрѣнія эмпирической психологіи.

Точность историческихъ показаній составляетъ также *достоинство* „Психологіи чувствованій“. Излагая отъ себя чужія ученія, авторъ вѣрно передаетъ ихъ; приводимыя цитаты приведены или провѣрены въ большинствѣ случаевъ по подлинникамъ; цитаты, приводимыя изъ вторыхъ рукъ, по недостатку подлинниковъ, взяты изъ благонадежныхъ источниковъ.

Конечно, точность Г. Грота не безусловна; встрѣчаются все таки и *прегрѣшенія* противъ нея и, какъ мы замѣтили, въ отношеніи къ новѣйшимъ писателямъ. Обиженными Г. Гротомъ оказываются опять таки бѣдные метафизики. Я ограничусь указаніемъ на одинъ образчикъ изъ имѣющихся въ запасѣ. На стр. 109 мы находимъ показаніе, что „Шопенгауеръ монистъ и пантеистъ“. Монистъ такъ, но пантеистъ никоимъ образомъ, ибо самъ Шопенгауеръ въ *Parerg'ахъ* (т. I, 124) предостерегаетъ отъ смѣшенія пантеизма съ монизмомъ. Если понятіе пантеизма означаетъ тождество Бога съ міромъ, то это, по Шопенгауеру, противорѣчивое понятіе, ибо понятіе Бога можетъ состояться только въ противоположеніи съ коррелятивнымъ ему понятіемъ міра; да и вообще онъ заявляетъ себя противъ пантеизма (см. *Schopenhauer's-Lexicon* стр. 199—201). Далѣе на той же страницѣ 109 сказано: „противопологая два начала въ человѣкѣ, интеллектъ и волю, онъ (Шопенгауеръ) среди другихъ метафоръ употребляетъ слѣдующія: воля—сущность человѣка, интеллектъ—случайный признакъ; воля—матерія, интеллектъ форма; воля—теплота, интеллектъ—свѣтъ“. Слова эти кидаютъ ложный свѣтъ на Шопенгауера. Они заставляютъ думать, будто Шопенгауеръ *говоритъ только* метафорами и сравненіями объ отношеніи воли къ интеллекту. Конечно, этого нѣтъ, въ чемъ читатель можетъ убѣдиться напр. изъ 19-й гл. I-го и II-го томовъ *Welt als Wille und Vorstellung* и другихъ мѣстъ. Между прочими положеніями употреблены и вышеприведенныя, при чемъ Шопенгауеръ самъ (безъ помощи Г. Грота) знаетъ, что это образныя выраженія ¹⁾.

¹⁾ Вотъ подлинныя слова Шопенгауера: „... sodann in einem mehr und mehr *bildlichen* Sinne, mithin gleichnißweise: der Wille ist die Substanz des

Эти неточности можно еще, пожалуй, назвать только *небрежностью* въ изложеніи, но слѣдующее далѣе представляет со стороны Г. Грота не только *искаженіе*, на голую выдумку на Шопенгауера.

На слѣдующей 110 стр. Г. Гротъ говоритъ: „однако въ другомъ мѣстѣ противуполагая чувствованія пріятнаго и непріятнаго объективнымъ ощущеніямъ, которыя служатъ источникомъ представленія, Шопенгауеръ говоритъ о нихъ, какъ о мотивахъ, *возбудителяхъ* воли“.

Все это не только неточность, искаженіе, но, *sit wenia werbo*, просто вздоръ; и въ указанной Г. Гротомъ 3-й главѣ II-го тома *Welt als Wille et cet. (Über die Sinne)* ничего этого нѣтъ. Здѣсь Шопенгауеръ вовсе не „противопоставляетъ чувствованія пріятнаго и непріятнаго объективнымъ ощущеніямъ“, а противопоставляетъ одни чувства (*Sinne*) другимъ, или, точнѣе, ощущенія однихъ внѣшнихъ чувствъ ощущеніямъ другихъ. Такъ онъ противопоставляетъ ощущенія высшихъ чувствъ, зрѣнія, слуха и осязанія (напр. *Farbenempfindungen, Laute* и пр.), ощущеніямъ низшихъ, вкуса и обонянія. Первые чувства онъ называетъ, по преимуществу, объективными, потому что данныя доставляемыя ими (т. е. содержаніе ихъ ощущеній) служатъ для познанія внѣшнихъ вещей; вторые называетъ по преимуществу субъективными, потому что они „уже не свободны отъ непосредственнаго возбужденія воли (т. е.), они постоянно возбуждены пріятно или непріятно (*d. h. sie (die Sinne) werden stets angenehm, oder unangenehm afficirt*)“¹. Словомъ *ощущенія* или въ нѣсколько неточномъ (фигуральномъ) выраженіи Шопенгауера одни внѣшнія чувства (а не чувствованія—*Sinne, aber nicht Gefühle*) противопоставлены другимъ внѣшнимъ чувствамъ. Точно также во всей указанной главѣ ни *единого слова* не сказано Шопенгауеромъ о „чувствованіяхъ пріятнаго и непріятнаго какъ о мотивахъ, *возбудителяхъ* воли“. Слово: мотивъ, даже ни разу не употреблено. Разъ сказано, что „теплота²) (а не чувствованія) дѣйствуетъ прямо на волю пріятнымъ или не пріятнымъ образомъ“ и что чувства вкуса и обонянія (т. е. ихъ ощущенія) возбуждаютъ волю. Значить, ученіе Шопен-

---

Menschen, der Intellect das Accidenz:—der Wille ist die Materie, der Intellect die Form:—der Wille ist die Wärme, der Intellect das Licht. (W. a. W. und V. II. 225).

¹) См. loco citato

²) Какъ внѣшній агентъ.

гауера о чувствованіяхъ, какъ о „возбудителяхъ воли“, выдуманно. Да оно и не возможно для Шопенгауера, ибо чувствованія удовольствія и страданія (пріятнаго и непріятнаго) суть, по его теоріи, не „возбудители“ а *состоянія, модификаціи* воли, какъ то вѣрно указано и самимъ Г. Гротомъ (выше на той же 110 стр.) Выдумка же произошла, вѣроятно, у почтеннаго автора оттого, что онъ читалъ Шопенгауера только глазами, а не *внимающимъ умомъ*. Мелькало смутно у него во время чтенія, что рѣчь идетъ о возбужденіи воли; этого, безъ дальнѣйшей остановки надъ тѣмъ, *кто и что* возбуждаетъ волю, было достаточно, чтобы взвалить на Шопенгауера упрекъ, что онъ то считаетъ чувства состояніями, модификаціями воли, то возбудителями (т. е. причинами). Да и стоитъ ли церемониться съ вѣмцемъ метафизикомъ и дарить ему вниманіе, всецѣло обращенное на *современную, точную, положительную науку!*

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЩЕСТВО ВО ВРЕМЯ ГОМЕРА.

La Societé au temps d'Homère. P. Louis Pauliat. Paris, 1880.

Въ наукѣ классической филологіи навѣрное нѣтъ другаго имени рядомъ съ Гомеромъ, о которомъ существовала бы столь обширная литература, повидимому исчерпывающая съ возможною законченностью и всесторонностью какъ чисто литературныя, такъ и реальныя стороны предмета. Тѣмъ не менѣе Полю съ полнымъ правомъ называетъ свою небольшую, но содержательную брошюру „новымъ изслѣдованіемъ о Гомерѣ“. Главный интересъ труда составляетъ удачная попытка автора ослабить, если не совсѣмъ устранить, одно изъ сильно укоренившихся предубѣжденій противъ организаціи и всего характера гомеровскаго общества, насколько послѣднее можетъ быть возстановлено съ помощью *Иліады* и *Одиссеи*. Авторъ настоящей брошюры недоумѣваетъ, почему ученые до сихъ поръ мало, только мимоходомъ обращали вниманіе на ту сторону гомеровскаго общества, которую онъ разумѣетъ подъ терминомъ „соціальной и политической экономіи“, т. е. на производительный трудъ въ этомъ обществѣ, на его матеріальныя нужды и на средства удовлетворенія ихъ (р. 7). Подобное невниманіе представляется для автора тѣмъ болѣе необъяснимымъ, что простое чтеніе гомеровскихъ пѣсенъ открываетъ передъ читателемъ многочисленныя и знаменательныя факты касательно экономическаго и соціальнаго положенія въ то время. Съ своей стороны мы замѣтимъ, что трудно указать нѣмецкое или англійское сочиненіе, посвященное общей характеристикѣ

гомеровскаго общества, въ которомъ не были бы собраны въ большемъ или меньшемъ количествѣ и данныя, интересующія нашего автора. Но обыкновенно свѣдѣнія эти скомканы въ изложеніи, имъ отводится весьма скромное мѣсто, какъ чему-то побочному, маловажному, сравнительно съ политическими формами общежитія или съ военнымъ дѣломъ того времени. Причина такого пробѣла лежитъ въ неточности общаго, господствующаго представленія о гомеровскомъ обществѣ, мало чѣмъ будто бы отличавшемся отъ военнаго лагеря, всегда жаждавшемъ громкихъ отважныхъ подвиговъ и предпріятій, и потому мало заинтересованномъ въ мирномъ трудѣ. Что это представленіе дѣйствительно таково, видно между прочимъ изъ категорическаго заявленія, наприм., Грота о ликурговомъ устройствѣ Спарты, будто оно было ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ формъ древняго общежитія временъ Гомера. За этимъ обществомъ и періодомъ усвоено названіе *героическаго*, которое и закрѣпляетъ приписываемый ему военный, или, какъ выражаются другіе историки, рыцарскій характеръ. Нельзя не упрекнуть автора за то, что эпитетъ „героическихъ временъ“ онъ считаетъ вполне отвѣчающимъ дѣйствительности гомеровскаго вѣка и удерживаетъ его за нимъ (р. 1).

Въ согласіи съ этимъ общимъ представленіемъ военнаго или хищническаго строя находятся также господствующія до нынѣ тѣ опредѣленія общественныхъ элементовъ—базилея, думы и народнаго собранія,—противъ которыхъ мы съ достаточною, какъ кажется, въ подобныхъ вопросахъ опредѣленностью высказались въ прошломъ году въ статьѣ „Рационализмъ Фукидида“ (гл. II). Военному типу общественнаго устройства вполне соответствуютъ и сильно централизованная власть правителя, или военачальника, и безгласная покорность народной массы, и жалкое положеніе трудящагося класса вообще и рабовъ въ особенности, и наконецъ высокомѣрное отношеніе къ мирному, производительному труду. На самомъ дѣлѣ постоянныя, типическія черты политическаго устройства того времени, восстанавливаемые по *Илиадѣ* и *Одиссее* независимо отъ поверхностныхъ аналогій, рисуютъ взаимное отношеніе властей въ значительно иномъ свѣтѣ, заставляють изслѣдователя различать роль базилея, какъ народнаго правителя въ мирное время, какъ представителя исполнительной власти съ одной стороны, и какъ главнокомандующаго на полѣ сраженія, въ военномъ лагерѣ съ другой. Народное собраніе и дума оказываются

обладающими гораздо болѣе активной и рѣшающею ролью, нежели какая присвоивается этимъ органамъ обыкновенно. Однимъ словомъ гомеровское общество носить на себѣ гораздо большіе слѣды демократическаго устройства самоуправляющагося рода и племени, нежели патріархальнаго или феодальнаго строя. Съ чертами политическаго устройства, возстановляемыми нами, согласуются и прочія стороны общественной и семейной жизни гомеровскихъ героевъ и народной массы: почетное положеніе ремесленниковъ въ обществѣ, обязательность искусства и ловкости въ работахъ для самихъ вождей и женъ ихъ, значительная степень равенства всѣхъ членовъ дома, не исключая и рабовъ, активное положеніе женщины въ семьѣ и наконецъ ясныя, не допускающія сомнѣнія выраженія идеала оспѣдой мирной жизни, а не походной, хищнической. Къ сожалѣнію, авторъ разбираемой брошюры совѣмъ обошелъ такія характеристическія мѣста поэмъ, какъ замѣчаніе Одиссея, что человѣкъ тоскуетъ проведши мѣсяцъ одинъ вдали отъ супруги (Ил. II, 292), какъ тоску того же героя по родинѣ и непреодолимое желаніе его возвратиться домой къ Пенелопѣ, какъ радость Ахейцевъ и Троянцевъ въ виду скорого окончанія войны и близкаго возврата на родину (Ил. III, 111. Срвн. Од. IX, 5. XIX, 113 и др.). Напротивъ, война изображается какъ неизбежное зло, какъ тягостное бремя, освобожденія отъ котораго жаждутъ и простые воины, и большинство вождей. Понятно, что при такомъ только взглядѣ на общество получаютъ подобающее значеніе и тѣ многочисленныя данныя касательно мирнаго производительнаго труда, которыя собралъ въ своей брошюрѣ Поля; понятно также, почему онѣ едва удостоиваются упоминанія въ трудахъ существующей литературы.

Авторъ нашъ отправляется отъ того общепринятаго положенія, что поэзія Гомера отличается безусловною искренностью, а описанія его совершеннымъ отсутствіемъ сочинительства. достойною удивленія правдивостью и точностью, обличаютъ въ авторѣ ихъ тщательную и глубокую наблюдательность (р. 3—4). Особенно интересно въ этомъ отношеніи замѣчаніе знаменитаго французскаго хирурга Мальгенья: „изслѣдованія мои привели меня неожиданно къ тому заключенію говорить онъ, что *Иліада* и *Одиссея*, эта обширная энциклопедія, были для Грековъ не только наиболѣе надежною основою религій, языка, исторіи, политической географіи, но что и въ сферѣ болѣе скромной, въ анатоміи, поэмы эти передали имъ такія свѣдѣнія и языкъ, къ

которымъ даже во время Гиппократѣ едва ли были сдѣланы какія-нибудь добавленія“ (ibid). Но авторъ не удержался на высотѣ научныхъ требованій, принимая за доказанное и достовѣрное предположеніе Шлимана о тождественности найденныхъ имъ руинъ съ гомеровской Троей, тогда какъ большинство археологовъ нѣмецкихъ и французскихъ относится къ этимъ предположеніямъ Шлимана, какъ извѣстно, отрицательно.

Далѣе авторъ, совершенно справедливо придавая большое значеніе сравненіямъ, почти совсѣмъ не воспользовался ими для оправданія своего положенія о преобладаніи въ тогдашнемъ обществѣ мирныхъ занятій. Къ числу недостатковъ разбираемаго изслѣдованія необходимо отнести вообще неполноту его, благодаря чему оно далеко не исчерпываетъ имѣющагося въ поэмѣхъ матеріала. Напрасно также авторъ слишкомъ долго настаиваетъ на трудностяхъ, съ какими Агамемнону удалось собрать сопровождавшихъ его подъ Трою героевъ (pp. 24—27); эти послѣдніе могли предпочитать грабежи и мелкія войны противъ близкихъ сосѣдей отдаленному, рискованному предпріятію.

То обстоятельство, что авторъ занятъ отдѣльной стороной вопроса независимо отъ общей характеристики гомеровскаго общества, способно лишь усилить убѣдительность доводовъ, которые нельзя заподозрить въ искусственномъ подборѣ ради оправданія предвзятой мысли.

Пробѣгая обѣ поэмы, говоритъ Поліа, мы стоимъ лицомъ къ лицу съ народомъ, у котораго производительный трудъ пользуется безусловнымъ почетомъ, составляетъ основу и самую сущность общества. „Дѣятельная работа встрѣчается на всѣхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы, сверху до низу“. Такое положеніе дѣла поощрялось самой религіей; не было такой отрасли производства, которая не подлежала бы вѣдѣнію какого-либо божества: земледѣліе вѣдала Деметра; мореплаваніе Посейдонъ; скотоводство Аполлонъ; торговлю Гермесъ; обработку металловъ Гефестъ и т. д. ¹⁾ Зевсъ и Гера сами надѣваютъ на лошадей золотую упряжь; великолѣпныя украшенія на покрывалѣ Аѣины сдѣланы самой богиней (Ил. V, 755); Аѣина же сдѣлала ту

---

¹⁾ Р. 8. Авторъ употребляетъ названія соответствующихъ греческимъ латинскихъ божествъ и не отмѣчаетъ цитуемыхъ мѣстъ *Ил.* и *Од.* Обозначеніе пѣсенъ и стиховъ принадлежитъ рецензенту.

прелестную тунику, въ которую одѣвается Гера, когда желаетъ обольстить своего супруга (Ил. XIV, 178); таже богиня научила дочерей Пандарея чудеснымъ работамъ (Од. XX, 70); Афродита покрыта плащомъ, сдѣланнымъ Харитами (Ил. V, 338); Одиссей находитъ Кирку за работой надъ прекраснымъ покрываломъ, каковы всѣ работы богинь (Од. X, 221); отдаленный покой Геры сооруженъ Гефестомъ, построившимъ также чудесныя жилища себѣ и богамъ; его же работы многія драгоценности богини Ѳетиды (Ил. XIV, 166. XVIII, 370. 440. I, 606. II, 101. XV, 309 и др.); золотыя и серебряныя собаки, охраняющія замокъ Алкиноя, сдѣланы также Гефестомъ (Од. VII, 91).

Соседши съ Олимпа на землю, мы и здѣсь замѣчаемъ „туже потребность дѣятельности, туже любовь къ труду, что и на небѣ“ (р. 11). Авторъ справедливо считаетъ достаточнымъ установить этотъ фактъ относительно героевъ или вождей, чтобы для остальныхъ гражданъ онъ разумѣлся самъ собою. Прежде всего Полюс обращаетъ вниманіе на то, что во всѣ упоминаемыя Гомеромъ „знатныя“ женщины заняты полезными работами или способны въ нимъ, что искусство въ ручной работѣ составляетъ рядомъ съ красотою и умомъ необходимое условіе совершенства женщины, какъ говоритъ, напр., Гомеръ о Гипподаміи. Супруга Менелая неоднократно изображается поэтомъ какъ трудолюбивая и ловкая мастерица (рр. 12—13).

Арета, Навзикая, Андромаха, не только руководятъ рабынями, но вмѣстѣ съ ними работаютъ и сами (рр. 14—15). „Важнѣе всего то“, заключаетъ авторъ, „что нигдѣ среди знатныхъ женщинъ мы не находимъ лѣнноти, праздности, ни даже той непродуцательной и пустой суетливости, какая отличаетъ женщинъ восточныхъ и большую часть нашихъ, европейскихъ, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ“ (рр. 14—15).

Не менѣе ясны и многочисленны указанія въ томъ же смыслѣ и касательно мужчинъ. Изъ того, что рассказываетъ Гомеръ объ образѣ ихъ жизни до Троянской войны, авторъ усматриваетъ разницу между греческими и троянскими героями; первые занимались преимущественно земледѣліемъ, вторые скотоводствомъ. Такъ Анхизъ пасетъ быковъ въ долинахъ Иды; Букаліонъ пасетъ стада овецъ; семь братьевъ Андромахи умерщвлены Ахилломъ въ то время, когда сторожили быковъ и овецъ; Изъ и Антифъ были застигнуты Ахилломъ на склонахъ Иды, когда пасли своихъ овецъ и т. д. (р. 16). Принимая во вниманіе

важность и трудности промысла, доставлявшего одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ потребленія, а также орудіе мѣны, Полю напоминастъ читателю о практической полезности занятій троянскихъ героевъ въ мирное время. Но нѣкоторые изъ вождей Троянцевъ были и земледѣльцы, въ пользу чего свидѣтельствуя выраженія, относящіяся къ Сарпедону, къ Ксанѳу и Феоону, а также къ Энею.

Греческіе герои были болѣе постоянными земледѣльцами, нежели троянскіе, хотя скотоводство составляло и для Грековъ существенный предметъ заботы. Авторъ черпаетъ примѣры занятія героевъ земледѣліемъ главнымъ образомъ изъ *Одиссеи*, причемъ упоминаетъ о трехъ сыновьяхъ Египтія, занятыхъ непрерывно на отцовскихъ поляхъ, о женихахъ Пенелопы, которые покинули дома земледѣльческія работы и наконецъ о самомъ героѣ поэмы, который предлагаетъ Евримаху помѣряться въ косьбѣ сѣна и въ паханьѣ поля (Од. XVII, 384. XIX, 135. Срвн. Ibid. III, 425. VIII, 258).

Далѣе авторъ указываетъ на то, какъ мало гомеровскіе герои стѣсняются исполнять домашнія работы самолично: Парисъ самъ чиститъ себѣ оружіе, Пріамъ самъ запрягаетъ лошадей, которые доставятъ его въ палатку Ахилла. Пригласивши товарищей на ужинъ, Агамемнонъ самъ приготовляетъ для нихъ пятилѣтняго быка (Ил. VII, 313)¹⁾; подобную же картину представляетъ въ IX п. Ил. палатка Ахилла, который вмѣстѣ съ Патрокломъ принимаетъ и угощаетъ Аянта, Фойника и Нестора. Кромѣ того, сынъ Пріама Ликаонъ срѣзываетъ вѣтки бука для передней части колесницы (Ил. XXI, 37). Въ VII п. Ил. ст. 470 Агамемнонъ и Менелай продаютъ въ раздробъ недавно полученное ими живо солдатамъ своей арміи. Торговлей морской занимается Менестъ, въ образѣ котораго Аѳина является Телемаху (Од. I, 183). Роковой корабль Париса сооруженъ троянскимъ героемъ Гармонидомъ (а не Гармономъ) (Ил. V, 60)²⁾; ахейскій деревянный конь сдѣланъ при помощи самой Аѳины героемъ Епеемъ (Од. VIII, 493). Но поучительнѣе прочихъ несомнѣнно примѣръ Одиссея, во всякомъ случаѣ одного изъ образцовыхъ героевъ того времени: на о—въ Калипсо онъ въ четыре дня сколачиваетъ плоть собственноручно (Од. V, 234);

¹⁾ А не въ IV, какъ стоитъ въ брошюрѣ. Р. 20.

²⁾ Сызъ его Фереклъ (Фѣрекλος), а не *Фереклей* (р. 21).

онъ же „самъ, безъ чужой помощи“ соорудилъ супружескую кровать (Од. XIII, 187). Если изъ этихъ подробностей нельзя не заключить, что мирный трудъ игралъ весьма видную роль и въ жизни, и въ репутаціи гомеровскихъ героевъ, то въ томъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и то стараніе, съ какимъ поэтъ въ самыя критическія минуты не преминетъ похвалить то или другое оружіе, тотъ или другой сосудъ, ту или другую одежду за ихъ мастерскую отдѣлку или художественныя украшенія. „Если Гомеръ, составлявшій свои пѣсни для народовъ Греціи, входилъ въ подобныя подробности“, справедливо замѣчаетъ авторъ, „то вовсе не потому только, что этого требовало согласіе съ дѣйствительностью; онѣ должны были отвѣчать умственной и нравственной потребности его современниковъ, въ глазахъ которыхъ одинаковую важность имѣли произведенія мирнаго труда и военные подвиги“. „Взятіе города или блестящая побѣда надъ непріятелемъ значили столько же для славы человѣка, какъ и искусно исполненныя работы: игровой мячъ, кресло, щитъ, золотыя листья и т. п.“ (р. 24). Въ видѣ нѣкоторой поправки или дополненія къ этому замѣчанію автора мы должны напомнить, что война разсматривалась народамъ какъ тяжелое бремя, а мирная семейная жизнь въ довольствѣ, по обычаямъ, обезпечивавшимъ справедливость во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ общества, считалась высшимъ благомъ (См. Раціонализмъ, гл. II). Феакійцы гордятся тѣмъ, что они не знаютъ никакихъ орудій войны, что ихъ занимаютъ только мачты, весла и суда. (Од. VII, 37. VIII, 246). Впрочемъ самъ Полюсъ напоминаетъ читателю нѣкоторые случаи неохоты идти на войну и готовности откупиться отъ участія въ славномъ походѣ: Одиссей, Касторъ, Идомей, Евхеноръ, Ехеполь (рр. 25—27). Телемахъ до 22 лѣтъ не обучался военному дѣлу (Од. II, 60), и это не мѣшаетъ ему производить на испытанныхъ герояхъ и на самого поэта самое благоприятное впечатлѣніе. Весьма характеристиченъ разсказъ Одиссея свинопасу Евмею, отмѣчаемый авторомъ (р. 28), въ которомъ мнимый Касторъ говоритъ, что его радовала война со всѣми ея принадлежностями, то, *чего такъ боятся остальные люди* (Од. XIV, 222); очевидно, Касторы были не часты.

Авторъ не оставилъ безъ вниманія и того обстоятельства, что божество войны, Аресъ далеко не первостепенное божество ни въ Од., ни въ Ил. „Дважды пыгается Аресъ принять личное участіе въ битвѣ и дважды онъ сильно расклевывается въ томъ“. Первый разъ онъ раненъ

вопьемъ Діомеда направляемъ Аѣиною, а въ отвѣтъ на жалобу Арѣя Зевсъ бранитъ его и открыто радуется его неудачѣ (Ил. V, 594. 825. 850. 890). Другой разъ Арѣя опрокидываетъ на землю Аѣина ударомъ камня въ грудь (XXI, 391. V, 31). Мы напомнимъ еще жалкое и смѣшное положеніе того же божества, „не знающаго ни права, ни справедливости“, и жаждущаго только раздоровъ,—положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ Гефестомъ (Од. VIII, 266—363). Какъ видно изъ словъ Зевса, Арѣй безсиленъ противъ Аѣины, которая обыкновенно причиняетъ ему „жестокія страданія“. Если Аѣина и не есть владычица Олимпа, какъ утверждаетъ авторъ, то во всякомъ случаѣ она значительно сильнѣе и Арѣя, и многихъ другихъ божествъ; она же наиболѣе дѣятельная посредница между Олимпомъ и землею: достаточно напомнить внимательство ея въ распрю Агамемнона съ Ахилломъ (Ил I, 193), внимательство, рѣшительно вліяющее на цѣлое предпріятіе, а также постоянное содѣйствіе ея Одиссею. Разсудительная, охраняющая правду богиня, покровительница мирныхъ занятій Аѣина является наиболѣе національнымъ божествомъ. И отсюда мы видимъ, что прямымъ продолженіемъ гомеровскаго общества должно считать не Спарту, но гораздо скорѣе аттическую общину съ ея Аѣиною Полиадою.

„Если вѣрно“, замѣчаетъ авторъ, „что каждый народъ, каждое племя творитъ своихъ боговъ по своему образу и подобию, согласно съ своимъ темпераментомъ, съ своими воззрѣніями и обычными чувствами, то необходимо будетъ признать, что народы, создавшіе себѣ Олимпъ такимъ, какой мы находимъ въ *Иліадѣ* и *Одиссее*, находились въ совершенно особенныхъ условіяхъ, умственныхъ, физическихъ и нравственныхъ. Они должны были быть дѣятельны, трудолюбивы, ровны и одарены, если можно соединить эти два понятія, точнымъ воображеніемъ“ (imagination positive. P. 10).

Послѣ всего сказаннаго читатель пойметъ, почему мы охотно раздѣляемъ то основное положеніе автора, что гомеровское общество было организовано для мира и для труда, что оно не страдало жаждою войны или раззоренія, подъ вліяніемъ которой „порабощеніе другихъ считается занятіемъ нормальнымъ, правильнымъ, первостепеннымъ, единственнымъ средствомъ удовлетворенія потребностей“. По нашему мнѣнію, ни *Иліада*, ни *Одиссея*, какъ изумительныя по своимъ достоинствамъ литературныя произведенія, ни вся гомеровская культура съ прочными основами гражданственности, легшая въ основу дальнѣйшаго

развитія еллинскаго общества, становятся не мыслимы, если допустить справедливость господствующаго теперь взгляда на тогдашнее общество, если представлять себѣ народъ того времени безгласнымъ покорнымъ орудіемъ Агамемноновъ или Ахилловъ, а общественную организацію направленною къ грабежамъ, захватамъ, кровопролитію, слѣдов. къ взаимному ожесточенію и къ разрушенію плодовъ труда и образованности.

Въ заключеніе мы упомянемъ объ остроумномъ повидимому предположеніи автора, что арійскіе выходцы, населившіе Троаду и Грецію, были членами одной третьей касты Аріевъ, *Vaīśya*s, или работниковъ (pp. 7. 11). Но кастовое дѣленіе относится ко времени послѣ раздѣленія арійской расы на отдѣльныя вѣтви; съ большимъ основаніемъ можно предполагать, что въ теченіе долгаго времени на общей еще родивъ Аріи вели мирную трудовую жизнь, занимаясь преимущественно скотоводствомъ и земледѣліемъ, что общественное неравенство и воинственныя наклонности, отличавшія нѣкоторыя части Аріевъ послѣ раздѣленія, представляютъ явленіе позднѣйшее, порожденное новыми мѣстными условіями, и что наконецъ еллинская вѣтвь вѣрнѣе прочихъ продолжала образъ жизни и общественное устройство предковъ.

Литература Слова о полку Игоревѣ.

Е. Барсовъ. Критическій очеркъ литературы „Слова о полку Игоревѣ.“
Журналъ Мин. Нар. Просв. 1876 г. Сентябрь и Октябрь.

А. Смирновъ. О Словѣ о полку Игоревѣ. I. Литература Слова со времени открытія его до 1876 года. Отдѣльный оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ.“ Воронежъ 1877.

II.

1878.

А. Потебня. Слово о полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія. Отдѣльный оттискъ изъ „Филолог. Записокъ.“ Воронежъ. 1878. Текстъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ; при поправкахъ приводится въ скобкахъ чтеніе перваго изданія. „Исходя отъ признанной уже,—замѣчаетъ издатель,—напр. Максимовичемъ, необходимости нѣкоторыхъ перестановокъ, я приполю къ предположенію, что въ „Словѣ“ многое не необходимо, многое стоитъ не на своемъ мѣстѣ. Кажется, что списокъ, дошедшій до насъ въ изд. 1800 г., ведетъ свое начало отъ черновой рукописи, писанной самимъ авторомъ или съ его словъ, снабженной приписками на поляхъ, замѣтками для памяти, поправками, вводившими переписчика (быть можетъ, конца XIII или самаго начала XIV в.) въ недоумѣніе относительно того, куда ихъ помѣстить. Для самого автора могло быть не ясно, какія изъ амплификацій первоначальнаго текста окажутся нужными, какія излишними при окончательной редакціи, до насъ недошедшей или и вовсе не осуществленной. Сверхъ того, кажется, въ текстъ внесены глоссы одного или болѣе чѣмъ одного переписчика.“ (стр. 2). Вотъ нѣсколько

примѣровъ тѣхъ поправокъ, которыя сдѣлалъ въ текстѣ Слова пр. Потебня, а также указанныхъ имъ глоссъ и перестановокъ. Пр. Потебня читаетъ: стр. 16: „успала князю у умъ похоть“ (вм. спала князю умъ похоти)¹⁾; стр. 26: „нощъ стонуци ему грозою птичь убуди свистъ; звѣрина вѣста: узбися Дивъ, кличетъ“.... (вм. свистъ звѣринъ въ сгазби, Дивъ“ и пр.); „рыци лебеди распужены“ (вм. распущены). Перестановки: стр. 82: „уже узнесся (вм. снесся) хула надъ (вм. на) хвалу; се бо Готьскыя.... Уже трѣсну Нужда на волю, уже вѣржеса Дивъ на землю.“ Въ первомъ изданіи слова: „се бо готскія красныя дѣвы“ и т. д. стоятъ *послѣ* словъ: „уже вѣржеса дивъ на землю.“ (стр. 25). Весь отдѣлъ отъ словъ „Тѣй бо Олегъ мечымъ вѣрамоу коваше“.... до словъ (включительно): „То было въ ты рати и въ ты пѣлкы“—„отступленіе, нарушающее живость изложенія,—быть можетъ, вставка, взятая изъ другаго, неизвѣстнаго сочиненія, сдѣланная авторомъ при вторичной редакціи для памяти. При окончательной редакціи, она могла бы быть вновь выкинута.“ (стр. 51). Указывается еще нѣсколько болѣе мелкихъ вставокъ и глоссъ (стр. 9, 16, 33, 39, 67, 82; всѣ предполагаемыя вставки обведены въ изданіи прямыми скобками). Г. Потебня отмѣчаетъ также такіе мѣста въ извѣстномъ теперь текстѣ Слова, въ которыхъ есть что-то не оконченное, какой-то пропускъ (стр. 106, 116, 140). Въ обширныхъ примѣчаніяхъ къ тексту памятника ученый издатель собралъ богатый запасъ филологическихъ и литературныхъ данныхъ. Вы встрѣтите здѣсь то совсѣмъ новыя, то обставленныя, по крайней мѣрѣ, новыми доказательствами замѣчанія относит. значенія словъ, синтаксическаго строя рѣчи, смысла поэтическихъ образовъ. „Подобно многимъ, говорить г. Потебня, и я считаю „Слово“ произведеніемъ личнымъ и письменнымъ.... Построеніе нѣкоторыхъ періодовъ въ „Словѣ“, можетъ быть, книжно; таковы же нѣкоторыя выраженія, а можетъ быть и свѣдѣнія; но до сихъ поръ не вѣроятно то, что оно сочинено по готовому византійско-бол-

---

¹⁾ При стеченіи двухъ одинаковыхъ гласныхъ въ памятникахъ старинной письменности ставится часто *одна* только буква (иде Угры, вм. у Угры, утлу тыков дуги, вм. у утлу). „Подобные случаи доказываютъ (замѣчаетъ пр. Потебня), что въ старинной письменности могутъ скрываться долготы подъ простыми гласными.“

гарскому или иному шаблону и, наоборотъ, до сихъ поръ крѣпко стоять мнѣніе, что мы не знаемъ другаго древне-русскаго произведенія до такой степени проникнутаго народно-поэтическими стихіями. Согласно съ этимъ мнѣ кажется не безплоднымъ стремленіе, по примѣру прежнихъ изслѣдователей, отыскивать сходство „Слова“ съ произведеніями устной словесности. Сравненія этого рода съ одной стороны могутъ объяснить нѣкоторые темныя мѣста „Слова,“ съ другой возводятъ нѣкоторые народно-поэтическіе мотивы ко времени не позже конца XII в., и так. обр. вносятъ извѣстную долю хронологіи въ изученіе такихъ сторонъ народной поэзіи, какъ символика и параллелизмъ“ (стр. 1—2, 151). Авторъ изслѣдованій „О нѣкоторыхъ символахъ народн. поэзіи“ и „О мнѣн. значеніи нѣкот. обрядовъ и повѣрій“ съ особенной охотой останавливается на объясненіи поэтической символики, одинаковой и въ „Словѣ,“ и въ памятникахъ народнаго творчества (звонъ — слава; увяданье травы — горе; жемчугъ — слезы; опаданіе листьевъ — разлука, потеря стр. 52, 65, 87, 114, 117 и т. п.). — Но сближая „Слово“ съ народной поэзіей, пр. Потебня не отрицаетъ, какъ мы видѣли, присутствія въ этомъ памятникѣ и книжныхъ элементовъ. Относит. первыхъ словъ памятника („Не лѣпо ли ны бѣшешъ“....) онъ замѣчаетъ: „Такая рефлексія, сколько извѣстно, не свойственна народной поэзіи“ (4); выраженіе „иже и стягну умъ крѣпостію своею и поостри сѣрдця своего мужьствомъ“ — „повидимому книжно“ (15); „униши бо градомъ забрала, а веселие пониче:“ „всѣ эти олицетворенія, вѣроятно книжнаго происхожденія“ (84). Изъ книгъ, вѣроятно, попало въ „Слово“ и реченіе „тѣлковины.“ „Тѣлковины, хотя и не встрѣчено нигдѣ, кромѣ этого мѣста и Лавр.¹ 12 подъ 6415, но, образованное отъ *тѣков-ати*, какъ *мр. змовини, заручини*, можетъ значить только *толкованіе*. Въ Сл. о п. Иг. оно внесено книжникомъ, который взялъ это слово изъ лѣтописи, принявши его за названіе народа. Въ лѣтописи могло стоять первоначально: и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци, яже суть тѣлковины: Великая Скуѣ.“ (90). ¹).

Книга Потебни вызвала замѣтку пр. Ягича (Archiv für Slaw.

---

¹) Нѣкоторыхъ мѣстъ Слова о п. Иг. пр. Потебня коснулся еще раньше, въ статьѣ: „Малорусская народная пѣсня по списку XVI вѣка“ („Филологич. Зап.“ 1877 г. Есть и отдѣльный оттискъ).

Philologie III, 3, 738). Рецензентъ согласенъ съ общимъ воззрѣніемъ на слово пр. Потебни: близкое вліяніе собственно-болгарскихъ образцовъ и ему кажется сомнительнымъ. Комментарій къ памятнику, замѣчаетъ г. Ягичъ, обнаруживаетъ „удивительную начитанность“ автора въ памятникахъ народной поэзіи.

Е. Барсовъ. Критическія замѣтки объ историческомъ и художественномъ значеніи Слова о полку Игоревѣ. („Вѣстникъ Европы“ 1878, октябрь, стр. 767—812; ноябрь, стр. 346—385). „Замѣтки“ эти вызваны все той-же книгой г. Вс. Миллера. Г. Барсовъ, указывавшій въ разсмотрѣнной выше статьѣ вліяніе на Слово „воинскихъ повѣстей“, выступаетъ въ „Замѣткахъ“ самымъ рѣшительнымъ и страстнымъ противникомъ соображеній и догадокъ г. Миллера.

Въ статьѣ г. Барсова три главы. Въ 1-й опредѣляется историческое значеніе Слова. Сравненіе Слова съ лѣтописью приводитъ г. Барсова къ такимъ выводамъ: „при ближайшемъ и внимательномъ изученіи „Кіевской лѣтописи“, нельзя не видѣть, что „Слово“ и эта „Лѣтопись“ представляютъ поразительное сходство въ своихъ основныхъ взглядахъ и изображеніяхъ приднѣпровской Руси XII вѣка. Какъ „Слово“, такъ и эта „лѣтопись“ рисуютъ для насъ собственно только высшій слой этой Руси, именно княжеско-дружинную среду, лишь только мимоходомъ касаясь другихъ классовъ общества и народа. Тамъ и здѣсь встрѣчаемъ одно и то же понятіе о князѣ, о дружинѣ, о степи и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.... Быть и культура.... Руси совершенно одинаковы по изображенію какъ Лѣтописи, такъ и Слова.“ (стр. 770, 778). Въ главѣ 2-й разсматривается литературно-художественное значеніе Слова. „Что авторъ „Слова“ былъ человѣкъ образованный и просвѣщенный, въ этомъ никто и никогда не сомнѣвался изъ ученыхъ изслѣдователей Слова“ (стр. 787), рѣшительно замѣчаетъ г. Барсовъ. (Какой же смыслъ имѣлъ вопросъ, предложенный въ программѣ Казанскаго съѣзда?) Но такъ же рѣшительно ополчается онъ противъ „новой гипотезы, которая, въ ущербъ его („Слова“) поэтическимъ достоинствамъ, предполагаетъ за нимъ византійско-болгарскій прототипъ, давшій автору „Слова“ матеріалъ для безотчетнаго заимствованія и видимо-неискусныхъ спаекъ.“ (стр. 787, 785). Въ своихъ замѣчаніяхъ на книгу г. Вс. Миллера г. Барсовъ повторяетъ нѣкоторыя изъ тѣхъ возраженій, которыя уже сдѣланы были въ разобранныхъ выше крит. статьяхъ (неудачный выборъ для сравне-

вія со Словомъ поэмы о Дигенисѣ, сопоставленіе Бояна-кудесника съ Бояномъ-пѣвцомъ, признаніе талантливости автора Слова и допущеніе „спаекъ“). Новое въ статьѣ г. Барсова—замѣчанія о мифологіи Слова. Г. Барсову непременно хочется удержать на русской почвѣ Велеса, Дажь-бога, Хорса, Стрибога. Онъ отыскиваетъ и выписываетъ названія русскихъ мѣстностей, которыя звучатъ похоже на имена названныхъ боговъ; онъ собираетъ преданія и намеки преданій, въ которыхъ можно предположить связь съ мифическими существами, упоминаемыми въ „Словѣ.“ — „Есть и еще наконецъ живой свидѣтель всецѣло-національнаго происхожденія Слова, — это великорусская былина.“ (стр. 361). Такъ начинается г. Барсовъ третью главу своего труда. „Въ Лѣтописи и Словѣ, точно также, какъ и въ былинѣ, изображается одна и таже дружинно-княжеская кievская Русь. Лѣтопись рисуетъ намъ эту Русь въ ея историческихъ походахъ и дѣлахъ, „Слово“ рисуетъ эту Русь въ ея политическихъ идеалахъ, думахъ и ощущеніяхъ, которымъ не отвѣчала горькая дѣйствительность. Былина же изображаетъ ее такъ, какъ отразилась она въ народномъ сознаніи и въ лицѣ необычайныхъ ея героевъ,—и въ идеальныхъ типахъ историческаго богатырства рисуетъ намъ ту же борьбу русской земли съ поганою степью“ (стр. 385) ¹⁾.

---

¹⁾ Самое любопытное въ статьѣ г. Барсова—указаніе нѣкоторыхъ рукописныхъ данныхъ, касающихся нашей народной поэзіи. Такъ упомянуто имъ „Богатырское Слово,“ пересказъ быliny, записанный въ XVII вѣкѣ. „Слово“ это рассказываетъ, „какъ ходили кievскіе богатыри на богатырей цареградскихъ и учинили себѣ честь; на просьбу князя Владиміра побережъ Кіевъ они отвѣчаютъ, что они сторожами не повадились и не придется имъ сторожами слыть.... Имена русскихъ богатырей тѣже, что и въ дошедшихъ до насъ былинахъ“ (стр. 368, 376). Указывается еще „Исторія о славномъ и о храбромъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и о соловѣѣ-разбойникѣ:“ „здѣсь Илья Муромецъ имѣетъ дѣло лишь только съ кievскимъ княземъ, во всемъ сказаніи имени Владиміра нѣтъ и помину.“ (стр. 377; ср. *Кирпичниковъ*, Поэмы ломб. цикла стр. 158). Приводится наконецъ важный отрывокъ изъ Соловецкой рукописи XVI в. „Переяславль русскій по-противъ Кіева за Днѣпромъ по лѣвой руцѣ Олтополя, а на Олтополѣ церковь стоятъ

Отвѣтъ г. Вс. Миллера на „Замѣтки“ г. Барсова въ „Критическомъ Обозрѣніи“ 1879 г., № 3-й, стр. 20—31. („Къ вопросу о Словѣ о полку Игоревѣ“).

Вс. Миллеръ. По поводу Трояна и Бояна „Слова о п. Игоревѣ“. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, декабрь, стр. 239—267). Собранны юго-славянскія преданія о Троянѣ. Оказывается, что нѣкоторыя изъ этихъ преданій повторяютъ сказанія древнихъ о ц. Мидасѣ. Сказанія о Мидасѣ—собственно фригійскія. Есть извѣстія, что Фригійцы переселились въ Малую Азію изъ Европы, им. изъ Македоніи: „ихъ преданія.... прикрѣплены столько же (если не болѣе) къ Македоніи, ихъ древней родинѣ, сколько къ азіатской Фригии.“ (стр. 241). Такъ обр. славянскія преданія о Троянѣ могутъ служить образцомъ сказаній, которыми г. Вс. Миллеръ даетъ названіе о с ѣ д л ы х ѣ. „Кажется, нѣтъ возможности предположить, что южно-славянскія сказанія—позднѣго литературнаго происхожденія. Древность ихъ видна изъ того, что они прикрѣплены, какъ легенды, къ древнимъ городамъ или городищамъ и связаны съ именемъ императора Трояна или краля Латина, какъ называется его болгарская пѣсня. Проще предположить, что мы имѣемъ передъ собою сказанія осѣдлыя, переходившія отъ одного народа къ другому, по мѣрѣ того, какъ они чередовались въ области первоначальнаго распространенія этихъ сказаній.“ (стр. 249). Далѣе: у тѣхъ же болгаръ, которые сохранили воспоминаніе о Мидасѣ-Троянѣ, записаны Верковичемъ пѣсни, „въ которыхъ является классическій образъ дивнаго пѣвца, подчиняющаго своей волѣ животныхъ, людей и чудовищъ звуками золотой свирѣли. Этотъ свирѣльщикъ божественнаго происхожденія носитъ въ разныхъ вариантахъ разные имена—Урфенъ, Орфенъ, Уфренъ, Френъ, Френуше, Хръкленъ, Форлепъ, изъ которыхъ

мурована велика, на крови св. Бориса, а вокругъ его роща березова, а отъ русскаго Переяславля до Кіева 60 верстъ, а *тутъ богатыри кладутся русскіе*, а кругъ городища того по кладбищу тому каменія много великаго по всполю, а кругъ городища того озера Трупежъ, изъ него же течетъ рѣка Мцица, и пала въ Днѣпръ.“ (стр. 367). Не сохранилось ли еще какихъ нибудь указаній на это кладбище богатырей? (Прип. могилы Ильи Муромца и его товарища, упоми. у Ласоты).

одно—Орфенъ—напоминаетъ имя Орфея.“ (стр. 250). Классическія преданія связываютъ Мидаса съ Орфеемъ. Въ одной болгарской пѣснѣ (привед. въ упомянутой выше статьѣ о Сборникѣ Верковича) поставлены вмѣстѣ Троянъ и Боянъ „Сама собою является мысль, что этотъ пѣвецъ Боянъ есть замѣна древняго Орфея, или что имя Бояна—вѣроятно историческое, какъ и имя Трояна—есть болгарское пересименованіе древне-эракійскаго пѣвца. Кто былъ Боянъ, на имя котораго наслышлось сказаніе объ Орфеѣ, конечно, нѣтъ возможности рѣшить, да оно и не важно. Важно то, что оба имени—Троянъ и Боянъ—оказываются въ русскомъ произведеніи XII в., какъ безсознательное заимствованіе изъ болгарскаго источника, и что такимъ образомъ Слово о п. Иг. сохранило нѣкоторыя черты героя-пѣвца болгарскихъ сказаній, который до сихъ поръ еще подъ этимъ именемъ (Бояна) не нашелся въ болгарскихъ пѣсняхъ, за исключеніемъ одной, гдѣ онъ упоминается въ послѣднихъ стихахъ.“ (стр. 252—253).

Статья г. Вс. Миллера вызвала замѣтку Ор. Фед. Миллера. („Русскій филологич. Вѣстникъ,“ 1879, № 4, стр. 233—241: „Новые домыслы ученія о заимствованіяхъ.“).

И. Хрущовъ. О древне-русскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ. Кіевъ. 1878. На стр. 195—212 разборъ лѣтописныхъ сказаній о походѣ Игоря на половцевъ сравнительно съ рассказомъ „Слова.“ Изъ сопоставленія Слова съ лѣтописными рассказами г. Хрущовъ старается извлечь объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ занимающаго насъ памятника. Въ лѣтописи упоминается напр., какъ передовой отрядъ, посланный для развѣдки приносить вѣсть о силѣ враговъ („сторожеви пріѣхаша, ихъ же бяхуть послалѣ языка ловить“....) Г. Хрущовъ замѣчаетъ: „эта худая вѣсть, принесенная сторожевыми людьми, отмѣчена и въ Словѣ о п. Игоревѣ: стязи (метонимически вм. стягивники, которые обыкновенно становились на возвышенныхъ мѣстахъ съ знаменами и видѣли окрестность) глаголють: Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ—рускыя плѣкы обступаша.“ (стр. 197—198). Едвали такъ. Обстоятельство, указанное въ словахъ: „стязи глаголють“ относится ко времени послѣ битвы въ пятницу, передъ второй битвой; „сторожи“ пріѣхали еще до встрѣчи съ половцами. Общія заключенія г. Хрущова относятъ Слова о п. Игоревѣ таковы: 1) Способъ изложенія событій въ „Словѣ“ существенно различается отъ изложенія лѣтописнаго. „Авторъ его („Слова“) не ставитъ себя

судьею Игоря и не ищетъ въ христіанскихъ понятіяхъ объясненія какъ бѣдъ, такъ равно и счастливыхъ обстоятельствъ. Игорь у него не несетъ кары за свою прежнюю вину предъ Богомъ и не покаянная молитва способствуетъ его бѣгству изъ плѣна.... Свободный отъ авторитетныхъ поясненій книжниковъ авторъ Слова ищетъ подтвержденіе своимъ мыслямъ объ усобицахъ не въ текстахъ св. писанія, а въ прежде бывшихъ событіяхъ русской жизни.“ 2) Авторъ Слова не былъ участникомъ похода. „Все то, что мы знаемъ изъ двухъ сказаній, сѣвернаго и южнаго, о походѣ и плѣнѣ Игоря, встрѣчаемъ и въ Словѣ, но съ опущеніемъ нѣсколькихъ подробностей, которыя по свойству поэтическаго произведенія замѣнены общими красками. Даже такое обстоятельство, какъ подвигъ Игоря, когда онъ, уже раненый, возвращалъ Ковуевъ на поле битвы, упомянуто однимъ намекомъ: Игорь плѣнъ заворачиваетъ. И тутъ видно, что авторъ знаетъ объ этомъ обстоятельствѣ по слуху и по собственной догадкѣ говоритъ, что Игорь заворачиваетъ полки потому, что ему жаль мила брата Всеволода. Неправдоподобностью отличается и распря Кзы и Кончака.... Въ „Словѣ“ Кза спорить съ Кончакомъ о судьбѣ Володимира Игоревича. Черезъ три года послѣ похода возвратился Володимеръ Игоревичъ съ женою Кончаковною изъ плѣна, и тогда умѣстно было говорить о соколичѣ, опутанномъ красною дѣвицею. Слава, пропѣтая Володимиру Игоревичу въ концѣ „Слова“, подтверждаетъ то, что похвальное произведеніе въ честь Игоря составилось по возвращеніи изъ плѣна и сына его.“ (стр. 210—211). Вѣрность послѣдняго замѣчанія—неоспорима.

В. Григоровичъ. Что значить слово „толковникъ“ или „толковникъ“ въ русскихъ лѣтописяхъ и въ Словѣ о полку Игоревѣ. Рефератъ, читанный на кіевскомъ археологич. съѣздѣ 1874 года. (Извлечение изъ этого реферата въ „Трудахъ 3-го археол. съѣзда“, т. 1-й, Кіевъ, 1878, стр. LP—LIII).

Въ спискахъ „азбуковника“ г. Григоровичъ нашелъ слово „толковникъ“, какъ синонимъ сл. „пособникъ“, „помощникъ.“ „Въ Словѣ о п. Иг., хотя.... темно, но съ замѣтною ироніею говорится, что князь Святославъ видѣлъ во снѣ, что ему принесена была добыча, высыпанъ жемчугъ изъ пустыхъ колчановъ *поганыхъ тѣлковинъ*. Смыслъ этой ироніи состоитъ въ томъ, что Ольговичи часто призывали къ себѣ на по-

мощь Половцовъ, и так. обр. Половцы были для нихъ *тѣловины*, пособники, но пособники поганые.“—Припоминается еще мр. „толока.“

Е. Барсовъ. О Словѣ о полку Игоревѣ. Рефератъ, чит. на томъ же Киевскомъ съѣздѣ. (Извлеченіе въ „Трудахъ“ I, стр. LXI). Рефератъ раздѣлялся на двѣ части: а) замѣчанія о внѣшнемъ видѣ рукописи, заключавшей Слово о п. Иг. (Эти замѣчанія повторены г. Барсовымъ въ ст. „Литература Сл. о п. Иг.,“ гл. II); б) исправленіе нѣкоторыхъ испорченныхъ и непонятныхъ мѣстъ Слова. „Кромѣ палеографическихъ основаній, онъ руководствовался въ этомъ случаѣ, какъ второстепеннымъ пособіемъ, замѣчаніями народныхъ пѣвцовъ и рассказчиковъ, которымъ онъ читалъ древній памятникъ съ своими объясненіями.“

П. Ваденюкъ. Гдѣ нужно искать ту рѣку, на берегахъ которой 5-го мая 1185 г. былъ разбитъ Игорь Святославичъ Новгородсѣверскій, и которая названа Каялой. Рефератъ, чит. на киевскомъ съѣздѣ. (Помѣщенъ въ „Трудахъ“ II, 51—58). По соображеніямъ г. Ваденюка битва происходила на берегахъ рѣки, названной въ лѣтописи Сяурмій, подъ которымъ надо разумѣть р. Торъ, притокъ Донца. „Что касается.... названія этой рѣки „Каяла,“ то оно одного корня съ каяти—осуждать, судить, и никогда не существовало какъ названіе географическое: оно всецѣло принадлежитъ поэтической изобрѣтательности пѣвца „Слова.“ (стр. 57). Такое объясненіе Каялы предлагалось и нѣкоторыми другими изслѣдователями Слова.

1879.

М. Максимовичъ. Слово о полку Игоревѣ, въ переводѣ на нынѣшній русскій языкъ. Киевъ, 1879. Изданіе редакціи „Кіевского народнаго календаря.“—Перепечатка.

Пѣснь о походѣ Игоря, переводъ „Словесника.“ („Историческая Библіотека“ 1879 г. № 11).

А. Смирновъ. О Словѣ о полку Игоревѣ. Выпускъ II. Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ. Отдѣльный оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ.“ Воронежъ. 1879. Продолженіе труда, первая часть котораго указана была выше. Авторъ даетъ „пересмотръ“ слѣдующихъ вопросовъ: 1) Вѣкъ рукописи и характеръ письма (стр. 1—18). Мусинъ-Пушкинъ относилъ рукопись Слова къ XIV—XV в.;

Ермолаевъ — къ XV, Малиновскій къ XIV, Карамзинъ къ XV. Все это — „самовидцы“ рукописи. Позже (1818) Калайдовичъ (на основаніи свидѣтельства типографщика Селивановскаго) отнесъ рукопись Слова къ XVI вѣку. Еще позже пр. Тихонравовъ, разсмотрѣвъ разночтенія перваго изданія и списка Екатерининскаго, пришолъ къ тому мнѣнію, что разночтенія эти объясняются въ томъ только случаѣ, если предположить, что рукопись Слова писана была скорописью, допускающею сходное начертаніе нѣкоторыхъ буквъ (слѣд. не ранѣе XVI в.). Разобравъ всѣ эти мнѣнія, г. Смирновъ приходитъ къ такому заключенію: „касательно характера письма больше имѣется данныхъ, чтобы держаться показанія самовидцевъ рукописи, чѣмъ раздѣлять мнѣнія лицъ, не издавшихъ рукописи, считать его яснымъ полууставовъ, пожалуй, даже переходящимъ въ скоропись, а не скорописью“ (стр. 16); 2) Языкъ Слова со стороны звуковъ и формъ, какимъ онъ является по изданію М. Пушкина (стр. 19—49); 3) Исправленіе первопечатнаго текста. (стр. 49—132). „Исправленіе текста, напечатаннаго первыми издателями, говоритъ г. Смирновъ, началось вскорѣ послѣ гибели рукописи и продолжается до настоящаго времени. Поправкамъ подвергались—правописаніе печатнаго текста и пунктуация, кромѣ того предлагалось иное чтеніе словъ и выраженій и замѣна ихъ другими, иное дѣленіе сплошнаго текста рукописи на слова и періоды и иной порядокъ цѣлыхъ статей.“ Указавъ, какія работы вызывалъ вопросъ о правописаніи Слова (исправленіе правописанія Слова, какъ памятника XII в.; соображенія о правописаніи погибшей рукописи), какія и къ какому дѣлались перестановки въ извѣстномъ теперь текстѣ памятника, г. Смирновъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на поправкахъ словъ и пунктуации. „Разсматривая поправки словъ и пунктуации первопечатнаго текста, мы, сколько возможно, старались о полнотѣ обзора, помѣщали въ него даже иногда очень незначительныя измѣненія текста. Это сдѣлано нами для того, чтобы представить весь ходъ изученія и пониманія памятника. Можетъ быть, и незначительныя поправки когда-нибудь получатъ свое значеніе; можетъ быть, онѣ наведутъ будущихъ толкователей на новыя, лучшія соображенія для уясненія темныхъ и неудобопонятныхъ мѣстъ Слова.“ (стр. 74). Этотъ сводъ поправокъ текста — самая важная часть работы г. Смирнова, за которую ему благодаренъ будетъ каждый занимающийся изученіемъ Слова. 4) Судьбы

Слова о п. Иг. въ послѣдующей русской литературѣ. (133—188). Подробное сличеніе Слова съ сказаніями о Мамаевомъ побоищѣ. Указываются затѣмъ „произведенія, которыя нѣсколько напоминаютъ тѣмъ или другимъ Слово:“ Псковская лѣтопись, Исторія объ Азовскомъ сидѣніи. 5) Отношеніе Сл. о п. Иг. къ сѣверно-русской народной поэзіи и языку (стр. 189—247). Предшествовавшіе изслѣдователи обращали преимущественное вниманіе на сравненіе поэтическихъ образовъ Слова съ образами южно-р. пѣсенъ. Только Тихонравовъ воспользовался памятниками ср. поэзіи при объясненіи Слова. „Между тѣмъ, замѣчаетъ г. Смирновъ, даже бѣгло просматривая памятники ср. народной поэзіи, всякій замѣтитъ большое сходство ея со Словомъ. И въ Словѣ, и въ ср. народной поэзіи отражаются духъ и черты характера одного и того же народа русскаго, да и самый способъ выраженія мыслей въ томъ и другой одинаковъ.“ (стр. 190). Слѣдуетъ сопоставленіе образовъ и выраженій Слова съ образами и выраженіями ср. пѣсенъ. Собранъ матеріалъ обильный, даже слишкомъ обильный.

М. Андріевскій. Изслѣдованіе текста пѣсни Игорю Святославичу. Часть I, гл. I—III. Екатеринославъ, 1879. Вышло только начало труда.

И. Малышевскій. Къ вопросу объ авторѣ „Слова о полку Игоревѣ.“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 г., августъ, стр. 252—261). Г. Малышевскій соглашается съ выводами отн. Слова о п. Иг. г. В. Миллера; онъ хочетъ только „указать еще на одну черту, которая можетъ.... восполнить.... общую характеристику автора „Слова.“ (стр. 253). Въ Словѣ нѣсколько разъ упоминается Тмуторокань. Эти упоминанія приводятъ пр. Малышевскаго „къ тому предположенію, что авторъ „Слова“ бывалъ и жилъ въ древней Тмуторокани, у азовско-черноморскаго побережья. Тмуторокань въ началѣ XII в. уже не принадлежала Руси, бывъ занята Половцами, господствовавшими здѣсь и во время автора. Но русскіе поселенцы могли оставаться здѣсь долго, какъ долго оставались и Козары, по завоеваніи Тмуторокани русскими.... Гости или купцы русскіе продолжали сюда ѣздить, проживать временно, по дѣламъ торговымъ“ (257). Авторъ Слова—человѣкъ бывалый. Можно предположить, что онъ „исходилъ Русь вдоль и поперекъ, приглядѣлся къ фیزیономіямъ князей, населеній, мѣстностей¹⁾. Это былъ странствующій книж-

¹⁾ Показанія автора Слова относит. нѣкоторыхъ мѣстностей рус-

ный пѣвецъ, ¹⁾ подобный Орю и Тимоою.“ (258). Что касается именно Тмуторокани, то пребываніе въ ней автора Слова гмѣеть, по соображеніямъ г. Малышевскаго, особенную важность. „Теперь дознано, что византійская письменность замыкалась въ предметы религіознаго содержанія далеко не настолько, какъ думали прежде; что въ предѣлахъ Византіи существовала довольно широкая свѣтская литература и поэзія, держалась даже народная поэзія въ сказкахъ, пѣсняхъ, похожихъ на наши... У черноморскаго и азовско-черноморскаго побережья греческая окраина сближалась съ русскою. Здѣсь особенно могли сближаться, передаваться, перениматься элементы для такихъ созданій, какъ наше „Слово.“ Отсюда могъ вынести авторъ его какъ письменные образцы для своего произведенія, такъ и самую склонность обставлять его образами мифической древности.“ (Ср. *Иловайскій*, *Исторія Россіи* II, 85).

Ив. Ждановъ. Русская поэзія въ до-монгольскую эпоху. (Кіевск. Унив. Изв., 1879, іюнь). Есть кое-какія замѣчанія о „Словѣ.“
1880.

Максимовичъ. Собраніе сочиненій, т. 2-й. Языкознаніе. Исторія словесности. Кіевъ, 1880. Здѣсь помѣщены: а) письма „О народной исторической поэзіи въ древней Руси;“ б) „Пѣснь о полку Игоревѣ“ (статьи, напечат. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1836—7 гг.); в) „Замѣчаніе на пѣснь о полку Игоревѣ въ стихотворномъ переводѣ Гербеля;“ д) „Темное мѣсто въ пѣсни о полку Игоревѣ;“ е) „Къ объясненію и исторіи Слова о полку Игоревѣ.“ Последнее заглавіе обнимаетъ нѣсколько работъ Максимовича. „М. А. Максимовичъ, замѣчаетъ редакторъ 3-го тома его сочиненій А. К. (А. А. Котляревскій?), съ особенною любовью занимался Сл. о п. Иг. Въ 1837 г. онъ напечаталъ текстъ съ русскимъ переводомъ..., въ 1857 малороссійскій переводъ, повторенный имъ (вмѣстѣ съ текстомъ) въ „Украинцѣ“ М. 1859, I, 43—108, наконецъ переводъ русскій въ „Сборникѣ статей

ской земли неточны. Напримѣръ: „уже бо Сула не течеть.... къ граду Переяславию.“ Такая неточность не ладится съ представленіемъ о „бываломъ человѣкѣ.“

¹⁾ Выраженіе „книжный пѣвецъ“ довольно неясно. Сопоставленіе этого „книжнаго пѣвца“ съ Оремъ и Тимоою не помогаетъ дѣлу. Развѣ извѣстно, что гудецъ Орь былъ книженъ? Развѣ извѣстно, что книжникъ Тимоою былъ пѣвецъ?

для народнаго чтенія“ К. 1868, II, стр. 145—169. Нежелая опустить хотя какое-нибудь цѣнное замѣчаніе о „Словѣ“ такого ученаго, какъ Максимовичъ, мы помѣщаемъ *подлинникъ* по его рецензій (въ Украинцѣ) и отдѣльныя *объясненія* къ нему, *сведенныя изъ русскаго и украинскаго изданія*. По той же причинѣ получаетъ здѣсь мѣсто и его *рецензія изданія Вельтмана*, имѣющая значеніе историческое.“ (стр. 631).

Павскій. Переводъ Слова о полку Игоревѣ. Трудъ этотъ, не бывшій въ печати, отыскался въ бумагахъ, оставшихся послѣ знаменитаго филолога. Свѣдѣнія объ этой находкѣ сообщены Н. И. Барсовымъ въ статьѣ: „Протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій“ („Русская Старина“ 1880 г. май); изъ самаго перевода приведены впрочемъ только немногія отрывочныя мѣста (стр. 108—112). Это досадно. Въмѣсто того, чтобы дополнять работу Павскаго малоприспособленными и частію даже ошибочными ¹⁾ замѣчаніями, г. Барсовъ поступилъ бы гораздо лучше, если бы цѣликомъ напечаталъ ту часть перевода, какую ему удалось отыскать.

П. Ваденюкъ. Темное мѣсто въ Словѣ о плъку Игоревѣ. (Сборникъ археологическаго института, книга 3, отд. 1, стр. 140—144). На археологич. съѣздѣ 1874 года г. Ваденюкъ возражалъ г. Е. Барсову, исправлявшему нѣкоторыя мѣста „Слова.“ Г. Барсовъ предлагалъ м. проч. такое чтеніе: „и с хотію на крови тѣй рекъ“ (въ 1-мъ изданіи: „И схоти ю на кровать и рекъ“). Въмѣсто такой поправки г. Ваденюкъ предложилъ другую: „и съ хотъ юна коувасть (или карить) и речеть“ („Труды,“ I, стр. LXI). Эту свою поправку г. Ва-

---

¹⁾ По словамъ г. Барсова (стр. 107) надъ первымъ изданіемъ Слова трудились Бантышъ-Каменскій, *Калайдовичъ*, Малиновскій. Г. Вс. Миллеръ переводить слова: „Не тако ли, рече, рѣка Стугна....“ такъ: „не таѣъ (поступила), говорятъ, рѣка Стугна“ Г. Барсовъ не доволенъ такимъ переводомъ. Онъ говоритъ: „рече (то есть Игорьъ, 3-е лицо един. числа) совершенно неправильно переведено словомъ: гово-ря тъ“ (стр. 111). Г. Миллеру слѣдовало, конечно, поучиться историч. грамматикѣ у г. Н. Барсова. (Отн. „рече“ см. у *Потебни* стр. 11) Замѣчу еще, что книгу г. Вс. Миллера о „Словѣ“ г. Барсовъ называетъ „самой поспѣвей въ нашей литературѣ работой по этому предмету.“ (стр. 109).

денюкъ объясняетъ и защищаетъ и въ названной статьѣ. „И вотъ молодая жена причитываетъ и говоритъ: дружину твою, князь, птицы крыльями покрыли, а звѣри кровь полизали“.... „Живописно, а главное логично,“ замѣчаетъ самъ г. Вадепюкъ.

Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Ч. 2-я. М. 1880. О „Словѣ о п. Иг.“ стр. 343—345 и 557—558, примѣч. 47. „Авторъ Слова о п. Иг. очевидно былъ дружинникъ, но въ то же время человѣкъ книжно весьма образованный, знакомый съ произведеніями русской и болгарской, а слѣдовательно и греческой словесности.... Вѣрный тому князю колѣну, которому самъ служилъ, т. е. Чернигово-Сѣверскому, поэтъ съ любовью изображаетъ его членовъ, и младшихъ, и старшихъ.... Черниговскіе Ольговичи въ этомъ произведеніи являются предъ нами съ чертами весьма симпатичными; тогда какъ Кіевская Лѣтопись (Выдубецкій сводъ), прославляя постоянно колѣно Мономаховичей, мало даетъ намъ подробностей о дѣяніяхъ Ольговичей или относится къ нимъ недружелюбно.“ Впрочемъ авторъ Слова распространяетъ „свое теплое сочувствіе на всѣ области русской земли“ и при этомъ „обнаруживаетъ замѣчательное знакомство съ политическимъ положеніемъ и съ характеромъ природы русскихъ областей.“

А. Галаховъ. Исторія русской Словесности. Изд. 2-е. Пб. 1880. Т. I. отд. 1-й: Древнерусская словесность. О „Словѣ“ стр. 294—300.

III.

Замѣчанія отн. нѣкоторыхъ мѣстъ Слова о полку Игоревѣ.

Въ объясненіи Сл. о п. Иг. достигнуты уже важные успѣхи. Общій взглядъ на литературное значеніе этого памятника установленъ опредѣленно и прочно. Въ самомъ дѣлѣ, едвали кто-нибудь будетъ еще защищать то мнѣніе, что Слово о полку было сначала устно передававшейся пѣснью, и что потомъ только перешло оно въ письменность; едвали кто-нибудь будетъ оспаривать то, что авторъ Слова слагалъ свой трудъ подъ двойнымъ вліяніемъ,—подъ вліяніемъ памятниковъ письменности и произведеній народной поэзіи. Но что касается множества частныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ изученіемъ Слова, то на разрѣшеніе ихъ потребуются еще, конечно, не мало труда и усилій. Поэтому небезполезны могутъ быть замѣтки, касающіяся объясненія только отдѣльныхъ мѣстъ Слова,—поэтическихъ образовъ, иносказательныхъ выра-

женій, историческихъ намековъ, находящихся въ этомъ памятникѣ.

Я помѣщаю здѣсь нѣсколько такихъ именно замѣтокъ, накопившихся у меня при изученіи Слова.

1. Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй: который дотечаше, та преди пѣс(н)ь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пѣлкы Насомьскими, красному Романови Святъславичю.—По поводу этого мѣста Слова о полку Ин. И. Малышевскій (въ отмѣченной выше статьѣ) высказываетъ такія соображенія: „Названіе Ярослава и Мстислава понятно; но почему рядомъ съ ними помѣщенъ ничѣмъ особеннымъ незамѣчательный Романъ (убитый 2 августа 1079 г.)? Г. Миллеръ объясняетъ это литературнымъ приѣмомъ автора, обусловленнымъ его образцомъ и требовавшимъ въ данномъ случаѣ трехъ князей, какъ героевъ Баяна. Такъ,—но все таки остается вопросъ: почему третьимъ героемъ взять Романъ уже изъ втораго (послѣ Ярослава) поколѣнія, въ которомъ было не мало князей, ему равныхъ? Вѣроятно потому, что это былъ князь *Тмутороканскій*. Такимъ образомъ, въ ряду трехъ князей, воспѣтыхъ Баяномъ героевъ, поставлены два князя Тмутороканскіе, одинъ знаменитый, другой не замѣчательный, но для автора замѣчательный, какъ князь Тмутороканскій, княжившій въ этомъ окраинномъ городѣ *долѣ* другихъ (кромѣ Мстислава) русскихъ князей.“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1879, августъ, стр. 253). Но для объясненія Романа можно, кажется, и не прибѣгать къ такому предположенію. Авторъ Слова о полку упоминаетъ тѣхъ князей, *которымъ* слагалъ свои пѣсни Боянъ (аще кому хоташе пѣснь творити), т. е. для которыхъ, въ славу которыхъ, о которыхъ сложены были тѣ пѣсни, тѣ старыя словеса, которыя онъ, имѣя въ виду какое-то преданіе („помняшеть бо, *рече*....), соединяетъ съ именемъ Бояна. Авторъ Слова зналъ пѣсни о Ярославѣ, о Мстиславѣ, о Романѣ; пѣсни эти, по его представленію должны были принадлежать какому-то Бояну, современнику воспѣваемыхъ князей. (Ср. Универс. Изв. 1879, іюнь, стр. 14—15). Обще-историческое значеніе и народно-пѣсенная популярность не всегда совпадаютъ. Въ пѣсняхъ, которыя авторъ Слова о полку признавалъ пѣснями Бояна, малозначительный Тмутороканскій князь могъ занимать такое же мѣсто, какъ Ярославъ и Мстиславъ. Воображеніе современниковъ Романа Святославича (брата дѣда Игоря Олега) поразила его ранняя трагическая кончина. Романъ кня-

жилъ въ Тмуторокани; сюда въ 1077 (6585) г. бѣжалъ къ нему Борисъ Вячеславичъ, убитый въ слѣдующемъ году на Нѣжати нивѣ (въ Словѣ о полку: „Бориса же Вячеславича *слава на судъ приведе....*; въ лѣтописи: „убиша Бориса, сына Вячеслава, *похваляющаюся велики*“), въ борьбѣ противъ Изяслава и Всеволода. Союзникомъ Бориса былъ Олегъ, тоже пріютившійся въ Тмуторокани. Въ 1079 (6587) г. и Романъ двинулся противъ Всеволода. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ событіи лѣтопись: „Приде Романъ с Половци къ Воину, Всеволодъ же ста у Переяслава, и створи миръ с Половци; и възвратися Романъ с Половци въспять, и убиша и Половци мѣсяца августа 2 день. *Суть кости его и доселъ лежаче тамо, сына Святослава, внука Ярослава.*“ (Лѣтоп. по Лавр. сп. стр. 193, 195, 198). Нельзя не припомнить здѣсь прекраснаго замѣчанія К. Н. Бестужева-Рюмина: „Боянъ пѣлъ пѣсни „старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ полки Касожскими, красному Романови Святославичю.“ Извѣстный поединокъ Мстислава съ Редедю въ томъ видѣ, какъ онъ записанъ въ лѣтописи, сильно отзывается эпическимъ сказаніемъ; а по поводу смерти Романа мы читаемъ въ лѣтописи: „суть кости его и доселѣ тамо лежаче, сына Святослава, внука Ярослава.“ Слова эти какъ будто взяты изъ пѣсенъ, которыя любятъ описывать, какъ дождь мочить въ степи богатырскія кости“ (О сост. лѣтоп. стр. 42). Нужно обратить вниманіе и на ту неопредѣленность, съ какой говорится въ лѣтописи о мѣстѣ смерти Романа. Карамзинъ замѣчаетъ: „Романа умертвили 2 августа. Несторъ: „суть кости его (Романовы) и доселѣ“.... гдѣ? не сказано.“ (И. Г. Р. т. II, прим. 145) Могила Романа была не извѣстна, и это особенно задѣвало воображеніе. Эпитетъ, который присоединенъ въ Словѣ о полку къ имени Романа (*красный Романъ*), указываетъ еще на одну черту того преданія, которое хранила о немъ народная память. Рассказывали, какъ безвременно погибъ молодой ¹⁾ красавецъ, какъ внукъ Ярослава убитъ и брошенъ былъ погаными гдѣ-то въ степи. „Суть кости его и доселѣ лежаче тамо, сына Святослава, внука Ярослава.“

---

¹⁾ Романъ былъ, кажется, четвертый сынъ Святослава (род. 1027 г., ум. 1076 г.). Можемъ это предполагать на основаніи рисунка, приложеннаго къ извѣстному изборнику 1073 года. „На пер-

2. О Бояне, соловію старого времени! абы ты сіа пѣлыи уще-коталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая умоу подѣ обла-ны, свивая славы оба полы сего времени. Что такое „мыслено дре-во“? Какое значеніе имѣеть эпитетъ: мысленъ? „Мысленъ“ въ ста-ринныхъ памятникахъ славяно-русской письменности употреблялось въ значеніи: умопредставляемый, недоступный чувственному воспріятію, идеальный. Въ XIV вѣкѣ на Руси, какъ извѣстно, завязался споръ о рай. Новгородскій архіеп. Василій писалъ тверскому еп. Василю: „И нынѣ, брате, мнится ти *мысленый* (разум. рай), но все *мыслено мнится видѣти* емъ; а еже рече Христосъ въ Еуангеліи о второмъ пришествіи, и то ли мыслено скажете?“ (Въ другомъ мѣстѣ таже мысль выражена такъ: „слышахъ, брате, что повѣстуеши: *рай погымъ*, въ немъ же былъ Адамъ; ино, брате, о того есмь погибели не слыхали.“) Въ числѣ дока-зательствъ реальнаго существованія рая Василій приводитъ легенду объ Успеніи: передъ смертью Богородицы ангелъ принесъ ей вѣтку изъ рая: „а еже рай мысленый есть, то почто принесе вѣтвь сію ан-гелъ, а не мыслену? апостоли видѣша, множество и невѣрныхъ жидовъ вѣтвь ту видѣша.“ Мысленымъ раемъ, по мнѣнію Василя, слѣдуетъ назвать тотъ рай, который откроется впослѣдствіи, который теперь является пока предметомъ надеждъ: „а что, брате, молвишь рай мы-сленъ, ино, брате, таеъ то и есть: мысленый и будетъ, а сажень не погымъ и нынѣ есть.“ (Полн. собр. р. лѣтоп. VI, стр. 87—89). Про-тивополагались: рай мысленый и рай чувственный. Въ „Діонтрѣ“ мон. Филиппа читаемъ такіе пункты: „яко х̑с̑ не вѣниде съ разбойникомъ въ еже на земли *чувственыи раи*, но ниже ина кая дѣла правед-ныхъ“.. „Что єѣ *мысленыи раи* и еже в немъ садове“.... (Описан. Синод. рукоп. II, 2, стр. 454). Въ одномъ изъ словъ Григорія Сам-

---

вомъ листѣ росписанное красками изображеніе вел. кн. Святослава Ярославича съ супругою и дѣтьми. Надъ ними золотомъ надписаны имена ихъ, въ порядкѣ стоящихъ лицъ: Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Ро-манъ, Ярославъ, княгини, Святославъ.“ (Описан. синод. рук. II, 2, стр. 365—366). Что сыновья Святослава размѣщены здѣсь по старшинству лѣтъ, объ этомъ можно догадываться потому, что послѣднимъ стоитъ Ярославъ, представленный младенцемъ (Карамзинъ, II, примѣч. 182). Романъ умеръ, не имѣя, конечно, и 30 лѣтъ.

мѣла лѣстница, видѣнная во снѣ Іаковомъ, названа мысленой: „ты же, слышавъ лѣстницу мысленую, яже видѣ Іаковъ, досягающую до небесъ“.... (Макарій, Ист. р. ц. V, стр. 453). Въ Изборникѣ 1073 года читаемъ: „дѣла же мысленными ошестии на все по власти простираются.“ (Слов. Востокова s. v. ошестие.) Въ посланіи архіеп. Вассіана въ в. кн. Ивану Васильевичу (1480) говорится м. проч.: „исходиши противу океанному оному мысленному волку, еже глаголю страшливому Ахмату, хотя исхитити изъ устъ его словесное стадо христовыхъ овецъ“ (П. С. Р. Лѣтоп. VI, 226). Въ послѣднемъ мѣстѣ слово „мысленный“ равнозначительно нашимъ терминамъ: иносказательный, метафорическій, принимаемый въ переносномъ смыслѣ. (Образъ метафоры не „чувствѣнь“, а только „мыслѣнь“). Так. обр. „мыслено древо“ значитъ: дерево не реальное, а существующее только въ представленіи нашего ума, дерево воображаемое. Контекстъ рѣчи можетъ, мнѣ кажется, навести на догадку, что именно надо разумѣть подъ этимъ метафорическимъ деревомъ. „О Бояне, соловію старому времени! абы ты сіа плѣкы ушечоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы ¹⁾ оба помы сего времени.“ Авторъ Слова обращается къ Бояну: ему, воспѣвавшему старое время, старыхъ князей, слѣдовало бы пропѣть пѣснь и про „сіа плѣкы“, про событія настоящія, про „нынѣшняго Игоря“, пѣснь Бояна соединила бы раздѣленное временемъ (оба помы сего времени). Так. обр. общая мысль всѣхъ этихъ образовъ, сгруппированныхъ въ приведенномъ мѣстѣ Слова, ясна: эти образы варьируютъ одно и то же идеальное представленіе связи стараго съ новымъ, мѣлаго съ настоящимъ, предковъ съ потомками. Къ этому же представленію примыкаетъ и „мы-

---

¹⁾ Едвали есть надобность „славы“ поправлять въ „славію.“ Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ „Слава“ представляется какъ пѣснь, пѣніе („пѣвши пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ *пѣти*— Слава Игорю Святославичю“ и пр., Струны Бояна „сами княземъ *славу* *ропоташу*), а пѣніе сравнивается съ тѣмъ движеніемъ, которое означается словами: вить, вѣтсы. (Дѣвицы поютъ на Дунав, *вѣются* *голоси* чрезъ море до Кіева). „Свивать славы“=звуки хвалебныхъ пѣсней старымъ князьямъ заставляютъ сливаться съ звуками новыхъ прославленій. (Относит. „славы“ ассив. рѣг. ср. въ былинахъ „славы поютъ.“)

слено древо.“ Намъ дано иносказательное выраженіе: образъ—дерево, смыслъ—смѣна и вмѣстѣ съ тѣмъ связь человѣческихъ поколѣній.

Въ памятникахъ каноническаго и гражданскаго права мы привыкли встрѣчать символическое изображеніе преемственности родовъ въ видѣ дерева, т. е. такъ назыв. „родословное дерево.“ (Исторію родосл. дерева въ памятникахъ права см. въ статьѣ „Genealogie“ въ „Allg. Encyclopädie“ Эрша и Грубера, 1-е Section, Th. 57). Нужно замѣтить, что наука права воспользовалась въ этомъ случаѣ образомъ, возникшимъ совершенно независимо отъ ея опредѣленій. Мыслено древо существовало и рядомъ съ юридическимъ родословнымъ деревомъ ¹⁾, и гораздо раньше его. Въ Словѣ о п. Иг. дерево, какъ образъ преемственности человѣческихъ существованій, не должно поэтому казаться намъ чѣмъ-то страннымъ и неожиданнымъ. Такое именно дерево-видѣ, довольно распространенный въ „мысленой“ флорѣ разныхъ народовъ.

Латинск. Stirps употреблялось въ значеніи рода. Въ самыхъ древнихъ памятникахъ нѣмецкой письменности указывается слово Liutstam ²⁾. „Размноженіе семьи, рода изстари сравнивалось, говорить Аванасевъ, съ ростками, пускаемыми изъ себя деревомъ, вслѣдствіе чего стволъ (пень, корень) служитъ въ эпической поэзіи символомъ отца или предка, а вѣтви—символомъ ихъ дѣтей и потомковъ. Величая не вѣсту, малорусская свадебная пѣсня сравниваетъ ее съ яворомъ и спрашиваетъ: „чи ты корня не глубокаго, чи ты батька не богатаго?“ Болгарская пѣсня говоритъ о не вѣстѣ, что она отдѣляется отъ своего рода—племени, какъ отъ корня.... Въ народныхъ пѣсняхъ весьма обыкновенно сравненіе дѣтей съ вѣтвями и верхушкою дерева; наоборотъ п а с ы н о к ѣ употребляется въ областныхъ нарѣчіяхъ для обозначенія меньшаго изъ двухъ сросшихся деревьевъ“ (Поэт. возр.

¹⁾ См. еще „Родословное древо, по памятникамъ христіанской иконографіи“ Виноградова (Сборникъ археолог. института, кн. 3, 1880 г., отд. II, стр. 65—72).

²⁾ У *Otfrida* (IX в.): „Uuas quit fon mir ther liutstam?“ (quid dicit de me hominum stirps)? Lib. III, cap. 12, v. 13. ср. Еванг. Мѡ. 16, 13; Мрк. 8 27; Лук. 9, 18. (*J. Schilteri Thesaurus antiquitatum teutonic. t. 1. Cp. Grimm, D. Mythol. 4 B. III: Nachträge von E. H Meyer, S. 162).*

слав. II, стр. 478—479). Съ сходнымъ, но расширеннымъ, обобщеннымъ значеніемъ появляется „древо“ въ одной изъ загадокъ „Бесѣды трехъ святителей.“ „Что есть: стоитъ древо цвѣту полно, подѣ нимъ корыты, а на деревѣ сидитъ голубь, и цвѣту урвавши въ корыто мещетъ, цвѣту не умаляется, а корыто не наполнится? Отвѣтъ: древо—земля, и *цвѣтъ*—*людіе*, а корыты—могилы, а голубь—смерть.“ (Памятн. стар. р. лит. 3, 172, ср. *Аванасьева*, *op. cit.* I, 528). Эта загадка стоитъ въ связи съ изреченіемъ Сираха: „Какъ зеленѣющіе листья на густомъ деревѣ—одни спадаютъ, а другіе вырастаютъ: такъ и родъ отъ плоти и крови—одинъ умираетъ, а другой рождается“ (гл. XIV, ст. 19). Въ мусульманскихъ повѣрьяхъ это древо съ опадающими листьями приняло черты мифическія. Есть древо Сидратъ-Альмунтага (*Sidrat Almuntaha*). На деревѣ этомъ „столько листьевъ, сколько людей на землѣ; на каждомъ листѣ написано имя какого-нибудь человѣка. При всякомъ рожденіи вырастаетъ новый листъ съ именемъ рожденнаго, а когда человѣкъ приближается къ концу своей жизни, его листъ на деревѣ сохнетъ и отпадаетъ.“ Въ тоже мгновеніе ангелъ смерти приближается къ человѣку и принимаетъ его душу. (*Weil, Biblische Legenden der Muselmänner*, S. 241).

Соловью стараго времени слѣдовало бы порхать по „мыслену древу,“ пѣть то на той, то на другой вѣтѣ = Бояну слѣдовало бы слагать пѣсни и о старыхъ князьяхъ, и о новыхъ. „Образъ, конечно, искусственный (замѣчу я словами *Op. Ѳед. Миллера*), но вѣдь и многое въ Словѣ искусственно, риторично.“

3. Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему буй туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю, оба есѣ Святъславичя; сѣдлай, брате, свои брѣзны комони, а мои ти готови, оѣдлани у Курьска напередѣ; а мои ти Куряни свѣдоми кѣмети, подѣ трубами повити, подѣ шеломи възлелѣяны, конецъ копѣя възскрѣмлени, пути имѣ вѣдоми, яругы имѣ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изѣострени, сами скачють акы сѣры влѣци въ полѣ, ищучи себѣ чти, а князю славы О какомъ обстоятельствѣ Игорева похода идетъ здѣсь рѣчь? Когда и гдѣ ждалъ Игорь своего брата Всеволода? Въ разсказѣ южно-русс. лѣтоп. свода (Ипатскій сп.) говорится, что Игорь, перейдя Донецъ, „привде ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода, тотъ баше

шелъ инѣмъ путемъ изъ Курска.“ Это извѣстіе лѣтописи легко было сблизить съ приведеннымъ выше мѣстомъ Слова. Такое сближеніе и было сдѣлано. Объясняя слова: „Игорь ждетъ мила брата Всеволода,“ Максимовичъ замѣчаетъ: „Игорь ждалъ Всеволода уже за р. Донцомъ, надъ р. Осколомъ, куда Всеволодъ пришелъ прямо изъ Курска, другимъ путемъ 2 мая“ (Собран. сочин. т. 3, стр. 646, ср. стр. 592). Тоже повторяетъ одинъ изъ новѣйшихъ комментаторовъ Слова Огоновскій: „Игоръ дожидавъ Всеволода в походѣ его изъ Курска черезъ два дни за Донцемъ при ріцѣ Осколі“ (Слово о п. Иг. стр. 42). Едва ли вѣрно такое объясненіе. Если ближе всмотрѣться въ рассказъ лѣтописи и Слова, то нельзя не замѣтить, что слова: „Игорь ждетъ мила брата Всеволода“ не могутъ быть относимы къ соединенію князей у Оскола: онѣ указываютъ на какое-то другое свиданіе Игоря и Всеволода. Къ Осколу Игорь прибылъ съ своими войсками; туда же два дня спустя привелъ свои войска и Всеволодъ. Не о такой встрѣчѣ князей идетъ рѣчь въ Словѣ о полку. Игорь ожидаетъ Всеволода. Явившійся Всеволодъ приглашаетъ брата собирать войска, готовиться къ походу, самому Всеволоду хлопотать не нужно: его войска уже готовы. „Сѣдай, брате, свои брѣзны комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курска напередѣ“ ¹⁾. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ не о встрѣчѣ князей во время похода, не о соединеніи боевыхъ дружинъ, а о какомъ-то свиданіи до похода, о какомъ-то предварительномъ сѣздѣ и уговорѣ князей относительно готовившейся борьбы съ половцами ²⁾. Рассказъ ю.-русс. свода не упоминаетъ о такомъ свиданіи. Но нужно замѣтить, что приготовленія къ походу, обстоятельства, непосредственно ему предшествовавшія, изложены въ этомъ рассказѣ слишкомъ коротко и спутанно. „Любопытно, что о Всеволодѣ, замѣчаетъ проф. Бестужевъ-Рюминъ, есть запутанность въ въ южно-русскомъ сводѣ: сначала говорится: „пойма съ собою брата Всеволода изъ Трубецка,“ а потомъ: „пріиде къ Осколу и жда два дни брата своего Всеволода, тотъ быше шелъ инѣмъ путемъ изъ Курска.“ Объясненіе можно найти

¹⁾ „Коня спдлатъ—собираться въ путь.“ *Потебня*, Слово о п. Иг. стр. 24.

²⁾ Сѣзды князей передъ началомъ похода неразъ упоминаются въ лѣтоп. см. наприм. Лѣтоп. по Лавр. сп. 267, 405.

развѣ въ томъ, что въ первомъ случаѣ перечисляются вообще участники похода.“ (О составѣ лѣтоп. стр. 113, примѣч.). Спутанность устраняется, мнѣ кажется, рассказомъ сѣв.-р. свода ¹⁾ (Лавр. сп.): „Здумаша Олгови внуци на Половци, занеже бяху не ходили томъ лѣтѣ со всею князьею, но сами поидоша о собѣ, рекуще: мы есмы ци не князи же? поидемъ, такы же собѣ хвалы добудемъ. И *сняшася у Переяславая* Игорь съ двѣма сынома изъ Новгорода Сѣверскаго, ис Трубѣча Всеволодъ братъ его, Олговичъ Святославъ изъ Рылска, и Черниговская помочь.“ (Лѣтоп. по Лавр. сп. стр. 376—377). Точное указаніе мѣста, гдѣ былъ съездъ князей („у Переяславля“) не позволяетъ сомнѣваться въ достовѣрности приведеннаго извѣстія, хотя и опущеннаго въ болѣе подробномъ рассказѣ ю.-р. свода.—Сопоставивъ затѣмъ извѣстія сѣверн. и южн. лѣтописи и рассказъ Слова о полку, мы получимъ такой рядъ событій: у Переяславля князья собрались на съѣздъ (Лавр. лѣт.); на этомъ съѣздѣ они уговорились относительно похода на Половцевъ (Слово о полку); Всеволодъ отправился потомъ къ своимъ войскамъ въ Курскъ, откуда и двинулся въ походъ („баше шелъ изъ Курьска“); Игорь пошелъ другимъ путемъ; у Оскола братья соединились. (Ипатск. лѣтоп.).

Допустивъ, что слова: „Игорь ждетъ мила брата Всеволода“ и т. д. указываютъ на съѣздъ и уговоръ князей до похода, мы найдемъ въ рассказѣ Слова о п. Иг. совершенно ясную послѣдовательность. Эта послѣдовательность разрушается при предположеніи, что въ разбираемомъ мѣстѣ указывается на соединеніе войскъ при Осколѣ.—Авторъ Слова начинаетъ свою повѣсть о походѣ Игоря упоминаніемъ о затмѣніи солнца. Это вѣщее явленіе онъ выдѣляетъ изъ общей послѣдовательности событій, онъ говоритъ о немъ прежде всего, прежде

---

¹⁾ Г. Ваденюкъ обратилъ вниманіе на близость Слова съ рассказомъ южно-р. свода. По его словамъ, изъ сравненія Слова и лѣтоп. рассказа „обнаруживается.... извѣстное непосредственное соотношеніе этихъ двухъ рассказовъ. Обобщенія, какія можно бы извлечь при этомъ сравненіи, могли бы составить предметъ особаго разсужденія; я ограничусь здѣсь только указаніемъ на то, что не только содержаніе, складъ и расположеніе частей рассказа Ипатьевской лѣтописи, но и отдѣльныя выраженія совершенно тождественны съ подобными „Слова о

разказа о началѣ похода. Авторъ Слова хочетъ съ первыхъ же словъ заставить своихъ читателей предчувствовать дальнѣйшее теченіе и развязку повѣсти. Затѣмъ, послѣ извѣстія о затменіи, составитель Слова переходитъ къ изложенію событій самаго похода. Въ формѣ обращеній къ Бояну онъ высказываетъ колебаніе, чѣмъ именно слѣдуетъ ему начать свой рассказъ о походѣ, прямо ли перенести читателей въ степь, по которой движутся на встрѣчу другъ другу русскіе и половцы („не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, не галици стады бѣжать къ Дону великому“), или упомянуть о приготовленіяхъ къ походу („Комони ржутъ за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ“) ¹⁾. Онъ останавливается на послѣднемъ. Онъ рассказываетъ о свиданіи и уговорѣ князей, затѣмъ говоритъ о выступленіи Игоря въ походъ („Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремя и поѣха по чистому полю“), о движеніи черезъ степь (причемъ снова въ общемъ ряду событій упоминается о затменіи: „солнце ему тьмою путь заступаше“), о приближеніи половцевъ („а Половцы неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому“). Рассказъ развивается послѣдовательно. Допустивъ, что въ словахъ: „Игорь ждетъ мила брата“.... говорится объ остановкѣ у Оскола, мы замѣнили

плѣку Игоревѣ.“ („Труды 3-го археол. съѣзда“ II, 52). Сказаніе Ип. лѣтописи „писано несомнѣнно современникомъ и очевидцемъ“ (*Бестужевъ-Рюминъ*, О сост. лѣт. 111), писано „по горячимъ слѣдамъ событій“ (*Хрущовъ*, О древне-р. пов. 196); г. Ваденюкъ называетъ это сказаніе „современнымъ самому событію.“—„Слово о полку“ составлено въ 1187 году. „Непосредственное соотношеніе“ Слова и лѣтописн. разказа приходится так. обр. объяснить тѣмъ, что составитель Слова могъ ознакомиться съ сказаніемъ, вошедшимъ потомъ въ юр. сводъ. Но если это и окажется вѣрнымъ, нужно будетъ все таки признать, что кромѣ этого сказанія авторъ Слова имѣлъ еще и другія извѣстія о походѣ Игоря. Нѣкоторые указанія Слова объясняются только извѣстіями сѣверно-р. свода Ср. ниже замѣчаніе 7.

¹⁾ Пр. *Потебня* замѣчаетъ: „Трубы слываютъ вой въ Игоревомъ Новѣгородѣ; въ Путивлѣ, у его сына Володимера *стоятъ стязи*, т. е. востануты или подняты на сборныхъ мѣстахъ.“ Слово о полку Иг. стр. 24.

бы эту такъ ясно замѣчаемую послѣдовательность самой рѣшительной безпорядочностью.

Замѣчу еще въ дополненіе, что въ разбираемомъ мѣстѣ Слова (сѣвѣ князей) слѣдуетъ, кажется, предположить нѣкоторый пропускъ. „Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему буй туръ Всеволодь“ и т. д. Слова Всеволода—слова отвѣта. Гдѣ же вопросъ? Думается, что послѣ упоминанія объ ожиданіи Игоря слѣдоваль рассказъ или упоминаніе о прибытіи Всеволода, затѣмъ рѣчь Игоря, возбуждавшая къ походу (ср. въ рассказѣ сѣв.-р. свода: „сами поидоша о собѣ рекуще: мы есмы ци не князи же? поидемъ, такы же собѣ хвалы добудемъ“) ¹⁾. Всеволодь отвѣчаетъ, что его не надо уговаривать: онъ и его дружина всегда готовы къ бою.

4. „Какъ рана дорога, братіе, забывъ чти и живота и града Чернигова, отня злата стола, сво(е)я милыя хоти, красныя Глѣбовны, съмчая и обычая.“ „Забуть жену и дѣтей“—выраженіе часто встрѣчающееся въ старыхъ памятникахъ для описанія храбрости. Въ сказаніи и Липецкой битвѣ помѣщена рѣчь Мстислава Мстиславича: „братіе! се вошли есмя в землю сильную, а позря въ Бога станемъ крѣпко, не озирамы назадъ, побѣгше не уйти; а забудемъ, братіе, домовъ, женъ и дѣти, а кому не умирати?“ и т. д. (Лѣтоп. по Лавр. сп. 472). Вспомнишь жену и дѣтей—потеряешь мужество. Въ сказаніи о смерти Михаила Черниговскаго говорится, какъ бояре уговаривали князя поберечь себя, не жертвовать своей жизнью: „вси за тя примемъ опытемя.“ Только бояринъ Феодоръ (убитый потомъ вмѣстѣ съ Михаиломъ) думалъ иначе. „Егда же глаголаше къ нимъ Михаилъ, Феодоръ глаголаше въ собѣ: еда како ослабѣеть Михаилъ молениемъ сихъ, помянувъ женскую любовь и дѣтей ласканіе; и послушаетъ сихъ“ (Макарій, И. Р. Ц. т. V, стр. 411).—Въ рассказѣ о нашествіи Ахмата (1480 г.) упоминается о боярахъ, отговаривавшихъ Ивана III отъ борьбы съ Татарами: „Тѣ же бяху бояре

---

¹⁾ И. П. Хрущовъ удачно сопоставилъ эти слова лѣтописи съ выраженіями Слова о полку: „нъ рекосте: мужанімся сами, преднюю славу сами похытимъ, а заднюю си сами подѣлимъ.“ (О древне-русс. ист. повѣстяхъ и сказан. стр. 205).

богати, князю великому не думаячи противъ Татаръ за хрестыянство стояти и битися, думаячи бѣжати прочь, а хрестыянство выдати, мня тѣмъ безъ року смерть бяущимся на бою и помышляюще богатство много, и жену, и дѣти“ (Полн. Собр. Лѣт. VI, 230).

5. „а Игорева храбраго плъну не крѣсити.“ Обычное, поговорочное выраженіе, повторенное въ Словѣ о полку два раза („о, далече зайде соколъ, птицѣ бя къ морю, а Игорева храбраго“.... „По Роси и по Сули гради подѣлиша, а Игорева храбраго“....) Огоновскій (стр. 74) припоминаетъ изъ лѣтописи Слова Ольги Древлянамъ: „уже мнѣ мужа своего не крѣсити.“ Можно еще привести слова Ярослава новгородцамъ: „уже мнѣ сихъ не крѣсити.“ (Лѣтоп. по Лавр. сп. 55, 137; Ср. *Сухомлиновъ*, о Лѣтописи стр. 186).

6. „А ты, буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носить вась умъ на дѣло“.... Въ Волынской лѣтописи (Ипатскій сп.) помѣщено воспоминаніе о Романѣ, которое нѣкоторые изслѣдователи признаютъ отрывкомъ какихъ то поэтическихъ преданій объ этомъ князѣ. Не отрицая вліянія народно-поэтическихъ преданій на упомянутое лѣтописное воспоминаніе, замѣчу, что въ немъ видно присутствіе и другого рода литературныхъ элементовъ, вліяніе памятниковъ переводныхъ. „По смерти же великого князя Романа.... одолѣвши в.имѣ поганьскымъ языкомъ ума мудростью, ходяща по заповѣдемъ Божиимъ: устремилбоя бяше на поганья, яко и левъ, сердитъ же бысть, яко и рысь“ и т. д.“ Въ „Лѣтописцѣ Еллинскомъ и Римскомъ“ въ разсказѣ объ Ираклѣ читаемъ м. проч.: „Палицею оубивша змия, рекше одолѣвшу тремъ частемъ злымъ похотемъ оума мдрѣтью аки палицею, ходяща в котызѣ яко въ лѣвѣ язвенѣ въ твердѣ оумѣ“ и т. д. (*Поповъ*, Обзоръ хронографовъ р. ред. вып. 1, стр. 14. Ср. *Fragmenta historicorum graec. coll. C. Müllerus*, t. IV, p. 543).

7. Плачъ Ярославны.—О плачѣ нужно сказать тоже, что замѣчено было выше относительно разсказа о затменіи солнца. Затменіе выдѣлено въ Словѣ о полку изъ общаго порядка событій. Это явленіе предвѣщало несчастный исходъ похода, поэтому и разсказъ о немъ предпосланъ разсказу о началѣ похода. Подобный же литературный приѣмъ повторяется и при разсказѣ о бѣгствѣ Игоря изъ плѣна. Бѣгству предшествуетъ плачъ Ярославны. Давно уже замѣтилъ пр. Буслевъ: „плачъ Ярославны относится къ возвращенію ея мужа, какъ желаніе къ исполненію.“ (Москвитянинъ 1845 г. ч. 1, отд. крит. стр. 35).

Ближайшая связь, въ которую авторъ Слова ставитъ плачь и бѣгство, будетъ особенно ясна, если мы (при помощи лѣтоп. разсказа) представимъ себѣ общій порядокъ упоминаемыхъ въ Словѣ событій, и если сопоставимъ содержаніе плача съ тѣмъ, что излагается въ предшествующей и послѣдующей частяхъ Слова.—Русское войско разбито; князья отведены въ плѣнъ; дружина пала, спаслись только немногіе; вѣсть объ этомъ дошла до Руси и принесла много горя и много заботъ. Въ разсказѣ ю.р. свода передается это такъ: „кончавшюся полку розведены быша, и поиде каждо во своя вѣжа.... Отъ толикихъ же людій мало ихъ избысть,... небашеть бо лзѣ ни бѣгающимъ утечи, зане яко стѣнами сильными огорожены бяху полкы половецькими; ношахуть, Русь съ 15 мужъ утекши, а Ковуемъ мнѣе, а прочіи въ морѣ истонша.... И бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала во всемъ Посемьи, и въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, и по всей волости Черниговской, князи изымани и дружина изымана, избита, и мятяхуться аки въ мотви“ и т. д. Въ разсказѣ сѣв.-р. свода: „И побѣже ни быша наши гнѣвомъ Божьимъ, князи вси изымани быша, а бояре и велможи и вся дружина избита, а другая изымана, и та язвена; и възвратишася съ побѣдою великою Половци, а о нашихъ не бысть кто и вѣсть принеса, за наше согрѣшенъе. Гдѣ бо баше в насъ радость, нынѣ же въздыханъе и плачь распространися.... И поиде путемъ гость, они же (половцы) казаша рекуще: „поидѣте по свою братью, аки мы идемъ по свою братью к вамъ;“ княземъ же всѣмъ слышавшимъ такую погнѣбелъ о братьѣ своей и до бояръ, возпиша вси, и бысть плачь и стенанъе, овѣмъ бо братья избита и изымана, а другимъ отци и ближнии.“ Въ Словѣ о полку этому соотвѣтствуетъ изображеніе „невеселой години:“ „кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли.... Жены рускыя въсплакашася, аркучи.... А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по Руской земли“ и т. д.

В. кн. Святославъ получилъ извѣстіе о пораженіи Игоря въ то время, когда готовился къ новому походу противъ половцевъ, собиралъ войска: „и яко приде къ Чернигову, и вотъ годъ прибѣже Бѣдоволодъ Просовичъ („гость“ сѣв.-р. свода), и повѣда Святославу бывшее о Половцѣхъ.“ Посѣтовавъ на Игоря и Всеволода („не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю“), Святославъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы приготовить оборону противъ готовившагося на-

паденія Половцевъ, призывалъ князей. Въ сѣв.-р. сводѣ: „А князь Святославъ посла по сыны своѣ и по всѣ князи, и собращася к нему к Киеву“.... Въ Словѣ о полку: сонъ Святослава и его золотое слово ¹⁾.

1) Въ разсказѣ сѣв.-русс. свода послѣ извѣстія о сѣздѣ князей въ Киевѣ прибавлено: „и выступиша къ Каневу, Половцы же услышавше всю землю русскую идуще, бѣжаша за Донъ; Святославъ же слышавъ ихъ бѣжавшихъ, възвратися к Киеву со всею князьею, и разидошася въ страны своя. Половцы же услышавше ихъ отшедшихъ, гнаша отай къ Переяславу“ и т. д. Разсказывается о нападеніи Половцевъ. Эти обстоятельства, т. е. сѣздъ князей, выступленіе войскъ и потомъ возвращеніе князей и дружинъ ихъ по домамъ, нужно, мнѣ кажется, имѣть въ виду при объясненіи сна Святослава и его золотого слова. То, о чемъ упоминается въ разсказѣ о снѣ, въ золотомъ словѣ, въ воззваніяхъ къ князьямъ, могло имѣть мѣсто послѣ упомянутыхъ событій. „Князь Святославъ посла.... по всѣ князи, и собращася к нему к Киеву.“ Сопопоставляя извѣстія сѣв.-р. свода съ разсказомъ ю.-р., смѣло можемъ утверждать, что князья не выказали особенной ревности: собралось ихъ не много, лишь только дошелъ слухъ, что Половцы двинулись за Донъ, они разошлись. Печальныя послѣдствія этой поспѣшности открылись вскорѣ же. Половцы вернулись и „прострошася по русской земли акы пардуже стадо.“ Сонъ и золотое слово относятся къ этой именно порѣ. Сонъ былъ вѣщій: вслѣдъ за нимъ пришла вѣсть о томъ что Половцы хозяйничаютъ въ Черниговской волости. А русскія войска уже разошлись. Слово Святослава, воззванія къ князьямъ—выраженіе сожалѣнія и досады. „Нѣ се злю—княже ми непособіе.“ Святославу уже пришлось убѣдиться въ этомъ. „Великій княже Всеволоде! не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти“ и т. д. Но въ обращеніяхъ къ князьямъ, кромѣ сожалѣнія о быломъ, высказывается еще попытка снова собрать князей для общаго дѣла: „Вступита.... за обиду сего времени, за землю рускую, за раны Игоревы“ и т. п. Эти призывы князей тѣмъ особенно любопытны, что они указываютъ, быть можетъ, на обстоятельства, которыя вызвали появленіе Слова о полку. Слово составлено въ 1187 году (Что оно явилось не позже 1187 г., это доказывается тѣмъ,

Полѣвцы не заставили себя долго ждать. Двумя отрядами двинулись они на Русь. Одинъ отрядъ, подъ начальствомъ Кончака, осаждаетъ Переяславль (тутъ въ время вылазки тяжело раненъ кн. Владиміръ Глѣбовичъ), опустошаетъ Римовъ. Другой отрядъ, подъ предводительствомъ Кзы, направился къ Путивлю: „и повоевавши волости ихъ и села ихъ пожгоша, *пожгоша же и острогъ у Путивля*.“ Въ Оловѣ о полку нѣтъ полнаго разказа о набѣгѣ Половцевъ, но нѣкоторые обстоятельства набѣга переданы все таки въ видѣ короткихъ припоминаній, прерываемыхъ обращеніемъ къ разнымъ князьямъ русской земли, „Се у Ри“ кричатъ подъ саблями половецкими, а Володимиръ подъ ранами.... По Рси и по Сули гради подѣлиша.“

Так. обр. Слово о полку выдерживаетъ до сихъ поръ порядокъ событій, извѣстный по лѣтописнымъ сказаніямъ. Далѣе—порядокъ нарушается. За обращеніемъ къ князьямъ слѣдуетъ плачъ Ярославны. При изложеніи плача авторъ Слова какъ будто забылъ все предшествующее. Давно уже окончился походъ Игоря, давно уже вѣсть о пораженіи и плѣнѣ князей обошла русскіе города и волости, жены русскія успѣли оплакать своихъ милыхъ лодъ, было уже новое горе—нападеніе Кзы и Кончака. Ярославна не знаетъ ничего этого. Ея плачъ заставляетъ думать, что слухъ о пораженіи и плѣнѣ мужа еще не дошелъ до нея. Она говоритъ о битвѣ Игоря съ Половцами, о битвѣ, исходъ которой еще не рѣшонъ. „Чему, господине, простре горячую

что въ немъ упомянуты въ числѣ современныхъ князей Ярославъ Осмомыслъ и Владиміръ Глѣбовичъ, умершіе въ 1187 г.; что оно сложено не раньше 1187 года, это подтверждается намекомъ на возвращеніе Владиміра Игоревича съ Кончаковною [ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице], которое случилось въ томъ же 1187 г.) Въ этомъ же году кн. Святославъ задумалъ новый походъ противъ Половцевъ: „замыслилъ Святославъ съ Рюрикомъ (въ 1187 г.) на Половци.“ (См. Карамзинъ, И. Г. Р. т. III, прим. 74) Быть можетъ, составитель Слова, человекъ близкій къ Святославу, въ виду этого новаго похода („а чи диво си, братіе, стару помолодити?“) припомнилъ несчастный полкъ Игоревъ, присоединивъ къ этому припоминанію приглашеніе русскихъ князей соединиться вокругъ Святослава для отпора степнымъ нашествіямъ.

свою лучю на лады вон? въ полѣ безводнѣ жажду имѣ лучи съпрже, тугою имѣ тули затче? (обстоятельство, отмѣченное въ с.-р. сводѣ: „изнемогли бо ся бяху безводѣмъ и кони и сами, в знои и в тузѣ).— „Чему мнѣ чеши хиновскыя стрѣлы на своею нетрудною крылцу на моея лады вон?“—Ярославна плачетъ „въ Путивлѣ на забралѣ“, въ томъ самомъ Путивлѣ, на который нападали Половцы и въ которомъ они „пожгоша острогъ.“—Ясно, что составитель Слова о полку совершенно отдѣлялъ плачъ (который послѣ изображенія „невеселой години“ снова переноситъ насъ во времени битвы Игоря и Всеволода) отъ предшествующаго изложенія, порвалъ нить разсказа. Онъ жертвуетъ внѣшней послѣдовательностью событій въ пользу той идеальной ихъ связи, сообразно съ которой онъ начертилъ планъ своего произведенія. Авторъ Слова въ концѣ своей „повѣсти“ будетъ говорить о бѣгствѣ Игоря. Но разсказу объ этомъ нужно, по его плану, предпослать картину, которая давала бы предчувствовать это событіе. Авторъ Слова изображаетъ Ярославну, тоскующую по мужѣ, ея плачъ онъ хочетъ представить вѣщимъ. Ярославна остается въ Путивлѣ но (еще до окончанія похода, до полученія извѣстія о пораженіи и плѣнѣ Игоря) она знаетъ, что Игорь раненъ („утру князю кровавыя его раны“....), что ему и дружинѣ приходится страдать отъ жара и жажды. Вѣщій плачъ не можетъ остаться безъ послѣдствій. Ярославна зоветъ мужа. Вслѣдъ за „плачемъ“ авторъ Слова прямо переходитъ къ разсказу о бѣгствѣ Игоря.—Въ лѣтописи, сообразно съ требованіями иной литературной манеры, бѣгство Игоря представлено слѣдствіемъ молитвъ русскихъ людей. Любопытно сопоставить съ плачемъ Ярославны это замѣчаніе лѣтописи: „но избави и Господь за молитву хрестыанску, имже мнози печаловашуться и проливахуть же слезы своя за него.“

Замѣчу еще въ дополненіе, что образъ женщины, плачущей на городской стѣнѣ, встрѣчается и въ памятникахъ старинной поэзіи запада. Въ поэмѣ о Вольфдитрихѣ разсказывается м. проч., какъ Либгарда ждетъ своего мужа Ортнита: „она уходитъ на стѣну и тамъ громко начинаетъ жаловаться на свое горе“ (*Кирпичниковъ*, Поэмы Ломбардскаго цикла, стр. 57, ср. стр. 72):

Diu frouwe gienc dô bâlde an die zinnen stân,
si klagte alsô verre iren lieben man.... (Deutsches Heldenbuch,
3 Th. 1871, S. 276). Иванъ Ждановъ.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

ГРЕКОВОСТОЧНАЯ ЦЕРКОВЬ

ВЪ ПЕРІОДЪ

ВСЕЛЕНСКНХЪ СОБОРОВЪ

Ф. А. Терновскаго.

ренія многообразныхъ нуждъ епархій, епископы естественно заботились объ умноженіи своихъ доходовъ, и въ этомъ находятъ себѣ если не оправданіе, то по крайней мѣрѣ нѣкоторое объясненіе, укоренившаяся съ сего времени *симонія*, т. е. обычай возводить въ священныя степени за деньги.—Что касается до *личнаго состава* епископовъ, то едвали какое-нибудь другое время въ исторіи церкви можетъ представить такъ много просвѣщенныхъ, добродѣтельныхъ и даже канонизованныхъ святителей, какъ рассматриваемый періодъ. Конечно и въ этомъ періодѣ на одного знаменитаго епископа можно насчитать десятки ничѣмъ себя не ознаменовавшихъ,—но доблестные люди всегда рѣже встрѣчаются, чѣмъ обыкновенные.

Жизнь большинства вѣрующихъ,—*мірянъ*, все болѣе и болѣе отѣсняемыхъ на задній планъ исторіи *иноками* и *клиромъ*,—въ настоящемъ періодѣ не представляетъ чего-либо особенно выдающагося. Христіанство, все болѣе и болѣе проникало въ общественное сознаніе, изглаждая остатки языческаго міровоззрѣнія. Обычай отлагать крещеніе до смерти былъ оставленъ, быть можетъ отчасти въ надеждѣ на очищающую силу предсмертнаго иночества. Въ иноческомъ аскетизмѣ *міряне* по прежнему видѣли высшій идеалъ христіанской добродѣтели, недостижимый для нихъ по условіямъ ихъ быта. Увлеченіе богословскими спорами, въ началѣ рассматриваемаго періода охватившее почти всѣхъ христіанъ, съ теченіемъ времени стало мало по малу ослабѣвать. Въ замѣнъ того выступило усердное почитаніе мощей и другихъ священныхъ реликвій, въ послѣдствіи сдѣлавшееся характерною чертою византійской жизни,—о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить въ 9 чтеніи.

Для язычества рассматриваемый періодъ былъ тяжелымъ и роковымъ. Кратковременное торжество язычниковъ при Юліанѣ повело только къ тому, что послѣдующіе императоры, ревнители христіанства, —начиная съ Θεодосія великаго—возымѣли рѣшительное намѣреніе стереть съ лица земли язычество. Языческіе храмы были разрушаемы, жрецы и философы изгоняемы, церемоніи языческаго культа воспрещаемы и т. д. Однимъ словомъ язычество очутилось въ такомъ же, если не худшемъ, положеніи, въ какомъ находились христіане въ первые три вѣка. Подобно древнимъ христіанскимъ апологетамъ, языческіе фи-

лософы возопили о свободѣ совѣсти. „Творецъ людей“, говорилъ Оемистій, „требуешь отъ всѣхъ подобающаго ему поклоненія, но не налагаешь на всѣхъ одного и того же культа, а предоставляетъ въ этомъ совершенную свободу. Каждый почерпаетъ въ своемъ геніѣ средства общенія съ божествомъ. Пусть египтянинъ, грекъ, сиріянинеъ обожа-тель Творца съ церемоніями, отличающими одинъ народъ отъ другаго; слава Верховнаго Существа не умалится отъ этого, точно также какъ не увеличится, если во всѣхъ концахъ земли будутъ возноситься Ему однообразныя моленія.“ Ливаній, жалуясь на разрушеніе христіанами языческихъ святищъ, упрекаетъ ихъ во внутреннемъ противорѣчій. „Христіане приступаютъ къ разрушенію нашихъ храмовъ, подкапываютъ стѣны, похищаютъ статуи, ниспровергаютъ жертвенники, отъ одной работы спѣшатъ къ другой и третьей?... Они думаютъ, что своими жестокостями доведутъ насъ до принятія ихъ религіи; они ошибаются... Въ дѣлѣ религіи все нужно предоставлять убѣжденію и ничего силѣ. Сами христіане не имѣютъ ли у себя прекраснаго закона, который внушаетъ имъ употреблять кротость и избѣгать принужденія? Зачѣмъ же они устремляются на наши храмы съ такою яростію?“ Не ограничиваясь жалобами, язычники иногда пытались защищать свои святища вооруженною рукою. Такъ въ 391 г. въ Александріи язычники подъ предводительствомъ философа Олимпія выдерживали правильную осаду въ великолѣпномъ храмѣ Сераписа; побѣда досталась христіанамъ, но цѣною крови. Это были отчаянныя и безнадежныя усилія язычниковъ въ пользу стараго культа: христіане настойчиво и послѣдовательно вытѣсняли старую религію,—и къ концу разсматриваемаго періода язычество уцѣлѣло развѣ гдѣ-нибудь случайно въ глухихъ захолустяхъ имперіи.—Изъ святыхъ канонизованныхъ, прославившихъ себя въ это время истребленіемъ памятниковъ язычества, извѣстны: Маркеллъ е. апамейскій, (авг. 14), Порфирій е. газскій (февр. 26), и братья Іулій пресвитеръ и Іуліанъ діаконъ (іюн. 21.)—Духъ нетерпимости, проявившійся по отношенію къ язычникамъ, распространился и на иномыслящихъ христіанъ—*еретиковъ*, которые также подвергались всякимъ стѣсненіямъ отъ правительственной власти и лишены были легальнаго права на существованіе. Это была обратная сторона—или лучше сказать неудачное примѣненіе—той высокой идеи о *единствѣ человечества*, которой не знало язычество и которая была принесена христіанствомъ.

Въ сосѣднихъ византійской имперіи странахъ востока христіанство продолжало существовать и укрѣпляться. Персидская церковь,—благодаря гоненію,—украсилась множествомъ мучениковъ. Въ Арменіи изобрѣтенъ алфавитъ и переведены священныя книги Мезробомъ. Но тѣже страны, въ политическомъ отношеніи независимыя отъ Византіи, стали служить пріютомъ еретиковъ, преслѣдуемыхъ въ византійской имперіи.

ЧТЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Состояніе церкви при имп. Левѣ Фракіянинѣ и его преемникахъ до Анастасія 1. (457—518).

Левъ Фракіянинъ (457—474). Его благочестіе и православіе.

Въ 457 г., когда умеръ Маркіанъ, послѣдній императоръ, связанный хотя фиктивнымъ образомъ съ династією Θεодосія великаго, династія эта совершенно пресѣклась. Вопросъ о новой династіи оставался открытымъ и даже непредрѣшеннымъ. Самою могущественною въ Константинополѣ фамилією была тогда фамилія Аспара, варвара по происхожденію. Цѣлыя три поколѣнія этой фамиліи,—отецъ Аспара, Ардабуръ, самъ Аспаръ и сынъ его, Ардабуръ—начальствовали войсками востока. Опираясь на войско, состоявшее болѣею частію изъ варваровъ, Аспаръ господствовалъ при дворѣ и въ столицѣ; щедрою раздачею казны онъ покупалъ себѣ популярностъ у столичной черни. Только духовенство было противъ Аспара, потому что онъ былъ аріанинъ. Быть можетъ, не желая ставить себя въ ложное положеніе въ качествѣ главы православнаго государства или по какимъ-нибудь другимъ соображеніямъ, Аспаръ предпочелъ властвовать подъ чужимъ именемъ, хотя,—какъ увидимъ—горько ошибся въ своихъ расчетахъ и ожиданіяхъ. Избранникомъ Аспара былъ прежній домоправитель его Левъ, родомъ фракіянинъ, носившій уже въ то время не особенно крупный чинъ *хиліарха* (тысячникъ). Прежде бывало, что нововзбраннаго императора войны поднимали на щитъ; Левъ принялъ царское вѣнчаніе и помазаніе отъ руки константинопольскаго патріарха Анастолія (30 апр. 457 г.), и съ тѣхъ поръ эта церковная церемонія стала

обычною и обязательною для послѣдующихъ византійскихъ монарховъ. Родъ человѣческой неблагодаренъ вообще, и въ частности политика не знаетъ благодарности. Поэтому неудивительно, что Левъ,—человѣкъ, какъ видно, способный и энергичный,—утвердившись на престолѣ не пожелалъ быть слѣпымъ орудіемъ Аспара, и такимъ образомъ оказался неблагодаренъ къ своему прежнему начальнику и благодѣтелю. Всѣ гарантіи, которыя заблаговременно принялъ Аспаръ въ свою пользу, —удержаніе за собою и за старшимъ сыномъ Ардабуромъ главнаго начальства надъ войскомъ и предоставленіе другому сыну Патрикію титула кесаря—оказывались ненадежными. Въ Константинополѣ рассказывали такой анекдотъ. Аспаръ взялъ съ царя обѣщаніе назначить городскимъ епархомъ одного изъ друзей своихъ; царь назначилъ другаго. Тогда Аспаръ сталъ упрекать царя, какъ обманщика, и схвативъ его за одежду, сказалъ: „государь! носящему баграницу не прилично лгать.“ Левъ отвѣчалъ: „не прилично также царю слушаться кого бы то ни было, особенно, если это противно общей пользѣ.“ На сколько этотъ анекдотъ согласенъ съ дѣйствительностію, неизвѣстно; по современники находили, что онъ вѣрно характеризуетъ отношенія между царемъ и Аспаромъ. Натянутыя отношенія между имп. Львомъ и Аспаромъ продолжалось очень долго,—лѣтъ 14, (до 471 г.) пока Левъ покончилъ ихъ однимъ сильнымъ ударомъ, приказавъ умертвить Аспара и двухъ его сыновей. Правда, послѣ этой катастрофы въ войскѣ, состоявшемъ большею частію изъ готевъ, произошло возмущеніе, причемъ одинъ изъ друзей Аспара Острисъ мстилъ за его смерть съ такимъ отчаяннымъ упорствомъ что заслужилъ пословицу: *νεκρὸν φίλος οὐδέ τις, εἰμὴ μόνος Οστρίος*,—правда что и самъ Левъ получилъ съ того времени прозваніе *Μακέλλης* т. е. „мясникъ, убійца,“ но за то онъ избавился отъ очень опаснаго и безпокойнаго товарища.

Многолѣтнею борьбою съ Аспаромъ опредѣлилось отчасти положеніе Льва по отношенію къ церкви. Вопреки Аспару, аріанину и другу солдатъ, Левъ еракіянинъ былъ царь строго православный и другъ духовенства. Поэтому неудивительно, что исторія воцаренія Льва и его отношеній къ Аспару излагается у церковныхъ писателей въ благопріятномъ для императора видѣ. Относительно воцаренія Льва по обѣщанію Богоматери сложилось слѣдующее преданіе. Левъ, еще будучи частнымъ человѣкомъ, гулялъ однажды въ окрестностяхъ Константинополя и вблизи кипарисовой роуи увидалъ слѣпца, томимаго жаждою. Желая напоить слѣпаго,

Левъ напрасно искалъ воды, и вдругъ услышалъ голосъ,—предвѣща-
вшій ему царское достоинство: *императоръ Левъ! войди въ эту тѣни-
стую роуцу и, почерпнувъ воды, напои слѣпца, а иломъ помажь ему
глаза. Кто я здѣсь живущая, скоро узнаешь. Устрой мнѣ здѣсь храмъ;
въ немъ я буду принимать молитвамъ вѣрующихъ.* Повинуясь голосу,
Левъ скоро нашелъ источникъ воды, напоилъ слѣпца и помазалъ ему
глаза. Слепецъ прозрѣлъ. А Левъ, сдѣлавшись императоромъ, постро-
илъ на семъ мѣстѣ великолѣпный храмъ въ честь Богоматери, извѣ-
стный подъ именемъ *живоноснаго источника*, τῆς ζωοδόχου πηγῆς. (Празд-
никъ въ пятницу на пасхальной недѣлѣ.)—Относительно кровавой рас-
правы съ Аспаромъ, въ житіи преп. Маркелла, начальника обители
неусыпаемыхъ (память дек. 29) читаемъ слѣдующій рассказъ: „Аспаръ
былъ первый послѣ царя, родомъ и могуществомъ силенъ, изъ племени
готескаго; подъ рукой его было все войско греческое. И противился
Аспаръ царю во многомъ и со всею своею фамиліею былъ тайно враж-
дебенъ царскому дому, и всей церкви Христовой тяжекъ весьма, ибо
много помогалъ аріанамъ и озлоблялъ православныхъ. Благочестивый
же царь Левъ, будучи кротокъ и богобоязливъ, терпѣлъ Аспара до
времени, частію по незлобію, частію потому, что все войско стояло на
сторонѣ дома Аспарова... Но предъ тѣмъ какъ злочестивый домъ Ас-
паровъ долженъ былъ подвергнуться окончательному паденію, препо-
добный Маркеллъ видѣлъ такой сонъ: левъ боролся съ аспидомъ и аспидъ
громадной величины билъ льва хвостомъ и одолевалъ; левъ отступалъ
въ уныніи и обхаживалъ кругомъ аспида, не будучи въ состояніи сдѣ-
лать ему какой-нибудь вредъ; затѣмъ оба противника отдыхали: не-
много спустя, левъ, собравшись съ силами, внезапно какъ бы пробудив-
шись, съ яростію бросился на аспида и, ударивъ о землю, задушилъ
его.—Послѣ этого сновидѣнія авва Маркеллъ пророчествовалъ, что
Аспаръ со всѣмъ домою своимъ будетъ погубленъ отъ царя,—что и
дѣйствительно исполнилось.“

Православіе и благочестіе имп. Льва выразилось а) въ его зако-
нодательствѣ б) въ его отношеніяхъ къ Даніилу столпнику и γ) въ от-
ношеніяхъ къ еретикамъ.

а) О законодательствѣ и. Льва мы знаемъ, что оно проникнуто
духомъ религіозной опеки. „Священнѣйшій императоръ Левъ,“ читаемъ
у хроникера 1. Малалы, „приказалъ (467 г.) праздники проводить
безъ работы, обнародовавъ о семъ свой божественный законъ, чтобы

въ праздничный день никто не игралъ ни на свирѣли, ни на гитарѣ, ни на другомъ музыкальномъ инструментѣ, но чтобы всѣ воздерживались отъ занятій." Такимъ образомъ, по закону Льва, Византія превратилась бы въ большой монастырь, еслибы царскаго указа было достаточно для того, чтобы регулировать бытъ и нравы народа. Благочестію императора Льва можетъ приписать и то обстоятельство, что два событія его царствованія были включены въ церковный календарь для вѣчнаго умиленного воспоминанія. Первое событіе—это великій пожаръ, продолжавшійся семь дней (въ первыхъ числахъ сѣнтября 465 г.) и испепелившій большую часть Константинополя. Ежегодное воспоминаніе этого печальнаго событія поставлено въ календарь 1 сѣнтября подъ заглавіемъ ἀνάμνησις τοῦ μεγάλου ἐμπρησμοῦ. Другое событіе, также тревожное, но не имѣвшее вредныхъ послѣдствій, имѣло мѣсто въ началѣ ноября 469. „Въ Константинополѣ вѣсто дождя падалъ съ неба пепелъ и нападало его на черепицы пальца на четыре. И всѣ трепетали, творя молитвы и говоря другъ другу: *былъ огонь и погасъ, и остался одинъ пепелъ по Божію человеколюбію.*“ И это событіе, (которое Le Beau объясняетъ современнымъ изверженіемъ Везувія) включено въ календарь подъ 5 ноября.

β) Личное благочестіе императора Льва сказалось въ его отношеніяхъ къ пр. Давіилу, сирскому иноку, поселившемуся съ 465 года на столпѣ вблизи столицы. Жизнь столпника была тяжелая, особенно во время зимы и бурной погоды, и однажды св. Давіилъ едва не замерзъ. Узнавъ объ этомъ, имп. Левъ пришелъ къ столпнику и, упавъ ему въ ноги, просилъ позволенія устроить надъ столпомъ навѣсъ. *Пощади себя, говорилъ императоръ столпнику, если не ради себя, то ради нашей пользы; не умирай прежде времени, не оставляй насъ сиротами.* Уважая св. Давіила, царь повелѣлъ патріарху Геннадію (458—471) рукоположить столпника въ пресвитеры. Посвященіе совершилось необычнымъ образомъ. Давіилъ стоялъ на столпѣ; патріархъ внизу читалъ молитвы, многочисленный народъ восклицалъ: *αἴος*, и тогда уже столпникъ дозволилъ поставить лѣстницу и принялъ отъ руки патріарха, поднимавшагося на верхъ, рукоположеніе и святое причастіе. Уваженіе царя къ столпнику видно и изъ слѣдующаго случая. Однажды, когда царь возвращался отъ столпа, онъ былъ сброшенъ конемъ, и въ письмѣ къ св. Давіилу такъ объяснялъ причину своей бѣды: *виновникъ моего паденія—я самъ, потому что я дерзнулъ предъ*

твоими очами стѣсть на коня, а не отошелъ подальше пѣшій отъ святого столпа твоего. Царь показывалъ столпника знатымъ посѣтителемъ Византии, какъ великое чудо и сокровище въ своемъ царствѣ; такъ напр. представлялъ св. Даниїла Губасію, царю лавовъ, который выразилъ свои чувства при видѣ столпника въ такихъ словахъ: *благодарю Тебя, Царь небесный, что Ты сподобилъ меня, пришедшаю изъ царю земному, видѣть небеснаго челоука и его образъ жизни!* Авторитетъ столпника въ глазахъ императора поддерживался удачными пророчествами: а) о рожденіи сына Льву (обстоятельство, неизвѣстное исторіи) б) о неудачномъ исходѣ нападенія Гензериха, царя вандалскаго на Александрію, и γ) о великомъ грядущемъ бѣдствіи, въ ожиданіи котораго столпникъ совѣтывалъ дважды въ недѣлю совершать соборныя молебствія. Предрѣченное св. Данииломъ бѣдствіе былъ страшный пожаръ, (въ маѣ 469 г.), во время котораго царь съ царицею искали успокоенія и отрады у столпа преподобнаго. Пожаръ начался съ приморской стѣны, называвшейся корабельною, и охватилъ всю средину города до Константинова торгоу и даже до Юліанова берега. Погорѣло множество прекрасныхъ зданій, погорѣло много и людей, и не въ силахъ челоуческихъ было бороться съ разъяренною стихією. Константинополь,—по словамъ очевидцовъ—погибалъ, какъ второй Содомъ. Это былъ уже третій великій пожаръ столицы въ царствованіе имп. Льва I.

γ) Отношенія имп. Льва къ еретикамъ опредѣлялись не столько его личными взглядами, сколько современными политическими обстоятельствами. Самъ строго православный единомысленный съ константинопольскимъ клиромъ и усердный почитатель собора халкидонскаго, императоръ былъ постоянно стѣсняемъ то Аспаромъ, то членами своего семейства, то нападеніями отъ внѣшнихъ враговъ—вандаловъ и готовъ;—и потому вынужденъ былъ терпѣть существованіе и даже господство монофизитовъ на южныхъ окраинахъ имперіи—въ Египтѣ и Сиріи. Въ самомъ началѣ царствованія Льва египетскіе монофизиты, составлявшіе громадное большинство и—такъ сказать—туземную, національную партію въ Египтѣ, воспользовавшись извѣстіемъ о смерти имп. Маркіона и отсутствіемъ военачальника Діонисія, завладѣли главною церковію въ Александріи и поставили себѣ патріархомъ инока Тимофея Элуръ, прозваннаго такъ за свою хитрость и изворотливость. (Αἰλουροςъ—вертунъ хвостомъ, котъ). Тимофей Элуръ былъ посвященъ

двумя епископами, не признававшими собора халкидонскаго,—и когда возвратившійся въ Александрію военачальникъ Діонисій сталъ на сторону законнаго и православнаго патріарха Протерія,—то произошелъ бунтъ, окончившійся убіеніемъ Протерія, терзаніемъ его трупъ,—и полнымъ іерархическимъ господствомъ Элуръ во всемъ Египтѣ. Оставшіеся въ Египтѣ приверженцы халкидонскаго собора удалились въ Константинополь и подали императору горькую жалобу (за подписью 14 епископовъ и 6 клириковъ) на Тимофея Элуръ и на александрійскія безчинства. Положеніе имп. Льва было крайне затруднительно. Онъ еще не утвердился на престолѣ, и потому могъ отнестись къ такому важному событію, какъ церковное возмущеніе цѣлаго патріархата (или діоцеза) не иначе, какъ съ крайнею осмотрительностію.—Императоръ разослалъ египетскую жалобу безъ всякихъ предрѣшающихъ комментаріевъ по всѣмъ митрополіямъ имперіи ¹⁾ и—какъ видно изъ отвѣтовъ—просилъ разсудить: признавать ли Тимофея законнымъ патріархомъ Александріи? и не нужно ли созвать новаго собора по поводу египетскихъ неурядицъ? Противъ Тимофея Элуръ почти всѣ епископы высказались отрицательно, нѣкоторые—съ сильнымъ пафосомъ, нѣкоторые—условно, если все содержащееся въ жалобѣ справедливо; и только критскіе епископы, хотя съ нѣкоторыми оговорками, заявили: *о Тимофей же... мы определяемъ, что онъ твердъ на престолѣ.* На предложеніе собраться на всеобщій соборъ епископы или отмолча-

---

¹⁾ Благодаря этому обстоятельству для насъ выясняется составъ митрополій и автокефальныхъ епископій восточной имперіи. Именно имп. Льву прислали отвѣты слѣдующіе іерархи: константинопольскій, ираклійскій съ 3 епископами Европы, бизскій, филиппопольскій съ нѣсколькими, е. Севастіанъ (?), е. скискій, епископы второй Мизіи 6, первой Сиріи 9, второй Сиріи 7, оздройской области 8, Месопотаміи 9, приморской Финикіи 12,—второй Финикіи 12, области исаврійской 18, первой Киликии 8, Писидіи 15, Лидіи—20, Памфили 14, миръ-ликійскіе 22, родосскій, косскій, митрополіи визической 16, первой Арменіи 5, второй Арменіи 5, первой Каппадокии 2, второй Каппадокии 8, области понтійской 4, области гелеспонтской 6,—Пафлагоніи 4, Дарданіи—4, коринеской митрополіи 21, первой Галатіи—7; древняго Епира 9, новаго Епира 7, Крита 8—всего 277 епископовъ, поименно обозначенныхъ. Очевидно, это далеко не всѣ епископы имперіи.

лись или высказались противъ. Особенно сильно выразились епископы геллеспонтскіе. *Если мы будемъ часто собираться, то можемъ мудрствовать что нибудь иное, кромѣ того, что предано намъ св. отцами и изъяснено св. соборами. Желаютъ, чтобы былъ созванъ соборъ не о чемъ иномъ хлопочутъ, какъ о томъ, чтобы большая часть епископовъ, продавъ свои сосуды, издержала всю драгоценности на расходы, содержание себя и подводы,—и чтобы некоторые изъ епископовъ, во время пути или на морѣ лишившіеся жизни, были признаны сочувствующими лицамъ, помогавшимся собора.* Заручившись общимъ голосомъ епископовъ, имп. Левъ приказалъ правителю Египта изгнать Тимофея съ патріаршей кathedры. Но—должно быть—сторона, поддерживавшая Тимофея Элуга, была очень сильна, потому что императоръ позволилъ Элугу явиться въ столицу, снова отпустилъ его на александрійскую кathedру и уже чрезъ два года, по настоянію папы Льва, сослалъ Элуга въ Херсонесъ таврическій.

Въ антиохійскомъ патріархатѣ господствовали подобныя же нестройства. Монахъ Петръ Сукноваль (*γυαφελος*,) прозванный такъ отъ своего ремесла, усердный монофизитъ, прибавившій къ трисвятой пѣсни выраженіе: *распныйся за ны*,—явился въ 467 г. искателемъ антиохійской кathedры при живомъ и православномъ патріархѣ Мартиріѣ. Мартирій, должно быть, опасаясь участи Протерія александрійскаго, добровольно оставилъ въ 471 г. кathedру съ словами: *отъ клира непокорнаго и отъ народа непослушнаго и отъ церкви утратившей чистоту отступающъ, оставляя за собою только достоинство священства.* Петръ Сукноваль поспѣшилъ занять патріаршую кathedру, но скоро принужденъ былъ спастись бѣгствомъ отъ гнѣва императорскаго. Дѣло въ томъ, что въ это время императоръ раздѣлялся съ Аспаромъ и могъ уже смѣло выразить свое усердіе къ православію и отвращеніе къ еретикамъ, противъ которыхъ издалъ въ концѣ царствованія строгіе указы.

Скончался Левъ въ генварѣ 474 г. на 73 году жизни, не оставивъ послѣ себя сыновей и назначивъ наслѣдникомъ престола своего несовершеннолѣтняго внука, также Льва, въ отличіе отъ дѣда прозваннаго *малымъ*. Самъ же Левъ I въ отличіе отъ внука извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ *великаго*, хотя, помимо ревности о православіи, своими дѣлами и не заслужилъ такого почетнаго проименованія.

Левъ малый и Зенонъ. (474—491.) Энотиконъ Зенона и
что изъ того вышло.

Переходя къ преемникамъ имп. Льва 1-го, мы прежде всего должны имѣть ясное представленіе о составѣ его семейства. Жена Льва 1 называлась Верина. Это была женщина даровитая, властолюбивая, склонная къ политическимъ волненіямъ и въ интригамъ. Ея безпечный нравъ не былъ замѣтенъ при жизни мужа, но обнаружился впоследствии. Братъ Верины, по имени Василискъ, также отличался властолюбіемъ, которое нисколько не соотвѣтствовало его дарованіямъ. Сынѣмъ у Льва и Верины не было; по крайней мѣрѣ объ нихъ не знаетъ исторія. Изъ двухъ дочерей для исторіи восточной имперіи важна старшая—Аріадна. Ведя долгую и упорную борьбу съ фамиліей Аспара и поддерживавшими его войнами—готами, Левъ 1 задумалъ однихъ варваровъ противопоставить другимъ. Онъ обратилъ вниманіе на исавровъ. Такъ назывался горный, разбойничій народъ, соотвѣтствующій нынѣшнимъ курдамъ, жившій въ горахъ между Ликаонією, Фригією, Писидією и Киликією. О нравахъ исавровъ современники даютъ невыгодный отзывъ. Такъ Исидоръ Пилусіотъ писалъ одному доброму исаврянину: „всѣ говорятъ о тебѣ, что ты лучше и рода и отечества своего, всѣ извѣщаютъ о твоёмъ благонравіи—о томъ, что не удержалъ ты въ себѣ жестокости, свойственной жителямъ горъ“ (I п. 160); значить, добрый человекъ между исаврами считался исключеніемъ. Но во время борьбы не пренебрегаютъ никакимъ оружіемъ, лишь бы оно было пригодно. Поэтому и имп. Левъ I разсудилъ привлечь въ себѣ исавровъ, породнившись съ представителемъ ихъ племени Транскалисеемъ, за котораго выдалъ свою дочь Аріадну. Транскалисеемъ, переименованный Зенономъ, получилъ порученіе составить отрядъ войска изъ своихъ единоплеменниковъ исавровъ, былъ украшенъ саномъ патриція и въ 459 г. женился на Аріаднѣ. Плодомъ этого брака былъ *Левъ малый*, котораго дѣдъ за два года до смерти назначилъ своимъ преемникомъ. Малолѣтній императоръ, (относительно возраста котораго хронографы разногласятъ, но который ни въ какомъ случаѣ не могъ быть старше 12 лѣтъ, а по извѣстію Малалы, былъ только 6 лѣтъ), естественно могъ прикрывать только своимъ именемъ проявленіе власти окружающихъ лицъ. Соискателями власти явились съ одной стороны мать императора Аріадна съ мужемъ Зенономъ, съ другой стороны—

бабушка Верина съ своимъ братомъ Василискомъ. Вѣроятно по со-
вѣту матери маленькій императоръ увѣнчалъ короною своего отца и
слѣд. призналъ его своимъ соправителемъ, въ то время, когда Зенонъ
въ качествѣ начальника войска въ присутствіи народа воздавалъ сыну
военныя почести. Левъ малый скоро умеръ, не процарствовавши и году.
Злая молва обвиняла отца въ его смерти. Но мы отказываемся этому вѣрить.
Какая была надобность Зенону совершать столь ужасное преступленіе?

Оставшись одинъ императоромъ, Зенонъ проявилъ вполнѣ непри-
глядныя свойства своего варварскаго нрава. Онъ былъ вялъ, лѣнивъ,
нераспорядителенъ, жаденъ и развратенъ,—хотя и старался искупать
свои грѣхи милостынями. Относительно послѣдней черты его харак-
тера сохранилась слѣдующая легенда. „Зенонъ царь отнялъ дочь
у вдовы насиліемъ. И молилась вдова Богоматери, да сотворитъ
отмщеніе царю за такую обиду. Но Богоматерь, явившись вдовѣ, от-
вѣчала: *ничего не могу я сдѣлать противъ Зенона царя, ибо онъ ми-
лостивъ къ убогимъ и рука его всегда отверста на благотворенія.*“ Дур-
ное поведеніе Зенона открыло доступъ къ престолу его сопернику,
которымъ былъ братъ его тещи Верины, Василискъ. Какъ совершился
переворотъ, низвергшій Зенона и возведшій на престолъ Василиска, мы
не знаемъ. Знаемъ только, что въ февралѣ 476 г. Зенонъ вмѣстѣ съ
своею женою Аріадною бѣжалъ въ свое отечество Исаврію, а въ Кон-
стантинополѣ воцарился Василискъ и царствовалъ 20 мѣсяцовъ, ни-
чѣмъ не успѣвъ заслужить любви народной. Религіозная политика Ва-
силиска двоялась. Сначала онъ сталъ на сторонѣ монофизитовъ, пред-
полагая, что они—сила; возстановилъ на александрійской патріархіи
Тимоеея Элуря, много лѣтъ прожившаго въ ссылкѣ въ Херсонесѣ
таврическомъ, а на антиохійской патріархіи—Петра Гнафея,—и окруж-
ною грамотою осудилъ халкидонскій соборъ, въ чемъ и нашелъ под-
держку со стороны собравшихся въ Ефесѣ 500 епископовъ. Но въ
столицѣ склонность Василиска къ монофизитамъ не встрѣтила сочув-
ствія. Тогдашніе вожди столичнаго общественнаго мнѣнія патріархъ
Акакій и въ особенности Даніилъ столпникъ жестоко обличали Ва-
силиска. Св. Даніилъ даже оставилъ свой столпъ и приказалъ нести
себя къ Василиску, чтобы обличить его нечестіе и предсказать ему
скорую гибель. Къ довершенію бѣды Василискъ жестоко рассорился
съ своею сестрою Вериною, которая перешла на сторону своего зятя
Зенона и стала помогать ему со всею энергіею своего страстнаго ха-

рактора. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ Василискъ круто повернулъ на сторону православія; публично объявилъ себя православнымъ и подтвердилъ анаѳему на Несторія, Евтихія и другихъ еретиковъ. Но было уже поздно... Въ декабрѣ 477 г. Зенонъ безпрепятственно вступилъ въ столицу, а Василискъ, всѣми оставленный, искалъ убѣжища въ церкви. Зенонъ взялъ Василиска изъ храма, давъ клятву, что не обезглавить его, не изувѣчить и не прольетъ его крови, — и сдержалъ свое слово съ буквальною точностію. Несчастный Василискъ былъ сосланъ въ одну отдаленную крѣпость, гдѣ — по словамъ народной молвы — былъ опущенъ въ глубокую яму, и тамъ со всею семьею своею погибъ отъ голода. Послѣ своего возвращенія Зенонъ царствовалъ 12 слишкомъ лѣтъ до самой смерти, — но не безъ бурь, не безъ потрясеній. Также императрица — теща Верина, которая сначала низвергла Зенона, потомъ снова посадила его на престолѣ, опять стала интриговать противъ него. Заключенная Зенономъ въ исаврійской крѣпости Папирѣ и снова освобожденная его врагами, Верина провозгласила императоромъ какого-то полководца Леонтія. Въ уцѣлѣвшемъ до настоящаго времени манифестѣ Верины, говорится, что „овдовѣвъ послѣ императора Льва, она увѣнчала исаврійца Транскаллисея, переименованнаго Зенономъ, который сдѣлался недостойнъ этой чести вслѣдствіе своего тиранства и нерадѣнія о дѣлахъ общественныхъ. А посему августа Верина отнимаетъ корону у Зенона и передаетъ благочестивому императору Леонтію.“ Благочестивый Леонтій, немедленно послѣ провозглашенія своего императоромъ, опять заточилъ Верину въ замокъ Папирѣ, гдѣ она скоро и умерла въ тоскѣ и отчаяніи (484 г.). Но и самъ Леонтій палъ жертвою военной неудачи, и голова его, равно какъ голова другаго знатнаго бунтовщика Илла, была выставлена на позорномъ столбѣ въ константинопольскомъ предмѣстіи Сикахъ (488 г.). Не мало также доставили Зенону хлопотъ готы, невѣрные друзья и опасные враги имперіи, состоявшіе подъ предводительствомъ двухъ враждебныхъ другъ другу Теодориковъ. Къ счастью Теодорикъ Косой скоро погибъ напрасною смертію (481 г.), а Теодорикъ Амалъ былъ направленъ Зенономъ въ Италію, (487 г.) гдѣ и воцарился на развалинахъ западной римской имперіи (489 г.). — Трудныя обстоятельства, среди которыхъ приходилось изворачиваться Зенону, внушили историку Византіи Финлею довольно выгодное понятіе о способностяхъ этого государя. „Убѣжденія Зенона“, говоритъ Финлей,

„кажется страдали шаткостью, а поведение его было порочно; но если, не смотря на трудности своего положенія, на сильныя противъ него предубѣжденія и на несчастныя событія своего царствованія, Зенонъ сумѣлъ поддержать цѣлость восточной имперіи, то этотъ фактъ самъ по себѣ свидѣтельствуесть, что онъ не былъ лишенъ мужества и дарованій.“

Обращаемся къ церковной политикѣ Зенона, которая характеризуется его знаменитымъ *эпителимой* т. е. актомъ соединенія. Низвергнувъ Василиска, который попеременно былъ то монофизитомъ, то заподозленнымъ приверженцемъ православія, — Зенонъ, обязанный своимъ торжествомъ православнымъ обитателямъ столицы, на первыхъ порахъ долженъ былъ явиться строго-православнымъ. Но скоро Зенонъ замѣтилъ, что при такомъ направленіи ему трудно будетъ сдерживать въ единствѣ свою имперію. Въ Малой Азій, — гдѣ епископы въ теченіе короткаго правленія Василиска торжественно то отвергли, то признали соборъ халкидонскій, — видно было, что умы колеблются между православіемъ и ересью. Въ Сиріи же и Египтѣ монофизиты были гораздо многочисленнѣе православныхъ, и въ случаѣ притѣсненія со стороны правительства угрожали бунтомъ. И Зенонъ, по совѣту столичнаго патріарха Акакія, заблагоразсудилъ умирить монофизитовъ уступками на словахъ, не нарушая въ сущности опредѣленій халкидонскаго собора. Въ этомъ духѣ составленъ и обнародованъ въ 482 г. пресловутый *ἐνότης*, адресованный къ церквамъ, подвѣдомственнымъ александрійскому патріарху. „Вѣдомо вамъ да будетъ, (читаемъ между прочимъ въ *эпителимѣ*), что мы и всюду сущія церкви не принимали, не приѣмлемъ, и не будемъ принимать иного символа, или ученія, или вѣроопредѣленія, или вѣрованія, кромѣ св. символа, изреченнаго 318 отцами, подтвержденнаго 150 приснопамятными отцами, коему послѣдовали и св. отцы, собравшіеся въ Ефесѣ, ниспровергшіе нечестиваго Несторія и его единомышленниковъ. Онаго Несторія, а равно и Евтихія, мудрствующихъ противно вышесказанному, и мы анафематствуемъ, приѣмля и 12 главъ, изреченныхъ блаженной памяти Кирилломъ александрійскимъ. Исповѣдуемъ же, что едиnorodный Сынъ Божій и Богъ, по истинѣ вочеловѣчившійся Господь нашъ Іисусъ Христосъ, единосущный Отцу по божеству и единосущный намъ по челоуѣчеству, снисшедшій и воплотившійся отъ Маріи Дѣвы Богородицы, — есть единъ, а не два. Единому мы приписываемъ чудеса и страданія, которыя Онъ добровольно потерпѣлъ плотію. А раздѣляющихъ, или сливающихъ, или

вводящихъ призрачность вовсе не приѣмлемъ; ибо безгрѣшное по истинѣ воплощеніе отъ Богородицы не произвело въ Сынѣ прибавленія. Всякаго же иначе мудрствующаго, теперь или когда бы то ни было, въ Халкидонѣ или на какомъ-либо иномъ соборѣ, анаеѣматствуемъ.“

Греческій историкъ Папарригопуло (II, 41—43), слѣдуя Неандеру и Гизелеру, не находитъ въ *эотиконѣ* Зеноновомъ еретическаго мудрованія, а только умолчаніе характерныхъ терминовъ православія и монофизитства, для того, чтобы можно было какъ-нибудь сблизить и согласить разногласящихъ. „Смотря на *эотиконъ* съ политической точки зрѣнія“ говоритъ Папарригопуло, „мы осмѣливаемся сказать, что *эотиконъ*, взятый въ цѣломъ, не привноситъ ничего новаго къ основнымъ положеніямъ православія. Правда *эотиконъ* съ похвалою признаетъ только три первые вселенскіе собора, но тѣмъ не менѣе открыто анаеѣматствуетъ и Евтихію, осужденнаго на четвертомъ халкидонскомъ соборѣ. О халкидонскомъ соборѣ упоминается только въ концѣ и—такъ сказать—мимоходомъ, по отсюда не слѣдуетъ, что *эотикономъ* отрицается халкидонскій соборъ, а развѣ только умаляется его важность. Анаеѣматствуя Евтихію, *эотиконъ* неизбѣжно принималъ и соборъ, осудившій сего еретика. Намъ скажутъ, что *эотиконъ* не умирилъ умовъ, а вмѣсто того умножилъ раздѣленіе. Правда, крайніе ортодоксы и крайніе монофизиты ¹⁾ не пошли на соглашеніе: вмѣсто двухъ враждебныхъ лагерей стало три,—два крайнихъ, и одинъ средній. Но этотъ средній лагерь совмѣщалъ въ себѣ громадное большинство восточныхъ христіанъ, если судить потому, что три первенствующие архіерея охотно приняли *эотиконъ*: православный патріархъ Константинополя Акакій съ одной стороны,—и монофизитскіе патріархи александрійскій Петръ Зайка (Μουρς) и антиохійскій Петръ Сукноваль (Υναφεις) съ другой стороны. Такимъ образомъ актъ Зенона не только не поколебалъ въ сущности ничего, что было постановлено четырьмя прежними вселенскими соборами, но и открывалъ собою великое дѣло примиренія трехъ взаимно враждовавшихъ высшихъ еѣедръ востока.“

---

¹⁾ Первые назывались *акимитами*, потому что центромъ своимъ имѣли константинопольскую обитель *неусыпающихъ*; вторые назывались *акеѣфитами*, потому что, отвергнувъ монофизитскаго патріарха Александріи Петра Монга, принявшаго *эотиконъ*, остались на нѣкоторое время совоѣмъ *безъ главъ*. О тѣхъ и другихъ будетъ рѣчь впереди.

Оставляемъ на отвѣтственности греческаго историка этотъ благосклонный отзывъ о примирительной попыткѣ греческаго императора. Для исторіи важно то, что попытка Зенона не удалась и повела еще къ большему волненію умовъ и раздѣленію. Причины этой неудачи лежали, по нашему мнѣнію, внѣ религиозной области. Народности Египта и Сиріи (копты и сирійцы) давно тяготились византійскимъ правительствомъ, которое всегда было матерью для столицы и мачихою для провинцій. Сепаративныя стремленія этихъ провинцій, согласно духу времени, находили себѣ формулировку въ религиозныхъ разностяхъ. Сколько бы центральное правительство ни старалось сглаживать разногласія и придумывать примирительныя формулы, провинціи упорно хотѣли оставаться при особомъ мнѣніи.¹⁾ Съ другой стороны и въ средѣ самихъ православныхъ византійцевъ существовало разногласіе относительно религиозной политики: одни готовы были идти на всякія формальныя уступки и хлопотать всѣми мѣрами, чтобы *домостроительствовать* цѣ-

---

¹⁾ Въ подтвержденіе высказаннаго сужденія можемъ сослаться на отзывъ извѣстнаго знатока исторіи христіанскаго востока, преосв. Порфирія (Успенскаго), который въ своей книгѣ *о египетскихъ христіанахъ—коптахъ* (Спб. 1856 г.) говоритъ между прочимъ: „Копты правы. Они, какъ и армяне, не еретики; и не должно называть ихъ монофизитами въ смыслѣ сліянія или преложенія двухъ естествъ Христа въ одно; ибо они не только не признають, но и анаематствуютъ это сліяніе, и согласно съ каѳолическою церковію искренно исповѣдуютъ *соединеніе двухъ естествъ и составленіе изъ нихъ одной гипостаси безъ всякаго измѣненія свойствъ ихъ...* (стр. 25). Копты погрѣшили только тѣмъ, что внесли въ свой символъ изрѣченія не принятыя св. каѳолическою церковію—*едина воля и едино дѣйствованіе*—(стр. 43) и не приняли символическихъ изрѣченій православной церкви о лицѣ Богочеловѣка (стр. 2). Политическая и родовая нерасположенность разныхъ племенъ другъ къ другу увѣковѣчила раздѣленіе съ 451 года“ (стр. 27). Мысли преосв. Порфирія о возможномъ воссоединеніи коптовъ съ православною церковію въ сущности сходны съ тѣми взглядами и надеждами, какими руководились снисходительные греки, поддерживавшіе *эотиконъ* Зенона. „Любовь церкви такъ широка, что за разность словъ при одинаковомъ смыслѣ догмата, она никогда не отчуждится отъ меньшихъ братій своихъ о Господѣ, лишь бы они въ чувствахъ смиренія, послушанія и братолюбія, пали на грудь ея и облобызали священныя перси ея, отъ коихъ такъ долго отторгало ихъ недоразумѣніе.“ (Стр. 29).

лость имперіи;—другіе, сознавая бесполезность этихъ обидныхъ хлопотъ и уступокъ, признавали за благо просто бросить анаеемою въ лицо упрямымъ провинціаламъ и, если хватить силы, примучить ихъ къ единенію гражданскою властію. Зенонъ и его преемникъ Анастасій шли первымъ путемъ, но неудачно. Преемники этихъ императоровъ шли вторымъ путемъ и подготовили послѣдовавшее въ VII вѣкѣ легкое отпаденіе Египта и Сиріи отъ византійской имперіи.

Папарригопуло видитъ причину неудачи Зенонова *эотикона* въ противодѣйствіи римскаго папы. Мы этого не думаемъ; но такъ какъ по поводу *эотикона* произошелъ первый довольно продолжительный (35-лѣтній) разрывъ между восточною и западною церковію, то мы и должны остановиться на этомъ событіи нѣсколько подольше. Мы уже знаемъ, что ни на одномъ соборѣ голосъ папы не имѣлъ такого рѣшающаго значенія, какъ на соборѣ халкидонскомъ, гдѣ догматическое посланіе папы Льва легло въ основу соборнаго вѣроопредѣленія. Поэтому ни одинъ іерархъ въ мірѣ не могъ быть въ такой степени обиженъ приниженіемъ собора халкидонскаго, какъ римскій папа. Папа дѣйствительно глубоко оскорбился *эотикономъ* Зенона, и могъ смѣло высказать свое неудовольствіе, потому что политическія обстоятельства Италіи дѣлали папу почти совершенно независимымъ отъ византійскаго монарха. Тогдашній властитель Италіи Одоакръ разумѣется могъ не иначе, какъ съ удовольствіемъ смотрѣть на церковный разладъ между Римомъ и Византіею. И вотъ мы видимъ, что папа Симпликій, получивъ *эотиконъ*, настойчиво спрашиваетъ имп. Зенона и патр. Акакія: по какой причинѣ умолчано о халкидонскомъ соборѣ, какъ о вселенскомъ? Тѣ отвѣчали: *если наша формула хороша сама по себѣ, то къ чему упоминать о соборѣ? Правильно ли ученіе наше? вотъ въ чемъ дѣло.* — „Нѣтъ“, — отвѣчалъ папа, — „опредѣленіе вселенскаго собора есть голосъ всей церкви. А личное мнѣніе, чье бы оно ни было и какъ бы хорошо ни было высказано, не имѣетъ обязательной силы ни для кого. Первое полагаетъ конецъ всѣмъ спорамъ, а второе подаетъ къ нимъ поводъ. Не признавать халкидонскій соборъ, а его рѣшенія выдавать за свои собственныя, это значитъ лишать послѣднія всякой силы.“ Преемникъ Симпликія папа Феликсъ, упрекая Зинона за изданіе *эотикона*, довольно дерзко грозилъ ему наказаніемъ Божиимъ. „Та рука“, писалъ папа императору, — „которая, измѣнивъ ходъ событій, возвратила тебя изъ изгнанія, для того, чтобы ты водворилъ

миръ въ церкви,—можетъ опять дать другой оборотъ дѣлу, если ты, вмѣсто мира, будешь производить смуты.“ Отвергая александрійскаго патріарха Петра Монга, принадлежавшаго къ умѣреннымъ монофизитамъ и принявшаго *эмотиконъ*, папа взялъ подъ свое покровительство, лишеннаго Зенономъ кathedры, православнаго александрійскаго патріарха Іоанна Талаію, и, послѣ тщетныхъ усилій возвратить его на александрійскую кathedру, далъ ему епархію въ Италіи. Неудовольствіе между Римомъ и Византією разгоралось все болѣе и болѣе; взаимное оскорбительное молчаніе и еще болѣе оскорбительная переписка не могли помочь дѣлу. Легаты, отправленные папою въ 483 г. въ Константинополь и оказавшіеся податливѣе своего первосвященника, по возвращеніи въ Римъ были признаны нарушителями своего долга и низложены. Римскій соборъ 484 г. подъ предсѣдательствомъ папы Феликса анаеоматствовалъ константинопольскаго патріарха Акакія въ сильныхъ выраженіяхъ. „Да никогда не снимутся съ него узы проклятія!“ гласило римское отлученіе. Въ самомъ Константинополѣ папа имѣлъ себѣ единомышленниковъ въ лицѣ крайнихъ ортодоксовъ, какими были иноки изъ обители *неусыпаемыхъ* (*ἀνεψύχων*). Одинъ фанатическій акимитъ во время соборнаго служенія патріарха Акакія прикололъ ему къ облаченію папскую анаеому и былъ тотчасъ же убитъ во время происшедшаго въ храмѣ безпорядка. Акакій не очень испугался папской анаеомы, которая, выходя изъ всякихъ границъ умѣренности, хотѣла—такъ сказать—связать милосердіе Божіе. На анаеому папы патріархъ константинопольскій отвѣчалъ анаеомою—и вычеркнулъ имя папы изъ диптиха. Мѣнялись лица, но раздоръ продолжался и въ царствованіе Зенона и въ послѣдующее за тѣмъ царствованіе Анастасія.

Анастасій Диррахитъ или Дикоръ. (491—518.) Его релігіозная политика. Волненія въ Константинополѣ и въ Іерусалимѣ.

Зенонъ умеръ въ 491 г., не оставивъ дѣтей, и распоряженіе судьбами царства досталось вдовѣ его Аріаднѣ, которая, отстранивъ брата Зенонова Лонгина, не замедлила отдать корону и руку царедворцу Анастасію Дикору, предмету своей давней привязанности. Анастасій былъ родомъ изъ Диррахіума (древній Епидампъ, нынѣшній Дураццо), происхож-

денія незнатнаго. Съ молодыхъ лѣтъ поступилъ онъ на службу къ византійскому двору и достигъ спустя долгое время почетнаго, но далеко не перво-степеннаго званія *силентіарія*.¹⁾ Конечно это не давало ему никакихъ правъ на корону. Но Анастасій былъ человѣкъ благообразный; красоту лица его скорѣе увеличивала, чѣмъ уменьшала странная игра природы, надѣлившей его однимъ чернымъ и другимъ голубымъ глазомъ, — почему онъ и прозванъ былъ *δύκωρος* т. е. двоезрачный. Благообразіе Анастасія давно уже доставило ему нѣжную склонность Аріадны, и — что всего удивительнѣе — склонность эта не угасла и въ то время, когда Анастасію было около 60 лѣтъ, а царицѣ болѣе 40. При сильной поддержкѣ Аріадны Анастасій былъ провозглашенъ царемъ отъ синклита и народа. Въ народѣ Анастасій, должно полагать, и прежде былъ популяренъ, судя по тому, что толпы народа привѣтствовали новаго царя кликами: *царствуй, какъ жилъ!* Только патріархъ Евфимій сначала колебался вѣнчать Анастасія на царство, подозрѣвая въ немъ наклонность къ монофизитству, и согласился не иначе, какъ взявъ съ царя письменное исповѣданіе вѣры съ признаніемъ халкидонскаго собора. Спустя 40 дней вступивъ въ бракъ съ Аріадною, новый царь окончательно упрочилъ свое положеніе. Мы не будемъ рассказывать ни о подавленіи Анастасіемъ могущества сильныхъ при дворѣ и въ войскѣ исавровъ (492—494), ни о войнѣ царя съ персами (501—504), ни о построеніи имъ громадной такъ называемой *длинной* стѣны отъ Чернаго моря до Мраморнаго, защищавшей столицу съ окрестностями отъ набѣга сѣверныхъ варваровъ,²⁾ — ни о финансовыхъ весьма успѣшныхъ дѣлахъ Анастасія; мы остановимся только, сообразно съ своею задачею, на религіозной политикѣ этого государя.

Вопреки предостереженію патріарха Евфимія Анастасій Диррахитъ былъ продолжателемъ религіозной политики своего предшественника. Лично Анастасій кажется былъ равнодушенъ къ догматическимъ спорамъ, но, подобно Зенону, хотѣлъ держаться средняго пути между крайними ортодоксами и крайними монофизитами, на которомъ надѣ-

---

¹⁾ *Силентіарій* — соотвѣтствуетъ современному государственному секретарю.

²⁾ Стѣна эта образовала дугу въ 63 версты, на разстояніи 56 верстъ отъ столицы. Слѣды долгой стѣны въ три сажени шириною остались до нынѣ.

ялся согласить большинство своих подданныхъ. „Царь Анастасій,“ говоритъ церк. историкъ Евагрій, „будучи миролюбивъ, вовсе не желалъ никакихъ нововведеній, особенно въ дѣлахъ церковныхъ. Вся его забота была о томъ, чтобы удалить смуты и водворить глубокой миръ между своими народами; поэтому онъ былъ противъ всякихъ раздѣлений и пререканій, какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ.“ Съ своей точки зрѣнія Анастасій былъ разумѣется правъ. Но кромѣ средняго такъ сказать нейтральнаго большинства, которое одобряло религіозную политику Анастасія, существовали еще двѣ крайнія стороны,—крайніе монофизиты и крайніе ортодоксы, *акееалы* и *акимиты*, не согласившіеся въ свое время на энотиконъ Зенона и не шедшіе ни на какія уступки.—*Акимиты*, имѣя на своей сторонѣ римскаго папу, горячо дѣйствовали въ Константинополѣ, защищая халкидонскій соборъ; *акееалы*, подъ предводительствомъ двухъ энергическихъ вождей Филоксена и Севира, горячо дѣйствовали въ Александріи и Антіохіи, анаеоматствуя халкидонскій соборъ. Не смотря на свою относительную малочисленность, акимиты и акееалы, сосредоточившись въ большихъ городахъ, производили много шума своими протестами и заявленіями. Въ Константинополѣ акимиты совершенно привлекли на свою сторону патріарха Евфимія и вооружили его противъ царя, такъ что, во время борьбы Анастасія съ исаврами, патріархъ сочувствовалъ исаврамъ и сносился съ ихъ вождями. *Твои молитвы не помоги твоимъ друзьямъ*, послалъ царь сказать патріарху послѣ одной побѣды надъ исаврами и въ 496 г. лишилъ Евфимія каеэдры и возвелъ на его мѣсто Македонія. Новый патріархъ сначала дружелюбно относился къ царю, но съ теченіемъ времени сталъ негодовать на царя за его равнодушіе къ православію. Снова поднялись обвиненія, что царь покровительствуетъ еретикамъ и тайно злоумышляетъ противъ православія: умы возмутились въ столицѣ; народъ, возбуждаемый крайними ортодоксами и самимъ патріархомъ, сталъ бунтовать противъ царя, обзывая его тиранномъ и манихеемъ. Поэтому Анастасій въ 511 г. удалилъ съ каеэдры Македонія и назначилъ патріархомъ Тимоѳея, который и управлялъ церковію до самой смерти своей въ 517 г.—Приверженцы Македонія послѣ низложенія его подняли страшный бунтъ въ Константинополѣ, и потерпѣвъ неудачу въ столицѣ, стали бунтовать въ Фракіи подъ начальствомъ Виталиана, вождя готеевъ и потомка Аспарова. Дальнѣйшія обстоятельства борьбы неизвѣстны, но несомнѣнно то, что Анастасій управлялся съ

своими противниками и не перемѣнилъ своей религіозной политики до самой смерти своей въ 518 г. Но до какой степени императору трудно было справляться съ горячими ревнителями православія, можемъ видѣть изъ подробнаго разсказа о двухъ волненіяхъ, въ Константинополѣ 6—8 ноября 512 г., и въ Іерусалимѣ въ 513 г.

Константинопольское замѣшательство можно назвать волненіемъ по поводу пѣнія трисвятой пѣсни. Для народной толпы догматическій вопросъ тогда только можетъ быть ясенъ и понятенъ, когда бываетъ заключенъ въ какомъ-нибудь краткомъ и удобозапоминаемомъ терминѣ. Такими терминами для православныхъ во время аріанскихъ и несторианскихъ споровъ были слова: *omoiosios*, *theotokos*. Монофизитскій патріархъ Антиохіи Петръ Гнафей пожелалъ дать такой же терминъ и для монофизитства и прибавилъ къ общезвѣстной трисвятой пѣсни: *святый Боже*, выраженіе: *распныйся за ны*, имѣя въ виду показать, что Христосъ страдалъ божественною природою, которая только въ немъ и есть. Одинъ изъ преемниковъ Петра Гнафея, православный патріархъ Антиохіи Каландіонъ прибѣгъ къ полумѣрѣ и видоизмѣнилъ прибавку Гнафея, такъ что она утратила свой монофизитскій смыслъ; именно Каландіонъ установилъ пѣть такъ: *святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный и ты, Христе Царю, распныйся за насъ, помилуй насъ*. Но православные обитатели Константинополя не имѣли надобности прибѣгать къ подобнымъ уступкамъ и соблюдали пѣніе трисвятой пѣсни, въ томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ, по преданію, она была слышана отъ ангеловъ. И вотъ, когда въ Константинополѣ разнесся слухъ, что имп. Анастасій, при содѣйствіи какихъ-то пришедшихъ съ востока монаховъ, намѣренъ ввести въ богослуженіе пѣніе трисвятой пѣсни съ прибавкою: *распныйся за ны*, то народъ возсталъ на защиту свящ. гимна и вспыхнуло возмущеніе, которое такъ описывается у хроникера Іоанна Малалы антиохійскаго. „При императорѣ Анастасіѣ Диррахитѣ въ Константинополѣ было народное возмущеніе изъ за христіанскаго догмата, по поводу того, что императоръ будто бы хотѣлъ согласно обычаю восточныхъ городовъ присоединить къ трисвятой пѣсни слова: *распныйся за ны, помилуй насъ*. И собравшись множество горожанъ сильно волновались, заявляя, что нѣчто чуждое привносится въ вѣру христіанскую. А во дворцѣ было такое смущеніе, что городской епархъ Платонъ обратился въ бѣгство и скрывался отъ народной ярости. Бунтовщики же кричали: *другаго царя римской имперіи!* И на-

правившись къ палатамъ Марина сиріянина экс-епарха, сожгли его домъ и разграбили его имущество, а самаго не нашли, ибо Маринъ, услышавъ, что огромная толпа народу идетъ къ его дому,—спасся бѣгствомъ. Въ толпѣ говорили про Марина, что этотъ пришлецъ съ востока подучилъ царя сдѣлать прибавку къ трисвятой пѣсни;—и разграбивши его казну, рубили серебро топорами и дѣлились. Бунтовщики изъ домъ Марина нашли восточнаго монаха, и схвативъ его убили, и носили голову его на копѣ съ крикомъ: *вотъ наставникъ противъ св. Троицы!* Толпа дошла до дому знаменитѣйшей патриціанки Юліаніи ¹⁾ и провозглашала ея мужа Ареовинда римскимъ императоромъ, но тотъ бѣжалъ и скрылся на пристани. Тогда самъ императоръ Анастасій явился на ипподромъ и возсѣлъ на царское мѣсто—безъ діадимы. Узнавъ объ этомъ, народъ сбѣжался на ипподромъ и императоръ своими божественными рѣчами склонилъ на свою сторону большинство гражданъ, увѣщевая ихъ не бросаться на кого ни попало и не убивать безъ толку. И утихла вся толпа и просила императора носить діадиму. И съ тѣхъ поръ присмирѣли граждане и перестали собираться скопомъ, а императоръ приказалъ заарестовать виноватыхъ и изъ многихъ заарестованныхъ иныхъ казнилъ, а другихъ заточилъ чрезъ городскаго епарха. Долго продолжалось наказаніе бунтовщиковъ и неисчетное множество народу было перебито, а затѣмъ настало великое благочиніе и страхъ не малый въ Константинополѣ и въ каждомъ городѣ римской державы. “Сухой разсказъ Малалы не разъясняетъ намъ, ни того, кто были виновниками возмущенія, охватившаго народъ подобно эпидемической болѣзни,—ни того, почему императору удалось склонить своими божественными рѣчами на свою сторону большинство гражданъ,—ни того, въ чемъ наконецъ состояли эти божественныя рѣчи. Но соображая современные обстоятельства, мы можемъ заключить: а) что главными виновниками возстанія были друзья патріарха Македонія, низложеннаго въ прошломъ году за свою преданность халкидонскому собору, т. е. по тогдашней терминологіи *акимиты*,—б) что неудача воз-

---

¹⁾ Патриціанка Юліанія, основательница монастыря въ честь Богоматери, была усердная ревнительница православія и почитательница низложеннаго патріарха Македонія, и принадлежала къ сторонѣ тѣмъ называемыхъ тогда *акимитовъ*.

станія зависѣла отъ того, что бунтовщики не имѣли ни опредѣленной политической программы, ни готоваго претендента на престолъ,—и в) что божественныя рѣчи императора состояли вѣроятно въ обѣщаніи не вводить обязательной перемѣны въ пѣнія трисвятой пѣсни.

Но конечно послѣ столичнаго возмущенія имп. Анастасій не могъ чувствовать никакой благодарности къ *акимитамъ* и его прежнее сочувствіе къ *акефаламъ* усилилось. Поэтому мы видимъ, что императоръ горячо поддерживаетъ *акефала* Севира, захватившаго въ 512 г. антиохійскую кathedру, и преслѣдуетъ тѣхъ, кто не хотѣлъ имѣть съ нимъ общенія. Но здѣсь царю пришлось встрѣтить сильное противодѣйствіе со стороны палестинскихъ иноковъ, которое осталось не побѣжденнымъ. Расскажемъ объ этомъ событіи такъ, какъ оно излагается въ житіяхъ Саввы освященнаго (5 дек.) и преп. Θεодосія (11 генв.) „Въ Антиохіи еретики съ безчестіемъ изгнали православнаго патріарха Флавіана, а мѣсто его восхитилъ Сефиръ безглавый (т. е. принадлежащій къ партіи *акефаловъ*) и много обижалъ православныхъ, которые не хотѣли имѣть съ нимъ общенія. Не хотѣлъ имѣть общенія съ Севиромъ и патріархъ іерусалимскій Ілія, а преподобный Савва съ своими иноками, пришедши въ святой градъ, публично предалъ Севира анаемѣ. Услышавъ объ этомъ, царь Анастасій исполнился неизреченной ярости и послалъ въ Іерусалимъ Олимпія епарха палестинскаго со множествомъ войска и съ повелѣніемъ свергнуть съ кathedры патріарха Ілію, не по суду, а единственно царскою властію. Пришедши же Олимпій съ большимъ войскомъ, исполнилъ царское повелѣніе, низвергъ патріарха безъ суда и послалъ на заточеніе въ Аилъ, а вмѣсто Іліи возвелъ въ патріархи пресвитера Іоанна, который обѣщался проклясть халкидонскій соборъ и имѣть общеніе съ Севиромъ. Узнавъ объ этомъ, преп. Савва опять собралъ свое духовное войско и, какъ нѣкоторый воевода, пришелъ во святой градъ, но уже не засталъ епарха Олимпія, ибо тотъ, исполнивъ порученное ему злое дѣло, съ радостію возвратился къ царю. Очень скорбѣлъ блаженный Савва о неповинномъ изгнаніи патріарха Іліи и рыдалъ о немъ. А узнавъ, что новый патріархъ мудрствуетъ по еретически, Савва вопіалъ на него, требуя, чтобы онъ не имѣлъ общенія съ Севиромъ, а за халкидонскій соборъ стоялъ до крови; въ противномъ же случаѣ угрожалъ проклятіемъ отъ всѣхъ отцовъ пустынныхъ. Патріархъ Іоаннъ устыдился, а вмѣстѣ и испугался столь многихъ бо-

говдохновенныхъ отцовъ, пришедшихъ со св. Саввою, отвергся Севира и всякой ереси и принялъ православіе, утвержденное на халкидонскомъ соборѣ,—и успокоились отцы святыя. Скоро узналъ царь, что новопоставленный патріархъ Іерусалима признаетъ соборъ халкидонскій, и разгнѣвался на Олимпія за избраніе такого патріарха, и—вмѣсто Олимпія—назначивъ епархомъ всей Палестины нѣкоего Анастасія, послалъ его въ Іерусалимъ, чтобы онъ патріарха Іоанна или склонилъ къ общенію съ Севиромъ или лишилъ кафедры. Епархъ Анастасій, пришедши въ Іерусалимъ, тотчасъ же схватилъ патр. Іоанна и заключилъ его въ темницу. Патріархъ просилъ епарха дать ему отсрочку на нѣсколько дней, обѣщаясь въ ближайшій день воскресный предъ всѣмъ народомъ въ храмѣ проклясть соборъ халкидонскій и вступить въ общеніе съ Севиромъ; а между тѣмъ, будучи выпущенъ изъ темницы, тайно послалъ къ преподобнымъ Саввѣ и Θεодосію, чтобы они постарались со всѣми иноками придти во храмъ іерусалимскій въ ближайшее воскресенье. Случилось, что тогда былъ въ Іерусалимѣ и царскій племянникъ Ипатій, пришедшій на богомолье. И вотъ въ день воскресный пришли въ Іерусалимъ оба архимандрита, Савва и Θεодосій, имѣя съ собою множество черноризцевъ,—тысячъ до десяти. Во время церковнаго собранія, когда пришли въ храмъ епархъ Анастасій и царскій племянникъ Ипатій съ своею свитою и множествомъ народа,—патріархъ восшелъ на амвонъ, имѣя съ собою Савву и Θεодосія;—и вотъ весь народъ съ черноризцами возопилъ патріарху: *проклѣни еретиковъ, халкидонскій же соборъ утверди!* И взявъ на себя смѣлость, патріархъ воскликнулъ такъ: *если кто мудрствуетъ согласно съ Евтихіемъ, Несторіемъ, Севиромъ и Сотерихомъ¹⁾,—анагема да будетъ!* Также и блаженный Θεодосій съ преподобнымъ Саввою воззвали: *кто не приѣмлетъ четырехъ соборовъ, какъ четырехъ евангелистовъ, да будетъ проклятъ!* Видѣвъ это, епархъ Анастасій, убоявшись множества черноризцевъ и народа и поспѣшно вышедши изъ церкви, бѣжалъ въ Кесарію. А царскій племянникъ клялся св. отцамъ, что пришелъ не утверждать Севинову вѣру, но поклониться святымъ мѣстамъ, и далъ Саввѣ и Θεодосію множество золота для раздачи черноризцамъ. Послѣ

---

¹⁾ Сотерихъ былъ монофизитствующій митрополитъ Кесаріи каппадокійской.

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ,

ИЗВЛЕЧЕННЫХЪ

изъ Кіевскаго центральнаго архива.

Кандидата КАМАНИНА.

МОСКОВСКИЙ КУПЕЦЪ—ПАЛОМНИКЪ ВЪ Г. ЛУЦКЪ

въ 1561 году.

Выйдя побѣдительно изъ войнъ съ Казанью и Астраханью, Москва обратила свое оружіе и на ослабѣвшую Ливонію, ища пріобрѣтеній на западѣ. Военные успѣхи Іоанна IV въ этой сторонѣ вызвали естественно въ религіозной душѣ его благодарность къ Богу и такимъ образомъ послужили, весьма вѣроятно, одною изъ причинъ того, что онъ отправилъ новгородскаго владычнаго архидіакона Геннадія съ московскими купцами Андреемъ и Яковомъ, а въ томъ числѣ и съ Василиемъ Позняковымъ, фигурирующимъ въ предлагаемомъ памятникѣ, съ подарками и милостыней на востокъ ко святымъ мѣстамъ и ко всѣмъ почти патріархамъ; одновременное же посѣщеніе московскими путешественниками не только этихъ послѣднихъ, но и римскаго папы, ¹⁾ заставляетъ предполагать и другую причину отправки туда Грознымъ упомянутыхъ лицъ: желаніе найти себѣ сильнаго союзника на западѣ ²⁾ и, какъ средство къ этому, разрѣшеніе вопроса

---

¹⁾ Это видно изъ заглавія хожденія: „Посланіе благовѣрнаго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Россіи во Александрію, къ папѣ, и патріарху Іоакиму архидіакону Генадею съ купцомъ Василиемъ позняковымъ и хожденіе его во Іерусалимъ и по инымъ святымъ мѣстамъ“. (См. „Описаніе Библіотеки Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“, составленное П. Строевымъ. М. 1845; I, № 214, Сборникъ, написанный въ 1567 году).

²⁾ Грозный легко могъ искать покровительства въ Римѣ теперь, когда, вслѣдствіе завоеванія поволжскихъ царствъ и раздоровъ съ крымскимъ ханомъ, подозрѣвалъ тайную вражду къ себѣ и боялся возможной войны съ турецкимъ султаномъ, несмотря на присланное ему по-

о соединеніи восточной церкви съ западной и о совмѣстной борьбѣ съ турками, вопроса, который хотѣлъ поднять папа Григорій XIII сначала въ 1566 году чрезъ священника Рудольфа Кленхена, а потомъ, въ 1581, чрезъ іезуита Антонія Поссевина. Во второй новгородской лѣтописи говорится, между прочимъ, еще о томъ, что Геннадій долженъ былъ записывать обычаи тѣхъ странъ, чрезъ которыя проѣзжалъ,¹⁾ но мы не можемъ судить, насколько точно онъ и его спутники выполнили это порученіе, не имѣя передъ собой самого описанія ихъ хожденія, до сихъ поръ еще ненапечатаннаго. Нашъ же актъ объ этомъ ничего не говоритъ.

Выѣхавъ въ іюлѣ или августѣ 1558 года изъ Москвы, архидіаконъ и купцы, сопровождаемые Мустафомъ Челибеемъ, турецкимъ купцомъ и посланникомъ султана Салимана, передавшимъ отъ своего повелителя письмо и богатые дары московскому царю, держали путь на Вильну, гдѣ и вручили Сигизмунду-Августу „писане листу господара“ своего съ просьбой о безпрепятственномъ и безмытномъ проѣздѣ чрезъ Литву. Съ охранной королевской грамотой Геннадій со своими спутниками благополучно достигли Константинополя, побывали на Аѳонѣ, Синаѣ, въ Іерусалимѣ, Египтѣ и Римѣ, одаривъ патріарховъ царскими подарками, а монастыри—милостыней. Обратный путь совершали, какъ видно изъ акта, одинъ Позняковъ, вовсе

слѣднимъ съ купцомъ Мустафомъ Челибеемъ любезное письмо и подарки; теперь, когда ему предстояла война съ Польшей и Швеціей. Іоаннъ позже снова искалъ тамъ такого же покровительства, угрожаемый королемъ Стефаномъ Баторіемъ.

¹⁾ Во второй новгородской лѣтописи (Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. т. III, стр. 150), подъ 23 іюля 1558 (7066) г. рассказывается о привозѣ Юрьевскимъ архимандритомъ иконъ изъ завоеваннаго тогда русскими г. Ругодива въ Ливоніи и о торжественной постановкѣ ихъ новгородскимъ архіепископомъ Пименомъ со всѣмъ соборомъ и множествомъ народа въ храмъ св. Софіи; за тѣмъ прибавляется, что „того же мѣсяца въ 24, въ недѣлю, послѣ обѣдни, поѣхалъ къ Москвѣ архидіаконъ владыченъ Генадей; дождати ему съ Москвы съ гостемъ Мустахой, Андреемъ и Яковомъ къ Царюграду и отъ Царяграда ему ѣхати со архимандритомъ святогорскимъ въ Іерусалимъ и во святую гору въ Египетъ, по монастыремъ давати милостыню царскую и обычаи въ странахъ тѣхъ писати ему“.

не упоминающій въ своей жалобѣ о другихъ товарищахъ, (чего не могло бы случиться, если бы они оставались при немъ и теперь). Около 12 февраля 1561 года онъ прибылъ въ Луцкъ и былъ задержанъ здѣсь войтомъ этого города, занимавшимъ, кромѣ того, должности городничаго, мостовничаго и ключника луцкаго, Иваномъ Яцковичемъ Борзобогатымъ, который потребовалъ съ московскаго купца мыто за провозимыя имъ царскія вещи. Позняковъ обратился съ жалобой на Борзобогатаго въ гродскій луцкій судъ, откуда, взявъ вижа, отправился съ нимъ къ луцкому войту въ имѣніе послѣдняго с. Заборовль и домогался, на основаніи королевскаго листа, свободного пропуска въ отечество. Войтъ не соглашался отпустить жалобщика до тѣхъ поръ, пока не переговоритъ о немъ со своимъ племянникомъ Иваномъ Олехновичемъ Борзобогатымъ, на которомъ тогда главнымъ образомъ лежали обязанности сборщика таможенной пошлины. Прошло четыре дня послѣ этой поѣздки задержаннаго москвича въ Заборовль, а Борзобогатый—дядя не торопился съ отвѣтомъ своего племянника; когда и какой отвѣтъ послѣдовалъ на требованія Познякова, мы не находимъ въ актовыхъ книгахъ никакихъ указаній.

Причину задержанія купца — паломника луцкимъ войтомъ понять не трудно, если обратить вниманіе на характеръ отношеній, возникшихъ тогда изъ-за Ливоніи между Литвой и Москвой. Побѣжденные Грознымъ въ 1558 году рижскій архіепископъ и магистръ ордена искали защиты въ Польшѣ, Даніи и Швеціи. Въ 1559 году послы этихъ государствъ вели съ Іоанномъ переговоры, имѣя цѣлью отдалить послѣдняго отъ Ливоніи и самимъ воспользоваться случаемъ для увеличенія своей территоріи на счетъ этой страны, на что вынужденно было изъявить готовность и ливонское правительство. Сигизмунду-Августу предстояло такимъ образомъ начать съ Москвой войну, но она могла открыться только по истеченіи перемирія, срокъ котораго оканчивался въ 1562 году. Естественно, что королевская охранная грамота 1558 года, выданная Василию Познякову на безмытный проѣздъ чрезъ литовскія владѣнія, не имѣла уже въ глазахъ луцкаго войта того же значенія теперь, въ 1561 году, наканунѣ войны, объявленной лишь въ 1563. Оставляя въ сторонѣ эти международныя отношенія, замѣтимъ, что подобное насиліе надъ иноземнымъ путешественникомъ было, вообще, въ характерѣ Борзобогатаго, который, не задолго до задержанія Познякова, не задумался ограбить посла,

отправленнаго польскимъ королемъ съ подарками и грамотами къ турецкому султану; который отказывался платить подати со своихъ имѣній и „зъ оружемъ до бою належачимъ“ противился справцѣ поборовъ и мытъ господарскихъ, когда тотъ, по приказанію короля, долженъ былъ вступить во владѣніе однимъ или другимъ имѣніемъ буйнаго войта; который, сдѣлавшись сначала нареченнымъ владыкой владимірскимъ и берестейскимъ, а потомъ будучи посвященъ въ санъ луцкаго и острожскаго епископа подъ именемъ Іоны, не стѣснялся разореніемъ церковныхъ имѣній и казны. Но принимая во вниманіе предложеніе Борзобогатаго, сдѣланное имъ Познякову, „и жъ бы онъ возы отпустилъ“ впередъ, а самъ остался бы въ Луцкѣ до рѣшенія вопроса о мытѣ, можно утверждать, что поводомъ къ задержанію этого купца послужили именно натанутыя отношенія между Литвой и Москвой.

И. Каманинъ.

Лѣта Божого нароженя хѣѣза (1561), мѣсяца февраля зѣ (17) дня.

Пришодчи перед мене, Бориса Ивановича Совы, подстаростего луцкого, купец князя великого московского, пан Василій Иванович Позняков, жаловал и оповедал тым обычаем, што ж дей господар мой, его милость Иван Василевич, великий князь московский, посылал архидьякона своего Генадия и мене, слугу своего, Василя, до горы Синайское з мылостынею и з некоторыми подарками до патриархов, и до Божого гробу, и до инших монастыров; и кгдаж есмо приехали до Вилни, его наяснейшая милост, господар, корол полский, великий князь литовский, руский, пруский, жомойтский, мазовецкий и инших, на писане листу господаря моего, князя великого московского, рачилъ расказати нам лист господарский с канцлерѣе выдати, иже бы через все панство его королевское милости доброволне и безмытне, ни вчомъ нигде не гамуичи, нас пропушчовано; за листом его королевское милости пропушчовано нас везде безмытне; и был есми, водлуг росказаня господаря своего, в горы Синайское и на иншихъ мѣстцах; а теперечи приехавши мне до панства его королевское милости, до Луцка, пан Иван Яцкович Борзобогатый, ключник, городничий, мостовничий и войт луцкий, целник господарский, недбаючи на лист его королевское милости, мене гамует, хотечи на мнѣ мыта оттых речей, што есми от господаря своего, князя великого московского, до горы Синайское возил; и показавши мнѣ ¹⁾ лист его королевское милости, просил о вижа, при котором бы мел мовити пану Борзобогатому, жебы его не гамовал и ку шкюде, мешкаючи в месте, не приводил; я, з ураду замку господа-

---

¹⁾ Т. е. луцкому подстаростѣ Борису Ивановичу Соѣ.

ского луцкого, в субботу маслопустную, давал есми ему вижом служебника моего Василя Григоревича; который виж, там бывши и оттоля приехавши, пришедчи перед мене, тыми словы сознал, иж, будучи в Заборовли, при мне, вижу, мовил пан Василей пану Ивану Борзобогатому, войту луцкому, для чего его через лист королевский гамует и ку шkode приводит; на то пан Борзобогатый поведил ему, иж бы возы отпустил, а сам абы не отежчал, поки ся намовит з братаничом своим Иваном Олехновичем Борзобогатым, бо вже дей есми до братанича своего о том послал; и по вижовом сознани, четвертого дня, пришедчи пан Василей, купец князя великого московского, оповедал, иж пан Борзобогатый ку шkode его приводит и на месте в господи гамует; и просил, абы то было записано; а так я тое оповедане его и вижово сознане до книг замковых записати казал.

Луцкая городская книга 1561 года, № 2035, л. 62 на оборотъ, актъ подъ № 59.

ДѢЛО О ЛАЗУТЧИКАХЪ

1613-го года.

I.—Во время рождественскихъ праздниковъ 1612-го года, въ ночь съ 26-го на 27-е декабря, поймали въ г. Бѣлозерскѣ, у Покровскихъ воротъ, крестьянина Демьяна Никифорова на мѣстѣ преступленія: онъ осматривалъ городскія укрѣпленія и пушки. Заподозрѣннаго въ измѣнѣ, его тотчасъ же представили на судъ къ воеводѣ Григорію Образцову. Бояться измѣны было тогда возможно, потому что хотя русскій народъ и сталъ самъ грудью на защиту православія, самодержавія и народности противъ притязаній поляковъ и іезуитовъ и доводилъ свое великое земское дѣло до конца, тѣмъ не менѣе, у послѣднихъ, все-таки, оставалось еще много доброхотовъ, готовыхъ имъ содѣйствовать. Воевода Образцевъ, назначенный княземъ Пожарскимъ въ Бѣлозерскъ еще лѣтомъ для обороны города противъ нападеній со стороны шведовъ, захватившихъ уже Новгородъ и выставлявшихъ своего претендента на московскій престолъ, особенно зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы и теперь, въ декабрѣ, не повторилось того, что случилось вскорѣ послѣ его назначенія въ Бѣлозерскъ, а тогда произошло вотъ что: Образцевъ, ожидая съ запада шведовъ и заботясь объ охраненіи и удержаніи въ повиновеніи города, естественно приготовился къ тому, чтобы во всякое время быть готову дать отпоръ нападающимъ. И вдругъ его бдительность была обманута: около Успеньева дня (15 августа), какъ узнаемъ мы это ниже, изъ словъ одного безвинно оговореннаго Никифоровымъ стрѣльца Ивана Максимова, напали на городъ литовскіе люди, сожгли, разграбили его и безнаказанно ушли. Тогда, конечно, должны были думать, что быстрый успѣхъ польскаго отряда ¹⁾ не обошелся

---

¹⁾ Это былъ, мы полагаемъ, отрядъ литовскаго гетмана Яна Ходке-

безъ содѣйствія лазутчиковъ. Этотъ лѣтній разгромъ вызвалъ, вѣроятно, усиленный надзоръ надъ городомъ, слѣдствіемъ котораго и случилась поимка крестьянина Никифорова. Дѣло такое было слишкомъ важно при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и потому воевода началъ строгій и скорый судъ надъ преступникомъ и его сообщниками. Не болѣе какъ въ пять дней слѣдствіе почти на половину было произведено и затѣмъ возобновилось лишь черезъ 50 дней, 20 февраля 1613 года; причина перерыва могла заключаться въ минованіи опасности для государства съ окончательнымъ удаленіемъ польскаго короля изъ предѣловъ Россіи, въ начавшихся въ Москвѣ выборахъ царя и, наконецъ, въ непонятной перемѣнѣ воеводы и дьяка: вмѣсто Григорія Федоровича Образцева и Богдана Ильина разборъ дѣла продолжаютъ воевода Степанъ Никифоровичъ Чепчуговъ и дьякъ Шестой Копнинъ.

II.—Главнымъ преступникомъ является на судѣ тотъ же крестьянинъ Бѣлозерскаго уѣзда дворцовой Чужбойской волости, деревни Старынской, *Демьянъ Никифоровъ*. На первомъ допросѣ, передъ воеводой Образцовымъ, дьякомъ Ильинимъ, передъ бѣлозерскими посадскими земскими старостами, Иваномъ Павловымъ и Обросимомъ Федоровымъ, передъ выборными совѣтными людьми, передъ ратными людьми, козаками и стрѣльцами, онъ показалъ, что 20-го декабря въ деревню Старынскую пришли литовскіе люди и взяли его съ собой въ плѣнъ. ¹⁾ Но въ Куйской

вича, отправившагося на сѣверъ, какъ страну, менѣе другихъ пострадавшую отъ грабежей, за добываніемъ припасовъ для осажденнаго въ Москвѣ польскаго гарнизона; но въ Новгородскомъ уѣздѣ гетмана встрѣтила неудача: его разбили шведы; надо было уходить, а прямая дорога вела къ Бѣлозерску, какъ ближайшему, значительному и богатому городу.

¹⁾ Слова эти не подтверждаются односельцами Никифорова, заявившими, при обыскѣ и арестѣ его имущества, кн. Вадбальскому, что преступникъ у нихъ не живалъ и никакого имущества не имѣлъ. Да и все показаніе его, въ большей части, ложно. Это, просто, былъ, вѣроятно, русскій воръ, давно уже приставшій къ полякамъ и принявшій на себя порученіе „лазучить“ лишь тогда, когда обнаружился, какъ увидимъ ниже, обманъ посланныхъ раньше въ Бѣлозерскъ съ тою же цѣлью Титова и Текутова спасшихъ, мы думаемъ, свою жизнь только или готовностью сдать городъ или собрать и доставить требуемыя свѣдѣнія, въ чемъ могъ отказать убитый въ то же время товарищъ ихъ Коротыга. На это намекаютъ издаваемые показанія.

волости они отпустили подсудимаго съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ осмотрѣлъ бѣлозерскіе засѣки, острогъ, доподлинно провѣдалъ о количествѣ ратныхъ людей въ острогѣ и о числѣ наряду (пушекъ). Литовскіе люди дали ему шесть алтынъ денегъ и все необходимое на дорогу. Пославшій Никифорова литовскій отрядъ состоялъ изъ 300 человекъ. Имя предводителя этого отряда ему неизвѣстно. Цѣль лазутчества — захватъ города на крещеніе (6-го января) и нападеніе на село Мегру, отчину Кириллова монастыря. Кромѣ Никифорова, литовскими людьми былъ взятъ еще крестьянинъ Комоновской волости деревни Долгова Верещажа Титовъ, котораго они отпустили съ той же цѣлью въ Бѣлозерскъ раньше на лошади и дали за то „шубной кафтанъ“. Опозналъ также подсудимый у литовскихъ людей бѣлозерскаго стрѣльца Ивана Максимова и трехъ съ неизвѣстными ему именами стрѣльцевъ заонѣжскихъ погостовъ. Когда же стали Никифорова пытатъ огнемъ, то онъ прибавилъ, что литовскіе люди посылали его въ Бѣлозерскъ къ посадскому человеку Самойлу Тимошину разузнать у него про засѣки, острогъ, ратныхъ людей и нарядъ; грамотъ же никакихъ и ни къ кому не давали. Верещажа Титовъ посылался къ тому же Тимошину на лошади раньше и получилъ, кромѣ шубнаго кафтана, пять рублей денегъ, двѣ шапки женскіе „червчаты“, синюю мужскую шапку на черной мерлушкѣ и выдраномъ пуху да серебряное ожерелье (манисто) съ крестами. Тимошинъ, по словамъ преступника, находился въ Комоновской волости съ товарищемъ своимъ Иваномъ Коротыгой. Послѣдній былъ изрубленъ литовскими людьми, а Тимошинъ взятъ въ плѣнъ и пробылъ у нихъ два дня; за тѣмъ, получивъ тридцать рублей, онъ отправился въ Бѣлозерскъ для развѣдокъ. Свидѣтелями Никифоровъ выставилъ Титова, Пospѣлкову мать изъ Андреевской деревни и шесть новгородцевъ, находившихся вмѣстѣ съ нимъ въ плѣну у литовскихъ людей. Лазутчики должны были доставить требуемыя свѣдѣнія въ село Великую Андому, новгородскаго уѣзда. При второй пыткѣ, подсудимый повторилъ все сказанное прежде.

Бѣлозерецъ *Самойло Тимошинъ*, какъ при очной ставкѣ въ тотъ же день съ Никифоровымъ, такъ и перенесъ пытку послѣ показаній Титова, совершенно отрицалъ всякія свои отношенія съ литовскими людьми.

Тотчасъ же посланы были (27-го декабря) стрѣльцы, коваки и розсыльщики съ порученіемъ розыскавъ, гдѣ бы то ни было, Титова и

Поспѣлкову и представить обоихъ на судъ; вести должно было ихъ законными, отдѣльно каждаго, чтобы отнять всякую возможность сговариваться. Посланнымъ вмѣнялось въ обязанность наблюдать также и затѣмъ, чтобы арестованные не убѣжали и „дурна какого надъ собою не учинили“. По справкамъ оказалось, что никакой Андреевской деревни, такъ же какъ и Поспѣлковой матери, не существуетъ, а представленный на судъ Титовъ 28-го декабря давалъ уже показанія.

Подъ первой пыткой *Вережажски Титовъ* сознался, что, дѣйствительно, получилъ кафтанъ отъ литовскихъ людей, но за то лишь, что проводилъ ихъ въ Куйскую волость; потомъ онъ прибавилъ, что видѣлъ у литовскихъ людей какого-то Агафона Сипкова изъ Мондры, что начальника отряда зовутъ атаманомъ, имени же послѣдняго не помнить. Посылку лазутчикомъ въ Бѣлозерскъ совершенно отрицалъ. При второй болѣе сильной пыткѣ, Титовъ подтвердилъ показаніе Никифорова, данныя этимъ преступникомъ подъ пыткой, и указалъ на деревню Дунаево, какъ на мѣсто, гдѣ онъ съ Тимошинымъ были схвачены; въ доказательство того, что Тимошинъ, съ приходомъ польскаго отряда, долженъ былъ сдать городъ, Титовъ сослался на Романа Текутова, Елену Юшкову и Дмитрія Пирогова съ сыномъ, которые связаные находились вмѣстѣ съ нимъ въ одной избѣ.

Посланные воеводой козаки, стрѣльцы и розыльщики за этими новыми свидѣтелями 31-го декабря прибѣжали въ Бѣлозерскъ и дали знать тамъ, что въ окрестностяхъ грабятъ литовскіе люди и русскіе воры и что они убѣжали отъ нихъ въ лѣсъ, не исполнивъ даннаго порученія. Этимъ и заканчивается первая половина слѣдственнаго дѣла, подъ которой подписался дьякъ Ильинъ.

По приведеніи на судъ Текутова, Пирогова и оговореннаго Никифоровымъ стрѣльца Ивана Максимова, новый воевода Чепчуговъ и дьякъ Копнинъ возобновили допросъ. На этотъ разъ, Титовъ, спрошенный послѣ Текутова, подтвердилъ слова послѣдняго, но еще прибавилъ, что съ Иваномъ Коротыгой было пять рублей, которые литовскіе люди и взяли себѣ, убивъ этого человѣка; Тимошинъ прятался отъ враговъ въ сараѣ, пролежалъ тамъ до ночи, когда и ушелъ въ Долгово; онъ, Титовъ, служилъ у воровъ проводникомъ до Куйской волости и за это получилъ только „кафтанишко худенькой да исподчишко шапочное худое.“ Все, сказанное до вопроса Текутова, Титовъ отрицаетъ и объясняетъ оговоръ себя и другихъ нестерпимой болью отъ великихъ и многихъ пытокъ.

Далѣ излагалъ случившееся комоневскій староста *Романъ Текутовъ*. По его словамъ, изъ Бѣлозерска пріѣзжали къ нимъ для „кормовыхъ запасовъ и денежнаго сбору“ посадскіе люди Иванъ Коротыга, Самойло Тимошинъ и розсыльщикъ Никита Денисовъ съ пятью стрѣльцами и пятью козаками. Въ Комоневской волости стали въ это время ходить упорные слухи о литовскихъ людяхъ, но онъ, Текутовъ, какъ староста, унималъ ихъ; почему его за это бранили козаки, онъ не объясняетъ; потомъ всѣ вмѣстѣ отправились ночью въ деревню Дунаево, гдѣ въ это время литовскіе люди, грабившіе и убивавшіе крестьянъ, напали на нихъ. Ивана Коротыгу убили, а его, Текутова, взяли въ плѣнъ и свели въ Куйскую волость, куда проводникомъ служилъ Верещажа Титовъ. Тимошинъ и всѣ остальные разбѣжались. Подкупъ Тимошина и Титова Текутовъ отрицалъ и прибавилъ, что Тимошинъ собралъ двадцать рублей, но при встрѣчѣ съ литвой бросилъ ихъ на кровлю избы, самъ бѣжалъ въ Долгово, куда и принесъ эти деньги посланный за ними крестьянинъ Нефедка (Мееодій?) Ватрушевъ. Тимошинъ сдалъ потомъ деньги земскимъ людямъ на приходъ.

Иванъ Максимовъ заявилъ, что поступилъ стрѣльцомъ въ Бѣлозерскъ до литовскаго разгрома лѣтомъ и посланъ былъ на Череповскую засѣку; послѣ разграбленія и сожженія города, онъ съ 15 августа находился въ Кирилловомъ монастырѣ, откуда ходилъ на масляной въ Бѣлозерскъ. Всякія сношенія свои съ литовскими людьми Максимовъ отрицалъ. По спросѣ стрѣльцовъ одной съ Максимовымъ сотни, показаніе его подтвердилось; такимъ образомъ слова Никифорова, будто онъ видѣлъ этого человѣка 20-го декабря у литовскихъ людей, были опровергнуты, и воевода освободилъ Максимова отъ суда. На посланную Чепчуговымъ въ монастырь челобитную съ запросомъ о Максимовѣ отвѣта почему-то не получено.

Димитрій Пироговъ утверждалъ на судѣ, что онъ никогда не былъ взятъ въ плѣнъ литовскими людьми, ничего не видѣлъ и ничего не знаетъ о подкупѣ Тимошина и Титова; отъ Дунаева свидѣтель живетъ въ 8 верстахъ; въ его деревнѣ Долговъ Коротыга съ Тимошинымъ не бывали; съ послѣднимъ Пироговъ сошелся въ лѣсу, гдѣ и узналъ отъ него о грабежахъ и разбояхъ литовскихъ людей и о брошенныхъ на кровлю, но принесенныхъ Ватрушевымъ деньгахъ, которыя Тимошинъ собралъ для великаго земскаго дѣла.

Сынъ Пирогова не сысканъ: уѣхалъ, какъ сказали въ волости, въ Каргопольскій уѣздъ для торговли; Елена же Юшкова убита литовскими людьми. Новые свидѣтели, которыхъ слѣдовало бы допросить, не вызывались. Этимъ 8-го марта дѣло и закончилось; всѣ оговоренные Никифоровымъ посадскіе люди и крестьяне, исключая Титова, обвинявшегося въ томъ, что служилъ у поляковъ проводникомъ, отданы на поруки; въ челобитной къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, воевода Чепчуговъ представляетъ отчетъ по изложенному дѣлу, ожидая царскаго приговора; наконецъ, „по государеве грамоте велѣно лазутника Демку Никифорова свершити повѣсити, а Верещажа Титова кинути въ тюрьму до государева указу. И Демка въ тюрьмѣ умеръ, а Верещажа сидитъ въ тюрьмѣ.“ Но 16-го октября 1613-го года Титовъ подалъ государю челобитную объ освобожденіи и также отданъ былъ на поруки.

III. — Основываясь на томъ, что обнаружили на судѣ показанія подсудимыхъ и свидѣтелей, можно съ увѣренностью сказать слѣдующее о послѣднемъ времени пребыванія поляковъ въ Россіи въ 1612-мъ году: лѣтомъ этого года, польскій отрядъ, какъ предположили мы выше, Ходкевича грабилъ не только Бѣлозерскій уѣздъ, убивая при этомъ крестьянъ и забирая ихъ достатки, но напалъ и на самый городъ, укрѣпленный, вѣроятно, противъ нападеній шведовъ, владѣвшихъ уже Новгородомъ; такимъ образомъ, ожиданіе князя Пожарскаго, назначившаго въ Бѣлозерскъ воеводой Григорія Образцова, не оправдалось; опасность, какъ мы видимъ, грозила не столько отъ шведовъ, сколько отъ поляковъ, собиравшихъ запасы для осажденныхъ въ столицѣ своихъ земляковъ. Вскорѣ послѣ этого, польскій король Сигизмундъ III, съ небольшимъ отрядомъ войска, вступилъ въ предѣлы Россіи, для возведенія своего сына Владислава на московскій престолъ, но было уже поздно: неумѣренные притязанія ревностныхъ католиковъ — поляковъ внушили, наконецъ, недовѣріе и ихъ сторонникамъ — русскимъ; не терпѣвшій ничего иноземнаго и неправославнаго, народъ возсталъ на самозащиту; города уже не сдавались полякамъ; послѣдніе должны были дѣйствовать оружіемъ. Посланные съ тысячнымъ отрядомъ Друцкій и Млоцкій къ столицѣ были разогнаны; оставалось одно средство — развѣдать чрезъ лазутчиковъ о числѣ ратныхъ людей по городамъ, о количествѣ боевыхъ и кормовыхъ запасовъ, и употребить, гдѣ подкупъ для сдачи, а гдѣ и силу для захвата, чтобы этимъ путемъ отрѣзать столицу отъ окружающихъ ее большихъ городовъ, доставлявшихъ и рать, и нарядъ,

и деньги, и кормовые запасы. Тогда подъ Москвой поляки ловятъ смольнянина Ивана Философова и спрашиваютъ его, людна-ли и хлѣбна-ли русская столица; на всѣ вопросы Философовъ, какъ передъ полководцами, такъ и передъ самимъ королемъ, отвѣчалъ утвердительно. Поляки рѣшились употребить теперь силу; самъ король Сигизмундъ, стоявшій подъ Волоколамскомъ, дѣлаетъ приступы къ этому городу; Гонсѣвскій воюетъ Осташковъ, подъ Бѣлозерскомъ бродитъ польскій отрядъ,¹⁾ пришедшій, по словамъ вн. Козловскаго,²⁾ изъ подъ Костромы. Но и эта попытка не удалась полякамъ; они нечего не успѣли сдѣлать, кромѣ ограбленій и убійствъ въ беззащитныхъ селахъ. Такъ, напримѣръ, въ Чужбойской и Комоневской волостяхъ Бѣлозерскаго уѣзда, они, производя разоренія, встрѣчаютъ въ деревнѣ Дунаевѣ посадскихъ людей Ивана Коротыгу, Самойла Тимошина, Никиту Денисова, стрѣльцовъ, козаковъ и комоневского старосту Романа Текутова, собиравшихъ по деревнямъ кормовые запасы и деньги для великаго земскаго дѣла. Коротыгу и Текутова литовскіе люди успѣваютъ схватить, остальные разбѣгаются; собранные деньги, 20 рублей, Тимошинъ бросаетъ на кровлю избы, прячется до ночи въ сараѣ и затѣмъ уходитъ въ Долгово; отсюда онъ посылаетъ за этими деньгами крестьянина Ватрушева, который и приноситъ ихъ ему. Схваченные бѣлозерцы прежде всего были ограблены; бывшіе съ Коротыгой пять рублей, собранные имъ на борьбу съ ворами и литовскими людьми, перешли въ ихъ карманъ, а самъ онъ за свою вѣрность великому земскому дѣлу пожертвовалъ жизнью. Взявъ себѣ въ проводники крестьянина Титова, литовскіе люди, вмѣстѣ съ нимъ и Текутовымъ, доходятъ до Куйской волости, даютъ Титову кафтанъ да шапку и отпускаютъ назадъ. Затѣмъ оставался въ отрядѣ Текутовъ, чего отъ него поляки требовали, какъ онъ съ Титовымъ остался живъ, эти вопросы не разрѣшаются въ актѣ. Можно, однако, догадываться, что комоневскій староста былъ ихъ сторонникомъ; онъ унимаетъ, напримѣръ, возникшіе въ его волости слухи о полякахъ; его бранятъ за это казаки, разбѣжавшіеся при первой встрѣчѣ съ послѣдними; бранятъ они

---

¹⁾ По показанію фигурировавшихъ на судѣ лицъ, это былъ тотъ же самый, который и лѣтомъ разгромилъ городъ.

²⁾ „Взглядъ на исторію Костромы“. Москва. 1840. стр. 96. Авторъ относитъ пребываніе польскаго отряда подъ этимъ городомъ къ февралю или марту 1613 г.; ошибочность его мнѣнія будетъ показана ниже.

его, конечно, за сочувствіе къ вора́мъ; такое сочувствіе можно было найти тогда во многихъ; оно не было рѣдкостью при неопредѣленности власти. Скорѣе всего, что Текутовъ и Титовъ пошли въ обратный путь съ обѣщаніемъ содѣйствія литовскимъ людямъ. Это подтверждается и словами Демьяна Никифорова, отправленнаго въ Бѣлозерскъ послѣ Титова и Текутова. Что касается до личности Никифорова, то мы уже сказали, что это русскій воръ, перешедшій на сторону поляковъ еще, можетъ быть, лѣтомъ. Недаромъ односельцы его заявили, что онъ давно уже не живетъ въ своей деревнѣ и никакого имущества не имѣетъ тамъ. Этому-то человѣку, знавшему, должно быть, всѣ ходы въ Бѣлозерскъ (Чужбойская волость самая близкая къ городу), и поручено было 20 декабря осмотрѣть засѣки, острогъ, пушки и сосчитать ратныхъ людей. Ничего не зная о судьбѣ своего лазутчика, литовскіе люди и русскіе воры бродятъ еще 31-го декабря около Бѣлозерска, въ надеждѣ получить желанныя свѣдѣнія, тогда какъ Сигизмундъ, встрѣчая кругомъ неудачу, еще 21-го декабря снялъ осаду Волоколамска и ушелъ въ Польшу; за нимъ стали двигаться изъ Россіи и другіе мелкіе отряды. Съ 1613 года мы не встрѣчаемъ уже о нихъ извѣстій.

IV.—То, что случилось подъ Москвой съ Иваномъ Философовымъ, то, что случилось подъ Бѣлозерскомъ съ Иваномъ Коротыгой, Романомъ Текутовымъ, Верещакомъ Титовымъ, Демьяномъ Никифоровымъ, то же могло случиться и подъ Костромой съ Иваномъ Сусанинымъ. Г. Костомаровъ въ своемъ изслѣдованіи объ этомъ лицѣ ¹⁾ доказываетъ всю несостоятельность мнѣя о немъ, перешедшаго безъ критики въ сочиненія Павлова, Константинова, Устрялова, Щекатова, Глинки, Бантыша-Каменскаго, кн. Козловскаго и друг. Сопоставляя басню съ жалованной грамотой Михаила Ѳеодоровича дѣтямъ Сусанина, онъ приходитъ къ отрицанію факта въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ фактъ существуетъ теперь. Чтобы объяснить присутствіе литовскихъ людей въ концѣ февраля или началѣ марта 1613 года подъ Костромой, г. Костомаровъ примыкаетъ къ мнѣнію г. Соловьева объ убійствѣ Сусанина русскими разбойниками, но вводитъ въ шайку послѣднихъ и поляковъ; принимая же во вниманіе слова Михаила Ѳеодоровича въ грамотѣ, что онъ въ это время находился въ Костромѣ, укрѣпленномъ и защищенномъ городѣ, уважаемый историкъ не видитъ даже повода къ самопожертвованію Сусанина

¹⁾ Историческія монографіи и изслѣдованія, т. I.

и въ III-мъ томѣ своего сочиненія: „Смутное время московскаго государства“, изъ желанія, все-таки, согласить грамоту съ пребываніемъ въ Россіи литовскихъ людей, высказываютъ такое произвольное мнѣніе: „Правдоподобно было бы допустить, что это происшествіе случилось не въ костромскомъ уѣздѣ, а гдѣ-нибудь поближе къ Волоку, гдѣ стояли тогда польскіе и литовскіе люди. Они должны были знать о желаніи русскаго народа избрать Романова, и очень естественно было дать какому-нибудь развѣзду, который отправлялся за продовольствіемъ, порученіе развѣдать, гдѣ находился Михаилъ Романовъ. Отправленные въ развѣздъ могли схватить крестьянина изъ вотчины Михаила и допрашивать его, а другихъ русскихъ, которые могли быть при этомъ, не трогать, если они были изъ другихъ мѣстностей, не принадлежали Романовымъ и, слѣдовательно, не возбуждали подозрѣнія, что они знаютъ о мѣстопробываніи Михаила. Эти послѣдніе и могли принести объ этомъ событіи вѣсть въ Кострому. Зять Сусанина, просившій черезъ семь лѣтъ себѣ вознагражденія за смерть тестя, могъ не знать въ точности, гдѣ убійство совершилось, а подъячіе, не всегда соблюдавшіе точность выраженій въ грамотахъ, могли поставить извѣстіе о приходѣ польскихъ и литовскихъ людей въ костромской уѣздъ“. (стр. 289). Такимъ образомъ г. Костомаровъ относитъ разбираемое событіе къ декабрю 1612 года, не обращая вниманія на то, что въ специальномъ, своемъ изслѣдованіи объ „Иванѣ Сусанинѣ“, предполагаетъ его между избраніемъ Михаила въ концѣ февраля и выѣздомъ его изъ Костромы въ первой половинѣ марта. Въ этомъ же изслѣдованіи онъ замѣчаетъ, что басня о Сусанинѣ не имѣетъ никакого положительнаго основанія, кромѣ неопредѣленно рисующей событіе грамоты, что „до XIX-го вѣка никто не думалъ видѣть въ Сусанинѣ спасителя царской особы, а подвигъ его считать событіемъ исторической важности, выходящимъ изъ обычнаго уровня“ (стр. 439). Г. Костомаровъ прибавляетъ, что даже обильная грамота дана была дѣтямъ Сусанина только черезъ 6 лѣтъ, въ 1619-мъ году, и то по просьбѣ матери, тогда какъ крестьяне Тарутины, жители Обонежской пятины, Егорьевскаго погоста Толгуйской волости получили грамоту въ мартѣ 1614-го года за менѣ значительную услугу, чѣмъ услуга Сусанина, за сообщенія инокинѣ Марѣѣ свѣдѣній о здоровьѣ ея мужа. Малозначительность подвига Сусанина онъ справедливо видитъ въ молчаніи современниковъ даже тогда, когда къ воспоминанію этого подвига костромича представлялись самыя

благопріятные случаи. Г. Соловьевъ въ IX т. своей „Исторіи Россіи“ (стр. 10), вполне основательно подозрѣваетъ слова грамоты о литовскихъ людяхъ, когда эти послѣдніе оставили Россію еще въ декабрѣ 1612-го года, и потому предполагаетъ смерть Сусанина отъ воровскихъ козаковъ. Кн. Козловскій, развившій эту басню до крайней степени, хотя и относитъ первую грамоту дѣтямъ Сусанина не къ 30-му ноября 1619-го года, а къ 1-му ноября 1613-го года, но ошиба-
 адѣсь ясна изъ чиселъ грамоты („Взглядъ на исторію Костромы“, стр. 160); въ началѣ ея говорится, что литовскіе люди приходили подъ Кострому въ *прошломъ* 1613-мъ году, а въ концѣ читаемъ: „дана сія наша царская жалованная грамота въ Москвѣ 1613-ю года ноября въ 1-й день“. Въ грамотѣ же Екатерины В. 1767-го года, подтверждающей всѣ предъидущія (1619, 1633, 1641 и 1691 г.) и приводимой кн. Козловскимъ дальше, первой названа та, которая дана въ 1619-мъ году. Самый фактъ спасенія Сусанинымъ царской жизни онъ полагаетъ случившимся около времени избранія Михаила Романова на царство. Мы же думаемъ, что гораздо вѣрнѣе будетъ относить подвигъ Сусанина не къ февралю или марту 1613-го года, а къ половинѣ декабря 1612-го года. Въ этомъ мнѣніи насъ поддерживаетъ кн. Козловскій, утверждая на стр. 96 своего сочиненія, что изъ подъ Костромы литовскіе люди отиравились къ Бѣлозерску, а подъ Бѣлозерскомъ, какъ мы знаемъ изъ слѣдственнаго дѣла о лазутчикахъ, они являются во второй половинѣ декабря. Грамота Михаила Ѳеодоровича, данная зятю Сусанина въ 1619-мъ году, вовсе не противорѣчитъ намъ; въ ней сказано: „какъ мы, великій государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руси, въ прошломъ 121 (1613) году были на Костромѣ и въ тѣ поры приходили въ Костромской уѣздъ польскіе и литовскіе люди“... Итакъ, по грамотѣ, приходъ литовскихъ людей подъ Кострому имѣлъ мѣсто въ 1613-мъ году, но должно помнить, что, въ то время, годъ начинался не съ 1-го января, а съ 1-го сентября; слѣдовательно, и въ декабрѣ 1612-го года, по январьскому счисленію, шелъ уже четвертый мѣсяцъ 1613-го сентябрьскаго года. Такимъ образомъ, нѣтъ необходимости предполагать, вмѣстѣ съ г. Костомаровымъ, мѣста дѣйствія подъ Волокомъ и думать, вмѣстѣ съ нимъ и г. Соловьевымъ, что Сусанина убили русскіе воры, въ грабежахъ и разбояхъ которыхъ принимали участіе и поляки. Ясно, что въ Костромской уѣздъ польскій отрядъ былъ заведенъ окольными путями, такъ что никто о

немъ даже не зная, введенъ намѣреніемъ собрать необходимыя свѣдѣнія для того, чтобы потомъ отрѣзать столицу отъ окружающихъ ее городовъ. Поляки, вѣроятно, подходили тогда не къ одному Бѣлозерску или Костромѣ, но и къ другимъ городамъ, о чемъ, въ сожалѣнію, извѣстій не сохранилось. Только при этомъ предположеніи, намъ кажется, и можно согласить слова грамоты о литовскихъ людяхъ съ дѣйствительностью. Смерть Ивана Сусанина могла быть, поѣтому, вызвана или отказомъ его на требованіе идти въ Кострому лазутчикомъ и сдать городъ, какъ помогались этого поляки отъ Демьяна Никифорова и, вѣроятно, отъ Романа Текутова, должно быть, только затѣмъ и взятаго литовскими людьми и только согласіемъ спасшаго свою жизнь; или отказомъ на требованіе провести отрядъ безопаснымъ путемъ далѣе куда-нибудь, какъ вынудили это литовскіе люди отъ Верещажки Титова; или, наконецъ, отказомъ на требованіе дать денегъ и сдать городъ, какъ отказалъ въ этомъ литовскимъ людямъ убитый ими бѣлозерецъ Иванъ Коротыга.¹⁾ Такое предположеніе мы основываемъ на молчаніи современниковъ о покушеніи поляковъ на жизнь избраннаго царя, на поздней выдачѣ обѣльной грамоты дѣтямъ Сусанина, на безразличномъ отношеніи спасеннаго царя къ такому важному подвигу, вознагражденному имъ лишь по просьбѣ матери и то черезъ шесть лѣтъ. Если крестьяне Тарутины получили грамоту въ мартѣ 1614-го года, то ихъ заслуга была извѣстна, дѣло же Сусанина темно; зачѣмъ его схватили литовскіе люди, чего они отъ него требовали, могъ никто не знать, а полное невѣдѣніе относительно польскихъ требованій, мы думаемъ, и поддержало Богдана Собинина и его жену, когда они утверждали, что поляки спрашивали о царѣ, тѣмъ болѣе что въ приходѣ ихъ подѣ Кострому никто не сомнѣвался, а царь жилъ въ этомъ городѣ, слѣдовательно и вопросы поляковъ были естественны. Поздняя выдача грамоты Богдану Собинину объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что, онъ самъ долгое время не считалъ себя въ правѣ и потому не рѣшался бить челомъ государю о вознагражденіи за смерть тестя. Только завидный примѣръ Тарутиныхъ да убѣжденіе въ томъ, что такъ какъ царь находился въ Ко-

---

¹⁾ Отъ него поляки очень легко могли требовать сдачи Бѣлозерска, потому что онъ самъ былъ посадскимъ человѣкомъ, жилъ въ городѣ и, при желаніи, могъ много сдѣлать въ пользу поляковъ.

стромѣ, а сдавать этотъ городъ и идти туда лазутчикомъ не захотѣлъ Сусанинъ, слѣдовательно онъ спасъ жизнь государя, поплатившись своей, могли подѣйствовать на Собинина и его жену и заставить ихъ изъ требованія сдачи города или лазутчества заключить о требованіи свѣдѣній о томъ, гдѣ царь. Но мы уже сказали, что происшествіе это имѣло мѣсто въ половинѣ декабря 1612-го года, когда о выборѣ царя не было еще извѣстно ничего положительнаго, а въ 1613-мъ году, когда избрали Михаила, поляковъ не оставалось уже въ Россіи. Поэтому-то сира-ведливѣе, кажется, утверждать, что Иванъ Сусанинъ пожертвовалъ своей жизнью за великое земское дѣло, и потому заслуживаетъ такого же уваженія и награды, какъ и замученный литовскими людьми бѣло-зерецъ Иванъ Коротыга.

И. Каманнъ.

Вотъ самый подлинникъ, только что разобранный нами:

Отъ начала акта, ¹⁾ заключавшаго въ себѣ, надо думать, подробности о поимкѣ лазутчика Демки Никифорова, уцѣлѣли только слова..... „козакъ Ѳеодор..... но, да козацей сотенный дьячек Герасим,“ имена, вѣроятно, лицъ, схватившихъ этого преступника.

И декабря жъ въ 27 день. Воевода Грігорей Ѳеодоровичъ Образцов да дѣакъ Богдан Ильинъ того же детину Демку Микіеорова розпрашивали. И тотъ детина сказалъ въ роспросе, что онъ дворцовые Чужбойскіе волости, зовутъ Демкою Микіеоровымъ, деревни Старинскіе; а въ роспросе онъ до пытки сказалъ, какъ же нынѣ были у нихъ въ дворцовой Чужбойской волости литовскіе люди і взяли его изъ Чужбойской волости с собою в полонъ в белозерско . . . . . его, Демку, добровольно на Белоозеро в лазутники осмотрити на Белѣозере острогу, и в остроге, и на башняхъ наряду, и осмотра дей было на Белоозере ему острогу, и людей и наряду, итти было ему з Бе-

---

¹⁾ Между актами юго-западнаго края, хранящимися въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, находится 81 свитокъ преимущественно съ юридическими актами до петровскаго времени сѣверныхъ губерній: Новгородской, Орловской, Казанской. Въ нашъ Архивъ они доставлены мѣстной Археографической Коммиссіей и записаны въ каталогъ подъ № 5882, будучи приняты не за отдѣльные документы, а за книгу, причемъ число свитковъ выставлено за число листовъ. Издаваемый актъ стоитъ особнякомъ между ними, не имѣетъ сходныхъ по содержанію, а потому и печатается нами отдѣльно. Свитокъ состоитъ изъ 51 склееннаго листка, начальныя же безслѣдно погибли. Мѣста склейки скрѣплены, хотя не вездѣ, подписью „дѣака Богдана Ильина“. Общая длина свитка, помѣченнаго № 8, равна 600, а ширина 6 (въ одномъ мѣстѣ $5\frac{3}{4}$) дюймамъ.

лаозера к ним, литовскимъ людямъ, в Ноугородцкой уѣздъ в Андому велику, по их литовскихъ людей вслѣнюю; а какъ дей бы на Белѣозере острогу, и людей, и наряду осмотриш, и к намъ прїдеш, и мы дей тебя пожалуемъ; а какъ дей его, Демку, от себя на Белоозеро отпустили, ему дей дали всего на прохоть денегъ шесть алтынъ и денги..... дей того тѣ литовскіе люди ничего ему, Демке, не давали; и какъ дей у них, у литовскихъ людей, большого пана зовутъ или и иныхъ пановъ, того дей онъ не вѣдаетъ; а всего дей ихъ, литовскихъ людей, триста человекъ; тѣ же дей литовскіе люди, которые были по лѣту на Белѣозере и Белоозеро погромили; а какъ дей его, Демку, тѣ литовскіе люди от себя из Белозерскаго уѣзда из Куйскіе волости на Белоозеро въ лазутникехъ отпустили, тому сего—дня, декабря въ 27 день, недѣля а говорили дей тѣ литовскіе люди промеж собою, какъ дей я, Демка, прїду к ним, паномъ, з Белоозера с вѣстью и имъ дей, литовскимъ людямъ, итти на Белоозеро на крещеніе Христова Кирилова монастыря на вогчину на село Мегру. Да онъ же, Демка, сказалъ: былъ дей у тѣхъ же у литовскихъ людей взятъ въ полонъ Комоневскіе волости з Долгово Верещажа Титовъ; и того дей Верещажку тѣ литовскіе люди отпустили напередъ его (на лошади) ¹⁾ на Белоозеро острогу, и людей, и нарядъ смотрити, а дали дей ему Верещажке отъ того кастанъ шубной; да онъ же дей, Демка, опозналъ у тѣхъ у литовскихъ людей Белозерскаго уѣзда с Мондры Ивашка Максимова, что былъ на Белѣозере в стрелцахъ законѣжныхъ погостовъ, Семейкою звали его, сотни трехъ человекъ стрелцовъ, а имянъ дей имъ онъ не упомянетъ.

И восвода Григорей Ѳедоровичъ Образцовъ, да дїакъ Богданъ Илинъ, и белозерскіе посадцкіе земскіе старосты Иванъ Павловъ да Обросимъ Ѳедоровъ, і выборные совѣтные люди, и земскіе люди велѣли того Демку въ томъ его лазутчествѣ пытати, хто с нимъ иные товарищї посланы отъ литовскихъ людей, есть-лі ихъ кому онъ посланъ, и грамоты какіе, с нимъ отъ литовскихъ людей х кому имянемъ посланы, есть-лі.

И Демка Микіфоровъ того жъ дни пытанъ и на пытке говорилъ, что дей его тѣ литовскіе люди послали на Белоозеро къ белозерцу къ посадцкому человеку, к Самутѣ Ѳедорову, сыну Тимошина, а велѣли

---

¹⁾ Слова, взятія нами въ скобки, вездѣ означаютъ приписки и поправки надъ строками.

ему, Демке, у него провѣдати подлинно про белозерскіе засѣки и про белозерской острогъ, и сколько на Белѣозере въ остроге людей и наряду; а грамотъ дей съ нимъ, Демкою, от литовскихъ людей к нему, Самутке, и к иному никому и никакого писма не послано; да тѣже дей литовскіе люди послали на лошади к нему, белозерцу, к Самутке Федорову, на Белоозеро Комоновскіе волости, в Долгово, Верещажку Тітова, а велѣли тому Верещажке у того ж Самутки провѣдати на крепко про тѣ же белозерскіе засѣки, и про белозерской острогъ, и сколько на Белѣозере въ остроге людей, и наряду; и тот дей Верещажка для того хотѣлъ к нему ж, Самутке, на Белоозеро быти, а дали дей литовскіе люди от того тому Верещажке каѳтанъ шубной, да пят рублей денег, да двѣ шапки женскіе червчаты, да шапку мужскую синюю, под нею мерлушка черная, пух выдраной, да манисто серебряннос с кресты. А тот дей Самутка был в Комоновской волости в белозерцомъ, с посадиным человекомъ съ Иваномъ с Коротыгою; и того дей товарища его, Самуткина, тѣ литовскіе люди ссѣкли, а его, Самуту, взяли; и был он, Самута, у тѣх у литовскихъ людей два дни; и тѣ дей литовскіе люди дали ему, Самутке, тридцат рублей денег и положили с ним, Самутою, тѣ литовскіе люди на слове, что ему провѣдати белозерскихъ засек и белозерскаго острогу, и в остроге сколько людей, и наряду; и для того его, Самуту, и отпустили от себя литовскіе люди на Белоозеро добровольно, а не ушел он, Самута, от нихъ, от литовскихъ людей; и послали дей они, литовскіе люди, для того к нему, Самуте, тое Комоновскіе волости того Верещажку Тітова, а как дей тѣ рѣчи с ним, Самутою, тѣ литовскіе люди говорили и денги тридцат рублей, да тому Верещажке каѳтанъ шубной, да пят рублей денег, да манисто, да двѣ шапки женскіе червчатые, да шапку женскую дали, да и онъ в тѣ поры у тѣх у литовскихъ людей был скован въ избѣ в углу, и тѣ рѣчи слышел, и как имъ денги давали, видел; да и тот Верещажка тѣ рѣчи слышел же, и как литовскіе люди про то ему, Самутке, говорили и денег тридцат рублей дали, то видал же; а тѣ дей денги дали ему, Самуте, и тому Верещажке денги ж и каѳтанъ шубной, и двѣ шапки женскіе, да шапку мужскую и манисто в Комоновской волости в деревне в Ондрѣевской у Поспѣлка; а отнуд дей его имени неупомнит; и того дей Поспѣлка литовскіе люди ссѣкли; и того дей Поспѣлкова мать, и имени еѣ не упомянет же, видала ж то, как тѣ литовскіе люди тому Самутке тридцат рублей и Верещажке пят рублей, и каѳтанъ

шубной, и двѣ шапкі женскіе, да шапку мужскую, и манисто дали; да тѣ же дей литовскіе люди, привели с собою из Ноугородскаго уѣзда в тоѣ въ Комоновскую волость шестеро робят, и тѣ дей робята видѣли, как тому Самутке тритцат рублей да тому Верещажке пят рублей, да каѳтан шубной, да двѣ шапкі женскіе червчаты, да шапку мужскую, да манисто дали.

И воевода Григорей Ѳеодоровичъ Образцов, да діакъ Богданъ Илинъ, и земскіе люди велѣли того Демку пытати въ другіе, и огнемъ жен на крепко при нем белозерце, Самуте Ѳедорове; и Демка сказалъ тѣже рѣчи, что его Демку и Верещажку послали литовскіе люди провѣдати про белозерскіе засѣки, и про белозерской острог, и сколько в остроге людей, и наряду, к тому к посадцкому чловѣку, к Самутке Ѳедорову; и два дни он, Самутка, у них у литовскихъ людей, был и тритцат рублей ему денег дали для того его добровольно от себя отпустили; и тому Верещажке пят рублей, да каѳтанъ шубной, да двѣ шапкі женскіе червчаты, да шапку мужскую, да манисто дали отъ того, чтоб он, Верещажка, к тому Самутке на Белоозеро шел и про белозерскіе засѣки, и про белозерской острогъ, и про люди, и про наряд у него, Самутки, провѣдалъ; и та баба, Поспѣлкова мать, и шестеро робят ноугородскихъ полоняников, и тот Верещажка видѣл, как ему Самутке тѣ литовскіе люди тритцат рублей дали.

И белозерец Самутка Ѳедоров з Демкою с Микіѳеровым с очей на очі сказал, что он у тѣх литовскихъ людей не бывалъ, и двух ден у нихъ не живал, и тритцати рублей денег от литовскихъ людей не имывалъ, и меня, Самутки, добровольно от себя не отпущивали, чтоб ему про белозерскіе засѣки, и про белозерской острогъ, и про людей, и про наряд на Белѣозере провѣдывати.

И воевода Григорей Ѳеодоровичъ Образцов, да діакъ Богданъ Илинъ, и земскіе люди велѣли послати приставовъ въ Комоновскую волость по того Верещажку Тітова да по бабу Поспѣлкову мат; и по нѣх послали; и наказ дан; а въ наказе пишет:

Лѣта 7121, ¹⁾ декабря въ 27 день. — По указу Московскаго государства бояръ и воеводъ, боярина и воеводы князя Дмитрея Тимофее-

---

¹⁾ 1612-го года, по современному лѣтосчисленію, а по прежнему, сен-тябрскому, это былъ уже 1613-й г.

внча Трубещкого, да столника и воеводы князя Дмитрея Михайловича Пожарского с товарищѣ. Воевода Григорей Ѳедорович Образцов да діакъ Богданъ Илинъ велѣли ѣхати бѣлозерцу посадцкому чловѣку Якову Зиновьеву, да козакомъ Иванову станицы Анисимова Образу Ондрѣеву с товарищѣ пяти чловѣкомъ, да Добрынины станицы Степанова Григорю Семенову с товарищѣ пяти чловѣкомъ, да стрелцомъ Нехорошего сотни Узунова, стрелцомъ, Петру Иванову с товарищѣ, пяти чловѣкомъ, да разсылщичу Миките Денисову в Бѣлозерской уѣздѣ, в волость в Команевскую, в деревню Надолгое, а приѣхавъ, взяти з собою в товарищѣ Команевскіе ж волості крестьянина Митю Пирогова и команевскаго старосту, в той деревне Надолгомъ взяти крестьянина Верещажку Тітова, да в деревне Ондрѣевской бабу Поспѣлкову матер для свидѣтельства (к допросу); а взяв, привезті ихъ на Белоозеро к воеводе к Григорію Ѳедоровичу Образцову, да к діаку к Богдану Илину, и к бѣлозерскимъ къ земскимъ старостамъ, и к целовалникомъ, и к выборнымъ к совѣтнымъ людямъ для великаго земскаго дѣла, сковавъ крѣпко; и дорогою вести его порознь, и в мѣсто ихъ не спущати от волості до волості с провожатыми бережно, чтоб онъ, Верещажка, и баба з дорогі у нихъ не утеклі и дурна над собою никакого не учинили, чтоб ихъ до Белоозера довести живыхъ; а буде его, Верещажки, дома не из д..... посадцкому чловѣку Якову, и козакомъ, и стрелцомъ, и розсылщичу того Верещажку и бабу Поспѣлкову матер сыскати, гдѣ про нихъ скажутъ, а сыскав, привести на Белоозеро для великаго земскаго дѣла; а дорогою тѣмъ колодникомъ ѣдучи, и настанетъ между себя сходитца и говорити не давати, а имати имъ под себя и под колодниковъ от Белоозера от волості до волості и назад до Белоозера, чемъ хто не буді, безо мѣны подводы вездѣ, не мешкая ни часу. К сей наказной памяти воевода Григорей Ѳедоровичъ Образцовъ печатъ свою приложилъ.

И декабря въ 28 день.—Бѣлозерской посадцкой чловѣкъ Яковъ Зининъ с казаки, и стрелцы изъ Команевскіе волості, из деревни из Долгова крестьянина Верещажку Тітова на Белоозеро привели, а про бабу, про Поспѣлкову мать, сказали, что таковы бабы, а Поспѣлковы матері, и в Команевскоі волості нѣтъ, и таковой деревни Ондрѣевскіе нѣтъ же; да тое дей Команевскіе волості крестьянинъ Митя Пировъ, котораго было имъ велѣно взяти с собою, сказалъ, что таковы у нихъ Ондрѣевскіе деревни и в Команевскоі волості нѣтъ, и таковы бабы Поспѣлковы матері нѣтъ же.

И воевода Григорей Федорович Образцов, да дѣакъ Богданъ Ильинъ, и белозерскіе посадцкіе земскіе старосты Обросимъ Федоровъ да Иванъ Павловъ, и белозерскіе совѣтные люди, и всѣ посадцкіе люди, и ратные жъ люди, казаки, и стрелцы Белозерскаго уѣзда Комоневскіе волости крестьянина Верещажку Тітова приговорили пытать; того жъ часу и на пытке Верещажка сказалъ, что ему литовскіе люди шубной казанъ дали за то, что ихъ проводилъ въ Куйскую волость. А другорада сказалъ на пытке жъ: виделъ онъ у литвы кабы.... Сипцова сына изъ Мондры да Огафонкомъ зовутъ, что былъ у Семена у Сатинникова, а зовутъ дей у нихъ, у литвы, большаго человѣка атаманомъ, а имяніе ему не знаетъ; а того дей мнѣ, Верещажке, литовскіе люди не говаривали, что мнѣ отъ нихъ итти на Белоозеро въ лазутникахъ къ тому белозерцу, къ Самутке Федорову.

И после того распросу, воевода Григорей Федоровичъ Образцовъ, да дѣакъ Богданъ Ильинъ, и земскіе старосты, и совѣтные люди, и казаки, и стрелцы велѣли его Верещажку обмыти водою и на головѣ пробрѣти да пытать; и после того Верещажка пытанъ, ажъ огнемъ зженъ и на пытке и на огнѣ сказалъ, что тотъ Самутка у литовскихъ людей два дни былъ и тридцатъ рублей литовскіе люди ему дали; а тѣ дей тридцатъ рублей денегъ даліе тому Самутке литовскіе люди на Комоневе деревне, на Дунаеве, а взяла дей литва его, Самутку, и меня, Верещажку, въ той въ Комоневской волости въ деревне на Дунаеве жъ съ нимъ, Самутою, въ одномъ мѣстѣ; да принятіе дей было ему, Верещажке, отъ литовскихъ людей на Белоозеро къ тому, Самутке, провѣдывати про острогъ, и про нарядъ, и сколько въ городе людей; а провѣдавъ у того Самутки про всѣ подлинно, итти было ему, Верещажке, зъ Белоозера къ литовскимъ людямъ; а какъ бы дей онъ, Верещажка, зъ Белоозера къ литовскимъ людямъ отъ Самутки пришолъ, и имъ дей, литовскимъ людямъ, приходити было къ Белоозеру, а ему дей было, Самутке, въ тоѣ пору городъ здати; а какъ дей тридцатъ рублей ему, Самутке, тѣ литовскіе люди даліе и онъ то, Верещажка, виделъ, да Романъ Ивановъ сынъ Текутовъ, да Оленка Юшкова, да Митя Пироговъ съ сыномъ.

И воевода Григорей Федоровичъ Образцовъ да дѣакъ Богданъ Ильинъ приговорили белозерца Самутку пытать; и белозерецъ посадцкой чело-вѣкъ, Самутка Федоровъ, билъ челомъ, чтобъ дей у Верещажки допрошались, у которыхъ онъ у литовскихъ людей взятъ былъ. И того же часу, у

пытке постояв немного, сказал, что он был у литовскихъ людей у первых, а не у послѣднихъ.

И воевода Григорей Федоровичъ Образцовъ да дѣакъ Богданъ Илинъ приговорили того белозерца Самутку Федорова тотъ часъ пытать. И Самутка пытанъ накрепко и на пытке говорилъ, что онъ у литовскихъ людей ни у которыхъ взятъ не бывалъ и тридцати рублей денегъ не имывалъ, а много ничего на себя не говорилъ. И того жъ часу, по того Митю Пирогова, да по сына его, да по Ромашку Текутова, да по Оленку Юшкову жену послано; и наказъ данъ; а в наказѣ пишетъ:

Лѣта 7121, декабря въ 28 день. По указу Московскаго государства бояръ и воеводъ, боярина князя ¹⁾ Дмитрея Тимофѣевича Трубецкаго да столника и воеводу князя Дмитрея Михайловича Пожарскаго с товарищы, воевода Григорей Федоровичъ Образцовъ да дѣакъ Богданъ Илинъ велѣли ѣхати белозерцу посадскому человѣку Худяку Безсонову, да Добрынины станицы Степанова казакомъ стѣ Гаврілову да Ивану Карпову, да стрелцемъ Нехорошеву сотни Узупова Ивану Степанову да Овдакиму Ондрѣеву, да розсылщику Никите Денисову, в Белозерскій уѣздъ въ волость въ Комоневскую, в деревню Надолгое; а приѣхавъ, взяти тоѣ деревнѣ крестьянина Митю Пирогова, да сына его, да Романа Иванова, сына Текутова, да Олену Юшкову жену; а взявъ, привести ихъ на Белоозеро к воеводе къ Григорю Федоровичу Образцову, да к дѣяку к Богдану Илину, и к земскимъ людямъ (для великаго земскаго дѣла) к допросу, с собою вмѣстѣ, часа этого; а буде Митя Пироговъ, и Романъ Текутовъ, и Олена Юшкова жена, гдѣ будутъ въ уѣздѣ и гдѣ про нихъ скажутъ, и ихъ, ѣхавъ тоѣ Комоневское волости с старостою и со крестьяны, сыскати, гдѣ про нихъ скажутъ. И сыскавъ потому жъ, привести на Белоозеро, с собою в мѣстѣ, часа того; а имати розсылщику и посадскому человѣку от Белоозера до Комонева и назад до Белоозера под себя и под колодниковъ подводы с санями да проводники в оглобли.

И декабря въ 31 день.—Белоозерецъ посадкой человѣкъ Худяковъ-Безсоновъ с товарищы на Белоозеро прибежали и в роспросѣ воеводе Григорю Федоровичу Образцову да дѣяку Богдану Илину сказали, что они до Комоневскіе волости не доѣхали, потому въ которую

¹⁾ Слово: „и воеводы“, вычеркнуто.

пору з Белоозера посылали в подѣздъ атамана Ивана Онисимова с станицею в Белозерской уѣздъ в Судцкой стан под литовскихъ людей; и онъ дей, Худяковъ, с товарищи в Замошской волості стрѣляли литовскихъ людей и русскихъ воровъ; и они дей отъ нихъ утекли на лес, и из лѣсу, пришли на Белоозеро и по наказу потому они до Комоневскіе волості и не доѣхали. (Ильина?).

121 г. февраля въ 20 день, Самуткина жена принесла челобитную; и воевода Степанъ Микиѳоровъ Чепчуговъ посылать тые челобитною к земскимъ людям с розсылщикомъ съ Илейкою Костоусовымъ; и земскіе люди Иван Бабин с товарищи приговорили: дати на поруки до сыску; и поручная запись подклеена подъ сеею челобитною.

Московскаго государства боярам и воеводам и всей землѣ бьет челомъ бѣдной заключенной, сирота белозерец, посадцкой человекъ, Самутка Федоровъ. В нынѣшнем, государи, во 121 году, говорил на меня сироту, по недружбе, Чужбойской волості Демка, бутто я, сирота, был у воровскихъ людей литовскихъ и имал денги; и в том я бѣдный не повинен, неповинно кров пролил, на пытке былъ и животъ свой мучилъ, а говорити было мнѣ на себя нечего; и после, государи, пытки, животъ свой мучу: сижу за приставы в чепѣ и в желѣзахъ одиннадцатъ недѣлъ; а в кою пору, государи, грехомъ своимъ после пытки животъ свой мучу: сижу за приставы,—и в тоѣ пору, государи, ворововскіе литовскіе люди отца моего Федора и двухъ братьевъ родныхъ в Чужбойской волості посѣкли и животы, и статки всѣ разграбили; и я, сирота, муча животъ свой за приставомъ, и достал в конецъ погибъ, и головы и живота остал. Смілуйтесь, Московскаго государства бояре, и воеводы, и вся земля! дайте бѣдному свѣтъ видѣти, велите выкинути на поруку, чтоб и достал, сидя за приставомъ, в конецъ не погибъ. Государи, смілуйтесь! ¹⁾

Се яз, Тихонъ Наумов, сын Семенова, да яз, Гаврило Клементьевъ, сынъ Мокшиева, да яз, Дмитрий Козлин, сынъ Софронова, да яз,

---

¹⁾ На оборотѣ этой челобитной находится слѣдующая приписка: „воевода Степан Микиѳорович Чепчугов посылал к земскимъ людям“. (?)

121-го г. февраля въ 20 день. Земскіе люди, староста Иванъ Бабинъ с товарищи, прислали съ розсылщикомъ съ Илейкою Костоусовымъ, а велѣли и приговорили: дати на поруки, пока мѣста сыщется.“

Зеленя Иванов, сынъ Локтев, да яз, Грегорей Перволю, сынъ Анофре-
ева, да яз, Степан Васильев, сынъ Чепыжников, да яз, Огаеон Оксе-
нов, сынъ Старцов, да яз, Иван да Семен Василевы, дѣти Зимонова,
да яз, Оксентъ Илинъ, сынъ Конинена, да яз, Оома Еоимов, сынъ Ку-
личев, да яз, Томило Лазарев, сынъ Башмаков, да яз, Первой Харито-
нов, сынъ Худошева, да яз, Посникъ Оеонасьевъ, сынъ Перхі-
на, да яз, Выбор Онтонов, сынъ Колосов, да яз, Ортема да Са-
велей Ивановы, дѣти Бызова, да яз, Трооим Никитин, сынъ Тікимъ,
да яз, Савелей Григирьев, сынъ Голопузовъ, бѣлозерскіе посад-
цкіе люди, вручили есмы у белозерскаго розсылщика у Архипа
Ермолова белозерца посадцаго челоуѣка Самойла Оедорова, сына Ти-
мошина, в том: в нынешнемъ въ 121 году, декабря въ 27 день, на Бе-
лѣозере переиманы лазушники Чужбойскіе волості крестьянін Демка
Микифоров да Комоневскіе волості крестьянін Верещажка Тітовъ; и
тѣ лазушники, Демка и Верещажка, на пытке перед воеводою перед
Григорем Образцовым, и перед дѣком Богданом Илиным, и перед всѣ-
ми земскими людьми говорілі на того Самутку в ссылеѣ от литовских
людей; которые литовские люди воевали в Белозерскомъ уѣзде; и ему,
Самутке, по земскому приговору ставитца за нашею порукою на Бе-
лѣозере перед воеводою перед Степаном Микиѣоровичем Чепчуговым,
да перед дѣком Шестым Копніным, и перед земскими людьми по вся
дни до сыску; из Белаозера не ѣхати; а не учнетца он за нашею по-
рукою ставити перед воеводою, и перед дѣком, и перед земскими люд-
ми по вся дни до сыску, или з Белаозера съедет, и на нас на по-
ручниковъ пеня Московскаго государства бояр и воевод и всей земли;
пеню, что укажут; и наши поручниковы головы в его голову мѣсто,
а ко... насъ поручниковых лицах на том пеня и порука; а на то по-
слуси: Яков Губин, сынъ Набоков, да Тимошей, Иванов сынъ; а за-
пись писалъ Будилко Дмитріевъ, сынъ Шерепіна. Лѣта 7121. ¹⁾

Лѣта 7121, февраля въ 29 день. По указу Великія Росѣйскія
державы, Московскаго государства бояр и воевод, боярина князя Дми-
трея Тимофѣевича Трубецкаго да столника и воеводы князя Дмитрея
Михайловича Пожарскаго с товарищі, память князю Михайлу Матеѣ-

¹⁾ На оборотѣ этой поручной записи находятся слѣдующія подписи: 1) „Порушник Первунѣа руку приложилъ; 2) порушник Трафимко руку при-
жилъ; 3) послух Тимошка руку приложил; 4) послух Якуш (ко?) руку при-
ложил.“

евичу Вадбалскому (ѣхати ему) ¹⁾ в Белоозерской уѣздѣ, в Судской стан, в Комоневскую волость, въ деревню Надолгое, да в Андопалскую волость, въ Мондру, да в двор Дадую, в Чужбойскую волость; а приѣхав, велѣти ему взяті ис Комоневскіе волости деревни Долгие Митку Пирогова, да его сына, да Ромашка Иванова, сына Текутова, да Оленку Юшкову жену, да въ Мондре Ивашка Максимова; а язва, прислати ихъ на Белоозеро к воеводе к Степану Микіѳоровичу Чепчугову, да к діяку к Шестому Копнину, и к земьскімъ людямъ для великого земского дѣла к допросу того часу; а будетъ Митя Пировъ с сыномъ, и Ромашко, и Оленка Юшкова жена, гдѣ будетъ в отѣзде, гдѣ про нихъ скажутъ; и князю Михайлу Матѣевичу, взять с собою тыхъ Комоневскіе волости старостъ и крестьянъ, тѣхъ людей всѣхъ сыскати, гдѣ про нихъ скажутъ; и сыскавъ, по тому жъ прислатъ на Белоозеро тотъ часъ, а в Мондре у того Ивашка Максимова, да в Комоневской волости Надолгомъ у Верещажки Тітова, да дворцовые Чужбойскіе волости деревни Стариньскіе у Демки Микіѳорова, тѣхъ волостей с попы, и с старосты, и с целовалникі, и слутчимі крестьяны, животы ихъ и статкі всѣ, и хлѣбъ всякой в житницахъ, и лошади, и коровы, і всякую животину, и на поляхъ стоячей немолоченной всякъ хлѣбъ переписать; а переписавъ, запечатати до боярскаго указу и приказати беречи тѣхъ же волостей старостамъ и целовалникомъ с поруками; да тѣмъ ихъ животомъ переписной списокъ за поповымі, и за понятымъ людей, и за своимі руками и с посторожихъ в стороже въ тѣхъ животехъ поручные записі привезти на Белоозеро к воеводе к Степану Микіѳоровичу Чепчугову да к діяку к Шестому Копнину с собою вмѣстѣ. К сей наказной памяти воевода Степан Микіѳоровичъ Чепчуговъ печать свою приложилъ.

Лѣта 7121 году Марта 2-го дня. По государеву цареву і великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи указу, и по наказной памяти воеводы Степана Микіѳоровича Чепчугова, да діяка Шестова Копнина, князь Михайло Матѣевичъ Вандобалской спрашивалъ священника, и старосту, и крестьянъ про Демку Микіѳорова, про дворъ и животы в деревне Старинской; и священникъ Пречистовской Демѣнтей Васильевъ сказалъ по священству, а староста Лѣвонтей Карповъ, да Истома Трофимовъ, да Волокита Павловъ, да Пареевъ Ѳеодоровъ, да

¹⁾ Падъ двумя этими словами зачеркнуты два другія: „приѣха ему.“

Михайло Ондриевъ, да Пракуда Нечаекъ, да Оедор Томилов, да Рата Кузмин и все крестьяне Чужбойские волости сказали, что в деревни в Старинской Демка Микіѳоровъ не жывалъ, и животов и статков нет его; а ту деревню Старинскую, крестьян литовские люди выселили крестьян и деревню сожгли; то наши ричи, а слов оные ричи писал Чужбойские волости земской диячекъ Завялко Онанин.¹⁾

Лѣта 7121 году, марта в 4 день. Князю Михайлу Матюевичу Вадбалскому сказали Андопалские волости Успения Пречистой Богородицы поп Нестер Гаврилов, да староста Максимъ Исаков, да Молчан Богданов, да Микита Ондриевъ, да Первой Димитреев, да Мороз Тихонов, да Логин Иванов, и все крестьяне: у нас де в Андопалской волости, въ Мондере, Ивашка Максимова нетъ; тот Ивашко Максимов записался в стрелцы летом в Кирилове монастыре, а нынеча живет в городе на Белоозере, а у нас есть Ивашко, да не Максимов; а записку писалъ Андопалские волости земьской диячекъ Шумилко Еорѣмовъ.²⁾

121 г., апрѣля (sic) в 7 день. Сказали Комоневские волости деревни Дунаева Никітка Еремѣевъ да иные крестьяне: Ивашко....., Пороша Пирогов, Плохія Малбеев, что тую жонку Оленку Юшкову убили литовские люди, как шли всуду ис под Кирилова; а Верещажа живѣт на подворе у Порошки Пирогова в бобылах, бес пашни; а животы его: двѣ коровы: корова нестрая, крапле пестрые да бѣлые, а другая корова цестра ж, черные пестрины да бѣлые; а понятые были Суцкие волости: Кіріло Иванов, Томило Игнатов; да Ваксаловские волости..... Екимов. И того пашню и животь приказалъ беречи тоеж деревни Надолгово тому ж Пороше Пирогову, да деревни Опятевские Неедку Вахромѣву, да Мішке Тімошину с товарищи.

И марта въ 7 день, на Белоозеро к воеводе к Степану Микіѳоровичу Чепчугову, да к діяку к Шестому Конніну писал князь Михайло Вадбалской и земские люди, что велено имъ по наказу в Андопалской волости, в Мондере, сыскати Ивашка Максимова; а сыскавъ

¹⁾ Надпись на оборотѣ: „К сему обыску Чужбойские волости Пречистовской поп Дементей, в дѣтей своих духовных место, руку приложилъ.“

²⁾ На оборотѣ надписано: „К сей памете поп Нестер, в дѣтей своих, духовных место, руку приложилъ.“

велею его прислати на Белоозеро тотчасъ; и Андопалские дей волості пречистенской поп Нестер Гаврілов да старосты: Максимъ Исаков, Молчан Богданов, Микіта Ондрѣевъ, Первой Дмитреевъ, Мороз Тихоновъ, Логин Иванов, и всѣ крестьяне Андопалские волості сказали имъ, что у нихъ в Мондрѣ Ивашка Максимовъ нѣтъ; тотъ дей Ивашко Максимовъ записался в стрелцы лѣтомъ в Кірілові монастырѣ, а ныне дей онъ на Белѣозере в стрелцахъ. ¹⁾

И марта въ 8 день. Ивашко Максимовъ на Белоозере в стрелцахъ сысканъ; и ставъ передъ воеводу передъ Степана Микіѳоровича Чепчугова да передъ діака Шестого Копнина, в розспросѣ сказалъ: былъ дей онъ, Ивашко, на Белѣозере в стрелцахъ, и до литовскаго разгрому посланъ былъ з Белоозера з беловерскими стрелцы на Череповскую засеку; и какъ дей литовские люди Белоозеро выжгли, и после того былъ онъ с успеньева дни в стрельцахъ в Кірілове монастырѣ, и жилъ все в Кірілове; а ис Кірилова дей отпустили его на масляной недѣлѣ в четвергъ, а на Белоозеро пришелъ в пятницу на масляной же недѣлѣ; а у литовскихъ дей людей онъ, Ивашко, не бывалъ, а былъ дей онъ все в Кирилове монастырѣ. (Объ томъ писати для справки в Кирилов монастырѣ.) ²⁾

И того жъ числа, по допросу и по сыску стрелцовъ которые, были в Кирилове монастырѣ с нимъ в одной сотнѣ, воевода Степан Микіѳоровичъ Чепчуговъ да діакъ Шестой Копнинъ велѣли того стрѣльца Ивашка изъ-за пристава свободити, потому что, сказалъ Демка, видѣлъ его у литовскихъ людей в декабрѣ въ 20 день, а тотъ Ивашко Максимовъ, по сыску, в тое пору былъ въ Кирилове монастырѣ. И воевода Степан Микіѳоровичъ Чепчуговъ да діакъ Шестой Копнинъ велѣли тому Ивашку быти на Белѣозере в стрелцахъ по прежней поручной записи.

И апрѣля (sic) в 9 день. Князь Михайло Вадбалской Ромашка Текутова да Митку Пирогова на Белоозеро привезъ.

И того жъ дни, воевода Степан Микіѳоровичъ Чепчуговъ велѣлъ передъ собою розсылчику того Ромашка Текутова къ распросу поставити. И Ромашка Текутовъ, ставъ передъ воеводу передъ Степана Микіѳоровича

¹⁾ За этимъ словомъ зачеркнуты слѣдующія: „а у нихъ дей Ивашко не Максимовъ.“

²⁾ Приписка сдѣлана другимъ почеркомъ.

Чепчугова в роспросе сказал: приезжал дей в ним в Комоневскую волость з Белоозера, по наказу, для кормовых запасов и денежнаго збору белозерские посадские земские люди Иван Коротыга, да Самутка Тимошин, да розсылщикъ Никита Денисовъ, да пят человек стрелцов, да пят человек казаков; а он дей, Ромашко, был в то время в Комоневской волости в старостах; и у нас дей про литовских людей весті учили быти не тіх; а от погосту дей он, Ромашко, живет версты з двѣ; и я дей учал их у себя унимати на..... (?) и про литовские люди имъ сказывали, и возаки дей учили его, Ромашка, бранити; да взяв дей с собою, и поѣхали в волость, и приѣхали в деревню на Дунаево ночью ж; а тут дей стоят литовские люди; и тоѣ деревни крестьян литовские люди побілі; да тут же дей литовские люди убилі земского человека Иванька Коротыгу, а его дей, Ромашка, литовские люди поймали и свезлі с собою в Куйскую волость; а Самутка Тимошинъ с товарищи, с стрелцы, и с казаки всѣ разбѣглися; а Верещажка дей был взят у литовскихъ людей в проводниках; а в одной избѣ они, Ромашко и Верещажка, у литвы связаны не бывали; а Самутка дей Тимошин у литовскихъ людей взят не был; и тридцати рублей даючи ему, Самутке, и Верещажке пяті рублей и шубнаго кафтана, и шапок, и маніста, как литовские люди давали им, я, Ромашко, не видал; а с Самуткою дей было государевыхъ денег, что собрано было с волостей, в сумочкѣ дватцат рублей, и он дей в тоѣ пору откинул тѣ денги из сумочкою в той же деревне на Дунаево на кровлю; да выбежав дей из деревни, по тѣ денгі посылал изъ другіе деревни з Долгово крестьянина Нефедка Ватрушева; и он дей ходил, да тѣ денги к Самутке и принеслъ и отдал ему, Самутке, а Самутка тѣ денгі привез на Белоозеро и отдал земским людям в приходѣ. И того ж часу воевода Степан Микіфорович Чепчугов велѣл поставити лазутника Комоневские волости крестьянина Верещажку Титова и его противъ прежних его, Верещажкиных, пыточных речей допрашивал; и Верещажка сказал, что он у посадскихъ людей, у Ивана Коротыги да у Самутки у Федорова, был в проводниках; и литовские люди его, Верещажку, да Ромашка Текутова в деревне на Дунаево взяли и свезлі с собою в Куйскую волость; а Самутка дей Тимошин денгі мирские, что были собраны с волостей, откинул от себя в той деревне Дунаево на Феднове дворѣ, да посылал по тѣ денгі из деревни з Долгово крестьянина Федка Ватрушева; и Нефедко дей, принесші тѣ денги, ему,

Самутке, и отдал, а с Ромашкомъ дей с Тешутовымъ связан он, Самутка, в мѣсте у литвы не был; а на пытке дей он Григорю Образцову, да дѣлку Богдану, и земскимъ людям, и козакомъ сказывал на себя, что видел Ромашко, как литовские люди ему, Самутке, тридцат рублев давали оттого, что было ему город литовскимъ людямъ здати, не истерпя великихъ пытокъ; а Ромашка дей того не видал, что литовские люди ему, Самутке, тридцат рублев денегъ дали, и Самутка дей у литовскихъ людей взят не бывал; а в деревне дей Дунаева Самутка от литовскихъ людей ухоронился на сараѣ да и пролежалъ; и тоѣ дей ночи, он, ушедши с тоѣ деревни, посылал по тѣ зборные денги крестьянина Нефедка з Долгово, и он дей к нему, Самутке, тѣ денги и принеслъ; а пят рублев дей было зборныхъ же денегъ на Коротыгѣ, и тѣ денги, ссѣкшій его, литовские люди сняли; да и яз дей, Верецажка, себя на пытке клепал, не истерпя многихъ пытокъ, что меня литовские люди на Белоозеро в лазутники к посадскому человѣку к Самутке Федорову посылали, и Самутке литовские люди тридцат рублев денегъ дали а ему, Верецажке, пят рублевъ денегъ, да каотан шубной, и шапки, и маністо литовские люди от лазучества не даывали и лазучити меня на на Белоозеро не посылавали; а какъ меня литовскіе люди взяли, и мнѣ дей дали каотанишко худенкое да исподчишко шапочное худое для того, что меня взяли в проводникахъ до Куйскіе волости из Комоневскіе волости; а посадцовой человѣкъ Самутка Федоровъ у литовскихъ людей взят не был, то яз клепал себя, и Самутку, и Ромашку Текутова, и Митю Пирогова с сыномъ, и женку Оленку, что оні будто видѣли, как литовскіе люди денги давали Самутке и мнѣ, Верецажке; и с Ромашкомъ, и с Митею Пироговымъ в одной избѣ связан у литвы не был.

И того жь дни, Комоневские волости деревни Долгово крестьянинъ Митя Пироговъ ставлен и в роспросе сказавъ, что он у литовскихъ людей взят не был и того дей не вѣдает: у литовскихъ людей Самутка взят ли былъ, или нѣтъ, и денегъ Самутке тридцат рублевъ, а Верецажке пят рублевъ, да каотан шубной, да шапки, и маністо литовские люди давали, не видалъ, а живет дей он, Митя, от деревни Дунаева вошемъ верстѣ; и у него, Митя, Самутка и Иванько Коротыга с товарищѣ в деревнѣ Надолгомъ не бывали; а после дей литовского разгрома, он, Митя, спелся с тѣмъ Самуткою с Тимошинимъ на лесу, и он дей ему сказывалъ, что он от литовскихъ людей ушелъ, а денегъ дей

ИСТОРІЯ МЕДИЦИНЫ.

ГИППОКРАТЪ.

Доктора **С. Ковнера.**

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

которые изъ уваженія къ его заслугамъ во время чумы конечно не замедлили исполнить его просьбу ¹⁾. Благодарные сограждане за эту услугу осыпали Гиппократъ почестями и благодареніями. Аѳиняне, между прочимъ, удостоили его права гражданства,—честь, которая рѣдко оказывалась ими иностранцу,—дальше допустили къ посвященію въ элевзинскія таинства и назначили ему и его потомкамъ пенсію ²⁾.

На многихъ изображеніяхъ Гиппократъ представленъ съ головою, покрытой либо шапкой (*pileus*), либо полый плаща, что одни считали признакомъ особаго благородства или символомъ предохраненія мѣстопробыванія разума отъ вредныхъ вліяній, другіе же объясняли выпаденіемъ волосъ или желаніемъ предупреждать головныя боли, третьи наконецъ считали выраженіемъ страсти къ путешествіямъ или темноты его произведеній ³⁾.

Такова сущность всѣхъ баснословныхъ разсказовъ о дѣяніяхъ и заслугахъ Гиппократъ. Всѣ новѣйшіе историки, начиная отъ Леклерка и Шульце, согласны въ томъ, что приведенные разсказы относятся къ области вымысла. Такъ сопутствіе Еврифона изъ о. Книда, сходство съ такимъ же анекдотомъ относительно Эразистрата ⁴⁾, въ особенности же слишкомъ отдаленное разстояніе эпохи этихъ біографовъ отъ времени описываемыхъ событій,—все это заставляетъ сильно сомнѣваться въ правдивости разсказа о чудесномъ излеченіи Гиппократомъ „любвонной чахотки“ царя Пердикки.

Знакомство Гиппократъ съ Демокритомъ не невозможно, но басня о сумасшествіи послѣдняго неправдоподобна уже потому, что она главнымъ образомъ опирается на свидѣтельство поддѣльныхъ „*Писемъ*“.

Что касается заслугъ Гиппократъ во время аѳинской чумы, то хотя объ нихъ говорятъ Варронъ и Плиній, жившіе раньше автора анонимной біографіи Гиппократъ, но они, подобно послѣднему, должно быть заимствовали эти подробности изъ „*Речи*“ Тессала и „*Писемъ*“ Гиппократъ, поддѣльность которыхъ вѣтъ всякаго

¹⁾ *Thessali legati oratio.*

²⁾ *Soranus y Sprengel's, Apologie, I, 58.*

³⁾ См. *Guardia, La médecine à travers les siècles, Paris, 1865, 155.*

⁴⁾ *Galen, Comment. I in Prognost., § 4, t. XVIII, p. 8.*

сомнѣнія ¹⁾). Но болѣе всего, по мнѣнію Литтре, противъ каковаго бы то ни было участія Гиппократъ въ прекращеніи аѳинской чумы (428 г. до Р. Х.), говорить то обстоятельство, что очевидецъ *Θυκιδιδης*, въ описаніи эпидеміи, бывшей историческимъ событіемъ, совершенно умалчиваетъ о Гиппократѣ, а также невѣроятность, чтобы у 32-лѣтняго Гиппократъ были уже сыновья и зять, которыхъ онъ будто отправилъ въ различные города Греціи для борьбы съ чумою ²⁾). Последний аргументъ Дарембергъ находитъ однако слабымъ, такъ какъ на основаніи рѣчи *Θεσσαλα* (по поводу войны, объявленной аѳинянами косскому острову) можно допустить существованіе другой чумной эпидеміи около 420 л. до Р. Х., когда слѣдовательно Гиппократъ, родившійся въ 460 г. и женатый 20 лѣтъ отроду, могъ въ 420 г. до Р. Х. имѣть двухъ сыновей, 20 и 19 лѣтъ ³⁾).

Остальные рассказы, какъ приглашеніе Гиппократъ Артаксерксомъ Лонгиманомъ, отвращеніе нападенія аѳинянъ на о. Косъ и проч. также подозрительны, какъ основанные на „*Письмахъ*“ и *Речи* *Θεσσαλα*, составляющихъ приложенія къ Сборнику Гиппократъ и признаваемыхъ всѣми историками за несомнѣнно подложныя.

Итакъ изъ всей гиппократовской легенды вполне заслуживающимъ довѣрія можно, вмѣстѣ съ Шульце, признать лишь то, что Гиппократъ дѣйствительно существовалъ, что онъ родился на о. Косѣ, что онъ былъ современникомъ пелопонезской войны, много путешествовалъ въ качествѣ врача-періодепта и оставилъ сочиненія о медицинѣ на іоническомъ нарѣчій, стяжавшія ему славу величайшаго изъ древнихъ врачей ⁴⁾).

Черты характера Гиппократъ, какъ врача и человека. Новѣйшіе біографы, какъ Мейбомій и другіе, подобно ихъ древнимъ предшественникамъ, старались изображать Гиппократъ какъ идеаль

¹⁾ Littré, l. c., Vie d'Hippocrate, I, 40.

²⁾ Тамъ же, 41.

³⁾ Dargenberg, Oeuvres choisies d'Hippocrate, XXXII—XXXV.

⁴⁾ „Unicum itaque, quod de Hippocrato Coo habemus, est illud: fuisse eum temporibus belli Peloponnesiaci et libros de medicina graeco, dialecto ionico, scripsisse“. Schulze, Historia Medicinae, Lips., 1728 p. 214.

совершенства, украшенный всѣми добродѣтелями и дарами природы. Во всѣхъ этихъ панегирикахъ, быть можетъ и похвальныхъ, многое преувеличено, но одно въ нихъ вѣрно, это—черты идеально-прекраснаго, нравственнаго характера Гиппократъ, какъ врача и человѣка. Черты эти главнымъ образомъ слѣдующія: высокое понятіе о медицинѣ вообще, о ея предѣлахъ трудностяхъ и цѣли; постоянная забота о достоинствѣ врача и обязанностяхъ его профессіи, глубокое отвращеніе къ тѣмъ, которые компрометируютъ искусство какъ своимъ шарлатанствомъ, такъ и дурными примѣрами въ практикѣ, наконецъ постоянная заботливость и стремленіе къ излеченію или по крайней мѣрѣ къ облегченію больныхъ. Эти идеалы и взгляды встрѣчаемъ на каждомъ шагу во многихъ книгахъ Гиппократовскаго Сборника, особенно въ *Praecepta* и *De habitu decenti*. Въ послѣдней книгѣ онъ прежде всего мастерски выдвигаетъ на первый планъ черты, общія медицинѣ и философій:

„Необходимо переносить философію въ медицину и медицину въ философію, говоритъ Гиппократъ: **врачъ - философъ равенъ богамъ!** Нѣтъ большой разницы между медициной и философіей и все что подобаетъ философій одинаково примѣнимо и къ медицинѣ: безкорыстіе, скромность, цѣломудріе, простота въ одеждѣ, здравый смыслъ, хладнокровіе, спокойствіе души, любезность, опрятность, серьезная рѣчь, знаніе полезныхъ и необходимыхъ для практической жизни вещей, избѣжаніе нечистыхъ дѣлъ, отсутствіе предразсудковъ и страха передъ богами, величіе божественной души. Въ основѣ этихъ двухъ наукъ—избѣгать необузданности, шарлатанизма, ненасытной алчности, безпорядочныхъ аппетитовъ и страстей, грабежа, безстыдства. Онѣ научаютъ цѣнить тѣхъ, съ кѣмъ приходишь въ соприкосновеніе, даютъ сознаніе обязанностей дружбы, указываютъ способъ прилично и кстати направлять своихъ дѣтей и свою судьбу. Медицина, слѣдовательно, заключаетъ въ себѣ извѣстную философію, ибо въ изученіи болѣзней и ихъ припадковъ она находитъ множество причинъ почитать боговъ.—Врачи признаютъ превосходство боговъ, такъ какъ могущество заключается не въ одной медицинѣ. Врачи, правда, пользуют многія болѣзни, но громадное число ихъ, благодаря богамъ, излечивается само собой!“¹⁾

¹⁾ *De habitu decenti*, L. IX, 232—234, §§ 5 и 6; Daresberg, *Oeuvres choisies d'Hippocrate*, Introduction, XLV.

Не смотря на эту установленную имъ тѣсную связь между медициной и философiей, Гиппократъ во многихъ мѣстахъ рѣшительно высказывается противъ произвола и фантастическихъ измышлений натуральныхъ философовъ. У него первое мѣсто занимаетъ наблюдение. Онъ энергически возстаетъ противъ всякаго направленiя, угрожающаго отклоненiемъ медицины отъ настоящей ея задачи, и проникнуть убѣжденiемъ, что знанiе людей можетъ быть приобрѣтено только наблюдениемъ или, выражаясь его словами, „можетъ исходить только изъ всей совокупности медицины“ ¹⁾. „О томъ, что находится надъ и подъ землею, возможны только догадки; медицина же путемъ опыта давнымъ давно привела къ прочнымъ приобрѣтенiямъ и къ вѣрному методу; въ немъ одномъ залогъ ея процвѣтанiя въ будущемъ“ ²⁾. Очевидно всѣ усилiя Гиппократа были направлены на эманципацию медицины отъ энциклопедическаго зданiя древней философiи, угрожавшей совершеннымъ поглощенiемъ первой, и это разграниченiе обѣихъ областей была имъ возведена въ систему. Въ этомъ именно смыслъ слѣдуетъ понимать и знаменитое изреченiе Цельза: „Hippocrates, primus quidem ex omnibus memoria dignes, a studio sapientiae disciplinam hanc separavit“ ³⁾,—изречѣнiе, подавшее поводъ къ ошибочнымъ толкованiямъ. Правда, во всемъ древнемъ мiрѣ Гиппократъ—единственный представитель естественно-научнаго метода, но онъ отнюдь не хотѣлъ исключить изъ медицины всякiй философскiй элементъ, онъ самъ былъ глубоко проникнутъ убѣжденiемъ въ необходимости для врача общаго философскаго образованiя. Медицина, говоритъ онъ, столь же мало можетъ обходиться безъ общихъ истинъ философiи, сколько послѣдняя—безъ доставляемыхъ ей медициною фактовъ. Такимъ образомъ, не отвергая роли философiи въ медицинѣ, не переставая самъ быть великимъ философомъ, онъ тѣмъ не менѣе провелъ рѣзкую грань между тою и другою и сообщилъ медицинѣ печать независимости, отыскавъ въ ней самой начала ея развитiя.

Другое не менѣе важное достоинство медицины, по взгляду Гиппократа, заключается въ ея облагораживающемъ влiянii на ея

¹⁾ De prisca medicina, L. I, 620.

²⁾ Тамъ же, 572, § 1, 2.

³⁾ Celsi Medicina l. I, Praefatio, p. 3, 1772. Lausannae, ed. Halleri.

адептовъ, такъ какъ вся она основана на возвышенныхъ началахъ челоѣколюбія. Медицина, по словамъ Гиппократа, есть „такая отъѣнная вещь, что изобрѣтеніе ея приписывали богу и это вѣрованіе держится до сихъ поръ“ ¹⁾. Медицина ведетъ къ почитанію боговъ и вытекаетъ изъ любви къ челоѣчеству, ибо „гдѣ есть любовь къ людямъ, тамъ будетъ и любовь къ искусству“ ²⁾.

Отъ посвящающихъ себя врачебному званію Гиппократомъ требуются: природное дарованіе, ученіе, благопріятное (приспособленное для наблюденій) мѣсто, обученіе, начинающееся съ дѣтства, любовь къ труду, долгое упражненіе ³⁾. Только этимъ путемъ достигается увѣренность и знаніе, одиноково чуждыя какъ трусливости, такъ и легкомыслія. Врачъ долженъ заботиться о своей собственной особѣ, держать себя прилично и опрятно, выказывать простоту, привѣтливость въ обращеніи и ровное настроеніе духа ⁴⁾. Онъ долженъ часто посѣщать своихъ больныхъ и изслѣдовать ихъ съ большимъ вниманіемъ, дабы не упускать благопріятнаго случая для леченія ⁵⁾. Такимъ внимательнымъ изслѣдованіемъ и разспросомъ больного, а равно вѣрностью предсказанія онъ вмѣстѣ приобрѣтетъ ихъ довѣріе и уваженіе ⁶⁾. Далѣе онъ долженъ соединять стойкость съ мягкостью, долженъ быть серьезенъ, но не мраченъ ⁷⁾, а исполненіе своихъ предписаній возлагать только на своихъ учениковъ ⁸⁾. Прибывъ въ какой нибудь городъ, онъ долженъ собирать всѣ данныя, могущія уяснить ему природу и леченіе болѣзней, которыя придется ему наблюдать ⁹⁾.

Вообще врачъ не долженъ заниматься непрактическими вещами. „О неудобовыполнимомъ (*ἀνυπόβλητον*) не слѣдуетъ ни помышлять, ни говорить, менѣе же всего—предпринимать недосягаемое“ ¹⁰⁾. Въ первой книгѣ

¹⁾ De Prisca medicina, I, 602.

²⁾ Praecepta, L. IX, 258, § 6.

³⁾ Lex, L. IV, 638, § 2.

⁴⁾ De medico вначалѣ. L. IX, 204; Epidem. VI sect. IV, L. V, 308, § 7.

⁵⁾ De habitu decenti, L. IX, 240.

⁶⁾ Prognosticon, L. II, 110, § 1.

⁷⁾ De medico, l. c., 206.

⁸⁾ De habitu decenti, l. c. 242.

⁹⁾ De aëre, aquis et locis, L. II, 12, § 1.

¹⁰⁾ De morbis I вначалѣ, L. VII, 140.

„Эпидемій“ говорится, что въ болѣзняхъ главное—двѣ вещи: облегчать или же не вредить; что все искусство выражается въ трехъ словахъ: болѣзнь, больной, врачъ; что врачъ—служитель искусства (*ὑπηρετής τῆς τέχνης*), а больной долженъ самъ помогать врачу побѣдить болѣзнь ¹⁾.—Когда существуетъ нѣсколько способовъ леченія, необходимо избрать наименѣе показной, тотъ, который меньше всего бьетъ въ глаза: это правило чести и искусства для всякаго, кто не гоняется за пустыми и мишурными эффектами ²⁾. Новизна, польза которой еще неизвѣстна, часто восхваляется гораздо больше, нежели методъ обыкновенный, пригодность котораго уже испытана, а странныя вещи цѣнятся больше нежели вещи, очевидныя сами собою ³⁾.

Особенно ожесточенную войну Гиппократъ ведетъ противъ всякаго рода шарлатановъ, которые называютъ себя врачами, не будучи ими на самомъ дѣлѣ, приглашаются нанчаще людьми богатыми и никогда не призываютъ другихъ врачей, чтобы казаться непогрѣшимыми ⁴⁾. Столь же сильно онъ порицаетъ врачей, которые противорѣчатъ другъ другу въ своихъ предписаніяхъ и тѣмъ до такой степени роняютъ искусство въ глазахъ публики, что либо приходишь къ убѣжденію, что на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ никакой медицины, либо ея сравниваютъ съ искусствомъ прорицанія ⁵⁾. Самымъ опаснымъ бичемъ онъ считаетъ врача, слишкомъ поздно предавшагося изученію медицины или образованіе коего слишкомъ спѣлаго характера. Съ такимъ прачемъ-эмпирикомъ онъ не хотѣлъ бы даже сходиться на консультаціяхъ ⁶⁾. Противъ взводившагося уже тогда обвиненія, что врачи своими успѣхами нерѣдко обязаны одной лишь счастливой случайности, что противъ многихъ болѣзней они безсильны, Гиппократъ уже тогда

¹⁾ Epidem. I, L. II, 634, 636, § 5.

²⁾ De articulis, L. IV, 312, § 78.

³⁾ De Fracturis. § 1, L. III, 414.

⁴⁾ Praecepta, L. IX, 260.

⁵⁾ De victu in acutis, L. II, 240—242.

⁶⁾ Praecepta, L. IX, 268. Въ тѣ времена, видно, Сѣченовыхъ еще не было. Впрочемъ Гиппократъ повидимому вооружается здѣсь только противъ позднато изученія практической, но отнюдь не теоретической медицины.

возражалъ, что многими часто совершенно упускается изъ виду самая благотворная сторона медицины — предохраненіе отъ болѣзней ¹⁾. Относительно же счастья въ медицинѣ Гиппократъ замѣчаетъ: „я самъ не отрицаю, что въ медицинѣ многое зависитъ отъ удачи, но полагаю, что дурно пользовавшиеся болѣзни имѣютъ большею частію неблагоприятный, хорошо же пользовавшиеся — счастливый исходъ“ ²⁾.

Едва ли не прекраснѣйшая черта гиппократиковъ, это — высокое уваженіе къ заслугамъ древнихъ и скромное мнѣніе о значеніи своихъ собственныхъ заслугъ ³⁾.

Еще одна любопытная черта, что авторъ „*Praecepta*“ совѣтуетъ врачу, если только это допускаетъ свойство болѣзни, напередъ условливаясь съ больнымъ о вознагражденіи, что дать больному увѣренность въ томъ, что онъ не будетъ оставленъ. Но если болѣзнь требуетъ немедленной помощи, врачъ долженъ пренебречь своими интересами, не заботясь объ ожидающей его неблагодарности послѣ леченія ⁴⁾. Больные пока страдаютъ не скупаются на обѣщанія, по выздоровленіи же готовы ругать своего спасителя. Самое вознагражденіе свое онъ будетъ требовать только какъ средство къ дальнѣйшему преуспѣванію въ своемъ искусствѣ, при чемъ всегда будетъ соображаться съ состояніемъ своихъ кліентовъ. Когда на лицо чужестранцы или нищіе, онъ прежде всего поспѣшитъ къ нимъ на помощь ⁵⁾. Когда врачъ приходитъ въ замѣшательство, онъ безъ страха долженъ призывать другихъ врачей, которые уяснили бы ему состояніе больного и необходимыя въ данномъ случаѣ средства. Никогда не слѣдуетъ затѣвать бесполезныхъ диспутовъ и взаимныхъ насмѣшекъ другъ надъ другомъ; умный и искусный врачъ никогда не будетъ чувствовать зависти къ своимъ собратамъ, не посягнетъ на ихъ репутацію: подобныя вещи онъ предоставитъ шарлатанамъ ⁶⁾. Врачъ долженъ избѣгать длинныхъ разговоровъ, а если говорить необходимо, онъ сдѣлаетъ это безъ хвастовства; пуще же всего онъ не долженъ подкрѣплять вы-

¹⁾ Ср. Haeser I. c., I, 209.

²⁾ De arte, L. VI, 6.

³⁾ Ср. De praecepta medicina, L. I, 596, § 12 и многія другія мѣста.

⁴⁾ Praecepta, L. IX, 254, § 4. Ср. также Dagemberg, I. c. XLV.

⁵⁾ Тамъ же, 258, § 6.

⁶⁾ Тамъ же, I. c. 262—264, § 8.

сказываемыя имъ мнѣнія ссылками на поэтовъ¹⁾ и пустою шумихою словъ маскировать свое невѣжество, ибо медицина есть искусство, имѣющее достаточно реальнаго содержанія само въ себѣ²⁾!

Много и долго спорили о религіозныхъ воззрѣніяхъ Гиппократа. Gundling³⁾ и Leclerc обвиняютъ его въ атеизмъ, а I. Stephanus⁴⁾, Triller⁵⁾ и Goelicke⁶⁾ находили нужнымъ защищать память Гиппократа противъ этого обвиненія. Но чтобы имѣть понятіе о томъ, каковы были въ этомъ отношеніи настоящія мнѣнія и взгляды Гиппократа, достаточно указать на одно мѣсто въ его трактатѣ *De aëre, aquis et locis*, изъ котораго можно убѣдиться, что, оставаясь вѣрнымъ традиціоннымъ вѣрованіямъ своего времени, онъ возвышается надъ толпою современныхъ мыслителей, предоставляя въ физиологій и патологій наибольшую роль природѣ и ограничивая во многомъ роль боговъ⁷⁾,—словомъ, что онъ былъ вѣрующимъ рационалистомъ.

Къ характеристикѣ Гиппократа какъ врача необходимо еще прибавить, что онъ въ свое время былъ могущественнымъ реформаторомъ и главой школы. Онъ горячо оспариваетъ практическіе приемы и доктрины, которыхъ онъ не признавалъ своимъ и развиваетъ необыкновенную силу діалектики, чтобы установить свои собственныя понятія. Во многихъ трактатахъ онъ ведетъ войну противъ дурного направленія діеты больныхъ и ошибочныхъ процедуръ, употребляемыхъ его собратами въ области хирургіи⁸⁾. Гиппократъ соединялъ въ себѣ обширную медицинскую опытность съ глубокимъ знаніемъ людей; онъ изучалъ ихъ не только какъ врачъ, но и какъ философъ. Благородство характера соединялось въ немъ съ глубокимъ умомъ; критикуя своихъ собратьевъ, онъ въ тоже время откровенно сознается въ своихъ ошибкахъ, указывая на ихъ источники, дабы другіе не впадали въ тѣже

¹⁾ Тамъ же, 268, § 12.

²⁾ *De prisca medicina*, L. I, 570, § 1.

³⁾ Gundling, *Otia*, Halae Sax. 1707.

⁴⁾ Joh. Stephanus, *Theologia Hippocratis*, Venet., 1638, I, 192—194.

⁵⁾ Triller, *Hippocrates atheismo falso accusatus*. Opp. t. II, 102.

⁶⁾ Goelicke, *Hippocrates ab atheismi crimine etc. absolvitur*, Halae, 1713.

⁷⁾ *De aëre, aquis et locis*, L. II, 80, § 22, гдѣ рѣчь идетъ о мужскомъ безсиліи скиеовъ, которое Гиппократъ объясняетъ естественными причинами.

⁸⁾ *De victu in acutis* и хирургическія книги въ разныхъ мѣстахъ.

ошибки. Какое высшее понятие Гиппократъ имѣлъ объ обязанностяхъ врача, видно еще изъ приведенной выше „Присяги“ (Jusjurandum), а также изъ первой сентенціи, которою начинаются „Афоризмы“ и въ которой однимъ гениальнымъ штрихомъ намѣчены предѣлы искусства, его трудности, средства и выполненіе:

„Жизнь коротка, искусство продолжительно, удобный случай скоро проходить, опытъ обманчивъ, сужденіе трудно. Не только самому слѣдуетъ дѣлать что должно, но тому же пусть содѣйствуютъ и больной, и присутствующіе, и вѣншіе предметы“¹⁾.

СБОРНИКЪ ГИППОКРАТА. Древность заставляла насъ болѣе 60 сочиненій, дошедшихъ до насъ подъ именемъ книгъ Гиппократа, собраніе книгъ Литтре назвалъ „Сборникомъ Гиппократа“ (Collectio Hippocratica) и число книгъ, черезъ соединеніе однихъ и раздѣленіе другихъ въ его изданіи сведено къ 53,—цифра, согласная съ тою, которую приводитъ и Tzetzes. Но едвали найдется два-три сочиненія, на которыхъ можно было бы съ абсолютной увѣренностью выставить имя Гиппократа, ибо этимъ именемъ собственно не обозначено ни одно изъ нихъ. Даже при поверхностномъ взглядѣ на этотъ *Сборникъ*, легко убѣдиться, что составляющія его книги не образуютъ связнаго цѣлаго, принадлежащаго перу одного и того же автора, трудившагося надъ различными отраслями медицины. Уже со стороны одной вѣншней формы замѣчается большое разнообразіе. Однѣ представляютъ вполне отдѣльные и законченные сочиненія, другія неполны и искажены; однѣ образуютъ въ *Сборникѣ* отдѣльныя серіи, принадлежащія одному и тому же перу и изобличающія единство мысли, другія составляютъ обработки и извлеченія изъ другихъ существовавшихъ или почитавшихся сочиненій; нѣкоторыя носятъ отпечатокъ чтеній или программъ къ таковымъ чтеніямъ, такъ какъ онѣ упоминаютъ о „слушателяхъ“, другія же представляютъ только собранія замѣтокъ, слѣдующихъ другъ за другомъ безъ всякой связи, нерѣдко едва понятныхъ и вѣроятно не предназначенныхъ къ обнародованію²⁾. Вообще, не смотря на уваженіе, какимъ по всей справедливости пользовались сочиненія Гиппократа и косской школы, они весьма рано частью подверглись разнымъ искаженіямъ и прибав-

¹⁾ Aphorismi, L. IV, 458, § 1.

²⁾ Œuvres complètes d'Hippocrate, Littré, Paris, Introduction, I, 44—45.

леніямъ, частью же совершенно утрачены. Многія сочиненія, входящія въ составъ *Сборника*, имѣютъ въ области медицины такое же значеніе, какъ произведенія Оукидида и Геродота въ области исторіи, Платона и Аристотеля въ области философіи и Еврипида и Софокла въ драмѣ. Этотъ *Сборникъ* вытѣснилъ собою и заставилъ забыть медицинскую литературу и медицинскія школы, несомнѣнно существовавшія до Гиппократа, который съ горячностью опровергалъ ученія одной изъ этихъ школъ, а именно книдской, и оспаривалъ теоріи, заключавшіяся въ книгахъ его предшественниковъ или современниковъ. Слава Гиппократа въ свое время немало способствовала исчезновенію произведеній предшествовавшей литературы. „Таково уже, говоритъ Daremberg, фатальное вліяніе и странная привилегія великихъ гениевъ. Заставляя забывать все, что было до нихъ, они порабащаютъ своему игу слѣдующія за ними поколѣнія и оставляютъ для историческихъ изслѣдователей лишь нѣсколько совершенно одиноко стоящихъ памятниковъ, едва позволяющихъ уловить нить эволюціи человѣческаго ума. Такими гениями-разрушителями были: для философіи и естественной исторіи—Платонъ и Аристотель, для медицины—Гиппократъ и Галенъ. Затмивъ собою своихъ предшественниковъ, они способствовали исчезновенію книгъ въ гораздо большей степени, нежели обыкновенно думаютъ“¹⁾. Вотъ почему мы почти ничего не знаемъ о предшествовавшей Гиппократу медицинской литературѣ и только нѣкоторые уцѣлѣвшія отъ нея произведенія вошли въ составъ его *Сборника*.

Итакъ одѣ книги *Сборника* весьма вѣроятно происхожденія до-гиппократовскаго, другія безспорно написаны уже далеко послѣ смерти Гиппократа, наибольшая же часть сочинена въ періодъ Гиппократа и при томъ одѣ самимъ Гиппократомъ, остальные же другими послѣдователями косской школы. Въ составъ этого же *Сборника*, по счастливой случайности, а именно благодаря поспѣшности и не слишкомъ строгой критикѣ александрійскихъ собирателей, попали также сочиненія книдской школы. Наконецъ сюда же присоединены позднѣйшими собирателями статьи очевидно подложныя (апокрифы), какъ *Письма Гиппократа* и разныя *Рѣчи*.

Прежде чѣмъ перейти къ спеціальному обзору твореній Гиппократа, необходимо представить хотя краткій очеркъ существующей о немъ литературы, такъ какъ только въ ней можно отыскать ключъ къ

¹⁾ *Oeuvres choisies d'Hippocrate, traduites par Daremberg, Paris, 1855, Introduction, XLVIII.*

разрѣшенію трехъ существенныхъ вопросовъ, а именно: а) о времени перваго появленія въ свѣтъ Гиппократовскаго *Сборника*, б) о подлинности входящихъ въ его составъ сочиненій и с) о систематической классификаціи послѣднихъ.

Комментаторы Гиппократ¹⁾. Если принять въ расчетъ безчисленное множество погибшихъ отъ времени трактатовъ о Гиппократѣ, то не будетъ преувеличеніемъ сказать, что едва ли о какомъ нибудь врачѣ существовала такая богатая литература, какъ о Гиппократѣ. Его сочиненія издревле нашли себѣ многочисленныхъ комментаторовъ и лексикографовъ. Первые всѣ были врачи, а изъ послѣднихъ одни—врачи, другіе грамматикѣ. По свидѣтельству Эроціана, ни одинъ изъ знаменитыхъ грамматиковъ, въ томъ числѣ Аристархъ, не проходилъ молчаніемъ Гиппократ²⁾: такъ велика была его слава какъ писателя. Древнѣйшимъ комментаторомъ считается

Герофилъ, ученикъ Праксагора, жившій около 300 л. до Р. Х. въ Александріи и трудившійся надъ „*Прогностикой*“ Гиппократ³⁾. Затѣмъ слѣдуютъ

Хеноскрите изъ Коса, первый изъ лексикографовъ-грамматиковъ, и ученики Герофила:

Васчиусъ изъ Танагра, писавшій объ *Афоризмахъ* и другихъ сочиненіяхъ Гиппократ⁴⁾ и оставившій родъ „*Лексикона*“ въ 3 книгахъ къ темнымъ мѣстамъ и темнымъ выраженіямъ Гиппократ⁵⁾,—а также Philinus, Glaucias и эмпирикѣ Zeuxis и Hegaklides изъ Тарента, изъ коихъ два послѣдніе, въ особенности Hegaklides, по свидѣтельству Галена, между всѣми комментаторами одни только вполне обняли совокупность всѣхъ твореній Гиппократ⁶⁾. Далѣе слѣдуетъ еще цѣлый рядъ комментаторовъ, о которыхъ недостатокъ мѣста не позволяетъ здѣсь распространяться. Всѣ они вели между собою оживленную полемику. Комментаріи ихъ погибли отъ времени и объ нихъ мы знаемъ только изъ отрывочныхъ свѣдѣній, сохранившихся у Галена и Эроціана (см. ниже). Изъ всей относящейся сюда до-галеновской медицинской литературы до насъ дошли только сочиненія двухъ авторовъ: одинъ изъ нихъ,

Apollonius изъ Kittium'a (въ I в. до Р. Х.), ученикъ Зоира

¹⁾ При изложеніи относящихся сюда данныхъ мы придерживались главнымъ образомъ Littré, l. c., Introduction, 80—182 и 169—199.

²⁾ Ἐν τῷ πρῶτῳ τῶν Λέξεων. Erot. p. 32, ed. Franz. у Littré, l. c. p. 87.

³⁾ Galen, t. V, p. 662, ed. Basil. у Littré. l. c., 89.

изъ Александрии, написалъ обширный полемическій трактатъ въ 18 книгахъ противъ Гераклида Тарентскаго. Отъ этого трактата сохранился только отрывокъ, а именно, комментарий на книгу *De articulis*, обнаруженный въ первый разъ на греческомъ языкѣ Дицемъ ¹⁾. Второй изъ этихъ комментаторовъ,

Erotianus, жившій во времена Нерона, оставилъ весьма драгоценный литературный памятникъ подъ названіемъ „*Glossarium*“ ²⁾. Этотъ „Глоссарій“ содержитъ въ алфавитномъ порядкѣ весьма любопытныя свѣдѣнія какъ объ исторіи литературы Гиппократовскихъ книгъ съ толкованіями встрѣчающихся въ нихъ темныхъ мѣстъ, такъ и о многочисленныхъ предшествовавшихъ ему комментаторахъ. Къ сожалѣнію онъ искаженъ какимъ-то неизвѣстнымъ копистомъ ³⁾.

Между Эроціаномъ и Галеномъ (т. е. отъ 50—150 по Р. Х.) Литтре насчитываетъ еще многочисленныхъ комментаторовъ, какъ Sabinus, Rufus изъ Ефеса, Lucius изъ Македоніи, Artemidorus Capito, Dioscorides и др. Изъ нихъ одни опровергаютъ, другіе защищаютъ доктрины Гипократа, еще другіе, особенно послѣдніе два, его совершенно искажаютъ.—Послѣднимъ и величайшимъ изъ древнихъ комментаторовъ былъ безспорно

Галенъ, который дѣлитъ свои труды о Гиппократѣ 1) на медицинскіе комментаріи ⁴⁾, изъ коихъ наибольшая часть уцѣлѣла, и 2) на изысканія чисто эрудиціоннаго свойства, изъ коихъ уцѣлѣлъ только его *Glossarium* ⁵⁾. Подробнѣе объ этихъ работахъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ въ статьѣ о Галенѣ; здѣсь прибавимъ только, что онъ вполне попалъ обязанности врача-критика и удѣлилъ часть своихъ работъ историческимъ изысканіямъ о личности и сочиненіяхъ Гипократа и исправленію текста, наибольшую же часть—медицинскому толкованію. Основное правило

¹⁾ Scholia in Hippocrat, ed. Dietz, t. 1, Littré, l. c., 94.

²⁾ τῶν παρ' Ἱπποκράτει λέξεων συναγωγή, vocum, quae apud Hippocratem sunt, collectio, изданъ впервые на греч. языкѣ въ Stephani Dictionarium medicum, Paris, 1564, 5—53; на латинскомъ, Venet. 1566, ap. Juntam и на греческомъ и латинскомъ вмѣстѣ подъ заглавіемъ: Erotiani, Galeni et Herodoti, Glossaria etc., Lipsiae, 1780, ed. Franz. (Ср. Choulant l. c. 74—75).

³⁾ Littré l. c., 100.

⁴⁾ Galeni Commentaria in Hippocrat, числомъ 15, въ изданіи Kühn'a Lips. 1821—1833, XV—XVIII.

⁵⁾ Galen, τῶν Ἱπποκράτους γλωσσῶν ἐξήγησις, ed. Kühn, XIX, 62, и въ Erotiani, Galeni et Herodoti Glossaria, ed. Franz.

его критики заключается въ сохраненіи „древнихъ чтеній“, какъ бы они ни были темны, что, по его мнѣнію, служитъ лучшимъ ручательствомъ ихъ подлинности ¹⁾. Его комментаріи представляютъ поэтому драгоценный родникъ свѣдѣній, существенно облегчающихъ пониманіе сочиненій Гиппократъ. „Нельзя, говоритъ Литтре, достаточно пользоваться совѣтами, исправленіями и объясненіями человѣка, изучавшаго всѣ манускрипты, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи древнія бібліотеки, нынѣ уничтоженныя, обладавшаго обширными познаніями въ философіи и наукахъ и оставшагося великимъ учителемъ въ медицинѣ. Недостатокъ его комментаріевъ заключается не въ растинутости, какъ говорили, а въ стремленіи во чтобы ни стало поддерживать свои собственныя теоріи при помощи сочиненій Гиппократъ, относясь небрежно къ теоріямъ, несогласнымъ съ его собственными, и черезъ мѣру восхваляя тѣ, которыя составляютъ основаніе его собственной системы, какъ напр. доктрина о 4 жидкостяхъ. Другой недостатокъ состоитъ въ томъ, что онъ чрезвычайно скупъ на сообщенія наблюденій, отдѣльныхъ фактовъ и описаній болѣзней“ ²⁾.

Послѣ Галена медицинская критика, равно какъ и сама медицина, пришла въ упадокъ и у всѣхъ послѣдующихъ комментаторовъ замѣчается отсутствіе оригинальности, рабское подражаніе Галену и удаленіе отъ древней медицины. Сюда относятся *Stephanus* изъ Аѳинъ, *Теофилъ* или *Филосей*, оба быть можетъ современники Императора Гераклія, а также *Damascius* и другіе. Между этими позднѣйшими комментаторами первое мѣсто занимаетъ *Stephanus*, оставившій комментаріи къ *Афоризмамъ* и *Прогностикъ*, служащіе полезнымъ дополненіемъ къ комментаріямъ самого Галена. „Этотъ списокъ комментаторовъ, говоритъ Литтре, даетъ положительное разрѣшеніе двухъ капитальныхъ вопросовъ: во первыхъ, вопроса объ опредѣленіи древнѣйшаго времени, къ которому относится Гиппократовскій *Сборникъ*, во вторыхъ о подлинности вообще текстовъ, передававшихся съ тѣхъ временъ до нашихъ дней“ ³⁾. „Такой длинный рядъ комментаторовъ, начинающійся Герофиломъ, около 300 л. до Р. Х., и оканчивающійся нѣсколько вѣковъ послѣ Р. Х., показываетъ, что древняя критика обнимала всѣ подходящіе сюда вопросы: исправленіе Гиппократовскаго текста, полемику о подлинности его сочиненій и объясненіе его медицинскихъ теорій. Несмотря на ихъ отрывочный характеръ, они представляютъ весьма полезное подспорье для новѣйшей критики: единодушные отзывы объ извѣ-

¹⁾ Galen, V, 478, ed. Basil.

²⁾ Littré, I. a, I, 121.

³⁾ Littré, I. a 130.

ственномъ пунктѣ получаютъ для насъ весьма важное значеніе. Изъ непрерывнаго ряда этихъ комментаторовъ слѣдуетъ еще, что тексты Гиппократовскихъ книгъ были изучены, истолкованы и установлены во всей своей совокупности не менѣе чѣмъ за 300 л. до Р. Х.; что каждый изъ этихъ комментаторовъ давалъ для эпохи, въ которую онъ жилъ, родъ узаконенной копіи Гиппократовскихъ книгъ; что слѣдовательно эти тексты, за исключеніемъ ошибокъ кописцовъ, отличаются неоспоримой подлинностью даже въ самыхъ темныхъ и отрывочныхъ мѣстахъ. Это быть можетъ одно изъ самыхъ важныхъ заключеній, которое я хотѣлъ вывести изъ точнаго перечисленія столькихъ книгъ, которыя всѣ почти утрачены, и столькихъ писателей, имена конхъ упоминаются лишь вскользь" ¹⁾.

Возбужденные древними критиками вопросы и сомнѣнія по поводу того или другого Гиппократовскаго трактата, послѣ долгаго застоя, были снова подняты и подвергнуты изысканіямъ, начиная съ конца 16 вѣка по Р. Х. Этотъ рядъ новыхъ изслѣдователей открыли собою испанецъ *Lemos* ²⁾, который, кромѣ содержанія, критеріемъ подлинности считаетъ также простоту и сжатость изложенія, и *Mercurialis* ³⁾, руководствующійся преимущественно слогомъ, на основаніи коего онъ дѣлитъ сочиненія Гиппократа на 4 класса: а) по слогу и ученіюносящія характеръ несомнѣнно гиппократическій, б) безсвязныя замѣтки, изданныя *Θεσσαλον* или *Πολυνίємъ*, в) сочиненія косской школы—*Θεσσαλα* и другихъ учениковъ Гиппократа, г) сочиненія, чуждыя школѣ Гиппократа. Но основаніе это, по замѣчанію *Литтре*, слишкомъ шаткое для безошибочной классификаціи твореній Гиппократа.

Въ XVIII столѣтіи *Грунер* ⁴⁾ какъ критерій подлинности, кромѣ слога, вводитъ еще анатомическія познанія, признавая не принадлежащимъ Гиппократу всякое сочиненіе *Оборника*, обличающее знаніе анатоміи, съ которою Гиппократъ мало былъ знакомъ. *Аскерманн* ⁵⁾, въ своей статьѣ объ „*Исторіи Литературы Гиппократа*“, прибавляетъ еще одинъ критерій, а именно преданіе и согласные отзывы древ-

¹⁾ Littré, l. c., 131—132.

²⁾ Lemosius, *Judicium operum magni Hippocratis*, Salmantiae, 1584.

³⁾ Mercurialis, *Censura et dispositio operum Hippocratis*, Venet. 1583.

⁴⁾ Gruner, *Censura librorum Hippocrateorum*, Vratislavino, 1772.

⁵⁾ Ackermann, *Historia litteraria Hippocratis* въ *Bibliotheca graeca*, Hamburg, 1791 ed. Harles, t. II, 535.

нихъ авторовъ. Grimm¹⁾ ссылается на Эроціанна и Галена и контролируетъ ихъ свидѣтельства содержаніемъ самаго *Сборника*. C. Sprengel²⁾, по его собственному признанію, слѣдуетъ почти шагъ за шагомъ по стопамъ Gruniger'a, при чемъ однако вводитъ новый элементъ—разсмотрѣніе философскихъ доктринъ, при помощи коихъ контролируетъ медицинскія ученія, заключенныя въ сочиненіяхъ Гиппократъ.

Въ XIX столѣтіи Линкъ³⁾ еще болѣе развилъ и расширилъ систему Шпренгеля. Онъ различаетъ въ Гиппократовскомъ *Сборникѣ* 6 главныхъ доктринъ, согласно которымъ дѣлитъ сочиненія Гиппократъ на 6 классовъ и допускаетъ 6 различныхъ авторовъ. При этомъ необходимо указать на одну характеристическую особенность его критики: въ противоположность своимъ предшественникамъ—панегиристамъ, принимавшимъ на вѣру свидѣтельства, клонящимся къ апофеозу Гиппократъ, Линкъ напротивъ того относится къ послѣднему съ безпощаднымъ скептицизмомъ, подъ ударами котораго личность Гиппократъ почти совершенно ступшевается, такъ что за нимъ остается только одно имя, пустой звукъ, безъ всякаго права хотя бы на одно изъ сочиненій, слывущихъ подъ его именемъ. Петерсенъ⁴⁾ пытался ввести новую хронологію и вообще старался подробнѣе развить систему Линка. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть еще о трудахъ Clifton'a, Meixner'a и R. Pettenhofer'a⁵⁾.

Совершенно другой путь избрали Эрмеринсъ⁶⁾ и въ особенности Литтре и Daremberg. Они отвергли всѣ некуственные и ложные методы и обратили преимущественное вниманіе на изслѣдованіе и изученіе *Сборника* Гиппократъ самого въ себѣ. Они только расходятся между собою въ рѣшеніи намѣченныхъ выше 3 главныхъ вопросовъ, къ разсмотрѣнію коихъ и перейдемъ теперь, причемъ для краткости будемъ имѣть въ виду изысканія лишь двухъ послѣднихъ ученыхъ.

¹⁾ Grimm, Hippocrates Werke aus dem Griechischen übersetzt, B. I, Altenburg, 1789.

²⁾ C. Sprengel, Apologie des Hippocrates, Leipzig, 1789. 2 Theile.

³⁾ M. H. F. Link, Ueber die Theorien in den Hippocratischen Schriften, nebst Bemerkungen über die Aechtheit dieser Schriften (Abhandlungen der Akad. der Wissensch. in Berlin, 1814—1815).

⁴⁾ Petersen, Zeit-u. Lebensverhältnisse d. Hippocrates l. c. и Hippocratis nomine quae circumferuntur scripta ad temporis rationes disposuit, I, Hamburg, 1839.

⁵⁾ См. Библиографическія замѣтки.

⁶⁾ Ср. его Prolegomena къ его же изданію Гиппократъ.

а) Относительно перваго появленія въ свѣтъ Гиппократовскаго *Сборника* Литтре старался установить взглядъ, по которому *Сборникъ* сначала оставался какъ бы подъ спудомъ, не выходя за закодированные предѣлы семейнаго кружка или школы Гиппократа, и лишь долгое время спустя, а именно, въ эпоху александрійской школы и уже послѣ Аристотеля, вдругъ сдѣлался извѣстнымъ и сталъ достояніемъ тогдашняго образованнаго міра ¹⁾. Въ подтвержденіе своей гипотезы Литтре указываетъ на аналогическій примѣръ полнаго собранія сочиненій Аристотеля, о которомъ сохранилось извѣстіе у Страбона ²⁾. Изъ послѣдняго видно, что сначала въ публикѣ обращалось только весьма незначительное количество сочиненій Аристотеля, полное же собраніе аристотелевскихъ книгъ въ теченіи долгаго времени оставалось неизвѣстнымъ публикѣ и получило внезапную извѣстность, благодаря библіоману Апелликону изъ Теоса. Такая же участь, по мнѣнію Литтре, постигла и „Гиппократовскій Сборникъ“. Время образованія послѣдняго Литтре полагаетъ въ промежуткѣ между Аристотелемъ и Герофиломъ, во времена Птолемея I, основателя александрійской библіотеки, разросшейся впоследствии до такихъ огромныхъ размѣровъ и послужившей причиной открытія пергамента, вследствие возбужденія соперничества со стороны царей Пергама. Первое же обнародованіе „Гиппократовскаго Сборника“ имѣло мѣсто, согласно Литтре, между Птолемеемъ, сыномъ Лагуса, и Герофиломъ, т. е. между 320—300 до Р. Х. ³⁾

Daremberg представилъ всѣя научныя доказательства ненужности этой гипотезы. Не входилъ въ детали его ученой аргументаціи, здѣсь ограничимся только указаніемъ на выводъ, къ которому онъ пришелъ на основаніи какъ собственныхъ изысканій, такъ и изслѣдованій самого Литтре. Выводъ этотъ заключается въ томъ, что циклъ гиппократовскихъ книгъ не могъ сформироваться и появиться въ свѣтъ разомъ и вдругъ, при открытіи первыхъ библіотекъ, что напротивъ того онъ весьма рано были соединены въ одно цѣлое и редактированы еще въ эпоху самого Гиппократа, если не самимъ Гиппократомъ; что, слѣдовательно, составленіе *Сборника* въ его окончательной формѣ предшествовало александрійской школѣ ⁴⁾. „Этимъ выводомъ

¹⁾ Littré l. c., 282—285.

²⁾ Strabo, l. XIII, 608.

³⁾ Littré, l. c. 285.

⁴⁾ Daremberg, l. c., Introduction, LXVI, LXVII.

однако наука все таки обязана главнымъ образомъ критикѣ Литтре¹⁾, прибавляетъ Daremberg, высказывая при этомъ остроумную гипотезу, что книги, составляющія *Сборникъ*, представляли родъ семейной библиотеки, дошедшей до насъ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ ее унаслѣдовали родственники или ученики Гиппократъ. Последніе, будучи такими же врачами-периодестами, какъ самъ Гиппократъ, во время своихъ странствованій и были главными распространителями этихъ сочиненій, которые ходили по рукамъ всѣхъ вмѣстѣ или порознь еще задолго до александрійской школы. „Я полагаю, резюмируетъ Daremberg свой выводъ, что обнаруженіе ихъ послѣдовало еще до Аристотеля, что они до того еще пользовались извѣстностью въ гораздо большей степени, чѣмъ допускаетъ Литтре, наконецъ что они никогда не сосредоточивались въ одной медицинской кастѣ, хотя бы и были опубликованы лишь первыми гиппократиками“¹⁾).

b) Вопросъ о подлинности сочиненій, входящихъ въ составъ „Гиппократоваго Сборника“, сильно занималъ еще древнихъ комментаторовъ, начиная отъ александрійскихъ бібліотекарей и хоризонтовъ, считавшихъ подлинными преимущественно книги, набранныя на „малыхъ дощечкахъ“ (τὰ ἐκ τῶν μικρῶν πινακίδων)²⁾,—и оканчивая Галеномъ, который, несмотря на свою ученость, не всегда въ состояніи былъ отличать настоящія сочиненія отъ поддѣльных. Доказательствомъ невысказанной критики древнихъ можетъ служить то обстоятельство, что сочиненія книдскаго происхожденія *De Morbis* II они приписывали сыну Гиппократъ Θεσσαλῷ, а косское *De victu salubri*—книдцу Еврифону: до такой степени затерялись всякіе слѣды надлежащихъ авторовъ³⁾.

Слогъ, какъ мы видѣли, съ легкой руки Галена, долго служилъ самымъ главнымъ критеріемъ подлинности того или другого трактата. Съ 16 столѣтія мало по малу кромѣ слога стали вводить другіе критеріи, какъ анатомическія познанія (Gruener), различныя доктрины (Sprengel, Link) и проч. Ближе всѣхъ къ истинѣ подошли Аккерманъ, опиравшійся на преданіе и согласные отзывы древнихъ, и Гриммъ, контролировавшій свидѣтельства Эроціана и Галена внутреннимъ содержаніемъ самаго *Сборника*. Литтре руководствовался совокупностью всѣхъ собранныхъ до него данныхъ и всѣхъ существовавшихъ до него направле-

¹⁾ Daremberg, l. c. LXXI.

²⁾ Въ отличіе отъ наиболѣе изобиловавшихъ подлогами рукописей и книгъ, безъ разбору покупавшихся вездѣ, по приказанію Птолемея, корабельными начальниками и морскими путешественниками, и помѣщавшихся въ особыхъ комнатахъ съ надписью „изъ кораблей“ (τὰ ἐκ πλοίων). См. Galen, De dispnoea, II, 181 и Commentar. I in libr. De natura hum. p. 4.

³⁾ Daremberg, l. c. LXIX.

ній, тѣмъ не менѣе и онъ не мало значенія придаетъ критеріямъ чисто внѣшнимъ, между прочимъ іоническому діалекту, смѣшанному съ доризмами, въ связи съ дорическимъ происхожденіемъ Гиппократъ, которому соотвѣтствуютъ естественность и простота его ученій и склонность къ сентенціямъ. Подлинность „Гиппократовскаго Сборника“ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, за нѣкоторыми исключеніями, кромѣ слога, свидѣтельствъ современниковъ и внутренняго содержанія, вытекаетъ еще изъ факта, что во всѣхъ полемикахъ, поднятыхъ въ Александріи или въ другихъ мѣстахъ, никогда не заходитъ рѣчь о присоединеніи къ *Сборнику* какого нибудь новаго сочиненія. Самые искаженія, неровности и несовершенства слога, повторенія, взаимныя позаимствованія, по мнѣнію Dargemberg'a, служатъ доказательствомъ, что это—наслѣдіе, переданное съ буквальною вѣрностью, со всѣми его достоинствами и недостатками и почти въ такомъ же видѣ, въ какомъ оно принято родственниками и непосредственными учениками Гиппократъ¹⁾. Ниже будетъ указано еще нѣсколько данныхъ относительно подлинности сочиненій Гиппократъ, особенно при ихъ обзорѣ и классификаціи, но прежде чѣмъ перейдемъ къ этимъ послѣднимъ, скажемъ нѣсколько подробнѣе объ одномъ изъ общепринятыхъ, хотя и весьма шаткихъ критеріевъ подлинности, а именно:

О слогѣ Гиппократъ, которому такъ много удивлялись еще въ древности. Какъ грамматики, такъ и критики приписывали ему гомеровскіе обороты рѣчи и фразы, необыкновенную изобрѣтательность въ выраженіяхъ, умѣнье быстро созидать новыя слова и особенное искусство называть вещи своимъ именемъ. Галенъ особенностью слога Гиппократъ считаетъ чрезвычайную краткость, къ которой *Meisurgicalis* прибавляетъ еще темноту выраженія. Литтрэ сравниваетъ слогъ Гиппократъ со слогомъ Фукидида: у обоихъ замѣчаются торжественная, серьезная рѣчь, энергическій слогъ, много говорящія фразы и обороты языка, отличающіеся хорошей отдѣлкой, но не такой гибкостью, какъ у Платона. Рядомъ со способностью называть вещи своимъ именемъ Гиппократъ обладаетъ умѣньемъ сообщать рельефность и краски рисуемымъ имъ картинамъ. Іонизмъ Гиппократъ отличается серьезностью и точностью, фраза его въ одно и тоже время ясна и сжата, цвѣтиста и строга, проста и изящна, словомъ Гиппократъ ввелъ въ медицину научный языкъ, имѣющій свои правила и свои красоты²⁾.

Фразеологія книдскихъ сочиненій представляетъ болѣе претен-

¹⁾ Dargemberg, l. c. LXI.

²⁾ Littré, l. c. I, 475.

ціозности, а подѣ часть и запутанности въ сравненіи съ гиппократовскими книгами. Книдцы повидимому приискиваютъ мало употребительныя фразы и выраженія, другими словами сочиненія ихъ изобилуютъ архаизмами ¹⁾).

Съ вопросомъ о подлинности находится въ тѣсной связи вопросъ

о) О классификаціи сочиненій Гиппократѣ. Въ древности существовали таблицы или каноны, содержавшіе указатели книгъ, оставленныхъ важнѣйшими писателями. Галенъ повѣствуетъ намъ объ установленіи такихъ же каноновъ для сочиненій Гиппократѣ. Всѣ эти древніе каноны изчезли, за исключеніемъ канона Эроціана. Одна изъ величайшихъ заслугъ, оказанныхъ наукѣ Литтре, заключается въ томъ, что онъ по Эроціану и Галену возстановилъ элементы александрійскаго канона сочиненій, составляющихъ „Гиппократовскій Сборникъ“: изданіе Литтре представляетъ *Сборникъ* въ томъ почти видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ эпоху александрійской школы. Дѣйствительно, сопоставленіемъ своихъ собственныхъ и чужихъ изысканій Литтре установилъ естественныя, точно охарактеризованныя группы и въ сочиненіяхъ каждой группы изучалъ какъ теоріи, коихъ онѣ служатъ выраженіемъ, такъ и источники этихъ теорій, причемъ разграничилъ личныя, оригинальныя мнѣнія отъ общихъ идей, составляющихъ основаніе науки и коренящихся въ свойствахъ человѣческаго ума ²⁾). Этимъ методомъ ему удалось достигнуть блестящихъ историческихъ результатовъ и возстановить отличный характеръ и физиономію каждого трактата. Тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ ниже, на его изысканія, не взирая на всѣ его заслуги, нельзя еще смотрѣть какъ на послѣднее слово медицинской критики.

При классификаціи сочиненій Гиппократѣ Литтре принялъ въ основаніе четыре правила: 1) непосредственныя свидѣтельства тѣхъ авторовъ, которые предшествовали открытію александрійской бібліотеки, 2) согласное мнѣніе древнихъ критиковъ, 3) примѣненіе извѣстныхъ пунктовъ исторіи медицины, указывающихъ на извѣстное время и слѣдовательно дающихъ ключъ къ положительнымъ опредѣленіямъ, 4) соответствіе между доктринами, сходство между манускриптами и особенности слога ³⁾. На основаніи этихъ правилъ Литтре дѣлитъ сочиненія Гиппократѣ на слѣдующіе одиннадцать классовъ:

¹⁾ Dargemberg, l. c. XCVIII.

²⁾ Тамъ же, LXXV.

³⁾ Littré, l. c. I, 292.

I. Сочиненія, принадлежащія безспорно самому Гиппократу: *De prisca medicina*, *Prognosticon*, *Aphorismi*, *Epidemiorum* I и III, *De victu in acutis*, *De aëre, aquis et locis*, *De articulis*, *De fracturis*, *Vectiarius*, *De capitis vulneribus*, *Jusjurandum*, *Lex*.

II. Сочиненія Поливія: *De natura hominis* и быть может *De salubri victu*.

III. Сочиненія до-гиппократовскія: *Praenotiones Coacae* и *Prorrheticon* I.

IV. Сочиненія, за отсутствіемъ достаточныхъ доказательствъ не могущія быть приписанными Гиппократу, но носящія явную печать его школы: *De ulceribus*, *De fistulis*, *De haemorrhoidibus*, *De morbo sacro*, *De aëre*, *De locis in homine*, *De arte*, *De victu*, *De somniis*, *De affectionibus*, *De affectionibus internis*, *De morbis* I, II, III. *De septimestri et octimestri partu*.

V. Книги, составляющія только сводъ замѣтокъ и извлеченій: *Epidemiorum libri* II, IV, V, VI, VII, *De officina medici*, *De humoribus*, *De liquidorum usu*.

VI. Книги, принадлежащія одному и тому же неизвѣстному, жившему до Аристотеля, автору и составляющія особенную серію въ Гиппократовскомъ Сборникѣ: *De genitura*, *De natura pueri*, *De morbis* IV, *De morbis mulierum*, *De his, quae ad virgines spectant*, *De sterilibus*.

VII. Единственный трактатъ, къ которому быть можетъ примѣнимо свидѣтельство Аристотеля: *De superfoetatione*.

VIII. Трактаты послѣ-гиппократовскіе, составленные во времена Аристотеля и Праксагора: *De corde*, *De alimento*, *De principibus s. De carne*, *De hebdomadibus*, *Prorrheticon* II, отрывокъ *De natura ossium* (о венахъ).

IX. Рядъ трактатовъ, отрывковъ и компиляцій, не цитируемыхъ ни однимъ древнимъ критикомъ: *De medico*, *De habitu decenti*, *Praecepta*, *De anatomia*, *De dentitione*, *De embryonis excoisione*, *De visu*, *De natura muliebri*, *Aphorismi*, sect. VIII, *De natura ossium*, *De crisis*, *De diebus criticis*, *De remediis purgantibus* (περί φαρμάκων).

X. Заѣтки о погибшихъ сочиненіяхъ, составлявшихъ въ древности часть „Гиппократовскаго Сборника“ и цитируемыхъ Галеномъ: *De vulneribus*, *De vulneribus perniciosis*, *De morbis minor*.

XI. Подложныя статьи: *Epistolae*, *Atheniensium senatus consultum*, *Oratio ad aram*, *Thessalus legati oratio*¹⁾.

Новѣйшая медицинская критика, однако, открыла многіе слабые пункты въ дѣленіи Литтре.

¹⁾ Littré l. c., 434—436.

Darembert, на основаніи предпринятыхъ имъ изысканій, нашелъ необходимымъ сдѣлать въ его классификаціи значительныя измѣненія. Не входя и здѣсь въ подробности его ученой аргументаціи, ограничимся лишь указаніемъ на то, что одинадцать классовъ Литтре, черезъ раздѣленіе однихъ, опущеніе, соединеніе и измѣненія другихъ и созданіе новыхъ, сведены имъ къ слѣдующимъ 5 классамъ:

I. Сочиненія, съ достовѣрностью принадлежащія Гиппократу: *De articulis, De fracturis*.

II. Сочиненія, почти достовѣрно принадлежащія Гиппократу: *Aphorismi, Prognosticon, De victu in acutis, De aëre, aquis et locis, De capitis vulneribus, Vectarius, De officina medici, De prisca medicina* [и быть можетъ *Epidem. I и III*].

III. Сочиненія, принадлежащія по видимому косской школѣ и вообще современныя Гиппократу, изъ коихъ многія составлены весьма вѣроятно подъ его наблюденіемъ: *De medico, Prorethetica, Praenotiones Coacae, De humoribus, Epidem. II, IV—VII, De dentitione, De natura hominis, De liquidorum usu, Jusjurandum, Lex, De ulceribus (vulneribus), De haemorrhoidibus, De fistulis, De arte, De morbo sacro*.

IV. Сочиненія квидской школы: *De affectionibus internis, De morbis II, III, De salubri victu, De glandulis*.

V. Сочиненія о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ, принадлежащія повидимому одному и тому же автору, а именно: *De morbis mulierum I, II, De sterilibus, De his, quae ad virginem spectant, De superfoetatione, De embryonis excisione, De natura mulierum*.

Кромѣ того, по **Darembert**'у, возможно прибавить еще слѣдующіе классы:

VI. Сочиненія о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ, принадлежащія вѣроятно другому автору, чѣмъ предыдущій классъ: *De septimestru et octimestri partu, De genitura, De natura pueri, De morbis IV*.

VII. Сочиненія неизвѣстнаго происхожденія: *De anatomia, De habitu decenti, Praecepta, De somniis*.

VIII. Сочиненія несомнѣнно древняго происхожденія и принадлежащія вѣроятно одному автору: *De corde, De carnibus, De hebdomadibus*. Отрицательный X классъ Литтре, состоящій изъ утраченныхъ сочиненій, **Darembert** ономъ справедливо выпущенъ ¹⁾.

Naeser представилъ слѣдующую классификацію сочиненій Гиппократа:

A) До-гиппократовское сочиненіе: *Jusjurandum*.

¹⁾ **Darembert**, *Oeuvres choisies d'Hippocrate, Introduction, XCI—XCIII*.

Б) Сочиненія изъ эпохи Гиппократата:

а) Сочиненія принадлежащія по всей вѣроятности самому Гиппократу: *De aëre, aquis et locis*, *Epidemior. I* и *III*, *De victu in acutis*, *De capitis vulneribus*.

б) Другія сочиненія косской школы: *Prognosticon*, *Praedictorum I, II*, *Praenotiones Coacae*.

в) Сочиненія кидской школы: *De affectionibus*, *De morbis mulierum*, *De superfoetatione*, *De septimestri et octimestri partu*, *De embryonis excisione*, *De dentitione*.

г) Сочиненія неопредѣленнаго происхожденія, изъ эпохи Гиппократата: *Lex*, *De arte*, *De prisca medicina*, *De medico*, *De habitu decenti*, *Praecepta*, *De anatomia*, *De natura ossium*, *De genitura*, *De alimento*, *De victu*, *De salubri victu*, *De humoribus*, *De ventis*, *De liquidorum usu*, наконецъ *De visu* и всѣ хирургическія книги, за исключеніемъ почти несомнѣнно подлинной книги *De capitis vulneribus*.

1) Послѣ-гиппократовскія сочиненія: *De glandulis*, *De natura hominis*, *De hebdomadibus*, *Epidemior. II, IV, V, VI, VII*. Послѣ-аристотелевскія: *De corde*, *De musculis*. Послѣ-галеновскія: *De crisis*, *De diebus criticis* ¹⁾.

Въ эту классификацію, какъ легко замѣтить, не вошли однако *Aphorismi*, *De morbis I, II, III*, *De affectionibus internis*, *De morbo sacro*, *De locis in homine*, *De his, quae ad virginis spectant* и *De natura muliebri*, такъ что неизвѣстно, къ какому изъ названныхъ классовъ причисляетъ ихъ *Naeser*.

При такой запутанности и существующемъ разногласіи въ классификаціи сочиненій Гиппократата, лучше всего, оставляя въ сторонѣ вопросъ о подлинности того или другого трактата, обозрѣть ихъ въ порядкѣ, указываемомъ сходствомъ содержанія,—путь, намѣченный еще Эроціаномъ, которому слѣдовали *Anstius Foësius*, *Kühn* и въ новѣйшее время *Naeser*.

Мы поэтому при предстоящемъ обзорѣ будемъ слѣдовать этому же порядку, при чемъ главнымъ образомъ будемъ придерживаться изложенія послѣдняго, сдѣлавъ въ немъ необходимыя видоизмѣненія, пополненія и исправленія. При этомъ мы сочли нелишнимъ, для большей полноты, останавливаться подольше на нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, преимущественно на тѣхъ, съ которыми намъ придется мало встрѣчаться впоследствии, при изложеніи медицины Гиппократата по отдѣльнымъ отраслямъ.

¹⁾ *Naeser*, I, 128.

Краткій обзоръ трактатовъ, составляющихъ Сборникъ Гиппократа ¹⁾.

Сочиненія о врачебномъ искусствѣ вообще, libri technici:

1. Ὁρκος, *Jusjurandum* ²⁾ (Kühn I, 1, Littre, IV, 628—633). Еще Шульце ³⁾ высказывалъ предположеніе, что „Присяга“ переходила какъ преданіе изъ рода въ родъ, записана же впервые александрійскими врачами, которыми и добавлено извѣстное запрещеніе относительно камнестѣнія. Литтре (l. IV, 610) редакцію „Присяги“ относитъ приблизительно къ эпохѣ Платона, современника Гиппократа. Dugemberg (l. c. p. 3) присоединяется къ мнѣнію Шульце, что формула *Присяги* древнѣе Гиппократа и что онъ получилъ ее уже готовой отъ своихъ предковъ. Вообще *Присяга*, гдѣ каждая фраза—либо черта изъ нравовъ, либо прекрасное правило, вносила что-то священное въ практику медицинскаго искусства, произносилась торжественно въ школахъ при полученіи докторскихъ степеней и долго служила высшимъ руководящимъ началомъ въ практической дѣятельности врача.

2. Νόμος. *Lex* (K. I, 3, L. IV, 638—643)—коротенькій отрывокъ, быть можетъ введеніе къ болѣе обширному сочиненію, содержитъ вначалѣ нарядки и требованія карательныхъ мѣръ противъ дурныхъ врачей, вредящихъ искусству, и затѣмъ возвышенныя понятія о значеніи медицины вообще и о качествахъ, коими долженъ обладать истинный врачъ. Dugemberg считаетъ этотъ отрывокъ позднѣйшаго происхожденія, а именно, эпохи, когда медицина впала въ руки шарлатановъ, противъ которыхъ прежде всего и вооружается авторъ.

3. Περί τέχνης. *De arte* (K. I, 5, L. VI, 2—27)—въ защиту медицины противъ ея противниковъ. Suidas приписываетъ это сочиненіе дѣду Гиппократа, но доказательствъ тому не представилъ. Sprengel ⁴⁾ говоритъ, что ученіе о духахъ, о воздухѣ въ артеріяхъ, стремленіе искать причину

¹⁾ При составленіи этого обзора, какъ уже указано въ текстѣ, нами принято въ руководство изложеніе соотвѣстственнаго отдѣла въ сочиненіи Пасеверга (I, 116—127), при чемъ, однако, оказалось необходимымъ сдѣлать многія пополненія и исправленія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видоизмѣнить порядокъ распредѣленія матеріала, сообразно съ содержаніемъ трактатовъ *Сборника*, какъ легко убѣдиться изъ сопоставленія этой статьи съ таковою же у Гавера. Совсѣмъ обойти молчаніемъ этотъ предметъ намъ казалось неудобнымъ, въ виду необходимости дать читателю хоть слабое понятіе о богатомъ матеріалѣ *Сборника*.

²⁾ Переводъ „Присяги“ см. выше, стр. 148.

³⁾ I. H. Schulze, Hist. med., I, sect. III, 4, § 85.

⁴⁾ Sprengel, Apologie d. Hippocrates, I, 84.

болѣзней въ сомахъ и проч. обличаютъ позднѣйшее происхождение, быть можетъ изъ александрійской школы (Праксагоръ). Но Hecaeides, одинъ изъ знаменитѣйшихъ представителей этой школы, комментируетъ его какъ Гиппократовскую книгу ¹⁾, а потому во всякомъ случаѣ составленіе его относится къ эпохѣ Гиппократовъ (Dagomberg). Въ опроверженіе мнѣнія софистовъ, отрицавшихъ существованіе медицины, авторъ доказываетъ, что медицина дѣйствительно существуетъ, что она имѣетъ реальное содержаніе, что если выздоравливаютъ и безъ помощи врача, то лишь благодаря избѣжанію или содѣйствію того или другого вліянія, т. е. той же медицинѣ, что поэтому больному гораздо лучше отдать себя въ руки слѣдующихъ спеціалистовъ, такъ какъ самъ онъ не въ состояніи надлежащимъ образомъ направлять свое леченіе. Далѣе авторъ дѣлитъ болѣзни на видимыя и скрытыя, для распознаванія которыхъ требуются особенное искусство и умѣнье со стороны врача. Отсюда—важность діагностики, которая въ въ гиппократовской медицинѣ, до тѣхъ поръ преимущественно прогностической и этиологической, составляетъ существенный шагъ впередъ и для которой авторъ устанавливаетъ практической методъ изслѣдованія, въ главныхъ основаніяхъ сохранившійся до настоящаго времени.

4. Περί ἀρχαίας ἰατρικῆς. *De prisca medicina* (K. I, 22, L. I, 570—637). Въ пользу подлинности этого сочиненія говоритъ то обстоятельство, что Платонъ въ *Phaedrus* одно мѣсто изъ названнаго сочиненія приписываетъ Гиппократу. Эрмеринсъ однако сочиненія подъ №№ 2, 3 и 4 приписываетъ послѣ-гиппократовскому софисту. Какъ бы то ни было, эти три сочиненія, особенно послѣднее, по содержанію принадлежатъ къ лучшимъ украшеніямъ *Сборника*. Литтре много содѣйствовалъ исправленію и дополненію текста „Древней медицины“, которую онъ совершенно справедливо выставляетъ образцомъ косской манеры разрабатывать принципиальные вопросы. Въ одномъ изъ этого рода мѣстъ упоминается объ Эмпедоклѣ. Это сочиненіе, заключающее въ себѣ также многое, принадлежащее Алкмеону, имѣло цѣлью выставить преимущества древней медицины передъ новѣйшими философами. Основная мысль автора въ сущности заключается въ слѣдующемъ: большинство болѣзней происходитъ отъ діететическихъ погрѣшностей, отъ недостаточности или отъ излишествъ въ пищѣ, питьѣ, упражненіяхъ, другими словами: отъ „пустоты или переполненія“. Отсюда прямыя показанія къ леченію, независимо отъ индивидуальнаго предрасположенія: усталость требуетъ отдыха, пресыщеніе—воздержанія и наоборотъ. Авторъ восходитъ къ первобытнымъ, безпомощнымъ человѣческимъ общест-

¹⁾ Erotianus, Glossarium, 24, ed Franz.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

Николая Ивановича Мартынова

въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 46 противъ Гостиного двора.

Открывая магазинъ я поставилъ себѣ главною задачею собрать наиболѣе полный и разнообразный подборъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знаній, чтобы, по возможности, удовлетворять немедленно всякому требованію.

Стараясь избѣгать на первое время всякаго кредита, я желалъ бы вести дѣло исключительно на наличныя деньги и на коммиссіонныхъ началахъ, уплачивая своимъ комитентамъ вырученныя деньги ежемѣсячно, за вычетомъ условленныхъ процентовъ.

Имѣя въ виду, что при открытіи магазина требуются значительныя затраты, что приобрести единовременно всѣ книги на наличныя деньги слишкомъ трудно, и что желаемый мною подборъ изданій можетъ быть составленъ только при участіи авторовъ и издателей, я обращаюсь ко всѣмъ гг. авторамъ и издателямъ, съ покорнѣйшею просьбою отпустить въ мой магазинъ на коммиссію небольшое количество ихъ изданій, какъ новыхъ, такъ и прежнихъ, примѣрно отъ 2 до 10 экз. каждаго названія.

Вступая въ такія отношенія къ авторамъ и издателямъ, я предлагаю ихъ вниманію изложенныя на оборотѣ сего условія и считаю долгомъ объяснить, что устроилъ въ своемъ магазинѣ весьма удобный и практичный способъ расчетовъ по коммиссіи, который даетъ возможность комитенту тотчасъ же по предъявленіи квитанціи получить подробный расчетъ, проверить количество оставшихся книгъ и получить причитающіяся деньги за проданныя книги. Желающіе могутъ по письменному заявленію требовать, чтобы расчетъ и деньги отъ магазина были доставлены имъ на домъ.

На этомъ основаніи, желающій отпустить мнѣ въ небольшомъ ко-

личествѣ изданій (хотя по 5 экз.) сравнительно довѣряетъ мнѣ самую незначительную сумму, которая, надѣюсь, не можетъ стѣснить, и при этомъ не причинить ни малѣйшаго неудобства; между тѣмъ мною будутъ приняты всѣ мѣры на сколько можно распространить и увеличить сбытъ книгъ, тѣмъ болѣе что въ основаніе моей дѣятельности принята по преимуществу розничная торговля книгами и рассылка ихъ на разсмотрѣніе какъ въ казенныя библіотеки, такъ и частнымъ лицамъ.

Независимо отъ прочихъ отдѣловъ, я имѣю въ виду обратить особенное вниманіе на отдѣлъ книгъ серьезнаго содержанія, и по преимуществу ученыхъ изданій. Для этой цѣли я вхожу въ соглашеніе съ учеными обществами и въ особенности съ тѣми, которые не имѣютъ у себя коммиссіонеровъ, сосредоточить въ моемъ магазинѣ по возможности полный подборъ трудовъ и др. изд. ученыхъ обществъ и въ непродолжительномъ времени даже отпечатать общій каталогъ, вонечно только тѣхъ изданій, которыя имѣются въ продажѣ и могутъ быть мною доставлены.

Обращаюсь съ особенною просьбою къ гг. профессорамъ и ученымъ прислать мнѣ на коммиссію изданія своихъ трудовъ какъ вновь выпущенныхъ въ продажу, такъ равно и старыхъ, отдѣльныхъ оттисковъ изъ журналовъ, назначенныхъ для продажи, диссертаций и проч. Все будетъ мною принято съ особенною признательностію, разошлется на разсмотрѣніе моимъ покупателямъ, а также казеннымъ библіотекамъ, которыхъ я состою уже теперь поставщикомъ, и будетъ помѣщено въ каталогъ *). Въ свою очередь предлагаю выписывать отъ меня всѣ русскія книги и брошюры по спеціальностямъ, то, чего не найдется у меня въ запасѣ, я поставлю себѣ въ обязанность отыскать или выписать прямо отъ автора и во всякомъ случаѣ по возможности

---

*) Предполагаемый каталогъ будетъ заключать въ себѣ только книгъ спеціальнаго содержанія—въ немъ будутъ помѣщены рѣшительно всѣ порученныя мнѣ на коммиссію книги, не смотря на количество уступки (хотя бы уступка эта была самая малая). Каталогъ отпечатается по накопленіи достаточнаго количества книгъ, а потому прошу не смѣшивать его съ вышедшими въ настоящее время каталогами о которыхъ упоминается ниже.

постараюсь удовлетворить требованія. Такимъ образомъ мнѣ было бы очень желательно сдѣлаться посредникомъ между гг. профессорами и учеными въ обменъ ихъ трудовъ. Въ этомъ случаѣ особенно желательно участіе гг. иногородныхъ ученыхъ, изданія которыхъ въ Петербургѣ и Москвѣ достаются съ большими затрудненіями. *)

При этомъ не лишнимъ считаю обратить вниманіе на антикварный книжный магазинъ моего брата Ив. Гавр. Мартынова. (Литейный Просп. домъ графа Шереметева), въ которомъ уже въ настоящее время имѣется обширный и богатый подборъ старинныхъ книгъ. Такимъ образомъ мой магазинъ собирая подборъ новыхъ книгъ частныхъ издателей и ученыхъ обществъ, будетъ служить какъ бы дополненіемъ магазина моего брата. Хотя дѣйствія наши совершенно самостоятельны одно отъ другаго, каждый за свой счетъ и рискъ, но для публки оба магазина будутъ представлять нѣчто цѣлое и наши цѣли будутъ стремиться къ тому, чтобы въ магазинахъ нашихъ можно было найти всѣ, необходимыя для чтенія и науки старыя и новыя книги. Выполнивъ эту задачу конечно довольно трудно, но тѣмъ не менѣе къ осуществленію ея будетъ всегда стремиться наша дѣятельность и, я надѣюсь, что гг. профессора и ученые не откажутъ намъ въ своей посильной помощи.

Книгопродавецъ Николай Гавриловичъ Мартыновъ.

С.-Петербургъ Невскій пр., домъ № 46.

---

*) Въ моей 23-ти лѣтней практикѣ (изъ нихъ я прослужилъ 21 годъ въ магазинѣ Я. А. Исакова и 2 года имѣю собственную торговлю) мнѣ приходилось не разъ быть свидѣтелемъ, что нѣкоторыя книги считались библиографическою рѣдкостью и продавались по дорогой цѣнѣ, между тѣмъ значительное количество экземпляровъ лежало у автора на чердакѣ, или въ сараѣ, въ сырости и пыли, и по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, по случаю смерти или переѣзду квартиры, продавались на рынокъ на пуды и за безцѣнокъ—тогда какъ книги эти въ свое время могли бы быть распроданы по номинальной цѣнѣ съ пользою для автора и еще съ большою пользою для читателей.

Условія магазина въ принятіи книгъ и полныхъ изданій на комиссію:

Магазинъ принимаетъ на комиссію всѣ книги, какъ по мелочи такъ и цѣлыми изданіями, и при томъ не только новыя, но также и *старыя залежавшіяся изданія*, и принимаетъ всевозможныя мѣры къ ихъ распродажѣ посредствомъ печатанія циркуляровъ и каталоговъ, а главное мѣры съ книгопродавцами на другія книги, полезныя магазину для подбора своего запаса — при чемъ за размѣненныя экземпляры порученнаго изданія платитъ какъ за проданныя наличными деньгами.

Для приѣма въ складъ цѣлыхъ изданій для оптовой продажи имѣется хорошая сухая и просторная каменная кладовая.

Расчеты и уплата денегъ за проданные экземпляры производятся ежедневно (кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней), тотчасъ же по предъявленіи квитанціи (если же экземпляры находятся въ кладовой то не позже какъ на другой день по заявленіи).

Безъ предъявленія квитанціи, расчета и уплаты денегъ произведено быть не можетъ.

Квитанція выдается только на два года, въ теченіе которыхъ магазинъ отвѣчаетъ за сохранность и цѣлость принятыхъ книгъ всѣмъ своимъ имуществомъ (конечно исключая пожара).

Въ случаѣ желанія автора или издателя лично провѣрить наличность числа экземпляровъ или получить обратно непроданные экземпляры, магазинъ обязывается удовлетворить такое желаніе немедленно.

Если книги находятся въ кладовой, то повѣрка или возвратъ производится въ кладовой утромъ отъ 10 до 12 ч., для чего необходимо заявить наканунѣ о своемъ желаніи принять обратно или провѣрить наличность числа коммисіонныхъ экземпляровъ. Желаніе свободно допускаются въ кладовую для провѣрки наличности числа экземпляровъ, а также для удостовѣренія въ какомъ состояніи сберегается порученное изданіе.

Въ настоящее время вышли два каталога книгъ, которые поручены мнѣ на комиссію: 1-й для гг. частныхъ покупателей, 2 й для оптовой продажи гг. книгопродавцамъ (съ цѣнами за уступкою). Такие каталоги будутъ печататься мною ежегодно, а въ случаѣ накопле-

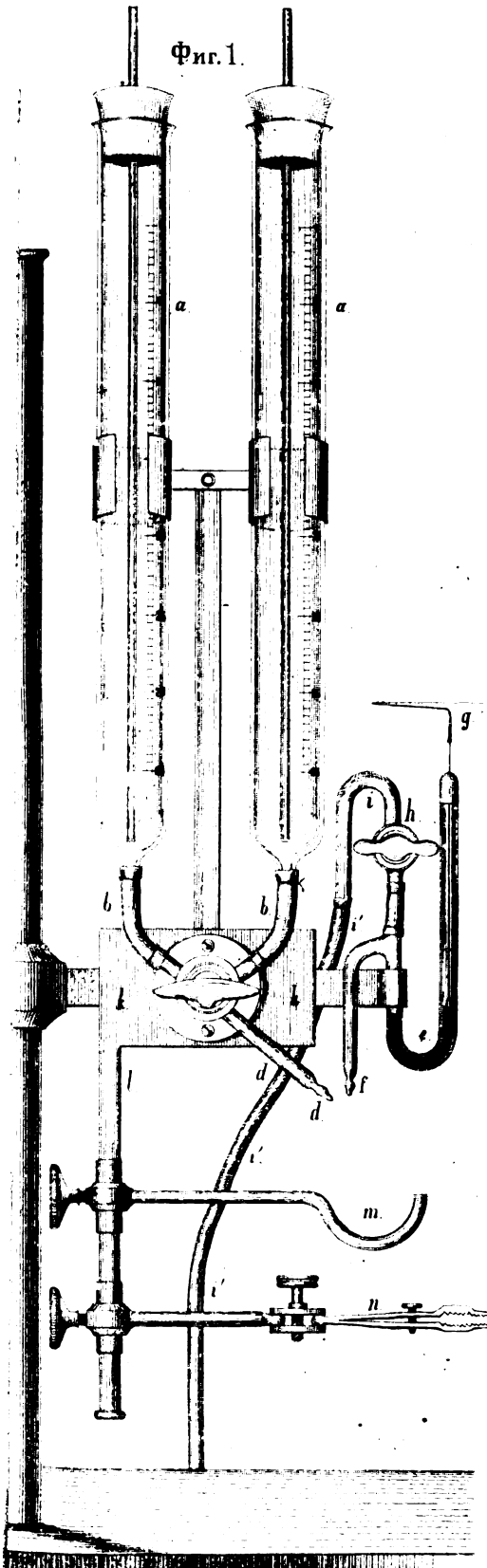
нія книгъ и два раза въ годъ, и окажутъ больше практической пользы чѣмъ объявленія въ газетахъ, такъ какъ будутъ выдаваться мною въ значительномъ количествѣ бесплатно и разсылаться въ казенныя и частныя библіотеки, а также всѣмъ иногороднымъ продавцамъ, а потому всѣ книги, на которыя будетъ сдѣлана магазину скидка не мѣнѣе 30%, войдутъ въ означенные каталоги.

ОБЪ ИЗДАНИИ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ въ 1880 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей
4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіеся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертациі.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ: Часть I—оффиціальная (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II—неоффиціальная: отдѣлъ I—*историко-филологическій*; отдѣлъ II—*юридическій*; отдѣлъ III—*физико-математическій*; отдѣлъ IV—*медицинскій*; отдѣлъ V—*критико-библіографическій*—посвящается критическому обзорѣню выдающихся явленій ученой литературы (русской иностранной); отдѣлъ VI—*научная хроника* заключаетъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы и переводы сочиненій; а также указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1880 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ коп., а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣ выхода *приложеній* (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльных книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4, и въ Кіевъ, на Крепатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Уконниковъ.

AS
262
K5A36
v. 20
no. 5-8
1880

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

